

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ**

ИСТОРИЯ ТАТАР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ VI

**Формирование татарской нации
XIX – начало XX в.**

**КАЗАНЬ
2013**

УДК 93/99
ББК 63.3
И 90

Подготовка книги осуществлена в рамках реализации Целевой комплексной программы сохранения культурного наследия «Мирас-Наследие» (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008–2009 гг.)

Финансирование издания книги осуществлено в рамках Года историко-культурного наследия в Республике Татарстан в соответствии с Распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 11.07.2012 г. № 1161-р

Научный совет издания:

Дмитрий Васильев (Институт востоковедения РАН)

Иштван Ваиари (Венгрия, Будапештский университет)

Искандер Гилязов (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Людмила Гмыря (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Иштван Зимоньи (Венгрия, Сегедский университет)

Ильяс Камалов (Турция, Университет Мармара)

Андреас Каппелер (Австрия, Венский университет)

Сергей Каштанов (Институт всеобщей истории РАН)

Михаэль Кемпер (Нидерланды, Университет Амстердама)

Сергей Кляшторный (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Марк Крамаровский (Государственный Эрмитаж)

Булат Кумеков (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)

Евгений Кычанов (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Айша Рорлих (США, Южнокалифорнийский университет)

Анне Стальсберг (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)

Вадим Трепавлов (Институт российской истории РАН)

Юлай Шамильоглу (США, Висконсинский университет)

Сигурд Шмидт (Археографическая комиссия РАН)

Главный редактор:

Рафаэль Хакимов (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Научный редактор тома:

Ильдус Загидуллин (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ответственный секретарь тома:

Радик Исхаков (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Редакционная коллегия тома:

Рафаэль Хакимов (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ильдус Загидуллин (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Салям Алишев (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Лилия Байбулатова (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Искандер Гилязов (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Геннадий Макаров (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Альта Махмудова (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Рафик Мухаметшин (Российский исламский институт)

ISBN 978-5-94981-161-0

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ильдус Загидуллин

XIX век стал временем расцвета и усиления могущества России, важнейшим этапом в трансформации территориального, экономического и идеологического пространства многокультурного государства. Наряду с сохранением преемственности в развитии государства в социальной жизни российского общества проявились новые черты, которые задавали тон модернизационным процессам. Однако, несмотря на позитивные перемены, и после отмены крепостного права (1861 г.) в России сохранялись феодальные пережитки, отсутствовало гражданское общество.

В XIX в. завершилось формирование империи. Расширение ее территории привело к качественным изменениям этнического состава населения. В пореформенный период титульная нация уже составляла менее половины населения страны, согласно материалам Первой всеобщей переписи 1897 г. – 44,31%. Численное большинство составляли так называемые этноконфессиональные меньшинства с их самобытными культурными традициями, с присущими им уровнем и разными темпами социально-экономического, общественного и культурного развития. Вслед за украинцами (17,8%) тюркские народы составляли значительную часть российских подданных – 13,6 млн. чел (10,8%). Другим, не менее важным, результатом российской экспансии явились качественные изменения конфессиональной топографии евразийской империи – мусульмане стали второй по численности группой подданных (11,1%) после православных (69,4%) [Россия, 2002, с.88–89].

Татары были первым мусульманским народом, оказавшимся в составе России. Они прошли долгий путь адаптации к новым политико-правовым условиям. Согласно письменным источникам, взаимоотношения между представителями титульного народа и этническими группами Волго-Уральского региона формировались в русле отношений «свои» – «чужие». С конца XVIII в. имперская власть в отношении народов Волго-Уралья, востока и юга России использовала

коллективный термин «инородцы», который окончательно закрепился в середине XIX в. Первоначально понятие «инородцы» основывалось на критерии образа жизни, но в дальнейшем также и на критерии происхождения, чужом роде. Это понятие имело фундаменталистический потенциал, соответствуя политическим и духовным течениям в русском обществе второй половины XIX в. [Каппелер, 2012, с.32–33].

Дисперсное расселение на огромном евразийском пространстве, в местностях с различными природно-климатическими условиями, привело к формированию определенных особенностей в хозяйственной жизни и экономическом укладе татар. В дореформенный период основной вектор направления локальных миграций и формирования новых татарских анклавов был направлен на юго-восток, на российские окраины, где сформировались устойчивые контактные зоны с казахами и среднеазиатскими народами. Однако высокая степень урбанизации татарских диаспор на юго-восточной окраине не привела к качественным изменениям в их социокультурном развитии: эти степные области представляли российскую периферию в экономическом и культурном отношении, города по общероссийским меркам были небольшими, идеи модернизации проникали из Среднего Поволжья. На рубеже XIX–XX вв. вектор урбанизации татар был направлен уже на российские промышленные районы, города центральной России, куда из густонаселенных регионов в поисках заработка переселялась, главным образом, беднота. В Волго-Уралье и Сибири – регионах традиционного расселения, удельный вес татар среди городского населения был существенно ниже общероссийских показателей.

В рассматриваемое время социально-правовой статус российских подданных определялся их принадлежностью к конкретному сословию. Уничтожение Петром I мусульманской феодальной элиты превратило татарское сообщество в «крестьянское

население», занимающее незавидное экономическое и ущемленное правовое положение в сословно-социальной иерархии империи. Источники свидетельствуют о том, что и после предоставления в конце XVIII в. «мурзам-лапотникам» права записи в дворянское сословие существенных перемен в местной системе управления не произошло: она по-прежнему принадлежала русским дворянам и чиновникам. Представители татарского дворянства, несмотря на то, что, большинство из них вели крестьянское хозяйство, были наиболее ориентированной на русское образование частью татарского населения, их высокий сословный статус благоприятствовал занятию ими, как правило, мелких чиновничьих должностей. Как выпускники русских учебных заведений они вносили свой вклад в развитие татарской культуры и образования.

Оборотной стороной малочисленности и экономической слабости дворянства было превращение мусульманского духовенства в единственную авторитетную корпоративную группу и расширение его функций. Духовенство заботилось больше о «конфессиональной части культуры», что способствовало однобокому культурному развитию татарского социума, светское развитие общества приостановилось [Усманов, 2010, с.7]. Немаловажную роль в доминировании религиозного дискурса в культурном развитии татар рассматриваемого периода сыграла и политика самодержавия: блокирование инициатив татар по открытию светских национальных школ, созданию периодической печати на родном языке.

В рассматриваемый период представители духовной интеллектуальной элиты татар, благодаря регламентации их обязанностей и предоставлению властью ряда административных функций, оформились в корпоративную группу, которая пользовалась большим авторитетом и имела высокий социальный статус среди прихожан, несмотря на то, что приходское духовенство округа ОМДС официально не признавалось привилегированным сословием.

С учреждением в 1775 г. купеческого сословия татарские торговцы и промышленники, предприимчивые крестьяне и мещане получили возможность записываться

в новую полупривилегированную корпоративную группу, занимающую в сословной иерархии новой России ступеньку вслед за дворянством и православным духовенством, и таким путем повысить свое социально-правовое положение. Правда, для сохранения статуса гильдейского купца требовалось ежегодно подтверждать свое материальное положение.

Таким образом, социальное развитие татарского общества имело свои особенности. В нем практически отсутствовали чиновники, татары были весьма слабо представлены в земских учреждениях и городских думах, их уделом были в основном органы крестьянского самоуправления.

Проникновение в татарское сообщество в период модернизации России и развития капиталистических отношений обновленческих идей во многом было обусловлено позицией и деятельностью представителей вышеназванных сословно-социальных групп. Эти социальные группы стали выполнять, исходя из конкретных исторических и местных условий, роль локальных и общетатарских национальных элит.

Вследствие правительственной конъюнктуры и заинтересованности центральной власти в экономическом и политическом интегрировании Казахской степи и Средней Азии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. татары привлекались для налаживания и укрепления дипломатических контактов, посреднических и торгово-экономических отношений России с восточными мусульманскими народами и странами. На юго-востоке страны в руках татарских предпринимателей оказалась вся торговля России с Казахскими жузами и, в значительной степени, – со Средней Азией: они успешно вовлекали огромный регион с кочевым хозяйственным укладом в общероссийский рынок, превратили меновые дворы, восточные базары в места сбыта отечественной промышленной продукции. Новые явления, имевшие далеко идущие последствия в социальном развитии татар, привели к формированию национального капитала, вовлечению торговцев в промышленное производство, появлению купеческого сословия – открытой к преобразованиям национальной элиты Нового времени с активной жизненной позицией.

Насаждение татарскими купцами и торговцами в дореформенный период, в условиях развития в Волго-Уралье капиталистических отношений, аналогичных среднеазиатских медресе мусульманских учебных заведений, в которых господствовала схоластика (однако со временем они стали очагами татарского возрождения), усиленное печатание религиозных книг и молитвенников во многом объяснялись экономическими интересами коммерсантов, в бизнесе которых в те времена восточный рынок играл ключевое значение [Губайдуллин, 2002, с.171, 175, 176].

С целью привлечения средств на развитие торговли и промышленности купцы-мусульмане получали кредиты от русских предпринимателей, кредиты и друг у друга, пользовались заемным капиталом, использовали векселя для оформления займов, нередко торговали в долг [Гобайдуллин, 1989, б.255; Газиз, 1994, с.178]. С формированием в империи в пореформенный период системы государственных, общественных и частных кредитных учреждений, получение крупными татарскими предпринимателями кредитов было обычным явлением [История Казани, кн.1, с.382–399]. Кредиты по мере необходимости брали татарские земельные общины, отдельные группы хлебопашцев, мещане и крестьяне, занимающиеся предпринимательством [История Казани, кн.1, с.459, 460, 478, 489].

Татарские крестьяне и мещане традиционно занимались мелкой торговлей среди единоверцев и местных народов края, что выделяло их по активности и образу жизни среди земледельцев, ведущих крестьянское хозяйство [Алишев, 2005, с.333–334].

Огромное влияние на социальные процессы оказывали особенности экономического развития регионов Европейской России. В 1860-е гг. основной объем продукции, выпускаемой промышленными отраслями России, приходился на Центрально-Нечерноземный (43,9%) и Северо-Западный регионы (25,4%), хотя в них проживало всего 14,6% и 4,7% населения соответственно. В Среднем Поволжье (7,1% населения) производилось всего 3,9% промышленной продукции, а в Приуралье (7% населения) – 4,4%. В Поволжье собиралось 9,9%, в При-

уралье 12% производимого в европейской части страны хлеба [Смыков, 1984, табл.6, с.46]¹.

Развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, появление новых видов транспорта (пароходов, поездов), правительственная конъюнктура и другие факторы способствовали развитию в татарском обществе буржуазных отношений.

Вскоре после завоевания Россией Средней Азии татарская буржуазия потеряла создаваемый ею более столетия самоутвержденным упорным трудом среднеазиатский рынок. За русской властью шла русская буржуазия, стремившаяся стать полноправным хозяином в экономической сфере. После образования Туркестанского генерал-губернаторства на его территории (с 1886 г.) нехристианам было запрещено иметь недвижимый капитал. Сужение рынка означало необходимость усиления предпринимательской активности в Казахской степи, сохранение подконтрольных и освоение новых рынков во внутренней России. К середине XIX в. татарская мануфактурная промышленность, не выдержав конкуренции с более дешевой и качественной продукцией капиталистических предприятий центральной России, фактически сошла с арены промышленного производства.

В пореформенный период правительство начало наступление на татарскую школу, пытаясь поставить под свой контроль этот ключевой институт, который обеспечивал подрастающему поколению татар сохранение своей этноконфессиональной идентичности, что актуализировало проблему противостояния ассимиляторским явлениям. В новых условиях были востребованы качественно новые идеи, светские знания, подготовленные национальные кадры, отвечающие вызовам времени. Ратую за обновление общественной жизни, национальная буржуазия преследовала и свои корпоративные интересы. Стали востребованными люди с

¹ Учтены сведения по 7 из 12 районов Европейской России: Северо-Западного, Центрально-Черноземного, Центрально-Нечерноземного, Средне-Волжского, Западного, Южно-Степного, Приуральского. Сведения по промышленному производству приведены без учета горного, винокуренного и табачного производств.

известным минимумом светских знаний, которые могли бы практически вести дело, развивая капиталистическое производство. Создание конкурентоспособной татарской торговли и промышленности означало для национальной буржуазии не только выживание в жестких условиях российского рынка, но и сохранение высокого общественного положения среди татар-мусульман.

Обновление жизни татарского сообщества во многом зависело от позиции татарской буржуазии, и то, что этот процесс осуществлялся самими татарами и за счет татар, еще раз подтверждает национальный характер джадидизма. Предстояло вкладывать средства в «дело», которое должно было вернуться в виде повышения материального благосостояния населения, способствующего росту его платежеспособности в приобретении товаров национальной буржуазии, изменению отношения к западноевропейской роскоши, подготовки квалифицированных кадров, работников для торговли, промышленности, хозяйства, просвещения, науки и культуры. Требовались значительные финансовые затраты, настойчивость и усилия, потому что предстояло обновление практически всех сфер жизни в условиях господства схоластического мировоззрения мусульман и противодействия традиционалистов.

Отходничество татар, подчиненное экономическим законам и процессу развития капиталистических отношений, способствовало интеграции непривилегированных слоев населения в российское сообщество, определило новые векторы хозяйственной жизни, миграции и расселения татар.

Либеральные законы, задававшие тон развитию российского общества, оказывали влияние и на социальные процессы в татарском сообществе. Особо следует отметить введение в 1874 г. всеобщей сословной воинской повинности. Отныне с воинской службы молодые татары возвращались с 5–7-летним опытом проживания в русской среде, своими глазами увидев величие страны и ее экономические достижения, освоив русский язык и нередко обучившись русской грамоте, что создавало благоприятные условия для ведения в поликультурной среде предпринимательской и хозяйственной деятельности. Обязательный воинский при-

зыв новобранцев с 21 года прервал традиции долговременного обучения в традиционных учебных заведениях – из медресе шакирды уходили в армию. В случае занятия в будущем отставными солдатами духовных должностей их оценка новых явлений в жизни мусульман значительно отличалась от позиции духовенства старшего поколения, они во многом формировали социальную базу для распространения обновленческих идей. В то же время уменьшение количества рабочих рук в крестьянском хозяйстве вследствие тотального призыва на воинскую службу привело к сокращению численности и времени обучения не только шакирдов в медресе, но и девушек у абыстай, жены муллы [Фэхретдин, 2012, №2/3, б.89].

Основным эксплуататором татар являлось самодержавие, осуществлявшее фискальный и национальный гнет через местную администрацию, представленную православно-русскими чиновниками. Известный советский историк Н.М.Дружинин ввел в научный оборот концепцию «государственного феодализма», связав его возникновение с рядом законов Петра I о введении подушной подати и оброчного сбора с черносошных крестьян и однодворцев. Н.М.Дружинин указал на правовые ограничения для государственных крестьян: установление круговой поруки, опеки над ними местных властей, существование преград в свободном передвижении, в изменении местожительства и при переходе в другое сословие. В XIX в. самодержавие продолжало внутривластный курс «государственного феодализма», характерными чертами которого были жесткий фискальный гнет и ограничение в правах крестьянского сословия, что противоречило духу либеральных реформ 1860–1870-х гг.

В условиях сословных ограничений и традиционализма, господствовавшего в поземельных общинах, наблюдалась изолированность татарского населения от происходивших в стране общественно-политических процессов. Участие татар в работе сословных учреждений и в органах городского и земского самоуправления, а также волостных правлений предоставляло им полезный опыт общения с представите-

лями других культур, объединяло их в отстаивании интересов местного значения.

Важно подчеркнуть, что российское общество было доиндустриальным. Э.Геллнер отмечал: «Аграрное общество с его относительно устоявшимся разделением труда, четким делением на региональные, родственные, профессиональные и сословные группы имеет ярко выраженную социальную структуру. Ее элементы упорядочены, а не распределены произвольно. Его субкультуры подчеркивают и подкрепляют это структурное деление, и оно не затрудняет функционирования всего общества, создавая или подчеркивая культурные различия внутри него. Напротив, общество, не находя такого рода культурные различия оскорбительными, считает их проявление и выражение вполне уместным и достойным. Их признание и является, по существу, соблюдением норм морали, этикета» [Геллнер, 1991, с.141].

XIX век – время национального строительства у народов России, в том числе у татар. В рассматриваемое время самоназвание «татары» в самом татарском сообществе Волго-Уралья еще прочно не утвердилось вследствие дисперсного расселения, привилегий военно-служилого сословия и доминирующего исламского религиозного менталитета населения. Поэтому татары нередко именовали себя «мусульманами» [Ибраһимов, т.7, б.5], а также «тюрьками», «тептярами», «мешеряками», «башкирами» [Роднов, 2011, с.81–86]. Отсутствие глубоких социальных противоречий, влияние на этническое самоопределение социально-сословного статуса, закреплявшего в Приуралье привилегии экономического характера, фактор инокультурного окружения способствовали формированию в округе ОМДС «мусульманской нации», представленной татарами и башкирами.

Одним из первых о необходимости идентификации себя татарами заговорил Ш.Марджани. В конструировании татарской нации большую роль сыграл К.Насыри. Он дал первое толкование понятия татарской нации. К признакам татарской нации просветитель относил: происхождение («татары, живущие в Сибири, Оренбургской, Казанской и других губерниях правой стороны

Волги и в Астраханской губернии»), общность государства («живущие в России»), культуры («имеют свою литературу»), язык («среднее или татарское, на котором говорят народы тюркского племени, мы обычно называем татарским языком»). После 1905 г. большинство национальных газет стали печататься на татарском языке (концепцию которого разработал К.Насыри), понятном для всех категорий населения [Юзеев, 2002, с.27–28].

Наряду с «мусульманской нацией» Волго-Уралья и Сибири в XIX в. сложилась «российская умма», существование которой обуславливалось единым политико-правовым, экономическим и культурно-информационным пространством. Она охватывала несколько историко-культурных регионов расселения тюркских народов с их многовековыми самобытными традициями, правовое положение которых определялось, как правило, отличными от друга нормативно-правовыми документами регионального значения. Исповедание ислама суннитского толка, историческая память, схожесть языков, культуры и менталитета способствовали формированию у мусульманских народов единых понятий и общих интересов, новый смысл которым придавало проживание в православном государстве.

Наличие единой системы религиозно-образования и традиции исламских институтов способствовали формированию общетатарского религиозного менталитета и самобытной повседневной культуры, в которой синтезировались нормы ислама и народные традиции.

Основополагающие принципы «дисциплинирования ислама», утвержденные Екатериной II, привели к формированию конфессионального государства, контролирующего и одновременно законодательно регламентировавшего условия исполнения религиозных потребностей, а также соблюдение религиозных прав этноконфессиональных меньшинств, вероисповедания которых официально признавались «терпимыми». «В России, – пишет Р.Круз, – терпимость была структурой для интеграции подданных – неправославных христиан, число которых постоянно возрастало по мере расширения империи. Этот порядок зиждился

на мнении, выработанном мыслителями Просвещения по всей Европе, о том, что повсюду у разных религий обнаруживаются общие черты. Являясь основательно разработанными системами дисциплинирования, терпимые веры могли оказаться ценными для «просвещенных» правителей. Там, где насилие было слишком грубым инструментом, обращение к религиозному авторитету могло способствовать превращению в лояльных и дисциплинированных подданных тех людей, которые, возможно, пропустили бы мимо ушей слово правителя, но которых можно было убедить послушаться Бога» [цит. по: Долбилов, 2010, с.43]. В результате была создана правовая база для функционирования исламских религиозных институтов в округе ОМДС.

Если Александр I еще предпринимал определенные действия, которые можно истолковать как направленные на создание единой российской нации, то Николай I и его преемники в своей политике опирались на «православие, самодержавие, народность» и сознательно порвали с имперской традицией [Цимбаев, 2004, с.30,32]. На волне либеральных реформ 1860–1870-х гг. правительство начало конструировать в Европейской России «национальное государство», игнорировавшее или минимально учитывающее интересы, нужды и потребности этноконфессиональных меньшинств. Одновременно усиливалось давление самодержавия на окраины с целью их ускоренной трансформации по общеимперской модели.

В рассматриваемый период не происходило обрусение ни татарской элиты, ни простонародья. Однако внутривосточный курс правительства, направленный на усиление контроля над системой исламского образования, миссионерская деятельность РПЦ способствовали формированию неоднозначного отношения и дистанцированию основной массы татар от русских учебных заведений.

Вследствие колониальных завоеваний новых территорий и увеличения численности мусульман в России, модернизационных процессов в татарском сообществе «мусульманский вопрос» к концу столетия приобрел общеимперское звучание. Представители национальных элит стали рассматривать

политику самодержавия в различных регионах по отношению к тюркским народам как часть единого внутривосточного курса в отношении «российской уммы». В ответ на действия властей по усилению контроля над религиозно-культурными автономиями, последние старались добиться соблюдения гарантированных законом прав. Культурное возрождение, за которое ратовали татарские джадидисты, являлось, по сути, вызовом национальному угнетению самодержавия. Язык и религия стали для них своеобразными маркерами европеизации. Развитие русской культуры, деятельность Казанского университета, ученых-востоковедов, Казанской татарской учительской школы и учебных заведений, учрежденных правительством для других мусульман, книгопечатание и т.д. создавали условия и способствовали европеизации татарского социума.

На протяжении XIX столетия тесное экономическое и культурное взаимодействие татар наблюдалось, главным образом, с казахами и среднеазиатскими народами. Однако в результате развития джадидизма выстраиваемая татарами модель развития «мусульманской нации» Нового времени стала привлекать внимание и местных элит Северного Кавказа, и азербайджанцев-шиитов. «На рубеже XIX–XX вв. татарская диаспора с ее модернистским менталитетом и экономическими ресурсами, позволяющими финансировать широкий круг реформ в области печати, образования, религии, экономики, языка и социальных отношений, представляла собой модель развития, весьма привлекательную для многих тюркских собратьев, сталкивающихся с вызовом – либо сохранять уже известные модели существования, либо развиваться в направлении нового современного общества» [Лаззерины, 2011, с.22].

Формирование на рубеже XVIII–XIX вв. новых татарских элит, которые были инкорпорированы в сословную иерархию (купечество и дворяне) и получили высокое общественное положение среди единоверцев (мусульманское духовенство), способствовало качественным изменениям в социокультурном развитии народа и выразилось, прежде всего, в мусульманском реформаторстве, просветительстве и начале

европеизации национального образования. К началу XX в. татарское общество воспитало целую плеяду образованных молодых людей, знающих русский и европейские языки, желающих развивать свою культуру до общеевропейских высот на основе традиционных ценностей, поставивших задачу реформирования татарского общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли. Просветители, получившие образование в зарубежных и российских учебных заведениях, возглавили модернизацию общества.

Джадидизм был первоначально городским явлением, он возник в городской инкультурной среде. Однако существование сети многочисленных мектебов, высокая грамотность татарского населения – наличие большой группы единомышленников, готовых к восприятию новых идей через печатное слово, финансовое содействие предпринимателей трудоустройству учителей-новометодистов и открытию новометодных школ в селениях, издание светских книг превратили джадидизм в начале XX в. в социокультурное явление.

Эти процессы отчетливо запечатлелись в истории татарской литературы, постулатом развития которой выступало Возрождение, поставившее во главу угла светский характер культуры и ее антропоцентризм (т.е. интерес, прежде всего, к человеку и его деятельности). В первой половине XIX в. татарская литература представляла собой сложную картину, отдельные элементы которой готовили последующий переход от средневековой, религиозной концепции личности – к просветительской. В пореформенный период она переросла в мощное просветительское движение, выразившееся в постепенном осмыслении самоценности и гражданского предназначения человека. Следующим этапом стало «Высокое Возрождение» в начале XX столетия, названного «золотым веком» татарской культуры. Бурное развитие татарской периодической печати, издательского дела, поворот к светскому образованию, новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу – стали импульсом для формирования новых тенденций в культуре.

В начале XX в. татарские общественные деятели создали всероссийскую партию мусульман «Иттифак аль-муслимин», обозначив новый этап в развитии татарской нации и в национальных движениях тюркских народов России.

Благодаря миссионерско-просветительской системе Н.И.Ильминского у крещеных нерусских народов Среднего Поволжья в конце столетия появилась прослойка национальной интеллигенции, ставшая «национальным побудителем» и обеспечившая, наряду с русскими этнографами и языковедами, вступление этих народов в культурную фазу («А») национального движения [Каппелер, 2000, с.189–190]. У крещеных татар появилась письменность на кириллице (альтернативная арабской графике), начальные школы с обучением на родном языке, была подготовлена духовная интеллигенция, имевшая, однако, тенденцию к обрусению (что было характерно для интеллигенции крещеных народов региона). Новые явления способствовали дистанцированию крещеных татар от татар-мусульман по конфессиональному принципу, однако они не привели к зарождению среди них национального движения.

Как складывалась судьба татар в России? Какую роль они сыграли в развитии тюркских народов и мусульманского мира? Какой вклад вносили в укрепление и развитие Отечества? Эти и многие другие вопросы освещаются в представленном вашему вниманию 6-м томе «Истории татар с древнейших времен».

* * *

Написание VI тома «Истории татар с древнейших времен» основывалось на принципах историзма, объективности, социального подхода.

Во главу угла освещения исторических процессов был поставлен цивилизационный подход, основанный на уважительном отношении ко всем без исключения народам и культурам. Отдавался приоритет рассмотрению социальных и культурных процессов среди татар как неотъемлемой части полиэтничного и многоконфессионального российского общества, раскрытию особенностей самобытной национальной культуры и взаимовлияния народов.

Взвешенный научный подход к историческим событиям был направлен на раскрытие взаимосвязи исторической судьбы татарского народа и российского государства. Через сюжеты национальной истории сделана попытка освещать идеологические парадигмы социокультурной жизни ряда мусульманских и тюркских народов России.

Территориальные рамки книги охватывают Российскую империю, а так же те государства, в которых волею судеб оказывались татары и возникли их диаспоры. Такой подход был обусловлен хозяйственным освоением татарами новых территорий, имевшее разновекторную направленность, и позволил не только проследить историко-демографические процессы, основные направления миграционных потоков, формирование диаспор, выявить контактные зоны взаимодействия с другими народами, но и рассмотреть динамику социального и экономического развития компактных групп расселения татар в регионах в сопоставительном плане.

Включение в работу самостоятельных разделов по истории крымских и литовско-польских татар было вызвано особенностями культурного развития тюркских народов рассматриваемого времени, когда приоритетным в вопросе самоидентификации в условиях этноконфессионального меньшинства являлось религиозное самосознание.

Хронологические рамки книги (XIX в. – 1905 г.) определены общими тенденциями развития татарско-мусульманского общества и важнейшими переменами в его жизни под воздействием капиталистического развития России и внутривосточного курса самодержавия. Знаковыми событиями в последней четверти XVIII в. стали ряд законодательных инициатив правительства: учреждение сословия гильдейского купечества, ставшего «социальным лифтом» для мещан и крестьян, активно занимающихся предпринимательством; разрешение приписаться «мурзам-лапотникам» – потомкам представителей средневековой тюрко-татарской элиты в Волго-Уральском регионе – в российское дворянство; признание мусульманского духовенства пастырями одной из «терпимых» религий в империи – правительство законодательно зафиксировало вы-

сокое общественное положение приходского духовенства.

Рубежным событием для мусульманского населения Приуралья стало введение кантонной системы управления, закрепившей за башкирами и мещеряками статус военно-служилых людей, социальное положение которых выгодно отличалось от сельского податного населения.

Конец XVIII в. стал временем учреждения новых государственных и общественных институтов татар. Учреждение кантонной системы привело к появлению начальников и служащих кантонов, заявивших о себе как о первых татарских чиновниках нового времени, век которых был недолгим (до упразднения кантонов в 1865 г.). Кардинальные изменения произошли в сфере самоуправления. Если ранее самоуправление татар локализовалось сельскими поземельными общинами, то создание в 1798 г. кантонов привело к формированию огромных территорий, находившихся под контролем чиновников-мусульман. Законом от 7 августа 1797 г. были учреждены волости государственных крестьян, расширившие права выборных лиц представителей сельского податного сословия. В тех местностях, в которых татары проживали компактно, в волостных правлениях было высокое представительство сельских старост (из татар), входивших в состав волостного правления. Волостные правления, куда по «правительственным делам» приглашались приходские духовные лица, также способствовали укреплению контактов среди имамов округа. Происходили позитивные изменения в сфере самоуправления в городских поселениях. Рост численности купцов и мещан из татар способствовал усилению удельного веса татар в местных купеческих органах самоуправления, появлению в ряде городов татарских мещанских общин или управ, а в Казани и Сеитовом посаде – Татарских городских ратуш с 1780-х гг.

Огромное значение в усилении консолидационных процессов и исламизации татарского сообщества сыграло открытие в 1789 г. ОМДС, округ которого охватил основные ареалы расселения татар. По мере прироста населения расширялась сеть мусульманских приходов, росла численность исламских религиозных институтов.

Появление новых элит, статус которых был закреплён российским законодательством, наряду с развитием капиталистических отношений стали основой качественно новых явлений в социокультурной жизни татарского сообщества. Именно представители элит в наибольшей мере контактировали с властями и были наиболее интегрированными в русское культурное поле группами. Эти корпоративные группы задавали тон в дальнейшем поступательном развитии народа, их деятельность по ряду направлений имела общенациональный характер, во многом определяла темпы развития и особенности национально-культурного строительства у татар.

Верхние хронологические рамки книги (1905 г.) были предопределены кардинальными изменениями в общественно-политической жизни России, вызванными Первой русской революцией. События 1905–1907 гг. дали толчок ускоренному развитию татарской культуры, приведшему к феномену «золотого века» национальной культуры. Предоставление татарам невиданных доселе демократических свобод, демократические перемены в российском обществе и атмосфера свободомыслия способствовали высокой гражданской активности, вели к сплочению вокруг идеи развития татарской нации. Татары и мусульмане России заняли свою нишу в партийном строительстве и в политическом развитии страны. Так начался новый этап – этап широкой европеизации татарского сообщества. Однако все эти перемены были подготовлены социальными процессами, протекавшими в татарском обществе в XIX в.

Следует отметить, что стремление к освещению излагаемых событий как неразрывного исторического процесса обусловило включение в некоторые разделы небольших исторических экскурсов по XVIII в., в некоторых случаях даже по более раннему времени.

С целью определения степени воздействия отдельных явлений и событий на татарское сообщество в рассматриваемый период, а также определения места и значения процессов, происходивших на рубеже столетий, которые имели продолжение и в последующем десятилетии, в некоторых случаях авторы продолжали повествование, выходя за установленные хронологические

рамки, доводя изложение событий вплоть до падения самодержавия.

Отсутствие в социальной иерархии татар помещиков и крепостных крестьян, принадлежность основной массы татарских хлебопашцев к государственным крестьянам и другим группам свободных обывателей, низкий социальный статус мусульманского населения, следовательно, изолированность его от ключевых российских общественно-политических процессов, сделали неактуальным деление структуры книги на две большие части – на дореформенный и пореформенный периоды, что имеет принципиальное значение в освещении истории Российской империи и русского народа.

* * *

Для написания тома были приглашены ведущие специалисты из Казани, других научных центров России и зарубежья. Редакция стремилась придать коллективному труду цельный характер, единый стиль в изложении материала. В текстах имеются некоторые повторы фактов, что объясняется стремлением редколлегии в каждом из разделов добиваться максимальной цельности текста.

При написании исторических антропонимов, топонимов, терминов, а также имен авторы следовали тюркоязычной традиции.

При работе над совершенствованием отдельных разделов, наравне с членами редколлегии, активное участие принимали доктор наук *А. Каннелер* (раздел VII), кандидат исторических наук *М. Н. Фархитов* (Обзор литературы).

Статьи М. Кемпера и М. Туны переведены с английского языка *И. Ж. Салаховым*, статья Э. Лазерени – *Л. И. Алмазовой*, статья Альпер Альпа с турецкого языка – *Б. Р. Ногмановым*.

Приложения к тому подготовили: *Л. Ф. Байбулатова*, *И. К. Загидуллин*, *Р. Р. Исхаков*, *Х. З. Багаутдинова*, *Н. Ф. Тагирова*.

Списки источников и литературы, сокращений составили *Л. Ф. Байбулатова* и *Х. З. Багаутдинова*.

Указатели составлены *Р. Р. Исхаковым*, *Б. Р. Хисматуллин* и *Р. М. Залялетдиновой*.

В иллюстрировании тома были использованы рисунки и фотографии из дореволюционных изданий, современной исторической литературы и альбомов, а также

экспонаты РЭМ, музея К.Насыри (Казань); материалы из фондов РЭМ, РГИА, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, НА РТ, ЦИА РБ, ОРРК, архива ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, архива отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, реконструкции Н.А.Халикова.

Рисунки к текстам были представлены *Н.А.Халиковым, Л.Ф.Байбулатовой, Д.Н.Денисовым, И.К.Загидуллиным, Г.Г.Габдельганеевой, Р.Р.Исхаковым, Ф.Л.Шарифуллиной, Н.Ф.Тагировой, Д.М.Усмановой, М.И.Ахметзяновым, З.А.Тычинских, М.З.Хабидуллиным и А.Н.Старостинным.*

Иллюстрации вкладыша и часть иллюстраций в тексте подобраны *Р.Р.Исхаковым и Л.Ф.Байбулатовой.* Карты, составленные *Н.А.Халиковым,* были любезно предоставлены руководством московского издательско-продюсерского центра «Дизайн. Информация. Картография» (Атлас Tartarika. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. М., 2006), рисунки художника К.Гуна – дирекцией Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАТАР XIX – НАЧАЛА XX в.

По истории и культуре татар Нового времени имеется широкий круг источников, которые можно распределить по трем основным типам – письменные, вещественные, изобразительные.

В XIX в. отмечался рост численности и видов письменных источников, обусловленный изменениями, которые произошли в российском обществе и в самосознании отдельной личности. При изучении истории татар необходимо использовать следующие виды письменных источников: 1) законодательные и подзаконные, нормативные материалы; 2) акты; 3) делопроизводственные материалы; 4) материалы фискального учета; 5) статистику; 6) периодическую печать; 7) источники личного происхождения; 8) исторические нарративы; 9) фольклорный материал.

Из всего разнообразия законодательных актов наибольшее значение имеют высочайшие указы, уставы и регламенты, которые позволяют наиболее полно проследить политику самодержавия по отношению к татарам. В «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ)¹ и «Своде законов

Лилия Байбулатова, Радик Исхаков

Российской империи» (СЗРИ) представлены законы, регулировавшие отношения верховной власти и татарского населения по вопросам землепользования, торговли, налогообложения и повинностей, переселения, военной службы, статуса сословных групп, применения мусульманских законов в повседневной жизни. Правовое положение различных сословий, а также мусульман прописано в «Своде законов о состояниях» [Законы о состояниях], «Положении о сельском состоянии» [Положение о сельском, 1903], «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» [Положение о губернских, 1892], «Городовом положении» [Городовое положение, 1892], «Законах гражданских» [Законы гражданские, 1900], «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [Уложение о наказаниях, 1885], «Уставе уголовного судопроизводства» [Устав уголовного, 1892], «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» [Свод учреждений, 1857; Уставы духовных, 1896] и др. Правовой статус военнослужащих-мусульман регламентирован в «Своде военных постановлений» [Свод военных, 1838, ч.2, кн.1; ч.3, кн.2; Свод военных, 1869, т.16, изд.4; Свод военных, 1869, ч.4, кн.17 и др.].

Законодательный характер имели подзаконные нормативные акты, распоряжения и предписания различных ведомств: МВД [Сборник, 1894; Сборник циркуляров МВД,

¹ ПСЗ изданы в трех собраниях: первое было опубликовано в 1830 г., в него вошли указы за 1649–1825 гг.; второе собрание выходило в свет с 1830 г. по 1884 г., в него включены указы 1825–1881 гг., третье собрание с указами за 1881–1913 гг. издавалось с 1885 г. по 1916 г.

1906 и др.), МНП [Свод главнейших, 1882; СПМНП и др.], Военного министерства [Справочник, 1911 и др.], Главного управления по тюрьмам [Сборник циркулярных, 1880], ОмДС [Сборник циркуляров, 1902; Сборник циркуляров, 1905], Ведомства православного исповедания [Руководственные, 1879 и др.] и др., которые отменяли или дополняли существующие указы, поясняющие порядок применения действующего законодательства (в т.ч. относительно татар, приписанных к военно-служилому и податному сословию), реализации религиозной политики и т.д.

В связи с применением в регулировании семейных отношений, раздела имущества и наследства у татар норм шариата в отдельную подгруппу законодательных актов нами выделена мусульманская юриспруденция – нормы шариата [Шариатные, 1910; Нофаль, 1886; Эфендиев, 1911; Маргинани, 2008].

Тематический подбор законодательных актов, имевших отношение к мусульманам и их сословным группам, осуществлен в ряде сборников документов и материалов [Сборник, 1899; Инородческие, 1903; Ислам, 1998; Законы, 1999; Ислам, 2001; Национальный, 2009], что существенно облегчает поиск этой группы исторических источников.

Большое значение в изучении правовых отношений приобретают акты, активное развитие которых в Новое время произошло вследствие значительного расширения сферы регулирования имущественных отношений и развития обязательного права [Источниковедение, 1998, с.385]. Особую информативную ценность для исследователей представляют частноправовые акты, в которых содержатся сведения о правовом статусе отдельных сословных групп в области имущественных и обязательственных отношений. В связи с этим большое значение приобретают татарские частные акты, которые представляют собой юридически оформленные имущественные (купля-продажа, вакуф, завещание, раздел имущества), семейные (браки, разводы) и общественные (регулирование конфликтов, выборы духовных, доверенных лиц и др.) отношения. Несмотря на то, что эти документы составлялись на татарском языке и

нередко отсутствовала единая форма, они обладали юридической правомочностью, которая официально закреплялась в различных государственных учреждениях [Миннуллин, 1988, с.7–10].

Широкий корпус источников по истории татар XIX – начала XX в. представляют делопроизводственные материалы, которые наиболее полно отражают процессы, происходившие в общественной и экономической жизни татар. В XIX в. на смену коллегиям приходят министерства, документальная деятельность которых была законодательно регламентирована, появляются новые типы документов, форма которых была единой для всех общественных учреждений [Шепелев, 1968, с.119].

Из всего многообразия разновидностей опубликованных делопроизводственных документов наиболее важными для изучения истории татар можно считать отчеты губернаторов, в которых представлена информация об их деятельности как элемента государственной структуры и их взаимоотношениях с населением. В течение XIX в. форма отчета изменялась. Его текстовая часть состояла из разделов, в которых приводились сведения о жизни губернии: производительность, налогообложение, население, общественное благоустройство, народное здравие, просвещение, деятельность администрации, судопроизводство и др. В приложениях, состоящих из ведомостей, приводились цифровые данные, подтверждающие текстовую часть отчета. Наибольшей достоверностью обладают сведения, характеризующие непосредственные функции администрации, их искажение влекло за собой законодательную ответственность. Изучение губернаторских отчетов разных губерний, в которых компактно проживали татары, дает возможность представить численную картину татарского населения по вероисповеданию, количеству конфессиональных школ, уровню рождаемости и т.д. [Литвак, 1979, с.154–155, 185].

Важное значение для изучения истории миссионерской политики в отношении татар имеют ежегодные всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Синода, публиковавшиеся с 1837 г. [Извлечения из всеподданнейших, 1837–1885; Всеподданнейшие отчеты,

1886–1914]. В них содержатся сведения о состоянии церковного ведомства, отдельных епархий и приходов, о функционировании миссионерских организаций, об успехах в христианизации неправославного населения в национальных регионах империи. Данный комплекс документов является основным источником по истории развития религиозных православных институтов у крещеных татар, позволяющих осветить их функционирование и влияние на религиозность этой конфессиональной группы. Большую ценность имеют представленные в отчетах материалы церковной статистики, в которых отражены численность православных приходов, церквей, монастырей, духовных учебных заведений, количество причта и прихожан, приобщенных к православию неопитов из других конфессий за отдельные годы. Другим, не менее важным, источником по истории христианизации татар являются ежегодные отчеты миссионерских организаций: Братства св. Гурия (1867–1914 гг.) [Отчеты Братства св. Гурия, 1867–1914], Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (1892–1915 гг.) [Отчеты Переводческой комиссии, 1892–1915], ПМО (1871–1905 гг.) [Отчеты ПМО, 1871–1906] и его поволжских комитетов (1870–1905 гг.) [Отчеты Вятского комитета, 1872–1906]. Наряду с информацией о работе этих миссионерских учреждений и методах их деятельности, в них содержатся данные о развитии школьного дела среди татар-кряшен, этнографические сведения о динамике их религиозных верований, об укладе жизни. Большое внимание в этих документах уделяется «противомусульманской» деятельности РПЦ, формам борьбы с культурным влиянием татар-мусульман в регионе.

При изучении социальной жизни, общественной активности татар в региональном разрезе несомненную ценность представляют опубликованные и неопубликованные материалы сословных, городских [Протоколы, 1884; Постановления, 1896; Журнал, 1895; 1895а; Журнал, 1896 и др.] и земских [Сборник, 1899; Протокол и др.] институтов, а также отчеты татарских общественных организаций [Отчет, 1901; 1903 и др.]. Например, делопроизводственная документация Казанской городской татарской рату-

ши (1781–1855 гг.) – органа самоуправления купцов и мещан [НА РТ, ф.22], представлена журналами, изучение которых позволяет очертить круг вопросов, подлежащих ведению этого учреждения, его документооборот, кадровый состав. Подробное рассмотрение дел зафиксировано в протоколах; также ратуша вела книги для записи входящих указов и распоряжений вышестоящих губернских инстанций, изучение которых позволяет выявить место ратуши в системе государственных учреждений [Измайлов, 2009, с.26–30].

В региональных архивах разнообразный материал о поземельных общинах и мусульманских приходах, социально-экономическом положении различных сословных групп татар представлен в фондах канцелярий оренбургского генерал-губернатора (ГАОО, ф.6), начальников губерний и областей, губернских правлений, казенных палат, губернских статистических комитетов и т.д. Он содержится, главным образом, в рапортах, отчетах местных властей и должностных лиц. Приказы и распоряжения губернаторов для местной администрации или крестьянских органов самоуправления и общин характеризуют взаимоотношения внутри административного аппарата, свидетельствуют о существовании определенного диалога между населением и общественными организациями, с одной стороны, и властными структурами – с другой.

Случаи правонарушений со стороны местного населения и должностных лиц рассматривались в судебных заседаниях. В этом плане важны материалы окружных судов и прокуроров окружных судов, судебных палат и т.д.

Материалы фонда ОМДС [ЦИА РБ, ф.И-295], являвшегося государственным учреждением, призванным контролировать деятельность приходского духовенства и религиозную жизнь общин, являются ценнейшим источником по изучению государственно-исламских отношений и религиозных институтов. Ежедневная деятельность Собрания фиксировалась в журналах, в которых записывались фамилии присутствующих, предварительные сведения по обсуждаемому вопросу и вынесенное по нему решение. В архиве Духовного

собрания хранятся также документы о принятии экзамена у лиц, претендовавших на духовную и преподавательскую должность, о разрешении на строительство и ремонт мечетей, о брачно-семейных и имущественных отношениях и т.д.

Большую источниковую ценность представляет делопроизводственная документация центральных государственных учреждений, которая, показывая с одной стороны, взаимосвязь государства и учреждения, с другой – между учреждением и населением. Широкий пласт источников по истории татар обнаружен и в делопроизводстве центральных органов власти. О религиозной жизни мусульманского населения Российской империи дают представление материалы фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) [РГИА, ф.821] – центрального правительственного органа, который согласовывал вопросы своей компетенции с другими ведомствами и управлениями, ОМДС, начальниками губерний и областей, готовил экспертные заключения или проекты законов. В них освещаются механизмы регулирования и контроля имперской властью различных аспектов жизни российского мусульманства: управление духовными делами, приходы, духовенство, богослужебные заведения, метрические записи, приведение к присяге мусульман, имущество религиозных учреждений и т.д.

Основным источником по истории культурно-религиозной жизни крещеных татар являются материалы органов центрального (канцелярия Синода и его обер-прокурора [РГИА, ф.796, 797] и местного (духовные консистории) управления Духовного ведомства. Данный комплекс представлен разнообразными делопроизводственными документами, в которых отражены вопросы государственно-церковного регулирования и реализации курса по христианскому просвещению крещеных татар, строительству православных храмов и открытию приходов, назначению духовенства, функционированию сети конфессиональных учебных заведений и пр. В нем отложились материалы, позволяющие проанализировать эволюцию религиозных представлений и верований татар-крещен, процесс формирования у них системы религиозного синкретизма.

Различные аспекты разработки и реализации школьной политики государства в отношении татар представлены в делопроизводстве Департамента народного просвещения [РГИА, ф.733], который являлся высшим совещательным органом МНП и выполнял административно-распорядительные функции, а также канцелярии попечителей Казанского [НА РТ, ф.92] и Оренбургского [ЦИА РБ, ф.109] учебного округов, директоров народных училищ и др. Записки, отчеты чиновников, распоряжения, переписка между структурами и другая внутренняя и внешняя документация дают представление о целях и задачах МНП, взаимоотношениях центральных и региональных органов власти по вопросу образования татарского населения Волго-Уральского региона.

Социально-экономическое и правовое положение различных групп сельского податного татарского населения, выполнение ими возложенных государством повинностей и уплата налогов в дореформенный период отражены в рапортах губернских палат Министерства государственных имуществ (МГИ) и удельных контор Удельного ведомства.

Прошения и жалобы должностных лиц и доверенных сельских обществ и городских общин, приходов, отдельных групп татар, частных лиц, по сути, являются формой доведения до власти их отношения к реформам и политическому курсу имперской власти. Значительная часть этой группы источников представлена жалобами на самоуправство чиновников, полицейских, мулл и др. Они важны также в плане изучения менталитета населения, его предрассудков, степени доверия российских подданных к имперской власти в разные исторические периоды.

Прошения и ходатайства адресовались руководству верховных, центральных и региональных органов власти в соответствии с их компетенцией по реализации внутриполитического курса самодержавия. Если в Канцелярию е.и.в. по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых [РГИА, ф.1412], поступали ходатайства татар по самым разным аспектам жизнедеятельности в надежде найти справедливость, то большинство ходатайств и прошений по духовным и школьным вопросам поступали в ОМДС, ДДДИИ, МНП и др., по хозяйственным и земским делам – в Хозяйственный депар-

тамент МВД [РГИА, ф.1287], Департамент общих дел МВД [РГИА, ф.1284], по крестьянскому общественному управлению, хозяйственному устройству, касающимся воинской повинности – в Земский отдел МВД [РГИА, ф.1291] и т.д. Письменные инициативы татар по созданию национальной периодической печати сохранились в фонде Главного управления по делам печати МВД [РГИА, ф.776]. В этих фондах отложилась переписка департаментов и управлений между собой, с духовным ведомством, губернами и т.д.

Общую картину антиправительственных выступлений татарского сельского населения как составной части российского крестьянского движения, а также мусульманского общественного движения, процессы обновления национальной общественной жизни татар в масштабе Российской империи под воздействием идей европеизации позволяют проследить материалы, сосредоточенные в фондах Канцелярии МВД [РГИА, ф.1282], Департамента полиции исполнительной МВД [РГИА, ф.1286], Департамента полиции МВД [ГАРФ, ф.102], Третьего отделения е.и.в. [ГАРФ, ф.109], а также губернских жандармских управлений.

Большую группу источников составляют материалы фискального учета, одним из видов которого являлись подушные переписи (ревизские сказки). В течение XIX в. они проводились пять раз (в 1811, 1815, 1833, 1850, 1857 гг.), целью ревизий являлся учет податного населения для сбора подушной подати и выполнения воинской повинности; их сведения служили обоснованием для определения сословной принадлежности, показывали численность и состав жителей (за 1811–1812 гг. – только м.п.), в некоторых случаях указывались также место рождения и национальность. Как источник, ревизские сказки носят ограниченный характер: для избегания уплаты подушной подати семьи утаивали лиц м.п., а число лиц ж.п., как необлагаемых податью, наоборот, преувеличивали [Гозулов, 1972, с.47–48]. На основании данных ревизских материалов можно проследить изменения в размещении и сословном составе населения дореформенного периода [Кабузан, 1959, с.128].

Особую группу источников учетно-фискального характера составляют метрические книги, в которых фиксировались акты гражданского состояния (рождение, брак, похороны). Со второй четверти XVIII в. до 1829 г., до возложения этой обязанности и на мусульманское духовенство, метрические книги² «велись только в отношении крещеных татар» [Антонов, 2006, с.17]. Мусульманские метрические книги составлялись в двух экземплярах, один по истечении года отправлялся в ОМДС. В данном виде источников также содержится некоторая информация об экономическом положении отдельных семей татар-мусульман (в графе о браке указывался размер махара); о правовом положении женщин (графа о разводах).

Эксклюзивный материал предоставляет статистика, данные которой использовались для выработки управленческих решений. Так, в обобщающих материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. представлена информация о количестве мусульман в регионах империи [Распределение, 1901; Краткие, 1905], в погубернских тетрадах [Первая всеобщая] содержатся цифровые данные о численности татар в городах и уездах, об их поло-возрастном составе, о семейно-родственных отношениях, сословной принадлежности, роде занятий, вероисповедании, родном языке, грамотности и т.д.

Важными историческими источниками являются также статистические сборники. Первым опытом в этом направлении стало издание в 1830 г. «Обозрения состояния городов Российской империи за 1825 год» [Панин, 1960, с.179–192]. Впоследствии подобные сведения были включены в военно-статистические обозрения Российской империи Генерального штаба [Военно-статистическое, 1848; Военно-статистиче-

² Метрическая книга состояла из трех основных разделов: 1) «о рождении», в котором указывались порядковый номер, дата и место рождения, сословная принадлежность, имя и отчество отца, пол и данное новорожденному имя; 2) «о бракосочетающихся», где фиксировались следующие данные: порядковый номер, дата бракосочетания, возраст вступающих в брак; 3) «о умирающих», в котором отражались сведения о дате смерти, месте жительства, сословной принадлежности, имени, возрасте и причинах смерти лица.

ское, 1852, т. XIV и др.]³. С 1859 г. по 1868 г. в Санкт-Петербурге издавались «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» [Лаптев, 1861; Липинский, 1868 и др.], в которых представлены подробные статистические сведения, географические описания, карты и планы, собранные по 25 губерниям и областям Российской империи⁴.

В 1860–1885 гг., благодаря усилиям П.И.Каппена и К.Н.Арсеньева, разработавшим программу описания Российской империи, Центральным статистическим комитетом МВД (учрежден в 1863 г.) было издано 43 выпуска погубернских «Списков населенных мест» [Список населенных мест, т.14; Список населенных мест, т.31 и др.]. В них нашли отражение наиболее полные к тому времени сведения о демографическом, социально-экономическом развитии населения, географическом расположении населенных пунктов и пр. Наряду с Центральным статистическим комитетом МВД работа по составлению тематических «Списков» во второй половине XIX – начале XX в. велась статистическими органами МНП, духовного ведомства и местных земств.

С источниками справочно-статистического характера схожа по тематике и структуре «Памятная книжка по губернии», издававшаяся местными (губернскими) органами исполнительной власти. Из нее можно почерпнуть сведения об административном делении, о населенных пунктах, государственных, культурно-общественных и

культовых учреждениях губернии, путях сообщения, статистические данные о состоянии промышленности, торговли, сельского хозяйства, народного просвещения и др.

В последней четверти XIX в. земские учреждения осуществляли комплексное обследование (по специально составленным программам) хозяйственного уклада жизни местного населения в масштабах уездов [Материалы для сравнительной, вып. 1; Сборник статистических сведений по Самарской, т.5 и др.] и губерний [Сводный сборник, вып.1; Общий свод, 1896; Крестьянское землевладение, вып.13]; проводили подворные изыскания [Труды, 1884; Белькович, 1887; Палицын, 1890]. В указанных источниках представлены сведения о крестьянских хозяйствах, в т.ч. татарских, о численности и составе семьи по полу, возрасту, о размере землевладения, об обеспеченности тягловой силой, скотом, о промыслах и т.д. Имеются сюжеты о причинах низкого уровня жизни татарских крестьянских хозяйств, об особенностях хозяйственного уклада мусульманских народов и т.д.

Большую ценность в изучении экономического положения и быта татарских крестьян Казанской губ. представляют работы Н.Н.Вечеслава, секретаря местного губернского статистического комитета, опубликовавшего ряд исследований по экономическому укладу сельских поземельных общин [Вечеслав, 1871; 1879; 1879а].

Для анализа социокультурных процессов важное значение имеет периодическая печать. Материалы русской периодики условно можно разделить на две группы в соответствии с ее направленностью. В первую входят правительственные ведомственные издания: духовного ведомства (периодические издания епархий, «Православное обозрение», «Православный собеседник», «Православный благовестник» и др.), в которых освещалась межконфессиональная ситуация; учебного ведомства (ЖМНП, ЦКУО, ЦОУО) с материалами о реализации школьной политики в отношении татар-мусульман и крещеных «инородцев»; силового ведомства (ЖМВД) и др. Вторую группу составляют остальные светские издания, в которых публиковались заметки о благотворительной деятельности татар, об

³ В данном издании представлены топографическое описание; сведения о природных условиях, путях сообщения, числе жителей, размещении и движении населения, народных обычаях, состоянии сельского хозяйства, промыслов, ремесел, промышленности и торговле (с перечнем фабрик, заводов, торговых заведений); характеристика уездных городов; описания духовных, учебных, благотворительных учреждений, исторических достопримечательностей.

⁴ Каждый том предваряют история описываемого региона, этнография местных народов; кроме того, анализируются вопросы образования и религии, изложена история строительства и заселения городов, представлена административная, хозяйственная и духовная жизнь в губернии, география и демография, приведены данные земельной и лесной статистики, сведения по расценкам и ценообразованию.

их народных и религиозных праздниках, о повседневном быте («Губернские ведомости», «Казанские известия», «Казанский биржевой листок», «Волжский вестник», «Самарская газета» и др.).

В газете И.Гаспринского «Тәржеман» («Переводчик»), издававшейся с 1883 г. в Бахчисарае на татарском и русском языках, освещались отдельные факты и явления общественной жизни мусульманских народов.

В 1900 г. в Санкт-Петербурге начал выходить альманах «Мирьят» («Зеркало») Г.Ибрагимова. До 1909 г. вышло 23 части, 18 из них до 1903 г. включительно. До 1905 г. «Мирьят», наряду с «Тәржеман», был единственным изданием, в котором татары активно высказывались по актуальным темам современности, что делает этот источник важным при изучении уровня их образованности, определении общественной позиции в решении социальных и религиозных проблем.

Материалы по истории просвещения, образования и культуры татар в XIX в. дает журнал «Шура» («Совет»), издававшийся в Оренбурге в 1908–1918 гг. В журнале публиковались статьи по общественным, финансовым, философским, религиозным и историческим темам, а также художественные произведения [Госманов, 2000].

К национальной периодической печати условно можно отнести и татарские календари, поскольку в них явно прослеживаются два основных признака данного вида источника: во-первых, они оказывали влияние на формирование общественного мнения среди татар [Зайни, 2004; Миннуллина, 2006а, с.25, 27], чему способствовали общественно-политические и исторические заметки; во-вторых, календари предназначались к тиражированию и распространению⁵.

Источники личного происхождения, имеющие отношение к истории и культуре татар, можно рассматривать и как материалы, воплощающие в себе этапы развития самосознания личности, и как уникальные

письменные свидетельства событий, непосредственным участником которых был сам автор. Автокоммуникативные источники представлены в основном дневниками известных миссионеров: Е.А.Малова [Малов, 1872; 1892; Байраш, 1999], В.Тимофеева [Тимофеев, 1887] и С.А.Багина [Багин, 1909], в них отражен ход миссионерской деятельности на территории Среднего Поволжья, зафиксированы этнографические сведения о быте и религиозной жизни крещеных татар и мусульман, с которыми этим миссионерам приходилось общаться. Особо необходимо выделить путевые дневники, записки, переписку основателя системы религиозного и школьного просвещения крещеных нерусских народов Восточной России Н.И.Ильминского. Его переписка с многочисленными корреспондентами, частью опубликованная [Ильминский, 1883а; 1895], частью хранящаяся в НА РТ (ф.968), ОР РНБ (ф.573), ОР РГБ (ф.424), РГИА (ф.796), важна для изучения культуры и религиозности татар-крещен, национальной политики имперского руководства, межконфессиональных отношений в Волго-Уральском регионе.

В источниках межличностной коммуникации (частная переписка, мемуары) наиболее ярко отражены время и ситуации, когда они были созданы. В них зафиксированы социальное и нравственное состояние общества того времени, нравы и обычаи, многие аспекты повседневной жизни татар. Так, большое количество эпистолярных источников представителей духовенства (частные и официальные письма муфтиев, переписка Ш.Марджани), шакирдов сохранилось в своде «Асар» Р.Фахретдина, который по возможности приводил их полностью, с сохранением стиля и орфографии автора. Из мемуаров можно отметить «Тәржемәи хәлем» («Моя биография») Габдерашита Ибрагимова [Ибрагимов, 2001] и Ризаэтдина Фахретдина [Ризаэддин, 1999].

Исторические нарративы по истории татар представлены, прежде всего, частной татарской исторической литературой, которая как жанр возникла в конце XVIII в. и послужила предпосылкой возникновения краеведения. Авторами таких сочинений являлись любители истории родного края, которые

⁵ Первый печатный татарский календарь под названием «Горрәнам» (изд. Р.Амирханов) был издан в 1841 г. Всего во второй половине XIX – начале XX в. календари издавали более 20 чел. [Алишев, 2006, с.112].

при написании истории того или иного населенного пункта использовали имеющиеся у них источники, а также прибегали к исторической памяти местного населения, собирая в процессе опроса необходимые сведения. В таких работах описывались история возникновения деревни, происхождение населения, история отдельных родов, быт, праздничная культура. По объекту изучения народно-краеведческие сочинения можно разделить на несколько групп: 1) по истории деревень⁶, большой интерес представляют сведения об участии местного населения в волнениях, поступки отдельных личностей; 2) по истории родов и отдельных личностей. К данной группе можно отнести биографические очерки Р.Фахретдина, посвященные выдающимся татарам. Такие очерки публиковались в журнале «Шура» [Фэхреддин, 1915; 1913; 1914; 1917] или отдельными книжками [Фэхреддин, 1910; 1917а].

Среди исторических нарративов особое место занимают работы историков Ш.Марджани и Р.Фахретдина. Во второй книге Ш.Марджани «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»), изданной в Казани в 1900 г., приводятся сведения по истории ОМДС, татарской ратуши, мечетей Казани, а также биографические очерки о наиболее выдающихся личностях из числа татарских купцов, представителей духовенства [Мәржани, 1900; 1989].

«Асар» Р.Фахретдина представляет собой свод биобиблиографических сведений о наиболее известных личностях из татар и других тюркских наций: ханах, представителях духовенства, поэтах, мударрисах и др. Помимо стандартных биографических сведений, в работе приводятся эпистолярные, эпиграфические источники, поэтические произведения [Фэхреддин, 1900–1908; 2006; 2009; 2010].

От народно-краеведческих сочинений труды Ш.Марджани и Р.Фахретдина отли-

чаются прежде всего использованием исторических методов при отборе источников и материалов, что выражалось в критическом к ним подходе, в анализе имеющихся сведений и как можно более объективном изложении. Они написаны на широкой источниковой базе, помимо исторических работ авторы использовали и «нетрадиционные» для исторической науки источники (эпитафийные надписи, шеджере, колофоны).

Ценнейшим источником при исследовании традиций суфизма и религиозности, а также мусульманского реформаторства среди татар являются рукописные и опубликованные труды татарских богословов и религиозных деятелей. Наследие Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, М.Бигиева, имеющее отношение к мусульманскому реформаторству, издается в серии «Антология татарской богословской мысли» [Курсави, 2005; Утыз-Имяни, 2007; Бигиев, т.1; т.2].

К историческим нарративам относятся и такие «нетрадиционные» для исторической науки источники, как шеджере (родословные) и эпиграфические памятники. В родословных, по словам М.А.Ахметзянова, заключена этническая история татарского народа, в то же время они являются источником по истории татарского языка и литературы, ономастике [Ахметзянов, 1991, с.7]. Однако использование данных этих источников требует комплексного к ним подхода, заключающегося в анализе шеджере в свете актовых, эпиграфических и исторических документов⁷ [Ахметзянов, 1991, с.31].

Особую группу нарративных источников составляют русскоязычные этнографические материалы. Оживление этнографических изысканий в области изучения быта, религии, обыденной жизни и культуры нерусских народов Восточной России пришлось на 1830–1840-е гг. Становление позитивистской методологии научного исследования, расширение спектра социально-антропологических и географических изысканий, связанных с ростом общественного и государственного интереса к этнографическому ландшафту империи, способство-

⁶ Например, «Бәрәңге тарихы» («История Бараньги») А.Бараньгиви, «Яңа Тинчәле тарихы» («История Новых Тинчалей») К.Биккулова, «Тарихе карья-и Әмин» («История села Амин») И.Динмухамедова, «Тарихе Стерлибашы» («История Стерлибаша») М.Тукаева, «Түнтәр авылы тарихы» («История деревни Тунтәр») М.Тюнтяри и др.

⁷ В хранилище отдела рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ хранится богатая коллекция шеджере, составленных в XVIII–XX вв. (колл. 99).

вали становлению профессиональной российской этнологии [Найт, 2005, с.147].

В XIX в. центром этнографических исследований в Волго-Уральском регионе становится Казанский университет. Именно его сотрудники стояли у истоков изучения этнографии народов края. Особая роль в этом принадлежит известному естествоиспытателю, этнографу, профессору медицины К.Фукусу (1776–1846). В 1844 г. увидел свет его классический труд «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях», в котором татары представлены не как единая общность, а как сложная социальная структура. Описывая каждую социальную группу, особенно казанских купцов, автор отмечает взаимоотношения этих групп [Бусыгин, 2005, с.357–361]. Новый импульс изучению этнографии татар и других народов региона придало учреждение в 1877 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ). В его печатном органе – «Известиях ОАИЭ» – публиковались работы, посвященные татарам, в т.ч. татарских авторов. В частности, были опубликованы статьи М.Н.Пинегина «Свадебные обычаи казанских татар» [Пинегин, 1891], С.М.Матвеева «Свадебные обычаи и обряды крещеных татар Уфимской губернии» [Матвеев, 1896], К.Насыри «Образцы народной литературы казанских татар» [Насыри, 1896], Н.Ф.Катанова «Исторические песни казанских татар» [Катанов, 1896], Г.Ахмарова «О языке и народности мишарей» [Ахмаров, 1903] и др.

Другим крупным научным и образовательным центром, занимавшимся изучением жизни и культуры народов Восточной России, была Казанская духовная академия (КДА). С учреждением в ней классов восточных языков (1844 г.) и миссионерских отделений (1854 г.) ее сотрудники и студенты начинают уделять основное внимание изучению религиозных верований народов региона. В связи с особыми миссионерскими задачами, стоявшими перед КДА, здесь активно развивались исследования в области сравнительной этнографии и религиоведения. Большое внимание уделялось особенностям верований крещеных татар, изучению этнокультурных процессов среди них. Этой проблеме посвящены этнографи-

ческие очерки М.А.Машанова [Машанов, 1875], И.М.Софийского [Софийский, 1878; 1891], Н.Одигитриевского [Одигитриевский, 1895] и др.

Сословным группам татар, прежде всего крестьянам, посвящены работы краеведов-этнографов [Невзоров, 1803; Сбоев, 1856; Черемшанский, 1859; Шино, т.81; Риттих, 1870; Овсяников, 1878; Шиле, 1879а; 1879; Нечаев, 1891; Пирогов, 1881; Дудкин, 1890; Султанов, 1901; Круковский, 1909; Королев, 1912; Сперанский, 1914] и чиновников [Григорьев, 1876; Гурвич, 1879; Юзефович, 1883; Штейнфельд, 1894; 1894а; Сборник, 1896; Рыбаков, 1895; 1897; 1899; 1917; 1913; Зорин, 1912]. Они описывали также быт татар, их хозяйственный уклад, повседневную жизнь и религиозные институты.

С 1870-х гг. большую роль в репрезентации материалов, связанных с историей традиционной религиозности, мифологией, празднично-обрядовой культурой крещеных татар, начинают играть представители этой конфессиональной группы татарского народа [Гаврилов, 1874; 1877; Аппаков, 1877; Даулей, 1903а; Филиппов, 1915]. В их работах содержатся сведения, почерпнутые из жизни, воспоминания и другие материалы, недоступные постороннему наблюдателю и раскрывающие малоизвестные страницы социокультурной жизни общин.

Исторические нарративы миссионеров интересны своим подходом к определению влияния татарских духовных лиц и конфессиональных школ на мусульманское население. Чаще всего в их работах разоблачалась система конфессионального мусульманского образования, не соответствующая современным требованиям. В то же время в публикациях известных церковных публицистов содержались обширные фактологические сведения: в них описаны структура, особенности медресе и мектебе, методика преподавания, основные учебные пособия [Малов, 1910; Коблов, 1906; 1908; 1916; Знаменский, 1910]. В работах деятелей православной миссии отразились и вопросы школьного просвещения крещеных татар [КЦКТШ, 1887; Ильминский, 1890; 1892; 1901; 1904; 1913 и др.; Остроумов, 1872; Износков, 1893; 1901; 1904; 1909; Машанов, 1892; Бобровников, 1899; 1900;

Прокопьев, 1905 и др.]. Авторы акцентировали внимание на реализации политики христианизации крещеных татар посредством начального религиозного (православного) образования, рассматривали влияние учебных заведений на их конфессиональную идентичность. Особую группу публикаций, посвященных образованию и школьному делу у татар-мусульман, составляют труды чиновников местных и центральных органов исполнительной власти имперской России [Анастасиев, 1893; 1904; Череванский, 1901; Миропиев, 1901; Краснодубовский, 1903; Зорин, 1914; Любимов, 1914]. В связи со спецификой своей деятельности они наблюдали за постановкой учебной и педагогической деятельности в татарских конфессиональных школах, поддерживали качественные изменения, происходившие в образовательной системе татар-мусульман в конце XIX – начале XX в., вызванные модернизацией их социокультурной жизни под влиянием идеологии джадидизма.

В произведениях фольклора, устного народного творчества [Жыен, 1884; Төрөк, 1991; ТХИ, 1977–1978; ТХИ, 1981; 1980; 1988; 1983; 1984; 1987 и др.] заключена ценная информация о духовной культуре и общественных отношениях. Это – поговорки и пословицы, байты о народных праздниках, об участии татар в войнах, о тяжелой судьбе рекрутов, солдат, пленных и заключенных; исторические, топонимические предания, легенды, мифологические рассказы и т.д.

Из вещественных источников большой интерес представляют архитектурные памятники. Каменные и деревянные общественные и частные постройки татар, сохранившиеся преимущественно в городах, являются образцом архитектурных стилей, главенствовавших в тот период, и воплощением повседневного быта татар.

Повседневная культура татар XIX в. представлена экспонатами центральных, республиканских, краеведческих городских и сельских музеев (предметы быта, одежда, украшения, печатные издания и др.).

Из изобразительных источников особо следует выделить фотографии, которые зачастую используются как иллюстративный материал, в то же время они, как и письменные источники, фиксируют события. Фото-

графии объективно отражают факты и могут служить дополнительным материалом для воссоздания полной картины исторических событий. Единственным изданием фотографий мечетей Европейской части России и Сибири в имперский период стал альбом, изданный в 1911 г. Фотографии в альбоме сопровождаются краткими аннотациями, содержащими сведения о меценате, времени строительства и реконструкции культовых зданий [Юбилей, 1911].

Информативную ценность имеют фотоальбомы, появившиеся в постсоветский период, в них представлены в основном исторические мечети [Мечети, 2001; Мечети, 2001a; Кабдулвахидов, 2006].

В фотофондах центральных (Институт истории материальной культуры РАН, РГИА), региональных архивов (НА РТ и др.), в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Российском этнографическом музее, региональных музеях (НМ РБ, НМ РТ, Музей тысячелетия Казани НКЦ «Казань» и др.) хранятся фотографии, на которых запечатлены культовые мусульманские здания, типажи горожан и сельских жителей, моменты народных и религиозных праздников, повседневная жизнь татарских крестьян и др.

Другим комплексом изобразительных материалов, зафиксировавшим повседневную культуру татар, являются картины, репродукции, гравюры и другие произведения художественного искусства [Татарский, 2009; Казань, 2005 и др.]. В частности, рисунки из «Собрания костюмов» Е.Корнеева [Собрание, 1808], картины К.Гуна [Эглит, 1955] позволяют провести реконструкцию внешнего вида, одежды, костюма татар того времени. В произведениях Э.Турнерелли [Турнерелли, 1839], В.Турина [Турина, 1834] запечатлены живописные виды дореформенной Казани, в т.ч. ее татарской части, представлена красота утраченных шедевров дореволюционной архитектуры и зодчества татар.

Изобразительно-графические источники (карты, планы, чертежи) позволяют выяснить местонахождение, внешний и внутренний вид жилых построек и богослужебных зданий татар, строительство которых, согласно законодательству, должно было быть согласовано с МВД. Эти документы дают представление и об утраченных на сегодня

няшний день зданиях, о планировке местности, где предполагалось строительство⁸.

Большой корпус источников представлен в фундаментальных сборниках документов и материалов 30-х гг. XX в. [Материалы, 1936; История, 1937], в которых впервые была осуществлена систематизированная публикация источников по различным аспектам национальной истории рассматриваемого периода.

Антиправительственные выступления татарских крестьян, как составная часть российского крестьянского движения против самодержавия, зафиксированы в сборниках документов, посвященных крестьянскому движению в России во второй

половине XIX – начале XX в. [Крестьянское движение, 1959; 1960; 1968; 1998].

Становятся традицией подготовка и издание сборников документов и материалов по конкретной проблематике: по исламской тематике [Императорская, 2006; Особое Сочинение, 2011; Христианское просвещение, 2012], учебным заведениям [Казанская, 2005; Медресе, 2007; 2012], истории Казани XIX в. [История Казани, кн.1; кн.2; кн.3] и др.

Таким образом, изучение истории татарского народа в XIX – начале XX в. базируется на широкой источниковой основе, к которой, тем не менее, нужно подходить дифференцированно, так как каждый источник имеет разную степень достоверности, обусловленную условиями его создания.

II. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Отечественная историография

Ильдус Загидуллин, Лилия Байбулатова, Людмила Свердлова

По истории и культуре татар XIX – начала XX в. на сегодняшний день накоплен большой пласт отечественной историографии. В связи со значительным количеством исторической литературы по данной тематике обзор составлен по проблемно-хронологическому принципу, который, на наш взгляд, позволяет более точно определить приоритеты научных изысканий на определенных этапах, проследить эволюцию взглядов ученых на исторические события и явления.

Правовое, социально-экономическое положение различных групп татарского населения. Основные изыскания в данной области начались в советский период, до-революционные работы носят чаще всего источниковый характер, так как в большей степени представлены статистическими данными или этнографическими описаниями.

Купцы, предприниматели. Работы по истории татарского народа, появившиеся в первые годы указанного периода, хотя и несли в себе предпосылки новой, социалистиче-

ской трактовки роли татарского купечества и предпринимательства в истории татарского народа второй половины XIX – начала XX в., но еще сохраняли и положительные оценки их роли в преобразовании жизни татарского общества. Данный аспект ярко проявился в труде Г.Ибрагимова «Татары в революции 1905 года» [Ибрагимов, 1926]. Близок этим оценкам был и Г.Губайдуллин, который в стремлении татарской буржуазии поднять национально-религиозное сознание татар-мусульман России видел, прежде всего, желание обеспечить модернизацию практически всех сфер жизни татарского народа [Губайдуллин, 1925].

Значительным вкладом в изучение татарского купечества стало сочинение Г.Губайдуллина. Автор подчеркнул, что «татары Казанской губернии вступили в XIX в. с более глубокой классовой дифференциацией» [Губайдуллин, 1925, с.99], причину которой он видел в росте капитализма. Выделяя в работе «татарский буржуазный класс» [Губайдуллин, 1925, с.105], он не раскрывает основные элементы, его составляющие. И применительно к концу XVIII – началу XIX в. подчеркивает бегство татарских мурз и служилых в купечество. В купечестве он

⁸ Карты, чертежи, планы культовых и жилых зданий татар-мусульман можно найти в фондах РГИА: ф.821, 1293, 1488, 1399; РГАДА: ф.248, оп.160; ГАОО: ф.41; НА РТ: ф.2, 98, 408, 409; ЦИАРБ: ф.И-144, И-428.

видел буржуазию. Его сочинение отражало ту особенность публикаций 20-х гг., когда при рассмотрении данного вопроса авторы вынуждены были решать не столько научные, сколько политические задачи, и их выводы носили откровенно политизированный характер. В работе Ф.Сайфи дополнены выводы Г.Губайдуллина о классовой дифференциации татар, о формировании особых классов крупных промышленников, крупных торговцев, землевладельцев, мелких хозяев, рабочих и деревенских батраков [Сайфи, 1930, с.3]. В отличие от предшественника он характеризовал капитализм как торговый [Сайфи, 1930, с.17].

Дж.Валиди, рассуждая о сущности татарского просветительства и джадидизма, также положительно оценивал роль татарского купечества, а значительное культурное развитие татарского народа во второй половине XIX – начале XX в. определял как результат их успешной благотворительной деятельности. Более того, являясь выпускником, а впоследствии и преподавателем медресе «Хусаиния», Дж.Валиди особое внимание уделил братьям Хусаиновым, кратко осветив их жизненный путь и личностные качества, высоко оценил значение благотворительной и просветительской деятельности каждого из них [Валиди, 1923].

Но положительные оценки не имели в указанный период долгосрочной перспективы. Вскоре возникли и постепенно утвердились совсем другие тенденции в анализе татарского купечества и предпринимательства. Так, в работе А.Аршаруни и Х.Габидуллина татарской буржуазии приписываются такие качества, как политическая нерешительность и неуверенность, хотя при этом не отрицаются ее заслуги в борьбе против консерватизма татарского общества [Аршаруни, 1931].

Большинство историков 20–30-х гг. XX столетия не затрагивали вопросы истории сословных групп. Крестьянский и рабочий вопросы стали доминирующей темой изучения на многие десятилетия. В последующих научных и научно-популярных, публицистических трудах данный вопрос по-прежнему рассматривался, исходя из принципов классовой идеологии.

Первой крупной работой, посвященной татарской буржуазии, стала монография

Х.Х.Хасанова «Формирование татарской буржуазной нации». Автор выделяет три этапа формирования татарской буржуазной нации: 1) конец XVII – конец XVIII в.: возникает мелкотоварное производство, создается мануфактурная промышленность, расширяется товароборот, появляются новые экономические центры, растет торговый капитал; 2) 1-я половина XIX в. – промышленный переворот: переход от мануфактурной к машинной индустрии; 3) 2-я половина XIX в. – после отмены крепостного права в Казанском Поволжье окончательно утверждаются капиталистические отношения, формируются основные классы татарского капиталистического общества [Хасанов, 1977, с.19–20].

К.Ф.Фасеев в своих работах достаточно категорично высказывался о татарской национальной буржуазии, представители которой «преследовали свои узкоклассовые, торгашеские цели», «разворачивали борьбу за захват восточных рынков, стремясь держать мусульманские народы под своим экономическим и политическим господством» [Фасеев, 1955; 1971]. Р.И.Нафигов объяснял основные причины слабости татарской национальной буржуазии [Нафигов, 1964; 1989] экономическими, политическими, промышленными, идеологическими характеристиками. Хотя в то же время он делал попытки выделить и созидательную роль предпринимательства, что сближало его работы с трудами Я.Г.Абдуллина, Х.Х.Хасанова. Так, Я.Г.Абдуллин [Абдуллин, 1976], с одной стороны, положительно охарактеризовав значение просветительства в истории татарского народа, особое место в его распространении отдавал именно национальной буржуазии. Но, с другой стороны, он выделял торговцев и предпринимателей исключительно как класс эксплуататоров.

В 80-е гг. XX в. переиздаются сборники произведений Г.Ибрагимова. Однако в них были включены только те его работы, в которых прослеживается явная критика татарской национальной буржуазии. Хотя в эти годы начинают появляться работы, в которых отмечается некоторое отступление авторов от жестких рамок социалистической идеологии. Например, труды Г.Ф.Газизуллина, А.Х.Махмутовой, М.Х.Гайнуллина, А.Г.Каримуллина, Р.У.Амирханова [Газизуллин,

1979; Махмутова, 1982; Гайнуллин, 1983; Каримуллин, 1983; 1984; Амирханов, 1988], в которых отчетливо прослеживается признание положительной роли татарской буржуазии в деле обеспечения материальной основы развития татарской культуры, периодической печати и книгопечатания, системы народного образования.

Постсоветский период становится качественно новым этапом в рассмотрении социально-экономической истории России. С одной стороны, научной общественностью все больше осознается необходимость пересмотра оценок и мнений, преобладавших в советский период, с другой – начинают разрабатываться те проблемы, которые ранее практически не затрагивались [Свердлова, 1991; 1998; 2011; 2008а, с.151–159; Галеев, 1997, с.6–9; Нигамедзинов, 2003; 2004; Салихов, 2006].

По-разному понимается история татарского купечества: нет единого взгляда на социально-экономические корни формирования купечества. Так, в статье «Татарского энциклопедического словаря» под названием «Купечество татарское» обосновывается мнение, что «истоки формирования купечества татарского уходят к торговым традициям Волжской Булгарии и Золотой Орды» [Татарский, 1999, с.309]. Авторы, считая, что «купечество татарское» – социальный слой торговцев – купеческое сословие, полагают, что «в 15–16 вв. выгодное экономическое положение Казани на караванных и водных путях способствовало быстрому формированию купеческого сословия» [Татарский, 1999, с.309]. Они выделяют три этапа формирования «купечества татарского»: 1) XV–XVI вв.; 2) вторая половина XVIII в.: либерализация торговли при Екатерине II – «купечество татарское» получило официальное право записываться в гильдии; 3) вторая половина XIX в.: в пореформенный период «купечество татарское» стало одним из источников формирования «буржуазии татарской» [Татарский, 1999, с.309].

Как видим, периодизация истории формирования купечества, главным образом, связана с этнической историей татар: с позиции этнической истории авторы «Татарского энциклопедического словаря опреде-

ляют единую генеалогию формирования татарского купечества, уходящего корнями к торговым традициям Волжской Булгарии и Золотой Орды. Трактовка истории накладывает отпечаток на понимание сущности социальной природы татарского купечества – нет дифференциации купеческого сословия – в их трактовке истории формирования купечества доминирует традиционный подход к определению социального образа татарского купечества: социальный слой татарских торговцев представляется как собирательный образ – «купечество татарское».

На современном этапе активно изучаются и освещаются в научной литературе купеческие династии, известные масштабностью своей торгово-предпринимательской, производственной и благотворительной деятельности [Таиров, 2002; 2003; Есиева, 2004; Мухамадеева, 2008]. Особое внимание исследователи уделяют истории татарской буржуазии, таким проблемам, как ее участие в развитии благотворительности татар-мусульман России, особенности, основные направления, результаты деятельности отдельных ее представителей в данной области [Хайруллина, 1993; Госманов, 2002; Миннуллин, 2002; 2007; Милуков, 2006; Ахмет, 1997; Гани, 1998].

Важным событием в научной жизни Татарстана стало издание многотомной «Татарской энциклопедии». В этом труде представлены статьи о крупных промышленниках, торговцах, деятелях культуры, искусства и науки всех национальностей, живших и работавших в Казанской губ. и Республике Татарстан, а также за ее пределами.

Историографической вехой последнего времени стала работа «Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана», посвященная русскому и татарскому купечеству с древнейших времен до конца XIX в. Этот двухтомный труд является своего рода энциклопедией и информационно-справочным изданием, в котором на основе архивных документов излагаются биография и генеалогия основных купеческих родов – купеческих династий. Иллюстрированное архивными фотодокументами, это издание стало первым большим вкладом в историографию темы исследования [Золотые, 2001].

Таким образом, сегодня основным направлением исследования татарского купечества и предпринимательства является изучение благотворительной, общественной деятельности купечества, истории родов, социального портрета отдельных его представителей. Вне поля зрения историков остаются такие темы, как накопление национального капитала, определение удельного веса и вклада татарских купцов, предпринимателей в развитие экономики региона; изучение купечества как социального явления, не ограничиваясь рамками отдельной губернии, а как составной части российского предпринимательства; анализ их взаимодействия с предпринимателями соседних регионов, в т.ч. контактов с русскими купцами, повседневной жизни купеческого сословия.

Крестьяне. Большое значение в исследовании социально-правового положения татарского сельского населения и нерусских народов Волго-Уральского региона, представлявших в своей основной массе жителей казенной деревни, имеют труды историков-аграрников. В этой области исторических знаний основополагающим трудом является двухтомная монография Н.М.Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева» (М.-Л., 1948; М., 1965), в которой проанализированы социально-экономическая, правовая и другие сферы жизни государственных крестьян. Основные положения тезиса Н.М.Дружинина о ведущей роли государства в определении социального положения крестьянства были в последующие десятилетия уточнены и подтверждены региональными исследованиями о проведении реформ в губерниях и влиянии верховной власти на социально-экономическую ситуацию в хозяйствах хлебопашцев государственной деревни, о социальном и правовом положении крестьян в средневожских губерниях [Софронов, 1952; Гриценко, 1959; Клеянкин, 1978; Терешкина, 1978; Казимов, 1980 и др.].

Татарскую пореформенную деревню в социально-экономическом плане впервые серьезно исследовал И.Л.Морозов. Ему удалось выявить ряд специфических особенностей национальной деревни. На основании изучения земских изданий Казанской, Вятской и Самарской губерний 1880-х гг. автор

установил, что среди бывших государственных крестьян татарские хлебопашцы имели наиболее низкий уровень «хозяйственного благосостояния» – они хуже всех были обеспечены душевыми наделами, тягловой силой и крупным рогатым скотом, у них был самый высокий удельный вес безлошадных дворов. И.Л.Морозов отметил также, что богатые татарские крестьяне занимались главным образом торговлей, для них были характерны соединения земледельческого и промыслового занятий, преобладание первых над вторыми. В то же время, на основании низких показателей, по сравнению с русскими земледельцами, удельного веса хлебопашцев, сдающих наделы в аренду и арендующих земли, более низкого среди татар, порвавших в земли, процента, чем у русских, автор сделал вывод о сравнительной отсталости капиталистического развития татарской деревни в Среднем Поволжье. «Своеобразие классовой дифференциации» национального крестьянства было определено исходя из сравнительной отсталости капиталистического развития татарской деревни [Морозов, 1936, с.XLV]. Автор не взялся за освещение всех сторон хозяйственной деятельности татарских крестьян. Его статья написана как введение к сборнику документов.

В следующие периоды советской историографии исследование истории татарского крестьянства было «растворено» в аграрной истории пореформенного периода Казанской губ. или Среднего Поволжья, татарские хлебопашцы рассматривались только в контексте изучения многонационального крестьянства края.

Для исследовательской деятельности Ю.И.Смыкова [Смыков, 1965; 1984] характерны целостный анализ и комплексный подход к изучению социально-экономической истории крестьянства Среднего Поволжья. Им проанализированы итоги аграрных преобразований 1860-х гг. в многонациональной деревне, раскрыта эволюция землевладения, земельных отношений, изучены такие важные компоненты крестьянского хозяйства, как сельскохозяйственная техника, зерновое производство, животноводство. В частности, ученый наглядно показал имущественное разложение татарской

общины, удельный вес татар в крестьянских промыслах, общественное разделение труда среди татарского населения Казанской губ.

Принципиально важное значение имеет проведенный Ю.И.Смыковым сравнительно-сопоставительный анализ уровня развития и глубины проникновения капиталистических отношений в среду многонационального крестьянства края. Однако историк изучал социально-экономическое положение крестьянства в целом и не ставил задачей специальная исследование татарской пореформенной деревни.

В 1950–1980-е гг. преобладало изучение социально-экономического развития различных категорий крестьянства через призму развития капиталистических отношений и экономического развития в аграрном секторе [Даишев, 1955; Усманов, 1981; Клейн, 1981; Кабытов, 1982; Смыков, 1984; Гончаренко, 1984 и др.]. Необходимо отметить, что эти работы написаны на основе ленинского наследия по аграрной истории и подтверждают выводы В.И.Ленина о значительном влиянии капитализма на сельское хозяйство второй половины XIX в.

На современном этапе объектом изучения стали социальное и правовое положение государственных крестьян и хлебопашцев Волго-Уральского региона в пореформенный период [Шайхисламов, 1998; 2006; Хайрутдинов, 2002; Марискин, 2004 и др.]. Новые исследования, написанные на местном материале, дают четкое представление о важной роли государства в регулировании социального и правового положения жителей государственной деревни в целом.

В.С.Хазиахметовой была предпринята попытка определить особенности землепользования, землевладения крестьянского хозяйства в Волго-Камском регионе накануне отмены крепостного права [Хазиахметова, 1978].

На современном этапе ставятся более широкие и актуальные вопросы в изучении экономического уклада татарской деревни, социально-экономического положения крестьян и хозяйств хлебопашцев, однако большинство исследователей ограничиваются территорией Казанской губ. [Загидуллин, 1992; Зайнуллина, 2008], что, несомненно, связано с тем, что данная губерния являет-

ся исторической родиной татар, на которой они проживали наиболее компактно.

Большим подспорьем в изучении социально-экономических процессов среди народов, населявших Приуралье, стали монографические работы по различным аспектам истории Башкортостана и Оренбургского края [Роднов, 2002; Асфандияров, 2005; 2006; Денисов, 2006а].

Среди трудов по татарскому крестьянству отсутствуют работы по исторической антропологии, в них слабо освещены особенности социальной жизни, производственной деятельности и крестьянского хозяйства государственных крестьян в этническом «разрезе». В этой связи представляется актуальным исследование реализации дифференциальной фискальной политики местных властей по распределению налогов и повинностей среди различных этнических групп сельского населения и при проведении земельных ревизий в многонациональной деревне.

Казак, мещеряки, тептяри и бобыли.

Первым советским историком, изучавшим численность, расселение и правовое положение мещеряцкого, башкирского и тептярского сословий в Приуралье в конце XVIII – начале XIX в. был Ф.Тухватуллин, изложивший историю края в виде хронографа [Тухватуллин, 1928]. В дальнейшем история мещеряков освещалась, главным образом, в контексте исследования кантонной системы. Определенную системность изучению этносословных групп татарского населения в регионе придало издание «Очерков по истории Башкирской АССР» (1959) [Очерки по истории, т.1, ч.2], которые на долгие годы закрепили негативную оценку кантонной эпохи. В 1960-е гг. А.З.Асфандияровым были подробно изучены причины введения кантонной системы, влияние этой эпохи на социально-экономическое развитие башкирского и мещеряцкого обществ, описаны повинности башкир и мещеряков, их участие в военных кампаниях первой половины XIX в., причины и ход упразднения военизированной административной системы [Асфандияров, 1969]. Для уфимских историков приоритетной темой является также участие мусульманских иррегулярных частей в русско-французской войне

1812–1814 гг., в других военных кампаниях и экспедициях [Раимов, 1943; Матвиевский, 1912; Усманов, 1964; Рахимов, 2008 и др.].

В целом, в центре внимания находились и вопросы социально-экономического развития, земельная политика правительства в Приуралье. В контексте освещения внутривластного курса самодержавия в отношении башкир и наделения земельными наделами различных групп населения рассматривалось социально-экономическое положение этнословных групп. А.П.Чулошниковым были выявлены основные признаки деления припущенников на тептярей и бобыбей: первые оформляли арендные отношения с башкирами на основании письменных договоров, вторые ограничивались устным соглашением [Чулошников, 1936, с.15–40]. В последующие годы существенное внимание уделялось хозяйственному укладу, вопросам землепользования [Усманов, 1973; Давлетбаев, 1986], социально-экономическому положению тептярей [Рахимов, 1993], их влиянию на межэтнические процессы с башкирами [Васильев, 1950; Рахматуллин, 1974, с.4–13]. На современном этапе в изучении данной этнословной группы тон задавали уфимские [Якупов, 2001] и казанские [Исхаков, 1980; Приуральские, 1990] этнографы. Сложилась традиция «параллельного» изучения тептярей историками, этнографами и лингвистами [Юлдашев, 1949; Рамазанова, 1984]. Однако историками не в должной степени учитываются выводы трудов представителей соседних гуманитарных дисциплин, отсутствует комплексный подход.

Коллективные монографии по истории Башкортостана стали своеобразным обобщением накопленного материала, в них рассматриваются количество и месторасположение кантонов, условия несения военной службы и повинности мещеряков, социальное положение других групп населения и т.д. [История Башкортостана, 1996; История Башкортостана, 2004, т.1, 2].

Как правило, через анализ социальных и экономических аспектов жизнедеятельности башкир выявлялись различные стороны хозяйственной жизни, социально-правового положения других этнословных групп, а также этнодемографические процессы в

Приуралье [Нигматуллин, 1959, с.169–193; Кузеев, 1968, 1968а; Шайхисламов, 1994; Тагирова, 2011 и др.]. Изучение государственной аграрной политики в регионе также позволило вводить в научный оборот новые материалы по этой теме [Акманов, 2000; 2007; Кульшарипов, 2004 и др.].

Отсутствие исторических исследований по татарам-казакам, мещерякам, государственным крестьянам-татарам мы склонны объяснять тем, что в Татарстане только выстраивается новая концепция изучения истории татар Нового времени. Традиционно изучение народов Приуралья является прерогативой уфимских историков и этнографов, которые основное внимание уделяют истории и культуре башкирского народа.

Дворяне. В последнее время становится популярной запретная ранее тема татарского дворянства и мурз. Историю своих родов стали активно изучать представители татарских дворянских фамилий [Татарские, 2010], к исследованию роли и места татарских мурз и дворян в составе российского дворянства подключились и профессиональные историки. Однако историография этой темы ограничивается несколькими трудами [Еникеев, 1999; Габдуллин, 2006; Азаматова, 2008], в которых освещаются формирование татарского дворянства, его социально-экономическое положение. В монографиях С.Еникеева и И.Р.Габдулина рассматривается история татарских князей, мурз и служилых татар с периода Золотой Орды до современности: расселение, землевладение, служба, лишение и восстановление в дворянстве. Также представлены истории отдельных дворянских родов. В работе Г.Б.Азаматовой на примере комплексного исследования рода Тевкелевых раскрываются социальные, экономические и политические основы существования татарского дворянства.

Рабочий класс. Актуальная в советское время тема татарского рабочего класса [Гриценко, 1950; Рабочий, 1981; Кругликов, 1981] сегодня несколько утратила научную значимость, на наш взгляд, не в силу идеологических причин, а прежде всего по причине сосредоточения национального пролетариата вне ареала традиционного проживания татар – в Баку, Донбассе, на

Ленских приисках и т.д. – в настоящее время только намечаются контуры изучения татарских диаспор.

Как видим, история сословно-социальных групп татарского населения разработана далеко неравномерно. В историографии советского времени изучение социально-экономического и правового положения татар практически было растворено в общих работах, и только с 1960-х гг. начинают появляться этнографические исследования отдельных групп татар, которые в определенной степени восполняют эту лакуну. Несмотря на открывшиеся перед исследователями возможности, в постсоветский период многие вопросы по данной теме не подвергались тщательному и всестороннему изучению. Наиболее изученной на сегодняшний день представляется история татарского крестьянства Казанской губ., сделаны серьезные шаги в исследовании купечества. До сих пор малоизученными остаются темы татарского дворянства, городских обывателей, мусульманского духовенства, рабочего класса: их расселение, занятия, психологические портреты, их роль в формировании нации, повседневная жизнь, микроистория представителей различных социальных групп татар.

Коллективные труды «Истории Татарской АССР» [История, 1955; 1968; 1973; 1980] 1950–1980-х гг. определили основные принципы написания в советской автономной республике национальной истории. В них изучение социальной истории татар было заменено описанием социокультурных процессов и экономического развития Казанской губ., без учета региональных и этнических, конфессиональных особенностей, сословно-социальных групп татарского сельского населения. В результате 2/3 татарского населения, расселенного в Приуралье, в других губерниях Волго-Камья, на Нижнем Поволжье и в Западной Сибири, оставались за пределами научных интересов. С классовых и атеистических позиций оценивалась роль дворянства, купечества, мусульманского духовенства в социальном развитии татарского народа.

К сожалению, малоизученной остается многоаспектная проблема самоуправления татар, этот вопрос зачастую растворяется в

более крупных темах, где ему уделяется недостаточно внимания. На современном этапе исследовательские традиции советского периода по истории земств получили новое звучание благодаря новым темам исследований [Азаматова, 2005; Сальников, 2005; Старостин, 2002; Субботина, 2010; Владимирова, 2011 и др.], однако изучение взаимодействия земств с этноконфессиональными группами хлебопашцев и сельскими обществами в Волго-Уральском регионе, выявление степени участия татар в деятельности земств находятся еще на начальной стадии. Предпринимаются первые шаги по исследованию истории татарских общин Среднего Поволжья и Западной Сибири [Бакиева, 2003; Муллагалиев, 2011] и функционирования в них норм обычного права [Бакиева, 2011а], по изучению мещанских обществ [Каплуновский, 1998]. Среди городских общин наиболее изученной является этноконфессиональная община г.Казани благодаря появлению трудов, посвященных деятельности Татарской городской ратуши [Измайлов, 2009] и татар-гласных в городской думе [Салихов, 2005].

Быт и обычаи татар. В советский период особенности национальной культуры, быта и хозяйственной жизни освещались, главным образом, в работах этнографов. Труды этнографов, которые в силу специфики методических подходов больше обращали внимание на мелкие особенности быта и жизненного уклада татар различных регионов, доминировали над историческими изысканиями по истории татар Нового времени, тем самым размывались общие тенденции социокультурной жизни татар, не учитывались консолидационные процессы в национальном строительстве XIX в.

Большим научным достижением татарстанских этнографов следует признать коллективное историко-этнографическое исследование «Татары Поволжья и Приуралья» [Татары, 1967], в котором большое внимание уделено традиционной культуре татар XIX – начала XX в. Эта фундаментальная работа в значительной степени восполнила пробелы советской историографии в изучении расселения и численности, поселений и жилищ, одежды и украшений, особенностей питания, быта, повседневной жизни и

праздников татар. Важно отметить, что по сей день сохраняют научную значимость разделы труда, посвященные общественным и семейно-родственным отношениям.

Достижением 1970–1980-х гг. стало появление новых историко-этнографических работ, в которых рассматривались семейный быт татарских крестьян Казанской губ. [Загидуллин, 1966], общественные и семейные праздники казанских татар [Кашафутдинов, 1969], женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. [Суслова, 1980], демографическое развитие татар в XVIII–XIX вв. [Исхаков, 1980], традиционное жилище [Мухаметшин, 1985] и т.д. Весомым вкладом в изучение хозяйственной жизни татарских крестьян Волго-Уральского региона стали труды Н.А.Халикова [Халиков, 1981], которому удалось воссоздать картину хозяйственного уклада и быта татарских хлебопашцев.

Другим, не менее важным, направлением научно-исследовательской и экспедиционной деятельности казанских этнографов стало изучение крупных этнографических групп этноса: татар-мишарей [Мухамедова, 1972] и татар-кряшен [Мухаметшин, 1977].

В процессе составления историко-культурного атласа в 1970–1980-е гг. проводились экспедиции по комплексному изучению этнографических групп татар, были подготовлены новые исследования, посвященные ткачеству [Сафина, 1996], народному костюму [Суслова, 2000], обрядам и праздникам татар Волго-Уральского региона [Уразманова, 2001].

В 1980-е гг. наметилось новое явление – более дробное историко-этнографическое исследование татар по отдельным регионам: пермских [Пермские, 1983]; касимовских татар [Шарифуллина, 1991] и т.д.

Комплексное историко-этнографическое изучение тюркского населения Западной Сибири в рассматриваемый период проводил Н.А.Томилов, в результате была разработана этнографическая классификация тюркских народов, написана этническая история сибирских татар, выявлены этнические процессы и межэтнические контакты населения Западной Сибири [Томилов, 1980; 1981; 1983; 1992].

Современный этап развития исторической этнографии ознаменовался появлени-

ем коллективных работ «Татары» [Татары, 2001] и «Тартарика. Этнография» [Тартарика, 2008], новых историко-этнографических трудов по истории татар отдельных регионов: молькеевских кряшен [Молькеевские, 1993], татар Нижнего Поволжья [Арсланов, 1995; Азизова, 2009], по этнокультурному районированию татар Среднего Поволжья [Этнокультурное, 1991].

Новые монографии Н.А.Халикова были посвящены способам сельскохозяйственного производства в татарских крестьянских хозяйствах Волго-Уральского региона, основным направлениям отхожих промыслов хлебопашцев [Халиков, 1995; 1998].

Историческое изыскание Д.Р.Шарафутдинова о сабантуе позволило идентифицировать его не как праздник хлебопашцев, а как трансформированный в условиях многовековой оседлой жизни праздник кочевников [Шарафутдинов, 2004].

Сегодня в этнографической науке активно изучаются отдельные аспекты этнокультурной жизни татар: религиозный синкретизм татар-мишарей Сибирского Поволжья [Идиатуллово, 2010]. Одной из малоизученных остается проблема этнокультурных связей и взаимодействия татар с народами региона. В этом направлении делаются первые шаги [Ягафова, 2009; Николаев, 2010; Садиков, 2010а; Исторические, 2011].

В контексте историографического обзора хотелось бы обратить внимание на две проблемы, имеющие непосредственное отношение к историко-этнографическим изысканиям.

По вопросу этнической принадлежности мусульманского сельского населения Приуралья, имевшего сложный сословный состав, в отечественной историографии сложились два основных подхода. Д.М.Исхаков при анализе этнических и демографических процессов среди татар и башкир по материалам переписей акцентировал внимание на необходимости четкого разграничения таких понятий, как этнические башкиры и сословие башкир, являвшееся, подобно тептярам, полиэтничным социальным образованием [Исхаков, 1980; 1993а и др.]. На необходимость разделения этих понятий указывают и уфимские ученые Р.Г.Кузеев, А.З.Асфандияров, которые, обратив внимание на высокие темпы количественного

роста башкирского населения в первой половине XIX в., связывали его не только с естественным приростом, но и с переходом в «башкирское сословие» лиц небашкирского происхождения, в том числе татар [История, 2011, с.17].

Другая важная проблема, обусловленная итогами активных научных изысканий этнографов, связана с численностью субэтносов татар. Доминантой определения самостоятельных этнотерриториальных групп и субэтносов татар казанскими этнографами были определены такие признаки, как сословно-конфессиональная принадлежность, отдаленность от Казани региона расселения татар, особенности говора, экономического, хозяйственного и бытового укладов местного населения. В условиях отсутствия обобщающих трудов по национальной истории средних веков и Нового времени, слабой изученности с исторической точки зрения социокультурных процессов в татарском сообществе XVIII – начала XX в., отсутствия концептуального взгляда на выявленные процессы, собранный этнографический материал при подведении итогов привел к «перекоосу» в оценке протекавших этнических процессов. В основу этнокультурной дифференциации татар Волго-Уральского региона Н.И.Воробьевым положены языковые и культурно-бытовые различия, существовавшие внутри татарского населения региона, он выделял среди татар два субэтноса – казанские татары и татары-мишари [Татары, 1967, с.9, 39]⁹. Несмотря на утверждения Ю.Г.Мухаметшина о том, что крещеные татары являются «одной из территориальных групп казанских татар» [Мухаметшин, 1977, с.154], Р.Г.Мухамедовой о том, что татары-мишаре правобережья Волги являются «этнографической группой» средневожско-приуральских татар [Мухамедова, 1972, с.5], Ф.Л.Шарифуллиной о том, что касимовские татары являются «группой поволжских татар» [Шарифуллина, 1991, с.106], в завершающем томе серии «Историко-этнографический атлас татарского народа» казанские и касимовские та-

тары и татары-мишари определены в качестве субэтносов, а «кряшены» – в качестве субконфессиональной общности [Этнотерриториальные, 2002, с.55–60, 151], что не подтверждается историческими источниками XIX в. В этот период основополагающим сегментом этнической идентификации татар выступало религиозное самосознание (татары-мусульмане). В Приуралье на этническое самосознание оказывали также влияние сословные особенности и связанная с ними форма владения землей (башкиры, мецшеряки, тептяри). С развитием миссионерской системы Н.И.Ильминского, со второй половины 1860-х гг., среди старокрещеных татар стали усиливаться христианизация и противопоставление им церковной властью татар-мусульман, однако термин «татары-кряшены» – «керэшен татарлары» (как, например, «мукшы керэшене» («крещеный мордвин»)) [Сяхэтнамэлэр, 2011, б.10] по-прежнему означал крещеного татарина, не более того.

На наш взгляд, основополагающими издержками современной татарской этнографической науки являются: ограничение нижних хронологических рамок XIX в., что не позволяет увидеть связь в сфере этнокультурных процессов в средние века и раннее Новое время; слабое знание опубликованных и неопубликованных источников изучаемых исторических эпох и традиционный упор на материалы этнографических экспедиций 1970–1980-х гг., дающие в лучшем случае картину быта населения начала XX в. или рубежа веков; ограничение изысканий Волго-Уральским регионом, недостаточный учет этнокультурного положения татарских диаспор на российских окраинах (в бывших союзных республиках СССР) и в центральной России.

История культуры татарского народа.

Историография культуры татарского народа рассматривается по следующим основным направлениям: образование (школы, школьная политика), просветительство и просветители, татарская литература, книгоиздательство.

Татарская школа и образование.

В отечественной историографии тема образования является одной из наиболее исследованных. История татарской школы,

⁹ По Ю.В.Бромлею, субэтносы обладают групповым самосознанием, по сравнению с этносами этнические свойства у них выражены меньше [Этнотерриториальные, 2002, с.53].

светского образования нашла отражение в многочисленных публикациях отечественных исследователей, в которых освещались деятельность татарских учебных заведений [Хакимов, 1972], методика обучения в дореволюционных школах [Беркутов, 1968; Байкиева, 1971], вопросы женского образования [Рустямова, 1958; 1967]. Большой вклад в изучение распространения светского образования у татар внесла монография А.Х.Махмутовой [Махмутова, 1982]. С.М.Михайлова [Михайлова, 1979] рассмотрела татарскую составляющую светского образования XIX в. на примере деятельности Казанского университета через анализ проектов по созданию татарских школ европейского типа, подготовке общественных деятелей и светской интеллигенции [Еналиев, 1998а, с.6].

В постсоветский период, с формированием светского общества, исследователи стали уделять больше внимания деятельности медресе, считая их центрами сохранения образованности и религиозности татар, а их мудррисов – хранителями традиций [Рахимов, 1991; Амирханов, 1992; Мәдрәсләрдә, 1992; Фархшатов, 1994; Гимазова, 2004; Роль, 2006; Сафиуллина-Аль Анси, 2008; Медресе, 2008; Махмутова, 2009]. В новом свете рассматриваются и вопросы изучения женского образования. Так, А.Х.Махмутова в своих монографиях «Лишь тебе, народ, служенье! История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби» и «Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение)» на основе богатого фактографического материала дала анализ политических и культурных процессов, в рамках которых развивалось женское просветительство, выявила закономерности и особенности развития образования татарских женщин, указала на наиболее активных представительниц данного движения [Махмутова, 2003; 2006]. Яркие портреты татарских женщин, вступивших на путь просвещения, присутствуют также в работе Т.А.Биктимировой [Биктимирова, 2002].

В советской историографии не осталась без внимания и роль православных миссионеров в деле просвещения и образования татар. При этом деятельность миссионеров и школьная политика в целом оценивались

положительно с точки зрения русификации нерусских народов, позитивного влияния русских педагогов на развитие татарской педагогической мысли [Эфиоров, 1948; Ханбиков, 1968]. До 1980-х гг. основным исследованием по данной тематике оставалась работа В.М.Горохова «Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье» [Горохов, 1941], в которой основное внимание уделено системе Н.И.Ильминского. Автор проанализировал значение деятельности миссионерских учебных заведений для крещенных татар и систему обучения в традиционных школах татар-мусульман. Высоко оценивая просветительскую деятельность Н.И.Ильминского, В.М.Горохов, тем не менее, считал, что она была направлена прежде всего на русификацию и христианизацию коренного населения края. В трудах Н.П.Прусс [Прусс, 1979], Т.Г.Чекменевой [Чекменева, 1985] данная традиция была продолжена, при этом авторы, говоря о миссионерских учреждениях, не уделяли должного внимания их влиянию на укрепление православной религиозной традиции среди местного населения.

Новый взгляд на развитие православного духовного образования в Волго-Камском крае в XIX – начале XX в. имеет место в ряде работ современных авторов. Так, в диссертационном исследовании А.В.Журавского [Журавский, 1999], посвященном изучению истории Казанской духовной академии (КДА), затрагивается проблема подготовки в ней миссионерских кадров, научной организации православной противомусульманской миссии. Особую значимость этому труду придает тот факт, что исследуемый период в истории КДА (с 1880 гг. до 1920-х гг.) в связи с целым рядом объективных причин оставался вне рамок научных интересов как дореволюционных, так и советских ученых. Единственной современной работой, посвященной Казанской духовной семинарии (КДС), является монография Е.В.Липакова [Липаков, 2007]. На основе новых материалов и документов автор освещает основные вехи в развитии КДС – одного из старейших православных духовных учебных заведений России, которое сыграло важную роль в развитии духовного образования в Волго-Камском крае. В монографии Р.Р.Исхаковой

[Исхакова, 2001], посвященной педагогическому образованию в Казанской губ. в пореформенный период, рассматриваются становление сети общеобразовательных православных духовных заведений, миссионерских «братских» школ, формирование и развитие миссионерско-педагогической системы Н.И.Ильминского, дается оценка его вклада в развитие просвещения и образования местных народов.

Объектом специального исследования стало развитие востоковедения и исламоведения в синодальных учебных заведениях Казани. Первым комплексным исследованием в данной области стала работа Р.М.Валеева [Валеев, 1999]. Он подчеркнул важную роль миссионерской школы ориентализма, сформировавшейся в КДА, в развитии научных знаний о странах Арабского Востока и об исламе. Значительный вклад в объективный анализ роли казанской миссионерской школы исламоведения, в определение ее места в российской востоковедческой традиции внесли Е.В.Колесова [Колесова, 2000], И.Л.Алексеев [Алексеев, 2001, с.84–96], М.З.Хабибуллин [Хабибуллин, 2004].

Просветительство и просветители. В советский период, до 30-х гг. XX в., сохранялась относительно объективная оценка деятельности татарских педагогов и просветителей, в дальнейшем, вплоть до 60-х гг., историография была подвержена влиянию политического курса, выражавшегося в отрицании личностей и институтов, не соответствовавших идеологии сталинизма. В 20-е гг. татарское просвещение рассматривалось с классовых позиций, особо критическому переосмыслению подверглась деятельность просветителей из числа религиозных деятелей, но, тем не менее, в работах таких исследователей, как Г.Ибрагимов, Г.Сагди, Дж.Валиди, Г.Губайдуллин [Валидов, 1923; Ибрагимов, 1926; Сэгди, 1926; Губайдуллин, 1926] положительно оценивается вклад Ш.Марджани, Р.Фахретдина, Г.Баруди, К.Насыри, Х.Фаизханова и др. в развитие общественно-политической мысли, культуры татарского народа. Следует отметить особое внимание Г.Ибрагимова к наследию К.Насыри, благодаря чему в 1922 г. был издан сборник «Каюм Насыри мәжмугасы», в который вошли статьи татарских литера-

туроведов и историков, заложивших основы научного осмысления деятельности просветителя [Жестовская, 2004а, с.9, 10]. Исследование Дж.Валиди «Очерк истории образованности и литературы татар» отличает комплексный подход к изучению татарского просветительства: автор рассмотрел эволюцию традиционных школ татар, взгляды религиозных мыслителей разных периодов, становление литературы [Валиди, 1923].

Начиная с 30-х гг., вследствие подчинения исторической науки главенствующей политической идеологии, в изучении татарского просветительства намечаются иные приоритеты. Ш.Марджани, Р.Фахретдин были отнесены к дворянско-буржуазным деятелям, поэтому их роль в развитии просветительства принижалась; была высоко оценена деятельность К.Насыри, которая не изучалась комплексно: больше внимания уделялось его педагогическому и литературному наследию [Фасеев, 1955; Гайнуллин, 1955].

Ситуация изменилась с наступлением периода «оттепели» 1960-х гг. Исследователи постепенно отходят от существовавших штампов, и эта тема получает всестороннее изучение [Нафигов, 1964; Михайлова, 1972; Абдуллин, 1976; Усманов, 1980; Юсупов, 1981 и др.]: рассматриваются основные черты и природа татарского просветительства, его истоки, роль отдельных представителей в развитии духовной культуры татар [Жестовская, 2004а, с.12]. Например, в монографии Я.Г.Абдуллина «Татарская просветительская мысль» проанализированы религиозно-философские взгляды Г.Курсави, Ш.Марджани и Ш.Кульятси и дана их оценка, определены роль и место религиозного реформаторства в развитии общественной мысли. Не ослабевал интерес к личности К.Насыри как выдающемуся представителю просветительского движения и педагогу. Деятельность К.Насыри была наиболее «удобной» для исследования – она вполне соответствовала установкам советского времени [Каюм, 1948; Гайнуллин, 1955; 1975а].

Татарская литература. Изучение отдельных вопросов истории татарской литературы XIX в. началось после демократических перемен 1905 г., когда определились два параллельно развивающихся направле-

ния. С одной стороны, литературная критика приступила к оценке художественного наследия прошлого и современности. Впервые этим занялся Ф.Амирхан, который в статье «О литературе» (1908) [Эдәбиятка, 1908] рассмотрел фольклорные произведения и проанализировал творчество З.Бигиева, первых татарских драматургов Г.Ильяс и Ф.Халиди. Исторический подход к национальной литературе XIX в. представлен в исследованиях Р.Фахретдина [Фахретдин, 1908а], Ф.Карими [Кәрим, 1909], Г.Исхаки [Исхакий, 1908], Н.Гасрыя [Гасрый, 1915], М.Акчуриной [Акчурина, 1911] и др. Но эти публикации, как правило, ограничивались кратким обзором историко-литературных событий.

С другой стороны, начиная с 1910-х гг. история татарской литературы осмысливается как учебная дисциплина, и на этой волне появляется учебник для медресе Дж.Валиди «Движение татарской литературы» [Валиди, 1912] – первое самостоятельное исследование по истории татарской литературы. Особое внимание в нем уделено формированию новой просветительской литературы, самостоятельные разделы посвящены жизнедеятельности и творчеству К.Насыри, А.Каргалый, Г.Кандалый, Акмуллы, Ш.Заки.

Осознание истории литературы как процесса возникло в 1920-е гг. Характерны в этом плане исследования Гаты Исхаки «Эдәбият юллары» («Пути литературы») [Исхакий, 1920], Г.Рахима и Г.Газиза «Татар эдәбияты тарихы» («История татарской литературы») [Газиз, 1923; 1925], Дж.Валиди «Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 года)» [Валиди, 1923], Г.Сагди «Татар эдәбияты тарихы» («История татарской литературы») [Сәгди, 1926]. Следует назвать также статьи Г.Ибрагимов, опубликованные на страницах периодической печати. Хронологически первыми исследователями считаются Г.Ибрагимов, Г.Рахим, Г.Газиз, Дж.Валиди, но создателем целостной системы изучения истории татарской литературы на научной основе является Г.Сагди.

«История татарской литературы» Г.Сагди состоит из двух частей. В первой (вступительной) части дается общая характери-

ка татарского общества с XVII до второй половины XIX в. в экономическом, общественном, политическом аспектах. Интерпретируются условия и причины возникновения просветительского, джадидистского движения у татар. Вторая часть охватывает историю литературы второй половины XIX – начала XX в., до Октябрьской революции. Автор называет ее периодом «джадидизма» и разделяет на два этапа: 1) со второй половины XIX в. до революции 1905 г., 2) с 1905 г. до 1917 г. В подходах к истории литературы автор продолжает традиции Дж.Валиди. Книга представляет собой историю общекультурно-исторических факторов, повлиявших на развитие литературы. Литературный процесс рассматривается им во взаимосвязи с эволюцией общественной мысли, языка, науки, просвещения и религии, как часть общекультурного движения.

Именно в 1920-е–1930-е гг. на повестку дня ставится проблема периодизации истории литературы. Дж.Валиди в книге «Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 года)» и в статьях, напечатанных на страницах газет «Вақыт» («Время»), «Йолдыз» («Звезда»), журнала «Безнең юл» («Наш путь»), рассматривает факты истории культуры в качестве детерминирующей силы и выделяет в истории татарской литературы два этапа: до второй половины XIX в. и последующего времени.

С середины 1960-х гг. вновь возрастает интерес исследователей к истории татарской литературы XIX в., появляются наиболее полные хрестоматические издания [Татар, 1956; Татар эдәбияты, 1968; Гайнуллин, 1978; Татар, 1979; Хафизов, 1979; Миңнегулов, 1982]. Авторы подводят итоги исследований, начатых в начале XX в. [Гайнуллин, 1975 и др.]. Начинается активное возвращение наследия отдельных представителей татарской литературы XIX в.: З.Хади [Ғади, 1957], Ш.Мухамедова [Мөхәммәдев, 1957], Г.Утыз Имяни [Ғабдерәхим, 1986], Г.Кандалый [Кандалый, 1960; 1988], З.Бигиева [Бигиев, 1960; 1991], Ф.Карими [Кәрим, 1996]. В 1970-е–1980-е гг. были предприняты попытки дать обобщенную оценку татарской литературе XIX в. [История, 2003; 2003а]. В 1985–1989 гг. вышли в свет пять томов

«Истории татарской литературы», 2-й том которой посвящен XIX в. [Татар эдэбияты, 1985]. С 1990-х гг. появляются учебники и хрестоматии, составленные для учащихся и студентов [Миннегулов, 1994; Яхин, 1994; Карурманны, 2001].

В этот период исследователи также уделяют внимание татарской краеведческой литературе XIX – начала XX в. В монографии Р.А.Шайхиева «Татарская народно-краеведческая литература XIX–XX вв.» рассматриваются образцы частных локально-исторических сочинений как нарративные источники, представляющие комплекс сведений по истории селений, этнографии отдельных групп населения, языку, социальной психологии. По мнению автора, такие сочинения лежат у истоков зарождения исторического краеведения; несмотря на то, что их авторы не являлись профессиональными историками, они могут служить надежными дополнительными источниками по локальной истории и этнографии татарского народа [Шайхиев, 1990, с.5–6].

Книгопечатание. С 70-х гг. XX в. А.Г.Каримуллин начинает разрабатывать тему возникновения и развития печатной книги у татар, попыток татарской интеллигенции по выпуску собственной периодической печати [Каримуллин, 1971; 1974; 1983]. В трех его монографиях – «У истоков татарской книги: от начала возникновения до 60-х годов XIX века», «Татарская книга начала XX века», «Татарская книга пореформенной России» – история книжного дела у татар рассматривается как социокультурное явление. Глубокое проникновение в данную тему позволило ученому определить этапы становления татарской книги, выявить ее содержательную направленность, впервые была обоснована связь между развитием татарской литературы и книжного дела. Введение в научный оборот многих материалов, таких как прошения татар о разрешении на издание национальной периодической печати в конце XIX – начале XX в., стало еще одним доказательством стремления татар-мусульман стать активными участниками образовательно-просветительских процессов в общероссийском масштабе. В связи с этим следует отметить появление библиографических исследований, которые позволяют проследить книжные интересы татарского населения.

Например, в работе Р.М.Булгакова раскрыты состав и содержание арабографичной коллекции фонда редких книг Национального музея РБ [Булгаков, 2001].

Таким образом, история культурного развития татарского народа получила относительно полное освещение в отечественной историографии, особая роль в этом, несомненно, принадлежит татарским исследователям. Однако «за бортом» изучения остается наследие многих татарских просветителей, писателей, поэтов, которые внесли значимый вклад в развитие образования, литературы и поэзии, в распространение просвещения. Слабо изучена деятельность татарских просветителей среди родственных тюркских народов.

Исламские традиции и религиозные институты. В отечественном исламоведении дореволюционного периода выделяют два направления: академическое, представленное светскими учеными, и миссионерское, представленное православными деятелями, занимавшимися данной проблематикой с миссионерской целью. Отечественное востоковедение и исламоведение во многом выступали как часть мировой ориенталистики, приметами которой были европоцентристская концепция в оценке Востока и восточной культуры в истории человечества и христианский взгляд на ислам как на нецивилизованное явление. В Новое время страны Востока существенно отставали от Европы в социально-экономической и общественно-политической областях, что представлялось неопровергаемым доказательством превосходства христиан над исламским миром. Наряду с созданием ценных трудов по исламу, как отмечал историограф Н.А.Смирнов, «многие крупные русские востоковеды нередко вместо самостоятельных исследований в области ислама ограничивались обработкой и переводом произведений восточных авторов или западноевропейских ученых» [Смирнов, 1954, с.96–97]. Тем не менее, изучение ислама и перевод трудов западных ученых способствовали в целом ознакомлению российской общественности с постулатами мировой религии.

Общим для них являлось отношение к исламу с православно-христианской точки зрения, что отражалось на интерпретации

культурной самобытности мусульман. Для представителей академического направления, объектом исследования которого был «классический ислам», характерен более высокий уровень толерантности к мусульманам. Другим объединяющим фактором представляется гражданская позиция авторов, охрана ими государственных интересов.

В своей программной статье по случаю начала издания научного журнала «Мир ислама» в 1912 г. крупнейший российский востоковед В.В.Бартольд, резюмируя положение дел в отечественном востоковедении, констатировал, что «общий характер этих работ и достигнутые ими результаты до сих пор мало соответствовали тому значению, которое имеет для России изучение мусульманского мира» [Бартольд, 1966, с.366]. Ученый отметил также «общую отсталость» русского востоковедения от западноевропейского, с горечью признав, что «об исламе как религии на русском языке нет до сих пор сколько-нибудь обширного труда, который в свое время представлял бы шаг вперед в науке; в этом отношении даже русские специалисты были вынуждены ограничиваться популяризацией выводов, добытых западноевропейскими, преимущественно немецкими, учеными» [Бартольд, 1966, с.366]. Заслуживает внимания также его замечание относительно преобладания в этой сфере среди русских изданий трудов, написанных «с целью защиты ислама или борьбы с ним» [Бартольд, 1966, с.366].

Советский период внес свои коррективы в изучение ислама и мусульманских институтов. Многие работы имеют ярко выраженную атеистическую направленность, вследствие чего роль ислама в духовной и повседневной жизни татар искажалась. С одной стороны, советская историография встала на сторону татар-мусульман, давая критические оценки православно-миссионерской деятельности [Людмилин, 1932], с другой стороны, она отрицала позитивное влияние религии, в т.ч. и ислама, на повседневную жизнь общества и развитие его культуры. Несмотря на политическую идеологизированность, работы 20–30-х г. XX в., особенно некоторых татарских авторов [Аршаруни, 1931; Мозаффари, 1930; Ишемгулов, 1930], отличались богатым фактическим материалом, что было

обусловлено их тесной связью с татаро-мусульманской средой и «объективистской» позицией по отношению к исламу [Мухаметшин, 2003, с.5]. В этот период появляется несколько работ, посвященных изучению роли ислама в жизни татарского народа. Это исследование Л.Климовича «Ислам в царской России» [Климович, 1936], в котором раскрываются основные формы проявления религиозной политики государства по отношению к исламу, и исторические очерки З.А.Ишмухаметова [Ишмухаметов, 1979], написанные с точки зрения обличения роли религии в жизни общества, но, тем не менее, актуальные в плане освещения социальных функций мусульманских институтов в Среднем Поволжье. В целом, изучение ислама как социокультурного явления, исследование его роли в повседневной жизни татар становится минимальным, чаще всего этот вопрос рассматривался в составе более крупных тем.

Изменение политической ситуации с 1991 г. способствовало появлению большого количества исследований, с отличным от советского периода подходом к «мусульманскому вопросу». Можно согласиться со словами Р.М.Мухаметшина, который отметил, что, несмотря на возросший интерес к российскому исламу, он изучается в основном историками и политологами, поэтому «преобладает выявление характера мусульманского фактора в общественно-политической жизни того или иного региона или государства в целом...» [Мухаметшин, 2003, с.6]. Одним из таких изданий является монография Р.Г.Ланды «Ислам в истории России» [Ланда, 1995], в которой воссоздана целостная картина истории ислама, в т.ч. его положение в Российской империи, указаны причины и проблемы противостояния в среде российских мусульман. Большинство же трудов отечественных исследователей, обратившихся к мусульманской проблематике, можно разделить на две условные темы: религиозно-философская, ислам и государство.

В этот период одним из приоритетных направлений становится изучение религиозно-философских трудов татарских богословов. Например, А.Н.Юзеев рассматривает татарскую религиозную философскую мысль Нового времени на примере деятельности татарских богословов Г.Утыз

Имяни, Г.Курсави, Ш.Марджани, изучает истоки и эволюцию татарского религиозно-реформаторства, отмечает его особенности [Юзеев, 1998]. История и проблематика татарской религиозно-философской мысли в общемусульманском контексте стали предметом исследования Д.А.Шагавиева [Шагавиев, 2008], который особое внимание уделил труду Ш.Марджани «аль-Хикма аль-балига» и каляму как одной из ступеней исламской философии.

В связи с активным ростом религиозности в татарской среде и необходимостью выработки методологического подхода к изучению ислама, который позволил бы выявить механизм функционирования ислама как идеологической и религиозной системы, возрос интерес исследователей к различным формам общественного устройства мусульман, они стали изучать функционирование традиционных религиозных общин, функции приходского духовенства, мечетей, источники их существования [Азаматов, 2000; Салихов, 2005; Ислам, 2006; Татарские, 2006; Мечети, 2006; Источники, 2009; ОМДС, 2011], особенности применения норм шариата у татар [Мухаметзарилов, 2010].

Появились труды по истории традиционного ислама, о татарских богословах и их наследии [Хайрутдинов, 2004; Адыгамов, 2006; Шагавиев, 2010], об отдельных религиозных деятелях, ишанах [Фархшатов, 2009], о контактах татар и других мусульманских народов России с Османской империей [Сибгатуллина, 2010].

Новым явлением в отечественном исламоведении стало издание энциклопедических словарей по исламской тематике [Ислам, 2004; 2006а]. В настоящее время издательским домом «Медина» реализуется проект по составлению многотомного энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации» [Ислам, 2007; Ислам в Москве, 2008; 2009; 2009а; 2009б], в основу которого положен регионально-краеведческий подход, что позволяет подробно и всесторонне изучить и осветить социокультурное развитие мусульман через эволюцию и жизнедеятельность массовых религиозных и национальных институтов: махаллей, духовных лиц, религиозных и общественных деяте-

лей, профессиональных учебных заведений, культурно-просветительских и благотворительных обществ, периодики и т.д. в длительный хронологический отрезок времени: в средние века, Новое и новейшее время.

В многочисленных публикациях по школьному мусульманскому вопросу, появившихся в современный период, по-новому раскрываются отношения государства и национальных школ. Данные работы, в отличие от исследований советского периода, поставили под сомнение исключительно позитивное влияние школьного курса государства в отношении мусульманских народов Волго-Уральского региона [Загидуллин, 1992а; Фархшатов, 2000; Сулейманова, 2000; Саматова, 2010].

В рамках «мусульманского вопроса» появились работы, посвященные социальной жизни татарских общин ряда поселений и целых регионов [Аминов, 1994; Салихов, 1995; Идрисов, 1997; Юнусова, 1999; Черновская, 2000; Хайретдинов, 2002; Загидуллин, 2003; Батыргарей, 2004; Татары, 2004; Мухаметшин, 2005а; Кобзев, 2007а; Гибадуллина, 2008; Сенюткина, 2006], объединяющим сегментом которых является признание важной роли религиозного фактора в формировании этноконфессиональной идентичности [Шакирова, 2009, с.13]. Авторы этих исследований уделяют внимание широкому кругу вопросов: это география поселения, освещение формирования этнического, социального и профессионального состава общин, функционирование исламских институтов. Достоинством данных работ является привлечение неопубликованных письменных и визуальных источников местных архивов. Сегодня через изучение сельских и городских мусульманских общин формируется исследование татарских диаспор.

С конца 90-х гг. XX в. актуализировались исследования по изучению взаимодействия государства и исламских институтов, их функционирования в условиях самодержавия. В них освещены история ОМДС, представлены результаты изучения образования, структуры и основных направлений деятельности ОМДС, рассматривается деятельность муфтиев и приходского духовенства и других религиозных институтов, проекты по реорганизации религиозного управления

и т.д. [Азаматов, 1996; Абдрашитова 2001; Хабутдинов, 2010].

Непосредственно государственное регулирование ислама рассматривается в работах Е.А.Вишленковой [Вишленкова, 1997], которая обратила внимание на выстраивание отношений государства с представителями различных вероисповеданий в эпоху Александра I, и Д.Ю.Арапова, определившего общее и особенное в государственно-исламских отношениях в регионах [Арапов, 2004]. Пристальное внимание уделялось и взаимоотношениям имперской власти и ислама как на территориях отдельных губерний, так и всего Волго-Уральского региона. Исследователей интересовали, прежде всего, «мусульманский вопрос» в политике самодержавия и реакция местного населения на проводимый государством внутривнутриполитический курс в этой сфере [Муфтахутдинова, 1999; Воробьева, 1999; Гарипов, 2002; Карпенкова, 2004; Голубкина, 2005; Гильмутдинов, 2005; Исхаков, 2008 и др.].

Особенностям создания условий для удовлетворения религиозных потребностей мусульман в армии, гражданских учреждениях, учебных заведениях, на ярмарках посвящены труды И.К.Загидуллина и О.Н.Сенюткиной [Загидуллин, 2006; Сенюткина, 2006]. Также комплексно изучены роль мечети и общественной молитвы в социальной и религиозно-обрядовой жизни в традиционных мусульманских общинах округа ОМДС [Загидуллин, 2007].

В имперский период вопросы соблюдения религиозных прав татар не были объектом специального изучения. Отсутствие интереса следует объяснять стремлением институтов официальной идеологии представлять ратные подвиги российской армии как победу «христоролюбивого русского воинства». Военнослужащие других этноконфессиональных групп, как «инородцы», не вписывались в эту концепцию. Специальные публикации о мусульманах в регулярных войсках появились в рамках освещения истории отдельных национальных воинских формирований, прежде всего крымских и литовских татар [Муфтийзаде, 1899].

В советский период изучение «религиозного вопроса» в российской армии потеряло актуальность в связи с утверждением и

культивированием новых принципов строительства атеистического общества. В этот период единственным трудом по рассматриваемой нами теме стала изданная в США книга Н.В.Галушкина [Галушкин, 1961].

В постсоветский период следует выделить две группы работ, в которых рассматриваются различные аспекты религиозного уклада военнослужащих-мусульман. Первая группа работ – это труды, посвященные истории мусульманских общин отдельных поселений или регионов. В них фрагментарно изложены факты из жизни военнослужащих-мусульман, о деятельности мусульманских духовных лиц, имевших отношение к военному ведомству [Гришин, 1995; Аминов, 1994; Загидуллин, 2003; Батыргарей, 2004]. Вторая группа публикаций посвящена военной службе мусульман в регулярной армии и иррегулярных войсках [Арапов, 2000; Емельянова, 2001; Насыров, 2005; Ахметшин, 2006 и др.]. На сегодняшний день наиболее разработанными следует признать вопросы о правовом положении штатных военных мулл [Azamatov, 2002; Исхаков, 2002; Арапов, 2003; Абдуллин, 2007], о тептярских, башкирских полках [Усманов, 1964; Асфандияров, 1988; Рахимов, 1992; 1996; 2002; 2003]. В плане проведения сравнительно-сопоставительного анализа некоторых сторон удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих-мусульман и евреев, как конфессиональных групп нехристиан, большой познавательный интерес представляет монография американского ученого И.Петровского-Штерн [Петровский-Штерн, 2003].

Следует отметить, что новым явлением в российской историографии стало включение в исследования о духовно-религиозном воспитании в российской армии сюжетов о мусульманах [Фабрика, 1997; Котков, 1999; Кравчук, 2005]. Обозначилась тенденция комплексного рассмотрения национальных частей конфессиональных меньшинств в армии [Лапин, 2001].

Общественно-политические, религиозные и культурно-просветительские движения татар. В отечественной историографии освещение различных типов социальных движений татар шло в нескольких направлениях. Одним из них стало изуче-

ние антиправительственных выступлений крестьян в Среднем Поволжье и Приуралье против проведения аграрных реформ, земельных ревизий, фискальных мероприятий [Токарев, 1924; Устюжанин, 1948 и др.].

В 1920-е–1930-е гг. главным объектом исследования для историков было движение татарских крестьян Казанской губ. 1878–1879 гг. В своей книге «Прошлое Татарии» Н.Н.Фирсов кратко изложил ход этих событий [Фирсов, 1926, с.39–40]. До этого татарский историк Г.Губайдуллин опубликовал копию ходатайства татар в МВД с жалобой на незаконные действия губернатора в Казанском у. в 1878 г. [Губайдуллин, 1925, с.38–40]. Г.Рахимом были введены в научный оборот воспоминания очевидца этого восстания [Рахим, 1928, с.144–151]. Е.И.Чернышев, изучив значительный источниковый материал, написал объемную статью [Чернышев, 1927], описав практически весь ход восстания в Казанском у. Н.Н.Фирсов и Е.И.Чернышев назвали страх перед предстоящим крещением основной причиной волнений среди татарских крестьян.

Одним из первых исследований по татарскому крестьянскому движению 1850–1870-х гг. стала работа Л.И.Морозова [Морозов, 1936]. Основные сюжеты многонационального крестьянского движения в Казанской губ. 1860-х гг. нашли отражение в новых трудах Е.И.Устюжанина, Е.И.Чернышева [Устюжанин, 1948; Чернышев, 1948]. Следует отметить изменение точки зрения последнего на причины движения татарских крестьян 1878–1879 гг. Е.И.Чернышев выдвинул в качестве главной причины социального протеста ухудшение их социально-экономического положения [История, 1955, с.358–360].

В трудах С.И.Даишева [Даишев, 1955; 1957] были впервые рассмотрены отдельные моменты волнений татарских крестьян против закона об образовательном цензе для мусульманских духовных лиц, против проведения переписи населения 1897 г., отмечена прямая связь выступлений крестьян с религиозным гнетом и их трудным экономическим положением.

Ю.И.Смыков [Смыков, 1973] проделал большую и результативную работу по изучению форм социального протеста многонационального крестьянства Казанской,

Самарской и Симбирской губерний, в т.ч. татарского, выявил динамику и основные этапы крестьянского движения пореформенного периода. Им создана наиболее полная картина событий 1878–1879 гг. в Казанской губ.

В постсоветский период происходит расширение сферы научных изысканий в области изучения движений татарского крестьянства. По материалам Казанской губ. установлено, что большинство выступлений татарских крестьян в пореформенный период было вызвано не экономическими мотивами, а обострением «мусульманского вопроса» в Российской империи, а также сопричастностью к крестьянским волнениям приходского духовенства и татарского купечества [Загидуллин, 1992]. Началось последовательное изучение татарских крестьянских выступлений, вызванных различными слухами о крещении [Загидуллин, 2000; Мәрданов, 2007], движения возвращения крещеных татар в ислам [Кобзев, 2007а; Исхаков, 2011 и др.]. Важным достижением современных ученых стали отказ от упрощенных схем и подходов при анализе этих движений, характерных для советской историографии, признание их формой протеста татар против курса имперского руководства, протеста, направленного на сохранение своей культурной самобытности и этноконфессиональной идентичности.

Большое внимание исследователей привлекает и джадидизм. Единого мнения среди ученых относительно социальной природы джадидизма до сих пор не существует. В советской историографии в основном преобладала характеристика джадидизма как части просветительского движения, направленного, в первую очередь, на реформирование традиционных школ татар, а в дальнейшем на сближение с европейской культурой и преобразование общественной жизни в соответствии с современными требованиями [Валидов, 1923; Сәғъди, 1926; Ибраһимов, 1984; Нафигов, 1964 и др.]. Параллельно джадидизм получил и политическую окраску: он рассматривался в противопоставление просветительству как национально-буржуазное движение, представители которого обвинялись в пантюркизме, панисламизме, контрреволюционной деятельности [Фасеев, 1971; Хасанов,

1977; Абдуллин, 1977]. Если в советской историографии джадидизм рассматривался, в основном, в рамках тем по просветительству или в общих трудах по истории татар, то на современном этапе появились исследования, посвященные непосредственно джадидизму как социокультурному феномену: продолжается изучение роли кадимизма и джадидизма в процессе нациестроительства, определяется сущность джадидизма, выявляются новые подходы к этой проблеме [Исхаков, 1997а; Абдуллин, 1998; Мухаметшин, 2005; Хабутдинов, 2008].

Джадидизм также, в зависимости от доминирующей идеологии, характеризовался по-разному, и как культурно-просветительское, и как общественно-политическое течение. В последнее время появилось мнение, что в джадидизм должен вкладываться более широкий смысл, который охватывал бы религиозное, просветительское и политическое реформаторство в жизни татарского народа [Ислам, 2001, с.127–132].

Среди религиозно-политических направлений достаточно полное освещение получило ваисовское движение. В доктюбрьской историографии деятельность ваисовцев оценивалась неоднозначно. А.И.Кильдишев [Кильдишев, 1908], будучи некогда одним из его последователей, на основе собственных наблюдений и со слов руководителя Гайнана Ваисова, представил работу, в которой обличалась деятельность этого движения. В отличие от него Е.В.Молостова [Молостова, 1912], используя материалы А.И.Кильдишева и новые сведения, полученные от ваисовцев, благосклонно обрисовала историю и суть ваисовского движения как религиозного. В советское время ваисовское движение рассматривалось сквозь призму социально-классовой борьбы. Тем не менее один из исследователей, М.Сагидуллин [Сагидуллин, 1930], смог системно изложить его историю: от зарождения до окончательного прекращения [Усманова, 2006, с.383–384]. На современном этапе наиболее полно история движения ваисовцев представлена в работе Д.М.Усмановой «Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг.» [Усманова, 2009]. В данном исследовании ваисовское движение представлено

как религиозное объединение, в дальнейшем трансформировавшееся в сообщество со своей религиозной автономией, социальным статусом и политической программой.

В отечественной историографии появились работы, рассматривающие различные формы выступлений татар как борьбу за обретение государственности, характеризующие их как национальное движение. В этом русле выполнено исследование Ф.М.Султанова «Татарское национальное движение: история и современность» [Султанов, 2000], который, рассматривая формы татарского национального движения в Новое время (религиозное реформаторство, джадидизм), отмечает постепенный переход в национальном самосознании от принципов исламизма к патриотическому принципу татаризма, вызванный специфическим климатом, созданным политикой правительства России и православной церкви, пренебрежительным отношением к нерусским народам.

В целом, историография различных форм движений татар показывает тенденцию к выделению во всех формах выступлений религиозно-национальной составляющей, лежащей в основе самосознания народа.

Разные аспекты истории татар в XIX – начале XX в. становились также объектами диссертационных исследований. Наибольшее развитие такие труды получили в постсоветский период, когда негласные ограничения в выборе тем и использовании методов исследования были сняты. С конца 1990-х гг. общественно-политическая, социально-экономическая, религиозная история татар, развитие национальной литературы, образования, просвещения начали изучаться преимущественно татарстанскими учеными, и зачастую такие исследования ограничивались региональными рамками. Такой узкий подход был определен идеологией советской исторической науки, в результате которой история нерусских народов не рассматривалась как часть российской истории, а только вплеталась в общую канву.

На современном этапе развития гуманитарных знаний появились работы, в которых анализируется вклад татарских интеллектуалов, религиозных деятелей в развитие просветительства [Салахова, 2003; Гимазова, 2004; Зайни, 2004; Шарафутдинов, 2004а; Миннулина, 2006; Хафизов, 2006; Хами-

туллина, 2007 и др.], а также труды, авторы которых ставят целью определение места и роли татарского просветительства в развитии общественно-политической мысли [Еналиев, 1998; Сабилов, 2000; Салахов, 2000; Жестовская, 2004; Галимзянова, 2006].

Краткий обзор отечественной историографии истории татарского народа показывает, что выбор темы исследования и оценка исторических событий и фактов в значительной степени обусловлены состоя-

нием развития исторической науки и воздействием идеологических «клише». Если советская историография, находившаяся под давлением существовавшей идеологии, отличается критикой основных общественных, социальных, культурных процессов, происходивших в истории татар, то постсоветская историография, поднимая те же проблемы, дает другие оценки событиям, порой кардинально отличающиеся от предыдущих.

Историография на турецком языке

Альпер Альп

В историографии на турецком языке имеются работы, посвященные различным аспектам истории и культуры поволжских татар XIX – начала XX в. Первой такой публикацией была книга Шемседина Сами, который представил краткие сведения о российских мусульманах, населении, учебных заведениях и промышленности Казани [Sami, 1891, s.1605; 1899, s.3656].

Интерес к татарам в Турции повысился к началу XX в., что наглядно проявилось в публикациях газет «Sabah», «İkdam», «Tercüman-ı Hakikat». С 1911 г., когда татарин Ю.Акчура начал издавать в Стамбуле журнал «Türk Yurdu» («Турецкий дом»), увеличилось количество информации о поволжских татарах.

Авторами первых трудов о поволжских татарах были эмигрировавшие из России татарские интеллектуалы, заложившие традиции изучения истории и культуры бывших соотечественников. Достоинством их трудов являются достоверное знание изучаемой темы и личное знакомство с видными деятелями татарского возрождения начала XX в. В книге Габделбари Баттала Таймаса «Казанские тюрки» (1925) [Таумас, 1966; Таймас, 1996] описывается история поволжских татар с древнейших времен и до образования СССР. Период царствования Екатерины II автор оценивает как время, когда отношения между самодержавием и мусульманами начали налаживаться, что в определенной степени было вызвано стремлением имперской власти к мирному расширению своего влияния на Казахскую степь и

Среднюю Азию. Таймас считает, что начало XIX в. было временем экономического и мыслительного прорыва татар. Он отмечает их достижения в торгово-промышленной сфере, центры производства и торговли именует центрами развития культуры, выделяет роль печатания в Казани книг на арабском шрифте и т.д. К.Насыри и Ш.Марджани Таймас называет лидерами Нового времени. Он определяет джадидизм как движение просвещения и культуры российских тюрков, подчеркивает, что джадидисты без поддержки государства в противостоянии с кадимистами, не теряя своей уверенности, сделали значительные шаги в деле модернизации татарских институтов. В качестве флагманов образовательных учреждений он называет медресе «Мухаммадия», «Хусаиния», «Усмания», «Галия» и Иж-Буби, отмечает коммерсантов, способствовавших их успешной работе.

В серии произведений, вышедших под названием «Kazanlı Türk Meşhurlarından» («Знаменитые казанские тюрки»), Таймас впервые в Турции дал наиболее полную информацию о таких джадидистах и просветителях, как Р.Фахретдин, Г.Баруди, М.Бигиев [Таумас, 1958, 1958 а, 1958 б], он написал также очерк о жизненном пути братьев Ахметхади и Садри Максуди [Таумас, 1959].

Благодаря своим работам по истории казанских татар стал известным ученым в Турции Акдес Нимет Курат, также по происхождению татарин. В статье «Период цивилизационного пробуждения казанских тюрков» («Kazan Türkleri'nin Medenî Uyaniş

Devresi») [Kurat, 1969, s.100], которая по объему соответствует книге, описаны условия, подготовившие почву для татарской модернизации, исследованы деятельность улемов, богатых татар и просветителей, которые обучались в русских и европейских высших учебных заведениях. Курат подчеркивает призыв Г.Утыз Имяни о необходимости заниматься практическими жизненными проблемами вместо ненужных религиозных вопросов, отмечает его реформаторские качества, в т.ч. поддержку в изучении русского языка. В отличие от Таймаса Курат возносит Г.Курсави, называя его второй по значимости фигурой в движении пробуждения. Он считает важнейшей его идею о праве каждого исламского ученого в меру своего понимания толковать, объяснять Коран и хадисы и искать истину и, в меру полученных результатов, действовать против схоластического мышления, господствовавшего в Бухаре и Казани. Среди других лидеров движения обновления Курат называет Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова финансистами модернизации татарского сообщества считает татарских предпринимателей. По его мнению, все идеи и усилия, прилагаемые для обновления, были почерпнуты из культурного опыта и под влиянием идейного движения России, Турции и Египта. В частности, он указывает на близкие связи Г.-Р.Ибрагимова с такими известными османскими просветителями, как Намык Кемаль, Ахмет Вефик, Муалли Наджи, Али Суафи и Ахмет Митхат. В статье также подробно описана политическая деятельность мусульман России в начале XX в.

Труды Надира Девлета «Rusya Türkleri'nin Milli Mücadele Tarihi (1905–1917)» («История национальной борьбы российских тюрков (1905–1917)») [Devlet, 1999] и «1917 Türk-Tatar Millet Meclisi» («Тюркотатарское Национальное Собрание 1917 года») [Devlet, 1998] – взаимодополняющие произведения. В контексте заявленной темы в первой работе освещается процесс развития движения за обновление в Поволжье и других регионах страны до 1905 г., анализируются взгляды татарских интеллектуалов на создание единого литературного языка среди тюркских народов России: если Р.Фахретдин, М.Бигиев выступали за эту

идею, то Г.Баруди и Г.Тукай придерживались мнения, что татарский язык должен быть отдельным литературным языком. Во втором труде Н.Девлета также представлены сведения по культурной и политической истории поволжских татар конца XIX – начала XX в.

Значительный вклад в изучение деятельности Г.-Р.Ибрагимова [Türkoğlu, 1997] и Р.Фахретдина [Türkoğlu, 2000] внес И.Тюркоглу. Он проследил жизненный путь Г.-Р.Ибрагимова в России и Турции, охарактеризовал его образовательную, издательскую, журналистскую и политическую деятельность, взгляды на образование и на исламский мир, отношение к его идеям мусульман Турции.

В исследованиях И.Тюркоглу также дается развернутая характеристика татарских образовательных учреждений и системы образования в них, выявляется роль Марджани, Афгани, И.Гаспринского в формировании взглядов Р.Фахретдина, подробно освещаются устройство и функции ОМДС, в котором Р.Фахретдин состоял казыем, а в советский период – муфтием. Автор дает высокую оценку роли Р.Фахретдина в развитии джадидистского движения.

Ахмет Канлыдере комплексно исследовал биографию и труды известного религиозного деятеля М.Бигиева, рассмотрел влияние взглядов татарского богослова на мусульман России и Турции [Kanlıdere, 2005].

Книгу Ибрагима Мараш «Türk Dünyasında Dini Yenileşme» («Религиозная реформа в тюркском мире») [Maraş, 2002] можно назвать повествованием по истории идей поволжских татар, основанным на анализе работ Утыз Имяни, Курсави, Марджани и Фаизханова, воздействию на джадидистское движение лидеров нового поколения просветителей: Г.Баруди, М.Бигиева, Р.Фахретдина, Г.Буби и З.Расули. Автор рассматривает также такие проблемы, как перевод Корана, тему иджтихада, язык хутбы и права женщин, которые часто становились объектом полемики между татарами в начале XX в.

Ильяс Топсакал рассмотрел взаимоотношения между Русским государством и поволжскими татарами на протяжении XIX – начала XX в., систему Н.И.Ильминского; на основе работ М.Машанова он характеризует отношение миссионерских организаций к

мусульманскому сообществу региона в начале XX в. [Topsakal, 2009].

В работе Саиме Селенги Гёкгёз «Yevfimiy Aleksandroviç Malov İdil-Ural'da İslam Karşıtı Rus Misyon Siyaseti» («Евфимий Александрович Малов. Антиисламская миссионерская политика России в Волго-Уральском регионе») повествуется о государственно-исламских отношениях, движении возвращения крещеных татар в ислам, определяются основные направления деятельности Малова на миссионерской стезе [Gökgöz, 2007].

Альпером Альпом исследованы политические течения и группы среди татар в нача-

ле XX в. В первой части его труда освещается участие татар в политических процессах в России и среди мусульман [Alp, 2010].

В исторических трудах на турецком языке, посвященных истории татар Волго-Уральского региона рассматриваемого периода, следует выделить четыре проблемы: движение джадидизма и мусульманское реформаторство (эти темы раскрываются в большинстве случаев через труды и поступки конкретных личностей); общественно-политическая деятельность татар в начале XX в.; политика христианизации в отношении татар.

Западная историография

В западной литературе XIX в. о мусульманских народах Волго-Уральского региона упоминалось хотя и нечасто, но в основном в мажорных тонах. В 1825 г. специальный выпуск по России туристического справочника «The Modern Traveler» («Современный путешественник»), издаваемого в Лондоне, цитировал одного путешественника 1715 г. следующим образом: «Говорят, что казанские татары более цивилизованные люди, чем их русские хозяева». Как утверждают авторы справочника, татары выделялись высоким уровнем грамоты (чтение и письмо), при каждой мечети работала школа, а татарские купцы в Казани были очень богатыми [The Modern Traveler, 1825, с.226, с.308–309]. Немецкий экономист барон фон Гакстгаузен объездил ряд городов и областей России и собрал огромное количество разнообразного материала. В 1856 г. вышел в свет английский вариант его книги «The Russian Empire: Its People, Institutions, and Resources», в которой фон Гакстгаузен писал: «...казанские татары, как в плане менталитета, так и по физическому состоянию, относятся к более благородной расе человечества, но магометанство позволяет им развиваться только в ограниченной степени». Подчеркивая превосходство татар над русскими, он также полагал, что «если бы эта интеллектуальная и дружелюбная раса была обращена в христианство, то она могла бы стать не только одной из самых цивилизованных наций, но и распространила бы

Мустафа Туна

христианство и цивилизацию по всей Азии» [Baron von Haxthausen, 1856, p.323–328].

В литературе XIX в. подобные сравнения татар с русскими стали встречаться реже, но авторы продолжали утверждать, что казанские татары «самый цивилизованный народ» в своей семье, т.е. среди тюркских народов России [Latham, 1878, p.226].

В конце XIX в. произошел всплеск этнографических и филологических исследований в Западной Европе. Следствием этого было рождение тюркологии как научной дисциплины (как в России, так и в Западной Европе). Один из основателей этого научного направления В.В.Радлов провел более десяти лет в Алтайском крае, где изучал языки тюркских народов. Его работы на немецком языке о сибирских татарах вызвали интерес к тюркским языкам среди европейских филологов [Radloff, 1884]. В то время на Западе значение этнонима «татары» имело расплывчатый характер, варьируясь между «монголами» и «среднеазиатскими мусульманами». В основном этот термин использовался для обозначения тюркоязычных потомков Золотой Орды, которые продолжали населять кипчакские степи. В рамках этой широкой категории авторы использовали региональные указатели для обозначения «татар», живущих в том или ином регионе. Например, термином «казанские татары» обозначались жители Казанского ханства, позже Казанской губ. Постепенно термин «тюрк», или «тюркский», приобрел много

коннотаций термина «татарский», и благодаря накоплению подробных этнографических данных о «татарах» различных регионов эти названия превратились в этнонимы. Термин «казанские татары» использовался в английском языке еще в начале XVIII в., но с конца XIX в. он чаще стал использоваться как этническое обозначение для тюркоязычных народов, населявших бассейн Волги и Камы. Первоначально сюда относились и татары, принявшие христианство под властью России, но чаще всего термин «казанские татары» подразумевал мусульманское население региона [см.: Valint, 1875–1876, цит. по: Duka, 1889, p.596; Cust, 1891, p.184–194; Vambery, 1892, p.1–18].

Еще одно обстоятельство конца XIX в. заключалось в том, что, в отличие от светских этнографов, русские православные миссионеры активизировались в плане изучения и определения народов Волго-Уральского региона. Они добыли огромное количество информации, и несмотря на то, что она полностью была на русском языке, результаты их работы повлияли на характеристику казанских татар в западной литературе. Основной тематикой миссионерской литературы было безразличие казанских татар к христианскому прозелитизму. Вероятно, известный венгерский востоковед еврейского происхождения Армин Вамбери именно это имел в виду, когда в 1892 г. писал: «Несмотря на три столетия подчинения России, [казанские татары-мусульмане] только слегка ослабили свою приверженность к исламу и к азиатскому образу мышления, и нет ни малейшего признака их поглощенности доминирующим элементом [т.е. русскими]» [Vambery, 1892, p.12]. К началу XX в., русские миссионеры, разочарованные сопротивлением татар-мусульман прозелитизму, стали раздраженно осуждать их. В 1911 г. в дебютном выпуске американского миссионерского журнала «The Moslem World» («Мусульманский мир») была опубликована статья «Мусульмане в России» Софьи Бобровниковой-Чичериной, активной последовательницы Н.И.Ильминского. Автор сообщала западному читателю о возникающем среди российских мусульман реформистском движении, известном как «джадидизм». По ее мнению, реформисты, многие

из которых были влиятельными представителями глобального движения пантюркистов и панисламистов, близки к своей цели, заключающейся в «объединении отдельных исламских этносов России в одну мусульманскую нацию». Если до этого в западной литературе о татарах писали как о национальном меньшинстве, вызывающем симпатию, например барон фон Гакстгаузен, то С.Бобровникова-Чичерина в своей статье превратила их в угрозу для Российской империи и, следовательно, для всего христианского мира [Bobrovnikoff, 1911, p.5–31]. Вамбери еще в 1906 г. в своей статье сообщил, что пантюркизм, или панисламизм, исчерпал свою практическую ценность [Vambery, 1906, p.348–353].

До распада Советского Союза в западноевропейской и американской литературе продолжала доминировать выраженная в статье С.Бобровниковой обеспокоенность по поводу тюрко-мусульманской активности в конфликте с российской властью. В 1918 г. автор другой статьи, опубликованной в журнале «The Moslem World», предположил, что хаос, царивший в России в конце Первой мировой войны, и открытие границ для протестантских миссионеров могут создать возможность для борьбы с тюрко-мусульманским движением, которое он назвал «пантуранистским» [Camp, 1918, p.115–130]. Вероятно, одной из последних работ, где межрегиональное тюрко-мусульманское движение, возникшее на пороге XX в., освещено далеко не в лучшем свете, является книга С.А.Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России», изданная в 1960 г. С.А.Зеньковский в основном интересовался древнерусской историей, особенно историей РПЦ, и не знал тюркских языков. Поэтому в своем исследовании он опирался преимущественно на православную миссионерскую литературу о российских мусульманах и на ее перевоплощение в советской историографии, в которой продолжалось очернение мусульманских реформистов конца эпохи империализма, на этот раз – как представителей «буржуазного» движения. Следовательно, несмотря на очевидные отклонения С.А.Зеньковского от научности в исследовании предмета, его работа отражает, скорее, антагонистический

тон русскоязычной литературы, имевшейся в его распоряжении [Zenkovsky, 1960].

Между тем как отношения Советского Союза с Западом в 30-е гг. XX в. постепенно начали ухудшаться, в западной литературе возник альтернативный подход к вопросу о межрегиональных тюрко-мусульманских реформистских движениях, который одобрял их и даже возвеличивал. Тогда материалы из тюркоязычных источников стали изобиловать в западной литературе. Еще в 1922 г. авторы одной из статей Британской энциклопедии писали: «... ситуация изменилась после русской революции и развала России. Пантюркисты теперь заметно приблизились к достижению своих ирредентистских целей» [Encyclopedia Britannica, 1922]. Конечно, этого не произошло, но особенно после Второй мировой войны, когда разногласия между Западом и СССР превратились в открытый антагонизм, воспоминания о тюрко-мусульманских реформистских движениях конца эпохи империализма и политической активности среди мусульман России в ранний советский период терзали воображение ученых в Западной Европе и Америке: Советский Союз лишил свободы тюркские и мусульманские народы бывшей Российской империи, но эти народы, некогда вкушившие свободу, как утверждают авторы – при внешней поддержке Османской империи, возможно, сейчас снова могли бы начать борьбу за независимость, получив достаточный стимул и помощь со стороны Запада.

В 1950-е гг. исследования «национальной проблемы» Советского Союза обрели популярность [например, Kolarz, 1952; Hostler, 1975]. Значительных результатов добились трое французских ученых: Александр Беннигсен, Шанталь Лемерсье-Келькеже и Элен Каррер д'Анкос. Их первые публикации, увидевшие свет в 1960-е гг., вызвали огромный интерес к тюрко-мусульманским народам Советского Союза как к подрывному элементу [Bennigsen, 1964; 1967; d'Encausse, 1966; L'Empire Éclaté 1978]. Во всех этих исследованиях Волго-Уральского региона татары представлены как один из многочисленных мусульманских народов Советского Союза. Они получили широкую известность в литературе о модернистских тенденциях, возникавших в конце эпохи империализма, где на первый план всегда вы-

ходил Волго-Уральский регион, но в историографии советского периода о них мало упоминалось. Единственным исключением здесь можно назвать невероятную популярность Мирсаида Султан-Галеева, которую он получил за попытку объединить марксизм с идеей самоопределения и мусульманского национализма, подразумевавшего, что революция еще не закончилась для мусульманских народов Советского Союза [Bennigsen, Lemercier-Quelquejey, 1960; Galiev, 1986].

Трясина, в которую СССР загнал себя, вторгнувшись в Афганистан в 1979 г., усилила надежды Запада на мусульманское возрождение в Советском Союзе. Работа Александра Беннигсена и Мари Броксап (Marie Broxup) «The Islamic Threat to the Soviet State» («Исламская угроза для Советского Союза»), изданная в 1983 г., является ярким тому примером [Bennigsen, Broxup, 1983].

Работы Эдварда Лаззерини также заслуживают упоминания в этом контексте. Он оценил вопрос ислама и современности в основном с точки зрения субъекта его диссертации «Исмаил-Бей Гаспринский: идейный отец мусульманских реформаторов XIX – начала XX вв. в Российской империи» (1973). В результате и отчасти под влиянием представителей татарской диаспоры – таких историков, как А.Курат и Баттал-Таймас, которые сами были последователями идей Гаспринского, Лаззерини подошел к концепции мусульманских реформ в Российской империи в светском тоне. Предметом его изысканий были не татары Среднего Поволжья. Однако, учитывая ключевую роль казанских татар и Казани в культурной жизни мусульман России в конце XIX – начале XX в., он обратил пристальное внимание на реконструкцию их национальной истории в работах татарских историков советского периода. Внимание Лаззерини к исламу как культурной традиции и к реформам внутри этой традиции продолжает привлекать к нему интерес ученых даже сегодня. Однако то, что имело большое значение в западных научных кругах в 1970-х гг., было подрывным потенциалом мусульман в Советском Союзе. Диссертация Лаззерини привлекала многих исследователей благодаря своей богатой источниковой базе. Его диссертация не была опубликована [Lazzerini, 1981, p.625–35; 1982; 1994, p.82–100].

В 1980-х гг. были опубликованы монографии на английском языке, посвященные истории отдельных народов СССР, в основном мусульманских [Fisher, 1978 и др.]. Среди них был первый исторический обзор, посвященный исключительно казанским татарам, или «волжским татарам», как назвала их А.-А.Рорлих в своей одноименной книге, вышедшей в 1986 г. [Rorlich, 1986].

В связи с тем, что большинство библиотек и архивов Волго-Уральского региона в тот период были закрыты для автора, А.-А.Рорлих в своей книге использовала печатные материалы из американских, европейских и турецких библиотек, а также материалы, полученные от представителей татарских диаспор. В результате в ее работе отражен характер двух разных по стилю групп источников XX в. по истории мусульман России, это: 1) источники советского периода, подчеркивающие отличительные черты этнической или национальной принадлежности казанских татар; 2) тюркская и западная литература, в центре внимания которой находится реформистское движение конца эпохи империализма как особенность периода национального пробуждения. Таким образом, А.-А.Рорлих большую часть своей работы посвятила тюрко-мусульманскому преобразованию и взаимодействию видных мусульманских реформистов, часть которых придерживалась империалистических, а другая советских взглядов, до утверждения советской власти в Волго-Уральском регионе. Заключительную главу своей работы она посвятила «культурной устойчивости» казанских татар к особенностям советского режима.

В постсоветский период интерес европейских и американских исследователей к мусульманским народам СССР как к подрывному элементу «растворился». Если ранее ислам являлся союзником западного блока в борьбе против заклятого врага, то после развала СССР он был представлен в качестве новой глобальной угрозы. Такое видение создает отрицательное предубеждение в исследованиях, посвященных Средней Азии и Кавказу. Однако волго-уральские мусульмане, находившиеся далеко от основных очагов вооруженных действий и относительно мирно интегрировавшие в новую Россию, избежали этой дурной славы. К

тому же, исследователи истории Поволжья и Приуралья подчеркивают относительно мирное существование мусульманского населения этих регионов в многоязычной и многоконфессиональной среде под властью немусульманской империи.

Немецкий ученый Андреас Каппелер, исследуя историю экспансии Российской империи в Волго-Уральском регионе, уже в 1980-х гг. сообщил об этом новом направлении [Kappeler, 1982]. Особенно его книга «Russland als Vielvölkerreich», впервые опубликованная в 1992 г. на немецком языке, а затем переведенная на французский и английский языки, повлияла на новое поколение историков, начинавших изучать историю Российской империи в 1990-х гг. [Kappeler, 1992]. Когда Советский Союз распался и многие народы, составлявшие этот «союз» стали более заметными на политической арене, эти постсоветские ученые стали смотреть на Российскую империю как на многонациональное и многоконфессиональное единство. В этой связи, в частности, стоит упомянуть работы Роберта Джераси, Пола Верта и Роберта Круза, уделивших особое внимание истории поволжских татар. Исследовав материалы недавно открывшихся местных архивов, они провели тщательную работу, пытаясь связать историю Волго-Уральского региона с такими широкими историографическими проблемами, как конфессиональная политика, исследования пограничных территорий, а также имперская и национальная самобытность. Джераси и Верт в некоторой степени опирались на неопубликованную диссертацию Изабель Тейц Крейндрлер [Krindler, 1969] и акцентировали свое внимание прежде всего на политике и идентичности империализма в России. Мусульмане в их исследованиях предстают не в качестве предмета исследования, а как объект российской политики и одна из групп населения [Geraci, 2001; Werth, 2002]. Р.Круз сосредоточился на взаимодействии между мусульманскими общинами России и имперским государством. Однако его понимание точки зрения мусульманских общин было поставлено под сомнение, его аргументы о причастности имперского государства к разработке исламского права, а также о готовности мусульман допустить его вмешательство в свои внутренние споры

привлекли внимание историков и теологов [Crews, 2006].

Ко второму типу источников, ставших широко доступными для историков в постсоветский период, относятся тюрко- и арабоязычные рукописи волго-уральских мусульман. Особенно Аллен Франк и Михаэль Кемпер широко использовали эти источники в описании уникального мусульманского мира в Российской империи, который не является независимым или изолированным, но в то же время в значительной степени обособлен от имперского государства. Основываясь на результатах работ советских историков, в числе которых также были и татары, Кемпер и Франк связали историю Волго-Уральского региона с существующей литературой о Средней Азии и Ближнем Востоке, которая уже много лет пыталась объяснить ислам и мусульманскую общину методом текстового анализа. Если Кемпер проанализировал дискурс исламских ученых XVIII в. и, особенно, XIX в. [Kemper, 1998; Кемпер, 2008], то Франк изначально делал упор на дебаты татарских ученых и представителей интеллигенции об идентичности волго-уральских мусульман в XIX в. [Frank, 1998, с.39–49], затем подробно описал религиозные институты и образ жизни мусульманских общин региона в тот же период [Frank, 2001; Франк, 2008]. Эти работы дают представление о высоких культурных достижениях мусульман Поволжья и Приуралья в XIX в., которые тесно связаны с другими мусульманами как внутри региона, так и далеко за его пределами, и лишь косвенно отражают особенности имперского государства.

Третья группа ученых пыталась преодолеть разрыв между этими двумя подходами постсоветской историографии, используя архивные материалы наряду с мусульманскими источниками. Однако они не согласны с контекстом освещения реформистского движения мусульман в ранней западной историографии и в своих исследованиях старались описать основные проблемы мусульман, связанные с империализмом, одновременно изучая взаимодействия между волго-уральскими реформистами, межрегиональными мусульманскими организациями, имперским государством и частными аспектами жизни мусульман. Кристиан Ноак, например, уделил особое внимание

социально-экономическому развитию волго-уральских мусульман в конце XIX – начале XX в. и представил этот феномен как основную причину реформистских и националистических движений [Noack, 2000]. Агнес Кефели-Клай пишет, что популярность ислама растет во всех общинах мусульман и крещеных татар, имперское государство и реформисты изменили свое отношение к данному взаимодействию [Keefeli-Clay, 2001]. Джеймс Майер увидел в реформистской деятельности российских мусульман, в т.ч. казанских татар, попытку новых лидеров общины создать межимперскую организацию. По мнению автора, эти лидеры, передвигаясь между Российской и Османской империями, искали новую общую идентичность, которая могла бы объединить мусульман этих отдаленных территорий [Meuer, 2007]. И, возможно, в дополнение ко всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что мы можем понять социальные и культурные преобразования в мусульманских общинах Волго-Уральского региона конца эпохи империализма как результат взаимодействия, иногда и конфликта, внутрорегиональных, имперских и глобальных влияний [Tuna, 2009; 2011].

В целом, западная литература по истории казанских татар в XVIII–XIX вв. сформировалась под влиянием отношения западноевропейских и американских авторов к более широким культурным и политическим проблемам, таким как колониализм, христианский прозелитизм, ухудшение отношений между СССР и Западом и «холодная война». Когда огромная политическая напряженность была снята, начиная с 1990 г. количество новых направлений в развитии этой литературы заметно прибавилось. Трудно назвать какую-либо другую более серьезную политическую проблему. Тем не менее, относительно благополучная интеграция Республики Татарстан в политическую и культурную среду Российской Федерации и мирное сосуществование мусульман и христиан в Волго-Уральском регионе привлекают внимание многих исследователей. Поэтому интерес большинства ученых, изучающих досоветскую историю казанских татар, был вызван вопросами о том, как мусульманский народ может существовать в поликонфессиональной и многоязыковой среде.

Раздел I

**Социально-демографическое
развитие татар**

ГЛАВА 1

Татары в Поволжье и Приуралье

§ 1. Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье

Дамир Исхаков

Численность и особенности территориального размещения этносов оказывают существенное влияние на этнические [Козлов, 1969] и социальные процессы. Однако для правильного понимания этнической ситуации, сложившейся в тот или иной период, исследования лишь сложившегося расселения народов и современной их численности явно недостаточно: к этим процессам необходимо подходить исторически, что в полной мере относится и к волго-уральским татарам. Однако при изучении изменений в расселении татар в конце XVIII – XIX в. необходимо учитывать, прежде всего, административно-территориальные преобразования, которые в анализируемый период были достаточно масштабными.

Учитывая это обстоятельство, мы при статистических подсчетах брали за основу поездные и погубернские деления, существовавшие в 60-х и 90-х гг. XIX в., и весь демографический материал за 1795–1897 гг. пересчитали в указанных границах. При работе со статистическими данными, характеризующими демографическое развитие татар в изучаемое время, другим серьезным фактором, действие которого необходимо учитывать, является оценка результатов этнических процессов, происходивших в Волго-Уральском регионе. Именно тогда в Среднем Поволжье и Приуралье интенсивно развивались этнические процессы, в которые были вовлечены татары, башкиры, чуваша, а также бесермяне, что повлияло, главным образом во второй половине XIX в., как на динамику изменения численности, так и на особенности расселения волго-уральских татар.

Наиболее интенсивное взаимодействие между татарами и башкирами в Приуралье отмечалось в XVIII–XIX вв. Проблема взаи-

моотношений между татарами и башкирами была рассмотрена нами в статье, в которой отмечалось, что тептяри, «в значительной своей массе учтенные в 1897 г. по языку в составе башкир, были на самом деле этнографической группой татар» [Исхаков, 1979, с.42]. Подтвердилось высказанное в литературе мнение о том, что в 1897 г. в составе башкир, также по языку, была учтена и часть татар-мишарей, проживавших в Приуралье [Кузеев, 1978, с.238]. Во всех наших подсчетах указанные группы населения в конце XIX в. были причислены к татарам. Но у проблемы татаро-башкирских этнических взаимоотношений есть и другая сторона, связанная с правомерностью причисления к башкирам населения самых западных районов Приуралья (территории Бугульминского у. Самарской губ., Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губ., Мензелинского у. Уфимской губ.), которое, согласно переписи 1897 г., было зафиксировано как «башкиры». У Р.Г.Кузеева, занимавшегося изучением демографического развития башкир, по этому вопросу нет четкой позиции: с одной стороны, он совершенно справедливо отмечает, что по переписи 1897 г. «в составе башкир было учтено около 300–350 тыс. тептярей и мишарей» [Кузеев, 1978, с.241]. С другой стороны, вопреки собственному указанию на то, что «нельзя, конечно, не учитывать и близость башкирского и татарского языков, и вообще отсутствие существенных различий в разговорной речи тептярей и башкир в северо-западных районах» [Кузеев, 1978, с.245], он, тем не менее, все башкироязычное население упомянутых выше уездов считает полностью башкирским [Кузеев, 1978, с.250].

Мы предлагаем иное, более четкое решение этого вопроса. По переписи 1926 г., когда

учитывалась не только языковая, но и этническая принадлежность населения, в пределах Татарской АССР, в которую вошли все перечисленные выше уезды, было отмечено всего 1,5 тыс. башкир [Шибяев, 1930, с.261]. И это там, где по переписи 1897 г. было зафиксировано 166 209 башкир (по языку) [Шибяев, 1930, с.37, 89, 107]. Куда же они исчезли? Ответ довольно прост: они слились с татарами. Однако, кроме констатации этого факта, в данном случае необходимо ответить и на вопрос о причинах, приведших к столь быстрым этнотрансформационным процессам. Сразу же следует оговориться, что далеко не все из этих 166,2 тыс. чел. были башкирами в узком, этническом смысле. Сопоставление материалов переписи 1897 г. с материалами X ревизии (1856 г.) позволяет сделать следующий вывод: из указанного выше населения не менее 42 тыс. чел. приходилось на тептярей с «башкирским» языком. Получается, что остальные 124 тыс. собственно башкир за 29 лет между переписями 1897 г. и 1926 г. полностью сменили свою этническую принадлежность, что нам кажется невероятным. Если исходить из того, что указанная группа башкирского населения в конце XIX в. еще продолжала сохранять свое этническое самосознание, то смену его за столь короткое время придется объяснить ошибками переписи 1926 г. Однако сомнений в правильности этой переписи никто не высказывал.

На самом же деле представители выделенной нами группы «башкир» к концу XIX в. попросту не могли уже иметь башкирского этнического самосознания. И вот почему. Изученные нами материалы по совместной расселенности (в пределах одного населенного пункта) татар и башкир в конце XVIII – первой трети XIX в. в упомянутых уездах показывают, что к этому времени в Бугульминском у. 88%, в Мензелинском у. 58%, в Елабужском и Сарапульском уездах 45% башкир проживали совместно с татарами. Причем в Бугульминском у. в татаро-башкирских населенных пунктах численность татар была в 2 раза, а в Елабужском и Сарапульском уездах – в 1,5 раза выше численности башкир. В Мензелинском у. соотношение было 1:1. Следует добавить, что в последнем уезде к концу XVIII в. 43%

всех браков были смешанными, тептяро-башкирскими. У нас нет оснований считать, что к концу XVIII – началу XIX в. в остальных уездах дело обстояло иначе. К тому же в этих уездах численность татар уже в конце XVIII в. в 5,6 раза превышала численность башкирского населения. Могла ли в такой ситуации эта самая северо-западная группа башкир сохранить свою этническую специфику? Очевидно, что нет. Недаром все попытки земских статистиков в 60–70-х гг. XIX в. разделить башкир и татар самой северо-западной окраины Приуралья неизменно заканчивались неудачей. Учитывая все это, а также то, что между родным языком и этническим самосознанием прямой связи не существует, можно, как нам думается, для конца XIX в. считать «башкир» четырех северо-западных уездов принадлежавшими к татарскому этносу. При этом башкирская этническая принадлежность представителей данной группы в более ранний период тоже весьма сомнительна, тут, скорее, следует вести речь о вхождении их в состав сословной общности. Весьма часто, как это было доказано У.Х.Рахматуллиным, этнически эти группы восходили к татарам и другим поволжским народам [Рахматуллин, 1988]. Поэтому, скорее всего, эту группу населения можно было бы определить как переходную между татарским и башкирским этносами.

И, наконец, по переписи 1897 г. мы находим довольно значительное число башкир (по языку) в городах Приуралья. Знание этноязыковой ситуации в крае, а также сопоставление данных 1897 г. с материалами последующих переписей убедили нас в том, что среди горожан истинное число башкир к концу XIX в. было значительно меньшим. Исходя из этого, мы подвергли корректировке материалы переписи 1897 г. по городам Приуралья и получили новые, на наш взгляд, более достоверные данные о численности татар-горожан.

Несколько слов об этнических процессах, имевших место в татаро-чувашской среде. В литературе уже высказывалась мысль о том, что существовавшие ранее представления об интенсивных этнических контактах между татарами и чувашами были основаны на неверных статистических материалах [Димитриев, 1969]. Мы присоединяемся к

этому мнению. Однако следует указать два района, где этнические процессы привели к ассимиляции довольно значительного числа чувашей. Прежде всего это относится к Симбирской губ. (особенно к Буинскому и Симбирскому уездам) и примыкавшей к ней территории Самарской губ. (в частности, к Самарскому и Ставропольскому уездам), где еще в середине XVIII в. около 4 тыс. чувашей проживали совместно с татарами в одних и тех же деревнях [РГАДА, ф.16, оп.1, д.931]. Впоследствии большинство из них было ассимилировано татарами (процесс завершился к концу XIX в.). Вторым районом интенсивных этнических контактов между татарами и чувашами была территория Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губ., где проживала группа «молькеевских крышен». В дореволюционной литературе их иногда называли чувашами [Комиссаров, 1912, с.6]. Согласно материалам первой половины XVIII в., они действительно на 60% состояли из крещеных чувашей [РГАДА, ф.350, оп.2, д.2977, 2988, 3005], которые вплоть до 30-х гг. XIX в. сохраняли свой этноним. К татарам мы их причисляем лишь с конца 50-х гг. XIX в. (к тому времени их насчитывалось 2,6 тыс. чел.), когда появились первые четкие указания о завершении их ассимиляции татарами [Риттих, 1870, с.140].

К концу XIX в. численность всех молькеевских крышен составляла 5,3 тыс. чел.

Применительно к территории Вятской губ. необходимо учесть результаты этнических процессов, которые происходили в Вятском крае между татарами и бесермянами еще с периода средневековья. Нами установлено, что с первой половины XVIII в. к татарам Глазовского и Слободского уездов Вятской губ. как последствие этнических процессов была причислена та часть бесермян (весьма близких этнически к татарам), которая уже к 1744 г. исповедовала ислам [РГАДА, ф.248, д.803, л.181]. В указанных уездах не менее 1/3 татар – бывшие бесермяне, ассимиляция которых была завершена в конце XIX – начале XX в. Тогда их численность достигала 4,3 тыс. чел.

Таковы в общих чертах предварительные замечания, без которых были бы невозможны изучение расселения и определение численности волго-уральских татар в конце XVIII – XIX в. Следует также заметить, что анализ источников, которые легли в основу данного исследования, был проведен ранее [Исхаков, 1980; 1993], поэтому этот вопрос здесь не рассматривается. Динамика изменения общей численности татар Волго-Уральского региона за этот период представлена в табл.1.

Таблица 1

Динамика изменения общей численности татарского населения в Волго-Уральском регионе в XVIII–XIX вв.

Городское и сельское население (чел.)	Численность			
	1795 г.	1833 г.	1857 г.	1897 г.
Всего по региону	617297	1019514	1416051	2249539
В том числе:				
городское население,	10851	23471	29733	110914
%	1,8	2,3	2,0	4,9
сельское население,	606446	996043	1386318	2138625
%	98,2	97,7	98,0	95,1

Как видно из данных табл.1, численность татарского населения за один век (1795–1897 гг.) увеличилась с 617,3 тыс. до 2 млн. 249,5 тыс. чел., т.е. в 3,6 раза, что близко к общероссийским показателям [Водарский, 1973, с.151]. С конца XVIII в. и до середины XIX в. среднегодовые темпы прироста численности у татар региона составили 1,6%, что также близко к общероссийским показателям

[Кабузан, 1971, с.5, 52–57 и др.; Рашин, 1956]. Во второй половине XIX в. этот показатель оставался таким же высоким (1,5%). Если высокие темпы прироста численности волго-уральских татар в первой половине XIX в. объяснялись главным образом воздействием постепенного ускорения экономического развития края, то в пореформенный период следует учитывать и влияние

ассимиляционных процессов, протекавших тогда одновременно с консолидацией волго-уральских татар в ядро татарской нации. Для формирования в общность национального типа татары имели достаточную численность уже на рубеже XVIII–XIX вв., а к концу XIX в. проживавшая в Волго-Уральском регионе наиболее многочисленная их часть стала одной из крупнейших этнонациональных общностей Российской империи.

Социально-экономические преобразования XVIII–XIX вв., особенно второй половины XIX в., привели к постепенному росту урбанизации татар (табл.1). К концу XIX в. из 240 тыс. татар-горожан (8,8% от общей численности татар), проживавших в разных городах России, около 160 тыс., или более 60%, составляли волго-уральские татары. При этом большинство горожан из татар (около 111 тыс.) было сосредоточено в городах Волго-Уральского региона (Казани, Уфе, Оренбурге, Самаре, Симбирске, Саратове, Нижнем Новгороде, Костроме, Пензе, Екатеринбургe, Перми, Челябинске, Троицке и др.). Кроме того, выходцы из Среднего Поволжья и Приуралья мигрировали и в ряд городов Европейской части России (Москву, Санкт-Петербург и т.д.), Закавказья (Баку), Средней Азии и Западной Сибири (общая их численность к концу XIX в. достигла 50 тыс. чел.).

Но уровень урбанизированности волго-уральских татар даже к концу XIX в. был крайне низким (4,9%), абсолютное большинство их продолжало оставаться сельским населением. Тем не менее, рост доли городского населения из татар в XIX в. привел к постепенному изменению их социальной структуры.

В Западной Сибири урбанизационные процессы среди татар происходили медленными темпами. К тому же уже в конце XIX в. свыше 2/3 татар-горожан в Западной Сибири являлись переселенцами из Волго-Уральского ареала. Высокой была доля горожан среди астраханских татар еще в XVIII в., это объяснялось тем, что ряд их населенных пунктов находился в пригороде Астрахани, затем они вошли в черту города. На рубеже XIX – начала XX в. подавляющее большинство татарского населения Астрахани состояло из средневож-

ских татар. У литовско-польских татар урбанизированность была весьма высокой: в 30-е гг. XIX в. в городах проживало от 8 до 33–42% (в зависимости от губерний), а в конце XIX в. – почти половина литовских татар. Горожане из татар жили весьма дисперсно (Минск, Новогрудок, Игумен, Сломин, Вильно, Гродно, Ковно, Варшава). У крымских татар доля горожан была значительной еще в XVIII в. (к 1783 г. – около 20%). Вероятно, после присоединения к России численность татар-горожан в Крыму несколько сократилась. Тем не менее, крымские татары в XIX в. являлись одной из самых урбанизированных групп татар России, вплоть до конца XIX в. Несмотря на переселение (в том числе и городских татар) в Турцию, доля горожан среди крымских татар довольно быстро росла. Наиболее крупные группы крымских татар в начале XX в. имелись в Бахчисарае (10 тыс. чел.), Симферополе (7,9 тыс.), Евпатории (6,2 тыс.), Карасубазаре (6,2 тыс.), Феодосии (2,6 тыс.), Керчи (2 тыс.).

Как известно, после ликвидации татарских ханств Поволжья среди татар развернулись активные миграционные процессы, пик которых пришелся, по многим причинам (усиление социально-экономического гнета, жестокие преследования на религиозной почве и т.д.), на первую половину XVIII в., и они были направлены в основном из Среднего Поволжья в Приуралье. В результате массовых миграций татар из Среднего Поволжья на восток численность татар в Приуралье достигла в конце XVIII в. 219,2 тыс. (треть татар Поволжско-Приуральского региона). В дальнейшем темпы переселенческого движения татар в Приуралье снизились, тем не менее к концу XIX в., главным образом в его северо-западной части, проживало уже более 1 млн. чел. Частично этот результат отражает и итоги этнических процессов между татарами и башкирами. В пореформенный период довольно существенная часть татар-переселенцев из Среднего Поволжья и Приуралья продвигалась через северный и северо-восточный Казахстан в Западную Сибирь, а также в Среднюю Азию (в общей сложности к концу XIX в. их численность составила 94,3 тыс. чел., в том числе 40,3 тыс. – в Сибири). Более

подробные сведения о расселении татар в Волго-Уральском регионе в XVIII – первой четверти XX в. представлены в табл.2.

Другим направлением миграций татар из рассматриваемой зоны было переселение в промышленные районы Европейской части

Таблица 2

Размещение татар в пределах Волго-Уральского региона в конце XVIII – XIX в.

Губернии и уезды	Численность			
	1795 г.	1833 г.	1857 г.	1897 г.
Нижегородская губ.	15884	20411	33711	41339
Сергачский у.	11583	16320	22849	27196
Васильсурский у.	3385	5188	8982	10889
Княгининский у.	790	1280	1707	1992
Прочие уезды	118	183	207	1260
Тамбовская губ.	7484	10740	13152	16976
Темниковский у.	3278	4394	5753	5901
Елатомский у.	2557	4034	4157	5919
Спасский у.	875	1053	1355	2201
Тамбовский у.	395	681	806	1176
Щацкий у.	379	578	867	1026
Прочие уезды	–	–	214	720
Рязанская губ.	5999	5591	5656	5033
Касимовский у.	5999	5591	5647	4764
Прочие уезды	–	–	12	146
Пензенская губ.	24986*	34912	45321	58530
Краснослободской у.	5969	8304	11127	14321
Нисарский у.	5716	8532	11368	13075
Саранский у.	4454	5525	7442	11269
Чембарский у.	5329	7510	8553	8345
Керенский у.	2168	2731	3292	4915
Городищенский у.	448	1028	1641	2843
Мокшанский у.	422	761	1069	1731
Нижне-Ломовский у.	480	519	829	1077
Прочие уезды	–	–	–	37
Симбирская губ.	46419	67654	90069	133977
Буинский у.	22867	33050	43741	63046
Симбирский у.	5778	8339	12239	22133
Курмышский у.	11699	15608	19001	24260
Корсунский у.	2353	3941	5009	8387
Сенгилейский у.	1596	2935	5000	6894
Сызранский у.	1396	2817	4032	7491
Ардатовский у.	730	964	1000	1659
Алатырский у.	–	–	47	107
Саратовская губ.	31218	47040	57628	94693
Кузнецкий у.	13491	18478	20315	35344
Хвалынский у.	11301	20368	26382	39536
Петровский у.	4603	6564	8840	12394
Вольский у.	948	1511	1926	3173
Саратовский у.	554	(119)**	274	1925
Прочие уезды	294	–	–	2321

Казанская губ.	214671	363094	455278	675419
Казанский у.	61340	87160	99946	146730
Мамадышский у.	36010	65464	92581	131732
Лаишевский у.	19774	43527	49367	73045
Царевококшайский у.	8114	18661	20924	23789
Тетюшский у.	30554	50956	56130	91214
Свияжский у.	12100	19423	23635	37802
Цивильский у.	4870	6306	10808	16368
Чебоксарский у.	1102	1636	2085	3397
Чистопольский у.	25253	46498	61468	98304
Спасский у.	15554	25928	35316	52952
Прочие уезды	–	35	18	72
Вятская губ.	32561	60102	89630	147200
Малмыжский у.	17724	27166	41897	52228
Уржумский у.	1002	4258	6471	13934
Слободской у.	1998	2676	3267	4277
Глазовский у.	1698	3805	4621	7884
Елабужский у.	9132	19144	28411	52239
Сарапульский у.	1017	3053	4963	15884
Прочие уезды	–	–	–	754
Самарская губ.	47245	85444	131554	259820
Бугульминский у.	27193	40938	61674	137885
Бугурусланский у.	8405	14246	25093	41580
Ставропольский у.	7066	18249	24204	38396
Самарский у.	2765	4748	5536	14000
Бузулукский у.	1806	2902	6239	11404
Ново-Узенский у.	–	2636	6632	13008
Николаевский у.	–	1400	2176	3515
Уфимская губ.	140211	254620	373219	609091
Мензелинский у.	43121	74620	98348	154503
Бирский у.	25520	42515	76142	127512
Белебеевский у.	34288	70269	84337	173507
Уфимский у.	24599	41708	57811	85835
Стерлитамакский у.	12683	25780	47581	68187
Оренбургская губ.	23995	42632	79388	126225
Оренбургский у.	14603	25727	46927	71158
Верхнеуральский у.	3583	7959	16724	23865
Челябинский у.	3478	5789	9910	13910
Троицкий у.	2331	3163	7844	17286
Пермская губ.	17624	27274	41442	81236
Осинский у.	4213	6896	7801	16364
Красноуфимский у.	5233	9715	16400	26046
Кунгурский у.	2182	1506	1956	2722
Пермский у.	418	1274	2360	7054
Екатеринбургский у.	448	883	2220	4277
Щадринский у.	5130	7000	10685	17739
Прочие уезды	–	–	–	6978

* Сведения не полные.

** Не вполне надежные сведения.

России и в Закавказье (к концу XIX в. – 28 тыс. чел.).

Волго-уральские татары в XVIII – начале XX в. стали заметной частью татарского населения Астраханского края и Западной Сибири. В Астраханском крае их доля в конце XVIII в. составила 13,2%, в 30-е годы XIX в. – 17,4%, а в начале XX в. превысила треть общей численности татарского населения Нижнего Поволжья. В Западной Сибири наблюдалась аналогичная картина: к концу XIX в. татары-переселенцы составляли 17% всех татар Западной Сибири. Литовские татары к середине XIX в. были расселены в Виленской, Минской, Смоленской, Гродненской, Ковенской, Подольской, Волынской, Августовской и Люблинской губерниях (последние две относились к Царству Польскому). Крымские татары после 1783 г. и вплоть до образования Крымской АССР входили в состав Таврической губ. (Симферопольский, Евпаторский, Феодосийский, Перекопский, Днепровский и Мелитопольский уезды). В последних трех уездах в основном жили ногайцы, уже ставшие к этому времени субэтносом крымских татар.

Фактически, уже к концу XVIII в. основные этнические территории волго-уральских татар сложились, и в дальнейшем, в XIX в., их общая конфигурация не менялась, происходило лишь ее внутреннее «уплотнение». Как видно из данных табл.2, в XIX в. наиболее крупные массивы татарского населения были сосредоточены в Казанской и Уфимской губерниях. Причем в первой губернии заметна тенденция постепенного сокращения, а во второй – увеличения той доли татар, которые там проживали. Тем не менее, Казанская губ. с примыкавшими к ней уездами соседних губерний (Малмыжский, Елабужский, Сарапульский уезды Вятской губ., Буинский у. Симбирской губ., Бугульминский у. Самарской губ., Мензелинский у. Уфимской губ.) представляла из себя центр этнической территории татар региона. Если к концу XVIII в. в отмеченном ареале проживало 335,7 тыс. татар (т.е. 54,3% всего татарского населения Волго-Уральского региона), то к середине XIX в. их численность здесь составила 734,5 тыс. чел. (52% от об-

щей численности татар региона), а к концу XIX в. – 1,24 млн. чел. (50,4%).

В губерниях, занимавших самый запад региона (этнические территории татар-мишарей, касимовских татар), наблюдалась тенденция снижения доли татар, живших в этой части рассматриваемой зоны: если в конце XVIII в. там проживало 132 тыс. татар (1/5 часть татар региона), то к середине XIX в. их доля снизилась до 17, 3% (245,5 тыс. чел.), а к концу XIX в. – до 14,3% (350,6 тыс. чел.).

Подавляющее большинство формирующей татарской нации как в XVIII в., так и в XIX в. было сосредоточено в Волго-Уральском регионе. При этом вследствие этнических процессов, происходивших между татарами и башкирами, отмечалось постепенное увеличение удельного веса приуральской группы татар, тогда как снижение доли татар, живших в западных губерниях региона, продолжалось. За пределами Волго-Уральского региона к концу XIX в. проживало не более 5% волго-уральских татар, причем миграция шла в двух основных направлениях – на запад, в промышленные районы Европейской части России и Северного Кавказа, и на восток, а также на юго-восток (в Казахстан и Среднюю Азию, в Сибирь). Наиболее существенная часть переселенцев (94,3 тыс., т.е. 77,3%) в пореформенный период мигрировала во втором направлении. Это движение можно рассматривать как дальнейшее продолжение движения татар в Приуралье. Переселения в западном направлении носили характер миграций в промышленные регионы и были направлены в города. Что касается потока в восточном и юго-восточном направлениях, то основной контингент татар двинулся через северный и северо-восточный Казахстан далее, в Сибирь. Главная масса татар-переселенцев в Среднюю Азию и Казахстан в пореформенный период осела в Казахстане. За исключением переселений в Уральскую обл., этот миграционный поток не был связан с земледельческой колонизацией – большинство переселенцев осело в городах. Лишь переселение татар в Западную и Восточную Сибирь было связано с земледельческой колонизацией.

§ 2. Социальная структура татар в Волго-Уральском регионе в конце XIX в.

Дамир Исхаков

Неизученность социально-исторического фона эпохи становления татарской нации была отмечена более десяти лет тому назад немецким исследователем К.Ноаком [Ноак, 1998, с.147–158], проделавшим эту работу на основе анализа материалов переписи 1897 г. С тех пор его работа остается единственным специальным исследованием, посвященным данной теме. Однако, несмотря на очевидные положительные моменты, рассматриваемая публикация имеет и недостатки: во-первых, ее автор не учел в должной мере результаты этнических процессов, происходивших в Приуралье между татарами и башкирами в XIX в., ограничившись малосодержательным замечанием о существовании по этому вопросу «татарской» и «башкирской» исследовательских позиций [Ноак, 1998, с.157]; во-вторых, сославшись на неопределенность понятия «татары», по его мнению, объясняемую незавершенностью к концу XIX в. этнической дифференциации среди тюркского населения некоторых ареалов России, он исключил из рассмотрения данные по Западной Сибири.

Между тем такие подходы способны внести довольно существенные искажения в полученные результаты, в первую очередь по Приуралью. И это не только наше заключение – известный башкортостанский исследователь Р.Г.Кузеев отмечал, что во время переписи 1897 г. в Приуралье около 300–350 тыс. тептярей и мишарей, т.е. значительно больше, чем те, кто был записан татарами, были учтены в составе башкир [Кузеев, 1978, с.241]. Далее, совершенно не логично включать в общий анализ данные по тюрко-татарскому населению Нижнего Поволжья (район этнических процессов между юртовскими, ногайскими и поволжскими татарами) и исключать из него татар Западной Сибири, имевших не менее интенсивные этнические контакты с волгоуральскими татарами.

Учитывая сказанное, можно было бы попытаться пересчитать данные К.Ноака по четырем приуральским губерниям – Вятской, Пермской, Самарской и Уфимской. Однако оказалось, что полученные таким

образом итоги не могут привести к коренному пересмотру выводов К.Ноака, а только уточняют их. Кроме того, такой пересчет в ряде случаев способен исказить данные по конкретным социально-профессиональным категориям, так как в некоторых группах численность их представителей слишком мала. В итоге подсчеты указанного исследователя мы оставили без изменений, хотя в конечном счете это означает, что используемые нами данные по Приуралью не вполне достоверны. К подсчетам К.Ноака мы добавили собственные вычисления, полученные в результате обработки материалов переписи 1897 г. по Тобольской и Томской губерниям, т.е. по этнической территории сибирских татар. В целом наша аналитическая работа в общих чертах будет основываться на публикации К.Ноака, но с некоторыми дополнениями.

Прежде всего, обратимся к анализу распределения татар по сословным группам, игравшим в Российской империи в XIX в. ключевую роль (см. табл.3). Как видно из представленных данных, к концу XIX в. подавляющее большинство татарского населения относилось к сословию крестьян («казаками» и «иногородцами»). Кроме Степной зоны (Казахстан) страны, во всех других регионах 9/10 татар жили крестьянской жизнью или числились в составе этого наиболее многочисленного сословия России. В конце XIX в. этот показатель был близок к доле сельского населения в составе татар. Доля купцов и мещан заметно различалась в зависимости от региона проживания татар – от 1–2% в Центральной России, Среднем Поволжье и на Урале, до 5–8% в Центрально-Черноземной обл. и в Нижнем Поволжье, а также на Южном Урале. В Нижнем Поволжье более высокий показатель был достигнут прежде всего потому, что ряд населенных пунктов астраханских татар из-за близости к г.Астрахани вошли в городскую черту. Возможно, что несколько повышенная, по сравнению со Средним Поволжьем, доля купцов и мещан в Южном Приуралье отражает не реальное положение, а результат переписывания части сель-

ских татар этой зоны как «башкир». Максимальный показатель по рассматриваемой группе приходится на Степную зону (Казахстан) – 35,23%, что связано с неземледельческим характером миграции татар из Волго-Уральского региона в юго-восточном

направлении. Низкая доля купцов и мещан в составе татар Западной Сибири (0,87%) объясняется замедленной урбанизацией сибирских татар, составлявших в конце XIX в. свыше 88% татарского населения этого региона.

Таблица 3

Распределение татар по сословным группам в 1897 г.*

	Дворяне	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне и казаки	Прочие
<i>Центральная Россия</i>						
Татары	0,22	0,08	0,18	0,90	98,39	0,23
Все население	1,37	0,52	0,41	7,48	88,62	1,60
<i>Центрально-Черноземная область</i>						
Татары	1,10	0,45	0,76	4,66	92,87	0,16
Все население	0,82	0,35	0,22	4,81	92,95	0,85
<i>Средняя Волга / Северный Урал</i>						
Татары	0,15	0,03	0,08	1,57	98,04	0,13
Все население	0,57	0,16	0,13	3,22	95,24	0,68
<i>Нижняя Волга / Южный Урал</i>						
Татары	1,19	0,08	0,18	8,07	89,30	1,23
Все население	0,64	0,22	0,15	7,22	87,16	4,64
<i>Степь</i>						
Татары	0,56	0,08	2,15	33,08	58,49	5,46
Все население	0,49	0,05	0,10	3,57	18,40	77,39**
<i>Западная Сибирь</i>						
Татары	0,11	0,03	0,05	0,82	98,89***	0,09
Все население	0,51	0,13	0,11	5,52	87,23	6,5

* К данным К.Ноака добавлены материалы по Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии).

** Часть татар была отнесена к группе «инородцев».

*** По переписи 1897 г. в Западной Сибири числилось: татар-инородцев, т.е. собственно сибирских татар, 133024 чел., татар-крестьян из волго-уральских татар – 17385 чел., и 20 чел. были отнесены к казакам. Всех их мы объединили в единую группу крестьян.

В целом приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что даже к концу XIX в. татары все еще оставались в основном крестьянской нацией. Впрочем, так обстояло дело в Российской империи и с другими народами, включая и самих русских. Тем не менее, социально-профессиональная структура татар (см. табл.4) имела явную тенденцию к усложнению и развитию, что было связано с формированием у них довольно значительной по численности группы горожан и с общим воздействием развития капитализма в России. Кроме того, по разным регионам России эта структура имела определенные различия.

Обратимся к более детальному рассмотрению дифференциации татар по социально-профессиональным группам с учетом территориальных различий их распределения по конкретным отраслям экономики.

Следует отметить, что татары были весьма слабо представлены в ряде привилегированных сфер – в административной деятельности, науке, медицине, искусстве, государственной образовательной системе, где доля занятых из татар не превышала 0,5%. Рантье и военнослужащие среди них составляли 1–2%, примерно столько же – мусульманское духовенство и учителя конфессиональных школ (зачастую это были одни

Таблица 4

Распределение работоспособного населения из татар по группам занятости (в %)

Губерния/область	Сельское хозяйство	Перерабатывающая отрасль	Торговля	Сфера услуг	Прислуга и поденщики	Прочие
С.-Петербургская	1,32	7,86	26,52	16,10	21,77	26,43
Московская	1,11	10,86	37,34	5,99	30,44	14,26
Нижегородская	86,00	2,26	3,66	0,62	3,04	4,42
Рязанская	48,72	7,00	9,32	3,56	7,69	25,71
Тамбовская	86,61	1,93	3,10	1,28	2,56	8,52
Пензенская	86,90	1,65	2,15	1,17	1,56	6,57
Симбирская	80,66	8,31	1,98	0,75	3,61	4,69
Казанская	82,44	4,68	2,36	1,10	3,65	5,77
Вятская	77,78	8,96	3,92	0,45	3,12	5,77
Пермская	66,39	6,48	7,36	2,87	5,00	11,90
Уфимская	83,46	3,07	2,28	0,46	4,10	6,63
Оренбургская	54,10	5,38	10,08	2,87	10,81	16,76
Самарская	83,98	4,28	1,93	0,60	3,67	5,54
Саратовская	82,99	3,07	2,65	1,33	4,51	5,45
Астраханская	38,36	9,53	12,34	13,18	21,22	5,37
Уральская/ Тургайская	35,76	11,49	20,86	5,09	20,97	5,83
Акмолинская	12,62	19,41	28,97	2,63	15,34	21,03
Семипалатинская	22,66	16,86	27,95	5,47	11,05	16,01
Семиречье	26,43	16,32	26,72	4,97	8,49	17,07
Тобольская	72,78	4,87	2,89	1,66	10,33	6,47
Томская	82,59	6,06	1,49	0,80	5,82	3,24

и те же лица). Около 3–5%, в ряде случаев существенно больше, относились к группе «прислуга и поденщики». Торговая и финансовая деятельность (банковское, кредитное дело) была довольно распространена среди татар (см. табл.4). Число занятых в перерабатывающей отрасли (промышленности, ремесленном и кустарном производстве) среди татар было довольно значительным, но имело существенные территориальные различия: четко выраженную тенденцию к росту в восточном направлении, хотя и не без исключений (например, в этой сфере было занято и более 1/10 части татарского населения Московской губ., т.е. в основном жители г. Москвы). В городах татары были неплохо представлены в сфере услуг (включая содержание трактиров, гостиниц, ночлежек, связь, транспорт и др.). Если в Москве у татар преобладало занятие торговлей, то в Санкт-Петербурге это были работа в сфере услуг и занятие военной службой (до 20%). В Степной зоне (Казахстан) социально-профессиональная структура у татар была до-

вольно своеобразной: здесь занятых сельским хозяйством было меньшинство (от 1/10 до менее 1/3); среди татар-горожан были широко представлены работники сферы торговли (26–28%), перерабатывающей отрасли (16–19%), занимающиеся поденной работой и прислуга (8–15%). Заметим, что такая структура занятости у татар этой зоны существенно отличалась от аналогичной структуры татарского населения Европейской части России. Хотя и там она иногда была весьма оригинальной. В частности, у небольшой по численности группы касимовских татар доля занятых в сельском хозяйстве составляла лишь 46%, тогда как в других отраслях они были представлены в иных пропорциях, чем в остальных губерниях: в торговле – 9,32%, в сфере услуг – 3,56%, военными были 8%, по 7% касимовских татар работали в перерабатывающей отрасли и в качестве поденщиков/прислуги. Специальные исследования отмечают их высокую занятость в неземледельческих отраслях [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.241–259].

Татарская семья. Фото кон. XIX – нач. XX в.

Доминирующими у татар все-таки были сельскохозяйственные занятия (земледелие, животноводство, пчеловодство, лесоводство, охота, рыболовство, деревообработка). Включенность в сферу услуг оставалась относительно низкой, но со значительными территориальными особенностями (более высокая доля лиц, работавших в этой отрасли, была зафиксирована в Санкт-Петербурге, Астрахани, городах Степной зоны и т.д.). В социально-профессиональной структуре татар третье место по значимости занимали представители весьма бесправной группы поденщиков/прислуги.

§ 3. Городское население

3.1. Особенности становления татарских общин в городах

Ильдус Загидуллин

Появление во второй половине XVI – XVII в. в Волго-Уральском регионе и Западной Сибири русских городских поселений во многом было обусловлено военно-политическими факторами, а также административными функциями этих поселений. Они учреждались как крепости, военные объекты, в которые допуск местных жителей был ограничен. Основанные

В районах основной этнической территории социально-профессиональная структура татар была довольно однородной. Да и татары Западной Сибири не особенно отличались от волго-уральских татар – среди первых ниже была доля занятых в торговле и сфере услуг (но по последней отрасли близкие показатели имели и татары-мишари ряда западных губерний). К.Ноак отмечал, что по доле купцов (торговцев) татары превосходили русских только в Центрально-Черноземном районе и в Степной зоне; в Нижнем Поволжье показатели этих двух этносов по рассматриваемому параметру были близки, а в других губерниях русские по доле купцов/торговцев превосходили татар. Схожая картина отмечалась и по группе мещан.

Следует отметить, что среди татар сохранились остатки старой аристократии – потомки князей и мурз, ставших дворянами. В этом татары сильно отличались от других коренных народов Волго-Уральского региона. Другая, значительно более многочисленная часть бывшей элиты, потеряв свои владения и титулы, влилась в состав крестьян, кроме того – в ряды торговцев (купцов) и предпринимателей.

В заключение отметим, что к концу XIX в. татары обладали определенными предпосылками социального характера, позволяющими им успешно адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям, сложившимся в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

в XVIII в. на юго-востоке России русские поселения также первоначально являлись местом сосредоточения иррегулярных и регулярных войск.

В резком увеличении численности российских городов важнейшую роль сыграла административная реформа Екатерины II, согласно которой страна была разделена на 50 губерний (в каждой по 200–300 тыс.

душ м.п.), в каждой было 10–12 уездов по 20–30 тыс. душ м.п.¹ [Шквариков, 1939, с.64]. Следует отметить, что по числу вновь образованных городов период XIX – начало XX в. значительно уступал XVIII в.

По мнению известного географа В.П.Семенова-Тянь-Шанского, главной чертой большинства губернских и областных городов до середины XIX в. являлось наличие в поселениях органов местной власти. В них также действовали еженедельные базары, периодически проходили локальные ярмарки, кое-где появились элементы фабрично-заводской промышленности [Семенов-Тянь-Шанский, 1910, с.39, 43, 45]. С усилением в России индустриализации стали формироваться промышленно-торговые города. Вплоть до падения самодержавия их приметой было многоукладное хозяйство.

В пореформенный период классификация городов отличалась неустойчивостью. Для статистики конца XIX в. была характерна тенденция сужения круга городских поселений: при издании материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. из их числа были исключены местечки и посады, но вместе с тем к городам были отнесены все негородские административные (уездные) центры [Тихонов, 1978, с.50]. В результате было зафиксировано 932 города с 16,8 млн. населения, что составило 13,4% от общего числа россиян. Крупные промышленные поселения, а также поселки и местечки с элементами фабрично-заводского производства и развитой торговлей, не были признаны городами, тогда как к их числу было приписано немало населенных мест «со значительно малым числом жителей, занимавшихся сельским хозяйством» [Иванов, 1971, с.312–340]. Большинство уездных центров России, несмотря на наметившийся процесс индустриализации, оставались местом дислокации местных полицейско-административных ор-

ганов власти, и у них было больше общего с селом, нежели с городом.

По мнению В.П.Семенова-Тянь-Шанского, в стране существовало «лишь два надежных признака» городского населения: удельный вес населения, не занимающегося сельским хозяйством, и объем торгового оборота на одного горожанина. Количество «экономических городов» на рубеже столетий составляло 1237, т.е. в 1,6 раза больше числа официальных городов (761), в то же время 227 городов – или 30% от их числа – не соответствовали «экономическим признакам города» [Семенов-Тянь-Шанский, 1910, с.56, 76]. Некоторые российские ученые считают, что городами следует признавать поселения, которые были торгово-промышленными центрами ближайшей округи и имели официальный статус города [Водарский, 1979, с.141]. Поскольку более точные статистические данные об этноконфессиональном населении российских городов, его профессиональных занятиях и уровне грамотности отсутствуют, мы в дальнейшем будем придерживаться сложившихся в отечественной историографии традиций оперирования цифровыми показателями материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Если в дореформенный период в города переселялись преуспевающие крестьяне, желавшие повысить свой социальный статус и расширить дело, то в пореформенный период сюда потянулась деревенская беднота, потерявшая всякую надежду на улучшение своего тяжелого экономического положения. Согласимся с замечанием Л.Н.Гончаренко о том, что «столь высокое количество городских жителей, тесно связанных с деревней своим сословным статусом, экономическим положением, бытовыми и трудовыми традициями, уходящими корнями в патриархальные отношения крестьянской общины, следует рассматривать в качестве одной из важнейших особенностей социальной структуры пореформенного города» [Гончаренко, 1994, с.154]. Урбанизационные процессы сопровождались усилением миграционных потоков, социальным расслоением населения, появлением групп жителей, «находящихся в стадии адаптации на новой местности», интенсификацией и ломкой старых традиционных форм дея-

¹ В период проведения губернской реформы 1775–1785 гг. статус города получили такие крепости, села, слободы, остроги Волго-Уралья и Сибири, как Белебей, Бийск, Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Семипалатинск, Троицк, Ялутовск, Буинск, Верхнеуральск, Вольск, Глазов, Елабуга, Ирбит, Ишим, Спасск, Малмыж, Мамадыш, Нижнеудинск, Омск, Оса, Пермь, Сарапул, Сергач, Сенгилей, Стерлитамак, Тетюши, Хвалынский, Чистополь и др.

Татары-чернорабочие. Уфа. Фото нач. XX в.

тельности, ослаблением «привычных территориальных соседских связей и форм социального контакта» [Город, 1982, с.92].

В 1897 г. в городах России преобладало русскоязычное население – 60,9% против 67,7% в сельской местности. В конфессиональном отношении большинство из них были православными – 60,5% в городах против 70,7% в уездах. Незначительным был удельный вес мусульман (6,5% в городах против 11,8% в деревнях) и старообрядцев (1,3% против 1,8% в селениях). Иудеи в городах составляли 17,4% (против 2,4% в селениях), католики – 9,4% (против 9,1%), лютеране – соответственно 4,5% (2,6%), армяне-григориане – 1,6% (0,8%) [Россия, 2002, с.122].

На становление татарских городских общин оказывал воздействие ряд факторов. Появление татарских диаспор при городах-крепостях юго-востока страны в определенной степени было обусловлено «правительственной проекцией», суть которой заключалась в привлечении татар в качестве посредников для налаживания торгово-хозяйственных связей со среднеазиатскими ханствами и казахскими жузами. Благодаря учреждению при крепостях меновых дворов татарские общины в последней трети

XVIII в. появились в Петропавловске, Троицке, Семипалатинске. В Западной Сибири при татарских слободах Тобольска, Тары и Тюмени проживали бухарцы и татары, главным образом – предприниматели.

В материалах ревизии 1795 г. представлена численность ревизии душ в татарских общинах, сформировавшихся в 15 городах Волго-Уральского региона: Казань – 2760, Чистополь – 793, Касимов (Рязанская губ.) – 444, Нижний Новгород – 118, Буинск (Симбирская губ.) – 36, Хвалынский (Саратовская губ.) – 59, Кузнецк (Саратовская губ.) – 17, Сеитов посад – 6481, Троицк – 40, Верхнеуральск – 16, Челябинск – 14, Оренбург – 10, Уфа – 30, Белебей – 4, Бугульма – 26 (Оренбургское генерал-губернаторство) [Исхаков, 1993, с.73–75].

Формированию мусульманских общин способствовало и исполнение татарами воинской повинности. Еще до появления и регистрации гражданской махалли в ряде городов уже существовали мусульманские кладбища. Длительный срок рекрутской службы и постоянная дислокация частей имели следствием заключение брачных отношений, рождение детей. Интегрированные в русскую культурную среду отставные солдаты нередко оставались жить по месту службы (Санкт-Петербург и т.д.).

При этом татары стремились организовать традиционный бытовой и религиозный уклад жизни, что становилось возможным только при наличии махалли. Факт регистрации нового мусульманского прихода с мечетью являлся верным признаком становления этноконфессиональной общины. В первой половине XIX в. в Оренбургской губ. сохранялась тенденция активного формирования городских мусульманских приходов. В частности, мусульмане обзавелись мечетями в Стерлитамаке (1800 г.), Уфе (1830 г.) [Азаматов, 2000, с.59,70], Соль-Илецке (1833 г.) [Край, 2007, с.63], Троицке (1828, 1838 гг.) [Денисов, 2009, с.123–127], Уральске (к 1861 г. – 2 мечети) [Каримов, 2009, с.158], Самаре [Гибадуллина, 2008, с.170], Хвалынске (Саратовская губ.). Интенсивно развивались общины в Сеитовом посаде (4-я мечеть – в 1802 г., 5-я и 6-я – в 1816 г.) [Край, 2007, с.60], Семипалатинске (к 1864 г. – 7 мечетей) [Загидуллин, 2007а, с.36–37], Петропавловске (к концу 1850-х гг. – 4 мечети)

[РГИА, ф.1265, оп.4, 1855 г., д.40, л.1–4]. На территории Западной Сибири махаллы были зарегистрированы в Томске и Омске. Особенностью формирования мусульманских городских общин в этих городах являлось участие в этноконфессиональных процессах, наряду с татарами, бухарских и среднеазиатских предпринимателей.

В Среднем Поволжье в дореформенный период татарские махаллы появились в Симбирске, уездных городах Вольск, Елабуга, Чистополь, Тетюши.

Во второй половине XIX в. происходила регистрация городских махалл, прежде всего в местах компактного расселения татар².

Особенностью развития мусульманских городских общин в Оренбургской и Астраханской губерниях и в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве было увеличение в их составе казахов. При этом в экономической и культурной жизни этих общин по-прежнему доминировали татары.

Появление в конце XIX – начале XX в. железнодорожной сети и развитие новых промышленных районов определили основные направления неземледельческого отходничества, миграционных потоков и обусловили формирование городских общин. В западных губерниях формированию городских общин способствовали исполнение мусульманами воинской повинности, в Сибири и Казахстане – переселенческая политика правительства и строительство железных дорог.

В начале XX в. были зарегистрированы городские приходы в западных губерниях (Варшава, Киев, Лодзь, Минск, Харьков и др.), а также в Одессе, в центральных и северо-западных губернских центрах (Тверь, Вятка, Архангельск и др.), в промышленных городах (Иваново-Вознесенск, Ярославль и др.) [Загидуллин, 2006б, с.71–100]. В Волго-Уральском регионе мусульманские приходы появились в ряде крупных (Вятка, Нижний

Новгород) и уездных городов³. В Пермской губ. татары, как правило, оседали в рабочих поселках.

Существование в начале XX в. в ряде городов Волго-Уральского региона двух махалл⁴ наглядно свидетельствовало об усилении урбанизационных процессов. Несмотря на дальнейший рост численности мусульман, с 1905 г. в крупных татарских общинах было приостановлено возведение новых мечетей, наметилась тенденция европеизации национальной культуры. В этот период татары стали уделять больше внимания социальным проблемам, открытию культурно-просветительных и благотворительных учреждений, изданию газет и журналов.

Учреждение в сибирских городах новых исламских общин отражало динамику хозяйственного освоения территорий на востоке России⁵.

Таким образом, модернизация и индустриализация империи обусловили расширение регионов обитания татар и формирование новых татарских городских общин. Поликультурная среда обитания содействовала постепенной интеграции татар в русское социокультурное пространство, усилению процессов европеизации. Джадидистские идеи получили развитие, прежде всего, в городских общинах.

Приезжие из сельской местности попадали в городе в инокультурную среду, которая создавала определенный дискомфорт социально-психологического характера. В этой ситуации единственно возможным способом сохранения привычной культурной среды обитания представлялось компактное расселение, формирование «татарских колоний». Поскольку такая возможность существовала в черте поселения, именно там и

³ Спасск (Казанская губ.), Малмыж, Ставрополь, Мензелинск, Златоуст, Оса, Ирбит, Красноуфимск, Алапаевск, Верхотурье и др.

⁴ По две махаллы функционировали в уездных городах Чистополь, Буинск, Николаев, Бугуруслан, Бузулук, Вольск, Царицын, Белебей, а также в губернском центре Самара.

⁵ Татары освоились в Ново-Николаевске (Новосибирск), Мариинске, Барнауле, Кургане (Тобольская губ.), на станциях Сибирской ж.д., в Чите, Верхнеудинске (Забайкальская обл.), Красноярске, Енисейске, Канске (Енисейская губ.), Олекминске, Якутске (Якутская обл.), Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Зeya-Пристани (Амурская обл.).

² Махаллы появились в губернских городах (Пермь, Пенза, Саратов, Иркутск) и уездных административных центрах: Мамадыш (Казанская губ.), Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Новоузенск (Самарская губ.), Сарапул (Вятская губ.), Кузнецк, Царицын (Саратовская губ.), Царев, Красный Яр (Астраханская губ.), Челябинск (Оренбургская губ.), Екатеринбург (Пермская губ.).

Татарская улица и первая соборная мечеть в Чистополе. Фото нач. XX в.

возникали «татарские улицы». Мусульмане стремились организовать общение между собой, как в сельском обществе, по территориальному, «соседскому» принципу. Компактно расселяясь на сравнительно небольшой территории и формируя привычную для себя среду обитания, татары стремились создать «зону экологической безопасности» для своих самобытных культурных традиций.

Превращение «татарских улиц» в «татарский квартал», исламский анклав, задерживалось прежде всего из-за малочисленности переселенцев-мусульман и отсутствия у них необходимых средств для обустройства недвижимостью. На такой территории располагались мечети, учебные заведения, лавки и магазины, а также промышленные предприятия татар. Они вели автономное существование, успешно решая насущные проблемы сохранения религиозных традиций, обеспечивая преемственность в обучении, воспитании подрастающего поколения, соблюдая привычный религиозный уклад.

В крупных городах сословное разделение при расселении было обусловлено имущественным положением людей. Окраины занимала беднота, а в центральной части селились наиболее состоятельные горожане всех сословных групп. Во многих городах татарские слободы (кварталы) располагались в непривилегированных районах. Месторас-

положение мечети, как правило, очерчивалось территорией слободы или кварталом компактного расселения мусульман.

«Расселение по принципу этнической принадлежности к зонированию по качеству построек не приводило. ...Этноконфессиональное зонирование планов носило подчиненный характер по отношению к зонированию социальному» [Зорин, 2001, с.320]. Слабость социального зонирования мусульман во многом объяснялась их относительной малочисленностью или отсутствием среди них городских привилегированных социальных групп – богатых промышленников и купцов.

Если в малочисленной общине появлялся состоятельный татарин, он, как правило, становился лидером и попечителем общины. Например, в 1880-е гг. в Екатеринбурге только двое татар – купцы братья Камалетдин и Зайнетдин Агафуровы – обладали недвижимостью [Город Екатеринбург, 1889, с.60–61, 79]. Именно в их доме была открыта мусульманская молельня (1884 г.) [РГИА, ф.821, оп.8, д.675, л.118–119об.]. «Их недвижимость была пристанищем для семей имама и муэдзина» [Весновский, 1903, с.227].

В начале XX в. в культурной жизни мусульманских общин усилились процессы, завершившиеся включением их в общетатарскую «высокую культуру». Огромную

роль в этом сыграло укрепление культурных связей с единоверцами из других регионов компактного расселения татар, прежде всего с Казанью, в отношении которой они считали себя периферийными.

Специфика расширения сети городов на юго-востоке России заключалась в расположении этого региона на значительном расстоянии от промышленных центров, связь с которыми до появления железнодорожной ветки была весьма слабой, в низкой плотности населения, в малочисленности русских и преобладании здесь тюркского населения – казахов-кочевников, носителей «степного ислама». Важное значение имело укрепление торгово-хозяйственных связей со Средней Азией, являвшейся для татар идеалом мусульманской учености и благочестия. Именно поэтому урбанизационные процессы на окраине не вызвали существенных преобразований среди мусульман, которые наблюдались в городах центральных губерний России. Особенностью урбанизации татар было появление большинства городских общин во второй половине XVIII в. вне регионов их исторического проживания, на российской окраине. В новых геополитических и экономических условиях переселенцы из Среднего Поволжья и Приуралья стали заметной составляющей на меновых дворах.

Таким образом, в дореформенный период становление татарских городских общин более активно происходило в Казахстане, Приуралье и Поволжье. В пореформенный период наблюдалось формирование новых общин, главным образом в регионах компактного расселения татар. В начале XX в. переселенческие потоки были направлены в промышленные районы России и в Сибирь, одновременно происходило укрупнение действующих городских общин.

Новым явлением в социокультурной жизни ряда этноконфессиональных общин конца XIX в. стало учреждение общественных организаций, нацеленных на решение социальных проблем групп бедных единоверцев. Мусульманские благотворительные общества функционировали в Санкт-Петербурге – два: 1-е (1867 – не позднее 1882 г.), 2-е (1898–1917 гг.), Семипалатинске (1898 г.), Уфе (1898 г.), Астрахани (1896 г.), Казани (1897 г.), Троицке (1901 г.) и Касимове (1897 г.). В начале XX в., особенно после

1905 г., наметилась тенденция учреждения культурно-просветительских организаций, занимавшихся удовлетворением социально-культурных запросов и решением проблем мусульман.

Учреждение новых общественных институтов свидетельствовало о формировании нового подхода к решению социальных проблем, основанного на частной инициативе.

Распространение западноевропейской модели благотворительности сделало актуальной необходимость трансформации механизма использования зяката, выделяемого состоятельными татарами на нужды бедных единоверцев, а именно – передавать его в благотворительные общества и через них оказывать адресную помощь наиболее нуждающимся, использовать эти средства на общественные нужды, в том числе на содержание школ, домов престарелых, детских приютов, других социальных учреждений. Эти вопросы удавалось успешно решать далеко не всем общественным организациям. Наиболее острыми проблемами благотворительных обществ являлись безденежье, низкая социальная активность членов правления и общины в целом, неумение эффективно использовать собранные средства, острая нужда в активных и порядочных членах правлений, противостояние между джадидистами и кадимистами и др. [Ибрагимов 1900, б.5–29; №17, 1903, б.13–16; 1908, б.7–11, 11–12].

Поликультурная среда обитания в российских городах создавала условия для трансформации и секуляризации традиционных религиозных общин, ранее представленных исключительно сельскими приходами. В условиях города была возможность сопоставить свое положение и изучить особенности культурного выживания других этноконфессиональных общин, находящихся в аналогичных условиях.

Сосредоточение в городах татарской буржуазии, которая осознала, что является национальной элитой, ответственной за будущее нации, и необходимость перемен в общественной жизни татарского народа сформировали благоприятную среду для секуляризации и европеизации. Эти процессы, начавшиеся именно в городских общинах, зависели от множества факторов, основными из них являлись: наличие богатых му-

сульман, готовых вносить пожертвования на нужды единоверцев, модернистски настроенных купцов и религиозных деятелей и т.д. Стало очевидным, что духовенство и другие исламские институты, не в состоянии удовлетворять все запросы общины. Отсутствие, в силу малочисленности татар, национальных городских сословных учреждений поставило на повестку дня вопрос об учреждении организаций, нацеленных на решение социальных проблем. Институтами формирующегося гражданского общества стали городские благотворительные и культурно-просветительские организации. Сформировалась уникальная модель общественных институтов, которые, по сути, стремились решать и религиозные, и социальные, и культурные проблемы местных общин, консолидируя вокруг себя наиболее активных членов приходов. В городских мусульманских общинах западных и центральных губерний, степных областей имели место первые контакты татар с представителями тюркских народов и других этнических групп населения, формировались дружественные отношения с общинами шиитов.

Сосредоточенные в городских общинах интеллектуальные силы в начале XX в., при первой же возможности начинали издавать газеты и журналы, активно воздействуя с их помощью на общественные процессы, происходившие в мусульманском сообществе Волго-Уральского региона.

Купцы, лидеры городских общин, на собственные средства приглашали в приходы наиболее образованных и авторитетных духовных лиц, которые, в свою очередь, создавали учебные заведения, становившиеся центрами для обучения детей не только местных жителей, но и всего региона. Практика усиления городского причта за счет лучших мулл сельских приходов была характерна для общественной деятельности казанского купечества [Ибрагимов, 1900, б.5–29]. Такая «интеллектуальная подпитка» (при материальном стимулировании имамов), с одной стороны, позволяла общине сохранять традиционные культурные ценности и противостоять ассимиляторскому влиянию инокультурного окружения, с другой – ожесточила противостояние между модернистской буржуазией и молодым поколением татарских интеллектуалов – джадидистами и сельскими муллами-кадимистами, «выписанными» богатыми татарами из сельской глубинки.

Социальная активность татарской буржуазии, выделявшей средства на реформы, и создание полиграфической базы, обеспечивавшей всю российскую умму востребованной печатной продукцией, а также контакты татарских интеллектуалов с российскими учеными и общественными деятелями, позволили утвердить за казанской татарской общиной неофициальный статус центра культуры мусульман Волго-Уральского региона и Сибири.

3.2. Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Приуралья в конце XIX в.

Найла Хамитбаева

Губернские города. В XIX в. население городов увеличивалось в основном за счет переселенцев. Особенно динамично развивались города, связанные с водными артериями, и города, через которые проходила железнодорожная магистраль, что вело не только к количественным, но и к качественным, особенно в плане национального состава, изменениям. К концу столетия большинство городов России отличалось многонациональностью.

К середине XIX в. в средних городах проживало от 5 до 25 тыс. чел., в малых городах – менее 5 тыс. [Миронов, 1990, с.22]. В начале XX в. малыми городами именовались поселения с населением от 5 до 20 тыс. чел., средними – от 20 до 100 тыс. чел., большими – более 100 тыс. чел. [Россия, 2002, с.115].

Материалы переписи 1897 г., в которых зафиксировано наличное население, дают общее представление об общественном разделении труда, о занятости, расселении и сословном составе татарского населения городов.

Таблица 5

Удельный вес татар губернских городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.
[Первая всеобщая, т.2, 10, 14, 28, 30, 31, 36, 38, 39, 45 (табл.ХIII)]

Города	Все наличное население об.п.	Татарское население об.п.	Удельный вес татарского населения, %
Астрахань	112880	15355	13,6
Вятка	25008	141	0,6
Казань	129959	28520	21,9
Оренбург	72425	11306	15,6
Пенза	59981	387	0,6
Пермь	45205	1263	2,8
Самара	89999	2301	2,6
Саратов	137147	1711	1,2
Симбирск	41684	2191	5,3
Уфа	49275	2524	5,1
Итого:	763563	65699	8,6

В губернских городах региона проживало 763563 чел., из них 65699 татар. Удельный вес татарского населения составлял 8,6%, т.е. к концу XIX в. татары в составе населения ряда городов Волго-Уральского региона стали довольно «заметным элементом». Крупные татарские общины (более 10 тыс. чел.) были в Казани, Астрахани и Оренбурге. Наименьшее число татар проживало в Вятке и Пензе: всего по 0,6%. В остальных губернских городах удельный вес татар составлял от 1,2% до 5,3%. Абсолютное большинство татарского населения указанных выше городов относилось к мусульманской конфессии.

В губернских городах преобладало мужское население (51,3%). Удельный вес татар-мужчин составлял 57,6%, женщин – 43,4%.

Среди городского мужского населения численность татар составляла 9,6%, женского – 7,5%. Преобладание мужчин в определенной степени, может служить свидетельством основных направлений неземледельческого отходничества, миграционных потоков.

В конце столетия сословный статус городских жителей был значительно «размыт», прежде всего – в имущественном плане. Тем не менее, анализ по параметрам традиционной сословности позволяет сделать ряд интересных выводов.

По принадлежности населения к городским сословиям можно с достаточной до-

лей уверенности подсчитать «коренных» жителей. Как видно из данных табл.6, в губернских городах среди привилегированных сословий татары представлены незначительно. Потомственных дворян было всего 0,7%. Больше всего их проживало в Оренбурге (138 чел.) и Уфе (206 чел.), в остальных городах от 1 чел. (Вятка) до 89 чел. (Казань); отсутствовали в Перми и Самаре. Личных дворян больше было в Казани (68 чел.) и Оренбурге (37 чел.), в остальных городах – от 1 чел. (Самара, Саратов) до 25 чел. (Уфа). В Вятке и Пензе личных дворян из татар в переписи не отмечено.

Небольшую, но весьма влиятельную группу горожан составляли мусульманские духовные лица⁶. Согласно статистическим сведениям, наибольшее число духовных лиц проживало в Уфе (16 чел.), в остальных городах – от 1 чел. (Пермь) до 9 чел. (Казань)⁷.

Незначительной была и численность почетных граждан среди татар: в Казани 154 чел., в остальных городах – от 2 чел. (Пенза) до 37 чел. (Астрахань). Представители данной сословной группы отсутствовали в Вятке, Перми и Симбирске.

⁶ Мусульманское духовенство, в отличие от православного, не представляло в округе ОМДС отдельное сословие.

⁷ Татарское духовенство не было зафиксировано на Вятке, в Оренбурге, Пензе, Самаре и Саратове, что не соответствовало действительности.

Таблица 6

Распределение татар в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г. по сословиям [Первая всеобщая, т.2, 10, 14, 28, 30, 31, 36, 38, 39, 45 (табл. XXIV)]

Сословия	Татарское население об.п.	% к итогу
Дворяне потомственные	473	0,7
Дворяне личные, чиновники не из дворян	151	0,2
Духовенство, лица свободных профессий	37	0,05
Потомственные и личные почетные граждане	250	0,4
Купцы	548	0,9
Мещане	15083	23,0
Крестьяне	47977	73,0
Войсковые казаки	158	0,2
Иногородцы	206	0,3
Финляндские уроженцы	–	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	484	0,7
Лица, не указавшие сословия	32	0,05
Иностранные подданные	300	0,5
Итого:	65699	100

Таблица 7

Занятость татарского населения в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г. [Первая всеобщая, т.2, 10, 14, 28, 30, 31, 36, 38, 39, 45 (табл. XXII)]

Группы населения	Татарское население об.п.	% к итогу
а) Чиновники и войско	1848	2,8
б) Духовенство и лица свободных профессий	1512	2,3
в) Рантье и пенсионеры	3531	5,4
г) Лишенные свободы, неопределенные	1554	2,4
Итого непроизводительное население	8445	12,9
д) Торговля	18627	28,3
е) Пути сообщений и сношений	7865	11,9
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	13475	20,5
Итого полупроизводительное население	39967	60,8
з) Сельское хозяйство	3553	5,4
и) Промышленность	13734	20,9
Итого производительное население	17287	26,3
Всего:	65699	100

Купцы составляли 0,9% от всего городского татарского населения. Их наибольшее число было представлено в Казани (346 чел.) и Оренбурге (130 чел.), в остальных городах – от 4 чел. (Симбирск) до 28 чел. (Астрахань). В Вятке и Пензе татарских купцов в переписи не отмечено.

Большинство татар (23%) относилось к мещанскому сословию. Это были низшие государственные служащие, мелкие пред-

приниматели, ремесленники, наемные работники и т.д. Главным источником пополнения мещанского сословия была деревня.

Значительную прослойку среди татар-горожан региона составляли крестьяне (73%). Крестьян-отходников города привлекали, прежде всего, как рынки рабочей силы. Некоторое их количество оседало в крупных селах, а также на фабриках и заводах, располагавшихся вне городов [Гончаренко,

1994, с.150–151]. В это время сформировалась группа сельского населения, которая подолгу проживала в городах, имела свое дело, но сохраняла статус крестьян.

Из данных табл.7 видно, что в группу непроизводительного населения вошло 12,9% от всего количества татар. В Астрахани удельный вес этой группы составлял 4,9%, в Вятке – 17,0%, Казани – 15,6%, Оренбурге – 8,6%, Пензе – 30,0%, Перми – 14,6%, Самаре – 14,0%, Саратове – 15,5%, Симбирске – 45,0%, Уфе – 14,2%. Таким образом, больше всего непроизводительного татарского населения было в Пензе и Симбирске. В эту группу входили чиновники, военнослужащие, духовенство, люди, занимавшиеся медицинской, культурной и учебно-воспитательной деятельностью. Более всего в этой группе представлены «рантье и пенсионеры», которые жили, получая доход с имевшейся недвижимости и другой собственности. Больше всего татарских рантье проживало в Вятке (8,5%), Симбирске (8,4%), Казани (7,7%), Самаре (6,5%), Перми и Уфе (по 5,7%). В остальных городах их численность составляла от 1,9% (Астрахань) до 5% (Пенза).

Важным показателем социальной характеристики общин является представление их членов в правительственных учреждениях – в администрации, судебных органах и полиции. Дворяне, как правило, занимали все ответственные должности в администрации, получая право на успешное продвижение по службе, но этот путь был практически закрыт для татар. Так, в 1897 г. татар, занятых в администрации, суде и полиции Казани, насчитывалось 172, включая одну женщину, тогда как армия казанских чиновников состояла из 1683 чел., т.е. татары в органах управления составляли 10,2% [Свердлова, 2008, с.77]. Больше всего эта группа татар была представлена в Пензе (17,3%), в остальных городах она составляла от 0,7% (Астрахань) до 9,1% (Саратов). В целом, в Волго-Уральском регионе это была небольшая группа, составлявшая 2,8% татар, проживавших в крупных городах.

Татарское духовенство и представители национальной интеллигенции среди непроизводительного городского населения являлись самой незначительной группой горожан (2,3%). В Симбирске их насчитывалось

24,5%, в остальных городах они составляли от 1,1% (Астрахань, Оренбург и Самара) до 2,0% (Казань) и 2,3% (Пенза).

Самую большую группу представляло полупроизводительное население – 60,8%. Значительные группы расселялись в Астрахани – 75,9%, Самаре – 72,1%, Саратове – 71,9% и Уфе – 71,0%. Но и в других городах они были достаточно заметны – от 44,8% (Симбирск) до 68,0% (Пермь). В группу полупроизводительного населения, вошли торговцы (28,3%). Большое количество коммерсантов зафиксировано в Вятке (47,5%) и Перми (40,7%). Достаточно их было в Уфе (24,3%), Самаре (24,5%), Казани (25,4%), Симбирске (27,2%), Астрахани (30,1%), Саратове (31,8%), Оренбурге (33,0%), Пензе (35,1%). Наиболее активно татары проявляли себя в хлебно-бакалейной торговле, в торговле одеждой и обувью, мануфактурой. Абсолютное большинство их торговых предприятий принадлежало к разряду мелких и средних.

Прибывшему из сельской местности и не знавшему или плохо знавшему русскую грамоту рабочему люду практически невозможно было найти квалифицированную работу. Приезжие нанимались прежде всего на работы, не требовавшие специальных знаний и подготовки. Поэтому заметное число татар (20,5%) представлено в группе «частная служба, прислуга, поденщики». Они преобладали в Самаре (38,5%), Саратове (36,5%), Уфе (36,3%), в остальных губернских городах их численность составляла от 0,9% (Симбирск) до 25,2% (Пермь).

Относящихся к группе «пути сообщений и сношений» татар было 11,9%. Наибольшее число татар среди извозчиков, а также занятых на речных и железнодорожных работах было в Астрахани (24,9%), в остальных городах – от 2,1% (Пермь) до 16,7% (Симбирск).

Интересная картина занятости татар в губернских городах региона представлена в группе производительного населения, которая составляла 26,3%. Причем большая часть татар была занята в промышленности (20,9%), в сельском хозяйстве – всего 5,4%. Наибольшую группу производительного населения – 34,8% – составляли татары Казани, причем из них 27,4% было занято в промышленности. Значительная их группа была сосредоточена в Оренбурге (26,3%,

Богатая татарская семья. Астраханская губ. Фото нач. XX в.

в промышленности – 21,4%), где работали бойни и салотопни татар, мясообрабатывающие предприятия, городские шерстомойки, шапочные мастерские, овчинные заведения. Несколько меньше производительное население было представлено в Астрахани (19,2%, в промышленности – 16,3%). Астрахань привлекала большое количество рабочего люда, искавшего заработка на рыбных и соляных промыслах, погрузочно-разгрузочных работах на водном транспорте. В остальных городах татар, занятых в промышленности, насчитывалось от 7,1% (Вятка) до 11,7% (Уфа).

Следует отметить, что в крупных городах, кроме Вятки⁸, количество татар, занятых в промышленности, преобладало над числом татар, занятых в сельском хозяйстве. Крестьяне, составляя значительную прослойку населения, пополняли ряды городского торгового люда, нанимались бурлаками и грузчиками, использовались в качестве прислуги, дешевой наемной силы для выполнения, главным образом, неквалифицированной работы на промышленных предприятиях, подражались на любую поденную работу, занимались извозом.

⁸ Здесь переписью 1897 г. было отмечено всего 10 татар, работавших в сфере промышленности, и 32 татарина, занятых в сельском хозяйстве.

Таким образом, в крупных административных центрах татары были слабо представлены в привилегированных сферах – в административной деятельности, науке, медицине, искусстве, в государственной образовательной системе. При этом в группе непроизводительного населения больше всего были представлены татарские рантье. Группа полупроизводительного населения в основном представлена торговцами. Значительная доля татарского населения была занята в сфере частной службы, поденщиков и прислуги. В группе производительного населения основная часть татар была занята в промышленности.

Мусульмане в средних и малых городах. Достаточно большое число татар проживало в уездных и заштатных городах.

Выборка сведений из материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволила выявить татарские общины в средних и малых городах Поволжья и Приуралья, в которых насчитывалось не менее 100 чел.⁹

Как видно из данных табл.8, в 39 малых и средних городах региона проживало 39511 татар, из них 54,2% составляли муж-

⁹ В таблицу не включен г.Ирбит, в котором проживало 1334 татарина. В январе здесь проходила Ирбитская ярмарка.

Таблица 8

Татарское население средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.
 [Первая всеобщая, т.2, 10, 14, 28, 30, 31, 36, 38, 39, 45 (табл.ХІІІ)]

Города	Все наличное население об.п.	Татарское население			% татар ко всему населению
		м.п.	ж.п.	об.п.	
Арск	1228	132	29	161	13,1
Белебей	5835	446	342	788	13,5
Бирск	8589	104	70	174	2,0
Бугульма	7581	326	95	421	5,6
Бугуруслан	12109	488	380	868	7,2
Бузулук	14362	471	376	847	5,9
Буинск	4213	844	739	1583	37,6
Верхнеуральск	11095	478	470	948	8,5
Вольск	27058	183	158	341	1,3
Екатеринбург	43239	331	255	586	1,4
Елабуга	9764	341	157	498	5,1
Златоуст	20502	217	60	277	1,4
Илецкая защита	11768	1471	1276	2747	23,3
Касимов	13547	505	621	1126	8,3
Красноуфимск	6251	96	41	137	2,3
Красный Яр	5593	85	42	127	2,3
Кузнецк	20473	80	50	130	0,6
Кунгур	14295	135	68	203	1,4
Лаишев	3743	77	30	107	2,9
Малмыж	3165	269	140	409	12,9
Мамадыш	4195	260	127	387	9,2
Мензелинск	7552	319	169	488	6,5
Николаевск	12504	879	880	1759	14,1
Новоузенск	13241	119	94	213	1,6
Орск	14016	1483	1552	3035	21,7
Ось	5067	83	68	151	2,9
Сарапул	21398	278	118	396	1,9
Слободск	10051	131	53	184	1,8
Спасск	2770	116	85	201	7,3
Ставрополь	5969	76	31	107	1,8
Стерлитамак	15550	1931	1848	3779	24,3
Сызрань	32383	166	90	256	0,8
Тетюши	4754	443	346	789	16,6
Троицк	23299	3683	3600	7283	31,3
Хвалынский	15127	181	169	350	2,3
Царев	6977	307	309	616	8,8
Царицын	55186	888	783	1671	3,0
Челябинск	19998	272	173	445	2,2
Чистополь	20104	2724	2199	4923	24,5
Итого:	534551	21418	18093	39511	7,4

чины и 45,8% – женщины, т.е. и здесь, как и в крупных городах, преобладало мужское население. В целом доля татар по отношению ко всему населению 39 городов составляла 7,4%.

Из табл.8 были выбраны сведения о городах, в которых доля татар по отношению ко всему городскому населению превышала 10%, и сведены в табл.9. Таких городов оказалось одиннадцать.

Как следует из данных табл.9, число татар в 11 средних и малых городах составляло 23,4% по отношению ко всему городскому населению. Наибольший удельный вес татар – более 20% – приходился на города Буинск, Илецкая защита, Орск¹⁰, Стерлитамак, Троицк, Чистополь.

В уездных городах среди татар преобладали мещане (61,1%). Остальные жители составляли локальные группы: крестьяне (33,2%), купцы (2,03%) и казаки (1,62%).

Татарское население было многоликим по социальному составу. Татарских дворян, как потомственных, так и личных, и почетных граждан было немного¹¹.

Распределение лиц купеческого сословия по городским центрам носило неравномерный характер. Их прослойка в составе населения доходила до 2,03% вместо 0,9% в губернских городах. Особенно высокой концентрацией лиц данной группы отличался Троицк – 264 чел. В остальных уездных центрах проживало от 2 чел., зарегистрированных в купеческом сословии (Тетюши) до 87 чел. (Стерлитамак). В городах Арск, Малмыж, Николаевск татарских купцов в переписи не отмечено.

¹⁰ В пореформенный период, когда развитие капиталистических отношений стало определяющим в общественных отношениях, на появление новых городов стали оказывать влияние региональные социально-экономические факторы. Так, в 1865 г. городами были признаны три уральских промышленных центра – Орск, Златоуст и Соль-Илецк (Илецкая защита) [Лаппо, 1994, с.24].

¹¹ Потомственные дворяне проживали в городах Илецкая защита (20 чел.), Орск (10), Стерлитамак (61), Троицк (24), Белебей (36 чел.). Личные дворяне проживали в городах Чистополь (10 чел.), Орск (2), Троицк (2), Стерлитамак (13 чел.). В Арске, Буинске, Малмыже, Николаевске, Тетюшах не было ни личных, ни потомственных дворян из татар. Почетные граждане проживали только в Илецкой защите (5 чел.), Орске (3), Троицке (3 чел.).

Мещан больше всего насчитывалось в Троицке (4299 чел.) и Стерлитамаке (3054 чел.). В остальных уездных городах их проживало от 7 чел. (Арск) до 1956 чел. (Чистополь). Они были заняты временным производством, сельскохозяйственным трудом, мелочной торговлей и ремесленным производством.

Численность войсковых казаков в Орске составляла 348 чел. В незначительном количестве они проживали в Троицке (82 чел.), Илецкой защите (6 чел.) и Стерлитамаке (5 чел.).

Заметную часть в общинах составляли крестьяне. Татарские крестьяне преобладали в Чистополе и Троицке (соответственно 2908 и 2479 чел.), в остальных уездных городах их было от 37 чел. (Николаевск) до 772 чел. (Илецкая защита). Таким образом, уездные города также привлекали крестьян-отходников, хотя и в несколько меньшей степени, чем губернские центры.

Как видно из данных табл.11, небольшая доля татарского населения представлена в группе непроизводительного населения (9,3%), достаточно большая – в группе производительного населения (34,8%), и их основная часть – в группе полупроизводительного населения (55,9%). Однако по сравнению с большими городами, где проживало больше непроизводительного (12,9%) и полупроизводительного населения (60,8%), в малых городах несколько больше была группа производительного населения.

Самые большие группы непроизводительного населения были представлены в Арске (50,3%) и Малмыже (32,8%), в остальных городах эта группа населения составляла от 3,1% (Илецкая защита) до 19,0% (Буинск).

Больше всего чиновников отмечено в Малмыже (4,4%) и Арске (3,1%), в остальных уездных городах их проживало от 0,1% (Илецкая защита) до 2,2% (Буинск).

Среди непроизводительного населения малых городов значительную часть составляли татарские рантье – 4,7%. Больше всего их было в Буинске (14%) и Малмыже (11,2%), в остальных городах они составляли от 0,4% (Николаевск) до 6,9% (Белебей).

Отсутствие дворян и купцов из татар в ряде уездных городов (Арск, Малмыж, Николаевск) свидетельствует о низком со-

Таблица 9

**Удельный вес татарского населения одиннадцати средних и малых городов
Поволжья и Приуралья в 1897 г.**

Средние и малые города	Все наличное население об.п.	Татарское население об.п.	Удельный вес татар, %
Арск	1228	161	13,1
Белебей	5835	788	13,5
Буинск	4213	1583	37,6
Илецкая защита	11768	2747	23,3
Малмыж	3165	409	12,9
Николаевск	12504	1759	14,1
Орск	14016	3035	21,7
Стерлитамак	15550	3779	24,3
Тетюши	4754	789	16,6
Троицк	23299	7283	31,3
Чистополь	20104	4923	24,5
Итого:	116436	27256	23,4

Таблица 10

**Распределение татарского населения одиннадцати средних и малых городов в 1897 г.
по сословиям [Первая всеобщая, т.10, 14, 28, 36, 39, 45 (табл.XIV)]**

Сословия	Татарское население об.п.	% к итогу
Дворяне потомственные	151	0,55
Дворяне личные, чиновники не из дворян	27	0,09
Духовенство, лица свободных профессий	6	0,02
Потомственные и личные почетные граждане	11	0,04
Купцы	553	2,03
Мещане	16649	61,1
Крестьяне	9049	33,2
Войсковые казаки	441	1,62
Иногородцы	109	0,4
Финляндские уроженцы	–	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	90	0,33
Лица, не указавшие сословия	30	0,11
Иностранные подданные	140	0,51
Итого:	27256	100

циально-сословном, экономическом и образовательном статусе татарской городской общины, что приводило к ее пассивной роли в общественной жизни города.

Служителей мусульманской религии вместе с татарской интеллигенцией, в целом, проживало 1,8%.

В группе полупроизводительного населения малых городов наибольший процент составляли татары, занимавшиеся торговой деятельностью (32,3%), заметную часть – в группе «частная служба, прислуга, поденщики» (19,2%).

Группа полупроизводительного населения преобладала почти во всех городах, кроме Николаевска (1,4%) и Арска (5,6%). Значительные группы полупроизводительного населения были представлены в Тетюшах (71,2%), Стерлитамаке (69,7%), Троицке (63,2%), Орске (62,1%), Чистополе (61,1%), Буинске (59,6%), Белебее (44,6%), Илецкой защите (37,2%).

Практически во всех уездных городах основную часть полупроизводительного населения составляли татары, занятые в торговле. Особенно много их зафиксировано в

Таблица 11

Занятость татарского населения одиннадцати средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г. [Первая всеобщая, т.10, 14, 28, 36, 39, 45 (табл. XXII)].

Группы населения	Татарское население об.п.	% к итогу
а) Чиновники и войско	211	0,8
б) Духовенство и люди свободных профессий	478	1,8
в) Рантье и пенсионеры	1281	4,7
г) Лишенные свободы, неопределенные, неизвестные	544	2,0
Итого непроизводительное население	2514	9,3
д) Торговля	8808	32,3
е) Пути сообщений и сношений	1204	4,4
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	5239	19,2
Итого полупроизводительное население	15251	55,9
з) Сельское хозяйство	5019	18,4
и) Промышленность	4472	16,4
Итого производительное население	9491	34,8
Всего:	27256	100

Орске (44,3%), Буинске (42,6%) и Стерлитамаке (43%), в остальных уездных городах они составляли от 1,4% (Николаевск) до 37,1% (Троицк). В уездных городах основная часть татар занималась развозной, разносной, мелочной торговлей, некоторые из них занимались стационарной торговлей, имели свои лавки [Гибадуллина, 2008, с.144].

В группе производительного населения, в отличие от губернских городов, где значительная часть татарского населения была занята в промышленности, в малых городах большая часть татарского населения занималась сельским хозяйством (18,4%).

В целом группа производительного татарского населения в малых и средних городах составляла 34,8%. Самой большой она была в Николаевске (95,1%), в основном за счет татар, занятых в сельском хозяйстве (94,0%)¹². Большая группа татар, занятых в сельском хозяйстве, проживала в Илецкой защите (48,2%) и Арске (36,6%). В остальных городах татар, занятых в сельском хозяйстве, было от 3,9% (Троицк) до 17,8% (Орск).

Лиц, занимавшихся земледелием, пчеловодством, животноводством, лесоводством и лесным промыслом, рыболовством и охотой, зафиксированных переписью 1897 г.,

можно рассматривать как собственно сельскохозяйственное городское население. Сельскохозяйственного населения в уездных городах было значительно больше, чем в крупных губернских городах.

Татар, занятых в промышленности, было несколько больше, чем занятых в сельском хозяйстве, в Белебее (27,4%), Троицке (23,8%) и Чистополе (20,3%). В остальных уездных городах татар, занятых в промышленности, насчитывалось от 1,1% (Николаевск) до 13,7% (Буинск). Всего в промышленности указанных одиннадцати уездных городов, татары составляли 16,4%. Они были заняты на небольших кирпичных, кожевенных, крупяных, зерносушильных, салотопенных, солодовенных, кулеткацких, канатных, поташных предприятиях.

В целом, по данным за 1897 г., основным источником существования татарского населения средних и малых городов Поволжья и Приуралья являлись: торговля (32,3%), выполнение наемных и поденных работ (19,2%), сельское хозяйство (18,4%), промышленное и ремесленное производство (16,4%).

Следует отметить, что большинство уездных городов, несмотря на наметившийся процесс индустриализации, оставались «такими же деревнями, какими были прежде, и господствующим занятием тамошних мещан и купцов по-прежнему остается хлебопашество» [Щепкин, 1882, с.7]. Население

¹² Дело в том, что уездный город Николаевск был основан рядом с татарской Мечетной слободой в 1836 г. [Гибадуллина, 2008, с.136]. Несмотря на перевод местных крестьян в мещанское сословие, их занятия не претерпели существенных изменений.

этих уездных городов, как правило, занималось земледельческим и мелкотоварным ремесленным производством.

Происходившие во второй половине XIX в. в России процессы модернизации обусловили расширение регионов обитания и формирования татарских городских общин не только в крупных административных центрах, но и в малых уездных городах, хотя в последних эти процессы протекали медленнее.

Татарские грузчики в Казанском речном порту. Фото кон. XIX – нач. XX в.

3.3. Татары в рабочих поселках в конце XIX – начале XX в.

Ильдус Загидуллин

Хозяйственно-промышленное освоение окраин и индустриализация обусловили появление в империи новых промышленных районов и центров. Наряду с развитием и техническим перевооружением старых предприятий на Урале (2/3 уральских заводов были сосредоточены в Пермской и Уфимской губерниях, в последней к Уральскому району относились Златоустовский у. и восточные части Уфимского и Бирского уездов) [Введение, 1960, с.3], в Центральном и Северо-Западном промышленных районах в 80-е гг. XIX в. бурно развивались новые промышленные районы: Донецкий угольный бассейн, Криворожские рудники и Бакинские нефтепромыслы [Тихонов, 1988, с.46–47]. В Южном районе свыше 3/4 всех заводов составляли оснащенные передовой техникой предприятия, возникшие в 90-е гг. XIX в.

Спутником каждого промышленного предприятия становилось рабочее поселение. По мнению экономистов, это способствовало концентрации производства в ряде местностей, формированию крупных предприятий с огромным контингентом рабочих. Промышленное производство стало неотъемлемой частью процесса градообразования в России. Приметой промышлен-

ных районов стала сеть «экономических» городов и городков, рабочих поселков, которые по действующему законодательству не признавались городскими поселениями; в них отсутствовали органы городского самоуправления [Водарский, 1972, с.201].

Рабочие поселки характеризовались мобильностью населения и преобладанием мужчин. Основная масса прибывших на заработки крестьян трудилась по временным паспортам, сохраняя прописку в родном селении. Поскольку трудоустройство и обустройство на новом месте зависели от ряда социально-экономических факторов, для многих оставление семьи в хозяйстве считалось оптимальным вариантом. В пореформенный период некоторые крупные и средние предприятия стали превращаться в самостоятельные промышленные учреждения, стремящиеся формировать собственный постоянный контингент профессиональных кадров, видя в этом залог организации круглогодичного производства и повышения производительности труда.

Татары трудились на трех правительственных военных предприятиях Волго-Камья практически со времени их основания, с XVIII в.: Казанском пороховом,

Ижевском оружейном и Воткинском железнодорожном заводах.

В Ижевском оружейном заводе в 1807 г. татарская община сформировалась из мастеровых и рядовых инвалидной роты, в феврале 1839 г. здесь насчитывалось до 450 душ об.п. [Зайцева, 1996, № 3–4, с.240–243].

К учрежденному в 1758 г. Воткинскому заводу группа татарских крестьян из Казанской и Оренбургской губерний была приписана в 1760-е гг. В начале XIX в. здесь функционировала махалля, однако право на возведение мечети община рабочих (129 душ м.п.) получила лишь в 1900 г.

В начале XX в. на территории формирования татарской нации (Волго-Уралье и Западная Сибирь) насчитывалось более 30 тыс. рабочих-татар (с членами семей 68626 душ об.п. из 150 тыс. работавших на заводах и фабриках) [Хасанов, 1977, с.232; Нафигов, 1964, с.20–21]. На металлургических заводах Урала трудилось более 4 тыс. рабочих, на суконных фабриках Симбирской губ. – 1/5 всех занятых на промышленном производстве.

В начале XX в. в Волго-Уралье крупные татарские общины (около 1 тыс.) существовали в рабочих поселках: химического предприятия Ушкова (Вятская губ.), Мотовилихского, Надеждинского (Пермская губ.), Миасского (Оренбургская губ.), Саткинского заводов (Уфимская губ.). Всего же в рабочих поселках региона действова-

ло около двадцати махаллей [Загидуллин, 2006б, с.71–100].

Значительная часть отходников покидала пределы исторического расселения татар. В конце XIX в. татары «освоились» на сибирских золотых приисках, составляя в начале XX в. до 13% пролетариата, а также среди железнодорожников Сибири (1%) [Тагиров, 1995, с.389]. В канун Первой мировой войны татары представляли значительную группу национального пролетариата, занимая по численности четвертое место после русских, украинцев и латышей. Основной контингент рабочих локализовался вне регионов традиционного проживания их соплеменников [Очерки, 1973, с.17]. В 1917 г. на интенсивно развивающихся предприятиях (рудниках) Донбасса трудилось 90 тыс. татар, на нефтепромыслах Баку – 3,5 тыс. (18,5% всех рабочих), на фабриках в Орехово-Зуево – 5 тыс. рабочих [Хасанов, 1977, с.232; Нафигов, 1964, с.20–21].

Татарские рабочие стремились формировать автономные трудовые коллективы, артели: нанимали для себя кухарку, вели общие расходы, расселяясь совместно в бараке. Приметами татарских рабочих общин были отсутствие недвижимой собственности у абсолютного большинства рабочих, миграционная мобильность рабочего люда, существенное преобладание мужчин, определенная интеграция в русскую рабочую среду.

3.4. Мусульманские (татарские) «общины-города»

Ильдус Загидуллин

Основные признаки мусульманских (татарских) «общин-городов». По организации социальной и культурной жизни этноконфессиональных общин российских городов Н.В.Юхневой определены три типа расселения: 1) в рамках одного поселения существовало два национальных города с дублированием большинства его функций. Каждый город жил по своим обычаям, влияние хотя и наблюдалось, но оно было минимальным. В России такой классический характер имели среднеазиатские города. Путь возникновения таких поселений – сначала существует один город, затем к нему «присоединяется» другой; 2) город имеет еди-

ный центр и окраины, функционирует как целостный организм, но внутри него отдельные этнические группы, живущие сплоченно, образуют анклав (кварталы, слободы) в инокультурном окружении. Пути формирования таких анклавов: единовременное переселение большой группы, переезд к знакомым и родным, этническая жилищная дискриминация, совпадение отдельных этносов с социально оттесненными на менее благоприятные позиции социальными группами, расположение на месте будущего города нерусского населения; 3) дисперсно расселенные этноконфессиональные группы с неравномерной долей жителей в раз-

ных районах города. Здесь усиливается роль социального фактора – расселение зависит от занятий и социального статуса горожан [Юхнева, 1984, с.13–14].

По нашему мнению, в ряде городов России в XIX в. сформировались экономически сильные этноконфессиональные общины, расселение которых соответствовало второму типу расселения, однако по социокультурному развитию они претендовали на статус мусульманской (татарской) «общины-города», основными признаками которой являлись:

1) существование определенной территории или нескольких территорий с хозяйственным укладом и своеобразной культурой, кварталов компактного обитания по принципу соседской общины, формирование части или целых улиц по градостроительным правилам;

2) наличие недвижимости – частных и общественных учреждений: богослужебных, учебных, торговых и (или) промышленных заведений;

3) существование общественных институтов: двух и более махаллей со штатом духовенства; школ, которые охватывали национальным образованием практически все подрастающее поколение единоверцев, в начале XX в. – культурно-просветительских или благотворительных организаций;

4) наличие значительного контингента постоянных жителей (купцы, мещане);

5) наличие прослойки предпринимателей, купцов, которые в основном финансировали религиозные и национальные институты;

6) экономическая самостоятельность общины в решении ключевых социальных проблем ее членов;

7) участие в решении проблем в сфере хозяйственного, торгового, культурного развития поселения, отстаивание интересов общины перед правительством и городским общественным органом самоуправления.

В первой половине XIX в. «мусульманские (татарские) общины-города» функционировали в Казани, Сеитовом посаде (Каргалы), Семипалатинске и Петропавловске. В конце XIX в. на юго-востоке страны этот список пополнился этноконфессиональными общинами Троицка, Орска и Оренбурга, в начале XX в. – татарской общиной Уфы.

Из обозначенных нами городов Казань, Астрахань, Оренбург, Семипалатинск являлись губернскими центрами. Петропавловск, Троицк, Орск были уездными городами. В Каргале, лишенной в 1828 г. Татарской городской управы, действовало упрощенное городское управление.

Статусу крупной татарской общины соответствовала Казань (28520 чел.). Средними «мусульманскими (татарскими) общинами-городами» являлись общины Астрахани (16959 чел.), Семипалатинска (14660 чел.), Оренбурга (13257 чел.), Троицка (8430 чел.), Петропавловска (6087 чел.). Лишь в Семипалатинске среди мусульман татары составляли менее половины, хотя они однозначно доминировали в социально-экономической и культурной жизни общины. Остальные мусульманские «общины-города» по этническому составу являлись татарскими, динамику и содержание социокультурных процессов в них определяли татары.

Большую роль в организации единого культурно-религиозного пространства и воздействии на городское хозяйство имел удельный вес мусульман. Численность мусульман составляла от 1/3 до 1/4 в средних городах: Троицке (36,2%), Петропавловске (30,9%). В других городах мусульмане составляли менее 1/5 жителей: Астрахани – 15%, Оренбурге 18,6%. В Семипалатинске мусульмане составляли более половины горожан, в Казани – 21,8%.

Казань

*Людмила Свердлова,
Ильдус Загидуллин*

В конце XVIII в. в городе насчитывалось 5 тыс. татар [История Казани, т.1, с.120]. В XIX в. в Старо- и Ново-Татарской слободах имелись практически все объекты городской инфраструктуры: восточный Сенной рынок, Юнусовская площадь, гостиницы, постоянные дворы, промышленные предприятия, мастерские, культовые здания, учебные заведения, торговые учреждения. Формируя престижные улицы, татарская торгово-промышленная элита возводила особняки с учетом современных градостроительных норм. При этом деятельность и проживание некоторых богатых татар локализовались в русской части Казани [Мәрҗани, 1989, б.366–380].

В городе выделялось несколько зон исламского конфессионального образования. В татарских слободах функционировали медресе. В Ягодной и Адмиралтейской слободе, как и в не входящей в город Пороховой слободе, работали мектебе.

В Казани (1781–1855 гг.) действовал автономный городской орган самоуправления – Татарская городовая ратуша, ведавшая записью в купеческое и мещанское сословия, выдачей торговых свидетельств, сбором налогов и другими хозяйственно-административными делами коренных горожан. Она олицетворяла собой исполнительную власть, доверенную ей имперской администрацией, и была подотчетна государственным органам власти.

По мнению социологов, именно в городах, население которых превышало 20–30 тыс., имелись возможности для радикального развития межличностных отношений – перехода от первичной ко вторичным контактам, от связей общины к связям общества [Зиммель, 1905, с.117–136; Миронов, 1990, с.25]. Этот процесс протекал под руководством татарской буржуазии.

В конце столетия в городской татарской общине (28,5 душ об.п.) потомственные и личные дворяне, «чиновники не из дворян», почетные граждане составляли 1,1% (311 чел.) ее членов. Несколько больше было купцов – 346 чел., или 1,2%. Самым многочисленным городским сословием являлись татары-мещане – 5598 чел., или 19,6%, у которых процветали надомная промышленность и занятия мелочной торговлей. Крестьяне (77%) представляли основную рабочую силу в сезонных и поденных работах, использовались в качестве прислуги в зажиточных семьях, рабочих на заводах и фабриках, в ремесленных мастерских, грузчиков на пристанях [Первая всеобщая, т.14, с.26–261]. Часть из них занималась мелкой торговлей и обучалась в конфессиональных школах.

В 1897 г., согласно данным переписи, у 15,66% мусульманского населения Казани основным занятием была торговля, в обрабатывающей промышленности было занято 24,51%, лица «свободных профессий» составляли 0,9%, в администрации служили 1,58%, духовенство составляло 0,36% жителей [Noack, 1993, tab. Па].

В 1857 г. на 127 казанских предприятиях, объединявших 24 отрасли, было занято 2,8 тыс. рабочих. 1/3 предприятий принадлежала татарам, составлявшим 1/7 часть жителей [Лаптев, 1861, с.348]. В 1898 г. в промышленных заведениях, производивших продукции на сумму более 1 тыс. руб. в год, татарам принадлежало 10 производств: общий объем производимой ими продукции составлял 405 тыс. руб., трудилось 144 рабочих [История Казани, кн.1, с.121–122].

Несмотря на упразднение городского и сословных органов самоуправления, специфика национальной городской культуры и автономность татарской части Казани сохранялись в рамках самодостаточных в экономическом плане 14 приходов с мечетями и учебными заведениями, духовным лицом, вакуфным имуществом, доминированием в повседневной и семейно-бытовой жизни норм шариата. Национальная буржуазия финансировала и направляла общественное и культурное развитие единоверцев: строила мечети, мектебе и медресе, открыла приюты для сирот и детей малоимущих родителей (1844, 1904 гг.), мусульманскую богадельню (1900 г.) и т.д. Во второй половине XIX – начале XX в. (до 1906 г.) появились вакуфы при 2-й, 3-й, 4-й, 7-й, 9-й, 10-й, Казаковской, Усмановской мечетях, медресе при 1-й, 2-й, 4-й мечетях, медресе «Мухаммадия» [Азаматов, 2000, с.30–34; Вакуфная собственность, с.48–49, 57–58].

Создав в 1897 г. благотворительное общество, представители элиты стали коллегиально решать вопросы содержания приюта, родовспомогательного лечебного заведения и амбулатории, оказания помощи погорельцам, выдачи нуждающимся пособий и др. В условиях слабой социальной поддержки со стороны государства, земства и городского органа самоуправления благотворительная деятельность элиты была для общины весьма значимой [Салихов, 2001, с.243–248].

В 1899 г. татарам Казани было отказано в организации «мусульманского потребительского общества» ввиду наличия (с 1893 г.) в городе «потребительского общества» и с целью предотвращения возникновения «среди мусульман, весьма трудно ассимилирующихся с русским населением, каких-либо обособленных общественных организаций» [Загидуллин, 2004, с.240–241].

Базарная
(Сенная)
мечеть
в Казани.
Фото нач.
XX в.

Благодаря наличию университета, большого числа медресе и развитой полиграфической базы Казань во второй половине XIX в. стала крупнейшим центром по изданию исламской и татарской литературы, который обеспечивал потребности мусульманских народов России.

Астрахань

Андрей Сызранов

Первым и основным населением новой, русской, основанной в 1558 г. на левом берегу Волги Астраханской крепости были русские стрельцы и казаки. Однако, по мере роста города в конце XVI – первой трети XVII в. и возникновения его новых частей – Белого и Земляного «городов», в Астрахани стало формироваться многонациональное население – служилый, торговый и ремесленный люд: собственно русские, юртовские татары, армяне, персы, индийцы, «бухарцы», «хивинцы» и др.

Основными группами татарского населения Астрахани во второй половине XVI – начале XX в. были: астраханские (или юртовские) «ногайские татары», средневолжские (или волго-уральские) татары-переселенцы, «агрыжанские татары», «бухарские татары», «гилянские татары».

В XVII в. в состав Земляного города Астрахани вошла Татарская слобода, населенная юртовскими татарами. Она сохраняла свою обособленность и была обнесена оградой [Кидирниязов, 1999, с.297]. Жители слободы занимались ремеслами, торговлей или работали по найму [Голикова, 1982, с.171].

В XVII в. Астрахань становится основным центром русско-восточной торговли. В городе постепенно формируются так называемые «восточные колонии». В 1673 г. в Земляном городе по инициативе властей были устроены новые Агрыжанский, Бухарский и Гилянские торговые дворы, или слободы. А в 1681 г. правительство разрешило селиться в Астрахани на постоянное место жительства индийцам, персам, бухарцам и др. [Голикова, 1982, с.163, 165].

В Агрыжанской слободе жили потомки от смешанных браков индийцев с татарками, которые назывались «агрыжане» или «агрыжанские татары» [Гмелин, 1777, с.145; Небольсин, 1852, с.113; Ольдекоп, 1870, с.331]. В Гилянской слободе проживали собственно персы и «татары Гилянского двора» – потомки персов и татарок. В Бухарской слободе расселялись «татары Бухарского двора» – «вышедшие с давних времен из Бухары», которых еще называли «бухарцами». Среди жителей Бухарского двора были выходцы не только из Бухары, но и из Хивы – «хивин-

цы» [Ольдекоп, 1870, с.331, 332; Далингер, 1887, с.4, 5; Голикова, 1982, с.162].

Субэтнические группы агрыжанских татар и татар Гилянского двора, в отличие от своих «отцов» (индийцев-индуистов¹³ и персов-шиитов), исповедовали ислам суннитского направления [Гмелин, 1777, с.197; Небольсин, 1852, с.113].

П.И.Небольсин писал: «До 1836 года общество Татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского Дворов представляло собой отдельное привилегированное сословие, пользовавшееся правом свободной торговли, без всякого взноса гильдейских пошлин... С 1836 года Татары этого общества, впредь до совершенного уравнивания их с коренными Русскими во всех податях и повинностях, обложены особым сбором в 5 тыс. руб. асс. с души и рекрутчиной...» [Небольсин, 1852, с.114].

Татары трех дворов были ассимилированы юртовцами и, возможно, татарами из Среднего Поволжья к середине XIX в. [Исхаков, 1992, с.14; Ольдекоп, 1870, с.331; Далингер, 1887, с.4; Небольсин, 1852, с.113].

В конце XVII – начале XVIII в. в Астрахань переселилась первая волна казанских татар [Арсланов, 1995, с.4, 24; Викторин, 2003, с.76]. Они селились в Казанской и Татарской (рядом с юртовскими татарами) слободах Земляного города [Гмелин, 1777, с.150, 196; Георги, ч.2, с.33]. Среди городских татар уже в то время были татары из Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской и Рязанской губерний [Арсланов, 1995, с.24]. Впоследствии, в течение XVIII – начале XX в., происходило «регулярное пополнение городского татарского населения новыми переселенцами» [Викторин, 1994, с.5].

Городские юртовские татары занимались ремеслами, торговлей или работали по найму [Голикова, 1982, с.171]. Аульные юртовские татары также торговали в Астрахани. Хотя официально им это делать запрещалось, многие из них торговали «под именем армян, индийцев и городских татар» [Георги, ч.2, с.35; Гмелин, 1777, с.175]. И.В.Равинский сообщал, что юртовцы торговали и в Кизляре [Равинский, 1809, с.340].

Городские казанские татары, по данным С.Г.Гмелина, в основном занимались торгов-

лей, некоторые находилась «в услужении, ... в силе или доверенности у индийцев, у коих комиссарами ... бывают» [Гмелин, 1777, с.197].

Важными элементами быта астраханских татар были годовые праздники мусульманского календаря, день рождения пророка Мухаммада, а также соблюдение мусульманских запретов, касающихся питания. Некоторые татары совершали хадж – паломничество в Мекку [Резван, 2006, с.406]. В соответствии с шариатскими нормами совершались «обряды жизненного цикла».

Мусульманские духовные лица Астрахани получали религиозное образование в основном в Оренбурге, Казани, Бухаре и в самой Астрахани [Ольдекоп, 1870, с.404; Далингер, 1887, с.18].

Центрами религиозной и общественной жизни татар Астрахани были мечети [Сызранов и др., 2006; Сызранов и др., 2007]. Уже в 1586 г. недалеко от города существовала мечеть, в 1666 г. в «посаде», или «нижнем городе» (т.е. в Земляном) действовало 7 мечетей [Эвлия, 1979, с.132]. Через сто лет в Агрыжанской, Бухарской и Гилянской слободах Земляного города функционировало 4 мечети [Гмелин, 1777, с.146, 163]. В 1910 г. в Астрахани насчитывалось 18 мечетей [Дремков, 1912, с.4].

Как правило, при мечетях существовали религиозные мусульманские школы – мектебы, а при некоторых – медресе (школы повышенного уровня). В начале XX в. в городе насчитывалось 19 мектебов и 6 медресе: при Ак-мечети, Кара-мечети, мечети Гилянского двора, мечетях № 3, 6 и 7 Царевской слободы [Дремков, 1912, с.14].

Идеи джадидистов стали проникать в мусульманскую общину Астрахани с конца XIX в. В 1892 г. [Мамлеева, 2007, с.15] или 1895 г. [Абдурахман Умеров, 2003, с.303] в Царевской слободе мулла Абдурахман Умеров¹⁴ открыл джадидистское медресе «Низамийа» – один из ведущих научно-

¹⁴ Абдурахман Измайлович Умеров, или Габдурахман Гумари, Абд ар-Рахман ибн Исмаил ибн Умар ал-Хаджи-Тархани (1867–1933) – просветитель, богослов, историк, этнограф и арабист, издатель и общественный деятель, педагог. Родился 18 января 1867 г. в семье астраханского мещанина, ногайца-карагаша Измаила Умерова. Получив начальное образование в мектебе, в 1881–1889 гг.

¹³ Хотя среди индийцев были и мусульмане.

образовательных центров мусульман юга России¹⁵, в котором обучались татары, казахи, ногайцы, туркмены, вайнахи, лезгины, аварцы и др. В 1907 г. Абдурахман Умеров основал издательское товарищество «Умеров и К^о», (1907–1913), стал издателем газеты «Идел» («Волга»)¹⁶ – главного печатного органа местных джадидистов [Курмансеитова, 2004]¹⁷.

В 1896 г. в Астрахани была зарегистрирована первая мусульманская общественная организация «Джамаат Хайрийа», или «Общество попечительства о бедных татарах» под председательством п.п.гр. И.Х.Искендерова. На средства общества, которые складывались из членских взносов, пожертвований купцов и прихожан мечетей, закупались и раздавались учащимся мектебов и медресе учебники, беднякам – дрова на зиму, теплая одежда, медикаменты, средства на похороны и т.п. [Отчет правления, 1900; ГААО, ф. 286, оп.2, д.514, л.13].

В 1905 г. образовалось общество «Мәжлисе Шураи Ислам» («Дом мусульманских собраний»), при котором находилось мектебе, где обучались и мальчики, и девочки. Общество выпускало газету «Борхане тәрәккый» («Доказательство прогресса»). Основателем общества, директором училища и редактором газеты был «шемахинский татарин», т.е. выходец из северного Азербайджана Мустафа Измайлов (Лютфи) [ГААО, ф.1, оп.12, д.722; ф.286, оп.2, д.297; ф.1, оп.2, д.1730, л.8].

В 1907 г. в Астрахани образовалось более «умеренное» общество «Жәмәгате исламия» («Исламское общество»), учредителями ко-

торого стали, главным образом, муллы города. На средства общества издавалась газета «Идел». Председателем общества был мулла мечети №8 А.Умеров [ГААО, ф.286, оп.2, д.297; ф.290, оп.3, д.521, л.65].

Астрахань к началу XX в., наряду с Казанью, Уфой и Оренбургом, стала одним из важных центров татарской культуры [Исхаков, 1992, с.24–25]. Здесь активно развивался татарский торговый капитал, действовали национальные типографии, выходили периодические печатные издания, строились новые мечети, открывались мусульманские учебные заведения, действовал татарский театр.

Оренбург

Денис Денисов

Оренбург был основан в 1743 г. как административный и военный центр приграничного края, а также центр торговых и дипломатических отношений Российской империи с народами Казахстана и Средней Азии. С самого начала приграничной торговли в Оренбурге, благодаря близости языка, общности религии и культуры, доминирующее положение на местном рынке заняли татары. Так, уже в 1761 г. на оренбургском меновом дворе среди 109 российских торговцев был 81 татарин (65,1%), в 1799 г. – 162 из 248 (65,3%) [Дорофеев, 1988, с.53; ГААО, ф.6, оп.1, д.160, л.1–19об.]. Поначалу мусульманские предприниматели предпочитали сезонные операции, и только в конце XVIII – начале XIX в. они стали селиться в Оренбурге на постоянной основе, отдельными кварталами вокруг первой городской мечети. До середины XIX в. доля мусульман в постоянном населении города была невелика. В 1826 г. здесь проживало всего 146 мусульман м.п., а в 1847 г. – 457 об.п. (2,5%). Однако с 60–70-х гг. XIX в. наблюдался широкий приток татарских переселенцев в Оренбург. Город в это время переживал экономический подъем, связанный с развитием в крае товарного производства хлеба, перерабатывающей и пищевой промышленности, сети железных дорог, присоединением к России Средней Азии. В 1875 г. Оренбург насчитывал уже 5336 татар (14,3%), в 1890 г. – 14966 (30,7%), в 1904 г. – 22576 (26%). Основу мусульман-

А.Умеров учился в Казани в медресе Ш.Марджани (1818–1889). Затем вернулся в Астрахань.

¹⁵ Среди выпускников медресе – ногайский филолог, фольклорист и просветитель А.Джанибеков (1879–1955), туркменский филолог и богослов А.Ниязи (Ниязов) (1880–1932), узбекский историк Б.Салиев (1882–1942) и др.

¹⁶ Вначале издателем и редактором газеты был З.Шарифуллин. После того как ее издателем стал А.Умеров, З.Шарифуллин остался редактором, а в 1910 г. отказался от этой должности в пользу Умерова.

¹⁷ Помимо «Идел», в начале XX в. в Астрахани издавались татарские газеты «Борхане тәрәккый» («Довод/Аргумент прогресса»), «Мизан» («Весы»), «Халык» («Народ»), журналы «Мәгариф» («Промышление»), «Туп» («Пушка») и др.

Пятая соборная мечеть в Оренбурге. Фото нач. XX в.

ской общины города составляли татары (в 1897 г. – 11321 чел. (15,6%)) [Белавин, 1891, с.59–60; Первая всеобщая, т.28, с.1, 64–65]. Переселенцы селились по всему городу, но чаще к западу от исторического центра Оренбурга – в ремесленно-промышленном районе и к северу – в Новой слободке и на так называемых Новых местах.

На протяжении долгого времени определяющее значение для экономики города имела приграничная торговля, объемы которой неуклонно возрастали до середины XIX в. Однако сооружение в 1880–1900 гг. Закаспийской ж.д. обеспечило быструю доставку товаров из Средней Азии напрямую в Центральную часть России, что подорвало традиционную караванную торговлю. Как следствие, торговый оборот на меновом дворе сначала резко упал, а затем стабилизировался на уровне 4–4,5 млн. руб. в год [Обзор за 1890 г., с.11; Обзор за 1895 г., с.20; Статистический обзор за 1900 г., с.16]. Лишь окончательный пуск в 1904 г. Оренбурго-Ташкентской ж.д. вывел торговлю на меновом дворе на качественно иной уровень. К 1912 г. объемы продаж здесь достигли исторического максимума – 15609018 руб. 50 коп. [Статистический обзор за 1912 г., с.20–21].

Татарский национальный капитал был представлен мелкими и отчасти средними предприятиями, связанными прежде всего с обработкой животноводческой продукции. По данным за 1895 г., татарам принадлежали 6 из 12 боен и салотопен, которые

выпускали продукцию на сумму 371983 руб. (56,4% отрасли). Они положили начало развитию в городе мыловаренного производства. К 1895 г. татары владели 5 из 9 шерстомойных предприятий с общей производительностью в 338670 руб. (55,8%) [Перечень фабрик, 1897, с.88–89, 530–533].

С развитием на Южном Урале торгового зернового хозяйства в 70–90-е гг. XIX в. стало стремительно формироваться мукомольно-крупяное производство как

самостоятельная и важная отрасль городской промышленности [История Башкортостана, 2004, с.419]. Более 20 татарских пекарен играли важную роль в обеспечении жителей города хлебобулочными изделиями.

На рубеже веков в Оренбурге формируется крупный татарский торгово-промышленный капитал, наиболее яркими представителями которого стали оренбургские 1-й гильдии купцы Ахмед (1838–1906), Габдулгани (1839–1902) и Махмуд (1845–1910) Хусаиновы. Первичную обработку животноводческого сырья обеспечивали их промышленные предприятия: бойня и салотопня (с 1875 г.), кишечномоечный завод (с 1885 г.), шерстомойка [Перечень фабрик, 1897, с.530–533; Список фабрик, 1910, с.52]. В 1888 г. братья построили крупную паровую просообдирочную мельницу (в 1895 г. ее производительность составила около 85 тыс. пуд. пшеницы на сумму 100896 руб.). По мере расширения дела Хусаиновы приобрели еще 3 скотобойни в Каргале, кишечномоечные «заводы» в Самарканде и Ташкенте, предприятие по сушке кож в Казалинске¹⁸

¹⁸ Значительная часть сырья поступала на Нижегородскую ярмарку, где А.Хусаинов приобрел крупные торгово-гостиничные комплексы со складскими помещениями и магазинами: «Хусаиновское» и «Лаишевское» подворья. Торгово-закупочную деятельность обеспечивали отделения их фирмы в Аулие-Ата (Таразе), Верном (Алматы), Иргизе, Перовске (Кызылорде), Самарканде, Ташкенте, Токмаке, Туркестане, Чимкенте.

[ГАОО, ф.56, оп.1, д.3743]. В 1898 г. Ахмед причислился к казанскому купечеству 1-й гильдии, Габдулгани – к казалинскому, а Махмуд остался в оренбургском. Несмотря на это, они занимались предпринимательством вместе в рамках учрежденного ими «Торгового дома братьев Хусаиновых» с уставным капиталом в 100 тыс. руб.

На рубеже XIX–XX столетий в Оренбург перебрались крупные орские купцы – братья Рамиевы, которые в зимнее время руководили отсюда своими промышленными и торговыми предприятиями: в 1890 г. – Закир, в 1900 г. – Шакир.

В целом, по данным за 1897 г., 29,2% экономически самостоятельного татарского населения Оренбурга составляли наемные рабочие и служащие (при общегородском уровне в 21,6%), 21,7% были заняты в торговле (10,9%), 21,4% – в промышленном и ремесленном производстве (17,1%), 7,1% – на транспорте (4,6%), 4,9% получали средства от казны, общественных учреждений и частных лиц (8,8%), 3,3% составляли заключенные (1,4%), 2,3% – военнослужащие (8,6%), 2,3% жили за счет сельского хозяйства (5,4%), 2,2% работали в сферах общественного питания и услуг (3%), 1,6% – в строительстве (4,1%), 1,4% получали доходы от капиталов и недвижимости (4,8%), 0,4% составляли чиновники (3,8%), 0,2% – духовенство (1,4%), 0,2% – педагоги (1,4%), 1,8% – прочие (3,1%). По сословиям преобладали крестьяне – 49,4%, на долю мещан приходилось 43,9%, иностранных подданных – 1,75%, казачества – 1,3%, потомственных дворян – 1,2%, купцов – 1,15%, неизвестных – 0,7%, личных дворян и чиновников – 0,3%, п.г. – 0,2%, «инородцев» – 0,1% [Первая всеобщая, т.28, с.132–133, 160–161].

Татары играли важную роль в социально-экономической жизни города: принимали активное участие в решении вопросов городского хозяйства, благоустройства, строительства и транспорта, в пополнении местных финансов, в развитии образования, регулировании деятельности промышленных и торговых предприятий. Если в составе Оренбургской городской думы 1871–1879 гг. не было ни одного татарина, то в 1879–1883 гг. – 1 из 72, в 1883–1892 гг. – 4, в 1892–1893 гг. – 8, в 1893–1897 гг. – 6 из 50, в 1897–1901 гг. – 3 из 58, в 1901–1905 гг. – 5 из

59, в 1905–1909 гг. – 7 из 60 [ОГВ, 1879, 23 июня; 1883, 11 июня, 9 июля; ОЛ, 1887. 3, 10, 17 мая; 1892, 1 марта; ОГВ, 1909, 11 апр.].

Характерной особенностью Оренбурга было то, что первоначально развитие здесь исламских институтов проходило при активном содействии и определяющей роли государства, опережая рост и потребности местной общины. Для удовлетворения духовных нужд мусульманских торговцев в 1783–1785 гг. за казенный счет была построена мечеть на меновом дворе. Из государственного бюджета в 1802–1804 гг. финансировалось возведение 1-й соборной мечети города. В 1834–1846 гг. по инициативе властей была сооружена 2-я соборная мечеть (Караван-Сарайская) Башкиро-мещеряцкого войска. В последующие десятилетия мечети открывались в новых районах: в 1885 г. – 3-я и 4-я, в 1887 гг. – 5-я, в 1893 гг. – 6-я, в 1910 гг. – 7-я [Денисов, 2006, с.53–72].

Влияние переселенцев из Средней Азии и формирование национальной буржуазии способствовали возрождению у татар института вакуфов. В 1848 г. торговец Т.Маркибаев пожертвовал 1-й мечети земельный участок для мусульманского училища, в 1860-е гг. по завещанию князя А.Чингиза здесь была построена лавка, в 1871 г. Ф.Мукминжанов подарил дворовое место для медресе и дома имама, в 1885 г. Ч.Акильбеков – еще один участок для учебного заведения. В 1875 г. Б.-К.М.Губайдуллина подарила 2-й мечети участок с жилыми и хозяйственными постройками для строительства здания медресе, а в 1881 г. прихожане возвели неподалеку вакуфные амбары [ГАОО, ф.11, оп.3, д.4143, л.389–391об.; ф.41, оп.1, д.690, л.5об.–6]. В 1903 г. А.Х.Абдулвалиев оставил после своей смерти 3-й мечети каменный флигель. Наконец, в 1906 г., согласно завещанию покойного купца Хусаинова, был учрежден крупнейший вакуф Российской империи стоимостью 500 тыс. руб., доходы от которого шли на содержание 6-й мечети и медресе «Хусаиния», на выплату пособий учителям 60 новометодных мектебе в Оренбургской, Казанской, Вятской, Симбирской, Пензенской губерниях и Уральской обл., 26 стипендий на обучение в правительственных образовательных учреждениях, на издание учебной литературы и книг религиозно-нравственного характера [Азаматов, 2000, с.42–48].

Передачу религиозных и культурных традиций обеспечивали мусульманские начальные училища (мектебе), открытые во всех приходах, а пополнение рядов духовенства – средние учебные заведения (медресе) при 1-й, 2-й, 5-й и 6-й мечетях (первые два были кадимистскими, другие два – новометодными). В 1891 г. на средства Хусаиновых при 6-й мечети открылось медресе «Хусаиния», где проходило подготовку новое поколение национальной интеллигенции. По инициативе и при финансовой поддержке Г.Хусаинова с 1893 г. по 1902 г. в Оренбургской губ. было реформировано около 100 мужских и создано более 20 женских школ.

В начале XX в. Оренбург становится одним из крупнейших центров, где на основе диалога и синтеза достижений западной и восточной цивилизаций, творческого переосмысления их опыта проходил процесс обновления, секуляризации татарской культуры, становления новых видов национального искусства. Здесь работали 3 из 13 татарских типографий Российской империи («Вақыт», «Дин вә мәғыйшәт», «Каримов, Хусаинов и К^о»), издавалось 11 периодических печатных изданий¹⁹, которые оказали огромное влияние на становление татарской литературы, журналистики и публицистической мысли, на формирование политического сознания татар.

Каргала

Денис Денисов

Указом Сената от 13 марта 1744 г. оренбургской администрации было разрешено «набрать к поселению при г. Оренбурге особой слободой» до 200 семей татар из Казанской губ. для развития торговли с народами Казахстана и Средней Азии. По имени первопоселенца Сеита Хаялина ее назвали Сеитовой слободой, а по реке – Каргалинской (ныне с. Татарская Каргала). Поселенцы освобождались от рекрутской повинности, но в случае необходимости

могли привлекаться к военной службе на нерегулярной основе. Им было разрешено построить мечеть [ПСЗ-1, т.12, № 8893]. Привилегии жителей были существенно расширены именным указом от 8 августа 1745 г. Благоприятные экономические условия способствовали широкому притоку в Каргалу татарских переселенцев, прежде всего из районов Закавказья, ее быстрому превращению не только в важный торговоремесленный, но и крупнейший религиозный, культурный и образовательный центр мусульман в Уральском регионе. В 1762 г. здесь проживало 2174 душ. м.п., в 1870 г. – 6409 душ об.п., в 1889 г. – 7625, а в 1910 г. – 11077 чел. [РГАДА, ф.350, оп.2, д.2450, л.10, 24–89об.; Однодневная перепись 1870 г., б.п.; Однодневная перепись 1889 г., б.п.; ГАОО, ф.164, оп.1, д.209, л.21об., 24]. К 1870 г. Каргала насчитывала 1288 домов, в т.ч. 1191 деревянный, 29 смешанных и 68 каменных. По указу от 7 ноября 1784 г. в Каргале было введено посадское управление, а с 1870 г. – упрощенное городское.

Будучи поселением городского типа, Сеитов посад имел сложную многоотраслевую экономику, в которой доминировали внутренняя и внешняя торговля с народами Казахстана и Средней Азии [Дорофеев, 1988, с.53; ГАОО, ф.6, оп.1, д.160, л.1–19об.]. Жители посада составляли серьезную конкуренцию русским купцам в торговле текстилем, выделанными кожами, красками, галантереей, металлическими изделиями, зерном, мехами и др. Татары активно участвовали и в караванной торговле, посещая Бухару, Хиву, Ташкент, Ургенч и другие среднеазиатские города.

В Каргале в 1811–1814 гг. было сооружено здание Гостиного двора, где размещались 28 каменных и 17 деревянных лавок. К 1889 г. их общее количество в посаде возросло до 260 (15 каменных и 245 деревянных) [Однодневная перепись 1889 г.]. Традиционно многие лавки размещались на первых этажах жилых домов.

Со времени своего основания Каргала являлась едва ли не единственным крупным центром ремесленного производства у татар Оренбургского края. В поселении работали ткачи, портные, золотошвейки, кружевницы, сапожники, овчинники, тулупники, пи-

¹⁹ Газеты «Вақыт» («Время») и «Урал», журналы «Дин вә мәғыйшәт» («Религия и жизнь»), «Кармак» («Удочка»), «Карчыга» («Ястреб»), «Мәғариф» («Просвещение»), «Мәғәллим» («Учитель»), «Чикерткә» («Кузнечик»), «Чүкеч» («Молоток»), «Шура» («Совет»), «Яз» («Весна»).

мокаты, каменщики, печники, пильщики, плотники, калашники, бондари, столяры, кулевщики, тележники, шорники, кузнецы, медники, серебряники, ювелиры и др.

Постепенно формировалась и местная промышленность. Еще в конце XVIII – начале XIX в. каргалинские татары организовали на арендованных башкирских землях поташное и мыловаренное производство. К 1882 г. в Сеитовом посаде работали 18 боен и салотопен (54 работника, продукция на 84 тыс. руб. в год), 1 свечной завод (1 работник, 3 тыс. 200 руб.) [ГАОО, ф.164, оп.1, д.85, л.40].

Подавляющее большинство жителей Каргалы в значительной степени было связано с сельским хозяйством. К 60-м гг. XVIII в. слобода превратилась в центр сельскохозяйственной округи, который обеспечивал производство и переработку высококачественной пшеницы. Ее жители возделывали также овес, ячмень, просо, полбу, гречиху, горох. К концу XIX в. в Сеитовом посаде функционировало уже 7 водяных мельниц (2 каменных и 5 деревянных). Получило распространение бахчеводство, стали возделываться арбузы, дыни, тыквы и огурцы.

По сведениям за 1870 г., в целом, за вычетом иждивенцев, основными занятиями жителей Сеитова посада были: сельское хозяйство (50,3%), выполнение наемных работ и частная служба (20,3%), торговля (17,2%), промыслы и ремесла (11,9%), получение доходов от капиталов и недвижимости (0,3%). С этим соотносятся данные о сословной структуре татарского населения посада, в которой преобладали крестьяне (47%), затем шли мещане (34,9%), купцы и почетные граждане (14,4%), отставные солдаты и члены их семей (1,7%), личные и потомственные дворяне, включая тарханов (0,9%), духовенство (0,7%), казаки (0,2%) и казанские татары (0,2%) [Однодневная перепись 1870 г., б.п.].

С момента основания в Каргале сложились условия свободного исповедания ислама, сохранения и развития мусульманской культуры. На средства местных купцов здесь было построено 10 мечетей. До учреждения ОмДС, старшие ахуны Каргалы являлись неформальными лидерами мусульман Южного Урала, они оказывали огромное влияние на социальную жизнь мусульман,

значительной части Приуралья и Казахских степей.

С середины XVIII в. в Каргале формируется крупнейший на Южном Урале комплекс мусульманских образовательных учреждений среднеазиатского типа. В 1810 г. в местной медресе обучались 359 шакирдов, в 1842 г. – 519, в 1872 г. – 496, а в 1901 г. – около 700 [НА РТ, ф.92, оп.1, д.386, л.14–22об.; ГАОО, ф.6, оп.6, д.11811, л.8; ф.10. оп.2, д.114, л.72; ЦИА РБ, ф.И-295, оп.8, д.8036, л.20об.–21]. Среди них были не только татары Оренбуржья, но и приезжие из Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской, Тобольской и других губерний, а также казахи из Тургайской и Уральской областей.

В 1895 г. по инициативе и при материальной поддержке купца Г.Хусаинова началось реформирование мусульманских учебных заведений на основе внедрения звукового метода обучения и введения в программу большего числа светских дисциплин. На звуковой метод обучения были полностью переведены все начальные школы, в соответствии с новыми принципами реформированы медресе при 1-й, 2-й, 5-й и 9-й соборных мечетях. Однако остальные медресе вплоть до их закрытия в годы советской власти продолжали функционировать, основываясь на старых, религиозно-схоластических принципах.

Орск

Денис Денисов

В Орске, в отличие от других городов Оренбургской губ., постоянные жители из числа татар появились одновременно с основанием крепости. Уже в 1735 г. к северо-востоку от нового укрепления были поселены особой Татарской слободой казаки. Для удовлетворения их религиозных нужд в 1738 г. была построена первая мечеть [Материалы по истории, 2002, с.536]. К 1834 г. численность татарского населения составляла 337 чел. из числа казаков [ГАОО, ф.98. оп.2, д.58, л.518–560]. В 1865 г. Орск был переведен в ранг уездного города. Снятие военных ограничений на поселение, повышение деловой активности и рост торговых оборотов, связанные с присоединением к России Средней Азии, способствовали

Дом купца Бурнаева в Орске Оренбургской губ.
2-я пол. XIX в. Фото 1972 г.

широкому притоку в Орск татар из Среднего Поволжья. В 1870 г. в городе проживало уже 1995 мусульман (35,9% горожан), в 1905 г. – 4184 (29,3%), а в 1910 г. – 7719 (35,4%), среди них преобладали татары. Селились они преимущественно в Старой и Новой слободах к западу и в Старой Форштадтской слободе к юго-западу от исторического центра Орска, занимались земледелием, мелкой торговлей и отчасти ремеслами [Игнатъев, 1870, б.п.; Первая всеобщая, т.28, с.56–57, 68–69]. Рост мусульманской общины города сопровождался интенсивным строительством новых культовых зданий: в 1872 г. была возведена 2-я мечеть, в 1884 г. – 3-я, в 1885 г. – 4-я, а в 1910 г. – 5-я [Денисов, 2008, с.109–166].

При всех мечетях действовали мусульманские учебные заведения, в которых с конца XIX в. стали вводиться новые прогрессивные методы обучения и увеличилось число преподаваемых светских дисциплин.

Экономическое положение Орска зависело от торговли с кочевым казахским населением, которое пригоняло сюда на продажу скот и вывозило в Степь зерно и лесоматериалы. Еще в 1738 г. в Орске был открыт меновой двор, но местная торговля по своим оборотам всегда уступала оренбургской и тройцкой, поскольку именно через эти города проходили два основных караванных пути в Среднюю Азию. А введение в эксплуатацию в 1878 г. Самарско-Оренбургской ж.д. окончательно подорвало орскую меновую торговлю, которая не была обеспечена современными коммуникациями. Ее обороты

стремительно сокращались до 1885 г., когда она окончательно перестала проводиться. В 1887 г. были открыты две ярмарки.

Со времени основания Орска татарские предприниматели доминировали в приграничной торговле. К началу XX в. они во многом сохранили свои позиции и были представлены во всех основных сферах городской торговли. Видными предпринимателями Орска были М.А.Аширов (мануфактура), братья А.-С.М. и М.М.Бурнаевы (мануфактура, скот), Х.У.Долотказин (мука), Г.К.Киникеев (скот, сырье, шерсть), Б.Х.Мангуттов (мука), Ф.Ю.Мукменев (бакалея, скот), Х.Ю.Мукминев (лесоматериалы), А.М.Нигматуллин (мануфактура, хлеб), А.Х.Рахматуллин (мануфактура, сырье, шерсть), К.А.Рахматуллин (скот, сырье, хлеб) и др.

Близость стабильной базы животноводческого сырья создавала благоприятные условия для развития в Орске перерабатывающей промышленности. В 1869 г. татарскому капиталу принадлежали 6 из 9 городских боен и салотопен, выпускавших продукцию на сумму 8675 руб. (35,8% от общей выработки) [ГАОО, ф.164, оп.1, д.5, л.400–401об.]. Г.К.Киникеев и А.Х.Рахматуллин арендовали у города землю на р. Урал под устройство шерстомоек, сырье с которых поступало на ткацкие фабрики [ГАОО, ф.364, оп.1, д.32, л.8].

В конце XIX в. основными источниками существования татарского населения Орска являлись: торговля – 34,9% (при общегородском уровне в 15%), выполнение наемных и поденных работ – 24,5% (15%), сельское хозяйство – 15,7% (28,9%), промышленное и ремесленное производство – 13,8% (11,9%), поступления от казны, общественных учреждений и частных лиц – 2,8% (5,9%), доходы от капиталов и недвижимости – 2,2% (3%), общественное питание и оказание гостиничных услуг – 1,1% (1,7%), извозный промысел – 0,7% (0,7%), другие занятия – 4,3% (17,9%). Если прежде в социальной структуре татар преобладало казачество, то во второй половине XIX в. – уже мещане (63,4%), далее следовали крестьяне

(19,4%), войсковые казаки (11,5%), иностранные подданные (3,5%), купцы (0,9%), «инородцы» (0,6%), потомственные и личные дворяне, чиновники, почетные граждане (0,5%), неизвестные (0,2%) [Первая всеобщая, т.28, с.140–143, 164–165].

Татарские предприниматели принимали активное участие в развитии городского хозяйства, экономики, просвещения, работая в составе органов местного самоуправления. В 1876–1880 гг. татары имели в Орской городской думе 10 мест из 66, в 1880–1884 гг. – 7 из 72, в 1893–1897 гг. – 5 из 26 [ОГВ, 1876, 29 мая; 1880, 5 июля; 1884, 30 июня; 1889, 11 марта; 1894, 29 янв.].

Троицк

Денис Денисов

Троицк был основан в 1743 г. как одна из крепостей Оренбургской пограничной линии. В 1750 г. здесь был сооружен меновой двор.

Выполнение мусульманами важной посреднической роли в меновой торговле с единоверцами, которая составляла основу экономики города, обусловило их высокую долю среди населения Троицка. В 1861 г. здесь проживали 4320 последователей ислама (38,4% населения), а в 1894 г. – уже 8013 (42,7%). Абсолютное большинство местных мусульман составляли татары.

Определяющее значение для экономики Троицка имела приграничная ярмарка, которая проходила на местном меновом дворе с 1 июля по 1 октября. В 1860 г. сюда прибыло 108 караванов, состоявших из 12902 выючных животных [Памятная книжка, 1865, с.12–14]. Со второй половины XVIII в. татарские купцы ежегодно отправляли караваны в Бухару, Ташкент, Хиву, Коканд, Туркестан, Ходжент, Кашгар и другие города [ГАОО, ф.3, оп.1, д.194; ф.5, оп.1, д.17]. В 1845 г. троицкий купец А.-В.А.Абубакиров провел первый караван до Чугучака и обратно с грузом китайского чая, положив начало новому маршруту его вывоза. К 70–80-м гг. XIX в. объемы меновой торговли достигли своего максимума. В 1884 г. здесь было продано товаров на общую сумму 5830000 руб. [Обзор за 1885 г., с.13].

Помимо приграничной и караванной, в Троицке интенсивно развивалась и стационарная торговля, которая обслуживала потребности не только приезжих, но и постоянно растущего населения города и уезда. Если в 1862 г. городская торговая сеть насчитывала 129 лавок, то в 1891 г. – уже 254 (40 каменных и 214 деревянных), в 1907 г. – 545 (56 каменных и 489 деревянных) [Памятная книжка, 1865, с.10–12; ГАОО, ф.164, оп.1, д.142, л.14об.–15; Ведомость о числе зданий, 1908, б.п.]. В конце XIX – начале XX в. возникли крупные оптово-розничные объекты: Пассаж братьев Яушевых, модно-мануфактурные магазины К.Б.Абдрашитова, наследников Л.Г.Яушева, Малые гостинные ряды Бакирова на Нижнем базаре, модно-галантерейный магазин М.Ф.Валеева, где использовались новые методы продвижения товаров (реклама, скидки, распродажи) и прогрессивные формы обслуживания, оказывались дополнительные услуги (заказ и переделка одежды и др.).

В конце XIX – начале XX в. татарский капитал был широко представлен в бакалейной сети, он занимал лидирующие позиции в городской торговле шерстью, салом, кожами, хлебом, текстильной продукцией, галантереей, полностью сосредоточил в своих руках продажу мехов и фруктов.

Троицк являлся одним из важнейших каналов поставки казахского скота в Россию, что обусловило раннее формирование в городе индустрии по переработке животноводческой продукции. В 1871 г. татарским купцам принадлежали 7 из 15 салотопенных предприятий с объемом производства в 30870 руб. (19,6% от общего выпуска), а в 1895 г. – 10 из 13 скотобоен, которые обеспечивали переработку сырья на сумму 202307 руб. (69,6%) [ГАОО, ф.164, оп.1, д.21, л.1–2; Перечень фабрик, 1897, с.532–533]. Постепенно из салотопенного производства в качестве самостоятельной отрасли выделилась мыловаренная промышленность, в начале XX в. татары владели 3 из 5 таких предприятий [Г.Троицк, 1912, с.112]. В кожевенной промышленности доля татарских предпринимателей в общегородском производстве возросла с 25,8% в 1871 г. до 86% в 1917 г. [ГАОО, ф.164, оп.1, д.21, л.2об.–3; ф.364, оп.1, д.32, л.5].

Гостиный двор в Троицке. 1868–1870 гг. Фото нач. XX в.
Совр. ул.Разина, д.9.

Присоединение к России Средней Азии и строительство железных дорог привели к тому, что в конце XIX – начале XX в. торговые обороты на троицком меновом дворе стали постепенно снижаться. Чтобы успешно конкурировать в изменившихся условиях татарские предприниматели были вынуждены проводить техническое перевооружение предприятий, переносить торгово-закупочную деятельность и промышленное производство ближе к источникам сырья, развивать торговую сеть на Урале, в Казахстане и Средней Азии.

Братья Габдулвали (1840–1906), Мухаммадсадык (1845–1899), Мухаммадшариф (?–1906) и Муллагали (1864–1926) Ахмеджановичи Яушевы выступили учредителями Торгового дома, который имел главную контору в Троицке, конторы в Москве и Варшаве, отделения в Челябинске и пос.Кочкарском Оренбургской губ., Кустанае Тургайской обл., в Ташкенте, Чимкенте и Аулие-ата (Таразе) Сырдарьинской обл., Токмаке Семиреченской обл., китайском городе Кульджа, на Нижегородской, Ирбитской, Звериноголовской, Златоустовской, Карачельской, Кундравинской, Николаевской, Тукмакской, Тургайской, Усть-Уйской и Чумлякской ярмарках. Через разветвленную сеть оптово-розничных магазинов сбывались мануфактурные, галантерейные, кожевенные, железно-скобяные, табачные, москательные, бакалейные и колониальные товары, меха, чай, сахар, хлеб и др. Часть реализуемых товаров производилась Яушевыми на собственных промышленных

предприятиях в Троицке: кожевенном и мыловаренном заводе (в 1895 г. было произведено продукции на сумму 216019 руб.), бойне и салотопне (в 1908 г. – на 2737 руб.), чаеразвесочной фабрике (в 1905 г. – на 160000 руб.), паровой мельнице (в 1895 г. – на 115737 руб.). Предприниматели развивали переработку сельскохозяйственного сырья и в Средней Азии²⁰.

Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г.Троицку показали высокую концентрацию татар в сферах торговли и производства. Их основными занятиями были: наемные и поденные работы – 26,8% (при общегородском уровне в 25,3%), торговля – 25,1% (12,4%), промышленное и ремесленное производство – 19,3% (17,5%), получение средств от казны, общественных учреждений и частных лиц – 7,6% (7,3%), работа в сфере общественного питания и услуг – 4,4% (2,6%), сельское хозяйство – 3,4% (9,7%), строительство – 3,4% (4,7%), извозный промысел – 2,7% (1,6%), получение доходов от капиталов и недвижимости – 2,3% (2,7%), учебная и воспитательная работа – 1,2% (1,2%), богослужение – 0,8% (2,7%), военная служба – 26% (8,9%), другие виды деятельности – 2% (7,6%). По сословной принадлежности 58,6% троицких татар были мещанами, 34,6% – крестьянами, 3,6% – купцами, 1,1% – казаками, 0,9% – «иногородцами», 0,6% относились к неизвестным сословиям, 0,3% составляли потомственные дворяне, 0,1% – иностранные подданные, 0,1% – личные

²⁰ Они завели шерстомойку в Токмаке, в окрестностях Ташкента разбили хлопковые плантации, а в 1888 г. построили завод по очистке сырья в местечке Алимкент Ташкентского у. Сырдарьинской обл. (в 1895 г. было произведено продукции на сумму 25203 руб.). По соседству, в местечке Кинсай, при ж.д. ст. Келес Яушевы организовали второй завод (в 1908 г. было произведено продукции на 126400 руб.) [Перечень фабрик, 1897, с.42–43, 530–531, 800–801; Список фабрик, 1910, с.5; Список фабрик, 1912, с.30].

дворяне и чиновники [Первая всеобщая, т.28, с.144–147, 166–167].

Троицк стал одним из крупнейших центров мусульманской религии и культуры на Южном Урале. В 1828 г. в городе была построена 1-я мечеть, в 1835–1838 гг. – 2-я, в 1863 г. – 3-я, в 1878 г. – 4-я, в 1879 г. – 5-я, в 1894–1895 гг. – 6-я, в 1912 г. – 7-я.

При всех мечетях действовали медресе, которые первоначально имели небольшой контингент воспитанников. В 90-е гг. XIX в. при финансовой поддержке местной буржуазии система мусульманского образования в Троицке была полностью реформирована: внедрен звуковой метод обучения грамоте, введены общеобразовательные светские дисциплины, разработаны новые учебные планы и программы, введена классно-урочная система, экзамены и т.д. Троицк (наряду с оренбургско-каргалинским) стал одним из крупнейших учебно-методических центров по подготовке педагогических кадров.

Мечети и конфессиональные училища строились и содержались на средства буржуазии, за счет пожертвований которой постепенно формировалось вакуфное имущество²¹.

Высокая доля татар в населении Троицка, наличие значительной прослойки домовладельцев и торгово-промышленной буржуазии обеспечивали их активное участие в решении вопросов местного значения, в развитии городского хозяйства, социальной сферы через выборные органы самоуправления. На протяжении последней четверти XIX в. доля татар в составе Троицкой городской думы постепенно возрастала: в 1872–1876 гг. она составляла 19,4%, а в 1888–1892 гг. – уже 27,1%. Однако в результате контрреформы Александра III 1892 г. их квота была искусственно ограничена 20%, что не обеспечивало представительства в городских органах, адекватного численности татар.

²¹ Так, в 1895 г. купец М.А.Бакиров пожертвовал 1-й соборной мечети каменную лавку стоимостью 2000 руб., в 1901 г. Г.-В.А.Яушев передал в пользу 6-го прихода земельный участок с многочисленными постройками стоимостью более 2500 руб., в 1906 г. по завещанию М.-Ш.А.Яушева был учрежден вакуфный фонд в 35 тыс. руб. на содержание 2-й мечети и приходского медресе «Мухаммадия» [Азаматов, 2000, с.49–52].

Для обеспечения социальной защиты населения, развития образования и культуры троицкие татары города создали первую в Оренбургской губ. мусульманскую общественную организацию. В 1898 г. было зарегистрировано «Троицкое мусульманское благотворительное общество», которое оказывало помощь голодающим в районах, пострадавших от неурожая, адресную поддержку неимущим, финансировало мусульманские школы города, открыло сиротский приют, занималось благоустройством кладбища и т.д. [Денисов, 2009в, с.360].

Уфа

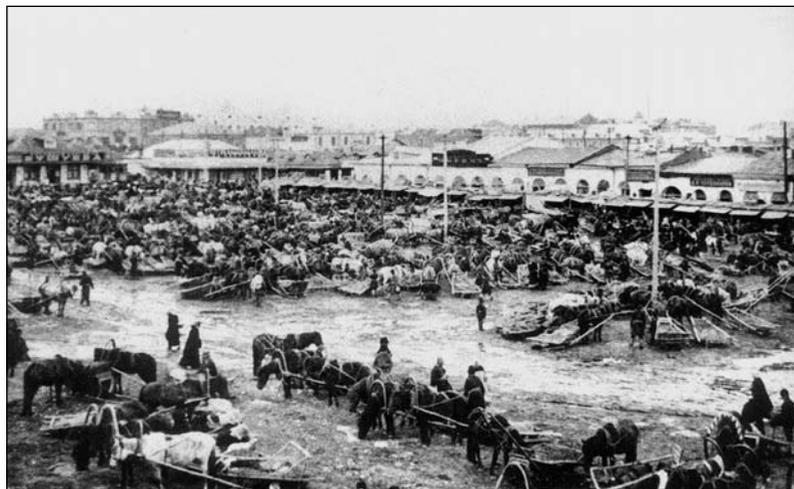
Ильдус Загидуллин

В конце XVI – XVII в. состав населения Уфимской крепости, в которой жили «толмачи»-татары, «новокрещенные» и «слободские татары», был обусловлен возложенными на военное поселение административными задачами [Давлетшина, 2001, с.28]. Статус Уфы повысился в 1744 г. – она была объявлена административным центром вновь учрежденной Оренбургской губ. В 1796 г., в связи с преобразованием Уфимского наместничества в Оренбургскую губ., Уфа превратилась в уездный город. Статус губернского города она вновь обрела после учреждения в 1865 г. Уфимской губ.

В 1835–1865 гг. в городе располагалась канцелярия командующего Башкиро-мещерякским войском [Өфө тарихы, 1983, б.77].

Особенностью города с малочисленным татарским населением являлось расположение в нем ОМДС²². Муфтий Г.Габдрахимов добился выделения «пустопорожного квартала» на нужды религиозного управления, в центре которого в 1830 г. на средства 2-й гильдии царевкокшайского купца Мукмина Хазясеитова была построена каменная мечеть (реконструирована в конце столетия) [Азаматов, 1996, с.51]; также были возведены (на пожертвования) дом для проживания приехавших для сдачи экзамена кандидатов на духовные должности и дом муфтия (за казенный счет). В 1865 г. за счет брачного сбора с мусульман, введенного в 1834 г.,

²² В 1797–1802 гг. (временно) оно располагалось в Оренбурге [Азаматов, 1996, с.25].

На базарной площади Уфы. Фото нач. XX в.

было завершено строительство административного (двухэтажного) здания ОМДС с квартирой для муфтия.

Большой вклад в развитие исламской инфраструктуры в городе внес муфтий С.Тевкелев. В 1877 г. он на свои средства учредил мусульманский приют и богадельню, пожертвовал для их размещения два флигеля в восточной части квартала ОМДС. В дни празднования 100-летия ОМДС для мусульманского приюта 1-й соборной мечети был приобретен большой дом с флигелем и садом [Ширгазин, 2007, с.314–315].

Расположение в Уфе ОМДС в значительной степени обусловило открытие в 1872 г. в городе Татарской учительской школы, которая после ревизии (1876 г.) министра народного просвещения Д.А.Толстого была перенесена в Оренбург.

На росте численности населения Уфы, в том числе татар, позитивно сказалась организация в 1870 г. регулярного пароходного сообщения по р.Белой и, особенно, строительство Самарско-Златоустовской ж.д. В 1888 г. она дошла до Уфы, тем самым город превратился в крупный транспортный узел Южного Урала, активизировалась его экономическая сфера [История Уфы, 1981, с.96, 97]. К 1897 г. численность населения составила 49,3 тыс. чел., в 1904 г. – 68,2 тыс., в 1916 г. – 100 тыс. чел. [Валеев, 2007, с.25].

Известно, что в 1886 г. в Уфе мусульмане составляли 8% от общего числа горожан [Уфимский, 1887, с.143, 144]. К 1897 г. здесь проживали 2524 татарина (5,1%), 3151 башкир (6,39%), 84 мешеряка (0,17%), 72 теп-

тяра (0,15%). Среди городских татарских общин России именно в Уфе был самый высокий удельный вес дворян – 8,1% (по городу – 4,5%). Сословный состав татар по другим группам населения был следующим: личные дворяне и чиновники составляли 1% (по городу – 4,6%), почетные граждане – 0,4% (1,2%), купцы – 0,4% (1,4%), мещане – 28,6% (37,9%), крестьяне – 59,2% (46,4%)

[Первая всеобщая, т.45, с.174–175]. В начале XX в. динамика численности мусульман значительно превосходила общегородские показатели: к 1910 г. они представляли уже треть уфимцев (32,8%, или 31897 чел.) [Города России, 1914]. В конце столетия уровень грамотности среди русских составлял 40%, среди татар – 25%, среди башкир – 24% [История Уфы, 1981, с.123].

Рост численности и укрепление позиций мусульман позитивно отразились на их представительстве в городской думе: в 1915 г. среди 61 гласного – 11 чел. [Справочник, 1915, с.6–9].

Общественное разделение труда среди уфимских татар практически не отличалось от такового в этноконфессиональных общинах других городов Волго-Уральского региона. В начале XX в. Торговый дом Каримовых монополизировал в городе торговлю мануфактурными товарами, вел коммерческие операции в крупных гастрономических магазинах [Кабанова, 2004, с.68–69].

Основная часть мусульманского населения расселялась на окраине, прежде всего в Нижегородской слободе, где в 1873 г. была построена 2-я (деревянная), в 1903 г. – 3-я (каменная) мечеть. 4-ю (каменную двухэтажную с двумя минаретами) мечеть купец Абдулатиф Хакимов построил в русской части города, рядом со своим домом. 5-ю мечеть мусульмане начали строить в 1914 г., однако начавшаяся война отдала время ее открытия на четыре года.

Первое уфимское медресе было открыто в 1887 г. имамом 1-й соборной мечети Хайруллой Усмановым (1847–1907), в нем обучались дети горожан и мусульман Уфимского у. В 1891–1892 уч. г. оно переехало на территорию квартала ОМДС. Здесь в 1905 г. появилось кирпичное здание медресе «Усмания» [Ширгазин, 2007, с.314–315]. Второе медресе – «Хусаиния» – появилось в 1903 г. [Үтэбай-Кәрим, 1997, б.101]. Третье медресе – «Галия» – в 1906 г. организовал Зыя Камали (выпускник медресе «Усмания»), который на средства местной мусульманской благотворительной организации обучался в Каирском университете [Үтэбай Кәрим, 1996, б.191]. В 1910 г. в городе действовали 9 татарских школ – 4 медресе и 5 мектебе.

Заметную роль в социокультурной жизни общины играли оренбургский муфтий, заседатели ОМДС и татарские дворяне. В Попечительстве о бедных мусульманах г.Уфы (1898 г., первый председатель ахун Х.Усманов) [Отчет правления, 1901], Уфимском мусульманском благотворительном обществе (1915 г., председатель купец Мухаммадназип Хакимов) [Отчет, 1916], Уфимском мусульманском обществе потребителей (1915 г.) [Устав, 1916] купцы и дворяне действовали сообща, заботясь о бедных единоверцах, об обучении подрастающего поколения и т.д.

Уфимское мусульманское дамское общество (1907 г., председатель Марьям Султанова) учредило приют для девочек и организовало обучение «нескольких сот дочерей единоверцев в женских национальных школах», успешно привлекая средства земства, городской управы и других жертвователей [Отчет, 1912а].

В начале XX в. Уфа была крупным татарским городским культурным центром. В 1906–1907 гг. здесь издавалась газета «эл-Галәмел-ислами» («Мусульманский мир», первый редактор Д.Абылгильдин), в 1913–1918 гг. – «Тормыш» («Жизнь»). Свою нишу в татарском информационном пространстве занимали (и имели постоянных читателей) журналы «Мәгълумате мәхкәмәи шәргыяи Оренбургыя» («Известия Оренбургского магометанского духовного собрания»), выходил в 1908–1911, 1916–1917 гг.)²³; еженедельный

журнал «Мәгълумате жәдидә» («Новые сведения», 1911–1912 гг.), «Уфаның авыл көнкүреше журналы» («Уфимский журнал сельского быта», 1914–1917 гг.) [Татар вакытлы, 1999].

Первая татарская типография «Шәрык матбагасы» («Восточная печать»), 1908 г.) была отделением типографии «Товарищества Каримова, Хусаинова и К^о» (Оренбург); в ней было издано около 200 книг, главным образом – произведения местной творческой интеллигенции [Каримуллин, 1974, с.165–168]. Вторая частная типография, принадлежавшая Усманову, была открыта в 1911 г. и функционировала два года [Хайруллина, 2004, с.207].

Таким образом, в начале XX в. Уфа являлась мусульманским культурным центром Южного Урала, здесь функционировали медресе, издавались газеты и журналы, имелась издательская база. Тандем городской буржуазии и татарских интеллектуалов обеспечил ускоренную модернизацию национальной культуры.

В заключение отметим, что формирование российских городов в конце XVIII в. (в том числе татарских городских общин на юго-востоке России) стало следствием правительственной политики. В XIX – начале XX в. основные векторы формирования городских татарских общин определялись, главным образом, темпами развития капиталистических отношений, модернизацией России и происходившими в регионах социально-экономическими процессами.

В большинстве городов Волго-Уральского региона и Сибири татары составляли вторую после русских этническую группу жителей.

Города были центром тесного взаимодействия различных конфессиональных групп населения, становления новой интеллектуальной элиты в лице европейски образованной татарской интеллигенции, сосредоточения национального капитала и купечества, успешно исполнявшего роль региональной элиты в округе, чьи усилия по модернизации привели к обновлению социальной жизни татар.

²³ Первым редактором (1908 г.) был имам 3-й мечети М.Хасанов, затем – заседатели ОМДС

Хасангата Габяши, Нурмухамед Мамлеев и п.п.гр. Гиниятулла Капкаев.

ГЛАВА 2

Татары в регионах

§ 1. Западная Сибирь

Светлана Корусенко, Николай Томилов

К началу XX в. основу современного татарского населения Сибири составляли три больших группы: местное тюркоязычное население, бухарцы и поволжско-приуральские татары.

К концу XVIII в. в основном сложились территории следующих этнических образований коренного тюркоязычного населения:

– тоболо-иртышские татары, включая тюменско-туринских, тобольских, ясколбинских (заболотных), курдакско-саргатских, тарских татар;

– барабинские татары;

– томско-обская тюркоязычная группа, включавшая зуштинских татар, чатов, обских татар и калмаков.

В результате изменений в расселении сибирских татар, которые происходили на протяжении конца XVI – середины XVIII в. и были вызваны колонизацией Сибири, чересполосным расселением прибывшего из Европейской части России населения и нестабильной обстановкой в ряде регионов, возникли важные в этническом плане разрывы территории: с одной стороны, тюменских, курдакско-саргатских и тарских татар, с другой – тюменских и туринских татар, в связи с откочевкой чатов в Приобье произошел разрыв этнической территории барабинцев и тюркских групп Среднего Приобья. Единой была территория тобольских, тюменских и ясколбинских татар. Тобольские татары были расселены по соседству с курдакско-саргатскими, последние – с тарскими и барабинскими татарами. Эти две группы также имели общую пограничную зону. На востоке сплошной территорией оказались связаны калмаки, обские татары, чаты и зуштинцы, здесь же расселились отдельные выходцы и небольшие группы тоболо-иртышских и барабинских татар.

Такое расселение разных групп сибирских татар, их размещение по отношению друг к другу фактически не менялись в XIX – начале XX в. Территорией расселения сибирских татар в административном плане были южные районы Тобольской (Тарский, Тобольский, Тюменский и Ялуторовский округа) и Томской (Каинский и Томский округа) губерний.

В течение XIX в. у каждой группы отмечались случаи исчезновения и появления отдельных поселений, укрупнения населенных пунктов. Наиболее существенные сдвиги в расселении всех групп сибирских татар были связаны с земледельческим освоением этого региона русскими. Прежде всего это привело к возникновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий. В группах туринских и обских татар русские оседали на местожительство непосредственно в их деревнях. Обские татары селились и в русских деревнях. В других группах татар таких случаев практически не наблюдалось, только к концу XIX в. в ряде татарских селений стала увеличиваться прослойка русских, наиболее значительной она была в селениях обских татар. Относительно много русских сосредоточивалось с XVIII в. в некоторых деревнях томских татар, чему способствовало и наличие в них прослойки крещеных татар. В группах тоболо-иртышских татар крещеные татары составляли столь незначительный процент, что обычно они сами переселялись в населенные пункты русских. Несмотря на то, что государство поддерживало татарское население в части охраны целостности их земельных владений, путем продажи и аренды развивалось перераспределение земель между татарами и русскими. В численном отношении русские стали значительно

Татары на
крыльце дома.
Тюменский у.
Фото нач. XX в.

преобладать над коренным населением Западной Сибири еще в XVII в., а в течение XVIII в. их численность выросла в 2,4 раза [Кабузан, Троицкий, 1962, с.146]. В ряде мест наплыв русских привел к сужению территории расселения сибирских татар и усилению территориальной разобщенности отдельных групп.

С возникновением и развитием в Сибири русских городов часть сибирских татар поселилась в них на постоянное жительство. Так, при постройке Тобольска возникла Татарская слобода. В 1816 г. татарское население «составили 23 ясачных обоего пола и 134 татарина (мужчин) татарской казачьей команды» [РГИА, ф.1264, оп.1, д.4, л.155]. В 1880-х гг. в Тобольске проживали 185 иногородцев [Голодников, 1882, с.29]. В Тюмени в 1816 г. проживали 23 служилых татарина. В Туринске в 1835 г. числилось 12 татар [РГИА, ф.1264, оп.1, д.71, л.49]. В Таре в 1816 г. проживали 72 чел. [ГУТО ГАТ, ф.154, оп.8, д.354]. В Томске также была образована Татарская слобода, где служилые татары жили вместе с бухарцами. В начале 1820-х гг. в Томской татарской команде числилось 54 чел. (вместе с женами и детьми ж.п. около 100 чел.), жили непосредственно в городе [РГИА, ф.1264, оп.1, д.4, л.148об.–149, 156об.; д.546, л.18]. Не исключено, что

отдельные сибирские татары (в основном, выходцы из Тобольской губ.) во второй половине XVIII – XIX в. селились в Петропавловске, где проживали, кроме того, поволжские татары, бухарцы и казахи [РГИА, ф.1265, оп.9, д.226, л.2–7; Словцов, 1881, с.9]. К концу XIX в. общая численность сибирских татар в городах составила 653 чел., тем не менее, в процентном отношении они составляли явное меньшинство по сравнению с пришлыми поволжскими татарами.

Динамика численности трех основных групп сибирских татар – тоболо-иртышских, барабинских и томских – на протяжении XIX в. представлена в табл.12. Основным источником при составлении этой таблицы послужили сводные и первичные материалы 5-й (1795 г.), 8-й (1834 г.), 10-й (1858 г.) ревизий населения, материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., обработанные С.К.Паткановым с точки зрения выявления народов и различных этнических групп населения.

Как следует из данных табл.12, численность барабинских татар уменьшилась. Считается, что причины уменьшения численности барабинцев связаны с ухудшением условий их жизни (в частности, в связи с крупными падежами скота) и распространением эпидемических заболеваний. Барабин-

Таблица 12

Динамика численности сибирских татар в конце XVIII – XIX в.

Группы татар	1795 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тоболо-иртышская	21482	28195	30325	37648
Барабинская	(5060)*	4876	4411	4433
Томская	2723 (на 1805 г.)**	2764	(1770)***	4016
Итого:	29265	35835	36506	46097

* Общая численность барабинских татар рассчитана из числа душ м.п.

** Численность чатов и зушинцев дана на 1795 г. (материалы 5-й ревизии населения), численность обских татар и калмаков взята из Ведомости Томского округа о населении за 1805 г. [ГАТО, ф.144, оп.1, д.1].

*** Численность указана без учета группы обских татар и рассчитана по количеству душ м.п.

цы еще в начале XIX в. вели полукочевой образ жизни, основным их занятием было скотоводство. В течение XIX в. наблюдалось незначительное увеличение численности томских татар. Объяснялось это тем, что частично томские татары приняли крещение, и крещеные татары, в конечном итоге, были ассимилированы русскими. Наибольший прирост населения наблюдался в тоболо-иртышской группе татар, несмотря на отдельные периоды уменьшения численности некоторых локальных групп. Тоболо-иртышские татары были менее подвержены христианизации, поскольку у них позиции ислама были сильными, особенно у тарских и тобольских татар.

На территории расселения сибирских татар проживали бухарцы, которые стали приезжать в Сибирь еще до присоединения ее к Московскому государству, наибольшее же их количество переселилось сюда во второй половине XVII – XVIII в. Среди сибирских бухарцев сложились четыре территориальные группы: 1) тюменская; 2) тобольская; 3) тарская; 4) томская. Значительно изолированной была томская группа бухарцев. Остальные три группы в ряде случаев консолидировались, как это было в начале XIX в., когда на бухарцев были возложены новые повинности. Так, в обращении к сибирскому генерал-губернатору И.Б.Пестелю указывалось: «Тобольских, тюменских и тарских бухарцев и ташкентцев поверенных Мамета Шихова и Магомета Шихова всепокорнейшее прошение» [ГИАОО, ф.2, оп.1, д.158, л.1а], что свидетельствовало о тесной связи бухарцев, расселенных на территории тоболо-иртышской группы сибирских татар. Выделение этих групп связано с особен-

ностями расселения бухарцев, в основном группировавшихся вокруг крупных городов, поскольку первоначально их основной деятельностью являлась торговля. Расселены они были на землях сибирских татар, часть земель находилась в наследственном пользовании крупных бухарских семейно-родственных групп (например, земельные владения Имяминовых, Шиховых, Айтыкиных в Тарском у., права на которые подтверждались «выписями» из дозорных книг конца XVII – первой половины XVIII в. и родословными – шаджара). Бухарцы изначально имели тесные контакты с сибирскими татарами, в том числе брачные связи. В состав бухарцев в незначительном количестве вошли коренные сибирские татары, выходцы из Казанской губ., калмыки, казахи (например, в Петропавловске, где бухарцы относились к управлению тобольского старшины). Это было связано с теми привилегиями, которые в разное время даровали бухарцам российские правители. Управление бухарцами в Западной Сибири было организовано по округам, во главе каждой такой группы стояли старшины. Так, в конце XVIII в. была сформирована Бухарская вол. в Тарском округе, а в Тобольском и Тюменском округах бухарцы находились в тот период в ведении бухарского старшины, к середине XIX в. были созданы Бухарские волости в Тобольском и Тюменском округах. Также существовала Бухарская вол. в Томском округе.

Как следует из данных табл.13, численность сибирских бухарцев постоянно повышалась, значительное увеличение приходится на первую половину XIX в. Первая половина XIX в. – это период целенаправ-

Таблица 13

Динамика численности сибирских бухарцев в последней четверти XVIII – XIX в.

Территориальные группы сибирских бухарцев	1782 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тюменская	1547	(2548)*	3147	3412
Тобольская	1888	3156	3422	3308
Тарская	1243	2424	3339	4515
Томская	(150)*	267	307	210
Итого:	4678	8395	10215	11517

* Общая численность рассчитана из числа душ м.п.

ленной восточной политики правительства на восток и продвижения империи в Центрально-Азиатский регион, что способствовало дальнейшим миграциям населения из Средней Азии в Сибирь, ставшую объектом, прежде всего, земледельческого освоения. Но переселенцы этого периода уже не могли претендовать на земельные владения. Большинство прибывших бухарцев селилось на землях как инородцев, так и бухарцев, которые закрепили за собой земли в XVII–XVIII вв. Именно поэтому в землеустроительных документах середины XIX в. приводятся сведения о земельных владениях того или иного рода бухарцев (например, у тарских – это Шиховы, Имьяминовы, Бургутовы и др.), а также отмечается отсутствие земельных наделов и возможность пользования только скотским выпуском. В конце XVIII в. численно превалировала тобольская группа сибирских бухарцев, к концу XIX в. наиболее значительной по численности стала тарская группа, что было обусловлено созданием в конце XVIII – первой половине XIX в. куста приозерных поселений в лесостепной зоне, основанных бухарцами [Корусенко, 2006, с.47–51]. Если в начале XVIII в. большая часть бухарцев расселялась вокруг городов – Тюмени, Тобольска и Тары, то в Тарском округе в XIX в. были очень компактно освоены и отдаленные земли, тюменская и тобольская группы бухарцев жили разбросанно среди местных татар. Так, в журнале Тобольского окружного по крестьянским делам присутствия отмечалось (запись №91 от 1 июля 1895 г.): «Особенности татарских волостей: бухарцы расселились почти по всем татарским юртам; крайне оригинальная группировка волостей

с татарским населением «...заклучавшаяся в том, что почти в каждом татарском селеении жители его принадлежат не к одной какой-то инородческой волости, а чуть не ко всем»... Еще более разбросано население Бухарской волости, имеющее свое инородческое управление также в г.Тобольске, но самые дальние юрты той волости находятся в пределах Тюменского и Тарского округов» [ГУТО ГАТ, ф.479, оп.2, д.51, л.37, 38].

Именно динамика численности и особенности расселения бухарцев разных территориальных групп объясняют тот факт, что по переписи 1926 г. почти все бухарцы отмечены именно в Тарском округе – 11517 чел. (из них – 497 чел. в Таре). В Тобольском округе данной переписью зафиксировано 3 бухарца, в Тюменском – 81 [Всесоюзная перепись населения 1926 года]. Таким образом, уже в начале XX в. происходил процесс «отатаривания» бухарцев, который окончательно был завершён к середине XX в.

Переселения поволжских татар в Сибирь начались еще до присоединения Сибири к России. После аннексии Сибири поволжские и приуральские татары мигрировали в основном в районы расселения тобольских и тюменских татар. Хотя единичные случаи присутствия так называемых «казанцев» имели место и среди других тюркоязычных групп. Например, на страницах дозорной книги Тарского у. 1701 г., помимо ясачных, служилых и захребетных татар и бухарцев, упоминаются представители пришлого тюркоязычного населения, а именно казанцы: 10 чел. взрослых и один ребенок (1,0% тюркоязычного населения данного уезда). Расселены они были как в деревнях вокруг Тары, в самой Таре, так и в более от-

даленных от города поселениях, в основном в острожках. В большинстве своем они не имели земли, а некоторые и скота.

Считается, что в конце XVIII в. в Тобольском округе среди тобольских татар поселилась группа прибывших из Европейской части России татар, которые позднее получили общее название «оброчные чувальщики» [Патканов, 1912, с.120; Тумашева, 1977, с.15]. Основную их часть составили татары из Казанской, Самарской и других губерний, переселившиеся в Тобольск. Постепенно они расселились по юртам местных тобольских татар, в самом городе в 1782 г. их оставалось лишь 24 чел. [ГУТО ГАТ, ф.154, оп.8, д.4, л.1218]. Появление в Сибири первых чувальщиков относится ко второй половине XVII в. В отличие от ясачных татар чувальщики не платили ясак, а состояли в оброчном окладе. Именно поэтому они были приписаны к особой волости оброчных чувальщиков. Несмотря на это оброчных чувальщиков в административных документах именовали и ясачными татарами. Видимо, какая-то часть коренных сибирских татар из ясачных и захребетников вошла в состав оброчных чувальщиков, поэтому всю эту категорию татар, на наш взгляд, следует считать смешанной сибирско-казанской группой населения. В результате реформ М.М.Сперанского они, в отличие от «чистых» поволжско-приуральских татар-переселенцев, оставшихся в сословии крестьян, были переведены на положение оседлых инородцев. В то же время инородческая волость оброчных чувальщиков просуществовала до начала XX в., она была расформирована в 1910 г. [Бакиева, 2003, с.59].

Только в XIX в., а именно в его второй половине, происходили массовые переселения поволжско-приуральских татар в Сибирь, которые оказали влияние на культуру и этническое развитие сибирских татар. Среди пришлых татар большую часть составляли «казанские татары». Однако встречались уфимские татары, мишари и др. Многие из них по-прежнему оседали в деревнях коренных сибирских татар или по соседству, создавая свои населенные пункты.

Численность татар-переселенцев в Сибири вплоть до 1860-х гг. росла медленно и в целом была незначительной. По томской

группе казанских татар для последней четверти XVIII в. имеются сведения И.Фалька (1771 г.), согласно которым в Томске было тогда 200 татар и бухарцев об.п. [Фальк, 1824, с.54]. В 1816 г. в Казанской вол. Томского округа насчитывалось 107 татар, в т.ч. 59 мужчин и 48 женщин [ГАТО, ф.321, оп.1, д.10, л.5–13].

По документам в трех округах Тобольской губ. (Тарском, Тобольском, Тюменском) в 1782 г. числился 91 казанский татарин, в 1816 г. – только 27. В действительности в этих округах (особенно в Тобольском) их было больше, поскольку отдельный их учет по этнической принадлежности в составе ясачных, захребетных, дворовых и служилых не проводился. Часть казанских татар была в составе оброчных чувальщиков, но так как они в этой группе практически сливались с сибирскими татарами, вычленить их здесь также не удастся. В 1782 г. оброчных чувальщиков в Тобольской губ., по одним данным, было 254 душ м.п. [РГАДА, ф.248, оп.53, д.4342, л.466об.; РГИА, ф.1341, оп.1, д.295, л.146об.], по другим, – 249 чел. [РГИА, ф.1341, оп.1, д.295, л.92–92об.]; в 1812 г. – 325 ревизских душ, в 1816 г. – 376 душ м.п., или 622 чел. в 1858 г. – 920 чел. об. п. [ГУТО ГАТ, ф.154, оп.8, д.427, л.1–57; д.804, л.1–185]. Если условно принять, что казанские татары составляли половину оброчных чувальщиков, можно определить примерно всю их численность, включая данные по новым переселенцам: для 1782 г. – 340 чел. об.п., для 1834 г. – 500, для 1858 г. – 600 чел.

Материалы свидетельствуют, что переселение татар из Европы в Сибирь приняло массовый характер лишь в последней трети XIX в. Даже в 1858 г. пришлых татар на Западно-Сибирской равнине было лишь 700 чел. (или немногим более). К 1897 г. их численность быстро выросла и составила 14,4 тыс. чел. (табл.14).

Поволжские и приуральские татары чаще всего подселялись к местным татарам. В некоторых населенных пунктах они стали составлять большинство. Например, в ряде деревень Тарского у. Тобольской губ. (Байбы, Ташетканы и др.) пришлые татары, по переписи 1897 г., составляли около 55%. Переезжали они семейными кланами, часто

Таблица 14

**Численность поволжских и приуральских татар на Западно-Сибирской равнине
в 1897 г. (рассчитано по: [Патканов, 1911, с.2–3, 130–131])***

Группа татар, округ	Городское население	Сельское население	Городское и сельское население
Тобольская губ. Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский и Тарский (проживали с сибирскими татарами)	745	5452	6197
Березовский, Ишимский, Курганский, Сургутский, Тюкалинский (проживали без сибирских татар)	110	1767	1877
Всего:	855	7219	8074
Барабинская губ. Каинский	113	1251	1364
Томская губ. Томский	1335	2237	3572
Мариинский	113	1251	1364
Всего:	1448	3488	4936
Итого:	2416	11958	14374

* Данные переписи 1897 г. предоставляют нам сведения о соотношении коренных и пришлых групп (поволжско-приуральские татары и бухарцы) на конец XIX в.

выходцы из одного уезда селились вместе. В тех же Ташетканах большинство пришлых были выходцами из Бугульминского у. Самарской губ. Отмечались случаи образования новых деревень. Так, в том же уезде в последней четверти XIX в. были образованы деревни Молодцово, Малые Мурлы, в начале XX в. – д.Казанка и т.п.

Таким образом, на территории расселения коренных групп татар ситуация к концу XIX в. в связи с массовыми переселениями поволжских и приуральских татар значительно изменилась. Среди томских татар уже в этот период татары-переселенцы составляли более трети, среди барабинских – почти четверть. Однако численность этих групп по сравнению с тоболо-иртышскими татарами была незначительной, среди них пришлые татары в конце XIX в. составили немногим более 14%. Из данных табл.15 следует, что большую часть городских татар составляли именно татары Поволжья и Приуралья: в тоболо-иртышской группе

– 52,2%, барабинской – 99,1%, томской – 82,1%. В целом за последнюю треть XIX в. произошел значительный рост численности татар, в основном за счет миграций.

Еще большими темпами, за счет усиления миграций из Поволжья и Приуралья, росла численность татар в первые 15 лет XX в. Так, в одной только Томской губ., по данным 1911 г., насчитывалось свыше 36 тыс. мусульман, большую часть которых и составили пришлые поволжско-приуральские татары [Памятная книжка Томской губернии за 1912 год, с.184]. В Тобольской губ. рост численности пришлых татар в начале XX в. также способствовал быстрому увеличению числа всех татар (коренных и пришлых) – в 1907 г. в губернии их насчитывалось свыше 66 тыс. чел. [Дунин-Горкавич, 1909, с.6].

Неполным было бы рассмотрение численности татар в конце XIX в. только на территории расселения коренных групп. Мигрировавшие из Европейской части России татары создавали свои поселения и осно-

Таблица 15

Численность сибирских татар, бухарцев и поволжско-приуральских татар-переселенцев в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.)
(рассчитано по: [Патканов, 1911, с.2–3, 130–131])

Группа татар	Всего	Коренные тюрки (сибирские татары)		Поволжские и приуральские татары		Бухарцы	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Сельская местность							
Тоболо-иртышская	55391	37217	67,2	7219*	13,2	10956	19,6
Барабинская	6576	4421	77,9	1251	22,0	4	0,1
Томская	5015	3795	75,7	1078	21,5	142	2,8
Итого:	66082	45433	68,8	9548	14,4	11101	16,8
Городская местность							
Тоболо-иртышская	1638	431	26,3	855	52,2	352	21,5
Барабинская	114	1	0,9	113	99,1	–	–
Томская	1611	221	13,7	1322	82,1	68	4,2
Итого:	3363	653	19,4	2290	66,0	420	12,5
Сельская и городская местности							
Тоболо-иртышская	57029	37648	66,0	8074	14,2	11307	19,8
Барабинская	5790	4422	76,4	1364	23,5	4	0,1
Томская	6626	4016	60,6	2400	36,2	210	3,2
Итого:	69445	46086	66,4	11838	17,0	11521	16,6

* В данное число не включены пришлые татары, расселившиеся в Тобольской губ. вне округов с сибирскими татарами.

Таблица 16

Численность поволжско-приуральских татар в Сибири в конце XIX в. (по переписи 1897 г.)
(рассчитано по: [Патканов, 1911, с.2–3, 130–131, 435, 551, 711, 845, 866])

Территориальные единицы	Всего	Городская местность		Сельская местность	
		чел.	%	чел.	%
Тобольская губ.	8074	855	10,6	7219	89,4
Томская губ.	9423	1812	19,2	7611	80,8
Енисейская губ.	3640	1107	30,4	2533	69,6
Иркутская губ.	6467	921	14,2	5546	85,8
Забайкальская обл.	2512	259	10,3	2253	89,7
Якутская обл.	1476	610	41,3	866	58,7
Амурская обл.	552	217	39,3	335	60,7
Приморская обл.	1053	402	38,2	651	61,8
Итого:	33197	6183	18,6	27014	81,4

вывалили целые анклавы поселений в Томской губ. (районы Алтая), Иркутской губ. и далее на восток. Численность поволжско-приуральских татар, прибывших к концу XIX в. на территорию Сибири и Дальнего Востока, представлена в табл.16. По сведениям С.К.Патканова, на о.Сахалин было зафиксировано 1515 татар, которые не включены в данную таблицу.

Из данных табл.16 видно, что довольно значительной среди пришлых татар являлась доля городских – от 10 до 40%. В то же время ни в одном регионе она не составляла более половины.

К концу XIX в. изменилось в целом соотношение русского и инородческого населения Сибири. В конце XVIII в., по материалам 5-й ревизии, русские составляли в Сибири около 70% [Кабузан, Троицкий, 1962, с.146].

Согласно данным переписи 1897 г., доля русских в Сибири в целом (включая Дальний Восток) составляла 80,7%. Однако соотношение русского и инородческого населения в Западной и Восточной Сибири было различным: 91,4% русских в Западной Сибири и 65,8% – в Восточной (включая Дальний Восток); коренных и пришлых татар в Западной Сибири – 63583 чел. (1,9% всего населения), в остальной азиатской части России – 17215 чел. (0,7%). Таким образом, в конце XIX в. в азиатской России проживало свыше 80 тыс. татар.

Многокомпонентный состав тюркоязычного населения Сибири явился причиной сложной социальной структуры, основы которой начали закладываться в период

первоначального освоения Сибири русскими (конец XVI – XVII в.) и включения сначала местных групп, а затем и пришлых в систему административного управления посредством создания волостей, закреплявших те или иные социальные изменения в обществе (например, создание Подгородной вол. для бывших служилых татар, переведенных в ясак). Относительная унификация социальной структуры характерна уже для второй половины XIX в., когда выделенные три группы относились к разным переписываемым категориям населения – инородцы (местные татары), государственные крестьяне (пришлые татары) и бухарцы. Однако отдельные представители тех или иных групп могли «пересекать» социальные границы.

§ 2. Казахстан

Марат Сдыков, Найла Хамитбаева

Появление и расселение татар на территории Казахстана началось с XVIII в. в рамках процесса формирования многонационального населения, ставшего возможным в результате колонизации казахских земель Российской империей.

В XVIII в. население Казахстана делилось на три родоплеменных объединения – Младший жуз, занимавший западную часть, территории между Уралом и Эмбой, Средний жуз – охватывавший центральную часть и Старший – расположенный в районе оз. Балхаш. Обращение хана Младшего жуза Абулхаира к императрице Анне Иоанновне с прошением о принятии в подданство России было закреплено соответствующим указом в 1731 г. В результате административных реформ 1822–1824 гг. в Казахстане была отменена ханская власть в Младшем и Среднем жузах. В середине XIX в., после вооруженной колонизации Центрального и Южного Казахстана, к России была присоединена оставшаяся часть казахских земель. Процесс завершился принятием Положений об управлении степными областями, которые окончательно ввели в Казахстане российскую систему управления. В середине 50-х гг. XIX в., с выходом российских экспедиционных корпусов в Присырдарьинский регион, территория Казахстана была полностью

включена в состав Российской империи. Из присоединенных районов Казахстана было создано Степное генерал-губернаторство, которое состояло из Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. В 1882 г. к Степному генерал-губернаторству была причислена Семиреченская обл.

В миграционных перемещениях из России в Казахстан в целом можно выделить три основных потока. Первый и основной – регулируемые и направляемые государством иммиграционные волны. Здесь роль метрополии сводилась к созданию системы поощрительных мер по переселению на восток нужных ей социальных и национальных групп населения. Указами императора на территории Казахстана и приграничных с ним земель были созданы Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачьи войска как военно-полицейская сила в степных областях. В первой половине XIX в. второй поток переселенцев составляли стихийные переселенцы, для которых выбор нового места жительства определялся необходимостью поиска убежища и свободы от тягот прежней жизни. Третьей составляющей миграции в Казахстан стали добровольные переселения предпринимателей, торговцев и купцов, крестьян и мещан, которые расселялись в основном в городских поселениях

или около них, основывая целые слободки и заселяя окраины, придавая новый импульс экономической и культурной жизни этих земель. Таким образом, в результате колонизации Казахстана и политики России поощрению переселения на новые земли выходцев из центральных районов империи здесь к концу XIX в. сформировалось многонациональное население.

В миграционной политике правительства в Казахстане особое значение придавалось расселению татар как народа, близкого к казахам по культуре, языку и религии. Еще в XVIII в. татары привлекались к «окультуриванию» кочевников Казахских степей, начавших процесс своего вхождения в состав Российской империи. В этот период поощрялась торговая деятельность поволжских татар среди кочевого населения Казахстана. Правительственная казна отпускала средства на строительство мечетей, конфессиональных школ, направляла казанских татар в Степь в качестве мулл, учителей и т.д. Татарский язык в этот период стал официальным языком общения царских властей с кочевым населением Казахстана. Общность религии и схожесть языка обусловили тесные контакты татар с коренным степным народом [Загидуллин, 2006, с.162–197].

В период активной колонизации казахских земель приток новых поселенцев был связан с необходимостью политико-административного и военного обустройства новых колоний. Основными группами новых поселенцев были военные, служилый и чиновный люд, казачество. Пограничные власти, испытывая дефицит в опытных толмачах, широко привлекали служилых татар для переводов письменной корреспонденции на тюркских языках, ведения дипломатических переговоров, для сбора информации о событиях в Степи. Татары служили как переводчики и чиновники для связи с коренным населением.

Важное место занимали и татарские муллы, с деятельностью которых связано открытие новых мечетей и медресе, особенно в местах проживания новых поселенцев.

Уральск был административным центром УКВ, что сказывалось на сословном составе татарской общины. Среди татарских общин в 1897 г. она выделялась высоким процен-

том казаков – 10,9% (по городу 31,2%) [Первая всеобщая, т.88, с.26–27].

Первые сведения о массовых миграциях татар в этот регион относятся еще к середине XVIII в. Первоначальным местом расселения татар во второй половине XVIII в. был Уральск. С 1760 г. правительством было разрешено заселение Иртышской линии, и татары группами стали заселяться в построенные на ней крепости Петропавловск и Семипалатинск. Татары привлекались в этот район для перевозки грузов между сибирскими городами вдоль Иртыша. В 1836 г. в Петропавловске проживало 459, в Семипалатинске – 1451, в Усть-Каменогорске – 210 татар [ГАОО, ф.3, оп.1, д.1630, л.49–53]. В конце следующего столетия в этих городах уже существовала развитая сеть татарских кварталов, мечетей, медресе и школ-мектебов.

В 1832 г. было образовано первое татарское поселение в Центральном Казахстане на территории Акмолинска. В 1864 г. это поселение стало крупным населенным пунктом, где проживало 130 татар, 245 казахов и 1319 среднеазиатских купцов. Здесь же была мечеть и при ней «татарское училище», в котором обучалось 40 детей разных национальностей [Косымбаев, 1998, с.58–59]. В целом, к середине XIX в. татарское население Казахстана составляло 3,9 тыс. чел., или 0,23% по отношению ко всему населению региона [Востров, 1980, с.18].

До середины XIX в. татарские слободки являлись основным местом расселения татар, что свидетельствовало об их некоторой обособленности от местного населения. Это объяснялось не только конфессиональными отличиями от остальных горожан, но и характером их деятельности, так как в степи торговля и посреднические услуги в тот период являлись теми видами, которые не относились к традиционным занятиям. Поэтому татарское население росло в основном за счет миграционного притока. Основными причинами оттока татар на Восток были рекрутская повинность, насильственная христианизация и резко ухудшившиеся условия жизни, голодные годы. Во время строительства в Казахстане крепостей и форпостов часть татар была переселена сюда по указанию правительства.

Татарская мечеть в г.Лепсинске Семиреченской обл. Фото нач. XX в.

С середины XIX в. расселение татар стало продвигаться в сторону юга Казахстана, что было связано с установлением русского влияния в Сырдарьинском и Семиреченском регионах. Так возникли поселения Кокпекты, Зайсан. После основания в Семиречье Алатавского внешнего округа (1856 г.) сюда начали мигрировать семьи татар и чалказов, т.е. представителей тюркоязычных групп оседлого населения региона, происходившего от смешанных браков казахов с татарами, узбеками, калмыками и другими народами. Возле укрепления Верный они основали торговую слободу, в которой было налажено производство кожи. Вскоре здесь были открыты медресе и мечеть [Асфендияров, 1998, с.329–330, 333].

Однако в течение XIX в. наиболее крупные потоки мигрантов-татар направлялись из Поволжья и центральных районов России на территорию Западного Казахстана. Часть татар размещалась в Уральске, где сложилась одна из самых крупных групп татар в Казахстане.

В пореформенный период основными местами миграции татар стали г.Актюбе, основанный в 1869 г. (верхняя часть города получила в народе название «татарская»), и Кустанайский у. Тургайской обл., где за короткий отрезок времени возникла достаточно крупная локальная татарская община численностью 1725 чел. [Тройницкий, 1905, вып.7, с.37].

В пореформенный период усилилась миграция татар в Казахстан и Киргизию из Среднего Поволжья, Северного Приуралья и Западной Сибири.

Статистические данные показывают, что к концу XIX в. татары становятся заметной группой в составе населения Казахстана.

В конце XIX в. татарское население Казахстана составляло 50114 чел., или 1,45% по отношению ко всему наличному населению региона. Больше всего татар проживало в Уральской и Акмолинской областях, немало их было в Семиреченской и Семипалатинской областях. Меньше всего было татар в Тургайской обл. В материалах переписи населения 1897 г. по Тургайской обл. отмечалось, что «татары, мордва, черемисы, башкиры, принадлежат к оседлой части населения, также, как и русские обитают, главным образом, в северных уездах, т.е. в Кустанайском и отчасти в Актюбинском» [Первая всеобщая, т.87, с.LXXXVII]. Самые большие уезды – Тургайский и Иргизский, составлявшие южную часть области, практически были не пригодны для заселения, так как большая их часть состояла из солончаков и песчаной почвы, которые были мало пригодны для земледелия.

По общей численности татары были третьей крупной диаспорой в Казахстане, после русских и украинцев, и проживали практически во всех районах Казахстана.

Таблица 17

Численность населения в областях Казахстана в 1897 г.
[Первая всеобщая, т.81, 84, 85, 87, 88]

Области	Все наличное население об. п.	% к итогу	Татарское население об. п.	% к итогу
Акмолинская	682608	19,8	10819	21,6
Семипалатинская	684590	19,8	9940	19,8
Уральская	645121	18,7	17805	35,5
Тургайская	453416	13,1	3197	6,4
Семиреченская	987863	28,6	8353	16,7
Итого:	3453598	100	50114	100

К концу XIX в. татары становятся заметной группой в составе населения городов Казахстана. В городах Казахстана в конце XIX в. проживало 28875 чел., или 57,6% ко всему татарскому населению региона. В Петропавловске проживало 6129 татар, в Семипалатинске – 5678, в Уральске – 3461, в Кустанае – 1411, в Илецке – 1341, в г.Верный – 1211. Несколько меньше татар проживало в городах Копал – 961, Лепсинск – 900, Омск – 789, Гурьевск – 655, Пржевальск – 539, Павлодар – 561. Менее 500 татар проживало в городах Атбасар, Кокчетав, Кокпекты, Каргалы, Усть-Каменогорск. В других городах региона проживало от 100 до 300 татар.

В социальном отношении большинство переселенцев относилось к сословию мещан (18773 чел., или 37,5%), большая часть которых проживала в городах. Следующая большая группа татарского населения относилась к сословию крестьян (18156 чел., или 36,2%) и казаков (7637 чел., или 15,2%), большая часть которых проживала в уездах. Татар, принадлежавших к высшим сословиям, было немного: в регионе проживало всего 207 потомственных дворян, 52 – личных, 4 чел. из сословия духовенства, 30 почетных граждан. Они, как и татарские купцы (1225 чел. или 2,4%) проживали в основном в городах региона.

Татарских чиновников и служащих в войсковых частях в регионе было немного, всего 892 чел., или 1,8%. Духовенства и татар, занятых в свободных профессиях – 1205 чел., или 2,4%. Значительная часть татарского населения была занята в сфере торговли – 14875 чел., или 29,7%. Достаточно большая

группа была занята в сфере частной службы, в прислугах и поденщиках – 5137 чел., или 10,2%. Большинство их них проживало в городах. Небольшая часть татарского населения обслуживала городской, водный и железнодорожный транспорт. Среди транспортников больше всего татар занималось извозным промыслом – 1710 чел., среди обслуживающего персонала водного и железнодорожного транспорта татар было немного, всего 41 чел. Значительная часть татар региона – 24420 чел., или 48,7% от всего татарского населения региона, была занята в сельском хозяйстве и промышленности. В сельском хозяйстве было занято 16840 чел., или 33,6% татар, в промышленности 7580 чел., или 15,1%.

Крупные экономические и социальные преобразования, охватившие Казахстан в связи с проникновением русского капитала в Степь и начавшимся распадом традиционного хозяйства казахов, привели к изменению этносоциальной структуры. Свободное поле для предпринимателей привело к притоку в Казахстан представителей новых социальных групп – купечества, промышленников и т.д. Формируется городское население, где основной категорией к концу XIX в. стали «иногородние». В Казахстане в этот период насчитывалось 34 города, из них: 6 областных, 26 уездных и 2 заштатных. Татары становятся одной из новых групп населения Казахстана, преимущественно в городах.

В начале XX в. активный рост татарского населения продолжался. Если в 1897 г. в Казахстане проживало 50,1 тыс. татар, то в 1917 г. – 97,4 тыс. Удельный вес татарского населения возрос с 1,45 до 1,82% [Бекма-

Таблица 18

Численность и удельный вес татар в Казахстане в 1897–1917 гг.
[Первая всеобщая, т.81, 84, 85, 87, 88]

Области	Численность, тыс. чел.		Удельный вес, в %		Прирост, в % (+, -)
	1897 г.	1917 г.	1897 г.	1917 г.	
Акмолинская	10,8	24,0	1,59	1,55	- 0,04
Семипалатинская	9,9	38,3	1,45	1,45	0
Уральская	17,8	14,5	2,76	1,81	- 0,95
Тургайская	3,2	7,6	0,70	2,0,1	+ 1,31
Семиреченская	8,4	13,0	0,84	0,98	+ 0,14
Всего:	50,1	97,4	1,45	1,82	+ 0,37

ханова, 1986, табл.35, с.172; табл.36, с.173; табл.37, с.175–176]. У татарского населения рост численности шел как за счет естественного прироста, так и за счет миграций. Однако основным источником прироста в начале XX в. оставалась миграция.

Развитие в Казахстане промышленности, особенно мелких промышленных предприятий и сети железных дорог, ускорило рост населения в областных и уездных городах, которые становились не только административными и торговыми, но и промышленными и культурными центрами. Одним из торгово-промышленных центров на востоке Казахстана в 1900 г. стал Семипалатинск с населением 31 тыс. чел. На севере Казахстана, в Петропавловске, насчитывалось более 21 тыс. жителей, действовало 66 различных предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья с капиталом более 1 млн. руб. На этих предприятиях было занято 1375 рабочих разных национальностей, в т.ч. и татар. Население Кустаная, основанного в 1879 г., увеличилось за 18 лет в 2,5 раза и достигло 14,3 тыс. чел. Примерно также увеличилось население г.Акмолы, ставшего одним из торговых центров. На западе Казахстана торгово-промышленным центром был Уральск. В 1900 г. в нем проживало 39 тыс. чел. Росту этого города содействовало проведение в 1895–1896 гг. Урало-Покровской ж.д. Быстро росло население Павлодара, Гурьева, Усть-Каменогорска, Каркаралы, Кокшетау и других городов.

Большую часть городских жителей составляли ремесленники, рабочие промышленных предприятий и мелкие служащие. Вместе с тем в городах, являвшихся эконо-

мическими и административными центрами, жило много чиновников и торговцев. Сформировалась прослойка интеллигенции. Татары продолжали заселять Семипалатинскую обл. В основном они осваивали Семипалатинский (прирост на 8,46%) и Закаспийский (прирост на 3,43%) уезды. Значительным было татарское население в Уральской обл., хотя численность его между 1897 г. и 1917 г. несколько сократилась. Часть татарского населения входила в состав Уральского казачьего войска, приняла православие и постепенно обрусела. Продолжалась миграция в Семиреченскую и Акмолинскую области, где численность татар выросла с 19,2 до 37 тыс. чел.

До революции татары были заняты в различных сферах городского хозяйства – мелкие ремесла, скорняжное дело, обслуживание неотложных бытовых нужд населения. По мере вовлечения татар в социальную жизнь новых территорий в диаспорах выделялись лидеры, как правило, из состоятельной части мигрантов. По их инициативе в городах стали создаваться мусульманские общины, а затем и национальные центры, которые занимались религиозной и культурно-просветительской деятельностью. Открывались медресе при мечетях, светские школы, создавались клубы, товарищества взаимопомощи и благотворительности. В наиболее передовых центрах того времени – в Уральске, Петропавловске, Семипалатинске издавались газеты, книги, формировалась национальная интеллигенция.

Значительное место татары занимали и в экономической жизни Казахстана. Купцы Хусаиновы, Яушевы, Абдрашитовы и др.

Дом, в котором жил Г.Тукай в Уральске. Фото кон. XIX в.

открывали салотопни, мыловарни, скотобойни, склады и торговые дома в Кустанае, Актюбе, Иргизе, Карабутаке. В историю предпринимательства в Казахстане вошли имена Бирушева, Муратова, Акчуриных, Тюменевых, Шамсутдиновых, Давлеткильдеевых, братьев Табеевых, Валита Янгузарова (Петропавловск), Исхака Габдельвалиева, отца и сына Каиповых (Верный). Однако самую большую известность среди купечества получила династия купцов и промышленников Мусиных из Семипалатинска, входивших в начале XX в. в число 150 самых богатых семей Российской империи.

На казахской земле в этот период возникла своеобразная татарская субкультура, давшая целый ряд ярких личностей. Прежде всего, это Габдулла Тукай, сложившийся как поэт и как личность в Уральске, где он жил с 9 лет до 21 года. Г.Тукай воспитывался в семье купца Галиаскара Усманова. Уроженец д.Кайбицы Казанской губ. Мутыгулла Тухватуллин стал духовным наставником Г.Тукая, в его медресе «Мутыгия» он 11 лет учился и работал, одновременно посещал русский класс, проявляя высокую одаренность в учебе. Первые литературные опыты Тукая частично запечатлены в рукописном журнале

«эл-Гасрел-жәдид» («Новый век») за 1904 г.

В 1906 г. был зарегистрирован устав Уральского мусульманского благотворительного общества (председатель – сын М.Тухватуллина Камиль) [Устав, 1908].

Камиль Тухватуллин вместе с Г.Тукаем активно участвовал в революционных событиях 1905 г. Они совместно редактировали татарские газеты «Фикер» («Мысль») и журналы «эл-Гасрел-жәдид» («Новый век»), «Уклар» («Стрелы»), выходявшие тогда в Уральске. После подавления революции и закрытия газет оба в

1907 г. уехали в Казань, где продолжали активную деятельность.

Таким образом, формирование татарской диаспоры осуществлялось в несколько этапов и являлось составной частью сложных социально-политических, экономических, культурных и демографических процессов, которые проходили на основе колонизации Казахстана Россией. Кардинальные перемены во всех сферах жизни традиционного общества и появление новых структур вызвали перемещение значительных масс населения на новые земли. Первые представители татарской диаспоры поселились на территории Казахстана в конце XVII в. В XVIII в. начался массовый исход татар в другие края, в том числе и в казахские степи. После выдачи русскими властями татарам разрешения на торговлю увеличилась купеческая прослойка среди татарского населения и усилилось их проникновение в Казахстан. В XIX – начале XX в. происходило добровольное переселение татар на пограничные линии, практиковалась ссылка татар по «указу» и по «прибору». В результате адаптации татары обрели свое место и сыграли значительную роль в экономической и духовной жизни Казахстана.

§ 3. Нижнее Поволжье

Виктор Викторин, Леонид Арсланов

В составе Российского государства татары получили благоприятную возможность для широкого расселения, последовательного освоения южного «фронта» страны, ее лесостепных, степных и полупустынных территорий вплоть до Каспийского моря. Это происходило как в инициативном, подчас самовольном порядке, так и на основе государственной, «служилой» (в т.ч. военной, флотской, обслуживающей) жизнедеятельности.

В низовьях Волги шло сближение между различными этническими элементами – и собственно татарскими, и подвергшимися влиянию со стороны татар, придерживавшихся разных хозяйственно-культурных традиций – в частности, зернового земледелия и овощеводства, полукочевого скотоводства, иногда сопутствовавшего рыболовства и т.д. Намечалось, а затем широко проявлялось взаимодействие различных тюркоязычных групп. Земледельцы – средневожско-татарские переселенцы – начинали тесно контактировать с недавними полукочевниками-скотоводами, в результате возникали многочисленные семьи смешанного происхождения и отмечалось очень любопытное сочетание традиций.

И если до начала XIX в. южнее Царицына среди переселенцев преобладали татарские крестьяне (из северного Закавказья и тетюшско-буинского юга правобережья Волги), то между Пензой и Саратовом ведущую роль играли служилые татары. Субстратной базой для всех сельских и городских переселенцев в Нижнем Поволжье служили ранее жившие на этих пространствах этногруппы ногайского происхождения [Арсланов, 1995, с.1–12, 16, 23, 36, 48, 122 и др.].

Разные этнические группы татар совершали различное продвижение к югу России, поначалу редко соприкасаясь между собой. К середине XIX в. между Царицыном и Каспийским морем эти волны миграций соединялись (нередко в одних и тех же или соседних населенных пунктах).

В низовьях Волги, а затем в Предкавказье соединились, в разных соотношениях, татарская служилая, иная обслуживающая, просто инициативная и разрешаемая,

наконец, самовольная (включая беглую, преследуемую) миграции. Как отметил М.С.Полубояров, имел место указ Петра I от 3 марта 1718 г. о создании новой, царицынской «засечной черты» в степях между Доном и Волгой. Впоследствии сюда было решено перевести часть защитников прежней, пензенской «засеки», включая татар и мордву [Полубояров, 1995, с.180–181].

Указ неизвестен нам, хотя тенденция вероятна, и факты находят подтверждение. Вслед за созданием в конце 1717 г. Астраханской губ., оборонительная линия в междуречье (20–30 км) была сооружена. Но вскоре, с устранением прямой внешней, военной угрозы, возобладали новые, иные миграционные закономерности.

В частности, это были задачи прокладки, заселения и обслуживания государственных магистралей – стратегических, гужевых, почтовых, торговых, военных. Фактически можно выделить, как образованные в течение XVIII в., две Московских дороги – от Рязани через Тамбов и через Пензу, а также Кизлярский, иначе «Линейный», тракт – он был, прежде всего, военного назначения. Намечалась к концу столетия и прокладка дороги Царицын – Кавказ, т.е. вплоть до казачьего и вновь присоединенного Приазовья и далее к предгорьям. Не случайно в сведениях об официальном создании крупных татарских поселений оговаривалось, что сделано это на основании высочайших именных указов, для заселения степи от Царицына до Кавказской линии. Именно поэтому вдоль этих путей возникали татарские населенные пункты, а от них – новые «выселки», обуславливая все более разветвленную сеть местных дорог.

Так, низовая татаро-мишарская миграция начиналась по дороге от Пензы, через Петровск, на Саратов и далее, через Царицын до Астрахани. А «служилый» статус ее участников по итогам «ревизских сказок» (1811, 1833, 1835 гг. и др.) вскоре заменялся в новых условиях обычным крестьянским. В районе Царицына она присоединилась к средневожско-казанской (отчасти представленной «новокряшенами», временно

православными). Вместе они в конце XVIII – началу XIX в. частично переселялись много южнее, также и на Кизлярский («Линейный») тракт, приобретший с большими Кавказскими войнами особо существенное значение.

В миграциях различных этнических групп татар прослеживаются последствия и внешнеполитических процессов, и внутривнутриполитических преобразований. После создания пензенско-сурской «засечной черты» этот рубеж становился и зоной межтюркских этнических контактов – здесь соединялись встречные миграции. В начале XVIII в. крымско-татарские набеги сменились кубанско-ногайскими. И целые группы ногайцев, переходя на российскую службу, участвовали в колонизации рассматриваемых пространств [Викторин, 2006, с.160].

По указу Петра I от 18 декабря 1708 г. была учреждена Казанская губ., в 1714 г. образовалась Нижегородская губ., в ноябре 1717 г. из территорий, входивших в состав этих губерний, была выделена Астраханская губ.²⁴ При этом всегда имелось в виду распространение российского влияния на юг и восток – на Кавказ, Переднюю и Среднюю Азию. Не случайно через Астрахань осуществлялся Персидский поход Петра I 1722–1723 гг., сыгравший значительную роль в заселении края, когда большой массив казанских татар – государственных крестьян – лашман, накануне приписанных к Адмиралтейству, лесорубов и плотников, матросов и солдат десанта, корабельной обслуги – был передвинут на юг, вплоть до Астрахани и т.н. «гребней», т.е. предгорий Дагестана и Чечни.

В Астрахани развивалась Казанская торговая слобода. Большие изменения происходили в жизни окрестных «юртовских» и «джетисанских» ногайских татар, поселившихся в середине XVI в. – начале XVII в. в окрестностях Астрахани. Намечалось их сближение со средневольтскими переселенцами.

²⁴ В XVIII в. Астраханская губ. включала обширные территории: «от Жигулей до Терека» – от г.Кизляра до г.Гурьева на р.Яик и до гг.Петровска, Саратова, Симбирска и Самары с Сызранью. В 1769–1780 гг. постепенно были выделены Саратовская и Пензенская провинции. В 1797 г. Пензенская губ. была переименована в Саратовскую.

Отвечая в 1877 г. на вопросы анкеты, старшина Зацаревской вол. Исхак Мухамедов констатировал: «Первые поселенцы были Юрт-Ногай, пришедшие из Азии, каковые не имели оседлости и кочевали в кибитках ..., но, после посещения Астрахани государем Петром Первым (эти юртовские. – В.В., Л.А.) татары разошлись в разные стороны, избрали себе особые места и поселились отдельными селениями, выстроив себе дома, и стали жить оседло» [ГААО, ф.32, оп.1, д.382, л.155–156]. К 50–70-м гг. XVIII в. возникло около десяти оседлых населенных пунктов юртовцев: Зацарево (Тияк-аул), Мошаик (Казы-аул), Старая Кучергановка (Каньга-аул), Солянка (Сулэнкә), Каргали, Яксатово (Майлегуль), Татарская Башмаковка (Кизань) и др. Джетисанцы вели еще полукочевую жизнь (до самого начала XIX в.), тоже в дельте Волги, рядом с Астраханью [Васькин, 1973, с.33].

Затем произошло бегство большинства калмыков (тургутов) обратно в Китай, с января 1771 г. переселение (дербетов), оставшихся на левобережье, создало в низовьях Волги абсолютно необычные реалии. На этом этапе состоялось образование небольшой полукочевой группы скотоводов и рыболовов, татар Калмыкии (0,6–0,8 тыс. чел.), живших на каспийском взморье – «утаров с.Алабуга». Они сложились как сохранившая степной образ жизни группа юртовцев, но с многообразными этническими добавлениями – на ногайской основе (роды «джембойлук» и «бешогул»), но при участии пришедших с калмыками «кыргызов / бурутов», Орды правобережных казахов («томуд, томут / тогмут»), силжно окалмыченных, а частично принявших буддизм, туркмен Ставрополя, татар-переселенцев, усыновленных детей из числа калмыков, а к середине XIX в. – бухарских купцов – «сартов» из Астрахани, пожелавших примкнуть к полукочевникам. Впервые эта группа стала известна по «ревизской сказке» 1782 г. – как «401 семья», сборный улус, подчиненный лично капитану мулле Абдулле Джангуршину [ГААО, ф.394, оп.1, т.1, д.5521, л.226–229].

Административный центр Иш-тюбе (Өш-түбә) «утары-алабугатцы» имели в близком правобережье при Астрахани, в начале Кизлярского («Линейного») тракта, у целеб-

ного озера («Та'арат-кул») и святой могилы суфийского культа «Өрэк / Үрдәк-адже» – на 100 км юго-восточнее от мест их основного обитания, на «мочажном» взморье.

Как стационарные селения утаров стали известны с конца XIX в. по начало 30-х гг. XX в.: Алабуга (1876–1929 гг.) и Иш-түбе (1878–1929 гг.). Жители первого переселились в Лагань и на ж.д. станцию Улан-Хол в Калмыкии.

Присоединение в 1783 г. к России Крыма и Кубани существенно изменило этнокультурную картину в регионе. Стали российскими подданными ногайцы и калмыки-мусульмане («казлар», «шеред / шерет»). От прежнего Калмыцкого ханства отделились его тюркские подданные – тоже ногайцы и небольшая группа казахов («томуд, томут / тогмут»). Практически все они встречались в процессе миграций со средневожскими татарами-переселенцами, вступали в этнические контакты с ними.

Далее, татары продвигались в степную и полупустынную зону Нижнего Поволжья. Нередко они несли сторожевую службу на границах казахских степей. Но в Степном Заволжье, по рр.Иргиз и Камелик, вели полукочевую жизнь башкиры западной ветви, будущие «самарско-саратовские» [Викторин, 1988, с.10–11]. В связи с непостоянством поведения новых подданных-казахов последовал Указ Екатерины II от 21 августа 1788 г. о строительстве крепостей «между Узенями».

Для обслуживания низового Московского тракта на Астрахань и его ответвления на Калмыкию и Северный Кавказ, чуть южнее Царицына, в Астраханской губ. в 1786 г. возникла татарская деревня Малые Чапурники (Кече Чапурин), «на основании высочайших именных указов для заселения степи ... Казанского, Свяжского наместничеств служилыми, ... новокрещеными, а из Пензенского наместничества – яшашными татарами ...». Документ за 1811 г. указывал, что «в селении Малых Чапурниках – некрещенные татары 30 домов, крещенные татары 49 домов» [ГААО, ф.687, ед. хр.522, л.289–292]. И число служилых татар из мусульман в тот период быстро увеличивалось.

Не удалась предпринятая в те же сроки попытка обустроить тремя селениями – мордовским, чувашским и татарским – урочище

Мокрый Карасал вблизи оз.Маньч и р.Дон, по дороге из Царицына на крепость Ростов и далее на Кавказ. Ввиду недостатка питьевой воды переселенцы потребовали перевода на Волгу. Так, в 1787–1788 гг. возникла д. Каменный Яр (Ташлы Яр) «с поселками всех трех национальностей» [ГААО, ф.498, оп.1, д.327, л.2]. К началу XIX в. мордва и чувашаи переместились на левый берег Волги. В селении остались – и основали 2–3 хутора с правобережья Средней Волги. Здесь и родилась татарская поэтесса Газиза Самитова (1862–1929).

Но большая группа татар, вернувшихся с Карасала (почти 600 домохозяев против 177 оставшихся), была сразу же переведена на «Линейный» («Кизлярский») тракт, в подстепные ильмени вблизи Астрахани. Там в 1788 г. возникло д.Линейное (Кэменни аул). В 1864 г. по соседству, тоже вдоль главной дороги, возникла уже линейнинская выселка – д.Туркменка (Төлке аул).

Их примеру самовольно последовали и некоторые «новокрещенные» из Малых Чапурников. Свыше 300 татар-первопоселенцев на плотках вниз по Волге (а это 270 км) переместились по тракту на земли купца Курочкина и в населенный пункт Курченко (Картузан-аул) [ГААО, ф.476, оп.1, д.113, л.2], где «новокрещенные»-переселенцы сразу вернулись в ислам, а православные чапурниковцы – лишь в 1905–1911 гг. [Арсланов, 1995, с.76–77].

Еще одна, полиэтническая – д.Зензели (Жидөле) возникла в 1771 г. как казачий кордон на самой границе с кочевьями калмыков после побега их сородичей. Но постоянным местом проживания селение стало в 1791 г., когда сюда перебралось несколько татарских семей из Курченко.

Кроме татарского поселка, здесь возникли русское и калмыцкое поселения. К первым добавились казанские татары, чембарские мишари – «кара-калпаки» из деревень Биштюбинка и Новая Кучергановка, несколько семей соседних «утаров» и ногайцев Дагестана, тоже принявших татарские традиции (под обозначением «кызылбаш»). Если представители этой многообразной татарской сельской группы переселялись отсюда, то теперь западнее – в сторону степей Ставрополя.

Татары Астрахани и других селений губернии дали всем единоплеменникам с «Линейного» (Кизлярского) тракта и «подстепных ильменей» одно объединяющее название – «кэнди, кэндилэр», очевидно – по неким особенностям в типе домашней посуды, которой те пользовались.

В целом татарская миграция XIX в. перемещалась вниз по Волге, отчасти направляясь затем западнее – образуя на степных пространствах (прежде всего, Ставропольской губ.) новые населенные пункты или пополняя уже созданные иным направлением миграции (Камыш Бурун, Куликовы Копани, Малый Барханчак и др.).

Казанско-татарская миграция не была «пересадочной» многократно. Более сложной и ступенчатой была миграция служилых татар, которые продвигались вдоль дороги из Пензы и далее на юг. В самом начале этого крупного тракта около 1700 г. служилыми из Мордовии были основаны три больших села: Елюзань (Элээн) – Верхняя, Средняя и Нижняя. Примерно через 50 лет выходцы из Елюзани на 120 км юго-восточнее основали д.Яковлевка (Энкэ аул), а затем на левобережье, в степном Заволжье, вблизи башкир и казахов, – селения Новая Елюзань (1829 г.), Верхазовка (1848 г.) и др.

С конца XVII в. темниковская группа служилых татар несколько раз поселялась в д.Усть-Уза между Пензой и Петровском, но это селение сильно пострадало от крымско-кубанских набегов. Выходцы из Усть-Уза основали около Петровска д.Новая Усть-Уза (1789 г.), а в 1840 г. в степном Заволжье – д.Алтата (от «алты ат» – легендарных «шестерых отцов»-основателей).

Около 1708 г. возникла д.Старый Вершаут. Плененные кубанские ногайцы (поначалу, видимо, обращенные в православие) были в числе отраженных в преданиях «семи семей» его первооселенцев. Далее к ним присоединились представители иных тюрок-кыпчаков (в преданиях о происхождении здешних «тукумов» – и «казахи», и «киргизы») [ПМА, 1998], а также более многочисленные служилые татары – очевидно, кузнецкие.

Спустя полвека, еще ближе к г. Петровску, возникла д. Татарская Покаяевка, в самом начале XIX в. – Новый Вершаут. Одновре-

менно эта межтюркская группа продолжила свою миграцию далеко на юг [Викторин, 2008, с.3].

В степном приказахстанском Заволжье служилые татары из Хвалынского и Кузнецкого уездов в начале XIX в. поселились в крепости Осинев Гай (Иске Узин), к концу 30-х гг. XIX в. основали слободу Мечетную – впоследствии часть г.Николаева (ныне – г.Пугачев), а также д.Сафаровка (1842 г.) [Викторин, 1988, с.8].

С 30-х гг. XIX в. отмечалась сильная миграция в южном направлении чембарских мишарей – жителей шести селений (Кикино, Кочкаровка, Кобылино, Мочалейка, Решетово, Телятино).

В подстепных ильменях правобережья Волги, вблизи Астрахани в начале 30-х гг. XIX в. солдаты-дезертиры, чембарские мишари, скрытно основали поселение Янго-Аскер (Солдат авылы), они поселились рядом с целебным озером, где имели зимнее стойбище и ногайские татары – «утары», начали вступать с последними в смешанные браки.

В районе Царицына «шестисельные» чембарские мишари поселились в деревнях Маяевка (1834 г.) и Бахтияровка (1836 г.). Третье мишарское селение Лятошинка²⁵, возникло к 1840 г. (очевидно, продвижением жителей по обоим берегам Волги), между Царицыным – Саратовом и самой границей казахских степей. Его основали темниковские (в т.ч. из Яковлевки – Энкэ) и кузнецко-хвалыньские мишари из четырех-пяти селений. Но оно почти сразу лишилось части жителей, бежавших к хану Джангиру Букееву под названием «каракалпаки-мишари», где они провели 2–3 года (по 1842 г.). Два обширных уезда, оба с татаро-мишарскими и башкирскими селениями – Николаевский и Новоузенский, в 1850 г. были переданы из Саратовской губ. в новую, Самарскую.

Ушедшие от хана Джангира татары переместились через Волгу и на 250–260 км южнее основали в 1843 г. при Астрахани на правобережье, недалеко от д.Янго-Аскер, свои селения Биштюбинка (Биш түбэ) и Новая Кучергановка (иначе – Кельдермеш, или Каракалпак аул) [Викторин, 2003, с.74–81].

²⁵ Вошло в Николаевский у.

К середине XIX в. община из представителей всех перечисленных татаро-мишарских групп сложилась в Саратове («Глебушев овраг»). Примерно в это же время татары-мишари составляли до трети татарского населения Астрахани (т.е. около 3 тыс. чел.), они основали несколько сел вблизи губернского центра, на правобережье Волги.

Коренным образом скорректировала межэтническую ситуацию в Нижнем Поволжье мощная миграция с переходом через р. Урал казахов т.н. Букеевской орды в начале XIX в.

В их составе население Нижнего Поволжья пополнили ногайский (т.н. «нугай – казак») и соседний ему татарский («калпак», «кара-калпак») этнические элементы. Группы татарского происхождения («казанчи») были известны в Младшем жузе с конца 90-х гг. XVIII в. [Арсланов, 1995, с.93–110; Арсланов, 1998, б.116–121]. Они были потомками бежавших в степь солдат-дезертиров из окрестностей Бугульмы, Белебея, Бугуруслана. В составе орды султана Букея они перешли к полукочеванию, вместе преодолели р. Урал и получили «скрывающее» название «калпак, кара-калпак». В 1817 г. они получили «приемный приговор» на полноправное проживание в орде, но в 1827–1842 гг. поссорились с сыном Букея Джангир-ханом и были выселены на пограничные территории России, где несколько лет жили так же полуоседло [ГААО, ф.2, оп.1, д.238 (1836–1849 гг.), 459 л.].

В урочищах «Сегир-Кудук» и «Сарбаста» оставшаяся в степи небольшая группа татар-мишарей из д. Лятошинки соединилась с казанскими «кара-калпаками», которые составили к концу XIX в. низовой казахский и карагаш-ногайский роды под своим именем «каракалпак»²⁶. Это несколько забытая и очень этноконтактная группа, оформившая-

ся в XIX в., существует и поныне, – и, вне сомнений, в составе татарского этноса.

В самом начале XIX в. произошло оседание полукочевых джетисанских ногайских татар, примкнувших к юртовским. Возникли селения Килинчи (Килэче) – муз (князь) Урусовых, Семиковка – батыра Семека Арсланова, а также несколько поселений неполноправных жителей «емек-джемек» смешанного происхождения (в основном потомков военнопленных с Северного Кавказа): Три Протока (Жэмэли, Ямеле-аул), Кулаковка (Колакау) и Осыпной Бугор (Ярлы Түбэ) [Васькин, 1973, с.33]. Так сформировалась этническая группа юртовцев («татар», «нугай», «нугай-татар»), которых спланировал праздник весны «Амель, амиль», проходивший последовательно по основанным селениям с 1 по 10 марта (по старому стилю).

К середине XIX в. произошло окончательное оформление, начатое с 1771 г., этнической группы «утары-алабугатцы» (потомков тех же юртовцев, остававшихся полукочевыми до 1929 г.), а также пополнение их, полукочевников, пожелавшими того узбеками Бухарского торгового двора, купцами из Астрахани под названием «сарт» [см.: Идрисов, 2011, с.315–316].

Различия в образе жизни юртовцев и утаров и городских и сельских татар-переселенцев постепенно нивелировались. Татары-переселенцы, обосновываясь в юртовских селениях, легко переходили на местный диалект. В конце XIX в. участились браки юношей-юртовцев с девушками из казанских и мишарских семей (калым в этих случаях заменялся для них подарком) [Шарифуллина, 1992, с.109–110].

Следующая группа казанских переселенцев обосновалась на территории Букеевской орды, но с прямым подчинением Астраханской губ., на месте освобожденного уральскими казаками караульного поселения, где с 1871 г. возникли деревни Новая Казанка и Джангала (Жанкала) – ныне райцентр Западно-Казахстанской обл.

И, наконец, на рубеже XIX–XX вв. в Астрахань прибыли большой группой на заработки выходцы из окрестностей Казани, из самой бедной прослойки. Сохраняя связи между собой, они устраивались поденщиками в десяти юртовско-ногайских (и быв-

²⁶ В Уральском округе Казахской ССР в 1926 г. насчитывалось 845 мужчин-«каракалпаков» как глав хозяйств, т.е., с их семьями, всего 3–4 тыс. чел. Немного меньше могло проживать с рубежа XIX–XX вв. на ж.д. станциях Александров Гай (после пуска в 1895 г.) и Палласовка, Кайсацкая (обе – в 1909 г.), в российских губерниях. Некоторые могли быть не учтены, поскольку (даже в одной и той же семье) записывались как и «каракалпак», и «казак», и «тагарин», и «башкир» [Арсланов, 1998, с.116–120].

Астраханский татарин. Фото нач. XX в.

ших джетисано-ногайских) селениях, вокруг Астрахани. Остались здесь навсегда – и в годы революции соединились, основав новое татарское село на острове между двумя полноводными рукавами Волги (с 1918 г. – Новые Булгары (Яңа Болгар)).

Следовательно, пространство татарского проживания в Нижнем Поволжье вполне сложилось к концу XIX в. Укреплялись связи между различными этническими группами татар – и принесших свою специфичность с прежних мест жительства, и обретших ее уже здесь.

По данным за 80–90-е гг. XIX в., Астраханскую и Саратовскую губернии населяли, помимо почти 600 тыс. жителей городов и крепостей, свыше 1,5 млн. сельских русских (в т.ч. более 50 тыс. казаков), из них в пойме и дельте, между г. Царицын и Каспием – свыше 300 тыс. Также здесь проживали до 170 тыс. немцев, свыше 150 тыс. украинцев (прежде всего, крестьян-солевозчиков, т.н. «чумаков»), примерно 120 тыс. мордвы-эрзи и мн. др.

Татар разных этнических групп в данном регионе могло насчитываться около 150 тыс. чел., в т.ч. на саратовско-пензенском приграничье и в Саратове – до 90 тыс. чел. В

степном Заволжье, двух уездах (Николаевском и Новоузенском), отошедших в 1850 г. к Самарской губ., – 16–17 тыс. чел., в Астрахани и «низовых» уездах – не менее 35 тыс. чел., в «подстепных ильменах» и прилегающих калмыцких степях – до 5 тыс. чел., в «верховых» уездах и вблизи Царицына – свыше 6 тыс. чел. Среди казахов Букеевской орды татар (включая непременно и «каракалпáков») – около 8 тыс. чел.²⁷ По соседству с ними в Нижнем Поволжье проживали иные тюрки, в т.ч. в верховой части – ряд чувашских селений «анатри-енчи», в понизовье – около 200 тыс. кочевников – «букеевских» казахов, а на востоке ареала – небольшая группа башкир, еще ближе к дельте – полукочевники, ногайцы-карагаши – 10–11 тыс. и туркмены – 2,5 тыс. чел.

Отдельно должны быть выделены монголоязычные ойраты-калмыки (именно приволжская их часть – торгуты, хошеуты и дербеты «малые») – как, в основном, кочевые, так и «камышовые, лиманные», т.е. рыболовы Прикаспия – не менее 100 тыс. чел. [ср.: Васькин, 1973. с.11–20, 27–34, 41–46 и др.]. Они также имели с соседними татарами многообразные этнические контакты.

Итак, татарское население Нижнего Поволжья, прошедшее насыщенный событиями путь развития, составило в итоге неотъемлемую часть полиэтничного состава его жителей. Именно XIX в. стал основой для его формирования – и в сельской местности, и в городских поселениях. Каждое из рассмотренных 50 татарских поселений имеет свое неповторимое своеобразие как важную основу для дальнейшего историко-регионального и этнокраеведческого изучения.

История татар Нижнего Поволжья – это часть истории Российского государства, освоения его южных просторов. Это касается и «вольной» татарской миграции, и организованного правительством, ключевого для нашего изложения и специально выделенного в данном разделе поселения «по дорогам», игравшего особую роль в военно-административном управлении заселяемых территорий.

²⁷ Расчеты сделаны по опубликованным ранее данным, а также по очень подробным сведениям из статистических «опросов» за 1901 г. хранящихся в ААГОИАмз.

§ 4. Туркестан

Западный Туркестан

Найла Хамитбаева

В Туркестанском крае татары появились задолго до завоевания его Россией. Еще в XVII–XVIII вв. татары оказывали России немалые услуги при сношении с переднеазиатскими и даже восточноазиатскими государствами. Благодаря татарам, находившимся на русской службе, правительство располагало готовыми кадрами переводчиков. Татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией.

В начале XIX в. торговля татарских купцов, имевших доступ в Среднюю Азию, всячески поощрялась царским правительством. В это время существовала целая группа лиц, которых называли «бухар юртучи», т.е. торговцы бухарскими товарами. Но татарские купцы были связаны не только с Бухарой, «некоторые из богатейших татар торговали в Бухаре, Хиве, Персии и Туркестане» [Рыбушкин, 1848–1849, с.87].

В годы Крымской войны последовал новый всплеск миграции татар в Среднюю Азию. Кроме рекрутов-татар, не желавших воевать с Турцией и бежавших в Среднюю Азию, туда же уезжали и осужденные за различные правонарушения татары, спасаясь от репрессий со стороны царского правительства. Значительная часть татар попала в Среднюю Азию в качестве студентов медресе Бухары и Самарканда, издавна известных в мусульманском мире как центры богословского образования. По мнению В.В.Бартольда, ко времени русского завоевания в Туркестанском крае проживало около 5000 татар [Бартольд, 1927, с.158].

В середине XIX в. Россия начала наступление на Среднюю Азию, обусловленное необходимостью получения дешевого сырья, рынков сбыта, сферы влияния. В 1853 г. была взята крепость Ак мечеть, в 1854 г. – Чимкент, 17 мая 1865 г. – Ташкент, в 1866 г. – Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак – на территории Бухарского ханства, 2 мая 1868 г. – Самарканд. Таким образом, с 1864 г. по 1868 г. были захвачены два ханства: Кокандское и

Бухарское, которые формально оставались самостоятельными. Из завоеванных местностей Средней Азии было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Туркестанское генерал-губернаторство делилось на пять областей: Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Семиреченскую²⁸ и Закаспийскую, в 1886 г. оно получило официальное название Туркестанский край²⁹.

Вместе с русскими войсками в Туркестан прибыло немало татар: одни в качестве солдат и офицеров, другие – как переводчики, маркитанты [Губаева, 1991, с.111]. Новая волна татарского населения из внутренних губерний России прибыла в Туркестанский край после его присоединения к империи. Таким образом, в городах и районах Туркестанского края к концу XIX в. проживало 5280983 чел. Численность татарского населения составляла 18432 чел., или 0,35% по отношению ко всему наличному населению региона. Значительная часть татарского населения региона проживала в городах – 11609 чел., или почти 63% по отношению ко всему татарскому населению Туркестана. Более 1 тыс. татар проживало лишь в трех городах – Ташкенте, Верном, Ашхабаде. Следует отметить, что татарское население в других городах региона быстро увеличивалось. Так, в Копале проживал 961 чел., в Лепсинске – 900, более 500 татар проживало в городах Казалинске, Пржевальске, Туркестане [Первая всеобщая, 1897, табл. I, XIII].

Существенное влияние на миграцию татарского населения оказывала колониальная политика царской администрации, стремившейся заселить вновь присоединенные территории русскими. Было принято решение о выдаче разрешения на переселение в Туркестан «только лицам коренного русского про-

²⁸ Семиреченская обл. с 1882 г. по 1899 г. входила в состав Степного генерал-губернаторства.

²⁹ До 1917 г. эта территория в административном отношении условно называлась Русским или Западным Туркестаном.

Мечеть Каллахона, построенная в Ташкенте на средства татарских купцов. 1-я четв. XIX в.
Фото 2010 г.

исхождения, православного вероисповедания» [ЦГА РУз, ф.1, оп.31, ед.хр.123, л.37]. Поэтому русское население в Туркестане к концу XIX в. по численности преобладало над татарским. Например, в Сырдарьинской обл. проживало 3% русских и 0,3% татар, в Самаркандской – 10,4% русских и 0,3% татар.

После колонизации края в русскую администрацию из разных мест империи стали поступать требования о розыске и высылке беглых, подлежащих рекрутской повинности. В рапорте от 3 мая 1868 г. помощник генерал-губернатора Туркестанского края Гомзин писал, что с целью «успокоения туземных жителей» с.с. Росицкий ходатайствует «о разрешении оставить без преследования всех тех лиц, вышедших из России, которые переселились на жительство в Ташкент, до принятия городом присяги на подданство России» [ЦГА РУз, ф.1, оп.19, д.3, л.1–1об.]. Позднее, 6 июня 1871 г., генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман писал военному министру, что среди беглых большинство татар, которые эмигрировали из России еще до колонизации края. «С водворением в крае новых порядков, – уточнял он, – эти люди, оставаясь на своих местах, не только не приносят вред, но напротив, зная русские ремесла, служат хорошими провод-

никами знания в среде туземцев, с которыми им пришлось «сродниться». И далее: «...эти качества эмигрантов дают мне возможность ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством об испрошении» у царя «соизволения на оставление без преследования всех тех выходцев из России, которые переселились на жительство в Ташкенте и других новопокоренных городов Туркестанского края до принятия присяги на подданство России». И такое соизволение было получено 29 июля 1871 г. [ЦГА РУз, ф.1, оп.19, д.3, л.6–9]. Татары, как и дру-

гие эмигранты, получили все права местных жителей, были освобождены от рекрутской повинности, получили право избираться на некоторые должности, право на собственность, могли приписываться к разным условиям и т.д.

Татары принимали активное участие практически во всех сферах экономической жизни края: работали в качестве переводчиков при русской администрации, проводниками и руководителями изыскательских партий, сборщиками податей и волостными управителями, одними из первых стали работать на появившихся в крае заводах, нефтепромыслах, рудниках.

Значительную роль татары сыграли в укреплении торговых контактов. В 1872 г. в Бухаре, как писал В.В.Бартольд, современники отмечали наличие русских товаров и отсутствие русских торговцев: «вся торговля русскими товарами в Бухаре велась туземцами или татарами» [Бартольд, 1927, с.252].

Главным предметом вывоза из Семиреченской обл. являлись овчинные и козлиные кожи, которые имели хороший сбыт не только в России, но и за рубежом. Одним из главных предметов ввоза из-за границы был чай. В числе основных поставщиков чая на рынок значился татарский купец Чанышев. Так, в 1899 г. его приказчики закупили в Ханькоу

чая на 50 тыс. руб., в 1900 г. – на 98766 руб. Всего в 1899 г. на рынок поступило чая на сумму 54450 руб., в 1900 г. – на 175612 руб. [Памятная книжка, 1901, с.3–16].

Татарские купцы Сырдарьинской обл. обеспечивали шерстью волжские суконно-валяльные фабрики. Из Чимкента поставлялась не только шерсть, но и мерлушка (для Москвы), кожа (для заграничных заводов), кишки для колбасников и инструментальщики, лекарственное средство «сантонин» (для европейских и других стран мира). «Все перечисленные отрасли торговли, – писал И.И.Гейер, – сосредоточены главным образом в руках казанских татар» [Гейер, 1909, с.308].

Во второй половине XIX в. торговля в Средней Азии находилась в руках таких торговых центров, как Казань, Оренбург, Уфа. Жители некоторых деревень, например Менгери и Агня Казанской губ., занимались исключительно доставкой товаров в Среднюю Азию. Торговлей с Казахстаном и Средней Азией занимались Яушевы из Троицка, Хусаиновы из Оренбурга, купцы Салимзянов, Каримов из Казани.

Торговой деятельностью в Туркестане была занята значительная часть татар – 5446 чел. (31,0%) [Первая всеобщая, 1897, табл. XXII]. Среди них были 1-й гильдии купцы Мухаммед Бакиров, Абдулвали Яушев, Муртаза Ибрагимов, Газетулла Баязитов, ташкентские купчихи Ширинбана Хусаинова, Саида Хусаинова и др., а также купцы 2-й гильдии. Согласно архивным документам, только в Ташкенте на 1895 г. насчитывалось более 30 татарских купцов 2-й гильдии [ЦГА РУз, ф.87, оп.1, д.25077, л.7–32].

В промышленности Туркестанского края в конце XIX в. было занято 2832 чел., или 16,1% всего татарского населения края [Первая всеобщая, 1897, табл. XXII]. Среди туркестанских татар были и довольно крупные владельцы заводов. Так, «Торговому дому» Ю.Фузаилова принадлежал хлопкоочистительный завод с водяным двигателем, ручным прессом и тремя джинами (кишлак Пейшамбе Ката-Курганского у. Самаркандской обл.). Салихову принадлежал хлопкоочистительный завод с керосиновым двигателем, двумя винтовыми прессами и четырьмя джинами (кишлак Чардор Митанской вол.)

[Гейер, 1909, с.242]. «Торговому дому братьев Яушевых» принадлежало хлопкоочистительное заведение – одно из немногих крупных хозяйств Туркестанского края. Если в 90-е гг. Яушевы имели один хлопкоочистительный завод, на котором работало всего 20 чел., то уже в начале XX в., кроме него, «Торговый дом братьев Яушевых» имел Келесскую ватную фабрику, два магазина и насчитывал более 300 служащих и рабочих [ЦГА РУз, ф.98, оп.1, д.15, л.7–28].

В сельском хозяйстве Туркестана к концу XIX в. было занято 4987 чел., или 28,4% всего татарского населения края [Первая всеобщая, 1897, табл. XXII]. Свой конезавод в Семиреченской обл. имел Фатих Сулейманов, который неоднократно получал награды и премии на конских выставках. Его хозяйство располагалось на земле, арендованной у казаков станицы Николаевская, где на 187 дес. засеивались пшеница, овес и ячмень [ЦГА РУз, ф.1, оп.17, ед.хр.1021, л.6–10].

Еще до прихода русских татары одними из первых в Средней Азии стали разводить картофель. По мнению В.В.Бартольда, разведение картофеля являлось одним из самых существенных признаков влияния европейской культуры. Он отмечал селение Ногай-Курган, расположенное к югу от Ташкента по дороге в Чиназ, которое было основано ногаями – так называли приволжских татар в Туркестане. По свидетельству современников, это селение в 1866 г. было известно как «единственное место во всем здешнем крае, где разводят картофель». Этот факт, по мнению В.В.Бартольда, «может служить доказательством, что роль татар в деле насаждения европейской культуры среди своих туркестанских соплеменников и единоверцев началась еще до русского завоевания» [Бартольд, 1927, с.105–106].

Татары познакомили жителей Туркестанского края и с практикой ведения пчеловодства. И.И.Гейер отмечал, что разведением пчел в Ташкентском у., главным образом в горной его части, занимались татары и таджики. Еще в 60-х гг., писал он, пчел по распоряжению генерал-губернатора К.П.Кауфмана начал разводить татарин, проживавший в селении Брич-мулла. Отсюда пчеловодство распространилось по потокам реки Чаткал [Гейер, 1909, с.93].

Влияние татар на развитие местного производства И.И.Гейер описал на примере местного промысла «тыкучей». Женщины шили халаты вручную, мужчины занимались их кройкой и продажей. «В таком положении, – писал И.И.Гейер, – находилось дело до появления в городе Ташкенте, лет 25 тому назад, одного татарина, который явился виновником настоящего переворота в промысле тыкучей». Этот татарин привез швейную машинку, на которой и стал шить халаты, а «через некоторое время у него нашлись подражатели... из татар же». Машинное шитье, освоенное местным населением, изменило состав работников: «с водворением машины роль женщины в производстве халатов существенно сузилась, а преобладающее значение в нем приобрел мужчина» [Гейер, 1909, с.108–109].

Обосновываясь в различных экономических сферах, татары постепенно становились серьезными конкурентами для русских.

Заметное влияние татар в экономической жизни края уже в 80-е гг. беспокоило русскую администрацию: татары в качестве серьезных конкурентов стали рассматриваться как нежелательный элемент в Туркестане.

В 1901 г. в своем секретном донесении в Департамент полиции МВД военный губернатор Сырдарьинской обл. сообщал, что эта область с давних времен была излюбленным местом торговых операций татар из восточных губерний Европейской России. У местного населения татарские купцы скупали разнообразное сырье, сбывая различные мануфактурные и фабричные изделия. Эта торговля, отмечал губернатор, «представляет большие выгоды и особенно для лиц, которые почитаются туземцами не только единоплеменниками, но и единоверцами, способными стать посредниками в торговле и наставниками в вопросах веры». После колонизации края, по мнению губернатора, влияние татар на местное население еще более усилилось, так что они очень скоро стали не только экономическими хозяевами степи, но и носителями внешних форм татарской культуры. Поэтому местная администрация, сообщал он, «принимала всевозможные меры ограничения свободы действия татар» [ЦГА РУз, ф.1, оп.31, ед.хр.123, л.37–37об.].

Прежде всего, для татар были введены серьезные ограничения в деле прописки

в Туркестанском крае. Татарин мог быть приписан к какому-нибудь городскому или сельскому обществу лишь в том случае, если полицейские органы выдали ему «сертификат» о политической благонадежности. Обойти ограничения в деле прописки можно было лишь с помощью солидной взятки, поэтому туркестанские чиновники часто искусственно создавали для этого различные преграды. Без взятки прописка, как правило, была недоступной.

Ст.262 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. гласила: «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских вероисповеданий – воспрещается» [Тәржеман, 1886, №48]. Таким образом, статья распространялась в основном на татар, башкир и других мигрантов «нехристиан» и «иностранцев». Ст.207 «Положения» запрещала совершать акты с недвижимым имуществом, совершать нотариальным порядком контракты на наем жилых помещений на годовые сроки. Таким образом, татары, поселившиеся в Туркестане, после прихода сюда русских, были лишены права приобретать в крае земли и вообще недвижимость. Со временем эти ограничения стали ощущать даже те татары, которые поселились здесь до прихода русских. Они должны были удостоверить свою принадлежность к местному населению.

На имя военного министра России посыпались многочисленные прошения. Если некоторые частные прошения отдельных лиц получали положительное разрешение, то на прошения, в которых поднимался вопрос об отмене ограничений для всех татар, неизменно приходил категорический отказ.

Проживавшие в Туркестанском крае татары были вынуждены приспособляться, приобретая недвижимость через подставных лиц, что нередко было связано с различного рода сложностями.

В конце XIX – начале XX в. в пробуждающийся мусульманский мир России стали проникать новые идеи, связанные с развитием капитализма. Остро встал вопрос о национальных кадрах, о светской интеллигенции, способной руководить торговлей и, тем более, промышленностью. Необходимость

в кадрах выдвинула на первый план вопрос об образовании.

Создателями новометодных школ в Туркестанском крае, по мнению В.В.Бартольда, «были исключительно татары, прибывшие из внутренних губерний России» [Бартольд, 1927, с.136]. Он писал, что царская администрация считала мусульманскую культуру обреченной на гибель. Однако «жизнь скоро опровергла это мнение; в Туркестан была принесена волжскими татарами и встретила там довольно благоприятную почву мысль о преобразовании мусульманской школы в духе современных требований, но без утраты национальной и религиозной основы» [Бартольд, 1925, с.252].

Новометодные школы за короткий срок завоевали симпатии местного населения. Эти школы, открытые казанскими татарами, писал известный миссионер Н.А.Бобровников, «имели большой успех и были переполнены учащимися» [Бобровников, 1913, с.80]. Точное их количество в Туркестанском крае неизвестно. Они открывались почти в каждом более или менее значительном селении, причем как мужские, так и женские (в последних преподавали женщины-татарки).

В конце XIX – начале XX в. «татары были конкурентами русских в деле ознакомления мусульман с европейскими приемами учения, вообще внесения в их среду европейской культуры. Эта конкуренция постепенно усиливалась, но обратила на себя внимание русских только тогда, когда уже приняла значительные размеры» [Бартольд, 1927, с.136].

Для устранения влияния просветительского движения предлагались самые разные меры, вплоть до запрещения татарам заниматься преподавательской деятельностью в Туркестанском крае.

В 1911 г. в Туркестане были изданы правила, по которым учитель в мектебах должен был принадлежать к той же национальности, что и ученики: «сарт не может

Татарская часть Семипалатинска. Литография кон. XIX в.

обучать киргиз, татарин – сартов» [Бобровников, 1913, с.77]. Началось энергичное искоренение «рассадников панисламизма». По распоряжению русской администрации стали закрываться татарские мектебы. В связи с запретом преподавать в местных школах татарские учителя могли работать только в татарских школах.

Русская администрация была обеспокоена не только распространением новометодных школ. Кроме школ с новым методом преподавания, сообщал в МВД туркестанский генерал-губернатор, «новое движение среди татар проявляется также в стремлении их к открытию в разных городах татарских благотворительных обществ, народных читален, литературных вечеров...» [ЦГА РУз, ф.1, оп.31, ед.хр.123, л.12об.].

В 1908 г. в среде татарской интеллигенции Ташкента возникла мысль о постановке на сцене европейски устроенного театра – представления на татарском языке, имеющего целью пробить первую брешь в крепкой стене мусульманских предрассудков и предубеждений против европейского театрального искусства в частности и европейской культуры вообще. Но поставить первый спектакль удалось только в 1909 г.: в театральном зале коммерческого собрания Ташкента была поставлена татарская комедия «Беренче театр» («Первое театральное представление») [Татарский, 1909, с.172].

Во второй половине XIX в. в Туркестане действовал кукольный театр. Одним из лю-

бимых героев театра в 90-е гг. был доктор Батыршин, городской врач из татар. «Представления кукольные и в лицах, – писал В.В.Бартольд, – обыкновенно давались по вечерам в месяц рамазан, когда этот месяц приходился на зимнее время, и посещались многими русскими». На сцену в 70–80-х гг., «выводились даже русские губернаторы и уездные начальники; впоследствии это прекратилось, вероятно, по требованию властей» [Бартольд, 1927, с.174].

На пробуждение мусульманского населения Туркестанского края оказала влияние и татарская печать. «Ежедневная прогрессивная печать, существовавшая в Туркестане всего два года (1906–1908), всецело находилась в руках поволжских татар» [Бартольд, 1927, с.138].

Военный губернатор Сырдарьинской обл. сообщал, что на местном книжном рынке новометодная литература имеет большой спрос [ЦГА РУз, ф.1, оп.31, ед.хр. 123, л.38]. Кроме газеты «Тәржеман», в Туркестане весьма распространенными были такие татарские периодические издания, как «Йолдыз» («Звезда»), «Вақыт» («Время»), «Өлфәт» («Единство»), «Идел» и др.

Самодержавие тревожилось не напрасно. По признанию чиновников, если за издание книг и брошюр для местного населения не возьмутся русские, то это сделает «татар-

ская печать, задачи и стремления которой далеко не соответствуют русским общегосударственным интересам» [Бартольд, 1927, с.135].

Таким образом, самодержавие отводило туркестанским татарам роль «проводников русского влияния». Однако в целом, вопреки воле правительства, деятельность татар была направлена на экономическое развитие края, на культурное пробуждение и просвещение народов, проживавших в Туркестане.

Активное участие татар в экономической и культурной жизни туркестанского общества воспринималось, с одной стороны, как нежелательная конкуренция, с другой – как еще более нежелательное усиление и укрепление мусульманского мира в России. Правовые ограничения, в определенной степени ослабившие конкуренцию татар, затормозили экономическое и культурное развитие Туркестанского края. В то же время они создали условия, вынуждавшие туркестанских татар к более тесному объединению на национально-религиозной и культурно-бытовой основе, что позволило им сохранить свой этнос, противостоять процессам ассимиляции. Процессы объединения, сплочения и взаимодействия позволили туркестанским татарам, вопреки правовым ограничениям, сохранить свое место в социально-экономической жизни края.

Восточный Туркестан

Лилия Байбулатова

Восточный Туркестан (Кашгария, Малая Бухария, Шестиградие, Семиградие, ныне – Синьцзян-Уйгурский автономный округ Республики Китай) представляет собой котловину, практически со всех сторон окруженную горными системами Тянь-Шаня, Кунь-Луня и Каракорума [Корнилов, 1903, с.67]. Такой ландшафт защищает территорию от проникновения влажных ветров и создает крайнюю сухость воздуха, вследствие чего большую внутреннюю часть Туркестана занимает пустыня, для проживания и земледелия пригодны только подгорные окраины, среди которых выделяется Илийская долина [Певцов, 1949, с.52].

Среди населения Западного Китая некоторыми путешественниками упоминались

и татары. Так, этим термином В.В.Радлов называл таранчей и кульджинцев [Радлов, 1989, с.515, 522], которые этнически являются уйгурами. Наличие татар (тюрков) отмечал и Иакинф Бичурин; по его словам, они проживали в разных губерниях и являлись податным сословием [Бичурин, 1842, с.53].

Появление российских татар-мусульман на территории Восточного Туркестана связано, в первую очередь, с развитием русско-китайских торговых отношений. В конце XVIII в. русские купцы были вынуждены привлекать татар для провоза своего товара в Восточный Туркестан, так как русских торговцев в Кульджу и Чугучак не пропускали. Татары практически не подвергались

грабежу, что позволило им монополизировать торговлю на этом направлении [Шкунов, 2007, с.199]. Помимо караванных путей из Семипалатинска и Петропавловска, татары открыли более доступный и быстрый путь доставки товара в Чугучак из Троицка (1844 г.). Троицкие татары, создавшие компанию, в своих торговых делах обходились без участия правительств России и Китая и превратили это направление международной торговли в свое частное дело [Корсак, 1857, с.427].

Постоянно проживать в Восточном Туркестане российские татары начали с 30-х гг. XIX в. Первые татарские эмигранты, не желавшие служить в русской армии, появились на территории Алтайской обл., женившись на казахских девушках, основали небольшое поселение в Балбагае, которое впоследствии разрослось за счет вновь прибывших [تاتارلارنىڭ، 1988، س.13، 17]. Позднее местные казаки стали называть их деревню Ногайской [Госманов, 1996, б.26].

Следующая волна татарских переселенцев в Восточный Туркестан была связана с дальнейшим развитием торговых отношений между Китаем и Россией [تاتارلارنىڭ، 1988، س.13]. 25 июля 1850 г. государство подписало трактат, регламентировавший правовые основы двухсторонней торговли. Отныне российские купцы, получив в Семипалатинске, Петропавловске, Троицке, Усть-Каменогорске и Копале специальные билеты, торговали в двух городах – Чугучаке и Кульдже, где были учреждены российские консульства³⁰ [Моисеев, 2003, с.23–24]. Перед татарскими купцами открылись большие возможности. После 1865 г. в Кульджу не был отправлен ни один русский караван, и не последнюю роль в этом сыграло нежелание таранчей пропускать к себе русских купцов, местные же власти отказывались принимать на себя обеспечение безопасности их караванов и не разрешали русским судам двигаться по р.Или. Небольшая торговля находилась только в руках многочисленных татарских купцов, которые

связывали Семиречье с Кульджой [Каульбарс, 1874, с.142–143].

Поток татарских купцов в Восточный Туркестан усилился после подписания Петербургского трактата от 12 февраля 1881 г., согласно которому торговавшие здесь российские купцы получили право свободного въезда и выезда с этих земель и беспощинной торговли [Моисеев, 2003, с.199; Чанышев, 2007, б.6]. Однако татары в основном торговали в приграничных городах. В центральном городе Синьцзянской провинции – Урумчи в 1890 г. насчитывалось 50 семипалатинских татар, сартов³¹ и таранчей.

Новая волна переселения татар приходится на 1905–1917 гг. Среди них были и представители татарской интеллектуальной элиты. Вместе с ними на территорию Восточного Туркестана проникали татарская периодическая печать, книги, благодаря татарским просветителям в этот период здесь начинается противостояние между джадидизмом и кадимизмом [Госманов, 1996, б.36].

В целом, расселение российских татар в Восточном Туркестане было неравномерным. В начальный период эмиграции татары селились в Кульдже и Чугучаке, после 1905 г. – и в других городах – Урумчи, Дурбульджине, Турфане, Кашгаре. В этот период наблюдалось также расселение татарских эмигрантов в сельской местности, в частности возле Кульджи и в Алтайском р-не [Госманов, 1996, б.36]. Тем не менее, больше всего их проживало в Илинской обл. (в 1892 г. – более 1900 душ об.п.) и Тарбагатайской обл. [Чанышев, 2007, б.6]³². Схожесть обычаев с местными уйгурами, общая религия, родство языков способствовали мирному сосуществованию и развитию торговых и культурных отношений двух народов [Чанышев, 2007, б.7].

Развитие торговых отношений способствовало появлению в некоторых городах с компактным проживанием татар, в частно-

³⁰ 21 июля 1863 г. российское консульство в Кульдже было вынуждено выйти из кульджинской фактории, опасаясь нападения местного населения [Аристов, 1873, с.170].

³¹ Во времена путешествия М.В.Певцова сартами называли оседлое население Туркестана, независимо от его национальной принадлежности. Русские поселенцы в Туркестане называли «сартами» все его оседлое некое население [Певцов, 1949, с.307, 308].

³² Для сравнения в 1880-х гг. в Илийском крае насчитывалось 130000 чел., в Тарбагатайском округе – 64000 чел. [Костенко, 1887, с.113].

сти Кульдже и Чугучаке, татарских обществ по типу махалли [Госманов, 1996, б.35].

Большинство российских татар, проживавших в Восточном Туркестане, было занято в сфере торговли. В.В.Радлов в 1850-е гг. отмечал, что татарские купцы чувствуют себя здесь более свободными и счастливыми, чем в России, находятся в хороших отношениях с представителями других национальностей [Чанышев, 2007, б.7]. Первоначально торговля, преимущественно мелкая, являлась для татар средством существования, в дальнейшем наиболее удачливые открывали магазины, занимались перепродажей скота, некоторым удалось наладить торговые отношения с Россией [Госманов, 1996, б.45]. Одним из таких купцов был Рамазан Чанышев, который начинал свою карьеру представителем русского купца, владевшего чайной компанией. Собрав капитал, Р.Чанышев совместно с Насыром Бурнашевым открыл в Урумчи фирму и начал вести торговлю чаем с Россией. Не менее известными были Торговый дом братьев Исхака, Ибрая и Гарифа, ориентированный на экспорт в Россию кожи и шерсти; фирма «Алтай», учрежденная Фатихом Алдагарифом и Фазылджаном Юнучи, которая занималась продажей привозимых из России товаров ежедневного пользования. Однако купцов-татар, занимавшихся международной торговлей было мало, основная часть татар занималась перепродажей товаров, открывая небольшие магазины в городе или среди земледельцев, скотоводов, обеспечивая их необходимыми товарами повседневного спроса [Татарлар, 1988, с.19, 20, 21].

По воспоминаниям Ч.Валиханова, татары имели большую выгоду в торговле с казахами, привозя им дешевые и некачественные ткани, а также пользующиеся большим спросом чугунные и железные предметы домашнего обихода, обменивая их на мелкий скот, кожу и меха. Также киргизы привлекали татар и для сбыта собственных товаров в Китае [Валиханов, 1985, с.34–35].

Татары продавали в основном мануфактурные и москательные товары, металлические изделия, сахар, стеариновые свечи, осенью и ранней зимой пригоняли в город гурты киргизских овец. На вырученные деньги закупали в Турфанском округе в больших количествах хлопок и изюм [Пев-

цов, 1949, с.268]³³. Из Кульджи татарские купцы вывозили фрукты, сырые кожи, меха и скот, привозили же дешевые ткани, металлические изделия и выделанные кожи [Кальбарс, 1874, с.143].

Татарское население занималось также ремесленным производством: среди них были кузнецы, портные, кожники, сапожники, краснодеревщики, золотых дел мастера, мастера по приготовлению национальной еды и др. [Татарлар, 1988, с.21].

Кроме того, среди татар были распространены скотоводство и земледелие. Разведением мелкого скота занимались в основном татары, проживавшие в уездах Кульджи, Урумчи, Гучуна, Джимисара, Алтая, Кобуксара и др. Земледелие было распространено среди состоятельных торговцев, которые покупали или арендовали земли и нанимали людей для работы. Они использовали на своих землях более технологичные орудия труда, благодаря чему получали больше прибыли. Среди татар, проживающих в Кульдже и Чугучаке, было распространено также садоводство [Татарлар, 1988, с.23].

Молодые татары приезжали в Восточный Туркестан в качестве наемных работников самостоятельно нанимались к богатым купцам, либо к хозяину в чайханы [Госманов, 1996, б.46]. Образованных татар богатые купцы разных национальностей привлекали для ведения торговых дел: в качестве приказчиков, бухгалтеров, приемщиков, техников [Татарлар, 1988, с.22].

Особое место среди татар занимали мусульманские духовные лица и просветители, которые оказали заметное влияние на развитие образования среди местных уйгур и казахов. В конце XIX – начале XX в. школьная система уйгуров была организована по кадимистскому принципу, отсутствовала единая программа преподавания, обучение сводилось к чтению и заучиванию религиозных книг и т.д. [Чанышев, 2007, б.83–84].

³³ М.В.Певцов отмечал наличие ферганских сартов также в других оазисах: в Аксуйском – 200 чел., Учтурфанском – 100 чел., в Яркендском – 100 чел., Хотанском – 80 чел., занимавшихся торговлей русских товаров (ситец, металлические изделия) в Туркестане и вывозивших в Россию бумажную ткань (мату), козий пух, овчину, ковры и войлок (из Яркенда), шелк-сырец (из Хотана) [Певцов, 1949, с.47, 70, 94, 95].

Для развития начального образования в Синецзян в 1870-х гг. были приглашены несколько выпускников КГУШ для преподавания, также они составили специальную учебную программу для местных школ [Чанышев, 2007, б.85].

Часто на духовные должности приглашались известные религиозные деятели. Например, в 1874 г. в Чугучак на должность имама был приглашен Курбангали Халиди (1846–1913), известный просветитель и ученый, переехавший в Восточный Туркестан из Аягуза (Казахстан), который занимался преподавательской деятельностью, изучал местную историю [Госманов, 1996, б.62]. В 1899 г. в Кульдже имам-хатибом местной махалли был приглашен Кашфельсарар Вагапов (1858–1957), получивший образование в Казани, Астрахани и Бухаре. С его приездом в городе началось строительство мечети, было налажено обучение татарских мальчиков и девочек. Методы преподавания сочетали в себе и джадидистские, и кадимистские элементы; в 1913 г. школа Вагапова окончательно приобрела джадидистский характер, переехала в помещения при мечети. Наряду с преподаванием К.Вагапов выполнял функции кадия, прославился как справедливый судья [Госманов, 1996, б.63–64].

В создание исламской инфраструктуры посильный вклад вносили и татарские богачи. Так, в 1880 г. в Кульдже татарские баи Елкыбаевы построили мечеть, при которой открыли двухклассное медресе. Позднее, с увеличением числа татарских детей, Шарифутдин Габитов построил при мечети четырехклассное медресе («школа Кашфия») с пансионом на 10 мест [Чанышев, 2007, б.60–61].

Таким образом, история российских татар в Восточном Туркестане показывает, что

Курбангали Халиди. Рис. 1880 г.

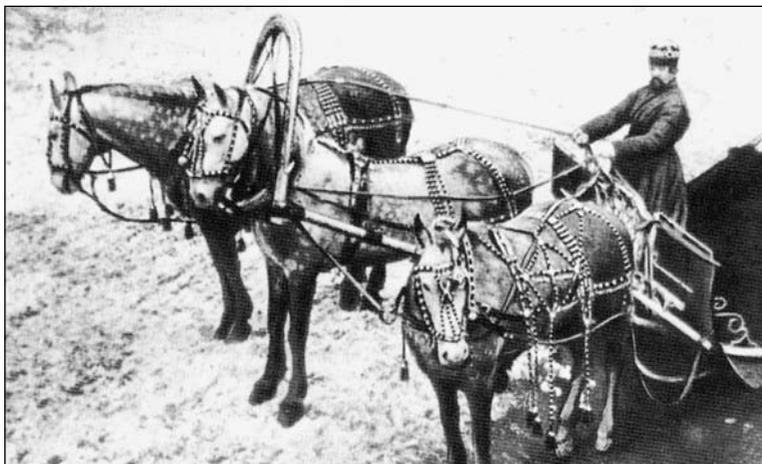
основной причиной их эмиграции из России послужили социально-экономические и религиозные факторы. Если в конце XVIII в. татары появлялись на этой территории только в качестве торговцев, то уже в первой трети XIX в. началось постепенное хозяйственное освоение, расселение, чему в немалой степени способствовало благожелательное отношение к ним местных уйгуров и казахов. Увеличение численности татар привело к образованию в начале XX в. общин в таких крупных городах как Кульджа, Урумчи и Чугучак. Проживавшие в Восточном Туркестане татары оказали заметное влияние на развитие местных тюркских народов, в первую очередь это коснулось образования. В конце XIX – начале XX в. татарские школы стали очагом просвещения не только для эмигрировавших татар, но также и для казахов, уйгур. В хозяйственном укладе местных свою нишу заняли также и купцы, часть которых способствовала укреплению российско-китайских торговых отношений.

§ 5. Центральная Россия

Фарида Шарифуллина, Дамир Хайретдинов, Дмитрий Макаров

Новое время явилось особым этапом в истории развития татарских общин Центральной России. Многие общины, фиксируемые в более ранние периоды истории – в современных Калужской, Владимирской, Ивановской, Ярославской, Тверской областях, прекращают свое существование в XVII–XVIII вв., а в Воронежской, Белгород-

ской, Курской областях – и в более ранний период. Большинство татарских локальных групп Рязанской обл., большинство татар Московской и Тамбовской областей и, возможно, Тульской обл. к началу XIX в. сократились до минимума. Полноценное существование татар наблюдалось лишь в Касимовском у., Москве и Костроме. Но в

Московский извозчик-татарин. Фото нач. XX в.

пореформенное время жизнь татарских общин Центральной России начинает оживать, что было связано в основном с активной миграцией в этот регион татар из Среднего Поволжья. Часто ведущую роль играл и фактор военной службы (Воронеж, Калуга, Курск, Тверь). Для татарских общин XIX – начала XX в. всех регионов Центральной России, за исключением района Касимова, было характерно дисперсное расселение в городах. В условиях иноэтнического окружения переселенцы-татары создали анклавные компактные проживания и собственной социальной (мечети, школы, кладбища) и, отчасти, экономической (точки продажи халляльного мяса) инфраструктурой. Образование инфраструктуры было обусловлено как требованиями религиозного характера, так и желанием сохранить привычную языковую и культурную среду. Нередко отмечалась концентрация татар на одних и тех же предприятиях (например, скорняжных в Москве, в сфере обслуживания на железнодорожной трассе Москва – Санкт-Петербург) или в одной и той же сфере (охрана на фабриках в Иваново-Вознесенске). Высока была доля татар, занятых в частном бизнесе (извоз, мелкая торговля, ремесла).

Одна из характерных особенностей образования татарских общин в Центральной России – сопряженность их с процессом урбанизации, а также доминирование в новых общинах выходцев из определенных местностей: так, во Владимирской губ., включая современную Ивановскую обл., – это были

выходцы из Нижегородчины и Буинского у. Симбирской губ., в Тульской – из Хвалынского у. Саратовской губ., в Курской – из Нижегородчины и района Касимова. В случаях совместного расселения татар из различных регионов наблюдалась определенная дифференциация по роду занятий и материальному положению. Наиболее богатыми и занимающими высшие страты в обществе оказывались касимовские и

темниковские татары. Они же проявляли и наибольшую социальную активность.

Москва. В изучаемый период был очевиден резкий «взлет» численности мусульман в Москве. Если буквально несколько лет назад, в 1866 г., в ведомостях фигурировали 223 муж. и 116 жен. [ЦИАМ, ф.199, оп.2, д.39, л.2–4], то к 1871 г. их число выросло до 1,2 тыс. чел., в 1897 г. – до 4,2 тыс., в 1912 г. – они составляли уже 9,7 тыс. чел. [Выдро, 1976, с.30].

Небольшая и стабильная на протяжении нескольких веков татарская община почувствовала на себе новые веяния. Это сказалось и на скачкообразном увеличении ее численности, и на характере социально-экономических взаимоотношений внутри общины и вне ее.

В конце XIX в. значительно увеличилось количество татар, занятых в торговле – купцов, посредников и членов коммерческих учреждений. Среди московских купцов видное место занимали 1-й и 2-й гильдий купцы С.Ерзин, М.-Р.Исаков, И.Ахун-Джанов, Х.Кастров, М.Девишев, А.М.Нигматулла и др.; им и другим представителям общины принадлежали в Москве многие владения с домами, торговые ряды и магазины, склады и гостиницы.

На рубеже веков, и особенно интенсивно в начале XX в., происходит становление национально-политических интересов торгово-промышленного класса татар, развившееся в Москве в тесном взаимодействии крупнейших купцов с национальными

и религиозными лидерами мусульманского сообщества.

Этнолокальный состав общины в этот период оставался в целом таким же, как и в предыдущие эпохи: основу общины составляли татары Среднего Поволжья и Касимовского у. Кроме них, заметной частью общины были крымские и литовско-польские татары [Садур, 1987, с.30, 35, 37].

«Между этническими группами, объединяемыми названием «татары», и другими группами мусульман в Москве устанавливаются более тесные отношения, чем в районах их традиционного проживания, ...немаловажную роль в этом играла оппозиция официальной православной религии... В силу этого наличие мечети и отдельного кладбища приобретает для мусульманского населения Москвы особое значение» [Садур, 1987, с.37]. Добавим, что в качестве такой объединительной основы выступала не только и не столько собственно мечеть, но наличие особого квартала, со своим старожильческим населением и сложившимся укладом быта.

Как и в предыдущие века, основным, наиболее очевидным и стабильным центром концентрации татарского населения во второй половине XIX – начале XX в. выступает район Замоскворечья, известный ранее как Татарская слобода. Уже к 1880-м гг. становится заметным территориальное расширение компактного поселения татар; однако этот рост не идет ни в какое сравнение с ситуацией начала XX в., когда татары становятся владельцами практически всего района не только бывшей Татарской слободы, но и в достаточном отдалении от нее и к северу, и к югу [Хайретдинов, 2002, с.149, 204–209]. При этом никакой прибыльной торговли здесь не велось, и любой купец должен был иметь склады и торговые точки в людных местах в центре Москвы. С конца 1870-х гг. в перечне родов занятий татарских купцов, помимо привычной торговли разным товаром, появляются такие виды деятельности, как содержание постоянных дворов и ресторанов, гостиниц, мясных лавок и др.

Светское и религиозное начала в деятелях из числа мусульман переплетались столь сильно, что богатейшие купцы не просто финансировали религиозную деятельность общины, но и в буквальном смысле

направляли ее в то или иное русло, являясь при этом активными прихожанами мечети. В 1880-х гг. была осуществлена перестройка мечети в Замоскворечье, которая не решила проблему многочисленности прихожан; в одном из документов сказано о ее «малой вместимости до 1500 чел.» [ЦИАМ, ф.16, оп.84, д.179, л.24, 36]. Аналогичной была ситуация и с деятельностью медресе, небольшое деревянное помещение которого не могло вместить всех желающих. Открытие нового, каменного здания медресе состоялось лишь в сентябре 1915 г. После революции оно было закрыто.

В 1913 г. на средства бакинского нефтепромышленника Ага Шамси Асадуллаева был построен большой дом в Малом Татарском переулке, ставший культурным центром московских мусульман. До революции школа в доме Асадуллаева была частной и существовала на средства общины. Здесь же проводились вечера мусульманской молодежи; учащимся предоставлялись бесплатные обеды. В располагавшейся в этом здании типографии печатались газеты на татарском языке – «Ил» («Страна»), «Сүз» («Слово»).

Татары, приезжавшие в Москву, стали активно расселяться по всему городу. Значительное их число проживало в Мясницкой части [Садур, 1987, с.30].

Характеризуя мусульманскую общину как «дискриминируемую группу», мы отражаем такую черту ее бытования, как «неблагоприятная для инородцев культурная атмосфера пореформенной Москвы» [Садур, 1987, с.28]. Эта проблема не была единственной. Во второй половине XIX в. административно-финансовое давление правительства на татарских предпринимателей усилилось. Мусульмане по-прежнему рассматривались церковью в качестве категории населения, в отношении которой должна была вестись миссионерская работа [ЦИАМ, ф.203, оп.377, д.85, л.19, 29, 82, 95, 165; д.86, л.120, 214].

Несмотря на указанные тенденции, либерализация общественной жизни в России оказывала огромное влияние и на татарскую общину Москвы, затронула она и религиозную сторону бытования жизни. Так, спустя 10 лет после основания второго мусульманского прихода Москвы власти города все

же дали в 1904 г. согласие на строительство второй мечети в районе Марьиной роши.

Тверь. Татары-мусульмане в Твери впервые были зафиксированы в 1846 г. Согласно данным переписи 1869 г., их было 58 чел. К 1878 г. в Тверской губ. насчитывалось 717; в 1897 г. – 513 мусульман (в губернском центре – 196), большинство из них были татарами (408 чел.). Из них немногим более трети составляли военнослужащие расквартированных в Твери и губернии полков; остальную часть составляли крестьяне-отходники. В 1906 г. на средства касимовского предпринимателя Фатиха Алышева, владевшего буфетами на ж.д. станциях и вокзалах Санкт-Петербурга, была открыта Тверская соборная мечеть. Ее имам-хатыбом до начала 1930-х гг. являлся видный религиозный деятель, военный имам Московского военного округа (с 1905 г.) Хусаин Сеид-Бурхан, выходец из Нижегородчины. Кроме Твери, мусульманский приход существовал также в г.Бологое [Ислам, 2009б, с.19–20, 203–204, 261].

Ярославль. К Новому времени в Ярославле уже не было ни романовских служилых, ни ярославских выезжих татар. В 1878 г. число мусульман (большей частью татар), постоянно проживавших в этом городе, едва достигало 20 чел., но уже тогда они попытались зарегистрировать религиозное общество. Через 30 лет их численность возросла до 2,6 тыс., из них 1024 были постоянными жителями. Со временем некоторые из них, разбогатев, открыли собственное дело: лавки, мастерские по выделке кож и мехов, магазины по продаже изделий из них. При посредничестве казанских купцов в городе открылась конебойня, а при ней – татарские лавки, предлагавшие покупателям халяльное мясо. В 1910 г. свой филиал в Ярославле открыла московская компания богатейшего нефтепромышленника Ага Шамси Асадуллаева; при ней татары находили работу в качестве приказчиков и торговых агентов.

Кроме того, в связи с растущим присутствием татар-мусульман в войсках гвардии городская управа в начале XX в. выделила участок под мусульманское кладбище на территории Леонтьевского погоста (расширен в 1900 г.).

Инициатива по возведению в городе мечети (1906 г.) принадлежала имаму Зият-

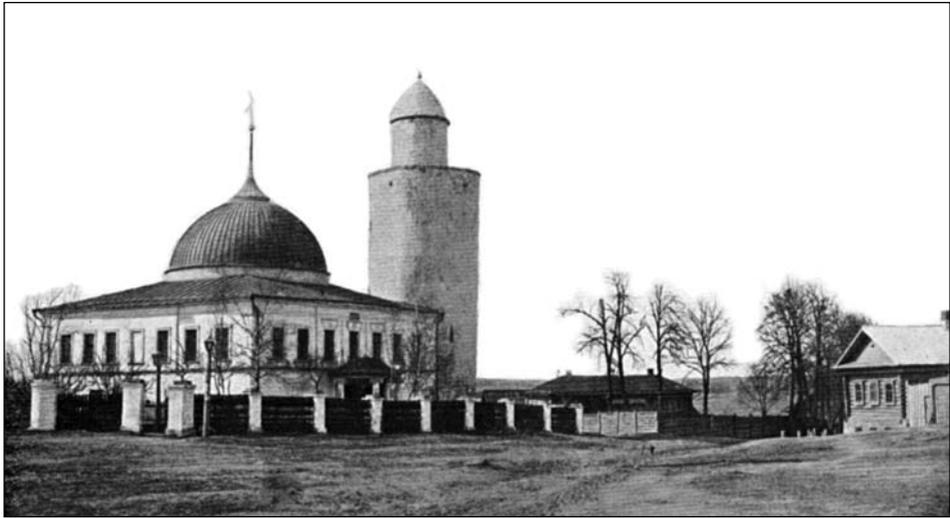
дину Сафарову, уроженцу Тамбовской губ. Сначала татары поставили деревянную молельню, а в 1914 г. – нынешнее каменное здание Ярославской соборной мечети. Имам был выходец из Нижегородской губ. Махмуд Юсупов [Черновская, 2000].

Московская губ. В Подмосковье в эпоху средневековья были не просто отдельные поселения татар, но целые удельные владения татарских ханов и царевичей. К Новому времени единственной общиной, ведущей свою родословную из этих уделов, являлась звенигородская.

В остальных городах Подмосковья пореформенной эпохи татарские общины возникали за счет переселенцев (в первую очередь из Нижегородской и Симбирской губерний). В 1903 г., по данным МГСК, самая большая (314 чел.) во всей Московской губ. мусульманская (читай – татарская) колония проживала в Богородском у. Судя по соотношению полов, в самом Богородске (с 1930 г. – Ногинск) и соседнем Павловском Посаде это были семейные, а в окрестных населенных пунктах уезда – в основном отходники. Тогда же в Подольске и уезде проживало около 140 татар об.п.; их число ежегодно увеличивалось и к 1907 г. составило 177 чел. В Сергиевом Посаде проживало 95 мусульман (в основном, семейные), в Коломне и Коломенском у. – 88. Общая численность мусульман Московской губ. (без Москвы) к 1907 г. превысила 1300 чел. [ЦИАМ, ф.199, оп.2, д.574, л.2–46]. Однако их «распыленность» по уездным и заштатным городам не позволила создать ни в одном из населенных пунктов стабильно действующих объектов этнорелигиозной инфраструктуры, за исключением 2–3 мусульманских участков на кладбищах.

Другой причиной подобного положения дел являлся низкий финансовый и социальный уровень татарских общин: сфера занятий татар Подмосковья ограничивалась извозом, работой на немногочисленных тогда промышленных предприятиях (например, на заводе «Кузнецовский фарфор» в Дулеве), вспомогательными работами (например, при предприятиях текстильной империи Морозовых в Орехово-Зуеве). Лишь некоторым удавалось заниматься мелкой торговлей [Ислам в Москве, 2008, с.162–163]. После революции 1917 г. все эти микрозем-

Мечеть
Касим хана
в Касимове
Рязанской
губ. Фото
нач. XX в.

лячества послужили началом полноценным татарским общинам, крепко ориентированным на Москву.

Касимов. В XIX в. в Касимове продолжался процесс этнического и конфессионального давления на татарское население. Но, несмотря на христианизацию, происходил процесс усиления позиций ислама среди некрестившихся татар. В Касимове селились представители духовенства (сеиды, ахуны, абызы). Духовенство пришло в этот город со стороны: из Тамбовской, Пензенской, Казанской губерний, из Крыма. В Касимовском у. образовались наследственные династии. В последней четверти XIX в. в этом уезде функционировало 8 мечетей. С помощью ислама татарам удается сохранить себя как этнос и не раствориться в массе христианского, русского народа [Юзеев, 2002б, с.81]. Поэтому неудивительно, что Касимовская противомусульманская миссия, образованная с целью обращения татар в христианство, в последней четверти XIX в. потерпела крах [Алфеев, 1898, с.759].

Сельское хозяйство у касимовских татар тесно переплеталось с промыслами, связанными с обработкой животного сырья: с кожевенным и овчинным. В Касимове было немало мерлушечных мануфактур, принадлежавших татарским купцам. Они развернули торгово-предпринимательскую деятельность не только в Касимовском у., но и далеко за его пределами. Кожевенные изделия поставлялись во многие южные города России. Касимовские торговцы принимали активное участие в установлении торговых

связей России с Казахстаном и Средней Азией. Они активно торговали на Макарьевской, Троицкой, Ирбитской, Крестовской и других ярмарках. Все это способствовало установлению постоянных рыночных и культурных связей между группами волгоуральских татар.

К концу XIX – началу XX в. стало заметным снижение численности татар в г.Касимове и Касимовском у. Если в XVIII в. их численность достигала 6 тыс. чел., то в конце XIX в. – около 5 тыс. чел. Во второй половине XIX в. число татарских деревень уменьшилась с 62 до 38. Главные направления миграции касимовских татар (на восток, за Волгу и в Приуралье) совпадали в основном с миграциями других групп татар Среднего Поволжья [Шарифуллина, 2004, с.24]. Некоторые (около 15%) оседали на постоянное жительство в различных городах. Продолжалось переселение в Москву (в Татарскую слободу), в состав населения которой они вошли еще в XIV–XVI вв. В начале XX в. был зафиксирован их приток в Петербург. В новом районе они вливались в единую массу переселенцев-татар, «теряя в культурно-бытовом отношении свои особенности» [Исхаков, 1993б, с.63]. Известны факты переселения небольших групп населения, возможно ремесленников и торговцев, в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии, в Казахстан, Среднюю Азию. С одной стороны, миграции обусловили утечку татарского населения с территории их этнического формирования,

с другой – способствовали росту численности и консолидации волго-уральских татар [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.242].

Татары Касимовского у. приняли активное участие в формировании общности экономической жизни татарской нации. Этому способствовали бурное развитие различных отраслей промышленности, установление постоянных и прочных экономических связей, приводящих к расширению и укреплению внутреннего рынка в масштабе всей этнической территории татарского народа. Одновременно усилился рост синхронной этнокультурной информации. Преподавательские кадры и книги поставляла в основном Казань. Уровень грамотности татар был довольно высок: 57% взрослого населения писали и читали на родном языке [Первая всеобщая, т.35, с.190–193]. В конце XIX в. в учебных заведениях (мектебах и медресе) обучение шло на литературном татарском языке [Шарифуллина, 2004, с.25].

Велика заслуга касимовских татар в распространении такого прогрессивного явления, как просветительство среди тюркоязычных народов Крыма, Казахстана, Средней Азии. История сохранила имена татарских учителей, работавших в Крыму: это Абдул и Шамиль Тынчеровы, Ариф Маматказин и др. [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.243].

Во второй половине XIX – начале XX в. хозяйство касимовских татар включало различные промыслы. В конце XIX в. промысловые хозяйства составляли 23%, а в начале XX в. – 37,1% [РГИА, ф.1290, оп.6, ед.хр.76, л.48; Сборник, 1892, с.23].

Были развиты местные и отхожие промыслы. К местным промыслам относились сапожный, кирпичный, ювелирный, а также обработка животного сырья и волокна (кожевенный, овчинный, шерстобитный), на которую приходился большой удельный вес по сравнению с другими видами местных промыслов. Готовые изделия предназначались для продажи на рынке, что было характерным признаком кустарной формы мелких крестьянских промыслов. В пореформенные годы кустарные промыслы перерастали в капиталистические предприятия мелкой сельской промышленности, а кустари превращались в наемных рабочих, производив-

ших изделия в мастерских хозяина или на дому. Развитие промыслов способствовало созданию капиталистической простой кооперации и мануфактуры, перераставшей в фабрично-заводскую промышленность.

В середине XIX в. касимовские татары владели рядом кожевенных заводов. Широкое распространение имели промыслы, связанные с обработкой козьего пуха и мерлушек. Пух, привозимый обычно с Нижегородской ярмарки, выделывали преимущественно женщины на дому.

Во второй половине XIX в. в г.Касимове и близлежащих поселениях (Коверское, Темгенево, Подлипки и т.д.) работали заводы по выделке мерлушек. Наиболее крупные из них принадлежали Шакулову, Мусаеву, Бостанову, Ишимбаеву, Танееву, Давлеткильдееву, сумма доходов которых составляла от 17 400 руб. до 50 тыс. руб. в год. Нити их промышленного и торгового капитала протягивались далеко за пределы губернии. Небольшая группа мужчин занималась сапожным промыслом. Кроме того, у касимовских татар имели некоторое распространение промыслы, связанные с производством мыла, серебряных ювелирных изделий и изготовлением веретен, одежды, напитков [Сведения, 1915, с.284; РГИА, ф.1290, оп.6, ед.хр.76, л.319]. Домашние производства – прядение, ткачество, вышивание – во второй половине XIX в. стали постепенно терять свое значение. В целом в Касимовском у. (без учета данных по г.Касимов) промыслами было занято 24,8% татар [Шарифуллина, 2004, с.373].

Значительное развитие среди них получили отхожие промыслы. В 80-е гг. XIX в. в отход уходило более половины (58,3%) мужчин трудоспособного возраста, чему способствовала меньшая привязанность крестьян к сельской общине. Примерно такой же процент уходящих на заработки наблюдался у татарских крестьян губерний Окско-Сурского междуречья (57,4%), у русских крестьян разряда полных собственников Касимовского у. (52%) [Сборник, 1887, с.496].

У татар Касимовского у., в отличие от остальных групп татар и других народов Волго-Уральского региона, были широко распространены неземледельческие, дальние отхожие промыслы в различных,

преимущественно центральных, городах России. Отхожие промыслы были связаны с обслуживанием горожан и содержанием различных заведений. В отхожих промыслах с обслуживанием было занято 4,7% всех промысловых татар. Они работали в качестве официантов, лакеев, кучеров, конюхов, дворников и т.п. К концу XIX в. сложилась территориальная дифференциация отходников. На высокооплачиваемых работах – официанты, приказчики, лакеи – были заняты, как правило, выходцы из Белого Аймака. Отходники из Черного Аймака и с правобережья Оки работали в низкооплачиваемой сфере – извозчиками, конюхами, дворниками, что, несомненно, отражалось на уровне благосостояния жителей этих подгрупп. Другая часть татар (9,3%), наиболее зажиточная, содержала трактиры, буфеты, рестораны, клубы, меблированные комнаты. Отходничеством они занимались в свободное от земледельческих занятий время. Часть отходников (15%) к концу XIX в. окончательно забросила сельское хозяйство и осела на постоянное жительство в различных городах [Сборник, 1892, с.51].

В конце XIX в. часть касимовских татар (10,7%), проживавших в Касимове и уезде, была занята торговлей [Первая всеобщая, т.35, с.190–193]. Ключевые позиции в ней принадлежали буржуазии, вкладывавшей свои капиталы не только в промышленные, но и в торговые предприятия. Основным предметом торговли были кожа, меха и изделия из них. Они составляли 64% от общего объема товаров. Активная деятельность татарской буржуазии и торговый капитал сыграли положительную роль в установлении национальных связей, а также в создании и функционировании общероссийского рынка. Деловые контакты татарской буржуазии не ограничивались российскими рынками, они выходили далеко за пределы страны. Так, капиталисты Танеевы, Кастровы, Акбулатовы сбывали изделия из кожи и меха в Германию и Америку.

В силу сложившихся традиций доля сельских и городских татар в неземледельческих промыслах и занятиях была неодинаковой. Для сельского контингента были характерны такой вид отходничества, как содержание различного рода заведений (в

нем было занято 10,3% татар в уездах) и торговля (2,9%). Горожане отдавали предпочтение торговле (34,1%), отхожим промыслам, связанным со сферой обслуживания (13,3%) и обработкой волокна, животных продуктов (12,7%) [Первая всеобщая, т.35, с.190–193]. Таким образом, у касимовских татар в конце XIX в. были развиты отхожие промыслы (в них было занято 14% татар, или 58,3% взрослого мужского населения), торговля (10,7%) и промыслы по обработке волокна и животных продуктов (4,7%). Удельный вес остальных занятий был невелик [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.262].

В то же время в хозяйственной деятельности касимовских татар большое значение имело земледелие.

Кострома. Татары Костромы были одной из немногих общин, сохранившихся с постордынских времен. К началу XIX в. они составляли отдельное сельское общество в составе Гридинской вол. Костромского у. и проживали в Татарской подгородной слободе. Численность татар быстро увеличивалась. В 1762 г. костромских татар насчитывалось 128 чел., в 1811 г. – 204, в 1857 г. – 325, в 1874 г. – 365, в 1902 г. – 525 [Семенов, 1865, с.741]. Этому способствовал также приток татар извне – из Казани, Касимова, Пензы, Нижнего Новгорода, откуда привозили невест, назначали представителей духовенства и учителей. С 1866 г. в Татарской слободе функционировало духовное училище, где преподавался литературный татарский язык. Однако, по свидетельству современников, в 1880-е гг. «у костромских татар разговорный язык был скорее русский, чем татарский» [Пирогов, 1881, с.67]. В то же время костромские татары сохранили много особенностей, выделяющих их как особую этнолокальную группу, основу которой составляли романовские и ярославские татары. В XIX – начале XX в. основным занятием костромских татар было хлебопашество, занимались они и различными промыслами: извозом, рыболовством, служили рабочими, лоцманами и капитанами на пароходах, содержали постоянные дворы в городе. Часть татар была занята в торговле, преимущественно лошадьми на костромских базарах и производством кумыса. Женщины-татарки занимались про-

дажей ниток. Костромские татары жили зажиточно. По причине численного перевеса мужского населения над женским привозили невест из Казанской, Рязанской (преимущественно г. Касимова) и других губерний.

Продолжительные и тесные контакты с русскими, особенно в период развития капиталистических отношений, заметно отразились на традиционной культуре. Влияние русской культуры нашло отражение в одежде и головных уборах, элементах свадебной обрядности, в быту [Шарифуллина, 2008, с.66].

Курская губ. До 1860 г. в Курске проживали отдельные ссыльные с Кавказа. Постоянное проживание мусульман из числа военнотружеников в городе документально зафиксировано для 1865 г.

Стабильная мусульманская община в Курске сложилась в 1890-х гг. Членов этой общины характеризовали постоянное проживание в данном городе и возникшая необходимость официального оформления своей религиозной деятельности. По переписи 1897 г., в Курской губ. насчитывалось 413 мусульман-мужчин и 28 жен. (0,02% населения губернии). Они проживали компактно в 4–5 местах города: прежде всего, в Ямской слободе (очевидно, касимовские татары с родом деятельности «служащие буфета, мелкие торговцы»), на улицах Семеновской, Кондыревской, Почтовой и Золотой.

Социальный статус курских мусульман был различным; основной движущей силой общины являлся наиболее независимый в финансовом плане выходец из Касимовского у. Аббас Ханбеков – владелец гостиницы «Петроградская». В его доме происходили коллективные намазы. Несмотря на присутствие иноэтничных мусульман, для общины Курска того периода было характерно абсолютное численное и организационное доминирование татар. К этому времени здесь были постоянные муллы.

Иваново. История татарской общины Ивановской обл. состоит из нескольких этапов, между которыми существовали большие временные разрывы. Несмотря на зафиксированное проживание в регионе в XVI–XVII вв. значительных групп татар, обладавших высоким социальным статусом (мугреевские и юртовские татары), сведений об их прямых преемниках в XIX в. нет.

Следующий этап истории татар Ивановской обл. связан со стремительным промышленным освоением этой территории в XIX в. В развернувшемся в регионе текстильном производстве принимало участие и мусульманское население – татары из поволжских губерний. Примечательно, что первые татары-мигранты трудились в основном сторожами и охранниками на производных, этот факт свидетельствует о высокой степени доверия по отношению к ним со стороны работодателей. В 1883 г. в городе насчитывалось 11 мусульман, в 1895 г. – 283, а в 1909 г. – 342 [ГАИО, ф.2, оп.1, д.369, л.4; д.1090, л.136; ф.4, оп.1, д.1606, л.48–49; РГИА, ф.821, оп.8, д.720, л.18об.]. В 1870-х гг. в Иваново-Вознесенске было организовано мусульманское кладбище, а в 1909 г. получено разрешение на строительство мечети. Проект ее строительства не был реализован ввиду финансовых затруднений общины. Несмотря на отсутствие мечети, мусульмане г. Иваново и других городов области вели активную религиозную жизнь [ГАИО, ф.2, оп.1, д.4736, л.1–2, Ислам в Центрально-Европейской части, 2009, с.213, 220].

Воронеж. Татарская община Воронежа в XIX в. имела ярко выраженный военный характер и была связана с городским гарнизоном и Михайловским кадетским корпусом, который готовил кадры (в т.ч. из мусульманских народов Кавказа и Крыма, вошедших в состав империи) для дальнейшего обучения в столичных военно-учебных заведениях. Одним из первых мусульман, обучавшихся в нем, стал И.Гаспринский (1863–1865 гг.). Большую часть кадетов-мусульман корпуса составляли выходцы с Северного и Южного Кавказа, однако были представлены хивинцы и крымские татары. Численность кадетов-мусульман Михайловского корпуса значительно возросла в начале XX в.

Калуга. Тот факт, что уже в конце XVIII в. в Калуге было учреждено мусульманское кладбище, свидетельствует о постоянно проживавших здесь мусульманах. В течение 1786 г. здесь на положении почетного пленника жил последний крымский хан Шахин-Гирей «с гаремом и челядью» [Ислам в Центрально-Европейской части, 2009, с.17–18, 103–104; План города Калуги. Схема. Калуга, 1912].

Начиная с XIX в. Калуга была местом ссылки пленных казахов, кавказцев и туркестанцев. Согласно переписи 1897 г., в Калужской губ. проживало всего «144 мужчины и 28 женщин из числа мусульман». С этого времени известно о существовании здесь имамов из татар.

Мусульманскую общину Калуги начала XX в. составляли большей частью татары (77 семейств), отмечалось значительное присутствие представителей других народов – главным образом, ссыльных кавказцев. В те же годы калужские мусульмане обзавелись собственным молельным домом.

Таким образом, татарские общины Центральной России XIX – начала XX в. стали предвестником последующего их развития в советский и постсоветский период. Собственно говоря, основа большинства тех татарских общин Центральной России, которые мы имеем сейчас, сложилась в пореформенное время.

Определяются маршруты миграции татарского населения – внутрирегиональные и трансрегиональные. Внутрирегиональные в основном связаны с движением населения из Касимовского и Елатомского уездов в крупные города Центральной России, причем преимущественно носящим характер элитной миграции. Трансрегиональные имеют двоякий характер – это рабочая миграция из соседних уездов поволжских губерний (в основном Сергачский, Курмышский,

Буинский, Темниковский) в промышленные центры Центральной России, а также выезд из Касимовского, Елатомского и Тамбовского уездов в другие регионы.

Бурное развитие татарских общин привело к созданию ряда новых мечетей и медресе, которые на короткий срок, до известных событий 1920–1930-х гг., стали центрами национально-религиозного возрождения татар. В тот же период возникли мусульманские участки на кладбищах в городах Центральной России – первый этап институционализации данных общин. Во многих регионах татаро-мусульманские общины функционировали на средства богатых предпринимателей, в первую очередь из числа касимовских татар и выходцев из с.Азеево ныне Рязанской обл.

В руках касимовских купцов и промышленников из числа татар целиком оказались некоторые виды торговой и промышленной деятельности. В то же время значительное число простого народа из района Касимова, наряду с выходцами из сельских общин регионов Поволжья, было вынуждено заниматься отходничеством, что в итоге привело к его оседанию в ряде крупных городов Центральной России. Так возникли предпосылки к депопуляции татарского населения в Касимове и его округе с одновременным ростом татарских общин во всех промышленно значимых центрах изучаемого региона.

§ 6. Крымские татары

Виктор Ганкевич

В 1783 г. Россия аннексировала территорию Крымского ханства. Крымско-татарские мурзы торжественно присягнули новой власти. Позже к присяге были приведены мурзы, мусульманское духовенство, чиновничество и простолюдые. Однако инкорпорация новой территории проходила не так гладко, как может показаться.

2 февраля 1784 г. Указом Екатерины II была создана Таврическая обл. в составе семи уездов. В 1796 г. Таврическая обл. была ликвидирована, а ее территория присоединена к Новороссийской губ. И, наконец, согласно указу Александра I от 8 октября 1802 г. была создана Таврическая губ. в

территориальных границах бывшей Таврической обл. в составе Симферопольского, Евпаторийского, Феодосийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского и Тмутараканского уездов (последний позже отошел в административное управление к Кавказу) [Административно-, 1999, с.7–8].

В 1787 г. состоялись первые дворянские выборы. Уездными судьями и уездными исправниками также стали представители местной элиты – татарские мурзы [Муфтийзаде, 2000, с.234].

С 1803 г. в Таврической губ. начали функционировать губернские, уездные и сословные учреждения, которые были типич-

ными для всех административных единиц Российской империи [Административно-, 1999, с.7–8]. Важным вопросом в жизни крымских татар в составе империи стало привлечение их к милицейской и военной службе³⁴.

С началом войны с Францией, в 1807 г., начали формироваться четыре конно-татарских полка по типу казачьих по 500 чел. в каждом. Они приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. В октябре 1814 г. Конно-татарские полки были распущены по домам, а в 1817 г. окончательно расформированы [Муфтийзаде, 2000, с.235–238].

В 1827 г. был сформирован л.гв. крымско-татарский эскадрон в составе л.гв. сводно-казачьего полка. В ходе очередной русско-турецкой войны (1828–1829) гвардейцы крымские татары прошли через крепость Искачи к крепости Кюстенджи-Мангалия, проявили себя под Варной. Во время Крымской войны (1853–1856) часть эскадрона во главе с полковником Батыр-Челеби Муфтийзаде (позже генерал-майор) находилась в Кронштадте и патрулировала побережье Балтийского моря. Другая часть гвардейцев во главе с ротмистром Омер беом Болатуковым приняла участие в обороне Севастополя и в бою на Черной реке.

1864 г. л.гв. крымско-татарский эскадрон был упразднен и на его основе сформирована команда л.гв. крымских татар Собственного е.и.в. конвоя. Во время русско-турецкой войны (1877–1878) две льготные команды л.гв. крымских татар находились при главной квартире Александра II и отличились в боях при взятии Горняго, Дубняка, Лович и Плевны. Это подразделение просуществовало до 1890 г. [Муфтийзаде, 2000, с.240–243].

³⁴ С 1784 г. из числа добровольцев начали формироваться пять дивизионов Таврического бешлейского войска (с 1790 г. – шесть дивизионов), которые выполняли преимущественно милицейские функции по охране сановников, государственной границы, соляных промыслов, лесных массивов, по патрулированию полуострова, розыску и конвоированию преступников и т.д. Окончательно Таврические татарские дивизионы бешлейского войска были расформированы в 1796 г. [Муфтийзаде, 2000, с.232–234].

С введением всеобщей воинской повинности крымские татары продолжали служить в русской армии на общих основаниях. Так, в 1874 г. под Бахчисараем для крымских татар был сформирован Крымский эскадрон во главе с полковником В.Полторацким (позже генерал-майор). А в 1875 г. под Симферополем был создан второй эскадрон, а еще позже – пешая команда (крымская стрелковая рота). В 1897 г. Крымскому дивизиону был пожалован штандарт [Муфтийзаде, 2000, с.243–245]. Таким образом, постепенно крымские татары стали привлекаться к исполнению всеобщей воинской повинности. Поначалу это были армейские подразделения в Крыму, а позже и по всей России. Оставшиеся средства специального налога с крымских татар на содержание гвардейцев использовались по назначению вплоть до ликвидации последнего л.гв. подразделения.

Важным элементом духовной жизни крымских татар являлась религия. После присоединения Крыма к Российской империи правительство стремилось не менять сложившуюся структуру административно-конфессионального деления и систему религиозного управления мусульманского населения региона. Ко времени присоединения Крыма к России в регионе функционировали 1531 мечеть, объединявших соответствующие приходы, и 21 текие – центры духовно-аскетической жизни. Мечети делились на два типа – пятивременные и приходские.

Что касается религиозного управления, то, как известно, 23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в котором утверждалась должность муфтия. Кроме того, согласно этому документу, формировалась и сама структура исламского религиозного самоуправления. Должность заместителя муфтия сохранялась за кади-аскером. Кроме того, им в помощь были назначены пять членов предложенного духовного правления на мало понятные должности «эфендиев» [Ганкевич, 2009а, с.122]. Такое положение дел сохранялось вплоть до 30-х г. XIX в. Однако это вызывало массу неудобств, а само правление оказалось вне структуры государства.

Для исправления сложившегося положения в 1832 г. было открыто Тавриче-

ское магометанское духовное правление (ТМДП), находившееся в подчинении МВД. Традиционно ТМДП возглавлял таврический муфтий, его помощником являлся кади-аскер, а в состав правления входили Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Феодосийский и Ялтинский уездные кадии. Канцелярию ТМДП возглавлял секретарь, которому подчинялись переводчик, столоничальники, «журналист» (он же архивариус), канцелярские служители и пр. [Ганкевич, 2009а, с.142].

Мусульманское духовенство делилось на две категории: высшее – муфтий, кади-аскер, уездные кадии и низшее (приходское) – хатипы, имамы, муллы, шейхи, муэдзины. При наличии одного из приходских званий к духовенству причислялись и преподаватели высших мусульманских учебных заведений – медресе (мударрисы) и низших – мектебе (оджи). К мечетским служителям причислялись ферраши (служители).

В ведении ТМДП находился целый комплекс дел, касающихся мусульманского населения Таврической губ.: открытие и закрытие мечетей, мусульманских учебных заведений, контроль за вакуфными движимыми и недвижимыми имуществом мечетей, медресе и мектебе, назначение приходского духовенства, соблюдение верующими норм шариата и т.д. В сферу духовного контроля со стороны ТМДП входили не только дела мусульман Таврической губ., но и Западных: Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Подольской.

Этнический состав и демографические изменения в Крыму за весь имперский период были значительными и динамичными. Одни этнические группы постепенно уступали свое первенство, другие довольно быстро набирали численность и превращались в доминанту. Также неравномерно развива-

Крымские татарки. Фото нач. XX в.

лись демографические тенденции в городах и сельской местности края. Необходимо подчеркнуть, что имперское правительство и губернская администрация развивали регион в направлении полиэтничности, пытаясь максимально заселить отдаленный край.

Так, например, крымско-татарское население края утратило свои приоритетные численные позиции. Этому способствовали многочисленные волны эмиграции, периодически лихорадившие Крым. Эмиграция была вызвана многочисленными факторами экономического, социального, религиозного, политического характера. Иногда эмиграция обуславливалась и паникой, вызванной слухами, непроверенными фактами, например о введении всеобщей воинской повинности в 70-х гг. XIX в. В большинстве случаев это была национальная и личная трагедия. Часто такие ошибки было очень сложно исправить. По мнению Д.Золотарева, эмиграции крымских татар в значительной мере изменили облик края, привели «к далеко идущим последствиям в экономической, культурной и политической сферах жизни региона» [Золотарев, 1999, с.131].

Российское правительство и местная губернская администрация так и не выработали четкой позиции по отношению к падению демографического значения крымско-татарского народа. Например, только во второй половине XIX в. политика го-

сударства по отношению к переселению крымских татар в Османскую империю претерпела ряд трансформаций. Она колебалась от поддержки подобных процессов в 1856 г. и 1859 г. до полного запрещения и активизации действий по предотвращению эмиграции с 1862 г. по 1902 г., потом снова к ее беспрепятственному разрешению к 1910 г. [Золотарев, 2001б, с.13]. Известно, что только в последней четверти XIX – начале XX в. из Крыма хлынули три мощных волны эмигрантского движения: в 1873–1876 гг., в 1892–1894 гг. и в 1901–1904 гг. По подсчетам Д.Ю.Золотарева, в это время эмигрировало около 25000 крымских татар [Золотарев, 2001а, с.173]. Часть переселенцев и их потомков пытались вернуться на родину. Но это вызывало большие сложности, связанные с изменением турецкого подданства и возвращением в российское. Отношение к эмиграции крымских татар со стороны правительственных кругов и местной губернской администрации не всегда совпадало. Таврическая губернская администрация часто проявляла гибкость, стремление приостановить и нормализовать эти губительные для края процессы.

Для понимания важности вопроса необходимо посмотреть на изменения численности крымских татар в XIX – начале XX в. В начале XIX в. в своей книге П.Сумароков привел данные, согласно которым мусульманское духовенство было представлено 8411 мужчинами и 7530 женщинами. «Татар-поселян» насчитывалось 62224 муж. и 59011 жен. Кроме того, в Крыму жили и «ногайцы» – 7398 муж. и 6269 жен. [Сумароков, 1803, с.159]. Согласно данным 9-й ревизии, приведенным академиком П.Кеппеном, крымско-татарского духовенства считалось 7887 чел., а «татар-поселян» – 138875 чел. [Кеппен, 1857, с.133]. В 1868 г. численность крымских татар (мусульманского населения) составляла: городского населения – 13783 муж. и 12516 жен., а в уездах – 49270 муж. и 39831 жен. [Карманный календарь, с.116–117]. В середине 80-х гг. XIX в. мусульман в Таврической губ. насчитывалось 86019 муж. и 74046 жен. [Вернер, 1889, с.33]. Известно, что в самом конце XIX в. мусульман в Таврической губ. насчитывалось 200050 душ об.п. [Календарь, с.85].

В Крыму всегда существовала и развивалась реальная полиэтничность. Согласно материалам Первой всеобщей переписи 1897 г., среди этносов, которые, кроме крымских татар, населяли Крым в конце XVIII – начале XX в., нужно отметить украинцев, русских, греков, немцев, караимов, крымчаков, цыган, греков и армян. Этнический состав губернии был очень разнообразным. Восточнославянская группа народов составляла 70,8% (в т.ч.: украинцев 42,2%, русских 27,9%, белорусов 0,7%) всего населения, что в абсолютных цифрах составляло 1025310 чел. Среди других наиболее многочисленными были тюркоязычные народы. В частности, крымских татар в конце XIX в. было 13,0% (187947 душ об.п.). Среди тюркоязычных народов перепись отмечала караимов «и часть иудеев» (очевидно, крымчаки) соответственно 0,6% (8911 чел.). Тюркские этносы замыкают «турское» (тюрко-татарское. – В.Г.) население губернии – «пришлый случайный элемент по преимуществу» [Первая всеобщая, т.41, с.X], но оно составляло незначительный процент (2197 чел.).

Крымские татары отличались своей яркой этнической самобытностью. Русская писательница Е.В.Иванова, посетившая Крым во второй половине 80-х гг. XIX в., дала интересное описание крымских татар, проживавших на южном берегу. Она, в частности отмечала: «Общую черту характера крымских татар составляет спокойствие и равнодушие; занимаются они скотоводством ... Крымские татары – магометане и строго исполняют предписание закона; они честны, справедливы, почтительны к старшим и гостеприимны; собой красивы, стройны и отличные наездники» [Иванова, 1889, с.22, 23].

Важное место в системе крымско-татарской общественной жизни занимало народное образование. Оно делилось на традиционно-религиозный и государственный типы. По видам учебных заведений традиционные школы делились на начальные – мектебе и высшие – медресе. По методам преподавания эти учебные заведения придерживались схоластического – усул-кадим и нового, с 1884 г. – звукового направления – усул-джадид, усул-саутия.

Разумеется, особое внимание мусульмане уделяли профессиональным учебным заведениям, которые были основой обучения и воспитания в исламском духе и потому пользовались большой популярностью среди верующих крымских татар.

Для правоверного мусульманина считалось долгом отдать своих детей в мектебе, где их научат быть ревностными последователями ислама, где они, по словам И.Гаспринского, получают такую «мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора» [Гаспринский, 1881, с.26].

Об этом свидетельствует и непосредственно наблюдавший обряд отдачи мусульманского ребенка в мектебе Ф.Н.Андреевский. По его словам, сама эта процедура отличалась особой торжественностью. Будущий ученик, обычно от 5 до 7 лет, в сопровождении родителей, родственников, знакомых и учащихся мектебе ведется к учителю или учительнице. В пути сопровождающими исполняются соответствующие случаю мусульманские религиозные песнопения, гимны и стихотворения. Придя в мектебе, родители ребенка вручают его учителю и с поклоном дарят ему особое «приношение» – кофе, чай, сахар, табак, платок, отрез материи, хлеб, иногда деньги... в зависимости от зажиточности и благосостояния семьи. После этой церемонии родителями устраивается общий праздничный обряд. Приглашенные гости совершают специальное торжественное «дуа» (молебен). В деревнях горного Крыма, где население отличалось конфессиональной смешанностью, на этот полурелигиозный праздник приглашались и христиане. Вечером этого дня в доме новичка мектебе собирались уважаемые в деревне люди на чашечку кофе и беседу «лаф». Среди них были духовные лица, почтенные аджи, аксакалы... В доме соседа собирались женщины – жены духовенства, отчитывальницы, бабки повитухи и т.д. «Винovníк торжества, будь то девочка или мальчик, застенчиво, боязливо обходит гостей по старшинству и делает почтительный «селям»: особый род приветствия, оказываемый младшими старшему себя», – писал Ф.Н.Андреевский [Андреевский, 1908, с.13–15].

Крымско-татарские национально-конфессиональные мектебе делились на три основных типа – мечетские, общественные и частные. Среди них, разумеется, наиболее авторитетными должны были быть мечетские. Обычно занятия в них вели представители местного духовенства. Иногда они имели и особых помощников, заменяющих их по мере надобности. Мусульмане создавали и общественные (джемаатские) частные учебные заведения для изучения Корана и основ исламского правоверия. Еще одной формой мектебе, распространенных у крымских татар, были частные конфессиональные коранические школы.

Содержались мектебе обычно на средства мусульманской общины, иногда помогали капиталы жертвователей из числа зажиточных членов общества. Вакуфные средства и имущества, пожертвованные на содержание мектебе редко были серьезной помощью для нормального его существования. По официальным данным, ТМДМ на содержание среднего крымско-татарского мектебе из всех источников в большинстве случаев тратилось не более 60 руб. в год [Вернер, 1889, с.77].

Денежная оплата труда учителя – «оджи» обычно колебалась от 50 коп. до 1 руб. При комплекте учеников в 60 чел. учителю обычно причиталось по 50 коп. за одного учащегося. Таким образом, в год получалось 6 руб., а со всего мектебе – 300. Кроме того, учителю иногда предлагалось жилое помещение, где он нередко проводил занятия. За счет общества ему предоставлялась топливо в холодное время года и некоторые другие услуги, призванные несколько обеспечить быт и поднять социальный статус оджи.

Учителями, прежде всего, становились имамы, муллы, хатипы, муэдзины, аджи. Должности учителей мектебе исполняли и члены семей мусульманского духовенства. Обычно, если занятия в классах мальчиков, т.е. в мужском мектебе, вел мулла, то учениц воспитывала его жена или дочь. Иногда мулле помогал сын или кто-либо еще из числа окончивших мектебе и пользующихся авторитетом в общине лиц. Нередко в мектебе с учениками занимались сохты (студенты) духовных мусульманских учебных заведений – медресе.

Фигура оджи в мусульманской традиции окутана глубоким уважением, благоговейным почтением, а порой и мистицизмом. Учащиеся мектебе выказывали одже предельно возможные знаки внимания. Порой они доходили до крайностей. Например, ученик не должен в пути обгонять оджу. Придя в мектебе, учащийся не смел даже постучать в дверь. Он должен был почтительно сесть на корточки и скрестить руки на груди. Тихо и благоговейно сидя, ученик должен терпеливо ждать, «пока оджа сам не появится в дверях за какой-либо надобностью и не открывает их» [Андриевский, 1908, с.26–27]. Наиболее авторитетных учителей мектебе, прежде всего седых оджи, в мусульманском обществе встречают с поцелуем руки и полы одежды. Они всегда почетные и желанные гости в доме любого мусульманина.

Уже в 90-х гг. XIX в. известный крымский ученый-статистик К.А.Вернер отмечал, что помещения татарских школ в большинстве известных ему случаев «совсем не удовлетворяют своему назначению» [Вернер, 1889, с.63]. Учебные помещения, разумеется, не проветривались. Доступ света был чрезвычайно ограничен. Мало того, что традиционная конструкция оконных рам, благодаря частой решетке «пармахлых», поглощала большую долю дневного света, некоторые оджи еще оклеивали их газетной бумагой – во избежание случайного подглядывания прохожих за тем, что творится внутри мектебе.

Ф.Н.Андриевский привел мнение одного из татарских учителей, высказанное на Ялтинском съезде народных учителей по вопросам инородческих школ в 1905 г. Описывая существовавшие мектебе, учитель говорил, что они «помещаются в очень плохих помещениях, в них школьной мебели нет, дети сидят во время занятий на голом земляном полу; классная комната постоянно полутемная и очень холодная» [Андриевский, 1908, с.32]. Он же полагал, что даже при «очень раннем возрасте» определения учеников в мектебе дети в этом учебном заведении подвержены заболеваниям, которые постепенно превращаются в хронические. Прежде всего, это распространенные среди крымских татар туберкулезные (чахоточные) заболевания. Через несколько лет обучения учащие-

ся превращались в худосочных, малорослых людей с плохо развитой грудной клеткой и многими иными признаками болезненного развития организма.

Либеральные преобразования, происшедшие в России во второй половине XIX в., поставили перед общественностью ряд вопросов, в т.ч. проблему реформирования национального конфессионального образования крымских татар. О ее необходимости свидетельствовало вопиющее положение дел в этой сфере. Вопрос о реформировании всей системы профессионального образования у тюрко-мусульманских народов Российской империи вообще и у крымских татар в частности был поставлен выдающимся крымско-татарским просветителем И.Гаспринским. Им был предложен ряд мероприятий, существенно улучшавших ситуацию в этом сложном деле. Этот вопрос в ходе своей общественной деятельности затрагивали видные крымско-татарские общественные деятели И.Муфтийзаде и А.Медиев.

И.Гаспринский в начале 80-х гг. XIX в. отмечал, что любая «мусульманская община имеет свою школу и мечеть» [Гаспринский, 1881, с.26], подчеркивая традиции крымских татар. К 1876 г. ТМДП были выявлены 34 мечетских и 116 частных мектебе. В них обучались 2610 мальчиков и 1112 девочек, т.е. около 20 чел. на школу [Дьяконов, 1882, с.55–56]. По имеющимся данным, к 1893 г. удалось выявить 330 мечетских мектебе, в которых занимались 4757 мальчиков и 3428 девочек. По категории частных мектебе, которых в Крыму тогда было уже 138, мальчиков училось 1911, девочек – 1615 чел. [Дьяконов, 1894, с.164–165].

С присоединением Крыма к России медресе остались, согласно вековым традициям, под влиянием местного мусульманского духовенства. Преподаватели медресе делились на две категории: мударрисы и гочи. Первые приравнивались в правах приходским муллам, вторые – муэдзинам [ПСЗ-2, т.23, № 22297]. По российским законам мударрисы и гочи должны были обладать необходимыми знаниями, быть порядочными и не моложе 25, а гочи, соответственно, 21 года [ПСЗ-2, т.30, № 29040].

Крымские медресе можно разделить на несколько типов: бахчисарайские, крупные городские и сельские, сельские (медресе по

названию). Наиболее авторитетными, главными, известными и влиятельными были бывшие столичные Бахчисарайские медресе – Ханское, Орта и Зинджерли-медресе [Прицак, 1993, с.18]. Вторым типом стали некоторые городские и даже сельские медресе, где особенно выделялись Карасубазарское Текье, Керченское, Сары-Эмин и деревенские в Ташлыдаире, Узун-баше и Акчуре. Все остальные, главным образом деревенские, медресе менее всего могли претендовать на это название [Ганкевич, 2000б, с.17].

Руководителем медресе являлся мударрис, исполнявший должности ректора этого учебного заведения, мусульманского духовника и, одновременно, действующего профессора. За внутренним порядком следили назначаемые мударрисом надзиратели. В Зинджерли-медресе один из надзирателей являлся заведующим библиотекой и отвечал за целостность книг согласно составленному каталогу. Существовал хранитель вакуфной собственности, казначей-мутевелли. Помогали в религиозном обучении сохтов имам и муэдзин. Помощь в изучении родного языка могли оказывать мударрису приглашаемые специально оджа, мулла-репетитор для младших сохт, а также учитель чистописания – каллиграф-хатгат. В конце XIX в. в ряде крупных медресе была введена должность учителя русского языка.

В каждой группе сохтов назначался мударрисом старший – биюк. Его должность была почетной. В обязанности биюка входило не только слежение за внутренним порядком, но, главное, тьюторские задачи, т.е. помощь младшим в изучении того или иного предмета [Тэржеман, 1885, 7 окт.]. По вечерам обычно биюк читал тексты урока, не объясняя его смысла. Занятия велись на арабском языке, и кроме тьютора никто не понимал смысла прочитанного или изученного. В некоторых медресе биюки имели свою иерархию: торбуюк, киблебуюк и сирабуюк, которая существовала в Давулджарском медресе [Kırım'da medrese hayatı, s.9].

В медресе группы сохтов обычно объединялись в своеобразные артели. Они проживали в одной келье – «ода». Мударрис назначал в этой группе биюка. Артель сохтов имела собственный отдельный котел и жила автономно. Питались они довольно сносно, но чебуреки, которые готовились 2

раза в неделю, являлись «вкусным» и «святым» блюдом [Kırım'da medrese hayatı, s.9].

Методы обучения в медресе были традиционные, порой консервативны и схоластичны. В них применялись принципы обучения схожие с тьюторскими. Обычно мударрис занимался с одной группой старших сохтов. Тем временем все остальные группы сохтов в своих одах занимались под наблюдением биюков. Биюк обычно восседал посреди оды, «а перед ним на войлоках лежат сокты и читают», писал один из деятелей народного образования Таврической губ. [Марков, 1869, с.109]. Биюк следил за дисциплиной, объяснял трудные места и исправлял ошибки.

В некоторых богатых медресе существовали небольшие библиотеки. Так, например, в комплексе зданий Ханского медресе в Бахчисарае был отдельный библиотечный корпус. В нем хранилось до 400 томов старой литературы [Вақыт, 1913, 29 авг., № 1283].

В средневековых медресе курс обучения был устроен очень умно, и к тому времени он отличался прогрессивностью. С течением времени неизменные курсы превратились в схоластические дисциплины. Особенно это касалось медресе, которые распространялись среди тюркоязычных мусульман. В 60-х гг. XIX в. в крымских медресе преподавались этимология и синтаксис арабского языка, логика (по арабским комментариям Аристотеля), три курса риторики, Коран, мусульманское духовное и светское право – фикх и шариат настолько, насколько оно не противоречит общероссийскому законодательству [Марков, 1869, с.110; Тэржеман, 1895, 7 янв.]. Иногда в них изучались арифметика и персидский язык.

Занятия в медресе были ежедневными и семичасовыми. После прочтения лекции мударрис должен был проверять, насколько его поняли слушатели, в случае необходимости – дать дополнительные объяснения. Лично мударрис был обязан проверять и исправлять письменные работы и переводы сохтов [Тэржеман, 1890, 6 нояб.].

Относительно количества медресе в Крыму сохранились отдельные данные. Согласно ведомости, составленной ТМДП в 1865 г. из сведений, доставленных уездными кадиями, в 5 уездах Таврической губ. было 28 медресе, в 1876 г. в Крыму было уже 40 медресе [Марков, 1869, с.99–101].

Существовала и государственная система образования крымских татар. Она состояла из Симферопольской татарской учительской школы (СТУШ) и сети русско-татарских министерских училищ (РТМУ). 27 марта 1872 г. был издан указ об открытии СТУШ, целью которой была подготовка учителей для низших училищ для крымских татар – РТМУ. В школе учились многие будущие представители национальной интеллигенции, определившие направления развития родного народа: А.Медиев, А.Боданинский, Д.Меинов, И.Фирдевс, Т.Боятжиев.

РТМУ в Крыму были созданы на основе «Правил» 1870 г. Они открывались на земские средства. Их главной целью было обучение «инородцев» русскому языку. Известно, что в 1881 г. насчитывалось 18 РТМУ, а в 1905 – 33. Если в 1881 г. там обучалось 494 чел., то в 1906 г. – уже 945, из них 40 девочек [Абibuллаева, 2005, с.12].

Государственная система народного образования испытывала в своем развитии большие трудности. Тем не менее, за многие годы своей деятельности она существенным образом влияла на развитие культуры крымских татар.

Важным элементом развития духовности и просвещения среди крымских татар было создание И.Гаспринским национального издательства и знаменитой газеты «Тәржеман». С 1879 г. он предпринимал неоднократные попытки создать собственное издательство газет на крымскотатарском языке «Файдалы эгләнжә» («Полезный досуг») (1879–1880), «Закон» (1881) [Ганкевич, 2000а, с.99–101]. С 10 апреля 1883 г. И.Гаспринскому разрешили издавать и редактировать первую крымско-татарско-русскую газету «Тәржеман» (была закрыта 23 февраля 1918 г.).

Через «Тәржеман» идеи И.Гаспринского распространялись среди мусульманских народов России. Кроме того, газета распространялась в Персии, Китае, Турции, Египте, Болгарии, Франции, Швейцарии, США. И.Гаспринский полагал, что его газета более популярна среди иностранцев, нежели среди соотечественников.

В 1886 г. просветитель наладил издание рекламного приложения к газете «Тәржеман» под названием «Листок объяв-

лений». С конца 1905 г. он начал издавать первый крымско-татарский журнал для женщин «Галәме нисван» («Женский мир»), редактором которого была его дочь Шефика. Это была третья попытка (первые две неудачные он предпринял в 1887 г. – журнал «Тәрбия» («Воспитание»), а в 1891 г. приложение к «Тәржеман» – «Кадын» (Женщина)) [Ганкевич, 2000а, с.146–153]. В 1906 г. И.Гаспринский добился разрешения на издание первого юмористического журнала на родном языке под названием «Ха-ха-ха». Позже он создал новый еженедельник – орган мусульманской фракции Государственной думы – газету «Милләт» («Народ») [Ганкевич, 2000а, с.155–161].

И.Гаспринский внес огромный вклад в европеизацию мусульманских народов России. Поначалу она возникла в качестве реформации школы «ысулы жәдит» («новый метод» обучения грамоте), инициированной И.Гаспринским уже в 1884 г., создания экспериментального мектебе в Бахчисарае, куда на курсы изучения «нового метода» приезжали мугаллимы из Волго-Уральского и других регионов страны. С этого времени джадидизм развивался в направлениях реформирования конфессиональных учебных заведений; создания и развития национальной печати; решения женского вопроса в соответствии с потребностями развития современной цивилизации; укрепления сотрудничества в культурной, экономической и общественной сферах между всеми тюркоязычными этносами; формирования национальной интеллигенции; модернизации мусульманского образа жизни и быта; установления точек соприкосновения с российским правительством, представителями культуры и образования; основания филантропических и меценатских структур и, наконец, основания собственных политических организаций. Мировоззренческие принципы и идеи И.Гаспринского основывались на либеральной идеологии, идее прогрессивного развития общества, дружбы славянских и тюркских народов, конфессиональной терпимости христиан и мусульман, неприятия радикальных требований социалистов. И.Гаспринский выступал за эволюционные формы развития общества [Ганкевич, 2000б].

И.Гаспринский – автор нескольких художественных произведений: романа «Французские письма», частью которого является утопическая повесть «Дарер-рэхэт мөселманлары» («Мусульмане земли благоденствия»); повести «Африканские письма – Страна амазонок»; рассказа «Арыслан кыз» («Лев-девица»); новелл – «Горе Востока»; эссе «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», «Русско-Восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания» и др. [Ганкевич, 2009б, с.13]. И.Гаспринский является родоначальником многих литературных и публицистических жанров не только у крымских татар, но и у других тюркских народов.

В конце XIX – начале XX в. в крымско-татарской национальной литературе заявили о себе представители молодого поколения: Осман Акчокраклы (1879–1938), Асан Чергеев (1879–1946), Абдурешит Медиев (1880–1912), Усеин Шамиля Тохтаргаз (1881–1913), Абибулла Одабаш (1881–1938), Мемет Нузет (1888–1934) и ряд других писателей и поэтов [Фазыл, 2005, с.58].

Важным явлением в мусульманской общественной жизни стало создание в 1897 г. «Крымского благотворительного общества в г.Симферополе для вспомоществования нуждающимся крымским татарам». Возглавил общество и долгие годы руководил его работой выдающийся общественно-политический деятель крымских татар И.Муфтийзаде (1841–1917).

Таким образом, крымские татары прошли сложную, но яркую, динамичную и сложную историческую дорогу в составе Российского

государства. С конца XVIII в. и вплоть до начала XX в. постепенно ликвидировались остаточные явления предыдущего периода. Крымских татар пытались инкорпорировать в унифицированную систему сложного государственного организма, каким была Российская империя. Реакция крымских татар была неоднозначной. Они стремились возродить органы мусульманского духовного управления, сохранить и реформировать народную школу, создать мощное общественное движение и органы национальной печати. Формой протеста консервативно настроенной части народа стали уход во внутреннюю жизнь своей общины и массовые, порой катастрофические, волны эмиграции в Турцию. Понимая вред этих форм протеста, патриотически настроенные силы крымских татар боролись против таких вредных явлений. Именно они призывали и активно действовали в направлении эволюционной инкорпорации крымских татар в сложную систему российской государственности с безусловным сохранением национальной самобытности, религии, языка, культуры, системы образования и духовности в целом. На этом этапе они видели перспективы развития народа в направлении просвещения, чему способствовал джадидизм, окончательно оформившийся в Крыму стараниями И.Гаспринского и его единомышленников. С другой стороны, в самом начале XX в. наметились и центристремительные тенденции в общественной и политической жизни российских тюрко-мусульман, и крымские татары приняли в этом процессе активное участие.

§ 7. Литовско-польские татары

Яков Гришин

Предки литовско-польских татар были выходцами из разноплеменных народов, входивших в состав Золотоордынского государства и образовавшихся после упадка его ханств. Массовое переселение татар из Золотой Орды в Литву началось в период правления великого князя Витольда (1392–1430). Поселявшиеся ордынцы получали из рук великого князя обширные вотчины, за что несли воинскую службу. Пользу-

ясь всеми правами русско-литовских бояр, они имели гарантированную свободу вероисповедания и соблюдения обычаев [Лаппо, 1901, с.462; Dziadulewicz, 1929, s.XVI].

Татарское население в литовско-польских землях делилось на 6 племенных групп, называемых хоругвями: баргынскую, джалаирскую, юшыньскую, конгратскую, найманскую и уланскую. Оно руководствовалось собственным религиозным правом

Товарищ и шеренговый
Татарско-литовского полка. 1801–1804 гг.

– шариатом, который функционировал во всех религиозных гимнах.

Среди татар сохранялась социальная дифференциация. В наиболее привилегированном положении оставались потомки ордынских султанов и мурз. Титул султана в Речи Посполитой принадлежал только двум татарским родам – Острыньским и Пуньским. Старших представителей рода постоянно именовали царевичами, как потомков господствовавших ханов. Остальные татарские роды происходили от ордынских мурз, им принадлежал титул князя [Акты, 1906, с.22, 41, 230].

Потомки ордынских султанов и мурз владели большими вотчинами и в них подчиненными холопами. За это они были обязаны нести конную воинскую службу. Они пользовались правами господствующей шляхты. В документах XVI в. их называли «богатыми татарами».

Ниже них стояли так называемые татары-казаки (служебное боярство). Они происходили из простых воинов, которые прибывали в Речь Посполитую в обозах ордынских султанов и мурз. Они получали небольшие участки земли и не только несли за это во-

инскую службу, но и исполняли большие обязанности в пользу великого князя и его царедворцев [Мухлинский, 1887, с.25].

Третью группу составляли городские татары, в значительной степени являвшиеся потомками военнопленных. Наибольшее их число проживало в Вильно, Троках, Августове, Остроге и Гродно.

В документах городских татар называли «простыми татарами». Они юридически отделялись от богатых татар, и им в меньшей степени вменялись различные обязанности. Однако за правовую опеку простые татары платили налог.

Наличие земельных владений, исполнение воинской службы, а также взимание налогов наравне с литовско-польской шляхтой вели к тому, что богатые татары постепенно становились частью шляхетства Речи Посполитой. Их шляхетство доказывалось, как у литовско-русской шляхты, свидетельством родственников и соседей, а также документами.

Почти все польские источники второй половины XVII в. давали татарским войнам чрезвычайно хвалебные оценки. Военная слава их полков в королевской армии способствовала тому, что во многих армиях западноевропейских стран начали создавать легкую кавалерию по образцу татарских формирований. В XVIII в. уланские части возникли во Франции, Австрии и Пруссии.

В период разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.) татары не стояли в стороне от борьбы за независимость своего государства. Они приняли активное участие в восстании 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшки [Kruczyński, 1984, s.147–148].

Когда часть польской территории перешла к России, Екатерина II подтвердила татарам все их существовавшие права и привилегии. При Павле I был сформирован татарский полк под командованием татарина – генерал-майора Барановского [Tyszkiewicz, 2002, s.50].

В период наполеоновского нашествия часть татар воевала на стороне Франции, часть – на стороне России. По разные стороны баррикад они находились и во время польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.

Литовско-польские татары в своем значительном большинстве исповедовали ислам суннитского толка. В местах постоянного проживания они создавали религиозную гмину – джемаат, в компетенцию которого входило избрание духовных лиц и решение вопросов, касающихся гмины, в особенности управления вакуфным имуществом. По мере необходимости созывались собрания, а руководили ими ротмистры либо татарские хорунжие. Последние имели значительное влияние на ход собраний, особенно при избрании имамов.

Символом гмины являлась мечеть, хотя не все джемааты из-за экономических причин могли ее иметь. Появляющиеся среди литовско-польской застройки мечети были скромными, низкими. Их содержала либо сама религиозная гмина, либо богатая прослойка татар-господ. Внутреннее убранство мечетей также было довольно скромным. Чаще всего они состояли из двух частей – мужской и женской. Отдельное помещение для женщин, так называемый бабинец, встречалось в России только в литовско-польских культовых зданиях. Молитвы совершались в мужской половине [Акты, 1906, с. XXV–XXVI].

Имели место и обряды, связанные в первую очередь с тремя важнейшими моментами жизни: рождением, женитьбой и смертью. Однако следует иметь в виду, что значительная отдаленность от мусульманского Востока, а также незнание коранического арабского языка привели к тому, что литовско-польские татары знали принципы своей религии поверхностно. Они обычно ограничивались пятничными молитвами, которые проходили в мечетях либо в частных домах.

Требование Корана о подавании милостыни убогим у литовско-польских татар потеряло свой первоначальный смысл. Оно превратилось в обычную раздачу между участниками молитвы милостыни (садака).

Источником религиозных знаний татар являлась их письменность, сохранившаяся в виде рукописных китабов и хамаилей (шамаилей). Китабами литовско-польские мусульмане называли религиозные книги, содержащие переводы отдельных разделов Корана, рассказы из жизни пророка Мухаммада, объяснения обрядов, легенды, а также нравоче-

ния. Китабы писались арабскими буквами, но тексты были польскими либо белорусскими. Переложение и объяснение Корана на белорусском языке имелось в Великом Литовском княжестве уже в XVI в. Китабы чаще всего хранились в мечетях, их имели также зажиточные помещики. Татарские китабы переписывали со старых экземпляров копиисты, знавшие арабскую письменность. Они часто вносили свои дополнения в виде рассказов и легенд. На последней странице китаба указывалось имя копииста, а также дата окончания работы. В XIX в. копиисты часто не понимали переписываемых восточных текстов [Lapicz, 1986, s.66].

В пору оживления религиозной жизни, особенно во время байрамов, мусульмане собирались вместе и читали старые предания, рассказы о жизни пророка Мухаммада и описания древних религиозных обрядов.

Основным источником религиозных знаний литовско-польских мусульман был все же не относительно редкий китаб, а хамаили или молитвенники. Их хранили в каждой татарской семье. В хамаилях содержались основные тексты молитв на арабском и турецком языках, а также польские и белорусские объяснения религиозных обрядов. В обширных хамаилях, кроме собрания молитв, помещались различные магические формулировки и заклинания, использовавшиеся при лечении больных, сонники, астрологические таблицы и календари. Татарские молитвенники в значительно большей степени, чем китабы оказывали влияние на формирование религиозного мировоззрения мусульман, ибо они были доступны каждому, кто был знаком с арабской письменностью. Хамаили – своеобразный богатый источник знаний не только по этнографии, ориенталистике, но и истории, ибо татары часто делали на полях молитвенников записи о важных событиях, свидетелями которых были сами [Tamže; Kryczyński, 1938, s.220].

В конце XIX в. литовские татары были в значительно лучшем положении, чем другие мусульманские народы Российской империи. Они без больших препятствий получали разрешение на строительство новых мечетей, сами выбирали свое духовенство. Подчинение литовско-польских мусульман

ТМДП являлось формальным, и оно совершенно не вмешивалось в их дела. Благоприятная религиозная ситуация вытекала из благожелательного отношения администрации к литовско-польским татарам.

У литовско-польских татар существовал религиозный суд.

Будучи мусульманами и зная свое происхождение, в культуре они сближались с поляками и белорусами, от которых в прошлом восприняли не только язык, но и многие местные обычаи. Это вело к тому, что в обыденной жизни они почти ничем не отличались от своих соседей-христиан, разве что отправлением мусульманских обрядов. И, кроме того, их отличал внешний вид.

Царские власти не чинили им препятствий в продвижении по службе. По этому поводу профессор Юлиан Талько-Хрынцевич писал: «Магометане, пользуясь привилегированным положением, не имея даже соответствующей квалификации, занимали должности в судебных и полицейских управлениях. Российские власти не раз отдавали им предпочтение перед православными, так как считали их более добросовестными и трезвыми. В определенные годы полиция рекрутировалась преимущественно из мусульман» [Talko-Hryniewicz, 1924, s.45].

Однако наиболее значительную карьеру литовско-польские татары сделали в российской армии. Уже в начале XIX в. появляется первый генерал-татарин Юзеф Улан (ум. в 1804 г.). В течение XIX в. в российской армии служило несколько десятков генералов и полковников-татар, а низших офицеров – несколько сотен. Перед Первой мировой войной на российской службе находилось около 20 генералов литовско-польских татар: Халиль Базаревский, Тамерлан Беляк, Юзеф Якубович, Якуб Юзефович, Александр Романович, Мацей Сулькевич, Александр Тальковский и др. Все они были воспитанниками российских военных учебных заведений, в т.ч. Академии Генштаба, считались наиболее лояльными подданными империи. Им не только доверяли командовать полками, дивизиями, корпусами и армиями, но и принимали в ряды Гвардии [Гришин, Шарафутдинов, 2001].

Помимо воинской службы татары освоили и другие профессии. Так, главным занятием небогатых татар являлось земледелие, особенно огородничество. И в этом они достигли значительных успехов, несмотря на то, что располагали небольшими участками. Превзошли всех трокские татары, которые не одно столетие успешно занимались посевом и сбытом огурцов [Акты, 1906, с. XXVII].

Другим важным занятием татар было фурманство. Однако к концу XIX в. в связи с проведением железных дорог популярный извозный промысел среди татар пришел в упадок. Популярным занятием являлось также кожевенное дело. Специализировались они в обработке конских и козых шкур, производя прекрасные сафьяновую и юхтовую кожи. Кожевенное производство процветало и в конце XIX – начале XX в. Особенно славились выделкой кож татары, проживавшие в местности Бутриманцы [Акты, 1906, с.235].

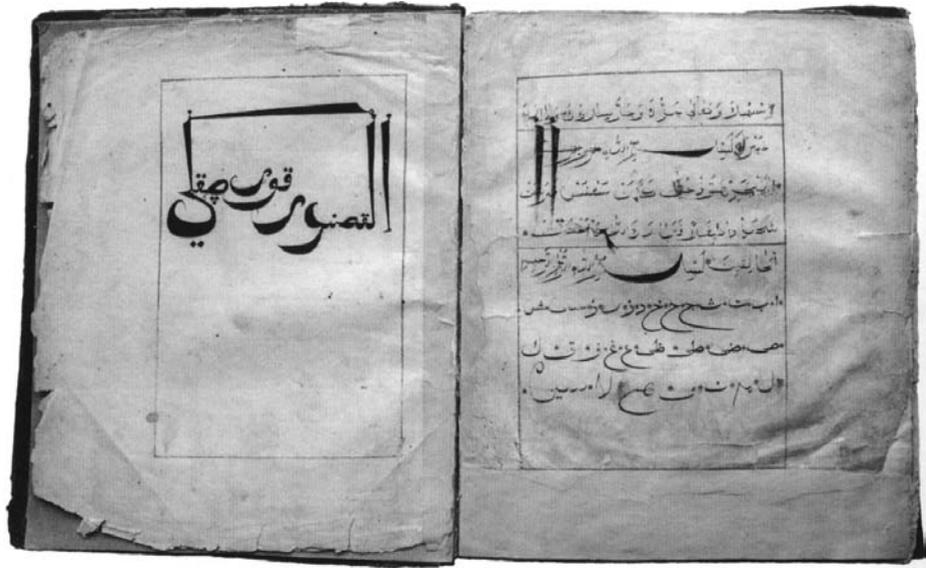
Татары также занимались животноводством, особенно коневодством. В лошадях они знали толк, им не было по этой части равных. Они не только умели выращивать лошадей, ухаживать за ними, но и виртуозно объезжать. Причем эти традиции у татар сохранялись до 30-х гг. XX в.

Кроме того, татары занимались продажей лошадей, которые во все времена являлись ценным товаром.

Литовско-польские татары в Западных губерниях России после 1815 г. и особенно после Польского восстания 1831 г. начали все больше входить в управленческие структуры. Мусульманская молодежь охотно шла в школы, в чем ей помогала просветительская власть. С 40-х гг. многие татары начали работать в казначействе, различных финансовых и налоговых институтах, а также в губернских управлениях. В повятах татары более охотно занимали должности в полиции, судах, таможенных управлениях. В конце столетия они появились также на железной дороге, почте.

Простолюдины же исполняли свои прежние профессии и ремесла.

После 1880 г. в различных высших учебных заведениях России появляется все больше мусульманской молодежи. Небольшая группа студентов-татар из западных губерний всегда находилась в российской

Коран
Александра
Корицкого.
Сер. XIX в.

столице. Среди обучающихся более всего были представлены семьи Ахматовичей, Байрашевских, Базаревских, Бучацких, Корыцких, Крычинских, Мухлей, Сулькевичей, Тальковских и Туган-Барановских, которые дадут целую плеяду военачальников, юристов, ученых.

В Петербурге накануне Первой мировой войны татарская интеллигенция, студенчество создали тайный «Кружок польских студентов-мусульман», руководимый студентами-юристами братьями Ольгердом и Леоном Крычинскими [Tyszkiewicz, 2002, s.95–96].

В Вильно появилось «Литовско-мусульманское общество помощи бедным мусульманам», которое проводило и просветительскую работу.

Подобное общество возникло весной 1913 г. в Варшаве. Инициаторами его создания явились поволжские татары. Оно насчитывало 118 членов, из них 55 были с Волги, из Крыма, с Кавказа, остальные – литовско-польские татары. Именно из них выбрали председателем генерала К.Крычинского [Miśkewicz, 1990, s.24].

Установить точную численность литовско-польских татар в XIX в. не представляется возможным. В работе А.Мухлинского находим результаты переписи 1853 г., согласно которой в северо-западных губерниях проживало 5485 татар. Дополнительная (годом позже) перепись, проведенная

ДДДИИ, «сократила» их до 3525 чел. К 1887 г. мусульманское население возросло до 9467 душ об.п. [Muchliński, 1858, s.161].

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Гродненской губ. мусульман значилось 3731 чел. (3054 муж., 677 жен.), в Ковенской – 1920 (1623 муж., 297 жен.), в Виленской – 4375 (2572 муж., 1803 жен.), в Минской губ. – 4619 (2582 муж., 2037 жен.), в Подольской – 3460 (3427 муж., 33 жен.), в Волынской – 4877 (4703 муж., 174 жен.). В целом в этих губерниях было 22982 приверженца ислама (17961 муж., 5021 жен.). Татарским языком пользовались 14237 чел. (11940 муж., 2297 жен.), башкирским – 2043 чел., причем исключительно мужчины. Другими языками, в основном русским и белорусским, пользовались 6152 чел. Везде наблюдалось преобладание мужчин, что было связано с включением в списки военнослужаших. Можно предположить, что цифра 6152 чел. непосредственно относится к интересующей нас этнической группе [Первая всеобщая, 1904, т.8, 11, 16, 17, 22, 41].

Небольшими и обособленными были татарские колонии в Королевстве Польском. Здесь татары встречались в двух губерниях – Седлецкой и Сувальской. И было их в 1851 г. только 272 чел. В начале 60-х гг. численность татар увеличилась до 325 (в Сувальской губ. – 178, в Седлецкой – 147).

По данным переписи 1897 г., в Седлецкой губ. было 669 мусульман (643 муж., 26 жен.), в Сувальской – 786 (726 муж., 60 жен.). Как и в других губерниях, здесь также включили в статистику военнослужащих. На татарском языке говорили 1260 чел., в т.ч. 1249 муж. и только 11 жен. Другими языками пользовались 159 мусульман, из них 92 – польским (28 – в Седлецкой и 64 – в Сувальской губ.). Две последние цифры не соответствуют действительности, так как знание польского языка среди татар здесь было всеобщим. Для установления общей численности годятся только более ранние сведения, на основе которых можно сделать вывод, что в обеих губерниях могло быть около 300 польских татар того и другого пола [Miśkewicz, 1990, s.15].

Несколько слов следует сказать и о мусульманах Варшавы, которые появились здесь в качестве постоянных жителей где-то в начале XIX в. По всей видимости, это были татары с Подлясья. К сожалению, численных данных о них нет. О пребывании в тот период мусульман может свидетельствовать только заложенное ими кладбище на территории между Черняковым и Секерками.

Рост числа мусульман в Варшаве относится к 20-м гг. XIX в., когда сюда начинают прибывать российские войска. Вместе с ними приезжали и гражданские лица, занимающиеся торговлей. Это они обратились в 1852 г. к наместнику Королевства Польского с петицией о назначении для них гражданского духовного лица. Рассмотрев ее, власти при помощи варшавского оберполицмейстера провели письменную перепись гражданского мусульманского населения города. Она показала, что на 7 (19) августа 1852 г. в Варшаве временно находилось только 15 поволжских татар. В связи с этим их петиция была отклонена, а обязанности духовного пастыря должен был исполнять мусульманский капел-

лан. Польских татар в списке не оказалось [Tamże; Nietyksza, 1971, s.239].

Дальнейший наплыв мусульман в Варшаву наблюдался после 1865 г., что было связано с установлением железнодорожного сообщения между Петербургом и Тирасполем. В 1882 г. в Варшаве находилось 85 мусульман (72 муж. и 13 жен.), в 1897 г. – 589 (538 муж., 51 жен.) [Nietyksza, 1971, s.239].

Точное число постоянных жителей варшавской мусульманской колонии установить невозможно. Однако известно, что ее составляли в большинстве татары из Поволжья, которые совершали постоянные поездки между Варшавой и Казанью. К этой колонии относилось и небольшое число мусульман, прибывших из Средней Азии и с Кавказа, а также отдельные семьи арабов, турков и персов. Варшавские мусульмане открывали собственные пекарни, сахароварни, мясные магазины, мастерские по реставрации ковров, занимались торговлей, были посредниками в товарообмене с некоторыми частями России и даже с Турцией [Miśkewicz, 1990, s.15].

Сколько было литовско-польских татар в варшавской колонии? Видимо, немного, так как в XIX в. не было организованной и большой эмиграции их в Варшаву. Поселилось там, предположительно, только несколько семей.

Таким образом, издавна жившие в пределах бывшего Литовского государства татары никогда не составляли сколько-нибудь значительного элемента среди других народностей. Они никогда не предъявляли никаких претензий на политическую самостоятельность. Очевидно, не случайно, что коренные жители всегда жили с ними в мире и согласии.

К концу XIX – началу XX в. литовско-польским татарам удалось сохранить свою самобытность, в первую очередь в религиозном отношении, в профессиональной деятельности и в быту.

Раздел II

**Сословно-социальные
группы татар**

Сословие – социально-юридическая категория населения, тесно замкнутая и характеризующаяся наследственными правами, привилегиями и обязанностями, закрепленными законами или обычаями. Подданные Российской империи делились на четыре сословия («сосостояния»): дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Каждое сословие обладало правами и обязанностями, закрепленными в законе и передаваемыми по наследству. Для сословной организации была характерна иерархия, выражавшаяся в неравенстве положений сословия и их привилегий. К высшим, привилегированным, сословиям относились дворянство и духовенство, к низшим, непривилегированным – городское сословие и «сельские обыватели» – крестьянство. С 1832 г. в среде горожан появилось новое сословие – потомственные и личные почетные граждане.

ГЛАВА 1 Дворяне

Лилия Байбулатова

К началу XIX в., благодаря Жалованной грамоте 1785 г., российское дворянство, в основной своей массе, окончательно сформировалось как привилегированное сословие, которое не обязано было служить государству, т.е. практически лишилось своей первоначальной функции, и в то же время было освобождено от налогов и телесных наказаний, наделено различными исключительными правами на владение землей и крестьянами. Дворяне имели право заниматься промышленной деятельностью и торговлей, у них появилось собственное сословное самоуправление, что стало причиной их региональной обособленности и отсутствия общедворянской российской корпорации. Несмотря на то, что для российского дворянства понятия «состояние» и «сословие» были идентичными [Россия, 2002, с.91], внутри него существовали свои условные группы: 1) разделение на потомственное и личное дворянство; 2) деление потомственного дворянства на шесть частей. Разделение потомственного дворянства не подразумевало никаких правовых различий, а было предусмотрено в целях выделения наиболее древних и титулованных русских православных родов на фоне поздних и менее благородных. Кроме того, особняком стояли нерусские и неправославные дворяне, в т.ч. татары-мусульмане.

Дворяне из мусульман. Социально-правовое положение татарской феодальной

прослойки трансформировалось в первой четверти XVIII в. припиской к Казанскому адмиралтейству и приравнением к сословию государственных крестьян. Их постепенное вхождение в состав российского дворянства началось с указов от 1 ноября 1783 г. и 22 февраля 1784 г., чем незамедлительно воспользовались татарские мурзы и князья. Первый указ (от 1 ноября 1783 г.), разрешавший прием на военную службу и награждение офицерским званием татарских мурз и чиновных людей [ПСЗ, т.21, №15.861], открыл дорогу к дворянскому званию посредством военной службы; второй – от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» – дал возможность приобрести дворянский статус тем татарам, которые могли подтвердить свое благородное происхождение и тем самым выйти из подушного состояния [Арапов, 2001, с.48]. Правительство пошло на эти меры для привлечения представителей татарской мусульманской элиты на свою сторону после аннексии Российской империи Крымского ханства.

Несмотря на предоставленные возможности, вхождению в состав российского дворянства препятствовало несколько факторов: во-первых, многие представители мусульманской знати, проживавшие в сельской местности, были бедны и занимались сельским хозяйством, подобно большинству

крестьян [Арапов, 2001, с.19]; во-вторых, у них отсутствовали или были утеряны документы, подтверждавшие благородное состояние [Еникеев, 1999, с.138]; в-третьих, правительство проводило курс на ограничение количества лиц, стремящихся к «благородству»; в-четвертых, при возведении в дворянство большое значение имел «местный фактор» в лице русского дворянства. К примеру, в Казанской губ. в VI часть (древние благородные роды) родословной книги не был внесен ни один мусульманин – представитель татарской феодальной элиты¹.

По указу Павла I от 29 ноября 1796 г. в Оренбургской губ. в дворянском звании были восстановлены 235 князей и мурз из родов Янбулатовых, Акчуриных, Маматкозиных-Сакаевых, Чанышевых, Дивеевых, Маминных, Маматкозиных, Кашаевых, Яушевых, Шихмаметовых, Бигловых, Еникеевых и Терегуловых. В 1797 г. именным царским указом были причислены к потомственному дворянству 350 чел., в т.ч. 231 – из Оренбургской, 8 – из Тамбовской, 15 – из Саратовской, 96 – из Пензенской губ. К 1797 г. общий список просивших о переводе из податного сословия в дворянское по губерниям Европейской части России составлял 4811 чел. из 177 татарских родов. Это – 17 княжеских и мурзинских родов из Саратовской губ. (1008 чел.), 32 рода из Рязанской (388), 2 рода из

Оренбургской (61), 7 родов из Симбирской (282), 22 рода из Пензенской (524), 1 род из Нижегородской (55), 96 родов из Казанской (2793 чел.) губ. Из них лишь немногие сумели подтвердить свое благородное происхождение и смогли представить документы о получении поместья от царя [Хайрутдинов, 1997, с.89]. При предъявлении необходимых документов местное дворянское собрание, рассматривавшее прошение заявителя, часто считало их недостаточными и требовало дополнительные сведения. Согласно закону от 27 марта 1840 г. татарские дворяне были вынуждены дополнительно просить о внесении своих детей в родословную книгу, подтверждая их права наличием метрического свидетельства из ОМДС об их законном рождении, несмотря на то, что потомственное дворянство передавалось детям и потомкам [[ПСЗ-2, т.15, ч.1, №13304]². Наиболее вероятным способом восстановления дворянских прав татарскими князьями и мурзами оставалась военная и гражданская служба. Начиная с мая 1800 г., после распространения прав однодворцев по восстановлению в дворянском сословии на казанских и литовских мурз, те лица, чьи свидетельства о благородном происхождении были подтверждены, для окончательного восстановления в дворянском сословии должны были поступить в войска вольноопределяющимися и дослужиться до офицерского чина [Хайрутдинов, 1997, с.92]³.

¹ Так, в 1818 г. унтер-офицер егерского полка Курмай Салихов Кульдюшев представил в Казанское дворянское депутатское собрание копию с пяти свитков о благородном происхождении своего рода, однако собрание посчитало эти доказательства недостаточными и предложило предоставить поколенную роспись рода просителя, засвидетельствованную 12 благородными лицами, удостоверение из судебных мест о том, что никто из рода не состоял в подушном окладе, а также удостоверение от команды о всей его службе и поведении. Кроме того, депутатское собрание интересовало, по чьей воле проситель поступил на военную службу, почему его фамилия отличается от родовой фамилии Кильдишев, а также почему он не именуется князем, подобно его предкам [НА РГ, ф.350, оп.1, д.11, л.3–3об].

Всего же в родословную дворянскую книгу Казанской губ. было записано 9 татар-мусульман (Алкины, Алеевы, Вагимовы, Ермухаметовы, Саиновы, Муратовы, Хальфины, Юнусовы, Эльмурины): 7 из них получили дворянство на военной службе, 2 – на гражданской, причем внесены они были в нее в первой половине XIX в., до начала ужесточения правил получения дворянства [Двоеносова, 2001, с.27].

² При отсутствии метрического свидетельства, согласно этому же указу, разрешалось предоставление родословной, подписанной предводителем дворянства и засвидетельствованной ближайшими родственниками, уже состоящими в дворянстве; также требовались свидетельства 12 дворян о соответствующем человеку благородного происхождения образе жизни и выписка из присутственного места о том, что проситель, а также его отец и дед не состояли в подушном окладе. Если проситель и его отец, и деды находились в подушном окладе, то их, после подтверждения представленных доказательств, восстанавливали в дворянском сословии на правах однодворцев.

³ При Екатерине II переход в дворянское сословие обеспечивал первый офицерский чин на военной службе и VIII класс на гражданской. Такой низкий порог открыл доступ в дворянство многим выходцам из других сословий. В 1845 г. этот порог был повышен до VIII класса на военной службе и до V на гражданской. С 1856 г. потомственное дворянство давалось уже при достижении VI класса

Таблица 19

Численность потомственных татарских дворян в 1897 г.*

Губернии	Потомственные дворяне об.п.					
	всего	в % среди населения	в т.ч. татарские обоего пола			
			всего	в % ко всем п.дв.	в % ко всему нас.	в % к татар. нас.
Волго-Уральские губернии						
Уфимская ^{1*}	10460	0,5%	5696	54,5%	0,3%	3,1%
Пензенская	5336	0,4%	981	18,4%	0,1%	1,7%
Оренбургская ^{2*}	5142	0,3%	510	9,9%	0,03%	0,5%
Саратовская ^{3*}	6901	0,3%	316	4,6%	0,01%	0,3%
Самарская ^{4*}	5391	0,2%	235	4,4%	0,01%	0,1%
Казанская	6779	0,3%	121	1,8%	0,01%	0,0%
Тамбовская	8063	0,3%	99	1,2%	0,00%	0,6%
Симбирская	3923	0,3%	81	2,1%	0,01%	0,1%
Рязанская	11520	0,6%	77	0,7%	0,004%	1,5%
Нижегородская	5362	0,3%	56	1,0%	0,004%	0,1%
Вятская ^{5*}	2366	0,1%	37	1,6%	0,001%	0,0%
Астраханская	2778	0,3%	31	1,1%	0,003%	0,1%
Пермская ^{6*}	4814	0,2%	23	0,5%	0,001%	0,0%
Московская	40104	1,6%	26	0,1%	0,001%	0,5%
Всего	118939	0,4%	8289	7,0%	0,03%	0,5%
Северо-западные губернии						
Минская	70974	33,0%	3434	4,8%	1,6%	84,6%
Виленская	70640	4,4%	577	0,8%	0,04%	29,3%
Гродненская	19211	1,2%	106	0,6%	0,01%	4,4%
Волынская ^{7*}	34682	1,2%	67	0,2%	0,002%	1,8%
Ковенская	98987	6,4%	57	0,1%	0,004%	3,5%
Всего	294494	3,7%	4241	1,4%	0,1%	30,6%
Южные и юго-западные губернии						
Таврическая	12425	0,9%	1641	13,2%	0,1%	0,8%
Киевская	39048	1,1%	38	0,1%	0,001%	1,9%

* Первая всеобщая, т.2, 8, 10, 11, 14, 16, 17, 22, 24, 25, 28, 30, 31, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 45. При подсчете татарских дворян учитывались только те, кто указал татарский язык своим родным языком. В связи с этим в таблицу не включены данные по башкирам, тептярям и мещерякам, указавшим родным языком соответствующие им «башкирский», «тептярский» и «мещеряцкий» языки. Таблицы 20 и 21 составлены по этим же источникам и критериям.²

^{1*} В Уфимской губ., кроме татар, проживало потомственных дворян: из башкир – 512 чел. об.п., мещеряков – 10, тептяр – 2.

^{2*} В Оренбургской губ., кроме татар, проживало потомственных дворян: из башкир – 452 чел. об.п.

^{3*} В Саратовской губ. зафиксирован 1 потомственный дворянин из башкир.

^{4*} В Самарской губ., кроме татар, проживало потомственных дворян: из башкир – 117 чел. об.п., тептяр – 8.

^{5*} В Вятской губ., кроме татар, проживало потомственных дворян: из тептяр – 9 чел. об.п.

^{6*} В Пермской губ., кроме татар, проживало потомственных дворян: из башкир – 3 чел. об.п.

^{7*} В Волынской губ. зафиксирован 1 потомственный дворянин из башкир.

Участие в военных кампаниях и ратные

на военной и IV на гражданской службе [Корелин, 1979, с.26].

подвиги способствовали получению очередных офицерских званий, награждению боевыми наградами, которые давали возможность получить дворянство. Так, в 1814 г. в

Уфимском дворянском собрании было возведено в потомственное дворянство 64 чел. из татарских мурз, принимавших участие в Отечественной войне 1812 г. [Арапов, 2001, с.19–20; Габдуллин, 2006, с.82–83].

Наиболее полные сведения о расселении и численности дворян в регионах Российской империи дают материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., которые составлялись на основе устных ответов респондентов без предоставления каких-либо документов.

Как видно из данных табл.19, в губерниях с компактным проживанием татарского населения наибольшее количество потомственных татар-дворян приходилось на Уфимскую (2863 муж., 2833 жен.), Минскую (1678 муж., 1756 жен.) и Таврическую (875 муж., 766 жен.) губернии.

По количеству татарских дворян особо выделялась Уфимская губ., где они составляли более половины (54,5%) всех потомственных дворян губернии. Царское правительство, ограничивая число потомственных башкирских дворян, с 5 июля 1829 г. начало жаловать казачьих офицеров из башкир только личным дворянством; с 28 мая 1839 г. чины Башкиро-мещеряцкого войска, получившие орден св.Станислава, также могли получить только статус и права личного дворянства [История Башкортостана, 1996, с.348]. Татары же попали в «привилегированную» группу благодаря своему участию в подавлении восстания 1773–1775 гг., в результате чего им отдавалось предпочтение, по сравнению с башкирами, в предоставлении дворянских прав [Тагирова, 2011, с.47]. Также здесь была наибольшая концентрация татарских мурз и служилых татар, служивших в иррегулярных войсках [Двоеносова, 2001, с.25]. Местная администрация привлекала представителей татарского дворянства для руководства мусульманским населением; с 1801 г., в связи с формированием Башкиро-мещеряцкого казачьего войска, число чиновников из татар значительно увеличилось, поскольку командный состав набирался из татарских мурз [Еникеев, 1999, с.139–140]. К примеру, в 1850 г. среди кантонных чиновников было 59 потомственных дворян из мещеряков [История Башкортостана, 1996, с.348]. По-

сле расформирования Башкирского войска в 1865 г. в потомственном и личном дворянстве были утверждены мещеряки и башкиры, удостоенные на службе действительных и зауряд-чинов [Ямаева, 2002, с.72].

Относительно многочисленными были и дворяне из литовско-польских и крымских татар. Как видно из данных табл.19, в конце столетия в пяти польско-литовских губерниях около трети (30,6%) татарского населения являлись дворянами, притом в Минской губ. процент потомственных дворян среди татар составлял абсолютный максимум для данного региона – 84,6%. В Таврической губ. доля татар среди всех потомственных дворян составляла 13,2%.

Особенность положения литовско-польских татар заключалась в том, что в конце XVIII в., при присоединении литовских провинций, их собственность и преимущества, в т.ч. право на владение крепостными христианами, были официально подтверждены российской властью. В дальнейшем, в 1823 г., для привлечения в российскую армию опытных татарских офицеров была ускорена процедура допущения в шляхетское сословие. Указом Сената от 27 марта 1840 г. к шляхте стали причислять тех польско-литовских татар, которые находились на службе в российской армии или являлись предками тех, кто служил в польско-литовских войсках и обладал шляхетскими привилегиями [Гришин, 2005, с.106].

Крымским татарам для получения дворянства было достаточно предоставления документа, которым подтверждалось их происхождение от лиц, владевших землями до аннексии Крыма в 1783 г., или же устного показания их «собратий» ввиду отсутствия письменных доказательств [Двоеносова, 2001, с.24].

В целом же по России численность потомственных дворян составляла 1221939 чел. (0,97% всего населения), среди них русских было 52,6%, татар – 5,3% [Россия, 2002, с.96,98]. В рассмотренных же губерниях доля татарских дворян от общего числа потомственных дворян составляла 1,16% (14209 чел.). Согласно сведениям Д.Ю.Арапова, до 1917 г. дворянскими правами пользовалось около 70 тыс. мусульман – потомственных, личных дворян и класс-

Таблица 20

Личные дворяне из татар в 1897 г.

Губернии	Личные дворяне об.п.			
	Всего личных дворян	в т.ч. из татар		
		всего тат. л.дв.	в % ко всем л.дв.	в % к татар. нас.
Волго-Уральские губернии				
Казанская	8911	124	1,4%	0,02%
Уфимская ^{1*}	5362	117	2,2%	0,1%
Вятская	7641	69	0,9%	0,1%
Оренбургская ^{2*}	6903	69	1,0%	0,1%
Тамбовская	9039	56	0,6%	0,3%
Симбирская	5118	36	0,7%	0,03%
Пензенская	5487	23	0,4%	0,0%
Московская	37102	21	0,1%	0,4%
Саратовская	9506	18	0,2%	0,02%
Самарская ^{3*}	6344	15	0,2%	0,01%
Пермская ^{4*}	12668	12	0,1%	0,0%
Астраханская	3313	8	0,2%	0,0%
Рязанская	6248	4	0,1%	0,1%
Нижегородская	7383	–	–	–
Всего	131025	572	0,4%	0,03%
Северо-западные губернии				
Ковенская	6026	24	–	–
Минская	7274	22	0,3%	0,5%
Волынская	12342	15	0,1%	0,4%
Виленская	6729	14	0,2%	0,7%
Гродненская	6543	10	0,2%	0,4%
Всего	38914	85	0,2%	0,6%
Южные и юго-западные губернии				
Таврическая	10336	566	5,5%	0,3%
Киевская	21481	17	0,1%	0,9%
Всего	31817	583	1,8%	0,3%

^{1*} Кроме личных дворян из татар было: башкир – 133 чел. об.п., мешеряков – 15 чел. об.п.

^{2*} Кроме личных дворян из татар было: башкир – 207 чел. об.п., тептяр – 3 чел. об.п.

^{3*} Кроме личных дворян из татар было: башкир – 25 чел. об.п.

^{4*} Кроме личных дворян из татар было: башкир – 33 чел. об.п.

ных чиновников; составлявших примерно 5% от общего числа дворян империи [Арапов, 2001, с.28].

Перепись населения 1897 г. дает данные и о численности личных дворян⁴ среди татар.

⁴ Личное дворянство как социальная группа возникло в 1722 г. и приобреталось тремя путями: 1) пожалованием монарха; 2) достижением определенного чина на действительной службе; 3) пожалованием российского ордена за «служебные отличия».

Как видно из данных табл.20, численность личных татарских дворян по всем трем регионам была намного ниже численности потомственных татар-дворян. В Волго-Уральском регионе больше всего личных дворян зафиксировано в Казанской губ., что, скорее всего, было связано с их преобладающим проживанием в городе (62,9%), где было больше возможностей для работы, дающей преимущества для получения личного дворянства. Максимум личных татар-

Таблица 21

Расселение потомственных и личных дворян из татар в городах и уездах в 1897 г.

Губернии	Потомственные дворяне				Личные дворяне			
	город		уезд		город		уезд	
	все- го	ко всем п.т.дв., в %	всего	ко всем п.т.дв., в %	всего	ко всем л.т.дв., в %	все- го	ко всем л.т.дв., в %
Волго-Уральские губернии								
Уфимская	327	5,7%	5369	94,3%	44	37,6%	73	62,4%
Пензенская	7	0,7%	974	99,3%	4	17,4%	19	82,6%
Оренбургская	195	38,2%	315	61,8%	44	63,8%	25	36,2%
Саратовская	18	5,7%	298	94,3%	1	5,6%	17	94,4%
Самарская	31	13,2%	204	86,8%	1	6,7%	14	93,3%
Казанская	89	73,6%	32	26,4%	78	62,9%	46	37,1%
Тамбовская	5	5,1%	94	94,9%	1	1,8%	55	98,2%
Симбирская	13	16,0%	68	84,0%	6	16,7%	30	83,3%
Рязанская	15	19,5%	62	80,5%	0	0,0%	4	100,0%
Нижегородская	1	1,8%	55	98,2%	–	–	–	–
Вятская	15	40,5%	22	59,5%	4	5,8%	65	94,2%
Астраханская	21	67,7%	10	32,3%	7	87,5%	1	12,5%
Пермская	14	60,9%	9	39,1%	9	75,0%	3	25,0%
Московская	26	100,0%	0	0,0%	21	100,0%	0	0,0%
Всего	777	9,4%	7507	90,6%	220	38,5%	352	61,5%
Северо-западные губернии								
Минская	1617	47,1%	1817	52,9%	18	81,8%	4	18,2%
Виленская	44	7,6%	533	92,4%	1	7,1%	13	92,9%
Гродненская	42	39,6%	64	60,4%	6	60,0%	4	40,0%
Волынская	22	32,8%	45	67,2%	11	73,3%	4	26,7%
Ковенская	33	57,9%	24	42,1%	24	100,0%	0	0,0%
Всего	1758	41,5%	2483	58,5%	60	70,6%	25	29,4%
Южные и юго-западные губернии								
Таврическая	305	18,6%	1336	81,4%	112	19,8%	454	80,2%
Киевская	15	39,5%	23	60,5%	9	52,9%	8	47,1%
Всего	320	19,1%	1359	80,9%	121	20,8%	462	79,2%

дворян приходится на Таврическую губ. (566 чел.), но в данной губернии, в отличие от Казанской, большинство личных татарских дворян проживало в уездах (80,2%).

В целом, малочисленность личных дворян среди татар объясняется их слабой вовлеченностью (в связи с плохим знанием русского языка, отсутствием соответствующего образования и недостаточной материальной обеспеченностью) в правительственные учреждения, служба в которых до определенного чина давала возможность претендовать на получение личного дворянства.

Данные 1897 г. о расселении потомственных и личных татар-дворян свидетельствуют о том, что потомственное и личное татарское дворянство было в основной своей массе сельским (табл.21).

Во всех трех регионах больше всего потомственных татар-дворян проживало в уездах. Несколько выделялись только литовско-польские потомственные татарские дворяне, у которых наблюдалась небольшая разница между городскими и сельскими дворянами (41,5 и 58,5% соответственно), личных же татарских дворян в северо-западных губерниях больше всего было в городе (70,6%).

В Волго-Уральском регионе 90,6% потомственных и 61,5% личных дворян проживали в сельской местности.

Одной из особенностей социального положения дворян из татар-мусульман Волго-Уралья была незначительность их земельных наделов, что являлось результатом внутривополитического курса правительства в средние века и Новое время. В 1795 г. в Уфимском наместничестве имелось лишь 28 владений помещиков-мусульман (Яушевы, Алкины, Девлеткильдеевы, Максютювы, Тевкелевы, Бековчи-Черкасские). Крупных землевладельцев, обладавших от 500 до 1000 и более дес. земли⁵, было немного. Наиболее обширные земельные участки находились в руках рода Тевкелевых, которым в 1870 г. принадлежало более 72 тыс. дес. в Уфимской, Оренбургской, Вятской, Рязанской и Пензенской губ. [Азаматова, 2008, с.88]. В пореформенный период в Приуралье, используя дешевую наемную рабочую силу, они наладили рентабельное хозяйство, получая большую прибыль от земледелия, животноводства, сдачи в аренду лугов и пашни, продажи леса. Однако в конце XIX – начале XX в. Тевкелевы, переселившись в города, постепенно отошли от сельскохозяйственных занятий и начали распродавать недвижимость. В 1898 г. Кутлумухамед Тевкелев вынес на продажу 6729 дес. земли, в 1905 г. – еще 5294 дес. (совместно с двоюродной сестрой Умма-Гульсум Саитгаревой Шейх-Али) в Белебеевском у. В 1906 г. Крестьянский банк купил долю Шейх-Али (4201 дес.) и часть имения Кутлумухамеда (688 дес.). В 1892 г. младший брат Кутлумухамеда Владимир (до крещения Ахмет) в 1892 г. оформил опеку над своим имением и продал его в 1907 г. Крестьянскому банку. В начале XX в. характерная для российского дворянства распродажа земель Тевкелевыми продолжалась. Если в 1870 г. в Уфимской губ. за ними числилось 38 тыс. дес., то к 1913 г. оставалось всего 9653 дес., где помещичьи хозяйства отсутствовали [Азаматова, 2008, с.88–89, 91–101]. Большими

земельными наделами (более 7 тыс. дес.) обладали два дворянских рода – Терегуловых и Еникеевых, однако учитывая, что эти земли были распределены между главами хозяйств по 35–154 дес., их можно отнести к низшим, мелким и средним землевладельцам [Стейнвелд, 2011, с.70]. Более 1 тыс. дес. земли в Уфимском у. владел Юсуп Алкин [Габдуллин, 2006, с.97]), из этого же рода Алкиных наследники Шагиахмета Алкина в 1895 г. владели 1200 дес. в Мамадышском у. [НА РТ, ф.350, оп.2, д.676, л.3]; у представителей рода Аитовых – Ахметши и Шарифа – было 1065 дес. удобной земли [Габдуллин, 2006, с.97], казанский дворянин Саеггарей Девлеткильдиев приобрел в 1870-е гг. в Стерлитамакском у. 3 тыс. дес. [ЦИА РБ, ф.И-10, оп.1, д.892, л.360б.].

Основная часть малочисленных татарских дворян расселялась в Приуралье. В пореформенный период их земельные владения по размеру были меньше частных владений мещан и крестьян, имевших до 250 дес. Так, в 1890-е гг. в Уфимской губ. татарские дворяне Бибузхура Терегулова (90 дес.) и Терегулов (118 дес.) сдавали все свои земли в аренду, князь Девлеткильдеев часть земель (265 дес.) засеивал сам [Усманов, 1981, с.214, 218, 237].

Следует отметить, что, в отличие от татарского, бедное русское дворянство поддерживалось государством, которое наделяло их земельными наделами и оказывало денежное пособие [Романов-Славатинский, 2003, с.230].

Татарские дворяне, имевшие небольшие наделы и ведущие, по сути, крестьянское хозяйство, из-за отсутствия у них крепостных крестьян не испытали тех потрясений, которые выпали на долю русских помещиков, потерявших даровую рабочую силу. Некоторые из них, воспользовавшись дешевой башкирских дач, покупали их и тем самым увеличивали свои земельные угодья.

Другой особенностью татарских дворян являлась малочисленность в их хозяйствах крепостных крестьян. Они лишились крепостных крестьян из православных еще указами Петра I от 3 и 27 ноября 1713 г. и 12 июля 1715 г., и в последующем не имели права «покупки и владения», что еще раз было подтверждено указом Екатерины

⁵ По размерам земельных наделов землевладельцы делились на несколько групп: крупные – от 500 до 1000 и более дес.; средние – от 100 до 500 дес.; мелкие – от 50 до 100 дес.; низшая группа – до 50 дес. [Алишев, 1984, с.63; Россия, 2002, с.103].

II от 22 февраля 1784 г. В Волго-Уралье наиболее крупными крепостниками являлись Тевкелевы, которым до реформы 1861 г. принадлежало в Уфимской губ. более 1800 душ м.п. из числа мусульман [Азаматова, 2008, с.75], в Вятской губ. – 3564 ревизские души [Материалы по статистике, т.ХII, с.11].

Социальное положение в обществе представителей благородных родов было обусловлено их гражданской или военной службой. В первой половине XIX в. приоритет отдавался военной службе, которая предоставляла относительно быструю возможность вхождения в состав дворянства: к 1834 г. в Поволжье и Приуралье большая часть из 90 татарских дворянских родов получила этот статус по офицерским чином или российским орденам [Габдуллин, 2006, с.83]. В целом, среди российской военной элиты татарских дворян было немного. Среди высших чинов начала XX в. следует назвать генерал-майора Р.Ш.Сыртланова (1877–1916) и генерал-майора А.А.Давлетшина (1861–1918). В российской армии удачную карьеру сделали польские татары, в начале XX в. число генералов среди них достигло 20 [Гришин, 1995, с.80].

Поступление на чиновничью службу осложнялось условиями, предъявляемыми к кандидатам на должность. В «Правилах народного просвещения» 1803 г. отмечалось, что через пять лет после открытия в учебном округе училищ на гражданскую службу не принимаются лица, не окончившие частное или общественное училище. В 1809 г. были введены испытания для лиц, претендующих на чин коллежского асессора, дававший право получения потомственного дворянства, или статского советника, также требовалось предъявление свидетельства из университета, в котором было бы отмечено обучение наукам, необходимым для гражданской службы. Таким образом государство хотело привлечь молодых дворян в университеты,

Усадьба в родовом поместье С.Тевкелева в д.Килимово Белебеевского у. Уфимской губ. Фото нач. XX в.

пустовавшие в начале XIX в. [Карнович, 1897, с.88–89]. Мусульманам было крайне затруднительно поступить на гражданскую службу, так как на протяжении всего XIX в. число татар, окончивших училища, а тем более университеты, было ничтожно мало. В Волго-Уралье большинство дворян занимали должности мелкого и, редко, среднего звена чиновников. Относительно высоких должностей они достигали в дореформенный период в правительственных учреждениях, курирующих казахов. Введение общеимперской системы управления в Казахстане привело к резкому сокращению численности татарских дворян в правительственных учреждениях. Упразднение в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства выразилось в уменьшении штатных должностей переводчиков в правительственных учреждениях региона. В целом, поступление на государственную службу для татар представлялось затруднительным по ряду причин. Одной из главных являлось плохое знание русского языка, что было неприемлемо в учреждениях с русскоязычным делопроизводством [Смыков, 1988, с.77]. В пореформенный период дети дворян, окончившие русские средние и начальные заведения, КТУШ, работали учителями и вносили большой вклад в распространение начального русского образования среди крестьян, служили в ОМДС, земских управах и других местных учреждениях. Наивысшими гражданскими должностями для них стали должности оренбургского

муфтия (Салимгарей Тевкелев, Мухамедьяр Султанов) и председателя земской уездной управы: в Белебеевском у. – Абусут Ахтямов (1883–1885), Шаххайдар Сыртланов (1888–1892), в Златоустовском у. – Ахметзян Басимов (1882–1897) [Азаматова, 2005, с.196–197] и т.д.

Потомки татарских мурз – русские дворяне. Условно в особую группу можно выделить потомков царевичей Золотой Орды и мурз постзолотоордынских тюрко-татарских государств, перешедших на службу к Московскому великому князю и принявших православие, впоследствии обрусевших. По подсчетам историков, в период от Ивана III до Петра I 11 родов крестившихся князей и мурз достигли боярства (Сабуровы, Давыдовы, Нарышкины, Юшковы, Глинские и др.) и около 120 родов входили в высший слой московского служилого класса (Дашковы, Державины, Вельяминовы-Зерновы, Апраксины, Тимирязевы, Тургеневы, Юсуповы и др.) [Алишев, 1984, с. 61].

В период правления Петра I, не выдержав правительственного давления и желая сохранить свои привилегии, крещение приняла еще одна группа мурз – князя Кулунчаковы (предки писателя А.И.Куприна), Кугушевы, Кадомцевы и др.

Многие русские дворяне татарского происхождения добились больших успехов в разных областях деятельности – на государственной службе, в литературе, философии и общественной мысли. Но к XIX в. о происхождении этих татарских дворян напоминали, в основном, только фамилии и их родословные, некоторые из них еще знали татарский язык.

Например, среди известных государственных деятелей, достигших министерских должностей, можно назвать А.Ордина-Нащокина, Г.Р.Державина, В.П.Кочубея, А.М.Горчакова, Г.В.Чичерина и др. Г.Р.Державин (1743–1812), первый министр юстиции России, русский поэт, является потомком мурзы Багрима, принявшего православие при Василии Темном. От его внука Державы Нарбекова пошел дворянский род Державиных. К XVII в. их род обладал земельными угодьями по реке Меше (Казанская губ.) [Державин, 2000, с.11–12; Гарзавина, 1993, с.233].

В.П.Кочубей (1768–1834), чей дворянский род ведет свое начало от знатного татарина Кучук-бея, крестившегося в середине XVII в., управлял Коллегией иностранных дел, дважды был министром внутренних дел (1802–1815, 1819–1825), председателем Государственного совета (с 1827 г.) В.П.Кочубей относился к титулованному дворянству после пожалования ему сначала графского титула, а позже он был возведен в княжеское достоинство [Баскаков, 1979, с.125–126; Утищев, 2000, с.106, 108–109].

Потомок Горчака, род которого получил российское дворянство и княжеский титул в 1439 г. – А.М.Горчаков (1798–1883) занимал должности министра иностранных дел (1856–1882) и государственного канцлера [Халиков, 1992, с.75]. Татарское происхождение рода Горчаков основывается в основном на их прозвищах – Карачевский и Горчак, имеющих тюркские корни [Баскаков, 1979, с.162–163].

В регионах потомки обрусевших татарских дворян также достигали высоких чинов. Потомок крещеных князей Макуловых-Каменевых – Петр Каменев – во второй половине XVIII в. был председателем Казанского магистрата, в 1773–1775 гг. – казанским городским головой [Алишев, 1984, с.62]. Потомки из рода татарского князя Тениша Кугушева – князь, д.с.с. В.Б.Тенишев был казанским губернатором (1760–1764), князь, д.с.с. Д.В.Тенишев исполнял должность вице-губернатора Казанской губ. в 1797–1802 гг.

Итак, в конце XVIII – XIX в. сформировалась небольшая по численности и слабая в экономическом плане группа татарского дворянства. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря необходимости инкорпорации в состав российской элиты крымско-татарских мурз и либеральному курсу правительства. Однако не все потомки прежней татарской феодальной элиты смогли реализовать данную им возможность в силу объективных (недостаточность или отсутствие необходимых свидетельств и документов) и субъективных (предвзятое отношение местных и центральных властей к потомкам мусульманской ветви татарских князей и мурз) причин. Лишь в тех регионах (северо-западные, южные и

А.М.Горчаков.

Г.Р.Державин.

В.П.Кочубей.

юго-западные губ.), где татарские князья и мурзы могли играть не последнюю роль в российской политике, им были предоставлены определенные льготы. Особенностью российского татарского дворянства, сформированного в конце XVIII – XIX в., является и то, что среди татар это были в основном потомки древних знатных татарских родов, в то время как в среде русского дворянства новой формации было много выходцев из непривилегированных сословий. По своему составу татарское дворянство было больше потомственным, чем личным, основная масса татар-дворян проживала в сельской местности. В регионах с компактным проживанием татарского населения доля татарских дворян по отношению к татарскому населению была невелика, еще меньше – по отношению ко всему населению. Однако это была общая российская тенденция, поскольку доля всех потомственных дворян в империи была незначительной. Обращает на себя внимание небольшое количество татарских потомственных дворян в Казанской губ., являвшейся исторической родиной татар. Да и в целом, в губерниях Среднего Поволжья количество татар-дворян было меньше,

чем в окраинных губерниях. В социально-экономическом положении татарское дворянство отличалось от русского: крупных землевладельцев среди татар было очень мало, татар не было среди высшей российской чиновничьей и военной элиты. Особой группой стоит литовско-польское и крымское татарское дворянство, которому было сделано послабление в подтверждении дворянства, сохранении земель и т.д.

Большая часть потомков татарских князей и мурз, не вошедших в состав русского дворянства, оставалась в сословии государственных крестьян. Некоторые из них, благодаря своему состоянию и личным качествам, смогли записаться в сословия мещан и купцов, пополняли ряды мусульманского духовенства, промышленников [Алишев, 1984, с.68]. Заметную роль в торгово-промышленном мире играли потомки бывших мурз Акчурины, Рамиевы, Яшусевы, Арслановы, Утямышевы, Апанаевы и др. [Алишев, 1984, с.66–67; Салихов, 1997, с.102]. Особенностью этих дворян является также то, что, несмотря на неподтверждение их дворянского статуса, среди татар они пользовались уважением как представители благородных родов.

ГЛАВА 2

Городские сословные группы и их органы самоуправления

Людмила Свердлова

В Российской империи к «городским обывателям» были отнесены все лица, постоянно проживающие в городах или имеющие там недвижимость, занятие, записанные в купеческие гильдии, ремесленные цехи и мещанские общества. Собственно городскими сословиями являлись: почетные граждане, купцы, мещане, цеховые ремесленники, которые официально именовались «гражданами», представителями «среднего рода людей» [Россия, 2002, с.123]. В конце XIX в. в стране самую большую часть городских жителей – 46,7% – представляли мещане (и ремесленники), купцы (1,3%), почетные граждане (1,1%), представители сельских сословий составляли 43,5%, в т.ч. крестьяне – 39%. Среди горожан потомственные дворяне составляли 3,4%, личные дворяне и чиновники не из дворян – 2,8% [Россия, 2002, с.123].

Купцы. Купечество относилось к привилегированной сословной группе, которая официально не была выделена в отдельное сословие. Оно занимало третью ступень в рамках российского иерархического общества, пропустив вперед дворянство и духовенство.

Внутреннее устройство купечества было иерархичным. Согласно манифесту Екатерины II от 17 марта 1775 г. купечество освобождалось от подушной подати, пользовалось преимущественным правом на предпринимательство и делилось на три гильдии [ПСЗ-1, т.20, №7275; №14327]. В особую группу именитых граждан были включены «капиталисты» и банкиры, владевшие капиталом не менее 50 тыс. руб., оптовые торговцы, судовладельцы, состоявшие в городской администрации, ученые, художники, музыканты. Сословная группа городского населения именитые граждане просуществовала с 1785 г. по 1832 г. Среди татар именитых граждан не было.

Купцы 1-й и 2-й гильдий имели дополнительные личные права, были освобождены от телесных наказаний, могли владеть крупными промышленными и торговыми предприятиями. Купцы всех гильдий не призывались на рекрутскую службу, а вносили за каждого рекрута по 360 руб. Как податное сословие купцы платили сословные подати, несли земские и городские повинности, не имели права на государственную службу, и даже дети купцов 1-й гильдии принимались на нее при известных условиях. Но это торгово-промышленное сословие пользовалось личными и хозяйственными привилегиями⁶. Так, в 1804 г. в Казани проживало 1397 лиц купеческого звания, в 1858 г. их число возросло до 1762, а в 1900 г. купцов вместе с членами их семей в Казани насчитывалось 2064 чел. Татары составляли примерно от 1/5 до 1/4 гильдейских купцов.

Создание привилегированного гильдейского купечества было обусловлено политикой самодержавия, нацеленной на расширение социальной опоры в городах, а также интересами казны.

В апреле 1785 г. была опубликована Грамота на права и выгоды городам Российской империи, которая изменила размеры объявляемых капиталов и пошлин, ввела новые сборы для гильдейского купечества. В 1-ю гильдию записывались купцы с капиталом свыше 10 тыс. руб. Они получили право вести оптовую торговлю в России и за границей, держать фабрики и заводы, строить речные и морские суда. Во 2-ю гильдию вошли купцы, имевшие капитал от 5 тыс. до 10 тыс. руб. Они обладали теми же правами, что и

⁶ До 1898 г. оно имело преимущественное право на занятие предпринимательством; члены первых двух гильдий освобождались от телесных наказаний; при выплате определенной законом платы их дома освобождались от постоя; купечество имело сословные органы самоуправления.

Казанская депутация в Санкт-Петербурге. 1864 г. Сидят (слева направо): промышленник Василий Унженин; бывший городской голова Иван Тихонов; казанский губернатор Михаил Нарышкин; коммерции советник Сергей Александров; коммерции советник Ибрагим Юнусов; п.п.гр. Ибрагим Апаков. Стоят: купец Яков Соколов; городской голова Павел Прибытков; купцы Гали Усманов; Маннаф Мустакимов; Мухаммадрахим Юнусов.

первогильдейское купечество, за исключением возможности вести заграничный торг, строить морские суда и владеть ими. Купцы 3-й гильдии объявляли капитал от 1 тыс. до 5 тыс. руб., занимались розничной торговлей, могли «заводить станы и производить рукоделия», содержать малые речные суда, трактиры [ПСЗ-1, т.22, №16187, 16188].

Купцы всех гильдий до 1874 г. не призывались на воинскую службу, их использовали в качестве ополченцев [НА РТ, ф.98, оп.1, д.959, л.104, 134 и др.], они уплачивали сословные подати, равные 4% с объявленного «по совести» капитала; на «водные и сухопутные сообщения» взималось 10% с податного рубля, а также по четверти процента с капитала.

Татарское купечество вплоть до середины XIX в. сочетало торговые операции с предпринимательством в промышленности. Для татарских купцов было характерно разделение капитала между различными отраслями производства, что во многом предохраняло их от банкротства. Во второй половине столетия происходило постепенное разделение промышленного и торгового капитала, а

также отделение промышленного производства от торгового предпринимательства.

С 1863 г. осталось две гильдии, мелкие торговцы приобретали промысловые свидетельства. В 1885 г. с введением пропорционального обложения гильдейских предприятий начался упадок гильдий. В 1898 г. прошла реформа промыслового обложения, согласно которой приобретение сословных купеческих привилегий было отделено от выборки промыслового и торгового свидетельств [ПСЗ-2, т.38, №39118; т.40, №41779; ПСЗ-3, т.4, №2282; т.5, №2664; т.18, №15601]. Роль гильдий упала, но все же они просуществовали до падения самодержавия.

Купеческие гильдии являлись корпоративными организациями, которые защищали интересы своих членов, добивались расширения правовых и таможенных льгот. В гильдии купцы записывались по месту жительства, т.е. купцы одного города, и в этом заключалась особенность гильдейского устройства. Иногородние купцы для получения права на торговлю должны были вступить в гильдию еще раз и выплатить все положенные сословные подати по новому

месту торговли. Место жительства, наряду с имущественным признаком и специализацией торгово-промышленного предпринимательства, стало одним из важнейших факторов в организации жизнедеятельности купеческого общества.

Включение в гильдию представителей сословия мещан или крестьян и исключение из нее могли происходить сколько угодно раз, в зависимости от их материального

благополучия. В случае неуплаты гильдейского сбора предприниматель автоматически исключался из купеческого сословия и переходил «в первобытное состояние».

В купечество можно было включиться и на правах временного купца определенной гильдии. Временными купцами записывались дворяне, подданные других государств, а также иногородние купцы, открывавшие свое дело в данном городе.

Таблица 22

**Распределение татарского купечества по губерниям
Волго-Уральского региона в 1897 г. [Гибадуллин, 2001, с.59]**

Губернии	Число купцов-татар и членов их семей	От всего купечества губернии, в %
Астраханская	69	1,0
Вятская	141	4,8
Казанская	441	12,8
Оренбургская	686	24,7
Пензенская	19	0,8
Пермская	128	2,5
Самарская	77	2,6
Саратовская	26	0,5
Симбирская	105	7,3
Уфимская	262	13,9
Итого:	1954	6,4

Наиболее сильные позиции татарское купечество занимало в Оренбургской, Казанской, Уфимской и Симбирской губерниях, где оно составляло значительную часть местного «третьего сословия».

В большинстве случаев стартовым капиталом для татар служили унаследованное семейное дело или его часть, полученная сыном при выделении из фамильного дела, или наследство, а также приданое жены, переданное в управление мужа. Нельзя отрицать и фактор случайности, дававший предпринимателю шанс на быстрое обогащение. Если капитала для вступления в гильдию не хватало, ближайшие родственники (братья, дяди и племянники) могли пойти на объединение средств и усилий, чтобы получить возможность уплатить полагающиеся гильдейские пошлины и вступить в купеческое сословие. Для татар было характерно преобладание семейного капитала, деление капитала после смерти главы семьи происходило реже, чем в русских семьях. Поэтому мно-

гие татарские фамилии пребывали в купеческом сословии на протяжении четырех и даже пяти поколений (Апанаевы, Апаковы, Юнусовы, Хусаиновы, Мусины, Азимовы, Замановы-Аитовы, Бурнаевы, Усмановы, Галикеевы, Арсаевы и др.).

Активная торгово-предпринимательская деятельность татарского населения способствовала заметному пополнению рядов национального купечества. Следует отметить, что в купеческое сословие записывались, как правило, наиболее состоятельные представители торгового капитала.

Ряды татарского купечества постепенно пополнялись и в других городах страны, расположенных за пределами Поволжья и Приуралья. С 1810 г. купцы-татары появляются в составе касимовского купечества. Первыми из них стали М.Т.Девлеткильдеев, М.Т.Максютов и Н.Ф.Мустаев (являвшийся, кроме того, потомственным почетным гражданином). К 1830-м гг. в составе местного купечества числилось уже 16 татарских се-

мей (27,5%), а к 1850 г. – 24 семьи (21,8%) [Филиппов, 2003, с.119].

И если в 1801 г. в Казани к гильдейскому купечеству были причислены 32 татарские семьи, в 1809 г. – 35 [Хасанов, 1977, с.87], то в 1860 г. было записано уже 72 семейства [подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.3357]. Причем по сравнению с началом века в два раза больше стало семей, зачисленных во 2-ю гильдию – 15 вместо 7 [подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.3357]. В Казани в 1893 г. в 1-й гильдии состояло 11 купцов-татар [НА РТ, ф.98, оп.3, д.1096], в то время как в 1862 г. – лишь 1 чел.

О росте капиталов национального купечества свидетельствуют также и размеры недвижимого имущества, которое приобретали состоятельные торговцы из числа татар. В 1870-х гг. в Казани крупнейшими владельцами недвижимости являлись купцы братья Ибрагим и Исхак Юнусовы (стоимость их совместного недвижимого имущества оценивалась в 47706 руб.), Измаил Апаков (41906 руб.), его брат Ибрагим Апаков (38187 руб.), купец Султан Усманов (владел в городе собственностью на 29816 руб.). Всего же, как видно из данных табл.23, в Казани числился 61 крупный собственник недвижимости с общей оценочной стоимостью имущества в 1,4 млн. руб. Семь из них (16%) представляли татарские купеческие семьи. Стоимость их имущества исчислялась суммой 205,6 тыс. руб. (14% от стоимости всей частной городской недвижимости). Крупных собственников, чье имущество оценивалось на сумму свыше 60 тыс. руб., в городе было только 6 (около 10%), но им принадлежала пятая часть всей недвижимости. Татарских купцов среди этой категории не было. Владельцев недвижимости на сумму от 30 тыс. до 60 тыс. руб. было 12 (около 20%), а стоимость принадлежащего им имущества исчислялась суммой 473,4 тыс. руб. (33%). В их числе было 3 татарских купца (четверть от всего количества в данной группе и почти 27% по стоимости недвижимости). Наконец, мелких собственников в губернском центре было 43 (более 70%), а общая стоимость их имущества определялась в 675212 руб. (47%), в т.ч. 4 владельца были татарами (9%) [КГВ, 1877, 16 апр.].

Исхак
Юнусов.
Фото
2-ой трети
XIX в.

За 25 лет (с 1861 г. по 1887 г.) общее число татарских предпринимателей Казани выросло на 40,3% за счет записавшихся во 2-ю гильдию. Значительное число временно записавшихся купцов было связано с введением в действие в 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге». Опасаясь возможных осложнений, предприниматели предпочли в первый год действия закона обезопасить себя записью в гильдии на условиях «временно записавшихся».

Очевидно, что вложение денежных средств в городскую недвижимость являлось одной из выгодных сфер приложения капитала. Большинство построек сдавалось в аренду под торговые и промышленные предприятия, гостиницы, трактиры, что приносило их владельцам значительные доходы. Только в Казани стоимость городской недвижимости, принадлежавшей татарским домовладельцам, возросла за 1908–1912 гг. с 1,1 до 3,9 млн. руб.

Таким образом, накануне и после отмены крепостного права имели место интенсивное накопление капитала в среде татар, консолидация значительных по своим размерам денежных средств в руках отдельных лиц. И решающая роль в этом процессе принадлежала национальной торговой буржуазии.

С конца XVIII в. купцам, «искусством и занятиями отличившимся и общей пользе содействующим, и бывшим 12 лет сряду в

Таблица 23

Число татарских гильдейских капиталов в Казани в 1862–1887 гг.
[НА РТ, ф.114, оп.1, д.1142, л.14; ф.299, оп.1, д.145, л.13; ф.359, оп.1, д.290, л.93, 95]

Год	Первая гильдия			Вторая гильдия			Третья гильдия			Всех гильдейских капиталов		
	мусульмане		все-го	мусульмане		всего	мусульмане		все-го	мусульмане		все-го
	постоянных	временно записавшихся		постоянных	временно записавшихся		постоянных	временно записавшихся		постоянных	временно записавшихся	
1862	1		1	12		12	54		54	67		67
1875	5		5	91		91				96		96
1887	1		1	93		93				94		94
1898	7		7	59	46	115				66	46	112
1899	7		7	55	6	61				62	6	68

1-й гильдии», жаловалось звание коммерции- или мануфактур-советника. Оно приравнивалось к 8-му классу «Табели о рангах», согласно которому получившие чин по этому классу становились потомственными дворянами, а в нашем случае уравнивались с дворянством в правах, но на потомство это не распространялось. Звание коммерции-советника имели казанские купцы Исхак и Ибрагим Юнусовы, троицкий купец Мулла-гали Яушев [Денисов, 2009а, с.417].

Одна из особенностей социальной структуры Казани до начала 20-х гг. XIX в. заключалась в выделении в особую социальную группу служилых торговых татар, которые занимались мелочным торгом, содержали постоянные дворы и харчевни, сдавали в наем жилье и складские помещения, занимались извозом, владели мелкими ремесленными производствами, но не входили в цеховую организацию города. В 1804 г. в Казани проживал 1831 служилый торговый татарин. Закон 1824 г., запретив занятие торговлей представителям любых сословий, кроме купечества, предоставил им право записываться либо в гильдейское купечество, либо в мещанство [ПСЗ-1, т.39, №30115].

С 1832 г. в привилегированную категорию сословия «городских обывателей» были включены почетные граждане, которые были представлены двумя группами: потомственными и личными почетными гражданами. Почетное гражданство могли приобретать и коммерции-, и мануфактур-

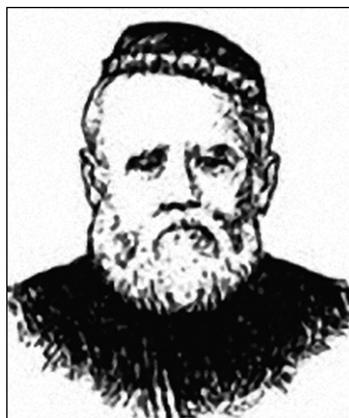
советники, купцы, «беспорочно» состоявшие в 1-й гильдии 10 лет, во 2-й – 20 лет, либо награжденные российскими орденами. К личным почетным гражданам причислялись и те, кто заканчивал коммерческие училища. Права потомственных и личных почетных граждан были равными, но дети последних причислялись к податному сословию.

Почетным гражданам даровалась свобода от подушного оклада, рекрутской повинности, телесного наказания в случае совершения преступления. Они участвовали в выборах независимо от наличия недвижимости, избирались на городские общественные должности, но не ниже тех, на которые вступали купцы первых двух гильдий. Иными словами, почетные граждане отличались от дворянства только отсутствием прав на владение крепостными крестьянами. В 1833 г. первым из татар в Казани потомственное почетное гражданство вместе с семьей получил Курбан-Галей Арсаев. К этой сословной группе относились такие старинные татарские купеческие фамилии, как Юнусовы, Арсаевы, Казаковы, Апанаевы, Азимовы, Мусины, Апаковы, Хусаиновы, Аитовы и др.

Наиболее отличившиеся в торгово-промышленной и общественной деятельности купцы награждались медалями. Купцы, поставившие в казну сукна на 50 тыс. аршин более установленной нормы, получали серебряные медали, а на 100 тыс. аршин более – золотые. Отмечались и отличившиеся

Латиф Мусин.
Фото нач. XX в.

Махмут Хусаинов.
Рис. нач. XX в.

Ахмет Хусаинов.
Фото нач. XX в.

на общественных должностях. В 1839 г. по две золотые медали имели Исхак Апаков, Хасан Апаанев, Губайдулла Юнусов.

Татарское купечество являлось частью российского купечества, но имело определенные отличия.

Для татарского предпринимательства были характерны:

- преобладание торгового капитала над промышленным, при этом татарское купечество было более тесно, по сравнению с русским, связано с мелкотоварным производством;

- нацеленность на освоение восточного, в т.ч. внешнего, рынка. Во второй половине XIX в. татарские купцы постепенно переключились на местный рынок, активнее внедрялись в нерусскую и нехристианскую среду региона, где продолжали использовать сохранявшееся у них преимущество языка и религии;

- в купеческой среде полиэтничных регионов издавна сложилось территориальное разделение сфер экономического влияния между русскими и татарскими купцами, сопровождающееся и разделением сфер приложения капитала. Такое разделение позволяло контролировать приток капитала извне и затрудняло проникновение «чужаков»;

- среди татарской торговой элиты главенствующее положение до 60-х гг. XIX в. занимали купцы-чаоторговцы, многие из которых были тесно связаны с производством кож и мануфактуры. Они, как правило, торговали с Китаем, со среднеазиатскими государствами, с Кавказом, Сибирью и Уралом. Среди

промышленников выделялись производители больших партий товаров, пользующихся повышенным спросом на Нижегородской, Оренбургской, Кяхтинской, Ирбитской ярмарках: в первую очередь, кожевенные и мыловаренные заводчики, мануфактуристы, производители татарской национальной одежды, обуви, головных уборов и ювелирных изделий. Многие из них оказывали влияние на экономическое развитие не только своего региона, но и всей страны;

- предприниматели, которые входили в торгово-промышленные династии, занимавшие в течение нескольких поколений ведущее положение в данной отрасли хозяйства, составляли региональную, а часть из них входила в российскую экономическую элиту (Юнусовы, Апааневы, Мусины, Рамиевы, Яшуревы, Хусаиновы, Агафуровы, Загидулла Шафигуллин и др.);

- относительно финансового капитала отметим, что во второй половине XIX в. крупные татарские предприниматели участвовали в деятельности банковско-кредитных учреждений, входили в правления многих из них. В первую очередь речь идет об акционерных учреждениях, например, членами совета Казанского купеческого банка избирались Мухаммадгариф Утямышев, Сулейман Аитов, Мухаммадсадык Галикеев, а Ахметзян Рахматуллин был членом правления Общества взаимного кредита [КБЛ, 1873, 25 марта; 1890, 14 марта; КК, 1883, с.101; Вся Волга, 1907, с.192; Прокофьев, 1910, с.188]. Своих национальных банков или обществ кредитования и взаимопомощи татарские

Абдулвали Яушев.
Фото нач. XX в.

Муллагали Яушев.
Фото нач. XX в.

Мухаммадшакир Рамиев.
Фото нач. XX в.

предприниматели не создавали, поскольку они не имели для этого достаточного капитала, понимали, что не выдержат конкуренции на финансовом рынке, также их сдерживали нормы мусульманского права. Большинство татарских купцов традиционно предпочитали занимать друг у друга крупные суммы, заключая устные сделки;

– в деятельности официально созданных российских товарных бирж татары не принимали сколько-нибудь активного участия, но, например, в Казани на Сенном базаре (центре городской татарской торговли) – действовала своеобразная татарская биржа – неформальная организация татарского капитала, существовавшая на традиционалистских национально-религиозных началах;

– в среде мусульман действовали нормы шариата, сравнительно широко применялось адатское право, которое было систематизировано, рационализировано и отредактировано в соответствии с российскими правовыми понятиями. В обширной сфере отношений мусульман – брак, семья, наследование, соглашения и гражданские правонарушения, влекущие за собой возмещение причиненного ущерба, свидетельства, благотворительность, клятвы и грехи – нормы шариата регулировали процессы целиком или частично. Вместе с тем это не исключило возможность применения мусульманами российского законодательства.

В законодательном отношении каких-либо ограничений в торгово-промышленной деятельности для купцов-мусульман не

существовало. Но в 1886 г. правительство, стремясь ограничить влияние татарских предпринимателей в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях, сохранило право на приобретение недвижимости в этом регионе лишь за представителями коренного населения и предпринимателями православного вероисповедания. В ответ на такую дискриминацию приехавшие на Нижегородскую ярмарку татарские купцы, торгующие в Ташкенте, просили ярмарочный комитет ходатайствовать об отмене этого ограничения. Однако просьба комитета Нижегородской ярмарки успеха не имела. В соответствии с законом от 29 ноября 1893 г. приобретение земель и прочего имущества в Туркестанском крае разрешалось только тем обществам и товариществам, акционерами которых могли состоять лишь православные русские подданные и местные уроженцы. Подобные ограничения, без сомнения, тормозили развитие промышленности и торговли [Лаверчев, 1974, с.59].

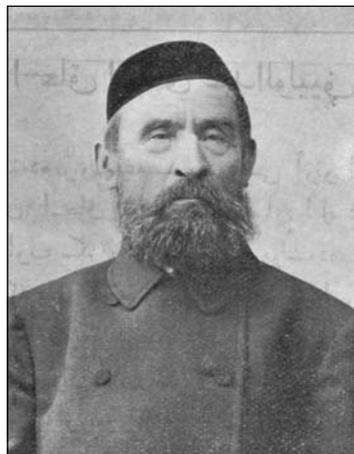
Татарское купечество чутко реагировало на запросы как внутреннего, так и внешнего рынка. Коммерсанты поддерживали национальные промыслы, активно осваивали промышленное производство, вкладывали деньги в перспективные отрасли промышленности, и, удовлетворяя запросы потребителя, поставляли товары на внешний, преимущественно восточный, и общероссийский рынки.

Камалетдин Агафуров.
Фото нач. XX в.

Зайнетдин Агафуров.
Фото нач. XX в.

Загидулла Шафигуллин.
Фото нач. XX в.

В большинстве российских городов татарские гильдейские купцы являлись членами полиэтнического по своему составу купеческого сословия, а в крупных и экономически сильных мусульманских общинах они имели автономное сословное учреждение во главе со своим купеческим старостой.

Должность сословного старосты была важной общественной должностью в системе городского сословного управления. Должность купеческого старосты изначально приравнивалась к 14-му классу государственной службы, а по окончании службы исполнявшие эту должность имели право отказываться от низших должностей [ПСЗ-2, т.9, ст.664]. По негласно существующей традиции в Казани наибольший общественный статус, следовательно и влияние, имел русский купеческий староста. Формальными признаками особого положения русского купеческого старосты можно считать следующие: 1) председательствование на общесословных собраниях; 2) его подпись стояла первой на всех документах, оформлявшихся по результатам деятельности общего городского собрания; именно он оформлял протоколы общесословных общественных сходов.

Мещане. Как указывалось выше, большинство горожан относилось к мещанскому податному сословию. Различия между купеческим и мещанским сословиями были утверждены манифестом 1775 г., согласно которому мещанами назывались все городские обитатели, которые не владели капиталом в 500 руб. и не могли быть записаны в купе-

чество. В «Жалованной грамоте городам» от 21 апреля 1785 г. наименование мещан получили все представители третьего сословия: «среднего рода людей, или мещан, название есть следствие трудолюбия и добронравия, чем приобрели отличное состояние» [ПСЗ-1, т.22, ст.80].

Мещане относились к податному сословию, образовывали мещанское общество, платили подушную подать, подлежали рекрутской повинности и телесному наказанию, не имели права поступать на государственную службу, а при поступлении на военную службу не пользовались правами вольноопределяющихся. Будучи основными плательщиками налогов и податей, мещане, наряду с купцами, относились к категории «правильные городские обыватели». С середины XIX в. мещане были освобождены от телесного наказания, с 1866 г. – от подушной подати, взамен которой был введен налог с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках, не имевший характер специального мещанского налога. В 1904–1906 гг. были сняты другие ограничения для лиц бывших податных сословий.

Они могли выезжать из своего города на расстояние свыше 30 верст только по временным паспортам, для получения которых следовало рассчитаться ко времени отъезда с податями и повинностями, с частными долгами, найти двух поручителей за предстоящие непредвиденные платежи, получить разрешение мещанского общества, а при переходе мещан в другие общества, на-

пример в купеческое, требовалось и разрешение властей.

В первой половине XIX в. правительство проводило политику создания условий для увеличения численности горожан, главными элементами которой стали разграничение прав городских общин и расширение прав администрации по включению в состав горожан новых членов. В 1812 г. казенные крестьяне получили право беспошлинно торговать в городах сельскохозяйственной продукцией. Знаковым для государственной деревни стал 1824 г., когда были созданы льготные условия для записи крестьян в мещанские и купеческие сословия. В 1827 г. была ликвидирована разница между крестьянскими и купеческими торговыми свидетельствами, а удельные и государственные крестьяне получили возможность строить и покупать дома в провинциальных городах. С 1848 г. право на домовладение в городах приобрели все категории крестьян. В 1849 г. на все города был распространен закон, разрешающий «приписку в мещанство» лиц, свободных состояний без согласия мещанских обществ [Миронов, 1990, с.69].

Мещане должны были платить сборы за свидетельства на право содержания мелких торговых и промышленных заведений, а также приказчиьи свидетельства. С 1825 г. с торговых мещан в губернских городах взималась плата в 40 руб., в уездах и заштатных городах – 30 руб.; за крестьянские свидетельства 4-го рода приходилось платить по 100 руб. За особый билет на лавку с торговых мещан единообразно взыскивалась половина цены свидетельства, а с крестьян – по 40 руб. [ПСЗ-1, т.39, №30115]. Самым существенным недостатком данной системы налогообложения было то, что основное бремя падало на мелких предпринимателей, а это в значительной степени затрудняло развитие промышленности и торговли на самой ранней стадии.

Занятия мещанства были чрезвычайно разнообразны, как и уровень их материального благосостояния. Мещанам было разрешено вести мелочную торговлю, иметь различные промыслы, работать по найму. Для занятий ремеслом и торговлей они должны были записываться в цехи и гильдии. По закону мещане имели право заводить лишь не-

Таблица 24

Распределение мещан-татар об.п. по губерниям Волго-Уральского региона в 1897 г. [Первая всеобщая, т.2, 10, 14, 28, 30, 31, 35, 36, 38, 39, 45]*

Губернии	Всего мещан об.п. к населению губ., в %	В т.ч. татары-мещане						
		в городах		в уездах	итого	к татар. населению губ., в %	от всех мещан губ., в %	к татарам региона, в %
		губернском	уездных					
Астраханская	9%	3054	607	1023	4684	9%	5%	7,4%
Вятская	2%	51	266	1142	1459	1%	3%	2,3%
Казанская	4%	5598	2297	2384	10279	2%	12%	16,2%
Оренбургская	11%	4968	9110	8376	22454	24%	13%	35,4%
Пензенская	4%	92	10	568	670	1%	1%	1,1%
Пермская	3%	80	351	533	964	2%	1%	1,5%
Самарская	6%	120	2289	1522	3931	2%	2%	6,2%
Саратовская	9%	207	1098	3441	4746	5%	2%	7,5%
Симбирская	4%	192	1090	689	1971	1%	3%	3,1%
Уфимская	4%	721	3551	7287	11559	6%	13%	18,2%
Рязанская	4%	2	352	332	686	14%	1%	1,1%
Итого в регионе:	5%	15085	21021	27297	63403	4%	5%	100%

* Таблица составлена Х.З.Багаутдиновой.

большие ремесленные предприятия, вести мелочную торговлю, брать откупы и подряды небольших размеров (до 4 тыс. руб.). За тем, чтобы производственная деятельность и торговля не превышали допустимых размеров, следили как местные власти, так и не желавшее конкуренции купечество.

Торговля, преимущественно мелкая, являлась основным занятием значительной части мещан-татар. Они вели торговлю (по закону – только в розницу) как на собственный капитал, так и в кредит на сумму от 100 до 500 руб., занимаясь разносной и развозной торговлей.

Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что удельный вес мещан среди татар Рязанской губ. (14%) в три с лишним раза, в Оренбургской губ. (24%) в два раза, в Уфимской губ. на одну треть превосходил общегубернские показатели. В Астраханской губ. эти показатели оказались одинаковыми (9%). В остальных губерниях татары существенно отставали от среднестатистических данных, в целом по региону эти показатели были 5% и 4% соответственно.

Важно также отметить, что до 70% представителей мещанского сословия из татар расселялись в трех губерниях Волго-Уральского региона: Оренбургской (35,4%), Уфимской (18,2%) и Казанской (16,2%). При этом статистические данные, зафиксировавшие расселение населения в январе 1897 г., разрушают представление о татарах-мещанах как о постоянных городских жителях. В регионе 43% татар-мещан проживали в сельской местности, 23,8% расселялись в губернских центрах, 33,2% – в уездных городах. В Вятской (78%), Пензенской (85%), Саратовской (73%), Уфимской (63%), Пермской (55%) губерниях более половины татар-мещан находились в деревнях.

В крупных городах выделяются три мещанские общины с численностью более 1 тыс. душ об.п.: в Казани (5,6 тыс.), Оренбурге (5 тыс.) и Астрахани (3 тыс.). Примечательно, что лишь в Казанской, Астраханской и Пензенской губерниях по численности татары-мещане крупных городов превосходили представителей этого сословия, проживавших в уездных центрах. Очевидно, что проживавшие в сельской местности татары-мещане имели определенную недвижимость

в городе и были прописаны в соответствующих городских сословных обществах. Их проживание в сельской местности связано, на наш взгляд, с профессиональной, предпринимательской, деятельностью. Нельзя также исключать, что некоторая часть городских жителей могла выехать в сельскую местность, желая избежать переписи, которая, согласно слухам, таила в себе опасность крещения. Однако это обстоятельство не могло кардинально изменить сложившуюся тенденцию расселения татар-мещан во всем регионе.

Закупая в городе и на ближайших ярмарках товары и развозя их по сельским ярмаркам, в ближайшие татарские селения, торговые мещане скупали у крестьян-мусульман продукты сельского хозяйства, сырье, например кожи, которые затем перепродавали на ярмарках или в городах промышленным и ремесленным заведениям. Действуя как скупщики, они постепенно забирали в свои руки заготовку и сбыт сельскохозяйственных продуктов, произведенных в татарских селах и деревнях, и в определенной мере подчиняли себе мелкое производство, отрезая мелкого производителя, того же ремесленника, от рынка. Мещане являлись ядром мелкого и среднего татарского предпринимательства. В своей деятельности они использовали три основные формы торгового капитала: это покупка изделий владельцем у мелких товаропроизводителей, соединение торговых операций с мелкотоварным производством, расплата за изделия товарами.

Торговля, без сомнения, была наиболее прибыльным занятием, давала возможность собрать капитал, обеспечивающий переход в другое, более высокое сословие – купечество. На протяжении всего периода своего существования мещанство являлось одним из основных источников пополнения рядов татарского купечества.

Мещане-татары являлись владельцами мелкотоварных кустарных, а также мануфактурных производств, отличавшихся достаточно низким материально-техническим уровнем. Регламентация их хозяйственной деятельности и конкуренция не способствовали развитию мелкого и среднего предпринимательства.

Распространенным видом деятельности среди городского татарского населения была аренда: городских купален, рыбной ловли, подряд на извозный промысел, выполнение городских подрядов на поставку дров, питьевой воды и т.д. для казенных учреждений, на строительство зданий, которые возводились на средства города или казны.

Из татарских мещан комплектовалась значительная часть торговых служащих. Их карьера начиналась со службы «мальчиком» в лавке татарского купца «из харчей и науки». Они могли дослужиться до лавочного сидельца, т.е. продавца в лавке, стать торговыми агентами не только татарских, но и русских купцов в «восточной торговле». Стоимость свидетельств для мещан и купцов 3-й гильдии варьировалась в зависимости от местности, где проходила торговля. Но цена свидетельств для купцов 3-й гильдии (до ее упразднения в 1863 г.) была примерно в два раза выше, чем у мещан [ПСЗ-1, т.39, №30115; ПСЗ-2, т.14, №12867].

Среди владельцев ремесленных заведений значительную часть составляли именно мещане. У татар особенно был развит кожевенный промысел [Гончаров, Чутчев, 2004, с.89].

Рассматривая тенденции развития татарского мещанского сословия в условиях развивающихся буржуазных отношений, следует отметить, что оно, с одной стороны, выступало источником формирования классов буржуазного общества, а с другой – приспособляясь к новым условиям, стремилось сохранить национальную обособленность в рамках русского города, а значит – сохранить отдельную национально-социальную группу, призванную обеспечить особые условия для собственной экономической и социально-политической деятельности совместно с национальным купечеством.

Мещане составляли мещанское общество с выборной управой, старостой, были подсудны магистрату. В мещанских сходах принимали участие лица, достигшие 21 года и обладавшие определенным имущественным цензом. Сход созывался мещанским старостой.

Результатом «Городовой реформы» 1870 г. стал неодинаковый состав постоян-

ных органов мещанского управления в разных городских поселениях.

В городах, где действовало полное городское общественное управление, во главе мещанского общества стояла мещанская управа, в городах с упрощенным управлением – мещанский или городской староста.

В Казани и Мамадыше татарская и русская мещанские общины существовали раздельно. В 1885 г. МВД предписало включить их в состав русских общин. Эта мера означала лишение татар-мусульман общественной организации, выполнявшей функцию по сохранению автономности культурных традиций и языка. Почти год казанские и мамадышские татары-мещане саботировали деятельность местной администрации, отказываясь объединяться с русскими. Мещане-татары Казани подали в Сенат жалобу на действия губернатора. После ликвидации в 1886 г. татарских мещанских общин в Казани и Мамадыше все дела татар-мещан были переданы в объединенные русско-татарские управы [Каплуновский, 1998, с.95, 160–162].

До введения «Городового положения» 1892 г. мещанские городские старосты были во всех городах Казанской губ., тогда как управ насчитывалось только две – в Казани и Чистополе. В обоих случаях состав управ был этнически смешанным. Председательство в них принадлежало мирским старостам (русским), и, кроме того, в управы входили еще два члена – один русский и один татарин. Такое национальное представительство было установлено по принципу выборов евреев в мещанские и купеческие управы в местах оседлости – не более одной трети. Действовал запрет на выборы мещанских общинных старост из числа нехристиан [Каплуновский, 1998, с.94; ПСЗ-3, т.9, № 883, 989].

В Чистополе мещанская управа была закрыта по настоянию русских мещан в целях сокращения расходов на ее содержание. На этой почве «...противоречия возникали не из-за этнокультурного или религиозного неприятия русскими и татарами друг друга. Они имели, как правило, искусственный характер, и провоцировались, с одной стороны, административными органами, исполнявшими волю правительства, а с другой стороны, самими русскими мещанами,

пытавшимися использовать «татарский» фактор в своих интересах. Конфликтные ситуации, сверх того, неизбежно возникали в связи с общим движением в татарской среде за уравнивание своих гражданских (социальных и экономических) прав с правами православного населения страны» [Каплуновский, 1998, с.169].

Для решения общих вопросов собирались совместные собрания русского и татарского мещанских обществ, на которых председательствовал русский мещанский староста. Исполнение приговоров мещанских обществ в большей степени «отдавалось на усмотрение» местных властей, а некоторые постановления требовали утверждения губернатора.

В других городах Волго-Уралья из-за малочисленности татары не смогли организовать самостоятельные мещанские общины, они были приписаны к местным русским мещанским общинам.

Мещанское управление вело списки мещанского сословия, от него зависел прием новых членов, на нем лежала забота о нуждах сословия. Мещанское управление выдавало виды на отлучку подведомственным лицам. До 1900 г. мещанское общество имело право исключать из своей среды чем-либо опорочивших себя членов и представлять их в распоряжение правительства, последствием чего являлась высылка в Сибирь. Но главным назначением мещанского управления было взимание с мещан разных податей и сборов.

Одной из особенностей общественной жизни Казани и Сеитова посада стало параллельное существование национальных городских органов самоуправления и сословных обществ. Правительство Екатерины II с учетом высокой концентрации татарских купцов и мещан в 1781 г. разрешило учредить в Казани городской орган самоуправления – городскую ратушу (для жителей Старой и Новой татарских слобод была открыта в 1784 г. и действовала до 1855 г.), а в Сеитовом посаде Оренбургской губ. (действовала до 1832 г.). Указ Екатерины II об учреждении городской ратуши для мусульман-купцов г.Тары Тобольской губ. остался нереализованным [Ибраһимов, 2001, б.11].

Состав ратуш в российских городах и слободах определялся в каждом случае отдельно, исходя из местных условий. Руководство Казанской татарской городской ратуши составили бургомистр, два ратмана, купеческий и мещанский старосты и их помощники. Жители городских татарских слобод избирали судей в совестный и торговый словесный и сиротский суды, посылали своих представителей для работы в Казанский губернский и городской магистраты, в Палаты гражданского и уголовного суда [НА РТ, ф.299, оп.1, д.20, л.56об.–62; д.21, л.13]. Вопросы, которые решались на собраниях жителей татарских слобод, во многом были сходны с теми, что ставились на повестку дня русским городским обществом [см.: Измайлов, 2009].

В 1834 г. следственные, гражданские и уголовные дела, заведенные в отношении татар, находившиеся в производстве городского магистрата, а вместе с ними и функции городского судебного органа были переданы в ведение Казанской татарской ратуши [НА РТ, ф.22, оп.2, д.21, л.1]. Результатом такого решения стало совмещение административных и судебных функций в деятельности ратуши. По сути, была восстановлена функция городского магистрата в редакции закона 1721 г. Татарская ратуша решала все уголовные и гражданские дела, наблюдала за раскладкой и сбором податей, отбыванием повинностей татарским городским населением, за городским хозяйством и благоустройством, ограниченными рамками казанских татарских слобод. Отныне татары окончательно переходили в подведомственность этого органа местного самоуправления, что значительно повысило статус ратуши, сделало ее полновластным органом самоуправления, правда, ограниченного рамками двух городских слобод.

В результате расширения функций Казанской татарской городской ратуши значительно возросло число дел, находившихся в ее производстве, что привело к увеличению штата этого органа управления и суда за счет должностей столоничальников – повытчиков, возглавлявших подразделения ратуши, губернского регистратора и журналиста, в обязанность которого входило оформление журналов заседаний ратуши.

Названные должности замещались из числа русских, так как вся документация велась на государственном языке империи. Эти лица значились в штате губернского правления, им назначались и им же увольнялись [НА РТ, ф.299, оп.1, д.20, л.11об.].

Поскольку дела велись на русском языке, проверить их оформление члены ратуши не могли, так как не знали «русской грамоты». По сути, это означало, что выбранные от татарского общества члены ратуши оказались в зависимости не только от верховной администрации, но и от мелких служащих, введенных в состав местного органа самоуправления губернским правлением.

В целях унификации управления на местах Татарская ратуша была закрыта в 1855 г.

Словесный суд действовал в России с 1754 г. как судебное учреждение при магистратах и ратушах для разбора торговых дел, особенно ярмарочных и вексельных. С 1775 г. словесный суд был учрежден при полицейских частях. Здесь разбирались споры и иски о закупке и продаже товаров, о денежных займах, найме помещений, спорах хозяев с приказчиками и т.п. [НА РТ, ф.37, оп.1, д.8а, л.11–23, 33, 34, 35 и др.].

Суды состояли из бурмистра и двух выборных – от купечества и торгового мещанства процесс шел в устной форме, а решения исполнялись немедленно. В 1864 г. магистратские словесные суды были упразднены. Торговый словесный суд при Казанской татарской городской ратуше проработал до 1855 г.

В Казани в соответствии с этноконфессиональным делением населения действовали Татарский и Русский сиротские суды. Председателем обоих судов по должности был городской голова, но в Татарском сиротском суде его замещал глава Казанской татарской городской ратуши. В 1854 г. председательство в Татарском сиротском суде полностью перешло к городскому голове. В условиях многонационального города этот суд состоял из городского головы, двух членов магистрата и купеческих городских старост русского и татарского обществ, а с

1864 г. – из избранных на три года членов от городских сословий под председательством городского головы.

Общему городскому собранию предоставлялось право определять количество членов сиротского суда. По решению общего собрания городских сословий от 22 января 1871 г. Русский сиротский суд состоял из трех членов: купечество в нем представлял купеческий староста, по одному члену избиралось мещанским и ремесленным обществами. В Татарский сиротский суд входили два члена: от купцов – татарский купеческий староста, и один человек избирался татарским мещанским обществом. Исходя из того, что купеческие старосты и их товарищи заступали на свои должности на один год, срок их службы в сиротском суде также составлял один год; остальные члены служили положенный трехлетний срок [НА РТ, ф.37, оп.1, д.26, л.4об.].

Тем не менее, такая частая смена представителей купеческого сословия в сиротском суде (трижды за один срок его действия) создавала большие неудобства для его успешной работы. Поэтому во второй половине 80-х гг. XIX в. отмечались случаи выбора представителей купеческого сословия в члены сиротского суда на три года, и это не были купеческие старосты [НА РТ, ф.37, оп.1, л.86, 87–87об.]. Делопроизводство в сиротском суде вели «чиновники и служители», которые числились на государственной службе.

В 1892 г. татарский сиротский суд был присоединен к русскому. В результате в члены сиротского суда русское большинство стало выбирать исключительно русских [НА РТ, ф.98, оп.1, д.90, л.10, 10об.]. Лишь после многочисленных ходатайств татарских гласных-купцов 10 сентября 1896 г. городская дума разрешила включить в состав Казанского сиротского суда представителя городской мусульманской общины [Журнал, 1896, с.239–242; 251–252].

Несмотря на некоторые особенности как сословной структуры городского татарского населения, так и городского сословного самоуправления, в целом их развитие шло в русле общероссийских тенденций.

ГЛАВА 3

Военно-служилое сословие

§ 1. Оренбургские и уральские казаки

Елена Годовова

Расселение и численность. Уральские (яицкие) казаки в XVI – начале XX в. успешно освоили среднее и нижнее течение реки Урал (Яик) и приуральские степи. В первой половине XIX в. их численность увеличилась в 2 раза, за вторую половину – в 1,7 раза, в основном за счет естественного прироста [Кортунов, 2009, с.20–23].

Оренбургское казачье войско (ОКВ) занимало территорию от Илецкого городка до Оренбурга и далее через Верхнеуральск и Троицк вплоть до Звериноголовской крепости, граничившей с Сибирью.

В первой половине XIX в. правительство предприняло ряд мер, направленных на увеличение численности казачьих войск и на еще большую централизацию системы управления войсками. Увеличению численности оренбургских казаков способствовала реорганизация Оренбургской пограничной линии (1835–1840 гг.).

Динамику изменения численного состава оренбургского войска можно проследить по следующим статистическим данным: в 1798 г. – 44000 душ об.п., в 1834 г. – 70050, в 1846 г. – 160600 и к концу XIX в. – 350614 душ об.п. [Материалы, 1905, с.83–84; Материалы, 1913, с.256–258; РГВИА, ф.414, оп.1, д.312, л.43–46; Кортунов, 2004, с.23].

Система управления. Главной целью реформирования иррегулярных войск было стремление сделать казачество «послушным инструментом» проведения государственной политики. В 1798 г. было организовано 11 башкирских, 5 мещерякских кантонов, 5 кантонов оренбургских и 2 кантона уральских казаков [ПСЗ-1, 1798, №18477]. На кантоны возлагались ежегодно, с 16 мая по 16 ноября, охрана Оренбургской пограничной линии протяженностью от реки Тобол вниз по реке Урал до Каспийского моря. Она

была разделена на пять дистанций. Первая включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска, вторая – от Верхнеуральска до Орской крепости, третья – от Орской крепости до Оренбурга, четвертая – от Оренбурга до Уральска, пятая – от Уральска до Гурьева. Башкиры, мещерякские и оренбургские казаки несли пограничную службу на первых четырех дистанциях, общая протяженность которых составляла 1239 верст [История Башкортостана, 1996, с.357]. Согласно «Положению об организации управления казачьим войском» 1803 г., Уральское казачье войско (УКВ) поступило в ведение оренбургского губернатора (до этого подчинялось высшим правительственным учреждениям) [История казачества Урала, 1992, с.128], а в оренбургском войске была учреждена Войсковая канцелярия по образцу Черноморского и Уральского казачьих войск, зависевшая «по делам военным от инспектора Оренбургской инспекции, а по гражданским состояла в ведении губернского начальства и особенно управляющего губернией» [ПСЗ-1, т.27, № 20786].

Войскам впервые была установлена единая форма обмундирования.

Период правления Николая I был временем усиленного развития казачьих войск, получивших новое устройство. В 1840 г. было принято «Положение об Оренбургском казачьем войске», впервые юридически закрепившее за войском обширную территорию, внутри которой находилось около десяти деревень, частных владений и города Верхнеуральск, Троицк и Челябинск. Общая численность земель войска в 1840 г. составила 7749944 дес., позднее она достигла 8,5 млн. дес. сплошной территории [Стариков, 1890, с.108].

Новое «Положение» заменило кантонную систему полковыми округами. В военное время каждый полковой округ должен был формироваться из числа проживающих на его территории казаков.

Управление ОКВ, по опыту Донского войска, разделялось на военное и гражданское и передавалось войсковому наказному атаману, который подчинялся командиру Отдельного Оренбургского корпуса. Исполнительным органом являлось Войсковое правление, при нем работали войсковая врачебная управа и войсковой прокурор. Решение гражданских дел передавалось полковым и станичным правлениям. Полковые правления, сменившие кантональные канцелярии, были учреждены в каждом из десяти созданных округов и возглавлялись штаб-офицерами. Низшим звеном войсковой структуры управления становились станичные правления, возглавлявшиеся станичными начальниками.

«Положение» 1840 г. обособило войско и в судебном отношении. Дела по воинским преступлениям рассматривала действовавшая при Войсковом дежурстве Комиссия военного суда. Гражданские дела, имущественные споры и мелкие преступления разбирались в станичных судах и чиновниками полковых правлений [Шадрин, 1999, с.160–161].

В УКВ, с небольшими дополнениями, сохранилось управление, установленное «Положением» 1803 г.; власть здесь сосредотачивалась в руках войскового атамана и войсковой канцелярии, имевшей военную и гражданскую экспедиции.

В пореформенный период началось реформирование казачьих войск с целью ликвидации сословной замкнутости казачества и «обращения его в гражданское состояние». В 1865 г. устройство ОКВ претерпело изменения, характер которых был диаметрально противоположным тому, что произошло в войске в 1840 г.: оно вновь вошло в состав губернии, а в судебном и полицейском отношении было подчинено общим присутственным местам.

Подобные изменения произошли и в УКВ [История казачества Урала, 1992, с.144]. В 1869 г. войсковая канцелярия и канцелярия наказного атамана были заменены войсковым хозяйственным правлением, которое

состояло из председателя по назначению от правительства, двух советников казначея по выбору от войска и трех казачьих депутатов – по одному от каждого уезда. Кроме того, был образован съезд выборных станичных депутатов в количестве 62 чел. для решения войсковых хозяйственных дел [Савельев, 1913, с.2].

Самоуправление. В 1870 г. казаки получили новое «Положение об общественном управлении в казачьем войске», по которому важную роль стали играть станичные сходы, получившие право избирать атамана станицы, судей и писарей с последующим утверждением их войсковым атаманом. Станицы приобрели некоторые права в решении экономических и военных вопросов своей жизни (сдача станичных земель в аренду, очередность выхода на военную службу) [Футорянский, 2000, с.84]⁷.

Станичное правление решало дела станичного схода, ежемесячно проверяло станичные суммы и станичные хлебные запасные магазины. Для составления станичного суда ежегодно станичным сходом избирались от 4 до 12 очередных судей. Станичный суд собирался через каждые две недели по воскресеньям, при необходимости – чаще [ГАОО, ф.6, оп.13, д.3574, л.6].

Введение в действие «Положения» 1870 г. ослабило административную систему управления, войсковое население получило ряд прав и стало самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений, определением очередности выхода на полевую службу.

В 1880 г. было принято новое «Положение об общественном и хозяйственном управлении Уральским войском», сосредоточившее в руках наказного атамана всю полноту власти и отменившее выбор советников [Савельев, 1913, с.2].

Система общественного управления станиц и поселков, в окончательном виде оформившаяся в начале 1890-х гг., имела ряд

⁷ В станичный сход входили все домохозяева, принадлежавшие к станичному обществу. Главным на станичном сходе был станичный атаман, который отвечал за сохранение порядка и благополучия в пределах станицы. Станичное правление состояло из станичного атамана, его помощников и станичного казначея.

недостатков, прежде всего в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти [Ганин, 2006, с.16].

Функции. По «Положению» 1840 г. ОКВ обязано было охранять Оренбургскую военную линию, высылать войска в степь, во внутренние губернии для полицейской службы, во время войны в действующую армию и т.д. [ГАОО, ф.6, оп.8, д.169, л.4–4об.].

Что касается несения военной службы уральскими казаками, то, согласно новому положению, введенному на Урале, разрешалось отбывать службу посредством вызова желающих, но с условием, чтобы каждый казак прослужил в полевых частях не менее года, молодые казаки должны были три года обучаться по станицам, а льготные казаки являться в течение 7 лет ежегодно на три недели в лагерь, все же прочие казаки полевого разряда – являться ежегодно для осмотра обмундирования и снаряжения. Войско должно было выставлять в военное время 9 конных полков, гвардейскую сотню и учебную сотню [Савельев, 1913, с.15].

В середине века значительно увеличилось количество обязательных нарядов. С целью обеспечения «тишины и спокойствия» казачьи команды стали высылаться для несения военно-полицейской службы в различные губернии империи. ОКВ ежегодно направляло один полк в Москву, сводный четырехсотенный отряд – на Нижегородскую ярмарку, а также команды для поддержания порядка в Пермскую, Казанскую, Вятскую и другие губернии. Подразделения казаков использовались при подавлении революционных выступлений на окраинах империи, для усиления земской и городской полиции [Годовова, 2007, с.61].

Этнический и конфессиональный состав ОКВ. В конце XVIII в. к ОКВ были причислены татары Сеитова посада [Материалы, 1905, с.80], из них было организовано три пятисотни, где по штату положено было иметь: полковников, или пятисотников – 3, пятисотных есаулов – 3, писарей полковых

Оренбургские казаки. Фото 2-ой пол. XIX в.

– 3, сотников – 15, сотенных есаулов – 15, хорунжих – 15, пятидесятников – 30, рядовых казаков – 1416, всего – 1500 чел. В соответствии с данным штатным расписанием на должности полковников 1-й, 2-й и 3-й пятисотни были назначены Г.Рахматуллин, Сулейманов и А.Сагятов. 1-я пятисотня состояла из 407 служащих и 583 отставных и малолетних. Во 2-й и 3-й пятисотнях служащих было 412 и 392 чел. соответственно, а отставных и малолеток – по 577 чел. Одежда и лошади командированных казаков поставлялись от общества, порох и свинец – от казны [Материалы, 1905, с.81–82]. Для управления татарами Сеитова посада под ведомством войсковой канцелярии было учреждено станичное правление с войсковым старшиной на должности председателя и двумя присутствующими, которое разбирало и решало все уголовные и прочие казачьи дела [Дело о записи, 1900, с.52–54].

В первой половине XIX в. на службу в войско были зачислены татары деревень Чесноковка, Зубачистенка 1 и Зубачистенка 2, Ускальцкая, Новоумеровская и др. [Кортунов, 2009, с.82].

В основном татары числились в шести полках войска (1, 2, 3, 6, 7, 8-й полки) [Кортунов, 2009, с.92; Годовова, 2007, табл.2]. В 1853 г. общее количество мусульман составляло 4885 чел., к 1855 г. – 5650 чел., мечетей было 24 [Кортунов, 2009, с.85].

К концу XIX в. на территории ОКВ проживало 87,4% славянского населения, татар было 9%, башкир – 1,7%, мордвы – 1,2%, казахов – 0,3%, калмыков – 0,23%, чувашей

– 0,12% и марийцев – 0,05% [ГАОО, ф.164, оп.1, д.64а, л.56–58; Савельев, 1913, с.4].

С 1736 г. составной частью ОКВ были крещеные татары – нагайбаки. Эта группа формировалась на основе взаимного смешения и культурного сближения в районе Нагайбацкой крепости тептярей (включая крещеных), старокрещеных из крестьян и казаков. В 1842 г., в связи с изменением границ территории ОКВ, нагайбаки в числе 1250 душ м.п., «входившие в Бакалинскую и Нагайбацкую станицы», были переселены далеко на восток (Верхнеуральский у.). В 1843 г. этим поселениям были даны современные названия – Кассель, Фершампенуаз, Париж, Требия, Краснокаменск, Астраленка, Арси, Куликовский. Часть из них поселилась в казачьих селениях Неженское, Ильинское, Подгорный, Гирьял, Алла-Байтал. Тогда же, или несколько позже, нагайбаки были поселены в селениях Попово, Варламово, Ключевский-второй [Исхаков, 2004].

Татары в Уральском казачьем войске. Уральское войско изначально комплектовалось из полиэтнических беженцев. Основную массу казачества составляли русские, но в него вошло немало ногайцев, кубанских и волжских татар, постепенно принимавших христианство. Однако позднейшие переселенцы и «по переходу в казачество» сохраняли прежнюю этноконфессиональную идентичность [Материалы по статистике, 1877, с.139].

Причисления посторонних лиц в УКВ производились редко, из массовых причислений известны следующие: в 1817 г. 176 служилых и ясачных татар из деревень Ускальцкая и Новоумеровская с разрешения властей переселились в д.Никольскую. В 1832 г. по распоряжению правительства было зачислено в казачье сословие Уральского войска 762 кочевника-башкира «вместе с землею» [История Башкортостана, 1996, с.345]. Численность казаков УКВ уступала Оренбургскому войску. Так, в 1856 г. в составе УКВ числилось 72109 душ об.п., к концу XIX в. – 111927 чел. [Савельев, 1913, с.3].

Основную часть мусульман в этническом плане представляли татары, пока в 1838 г. 9-й башкирский кантон, сформированный из переселенных в Саратовскую губ. башкир и объединявший три юрты, «из-за дальности

расстояния по управлению» от Оренбурга не был приписан к УКВ как башкирское отделение, хотя и сохранил прежний распорядок жизни [Загидуллин, 2006, с.120] и остался в его составе до 1865 г. [Бородин, 1891, с.313].

В УКВ имелись полностью как татарские, так и калмыцкие селения. Мусульмане составляли довольно значительную часть населения Илецкой и Чижинской дистанций, Муштаевского, Мухорского, Мухранского, Глинского, Озерского поселков [Дубовиков, 1996, с.342]. В 1855 г. мусульмане – 3407 душ м.п. – были расселены в 38 селениях, общественное богослужение производилось в 8 соборных и 6 пятивременных мечетях.

В этническом плане в 1858–1862 гг. УКВ состояло из русских (86%), башкир (7%), татар (5%) и калмыков (1,4%) [Материалы, 1866, с.334].

Татар среди офицерства было немного. Например, в 1813 г. среди 7 полковников и подполковников не было ни одного татарина, из 7 войсковых старшин татарин был один – Узбек Тюняев [РГВИА, ф.489, оп.1, д.3092, л.5]. Не было татар ни среди есаулов, ни среди казаков, имевших «регулярные» чины поручиков и майоров. Среди 104 сотников и хорунжих оказалось только 3 татарина [РГВИА, ф.489, оп.1, д.3092, л.53, 57, 61]. Даже среди урядников татар было немного – 5 чел. из 128. В числе счастливых обладателей первого офицерского казачьего чина был хорунжий А.Акиров [Уральские, 1867, №38].

Землевладение и землепользование. Земля – основное богатство и привилегия казачьих войск. Основу благополучия оренбургских казаков составляла земля, пожалованная им указами 1736, 1743, 1744 гг. «за разные заслуги во время башкирских бунтов» [Историческая записка, 1904, с.65], а также право пользоваться озерной и речной водой, право охотиться и добывать полезные ископаемые.

В начале XIX в. каждый казак обрабатывал столько земли, сколько мог, так как отсутствовали строгие правила землепользования. Однако по распоряжению казенных палат часть земель отошла во владение других сословий, так что многие станицы остались при 15-десятинном (и меньшем)

душевом земельном наделе, что, естественно, вызывало недовольство казаков. В 1832 г. оренбургским казакам был отведен 30-десятинный надел на душу м. п. – казаки, имевшие даже 20-десятинный земельный надел, не в состоянии были нести службу «с должной исправностью, снабжать себя собственной одеждою, оружием, лошадьми» [РГИА, ф.1263, оп.1, д.2340, л.85].

В «Положении» 1840 г. указывалось на 30-десятинный душевой надел как исходный при расчете общего количества земли для каждого из 10 образованных в ОКВ полковых округов, а также на то, что служащим и отставным чиновникам войска назначаются «особые пожизненные участки» [Столетие, 1911, с.261]. В ОКВ широко практиковалась сдача земли в аренду, которая не только приносила хороший доход арендодателю, но и увеличивала войсковой капитал [Годовова, 2007, с.78].

Для урегулирования земельных отношений в 1798–1842 гг. в Оренбургской губ. проводилось Генеральное межевание земли казаков. Однако проекты размежевания земель не были реализованы, и только в 1862 г. было утверждено «Положение» о

размежевании земель ОКВ [Положение о размежевании, 1862].

К концу XIX в. земли в ОКВ делились на следующие категории: войсковые, станичные, или юртовые, офицерские и чиновничьи. Земли УКВ подразделялись на войсковые и предоставленные в пользование казакам. Уральские казаки пользовались землей на правах нераздельного общинного владения.

Характер землепользования и землеустройства на этих землях был различным. Верховным собственником казачьих земель была казна. Земли отдельных казачьих войск находились в их «вечном пользовании» [Фурторянский, 1997, с.64]. Субъектами права собственности на такие земли считались сословные общества и учреждения, например «общество сельских обывателей», во многом аналогичное «станичному обществу» [Махрова, 1999, с.26]. Однако, признавая войско собственником земли, государство не допускало полного и самостоятельного распоряжения землей и ее недрами со стороны войсковой администрации [Годовова, 2007, с.86].

§ 2. Служилые татары-казаки в Западной Сибири

Гульсифа Бакиева

Одну из сословных групп сибирских татар представляли служилые татары (*йомышлы*), потомки которых происходили от военно-феодальной знати Сибирского ханства. В состав служилых татар вошли бывшие кучумовские «мурзы» и «мурзичи», «беки» (владельцы самостоятельных уделов), племенные князцы, духовенство [Бахрушин, 1955, с.164–165]. Российское правительство «в лице служилой знати получило подготовленный военный контингент, сыгравший важную роль в процессе дальнейшей колонизации территории», умело использовало их как «наиболее сильную и авторитетную часть подвластного населения» [Тычинских, 2010, с.236].

На протяжении XVII–XIX вв. в системе управления сибирско-татарским служилым сословием происходили изменения. До середины XVIII в. служилые татары, как и другие подразделения казаков, находились

в ведении Сибирского приказа, получая от него жалованье за службу. Указом Сената от 1744 г. все регулярные и нерегулярные войска Сибири были переданы в ведение Военной коллегии. В 1797 г. городские казаки из Военной коллегии были переведены в ведение гражданских губернаторов. «Устав сибирских о городских казаках» 1822 г. подтвердил подчинение казачьих полков гражданской власти – губернаторам и областным начальникам; городских и уездных команд – окружным начальникам и городничим.

На протяжении XVIII – в начале XIX в. головами тобольских служилых татар являлись представители сибирских татар из рода Кульмаметьевых. Российские власти рассматривали аборигенную верхушку как своих агентов на местах. Голова собирал ясак с ясачных татар, производил над ними суд и расправу, следил за политической благонадежностью служилых и «захребетных»

татар [Бахрушин, 1955, с.77]. Грамотой Екатерины II род Кульмаметьевых в 1787 г. был возведен в дворянское достоинство [РГИА, ф.1286, оп.2, д.347, л.18]. Однако с начала XIX в. Кульмаметьевы постепенно стали утрачивать свою власть, решающим фактором в этом стал «Устав о сибирских городских казаках» 1822 г., ликвидировавший институт голов служилых татар. Во главе Сибирского татарского полка «утверждались атаманы из числа русских офицеров» [Тычинских, 2010, с.125].

Устав 1822 г. возложил на городских казаков преимущественно полицейские функции, причислив их непосредственно к губернской и окружной полиции. Кроме того, городские казаки привлекались для выполнения других поручений – для развоза и продажи продовольствия, сбора податей с местного населения, организации землеустройства и т.д.

Закон регламентировал порядок формирования казачьих полков, закрепивший сословный принцип комплектования. До 16 лет дети казаков состояли в звании отцов, по достижении 16-летнего возраста их включали в «списочный учет» и выдавали довольствие, а в 17 лет они уже начинали службу. Устав закрепил право получения за службу жалованья, земли из расчета 15 дес. на душу, а также освобождение от податей и земских сборов [ПСЗ-1, т.37, №29131].

В начале XVIII в. служилые татары Тобольска, Тюмени, Тары и Томска (Тобольская губ.) были объединены в Сибирский татарский городской полк, который состоял из 5 татарских казачьих команд. Три из них находились в Тобольском у., одна – в Тюменском и одна – в Ялуторовском у. [Тычинских, 2010, с.97]. В 1849 г. на основе ранее существовавшего Сибирского татарского полка был создан Тобольский конный полк – иррегулярное войсковое формирование для несения конвойно-охранной службы [Арапов, 2002, с.126]. В 1861 г. Тобольский конный полк вместе с Тобольским и Томскими полками вошли в состав Сибирского линейного войска [Щеглов, 1883, с.441]. В 1868 г. Тобольский конный полк был распущен, а служилые татары перешли в сословие крестьян [ПСЗ-2, т.43, с.822].

За службу служилые татары получали денежное и соляное жалованье, хлебным

же жалованьем «поверстаны» были не все. Правительство рассматривало выполнение ими военной службы как разновидность ясака, взимаемого с аборигенного населения [Гончаров, Ивонин, 2006, с.26]. О том, что по правовому положению служилые татары были близки к ясачным, свидетельствует и тот факт, что оклады денежного и соляного жалованья большинства служилых татар были ниже, чем у других служилых категорий. Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилых людей, но и внутри определенной категории в разных городах [Тычинских, 2010, с.73]. Оклады служилых татар в Тобольске были выше, чем в других городах. В середине XVIII в. произошло уравнивание окладов основной массы служилых татар; кроме того, с этого времени хлебное жалованье и фураж им стали выдавать только во время несения службы. Такая ситуация сохранилась и в XIX в.⁸

Расселение и численность. В Тобольском у. юртовские служилые татары проживали совместно с татарами в г. Тобольске и соседних селениях по Тоболу и Иртышу. Они числились в 38 селениях. В состав служилых татар входили отставные служилые татары, их дети и захребетники (братья, племянники). В 1816 г. всех служилых татар в Тобольском у. (включая отставных и их детей) насчитывалось 721 чел. [РГИА, ф.1264, оп.1, д.4, л.147об.–148], в середине XIX в. – 929 чел. [Положение, 1849, с.51–53].

В Тарском у. служилые татары и их захребетники имели собственные селения. Они жили в юртах Кыргапских, Туралинских, Аиткуловых, Атацких, Шиховых, в деревнях Иткучакова, Атацкой, Бабиной, Сеитовой, Батугановой [Томилов, 1981, с.67, 140]. Доля служилых татар в составе населения Тарского у. в XVII в. была незначительной по сравнению с другими уездами. К концу

⁸ В 1812 г. из 236 казаков Тобольской команды провиант и овес получали лишь 69 чел. [РГВИА, ф.489, оп.1, д.3758, л.4]. В Томской команде провиант и овес получали 16 казаков из 28, а 10 чел. получали провиант и фураж по заводскому ведомству, где они проходили службу [РГВИА, ф.489, оп.1, д.3764, л.8об.]. Казаки Тюменской татарской казачьей команды провиант и овес не получали по причине наличия у них доставшихся от предков «хлебобпахотных земель и сенных покосов» [РГВИА, ф.489, оп.1, д.3770, л.4].

XVIII в. тарские служилые татары как этно-сословная группа перестали существовать, растворяясь в среде ясачных татар [Тычинских, 2010, с.166].

Тюменские служилые татары проживали совместно с татарами в юртах по Тоболу от устья Исети до устья Иски. В соседнем Ялуторовском у. они числились в 4 юртах [ГУТО ГАТ, ф.329, оп.13]. В середине XIX в. служилые татары Ялуторовского у. (5 селений) вместе с частью тюменских служилых татар входили в 4-ю сотню (172 чел.). В 5-ю сотню входили служилые татары 14 селений Тюменского у. В середине XIX в. в 5-й сотне насчитывалось 253 служилых татарина [Положение 1849, с.53; табл.7–8].

Таким образом, в XIX в. большинство служилых татар проживали в селениях, а в городах Тобольск, Тюмень и Тара постоянно проживала незначительная их часть, хотя изначально (XVI–XVII вв.) служилые татары были приписаны к городам. По данным ревизии 1816 г., в Тобольске проживали 134 служилых татарина: 1 офицер, 1 старшина, 71 казак, детей казачьих – 61. Только служилые татары Томской казачьей команды в начале XIX в. проживали в городе в полном составе: 1 старшина, 19 казаков, 20 казачьих детей и 14 отставных татар [Томилов, 1981, с.79, 197–198].

Функции. В начале XIX в. служилые татары, наряду с несением воинской службы, участвовали в сборе податей, сопровождали колодников и казенные грузы, работали в канцеляриях курьерами и счетчиками и др.

По «Уставу о сибирских городовых казаках» 1822 г. на служилых возлагались, прежде всего, полицейские функции – поимка беглых, охрана порядка в городах, патрулирование в ночное время, этапирование ссыльных. Кроме того, они, как и в предыдущий период, осуществляли сбор податей с местного населения, участвовали в строительстве и землеустройстве, охране государственной собственности, их использовали в качестве почтальонов, казначейских счетчиков и т.п. [ПСЗ-1, т.37, ст.29131].

Землепользование. Владение и пользование землей служилыми татарами осуществлялись на условиях несения службы. «Устав об инородцах» и «Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. подтвердили на-

Казак городовых казачьих полков Западной Сибири: Тобольского, Сибирско-Татарского и Томского. 1824–1825 гг.

деление служилых татар земель из расчета 15 дес. на 1 душу м.п.

После упразднения в 1868 г. Тобольских конного полка и пешего полубатальона служилые татары были переведены в сословие крестьян и уравниены с ними в правах землепользования. Однако право на угодья имели лишь трудоспособные казаки с 28-летнего возраста. Лица, не достигшие 28 лет, а также старики угодья не получали. Участки умерших бывших казаков должны были перейти в общинное владение ясачных татар [ГУТО ГАТ, ф.335, оп.1, д.26, л.9–10]. С этого времени бывшие служилые татары должны были платить подати и нести повинности за право пользования землей, как и ясачные татары. При этом служилым татарам были предоставлены определенные льготы по уплате податей.

Однако и после ликвидации в 1868 г. их иррегулярных частей служилые татары де-

юре продолжали учитываться отдельно от других категорий сибирско-татарского населения; это было обусловлено тем, что они получали льготы по уплате податей. Лишь в ходе административной реформы 1910 г. произошло уравнивание их с сельскими группами татар.

§ 3. Мещеряки

Лейла Тагирова

Кантонная система управления. Введение в 1798 г. в Приуралье кантонной системы подразумевало новую систему управления. Во главе административных единиц были поставлены кантонные начальники из мусульман. Функции кантонных начальников заключались в исполнении распоряжений, предписаний и указов вышестоящих властей, для чего они были наделены значительными правами в военной, политико-административной, судебно-полицейской и хозяйственной сферах. В их обязанности входили составление и представление губернатору ведомостей о числе чиновников, духовных лиц, количестве дворов, об обеспечении очередного набора служащих на линейную службу, о назначении соответствующего количества походных и др. Они же наблюдали за выполнением государственных и земских повинностей, сбором налогов с жителей своего кантона, продажей и сдачей в аренду земель. Кроме того, они контролировали хозяйственную деятельность жителей кантона, «дабы они прилежались к домостроительству, земледелию и всем прочим работам, а ленивых и беспечных принуждали к тому... отобрав на время все уголья, коими они пользовались, отдавая в работники хорошим хозяевам, назначая плату... пока исправят свое поведение и найдутся в состоянии сами хозяйствовать». Кантонные начальники также решали мелкие судебные дела [ПСЗ-1, т.25, №18477].

Выборы управляющих кантонов производились баллотировкой шарами в присутствии представителей земского суда, в обязанности которых входило наблюдение за тем, чтобы к выборам допускались чиновники только «беспорочного поведения, расторопные», знающие русский язык и «тюрки». Кроме того, лицам, состоявшим под судом,

На протяжении всего периода своего существования сословие служилых татар сохраняло свою этническую и религиозную идентичность. Это предопределило обособленное положение служилых татар среди других групп сибирского казачества.

«не разрешалось выставлять свою кандидатуру» [Асфандияров, 2005, с.138]. Следует отметить, что при назначении первых кантонных начальников выборы не практиковались, они были назначены военным губернатором [ПСЗ-1, т.25, №18477].

Управляющие мещеряжскими кантонами относились к военному чиновничеству и получали чины, характерные для казачьих войск. Соотношение между зауряд и действительными чинами было примерно одинаковым.

Для производства текущих дел в кантонах были учреждены штаб-квартиры, заведены журналы входящих и исходящих бумаг, шнуrowые книги для записи собираемых денежных налогов. Кантонным начальникам разрешалось иметь 1–2 помощников, в зависимости от территории кантона, и двух чиновников в должности писаря [ПСЗ-1, т.25, №18477]. Сверх того, управляющим кантонами было положено «для посылок по службе» иметь двух вестовых из числа отставных, малоспособных к службе юношей. Кантоны были разделены на юрты, включавшие в себя группы деревень. Во главе юрт стояли юртовые старшины, непосредственно подчинявшиеся кантонному начальнику. Они назначались управляющим кантоном из числа кандидатур, выбранных чиновниками от каждой юрты. Главной обязанностью юртового старшины были организация и отправка два раза в год команд на линейную службу из казаков-очередников подчиненных ему деревень. Кроме того, они руководили сбором налогов, следили за выполнением государственных и денежных повинностей. Юртовые старшины выполняли в основном те же функции, что и кантонные начальники, только в пределах вверенных им юрт.

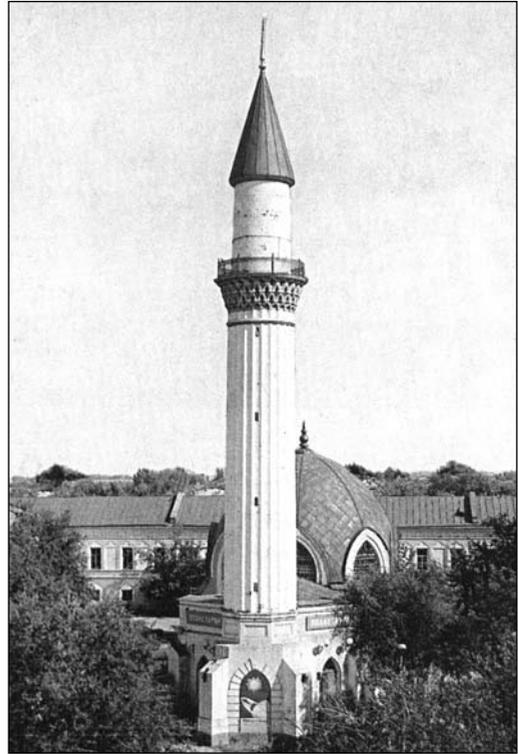
Кроме чиновников внутреннего управления кантонов, были чиновники военной и рабочей службы. В обязанности последних входили сопровождение и контроль за казаками во время командирования на службу.

В 1798–1834 гг. кантонные начальники были освобождены от несения натуральных повинностей, но они не получали жалованья [РГВИА, ф.405, оп.6, д.5874, л.49об.], что являлось дополнительной причиной злоупотребления ими властью. К тому же, до 1830-х гг. управляющие кантонами подчинялись непосредственно оренбургскому военному губернатору, и общий контроль за их деятельностью был невысоким.

В 1834 г. было образовано Башкиро-мещерякское войско, введена должность командующего войском и канцелярии. С 1837 г. все дела, касавшиеся населения кантонов, решались через командующего, с последующим утверждением генерал-губернатором. Уголовно-следственные дела изымались из гражданского судопроизводства и передавались на рассмотрение военного суда. В 1835 г. были введены должности попечителей кантонов (выбирались из числа русских армейских штаб-офицеров) и стряпчих (из гражданских чиновников).

Всего было образовано шесть попечительств (округов), включавших от 20 до 60 тыс. душ м.п.⁹ Обязанностями попечителей являлись: 1) наблюдение за выполнением предписаний губернских властей; 2) контроль за несением службы населением кантонов; 3) проведение медицинского осмотра при нарядах лиц, числящихся отставными или неспособными к службе, а также медицинское освидетельствование «малолетков»; 4) присутствие при выборе кантонных начальников и юртовых старшин; 5) контроль за несением повинностей; 6) наблюдение за «земледельческими занятиями»; 7) проведение следственных и судебных дел по маловажным преступлениям

⁹ В первое попечительство входили 1, 2, 3-й башкирские кантоны, во второе – 4, 5-й башкирские и 1-й мещерякский кантон, в третье попечительство – 6 и 9-й башкирские кантоны, в четвертое – 7-й башкирский и 2, 5-й мещерякские кантоны, в пятое попечительство входили 8, 10-й башкирские и 3, 4-й мещерякские кантоны, в шестое – 11, 12-й башкирские кантоны [История Башкортостана, 1996, с.351].

Караван-сарайская мечеть Оренбурга – богослужбное здание Башкиро-мещерякского войска.
Фото нач. XX в.

и кражам в пределах вверенных им попечительств (с 1841 г. не превышавшим 15 руб. сер. [РГВИА, ф.405, оп.6, д.9049, л.279], с 1854 г. – 30 руб. сер. [РГВИА, ф.405, оп.6, д.12941, л.8]).

В сферу деятельности стряпчих входили наблюдение за судебными делами, связанными с землевладением, присутствие при межевании и «отдаче в аренду» земель, донесение начальству о случаях притеснения башкир и мещеряков со стороны других ведомств [Асфандияров, 2005, с.40–41]. Таким образом, попечители и стряпчие были дополнительным звеном в системе опеки и контроля над населением войска.

С 1840 г. управляющие кантонами начали получать жалованье по 185 руб. 90 коп. сер. в год, с 1845 г. помощники кантонных начальников получали по 50 руб., юртовые старшины – 15 руб. сер. в год [РГИА, ф.1284, оп.232, д.206, л.9].

Окончание эпохи непрерывных военных кампаний (начало XIX в.) и дальнейшее развитие стрелкового и артиллерийского оружия), усовершенствование системы организации управления армией делали мало-

эффективными архаичные иррегулярные войска, оснащенные преимущественно холодным оружием. После подавления восстания под руководством Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) российское влияние в Казахской степи укрепилось. Оренбургская пограничная линия – фактически государственная граница на юго-востоке страны – к середине XIX в. утратила свое значение. В результате отпала необходимость в воинских командах башкир и мещеряков.

Власть постепенно переориентировалась на перевод населения в крестьянское сословие, опасаясь, однако, что утрата военно-служилого статуса может вызвать недовольство в массах. В связи с этим указом от 21 января 1837 г. было «велено обращать в податное состояние тех башкир и мещеряков, которые вводимый в их войска порядок и устройство сочтут для себя тягостным и обременительным» [РГВИА, ф.405, оп.6, д.9049, л.277об.]. Оренбургский генерал-губернатор В.А.Перовский за годы своего правления обложил сбором 6849 душ населения, его преемник В.А.Обручев (1842–1851 гг.) в 1843 г. в 10-м башкирском и 4-м мещерякском кантонах – 30750 душ, в 1844 г. – 38807 душ [РГВИА, ф.405, оп.6, д.5874, л.51 об; Асфандияров, 2005, с.182]. К концу 1840-х гг. кантоны были разделены «на служащие и неслужащие». Последние были освобождены от несения воинской службы, но продолжали оставаться под военным управлением и были обложены денежным сбором, составлявшим по 3 руб. сер. с каждого служащего и по 1 руб. сер. с отставного казака и «малолетка» [РГВИА, ф.405, оп.6, д.5874, л.50об.].

Следующий шаг по переводу башкир и мещеряков в крестьян был предпринят в 1855 г., когда к войску были присоединены тептяри и бобыли, проживавшие в Оренбургской, Пермской и Вятской губерниях. Само войско стало именоваться Башкирским, внутри него отныне существовало уже 28 кантонов. Из них девять были объявлены служащими (1–6, 26–28-й кантоны), остальные – неслужащими.

Такая ситуация сохранялась до 14 мая 1863 г., когда было утверждено «Положение о башкирах», которое не упразднило полностью кантонную систему управления, но предусматривало двухлетний пери-

од для подготовки окончательного слияния башкир, мещеряков и тептярей с крестьянским населением. Вместо 28 кантонов было сформировано одиннадцать новых, территориально совпадавших с уездами. Во главе кантонов были поставлены русские офицеры, а не представители национального военного чиновничества.

Окончательно кантонная система управления была отменена указом от 2 июля 1865 г. В конце 1865 г. – начале 1866 г. башкиры, мещеряки и тептяри постепенно перешли в ведение общих губернских и уездных по крестьянским делам присутствий и мировых посредников, обложены денежными повинностями.

Землепользование. В XVIII – 30-е гг. XIX в. основная масса мещеряков находилась на башкирских вотчинных землях на основе договорных записей о припуске с уплатой владельцам угодий денежного оброка. Незначительное количество мещеряков владело землей, частично приобретенной в собственность. Некоторые селения возникали на башкирских землях, ранее конфискованных казной (в т.ч. за участие в восстаниях), и на землях, жалованных царями. С 1832 г., после издания указа о земле, мещеряки, как представители военного сословия, наделялись 30 дес. земли на душу м.п. согласно 7-й ревизии 1816 г. Те, кто не смог предоставить тексты договорных записей о припуске или купчие от башкир на земельные угодья, получали лишь 15 дес. на душу м.п. [Асфандияров, 2006, с.205–206].

Все мещеряки, входившие в Башкиро-мещерякское войско, были оседлым населением, занимались хлебопашеством, выращивали огородные культуры. Хлеб сбывали на сельских базарах либо в городах [РГИА, ф.1284, оп.232, д.52, л.6].

Расселение и численность. Мещерякские кантоны были образованы в местах компактного проживания мещеряков и не имели особых наименований (различались порядковыми номерами). Динамика численности населения определялась естественным приростом. В 1829 г. в мещерякских кантонах значилось 872 офицера, 29709 казаков и 578 представителей духовенства, всего 31159 душ м.п. [ЖМВД, 1831, с.124–125]. В 1842 г. мещеряков насчитывалось 72 894 чел. (36768 м.п. и 36126 ж.п.) [РГВИА,

ф.405, оп.6, д.5874, л.48], в 1848 г. их численность составила 85153 чел. [РГВИА, ф.846, оп.16, д.18900, л.43], в 1856 г. – 110595 чел. [Кеппен, 1857, с.270–273].

1-й мещерякский кантон представлял собой юрты в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губ., по соседству с 4-м башкирским кантоном, а также на границе Шадринского у. Пермской губ. и Екатеринбургского у. «Столицей» кантона была д.Адзитарово [ПСЗ-1, т.25, №18477]. В 1847 г. 1-й мещерякский кантон упразднили, причислив первые четыре юрты к 5-му башкирскому кантону (с 1847 г. – 6-й башкирский кантон), пятую юрту – к 4-му загорному башкирскому кантону (с 1847 г. – 4-й башкирский кантон), шестую юрту – к четвертому западному башкирскому кантону (с 1847 г. – 5-й башкирский кантон) [ПСЗ-2, т.22, №21741].

Второй (с 1847 г. – первый) мещерякский кантон располагался в Стерлитамакском у. (кантонный центр – д.Бузовязы), третий (с 1847 г. – второй) – в Бирском, Белебеевском и Уфимском уездах [ПСЗ-1, т.25, №18477]. Юрты четвертого мещерякского кантона (с 1847 г. – третьего) находились в Бирском и Мензелинском уездах (кантонный центр – д.Богданово). Пятый (с 1847 г. – четвертый) кантон включал в себя мещеряков Белебеевского у. (кантонный центр – д.Туркеево).

В 1855 г., после образования Башкирского войска и 28 новых кантонов, административные единицы перестали делиться на башкирские и мещерякские. Известно, что большая часть мещерякского населения (50% и более от населения кантона) проживала в 24-м кантоне, располагавшемся в Уфимском у. (22341 чел. об. п.) и 11-м кантоне, находившемся в Екатеринбургском и Шадринском уездах (12245 чел. об. п.) [Кеппен, 1857, с.270–273].

Повинности. Все мужское население кантонов в возрасте от 17 до 45 лет было обязано нести военную службу. Первоначально ее срок не был определен. Только после утверждения постоянного штата по управлению Башкиро-мещерякским войском в 1840 г. продолжительность службы начала составлять: для чиновников – 25 лет, для – казаков 30 лет, из них 25 на «полевой», 5 лет на внутренней службе [РГВИА, ф.405, оп.6, д.9969, л.21об.].

Обер-офицер и казак Башкиро-мещерякского войска. 1845–1855 гг.

Основной их обязанностью было несение службы на Оренбургской пограничной линии. Срок летней службы составлял 6 месяцев (с 15 мая до 15 ноября), затем команды возвращались домой, им на смену приходили другие. Число наряженных на зимнюю службу было втрое меньше по причине редких стычек с казаками в зимнее время.

Наряды на службу производились по «очередным» спискам, составленным по каждому кантону. Количество наряда, как на кордонную службу, так и на другие работы, зависело «от меры надобности» и усмотрения генерал-губернатора [РГВИА, ф.846, оп.16, д.18900, л.118]. Башкиры и мещеряки отправляли службу за свой счет («на своем коште»), т.е. со своим оружием и лошадьми [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6755, л.26]. Согласно правилам, в каждом кантоне выбирали двух-трех дистанционных начальников. В их обязанности входило сопровождение и контроль над казаками в период службы.

Как представители военно-казачьего сословия, мещеряки принимали участие в войнах. В период Отечественной войны 1812 г. было сформировано два конных мещерякских полка [Асфандияров, 2006, с.255]. Кроме того, до 1820-х гг. мещеряки участвовали

в охране границы в Бессарабии, отправляли полицейскую и конвойную службу в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Перми. Отряды мещеряков использовались правительством для проведения карательных операций в Оренбургской губ. и Казахстане. До 1840-х гг. они привлекались к этапной службе по Сибирскому тракту.

С 1830-х гг. большую часть башкир и мещеряков стали привлекать в рабочие и транспортные команды, которые занимались возведением военных объектов, перевозкой грузов, строительством дорог и пр. Если в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в рабочие и транспортные команды привлекалось 30% от общего количества наряженных на службу, то в начале 1850-х гг. – 86% [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6755, л.26].

Помимо военной службы, население кантонов исполняло ряд других повинностей, в частности, перевозило почту на Оренбургской пограничной линии. В 1834 г. эта повинность была заменена денежным сбором в 23 коп. сер. с души м. п. С 1822 г. башкиры и мещеряки платили особый налог по 25 коп. [История Башкортостана, 1996, с.361] (с 1842 г. – 30 коп.) с каждой рев. души (кроме чиновников и духовенства) в специальный денежный фонд для обеспечения продовольствием в неурожайные годы [РГВИА, ф.405,

оп.6, д.5874, л.49об.]. В 1834 г. башкирам и мещерякам земледельческих кантонов денежный сбор был заменен натуральным: по 0,5 пуд. ржи и пшеницы и по 10 фунтов овса или ячменя с души. Население кантонов несло также такие натуральные повинности, как «подводная гоньба», постройка и ремонт дорог, квартирная повинность; платило государственные и местные губернские земские сборы, мирские деньги на содержание писмоводителей и писарей, на канцелярские расходы кантонных управлений [История Башкортостана, 1996, с.358–362].

Введение кантонной системы управления и получение мещеряками в XIX в. особого сословного статуса способствовали некоторой изоляции и сохранению определенного самосознания, не позволявшего им интегрироваться в сословные группы татарского населения. Нахождение мещеряков в военно-казачьем сословии позволяло им, как и башкирам, получать образование в светских и военных учебных заведениях. Благодаря военной службе они могли подниматься по карьерной лестнице, получая зауряд и действительные чины, а также личное и потомственное дворянство, как, например, это было в династиях Валитовых, Ишбулатовых, Резяповых, Тупеевых, Янышевых и др.

§ 4. Башкиры

В XVIII в. башкиры, исполнявшие повинности по военной иррегулярной службе, еще находились в ведении гражданского начальства. Важной причиной в кардинальном изменении их административного подчинения стало учреждение башкирских кантонов [Нигматуллин, 1959, с.169–171], в 1803 г. количество кантонов составило 12. Все административно-военные единицы были сформированы по территориальному признаку. Кантоны делились на юрты (команды), каждая, в свою очередь, объединяла от 700 до 1000 душ м.п. [История Башкортостана, 1996, с.343–344]. В 1855 г., после присоединения тептярей и бобылей, по новому административному делению Башкирское войско состояло из 9 попечительств, 28 кантонов и 394 юрт [История Башкортоста-

Ильдус Загидуллин

на, 2004, с.322]¹⁰. К 1862 г. в его составе на-

¹⁰ После учреждения в 1803 г. еще одного Башкирского кантона в рамках Шадринского у. Пермской губ., входившего ранее во 2-й башкирский кантон, сложилась следующая их нумерация: 1-й кантон – в Осинском и Пермском уездах, 2-й кантон – в Екатеринбургском и Красноуфимском уездах, 3-й – в Шадринском у., 4-й – в Троицком у., 5-й – в Челябинском у., 6-й – в Верхнеуральском у., 7-й – в Стерлитамакском у., 8-й – в Уфимском у., 9-й – в Оренбургском у., 10-й – в Бирском у., 11-й – в Мензелинском у., 12-й – в Белебеевском, Бугульминском и Бугурусланском уездах. Мещеряцкие кантоны распределялись по следующим уездам: 1-й – в Троицком и Челябинском, 2-й – в Бирском и Мензелинском, 3-й – в Стерлитамакском, 4-й – в Уфимском, 5-й – в Бугульминском у. В зависимости от местожительства кантонных начальников центры кантонов менялись. В 1847 г. был упразднен 1-й мещеряцкий кантон. Входившие в него первые че-

считывалось 1008875 чел., в т.ч.: «башкир» – 549452, мещеряков 138819, татар – 8631, тептяр – 241950, «черемис» (марийцы, чуваша, мордва) – 51340, «вотяк» – 18684. В конфессиональном отношении Башкирское войско состояло из трех групп: 936568 мусульман, 70221 язычника, 2087 христиан [Алишев, 2005, с.275].

В иррегулярном войске были введены отличительные от казачьих формирований чины: «походного старшины», который руководил войсковыми частями во время следования в пункт назначения, на службу, а также «дистанционного начальника», имевшего в распоряжении несколько башкирских команд. На службе башкиры подчинялись казачьим офицерам [Записки, 1907, с.29]. В строевые части отправлялись мужчины в возрасте 20–50 лет в зависимости от количества дворов (в среднем 1 чел. на 4–5 дворов) и числа служащих, содержание которых осуществлялось за счет средств местных жителей. В 1798–1848 гг. башкиры и мещеряки ежегодно поставляли на Оренбургскую пограничную линию более 65% служащих, они составляли основу иррегулярных войск. В 1822 г. их насчитывалось около 11 тыс. чел. (70%). Отряды, направляемые на поимку беглых, содержались на средства государственного земельного налога. На этой службе они находились в течение трех лет, после чего заменялись другими [Асфандияров, 2005, с.51–52, 57].

Политика правительства, направленная на усиление надзора за башкирами и мещеряками, в 1834 г. привела к переводу всех вопросов в компетенцию военного губернатора. Также были учреждены Военная канцелярия и должность командующего войском, в подчинение которого переходили кантонные начальники [Тагирова, 2011, с.90]. (В этот период происходила дальнейшая централизация управления иррегулярными войсками, в 1835–1840 гг. осу-

ществлялась реорганизация Оренбургской пограничной линии, что привело к увеличению численности казачьих войск [Годовова, 2009, с.157]). В 1853 г. командующему Башкиро-мещерякским войском было предоставлено право начальника дивизии, что соответствовало чину наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Наказной атаман – управлял делами войска, советуясь с войсковой канцелярией [Асфандияров, 2005, с.36].

На основе различных сборов с населения и других доходов в 1820-х гг. был сформирован башкирский войсковой капитал, который использовался на выдачу ссуд в неурожайные годы, обучение башкир в русских учебных заведениях, открытие школ и больниц и их содержание и т.д. После упразднения кантонного управления капитал Башкирского войска, составлявший около 3 млн. руб., стал собственностью казны [Асфандияров, 2005, с.136–137].

Во второй трети XIX в. отчетливо проявилось стремление имперской власти превратить башкирское военное сословие в крестьянское. В 1832–1834 гг., рекрутировав мусульман, правительство построило тракт Верхнеуральск–Стерлитамак, в 1835–1838 гг. – Новую пограничную линию Орск–Троицк (9 редутов и 12 пикетов) и все более активно вовлекало иррегулярное войско в транспортную команду для перевозки грузов, а также использовало для заготовки леса и его сплава по рекам Сакмар и Урал, для ремонта и благоустройства зданий в Оренбурге, Уфе, Уральске, для работы в войсковом хозяйстве – на поташных, конном и пчелином «заводах», по заготовке золы для производства шадрика в поташных предприятиях и т.д. В конце 1840 г. значительная часть башкир, ведущих оседлую жизнь, и мещеряков была «обложена денежным сбором» взамен несения военной службы (200190 душ). В прежнем положении оставались 101126 ревизских душ. К 1850-м гг. отпала необходимость в линейной службе башкир. Она была заменена службой в рабочих командах, выполнением различных казенных работ (трудовой повинностью) и оказалась более обременительной, чем линейная служба [Асфандияров, 1968, с.161]. К 1860 г. Башкирское войско окончательно утратило свое значение как военная сила: на казенную работу командировалось до 90%

тыре юрты были причислены к 5-му башкирскому кантону, 5-я юрта – к 4-му загорному, 6-я юрта – к 4-му западному кантонам. (В 1832 г. 4-й башкирский кантон был разделен на 4-й загорный и 4-й западный кантоны, который с 1847 г. стали именоваться 4-м и 5-м кантонами, что привело к изменению нумерации башкирских кантонов: прежний 5-й стал 6-м, 6-й – 7-м, 7-й – 8-м и т.д. 2-й мещерякский кантон стал 1-м, 3-й – 2-м, 4-й – 3-м, 5-й – 4-м) [Асфандияров, 2005, с.24, 48].

лиц, призываемых на службу [Асфандияров, 2005, с.98].

В башкирских кантонах наблюдалась существенная разница в образе жизни и хозяйственном укладе. По сведениям 1846 г., представители башкирского сословия в 1-м кантоне (Осинский и Пермские уезды Пермской губ.), в 10-м (Бирский у.) и 11-м кантоне (Мензелинский и Сарапульский уезды) вели исключительно оседлый образ жизни. Земледельческое хозяйство существенно преобладало в 4-м западном кантоне (Троицкий у. – 90,1%), 8-м (Уфимский у. – 83,3%) и 12-м (Белебеевский, Бугурусланский и Бугульминский уезды – 77,7%). Всего же в башкирских кантонах более половины хозяйств вели оседлый (52,5%), 47,4% – полукочевой, остальные – кочевой образ жизни. Согласно сведениям первой четверти XIX в., Белебеевский (2,78 четвертей посеянного хлеба на душу), Мензелинский (1,75), Уфимский (1,71) уезды были наиболее развитыми земледельческими районами. В целом, в башкирских кантонах выделялись три хозяйственных района: земледельческий (1-й, 10-й, 11-й кантоны), земледельческо-скотоводческий (2-й, 4-й западный, 8-1, 12-й) и скотоводческо-земледельческий (3-й, 4-й загорный, 5-й, 6-й, 7-й, 9-й). Важно отметить, что военная администрация в разные периоды и с разной степенью интенсивности вела работу по ликвидации кочевого образа жизни среди башкир. Из-за изъятия и захвата вотчинных земель в башкирских кантонах уменьшалось поголовье скота: с 1827 г. по 1855 г. число лошадей в хозяйствах в среднем уменьшилось с 1,37 до 0,98, коров – с 0,72 до 1,14 голов, в то же время увеличилось число овец и коз – с 0,99 до 1,44 [Асфандияров, 2005, с.112–115].

Особенности ведения хозяйства были обусловлены тем обстоятельством, что понятие «башкир» имело два значения – сословное и этническое. Татары-переселенцы из Среднего Поволжья в Приуралье записывались в башкиры еще в XVII в. Происходило это следующим образом. Вначале они платили оброк за свои земли, оставшиеся в Казанской губ.; оказавшись в ведении уфимской администрации, они облагались налогами, характерными для ясачных башкир. Ясак не только являлся фактором, стимулировавшим устройство пришлых на новых землях, но и способствовал укреплению их

позиций в дальнейшем. Согласно архивным источникам второй половины XVII в., ясачный бобыль, после того, как он «утверждался на новой земле и окрепло его хозяйство», мог перейти в башкирское сословие путем подачи челобитной, начав платить наравне с башкирами ясак или получив справку от местного губернатора на проживание на данной местности, и т.д. Единственным документом, подтверждавшим владельческие права, были ясачные книги. В представлении башкир ясак являлся символом вотчинного права на землю. Проникновению в этническую башкирскую общину также способствовал институт припуска в вотчинные земли на основании договоров [Рамазанова, 1984, с.41–50]. В результате оброчные крестьяне-татары Западной и Северной частей Уфимского у. стали называться «башкирами» [Алишев, 2002, б.25].

В начале XVIII в. современники выделяли три вида припуска: покупка земли, владение ею наравне с вотчинниками-башкирами и арендное владение. Аренда часто была бессрочной [Рамазанова, 1984, с.50]. В результате в числе башкир оказывались служилые татары и служилые тарханы из татар, а также оренбургские казаки-татары¹¹ [Денисов, 2006а, с.79, 80, 113; Габдуллин, 2010, с.41–42; Амирханов, 2010, с.67–68]. Иначе говоря, «сословное содержание понятия башкиры подтверждается тем, что в XIX в. немало представителей других социо-этнических групп присоединилось к башкирам, иногда под названием “башкиры из вотяков” или “новобашкиры”» [Каппелер, 2012, с.24]. В составе башкирского сословия были не только татары, но и локальные группы других нерусских народов¹². И, нао-

¹¹ Д.Н.Денисов по архивным источникам установил, что в 1798–1865 гг. по распоряжению военных властей в число «башкир» была включена значительная часть жителей Сеитовой слободы и ее выселков, деревень Верхние и Нижние Чебенки, Зяк-Ишметово, Айдаралино, Тяттер-Арасланово, Аширганово, Балыклы, Нижнее Ибраево, Стерлибашево, ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого и Никитинского редутов, Кундровской слободы, служилые татары деревень Дувекеево, Большая Ока, Асекеево, Султангулово, Кульшарипово и др. [Денисов, 2006а, с.79–80].

¹² Например, в 1879 г. башкиры деревень Ново-и Старо-Янмырзино Бирского у. в числе 19 и 14 семейств соответственно утверждали, что их предки происходят от марийцев-язычников [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.2, д.143, л.318].

борот, в случае отсутствия у семьи средств на обеспечение содержания нарядов власти практиковали перевод башкира в тептярское сословие. В первой половине XIX в. таким семьям не позволялось записываться обратно в «башкиры» [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.5017, л.1–3 об.].

Важную роль в регулировании земельных отношений сыграл закон «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае» от 10 апреля 1832 г., которым было прекращено действие указа от 11 октября 1818 г., запрещавшего продажу вотчинных угодий. По сравнению с указом от 11 февраля 1736 г. при оформлении продажи вотчинных земель допускался облегченный вариант: требовалось согласие 2/3 вотчинников, а не всех членов общины. Разрешалось также сдавать земли в аренду на срок не более 12 лет. Другим важным условием продажи была забота правительства о сохранении за башкирами достаточного количества земель для ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. Продажа угодий разрешалась лишь в случае наличия в каждой башкирской волости земельного фонда из расчета 40–60 дес. земли на 1 ревизскую душу. Законодательно регулировались также земельные отношения между вотчинниками и припущенниками. Поселившиеся на башкирских вотчинах мещеряки, тептяри и бобыли, как несущие казачью службу, должны были получить душевые наделы в размере 30 дес., а татары, казенные, удельные и другие группы поселян – по 15 дес. (по сведениям VII ревизии) [Акманов, 2007, с.288–289].

В Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, Мензелинском и Троицком уездах Генеральное межевание было проведено достаточно быстро, и в руках государства оказалось значительное количество земли. В ходе межевания часть селений припущенников утвердила за собой отдельные дачи – арендуемые башкирские земли. Большинство по-прежнему пользовалось ими на арендных условиях. Для реализации закона от 10 апреля 1832 г. в 1848 г. была учреждена Башкирская межевая комиссия, установившая в 1850-е гг. по итогам Генерального межевания необходимость обеспечения земель припущенников в 157 (всего 11,6 млн. дес.) из 203 башкирских дач, которые располагались в Оренбургской, а

также частично в Пермской, Вятской, Саратовской губерниях. После присоединения к Башкирскому войску тептярей и бобылей оренбургская администрация и Башкирская межевая комиссия стали в 1858 г. наделять эти малоземельные группы населения (4801 душ м.п.) наделами по 30 дес. на ревизскую душу путем переселения их в оказавшиеся свободными после распределения наделов между вотчинниками и военными припущенниками башкирские дачи [Акманов, 2007, с.296, 312, 315, 319].

В целом результаты деятельности местных властей по размежеванию земель для припущенников в 1858–1860-е гг. оказались неутешительными. Из башкирских дач припущенникам было предоставлено 1,7 млн. дес., из малоземельных башкирских дач в многоземельные переселено 1,3 тыс. душ м.п. [Акманов, 2007, с.317].

Если по сведениям Генерального межевания 1797–1804 гг. за башкирами-вотчинниками числилось в среднем по 40 дес. на душу (по VII ревизии), то вследствие прироста населения и потери частью вотчинников по разным причинам своих земель этот показатель постепенно снижался. В результате потери земель увеличилась группа башкир-припущенников (к 1857 г. – 135 тыс. чел.), которые могли рассчитывать только на 15 дес. на душу м.п. [Асфандияров, 2005, с.114–119].

Таким образом, башкиры и мещеряки, хотя были приписаны к кантонной системе управления и считались представителями военно-служилого сословия, в действительности являлись особым сословием. Характерная для казачьих войск система военной организации, в результате модернизации качества управления, приобщения к общеармейским стандартам появилась лишь с учреждением в 1834 г. Башкиро-мещеряцкого войска. Практически с его учреждением правительство взяло курс на свертывание военных функций у башкир и мещеряков и на замену их гражданскими повинностями. Разительные отличия от казачьего военного служилого сословия сохранялись в сфере землевладения (вотчинники и припущенники). Период кантонной системы был для них временем наибольшей автономности, в этот период башкирами и мещеряками руководили чиновники-единоверцы.

ГЛАВА 4

Тептяри и бобыли

Ильшат Файзрахманов

Вопрос о тептярях и их происхождении остается одним из наиболее дискуссионных в исторической науке. Бесспорно, что история тептярей тесно связана с историей башкир и хозяйственным освоением Приуралья. Тептяри, расселенные в основном на территории Уфимской, частично Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской губерний, подвергались влиянию местной этнографической среды.

В историографии нет однозначного мнения относительно времени появления этой группы населения. Большинство исследователей XVIII в. придерживались версии, согласно которой тептяри появились во второй половине XVI в. [Георги, ч.2; Рычков, 1770]. Но в XX в., особенно во второй его половине, высказывалось мнение, что тептяри стали фактом реальности не ранее конца XVII – начала XVIII в. [Исхаков, 1979; Рахматуллин, 1988].

В России бобылем считался тот, кто не имел своего хозяйства, или, имея его, нес облегченное тягло либо вообще не нес. Тептяри и бобыли в плане землепользования являлись башкирскими припущенниками; башкиры-вотчинники разрешали им временно заселяться на своих землях на правах припуска, т.е. они должны были выплачивать аренду либо нести за башкир какую-либо службу. Считается, что тептяри оформляли припуск документально, а бобыли, в отличие от них, жили, не оформляя правоустанавливающих документов («явочным порядком»). Среди бобылей были и татары, однако преимущественно они состояли из представителей финно-угорских народов. Первоначально бобыли платили ясак, не имевший фиксированных размеров. В 1747 г. бобыльский и тептярский ясаки были заменены подушной податью в размере 80 коп., после чего в официальных документах стал упоминаться термин «тептяри и бобыли».

Основные версии происхождения соционима «тептяр» сводятся к двум вариантам. Г.Ахмаров связал это название с арабским «дэфтэр» («книга, тетрадь»), считая, что тептяри – припущенники, а башкиры записывали своих припущенников в специальные тетради (дэфтэр, тэптэр) или заключали с ними соглашения об условиях припуска (те же дэфтэры в значении «записи») [Ахмаров, 1907а, с.340–364]. По версии, выдвинутой А.З.Асфандияровым, «типтэр» в переводе с башкирского – человек, отверженный из своей общины и выделившийся в отдельное сословие тептярей [Асфандияров, 1987, с.59–83].

Совокупность подушных налогов тептярей складывалась из «специального» сбора, рекрутских выплат, налогов на военные расходы, земских налогов (в государственную казну), губернского и общественного сборов. Н.Казанцев называет общую сумму налогов в 1850-е гг., равную 2 руб. 55 коп. (подать с души – 95 коп.; государственные повинности – 50 коп.; губернские сборы – 15,5 коп.; на народное продовольствие – 8 коп.; на пенсион – 1 коп.; на тептярские школы – 0,25 коп.) [Казанцев, 1887, с.63]. Согласно данным Б.С.Давлетбаева, общая сумма сбора с тептярей в 1860-е гг. составляла 4,32 руб. [Давлетбаев, 1984, с.349].

В середине XIX в. тептяри отправляли государственные повинности по 13 статьям: выставляли рекрутов, лошадей для станционных пунктов и для «разъезда чинов», содержали квартиры становых приставов и лесничих, были заняты «подводной гоньбой», отвечали за благоустройство почтовых трактов и мостов, «содержали» речные перевозки, выставляли караул для препровождения арестантов и почты, предоставляли «чинам, арестантам и проходящим войскам» квартиры для ночлега (особенно там, где не было почтовых трактов и перегонов), вы-

ставляли проводников, «отправляли должности полицейских десятских и сотских» и др. [Черемшанский, 1859, с.280].

До XVIII в. топтяри не обладали частной собственностью на занимаемые земли, а пользовались ими на правах аренды у башкирских общин. В течение XVIII в. вопрос о землепользовании топтярей не был урегулирован, что послужило причиной возникновения огромного количества земельных споров. Топтяри также пользовались казенными, частновладельческими (арендованными) и собственными землями [Якупов, 2001, с.109]. В 1832 г. правительство издало указ, подтверждавший вотчинное право башкир на земли, но обязывавший их уступить часть угодий топтярям [Усманов, 1981, с.168]. Этим указом топтяри были освобождены от зависимости от башкир-вотчинников.

В 1730–1860-е гг. команды, которыми управляли старшины, являлись территориальными единицами социальной организации топтярей. Старшинам подчинялись сотники, десятники и старосты деревень. Старшины отвечали за своевременный сбор налогов, отправление повинностей, набор рекрутов, исполнение законов и распоряжений, учет населения [Казанцев, 1887, с.63]. В ведении старшин находились имущественные, общественные, хозяйственные вопросы. Наряду с муллами старшины участвовали в разбирательстве всех спорных дел между топтярями и их семьями (третейский суд). Роль старшин, сотников, десятников особенно усилилась в период существования топтярских «казачьих» полков (1790–1835 гг.).

В 1790 г. Россия находилась в состоянии войны с Турцией и Швецией. Чтобы ускорить пополнение армии иррегулярными частями, правительство приняло в 1790 г. решение о формировании из топтярей и бобылей пятисотенного казачьего полка. В 1798 г. были сформированы два топтярских полка [Рахимов, 2008, с.26, 28, 34]. В результате топтяри стали полувоенным сословием. Хотя в документах топтярские полки часто именовались «казачьими», однако служба топтярей не была иррегулярной в полном смысле слова. Они поставляли в свои полки рекрутов на 15-летний срок [Якупов, 2001, с.106]. Топтярское население не занималось непосредственной экипировкой, обеспечением продовольствия, фуража и пр., но вносило

в казначейство по 86 коп. в год с души на содержание полков [Давлетбаев, 1984, с.348].

Вопрос о реорганизации топтярских полков возник в начале XIX в., однако обострение внешнеполитической обстановки и начавшаяся Отечественная война 1812 г. приостановили его окончательное решение.

В 1835 г. для подавления волнений государственных крестьян, выступлений и наведения порядка привлекались и топтярские воинские части, которые проявили «неблагонадежность», что и послужило формальной причиной их расформирования. Вместо упраздненных пятисотенных полков был сформирован тысячный Оренбургский казачий полк, где топтяри продолжали нести воинскую службу: поставляли рекрутов (1 чел. с 500) и выплачивали особые налоги, направлявшиеся на содержание Оренбургского (впоследствии Уфимского) казачьего полка [Якупов, 2001, с.108].

Вопросы, касающиеся численности топтярей и бобылей в XVIII–XIX вв., достаточно хорошо изучены историками и этнографами. С 1795 г. по 1815 г. их число почти удвоилось (с 104386 до 199800 душ м.п. – примерно на 48%, или ежегодно в среднем около 4,57%), что было обусловлено естественным приростом и припиской в топтярское сословие ясачных «инородцев» или «новых припущенников» [Якупов, 2001, с.121–122]. В 1815–1834 гг. прирост топтярского населения составил 16617 душ м.п. – примерно на 8%, или ежегодно в среднем около 0,44%). С 1834 г. по 1858 г. вновь наблюдалось заметное увеличение численности топтярей – на 87740 душ м.п. – примерно на 40,5%, или ежегодно в среднем около 1,7%). Прилив в сословие топтярей «новых припущенников» вновь усилился после вступления в силу «Положения» 1832 г. о наделении топтярей и бобылей землей из башкирских вотчинных владений [Якупов, 2001, с.122]. Таким образом, если к середине XVIII в. их насчитывалось 60 тыс. душ м.п., то к середине XIX в. – уже 262 тыс. [Бикбулатов, 1970, с.2].

Чтобы понять этнокультурные и этноязыковые процессы, протекавшие внутри топтярской сословной группы, необходимо рассмотреть ее этнический состав. До 1740-х гг. численное большинство было за представителями финно-угорских народов. В период между второй (1748 г.) и третьей

Рядовые тептярских полков.
1798–1801 гг.

Рядовой тептярских казачьих полков.
1819–1825 гг.

(1763 г.) ревизиями за счет переселенцев наблюдался постепенный рост численности татар. По подсчетам У.Х.Рахматуллина, в конце XVIII в. татары составляли уже более 40% тептярей, марийцы – 38%, чувашы – 18%, башкиры, удмурты и мордва – около 4% [Рахматуллин, 1975, с.15]. Д.М.Исхаков считает, что основным этническим компонентом тептярей (как этносословной группы) были татары, смешавшиеся с башкирами, чувашами и, в незначительной степени, – с бесермянами и марийцами. Финноязычная часть припущенников состояла из марийцев, удмуртов и, в малой степени из мордвы [Исхаков, 1993, с.90–91]. Б.С.Давлетбаев, как и Д.М.Исхаков, отмечает большую численность собственно тептярей, но не указывает их этническую принадлежность.

По мнению Г.Н.Ахмарова, «вся масса тептярей-мусульман говорит на татарском языке, близком к наречию казанских татар. По языку, наружности и обычаям они составляют татарский элемент и ничем не отличаются от казанских татар. Внешний быт тептярей (постройки, костюм, утварь, пища и др.) тоже татарский» [Ахмаров, 1907а, с.17–18].

Тептяри и бобыли занимали промежуточное положение между податными и слу-

жилыми, т.е. они обладали чертами и той, и другой категории населения. Как податное население они были ограничены размерами земельных владений, вносили подушную подать, несли натуральные повинности в пользу государства и т.д. Как военно-служилое население тептяри и бобыли должны были содержать за свой счет и служить в двух пятисотенных полках. В 1855 г. к Башкирскому войску были присоединены тептяри и бобыли Оренбургской, Пермской и Вятской губерний. Тептяри и бобыли освобождались от военной службы и облагались вместо нее сбором в 60 коп. на душу м.п. Из 28 кантонов девять были объявлены служащими, а остальные – не служащими. То есть 3/4 населения Башкирского войска уже «не несли никаких армейских обязанностей», оставаясь в подчинении военной администрации [Тагирова, 2011, с.93]. Изменения в их социальном положении произошли в результате правительственной политики, направленной на унификацию разных категорий сельского населения к статусу государственных крестьян. Результатом этого был переход тептярей в «сельские обыватели» в рамках реформы 1865 г. по упразднению кантонной системы управления и Башкирского войска [Шайхисламов, 2006, с.38].

ГЛАВА 5

Крестьянское сословие

§ 1. Государственные крестьяне

Ильдус Загидуллин, Рамиль Хайрутдинов, Ильшат Файзрахманов

Социально-правовое положение жителей казенной деревни в первой трети XIX в. Начало юридическому оформлению разряда государственных крестьян в России было положено преобразованиями правительства Петра I. Указы 1718–1723 гг., направленные на укрепление податной системы, вводили подушное обложение, что существенно расширило круг налогоплательщиков. Помимо государственного налога – подушной подати, вместе с дворцовыми, монастырскими и помещичьими крестьянами оброчным налогом были обложены и государевы крестьяне, «которые не за помещики». Вносимый оброк фактически соответствовал феодальной ренте владельческих крестьян [ПСЗ-1, т.5, №3245; т.6, №3481, 3747, 3816; т.7, №4145].

В Плакате от 26 июня 1724 г., обобщившем предыдущие указы, были подробно перечислены группы населения, вошедшие в разряд государственных крестьян, установлены размеры подати – по 74 коп. с души и оброка «вместо тех доходов, что платят дворцовые во Дворец, синодского ведения в Синод, помещиковы помещикам» по 40 коп. с души [ПСЗ-1, т.7, №4533, 4536]. Включение в состав государственных крестьян, наряду с крестьянами Сибири, однодворцами, черносошными крестьянами и половниками Северного Поморья, татар и ясачных крестьян Среднего Поволжья было составной частью политики России, направленной на укрепление феодальных отношений в государстве, и юридически зафиксировало крепостную зависимость казенных крестьян от верховного собственника земли – государства.

Понятие «государственные крестьяне» от ревизии к ревизии меняло свой объем и включало различные категории сельского податного населения. «Класс государственных

крестьян в широком смысле образовался постепенно от разнородных составных частей: от черносошных крестьян, ясачных, приписных (к частным и казенным заводам, к адмиралтейству и др.) из однодворцев, старых служб служилых людей. В их состав вошли в первой половине 1780-х гг. и экономические крестьяне. К ним причислялись отписочные, выморочные и прочие. В узком смысле слова государственными назывались крестьяне черносошные и ясачные», – отмечает крупный специалист по ревизской статистике В.М.Кабузан [Кабузан, 2002, с.159–162].

Правительство последовательно проводило политику формирования государственных крестьян путем унификации различных категорий некрепостного сельского населения страны. Еще в середине 1780-х гг. в податях с государственными крестьянами были уравниены однодворцы, в начале XIX в. приписные крестьяне постепенно отписывались от заводских работ¹³, в 1816 г. податными стали дети отставных солдат, в 1822 г. около 40% ямщиков были приписаны в государственные крестьяне, в 1829 г. – содержащиеся за свой счет почту (ям) чемоданные татары (5144 ревизские души), в 1828 г. в податное состояние были переведены приписанные к Илецкому промыслу солевары, были также приписаны «торговые татары» (в Оренбургской губ. 310 чел. по 8-й ревизии) и т.д. [Булдашова, 2005, с.32–33; Найденова, 2006, с.44, 46; Хайрутдинов, 2002, с.23, 25]. Так постепенно в первой трети XIX в. в Российской империи завершилось формирование сословия государственных крестьян.

¹³ Татары д.Букени Мамадышского у. Казанской губ. были приписаны к работам на Ижевском заводе [Хайрутдинов, 2002, с.22].

В Волго-Камье численность жителей казенной деревни увеличивалась в основном за счет естественного прироста населения, в Приуралье немаловажное значение играло и переселение хлебопашцев из соседних губерний, что положительно сказывалось на динамике численности государственных крестьян.

К 1857 г. государственные крестьяне составляли 43,3% податного населения европейской части России [Меркушин, 2002, с.150]. Губернии Волго-Уралья являлись одними из основных регионов расселения казенных крестьян. По численному критерию наиболее крупные анклавы государственных хлебопашцев расселялись в Вятской (812,5 тыс., или 88,2% всех крестьян), Казанской (541,8 тыс., или 82%), Саратовской (538,8 тыс., или 58,1%), Оренбургской (502,1 тыс., или 75,9%), Пермской (239,1 тыс., или 47,2%) губерниях [см. Прил.1, табл. 6а].

Составляя единое социальное целое, разряд государственных крестьян в то же время подразделялся на многочисленные группы, различавшиеся как историей происхождения, особенностями развития, так, в конечном счете, и численностью. В состав государственных крестьян Казанской губ., например, вошли быв. ясачные крестьяне, быв. служилые татары и чуваша, мурзы и их дворовые крестьяне, экономические крестьяне, однодворцы, отписные, вымороченные, приписные и посессионные крестьяне, казенные малороссияне, черкесы и другие группы податного населения. Три крупные социальные группы быв. ясачных¹⁴, служилых¹⁵, эконо-

¹⁴ В состав ясачных крестьян входили представители различных народностей края. В 1796 г. среди 216259 ревизских душ ясачных крестьян Казанской губ. преобладали чуваша – 112514 чел. (51,55%). Далее следовали татары – 55732 (25,53%), марийцы – 27121 (12,43%), русские – 15094 (6,93%), мордва – 5401 (2,47%), удмурты – 2397 (1,1%) [РГИА, ф.558, оп.2, д.51, л.3об.–5].

¹⁵ Численность служилых чувашей, по окладной книге за 1796 г., была 219 чел., дворовых людей служилых мурз – 266 душ м.п. [РГИА, ф.558, оп.2, д.51, л.5]. По данным V ревизии, в губернии насчитывалось 128 «из мурз князей», 1566 мурз и «из мурз служилых татар» (в т.ч. 57 крещеных), 18 «ясачных мурз», всего 1712 душ м.п. На протяжении первой трети XIX в. численность служилых татар возросла на 29359 чел., удельный вес – с 15,54 до 17,41%. В природе этой группы крестьян сыг-

мических крестьян¹⁶ составляли более 97% государственных крестьян губернии [РГИА, ф.558, оп.2, д.51, л.53об.–54; ф.571, оп.9, д.10, л.33 об.; оп.9, д.35, л.94об.].

Одновременно происходил перевод казенных крестьян в другие категории сельского податного населения (удельные крестьяне) или сословия. Татарские государственные крестьяне в Приуралье по собственной инициативе или по предписанию правительства записывались в башкирское сословие или в казаки¹⁷. Жители казенной деревни являлись одним из основных источников формирования татарского мещанского, а также купеческого сословий.

На успешную хозяйственную деятельность хлебопашцев существенное влияние оказывала обеспеченность землей. Средний душевой надел государственных крестьян Казанской губ. в начале XIX в. составлял около 10 дес. Однако постепенно, вследствие естественного прироста населения, его размер сокращался. В целом по губернии чиновники насчитали 532 малоземельных селения. Правительство и местные органы пытались разрешить эту проблему посредством организованного переселения малоземельных государственных крестьян на свободные земли внутри самой губернии, а также в другие менее заселенные области страны [Хайрутдинов, 2002, с.39–40].

В Волго-Камье государственные крестьяне выступали арендаторами казенных

рало свою роль и освобождение служилых татар – «лашман» в 1818–1843 гг. от поставок рекрутов, что не могло не отразиться на показателях естественного воспроизводства.

¹⁶ Бывших экономических крестьян в 1837 г. насчитывалось почти 50 тыс. чел. Их численность, помимо естественного прироста, пополнялась за счет церковнослужителей, «неспособных быть к службе», солдатских детей, вольноотпущенников.

¹⁷ В начале столетия в ОКВ было перечислено 4 тыс. крестьян. Этот процесс получил продолжение в 1835–1840 гг. в ходе обустройства в южной степи Новой пограничной линии. В 1840 г., когда для ОКВ была создана самостоятельная территориально-административная единица, все крестьяне, проживавшие в ее пределах, были приписаны в казачье сословие, в Троицком у. казаками сделались хлебопашцы трех волостей (Кундравинской, Нижне- и Верхнеувельской) – 8750 чел. Всего в состав ОКВ было переведено 25 тыс. казенных крестьян [Найденова, 2006, с.53–54].

угодий. В губерниях региона существовало также четвертное землевладение – земли, пожалованные служилым татарам, однодворцам. Так, к 1838 г. в Казанской губ. насчитывалось 23 дачи «служилых мурз из татар», не доказавших своих прав на поместную землю [Хайрутдинов, 2002, с.32].

В Оренбургском крае сформировалось несколько видов землепользования. Самовольные расселения в начале XIX в. были запрещены, тем не менее вплоть до 1843 г. государственным крестьянам разрешалось самим подыскивать пригодные для расселения земли, требовалась лишь уплата всех податных недоимок. Переселенцы получали от государства на несколько лет ряд существенных льгот в исполнении некоторых повинностей и уплате налогов. Хотя в Приуралье большинство казенных хлебопашцев пользовалось государственными угодьями, самовольные поселения крестьян на казенные и частные земли были обычным явлением, очень часто переселенцы были припущенниками башкир-вотчинников¹⁸. Припущенники, среди которых русские составляли незначительную часть, в отличие от переселенцев из Поволжья, проживали совместно с вотчинниками или в отдельных поселениях. По сведениям Оренбургской казенной палаты, в 1800 г. в башкирских волостях насчитывалось 1380 селений, в которых проживало 97792 души м.п. припущенников всех сословий, что составляло более четверти населения губернии. Среди них крестьяне составляли 22,5%, или более 13% государственных хлебопашцев в крае, к 40-м гг. их удельный вес среди припущенников увеличился до 28%. Особенно много припущенников проживало в Бирском (в 345 деревнях), Мензелинском (в 187 деревнях), Белебеевском (в 163 деревнях), Уфимском (в 124 деревнях), Бугульминском (в более чем в 90 деревнях) [Шайхисламов, 1998, с.55].

После издания указа от 10 апреля 1832 г. [ПСЗ-2, т.7, №5287], снявшего запрет на продажу башкирских земель, припущенников стали наделять земельными наделами. Зем-

ли поступали в распоряжение соответствующих ведомств. Государственные крестьяне, как гражданские припущенники, наделялись душевыми наделами в 15 дес., согласно сведениям последней ревизии. Однако указ не был реализован в надлежащей степени, поэтому многие государственные крестьяне продолжали пользоваться башкирскими землями без раздела [Найденова, 2006, с.33].

Государственные крестьяне по мере укрепления своего экономического положения или скупали арендуемые земли, или отказывались покидать их по окончании срока аренды. По сведениям писателя С.Т.Аксакова, практически ни одно селение припущенников по окончании договора не оставило земель [Булдашова, 2005, с.76–79, 93].

Как известно, закон от 12 декабря 1801 г. разрешил казенным крестьянам, наряду с купцами, мещанами, казенными поселянами и вольноотпущенниками, свободную куплю и продажу ненаселенных земель [ПСЗ-1, т.24, №20075]. Активная покупка государственными крестьянами земель у башкир за низкую плату наблюдалась во второй трети XIX в. К концу 1850-х гг. в Белебеевском, Бирском, Стерлитамакском, Уфимском уездах государственные крестьяне-собственники составляли 50–70% жителей казенной деревни. В среднем по Оренбургской губ. на 21480 собственников приходилось 14,85 дес. В результате в 1-й половине XIX в. Южное Приуралье в Европейской России по количеству собственников среди государственных крестьян было на одном из первых мест, а по количеству десятин занимало первое место – оно в 3,5 раза превышало средние показатели по России [Булдашова, 2005, с.96, 97, 99]. В Казанской губ. активность казенных крестьян в этой сфере была низкой [Хайрутдинов, 2002, с.37–38].

В рамках административной реформы 1775 г. государственные крестьяне были поручены трем параллельно действующим учреждениям: казенной палате, занимавшейся хозяйственными делами, нижнему земскому суду (уездное административно-полицейское учреждение во главе с земским капитаном, избиравшимся местными дворянами и подчинявшимся губернскому правлению во главе с губернатором) и нижней земской расправе в уездах, занимавшейся судебными делами.

¹⁸ В 1850-е гг. в Белебеевском, Бирском, Уфимском, Троицком, Стерлитамакском уездах, в которых было особенно много башкирских земель, казенными угодьями пользовались менее четверти государственных крестьян.

В 1797 г. была учреждена «Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства», призванная развивать все отрасли государственного хозяйства. После учреждения министерств функции Экспедиции были переданы МВД, а с 1811 г. возложены на Департамент государственных имуществ, созданный в составе Министерства финансов.

С 1787 г. в селениях, насчитывавших более 1 тыс. жителей, избирались сельский старшина и на каждые 500 дворов – староста, два выборных судьи и один сборщик податей. С целью централизации управления и концентрации власти в более крупных и прочно организованных объединениях Павлом I в 1797 г. была создана, по примеру удельного ведомства, новая административная единица – волость, которая охватывала население численностью до 3 тыс. ревизских душ. Во главе каждой волости учреждалось волостное правление, состоявшее из выборных – волостного головы, старосты и писаря. Кроме того, для охраны внешнего порядка каждое селение избирало десятских, сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов. Выборы, как правило, носили фиктивный характер: претендентов на эти должности назначал уездный исправник. Общие вопросы крестьянской жизни решались на волостных сходах, состоявших из доверенных крестьян-домохозяев [Шайхисламов, 1998, с.79–81].

До второй половины 1820-х гг. государственный крестьянин, удалявшийся на расстояние более 30 верст от родного селения даже на незначительное время, был обязан взять паспорт не менее чем на 1 год. Стоимость паспорта была высокой, что тормозило развитие отхожих промыслов. В 1826 г. цены на паспорт были снижены, вводились также полугодовые паспорта, которые были намного дешевле годовых. В 1827 г. были введены отпускные билеты, дающие право на отлучку на 2, 3 и 4 месяца, крестьянам разрешили ездить на базары, расположенные на расстоянии более 30 верст, безо всяких документов. С 1827 г. крестьянину не нужно было дожидаться, когда паспорт доставят в местное волостное правление, он сам мог получить его в уездном казначействе, что существенно ускорило процедуру получения документа.

Сословное неравноправие крестьян государственной деревни сформировалось вследствие внутривосполнительского курса правительства. Эксплуатация самодержавием многонационального крестьянства осуществлялась посредством взимания с крестьян денежных (изредка продуктовых) сборов и принудительных работ в пользу государства. В 1833 г. был установлен следующий порядок взимания денежных сборов: 1) государственные подати – подушная, оброчная, на устройство «водных и сухопутных сообщений»; 2) земские – по губернским сметам; 3) мирские – жалованье начальству, на строительство и ремонт запасных хлебных магазинов; 4) разные казенные взыскания: по ссудам, за самовольную порубку леса, за лиц, не указанных в ревизии.

С 1796 г. по 1818 г. подушная подать увеличилась с 1 руб. 26 коп. до 3 руб. 30 коп. ассигнациями (затем, до конца 1861 г. оставалась неизменной), с конца XVIII в. по начало 1860-х гг. оброчная подать соответственно выросла в 3,4 раза: с 3 руб. 57 коп. до 12 руб. 30 коп. [Шайхисламов, 1998, с.116].

Помимо общих государственных налогов на государственных крестьян возлагалась основная тяжесть уплаты земских сборов, а также выполнение натуральных повинностей. Денежные сборы являлись по существу второй подушной податью, натуральные повинности составляли государственную обработочную ренту и по своей сути ничем не отличались от барщины. Фактически на земские повинности были переложены многочисленные общегосударственные расходы, которые не включались в государственную роспись.

Указ от 14 июня 1816 г. вводил деление земских денежных сборов на общие (губернские) и частные («мирские» для казенных селений). К общим повинностям были отнесены: 1) почтовая, 2) дорожная, 3) содержание воинских зданий, 4) ремонт и охрана этих зданий. «Мирские» сборы предназначались для нужд местного сельского управления – на содержание волостных правлений, жалованье сельской и волостной администрации, наем сторожей, рассыльных, содержание подвод для земского суда, на запасные хлебные магазины, пожарные

инструменты и т.д. Эти сборы определялись крестьянами на сельских сходах. Мирские приговоры утверждались в каждом сельском обществе самостоятельно и в конечном итоге зависели не столько от местных нужд, сколько от произвола начальников, волостной и уездной администрации. Состав общих и «мирских» сборов постоянно пополнялся новыми статьями расходов.

Закон от 28 ноября 1833 г. разделил «мирские» сборы на обязательные – «для определенных законом потребностей» и добровольные, которые зависели «от собственного произвола крестьян». Обязательный сбор шел на содержание сельского волостного управления, на отыскание беглых, подлежащих рекрутской очереди, на ремонт проселочных дорог и т.п. Добровольный сбор предназначался для ремонта церквей, на содержание и постройку общественных зданий, выплаты в счет натуральных повинностей. Вводилась новая отчетная документация для сельских старост: шнуровые книги, податные тетради. С 1834 г. на податное население был возложен вспомогательный земский сбор (в Казанской губ. по 21 коп. с души). В следующем году был введен новый сбор на содержание земской полиции – по 30 коп. с души.

Наряду с денежными платежами крестьяне исполняли земские натуральные повинности, своего рода барщину феодального государства. Натуральные повинности были весьма разорительны и подрывали основу крестьянского хозяйства. Крестьяне страдали от дорожной (починка дорог, мостов, бечевников, верстовых столбов, содержание речных перевозов) повинности, которую они не всегда могли исполнить сами и были вынуждены нанимать подрядчиков, что обходилось чрезвычайно дорого. В любое время года и суток они были обязаны предоставлять подводы для проезжающих чиновников, грузов, воинских команд, рекрутов, арестантских команд. Недовольство у крестьян вызывала квартирная (постоянная) повинность.

Важную долю мирских денежных сборов казенных крестьян составляло содержание сельской и волостной администрации. По данным отчетов казанских губернаторов, с 1807 г. по 1817 г. сбор средств на эти цели увеличился с 54433 руб. 42 коп. до 138982

руб. 10 коп., т.е. более чем в 2,5 раза, а с 1826 г. по 1837 г. – в 1,6 раза.

Особо разорительной для податного населения была рекрутская повинность, которую исполняли мужчины от 20 до 35 лет¹⁹. В 1793–1833 гг. срок воинской службы составлял 25 лет, с 1834 г. – 20 лет. До 1831 г. рекрутские наборы осуществлялись по мере надобности, затем стали ежегодными. Лишь в 1856–1861 гг. рекрутов не призывали в армию. Рекрутов семьи направляли по заранее составленному и утвержденному списку, холостые должны были идти «вперед жена-тых» [Булдашова, 2005, с.107].

Согласно «Уставу рекрутскому» 1831 г., в тех волостях, где проживали татары-мусульмане, независимо от их численности, учреждались специальные рекрутские участки, а для представителей остальных народностей – один общий. Целью этого был тщательный отбор местной администрацией рекрутов из татар с тем, чтобы не происходили отказы от службы [Устав рекрутский, 1857, ст. 713, 884]. В волостях, где татары были в явном меньшинстве, содержание специальных рекрутских участков и рекрутского старосты требовало дополнительных затрат. Жалованье рекрутского старосты устанавливалось законом в размере от 7 руб. 50 коп. до 15 руб., а при наличии «письмоводства еще столько же». Рекрутская повинность «дополнялась» рекрутским сбором, предназначенным для сопровождения и питания рекрута до момента сдачи²⁰.

Поборы, осуществляемые чиновниками различных уровней (особенно злоупотребляли своим служебным положением волостные писари), и неравномерное распределение повинностей и налогов, взяточничество и превышение чиновниками своих должностных полномочий были обычным явлением российской действительности.

Таким образом, самодержавие возложило на крестьян обязанности и повинности перед государством, намного превосходящие обязанности государства перед своими

¹⁹ От воинской повинности были освобождены ямщики, лашманы и илецкие солевары [Булдашова, 2005, с.107].

²⁰ В середине 1830-х гг. в Оренбургской губ. каждый рекрут обходился поземельной общине не менее 40 руб. [Булдашова, 2005, с.107].

подданными. Уплата налогов и повинностей требовала от крестьян значительных затрат и приводила к накоплению недоимок. Недоимочность крестьянских хозяйств являлась следствием роста объема налогов, повинностей, денежных сборов с казенных крестьян, усилившегося малоземелья, сокращения пахотных наделов, нестабильности хозяйственной конъюнктуры в первой трети XIX в. Свою роль в этом процессе сыграли злоупотребления и произвол чиновников, персонала служащих органов управления и суда государственной деревни, отказ крестьян от уплаты денежных сумм.

На устранение ключевых негативных явлений в жизни государственной деревни была направлена реформа П.Д.Киселева 1837–1841 гг.

Реформа П.Д.Киселева 1837–1841 гг. в государственной деревне. В конце 1850-х гг. жители казенной деревни (20640 тыс. душ. м.п.) составляли одну треть (32,9%) населения Российской империи. Среди татар Волго-Уральского региона к этому времени еще оставались группы сельского податного населения, имевшие юридические особенности, главным образом по исполнению натуральных повинностей. Среди них следует выделить несколько таких групп: лашманы (переведены в разряд государственных крестьян в 1860 г.), юртовские татары²¹, коннозаводские крестьяне, обязанные натурой обслуживать казенные конные заводы²², и татары-поселяне. С учетом указанных групп, согласно сведениям X ревизии, в ведении МГИ насчитывалось 513809 душ м.п. «татарских крестьян»²³ [Дружинин, 1958, с.298].

В империи почти треть поступлений казны формировалась за счет эксплуатации жителей государственной деревни. Поэтому

²¹ Согласно сведениям X ревизии, в Нижнем Поволжье проживало 11464 души м.п. юртовских татар [Дружинин, 1958, с.298].

²² Например, в Пензенской губ. ряд татарских селений был приписан к Починковскому коннозаводскому ведомству. Помимо уплаты подушного налога, они обязаны были предоставлять рабочую силу, «фуражный хлеб», древесный и другой материал [Меркушин, 2002, с.167].

²³ В их число имперская статистика включала также татар-поселян, расселенных на национальных окраинах на юге и востоке империи (153882 души м.п.).

правительство было крайне заинтересовано в улучшении положения этой категории крестьян – важнейшего источника своих доходов. Необходимо было прекратить раздачу казенных земель помещикам, распределить угодья между сельскими обществами по уравнительному принципу, ликвидировать возрастающие недоимки хлебопашцев, привести повинности сельского податного населения в соответствие с их земельной угодьями и т.д.

Повсеместные неурожаи хлеба, эпидемия холеры и связанные с ней крестьянские волнения, усилившееся в 1830-е гг. малоземелье ускорили разработку и реализацию реформы в учрежденном в 1837 г. МГИ под руководством министра П.Д.Киселева (1837–1856 гг.), активного противника крепостных порядков. Реформа была призвана укрепить гражданские права казенных крестьян и «попечительство» МГИ по улучшению их экономического состояния как основы материального благополучия страны. В конечном счете, преобразование было направлено на подъем платежеспособности государственной деревни на основе укрепления крестьянских хозяйств [Найденова, 2006, с.127].

Земля по-прежнему оставалась казенной собственностью, крестьянская община ее арендовала. С 1843 г. по 1856 г. в Волго-Уралье, благодаря мероприятиям МГИ по земельной прирезке, в целом произошло некоторое увеличение размера душевых наделов хлебопашцев: в Казанской губ. – с 3,8 до 4,1 дес., в Пермской – с 4,9 до 5,3 дес., в Вятской – с 5,2 дес. до 5,7 дес., в Оренбургской – с 8,9 до 9,4 дес. Одновременно в соседних губерниях наблюдалось уменьшение наделов: в Саратовской губ. – с 10,6 до 6 дес., в Пензенской – с 4,6 до 3,4 дес., в Рязанской – с 3,3 до 3,1 дес., в Астраханской – с 21,6 до 10,9 дес. [Дружинин, 1958, с.209, 210].

Благодаря реформам П.Д.Киселева были существенно расширены личные права государственных крестьян: смягчены требования семейных разделов, что ранее не поощрялось государством; им предоставлялись определенные льготы для переселения на менее заселенные местности; они стали пользоваться правом состояния; могли при-

обретать имущество по наследству и отчуждать незаселенные земли, дома в городах и селениях. Законом от 24 января 1849 г. при условии выплаты налогов и недоимок и с согласия сельского общества крестьяне с семьями или в одиночку получили право записи в городские сословия, независимо от мнения органов их самоуправления. Нововведение предоставило возможность перехода в городское сословие «торгующим и промышленным мелким производителям» [Дружинин, 1958, с.17].

Большим достижением следует назвать разработку «Дополнительных правил» к Своду постановлений о благоустройстве в городах и селениях, подробно регламентировавших условия переселения крестьян и разрешавших малоземельным обществам (менее 5 дес. на душу) переселяться в соседние регионы (получая на обустройство на новом месте определенные льготы), а также порядок переселений в пределах одной губернии [Дружинин, 1958, с.19].

Отныне для занятия отхожими промыслами не требовалось получение паспорта, крестьянам выдавались краткосрочные билеты, которые по истечении срока обновлялись. Необходимо было лишь согласие общины на отлучку.

С целью смягчения остроты земельного вопроса законом от 23 января 1850 г. были созданы льготные условия аренды казенных оброчных угодий малоземельными сельскими обществами. Для обеспечения крестьянских хозяйств строительным материалом и дровами законом от 25 августа 1847 г. каждое сельское общество, не имевшее леса, получало участки из расчета 1 дес. на каждую душу последней ревизии. МГИ также были созданы льготные условия для приобретения казенного леса. В малолесных районах, где нельзя было организовать отводы, крестьяне получали возможность покупать лес в ближайших казенных дачах за половину цены [Дружинин, 1958, с.16,17].

В 1841 г. правительство предприняло попытку отрегулировать социальную защиту жен государственных крестьян, призванных на военную службу. В 1851 г. жены ссылаемых в Сибирь могли отказаться от следования за мужем без расторжения брака [Дружинин, 1858, с.75].

Граф П.Д.Киселев.

Тем не менее, в российских реалиях статус «свободных сельских обывателей» означал принадлежность хлебопашцев к казенному ведомству и феодальную зависимость от государства: власть практиковала принудительное приписывание их в другое сословие, означавшее изменение их статуса (был прекращен пресловутый «обмен» казенных земель и крестьян в интересах удельного ведомства) [Дружинин, 1858, с.74, 574].

МГИ впервые предпринимались попытки улучшения агрокультуры, ветеринарного и врачебного дела в сельской местности. Однако низкий социально-культурный уровень российского общества, острая потребность в агрономах, ветеринарах, врачах, землемерах, фельдшерах и т.д. существенно сдерживали реализацию планов П.Д.Киселева. МГИ было вынуждено наладить ведомственную подготовку необходимых кадров [Дружинин, 1858, с.233–268].

Важным направлением стала пропаганда передовых методов и технологий производства путем организации образцовых ферм, сельских усадеб и проведения региональных выставок сельскохозяйственной продукции, ремесленных, мануфактурных изделий. В частности, в 1847 г. МГИ организовало под Казанью сельскохозяйственную ферму с начальным общеобразовательным и четырехлетним практическим курсом

обучения, которая в 1864 г. была преобразована в Казанское земледельческое училище [КГВ, 1872, 21 июня]. В Казани были организованы три региональные выставки, которые заложили хорошую традицию в этой сфере. Если на выставке мануфактурных и естественных производителей Казанской губ. 1837 г. преобладала мануфактурные изделия, то на выставках МГИ 1845 г. (для Казанской губ.), 1852 г. (для средневолжских губерний), 1860 г. (для губерний Волго-Уралья) были широко представлены изделия, изготовленные крестьянами, в т.ч. татарскими хлебопашцами [История Казани, кн.1, с.536–568]. Такие мероприятия способствовали усилению гражданской активности крестьян, ознакомлению с передовыми достижениями в сельском хозяйстве.

Благодаря начинаниям МГИ у жителей государственной деревни появилось больше возможностей для активной хозяйственной деятельности в различных сферах. Важную роль в распространении лучших приемов сельского хозяйства имел административный ресурс. Наиболее ярко его использование проявилось в реализации закона 1840 г. об обязательных картофельных посадках и общественных запашках, предусматривавших решение продовольственного вопроса сельских общин в голодные и неурожайные годы [Дружинин, 1858, с.53–54].

Государство начало борьбу с земельными хищениями, осуществляемыми помещиками, добилось уменьшения чересполосицы казенных и помещичьих земель, законодательно определило условия использования казенного оброчного и лесного имущества. С целью поощрения хозяйственного развития в 1839 г. крестьянам было разрешено создавать сберегательные и вспомогательные кассы. Прогрессивное значение имело и введение обязательного взаимного страхования [Дружинин, 1858, с.61–62].

Важным направлением была реорганизация крестьянских повинностей. МГИ добивалось четкого определения и уравнительного распределения земских повинностей между сельскими обществами. Одной из важнейших задач реформы являлось приведение денежных сборов в соответствие с источниками дохода, поэтому была унифицирована система административного воздействия. Правитель-

ство в фискальных целях продолжало широко использовать принцип круговой поруки в поземельной общине [Найденова, 2006, с.125]. С целью ликвидации недоимок широко применялись административное давление на крестьян и угрозы начальства. Нередко применялись карательные меры. В.В.Берви-Флеровский, служивший в 1850-х гг. в Казанской уголовной палате, описал сбор недоимок с татарских государственных крестьян одного из селений: «Схватив первым недоимщика Аминова, начальство объявляло, что «оно будет сечь его до тех пор, пока он не уплатит все сполна». Несчастного секли с перерывами. В это время его жена металась в поисках благодетеля, который очистил бы недоимку засекаемого мужа. С большими усилиями она раздобыла третью часть суммы и прибежала к начальству, чтобы вручить ему деньги и вымолить отсрочку в оплате недостававшей суммы. Но было уже поздно: крестьянин лежал мертвый под розгами» [цит. по: Дружинин, 1858, с.209, 210].

На основании проведенных в 1842–1856 гг. в 21 губернии оценочных работ душевой оброк был переложен на землю и промыслы (земельно-промысловый сбор), что позволило приблизить оброчную подать к обыкновенному государственному налогу, крестьян – к арендаторам казенных угодий. В результате кадастровых работ была выявлена средняя валовая доходность земли: затем из валового дохода вычитались издержки по возделыванию – по средней стоимости рабочих дней в регионе, а остаток считался чистым доходом. Оброк составлял определенную часть чистого дохода [Найденова, 2006, с.129]. Нововведение коснулось прежде всего западных и центральных регионов страны и нескольких поволжских губерний. В Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Астраханской губерниях продолжала действовать прежняя система выплаты налога [Дружинин, 1858, с.209, 210].

В 1840 г. был принят закон об общественном сборе, который должен был заменить прежние «мирские» сборы и предназначался для содержания органов управления, размежевания земель и составления хозяйственного капитала. Сумма определялась на основе смет о расходах волостных и сельских учреждений и с учетом потребностей

МГИ. Несмотря на введение общественно-го сбора, продолжалось взимание частных «мирских» сборов по приговорам сельских обществ: на устройство мостов, гатей, отопление и освещение этапных казарм при больших трактах и т.д.

В период управления П.Д.Киселева наблюдалось неуклонное увеличение денежных сборов с хлебопашцев. С 1846 г. по 1856 г. общественный сбор, заменивший прежние «мирские» сборы, вырос в 1,5 раза, а земские повинности (дорожная, содержание войск и т.д.) – почти в 2,5 раза. Помимо них крестьяне выплачивали сбор на народное продовольствие; недоимки за предыдущие годы; т.н. казенные взыскания (за самовольные порубки, непоказанные ревизские души и т.д.) – всего в 1854 г. каждый чел. м.п. выплачивал от 7 руб. 28 коп. до 7 руб. 44 коп. В 1840–1850-е гг. недоимки по государственному оброку и подушной подати государственных крестьян составили по России в среднем 50% годового оклада, по губерниям этот показатель существенно отличался (в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях составлял менее 9%) [Булдашова, 2005, с.114]. По случаю коронации Александра II государство двукратно уменьшило недоимки казенных крестьян – к 1856 г. они составили 5 руб. 13 коп. на душу м.п. [Дружинин, 1858, с.209, 210].

МГИ ввело более совершенную систему жеребьевки рекрутских наборов (не по ревизским, а по наличным душам), с 1840 г. стала использоваться система жеребьевки на основании семейных списков. Однако нововведение не привело к упорядочению повинности. По-прежнему местное начальство видело в ней средство обогащения и наживы [Меркушин, 2002, с.166]. Позитивным являлось разделение рекрутов по семейному положению на три разряда, предусматривающее соответствующие льготы (освобождение от призыва одиночек, семей, в которых было два работника, единственный работник в семье и т.д.). Сельским обществам с 1847 г. позволялось нанимать добровольцев [Булдашова, 2005, с.109].

Известно, что к началу 1860-х гг. денежные выплаты государственных крестьян Южного Приуралья выросли до 6 руб. 43 коп. Более половины этой суммы состав-

ляла феодальная рента – «государственный налог» [Булдашова, 2005, с.107]. Тем не менее, государственные крестьяне выплачивали меньшие суммы, чем удельные и крепостные крестьяне. В середине 50-х гг. XIX в. оброк составлял примерно 78,2% от уплачиваемого в удельном ведомстве и в несколько раз меньше, чем у помещичьих крестьян [Дружинин, 1958, с.133].

До реформы П.Д.Киселева централизованная система управления казенной деревней отсутствовала. В результате реформы была создана единообразная пятиуровневая система управления государственными имениями: 1) МГИ; 2) губернские палаты государственных имуществ, которые делились на хозяйственное и лесное (для надзора за казенными лесами) отделения; 3) округа, объединяющие волости и курирующие общинно-волостное самоуправление; 4) волости; 5) сельские общества, на которые было возложено содержание чиновников. Важным дополнением новой административной системы стало создание в 1839 г. сельского полицейского устава [Найденова, 2006, с.124].

Окружные управления, как правило территориально локализованные отдельно взятым уездом, отвечали за выполнение распоряжений казенной палаты и надзирали за волостными сельскими правлениями. Окружному начальнику подчинялся окружной лесничий.

Округи делились на волости по 6 тыс. мужского крестьянского населения, на волостное руководство возлагались обязанности по благоустройству селений, исправному исполнению повинностей и сбор налогов с крестьян. В каждой волости выбирались волостной старшина и два заседателя, при них находился писарь (ведая делопроизводством и был главной фигурой в волости). Для пересмотра в определенных случаях решений сельской расправы имелась волостная расправа [Учреждения властей и местных волостных, 1857, ст.4578–4593, 4961–4978].

В сельском обществе учреждались: сельский сход для решения общественных дел (сельский старшина, староста, сборщик податей, смотритель общественного магазина, выборные – по 2 чел. от 10 дворов), сельское управление (своего рода сельское начальство), сельская расправа – для решения

судебных дел. Волостной старшина обладал административными правами: имел право приговорить крестьянина к штрафу до 1 руб., наказать его до 20 ударами палок и посадить под арест на срок до 6 дней.

Четко регламентировалось время созыва сельского схода. Закон допускал собрание крестьян три раза в год, что имело строго хозяйственно-фискальное значение. Так, крестьяне собирались: в начале года для раскладки податей, повинностей и сборов; весной для организации полевых работ и, в случае необходимости, для принятия мер в отношении неплательщиков, за которыми остались долги по налогам и податям за прошлый период; осенью, когда решались вопросы мирских потребностей, а также рассматривались меры в отношении должников. Для сбора сельского схода могли быть исключения, связанные с чрезвычайными ситуациями. На сельском сходе решались также следующие вопросы: выборы сроком на 3 года сельского старшины, старосты, сборщика податей и других лиц сельского управления, назначение кандидатов на должности по волостному правлению, увольнение крестьян в другие сословия, прием в сельское общество лиц других сословий, выдача видов на переселение, раздел земель сельского общества между крестьянами, порядок раскладки сборов, меры по взиманию и предупреждению накопления недоборов и недоимок, рассмотрение дел по отправлению рекрутской повинности, назначение опекунов малолетним сиротам, рассмотрение просьб об оказании пособий при несчастных случаях и др.

Община была наделена определенными юридическими правами: могла от имени коллектива выступать в суде, доверять ведение дел кому-либо из своих членов. Сельские общества получили право принудительного переселения по приговору обществ (в виде карательной меры) неугодных односельчан с выделением им соответствующих средств на путевые расходы [Учреждения властей и местных волостных, 1857, ст.4979–5033, 5068–5084]. Крестьянские общины получили право сдавать в аренду казенные земли, находящиеся в их пользовании, сроком не более 50 лет.

Старшина и староста назначались, как правило, без учета мнения сельских обществ,

их деятельность контролировали уездные чиновники [Дружинин, 1858, с.113].

Сельский староста избирался на каждые 100 дворов (при 300 дворах избирались два старосты). Он следил за порядком в обществе, имел право освобождать односельчан от общественных работ и нарядов, исполнял полицейские функции и осуществлял надзор за хозяйственными делами. На каждые 10 дворов назначался на общественных началах десятский сроком на один месяц [Учреждения властей и местных волостных, 1857, ст.5034–5037, 5056–5062].

При организации органов крестьянского самоуправления решение национального вопроса выражалось в следующем: власть старалась не допускать устройства национальных волостей, состоящих из татар-мусульман, и назначения христианина на должность волостного старшины в волостях с поликонфессиональным населением. По этому поводу закон гласил: «В селениях, обществах и волостях, где вместе с идолопоклонниками живут христиане, идолопоклонники не могут быть избранными в сельское и волостное начальство, а там, где с христианами живут магометане, голова избирается из христиан, а подчиненные ему лица могут быть избраны из нехристиан» [ПСЗ-2, отд.1, №23, ч.3, ст.106]. В результате при формировании территории новых волостей чиновники стремились к тому, чтобы состав населения в них был поликонфессиональным.

В сельских расправах разбирались споры между крестьянами: 1) в случаях, когда спор исходил из словесных договоров и условий о покупке, продаже и найме; 2) когда спор касался движимого и недвижимого имущества, причем он не был подкреплен документами; 3) когда крестьяне обращались с жалобами на захват односельчанами принадлежащих им участков [Учреждения властей и местных волостных, 1857, ст.5398–5409].

Однако сельские сходы не имели большого общественного значения, общественные приговоры составлялись заочно, безграмотность сельского податного населения позволяла сельским и волостным начальникам приписывать в тексты различные решения, не согласованные в «миром», подписи собирались без учета всех лиц, принимав-

ших участие в сельском сходе, и т.д. [Дружинин, 1858, с.119].

Волостная расправа рассматривала жалобы на недовольных решением сельской расправы, имущественные тяжбы до 15 руб., жалобы на сельскую расправу за принятие решений по делам, подлежащим «общим судебным местам», по спорам о домашних духовных завещаниях и т.д. [Учреждения властей и местных волостных, 1857, ст.4964–4969].

«Общие судебные места» рассматривали споры крестьян о движимом и недвижимом имуществе, стоимость которых превышала 15 руб., когда недвижимое имущество не было зафиксировано в документах или находилось в собственности крестьян, или когда спор происходил между представителями различных сословий. Волостные и сельские расправы рассматривали дела о нанесении личных обид, нарушении общественного порядка, воровстве и присвоении чужого имущества, бродяжничестве, драках, развратной жизни и др.

После отставки П.Д.Киселева была сокращена численность волостей и сельских обществ путем их укрепления, были упразднены сельские управления и расправы. В селениях сохранились институты сельских старост или выборных. Начальников окружных правлений сменили чиновники особых поручений, которые командировались палатой государственных имуществ для постоянного наблюдения за деятельностью волостных органов и осуществления руководства местными казенными имуществами.

На уровне сельского и волостного самоуправления были широко развиты вымогательство и проведение различных сборов на общественные нужды, которые, как правило, оставались вне контроля окружных чиновников. Скажем, прибавку в 5, 10, 15 коп. сер. к паспортному налогу от уходящих на заработки требовали в волостных правлениях Рязанской и Пермской губерний, в Оренбургской губ. волостной писарь требовал за каждый увольнительный билет до 6 руб. сер. [Дружинин, 1858, с.122].

Основной задачей правительственного курса было повышение рентабельности хозяйств хлебопашцев за счет политики «попечительства» и усиления учета и контроля. Однако в полной мере была реализована

лишь вторая задача – повышение экономической отдачи от крестьян путем увеличения налогов и повинностей. Рост денежных сборов с крестьян был обусловлен стремлением правительства решить свои финансовые проблемы и привел к увеличению размеров недоимок с 1838 г. по 1856 г. на 65%. Учрежденная система крестьянского самоуправления была превращена в исполнительный институт губернских палат государственных имуществ [Дружинин, 1858, с.575]. Тем не менее, в отличие от большинства российских реформ П.Д.Киселева стала одним из наиболее удачных правительственных проектов.

В период руководства МГИ М.Н.Муравьева (1857–1862 гг.) произошли кардинальные изменения в политике казенного ведомства. «Попытка приблизить помещичьих крестьян к категории «свободных сельских обывателей» сменилась неприкрытым стремлением перевести государственных крестьян в условия частновладельческого хозяйства, сократить их надель, повысить оброчные платежи и начать распродажу земельного фонда» [цит. по: Дружинин, 1858, с.577].

Таким образом, превращение государственных крестьян в «сельских свободных обывателей», наделенных юридическими, имущественными и личными правами, имело принципиальное значение, если учесть, что правительство намеревалось в перспективе отменить крепостное право и, как показало время, созданная правительством во второй трети XIX в. модель государственной деревни стала образцом для реформы социального и правового положения помещичьих и удельных крестьян в начале 1860-х гг.

Лашманы. Составной частью жителей казенной деревни являлись лашманы. Появление социальной группы лашман связано с деятельностью Петра I по созданию военно-морского флота России. Судостроительная верфь, основанная Петром I в 1718 г. в Казани, успешно развивалась. С 1722 г. по 1829 г. в Казанском адмиралтействе (упразднено в 1831 г.) было построено 342 судна различной величины, в т.ч. 7 бомбардирских кораблей, 12 гребных фрегатов, 24 катеров, 57 баркасов и т.д.

Подготовка материалов для строительства судов в Казанском адмиралтействе и на других верфях была возложена на груп-

пы сельского податного сословия – бывших мурз и служилых татар. Термин «лашман» (нижне-нем. наречие от *laschen* – обрубать, обтесывать, обделывать и *tann* – человек) на русский язык переводится как «человек, занимающийся обрубкой, обтесыванием, обделкой дерева»²⁴.

Управление лашманами по всем вопросам, не касавшимся лесозаготовительных работ, осуществлялось через губернские и уездные органы управления и суд, низшим звеном которого выступали органы крестьянского самоуправления. Двойное подчинение лашман – Казанскому адмиралтейству и местным властям – продолжалось с небольшими перерывами до 1817 г.

«Положением о лашманах и их повинностях по заготовлению и хранению корабельных лесов» от 25 августа 1817 г. корабельные леса страны оказались в ведении трех правлений, соответственно количеству округов: Северного, Низового и Балтийского. Лашманы 8 губерний²⁵ во всем, что касается корабельной работы, поступали в ведение Правления Низового округа (подчинялось Морскому министерству), а в остальном были подведомственны губернской администрации. Были учреждены лашманские волости. Правление Низового округа корабельных лесов находилось в Казани, в Адмиралтейской слободе [ПСЗ-1, т.44, ч.1, с.109–110].

Система крестьянского самоуправления лашман была такой же, как в казенной деревне.

Динамика численности и расселение. В течение первой половины XIX в. количество лашман неоднократно изменялось как в сторону увеличения, так и уменьшения. По данным V ревизии, в 1795 г. их численность составила 112357 чел. [ПСЗ-1, т.24, №17772]. Для уменьшения дальних переходов и переездов лашман от мест жительства на места вырубок с 1800 г. на заготовку и вывозку корабельных лесов «было опреде-

лено еще 609664 ясачных крестьян, преимущественно татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов»²⁶. По VI ревизии (1811 г.) всех приписных к адмиралтейству работников насчитывалось всего 943139 душ м.п., в т.ч. 133192 служилых татарина [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.24, л.47об.–50].

Положением от 1817 г. численность лашман была сокращена почти в 8 раз – до 120 тыс. чел. [ПСЗ-1, т.34, № 27023]. Территория, на которой проживали лашманы, была ограничена 32 уездами 8 губерний. В Казанской губ. проживала почти половина лесозаготовщиков. В 1821 г. к лашманской повинности были приписаны еще 15832 служилых татарина Саратовской губ., что было вызвано необходимостью охраны корабельных лесов этой губернии [ПСЗ-1, т.37, №28791].

Лишнее число лашман от ревизии к ревизии зачисляли в государственные крестьяне. Так, по VIII ревизии (1834 г.) их оказалось 160460 душ, из них в 1837 г. «лишних» 40324 душ было перечислено в удельные (11361 чел. по Симбирской губ.) и казенные (28963 чел. по другим губерниям) крестьяне [РГИА, ф.383, оп.30, д.416, л.45–45об.].

По IX ревизии в 1850 г. число лашман составило 146798 душ, по Положению от 7 августа 1856 г. его снова сократили до установленного в 1817 г. количества [Вешняков, 1857, с.33] (см. табл.25).

Лашманская повинность. Лашманы были обязаны производить работы в корабельных лесах в порядке феодальной повинности: заготавливать корабельные деревья «сколько когда потребуется по нарядам, заниматься рубкой, обделкой, вывозкой из лесов к пристаням и на поляны», а также мачтовые сосны, штуки (деревянные заготовки) для артиллерии и строительный лес для адмиралтейских построек [ПСЗ-1, т.34, №27023].

Работы по заготовке корабельного леса были сопряжены с многочисленными трудностями: это и проживание зимой в лесах, и опасности при рубке и свалке деревьев. Рубка и вывозка огромных кряжей, прокладка дорог для вывозки леса (т.н. сабанные дороги) требовали от работника

²⁴ Основополагающим документом системы заготовок корабельного леса был указ от 31 января 1718 г., по которому нерусское служилое население Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний и Симбирского у. было приписано к адмиралтейству [ПСЗ-1, т.5, № 3149].

²⁵ Казанская, Нижегородская, Симбирская, Вятская, Пензенская, Саратовская, Оренбургская и Тамбовская губернии.

²⁶ По Нижегородской губ. – 13308 душ м.п., по Вятской – 143804, по Симбирской – 94551, по Казанской – 219083, по Саратовской – 47969, по Оренбургской – 90949 [ПСЗ-1, т.25, № 19224].

Таблица 25

Численность лашман, определенных к заготовке и вывозке корабельных лесов по Положению от 25 августа 1817 г.
[РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.26, л.317–320; РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.28]

Губерния	Лашманы, душ м.п.			
	общее число (1821 г.)	в %	общее число (1856 г.)	в %
Казанская	57850	48,1	59589	49,6
Нижегородская	8631	7,2	9427	7,8
Симбирская	27550	23	29966	24,9
Вятская	6173	5,1	10719	8,9
Пензенская	3967	3,2	2916	2,4
Саратовская	2722	2,6	–	
Оренбургская	1172	1	–	
Тамбовская	11925	9,8	7597	6,4
Итого:	119990	100	120214	100

большого напряжения и недюжинных сил. Рубить нужно было самые толстые и крепкие деревья – вековые дубы, сосны, ясень, клен и др. Это делало работу лесорубов еще более тяжелой. При рубке им приходилось обходиться одним топором – пилы не были распространены. На работах гибли люди и лошади. В большинстве случаев лашманы проводили ночь в шалашах из древесных ветвей. Конные работники в продолжение суток имели не более 7 часов свободного времени для кормления и отдыха лошадей [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.80].

В первой половине XIX в. работа лашман делалась все более трудоемкой, так как с сокращением количества корабельных деревьев усложнялись их прииск, рубка и вывозка. Среднее расстояние от мест вырубок до пристаней, куда надо было вывозить корабельный лес, увеличилось до 51 версты, сама перевозка деревьев уже производилась на расстоянии от 25 до 250 верст [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.63об., 65об.]. Из-за отдаления мест вырубок от мест жительства лашманам приходилось преодолевать расстояния в 300–500 верст. По Положению от 1799 г. пешие лашманы должны были заготавливать леса вместо прежних двух рабочих месяцев (октябрь, ноябрь), в которых за вычетом праздников выходило всего 46 рабочих дней, в течение 60 полноценных рабочих дней, т.е. с 1 октября по 18 декабря [ПСЗ-1, т.25, №19224]. Для обеспечения флота необходимым количеством корабельного леса было ужесточено нормирование

труда: за день конный работник должен был доставить бревно весом до 15–18 пудов на расстояние в 25 верст. Двум пешим работникам устанавливался норматив за день срубить и очистить не менее 10 бревен длиной в 4 сажени. За невыполнение норм могли не только понизить плату, но и вообще не заплатить [ПСЗ-1, т.25, №19224]. Обычно в начале вывозки (в декабре и до середины января) каждой лошадию ежедневно могло вывозиться до 12 и 13, иногда до 14 пуд. С середины января обессилевшие лошади едва вывозили по 8–10 пуд. в день [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.76об.–77].

Положением от 1817 г. в два раза, по сравнению с 1799 г., была увеличена плата: при выполнении нормы пешим лашманам в день полагалось по 40 коп. на человека, конным – по 80 коп., была также санкционирована практика найма на работу вместо себя, получившая широкое распространение [ПСЗ-1, т.34, №27023].

Непосредственно на лесозаготовительные работы лашманские селения обязаны были выставлять в среднем в год по 8 тыс. работников, мужчин в возрасте от 18 до 55 лет. По исчислению 1817 г. ежегодный наряд для пеших лашман в среднем составлял 2576 чел.²⁷

²⁷ Для лучшей организации работ лашманы делились на 6 партий: 4 партии (2000 чел.) находились на заготовлении лесов, одна партия (336 чел.) занималась обделкой деревьев на полянах, и еще одна партия – распиловщики (240 чел.), которые распиливали и готовили к отпуску корабельный лес [ПСЗ-1,

Около 5,5 тыс. конных лашман ежегодно работали на вывозке корабельных лесов.

Плата за лашманскую работу в конце XVIII в. была увеличена в два раза. Поэтому для крестьян-лашман, проживавших близко к местам лесоразработок, адмиралтейские работы являлись дополнительным приработком. Этим объясняются случаи, когда лашманы некоторых деревень направляли своих представителей в Казань к управляющему Правлением Низового округа корабельных лесов с прошениями об их желании и в дальнейшем исправлять лашманскую повинность. Так, за период с 1831 г. по 1837 г. таких прошений поступило от 13111 быв. приписных к адмиралтейству крестьян [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.30–30об.].

В 1818–1843 гг. пешие лашманы в среднем составляли 28%, конные – 72% от общего числа работников [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.73об.]. Таким образом, число конных лашманов, по сравнению с XVIII в., когда их численность была примерно равна числу пеших работников, имело тенденцию к увеличению, что объяснялось отдалением мест заготовок корабельного леса от пристаней.

Распространенными были случаи самовольного ухода от работ конных лашман, что часто вызывалось недостатком кормов для лошадей. Комиссионеры нередко сами отпускали лашман по домам до окончания работ за определенную плату, которая достигала 6–12 руб. с человека. При этом часть лашман под названием ямщиков, чьими лошадьми комиссионеры пользовались для переездов, были свободны от корабельных работ. За такую льготу комиссионер брал с них денежный побор в размере 15–17 руб. [РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.5–5об.].

Налоги. Лашманы боролись за облегчение своего положения и за полную отмену своей повинности. Письменным выражением их нужд были челобитные, в которых они просили облегчить их положение вплоть до полного освобождения от лесозаготовок [Гилязов, 1982, с.167]. Как верно подметил А.В.Клеянкин, «вся история лашманов – это история их непрестанной борьбы против “лашманства”» [Клеянкин, 1978, с.213].

т.44, ч.1, с.109–110]. Около 5,5 тыс. конных лашман ежегодно работали на вывозке корабельных лесов.

Система оплаты лашманского труда в XIX в. не претерпела больших изменений. Все суммы, определяемые на выдачу лашманам, зачитывались в подати с них в казну. Помощь государства в обеспечении лашман лошадьми, продовольствием, кормом для лошадей была минимальной [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.59об.–60].

Были предприняты попытки изменить способ оплаты труда лашман, что было вызвано все большим накоплением недоимок в казну²⁸. Основными причинами накопления недоимок были: недостаток земельных наделов, низкие урожаи хлеба, упадок цен на крестьянские изделия, производством которых они занимались, карантинные меры по случаю холеры [РГИА, ф.560, оп.1, д.809, л.8–9].

В первой половине XIX в. власти попробовали вместо прежних зачетов в подати выплачивать реальный заработок, а налоги взыскивать обычным порядком. Однако у новой системы оказалось немало изъянов [РГИА, ф.560, оп.1, д.809, л.3–4].

Нами подсчитано, что за период с 1818 г. по 1843 г. собственные издержки лашман во время работ превысили зачитываемую им в подати зарплату в 7 раз [РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.12об.]. Расходы пешего лашмана шли на одежду и обувь, на 2 топора с починками и наварками, на свое содержание во время работ и во время переходов, каждый не менее 19 руб. 17 коп. Траты конного лашмана за сезон работ составляли 59 руб. 60 коп. [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.71–72].

В отличие от губерний, входящих в Низовой округ корабельных лесов, в Балтийском, Северном округах, Западных и Остзейских губерниях, где также производились заготовка и доставка к пристаням корабельных лесов, все работы производились наймом. Учитывая близость этих губерний к Петербургу и Архангельску, доставка лесов от пристаней к верфям обходилась на порядок дешевле, чем доставка из губерний Низового округа. За 1836–1845 гг. (в течение 10 лет), по Низовому округу лашманам за вырубку

²⁸ В 1832 г. в 7 губерниях, входящих в Низовой округ корабельных лесов, состояло 117707 лашман, с которых ежегодно на выплату государственных податей причиталось 1596000 руб. За прежние годы у них накопилось недоимок на сумму 1076700 руб.

и вывозку корабельных лесов к рекам было выплачено 335248 руб., доставка лесов к портам обошлась в 1643715 руб. (соотношение примерно 1 к 5). По Балтийскому, Северному округам, Западным и Остзейским губерниям это соотношение было примерно 1 к 1,4 [РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.689, л.111об.–112]. Следовательно, одна из основных причин продолжения существования принудительного лашманского труда в губерниях Низового округа видится в нежелании правительства нести дополнительные расходы при заготовке и вывозке к пристаням корабельных лесов.

Таким образом, несмотря на ряд предпринимаемых правительством мер по улучшению положения лашман, сущность их работы – ее принудительный характер – так и не изменилась. Улучшения носили ограниченный характер: их эффективность па-

дала вследствие продолжавшихся злоупотреблений в отношении лашман. Выполняя заготовку, первичную обработку и вывозку до пристаней корабельных лесов, лашманы сыграли важнейшую роль в создании флота России. 28 марта 1860 г. последовал указ о переводе лашман в разряд государственных крестьян [ПСЗ-2, т.35, ч.1, №35611]. Основной причиной отказа российского правительства от лашманского труда была сложившаяся в стране социально-экономическая ситуация, характеризовавшаяся ростом рынка наемной рабочей силы и т.п. элементов капиталистического развития, при этом сохранение прежних крепостных институтов государства, таких как лашманство, было невозможно. С этого времени заготовки корабельного леса стали осуществляться наймом.

§ 2. Крепостные и удельные крестьяне

Крепостные татары-крестьяне.

Петровские законодательные инициативы, направленные на ликвидацию татаро-мусульманской феодальной элиты, и особенно указ Петра I от 12 июля 1715 г. (разрешалось оставлять в собственности крепостных из мусульман и забирались крепостные из христиан вместе с выделенными им земельными наделами) привели к потере значительной части земельных угодий татарских мурз и резкому сокращению у них числа крепостных крестьян.

В первой половине XIX в. абсолютное большинство крепостных крестьян-татар принадлежало роду Тевкелевых. В последней четверти XVII в. Давлетмамбет Тевкелев имел поместья в Ярославском и Владимирском уездах, поместья его сына Мамеша находились во Владимирском, Касимовском, Керенском уездах. Со временем его имения в последних двух уездах были переданы в качестве приданого его дочерям [Азаматова, 2008, с.67]. Их брат, российский дипломат Кутлумухаммад (1674–1766), приобрел в 1718 г. у Яушевых д.Назар в Терсинской вол. и в 1720 г. д.Тангачи за р.Кама [Алишев, 1973, с.21]. Видимо, в XVIII в. им был приобретен еще ряд татарских селений, рас-

Светлана Еремина, Ильдус Загидуллин

положенных на землях Яушевых²⁹. В 1780-е гг. в Елабужском у. Вятской губ. Тевкелевым принадлежали 540 крепостных татар [Пислегин, 2011, с.101]. Крепостные татары в уезде расселялись в селениях Терся, Старо-Балтачево, Биково (Юрь), Назяр, Туба, Мордово, Чишма. Из них в первой трети XIX в. д.Мордово принадлежала Юнусовой, д.Назяр – наследникам Г. Муратовых, остальные – Тевкелевым [Этнотерриториальные группы, 2002, с.94].

В Уфимской провинции земли и крепостное население К.Тевкелеву было «пожаловано»³⁰ в ходе подавления восстания 1735–1740 гг. и за его «заслуги» в жестоком подавлении народного бунта, а также за присоединение Казахстана к России. Поэтому ему прощались откровенный захват и закабаление ясачных людей из мусульман [Азаматова, 2008, с.67, 74–75].

Согласно ревизским сказкам, состав жителей тевкелевских деревень постоянно менялся. На начальном этапе формирова-

²⁹ Во второй половине XVII в. Яушевым принадлежали деревни Терся, Назяр, Назярбаш, Аккозино, Агрыз, Ярыклы, Мордовская, Ардаш, Псеев [Этнотерриториальные группы, 2002, с.95].

³⁰ Первыми крепостными стали отданные в крепостное рабство жены и дети повстанцев.

ния помещичьего хозяйства преобладали переводы из Касимовского у. Рязанской губ. (д.Подлипки) и Елатомского у. Тамбовской губ. (д.Антоново (Нарма)). Из мест, где получили первые владения предки Тевкелевых, переводы не прекращались в последующие десятилетия. Среди переведенных были также крестьяне, ранее принадлежавшие другим мурам. Однако основными поставщиками людских ресурсов в тевкелевские деревни в Уфимской губ. были татарские селения, расположенные в Елабужском и Сарапульском уездах Вятской губ. Путем перевода уравнивали мужчин и женщин, создавали новые вотчины (Новые Карьявды и др.). Отношение помещиков к крепостным единоверцам соответствовало крепостнической эпохе – в документах зафиксировано множество случаев ссылки крестьян в наказание в Сибирь и отдачи в рекруты [Азаматова, 2008, с.76–77]. В качестве этноконфессиональной особенности следует отметить существование у крепостных мусульман многоженства.

В Белебеевском у. мусульмане-крепостные Тевкелевых проживали в селениях Килимово, Ново-Килимово (с XIX в.), Балтачево, Ново-Балтачево, Устюмово, Ахуново, Новое Ахуново (с XIX в.), Ломово, Тюрюш-Тамаш, Карьявды, Новые Карьявды, Кугуль, в Уфимском у. – д.Кугушево, в Мензелинском у. – в д.Кадыкеево [Азаматова, 2008, с.76].

В Оренбургском у. в конце XVIII в. в селении Тамгачи (Алмалы) проживали крепостные татары, принадлежавшие Тимашевым. Они были приобретены у Тевкелевых из числа крестьян, проживавших в деревнях Ново-Балтачево и Терся. После освобождения от крепостной зависимости они были изгнаны хозяином из своих земель и поселения. В источниках XVIII в. упоминаются крепостные татары в д.Верхние Ерыклы (владение Яушевых) в Мензелинском у. В XIX в. в Уфимском у. имелись еще три деревни: Агирди (принадлежала Максютыным), Сорокамыш (владение Байряковых) и Узытамак (владение Алкиных) [Этнотерриоральные группы, 2002, с.96].

Таким образом, малочисленная группа крепостных татар, локализованная в около 30 деревнях, являлась лишь вкраплением в

общей массе татарского сельского податного населения.

Удельные крестьяне. В XVIII в. государственных крестьян Волго-Уралья не коснулась политика самодержавия по передаче их в частные руки. Однако после создания в 1797 г. удельного ведомства в ведение нового учреждения перешли некоторые казенные учреждения, потому что удельные земли и имущества составлялись методом простого выделения. В некоторых губерниях к удельным крестьянам были приписаны и татары, в частности, в Ардатовском у. Симбирской губ. среди них числился 241 служилый татарин [РФ НИИГН при Правительстве РМ, И-1234, с.32].

В октябре 1797 г. было организовано 9 удельных экспедиций, каждая должна была осуществлять руководство 50–70 тыс. душ м.п. Крестьяне Симбирской, Нижегородской, Пензенской и Казанской губерний были отнесены к Казанской удельной экспедиции. На местах были созданы органы сельского управления – приказы, в ведение каждого поступило несколько десятков сел и деревень (3–3,5 тыс. крестьян) [Горланов, 1986, с.95–97].

Эта система управления за первые 10 лет своего существования показала собственную неповоротливость. Резко возросли недоимки, что существенно обеспокоило правительство. Попытку реорганизовать управление удельным ведомством предпринял Александр I. На место экспедиций пришли удельные конторы. Всего по России их насчитывалось 19, под управлением каждой находилось около 200 тыс. удельных крестьян, а также отставные солдаты и унтер-офицеры, крестьяне других наименований.

Главная же задача удельной конторы состояла в исправном сборе податей и наблюдении за уплатой недоимок крестьянами. Она также должна была выполнять распоряжения губернаторов, земской полиции и казенной палаты о поставке рекрутов, об уплате казенных податей, исполнении крестьянами различных общественных повинностей.

Удельные крестьяне по отношению к императорской фамилии играли ту же роль, что и частновладельческие крестьяне по отношению к своему помещику. В плане личных прав между удельными и крепостными

крестьянами не было существенной разницы, законодательство строилось на одинаковых принципах. Лишь в 1858 г. удельным крестьянам были дарованы личные и по имуществу права, равные другим свободным сельским сословиям.

При уходе на заработки отходники обязаны были заручиться согласием поземельной общины, затем получить разрешение местных органов управления, дав им обязательство в том, что наделы будут обработаны или родственниками, или односельчанами. С 1830-х гг. удельные власти сократили количество выдаваемых паспортов, так как посчитали, что распространение отхода приносит им больше ущерба, нежели прибыли. Удельное ведомство применяло различные способы сокращения числа отходников. Кроме прямого запрета и увеличения стоимости паспортов, предпринимались попытки повысить заинтересованность крестьян в сельском хозяйстве путем использования новейших орудий труда и т.п.

В 1835 г. в Симбирской губ. в ведение удельного ведомства были переданы все жители государственной деревни, в т.ч. и лашманы. Таким образом, татары Симбирской губ., в основном потомки татарских мурз, селившихся здесь в XVII – начале XVIII в., в числе 56715 душ об. п., а также однодворцы стали представлять новую категорию сельских жителей – удельных крестьян.

Земледелие было главным занятием удельных крестьян. Средний душевой надел удельного крестьянина при этом неукоснительно сокращался. В Симбирской губ. в среднем на ревизскую душу в 1800 г. приходилось 4,48 дес. земли, из них пашни – 3,9 дес. К 1862 г. эти показатели снизились: всего надел составлял в среднем 3,84 дес., из них под пашни выделялось не более 3,2 дес. [Горланов, 1986, с.164].

Удельное ведомство выдвинуло идею создания земледельческих школ, где должны были готовить «наставников, должностующих со временем ввести повсюду изученные ими правила хлебопашества» [История уделов, 1902, с.180–181]. В этих школах должны были готовить специалистов, будущих хозяев «образцовых усадеб», открыть которые предполагалось в каждом удельном имении. Средства для организации таких училищ власти получали от об-

щинников. Кроме того, общество обязывалось содержать за свой счет малоимущих воспитанников училищ [ЦГА ЧР, ф.193, оп.1, д.4178, л.1].

Учрежденные образцовые усадьбы, в которых на примере работы выпускников земледельческого училища планировалось научить остальных крестьян применять в сельскохозяйственных работах новейшие методики и орудия труда, вести пропаганду выращивания новых культур, использования удобрений и т.д., спустя 14 лет были закрыты вследствие неоправдания возложенных на них надежд [История уделов, 1902, с.212–213].

Реформа системы управления удельным хозяйством 1808 г. не затронула низшую ступень управленческой иерархии – крестьянскую общину, которая по-прежнему сохраняла статус посредника между управленческими структурами и рядовыми крестьянами.

Для управления общиной на сельском сходе избирался староста. Срок его службы в различных уездах составлял от 3 до 5 лет. Главной обязанностью старосты являлось посредничество между «миром» и удельной конторой, а также контроль за «мирской» казной. Староста председательствовал на сельских сходах, осуществлял надзор за хозяйственными работами, следил за порядком в подведомственном ему поселении, рассматривал мелкие судебные дела, разбирал несложные споры и тяжбы, имел право наказывать виновных в мелких преступлениях.

В рамках удельного ведомства проявлялась некоторая дискриминация неправославного населения. Официально было зафиксировано положение о том, что на административные должности в рамках общины могли избираться только русские крестьяне, в крайнем случае – представители других национальностей, исповедовавших православие: «В селениях, обществах и волостях, где вместе с идолопоклонниками жительствоуют христиане, идолопоклонники не могут быть избранными в сельские и волостные начальники» [Серкина, 2002, с.89].

Старосты обязаны были координировать деятельность общества в критических ситуациях – при пожарах, наводнениях, падеже

скота и т.д.; препятствовать вырубке леса, потраве хлеба. Таким образом, сельские старосты сочетали в себе функции представительной власти, управленческого аппарата и полицейские полномочия.

Старосты получали жалованье за счет средств рядовых общинников, обычно не выше 6–8 руб. Кроме того, на период пребывания в должности они освобождались от всех видов натуральных повинностей. В качестве помощников старосты из общинников избирались сборщики податей, матросы (объездчики), полесовщики, полевые сторожа и пожарные старосты [ГАУО, ф.537, оп.1, д.161, л.14].

Сельские старосты обязаны были дважды в неделю являться в волостное правление для решения текущих вопросов. Волостные правления вскоре были заменены на приказы, которые в первой половине XIX в. представляли собой высшую административную единицу местного крестьянского самоуправления. Правление приказа обычно базировалось в центральном селении волостной общины. В его составе были приказный

голова, казенный и приказный староста, писарь. Голова был обязан доводить до сведения крестьян все правительственные и удельные распоряжения, «удерживать их в повиновении», следить за соблюдением нравственных устоев.

Укрупнение бюрократического аппарата, увеличение расходов на его содержание и усложнение процедуры принятия решений – все это вызвало эффект, обратный намеченной цели. Вместо ожидаемого повышения рентабельности удельного хозяйства росли недоимки с крестьян, усиливался произвол чиновников, продолжало существовать взяточничество. Усложненная вертикаль власти не смогла решить насущных задач, она еще дальше отодвинула рядового крестьянина от управления своим хозяйством.

Таким образом, жители удельной деревни составляли локальную группу среди татарского сельского податного населения. Согласно закону от 23 июня 1863 г. удельные крестьяне получили права свободных сельских обывателей, а в собственность – свои же наделы за счет обязательного их выкупа.

§ 3. Землевладение и землепользование татар-хлебопашцев в пореформенный период

Ильдус Загидуллин

Пореформенный период стал важным этапом в формировании новых взаимоотношений между государством – регулятором земельных отношений и собственником казенных угодий – и российским крестьянством. В плане решения земельного вопроса для сельского податного населения страны действия властей имели отчетливый половинчатый характер и в значительной степени не вписывались в дух Великих реформ 1860–1870-х гг. Они способствовали сохранению консервативных отношений в сельской общине и укреплению ее позиций в земельном вопросе, сдерживали развитие капиталистических отношений, обострили аграрный вопрос в многонациональной деревне.

Итоги земельных реформ 1860-х гг. Отмена крепостного права и оформление выкупных платежей слабо коснулись жителей татарской деревни вследствие малочислен-

ности среди них помещичьих крестьян. В Уфимской и Оренбургской губерниях крестьяне помещиков Тевкелевых получили в среднем по 5 дес. на ревизскую душу, лишь жителям д.Килимово были оформлены дарственные наделы [Азаматова, 2008, с.83–88]. Переселенные в третий раз из Уфимской губ. в 1859 г. в село Белый Ключ (Алкино) Мамадышского у. Казанской губ. татарские хлебопашцы были «плохо обставлены» помещиком Алкиным. Вследствие неурожая уже в 1865 г. они не смогли выплатить выкупные платежи за 17 душевых наделов. В 1869 г. правительство разрешило отсрочить на 5 лет их уплату. К 1879 г. у них накопилось недоимок на сумму 2482 руб. При описи имущества оказалось, что из 15 хозяйств лишь 11 имеют по одной лошади, из недвижимости, кроме ветхих изб и плетневых лабазов, другие хозяйственные постройки отсутствуют. Лишь манифест от

15 мая 1883 г., упразднивший недоимки по выкупным платежам всех размеров, позволил им возобновить уплату, хотя крестьяне желали отказаться от наделов [Материалы, 1936, с.40–50].

По закону от 26 июня 1863 г. *удельным крестьянам* были предоставлены в «собственность» земли, которые находились в их пользовании, и подушная подать была преобразована без увеличения ее размера в обязательный выкупной платеж, который они должны были выплачивать в течение 49 лет (начиная с 1865 г.). Выкупная сумма основывалась на прежнем оброке, капитализированном из 6% годовых [История Удмуртии, 2004, с.263]. Вследствие естественного прироста населения после последней прирезки земли у удельных крестьян произошло сокращение душевых наделов по X ревизии. Почти на 11% сократилась площадь надела в Казанской губ. (3,9 дес.), в Симбирской губ. за ними числилось 3,9 дес. [Ходский, 1891, с.119, 123].

По закону от 24 ноября 1866 г. «О земельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях» [ПСЗ-2, т.41, отд.1, №43888] были определены законодательные основы землепользования жителей государственной деревни. В 14 губерниях, в т.ч. Казанской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, где земли были размежеваны, владенные записи должны были быть составлены в течение двух лет, в Астраханской – в течение 4, Нижегородской и ряде других губерний, в которых съемка земли еще не была закончена, – в течение 6 лет; в тех губерниях, в которых земельные планы еще не были составлены (Вятской, Оренбургской, Пермской, Уфимской и др.) – также в течение 6 лет. Государство обязало хлебопашцев платить оброчную подать – феодальную ренту, предусмотрев переоценку платежей за землю через 20 лет.

В Казанской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской и ряде других губерний сумма оброчной подати оставлялась в установленном размере. В остальных вышеперечисленных губерниях оброчная подать с 1867 г. увеличивалась за счет добавления особого добавочного сбора.

Время показало, что установление 20-летней неизменной оброчной подати было в

Дополнительная владенная запись
крестьянской общины д.Нижняя Сунь
Мамадышского у. Казанской губ. 1867 г.

целом невыгодно бывшим государственным крестьянам. Если учесть, что по реформам 1860-х гг. цена 1 дес. наделной земли в Казанской губ. для бывших помещичьих крестьян по выкупу составляла огромную сумму – 22 руб. 07 коп., для бывших удельных – 13 руб. 56 коп., то бывшие государственные крестьяне платили за пользование 1 дес. удобной земли 77 коп. [Смыков, 1984, с.74] оброчной подати в течение 20 лет, или 15 руб. 40 коп. Они фактически выплачивали 2/3 суммы чистого выкупа бывших помещичьих крестьян, но не становились собственниками своих наделов.

Закон разрешал общинам и отдельным крестьянским хозяйствам выкуп путем уплаты оброчной подати, капитализированной из 5%, т.е. из расчета 1 руб. за 5 коп. оклада оброчной подати. Однако это право не было подкреплено государственным кредитованием, как в случае с помещичьими крестьянами, что реально лишило их возможности выкупа своих наделов.

Сложные общины получали общие владенные акты, которые впоследствии нередко приводили к земельным спорам. Практиковалось также оформление луговых и лесных дач одновременно нескольким сельским обществам [Материалы для сравнительной, вып.7, с.40]. В Казанском у., например, из 71 общины, пользующейся 31 неразмежеванной дачей общей площадью более 8 тыс. дес., 11 общин были прикреплены к двум общим наделам, а одна – к трем [Материалы для сравнительной, вып.3, с.31].

Лес должен был отводиться в размере 1/8 (12,5%) общинного надела, что уже означало значительное сокращение лесных угодий. В Казанской губ. соотношение площади леса по всем земельным угодьям крестьян было в три и более раза меньше первоначального, определенного законодательством. У них осталось не более 23% леса, которым они пользовались до 1866 г. [Чернышев, 1948, с.409].

Закон закреплял за государственными крестьянами существующие наделы, но не свыше 8 дес. на ревизскую душу в малоземельных уездах и 15 дес. в многоземельных уездах.

Однако практически повсеместно за общинами было закреплено намного меньше земли, чем официально дозволялось. На наш взгляд, в большинстве случаев во «владенных записях» были зафиксированы земельные угодья, которыми земледельческие общины пользовались ранее. Иначе говоря, власти не стали проводить дорогостоящие мероприятия по прирезке дополнительных наделов, необходимых для нормального ведения крестьянского хозяйства. В результате в ряде губерний, в которых компактно расселялись татары, их общины получили меньше наделов, чем другие этнические группы жителей государственной деревни. С учетом игнорирования местной администрацией нужд в дополнительных наделах в период составления «владенных записей», на наш взгляд, неблагоприятную ситуацию могли вызвать: получение татарскими общинами при прежней прирезке меньших наделов, чем у соседних народов, и относительно высокие показатели естественного прироста населения в дореформенный период, что негативно сказывалось на размере душевых наделов.

Среди многонационального крестьянства бывшей государственной деревни Казанской губ. душевые наделы были распределены неравномерно: русские получили 6,4 дес., мордва и удмурты – 6 дес., марийцы – 5,7 дес., чувашаи – 5,0 дес. Меньше всего наделов оказалось у татар – 4,7 дес. [Крестьянское землевладение, 1907, с.84, 88]. У татар произошло сокращение площадей лугов и выгона, что впоследствии привело к ухудшению общего состояния кормовой базы и выразилось в самой низкой обеспеченности их хозяйств скотом [Труды статистической, с.55–56].

По итогам аграрных преобразований 60-х гг. XIX в. земледельцы бывшей государственной деревни получили больше земли, чем помещичьи крестьяне. В Казанской губ. на одну ревизскую душу бывшие помещичьи крестьяне получили в среднем 2,7 дес., бывшие государственные крестьяне – 5,2 дес., в Самарской губ. – 3,4 и 10,8 дес. соответственно, в Вятской – 3 и 6,6 дес. [Ходский, 1891, с.30–36].

Земельная реформа 1866 г. не только не улучшила социально-экономическое положение крестьян, но и привела к сокращению лесных угодий, оттянула начало выкупной операции на 20 лет.

Таким образом, в результате правительственных преобразований в общинном землевладении татар сформировалось несколько групп крестьянских хозяйств, а впоследствии и несколько моделей поведения: 1) локальная группа бывших крепостных крестьян-татар выкупала свои наделы или получала небольшие дарственные участки; 2) основная часть татарского сельского населения – бывшие государственные крестьяне – продолжали платить оброчную подать; 3) согласно реформе 1863 г. удельные крестьяне, ставшие «собственниками» используемых земель, были переведены на обязательные выкупные платежи; 4) размежевание наделов вотчинников и бывших военных и гражданских припущенников продолжалось вплоть до падения самодержавия.

Аграрные преобразования 1860-х гг. не затронули систему землевладения в Оренбургском и Уральском казачьих войсках.

Преобразование оброчной подати в выкупные платежи у бывших государственных крестьян. Неравномерность в наделении земель и в размерах обложения податью земель различных категорий хлебопашцев поставила сельское податное население в неодинаковые условия. Учитывая тяжелое социально-экономическое положение бывших помещичьих крестьян, получивших минимальные земельные наделы и плативших непомерные выкупные платежи, превосходившие цену полученных наделов, правительство решило переложить часть их налогов на плечи бывших государственных крестьян. Финансовый расчет реформы был направлен на постепенное уравнивание экономического положения всех основных категорий российского крестьянства.

Преобразование оброчной подати в обязательные выкупные платежи непосредственно было связано с отменой подушной подати. Реализуя намеченные планы, правительство с 1 января 1884 г. пошло на уменьшение размера подушной подати. С 1886 г. она была отменена для бывших помещичьих и удельных крестьян, с 1887 г. – для бывших государственных крестьян [Анфимов, 1976, с.32–33].

На основании закона от 12 июня 1886 г. хлебопашцы переводились на обязательные выкупные платежи, составлявшие оброчную подать, и лесной налог, который повышался на 20%. В случае несогласия с суммой выкупа крестьяне имели право через своих уполномоченных обращаться с просьбами о некотором снижении его окладов. «В случае надобности» их ходатайства проверялись на местах. Однако последнее слово в назначении суммы выкупа оставалось за администрацией.

В Казанской губ. сумма оброчной подати и лесного налога была увеличена в среднем на 45%, в Пензенской – на 39%, в Самарской – на 31%, в Вятской – на 40%, в Саратовской – на 57%, в Уфимской – на 55%, в Оренбургской – на 59%. Эту сумму крестьяне должны были выплачивать ежегодно (без изменений) в течение 44 лет. В целях получения дохода в течение длительного времени и учитывая опыт других аграрных реформ, правительство установило срок их уплаты до 1 января 1931 г. [Анфимов, 1976, с.34–38, 40].

С финансовой точки зрения закон от 12 июня 1886 г. представлял собой «грабительскую операцию, проведенную по фискальным соображениям» [Ананьич, 1974, с.201]. Выкупная цена одной десятины крестьянского надела в Казанской губ. была повышена до 41 руб., в Пензенской – до 67 руб., в Саратовской – до 38 руб., в Самарской и Уфимской губерниях она составила 19 руб., в Вятской – 16 руб., в Оренбургской – 6 руб. В итоге ежегодный выкупной платеж в Казанской и Вятской губерниях получился только на 10% меньше уплачиваемой ранее общей суммы оброчной и подушной податей, в Пензенской – на 2%, в Самарской – на 0,6%, в Саратовской – на 4%, в Уфимской – на 6%, в Оренбургской – на 3% [Анфимов, 1976, с.40–41].

Интересно сравнить сумму выкупных платежей бывших помещичьих крестьян после их понижения в 1881 г. и государственных крестьян по закону от 12 июня 1886 г. В Казанской губ. первые ежегодно выплачивали 1,39 руб., вторые – 1,05 руб., в Пензенской – 1,66 и 1,29 руб. соответственно, в Пермской – 0,5 и 0,6 руб., в Саратовской – 1,37 и 0,97 руб., в Самарской – 1,16 и 0,48 руб., в Вятской – 1,13 и 0,66 руб., в Уфимской – 1,14 и 0,79 руб. [Ходский, 1891, табл. XXIV].

При досрочной выкупной операции крестьяне должны были уплачивать деньги из расчета 1 руб. за 5 коп. выкупа без выделения со стороны Министерства финансов кредита, каких-либо дополнительных ресурсов. С 1893 г. досрочный выкуп отдельным хозяевам своего надела разрешался только с согласия 2/3 членов сельского общества, имевших право голоса в общине.

Видный российский экономист П.П.Мигулин, анализируя финансовый расчет реформы, признавал, что «выкуп оброка государственными крестьянами не был проведен как правильная кредитная операция, чего и не могло быть, так как некому было здесь выступить в роли кредитора. Вообще все эти операции по выкупу оброка государственных крестьян представляются замаскированным увеличением оброчной подати» [цит. по: Ананьич, 1974, с.211].

Уплата выкупных платежей всеми категориями крестьян была прекращена правительством в 1907 г. – до этого времени

Татарская семья на уборке урожая. Фото нач. XX в.

крестьянские наделы были исключены из рыночного оборота.

В целом преобразование оброчной подати в выкупные платежи в 1886 г. закрепило за бывшими государственными крестьянами положение основных налогоплательщиков и постепенно вело к снижению их жизненного уровня и к уравниванию социально-экономического положения с другими категориями крестьян.

Изменения в землевладении. Для землевладения различных групп татарского населения в 1870-е – 1905 гг. в целом были характерны общероссийские тенденции в земельных отношениях, которые имели свою специфику и были обусловлены, главным образом, региональными особенностями и политикой правительства.

Общинное землевладение. Результаты земельной реформы 1866 г. и естественный прирост населения среди татар, по которому они занимали ведущую позицию [Смыков, 1973, с.39–40], во многом предопределили образование довольно глубоких различий в их обеспечении наделами.

Спустя 20 лет после земельной ревизии в Казанской губ. у татар было наибольшее количество общин (43%) и хозяйств (43,5%) с наделом до 3 дес. земли. Среди чувашей эти показатели составляли 19% и 22,5% соот-

ветственно, среди русских – 16,2% и 10,7%. [Общий свод, 1896, с.217]. К началу XX в. ситуация еще более ухудшилась: с 1866 г. по 1907 г. наделы у татар сократились на 46,8%, у остальных народов этот процесс шел более умеренными темпами [Крестьянское землевладение, вып.13, с.88–95].

В Вятской губ. в конце 1880-х гг. наделы удобной земли в татарских хозяйствах составляли 12,3 дес., в русских – 26 дес., в удмуртских – 24,6 дес. Если рассматривать эти среднестатистические сведения по группам, то получается весьма неприглядная картина. Среди татарских дворов безземельные и малоземельные, имеющие наделы до 10 дес., составляли 47,5%, «среднеземельные» (10–25 дес.) – 45,4%, многоземельные – 7,1%. В хозяйствах крестьян других этнических групп положение было намного лучше: у русских эти показатели составляли 30,7%, 52,5% и 16,6% соответственно, у удмуртов – 9%, 51,9 и 39,1% [Морозов, 1936, с. XXVIII, XXIX].

За период с 1877 г. по 1905 г. в Уфимской губ. средняя обеспеченность душевым наделом у бывших государственных крестьян уменьшилась существенно – с 19,5 до 14,3 дес., в Оренбургской губ. – с 32,7 до 24,3 дес. Резкое снижение площади наделов у башкир-вотчинников и припущенников объяснялось также продажей первыми вот-

чинных угодий, отмежеванием участков у вторых, когда «лишние» наделы военных припущенников передавались в казну. Если в 1877 г. в Уфимской губ. башкиры-вотчинники и припущенники владели в среднем 37,3 дес. наделов, в Оренбургской – 91,1 дес., то в 1905 г. эти показатели резко уменьшились – до 24,2 и 44 дес. соответственно. Следует отметить, что у припущенников реальная земельная обеспеченность была ниже указанных цифр. Поскольку их земли не были до конца отмежеваны, невозможно оперировать более точными показателями [Усманов, 1973, с.39, 43]. В ходе прирезки земель бывшие военные припущенники потеряли половину своих наделов, дальнейшее уменьшение площади наделов происходило под воздействием естественного прироста населения. Однако по сравнению с государственными крестьянами они находились в относительно благоприятных условиях.

С целью расширения площади пашни происходила интенсивная вырубка крестьянами лесных наделов. Однако она не могла стать решением земельного голода, отчетливо проявившегося в Среднем Поволжье в 1880-е гг.

Четвертное землевладение. На рубеже XVII–XVIII вв. в России произошло объединение служилых людей «по отечеству» в замкнутое дворянское сословие, наделенное исключительными привилегиями. По способу землевладения служилые люди «по прибору» были приравнены к однодворцам и сохраняли право личного землепользования. После приписки служилых татар и мурз в конце царствования Петра I в государственные крестьяне и обложения подушной податью, лишь лица, имевшие официальные документы, сохранили право собственности на недвижимость. В результате по закону оказалось, что служилые татары, не имевшие подтверждающих документов, являются не собственниками, а держателями казенной земли. В конце XVIII в. в Среднем Поволжье, вследствие измельчания, наделы земли у большинства служилых татар по размерам не превышали наделы государственных крестьян и нередко являлись частью общинных частных дач, которыми пользовались исключительно представители их семейств [Гилязов, 1982, с.109, 111].

В XIX в. наделы земли у прежних служилых татар сократились еще в большей степени. В 1882 г. в Тамбовской губ. у бывших собственников-однодворцев, владевших землей по четвертному праву, более половины дворов имели наделы в 3 и менее дес., и только около 4% дворов владели 15 и более дес., что еще позволяло хозяйству нормально функционировать [Мухамедова, 2008, с.57]. В Казанской губ. из 37 селений, где встречалось четвертное землевладение, 34 (8831,4 дес.) принадлежали татарам [Николаев, 1997, с.88]. В конце XIX – начале XX в. происходило уменьшение четвертного землевладения: часть четвертников распродала свои земли в «сторонние руки, часть – перешла к общинному землевладению» [Николаев, 1997, с.30].

Во второй половине XIX в. четвертное землевладение татарских крестьян означало наличие участка, принадлежащего группе лиц как общая собственность. Доли совладельцев представляли собой не индивидуальные участки земли, а доли общего участка. Хотя четвертные земли не подвергались коренному переделу и совладельцы рассматривали их как частную собственность, правительство оформило на эти земли выкупные платежи [Общий свод, 1896, с.370].

Переход четвертного владения в общинное был вызван усложнением и запутанностью земельных отношений между совладельцами. Такие переходы в уравнительное общинное землевладение под давлением членов общин имели место у бывших служилых мурз ряда селений Казанской губ. [Загидуллин, 1992, с.39–40].

В ряде селений, где служилые татары проживали совместно с государственными крестьянами, сложился новый вид землевладения, современники называли его *подворным* – по праву известных крестьянских семей на определенное количество десятин из общей дачи без обозначения урочищ [Материалы, 1936, с.100–101].

Частная земельная собственность. Частная земельная собственность на землю существовала в виде личной собственности и собственности сельских обществ или товариществ.

В пореформенный период российское купечество выдвинулось на роль активно-

го покупателя земельных угодий. К 1877 г. в губерниях Среднего и Нижнего Поволжья 15% всех купленных земель принадлежало купцам благодаря тому, что в некоторых городах они занимались покупкой и сдачей в наем земель и даже земледелием на залежных землях. Им принадлежали наиболее крупные купленные земельные угодья (в среднем 1336 дес.) [Статистика поземельной, вып. IV, с. XV–XVI].

Татарских купцов также интересовала недвижимость, однако их приобретения были не столь масштабными. В 1868 г. в Казанском у. в собственности 8 казанских и арских купцов находилось 3554,1 дес. Наиболее крупные угодья принадлежали Исхаку и Ибрагиму Юнусовым (2 тыс. дес.), Исмаилу Апакову (937 дес.), Хасану Якупову (146 дес.), Мустафе Усманову (174,4 дес.) [НА РТ, ф.1, оп.3, д.12198, л.362об.–346, 368об.–383].

В Приуралье в середине XIX в. основными земельными собственниками были преимущественно русские, а также, частично, татарские и башкирские дворяне [Усманов, 1973, с.35], в последующие десятилетия в регионе наметилась тенденция закрепления земель за купцами, мещанами и крестьянами. На основании закона от 10 февраля 1869 г. башкирам-вотчинникам разрешалось продавать земли, превышающие 15-десятинные душевые наделы по X ревизии. В результате такой «свободной» продажи земли в 1869–1878 гг. у башкир-вотчинников было расхищено 1,047 млн. дес. земли. В Уфимской губ. земли продавались по 1 руб. за дес., что было в 7–25 раз меньше тогдашней рыночной цены. Воспользовавшись дешевизной башкирских земель, в 1869–1878 гг. в Уфимской и Оренбургской губерниях татарские и башкирские дворяне, купцы и чиновники приобрели по баснословно низким ценам 30 тыс. дес. земли [Усманов, 1981, с.45–47].

Правительство было вынуждено вмешаться в неконтролируемую ситуацию и законом от 9 мая 1878 г. изменило правила продажи. Отныне инициатива относительно продажи должна была исходить от сельских обществ, губернские правления на основании их приговоров проводили публичные торги. Этот порядок был изменен законом

от 15 июня 1882 г., согласно которому земли продавались самими башкирами, без торгов, исключительно казне и крестьянам-переселенцам.

В конце XIX в. купцы братья Хусаиновы владели значительным количеством купленной земли в Оренбургском, Орском, Челябинском и Троицком уездах, где пасся их скот, который осенью перегонялся в Оренбург на принадлежавшую им бойню [Денисов, 2009б, с.53].

Татарские предприниматели, занимающиеся первичной переработкой животноводческой продукции, арендовали у башкир-вотчинников пастбища для содержания скота. В конце XIX в. в Орском у. в распоряжении купцов Хусаиновых находилось 44 таких участка общей площадью 73745 дес. [Денисов, 2009б, с.53]. Другой группой лиц, заинтересованных в приобретении крупных земельных участков, являлись промышленники. В начале XX в. в Оренбургской губ. золотопромышленники братья Рамиевы за низкую плату арендовали Тамьяно-Тангауловскую вол. площадью до полумиллиона дес., в также значительную часть 1-й и 2-й Бурзянской волостей [Раимов, 1941, с.13].

Размеры купленных мещанами и крестьянами земель значительно уступали купеческим [Материалы для изучения, 1880, с.16–19]. Среди них татары составляли локальную группу. Татарские хлебопашцы покупали небольшие земельные участки (пашня, лес, выгон, сенокос), исходя из потребностей своих крестьянских хозяйств или обществ. В рассматриваемый период возможность для расширения пашни крестьяне видели в аренде угодий.

В результате размежевания башкирских дач лишь в конце XIX – начале XX в. припущенники получили сравнительно небольшие наделы. По мнению М.И.Роднова, «объективно размежевание земель между вотчинниками и припущенниками не допустило массового наплыва татар из густонаселенных северо-западных уездов на «свободные» башкирские земли, куда направился поток русских и других переселенцев. Татарские общины испытывали нехватку земельных угодий, а предпринимательские элементы преимущественно устремлялись в торговлю» [Роднов, 2004, с.394].

Крестьянский двор
в д. Ялган Чистополь-
ского у. Казанской
губ. Фото 1902 г.

Припущенники, получавшие в пользование в большинстве случаев наделы, которые были меньше занимаемой ими площади, стремились стать собственниками земли, представляя крепостные акты. Многие дела рассматривались в судебном порядке [Усманов, 1976, с.35]. В Бугульминском у. Самарской губ. 70 общинам татар и «башкир», как государственным крестьянам, в 1868 г. были вручены «владенные записи», однако в конце 1870-х гг. все 7164 хозяйства возбудили судебное разбирательство за неправильное их включение в разряд государственных крестьян, поскольку их земли были пожалованы их предкам государями или куплены предками. Общинам удалось доказать, что они являются собственниками своих наделов (имели в среднем 10 дес. на ревизскую душу), и освободиться от уплаты оброчной подати [Сборник статистических, т.5, с.29, 30, 422].

Объектом приобретения земель в Поволжье были, главным образом, угодья казны, удела и помещиков, в Приуралье в дополнение к ним имелись большие угодья башкир-вотчинников [Роднов, 2004, с.318].

К 1905 г. в Европейской части России частная земельная собственность обществ и товариществ составляла 14,5%, в Уфимской – 33%, в Оренбургской – 44,3% всех частновладельческих земель, что во многом объяснялось наплывом в край переселенцев. В Оренбургской губ. половину частного земельного фонда (451,9 тыс. дес.) – крупные земельные угодья – закрепили за собой торгово-промышленные товарищества [Усманов, 1976, с.29, 33]. Местным сельским обществам и товариществам принадлежали небольшие земли, относительно крупные

угодья среди них принадлежали, как правило, товариществам переселенцев, которые, приобретая землю в частную собственность, формально не образовывали обычную поземельную общину [Роднов, 2004, с.171].

Таким образом, главной тенденцией в земельных отношениях в рассматриваемый период у многонационального крестьянства были уменьшение наделных земель и наступление в Среднем Поволжье в 1880-е гг. земельного голода. При этом сохранялось значительное расхождение в размере душевых наделов между земледельцами Волго-Камья и Приуралья. Развитие хозяйств тормозили налоговое бремя, выкупные платежи, аграрная перенаселенность. Из татар только мещеряки, тептяри, бобыли и вотчинники являлись собственниками своих земель. Среди крестьян основная часть земли в собственность покупалась общинами. Новым явлением стало приобретение с целью расширения сельскохозяйственного производства наделов сельскими товариществами, объединявшими группы наиболее предприимчивых земледельцев.

Передел земли. Порядок землепользования крестьян определялся общинными традициями. Земледельческие общины подразделялись на три типа: простые (состоявшие из жителей одного селения), отдельные (несколько общин в одном селении), сложные (общины, объединявшие земледельцев

двух и более населенных пунктов). В административном отношении каждая раздельная община представляла одно сельское общество.

В 1907 г. в Казанской губ. среди земельных союзов доля раздельных общин, благодаря их относительно высокому удельному весу среди бывших помещичьих русских крестьян (37%) и мордвы (21%), составляла 18%. Раздельные общины были характерны и для многонациональных селений. Сложных общин насчитывалось 14,6%. Среди этой группы общин первенство принадлежало чувашским (50%) и марийским (60%), среди остальных этнических групп они составляли: у татар – 4%, у русских – 3%, у мордвы – 7%, у удмуртов – 11%. В губернии преобладали простые общины (68%): у татар – 95%, у удмуртов – 90%, у чувашей – 50%, у марийцев – 39%, у русских – 61%, у мордвы – 71% [Крестьянское землевладение, вып.13, с.38. Подсчитано нами].

Выделение в выселок из «материнских» селений было характерно для всех этнических групп. При переселении на новые участки татарские крестьяне порывали связи с прежним сообществом и превращались в самостоятельные общины. В ряде селений, в которых проживали потомки прежних служилых и ясачных татар, действовали раздельные общины. В Симбирской губ., например, 18 многообщинных татарских деревень объединяли по два сельских общества. Четвертное землевладение прежних служилых татар без раздела на наделы между хозяйствами являлось причиной функционирования среди них сложных общин [Николаев, 2003, с.303, 306, 308].

Если в дореформенный период коренные переделы регулировались систематически проводившимися ревизиями, то в пореформенное время, с 1880-х гг., общины по собственному усмотрению решали вопрос уравнительного землепользования крестьянских хозяйств. У татар переделы проводились, как правило, через каждые 12 лет [Сборник статистических, т.5, с.21, 30], реже – через 3, 5, 6, 15 лет [Общий свод, 1896, с.351–353]. В этом отношении закон от 8 июня 1893 г. об увеличении сроков между переделами крестьянской земли до 12 лет не внес серьезных изменений.

Коренные переделы не являлись стимулом для повышения производительности земельного надела. По существу община путем передела давала земли своим членам в аренду на определенное время. Владелец надела в связи с приближающимся переделом не был заинтересован в удобрении своей пашни. В очень редких случаях прежним владельцам оставались их наделы [Общий свод, 1896, с.361]. Кроме коренного передела в общинах с целью наиболее справедливого распределения земли практиковались частные переделы, когда одни хозяйства по тем или иным основаниям передавали часть своей земли другим дворам.

Чересполосица обеспечивала уравнительное распределение пахотных угодий. Разбросанность полос защищала крестьянина от природных бедствий [Роднов, 2004, с.208].

Вследствие накопления за обществами недоимок и несостоятельности части общинников в Уфимской и Оренбургской губерниях среди бывших государственных крестьян также стало распространяться распределение наделов по наличным душам. Среди вотчинников и припущенников, имевших большие наделы, сохранялся прежний порядок [Усманов, 1981, с.163,180]. В результате за прошедшие без коренных переделов десятилетия хлебопашцы стали воспринимать наделы как личную собственность. Внутри общины складывалось *неофициальное частное землевладение* [Роднов, 2004, с.289].

Одной из важных причин малоземельности дворов и экономической слабости крестьянских хозяйств были частые семейные разделы. Разделы и формирование двухпоколенных семей среди татар происходили более интенсивно: после смерти главы семейства, по желанию молодых вести самостоятельное хозяйство, вследствие семейных раздоров, в которых ведущую роль играл женский пол, и т.п. [Материалы для изучения, 1880, с.80; Н-гъ, 1869, с.28; Загидуллин, 1965, с.81–82]. Они приводили к разорению бедных и обеднению части середняцких хозяйств, превращению преуспевающего двора в маломощные хозяйства, к уменьшению средней обеспеченности хозяйств тягловой силой и скотом, на приобретение которых

требовались значительные материальные средства [Белькович, 1887, с.105].

С целью «затруднения семейных разделов» правительство законом от 18 марта 1886 г. поставило их разрешение в зависимость от решения сельского схода. Однако в татарских обществах не было принято вмешиваться во внутрисемейные дела односельчан.

Ученый-аграрник А.В.Чаянов отмечал, что в количественном росте работников крестьянского двора был заложен огромный потенциал [Чаянов, 1989, с.90–110]. Немало многопосевных дворов «кулаков» в действительности представляли собой большие семейные патриархальные хозяйства [Роднов, 2004, с.246–247]. Земские деятели также видели прямую связь между обеспеченностью хозяйств рабочими руками и «тягловой силой», которая, в свою очередь, влияла на площадь обрабатываемого надела и размер арендуемой земли [Сборник статистических сведений по Самарской, т.5, с.40, 65]. Например, в Малмыжском у. Вятской губ. за период с 1858 г. по 1884 г. численность татарского двора уменьшилась с 10,1 души об.п. до 5,5, среди них был самый высокий удельный вес маломощных хозяйств – 70,5% (6,5% дворов без работника, 64% – с одним работником) [Материалы по статистике, т.I, с.28]. В Казанской губ. за 30 лет средняя численность двора уменьшилась на 1/3, или до 5,7 чел. [Загидуллин, 1992, с.57–59]. В Бугульминском у. (1885 г.) в каждом татарском дворе насчитывалось 5,4 душ об.п., 72% хозяйств имели по одному работнику, 6,7% – не были обеспечены работником [Сборник статистических сведений по Самарской, т.5, с.13, 14, 40].

Арендные отношения. Аренда земли стала неотъемлемой частью аграрных отношений и являлась следствием взаимовлияния комплекса факторов в ведении крестьянского хозяйства. Арендные отношения можно условно разделить на несколько уровней: сдача или наем земли общиной, арендные отношения внутри общины, между крестьянами разных общин и т.п.

Фактическое землепользование крестьян не соответствовало их надельному землевладению. Сдача земель в аренду являлась следствием низкого благосостояния

хозяйств и имущественного расслоения пореформенной деревни. Земства отмечали, что сдача крестьянами душевых наделов в аренду была вызвана экономической несостоятельностью хозяйств и не означала того, что земли у них в избытке. Чем меньше был размер надельной земли у хлебопашцев, тем больше среди татар наблюдалось случаев надельной аренды: маломощные хозяйства, не имевшие рабочего скота, или инвентаря, или семян, сдавали «излишки» – неиспользуемые участки или часть наделов, а бесхозные – все наделы состоятельным однообщественникам или соседним земледельцам в оброк исполу или за деньги для уплаты налогов [Материалы по статистике, т.I, с.22, 111, 115; Сборник статистических сведений, т.5, с.86–87; Даишев, 1955, с.64–66].

В последней четверти столетия во всех уездах Самарской губ. татары и башкиры, как правило, передавали свои земли спекулянтам, в результате их наделы составляли меньше «средних», определявших их потребности [Сводный сборник, вып.1, с.64].

В подавляющем большинстве случаев наем или сдача земли всем обществом происходили в интересах большинства его членов. После неурожайных лет часть татарских сельских общин при уплате податей оказывалась в безвыходном положении. Обычно средством для получения необходимых денег становились их земельные наделы, преимущественно неудобные земли, пустоши, выгоны и луга. Часто получалось так, что община, не выдержав кормового голода скота, покупала свои земли обратно. Применялась также фиктивная аренда: кредиторам земля сдавалась под залог и при первом же урожае покупалась обратно. В 1880-е гг. в Казанской губ. за татарами числилась самая большая площадь сдаваемых крестьянами земель – 73,7% (4524 дес.), среди них 6 общин сдавали в аренду все угодья [Общий свод, 1896, с.378].

Другой существенной причиной сдачи земли в аренду «всем миром» являлись жесткие меры властей по взысканию с крестьян недоимок. В 1885 г. в результате такой политики, например, в Тетюшском у., в феврале-марте, т.е. когда шла уплата недоимок, крестьянами было сдано на сроки от 1 года до 12 лет 1564 дес. земель.

В пореформенный период увеличивалось число дворов, не занимающихся земледелием. Эти хозяйства были представлены крестьянами, оставившими свои хозяйства и нашедшими источник существования на стороне, и бесхозяйными. В Казанской губ. наибольшее количество таких дворов насчитывалось в русских бывших помещичьих общинах (17,7%), среди татарских – 9,8% [Общий свод, 1896, с.387].

Экономическая несостоятельность татарских хозяйств становилась главной причиной их неактивной аренды. В 1880-е гг. в Казанской губ. луга арендовала половина всех общин бывших русских владельческих и удельных крестьян, у татарских крестьян – только 1/5 часть сельских обществ. Почти такое же резкое отличие сохранялось и при найме пашни: у русских – 86% общин, у чувашей и мордвы – 50%, у татар – 41%. При найме пашни особо важную роль играло наличие поблизости свободных земель [Общий свод, 1896, с.427, 442].

По мнению Ю.И.Смыкова, в последней четверти XIX в. в Среднем Поволжье преобладала предпринимательская аренда, в южных уездах Самарской губ. образовывались капиталистические хозяйства фермерского типа, «принявшие для развития торгового земледелия наемную рабочую силу», усовершенствованные орудия и машины [Смыков, 1984, с.106–107, 116]. Татарские хозяйства, большинство которых имели наделы и пашни до 10 дес., входили в группу земледельцев с полунатуральной, патриархальной экономикой.

В 1892 г. по размерам наделной, купчей и арендной земли крестьян в Европейской части России первое место принадлежало Оренбургской губ. (22,5 дес.), за ней следовали Донская обл. (11,4), Астраханская (10,5), Уфимская (8), Самарская (6,9), Саратовская и Пермская губернии [Свод статистических, 1894]. Большую выгоду для предприимчивых крестьян в Приуралье представляли земли вотчинников, которые арендовались по необычайно низким ценам. Во второй половине XIX в. прослойки зажиточных дворов появились среди припущенников и вотчинников, среди башкирского и татарского крестьянства [Роднов, 2004, с.323].

Важно отметить, что в деревнях сформировались группы батраков и бедняков,

имелся избыток рабочей силы, численность которой по мере естественного прироста населения постепенно увеличивалась. В последней четверти столетия в Среднем Поволжье татарские бедняки и батраки составляли свыше половины членов своих общин (56,8% – в Казанской губ.), что заметно превышало численность аналогичной категории русских крестьян (39,7%) [Смыков, 1973, с.60]. На рубеже веков в регионе избыток рабочей силы составлял одну треть рабочего контингента [Материалы Высочайше учрежденной, ч.1, с.216–217, 348].

Формирование кулацкой прослойки в общинах происходило благодаря хозяйственной инициативе и рачительности отдельных крестьян, расширению пашни, интенсивному труду членов семьи, ростовщичеству и различным докапиталистическим формам эксплуатации бедных слоев односельчан (применение чужого труда в форме «услуги» или «помощи» и т.п.) [Зайнуллина, 2008, с.46–48]. Острое аграрное перенаселение, земельный голод, переходы к переделу по наличным душам ухудшали положение богатых хлебопашцев. На рубеже веков наметилась убыль кулацких хозяйств. В начале XX в. социальная структура поземельной общины Приуралья вплоть до первой мировой войны отличалась численным преобладанием патриархальных полунатуральных (бедняцко-средняцких) слоев – до 60% всего сельского населения, удельный вес кулацких хозяйств не превышал 10% [Роднов, 2004, с.297, 305].

Социально-экономическое развитие татарской деревни в целом определялось общей тенденцией неравномерного проникновения в сельскохозяйственные регионы капиталистических отношений. В Волго-Камье процессы уменьшения средней площади надела и средней обеспеченности хозяйства тягловой силой, увеличения числа безлошадных дворов наиболее интенсивно происходили в национальной деревне, где сформировалась группа хозяйств, не занимавшихся земледелием. По мнению П.И.Савельева, «подвижка вниз, граничившая с пауперизацией, не может быть признана в качестве капиталистической дифференциации» [Савельев, 1994, с.358].

Таким образом, в зонах господства традиционного полунатурального хозяйства при-

вычный уклад жизни не позволял активно развиваться росткам рыночной экономики, нередко приводил к деградации и регрессу. Уровень социально-экономического развития региона играл главную роль в развитии хозяйства для национального крестьянства. В зонах быстрого формирования предпринимательского хозяйства законы рыночной

экономики вторгались в жизнь патриархальной деревни, ломали общинные традиции [Роднов, 2004, с.381]. Оптимальные условия для организации капиталистических крестьянских хозяйств имелись в высокоплодородных южных уездах Поволжья и Приуралья с низкой плотностью населения и дешевой землей.

§ 4. Налоги и повинности бывших государственных крестьян Среднего Поволжья в 1866–1905 гг.

Олег Марискин

Сословные ограничения. В целом реформы 1860-х гг. закрепили один из пережитков крепостничества – сословность податной системы. Община сохранила обязательный тягловый характер. Крестьянство продолжало оставаться низшим податным сословием, которое обязано было нести на себе всю тяжесть подушной подати, выполнять разного рода денежные и натуральные повинности, рекрутчину. Крестьяне подвергались телесным наказаниям (для других сословий были отменены в 1863 г.), их не разрешалось принимать на государственную службу и т.п.

Создание в пореформенный период волостного (крестьянского) суда также свидетельствовало о сохранении значительных элементов сословного строя. Члены волостного суда ежегодно выбирались из крестьян на волостных сходах, из числа выбранных в судебных заседаниях участвовало не менее трех судей. Суды рассматривали гражданские (с исками, не превышавшими 100 руб.) и мелкие уголовные (драки, оскорбления, порча и истребление имущества и т.д.) дела

исключительно крестьян. В качестве наказания волостной суд мог приговаривать к общественным работам на срок до 6 дней, аресту до 7 дней, штрафу до 3 руб. и телесным наказаниям до 20 ударов розгами.

Последующие реформы в области местного управления, образования, военной службы расширяли права крестьянства: крестьянин мог быть избран в органы местного управления, ему открывался доступ в средние и высшие учебные заведения. Лица, окончившие высшие учебные заведения, а также средние учебные заведения с отличием, обладали правом поступления на государственную службу независимо от происхождения.

В 1874 г. рекрутские наборы были отменены, а призыву на военную службу подлежало все мужское население (21 год). Правда, это не снимало полностью сословную неравноправность крестьянства.

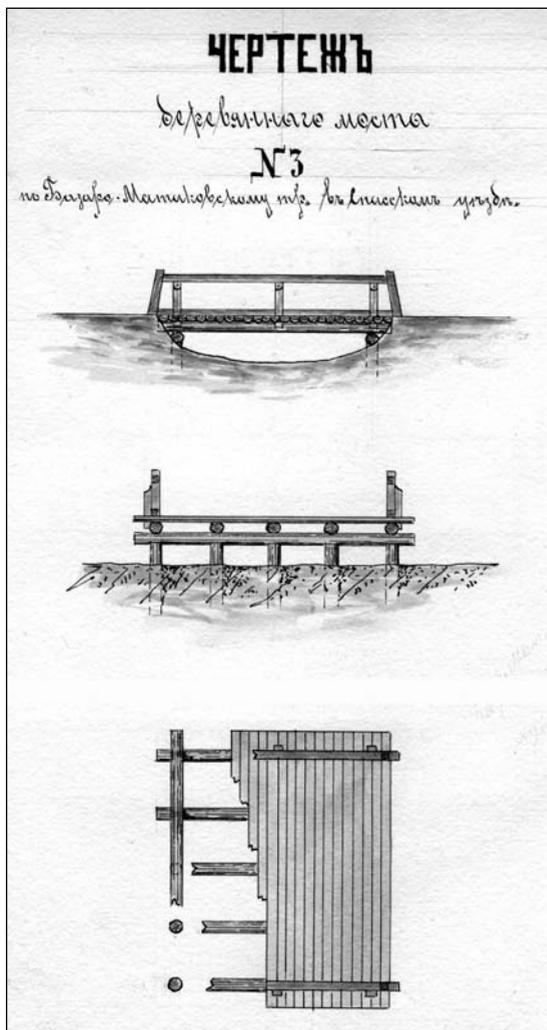
Натуральные повинности. Согласно «Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. крестьяне обязаны были платить следую-

Таблица 26

Состав крестьян Среднего Поволжья в пореформенный период (в %)

[Труды комиссии, 1872, с.4, 6, 8]

Губернии	Крестьяне		
	быв. государственные	быв. помещичьи	быв. удельные
Казанская	82,61	15,01	2,38
Пензенская	47,87	52,13	–
Самарская	64,43	16,34	19,23
Симбирская	8,31	42,38	49,32
Итого:	54,15	29,33	16,52

Чертеж деревянного моста №3 по Базаро-Матаковскому тракту в Спасском у. Казанской губ., который должны были построить крестьяне по дорожной повинности.

щие казенные и земские денежные налоги: 1) подушную подать; 2) сбор на обеспечение продовольствия; 3) земские сборы, как государственные, так и общие губернские и частные; 4) сбор на заготовление окладных листов по податям и сборам. В качестве самообложения крестьянские общины развешивали мирские сборы (волостные и сельские) и натуральные повинности.

В пореформенный период на крестьянские общества возлагались следующие земские натуральные повинности: дорожная (содержание в исправности грунтовых почтовых, торговых и военных дорог, соединяющих города губернские, уездные и

иные между собой и с местами пристаней, с крепостями и иными военными пунктами, мосты, плотины, гати и другие сооружения переправ; по водяным сообщениям содержание т.н. естественных бечевников по рекам судоходным и сплавным, озерам и заливам); подводная (содержание и предоставление подвод для разездов по делам службы должностных лиц полицейского, следственного и гражданского ведомства и для земской почты; выдача подвод для рекрутов и различных военных команд); постоянная (снабжение квартирами и квартирными потребностями чинов уездной полиции, некоторых чинов гражданского ведомства, а также расквартирование войск); арестантско-этапная (препровождение арестантов, когда с ними не было военного караула, предоставление помещения для ночлегов арестантов и стражи при них, отопление и освещение данных помещений, содержание подвод для своза арестантов). На сельские общества и землевладельцев всех сословий возлагалась обязанность истреблять вредных для полей и лугов насекомых и животных. На усмотрение земских учреждений выносилось право перевода натуральных повинностей в денежные платежи [Устав о земских, 1903, ст.2, 263, 264, 267, 268].

На основании «Положения о сельском состоянии» на крестьянские общества возлагались также мирские натуральные повинности: содержание общественного управления; устройство и поддержание сельских запасных магазинов; содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и каналов; содержание караулов в деревнях; призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества; принятие мер в случае пожаров (в т.ч. лесных), наводнений и т.п. [Положение о сельском, 1903, ст.361]. Исключительно на бывших государственных крестьянах дополнительно лежала лесная натуральная повинность по окапыванию и опахиванию лесов с целью создания противопожарных полос.

В целом, как справедливо отметил в начале XX в. Н.К.Бржевский: «Налагая на крестьян значительную тяготу, распределяясь весьма неравномерно и обременяя собою исключительно бывшие податные сословия, натуральные повинности, по общему свое-

Отправка обоза с рожью на мельницу. Уфимская губ. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в.

му складу и по своей бытовой обстановке, доньше носят на себе следы крепостного порядка, являются как бы пережитком дореформенной эпохи» [Бржевский, 1908, с.22].

Отправление постоянной повинности в условиях многонациональной Казанской губ. встречало препятствие, связанное с различными национальными обычаями местных жителей. В частности, в Спасском у. (1867 г.) постоянную повинность поквартированию войск выполняли только крестьяне православного вероисповедания. Крестьяне-мусульмане же уклонялись от этой обязанности [Муллагалиев, 2011, с.86].

Податные функции общины. Общинная собственность на землю являлась основой существования общины как податной единицы. Казенные, земские и мирские сборы по общему правилу распределялись на сходе между домохозяевами по тем же единицам, по которым разверстывалась между ними общинная земля.

Волостные сборы раскладывались между селениями на волостных сходах в большинстве случаев по числу ревизских душ [Бржевский, 1908, с.128]. Очевидна неравномерность такого обложения. Во-первых, со времени X ревизии, т.е. с 1858 г., число ревизских душ различных селений волости совершенно не соответствовало действительному количеству населения в них; во-вторых, ревизские души разных селений были различно наделены землей.

Что касается мирских сельских сборов, то часть их разверстывалась на одинаковых основаниях с казенными и земскими – именно те, которыми покрывались обязательные расходы сельского общества. Остальные мирские сборы нередко разверстывались на иных основаниях, смотря по их назначению. Так, сборы с пастухов и на содержание общественного быка распределялись по числу голов скота; сборы на ночных караульных и на пожарный обоз взимались поровну с каждого двора и т.п. [ГАРФ, ф.586, оп.1, д.586, л.14об.–15].

В пореформенный период идея прогрессивно-подоходного налогообложения не получала поддержки в крестьянской среде: общины ни один из видов обложения не соизмеряли с общей доходностью хозяйства. В том, что раскладка податей была строго привязана к земельной разверстке, сказался традиционный взгляд на экономическое и податное значение земли как главного капитала, находящегося в распоряжении крестьян. Общая совокупность дохода двора как основание для раскладки сборов более чем всякое другое основание, по мнению крестьян, способно было породить «злоупотребления сельских сходов». При этом сельские общества вполне последовательно не допускали льготного обложения заурядных или временно нуждающихся домохозяев, были лишь крайне редкие исключения.

Исправное или неисправное поступление платежей с земельных участков служи-

ло формальным критерием оценки рабочей способности семьи. С этой целью община была облечена дисциплинарным правом. Именно в системе принудительных мер заключалась главная сущность круговой поруки. Но в то же время, являясь союзом «по владению надельной землей», она во многом сохраняла демократические черты. В действительности, в податном отношении сельская община выступала своеобразным барьером-буфером: с одной стороны, она была механизмом фискального изъятия, составной частью государственной налоговой системы, с другой – предохраняла крестьян от произвола чиновников при сборе налогов, была инструментом борьбы с чрезмерным налоговым гнетом. Сельские общества, как правило, не употребляли принуждения по отношению к отдельным членам, прибегая к этому лишь под давлением полиции [РГИА, ф.91, оп.2, д.756, л.10об.].

На первом месте по применению принудительных мер стояли опись и продажа имущества. Опись имущества неплательщиков отмечалась в конце XIX в. в около 60% недоимочных селений России, продажа имущества – в 4 – 20% селений к числу селений, в которых была проведена опись [Свод сведений, 1898, с.XLIII].

Сельская администрация также оказалась подвержена давлению со стороны полиции [РЭМ, ф.7, оп.1, д.1339, л.3]. Так, в Спасском у. Казанской губ. арест крестьян-неплательщиков производился на срок от 3 до 5 суток, а сельского старосты за неисправный сбор – от 5 до 14 суток [РЭМ, ф.7, оп.1, д.466, л.29].

В Чистопольском у. практиковался запрет на продажу крестьянами хлеба до тех пор, пока неисправные общества не заплатят хлебом вообще всех лежащих на них сборов [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7482, 3об.].

К концу XIX в. крайне редко наблюдалось разверстывание недоимки между плательщиками по приговору схода, что свидетельствовало об отмирании круговой поруки [Симонова, 1969, с.173]. Формально отмена круговой поруки при сборе крестьянами налоговых платежей происходила поэтапно. В 1869 г. была отменена круговая порука при уплате прямых налогов (кроме выкупных платежей) для селений, насчитывавших ме-

нее 40 ревизских душ [Министерство финансов, ч.1, 1902, с.478]. Законом от 23 июня 1899 г. селения или часть их с общинным пользованием, владеющие по ревизскому счету менее 60 душевыми наделами, освобождались от круговой ответственности по всем казенным и земским окладным сборам. Введение института земских начальников существенно уменьшило значение полиции в качестве органа взыскания казенных и земских сборов [Бржевский, 1908, с.14]. Податные же инспекторы, напротив, усилили надзор за правильной постановкой в волостях налогового счетоводства, за порядком хранения общественных сумм и передачей их в соответствующие ведомства.

Закон от 23 июня 1899 г. предоставил сельским обществам право самим устанавливать в течение года сроки, в которые каждое селение в отдельности обязано было вносить известную долю годового оклада. С 1899 г. общества, состоявшие из двух и более селений (сложные общины), начали разделяться на отдельные податные единицы, и окладной лист получало каждое селение.

В Казанской губ. установленные вначале частные сроки во многих селениях не совпадали со временем сбыта хлебов и занятий крестьянами сторонними заработками, т.е. с наивысшей платежеспособностью, что также подвигло администрацию к их пересмотру. В частности, в Казанском, Мамадышском и Чебоксарском уездах постановлениями уездных съездов уже в течение 1900 г. были установлены новые частные сроки [НА РТ, ф.3, оп.1, д.6550, л.3], с перенесением основной тяжести выплаты налогов на осенний период. По имеющимся в нашем распоряжении приговорам сельских сходо́в за 1901–1914 гг. в Казанской губ. в основном устанавливалось 4–6 частных сроков выплаты казенных и земских налогов.

Установление частных сроков выплаты побудило плательщиков более сознательно относиться к податным обязанностям и устранило возможность прежнего беспорядочного накопления недоимок и произвольного применения круговой поруки.

Законопроектом от 12 марта 1903 г. уплата окладных сборов была перенесена на личную ответственность каждого домохозяина, как с общинным, так и с подворным (наслед-

ственным) владением земель. Распоряжение взысканием недоимок возлагалось на податного инспектора, от которого зависело применение в отношении недоимщиков тех или иных принудительных мер взыскания или же причисление недоимки к окладу, если ее размер не превышал 20% от него.

Подушная подать. После реформы подушная подать по-прежнему оставалась ос-

новной податной тяжестью для крестьянства. В целом, в 1867 г. подушные сборы составляли 44,3% всех налоговых поступлений государства. Подушная подать в зависимости от местных условий варьировала по России от 1 руб. 15 коп. до 2 руб. 61 коп. [Министерство финансов, ч.1, 1902, с.476–477], по Среднему Поволжью – от 1 руб. 68 коп. до 1 руб. 78 коп. [Труды комиссии, 1872, с.4, 6,8].

Таблица 27

Оклады подушной подати и заменявших ее сборов с крестьян Среднего Поволжья в 1872 г. (руб. с 1 ревизской души) [Труды комиссии, 1872, с.4, 6, 8]

Губерния	С быв. государственных крестьян	С быв. помещичьих крестьян	С быв. удельных крестьян
Казанская	1,78	1,78	1,78
Пензенская	1,68	1,68	–
Самарская	1,78	1,78	1,78
Симбирская	1,82	1,88	1,88

В 1875 г. к подушной подати были присоединены взимавшийся по подушной системе государственный земский сбор и общественный сбор с бывших государственных крестьян. К 1875 г. подушная подать возросла до 49,5%, затем постепенно снизилась и составила в 1884 г. 34,7% от всех налогов [Статистический временник, вып.15, 1886, с.150–151].

До конца 60-х гг. XIX в. податная политика характеризовалась нарастанием прямого обложения, твердым курсом в сфере применения мер принудительного взыскания, отсутствием налоговых льгот.

Отмена в 1886, 1887 гг. подушной подати была важным шагом на пути замены сословного налогообложения налогами по имущественному признаку. Реформы Н.Х.Бунге положили начало модернизации российской системы налогообложения и тем самым способствовали процессу индустриализации страны.

Однако параллельно с общим облегчением податных повинностей по государственным платежам в источниках отмечался рост косвенного обложения и мирских сборов [Податная инспекция, 1910; Статистические данные, 1883; Статистический временник, вып.13, 1886]. По подсчетам А.М.Анфимова, с 1881 г. по 1894 г. только мирские расходы крестьян Европейской России увеличились почти вдвое [Анфимов, 1984, с.79].

После отмены подушной подати продолжались взыскания недоимок: с 1888 г. по 1891 г. перевыручка по бюджету составила 209,4 млн. руб. [Шванебах, 1903, с.13].

Поземельное обложение. В губерниях, где вводились земства, с изданием временных правил изменилось, прежде всего, само понятие земских повинностей. Временные правила, с одной стороны, ограничивали понятие о земских повинностях, выделяя из их состава государственные и частные, а с другой – расширяли это понятие введением губернских и уездных земских повинностей [Труды комиссии, 1869, с.9]. Тем самым было положено начало разделению бюджетов России на несколько уровней. Губернские и уездные земские сборы, по сути, составили местный бюджет регионов.

Государственные земские повинности представляли собой собственно казенные подати [Васильчиков, 1870, с.305]. Средний душевой сбор составлял в 1865 г. 98 коп. (от 33 коп. до 1 руб. 33 коп.) [Труды комиссии, 1869, с.10].

1 июня 1870 г. при составлении сметы государственных земских повинностей на трехлетие с 1872 г. четвертая часть от общей суммы была переложена с душ на сбор с земли «всех без различия» владельцев (раскладка остальных 3/4 оставлена на существующем основании). Сбор был исчислен

к поступлению 40,5% в год, из них 60,5% отнесено на земли крестьян [ГАРФ, ф.678, оп.1, д.684, л.12–12об.].

Указом от 10 декабря 1874 г. было прекращено отдельное существование государственного земского сбора как самостоятельной доходной статьи. При раскладке этого сбора были введены некоторые изменения

в распределение губерний по разрядам и дополнительно привлечены к обложению имущественные классы. Так, Казанская губ. была причислена к более высокому IV разряду, а Самарская – понижена на один и отнесена к VIII разряду [Вестник финансов, 1884, с.139–140; Труды комиссии, 1879, с.54–56].

Таблица 28

**Раскладка государственного поземельного налога в конце 1870-х гг.
для земель сельских обществ**

Губерния	Разряд	Оклад на 1 дес. удобной земли, коп.			Среднее обложение 1 дес., коп.
		средний	низший	высший	
Симбирская	II	8,00	0,25	31,00	12,20
Пензенская	III	6,20	4,00	8,25	6,40
Казанская	IV	4,50	0,90	6,10	4,81
Самарская	VIII	1,10	0,02	10,50	1,04

В основе поземельного обложения лежала двойная расценка земли: классификация губерний как отдельных единиц обложения для установления общих сумм налога с каждой из них; расценка земель внутри губерний для распределения этих сумм между различными по доходности частями губерний. Вследствие разнообразной доходности земли в пределах губерний налог взимался с каждого плательщика не в размере среднего по губернии оклада, а по частным окладам, установленным местными учреждениями. Так, при среднем размере обложения в 4,5 коп. с 1 дес. в Казанской губ. низший оклад был определен в 0,9 коп., а высший – в 6,1 коп. [РГИА, ф.573, оп.1, д.117, л.3].

В 1883 г. после пересмотра поземельного обложения за основание исчисления окладов налога были приняты данные о количестве, ценности и доходности земель (табл.29).

Государственный поземельный налог имел раскладочную форму. Законом от 17 января 1884 г. раскладка этого налога между уездами предоставлялась губернским земским собраниям, а в пределах уездов – уездным земским управам на основаниях, установленных для раскладки местных земских сборов.

Таким образом, общий итог всех прямых повинностей бывших государственных крестьян складывался из отдельных налогов, установленных в разное время и расклады-

ваемых своеобразно, без соотношения с другими платежами и большей частью безо всякого отношения к платежной силе вообще, что значительно подрывало как экономические основы крестьянского хозяйства, так и финансовую стабильность России.

Земские сборы. Губернские и уездные земские сборы с надельных земель в среднем по России увеличились в 1871–1900 гг. на 109,1%, в т.ч. в Казанской губ. – на 150%, в Симбирской – 107, в Пензенской – 100, в Самарской – на 14,29% (табл.30). Незначительное повышение земских сборов в последней губернии было связано с понижением их в период голода 1891–1892 гг. на 40% [ГАСО, ф.150, оп.3, д.296, л.21].

С 1880 г. по 1901 г., прямые налоги дали прирост в 50 млн. руб. Доход от них увеличился с 172,9 до 220,9 млн. руб. В то же время доход от косвенного обложения возрос на 108% – с 393 до 819,6 млн. руб. Причем особенно значительный рост приходился на период министерства С.Ю.Витте: с 1880 г. по 1892 г. доход от косвенного обложения возрос на 37%, а с 1892 г. по 1901 г. – на 50% [Шванебах, 1903, с.31].

В конце XIX в. из всех групп плательщиков прямых налогов основной по-прежнему оставалось крестьянство, «несущее» на себе 121,3 млн. руб. (86%), или свыше 6/7 от общего окладного обложения в 141 1/4 млн. руб.; и только около 1/7 распределялось (поч-

Таблица 29

Оценка земли и оклады государственного поземельного налога и земских сборов на 1883 г. по губерниям Среднего Поволжья [РГИА, ф.573, оп.1, д.325, л.13, 29, 35, 37; ГАПО, ф.60, оп.1, д.4011, л.76–98; ГАПО, ф.60, оп.1, д.4602, л.99–115]

Губерния	Государственный поземельный налог		Среднее обложение земским сбором, коп. с 1 дес.	Увеличенный налог с земским сбором		Количество земли сельских обществ, в дес.	Всего ГПН с сельских обществ, руб.
	обложение до 1883 г., коп. с 1 дес.	размер предполагаемого увеличения, %		с 1 дес., коп.	отношение к доходу (% стоимости)		
Казанская	4,60	77	12,3	20,46	8,3	3 197 916	261 092
Пензенская	6,30	114	20,9	34,40	8,4	1 823 248	246 528
Самарская	1,06	271	6,2	10,14	8,6	6 578 818	247 006
Симбирская	8,01	54	12,4	24,76	6,7	1 691 341	294 020

Таблица 30

Средний оклад земских платежей с наделных земель в губерниях Среднего Поволжья, коп. на 1 дес. [Материалы высочайше, ч.2, 1903, с.258–262, 290]

Годы	Самарская губ.	Казанская губ.	Симбирская губ.	Пензенская губ.	По 50 губерниям
1871–1875	7	12	14	13	11
1876–1880	7	14	19	19	14
1881–1885	10	19	21	22	16
1886–1890	10	20	21	21	17
1891–1895	6	26	25	24	20
1896–1900	8	30	29	26	23

ти поровну) между 2 категориями – частными землевладельцами (6,9%) и городскими жителями (7,1%) [Свод данных, 1902, с.11].

Мирские сборы. Структурная организация сельского общинного управления оставалась практически неизменной до революции 1917 г.: по закону оно состояло из сельского схода и сельского старосты. Сельский сход состоял из крестьян-домохозяев сельского общества и, кроме того, из всех выборных сельских должностных лиц. Домохозяин (глава семьи) являлся представителем семьи перед властями, перед общиной, перед религиозной организацией, он отвечал за свой дом, хозяйство, уплачивал все подати, он же был ответчиком за все проступки и дела своих домочадцев. В Мамадышском у. Казанской губ. (обследовано 306 общин) на сход созывались как семейные, так и бобыли, но последние получали право голоса при условии, если брали на себя часть земельного пая [РГИА, ф.91, оп.2, д.777, л.298]. В татарских селениях на

внутриобщинную жизнь традиционно большое влияние оказывало мусульманское духовенство.

Кроме сельского старосты общества могли выбирать и других должностных лиц: сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей и т.п.

После реформы сельское общество стало исполнять роль низовой административной единицы, выступало перед государством в качестве единого юридического лица по выполнению административных, хозяйственных, финансовых и судебных обязательств.

По обычаю община имела право на самообложение. Мирские сельские сборы отличались от прочих податей и сборов прежде всего тем, что вначале предварительно определялись потребности общины, а потом в соответствии с ними община определяла сумму налога. Крестьянские общества устанавливали мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение

Бедняки-татары. Казанская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.

сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей [Сборник статистических, 1883, с.86]. Содержание мечетей, духовенства и школ у мусульман осуществлялось в рамках норм шариата и обычного права. В целом на содержание должностных лиц из сельских сборов в начале 80-х гг. XIX в. в губерниях Среднего Поволжья расходовалось около 35% всех денежных средств [Статистический временник, вып.13, 1886, прил.].

Кроме сельских сборов на крестьян накладывались волостные расходы, значительную долю которых составляли административные. В пореформенный период волость представляла собой не столько единицу самоуправления, сколько территориальную единицу управления крестьянами. На уровне волости административные функции выполняло волостное правление. Во главе волости стояли волостной старшина и его помощник, в штате волостного правления находились сельские старосты, сборщики налогов, полицейские десятские и сотские, стражники, писари. Суд над крестьянами вершили волостные судьи. Важнейшие дела

решались на волостном сходе, на котором присутствовали выборные от всех селений. Обязательный волостной сход собирался ежегодно в конце года, на нем рассматривались сметы сумм, употребляемых на содержание волостного правления [ГАРФ, ф.586, оп.1, д.115, л.67].

По данным 46 губерний Европейской России, в 1881 г. 45,3% мирских расходов шло на жалование должностным лицам, 10,3 – на содержание общественных зданий, 26 – развозных лошадей, 6,1 – на народное образование, 2,5% – «на народное здравие» [Статистический временник, вып.13, 1886, с.20]. В Среднем Поволжье на жалование должностным лицам, содержание общественных зданий, канцелярские расходы, командировки, суточные тратилось более 90% всех волостных сборов [Статистический временник, вып.13, 1886, с.272–273]. Плату получали писарь и сборщик подати, остальные сельские должностные лица исполняли обязанности без оплаты и в большинстве случаев освобождались от несения мирских натуральных повинностей [РГИА, ф.91, оп.2, д.768, л.3об; д.777]. В Казанской губ. жалование волостных старшин составляло в различных общинах от 110 до 300 руб., волостных писарей – от 480 до 1040, сельских старост – от 47 до 488, сборщиков податей – от 50 до 485 руб. [НА РТ, ф.156, оп.1, д.17, л.5–6].

В 1895 г. в 47 губерниях Европейской России ежегодно на содержание волостного управления тратилось 80% всех волостных расходов [Леонтьев, 1914, с.83].

Н.Бржевский в конце XIX в. констатировал факт соответствия увеличения мирских расходов облегчению тяжести казенных повинностей [Бржевский, 1908, с.200], т.е. как только казенные платежи понижались, немедленно возрастали мирские расходы, поглощая иногда всю или большую часть дохода, освободившегося от понижения казенного обложения.

По данным отчетов податных инспекторов, общие мирские сборы в конце XIX – начале XX в. (за исключением голодных 1891–1892 гг.) выросли в 2,9 раза и составили в 1912 г. по Среднему Поволжью 6873,1 тыс. руб., по Казанской губ. – соответственно в 3 раза. Если с 1 дес. облагаемой земли в 1893 г. выплачивалось в среднем 18 коп., то в 1912 г. – 50 коп.

Таблица 31

Поступления казенных, земских и мирских сборов с крестьян Казанской губ. в конце XIX – начале XX в. [РГИА, ф.573, оп.1, д.1254–1274; оп.17, д.23734, 23750, 23756, 23759, 24091, 24093, 24101, 24117, 24134, 24141, 24144, 24184, 24185; оп.18, д. 24261, 24399, 24428, 24512, 24611, 24699, 25267, 25273, 24720, 24819, 24830, 27156, 27171, 27177, 27180; оп.25, д.332–354, 789–805, 1005–1023, 1078–1098; Свод сведений, 1898; 1899; ч.1, 1902; Свод сведений, 1902; 1907; 1909; 1910]

Годы	В тыс. руб.			Доля в %		
	казенные	земские	мирские	казенные	земские	мирские
1891	287,36	225,44	301,60	35,28	27,68	37,03
1892	1370,33	563,86	483,90	56,67	23,32	20,01
1893	3214,06	865,19	472,40	70,61	19,01	10,38
1894	2809,61	910,51	442,60	67,49	21,87	10,63
1895	4604,58	1064,18	898,60	70,11	16,20	13,68
1896	2810,92	912,30	883,20	61,02	19,81	19,17
1897	3000,64	905,49	918,00	62,20	18,77	19,03
1898	854,85	354,37	835,10	41,82	17,33	40,85
1899	3502,64	1110,53	1147,20	60,81	19,28	19,92
1900	3732,80	1079,50	1074,50	63,41	18,34	18,25
1901	2600,10	963,60	1098,30	55,77	20,67	23,56
1902	2708,30	1040,70	1098,00	55,88	21,47	22,65
1903	3034,30	1262,50	1123,40	55,98	23,29	20,73
1904	2853,90	1106,70	1109,40	56,29	21,83	21,88
1905	1211,30	835,00	1098,00	38,52	26,56	34,92
1906	189,2	262,2	874,6	14,27	19,77	65,96
1907	574,4	1253,9	1235,40	18,75	40,93	40,32

До 1905 г. мирские сборы были заметно меньше казенных налогов, с отменой выкупных платежей их «тяжесть» сравнялась. В то же время поступление мирских сборов превышало земские платежи в среднем в 1,4 раза. Анализ показателей поступлений показывает достаточно стабильную выплату крестьянами мирских налогов даже в годы неурожая, что свидетельствовало об их приоритете для сельского населения в отличие от казенных и земских сборов.

В конце XIX – начале XX в. в структуре мирских расходов соотношение волостных и сельских сборов было практически одинаковым и составляло по губерниям Среднего Поволжья 1:1,5. Доля, идущая на содержание волостного и сельского административного аппарата, в связи с относительным ростом сборов сократилась и составила в 1905 г. 27% (в 1881 г. – 45,3%). Более 9% из мирских сумм составляли расходы на народное образование и столько же на религиозные потребности, около 8% тратилось на

уплату казенных, земских и других сборов, 5% – на подводную повинность [Мирские доходы, 1909, с. XXXII, XXXIV; Мирские доходы, 1895, с. XIX, XXXI]. В этот период значительно возросли сборы, использовавшиеся на покрытие сельскохозяйственных расходов (более 15%)³¹.

В дальнейшем мирские траты на сельскохозяйственные потребности еще более увеличились, что говорило об их первостепенной важности для крестьян [Попов, 1915, с. 10]. Таким образом, волостные и сельские мирские сборы в конце XIX – начале XX в. представляли собой, по сути, местный бюджет, обеспечивавший крестьянскую общину существенными финансовыми ресурсами, определенной долей власти и компетенции в масштабах селения, волости и уезда.

³¹ В Казанской и Самарской губерниях общественный сбор с бывших государственных крестьян составлял 38 коп. с души, в Пензенской губ. – 39 коп. [Труды комиссии, 1872, с. 16–17].

Тяжесть налогообложения. В пореформенный период общая сумма собираемых с крестьян налогов не соответствовала доходности их наделов и крестьянского полевого хозяйства в целом [Бехтеев, 1902; Нужды деревни, 1904; Шванебах, 1903]. В материалах правительственной комиссии отмечалось, «что в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность в 5 раз» [Доклад высочайше, 1873, с.35–36]. Данное обстоятельство привело уже в 70-х гг. XIX в. к росту недоимок. Недоимок за крестьянами Казанской губ. к 1875 г. насчитывалось 451800 руб., к 1882 г., за 7 лет, недоимки увеличились более чем в 6 раз. Через 9 лет, к 1891 г., в недоимках по налогам состояло уже 8405807 руб., т.е. они увеличились за этот период в 3 раза, а за весь 16-летний период – в 18,6 раза [Энгельгардт, 1892, с.50].

Податное положение крестьянского хозяйства после неурожая и голода 1891–1892 гг. было катастрофическим. Так, если к 1 января 1891 г. у крестьян Казанской губ. числилось около 410000 лошадей, то к 1 января 1892 г. лошадей осталось всего 280000 [Энгельгардт, 1892, с.7]. Остальные погибли вследствие недостаточности кормовых средств. К 1 января 1892 г. недоимка возросла до 12,5 млн. руб.

Архивные документы пестрят многочисленными ходатайствами сельских обществ об отсрочке сборов и выдаче ссуд на продовольствие и обсеменение полей. Было много желающих переселиться в Сибирь [НА РТ, ф.1, оп.3. д.8447, л.50–372]. В то же время в 1891–1892 гг. правительством было выдано «ссуды на продовольствие и обсеменение» около 13 млн. руб. [Энгельгардт, 1892, с.8].

Недоимок к концу 1891 г. накопилось по Европейской России по всем окладным сборам 72,6%, в т.ч. продовольственных – 41,3% к окладу, казенных – 79,1%, земских – 75,1%, мирских – 17,3% [Свод сведений, 1898, с.П]. Отношение недоимок к окладам казенных и земских сборов по Самарской губ. достигло 625%, Казанской – 469%, Симбирской – 374%, Пензенской – 370% (табл.32).

В 1893 г. на наличную мужскую душу в среднем приходилось недоимок по окладным сборам в Казанской губ. 14,02 руб., в

Пензенской – 8,61, в Самарской – 15,69, в Симбирской – 6,96 руб. [Задолженность сельских, 1894, с.6, 11, 13]. Недоимка на 1 дес. в Пензенской губ. составляла 266 коп., в Симбирской – 226, в Самарской – 245, в Казанской губ. – 394 коп. (самая значительная по России) [Свод сведений, 1898, с.П–IV].

Сумма платежей была обратно пропорциональна размеру крестьянского надела: чем больше надел, тем меньше приходилось платежей на 1 дес., и наоборот, чем надел меньше, тем больше была сумма платежей с 1 дес. По данным подворной переписи 1882–1883 гг., в Самарском у. крестьянин, владеющий наделом от 1 до 2 дес. на ревизскую душу, уплачивал в год всех платежей около 5 руб. с 1 дес., тогда как крестьянин с наделом в 8 и 10 дес. – не более 1 руб. 50 коп. с 1 дес. [Сборник статистических, 1883, с.12–13]. По данным подворных переписей Самарской губ., во второй половине 1880-х гг. выкупные платежи составляли 38,4%, государственные платежи – 13,6, земские сборы – 15,1, волостные и мирские сборы – 33% налоговых тягот хозяйств [Сборник статистических, т.1–6].

В расчете на 1 работника соотношение суммы всех сборов в Казанской губ. выглядит иным: на бывшего государственного крестьянина приходилось 19,52 руб., бывшего удельного – 19,94 руб., бывшего помещичье-го – 16,86 руб. [Дудкин, 1884, с.111, 125].

У трех сословий крестьян налог для бедных был одинаково тяжел и составлял почти четвертую часть валового дохода, не покрывавшего насущных потребностей и состоявшего преимущественно в сторонних заработках. Между тем и для богатой семьи налог, составлявший, по расчетам Анучина, в среднем 40–50 руб. (от 13 до 20%), не мог называться малым при чистом доходе в 200–300 руб. [Анучин, 1881]. По данным бюджетных исследований, в Казанской губ. налоговые платежи крестьян в конце XIX в. изымали от 3 до 5% валового дохода, в богатом хозяйстве – 14% чистого дохода, в среднем – 28%, в бедном – 52% [Станишевский, 1899, с.14–17; Шерих, 1899, с.25–30; Комаров, 1900, с.17–20; Износков, вып.П, 1900, с.16–23, 38–42; Износков, вып.П, 1900, с.27–41].

А.П.Энгельгардт, анализируя податную тяжесть крестьянских хозяйств в Казанской

Таблица 32

Недоимки по окладным сборам крестьян Среднего Поволжья в 1893 г.
[Задолженность сельских, 1894, с. XXVII]

Губерния	Общая недоимка налогов, руб.	Процент недоимок по сборам			Процент недоимок к итогу по России
		казенным	земским	мирским	
Казанская	13548236	93,0	6,3	0,7	11,44
Пензенская	5946171	82,1	16,4	1,5	5,02
Самарская	17547148	90,8	8,2	1,0	14,81
Симбирская	4730810	84,6	11,0	4,4	3,99
По России	118475442	81,0	15,6	3,4	100,00

и других Средне-Волжских губерниях, отмечал: «По отношению к доходности налог поглощает 1/6 часть валового дохода. Сравнить налоги с чистым доходом не представляется возможным, потому что в сущности чистого дохода в крестьянских хозяйствах нет, а на исчисленную нами теоретически доходность с сельскохозяйственных капиталов налоги падают в размере 53,2%.

Все это указывает на несоответствие получаемого дохода в крестьянских хозяйствах с затрачиваемым капиталом, на несоответствие до такой степени значительное, что получаемого дохода едва хватает на содержание работника и его семьи, а также на малопродуктивность земледельческого промысла, на ненормальные условия, в которых находится этот промысел. Этим же обстоятельством объясняется накопление недоимок» [Энгельгардт, 1892, с.50].

Данные бюджетных исследований крестьянских хозяйств 13 губерний Европейской России (1870–1880 гг.) показывают, что налоговые платежи изымали в среднем от 5,5 до 27,1% валового и от 11 до 76% чистого дохода от сельскохозяйственной деятельности [Материалы высочайше, ч.3, 1903, с.208].

Уплачивая каждый раз налоги частью оборотного капитала, население с каждым разом становилось экономически слабее и менее способным добывать недостающий капитал, что вело к нарастанию недоимок, несмотря на уменьшение прямых налогов в конце XIX в.

Экономическая и налоговая тяжесть вызывала законный протест со стороны крестьян. В пореформенный период зна-

чительное место в крестьянском движении Среднего Поволжья занимали выступления, направленные в первую очередь против непосильных налогов, платежей и повинностей. Крестьяне решительно отказывались платить многочисленные сборы – оброчные, выкупные, подушные, земские, мирские, государственные, страховые и т.п. По подсчетам Ю.И.Смыкова, на борьбу против податей и повинностей в 1861–1865 гг. приходилось 51,5% от всех выступлений в регионе [Смыков, 1973, с.111–112].

Революционные события заставили государство объявить о прекращении взимания выкупных платежей с 1907 г. и об уменьшении их суммы наполовину с 1906 г. Однако крестьяне продолжали выплачивать недоимки прошлых лет по этому налогу. По манифесту от 21 февраля 1913 г. (по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых), были формально сложены все недоимки по отменным выкупным платежам [Министерство финансов, 1914, с.102]. Таким образом, окончательно была ликвидирована финансовая сторона крестьянской реформы 1861 г.

В начале XX в. общая тяжесть налогов и платежей крестьянства несколько ослабла. По вычислениям А.М.Анфимова, соотношение всей суммы налогов и платежей к доходу сельского хозяйства составляло в 1901 г. 28,74%, в 1904 г. – 24,80% [Анфимов, 1984, с.111]. После отмены в 1907 г. выкупных платежей налоги и сборы с крестьян не превышали в среднем 12,86% дохода [Вайнштейн, 2000, с.84]. Доля прямого и косвенного обложения крестьянства Среднего Поволжья соответствовала общероссийскому уровню, налогами изымалось 11,7% дохода

Голодный год. Изба крестьянина Салаватова в д.Кадомке Сергачского у. Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1891–1892 гг.

[Краткие бюджетные, 1915; Итоги оценочно-статистического, 1923]. Это положительно влияло на развитие крестьянского хозяйства и в целом экономики страны.

Революционные события начала XX в. заставили государство объявить о важных реформах, таких как отмена круговой поруки среди сельского населения (1903 г.), изменение паспортного режима (1906 г.), отмена особых правил о наказуемости крестьян, подведомственных волостному суду (1906 г.), получение права на выход из об-

щины (1906 г.), уравнение в правах крестьян с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, в духовное звание и монашество (1906 г.), окончательная отмена подушной подати (1907 г.), отмена выкупных платежей за землю (1907 г.). Введение представительного учреждения, обретение политических прав привели к тому, что крестьянское сословие юридически утратило свои специфические сословные ограничения и стало быстро превращаться в класс.

ГЛАВА 6

Приходские мусульманские духовные лица

Ильдус Загидуллин

После падения Казани духовное развитие татар находилось в состоянии стагнации. Уничтожение системы финансирования исламских институтов, содержащихся в значительной степени за счет вакуфов и поддержки государства, и другие факторы привели к трансформации функций, состава и наименования званий приходского духовенства.

Разительные изменения, произошедшие в регионе, заметны при сопоставлении званий духовенства бывшего Крымского ханства и Волго-Уралья в русский период. Так, в Крыму существовали следующие духовные звания: муфтий, кадий-эскер, кадий (занимался судопроизводством по шариату), хатиб, имам муэдзин, ферраши (слуга при мечети), шейх (старшина в тэкие), мударрис, гочи (учитель мектебе). Каждый из них, как правило, исполнял только свои духовные обязанности [Загидуллин, 2009, с.90–94]. В малочисленных татарских сельских общинах, не имевших возможности содержать нескольких религиозных деятелей, духовное лицо выполняло одновременно несколько функций: имама – руководил общественной молитвой и исполнял духовные требы у местных жителей; казия (судьи) – решал вопросы наследства и споры между прихожанами; мугаллима (мударриса) – преподавал основы ислама. В XVII–XVIII вв. в татарских махаллях духовных лиц именовали «абызами» и (или) «муллами». Ш.Марджани писал, что в предыдущие века каждого муллу и человека, умеющего читать и писать, именовали «абызом», от слова «хафиз» (лицо, наизусть знающее Коран) [Мәржани, 1989, б.242–243]. Наименование «мулла» (от араб. *маула* – владыка, господин, служитель культа, почетный титул ученых людей) часто употреблялось как синоним слова «имам» [Фархшатов, 2006, с.286]. Примечательно, что в имперский период в делопро-

изводстве всех приходских духовных лиц стали именовать муллами, они делились на «указных», т.е. назначенных властью, и «неуказных» – общественных духовных лиц, не прошедших процедуру утверждения в установленном законом порядке. В мусульманских приходах Среднего Поволжья безуказные муллы встречались еще в конце первой четверти XIX в. [Кобзев, 2007а, с.76], в отдельных местностях Приуралья – в начале 1880-х гг. [Фархшатов, 2006, с.287].

Сведения второй четверти XVIII в. воссоздают действовавшие в Приуралье духовные должности: «афенде, ахун, мулла, абыз, а где встречается мечеть, и муаззин, как пономарь и еко церковный староста, служит всегда при мечети; мечетей же у башкир весьма мало, и каждая мечеть у них соборная, а в других уездах у татар почти на каждой деревне мечеть, оне к каждой пятнице понедельно для молитвы или в другие праздники собираются; в чины духовные и в протчих местах в Великой Татарии; по науке даются от учителей ахунам печати, по которым оные могут и здесь учредить по науке же и других ахунами, токмо печати не дается» [ИОАЭИ, вып.6, с.166]. В этом регионе правительство признавало мусульманское духовенство, легитимность которого выражалась в том, что ясак взимался с каждого башкирского двора, за исключением старост и духовных лиц [История Башкортостана, 1996, с.199].

В первой трети XIX в. в округе ОМДС существовала еще не вполне традиционная градация духовных должностей. Так, по данным за 1833 г., были следующие духовные звания: ахуны (68 чел.), хатибы (100), имамы (1792), муллы (1164), мухтасибы (343), мударрисы (439), но отсутствовали муэдзины. Очевидно, хатибы «растворились» среди мулл. В статистических данных за 1839 г. они также отсутствуют, однако

Мулла в праздничном костюме. Уфимская губ., д. Чишма. Фото М.А. Круковского. Нач. XX в.

исчезли духовные звания «мулла» и «мударрис», но многократно увеличилась численность хатибов (1903 чел.) и весьма незначительно выросло количество имамов (1185), несколько уменьшилась численность ахунов (65) и мухтасибов (258) [ЖМВД, 1840].

Учредив в 1788 г. Собрание магометанского закона, правительство регламентировало порядок назначения приходского духовенства, синтезировав нормы шариата и российские законы. Духовная должность не была наследственной, прихожане стремились избирать в имамы наиболее ученых выпускников медресе. Легитимным считался общественный приговор, подписанный 2/3 глав приходских дворов. Документ составлялся в присутствии волостных голов и сельских начальников, среди военно-служилого сословия – в присутствии кантонных начальников и юртовых старшин, затем он представлялся крестьянами «для засвидетельствования» в волостное правление, представителями военно-служилого сословия – через кантонных начальников в земский суд, а оттуда – в губернское правление [Свод учреждений, 1857, ст.1247, 1245, 1246, 1248].

Губернское правление следило за тем, чтобы лица, избранные в имамы, были политически благонадежными и «доброго поведения»³². Утверждение кандидата происходило до того, как он сдавал экзамен в Духовном собрании: губернское правление, направляя его на испытание в ОМДС, по сути, решало вопрос о назначении его на духовную должность, экзамен являлся вторичным, и дальнейшее утверждение данного лица в должности местной светской властью было уже формальным вопросом [РГИА, ф.821, оп.8, д.594, л.5об.–6]. По итогам экзамена ОМДС выдавало свидетельство, в котором указывалось духовное звание кандидата на духовную должность. Хатибу, как правило, одновременно присваивалось звание мударриса – заведующего медресе, старшего учителя, имаму – мугаллима (учителя), муэдзину – мугаллима-сабияна (учителя малолетних детей) [Азаматов, 1996, с.144]. Затем губернское правление журнальным постановлением утверждало кандидата в духовной должности. После принесения кандидатом в полицейском управлении «клятвы», текст которой соответствовал тексту «Клятвенного обещания» лица, вступающего на чиновничью должность, ему выдавали свидетельство (указ) и разъясняли обязанности духовного лица.

По указу Сената от 31 августа 1826 г. духовным лицам Оренбургского и Таврического округов не рекомендовалось заниматься «торговыми промыслами» [Азаматов, 1996, с.144], исключение составляло занятие мелкой торговлей.

В 1891 г. для лиц, желающих занять духовные должности, был введен русский образовательный ценз, который не распространялся на кандидатов в муэдзины.

³² В духовные звания не допускались: 1) «состоявшие под следствием или судом за преступления и проступки, а также подвергшиеся по судебным приговорам заключению в тюрьму или иному более строгому наказанию, и те, которые, быв под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, не оправданы судебными приговорами; 2) исключенные из службы по суду или из состава духовенства за пороки, или же из среды обществ или сословий, к которым принадлежат; 3) объявленные несостоятельными должниками; 4) состоящие под опекой за расточительность» [Уставы духовных, 1857, ст.1570].

С 1892 г. циркуляром МНП преподавательской практики лишались имамы, обучавшиеся в зарубежных исламских религиозных учебных заведениях. Правом запрета педагогической деятельности имамов, обучавшихся за границей, местная администрация пользовалась не всегда, индивидуально разбирая каждый случай.

Одним из первых духовных званий, получивших признание властей, было звание *ахуна*. В Приуралье ахуна избирали духовные лица и старшины местности, и он представлял перед администрацией интересы мусульман. В 1735 г. в Оренбургском крае все 10 ахунов были татарами из Казанского и других уездов, однако их верность правительству властью признавалась сомнительной, а деятельность – бесконтрольной. В результате указом от 11 февраля 1736 г. для каждой даруги (административная единица) был определен один ахун после принятия им присяги на верность российскому государю; ахуна утверждал губернатор и выдавал ему соответствующее свидетельство. Администрация стала пренебрегать принципом избрания ахуна местным духовенством, предпочитая единолично назначать на эту должность «удобное лицо». В наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. башкиры просили восстановить численность и выборность ахунов [Азаматов, 1996, с.16,17, 19; Гвоздиков, 1999, с.190].

На сотрудничество властей с духовными лицами в Приуралье повлияли геополитические интересы империи в Казахской степи. В учрежденной в 1734 г. Оренбургской экспедиции имелась штатная должность ахуна, которого использовали для решения внешнеполитических задач [Денисов, 2009б, с.20]. В 1785 г. должность ахуна была учреждена при Оренбургской пограничной комиссии. Им стал будущий первый оренбургский муфтий М.Хусаинов, который в 1786 г. получил звание «первого ахуна края» с правом выдачи разрешения на строительство мечетей, присвоения религиозных званий [Ислаев, 2004, с.349], он также рекомендовал администрации татарских мулл для командировки в казахские кочевья [Султангалиева, 2011, с.155–156].

До учреждения ОМДС в Оренбургском крае ахуны экзаменовали будущих духов-

ных лиц на предмет знания основ ислама, давали установленные в исламском мире духовные звания, решая «дозволять или не позволять» проводить пятничную полуденную молитву, участвовали в разрешении на постройку мечети. Важно отметить, что в проекте положения о компетенции ОМДС барона О.А.Игельстрома 1789 г. институт ахуна учреждался в каждом уезде, ему вменялось в обязанность наблюдение за мечетями, школами и духовными лицами [Материалы по истории, т.5, с.566].

В округе ОМДС, наряду с муфтием, ахуны считались высшими духовными лицами и были освобождены от рекрутской повинности [Свод учреждений, 1857, ст.1228, 1231]. Однако растущее число ахунов и связанная с этим девальвация данного звания вынудили Духовное собрание ввести должность старшего ахуна. При муфтии Габдессаляме Габдрахимове (1825–1840 гг.) на старших ахунов, а при муфтии Габделвахите Сулейманове (1840–1862 гг.) на ахунов были возложены обязанности окружного представителя ОМДС на местах [Азаматов, 1996, с.92–94]. Они производили расследования правонарушений духовенства, представляли религиозное управление и духовных лиц перед региональной администрацией.

Во второй половине XIX в. попытки ОМДС закрепить ахунов как институт среднего звена в системе управления духовными делами оказались безуспешными. Их положение, права и обязанности не были официально регламентированы, что превратило статус ахуна в почетное духовное звание, в большинстве случаев присуждаемое авторитетным и ученым имамам. В конце XIX в. отмечались факты присвоения этого звания даже кандидатам в муллы по итогам экзамена в ОМДС. После оставления духовной службы человек терял почетное духовное звание ахуна [РГИА, ф.821, оп.150, д.404, л.71]. Однако в регионах оставались авторитетные ахуны, выполнявшие функцию посредника между ОМДС и приходами, они наблюдали за духовенством, при необходимости проверяли метрические книги, по поручению ОМДС производили следствия, дознания и т.д. [Штейнфельд, 1893, с.276].

В Западной Сибири при взаимодействии с местной администрацией ахуны выступа-

ли в качестве окружных духовных лиц в уездах [Бакиева, 2011, с.13].

В округе ОМДС в 1856 г. насчитывалось 37, в 1889 г. – 65, в 1908 г. – 150 ахунов [В память столетия, 1891, с.32; Загидуллин, 2007, с.143].

Мухтасибы (от араб. *учитывать, проверять*) были обязаны следить за нравственностью прихожан и духовных лиц. Согласно разъяснению ОМДС, в 1850-е гг. преимущественная обязанность мухтасиба состояла в надзоре за исправным ведением метрических книг [РГИА, ф.821, оп.8, д.954, л.13об.]. В середине века произошло пятикратное уменьшение численности мухтасибов: в 1855 г. их было 66 чел. [Загидуллин, 2007, с.143]. Уточнения статуса мухтасиба также не последовало – это стало почетным духовным званием, которое присваивалось, по рекомендации ОМДС, постановлением губернского правления «в поощрение хорошей службы». Причем звания мухтасиба удостоивались не только хатибы, но и лица, оставившие духовную стезю [НА РТ, ф.2, оп.2, д.3741, л.1–13]. В конце столетия в списках духовенства духовное звание мухтасиб встречалось крайне редко.

Низшими духовными лицами в округе ОМДС являлись *хатибы, имамы и муэдзины*. Их обязанности в законодательстве были прописаны поверхностно, функции регламентировались предписаниями ОМДС и МВД. Мусульманское духовенство исправляло духовные требы, заключало и расторгало браки, разбирало иски по завещаниям и разделам имущества по законам шариата, рассматривало случаи неповиновения детей родителям и супружеской неверности [Уставы духовных, 1896, ст.1347, 1418]. Значимое место в юридическом статусе духовного лица по гражданским делам играла его примирительная функция, которая во многом обеспечивала ему авторитет среди мусульман [Рейснер, 1905, с.178].

Иерархия между ними не всегда соблюдалась, что приводило к ссорам и противоборству. Если в приходе было два духовных лица одного звания, то ОМДС назначало среди них старшего муллу. Главной обязанностью хатиба было чтение хутбы на праздничных богослужениях. Он также вел метрическую книгу на татарском языке, ру-

ководил другими духовными лицами по части исполнения духовных треб у прихожан. Муэдзинам разрешалось исполнять обязанности имама только в том случае, если это было особо оговорено в их свидетельстве ОМДС. В обязанности муэдзина входили созыв прихожан на молитву – они выкрикивали «азан» с минарета (или с крыши мечети); совершение особой молитвы (дога) перед началом каждой молитвы; обеспечение чистоты и порядка в мечети [Фархшатов, 2006, с.71]. Чтобы занять эту должность, не требовалось заканчивать медресе.

С целью прекращения злоупотреблений в 1855 г. был установлен возрастная ценз: для кандидатов в заседатели ОМДС, ахуны, мухтасибы, мударрисы – не менее 25 лет, в хатибы и имамы – 22 года, в муэдзины – 21 год [ПСЗ-2, т.30, №29040].

Каждый мулла мог исполнять требы только в своем приходе [РГИА, ф.821, оп.8, д.666, л.141]. Возложение властью исключительно на указных мулл исполнения всех духовных треб мусульман и преподавания религиозных предметов и лишение такого права остальных единоверцев являлись одной из особенностей функционирования ислама в России.

Приходское духовенство было судом первой инстанции, а ОМДС – высшей инстанцией, куда прихожане обращались в случае несогласия с решением муллы.

Правительство возложило на духовенство ряд административных обязанностей. Как представитель власти, мулла «производил присягу» должностных лиц, гласных органов городского самоуправления, земских собраний, рекрутов или новобранцев [Климович, 1936, с.63], свидетелей и обвиняемых в судебных учреждениях [НА РТ, ф.98, оп.1, д.2219, л.281, 282], прихожан после вступления на престол нового российского государя [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.11, д.13629], составлял документы гражданского акта, выдавал по метрическим книгам (с 1829 г.) выписки о рождении, смерти, семейном положении, призывном возрасте прихожан. В 1891 г. ОМДС вменило имамам в обязанность доставлять каждое полугодие в уездные земские управы списки младенцев для своевременной вакцинации [Наганова, 2006, с.104].

Духовные лица подчинялись ОМДС и подлежали его суду и взысканию за нарушение своих обязанностей: временно или вовсе удалялись с должности, решение ОМДС утверждало губернское правление. Взысканию духовные лица подвергались за нерадивое исполнение обязанностей, употребление спиртных напитков, безнравственные проступки, конфликты с прихожанами и т.д. на основании общественного приговора махалли. В случае возбуждения уголовного дела, неподчинения предписаниям властей или высказываний антиправительственного характера их отстраняли от должности административным путем, без суда и следствия [РГИА, ф.821, оп.15, д.404, л.50]. Жалобы на решения ОМДС подавались местному губернатору, который препровождал их министру внутренних дел [Уставы духовных, 1896, ст.1424, 1425].

ОМДС не имело возможности осуществлять контроль над приходским духовенством, оно лишь реагировало, принимая решения, на поступавшие жалобы прихожан или имамов друг на друга. Его решения доводились до адресата через губернское или волостное правление после расследования ОМДС, которое, как правило, поручалось местной администрации, а также авторитетному имаму [Гарипова, 2011, с.174].

Имамы не являлись государственными служащими, не получали жалованья и пенсии, поэтому предельный возраст их службы не был регламентирован и определялся, главным образом, состоянием здоровья и способностью исполнять свои обязанности.

С середины XIX в. вошло в практику награждение медалями приходских духовных лиц за добросовестное исполнение своих обязанностей, которое приурочивалось, как правило, к круглой дате их службы.

Свидетельство («указ») муллы Яруллы Шамсутдинова. д.Курманаково Лаишевского у. Казанской губ. 1869 г.

Правительство предпринимало некоторые шаги по приближению статуса мусульманского духовенства к положению христианских священнослужителей. В 1850–1873 гг. имамы пользовались льготой от рекрутской повинности. С 1874 г. они вновь стали военнообязанными, и лишь законом от 23 июня 1912 г. были освобождены от воинской службы [Исхаков, 2003, с.245].

В 1850 г. ахуны и приходские духовные лица были освобождены от телесных наказаний [Арапов, 2001, №83]. В 1863 г. это положение было распространено на их детей [ПЗС-2, т.38, №39594, п.10]. В 1893 г. МВД разрешило отправлять бесплатно по почте корреспонденцию приходских духовных лиц, адресованную должностным лицам и правительственным учреждениям, через полицейские управления и волостные правления [Сборник циркуляров, 1902, с.62].

С целью упорядочения совершения пятидневных молитв имамами и осуществления контроля над передвижениями приходского духовенства МВД ввело в 1896 г. правила увольнения: в отпуск они уходили с разрешения губернского начальства, а в кратковременные отлучки (не более двух недель) – по усмотрению губернских чиновников с ведома местного полицейского управления.

В 1900 г. упростилось получение разрешения на кратковременные отлучки путем предоставления им такого права с уведомления уездного полицейского управления.

В мусульманских иррегулярных частях, представленных в Приуралье башкирами и мещеряками, мусульманские духовные лица считались привилегированной социальной группой. Они освобождались от всех денежных и натуральных повинностей. В приходах тептяр духовные лица не пользовались такими привилегиями, как в махаллях иррегулярных войск [Азаматов, 1996, с.105]. После упразднения в 1865 г. Башкирского войска в округе ОМДС все имамы имели одинаковый социальный статус – подчинялись положению о том, что духовное лицо в округе ОМДС платило повинности в качестве представителя того сословия, к которому оно относилось до назначения на духовную должность.

Как и православные священнослужители, мусульманские приходские духовные лица не являлись членами сельской поземельной общины, хотя большинство из них принадлежали к крестьянскому сословию и должны были нести соответствующие повинности и платить налоги. С 1826 г. прихожанам официально было позволено распределять между членами поземельной общины положенные им налоги и повинности.

Длительное обучение в медресе, изучение арабского и персидского языков, а

также религиозных дисциплин требовали значительных материальных затрат и интеллектуальных способностей, чем, как правило, чаще всего располагали сыновья мулл; последние удачно «устраивали» своих детей на духовные должности. Так формировались династии духовных лиц, возникла наследуемость должностей в махаллях, своеобразная кастовость духовенства [Кобзев, 2007а, с.70]. Как справедливо отметил С.Г.Рыбаков, «русский закон создал мусульманское духовенство как сословие, мулл с правами и обязанностями-установлениями, чуждыми мусульманскому миру, не предусмотренными мусульманским правом (шариатом)» [Рыбаков, 2001, с.267].

По мере увеличения численности приходов происходил динамичный рост численности духовенства. Если в 1833 г. свидетельства имели 3907 духовных лиц (при 3133 мечетях), то к 1868 г. их численность выросла до 6553 (при 4053 мечетях). В 1889 г. духовные потребности 3,4 млн. мусульман округа ОМДС обслуживали 7203 духовных лица (при 4254 мечетях), в 1908 г. – 8312 (при 5230 мечетях) [В память столетия, 1891, с.32; Загидуллин, 2007, с.143].

Таким образом, мусульманские духовные лица, благодаря своему высокому социальному статусу в приходе в татарском и башкирском сообществах, составляли влиятельную социальную прослойку, своеобразную корпоративную группу.

Раздел III

**Социально-экономическое
развитие татар Волго-Уралья**

ГЛАВА 1

**Социально-экономические процессы среди татар
Волго-Уральского региона в дореформенный период****§ 1. Социально-экономическое развитие региона***Наиля Тагирова*

Социально-экономическое развитие России в XIX в. современные исследователи определяют как время модернизации – становления индустриальной экономики, индустриального общества, урбанизации. Столетие открыла «революция пара», завершали его нефтяная и электрическая «революции», заложившие фундамент промышленности XX в. Экономические успехи индустриальных стран Западной Европы вывели их в лидеры мирового хозяйства.

В России в XIX в. модернизация «прорастала» постепенно, зрея в глубинах социально-экономической жизни. Применительно к первой половине столетия исследователи чаще говорят о протомодернизации¹ [Проскуракова, 2006; Арсентьев,

2004а; 2004б]. Одновременно Российская империя «прирастала» новыми территориями: на западе (Царство Польское и Великое княжество Финляндия), на юго-западе (Северный Кавказ) и юго-востоке (Средняя Азия, Туркестанский край). На востоке границы Российской империи простирались до Северной Америки, включая Аляску (до 1867 г.). «Строительство» империи продолжалось на протяжении всего столетия, в конце века она превосходила по размерам все империи мира.

Территориальное расширение империи, поддержание военной стабильности и управляемости в новых границах, хозяйственное освоение окраинных земель и содействие их экономическому развитию и, следовательно, экономики страны, – все это составляло важную сторону жизни империи и содержание российской модернизации XIX в.

Обобщенный взгляд на процессы развития российской территории в «Очерках по истории русской культуры» представлен еще П.Н.Милюковым. Он выделил три географические зоны, три треугольника, которые своими гранями обращены в разные стороны страны, но при этом, «если не природой, то историей ... связаны с русским ядром».

1) «Центральный треугольник России, опирающийся основанием на западную границу и выклинивающийся в Среднем Поволжье, прочно связывает Россию с Европой – и географически, и исторически».

¹ XVIII – первую половину XIX в. современные исследователи называют особым периодом – протомодернизации. На этом этапе экономика: 1) базируется на сельском хозяйстве, промышленность «встроена» в аграрную экономику и тесно с ней связана; 2) сформирован достаточно высокий уровень товарного производства; 3) протомодернизация представлена различными формами промышленного производства: мелкими (городское ремесло, кустарные и домашние крестьянские промыслы) и крупными (мануфактура – централизованная и рассеянная, и «протофабрика»); 4) сложилось пространственное разделение труда, не всегда совпадавшее с более поздней географией индустриальных центров; 5) торговля осуществлялась не только на местных, но и отдаленных, в т.ч. внешних рынках, что способствовало развитию внутреннего товарного рынка (и интернационализации рынков), концентрации капиталов, формированию рынка труда; 6) осуществлялся переход от естественных производительных сил (когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство) к общественным, что предполагало: во-первых, «кооперацию» (рыночное взаимодействие на основе общественного разделения труда); во-вторых, разделение функций в процессе труда

(мануфактура); 7) отношения личной зависимости сменялись отношениями личной независимости на основе зависимости человека от потока товаров и денег, то есть рынка: к концу этого периода начали складываться основные классы буржуазного общества» [Проскуракова, 2006, с.4–8].

«Два другие треугольника, обращенные своими основаниями в обратную сторону и вклинивающиеся к западу, ведут нас в Азию»:

2) Северо-восточный – «теснее связанный с центральным, ведет в Сибирь»;

3) Юго-восточный «ведет в арало-каспийские степи» [Милуков, т.1, с.90–91].

Интересы верховной власти в XIX в. были сконцентрированы на волго-уральских землях, где решались геостратегические, экономические, политические и административные задачи, нацеленные на расширение империи в восточном направлении.

Административно эти земли были разделены на губернии и края под управлением губернаторов и генерал-губернаторов. Территория от Каспийского моря на юге до Волго-Камского и Камско-Вятского междуречья на севере, Уральских гор на востоке и Окско-Сурского речного бассейна на западе в административных границах первой половины столетия – это Казанская, Пензенская, Симбирская губернии (Среднее Поволжье), Саратовская, Астраханская губернии (Нижнее Поволжье), Вятская, Пермская губернии (Северное Приуралье) и Оренбургская губ. (Южное Приуралье). Сибирь (Азиатская Россия) в XIX в. оставалась еще «первой зоной имперского творчества» [Милуков, т.1, с.470], или «провинцией третьей ступени» [Сверкунова, 1996], когда «переход русского населения из инородческой территории Предуралья за Урал, в Сибирь» только начинался.

На протяжении столетий эти земли являлись зоной расширения аграрной экономики. Направления, характер и особенности ее распространения определяли география и природно-климатические условия. Большую часть территории составляли равнины. Холмистые возвышенности перемежались низменностями и мягкими подъемами, речными системами (Волги, Камы, Белой, их притоков), лесными массивами. Лес, лесостепная полоса и степь, постепенно сменяя друг друга с северо-запада в юго-восточном направлении, создавали три земельных полосы и три приспособленных к ним способа хозяйствования:

Лесная полоса – Казанская, Пензенская, большая часть Симбирской губ., северные

земли Самарского (Ставропольский, Бугульминский уезды), Уфимского (Бирский, Мензелинский уезды) края. Здесь преобладали подзолистые и серые лесные почвы. Лесные пространства расширились по направлению к Вятке, в северо-восточном направлении.

Лесостепная полоса – юг Симбирской губ. (Сызранский у.), большая часть Самарского Поволжья (Самарский, Бугурусланский, Бузулукский уезды), центральные уезды Уфимского края (Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский).

Степная полоса – Новоузенский и Николаевский уезды Самарского Заволжья, Камышинский и Царицынский уезды Саратовской губ., большая часть Оренбуржья и Астраханского края. Ковыльные степи с тучными черноземами охватывали юг Белебеевского и Стерлитамакского уездов Оренбургского края. Степи распространялись в юго-восточном направлении, захватывая Сибирь. Сибирские и зауральские территории имели свои особенности «месторазвития», климатически разделявшие их на земли от Урала до Енисея (почти европейский климат), средне-сибирские (резко-континентальный климат) и восточные (находившиеся под влиянием Тихого океана) [Милуков, 1994, с.92–93].

Особым клином в черноземном регионе являлись гористая местность Уральского хребта, окруженная лесами (Златоустовский у., западные части Орского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского уездов Оренбургской губ.).

Границей между Европой и Азией в начале XIX в. считалась река Волга.

Разнообразные типы хозяйств: земледельческий, кочевой скотоводческий, смешанные (земледельческо-скотоводческий, скотоводческо-лесопромысловый) [Кузеев, 1978, с.100], удивительным образом были приспособлены и вписаны в природно-климатическую среду Волго-Уралья. В лесной и лесостепной полосе Среднего Поволжья, где проживали коренные народы и русское население, развивались земледелие и смешанные типы земледельческо-промысловых хозяйств. В зоне степей башкиры и калмыки вели кочевое скотоводство. В Сибири в XIX в. проживали «туземцы» (местное население), ссыльные и военные, и здесь еще предстояло перейти от военного освоения

и устройства локальных земледельческих крепостей к регулярным торговым связям.

В первой половине XIX в. внутренняя политика правительства была направлена на заселение юго-восточных территорий выходцами из центральных районов империи с целью постепенного вытеснения кочевого хозяйства и развития земледельческого. Эти процессы довольно подробно описаны в литературе [Тарасов, 1984; Кабузан, 1992; Поволжье, 2007; Очерки, 2010]. В частности, отмечено, что в XVIII – первой половине XIX в. активнее заселялись территории, расположенные ближе к центру – Поволжье, Приуралье, Новороссия² (см.: Прил. I, табл. 1). В 1840-е гг. переселенцев из соседних волжских губерний сменили крестьяне Центральной России, Украины, Литвы, Белоруссии (русские, украинцы, затем поляки, эстонцы). Эти процессы изменили этническую картину региона: возросла, а в некоторых районах преобладала, доля русских крестьян, увеличилось мужское население (с 27,4% в 1795 г. до 36,3% в 1857 г.) (см.: Прил. I, табл. 2). Соотношение между помещичьими и государственными крестьянами также изменилось в пользу последних [Очерки истории, 2010, с. 91]³.

Всего к середине столетия (материалы X ревизии) в Волго-Уральском регионе проживало более 6 млн. чел. (6390763), подавляющее большинство составляли крестьяне – 80,7% (5155957 чел.). Уже в середине XIX в. Поволжье считалось густозаселенным районом при преобладании славянских народов, лишь степные южные и юго-восточные пространства еще оставались малолюдными. Концентрация трудовых ресурсов в этом перспективном крае с его богатыми, частично целинными, землями, закладывала материальную основу для сельскохозяйственного рывка при наличии соответствующих институциональных условий. Земледельческая иммиграция способствовала рас-

ширению земледелия, а объемы кочевого скотоводства и животноводства неуклонно сокращались. Структура сельского хозяйства приобретала ярко выраженные земледельческие черты и приоритеты.

Одновременно с демографическими происходили экономические изменения. Они были мало заметны на протяжении жизни одного-двух поколений, хотя, по существу, совершался цивилизационный «сдвиг», связанный с принципиальными различиями в пользовании землей. И дело было не только в том, что кочевое скотоводческое хозяйство уступало место производительному земледельческому. Изменения в землепользовании одновременно изменяли и экономические отношения: традиционное землевладение трансформировалось в капиталистическое.

Рассмотрим эти процессы подробнее.

Традиционные формы землевладения в верховьях Волги и ее среднем течении были представлены хозяйствами частных собственников – дворян-помещиков, служилых татар (четвертное землевладение). В Заволжье и Оренбуржье большая часть земли принадлежала государству, распоряжалось ею МГИ. Кочевые народы пользовались этой землей на основе обычного (вотчинного) права, передавая ее по наследству. Царские земли (удельные, распорядитель – Удельное ведомство) были немногочисленными. На юго-востоке отношения между верховным и реальными земельными собственниками были не столько запутаны, сколько юридически не оформлены, границы часто условны.

Миграционная политика и наделение переселенцев землей вносили существенные коррективы в эти отношения. Частное землевладение оставалось неизменным, и даже поощрялось его создание⁴. Государственные земли меняли реального пользователя⁵. При-

² Только в Нижнее Поволжье и Приуралье за это время перебралось более 1 млн. 220 тыс. чел. [Кабузан, 1971, с. 43].

³ Общее изменение численности населения, в т.ч. по категориям налоговой платежеспособности, за первую половину XIX в. представлено в табл. 3–3а (см.: Прил. I). Помещичьи крестьяне в 1857 г. составляли 25,2% (подсчитано на основании данных табл. 6 (см.: Прил. I)).

⁴ Государственные пожалования земель дворянам продолжались до 1880-х гг. Создававшееся здесь поместное землевладение было мелким и средним (чаще до 60 дес.), на него накладывался майорат (запрет купли-продажи).

⁵ Правила наделения землей новопоселенцев (преимущественно государственных крестьян) определял указ Сената от 22 сентября 1802 г. «О правилах наделения казенных крестьян Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний... землею» [ПСЗ-1, т. 27, № 20426].

ехавшие крестьяне получали в коллективное пользование по 15 дес. земли на душу м.п., имели налоговые (освобождение от платежей и рекрутской повинности на три года) и хозяйственные (продажа леса и лесоматериалов для строительства домов) льготы [История Башкортостана, т.1, с.335–336]. В степном Заволжье на выселках можно было получить 40–60 дес. удобной земли. По сравнению с центральными губерниями и даже соседними поволжскими (Казанская, Симбирская, Пензенская) такие наделы были очень большими. Организацию и финансовые расходы по землеустройству вело МГИ – за счет доходов, получаемых от аренды государственных земель (оброчные статьи).

И хотя предполагалось наделение приехавших земель из свободного фонда, на практике это правило соблюдалось далеко не всегда. Так создавалась основа для земельного конфликта, в т.ч. с этно-национальной окраской. Взаимоотношения между приехавшими и коренными жителями складывались нелегко. Судебные тяжбы, в основном связанные с землеустройством и самозахватами, тянулись десятилетиями, они требовали дополнительных законодательных уточнений⁶. Эти сюжеты подробно описаны в исследовательской литературе [Усманов, 1981, с.41; Самарская летопись, 1993, с.67; Очерки, 2010, с.72–74; Шайхисламов, 2007, с.8]. За такими тяжбами стояла смена одного традиционного землепользования (кочевое общинное) другим, тоже традиционным (общинное земледельческое). Традиционные земельные отношения, независимо от времени присоединения территории и способов хозяйствования (кочевые или земледельческие), формы собственности (дворянская, государственная, удельная) преобладали во всем Волго-Уральском регионе.

Вместе с этими мерами, традиционными по сути, правительство разрешало рыночную покупку незаселенных земель в частную собственность дворянам, купцам, кре-

стьянам. При этом далеко не всегда местные чиновники учитывали, использовалась ли покупаемая земля или нет [Усманов, 1981; Роднов, 2002]. Рыночный тренд пробивал себе дорогу в виде немногочисленных пока покупок государственной земли, что подготавливало почву для дальнейшего предпринимательского хозяйствования на земле. Арендные отношения (право временного пользования землей) также получили широкое распространение (и на государственных землях, и среди помещиков и башкир-вотчинников)⁷.

Выстраивание рыночных отношений одновременно с укреплением традиционных общинных, противоречивость в вопросах земельных отношений в ходе освоения юго-восточных территорий Волго-Уральского региона подготавливали основу для будущих социальных конфликтов.

Стремление власти решить одновременно социальные (укрепление имперских позиций за счет переселенцев – помещиков и крестьян), финансовые (пополнение государственного бюджета за счет аренды и продажи части государственного фонда) и экономические (земледельческое освоение края и товарное зерновое производство в перспективе) задачи с помощью миграционной и земельной политики формировало здесь сложнейший «клубок» будущих конфликтов.

Одновременно с изменением земельных отношений менялись формы сельскохозяйственного производства. Все большие площади земель пускались в сельскохозяйственный оборот. Увеличение площадей запашки вело к росту валовых сборов хлебов. И хотя, по мнению современных исследователей, они занижены на 10–15%, но позволяют представить общую динамику (см.: Прил. I, табл. 4). По официальным данным МВД, средняя урожайность в Европейской

⁶ Указ 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае» разрешал крестьянам-переселенцам покупать землю в собственность либо арендовать ее у башкир-вотчинников. По данным на 1858 г., купивших землю у башкир было почти в пять раз меньше, чем арендовавших (12,8 тыс. и 51,5 тыс. душ м.п. соответственно).

⁷ Башкирские земли издавна арендовали крестьяне-припущенники (военные и гражданские). Со временем условия аренды забывались, возникали споры и тяжбы, что потребовало специальных Правил (февраль 1869 г.) регламентации сложившихся условий. По ним часть земель военных припущенников отходила казне, а другая – отдавалась им в собственность, гражданские припущенники стали выплачивать выкупные платежи, как удельные и государственные крестьяне.

России была сам-3,4, сам-3,5. В новых землях, Нижнем Поволжье, Приуралье урожайность и сбор хлебов на 1 одного едока были выше средних и составляли сам-3,6 – сам-4,0 (см.: Прил. I, табл. 4, 5).

Перспективы скотоводства, животноводства и связанной с ними традиционной промышленной переработки в этих условиях выглядели менее благоприятно. Расширение зернового хозяйства сопровождалось сокращением животноводства и в целом вело к постепенному изменению структуры сельского хозяйства.

Промышленный облик волго-уральской периферии формировали экспортные отрасли. Это были производства, связанные с вывозом природных богатств края: соль⁸, рыба, ископаемые уральских недр и минеральное сырье – поташ⁹, металлы, руды, золото¹⁰. Эти ресурсы были полностью вовлечены в рыночный товарный оборот, их главным заказчиком выступала центральная власть. Ряд добывающих производств был в государственном монопольном владении. По мере роста спроса, необходимости увеличения производства и технической модернизации сюда допускался частный капитал¹¹.

Из готовой продукции и частично подвергшейся переработке за пределы региона вывозили кожи, сукно и изделия из них. Зер-

но, как вывозная культура, уже фигурировало в источниках первой половины XIX в., но занимало далеко не первые строчки. Сибирь поставляла меха, пушнину.

Промышленность Урала воспроизводила традиционный тип взаимоотношений Центра и периферии. Горнозаводские округа представляли собой хозяйственный комплекс по добыче, выплавке и обработке металлов. Другие производства, входившие в округ, обеспечивали заводы углем, рудой, разными припасами и материалами и были связаны единым технологическим циклом. Только в Златоустовском горнозаводском округе числилось 29 горных заводов, в т.ч. 15 чугуноплавильных и железоделательных, 14 медеплавильных. Среди них были государственные и частные, последних больше. Горнозаводские комплексы представляли собой симбиоз самых разных отношений, где совмещались ручные и отчасти машинные технологии, использовался крепостной и вольный труд, обращался дворянско-банковский капитал.

Технический переворот, начавшийся на Урале в 1840-е гг., осуществлялся на средства частных владельцев (вотчинный капитал), которые, в свою очередь, прибегали к кредитам Государственного заемного банка, отдавая в залог целые округа¹². На этой общей финансовой основе развивалась уральская промышленность, собственником которой становилась дворянско-банковская деловая элита Российской империи.

Крупный капитал, формировавший промышленный уклад, основанный на машинных технологиях, стремился в инфраструктурные отрасли (водный транспорт), добывающую промышленность (золотодобыча, металлургия) и города. Наиболее предприимчивые дворяне, имевшие свободные капиталы и связи в столице, чувствовали «перемены, носившиеся в воздухе», и входили в создаваемые акционерные общества. Но главные капиталы складывались в столицах.

⁸ Соль вывозилась с соляных озер (район Илецкого озера, астраханских самосадочных озер Эльтон и Баскунчак). В 1820–1840-е гг. здесь добывали до 950 тыс. пуд. соли, что составляло примерно двадцатую часть от всей добываемой в стране (20 млн. пуд. в год) [Мударисов, 2003, с.33, 38].

⁹ Поташ (карбонат калия), получаемый из древесной золы путем выщелачивания и прокаливания в специальных горшках, использовался на стекольных, мыловаренных, кожевенных, суконных и других производствах, производился в регионе повсеместно, имел государственные льготы на производство, вывозился в Голландию, Англию, Германию) [Богатырев, 2006, с.105–115; Мударисов, 2003, с.38; Арсентьев, 2004, с.129–30].

¹⁰ На Миасских золотых приисках промышленная разработка россыпей золота началась в 1817 г. В 1830-е гг. Российская империя занимала первое место в мире по добыче золота, ее объемы составляли 5–6 тыс. пуд. в год. На Миасском золотом руднике в 1858–1862 гг. добывали 731 пуд. в год [Мударисов, 2003, с.30].

¹¹ Государственная монополия на добычу соли была отменена в 1806 г., на добычу золота – в 1842 г.

¹² В 1849 г. в залоге Государственного заемного банка находились целые округа: Кананиковский, Белорецкий, Воскресенский, Троицкий, Благовещенский, Юрюзань-Ивановский. Общая сумма залога превышала 1 млн. руб. сер. [Мударисов, 2003, с.21].

Хлебная
пристань
в Чистополе.
Фото
нач. XX в.

Первый пароход по Волге прошел уже в 1817 г., а первые пароходные акционерные компании «По Волге» (1843 г.), «Самолет» (1853 г.¹³) и «Меркурий» (1849 г., после объединения в 1858 г. – «Кавказ и Меркурий»¹⁴) появились через тридцать лет, почти одновременно. Они принесли в регион иную организацию жизни: за счет средств пароходных обществ многие пристани Волги, Камы, Белой и других рек стали усовершенствоваться: оборудовались затоны для зимовки судов, строились склады и т.д.

В дореформенную эпоху пароходные общества оставались монополистами всего Волго-Камско-Уральского региона по перевозке государственных и частных коммерческих грузов, почты и другой корреспонденции.

Перспективной отраслью экономики представлялась золотодобыча. Золотой лихорадки, по типу калифорнийской (1830–1840-е гг. в США), в регионе не было, но технические усовершенствования были уже заметны: колесопроектор для перевозки руды

¹³ Общество «Самолет» к концу 1850-х гг. владело 20 пароходами, судоремонтными заводами в Нижнем Новгороде, Твери и Рыбинске.

¹⁴ К моменту объединения «Меркурий» владел 14 грузовыми пароходами, 46 баржами и большим числом мелких судов. Уставной капитал, составлявший 900 тыс. руб., после объединения обществ достиг 4,5 млн. руб. Правление общества находилось в Петербурге. Среди акционеров были известные высокопоставленные лица, впоследствии – крупнейшие коммерческие банки.

и промывальные машины, появившиеся в 1840-е гг., давали двойную экономию труда рабочих и лошадей.

На Южном Урале в это время действовало 29 акционерных золотодобывающих компаний. Их акционерами были дворяне (84 чел.), купцы (67 чел.). Первые обеспечивали «продвижение» бизнеса в высших правительственных кругах, часто благодаря личным и родственным связям, вторые – средствами.

Капитал пароходных обществ по происхождению был столичным и иностранным, в золотодобыче преобладал местный (дворянский и купеческий) капитал. В других отраслях промышленности объединение и концентрация капитала происходили значительно медленнее, чаще в рамках семьи или группы компаньонов: «Товарищество Казанского кожевенного завода» (учредители П.П.Котелов, А.К. и В.К.Крестовниковы), Товарищество паровых маслоделательных заводов (Городищенский у. Пензенской губ.) и др. Особенно активно совместные компании стали создаваться в 1850–1860-е гг., одновременно с техническим переворотом.

Предприятия остальных отраслей, работавших на российского и местного потребителя, развивались на собственной финансовой основе. Это был иной уровень экономики, где преобладало простое товарное воспроизводство. Животноводство и связанная с ним промышленность не просто обеспечивали занятых в них людей продук-

тами питания, здесь действовал комплекс взаимосвязанных производств. Поставки сырья для поволжских мыловаров, кожевников шли с низовьев Волги.

В казанских, уфимских, симбирских селениях были налажены производство животного масла, изготовление кож, юфти. На основе переработки овечьей и бараньей шерсти развивалось суконное производство. В Казанском у. целые деревни занимались кожевным делом (обработкой кож, изготовлением юфти), в Мамадышском – овчинным и мерлушечьим. В Касимовском у. Рязанской губ. за счет скорняжного дела жили целые посады. Шерстобойные и валяльно-войлочные промыслы были развиты в северных уездах средневожского края. В Заволжье, в самарских селениях, крестьяне в крупных объемах топили сало.

Переработка продукции скотоводства (салотопенное дело, стрижка, мойка и чистка шерсти, производство масла и мяса, мыла и свеч, выделка различных кож, сукон и др.) была основой многопрофильной местной промышленности. Эту промышленность можно назвать сельской – и по месту размещения, и по техническому оснащению, и по привязанности к этому сегменту хозяйства, хотя по объемам и географии сбыта она выходила далеко за пределы Волго-Уральского региона.

Другое направление сельской промышленности – лесопереработка: сидка смолы, гонка дегтя, бондарный, экипажный, рогожно-кулевой промыслы имелись почти в каждой деревне, особенно на севере региона. Лесопереработкой занимались крестьяне торговых селений Царевококшайского, Козьмодемьянского уездов (за исключением юго-западной оконечности), северная, заводская половина Чебоксарского, южная часть Казанского, северная часть Свияжского и южные оконечности Цивильского и Ядринского уездов. В Краснослободском, Чебоксарском уездах Казанской губ., г. Козьмодемьянске целые селения занимались лодочным промыслом. Здесь же проживали крестьяне, считавшиеся лучшими лодчанами по здешним рекам.

В деревне, но чаще в дворянской вотчине, работали винокуренные, свеклосахарные и суконные производства, часто именуемые заводами. Это были крупные вотчинные

мануфактуры, но по своей технической оснащенности они мало чем отличались от крестьянских промыслов. В мануфактурах работали крепостные, достигшие высокого уровня квалификации. Некоторые суконные, стеклоделательные предприятия (а они имели государственные льготы и государственные заказы¹⁵) продавали свою продукцию по всей стране (суконные мануфактуры Акчурина, стекольные и хрустальные заводы Мальцовых) [Шапошникова, 2007].

Крестьянская промышленность определяла общий облик промышленности Волго-Уралья. Помимо кустарного производства существовала и домашняя промышленность. В совокупности с кустарничеством, рассеянной мануфактурой (с элементами разделения труда на различных операциях) они держали «каркас» привычной крестьянской жизни на севере и северо-востоке региона. Вкупе с небольшим земледельческим участком на земле помещика крестьянская семья могла еще жить автономно, выходя на рынков через приезжавшего купца-скупщика.

На юго-востоке региона, в степных районах, промыслов было меньше, а крестьянская жизнь все больше и больше ориентировалась на зерновое, монокультурное хозяйство, а значит существовать без внешних экономических контактов, без связи с рынком здесь было уже затруднительно.

Многообразие и сложность процессов в промышленном секторе региона в большей степени демонстрировали территории Среднего Поволжья, ее северо-восточные окраины. Именно здесь воочию можно было увидеть отраслевые, технические, организационные, финансовые различия в развитии хозяйственных укладов.

¹⁵ Суконный бизнес имел правительственные льготы: при открытии новых фабрик устанавливались льготные цены на покупку сукна, распределялся заказ на производство определенных сортов и видов шинельного сукна, выдавался удобный, иногда даже беспроцентный, кредит под залог либо занятых в производстве крепостных, либо производственных станков и т.д. [Арсентьев, 2004, с.52–57]. Уже в 1859 г. в четырех средневожских губерниях располагалось 77 из 176 (43,8%) суконных предприятий страны, имевших государственные заказы. Этот вид предпринимательства был доходным до тех пор, пока поблизости имелась сырьевая база [Арсентьев, 2004, с.120; Мударисов, 2003, с.38].

Примерно в 1840-е гг. в Волго-Уральском регионе проявили себя два новых тренда, связанных со втягиванием региона в общие финансовые потоки империи (образование АО) и с развертыванием технологических изменений. Крупный капитал и машинные технологии «шли рука об руку», создавая совершенно иные возможности для развития промышленности в регионе. Деревня же сохраняла привычный уклад хозяйствования, удерживая собственную специализацию. Разные ступени роста – от простейших (кустарные и ремесленные промыслы) до современных (пароходные компании), разные способы управления (от семейных промыслов до акционерных компаний) формировали «многоэтажную» (разноуровневую) промышленность, отвечавшую потребностям разных потребителей и имевшую на каждом из этажей (укладов) свои правила и отношения.

Крестьяне могли сами обеспечить себя за счет кустарного производства, крупная промышленность, ориентированная на российского потребителя и поставки продукции, развивалась, ориентируясь на имевшиеся транспортные пути.

Главными транспортными путями того времени были проселочные дороги. Гужевые, почтовые и скотопробгонные тракты, реки являлись частью общероссийской транспортной системы, хотя далеко не все из них были одинаково удобны и используются на протяжении всего года.

В начале столетия особое внимание властей к Волге проявилось в реконструкции Вышневолоцкой, строительстве Тихвинской (1810 г.) и Мариинской (1811 г.) водных систем. Это позволило значительно ускорить передвижение грузов (три каравана судов за год), увеличить грузоподъемность судов, двигавшихся по Волге, Неве и Северной Двине в Петербург от Астрахани. Главными портами на этом пути были Астрахань (по отправке груза), Петербург, Рыбинск и Нижний Новгород. Внутренняя окраина Российской империи получила дополнительные возможности выхода на европейский рынок, что повышало ее статус и экономическое значение.

Важность перемен, происходивших в дорожной сфере, нельзя переоценить. В общественном сознании образ дороги постепен-

но трансформировался. Столетиями для большинства населения дорога являлась символом страданий, лишений, мучений, тяжелого физического труда (передвижение ссыльно-каторжных, бурлачество). Пароходное сообщение, выход Волги и ее притоков к северным морям формировали другой образ реки, она становилась символом перспектив (в т.ч. экономических), новых впечатлений, первых путешествий.

Способы обмена и торговли между людьми, городами и селами, районами и страной в целом оставались неизменными. Сезонные ярмарки¹⁶ служили привычным местом покупок и продаж разного уровня – от простого менового обмена до скупок продукции сельского хозяйства большими партиями. На крупных ярмарках господствовали купцы-оптовики (по Ф.Броделю – негоцианты). Эта немногочисленная группа торговцев, проводивших международные оптовые сделки на крупные расстояния и имевших личные связи в других странах, практически не поддавалась государственному контролю.

Всероссийская и международная торговля проводилась на Казанской, Оренбургской, Ирбитской ярмарках. Нижегородскую ярмарку называли «меновым двором Европы с Азией». Ярмарочная цепь Лейпциг – Нижний Новгород – Ирбит – Тобольск – Иркутск – Тюмень – Кяхта действовала согласованно в течение всего года, позволяя купцам последовательно совершать переезды и связывая Европу с Сибирью [Выборнов, 2004, с.14].

Юго-восточное направление международной торговли поддерживали Оренбургская и Казанская ярмарки, где торговали товарами из Средней и Передней Азии, Среднего Востока. XVIII–XIX вв. – время расцвета Казани как крупного транзитного торгового центра империи. В Оренбург приезжали купцы из Касимова, Нижнего Новгорода, Ростова, Казани, Астрахани (до 150 чел.). Сюда в течение 1,5–2 месяцев шли караваны верблюдов из Бухары или Хивы, отсюда пролегал путь вдоль индийско-иран-

¹⁶ В 1863 г. в Российской империи насчитывалось 6287 ярмарок, в т.ч. 419 в волжских губерниях – Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской.

ской границы в Калькутту (Индию). Обслуживали это направление внешней торговли татарские купцы. Знание языка, обычаев, вероисповедание обусловили предоставление им правительственных льгот (3% вместо 5% с оборота по Торговому уставу) при торговле с купцами из Средней Азии, Индии и Ирана [Шкунов, 2002, с.23]. Укрепление юго-восточного направления внешней торговли было важно для Российской империи в контексте русско-английских противоречий из-за влияния на Иран, Индию. И хотя масштабы обмена со странами Востока в первой половине XIX в. не были большими¹⁷, торговля по линии Нижний Новгород – Казань – Астрахань – Оренбург делала юго-восточный регион важным элементом международного сотрудничества и соперничества.

Внешние связи этих городов повышали их статус и на внутреннем рынке. Здесь были выстроены гостиные дворы – первые магазины постоянной торговли.

Многообразие процессов социально-экономической жизни в Волго-Уральском регионе не вписывается в узкие для него словесные границы. Здесь, как и в Центральной России, проживали государственные, удельные и помещичьи крестьяне. Но помимо традиционного деления были и другие, учитывавшие время заселения (коренное население, новопоселенцы) способы выплаты государственного налога (ясачные, оброчные крестьяне, лашманы, военная служба), возможности пользования землей (вотчинники, припущенники¹⁸, тептяри), принадлежность к гражданскому или военному сословию (Башкир-мещерякское войско, Оренбургское и Уральское казачьи войска, Ставропольское калмыцкое войско)¹⁹.

¹⁷ В нем участвовало 150–200 чел., объемы, не превышали 1 млн. руб.

¹⁸ Крестьяне-припущенники могли принадлежать к категории ясачных или государственных крестьян, либо быть собственностью какого-нибудь помещика, но поселившегося с его разрешения на землях другого земельного собственника, как «припуск», и платившего арендную плату за пользование землей. В этом случае в правовом смысле припущенник не был крепостным собственника арендуемой им земли, хотя являлся таковым по отношению к первому хозяину.

¹⁹ 1024,6 тыс. чел., в т.ч. Башкирское войско 546,5 тыс. чел., тептяри 246,8 тыс. (в 1855 г. вклю-

В горнозаводском округе проживали горнозаводские крестьяне, приравненные к помещичьим, казенные крестьяне. Несмотря на то, что основное время они проводили на заводе, где считались мастерами и рабочими людьми, они числились крестьянами. В литературе приведено немало примеров того, как торгующие крестьяне, занятые на вспомогательных работах, и горнозаводские рабочие, имевшие приработок²⁰, занимали других на выполнение своих отработок.

Торговое сословие формировалось из купцов. Их династии вырастали из винной торговли (откупа), казенных подрядов, различных посреднических операций. Пользуясь возможностью скупать пушнину, шерсть, ткани с учетом значительной разницы в ценах, они получали до 20–50% прибыли от первоначальной стоимости, а иногда удваивали размер вложений, просто обменивая товар. Такие купцы, как правило, не имели специализации, действовали по обстоятельствам и на основе личных связей, с большим риском. Вероятно поэтому, к примеру, казанские купцы, известные в начале XIX в., создали свои богатства на основе бизнеса, заложенного их отцами, редко дедами [Свердлова, 1998, с.8]²¹.

В начале XIX в. конкуренцию купеческим династиям стали составлять крестьяне, получившие разрешение заниматься торговлей (1804 г.) и записываться с купеческое сословие. В Оренбургском крае выходцы из крестьянского сословия составили 40% от всех вновь приписываемых купцов уже к середине столетия [Банникова, 2011, с.157–158]. В основе накопления и расширения капи-

чены в Башкирское войско), ОКВ – 166,7 тыс. (русские, украинцы, татары), УКВ – 64,8 тыс. (русские, башкиры, татары, калмыки). В 1830–1840-е гг. правительство принимало различные, часто непоследовательные решения, которые, по его замыслу, должны были привести к полному продовольственному самообеспечению казачества хлебом.

²⁰ На Златоустовских заводах торгово-предпринимательская прослойка среди приписных крестьян, которые сами нанимали работников для отработки своих повинностей, составляла около 15% [История Башкортостана, т.1, с.287].

²¹ Как отмечает Л.М.Свердлова, ни одна казанская династия петровского времени не дожила даже до начала XIX в., тогда как семейные формы, возникшие во второй половине XVIII в., удержались на рынке вплоть до 1917 г. [Свердлова, 1998, с.8].

тала таких «новых купцов» лежали скупка и переработка продукции животноводства. Выработка кож, мыловаренное и салотопенное производство, изготовление сукна – типичный купеческий бизнес 1830–1840-х гг. Однако по мере расширения земледелия в юго-восточных районах наиболее прозрачные предприниматели развивали операции с недвижимостью, покупая земли, сдавая в аренду земельные угодья и торговые лавки.

Современные исследователи активно изучают процессы развития предпринимательства²². В Волго-Уральском регионе эту социальную группу составляли не только купцы, но и дворяне, крестьяне, кантонные начальники, военные и чиновники, горные заводчики, золотоискатели – все те, кто ориентировался на получение прибыли. Однако их повседневная жизнь подчинялась этническим и конфессиональным правилам в большей степени, нежели размерам капитала [Банникова, 2011, с.10].

По российскому законодательству мужчины и женщины имели равные имущественные права, что делало их независимыми в предпринимательской деятельности. Это нашло отражение в законе от 10 июня 1857 г. «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужа их торговли» [Ulianova, 2009]. Женское предпринимательство в Волго-Уралье получит развитие уже во второй половине столетия.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. волго-уральские земли существовали в условиях социально-экономических перемен. В условиях активной миграции и расширения земледельческого хозяйства здесь (особенно на юго-востоке региона) начиналось превращение традиционной земельной собственности в рыночный фактор производства, иначе называемое аграрным переворотом. В большинстве государств Западной Европы они шли столетиями, сопровождалась социальными столкновениями и, в основном, предшествовали промышленному перевороту, завершившись

к XIX в. Аграрный переворот фиксировали правовые, институциональные, организационные перемены. В Российской империи почти все они пришлось на XIX столетие, а в Волго-Уральском регионе совпали (или резонировали) с «волнами» колонизации.

В регионе административные, экономические и социальные структуры в целом воспроизводили систему отношений, господствовавших в центральных районах империи. Именно они и делали регион «внутренней окраиной», а не пограничной территорией. В социально-экономической сфере об этом свидетельствовали:

- демографический рост и увеличение плотности населения за счет переселенцев;
- хозяйственная колонизация (освоение) и ориентация на развитие земледелия;
- распространение и поддержка помещичьего землевладения и крестьянского общинного землепользования.

При этом в регионе сохранялись значительные особенности, отражавшие историко-культурные процессы, обусловленные предшествующим развитием, и этноконфессиональные черты:

- сохранение традиционных форм землевладения и землепользования с присущими им чертами обычного (вотчинного) права;
- значительное численное преобладание государственных крестьян над удельными и помещичьими крестьянами;
- использование разных форм сбора государственного налога (ясак, оброчная подать), в т.ч. в виде воинской службы (военно-служилое сословие). Отношение к военно-служилому сословию в этот период не было однозначным, однако общий тренд свидетельствовал о стремлении власти отказаться от использования здесь военных и переводе их на полное хозяйственное и продовольственное самообеспечение;
- неравномерное распределение по региону помещичьих хозяйств, собственниками которых были не только дворяне, но и отчасти купечество, единично крестьяне и крестьянские общества. Данное явление было особенно заметно в южных и юго-восточных степных районах, где сохранялась невысокая плотность заселения и имелись свободные земельные пространства;

²² Под предпринимательством чаще всего понимают хозяйственную деятельность, направленную на получение прибыли и основанную на самостоятельности, инициативе и ответственности собственника капитала [Клейн, 1994, с.6].

– сохранение исторически сложившихся форм землевладения и землепользования национальной элиты (четвертое землевладение служилых татар, земли башкир-вотчинников, калмыцких нойонов).

Направленность трендов промышленного развития не дает оснований характеризовать этот период исключительно в рамках концепции кризиса феодально-крепостной системы. Для Поволжья и Приуралья это было время роста, причем опережавшего среднероссийские показатели: доля промышленности Среднего Поволжья в составе общероссийской промышленности выросла с 4 до 6,8%. При этом она развивалась в тот период без сильного государственного вмешательства. Льготы и государственные заказы сохраняли предприятия оборонной ориентации (металлургия Урала, оружейные заводы Вятской губ., суконные мануфактуры Поволжья).

В регионе были представлены одновременно все стадии технического совершенствования (кустарное производство, мануфактуры и первые фабрики), организационно-управленческого усложнения (частные единоличные, семейные, государственные (казенные) предприятия, акционерные общества). Машинные современные технологии и акционерные формы организации капитала стали внедряться с 1840–1850-х гг., прежде всего в транспортных отраслях (пароходостроение) и золотодобыче.

Многоукладное хозяйство, приспособленное к нуждам разных потребителей, было характерной чертой промышленности Волго-Уральского региона.

Достаточно либеральные условия для развития торговли, в т.ч. внешней (восточное и юго-восточное направления), возможность ведения торговли крестьянами свидетельствовали о стремлении импер-

ской власти к укреплению торговых связей (прежде всего с мусульманскими государствами) для дальнейшего продвижения и вовлечения в общее рыночное пространство новых территорий. Юго-восточные окраины становились опорными базами такой стратегически ориентированной торговли. Важную роль в этом играли города Оренбург, Астрахань, Казань, Нижний Новгород.

Хозяйственные, имущественные, национальные, военно-гражданские различия в повседневной жизни проживавших в Волго-Уральском регионе людей были весьма заметными. Образ региона как самобытного, пестрого и разнообразного оставался неизменным. Множественность вариантов социально-экономической жизни как потенциалов развития, казалось, была еще возможна.

Американские историки Дж.Бурбанк и Ф.Купер в монографии, посвященной мировым империям, выделили три черты особого «русского пути» Российской империи: осознание различий регионов (географических, конфессиональных, этнических), создание «направления устремлений» для отдельных сословий (например, возможность крестьянам записываться в купечество), а не индивидов, с одновременным сохранением обычного права в решении вопросов местной жизни различных этносов [Burbank, 2010, p.272]. Третий принцип заключался в том, что правила могли меняться всегда и в любое время. Эти правила регулировали чиновники, которые и являлись главными персонами влияния. Они смотрели на империю не как на единое целое, а как на страну, состоящую из отдельных частей. Такие принципы обеспечивали России социальный мир, малые расходы и возможность использовать при этом местные ресурсы, получая налоги.

§ 2. Татарское крестьянское хозяйство

Наиль Халиков

В первой половине XIX в. подавляющее большинство поволжских татар относились к крестьянскому сословию и являлись государственными крестьянами. Землепользование, распределение налогов и повинностей, общественные работы у них регламентировались общинным правом.

Общинные порядки и традиции имели положительные и отрицательные стороны. Миром-общиной было рациональнее и проще решать хозяйственные задачи и проблемы, успешнее противостоять государственно-административным посягательствам на права общинников, злоупотреблениям со сторо-

ны чиновников, сельских старост и др. К тому же определенная инертность и консервативность общины в социально-экономической области способствовали сохранению деревни и отдельных хозяйств с их устойчивыми хозяйственно-культурными традициями. С другой стороны, поступательное и успешное развитие деревни и домохозяйств сдерживало принудительное уравнивающее регулирование землепользования, в первую очередь жизненно

важных для крестьян пашни и сенокосов. Существовавшая система распределения налогов и податей часто не соответствовала экономической состоятельности отдельных хозяйств, тем более что крестьяне несли перед общиной ответственность за своевременную уплату налогов и выполнение повинностей («круговая порука»). Выход из общины, даже кратковременный, ограниченный паспортным режимом, был затруднен той же круговой порукой и т.д. Длительным отлучкам крестьян на заработки повсеместно препятствовали сельские богатеи, заправлявшие всеми делами в деревне и общине, нуждавшиеся в дешевой местной рабочей силе – батраках, поденщиках.

Часть татар, в основном мишари, прежде бывшие служилым сословием, владели землей на поместном праве (т.н. однодворцы). Но и у них хозяйственная жизнь деревни во многих случаях строилась на тех же общинных принципах.

В области землепользования ситуация складывалась следующим образом. Если к началу XIX в. крестьяне законодательно имели наделы в 15 дес., то к середине столетия, вследствие увеличения плотности населения в крае (в Казанской губ., например, на 80%) [История Татарской АССР, 1951, т.1, с.297], наделы официально сократились до 8 дес., т.е. в 2 раза, и более [Общий свод, 1896, с.24–25, табл.V]. При этом следует отметить, что 8-десятинный надел был пределом для нормального функционирования крестьянского хозяйства. Уменьше-

Овин-шиш (шэш эвен). XIX – нач. XX в. Реконструкция.

ние размеров наделов до 2–3 дес. в середине – второй половине XIX в. имело, по сути, катастрофические последствия. Особенно тяжелая ситуация складывалась для бывших частных собственников, прежде владевших значительными земельными наделами. Из-за роста численности населения, семейных разделов они к середине столетия имели земли меньше, чем бывшие ясачные казанские татары. Так, у многих бывших однодворцев Симбирской губ. наделы в это время составляли менее 1 дес. [Липинский, ч.1, с.270]. Только в юго-восточных районах обеспечение землей было заметно лучше: татары-казаки Оренбургской губ. имели наделы в 25–30 и более дес. В станице Касель, например, на 1 душу м.п. приходилось по 43 дес. земли, из них 35 дес. пахотной [Статистические сведения, л.165]. Про крестьян Самарского Поволжья писали: «Всякий пашет и косит, где и сколько ему угодно» [Соловьев, 1857, с.217]. И это не было случайным: в середине XIX в. в Челябинском у. Оренбургской губ. соотношение пашни к общей площади уезда было 1:23, а в Оренбургском у. – 1:45 [Военно-статистическое обозрение, т.XII, ч.1, с.57].

В указанные размеры наделов (15, 8, 3 и менее дес.) входила совокупность угодий: пашня, сенокосы, выгоны, леса и др. Пахотные земли в среднем составляли половину площади душевого надела. Причем на протяжении рассматриваемого периода площадь пашни увеличивалась за счет лугов, лесов: в Казанской губ., например, с

Ручные мельницы (кул тегермане) и ступы (килэ).
Реконструкция Н.А.Халикова.

1886 тыс. до 2477 тыс. дес. [Алишев, 1990, табл.6]. Разумеется, полдесятины или десятины пашни на наличную душу м.п. было совершенно недостаточно для обеспечения семьи продовольствием, получения средств для уплаты налогов. Это вынуждало крестьян сдавать наделы в аренду и искать приработки на стороне.

Остро не хватало лугов и сенокосов для животноводства: рациональным считалось соотношение пахотных земель и сенокосов как 1:1, а в Казанской губ. в середине столетия на 10 дес. пашни приходилась 1 дес. лугов [Лаптев, 1861, с.263]. Бескормица вынуждала крестьян распродавать скот; среди татар безлошадных было 14%, больше, чем у русских, чувашей и др. [Архив Толмачева, л.18]. Недостаток скота означал и нехватку навоза; пашню нечем было удобрять. Не случайно отмечалось: в Казанской губ. начала 1840-х гг. земля истощалась, о чем сви-

детельствовало неурожаи [Хозяйственные заметки, с.390–391]²³.

Две основополагающие причины – прогрессирующее малоземелье и растущий налоговый гнет в совокупности с развитием товарно-денежных отношений эпохи становления капитализма, развитие всероссийского и местных рынков – вели к социально-экономической дифференциации деревни, образованию значительного слоя безземельных и неимущих крестьян. В этой связи характерно и типично замечание А.Липинского в описании Симбирской губ.: «..между татарами встречается много бедных семейств» [Липинский, 1868, с.325]. Одним из важных последствий такого положения был отход значительной части крестьян от сельскохозяйственных работ на своем наделе. Основным источником дохода у них становились кустарные ремесла, местные и отходнические промыслы, мелкая торговля. Все эти процессы, зарождавшиеся в первой половине XIX в., получили масштабное развитие во второй половине XIX – начале XX в. А поскольку негативные процессы, происходившие в экономике края, особенно затрагивали татар (высокий процент безземельных и т.д.), то и распространение вненадельческих приработков у них было значительным. Весьма характерный пример: у касимовских татар, имевших на ревизскую душу только по 3 дес. малопродуктивной земли, треть крестьян жили отходничеством и торговлей [Баранович, 1860].

И все же, что касается традиционной сферы деятельности татарских крестьян – сельского хозяйства, то, несмотря на неблагоприятную экономическую обстановку, в области земледелия наблюдался, хотя и медленный, но прогресс. О татарах Пензенской губ., например, писали: «Хлебопашество у татар идет очень успешно» [Прозин, 1866, с.259]. Совершенствовались системы земледелия, распространялись новые полевые культу-

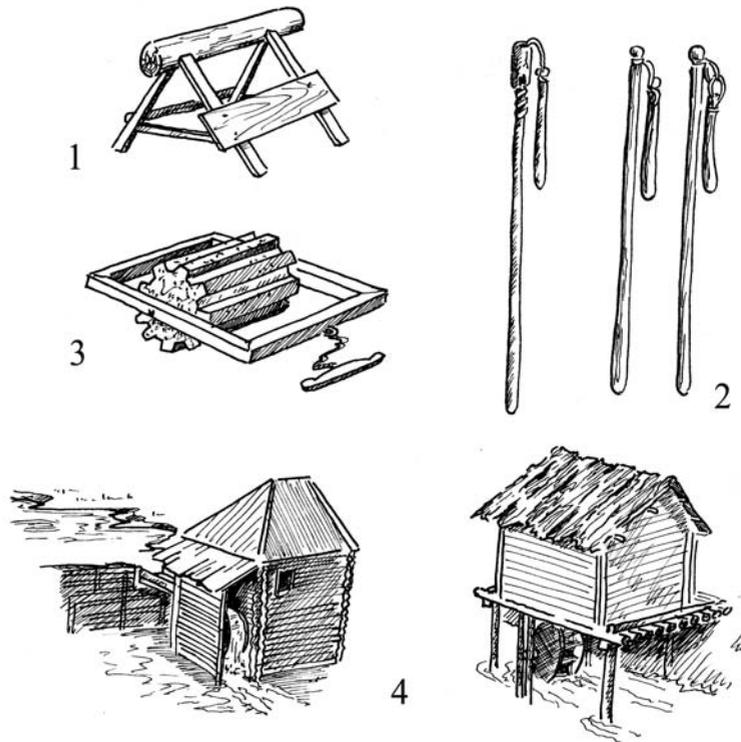
²³ Исключением было лишь татарское население Южного Приуралья, особенно казаки, имевшие многочисленные стада. Так, в станице Варна Верхнеуральского у. Оренбургской губ. в середине XIX в. на душу м.п. приходилось почти 15 гол. лошадей, крупного и мелкого рогатого скота [Статистические ведомости, л.123–124] (подсчитано нами. – Н.Х.).

ры, пахотные орудия и т.д. Объективным индикатором положительной динамики развития сельского хозяйства может служить постепенный рост посевов и сборов хлебов. Так, в середине столетия у татар Буинского у. Симбирской губ. урожаи ржи часто были сам-7, яровых хлебов сам-8 [Материалы для истории, 1866, с.53], что было заметно выше средних по региону показателей.

В этом следует усматривать и давние земледельческие традиции татар. Поэтому крестьянин до последнего держался за свой надел и сельскохозяйственное производство. Имели значение и влияние общинных порядков и традиций, устойчивый семейный быт, «любовь к родовому гнезду» – своей деревне и дому.

Хозяйственная деятельность татарских крестьян, как способ получения средств существования в материальном продовольственном и денежном выражении, была многоплановой. В тех или иных объемах, в зависимости от социально-экономической ситуации, природных условий и традиций, крестьяне занимались сельским хозяйством, промыслами, торговлей и др. В соответствии с социальным статусом крестьян, направлением и уровнем развития производительных сил в условиях преобладания феодального способа производства в хозяйстве поволжских татар важную роль играло сельскохозяйственное производство, прежде всего земледелие.

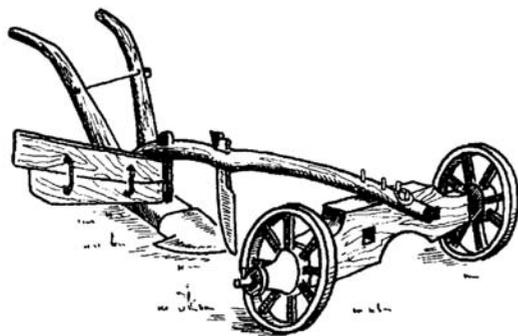
Земледельческая культура татар имела весьма высокий для своего времени уровень развития. И.Г.Георги в самом конце XVIII в. отмечал: «Нынешние татары могут назваться изрядными земледельцами, которые не дают пашням своим отдыхать» [Георги, 1799, ч.II, с.11].

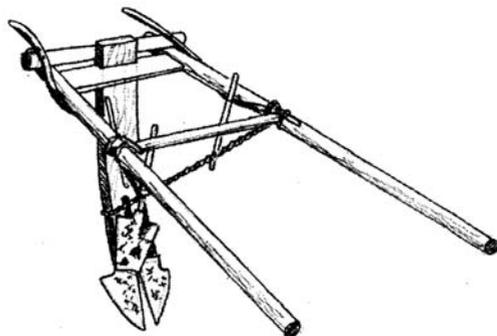
Орудия молотбы: 1 – козлы (стан, кэжэ) для молотбы снопов хлестанием; 2 – виды цепов (чабагач); 3 – молотильный камень (ашлык бастыра торган таш); 4 – водяные мельницы. XIX – 1-я пол. XX в. Реконструкция Н.А.Халикова.

Облик земледелия и агрокультуры определялся способом поддержания плодородия почвы. В уездах Среднего Поволжья, Прикамья, Окско-Сурского междуречья господствовала паровая система земледелия в форме трехполья. В восточных и юго-восточных районах (Пермская, Оренбургская, южные уезды Самарской губ.) севооборот часто имел, в известной степени, бессистемный характер, когда пашни трех-и двухполья дополнялись краткосрочными перелогам. Поэтому об агротехнике Саратовской губ. сообщалось, что там «нет никакой положительной системы земледелия» [Безносилов, 1852, с.92]. У многоземельных татар-казаков Оренбургской губ. практиковалась и классическая залежно-переложная система. В Сарapulьском, Елабужском уездах еще сохранялась подсеčno-огневая система земледелия, но не в обычной форме, а в качестве лесного перелога – способа расчистки леса под пашню.

В соответствии с ведущей системой земледелия, трехпольем, основной зерно-

Поволжский плуг сабан. XVIII–XIX вв.
Реконструкция Н.А.Халикова.

Соха Поволжья и Урала. XVIII–XIX вв.
Реконструкция Н.А.Халикова.

вой культурой на полях татарских крестьян была озимая рожь. Возделывались также овес, ячмень, полба, гречиха, просо. В юго-восточных районах края, где часто преобладали залежи и перелог, ведущей культурой была пшеница, урожаи которой достигали сам 15 [Статистические труды, 1858, с.10]. Пшеницу татары выращивали и в более северных районах, например, в Буинском у. Симбирской губ. Но к середине XIX в., по мере истощения пашни, ее урожаи в центральных районах края стали падать, а площади посевов сокращаться [Материалы для истории, 1866, с.39].

Старопахотным пашням трехполья соответствовала соха, залежи и перелог поднимались плугом-сабаном. Но и там, где сабан был распространен (юго-восточные районы края), такое орудие использовалось преимущественно зажиточными домохозяевами, поскольку для его упряжки требовалось от 4 до 8 лошадей; малоимущим крестьянам по силам была только соха. Характерно замечание известного исследователя пахотных орудий Г.Фирстова: «Сабан распространен преимущественно между земледельцами-татарами Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Астраханской губерний и частью Казанской» [Фирстов, 1840, с.208]. В лесной полосе применялась косуля, а в татарских деревнях Вятской, Пермской, северных уездах Казанской губ. в середине XIX в. стали появляться кунгурские, вятские сохи. Такие орудия, занимавшие промежуточное положение между плугом и сохой, позднее получили широкое распространение.

Повсеместно использовалась рамная («брусковатая») борона, часто с железными

зубьями. На легких почвах Вятской, Казанской, Нижегородской губерний еще применялась плетеная борона.

Почти повсюду рожь и большинство яровых хлебов убирали серпом. В юго-восточных уездах применялась, особенно для жатвы пшеницы, коса-литовка. На протяжении рассматриваемого периода последнее орудие получало все большее распространение, поскольку косьба имела много преимуществ перед жатвой серпом.

Снопы в лесной полосе края (Вятская, Пермская, северные уезды Казанской губ.) на поле ставили в бабки и суслоны; в Окско-Сурском междуречье (Нижегородская, Пензенская и другие губернии) – в крестцы. В лесостепных уездах были распространены типичные для агрокультуры татар *дунгыз*, *зурат*, *чүмәле*. В усадьбе, на гумне снопы для длительного хранения ставили в *кибән*. В лесной и лесостепной полосе снопы предварительно просушивали в овинах: срубных и более простых и архаичных овинах-шишах. Характерно, что современники называли последние «татарскими овинами» [Кандидат Пелль, 1845, с.134; Черемшанский, 1859, с.315]. В юго-восточных уездах края практиковали сыромолот снопов без предварительной сушки в овинах. Озимую рожь и многие яровые хлеба молотили цепом. Но у татарских крестьян широко применялся обмолот снопов копытами лошадей и при помощи телеги. Зерно на муку перерабатывали на водяных и ветряных мельницах, на крупу дробили в конных крупорушках. Кроме того, в каждом дворе были ручные мельницы и ступы. Хранили зерно, крупу и муку в ларях, сусеках клетей, амбаров; бедные домохозяе-

ва свои небольшие припасы держали в сенах (в кадках и мешках). В степных уездах кое-где сохранялся очень древний способ хранения зерна в земляных ямах.

На протяжении первой половины XIX в. сельскохозяйственное производство (земледелие) находилось в динамике. Появились новые, более производительные пахотные орудия, все шире практиковались рациональные приемы уборки хлебов косяком, молотьбы лошаадьми, сыромолота снопов, особенно пшеницы [Безносиков, 1852, с.101–102].

Овощи сельские татары почти не выращивали, при необходимости покупая их у русских соседей. Овощеводство имело место лишь в пригородных селениях, где была возможность их продажи, и вообще у богатых крестьян. А.Липинский отмечал: «Татары же, особенно зажиточные, занимаются огородами с большим старанием, и самые овощи их весьма разнообразны» [Липинский, 1868, с.423]. С трудом, через «картофельные бунты», поскольку эта незнакомая культура еще и нарушала привычный севооборот, к середине столетия в огородах, иногда на полях, стал распространяться картофель, позднее ставший одной из ведущих продовольственных культур («Картофель составляет главное огородное растение черемис, чуваш и татар» [Лаптев, 1861, с.270]). Плодовые сады в татарских деревнях встречались крайне редко.

У большинства татарских крестьян животноводство по хозяйственной значимости было второстепенной отраслью после земледелия. Лошади предназначались для пахоты и транспортных работ. Крупный и мелкий рогатый скот служил источником продоволь-

ствия (мясо, молоко) и сырья (шкуры, кожи, шерсть) для кустарных ремесел.

Скотоводство у татар имело пастбищно-стойловый характер. С весны до осени домашних животных выпасали под присмотром пастухов. В лесостепной полосе и сопредельных уездах лесной и степной зон скот зимой держали в холодных плетневых хлевах; в Вятской и Пермской губерниях нередко использовали срубные утепленные скотные постройки; в юго-восточных районах обычными были загоны-карды с соломенными крышами.

Татары уделяли большое внимание содержанию домашних животных и уходу за ними²⁴. Современники отмечали: «Скотоводство есть вообще одна из лучших частей в хозяйстве татарском» [Кандидат Пелль, 1845, с.135]. В Чистопольском у. Казанской губ. кур, гусей и уток больше всего было у татар; содержались они лучше, поэтому и мясо кур, например, было вкуснее [Линдгрэн, л.11об.–12].

В первой половине XIX в. для социально-экономического положения татарского сельского населения – в большинстве своем государственных крестьян-общинников – были характерны основные тенденции, наблюдаемые в аграрной сфере: нарастало малоземелье, увеличивались налоги и повинности. Следствием этого к середине столетия была имущественная дифференциация, принимавшая в татарской деревне особенно значительные размеры. Тем не менее, благодаря богатому хозяйственно-культурному опыту и природному трудолюбию, хозяйство, земледелие, животноводство, промыслы у татар, хотя и медленно, но неуклонно развивались.

§ 3. Российские ярмарки

Людмила Свердлова

К началу XIX в. в России сложилась широкая ярмарочная сеть, в которую входили

В России расцвет ярмарочной торговли относится к XVIII в. Этому способствовали большая территория, неразвитая система путей сообщения (что замедляло интеграцию регионов во всероссийский рынок), а также то, что стационарная капиталистическая торговля и кредитная система находились на стадии зарождения.

²⁴ Однако, несмотря на все старания, животноводство у татар, как и других народов края, находилось в «стесненном положении», причиной чему были экономические обстоятельства, бескормица, эпизоотии. В частности, отмечалось, что в приуральских губерниях рогатый скот «много терпит от чумы» [Военно-статистическое обозрение, 1848, с.36].

ли сельские торжки, региональные ярмарки и такие общероссийские центры торговли, как Нижегородская, Ирбитская, Кяхтинская, Оренбургская и другие ярмарки. Казанцы неизменно занимали на них ключевые позиции. Большое значение имели Казанская, Бугульминская, Мензелинская и Лаишевская ярмарки.

В Торговом уставе говорилось: «Во всяком городе, селении, посаде или местечке, а также вне поселений может быть учреждена одна в году ярмарка или более, смотря по обстоятельствам и удобствам. При учреждении ярмарки назначается для нее время начала и продолжения значительнейших ярмарок, а равно следующих непосредственно одна за другою, должны быть расположены так, чтобы приезжающие на оные за окончанием одной ярмарки могли последовать на другую» [Устав Торговый, 1903, с.184].

Это были оптовые товарные ярмарки – своеобразный сбор коммерсантов, оптово-посреднических и производственных предприятий, налаживавших между собой связи с целью приобретения и последующей перепродажи крупных партий товара или обменивающихся крупными партиями товаров на самой ярмарке. Всероссийские ярмарки служили и центрами международной торговли.

Торговые сделки, осуществлявшиеся на ярмарках, условно можно разделить на три категории: 1) закупка крупных оптовых партий для дальнейшей перепродажи в местах спроса: в российских столицах, на всероссийских ярмарках, вывоз товара за границу; 2) торговые операции с достаточно крупными партиями для их перепродажи (оптом и в розницу) в основном в крупных торгово-промышленных центрах страны и по месту жительства предпринимателей; 3) продажа мелкооптовых партий, при этом товар могли закупать как оптовые торговцы, накапливая крупные партии, так и торговцы-розничники для дальнейшей мелочной торговли.

В начале XIX в. центрами российско-восточной торговли были Одесса, Таганрог, Астрахань, Казань, Оренбург, Сибирь, включая Кяхту [Шкунов, 2007, с.13]. Успешность этих центров во многом зависела от развитости путей сообщения в регионе их деятельности. В конце XVIII в., в связи с развитием торговых отношений России с Китаем

и Средней Азией, главным транзитным путем между Европейской Россией и Сибирью становится так называемая Казанская дорога: путь, который начинался от Казани и шел через Тюмень, Екатеринбург, Кунгур и Пермь. Сибирские купцы ездили на Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарку по двум маршрутам, соединявшим Сибирь с Европейской частью: северным путем – через Верхотурье и Соликамск и южным – через Кунгур и Казань. Уральские купцы перевозили товар в Москву либо через Вятку (Хлынов), либо через Казань [Кафенгауз, 1958, с.158, 197–198].

Казань располагалась «в средоточии больших дорог, необходимых для проезда в важнейшие города и места, из которой оные разделяются в Вятку, в Тобольск и во всю Сибирь, Оренбург, Уфу, Уральск, и во все степные места и крепости» [КИ, 1814, 8 дек.]. Через город был проложен старейший путь, соединявший столицы России с Уралом и Сибирью (Москва – Казань – Екатеринбург – Тюмень). Его начало – Московский тракт – соединяло с российским центром не только столицу Казанской губернии, но и уездные города Свияжск, Чебоксары, а их все – с Нижним Новгородом. Московский тракт связывал столицу страны через Казань – Иркутск с Кяхтой, откуда китайские товары попадали на европейский рынок. Едва ли не единственной дорогой по суше из внутренней России в Оренбургский край, а оттуда в Ташкент, Самарканд, Бухару был Оренбургский тракт, который на территории губернии, кроме Казани, проходил через Лаишев и Чистополь. Царевококшайский тракт вел в города Вятской губ., одного из главных торговых партнеров Казани, а Симбирский и Спасо-Симбирский тракты использовались купцами в торговле с городами, расположенными ниже по Волге. Через Казань был проложен Сибирский тракт. Эти дороги, отмеченные на границе города заставами, входили в ведение Министерства путей сообщения и содержались на средства государства.

Татарские предприниматели, являясь носителями религиозных, языковых, этнокультурных и хозяйственно-экономических традиций, играли важную роль в налаживании торгово-экономических связей со стра-

Таблица 33

Сегментация восточного направления внешней торговли Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. [Шкунов, 2007, с.14]

Таганрог и черноморские порты	Астрахань, Закавказье	Оренбуржье	Сибирь, включая Забайкалье	Дальний Восток
Москва, европейские порты, Курская Коренная, Нижегородская ярмарки	Нижегородская, Курская, Коренная ярмарки, Казань, Москва, С.-Петербург, балтийские и северные порты	Меновые дворы, Нижегородская, Ирбитская ярмарки, Казань, Симбирск, Москва, Архангельск, Урал	Нижегородская, Ирбитская ярмарки, Казань, Архангельск, Иркутск, Кяхта, Селенчинск	Приморье, Приуралье, Ирбитская ярмарка, Камчатка, Аляска
Османская империя, Азия (Ливан, Сирия, Палестина)	Азиатская часть Османской империи, Иран, туркменские степи	Ханства Средней Азии, Индия Афганистан, Синьцзян, Кашмир, Пенджаб, Балх, Бадахшан, Казахские жузы	Кокандское и Бухарское ханства, Синьцзян, Халха	Япония, Корея, Китай, Маньчжурия

нами Востока, способствовали росту авторитета России в этом регионе и укреплению позиций торгового капитала татарских купцов на рынках Средней Азии.

Торговля с Персией и Северным Кавказом в первой половине XIX в. велась в основном через Астрахань, которая служила крупнейшим портом на Каспийском море. Кроме русских купцов, активное участие в этой торговле принимали армянские купцы, многие из которых приняли российское подданство, а также татары, жившие в Астрахани.

Основная торговля со Средней Азией со второй половины XVIII в. велась через Оренбург и Троицкую крепость. Оренбургский край превратился в центр российско-среднеазиатской торговли.

Благодаря своему удачному географическому положению, правительственным мероприятиям, а также активности татарского торгового сословия Оренбург становится главным опорным пунктом продвижения России в Среднюю Азию. Ярмарочный торг на Оренбургском меновом дворе (с июня

по 1 ноября) и на Троицком (Оренбургская губ., с 1 июля по 1 октября) до проведения Закаспийской ж.д. имел огромное значение для торговли местными товарами – шерстью, скотом, сырыми кожами, верблюдами, лошадьми, хлопком, азиатскими фруктами. С конца августа до начала ноября из Оренбурга уходили три каравана, подготовленные татарскими купцами. Караваны направлялись в Хиву, Бухару, а непроданный там товар отправлялся далее на юг – в Кундуз, Кабул, Бадахшан. Татарское купечество, действуя через Оренбург, наладило также постоянные торговые отношения с Персией, Индией, Тибетом и Кашгаром (Западный Китай) [Камско-Волжская газета, 1873, 16 сент.].

Казанские татары на среднеазиатском торге закупали для отправки в Казань, на российские ярмарки и в столицы персидские ткани, шали и ковры, у хивинских и бухарских купцов скупали бумажные халаты, ташкентскую выбойку (ткань), лучшую пушнину для последующей ее переработки на местных предприятиях, пряденую хлоп-

Часть Гостиного двора Сеитова посада. Фото 1920-х гг.

чатую нить. Ее на текстильных предприятиях Казани смешивали пополам с английской нитью и выпускали китайку. У казахов татарские коммерсанты большими партиями закупали говяжье и баранье сало, кожи, овчины, скот, в основном коней и овец [Неболсин, ч.1, 1835, с.170, 172, 173].

По общему мнению, самые тесные связи казанские, оренбургские и уфимские торговые татары установили с Бухарой – центром сбыта российских товаров в Средней Азии, власти которой покровительствовали им. В начале XIX в. купцов, торговавших со странами Средней Азии, называли «бухар юртучи» (торговец бухарскими товарами) [История Татарии, 1937, с.304]. К ним относились малмыжский купец Абдулла Утямышев, арский 1-й гильдии купец Ибрагим Баязитов, казанский купеческий сын Абдулкарим Юнусов, челябинский 1-й гильдии купец Иван Ахматов, челябинский купец Муртаза Монасыпов и др. Об объеме торговли этих купцов свидетельствуют следующие цифры: в 1805 г. в Троицкой таможне челябинский 1-й гильдии купец Иван Ахматов зарегистрировал товара на сумму 61 тыс. 410 руб., челябинский купец Муртаза Монасыпов – на сумму 103 тыс. 743 руб. По возвращении из Бухары у Ахматова оказалось товара на 101 тыс. 366 руб., а у малмыжского купца Абдуллы Утямышева – на 123 тыс. 592 руб. [Шкунов, 1997].

Активными носителями экономических отношений, участниками ярмарок были

не только гильдейские купцы, занятые оптовой и розничной торговлей. Значительную группу участников ярмарочной торговли составляли торговые татары, крестьяне и мещане – жители местностей, примыкавших к ярмарочным центрам, занятые мелочной развозной и разносной торговлей, а также ремесленники, сбывавшие на ярмарках свои изделия. Ярмарочную торговлю обслуживала значительная группа «торговых людей», кото-

рую можно отнести к вспомогательному составу торгового сословия: доверенные лица купцов, обозные и лавочные приказчики, служащие купеческих компаний и торговых домов, компаньоны и иные лица, не считая крестьян, связанных извозным промыслом, и разнорабочих, выполнявших тяжелую физическую работу на пристанях, ярмарках, в лавках.

Российские татары, являясь посредниками и одновременно активными участниками российско-восточной торговли, расширяли сферу экономических интересов России на Востоке, способствовали распространению отечественных товаров в сопредельных странах.

Однако развитию торговли со Средней Азией мешали отсутствие правовой основы (договоров), различия денежных систем, мер и весов, обилие таможенных пошлин, взимавшихся по пути следования караванов, дополнительные обложения, которым подвергались купцы-немусульмане, раздоры, междоусобицы, войны, произвол эмиров, ханов и беков, а также частые разбойные нападения на купеческие караваны, жертвами которых были и купцы-мусульмане. Так, в 1804 г. специальным царским указом казанские купцы Шахмуратовы были освобождены от уплаты налогов сроком на 20 лет в качестве компенсации за убытки, понесенные ими из-за разбойного нападения и разграбления их торгового каравана по пути в Бухару и Хиву.

Переезд торговцев (татар и казахов) в зимнее время через Волгу. Рис. 2-ой пол. XIX в.

Во второй четверти XIX в. в Среднюю Азию по казахской границе отпускалось товаров на 5,5 млн., а привозилось – на 4 млн. руб. В 1849–1853 гг. торговля с азиатскими государствами в общем объеме восточной торговли (взятой за 100 процентов) распределялась следующим образом: казахские степи – вывоз 16,8%, ввоз – 23,6%; Азиатская Турция – соответственно 7,2% и 5,2%; Хива, Бухара, Коканд – 4,2% и 6,0% [История торговли, т.1, вып. 5, 1913, с.71, 72].

Содействуя дальнейшему развитию торговли со странами Средней Азии, царское правительство в 1859 г. отменило пошлину на ввозимые в Бухару товары. Эмир оценил это и распорядился брать с русских купцов пошлину, равную плате мусульман [КБЛ, 1871, 27 июня]. Теперь русские купцы сами могли торговать на Востоке, они поставили под жесткий контроль тех, кого нанимали торговать от своего имени на среднеазиатских базарах. После вхождения в 1864–1865 гг. большей части Средней Азии в состав России и признания вассальной зависимости от нее Кокандским и Бухарским ханствами казанские татары утратили монополию на среднеазиатскую торговлю, хотя и продолжали оставаться в числе основных торговых партнеров этого региона.

Главная ярмарка России – Макарьевская (с 1817 г. – Нижегородская) работала с 15 июля по 25 августа. Она играла роль международной ярмарки, где осуществлялся товарообмен не только российских, но и западноевропейских, азиатских и восточных товаров. Этому благоприятствовало географическое положение Нижнего Новгорода. П.И.Мельников отмечал: «Волга и Каспийское море представляют ему (Н.Новгороду.

– Л.С.) открытый путь на Кавказ, в Персию, в Среднюю Азию и даже в самую Индию; Волга, Дубовская железоконная дорога на Дон связывает Нижний Новгород и Нижегородскую ярмарку с Турцией, Левантом, Египтом и Южной Европой. Волга и Кама сближают это место с Уральским хребтом и Сибирью, через которую идет открытый путь в Китай. С другой стороны, Волга с водосоединительными каналами соединяет Нижний Новгород с Санкт-Петербургским портом, этим окном России в Европу, а также и с северными губерниями европейской России. Она соединяет Нижний Новгород с внутреннею Россией и с сердцем ее – Москвой» [цит. по: Сенюткина, 2006, с.34].

Нижегородская ярмарка привлекала западноевропейских купцов как рынок сбыта готовой продукции и одновременно как рынок закупки сырья, необходимого для изготовления этой продукции. Азиатское купечество привозило на ярмарку «восточные» товары и ценилось как крупный поставщик на всероссийский рынок сырья и оптовый покупатель изделий российского производства. В 40–50-е гг. XIX в. западноевропейские купцы составляли 5%, а прибывшие из стран Азии и Закавказья – 11% всех ярмарочных торгующих [Богородицкая, 1989, с.16].

В Нижний Новгород казанские купцы доставляли традиционные товары. Но к середине XIX в. на первое место выходят зерно, мука, ржаная и крупчатая, овес, различные крупы, льняное семя. Значительно увеличиваются поставки хлопчатобумажных тканей (китайки и кумача), валяной обуви, кулей, рогож, циновок, дорогих экипажей и дешевых телег, колес, поташа, шадрика. Казанцы закупали на ярмарке все, что пользовалось

Меновой двор под Оренбургом. Рис. П.И.Рычкова. Последняя треть XVIII в.

спросом на торгах Урала, Сибири и Средней Азии [Мельников, 1846, с.31, 67, 87, 90, 99–100 и др.]. Большинство сделок совершалось в кредит, за наличные реализовывалось не более 10–20% товара.

В 1804 г. мусульмане-торговцы, ставшие членами мусульманского ярмарочного прихода на Макарьевской ярмарке, составили 58 чел., или 5,2% от числа торгующих. Они приехали из Казани и Казанской губ. (32 чел.), Арска (2 чел.), Астрахани (5 чел.), Касимова и Касимовской округи (6 чел.), Оренбурга и Каргалы (4 чел.), Бухары (2 чел.)²⁵.

В конце 1850-х гг. из 15 тыс. торговцев, зарегистрированных на ярмарке, татары составляли 300 чел., или 2% [подсчитано по: Богородицкая, 1989, с.16].

На ярмарке существовал Татарский ряд, где товар предлагали азиатские и татарские купцы. В 1812 г. привоз «разного бухарского пушного товара, кумачей, китаек и юфти» составил 3 млн. 146 тыс. руб., а его реализация достигла 1 млн. 415 тыс. руб., т.е. 45% привоза. Оставшийся товар после закрытия

²⁵ Для 7 торговцев место, откуда они приехали, не названо. По социальной принадлежности половина из них – гильдейские купцы (28 чел. и 1 – купеческий сын), 9 чел. были выходцами из «торговых татар», 4 чел. принадлежали к служилым татарам, 4 чел. были крестьянами, 2 чел. входили в сословие мещан. У остальных 10 чел. социальное происхождение не указано [подсчитано по: Сенюткина, 2006, с.123–124].

ярмарки купцы направляли в Москву и на другие российские торжища [подсчитано по: Макарьевско-Нижегородская ярмарка, 1997, с.185].

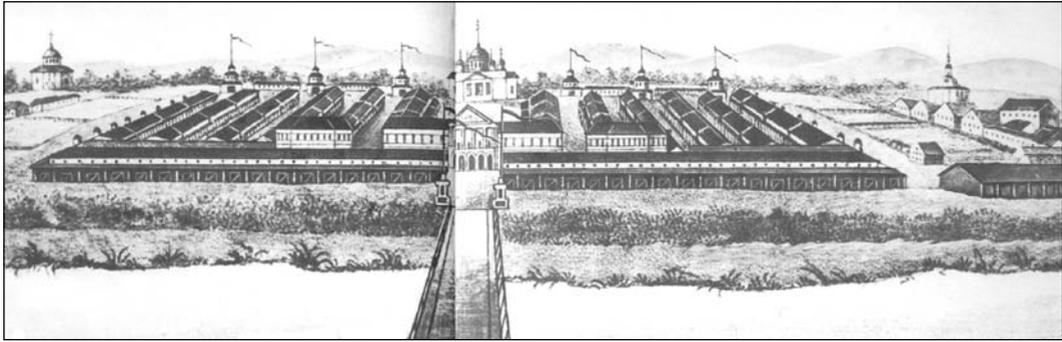
Торговали татары и в Мыльном ряду. «Мыло, в красивых ящиках и ящичках, белое и желтое расположено шахматами по полкам и прельщает зрение; на прилавках покоятся огромные массы. Казанские татары здесь – главные действующие лица»

[Погодин, 2000, с.91]. В 1812 г. сумма привезенного на ярмарку мыла составила 352 тыс. руб., а его продажа – 233 тыс. руб., т.е. 62,2% от привоза [подсчитано по: Макарьевско-Нижегородская ярмарка, 1997, с.186].

Мыло, произведенное на своих предприятиях, в 1822 г. предлагали казанские купцы Абдулкарим Юнусов, Ахмет Заманов, Юсуп и Хусаин Апанаевы, Мухаммад и Юсуп Шауновы [Сенюткина, 2006, с.46–47].

«Казанские и астраханские татары, – писал один из современников в 1827 г., – привозят сюда более всего мыло, отменной доброты и весьма охотно здесь покупаемое, прекрасный сафьян и всякого рода товары, делаемые из этой кожи, наконец, овчинные и мерлушечьи тулупы. Количество мыла простиралось до 1000 пудов, продавалось от 7 руб. 75 коп. до 8 руб. 25 коп. за пуд» [Богородицкая, 2000, с.61–62].

Значительную часть обслуживающего персонала Нижегородской ярмарки составляли татары Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний. «Татары отправляют все трудные работы на сей ярмарке, – писал современник в 1827 г., – они переносят тяжелые товары и служат в балаганах. Они трудолюбивы и без всякого ропота исполняют возлагаемые на них дела» [Сенюткина, 2006, с.48]. В начале XX в. А.П.Мельников отмечал: «И до сих пор на ярмарке среди черно-рабочих и мелкой прислуги много татар, в старину же здесь почти исключительно были

План Нижегородской ярмарки со стороны Оки. Литография В.Логинова. 1823 г.

татары, целыми толпами приходившие сюда к ярмарочному времени из пределов соседней Казанской губернии и из Сергачевского уезда Нижегородской ... Это были очень дешевые и самые выносливые работники, довольствовавшиеся самым ничтожным заработком и жившие почти под открытым небом...» [Мельников, 1993, с.44].

К XVIII в. относится установление постоянных экономических связей с Китаем, основная торговля с которым шла через Кяхту. На Кяхтинской ярмарке господствовала меновая торговля в условиях государственной монополии.

Товары для «промену» купцы производили на своих предприятиях, но в основном запасали на различных ярмарках. «Для меновой кяхтинской торговли ... негоцианты запасаются мягкой рухлядью, поэтому они на ярмарке (Нижегородской. – Л.С.) покупают белку, мерлушку, кошку, выдру и проч. Число белок находилось в продаже до 1 300 000 [штук] от 200 до 400 руб. за тысячу. Черной закаменной до 200000 [штук] от 700 до 800 руб., мерлушки до 100000 от 75 до 90 коп., кошки до 500000 тыс. [штук] от 75 до 90 коп. и выдры до 10000 [штук] от 20 до 30 руб. за штуку» [Богородицкая, 2000, с.61–62].

По свидетельству П.И.Мельникова, ярмарочная торговля на Нижегородском торжище официально не начиналась до тех пор, пока купцы-оптовики не договаривались о ценах на кяхтинские чай (что определяло цены на закупаемые для реализации на китайском и сибирском рынках кожи), мануфактуру, пушнину и другие товары [Мельников, 1993, с.249].

Торг на Кяхте проводился осенью с тем, чтобы по зимним дорогам доставить товар

по назначению. В европейскую часть страны его вывозили по маршруту Кяхта – Иркутск (здесь работала таможня) – Томск – Тюмень – Казань – Москва. В Казани часть товара складировалась до начала работы Нижегородской ярмарки.

Из Китая экспортировались: сахар-леденец, свежие фрукты, рис, табак «шар», хлопчатая бумага, шелк-сырец, бумажные и шелковые ткани, фаянсовая и фарфоровая посуда, шитое платье, веера, картины. Однако на первом месте был чай. В обмен российские купцы предлагали пушнину, выделанную кожу (особенно ценилась кожа мелкого рогатого скота), сайгачьи рога, листовое железо, металлическую посуду, писчую бумагу, китайку, зеркала, мишуру [Зябловский, 1808, с.138; История торговли, т.1, вып. 5, 1913, с.71]. Казанские татары поставляли на китайский рынок не только продукцию своих кожевенных и ткацких мануфактур, они экспортировали в Китай и продукцию российских, немецких, азиатских предприятий.

С 1782 г. торговлю с Китаем поставили под контроль т.н. компаньонов. Их главной задачей были ежегодное установление на торге единых для всех российских купцов цен и контроль за их соблюдением. И сразу среди коммерсантов, съезжавшихся в Кяхту, взяли верх «компании из купцов... архангельских, вологодских, тульских, тобольских, иркутских, казанских и московских» [Фирсов, 1902, с.31; Корсак, 1857, с.94, 95], которые, по сути, и монополизировали чайную торговлю в России. Именно их представители входили в ярмарочный комитет, вели переговоры с китайскими партнерами, добываясь выгодных условий «промена», устанавливали цены на кяхтинском, а зна-

Ярмарочная мечеть на Нижегородской ярмарке.
Построена в 1822 г. Фото нач. XX в.

чит и на российском чайном рынке. Одной из негласных целей компаньонов было ограничение круга лиц, допущенных к торговле чаем. Общих капиталов компаньоны не имели, «компании» создавались по принципу землячества и объединяли купцов, специализировавшихся на купле-продаже сходных товаров. В «казанскую компанию» входили и русские, и татарские купцы. Среди последних в начале XIX в. были братья Апаковы, Юсуп Китаев, Муса Якупов, Юсуп Арсаев, Губайдулла Юнусов – крупнейшие предприниматели Казани. В 1811 г. татарский купец Юсуп Китаев привез в Кяхту «для промену на китайские товары» козловые кожи на сумму более 80 тыс. руб. [Агафонов, 1906, с.107–108].

Взаимодействие татарских и русских предпринимателей, их взаимовыручка выражались по-разному. Например, при провозе товара на Кяхту и вывозе его купцы на иркутской таможне были обязаны уплачивать пошлину, причем деньги разрешалось вносить после реализации товара. Для перестраховки от возможного разорения торговца власти требовали поручительства имуществом от других купцов. Так, в 1826 г. Губайдулла Юнусов должен был уплатить огромную сумму – 100 тыс. руб. пошлины, и за него поручились богатейшие купцы Казани (также участвовавшие в кяхтинской тор-

говле) Л.Ф.Крупеников, П.И.Котелов, Муса Якупов и Юсуп Арсаев. Сам же Юнусов выступил поручителем Мусы Якупова [НА РТ, ф.114, оп.1, д.593, л.13–14, 18–19].

В 1840-е гг. Казань на Кяхте представляли, в т.ч., торговые дома казанских татар братьев Апааневых и Губайдулла Юнусов [Корсак, 1857, с.412].

Развивавшаяся в Кяхте под покровительством российского правительства меновая торговля на определенном этапе стала своеобразным стимулом к организации и расширению к организации и расширению тех производств, про-

дукция которых пользовалась повышенным спросом у китайских предпринимателей. На китайский рынок шло 53% от общероссийского вывоза выделанной кожи мелкого рогатого скота, сафьяна и юфти [Покровский, 1947, с.104, 105]. Основными статьями промена казанских предпринимателей стали сафьян высших цветных сортов, козловая кожа, производство которых было для Казани традиционным. В большом количестве казанцы вывозили на Кяхту китайку своего производства, которая появилась на ярмарках страны в 1823 г. и быстро завоевала популярность как качеством, так и прочностью окраски.

Кяхтинские «компании» действовали до 1800 г., т.е. до тех пор, пока правительство не взяло на себя выработку правил для промена и не открыло в Кяхте таможню. Новое положение о чайной торговле подтвердило ее меновой характер, сохранило запрет на кредит, и по-прежнему не допускало в Кяхту иностранных купцов. С 1807 г. разрешение на пограничную и портовую торговлю получили лишь первогильдейские купцы [Агафонов, 1906, с.107–108], что привело к увеличению объема их торговли. Если по сумме оборотов – 532 тыс. 856 руб. – казанцы среди 19 городов, торговавших на Кяхте, занимали шестое место, то по сумме оборотов на одно предприятие – 133 тыс. 214 руб. – были на

тринадцатом. Это говорит о том, что Казань представляло большее число чаоторговцев по сравнению с другими городами, хотя и не такими крупными, как, скажем, Москва. Вплоть до 1860-х гг. Казань, наряду с Москвой, Нижегородской, Ирбитской и Мензелинской ярмарками, относилась к самым крупным чайным рынкам страны.

В 1855 г. правительство разрешило продажу чая в Кяхте на деньги, а через шесть лет отменило решение 1822 г., запрещавшее привоз чая морем и открыло все порты России. Доставка по морю оказалась вдвое дешевле, да и товар доходил быстрее. Менее дорогой (кантонный чай – как его называли в отличие от кяхтинского) начал быстро завоевывать российский рынок.

В XIX в. Казань считалась столицей сибирской транзитной торговли, а казанские коммерсанты занимали ведущее положение на главной ярмарке Сибири – Ирбитской, центре торговли между Уралом и Сибирью, крупном перевалочном пункте между Европой и Азией. В начале XIX в. благосостояние Ирбитской ярмарки было связано со среднеазиатской торговлей, куда «караванщики Хивы и Бухары доставляли в объемистых тюках пряжу, выбойку, шерсть, каракуль, халаты, пряности, сухофрукты...», а из Кяхты привозили китайский фарфор и фаянс, шелк и разносортные чаи [Дмитриев, 2004, №5 (542), с.180]. Среди российских купцов основную массу составляли волжское и московское купечество, предприниматели из Великого Устюга и Архангельска²⁶.

Расцвет ярмарки в дореформенный период пришелся на рубеж 30–40-х гг. XIX в. Именно тогда Ирбитская ярмарка стала все-российской. Это было связано с размахом золотопромышленности в сибирском регионе. Если в 1812 г. на ярмарку привезли товаров на 6 млн. руб., то в 1845 г. – на 20,2 млн. [Дмитриев, Урал, 2004, №5 (542), с.180; КИ, 1815, 20 янв.]. Подъем Ирбитской ярмарки стал следствием расширения общероссий-

ского рынка, обусловленного интенсивным развитием экономики страны в целом и, прежде всего, на азиатских окраинах государства.

Представитель казанского купечества, как правило крупный купец-оптовик, неизменно входил в состав ярмарочного комитета [НА РТ, ф.98, оп.1, д.68, л.91об.–92об., 116–117; КИ, 1812, 25 мая; КБЛ, 1870, 27 июля; КБЛ, 1891, 23 марта; КТ, 1894, 23 февр.]. Из Казани на торг привозились изделия местных промышленных предприятий, ремесла, товары, закупленные на Кяхтинской, Самарской, Нижегородской, Мензелинской, Лаишевской, Оренбургской и других ярмарках. Казанцы ценились и как крупные оптовые покупатели сала (Исхак Арсланов, Мухаммадсафа Галикеев, Измаил Галанский), необработанных кож (Юнусовы), пушнины (Г.Субаев, «Б.Субаев, И.Бурнашев и М.Сайдашев в Казани»), чая (Ахметзян Рахматуллин, Ахметзян Сайдашев) – традиционных товаров казанских татар.

Повышенным спросом на Ирбите пользовались татарская национальная обувь и головные уборы.

Уездные города Елабуга, Лаишев, Чистополь, Котельнич, Козьмодемьянск, Мамадыш и Мензелинск являлись «торгово-пристанскими центрами» и «торгово-административными ярмарочными центрами» Среднего Поволжья и Прикамья²⁷.

²⁷ Здесь действовали ярмарки: в Лаишеве (Казанская губ., с 27 мая по 11 июня) – Караванная ярмарка, на которой в основном торговали железом и чугуном, привозимым к Лаишевской пристани по Каме с горных заводов Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской губерний, в Чистополе – так называемая «миллионная» – хлебная, в Мамадыше – «сезонная». Оборот Алексеевской ярмарки (г.Котельнич, Вятская губ., с 1 по 19 марта) доходил до 1 млн. руб. На Мензелинской ярмарке (Уфимская губ, с 26 декабря по 11 января) торговали мануфактурой (40%), чаем, сахаром, кубовой краской и кожей. На Козьмодемьянскую (Казанская губ., с 15 мая по 1 июля) – лесную ярмарку плоты с лесом пригоняли из Костромской, Нижегородской и других губерний; ее обороты достигали 1 млн. руб. [См.: Денисов, 1911; Канделаки, 1914; Россия, 1900 и др.]. С Нижегородской ярмарки многие казанские, московские, оренбургские и троицкие купцы торопились на Воздвиженскую ярмарку в Бугульму (с 14 по 22 сентября), где продавались «бумажный товар невысокого сорта», железо, чугунные изделия» [КБЛ, 1869, 30 окт., 7 нояб.].

²⁶ Они вывозили на ярмарку ткани, как произведенные на мануфактурах России, так и вывезенные из Западной Европы и государств Малой Азии, ювелирные изделия, красители, вина, сахар, табак. Урало-сибирское купечество торговало товарами, произведенными на уральских заводах, но наибольший провоз приходился на «мягкую рухлядь».

Ярмарочная мечеть татарских купцов в Ирбите
Пермской губ. Фото нач. XX в.

Старейшим оптовым рынком восточной части страны являлась Казанская ярмарка, которую называли «Таш аяк», «Булачная», но чаще – «Весенняя биржа». Ярмарка проходила с 1 мая по 1 июня. Ее оборот достигал 1,5 млн. руб., а число торгующих приближалось к тремстам²⁸.

Транзитная оптовая торговля, которая велась через Казань в исследуемое время, вывела город в число крупнейших торговых центров Восточной России. В Казань свозились товары из Нижнего и Среднего Поволжья, Прикамья, Закавказья, Сибири и Урала, которые здесь хранились и перераспределялись по городам и ярмаркам России, для отправки за границу. Казанское купечество вело активную торговло-предпринимательскую деятельность на восточном внешнем рынке, в сферу его ин-

²⁸ Из Саратовской губ. привозили сарпинку – хлопчатобумажную ткань редкого плетения, нижегородцы и вятчи – кустарные изделия, главным образом, посуду из дерева, екатеринбургцы – подделки из уральских камней, москвичи – посуду, галантерейные товары, московскую игрушку, владимирцы – иконы и церковную утварь. Из Петербурга, кроме разнообразных товаров, доставляли лимоны и апельсины. Их быстро раскупали татарские торговцы, которые традиционно контролировали продажу привозимых в Казань фруктов. На ярмарке торговали купцы из Персии, Средней Азии и Закавказья. Татарские купцы вывозили на «Таш аяк» традиционные товары: мыло, сальные свечи, выделанные кожи, кумач, китайку – хлопчатобумажную ткань синего или черного цвета, национальную обувь, головные уборы, одежду, украшения. Некоторые местные купцы весной переводили торговлю на ярмарку, предлагая изделия казанских промышленных предприятий и промыслов. Разгрузившись у ярмарочной пристани, суда брали на борт хлеб, рогожу, лубья, ободья, сальные свечи, стеклянную посуду, юфть, поташ, холст.

тересов входили государства Средней Азии, Западного Китая, Персия.

Специфика транзитной торговли заключалась в том, что Казань использовалась как крупная перевалочная база для складирования товаров в ожидании благоприятных конъюнктурных, погодных, дорожных условий, необходимого срока для дальнейшего продвижения товаров к местам их продажи, в нашем случае – к столицам и северным портам, на ярмарки Волжско-Уральского, Сибирского и Среднеазиатского регионов.

В начале XIX в. к петербургскому порту казанские купцы везли хлеб, юфть, сало топленое говяжье и баранье, воск, мед. В Архангельск они отправляли юфть, воск, топленое сало, пшеницу, горох, просо, щетину. На астраханский торг доставляли хлеб, юфть, мед, воск, дрова, лубья, смолу, деготь, а вывозили деревянное масло, олово прутковое, жель листовую, ладан, виноградное вино, чернослив и винные ягоды, рыбу, икру, ткани, орехи. В Москве казанцы торговали рыбой, икрой, воском, медом, мылом, чулками «панскими и русскими», а в городах Поволжья – «всякого рода хлебом», дегтем и смолой. Закупали же они золотые и серебряные позументы, парчу, шелковые и бумажные ткани, мишуру, оловянную посуду, сахар и «всякие фабричные товары». В первой половине XIX в. товарооборот Казани значительно вырос: с 10–12 млн. в начале столетия до 26 млн. в 1823 г. и 58 млн. руб. в 1852 г. [Загоскин, 1895, с.525; КБЛ, 1878, 22 февр.]. М.С.Рыбушкин отмечал: «Приготавливаемые в Казани мыло и сальные свечи в большом количестве развозят на продажу, кроме столиц, и в отдаленные места Сибири и ценятся там по доброте своей очень высоко» [Чулков, т.6, кн.4, 1786, с.212, 213; Рыбушкин, 1834, с.93].

Татарское купечество не существовало обособленно, оно было неразрывно связано деловыми отношениями с российским купечеством, особенно с купечеством крупных торгово-промышленных центров Восточной России, Урала и Сибири, а также с партнерами из Западной Европы, но особенно из Средней Азии, Ирана, западных областей Китая, Закавказья. Посредническую роль в установлении этих связей играли ярмарки, активными участниками которых были

татарские предприниматели. В первой половине XIX в. они, по-существу, контролировали торговлю с государствами Средней Азии, способствовали развитию торговли с Китаем, Сибирью и Уралом, играли существенную роль в налаживании работы Ни-

жегородской ярмарки, занимая свою нишу в коммерческих операциях на всероссийских ярмарках. Не случайно современники неизменно подчеркивали ведущую роль татарских предпринимателей в развитии торговли со странами Востока.

§ 4. Региональная и местная торговля

Людмила Свердлова

Основными видами деятельности татарского купечества на протяжении всего XIX в. были коммерция, производственный бизнес, в меньшей степени – оказание услуг и участие купцов в банковско-коммерческих операциях. Коммерция, являясь самым старым видом предпринимательской деятельности, преобладала в среде татарского купечества как по объему оборотных средств, так и по числу занятых предпринимателей.

Под коммерцией принято понимать непосредственную торговую и торгово-посредническую деятельность, объектом которой являются обеспечение обращения товаров, товарообмен, купля-продажа товаров, а также обслуживание покупателей в процессе продажи товаров и их поставки, хранение товаров и их подготовка к продаже. Цель – получение максимального экономического эффекта за счет разницы в ценах покупки и реализации товаров.

Экономическое положение города, в котором проходила коммерческая деятельность предпринимателя, также оказывало немалое влияние на развитие рыночных отношений и связей в регионе, а следовательно, и на экономическое поведение купца. К таким факторам относились степень развитости системы сухопутных трактов и дорог, наличие водных артерий и их связь с главными магистралями России, наличие в регионе плодородных почв, лесов, полезных ископаемых, от чего зависело количество сырья и товаров, поставляемых торговцами на внешний и внутренний рынки.

Казань первой половины XIX в., являясь важнейшим экономическим центром империи, играла значительную роль в складывании и функционировании общероссийского рынка, оказывала большое влияние на развитие коммерческой деятельности в

восточной части страны, соседних с ней регионах, в уездных городах самой губернии. Немалое значение в превращении Казани в торгово-посреднический центр сыграло ее географическое положение на пересечении сухопутных и водных путей, которые имели общероссийское значение.

Центром городской торговли Казани выступал Гостиный двор, в котором действовало около 1000 лавок. В 1818 г. из всех лавок Гостиного двора 69 «принадлежало разным вотчинникам», а самым крупным владельцем лавок был купец Абдул-Карим Юнусов (21 лавка) [НА РТ, ф.114, оп.1, д.216, л.138, 200–201об.].

Торговлю вели и незаписанные в гильдии жители Старой и Новой татарских слобод Казани, отнесенные, по переписи 1785 г., к «служилым торговым татарам». Они занимались мелочным торгом, извозом, содержали постоянные дворы и харчевни, сдавали в наем жилье, торговые и складские помещения, заводили ремесленное производство.

В Семипалатинске татарские купцы торговали хлебом, мехами, кожей, коврами, тканями, галантерейными товарами, готовым платьем, кондитерскими изделиями, восточными пряностями и специями, вытесняя из сферы торговли этими товарами торговцев из местных народов. К числу крупнейших купцов России XIX – начала XX в. относились Мусины, заложившие основу своего благосостояния еще в конце XVIII в. К середине XIX в. они имели магазины в Семипалатинске, Аягузе, Зайсане, а также мукомольный завод [Семипалатинск, 1984, с.18].

Вокруг городов создавался особый экономический «микромир», имевший свои особенности. Например, пограничный Петропавловск стал одним из центров торговли

Быв. Апанавское подворье в Казани. Совр. ул.Московская, 60. Фото 2010 г.

с «Киргизской степью» с ее «бесконечными запасами мясного, жирового и кожевенного товаров», через город проходила «ското-прогонная тропа», ведущая в центральные губернии России [Петропавловск, 1985, с.22–23]. Это и определяло основную торговую специализацию предпринимателей Петропавловска, которые полностью контролировали окружной рынок. Здесь существовал меновой двор с оборотом до 3 млн. руб. сер.

Активная торгово-предпринимательская деятельность татарского населения способствовала заметному пополнению рядов национального купечества. Следует отметить, что в купеческое сословие записывались, как правило, наиболее состоятельные представители торгового капитала. В 1801 г. в Казани к гильдейскому купечеству были причислены 32 татарские семьи, в 1809 г. – 35,

а в 1837 г. – 53 семейства. Появились среди татар и купцы 1-й гильдии: Юнусовы, Апаковы, Апанавы, Усмановы, Арсаевы, Китаевы, Баязитовы, Акчурины, Якуповы и др., которые, согласно закону от 1832 г., были возведены в сословие потомственных почетных граждан.

По сведениям К.Фукса, казанские купцы Исхак Апаков, Хусаин Апанав, Исхак Якупов и некоторые другие владели капиталами не менее

чем в 500 тыс. руб., а Ибрагим Юнусов обладал состоянием в 3 млн. руб. [Фукс, 1844, с.140].

Татарское купечество развивалось не только в количественном отношении, но и в качественном. Заметно увеличивалась как общая сумма объявленного татарскими купцами капитала, так и размеры индивидуальных капиталов отдельных предпринимателей. Например, симбирский 1-й гильдии купец Сулейман Акчурин имел капитал в 130 тыс. руб., а купец К.Акчурин только денежного капитала имел на сумму 400 тыс. руб. [Ромашин, 1956, с.340–341].

Важнейшим фактором, способствовавшим выдвижению торговли на первое место в процессе первоначального накопления капитала у татар, являлось то, что национальная буржуазия имела свой специфический рынок, прежде всего в Средней Азии, где

Таблица 34

Количество лавок в Казани и их годовой оборот по внутреннему потреблению в 1857 г.
(составлена по: [Республика Татарстан, 2001, с.191])

Предмет торговли	Число лавок	Годовой оборот, тыс. руб. сер.
Чай	27	360
Шелковые, шерстяные, бумажные ткани, полотно	69	750
Пушной товар	13	90
Кожи и кожевенный товар	17	250

татарские купцы занимали весьма прочные позиции и успешно осуществляли торговую деятельность, избегая конкуренции со стороны более состоятельных предпринимателей центра России.

Одной из особенностей предпринимательской деятельности казанских татар было развитие ими издательского дела, благодаря чему издатели Казани практически монополично на протяжении всего XIX в. и начала XX в. торговали духовной и светской литературой на татарском языке по всей России, что способствовало развитию образования татар. Ч.Валиханов отмечал, что «главными двигателями этого [мусульманского. – Л.С.] образования следует признать наших торговых татар...» [Валиханов, 1985, с.384]. Через них в среду местного мусульманского населения империи и попадала литература светского и духовного содержания, в т.ч. изданная в Казани.

Разумеется, внешняя торговля была доступна лишь небольшому количеству татарских предпринимателей. Основная же масса мелких, средних и даже крупных торговцев ограничивалась осуществлением торговых операций внутри России. Крупный капитал татарских предпринимателей в основном

Торговые лавки Сенного базара в Казани. Совр. вид на пересечении ул.Московской и Парижской коммуны. Фото 2010 г.

был сконцентрирован в торговле, которую охватили капиталистические отношения, что было неразрывно связано с изменением форм внутренней торговли. Но постепенно ярмарки в городах уступали место стационарной торговле, которая велась в магазинах и лавках.

Активное участие в торговле принимали и городские слои общества, главным образом – посадские люди, позднее составившие сословие мещан. Несмотря на то, что в основном это был мелочный торг, отмечались случаи, когда годовой оборот торговца-мещанина не уступал купеческому.

В 1814 г. в Казани числилось 43 торговых мещан-татар, в среднем торговый оборот на одного человека составлял 1 тыс. 281 руб.

Таблица 35

Число татарских гильдейских капиталов в Казани в 1785–1835 гг.

(подсчитано по: [НА РТ, ф.22, оп.1, д.176, лл.88–100; ф.114, оп.1, д.1142, л.14; ф.299, оп.1, д.145, л.13; Рыбушкин, 1834, с.98])

Год	Первая гильдия			Вторая гильдия			Третья гильдия			Всех гильдейских капиталов		
	мусульмане		всего	мусульмане		всего	мусульмане		всего	мусульмане		всего
	муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.	
1785				10		10	3		3	13		13
1788	5		5							5		5
1793				9		9	14		14	23		23
1825	3		3	2		2	50	6	56	55	6	61
1837	3		3	2		2	49	4	53	54	4	58

[подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.171, л.123–123об.].

Рост товарно-денежных отношений способствовал снятию ряда преград на пути развития крестьянской торговли. С 1801 г. крестьянам было позволено вести торговлю с «заморскими странами», в 1814 г. представители всех сословий получили право торговать на ярмарках, в 1818 г. казенным, удельным и помещичьим крестьянам, с согласия начальства, было разрешено учреждать заводы и фабрики при условии уплаты пошлин. Указ 1824 г. разрешал «казенным, удельным и помещичьим крестьянам... производить торговлю и промышленность, купечеству представленные, также заниматься разными торгами, промыслами и ремеслами, присвоенные торгующим мещанам и посадским, но не иначе, как со взятием свидетельств и с заплакою пошлины» [ПСЗ-1, т.39, № 30115].

В первой половине XIX в. крестьяне получили возможность вести оптовую торговлю и даже торговлю иностранными товарами [ПСЗ-1, т.39, № 22030]. Были сняты и другие ограничения на пути развития торговли и промышленности, касавшиеся переселения государственных крестьян в города. Им было предоставлено право открывать фабрики в селениях и др. Именно государственные крестьяне, к которым, как известно, в основном относились татарские крестьяне, более всего были связаны с рынком.

§ 5. Ремесленное и мануфактурное производство

В России в первой половине XIX в. продолжался процесс отделения промышленности от сельского хозяйства, углублялось общественное разделение труда. Все большее количество сельского населения вовлекалось в промышленное производство. Одновременно становилась более отчетливой хозяйственная специализация отдельных районов страны. Все это вело к расширению товарного производства и развитию ремесла. Соответственно расширялся внутренний рынок. Рост промышленного производства приводил к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию. Повы-

Среди татарских крестьян-скупщиков были крупные торговцы, хотя основная масса торговавшего татарского крестьянства располагала небольшими капиталами и вела мелочную развозную и разносную торговлю, доставляя промышленные и сельскохозяйственные товары по дворам и домам, скупая, а чаще обменивая у населения сырье (необработанные кожи, пошаш, полотно и др.), изделия национальных промыслов и ремесел. Эта часть торговцев связывала свою деятельность с местными ярмарками и базарами и обслуживала нужды местного рынка. В середине 1850-х гг. в городах торгующие крестьяне составляли почти половину всех торговцев. Торгующие крестьяне, конкурировавшие с купцами в основном на местном рынке, сбивали цены, снижая прибыль купечества. Для сохранения капиталов купцы были вынуждены искать иные способы их вложения, в т.ч. в промышленное производство.

В период генезиса рыночного хозяйства и утверждения его как основного способа организации хозяйственной жизни России характерной чертой развития торгового капитала стало активное вовлечение купцов-предпринимателей в промышленную деятельность, а также укрепление их связи с производством, в котором для них открывались новые, недоступные прежде, источники накопления и роста.

Людмила Свердлова

шение товарности земледелия определяло возросшую потребность в промышленных товарах. При этом значительное место в экономике продолжало играть ремесленное мелкотоварное производство.

Как известно, развитие промышленности охватывает следующие стадии:

- 1) домашняя крестьянская промышленность;
- 2) ремесло с работой на заказ;
- 3) ремесло с работой на рынок, т.е. мелкотоварное производство;
- 4) простая капиталистическая кооперация (мастерская-«завод» с применением наемного труда);

- 5) мануфактура;
- 6) крупная машинная индустрия.

Если на первых четырех стадиях татарские коммерсанты являлись активными участниками процесса капитализации, то на последних, особенно на этапе крупного машинного производства, господствующее положение заняли русские предприниматели.

Ст. 1 «Устава ремесленного» гласила: «Ремесло – обработка вещей посредством ручной работы». Ремесленнику законом запрещалось применение машин в производстве. Поэтому, чтобы выжить в конкурентной борьбе даже с мелкими фабрикантами, ремесленник был вынужден работать по 16–18 часов в сутки, хотя по Уставу его рабочий день ограничивался 10 часами (с 6 часов утра до 18 часов вечера с перерывом на полчасаовой завтрак и полуторачасовой обед).

Татарские мастера в ремесленную цеховую структуру крупных городов не входили. Они числились мещанами и занимались в основном традиционными промыслами: обработкой кожи, изготавливали из шерсти различные валяльно-войлочные изделия, производили мыло и свечи, которые отличались высоким качеством. Производство мыла, как правило, совмещалось с изготовлением сальных свечей, поэтому наиболее целесообразным считалось иметь при предприятии салотопенный завод, или, что встречалось гораздо чаще, – мелкое кустарное заведение для топки сала.

Мелкие производители, все более вовлекаемые в развивающиеся рыночные отношения, стали использовать наемный труд. В результате появились небольшие, а затем крупные мастерские, которые представляли собой более высокую форму организации промышленного производства. В них постепенно происходили разделение и кооперация труда, значительно повышалась производительность труда. Использование более крупных капиталов, рост объемов выпуска продукции, тесная связь с рынком, углубление процессов разделения и кооперации труда в мастерских превращали их в капиталистические мануфактуры, часто именуемые «заводами».

Организация труда на них могла быть различной. Были мануфактуры, в мастерской владельца которой велось производство. Такие мануфактуры назывались централизо-

ванными. Как правило, татарские ремесленники работали по заказу предпринимателя, который распределял сырье между многочисленными поденщиками. Хозяин платил им сдельно, причем оплата была грошовой. Так, женщины за прострочку тюбетеек и набивку их ватой или куделью между швами получали за 100 шт. 30 коп., которых едва хватало на хлеб для семьи [КБЛ, 1888, 29 авг.]. Сам же наниматель сбывал изделия в многочисленных лавках или вывозил товар в другие города и на ярмарки. Такое производство представляло тип «рассеянной мануфактуры».

В районах традиционного домашнего промысла – преимущественно обработки зерна, кожи, дерева, национальных татарских промыслов – сложилось мануфактурное производство. Появление мануфактур значительно оттеснило домашнюю промышленность, так как она не могла конкурировать с более дешевыми изделиями мануфактурного производства. Но кустари не исчезли совсем. Они переходили на производство новых видов продукции или, теряя свою самостоятельность, приспособлялись к более крупному производству, становясь его неотъемлемым элементом, как это имело место при создании рассеянной мануфактуры.

Татары занимались операциями по скупке и контролировали многие направления этой деятельности, продавая изделия местного промысла, сельскохозяйственное сырье и продукты, которые закупали непосредственно у производителей. Так, в 1826 г. необработанными кожами («сырейный товар») в Казани торговали 37 купцов 3-й гильдии, и все они были мусульманами [подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.557, л.30–30об.].

По производству национальной одежды, обуви, головных уборов, ювелирных украшений и др. Казань издавна считалась главным торговым пунктом для всей России.

На протяжении всего дореформенного периода коммерция оставалась основной сферой деятельности татарского купечества и доминировала среди остальных сфер приложения капитала. При этом торговля еще в XVIII в. подчинила себе мелкотоварное производство. В Казани и Оренбурге этот процесс имел свои особенности. Местный, да и региональный рынки, с которыми было тес-

Быв. лавки Мухаммадгарифа Утямышева в Казани.
Совр. ул.Профсоюзная, 10/14. Фото 2011 г.

но связано татарское купечество, были насыщены высококачественными европейскими и азиатскими промышленными товарами в результате предпринимательской деятельности самих же купцов. А это, безусловно, не стимулировало переход купеческих капиталов из торговли в промышленность, особенно в ее новые отрасли.

Развитие получили те производства, которые поставляли традиционные для татарского предпринимательства товары на российский и внешний (восточный) рынки: кожевенная, мыловаренная, свечная, мануфактурная (выпуск сукон, китайки и кумача), мукомольная промышленность, обработка сырья. Изделия этих предприятий отличались «как отделкой и чистотой своих произведений, так и важностью относительно торгового оборота» [Рыбушкин, 1848–1849, с.93].

В конце XVIII в. процесс первоначально накопления капитала у татарских купцов шел настолько успешно, что у них появились «заводы» – промышленные предприятия мануфактурного типа с применением наемного труда. Это были производственные мастерские, относящиеся к типу простой капиталистической кооперации.

«...Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются от ремесел тем, что имеют в большом виде заведения и машины, у ремесленников же их нет, кроме ручных машин

и инструментов» [Устав ремесленный, 1879, ст.2]. «Заводы» превосходили ремесленные мастерские по размерам производства, качеству продукции, количеству наемных рабочих, да и затраты на производство единицы продукции были заметно ниже.

М.Лаптев, обработавший сведения, собранные в середине 50-х гг. XIX в. офицерами Генерального штаба, отметил особенности развития в Казани фабричного производства: «Фабрики в сельскохозяйственном быту имеют двоякое значение:

как средство сбыта местных произведений и как способ получать заработки народонаселению. В первом отношении казанские фабрики не имеют большого значения; они основаны не в центре сырых произведений, для них необходимых: за исключением винокурных и поташных заводов, сырой материал на все остальные доставляется преимущественно из других соседних губерний. Местные произведения, хоть, напр., в кожевенном производстве, самом важном по количеству и ценности, составляют весьма незначительное количество» [Лаптев, 1861, с.356].

В качестве причин, вызвавших быстрый рост фабричного производства, были названы следующие: «а) Казань имеет удобные пути сообщения с весьма отдаленными пунктами и поэтому большие торговые операции; б) в составе народонаселения Казанской губернии значительную часть составляют татары, имеющие страсть к торговым предприятиям; они-то, странствуя по соседним губерниям, собирают по мелочам разные сырые произведения; следовательно, материалы поступают на казанские фабрики, переходя несколько раз из рук в руки, увеличиваясь через это в своей цене; в) кроме торгового духа народонаселения, фабричная деятельность поддерживается значительными местными капиталами, участвующими в китайской торговле, и

д) наконец, дешевизною рабочих рук, происходящую от небольшого надела землею, треть которой покрыта лесом, и невысокой производительности пахотной земли, вследствие чего крестьянин поневоле ищет себе какого-нибудь заработка» [Лаптев, 1861, с.356–357].

Согласно Манифесту 1762 г. Петра III «О вольности дворянской» и Жалованной грамоте дворянству 1785 г., это, господствующее в России, сословие, среди прочих имущественных прав, наделялось правом открывать промышленные предприятия в своих имениях, а позднее – фабрики и заводы в городах, и правом на ведение торговли, но только оптовой. Роль рабочих на вотчинных мануфактурах исполняли крепостные крестьяне, не получавшие за свой труд денежной оплаты. Специализировались такие мануфактуры в основном на производстве сукна, выработке поташа и винокурении.

Что касается потомков казанских мурз, то многие из них не только успешно торговали, но и владели промышленными предприятиями, применяя в производстве вольнонаемный труд. Среди крупных предпринимателей Казани начала XIX в. значатся потомки мурзы Аита Заманова. Два его старших сына, известны под фамилией Замановы, к которой добавлялось определение их сословной принадлежности – «князь» или «мурза», а остальные шесть братьев носили фамилию Аитовы. Во владении братьев Замановых-Аитовых в первой половине XIX в. значились свечной, мыловаренный и пять кожевенных «заводов», представлявших тип капиталистической мануфактуры с применением наемного труда. На самом крупном из предприятий братьев 26 наемных рабочих обрабатывали в год до 18 тыс. шт. кож.

По данным начала 90-х гг. XVIII в., в Казани без пригородов (сел Ягодное, Игумново, Бишбалта, Подмонастырской слободки) было зарегистрировано 87 «заводов» – предприятий мануфактурного типа. Их хозяевами значились 44 купца – им принадлежала половина «заводов», девятью владели служилые татары, двенадцатью – русские мещане, семью – служилые торговые татары, в остальных 5 случаях социальная и национальная принадлежность владельцев не указана [подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.2, л.1–105].

Серебряная медаль, врученная купцу-промышленнику А.Заманову. 1831 г.

В городе действовало 30 мыловаренных предприятий (19 принадлежали татарам, 11 – русским), 30 кожевенных и козловых (20 принадлежали татарам, 19 – русским), 7 пивоваренных и солодовенных (все принадлежали русским), работали суконная мануфактура И.П.Осокина, казенный пумповый завод, а также 9 различных производств, 7 из них находились в собственности татар [подсчитано по: НА РТ, ф.114, оп.1, д.2, л.1–105]. Кумачные предприятия, принадлежавшие татарским предпринимателям, создавались, в основном, в селах, поэтому в переписи городской недвижимости они не указаны. В кумачном производстве на одном предприятии могло быть до трех ткацких станков, как, например, на фабрике казанского купца Ибрагима Юнусова.

По три предприятия в Казани имели купцы 2-й гильдии Юсуп Абдулов (козловые), Абдрашит Бикбов Галанский (2 кожевенных и поташный); по два – купец 3-й гильдии Мазит Баширов (мыловаренные), служилые татары Абдрашит Рахматуллин (кожевенные), Муса Шафеев (кожевенный и мыловаренный), Муртаза Рахманкулов (специализация производства не указана) и служилый торговый татарин Муртаза Давыдов (мыловаренный и салотопенный). Из 45 «заводов», принадлежавших татарам, 25 находились в собственности 21 купца, 12 – 9 служилых татар, 8 – 7 служилых торговых татар.

Если взять за основу данные о площади, занимаемой предприятием, то окажется: у татар из 45 «заводов» лишь 10 имели территорию от 1000 до 2000 кв. саженей, все они выпускали мыло. Крупными предприятиями владели купцы Юсуп Китаев, Мазит Баширов, Абдрашит Галанский, Юсуп Измайлов, Юсуп Давыдов, служилый татарин мурза Исай Заманов, служилые торговые татары Муртаза Давыдов (2 предприятия), Сагит Беляев, Мухан Асанов [НА РТ, ф.114, оп.1, д.2, л.61–63, 64об.–65об.]. Остальные «заводы» размещались на меньшей площади.

Лучшими по оснащенности считались мыловаренный и салотопенный «заводы» служилого торгового татарина Муртазы Давыдова и мыловаренный «завод» купца Леонтия Крупеникова, относившиеся к первому классу [НА РТ, ф.114, оп.1, д.2, л.62].

В 1800 г. в Казани татары владели 8 мыловаренными «заводами», 4 предприятиями по производству обуви, 9 кожевенными «заводами», самые крупные из них принадлежали Мусе Апанаеву, Якубу Габбасову, Салиху Аитову, Хабибулле Яхину, Мустафе Аитову, Габбасу Беляеву [Газиз, 1994, с.181].

По данным «Ведомости о мануфактурах в России за 1814 г.», казанские мыловаренные заводы выработали 133 260 пуд. мыла, что составляет более 46% общероссийской выработки [Татреспублика, 1923, №12, с.30]. Из 24 казанских мыловаренных заводов татарам принадлежало 13. Крупнейшими заводами владели купеческая жена Гадиба Китаева (годовое производство – 10 тыс. пуд.), мурза Исай Заманов (10 тыс. пуд.), купцы Абдулкарим Юнусов (9 тыс. пуд.), Муса Адамов (8 тыс. пуд.), Якуп Шатунов (8 тыс. пуд.)

Татарские предприниматели Казани продолжали играть значительную роль в кожевенной промышленности. В 1815 г. на их предприятиях было обработано более 111 тыс. разных кож. На кожевенном заводе Якуба Габбасова было изготовлено 20 тыс. кож, Мусы Апанаева – 13 тыс. кож, Башира и Мустафы Аитовых – по 10 тыс. кож. В городе действовали предприятия Абдулкарима Юнусова, Мустафы Суерова, Хисмутдина Аитова, Махмута Валитова, Мусы Мухаметова, Баязита Биктимирова и Сафиллы Хамитова [Хасанов, 1977, с.86].

В последней трети XVIII в. в Казанской губ. производство кумача и платочных тканей сосредоточилось, главным образом, в руках татарских промышленников. Мануфактуры татар выделялись малой комплектностью, использованием свободных рабочих рук из числа мусульман и нахождением значительной части предприятий в сельской местности. Только одна фабрика находилась в Казани (юнусовская), остальные – в сельской местности. Это – оумачные мануфактуры Усманова (д.Кышкар), Бурнаева (д.Верезки), Мамашева (д.Урнаш-Баш), Баязитова и др. Аналогичные предприятия действовали в деревнях Ура, Сосна, Карелино, Нурма и др.

В 1814 г. в Казанской губ. действовали 9 ткацких фабрик мусульманских предпринимателей, на установленных в них 319 станках трудилось около 592 татар-рабочих. В этот период татарскими фабрикантами выпускалось 75,2% всего кумача в империи, они сосредоточили в своем распоряжении 55,3% ткацких станков отечественной легкой промышленности.

Астрахань начала XIX в. выделялась как один из центров развития бумагопрядильной (кумачной) промышленности. В 1816 г. татарским предпринимателям принадлежало 27 бумагопрядильных и 2 шелковых мануфактуры, производящих около 100 тыс. арш. разных тканей: бязи, пестряди, китайки и др. Самое крупное предприятие, выпускавшее в год 20 тыс. арш. бязи, принадлежало Хаджимурату Айвазову.

Спрос, потребительский рынок и наличие капитала диктовали направление и динамику промышленного производства. Кумачное производство к 40-м гг. XIX в. достигло высшей точки развития, затем начался упадок. Кумачные мануфактуры Поволжья, не имея возможности конкурировать с московскими и подмосковными предприятиями, благодаря капиталовложениям купечества перешли в значительной степени на производство китайки.

Крупными считались «заводы» астраханцев Абубакира Султанова, Ибрагима Курамшеева, Измаила Ниязова. Остальные мануфактуры Астрахани по сравнению с предприятиями Казанской и Вятской губерний были небольшими, поставляя на рынок по 5–6 тыс. арш. продукции в год. Эти

производства принадлежали Абдрашиту Мустаеву, Муртазе Бадамшину, Канифе Абдуллаевой и др. [Хасанов, 1977, с.85].

Качеством выделки славилась китайка, произведенная на предприятиях казанских купцов Габделмазита Уразова, Исхака Апакова. В Казани действовали фабрики по производству бумажных тканей, принадлежавшие Назару Баязитову (48 тыс. арш.), Муртазе Бурнаеву (48 тыс. арш.), Мухаммадрахиму Беритову (53 тыс. арш.) и Зюлейхе Абдулловой (48 тыс. арш.) [Татреспублика, 1923, №12, с.32].

Крупным центром производства китайки и кумача в первой половине XIX в. стал г.Арс и его окрестности. Здесь функционировали фабрики Назира Усманова, Хамзы Губаева, Курбангаля Бурнаева. В Свияжском у. действовало производство князя арского купца Ахмета Усманова.

Арские купцы Муса, Мустафа, Сулейман, Махмут и Мухмие Хозясеитовы организовали производство хлопчатобумажных тканей на р.Уре Царевококшайского у. Казанской губ. Годовое производство тканей на четырех фабриках Хозясеитовых равнялось 375 тыс. арш. Там же предприниматели открыли производства по выпуску мочальной снасти [Татреспублика, 1923, №12, с.32, История Казани, 2005, с.536, 544].

В 1818 г. начала действовать суконная мануфактура Тимербулата Акчурина (1826–1906 гг.) в Сызранском у. Симбирской губ. В 1825 г. он же построил фабрику в с.Гурьевка Корсунского у. На этих двух фабриках работало 1300 вольнонаемных рабочих [История Казани, 2005, с.86].

В 1849 г. удачливый купец Сулейман Акчурин (1802–1864 гг.) построил в д.Ст. Тимошкино Симбирской губ. свою первую фабрику. Первоначально это было небольшое предприятие. В 1853 г. на нем трудилось 215 чел., имелось 60 ручных ткацких станков, а сумма производства не превышала 60 тыс. руб. в год [Ромашин, 1956, с.233]. Крымская война и возросший спрос на сукно и военные заказы правительства позволили предпринимателю заметно расширить производство. Полученная от выполнения выгодного и гарантированного правительством заказа прибыль была использована на развитие предприятия. К концу 1860-х гг. здесь уже имелось 117 ручных и 19 ме-

ханических ткацких станков. На фабрике появились две паровые машины общей мощностью 60 л.с., установка которых позволила организовать бесперебойное круглогодичное производство, не зависящее от водного режима Свияги. Технические новшества позволили заметно увеличить объем производства: фабрика выпускала до 450 тыс. арш. сукна на сумму 400 тыс. руб. в год [Симбирский сборник, 1870, т.2, с.92].

В 1848 г. в с.Бобылевка Симбирского уезда и губернии служилый татарин Ахмет Алев открыл суконное производство с числом рабочих более 700, оснащенное паровыми котлами. Через 2 года вместе с братом он построил еще одну суконную фабрику в с.Ляховка Корсунского у. той же губернии на 300 рабочих мест [Хасанов, 1977, с.91].

В д.Мулловка Ставропольского у. Самарской губ. действовала суконная фабрика Хамида Алеева. В д.Верхозима Кузнецкого у. Саратовской губ. в 1856 г. промышленник Ишмухаммад Дебердеев открыл суконную фабрику, оснащенную по последнему слову техники, в т.ч. заграничными машинами. В 1858 г. Мустафа Дебердеев построил в д.Пенделе Кузнецкого у. суконную фабрику с годовым производством армейского сукна на 350 тыс. руб. в год, а Яхья Дебердеев – на 300 тыс. руб. в год. На этих двух фабриках было занято 900 рабочих [Хасанов, 1977, с.93].

Татарские предприниматели успешно осваивали и новые отрасли производства. В 1815 г. арский купец Мукмин Хозясеитов открыл в д. Уньжа Царевококшайского у. Казанской губ. фабрику писчей бумаги «на манер бухарской». В год на фабрике выпускалось 4 тыс. стоп писчей бумаги, а оберточной бумаги – 2 тыс. стоп [История Казани, 2005, с.544; Хасанов, 1977, с.86]. В Уржумском у. Вятской губ. в 1816 г. начали действовать две фабрики писчей бумаги, принадлежавшие купчихе Гагдибану Маматовой и купцу Дамину Маматову [Хасанов, 1977, с.86].

В первой половине XIX в. ускоренными темпами развивалось татарское предпринимательство в Касимове: здесь были развиты промыслы, в первую очередь обработка кожи и мерлушки (шкурка ягненка грубошерстной породы), развивались ювелирный промысел и кирпичное производство. На первый план выходят купеческие семьи

Шакуловых, Мусаевых, Бостановых, Ишимбаевых, Танеевых, Давлеткильдеевых, Кастровых. Отметим, что шапочные мастера д.Шемордан Мамадышского у. Казанской губ. работали по заказу касимовского купца Давлеткильдеева.

В 1840-х гг. С.М.Кастров владел производством, где на 10 котлах работало 16 рабочих, которые обрабатывали 65 тыс. мерлушек в год. Из этого сырья на предприятиях предпринимателя изготавливались шубы, шапки, воротники [Хасанов, 1977, с.86].

Крупным кожевенным производством владели касимовские купцы Ишимбаевы, Х.С.Шакулов. В начале 1830-х гг. на заводе Шакулова было установлено 175 чанов для выделки кожи, здесь трудилось 135 чел. В 1833 г. на предприятии было изготовлено 38 тыс. различных кож на сумму 346500 руб. «Кожи, выделываемые на этом заводе, а особенно подошвы, в доброту не уступали лучшим иностранным». Сбыт продукции осуществлялся на ярмарках и в Москве [Ислам, 2009б, с.285].

В середине 1830-х гг. кожевенными предприятиями владели Муса Усманов (Казанский у.), Хасан Апанаев, Мухаммад Апанаев с братьями (Казань), национальная обувь и головные уборы производились Мазитом Абдуллиным (Казань). Купеческая семья Альшеевых в середине XIX в. владела кирпичным заводом в Касимовском у. [Ислам, 2009, с.20, 286].

По данным 1814 г., в Мамадыше действовал завод по производству поташа, принадлежавший Пунафею Батиеву [Татреспублика, 1923, №12, с.34]. В Уфимской губ. в Белебеевском у. поташное производство вели Губайдулла Максудов и казанский купец Серов [Газиз, 1994, с.181]. В 1817 г. число поташных заводов у татар дошло до 40, а основным районом производства поташа стала Оренбургская губ.: в Белебеевском у. находилось 9 поташных заводов, в Бирском – 8, Мензелинском – 7, в Уфимском – 2, в Стерлитамакском – 1. Остальные 14 заводов были расположены на территории Вятской (7) и Казанской (6) губ. [Хасанов, 1977, с.85].

Во время войны 1812 г. возобновил свою работу медеплавильный завод Асафуллы Иноземцева. На нем работало 445 рабочих, ежегодно выплавлялось 1400 пуд. меди, а в 1828 г. производительность предприятия

выросла до 2500 пуд. [Заблонский, ч.II, 1832, с.73].

В середине XIX в. обстоятельства для татарских предпринимателей складывались крайне неблагоприятно. В 1855 г. правительство разрешило продажу чая в Кяхте на деньги, а не как ранее в обмен на товары, в т.ч. обработанные кожи и меха, хлопчатобумажные ткани. Для кожевенных и мануфактурных заводчиков это означало сокращение производства. Резкое снижение спроса на козловую кожу и китайку в Кяхте совпало с уменьшением их общероссийского потребления. Вместо козловой кожи при изготовлении обуви стали использовать опойку, лакированную, шагреновую кожи и лайку, а китайку вытеснил дешевый ситец фабричного производства. Изготовление более дешевой текстильной продукции и начавшийся промышленный переворот в Центральном промышленном районе страны привели к кризису мануфактурного производства в Среднем Поволжье. Это нанесло большой удар по татарским промыслам и национальному промышленному производству. К новым экономическим условиям капиталистической России сумели приспособиться лишь немногие предприниматели.

Процесс свертывания татарского ремесленного и промышленного производства ускорило то обстоятельство, что Казань, Касимов и другие города оказались вне сети железных дорог. Торговля по-прежнему оставалась основной сферой приложения капитала местного, в т.ч. национального купечества. Татарские предприниматели активно участвовали в развитии кустарных промыслов, создавали мелкие промышленные предприятия типа мастерских в селениях на основе национальных промыслов, закрепились в тех отраслях, где издавна главенствовали, но механизация протекала здесь крайне медленно: паровые двигатели были редкостью.

Набирающее силу промышленное производство оказало серьезную конкуренцию старым докапиталистическим, быстро вытесняя их из экономической жизни или способствуя превращению в капиталистическое предприятие. Быстрыми темпами развивались промышленные предприятия, созданные в середине XIX в.

ГЛАВА 2

Новые явления в социально-экономической жизни татар в 1861–1905 гг.

§ 1. Великие реформы и социально-экономическое развитие региона

Наиля Тагирова

Великие реформы в Волго-Уральском регионе начались одновременно с центральными районами страны, Новороссией и Белоруссией. В числе 29 великорусских губерний на волго-уральские земли распространялись Манифест и Положения от 19 февраля 1861 г. (см. Прил. I, табл. 7) [Крестьянская реформа, 1954].

Затем последовали реформы в отношении удельных (1863 г.) и государственных (1866 г.) крестьян. Реализация и результаты проведения реформ подробно исследованы в историографии, отмечено значительное сокращение фактического землепользования помещичьих (см. Прил. I, табл. 8), удельных крестьян [Смыков, 1984; Савельев, 1994; Усманов, 1981]¹, проанализирован ход выкупной операции (см. Прил. I, табл. 9) [Дружинин, 1978; Кравцова, 2011]. В бывшей государственной деревне картина выстраивалась более разнообразная и сложная: русское крестьянство (южные степные территории) оказалось более обеспеченным землей, чем многонациональное крестьянство северных лесных и лесостепных районов

¹ Отмечено значительное сокращение размеров наделов помещиков и крестьян. В Казанской и Симбирской губерниях, по подсчетам Ю.И.Смыкова, крестьяне стали пользоваться уменьшенным наделом (на 11–16%), причем за время выкупной операции они заплатили 150–200% от исходной цены земли [Смыков, 1984, с.52–59]. Помещичьи крестьяне, большинство которых проживало в лесной, лесостепной зоне Среднего Поволжья, северо-западной части Уфимской губ., попадали в зону черноземной полосы с минимальными наделами. По мнению современников и историков, они больше потеряли от реформы, нежели приобрели. На юго-востоке региона, в Уфимской губ. и части Оренбуржья, наделы помещичьих крестьян уменьшились на 14,4% [Усманов, 1981, с.331].

[Петров, 2005]. Бывшие государственные крестьяне даже смогли увеличить размеры личного землевладения за счет покупки близлежащих земель (в Казанской, Саратовской губерниях, в степных уездах Самарской губ.). В среднем по Поволжью они имели по 51,8 дес. (в Самарской губ. – до 139 дес.; по данным на 1878 г., здесь насчитывалось 2619 таких крестьян-единоличников) [Савельев, 1994, с.253]. В Самарской и Саратовской губерниях последние имели в среднем 25–26 дес. на двор. Такие размеры наделов делали вполне реальной перспективу фермерства.

К помещичьим крестьянам были приравнены горнозаводские крестьяне. В условиях значительного уменьшения наделов (до 84%) продолжение земледельческого труда для них не имело смысла. После освобождения их среднедушевой надел составлял 0,7 дес. [Усманов, 1981, с.159].

Особую группу крестьян по реформе 1861 г. составили дарственники – крестьяне, отказавшиеся от выкупа помещичьей земли [Бурдина, 1996]. Дарственный (четвертной) надел выбрали около 600 тыс. крестьян европейской части страны (по данным на 1870 г.), из них треть – саратовские (107 тыс. душ м.п., или 33% всех помещичьих крестьян губернии), саратовские (39 тыс., или 35%), симбирские (40 тыс., или 18,4%), пензенские (36 тыс., или 14,1%) крестьяне [Лященко, т.1, с.581]. В отдельных уездах на дарственный надел уходили целыми селами². Дарственники предполагали дешево арендовать земли государственного земель-

² В Вольском у. Саратовской губ. – 97%, в Саратовском у. – 58%, в Чистопольском и Спасском уездах Казанской губ. – 50% (в среднем по губернии – 30,3%), в Сызранском у. Симбирской губ. – 40%.

ного фонда. Судьба этих крестьян сложилась по-разному: «плачевно и не очень». В черноземных районах за счет кустарничества для них сохранялись возможности натурально-хозяйственного быта³. Там, где земельные цены быстро выросли вследствие близости железных дорог, крестьяне не сумели увеличить надел и прикупить землю, началось их обеднение⁴; в южных степных уездах дарственники укрепили свое хозяйство, в т.ч. за счет объединения в товарищества⁵.

Подробно исследованы эволюция помещичьего хозяйства [Кабытов, 1981; Клейн, 1982; Смыков, 1984; Савельев, 1994; Роднов, 2002, 2008; Усманов, 1981], его связи с крупными государственными и коммерческими банками в виде ипотеки [Проскуракова, 2003], отмечено, что через два десятилетия в них оказалось заложено более трети всех частных владений (см. Прил. I, табл. 10).

Реализация аграрных реформ, «самых сложных и опасных в социальном отношении [Власть и реформы, 1996, с.314], в течение 20 лет была попыткой уравнивать сословные и внутрисословные различия в крестьянской среде, создать условия хозяйствования помещиков и крестьян на новых, договорных основаниях. Реализация реформ вызывала недовольство части населения, в т.ч. подавляющего большинства удельных крестьян⁶,

³ Сенатор М.Е.Ковалевский, объехавший в 1880 г. Казанскую губ., отмечал, что треть крестьян «вынуждены снимать землю у бывших своих помещиков, притом в большинстве случаев платят за эту землю не деньгами, а обработкою и уборкою известного количества земли в пользу помещика» [цит. по: Дружинин, 1987, с.314].

⁴ В некоторых уездах Саратовской губ., писал в отчете сенатор И.И.Шамшин, насчитывалось до 17% безземельных домохозяев: здесь «большинство крестьян, перешедших на даровой надел, достигли такой степени нищеты, что земства вынуждены оказывать ежегодные пособия на прокормление, и со стороны самих крестьян возникают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием от правительства» [Дружинин, 1987, с.304].

⁵ М.Е.Ковалевский, инспектировавший также Уфимскую и Оренбургскую губернии, отмечал в своем отчете, что крестьяне «имеют пока возможность за сравнительно умеренную цену снимать в достаточном количестве соседнюю землю» [цит. по: Дружинин, 1987, с.316].

⁶ 83–84% удельных крестьян Самарской и Уфимской губерний отказывались подписывать уставные грамоты, а также значительная часть кре-

не согласных с условиями наделения земель. Разница в размерах землепользования бывших помещичьих, удельных и государственных крестьян, неодинаковая обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем, различные условия заселения, наличие или отсутствие кустарных промыслов как дополнительные источники дохода, – все это формировало аграрный Волго-Уральский регион как район разных темпов и возможностей движения в направлении рыночной эволюции (с постепенной фермеризацией и сельским предпринимательством, либо консервацией традиционных⁷ отношений, обеднением крестьянства и последующей его пролетаризацией).

Если аграрные реформы условно составили первый пакет реформ, то земскую (1864 г.) и городскую (1870 г.) реформы можно рассматривать как «второй пакет». Были созданы новые институты самоуправления в сельской местности (земства), городские думы получили финансовую свободу. Новые учреждения использовали потенциал наиболее активной части населения. Исследования последних десятилетий показали процесс разработки земской реформы, ее реализации [Морозова, 2000], важную роль губернских и сельских органов самоуправления в хозяйственной, общественной и культурной жизни региона (Л.Н.Гончаренко, В.А.Тюрин, А.В.Коновалов, Н.А.Арнольд). В исследованиях обозначены экономические механизмы новых общественных структур (земские банки, волостные кассы и др.), которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Земства создавались не повсеместно и не одновременно. В 1864 г. они появились в Самарской, Казанской, Симбирской, затем в Уфимской губ. (1878 г.). В Оренбургской и Астраханской губерниях земств не было вплоть до начала Первой мировой войны (1913 г.). Американский историк Ч.Стейнведед (Charles Steinweded) видит в этом своеобразный маркер статута территории как Европейской части России [Stein-

стьян Самарской, Саратовской, Оренбургской, Пермской и Вятской губерний.

⁷ По мнению П.И.Савельева, оставались возможности и для некапиталистической эволюции, сохранения крестьянского хозяйства трудового типа [Савельев, 1994, с.358].

weded, 2007, p.110–111]. Это нашло отражение в изменении восприятия пространства: с 1900 г. в государственной картографии визуальные границы между Европой и Азией сместились от Волги к Уралу: территория Уфимской губ. обозначалась на них как европейская, а не азиатская часть Российской империи, в отличие от территорий без земств [Steinweded, 2007, p.95].

В разных уездах и губерниях земства разрабатывали приспособленные к местным условиям хозяйственные мероприятия, пытаясь найти баланс интересов территорий, социальных групп [Самарское земство, 2009, с.6].

Начало хозяйственной самостоятельности городов положило «Городовое положение» 1870 г. Городские думы получили возможность формировать городские бюджеты, привлекая к решению проблем городских территорий местную деловую элиту. Этому содействовали и узаконения по либерализации торговли: «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1863 г.⁸, о крестьянских промыслах⁹.

Третий блок реформ, оказавших существенное влияние на экономическое развитие жизни в Волго-Уральском регионе, был связан с отменой разнообразных нацио-

нально-хозяйственных особенностей, унификацией финансовых (налоговых) поступлений, сохранявшихся с дореформенных времен. Серия узаконений отменяла кантонную систему башкир (1865 г.) [Тагирова, 2011], четвертное землевладение татар (1866 г.), налоговые привилегии немцев-меннонитов (1871 г.), в разряд сельских обывателей (гражданское сословие) переводились башкиры-вотчинники¹⁰, мещераки и тептяри, отменялась военная служба Башкирского, Калмыцкого войска, уральских и оренбургских казаков. В юго-восточных районах, где не удавалось ликвидировать кочевое хозяйство, традиционный уклад законодательно сохранялся до 1892 г., когда все калмыки были переведены в разряд государственных крестьян [Леджинова, 2005].

Реформы изменили в регионе многое. Признаки окраинности исчезали. Были изменены административные границы: в 1851 г. образована Самарская, в 1865 г. – Уфимская губ. Волго-Уральские земли были приравнены к великорусским губерниям (за исключением Оренбургской и Астрахан-

⁸ В зависимости от степени развитости торговых отношений территория империи была разделена на пять групп местностей, где по-разному определялся размер годового сбора за право торговли. Устанавливались единые правила счетоводства и отчетности, ревизии, создавались местные учреждения государственного контроля (контрольные палаты). «Положение» разрешало заниматься торговлей всем сословиям. Для Урало-Поволжья, территории которого попадали в 3-ю и 4-ю группы, эти обстоятельства ликвидировали основу конфликтов и недовольств между купцами и торговавшими в крае крестьянами. «Положение» устанавливало различия в размере платежей за ведение оптовой, розничной, развозно-разносной и мелочной торговли. Объектом налогообложения служили собственные торговые, строительные предприятия, содержание и найм торговых судов, контор и кладовых, банковские предприятия, экспедиционные и комиссионные маклерские операции. Вместо трех оставались две купеческие гильдии.

⁹ Законы от 21 марта 1888 г. и 13 мая 1891 г. создавали правовую основу кустарной промышленности. Эта «сфера народного труда получила поддержку и развитие», что соответствовало государственному лозунгу о создании национальной промышленности [Карташова, 2006, с.229–238].)

¹⁰ По инициативе уфимского губернатора было принято Положение о размежевании земель башкир-вотчинников. Это решение касалось 203,7 тыс. душ м.п. (на 1858 г.), в т.ч.: в Уфимской губ. – 104, 4 тыс., в Оренбургской – 86,7 тыс., в Самарской – 5,1, в Пермской – 5,7, в Вятской – 1,6 тыс. [Усманов, 1981, с.35–36]. Припущенников (крестьян разных национальностей, поселившихся в разное время на башкирских землях) в 1858 г. насчитывалось чуть больше – 268,8 тыс. чел., большая их часть проживала в Уфимской губ. (226,5 тыс.), остальные – в Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской). История взаимоотношений между этими группами населения достаточно сложна, она восходит к началу XVIII в. (подавление башкирских восстаний). 10 февраля 1869 г. Государственный Совет Российской империи принял Правила «О размежевании башкирских дач для наделения земель башкир-вотчинников и их припущенников и о порядке продажи и отчуждения в оброчное содержание общественных башкирских земель» [Усманов, 1981, с.35–38]. Военные припущенники в 1865 г. перешли в гражданское сословие, половина их земель теперь составила запасной государственный земельный фонд, вторая половина – гражданский фонд, который отдавался им в собственность. Как и гражданские припущенники, они становились ее пользователями и подчинялись Управлению земледелия и государственных имуществ. Гражданские и удельные припущенники должны были выкупать землю на тех же основаниях, что и другие категории удельных и государственных крестьян.

Речная пристань в Сызрани. Открытка нач. XX в.

ской). Губернское устройство и управление оставляли минимум самостоятельности разным народам, проживавшим здесь, решение главных вопросов отводилось столице, «при этом центр вынужден был решать задачи развития периферии» [Бахлов, 2009, с.212].

Несмотря на разные оценки реформ современниками, социально-экономическая среда Волго-Уральского региона на протяжении двух десятилетий реализации Великих реформ изменилась. Из внутренней колонизируемой окраины он быстро превращался в один из экономических центров Европейской части Российской империи, имевших хозяйственную специализацию, рыночную направленность и собственные экономические полюсы роста с новейшими средствами рыночной инфраструктуры (дорогами, банками, биржами) [Поволжье, 2007, с.327].

Главными полюсами роста и перемен были города. Их число в указанный период не изменилось, а численность жителей, национальное разнообразие существенно возросли [Андреева, 2006; Коновалов, 2006; Петров, 2005]. В середине столетия горожане составляли 3–8% населения (см. Прил. I, табл.3а). К концу века (1897 г.) число жителей в Астрахани выросло с 42,8 тыс. до 113 тыс., в Казани – с 63 тыс. до 131,5 тыс., в Саратове – с 84,4 тыс. до 137,1 тыс. Они вошли в категорию 19 крупных городов Российской империи (с населением более 100 тыс.). В других волжских городах численность населения также увеличилась, но они не преодолели 100-тысячную планку: в Царицыне число жителей увеличилось с 8,5 тыс. до 55,9 тыс., в Самаре – с 31,9 тыс. до 91,7 тыс.

[Россия в конце XIX века, 1900, с.61–62]. Города росли преимущественно за счет выходцев из села.

Притягательность городов была связана не только с близостью административных и образовательных учреждений, что было важно для дворянства. Города приобретали экономические функции, становились центрами транспорта (водного и железнодорожного), кредита. Одновременно они «оцентризовывали» [Ремнев, 2000] близкие территории, создавая поле экономического тяготения.

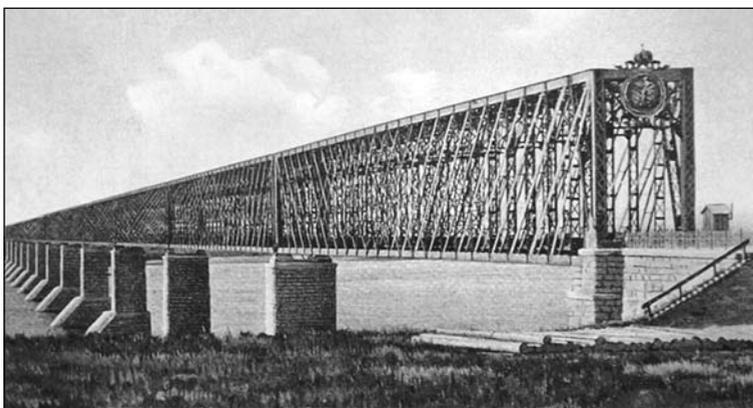
Экономическую иерархию городов предопределило железнодорожное строительство. К концу XIX в. все губернские центры (кроме Симбирска и Астрахани) получили круглогодичное транспортное сообщение со столицами, с западными районами империи. Наибольшую плотность железнодорожного сообщения в конце XIX в. имели Пензенская (10,2 верст железных дорог на квадратную версту территории) и Саратовская (9,3) губернии (см. Прил. I, табл.11). Наименьшая плотность современных дорог в расчете на 100 жителей была в Симбирской, Казанской, Астраханской губерниях [Гончаренко, 1994, с.21].

Движение вглубь страны, на восток, в Сибирь и Среднюю Азию обеспечивали Самара, Уфа и Оренбург. Каждая станция формировала зону притяжения: Царицын – всего юга России и Придонья, Казань – Волжско-Камского региона, Вятской и Архангельской губерний. Линия Сызрань – Самара – Уфа – Челябинск – Златоуст формировала «коридор» в сибирском направлении. До 1908 г. это была единственная рельсовая дорога, соединявшая Европу с Дальней Азией и Сибирью. Со Средней Азией сообщение осуществлялось через Оренбург, связанный в 1893 г. с Самарской дорогой. Активно развивалось водное пароходное сообщение [Таркова, 2007].

«Вплетение» волжских и уральских территорий в общую транспортную систему империи одновременно изменяло организацию экономической жизни. Вокруг узловых станций вырастало комплексное многоотраслевое хозяйство по ремонту подвижного состава, обслуживанию подъездных путей,

складированию и хранению грузов¹¹. Появились новые рабочие места, в т.ч. требовавшие профессиональных знаний.

Железнодорожные перевозки требовали централизации управления, координации и взаимодействия разных служб. Организация движения груза, учет и маркировка товара, его хранение, страхование, – все это формировало иную культуру хозяйствования и торговли. При дорогах стали действовать специальные коммерческие службы. Современные исследователи отмечают мультипликативный эффект, позитивные социальные последствия железнодорожного строительства в Волго-Уральском регионе

Александровский (Сызранский) мост через Волгу. Фото 1880 г.

¹¹ По линии частной Московско-Казанской ж.д. были построены мастерские (станции Москва, Петров, Алатырь), 44 механизированных элеватора, морозильный склад. В районе Свяжска был возведен мост, впервые совмещавший гужевой и железнодорожный пути. При дороге действовала сеть учреждений потребительской кооперации для рабочих и служащих, кооперативные магазины (станции Сызрань, Казань, Пенза, Арзамас, Нижний Новгород). По линии частной Рязано-Уральской ж.д. (на станциях) было организовано два парома, сооружена гавань (Саратов), возведены пакгаузы, подъездные пути, по соглашению с «Товариществом братьев Нобель» построены нефтехранилища, нефтекачалки. Для очистки и хранения зерна возведено 18 элеваторов, организовано страхование грузов (с 1902 г.). На станциях можно было получить ссуды под хлеб за счет средств дороги, действовали комиссионные пункты по продаже зерна в портах и крупных городах (Варшава, Москва, Петербург, Ревель, Либав). В Покровской слободе (ныне г. Энгельс Саратовской обл.) была построена специальная гавань для погрузки и переработки хлеба (объем до 15 млн. пуд. зерна), в Камышине сооружено устройство для подъема бревен (до 10 тыс. шт.), на станциях Камышин, Баскунчак, Эльтон построены соляные склады и солемолки. РУЖД имела шпало-пропиточный и лесопильный заводы. При дороге действовали свои школы (44), училища для подготовки кадров (в Козлове, Инзе, Саратове), работали курсы для подготовки весовщиков и агентов службы тяги (станция Саратов), функционировало 8 больниц, 28 фельдшерских пунктов и 34 фельдшерских приемных покоя, существовала колония летнего отдыха для детей служащих.

[Андреев, 2007; Мухина, 2007; Тагирова, 1999; Халин, 2006; Целиков, 2006].

Крупный государственный и частный капитал, и прежде имевший интерес в Волго-Уральском регионе, все более укреплял здесь свои позиции. Регион оказывался вплетенным в единую транспортную сеть страны и мирового хозяйства в целом. Былая окраинность уходила в прошлое.

Одновременно складывалась система новых экономических отношений на основе капиталистического кредита и кредитных учреждений, выстраивавших общеимперское движение капиталов. Государственные сберегательные кассы, действовавшие с 1840-х гг. как учреждения самопомощи, в 1864 г. перешли в ведение Государственного банка, расширили круг клиентов, включив в него новых участников экономической жизни – рабочих ж.д. станций, фабрично-заводских предприятий, служащих почтово-телеграфных пунктов (см. Прил. I, табл. 12). Аккумулированные средства сберегательных касс использовались для покупки государственных облигаций и акций частных ж.д. компаний [Морозан, 2007, с. 122–123].

Общую линию движения денежных средств определял Государственный банк с помощью местных отделений. В 1864 г. одновременно они начали работать в Астрахани, Казани, Пензе, Самаре, Саратове (объем и виды операций представлены: в Прил. I, табл. 13–14). Через них Госбанк также аккумулировал свободные денежные средства, перераспределяя их в общеимперских целях, о чем свидетельствует значительное

превышение суммы вкладов над суммой выданных кредитов (см. Прил. I, табл. 13). С 1880-х гг. отмечалось наращивание в регионе операций, содействовавших экспортной торговле, развитию соло-вексельного кредита (по упрощенной форме), кредита под залог зерна, продукции животноводства на короткий срок (до 12 мес.). Из коммерческих банков действовали лишь Волжско-Камский коммерческий банк, имевший в 1875 г. 19 филиалов по региону (в 1900–1960 гг.) и Русский торгово-промышленный банк.

«Длинные деньги» стали приходить в регион вместе с акционерными земельными банками и ипотечными государственными, причем преимущественно в аграрный сектор средневожских и заволжских территорий, где более половины частных земель было в залоге ипотечных банков (см. Прил. I, табл. 15, 15а, 15б). В губернских центрах начали работать отделения государственных Дворянского и Крестьянского поземельного банков [Проскураева 2003; Устина, 2003].

Помимо столичных банковских капиталов, направлявшихся в регион по ипотеке, в разных местах возникали купеческие, городские общественные банки, имевшие собственную рыночную нишу – городское хозяйство, мелкое земледелие и переработка [Кисмина, 2006, с. 36; Орлов, 2000, с. 13; Саеггараев, 2008, с. 95]. Активность этих учреждений зависела от многих факторов: наличия в губернии Государственного или других столичных банков, уровня потребностей и инициативы местных деловых кругов¹². Эти кредитные учреждения открывали текущие счета в Государственном банке, создаваемых Обществах взаимного кредита [Саеггараев, 2008, с. 108]. Так местные капиталы вливались в общий поток их общероссийского движения. Уже в конце века кредитные отношения получили распространение не только в торговле, постоянно нуждавшейся в быстром обороте денежных средств, но и промышленности и сельском хозяйстве. Развивать собственное дело вне

¹² Например, в Самарской губ. купеческий банк был открыт лишь в 1908 г., тогда как государственные и коммерческие банки появились еще в 1860–1870-е гг., а в Вятской губ. местный капитал организовался значительно раньше, чем появились государственные банки [Лигенко, 2001].

кредитных взаимоотношений практически было невозможно.

Ускорение оборота капитала способствовало развитию промышленности, однако коммерческая привлекательность отраслей различалась. Новейшие тенденции охватывали только бизнес, ориентированный на крупного российского и зарубежного потребителя. Другие уклады волго-уральской промышленности развивались на собственной финансовой и технической основе, приспособляясь, если это удавалось, к новым реалиям. Условия, сложившиеся в отраслях российского и местного масштаба, делали еще более контрастными «скорости движения» в разных территориях Волго-Уралья: в бывшей государственной, помещичьей или удельной деревне, в городе или торгово-промышленном селе.

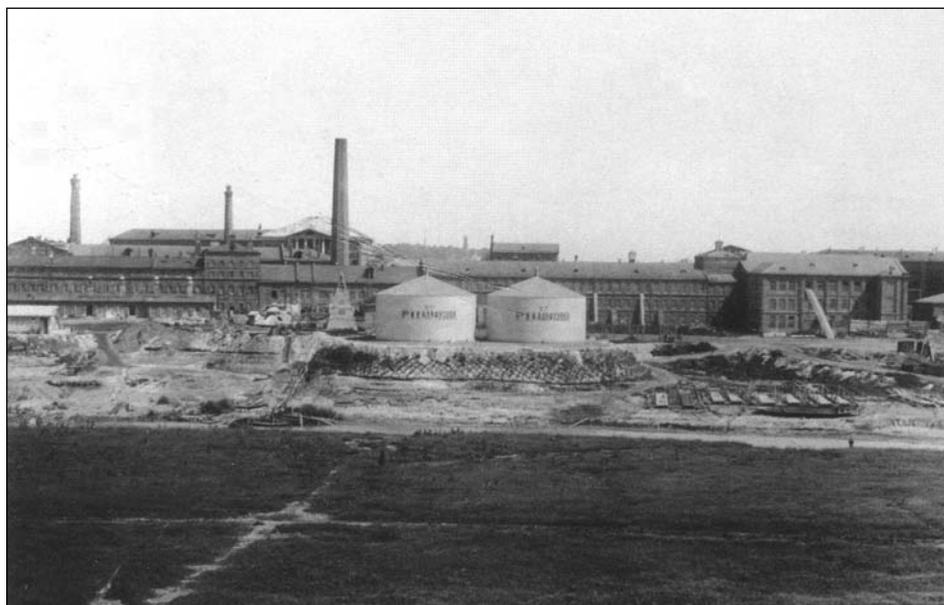
Старые отрасли изыскивали возможности работы на новых основаниях. Такие возможности предоставляли правительственные привилегии и государственные заказы, за которые нужно было бороться¹³, смена собственника и (или) акционирование¹⁴, последующее репрофилирование¹⁵, привлечение иностранного капитала.

¹³ К началу XX в. из 29 горнозаводских предприятий на Урале действовало менее половины: Верхотурский медеплавильный завод наследников В.А.Пашкова, производство по добыче марганца и хромистого железа в Верхнеуральском у. Оренбургской губ., производство по добыче марганца и хромистого железа, частные заводы Н.П. и П.П.Балашовых в Симском горнозаводском округе, Юрюзань-Ивановский и Катав-Ивановский заводы К.Э.Белосельского-Белозерского. Успехи двух последних заводов базировались на значительных правительственных привилегиях [История Башкортостана, т. 2, с. 112–115]. Ижевский и Воткинский заводы выпускали по государственным заказам мартеновскую инструментальную сталь, винтовки, револьверы, охотничьи ружья, полевые шрапнели, сортовое и листовое железо, стальное и чугунное фасонное литье, строили ж.д. мосты и скрепления, паровозы и суда для речного флота.

¹⁴ В 1879 г. Омутнинский завод (Вятская губ.) и заводы бывшего Пензенского горнозаводского округа выкупила ярославская фирма Пастуховых, позднее они были акционированы.

¹⁵ Казенные металлургические заводы репрофилировались: в Ижевске, Воткинске металлургические предприятия стали выпускать стрелковое оружие.

Общий
вид завода
Алафузова
в Казани.
Фото
кон. XIX –
нач. XX в.

На протяжении рассматриваемого периода многие уральские заводы закрылись [Самоделькин, 2003]. Кризис промышленности, основанной на подневольном труде, растянулся на десятилетия, демонстрируя недостаточную мобильность и изменчивость старых производств. К началу XX в. доля Урала в промышленном развитии Российской империи неуклонно снижалась (Прил. I, табл. 16).

Иностранный капитал стремился в новые отрасли – производство строительных материалов¹⁶, нефтяную промышленность. Так, в создании АО «Урал-Волга» (1898 г.) участвовали Парижско-Нидерландский, Петербургский международный, Учетный и Ссудный банки. Волжская сталелитейная компания финансировалась Французской анонимной компанией [Чолахян, 2008, с. 154]. Основной приток зарубежных инве-

¹⁶ Новые отрасли (производство строительных материалов, цемента, асфальта) ориентировались на большой спрос, особенно в крупных городах, где шло активное строительство деловых зданий (банков, бирж, железнодорожных обществ и т.д.) и создавались фирмы изначально с прямым участием столичного и иностранного капитала (в Вольске, Царицыне, Сызрани) [Клейн, 1981, с. 159; Чолахян, 2008, с. 153–154]. Вопросы, связанные с размещением иностранных предприятий, были прерогативой городских дум, вступающих в переговорный процесс с представителями столичных и иностранных деловых кругов.

стиций в промышленность Поволжья пришелся на середину 1890-х гг. [Назаров, 2010, с. 15].

Обеспечение перевозок, создание нефтехранилищ, поставки нефтепродуктов на ж.д. станции, пристани, финансовое сопровождение нефтяного бизнеса, – это волжские реалии 1880–1890-х гг. «Товарищество братьев Нобель», заключая договоры о партнерстве с правлениями частных железнодорожных обществ, пароходствами и торгово-транспортными фирмами, косвенно содействовало развитию здесь производства нефтяных двигателей (с 1908 г. развивалось в Балакове, где на трех заводах работало 180 чел.) [Клейн, 1981, с. 159]. Акционерный капитал, аккумулированный пароходными компаниями, создавал широкие возможности для завершения промышленного переворота на водном транспорте. Регион превращался в мощный комплексный транспортный узел империи. Можно констатировать, что создаваемые транспортные и промышленные предприятия, зависящие от потребностей государства или иностранных партнеров, оказывались над региональным рынком, вне его стихийно складывавшихся процессов. Это был уклад промышленности, интегрированной в мировое производство, мировые финансовые потоки.

Об этом свидетельствовали и такие новые явления экономической жизни, как об-

ращение акций крупных компаний (деятельность которых была связана с регионом) на столичных фондовых рынках – Петербургской и Московской биржах. На рубеже XIX–XX вв. таких компаний было пять, головные офисы располагались в столицах [подсчитано по: Сборник сведений, 1911]¹⁷.

Второй уровень промышленности, представленный традиционными отраслями (текстильной, пищевой), сохранился и развивался, но напрямую зависел от рыночной конъюнктуры страны и региона (см. Прил. I, табл. 17). Здесь действовали другие группы факторов – поиск новых сырьевых баз, ценовые колебания, изменения тарифов на перевозку грузов и т.д. Технологическая перестройка осуществлялась за счет внутренних финансовых источников. Все эти условия определяли работу суконной и пищевой (мукомольное, мясо-молочное производство) отраслей.

Наиболее заметными были перемены в мукомолье: укрупнение производства, капиталов, акционирование и переход на паровые двигатели [Клейн, 1981, с.145]. Образ поволжского мукомола формировали известные фирмы Стахеевых (Вятская губ.), Бореля, Шмидта (Саратовская губ.), Шихобаловых (Самарская губ.), Деевых и Видинеевых (Уфимская губ.) и др. Распространенное выражение «мукомолы кочевья» (К.Петров-Водкин) отражало одновременно реалии и недавнее прошлое. Крупными мукомольными центрами в конце века были уже не только губернские и уездные центры (Саратов, Царицын, Балашов, Сызрань, чей совокупный объем годового производства составлял 36–42 млн. пуд.), но и ж.д. станции, собиравшие большие партии из соседних деревень. Мукомольный бизнес зависел

исключительно от сельскохозяйственного сезона [Клейн, 1981, с.145]. А число водяных и ветряных мельниц в деревнях значительно превышало количество фабрик.

Аналогичными были перемены и в суконном бизнесе, хотя государственные заказы делали его менее рискованным. На протяжении XIX в. суконные предприятия региона прошли все стадии организации производства – от ручного к мануфактуре и фабрике [Клейн, 1981; Лаверычев, 1964]. При этом большинство занятых на фабриках были крестьянами, уходившими в деревни на сбор урожая. Главными трудностями того времени были вынужденное изменение сырьевой базы (в связи с сокращением объемов местного скотоводства), поиски новых партнеров в Средней Азии. Симбирские, казанские, пензенские суконщики закупали сырье на Нижегородской ярмарке, формировали новые маркетинговые стратегии, связанные с отказом от услуг мелких скупщиков-поставщиков и монополизацией сбыта¹⁸. В 1890-е гг. в Поволжье действовал своеобразный куст грубосуконной промышленности всероссийского значения (около 20 предприятий Симбирской губ., 3 фабрики в Кузнецком у. Саратовской губ., 1 – в Самарской губ.), к нему тяготели фабрики Пензенской губ.

Владельцы производств стеариновых свечей, мыла, оленина, глицерина и др., испытывавшие трудности с сырьем, искали выход в расширении географии бизнеса и его диверсификации¹⁹. Механизация и техническое совершенствование этих отраслей задерживались, отчасти из-за отраслевой специфики. Они оставались на уровне мануфактурной организации производства.

Третий уровень промышленности, представленный предприятиями кустар-

¹⁷ «Товарищество Вятско-Волжского пароходства» (1901 г.), основной капитал – 3 млн.руб., СПб. биржа 3 тыс. паев; Инзерское горнозаводское общество, контрольный пакет – С.П.фон Дервиз (1898 г.), осн. капитал – 400 тыс. руб., СПб. биржа, 9600 акций; Акционерное пароходное общество «Ока» (1888 г.), основной капитал – 1,5 млн. руб., Московская биржа; «Русское на Биби-Эйбять нефтепромышленное и торговое общество» (зарегистрировано в Царицыне) (1904 г.), СПб. биржа, 3200 акций; АО Саратовской мануфактуры «Бумагопрядильная фабрика в с.Шахматове» (1899), СПб. биржа, 8000 акций.

¹⁸ В 1907 г. суконные капиталисты Поволжья объединились в «Союз симбирских фабрикантов сукон» для распределения государственных заказов. Это монополистическое объединение возглавил И.К.Акчурин.

¹⁹ Касимовские купцы, торговавшие шкурами и шубами, стали держать отары каракулевых овец в Средней Азии, их заводы по выделке мерлушек и овчин находились в Казанской губ., а магазины – практически во всех крупных городах Поволжья (Максютов, Давлеткильдеев, Кастров) [Амирханов, 2005, с.94].

ного и полукустарного типа, переживал в 1870–1880-е гг. серьезные трудности: рост конкуренции, в т.ч. с предприятиями центральных районов [Очерки истории, 2010, с.225]. Новые экономические условия, недостаток финансовых средств, напор современной техники приводили к остановке производства²⁰. Тем не менее, значительная часть производств, ориентированных на местный рынок, сохранилась. Мелкотоварный характер производства (докапиталистический в виде крестьянских промыслов и мелкий капиталистический в мастерских и на предприятиях с наемным трудом) обеспечивал их живучесть [Клейн, 1972, с.363]. На рубеже 1880–1890-х гг. термин «кустарная промышленность» был узаконен, а само кустарное производство получило законодательное оформление и организационное управление в лице Кустарного комитета в отделе сельскохозяйственной экономии Министерства земледелия и государственных имуществ [Карташова, 2006, с.228].

В регионе существовали и уникальные виды деятельности, например, изготовление, а позднее массовое производство кумыса. В конце столетия в Самарской²¹, Уфимской губерниях развивались производство кумыса, кумысолечение в специальных лечебницах (или домах отдыха). В начале XX в. производство кумыса сохранилось лишь в Уфимской губ. (располагалось вдоль линии Самаро-Златоустовской ж.д.). Тысячи людей, «больных в явной или скрытой форме туберкулезом», приезжали на станции Аксаково, Шафраново, Глуховская для лечения [История Башкортостана, 2007, т.2, с.126].

Таким образом, промышленность региона была представлена предприятиями разных технологических укладов, каждый из которых в новых условиях использовал свои стратегии, ориентированные на зарубежных, российских или местных потребителей. Различия заключались не только в

уровне технологий, но и в формах использования труда (в т.ч. сельского сезонного), в организации и географии сбыта продукции, способах формирования капиталов.

Технологическая и организационная перестройка, связанная с завершением промышленного переворота, акционированием производства, в т.ч. за счет иностранного капитала, охватывала два первых уровня промышленности (предприятия металлургии и металлообработки, железнодорожный и водный транспорт, текстильную и крупные предприятия пищевой промышленности).

Формировались возможности для активного предпринимательства. Создание новых фирм, преобразование действовавших в акционерные компании сопровождалось вертикальной (фирмы П.К.Ушкова²², Стахеевых²³) и горизонтальной («Товарищество

²² В Елабужском у. Вятской губ. еще в 1850 г. местный купец К.И.Ушков основал Кокшанский химический завод, а в 1868 г. его сын П.К.Ушков – Бондюжский завод (ныне г.Менделеевск, РТ), Сюгинский стекольный завод, завод серной кислоты в Казани [Очерки истории, 2010, с.226–288]. В 1883 г. на базе Бондюжского завода было создано АО «Товарищество химических заводов Петра Капитоновича Ушкова и К^о». В начале XX в. Товариществу принадлежало 4 химических завода с 2 тыс. рабочих в Вятской, Казанской, Самарской губерниях (годовая производительность в 1908 г. составила 3 млн. руб.), меловой завод в Симбирской губ., кирпичный и гончарный – в Вятской губ., завод строительной извести и добычи известкового камня в Самарской губ., свой флот, состоявший из буксирных стосильных пароходов, нескольких десятков барж и других мелких судов. Товариществу принадлежало также 5500 дес. земли, находящейся под лесными дачами, золотыми приисками, заводами и пристанями [Есиева, 2004; Лигенко, 2001].

²³ Зародившись в виноторговле и скупке хлеба, в конце столетия он представлял собой вертикально интегрированное производство, включавшее производство, переработку, транспортировку зерна на собственных судах и баржах. Дополнительную статью доходов составляли продажа бакалейного и мануфактурного товара. Акционерное торгово-промышленное общество Стахеевых было зарегистрировано в 1904 г. На момент открытия его оборот составлял около 80 млн. руб., а основной капитал оценивался в 4 млн. [Маслова, 2000]. Все организации рода Стахеевых юридически были самостоятельными, но поддерживали финансовые и производственные связи. В начале XX в. в Прикамье, Поволжье, на южном Урале были известны фирмы двух братьев Стахеевых – хлеботорговые, хлебопегучные и хлебоперевозочные. Только

²⁰ В 1870-е гг. в Казанской губ. остановили производство более 40 кумачных и китайских, в Кузнецком у. Саратовской губ. – более 20 суконных предприятий.

²¹ В Самаре в конце XIX в. владельцами таких предприятий были Хамидов, Мухамедяров, Ишук и Сагидов, всего – более 10 [Классика, 2007, с.312].

Здание цеха камерной серной кислоты на Бондюжском химическом заводе П.К.Ушкова. Фото кон. XIX в.

паровых мельниц в Самаре», АО «Мыловаренный завод в Саратове», «АО по выделке кож и хлебной торговле» в Бирском у. Уфимской губ.) интеграцией производства и капитала. Укрупнение капитала осуществлялось чаще всего на основе семейного бизнеса, выросшего в недрах торговли: формирование первоначального капитала (конец XVIII в. – торговля вином, мануфактурным и бакалейным товаром, с XIX в. – торговля скотом), затем расширение дела (хлеботорговля, транспортировка зерна, мукомольное производство, скупка и переработка шерсти). В 3–4-м поколении бизнес утрачивал семейный характер, делился, преобразовывался в акционерный капитал, сохраняя семейных пайщиков.

в Уфимской губ. (по данным М.И.Роднова) торговый дом наследников В.Г.Стахеева обслуживал на реке Белой 35 барж, Торговый дом И.Стахеева – 44 баржи грузоподъемностью 60–70 т до 154 тыс. пуд. Погрузка хлебов на воду велась на 40 речных пристанях, в т.ч. по Каме (8 пристаней), на Белой (5), Уфимке (1), Вятке (28). На каждой пристани, за исключением 4, имелись сушилки для сушки сырых хлебов. Помимо пшеницы и ржи Стахеевы торговали гречихой, овсом, другими зерновыми хлебами. Стремление к обобществлению производства, сосредоточению под своим контролем всего цикла (от производителя до потребителя) было характерно для хлебного – «коренного» дела Стахеевых. Они приобретали и строили мукомольные мельницы, оборудовали складами пристани, приобретали баржи и буксирные пароходы, устраивали в речных затоках стоянки и ремонтные мастерские для судов. Проникновение в отдаленные от родной Елабуги районы – Западную Сибирь – сопровождалось открытием там мануфактурных и бакалейных лавок.

Диверсификация производства и капиталов (промышленность, торговля, владение движимым (пароходы, баржи) и недвижимым (земля) имуществом, аренда и сельское хозяйство) была характерна для крупного бизнеса местной деловой элиты, хотя на повседневном уровне

она еще воспроизводила элементы и нормы крестьянской жизни. Стремление к комфорту, благоустроенной жизни в городских усадьбах и особняках губернских и уездных городов как явление заметно проявилось в конце XIX в.

Предприниматели стали заметной социальной группой, оказывавшей влияние на общественную жизнь городов. Они вели активную деятельность в органах местного самоуправления [Гранкина, 2006; Исаева, 2010; Тюрин, 2007], объединялись в биржевые общества²⁴ и постепенно заявляли о себе как о «хозяевах жизни». Среди предпринимателей были и женщины. По подсчетам Г.Н.Ульяновой, доля «женских» предприятий в империи по объему производства (в денежном выражении) составила 4–4,8% в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Неизменно существенной роль женщин была в текстильной и пищевой отраслях [Ulianova, 2009].

Роль и значение промышленности уральских и поволжских губерний в Российской империи к концу века возросли (см. Прил. I, табл. 16). При этом, как показали расчеты Л.Б.Кафенгауза, удельный вес старого Уральского промышленного района неуклонно снижался (сокращение доли занятых рабочих, снижение стоимости производства), значение Поволжской промышленности возросло. И хотя числен-

²⁴ В 1866 г. был утвержден устав Казанской, в 1869 г. – Самарской, в 1870 г. – Саратовской, в 1900 г. – Царицынской, в 1901 г. – Симбирской, в 1904 г. – Балаковской, в 1905 г. – Сызранской бирж [Тагирова, 1999, с.160–162].

ность рабочих Урала почти вдвое превышала аналогичные показатели Поволжья, именно здесь быстрее развивалось новое современное производство. На Урале последствия отмены крепостного права не были преодолены и к началу XX в. В целом, на общероссийском фоне Волго-Уральские территории были средне развитыми, здесь преобладали обрабатывающие отрасли промышленности, в Поволжье к началу XX в. на их долю приходилось 99%, в Приуралье – 84% от стоимости всей промышленной продукции.

Перемены 1860-х гг. повлияли на развитие сельского хозяйства региона. Возможность вывоза товаров по железной дороге [Слепнев, 2000]²⁵, получения кредита в государственных и коммерческих банках [Проскуракова, 2003], иные направления движения товарных потоков, выгоды местной переработки выращенной продукции, – все это создавало для сельскохозяйственных производителей новую экономическую среду. Местный рынок сельскохозяйственной продукции (уровень цен) зависел от мировой ценовой конъюнктуры [Миронов, 1985], но воздействие этих факторов на разные губернии региона было неравномерным. Наибольшее воздействие оказали железные дороги [Слепнев, 2000, с.62].

Вместе с тем на развитие сельского хозяйства Волго-Уральского региона по-прежнему оказывало влияние переселение крестьян, особенно активным оно было в южноуральских губерниях [Петров, 2005]. В конце XIX в. в 10 губерниях региона проживало 16,5% населения Европейской России²⁶. Выросла плотность заселения (см. Прил. I, табл.18). Созданная при МВД правительственная комиссия для изучения переселенческого движения стремилась регулировать этот процесс, утвердив в 1882 г. «Временные правила по крестьянским переселениям». Переселение допускалось вдоль участков Сибирской ж.д. В бессрочное пользование

землю стали давать лишь после временной аренды в течение 6–12 лет [Усманов, 1981, с.83].

Перечисленные внешние факторы постепенно переустраивали внутреннюю жизнь деревни, жители которой еще не до конца адаптировались к условиям реформ 1860-х гг. Особенно заметным было расширение посевов в волжских и уральских губерниях. Наибольший рост наблюдался в 1860–1880-х гг. в Оренбургской (3,96 раза), Самарской (3,27 раза), Астраханской (2,19), Саратовской (2,13) губерниях. На фоне сокращения пашенных угодий в центральных черноземных районах страны юго-восточные земли (Южный степной, Заволжский и Нижневолжский районы) в 1880-е гг. выглядели бесспорными лидерами по производству товарного зерна в Европейской России [Слепнев, 2000, с.63]. В следующие десятилетия еще более укрепился сложившийся тренд: за 1901–1910 гг. в Самарской губ. посевные площади увеличились на 22,8%, в Саратовской – на 14,6%, в Симбирской – на 11,9%, в Казанской – на 5,6%. В степных уездах Уфимского края за 1890–1900-е гг. размеры пашни удвоились. Значение региона в обеспечении империи хлебом продолжало возрастать, не меньшие перспективы сулило экономике и продвижение в Сибирь.

Более детальное рассмотрение последствий перемен показывает неоднозначность ситуации.

Рост посевов, увеличение сборов и возможности транспортировки зерна формировали настроение максимального его вывоза за пределы региона. При неблагоприятных стечениях обстоятельств, в частности при засухе и неурожаях, это оборачивалось недостатком хлеба для собственного потребления, голодом (1871–1872, 1891, 1911 гг.) и последующим спадом производства. (Ситуация 1872–1873 гг. в Самарской губ. описана в: [Дружинин, 1978, с.272; Слепнев, 2000, с.64–65]).

Усиливавшаяся связь с мировым рынком проявлялась в воздействии на регион мировых явлений, в частности мирового аграрного кризиса середины 1870–1890-х гг. Снижение мировых цен обернулось для региона понижением закупочных цен (минимальный

²⁵ Скорость железнодорожных перевозок в 6–10 раз превосходила скорость гужевых, в 4,5 раза – паровозных и в 15 раз – с помощью бурлацкой тяги [Слепнев, 2000, с.55].

²⁶ В Российской империи население выросло с 1857 г. по 1897 г. на 74% (с 74 до 129 млн. чел.), в Волго-Уральском регионе – на 332% (с 6,4 до 21,3 млн. чел.).

уровень 1887 и 1894–1895 гг.), в хлебных районах они не компенсировали затрат на выращивание зерна²⁷. Вслед за зерновыми ценами с 1885 г. начали снижаться арендные, а затем и продажные цены на землю.

Общее снижение цен повлекло за собой снижение налоговой платежеспособности крестьянства. Податное состояние крестьянства Среднего Поволжья в эти годы исследователи называют катастрофическим. [Марискин, 2007, с.442]. На фоне кризиса, выкупной операции, неурожайных лет (особенно 1891 г.) ситуация представлялась современникам как кризисная [см.: Егиазарова, 1959; Китанина, 1978; Измestьева, 1911; Хамитбаева, 2008]. К началу XX в. положение в деревне постепенно улучшилось.

Экстенсивный путь развития сельского хозяйства (только за счет расширения посевов) не сопровождался ростом производительности труда. Показатели урожайности зерновых культур за столетие выросли незначительно, общий уровень сбора хлебов с 1 дес. на средневоложских и юго-восточных землях был таким же, как и в центральных черноземных районах страны и составлял сам 3,5 – сам 4 (см. Прил. I, табл.19). Зависимость от колебаний климата и условий сельскохозяйственного года нарастала, неурожайи и голод (1871–1872, 1880, 1891, 1901, 1906 гг.) оставались постоянными спутниками сельской жизни.

К тому же, расширение посевов не перекрывало темпы роста населения и не сопровождалось ростом потребления хлеба его главными производителями. Данный вопрос остается предметом споров современных исследователей, однако поволжские и уральские историки едины в том, что товарная масса зерна, вывозимого за пределы региона, в начале XX в. значительно превышала возможные излишки, на рынок уходила и часть потребительского хлеба [Кабытов, 1981, с.81; Тагирова, 1999, с.198; Роднов, 2008, с.233–234].

Дальнейшее расширение посевных площадей и развитие земледелия усиливали зерновую специализацию региона на всероссийском рынке. Главными возделываемыми

культурами оставались озимая рожь, овес, яровая пшеница. Доля других злаков была невелика. На севере и северо-западе региона (Вятская, Казанская, Симбирская губернии) преобладали посевы ржи и овса, чему способствовали оптимальный климат для выращивания этих культур, а также возросший спрос военного ведомства на серые хлеба для обеспечения армии продовольствием [Китанина, 1978, с.26].

В степных южных и юго-восточных землях (Самарская, Оренбургская, юго-западные уезды Уфимской губ.) главной засеваемой культурой была яровая пшеница, преимущественно твердых сортов, которая особенно ценилась на российском и внешнем рынках. Она занимала здесь 50–65% всех посевных площадей, что позволяло получать высокие прибыли в период возмужавшего рыночного спроса, но вело к быстрому истощению почв. Площади посевов других зерновых (просо, гречиха, рапс, ячмень) и технических культур, которые улучшили бы плодородие земли, росли медленно.

Заметным явлением, наряду с развитием товарного, стало развитие земельного рынка. Выше отмечалось, что его формирование началось в XIX в., когда была разрешена покупка незаселенных земель. Тогда, помимо рыночного, действовал и административный (государственные пожалования, дешевая продажа государственных земель чиновникам) фактор. По мере развития товарного земледелия и улучшения транспортного сообщения земельные цены стали увеличиваться. Все чаще дворяне стали продавать землю, развивалась ипотека. Большое распространение получили арендные и субарендные отношения. На земельном рынке в Заволжье и Нижнем Поволжье активно действовали профессионалы-посредники, именуемые барышниками. Посредничество было обычным явлением и при сдаче в аренду казенных и удельных земель.

Развитие земельного рынка расширяло круг земельных собственников – представителей других социальных групп и сословий, о чем свидетельствует «Статистика землевладения 1905 года» (см. Прил. I, табл.21). К 1905 г. в регионе государство утратило ведущие позиции среди земельных собственников (19,8% земель), сохранив приори-

²⁷ Зерновое производство вследствие снижения цен в хлебных районах давало убыток от 3 до 11 руб. с дес. [Егиазарова, 1959, с.79].

тет государственных и удельных земель в Симбирской (31,2%) и Казанской (28,3%) губерниях, в степных же районах его доля не превышала пятой части. Удельное ведомство [Максимов, 2008; Юткин, 2007], МГИ, распоряжаясь землями и предприятиями в регионе [Маркова, 2007], действовали в условиях рыночной среды, следовательно, были вынуждены, как и частные владельцы, изыскивать соответствующие времени способы поведения. Концентрация земли у частных (не дворян) собственников в начале XX в. была существенно выше, чем в Европейской России: доля помещиков, владевших свыше 1000 дес. земли, составляла 80,8% (в Европейской России – 61,5%).

Исследователи установили, что рост сельского хозяйства обеспечивали преимущественно крестьянские хозяйства, на долю которых приходилось от 63,8% (Симбирская губ.) до 97% (Уфимская губ.) всех посевов в конце XIX в. (см. Прил. I, табл. 22). Со временем все сильнее проявлялась тенденция роста посевов у частных владельцев (крестьян, купцов), отдельных обществ при сокращении этих показателей в хозяйствах дворян [Жабытов, 1981, с. 79].

При этом все явственнее вырисовывались две противоположные тенденции. Одна, связанная с фермеризацией и укреплением предпринимательского крестьянского хозяйствования на земле (степные и лесостепные уезды Волго-Уральского региона, где развивались хозяйства с посевом более 15 дес.). Другая, противоположная, тенденция заметно проявила себя на севере и северо-западе Уфимского края, большей части Симбирской, Казанской, Пензенской, в лесных уездах Самарской губ. Здесь торжествовал традиционализм. «Регрессивный метаморфоз» (по М.И. Роднову) был обусловлен малыми размерами посевов (2–4, 4–6 дес.), натуральным хозяйствованием на основе потребительского производства, кустарничеством. По отношению к ним капиталистическая экономика региона выступала своего рода внешней оболочкой. Само же крестьянство продолжало сохранять традиционный образ жизни, быта и мировосприятия [Роднов, 2002, с. 308–310]. Нараставшая бедность крестьян была обусловлена и тем, что размеры крестьянского общинного землевладения не менялись, тогда как числен-

ность сельского населения увеличилась более чем в два раза.

Отличия в жизни помещиков на севере и юге региона также имели место. В северных и лесостепных уездах помещики, пользуясь малоземельем крестьян, за низкую цену нанимали их с инвентарем на посев или вспашку, что практически было равнозначно крепостническим отработкам. В южных степных уездах преобладали формы найма – без поденных рабочих, как правило, невозможно было собрать урожай. Наряду с земледелием предприимчивые помещики развивали в своих хозяйствах животноводство, часто специализированное, по производству породистых лошадей, тонкорунных овец и т.д. Некоторые помещики заводили кумысолечебницы и маслобойные производства. Из помещичьих экономий на рынок поступало не только зерно, но и мясо, молоко, шерсть, а также продукты местной переработки: масло, сыр, сметана и т.д. В северных уездах края незначительная часть помещиков занималась вырубкой, переработкой и продажей леса. Малочисленное дворянское сословие уже не могло служить опорой имперской власти в Поволжье и Приуралье. Изменение стратегических ориентиров в деревне было связано с крестьянством.

Серьезные изменения произошли в торговле, как на низовом уровне, так и в сфере крупного торгового бизнеса. Перемены были связаны с демократизацией торговли, проявлявшейся в росте простейших ее форм – ярмарочной торговли²⁸, в появлении широкого слоя мелких посредников – скупщиков и перекупщиков (преимущественно в зерновой торговле)²⁹. Одновременно менялась система государственных закупок хлеба: в 1890-е гг. сложилась система государственных закупок зерна для армии сначала через земства, а с 1905 г. – через интендантства [Китанина, 1978, с. 201–220; Клейн, 1982, с. 184–185], была реорганизована структура

²⁸ В Поволжье (Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская губернии) число ярмарок выросло с 419 до 673, затем до 807 (по данным за 1863, 1897 и 1903 гг. соответственно) [Тагилова, 1999, с. 289]. В Вятской губ. в 1868 г. было 40 ярмарок, в 1883 г. – 108, в 1900 г. – 161 [Лигенко, 2001].

²⁹ Хлеботорговая цепочка иногда насчитывала 5–6 звеньев, прежде чем товар попадал к экспортеру.

Здание биржи в Самаре. Фото 1904 г.
Совр. ул.С.Разина, д.3А.

продовольственных магазинов, на хлебном рынке появились новые участники – Государственный и, позднее, коммерческие банки [Корелин, 1981, с.113]. Заметным стало проникновение на хлебный рынок иностранного капитала³⁰, хотя ключевые позиции здесь занимали российские предприниматели [Томпсон, 2008, с.400]. Все они участвовали в биржевых торгах.

Значение Нижегородской ярмарки постепенно снижалось, однако она еще сохраняла международное значение. В 1860–1880-е гг. ведущую роль здесь играли русские купцы-посредники. В конце XIX – начале XX в. появились коммивояжеры из Европы: поляки, немцы, евреи, швейцарцы, велика была роль персиян, армян, бухарцев, московских купцов, торговавших с Кяхтой [Выборнов, 2004, с.14].

В городах стали действовать учреждения постоянной розничной торговли – магазины. Эти «маяки капиталистической торговли» вели активную рекламную деятельность, формировали круг постоянной клиентуры и прочно завоевывали центральные улицы губернских, а со временем и уездных центров [Галанин, 2008, с.177]. «Супермаркетов XIX века» было немного, подавляющая часть торговых предприятий представляла собой примитивные строения (лавки, торговые и постоянные дворы, трактиры), но в совокупности здания бирж, банков, магазинов формировали архитектурный облик городов. Уже к концу XIX в. предприятия стацио-

нарной торговли обеспечивали основной товарооборот. Л.Н.Гончаренко отметил, что во всех губернских городах в конце XIX в. три сферы торговли были главными: 1) разнообразные продукты сельского хозяйства; 2) бессистемная торговля («без точного определения») во всех губернских городах, кроме Самары, где преобладала торговля тканями; 3) ткани, одежда (в Самаре – торговля зерновым товаром и «без точного определения») [подсчитано по числу занятых в торговле: Гончаренко, 1994, с.99].

Зерновая и животноводческая специализация региона определяла и структуру местного рынка, где обозначились центры первичной закупки и последующей перепродажи товаров и была отмечена иерархичность в организации товаропотоков и местного хлебного рынка [Роднов, 2002; Тагирова, 1999]. По пути следования и в процессе увеличения партий зерна хлеб засорялся, смешивался, а потому далеко не всегда достойным образом оценивался в момент экспортной отгрузки. Участников зерновой торговли самого разного толка было довольно много. Даже комиссионеры и иногородние фирмы, составляя партии, «всегда дополняли покупку зерна главных скупщиков». В полном развитии цепочка движения хлеба за границу составляла пяти-шестичленный ряд: от производителя к мелкому скупщику, городскому торговцу, экспортной конторе или экспедитору, заграничному агенту и, наконец, заграничной торговой фирме или фабрике (по продаже сырья или полуобработанных материалов).

Процессы интеграции Волго-Уральских территорий в общий хозяйственный организм Российской империи заметно ускорились в ходе реализации Великих реформ и железнодорожного строительства. Последовательная отмена крепостного состояния помещичьих, а затем удельных и государственных крестьян, практически одновременная ликвидация национально-хозяйственных привилегий, отмена разнообразных форм налоговых поступлений – все эти меры «уравнивали» в правовом отношении волжских и уральских жителей с крестьянами центральной России.

Пришедшие в регион столичный и иностранный капиталы, денежные средства

³⁰ В регионе действовали представительства крупных российских и иностранных фирм: «Русское общество вывозной торговли», представители портов Ливавы, Риги, Ревеля, Новороссийска и Ростова, фирма Луи Дрейфуса.

местной элиты, аккумулированные в акционерных компаниях, включали регион в общее финансовое поле взаимодействия. Даже мелкие средства сберегательных касс и городских общественных банков участвовали в этом процессе. Пространственную конфигурацию этих, а также транспортных, логистических, торговых отношений стали определять линии и ветки железных дорог. Должно было пройти время, чтобы эти новые отношения укоренились и закрепились. Но это происходило далеко не всегда: новые ж.д. линии шли дальше на Восток. Сначала Саратов и Царицын (1860-е гг.), затем Сызрань, Самара, Оренбург (1870-е гг.), Уфа (1880–1890-е гг.) получили преимущества соединения с общей ж.д. сетью.

Разные скорости развития характеризовали отныне не только существование промышленных укладов, но и разные территории. Промышленный переворот завершился в главных отраслях региона. Локальные пространства, оставшиеся вне ведущих экономических тенденций, сохраняли свою первозданность. Однако не они определяли общее развитие Волго-Уральского региона.

Полюсами экономического роста по-прежнему оставались губернские города, однако появились и новые торгово-экономические центры, чаще при станциях железных дорог и крупных пристанях. Здесь заметнее была и предпринимательская активность, которая проявлялась в самоорганизации и создании биржевых обществ и примерно с

1890-х гг. вносила весомую лепту в развитие этих экономических центров.

В зависимость от мировых трендов и общей финансовой ситуации страны постепенно попадало сельское хозяйство. Расширение посевов, ускоренный вывоз зерна, рост мирового и российского спроса, особенно со второй половины 1890-х гг., создавали доминировавшую рыночную атмосферу, в которой оказались и крестьянские селения, и частные владения. Цивилизационный сдвиг, начатый в первые десятилетия XIX в., завершился уже к началу XX в.

В целом можно констатировать, что Волго-Уралье из внутренней окраины Российской империи первой половины XIX в. превратилось в экономический район, подчинявшийся общим циклам капиталистического развития. Этот регион имел земельную специализацию, собственные центры тяготения и хозяйственного развития, стабильную транспортную систему и кредитные институты. С точки зрения экономической перспективы и в связи с правительственной стратегией продвижения на Восток наметилось несколько линий перспективы: Казань–Вятка, Самара–Уфа, Самара–Оренбург, Саратов–Дон.

Совокупность экономических, институциональных, организационных и пространственных перемен трансформировала социальные отношения, формируя новые социальные группы, которые станут активными участниками массовых движений и революций уже XX столетия.

§ 2. Сельскохозяйственное производство

Наиль Халиков

Земледелие. В пореформенное время татары Поволжья и Урала в силу особенностей природной среды, экономических условий и традиций практиковали разнообразные системы земледелия. При всем их различии по существу и в отдельных деталях, они сводились к трем типам, в основе содержащим способ восстановления и поддержания плодородия почв: паровой, залежно-переложной и лесопольной (подсечно-огневой) системам.

Паровая система земледелия в форме трехполья (озимое + яровое + пар) в рассматриваемое время была наиболее широко распространена в земледельческой культуре татарских крестьян. Эта агрокультурная традиция в целом была характерна для Поволжья: в Казанской и Симбирской губерниях паровая система занимала почти 100% пахотных угодий, в Саратовской – 92%, в Самарской – 87% [Статистика поземельной, вып. IV, с. VI]. Трехполье тогда было наиболее рациональной (в отдельных случаях

и единственно возможной) системой земледелия, хотя и имело существенные недостатки. Короткий – годичный – срок отдыха пашни для поддержания плодородия почвы подразумевал применение навозного удобрения. Но последнего не хватало. В Среднем Поволжье и Прикамье при острейшем малоземелье все пригодные земли распашивали под пашню. И если нормальное соотношение пашни к сенокосу составляло 1:1, то в Казанской губ. оно едва достигало 10:1 [Материалы для сравнительной, вып.3, с.52]. Поэтому скота было мало. Другая, не менее важная причина – экономическая слабость большинства крестьянских хозяйств. Не случайно о крещеных татарах Мамадышского у., например, писали, что удобряют свои поля немногие, поскольку безлошадным нечего и не на ком везти [Историко-статистическое описание церквей, 1904, с.377]. Унавождению полей препятствовали также частые переделы крестьянских земель [Материалы, 1936, с.13].

В восточных районах края в середине XIX в. и позднее системы земледелия отличались крайним разнообразием форм, переходных от залежно-переложной к паровой системе (четыреполье и двухполье, пестрополье), а в Южном Приуралье и Зауралье, особенно у оренбургских татар-казаков, сохранялась и залежно-переложная система земледелия типичного облика.

В пределах Вятской и Пермской губерний, где в пользовании крестьян еще сохранились, особенно в середине XIX в., значительные лесные участки, имела место подсечная система земледелия, или лесные перелог. Причем в середине XIX в. нередко применялся способ выжигания срубленной растительности. На «перелогах» сеяли 3–4 года, затем давали отдыхать несколько лет и вводили в трехпольный севооборот либо вовсе забрасывали под лес [Список населенных мест, XIV, с. XXIII].

Итак, ведущей системой земледелия в крае в пореформенное время была паровая. При должном удобрении пашни трехполья позволяли получать стабильные урожаи хлебов со сравнительно малыми затратами. Однако демографические, социально-экономические и политические условия:

увеличение плотности населения³¹, значительное перераспределение земли в пользу казны в ходе реформы 1866 г., массовое обнищание крестьянства и т.п., во второй половине XIX в. поставили существование паровой системы земледелия традиционного вида в неблагоприятные условия. Наступал так называемый «кризис трехполья»: истощение пашни при недостаточном удобрении, сопровождавшееся снижением плодородия почвы и, как следствие, падением урожайности. Уже в конце 60-х гг. XIX в. отмечалось, что в Казанской губ. паровая система земледелия изживает себя [Вечеслав, 1870, с.2]. Если ранее поддерживать плодородие в какой-то мере удавалось, периодически забрасывая пашни трехполья в перелог, то во второй половине XIX в. последние остатки залежей и перелогов быстро исчезают. Единственный выход из кризиса крестьяне видели в увеличении распашки за счет других угодий – выгонов и сенокосов, что, в конечном счете, уменьшало кормовую базу животноводства с вытекающими из этого последствиями. Радикальное решение проблемы – введение улучшенных севооборотов и плодосмена, многополья и т.д. – сдерживалось принудительным делением полевого надела общества на традиционные три клена и экономической слабостью большинства татарских крестьянских хозяйств. Малоземелье и кризис трехполья приводили к далеко идущим последствиям. Не имевшие возможности прокормиться и платить налоги со своих наделов, крестьяне все чаще были вынуждены обращаться к другим видам хозяйственной деятельности: ремеслам, отходничеству и т.д.

Сельскохозяйственные полевые культуры – зерновые, бобовые и технические – составляли собственно предмет земледельческого производства крестьянина. Структура и динамика посевов озимых и яровых культур различались территориально, у татар – в зависимости от почвенно-климатических условий, биологических особенностей растений, применявшихся систем земледелия, экономического положения крестьян, конъюнктуры хлебного рынка и других причин.

³¹ В Казанской губ. с начала XVIII в. по начало XX в. плотность населения возросла в 5 раз.

Татарские крестьяне в середине XIX – начале XX в. на своих полях возделывали следующие продовольственные и фуражные культуры: озимую рожь и пшеницу, яровую рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, просо, полбу, горох, чечевицу, вику; прядильные культуры – лен и коноплю, а также технические – подсолнечник, мак; кормовые – тимopheевку, клевер, эспарцет и т.д.

В озимом поле губерний лесной и лесостепной зоны Поволжья и Приуралья крестьянами возделывалась почти исключительно озимая рожь (*көзге арыш*), что соответствовало господствовавшему здесь трехполью. Сборы озимой ржи в Вятской губ. составляли 53,9% к общему сбору хлебов; в Нижегородской – 58,7%; в Пензенской – 60,9%; в Казанской губ. – 61,0%, что составляло максимум по Европейской России [Кулябко-Корецкий, 1903, с.11]. Характерно, что посевы ржи были наибольшими у татарских крестьян.

Основной культурой в яровом поле был овес (*солы*): в Вятской губ. в 1900 г. под овсом находилось 35,8% всех посевных площадей, в Пермской – 35,1%, в Казанской – 28,8% [Мордвинкина, 1960, с.343–344]. И у татарских крестьян региона овес преобладал в яровых посевах; не случайно яровое поле у них называлось *солы басуы* («овсяное поле»). Широкому распространению посевов овса в крае в середине XIX – начале XX в. способствовала особая его неприхотливость к плодородию почвы, что выгодно отличало овес от многих других культур. Значительные размеры посевов овса в Поволжье и Приуралье обуславливались и большим спросом на него как на фураж в условиях Сибирского тракта с множеством подвод [Список населенных мест, XXXI, с.ССХСIX], а гужевым извозом особенно активно занимались татары.

В юго-восточных уездах края в значительных масштабах возделывалась пшеница

Татарские крестьянские избы. Казанская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.

(*бодай*): в Оренбургской губ. в конце XIX в. пшеница составляла 52,6% сборов всех хлебов [Кулябко-Корецкий, 1903, с.14], причем площади посевов этой ведущей экспортной культуры России непрерывно возрастали. Но возделывание требовательной к агрокulturе пшеницы было под силу преимущественно состоятельным хозяевам, имевшим качественный пахотный инвентарь, достаточное количество скота и рабочих рук. Отсутствие же пшеницы на своих полях крестьяне Среднего Поволжья объясняли примитивной пахотой сохами, отсутствием зяби и т.д. Поэтому в Оренбургской губ. посевы пшеницы были главным образом у зажиточных татар-казаков.

Ячмень (*арна*) более выращивался в северных лесных районах: в 1913 г. в Пермской губ. он занимал 10,2% посевных площадей яровых культур, в Вятской – 13,9% [Статистика Российской империи, 1914. В % пересчитано нами. – Н.Х.]. А в татарских деревнях Красноуфимского у. Пермской губ. в конце 80-х гг. XIX в. посевы ячменя занимали до 20% всех площадей [Статистика Российской империи, 1914].

Почти повсеместно татарские хлебопашцы возделывали гречиху (*кара бодай*).

Полбу (*борай*) татары в больших масштабах выращивали в Предволжье, Южном Предкамье, Закамье, Приуралье. Можно с определенностью говорить о приверженности татар к этой культуре. В Елабужском у. в 1888 г. ее посевы составляли у татар 11,3% ярового поля, у русских крестьян – 6,4%, у удмуртов – 4,6% [Материалы по статистике, т.4, с.54]. Не случайно мордва называла пол-

бу «татарским хлебом» [Якубцинер, 1965, с.83]. Полба была неизменным продуктом обрядовой каши крещеных татар, сохранявших немало архаичных черт в своей культуре.

Посевы проса (*тары*) особенно были распространены в юго-западных и западных районах: в Симбирской губ. в конце XIX в. просо давало 6,5% всех сборов; в Саратовской – 6,8%; в Пензенской – 8% [Кулябко-Корецкий, 1903, с.23]. У татарских крестьян Елатомского у. Тамбовской губ. или Петровского у. Саратовской губ. размеры посевов проса нередко превосходили площадь любой другой яровой культуры. Просо отличала высокая урожайность, достигавшая сам-60–70. Но эту требовательную к чистоте полей от сорняков и структуре почвы культуру возделывали, главным образом, на залежах и перелогах, с сокращением которых к концу XIX в. посевы проса во многих татарских деревнях уменьшились.

В очень небольших масштабах в отдельных деревнях Поволжья татары выращивали яровую рожь (*язгы арыш*). По урожайности она значительно уступала озимой ржи, что и обусловило ее скромное место в структуре посевов. В то же время яровую рожь охотно возделывали на Урале и в Зауралье, где климатические условия и рельеф местности не позволяли возделывать озимые культуры.

Горох (*борчак*) и чечевицу (*ясмык*) высевали по всему региону. Горох – более урожайная культура, а чечевица – засухоустойчивая. К началу XX столетия в связи с общим сокращением крестьянских наделов и ухудшением качества земель площади посевов гороха и, особенно, чечевицы уменьшились [Сельскохозяйственная статистика, 1859, с.163].

Типичным для полунатурального крестьянского хозяйства было возделывание прядильных растений – льна (*жэитен*) и конопли (*киндер аш*). Культура льна тяготела к северным лесным и лесостепным уездам, а конопли – к южным и юго-западным районам. Посевы этих растений нередко достигали значительных размеров. Во второй половине XIX – начале XX в. посевы льна и конопли из-за распространения в деревне фабричных тканей несколько сократились. Лишь у татар-кряшен, в большей степени

сохранявших традиционный быт и черты натурального хозяйства, посевы этих культур до начала XX в. не утратили своего былого значения.

Конопля и лен использовались крестьянами и как масличные культуры. Однако в этом качестве они значительно уступали подсолнечнику (*көнбагыш*), который в небольших количествах выращивался во многих деревнях региона (для употребления в пищу семечек). И лишь татары Чистопольского у. Казанской губ., Стерлитамакского у. Уфимской губ., Орского у. Оренбургской губ. возделывали подсолнечник в промышленных целях как техническую (масличную) культуру для сдачи на близлежащие маслозаводы. Особенно значительны были размеры посевов подсолнечника у татарских хлебопашцев Саратовской губ. и южных уездов Самарской губ.

Предпринимались отдельные попытки разведения и другой технической культуры – мака (*мәк*). Крещеные татары, в отличие от татар-мусульман, разводили табак, особенно в Западном Закамье. В редких случаях в начале XX в. татары начинали выращивать кормовые травы: тимофеевку, эспарцет, люцерну, клевер. Занимались этим почти исключительно зажиточные крестьяне, обычно хуторяне.

Подготовку почвы под пашню татарские крестьяне проводили с помощью плугов, сох и их разновидностей, а также борон.

Во второй половине XIX – начале XX в. наиболее употребительным пахотным орудием татарских земледельцев в губерниях Поволжья и во многих уездах Приуралья была соха (*сука*), поскольку она более всего соответствовала старопашотным мягким пашням трехполья. Она отличалась универсальностью (применялась для собственно пахоты, запахивания навоза и семян, окучивания и т.д.), была сильна для маломощной крестьянской лошади и относительно дешева, но и пахала неглубоко, что приводило к появлению сорняков на полях.

В крае издавна применялся деревянный плуг-сабан, причем современники не без оснований называли его «татарским» [Халиков, 1995, с.50, 56]. Автор известных работ о современных ему пахотных орудиях Г.В.Фирстов отмечал: «Сабан распространен

преимущественно между земледельцами-татарами Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Астраханской губерний и частью Казанской» [Фирстов, 1854, с.208]. Это было тяжелое орудие, требовавшее многочисленной, в 4–6 голов, упряжки лошадей или волов. Поэтому в середине XIX – начале XX в. *агач сабан* был распространен, главным образом, у татар в уездах Южного Приуралья и Зауралья, где еще бытовала залежно-переложная система земледелия.

В Приуралье и Зауралье в 60–80-е гг. XIX столетия получили распространение так называемые полусабаны или «колесухи». У зауральских татар подобные орудия известны под названием *агач сука*. Они отличались небольшими размерами и более совершенным устройством корпуса и рабочих органов.

К рубежу XIX–XX вв. сначала в Приуралье, а затем и в Поволжье в хозяйствах татар-казаков, у зажиточных крестьян стали появляться кустарные и фабричные стальные плуги [Алов, 1900, с.53; Труды, 1884, с.110].

Еще одним типом пахотных орудий, распространенных во второй половине XIX в. преимущественно в восточных уездах края, были косули и сохи-односторонки. Возникшие в результате эволюции плугов и сох, они были приспособлены для обработки всех видов почв.

Для выравнивания пашни за плугами и сохами и укрывания посеянных семян предназначались бороны (*тырма, себерке*). У татарских хлебопашцев предкамских уездов еще встречалась плетеная борова. Но повсеместно в середине XIX – начале XX в. господствовала деревянная рамная борова.

Следует отметить, что на территориальное распространение и количество более совершенных орудий оказывали влияние не только почвенные условия, но и степень экономической состоятельности хлебопашцев: железные плуги, бороны и т.п. имелись, главным образом, в зажиточных хозяйствах [ГАКО, ф.957, оп.1, ед.хр.386, табл.].

В уборке хлебов и сенокосе у татар участвовали и мужчины, и женщины. Но если серпом жали и те и другие, то косили хлеба и сено, главным образом, мужчины. Увязывание снопов считалось работой женщин и подростков.

В середине XIX в. в страду основным, а в некоторых районах расселения татар в Поволжье и единственным способом была жатва серпом озимых и яровых хлебов. Наряду с этим горох, чечевицу, гречишу часто косили. Несколько иная картина складывалась в южных и юго-восточных губерниях, где хлеба убирали серпом, а при значительных посевах или неурожае – и косой, причем последний способ все более распространялся. Поэтому в конце XIX – начале XX в. коса уже применялась для уборки озимой ржи в некоторых уездах Предволжья; а в Закамье, Нижнем Заволжье, Башкирском Приуралье косьба озимых становилась бытующим явлением. Еще шире стали использовать косу для уборки яровых хлебов, овса, ячменя, пшеницы [Халиков, 1995, карты 14–16].

Наряду с традиционными ручными способами жатвы в начале XX столетия в зажиточных хозяйствах юго-восточной зоны развития товарного земледелия началось внедрение машинной уборки урожая. Однако в большинстве татарских деревень до 1917 г. из-за высокой стоимости различные жатки, лобогрейки, сноповязки и т.п. были единичными.

В силу климатических особенностей Поволжья и Приуралья – нередкие дожди во время страды, продолжительная сырая осень и т.д. – снопы нужно было предварительно сушить на поле. Часто сжатые впрозелень хлеба, чтобы избежать осыпания зерна или из-за сокращенных сроков уборки, приходилось оставлять в поле на дозревание. Наконец, многие крестьяне не имели возможности или необходимости обмолачивать урожай сразу по окончании жатвы. Этими и другими причинами объясняется укладка снопов в клады различной формы на поле и на гумне при усадьбе.

Из способов сушки снопов на поле выделялся такой характерный для лесной зоны (у татар Вятской и Пермской губерний) тип, как сушка на основании из жердей или на сухих сучковатых деревцах. Значительно чаще сооружали и территориально шире применяли специальный остов из жердей в форме изгороди или шалаша, конического чума (*шәш, шәше*). Так поступали со снопами любых культур в сырую погоду, но чаще сушили овес, просо, бобовые культуры, а также сено.

Правка косы. Татарское хозяйство. Кон. XIX – нач. XX в.

В климатических условиях Поволжья и Урала в большинстве случаев перед обмолотом проводилась дополнительная сушка снопов с помощью огня. Для этого у татарских хлебопашцев существовали овиншиши и срубные овины, изредка риги. Малоимущие крестьяне часто сушили снопы в протопленной бане.

Зерно сушили в бане, в избе, на солнце, наконец, в специальной зерносушилке. В частности, в описании Елабужского у. Вятской губ. в конце XIX в. отмечалось, что татары Терсинской вол. сушили зерно на печах в избах и банях. Так поступали во всем регионе, за исключением населения юго-восточных районов края, где зерно обычно сушили на солнце на разостланной кошме, пологе, рогоже. С конца XIX в. стали появляться специальные зерносушилки. Внешне они напоминали срубный овин. Внутри зерносушилки устанавливали печь, над которой натягивали металлическую сетку для просушиваемого зерна.

В земледелии татар существовали различные способы и приемы обмолота снопов: ручная молотба (цепом, хлестаньем, оббивкой); молотба с использованием лошадей (топтанье копытами, обмолот колесами телеги, молотильным катком или молотильной доской); машинная молотба с помощью ручной, конной или паровой молотилки.

Из всех разновидностей обмолота снопов у поволжских татар во второй половине

XIX – начале XX в. преобладала молотба цепом (*чабагач белэн сузу*). Данный способ доминировал в лесной и лесостепной зонах расселения народа [Халиков, 1995, карты 21, 22]. Лишь в юго-восточных степных районах края молотба цепом уступала место другим способам обмолота снопов. Так, в Хвалынском у. Саратовской губ. во второй половине XIX в. цепом молотили редко, обычно – с использованием лошадей. Ареалы способов молотбы в Самарской губ., далеко протянувшейся с севера на юг, менялись по мере продвижения из лесостеп-

ной в степную зону. Если в северных уездах губернии (Старопольском, Самарском и, прежде всего, Бугурусланском) не только рожь, но и другие хлеба обмолачивали цепом, в Бугульминском и Бузулукском уездах во многих деревнях и хозяйствах цепями молотили рожь и некоторые яровые культуры, то в южных Николаевском и Новоузенском уездах цепями почти не пользовались.

С продвижением далее на восток, в Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губ., во многих татарских деревнях начиная с середины XIX в. цепь стал выходить из употребления. На рубеже XIX–XX вв. молотбу цепом несколько потеснили другие эффективные методы: молотба посредством катка и, особенно, механической молотилки.

Широко распространенным у татарских хлебопашцев был обмолот с использованием лошадей – *ат басып сузу, таптай* [Халиков, 1995, карты 21,22]. Так, в Предкамье и Окско-Сурском междуречье при помощи топтания копытами лошадей молотили бобовые культуры, гречиху. В Закамье, Нижнем Заволжье и Приуралье топтанием обмолачивали не только горох и гречиху, но и овес, полбу, пшеницу, причем, чем дальше на юго-восток, тем в больших масштабах.

В начале XX в. в хозяйствах зажиточных татарских хлебопашцев, особенно в Нижнем Предволжье, Пермском Приуралье и Зауралье, стали появляться механические молотилки. По способу привода молотилки делились на ручные, конные и паровые. Од-

нако молотилки стоили дорого (в среднем 65–100 руб. в конце XIX в.), что препятствовало их широкому распространению.

Обычно при благоприятных обстоятельствах (достаточное количество хлеба, экономическая состоятельность крестьян и т.п.) молотили зимой, в феврале – марте. Это время было относительно свободным от прочих хозяйственных работ, да и молотьба шла успешнее, поскольку в морозные дни зерно легче отделялось от колоса.

Основные способы молотбы в агрокультуре татар возникли в различное время. С определенностью можно утверждать, что молотильный каток стал применяться у татарских хлебопашцев в основном во второй половине XIX – начале XX в. Механические молотилки появились у них в начале XX в., преимущественно в 1910–1914 гг. О времени возникновения других способов молотбы можно судить лишь предположительно. Молотьба оббивкой и хлестаньем (древнейшие виды обмолота снопов, характерные для ранних этапов земледелия многих народов) существовала у предков татар, по-видимому, в отдаленные времена. Н.И.Воробьев, например, считал, что цеп был заимствован татарами у русских, говоря о цепях «русского типа» [Воробьев, 1930]. Имеются веские основания считать способ обмолота топтанием лошаадьми традиционным для поволжских татар [Рычков, 1767; Липинский, 1868, с.377]. В целом же традиция молотбы с использованием лошадей восходит к земледелию многих народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

Важная агротехническая операция, следующая за молотбой, – веяние зерна (*суыру*). Для очистки от семян сорняков, мякины, мелкого сора и пыли зерно провеивали лопатой, ведром, решетом (ситом), веялкой.

Для переработки собранного урожая на муку и крупу служили мельницы и крупорушки, использовавшие энергию воды, ветра, пара и т.п., а также приводившиеся в движение животными и человеком.

Мельница в татарской деревне в Уфимской губ. Фото нач. XX в.

Основными типами мельниц у татар в регионе были ротационные водяные (*су тегермане*) и ветряные (*жыл тегермане*) мельницы; крайне редко использовались мельницы, работавшие на энергии пара, нефтяном топливе или электричестве. Большинство крупных мельниц имели особые приспособления для переработки зерна в крупу. Наряду с этим сооружали специальные конные крупорушки.

Ветряные мельницы сооружались там, где отсутствие подходящих рек не позволяло строить водяные мельницы. Например, в Казанской губ. малопродуктивные ветряные мельницы с 1–2 поставами встречались только в безлесных и безводных местах. Этот же тип мельниц господствовал в Зауралье из-за почти полного отсутствия рек вблизи татарских деревень (приозерный тип расселения). В Челябинском, Троицком и Верхнеуральском уездах Оренбургской губ. в татарских деревнях ветряных мельниц было почти втрое больше, чем водяных. В то же время в Шадринском у. Пермской губ. из-за господствующих сильных ветров их не было совсем [Халиков, 1995, карта 25]. Водяные мельницы более характерны для лесной зоны; татарские крестьяне сооружали их в обильных реками и ручьями Пермской и Вятской губерниях [Шестаков, 1859, с.118; Кор, 1861, с.525]. Широкому распространению водяных мельниц в Заволжье и Приуралье, помимо довольно густой речной сети, способствовали развитие товарного земледелия и потребность в более мощных

Ручная мельница. Уфимская губ. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в.

и производительных мельницах [Общие сведения об Оренбургской, 1891].

Для помола зерна в муку или рушения в крупу повсеместно, почти в каждом дворе, применяли ручные мельницы (*кул тегермане*) и крупорухи-ступы (*киле*). Жернова мельниц изготавливали из дерева, в Приуралье – из камня.

Зерно и муку, крупу татары Поволжья и Урала хранили, главным образом, в срубной клетке (*келет*) и кладовой (*амбар*) – та же клеть, но более крупных размеров и с широкой двустворчатой дверью.

Итак, земледелие поволжских татар в середине XIX – начале XX в. характеризовалось многообразием проявлений агрокультуры. Оно соответствовало сложной социально-экономической структуре татарского сельского общества периода развития и распространения капитализма в российской деревне при сохранении многочисленных феодальных пережитков. Этим определялось одновременное существование передовых для своего времени систем земледелия, посевов ценных, ориентированных на рынок полевых культур, новейших земледельческих орудий и рутинных элементов сельского хозяйства. Заметно различались приемы земледелия и агротехника у различных социальных групп татарского населения: бывших государственных крестьян, однодворцев, казаков и т.д.

Агрокультура поволжских татар на обширном пространстве Волго-Уральского региона отличалась разнообразием ее компонентов. Одна из главных причин этого – неравномерность развития капитализма в отдельных районах края, ориентация капитала на различные отрасли хозяйства (земледелие, скотоводство, промыслы и т.п.). Этим объяснялось интенсификационное распро-

странение торгово-предпринимательского земледелия в юго-восточных и восточных уездах региона или застой в земледельческой технике в западных и северо-западных районах расселения татар.

Другая важнейшая причина многообразия элементов и явлений агрокультуры народа – локальные особенности экологической среды районов Поволжья и Урала. В результате активных миграций последних столетий крестьяне оказывались в новых физико-географических условиях, заметно отличавшихся от прежних мест обитания. Навыки и традиции агрокультуры приспособлялись к иной экологической среде либо претерпевали коренные изменения. Менялись системы земледелия и набор возделываемых культур; на смену традиционным пахотным орудиям и способам переработки урожая приходили другие, более соответствующие новым почвенно-климатическим условиям. Так сложились зональные и районные особенности агрокультуры татар. Особенно рельефно просматривались различия в земледелии и земледельческой технике в лесной и степной зонах Поволжья и Урала; лесостепная полоса была местом активного контактирования лесных и степных агрокультурных традиций.

Велика была и роль инноваций в агрокультуре татар, особенно влияние земледельческой культуры русского крестьян-

ства. Многовековое совместное проживание в крае и активные хозяйственно-культурные контакты способствовали проникновению в практику земледелия татар новых пахотных орудий (соха-односторонка, косуля), а также орудий и сооружений для обработки урожая (коса-литовка, цеп, срубный овин, рига и др.). В свою очередь, земледельцы других национальностей перенимали многие национальные элементы татарской агрокультуры.

При всем сходстве земледельческих культур народов Поволжья и Урала в соответствующей практике татар сохранился ряд самобытных черт: предпочтение, отдаваемое полбе и чечевице, плугу-сабану, молотбе лошадьми; бытование таких кладей снопов, как *чумалэ* или *кибэн*. Повсеместное распространение этих и некоторых других компонентов агрокультуры у различных территориальных или этнических подразделений народа, наряду с историческими фактами, свидетельствует о древних традициях земледелия поволжских татар.

Огородничество и садоводство. Огородничество и садоводство у сельских татар в середине XIX – начале XX в. имело второстепенный характер и предназначалось, прежде всего, для удовлетворения собственных нужд крестьянской семьи. В единичных случаях продукция предназначалась для рынка. В целом же и огородничество, и садоводство у татарских крестьян, как, впрочем, и у других народов Поволжья и Урала, было не в лучшем состоянии [Историко-статистический обзор, 1883, т.1, с.7; Пашкевич, вып.Х, с.206].

Так, в середине XIX в. М.Лаптев отмечал, что татары Казанской губ. не очень любят разводить овощи [Лаптев, 1861, с.286]. Почти то же сказано о татарах Уфимской и Оренбургской губерний [Военно-статистическое обозрение, т.IV, ч.2, с.53]. Описания конца XIX – начала XX в. во многом вторят предшествующим: «... у татар он (картофель в Казанской губ. – Н.Х.) составляет почти единственное возделываемое огородное растение, если не считать луку, которому отводят самые ничтожные участки» [Материалы для сравнительной, вып.6, с.132]. Развитие этих отраслей в немалой степени зависело и от экономической состоятельности домохозяев. Так, А.Липинский

отмечал, что татары «...особенно зажиточные, занимаются огородами с большим старанием и самые овощи их весьма разнообразные» [Липинский, 1868, с.423].

Овощи выращивали на приусадебном участке (*ындыр*, *бакча*), в редких случаях – на яровом поле. Обычно это были 2–3 культуры и далеко не во всех хозяйствах конкретного населенного пункта. Лишь в отдельных деревнях татар огородничество приобретало заметные размеры, имея место в половине и более дворов и иногда обслуживая близлежащие рынки. Почти полностью отсутствовало овощеводство в приуральских уездах. Здесь выделялись лишь татары-нагайбаки Зауралья, которые все овощи – морковь, свеклу, капусту, редьку, лук – получали со своих огородов [Оренбургский листок, 1878, №45].

Из возделывавшихся овощей наиболее распространенными были лук (*суган*), огурцы (*кыяр*), капуста (*кабестэ*). Последнюю нередко на зиму консервировали (солили, квасили). Из других овощей, преимущественно в лесной и лесостепной зонах, выращивали морковь (*кишер*), свеклу красную (*кызыл чөгендер*) и, реже, белую сахарную свеклу (*ак чөгендер*), редьку (*торма*), брюкву (*гэрэнкэ*), чеснок (*сарымсак*). В Приуралье и Зауралье культивировали хрен (*керэн*). В остальных районах это растение считалось злостным сорняком. Молькеевскими крестьянами в Цивильском у. Казанской губ. выращивался хмель (*колмак*), предназначенный для изготовления пива; при необходимости также использовался дикорастущий хмель. В Красноуфимском у. Пермской губ. в отдельных деревнях встречалась фасоль (*кара борчак*). Эпизодически высевался мак (*мэк*).

Почти повсеместно, кроме северных и юго-восточных районов расселения татар, выращивалась тыква (*кабак*). Причем зачастую это было, за исключением картофеля, единственное огородное растение.

Почти во всех татарских селениях лесной и лесостепной зон, по возможности в поле, реже – в огороде, возделывали репу (*шалкан*). Она обычно открывала севооборот на расчищенных из-под леса участках (*ышина жсире*). В Осинском у. Пермской губ. у татар сохранилась традиция сева этой культуры на случайных пожарищах леса, свидетельствующая об известном тяготении

репы к посевам на подсеке. Лишь широкое распространение картофеля во второй половине XIX в. потеснило посевы репы.

В степной зоне возделывались арбузы (*карбыз*) и дыни (*кавын*), а в самых южных районах – Николаевском и Бузулукском уездах Самарской губ., Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губ. – «эти культуры вытесняли все другие овощи» [Дебу, 1837, с.172]. А у татар-казаков бахчеводство часто служило и источником дохода.

Важнейшую роль для татарского хлебопашца играл картофель (*бэрәңге*). Современники отмечали, что картофель становится главной пищей бедняков [Труды, 1884, с.151]. А поскольку именно у татар неимущие крестьяне составляли значительную часть сельского населения, то и разведением картофеля в Поволжье особенно отличались татарские хлебопашцы [Материалы для статистики, вып.IV, с.19].

Однако даже в конце XIX – начале XX в. распространение картофеля охватывало не всю территорию расселения татар в крае. Его разведением в основном занимались в Окско-Сурском междуречье, Предволжье и Западном Закамье. В уездах к северу, востоку и югу от первых районов картофель выращивали в незначительных масштабах, его посевы редко превышали 1–2 сотки. В Оренбургской губ., например, во второй половине XIX в. картофель еще только начал появляться.

Садоводство у татарских крестьян имело еще меньшее распространение, чем огородничество. Как единичное явление садоводство встречалось в Предкамье [ГАКО, ф.957, оп.1, ед.хр.38б, табл.]. В несколько больших размерах сады разводились в лесостепной зоне: в Предволжье, Западном Закамье, а также в Окско-Сурском междуречье. В отдельных случаях яблоки шли на продажу [Пашкевич, вып.V, с.164].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что садоводство и огородничество, хотя бы и в самых незначительных размерах, все же имели место у татарских крестьян.

Обеспеченность хозяйств тягловой силой. В крестьянском хозяйстве все было взаимосвязано. Нехватка и уменьшение площадей лугов, сенокосов и пастбищ приводили к недостатку кормов для содержания

скота. Малоземелье, падежи скота и его продажа для уплаты налогов, воровство скота, особенно конокрадство, и другие причины сдерживали развитие скотоводства [Сборник статистических, т.5, с.59, 60]. Пожары, массовые падежи скота, ставшие в ряде губерний чуть ли не постоянным явлением, и другие бедствия превращали вчерашнего середняка в бедняка, имеющего недоимки. Одной из основных причин сокращения численности поголовья скота на душу населения были неурожайные годы [Материалы для изучения, 1880, с.100, 113]. Из-за недостатка кормов крестьяне были вынуждены продавать мелкий и крупный рогатый скот [Общий свод, 1896, с.473, 475]. В пореформенный период неурожай повторялись через каждые 6–7 лет, продолжались они, как правило, два года подряд и нередко вызывали голодную смерть населения³². После каждого такого года нужны были время и средства для восстановления поголовья скота. В последней четверти XIX – начале XX в. маломощные хозяйства переносили последствия неурожая лишь благодаря земским и правительственным ссудам на продовольствие и семена, иногда и на лошадей.

Обеспеченность лошадьми наглядно демонстрируют материалы переписи лошадей 1882 г. среди бывших государственных крестьян. В Казанской губ. и по количеству безлошадных, и по числу однолошадных татары занимали первое место (34,1% и 45,5%). Таким образом, в прослойку «мало обеспеченных» (термин земских статистиков) входило 79,6% хозяйств. Таких хозяйств у русских насчитывалось 54,6%, у чувашей – 45,2%, у марийцев – 44,5%. Обеспеченных хозяйств (с 2 лошадьми) у татар было в 2 раза меньше (15,1%), чем у населения других национальностей. Состоятельные крестьяне, имевшие 3 и более лошадей, у татар на 100 хозяйств составляли всего 5,3, в то время как у русских крестьян эта цифра равнялась 12, у чувашей – 18, у марийцев

³² Сильнейшие неурожай поразили в 1872–1873 гг. Самарскую губ., в 1877 г. – Казанскую, в 1880 г. – Самарскую, Симбирскую, в 1883 г. – Казанскую, Пензенскую, Симбирскую, в 1885 г. – Пензенскую, в 1891 г. – 30 губерний Европейской России, в 1892 г. – 15, в 1897 г. – 19, в 1898 г. – 12, в 1901 г. – 17 губерний, в т.ч. губернии Волго-Уральского региона [Марискин, 2004, с.75.]

– 22,1 [Общий свод, 1896, с.480].

В юго-восточных малонаселенных губерниях с плодородной почвой положение земледельцев было относительно лучше. В 1900 г. в Уфимской губ. насчитывалось 18% безлошадных, 38% однолошадных хозяйств, 11% дворов имели 4 и более рабочих лошадей. Обеспеченность тягловой силой в крестьянских хозяйствах Оренбургской губ. была несколько лучше, чем в Уфимской: в

1891 г. было зафиксировано 40% безлошадных и однолошадных хозяйств. Вотчинники намного лучше были обеспечены лошадьми, чем другие группы крестьян [Усманов, 1981, с.263, 266, 286–292].

Татарское сельское население Волго-Камья стремилось максимально использовать свои земельные наделы. Обеспеченность хозяйств лошадьми оказывала большое влияние на уровень землевладельческого производства. Безлошадные хлебопашцы обрабатывали свои наделы и проводили сев с опозданием, нанимая для этого за плату тягловую силу, лишались удобрения для полей. Во многих местах для вспашки наделов требовались две лошади, в таких местностях, с сырой и вязкой почвой, в положении безлошадного оказывался и однолошадный крестьянин [Евтихийев, 1890, с.51].

Тяжелое экономическое положение татарских хлебопашцев власти часто объясняли «малою склонностью татар к земледелию». Интересны в этом плане результаты подворных обследований земств. В конце 1880-х гг. в Малмыжском у. Вятской губ. 44% татарских хозяйств были безлошадными, однако не ведущие хозяйство среди них составляли всего 3,3% [Материалы по статистике, т.1, с.22, 23]. В Казанской губ. 95,5% татарских крестьянских дворов занимались земледелием, а 79,6% обрабатывали весь надел, несмотря на то, что среди них безлошадные составляли 36,6%. Безлошадные хлебопашцы, хотя и нанимали тягловую

Татарская деревня. Нижегородская губ.
Фото М.П.Дмитриева. Кон. XIX в.

силу, однако возможности обработать весь свой надел не имели. «Малая склонность татар к земледелию» объяснялась, прежде всего, отсутствием рабочей лошади в хозяйстве [Загидуллин, 1992, с.63–65].

Животноводство. Второй после земледелия важнейшей отраслью хозяйства сельских татар в середине XIX – начало XX в. было животноводство, в первую очередь скотоводство. Домашние животные являлись источником продуктов питания (мясо, молоко, яйцо птицы), сырья для разнообразных ремесел (шкур, шерсть, пух, кожи, кость). Лошади были основной тягловой силой для пахотных орудий, транспортных средств, служили и другим хозяйственным целям. Продукция животноводства, как и сами животные, также обладала значительной рыночной ценностью. Животноводство, особенно в лесной и лесостепной зонах края, было источником навоза – важнейшего средства поддержания плодородия почвы. Этими и другими причинами объясняется значение животноводства в крестьянском хозяйстве.

Состав стада был характерен для оседлого животноводства: значительное место в нем в поволжских и прикамских деревнях татар занимало поголовье крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади. В юго-восточных районах края несколько возросло число лошадей и овец. В единичных случаях в южных уездах Самарской и

Оренбургской губерний татары держали верблюдов.

Еще до середины XIX в. включительно животноводство у поволжских татар находилось в удовлетворительном состоянии. Но в течение второй половины XIX – начала XX в. в животноводстве большинства татар Поволжья происходят изменения, причем в худшую сторону (уменьшение поголовья скота и т.п.). Причины такого положения были различными. Прежде всего, это скудная кормовая база для животноводства. С.М.Палицын о татарах Лаишевского у. Казанской губ. писал, что недостаток скота у них был обусловлен, главным образом, отсутствием кормов [Палицын, 1890, с.56]. Такое положение, впрочем, складывалось для хозяйств крестьян всех национальностей. Так, при норме обеспечения лугами и выгонами по отношению к пашне 1:2 в Казанской губ. в конце XIX в. это соотношение составляло 17,6 дес. на 100 дес. пашни, а в отдельных уездах и того меньше [Попов, 1898, с.9]. Татары вообще хуже других крестьян в центре региона были обеспечены сенокосами и выгонами [Материалы для сравнительной, вып.6, с.133; вып.7, с.175–176]. В Мензелинском у. Уфимской губ. в конце XIX в. до 40% крестьянских общин были почти лишены сенокосов [Бирюкович, 1903, с.9].

В большей части татарских сельских обществ малоземельных западных и центральных районов края скот в летний период выпасался на неудобных землях, на жнивьё и т.д. [Материалы для сравнительной, вып.1, с.38]. Зимой скот довольствовался в основном соломой, да и той зачастую не хватало, так как при недостатке леса в крестьянских дачах солома шла на топливо: в Свяжском у. Казанской губ., например, ею топили в 49,1% крестьянских общин, в Мамадышском – в 60,1%, в Казанском – в 64,1%, в Тетюшском – в 91,5% общин [Попов, 1898, с.11, 12]. Скудная кормовая база отрицательно сказывалась на поголовье скота и его качестве. К тому же экономическая слабость большинства татарских крестьянских хозяйств не позволяла им арендовать пастбища, приобретать сено и фуражное зерно, поэтому животноводство было в худшем состоянии по сравнению с крестьянами других национальностей. Зависимость между обеспеченностью кормами и поголо-

вьем скота в том же Малмыжском у. хорошо прослеживалась и в национальном аспекте: у татар на двор приходилось 1,1 дес. сенокосов, у русских – 1,8 дес., у удмуртов и марийцев – 2,5 дес. Поэтому у первых на двор насчитывалось 1,9 гол. скота (в пересчете на крупный), у русских и марийцев – свыше 3 гол., у удмуртов – 6,1 гол. [Материалы по статистике, т.1, с.96].

Острый недостаток кормов в течение зимнего стойлового периода, наряду с необходимостью уплаты налогов и долгов, вызывал такое характерное для татарской деревни явление, как массовая осенняя продажа скота, прежде всего рабочего, с приобретением его вновь по весне [Бирюкович, 1903, с.14; Штейнфельд, 1893, с.297–298]. Та же причина – нехватка кормов – породила к жизни другое явление, характерное для татар близлежащих к Казани деревень – работу в городе в зимний период в качестве ломовых извозчиков – «барабусов» – исключительно с целью прокормить лошадь [Воробьев, 1953, с.63–64].

Наряду с этим, развитие капитализма в пореформенной России сопровождалось разложением натурального потребительского животноводства, складыванием специализации на местах, формированием элементов, направлений, а затем и целых районов торгового капиталистического скотоводства [Смыков, 1978, с.100]. Так, в Пензенской губ. быстро увеличивалось поголовье овец, обусловленное развитием местной суконой промышленности. Много скота было у весьма зажиточных татар в Касимовском у. Но в особо значительных размерах товарное скотоводство получило развитие в юго-восточных районах края – на юге Самарской и Оренбургской губерний. Одна из основных причин этого – значительно лучшая обеспеченность сенокосами и пастбищами. [Военно-статистическое обозрение, т.XIV, ч.2, с.57].

Как и у всех народов края, основным способом содержания скота у татарских хлебопашцев в западных, центральных губерниях, а также во многих уездах Приуралья был пастбищно-стойловый: с весны до осени скот выпасался на пастбище под присмотром пастухов, на зиму загонялся в хлева. В уездах Пермской и Уфимской губерний, в отдельных деревнях Предкамья встречался

вариант вольного летнего выпаса скота без пастухов. В южном Приуралье и Зауралье бытовал пастбищно-стойловый способ содержания скота с элементами полукочевого скотоводства, а в отдельных случаях – круглогодичное пастбищное содержание скота на подножном корму.

Стойловое содержание скота зимой у татар в разных природных зонах заметно различалось. В лесной и лесостепной зонах животные зимовали в закрытых помещениях: лошади в срубных, плетневых, каменных и других конюшнях (*аран*); коровы, овцы и козы – в хлевах из жердей, плетня (*абзар*). Мелкий скот нередко содержали и в загородках под навесом (*лапас, калда*). Недостаток строительного леса и нужда обуславливали размещение скота, включая крупный, в землянках. Часто в холодные зимы малоимущие крестьяне стельную корову, ожеребившуюся кобылу и молодняк, а в сильные морозы и весь скот кормили и держали дома. В уездах степной зоны обычно скот содержали во дворе без всякого укрытия, редко – в плетневых или саманных хлевах.

Зимой основным кормом для скота в большинстве татарских деревень служила солома. Лошадям перед полевыми работами и перед дальней дорогой давали сено, и, по-возможности, овес [Попов, 1893, с.5–6; 1898, с.31–35, 61].

Бескормица, неудовлетворительные условия содержания, непосильная работа часто вызывали болезни и падеж скота. В немалой степени этому способствовало отсутствие хороших водоемов. Тяжелые последствия для крестьянского животноводства имели эпизоотии, наиболее часто случавшиеся в восточных губерниях края. Отсутствие нормальной ветеринарной помощи стимулировало развитие народных способов и приемов лечения больного скота. По деревням края ходили лекари-коновалы, преимущественно русские крестьяне. Однако этот промысел был развит и у татар Алатырского и Курмышского уездов Симбирской губ., им занимались целые деревни [Мухаметшин, 1977].

Чересполосное расселение народов, тесные хозяйственные контакты приводили к тому, что породы скота у татар мало чем отличались от скота крестьян края в целом. Домашних животных объединяло еще одно

свойство, отмеченное в статистическом описании середины XIX в.: лошади и скот – простой породы [Список населенных мест, XXXI, с.СССХVIII]. Племенная работа практически не проводилась. Скудность кормов и плохое содержание сводили на нет селекционную работу [ГАКО, ф.869, оп.1, ед. хр.39, л.56].

Лошади (*ат, алаша*) у татар, особенно в западных и центральных губерниях, были преимущественно лесного типа [Петренко, 1984]. В XIX в. их отличали низкорослость и слабосильность [Гуляев, 1876, с.21]. На юго-востоке края, преимущественно в Оренбургской губ., в табунах татар преобладали лошади монгольской или азиатской породы, в Европейской России известные как башкирские, киргизские или калмыцкие [Распопов, 1884, с.82].

В целом же, бескормица, непосильная работа с раннего возраста, преждевременный переход сосунков к грубому корму и другие причины отрицательно сказывались на качестве лошадей. И.Попов так описывал лошадь Казанской губ.: «Здесь лошадью даже на легкой почве едва можно вспахать половину или три четверти десятины в день, а про подъем целины и говорить нечего: лошадь то и дело встает, тяжело дыша, да поматывает головой. Тут уже ни понукания, ни даже побои не оказывают никакого действия» [Попов, 1894, с.3].

Несколько пород в хозяйствах татар также был и крупный рогатый скот (*сыер, үгез*). Так, на западе и в центре региона преобладали русская и украинская породы молочного направления. На юго-востоке региона, в степной зоне, была распространена калмыцкая или киргизская порода крупного рогатого скота мясного направления [Попов, 1891, с.16–60; 1909, с.45; Сабанеев, 1873, с.102; Смыков, 1984, с.180].

В южных уездах Самарской и Оренбургской губерний татарскими крестьянами в хозяйственных работах использовались быки и волы (*үгез*), а также верблюды (*дөя*). Последних было немного. Молоко верблюдиц, как и кобылиц, шло на изготовление кумыса, шерсть – на производство одеял и сукна-армячины.

У татар преобладали овцы (*сарык*) т.н. «русской» деревенской породы, отличавшиеся небольшим живым весом и малым вы-

ходом шерсти, что также было результатом плохих условий содержания. В Пензенской губ. татарские крестьяне держали тонковолокнистых овец «шленской породы». В Саратовской и, особенно, в южных уездах Самарской и Оренбургской губерний, наряду с русской овцой, разводили ордынских или башкирских курдючных овец. Татар отличало пристрастие в пище к баранине, поэтому поголовье овец в татарских хозяйствах всегда было несколько большим, чем у других народов края [Воробьев, 1953, с.73].

Козы (*кәжә*) также были обычной «русской» породы. У оренбургских казаков, где был развит промысел по изготовлению платков, наряду с обычными козами в небольшом количестве разводили пуховых коз. Неимущие крестьяне всех народов края ими заменяли коров, не имея возможности держать последних («коза – корова бедняка»). Коз содержали и в зажиточных хозяйствах, так как козье молоко не без оснований считалось полезным, особенно для детей [Воробьев, 1953, с.95].

Почти в каждом татарском дворе были куры, реже держали гусей, уток и индеек. Современники прямо указывали на особую приверженность татар к разведению птицы [Линдегрэн, с.11].

Внеземледельческие занятия. В конце XIX – начале XX в. такие отрасли, как пчеловодство, охота, рыболовство уже не играли сколько-нибудь значительной роли в традиционном крестьянском хозяйстве, хотя и сохранялись во многих деревнях татар.

В наибольших размерах *пчеловодство* у татар в рассматриваемое время практиковалось в Уфимской и Казанской губерниях. К началу XX в. эти губернии занимали соответственно второе и третье место в Европейской России по числу ульев и пасек [Хабачев, 1911, с.12]. Так, в Уфимской губ. в конце XIX в. пчеловодством занимались в 78% деревень, а в Мензелинском у., где татары составляли значительную часть жителей, – 85% дворов [Обзор Уфимской, вып.1, с.31–34]. Пчеловодство у татар имело место в Осинском и Кунгурском уездах Пермской губ. и в западных районах расселения татар [Сборник статистических, т.7; Сборник статистических, т.7, вып.1, с.202–289].

Лишь в отдельных случаях пчеловодство носило товарный характер, и тогда пасеки были весьма крупными (до 500 ульев) [Хабачев, с.12].

Рыболовство у татар в Поволжье существовало в различных промысловых формах и видах, с применением разных устройств и приемов добычи рыбы.

Любительское рыболовство практиковалось во многих татарских селениях региона, там, где для этого были подходящие водоемы. А в сколько-нибудь заметных размерах оно существовало лишь на востоке региона, на многочисленных реках Приуралья и озерах Зауралья. Рыболовство на Урале и его притоках – Илеке, Сакмаре и др. у оренбургских казаков-татар имело определенное значение, хотя по размерам сильно уступало добыче рыбы уральскими казаками. На р.Илек ежегодный улов достигал тысячи пудов, главным образом осетра и шипа, и скупался приезжими купцами. Рыболовство в бассейне р.Урал нередко имело промысловый характер. В отличие от уральских казаков, рыбная ловля во владении оренбургских станичников была свободной, нерегулируемой [Исследования о состоянии, с.88, 93].

Охота в середине XIX – начале XX в. еще практиковалась во многих селениях татар в крае. Относительно много охотников-татар было в Приуралье и Зауралье [Материалы для, вып.IV, с.18, 19]. В описываемое время объектом охоты были медведь (*аю*), лось (*поши*), косуля (*кыр кәжәсе*), волк (*бүре*), лисица (*төлкә*), заяц (*куян*), куница (*сусар*), хорек (*көзән*), барсук (*бурсык*), белка (*тиен*), дикий гусь (*кыр казы*), дикая утка (*кыр үрдәге*), тетерев (*көртлек*), глухарь (*суер*), перепел (*бедже*) и другие звери и птицы.

В рассматриваемое время в Приуралье еще сохранялись такие древние способы охоты, как соколиная [Ахмаров, 1903, с.63] или охота на медведя с рогатиной (*сәнәк*).

Огнестрельное оружие у охотников-татар начало появляться только к концу XIX в. Однако оно применялось шире, чем, скажем, у марийских охотников, которые в это время еще в значительной степени использовали лук и стрелы [Крюкова, 1956, с.34]; у татар последние к концу столетия уже абсолютно вышли из употребления.

Крестьянское хозяйство татар Волго-Уральского региона в середине XIX – начале XX в. представляло собой комплекс взаимосвязанных отраслей, основу которого составляло земледелие. В хозяйстве присутствовали также различные виды промыслов и ремесел. Важное, хотя и не первостепенное, место принадлежало животноводству, в меньшей степени были развиты огородничество, садоводство, пчеловодство, охота и рыболовство.

С середины XIX в. на селе происходит ряд значительных изменений социально-экономического характера. Усиливаются имущественное расслоение и социальная поляризация татарской деревни. Ее немногочисленная зажиточная часть все более интенсивно включается в торгово-промышленное и сельскохозяйственное предпринимательство, концентрируя в своих хозяйствах те немногочисленные пока орудия и машины, улучшенные приемы агротехники и товарные полевые культуры, которые распространялись в дореволюционной татарской деревне. Особенно активно капиталистические отношения развивались в сельском хозяйстве юго-восточных и восточных уездов региона, что нашло выражение в росте производства товарного хлеба и интенсификации скотоводства в хозяйствах зажиточных крестьян и татар-казаков. Другую, многочисленную часть населения татарской деревни составляли малоземельные и безземельные, безлошадные, обедневшие и разорившиеся крестьяне. В центральных и западных губерниях региона неудовлетворительное состояние дел в земледелии, являвшемся основой существования крестьянства, усугублял «кризис трехполья». Поэтому сферой приложения рабочей силы для значительной части беднейшего крестьянства являлось не столько земледелие, сколько сельскохозяйственная поденщина, неземледельческие виды промыслов, ремесла. И крестьяне-середняки, всеми силами стремившиеся сохранить привычное земледельческое хозяйство, также при малейшей возможности прибегали к разнообразным приработкам на стороне.

В хозяйстве поволжских и уральских татар в середине XIX – начале XX в. преобладало пашенное земледелие. В западных

и центральных губерниях края оно основывалось на паровой системе земледелия в форме трехполья, которой соответствовал типичный набор полевых культур, причем половину посевов занимала озимая рожь. Среди почвообрабатывающих орудий преобладали соха и деревянная борона.

Животноводство у татар, хотя и играло подчиненную по отношению к земледелию роль, имело для них большое значение, являясь источником продуктов питания, сырья для кустарной промышленности, поставщиком тягловой силы и удобрения. Повсюду в стаде, в соответствии с пастбищно-стойловым способом содержания скота, преобладали крупный и мелкий рогатый скот и лошади. В то же время в юго-восточных многоземельных районах степной зоны у зажиточных крестьян и казаков скотоводство сохраняло полукочевые черты, в частности, табуны лошадей и отары овец зимой тебеневали. Садоводство у татар локализовалось преимущественно в Предволжье, огородничество – в центральных уездах края, юго-восточные районы специализировались на возделывании бахчевых культур. Существовало пчеловодство, в т.ч. в Приуралье – в форме бортничества. Охота и рыболовство сохранялись в регионе там, где для этого были подходящие условия.

В середине XIX – начале XX в. в крестьянском хозяйстве татар произошли изменения. В земледелии архаичные орудия и приспособления постепенно вытеснялись стальными плугами, жнейками, молотилками, стали шире внедряться, особенно в юго-восточных районах, товарные зерновые хлеба, в чем проявлялось развитие капитализма в сельском хозяйстве. Углубление социально-экономической дифференциации деревни, развитие у сельской буржуазии предпринимательских качеств, рост всероссийского рынка и другие причины обусловили замену натурального домашнего ремесла кустарной промышленностью и мануфактурой, а в отдельных случаях – фабрикой.

В рассматриваемый период, несмотря на крайне стесненные экономические условия, крестьянское хозяйство татар медленно, но неуклонно прогрессировало, что было характерно для пореформенной России в целом.

§ 3. Отходничество

Наиль Халиков

Наиболее массовой – количественно и территориально – формой приработков у татарских крестьян было отходничество. Различались и его варианты: земледельческий отход на летние полевые работы (жатву, сенокос) в юго-восточные районы Европейской России – в зону товарного земледелия; в соседние помещичьи хозяйства; неземледельческий отход в города – чернорабочими, грузчиками, банщиками и т.д., а также судорабочими, извозчиками или на рыбные ловли Астрахани, лесоразработки Урала и Сибири. П.Знаменский отмечал: «Вследствие дурного состояния земледелия по татарским деревням тысячи поселян отправляются ежегодно на разные отхожие промыслы по окрестным приволжским деревням и на Волгу. В Казани бедные татары берут на себя труды дворников, носильщиков на пристанях, караульчиков, поденщиков и водовозов...» [Знаменский, 1910, с.16]. Это был кратковременный отход, когда крестьянин не порывал со своим наделом и земледелием и на заработки уходил, главным образом, с осени до весны, в свободное от сельскохозяйственных работ время. Размеры отходничества зависели от состояния урожая [Экономические записки, 1861, №40, с.319]. Но на рост промыслов влияли не только неурожаи: в 1896 г. в Вятской губ. из-за хорошего урожая упали цены на сельскохозяйственную продукцию, что вызвало заметное оживление промыслов [Календарь... на 1898 год, с.17].

Зависимость между обеспечением земель и числом занятых сторонними, вне надела, промыслами хорошо прослеживается на примере крестьян Бугульминского у. Самарской губ. В волостях со значительными земельными наделами (19 дес. на душу м.п. в Нижне-Чершелинской вол.; 30,4 дес. в Ивановской вол.) к дополнительным заработкам прибегали 3,2–21,5% дворов татар, а в малоземельных обществах (5,4 дес. в Кузайкинской вол., 6,8 дес. в Алькеевской вол.) промыслами занимались более чем в половине дворов [Сборник статистических,

т.5, с.31]. Часто масштабы отхода от земледельческого хозяйства приобретали весьма значительные размеры: например, в Ново-Какерлинской вол. Буинского у. Симбирской губ. преимущественно с татарским населением в начале XX в. различными промыслами занималось до 80% семей [Подворная перепись, вып.4, табл.1].

По числу отходников преобладал кратковременный отход: в Елабужском у. Вятской губ., где проживало особенно много татар, в 1894 г., например, годовых паспортов было взято 10,9%, на 1/2 года – 27,8%, а одномесячных билетов – 59% [Голубев, 1896, с.50, 54]. Причем наибольшее число билетов падало на летнее время [Сборник статистических, т.5, с.86, 87].

Основными районами кратковременного отхода (исхода) были районы, где предложение рабочих рук в силу тех или иных причин превышало спрос на них: губернии Пензенская, Симбирская, Уфимская и уезды соседних губерний. Отход отсюда приобретал значительные размеры: в середине XIX в. отмечалось, что временный наем на косьбу и жатву в помещичьи экономии в огромном размере развит среди татар Буинского, а также Корсунского и Алатырского уездов Симбирской губ. [Липинский, 1868, с.381]. В Самарской губ. из д.Балыклы Бугурусланского у. на жатву уезжало до 70% мужчин, а из д.Каркали Бугульминского у. – все взрослое работоспособное население (конец XIX – начало XX в.). Шли на жатву и сенокос в южные районы края: из Бугульминского у., например, в Бугурусланский, Бузулукский, Самарский уезды Самарской губ., в Оренбургский у. [Сборник статистических, т.5, с.103].

Значительное число крестьян в зимнее время привлекали, особенно в лесных волостях и уездах Окско-Сурского междуречья, Предкамья, Приуралья и Среднего Урала, лесоповал и последующий лесосплав. Организаторами промысла нередко выступали местные баи, покупавшие делянки леса. В Пермском Приуралье крестьяне подражались рубить и сплавлять лес в заводских

дачах. Татары Кузнецкого у. Саратовской губ. зимой рубили и вывозили лес для лесопромышленников, летом по рекам Кададе и Суре сплавляли в Пензу до 200 плотов («концов») по 300–500 бревен в каждом [Чекалин, 1876, с.24].

Там, где имелась местная промышленность, татарские крестьяне работали на близлежащих заводах и фабриках: из приказанских деревень – на заводах Алафузова в Казани, в Кунгурском у. Пермской губ. – на Ивановском и Пожаповском заводах, в Симбирском у. Симбирской губ. – на суконной фабрике в Ишеево, в Кузнецком у. – на винокуренных заводах и т.д. К.Фукс еще в середине XIX в. весьма точно подметил, что «...если есть близко их (татар. – Н.Х.) селений заводы винные или поташные, тут уж всегда в действии татары; они подражаются рубить дрова, собирают овинную и печную золу» [Фукс, 1840, с.28]. Крестьяне нанимались на заводы обычно на период с сентября по март.

Иной вид отходничества – достаточно длительный неземледельческий отход на шахты и заводы Урала, Донбасса, нефтепромыслы Баку, в крупные города – Москву, Петербург, Киев, Ташкент и др. Такой отход, продолжавшийся до года и более, по существу подразумевал отрыв крестьянина от земледельческого хозяйства и переход его в ряды пролетариата (хотя обычно крестьянин юридически не порывал со своим сословием, сдавая надел в аренду, уплачивая положенные налоги и платежи). Н.П.Штейнфельд отмечал, что татары из Казанской и Вятской губерний переселяются в города Оренбургской губ., где занимаются торговлей, работают плотниками, чернорабочими и т.д., а земледелием не занимаются почти совсем [Штейнфельд, 1893, с.295, прим.П]. Очень многие крестьяне Елатомского у. Тамбовской губ. промышленяли на стороне, главным

Татарские крестьяне на базаре. Фото нач. XX в.

образом рабочими и приказчиками, часто не возвращаясь домой по 6 и более лет. Несколько сот человек отсюда же уходило на юг, к Черному морю, десятки – в Петербург, Москву, Оренбург, Бухару, на Кубань, Кавказ, в Сибирь [Сборник статистических, т.7, с.94]. Особенно развит был отход у татар Касимовского у., откуда на заработки уходило 40% мужского населения, причем 80,5% из них работали в сфере обслуживания прислугой, лакеями, буфетчиками, официантами и т.д. [Сборник статистических, вып. II, с.496].

Численность отходников на протяжении рассматриваемого времени не была постоянной. Так, по Елабужскому и Малмыжскому уездам Вятской губ. с 1875 г. по 1894 г. число паспортов и отпускных билетов крестьян увеличилось в 1,7–2 раза [Голубев, 1896, с.50, 54]. Если в Казанской губ. в первое пореформенное десятилетие отходников насчитывалось 152,6 тыс. чел., то в 1891–1900 гг. было зарегистрировано 1478,1 тыс. [Смыков, 1962, с.214], а на деле, включая беспаспортных – значительно больше.

Специфическим видом отходничества в Поволжье и на Урале в связи с интенсивными транспортными грузопотоками, обслуживавшими местный рынок и транзитную торговлю, был гужевой извоз. О Казанской губ. писали, что здесь «...множество рук занято извозом; в числе извозчиков (преиму-

Грузчики-татары в Казанском речном порту. Фото кон. XIX – нач. XX в.

щественно ломовых) и ямщиков всей губернии татары составляют целую половину» [Знаменский, 1910, с.16].

Много татар участвовало в судовых работах бурлаками, грузчиками. Современник писал о татарах: «...на очень многих пристанях их можно видеть в качестве гребцов – перевозчиков, грузчиков, крючников и, притом, самых лучших как по силе, так и по честному отношению к исполняемой работе» [Тарапыгин, с.163–164]. В начале XX в. общее число грузчиков в Волжско-Камском бассейне составляло 30–50 тыс. чел. [Родин, 1975, с.184; Шубин, 1927, с.792], причем более или менее значительную часть составляли также татары в Казани, отчасти в Нижнем и других городах.

Еще один распространенный вид кратковременного отходничества у татар – промысловый отход крестьян-ремесленников. Портные, шерстобиты, скорняки, пимокаты, ювелиры из Казанской, в меньших размерах – из Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерний шли в Приуралье и на Урал, до Шадринского у. Пермской губ. включительно. Другим вариантом непродолжительного отходничества, распространенным у татар по всему региону, но обычно в пределах своей округи был плотницкий промысел. Среди татар встречались коновалы, развез-

жавшие по всей России. В отдельных случаях промысел приобретал заметные размеры: в д.Ломаты Ардатовского у. в начале XX в. из 1122 душ м.п. этим ремеслом занимались 438 чел. [Подворная перепись, вып.3, табл.1].

Масштабы отхода кустарей зависели от степени развития местных промыслов. Современники отмечали, что отходничество – следствие плохого состояния (из-за отсутствия сырья, конкуренции и т.п.) местных кустарных промыслов. Поэтому отход был наиболее значительным из Окско-Сурского междуречья, Предволжья и Восточного Закамья. Так, в начале XX в. в Мензелинском у. Уфимской губ. из-за отсутствия сырья для местных промыслов (леса были сведены) и неудовлетворительного состояния земледелия крестьяне, в т.ч. татары, основной доход получали от отходнических неземледельческих промыслов [Миронова, 1907, с.72–73]. Напротив, сравнительно мало крестьян уходило на заработки из Предкамья, где были весьма развиты местные промыслы [Статистический временник, т.2, вып.3]. Показательно, что из д.Мемдель Казанского у., например, зажиточной в целом и с многочисленными промыслами, крестьяне не только не шли в отход, но, напротив, сюда приходили на работу жители окрестных сел.

К отходничеству прибегали, главным образом, неимущие крестьяне.

Таким образом, в большинстве уездов и губерний преобладающими у татар, особенно к рубежу XIX–XX вв., становятся сельскохозяйственный отход: на жатву, сенокос и молотьбу в помещичьи экономии и степные районы и неземледельческий: на заводы и фабрики, прииски и промыслы, на лесоповал и лесосплав, на реки и железные дороги, в города. Татарские крестьяне активно участвовали в гужевом извозе. В меньшей степени практиковались кустарные ремесленные промыслы: обработка дерева, кож и овчин, портняжный, плотницкий, ювелирный, слесарный и др. Причем наблюдалась концентрация производства в отдельных районах:

золотошвейного и ичижного – под Казанью, валяльно-войлочного и скорняжного, портновского – в Заказанье; скорняжного – в Касимовском у. Рязанской губ., промысла по плетению пуховых платков – в Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губ. и т.д.

Просматривались этнические различия: татары Среднего Поволжья и Прикамья отдавали предпочтение ремесленным промыслам; татары Окско-Сурского междуречья – отходническим, в т.ч. на длительные сроки, промыслам. В целом же поволжские татары, находившиеся в худшем экономическом положении (в плане обеспечения земель, скотом), по масштабам развития отходничества опережали другие народы Поволжья и Урала.

§ 4. Кустарные ремесла и промыслы

Наиль Халиков

В социально-экономическом аспекте промыслы – широкое понятие, подразумевающее достижение, «приискание» какой-либо денежной, продовольственной или иной личной, хозяйственной выгоды. В отдаленном прошлом промыслами могли быть такие традиционные занятия, как охота, рыболовство, бортничество, собирательство и др. В XIX в. у крестьян это было, главным образом, «промышление» экономической выгоды, денежных средств. Современники отмечали, что в татарском ауле крестьянин, не прибегающий к промыслам, – исключение [Труды, 1884, с.145]. Если для крестьян промыслы, отходнические сельскохозяйственные и неземледельческие (продажа рабочей силы), кустарные ремесла чаще были источником дополнительных приработков, то для мещан и других городских жителей податных сословий промыслы зачастую были основным источником средств существования.

В рассматриваемое время ремесла, ремесленная деятельность существовали преимущественно в виде домашнего ремесла, более соответствовавшего натуральному хозяйству феодального типа, и в форме кустарных промыслов эпохи развития капитализма, рыночных отношений.

Под домашними ремеслами подразумевается выработка изделий в своем хозяйстве силами семьи, обычно из своего сырья и предназначенных преимущественно для собственного использования и потребления. К рубежу XIX–XX вв. домашнее ремесло и изделия почти исчезают, вытесняемые дешевой фабричной продукцией. Лишь в отдельных случаях домашнее ремесло еще сохранялось, например, ткачество у крещеных татар, длительное время придерживавшихся давних хозяйственных традиций.

Кустарные ремесла означали производство малыми или большими партиями продукции и изделий, от начала и до конца производственного цикла изготовленными в своем хозяйстве, из своего, или, чаще, покупного сырья, изготавливаемых по заказу или реализуемых на местных рынках. Кустарные промыслы носили сезонный характер: ремесленная деятельность в зимнее время обычно сочеталась с сельскохозяйственными работами летом на своем наделе.

В середине – второй половине XIX в., а в отдельных случаях и в XVIII столетии в Среднем Поволжье и Прикамье (Заказанье в пределах Казанской и южных уездов Вятской губ.) кустарные промыслы носили характер производственной кооперации, в дальнейшем перераставшей в мануфактуру.

Изначально это была рассеянная мануфактура. Работа в кооперационной или подетальной форме производилась в своем хозяйстве и с применением своих инструментов, оборудования. Сырье, заготовки предоставлял подрядчик-гуртовщик. Он же производил оплату и обеспечивал реализацию продукции. Такими были рогожно-кулеткацкий, экипажный, ичижный и некоторые другие промыслы и производства. При централизованной мануфактуре работы производились в специальном помещении и на хозяйском оборудовании. Это были ткацкие, скорняжные мануфактуры в Предкамье, Предволжье. Занятые в мануфактурах скорее были не кустарями, а наемными рабочими.

Рабочий день продолжался 10–12 и более часов. Кустари часто трудились в избе или в малоприспособленных помещениях, в антисанитарных условиях. Оплата была низкой, а широко привлекаемые к работе женщины и дети получали еще меньше.

Различались кустарные промыслы местные и отходнические. В первом случае производство (помещение, часто жилище, оборудование и т.д.) локализовалось в собственном селении, городской слободе. Ремесленники обслуживали соседей и ближайшую округу, сбывая продукцию на местных рынках. Такими были, например, рогожно-кулеткацкий, скорняжный, кожевенный, столярный, экипажный и многие другие кустарные промыслы. В отход, часто дальний – в низовья Волги, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, уходили мастера-шерстобиты, красильщики, ювелиры, портные. Среди последних ремесленников особенно много было крещеных татар.

В промысловой деятельности имели место порайонные и субэтнические различия. Местные кустарные ремесленные промыслы во всех видах были особенно развиты у татар в Волго-Камье. Наибольшая их концентрация приходилась на предкамские уезды Казанской и на южные уезды Вятской губ., отличавшихся высокой плотностью татарского населения, крестьянским малоземельем и т.д. Татары губерний Окско-Сурского междуречья чаще отдавали предпочтение отходничеству, далеко не всегда ремесленному. В районах к востоку от Вол-

ги и Камы, в Южном Приуралье ремесла из-за частичной утраты в ходе переселений давних профессиональных традиций, нехватки сырья были менее развиты. Местные крестьяне чаще были заняты работами на стороне: на уборке урожая у зажиточных селян, в гужевом извозе, на приисках, шахтах и т.п. Почти не занимались кустарными ремеслами многоземельные татары-казачи и крестьяне южных уездов Оренбургской губ., в основе хозяйства которых было предпринимательское сельское хозяйство. Большинство необходимых работ здесь производили приходившие из Казанской и Вятской губерний татарские мастера.

Кустарные ремесленные промыслы различались по видам используемого сырья. Это были обработка дерева (лесохимия, рогожно-кулеткацкий, веревочный, плотницкий, столярный, токарный, бондарный, экипажный и т.п. промыслы); продукции животноводства (скорняжное, кожевенное, шерстобитное, валяльно-войлочное и др. дело); применение растительного сырья (ткацкое ремесло, портновское дело); обработка металлов (ювелирное, слесарное, медницкое дело) и минеральных веществ (изготовление кирпичей, резьба камня).

Много крестьян-татар было занято в лесных, лесохимических промыслах, участвовало в обработке древесины, что соответствовало месту дерева в хозяйстве и быту деревни того времени.

Повсеместно, кроме безлесных южных степных уездов губерний Астраханской, Оренбургской, Самарской, были развиты углежжение, гонка смолы, сидка дегтя, производство скипидара и поташа. В Казанской губ. в 80-е гг. XIX в. насчитывалось 300 смолокурен, принадлежавших русским и татарам. В особо больших количествах татары и башкиры в восточных уездах региона выжигали уголь, необходимый многочисленным уральским металлургическим заводам. Но к рубежу XIX–XX столетий лесохимические промыслы из-за конкуренции растущей добычи каменного угля, нефтяных масел и т.д. сокращаются [Халиков, 1998].

Заготавливали много коры, луба, лыка, мочала. Кора дуба потреблялась для обработки овчин, кожи; луб использовался как кровельный материал; из мочала вили

веревки; лыко было сырьем для рогожно-кулеткацкого промысла и плетения лаптей.

Производство рогож и кулей было особенно характерно для крестьян Казанской губ. В конце XIX в. в одноименном уезде в волостях с преимущественно татарским населением было около 1,5 тыс. таких ремесленников, в Царевококшайском у. – 1,6 тыс. мастеров. В середине столетия только из Ка-

занского у. в губернский город ежегодно для продажи поставлялось свыше 200 тыс. рогож и кулей, выработанных в основном татарскими ремесленниками [Кеппен, 1841, с.38]. Не случайно в низовьях Волги их называли изделиями «татарской работы».

Эти производства обычно имели характер кустарного ремесла, а в Предкамье, в уездах Казанской и Вятской губерний, еще в середине XIX столетия промысел приобрел характер кооперации и рассеянной мануфактуры. Кустари находились в полной, почти кабальной зависимости от посредников-скупщиков: сдавали им готовую продукцию и от них же получали сырье. По существу, они превращались в наемных рабочих с наделом.

В Казанской губ. татарские мастерские практически монополизировали веревочный и канатный (из липового мочала) промысел. Центр производства находился в Казанском и Мамадышском уездах. В конце XIX в. промысел сокращается из-за конкуренции более долговечных пеньковых изделий аналогичного назначения.

Заметное место в ремесленной деятельности на селе занимало плетение самой ходовой обуви того времени – лаптей. На уровне домашнего ремесла их изготовление бытовало почти в каждом крестьянском доме, а в Казанском и Царевококшайском уездах Казанской губ., в Белебеевском у. Уфимской губ. лапти плели и на продажу. Простые в изготовлении, дешевые и удобные в ноше-

Изготовление веревок. Нач. XX в.

нии «татарские»³³ лапти пользовались большим спросом на заводах и шахтах Урала, на рыбных промыслах Каспия и др. В регионе было развито и плетение из лыка, ивовой лозы, черемуховых виц корзин, коробов, лукошек, мебели и других предметов для хозяйственных нужд и домашнего обихода. В Казанской губ. этим кустарным промыслом было занято несколько тысяч человек, в т.ч. татар [Мелкая промышленность, 1911, с.37–38; Халиков, 1998].

Мастера-плотники, особенно из казанских татар, пользовались известностью и уважением среди народов края. Современник заметил: «...я часто видел, что татарские мужики занимались строением домов в русских деревнях» [Фукс, 1844, с.9]. Они же, в основном, рубили избы в Тобольской губ., в Сибири. Столяры из татар в Казанской губ. занимали главное место в производстве ткацкого оборудования – веретен, челноков, берд, снабжая им все население края [Воробьев, 1953, с.129–130]. Они же изготавливали простую мебель, двери и оконные рамы, лопаты и др. В нескольких деревнях крещеных татар Мамадышского у., в частности, ежегодно производилось до тысячи «кыр-

³³ Татарскими их называли из-за прямого плетения (русские или мордовские лапти имели косое плетение, технически более сложное). Удобно было и то, что «татарские» лапти не различались на правую и левую ногу, при изнашивании одного лаптя его просто заменяли. «Русские» лапти приходилось менять парой.

Золотошвейка.
Фото
нач.
XX в.

гизских дверей» для юрт [Мухаметшин, 1977, с.53]. Токарный промысел по изготовлению посуды был развит в Чистопольском, Цивильском и, особенно, в Мамадышском уезде Казанской губ., где «..выделкой чашек занято инородческое население, главным образом татарское» [Косолапов, 1905, с.39].

Одним из наиболее развитых в крае промыслов был экипажный. Спрос на телеги и сани возник еще в XVIII в. для обслуживания нужд транспортных путей из Сибири в Европейскую Россию. Только в Казанском, Мамадышском и Лаишевском уездах в конце XIX столетия насчитывалось до тысячи дворов ремесленников, татар и русских [Пономарев, 1895, с.25]. Производство носило характер простой кооперации и рассеянной мануфактуры: одни мастера изготавливали кузова, другие – колесные пары для телег и тарантасов, полозья для саней или дуги для упряжи. Только в деревнях Верхний и Нижний Темерлик Лаишевского у. ежегодно выработывалось до 120 тыс. дуг.

Татарские ремесленники почти не занимались производством сельскохозяйственных орудий. Видное место в структуре кустарно-ремесленной деятельности занимали повсеместно распространенные

промыслы по обработке шерсти. Шерстобитный и валяльно-войлочный промыслы, преимущественно в отходнической форме бытовали среди мастеров всего Волго-Уральского региона: в Симбирской губ., в Мензелинском у. Уфимской губ., в Шадринском у. Пермской губ. В Тобольской губ. этим ремеслом занимались, главным образом, переселенцы-татары из Среднего Поволжья. Существовали центры концентрации производства, такие как с.Шатрашаны Буинского у. Симбирской губ., где еще с середины XIX в. выделывали поярковые шляпы и валяные «сапоги» (валенки). Особенно развит промысел был в Казанской губ. В конце столетия в одноименном уезде насчитывалось около 250 дворов татаршерстобитов, в Мамадышском у. – 600 дворов. В Малмыжском у. Вятской губ. выделялись татарские Кошкинская, Сардыкбашская, Сизнерская волости, где выделкой валенок было занято 400 чел. [ГАКО, ф.1280, л.133; Текущая статистика, 1898, с.351, 371–373]. В деревнях Мамадышского, Малмыжского уездов в рассматриваемое время были и крупные валяльно-войлочные мастерские, работавшие на началах кооперации, позднее ставшие мануфактурами и даже фабриками с числом рабочих до 60 чел. [Пономарев, 1895, с.33]. Татарские мастера достигли высокого совершенства в изготовлении валенок.

Разнообразные ткани и предметы, изделия из них (одежда, предметы интерьера и т.д.) занимали в народном быту и хозяйстве важнейшее место. Поэтому ткачество у татар, в частности в середине – второй половине XIX в., существовало в различных формах организации: от домашнего ремесла до мануфактуры и фабрики. В частности, отмечалось, что татары Саратовской губ. «ткут на домах для своего употребления кумачи или бумажную простую ткань...» [Безносиков, с.146]. Однако к рубежу XIX–XX вв. домашнее ткачество и домотканина, вытесняемые дешевой промышленной продукцией, практически исчезают. Лишь у крещеных татар, чей быт сохранял многие черты натурального хозяйства, ткачество на дому еще сохранялось некоторое время.

Распространенным ремеслом был портновский промысел, существовавший преимущественно в отходнической форме.

Мастера шили тулупы и другую верхнюю одежду в деревнях Вятской, Уфимской, Оренбургской губерний. Портные-татары были повсюду в уездах и губерниях Окско-Сурского междуречья, Предволжья, Приуралья, но особенно много их было из предкамских уездов Казанской губ. В Казанском, Мамадышском, Лаишевском уездах особенно активно занимались портновским делом крещенные татары.

Очень развитыми были промыслы по обработке продуктов животного происхождения, сырья для ремесленных промыслов: шкур, кож, шерсти и др., изделия из которых находили самое широкое применение в быту, крестьянском хозяйстве, промышленности.

Почти в каждой деревне были скорняки, обслуживавшие односельчан: они выполняли обработку шкур по заказу или на местный рынок, иногда работали на стороне в отходе. Только в Казанской губ. в 80-е гг. XIX в. насчитывалось около 2 тыс. ремесленников, татар и русских, этой специальности [Текущая статистика, 1898, с.373]. Другим центром являлся Касимовский у. Рязанской губ, где были сосредоточены обработка привозного из Средней Азии каракуля и выделка мерлушек.

Татарские мастера по праву считались одними из лучших в обработке кожи. Промысел сосредотачивался в уездах Заказанья, в меньшей степени бытовал в Спасском, Чистопольском уездах Казанской губ., в Вятской, Самарской, Симбирской губерниях. Кустари работали на местный рынок, реже на заказ или на скупщика. Особого совершенства они достигли в выработке высококачественной юфти и сафьяна, известных далеко за пределами края как «ал-булгари».

Имел место у татар красильный промысел. До появления в конце XIX в. анилиновых химических красителей, индиго, для окраски использовали природные средства и их отвары.

Достаточно развитым был промысел по изготовлению сырцового кирпича для печей и каленого для домостроения.

В истории ремесленно-промысловой деятельности татарского народа были и другие виды занятий, в большинстве случаев мелкие и локальные: добыча мела, камня в приуральских уездах и строительство там же каменных построек; добыча сфагнового

мха, необходимого для конопачения срубов; добыча и продажа соли в Астраханской и Оренбургской губерниях и др.

Некоторые ремесла с разрушением городской культуры народа в XVI столетии исчезли вовсе. Такими были стеклоделие, косторезное дело. Почти исчезла традиция каменного зодчества и мастерства, сохранившаяся в немногочисленных культовых постройках, жилых домах Казани, Касимова и Касимовского у., в татарских слободах других городов, а также в богато ornamentированных надгробных памятниках.

В Казанской губ. в 70-е гг. татары занимали второе место после русских по числу занятых в ремесленных промыслах, но преобладали в рогожно-кулеткацком, кожевенном, портновском и некоторых других производствах. Марийцы и чуваша опережали русских и татар только в лесных промыслах. Техника и технология ремесел народов Казанской и сопредельных губерний во многом были схожими [Бусыгин, 1966, с.178].

Кустарные ремесла и промыслы поволжских татар развивались неравномерно. Вследствие экономических причин, рыночной конъюнктуры, развития различных отраслей промышленности и т.д. одни промыслы сокращались и даже исчезали (лесохимический, рогожно-кулеткацкий, ювелирный), другие оставались на прежнем уровне (плотницкое и столярное дело, производство кирпича), третьи развивались (валяльно-войлочное, скорняжное, портновское, ичижно-каляпушное). Достаточно отчетливо выделялись районы концентрации ремесленной деятельности: Предкамье в пределах северных уездов Казанской губ. и южных уездов Вятской губ. Здесь еще с XVIII в. начал складываться заказанский ремесленно-промышленный район с многочисленными мануфактурами, в середине XIX столетия уже и с фабриками. В несколько меньшей степени ремесленные промыслы были развиты в предволжских уездах Казанской и северных уездах Симбирской губерний, в Западном Закамье (Спасский, Чистопольский, Бугульминский, Уфимский уезды), а также в Касимовском у. На остальной территории расселения татар преобладали отходнические промыслы, причем чаще неремесленные.

§ 5. Татарские предприниматели и всероссийский рынок

Людмила Свердлова, Марат Гибадуллин

Рыночные реформы середины XIX в. способствовали активизации предпринимательской деятельности широких слоев российского общества. Заметно возросла вовлеченность в предпринимательскую деятельность татарского населения России.

О широком распространении торговой деятельности среди татар Поволжско-Уральского региона и их активной роли во внутренней торговле свидетельствуют результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи. По нашим подсчетам, всего в разнообразных видах торговли у татар в этом регионе было задействовано 13892 чел. Следует обратить внимание на то, что, татары составляли 7,7% от общей численности населения региона, а доля их в торговой сфере достигала

9,4% всех занятых в этой отрасли хозяйства. Однако, если разложить эти данные по отдельным губерниям, то обнаружится неравномерное распределение лиц, занятых в сфере торговли. Как видно из данных табл.36, наибольшую активность торговцы из числа татар проявляли в Уральском регионе, особенно в Оренбургской, Уфимской и Вятской губерниях. Здесь удельный вес татар, занятых в коммерции, по сравнению с общей процентной численностью татарского населения, был весьма существенным. В Поволжье сложилась несколько иная картина. Своей ролью в торговле выделялись, в основном астраханские татары. Заметно меньше было число татар, занятых в сфере торговли, в Самарской, Саратовской и Пензенской губерниях.

Таблица 36

Распределение татарского населения, занятого в торговле, по губерниям в 1897 г.
[Первая всеобщая, т.2, 5, 10, 14, 28, 30, 31, 36, 38, 45, табл.22; Менделеев, 1907, с.18–19, 88–89]

Губернии	Татарское население в губернии, в %	Занято в торговле	
		всего	от занятых в торговле по губернии, в %
Астраханская	5,2	2036	19,8
Казанская	31,1	2818	20,1
Пензенская	6,0	926	4,6
Самарская	3,9	539	2,0
Саратовская	8,7	564	6,2
Симбирская	3,9	202	2,5
Итого:	10,4	7089	7,9
Вятская	4,1	1171	10,6
Оренбургская	5,8	2988	19,8
Пермская	1,5	1559	6,4
Уфимская	8,4	1089	12,1
Итого:	4,5	6807	11,7
Всего по 10 губерниям	7,7	13892	9,4

В Чистополе самые крупные торговые капиталы из коммерсантов-татар имели индивидуальный предприниматель С.И.Вагапов (скупка хлеба, оборот 191 тыс. руб.); торговый дом «К.Хабибуллин с сыном» (хлебо-бакалейная торговля в 3 заведениях с совокупным оборотом 163 тыс. руб.); торговый

дом «Бр. Исхаковы» (хлебная торговля, 5 предприятий с совокупным оборотом 145 тыс. руб.).

Крупным центром национального предпринимательства за пределами Казанской губ. стал Мензелинский у. Уфимской губ. Татарским коммерсантам и хлебопромыш-

ленникам здесь принадлежало около 20 торговых заведений и несколько паровых мельниц (48%), а их совокупный оборот превышал 3,3 млн. руб. (43%). Самый значительный оборотный капитал имел торговый дом «Братья Халфины» (торговля хлебом, оборот более 1 млн. руб.). Предприниматель Г.Зайнетдинов имел 4 предприятия, в т.ч. паровую мельницу с общим оборотом около 1 млн. руб., а купец М.Саитбатталов торговал на 678 тыс. руб. [НА РТ, ф.551, оп.1, д.65]

Подавляющая часть татарских предпринимателей входила в круг торгово-промышленной буржуазии, активно участвуя в развитии национальных промыслов. На базе этих промыслов они и создавали промышленные предприятия, стараясь закрепиться в тех отраслях, где издавна главенствовали.

Во второй половине XIX – начале XX в. внутренняя торговля в России развивалась высокими темпами. Развитие железнодорожного сообщения, промышленности, расширение городского хозяйства и увеличение численности населения в городах – являлись благодатной почвой для роста емкости внутреннего рынка, способствовавшего активизации торговой жизни государства.

Поскольку прямых данных о размерах торговых оборотов в пореформенной России не имеется, большинство авторов используют для анализа косвенные данные, а именно – сведения о поступлении государственных пошлин на право торговли, которые хотя бы отчасти позволяют восполнить недостатки отечественной статистики исследуемого периода. Так, по подсчетам Г.Л.Дихтяр, за 1860–1869 гг. их было уплачено на сумму 7,7 млн. руб., в 1870–1879 гг. – на 13,3 а в 1880–1889 гг. – уже на 21,5 млн. руб. [Дихтяр, 1960, с.24], т.е. возросли за этот период в 2,7 раза.

Оживленная торговая жизнь кипела и в Поволжье. О расширении местных рынков и масштабов предпринимательской деятельности в губерниях края можно судить по росту объемов грузовых перевозок. Если в 1897 г. только по рекам Волжского бассейна было перевезено 678929 тыс. пуд. различных грузов [Россия, 1901, т.6, с.278], то в 1909 г. – уже 9686 тыс. пуд. [История торговли, 1913, т.2, вып.7, с.10], т.е. грузооборот вырос за 12 лет на 42%. Главными торговыми центрами

в Поволжье были города Рыбинск, Казань, Самара, Саратов, Астрахань.

В пореформенный период Казань по-прежнему оставалась одним из основных пунктов торговли всего Востока Европейской части России, хотя и утратила значение торгово-промышленной столицы региона. Основная причина упадка экономического значения Казани заключалась в том, что интенсивное железнодорожное строительство, охватившее в конце века Поволжье и Урал, мало затронуло территорию Казанской губ. В 1897 г. протяженность железных дорог здесь составляла лишь 159 верст, или 4,6% общей длины железнодорожной сети Поволжского района [Россия, 1901, т.6, с.292]. Естественно, это подрывало позиции казанских предпринимателей на внутреннем рынке, ставило их в менее выгодное положение по сравнению с конкурентами.

Тем не менее, торговый капитал города увеличивался и укреплял свои позиции. Об этом свидетельствовал рост торговых оборотов города за пореформенный период. Если в 60-х гг. XIX столетия в обороте находилось товаров на сумму 4,8 млн. руб. [Памятная книжка, 1869, с.32], то в 1893 г. и 1897 г. торговый оборот города составил соответственно 33,7 и 36,8 млн. руб. [Ивановский, 1899, с.32], увеличившись за 30 лет в 11 раз.

Казань являлась также центром сосредоточения татарской торговой буржуазии, представители которой играли заметную роль в экономической жизни города.

Как явствует из приведенных расчетов (табл.37), наиболее активно татарские коммерсанты проявляли себя в торговле хлебо-бакалейными товарами, одеждой и обувью, мануфактурой. На эти виды торговли приходилось в совокупности до 68% всех полученных ими свидетельств на право осуществления торговой деятельности. Для сравнения укажем, что в целом в Казани большая часть предпринимателей была занята в хлебобакалейной торговле (41% выданных патентов), в то время как свидетельств на право торговли другими товарами было выдано сравнительно немного.

Необходимо обратить внимание на то, что в некоторых видах торговли национальный торговый капитал занимал господству-

Таблица 37

Распределение торговых свидетельств, выданных татарским предпринимателям Казани в 1901 г. [НА РТ, ф.98, оп.4, д.378, 380, 381]

Вид торговли	Выдано свидетельств татарским предпринимателям	
	Всего, в %	от общего числа по Казани, в %
Мануфактура, сукно	15,4	60,6
Сырье, кожи, меха	9,5	63,7
Одежда, обувь, шапки	12,1	37,0
Хлеб, бакалея	34,0	16,9
Галантерея	7,0	58,6
Фрукты, яйца, рыба, птица	8,0	21,0
Чай, сахар	2,0	29,6
Прочее	12,0	7,6

ющие позиции, сосредоточив в своих руках значительное число торговых предприятий. Коммерсантам из числа татар, например, принадлежало 60% заведений, торговавших мануфактурными товарами, в т.ч. 3 из 6 заведений, торговавших по первому разряду, в торговле сырьем и кожами – 63% предприятий, включая 3 из 7 первогильдейских.

Предприниматели-татары держали в своих руках почти всю торговлю сырыми, невыделанными кожами, являясь поставщиками сырья для многих кожевенных заводов города, контролировали рынок готовой обуви, торговлю коврами.

Абсолютное большинство торговых предприятий татарских коммерсантов принадлежало к разряду мелких и средних. Так, свидетельств третьего разряда было выдано 65% (по Казани – 69%), свидетельств второго разряда – 33% (по Казани – 28%).

Более активное участие в торговой деятельности представителей средних слоев национальной буржуазии объясняется тем, что национальный капитал постепенно вытеснялся из сферы промышленного производства, где к началу XX в. процесс концентрации и монополизации уже достиг внушительных масштабов. Не имея возможности конкурировать с крупными капиталистами, прочно обосновавшимися в Казани, татарские предприниматели предпочитали вкладывать средства в сферу торговли, причем весьма в ней преуспели. К тому же для занятия торговлей достаточно было наличия минимального стартового капитала, что де-

лало эту сферу предпринимательства более доступной для многочисленных средних и мелких капиталистов.

Но среди татарских коммерсантов было и немало крупных торговцев, обороты фирм которых достигали 1 млн. руб. и более. В Казани размахом операций выделялись купцы Мухаммад-Садук Галикеев и Мухаммад-Батретдин Апанаев, Сулейман Аитов, Айтугановы и др. Оренбургский купец Махмут Хусаинов имел свои торговые представительства не только в России, но и за границей: в Берлине, Константинополе и Кабуле. Купцы и промышленники Мусины из Семипалатинска наладили грузовые и пассажирские перевозки по всему Иртышу, развернули золотодобычу в рудниках Алтая и Восточного Казахстана. В Семипалатинске, Змеиногорске, Усть-Каменогорске им принадлежали ювелирные магазины. Занимались они и перевозкой хлеба в Россию. В 1900 г. Мусины имели в российских банках 2,5 млн. долларов США.

Обширную торгово-предпринимательскую деятельность развернули татарские коммерсанты и в других губерниях Волго-Уральского региона и за его пределами. Так, в 1910 г. в Астрахани из 1268 торговых предприятий 292 (или 23%) находились в руках татарской буржуазии города. Наибольшее их число было занято хлебобакалейной торговлей (36%), торговлей рыбой, мясом и фруктами (около 30%), кожей (6%) [Вся Астрахань, 1911]. Здесь предприниматели из татар также владели значительной ча-

стью заведений, торговавших сырьем, азиатскими товарами, мануфактурой, коврами, контролируя от 40% до 60% рынка сбыта.

Но чтобы получить полное представление о структуре национального торгового капитала, об основных тенденциях и особенностях его развития в пореформенный период, необходимо изучить данные, касающиеся задействованных у татарских предпринимателей в сфере торговли капиталов. Особо ценными в этом отношении являются сведения о размерах торговых оборотов всех предприятий, принадлежавших татарским коммерсантам в начале XX в.

Основной формой функционирования торгово-промышленного капитала во второй половине XIX в. – начале XX в. являлись единоличные, частные предприятия, основанные на индивидуальной или семейной формах собственности промышленников и торговцев. На их долю приходилось подавляющее большинство функционирующих в сфере производства и обращения капиталов. Например, в Казани в 1901 г. из всех выданных предпринимателям свидетельств на право торговли 93% получили частные лица.

В практике коммерческой деятельности существовали и коллективные формы предпринимательства. Объединение капиталистов имело чрезвычайно важное значение для мобилизации денежных ресурсов и формирования крупных капиталов.

Можно выделить две основные причины, которыми была продиктована необходимость консолидации ресурсов разрозненных предпринимателей. Во-первых, создание таких объединений происходило, когда индивидуальные капиталы большинства предпринимателей оказывались слишком незначительными по своим размерам, чтобы их владельцы, каждый в отдельности, могли организовать собственное производство. Во-вторых, создание компаний было обусловлено законами рыночной конкуренции, потребностью капиталистов в завоевании, сохранении и удержании рынков сбыта.

Основной формой коллективного предпринимательства, в которой существовал торговый капитал на рубеже веков, были торговые дома (товарищества). Они существовали в двух видах: как полные (открытые) товарищества, так и товарищества на вере.

Полные товарищества образовывались на основе заключения между его участниками договора с целью осуществления коммерческой деятельности на условиях полной и солидарной ответственности. Это означало, что участники товарищества несли ответственность по обязательствам, возникшим в связи с его функционированием, всем своим имуществом, независимо от того, вложено оно в капитал компании или нет. Кроме того, в полном товариществе действовал принцип круговой поруки, в соответствии с которым каждый из товарищей отвечал за сделки, совершенные одним из компаньонов, в полном объеме [Чупров, 1892, с.181–182].

В товарищество на вере капиталисты объединялись на неравных условиях. Одни участники такого объединения являлись полными товарищами и отвечали за результаты хозяйственной деятельности всем своим имуществом, другие – вкладчики – ограничивали риск размером вложенного капитала. При этом право решающего голоса в делах фирмы сохранялось только за полными товарищами, а вкладчики фактически были лишены возможности управлять предприятием [Чупров, 1892, с.181–182].

Торговые дома активно создавались и татарскими предпринимателями-коммерсантами и промышленниками. Национальная буржуазия видела в них возможность укрепления своих позиций на внутреннем рынке, средство, позволявшее ей успешно противостоять жесткой конкуренции и соперничать с более зрелой и сильной в экономическом отношении буржуазией промышленно развитых центров страны. Вместе с тем создание товариществ способствовало укреплению экономических связей татарских коммерсантов с деловыми кругами других регионов страны, а также с зарубежными странами, более тесной интеграции национального капитала в общероссийскую экономику, так как многие торговые дома создавались татарскими предпринимателями совместно с капиталистами других национальностей.

Первые объединения татарских капиталистов в Поволжье появились еще в середине XIX в. Одним из них был торговый дом «Братья Мишкины», учрежденный в 1877 г. казанскими 2-й гильдии купцами из татар Мухаммадалимом и Айнетдином Мишки-

ными. Торговый дом имел капитал в 30 тыс. руб. и занимался в основном промышленной деятельностью. Им была арендована пришедшая к тому времени в полный упадок суконная фабрика Осокина в Казани. За короткий срок предприятие было полностью реконструировано. На нем установили паровую машину, 38 аппаратов, 139 ткацких станков. Фабрика возобновила работу и дала в 1877 г. 251 тыс. арш. различных сортов сукна на сумму 248 тыс. руб. На фабрике в это время трудилось около 500 чел. Позднее торговый дом взял в аренду еще одну суконную фабрику, теперь уже в Самарской губ. [НА РТ, ф.2, оп.3, д.318 а, л.448–449].

Торговый дом «А. и И.Рахметуллины», основанный в 1888 г. как «товарищество на вере», имел уставной капитал в 150 тыс. руб. и был занят производством и реализацией керосина и минеральных масел. Фирме также принадлежали имущество товарищества на вере «Торговый Дом Субаев, Рахметуллин и К^о» и «Бумагопрядильная и механико-ткацкая мануфактура казанских купцов Галима Субаева и Ахметзяна Рахметуллина» [Салихов, 2002, с.235]. В Казанской губ. фирма имела два промышленных предприятия. На принадлежавшей ей мануфактурной фабрике ежегодно производилось до 184 тыс. пуд. бумажной пряжи различных сортов и ваты на общую сумму 121 тыс. руб. Оборудование предприятия состояло из паровой машины мощностью 40 л.с., 35 ткацких станков, 3 паровых котлов и 37 аппаратов различного назначения. Общая численность рабочих на фабрике составляла 215 чел. [НА РТ, ф.2, оп.3, д.912, л.142]. Этому же торговому дому принадлежал нефтеперегонный завод под Чистополем. Оснащенный паровым двигателем и другой техникой, он ежегодно производил до 200 тыс. пуд. керосина на 200 тыс. руб. [Орлов, 1887, с.630].

Одним из крупнейших в регионе был торговый дом «Б.Субаев, И.Бурнаев и М.Сайдашев» с капиталом в 300 тыс. руб., действовавший как полное товарищество с 1888 г. Фирма специализировалась на производстве и продаже меховых изделий. В принадлежавшей торговому дому в Казани скорняжной мастерской производилось различных изделий на общую сумму до 300 тыс. руб. в год [Каталог, 1890, с.43–44]. В

1895 г. на его основе было зарегистрировано Торгово-промышленное товарищество на паях «Ахметзян Сайдашев с сыновьями и Бакий Субаев» с капиталом 500 тыс. руб., специализировавшееся на торговле сахаром, чаем, мехами и другими товарами, а также имевшее стекольное производство.

В Казанской губ. действовали торгово-промышленные фирмы, основанные предпринимателями из разных городов. Так, «Нурмынская мануфактура Ишмуратова и К^о» была основана в 1884 г. арскими 2-й гильдии купцами Ахметом Ишмуратовым и Абдрахманом Ишмуратовым, казанским 2-й гильдии купцом Мухаммадгарифом Утямышевым и стерлитамакским 2-й гильдии купцом Мухаммадгарифом Утямышевым с уставным капиталом в 20 тыс. руб. Это было товарищество на вере, которое занималось производством и продажей бязи, китайки и других товаров.

Некоторые из торговых домов учреждались лицами, проживавшими в разных городах империи, что свидетельствовало о наличии тесных торгово-экономических связей между предпринимателями и формировании общенационального рынка. Так, в 1889 г. казанским купцом Мухаммадсадыком Бурнаевым и иркутским купцом Загидуллой Шафигуллиным было учреждено полное товарищество торговый дом «Бурнаев и Шафигуллин» с размером складочного капитала 60 тыс. руб. Торговый дом «Х.Х.Тагиров и А.А.Насыров и К^о», основанный в 1893 г. как товарищество на вере, принадлежал казанскому 2-й гильдии купцу Хасану Тагирову и симбирскому 2-й гильдии купцу Ахметзяну Насырову. Уставной капитал торгового дома был определен в 20 тыс. руб. Фирма занималась торговлей галантерейными, мануфактурными и другими товарами.

В 1891 г. было учреждено полное товарищество «Торговый дом Абдрахмана Ибрагимова с сыновьями». Это семейство было известно в Казани уже с 80-х гг. В 1886 г. чайную торговлю в городе на Московской улице (в доме Юнусова) и на Татарской улице (в доме Шамсутдинова) вела Ф.Ибрагимова, вдова ташкентского купца (оборот более 100 тыс. руб.) [НА РТ, ф.3, оп.1, д.812, л.17–18]. Учредителями торгового дома выступили ее сыновья Муса (г. Ташкент), Шакир, Закир

(г.Бухара) и Муртаза Ибрагимовы. Фирма не имела узкой торговой специализации и торговала «разными товарами, но действовала

настолько успешно, что увеличила сумму первоначального капитала с 40 тыс. до 120 тыс. руб.» [Сведения, 1893, с.87]

Таблица 38

Торговые дома татарских предпринимателей в 1892 г. [Сведения, 1893]

Губерния	Всего торговых домов	Капитал, в тыс. руб.
Казанская	3	442
Пермская	3	50
Оренбургская	1	100
Другие губернии	2	241

К 1892 г. в стране насчитывалось 10 торговых домов, принадлежавших предпринимателям-татарам, с общей суммой объявленного ими капитала 833 тыс. руб. Большая их часть действовала на территории Волжско-Уральского района [Сведения, 1893].

Некоторые торговые дома учреждались совместно русскими, татарскими и капиталистами других национальностей. Интернационализация капитала – явление, характерное для развития отечественного предпринимательства пореформенной эпохи. Так, в 1892 г. в Оренбурге была создана фирма «Д.Мякинков и Г.Давлетшин» (уставной капитал – 100 тыс.руб.), которая специализировалась на торговле строевым лесом. Ее учредителями стали оренбургские купцы Д.Мякинков, Г.Давлетшин, Н.Ядгаров и С.Назаров [Сведения, 1893, с.108]. В Казани в 1901 г. начало работать «Петровско-Алексеевское товарищество стекольных заводов» (уставной капитал – 60 тыс.руб.). В числе его соучредителей были п.п.гр. А.П.Сергеев, купец Ахметзян Сайдашев, крестьянин З.Тагиров. Фирма занималась производством и продажей стекла и стекольных изделий [НА РТ ф.98, оп.4, д.387, л.8–14, 25–25].

Всего с 1877 г. по 1905 г. в Казанской губ. действовало 20 торговых и торгово-промышленных фирм, принадлежавших татарам. Их уставной капитал составлял от 6 тыс. до 500 тыс. руб., с общей суммой объявленного капитала 1273620 руб. В среднем на каждое предприятие приходилось 63681 руб., т.е. фирмы татарских предпринимателей были небольшими. Из них половина были образованы как товарищества на вере, 5 – как полное товарищество и 5 зарегистрированы как торгово-промышленные фирмы

на паях, т.е. как акционерные общества [Галеев, 2000, с.251–259].

Торговые дома не ограничивались коммерческой деятельностью. Многие, хотя и создавались на средства крупного торгового капитала, организовывались специально для строительства новых или расширения деятельности уже существующих промышленных предприятий. Причем некоторые отличались хорошей технической оснащённостью. Оборудование завода (фабрики) паровыми двигателями и другой техникой требовало немалых капиталовложений. Такие инвестиции могли себе позволить только крупные капиталисты, в основном из числа купцов. Но даже им не всегда это было под силу. Поэтому создание татарскими предпринимателями торговых домов можно рассматривать как один из способов проникновения национального торгового капитала в сферу производства.

К торгово-промышленной буржуазии относились наиболее богатые татарские предприниматели – Юнусовы, Апааневы, Хусаиновы, Аитовы, Мухаммадзян Галеев, Салих Губайдуллин, Гайнутдин Сабитов, Азметьевы, Арслановы, Утямышевы, Усмановы, Утягановы и др. Число же акционированных предприятий в среде татарского бизнеса в конце XIX в. было незначительным: традиционно татарский капитал представляли семейные фирмы, заинтересованные в сохранении узкой группы владельцев капитала.

Характерные для татарского предпринимательства отрасли промышленности – кожевенное, мыловаренное производство, обработка сырья, отчасти швейное, деревообрабатывающее и др., даже в конце XIX в. относились к трудоемким производствам,

они еще долго развивались на ремесленной основе. Вводимая в них механизация способствовала многократному повышению производительности труда, но расширение производства требовало значительных дополнительных затрат – не только на приобретение оборудования и аренду производственных помещений или их постройку, но и на закупку сырья и комплектующих для производства товаров и наем рабочей силы. Отметим также, что реализация продукции этих предприятий не выходила за рамки местного, но чаще регионального, рынка. Исключение составляли татарские национальные промыслы, ориентировавшиеся на восточный российский и внешний рынки, но и эти предприятия не вырастали до крупных промышленных производств.

Специфика транзитной торговли заключалась в том, что Казань использовалась как крупная перевалочная база для складирования товаров в ожидании благоприятных конъюнктурных, погодных и дорожных условий, срока для дальнейшего продвижения товаров к местам их продажи, в нашем случае на Нижегородскую, Ирбитскую, Мензелинскую, Оренбургскую и другие ярмарки Волго-Уральского, Сибирского и Среднеазиатского регионов. В Казани торговцы могли совершать разовые оптовые операции по перепродажи товара, как через биржу, так и по договоренности, более крупным предпринимателям, которые и везли на ярмарки большие партии товара. Такие операции не требовали записи коммерсантов в казанскую купеческую гильдию, и торговцы фиксировались в документах по месту их постоянного жительства. В документах, отложившихся в НА РТ [НА РТ, ф.98, оп.7, д.59], запись часто была неполной, в ней могла указываться лишь губерния, из которой прибыл торговец (см. Прил. I, табл. 23).

В 1871 г. наиболее тесные торговые связи казанские коммерсанты поддерживали с предпринимателями Вятской губ., которые были основными торговыми партнерами казанцев. Из 105 коммерсантов этой губернии 19 прибыли из Уржума, 15 – из Яранска, по 12 чел. представляли торгово-предпринимательские круги Вятки, Малмыжа и Сарапула, 11 чел. приехали из Елабуги, 9 – из Нолинска, 7 – из Слободского, осталь-

ные города Вятской губ. были представлены 2–4 предпринимателями.

Вторыми по значимости торговыми партнерами казанского купечества являлись предприниматели Уфимской губ. – 90 чел. Наиболее представлены были города Бирск (37 чел.) и Уфа (22 чел.).

Третье место по числу торговавших через Казань занимали жители Саратовской губ. (54 чел.), далее следовали торговцы Московской губ. (45 чел.) и, в частности, Москвы (33 чел.), Самарской (44 чел.), Симбирской (43 чел.), Нижегородской (42 чел.), Оренбургской (39 чел.), Пермской (38 чел.), Ярославской (29 чел.) и других губерний.

Что касается торговцев-мусульман, то наибольшее их число прибыло, не считая городов и уездов Казанской губ., из Уфимской (20,2%), Оренбургской (14, 6%) и Вятской (11,3%) губерний (см. Прил. I, табл. 24).

Оптовый вид торговли требовал значительных капиталовложений, включая затраты на закупку товара оптом и его транспортировку, больших временных затрат. Вот почему купцы составляли подавляющее большинство торговцев – 566 чел., или 83,8% от числа участвовавших в транзитной торговле, мещане – 81 чел., или 12%, крестьяне – 28 чел., или 4,2%. Женщины в числе торговцев составляли 3,3% (22 чел.), из них 21 (95,5%) – купчихи и одна крестьянка (4,5%), что, несомненно, было связано как с трудоемкостью самой оптовой торговли, так и с необходимостью частых отлучек из дома.

Следовательно, основные торговые потоки шли через Казань из Волго-Уральского региона, соединенного с городом удобными речными и транспортными путями по основным трактам России.

Помимо основных магистральных направлений, в которые была включена Казанская губ. и ее столица, территорию губернии охватывала транспортная сеть внутригубернского и местного значения, входившая в единую транспортную сеть страны. Казанскую губ. пересекали 18 торговых и проселочных дорог. Они соединяли уездные города между собой, последние – с Казанью, за их состояние с 1860-х гг. отвечали земства. Законом от 1 июня 1895 г. расходы по уплате казне пособий на содержание судебно-административных учреж-

дений, образованных по закону от 12 июля 1889 г., а также издержки на содержание мировых судебных и по крестьянским делам учреждений и губернских распорядительных комитетов были отнесены за счет казны. Освободившиеся в земских бюджетах суммы вносились в дорожные капиталы, которые в 1895 г. по губернии составили 9,2% всех земских расходов. Сельские общества в 1894 г. затратили из мирских сумм на содержание в исправности дорог, мостов и переправ по 34911 руб. в среднем в каждой из 34 земских губерний. Подчеркнем, что трудовые и материальные затраты сельских обществ не учитывались.

В навигацию 1871 г. через Казань перевозили товар 355 жителей Казанской губ., что составило 34,4% от общего количества участников транзитной торговли через столицу губернии, зарегистрированных в документе. Женщины в составе торговцев составляли 1,7%. 187 чел. (52,7%) являлись жителями городов и посадов, 168 чел. (47,3%) приехали из сел и деревень. Разница между числом горожан и сельчан, занимавшихся транзитом, невелика – 19 чел. (5,4%) в пользу горожан. Большинство торговцев жили скупкой и перепродажей зерна, крупы, сена и другой сельскохозяйственной продукции, включая кожи, сало и воск, для дальнейшей перепродажи на ярмарках.

Из 355 торговцев – жителей Казанской губ. 303 (85,4%) были христианами, включая 6 женщин, и 52 чел. (14,6%) – мусульманами. Если в число христиан, наряду с русскими, входили и представители других народов, живших в Казанской губ., то мусульман представляли татары.

Из 187 горожан торговцы-христиане, включая 2 женщин, составляли 174 чел. (93%), мусульмане – 13 чел. (7%). Из 167 сельчан 129 (76,8%) были христианами, включая 4 крестьянок, 39 чел. (23,2%) – мусульманами.

Следовательно, из 303 торговцев-христиан выходцев из городов и посадов Казанской губ. было 174 (57,4%), сельчан – 129 чел. (42,6). Горожан-христиан было на 45 чел. (14,6%) больше, чем приехавших из сел и деревень губернии.

Из 52 торговцев-мусульман городскими жителями являлись 13 (25%), сельскими – 39

чел. (75%), т.е. деревенских жителей было в два раза больше, чем городских. Это можно объяснить тем, что основная часть татар вне Казани проживала в сельской местности.

Наибольшее число торговцев приехало из городов, связанных с Казанью водными путями. Именно жители Арска, Свияжска, Чистополя, Лаишева, Чебоксар, Мариинского посада и Царевококшайска ежегодно в наибольшем числе записывались как на временных, так и на постоянных условиях в купечество Казани [НА РТ, ф.299, оп.1, д.62, л.1–205]. Распределение по профессиональному признаку отражает расселение коренных жителей в Казанской губ.

Купцы уплачивали сословные подати, равные одному, а впоследствии 4% с объявленного «по совести» капитала; на «водные и сухопутные сообщения» взималось 10% с податного рубля, и по четверти процента с капитала купцы вносили на земские и городские повинности. Но взносы в пользу казны и на местные нужды постоянно росли. Так, Указом императора от 25 октября 1816 г. со следующего года вводился новый сбор, который должен был идти на строительство «больших дорог»: с каждой ревизской души для всех вообще поселян, вольных людей и мещан по 25 коп., а с купцов – по 5% с каждого рубля выплачиваемых им в казну повинностей [НА РТ, ф.3, оп.1, д.12804, л.128–128об.].

С целью уменьшить гильдейские сборы, а от них зависели размеры других выплат, все без исключения купцы объявляли капитал по минимальной ставке для данной гильдии, стараясь не раскрывать свои финансовые возможности. «Спросить у русского купца, сколько у него капитала и велик ли его оборот, это – по понятиям нашего купца – самый нескромный и нетактичный вопрос, а потому на него он и не ответит никогда», – писал «Казанский биржевой листок» [КБЛ, 1833, 6 февр.]. С целью пополнения казны закон от 1 января 1863 г. ввел для купцов, вписывавшихся в одну из двух гильдий, единую плату за свидетельство – 265 руб.

Кроме того, купечество выплачивало таможенные пошлины, налог на недвижимость, платило за проведение банковских операций, за оформление документов (па-

спортов, доверенностей и пр.), вносило «ярмарочный сбор», арендную плату, если занимало торговое помещение у города или у частного лица («полавочный сбор»). Сумма этого сбора зависела от размера торгового помещения. Например, за право торговать из лавки, у которой было два входа, платили в два раза больше, чем за помещение с одной дверью. За каждую лавку платили отдельно, а их могло быть несколько десятков. Документ об уплате торгового сбора купцы были обязаны вывешивать на видном месте, его наличие проверялось членами Торговой депутации, а также официальными лицами.

Купцы выплачивали «весовой сбор» при погрузке и выгрузке товара на пристанях или в таможенных, вносили плату за клеймение своих торговых инструментов в Палате мер и весов, или брали их в аренду.

Если купцы нанимали приказчиков или, как их называли, «сидельцев в лавки», то они выкупали свидетельства приказчиков по одному из четырех классов, опять-таки в зависимости от объема торга и размера торгового помещения.

Купец, открывая дело в другом городе, уплачивал гильдейский сбор еще раз, становясь членом купеческого общества данного города, если имел в нем недвижимое имущество или арендовал торговое помещение, склад и пр., и за ним не числились долги по городским сборам. В Казани, например, до 1865 г. торговали купцы 1-й и 2-й гильдий из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Ярославля, Рыбинска, Вятки и других городов, но числились они здесь как купцы 3-й гильдии. Так было дешевле, да и имели они здесь не оптовую, а розничную торговлю.

Иное дело промышленники. В какую гильдию им входить – определялось тем, как они организовали предпринимательскую деятельность – торговля продукцией своих предприятий: оптом (со складов) или в розницу (в лавках и магазинах), строительство и содержание в городе промышленного предприятия. Так, московские 1-й гильдии купцы братья Крестовниковы, имея крупнейшее в Казани промышленное предприятие, входили в первогильдейское местное купечество. Многие крупные предприниматели числились временными купцами

в нескольких городах, уплачивая в каждом положенные сборы.

Передвижение грузов по грунтовым дорогам трудно было учесть, и официальная статистика на этот счет точных данных не представляет. Тем не менее, именно грунтовые дороги служили подъездными путями к речным пристаням и станциям железных дорог. По этим же путям подвозились и развозились все грузы из городских и сельских поселений, лежащих вне железной дороги и речных путей. Гужевого транспорт перевозил грузы по меридиальному направлению на короткие дистанции, а по широтному – на длинные расстояния. По сравнению с речными перевозками его отличали высокая себестоимость, малая грузоподъемность и невысокая скорость. К достоинствам следует отнести доставку товаров по адресу «от двери к двери» без дополнительных затрат на перегрузку.

С установлением санного пути обозы грузов двигались и на большие расстояния, пересекая железные дороги, но в весеннюю и осеннюю распутицу всякое торговое движение прекращалось по большинству грунтовых дорог: бездорожье было подлинным бичом русского народного хозяйства. Грунтовые дороги находились в плачевном состоянии, гужевые перевозки занимали значительную часть крестьянского населения, а дешевизна зимней перевозки была вызвана нуждой крестьян, что заставляло их довольствоваться платой, на которую они могли в течение зимы прокормить себя и лошадь. Подсчитано, что «при удлинении расстояния подвоза по шоссе на 22% против грунтовых, максимальная стоимость подвоза по шоссе обходилась более чем вдвое дешевле сравнительно с грунтовыми дорогами» [Россия, 1901, с.355].

В середине XIX в. сухопутным путем в Казань доставлялось товаров на сумму до 9 млн. руб., причем четыре пятых груза приходилось на зимние месяцы по санным дорогам и льду замерзших рек. Санным путем в Казань свозилась основная масса зерна, которое закупалось на местных базарах и уездных ярмарках. Здесь же торговцы запасались салом, шерстью, кожей и прочим товаром. В свою очередь из Казани вывозились мука, крупа, соль, рыба, чай, сахар, промышлен-

ные изделия. Обозы, проходившие казанскими дорогами, составлялись из 10, 50, 100 и даже 200 телег. По сведениям купцов, за каждые сто верст извозчики брали по 6–8 коп. с пуда груза [Материалы, с.100]. В Казани они разгружались и вновь нагружались товаром для перевозки в Сибирь, на Ирбитскую, Кяхтинскую, Оренбургскую, Ростовскую и другие ярмарки, а летом дожидались клади с Нижегородской ярмарки.

Для перевозки товара в пределах Казанской губ. и в ближайших с ней уезды и города, купцы нанимали местных извозчиков. В 1888 г. было выдано 2066 извозничьих знаков [Лаптев, 1861, с.98]. Извозом подрабатывали крестьяне, главным образом из деревень Ковали, Салмачи, Дубьязы, Чепчуги и Чебокса. Основную массу извозчиков представляли татарские крестьяне, хотя этот вид промысла никогда не был для них единственным источником существования, главным занятием, как, например, для сибиряков.

С развитием пароходства сухопутная доставка товаров, особенно летняя, заметно уменьшилась, но зимние дороги использовались очень активно, в т.ч. и по льду рек. Отправка из города зимой составляла около трети общего сухопутного годового привоза, остальной груз вывозился по воде. При отсутствии железной дороги обозный привоз становился единственной возможностью доставить товар в зимнее время, хотя и стоил он в полтора раза дороже перевозки груза по воде.

Казань по своим капиталам и оборотам хлебной торговли имела «первенствующее значение по всей северо-восточной России». В непосредственной связи с ней действовал Нижний Новгород. Лучшие сорта пшеницы завозились из Самары, Саратова и Мелекеса. Из верховых волжских городов, из сел и деревень Волжско-Камского бассейна шли рожь, горох, греча, льняное и конопляное семя. Зимняя закупка зерна составляла 70–80% всего годового завоза [КБЛ, 1888, 5 апр.]. Хлебный товар отправлялся в Вятскую, Вологодскую и Санкт-Петербургскую губернии, а хлеб в зерне и льняное семя – к портам для поставки за границу. И на рубеже XVIII–XIX вв., и через 50 лет в Казани реализовывалось примерно

одинаковое количество хлеба – до 50 млн. пуд. В стоимостном выражении (в ценах середины XIX в.) завозимое зерно, мука, льняное и конопляное семя оценивалось в 2 млн. руб., а вывозимое – в 1,6 млн. руб. сер. [Загоскин, 1895, с.525; КБЛ, 1876, 22 февр.; 1890, 3, 18, 26 июля; 1891, 26 нояб.]. С известной оговоркой можно сделать вывод: в Казани распродавалось лишь 20% товарного хлеба. Зимой в Казань приезжали комиссионеры Военного министерства и закупали зерно, в основном для кавказских войск. От размера их закупок зависели зимние рыночные цены на муку, крупу и зерно, они окончательно устанавливались на местном рынке с прибытием чиновников. Зерно, закупленное казной, хранилось здесь же в амбарах – «хлебных магазинов».

Во второй половине XIX в. Казань сохраняла положение крупнейшего в Поволжье центра по переработке зерна. В городе действовало пять крупных мельниц, две из них работали на паровых двигателях. В 1870-е гг. в стране вырос спрос на муку, а также и цены на нее, стала быстро развиваться сеть железных дорог, что способствовало появлению в Саратове, Самаре, по Оренбургской ветке железной дороги новых мельниц. Подвоз зерна в Казань и объем мукомольного дела сократились, хотя мука казанского помола ценилась очень высоко. По данным Биржевого комитета, в 1871 г. в городе распродавалось 28 млн. пуд. хлебного товара (исключая крупчатку) на сумму более 15 млн. руб. В конце XIX в. с Нижней Волги в Казанскую губ. для переработки в крупчатку поступало свыше 4 млн. пуд. пшеницы в год, перемалывалась большая часть завозимой ржи, а на казанских паровых крупорушках перерабатывалась в крупу вся греча [КБЛ, 1890, 18 нояб.; 1896, 6 нояб.; Казанский календарь, 1872, с.70].

Казань относилась к важнейшим общероссийским центрам рыбной торговли. По данным начала XX в., ежегодная городская распродажа рыбных продуктов составляла около 150 тыс. пуд., или 6% от 2,6 млн. пуд. продукции, поступавшей в Казань. Остальной товар вывозился в Москву, Петербург, на север, северо-восток и, отчасти, на юго-восток Волжско-Камского края [Скоропортящиеся продукты, 1913, с.38–39; Бочагов, 1891, с.155].

Астрахань как главный экспортер этих продуктов, ежегодно поставляла на казанский рынок до 1,9 млн. пуд. рыбы [Скоропортыющиеся продукты, 1913, с.39]. Тесные связи с рыбной столицей Поволжья казанские купцы установили еще в середине 50-х гг. XVIII в., когда началась широкая эксплуатация астраханских рыбных богатств. Вместе с московскими, ярославскими и нижегородскими купцами казанцы занимали ключевые позиции в астраханской рыбной торговле вплоть до 1917 г. [Лаптев, 1861, с.440–441; Казанский календарь, 1872, с.71].

Из Сибири, преимущественно зимой, гужевым транспортом перевозились кета, таймень, шип, нельма, сырок, максун. Из Москвы, Риги и Ревеля везли сельдь, консервы, дорогие сорта рыбы, из Казалинска – аральскую рыбу. Из Архангельска сухопутно через Вятку доставлялись копченая и соленая беломорская сельдь, устюжанские снетки, камбала, треска, архангелогородская и нерченская семга [Скоропортыющиеся продукты, 1913, с.43–45]. Местной рыбой торговали крестьяне и те, кто брал на откуп рыбные ловли. Для нужд казанской промышленности большими партиями заготавливались тюлений и рыбий жир. Через Казань на волжско-камский рынок поступали рыбий клей, икра, визига.

Объем оптовой мясной торговли в Казани был значительно меньше, чем рыбной. В целом из города вывозилось от 10 до 15 тыс. пуд. в Нижний Новгород и Москву, т.е. 20 – 25% ввозимого мяса [КБЛ, 1879, 15 нояб.], остальное потреблялось на месте. На казанский рынок поступали живой скот, мороженые туши, битая птица, засолы разной крепости. Товар закупался в Вятской, Уфимской, Самарской, Саратовской губерниях, в Оренбургском крае и Сибири. В начале XIX в. из Оренбурга и Троицкой крепости ежегодно в Казань перегонялись 50 тыс. баранов киргизской породы, а также крупный рогатый скот, киргизские, башкирские и калмыцкие лошади, из Уральска доставлялись крупный рогатый скот и бараны, с Вятки – низкорослые лошади, известные как «вятские», а также скот, закупленный на местных уездных ярмарках [КИ, 1814, 5, 12 дек.].

В 80-е гг. на казанский рынок поступало до 40 тыс. гол., половину составлял мелкий

рогатый скот. Кроме того, в город ввозилось около 11 тыс. пуд. домашней птицы из уездов Казанской, Вятской и Уфимской губерний, 5 тыс. пуд. дичи доставлялось из лесных районов Казанской, Вятской, Пермской губерний, из северного Приуралья и Сибири [КБЛ, 1879, 15 нояб.; Скоропортыющиеся продукты, 1913, с.24].

На берегу Волги, рядом с железнодорожной переправой, местные мясоторговцы открыли отделения своих предприятий по закупке и откорму птицы. Ежегодно оттуда в Петербург и за границу доставлялось около 50 тыс. пуд. битой птицы из Свяжского, Тетюшского, Ядринского и Чебоксарского уездов Казанской губ., из близлежащих уездов Симбирской губ. Дополнительно из Казани поставляли еще 1,5 тыс. пуд. домашней птицы и 1,2 тыс. пуд. дичи [Скоропортыющиеся продукты, 1913, с.44–45].

Поставкой яиц на внутренний и внешний рынок занимались татарские купцы. Помимо местных розничных торговцев в Казани действовало около 30 крупных фирм, занятых исключительно скупкой и отправкой яиц за пределы губернии. Эти же фирмы специализировались и на оптовой торговле домашней птицей. В 1910 г. на казанский рынок поступило 1695000 пуд. яиц (1 пуд – 250 яиц), в иные годы бывало свыше 2 млн. пуд. Яйца купцы скупали в Казанской, Вятской, Пермской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерниях. В Казани расходовалось до 100 тыс. пуд. яиц, остальной товар вывозился в столицы и за границу, преимущественно на германский, английский, австро-венгерский, голландский рынки [Скоропортыющиеся продукты, 1913, с.13, 18; КБЛ, 1888, 29 авг.].

За навигацию 1872 г. на казанских пристанях было принято около 1300 грузовых судов разных размеров, 720 пассажирских и 360 буксирных пароходов. В затонах около Казани на зимовку оставалось до 300 судов [КБЛ, 1872, 27 янв.; Загоскин, 1895, с.525].

В навигацию 1868 г., которая длилась около шести с половиной месяцев, через городские пристани прошло 41065500 пуд. товара, в т.ч. 32800500 пуд. хлеба, остальное составили сало, кожи, воск, мед, мыло, свечи, рыба, шерсть, овчины, мерлушка, пушнина, щетина. При этом неучтенными оста-

Таблица 39

Торговые обороты по некоторым видам товаров в г. Казани, в которых принимали участие татарские предприниматели в 1869 г. [Обороты, 1870, с.11–12]

Наименование товара	Пуды	Сумма, руб. сер.
Чай кяхтинский байховый (5000 ящ. по 3 пуд. 10 фунт с тарой)	16250	500000
Чай кантонный (25000 ящ. по 3 пуд. 30 фунт с тарой)	93750	3000000
Чай кирпичный мелкий, черный (10000 ящ. по 64 кирпича, весом по 3 пуд. 20 фунт. с тарой)	35000	500000
Чай кирпичный крупный (20000 ящ. по 36 кирпичей, весом по 3 пуд. 5 фунт с тарой)	62500	1000000
Сахар (получаемый из Москвы и Санкт-Петербурга)	300000	2400000
Мануфактурный товар: бумажный, шерстяной, суконный, шелковый	63000	3000000
Меховой товар (помимо поступающих в выделку в скорняжные заведения)	6500	600000
Кожы сырые невыделанные	340000	1200000
Стекло с заводов Казанской губ. (10000 ящ. по 16 пуд.)	160000	200000
Стеклянная посуда завода Желтухина	29720	47750

лись такие «традиционные статьи вывоза», как смола, деготь, корье, лыко, мочало (примерно на 1 млн. сер.) и соль пермская (до 5 млн. пуд.). Отметим, в 1868 г., дополнительно к названной цифре грузооборота пристаней, следует добавить 2 млн. пуд. хлебного груза, который ввезли и вывезли в половодье по Казанке, а 19680000 пуд. хлеба и льняного семени, 2 млн. пуд. сала, поташа, щетины, шерсти, кож, спирта и прочего товара скопилось на пристанях Камы ниже Сарапула, так и не дождавшись очереди для переброски в Казань [НА РТ, ф.1, оп.85, д.72, л.5–7; КБЛ, 1869, 26 янв.].

В начале 1880-х гг., период самый неблагоприятный для казанских деловых людей, ежегодно от Астрахани отправлялось до 150 млн. пуд. груза. За исключением выгруженных в Царицыне 30 млн., в Саратове 7 млн. и Самаре 2 млн., до Казани доходило около 110 млн. пуд. Здесь отправки ожидало еще до 120 млн. пуд. груза, сплавленного по Каме до «Устья». Часть груза (от 30 до 100 млн. пуд.) в зависимости от уровня воды в Волге, на пристани перегружалась с больших судов на мелкие. Вверх по Волге уходило до 230 млн. пуд. груза, большая часть которого предна-

значалась для Нижегородской ярмарки. Вот почему оказались неучтенными топливо, лесные и строительные, поштучные грузы, которые на ярмарке не продавались. Всего в навигацию в этот период вверх и вниз по Волге между Казанью и Нижним Новгородом переправлялось до 320 млн. пуд. разно-го груза [КБЛ, 1883, 13 февр.].

И даже после ввода в действие железной дороги на более дешевые водные перевозки приходилась основная часть нагрузки. По сведениям Министерства путей сообщения, в 1908 г. по Волге в Казань было доставлено 47725000 пуд., а отправлено 14237800 пуд., т.е. общий грузооборот волжских пристаней доходил до 62 млн. пуд., в то время как на ж.д. станции «Казань» было погружено и выгружено примерно 10 млн. пуд. [Значение, 1911, с.VI].

Одним из следствий развития в стране системы путей сообщения стало увеличение числа ярмарок, имевших региональное и, особенно, местное значение.

Ярмарки действовали в Казани, Свияжске, Лаишево, Чистополе, Спасске, Тетюшах и других городах.

Таблица 40

Количество ярмарок в Казанской губернии и их обороты (1860–1900 гг.)
[Республика Татарстан, 2001, с.193]

Год	Выдано торговых свидетельств	Количество ярмарок	Привоз товаров на ярмарку, в руб.	Продажа товаров на ярмарке, в руб.
1860	976	28	628146	229807
1866	12248	41	885377	281043
1870	18155	62	1759685	486342
1875	19104	71	1423730	475450
1880	22157	76	6278950	1533920
1883	24101	74	6765155	2430152
1886	20038	73	7283485	2634466
1890	20167	72	4842773	2200560
1900	30006	80	6536733	2955200

С середины XIX в. быстрыми темпами начинает развиваться торговля на товарной бирже, созданной с целью проведения сделок по продаже товаров. Подавляющее большинство сделок, заключенных на Казанской товарной бирже, открытой в 1868 г., составляли операции с хлебом, что отражало ориентированность местных купцов на расширение хлебной торговли, приносившей достаточно устойчивые доходы на внутреннем и внешнем рынках. Здесь были сосредоточены дела хлебных пристаней Волги, Вятки, Белой, Суры и Камы. На бирже «свидетельствовали» деловые контракты на покупку других видов товаров, недвижимости, на зафрахтовку грузов по водным, сухопутным и железным дорогам. С 1874 г. была разрешена аукционная продажа товаров [КБЛ, 1873, 18 марта; 1874, 17 марта]. В 1882 г. годовой оборот биржи составил более 8 млн. руб. [КБЛ, 1884, 18 янв.]

В 1870 г. одним из маклеров биржи был назначен Г.Ахтямов, в его обязанность входила помощь татарским предпринимателям по налаживанию деловых контактов с русскими купцами и промышленниками, информирование о конъюнктуре на рынке, консультации при заключении торговых договоров. Но большинство купцов из татар игнорировали Казанскую биржу: не входили в ее члены, не посещали собраний.

Причин тому было множество. В частности, их не устраивала нацеленность биржи на операции с зерном, мукой и крупой – этим влиятельные татарские купцы не тор-

говали. Татарским предпринимателям был чужд русский язык, на котором заключались договоры: они не доверяли иноверцам и вообще вели дела без составления бумаг, на «вере». Вот почему татары предпочитали заключать контракты между собой в гостиницах и чайных на Сенном базаре.

Сенной базар был одной из главных достопримечательностей Казани, ядром татарской части города, островком, где сохранился ярко выраженный восточный колорит, что неизменно притягивало сюда гостей города. Когда в середине XIX в. на углу Сенной улицы и базарной площади построили Сеннобазарную соборную мечеть, облик базара сформировался окончательно. Вокруг мечети выросли караван-сарай, доходные дома, в которых разместились гостиницы и номера, постоянные дворы, трактиры, чайханы, бани, ремесленные мастерские и, конечно же, лавки. Постепенно торговая площадь застраивалась каменными зданиями, и число торговых заведений резко возросло. В 1882 г. на Сенном базаре действовало свыше 200 лавок [Кузьмин, 1977, с.138].

Сенной базар служил и своеобразной «Татарской биржей», где обыкновенно совершались торговые сделки и начиналась карьера большинства купцов-мусульман [Прокофьев, 1910, с.193]. На левой стороне Сенной площади и примыкающих к ней улицах располагались одноэтажные лабазы, занятые лавками и складами со сводами без окон, «большими дверьми в два раствора» [Хвостов, 1922, с.192]. На правой стороне,

Тимербулат Курамшевич
Акчурин. Фото кон. XIX в.

Хасан Тимербулатович Акчурин.
Фото нач. XX в.

Ибрагим Курамшевич
Акчурин. Фото нач. XX в.

на первых этажах каменных домов, которые растянулись на два квартала, размещались лавки. Магазины, рассчитанные на состоятельного покупателя, находились на Сенной улице в усмановском корпусе (он относился к зданиям Гостиного двора). Богачи охотно посещали лавки, пристроенные к соборной мечети и находившиеся на первых этажах доходных домов.

Во второй половине XIX в. в лавках торговало именитое татарское купечество – братья Юнусовы (чай, кожи, сало, свечи, мыло), Ахметзян Сайдашев (чай, сахар), Измаил Апаков (мануфактура). Муртаза Усманов имел широкие экономические связи с городами Средней Азии и Китаем, предлагал покупателю большой выбор «восточных товаров», как и купцы-миллионеры Мухаммадвалей Тойкич и Мухаммадзян Казаков. Муртаза Азимов, дополнительно к этим товарам, сбывал продукцию со своей китайской фабрики. Купец Мухаммадзян Галеев торговал национальной обувью, считавшейся лучшей в Казани. Он располагал изделиями 92 модификаций, «крайне разнообразных по своему характеру» [КБЛ, 1891, 21 апр.]. Мухаммадзафа Сабитов специализировался на продаже «азиатских» головных уборов.

В начале XX в. торговые заведения 1-го разряда, приносящие доход свыше 20 тыс. руб., на Сенном базаре имели купцы Мухаммадбатретдин Апанаев (сырье, пушнина, сало, шерсть), Салих Губайдуллин (мануфактура), Абдрахман Ишмуратов и Мухаммадгариф Утямышев (чай), Ахмет Хусаинов

(сукно, сырье, хлеб), Абдурахман Галикеев (мыло) [Вся Волга, 1907, с.57; Адресная книга, 1906, с.3–95]. Мясо продавалось в 20 лавках базара, их арендовали у города Абсалямов, Фаткуллин, Бакшеев, Каргин и др., а самый большой подвал для хранения мяса под Юнусовской мечетью снимал купец Михменев [КБЛ, 1879, 15 нояб.; 1890, 29 апр.; 1892, 11 апр.]. Вместе с татарскими купцами в лавках торговали русские и даже персы, у которых на продажу выставлялись ковры, платки и ткани [НА РТ, ф.98, оп.1. д.321, лл.350–350об.; КБЛ, 1886, 24 янв.; Вся Казань, 1899, с.239; Пинегин, 1890, с.594].

Самый большой оборот на Сенном базаре давал торг скотом (особенно лошадыми), проходивший каждый понедельник.

К концу XIX в. в экономической жизни татарской нации прочно утвердились рыночные принципы хозяйствования, что нашло отражение в ряде фактов. Во-первых, национальная промышленность и торговля практически полностью были ориентированы на свободный рынок. Во-вторых, под влиянием рыночной конкуренции и соотношения спроса и предложения происходила активная миграция капитала и трудовых ресурсов из одних отраслей и регионов в другие. В-третьих, динамика развития торгового и промышленного капитала национальной буржуазии полностью зависела от состояния рыночной конъюнктуры, ярко отражала неустойчивый и циклический характер рыночного хозяйства.

Проникновение рыночных отношений в среду татар вызвало серьезные изменения в социальной структуре татарской нации, началось институциональное оформление основных атрибутов рыночной социально-экономической системы и, в первую очередь, становление национального предпринимательства.

Корпус татарских предпринимателей был представлен в основном промышленниками

и коммерсантами, в гораздо меньшей степени – финансистами и банкирами. Причем в пореформенный период татарские предприниматели сумели прочно обосноваться в ряде отраслей промышленности и торговли, укрепить свои позиции на внутреннем рынке, а некоторые (Хусаиновы, Акчурины, Дебердеевы, Сайдашевы, Агишевы, Ижболдины и др.) даже вошли в состав экономической элиты России.

§ 6. Ремесленное и промышленное производство

Марат Гибадуллин, Людмила Свердлова

С отменой крепостного права в России сложились благоприятные условия для расширения сферы промышленного предпринимательства. По всей стране стали открываться предприятия мануфактурного и фабрично-заводского типов. Уже в первые пореформенные годы инвестиции татарских предпринимателей в сферу материального производства достигли значительных масштабов. В этот период национальный капитал основательно укрепился в ряде отраслей обрабатывающей промышленности Поволжья и Урала. Татарские капиталисты вкладывали средства в различные производства.

Пути вовлечения торгового капитала татарской буржуазии в сферу производства были те же, что и по всей России. Это достигалось посредством утверждения господства торговых посредников над индивидуальными товаропроизводителями и приводило, как правило, к разорению последних, превращению их в наемных рабочих, работающих на дому. Характерным в этом отношении являлось развитие рогожного промысла.

Особенность развития промышленности у татар в этот период заключалась в том, что абсолютное большинство предприятий татарских предпринимателей создавалось на средства представителей торгового капитала. Это находило подтверждение в данных официальной статистики. Так, в 1862 г. в Казанской губ. из 63 производственных предприятий, принадлежавших предпринимателям-татарам, 40 (63%) находились в руках купцов, в то время как в среднем по губернии – лишь 43% [Памятная книжка, 1863, с.132]. В пореформенный пе-

риод у татар успешно развивалось бумаготкацкое производство, сосредоточившееся, главным образом, в Казанской и Вятской губерниях. Одним из первых в Казанской губ. бумаготкацкую фабрику основал преуспевающий торговец, купец Мухаммадсадык Бурнаев. На его мануфактуре в Царевококшайском у. работало до 300 чел. и производилось товаров на 50 тыс. руб. в год [НА РТ, ф.81, оп.11, 1870 г., д.110а, л.37, 218].

Вскоре подобными предприятиями обзавелись и другие татарские предприниматели, также представители торгового капитала – 1-й гильдии купец Мухаммадгали Усманов, 2-й гильдии купец Мустафа Якупов и др. (Казанская губ.), купцы Утямышевы (Вятская губ.). Всего же к 1867 г. в руках предпринимателей-татар оказалось 8 из 12 действовавших в регионе бумаготкацких фабрик с общим числом рабочих 353 чел. и суммой производства свыше 135 тыс. руб. в год [Тимерязев, 1869, с.1].

Быстрыми темпами развивалась у татар суконная промышленность. Первые суконные фабрики татарские предприниматели приобрели еще накануне реформ. К 1867 г. татарские предприниматели имели 6 суконных фабрик в Поволжье, где работало свыше 4 тыс. чел. и производилось продукции на 961 тыс. руб. в год [Тимерязев, 1869, с.27–28].

Татарский национальный капитал продолжал играть существенную роль в традиционных для него сферах производства. Татарские капиталисты строили кожевенные, мыловаренные, шерстомойные, меховые, салотопенные заводы, суконные и бумаготкацкие фабрики, мельницы, пред-

Таблица 41

Капитал татарских предпринимателей в отдельных отраслях промышленности Поволжско-Уральского региона в 1884 г.

Вид производства	Принадлежало татарским предпринимателям от числа действовавших, в %		
	фабрик	кол-во рабочих	объем производства в денежном выражении
Суконное	32,0	53,9	40,9
Мыловаренное	13,0	18,8	24,5
Бумаготкацкое	6,6	8,0	59,2
Скорняжное и овчинное	1,3	28,1	21,8
Салотопенное	12,4	8,9	5,7
Спичечное	13,3	17,2	10,8
По всем производствам	1,1	7,6	2,3

приятая по обработке дерева, открывали типографии. Национальный капитал активно осваивал новые отрасли промышленности: стекольную, нефтеперерабатывающую, химическую, металлообрабатывающую и др. Но для него были недоступны многие отрасли тяжелой промышленности, а ислам запрещал заниматься производством вина, табачных изделий.

Если говорить о развитии в целом, то можно отметить, что в пореформенный период предприниматели из татар сумели занять весьма прочные позиции в ряде отраслей промышленного производства. Рассмотрим этот процесс на материале Волго-Уральского региона.

Данные табл.41 за 1884 г. свидетельствуют о сильных позициях татарских промышленников в суконном производстве: им принадлежала почти 1/3 всех действовавших предприятий, которые давали около 41% общего объема производства и где было сосредоточено более половины рабочей силы всех предприятий, принадлежащих татарским купцам.

Этот процесс был замечен и в мыловаренной промышленности: татарские промышленники владели 13% предприятий, занимали до 19% рабочих и держали в своих руках около четверти рынка сбыта продукции данной отрасли. В бумаготкацком и скорняжно-овчинном производствах, несмотря на незначительное число предприятий, принадлежавших татарским промышленникам, их доля по числу рабочих и объемам выпускаемой продукции была весьма заметной.

Причин, позволивших национальному промышленному капиталу закрепиться в этих сферах промышленного производства, было несколько. Во-первых, это были традиционные для татарских предпринимателей области приложения капитала. Во-вторых, на этапе становления рыночного хозяйства, в период промышленного капитализма крупный бизнес еще не успел прочно обосноваться и монополизировать производство в этих отраслях. В-третьих, насыщенность капиталами здесь была недостаточна, и татарские предприниматели имели широкий простор для вложения средств и получения значительной прибыли.

Следует подчеркнуть, что доля предприятий, принадлежавших татарской буржуазии в общем объеме производства, если взять все отрасли промышленности Поволжья и Урала, была не столь велика – немногим более 2%. Сказался недостаток накопленного капитала, поскольку процесс первоначального накопления в татарском обществе начался со значительным опозданием и протекал при менее благоприятных условиях. Необходимо также отметить, что к 1884 г. практически полностью сложилась отраслевая структура размещения национального промышленного капитала.

В пореформенную эпоху главную роль в татарском предпринимательстве стала играть суконная промышленность, где была задействована основная масса рабочих (77,7%) и производилось более 55% объема промышленной продукции всех предприятий, принадлежавших татарам. Значительные капиталы татарских промышленников

были вложены в бумаготкацкое и мыловаренное производство.

Распределение промышленных предприятий по отдельным губерниям, было неравномерным. К 1867 г. татарским предпринимателям в Поволжье, за исключением Казанской губ., принадлежало 6 суконных фабрик (Акчурины, Дибердиевы, Алеевы, Агишевы, Бахтеевы, Кильдеевы), на них работало свыше 4 тыс. чел. и производилось продукции на 961 тыс. руб. в год [Подсчитано по: Тимерязев, 1869, вып.1, с.27–28]. Наиболее крупные фабрики располагались в Симбирской губ., являвшейся главным центром суконной промышленности Поволжья. Китаечные фабрики Мустафы Азимова и Измаила Якупова продолжали производить ткани в Казани, Махмута Абдрашитова – в Царевовокшайском у. Казанской губ. В 1860-е гг. Симбирская и Казанская губернии были основными центрами сосредоточения татарского промышленного капитала. Здесь производилось свыше 67% валовой продукции, было занято более 75% рабочих, трудившихся на предприятиях татарских капиталистов.

В 1861 г. в Казани из шести предприятий по обработке кожи два принадлежали татарским купцам – Муртазе Азметьеву и братьям Юнусовым.

Вместе с тем, по мере эволюции капиталистических отношений Казанская губ. постепенно утрачивала значение главного центра сосредоточения национальной промышленной буржуазии. Это было обусловлено тем, что здесь в отраслях традиционных для приложения национального капитала появился ряд крупных промышленных предприятий, организованных представителями крупного столичного бизнеса и иностранными капиталистами. Располагая огромными ресурсами и широкими возможностями, они постепенно монополизировали производство, вытесняя с рынка мелких и средних предпринимателей. Не обладая достаточными капиталами и не имея возможности конкурировать с монополистами, последние, а большинство татарских промышленников относились именно к этой категории, устремлялись в те отрасли и те регионы, в которых завоевание рыночной ниши было возможно с наименьшими издержками.

Не случайно в XIX в. татарский промышленный капитал прочно обосновался в Симбирской и Оренбургской губерниях, которые в экономическом плане были далеко не самыми развитыми. Это явление особенно отчетливо проявилось в начале XX в.

В конце XIX – начале XX в. в Касимове наибольшего расцвета достигло меховое производство³⁴.

Известный московский предприниматель Ариф Бурнашев создал предприятие по очистке козьего пуха. Сырье он закупал преимущественно в Оренбургской губ., перерабатывал и очищал в родном селе Азеево (Рязанская губ.), а затем оптом реализовывал в Москве [Ислам, 2009б, с.13–14]. М.А.Дебердеву принадлежала шерстомойка в с.Балтин Самарской губ., в конце XIX в. в той же губернии Дебердевым принадлежали два шерстомоечных предприятия, Ф.Х.Терегулову – одно [Торгово-промышленная, 1899, с.63–64]. В Оренбургской губ. Махмуту Хусаинову принадлежала овчинно-шубная фабрика по обработке шерсти. Отметим, что купец владел 11 торгово-промышленными конторами в 8 городах России и 3 конторами за границей: в Берлине, Константинополе и Кабуле.

Татарские купцы Хусаиновы, Яушевы, Абдрашитовы и др. открывали салотопни, кожевенные заводы, мыловарни, скотобойни, склады и торговые дома на территории современного Казахстана – в Актюбе, Иргизе, Карабутаке, Троицке, Петропавловске, Верном. Среди татарских предпринимателей Казахстана следует отметить Бирушева, Муратова, Акчуриных, Тюменевых, Шамсутдиновых, братьев Табеевых, Валита Янгузарова, Каиповых. Крупнейшими предпринимателями были Мусины: они владели мукомольным заводом в Семипалатинске, 50 пароходами, имели разветвленную сеть магазинов.

³⁴ Так, завод А.Х.Кастрова в 1913 г. производил 1,5 млн. мерлушек в год. На меховой фабрике Х.Б.Мусаева трудилось 60 рабочих, годовой доход предпринимателя составлял почти 50 тыс. руб. В меховое производство вложили средства Х.Х.Танеев, Х.Х.Акбулатов, М.В.Девишев, Вергазовы. Всего в начале XX в. в Касимовском у. Рязанской губ. функционировало 9 крупных меховых заведений, принадлежавших татарам, с общим оборотом 3640000 руб. [Ислам, 2009б, с.285–286].

Таблица 42

Влияние экономического кризиса 1890 г. на развитие промышленного капитала татарской буржуазии [Орлов, 1894]

Производства	Число предприятий	Число рабочих	Сумма производства
	в % к 1884 г.		
Суконное	100,0	80,1	70,1
Мыловаренное	41,6	39,7	18,4
Бумаготкацкое	100,0	43,2	61,7
Салотопенное	75,0	57,1	56,6
Скорняжно-овчинное и кожевенное	33,3	169,5	143,5
Спичечное	150,0	302,5	450,0
По всем производствам	91,2	83,4	64,6

Татарские предприниматели сумели проникнуть и в ранее недоступную для них золотодобывающую промышленность. Еще в конце 60-х гг. XIX в. на Урале оренбургские купцы Мухаммадзакир и Мухаммадшакир Рамиевы, Мусины вели золотодобычу на рудниках Алтая и Восточного Казахстана. По далеко не полным данным по Уральскому горному округу, в 1897 г. татарскими предпринимателями было подано не менее 18 заявок на добычу золота [подсчитано по: Вестник золотопромышленности, 1898, №3–4, 12].

Отметим, что спад деловой активности, наблюдавшийся в империи в годы экономических кризисов 1866, 1873, 1882–1883 и 1890 гг., не мог не затронуть своим влиянием и татарский промышленный капитал. Рассмотрим последствия промышленных кризисов для национального татарского капитала на данных 1890 г.

Данные табл.42 позволяют утверждать, что экономический кризис затронул все основные отрасли национальной промышленности, за исключением кожевенной и спичечной. В наибольшей степени пострадало мыловарение: производство мыла сократилось более чем на 80%. После кризиса татарскому промышленному капиталу так и не удалось восстановить былое влияние в этой отрасли.

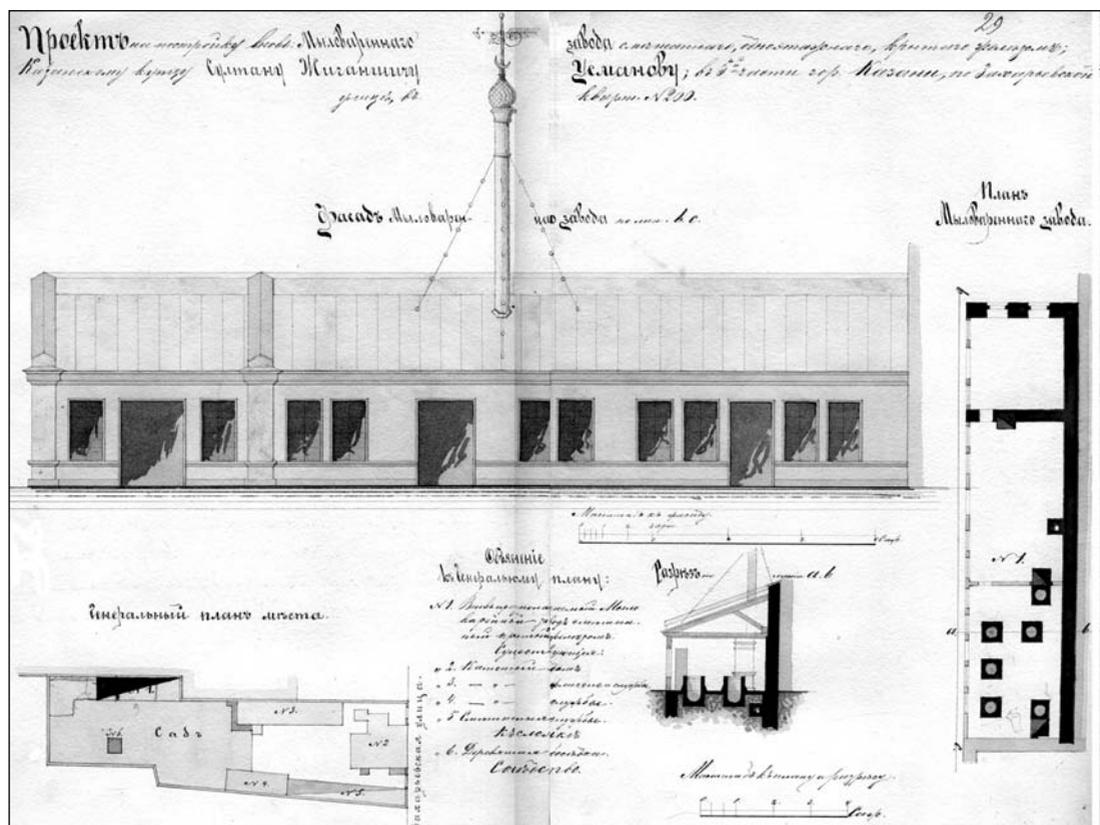
Глубокий спад переживали также суконные, бумаготкацкие фабрики и салотопенные заводы татарских предпринимателей. Причем национальный капитал тяжелее приспособлялся к последствиям кризиса и медленнее восстанавливался в период

подъема. Так, в России за тот же период объем производства по основным отраслям обрабатывающей промышленности в целом вырос на 10%. Сокращение производства за это время наблюдалось только в суконной (на 18,7%) и кожевенной (на 28,8%) промышленности [подсчитано по: Струмилин, 1966, с.442, 445].

Данная особенность развития национального промышленного капитала была обусловлена тем, что предприниматели-татары осуществляли промышленную деятельность преимущественно в форме мелкого и среднего предпринимательства, а оно в значительно большей степени подвержено пагубному воздействию кризисов, чем крупный капитал.

Несмотря на экономический спад, большая часть предприятий татарских капиталистов сумела выстоять и продолжить свою деятельность. Промышленный подъем 1890-х гг. коснулся и Волго-Уральского региона. Например, в Казанской губ. за тот же период объем промышленного производства вырос с 12,7 до 14,1 млн. руб. [Памятная книжка, ч.2, 1892, с.62; Адресная книга, ч.3, 1900, с.43].

Не отставала от общих тенденций и татарская буржуазия. Обороты производственных предприятий татарских предпринимателей неуклонно возрастали. Если в 1890 г. только по Казанской губ. они составили 592 тыс. руб., в 1893 г. – 648 тыс., то в 1896 г. – уже 943,5 тыс. руб. [подсчитано по: Орлов, 1894; НА РТ, ф.1153, оп.1, д.1а; ф.359, оп.1, д.259], т.е. за 6 лет увеличились на 59%.

Проект на постройку мыловаренного завода на Захарьевской ул. Казани, сделанный по заказу казанского купца Султана Жиганшина. 1898 г.

Наряду с ростом производства происходили важные изменения в структуре организации промышленной деятельности. В 1893 г. предприниматели Т.К.Акчурина и Я.С.Акчурина создали в Симбирской губ. «Товарищество Тимербулата Акчурина» и «Товарищество Старо-Тимошкинской мануфактуры Акчуриных» с основным капиталом 300 тыс. руб., разделенным на 300 паев по 1000 руб. каждый. Главой фирмы стал Сулейман Акчурина [Хасанов, 1977, с.211].

В 1894 г. казанский предприниматель, 1-й гильдии купец Ахметзян Сайдашев учредил в Казани торгово-промышленное товарищество на паях «А.Сайдашев с сыновьями». Его основной капитал составлявший 500 тыс. руб., был разделен на 500 паев по 1000 руб. каждый. Основной целью товарищества провозглашалось развитие стекольного производства и чайной торговли в Казани и других городах империи [НА РТ, ф.98, оп.3, д.1133, л.44]. Однако его хозяйственная деятельность осуществлялась преимущественно на заемные средства. В период экономического кризиса, разразившегося в конце 90-х гг. XIX в., спустя четыре года после открытия произошел крах акционерного общества.

В 1895 г. в Симбирской губ. было образовано «Торгово-промышленное товарищество Т.Акчурина», в состав которого вошли находившиеся здесь же суконные фабрики, а также небольшой лесопильный завод. Основной капитал фирмы составил 1 млн. руб., впоследствии он был увеличен в 2 раза. К 1911 г. на принадлежавших ему суконных фабриках трудилось около 2,4 тыс. чел., выпускалось различных товаров более чем на 2 млн. руб. [Июксимович, 1912, табл.8].

Еще одно акционерное общество было образовано в 1897 г. братьями Дебердеевыми в Саратовской губ. Оно также занималось суконным производством. Капитал составлял 500 тыс. руб. и был разделен в основном между самими учредителями [Хасанов, 1977, с.212].

Еще одно акционерное общество было образовано в 1897 г. братьями Дебердеевыми в Саратовской губ. Оно также занималось суконным производством. Капитал составлял 500 тыс. руб. и был разделен в основном между самими учредителями [Хасанов, 1977, с.212].

В начале XX в. татарские капиталисты продолжали создавать акционерные компании в различных отраслях промышленности.

В 1905 г. начало действовать торгово-промышленное товарищество купца М.М.Мансурова, специализировавшееся на переработке сельскохозяйственных продуктов. Ему принадлежали две паровые мельницы и солодовенный завод в Пермской губ. (капитал – 150 тыс. руб.) [Хасанов, 1977, с.216].

С 1912 г. в Симбирской губ. развернуло активную промышленную деятельность «Товарищество Тепловской суконной мануфактуры А.Агишева» с основным капиталом 400 тыс. руб. Уже в первый год своего существования компания получила прибыль в 57 тыс. руб. [Акционерно-паевые, 1915, с.271].

Помимо создания собственных акционерных обществ татарские капиталисты участвовали своими капиталами в деятельности других торговых и промышленных фирм.

В авангарде промышленного переворота у татар стояло суконное производство, хотя в общероссийском масштабе оно отставало по уровню развития, например, от хлопчатобумажной промышленности. На долю предприятий этой отрасли приходилось в 1884 г. 88,6% всей энергетической мощности предприятий татарских капиталистов, а в 1890 г. – 95,4%.

Наиболее состоятельные предприниматели из числа татар обзавелись машинной техникой еще в конце 50-х гг. XIX в. А уже к 70-м гг. в руках татарских фабрикантов сосредоточилась значительная часть основных фондов предприятий суконной промышленности Поволжья. Например, в Симбирской губ. из 17 суконных фабрик 7 (41%) принадлежали татарам. На их предприятиях действовало 38% ручных и 63% механических ткацких станков [подсчитано по: Симбирский сборник, 1870] от общего количества механизмов, применяемых в суконном производстве губернии. На суконных фабриках, принадлежавших татарам, было установлено 8 (32%) паровых машин, сконцентрировавших 44% мощности всех суконных фабрик [подсчитано по: Орлов, 1884].

Высокой технической оснащенностью отличался ряд предприятий. Самая крупная

фабрика была расположена в д.Ст. Тимошкино Симбирской губ., принадлежала она купцу Сулейману Акчуруну³⁵. Как отмечалось в одном из официальных изданий, «фабрика эта по материальным средствам и оборотным капиталам преобладает над всеми фабриками губернии» [Липинский, ч.2, 1868, с.88].

На фабрике купца А.Алеева в с.Екатериновка той же губернии действовало 72 ткацких станка, 110 механизмов и паровая машина мощностью 20 л.с. [Симбирский сборник, т.2, 1870, с.90].

Суконную фабрику в с.Мулловка Самарской губ. купил купец Х.Алеев, который для нужд производства приобрел 300 веретен, 70 ткацких станков, паровую машину и паровой котел общей мощностью 37 л.с. [Орлов, 1887, с.18].

За годы промышленного переворота основные фонды, задействованные в промышленном производстве у татарских фабрикантов, заметно возросли. В этот период произошло существенное обновление производственно-технической базы большинства предприятий. Предприниматели регулярно пополняли основной капитал, приобретали новое оборудование, реконструировали производственные помещения, заменяли обветшалые деревянные постройки более долговечными и прочными каменными корпусами, проводили на свои предприятия электрическое освещение и водопроводы. Например, на фабрике Тимебулата Акчурина с 1884 г. по 1890 г. количество ваточных аппаратов увеличилось с 19 до 43, веретен – с 3 920 до 4 900, ткацких станков – с 168 до 312, а энергетическая мощность предприятия выросла до 160 л.с.

Техническую реконструкцию провел на своей фабрике и Х.Алиев. Вместо прежних деревянных строений он выстроил каменный корпус, где полностью сосредоточил весь процесс изготовления сукон. Было также обновлено оборудование фабрик: установлена более мощная паровая машина (мощностью 55 л.с.), заменена техника прядильного отделения [Сударев, 1963, с.32]. В

³⁵ На фабрике было установлено 4443 веретена, 198 ткацких станков, в т.ч. 19 механических, 143 специальных аппарата. Станки приводились в действие двумя паровыми машинами общей мощностью 60 л.с. [Симбирский сборник, 1870, с.92].

Таблица 43

Рост энерговооруженности на предприятиях татарских суконных фабрикантов за 1884–1890 гг. [табл. составлена по: Орлов, 1887; 1894])

Энерговооруженность	1884 г.	1890 г.
На одного рабочее место	0,07	0,13
На одно предприятие	20,8	48,4

1894 г. на фабрике появились первые 10 механических ткацких станков [Сударев, 1963, с.138].

Как видно из данных табл.43, благодаря технической модернизации производства энерговооруженность предприятий татарских капиталистов Поволжья в данной отрасли в период промышленного капитализма заметно возросла: в расчете на одно рабочее место – на 85,7%, в расчете на одну фабрику – на 71%.

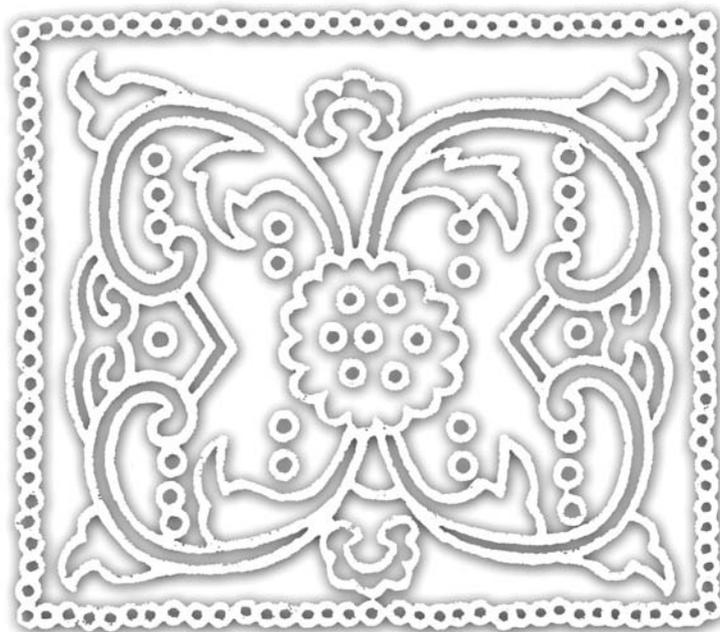
Помимо суконного производства механизация труда затронула и некоторые другие отрасли промышленности у татар, хотя и в значительно меньшей степени. Татарские капиталисты имели паровые мельницы, мыловаренные и салотопенные заводы. Так, в 1888 г. в Казани преуспевающий местный купец Мухаммадгариф Утямышев открыл бумаготкацкую фабрику. Она была оборудована паровой машиной мощностью 6 л.с. и другой техникой. На фабрике трудилось около 50 чел., ежегодно производилось товаров на сумму до 150 тыс. руб. [Каталог, 1890, с.27]. В те же годы в Оренбурге купец Ахмет Хусаинов основал небольшой проsoapдирочный завод с паровым двигателем. На нем ежегодно вырабатывалось более 3 тыс. пуд. проса, которое отправлялось в Санкт-Петербург, Москву и другие города [Каталог, 1890, с.41].

Однако в целом промышленный переворот у татарских предпринимателей проходил более медленными темпами и к концу XIX в. еще окончательно не завершился.

Одна из причин такого отставания была связана с тем, что промышленный переворот затронул прежде всего более развитые в экономическом отношении Московскую и Петербургскую губернии, Прибалтику и юг России. Значительно позже он охватил Поволжско-Уральский регион. Здесь даже в начале XX в. многие отрасли оставались на стадии мануфактурного производства. Кроме того, национальный капитал, функционировавший преимущественно в некрупных промышленных центрах, отставал по масштабам накопления от конкурентов. Недостаток оборотных средств, усугубившийся в результате промышленного кризиса начала 90-х гг., дороговизна машинного оборудования, значительная часть которого ввозилась из-за границы, сдерживали прогресс в техническом переустройстве производства. И, наконец, нехватка подготовленных специалистов, слабая информированность о новейших технических достижениях и возможностях их практического использования не позволяли татарским предпринимателям своевременно расширять сферу применения машинной техники.

Раздел IV

Татары в системе международных отношений России и в общественно-политических событиях

ГЛАВА 1

Татары в отношениях России со странами Востока

§ 1. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком

Владимир Шкунов

Торгово-хозяйственные взаимоотношения в дореформенный период

Уходившие корнями вглубь веков торговые связи татар с народами Востока, несмотря на сложные периоды истории татарского народа, заложили особый фундамент национального предпринимательства и национальной философии торговли. Внешнеторговая деятельность татар регламентировалась как действующим российским законодательством, так и основами шариата. Поэтому не случайно мусульманское право сближало татарских купцов с их торговыми партнерами из стран Востока, определяло правила торговли на рынках Азии, с его помощью разрешались споры и взаимные претензии торговцев, что было особенно важно в условиях отсутствия дипломатических и консульских отношений Российской империи с некоторыми восточными государствами.

Татары в странах Востока и проблемы развития внешней торговли. Нередко татар, владевших восточными языками и хорошо знавших общественное устройство и обычаи народов Азии, привлекали для государственной службы. Среди них было немало людей с необычной судьбой. Так, уроженец д.Стерлибашево Оренбургской губ. Абдулла Амиров более двадцати лет прожил в Индии, вернулся на родину он в марте 1806 г. Поскольку А.Амиров владел «тремя индийскими языками и афганским», его определили в качестве переводчика в Оренбургскую пограничную комиссию. Вместе с казанским купцом Шахмуратовым, который также жил в Индии, А.Амиров подготовил описание «Об индейском владении и народе, в оном обитаемом» [Шкунов, 2007, с.354–355]. В нем, в частности, представлены ценные сведения о российско-индийских

торговых связях. Амиров и Шахмуратов отмечали, что в Индии большой популярностью пользовались юфть, козлы, сафьяны и другие товары из России. Судя по описанию, некоторые изделия были изготовлены в Казанской и Оренбургской губерниях. Таким образом, татарские купцы, путешественники внесли значительный вклад как в расширение знаний об Индии, так и в развитие российско-индийской торговли: традиции, заложенные еще в середине XVIII в. (в 1750 г. татарский купец Абдулла Сеитов дал описание путей в Индию и в ханства Средней Азии. – *В.Ш.*), были приумножены в последующие десятилетия.

В первой половине XIX в. в российском пограничье увеличилась численность татарского населения. Так, если в Оренбургском у., по данным 5-й ревизии, в 1795 г. проживало 14,6 тыс. татар, в 1834 г. – 25,7 тыс., то в 1858 г. – 46,9 тыс. [Зобов, 1997]. Выросло и число татар, проживавших в сопредельных странах Востока. Об этом, в частности, сообщали российские посланники, посещавшие государства Азии с дипломатическими и иными миссиями. Так, прапорщик А.Субханкулов в 1808 г. сообщил о письме, адресованном российскому императору, о 130 беглых российских мусульманах, которые просили разрешения вернуться на родину [ГАОО, ф.6, оп.10, д.291, л.137]. Всего же, по мнению прапорщика, в Бухаре, Хиве, Самарканде, Ширсябзе и других городах Средней Азии проживало до 5000 беженцев [ГАОО, ф.6, оп.10, д.291, л.137]. Другой посланник, переводчик Оренбургской пограничной комиссии П.И.Демезон, будучи в Бухаре, отмечал, что «взгляды бухарцев находятся под существенным влиянием татарподданных России, живущих на ее окраинах

и торгующих с киргизами и государствами Туркестана» [Записки, 1983, с.21]. В своем отчете Демезон указывал, что влияние татар в ханствах Средней Азии было достаточно высоким, что, в частности, объясняло «хорошее расположение бухарского правительства» к татарским торговцам. По сведениям российских посланников, число татарских купцов в первой трети XIX в. увеличивалось с каждым годом. Так, в Бухаре несколько караван-сараев занимали исключительно татарские купцы, их приказчики и рабочие: Сарайи Нугай, Сарайи Кулюта, Сарайи Аёз и др. Кроме того, в Бухаре и других крупнейших городах Средней Азии проживало немало российских татар, обучавшихся в местных медресе, что свидетельствовало об устойчивых культурных и конфессиональных связях Казанского края и других регионов Российской империи, где проживали татары, со среднеазиатским регионом.

Государственно-правовое регулирование паспортного режима и порядка пересечения границы с торговыми целями. В 1807 г. императорским указом был определен паспортный режим пересечения границы для российских подданных, в т.ч. для купцов. При этом губернские власти не имели права выдавать паспорта, что создало определенные трудности. Вот почему на практике в первые годы после опубликования указа его требования нередко нарушались. Так, оренбургский военный губернатор князь Г.С.Волконский сделал командиру войск 30-й дивизии в Томске генералу Г.Глазенапу замечание по поводу беспрепятственного пропуска купцов, не имевших паспортов, за границу. Генерал же так пояснил свои действия: «... воспрепятствовать магометанам, в российском подданстве находящимся, проезжать за границу такого права не имеет, ибо им позволено то Высочайшею Волею для производства торговли с отдаленными даже провинциями, как-то: китайскими пограничными городами, Кашмиром и Ташкинию, нежели делать таковое запрещение, то столь значительная торговля, приносящая пользу государству, должна прекратиться, поелику русские купцы от незнания татарского языка и обычаев редко отправляются сами за границу и нанимают всегда и в приказчики, и в работники из магометан»

[ГАОО, ф.6, оп.10, д.402, л.89об.]. Следует заметить, что официальная переписка, а также законодательные акты рассматриваемого периода остаются ценными источниками по истории отечественной внешней торговли в целом и истории татарского купечества в частности. Это, к примеру, относится к законодательным актам, регламентировавшим порядок выезда россиян за границу и выдачи им заграничных паспортов.

От уплаты за выдачу паспорта (за исключением стоимости самого бланка – 50 коп.) освобождались купцы, записанные в гильдии или цехи, а также паломники, совершавшие хадж в Мекку. Законодательно устанавливался и порядок получения паспортов. Так, сибирские татары, которые отправлялись по торговым делам в страны Востока, получали паспорта непосредственно в уездных полицейских управлениях. Для выезда в Синьцзян на основании Кульджинского трактата от 21 июля 1851 г. кроме паспорта необходимо было получить специальный билет, который выдавался начальнику или старшине купеческого каравана в Семипалатинской, Петропавловской, Троицкой таможнях и в Усть-Каменогорской заставе [Никонов, 1869, с.554]. Кроме того, о каждом отправляемом в Кульджу или в Чугучак караване таможенное руководство сообщало российским консулам в Синьцзяне, направляя список всех купцов и краткую ведомость досмотренных на таможне товаров. Такой же порядок существовал и при отправке каравана из Синьцзяна в Россию.

Татарские купцы, выезжавшие по торговым делам в Монголию, должны были получить от пограничных властей свидетельства на русском, китайском и монгольском языках, в которых указывались имя торговца, количество и качество товара, число тюков, верблюдов, волов или лошадей. Торговля в Монголии без свидетельств запрещалась. За этим строго следил российский консул в Монголии.

Для выезда в Тяньзинь купцы снабжались билетами, которые заверялись дзаргучеем в Маймачине. Билет выписывался на русском и китайском языках. В этом документе указывались имя караванного старшины, имена купцов, количество и вид товара, число тюков. Также караваны, следовавшие в

Тяньзинь, должны были не отклоняться от маршрута через Калган, Дунь-ба и Тунь-Чжоу [Никонов, 1869, с.555].

Нередко путешествия татарских купцов в страны Востока длились по нескольку месяцев, а порой и лет. Российское законодательство того времени разрешало купцам, торговавшим в странах Востока, оставаться там на срок до 7 лет. При этом процентные с капитала деньги, а также гильдейские сборы вносились ими вперед только за один год; остальные платежи производились по возвращении купцов в Россию. Некоторые татарские торговцы подолгу жили не только в ханствах Средней Азии, но и в Турции и в Иране. Законом было установлено: в случае, если татарские торговцы задерживались в Турции сверх установленного в паспорте срока, они имели право запросить в губернских администрациях по месту своего жительства в России новые паспорта, которые пересылались при содействии российских миссий. Примечательно, что в законе было прямо указано на то, что многие отечественные торговцы «проживают в чужих краях десятки лет» [Никонов, 1869, с.558].

Таким образом, к середине XIX в. в Российской империи сложились основы законодательства, регламентировавшие порядок выезда за границу, восстановления подданства, временного пребывания за рубежом, что напрямую касалось внешнеторговой деятельности татарского купечества.

Казанский край в системе российско-восточной торговли. В 1815 г. в газете «Северная почта», отмечая достижения отечественной мануфактурной промышленности, констатировалось: «Это развитие отразилось и на другом конце европейской России: в Казани, где торговая деятельность приняла значительные размеры и сделала этот город при положении его на р. Волге близ Камы и при сообщении по рекам пограничным губернии Суре, Ветлуге и Вятке торговым посредником между Европой и Азией» [Северная почта, 1815, №8]. К рынкам Востока тяготели и татарские купцы, проживавшие в других городах Казанской губ. В ханствах они не только закупали среднеазиатские товары, но и вступали в контакты с торговцами из других стран и регионов Востока, приезжавшими с торговыми целя-

ми в Бухару, Хиву, Ташкент, Самарканд и другие города. Благодаря таким контактам, к примеру, арские купцы приобретали товары, доставляемые из Афганистана, Бенгалии и других регионов Индии [Справочный словарь, 1847, с.451], а затем реализовывали их на Нижегородской ярмарке, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Продукция казанских фабрик выгодно сбывалась в Китае, а казанские сафьяны и козлы, по меткому замечанию знатока российской внешней торговли, фридрихсгамского 1-й гильдии купца И.Вавилова, «суть один из главных товаров» [Вавилов, 1846, с.169].

Материалы различных архивов свидетельствуют о том, что во многих ярмарочных городах Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. существовали т.н. «бухарские ряды», а «бухарскими товарами» назывались изделия, доставляемые из ханств Средней Азии.

К середине XIX в. в Казанской губ. значительно расширилось промышленное производство, что положительно сказалось и на состоянии торговли. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» за 1850 г. отмечалось: «Многие купцы, преимущественно из татар, ведут торговлю с Кяхтой, Бухарой и Киргизской Ордой, получая оттуда на деньги, а чаще меной, разные азиатские товары: халаты, шелковые материи, хлопчатую бумагу, киргизских баранов, кошмы, чернослив, урюк и другое. Некоторые татары торгуют в Петербурге, Москве, Киеве, Оренбурге, Сибири и по другим местам» [Ромишевский, 1850, с.103]. По объемам торговых капиталов, широте географии торговых операций выделялись купцы Казани, Чистополя, Козьмодемьянска, Спасска, Свияжска, Чебоксар, Мамадыша и др. Эти торговцы либо непосредственно принимали участие в восточной торговле, либо с выгодой участвовали в транзите и сбыте восточных товаров на ведущих ярмарках империи.

Князь Л.Ухтомский считал, что «Казань ... может называться столицей Волги, несмотря на коммерческую важность Нижнего» [Ухтомский, 1863, с.65]. Столь высокая оценка города определялась не только его выгодным географическим положением, но и его особой ролью во внутренней и внеш-

ней торговле России. В начале 60-х гг. XIX в. обороты казанских купцов оценивались в 6 млн. рублей сер. [Ухтомский, 1863, с.65]. Л.Ухтомский в своем очерке «От Петербурга до Астрахани» отметил: «...некоторые из казанских купцов ведут значительный торг непосредственно с Китаем, Персией, Бухарией и Хивой» [Ухтомский, 1863, с.65]. Так, в Китай в значительном количестве вывозились козлы, выработанные на двух заводах Юнусова, на двух заводах Апаанаева и на заводе Усманова [Фукс, 1844, с.124]. В отдельные годы совокупная выработка продукции составляла около 150 тыс. шт. козлов. В ханства Средней Азии через Оренбуржье поступала китаечная продукция казанских купцов Апакова, Азимова, Уразова, Абдулина и Бикмагометова. В странах Востока пользовались спросом казанские ичиги, которые вырабатывались на двух фабриках купцов Абдулина и Файсулина [Фукс, 1844, с.125]. Это были уникальные изделия, при производстве которых применялась вышивка шелком и золотом. К середине 40-х гг. XIX в. в Казани было несколько очень богатых купцов, состояние которых оценивалось в сотни тысяч и даже в миллионы рублей [Фукс, 1844, с.127].

Укреплению торгово-экономических связей казанских торговцев с государствами и народами Востока способствовало развитие образования среди мусульманского населения губернии. Владение восточными языками, безусловно, давало особые преимущества в торговле, помогало лучше понять культуру, традиции и обычаи народов Азии. Несомненно, особую роль в тесном взаимодействии татарских купцов с народами Востока имела и конфессиональная общность. Немало молодых казанцев получали образование (в т.ч. духовное) в ведущих исламских образовательных центрах Средней Азии и некоторых государств Ближнего Востока. Наконец, у казанских купцов была возможность общения с торговцами из ханств Средней Азии, которые ежегодно жили в Казани на протяжении двух зимних месяцев, прежде чем отправиться на Нижегородскую ярмарку. Завязывались деловые отношения, купцы лучше узнавали друг друга. Таким образом, духовные связи татарского народа с суннитами стран Востока способ-

ствовали взаимопониманию, укреплению торгово-экономического взаимодействия, сближению культур. Татарское купечество сыграло выдающуюся роль в расширении российско-восточного диалога, в практической реализации восточной политики России в рассматриваемый период.

К началу 60-х гг. XIX в. казанские купцы поддерживали тесные торговые связи с Китаем, Ираном, Бухарой, Хивой и другими странами и регионами Азии. Восточной торговлей занимались преимущественно татарские торговые фирмы [Пинегин, 1890, с.492]. Казанское купечество представляло особый мир с присущими ему традициями, правилами, этикетом. Татарских купцов, жителей Казани, можно было легко узнать даже по внешнему виду: «Казанские татары-купцы носят обыкновенно поверх зилына нанковый или суконный кафтан, похожий покроем на русский купеческий; за пазухой всегда шелковый платок... Но зато они носят много ценных украшений: кольца с алмазами, толстые золотые цепи, опоясываются ремненным поясом, во всю длину украшенным массивными серебряными, разнообразной формы, бляхами... Выбритая голова татарина покрыта ермолкою, иногда расшитой золотом и жемчугом, затем шапкою, у богачей опушенной бобрим» [Европейская Россия, 1906, с.334]. Таким образом, казанские торговцы даже внешним своим видом подчеркивали свою близость к Востоку. Как и в странах Азии, казанские татары были увлечены торговой деятельностью, знали в ней толк. Известный отечественный исследователь В.Рогозин в 1906 г. отмечал, что торговля является «стихией» татарского народа [Рогозин, 1906, с.337]. Многие богатые татары нажили капиталы на торговле со странами Востока. Эту особенную склонность татарского народа к торговле отмечали и другие отечественные дореволюционные исследователи. Так, А.Ф.Риттих очень метко заметил: «Поучения Пророка шли рука об руку с торговлей татар, как некогда это было с аравитянами, притягивая татар душевно к Мекке, Багдаду и Бухаре...» [Риттих, 1870, с.24]. Офицер Генерального штаба М.Лаптев, подчеркивая особую значимость Казани в российско-восточной торговле, писал: «Большие сравнительно капи-

талы, торговые дома, издавна ведущие дела с Кяхтой и столицами, и, наконец, географическое положение на трех больших водных путях, выдвигают этот город по его торговым операциям далеко вперед не только что относительно уездных казанских городов, но и вообще всех городов восточной полосы России» [Лаптев, 1861, с.399].

Некоторые татарские купцы вкладывали средства в развитие собственного производства – происходило сращивание купеческого и промышленного капитала. Примечательна в этом отношении деятельность отдельных предпринимателей Симбирской губ. Так, в татарском с.Тимошкино находилось до 100 шерстомойных заведений. Шерсть тимошкинцы закупали в Астрахани, Оренбурге, Троицке как у купцов из стран Востока, казахов, так и у местных торговцев. Мытая шерсть поставлялась на суконные фабрики Симбирской и Пензенской губерний, а также в Москву и др. Некоторые татарские предприниматели (Акчурины, Юнусовы и др.) на таких операциях ежегодно получали значительную прибыль [Липинский, 1868, с.90].

Татарские купцы на Ирбитской ярмарке и торговля восточными товарами. Заметную роль татарские купцы играли на Ирбитской ярмарке, имевшей большое значение для российско-восточной торговли [Хитров, 1872, с.59, 60]. Именно там сбывались оптом крупные партии товаров, доставленных из стран Востока (прежде всего из Китая, ханств Средней Азии, Монголии, Индии, Кашмира, Афганистана и т.д.), а также закупался отечественный и европейский товар для сбыта в государства Азии. Кроме того, Ирбитская ярмарка поглощала значительное количество изделий, производившихся на фабриках и заводах, принадлежавших татарским купцам, и вывозившихся в страны Востока. Так, на крупнейшее торжище Сибири из Казанской губ. поступали китайка (ткань, для производства которой, в частности, использовался среднеазиатский хлопок), козловые кожи, хлопчатобумажные ткани, тулупы (производились в починке Шемордан, а также в Лаишевском у.) и т.д. На Ирбитской ярмарке татарские купцы закупали значительные партии пушного товара для будущей мены на чай в Кяхте.

Татарское купечество в развитии российско-среднеазиатской торговли. В начале XIX в. в Сенат, Департамент внешней торговли и другие органы государственной власти поступали многочисленные рапорты, «мнения», «записки», предложения из таможенных округов приграничья, от губернаторов, иных чиновников по вопросам расширения российско-восточной торговли. Примером может служить мнение об улучшении торговли с государствами Азии директора Оренбургской таможни П.Е.Величко. В своем рапорте от 3 марта 1808 г. он отмечал: «В Бухарию ныне ходят для торговли из российских подданных одни татары, коим и настоящие российские купцы поверяют свои товары» [ГАОО, ф.6, оп.10, д.402, л.45]. Надежды на привлечение русских купцов для торговли на рынках Средней Азии не оправдались даже тогда, когда правительство одобрило проект создания крупной торговой компании и обещало всемерную поддержку торговцам. В частности, предполагалось создать специальный военный конвой для охраны купцов и их товаров на пути в ханства Средней Азии. Причиной несостоятельности проекта стал отказ русских купцов от участия в компании. П.Е.Величко отмечал: «Сии татары по виду своему и закону принимаются в Бухарии наравне с прочими азиатцами, то есть пользуются покровительством правительства, полной свободой в отправлении их дел и дружелюбным обхождением обывателей. Сия свобода простирается до того, что они могут торги свои вести прямо с иностранными азиатцами, на базарах по деревням. От сего наши татары по возвращении в Россию получают прибыли по крайней мере 60 процентов противу российских купцов, торгующих с азиатцами на границе в Меновых дворах» [ГАОО, ф.6, оп.10, д.394 а, л.12об.]. О таком отношении к российским татарам в ханствах Средней Азии, разумеется, знали и русские купцы. Те немногие из них, кто отваживался отправиться в ханства для торговли, прибегали к разным хитростям. К примеру, русские купцы, торговавшие в Кокандском ханстве, одевались так же, как татары.

Доминирование татарских купцов на среднеазиатском направлении российской внешней торговли было очевидным и объ-

яснялось не только близостью культур, языка, конфессиональной общностью российских мусульман и народов Средней Азии, но и особенностями торговли в ханствах. В соответствии с местными законами с российскими мусульман пошла взималась из расчета 1 червонец с 40, с «неверных» – вдвое больше, а с армян и индийцев – по 5 червонцев с сотни. Отсутствие гарантий безопасности жизни и собственности, постоянные грабежи в пути и беззаконие со стороны местных властей, незнание языка, традиций и обычаев местного населения, норм шариата в части торговли, частые войны в этом регионе, боязнь быть схваченным и проданным в рабство – вот, на наш взгляд, основные причины, которые сдерживали русско-восточную торговлю в Средней Азии и объясняли доминирование татарских купцов в этом регионе.

Запрещение иностранным купцам проезда глубь России для розничного торгова было выгодно татарским торговцам, которые укрепляли свои позиции и заняли одно из главных мест в российско-восточной торговле. Привозя товары из сопредельных стран Востока или скупая их оптом в пограничье у восточных купцов, они стали получать значительную прибыль. В Оренбуржье и на Сибирской линии татарские купцы прибегали к меновой торговле с восточными торговцами, тем более что ассортимент доставляемых сюда товаров всегда был внушительным. Так, хлопчатобумажные и шелковые изделия в большом количестве доставлялись из Бухары, Хивы и Коканда, а также из Китая; шерстяные платки и шали из Кашмира и Тибета привозили индийцы, иранцы и бухарцы. В импорте последних товаров активное участие принимали также татарские купцы, выезжавшие в далекий Тибет, Кашмир и Индию. Из Ирана и Индии с бухарскими, хивинскими и кокандскими караванами поступали ковры, «ляпис-лазурь – из гор Бадахшана»

Базар в Самарканде. Ксилография нач. XX в.

[Неболсин, ч.1, 1835, с.170–171]. Татарские купцы (казанские и касимовские) скупали значительные партии мерлушки, которая шла на изготовление тулупов, известных в России под названием калмыцких. Казанская губ. потребляла большое количество хлопчатобумажной пряжи, из нее при подмешивании английской пряжи производили кумачи и китайку. Наконец, внушительную прибыль татарским купцам приносила торговля салом и живым скотом, вымениваемым у казахов. Сало поступало в Казань, Шадринск и Екатеринбург, откуда большими партиями вывозилось к Архангельскому и Санкт-Петербургскому портам для последующего вывоза в страны Европы.

К середине XIX в. российско-среднеазиатская торговля была практически монополизирована татарскими купцами. Все попытки русских торговцев и представителей других российских народов наладить прямые торговые связи с ханствами Средней Азии, Восточным Туркестаном, Афганистаном, Кашмиром и иными регионами Азии оказывались безуспешными: купцы не только теряли свои товары во время нападений в пути следования, попадали в рабство, но и порой лишались жизни. Оренбургский генерал-губернатор А.А.Катенин в своем представлении министру иностранных дел от 30 ноября 1857 г. отмечал: «...наши торговцы совершенно перестали ездить в Бухару и Хиву; причи-

ной же последнему преимущественно два обстоятельства: то, во-первых, что в Хиве и Бухаре взимают с торговцев-христиан за привозные и отпускные товары двойную и четвертную пошлину противу торговцев-магометан, почему первым невозможно соперничать с последними, и то, во-вторых, что кроме сего русские торговцы по пропискам среднеазиатских подвергаются там поборам и притеснениям, на которые не находят никакой управы» [Юдин, 1902, с.4]. Оренбургский генерал-губернатор сетовал на то, что с 1852 г. русские купцы более не предпринимали попыток установления прямой торговли с Хивой и Бухарой, а вынуждены были ее полностью доверить посредникам – казанским татарам и другим комиссионерам-мусульманам [Юдин, 1902, с.11]. Такая ситуация сохранялась и в последующие годы.

Все попытки российского правительства добиться уступок со стороны ханских властей в отношении снижения таможенных пошлин и обеспечения защиты купцов оставались безуспешными. Во время приемов российских посланников правители ханств соглашались на просьбы и требования Санкт-Петербурга, однако после отъезда миссий торговля вновь входила в привычное русло.

Торговля России с ханствами Средней Азии имела свои особенности. Во-первых, она носила караванный и преимущественно меновой характер. Во-вторых, снаряжение караванов имело сезонный характер: торговцы отправлялись в ханства с наступлением осени (с августа по начало ноября), что было связано со временем перекочевков казахов с севера на юг. Купцы объединялись и примыкали к казахам, двигаясь «как бы один отряд и следовали по степям огромной длинной вереницей верблюжьих связок (ниток), тянувшихся иногда верст на двадцать» [Юдин, 1902, с.22].

Нередко татарские купцы, выезжавшие для торговли в ханства Средней Азии, одновременно выполняли и важные поручения правительства: с ними передавались дипломатические депеши, письма к правителям ханств и пр. Это было связано с отсутствием официальных дипломатических отношений России с сопредельными странами Средней Азии; в столицах ханств не было даже рос-

сийских консульств. Кроме того, по возвращении на родину татарские купцы информировали губернские власти о положении дел в ханствах, о наиболее важных событиях, а также о торговле, ценах, внешнеторговых связях Бухары, Хивы, Коканда с Китаем, Индией, Афганистаном, Тибетом, Пенджабом, Синьцзяном, Кашмиром и другими странами и регионами Азии. Со временем такие «расспросы» стали делом обычным: вернувшись на Оренбургскую или Сибирскую пограничные линии, татарские купцы обстоятельно рассказывали представителям местных губернских администраций обо всем увиденном во время своего долгого путешествия.

Один из лучших знатоков истории Оренбуржья М.Л.Юдин отмечал: «Обычная азиатская недоверчивость, подозрительность и замкнутость мешали установлению более правильных и постоянных сношений России с соседними ханствами и, таким образом, только периодический приход и отход караванов поддерживал эти отношения» [Юдин, 1902, с.24]. Архивные документы свидетельствуют, что торговые отношения Российской империи с сопредельными странами Средней Азии не прекращались даже в годы обострения межгосударственных отношений в регионе. Исключительно выгодная торговля между странами поддерживалась при активном участии татарских купцов, находивших эффективные средства преодоления возникавших препятствий.

Торговые операции в казахских жузах. Торговую деятельность татарские купцы осуществляли не только на рынках Средней Азии, но и в Казахской степи. Так, татарские торговцы или их приказчики выезжали в степи, где выменивали у казахов шкуры лисиц, волков и других животных по очень низкой цене: от 10 коп. до 3 руб. [Колмогоров, 1855, с.7]. Настоящая же цена за хорошую лисью шкуру доходила до 20 руб. сер. Закупив большое количество шкур, купцы вывозили их в ханства Средней Азии и Китая. Значительные партии мехов поставлялись также на Ирбитскую ярмарку. В этой торговле участвовали петропавловские, семипалатинские, усть-каменогорские и троицкие татары-купцы. Так, в начале 50-х гг. XIX в. этими торговцами ежегодно достав-

лялось 25–30 тыс. шкур лисиц и волков, до 50 тыс. заячьих шкур [Колмогоров, 1855, с.7]. Разница в цене приносила купцам значительную прибыль. В казахские степи весной, вскоре после Ирбитской ярмарки, татарские купцы вывозили большое количество отечественных мануфактурных изделий. В целом, казахский рынок в 50-е гг. оценивался как «обширное поприще для русской промышленности вообще и торговли в особенности» [Колмогоров, 1855, с.24]. Как отметил в 1855 г. исследователь торговли в казахских степях Г.Колмогоров, «купец-татарин на затраченный капитал, полагая его в 10 руб. сер., в 1850 году, получит в 4 года, т.е. в мае 1854 года, 150 руб. сер. чистого барыша; а в какой стране, в какой торговле и в каких предприятиях и рудниках, да еще без значительного труда, забот и неудач?» [Колмогоров, 1855, с.24]. Столь внушительная прибыль достигалась за счет передачи товаров казахам в долг. В мае–июле, когда татарские купцы собирали с казахов скот, огромные отары делились на четыре части: одна часть оставлялась на месте «для промена» на среднеазиатские ткани, дабы, выбойки, рис, сухофрукты и другие товары, которые к этому времени доставлялись караванами из Бухары, Коканда и Ташкента. Вторая часть отары перегонялась купцами в Кульджу и Чугучак для обмена на китайский чай и другие китайские товары. Третью часть отары, а также крупный рогатый скот и верблюдов отгоняли в Бухару, Ташкент и Коканд. С этой партией татарские купцы вывозили и отечественные фабричные изделия. Четвертая, самая значительная, часть отары отгонялась в Семипалатинск, Петропавловск и Усть-Каменогорск для последующей продажи за наличные деньги, в кредит, а также на Ирбитской ярмарке [Колмогоров, 1855, с.25]. Об объемах этой торговли можно судить по следующим данным: только из области сибирских казахов ежегодно поступало до 150 тыс. лошадей, до 100 тыс. быков, до 3 млн. овец и баранов на сумму до 8 млн. руб. сер. [Колмогоров, 1855, с.26]. Если к этому огромному количеству добавить несколько тысяч голов верблюдов, которые продавались в Китай и в ханства Средней Азии, а также сырые кожи, овчины и мерлушки (последних только на Ирбитскую ярмарку еже-

годно доставлялось до 500 тыс. шт.), меха, козий пух, сайгачьи рога и прочие товары, то следует прибавить еще до 2 млн. руб. сер. [Колмогоров, 1855, с.26]. Еще большие объемы торговли скотом отмечались по Оренбургской линии. Поэтому не случайно огромные капиталы были нажиты татарскими купцами именно на этой торговле; они сумели удержать здесь пальму первенства.

На рынках Синьцзяна. Приведем пример, который, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует смекалку и оборотистость татарских купцов, интуитивно чувствовавших торговую выгоду. У одного семипалатинского купца-татарина на протяжении 5 лет хранилось на складах до 200 тыс. кирпичей китайского чая, а также большое количество цибиков байхового чая на общую сумму в 1 млн. руб. сер. Товар был растаможен, однако торговец не спешил продавать его, дожидаясь удобного случая. Несмотря на то, что значительные партии чая лежали без дела, а деньги не находились в обороте, его торговля шла своим чередом: сыновья и приказчики отгоняли скот в Кульджу и Чугучак, доставляя оттуда чай и ткани. Купец-татарин закупал также дабы и выбойки из Бухары и Коканда. Все это свидетельствовало о том, что у торговца было достаточно свободных денег для торговых операций в Китае и ханствах Средней Азии. Вскоре в Синьцзяне вспыхнули междоусобные войны, что привело к росту цен на чай: кирпичный – с 60 до 80 коп. за кирпич, байховый – с 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 80 коп. и даже до 2 руб. за фунт [Колмогоров, 1855, с.29–30]. В 1852 и в 1853 гг. сметливый купец пустил свой чай в продажу, что принесло ему колоссальную прибыль. И это не единственный пример купеческой смекалки. Несомненно, купцы, на протяжении многих лет торговавшие в сопредельных странах Востока, хорошо знали о ситуации в них, пользовались информацией от своих поверенных и торговых партнеров об обстановке в азиатских городах. Такая информация, как показывал опыт российской внешней торговли, дорого стоила.

Немалую прибыль приносила татарским купцам меновая торговля в пограничье, когда они из первых рук получали товары от восточных купцов, прибывавших с каравана-

нами в Оренбуржье, а также на Сибирскую линию. Некоторые караваны насчитывали 2–2,5 тыс. верблюдов. С этими караванами прибывали бухарские, кокандские, хивинские и индийские купцы [Колмогоров, 1855, с.32]. Обменивая у них отечественные мануфактурные изделия на восточные товары, купцы с выгодой перепродавали их во внутренних губерниях России, где цены на них были намного выше.

Значительными были позиции татарских купцов в Илийском крае. Торговые связи российских купцов с Восточным Туркестаном в XVIII в. неоднократно прерывались, что было связано с крайне нестабильной обстановкой в этом регионе. С установлением порядка торговля вновь вошла в свое русло. Китайские власти прилагали большие усилия к развитию торгово-экономических связей Синьцзяна со всеми соседними государствами. Не была исключением и Российская империя. В XIX в. торговые связи отечественных купцов с Синьцзяном осуществлялись в основном через Чугучак, Кульджу и Кашгар. Динамичное развитие российско-китайских торговых отношений отмечалось вплоть до начала 80-х гг., чему во многом способствовало большое количество серебра, которое вывозили из Синьцзяна российские торговцы. Если на месте, в Синьцзяне, серебро можно было приобрести по цене 960–970 руб. за пуд, то в Москве или Кяхте его сбывали по цене от 1100 до 1200 руб. [Федоров, ч.2, 1903, с.46]. Выгода была очевидна. Этот важный канал российской внешней торговли был практически полностью монополизирован татарскими купцами. Так, в 1897 г. в Кульдже насчитывалось 232 купца, из них 22 – татарских и всего 3 русских [Федоров, ч.2, 1903, с.47]. В том же году оборот отечественных торговцев в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре составил 8270070 руб. (подсчитано нами. – *В.Ш.*) [Федоров, ч.2, 1903, с.52]. Примечательно, что в составе российского экспорта в Синьцзян на протяжении практически всего рассматриваемого периода преобладали готовые промышленные изделия: хлопчатобумажные и шерстяные изделия, одежда и обувь, сахар, конфеты, печенье, спички, керосин, лампы, швейные машины, посуда, писчая и оберточная бумага, выделанные

кожи, нитки, железные, медные, чугунные и стальные изделия и т.д. [Федоров, ч.2, 1903, с.52–53]. Товар в основном закупался на Нижегородской ярмарке, в Москве и других городах империи. Из Синьцзяна в Россию татарские торговцы доставляли кожи, меха, конский волос, шерсть, козий пух, сухофрукты, скот и т.д. Таким образом, торговля с этим регионом Азии была очень выгодна для России. Следует отметить, что она была урегулирована рядом межгосударственных договоров¹. В конце XIX – начале XX в. наиболее крупными капиталами отличались следующие татарские купцы, торговавшие в Илийском крае: Садык Мусин, имевший отделения в Семипалатинске, Верном, Капале и Джиркенте (годовой оборот в Кульдже – 100 тыс. руб.), Абдулвали Яушев (100 тыс. руб., отделения в Троицке, Оренбурге, Семипалатинске), Гайнутдин Фахретдинов (100 тыс. руб.), торговавший мануфактурой, железом и галантереей, Идрис Рахметдин (50 тыс. руб.) и др. [Федоров, ч.2, 1903, с.68].

Свои воспоминания о пребывании в Синьцзяне в 20-х гг. XIX в. оставил казанский купец Муртаза Фейзуллин [Beitrag, 1846, s.80–82, 95–101]. Заметную роль в Кульдже играли татары из российских городов Верный и Копал, которые доставляли в Синьцзян ситцы, нанку, коленкор, плис, сукно, металлические изделия [Костенко, 1872, с.189–190]. Крупные обороты в Чугучаке имели некоторые оренбургские татары. Так, троцкий 2-й гильдии купец Абдулвали Абубакиров неоднократно бывал в этом крупном торговом городе, где закупал в большом количестве цветочный, черный и кирпичный чай и другие китайские товары. Товары из Чугучака до Троицка доставлялись летом в течение двух месяцев, а осенью – за 80 дней [Небольсин, 1850, с.28]. За доставку товара из Синьцзяна в Нижний Новгород купец платил 2 руб. сер. с пуда, т.е. столько же, сколько платили торговцы за провоз товара из Семипалатинска до Казани. Российские товары Абубакиров отправлял в Чугучак 2–3 раза

¹ Ст.4 Кяхтинского трактата 1872 г., ст. 2–15 Кульджинского трактата 1851 г., ст. 4–14 дополнительного Пекинского договора 1860 г. и ст. 12–18 Санкт-Петербургского договора 1881 г. [Федоров, ч.2, 1903, с.63].

в год. Причем караваны снаряжались им из разных мест². Торговые проекты троицкого купца простирались дальше Синьцзяна: он мечтал о прямой торговле с Тибетом, Кашмиром, Афганистаном, Бадахшаном. В своем «рассказе» Абубакиров показал прекрасную осведомленность о рынках этих регионов Востока [Небольсин, 1850, с.33–38]. Как отметил отечественный исследователь истории сибирского купечества В.Н.Разгон, татарские купцы на Сибирской линии нередко занимали доминирующее положение: «В целом накануне 1861 г. доля торговцев-мусульман (казанских, касимовских и сибирских татар, сибирских и «новоприезжих» бухарцев и т.д.) в общей численности гильдейского купечества составляла: в Семипалатинске – 83% (63 из 76 семей), в Усть-Каменогорске – 67% (28 из 42 семей) и в Петропавловске – 35% (17 из 48 семей)» [Разгон, 1998, с.195]. Среди них – семипалатинские купцы Салиховы, Максютковы, Рафиковы, Усмановы, Габитовы, Иштерековы, петропавловские – Баязитовы, Максютковы, Сутюшевы, Бехтемировы, Девлеткильдеевы, Забиры, Тоиматовы и др. [Разгон, 1998, с.208].

Татарские купцы в Кяхте и российско-китайская торговля. На протяжении всего рассматриваемого периода татарские купцы играли заметную роль в российско-китайской торговле, главным центром которой оставалась Кяхта. О размахе этой торговли можно судить по следующим данным: если в начале 60-х гг. на Нижегородскую ярмарку привозилось до 15 тыс. мест, то в Казань в это же время – до 8 тыс. мест [Субботин, 1892, с.574]. Таким образом, Казань поглощала половину объема чая, поступавшего на крупнейшую ярмарку Российской империи. Чай в Казань поступал как непосредственно из Кяхты, так и с Ирбитской ярмарки. В городе были специальные оптовые

склады, откуда чай доставлялся в Нижний Новгород, а также расходился в разные города Казанской губ. и соседних регионов. В дореволюционной литературе отмечалось: «Чай в казанской торговле занимает по своей ценности и количеству очень видное место. Здесь есть купеческие дома, давно уже ведущие мену с китайцами; есть также партионные покупатели, приобретающие чай как в Казани, так и на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. Купцы казанские на главном рынке чайной торговли в Нижнем Новгороде считаются в числе значительных чайных торговцев» [Лаптев, 1861, с.435].

До 1861 г. Кяхта оставалась основным поставщиком чая в Россию. В 1851–1863 гг. татарские купцы доставляли его также из Синьцзяна, а с 1862 г. начался ввоз чая через европейскую границу. Чайная торговля была выгодной для татарских купцов, поскольку потребление этого напитка в России возрастало с каждым годом. О росте объемов импорта чая можно судить по следующим средним ежегодным данным: «1801–1810 гг. – 75 тыс. пуд., 1811–1820 гг. – 96 тыс. пуд., 1821–1830 гг. – 143 тыс. пуд., 1831–1840 гг. – 190 тыс. пуд., 1841–1850 гг. – 271 тыс. пуд., 1851–1860 гг. – 372 тыс. пуд.» [Лаптев, 1861, с.605]. В 1861 г. была восстановлена караванная торговля с Китаем, что усилило внимание татарских купцов к Кяхте. Торговля в Кяхте была исключительно выгодна по ряду причин. Во-первых, Цинская империя поглощала значительное количество готовых отечественных изделий, произведенных на заводах и фабриках, принадлежавших татарским купцам. Это касалось, в частности, предприятий по производству сафьяна и козлов в Казанской губ., юфтовых сибирских фабрик и др. Во-вторых, сырье, привозившееся китайскими купцами из провинции Шань-си и из других регионов Цинской империи, потреблялось отечественными фабриками и заводами. В целом, несмотря на отдаленность Кяхты и сложности транспортировки товаров, это направление российско-восточной торговли на протяжении всего рассматриваемого периода представляло несомненный интерес для татарских купцов.

Татарские купцы в Монголии. Некоторые татарские купцы принимали активное

² Закупив товар на Ирбитской ярмарке, он делил его на две партии: одну 1 мая отправлял через Петропавловск, другую в это же время – через Семипалатинск. Последний караван выходил непосредственно из Троицка в сентябре. Товары же из Синьцзяна отправлялись только в Троицк и доставлялись туда в конце июня – начале июля, затем в октябре. В Чугу-чак троицкий купец вывозил камлоты, драдедамы, нанку из Казанской губ., московские ситцы. Большим спросом в Китае пользовался также шафран, который закупался на Ирбитской ярмарке.

участие в торговых операциях в Монголии. К ним относились крупные оптовые торговцы, закупувавшие товары в Москве, Нижнем Новгороде, на Ирбитской ярмарке и доставлявшие их через Бийск на территорию Монголии. В Бийском у. Томской обл. в начале XX в. проживало 1700 мусульман [Штейнфельд, 1910, с.33]. Из Бийска в Монголию шла хорошая грунтовая дорога протяженностью 577 верст. Из Монголии Чуйским трактом в Россию доставлялись кирпичный и байховый китайский чай, верблюжья и овечья шерсть, невыделанные шкуры и пр. Российский экспорт составляли металлические изделия, льняные, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, выделанная кожа и т.д. В целях защиты интересов отечественных торговцев в Монголии были учреждены российские консульства (в Улясутае, генеральное консульство в Урге). Практически неохраемая российско-монгольская граница способствовала контрабандной торговле татарских купцов как на отдаленных халхаских кочевьях, так и в Урге. Это приносило торговцам колоссальную прибыль. Монголия потребляла значительное количество российских изделий (металлических, кожевенных, суконных и т.д.). В свою очередь татарские купцы закупали скот, сырье, контрабандные товары, доставляемые из Цинской империи.

Татарское купечество и российско-иранская торговля. На протяжении рассматриваемого периода развивалась российско-восточная торговля на астраханском направлении. Особую роль здесь играли татарские купцы. В частности, в их руках была сконцентрирована торговля с туркменами, проживавшими на восточном берегу Каспийского моря. Купцам принадлежали морские суда, на которых в Астрахань доставлялись различные товары из Бухары и Хивы. Известный отечественный исследователь внешней торговли Г.П.Неболсин отмечал: «Промышленность сия принадлежит собственно одним татарам, потому что тухмены и киргизцы только единоверцам своим не препятствуют приставать к берегу» [Неболсин, 1835, ч.1, с.150]. Значительную прибыль приносило рыболовство в Астрабадском заливе. Промыслы здесь вели на шкоутах, построенных в Казани

[Бларамберг, 1852, с.173–174]. Знаток Ирана подполковник И.Ф.Бларамберг отмечал: «Астрабадский залив по всем отношениям может похвастаться первенствующею на Каспийском море гаванью, он по своему местоположению и естественным выгодам своим более всех других мест способствует к распространению русской торговли» [Бларамберг, 1852, с.176].

Российско-афганская торговля. Татарские купцы стали проявлять интерес к Афганистану еще во второй половине XVIII в. На рубеже XVIII–XIX вв. купеческие караваны казанских, семипалатинских, оренбургских и астраханских татарских купцов неоднократно отправлялись в далекий Афганистан, куда вывозились готовые отечественные мануфактурные изделия, а также скобяные изделия, железо, стекло, фарфоровая посуда, зеркала, сахар и другие товары [Григорьев, Харатишвили, 2002, с.433]. Из Афганистана вывозились индиго, маренго, кошениль, кашмирские шали, бадахшанский лазурит, драгоценные камни, шерсть и т.д. Кроме того, российские татары-купцы закупали афганские товары на рынках ханств Средней Азии, а также в Оренбуржье, куда иногда прибывали караваны из Афганистана. Так, в 1818 г. только в Троицк было доставлено кашмирских шалей на 378360 руб. [ГАОО, ф.339, оп.1, д.29, л.27об.]. О прямых торговых связях российских татар и афганских купцов свидетельствует и тот факт, что в Бухаре они часто проживали в одном караван-сараяе – Сарайи Аёз. В Казанский край, другие центральные губернии в большом количестве поступало индиго, доставляемое из Афганистана. Этот краситель ежегодно продавался на значительные суммы на Нижегородской, Ирбитской, Симбирской Сборной и других ярмарках России. К середине XIX в. прямые выезды татарских купцов в Афганистан практически прекратились. Это было связано как с внутренним положением в этой стране, так и с усилившимся англо-российским торгово-экономическим соперничеством на рынках Среднего Востока. Однако это не означало прекращения исключительно выгодной торговли: ее вектор сместился на рынки Средней Азии. В целом же, на протяжении всего рассматриваемого периода Афганистан поглощал большое количество российских

товаров, а афганские товары, доставляемые татарскими купцами из ханств Средней Азии, находили сбыт на крупнейших ярмарках Российской империи. Импортируемое афганское сырье обеспечивало потребности хлопчатобумажных, шелковых, кожевенных, суконных и других предприятий.

Черноморско-азовское направление российской-восточной торговли. Некоторые татарские купцы осуществляли торговые операции в Одессе, портах Крыма, в Таганроге, куда в значительном количестве доставлялись товары из стран Азии и Африки. Некоторые из них сами выезжали в Турцию и Египет, другие закупали восточные товары, доставляемые в российские порты, третьи привозили сюда отечественные товары, предназначенные для вывоза в государства Востока. Так, в 1858 г. на Крестовоздвиженскую ярмарку Одессы казанский татарин Ксаинов доставил кавказские шелковые, галантерейные и другие товары на общую сумму 12 тыс. руб. [Обороты, 1858, с.40]. Из Турции доставлялось значительное количество английских изделий, а также простые хлопчатобумажные ткани, которые пользовались спросом у крымских татар и народов Кавказа [Семенов, 1859, ч.3, с.150]. К середине XIX в. кратно вырос импорт в Россию турецкого сырья: шелка, хлопка, красителей и пр. В то же время через черноморские порты из России в Турцию вывозилось немало шерсти, которую скупали касимовские и симбирские татары: «Простая русская шерсть давно уже проложила себе путь и за границу. Одесса, Ростов-на-Дону и все почти черноморские порты отправляют за границу черкасскую шерсть, т.е. донскую, битюжную, цыгайскую, получаемую с туземных южных овечьих пород» [Васильев, 1862, с.210].

Паломничество татар в Мекку и Медину и торговля. В начале XIX в. татарский купеческий капитал не только прочно утвердился в сопредельных странах Востока, но и стал проникать вглубь Азии. Так, татарские паломники, совершавшие хадж в Мекку, попутно проводили торговые операции на территории Палестины, Ливана, Сирии, Турции. На обратном пути они закупали местные товары, которые потом выгодно продавали в России. В частности,

товар приобретался в Сирии (Алеппо и Дамаск) [Базили, 1991, с.277]. Само паломничество в далекую Аравию было делом дорогостоящим. Вот почему «почти все большие караваны с пилигримами, отправляющиеся в Мекку, имеют при себе и купеческие караваны» [О Мекке и Медине, 1807, с.251]. Хадж в Мекку с Крымского полуострова длился почти полтора года и был «сопряжен с огромными издержками» [Радде, 1856, с.296]. Не случайно крымские татары всегда стремились «покрыть издержки в пути». Татары Волго-Уральского региона, совершавшие хадж в Мекку, часто приобретали исламскую литературу на арабском языке, включая рукописи. В Россию таким образом ввозилось немало книг, изданных в Каире и Константинополе. По возвращении на родину татарские купцы доставляли эти книги на ярмарки, а иногда посылали приказчиков для продажи литературы в татарских селах, где «не только продают книги на чистые деньги, но и меняют их на разные сельские произведения» [Ильминский, 1866, с.78]. Определить количество российских паломников в Мекку в целом по Российской империи в рассматриваемый период сложно. Так, из Крыма с 1827 г. по 1836 г. хадж в Мекку совершили 875 чел. [Броссе и Кеппен, 1841, с.200]. Если принять во внимание, что в 1828 г. и 1829 г. по случаю войны с Турцией паломничества не было, то в среднем ежегодно хадж совершали примерно 100 крымских татар. Богатые татары из Казанской губ. также отправлялись в Мекку; им хадж обходился примерно в 1 тыс. руб. сер. [Лаптев, 1861, с.229]. В целом по России в Мекку ежегодно отправлялось несколько сот российских мусульман.

К вопросу о терминологии в истории внешней торговли России. Учитывая особую роль татарского купечества, а также представителей иных национальностей (греков, армян и др.) в развитии российско-восточной торговли, полагаем, что привычное для отечественной (а зачастую и для зарубежной) историографии применение понятия «русско-восточная» (и по аналогии «русско-среднеазиатская», «русско-иранская» и т.д.) торговля выглядит некорректно с учетом национального состава купечества, доминировавшего на

определенных каналах этой торговли. Ранее мы уже обосновывали целесообразность использования понятия «российско-восточная торговля», что, на наш взгляд, более объективно отражает характер торговых отношений Российской империи с государствами Востока [Шкунов, 2007, с.16].

Таким образом, в дореформенный период в российско-восточной торговле, особенно на ее крымско-черноморском, среднеазиатском и синьцзянском направлениях, особую роль играли татарские купцы. Татарский купеческий капитал в этот период проникал не только на рынки сопредельных стран Востока, но и вглубь Азии. В одной из статей, опубликованных в журнале «Библиотека для чтения» в 1838 г. по поводу работы А.Гумбольдта, неизвестный автор заметил, что торговцы раньше ученых проникали даже в самые труднодоступные регионы Востока: «...между тем как весьма ученые географы несут вздор или сочиняют пустые догадки о некоторых частях внутренней Азии, которые они называют «никем непосещенными», вы найдете в Сибири купцов и простых татар, превосходно знающих эти страны, где они неоднократно бывали без ведома европейских профессоров» [Критическое, 1838, с.33]. Это замечание в полной мере относится к татарским купцам, которые на протяжении столетий выступали в качестве первооткрывателей и первопроходцев в самых разных регионах Азии, внесли выдающийся вклад в развитие российско-восточной торговли.

Торговые связи в 1861–1905 гг.

Пореформенная эпоха открыла для татарских купцов новые перспективы. К концу XIX в. татарский купеческий капитал проник в новые регионы Азии. Так, татары Карсунского у. Симбирской губ. посещали не только Китай, но и Японию, откуда привозили ковры и восточные ткани, которые в России стоили очень дорого [Ахмеров, 1903, с.114]. Сфера распространения татарского купеческого капитала стала охватывать не только все сопредельные страны Востока, но и отдаленные регионы Азии и Северной Африки.

К концу XIX в. Семипалатинск стал одним из самых крупных центров торговли России с Центральной Азией, а также Синьцзяном. Как отмечалось в дореволюционной

литературе, «торговля и служит источником благосостояния города, и привлекает сюда немало русских, татар и бухарцев» [Долгоруков, 1898, с.85]. Ежегодно весной семипалатинские купцы направляли по торговым делам своих приказчиков из татар в Чугучак, Кульджу и Кашгар, а непосредственно в городе обменивали у казахов скот, шкуры, меха, войлоки, мерлушку на юфть, табак, изделия из металла, хлопчатобумажные ткани, ситцы, парчу, бархат, сукно, сундуки, лекарства и хлеб. На всех ярмарках Семипалатинского края в 1895 г. было сбыто товаров на 2888731 руб., в Западный Китай вывезено товаров на 607554 руб., доставлено оттуда китайских товаров на общую сумму 565346 руб. [Долгоруков, 1898, с.86, 87].

Строительство железных дорог, связывавших разные регионы Российской империи, стимулировало продвижение татарского купеческого капитала в страны Востока. В последней четверти XIX – начале XX в. железнодорожные перевозки сокращали нахождение грузов в пути, способствовали ускорению оборота капитала. Это в полной мере относилось к среднеазиатскому, китайскому и японскому направлениям отечественной внешней торговли. Но даже при отсутствии железнодорожного сообщения внешнеторговые связи в некоторых регионах России значительно расширились. К примеру, оживленные торговые отношения связывали Амурский край с Маньчжурией, куда вывозились мануфактурные товары, медные и железные изделия, пушнина, предметы роскоши и шлиховое золото [Вольский, 1908, с.404]. С введением в полную эксплуатацию Китайско-Восточной ж.д. (КВЖД) у татарских торговцев чаем и иными китайскими товарами отпала необходимость доставлять их сухопутным путем на подводах, а также речным транспортом. С введением прямого тарифа от портов Ханькоу, Шанхай и Коломбо перевозка чая стала возможна напрямую до Казани, Симбирска, Оренбурга, Москвы, Варшавы и других городов Европейской части России. В 1903 г., по сравнению с 1902 г., объем доставки китайского чая по КВЖД вырос до 1999000 пуд., т.е. на 614%. Можно было оплатить за доставку чая, к примеру, от Шанхая до Казани. Торговцам это было намного выгоднее с точки зрения сроков до-

ставки товара, а также расходов на нее. К примеру, по прямому тарифу за доставку одного пуда чая от Ханькоу до Москвы взималась плата в размере 4 руб. 86 коп. [Вольский, 1908, с.436]. О значении чайной торговли можно судить по тому факту, что в 1897 г. таможенный доход от чая составил 20% от всего объема таможенных сборов в государстве, или 3% всех государственных доходов [Озеров, 1905, с.53].

Татарский купеческий капитал, таким образом, проник и в Китай. Так, в Харбине были открыты магазины мануфактурных товаров братьев Агишевых с сыновьями. Им же принадлежали магазины галантерейных и модных товаров, готового платья, обуви и кожаных товаров, меховых изделий, ювелирных, бакалейных и колониальных товаров, гастрономические магазины и т.д. [Озеров, 1905, с.570]. Расширению внешнеторговых связей способствовало также использование речных пароходов на Амуре, Усури и оз.Ханка.

Развитие путей сообщения, транспортных средств на огромных просторах Сибири и Дальнего Востока постепенно снижало роль ярмарочной торговли, в которой традиционно заметную роль играли татарские купцы. Это коснулось даже таких крупнейших торжищ империи, как Ирбитская ярмарка: с середины 90-х гг. объемы торговых оборотов здесь стабильно снижались. В 1896 г. привоз на Ирбитскую ярмарку оценивался в 47 млн. руб., в 1897 г. – в 41 млн. руб., в 1898 г. – 38 млн. руб., в 1899 г. – 36 млн. руб., в 1900 г. – 37 млн. руб., в 1901 г. – в 35 млн. руб., в 1902 г. – в 32 млн. руб., в 1903 г. – в 32 млн. руб. [Озеров, 1905, с.413]. Таким образом, менее чем за 10 лет объемы привоза на крупнейшее торжище Сибири уменьшились более чем на 10 млн. руб.

В некоторых приграничных территориях в конце XIX – начале XX в. усилились позиции иностранных торговцев. В Приморском крае, например, конкуренцию местным купцам составляли китайцы, корейцы и японцы. Сбыт ценной пушнины через тихоокеанские порты в Америку, страны Европы и Китай сосредоточился в руках китайских скупщиков, которые извлекали большую прибыль,

Караван на берегу Иртыша. Литография нач. XX в.

поскольку, как отмечалось в одной из дореволюционных монографий, они, «спаивая инородцев вином, почти даром получают от них ценные меха» [Вольский, 1908, с.427]. Усиление позиций китайцев на российских дальневосточных рубежах вызывало обеспокоенность не только у отечественных торговцев, но и у представителей органов государственного управления, а также ученых. Так, профессор Озеров писал в 1905 г.: «Итак, России грозит нашествие китайцев... Уровень жизни трудящихся у нас очень низок, и нашествие китайцев может надолго еще закрепить его, если не будут приняты против этого меры. И в настоящее время уже говорят о той конкуренции, которую в Восточной Сибири в местностях, пограничных с Китаем, составляют китайцы для русского рабочего» [Озеров, 1905, с.39–40].

Некоторые татарские купцы успешно сочетали торговую деятельность с производственной. Так, Х.Акчуринов владел кожевенным заводом на ст. Петропавловская в Акмолинской обл., О.Хамитов – в Семипалатинске. Магазины мануфактурных товаров содержали в Омске Аймамелидинов, Абдульманов, Габибулин, Сирозитдинов, Савбянов, Хабибулин, в Петропавловске – Ю.И.Усманов, И.И.Файзуллин, в Кокчетаве – Усманов и Халитов, в Зайсане – Ю.К.Сейфулин, А.Д.Абрахманов, Девлеткильдеев, Урманов, в Павлодаре – С.Г.Вахитов, И.М.Халимов, Г.Г.Вахитов, в Кургане – Мухаметзянов, в Барнауле – Х.Юсупов, в

Томске – С.Байретдинов, в Минусинске – А.Ш.Мансуров, Г.З.Узунов, в Нижнеудинске – Мансуров, в Сретенске – Абдул Мезид Акчурун [Вольский, 1908, с.518–523]. Татарам принадлежали также галантерейные магазины, торговые заведения по сбыту пушнины и шерсти, чая и пр. Таким образом, практически на всех просторах Сибири и Дальнего Востока находилась широкая сеть торговых заведений, принадлежавших татарским купцам. Здесь реализовывались импортные восточные товары.

В рассматриваемый период расширилась география внешнеторговых связей татарских купцов. Отчасти этому способствовали развитие транспортных средств и объединение купеческих капиталов, создание торговых и иных компаний. К примеру, в 1899 г. было основано Акционерное общество русского восточноазиатского пароходства, предназначенное для перевозки грузов и пассажиров между российскими портами и портами Японии, Китая, Кореи, Сиамы и других стран Востока (правление находилось в Риге) [Вольский, 1908, с.449].

Продвижение России в Средней Азии и торговля татарских купцов. Образование Туркестанской обл., взятие Ташкента, подчинение Бухарского эмирата и Хивинского ханства, присоединение Туркмении к России – эти звенья единой цепи российской колониальной политики изменили экономическую жизнь всей Средней Азии. Уже в 70–80-е гг. XIX в. здесь заметно оживилось участие в торговой деятельности новых переселенцев, прежде всего лиц, не исповедовавших ислам. Состав купечества ведущих торговых центров Средней Азии существенно изменился: в нем возросла доля русских, выходцев из стран Европы и др. Тем не менее, роль татарских купцов, промышленников при этом не снизилась. Напротив, в условиях возрастания конкуренции они меняли торговую тактику, направляли свои капиталы в новые сферы, осваивали перспективные отрасли, не свойственные традиционной экономике бывших ханств. Практически во всех городах Туркестанского генерал-губернаторства были татарские кварталы, а торговля оставалась ведущим занятием многих семей. К концу века здесь изменились формы организации торговли: они приобретали вполне

европейский тип. К примеру, в Ташкенте и других городах генерал-губернаторства были широко известны крупные татарские торговые фирмы. Оптовая закупка за счет развития транспортных путей и средств доставки стала возможной непосредственно в крупнейших торговых центрах Средней Азии. В исследованиях того времени отмечалось: «Богатейшие татарские фирмы, имеющие постоянное пребывание в Ташкенте и ведущие торговлю со степью, отправляют туда ситцы, железо и другие товары, предварительно получив их в Ташкенте» [Обзор, 1897, с.40].

В последние десятилетия XIX в. изменения в сфере промышленного производства Российской империи, возникновение новых отраслей, а также повышение потребительского спроса отразились и на состоянии российско-восточной торговли. Татарских купцов все больше привлекали товары, которые пользовались повышенным спросом на внутреннем рынке России. К примеру, если раньше из владений туркменских племен они получали ковры, породистых лошадей, соль и некоторые другие товары, то к концу века большим спросом пользовались нефть и нефтагил (озокерит. – *В.Ш.*) [Наши соседи, 1873, с.34–35]. Непосредственно торговые контакты татарских купцов и туркмен осуществлялись в Ашур-Аде, на о.Челекен и в форте Александровский. Взамен туркмены получали хлеб, железо, чугунные котлы, рыболовные снасти, сахар, чай и пр.

В этот период сохранялись тесные торговые связи с Хивой. Отсюда в Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Оренбург и другие города Российской империи доставлялись хлопок, шелк, кожи, халаты, фрукты. В Хиву вывозились готовые российские изделия: котлы, чугунная посуда, ситец, сахар, железо, галантерейные товары, ружья и пр. [Наши соседи, 1873, с.128].

В Ташкенте с 1888 г. активизировали торговую деятельность татарские купцы. Здесь были заведены крупные оптовые склады. Так, в городе была хорошо известна торговая деятельность троицких купцов Яушевых и Бакирова, обороты которых к началу XX в. оценивались у первых в 1200000 руб., у второго – в 700000 руб. [Добросмыслов, 1912а, с.372–373]. Торговые обороты Латин-

фа Гаисовича Яушева и его наследников в 1905 г. достигли 800000 руб. Значительные средства троицкие торговые татары направляли в хлопковое дело и торговлю хлопком-сырцом. Вместе с тем многие татарские купцы в начале XX в. стали сворачивать торговую деятельность в Ташкенте, постепенно уступив пальму первенства торговцам из числа узбеков и евреев. Капиталы направлялись и в перспективные отрасли и связанные с ними виды торговли.

Строительство железных дорог и расширение торговых связей татарских купцов с народами Востока. 1 мая 1899 г. официально было открыто движение поездов по Среднеазиатской ж.д. от Ташкента до Красноводска, с 1 января 1906 г. – по Ташкентской ж.д. от Ташкента до Оренбурга. Это позитивно сказалось на развитии торговли татарских купцов. Поскольку в городах Средней Азии сложились достаточно крупные диаспоры татар, встал вопрос и о развитии образования для татарских детей. В 1873 г. была открыта первая татарская школа при мечети на Воскресенском базаре Ташкента. Здесь обучалось 100 детей. Всего же в 1887 г. в городе проживало 1386 татар (из 130304 жителей) [Добросмыслов, 1912а, с.79]. Компактные группы торговых татар сложились также в Аральске, г. Туркестане и др. В некоторых населенных пунктах, одновременно являвшихся важнейшими торговыми центрами, татарские купцы играли главную роль. Это, к примеру, относилось к г.Чимкент: «Торговля находится, главным образом, в руках казанских татар» [Масальский, 1913, с.605]. Сокращение времени на доставку товаров с берегов Волги, из центральных губерний Европейской части России, а также с Южного Урала при наличии железной дороги способствовало расширению торговой деятельности татарских купцов на огромном пространстве Казахстана и Средней Азии.

Соединение Закаспийской военной ж.д. и Самарканд-Андижанской ж.д. линии и образование, таким образом, Среднеазиатской ж.д. (начало эксплуатации состоялось 1 мая 1899 г.) также позитивно отразились на торговой деятельности татарских купцов. Они расширили свои торговые обороты, в частности в Асхабаде, где насчитывалось около 40 караван-сараяв: «В торговом отношении

Асхабад является крупным центром и транзитным пунктом внутренней и внешней торговли; торговые отношения с Персией весьма оживленны и производятся караванами» [Масальский, 1913, с.630]. Подобная ситуация наблюдалась и в Мерве, откуда вывозились хлопок-сырец, семена хлопка, шерсть, шкуры, ковры, рис, а доставлялись металлические, мануфактурные изделия, лесные материалы. Заметным стало их влияние и в Пяндже – центре торговли с Афганистаном. Из соседней страны сюда доставлялись фрукты, орехи (фисташки), изюм, шкуры, хлопок-сырец и пр., вывозились российские промышленные изделия, сахар и т.д. Оседали татары и в самых отдаленных уголках Средней Азии, в т.ч. в Припамирье. Их, в частности, можно было встретить в г.Пржевальск (бывший Каракол. – *В.Ш.*) и Пржевальском у., где они вели оживленную торговлю с Китаем. В Китай вывозились различные российские промышленные изделия (до 80 тыс. руб.), а доставлялись хлопок-сырец, сухофрукты, бязь, мата и пр. (до 688 тыс. руб.) [Масальский, 1913, с.766]. Заметную роль татарские купцы играли и в торговле Джаркента, пограничного с Китаем населенного пункта. В азиатской части города находился крупный базар с китайскими лавками и дунганскими харчевнями. Из Джаркента купцы доставляли в Китай керосин, сахар, хлопчатобумажные ткани, металлы, спички и пр., а привозили шкуры, кожи, шерсть, войлоки, пригоняли скот. Немалым торговым капиталом располагали татарские купцы в г.Верный (Алматы. – *В.Ш.*), в Копале (вели торговлю с Кульджой) и т.д.

В литературе рассматриваемого периода подчеркивалась особая роль татарских купцов на рынках Средней Азии. Например, сильными позиции татарского купеческого капитала были на всем пространстве Закаспийской области: «Торговля в этой области до сих пор находится в руках пришлого населения, главным образом, закавказских армян и татар, а также евреев, персов, хивинцев и бухарцев; русских, непосредственно занимающихся торговлей, здесь сравнительно мало» [Масальский, 1913, с.545]. Еще меньше занимались торговлей сами туркмены, проживавшие на просторах Закаспийской обл. Важнейшими торговыми центрами

этого края были порт Красноводск, Ашгабад и Мерв. Ашгабад поддерживал тесные торговые связи с Хивой и Ираном, а Мерв играл заметную роль в торговле с Бухарой, Хивой и Афганистаном. Из Хивы через пустыню Кара-Кум доставлялись шкуры, халаты, мерлушки, сливочное масло и другие товары, а в Хиву вывозились кошмы, чай, сахар, различные российские мануфактурные изделия. Самый большой поток товаров в Закаспийскую обл., разумеется, шел с территории Европейской России. Отсюда татарские купцы морским путем доставляли в Кисловодск металлические и промышленные изделия, муку, сахар, а через территорию Кавказа – зеленый чай. Из туркменских степей доставлялись рыба, хлопок-сырец, шерсть, шкуры и т.д.

В целом, татарские купцы принимали активное участие в российско-среднеазиатской торговле. Только на территории российского Туркестана торговые обороты оценивались в 320 млн. руб. Включение в 1894 г. Бухарского эмирата в таможенное пространство Российской империи оживило торговые связи с Афганистаном и Индией. Так, в Афганистан увеличился отпуск российских промышленных изделий: хлопчатобумажных тканей, фарфоровых и металлических изделий, сахара и пр. В Россию из этой страны доставлялось сырье: хлопок-сырец, шерсть, шкуры и т.д. Ведущим центром российско-индийской и российско-афганской торговли по-прежнему оставалась Бухара, где находились таможи, офисы отделений банков (Государственного, Русско-китайского и др.), складские помещения, конторы зарубежных и отечественных компаний. Обороты торговых связей Российской империи с сопредельными странами Востока по туркестанской границе – Ираном, Афганистаном, Индией, Китаем – к началу XX в. значительно выросли и достигли к 1908 г. 31,8 млн. руб.: привоз – около 15,7 млн. руб., вывоз – около 16 млн. руб. [Масальский, 1913, с.552]. Ассортимент товаров носил устойчивый характер: при положительном в целом сальдо для российской стороны из империи в сопредельные страны Азии вывозились преимущественно готовые промышленные изделия, а ввозились в основном сырье и продукты питания, которые пользовались устойчивым спросом

на отечественном рынке (к примеру, из Афганистана на значительные суммы доставлялись фрукты, орехи, кунжут и пр.).

Казанские татары появились и на строительстве Китайско-Восточной ж.д. Это были, прежде всего, купцы и мелкие торговцы, которые с успехом использовали все преимущества первопроходцев. Их торговая деятельность охватила значительную территорию Маньчжурии: российских татар можно было встретить в Хайларе, Бухеду, Мукдене, Хунхульди, Чань Чуне, Якэши, Гиринае и т.д. В 1904 г. крупная татарская диаспора сложилась в Харбине [Кашапов, 2010]. Активное участие татарских купцов в торговых операциях на территории Маньчжурии привело к изменениям торговых потоков, переориентации движения товаров. В частности, в Харбине и Владивостоке резко возросла цена на мясо. Для обеспечения жителей Владивостока мясо стали доставлять из Австралии [Харбинский, 1908, с.43].

Торговая деятельность татарских купцов в Казахской степи. Отсутствие конкуренции в Степи давало огромную прибыль. Казахи выменивали скот на российские промышленные изделия. Нередко татарские купцы, выезжавшие в Степь, возвращались в Троицк, Оренбург, Омск, Орск, Петропавловск с большими табунами лошадей, нагруженными различными продуктами скотоводства (шкуры, сало, кишки и т.д.), и стадами скота. Затем скот или сырье доставлялись в Москву, Санкт-Петербург, во Владимирскую губ., в Ревель, Либаву, а оттуда – даже в Берлин. «Немало бараньего жира поглощала Казань» [Белоногов, 1903, с.291]. Заметную роль татарские купцы играли и на местных крупных ярмарках Киргизского края: Константиновской в Акмолинске, Петровской в Атбасаре, Таинчинской в Петропавловском у., Ботовской в Каркаралинском у., Чарской в Семипалатинском у., в Актюбинске, Кустанае, Тургае, Иргизе, Гурьевской и др. Для перевозки грузов татарские торговцы пользовались речным и сухопутным транспортом, но чаще всего товары доставлялись комбинированным способом: на верблюдах или лошадях, затем перегружались на речные суда, далее следовали железнодорожным транспортом и т.д. Развитию торговли в крае способствовало грандиоз-

ное железнодорожное строительство. Ввод в действие Западно-Сибирской ж.д. и строительство Оренбургско-Ташкентской ж.д. способствовали увеличению торговых оборотов, расширению географии торговли.

Иные условия торговли были на территории Семиреченской обл. Здесь «торговля скотом и продуктами скотоводства ... находилась в руках татар и сартов». Также мелкая торговля в степи и на местных ярмарках принадлежала в основном татарским купцам: «... с наступлением осени торговцы эти, снабженные запасами товаров, необходимых в быту киргизов, появляются на зимних стойбищах кочевников и, оставаясь там всю зиму, выменивают свои товары на скот, шерсть, шкуры и другие произведения степного хозяйства, вывозимые весной на север, в Сибирь, или на юг, в Туркестан (скот)» [Белоногов, 1903, с.546]. Важнейшим направлением внешнеторговых связей татарских купцов в Семипалатинской обл. оставалось китайское. Из Синьцзяна в Семипалатинск доставлялись шерсть, шкуры, другие продукты скотоводства, живой скот, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, фарфоровая посуда, чай кирпичный и т.д. В свою очередь, из Китая в Россию привозились следующие товары: сукно, хлопчатобумажные ткани, посуда, свечи, сахар, керосин, спички, металлические изделия и пр.

Таким образом, к началу XX в. внешнеторговые связи татарских купцов с на-

Отправка каравана в Троицке. Фото нач. XIX в.

родами Востока значительно расширились. Этому способствовали развитие средств сообщения, заключение Россией торговых договоров почти со всеми сопредельными государствами, реализация крупномасштабных проектов в российском порубежье и на территории соседних азиатских стран, широкое использование банковского кредита, страхования, активное создание торговых домов, компаний, акционерных обществ и т.д. Накопленный предшествующими поколениями богатейший опыт торгового взаимодействия с народами Азии позволил татарскому торговому классу тонко чувствовать пульс Востока, быстро адаптироваться к стремительно меняющимся условиям как отечественного, так и зарубежных рынков. Авторитет татарских купцов на Востоке повышал надежность партнерских торгово-экономических отношений Российской империи с народами Азии, служил своеобразной визитной карточкой великой северной страны.

§ 2. Среднеазиатская политика России и татарские переводчики

Гульмира Султангалиева

Для выработки стратегии и тактики по отношению к Хиве, Коканду, а также выявления намерений англичан в Средней Азии правительство нуждалось в регулярном получении достоверных сведений.

Оренбургская таможня была одним из крупных учреждений в империи, на Меновой двор Оренбурга съезжались представители не только из Степи, Средней Азии, но и

Афганистана, Персии, Китая и т.д. В 20–30-х гг. XIX в. роль Оренбурга особенно возросла в связи с проникновением английских разведывательных миссий в Центральную Азию и сопредельные с ней страны, территория которых в стратегических планах британского правительства рассматривалась как потенциально выгодные рынки для сбыта английских промышленных товаров и удобный плац-

дарм для дальнейших военно-политических действий в этом регионе [Рожкова, 1949, с.152–180; 1958, с.109, 111; Михалева, 1982; Ерофеева, 2000, с.358–362].

Поскольку даже географические данные и сведения о природных и климатических условиях были скудны, неудивительно, что и эта информация поступала через переводчиков, которые находились при прибывающих в Оренбург официальных посольствах и торговых караванах из Хивы, Коканда, Бухары. Общение с их свитами позволяло получать «нужную информацию» о характере и назначении посольств, о влиятельности чиновниках, о численности, боеготовности армии сопредельных государств [ГАОО, ф.167, оп.1, д.2428, л.1–28об.].

Толмачи привлекались в основном к устным переводам, деятельность же переводчиков обуславливалась ролью Оренбургского региона в восточной политике империи, от них требовалось знание восточных языков. Характер, содержание деятельности, круг обязанностей и полномочий переводчиков, толмачей зависели от политики региональных властей в полиэтничном регионе на том или ином этапе.

Кроме того, оренбургская администрация включала татарских переводчиков в состав дипломатических миссий, направляемых в среднеазиатские ханства, или назначала приставами хивинских или бухарских послов, прибывших в Оренбург. Одним из первых татарских переводчиков региональной администрации, вошедших в состав русских дипломатических миссий, отправляемых в среднеазиатские ханства, стал переводчик Мендияр Бекчурин. Дважды (1771, 1780 гг.) его направляли в Бухару с дипломатической миссией.

Поручик Абдулнасыр Субханкулов прибыл в 1810 г. в Бухару с важной миссией, а именно – для передачи грамоты российского императора бухарскому эмиру и установления между странами дипломатических отношений. Вместе с тем ему были даны специальные задания: выявить людей, занимавшихся изготовлением фальшивых российских ассигнаций, в частности фальшивомонетчика Х.Валитова³; собрать сведения о

количестве русских пленных, каракалпаков в Бухарском ханстве; выяснить позицию англичан в Афганистане и среднеазиатских ханствах; изучить состояние торговли и экономические интересы бухарского купечества и правительства; и, наконец, наметить пути продвижения российских торговых караванов в Среднюю Азию [Галиев, 1994, с.51].

В 1818 г. А.Субханкулов был отправлен с новой секретной миссией уже в другое среднеазиатское ханство – Хиву. Официальным поводом для снаряжения экспедиции послужило стремление России достичь договоренностей с хивинским ханом о взаимной охране торговли и, по возможности, добиться от него возмещения убытка российским купцам, ограбленным хивинцами. Целью миссии также были разведывательные задачи. В целом миссии поручика А.Субханкулова способствовали расширению представлений российских властей о событиях в сопредельных странах Средней Азии, решению конкретных вопросов, связанных и с развитием торговых связей России со своими южными соседями. [Шкунов, 1997, с.17–23; Внешняя политика, 1952, с.332–337].

В стратегических планах Российской империи особая роль отводилась Хивинскому ханству. Близость Хивы к торговым путям, ведущим в соседние среднеазиатские ханства, делала ее весьма важной для российско-среднеазиатской торговли.

В первой половине XIX в. отношения между Россией и Хивой, несмотря на развитие торговых контактов, были напряженными. Одной из причин являлось разграничение сфер влияния в Казахской степи. Несмотря на то, что пограничные с Хивинским ханством казахские земли в течение почти столетия находились в составе Российской империи, правители Хивы претендовали на контроль над казахскими родами, кочующими вдоль побережья Каспийского моря [Рожкова, 1949, с.46–48].

С целью урегулирования взаимоотношений в 1819 г. в Хиву была послана экспедиция с переводчиком М.Бекчуриным, который

ехал в Бухару через Троицкую крепость и налаживал производство фальшивых русских денег, изготавливая по 8000 руб. ассигнациями в неделю, что очень беспокоило русские власти.

³ Уроженец д.Иштеряповой (Ашитовской) Уфимского округа Казанской губ. нелегально вы-

должен был передать хивинскому визирю письмо от управляющего Иностранной коллегией К.Нессельроде. Однако его миссия была неудачной, ибо М.Бекчурина отправила обратно без официального ответа.

Взаимоотношения между странами значительно осложняли вопрос о русских пленных в Хиве и механизме их освобождения. После неудачных переговоров, проходивших на протяжении 1837–1838 гг., правительство решило добиться выполнения своих требований вооруженной силой, поэтому был поддержан проект о военном походе на Хиву.

Из-за ограниченности финансового обеспечения Хивинской экспедиции было принято решение о найме верблюдов у казахов Западной части Оренбургского ведомства вместо их покупки. В начале ноября 1839 г. в степь был отправлен корнет Мухаммад-шариф Аитов «для доставки 2 тысяч верблюдов» [Иванин, 1874]. Однако Аитов собрал только 500 верблюдов: в связи с отсутствием денежных средств он не сумел расплатиться с казаками за «найм верблюдов», за что был пленен казаками рода адай и продан хивинским купцам [ГАОО, ф.167, оп.1, д.24, л.5].

В период пребывания (до августа 1840 г.) толмача Оренбургской пограничной комиссии Аитова в Хиве в качестве пленного он дважды встречался с хивинским ханом Аллакули (1826–1842). Беседы с Аитовым давали хану возможность определить дальнейший вектор взаимоотношений с Российской империей. Хан разрешил М.-Ш.Аитову составить список русских пленников, пожелавших вернуться в Россию. В августе 1840 г. Аитов привез в Оренбург письмо от хивинского хана Аллакули военному губернатору В.Перовскому именной подарок – серебряный нож с ручкой из слоновой кости как символ урегулирования конфликта [ГАОО, ф.167, оп.1, д.24, л.22].

Сведения, собранные Аитовым о внутренней жизни Хивинского ханства, представляли интерес для правительства – в сентябре 1840 г. толмач «за отличные действия в период плена был произведен в поручики» [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2786, л.3об.].

В мае 1841 г. Аитов был включен в состав дипломатической миссии капитана Никифорова, выехавшего в Хиву с целью добиться признания за Россией прав на весь

восточный берег Каспийского моря [Сборник, 1912]. Однако хивинский хан принял миссию Никифорова настороженно и не согласился на оставление в своем дворе Аитова в качестве «русского чиновника»⁴. В 1844 г. Аитов сопровождал хивинских посланцев в Санкт-Петербург [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.414, л.67–72].

В развитие взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами внес определенную лепту и переводчик Сулейман Батыршин. Губернатором В.А.Перовским он был отправлен в Степь в 1853 г. «для скорейшего найма верблюдов» у ордынцев «под транспортировку казенного провианта» в ходе подготовки к Хивинской экспедиции 1853 г. За оперативность действий и своевременную поставку гужевого транспорта С.Батыршин в 1854 г. был произведен в титулярные советники со старшинством. В 1854–1859 гг. он неоднократно сопровождал в качестве пристава Бухарские и Хивинские посольства в Петербург и русское посольство в Хиву и Бухару в качестве драгомана [ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.46].

Кроме того, татарские переводчики составляли подробные «Записки» о среднеазиатских ханствах, в которых содержались сведения о социально-политическом развитии государства, рекомендации по разработке направления политики имперской власти не только по отношению к сопредельным ханствам, но и казахам присырдарьинского региона [Записка, 2007, с.300–318].

За активное содействие в среднеазиатской политике империи некоторые татарские переводчики были повышены в чинах и награждены медалями: Абдулнасыр Субханкулов «за усердное исполнение» своих обязанностей в период пребывания в Бухаре 23 марта 1811 г. был награжден золотой медалью на красной ленте и единовременным пособием в 750 руб.; С.Батыршин получил в 1862 г. чин надворного советника [ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.47].

⁴ Начатые Никифоровым переговоры о заключении мирного договора России с Хивой продолжил в 1842 г. подполковник Г.И.Данилевский. Его миссия была более удачной. Им был заключен акт, по которому хивинский хан Рахимкул (1842–1845) обязался не предпринимать враждебных действий против России, не потворствовать грабегам торговых караванов, не удерживать русских пленников в Хиве.

Драгоман Сулейман Батыршин. Фото 1858 г.

Подводя итог анализа данного аспекта деятельности татарских переводчиков и толмачей, отметим, что сбор разнообразной информации и сведений о лицах, прибывавших из Средней Азии в качестве караван-баши, купцов или приказчиков на торг в Оренбург, был обязательным правилом для татарских служащих. Это можно проследить по их со-

общениям и докладам, в которых они уведомляли местную администрацию о том, что слышали «от приезжающих на торг киргисцов и ташкентцев» [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.4910, л.1–5; д.2467, л.165]. Именно через купцов и караванщиков поступали в администрацию первые сведения о предстоящем прибытии посланцев и дипломатических миссий из соседних государств и информация военно-стратегического характера.

Татарские переводчики выполняли более широкие функции, чем было предусмотрено их непосредственной должностью. Они исполняли роль посредников при установлении контактов региональных властей с представителями местных народов, во время приемов дипломатических миссий из сопредельных государств и при отправлении русских посольств, в торговых операциях между Россией, Степью и Средней Азией, собирали сведения по истории и культуре народов, о природно-географических условиях данного региона и т.д.

Таким образом, деятельность татарских переводчиков и толмачей в органах управления казахами в первой половине XIX в. была сложной и разновекторной. Работа в органах управления, участие в дипломатических миссиях и переговорах объективно отвечали целям правительства по продвижению на территорию Южного Казахстана и в Среднюю Азию.

§ 3. Северный Кавказ

Ильдус Загидуллин

При Екатерине II Российская империя начала реализовывать т.н. Греческий проект, предполагавший полное завоевание и последующий раздел Османской империи. Составной частью реализации Греческого проекта стали: присоединение в 1783 г. Крыма, создание Черноморского флота, завоевание Кавказа. В 1805–1806 гг. все крупные ханства Северного Азербайджана вошли в состав Российской империи [Смирнов, 1958, с.174].

Самодержавие попыталось применить опыт усиления своего политического воздействия в Казахской степи и в отношении

кавказских народов. В начале XIX в. оренбургский муфтий М.Хусаинов был командирован на Кавказ, где принимал от кабардинцев российских пленных, организовал у них родовые суды и процедуру принятия присяги на верность российскому императору [Азаматов, 1996, с.47].

По буквальному смыслу указа от 22 сентября 1788 г. об учреждении Собрания магометанского закона, в его религиозно-административном ведении оказалось все евразийское пространство империи, тем более, если учесть, что за три года до этого, в 1785 г., было создано Кавказское наместни-

чество (1785–1795) в составе Кавказской и Астраханской областей⁵. В 1860 г., после упразднения Кавказских военных линий, были образованы Кубанская, Терская и Дагестанская области [Цуциев, 2006, с.16, 20]. ОМДС, ввиду слабой разработанности в законодательстве вопроса управления духовными делами российской уммы, чуть ли не при каждом удобном случае отгораживалось от Северного Кавказа (Кубанской и Терской областей и Ставропольской губ.), заявляло, что они официально не находятся в его ведении. Однако МВД и местная администрация, ввиду отсутствия в этих регионах религиозных управлений, при необходимости систематически обращались за экспертным заключением в Уфу. Государственный Совет, рассмотрев в 1894 г. представление Военного министерства о реформировании управления духовными делами мусульман на Северном Кавказе, признал, что полномочия ОМДС не распространяются на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губ. Но это мнение высшего органа власти не было должным образом закреплено в нормативных документах [Загидуллин, 2007, с.6].

К 1830 г. было завершено завоевание Закавказья. К этому времени на Северном Кавказе сформировался имамат – исламское государство с сильной идеологией, объединяющей горцев, «радикально враждебных России», которое вскоре возглавил Шамиль. Началась «эпоха государственно-организованного противостояния России со стороны значительной части горских обществ Дагестана и Чечни» [Цуциев, 2006, с.18]. Правительство опасалось распространения антироссийской идеологии горцев среди их единоверцев в Волго-Уральском регионе. С целью пресечения каких-либо контактов между ними в 1833 г. было запрещено распределение рекрутов-татар (му-

сульман) в Отдельный кавказский корпус [Свод военных, 1838, ч.2, кн.1, ст.271].

Одновременно в качестве идеологического противодействия правительство решило использовать подконтрольный ему исламский религиозный институт: учредило в 1834 г. в Тифлисе должность муфтия мусульман-суннитов Кавказа. Из двух рекомендованных оренбургским муфтием Г.Абдрахимовым кандидатов правительство выбрало на эту ответственную должность обучавшегося в Дагестане Мустафу Таджетдина, одного из образованнейших духовных лиц г. Казани. Известно об обращении М.Таджетдина к горцам в 1837 г. с призывом подчиниться русскому правительству. Однако муфтий не имел популярности у горцев Дагестана. Согласно сведениям Ш.Марджани, причиной его отставки и отъезда в Казань⁶ стали жалобы на него со стороны недоброжелателей и завистников [Марджани, 1989, б.302–303]. По другим сведениям, в 1840 г. М.Таджетдин выехал в Казань под предлогом семейных обстоятельств, а условием возвращения на Кавказ поставил уравнивание его жалованья с окладом оренбургского муфтия. На место М.Таджетдина был назначен казахский кадий Осман-эфенде с прежним окладом в 250 руб. сер.

При кавказском наместнике М.С.Воронцове (время службы – 1844–1854 гг.) для усиления идеологического воздействия на горцев в 1845 г. были приглашены крымскотатарский кадий-эскер и четыре его помощника с жалованьем по 400 руб. сер. каждому. Кадий-эскер Сеид Халиль эфенди вел активную проповедническую деятельность и был награжден орденом св. Анны 3-й степени, а сопровождавшие его лица произведены в чиновники 14-го разряда [Смирнов, 1963, с.95–97; Авксентьев, 1973, с.60–61]. В 1852 г. Воронцов пригласил 10 улемов из ОМДС «для противодействия проповедникам газавата» [Северный Кавказ, 2007, с.105].

Другим важным направлением в деятельности правительства по подготовке послушного духовенства явилось открытие в 1849 г. восьми мусульманских духовных школ – трех для суннитов (в Тифлисе, Дербенте и Шемахе) и пяти для шиитов (в Тифлисе, Ели-

⁵ В 1790 г. Кавказская губ. была упразднена, затем получила статус области в составе Астраханской губ., в 1802 г. была вновь восстановлена, 1822 г. преобразована в область с центром в г.Ставрополь, а в 1847 г. переименована в Ставропольскую губ. Территория, занятая ногайцами, была на четыре приставства, что привело к разобщению их родоплеменных групп. При этом все ногайские приставства были включены в состав Ставропольской губ. В 1888 г. Караногойское приставство с Кизлярским у. были переданы Терской обл.

⁶ Затем М.Таджетдин поехал в Мекку, по пути домой в 1845 г. умер в возрасте 57 лет.

саветполе, Шуше Шемахе и Баку) [Смирнов, 1963, с.98]. Это шаг означал отказ властей от привлечения татарских мулл к решению политических задач на Кавказе и акцент на воспитание лояльного местного духовенства.

Необходимо отметить еще один шаг правительства, направленный на формирование лояльных к России аристократических слоев кавказских народов. В 1828 г. в составе Собственного е.и.в. конвоя в Санкт-Петербурге из представителей элиты горцев-мусульман был образован л.-гв. Кавказский горский полуэскадрон⁷. В мае 1837 г. с целью склонить горцев к «добровольной покорности» во главе с командиром л.-гв. Кавказского горского полуэскадрона полковником Хан Гиреем на Кавказ была отправлена делегация от императора. В определенных на кордонной линии пунктах состоялись встречи с горскими старшинами, на которых им предлагалось избрать из своей среды представителей для изъявления императору всеподданнейших чувств. В августе на Кавказ прибыл Николай I. Однако надежда на мирное присоединение Северного Кавказа не оправдалась [Петин, 1899, с.90–104].

В начале 1830-х гг. военнотружущие л.-гв. Кавказского горского полуэскадрона Собственного е.и.в. конвоя обратились к императору с прошением о зачислении в военно-учебные заведения их детей и родственников, в результате в Дворянский полк, Александровский, Павловский и 2-й кадетский корпуса было определено 40 малолетних горцев из 25 княжеских фамилий. В 1830–1840-х гг. в кадетских корпусах воспитывалось 315 горцев, в 1845 г. училось 128 горцев. В 1834 г. последовал императорский указ о призыве в Пажеский корпус детей почетных мусульман Кавказского края. Для обучения кадетов из мусульман основам

ислама в штатных расписаниях столичных учебных заведений первоначально были предусмотрены должности мугаллимов (с 1865 г. – за определенную плату). На эти должности приглашались татарские гражданские и военные муллы Санкт-Петербурга. Наряду с преподаванием основ ислама в Пажеском корпусе имам Г.Сулейманов (будущий оренбургский муфтий) проводил среди них воспитательную работу с целью «внушения доверия к правительству». За успешную педагогическую деятельность в правительственном русле он в 1831 г. был удостоен звания тархана. Обучением горцев-мусульман в 1822–1846 гг. занимался имам Мухаммадалим Хантемиров, в 1850-е гг. – его сын имам Мухаммадамин Хантемиров. Затем преподавательская деятельность стала стезей военного ахуна Отдельного гвардейского корпуса Хамидуллы Халитова.

Накануне окончания Кавказской войны, указом от 11 октября 1858 г., было прекращено направление в кадетские корпуса детей почетных горских старшин и приказано дать им «образование местное». Исключение делалось только в отношении детей «из почетных и владетельных фамилий».

Таким образом, активное участие татар в отношениях России со странами Востока пришлось на дореформенный период, оно во многом было инициировано правительством с целью решения конкретных внешнеполитических и экономических задач. Основными направлениями деятельности татар стали установление и развитие торгово-экономических отношений с рынками Азии; служба в приграничных администрациях в качестве толмачей и переводчиков, сопровождение дипломатических миссий; сбор информации о ситуации в сопредельных государствах.

§ 4. Татары и Османское государство

Альфина Сибгатуллина, Исмаил Тюркоглу

Поволжские татары как представители тюркских народов и мусульман-суннитов,

⁷ В разгар Кавказской войны (в 1836 г.) в состав л.-гв. Кавказского горского полуэскадрона Собственного е.и.в. конвоя была включена команда лезгин (до 1882 г.). В 1839–1882 гг. в составе Собственного е.и.в. конвоя имела команда мусульман из числа военнотружущих-азербайджанцев.

проживавших в Российской империи, к Османской Турции и султану-халифу относились с уважением и трепетом, как к гаранту общетюркского братства и единства веры всех мусульман мира. Одним из важных способов установления постоянных контактов российских мусульман с единоверцами в Османском государстве было со-

вершение хаджа. Помимо исполнения религиозной обязанности хадж способствовал установлению культурных, межличностных и торгово-хозяйственных отношений между мусульманами двух стран. Хиджаз – регион, где расположены священные для мусульман всего мира города Мекка и Медина, в то время находился в составе Османской империи. Поэтому российские мусульмане, отправляющиеся в хадж, независимо от выбранного маршрута, в любом случае попадали во владения турецкого султана-халифа.

Совершение хаджа было трудным, длительным и дорогостоящим мероприятием. Богатые татары, с целью создания условий для отдыха на пути в Мекку, на маршрутах следования пилигримов учреждали вакуфы. В документе за 1791 г. сообщается о Сулеймане Челеби из Казани, создавшем вакуф в Стамбуле. В 1837 г. один из таких вакуфов учредил Сулейман-ага из Казани [ОАТР, ф.С, НР, д.714]. В 1847 г. Мухаммадзян эфенди создал в Мекке текке – суфийское заведение. На рубеже веков отмечалось приобретение богатыми мусульманами из Поволжья различного рода недвижимости в Стамбуле, Мекке и Медине. Паломников из Поволжья принимали и «узбекские» накшбендийские текке, которые имелись в Стамбуле и других городах империи. Шакирды, приезжавшие в Турцию учиться в медресе, организовывали землячества и общины. Студенты и паломники привозили в Поволжье книги различного содержания, в т.ч. учебники, этим объясняется, в частности, влияние османского языка на язык многих писателей и публицистов начала XX в. Татарская интеллигенция через турецкие переводы знакомилась также с французскими романами.

Столица Османской империи являлась главным транзитным пунктом для паломников по пути в Мекку и Медину, и мусульмане России не упускали возможности посетить Стамбул, пообщаться с местными шейхами, имамами и улемами, приобрести новую литературу по исламу. Ярким примером тому служит паломническая поездка в 1880 г. Шигабутдина Марджани, который находился в Стамбуле 12 дней. Как и другие паломники из России, Марджани посетил главные мечети города и библиотеки. Он не только покупал книги, но и подарил собственные книги библиотеке Хамидия.

В Стамбуле Марджани был принят такими известными людьми, как муфтий шейхуль-ислам Ахмад Эсад-эфенди, министр юстиции Джевдет-паша, министр иностранных дел Асим-паша, шейх Мухаммад-эфенди ал-Эдирневи, сейид Салман ал-Багдади, Дервиш б. Ибрагим ал-Курди ал-Багдади и др. При общении с ними Марджани был приятно удивлен тем, что они насыщены о его сочинении «Назурат ал-хакк». Они спрашивали его мнение о долготе дня и ночи, о восходе и закате солнца в Волго-Уральском регионе, об ученых и вообще о мусульманах России, интересовались распространением европейской системы образования среди татарского народа [Юзеев, 2003, с.54–75].

Паломническая поездка суфийского ишана Зайнуллы Расулева является примером освоения «русскими мусульманами» новых религиозных течений на территории Османской империи. Благодаря его встрече в 1869 г. в Стамбуле с шейхом Ахмедом Зияэддином Гюмюшханеви в Волго-Уральском регионе получила заметное распространение новая ветвь накшбендийского тариката – халидия.

Отношение правительства Российской империи к совершению хаджа российскими подданными было неоднозначным. Власть нередко усматривала в нем способ проникновения чуждой идеологии, поэтому в середине 1860-х гг. (под воздействием массового движения «отпадения» крещеных татар в ислам в Среднем Поволжье) [Материалы, 1936, с.449] и на рубеже столетий (с целью противодействия миграции татар в Турцию) под различными предлогами запрещала паломничество российских мусульман.

В конце XIX – начале XX в. численность российских мусульман, совершавших паломничество в Хиджаз, постоянно росла и составляла 8–10 млн. чел. в год. Некоторые малоимущие паломники, пребывая на территории Османской империи, могли рассчитывать на материальную помощь султана, которая выражалась в выделении бесплатных билетов на суда, идущие в Джидду, возможности присоединиться к султанскому каравану, предназначенному для ежегодного преподнесения подарков Мекке в сезон хаджа, и т.д., это означало полное покрытие дорожных расходов и бесплатное питание, а также гарантию безопасности в пути.

В конце XVIII – первой половине XIX в. важную роль в переселениях татар играли пилигримы. Крымская война вызвала новую волну миграции из России. По этой причине в 1859 г. в Стамбуле была создана государственная комиссия по вынужденным переселенцам (мухаджирам) из регионов России, был организован их учет, собиравались сведения о приехавших. Данные о переселившихся до этого времени в архивах зафиксированы лишь в случае их просьбы о предоставлении материальной помощи [ОАТР, ф.С. МФ, д.3222; ф.С. МЛ, д.8575]. Известно, что не все мигранты писали такие заявления. С 1876 г. по 1914 г. из России в Османскую империю переселились 500 тыс. чел. Большую их часть составляли представители кавказских мусульманских народов из Крыма и Кавказа, малую часть – мигранты из Волго-Уралья. На тот момент между двумя государствами существовало соглашение на переселение. У каждой стороны был свой интерес: Россия стремилась освободить берег Черного моря от мусульман (имперские власти при этом запрещали переселения из внутренних губерний страны), Османская империя – заселять свои пустующие земли. Каждая сторона выдвигала свои условия: российским условием было не селить переселенцев на границе с Россией, османским – запрет мухаджирам покидать те земли, которые им выдало государство. Общим условием было невозвращение назад. В этой ситуации единственными пострадавшими были переселенцы, так как в ходе переселения многие мусульмане погибли. Среди мухаджиров были лица, которые не желали принимать Османское подданство, чтобы через некоторое время вернуться в Россию.

Были периоды, когда османская власть запрещала приезд мухаджиров из России из-за распространения среди них чумы и холеры. Недалеко от Стамбула, на берегу Черного моря, была создана карантинная территория. В такие годы лишь после медицинского карантина мухаджирам разрешалось войти в город.

Во второй половине XIX в. численность мигрантов из Волго-Уралья увеличилась. Часть поволжских татар по религиозным,

экономическим и военно-политическим причинам (насильственная христианизация и русификация, голод 1891–1892 гг., перепись населения 1897 г., столыпинские реформы, реакция после революции 1905 г. и т.д.) была вынуждена переселиться в Турцию. Основными причинами переселения татарские мигранты указывали давление самодержавия в сфере мусульманского религиозного образования, принудительное обучение русскому языку и ограничения в книгопечатании, социально-экономические проблемы, массовый голод 1891–1892 гг., результаты русско-турецких войн, а также желание жить свободно, получить религиозное образование, жить вместе с единоверцами и т.д. [Ibrahim, 1908; 1911]. В 1892 г. 51 ученый-улем из Мекки и Медины написали специальное обращение к халифу, султану Абдулхамиду II, в котором подчеркивались активизация миссионеров среди российских мусульман, моральная и материальная поддержка имперской властью миссионерской деятельности русской церкви. Ученые-улемы просили халифа поддержать единоверцев на уровне государственной политики [ОАТР, ф.У, МТВ, оп.57, д.50].

Османские власти вынуждены были разработать определенную политику по размещению переселенцев из Волго-Уральского региона. Существовала специальная комиссия по мухаджирам, которая вела их учет и контроль, а также распределяла переселенцев по Анатолии. При этом, по возможности, учитывались пожелания самих переселенцев.

Османское правительство позволило состоятельным мухаджирам селиться в Стамбуле, остальных размещало во внутренних районах империи. Основную массу переселенцев из Волго-Уральского региона и Крыма направляли в Анатолию, в хозяйственном отношении неосвоенный район страны. Им выделялись бесплатные земельные наделы (не менее 20 соток на одного мужчину, предоставляли льготы: на 10 лет освобождали от налогов, на 25 лет – от воинской повинности), предоставляли бесплатно участки для постройки домов, строительные материалы. На целый год мигранты безвозмездно обеспечивались продуктами питания. Наряду с этим существовал порядок, не позволявший

переселенцам возвращаться на родину⁸. Несмотря на это, между местными жителями и мухаджирами изредка возникали конфликты, из-за чего их отправляли в другие районы либо предоставляли защиту.

Обычно от мухаджиров требовалось официальное разрешение на переселение, выданное российскими властями. Получившим такое разрешение выдавался российский паспорт. Желаящие иммигрировать из России обращались к султану через специальных агентов, занимавшихся переселением мусульман в Османскую империю. Сведения о маршруте и количестве переселенцев заранее сообщались в Турцию, власти которой предпринимали меры для их встречи и временного устройства. МВД Турции выделяло определенную сумму для их транспортировки и размещения, выдавало долгосрочные кредиты на строительство домов. Однако некоторые переселенцы приезжали в Османскую империю неофициально, без согласия сторон и без паспортов. Турецкая сторона принимала их в статусе беженцев. Общее количество мигрантов-татар неизвестно. В среднем в каждой семье насчитывалось по 4 чел. Татары из Казанской, Уфимской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Астраханской губерний жили в Анатолии вблизи городов Стамбул, Измир, Бурса, Анкара, Эскишехир, Кютахья, Самсун, Амасья, Малатйа, Адана, Йозгат, Измит, на Балканах в Добрудже, а также в Мекке, Медине, Джидде, Дамаске. Организовывались собственно татарские деревни, которые носили названия Османья, Месудия, Хильмия, Хамидия, Хамидабад, Эртугрул и др. Некоторым мухаджирам не нравилось место их размещения, и они изъявляли же-

лание вернуться в Россию⁹. Османская сторона пыталась предотвратить эти попытки, предлагая недовольным плодородные земли и стройматериалы. С местным населением татары обычно находили общий язык, хотя иногда и возникали проблемы с разделом земли. Татары занимались земледелием и скотоводством. Те, кто обустроивались в городе, держали с разрешения властей чайхану или кофейню.

Были попытки создавать свои диаспоры и общества, постепенно татары адаптировались в турецкой среде и ассимилировались. Впоследствии поволжские мухаджиры и их потомки сыграли заметную роль в общественно-политической и культурной жизни Османской империи, в частности, занимая весьма высокие посты в государственных управленческих структурах, а также приобретая широкую известность в сферах науки, литературы и искусства.

Большую роль в благоустройстве переселенцев сыграл государственный министр Османской империи Мехмед Кани Паша (1805–1885), татарин, уроженец Пензенской губ. Он начинал карьеру с должности переводчика и постепенно стал влиятельным человеком при султанах Абдулазизе (1861–1878) и Абдулхамиде II (1876–1909). Успешно справлялся с финансово-хозяйственными делами во дворце, с таможенной службой, занимал пост министра финансов (1864–1865, 1879–1879 гг.), министра благоустройства (1873 г.), был членом Меджлиса. Содействовал поддержке политических отношений с Россией и Францией, был награжден орденом Станислава первой степени и орденом Почетного легиона второй степени [ОАТР, ф.ДН, SAİD, оп.1, д.244]. Мехмед Кани Паша был самым высокопоставленным государственным и политическим деятелем из числа переселенцев из Российской империи. Похоронен в Топкапы на кладбище Меркезэфенди. Потомки Мехмеда Кани Паша так-

⁸ Например, в 1894 г. группа мухаджиров из Казанской губ. приехала в г.Трабзон, чтобы вернуться в Россию. Но османские власти не разрешили им уехать, выделили специальные земли. В 1899 г. 16 семей (111 чел.) татар из Казанской губ. были направлены в г.Малатъя, однако они не согласились на получение выделенных земель по причине их низкой плодородности и «пустынности местности». В результате они вернулись в г.Самсун, чтобы отправиться назад в Россию. Тогда правительство предложило им новые участки, недалеко от прибрежных районов Самсуна (современное с.Хилмия) [ОАТР, ф.І. ДН, оп.1318, д.Са/5; ОАТР, ф.МV, оп.97, д.87].

⁹ Известно, что стихотворение Г. Тукая «Не уйдем!» («Китмибез!») написано против политики русских властей, заставлявших мусульман покидать родину, оно стало ответом агитаторам, призывавшим татар переселяться в Турцию. Махмут Галаяу (1886–1938) в романе «Мухаджиры» (1934 г.) описал тяжелые условия переселения и размещения татарских семей в Анатолии.

же стали видными деятелями Османского государства [ОАТР, А. МКТ. МНМ, 335/6].

Из представителей управленческого аппарата различных дворцовых служб можно назвать татарина Мифтахетдина б. Абдулгани, выходца из Белебеевского у. Уфимской губ., выпускника Стерлибашевского медресе. В Стамбуле Мухтар-пашой он был представлен султану, и в течение тридцати лет капитан Мифтахетдин служил в охране во дворце султана. Абдулхамид II дал ему имя Мустафа и назначил его управляющим своего дворца. Известно, что Мустафа-эфенди оказывал большую помощь российским паломникам [Габдрэшит Ибрагим, 1911, б.3].

Из татарских богословов наиболее активную деятельность в Турции в конце столетия вел Габдерашит Ибрагимов. В 1895 г. он издал в Стамбуле книги «Ливауль Хамд» и «Утренняя звезда», которые были запрещены в России за резкую критику православного миссионерства и русификаторской политики самодержавия. Совершив в 1897–1900 гг. путешествие по странам Европы и Азии, Г.Ибрагимов начал проповедовать среди тюрок-мусульман Российской и Османской империй идеи реформы ислама и модернизации жизни мусульман. В первой своей книге он призывал татар эмигрировать в Турцию. Книга быстро завоевала популярность среди российских мусульман и в значительной степени помешала проведению переписи населения в 1897 г.

Эмиграция российских мусульман в Османскую империю благоприятно повлияла на ее экономику: увеличились банковские вложения и золотой запас страны.

Мухаджиры заметно усилили интеллектуальную мощь Османского государства. Среди них было немало интеллигентных, культурных людей, их дети получали образование в Турции, Германии, Франции и впоследствии составили новое поколение ученых, политиков, деятелей культуры Турции. Именно эмигранты из мусульманских тюрок России (Ю.Акчура, М.Э.Расулзаде, А.Агаев и др.) способствовали развитию таких политических движений, как исланизм, туранизм, тюркизм, которые после 1908 г. стали в Турции доминирующими идеологиями.

Во второй половине XIX в. изменились приоритеты заграничного обучения татар

Волго-Уралья. Взоры жаждущей знаний татарской молодежи обратились на учебные заведения Османского государства. В конце столетия татарскую молодежь привлекали высшие учебные заведения светского характера: Стамбульские дарельфунун (университет), дарельмугаллимин (педагогический институт), Высшая военная школа (Ирадэи сания, Харбия мектебе) и «Мюлькия» (Мектебе мюлькийя-и шахане), высшая светская школа, где готовили государственных чиновников. Но официально они начали принимать иностранных студентов только после 1905 г. Одними из первых казанских татар, обучавшихся в «Мюлькия», стали Муса Акъегетзаде (1884–1923) и Фатих Карими (1870–1937). М.Акъегетзаде, автор первой татарской реалистической повести «Хисаметдин менла», после окончания «Мюлькия» (1891 г.) остался в Турции, писал труды по экономике, выпускал газету «Метин», публиковал различные материалы о жизни российских мусульман.

Фатих Карими, находясь в Турции в 1892–1894 гг., внимательно изучал культуру и историю османского народа. Вернувшись в Россию, он начал активную журналистскую деятельность, был бессменным редактором оренбургской газеты «Вақыт», которая постоянно освещала жизнь не только российских, но и османских тюрок.

Выпускником средней ступени (идадийа) школы «Мюлькия» был Губайдулла Буби (1865–1938), руководитель и мударрис медресе Иж-Буби. В Стамбуле получили образование Закир Рамиев (поэт Дэрдменд), Галимджан Идриси. Уфимское мусульманское благотворительное общество направило на учебу в Стамбул Зия Камали, вскоре он перевелся в Каир, в университет ал-Азхар, который также находился на территории Османской империи.

В начале XX в. в педагогических коллективах медресе «Галия», «Хусаиния», Иж-Буби и др. работали высоко образованные представители мусульманской интеллигенции, многие из которых окончили учебные заведения Османской Турции. Например, основатель медресе «Галия» З.Камали (1873–1942) окончил знаменитый университет «аль-Азхар» в Каире (1904 г.). Преподаватель данного медресе Хабибулла Зайни был выпускником биолого-географического

факультета педагогического института Стамбула, Губайдулла Сагтар – Стамбульского учительского института, Габдулла Сатаев – физико-биологического факультета университета Стамбула. Закир Кадыри учился в университетах Бейрута и Каира, Фахри Габдулла – в Стамбуле, Закир Аюханов – в Каирском университете, Таки Бадьги – в Хиджазе.

Губайдулла Буби (сидит в центре) среди учащихся-татар. Стамбул. Фото 1896 г.

Хатмулла Фазылов, Лутфулла Байчурин совершенствовали свои знания, долгое время находясь в Египте и Аравии. Нури Ахмед, Абдуллай Шепасов получили образование в Стамбуле и Бейруте [Медресе, 2010, с.344–345]. В медресе «Хусаиния» также особое внимание уделялось подготовке преподавателей и обучению выпускников в университетах за счет стипендий, учрежденных А.Г.Хусаиновым. Шакирды медресе продолжали обучение в «аль-Азхаре», Стамбульском и Бейрутском университетах [Медресе, 2010, с.377]. Часть выпускников татарских медресе направлялась в Стамбул на обучение за счет золотопромышленников Рамиевых.

Из числа татарских студентов, приехавших учиться в Стамбул и решивших посвятить себя служению турецкой культуре и просвещению (не вернулись на родину), наиболее видными являются Муса Акъегетзаде, Халим Сабит Шибай, Ахмед Таджеддин и др. [см.: Devlet, 1996, s.161–173].

Одним из любимых и почитаемых гостей в студенческих обществах российских мусульман был турецкий писатель Ахмед Мидхат (1845–1912). Многие прибывшие в Стамбул россияне посещали его. Выходец из кавказских мусульман, А.Мидхат вплотную интересовался проблемами россиян и оказывал всяческую помощь прибывавшим в Турцию сородичам. Занимая важный пост по линии Министерства здравоохранения,

А.Мидхат по службе имел тесные связи с российскими паломниками. Он преподавал в различных учебных заведениях Стамбула и общался с российскими студентами. Работая начальником по делам издательства, имел возможность встречаться с журналистами и книготорговцами из России. Мусульманская периодическая печать на татарском языке («Вақыт» («Время»), «Тәржеман», «Идел», «Сибиря», «Кояш» («Солнце»), «Йолдыз» («Звезда»), «Шура» («Совет»)) выражала общую любовь и уважение к этому самому известному в России турку.

А.Мидхат считал Фатиха Карими своим «духовным сыном». Еще до приезда в Стамбул Ф.Карими познакомился с его творчеством. В 1892 г., перед поступлением в высшее учебное заведение, он посоветовался с А.Мидхатом. Тот одобрил его выбор школы «Мюлькия», но предупредил, что молодой человек после окончания учебы обязательно должен вернуться на родину, чтобы служить своему народу [Gökçek Fazıl, 1999, s.315–323]. После окончания в 1894 г. высшей школы Ф.Карими преподавал в Ялте и активно переписывался с наставником. В своих письмах А.Мидхат советовал заниматься не политикой, а просвещением своего народа, близко общаться и дружить с И.Гаспринским [см.: Bargañ Hüseyin, 2002, s.30–31]. Их дружба продолжалась до самой смерти А.Мидхата.

Следует также отметить, что выходцы из российских тюрок за свои заслуги удостоивались поощрений и государственных наград Османской империи: например, муфтий Мухаммедьяр Султанов в 1893 г. получил орден «Османи», кади Хасангата Габаша, имам Галимджан Баруди и др. были удостоены различных наград османского правительства.

Интерес мусульман двух империй друг к другу был обоюдным и взаимопользным. Если российские мусульмане в Турции укрепляли свою веру в беседах с шейхами и крупными мусульманскими учеными-богословами, посещали святые места, получали образование, то турецких интеллигентов, воочию видевших упадок великой империи османов, интересовала российская модель развития. Если османские турки обладали сильными государственными традициями, то у татар наблюдался явный прогресс в экономической, социальной и культурной жизни, появлялись некоторые элементы гражданского общества.

Усилившееся в XIX в. соперничество России и Османской империи вынуждало обе стороны лучше изучать друг друга. Это побуждало османскую дипломатию активнее интересоваться положением российских мусульман. Особенно активизировалась османская дипломатия в России в период правления Абдул-Хамида II, как известно, интересовавшегося положением мусульман в разных уголках мира.

Об этом свидетельствуют донесения сотрудников османского посольства в России и документы османского МИД конца XIX – начала XX в. 11 документов за 1883–1897 гг. касаются некоторых аспектов политики правительства России в отношении мусульман Поволжья. В частности, чиновники османского посольства в Санкт-Петербурге пристально следили за жизнью мусульманской общины Санкт-Петербурга, в основном состоявшей из представителей волжских татар. Большой интерес представляют два описания праздничного намаза, совершенного татарами, проживавшими в Санкт-Петербурге, по случаю Курбан-байрама в 1890 г. и 1891 г. Описания даны чиновника-

ми посольства в Петербурге, непосредственно присутствовавшими на богослужении, в них представлена информация не только исторического, но и этнографического характера [Ибрагимов, 2006].

Французский ученый Франсуа Жоржон считает, что «не столько российские турки, которые уже с середины XIX в. шли по пути модернизации, больше нуждались в Османской империи, сколько сами османцы старались подражать им» [Жоржон, 1997, с.191]. А многочисленные тюркские интеллигенты – выходцы из России, осевшие в Турции, – выполняли роль посредников между этими двумя обществами.

Из османских интеллигентов на рубеже XIX–XX вв. Поволжье посетили Сулейман Ками (1887 г.), Сулейман Карчынзаде (нач. XX в.), бывший великий везирь Хусейн Хильми-паша (1910 г.), писатель и публицист Джелал Нури Иляри (1912 г.), директор департамента кадастров Махмуд Эсад-эфенди (1913 г.) и владелец газеты «Икдам» Ахмед Джевет (1914 г.). После посещения основных центров компактного проживания татар (Казань, Уфа, Оренбург, Петербург, Москва, Самара, Нижний Новгород, Пенза и т.д.) они написали собственные наблюдения в виде отдельных сочинений или газетных публикаций, которые стали доступны как для турок, так и для российских мусульман. После появления татарской периодической печати пребывание турецких гостей подробно освещалось в казанских, оренбургских и даже центральных российских газетах и журналах [см.: Сибгатуллина, 2010, с.152–187].

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. поволжские татары сумели установить довольно тесные контакты с Османской империей, наиболее ярко проявившиеся в религиозной и культурно-просветительской сферах. Взаимосвязи татар-мусульман с османскими турками в области культуры и светского образования выражались больше в личных контактах, в области религиозной жизни – в усилении в данный период паломнического движения из России, в получении образования татарских шакирдов в османских медресе, а также в более тесном общении религиозных деятелей двух империй.

ГЛАВА 2

Татары в общественно-политических событиях и военных кампаниях

§ 1. Татары в административном управлении Казахстаном

Гульмира Султангалиева

Вхождение в 30-х гг. XVIII в. казахов Младшего и части Среднего жуза в состав Российской империи поставило перед центральной властью проблему включения населения, отличающегося по хозяйственно-культурному типу (кочевое скотоводство), языку (кыпчакская группа тюркских языков) и вероисповеданию (ислам суннитского толка), в общую правовую и административную систему. В этих условиях правительство было вынуждено искать пути оптимального режима их интеграции в общеимперский организм.

Деятельность татарских переводчиков и толмачей в Степи. Создание в 1782 г. специального управления «для отправления пограничных дел», касавшихся казахов, а через 17 лет на основе данного органа – Оренбургской пограничной комиссии (1799–1859), первоначально именовавшейся Коллегией пограничных дел, определило сферу деятельности татарских переводчиков и толмачей. Комиссия являлась своеобразным филиалом Азиатского департамента МИД в этом регионе и ведала дипломатическими отношениями со Степью и среднеазиатскими ханствами, следила за происходящими в них событиями, собирала и изучала материалы по истории, географии, экономике, этнографии этих стран. К середине 20-х годов XIX в. в штат Оренбургской пограничной комиссии входили два переводчика, три толмача, все они являлись представителями татар Волго-Уральского региона [Васильев, 1898, с.4].

В первой половине XIX в. в Оренбургской пограничной комиссии служили такие переводчики и толмачи, как Салих Биглов (из мурз), Мухаммадшариф Аитов (из дворян Оренбургской губ.), братья Искандер и Сулейман Батыршины (из дворян Орен-

бургской губ.), Мирсалих Бекчурин (из мурз Уфимского у.), Кутлугмухаммад Бикмаев (из дворян Оренбургской губ.), Темирбулат Еникеев (из дворян Уфимского у.), Абдулкадыр Субханкулов, а в штате Западно-Сибирского генерал-губернаторства работали Мухаммадрахим Чанышев (князь из Оренбургской губ.), Арасланбек Биглов (из дворян Оренбургской губ.) и др.

Татарские переводчики являлись важным звеном в реализации имперской политики в Степи: неоднократно выезжали в казахские кочевья для сбора сведений о расположении казахских аулов и настроениях казахской знати; сопровождали российские экспедиции в регионе; выступали арбитрами в конфликтных ситуациях, при разрешении земельных споров между родами, казаками и казахским населением; проводили ревизии по уплате кибиточной подати; входили в состав различных комиссий в качестве экспертов по созданию новых территориально-административных структур¹⁰, по урегулированию взаимоотношений российской администрации и восставших

¹⁰ В 40–60-х гг. XIX в. в состав комиссий по внедрению административных учреждений в Степи и урегулированию земельных споров между казаками и казаками, создаваемых как региональными, так и центральными властями, обязательно входили «татары», не только как переводчики, но и в качестве экспертов. Членами различных комиссий были М.-Ш.Аитов (комиссия по ревизии уплаты кибиточной подати родов адай, шомекей, табын, 1845 г.); Салих Биглов (комиссия по административному устройству и разделению Азиатской России и Оренбургского края (1866 г.); С.Батыршин (комиссия по распределению земли вдоль левого берега р.Урал между Уральскими казаками и казаками (1866 г.) [ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.1–62, 186–192; ф.4, оп.1, д.2786; д.2728.]

казахов и т.д. [ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.1–62, 186; История Букеевского ханства, 2002, с.478–479, 501–504].

В 40-х гг. XIX в. татарские чиновники постоянно находились при казачьих отрядах, закладываявших военные укрепления в Степи: Оренбургское на р.Тургай, Уральское на р.Иргиз (1845 г.), Раимское (1847 г.) и форт Карабутак (1848 г.).

Диапазон деятельности требовал от них наличия соответствующего образования, способностей анализировать информацию, широкого кругозора и памяти, позволяющих запоминать подробные сведения политического, экономического, военного и иного характера, столь необходимые официально Петербургу и региональной администрации.

Все они в основном были выпускниками «татарской школы» при Оренбургской экспедиции, Оренбургского или Омского военных училищ, впоследствии переименованных в кадетские корпуса.

Региональная администрация ранжировала деятельность переводчиков и толмачей¹¹.

Они должны были переводить общеимперские законы для казахского населения, что требовало знания юридической лексики, определенной политической культуры. Важность этих переводов обуславливалась необходимостью точно передавать законы имперской России.

В конце XVIII – первой половине XIX в. складывались династии татарских переводчиков, толмачей, служивших в региональных администрациях по управлению Казахской степью, что свидетельствовало о выраженной тенденции формирования определенной профессиональной группы

переводчиков. Более того, выделилась новая социальная категория канцеляристов «из переводческих детей» [Гвоздиков, 1999, с.44]. Анализ послужных списков показал, что браки заключались внутри этой социальной группы, для которой были характерны определенные уровни образования, образ жизни и система ценностей [ЦГА РК, ф.25, оп.2, д.290, л.1–7]. Согласно теории американского профессора Г.Фриза, эти новые социальные слои, приспособившиеся к существующим порядкам, приняли форму традиционных наследственных сословий [Фриз, 2000, с.162].

С изменением системы административного управления казахским населением, а именно – с созданием Западно-Сибирского генерал-губернаторства, Омской обл. и внутренних и внешних округов, возростала потребность в татарских переводчиках и толмачах. Так, в штат каждого внешнего окружного приказа, создававшегося на территории казахов Западно-Сибирского ведомства, вводились переводчик и толмач [ЦГА РК, ф.374, оп.1, д.254а, л.1–3].

К середине 60-х гг. XIX в., когда изменилось положение Степи в империи и она представлялась уже достаточно интегрированной ее частью, произошел радикальный пересмотр взглядов высшего государственного руководства России и его региональных представителей на роль и место «татар» в казахской среде. Такой шаг правительства был связан с рядом факторов внешнеполитического порядка.

С введением «Временного положения об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторством» от 21 октября 1868 г. татарские переводчики, работавшие в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, были переведены в областные правления. Логическим завершением данной политики стало правительственное распоряжение «О замене татарских переводчиков в степи природными киргизами» (казахами. – Г.С.), изданное в 1876 г.

Служба татар на территории Младшего жуза. В последней четверти XVIII в. на территории Младшего жуза существовали первые административные учреждения в форме пограничных расправ. Количество соз-

¹¹ Так, выпускник Омской азиатской школы Уразали Курбанаков в 1823 г. был отправлен в Казанскую гимназию для углубления знаний по восточным языкам. В 1839 г. он поступил на службу переводчиком военного отделения канцелярии Пограничного управления сибирскими киргизами как специалист, знающий «татарский, персидский и арабский языки» [ЦГА РК, ф.374, оп.1, д.465, л.1–8]. Известный в первой половине XIX в. переводчик Оренбургской пограничной комиссии Гайса Бикмаев также получил образование в Омской азиатской школе, затем в Казанской гимназии и Казанском университете [ГАОО, ф.4, оп.1, д.2526].

данных расправ соответствовало количеству крупных племенных объединений Младшего жуза (алимулы, байулы, жетыру). Делопроизводство при каждой расправе вели татары, которые получали жалованье по 100 руб. и командировочными расходами по 15 руб. Однако реформа О.А.Игельстрома не оправдала себя, так как созданные административные органы (Пограничный суд и пограничные расправы) оказались нежизнеспособными. С упразднением расправ, после назначения в 1795 г. нового хана, письмоводители были определены в качестве конфидентов¹² «для посылок в степь» при Оренбургской пограничной комиссии с жалованьем 120 руб. в год [ГАОО, ф.6, оп.10, д.105, л.1об.]

Письмоводителями и муллами при ханах и султанах Младшего жуза в первой четверти XIX в. оставались татары: Нигметулла Файзуллин (из Оренбургской губ.), Ишмухаммад Мустафин (из Казанской губ.) при хане Жанторе (1805–1809 гг.); Габдулсамат Буляков, Абдулсатар Сулейманов при хане Сергазы (1810–1822 гг.) [ГАОО, ф.6, оп.10, д.2060, л.83; д.2096а, л.262].

В 1824 г. был введен новый порядок управления в Младшем жузе: его территория была разделена на три части – Восточную, Среднюю, Западную – во главе с султанами-правителями, а ханская власть отменена. Султаны-правители стали, по сути, чиновниками Оренбургской пограничной комиссии, куда вошли председатель, по четыре советника и заседателя из состоятельных казахов. Комиссия выполняла функции губернского правления. Султан-правитель получал чин майора российской службы (чин VIII класса) и считался чиновником, поставленным во главе местного правления [Добросмыслов, 1912, с.324]. В связи с внедрением новой административной реформы к султанам-правителям для принятия присяги у них и казахского населения были отправлены татарские муллы с конфидентами¹³. Их деятельность оказалась довольно результа-

тивной: было приведено к присяге 113 султанов, 188 старшин, 2922 рядовых кочевников [ГАОО, ф.6, оп.10, д.3238, л.27–30].

Каждый султан-правитель имел в штате письмоводителя (жалованье 300 руб. в год), писаря (100 руб.), которые должны были заниматься не только организацией делопроизводства, но и одновременно доставлять сведения о внутривластных событиях в казахских кочевьях, отслеживать настроения казахской знати и поведение султана-правителя. В основном обязанности письмоводителей при султанах-правителях и волостных султанах исполняли татары [ГАОО, ф.6, оп. 10, д.3238, л.27–30].

Институт приставства, введенный правительством в Казахской степи в 1820 г., сохранился и после отмены ханской власти. В 20–60-е гг. XIX в. приставы находились при султанах-правителях Восточной, Западной и Средней части Младшего жуза. Зачастую приставы имели в распоряжении конфидентов, которых посылали в Степь для сбора информации. Одним из известных приставов при султанах-правителях Восточной части Младшего жуза, полковнике А.Джантюрине был штабс-капитан по кавалерии М.-Ш.Аитов¹⁴. В 1844 г. было создано шесть попечительств. Толмач М.-Ш.Аитов в 1849 г. был назначен на должность попечителя у казахов Оренбургской дистанции (прослужил в этой должности более 7 лет) [ГАОО, ф.167, оп.1, д.24, л.25].

Следующим шагом правительства в подчинении России казахов Младшего жуза стало введение в 1831 г. более дробных территориально-административных структур, а именно – прилинейных и степных дистанций (административные участки между двумя крепостями), возглавляемых «дистанционными начальниками» из влиятельных казахов [Национальные окраины, 1997, с.210–215]. Письмоводителями к дистанционным начальникам в основном нанимались башкиры, пограничные с казахскими кочевьями.

«Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 г. впервые определило необходимое количество письмоводителей при султанах-правителях, дистанционных

¹² Конфидент – секретный агент, доверенное лицо.

¹³ Этот опыт татарских мулл уходит в XVIII в., когда принятие присяги у казахской элиты в верноподданстве (1738, 1740, 1742 гг.) и официальные приемы казахских ханов и султанов региональными властями обязательно осуществлялись в присутствии татарского муллы.

¹⁴ Пристав – официальный представитель российского правительства, советник султана-правителя и наблюдатель.

начальниках и размер их жалованья. Каждый султан-правитель должен был иметь в распоряжении письмоводителя с жалованьем 300 руб. в год. Размер жалованья письмоводителей при дистанционных начальниках зависел от разряда дистанций.

Таким образом, в связи с расширением аппарата управления и постепенной политико-административной интеграцией Младшего жуза в состав Российской империи роль татарских мулл, письмоводителей в Степи усилилась.

Татары в управлении казахами Среднего жуза. В Среднем жузе после смерти ханов Букея (1817 г.) и Вали (1819 г.) имперская власть сочла нежелательным избрание новых ханов. В 1822 г. были введены новое административное управление и новый административно-территориальный принцип подразделения казахского кочевого населения согласно «Уставу о сибирских киргизах» на округа, которые подразделялись на волости (10–12 аулов), аулы (50–70 кибиток). Осуществление этих важных мероприятий способствовало продвижению пограничных линий в глубь степи; распространению влияния русской власти на все казахские роды, и, наконец, организации устойчивого управления, дающего возможность подготовить условия для завершения присоединения Казахстана к России.

Устав был переведен на «татарский»¹⁵ язык и разослан по аулам наиболее влиятельным лицам. Как свидетельствуют документы, татары принимали непосредственное участие в создании округов, в объяснении казахскому народу статей нового Положения.

В 1822 г. в казахские кочевья был командирован с русскими чиновниками Усман Мавлютов (из Тобольской губ.) в качестве переводчика для разъяснения содержания «Устава» [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.834, л.1–3]. В 1824 г. в Казахскую степь для обнародования «Устава» выезжал мулла Мухаммад-Шариф Абдрахимов¹⁶ и т.п. [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.436, л.24, 56, 111–112об.].

¹⁵ Старотатарский язык «тюрки», который использовался в дипломатической переписке с Казахской степью и преподавался в учебных заведениях этого региона в XVIII–XIX вв. [см.: Хисамова, 1999].

¹⁶ Был родом из д.Ташки Мензелинского у.

Окружной приказ формировался из старшего султана (председателя), двух русских заседателей, двух заседателей от «почетных казахов», а также канцелярии и толмачей. Обряд присяги при окружных приказах проводился в присутствии татарских мулл.

Чиновникам, командированным для открытия в Степи внешних округов, была дана инструкция, обязывающая обеспечить создаваемые ими окружные приказы муллами «для отправления молитв казахам и наставления их в добрых правилах». Жалованье муллам определялось в размере 100 руб. в год из суммы, предусмотренной на благотворительные цели. Предполагалось нанять юрту, которая стала бы местом проживания мулл и одновременно служила бы молитвенным домом [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.184, л.6–7].

Однако снабдить создаваемые окружные приказы указными муллами было сложно. К 1835 г. выяснилось, что принятие присяги у представителей казахской знати и казахского населения во многих случаях осуществлялось не указными муллами, а «азиатцами, татарами и даже русскими толмачами». Вероятно, это объяснялось тем, что жалованье указного муллы при окружных приказах было ниже прожиточного минимума. Другая причина заключалась в том, что те из татар, которые желали занять эту должность, не имели указа ОМДС [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.184, л.22–23, 41].

В архивах сохранились прошения указных татарских мулл о переводе их на должность письмоводителей при волостных султанах для прочтения и отправления корреспонденции. Объяснением этому являлась сумма жалованья, которая составляла 300 руб. в год [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.767, л.93].

Следует отметить, что зачастую одно лицо исполняло функции письмоводителя и муллы. Татары, будучи муллами, не получали отдельного жалованья, в этом случае все зависело от материальных возможностей султана. Снабдить же представителей казахской знати отдельно письмоводителями и муллами российская администрация была не в состоянии по финансовым причинам. С другой стороны, российские власти не видели необходимости «в выделении отдельно письмоводителей» [ГАОО, ф.6, оп.10, д.105,

л.1об.]. В представлении казахской элиты мулла нужен был не только как духовное лицо, но и для «прочтения присылаемых от пограничного начальства о разных делах предписаний и написаний на оные ответы», и, сверх того, для обучения их детей «татарской грамоте и магометанскому закону».

Постоянное общение татар с представителями казахской знати способствовало тому, что между ними устанавливались близкие, доверительные отношения. Этому способствовал и многолетний срок пребывания их на службе у одних и тех же султанских семей, зачастую после смерти своих первых хозяев они не возвращались в родные места, а переходили к наследникам и, более того, становились членами семьи.

Письмоводители, они же и муллы, при управляющих волостью определялись в основном по просьбе султанов. Однако на прошения самих татар об определении их в качестве письмоводителей или мулл в Степи обычно накладывался отрицательный вердикт. В этом заключалась противоречивость политики региональной администрации. Управляющий Омской обл. С.Броневский (1786–1858) разрешал султанам принимать на службу татар, в то же время под грифом «секретно» он писал русским заседателям Каркаралинского окружного приказа, чтобы они устранили по возможности татар из службы в Степи, отклоняли «пристойным образом» просьбы казахов об определении к ним мулл и учителей, заменяли по возможности недостаток в толмачах и письмоводителях русскими и не давали татарам право селиться в Степи [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.396, л.86–87].

Чиновники доносили, что татары стараются заселиться в Казахскую степь с одной целью – чтобы «избавиться от государственных и общественных повинностей». Самое главное, по их мнению, воспретить татарам заниматься торговлей под любым видом (приказчиков, торговцев и т.д.). Для того чтобы татары не могли распространять «ложные мнения, относящиеся к вреду государства», нужно обязать чиновников окружного приказа «не ослаблять наблюдение за ними» [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.396, л.88–88об.].

В 1838 г. Омская обл. была ликвидирована, а ее бывшие внутренние округа при-

соединены к соседним сибирским губерниям: Петропавловский округ к Ишимскому у. Тобольской губ., а Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа к Бийскому у. Томской губ. Внешние округа были переданы в компетенцию специального органа управления казахами Среднего жуза – Пограничное управление сибирскими киргизами.

В 1854 г. на основе внешних округов и части внутренних округов сопредельных северных территорий были образованы Область сибирских киргизов и Семипалатинская обл. В 1856 г. в районе Семиречья, где кочевали казахи Старшего жуза, был создан особый Алатавский округ во главе с окружным начальником.

Участие татар в управлении Внутренней Ордой. По степени влияния и роли татарских мулл¹⁷ среди других районов Степи выделялась Внутренняя Орда¹⁸, начало образованию которой было положено в 1801 г. переселением султана Младшего жуза Букея с группой подвластных ему казахских семей из приуральской степи на правобережную сторону Урала. Спустя десятилетие, в 1812 г., султан Букей получил от российского престола статус хана. С утверждением после смерти Букея в ханском достоинстве его сына – Джангира – начался процесс централизации власти и формирование в ханстве новой управленческой структуры.

Джангир-ханом (1824–1845)¹⁹ в 1827 г. был создан совещательный орган – Ханский

¹⁷ В 1853 г. оренбургский генерал-губернатор В.А.Перовский писал: «Более всего вред России нанесло управление Джангира по распространению магометанства. Целая фаланга мулл, усерднейших подстрекателей к неповиновению русской власти и русскому закону. Эти муллы в числе 127 определены Джангиром собственной властью». Действительно к середине XIX в. численность татар составляла более 50% населения Ханской ставки, Новой Казанки, Таловки. По мнению А.Алекторов, это были расселившиеся по всей Внутренней Орде «негласные муллы» [РГИА, ф.1294, оп.84, д.5, л.3–3об.; ф.1291, оп.82, д.6, л.2; Алекторов, 1890].

¹⁸ Впервые термин «Букеевская Орда» появился в служебной документации в 1819 г., а спустя пять лет – Внутренняя Орда. В первое десятилетие XIX в. употреблялся термин «подвластные Букей султану казахи».

¹⁹ В 1824 г. Джангир-хан женился на Фатиме, дочери оренбургского муфтия М.Хусайнова [ГАОО, ф.6, оп.10, д.3717, л.1].

Казахский хан с женой. Фото сер. XIX в.

совет, в состав которого входили по одному старшине от каждого крупного рода (12 чел.), они стали советниками хана. По его инициативе были утверждены должности казья и ахуна. Ахуном стал Забир Хаметов (1790–1875)²⁰, крестьянин из Казанской губ. Джангир-хан писал, что казы Забир много содействовал «к смягчению нравов» казахского народа, «внушению повиновения к начальству и преданности к российскому правительству». В 1840 г. З.Хаметову²¹ была пожалована золотая медаль на Андреевской ленте, он был утвержден в звании тархана [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2126, л.6–9]. Постепенно ахун превратился в крупного землевладельца во Внутренней Орде²².

²⁰ Начал службу в Степи с 1805 г. в качестве муллы у хана Младшего жуза Жанторе.

²¹ Ахун получал жалованье 1650 руб. ассигнациями от сборов зякета и согум, которые он собирал с рода тюленгут [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2703, л.7–10об.], пользовался подарками от хана, сумма которых составляла до 4 тыс. руб., и плодородными землями, от которых получал доход до 3 тыс. руб. в год [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.5440, л.51].

²² В 1842 г. Джангир-хан пожаловал З.Хаметову в пожизненное пользование 12 тыс. дес. земли близ Ханской ставки. Кроме того, З.Хаметов являлся владельцем почтовой станции до Элтонского озера,

Для введения делопроизводства Джангир-хан создал специальную канцелярию, состоявшую из татарского и русского отделений. Первое отделение ведало корреспонденцией хана с подвластными ему султанами и старшинами внутри рода, а второе – с российской администрацией. В татарской канцелярии при хане письмоводителями служили хорунжий Мухаммадкарим Галикеев (мещеряк из Оренбургской губ.), Абдусаттар Исаков (из Казанской губ.) и Ширатдин Мансуров (из Стерлитамакского у.) [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.5450, л.10–11].

Письмоводителями при султанах, управляющих родами в ханстве, в основном были мещеряки 2-го Мещерякского кантона [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.5450, л.10–11; 56–57].

После смерти Джангир-хана Внутренняя Орда управлялась т.н. Временным советом во главе с султаном Адилем Букейхановым (старший брат Джангира, 1804–1876). В 1854–1860 гг. система политического управления во Внутренней орде подверглась существенной реорганизации, в результате чего она была включена в административно-территориальную структуру Российской империи.

Таким образом, в первой половине XIX в. были заложены основы для дальнейшего укрепления российской власти и системы управления казахами Западно-Сибирского и Оренбургского ведомств. Это позволило российскому правительству стабилизировать свое экономическое и политическое положение в данном регионе и активизировать среднеазиатскую политику. Создание системы укреплений в глубине Казахской степи (Уральское, Оренбургское и форт Карабутак) и введение военно-административной единицы, названной «Сырдарьинской линией», способствовали тому, что в 40-х гг. XIX в. граница России со Средней Азией проходила уже не вдоль Урала, как это было в XVIII в., а по «Сыру и Усть-Урту».

На территории Младшего жуза в качестве мулл и письмоводителей состояли в основном торговые татары из Сеитова посада и Казанской губ., башкиры 7, 9 и 12 башкирских кантонов, дислоцированных на пограничных зонах с кочевьями казахских

хутора, расположенного на этих землях [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.5440, л.54–55].

родов табын, жагалбайлы, жаппас, тама. Во Внутренней орде делопроизводство вели в основном татары различных сословий и мещеряки, были единичные случаи найма письмоводителей из башкир. На территории Среднего жуза определенную роль в управлении казаками сыграли татары из Тобольской, Симбирской губерний, казаки Татарского полка Сибирского казачьего войска. Здесь редко занимали татар из Казанской и Оренбургской губерний.

В официальной переписке российской администрации в XVIII–XIX вв. использовались такие определения, как «татарский мулла», «учитель татарской грамоты», «переводчик татарского языка», «татарский письмоводитель», «торговый татарин». В связи с этим закономерно возникает вопрос об этнониме «татары», ибо в Казахскую степь наряду с поволжскими татарами отправлялись мещеряки, башкиры, тептяри, но они определялись как «татарские» мุลлы, несмотря на иное этническое происхождение. Как видим, в терминологии того периода шло отождествление понятия сословного, этнического и конфессионального. Отсюда следует, что российские власти употребляли термин «татары» в качестве этнонима для обозначения носителя чуждой для них веры, языка, обычаев, ментальности, что явилось и отражением реальной картины восприятия правительством мусульманских народов Российской империи.

Российские власти, обещали татарским муллам и письмоводителям «по мере верности и тщания» их службы, систему льгот и привилегий. В принципе это был взаимовыгодный процесс, так как интерес татар к службе в Казахской степи диктовался их внутривластным положением: они не могли рассчитывать на столь же успешную и быструю карьеру и благосостояние в центральных губерниях Российской империи.

§ 2. Влияние татар на развитие земледелия у казахского населения и политика российской власти

Гульмира Султангалиева

Кочевой быт казахов противоречил представлениям российской власти о «цивилизации», поэтому перевод их к оседлому образу

Деятельность татарских мулл и письмоводителей в Казахской степи в первой половине XIX в. позволяет выявить интересные особенности, проследить общие закономерности с теорией «мобильных диаспор». Суть этой теории сводится к тому, что правительства почти всех полиэтничных империй проявляли склонность к сотрудничеству с этническими диаспорами, которые специализировались на своих территориях проживания на выполнении нужных и важных для этих государств функций. Наличие коммуникативных связей, знание казахского языка позволяли представителям татарского народа выступать посредниками при проведении в Степи различных инноваций, а также в тех сферах, в которых не могла проявить себя доминирующая этническая группа. Не случайно А.Добросмыслов писал, что татары и мечети явились тем мостом, «через который предварительно должны были пройти киргизы (казахи. – Г.С.) для сближения с русскими». Позже, оценивая результаты этой политики, он отметил, что татары сделали в Казахской степи то, что не смогли внедрить русские [Добросмыслов, 1912, с.173].

Татарские толмачи и переводчики подчеркивали в своих прошениях, что не раз «подвергали свою жизнь опасности» при выручке пленных из Казахской степи, во время переговоров с восставшими казаками и представителями казахской элиты. С другой стороны, татарские переводчики своей службой являли в сознании единоверцев – казахов – образ чиновника, находящегося на российской службе, пользующегося влиянием и уважением как у своих соплеменников, так и у власти. Татары, находясь в постоянном и тесном взаимодействии с казаками, способствовали постепенному изменению некоторых ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов представителей казахской элиты.

жизни был нацелен на решение двух задач: сохранение порядка и развитие земледельческой культуры у кочевников. Законодатель-

Внутреннее убранство казахской юрты.
Фото нач. XIX в.

ные акты и распоряжения правительства первой половины XIX в. свидетельствовали о сохранении политики поощрения перехода казахов Младшего и Среднего жузов к оседлости. С середины 30-х гг. XIX в. политика центральной и местных властей по переводу кочевников к оседлости и земледелию изменилась, что выразилось в трансформации взглядов оренбургской администрации на казахов, как будущих оседлых жителей империи. Линию «торможения оседания казахов» предложил оренбургский военный губернатор П.П.Сухтелен (1830–1833 гг.), а претворять ее в жизнь начал его преемник В.А.Перовский (1833–1842 и 1851–1857 гг.) [ГАОО, ф.6, оп.6, д.14017/1, л.8–8об.].

Отметим, что политика ограничения развития земледелия касалась только казахов Младшего жуза. Сибирская администрация в это время поощряла казахов Среднего жуза, занявшихся хлебопашеством (награждала кафтанами, золотыми перстнями, медалями и т.д.). По мнению историка Н.Г.Апполовой, это было связано не только с внутренним состоянием жузов, но и с тем, что основные мероприятия правительства, направленные на продвижение в Среднюю Азию, проводились по Оренбургской линии, поэтому важно было освоить тот регион Казахской степи, который прилегал к этой части пограничной линии [Апполова, 1960, с.210–211].

Представляют интерес хранящиеся в фондах центральных архивов Казахстана

прошения казахских султанов и старшин Среднего жуза в адрес региональной администрации «о приглашении татар» как представителей оседло-земледельческой культуры; они должны были привить кочевому казахскому населению навыки хлебопашества и оседлой жизни [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.396, л.155–156].

По сути, татары должны были представить казахам наглядный пример мирного приобщения к оседлости. Не случайно миссионер Н.И.Ильминский отмечал, что если казах «решается усвоить удобство оседлой жизни, то он всегда усваивает быт не русский, а татарский, реже среднеазиатский» [Ильминский, 1891, с.166]. Так, письмоводитель А.Байкеев, состоявший на службе у управляющего рода кете, в своем донесении от 1832 г. Оренбургской пограничной комиссии писал, что, «кроме производства письменных дел», он старался «содействовать улучшению быта этого кочующего племени», а именно «научил заготавливать на зиму в значительных пропорциях сено», внушал казахам преимущества оседлой жизни, «устроив на берегу Каспийского моря, в 120 км от Астрахани при р.Кеневской, дом из сырого кирпича со всеми хозяйственными помещениями», о результате по его примеру было «устроено 135 точно таких же домов»; помимо хозяйственных вопросов, старался «убеждениями и советами сблизить их с русскими», ознакомив с законами Российской империи [РГИА, ф.1291, оп.82, д.4, л.1–3].

Несмотря на решение администрации от 1826 г. о запрещении татарам поселяться на территории внешних округов Омской обл. казахское население поднимало вопрос о «полезности» совместного проживания татар и казахов [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.834, л.1–58].

Примечательно, что группа татарских мещан и крестьян из Казанской губ. по приглашению казахов с 1833 г. проживала в Караульской вол. Кокчетавского внешнего округа при оз.Имантаевском, построила здесь дома и завела хозяйство, показывала казахам примеры «хлебопашества» и все, что необходимо сельскому оседлому хозяйству. В 1840 г. эти семьи (89 душ об.п.) обратились с ходатайством о поселении на этой территории на законных основаниях, считая, что их деятельность соответствует целям правительства по приобщению казахов к земледелию и обучению их татарской грамоте [ЦГА РК, ф.374, оп.1, д.688, л.2–3].

Сбор в 1840 г. сведений об азиатцах, проживавших в Степи, столкнул региональную администрацию с таким явлением, как «татарские дети», или чала-казахи²³, т.е. рожденные от татарина и казашки или казаха и татарки. Большинство из них были потомками первых выходцев из татар, поселившихся в Степи. Еще до открытия внешних округов они с дозволения султанов или ханов проживали в Степи, где оставались до глубокой старости, здесь отдавали своих дочерей в замужество, создавали новые семьи и династии. Теперь перед русской властью встал вопрос: отправить их вновь в российские губернии или оставить в Степи?

Проблема «татарских детей» обсуждалась на заседании Совета Омского Пограничного управления в 1846 г. Семей чала-казахов, родившихся в Степи, оказалось более 465. Из них в Аягузском округе – 155 семейств; в Кокбектинском – 167; в Баян-аульском – 7; в Каркаралинском – 40; в Акмолинском – 9; в Кокчетаском – 3; в Кокбектинском – 166. Их основными занятиями были – торговля азиатскими товарами и хлебопашество. Все они пожелали причислиться в свой округа на положении казахов, т.е. выполнять все повинности казахского народа, а именно – платить ясак в государственную казну [ЦГА РК, ф.374, оп.1, д.613, л.190–192].

В Аягузском округе в середине XIX в. чала-казахи основали деревни Мечеть и Буконь, входившие в начале XX в. в состав Ку-

лужунской вол. Усть-Каменогорского у. По свидетельству современников, в начале XX в. они, несмотря на частые браки с казахами, «...вполне сохранили татарский тип. Дома, обстановка, одежда, обычаи, язык – все татарское» [Коншин, 1898, с.45–46; Жанаев, 2010, с.293].

Одним из доказательств влияния татар на казахов в процессе их перехода к оседлой жизни служит письмо Джангир-хана от 1842 г., в котором он отменил запрет казахам вступать в брак с башкирками и татарками. Он объяснил это тем, что указ от 17 мая 1747 г. [РГИА, ф.1291, оп.81, д.178, л.1], запрещавший башкирам и татарам, как казанским, так и оренбургским, вступать в брачные связи с казахами, был издан тогда, когда «наибольшая часть казахов была независима и кочевала вдали от русских пределов». Джангир-хан подчеркивал, что, несмотря на это, инерция брачных связей не прерывалась. Свидетельством тому являлись, по его мнению, неоднократные просьбы казахов об отмене указа от 1747 г., и действия хана Букея, который «покровительствовал брачным союзам казахов с оседлыми жителями магометанского закона, в особенности с живущими в Астраханской губернии кундровскими татарами, отчего в таковых союзах с ними находятся некоторые султаны и почетнейшие казахи». Джангир-хан считал, что допущение брака между казахами и оседлыми единоверцами скрепило бы «связи первых с русскими» и усилило бы привязанность казахов к земле, так как каждый казах, имеющий жену-татарку, привыкшую к оседлости, «будет сам заводить постоянное зимовье и строить для этого дом, в коем жена его может распоряжаться хозяйством» [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2236, л.2–3].

Однако Оренбургская пограничная комиссия в 1842 г. вновь подтвердила действие указа 1747 г., мотивируя это тем, что татары «могут легко скрываться от рекрутства у родственников в степи, которые, стараясь скрывать их, будут подвергаться ответственности вместе с начальством их» [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2236, л.4об.]. Указ действовал в течение столетия и был отменен только в 1846 г. как «мера уже излишняя» [ГАОО, ф.6, оп.10, д.5280, л.1].

²³ К чала-казахам (шалаказахам) относились и дети, рожденные от брака казахов с кыргызками, калмычками или купца-сарта с казашкой [см.: Жанаев, 2010, с.272–305].

Таким образом, вопреки существующему в исторической литературе мнению о том, что казахское население приобщалось к хлебопашеству русским крестьянством, архивные документы, относящиеся к первой половине XIX в., свидетельствуют о важной роли на этом поприще татар.

Исходя из этого, необходимо четко определить два важных момента. Во-первых, поволжские татары как представители оседло-земледельческой культуры первыми продемонстрировали казахам возможность постепенного приобщения к оседлости и занятия хлебопашеством посредством подачи наглядного примера. Это был путь мирного взаимообщения народов, принадлежавших к одной этнолингвистической группе (кыпчак-

ская подгруппа тюркских языков) и одной конфессиональной системе (ислам суннитского толка). В то же время массовое переселение русского крестьянства в Казахстан (конец XIX – начало XX в.) было связано с изъятием и расхищением казахских земель. Во-вторых, татары Волго-Уральского региона в первой половине XIX в., в процессе политической интеграции казахских земель в состав Российской империи, были востребованы как этнос, выполнявший посреднические функции. Региональные и центральные власти считали, что татары могли способствовать приобщению казахов-кочевников к более, в их представлении, высокой (оседлой) культуре, что позволило бы сделать их «более мирными и управляемыми».

§ 3. Вклад татарских служащих в изучение истории и культуры народов Казахстана и Средней Азии

Татарские служащие, будучи чиновниками региональных администраций (Оренбургской пограничной комиссии, Оренбургской губернской канцелярии, а с 20-х гг. XIX в. Омского областного управления и Западно-Сибирской губернской канцелярии), вели служебные дневники, «путевые журналы», писали донесения и рапорты, в которых отмечали особенности истории и культуры казахского народа. Знание ими казахского языка, культуры и быта казахов, продолжительные командировки (от года и более) способствовали более качественному и тщательному сбору различных сведений о Казахской степи, включая имена и генеалогию представителей казахской элиты, торговые маршруты, расположение зимних и летних кочевий, нормы обычного права, особенности взаимодействия казахов с соседними народами и т.д. Сведения эти ценны тем, что они составлены очевидцами событий, происходивших в Казахской степи в XVIII–XIX вв. К тому же, личные отношения, установленные татарскими служащими с представителями казахской элиты (ханами, султанами, биями, старшинами), и их собственные наблюдения повышают значимость указанных материалов. Эти документы внесли определенный вклад в накопление

Виль Галиев, Гульмира Султангалиева

историко-этнографического материала по истории казахского народа XVIII–XIX вв. С другой стороны, на основании их донесений и рекомендаций региональные власти разрабатывали дальнейшие направления политики по расширению транзитной торговли, по выработке административно-политических мероприятий и изменению социальной жизни кочевого казахского общества и т.д.

Во время поездок по Степи татарские служащие собирали этнографические материалы о быте кочевников, проводили опросы биев, старшин о нормах обычного права, регулировавших имущественные и семейно-брачные отношения казахов. Этого требовал и их статус чиновника региональной администрации. Так, в параграфе 64 «Положения об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июля 1844 г. указано, что чиновник обязан «собрать и привести в порядок киргизские (казахские. – В.Г., Г.С.) обычаи, имеющие в орде силу закона». Для российской власти представленные татарскими служащими сведения имели важное значение: с их помощью можно было выяснить, как происходил процесс адаптации новых административных реформ и российского судопроизводства в Степи в 20–40-х гг. XIX в., выявить степень влияния норм

обычного права на жизнь казахского кочевого общества.

На основании донесений чиновников был разработан «особый свод для руководства при производстве тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев» [ПСЗ-2, т. XIX, №17988]. В представленных татарскими переводчиками материалах отражено понимание ими правовых норм, регулировавших жизнь и быт казахов-кочевников. Наиболее ценная информация о нормах обычного права казахов содержалась в материалах, собранных татарскими толмачами Оренбургской пограничной комиссии М.-Ш.Аитовым и Салихом Бигловым.

М.-Ш.Аитов полагал, что преступления, «кои по закону должны бы разбираться и судиться в степи по народным обычаям, невозможно определить», ибо существует тонкая грань между делами, которые «подлежали бы общим законам империи и народным обычаям». Примером этого, по его мнению, являлась барымта²⁴. Он считал «полезным исходатайствовать о смягчении меры наказания за барымту, которая строгостью наказания обвиненным в оной не прекращается, но усиливается взысканием куна за осужденных и сосланных» [Материалы, 1998, с.97–104]. Мнение М.-Ш.Аитова относительно норм обычного права казахов во многом совпадало со взглядами известного казахского просветителя Ч.Валиханова (1835–1865) [Валиханов, 1985, с.77–104].

Объяснение термина «барымта» и механизма ее функционирования в кочевом обществе должно было иметь важное значение для российских властей, которые не имели понятия об этом атрибуте кочевой жизни.

В 1846 г. подробную записку о нормах обычного права казахов представил и коллежский секретарь Оренбургской пограничной комиссии С.Биглов. В ней представлены сведения о суде биев, перечень наказаний, выносимых биями. Ценность его работы состоит в том, что в нее включены имена наиболее известных «своим умом и опытом»

казахских биев из родов шомакей, торткара, шекты с указанием их летних и зимних кочевков. Кроме того, им были описаны семейные обычаи и обряды казахов, кочующих в районе Уральского укрепления [Материалы по казахскому, 1998, с.107–112].

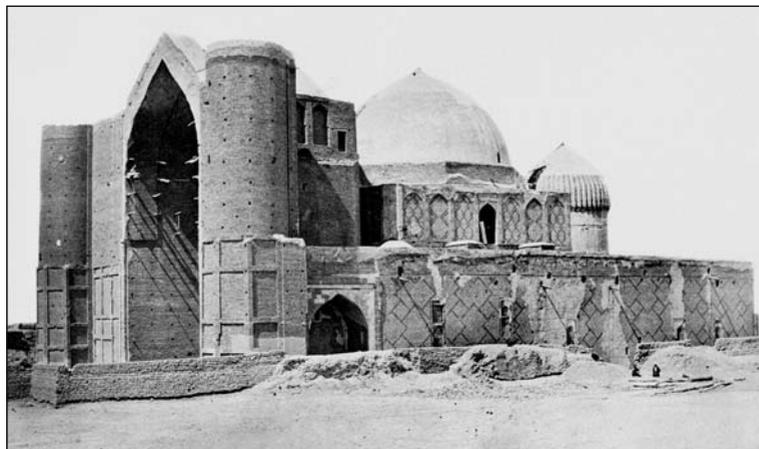
Работа татарского переводчика Туркестанского генерал-губернаторства Шагимардана Ибрагимова (1841–1892), посвященная барымте, созвучна взглядам М.-Ш.Аитова и Ч.Валиханова об этом явлении кочевой жизни. В своих работах о нормах обычного права казахов он дал объяснение термина «барымта». По его мнению, слово «барымта» вовсе не означает «грабеж», а происходит от слова «бар – есть, барым – мое есть, барымта – мне следующее; то есть приставка, образующая имя существительное, например: балмакта, турмакта, юрмакта и т.д.» [Ибрагимов, 1873, с.167]. Этнография казахов была для Ш.Ибрагимова предметом постоянных интересов, что нашло отражение в его многочисленных статьях [Ибрагимов, 1876, т. III, с.51–63; 1878, с.233–257; 1872, с.120–152].

Следующим явлением, вызывавшим интерес у российской администрации, был ушур. Сведения о его распространении в казахском обществе представил в 1848 г. переводчик Оренбургской пограничной комиссии Абдулкадыр Субханкулов. Он дал определение термина «ушур» (налог в форме десятой части урожая) и отметил, что ушур был развит только у казахов, кочующих вдоль течения р.Сырдарья [ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.3516, л.2–3об.].

Татарские служащие собирали разнообразный этнографический материал о казахам, в частности об обрядах сватовства, погребения умерших, поминок и т.д. Так, хорошее знание М.-Ш.Аитовым обычаев казахов и, возможно, некоторая идеализация кочевого общества проявились в собранном им материале об обрядах, выполняемых казахами при перекочевках и погребении умерших [ГАОО, ф.167, оп.1, д.24, л.27об.].

Переводчик Мендияр Бекчурин (1780–1821) был знатоком материальной и духовной культуры казахского народа [Масанов, 1966, с.77–78; Библиографический словарь, 1974, с.120]. Известна в его записи (1817 г.) казахская легенда «Барса-Кельмес» [Санкт-Петербургские ведомости, 1839, № 17].

²⁴ Барымта – насильственный угон скота, обычно производимый по решению суда биев с целью возмещения убытка или как акт возмездия за грабеж, убийство и другие преступления.

Мечеть Ахмеда Ясави: общий вид. Фото Ф.Ордэ. 1880 г.

Сбору татарскими служащими этнографического материала о казахах способствовало и их сотрудничество с научными обществами, в частности с Русским географическим обществом (РГО). Искандер Батыршин (1819 г.р.), будучи корреспондентом РГО, в 1850 г. написал статью «Замечания о характеристических отличиях тюркских наречий в Оренбургском крае», которую рецензировал А.К.Казем-Бек. РГО выслало ему этнографическую программу и предложило заняться сбором сведений о культуре и быте казахского и башкирского народов [Масанов, 1966, с.136]. Символично, что одним из учредителей Оренбургского отдела РГО (1867 г.) был его брат Сулейман Батыршин (1821 г.р.). В 1870 г. С.Батыршин редактировал и исправлял в Оренбургском отделе РГО работу И.В.Покровского «Сборник башкирских и татарских песен, в подлиннике представленный в отдел действительным членом И.В.Покровским». Скупой на похвалу востоковед В.В.Григорьев писал, что он «принадлежит к лучшим знатокам восточных языков в здешнем краю» [цит. по.: Веселовский, 1887, с.35].

Файзулла Ногаев, служивший на Сырдарьинской линии, сотрудничал с историком В.В.Вельяминовым-Зерновым [Юдин, 1912, с.78–79], во время экспедиций в Семиречье сопровождал П.П.Семенова-Тянь-Шанского и Ч.Валиханова.

Толмачи и переводчики бывали на китайской границе, узнавали о положении в соседних регионах и представляли эту

информацию своему начальству [ЦГА РК, ф.374, оп.1, д.166, л.9–9об.]. Примером может служить сообщение от 1825 г. Мусагага Муминова (письмоводителя Сюка Аблайханова) о положении в Китае [ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.637, л.1–24.].

Татарские служащие внесли определенный вклад в историко-культурное изучение татарскими служащими не только Казахской степи, но и сопредельных среднеазиатских ханств [Галиев, 1994, с.24–25]. В 1780–1781 гг. Мендияр Бекчурин совершил путешествие из Оренбурга в Бухару – в составе первого русского посольства, прошедшего через Кызылкумы. Результаты поездки он изложил в пространном сочинении «Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендияром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург, записок лежащему по тракту» [Бекчурин, 1916]. Он впервые сообщил, «что сток по Жанадарье» (рукав Сырдарьи) отсутствует, «а русло ее занесено песком». Заслугой М.Бекчурина является первая в российских публикациях попытка классификации форм песчаного рельефа.

Татарские служащие внесли важный вклад в изучение маршрутов, связывавших Оренбург со среднеазиатскими ханствами. Известна работа татарского переводчика Мирсалиха Бекчурина (1820–1903) «О состоянии нашей среднеазиатской торговли», в которой он, в частности, отмечал: «С открытием для нас более тесных и близких отношений в Средней Азии она по справедливости была сочтена нами наивыгоднейшим рынком для сбыта наших произведений. Сильно возбужденные надежды на большие выгоды от торговых предприятий в эту страну, сначала если не вполне все были удовлетворены, то, по крайней мере, ни одна не была обманута, хотя до нас и доходили нередко слухи о колебании цен». Он составил

описание мечети Ахмеда Ясави²⁵ [Бекчурин, 1866, с.209–217; 1872].

Для освещения истории Казахстана и Средней Азии определенный интерес представляет «Записка младшего переводчика Оренбургской Пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове», составленная примерно в марте 1852 г. В данном документе приведен ряд исторических сведений: о сложных взаимоотношениях казахских султанов с хивинским ханом Мухаммадином, о возможном маршруте прохода регулярных российских войск из Аральского укрепления в Хиву, о топонимике присырдарьинского региона и т.д. [История Казахстана в русских источниках, 2007, с.315–316].

Чиновник администрации Туркестанского генерал-губернаторства Ш.Ибрагимов стал основателем первой в России тюркоязычной газеты «Туркестон вилоятининг газети» («Газета Туркестанской области») – приложения к газете «Туркестанские ведомости» и до 1878 г. был ее бессменным редактором²⁶, в ней он публиковал статьи по этнографии и фольклору народов Средней Азии.

Важным направлением деятельности татарских переводчиков была подготовка, а также издание учебных пособий и словарей для тюркоязычных народов региона. Мендияр Бекчурин одним из первых среди татарских переводчиков составил «Словарь-разговорник русско-казахско-персидско-бухарско-татарского языков» (1774 г.).

Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Салих Кукляшев был автором нескольких учебных пособий по татарскому и персидскому языкам [Кукляшев, 1862, с.106; Библиографический словарь, 1974, с.201]. По образцу его «Татарской хрестоматии» (1859) И.Алтынсариным, инспектором казахских школ Тургайской обл. и педагогом, была составлена «Киргизская хрестоматия». Мирсалих Бекчурин [Библиографический словарь, 1974, с.121], будучи преподавателем персидского и арабского языков Азиатского отделения Неплюевского кадетского корпуса, написал «Начальное руководство» к изучению арабского, персидского и татарского языков [Бекчурин, 1859].

Таким образом, татарские переводчики, помимо составления донесений официального характера (для местной администрации), активно собирали сведения о повседневной культуре, традициях и обычаях казахского народа, являлись популяризаторами исторических знаний о казахском кочевом обществе и о Средней Азии. Они сотрудничали с научными обществами, в частности с Русским географическим обществом (Оренбургским, Западно-Сибирским, Туркестанским отделениями), ОИАЭ при Казанском университете, Вольным экономическим обществом и т.д. Это были контакты представителей первой генерации казахской и татарской интеллигенции, заложившие основы развития общественно-политической мысли родственных народов начала XX в.

§ 4. Участие татар Поволжья и Приуралья в военных кампаниях

Ильшат Файзрахманов

Участие татар в военных кампаниях России было обусловлено их сословным статусом и возложенной на них государ-

²⁵ В 1904 г. появились статьи П.Н.Ахмерова «Описание печати Ахмеда Ясави» и «Надписи мечети Ахмеда Ясави» [Ахмеров, 1896, вып. VI]. В 1899 г. один из владельцев ташкентского «Торгового дома братьев Яушевых» Мухаммад-Шариф Яушев израсходовал 82 тыс. руб. на ремонт мавзолея [Казахстанская правда, 2006, 4 апр.].

²⁶ В 1881 г. Ш.Ибрагимов возглавил русское посольство в Бухаре. Уволился со службы в 1882 г. [Лунин, 1966, с.41].

ственной повинностью по исполнению воинской службы. С эпохи Петра I и до 1874 г. ясачные, податные группы татарского населения исполняли тяжелую рекрутскую повинность. С 1793 г. срок службы в армии составлял 25 лет, с 1834 г. – 20 лет. Рекрутские наборы назначались по мере необходимости. В обычные годы в рекруты набиралось 5–7 чел. из 1 тыс., усиленный набор означал увеличение числа рекрутов до 7–10 чел., чрезвычайный – до 70 чел. из 1 тыс. Усиленный и чрезвычайные наборы про-

изводились накануне и в период военных кампаний. Так, в 1812 г. было произведено сразу три набора: 82-й (по 4 рекрута из 1 тыс. ревизских душ), 83-й (по 20 из 1 тыс.), 84-й (по 16 из 1 тыс.). [ПСЗ-1, т.32, №25198], в годы Крымской войны – до 70 из 1 тыс. [БСЭ, т.48, 1941, с.561–562].

При формировании частей в ряде случаев учитывался конфессиональный фактор. Так, в период Кавказской войны (с 1833 г.) стал правилом запрет на распределение рекрутов-мусульман в Отдельный кавказский корпус, а осужденных за правонарушения татар из Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний вместо ссылки на каторжную работу в Сибирь отправляли в крепостные арстантские роты, находящиеся в Финляндии [Свод военных, 1838, ч.2, кн.1, ст.271, 272, 288]. До 1874 г. многих рекрутов-мусульман определяли в артиллерийские войска, руководствуясь их «татарско-арабскою грамотностию» [Риттих, 1875, с.64].

В регулярных войсках нижние чины из татар фактически растворялись в массе русских солдат. Статистические данные Военного министерства за 1868–1873 гг. свидетельствуют о том, что в общей массе рекрутов мусульмане составляли в среднем 2,4%, или ежегодно рекрутировалось в среднем по 2,6 тыс. чел. [Загидуллин, 2006, с.16].

В 1869 г. среди нижних чинов в сухопутных войсках мусульмане составляли 1,64%, на морском флоте служило 164 чел. (0,8%) [Военно-статистический сборник, вып.4, с.88, 89, 206, 207]. В 1875–1893 гг. в среднем ежегодно на военную службу привлекалось 8125 татар, что составляло 3,7% от общего числа новобранцев. В 1904 г. несли военную службу около 30 тыс. нижних чинов-мусульман, из них более половины служили в западных губерниях²⁷. Имелось 45 поселений, в гарнизонах которых служило более 100 нижних чинов-мусульман [РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л.127, 129]. Это обстоятельство, несомненно, облегчало

несение мусульманами службы в русско-христианской среде.

Среди мусульман офицерами были в основном представители кавказских народов и литовско-польские татары. В 1869 г. мусульмане представляли 1,13% российского офицерского корпуса [Военно-статистический сборник, вып.4, с.86–87]. В 1904 г. на службе в российской армии состояло 275 офицеров-мусульман [РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л.127].

Участие татар Среднего Поволжья и Приуралья в русско-французской войне 1812–1814 гг. носило разнообразный и активный характер. Они принимали участие во всех основных сражениях Отечественной войны 1812 г. и в заграничных походах 1813–1814 гг., внесли свой вклад в общероссийскую победу. Самая большая группа татар участвовала в боевых действиях в составе российской регулярной армии в качестве нижних воинских чинов.

В сентябре 1812 г. в Казанской губ. началось формирование ополчения, комплектование которого император поручил помещикам из числа крепостных крестьян (4 чел. со 100 душ). Государственные крестьяне не попали под действие этого закона, поэтому ополчение из губерний Волго-Уральского региона состояло, главным образом, из русских крепостных крестьян. В отличие от других российских регионов, которые входили в округа ополчения, в Казанской и Вятской губерниях основная масса крестьян – 758998 чел. – была приписана к казне и не подлежала призыву в ополчение. В помещичьем владении было наименьшее число крепостных крестьян: 89929 и 10811 чел. соответственно, поэтому вятские ратники вошли в состав Казанского ополчения [Народное ополчение, 1962, с.18]. В этих губерниях, кроме крепостных крестьян, в ополчение шли представители податных городских сословий (мещане и ремесленники) разных национальностей, в т.ч. из татар²⁸.

В Казань из Москвы и Смоленска стекалось большое количество беженцев, достигшее осенью 1812 г. 30 тыс. чел. – это больше,

²⁷ В Санкт-Петербургском и Финляндском военных округах служили по 150 военнослужащих-мусульман, в Одесском, Казанском, Сибирском, Приамурском – около 1 тыс., в Туркестанском и Кавказском – по 1,5 тыс., в Московском – около 2 тыс., в Киевском – около 3 тыс., в Виленском – около 8 тыс., в Варшавском – около 9 тыс. чел.

²⁸ Так, мещанка Нигабидуллина, отдав в ополчение старшего сына, пришла в Татарскую ратушу Казани просить «добро», чтобы добровольно взяли и младшего [Городчанинов, 2002].

чем само население Казани на тот период. Благоустройство беженцев взяли на себя казанские монастыри и простые горожане. Казанский губернатор Б.А.Мансуров был совершенно прав, написав в одном из отчетов про покинувших родные места людей, что все они «нашли в Казани самый радушный прием и совершенное спокойствие».

С началом войны начался сбор пожертвований в пользу армии, ополчения и пострадавших от войны. Например, не считая других подателей и затрат, уже 15 августа 1812 г. башкиры, тептяри и мещеряки пожертвовали в пользу армии 500 тыс. руб. [Матвиевский, 1962, с.118]. Это намного больше общей суммы пожертвований, собранной по всей Казанской губ. (346 тыс. руб.). Много золотых и серебряных украшений было пожертвовано частными лицами, при этом среди серебряных изделий было много нагрудных украшений татарок. Сбор средств на нужды армии носил добровольно-обязательный характер. К 3 июля 1812 г. с татарской общины г.Казани было собрано денежных средств «на устройство» 2-го Костромского пехотного полка 4100 руб. 21 августа 1812 г. с купцов всех трех гильдий, подведомственных Татарской городской ратуше, было предписано собрать 8360 руб. (из них к осени 1813 г. не взысканной оставалась сумма в размере 635 руб. 10 коп.). Цифра была немалой, если принять во внимание, что все русское мещанское сословие собрало пожертвований в наличных деньгах около 10 тыс. руб. [Валиуллин, 2009, с.10–12]. К началу войны с Францией большинство гильдейского купечества отбыло по коммерческим делам на Макарьевскую ярмарку. Здесь развернулся сбор средств в поддержку нижегородского ополчения. В толстых томах, содержащих списки жертвователей, оставили свои подписи купцы со всех уголков страны: и русские, и татары²⁹.

²⁹ Например, среди них имеются расписки казанского 1-й гильдии купца Мусы Апанова (520 руб.), малмыжского 1-й гильдии купца Мусы Абдуллова Утямышева (500 руб.), арских 2-й гильдии купцов Мухаммад-Рахима Мамешева, Муртазы Абурнаева, Абдулкарима Бакарова (по 100 руб.) и др. Только с Татарского Мыльного ряда Макарьевской ярмарки 8 августа 1812 г. под руководством казанского 1-й 1-й гильдии купца Мусы Апанова было собрано с казанских купцов, как татар, так и русских, 5690 руб. Всего во время торгов на Макарьевской ярмар-

Часть татар принимала участие в боевых действиях в составе иррегулярных воинских формирований. Полки, состоявшие из сословных групп башкир, мещеряков, тептярей и татар-казаков, действовали против французов в составе нескольких армий (генералов П.И.Багратиона, А.И.Тормасова, М.Б.Барклая-де-Толли). Здесь выделялись три группы воинских формирований: Башкиро-мещеряцкое войско, Оренбургское казачье войско, Тептярские казачьи полки [Рахимов, 2008, с.51–52].

К началу войны на западной границе находились 1-й и 2-й Башкирские конные полки, а также 1-й Тептярский, 1-й и 2-й Уральские казачьи полки, 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки.

На основании предписания от 25 июля 1812 г. были сформированы 3-й, 4-й, 5-й Башкирские полки. В июле того же года с предложением об организации дополнительных конных полков выступил войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник В.А.Углецкий. По его мнению, в Оренбургском крае на 1811 г. проживало 129209 башкир и 19800 мещеряков (душ м.п.). Народы эти, кроме содержания кордонной стражи по Оренбургской линии, никаких государственных повинностей не отправляли, были весьма способны к казачьей службе, могли бы «без отягощения» поставить от 10 до 30 и более конных полков. Предложения В.А.Углецкого были одобрены Александром I, и ему было поручено формирование новых полков. В августе-сентябре 1812 г. были сформированы 1-й и 2-й Мещеряцкие и еще 15 Башкирских полков (6-й – 20-й). Штат каждого полка состоял из 530 чел. (500 рядовых, начальник полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников, квартирмейстер, писарь и мулла) [Усманов, 1964, с.56].

Значительные группы предков современных татар были в составе башкирских полков. Так, 5-й Башкирский полк был сформирован из мусульман 10–12-го кантонов (Мензелинский, Бугульминский, Бирский, Белебеевский, Бугурусланский уезды), 6-й –

ке было собрано 72746 руб. Для сравнения: общая сумма сбора по Нижегородской губ. в военный период составила более 875 тыс. руб. [Сенюткина, 2006, с.30].

11-го кантона (Мензелинский у.), 12-й полк – 7-го и 12-го кантонов (Стерлитамакский и Белебеевский уезды), 13-й – 12-го кантона (Бугульминский у.) и т.д. [Усманов, 1964, с.74–76; Тагирова, 2011, с.71–73].

Башкирские и мещеряцкие полки в 1812–1814 гг. не имели установленного обмундирования. Воинам разрешалось носить мундир, установленный для казачьих войск. Однако большая часть личного состава носила свою национальную одежду, которая состояла из кафтана и штанов из плотной ткани. Теплой одеждой служили суконные чекмени, шубы, тулупы. Вооружение состояло из пика, сабель произвольного образца, лука и колчана с двадцатью стрелами. Ружья и пистолеты имелись лишь у небольшого числа башкир и мещеряков.

1-й, 2-й, 4-й, 5-й Башкирские полки были задействованы в военной кампании 1812 г. и в заграничных походах. 7-й, 8-й, 9-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й Башкирские полки и 2-й Мещеряцкий полк, укомплектованные несколько позже, участвовали в заграничных походах. 8-й, 12-й, 13-й и 16-й Башкирские полки и 2-й Мещеряцкий полк действовали в составе войск, осаждавших хорошо укрепленную крепость Глогау. Башкиры и татары участвовали и в знаменитой «Битве народов» – Лейпцигском сражении, состоявшемся 4–7 октября 1813 г. [Бекмаханова, 2002, с.5]. 15 августа 1812 г. 5-й Башкирский полк выступил в поход через города Чистополь, Казань, Свияжск, Чебоксары в Нижний Новгород, оттуда последовал в г.Полоцк, действовал в составе отряда генерал-адъютанта князя П.М.Волконского в прикрытии Торопца, Белого и Сычовки. В ноябре 1812 г. воины этого полка в составе корпуса графа Витгенштейна приняли участие в Березинской операции. 6-й Башкирский полк в 1812 г. охранял дорогу из Санкт-Петербурга в Вологду, нес караульную службу в г.Витебск (1813 г.) и в г.Борисов (1814 г.). 1-й Мещеряцкий полк в 1812–1814 гг. нес гарнизонную службу в Москве.

Состав Оренбургского казачьего войска был многонациональным. В военных действиях против французской армии на территории России и в заграничных походах в составе Оренбургских казачьих полков, наряду с татарами-мусульманами, участвовали и нагайбаки – группа крещеных татар,

которые после возвращения на родину при устройстве новых поселков назвали их в честь славных побед, Парижем, Берлином, Фершампенуазом, Арси, Касселем.

С момента своего создания в конце XVIII в. тептярские полки находились по статусу между регулярной и иррегулярной кавалерией российской армии. К первой его приближали наличие обмундирования, унифицированного вооружения, определенный срок службы (15 лет). Содержание полка и его формирование за счет сословия тептярей и бобылей, униформа, чины, а также сам процесс создания определял иррегулярный характер службы [Рахимов, 2008, с.188].

На начальном этапе войны 1-й Тептярский полк в составе 1-й Западной армии генерала М.Б.Барклая-де-Толли принимал участие в боях под Вильно, в Бородинском сражении [Рахимов, 2008, с.54]. В период изгнания из страны наполеоновских войск 1-й Тептярский полк входил в состав ополчения I округа, 2-й Тептярский полк – в состав III округа. В сентябре 1812 г. в составе партизанского отряда Дениса Давыдова он действовал против неприятеля в окрестностях г.Вязьма и на Новой Смоленской дороге. Д.В.Давыдов рапортовал командованию о подвиге конников-татар: «18 числа (сентября) посланный мной в партию майор Тимиров с вверенным ему 1-м Тептярским полком атаковал неприятеля, взял 125 чел. в плен и одну фуру с артиллерийскими снарядами» [Ахметшин, 2006, с.169]. Затем полк воевал в составе особого корпуса, составленного из ополченцев и иррегулярных войск. Его задачей было нанесение ударов по войскам противника в Смоленской губ. Многие воины были удостоены лестных оценок от командующих армиями. Например, в боях за Вязьму отличился есаул 1-го Тептярского полка Сагит Халитов, награжденный орденом св. Анны 3-й степени [Бекмаханова, 2002, с.5]. За проявленную храбрость под Рославлем командир полка майор Тимиров был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, прапорщик Мунасыпов – орденом св. Анны 3-й степени, а зауряд-хорунжий Ибрагимов был произведен в чин хорунжего [Народное ополчение, 1962, с.161, 162].

В январе-мае 1813 г. 1-й Тептярский казачий полк состоял в казачьем отряде корпуса генерала от инфантерии М.А.Милорадови-

Наградные медали за участие в Отечественной войне 1812 г. и за взятие Парижа в 1814 г. 1812–1826 гг. Серебро, чеканка.

ча, действовавшего на территории Княжества Варшавского и Саксонского королевства. Полк участвовал: 27 января – во взятии Варшавы; 20 апреля – в бою при Гросс-Гершене; 8–9 мая – в сражении при Бауцене; 10 мая – в бою под Рейхенбахом, 4–7 октября – в битве при Лейпциге, 10 октября – в бою при Веймаре, 15 октября – в бою при Рамздорфе, 16 октября – при Фульде [Поход русской армии, 1964, с.287, 305–306, 400, 408].

16 октября 1812 г. 2-й Тептярский полк прибыл из Оренбургской губ. в Нижний Новгород, с декабря 1812 г. по март 1813 г. нес гарнизонную службу в г.Полоцк. С апреля по декабрь 1813 г. участвовал в осаде и штурме Данцига [Отечественная война, 2004, с.698].

18 марта 1814 г. 4-й и 5-й Башкирский, 1-й и 2-й Тептярский полки в составе российских войск победоносно вступили в Париж. Их заслуги и подвиги были отмечены наградами. Воины этих полков получили серебряные медали «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.» и другие знаки отличия. 1-й Тептярский полк в мае 1814 г. поступил под общее командование генерала от кавалерии графа М.И.Платова, выступил в поход из Франции в Россию и в конце года прибыл в Оренбургскую губ.

Командование верно оценило боевой потенциал тептярских полков, имевших большой опыт пограничной службы. Они широко привлекались в охране, дозорах, разъездах. Тептяри одинаково хорошо участвовали в перестрелках и в кавалерийских атаках. Все это раскрыло высокие боевые качества тептярских полков как легкой кавалерии, близкой к конным егерям.

Вклад в победу над наполеоновской Францией внесли также четыре конных полка крымских татар: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский (по штату численный состав каждого

полка составлял 560 нижних чинов: 10 урядников и 550 казаков). Перед началом войны Симферопольский и Перекопский конные полки находились на прусской границе и принимали активное участие во всех боях в составе корпуса войскового атамана графа М.И.Платова при Мире, Романове, Дорогобуже, Поречье, Духовщине, Рузе, Можайске, в великой Бородинской битве, у Боровицкого перевоза [Муфтийзаде, 1899, с.10] и др. На Бородинском поле конно-татарские полки приняли участие в рейде корпусов М.И.Платова и Ф.П.Уварова по тылам противника, что сорвало ввод в бой французской императорской гвардии и предредило исход сражения [Масаев, 1998, с.4]. Отличились крымско-татарские полки и в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.³⁰

³⁰ Так, Симферопольский конно-татарский полк, находясь в составе корпуса генерала от кавалерии герцога Александра Виртембергского (Вюртембергского), сражался при Тильзите, Рогниде, Бранденбурге и др., и особенно отличился при блокаде и взятии Данцига, за что командир полка Кая бей Балатуков был произведен в генерал-майоры (7 декабря 1813 г.). Евпаторийский конно-татарский полк в начале 1812 г. был выдвинут в Виленскую губ. и входил в состав Западной армии генерала от инфантерии П.И.Багратиона. Вначале полк занимал кордоны по р.Неман, затем вошел в состав 3-й армии генерала от кавалерии А.П.Тормасова. Полк участвовал в сражениях с авангардными неприятельскими войсками под Житомиром, при Люблине, при изгнании французов из Брест-Литовска, при Кобрине (15 июля), Городечне (31 июля), Пружанах, Белостоке, Заблудове, Несвиже, Минске, при с.Гредине и Кайданове и др. Евпаторийский полк за границей принимал участие во многих сражениях, в частности при Люцене, Кульме, Бауцене, под Лейхтенбергом, при Дрездене и под Парижем [Муфтийзаде, 1899, с.11].

В 1812 г. в составе российской регулярной кавалерии действовал Татарский уланский полк, который был сформирован из польско-литовских мусульман (с 1807 г. назывался уланским). В начале войны Татарский уланский полк находился в авангарде 3-й Резервной армии генерала А.П.Тормасова под командованием полковника Кнорринга. Летом 1812 г. полк участвовал в сражениях под Кобрином, при д.Городечка в Литве. Встреча Татарского уланского полка с основными силами Наполеона произошла в Минской губ. близ местечка Березино во время переправы французов через Березину. Легкие и неуловимые уланы Татарского полка нанесли «кинжальные» удары по флангам противника и тут же откатывались назад. Татарский уланский полк участвовал и в Заграничных походах русской армии, находился в авангарде правой колонны русских войск под командованием генерал-адъютанта Винценгероде. Боевой путь полка проходил через города Калиш, Бауцен. В сражении около селения Кульм 18 августа 1813 г. около половины людей полка выбыло из строя, после чего во всех сражениях он был в резерве [Ахметшин, 2006, с.140–151].

Также следует отметить литовских татар, участвовавших на стороне Наполеона. В 1812 г. в Литве были попытки создания кавалерийского полка из литовских татар, но удалось сформировать лишь один татарский эскадрон, вошедший в состав гвардии наполеоновской армии (по штату 1 майор, 4 капитана, 7 лейтенантов и су-лейтенантов и 110 нижних чинов). Его командиром был полковник Мустафа Ахматович. Начавшееся отступление из Москвы привело к резкому спаду желающих записаться в отряд. 10 декабря 1812 г. во время обороны Вильно эскадрон понес большие потери (10 офицеров и 50 рядовых). В составе французского полка гвардии эскадрон бился под Будзишином (5 мая), Петеревальде (6 июля), Лейпцигом (30 октября), а весной 1814 г. – неоднократно на территории Франции. В 1815 г. эскадрон в составе Самуэля Улана, И.Янушевского, А.Ассановича и 60 рядовых с оружием и штандартами возвратился на родину, где в марте был расформирован [Гришин, 2005, с.74–75].

Таким образом, 20 башкирских (из них 13 были задействованы в боевых действиях), два Тептярских и 2-й Мещеряцкий полки (1-й Мещеряцкий полк в 1812–1814 гг. нес гарнизонную службу в Москве) участвовали в Заграничных походах 1813–1814 гг. Вместе с уральскими и оренбургскими казаками, ставропольскими (крещеными) калмыками это была внушительная масса конницы, находившейся в рядах российской армии. В этих полках служили мусульманские духовные лица, которые исполняли богослужение и вдохновляли военнослужащих-единоверцев на ратные подвиги. В боях за Отечество крепла дружба между народами России.

Подвиги татарских солдат в войне против наполеоновской Франции запечатлены в татарских народных песнях «Любизар» и «Голубец, молодец» [ТХИ, 1988, б.44, 45]. Вклад татар Урало-Волжского региона в победу русской армии также запечатлен в байтах «Рус-француз сугышы бәете» («Байт о русско-французской войне»), пронизанных идеями патриотизма. Вот отрывок из одного байта (подстрочный перевод) [ТХИ, 1983, б.39, 40]:

*[...] Французы вступили в город Москва,
После подхода наших войск они отступили в степь [...]*

Французские кони не слушаются своих хозяев,

Башкиры и тептяри бьют французов [...]

*Шляпа Наполеона была окровавлена,
Когда мы вернулись домой, вся страна
ликовала [...].*

В последующие десятилетия военное командование использовало национальные иррегулярные части при проведении военных и карательных кампаний. Несколько полков башкир-мещеряков принимали участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1831 г. 2-й Тептярский казачий полк был направлен на подавление восстания в Польше, а также нес караульную и полицейскую службу на территории Виленской и Минской губерний. Реорганизованные тептярские полки: 1-й Оренбургский регулярный казачий полк (1835–1841 гг.) и Уфимский регулярный казачий полк (1841–1845 гг.) в 1840–1842 гг. участвовали в Казахской степи в боях с повстанческими отрядами

Кенесары Касымов и Исета Кутебарова. С 14 ноября 1839 г. по 22 февраля 1840 г. дивизион полка участвовал в Хивинском походе, в 1843 г. подавлял волнения крестьян в Троицком у. Оренбургской губ. В Хивинском походе также участвовали формирования Уральского и Оренбургского казачьих войск, Башкиро-мещерякского войска и части артиллерийских войск [Рахимов, 2008, с.113]. Полковым муллам, особенно в период военных кампаний России против мусульманских государств, приходилось вести активную агитаторскую работу, ломать представление о братстве всех мусульман мира, напоминать о клятве верности российскому монарху и Отечеству. В частности, во время Хивинского похода 1839 г. и Военной экспедиции против Кокандского государства 1853 г. в составе кавалерийских иррегулярных войск мусульман находилось около 10 мулл [Azamatov, 2002, p.744–745].

Силами казаков, башкир и мещеряков власти в 1825–1840-х гг. организовали 15 карательных походов на Казахскую степь. В первой половине XIX в. иррегулярные войска привлекались для подавления в Приуралье выступлений народных масс, они также несли охрану на Макарьевской и Нижегородской ярмарках.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. из Казанской губ. ежегодно забирали 1% мужчин призывного возраста.

После подавления польского восстания 1864 г. в Варшаве служило 300 нижних чинов мусульман, которые избрали общественного муллу и муэдзина. По просьбе участников военных событий 1863 г. при штабе войск Царства Польского в 1865 г. была введена должность военного муллы [Наганова, 2011, с.202].

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. участник военной кампании А.Н.Куропаткин писал о солдатах неправославного вероисповедания следующее: «...и татары, и евреи умели и будут впредь уметь так же геройски драться и умирать, как и прочие русские солдаты» [Ахун, 1929, с.44].

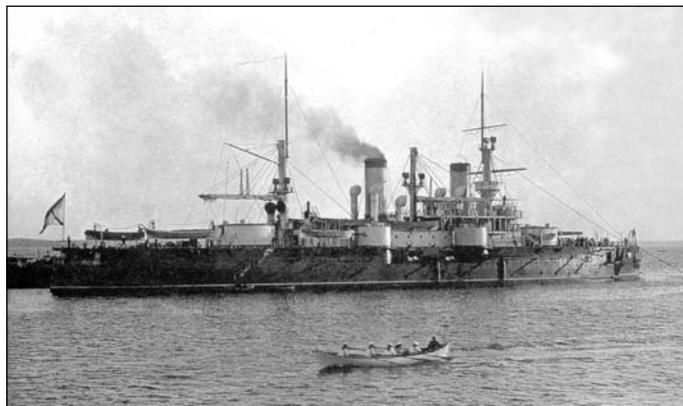
В самом начале русско-японской войны оренбургский муфтий М.Султанов обратился в Военное министерство с предложением: определить призванных в действующую

Казак 1-го Тептярского конного казачьего полка в Заграничном походе. 1813 г. С.С.Петров. Бумага, перо. 2008 г.

армию духовных лиц в те госпитали, санитарные отряды или части войск, где окажутся много солдат-мусульман, для напутствия раненых и хоронения умерших по законам ислама. Например, в г.Никольско-Уссурийск располагались 4 больницы, куда ежедневно привозили раненых солдат-мусульман, ежемесячно хоронили 2–3 умерших от ран [Наганова, 2011, с.203].

Весной 1904 г. командование разрешило назначить при каждом военном госпитале по два солдата для исполнения духовных «треб» у раненых мусульман. Следующим шагом в наметившемся сотрудничестве духовной и военной властей стало назначение в октябре 1904 г. на период войны штатных должностей мулл при штабах 1-й, 2-й, 3-й Маньчжурских армий и в Приамурском военном округе [РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л.71, 75, 100, 108–110]. Благодаря воздействию военных мулл, солдаты-мусульмане не участвовали в беспорядках среди во-

Броненосец «Севастополь». 1900-е гг.

Лейтенант Исхак Ислямов, ст. штурман броненосца «Севастополь». Награжден орденом св.Владимира 4-й степени. Фото нач. XX в.

енных, произошедших во Владивостоке в 1905 г. [Наганова, 2011, с.205].

Привлекает внимание боевой путь старшего штурмана броненосца «Севастополь» Исхака Ислямова, участвовавшего в 1904 г. в семи боевых походах, в обороне Порт-Артура и в бою с японским флотом в Желтом море 28 июля 1904 г. Во второй половине 1904 г. он был назначен флагманским штурманом – офицером штаба начальника эскадры Тихого океана [Ахметшин, 2005].

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг., по приблизительным подсчетам, было награждено мусульман: офицеров ор-

денами – 194, нижних чинов знаками отличия военного ордена и медалями – 2390 чел. [Императорская, 2006, с.439].

Таким образом, татарские военнослужащие, оставаясь верными своей клятве, вносили посильный вклад в победы российской армии, участвовали практически во всех военных кампаниях. Армейский опыт службы давал им преимущество в гражданской жизни: бывшие нижние чины хорошо знали русский язык, часть – русскую грамоту, поэтому, как правило, успешно трудоустраивались, некоторые становились торговцами.

Раздел V

**Религиозные
традиции и институты**

ГЛАВА 1

Суфизм как социокультурное явление

§ 1. Суфийские традиции в первой половине XIX в.

Михаэль Кемпер

Суфизм – мистический аспект ислама, это эмоциональное сближение с Аллахом посредством созерцания, аскетизма и духовных упражнений. Таким образом, суфизм является «внутренним» аспектом ислама, где Бог, Его единство, могущество и милосердие понимаются не только посредством рационального изучения богословских текстов, написанных теологами и учеными мусульманского права, но и через личное убеждение в Его присутствии в этом мире. Однако существует распространенное представление о суфизме как о самовольной попытке найти путь к Богу, следуя только своим внутренним чувствам, не признавая авторитет и законы шариата. В случае с Татарстаном это представление было бы самым глубоким заблуждением по ряду причин.

Во-первых, суфизм – это сложная исламская дисциплина, где *мюрид* (адепт) обязан внимательно следовать указаниям своего шейха или *мурида* (учителя), где теоретически шейх должен иметь полный контроль над действиями и упражнениями своего ученика. Таким образом, суфизм – это строгая школа мысли и практики, которая, в первую очередь, учит следовать предписаниям учителя. Шейх решает, когда ученику можно вступать в тарикат (суфийский путь). В каждой суфийской школе есть четкое представление о пути, о том, какие этапы он включает, какие инструменты используются для продвижения по нему, и как можно установить, достиг ли ученик того или иного уровня (часто, анализируя его сны и видения). Учитель так же оценивает уровень развития мюрида и его готовность для дальнейшего продвижения. И только учитель может сказать, завершил ли ученик свое образование. По окончании обучения адепта шейх выдает своему ученику свиде-

тельство – *иджазу*, которое дает ему право быть халифой (заместителем) учителя и полноценным шейхом, а также право самому обучать мюридов. Это самый важный документ в жизни суфия; получив полномочия, халифа становится частью *силсилы* (духовной цепочки), которая соединяет его со своим шейхом, а также со всеми его учителями – предшественниками, вплоть до пророка Мухаммада. Правда, истории известны некоторые суфии, которые утверждали, что получили свои видения непосредственно от Бога или Мухаммада или умерших шейхов и святых. Но суфии, не имеющие *иджазу*, были весьма уязвимы для критики со стороны официальных шейхов.

Во-вторых, многие суфии действительно вступали в конфликт с учеными исламского права и с властью. Наиболее известный пример – Мансур аль-Халладж, который в 922 г. был публично казнен в Багдаде за фразу «Я есть Истина» (т.е. «Я – Бог»), отражающую убеждение Халладжа, что он достиг полного единения с Аллахом. Как следствие, Халладж был обвинен в ереси и в том, что он не признает превосходство и общее отличие Бога от Его сотворения. Идея «единства бытия» (*вахдат аль-вуджуд*) в суфизме заключается в том, что суфий может на последнем этапе своего пути воссоединиться с Богом. Однако это лишь крайняя форма монистической тенденции в суфизме. Большинство суфиев охарактеризовали бы высшую ступень как «единство свидетельства» (*вахдат аль-шухуд*), в том смысле, что главная цель суфия – стать *свидетелем* единства Бога на высшей стадии созерцания, а не фактически слиться с Ним. Большинство татарских суфиев XIX в. придерживались этого умеренного течения в суфизме, которое считалось не выходящим за рамки шариата.

В-третьих, большинство татарских суфиев XIX в. не находили разногласий между суфизмом и исламским правом. На самом деле, среди них было много имамов мечетей Волго-Уральского региона, и они одновременно работали в качестве учителей в мектебе и медресе, где студенты годами, а некоторые даже десятилетиями, углубленно изучали исламское право и теологию. В медресе суфизм относился к дополнительным дисциплинам, и занятия, главным образом, проводились на дому и вне программы. В то же время рассказы о классических исламских святых и суфиях (без обсуждения деталей суфийской доктрины) использовались как материал для преподавания исламской этики (*ахлак*) и нравственности в целом (*адаб*) и пользовались популярностью среди школьников, студентов и всего населения. Эти рассказы воспитывали в учениках преданность Богу, довольствование судьбой, предписанной Творцом, а также скромность, честность, милосердие, уважение к собратьям-мусульманам и многие другие человеческие ценности. Все перечисленные этические качества рассматривались в контексте известных суфиев, и мусульманская община не видела в них противоречий исламской доктрине.

В-четвертых, доминирующим *тарикатом* (суфийским орденом) среди татарских суфиев в первой половине XIX в. был *накшбандийя муджаддийя*. Этот широко распространенный в тюркском мире орден был известен тем, что последователи его идеи особое внимание уделяли соблюдению канонов шариата и участию в жизни мусульманской общины. Насколько нам известно, братства, далекие от мира сего, которые своим экстатическим поведением навлекали на себя порицание исламских ученых (например, «дервиши-попрошайки» ордена *каландарийя* в средневековой Средней Азии или эксцентричные члены ордена *бекташийя* в Анатолии и на Балканах), не имели приверженцев среди татар и башкир в XIX в. Татарские суфии, как правило, не практиковали громкий *зикр*, который из-за своей экстатичности мог вызвать критику; большинство из них не практиковали технику танца и музыки, в отличие, например, от представителей ордена *мевлевийе* («кружащиеся дервиши»)

в Османской империи, и не глотали змей и мечей, как шейхи *рифайя* в арабских странах. Напротив, большинство татарских шейхов учили своих мюридов менее впечатляющему «тихому» *зикру*, в котором имя Бога и определенные формулы повторяются молча. Они практиковали *рабиту* – интенсивную, но в то же время безмолвную внутреннюю связь между шейхом и его мюридами. Считалось, что такая манера поминования вполне соответствовала шариату, и, следовательно, татарские накшбандии, за редким исключением, не подвергались общей критике со стороны исламских правоведов. Тем не менее, было много споров между самими суфиями, в основном в вопросах ритуала и морального поведения.

Наконец, в татарской суфийской литературе не уделяется особое внимание чудесам, что опять-таки отличает ее от того же Османского ордена *бекташийя*, чьи святые, по описанию в их агиографиях, постоянно превращаются в животных, поднимаются в горящие печи, чтобы доказать свою святость, или убивают своих врагов ударом молнии. Среди татарских суфиев было определенное количество деревенских шейхов (некоторые династии продолжались десятилетиями), которые были популярны в качестве передатчиков Божьего благословения (*барака*) и целителей. В частности, бесплодные женщины просили у суфийских святых благословения для зачатия ребенка. Тем не менее, чудеса, описанные в татарской суфийской литературе XIX в., как правило, отличаются от агиографий других суфийских орденов своей скромностью.

Несколько слов о социальной или коммунальной стороне тариката, а также о распространении накшбандийя в более широком контексте. *Тарикат* не является четкой иерархической организацией, он, скорее, объединяет всех шейхов и учеников, методы духовного развития которых восходят к отцу-основателю данного ордена. Ученик следует *тарикату* своего непосредственного учителя, и когда он получает *иджазу* (диплом), он становится полноправным звеном в цепи передачи данной идеи. В связи с этим *тарикат* имеет тенденцию к ответвлению подобно дереву: после получения *иджазы* ученики образуют новые местные

ветви. Это явление приводит к тому, что на протяжении веков ордены набирают большое количество дополнительных названий. Полноценность новой ветви зависит от признания другими шейхами и количества учеников, которые в него вступают. Накшбандийа, например, берет свое название от шейха Бахааддина Накшбанди (ум. в 1389 г. в Бухаре). Другой великий наکشбандийский учитель шейх Ахмад Сирхинди (ум. в 1624 г.) из Индии известен как реформатор наکشбандийа, как «*муджаддид*» («реформатор») второго исламского тысячелетия; отныне ветвь наکشбандийа, которая следует его идее, известна как «реформированная» наکشбандийа *муджаддидийа*. Многотомные *мактубаты* (трактаты) Сирхинди были очень популярны среди татарского населения, и большинство татарских наکشбандиев XIX в. присоединилось к ветви *муджаддидийа* (а старые ордены продолжали развиваться на других территориях). Многие шейхи считались членами нескольких ветвей или даже орденов.

Во всех ветвях наکشбандийа большое внимание уделяется жизни общины: члены наکشбандийа занимались преподаванием в *мактабах* и *медресе*, занимали должность имама, строили *ханаки* (суфийские центры), где они встречались со своими учениками и где путешественники могли переночевать и получить пищу. Многие утверждают, что наکشбандийа культивирует трудовой дух, который поддерживает торговлю (и в самом деле, среди представителей наکشбандийа были богатые купцы) и социальную и политическую активность, что, безусловно, относится и к суфизму в Поволжье.

Татарские суфии, муллы и правоведа, которые зачастую, как отмечалось выше, составляли один и тот же круг лиц, заняли лидирующие позиции в традиционной мусульманской общине, будь то в слободах Казани и Оренбурга или в сельской местности. В условиях отсутствия мусульманского правителя (хана или халифа) суфии и учителя являлись основным гарантом сохранности исламского характера общества. Как защитники татарской мусульманской идентичности они пользовались огромным уважением и престижем. При благотворительной поддержке торговцев они строили мечети, шко-

лы и суфийские обители, подчеркивая таким образом, что Волго-Уральский регион остается частью исламской территории (*Дар аль-ислам*). Вследствие географической изолированности от остального мусульманского мира татарское общество, в целом носящее консервативный характер, прежде всего направляло свои усилия на защиту «чисто» исламских традиций от пагубного влияния, особенно от русского культурного посягательства. Интеграция в Россию происходила в исламской форме.

В XIX в. это (само-)изоляция татарских суфиев от русского общества не привлекла к джихаду. Ситуация резко отличается от ситуации в Дагестане и Чечне, где орден наکشбандийа *муджаддидийа халидийа* стал важным партнером в джихаде против России для трех известных имамов: Гази-Мухаммада, Хамзаг-бека и Шамиля (примерно в 1828–1859 гг.). Движение джихада в Дагестане и Чечне возникло примерно в 1828 г. из-за стремления молодых мусульманских проповедников сломать традиционные устои дагестанских сельских общин в Дагестане и заменить их обычное право исламскими законами. Некоторые лидеры наکشбандийа поддержали эту борьбу, что свидетельствует о тесной взаимосвязи между идеями наکشбандийского суфизма и стремлением к верховенству шариата. Несмотря на то, что названные выше имамы не были полноправными суфийскими шейхами, исламское движение на Северном Кавказе, благодаря его связи с наکشбандийа, стало известным в русской литературе под названием «мюридизм». Конечно, ситуация на Кавказе отличалась от ситуации в Среднем Поволжье, где интеграция в имперские структуры проходила в течение нескольких веков и где значительную часть населения составляли русские. Тем не менее, заслуживает внимания один факт: насколько мы видим, татарские суфии из *муджаддидийа* не присоединились к джихаду даже в самый разгар войны на Кавказе в начале 1840-х гг. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они также не пытались присоединиться к своим наکشбандийским братьям на Кавказе в вооруженной борьбе против русских. Вполне вероятно, что они даже не знали о связях северокавказских имамов с наکشбандийа. В татарской

литературе на арабском и татарском языках практически ничего не говорится о джихаде. Это приводит нас к выводу, что в первой половине XIX в. накшбандийа муджаддийа на Северном Кавказе приняла военно-революционную позицию (в форме своей ветви халидийа) в отношении Российской империи, а в Волго-Уральском регионе тот же орден проявлял себя консервативно и в значительной степени мирно. Главной структурой, с помощью которой татарские муллы и суфии смогли интегрироваться в административную систему России, было ОМДС. Среди тех, кто руководил Собранием, были и муфтии-суфии, например первый муфтий Мухаммаджан Хусаинов (ум. в 1824 г.). Официально подчинялись ОМДС указные муллы. Недавно американский историк Роберт Круз предположил, что татары-мусульмане Российской империи даже рассматривали царя как формального защитника ислама. Я бы не стал заходить так далеко, но оглядываясь на прошлое, несмотря на все антиисламские высказывания русских журналистов и политиков того времени, отмечу, что все же татарские муллы, среди которых было много накшбандиев, больше сотрудничали с Российским государством, нежели представляли для него угрозу.

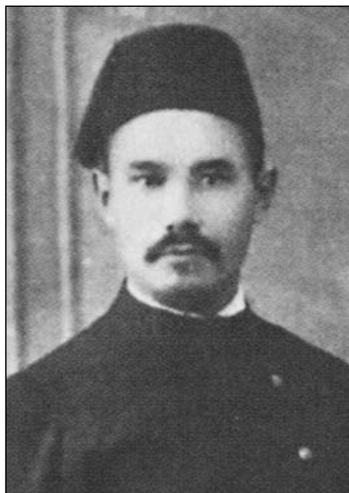
Другой важный вопрос касается наших источников. Почти вся информация о членах накшбандийа муджаддийа в татарских и башкирских землях в XIX в. взята из трех известных работ: «Мустафад аль-ахбар» (Казань, 1880) Шигабуди́на Марджани (ум. в 1889 г.), похожей работы Мурада Мухаммада аль-Манзилави аль-Рамзи (ум. в 1934 г.) «Талфик аль-ахбар» (Оренбург, 1908) и 15 опубликованных брошюр биографической энциклопедии «Асар» (Казань 1900, Оренбург 1901–1908) Ризаэтдина Фахретдина (ум. в 1936 г.). Все эти авторы являлись членами накшбандийа муджаддийа.

Из трудов перечисленных ученых мы знаем, что татарский орден накшбандийа XIX в. восходит к двум выдающимся суфийским учителям Бухары и Кабула: это Ниязкули аль-Туркмани (ум. в 1821 г.) и Фаизхан бин Хизырхан аль-Кабули (ум. в 1802 г.). На протяжении всего XIX в. среднеазиатские *медресе* были основными исламскими центрами для учащих-татар, особенно в

Бухаре и Самарканде, и поэтому нет ничего удивительного в том, что молодые татарские студенты посвящались в накшбандийа муджаддийа именно в этих городах. Как мы знаем из работ Марджани, Рамзи и Фахретдина, Ниязкули и Фаизхан воспитали множество суфиев из Казани, Оренбурга/Каргалы и многих татарских и башкирских деревень. Возвращаясь домой после долгих лет учебы в Средней Азии, эти студенты привозили свои суфийские *силсила*. Будучи имамами и преподавателями в татарских и башкирских деревнях, они распространяли идеи накшбандийа среди своих учеников. Одним из многочисленных *мюридов* Ниязкули в Волго-Уральском регионе был Нигматулла бин Биктимер аль-Стерлибаши, заведующий крупного медресе и суфийского центра в Стерлибашево (Урал), которым после него руководили его сыновья Харис (ум. в 1870/1871 г.) и Харрас (ум. в 1871/1872 г.). Назовем лишь некоторых других учеников Ниязкули: это известный татарский ученый, имам и учитель д.Корса Габдельнасыр Курсави (ум. в 1812 г.); преподававший в нескольких мечетях региона Давлетшах бин Гадельшах аль-Чабанлы (ум. в 1832 или 1833 г.); возможно, поэт Абульманих Каргалый (ум. после 1833 г.). Среди воспитанников Фаизхана аль-Кабули было два противника муфтията: шейх Джагфар бин Абди («Ишан-гармонист», видимо потому, что он использовал музыку, ум. в 1823 или 1824 г.) из д.Чишма под Уфой и известный Габдерахим аль-Булгари (Утыз Имяни, ум. в 1834 г.), написавший большое количество суфийских стихов, моралистических и правоведческих трактатов. Кроме того, Валид бин Мухаммад аль-Амин (Вали Мухаммад ишан, ум. в 1802 или 1803 г.) из Каргалы, который пользовался репутацией святого, тоже получил *иджазу* от Фаизхана аль-Кабули. В свою очередь, ученик Вали Мухаммада ишана Губайдулла бин Джагфар аль-Кизлави (ум. в 1822 или 1823 г.) был основателем кизлавийской суфийской династии в Кизлау/Курманаево Симбирской губ. Эти факты являются ярким примером того, что идея накшбандийа, воспринятая учениками некоторых шейхов Средней Азии, затем распространилась во всех татарских и башкирских землях, претворяясь в форме

Ш.Марджани.

Р.Фахретдин. Уфа. 1892 г.

местных суфийских центров с многолетними традициями.

Однако если полностью полагаться на корпус источников Марджани, Рамзи и Фахретдина, то может получиться односторонняя картина: они писали в конце XIX в., когда идеи ордена муджаддидийа уже были широко распространены на территории современного Татарстана и Башкортостана. Таким образом, Марджани, Рамзи и Фахретдин мало говорят о суфиях других *тарикатов*, в частности о других суфийских орденах, существовавших до XIX в., некоторые из которых проникли не через Среднюю Азию. В действительности можно полагать, что в первой половине XIX в. были татарские шейхи и других суфийских ветвей (из накшбандийа и, возможно, других братств), которые получили иджазу не в Бухаре и Самарканде, а в Анатолии, Дагестане и арабских странах. Об этих ранних связях известно не так много, они были полностью вытеснены или поглощены среднеазиатской муджаддидийа.

Еще один недостаток трудов Марджани, Рамзи и Фахретдина заключается в том, что эти авторы имели тенденцию недооценивать «нонконформистских» суфиев и ученых, даже если они принадлежали к ордену накшбандийа муджаддидийа. Особенно это заметно, когда речь идет о таких выдающихся деятелях, как Нигматулла аль-Утари (ум. в 1816/1817 г.), Габдерахим Утыз Имяни и Багаутдин Ваисов (ум. в 1893 г.), суфийский

стиль которых не соответствует «сдержанному» учению основного течения накшбандийа и которые не поддерживали квиетизм (политический нейтралитет) и интегративные взгляды Марджани, Рамзи и Фахретдина и благочестивой буржуазии Казани и Оренбурга. Для более глубокого анализа этих суфиев необходимо воспользоваться другими источниками, в частности их собственными произведениями.

Основная суфийская литература была написана

большой частью на арабском языке. Большинство из этих работ не были напечатаны. За первые пять десятилетий после их учреждения в 1801 г. знаменитые типографии Казани опубликовали только несколько книг татарских авторов, и почти нет современных авторов, в т.ч. суфийских. Часть татарских суфийских сочинений дошла до нас в виде рукописей. Среди них есть уникальные рукописи: татарские и арабские переводы, арабские комментарии персидских суфийских и этических текстов, особенно «*Мактубат*» Ахмада Сирхинди, работы аль-Газали (ум. в 1111 г.) и Мехмеда Биргеви (ум. в 1573 г.), а также оригинальные научные труды по суфийской концепции и ритуалам, написанные татарскими и башкирскими авторами. К последним относятся две работы по суфизму на арабском языке: «*Инаят аль-Субхани*» («Забота Всемогущего») Таджеддина бин Ялчыгула (ум. в 1837 г.), где, среди прочего, описывается видение суфийского пути в цветах, и «*Русалаи мадинийа*» («Книга из Медины», защита Монизма и суфийского единения с Богом) Нигматуллы бин Умар аль-Утари (ум. в 1816 или 1817 г.). Как и суфийская литература на тюркских языках Урала и Поволжья (т.е. в многочисленных местных вариантах, предшествовавших современным татарскому и башкирскому вариантам), суфийская литература на арабском языке включает поэзию и прозу (в т.ч. легенды, а также *силсила*, сохранившиеся в виде свитков длиной

в несколько метров). Большинство из того, что дошло до нас, свидетельствует о влиянии Средней Азии, но, как будет показано ниже, татарские писатели также следовали некоторым османским моделям.

Попробуем переосмыслить положение суфизма в Татарстане 1800-е–1860-е гг. При этом мы упомянем наиболее ярких ученых, плодотворно работавших также в области исламского права и теологии; о них более подробно будет рассказано ниже. Так как мусульманские студенты и суфии много путешествовали, отделяли их маршруты и места работы пересекали вдоль и поперек территории современного Татарстана и Башкортостана и региона в целом. Мы избегаем утверждений о национальной принадлежности того или иного суфия, что в любом случае было бы бесполезной деятельностью.

Легенды и святыни как показатели исламской идентичности в Российской империи. С конца XVIII в. ученые суфии начинают составлять перечни суфийских святынь и мавзолеев с описаниями для паломников. Аллен Франк называет эти произведения «каталогами мавзолеев (мазаров)»; по его словам, эти святыни послужили указателями исламской идентичности на топографической карте Российской империи. Как в повествованиях об исламизации Средней Азии – например, в рассказах о Баба Туклесе (исследованных Девинном де Визом), – каталоги священных мазаров Волго-Уральского региона связывают появление ислама с деятельностью исламских суфиев-чудотворцев. Почитание умерших шейхов (а также их потомков) отражало давнюю исламскую самобытность Волго-Уральского региона. Территория этого региона в целом совпала с округом ОМДС, который возник примерно в то же время.

Сохранились каталоги мазаров разных мест. Обычно в них развалины Булгара упоминаются как духовный центр единого мусульманского региона. Считалось, что ислам пришел в татарские земли через Булгар, и могилы многих мусульманских святых и героев находились там. По преданию, пророк Мухаммад послал трех своих сподвижников в Булгар, где они сотворили чудо и тем самым убедили хана принять ислам. Суще-

ствует несколько версий этой истории, в т.ч. башкирская генеалогия (*Тарихнаме*) Тагеддина бин Ялчыгула (ум. в 1837/1838 г.) и знаменитая «*Таварихи Булгария*» («История Булгар»). Последняя написана на тюркском языке и заслуживает особого внимания.

До сегодняшнего дня сохранились десятки рукописей и ряд печатных изданий «*Таварихи Булгария*», что свидетельствует о ее огромной популярности на протяжении всего XIX в. В самом тексте в качестве автора упоминается некий Хисамеддин бин Шарафеддин аль-Муслими, который, как сообщается, закончил эту работу в 958 г. или 992 г. по хиджре (1551 или 1584 г.). Тем не менее, в тексте также упоминаются имена некоторых ученых, которые, очевидно, жили в конце XVIII в., и есть все основания полагать, что в том виде, в котором «*Таварихи Булгария*» дошла до нас, она была написана в начале XIX в. (самая ранняя из существующих рукописей датируется 1827 г.). По содержанию «*Таварихи Булгария*» представляет собой компиляцию различных глав: помимо легенды об исламизации, списка суфийских святынь в регионе, в ней также содержится информация о ранней истории ислама, о географии Восточной Европы и о мусульманском календаре. В последней главе «Заключение» (*хатима*) есть несколько рассказов о военных походах Аксак Тимура (Тамерлана). Получив указание Аллаха и легендарного среднеазиатского святого Ахмеда Ясави, Тимур (ум. в 1405 г.) наносит поражение Чингис-хану (ум. в 1227 г.), борется против персидского правителя Надиршаха (ум. в 1747 г.), отбирает Стамбул у (вымышленного) османского халифа по имени аль-Махди, а затем, наконец, завоевывает и разрушает Булгар. Уже в XIX в. ряд татарских ученых выступили с критикой очевидных исторических искажений в этих рассказах; жесткий приговор «*Таварихи Булгария*» в 1880 г. вынес Ш.Марджани, который утверждал, что она совершенно бесполезна из-за ее многочисленных анахронизмов. Как известно, Марджани был противником Булгарской идентичности мусульман Поволжья и призывал народ называть себя татарами. Это точка зрения Марджани нашла поддержку среди ученых ТАССР, которые считали, что «*Таварихи Булгария*» – лишь

плод воображения исламских фанатиков. Серьезное внимание этому произведению уделил М.А.Усманов, который указал на то, что в «*Таварихи Булгария*» есть элементы из более ранних источников, в т.ч. из «*Дафтары Чингиз-наме*».

Огромная популярность «*Таварихи Булгария*» в XIX в. означает, что татарский мусульманский читатель воспринимал этот сборник агиографий и исторической беллетристики не только как историографический труд. В жанре агиографии исторический события обычно «вложены» в священную историю определенного племени или общины, и их функция заключается не в передаче точных исторических фактов, а в подтверждении непрерывной приверженности населения к исламу, а также в заявлении о ценностях и этических нормах сообщества. В данном случае ислам представляется шейхами.

На самом деле, вымышленные исторические факты в «*Таварихи Булгария*» отражают некоторые основные вопросы суфизма, богословия и шариата, вызывавшие споры волго-уральских мусульман в XIX в. В частности, тщательно продуманные рассказы о походах Тимура в этом отношении являются весьма информативными; их целью было, очевидно, передать умеренную суфийскую интерпретацию исламской этики. Тимур выступает как защитник ислама, не только против язычника Чингиз-хана, но и против коррумпированных мусульманских правителей Стамбула и Булгара, и именно Аллах чудесным образом приводит Тимура к победе. Тимур решил покорить Стамбул после того, как узнал, что элита города не молится в установленное время и занимается мужеложством, и что мужчины даже убивают своих жен; неведомым образом гениталии всех правонарушителей поражаются заболеваниями, что является доказательством их вины. Когда Тимур в итоге принял город под свое руководство, он казнил султана и всех ученых, которые потакали его отвратительным привычкам. Тимур потом уничтожил Булгар потому, что его жители занимались преступной деятельностью и развратом, их мусульманские богословы оправдывали употребление алкоголя и пропуск пятничной и пятой ежедневной молитвы (ночной

молитвы – *'иша*), которая является проблематичной в северных районах страны, где летом по ночам светло; а также потому, что как в Стамбуле, так и в Булгаре ученые занимались богословской спекуляцией (*каламом*) и игнорировали изучение Корана и традиций пророка Мухаммада.

В общем этот рассказ имеет моралистический смысл и, следовательно, близок к другим суфийским повестям, таким как «*Рисалэи Газизэ*» («Книга Азизы») Таджеддина бин Ялчыгула, в которой содержатся подобные эпизоды, вытекающие из работы известного накшбандийского шейха Суфи Аллахаюра (ум. в 1723 г.) из Бухары. Как упоминалось выше, моралистическое послание «*Таварихи Булгария*» связано с критикой спекулятивной теологии, а также с призывом вернуться к основополагающим требованиям ислама, в частности, о необходимости пятничной молитвы (даже если не так много людей посещают пятничный сход, как, например, в небольших деревнях Поволжья и Приуралья) и *'иша* в отсутствие ночи. Интересно, что это те аргументы, которые мы и находим в богословских и юридических трудах Габдельнасыра Курсави (ум. в 1812 г.). Так как «*Таварихи Булгария*» четко отстаивает позицию Курсави в вопросах исламского права и теологии, существует большая вероятность того, что по крайней мере «Заклучение», в дошедшей до нас редакции, было подготовлено одним из главных последователей Курсави, возможно, Мухаммадамином бин Сайфулла аль-Наласави (ум. в 1831–1833 гг.).

Таким образом, «*Таварихи Булгария*» характеризуется своеобразным слиянием исторических, суфийских и богословско-юридических вопросов, что ярко иллюстрирует научную составляющую учения татарских накшбандийа, или, наоборот, «умеренный» характер татарского суфизма. Аналогичная связь прослеживается в небольшом трактате, который называется «Житие Курсави» («*Манакиби Абу Наср Габденнасыр аль-Курсави*») [ИВР РАН, СПб., рук. А1241] и вероятно, также был написан примерно в 1820 г. Здесь Курсави описывается как суфий, который руководствовался божественным вдохновением. С этой точки зрения становится ясно, что главной целью авто-

ров «Таварихи Булгария» было объединение благочестивой региональной истории (в т.ч. легенды исламизации и каталога святых мест) с религиозным назиданием, а также популяризация подробных богословских интерпретаций Курсави в рамках суфийской концепции.

Изоляционизм: Габдерахим аль-Булгари. Из рассказа о Тимуре в «Таварихи Булгария» становится ясно, что после Средней Азии вторым источником вдохновения нравственного очищения и суфийской мысли являлся Стамбул. В XVII в. в Османской столице возникло так называемое движение Кадизадели. Мехмед Кадизаде (ум. в 1635 г.) и его последователи были популярными проповедниками в крупных мечетях Стамбула, в т.ч. в Айа Софии и Султан-Ахмете. Их проповеди были направлены на нравственное очищение, в частности на воздержание от употребления табака и кофе, а также на адаптацию политики и экономики к законам шариата. Движение было направлено прежде всего против военных офицеров (которых они обвиняли в сексе с «безбородыми» мальчиками во время военных кампаний), против видных османских ученых и их обогащения посредством благочестивых фондов (*вакуф*), а также против суфийских братств, особенно ордена *халватия* с его церемонией *зикра* и экстравагантным поведением его членов в обществе. Эти конфликты иногда приводили к открытым столкновениям на улицах. Основным источником вдохновения для членов Кадизадели было сочинение турецкого ученого Мехмеда Биргеви (ум. в 1572 г.). В его этическом сборнике «ат-Тарика аль-Мухаммадия ва ас-сира аль-ахмадия» («Путь Мухаммада и биография пророка») были изучены и классифицированы хорошие и плохие моральные качества человека, он критиковал определенные виды деятельности в Османской империи (например, создание благочестивых фондов денежных средств, которые были вложены в виде кредитов в обмен на проценты). По мнению Биргеви, такие виды деятельности являлись *бид'а*, т.е. незаконным новшеством, которое выходило за рамки шариата.

В рамках Османской империи сторонники благочестивой этики Биргеви и Кадизадели характеризовались как противники

суфизма, а в татарском контексте их исламская мораль и их борьба за соблюдение принципов шариата отлично вписывались в дух суфийского братства накшбандийа, которое в равной степени защищало шариат и интересы татарских торговцев. Учение Биргеви имело большое значение для татар, поэтому одной из наиболее печатаемых в Казанской типографии работ была «*Пиркули китабы*» («Книга Биргеви»), краткое изложение этики Биргеви, составленное неизвестным автором на османском языке (состоялось шесть изданий только с 1801 г. по 1808 г.). Существует несколько версий этой работы, наиболее популярной было рифмованное издание. О том, как отражена концепция Биргеви о торговле и экономике, дает представление «*Рисалеи Мухаммад Эфенди*» («Книга Мехмеда Эфенди [Биргеви]»), впервые изданная в Казани в 1808 г. Биргеви осуждал мошенничество и коррупцию, настаивал на вложении денег в благотворительность во имя ислама и призывал к воздержанию от сомнительных экономических предприятий. В рамках его учения торговля считалась благочестивым делом, не противоречащим исламским законам, что было принято татарским купечеством как руководство к действию. Иными словами, учение Биргеви и Кадизадели придало татарским торговцам исламскую сознательность, когда они интегрировались в российскую экономику. Кроме того, второй оренбургский муфтий Г.Габдерахимов цитировал Биргеви и более поздних его комментаторов в своих фетвах, которые способствовали интеграции татар в различные структуры Российской империи (например, в письме, где, основываясь на исламских законах, он осуждал практику членовредительства в целях избежания службы в армии).

Тем не менее, Биргеви также оказал большое влияние на шейха накшбандийа и ученого Габдерахима аль-Булгари, позже известного как Утыз Имяни. Габдерахим аль-Булгари (1754–1835) выступал против интеграции в структуры Российской империи. Он учился в Бухаре и Самарканде у известных шейхов накшбандийа, а также в Кабуле у Фаизхана аль-Кабули; впервые он приехал в Среднюю Азию, возможно, для того, чтобы избежать судебного пре-

следования в России; как отмечают некоторые источники, он принимал участие в Волго-Уральских восстаниях конца XVIII в. Его первыми работами были филологические переводы (с тюркского на арабский) и комментарии на тюркском языке к двум моралистическим работам вышеупомянутого Суфи Аллаха из Бухары. Габдерахим также изучал «*Мактубат*» («Писания») индийского шейха накшбандийа Ахмада Сирхинди (ум. в 1624 г.), отца-основателя муджадидийской ветви накшбандийа. Он не только составил словарь трудных терминов в «*Мактубат*», но и создал крохотную копию всей рукописи, и как писал в одной из своих работ Габдерахим, постоянно носил эти копии с собой.

Габдерахим писал также стихи. В цикле стихотворений «*Тухфат аль-гураба*» («Подарок чужеземцев»; ниже мы вернемся к значению «чужой»), он жестко критиковал суфийских шейхов Бухары за то, как они работают со студентами, приехавшими из Волго-Уральского региона; рассказал о некомпетентности коррумпированных шейхов, о том, что их интересуют только деньги и пожертвования, а также обвинил их в использовании молодых мужчин в качестве сексуальных объектов. Эти насмешливые стихи весьма наглядны и отражают, вероятно, собственный опыт Габдерахима. Находясь в Бухаре, Габдерахим выразил свое несогласие с Курсави, так как он был решительно против его настойчивых требований возродить *иджтихад* (новые толкования священных текстов ислама).

Когда Габдерахим вернулся из Средней Азии, он стал бедным и «незаконным» бродячим проповедником. На самом деле, Габдерахим был ярким «оппозиционером», он жестко критиковал муфтият и зарождающуюся татарскую торговую буржуазию. Это послужило одной из причин обращения Габдерахима к трудам Мехмеда Биргеви, основные идеи которого он пытался «примирить» с некоторыми аспектами накшбандийского учения. Названия некоторых книг, написанных Габдерахимом на арабском языке после возвращения из Средней Азии, напоминают работы Биргеви «*Инказ аль-халикин*» («Спасение гибнущих») [ОРПК, ед.хр.2387-т]; «*Ас-сайф ас-сарим*» [ОРПК, ед.хр.1204-

1206-т]). Как и Биргеви, Габдерахим придавал огромное значение аскетизму (*зухд*) и высокой морали (*ахлак*). Однако если Биргеви оставался безразличным к некоторым вопросам, которые считались «нейтральными» (*мубах*, т.е. не обязательны и не запрещены мусульманским правом), то Габдерахим пошел гораздо дальше: он утверждал, что любая форма удовольствия должна быть отклонена как *харам* (запрещено). Габдерахим руководствовался принципом *ихтията*, т.е. крайней осторожности – если не уверен в благочестии своих действий, лучше этого не делать. Отдельные его проповеди, отвергающие накопление богатства, были направлены против пристрастия татарских купцов к предметам роскоши. Габдерахим утверждал: поскольку деньги купцов заработаны сомнительным путем, их нельзя принимать даже в благотворительных целях. Если накшбандийский тарикат требовал полную преданность и аскезу только от мюридов, то Габдерахим утверждал, что каждый верующий должен жить в бедности, а стремление к богатству является грехом, который развращает и ведет к гибели.

Считая себя шейхом накшбандийа, Габдерахим фактически лишил тарикат мистических аспектов. Он никогда не упоминал в своих произведениях о мистическом опыте как цели суфийского пути и не выводил суфийские методы и средства за рамки простого аскетизма. Скорее, целью Габдерахима являлось постижение Аллаха путем неукоснительного следования Его этическим и правовым предписаниям. Игнорируя мистические аспекты тариката, Габдерахим охарактеризовал традиции накшбандийа как путь крайнего аскетизма и идеальной морали – таким образом, совмещая его с учением Биргеви. В то же время Габдерахим доводил благочестие Биргеви до крайности, превратив его в мизантропический отказ от мира.

В творчестве Габдерахима доминировала тема коррумпированности мусульманского общества. Он считал, что это разложение обусловлено в основном контактами с неверными. Таким образом, Габдерахим отвергал все влияние русской культуры: столы, стулья и кровати, окна (напоминавшие ему христианский крест), кожа, дубленая немусульма-

нами, мясо из скотобойни неверного, и, конечно, потребление чая и алкоголя. Высшая степень пессимизма и изоляционизма Габдерахима выражалась в ожидании того, что близок Конец света. Вероятно, он видел себя (согласно пророческой традиции) в роли предупреждающего о том, что однажды коррупция распространится в мусульманском обществе до такой степени, что истинного мусульманина, все еще живущего по исламским канонам, люди будут принимать за чужого (*гариб*). В XIX в. аналогичные апокалипсические ожидания проявились и в других частях мусульманского мира.

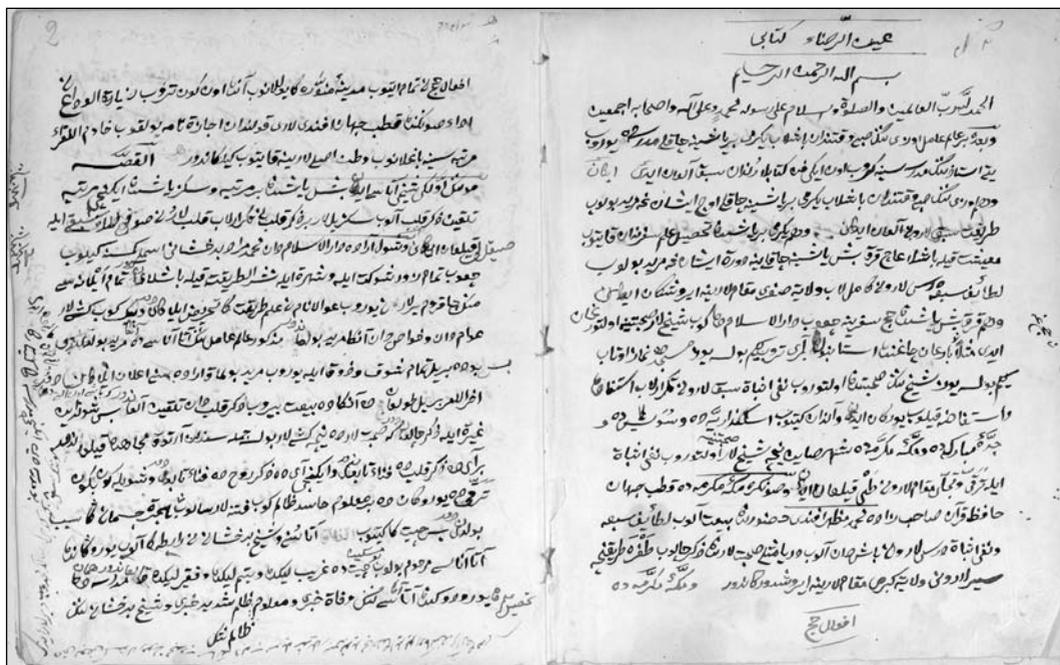
Слияние османской благочестивой традиции Биргеви с концепцией накшбандийа Сирхинди, осуществленное Габдерахимом, и особенно его критику в адрес бухарских суфиев, можно интерпретировать как шаг на пути к освобождению татарских ученых от влияния «священных» духовных центров Средней Азии, которые к концу XIX в. потеряли свой статус. Габдерахима, с его жесткими и бескомпромиссными требованиями и отказом признавать официальных мулл и муфтиев, можно рассматривать в качестве предвестника Багаутдина Ваисова (ум. в 1893 г.) и его движения пассивного сопротивления. Ваисов также был убежден в наступлении Судного дня. Неудивительно, что арабоязычные работы Габдерахима никогда не печатались, и историки более позднего периода, например Марджани, не испытывали к нему большой симпатии.

Интеграционизм: Гали Чокрый. Известным суфием Поволжья и Приуралья в XIX в. был также Мухаммадгали аль-Чокрый (1826–1889). В рамках широкого спектра накшбандийа муджаддийа Чокрый, являвшийся сторонником благочестивой интеграции татар в Россию, был полной противоположностью Габдерахиму аль-Булгари. Тюркоязычная работа Чокрый «*Мадхи Казан*» («Ода городу Казани» Казань 1306/1889) – дань уважения исламским ученым, приверженцам суфизма, и купцам города, которые через благотворительные фонды и исламские институты привели мусульманскую культуру и образование к новым высотам. Чокрый критически относился к «*Таварихи Булгария*» (и особенно к позитивному имиджу Тимура в этой работе),

но, помимо этого, он был ярким сторонником концепции единой Булгарской (татаро-башкирской) исламской территории. В его панегирике Казань предстает в качестве нового исламского центра Булгарской земли, которая является составной частью Российской империи. Благодаря Казанской типографии «лучи исламской цивилизации» проникали в соседние регионы.

Чокрый (сам установил свое благородное происхождение, ведущее к Майкы-бию, являвшемуся одним из военачальников Чингис-хана) написал много панегириков о татарских и башкирских суфиях и ученых (частично опубликованных под названием «Светящие свечи» [*«Шам' ад-дыя»*]), (Казань 1883): таких, как Джагфар бин Абди аль-Булгари (ум. в 1823/1824 г.), Валид бин Мухаммад аль-Каргалый (ум. в 1802/1803 г.), Хабибулла аль-Оруви из Уры (ум. в 1817/1818 г.), Габдулла аль-Кизлави, Габдулджаббар Кари из д.Ново-Альметьево и Нигматулла бин Биктимер аль-Стерлибаши (Тукаев, ум. в 1844/1845 г.), Габдулла Мачкарави (ум. в 1859 г.), Али ат-Тунтари (ум. в 1875 г.). Хвалебные стихи о четвертом муфтии и – Салимгарее Тевкелеве отражают позитивное отношение Чокрый к ОМДС. Чокрый написал особую похвалу о Харисе, сыне аль-Стерлибаши, который потратил свое чрезвычайно огромное состояние на строительство большой библиотеки, мечети, школы и гостевого дома для открытого им суфийского центра в Стерлибашево. Многие из упомянутых выше лиц следовали традициям муджаддийа Фаизхана аль-Кабули из Кабула. В жизни Чокрый было четыре человека, которые связывали его с муджаддийа: это его отец Габдессалих (последователь аль-Кабули), Мухаммад-Мурад аль-Бадахшани (видимо, родом из Таджикистана или Афганистана), Харис из Стерлибашево и шейх Мухаммад Мазхар Сахиб-заде, которого он встретил в Хиджазе во время хаджа. Эти связи показывают, что Чокрый, несмотря на то, что работал муллой в д.Иске Чокыр (Бирский у.), в полной мере интегрировался в большую международную сеть накшбандийа.

Менее известными, чем его тюркоязычные панегирики, являются арабоязычные трактаты Чокрый, которые также дают

Страницы рукописи книги Гарифуллы Чокрый «Айн ар-рида китабы». Кон. XIX в.

представление о суфийской жизни в XIX в. «Фасс аль-ахияр» («Гемма благочестивых») [ОРРК, ед.хр.2673-т] Чокрый написал, вероятно, в конце 1850-х гг. В этом трактате Чокрый защищает суфийскую практику формирования круга (*халка*) в мечети для совершения *зикра*. Многие мусульмане были против такой практики, утверждая, что она не соответствует исламским традициям. Чокрый называл их «изможденными обманщиками», что, возможно, указывает на то, что эти критики были аскетическими бродягами, которые, подобно Габдерахиму аль-Булгари, выступали против интеграции мусульман. В ответ на их нападки Чокрый утверждал, что все эти действия полностью соответствовали сунне, поскольку при *халке* никто не сидел в центре круга, и они не совершались во время пятничной молитвы.

О других аспектах жизни Чокрый в деревне упоминается в книге его сына Гарифуллы аль-Чокрый (аль-Басрави, 1861–1918) «Айн ар-рида китабы» («Книга об источнике удовлетворения») [ОРРК, ед.хр.680-т]. Гарифулла описал пасеку своего отца как место, где выполнялись суфийские упражнения. Там регулярно собирались на *медж-*

лис (собрание) богатые и бедные, ученые и суфии для участия в моралистических или суфийских разговорах, для совместного чтения стихов, совершения молитв и суфийских обрядов, в т.ч. *зикра* и *халка*. Женщинам также разрешалось формировать свою *халку* за деревьями. Таким образом, сад предстает как романтическое место для встреч. Путешествия также были частью исламской культуры в России. Чокрый подробно описывает поездку в хадж, во время которой прогресс в области российской инфраструктуры (в т.ч. железные дороги и пароходы, которые смягчили неприятные моменты путешествия через Одессу), а также российские учреждения в целом оцениваются очень позитивно на фоне того, что он увидел в Османской империи. Чокрый выступает за позитивное отношение к Российской империи как обители «Булгарского» ислама, за новую роль Казани как исламского центра, за распространение суфизма в сельской местности. В целом, в его работе хорошо отражены интеграционные тенденции основного нахшбандийского суфизма в середине и в конце XIX в., когда все еще существовали шейхи-«оппозиционеры».

§ 2. Суфизм в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в.

Альфина Сибгатуллина

Во второй половине XIX в. заметно изменились ориентиры российских мусульман в духовной сфере: отказавшись от следования примеру Средней Азии, переживавшей в то время глубокий регресс в системе образования и исламского вероучения, они начали выезжать в Стамбул, Бейрут и Каир, которые стали новыми центрами прогрессивной мусульманской мысли. Османская Турция, где развивались различные религиозные и суфийские направления, также являлась местом сосредоточения представителей накшбандийского тариката, которого исторически придерживались татары. Муджаддидийа, пришедшая в Анатолию на рубеже XVII–VIII вв. [Şimşek, 2004, s.100] из Индии и Хиджаза, имела большое количество адептов: среди накшбандийских обитателей (*текке*) были и среднеазиатские («узбекские», «бухарские»), к которым обычно примыкали поволжские мусульмане, прибывавшие в Стамбул [Сибгатуллина, 2010а, с.89–94], при мечети Нур-Османия было создано и собственно «казанское» текке.

В Мекке и Медине также были муджаддидийские шейхи, которые «специализировались» на работе с мюридами-неарабами, в т.ч. с паломниками из Поволжья, Дагестана и Средней Азии [Algar, 2007, s.414].

Однако с выходом на историческую арену последователя индийского направления накшбандийа шейха Мевланы Халид-и Багдади (Абуль-Баха Зияэтдин Халид аш-Шахрезори (1776/1780–1827), основавшего халидийскую ветвь, накшбандийа получила мощнейший импульс и пережила новый подъем. Вслед за шейхом имамом Раббани – Ахмедом Фарук-и Сирхинди (1564–1624), сторонником *вахдат аш-шухуд* – положения об абсолютной трансцендентности Бога, курдский шейх Халид-и Багдади считал, что духовные откровения свыше могут выпасть на долю человека лишь в том случае, если он строго придерживается шариата. Пропагандируя безукоризненное следование шариату и сунне, он поддерживал стремление уммы к просвещению и тем самым призывал противостоять нападкам Европы на

ислам. Принципиальных различий между муджаддидийа и халидийа не существует, новшеством Мевланы¹ Халид-и Багдади можно назвать усиление *рабиты* – мысленной связи суфия во время молитвы с образом шейха. При этом Пророк оставался идеалом человечества, а его сподвижник Абу Бакр (Сиддик) возглавлял духовную генеалогию тариката, называемого также *сиддикийа*.

Халид-и Багдади отказался от аполитичности суфизма и провозгласил принцип: «Заниматься мирскими делами во имя религии». На вопрос: каково его последнее желание, он ответил: «Мое последнее желание – религия, и для того, чтобы религия обрела совершенство и силу, я желаю мирского» [Йылмаз, 2009, s.197]. При этом он считал, что мусульманин должен строго следовать шариату не только в повседневной жизни, но и в государственных делах, и добивался торжества права в управлении государством. Мевлана Халид-и считал опорой ислама Османскую империю, поэтому призывал своих мюридов неустанно молиться за благополучие Османской империи и ее султана-халифа. Султан признавался главой и покровителем всех мусульман.

Среди лидеров других суфийских братств последователи Халид-и Багдади выделялись просвещенностью, особой праведностью и богобоязненностью. От своих учеников они также требовали образованности и моральной чистоты. Прежде всего, этим халидийа отличалась от бухарской традиции накшбандийа.

Благодаря халидийской ветви накшбандийский тарикат на рубеже XIX–XX вв. стал наиболее важным и приближенным к власти братством в Турции.

Халидийа имела широкое распространение в Курдистане, Сирии и Ираке, а в 20-х гг. XIX в. стала доминировать в Дагестане

¹ Если принять во внимание тот факт, что Халид б. Ахмад стал во всем мусульманском мире вторым, кто после Джалалетдина Руми получил титул «Мавлана» (Господин наш, наш повелитель), то становится очевидным, насколько великими были его влияние и авторитет.

(где вскоре образовалась новая ветвь – накшбандийа муджадидийа халидийа махмудийа, названная в честь шейха Махмуда аль-Алмалия, ум. в 1877 г.).

Вероятно, первое знакомство поволжских мусульман с новой ветвью накшбандийа произошло в период паломничества, которое заметно активизировалось во второй половине XIX в. С халидийскими шейхами поволжские мусульмане могли встретиться по пути в Мекку и Медину в таких городах, как Стамбул, Багдад, Дамаск [Abu-Manneh, 2005, s.296–304]. Халид-и Багдади, совершая в 1826 г. хадж, осознал чрезвычайную важность Мекки для распространения своего учения и назначил своим основным халифом в Мекке шейха Абдуллу ал-Мекки Эрзинджани. Считается, что именно при его посредничестве халидийа получила распространение в Поволжье и на Урале.

Поволжские мусульмане, довольно активно приобретая во второй половине XIX в. недвижимость в Мекке и Медине, способствовали укреплению казанской общины в этих святых местах. Помимо шакирдов, приезжавших в Хиджаз учиться, здесь были и татарские муджавиры: они жили в суфийских обителях, во время хаджа обслуживали прибывших с родины паломников, в свободное от этого время занимались наставничеством. Наиболее крупным накшбандийским шейхом в Мекке и одновременно муджавиром был Мурад Рамзи (1854–1934)².

Халидийский халиф шейх Юнус б. Джагфар аш-Ширвани ал-Ханафи (ум. в 1850 г.) стал духовным наставником выходца из северного Азербайджана Махмуда Дагестани аш-Ширвани (Махмуд б. Садык б. Мустафа б. Гали б. Садык аш-Ширвани аш-Шафии ал-Алмалы (ум. в 1877 г.), сосланного российскими властями в Пермский край. Ссылный шейх активно контактировал с мусульманами из Уфимской, Казанской, Астраханской губерний и собрал вокруг себя немалое количество мюридов. Наиболее известными его последователями были Мухаммадзакир ишан Камалов ал-Чистави (1804–1893), Габдулваххаб ал-

Хаджитархани (ум. в 1899 г.), Габдулгали б. Губайдулла ал-Байракави (ум. в 1901 г.). Видный знаток и толкователь Корана ишан Камалов, который в течение полувека служил имам-хатибом в г. Чистополе, содержал весьма крупное по тем временам медресе «Камалия»³, стал признанным лидером накшбандийа-и-халидийа в центральной части Российской империи. В немилость властей ишан попал за противодействие неприкрытой русификаторской политике царизма [Амирханов, 2001, с.74], до самой смерти сопротивлялся принудительным мерам по открытию русских классов при медресе, считая этот шаг властей угрозой этнической идентичности татар.

Известный в Дагестане шазилитский шейх Сайфулла Кади Башларов (1853–1919) являлся прямым последователем Камалова. В 1878 г. Сайфулла был сослан в Саратовскую губ. по подозрению в участии в антирусском восстании 1877 г. В этот период он получил иджазат от ишана Камалова, после его смерти Сайфулла Кади примкнул к другому татаро-башкирскому халидийскому шейху – Зайнулле Расулеву, соединив тем самым две самостоятельно развивавшиеся линии халидийа на территории Урало-Поволжья.

М.-З.Камалов был связан родственными узами с другим видным татарским суфийским лидером – Гали б. Сайфулла ат-Тюнтери (ум. в 1874 г.), который распространял тасаввуф в Малмыжском у. Вятской губ. Представитель бухарского суфизма, Гали ишан отличался широким кругозором, ученостью и открытостью к новшествам, поэтому он положительно относился как к халидийской ветви тариката, так и к реформаторам-джадидам. Ш.Марджани говорил, что «среди ишанов нашей страны он был самым знающим, лучшим, красноречивым, авторитетным» [Фэхретдин, 2010, б.16]. Имам-хатиб, мударрис Гали ишан долгое время возглавлял медресе в д.Тюнтер, его внук Мухаммаднаджиб Шамсутдинов Тюнтери (ум. в 1930 г.), ставший зятем Закира

² Мурад Рамзи (1855–1934) – уроженец Мензелинского у. Уфимской губ., богослов. С 1876 г. по 1880 г. учился в Медине. После совершения хаджа в 1880 г. переехал в Мекку и надолго остался там.

³ Из его стен вышли известные общественные деятели и просветители – Р.Фахреддин, Ф.Карими, Г.Гафуров-Чыгтай, Х.Файзи-Чистапули, деятель революционного движения, журналист и педагог Ф.Туктаров и др. [Амирханов, 2001].

ишана, также занимался просветительской и наставнической деятельностью.

Другой известный в Османской империи халидийский шейх – Ахмед Зияэтдин Гюмюшханеви (1813–1893)⁴, в отличие от представителей других суфийских учений, в системе воспитания «совершенного человека» уделял внимание и социальным аспектам жизни личности, его идеалом был глубоко верующий, трудолюбивый и морально чистый человек. Он отрицал бродяжничество, нищету, затворничество и «уход от общественной активности», в то же время постоянно призывал не попадаться в сети этого обманчивого мира; занимаясь мирскими делами, ни на минуту не забывать о Всевышнем. Осознавал регресс и застой как в суфийской практике и философии, так и в мусульманском мире в целом. Причинами этого шейх считал невежество и нарушение моральных норм. Как ученый-богослов и преподаватель-практик, он положительно оценивал джадидизм и поддерживал все начинания, которые способствовали прогрессу человечества. Этим он доказывал, что накшбандийа-и-халидийа – не застывшее, не закрытое и слабое учение, а довольно гибкая, способная меняться и отвечать современным требованиям общества философская система.

В своем труде «Асар» Р.Фахретдин сообщает об учениках османского шейха из числа поволжских мусульман [Фэхреддин, 2009, б.85–87, 233 и др., 262–263]. Татары, будучи в Стамбуле, чтити память шейха Гюмюшханеви, посещая его могилу и его последователей [Мэгази, 1913, б.51].

З.Расулев стал одним из первых и наиболее активных распространителей учения халидийской ветви накшбандийского тариката в Поволжье и на Урале. Уроженец башкирского аула Шарип Златоустского у. Оренбургской губ., после обучения в Троицке он был назначен имамом в д.Аккужа Верхнеуральского у., где основал собственное медресе. В 1859 г. вступил в тарикат накшбандийа-муджаддийа под руковод-

ством шейха Габделхакима бин Курбангали Чардаклы (ум. в 1872 г.). С Гюмюшханеви Расулев (по *силсиле* – Зайнуллах аль-Казани) [Gündüz, 1984, s.157] познакомился в Стамбуле в 1869/1870 г., во время паломнической поездки в Хиджаз, имел с ним долгие беседы (*хальват*), во время которых был посвящен в тайны данного суфийского направления и получил право распространять учение таких суфийских братств, как накшбандийа, кадирия, шазилия, а также сухравердия, кубравия и чиштия.

В сентябре 1870 г. З.Расулев приступил к распространению халидийа в Троицке и вскоре собрал много приверженцев в Приуралье, Поволжье, Казахстане и на Кавказе. В середине 1872 г. он был арестован, в начале 1873 г. в административном порядке сослан без определения конкретного срока под гласный надзор полиции в северные губернии (Вологодскую, затем Костромскую), где пробыл почти семь лет [Фархшатов, 2009, с.22–23]. Причины ссылки точно неизвестны, внешне дело выглядело как результат доноса на Расулева конкурентов – местных муджаддийских шейхов, но власти при этом могли иметь далеко идущие цели, вплоть до стремления завладеть башкирскими землями [Фархшатов, 2009, с.42–43]. Если рассматривать причины вкуче, то, отправляя в ссылку «турецкого шпиона», распространявшего книги на османском языке, «лжешейха», организовавшего «секту» и занимавшегося «бид’а», злостно отбиравшего мюридов у своего бывшего духовного наставника Чардаклы хазрата Габделхакима Курбангалиева, и власти, и конкуренты Зайнуллы ишана якобы добились своих целей. Но ссылка для суфия – это не что иное, как «*чилле*» – испытание верности выбранному пути, своему духовному наставнику и способ укрепления веры. Поэтому неудивительно, что сразу после освобождения Зайнулла Расулев под причиной *бедел-хаджа* (наемного паломничества) снова выехал в Стамбул, где встретился со своим шейхом Гюмюшханеви. После возвращения он проживал в Троицке, служил имамом и основал медресе «Расулия», ставшее крупным центром обучения для мусульман Российской империи и базой для распространения учения накшбандийа-и-халидийа. Зайнулла

⁴ Считается, что шейх Гюмюшханеви имел кавказские корни. Шейхами в его обители в разное время были выходцы из Дагестана и Поволжья, например, Омар Зияэтдин Дагестани (1849–1920), Абдулазиз Беккине аль-Казани (1895–1952) и др.

ишан поддерживал звуковой метод обучения и не был против включения светских дисциплин в программу своего учебного заведения, где основное внимание уделялось изучению Корана и сунны. Так он совмещал кадимистское и джадидистское направления в просвещении⁵.

Помимо занятий в медресе и суфийского наставничества, Зайнулла ишан практиковал врачевание. Влияние его идей ощущалось в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Оренбурге, Астрахани, Перми, на Вятке и Урале, в Семипалатинской, Тургайской, Акмоллинской и других областях [Исхакый, 1906]. Видные ученики Зайнуллы ишана: Риза Фахретдинов, Галимджан Баруди, муфтий Сабирджан Хасани, отец известного ученого Ахметзаки Валиди Тогана, Маджит Гафури, Габдулла Багтал Таймас и сын Габдрахман Расулев, ставший в советский период муфтием.

⁵ Труды З.Расулева:

1. «*Ал-фава'ид ал-мухимма ли-л-мюридина ан-накибандийа ва ал-аврад ал-лисанийа ва ас-салават ал-ма'сура*» («Божественные истины, постижение которых необходимо для мюридов суфийского братства накшбандийа, славословия Аллаху и молитвы – салават») (СПб., 1989, 24 б.). Труд на арабском языке, содержит тексты молитв и зикров накшбандийского тариката и правила их чтения.

2. «*Әр-рисалә әл-Хыдырия*» («Трактат о пророке Хыдре») (Троицк, 1908, 33 б.). Состоит из четырех статей о Хыдре, Исусе, суфизме (выдержки из книги Имам-а Газали) и о правилах чтения букв арабского алфавита. На татарском и арабском языках. В конце труда приводятся выдержки из книги Суюти «Хадис ал-Абдал».

3. «*Мәкаляте Зайнийя*» («Статьи шейха Зайнуллаха бин Хабибуллаха ар-Расули ан-накшбанди»). (Казан, 1908, 18 б.). Те же статьи, которые указаны в «Әр-рисалә», отсутствуют только выдержки из трудов Газали и Суюти.

4. «*Рисале фи хайй ал-Хыдыр*» («О жизни святого Хыдра») (Казан, 1908, 9 б.). Указанная выше статья о Пророке Хыдре.

5. «*Троицк голәмасы вә усуле жәдид*» («Ученые Троицка и новый метод») (Оренбург, 1911, 11 б.). Брошюра была адресована противникам нового метода обучения, но послужила благословением (фетва) и для сторонников усул-ы джадид. Текст был опубликован в начале 1908 г. на страницах газеты «Вақыт», потом переиздан как отдельная книжка.

6. «*Әлифба хақында*» («Об алфавите») (Оренбург, 1912, 13 б.). Статья была написана с целью публикации в газете «Вақыт», но редакция, посчитав ее актуальной, решила издать отдельной книгой. О необходимости обучения детей арабскому алфавиту по звукам, а не по названию букв [по: Мараş].

Внешним фактором в противоречии между муджадидийа и халидийа среди местных ишанов служили такие «новшества» в ритуалах, как громкий зикр (*джахри*), участие женщин во время коллективного зикра, празднование мавлида, которые якобы ввел Зайнулла ишан. М.Фархшатов, основываясь на архивных источниках, добавляет к ним такие пункты, как введение обычной ношения и использования четок, вывешивание внутри мечетей и домов шамаилов, использование «целительных» и благоухающих масел во время моления и зикра [Фархшатов, 2009, с.59–61].

Думается, что последние, даже если они были нововведениями (скорее всего, для башкир), не имели принципиального значения. А вот первые три, действительно, могли внести «смуту» в местную общину, которая в целом была воспитана в духе среднеазиатских традиций накшбандийа, где тихий (*хафи*) зикр (молчаливое богопомятие) был чуть ли не главным атрибутом. Халидийа продолжила традиционную приверженность к тихому, произносимому про себя зикру. И Зайнулла ишан, безусловно, придерживался данной формы ежедневного ритуала, об этом он писал в книге «*Ал-фава'ид ал-мухимма*», однако во время коллективных отправления ритуалов (*хатма-и хаджиган*), которые проходили в определенные дни недели (вторник и четверг) и на которых могли присутствовать посторонние, в т.ч. и женщины, возможно, позволял практику громкого зикра. Один из мюридов – по имени Габделлатиф – в своих воспоминаниях сообщал, что во время *хатма* иногда все вместе громким голосом по десять раз повторяли *тахлил* (*Ла илахи иллалах*) [Фәхретдин, 1917, б.81]. Можно ли считать это громким зикром, спорно. Интересно, что, кроме З.Расулева, никому из других халидийских шейхов Волго-Уральского региона не приписывали громкий зикр, что наводит на мысль: те странные возгласы, которые издавались во время коллективных радений в медресе «Расулия», о чем писали Мурад Рамзи и свидетели зрелища, могли быть экстагическими криками, вызванными состоянием транса во время и после зикра. Габделлатиф также сообщал, что во время коллективного зикра некоторые мюриды впадали в транс (*джезбе*) и во время намаза

вслух выражали *Ху валах* [Фэхретдин, 1917, б.81].

Что касается празднования мавлида – дня рождения Пророка Мухаммада, во время которого обычно нараспев читаются соответствующие произведения, также называемые «мавлид ан-наби», данное «новшество» в татарском обществе не может быть связано только с именем З.Расулева. О том, позволительно ли празднование дня рождения Пророка, который при жизни не разрешал этого делать, спорили задолго до ишана Зайнуллы. Дебаты продолжились и в начале XX в. [Баруди 1906; 1914; 1916]. В Османской империи же мавлид ан-наби был объявлен официальным праздником еще на рубеже XVI–XVII вв.

Халидийское учение высоко ценило Пророка, с которым мюрид должен мысленно связываться во время зикра через своего шейха [Gümüşhanevi, s.422]. Чтобы образно представить Пророка, adeptам нужно было хорошо знать его жизнь, характер, чудеса и проч., поэтому не только поэтические произведения, посвященные дню рождения – *мавлидан-наби*, становятся актуальными в это время. В типографиях Казани, Оренбурга, Уфы, Астрахани ежегодно издавались многочисленные произведения, посвященные Пророку: *на'ты*, *касыды* – оды-панегирики, *сиратен-наби* – жизнеописания, *кыссасел-анбия* – истории пророков, *шамаили* и *хильи* – описания внешних и внутренних черт, *ми'раджнаме* – описание вознесения Пророка на небеса, *му'джизатнаме* – описание его чудес и др. Их авторами были как зарубежные, так и местные мусульмане. После зикра и вечернего намаза читали *сыры* и *шамаили* [Фэхретдин, 1917, б.81].

Из специальной литературы по истории суфизма в Поволжье в указанный период, помимо работ Ш.Марджани и Р.Фахретдина, можно указать следующие:

1. Книга Абу Габдурахмана Габдуллы бин Мухаммад Гариф ал-Магази, получившего образование в татарских медресе и в Бухаре, служившего имамом в 3-м приходе г.Орска, последователя З.Расулева «*Эл-катра мин бихар'ул-хакаик фи тәржемәти әхвали мәшаихи әт-тараик*» («Капля из моря истины в жизнеописаниях тарикатских шейхов») (Оренбург, год не указан). Магази

Зайнулла Расулев. Фото нач XX в.

ишан упоминает о своем дде Магаз б. Бек Мухаммаде (ум. в 1832 г.), который, получив иджазат в Бухаре от учеников Фаизхана Кабули, служил шейхом в Оренбурге, автор также называет имена последователей этого шейха в Казани и Саратове.

Магази ишан сообщает также о другой своей книге – «*Тарихи Мәгази*». Кроме того, в Оренбурге в 1908 г. был издан его труд «*Тарих әл-Бухара вә тәржемәт әл-голәма*» («История Бухары и жизнеописания ученых»).

2. *Холясәт әл-баян фи вуруд әл-ишан ал-и бәлдәи Казан...* («Краткое описание вирдов ишанов города Казани») (Казан, 1888). Здесь дана стихотворная силсила накшбандийского тариката с указанием «местных» татарских шейхов:

Пророк Мухаммад (с.а.с.)
 Абу Бакр Сьддык (р.а.)
 Сальман Фариси (р.а.)
 Касым бин Мухаммад (р.а.)
 Джа'фар Садык (р.а.)
 Баязид Бистами (куддиса сирруху.)
 Абу Ал Хасан Харакани (к.с.)
 Абу Гали Фармади (к.с.)
 Абу Йусуф Хамадани (к.с.)
 Габдулхалик Гиждувани (к.с.)
 Гариф Ривегяри (к.с.)
 Махмуд Инджир Фагневи (к.с.)
 Гали Рамитани (к.с.)
 Мухаммад Баба Саммаси (к.с.)

- Саид Амир Кулял (к.с.)
 Ходжа Бахаветдин Накшбанди (к.с.)
 Галаяутдин Аттар (к.с.)
 Ходжа Якуб Черхи (к.с.)
 Ходжа Губайдулла Ахрар (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Захид (к.с.)
 Ходжа Дервиш Мухаммад Самарканди (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Имкянаги (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Баки Биллях (к.с.)
 Имам Раббани Ахмад ал-Фаруки Сирхинди (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Сагид (к.с.)
 Ходжа Мийан Габдер (к.с.)
 Ходжа Муса хан (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Садык (к.с.)
 Халифа Мухаммад Хусейн к.с.
 Ходжа Тура Хан (к.с.)
 Ходжа Сираджетдин Булгари (к.с.)
 Ходжа Касым хан (к.с.)
А) Линия Ахрария после хазрати Имама Раббани
 Шах Мухаммад Ма'сум (к.с.)
 Ходжа Ахмад Мекки (к.с.)
 Ходжа Хабибулла Бухари (к.с.)
 Ходжа Хода Кули (к.с.)
 Ходжа Гайд Мухаммад (к.с.)
 Ходжа Идрис Мухаммад (к.с.)
 Ходжа Ниязкули Тюркмени (к.с.)
 Хажи Габделхалик Курсави (к.с.)
 Ходжа Хасан бин Хамид Курсави (к.с.)
 Гатаулла бин Мухаммади ал-Курсави (к.с.)
Б) Линия Тюнтери после Ходжы Мухаммада Ма'сума
 Ходжа Худжатулла Мухаммад Накшбанди (к.с.)
 Ходжа Габидулла Марвадж аш-Шари'ат (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Парса (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Раса (к.с.)
 Ходжа Фазыл Ахмад Ма'суми (к.с.)
 Ходжа Галлям Кадир Ма'суми (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Гали Тюнтери (к.с.)
 Ходжа Шамсутдин Мухаммад Тюнтери (к.с.)
В) Третья линия после Ходжы Мухаммад Ма'сума
 Ходжа Сайфутдин Мухсин (к.с.)
 Ходжа Саеднур Мухаммад Бадавани (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Сагид (к.с.)
 Ходжа Габделахад Хабибрахман (к.с.)
 Ходжа Шамсутдин Хабибулла (к.с.)
 Ходжа Габдулла ал-Дехлеви (к.с.)
 Ходжа Зияэддин ал-Багдади (к.с.)
Г) Линия после Зыяэтдина Халиди (к.с.)
 Ходжа Ахмад бине Сулейман Траблуси (к.с.)
 Ходжа Ахмад Зияэддин Истанбули (к.с.)
 Ходжа Зайнулла Троицкий (к.с.)
 Ходжа Махмуд ал-Фигал (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Закир Чистаи (к.с.)
Д) Четвертая линия после Ходжы Мухаммад Ма'сума (к.с.)
 Ходжа Мийан Сибгатулла (к.с.)
 Ходжа Сунгатулла Кабули (к.с.)
 Хасан Гага жий Кабули (к.с.)
 Ходжа Фаизхан Кабули (к.с.)
 Ходжа Гариф Биллях (к.с.)
 Ходжа Шиһабетдин Исни (к.с.)
Е) Вторая линия после Фаезхана Кабули (к.с.)
 Ходжа Мирза Габдулла жай Кабули (к.с.)
 Ходжа Габдуш ишан Булгари (к.с.)
 Ходжа Гобайдулла Сардави (к.с.)
Ж) Третья линия после Фаезхана Кабули (к.с.)
 Ходжа Вали Мухаммад Каргали (к.с.)
 Ходжа Хамид хазрат Йургыши (к.с.)
 Ходжа Ахмад-и Казани (к.с.)
 Ходжа Мухаммад Гали ишан Казани (к.с.)
З) Линия после Вали Мухаммада Каргали (к.с.)
 Ходжа Губайдулла Кизляви (к.с.)
 Ходжа Нигматулла Альмети (к.с.)
 Ходжа Габделджаббар ал-Парави (к.с.)
 Ходжа Махдум Мухаммад Кизляви (к.с.)
 Ходжа мелла Хайрулла Альмети (к.с.)
 3. «Китаб эл-мэнакыб» (Житие (мэнакыб/мунакыбнаме) А.З.Гюмюшханеви) (Казан, 1900), написанное Мустафой Февзи-эфэнди (1871–1924), мюридом Хасана Хильми (ум. в 1911 г.). В книге приведено несколько панегириков (*касыда*) и элегий (*марсия*), посвященных основателю даргяха Гюмюшханеви, стихотворное силсилаэнаме накшбандийского тариката, где тридцатым в золотой цепи (*алтын силсила*) указан Халид-и Багдади, 32-м – Ахмед З.Гюмюшханеви. Упомянуты десятки его последователей, в т.ч. Зайнулла Расули, Исмаил ал-Крыми и другие халифы из России. В силсиле халидийи 33-й пункт занимает

шейх Хасан Хильми, которого также прекрасно знали и чтители поволжские суфии [см.: Мәғази, 1913, б.51].

4. «*Жәвахире хикмәт дервишан*» («Жемчужины мудростей дервишей») (Казан, 1907). Автор – дервиш Дарменд Бахаветдин Накшбанди Булгари Ваисзаде (1810/18–1893), религиозный реформатор своего времени, претендовавший на решение не только религиозных, но и социальных и экономических проблем татарского общества [Усманова, 2009].

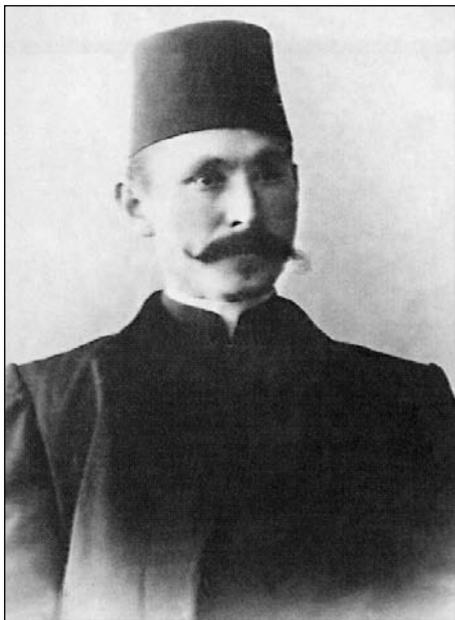
В начале книги дается силсила тариката. В стихах критикуются разные бид'а, распространенные в обществе, говорится об увеличении числа лжеученых и псевдосуфиев, пропагандируется хатм-хаджиган. Имеются и другие сочинения Бахаветдина Ваисова: «*Тарике хоҗсаган*» («Путь ходжей», 1874), «*Шәриғател иман*» («Догматы веры», Казан, 1880). Первая книга состоит из двух частей: *Тарике хоҗсаган*, (60 с., автор Бахаветдин Ваисов) и *Диване шаһи нәкышбәнди* (87 б., составлена его учителем Джагфаром Салиховым). В целом сочинение посвящено религиозно-нравственной тематике. В нем разоблачаются пороки представителей татарского общества, в основном духовенства и местной администрации. Во втором источнике, составленном Б.Ваисовым для обучения своих мюридов, содержатся различные обрядовые молитвы.

Критика суфизма и суфиев. Во второй половине XIX – начале XX в. в татарском обществе усилилась критика представителей суфизма, обличались падение нравственности, алчность и невежество ишанов, звучали обвинения в незнании ими элементарных норм фикха. Данная критика в определенной мере была связана с противостоянием кадимистов и джадидов. Последние выступали против ишанизма, «представляющего собой форму простонародного суфизма, где пастырь вместо того, чтобы руководить духовными исканиями своих учеников, превращается в знахаря, колдуна и заступника пилигримов перед святым, за могилой которого он присматривает» [Зарконе, 1997, с.119]. В то же время суфизм привлек внимание большого числа реформистов, и многие из них примкнули к тарикату. Ишанизм имел распространение преимущественно в сель-

ской местности, поэтому его можно назвать также «деревенским суфизмом» [Демидов, 1978, с. 112]. Он, в основном, имел династический характер, из наиболее крупных ишанских фамилий можно назвать Курбангалиевых (Медьяк), Тукаевых (Стерлибашево), Расулевых (Троицк), Губайдуллинных (Кизлау), Галикеевых (Каргалы) и др. Татаро-башкирские ишаны в целом не занимались сложными теоретическими проблемами суфийской философии, обращая больше внимания на практику и ритуалы. Ишанизм имел «общинную» или «духовно-организованную форму» [Зарконе, 1997, с.119], мюриды из разных сел и деревень стекались в то место, где жил ишан, и рядом с ним оставались до того момента, пока не получали «*иршад*» – разрешение самим воспитывать учеников. Период подготовки мог длиться от нескольких до 10–15 лет в зависимости от усердия и желания мюрида. При этом ишаны имели исключительный авторитет среди послушников. Авторитет родоначальника династии ишанов распространялся и на его потомков.

Шейхи и ишаны, составлявшие в XIX в. довольно влиятельную группу духовенства, в значительной степени сами были повинны в вырождении суфизма, в утрате им прогрессивных, демократических элементов. В среде духовных лиц появились суфии-самозванцы, имевшие желание приобрести среди прихожан авторитет благочестивого человека, но не знавшие и не понимавшие тонкостей религиозно-философского учения. Многие из этих псевдосуфиев, спекулируя на религиозных чувствах правоверных, использовали учение исламского мистицизма как удобный способ вымогательства. Именно таких ишанов бичуют в своих стихах Г.Тукай, Н.Думава, Ф.Туйкин. В художественных и публицистических произведениях З.Хади, Г.Чыгтая, Г.Чыкали, Я.Муради, Г.Биктимирова и др. «суфий» отождествляется с такими понятиями, как «тупость», «фанатизм», «невежество».

Критика джадидистов не была направлена на учение суфизма в целом. Единственно Зыя Камали (1873–1942) в своем философском труде «*Дини тәдбирләр*» («Религиозные устройства», 1913) жестко напал на тасаввуф, не считая его основанным на Коране и сунне, т.е. принимал его как бид'а

Зыя Камали. Фото нач. XX в.

противоречащим исламу. З.Камали излагал идеи модернизации ислама и примирения его учения с современной наукой и культурой, подчеркивал, что мусульмане не нуждаются в каком-либо посредничестве с Аллахом. А это предполагало, что явления, подобные монашеству, а именно мюридизм, ишанизм, вообще суфизм, по сути своей чужды духу ислама и представляют собой не более чем изобретение «нечестивых» мулл. Видимо, воззрения Зыи Камали шли от Джамал ад-Дин аль-Афгани, у которого он учился в Каире. Джамал ад-Дин аль-Афгани (1839–1897) считал необходимым очистить исламскую доктрину от поздних нововведений, привнесенных различными сектами. Для этого он предлагал вернуться к изначальной чистоте религии и тщательным образом изучить период жизни пророка Мухаммада и его ранних сподвижников.

Муса Бигиев в работе «*Бөөк мөвзуларда уфак фикерләр*» («Простые мысли о сложных вопросах», СПб., 1914) отделяет суфизм, «как философскую доктрину или личную религиозную практику, от суфизма общинной или духовно-организационной формы (ишанизм)», разделяя ишанов на «хороших» и «плохих», на «белых» («ак

ишан»), и «черных» («кара ишан»). При этом Бигиев «испытывал неприязнь к суфизму и не принадлежал ни к одному из братств, но, тем не менее, защищал суфизм и систему религиозных общин» [Зарконе, 1997, с.117].

В научной литературе долгое время существовало довольно грубое разделение суфизма в Волго-Уральском регионе на два течения – так называемый «политизированный плебейско-крестьянский фундаментализм» и «либерально-просветительский реформизм». Яркими представителями первого направления назывались Б.Ваисов и имамы из династии Курбангалиевых, которые считались оплотом кадимизма. Второе направление, связанное с джадидизмом, якобы возглавлял З.Расулев [Юнусова, 1999, с.72]. При этом существовало мнение, что муджадиды являлись кадимистами, а халидийские ишаны – джадидами.

Сегодня исследователи отказываются от категоричного деления ишанов и мулл XVIII–XIX вв. на кадимистов и джадидистов, указывая, что без кадимизма, который составляет фундамент религиозной идеологии, не было бы джадидизма как такового, т.е. реформаторства. Резкое противопоставление двух взаимосвязанных явлений ведет к искажению исторических фактов. В связи с этим актуален пересмотр отношения к тем лицам, которые были причислены к стану «кадимистов» и реакционеров.

Таким образом, суфизм продолжал занимать важное место в татарском обществе и на рубеже XIX–XX вв. Суфийские лидеры этого периода в целом вели просветительскую деятельность, которая шла вразрез с главными направлениями внутривосточного курса правительства. Представители «свежего» направления накшбандийского тариката халидийа в целом сумели найти общий язык с реформистами, осуществив, таким образом, свой вклад в культурное возрождение татарского народа. С другой стороны, в обществе формировалась критическая точка зрения по отношению к лжесуфиям и псевдоишанам, постепенно переходящая к антиклерикализму, что стало особенно заметным в публицистике и художественной литературе.

ГЛАВА 2

Теологические и исламоведческие дебаты

Михаэль Кемпер

В исламской традиции теологические размышления о Боге и религиозной догме называются *каламом* (речью). Центральное место в дискурсе калама (в том виде, в котором калам развивался на протяжении веков во многих странах, в т.ч. в современном Татарстане) занимает вопрос о том, как человеческий разум может понять учения исламского откровения (*Корана*) и исламской традиции пророка Мухаммада (*Сунну*), а также как рассуждения и размышления могут поддерживать догмы ислама и защищать их от сектантов и в конфронтациях с представителями других религий. По большей части, калам вобрал в себя многие черты классической древнегреческой логики и философской мысли, пользуясь классическими дисциплинами аргументации и риторики в качестве вспомогательных наук. Исламские богословы видели резкое различие между каламом и философией (араб. *фалсафа*), поскольку греческие философы, такие как Аристотель, были неверующими и в своих теориях не руководствовались откровениями и религией, отправной точкой был чисто человеческий разум. Философия всегда была под подозрением и не входила в традиционную учебную программу *медресе*. В Поволжье и Приуралье труды известных мусульманских философов (таких, как Ибн Сина (ум. в 1037 г.) и Ибн Рушд (ум. в 1198 г.)) если не отвергались, то в значительной степени игнорировались, прежде чем они были вновь изучены джадидистами в конце XIX – начале XX в.

В каламе богословские размышления являются дедуктивными: умозрительное построение начинается с убеждения в том, что Бог существует, так как логически мир должен иметь создателя. Бог понимается как «необходимое бытие», начало всего, как существующий извечно. Следующий вопрос в каламе – как верующий может представлять

себе Аллаха на основе знаменитых «имен», которые упоминаются в Коране и понимаются как «атрибуты» Бога – его характерные качества, которыми он может быть назван и через которые он воздействует на свое творение. Главное здесь – избежать антропоморфизма, т.е. не порочить уникальность и превосходство Бога, приписав ему человеческие качества. Также предметом спора *мутакаллимов* (ученых калама) было происхождение Корана, понимаемого как слово Божье и, таким образом, как один из его атрибутов. Суть данного диспута заключалась в том, является ли Коран извечным, как сам Бог, или «возможным» (араб. *мумкин*), т.е. сотворенным Богом. И, наконец, последней из основных тем прений в каламе выступает отношение Бога к своим творениям, и, в частности, в какой степени человек может сформировать свою волю и следовать ей (это подразумевает, что человек несет полную ответственность за свои действия). Помимо вышперечисленного теология занимается также вопросами телесного воскресения (основной принцип ислама), загробной жизни (рай/ад), существования и роли ангелов и святых и др.

Серьезной проблемой является то, что Коран и традиции пророка (Сунна – совокупность всех *хадисов* о том, что пророк сказал или сделал) VII в. дают только расплывчатые и метафорические ответы на эти фундаментальные вопросы. И только позднее, в VIII–X вв., мусульманские ученые намеревались сформулировать системную доктрину мусульманского богословского мышления. В этот классический период ислама появилось множество конкурирующих толкований и богословских школ, начиная с *мутазилитов*, которые непреклонно отстаивали идею о том, что человек сам несет ответственность за свои поступки, и заканчивая буквалистической школой *Ханбалийя*, пред-

ставители которой верили в полную предопределенность. Между этими крайностями суннитского богословия находились школы *Ашарийя* и *Матуридийя*, которые старались занимать умеренную позицию. Исторически большинство тюркских народов (в т.ч. татары) придерживались богословской идеи Матуридийя (основана в Средней Азии ученым Абу Мансур аль-Матуриди, ум. в 944 г.). Среди татар и башкир также были известны идеи Абу-л-Хасана аль-Ашари (ум. в 935 г.). Вместе эти две школы представляли так называемую «суннитскую основу» калама в регионе. Основным текстовым жанром калама является комментарий: ученые изучали работы ранних богословов, составляя к ним комментарии, которые в дальнейшем комментировались другими учеными (в форме глоссы), и т.д. Благодаря этой традиции комментирования сохранялись тексты ранних ученых, укреплялась идентичность данной школы.

Мы не знаем точно, когда появились первые богословские труды татарских (булгарских) авторов. Как и в случае с суфизмом и исламским правом, основной движущей силой, видимо, были ученые Средней Азии. Как сообщается, первая работа «*аль-Акаид аль-булгарийя*» («Булгарское вероучение»), несохранившаяся до сегодняшнего дня, была написана Ишниязом бин Ширнияз аль-Хорезми (ум. в 1205/1790–1791 гг.), ученым из Ургенча, который поселился в Каргалы, мусульманском пригороде Оренбурга. Большая часть теологических трудов была написана в первой половине XIX в., и спекулятивное богословие калама также стало полем для споров среди татар.

Габдельнасыр Курсави и Габдерахим аль-Булгари о спекулятивной теологии. Идея категорического отказа от спекулятивной теологии в целом изначально принадлежала Габдерахиму аль-Булгари (Утыз Имяни). В своей работе «*Инказ аль-халикин мин аль-мутакаллимин*» («Спасение погибающих от (ошибок) мутакаллимов», где частично прослеживаются идеи аль-Газали (ум. в 1111 г.), представленные в «*Ихйа улум ад-дин*». Габдерахим обвиняет мутакаллимов в бесполезном философствовании и пустозвонстве. Он считал, что ученые калама обсуждали вопросы, которые не име-

ют ничего общего с мусульманской верой, – вопросы, которые не упомянуты в Коране и Сунне пророка, и поэтому не могут быть рассмотрены в контексте исламской догмы. По мнению Габдерахима аль-Булгари, бессмысленные дебаты ученых калама (представлены, прежде всего, в популярной работе Умара ан-Насафи (ум. в 1142 г.) «Акида» («Догма») и его комментарии, составленном Саадуддином Тафтазани (ум. в 1389 г.)), не приносили никакой пользы верующему, кроме лишних сомнений. Аль-Булгари утверждал, что Божьи откровения не нуждаются в логической интерпретации. Мусульманин должен просто следовать известным книгам по исламскому праву для того, чтобы исполнять волю Божью, и все дальнейшие обсуждения просто бесполезны и даже разрушительны. Таким образом, Габдерахим критиковал калам с правовой точки зрения традиционалиста, приравнивая спекулятивную теологию к эллинистической философии и, следовательно, ереси.

Другим серьезным критиком среднеазиатского калама в Волго-Уральском регионе был Габдельнасыр аль-Курсави (ум. в 1812 г.). Он был убежденным сторонником приоритета исламского откровения над человеческим разумом. Он также считал, что дебаты калама сводятся к болтовне и невежеству. В отличие от Габдерахима аль-Булгари, который был ханафитским традиционалистом, Курсави руководствовался только Кораном и Сунной как «чистыми» источниками ислама, которые необходимо беречь от искажения поздними толкованиями богословских и правовых школ. Если Габдерахим аль-Булгари полностью отверг доктрину калама и не вступал в дискуссии с ее сторонниками (мутакаллимами), то Курсави напротив часто спорил с ведущими учеными Бухары и других местностей, стараясь подорвать спекулятивную теологию изнутри. Таким образом, Курсави не отказывался от принципа богословской аргументации, как Габдерахим, вместо этого он использовал интеллектуальные методы теологов (в т.ч. их любимый жанр – комментарий), чтобы доказать, что многие из наиболее почитаемых средневековых и современных мутакаллимов отказались от метода ранних поколений мусульман (*салафов*) и

противоречили Корану и Сунне. Так как Курсави рассматривал все вопросы через призму «фундаментальных» текстов ислама, мы условно можем назвать его позицию салафитской, или «фундаменталистской» (что, конечно, не имеет ничего общего с современной концепцией данного термина как насильственный политический ислам). Согласно некоторым записям Габдерахима аль-Булгари (неопубликованной рукописи на арабском языке «*Ихтат аз-зат*», Ташкентский институт им. Беруни, В-3122, датируемой 1217/1802–1803 гг.), первый конфликт между Курсави и бухарскими мутакаллимами произошел примерно в 1801 или 1802 г. Курсави критиковал традиционные толкования школ ашаритов и матуридитов по вопросу о сущности Бога (основа Его существования, араб. *зат*) и Его атрибутах (качества, привязанные к Его сущности, араб. *сыфат*). По сообщению Габдерахима аль-Булгари, противники обвинили Курсави в ереси, но ему удалось получить поддержку влиятельных *кадиев* (судей) и уехать в родную деревню. Вернувшись домой, в Верхнюю Корсу, Курсави стал имамом.

Тем не менее, в 1223 г. (1808–1809 гг.) Курсави снова поехал в Бухару, чтобы продолжить учебу. На этот раз его провокационные заявления и споры с влиятельными учеными чуть не стоили ему жизни. Информацию о последующих событиях мы получили в основном из ранней работы Ш.Марджани на арабском языке «*Танбих абна аль-аср би-танзих анба Аби-н-Наср*» («Извещение современников путем очищения известий об Абу Насре», изд. Кемпер, 2000). Молодой Марджани поддерживал Курсави во мнении о превосходстве традиций над человеческим разумом, и в данном рассказе он представил некоторые обвинения, выдвинутые против Курсави, а также его ответы в дебатах.

Основным предметом спора все еще оставался вопрос о том, как следует понимать связь между сущностью Бога (араб. *зат*) и различными божественными именами (или атрибутами, араб. *сыфат*), которыми в Коране сопровождается описание Бога. Согласно учению основных исламских богословских школ, такие эпитеты, как «Живущий», «Всемогущий», «Знающий» и

«Создатель» показывают, что Бог обладает определенными чертами или атрибутами (прежде всего «жизнь», «власть», «знание», «воля», «слух», «зрение», «речь» и «способность к созданию»), которые также могут рассматриваться как абстрактные качества. Бог, как «первопричина», «обязательно существующее бытие», создавший мир, должен иметь определенное количество атрибутов. После такого аналитического разделения между сущностью Бога и Его атрибутами возник вопрос о том, являются ли атрибуты Бога извечными, как сама сущность Бога, или же они появились только в определенный момент времени. Это был очень деликатный и сложный вопрос; если некоторые из атрибутов Бога были бы извечными, то можно было бы предположить множество извечных сущностей, что привело бы к многобожию. Ашари и Матуриди сами старались избегать такой ловушки, просто заявляя, что человек не способен понять истинный характер атрибутов; атрибуты были «и не Богом, и ничем, кроме Бога». Однако позже ученые школ Ашарийа и Матуридийа пошли дальше в своих спекулятивных размышлениях: они установили, что семь или восемь перечисленных выше атрибутов занимали особое место в описании Бога в качестве «атрибутов сущности», в то время как многие другие имена и описания Бога в Коране были просто «атрибутами действия», которые проявляются только в отношении к созданию (например, «Милостивый» – «милость», что проявляется только по отношению к уже сотворенному человеку). Эти атрибуты были расценены как невечные и производные от вышеупомянутых извечных «атрибутов сущности». Курсави считал, что подобные аналитические упражнения бесполезны и даже опасны.

Оппоненты Курсави в Бухаре вызвали его в суд эмира Хайдара (период правления – 1800–1826 гг.), где он был допрошен группой видных ученых. В их числе был некий Фахретдин аль-Казани (ум. в 1844 г.) – сын влиятельного имама Казани Ибрагима бин Худзяша, приехавший в Бухару преподавать искусство чтения Корана (сам эмир являлся одним из его учеников). Другим серьезным противником Курсави в этом споре был некий Шамсаддин аль-Балхи (из Балха в Аф-

ганистане). Курсави отказался отвечать на вопрос Балхи, являются ли атрибуты Бога «неотъемлемыми» (т.е. извечными, как сущность Бога) или просто «возможными» (т.е. временными и сотворенными), аргументируя это тем, что подобные темы никогда не обсуждались ни пророком Мухаммадом, ни его сподвижниками в VII в. По мнению Курсави, можно было говорить лишь о том, что нельзя отождествлять Бога с сотворением. Это позволило его противникам обвинить его в признании множественности извечных сущностей, т.е. в политеизме. Курсави пытался избежать этой ловушки, утверждая, что атрибуты не могут рассматриваться отдельно от сущности Бога и друг от друга. Таким образом, Курсави выступил против всей доктрины Матуридийа и Ашарийа относительно связей между сущностью и атрибутами, а также различий между извечными и «сотворенными» атрибутами Бога. Он утверждал, что священные тексты ислама, Коран и Сунна пророка не имели ничего общего с вопросами калама, и обвинил мутакаллимов в том, что они сбились с истинного пути ислама.

По-видимому, Курсави действительно грозила смертная казнь, и, чтобы спастись, он был вынужден публично отречься от своих слов. Некоторые источники утверждают, что Курсави избежал приговора благодаря помощи своего суфийского наставника, влиятельного Ниязкули ат-Туркмани (ум. в 1821 г.). Вернувшись домой, Курсави принял руководство медресе в родной деревне, где преподавал свои толкования исламского права и теологии, от которых он официально отрекся под давлением в Бухаре. Курсави объяснил свои богословские взгляды в сочинении «*Шарх аль-акаид*» («Комментарий к догме, сохранившийся в нескольких рукописных версиях»), которое он закончил после возвращения из Бухары. Эта книга является тщательно продуманным супер-комментарием (глоссой) к вышеупомянутому комментарию Тафтазани (ум. в 1389 г.) к «*Акиде*» («Догма») Умара ан-Насафи (ум. в 1142 г.). Вероятно, «*Акида*» ан-Насафи в оригинальной версии, и особенно в интерпретации Тафтазани, была самым популярным учебником на уроках основ суннитского калама в ашаритских и

матуридитских школах. Критикуя Тафтазани и Насафи, Курсави всегда утверждал, что исходящая от него резкая критика калама не была направлена против основателей школ Ашарийа и Матуридийа, которые никогда не занимались пагубными рассуждениями подобно современному мутакаллимам, претендовавшим на наследие и авторитет аль-Ашари и аль-Матуриди.

Как бы то ни было, Курсави стал инициатором серьезной провокации, в результате которой у него возникли проблемы и у себя дома. Ученые Бухары продолжали посылать письма своим коллегам в Волго-Уральском регионе, утверждая, что Курсави совершил вероотступничество и что он должен быть наказан. Некоторые местные ученые, среди которых был Давлатшах бин Адильшах аль-Чабанлы, приняли сторону Курсави, а влиятельные имамы Фатхулла аль-Уруви (ум. в 1259/1834 г.) и Баймурад бин Мухаррам аль-Мангари аль-Казани (ум. в 1265/1848 г.) продолжали защищать калам от критики Курсави. Устав от этого давления, Курсави в 1812 г. отправился в паломничество в Мекку, по дороге он умер в Ускударе (пригороде Стамбула). Несмотря на скандальную известность в татарском обществе, Курсави не оставил после себя собственную школу. Только гораздо позже, в 1860-х гг., его богословские взгляды, а также его позиция по исламскому праву были поддержаны Ш.Марджани. Именно Ш.Марджани сыграл главную роль в популяризации трудов Курсави в области теологии и правоведения.

Дискуссия об исламской правовой методике: *иджтихад* и *таклид*. Как и большинство тюркоязычных народов Российской империи, татары и башкиры придерживались ханафитского *мазхаба*, одной из четырех суннитских правовых школ, взаимно уважающих друг друга. В XIX в. дебаты по исламскому праву (араб. *фикх*) среди татар касались теории права (араб. *усул аль-фикх*, «принципы» права), а также правовых обычаев. Основным теоретическим вопросом была возможность или невозможность *иджтихада*, т.е. разрешается ли по-прежнему исламскому правоведу (*факиху*) обратиться к Корану и Сунне пророка, чтобы сформировать собственное мнение (араб. *зани*) на современные правовые проблемы. Противо-

положностью иджтихада является *таклид* – «подражание» какому-либо правоведа современного или прошлого периода, который считается достоверным источником знаний. Таким образом, иджтихад выступает за «фундаменталистский» подход – обращение к откровению и высказываниям боговдохновенного пророка, в то время как *таклид* является «традиционалистским» – следование пути, принятого учеными определенной правовой школы. В суннитской правовой мысли мусульманские правоведы раннего периода рассматриваются как «независимые» *муджтахиды* (ученые, которые могли осуществлять иджтихад по всем аспектам жизнедеятельности), особенно основатели крупных мазхабов (правовых школ), тогда как ученые более позднего периода были ограничены в иджтихаде или могли пользоваться только *таклидом*. Таким образом, появилась общепринятая идея о том, что после классического периода ислама «врата иджтихада были закрыты». В определенный период (возможно, в XI в. или XII в.) было решено, что на все правовые вопросы были найдены ответы и в будущем не будет нужды (фактически будет запрещено) в обращении непосредственно к священным текстам Корана и Сунны для решения новых правовых проблем. Вместо этого правоведы должны были только следовать мнениям ранних учителей своих мазхабов. Общеизвестными великими магистрами ханафитской правовой школы были Абу Ханифа (ум. в 767 г.), Абу Юсуф (ум. в 798 г.) и Мухаммад аш-Шайбани (ум. в 805 г.). Их знаниям следовали многие поколения ханафитских ученых, среди которых много бухарских и самаркандских богословов, написавших комментарии, глоссы и краткие изложения работ своих предшественников. Труды ханафитских ученых представляют собой гигантское собрание правовой литературы. Несмотря на то, что большинство ученых средневековья и раннего нового времени считали себя *мукаллидами* (практикующими *таклид*), практика иджтихада на самом деле никогда не прекращалась. И даже в XVIII в. и XIX в. выдающиеся ученые со всех концов мусульманского мира продолжали осуществлять иджтихад и способствовали его дальнейшему развитию, часто действуя вопреки принципам своих традиционных мазхабов.

Кроме того, *таклид* – это тоже не просто «слепое подражание», а напротив, *мукаллид*, который обращается к трудам ранних богословов своей школы, имеет в распоряжении широкий спектр возможных решений, из которых он может выбрать подходящий вариант. В результате как *муджтахид*, так и *мукаллид* имеют значительные возможности для индивидуального выбора, а также для содействия развитию новой правовой мысли (в т.ч. в таких важных областях, как экономика и политика), которая отвечает интересам той или иной социальной группы. Следовательно, по-прежнему распространенное мнение о том, что мусульманское право не развивается и не способно адаптироваться к меняющимся политическим и экономическим условиям, не совсем правильно. Отличие между *муджтахидами* и *мукаллидами* было только в методе нахождения правовых решений: одни обращались непосредственно к Корану (фундаменталистский подход иджтихада), другие – к мнению предыдущих ученых (традиционализм *таклида*). Татарская модель данного феномена, представленная Габдельнасыром Курсави и Габдерахимом аль-Булгари, является тому примером.

В своей книге на арабском языке «*Аль-иршад лил-ибад*» («Руководитель для служителей Бога». Казань, 1904; рус. перевод Г.Идиятуллиной, 2005) Курсави утверждает, что существует несколько уровней *иджтихада* и каждый верующий обязан осуществлять его по мере своей способности. Здесь автор не исключает даже абсолютный или «независимый» иджтихад (*иджтихад мутлак*), который выходит за рамки любой из существующих исламских правовых школ. В конечном счете, данные утверждения приводят к тому, что выдающиеся ученые теоретически все еще имеют возможность для основания новых правовых школ. Это, конечно, вызвало определенное беспокойство духовенства, поскольку новые школы могли привести к еще большему разделению мусульманской общины, образуя новые группировки. Сам Курсави никогда не отрекался от ханафизма. Другой аргумент, часто выдвигаемый против иджтихада, заключался в том, что отдельные *муджтахиды* могли ошибаться в своих суждениях, и тем

самым сбиться с пути ислама, рискуя быть обвиненными в ереси и потерять свое место в раю. Однако Курсави пишет, что не стоит опасаться этого и здесь нет оснований для отказа от иджтихада, поскольку, в соответствии с изречением пророка, муджтахид получает награду от Аллаха, даже если ошибся в своем решении; но если оказался прав, то он получает двойную награду. Эта позиция Курсави заставила по-новому взглянуть на основополагающие тексты ислама. Он даже считал, что мукаллид (человек, который не имеет возможности осуществлять иджтихад) также обязан хотя бы немного поразмыслить и убедиться в благочестии и компетентности в области исламского права того человека, которому он подражает.

Таким образом, Курсави открытым текстом заявляет о своем несогласии с общепринятым мнением о том, что «иджтихад давно перестал существовать», и единственное, что могут делать сегодняшние мусульмане – это слепо подражать ранним правоведам и теологам. Как указывалось выше, Курсави и настаивал на приоритете Корана и Сунны над спекуляцией мутакаллимов. В случае с иджтихадом он также ставит Коран и Сунну выше традиционных мазхабов. Неудивительно, что призывы Курсави к иджтихаду вызвали немало упреков. Например, Фатхулла аль-Оруви (ум. в 1843 г.) из деревни Служилая Ура направил в 1810 г. официальному оренбургскому муфтию М.Хусайнову письмо с обвинением Курсави; также Габдерахим аль-Булгари в своем «*Рисала ад-дибага*» («Трактате о выделке кожи») [ОРПК, 2400-г, 79-87] утверждает, что Курсави (без упоминания его имени) занимается незаконными нововведениями. В другом произведении, ссылаясь на известную книгу Мехмеда Биргеви (ум. в 1573 г.) «*Тарика Мухаммадийя*» («Путь Мухаммада», см. выше, раздел о сифизме), Габдерахим доказывает, что иджтихад перестал практиковаться много веков назад, и что с тех пор ученые ограничивались мнениями предыдущих муджтахидов. Следовательно, Габдерахим аль-Булгари видел себя в качестве мукаллида, верного приверженца великих магистров ханафитской правовой школы.

Дебаты о ночной молитве. Наиболее спорным как для таклида, так и для иджтихада был вопрос, касающийся пятой еже-

дневной молитвы (так называемой '*иша* или *ясту намазы*) в северных регионах России. Согласно изречением пророка, пятая молитва осуществляется при наступлении полной темноты, точнее после исчезновения не только красного зари заката, но и самого последнего луча света. Проблема в том, что в России бывают «белые ночи», когда в летнее время полная темнота не наступает. Что же должны делать летом с обязательством ночной молитвы мусульмане, которые живут на севере? Сегодня вопрос может показаться тривиальным, но в XVIII–XIX вв. и даже в начале XX в. он имел большое значение для всех верующих. Они опасались, что их молитвы не будут приняты Богом, если их читать несвоевременно. Впервые этот спор возник в XI в., когда ханафитские ученые в Средней Азии начали писать трактаты о ночной молитве в период «белых ночей». Согласно Ш.Марджани («*Назурат аль-хакк*», «Взгляд на истину». Казань, 1870), первым ученым в Волго-Уральском крае, поднявшим данный вопрос, был некий Амка Мулла (Мулла Агзам бин Габдрахман ат-Танаки аль-Булгари). В 1730 или 1731 г. в своем трактате (который не дошел до нас) он заявил, что ночная молитва не обязательна, если ночь не наступает. Однако позже Амка Мулла пересмотрел свою позицию, утверждая, что не следует пропускать этот намаз. Как сообщается, в конце XVIII в. Ишнияз бин Ширнияз, переехавший в Каргалы из Хорезма, выступил в своей работе за отказ от намаза ясту/иша. В начале XIX в. волжские мусульмане по-прежнему не могли прийти к единому мнению по этому вопросу. Как отметил Габдерахим аль-Булгари в «*Рисала шафакия*» («Трактат о закате») [ОРПК, ед.хр.1204-1206-г], одна часть мусульманской общины Волго-Уральского региона (которую он относит к *ахль аль-Булгар*, «булгарскому народу») совершенно не читает ночную молитву, боясь, таким образом, согрешить, тогда как другие совершают этот намаз сразу после четвертой молитвы, когда только красное свечение исчезло и не совсем темно. Опираясь на труды Абу Ханифы и некоторых более поздних ханафитских авторов из Средней Азии, Габдерахим представил свою точку зрения по этому поводу. Как мукаллид, он был уверен, что, читая ночную молитву не

в установленное время, мусульманин совершает больший грех, чем если бы он этого не делал. Таким образом, Габдерахим выступит за отказ от пятой молитвы в период, когда ночь не наступает. В данном случае принимая позицию буквалиста, он утверждает, что нужно следовать точной формулировке наставлений пророка, согласно которым ночь является необходимой составляющей (араб. *сабаб*, также «смысл», «причина») пятой ежедневной молитвы. В отсутствие ночи совершение ночного намаза не обязательно, более того, подобные действия являются актом неповиновения Богу. Габдерахим называет эту позицию крайне «осторожной» (*ихтият*) – предостережением от всех возможных противоправных действий.

Курсави утверждал обратное. По его мнению, общие обязательства пяти ежедневных молитв имели приоритет над менее значительными условиями их совершения. Он считал, что установленные временные рамки совершения молитв, о которых упоминал пророк, были только «подсказкой» верующим для того, чтобы помочь выполнить общие обязательства. То есть они не подразумевались как «причина», без которой общее обязательство молитвы теряет свой смысл. Следовательно, обязательство совершения молитвы стоит выше, чем наступление ночи, как его условие. Что делать в географических зонах, где ночь не наступает, – это, по мнению Курсави, вопрос иджтихада, и поэтому в конечном итоге оставляется на усмотрение каждого верующего. Сам автор склонялся к совершению ночной молитвы непосредственно после четвертого намаза (*акшама*), при этом он не отвергал другие возможные решения данного вопроса. Курсави обладал рациональным (как всегда, фундаменталистским) взглядом, который заключался в том, что обязательство молитвы имеет приоритет над второстепенными элементами, и что изречения в Коране и Сунне пророка имеют большую значимость, чем фетвы поздних богословов, даже ученых ханафитского мазхаба. Курсави считал, что в таких случаях иджтихад не только возможен, но даже обязателен.

Отношения с неверными и статус ислама в России. Так как татары жили в Российской (христианской) империи, один из

главных споров касался отношений мусульман с христианами. В татарском правовом дискурсе он обсуждался в форме вопроса о том, являются ли русские на самом деле «людьми Писания», т.е. именно теми христианами, рассматриваемыми в исламе как собратья-монотеисты, с которыми отношения возможны. Проблема здесь в том, что почитание икон в практике Русской православной церкви создает впечатление, что русские молятся идолам подобно многобожникам (араб. *мушрикун*).

Впервые эта тема была рассмотрена татарским ученым Муртадой бин Кутлугуш ас-Симити в начале 1720-х гг. Согласно Марджани («*Мустафад аль-ахбар*», часть вторая), Муртада высказал мнение, что мусульманам категорически запрещается потреблять мясо животных, которые были забиты христианами (т.е. без соответствующих исламских обрядов), а также жениться на христианках. Противоположная позиция была высказана неизвестным автором в «*Рисала фи никах аль-китабия*» («Трактат о браке с женщинами народов Писания») [ОРРК, ед.хр.999-г, л.132–135], написанном в 1857 г. или раньше. Этот автор считает, что русские относятся к «людям Писания», даже если они поклоняются иконам и называют Иисуса сыном Божьим. По мнению автора, иконы не воспринимались в качестве индивидуальных богов, а, скорее, просто выполняли функцию направления молитвы (араб. *киблы*) христианина, когда он обращался к Богу.

Рассматривая брачный вопрос, автор ссылается на ханафитских ученых и делает вывод, что, согласно Корану, мусульманским мужчинам рекомендуется жениться на благочестивых женщинах из тех общин, которые получили божественные книги до ислама, т.е. из числа иудеев и христиан. Они не являются идолопоклонниками. Кроме того, мясо животных, которые были забиты христианами, является *халаль* (ритуально чистым и допущенным к употреблению). Эта позиция, несомненно, способствовала развитию отношений двух религиозных общин, а также интеграции татарских мусульман в российское общество в целом, и, в частности, поддерживало сотрудничество татарских и русских торговцев.

Связанный с этим другой вопрос заключался в том, принадлежит ли Поволжье по-прежнему исламскому миру (араб. *Дар аль-ислам*) или господство России означало, что татары ныне живут в «Доме войны» (араб. *Дар аль-харб*), где невозможно жить по исламу. Самое раннее заявление по этому вопросу восходит к татарскому ученому Юнусу Ахунду бин Иवानай (ум. в 1688 или 1691 г.), якобы одному из первых после завоевания русскими Казани в 1552 г. поволжских мусульман, которые прибыли в Бухару и совершили паломничество в Мекку. В *фетве* (экспертном заключении правоведа) на персидском языке он утверждает, что Поволжье принадлежит к исламскому миру: он считает Казань преемником Булгара, т.е. мусульманского государства, добровольно принявшего ислам много веков назад. Таким образом, в Казани по-прежнему должны были действовать шариат и исламское налогообложение.

Аналогичную позицию высказал некий Мулла Муртада бин Хусейн аль-Бурали, автор другой рукописи на арабском языке «*Рисала фи баян Дар аль-харб*» («Трактат о Земле войны») [ОРРК, ед.хр.2400g, л.63–68]. Он рассуждал следующим образом: Абу Ханифа, отец-основатель ханафитской правовой школы, изложил определенные критерии для установления в мусульманской стране статуса «Дар аль-харб» – когда на территории господствуют законы неверных и когда территория непосредственно граничит с немусульманскими странами. Однако позже мнение ханафитских ученых стало менее строгим. Согласно некоему Насыраддину ас-Самарканди (ум. в 1258 г.), автору сборника ханафитского права «*аль-Мултакит*», земли, управляемые немусульманами, не становятся автоматически «землей войны», пока мусульманским общинам удастся сохранять свои собственные законы. Если мусульмане подчиняются неверным, то это не означает, что они отказываются от ислама, а, скорее, их послушание следует воспринимать своего рода перемирием или даже откровенным обманом неверного. Очевидно, здесь речь идет о любопытном «двоевластии», когда мусульманский лидер остается у власти в подчинении немусульман. Таким образом, в своей работе Муртада описывает

и «узаконивает» положение волго-уральских мусульман, у которых в 1788 г. официально появился свой муфтий (и *кадии*) в рамках ОМДС.

Предметом дебатов стал также вопрос о том, должны ли проводиться пятничные молитвы в Волго-Уральском регионе. Сообщается, что первая фетва в поддержку необходимости пятничной молитвы восходит к Мавлюду бин Мустафа бин Юнус (ум. в 1820/1821 г.) из д.Калтай (под Уфой), где в 1778 г. он был назначен *ахуном*. По его мнению, пятничная молитва является правомерной только в присутствии проповедника и, по меньшей мере, сорока участников намаза.

Но диспут заключался не только в достаточном количестве верующих посетителей церемонии. Согласно исламской традиции, пятничная молитва сопровождается проповедью (араб. *хутба*), где проповедник (араб. *хатиб*) упоминает имя законного мусульманского правителя страны. Следовательно, хутба также является политическим институтом, который призывает слушаться султана или халифа. ОМДС наставляло мулл в мечетях благословлять царя и его семью во время пятничной проповеди, а также призывать общество платить налоги и подчиняться распоряжениям властей. Проведение пятничной молитвы в подобной манере, таким образом, представляет собой явную адаптацию к русскому правлению, где российская власть рассматривалась как режим, не препятствующий соблюдению исламских законов.

Противоположную позицию заняли муллы и ученые, которые выступали против муфтията и подчинения мусульманского общества российской власти. Они открыто отказались от пятничной молитвы, аргументируя это тем, что одним из ее условий является наличие мусульманского правителя и мусульманских кадиев в регионе. По их мнению, эти условия не были выполнены. Наиболее откровенным оппозиционером был тот же Габдерахим аль-Булгари. Он изложил свою критику русского влияния и связей с христианами не только в арабоязычных трактатах, но и в татарских стихах, которые имели популярность среди широкой мусульманской аудитории. В своей сатирической поэме «*Авариф аз-заман*» («Дары времени», ред. Шарипова, 1986) Габдерахим объ-

ясняет, что мусульмане его времени часто потребляют алкоголь и принимают обычаи неверных: они строят дома в русском стиле, сидят за столом и едят как русские, празднуют неисламские праздники, в которых мужчины и женщины находятся вместе. По его мнению, это копирование русской привычки приводит к предательству ислама, так как мусульманин, который берет привычки неверующих, превращается в *кяфира*. В одном из своих арабоязычных трактатов под названием «*ас-Сайф ас-сарим*» («Острый меч») [ОРПК, ед.хр.1204-1206-г] Габдерахим обвиняет братьев-мусульман в том, что они отрекаются от молитв и традиционной мусульманской одежды. В своем «Трактате о выделке кожи» он призывает мусульман не использовать кожу, выделанную христианами и анимистами (марийцами), так как в процессе обработки они используют нечистые ингредиенты; то же самое касается и меха, обработанного русскими. И, наконец, в своей работе «*Рисала фи замм шурб ашшай*» («Трактат порицания чая») [ОРПК, ед.хр.1635-г, л.3–6] Габдерахим осуждает потребление чая: по его мнению, чай (особенно с сахаром или медом) является предметом роскоши, т.е. инструментом дьявола; это пустая трата денег, которая приводит к физиологической зависимости человека и неравенству в обществе. Кроме того, любители чая склонны пропускать ежедневные молитвы, так как они вынуждены часто мочиться. Осуждение Габдерахимом самовара как элемента культа потребления чая показывает, что он считал появление этого напитка, так же как и алкоголя, в практике мусульман результатом пагубного влияния русского народа.

Габдерахим написал небольшой трактат «*Рисала фи-л-джума*» («Трактат о пятничной молитве») [ОРПК, ед.хр.182-г, л.1–5], в котором выступил против проведения пятничной молитвы в Волго-Уральском регионе, и тем самым против заявления, что данная территория является полностью исламской. По его мнению, мало того, что условие наличия мусульманского правителя не выполнено, так еще и многие члены мусульманских общин в деревнях не знают, как правильно молиться. Следовательно, несмотря на то, что набирается сорок участников, существу-

ет опасность того, что из-за большого количества ошибок во время молитвы она не будет принята Богом даже у тех, кто правильно молится. В связи с этим имам также становится грешником, вводя в заблуждение свою паству. Эта точка зрения Габдерахима по поводу пятничной молитвы похожа на его же позицию по намазу 'иша. Он считал, что лучше отказаться от молитвы, чем совершать ее неправильно, или в неподходящее время. За всеми высказываниями Габдерахима скрывается общий смысл, который заключается в том, что Волго-Уральский регион не является частью «Дар аль-ислама». Это говорит об открытом нежелании соглашаться с ОМДС в том, что законы Российской империи позволяют жить по исламу. В данном случае Габдерахим снова опирается на таклид, и в этот раз на мнение Абу Ханифы, который назвал наличие исламского правителя непременным условием для совершения пятничной молитвы.

Неудивительно, что Габдельнасыр Курсави утверждал обратное и считал, что вопрос о пятничной молитве требует обращения к иджтихаду. В своей книге «*Аль-иршад ли-либад*» он утверждал, что пятничная молитва является обязательной для всех мусульман и что настоящие Абу Ханифы на условии для ее совершения не следует рассматривать как строго необходимое. Как мы упоминали выше, Курсави ставит общие обязательства выше всех вторичных требований. Интересно то, что свое противоречие мнению Абу Ханифы Курсави не воспринимает как отклонение от ханафитского мазхаба. Как он объясняет, правовая школа (араб. *мазхаб*, буквально «движение (к цели)») не является четко сформулированным сводом правовых заключений, а скорее методом. Следовательно, даже такие выдающиеся муджтахиды ханафитской школы, как сам Абу Ханифа, могли допустить ошибку в своих правоведческих размышлениях. Это не страшно, так как все муджтахиды могут ошибаться, и все равно будут вознаграждены Богом за свои усилия. Курсави утверждает, что знание методологии прежних учителей школы важнее, чем строгое следование их индивидуальным суждениям. Таким образом, можно предположить, что Курсави видел себя муджтахидом, соблюдающим традиции Абу Ханифы,

т.е. действующим в рамках ханафитского мазхаба (а не тем, кто намеревался основать свой собственный, независимый мазхаб).

В заключение отметим, что татарский дискурс по исламскому праву и теологии показывает: как иджтихад, так и таклид могут быть использованы для формирования мнения по исламским вопросам, которые приобрели значительную актуальность в связи с положением мусульман в Российской империи. Курсави и Габдерахим аль-Булгари считаются явными оппонентами. Их отличие заключалось в представляемых каждым из них социальных интересах. Странствующий мулла Габдерахим, придерживавшийся «негативистских» взглядов, выступал против муфтията и городских влиятельных мусульман, богатых татарских торговцев и любого сотрудничества правоверных с русскими. Курсави, напротив, поддерживал сосуществование с христианами: по его мнению, ислам и мусульмане Российской империи защищены законом, и им не угрожает опасность. Есть основания полагать, что толкование Курсави было поддержано представителями татарской буржуазии как при его жизни, так и в конце XIX в., когда его труды были рассмотрены в качестве предпосылки появления буржуазного движения «*Усул аль-джадид*», боровшегося за реформу системы образования мусульман. Габдерахим, в отличие от него, имеет больше общего с аналогичным негативизмом движения гражданского неповиновения Багаутдина Ваисова, действовавшего в течение последних десятилетий века.

Однако есть нечто общее между Курсави и Габдерахимом. Формулируя резкую

критику исламского истеблишмента своего времени, авторитетных бухарских и казанских мулл, они оба используют инструменты исламского дискурса. Следует отметить, что эти мыслители пользовались разными методами и ссылались на разные исламские источники. Габдерахим, как мукаллид, обращался к традициям ханафитской правовой школы, а Курсави, как муджтахид, – к священным писаниям ислама: Корану и Сунне. Но они оба представляли свое стремление к «истинному» исламу как процесс «реформы» (араб. *ислах*), а именно восстановление чистого, первоначального и подлинного ислама, от которого отклонились ученые последних поколений. Соответственно, они оба рассматривали образ жизни мусульман в старые добрые времена как идеальную модель для настоящего поколения. Вопрос был только в том, какие исторические тексты давали лучшее представление об этом идеальном времени ислама: откровения Корана и традиции VII в. или труды ученых последующего периода. Таким образом, Габдерахим и Курсави представляют две противоположные точки зрения, резко критикующие современный исламский истеблишмент с разных позиций. Несмотря на то, что их полемические произведения часто были направлены друг против друга, их основной целью были ученые Бухары и последователи бухарских традиций в Казани, Уфе и Оренбурге. Следовательно, появление критического дискурса в области исламского права среди татар также послужило началом научно-интеллектуального движения по освобождению ислама от господства среднеазиатских научных традиций.

ГЛАВА 3

Исламские институты традиционной мусульманской общины и применение норм шариата

§ 1. Традиционные мусульманские общины

Ильдус Загидуллин

На территории Российской империи было представлено несколько историко-культурных регионов, где процесс адаптации ислама к местным условиям у народов, принявших мусульманство, происходил одновременно и под воздействием различных внутренних (уровень развития общественных отношений и экономики) и внешних факторов (политика самодержавия и геополитика). Сближение и сращивание «нормативного» ислама с духовным субстратом самобытных культур местных народов способствовали формированию специфических черт функционирования ислама и особых региональных форм его бытования.

В доиндустриальном аграрном обществе религия играла важнейшую роль в формировании общественного сознания народных масс. В империи ислам играл ключевую роль в сохранении этноконфессиональной идентичности, в развитии и возрождении национального самосознания мусульман. В российский период истории главной, судьбоносной проблемой для мусульманских народов являлось согласование «потребностей государственной жизни с бытовыми и религиозными потребностями мусульман» [Тэржеман, 1894, 12 июня].

Религиозно-культурная автономия татар и башкир. Во внутренних губерниях России махалля являлась основной формой культурно-общественного социума мусульман. При регистрации в установленном порядке она официально именовалась мусульманским приходом, в рамках которого организовывалась религиозно-обрядовая жизнь мусульман, регламентировались нормы их повседневного поведения. Татары и башкиры сохраняли религиозно-культурную

автономию, основными ячейками которой являлись традиционные религиозные общины – мусульманские приходы, а главным институтом выступало ОМДС. Правовую основу их функционирования составляли, с одной стороны, законодательные и подзаконные акты российского государства, признававшие ислам одной из «терпимых» религий и предоставлявшие мусульманам округа ОМДС возможность исполнения своих религиозных обрядов, с другой – нормы шариата, границы которых определялись народными обычаями и светской властью.

Учреждение прихода, признаваемого имперской властью в качестве основной религиозной ячейки мусульман, основывалось на нормах шариатах – проходило на общем собрании старших домохозяев, при этом соблюдались российские законы, направленные на обеспечение справедливых выборов. На демократической основе решались и вопросы избрания (удаления) духовного лица, постройки (ремонта, реконструкции, перемещения) богослужебного и учебного зданий, финансирования исламских институтов и т.д. Эти решения, в рамках установленных законодательством порядков, согласовывались со светской властью и (или) с ОМДС.

Несмотря на декларировавшееся властью утверждение о том, что мусульманские приходы не имеют права юридического лица, в действительности они таким правом во многом пользовались. Они имели право отстаивать свои религиозные интересы, подавать прошения от имени приходов или сельского общества в установленном законом порядке; власть разрешала передачу (приписку) дарственной недвижимости или движимого имущества мечетям и му-

сульманским школам, которые находились в ведении прихожан.

Мусульманские общины, несмотря на предпринятые правительством попытки установить контроль над исламской системой религиозного образования, по-прежнему сами решали вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения.

Традиционные религиозные общины татар подразделялись на сельские и городские.

Основная часть мусульманских приходов располагалась в сельской местности. В мусульманских сельских поселениях существовали три общественных института: 1) поземельная община; 2) сельское общество и 3) мусульманский приход, территории которых не всегда совпадали.

Община была хозяйственным союзом представителей сельского сословия, связанных общим земельным наделом. С 1838 г. хозяйственный союз крестьян стал официально именоваться «поземельной общиной» и получил право юридического лица [Мионов, 1999, с.429, 430] – представлял интересы коллектива хлебопашцев и своих членов перед государственными, судебными и общественными учреждениями и частными лицами. Именно поэтому экономическую основу сельских приходов составляло общинное землепользование с уравнительным землепользованием крестьян, объединенных общими экономическими интересами и обязательствами перед государством, и крестьянские хозяйства прихожан.

Хозяйственный уклад поземельной общины, менталитет хлебопашцев оказывали определенное влияние на обеспечение жизнедеятельности религиозных институтов. Важно отметить, что сами общинники регулировали повседневную жизнь общины в рамках сезонных сельскохозяйственных работ и не зависели от внешних факторов в лице чиновников. В то же время община, как административный институт, «поглощала индивидуальность крестьянина, не давала простора для гражданской самостоятельности своих членов» [Воробьева, 2002, с.22].

Сельское общество, основанное на совместном жительстве и управлении крестьянского сословия, являлось поселенным объединением [Марискин, 2004, с.104].

В XIX в. государство использовало крестьянскую общину как административно-податную единицу, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. В результате реализации реформы П.Д.Киселева в государственной деревне крестьянская община впервые была признана «сельским обществом» и самоуправляющейся административно-хозяйственной единицей. Татарские поземельные общины, как правило, охватывали все селение (простая община), поэтому характерной чертой татарских деревень являлось наложение функций этих двух институтов. В бывшей государственной татарской деревне с 1866 г. правила проведения сельских сходов во многом были схожи с порядком проведения приходских собраний: в состав схода были включены все домохозяева, а не только выборные от десяти дворов [Дружинин, т.2, с.562].

Автономность сельского общества и крестьянской общины в решении социальных проблем существенно дополняла и облегчала организацию религиозно-обрядовой жизни и обеспечение религиозных институтов источниками существования в рамках единого религиозно-культурного пространства в моноязыковой среде обитания.

В юридическом плане в татарских селениях существовали три правовых поля: шариатские нормы, светские законы и обычное право.

1. Шариатское право регулировало жизнедеятельность исламских институтов, религиозный уклад местных жителей, семейно-брачные отношения, раздел наследства и собственности между членами семьи. В условиях отсутствия института наказания по шариату соблюдение религиозных предписаний основывалось на авторитете духовенства, религиозном рвении прихожан и мнении общины. Нередко «шариатское поле» распространялось на односельчан по мере того, как о произошедшем событии узнавал и как реагировал на него мулла.

2. До конца XVIII в. самоуправление крестьян производилось по нормам обычного права, которые существовали в виде устной традиции. В 1797 г. казенное ведомство, а в 1798 г. удельная администрация составили уставы, регламентирующие общественное устройство в селениях, учредили волости.

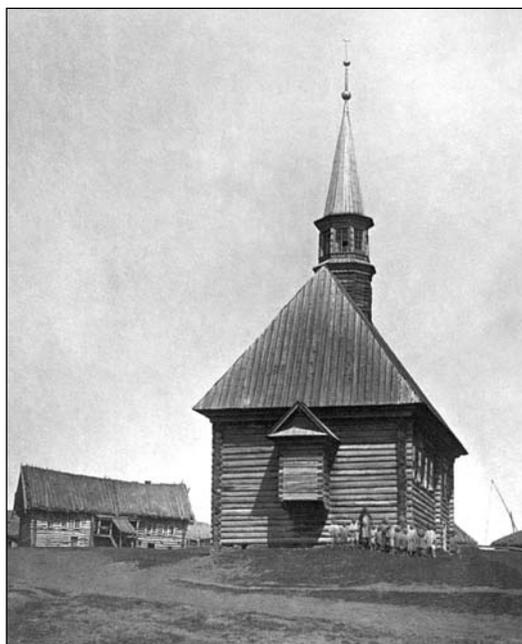
Однако и после реформы 1861 г., вплоть до падения самодержавия, мелкие правонарушения продолжали рассматриваться в волостных судах на основе обычного права. В принятии решения большую роль играла личность волостного старшины, а также этноконфессиональный состав волостного суда. В волостях, где преобладали мусульмане, эти вопросы находились в их компетенции. Наблюдались «самосуды» над провинившимися крестьянами, выдворение их из общины, по согласованию с администрацией, за различные правонарушения и т.д.

В регионах степень распространения исламских ценностей была далеко неодинаковой и зависела от множества факторов. Поэтому в конце XIX в. в местностях даже в сферах официального применения норм шариата по сложившейся традиции применялись нормы обычного права, которые нередко содержали элементы шариата и носили синкретический характер [Штейнфельд, 1893, с.235–236].

В повседневной жизни сельского населения, во взаимоотношениях между прихожанами важную роль играли народные традиции, праздники Жыен и Сабантуй.

3. С 1866 г. крестьянская община превратилась в институт государственного права, в административную ячейку системы государственного управления, была поставлена под контроль правительства [Миронов, 1999, с.430, 462, 463]. Реальное наполнение правительственный контроль над крестьянской (и религиозной) общиной получил после введения по Положению 1889 г. института земских окружных начальников с широкими правами по надзору над социальной жизнью сельского населения и пресечению правонарушений. Одновременно российские законы приводили к трансформации некоторых исламских традиций в округе ОмДС.

Под *традиционными мусульманскими городскими общинами* подразумевались сообщества постоянных жителей, имевших, как правило, основные атрибуты прихода – это молитвенное здание, духовные лица, национальная школа. В городах они объединяли представителей различных сословий, которые, как правило, не имели этноконфессиональных по составу членов, городские сословные институты. В случае

Вид сельской соборной мечети. Казанская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.

существования нескольких приходов границы между ними и состав прихожан не были четко определены, что было обусловлено мобильностью определенной части временно проживавших и спецификой содержания религиозных институтов. Экономическую основу городских традиционных общин составляли капиталы богатых мусульман, а в крупных и богатых общинах и вакуфы.

Этноконфессиональная община функционировала в инокультурной среде, существовали значительные трудности по соблюдению пятивременной молитвы, вызванные внутренним распорядком учреждений, в которых трудились мусульмане, отсутствием тотального контроля однообщественников за их повседневной жизнью и т.д.

Под *нетрадиционными мусульманскими общинами* подразумевались временные общины предпринимателей и приезжавших на ярмарки мусульман, которые, как правило, локализовались при ярмарочных мечетях или арендованных молитвенных домах, в рабочих поселках, военных частях. Их приметами являлось доминирование взрослого населения, представленного в основном мужчинами. По этой причине при них отсутствовали мектебе, нередко общественные молитвы проходили в арендованных

помещениях лишь по пятницам, отсутствовала мечеть, имелся только мулла и т.д.

В нетрадиционных общинах в вопросах поддержки религиозно-обрядовой жизни, помимо семьи, важнейшую роль играли локальные сообщества татар в виде рабочих артелей, компактных групп в рабочих бараках или арендованной квартире, доме и т.д., которые способствовали сохранению религиозных устоев и противодействовали ассимиляции.

Причем нетрадиционные общины возникали и в крупных городских поселениях, в которых существовали зарегистрированные мусульманские приходы. Вот как в 1880-е гг. описывал современник микроклимат в рабочих артелях мусульман столицы: «Татары в Петербурге живут артелями человек от 10 до 30. Артель и староста зорко следят друг за другом. В квартире строго запрещено появляться пьяным, что возбраняется и Кораном, но даже курить. Если артель заметит, что один из товарищей пришел пьяный, на первый раз ему делают словесное внушение. На второй раз виновного связывают и кулаками задают ему более осязательное наставление, а в третий раз «заблудшую овцу» выгоняют из артели» [Бахтияров, 1994, с.163].

В нетрадиционных общинах, как правило существовавших в условиях экстрима, вызванного высокой текучестью прихожан-рабочих (купцов) или временным характером их проживания, духовное лицо обычно временно командировалось ОМДС или он избирался на конкретный срок (несколько лет), в приговоре указывалась и сумма ежемесячного содержания. С целью обеспечения содержания имама рабочие артели мусульман заключали с администрацией предприятия договор, согласно которому определенный (единый для всех) процент с заработной платы каждого рабочего перечислялся в его пользу, вопрос обеспечения духовного лица жильем также решался руководством предприятия (как правило, за его счет), или применялся уравнительный сбор средств деньгами [Загидуллин, 2006б, с.71–100].

На наш взгляд, одним из основных признаков трансформации нетрадиционной религиозной общины в традиционную являлось появление начальной школы, что

означало, с одной стороны, наличие постоянного контингента прихожан (и семейных лиц), с другой – общественного религиозного учреждения и коллективного начала в действиях местных мусульман.

Неотъемлемой частью религиозно-культурной автономии татар являлись неофициальные, незарегистрированные религиозные общины, существовавшие в городах и сельской местности. Главной причиной невозможности их официальной регистрации была малочисленность прихожан и (или) постоянных жителей. Татары были заинтересованы в регистрации своих общин, поскольку община законодательно закрепляла соблюдение их религиозных прав, устраняла многие препятствия, связанные с национальным обучением подрастающего поколения, проведением общественных молитвенных собраний, давала возможность записывать новорожденных в метрической книге и т.д.

Назначение оренбургского муфтия самодержавной властью, а не путем выборов вызвало неодобрение у части духовенства и, по сути, лишало некой завершенности сложившуюся у мусульман систему религиозно-культурной автономии. Однако без ОМДС эта система не сложилась бы. Неприятие ОМДС отдельными группами мусульман резко усиливалось в периоды, когда имперская власть инициировала антиисламское мероприятие, а ОМДС занимало проправительственную позицию. Важно отметить, что у кандидатов в муллы всегда была возможность отказаться от духовной стези. Сам факт сдачи экзамена в Уфе означал подчинение будущего муллы ОМДС.

Религиозная община как основная форма культурно-общественного социума мусульман, основная ячейка их религиозно-культурной автономии являлась ключевым элементом в организации самоуправления мусульманского сообщества, самостоятельным социальным институтом.

Она представляла собой миниатюрное государство с прочной связью частей с целым, имевшее свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма, свою власть в лице старейшин и всего прихода, не нуждавшихся в

высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный, ее источник – Коран [Гаспринский, 1993, с.39]. Это определение крымско-татарского просветителя И.Гаспринского во многом можно отнести и к мусульманским приходам Волго-Уральского региона и Сибири рассматриваемого периода.

Юридическое закрепление религиозно-культурных автономий татар в Волго-Уральском регионе началось после учреждения ОМДС, которое придало им системность и завершенность, став главным институтом, представляющим их интересы перед имперской властью.

Важнейшим условием религиозно-культурных автономий являлось единое культурно-языковое пространство на территории населенного пункта, которая не всегда ограничивалась махаллей. В ряде губерний имелись волости с преобладанием или полностью состоявшие из мусульман.

По мнению газеты «Тәржеман» (1905 г.), татары были более религиозными, чем их единоверцы на Кавказе и Крыму, что выражалось в многочисленности мечетей, школ и мюридов. В отличие от них мусульмане Волго-Уральского региона всегда с опаской и подозрением относились практически ко всем мероприятиям администрации [Исхаков, 2007, с.87]. «Замкнутость» татар в рамках традиционных религиозных общин была обусловлена, прежде всего, их «религиозно-национальными особенностями» [Материалы, 1936, с.108]. Стараясь сохранить традиционные устои, татары противились учреждению в селениях волостных правлений (справедливо предвидя частый приезд русских чиновников), открытию питейных заведений и т.п.

Незнание большинством татарских хлебопашцев русского языка и грамоты, отсутствие периодических изданий на родном языке способствовали изолированности махаллей. Информационный вакуум восполнялся сведениями, широко распространяемыми на базарах, меджлисах, молитвенных собраниях и т.д., причем нередко они искажались, что приводило к распространению различных слухов.

Учреждение новых приходов регламентировалось властью и зависело от числен-

ности жителей в поселениях. В Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. наблюдалось «укрепление стабильности» в размещении населения [Кабузан, 1971, с.31–37], чему способствовали и указы, запрещающие перевод живущих в крае «инородцев» в другие местности.

Татарские крестьяне при переселении, как правило, утрачивали связь с прежним сообществом и создавали новые самостоятельные общины [Николаев, 2003, с.310]. Ключевую роль при этом играла «дальность расстояния» от родного селения.

В Приуралье, помимо миграции и естественного прироста населения, на динамику численности селений оказывал влияние административный ресурс. Средняя численность жителей в селениях башкир, мещеряков и татарских крестьян 19 уездов Оренбургской, Пермской и Вятской губерний, по сведениям VIII ревизии (1834 г.), составляла 119,3 душ м.п. [Западные башкиры, 2001, с.111–377. Подсчитано нами]. Во второй трети XIX в. происходило «укрупнение населенных пунктов до 25–30 дворов» [Каримулина, 1993, с.81].

По нашим подсчетам, в середине XVIII в. в Казанском у. установленный властью норматив мусульманского прихода в 200–300 ревизских душ позволял обзавестись одной мечетью жителям 3–4 деревень, он являлся препятствием для регистрации новых махаллей в XIX в. В 1835 г. было официально заявлено об учреждении махалли из расчета 200 ревизских душ м.п. [ПСЗ-2, т.10, отд.2, №8663].

В дореформенный период, когда в вопросе мечетестроительства в крестьянских общинах большую роль играли автономные от губернских правлений удельное ведомство и МГИ, а в селениях военно-служилого сословия – Военное министерство, нередко допускалось строительство новых мечетей без строгого учета численности прихожан. Малочисленные приходы в некоторых случаях являлись следствием переселения части жителей. В 1866 г. оренбургский генерал-губернатор констатировал, что в прежнее время в распределении махаллей «допускался произвол и самые приходы, по мере устройства самих мечетей, изменялись в своем составе» [РГИА, ф.821, оп.8, д.652, л.9].

Сельский мулла. Симбирская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.

Согласно подсчетам Е.Малова, в конце 1850-х гг. в Казанской губ. насчитывалось 224 мечети (33% всех действующих молитвенных зданий) в селениях, численность жителей в которых составляла менее 200 ревизских душ м.п., в Симбирской губ. – 17 (12%), в Самарской – 48 (23%), в Саратовской – 39 (28%), в Астраханской – 16 (25%), в Нижегородской – 1 (3%) [Малов, 1997, №3–4, с.251]. В 1851 г. в Оренбургской губ. действовало 730 «незаконных» мечетей (44%) [Азаматов, 1996, с.99]. Очевидно, часть приходов, мечети которых располагались в малонаселенных деревнях, объединяла жителей нескольких соседних деревень.

С целью организации полноценного религиозного уклада в маленьких селениях, муфтий С.Тевкелев в 1865 г. просил МВД предоставить ОМДС право разрешать строительство молельных домов в местностях, где из-за дальности расстояния жителям неудобно было посещать приходскую мечеть, однако получил отказ. В 1866 г. на одном из своих заседаний ОМДС признало, что отдаленность маленьких селений от мечети «лишает их жителей возможности

исполнения одной из главных религиозных обязанностей», что в итоге негативно влияло на их нравственные устои: «Сначала не считают грехом отступление от обрядов религии, потом ослабевают в самой вере, теряют уважение к обряду брака и присяги, предаются пьянству и другим порокам и преступлениям» [РГИА, ф.821, оп.8, д.655, л.1–1об.]. Дело в том, что муллы проживали в селении, где располагалась мечеть, поэтому контроль над нравственной и религиозной жизнью жителей маленьких деревень, относящихся к их приходам, практически отсутствовал.

В целях борьбы с «незаконными» мечетями в 1850–1880 гг., при наличии ходатайства от малочисленных общин о перестройке пришедших в ветхость или о постройке новых культовых зданий вместо сгоревших или ходатайств об избрании имама на вакантную должность, губернские власти упраздняли такие приходы или переименовывали соборные мечети в пятивременные, не запрашивая даже согласия ОМДС [РГИА, ф.821, оп.8, д.616, л.137об.]. Между тем численность прихода могла сократиться по разным причинам, и необязательно это было связано с постройкой мечети ранее в малочисленной махалле. Только в 1888 г. Сенат постановил, что норматив прихода относится лишь ко вновь строящимся мечетям, а действующие махалли должны функционировать [Сборник циркуляров, 1905, с.29–30].

По итогам прирезки земли 1866 г. бывшие государственные крестьяне не становились хозяевами своих наделов, поскольку земля выдавалась общине. Эта неизбежность границ общины и ее структуры сохранялась вплоть до аннулирования правительством выкупных платежей в начале XX в. Земли вотчинников и припущенников размежевывались вплоть до падения самодержавия. В силу указанных обстоятельств и бывшие государственные крестьяне, и вотчинники, и припущенники не могли активно переселяться на свободные земли и образовывать новые починки. Таким образом, земельные ревизии привели к существенному замедлению образования новых поселений, следовательно, к увеличению численности народонаселения в деревнях (в приходах).

На динамику численности поселений оказывали влияние и другие факторы. В пореформенный период земские деятели Вятской губ. «крупность селений» татар объясняли религиозными требованиями: необходимостью содержать мечеть и муллу, что «мелким обществам обходится довольно дорого» [Материалы по статистике, т.1, с.15].

Установление в 1886 г. нового норматива в 200 наличных душ м.п. позволило части малочисленных селений обзавестись собственными мечетями. Одновременно власти пресекали действия общин по формированию приходов путем присоединения «лишних» единоверцев из соседней деревни, где имелась мечеть [НА РТ, ф.2, оп.2, д.3089, л.12–15об.].

На рубеже веков исследователи констатировали наличие мечети в деревнях, состоящих из 60–80 дворов [Коблов, 1998, с.23], и «почти всегда» двух мечетей – в населенных пунктах с более 150 домами [Штейнфельд, 1893, с.267]. Таким образом, во второй половине XIX в. действовали две модели регистрации приходов. Первая предполагала строительство новой мечети с регистрацией прихода, как правило, путем отделения жителей от мечети соседнего селения. Вторая модель предполагала разделение махалли и образование в том же поселении новой религиозной общины. В крупных селениях появлялись третья (четвертая, пятая и т.д.) мечеть. Переход из одной махалли в другую разрешали ОМДС и губернское правление. Регистрация новой махалли была невыгодна духовенству, теряющему часть своих доходов. Поэтому отзыв муллы об отсутствии потребности в новой махалле не был препятствием для ходатайства о ее регистрации [РГИА, ф.821, оп.150 д.404, л.17, 59–59об.].

Локализацию в рамках селения новых махаллей и регистрацию новых приходов путем реорганизации действующих махаллей иллюстрируют статистические данные о динамике соотношения числа богослужebных зданий и количества служителей в мечети. В 1833–1889 гг. ежегодно строилось в среднем по 20 мечетей, свидетельства получали 59 духовных лиц, а в 1889–1908 гг. ежегодно возводилась в среднем 51 мечеть и 58 кандидатов на духовную должность при-

нимали присягу [Загидуллин, 2007, с.142–143]. Во второй половине XIX в. установилась стабильный штат мечетских служителей.

На рубеже столетий часть селений еще не имела собственных мечетей, их жители отправлялись на пятничную полуденную молитву в соседнюю мечеть, были вынуждены ездить за муллою для исполнения духовных треб. В таких деревнях дети не имели возможности обучаться.

Таким образом, предоставив мусульманам возможность выбирать духовных лиц, возводить мечети и определять их статус, государство оставило за собой право контроля за жизнедеятельностью прихода. Практически каждый шаг в дальнейшем устройстве религиозно-обрядовой жизни общины должен был согласовываться с полицией и местной администрацией.

Мечети и исламское богослужение. В системе исламских религиозных институтов российское законодательство определило мечеть в качестве главного символа устройства легальной махалли, в мечети проходили молитвенные собрания, при ней утверждались духовные лица, открывались мектебе и медресе. При каждой мечети мог быть только один приход [РГИА, ф.821, оп.150, д.404, л.54].

Российским законодательством были установлены следующие непременные условия для получения разрешения на постройку мечети: 1) соблюдение норматива прихода; 2) наличие общественного приговора; 3) обязательство прихожан содержать мечеть (и духовенство) за свой счет; 4) возможность возведения исламского культового здания только в случае отсутствия соблазна для живущих вместе с мусульманами новокрещенных и русских (определяло руководство епархии); 5) наличие открытого пространства вокруг будущей мечети (с 1829 г. – не менее 10 саженей, с 1842 г. – 20 саженей); 6) утвержденный в установленном порядке план молитвенного здания; 7) положительное заключение ОМДС; 8) выявление местной администрацией насущной необходимости в мечети и «достаточности средств» у прихожан для ее «приличного содержания». Обобщив собранные сведения, губернское правление принимало окончательное решение [Устав строительный, 1857, ст. 261–265].

При наличии у сельской общины больших долгов руководство ряда губерний Волго-Камья отказывало прихожанам в строительстве новых мечетей [РГИА, ф.821, оп.8, д.706, л.155–156; Кобзев, 2007а, с.60].

Светские власти формально контролировали функционирование мечетей. Полиция должна была следить за тем, чтобы здания соответствовали противопожарным и санитарным нормам [Юлдашбаев, 1979, с.88].

Абсолютное большинство культовых зданий в деревнях строилось из дерева, что объяснялось относительной дешевизной леса, дороговизной «каменных работ» и трудоемкостью изготовления кирпича. Каменные мечети, как правило, возводились людьми состоятельными, заинтересованными в том, чтобы пожертвованный на богоугодное дело капитал и спустя столетия служил единоверцам [Мэржани, 1989, б.388, 391]. В оренбургских и поволжских степях глина и дерн являлись основным строительным материалом для возведения богослужебных зданий [Железнов, ч.1, с.248, 252; Шитова, 1984, с.56, 57].

По шариату, общественным намазом мог руководить каждый мусульманин, имевший достаточные знания и подготовку. На общественно-политическую составляющую исламского богослужения в России влияли следующие факторы: 1) отношение власти к храмам как к важнейшему элементу реализации принципа веротерпимости, заложенного в «Основных государственных законах»; 2) признание общественной молитвы в качестве эффективного средства идеологического воздействия на подданных; 3) совершение общественного богослужения только в разрешенном властью «публичном здании», под руководством и при персональной ответственности за все происходящее духовного лица, утвержденного администрацией.

Поскольку единственным местом совершения общественной молитвы признавалась мечеть, то, согласно российскому законодательству, совершение общественного богослужения являлось прерогативой лиц, имеющих на это разрешение светского начальства. ОМДС подчеркивало, что «предоставление исключительного права на совершение религиозных обрядов у мусульман особым, утверждаемым правительством муллам преследует цели не столько рели-

гиозные, сколько политические» [Сборник циркуляров, 1905, с.81].

Наименования пятивременной и соборной (джами) мечетей прочно вошли в российское законодательство при муфтии Габдес-саляме Габдрахимове. В Аравии, например, основным критерием при определении типа мечети служил статус населенного пункта, в России – зарегистрированная махалла. Причем вновь учреждаемые общины сразу же ходатайствовали о возведении соборной мечети. Духовное собрание поясняло, что по шариату при пятивременной мечети могут состоять лица, имеющие духовные звания имама, мугаллима-сабияна, муэдзина, а при соборной – имама, хатиба, мударриса или мугаллима, мухтасиба, мугаллима-сабияна, муэдзина [РГИА, ф.821, оп.8, д.594, л.120б.]. Наличие при пятивременной мечети хатиба являлось основанием для возбуждения ходатайства о переименовании мечети в соборную [РГИА, ф.821, оп.150, д.404, л.36–41]. Однако совершение хатибом пятничной полуденной молитвы разрешалось в мечети, официально переименованной в соборную.

В 1833 г. в округе ОМДС насчитывалось 3313, в 1856 г. – 3478 мечетей, из них 75% были соборными. Увеличивалась численность джами мечетей: в 1868 г. они составляли 81,8% [Загидуллин, 2007, с.143–144], в 1911 г. – более 90% [Фархшатов, 2006, с.289].

В мечети хатибы имели возможность воздействовать на религиозно-нравственное и гражданское сознание прихожан. Во время пятничной полуденной молитвы или в дни годовых религиозных праздников хатиб исполнял хутбу стоя, опираясь на посох, означавший, что ислам в стране распространялся не мечом, а без принуждения [Коблов, 1907, с.11; Ислам, 1991, с.285].

Произносимая хатибом во время праздничного богослужения хутба приобрела важное политическое значение благодаря необходимости упоминания имени здравствующего халифа, тем самым выражалась политическая ориентация хатиба и представляемой им общины: если имя правителя не произносилось, то это означало его непризнание или низложение [Ислам, 1991, с.285]. В 1878 г. ОМДС издало «книжку праздничного богослужения» с текстами хутб [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.2, д.142, л.377].

Некоторые муллы, мотивируя отсутствие в Среднем Поволжье мусульманских поселений, соответствующих городу («миср»), выступали за упразднение пятничной и праздничной молитв и замену их обыденными молитвами [Адыгамов, 2005, с.84]. Крупный общественный деятель рубежа XVIII–XIX вв. Г.Утыз Имяни считал, что и глава, и судья «мисры» должны «быть мусульманами, а не другого вероисповедания». Именно поэтому он признавал исполнение пятничных молитв недействительным. Правомерность совершения молитв и в другие религиозные праздники Г.Утыз Имяни непосредственно связывал с наличием мусульманского правления, государственно-сти [Адыгамов, 2005, с.84].

О возможности совершения пятничной молитвы в небольших селениях в начале XIX в. в своей книге «Наставление людей на путь истины» дал фетву преподаватель медресе в д.Кышкар Казанского у. Г.Курсави. Он писал, что по Корану и Сунне пятничная молитва обязательна, она способствует консолидации прихожан [Курсави, 2005, с.185–191]. Однако единого мнения по этому поводу до второй трети XIX в. среди духовных лиц не наблюдалось.

В случае болезни или отсутствия хатиба с его разрешения пятничную полуденную молитву проводил имам [Кобзев, 2007а, с.74].

Муфтий Г.Габдрахимов в 1826 г. издал распоряжение о совершении по пятницам и другим праздничным дням намаза во славу российского императора, адресовав текст возношения ахунам для распространения среди приходских мулл. С 1834 г. по специальному тексту на татарском языке [Смоларц, 2011, с.167] стали проводиться богослужения по пятницам в честь государя, с 1847 г. – специальные праздничные общественные молитвы в «царские дни» [Фэхреддин, 2006, б.122]. Содержание при-

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденная форма возношения при богослуженияхъ **ВЫСОЧАЙШИХЪ** именъ **АВГУСТЪЙШЕЙ** фамилиі.

بتون روسيه مملکتی بالاستقلال توتقرجی، ایدکو عقیده لر پادشاهمز
ایمپراطر اعظم نیتلای الیکساندر و بیچ حضرتارینکت. و عم ز وجدہ
معظمه لری ایدکو عقیده لر غرورداریند ایمپراطریتسد الیکساندر
فیئد و روؤند حضرتارینکت، و عم والده سحرمد لری ایدکو عقیده لر
غرورداریند مارید فیئد و روؤند حضرتارینکت، و عم ایدکو عقیده لر
الرف شازاده ول عهد لری ناسلید نیک چیسار یؤ بیچ مستحیل الیکساندر
و بیچ حضرتارینکت و عم گل خاندان عالیدارینکت عافیت و سلامتک
ولوزون عمر لری ایچون خبر دعا لر قیلا مز.

Върно: Членъ Оренбургскаго Магометанскаго
Духовнаго Собранія **Канкаевъ**.

Текст возношения высочайших имен
при мусульманских богослужениях.

Предписание ОМДС №3442 от 12 июня 1903 г.

сланных текстов оглашалось во всех мечетях независимо от их статуса и дня недели. Дополнительно к ним ОМДС установило обязательное проведение подобных религиозно-политических мероприятий 1 января (Новый год), в первый день месяца Шавваль, по совершении молитвы в праздник Ураза байрам, и в десятый день месяца Зуль-хиджа, по совершении молитвы в праздник Курбан байрам [Сборник циркуляров, 1905, с.224–225]. Проведение этих молитв являлось обязанностью приходского духовенства и новой повинностью прихожан: сельские старосты и полиция старались обеспечивать «поголовное участие» прихожан в молитвенном мероприятии. Так произошла трансформация исламской молитвы в российских реалиях. С 1898 г. совершение моления в честь российского государя в пятничное праздничное богослужение ОМДС считало необязательным [Сборник циркуляров, 1905, с.149]. Отныне в пятничном молитвенном воззвании муллы обходились без упоминания имени россий-

ского государя, довольствуясь общей фразой: «Помоги, Господи, тому, кто помогает вере» [Алекторов, 1906, с.91].

Таким образом, реализация правительственными кругами доктрины «официальной народности» в отношении мусульман осуществлялась по схеме «самодержавие, веротерпимость, умма». Проводниками государственной идеологии должны были выступать духовные лица.

Во второй половине XVIII – XIX в. в Европейской части России и Сибири хутба читалась на арабском языке. «У мулл имелись рукописные сборники текстов проповедей на арабском языке» [Рахим, 2004, с.571]. На рубеже XIX–XX вв. некоторые имамы стали читать хутбу на татарском языке [Гимазова, 2004, с.67]. Вопрос о языке молитвы стал предметом полемики между традиционалистами, рагующими за хутбу на языке Корана, и джадидистами, считавшими, что хутбу следует читать на татарском языке. Ситуация изменялась постепенно [Мараш, 2005, с.154–156]. Согласно сообщению газеты «Казанский телеграф» (21.02.1898), ОмДС издало распоряжение об обязательности произношения проповеди на праздничных богослужениях на родном языке.

Пятикратная молитва в значительной степени регулировала повседневную жизнь махалли. Именно поэтому размеренная жизнь селения определялась азаном – призывом к молитве. И.Георги в 1775 г. писал о татарах: «От молитвы никто нарочито не отгуливает, если же что-нибудь в том кому воспрепятствует, то он молится по крайней мере уединенно в доме или в поле при восхождении или захождении солнца: при чем скидывает с себя башмаки и становится иногда на разостланное на земле свое одеяние» [Георги, 1779, ч.2, с.21].

Мужчины непременно посещали мечеть в пятницу, в другие дни, особенно в период земледельческих работ, совершали домашнее богослужение. Даже во время сенокоса и страды мужчины, как правило, возвращались в деревню, чтобы участвовать в пятничном намазе. В некоторых селениях наблюдались случаи, когда пятничная полуденная молитва срывалась «из-за отсутствия трех человек молящихся» [Штейфельд, 1893, с.272, 307].

В обычные дни компанию имаму составляли люди преклонного возраста («мэчет картлары»), отошедшие от производственной деятельности. Нередко службу в мечети имам совершал в одиночестве [РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.25]. Правомерно говорить о больших религиозных собраниях по пятницам и на годовые исламские праздники.

В XIX – начале XX в. в ряде селений Среднего Поволжья установился порядок, согласно которому женщины в пятницу собирались в доме муллы, где супруга имама – абыстай читала Коран либо другие религиозные книги, что заменяло им пятничное богослужение [Коблов, 1907, с.15; Баруди, 1997, б.113]. В дом муллы, к его супруге, женщины селения собирались также на «кадер кичэсе» (ночь Предопределения, ночь Аль-Кадр) [Шино, т.81, с.281, 282, 284].

В действительности у женщин не было необходимости посещать мечеть. По этому поводу весьма авторитетно высказался в первой четверти XIX в. Карл Фукс: «В то время, когда мужчины отправляют богослужение в мечетях, женщины молятся дома. Пять раз у татар совершается в мечетях молитва, и в эти часы, где бы ни была татарка, в гостях за чаем, за завтраком, в лесу, в поле, в незнакомом ей доме, она, ни на что несмотря, все оставляет, ищет удобное место и совершает свою молитву с таким усердием, что никакой шум не может отвлечь ее от молитвы и заставить оглянуться назад» [Фукс, 1991, с.49–50, 98].

Конфессиональные школы. В конце XVIII – первой половине XIX в. действующие и вновь образующиеся медресе и мектебе сформировали в округе ОмДС единое религиозное образовательное пространство. Наиболее авторитетными считались медресе, в которых преподавали имамы, получившие образование за границей, в частности в Бухаре.

В медресе реализовывался важнейший принцип исламского религиозного образования – его доступность всем стремящимся к знаниям, без каких-либо ограничений.

В условиях этноконфессионального меньшинства, при постоянно существовавшей угрозе утраты конфессиональной идентичности, татары стремились обучать детей основам ислама и грамоте на родном

языке. Важнейшая роль в этом отводилась национальной школе. Мектебе, как правило, располагалось в одном из зданий усадьбы, или в доме имама, мало пригодном для ведения занятий вследствие плохого освещения и духоты, или в небольшом жилом помещении, специально построенном или переоборудованном под школу. Обучение велось по системе взаимного обучения, по способу Ланкастера, поэтому учитель или учительница не всегда присутствовали в помещении. Это не означало отсутствие контроля: «в заборках», отделяющих классные комнаты от жилых помещений, были прорезаны довольно искусно замаскированные небольшие отверстия, использовавшиеся для внезапных «осмотров и наблюдения» [Софийский, 1893, с.325, 329]. Занятия вели *хальфы* – помощники мударриса.

Обучением девочек основам ислама, молитвам и чтению занимались, как правило, жены духовных лиц. Письму девочек не обучали – считалось, что шариат это запрещает.

«Правила» 1870 г. разделили мусульманские училища на школы, содержащиеся обществами, и школы, занимающиеся частным и домашним обучением. Частные школы у мусульман округа ОМДС появились лишь на рубеже веков, когда купцы стали открывать на свои средства новометодные мектебе. Новшеством стало учреждение при медресе русских классов, которые, как правило, располагались в отдельных учебных помещениях и содержались за счет правительства или земств.

Хотя с 1874 г. мусульманские школы в округе ОМДС находились в ведении МНП, отсутствовали какие-либо строительнотехнические правила относительно их ведения.

Приходское духовенство. Как известно, ислам не имеет кастового духовенства, у суннитов отсутствует институт церкви в качестве посредника между верующими и Аллахом. По шариату каждый мусульманин, знающий обряды веры, мог выступить в роли руководителя общественной молитвы (кроме праздничной), совершать погребение, обряд наречения имени новорожденному, ритуал бракосочетания и т.д. В приходах округа ОМДС исполнение этих ритуалов было сосредоточено в руках указных мулл.

Такой порядок усматривал осуществление правительством контроля за общественной жизнью религиозных общин.

В Средней Азии, куда татарские юноши выезжали для углубления религиозного образования, заключительным этапом подготовки после завершения медресе являлось обучение в ханаке (суфийской обители), после которого молодой человек получал от учителя-мюршида благословение. В Волго-Уральском регионе официальные духовные лица являлись одновременно и суфиями – представителями тарикатов. В медресе, наряду с обучением религиозных дисциплин, шакирды готовились стать мюрридами мударриса-мюршида. Так воспитание в тасаввуфе стало необходимым элементом духовного становления татарского духовенства [Мухаметзянова, 2008, с.29]. В 1800–1860 гг., по неполным данным, на территории современного Башкортостана число мударрисов, получавших религиозное образование за границей, составляло 21%, в 1860–1890-е гг. – 13,5%. Именно в их руках находились крупные медресе, и они оказывали большое влияние на учебный процесс в регионе [Хабутдинов, 2000, с.57, 76].

В духовно-назидательном плане служебные обязанности мулл заключались: «а) в представительстве во время богослужения в мечети; б) в преподавании прихожанам необходимых религиозных познаний; в) в постоянном, неустанном произношении прихожанам проповедей о необходимости мира и согласия между всеми мусульманами, произнося таковые проповеди в самых благородных и мягких выражениях; г) в умении ценить религиозное родство мусульман и общечеловеческие права и дорожить ими, равно и в умении склонять к тому же массу населения» [Сборник циркуляров, 1902, с.41].

Практически вся духовно-административная власть в махаллях была сосредоточена в руках духовенства. Как духовный руководитель общины мулла разбирал семейные конфликты между супругами, детьми и родителями, вынося назидания и увещевания; в качестве судьи производил раздел наследства по нормам шариата, занимался образовательной и воспитательной деятельностью в местной конфессиональной школе (не-

Хаджа и муллы.
Уфимская губ.
Фото М.А.Кру-
ковского.
Нач. XX в.

редко содержал ее). Помимо руководства общественной молитвой, заключения браков и регистрации разводов, наречения имени, проведения похоронно-поминального обряда, участия в поминках по шариату и решения различных споров, имамы осуществляли функции, возложенные на них официальной властью: объявляли и разъясняли правительственные распоряжения, вели метрические книги.

Духовенство выполняло очень важную функцию – функцию организатора социальной жизни махалли: убеждало прихожан в необходимости достойного содержания мечетей, школ, кладбищ, моральной поддержки лиц, попавших в беду; соблюдения санитарно-гигиенических норм в повседневной жизни и реализации санитарно-эпидемиологических постановлений администрации и земств и т.д.

На образ жизни и поведение приходских мулл существенное влияние оказывала среда обитания – проживание их основной массы в сельской местности. Одинаковое с крестьянами правовое положение, наличие крестьянского хозяйства объединяли их социально-экономические и общественные интересы с интересными прихожанам-хлебопашцев.

Религиозно-нравственное влияние муллы в приходе зависело от его моральных качеств, интеллектуальных способностей,

образа жизни, поведения. Если мулла усердно исполнял свои обязанности, был трезв, зорко следил за поведением прихожан, он пользовался авторитетом среди прихожан и был общепризнанным руководителем социокультурной жизни прихода.

В Приуралье во второй четверти XIX в. некоторые муллы, ссылаясь на поддельный указ Оренбургского губернского правления на татарском языке, предписывавший имамам наказывать мусульман, не посещающих мечеть, стали применять к прихожанам телесное наказание. В последующие десятилетия, несмотря на прямые запреты администрации, практика телесных наказаний муллами своих прихожан за несоблюдение норм шариата была широко распространена в мусульманских селениях Оренбургской губ., их часто применяли в отношении лиц, явившихся в мечеть в пьяном виде. Махалля поддерживала подобные действия мулл, воспринимала такие наказания как справедливую кару [Денисов, 2011].

Об имеющихся в традиционных общинах проблемах по организации религиозного уклада свидетельствовал договор, заключенный в 1845 г. между имамом и жителями д.Тюнтер Малмыжского у. Вятской губ. относительно исполнения последними религиозных обязанностей. Прихожане подписались в том, что: не будут изготавливать и употреблять пиво и другие спиртные на-

питки, воздержатся от поступков, противных шариату, без веских причин не будут пропускать утренний и вечерний намазы, не разрешат членам семей посещать места, противные исламу, не будут препятствовать «в жизни и вероисповедании правдивым поступкам односельчан». В случае нарушения вышеизложенного они готовы были понести наказание [Фэхреддин, 2010, б.32].

Духовные лица проводили большую работу по утверждению исламских традиций и образа жизни. Усилиями имамов в конце XIX в. прекратилось празднование в селениях праздника Науруз. Однако, несмотря на их старания во исполнение предписаний ОМДС в периоды правления муфтиев Г.Абдрахимова, Г.Сулейманова, С.Тевкелева, купцов-мусульман г.Казани и казанского губернатора в 1880-е гг. о запрещении народного праздника Джиен, последний сохранил свою важную роль в праздничной культуре татар [Тагары, 1967, с.225–227, Заһидуллин, 1991, б.174–176; Хабутдинов, 2010, с.59].

Духовенство являлось частью национальной элиты, выступало хранителем исторической памяти народа, служило образцом благочестия для прихожан. В традиционной общине духовенство обладало огромной властью из-за отсутствия в сельской местности представителей феодального сословия. Глубоко символично, что сами муллы именовали прихожан – членов крестьянской общины – «кара халык» (черный люд).

За десятилетия исполнения муллой пастырских обязанностей на его глазах выросло несколько поколений прихожан, во всех важнейших событиях их семейной жизни он в той или иной степени принимал участие. Поэтому в небольшом приходе мулла знал каждого прихожанина.

Увеличение численности соборных мечетей в определенной степени влияло и на рост численности духовенства. Если в 1833 г. в каждом приходе насчитывалось в среднем 1,25 духовных лиц, то в 1850-е – 1911 гг. этот показатель составлял примерно 1,6–1,8 чел. [Загидуллин, 2007, с.143]. Причем численность муэдзинов была в два раза меньше числа мечетей, следовательно, в половине мечетей обязанности муэдзинов выполняли негласно определенные общиной лица или

сами имамы, или отдельные лица, не имевшие соответствующего свидетельства.

Причинами отстранения духовного лица от должности были жалобы прихожан или отдельных лиц о нерадивом исполнении им обязанностей, частых отлучках, нетрезвом образе жизни, ссорах в мечети или возбуждении раздоров среди прихожан, неверной записи в метрической книге [РГИА, ф.821, оп.150, д.404, л.46; ЦИА РБ, ф.И-295, оп.1, д.271 и др.] и т.д. В случае потери муллой доверия прихожан ОМДС «прислушивалось к их мнению» [Гильмутдинов, 2005, с.56].

В середине XIX в. П.Пашино выделил (исходя из профессиональной и общественной деятельности в махалле) несколько типов духовенства. Небольшую группу составляли муллы, увлеченные поэзией и чтением религиозных книг, они пользовались большим уважением и любовью прихожан. Изредка встречались муллы, интересующиеся историей, географией, фиксирующие в тетрадях происходящие в данной местности события. Представители этих групп строго исполняли свои пастырские обязанности. Некоторые муллы зарабатывали средства лечением от болезней (нашептыванием, произношением фраз из Корана). Муллы-«ханжи» встречались редко. Мулл-торгашей, знающих русский язык, мулл-куштанов, ходатаев и представителей общины, интересовали коммерция и разбирательство тяжб, они нередко пренебрегали своими прямыми обязанностями, не всегда исполняли пятивременный намаз, перепоручая его муэдзину, более того, «понюхивают себе табачок, не отказываются от водочки, любят живую беседу и новые знакомства, в особенности с русскими, и живут себе припеваючи, карман набиваючи» [Шино, т.81, с.277]. Ишаны являлись мударрисами, заведующими крупными медресе и обучали шакирдов-последователей. Они пользовались огромным авторитетом в селении и округе, были людьми начитанными. Их деятельность сводилась, главным образом, к чтению намаза, преподаванию, оказанию помощи и моральной поддержки попавшим в трудную ситуацию мусульманам. Всех остальных (а они составляли большинство) имамов П.Пашино делил на «плутоватых» и «сонных», которые ничего не делают и «по

Свидетельство об успешной сдаче экзамена на знание русского языка У.Абдулгаизовым, кандидатом на должность сельского муллы д.Ст. Ашит Казанской губ. 1904 г.

большинству своему служат представителями этой нации, духовно уснувшей, вследствие различных обстоятельств» [Шино, т.81, с.270–290].

Г.-Р.Ибрагимов в 1895 г. указывал в качестве главных недостатков татарского общества: разногласия между членами религиозных общин и враждебность между учеными; сведение имамами сути исламского учения к правильному ношению бороды, чалмы, пострижению усов и исполнению ритуалов; падение уровня религиозного образования среди приходского духовенства и их нравственного авторитета среди прихо-

жан; различные волнения и беспорядки, вызываемые слухами о крещении [Габдерәшит, 2011, б.64, 65, 68].

В пореформенный период муллы-кадимисты выступали против светских предметов в учебных программах медресе и мектебе, считая, что все, что необходимо знать, содержится в Коране, и что его изучение «позволяет ответить на любые вопросы» [Машанов, 1911, с.124]; они приравнивали изучение русского языка к действиям, противоречащим исламу [РГИА, ф.821, оп.8, д.1051, л.50]. Однако после введения в 1891 г. русского образовательного ценза для кандидатов в имамы муллы-кадимисты, заботясь о «теплом месте» для своих сыновей, стали обучать их русской грамоте [Гани, 1998, б.45].

Часть татарских духовных лиц являлась бывшими служилыми татарами или «мурзами в лаптях». Длительное обучение в медресе требовало средств, чего не могли позволить для сво-

их сыновей бедняки. Муллы стремились жениться на дочерях торговцев и купцов, породниться с богатыми. Так формировались родственные связи и клановость среди духовенства [Фәхредин, 2006; 2009; 2010].

Под воздействием отходничества, развития капиталистических отношений на рубеже столетий проявилась тенденция ослабления влияния духовенства на прихожан, что было обусловлено наметившейся общей тенденцией секуляризации российского общества, эти явления отчетливо наблюдались в городской среде [Ибрагимов, 1900, б.5–29].

§ 2. Источники существования исламских институтов

Ильдус Загидуллин

Возведение зданий мечетей и учебных заведений осуществлялось на фоне постепенного сокращения земельных наделов, роста задолженности крестьян по налогам и ссудам и других негативных социально-экономических явлений, имевших место в аграрном секторе. О постройке новой мечети, как правило, община заявляла при появлении мецената, берущего на себя расходы по строительству, в также при наличии определенной суммы или сруба и строительных материалов. Необходимую сумму для возведения мечети собирали посредством сдачи в аренду части общинных угодий, специального мирского сбора по принципу «кто сколько может» или уравнительно, передачи имеющихся «мирских денег», за счет частных пожертвований и т.д. [Гибадуллина, 2008, с.50, 51].

Основная часть мечетей и школ в округе ОМДС возводилась и содержалась на средства крестьянской общины, или нескольких ее членов, или мецената⁶, или духовного лица, которое нередко ставило условием «избрание его сына муллой» [Сенюткина, 2009, с.240–241], оплату его преподавательской деятельности [Мухаметзянова, 2008, с.126] и т.п. В городах мечети и учебные заведения строили, как правило, купцы. Доверенные лица общины по завершении строительства предоставляли приходу сведения о произведенных расходах. При постройке в селении новой мечети средства обычно выделялись прихожанами действующего прихода и вновь образуемого. Если средств для завершения работ не хватало, производился дополнительный сбор по специальной раскладке [Кобзев, 2007а, с.50, 51].

В источниках XIX в. имеется информация о «разваливающимися» мечетях [Шино, т.82, с.50, 51; Штейнфельд, 1893, с.286]. При рассмотрении вопросов, связанных с ремонтом и реконструкцией мечетей, Духовное собрание в соответствии с нормами шариата

та отдавало приоритет наследникам мутаваллиев. В 1840-е гг. К.Фукс писал: «У татар есть довольно странный обычай, что их мечети и школы не могут быть ни строены, ни поставляемы от общества, но от какого-либо богатого человека. Вот, думаю, почему у них некоторые общественные здания, по наружности, так мало поддерживаются в их прочности» [Фукс, 1991, с.22].

Махалли были против специальных «мирских сборов» как у православных крестьян, которые эти деньги использовали на содержание школы, церкви и причта. Однако в действительности татары широко использовали административные ресурсы крестьянской общины, что наиболее наглядно проявлялось, когда сельская община выделяла средства на все действующие в деревни мечети или собирала разовый «мирской» налог на религиозные нужды [Кобзев, 2007а, с.36–37].

Основным препятствием, не позволявшим мусульманам получать от земств материальную помощь на содержание мектебе и медресе, являлось отсутствие в шариате положения, позволявшего получать пособия от подобных учреждений. 8 августа 1906 г. ОМДС провозгласило, что шариат не запрещает использовать земское пособие для построения и содержания мусульманских школ. Лишь после Первой российской революции мусульманские общины Волго-Уральского региона стали видеть в «земском пособии» важную часть дохода приходов [Наганова, 2012, с.79].

В вопросах строительства и ремонта мечетей мусульманам был присущ прагматизм: их, прежде всего, волновали стоимость производимых работ и мастерство строителей [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.6, д.3237], а не их конфессиональная принадлежность.

Не практиковалось содержание при мечети сторожа. За порядком в селении следили дежурные караульщики.

В архиве ОМДС хранится немало дел, в которых представлены сведения о бедственном положении прихожан, стремившихся возобновить общественное богослуже-

⁶ По сведениям Ш.Марджани, известный в Казанской губ. Габдулла бай из д.Мачкара (ум. в 1832 г. в возрасте 100 лет) построил около 150 сельских мечетей [Марджани, 1989, б.387].

ние после пожара [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.6391, л.2–3]. Тяжелое экономическое положение общины, потерявшей в огне часть крестьянских усадеб, и отсутствие меценатов были основными причинами, по которым возведение новой мечети задерживалось от нескольких до пятнадцати лет [НА РТ, ф.4, оп.102, д.9, л.20об.]. Даже крупные общины не в состоянии были немедленно приступить к возведению новой мечети, на сбор средств и приобретение строительных материалов уходило, как правило, 2–3 года [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.11, д.614, л.18–18об., 28–28об; д.672]. Все это время общественные богослужения проходили в доме одного из состоятельных прихожан или в специально построенном для этого здании, которое после возведения мечети использовалось по иному назначению.

В 1839 г. Департамент уделов утвердил положение о страховании крестьянских строений, согласно которому страхование культовых зданий допускалось «с половинной стоимостью», а взнос собирался от «мира» в установленном законом порядке. С 1858 г. они подлежали страховке без ограничения суммы по действительной стоимости [История уделов, т.2, с.336, 340]. МГИ, реально оценивая ограниченные возможности крестьян по предотвращению распространения огня при пожаре, почти в принудительном порядке заставляло сельские общества страховать крестьянские усадьбы. В их список нередко попадали и мечети [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.5988, л.1–2об.]. В пореформенный период страхование общественных зданий в сельской местности было передано земским учреждениям и стало обязательным.

Мектебе содержались за счет родителей учащихся или прихожан [Кобзев, 2007а, с.53].

Вопрос о выделении земли под здание медресе решала сельская община. В деле организации медресе (средней школы) важнейшим являлось наличие тандема ученого муллы, имевшего желание заниматься преподавательской деятельностью, и богатого купца или прихожанина, готового построить здание и ежегодно выделять средства на содержание учебного заведения. Отсутствие вакуфа – стабильного источника существования – делало медресе зависимыми

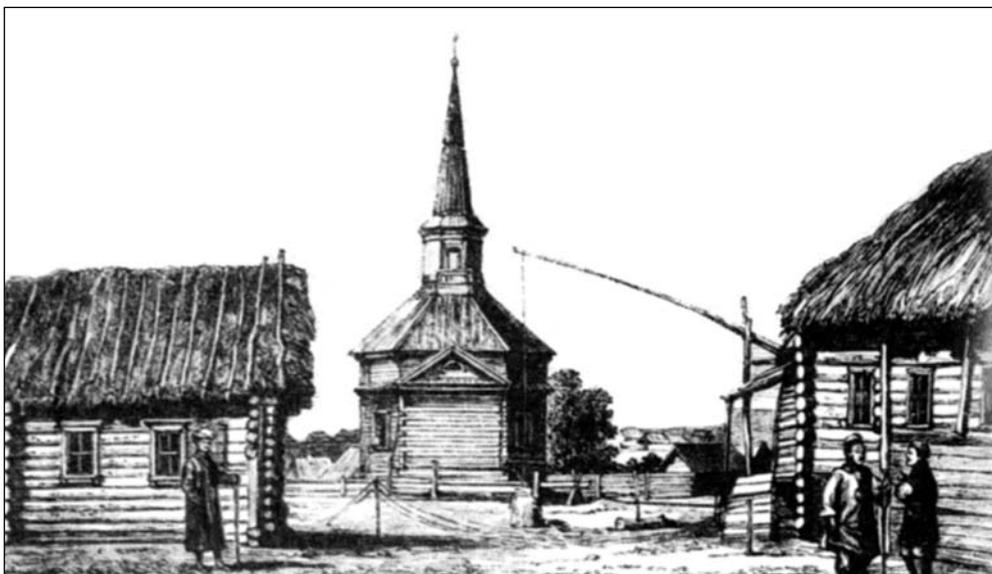
от меценатов-мусульман. Наличие медресе для местных жителей являлось символом развитости махалли, повышало ее авторитет в округе [Мухаметзянова, 2008, с.125, 145].

Крупные медресе представляли собой учебные комплексы, в состав которых входили учебные здания, интернат, кухня и т.д. Мутавалий обычно строил рядом с учебным заведением мечеть, официально считавшуюся культовым зданием сельского общества. Здания медресе были одноэтажными, деревянными или каменными, состояли из одной или двух просторных комнат и кухни, при медресе были приусадебный участок, двор.

Запят считался действительным только тогда, когда мусульманин раздавал его в собственность отдельным личностям, немущим людям. В результате богатые татары старались раздавать деньги в медресе шакирдам, а не на содержание самого учебного заведения – общественная деятельность не признавалась закатом.

В сельской местности, где земля принадлежала общине, мулле, как правило, бесплатно выделялся земельный надел, как духовное лицо он мог быть освобожден от налогов и повинностей. Если мулла был родом из другого селения, то вновь образуемый приход мог предоставить ему жилье или усадебное место под строительство жилья, нередко выделял средства для поездки в Уфу – для сдачи экзамена в ОМДС, и т.д. Земельные наделы, как правило, выделялись безвозмездно в размере одного душевого надела или с учетом душ м.п. в его семье [Кобзев, 2007а, с.53]. В приговоре о выборе духовного лица не оговаривалась конкретная сумма на его содержание. Из-за отсутствия в законодательстве рычагов принуждения к исполнению этого обязательства нередко, особенно в неурожайные годы, духовные лица оказывались в трудном положении.

В татарских приходах муллы, как правило, получали гушер – 1/10 часть урожая хлебов (налог с продуктов земледелия), но фиксировался он очень редко. Гушер существовал лишь в сельских махаллях, но не повсеместно. Там, где существовал этот обычай, муллы жили зажиточнее, чем мечетские служители, не получающие гушера [Коблов, 1998, с.25]. В бедном хозяйстве урожай зерна составлял до 20 телег, в богатом – до 300. Размер гушера каждому

Татарская деревня Симбирской губ. Рис. А.Деррика. 1874 г.

из духовных лиц устанавливали прихожане [Сельский священник, 1874, с.523–524].

Согласно сведениям Р.Фахретдина, нередко учителя русского языка в школах МНП и земства, ища материальную выгоду, отказывались от педагогической должности (годовое жалованье – 300–400 руб.) и становились муллами [Фахретдин, 2012, №2–3, б.87].

В селениях сложных приходов, приписанных к соседней мечети, жители, как правило, не платили гущер. Некоторые муллы для удобства сбора дохода брали вторую жену, поселяли в соседний выселок и при посещении выселка исполняли духовные требы местных жителей [Шино, т.81, с.283].

По некоторым данным, в середине XIX в. в отдельных местностях Оренбургского края лишь каждый пятый служитель мечети получал от своих прихожан фиксированный денежный доход [Фархшатов, 2006, с.291]. Так, в ряде селений Мензелинского у. Уфимской губ. муллы не получали наделов, сами платили земские, мирские, казенные денежные и натуральные повинности, не получали гущера. Более того, на основании круговой поруки в конце столетия сельские общества заставляли их платить свои недоимки по ссудам, которые муллы не получали [РГИА, ф.821, оп.8, д.1072, л.1–2, 36].

Духовные лица, как правило, занимались пчеловодством, нередко – садоводством, в бедных приходах и малочисленных махаллях – хлебопашеством, в состоятельных приходах для ведения своего хозяйства нанимали работников: эксплуатировали задолжавших прихожан, арендовали душевые наделы и т.д. [Коблов, 1998, с.17; Материалы, 1936, с.103–104].

Следующей значимой статьей дохода приходского духовенства являлись пожертвования от прихожан в дни главных религиозных праздников – Ураза байрам (праздник разговения) и Курбан байрам (праздник жертвоприношения). Во время Ураза байрам каждый взрослый прихожанин преподносил своему духовному наставнику милостыню-подарок – съестными припасами или деньгами. Праздничные подношения во время Ураза байрам назывались «фитр садакасы» (араб. закат ал-фитр), носили обязательный характер и составляли в денежном выражении не менее 20 коп. с одного дома [Коблов, 1998, с.24]. В деревнях Волго-Уралья «фитр садакасы» мог составить в совокупности до 100 и более пудов хлеба и от 50 до 100 руб. деньгами, а в городах – до 400–500 руб. [Фархшатов, 2006, с.291].

Практически все муллы несколько раз в году были вынуждены становиться «торговцами»: перепродавали на сельском базаре

или в городе бараньи шкуры, поступившие от прихожан в дни Курбан байрам [Шино, т.81, с.271], а также часть своего гушера в виде зерна, снопов или муки.

В России отсутствовали рычаги принуждения для исполнения одной из священных обязанностей мусульман – закята (налог в пользу нуждающихся мусульман, который составлял 1/40 часть от общей суммы доходов за календарный год и выплачивался в месяц Рамазан). Уплата закята была прерогативой состоятельной части мусульман и являлась сугубо добровольным поступком. Особенность уплаты закята заключалась в том, что он шел, главным образом, на содержание приходского духовенства. Закят также раздавался бедным и учащимся медресе [Юнусова, 2006, с.61]. Понятия «закят» и «садака» (милостыня) среди татар и башкир практически слились и превратились под именем садака в добровольные, но нерегламентируемые пожертвования мусульман, которые шли главным образом на содержание мечетей, школ и духовенства. В середине XIX в. П.Пашино отмечал, что «всякому мулле милостыни подают более, нежели всем нищим деревни вместе» [Шино, т.81, с.284]. В своем циркуляре от 22 июля 1916 г. оренбургский муфтий М.-С.Баязитов призывал правоверных давать закят муллам [Миннуллин, 2006, с.39]. Требуется правовая оценка этого явления. Дело в том, что муллы по шариату не должны облагаться налогами. По шариату ученые, которые не платят податей, а государство не выделяет им жалованья, считаются нуждающимися, за ними признается право получать гушер, фитр и другие обязательные для мусульман пожертвования [Фэхретдин, 1907, б.360].

Дополнительным источником дохода духовенства были исполнение треб (совершение обрядов бракосочетания, погребения, наречения имени и т.д.) и учительский труд. В каждой общине существовал свой минимум ежегодных натуральных и денежных подношений муллам, но зачастую такие доходы носили символический характер. Так, при имянаречении мулле за услуги перепало копеек 10, на свадьбе – 25, на похоронах – 50–60 коп. и т.д. [Фархшатов, 2006, с.291].

Во вновь образованных городских приходах предоставление духовенству жилья

становилось обязанностью богатого торговца или нескольких прихожан. В городской местности, где отсутствовал обычай платить гушер, муллы жили за счет подношений, садака прихожан, который был обильным в дни исламских праздников. Городские приходы, как правило, считались «богатыми», сельские – «бедными».

На рубеже XIX–XX вв., с возрождением движения за обновление ислама, возникали новые организационные формы мусульманской благотворительности, в которую были вовлечены более широкие слои населения. Одной из новых форм коллективного попечения над мечетями и школами стало учреждение при мечетях попечительств, состоявших из наиболее активных членов прихода. При наличии вакуфа они контролировали правильное поступление средств и их целевое расходование.

Арабское слово «вакуф» в буквальном смысле означает посвящение предмета на служение священным целям, в широком смысле – отказ от известного имущества в пользу определенного юридического лица [Ислам, 1991, с.45]. В России вакуф означал неотчуждаемое имущество, предназначенное для определенных богоугодных целей.

В империи признавались вакуфные имущества мусульман на окраинах, присоединенных к России в последней четверти XVIII – второй трети XIX в.: в округах ТМДП, управлений духовными делами мусульман Закавказья (для шиитов и суннитов) и Туркестане.

После 1552 г. в Среднем Поволжье вакуфы были ликвидированы, во второй половине XVIII – первой половине XIX в. они вновь стали возрождаться [Денисов, 2009б, с.46], однако не стали социальным явлением⁷.

⁷ К 1870 г. в ОМДС было зарегистрировано четыре вакуфа: 1) вакуф 1-й гильдии казанского купца Губайдуллы Юнусова – 2 каменные лавки (1830 г.); 2) вакуф 1-й гильдии татарского купца Айтынкина 1-й соборной мечети г.Тары – 30 тыс. руб. асс. (8541 руб. сер.) в банке (1841 г.); 3) денежные средства соборной мечети Москвы и средства от продажи вакуфного дома (159 руб. 90 коп.) в Московской сохранной кассе (1848 г.); 4) вакуф стерлитамакского купца Габдельхалика Ибраева в пользу 1-й соборной мечети г.Стерлитамак – 5 лавок и 90 дес. 1480 саж. земли (1848 г.) с общим с годовым доходом около 120 руб. [РГИА, ф.821, оп.8, д.611, л.34об.].

По шариату право назначения управляющего принадлежит, прежде всего, дарителю, если его нет – душеприказчику, если такового нет, то правительству [Нофаль, 1886, с.180]. Дарителями или их ближайшими родственниками попечительские обязанности воспринимались как личное дело, а предоставление какой-либо отчетности рассматривалось как вмешательство в «семейное дело» или в жизнь махалли.

Специфика вакуфов в округе ОМДС заключалась в том, что, несмотря на отсутствие законодательной регламентации, они имели право на существование. В 1837 г. законодательством был выработан механизм закрепления за религиозными институтами пожертвований от подданных [ПСЗ-2, т.12, отд.1, №10303, п.97]. «Дарения» утверждались МВД на основании представления местного губернатора. Генерал-губернаторы Западной и Восточной Сибири автономно утверждали пожертвования на богоугодные цели [Законы гражданские, 1857, ст.981, прим.]. До утверждения выяснялись личность дарителя, его финансовое положение и объект недвижимости (право собственности, не под залогом ли и т.д.).

По законодательству срок представления и утверждения к исполнению завещания для пребывающих на родине российских подданных составлял 1 год, для находящихся за границей – 2 года (со дня кончины завещателя). По истечении указанных сроков документ считался недействительным [Законы гражданские, 1900, ст.1063]. Окружные суды интересовала правильность составления документа, изменить содержание которого они не имели права.

В переписке с гражданской властью Духовное собрание соблюдало российское законодательство, поэтому оно не имело права использовать термин «вакуф», во взаимоотношениях же с попечителями пожертвованного имущества действовало в рамках шариата. Иначе и не могло быть, потому что дарители в актах пожертвования четко указывали цели и назначение имущества. Шариатом были предусмотрены следующие правила составления вакуфов: 1) употребление термина «вакуф» по отношению к даримому имуществу; 2) «отсутствие всякого ограждения времени существования

вакуфа каким-либо выражением»; 3) точное упоминание для времени существования вакуфа вида жизни или вида смерти, или «обоих видов бытия», т.е. с какого времени имущество получает статус вакуфа – по пожертвованию (при жизни) или завещанию (после смерти). По шариату признание или объявление собственников пожертвованного имущества равносильно формальному акту дарения [Нофаль, 1886, с.180]. В последнем случае ОМДС признавало пожертвования действительными, а с его подачи – и МВД. Ключевую роль здесь играл акт дарения, который становился непроверяемым доказательством истинности устного завещания умершего. Между тем словесные духовные завещания для органов юриспруденции никакой силы не имели [Законы гражданские, 1857, ст.1023].

Недвижимое имущество, принадлежавшее церквям христианских и нехристианских конфессий, и та его часть, которая в случае сдачи в наем не приносила дохода, не облагалась налогами на недвижимость [Устав о прямых налогах, ст.84].

По российским законам пожертвования на религиозные нужды оформлялись на мечети и (или) учебные заведения. В 1889 г. в ОМДС имелись сведения о 21 пожертвованном имении, 10 из которых находились в Уфимской и Оренбургской губерниях [В память столетия, 1891, с.28]. Участие ОМДС в управлении вакуфами всегда было продиктовано необходимостью – в случае жалобы прихожан или наследников жертвователя на мутаваллиев, в случае назначения после смерти дарителя мутаваллием нового лица или нежелания наследников исполнять духовное завещание умершего. Если численность членов религиозной общины не достигала установленного законом норматива прихода, то пожертвование, несмотря на волю умершего, зафиксированную в духовном завещании, передавалось в распоряжение ОМДС, которое после регистрации прихода передавало его по назначению.

В пореформенный период в действиях правительства наметилась тенденция по свертыванию вакуфов на окраинах. Именно поэтому в 1894 г. не удостоился утверждения проект правил, составленный ОМДС на основании системы управления крымскими

вакуфами⁸. Тем не менее в начале XX в. свои действия по контролю над вакуфами ОМДС осуществляло на основании этих неутвержденных правил, обязывая попечителей через каждые шесть месяцев представлять копии арендных соглашений, «максимальный срок был установлен в три года» [Загидуллин, 2006а, с.82–87].

Система вакуфов держалась, главным образом, на честности и порядочности мутаваллиев. В разрешении споров Духовное собрание выступало в качестве справедливого и беспристрастного судьи, постепенно оно снижало уважение мусульманских общин. Нередко дарители уполномочивали религиозное учреждение контролировать мутаваллиев. Не случайно на рубеже XIX–XX вв. в большинстве актов дарения ОМДС называлось в качестве третьей стороны.

Как справедливо отметил Д.Д.Азаматов: «Не получив соответствующей поддержки от правительства, оно пыталось действовать самостоятельно, что получило решительный отпор не только со стороны государственных чиновников, но и вызывало недовольство у крупных благотворителей. Действия Духовного собрания оценивались как вмешательство во внутренние дела мусульманских общин, попытка присвоить собственность культовых и образовательных учреждений. Несмотря на подобные нападки, государственному учреждению удалось выдержать свою линию, направленную на введение двойного контроля над расходами вакуфных средств» [Азаматов, 2000, с.80].

⁸ Согласно этим правилам ОМДС брало на себя функцию их регистрации в МВД, следило за отчетностью мутаваллиев вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности и назначения нового мутаваллия, по согласованию с общиной выступало попечителем вакуфного имущества: при отсутствии мутаваллия по завещанию назначало его по рекомендации махалли; если в духовном завещании отсутствовал пункт о вознаграждении мутаваллия, мог определить жалованье с дохода вакуфного имущества. Утвержденные МВД вакуфные имущества с общего согласия приходского духовенства и мутаваллия, с записью сведений в «шнуровые книги», отдавались в аренду, а капитал – в ссуду. Вакуфный капитал (денежные суммы) мутаваллий должен был вкладывать для приращения процентов в сберегательную кассу или отдавать в ссуду, доходы от которых также вкладывались в кредитно-сберегательные учреждения.

Таким образом, существующее законодательство в целом позволяло мусульманам самостоятельно решать проблемы по возведению и содержанию институтов ислама.

Однако сословные ограничения накладывали отпечаток на реализацию законных прав сельского населения. Согласно «Положению о башкирах» 1865 г. продажа и дарение свободных земель за душевым наделом башкир-вотчинников размере 15 дес. разрешались только казне и сельским обывателям [Азаматов, 2000, с.21]. Общины бывшей государственной деревни стали хозяевами наделов лишь после упразднения в начале XX в. выкупных платежей и уплаты по ним недоимок. В период аграрной реформы Столыпина участки наделной земли, закрепленные в личную собственность отдельных домохозяев, приравнивались к надворно-наследственным участкам, которые могли быть отчуждены только лицам, приписанным или приписываемым к сельским обществам, каковыми религиозные институты не являлись [РГИА, ф.821, оп.133, д.478, л.38]. Наряду с малоземельем и ухудшением благосостояния сельского населения эти факторы явились серьезным препятствием для пожертвований мусульманами наделов в пользу исламских институтов. Получалось, что в сельской местности под вакуф можно было отдать лишь купленную землю. Поэтому в деревне вакуфы имели символическую сумму (зерно, вещи, крестьянские строения, в редких случаях – земля) [Кобзев, 2007а, с.49], в городе это были денежные капитал, недвижимость (лавки, земельные участки, жилые и нежилые строения и т.д.) [Азаматов, 2000].

В округе ОМДС приносящие доход вакуфы не получили широкого распространения и не играли существенной роли в содержании исламских институтов, они были недогими, что было обусловлено особенностями социально-экономического положения и религиозного менталитета татар и башкир. Согласно подсчетам Д.Д.Азаматова [Азаматов, 2000, с.78], к 1917 г. в округе ОМДС имелось 91 учреждение с вакуфным имуществом, мечетям и учебным заведениям принадлежало 49 домов с надворными постройками, два крупных гостиничных комплекса, 20 торговых лавок, 1382 дес. земли и более

516,6 тыс. руб. неприкосновенного банковского капитала. В этот список не вошли ва-

куфы, не получившие должной регистрации в государственных учреждениях.

§ 3. Особенности религиозного уклада возвратившихся в ислам крещеных татар

Ильдус Загидуллин, Александр Кобзев

На организацию возвратившимися в ислам крещеными татарами мусульманского религиозного уклада оказывали влияние такие факторы, как уголовное преследование за совершение исламских ритуалов, контроль и миссионерская деятельность духовной власти и т.д. В дореформенный период номинальные христиане соблюдали мусульманские обряды тайно, внешне придерживаясь православной веры. Качественные изменения в отправлении религиозных обрядов были следствием массового возвращения в ислам крещеных татар в 1860–1870-е гг. и социально-демографических изменений в составе «отпавших» в последующие десятилетия, в частности – следствием роста удельного веса татар, не имевших отношения к церкви. Огромное значение имела моральная поддержка со стороны мусульман, которые считали, что предки «новых» мусульман оставили свою природную веру «под принуждением», и убеждали в этом крещеных татар. Они поддерживали «отпавших», не выдавали их во время судебных расследований [Кобзев, 2007; Загидуллин, 1990, с.66–78].

Важнейшим фактором формирования религиозного уклада являлось совместное проживание большинства новокрещеных (несколько или десятки семейств) с мусульманами. Как правило, «старокрещеные» татары формировали отдельные селения.

С момента публичного заявления о возвращении в ислам «отпавшие» прекращали всякие контакты с церковью, отказывались платить ругу и денежные сборы на ее содержание, признавали только свои мусульманские имена, отказывались выслушивать проповеди священников, вели целенаправленную борьбу с миссионерскими школами: выступали против их открытия [Износков, вып.3, с.48], запрещали своим детям посещать занятия и т.д.

Особенностью организации «отпавшими» религиозно-обрядовой жизни следует признать их стремление трансформировать бикультурную ситуацию в селении в свою пользу. Разными способами, порой с помощью принуждения, «новые мусульмане» воздействовали на «старокрещеных», добиваясь их перехода в ислам. Нередко в хозяйствах шли дискуссии, семьи делились на две части – мусульманскую и христианскую.

С 1880-х гг. причт практически не вмешивался в религиозно-обрядовую жизнь «отпавших», проживавших совместно с мусульманами. Однако власть не допускала официального присоединения их к местной махалле.

Указные муллы и «отпавшие». Установленный властью для мулл запрет вести миссионерскую деятельность среди христиан негативно сказывался на взаимоотношениях имама с «новыми» мусульманами-односельчанами. Публичным проявлением таких контактов была общественная молитва в мечети. Существовала негласная договоренность: «отпавшие» должны были находиться в последних рядах молящихся. В случае полицейской проверки это обеспечивало мулле алиби на предмет его непричастности к появлению их в мечети. До конца 1880-х гг. муллы крайне редко допускали «отпавших» односельчан к общественной молитве [НА РТ, ф.1, оп.3, д.5720, л.20об.; ф.4, оп.1, д.6578, л.27об.; РГИА, ф.821, оп.8, д.782, л.16–19]. Ситуация начала меняться, когда подросло новое поколение «новых» мусульман, не имевших отношения к церкви. Подвергая себя опасности, местный имам порой исполнял у них требы. При этом акты их гражданского состояния не фиксировались в метрической книге [РГИА, ф.821, оп.8, д.786, л.56–57об.].

Контакты «отпавших» с муллой соседнего селения были довольно распространенным явлением, что обеспечивало конспира-

тивность исполнения обрядов [НА РТ, ф.4, оп.94, д.22, л.77]. Услуги не обходились без щедрого вознаграждения – мулла получал материальную компенсацию за то, что подвергал себя опасности уголовного наказания.

В 1890-е гг. в своих прошениях, адресованных губернской администрации, центральным органам власти, «отпавшие» просили присоединить их к местной или соседней махалле, что свидетельствовало о качественных изменениях, наметившихся во взаимоотношениях с местными муллами.

Общественные муллы. Большинство имамов боялось устанавливать контакты с «отпавшими», что способствовало появлению института общественных мулл. Эту миссию часто выполняли грамотные татары из других селений, временно проживавшие в данном поселении, или активисты из числа «отпавших». Молитвенные собрания нередко проводились в доме общественного муллы или под его руководством в другой избе. По мере усвоения основ ислама повсеместно общественными муллами становились лица из числа самих «отпавших» [НА РТ, ф.4, оп.94, д.22, л.77].

Сбор средств на организацию общественной молитвы, обучение детей и исполнение треб осуществлялся по уже сложившейся у татар модели.

«Семейные муллы». В первые десятилетия после публичного возвращения в ислам крещеные татары не всегда имели общественных мулл. Опасаясь, что их привлекут к уголовной ответственности, они совершали исламские ритуалы тайно, в кругу семьи. Существовала традиция передачи конфессионального опыта через устное заучивание молитв соответствующих ритуалов. В качестве исполнителя ритуалов погребения и наречения имени, как правило, выступал глава семьи или кто-либо из родных, знающий религиозные обряды [НА РТ, ф.13, оп.1, д.1043, л.326]. Таким образом «отпавшие» избегали принудительного крещения новорожденного и погребения по христианскому обряду умершего родственника.

В конце XIX в. по мере ослабления административного контроля, особенно после отмены в 1894 г. уголовного преследования возвратившихся в ислам «за мусульманский уклад жизни», потребность в «семейных

муллах» отпала. Во многих селениях действовали общественные муллы, которые, исходя из своих возможностей, исполняли практически все или часть функций указанных мулл. В населенных пунктах, где проживали и «отпавшие», и мусульмане, эти функции постепенно переходили в компетенцию указных мулл.

Совершение погребения по исламскому ритуалу. Уголовное преследование за погребение по исламскому ритуалу и вероятность перезахоронения вынуждали «отпавших» совершать этот акт тайно. В 1880-е гг. в Малмыжском у. Вятской губ. «отпавшие» сами хоронили умерших родных на православных кладбищах, но по исламскому ритуалу или безо всяких обрядов, что, видимо, было связано с желанием сохранить в тайне этот поступок, незнанием ритуала или невозможностью пригласить муллу или лицо, «знающее порядок погребального обряда мусульманина» [РГИА, ф.821, оп.8, д.786, д.45–47об.]. В экстремальной ситуации «отпавшие» воспринимали православное кладбище как возможное место захоронения по исламскому обряду.

В деревнях, где проживали мусульмане и «отпавшие», существовала негласная договоренность о захоронениях вне кладбища, иногда родные хоронили умершего на приусадебном участке, так как он не выносился на коренной передел в общине и всегда оставался за конкретным хозяйством, или на местности, не затронутой пашней и не являвшейся пастбищем или сенокосным угодьем. В «старокрещенских» селениях возникало новое мусульманское кладбище. В местах совместного расселения с мусульманами в конце XIX в. захоронения «отпавших» производились на местном мусульманском кладбище.

Бракосочетание и развод. Сложившийся ритуал бракосочетания требовал участия постороннего человека, в роли которого у мусульман традиционно выступал указной мулла. Между тем муллы крайне редко совершали никах, боясь потерять духовную должность. Совместную жизнь молодожены начинали после моления или совместного с родителями моления в доме невесты, или без каких-либо ритуалов, путем добровольного ухода девицы к жениху, нередко вместо обряда одной из сторон читалась какая-нибудь

молитва. Обряд бракосочетания часто совершали «семейные муллы» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.228, л.18–18об.] или общественные муллы. Подавляющее большинство браков совершалось между возвратившимися в ислам крещеными татарами. Мусульмане также брали в жены «отпавших».

Циркуляром от 28 мая 1892 г. ОМДС решило муллам совершать обряд бракосочетания на основании записи в паспортах. Это предписание позволяло мулле регистрировать браки между «отпавшими» в случае наличия в паспорту отметки о соответствующем вероисповедании [НА РТ, ф.4, оп.131, д.26, л.5].

В конце столетия у «отпавших» постепенно установились мусульманские обряды бракосочетания и развода, получило определенное распространение многоженство.

Питание и пост. Пища является одним из ключевых исламских маркеров, предполагающих автономную организацию ее приготовления и употребления. Данный вопрос полностью находился в компетенции семьи. Священники и миссионеры в своих рапортах сообщали о соблюдении «отпавшими» мусульманского поста, что подразумевало также заботу домашних скота и птицы по мусульманскому обряду, исламскую молитвенную практику до и после приема пищи и т.д.

Совершение обряда обрезания. Как правило, «отпавшие» стремились во всем соответствовать мусульманам, что имело для них принципиальное значение. Непременным «атрибутом истинного мусульманина» для «отпавших» было обрезание, которое выполняли общественные муллы или приглашенные из татарских деревень специалисты [НА РТ, ф.1, оп.3, д.3068, л.4–26об.].

Совершение хаджа. «Отпавшие» позиционировали себя как мусульмане, что выражалось в их стремлении совершить хадж. Пилигримство – неперемнная обязанность мусульман – для жителей Волго-Уральского региона было дорогостоящим мероприятием. Отмечены единичные факты его исполнения «отпавшими».

Организация религиозного обучения. Дети «отпавших» актуализировали их социализацию в мусульманском социокультурном пространстве. Для обучения грамоте своих детей, мальчиков и девочек, в тайных домашних школах они приглашали из со-

седних селений татар (татарок), знающих молитвы и грамоту. Проживая в доме одного из местных жителей, они в осенне-весенний период обучали детей основам ислама. Нередко местом обучения являлся тайный молитвенный дом. Расходы на содержание и услуги учителей брали на себя родители учащихся, некоторые учителя обучали воспитанников бесплатно, считая свою педагогическую деятельность богоугодным делом. Часть «отпавших» отправляла своих детей на обучение в мектебе или медресе соседних уездов или губерний.

В селениях, где одновременно существовали тайные мусульманские школы «отпавших» и учрежденные духовной властью православные миссионерские школы, наблюдалось «соперничество» между их учащимися и родителями [Известия, 1883, с.771–772].

В отличие от традиционных махаллей в семьях «отпавших» мусульманские религиозные книги, молитвы и ритуалы изучали и дети, и их родители.

Махалли «отпавших». В сельских обществах «отпавших», где не было мусульман и большинство жителей открыто заявляли о переходе в ислам, вскоре появлялись общественные муллы и молитвенные здания. Архитектурным выражением такой махалли являлось специальное здание — молитвенный дом, построенный в направлении кыйблы⁹.

Религиозные собрания также проводились в доме одного из местных жителей [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9740, л.1]. Тот, кто жертвовал помещение или здание под молитвенный дом, как правило, становился муэдзином и отвечал за чистоту и порядок в здании, заботился об отоплении, решал другие хозяйственные вопросы. Муллой становилось лицо, хорошо знающее обряды.

Важнейшими атрибутами махалли «новых мусульман» являлись также общественный мулла, домашние конфессиональные школы, мусульманское кладбище. Общественные муллы исполняли практически все требы односельчан: обряды погребения

⁹ В конце XIX в. молитвенные дома действовали в селениях Большие Кибяк-Кози, Ельшево, Азяк, Верхнее Никиткино, Починок Шемордан Казанской губ. [Багин, 1910, с.12]. Татарская Буинка, Трех Болтаево, Бюрганы Симбирской губ. [Кобзев, 2007а, с.231–233].

и обрезания [НА РТ, ф.1, оп.3, д.1278, л.1–1об.], бракосочетания [НА РТ, ф.4, оп.109, д.6] и т.д. Если их в селении было два, то они делили между собой обязанности имама и муэдзина.

Первые общественные муллы, как правило, не имели религиозного образования, поэтому занятия в мектебе чаще всего вели приглашенные из соседних селений грамотные татары. Специальных зданий для мектебе обычно не было. Этим объяснялось существование в крупных общинах «отпавших» одновременно нескольких домашних школ, что обеспечивало конфиденциальность их жизнедеятельности.

В конце XIX в., по мере появления подготовленных общественных мулл, практически все обязанности указного муллы постепенно переходили в их компетенцию. Общественный мулла становился единственным или одним из учителей для сыновей своих прихожан. При молитвенном доме «отпавших», помимо имама, служил муэдзин.

В 1860–1880-е гг. в мусульманских деревнях параллельно функционировали две

религиозные организации: 1) махалля во главе с указными муллами – официально зарегистрированный мусульманский приход, и 2) «религиозная община» или объединяющая несколько семей возвратившихся в ислам «конфессиональная группа». В поликонфессиональных селениях они функционировали наряду с православным приходом, а в деревнях, население которых полностью состояло из «отпавших», были неофициальные религиозные общины с общественными муллами, домашними школами и молитвенным домом.

В 1890-е гг. в селениях, где имелись мечети, наблюдались устойчивые контакты потомков «отпавших», не имевших отношения к церкви, с местными муллами, и их интеграция в местные махалли, хотя муллы не фиксировали акты их гражданского сосуществования.

Ко времени объявления закона «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. большинство общин «отпавших» вело мусульманский образ жизни, который мало чем отличался от религиозного уклада махаллей.

§ 4. Оренбургское магометанское духовное собрание (Махкама-и Шаргия Ырынбургия)

Наиль Гарипов

Формально статус официальной религии в Российской империи ислам получил после 17 июня 1773 г., когда вышел указ «О терпимости всех исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все силы светским начальникам» [ПСЗ-1, т.19, №13996]. Основой для этого указа послужил «Наказ», который Екатерина II направила 30 июля 1767 г. в Уложенную комиссию, где было сформировано идеологическое обоснование политики правительства [ПСЗ-1, т.28, №12949]. Признание ислама одной из «терпимых» религий означало необходимость создания в России нормативно-правовой базы государственно-церковных отношений.

Повсеместное усиление государственного контроля за назначением мулл началось с именного указа от 28 января 1783 г. «О дозволении подданных магометанского закона

избирать самим у себя ахунов» [ПСЗ-1, т.21, №15653].

Царский указ от 22 сентября 1788 г. об учреждении специального правительственного органа для мусульман был направлен на формирование лояльной к имперским устоям группы духовных лиц из числа российских подданных, которые были призваны противодействовать проникновению антиправительственной исламской идеологии из Османского государства и среднеазиатских ханств. По-русски это учреждение называлось Духовным собранием, или муфтиятом, по-татарски – Шариятским управлением (Махкама-и Шаргия). Легализация приходского мусульманского духовенства и учреждение религиозного управления свидетельствовали об интеграции ислама в общеимперское правовое пространство. Учредив духовное управление,

российское правительство надеялось создать в среде мусульманского духовенства такую же вертикаль управления, как и в РПЦ.

Оренбургский муфтий назначался самодержавной властью по представлению министра внутренних дел [Уставы духовных, 1896, ст.1422]. Любое судебное расследование над оренбургским муфтием должно было проводиться в Сенате, что означало его высокий статус [Азаматов, 1996, с.44].

Первым шагом на пути систематизации деятельности религиозного управления стал указ Сената от 17 августа 1793 г. «О выборе мулл в учрежденное в Уфе Духовное правление магометанского закона через три года» [ПСЗ-1, т.23, №17146]. В соответствии с правилами функционирования судебных губернских учреждений среднего звена Сенат объявил о смене заседателей Духовного собрания из числа духовных лиц Казанской губ. через каждые три года. С 1890 г. кадии стали назначаться исключительно по представлению муфтия и утверждались министром внутренних дел.

Духовное собрание представляло собой коллегиальное учреждение, состоявшее из муфтия и трех казыев. Дела решались простым большинством голосов его членов. Личные решения муфтия не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению [Азаматов, 1996, с.12].

Территория округа ОМДС была единожды очерчена в именном указе Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Новый правительственный орган был призван осуществлять руководство мусульманским духовенством Российской империи, за исключением Таврической губ. В 1868 г. из ведения ОМДС были выведены казахи (кроме Букеевской орды). Таким образом, в округ ОМДС во-

Здание бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа. Фото сер. XX в. Совр. ул.Тукаева, д.50.

дила огромная территория (за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и степных областей).

Помимо ОМДС в стране существовали еще три религиозных управления мусульман. В конце XVIII в. было учреждено ТМДП. В 1872 г. были образованы два управления духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье, деятельность которых не распространялась на Черноморскую губ., Дагестанскую, Батумскую и Карскую области и Закатальский и Сухумский округа. Не имели духовных управлений казахи, а также мусульмане, проживавшие в Кубанской и Терской областях и в Ставропольской губ.

Деятельность ОМДС контролировалась МВД и местным губернским начальством. В 1817–1824 гг. оно находилось в составе вновь образованного Министерства духовных дел и народного просвещения, которому были подведомственны все религии в государстве, затем – вновь МВД.

Первый оренбургский муфтий Мухаммаджан Хусаинов (1788–1824) приложил немало усилий для становления Духовного собрания [Ишмухаметов, 1979, с.32]. В 1787 г. по настоянию М.Хусаинова вышло первое в России печатное издание Корана, что послужило толчком для развития книгопечатания среди татар. Он вел активную деятельность по восстановлению разрушенных культовых

зданий, предлагал расширить круг вопросов, рассматриваемых в муфтияте.

Для расширения функциональных возможностей ОМДС муфтий стремился максимально использовать свое высокое положение. Доказательством этого служит подготовленный им проект реорганизации системы мусульманского образования, предполагавший создание мусульманских училищ при Казанском университете и в Оренбурге под наблюдением генерал-губернатора, где наряду с религиозными науками намечалось преподавание светских дисциплин: арифметики, географии и др., изучение персидского, арабского, турецкого и татарского языков. М.Хусаинов считал обязательным для духовенства знание русского языка. Лучшие выпускники медресе могли поступить в Казанский университет. При этом муфтий настаивал на том, чтобы студенты-мусульмане были уравнены в правах с православными студентами [Вишленкова, 1998, с.30–31].

Преемником М.Хусаинова стал ахун Габдессалам Габдрахимов из Оренбурга (1824–1840), который продолжил дело своего предшественника и пытался усилить роль муфтията, но проводимая Николаем I политика ограничивала эту возможность [В память столетия, 1891, с.45]. Наиболее значимым событием в годы его правления стало введение в 1829 г. метрических книг. Муллы, как и православные священники, начали регистрировать в своих приходах акты гражданского состояния. Это был первый шаг по учету мусульманского населения в округе ОМДС.

В 1840 г. место председателя ОМДС занял Габдулвахит Сулейманов (1840–1862). По свидетельству Ш.Марджани, он перевел много религиозных книг с турецкого, увлекался медициной. Муфтий разработал Правила семейно-брачных отношений, которые были изданы в 1841 г. [Сборник циркуляров, 2004, с.15–18].

В 1857 г. впервые был составлен устав религиозного управления. Согласно уставу ОМДС, в его ведении находились следующие вопросы: 1) духовная администрация: производство испытаний в знании законов ислама лицами, избранными приходами на духовные должности; надзор за действием духовенства через местных ахунов, определение степени вины и взысканий

духовного лица; дела, касающиеся богослужения, обрядов и постройки мечетей; 2) духовный суд: дела о заключении и расторжении браков мусульман и об отношении детей с родителями; 3) проверка метрических книг, где фиксировались даты рождения, бракосочетания и смерти прихожан, выдача по ним справок; 4) гражданский суд (по мусульманским законам): спорные дела по завещаниям и наследствам, а также имущественные притязания при расторжении браков и споры между родителями и детьми [Уставы духовных, 1896, ст. 1347, 1399].

Споры в области наследственного и семейного права Духовное собрание решало по законам ислама. По делам о неповиновении родителям и «нарушении супружеской верности» религиозное учреждение ограничивалось «увещаниями и наложением духовного наказания и исправления». Уголовное наказание определяли органы юриспруденции. Предание суду и возбуждение судебного преследования также не входили в функции ОМДС. Духовное собрание могло лишь сообщать губернской администрации о незаконных поступках духовных лиц и рекомендовать о возбуждении уголовного дела.

В своей деятельности Духовное собрание руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Под давлением правительства ОМДС принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применять те положения шариата, которые явно противоречили законам Российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом.

Делопроизводство в канцелярии Духовного собрания велось на русском языке. Русский образовательный ценз для членов ОМДС был введен лишь в 1891 г. Заседания ОМДС велись на татарском языке, а в журнале заседаний фиксировался перевод на русский язык.

Жалобы на решения Духовного собрания подавались начальнику губернии, который, потребовав от Собрания нужные сведения, представлял их на рассмотрение центральной власти [Свод учреждений, 1857, ст.1239].

Габдулвахит Сулейманов.

Салимгарай Тевкелев.

Мухамедьяр Султанов.

В штат организации входили секретарь, переводчик, регистратор, столоначальники и т.д. [В память столетия, 1891, с.14–15]. Из-за малочисленности штатных единиц, увеличения объема работ, низкой оплаты сотрудников и постоянных финансовых затруднений в ОМДС «были проблемы в ведении делопроизводства» [Азаматов, 1996, с.82–87].

В 1865 г. муфтием был назначен дворянин Салимгарай Тевкелев (1865–1885 гг.), отставной штаб-ротмистр. Его кандидатура была неоднозначно воспринята частью мусульманского духовенства, в частности, его роль в качестве муфтия низко оценивал Ш.Марджани. Однако в условиях ограничения прав деятельность муфтия не могла быть более активной. С.Тевкелев был первым муфтием, который вел активную благотворительную деятельность.

Указом от 2 января 1886 г. на должность муфтия ОМДС был назначен дворянин Мухамедьяр Султанов (1886–1915 гг.), мировой судья, отставной подпоручик. М.Султанов получил традиционное для мусульман образование. Окончил гимназию, затем поступил в Казанский университет (но из-за болезни ушел с первого курса) [В память столетия, 1891, с.43–45]. Он занимался собственно вопросами религиозной ритуальной практики и теологии. В изданиях Хафтияка (наиболее распространенные и читаемые части Корана. – *Н.Г.*) было обнаружено множество ошибок. Небрежное отношение

издателей к священным книгам мусульман вызвало множество нареканий со стороны верующих. В 1889 г. были отредактированы казанские издания Корана и Хафтияка [Сборник циркуляров, 1905, с.112].

В 90-е гг. XIX в. проявилось стремление Собрания разработать нормативно-правовые акты по регламентированию жизнедеятельности исламских институтов, в частности статуса духовенства, наметилась тенденция по систематическому разъяснению отдельных догматических и вероисповедных вопросов в исламе, вызывавших затруднения у духовных лиц, начались систематизация архива и составление описей документов. Итогом целенаправленной работы стало издание в 1903 г. и 1905 г. «Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания» на татарском и русском языках [Сборник циркуляров, 1903; Сборник циркуляров, 1905]. В конце XIX в., когда вопрос о возвращении крещеных татар в мусульманство стал очень актуальным, муфтию М.Султанову пришлось пойти на уступки и запретить обращать в ислам язычников и христиан. Но, несмотря на постоянный пресинг со стороны самодержавно-церковной власти, в 1894 г. муфтий запретил мусульманам употреблять «мясо русского резания» [Сборник циркуляров, 1905, с.57–58, 103].

В своих циркулярах, издаваемых в конце XIX – начале XX в., Духовное собрание неоднократно высказывалось за преодо-

ление схоластики и схематизма в системе мусульманского образования, приветствовало введение в программы учебных заведений среднего и высшего звена начальных коранических школ светских предметов и русского языка, стремилось к распространению джадидистских идей среди мусульманского населения своего округа, выступало за обновление общественной жизни махаллей.

§ 5. Применение норм шариата в семейно-бытовой жизни татар-мусульман

Ильшат Мухаметзарипов

Как известно, мусульмане в повседневной жизни руководствуются шариатом – совокупностью норм, базирующихся на Коране и Сунне. Между тем до начала последней четверти XVIII в. российские власти не уделяли внимания правовому регулированию семейно-бытовых отношений нехристианских народов империи. Поэтому можно предположить, что у татар-мусульман отношения в сфере семьи и наследования строились на нормах, унаследованных от предков (т.е. на обычном праве).

Подобное «полулегальное» положение шариата имело место до издания Манифеста от 17 марта 1775 г., которым были отменены все установленные ранее ограничения брака для людей «всякого рода и поколения» [ПСЗ-1, т.20, №14275]. Отныне «каждому племени и народу... дозволяется вступать в брак по правилам их закона» [Свод законов гражданских, 1900, ст.90]. Закрепление подобной «отсылочной» нормы создавало возможность применения совокупности мусульманских брачно-семейных норм.

Вместе с тем российское правительство внесло некоторые изменения. Браки и разводы мусульман подлежали обязательной письменной регистрации. Действительным признавался только брачный договор мусульман, составленный духовенством по правилам шариата в присутствии свидетелей и внесенный в метрические книги [Решения Гражданского кассационного департамента, 1905, с.40, 41]. Законным признавался лишь брак, отраженный в метрических книгах [Свод законов гражданских, 1900]. Метри-

ческие книги являлись защитником интересов российской уммы, касающихся расширения сферы применения шариата в имперском социокультурном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей российских мусульман. Деятельность управления в целом служила усилению значения исламских ценностей среди татар и башкир, духовной консолидации мусульман.

ческие книги являлись особым документом не только в семейных, но и в имущественных отношениях мусульман [Законы о браке и разводе, 1899, с.110, 111].

Установленный исламом брачный возраст в России претерпел значительные изменения. Если шариат допускает брак с 15 лет для мужчин и с 9 лет – для женщин [Шариатные, 1910, с.1], то в России с 1835 г. стал действовать указ Сената о распространении на мусульман требований о возрасте вступающих в брак (18 лет для мужчин, 16 лет – для женщин) [ПСЗ-2, т.10, №7990]. Исследователи отмечают, что большая часть мусульман следовала указанным положениям [Н-чь, 1869, с.22].

По шариату обязательное присутствие священнослужителя при вступлении в брак не требуется. Необходимым условием является лишь наличие свидетелей – валиев [Шариатные статьи, 1910, с.2]. Но пункт 2 Правил ОМДС о браке 1841 г. закреплял, что только приходские имамы могли «совершать брак». Хотя п.1 Правил упоминал о «частном порядке» венчания, на практике, например, в деле Б.Ваисова, самостоятельно вступившего брак с двумя женами, ОМДС пришло к выводу «о недопустимости самовольного исполнения кем-либо обязанностей духовного лица» [НА РТ, ф.2, оп.3, д.413].

Согласно нормам шариата, каждый мусульманин, вступая в брак, обязан выделить невесте определенную часть своего имущества («махр») [Шариатные статьи, 1910, с.7, 8]. Махр, как собственность жены, не

входит ни в наследственную, ни в конкурсную массу [Баязитов, 2005, с.128]. У татар понятие «махр» часто заменялось понятием «калым» (выкуп за невесту) [Валеев, 1993а, с.160]. Согласно Правилам ОмДС о браке, валии невесты не должны были брать себе в счет калыма вещи (имущество) под предлогом затрат на воспитание невесты. В числе таких вещей упоминались лошадь, продовольствие, иные предметы. Все мусульмане, лично или через валиев, при бракосочетании должны были в присутствии имама назначить калым и указать в метрической книге сумму первой и второй половин калыма («магаджал» и «моаджал»). При этом предписывалось поступать сообразно положению и средствам, а супруге запрещалось «отказываться от супружеской жизни и заводить спор» с целью получения второй половины калыма [Сборник циркуляров, 2004, с.16]. Окончательная уплата второй половины калыма следовала лишь в случае развода по талаку либо смерти супруга.

Уклонение от уплаты части калыма после вступления в брак было довольно распространенным. При обнаружении фактов невыплаты ОмДС предписывало взыскать калым, отправляя копии постановлений в суды и органы полиции, так как имущественные споры, бывшие следствием нарушения обязательств, связанных с калымом, являлись сферой деятельности не духовных собраний, а гражданских судов. Именно «суды применяли меры принуждения к должникам» [Соловьев, 1888, с.33].

Другой важный элемент бракосочетания у татар – приданое, хотя оно не является обязательным при заключении брака по шариату. Приданое невесты формировалось из средств, переданных женихом в счет калыма, и средств, собранных родителями девушки [Наиболее важные, 1912, с.28, 29]. Тесную связь между калымом и приданым невесты отмечал Е.Т.Соловьев: «У татар-магометан Казанской губернии и всех тех местностей, которые они населяют... приданое невесты чаще всего готовится на калым. Он служит обеспечением женщины в том случае, когда муж прогонит ее от себя незаконно, и потому она весь налет получает в свою собственность» [Соловьев, 1888, с.32]. Современник писал, что «строгого разграничения между

имуществом мужа и жены едва ли можно встретить, в особенности, если супруги живут согласно». Как правило, доходы «с разных хозяйственных произведений (молочные скопы, пряжа) поступали у мусульман в общую собственность мужа и жены» [Н-чь, 1869, с.25].

Важным условием брака по шариату является его добровольность [Ван ден Берг, 2005, с.135, 137]. В Правилах ОмДС о браке 1841 г. специально упоминаются обязательность согласия невесты и необходимость заключения брака с равным по общественному положению и за калым, соразмерный с состоянием невесты. В случае, если брак совершен против желания и с неравным, то невеста (или вдова) могла требовать признания брака не имеющим юридической силы [Сборник циркуляров, 2004, с.16]. Фетва муфтия А.Сулейманова от 17 октября 1851 г. подтверждала право невесты на публичное выражение своего согласия или несогласия при заключении брака [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.2, д.40]. Исследователи высказывали разные мнения по вопросу добровольности брака среди мусульман. Например, Е.Т.Соловьев отмечал: «У татар-магометан... замуж девиц выдают нередко за таких мужчин, которых они вовсе не знают и никогда не видали, лишь бы, по практическим расчетам родителей, такие женихи представляли собой для дочерей выгодную партию. При таком условии нередки случаи того, что невеста смотрит на жениха с ненавистью, но родители... на это никакого внимания не обращают и тем часто создают несчастные браки» [Соловьев, 1888, с.24]. Н.Н-чь же, напротив, считал, что «у татар обыкновенно не встречается, чтобы родители принуждали молодых людей к вступлению в брак, но общество иногда прибегает к этому средству, если молодые были замечены в любовной между собою связи» [Н-чь, 1869, с.22]. Полагаем, что указанные точки зрения отчасти верны и отражают реальные факты. Патриархальные традиции, осуждавшие неподчинение детей родительской воле, порождали возможность заключения брака против воли невесты.

Следует отметить браки посредством ухода невесты к жениху без ведома родителей. Г.Н.Ахмаров полагал, что большинство

Свадебный пир. Рис. нач. XX в.

браков татар в начале XX в. «совершалось по этому способу» [Ахмаров, 1907, с.9, 10].

Законодательство предусматривало наказание при похищении незамужних и замужних женщин, насильном склонении к браку, в т.ч. и для родителей [Уложение о наказаниях, 1857, ст.1549, 1550, 1580, 1586]. Однако от насильственного похищения невесты следует отличать «похищение невесты», бывшее частью брачного обряда. Этот обычай у тюркских народов имел место до принятия ислама. Данные действия относились к особенностям обрядов местных народов, совершались по обоюдному согласию сторон и не нарушали принципы шариата и российского законодательства.

Шариат позволяет вступление в брак без предварительного согласия жениха и невесты, но с обязательным последующим изъявлением согласия брачующихся (брак «фузули») [Маргинани, 2008, с.142, 143]. Например, Я.Д.Коблов упоминал о заключении браков у татар, которые производились «в отсутствие жениха» [Коблов, 1908а, с.23]. При заключении брака в отсутствие жениха применялись установленные шариатом правила. Например, в таких случаях

жених, узнавший о заключении брака, должен был сказать, что согласен, иначе брак считался незаконным. Если же жених слышал от кого-то, что относительно него заключают брачный договор, и не сказал ничего по этому поводу, то брак не признавался законным [Эфендиев, 1911, с.31].

Прелюбодеяние запрещается шариатом, относится к числу уголовных преступлений и карается телесными наказаниями [Ван ден Берг, 2005, с.175, 176]. Хотя российское уголовное законодательство предусматривало такой состав преступления, как прелюбодеяние, власти выступили против применения наказа-

ний по шариату в отношении мусульман. В 1832 г. Сенат, рассмотрев случаи применения духовными учреждениями телесных наказаний, запретил подобную практику: постановил, что российский суд по исследованию обстоятельств дела и учитывая мнение духовенства, определяет виновным исправительное наказание в зависимости от их «звания» – «задержание при полиции без работы, задержание в смирительном доме или в тюрьме с работами от одного до четырех месяцев» [ПСЗ-2, т.7, №5500].

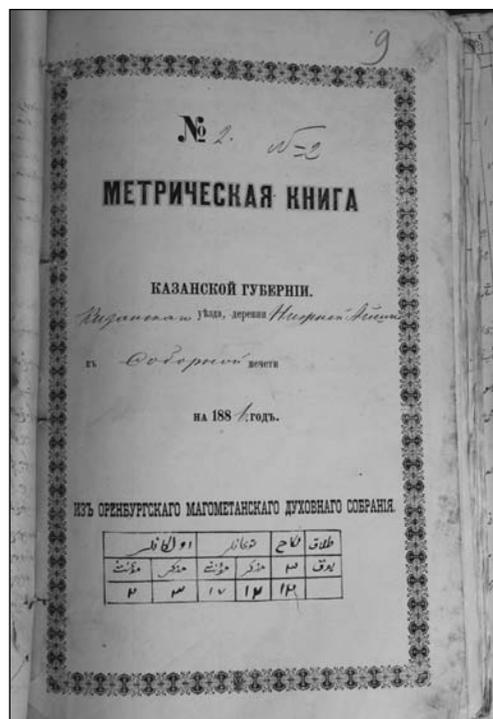
Шариат не позволяет вступать в брак с лицами, состоящими в определенной степени родства [Казем-бек, 1845, с.LXX–LXXII]. Г.Н.Ахмаров писал о татарах: «Нет случаев добровольного выхода девушки за более или менее близкого родственника. Не бывает также и случаев похищения из своей родни. Таковые браки совершаются исключительно по воле родителей сторон» [Ахмаров, 1907, с.14]. При выявлении подобных браков ОМДС признавало их незаконными [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.6281, л.1, 2].

Шариат позволяет мужчине иметь до четырех жен [Эфендиев, 1911, с.36, 37]. Ст.90 «Свода законов гражданских», являвшаяся

ся «отсылочной», допускала применение данной нормы. Однако многоженство не получило широкого распространения среди татар-мусульман. Д.И.Мейер свидетельствовал: «...Фактически оно не так распространено, как допускает его закон религии. В Казани, например, магометанское общество состоит из нескольких тысяч, но только немногие магометане имеют по две и по три жены, а большинство частью живут с одною женою» [Русское гражданское право, 1864, с.686]. Как правило, многоженство практиковалось «среди состоятельных слоев» (духовенство, богатые горожане, отставные военные и др.) [НА РТ, ф.12, оп.19, д.8; ф.51, оп.5, д.29].

Шариат не придает браку особого церемониального характера, сводя процедуру заключения брака к гражданско-правовому договору [Машанов, 1876, с.63]. Поэтому в постановлении ОМДС от 30 сентября 1886 г. категорически запрещалось исполнение музыки и танцев на свадьбах [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.8, д.554, л.1]. Как отмечает Д.Д.Азаматов, исламу и его институтам не удалось полностью вытеснить традиционные свадебные обряды у татар, башкир и казахов [Азаматов, 1996, с.135]. Но, тем не менее, запрет на употребление спиртных напитков оказывал определенное влияние. Г.Н.Ахмаров писал о татарской свадьбе: «Спиртных напитков не бывает; если гости имеют особенную склонность к ним, то их угощают после ухода муллы и прочих гостей, особенно вечером» [Ахмаров, 1907, с.21].

Разводы у мусульман России совершались согласно правилам шариата. По оценкам исследователей, среди татар больше всего практиковались хлюг (покупка женой расторжения брака) и лиан (взаимное проклятие) [Азаматов, 1996, с.135, 136]. В округе ОМДС при желании супругов развестись хлюгом, имамы совершали развод по вручении женой выкупа и представлении каждой стороне ее имущества. Причем как разводящиеся, так и свидетели подписывали в метрике статью данного развода. Затем разведенной выдавалась копия с «разводной статьи» (п. 11 Правил ОМДС о браке). Разводы талаком (посредством трехкратного произнесения слов развода), несмотря «на невыгодность в материальном плане» для

Обложка метрической книги мусульманского прихода д. Нижняя Айша Казанского у. Казанской губ. 1886 г.

мужа, тем не менее, практиковались [НА РТ, ф.51, оп.5, д.347, л.22].

Отмечались случаи злоупотребления со стороны местного духовенства при совершении разводов. Вследствие «выгодности развода» хлюгом мужья старались при помощи регистрировавших развод духовных лиц внести соответствующие изменения в документ.

По шариату ограничений в числе повторных браков нет. Повторные браки были привычным явлением и в жизни татарских семей [НА РТ, ф.51, оп.5, д.347, л.22; ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.451, л.1–1об.].

В российском законодательстве содержались нормы, регулировавшие отношения между супругами и распространявшиеся на все вероисповедания. Муж был обязан любить свою жену, жить с ней в согласии, доставлять жене пропитание и содержание [Свод законов гражданских, 1900, ст.106]. Жена обязывалась повиноваться мужу, любить и почитать его [Свод законов гражданских, 1900, ст.107, 108]. Отношения в мусульманской семье специально не регла-

ментировались. Однако в целом данные нормы соответствовали шариату. По шариату главой семьи является мужчина [Баязитов, 1990, с.10, 11]. Исследователи приводят следующее свидетельство о татарах Казанской губ.: «Во главе семейства стоит всегда отец, имеющий в нем неограниченную власть; ему принадлежит право заведывания и распоряджения имуществом, которым он управляет по своему произволу; он же получает и все заработки от членов семьи, наблюдает за образом их жизни и нравственностью и имеет право суда и расправы над провинившимися. По смерти отца главенство, по установившемуся обычаю, переходит к старшему в роде, т.е. к брату умершего, или его сыну, а за неимением их к матери...» [Н-чь, 1869, с.26]. Жена и дети обязаны повиноваться, соответственно, мужу и отцу. Если жена не послушна (нашизат), то муж должен «сперва увещевать ее», если не поможет – «вправе запереть и лишить своих ласк и содержания, в случае нужды подвергнуть ее побоям, не причиняя телу ран и увечий» [Ван ден Берг, 2005, с.140, 141]. Последняя норма шариата не только не была отражена в российских законах; наоборот, за нанесение жене увечий, ран, тяжких побоев или иных истязаний муж подвергался уголовному наказанию [Уложение о наказаниях, 1857, ст.1477–1496]. Причем такому же наказанию подвергалась и жена, совершившая подобное деяние в отношении мужа [Уложение о наказаниях, 1857, ст.1583].

Вследствие того, что обязанность следовать нормам шариата во многих случаях не подкреплялась угрозой государственного принуждения и наказания, иногда имели место случаи неповиновения жен и детей главе семьи.

Нормы воспитания детей в татарских семьях находились в соответствии с нормами мусульманской морали, устанавливавшейся посредством шариата [Загидуллин, 1966а, с.16]. ОМДС в своих наставлениях мусульманам указывало на необходимость родителей и опекунов следовать законам шариата в воспитании детей [Сборник циркуляров, 2004, с.100]. Г.Бадамшин, автор брошюры «Мусульманство, или ответ тем, кто нападает на мусульманство», также признавал необходимым родителям знакомить своих

детей с вопросами веры с 7–8-летнего возраста [НА РТ, ф.199, оп.1, д.773, л.205]. Г.Баязитов считал главной обязанностью отца обучать детей правилам религии и дать им духовно-нравственное образование [Баязитов, 2005, с.134]. Иногда уклонение имама от обучения молодого поколения нормам шариата становилось предметом служебного разбирательства [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.910, л.1, 12, 49].

Семейные споры, часто возникавшие «по недовольству супругов», духовенство старалось разрешать мирно, стремясь сохранить семью. При поступлении таких прошений ОМДС предписывало произвести между сторонами при избранных ими же лицах правильное разбирательство, стараясь «увещеваниями кончить это миром». В случае невозможности мирного исхода «приказывалось постановить решение по шариату», объявить его под расписку тяжущимся через местное уездное полицейское управление, предоставив сторонам право обжалования в ОМДС [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.6536, л.1–2об.].

При рождении ребенка приходское духовенство совершало регистрацию новорожденного. У татар Казанской губ. в этот день приглашали муллу, ребенка клали лицом к Мекке, мулла согласовывал с родителями имя, читал молитву и вносил имя ребенка в метрическую книгу, причем с момента рождения ребенка до дня наречения имени проходило несколько дней (до выздоровления матери после родов), хотя шариат предписывает делать это сразу же после рождения. В честь рождения ребенка в некоторых местностях приносили в жертву барана (два – за мальчика, одного – за девочку). Для мальчиков обязательным было совершение обрезания [Коблов, 1908а, с.5–7, 8, 9].

Нормы шариата применялись для регулирования отношений опеки среди мусульман. Однако их применение носило ограниченный характер и зависело от региона. Например, в Казани, первоначально при Татарской ратуше, функционировал Казанский татарский сиротский суд, который разбирал дела об опекунстве среди татар-мусульман. Несмотря на то, что сиротские суды не применяли нормы шариата самостоятельно, они, тем не менее, играли важ-

ную роль. Сиротский суд при наличии лиц, нуждающихся в установлении над ними и их имуществом опеки, не только учреждал опекуное управление, но и описывал имущество [НА РТ, ф.12, оп.160, д.21, л.1, 2].

У татар-мусульман наследственные отношения регулировались нормами шариата. Законом от 4 декабря 1802 г. мусульманам было позволено руководствоваться нормами шариата о наследстве [ПСЗ-1, т.27, №21634].

В законодательстве первоначально не упоминалось о долях иных лиц (дети, братья и др.), наследующих после мусульман. Лишь в 1826 г. было законодательно разрешено допускать «раздел имений, оставшихся после магометан, по их закону» [ПСЗ-2, т.1, №386].

Раздел наследства по шариату осуществляли: 1) духовенство, выполнявшее роль третейского суда и осуществлявшее предварительный раздел; 2) гражданские суды, выносившие окончательное решение. Примечательно, что гражданские суды старались следовать нормам шариата о размере долей и порядке наследования [НА РТ, ф.51, оп.5, д.1033, л.21–22].

Пошлины, уплачивавшиеся наследниками при получении наследства, рассчитывались «в зависимости от шариатных долей» [НА РТ, ф.51, оп.5, д.2875, л.3–3об.].

Шариат запрещает немусульманам наследовать после мусульман, и наоборот [Мухин, 1898, с.31, 32]. Возможность наследования новокрещеными наследниками имущества мусульман имперским законодательством разрешалось лишь в Таврической губ. [Законы гражданские, 1900, ст.1340].

В случае недовольства разделом наследства мусульмане часто обращались в суды с

исками, отстаивая свое право на определенную шариатом долю.

Воля наследодателя о лишении наследника(ов) имущества у татар-мусульман в некоторых случаях имела преимущество перед нормами шариата [НА РТ, ф.12, оп.17, д.65, л.13]. Между тем, по шариату лишение наследства допускается в трех случаях: 1) в случае убийства наследником наследодателя, 2) вероотступничества и 3) проклятия мужем жены (лиан) [Мухин, 1898, с.35].

Духовные завещания имели достаточно широкое распространение у татар. Часто завещания содержали подробный перечень действий, которые следовало совершить после смерти наследодателя.

Таким образом, семейно-бытовая жизнь татар-мусульман в основном регламентировалась нормами шариата. Достаточно широко применялись нормы, регулировавшие семейные и наследственные отношения мусульман, причем разрешение дел осуществлялось не только на уровне мусульманской общины и духовенства, но и на уровне государственных органов, в т.ч. гражданских судов. Несмотря на первоначальное пренебрежение к данной проблеме и полулегальное положение шариата в государстве, законодатель, столкнувшись впоследствии с проблемой сосуществования в одном государстве христиан и мусульман, сделал выбор в пользу сочетания норм российского права и отдельных норм шариата. Признание, пусть и частичное, норм шариата в Российской империи, отвечало интересам как самого государства, поскольку позволяло снизить недовольство в мусульманских регионах, так и интересам самих мусульман, стремившихся сохранить привычный уклад жизни.

ГЛАВА 4

Религиозные верования и православные институты у крещеных татар и нагайбаков

Радик Исхаков

Религиозные верования. Религиозные верования татар-кряшен складывались на протяжении длительного периода под воздействием сложных этносоциальных и культурно-религиозных процессов, межконфессиональных и межэтнических контактов, трансформации архаичных религиозно-мифологических представлений, характерных для ранней доисламской тюрко-татарской религиозной традиции.

К началу XIX столетия система религиозности «старокрещен»¹⁰ характеризовалась синкретичностью – она включала в себя древние религиозные традиции («язычество»), христианские и исламские представления, тесно переплетавшиеся между собой. Доминирующее место в динамике верований подавляющего числа татар-кряшен вплоть до 1860-х гг. занимали традиционные этнические религиозные представления, уходившие корнями к древним земледельческим культам тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья, почитание общетюркского верховного бога-демиурга – *Тэнге* (Тенгри, Тенгере), выступавшего в качестве космического, вселенского начала.

Важную роль в сохранении древних религиозных представлений у данной конфес-

сиональной группы сыграла традиционная для татар джиенная структура организации их сельской общины, создавшая замкнутую устойчивую модель культурно-религиозной автономии, практически не восприимчивую к внешним культурным экспансиям [Макаров, 2001, с.28]. Создание этой исключительно консервативной системы стало «защитной реакцией», направленной на сохранение этнического и культурного своеобразия.

Ключевую роль в традиционном религиозном пантеоне «старокрещен» занимал культ Тенгере, приуроченный к аграрному циклу. Всецело зависящие от милостей природы и занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством, кряшены придавали большое значение совершению общественных молений и жертвоприношений (корман, чук), направленных на умилоствление стихий природы и Верховного Бога. Такие моления совершались несколько раз в году. Наиболее значимыми были общественные моления весной, перед началом посевного сезона, и в середине лета, направленные на защиту урожая от стихийных бедствий, и осенью после сбора нового урожая [Ляпидовский, 1848, л.17–18; Максимов, 1876, с.6; Жертвоприношения, 1895; Обряды, 1930, с.81–84]. Для заклятия заранее готовилось жертвенное животное – в зависимости от благосостояния жителей селения это мог быть бык, корова, овца, баран, мелкая домашняя птица. Такое животное обязательно должно было быть без физических дефектов, рождено в год жертвоприношения [Жертвоприношения, 1895]. Общественные моления совершались на особо отведенном для этого месте. В зависимости от расположения селения это могли быть берег реки, окрестности ручья, возвышенность (холм или гора), опушка леса, роща, отдельное дерево, счи-

¹⁰ Для обозначения группы татар, предки которых крестились во второй половине XVI – XVII в., наряду с их самоназванием «кряшены» здесь используется закрепившийся в этнографической литературе термин «старокрещеные» татары, который в рамках ретроспективного историко-этнографического анализа представляется нам наиболее корректным обозначением этой конфессиональной группы. Его использование необходимо для четкого разделения «старокрещен» и другой локальной группы крещеных татар, образовавшейся в ходе реализации политики принудительной христианизации в XVIII столетии – «новокрещеных» татар, довольно сильно отличавшихся от них своей религиозностью и традиционной культурой.

тавшие священными и наделявшиеся сакральным значением¹¹. В качестве служителя культа выступали особо назначаемые общиной лица. Часто эта почетная должность передавалась от отца к сыну. После заклания мясо животного распределялось по котлам, в которых оно варилось. Затем мясо вместе с приготовленной кашей из собранной женщинами крупы распределялось между присутствующими. После жертвенной трапезы совершалось моление – у Тенгере просили благо-

«Курман урыны» (место жертвоприношений). Село Кряш-Серда, Пестречинский р-н РТ. Фото 2010 г.

денствия и обильного урожая [Жертвоприношения, 1895; Обряды, 1930, с.81–84]. Особой архаичностью отличались моления (чук) «старокрещеных» татар Мамадышского у. Казанской губ., имевшие заметные параллели с древнетюркской религиозно-обрядовой традицией [Давлетшин, 2004, с.37]. В частности, жители д.Большие Арняши совершали общественные моления около особо почитаемого древнего дуба, символизовавшего собой «мировое дерево» («таре») и воспринимавшегося как связующее звено с Тенгере [Традиционное, 1988, с.22–23]. При заклании кровью жертвенного животного окроплялась специально приготовленная длинная полоса дубовой коры с нанесенными на нее родовыми тамгами (знаками, печатями) семейств, принимавших участие в жертвоприношении. Этот кусок коры прикреплялся к священному дубу. Затем трое старейшин совершали возле дуба особые ритуалы и моления. После жертвенной трапезы часть мяса и каши бросали в протекавший рядом священный ручей в жертву Хозяину воды [Знаменский, 1868, с.361–363].

Согласно поверьям «старокрещен», окружающий мир был населен различными духами. По своей природе амбивалентные, они могли, в зависимости от позиции чело-

века, вредить ему или приносить пользу. В связи с этим необходимо было их всячески задабривать и приносить им жертвы. Наиболее значимыми из них были хозяева мест – Жир иясе (Хозяин земли), Урман иясе (Хозяин леса), Су иясе, Су анасы (Хозяин воды, Хозяйка воды), Өй иясе (Хозяин дома), Абзар иясе (Хозяин хлеба). На более низкой ступени в этой иерархии находились духи мест и стихий: шүрәле (леший), убыр (лихо), албасты (сверхсущество), пәри (злой дух) и др. [Максимов, 1876, с.3–21; Коблов, 1910; Матвеев, 1910, с.20–22; Обряды, 1930, с.81]. Пантеон этих духов с незначительными изменениями встречался у всех групп «старокрещен», в т.ч. у крещеных татар-казаков – нагайбаков. Несмотря на их длительное пребывание в казачьем сословии на степных просторах Приуралья и Нижнего Поволжья, у нагайбаков вплоть до начала XX в. сохранялась вера в лесных и водных духов (су анасы, шүрәле), практически идентичная представлениям заказанских татар, широко известным по произведениям татарского поэта Г.Тукая [Максимов, 1876; Витевский, 1891, с.257–280; Катанов, 1900, с.11–12; Бектеева, 1902, с.176–177; Емкеев, 1902, с.343–344]. В отличие от татар-мусульман, у которых под влиянием ислама вера в духов значительно деформировалась и потеряла первоначальное религиозно-сакральное значение, сохранившееся лишь в легендар-

¹¹ Для проведения общественных молений о дожде (чук) обязательно избиралось место на берегу водного массива.

ных рассказах и мифологии, у «старокрещен» эти представления продолжали играть важную роль в религиозных верованиях и мировоззрении, имели «реальное» наполнение, формируя их определенные морально-этические нормы и стереотипы поведения. В соответствии с традицией духам природы приносились жертвы (мелкие монеты, продукты питания), в т.ч. кровавые (крупный и мелкий рогатый скот).

Особую категорию духов составляли киремети (кирэмэт). Вера в киреметей, под которыми понимались бестелесные злые или нейтральные духи, была характерна для всех нерусских народов Среднего Поволжья (кроме татар-мусульман). Проблема культа киреметей в религиозных традициях коренных народов региона довольно хорошо разработана, но, несмотря на это, до сих пор среди исследователей нет единого мнения как о происхождении этого культа, так и о значении самого слова «киреметь» [Апаков, 1876; Магницкий, с.132–138; Малов, 1882, с.3–7; Марр, 1935, с.29–30; Маторин, 1929, с.44–45; Романов, 1856, л.1–2; Денисов, 1959, с.66–67; Ахметьянов, 1981, с.31–32; Владыкин, 1990, с.86–88; Калиев, 2003, с.154–156; Салмин, 2007, с.404–418 и др.]. На наш взгляд, наиболее обоснованной является гипотеза, высказанная Н.И.Золотницким [Золотницкий, 1875, с.34–35], в дальнейшем подтвержденная и научно обоснованная известным тюркологом Н.И.Ашмариным [Ашмарин, 1923, с.270], согласно которой этимологию слова «киреметь» следует возводить к арабскому *كرامت* – «духовная щедрость», а саму веру в киреметей – к значительно трансформировавшемуся под влиянием традиционных верований культу мусульманских святых. Данное мнение подтверждается и этнографическими материалами, относящимися к культу киреметей у «старокрещеных» татар. В отличие от других нерусских народов Среднего Поволжья, в представлении которых этот культ не имел автохтонного происхождения, а само его возникновение связывалось с внешним влиянием (в частности, в ряде чувашских и марийских легенд киреметь выступает в облике маленького «татарчонка» в тубетейке, седовласого «злого» татарина, сидящего на телеге, татарина на

коне и др.)¹², татары-кряшены однозначно воспринимали эту традицию как наследие старины, доставшуюся им от «прадедов-татар» [Апаков, 1876, с.11].

В целом культ киреметей у «старокрещен» имел множество параллелей с почитанием этих духов в традициях других нерусских народов, свидетельствовавших о тесных этнокультурных контактах внутри средневожского региона в прошлом. У «старокрещеных» татар культ киреметей имел сложную многокомпонентную структуру, включавшую в себя культ предков (рода), мусульманских святых, хозяев мест и стихий природы. Под словом «киреметь» понимались как сами духи-киремети и особые места, в которых они обитают, так и предназначенные им жертвенные приношения [О киреметях, 1876, с.57]. Духа-киреметь имела как целая община, так и отдельный род, семья. Наличие «своего» духа являлось условием «полноценного» статуса внутри социума. При образовании самостоятельной семьи она наделялась и своей киреметью. Каждому киремети ежегодно в определенное время приносилась жертва в виде домашнего скота, птицы, мелких монет и кусочков ткани [Апаков, 1876, с.11–13; Софийский, 1891, с.1–3].

Наряду с культом киреметей в религиозной традиции кряшен было распространено почитание мусульманских святых, священных исламских мест [Ильминский,

¹² Интересная легенда о происхождении киреметей у марийцев приводится в этнографическом очерке И.Н.Смирнова «Черемисы»: «Кереметь попал к черемисам от татар. Он жил среди них как человек, носил татарскую одежду и ничего худого не делал. Потом вдруг стал гадить татарам. Татары озлились и собрались убить его. Кереметь бежал, татары погнались за ним и непременно убили бы его. Но кереметь увидел черемисина, который копал яму для заборного столба, и с его позволения спрятался в ней. Татары пробежали мимо. Черемисин вытащил кереметь, увел к себе, одел в черемисскую одежду. Кереметь в благодарность сказал черемису: “Теперь я буду ваш, а не татарский, коли, что будет плохо у вас – скот нездоров или человек – это мое дело, молитесь мне тогда”» [Смирнов, 1889, с.167]. В этой архаичной легенде довольно четко фиксируются события, связанные с борьбой монотеистической традиции с «языческими» верованиями, ассимиляцией исламом традиционных и синкретических представлений у татар, вытеснением их в среду «языческого» мира местных народов.

1848, л.9об.; Тимофеев, 1887, с.143–146; Износков, 1893а, с.35–36, Софийский, 1891, с.7–8; Чичерина, 1906, с.107; Филиппов, 1915а, с.1038–1039]. География распространения этих культов у «старокрещен» была довольно широка и охватывала историческую территорию Волжской Булгарии и Казанского ханства. Крещеные татары, наряду с татарами-мусульманами (а иногда и совместно с последними), совершали паломничества к развалинам Булгара, к древним татарским кладбищам и городищам, где были похоронены мусульманские святые (ишаны, хальфы, шакиды и пр.). При поклонении святыням «старокрещены» пользовались услугами мусульманского духовенства, совершали жертвоприношения по мусульманскому обряду (правда, вкладывая в эти действия несколько иное значение, чем татары-мусульмане).

Составной частью верований крещеных татар и нагайбаков, наряду с традиционными этническими и исламскими представлениями, являлись воспринятые в ходе длительного процесса христианизации православные религиозные традиции. Оценивая состояние христианства у «старокрещен» в этот период, отметим, что оно сводилось к восприятию лишь некоторых его символических сторон. Причинами этого были как низкий уровень христианско-просветительской деятельности РПЦ, неподготовленность к ней православного духовенства, так и нежелание самих крещен изменять веками сложившуюся систему религиозных верований. Несмотря на длительное пребывание в лоне православной церкви, из христианской традиции ими была воспринята в первую очередь празднично-обрядовая культура. Православное духовенство, заботясь прежде всего об исполнении внешних церковных обрядов, уделяло мало внимания внутреннему состоянию своей паствы [Ильминский, 1848, л.1–19; 1849а, л.1–16 об; Нурминский, 1863, с.250–254; Тимофеев, 1887, с.9–23]. В связи с этим «старокрещеные» татары восприняли лишь внешнее содержание православия. В частности, они соблюдали основные христианские таинства – крещение, венчание и похороны как обязательные атрибуты внешней принадлежности к православной конфессии и гражданской регистрации, посещали церковь в дни религиозных празд-

ников, впрочем, не придавая этим действиям глубокого религиозного значения. В то же время «старокрещеные» практически не разбирались в догматах христианского вероучения, оно воспринималось ими через призму традиционного мировоззрения, формируя искаженное понимание православия, имевшего мало общего с общехристианской традицией. Довольно показательным в этом отношении является почитание крещеными православных икон («таре»). Включенные в состав религиозных культов, как особый вид почитаемых божеств, православные святые в соответствии с «языческой» традицией наделялись определенными качествами. На общественные моления и жертвоприношения киреметям «старокрещеные» приносили семейные иконы, включавшиеся в традиционные религиозно-обрядовые действия [Ильминский, 1856, л.18; Софийский, 1891, с.8–9; Жертвоприношения, 1895]. О слабом проникновении христианской традиции в религиозное сознание «старокрещен», может свидетельствовать тот факт, что вплоть до 1860-х гг. в их лексиконе отсутствовали термины, обозначающие основополагающие догматы православия¹³, в частности Троицу (имелись лишь названия православного праздника Троицы – «семит» (семик)) [Ильминский, 1856, л.17об.]. Впрочем, христианство, «встроенное» в синкретические религиозные верования «старокрещен», воспринималось ими (в отличие от «новокрещен») как одна из важных составляющих конфессиональной идентичности, а его обряды и таинства – как наследие, доставшееся им от предков, вошедшее в их праздничную и культурно-религиозную традицию.

Такое положение в религиозности, сохранявшееся у «старокрещен» на протяжении многих веков, начинает меняться в 30–60-е гг. XIX в. Основной причиной структурных изменений в системе их религиозных верований стало постепенное разрушение

¹³ Напротив, слова, обозначающие внешние атрибуты, символы и праздники, связанные с христианством, получили у «старокрещен» широкое распространение. Например, для обозначения православного храма применялся термин «чиркэу», крестов и икон – «таре», православного богослужения – «чукынмак», исповеди – «гөнаһ айту», причастия – «дару очу», праздника Рождества Христова – «Олы, бөек көн» и пр. [Ильминский, 1856, л.18].

Выход прихожан из церкви в с. Янцева-ры Лаишевского у. Казанской губ. 1904 г.

замкнутой системы организации сельской общины под влиянием новых социально-экономических отношений, развивавшихся в деревне, роста трудовой мобильности (отхожих промыслов), кризиса «языческой» идеологии. В зависимости от внешних условий в смешанных этноконфессиональных районах вследствие культурных контактов с местным населением и миссионерской деятельности православного духовенства и татар-мусульман у части «старокрещен» повысился уровень присутствия христианской (в приходских селах и смешанных русско-татарских селениях), исламской (в селениях, где население начало заниматься портняжничеством) (Мамадышский, Лаишевский, Казанские уезды Казанской губ., западная часть Мензелинского у. Уфимской губ.) религиозной обрядовости, стали появляться группы, полностью порвавшие с традиционным укладом жизни и воспринявшие православную или мусульманскую традицию.

Сам процесс конфессиональной дифференциации, образование у крещеных татар групп, утвердившихся в православии (кара (черный) керэшен, «урысымак» (урыс сымак – такой, как русский)) и воспринявших ислам (ак (белый) керэшен, «татарсымак» (татар сымак – такой, как татарин)) в этот период, хотя и затронул незначительную часть «старокрещен», в основном в кон-

тактных зонах, свидетельствовал о глубоких изменениях, происходивших внутри их патриархального общества. Более заметным и существенным результатом этих процессов стали проникновение в массовое сознание крещеных татар новых культурно-религиозных установок, изменение под влиянием мировых религий «языческих» представлений и обрядовости, их постепенное замещение на монотеистическую традицию. Наиболее заметные изменения в религиозности были связаны с мусульманским влиянием. Так, под влиянием ислама происходит значительная трансформация традиционной обрядовости части «старокрещен» (Мамадышский и Казанские уезды Казанской губ., Мензелинский у. Уфимской губ.): вместо традиционного названия Верховного Божества *Тәңре* вводится мусульманское *Аллах*, сами общественные моления начинают совершаться в сторону Кыйблы, а не в направлении востока, служители культа приобретают некоторые атрибуты, характерные для исламской традиции: во время молений начинают одевать на головы чалмы, перед закланием жертвенного животного произносить предначальные мусульманские молитвы [Машанов, 1875, с.9–20; Жертвоприношения, 1895]. Сильное исламское влияние начинает отмечаться у «старокрещен» в религиозной мифологии,

в праздничной обрядовости и похоронном ритуале, повседневной жизни [Машанов, 1875; Тимофеев, 1887, с.21–23; Балышев, 1879, л.1–2; Преображенский, л.146–153; Ильминский, 1880, л.1–2; Одигитриевский, 1895, с.12–13].

Кризис «языческого» мировоззрения, довольно красочно описанный в воспоминаниях крещено-татарского просветителя и православного миссионера В.Т.Тимофеева (1836–1893) [Тимофеев, 1887, с.242–256], привел «к эрозии» прежнего традиционного религиозного сознания «старокрещеных», поставил перед ними вопрос о выборе дальнейшей парадигмы культурно-религиозного развития¹⁴. Неудовлетворенность прежним религиозным состоянием толкала «старокрещен» к духовным поискам, желанию «узнать» внутреннее содержание религиозных традиций, представленных в регионе. Фактически большинство кряшен, живших в контактных зонах, находились на перепутье – воспринять христианство или ислам? Сложность этого выбора заключалась еще и в том, что конфессиональная принадлежность тесно переплеталась у татар с этнической идентификацией. Несмотря на длительную самоизоляцию и конфессиональные различия, «старокрещены» сохранили этнокультурные связи с мусульманским большинством, сознание принадлежности к татарской общности, подкреплявшиеся единством традиционной культуры и языка, исторического прошлого народа. Но при этом прочная интеграция кряшен в состав общетатарского культурно-информационного и национального пространства была возможна лишь при условии восприятия им ислама, являвшегося важнейшей составляющей этноконфессионального сознания татар-мусульман. В то же время

выбор христианства означал сознательный отказ от этой возможности.

Глубокие изменения в религиозном мировоззрении крещеных татар и нагайбаков, открытость к внешним культурным влияниям способствовали усилению прозелитической активности в их среде, что вместе с ростом влияния ислама в их традиционной религиозности, появлением среди них групп «тайных» мусульман и массовыми «отпадениями» в ислам «новокрещеных» татар ставило перед церковным руководством вопрос об активизации христианско-просветительской деятельности и вводе более последовательных и продуктивных методов миссионерской деятельности. Главным идеологом и реализатором новой миссионерской политики стал известный тюрколог и миссионер Н.И.Ильминский (1822–1891) [Ильминский, 1849; 1858; 1859].

Н.И.Ильминский предложил идею «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения без коренной ломки их этнокультурного поля. Для этого миссионером была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на национальных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Важнейшим каналом христианизации должно было стать национальное образование в религиозном духе.

Верно оценив ситуацию, сложившуюся в культурно-религиозной жизни «старокрещен», дававшую реальную возможность коренного изменения их прежнего религиозного состояния, желание самих крещеных татар к культурному развитию, Н.И.Ильминский в начале 1860-х гг. предпринял энергичные меры по реализации своих теоретических разработок. Опираясь на первых ревнителей православия из среды татар-кряшен, финансовые возможности общественных миссионерских объединений, МНП и Синода, в относительно короткое время он сумел создать мощную миссионерскую инфраструктуру, включавшую в себя, наряду с широкой сетью миссионерских школ, земские и министерские (МНП) «инородческие» училища, местные приходские учреждения православной церкви с

¹⁴ Эти процессы не везде протекали одинаково и затронули в первую очередь смешанные этноконфессиональные районы, где шел процесс интенсификации межконфессиональных и межкультурных контактов. Вплоть до начала XX в. в ряде селений (Лаишевский, Чистопольский и Цивильский уезды Казанской губ., Елабужский у. Вятской губ.), в которых сохранился традиционный уклад жизни, существовали группы ревнителей старины, придерживавшихся традиционных религиозных взглядов, – таза, чи, чын керәшен (чистый, сырой, настоящий кряшен).

духовенством из представителей коренных народов Поволжья и Приуралья. Для нужд образования и христианского просвещения «старокрещен» Н.И.Ильминским совместно с В.Т.Тимофеевым был разработан татарский алфавит на основе кириллицы, начались переводы православного богослужения на разговорный татарский язык.

Важнейшим событием в истории христианского просвещения татар-кряшен стали введение православного богослужения на татарском языке, впервые совершенного в стенах Казанской центральной крещено-татарской школы (КЦКТШ) алтайским миссионером иеромонахом Макарием (Невским), и посвящение в священнический сан В.Т.Тимофеева (1869 г.) [КЦКТШ, 1887,

с.265–267]. В дальнейшем богослужение на татарском языке было введено повсеместно, началось постепенное замещение священнических должностей в крещено-татарских приходах лицами из самих крещеных татар. К 1891 г. богослужение на татарском языке совершалось в 37 селах и 100 деревнях Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Симбирской епархий [Машанов, 1892, с.168], а количество крещеных татар – посвященных в сан, достигло 53. К началу XX в. число священников из кряшен возросло настолько, что наряду с крещено-татарскими они начинают назначаться в русские и смешанные по национальному составу приходы, в миссионерские станы в Казахской степи и Западной Сибири.

Таблица 44

Сведения о священнослужителях из крещеных татар в епархиях Восточной России за 1904 г. [Будилович, 1904, л.9об.; данные по Казанской епархии даются по: Бобровников, 1905, с.178]

Епархии и области	Численность духовенства
Казанская	27
Уфимская	37
Оренбургская	10
Самарская	5
Вятская	5
Пермская	1
Тобольская	1
Семипалатинская обл.	2
Итого:	88

Особая роль в развитии миссионерского движения среди «старокрещен» принадлежала миссионерской школе. Н.И.Ильминский считал, что воспитание детей крещеных татар в духе христианства будет способствовать утверждению в православии и старшего поколения. Миссионерская школа должна была взять на себя некоторые семейные функции, так как кряшенская семья не могла дать христианского воспитания. Поэтому система Ильминского противопоставляла традиционному воспитанию в семье христианское воспитание в школе. Один из членов семьи, получив христианское воспитание, становился «домашним» миссионером [Таймасов, 2004, с.261]. Хороший психолог и талантливый педагог, Н.И.Ильминский понимал, что в отличие от взрослых молодое поколение, у которого

еще не сформировалось устойчивое религиозное восприятие мира, легко поддается миссионерскому внушению, впитывает новые идеи, предлагаемые учителем-миссионером. Осознавая, что религия является для кряшенного татарина, живущего в патриархальном, несекуляризованном обществе, основой мировоззрения, просветитель делал ставку не столько на обучение, сколько на воспитание ребенка, формирование у него глубокорелигиозного мировоззрения, основанного на православии. Таким образом, с развитием сети миссионерских школ в православной традиции воспитывалось молодое поколение крещеных татар, оторванное от религиозной традиции старшего поколения, не восприимчивое к культурному и религиозному влиянию татар-мусульман.

Благодаря этим нововведениям, а также последовательному внедрению системы Ильминского, в религиозной жизни большинства «старокрещен» произошли заметные изменения, фактически – кардинальный поворот от язычества и ислама в сторону православия. Молодое поколение, воспитанное в духе христианства, зарождающаяся духовная интеллигенция стали опорой церкви. Именно через них осуществлялось быстрое проникновение христианских идей в основную массу крещеных татар и нагайбаков. Одним из показателей роста христианской конфессиональной идентичности среди «старокрещеных» татар стало развитие у них духовно-религиозного движения, монашества. С 70-х гг. XIX в. крещенские богомольцы стали совершать ежегодные паломничества в Казань на встречу особо почитаемой иконы Седмиозерской Смоленской Божией Матери (18–26 июня). Например, в 1893 г. на торжественную встречу этой иконы в город прибыло до 300 крещено-татарских богомольцев [Отчет Братства, 1895, с.6]. Среди «старокрещен» появляется большое количество ревностных последователей православия, которые по личной инициативе начинают заниматься христианским просвещением своих соплеменников.

Конечно, процесс христианизации «старокрещен» в пореформенный период не следует абсолютизировать. Проникновение православия и ассимиляция ею прежних традиционных представлений не везде проходили равномерно, иногда они сопровождались ростом конфессионального напряжения и «конфликтом поколений», при котором молодое поколение, воспитанное в миссионерских школах, вступало в открытое противостояние со сторонниками традиционных культов, не всегда одерживая верх в этих спорах [Одигитриевский, 1895, с.28–29]. Православная идеология оказала заметное влияние на религиозное сознание крещеных татар и нагайбаков, однако она не смогла полностью вытеснить «языческие» представления и обряды из их жизни, сформировав систему двоеверия, особую модель «крещенского» бытового православия [РЭМ, фотофонд, кол.271, л.1–2; Обряды, 1930, с.81]. По объективным причинам

ввод в миссионерскую и образовательную практику новых методов христианского просвещения не мог полностью решить и проблему исламизации «старокрещен». Несмотря на большие усилия, прилагаемые православной церковью и государством, процесс конфессиональной дифференциации, вызванный не только религиозными предпочтениями, но и желанием части татар-крещен интегрироваться в единое общетатарское культурно-национальное пространство, выразился в росте их исламизации и акциях массовых «отпадений» от православия и затронул довольно большую группу «старокрещеных» татар (по разным данным, от 6 до 10% от их общего количества) [Исхаков, 2009, с.31–42]. Тем не менее, можно констатировать, что благодаря новым подходам христианского просвещения подавляющая часть татар-крещен сознательно выбрала православие как основу своего религиозного мировоззрения. Христианство стало не только составной частью конфессиональной принадлежности, но и культурной доминантой «старокрещеных» татар, что привело к формированию у них крещенского этноконфессионального самосознания, выделившего их в особую самобытную конфессиональную группу внутри татарского народа.

Православные религиозные институты у крещеных татар. В результате длительного процесса восприятия православной религиозной традиции, церковно-административной деятельности, направленной на христианизацию нерусских народов Восточной России, в Волго-Уральском регионе к началу XIX в. образовалась довольно многочисленная группа крещеных татар. Традиционно в их составе выделяют две локальные подгруппы: так называемые «старокрещеные» (таза керәшен) и «новокрещеные» татары (яңа керәшен).

В соответствии с каноническими правилами и государственным законодательством крещеные татары как члены православной церкви входили в сложившуюся к тому времени систему институциональных конфессиональных учреждений РПЦ. Низшей ее церковно-административной единицей являлся приход, состоявший из причта и прихожан. Приходское духовенство разделялось

Церковь в нагайбацком селении. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в.

на священнослужителей (протоиерей, иерей, диаконы) и церковнослужителей (причетники (дьячки, пономари, псаломщики)). Настоятелем прихода являлся иерей (священник). Православные приходы образовывали церковные округа (благочиния), которые входили в состав отдельных епархий, возглавлявшихся членами высшей церковной администрации из числа черного духовенства (епископ, архиепископ, митрополит).

Долгое время территории епархий Волго-Уральского региона не были идентичны территориям соответствующих губерний. Лишь в 1799 г., ввиду начавшейся по инициативе правительства Павла I территориальной унификации губернских и епархиальных границ, из состава Казанской в ведение Вятской епархии были выделены Сарапульский, Елабужский и Малмыжский уезды. В 1832 г. Казанская епархия была разделена на две самостоятельные кафедры – в Казани и Симбирске. В 1851 г. была образована Самарская епархия, в состав которой вошли территории Ставропольского и Самарского уездов (ранее входили в состав Симбирской епархии), Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский уезды (ранее входили в состав Оренбургской епархии). Окончательная унификация епархиальных и губернских границ на данной территории произошла в 1859 г., когда Оренбургская епархия была разделена на Уфимское и

Оренбургское архиепископства.

Для облегчения управления обширными церковно-административными округами и эффективного видения миссионерской деятельности среди местного нерусского населения с конца XVIII в. в составе епархии Волго-Уральского региона были выделены викариатства, управление которыми возлагалось на викарного епископа, подчинявшегося епархиальному архиерею. В 1799 г. был об-

разован особый Свяжский викарный округ (упразднен в 1802 г.), в 1853 г. учреждено Чебоксарское, в 1899 г. – Чистопольское, в 1907 г. – Мамадышское викариатство Казанской епархии [см.: Богословский, 1896, с.24–42]. В 1868 г. было организовано Сарапульское, в 1889 г. – Глазовское викариатство Вятской епархии [см.: Вятская епархия, 2005, с.148–164].

Церковные реформы петровской эпохи, приведшие к замещению единоначалия в церкви коллегиальной формой управления во главе с Духовной коллегией (1721 г.), впоследствии переименованной в Святейший Правительствующий Синод, положили начало огосударствлению православной церкви, превращению ее в «ведомство православного исповедания», сращиванию с государственным аппаратом. Наряду с бюрократизацией православных религиозных институтов происходил процесс превращения православного причта в замкнутую профессиональную корпорацию, подчиненную государственным структурам в лице местных духовных правлений, консисторий и Синода. Несмотря на это в начале XIX в. в Волго-Уральском регионе еще сохранялась возможность привлечения в духовное сословие представителей местного нерусского населения. В Казанской и Оренбургской епархиях в это время были священно- и церковнослужители из крещеных татар, баш-

кир, чувашей, казахов и других нерусских народов. Большинство из них были воспитанниками казанских новокрещенских школ и КДА (старой). Всего с 1785 г. по 1801 г., по данным Е.А.Малова, в церковно- и священнослужительский сан было посвящено 65 воспитанников новокрещенских школ из «инородцев» [Малов, 1868, с.112].

Несмотря на значение в священнический сан крещеных татар, замещение ими священнослужительских должностей в приходах, в которых были их соплеменники, это не привело к формированию крещенского православного духовенства. Воспитанники синодальных учебных заведений и новокрещенских школ, оторванные в раннем возрасте от привычной культурно-бытовой среды и не имевшие возможности общаться во время обучения на родном языке, быстро теряли связь со своими соплеменниками, полностью забывали язык и национальную культуру предков [Харлампович, 1905, с.51]. Такие духовные пастыри и миссионеры, несмотря на свое происхождение, мало чем отличались от русских священнослужителей и вскоре пополняли их состав. В связи с этим вплоть до 1860-х гг. практически во всех крещено-татарских приходах служило русское духовенство.

В соответствии со штатами для православного духовенства в 1842 г. все православные приходы были разделены на семь классов в зависимости от численности прихожан мужского пола. Количество прихожан православных приходов в епархиях Центральной России составляло в среднем от 1500 до 2000 душ м.п. В епархиях Волго-Уральского региона, где значительное число православных жителей составляли представители местного нерусского населения, эти показатели были несколько выше. Например, в начале 1860-х гг. в Казанской епархии

Чертеж фасада церкви в с.Никифорово Мамадышского у. Казанской губ. 1895 г.

в среднем в одном православном приходе числилось 2599 прихожан мужского пола [Памятная книжка, 1862, с.15].

Материальное обеспечение причта складывалось из платы за совершение духовных треб, жалованья из казны, доходов от церковной земли, размер которой составлял 33 дес. (30 дес. пашни и 3 дес. сенокоса) в соответствии с Генеральным межеванием 1765 г. В случае недостатка свободных земельных фондов устанавливалась практика натуральных церковных сборов с прихожан (руга), размер которых зависел от количества недостающей земли [см.: Обзор, 1867].

Строительство православных храмов в крещено-татарских селениях было связано с развитием христианско-просветительской деятельности РПЦ среди татар. Основываясь на историко-этнографическом нарративе, можно предположить, что появление первых церквей в крещено-татарских деревнях связано с деятельностью первых православных проповедников второй половины XVI – начала XVII в. [Штейнфельд, 1893, с.291; Историко-статистическое описание, 1904]¹⁵.

¹⁵ Ко второй половине XIX в. жители ряда наиболее древних крещено-татарских сел вследствие тесного культурного взаимодействия с русским населением и смешанных браков практически полностью обрусели, сохранив лишь историческую память о происхождении своих предков.

Расширение церковной инфраструктуры отмечалось во второй трети XVIII в., т.е. в период оживления миссионерского движения в крае и деятельности Новокрещенской конторы. К началу 1860-х гг. по неполным данным, собранным Е.А.Маловым на основе церковной статистики, в семи епархиях Волго-Уральского региона насчитывалось 189 православных приходов, в которых сос-

тояли прихожанами крещенные татары [Малов, 1866]. Подавляющее число этих приходов были смешанными по этническому составу, крещенные татары в них представляли меньшинство. Исключение составляли некоторые приходы Мамадышского, Лаишевского у. Казанской губ., Мензелинского у. Уфимской губ., состоявшие исключительно из «старокрещеных» татар.

Таблица 45

Численность крещено-татарских приходов по епархиям в 1864 г.*

Епархии	Кол-во приходов
Казанская	79
Уфимская	18
Вятская	29
Пензенская	11
Нижегородская	9
Самарская	6
Симбирская	37
Всего	189

* Термин «крещено-татарский приход» имеет условный характер и используется здесь для обозначения всех православных приходов, в которых состояли прихожанами крещенные татары.

Современники отмечали, что большинство православных храмов в крещено-татарских селениях отличались небольшими размерами и были выстроены преимущественно из дерева. Внутренняя обстановка церковей была скромной. Это было связано с тем, что в соответствии со сложившейся практикой строительство и содержание церковей возлагались на прихожан, что воспринималось неукрепленными в православии крещеными татарами как дополнительная обременительная государственная повинность, от исполнения которой они старались уклониться. Этим же можно объяснить тот факт, что большинство крещено-татарских приходов были многочисленными по составу и считались малопродуктивными. Места в этих приходах не пользовались популярностью среди православного духовенства, в них отмечалась высокая текучесть кадров. На должности священно- и церковнослужителей поступали лица с низким уровнем богословского образования и миссионерской подготовки, не владевшие языком своих прихожан. Так, в собранных в 1828 г. по поручению казанского архиепископа Филарета (Амфитеатрова) данных отмечалось, что в крещено-татарских при-

ходах Казанской и Симбирской губерний священников, знающих татарский язык, практически не было. При этом из 43 крещено-татарских приходов только в семи были священники, окончившие полный курс в духовных учебных заведениях [Можаровский, 1880, с.135].

Служба в крещено-татарских приходах не пользовалась популярностью у русского духовенства по причине низкого материального обеспечения и в связи со сложностью пастырской и миссионерской деятельности. Взаимоотношения между православным духовенством и прихожанами из крещеных татар имели неоднозначный характер. Еще в 1778 г. в указе Казанской духовной консистории отмечалось, «что не только ново-крещенные, но и «старокрещенные» многие творить и крестного на себе знамения изображать не знают, да и к святым образам почтения не имеют, так и в церкви святые на общие молитвословия не ходят, а живут вместе с некрещеными иноверцами и чинят по прежним своим иноверческим обыкновениям многие непорядки и мольбища, следовательно, рождаемые у них дети крещения, большие же исповеди и св[ятого] причастия, а умершие надлежащего церковного погре-

бения лишаются, за побуждения же их к содержанию православной христианской веры и обучению молитвам Господним чинят они с теми священниками и церковнослужителями немалые ссоры и брани» [цит. по: Ильминский, 1882, л.89]. Как свидетельствуют многочисленные данные, такое положение сохранялось и в первой трети XIX в. [см.: Ильминский, 1848; 1849а]. Наряду с незнанием татар-

ского языка серьезным препятствием для православных духовных лиц в религиозно-просветительской деятельности являлись значительные социальные и этнокультурные различия между ними и прихожанами. Другим немаловажным фактором было отсутствие постоянных контактов между священнослужителями и паствой по причине удаленности большинства крещено-татарских деревень от приходского села. В связи с этим православное духовенство крайне редко посещало своих прихожан, в основном во время больших религиозных праздников, сбора руги и подаваний. Но и во время этих кратких посещений многие крещеные татары (особенно «новокрещеные») старались избегать встреч со своим пастырем, не чувствуя в этом духовной потребности. Отдаленность церквей от приходских деревень создавала значительные трудности и для крещеных татар в отправлении духовных треб (крещение, венчание, отпевание), являвшихся неотъемлемой частью государственной регистрации. Так, по наблюдениям Н.И.Ильминского, жители д.Верхний Арняш Мамадышского у. Казанской губ., чтобы пригласить священника для совершения треб из приходского с.Абди, были вынуждены совершить путешествие в 80 верст, что занимало целый день [Ильминский, 1856, л.1об.]. Естественно,

Школа Братства св. Гурия (крещено-татарская) в д.Ерыкса Мамадышского у. Казанской губ. Фото нач. XX в.

в этих условиях православному духовенству было достаточно сложно полноценно выполнять свои обязанности, следить за религиозно-нравственным состоянием своих прихожан, вести активную христианско-просветительскую деятельность, направленную на воцерковление номинальных христиан, а крещеным татарам в должной мере познакомиться с внутренним содержанием православного вероучения.

Наиболее сложным аспектом во взаимоотношениях православного причта и его крещено-татарской паствы (как, впрочем, и прихожан других национальностей) было осуществление натуральных и денежных сборов за совершение треб и пользование церковной землей. Тяжелое материальное положение православного духовенства вынуждало его искать возможности пополнить свое скудное жалованье за счет прихожан. Это создавало почву для формирования неприязненных отношений в приходе, приводило к открытым конфликтам. Большинство крещеных татар, не понимая обрядов православной церкви и внутренне не принимая их, видели в требованиях священнослужителей при требоисправлениях «незаконные и неумеренные поборы», стремились уклониться от уплаты денежных средств в пользу православного духовенства. Впрочем, сложные отношения внутри крещено-татарских при-

ходов нельзя сводить лишь к скрытой конфронтации между «духовными» и паствой. Безусловно, большую роль во внутренней атмосфере таких приходов играла личность священника. Наряду с лицами, формально относившимися к своим обязанностям или даже злоупотреблявшими своим служебным положением¹⁶, были настоящие духовные пастыри и подвижники, которые своим многолетним бескорыстным трудом заслужили уважение крещеных татар. Такие священники стремились утвердить свою паству в христианстве, наладить доверительные отношения в приходе, открывали приходские школы для обучения детей русской грамоте и основам православия. Во многом благодаря их деятельности в первой половине XIX в. у части крещеных татар (из числа «старокрещен») отмечалось усиление влияния христианства, происходило постепенное «встраивание» православных обрядов в их праздничную культуру.

Усиление государственного присутствия в церковной жизни, отмена выборности православного духовенства способствовали падению роли прихода как общественно-религиозного института, потере ею многих функций «вне церкви» [Федоров, 2003, с.45]. Одним из немногих аспектов жизни православных приходов, где сохранилась значительная роль мирян, был финансово-административный контроль за деятельностью духовенства, возглавлявшийся на церковных старост. В соответствии с «Инструкцией церковных старост», высочайше утвержденной 17 апреля 1808 г., на эту должность на общем собрании в присутствии благочинного выбирался член прихода, утверждаемый на эту должность распоряжением епархиального архиерея. Староста организовывал сбор подаваний, продажу церковных свеч, следил за состоянием храма, хранил церковные деньги и имущество и контролировал их расходование. Также ему вменялись в обязанность ведение приходно-расходных

книг, составление отчетов, предоставлявшихся для проверки благочинному [ПСЗ-1, т.30, №22971]. В крещено-татарских приходах из-за необходимости знания русской грамоты церковными старостами служили в основном русские крестьяне. Однако были и исключения [Ильминский, 1856, л.15об.].

Отмечаемый в 1830–1850-х гг. рост профессиональной дифференциации, результатом которого были «отпадения» части крещеных татар из православия в ислам («новокрещеные» татары) и повышение православной ориентации у другой («старокрещеные» татары), обусловил попытки церковного руководства усилить христианско-просветительскую деятельность, расширить влияние церкви на «инородческую» паству. Укреплению позиции церкви среди крещеных татар способствовали и другие мероприятия государства и духовного ведомства: реформа системы синодального образования (1808–1814 гг.), открытие КДА (новой, 1842 г.) и миссионерских отделений при ней (1854 г.), результатом чего стали повышение уровня подготовки православного духовенства и миссионеров; принятие «Устава духовных консисторий» (1842), введшего четкую регламентацию основ культурно-религиозной жизни православных приходов и правила государственно-церковного контроля над членами церкви, и др. Большую роль в развитии религиозных православных институтов среди крещеных татар в это время сыграли известные церковные деятели, служившие в епархиях Волго-Уралья: архиепископы Филарет (Амфитеатров), Григорий (Постников) и др. Благодаря их усилиям были предприняты меры по объективному изучению религиозного состояния крещеных татар, переводу православных богослужебных текстов на татарский язык, назначению в крещено-татарские приходы лиц, подготовленных к миссионерскому служению и знавших язык своих прихожан. Наряду со строительством новых православных храмов была введена практика пастырских собеседований и проповедей с использованием христианских текстов, переведенных на татарский язык, совершения треб и таинств вне церкви, в крещено-татарских деревнях. Несмотря на нововведения, можно констатировать, что в первой половине XIX в. сложившаяся система церковных учреждений не могла полностью удовлетворить духов-

¹⁶ Как отмечается в источниках, среди священников «инородческих» приходов в первой половине XIX в. встречались лица, которые закрывали глаза на совершение прихожанами мусульманских и «языческих» религиозных обрядов, позволяли за денежное вознаграждение уклоняться от исполнения обязанностей, налагавшихся на членов православной церкви [РГИА, ф.797, оп.15, д.35644, л.4; Ильминский, 1848, л.5об.].

ные и религиозные потребности крещеных татар. В связи с этим большинство из них продолжали сохранять прежние, дохристианские верования, за редким исключением они имели слабую связь с церковью и смутное представление о христианских религиозных обрядах.

Новым этапом в истории христианского просвещения крещеных татар, когда произошли значительные изменения в системе организации миссионерских и религиозных организаций РПЦ в регионе, стала эпоха Великих реформ. Разработанная правительством Александра II программа преобразований охватывала практически все стороны государственной и социально-экономической жизни страны, в той или иной степени затрагивала интересы всех слоев российского общества. Внимание было уделено и реформированию системы религиозных организаций РПЦ, 24 ноября 1861 г. был учрежден специальный комитет во главе с великим князем Константином Николаевичем [Федоров, 2003, с.212], который выработал ряд законодательных инициатив, призванных реформировать систему финансирования православного духовенства, повысить его авторитет в приходе и обществе. Наиболее значимым нововведением стала отмена сословной структуры духовенства: были разрешены свободный выход из духовного звания и привлечение в него представителей других сословных групп. Данная реформа оказала большое влияние на церковные учреждения духовного ведомства – появилась реальная возможность глубоко обновить миссионерское дело, провести ротацию священнических кадров за счет лиц, действительно желающих посвятить свою жизнь пастырскому служению, привлечь к церковной деятельности представителей местных нерусских народов.

Другой, не менее значимой, предпосылкой к усилению христианизации крещеных татар стало изменение позиции государства в сфере миссионерской политики и отношения общества к миссионерскому движению РПЦ. Время Великих реформ 1860–1880-х гг. в истории православной церкви не случайно называется «золотой эпохой» миссионерства. Благодаря демократизации миссионерских учреждений, привлечению в эти органы мирян произошел расцвет православного миссионерства. Само понятие ре-

лигиозного просветительства, по словам И.А.Зеткиной, начало рассматриваться русской интеллигенцией в традициях византийских миссионеров, которые стремились перенести в сознание и души обращенных слово Божие и комплекс современных знаний. Произошло расширение этого понятия до глобального социокультурного феномена [Зеткина, 2002, с.61].

В 1865 г. в Петербурге было учреждено Православное миссионерское общество (ПМО) [Новое миссионерское, 1865, с.3], в конце 1869 г. преобразованное и переведенное под управление московского митрополита [Извлечения, 1870, с.87]. Благодаря поддержке высшего руководства страны и церковной иерархии, ПМО вскоре приобрело статус центрального миссионерского распорядительного органа РПЦ. В Волго-Уральском регионе были созданы представительства (комитеты) ПМО: в 1870 г. открыт комитет ПМО в Вятской, в 1871 г. – в Самарской, в 1872 г. – в Пермской, в 1875 г. – в Симбирской, в 1878 г. – в Нижегородской и Уфимской губерниях [Исхаков, 2011, с.110]. В Казанской губ. функции комитета были возложены на созданное в 1867 г. церковное Братство св. Гурия [Отчет ПМО, 1871, с.43–44]. Основными направлениями деятельности этих миссионерских объединений стали организация и финансирование миссионерской деятельности среди местного нерусского населения, открытие конфессиональных школ и церквей, финансовая поддержка православных неопитов, священников, занимавшихся христианско-просветительской деятельностью среди прихожан. Особое внимание уделялось утверждению в православии «старокрещеных» татар, на эти нужды направлялись значительные финансовые средства миссионерских объединений, денежные субсидии государства и частные пожертвования. В этой связи примечательной является деятельность миссионеров по развитию начальных конфессиональных школ для нерусских народов края. Так, в Казанской губ. в 1904/1905 учебном году из 150 школ Братства св. Гурия 64 были крещено-татарскими (1 школа на 735 крещеных татар м. и ж.п.), 48 чувашскими (1 на 11320 чувашей), 22 марийскими (1 на 5826 марийцев), 1 мордовской (на 26179 мордвы) [см.: Отчет Братства, 1905]. Кроме миссионерских организаций в развитии православного образования среди кре-

щенных татар участвовали местные земские организации, МНП, построившие учебный процесс в сельских школах в соответствии с идеями Н.И.Ильминского.

Сеть профессиональных (миссионерских) школ стала важной составляющей сложившейся во второй половине XIX в. системы религиозных православных институтов у крещеных татар. Наряду с обучением грамоте дети знакомились с содержанием православия, воспринимали суть христианских обрядов. Из числа учеников здесь создавались церковные хоры, в воскресные дни проводились религиозные собеседования. В 1886 г. указом Синода православным священникам и миссионерам в помещениях школ было разрешено совершение литургии на переносных анимистах и престолах [Сборник постановлений, 1899, с.627]. Во время церковных служб учителя и ученики этих учебных заведений участвовали в богослужении, пели православные молитвы на родном языке. Развитие сети миссионерских школ позволило значительно расширить присутствие церкви в культурно-религиозной жизни крещеных татар, сделать доступными православную проповедь и богослужение для большей части прихожан.

Одним из основных направлений деятельности православных миссионеров в регионе стала организация работы по переводу на местные языки богослужебной и миссионерской литературы. Научной базой для деятельности переводчиков стали разработки известного казанского ученого-востоковеда и православного просветителя Н.И.Ильминского, предложившего в начале 1860-х гг. использовать для переводов разговорный татарский язык на основе кириллического алфавита. До 1860-х гг. переводы православных богослужебных книг для татар осуществлялись на основе общепотребительного у них арабского шрифта. К концу 1850-х гг. эта работа, благодаря привлечению к ней ведущих на то время ученых-тюркологов (А.К.Казем-Бека, Н.И.Ильминского и Г.С.Саблукова), была поставлена на довольно высокий научный уровень, о чем свидетельствует тот факт, что эти переводы вплоть до начала XX в. использовались как основные учебные пособия для изучения татарского языка студентами синодальных учебных заведений. Но эти переводы были понятны лишь узкому

кругу татарской интеллигенции, владевшей сложными и витиеватыми формами татарского литературного языка, изобиловавшего арабскими и персидскими словами. Для крещеных татар, оторванных от общетатарской письменной традиции, базировавшейся на «высокой» мусульманской культуре, эти переводы оказались непонятными и не пользовались среди них популярностью. К тому же использование арабского шрифта, по мнению миссионеров, таило в себе угрозу приобщения крещеных татар к мусульманской традиции и усиления их исламизации. Переход на новый алфавит и использование в переводах «разговорного» татарского языка во многом решали эту проблему. Использование кириллицы как вещественного памятника и символа христианства, привнесенного в русскую традицию первыми славянскими святителями Кириллом и Мефодием, в переводах должно было символизировать незримую духовную связь крещеных татар с православием и русским народом [Ильминский, 1883а, с.18]. Хотя практика переводов религиозной литературы с использованием кириллицы на языки нерусских народов была не нова и занимала важное место в истории православного проповедничества и восходила к традиции Стефана Великопермского, однако именно Н.И.Ильминскому удалось сформировать научно-методическую базу для создания новых алфавитов «безписьменных» народов Восточной России и переводов для них православных богослужебных книг. Транслитерация татарского языка на основе алфавита титульного населения государства, первоначально задумывавшаяся Н.И.Ильминским с чисто утилитарными целями, в дальнейшем была распространена на языки других коренных народов Поволжья и Сибири и стала, по мнению канадского исследователя У.Доулера, не только основой языковой политики российского правительства в восточных пределах государства, но и предтечей аналогичной политики в других европейских империях [Dowler, 2001, p.153–154].

В 1868 г. для централизованной деятельности по переводам христианской богослужебной литературы и для ее распространения на базе казанского Братства св. Гурия под руководством Н.И.Ильминского была создана Переводческая комиссия, подчиненная в 1876 г. непосредственно ПМО. Комис-

сия, неформально существовавшая еще до 1868 г. и занимавшаяся переводами богослужебных и миссионерских книг для крещеных татар (в этой деятельности принимали участие Н.И.Ильминский, В.Т.Тимофеев, Е.А.Малов, Г.С.Саблуков), после открытия Братства св. Гурия, расширив свои финансовые возможности и получив более правильную организацию, распространила свою деятельность и на другие крещеные нерусские народы Восточной России, обрела право цензуры изданий на этих языках. Однако именно работа над татарскими изданиями была для казанских переводчиков приоритетным направлением деятельности, а сами эти переводы, по замечанию М.А.Машанова, служили «в некотором роде подлинниками для переводов на другие инородческие языки» [Отчет Переводческой комиссии, 1894, с.11]. К переводу на татарский язык привлекались ученики и педагогический состав миссионерских школ, которые должны были устранять все неточности и недостатки изданий, сделать их понятными для читателей [Ильминский, 1876, с.63]. Для проверки практической пользы переводов ежегодно, во время летних каникул, учителя и учащиеся КЦКТШ разъезжали по национальным селениям, где читали и распространяли эти новые издания среди местных жителей. Всего с 1876 г. по 1905 г., по неполным данным, на татарский язык было переведено и издано 89 названий книг, преимущественно религиозного содержания, общим тиражом 559 050 экз. [см.: Хронологический, 1910, с.17–25].

Новации в системе миссионерской деятельности, развитие сети миссионерских школ, создание переводов религиозных текстов способствовали более эффективно применению татарского языка в богослужебной практике, позволили привлекать в духовное сословие представителей зарождающейся крещено-татарской интеллигенции. В 1867 г. Синод законодательно закрепил право на посвящение в духовный сан лиц из крещеных татар [РГИА, ф.797, оп.36, отд.2. д.251, л.17–20об.]. При этом, в отличие от русских кандидатов, от них не требовалось наличие специального духовного образования. Крещеным татарам было достаточно обладать высокой православной религиозностью, знать основы христианского вероучения и русский язык, достичь 30-летнего возраста и заручиться поддержкой

местного епархиального руководства. Благодаря активному привлечению в духовное сословие воспитанников КЦКТШ и КУС, лоббированию этого вопроса непосредственно Н.И.Ильминским, к началу XX в. по количеству национальных православных духовных лиц на душу населения крещеные татары значительно опережали другие нерусские народы края. Например, в Казанской губ. к 1904 г. священники из крещеных татар составляли 39,7%, чувашаи – 44,1%, марийцы – 6,8%, удмурты – 0,6% от общего количества национального духовенства (белого). Таким образом, 1 священник из крещеных татар приходился на 1742 крещеных татарина, проживавших в губернии, 1 чувашский – на 18113 чувашей, 1 марийский – на 12818 марийцев, 1 удмуртский – на 26179 соплеменников¹⁷ [Бобровников, 1905, с.178].

Важным итогом деятельности казанских миссионеров-переводчиков стала возможность совершения богослужения для крещеных татар и нагайбаков на их родном языке. Впервые введенное в церковную практику в 1869 г. алтайским миссионером архимандритом Макарием (Невским) богослужение на татарском языке стало повсеместно внедряться в крещено-татарских приходах в начале 1880-х гг. вследствие особого указа Синода от 15 января 1883 г. [Машанов, 1892, с.168]. Благодаря этому большинство крещеных татар получили возможность слушать церковные службы на родном языке, знакомиться с догматами христианского вероучения, полноценно участвовать в религиозной жизни своего прихода.

Наряду с массовым посвящением в сан «старокрещеных» татар с 1870-х гг. начались масштабное строительство новых церквей и открытие приходов. На это духовное ведомство выделяло особые квоты и денежные субсидии. Только по Казанской и Уфимской губерниям с конца 1860-х по начало 1890-х гг. было построено 36 православных храмов в селениях крещеных татар¹⁸, что

¹⁷ Необходимо отметить, что не все священники из крещеных татар служили в местах компактного расселения кряшен. Многие работали в чувашских, марийских, удмуртских, русских или смешанных по национальному составу приходах.

¹⁸ Здесь были учтены также церкви в селах со смешанным национальным составом, в приходах которых состояли преимущественно крещеные татары.

Титульный лист книги на татарском языке о православной вере «Чын ден княгясе» (Казань, 1897).

составляло 60% от общего количества существовавших к тому времени кряшенских церквей [см.: Бобровников, 1899; Златоверховников, 1899]. В связи с массовым отходом из православия «новокрещеных» татар и масштабным строительством православных храмов в селениях «старокрещеных» татар большинство крещено-татарских приходов стали более однородными в этноконфессиональном плане. Прихожанами в них состояли в основном «старокрещеные» татары, благодаря широкой христианско-просветительской и культуртрегерской деятельности православных миссионеров воспринявшие христианство как важную часть своей идентичности и культуры, и служили священниками из числа их соплеменников.

Развитие у крещеных татар православных институтов во второй половине XIX – начале XX в. было тесно связано со сложными этноконфессиональными процессами, протекавшими в их среде и приведшими к усилению влияния православия. Благодаря утверждению в православии

основной массы «старокрещеных» татар и формированию у них национального духовенства, в начале XX в. появилась возможность организации крещено-татарских монастырей. Основным идейным вдохновителем учреждения первого монастыря для крещеных татар стал архимандрит Казанского Спасо-Преображенского монастыря (с 1907 г. епископ Мамадышский) Андрей (Ухтомский). Благодаря его заботам в 1905 г. вблизи д. Малое Некрасово Лаишевского у. Казанской губ. был официально открыт Трехсвятительский крещено-татарский скит при Спасо-Преображенском монастыре [Алексеев, 2008, с.138]. В 1907 г. на средства семьи князей Ухтомских недалеко от д. Богдановка Мамадышского у. Казанской губ. была создана женская крещено-татарская Покровская просветительская община [РГИА, ф.797, оп.77, отд.2, стол 3. д.291, л.38].

Длительный и сложный процесс развития православных институтов среди крещеных татар привел к оформлению в начале XX в. стройной системы религиозных организаций РПЦ, отвечавших культурным и религиозным запросам этой конфессиональной группы. Она включала в себя широкую сеть начальных религиозных учебных заведений (преподавание в которых велось на родном для детей языке, а основное внимание уделялось церковным дисциплинам), национальных приходов во главе со священнослужителем из числа крещеных татар и православных монастырей, где богослужение велось на татарском языке. Специфика становления и функционирования этих учреждений, выполнявших не только религиозные, но и культурно-просветительские и миссионерские функции, способствовала их гармоничному встраиванию в этнокультурное поле крещеных татар. При отсутствии других достаточно значимых социальных институтов именно их просветительская деятельность стала важнейшим фактором культурной мобилизации крещеных татар в эпоху глобальных изменений второй половины XIX в. и способствовала формированию у них прослойки сельской и городской интеллигенции, зарождению литературной традиции и «высокой» культуры. Во многом благодаря этому они сыграли важную роль в изменении религиозного сознания крещеных татар и утверждении их в православии.

Раздел VI

**Этноконфессиональная политика
самодержавия**

ГЛАВА 1

Административно-управленческие системы на территориях расселения татар

Сергей Любичанковский

Административно-управленческие системы России в XVIII – начале XX в. выстраивались, в общем и целом, без учета «татарского фактора».

С 1775 г. административно-управленческие системы империи были перестроены в соответствии с губернской реформой Екатерины II [ПСЗ-1, т.20, №14392]. Итогом реформы стало формирование на территориях расселения российских татар 6 генерал-губернаторств (каждое имело свой порядковый номер, от первого до девятнадцатого, к 1781 г.), включавших в свой состав несколько наместничеств (губерний)¹. В основу деления страны на наместничества был положен принцип численности населения – 300–400 тыс. чел. составляли наместничество [ПСЗ-1, т.20, №14392, ст.1], 20–30 тыс. чел. – уезд, из совокупности которых состояли области и наместничества [ПСЗ-1, т.20, №14392, ст.17]. Это позволяло добиться выравнивания нагрузки на региональные администрации.

Учреждение наместничеств сопровождалось созданием новых губернских учреждений (наместнических и губернских правлений, казенных палат, приказов общественного призрения и др.), а также уездных институтов (на должность капитан-исправника избирались лица из местных дворян; однако после выборов эти чиновники полностью подчинялись губернаторам) [РГАДА, ф.16, оп.1, д.636].

В обязанности генерал-губернаторов входил не только надзор за исполнением законов и за исполнением местными должностными лицами своих обязанностей, но и командование войсками, расположенными на подведомственной территории. Наделенные правом внешнеполитической деятельности (ведение дипломатических переговоров с соседями, отправка разведчиков, даже совершение локальных военных экспедиций), они не просто исполняли высочайшие указания, но и формировали политику правительства в подведомственных им районах. Не случайно им принадлежало право заседать в Сенате и голосовать при решении местных дел. Губернаторы являлись при них обычными администраторами [Лысенко, 2001, с.119].

Основным органом управления являлось наместническое правление. В его состав входили генерал-губернатор, правитель наместнического правления, два члена и писарь. Оно руководило областными палатами и приказами, контролировало полицейские органы, принимало отчеты и рапорты от учреждений наместничества, назначало служащих в уездные и областные органы, контролировало исполнение населением натуральных, денежных, военных и других повинностей [ПСЗ-1, т.21, №15170]. Вторым по значимости органом управления была казенная палата, председателем которой являлся (до реформы 1845 г.) вице-губернатор. Она контролировала финансы наместничества [ПСЗ-1, т.21, №15141].

Составной частью системы регионального управления являлось ОМДС, учрежденное в Уфе в 1788 г. На него возлагался прием экзаменов у претендентов на мусульманские духовные должности. Но окончательное утверждение в звании ахуна, муллы или муэдзина должно было производить

¹ Так, в X генерал-губернаторский округ вошли Ярославское и Вологодское наместничества; в XII – Нижегородское и Вятское; в XIII – Пермское и Тобольское; в XV – Симбирское и Уфимское; в XVI – Казанское и Пензенское; в XVII – Саратовское, Астраханское, Азовское и Новороссийское наместничества [ПСЗ-1, т.21, №15774; т.44, ч.2, №17494, прил.].

наместническое правление [ПСЗ-1, т.22, №16710].

В 1796 г. Павел I ликвидировал генерал-губернаторства и наместничества, заменив последние губерниями [ПСЗ-1, т.24, №17634]. При этом произошло очередное разукрупнение губерний, что было естественным следствием сохранявшего свою силу екатерининского принципа зависимости числа административно-территориальных образований от численности проживавшего в них населения. На территории расселения татар к этому времени функционировали Астраханская, Саратовская, Сибирская, Пензенская, Нижегородская, Ярославская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Тобольская губернии, во главе которых стояли гражданские губернаторы. Лишь для Оренбургской губ. Павлом I была сохранена промежуточная между ним и гражданским губернатором инстанция – оренбургский военный губернатор. Ему подчинялись земли уральских и оренбургских казаков, калмыки, приуральские кочевья казахских жузов, а также башкирские земли за пределами Оренбургского края – в Саратовской, Пермской и Вятской губерниях. Оренбургское военное губернаторство существовало до 1851 г. К 1851 г. из его состава была выделена созданная годом ранее Самарская губ. [РГИА, ф.383, оп.9, д.7674, л.73].

Гражданские губернаторы после ликвидации института генерал-губернаторства стали центральным звеном местного управления империи. Хотя с 1802 г., после введения министерской системы и ее проникновения на региональный уровень путем создания там учреждений разной подведомственности (так, казенная палата находилась в ведомстве Министерства финансов, суды – в ведении Министерства юстиции и т.д.), губернатор все больше был ограничен в своей власти только теми органами, которые непосредственно подчинялись МВД. И это противоречило «Общему Наказу губернаторам» 1837 г., в котором губернатор определялся как «непосредственный начальник и хозяин» вверенной ему территории [ПСЗ-2, т.12, №10303]. Важным ограничителем власти гражданского губернатора являлся также институт предводителей дворянства, которые по закону имели право участвовать

в работе ряда губернских коллегий. Вместе с тем на существенной части Волго-Уралья этот институт не сковывал руки губернатору в силу отсутствия дворянских корпораций (Вятская, Пермская, Тобольская губернии) либо их экономической слабости по сравнению с коренными губерниями империи. Эта особенность также предопределила доминирование в нижнем и среднем звене регионального госаппарата разночинцев [Загидуллин, 2010, с.450–452].

После убийства Павла I последующие императоры частично вернули в практику генерал-губернаторские округа: в частности, в 1804–1811 гг. в составе одного генерал-губернаторства были объединены Вятская и Пермская губернии (т.н. эксперимент Д.Балашова). На территории Западной Сибири с 1803 г. функционировало Сибирское, а затем (с 1822 г.) Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Тобольске, которое было упразднено в 1882 г. Аналогичным образом упразднение Оренбургского военного губернаторства в 1851 г. привело к созданию на территории Оренбургского края Оренбургского и Самарского генерал-губернаторств. В 1865 г. Самарская губ. была выведена из этого административно-территориального образования, а Оренбургская губ., разделенная на две губернии (собственно Оренбургскую и Уфимскую), вошла в состав Оренбургского генерал-губернаторства [ПСЗ-2, т.40, №42058]. Существующая с 1844 г. в подчиненном по отношению к оренбургскому военному губернатору положении Область оренбургских киргизов [ПСЗ-2, т.19, №17998] в 1868 г. была преобразована в Уральскую и Тургайскую области, подчиненные оренбургскому генерал-губернатору. При этом на уровне т.н. частного управления власть там была сосредоточена в руках родовых старейшин. После упразднения в 1881 г. названного административно-территориального образования все его основные составляющие (губернии) перешли в прямое ведение МВД. Таким образом, учрежденные в 1775 г. повсеместно, с начала XIX в. генерал-губернаторства охватывали только юг и восток территории татарского расселения в империи, т.е. территории т.н. окраин, чье положение являлось приграничным.

Положение гражданских губернаторов после упразднения генерал-губернаторств укрепилось за счет ликвидации надзорного органа, который ранее весьма часто не ограничивался контролем, а вмешивался в их компетенцию. Однако некоторое повышение самостоятельности сдерживалось систематическим внедрением в гражданское губернское управление отраслевого (ведомственного) принципа, который позволил вывести многие местные структуры из-под прямого управления губернатора. Также отметим, что военная власть генерал-губернаторов после их упразднения не была передана гражданским губернаторам, а перешла к руководству соответствующих военных округов, что также не способствовало повышению статуса «начальников губерний» до уровня их упраздненных кураторов.

Эпоха Великих реформ значительно повлияла на региональные управленческие структуры. Главной властной фигурой в местном управлении продолжал оставаться губернатор – высшее должностное лицо коронного управления в губернии. Будучи чиновником МВД, губернатор был непосредственным начальником практически всех коллегиальных местных структур этого ведомства (губернское правление, лесоохранительный комитет, губернское присутствие, по фабричным и горнозаводским делам присутствие, распорядительный комитет, по земским и городским делам присутствие и т.д.).

Основным учреждением в системе гражданского управления губерниями являлось губернское правление, учрежденное еще в 1775 г. Оно было «правительством» при губернаторе, который являлся его председателем. Учреждение ведало «делами общественного благоустройства», охраняло «права личности и собственности, общую безопасность, тишину и спокойствие», управляло «делами относительно народного здоровья, оспопрививания, пресечения скотских падежей, продовольствия, хозяйства и промышленности (насколько сие предоставлено учреждениям общественным)», оказывало содействие «всем другим управлениям в исполнении законов» и принуждало «подчиненные ему места к исполнению их обязанностей». Оно обнаруживало в губернии

законы и указы, занималось их интерпретацией для нижестоящих учреждений, рассматривало жалобы на действия чиновников, решало вопросы о судебной ответственности должностных лиц, приводило иностранцев к присяге на подданство, надзидало за исправностью мер и весов, собирало статистические сведения о разных сторонах жизни губернии, заведовало строительными, межевыми и дорожными делами, заключало контракты «на счет казны», следило за исполнением завещаний, рассматривало дела об освидетельствовании сумасшедших и т.д. Губернское правление наблюдало за повсеместным исполнением законов, имело право отменить «всякое действие» полиции. Власть его определялась как «полицейская в высшем ее значении, то есть судебнополицейская, распорядительная, исполнительная и понудительная» [Общее Учреждение, 1892, ст.437–438, 467–471]. Интересно, что в штате Оренбургского губернского правления не только в дореформенный период, но и в последующую эпоху утраты регионом своего приграничного положения была предусмотрена должность переводчика [РГИА, ф.1284, оп.185, д.29, л.93об.]. Это свидетельствовало о сохраненном стремлении адаптировать местную власть к особенностям этнического состава населения огромного региона даже после утраты им статуса окраины.

Однако значительное число ведомственных нормативных актов, регламентировавших деятельность многочисленных неподчиненных МВД учреждений, стесняло, а порой и сводило на нет властные полномочия «начальников» губерний по многим вопросам их компетенции. Действительно, со 2-й половины XIX в. в регионах появилось огромное количество автономно работающих учреждений, которые курировали ряд важных вопросов и не принадлежали ведомству МВД. В результате характерная для Российской империи «министерская война» проникла и на губернский уровень. Новые учреждения (акцизное управление, податное присутствие, распорядительный комитет и др.) стали заниматься тем кругом вопросов, который в дореформенной России находился в ведении, главным образом, МВД. Иными словами, зона ответственно-

Казанские судебные места. Рис. В.С.Турина. 1820-е гг.

сти МВД сужалась, а других министерств – расширялась. Координация действий между ними была весьма низкой, что, естественно, вредило эффективности управления и ограничивало власть губернатора.

В большей части рассматриваемых губерний в течение 1864–1874 гг. было введено земство (к 1905 г. его не было только в Тобольской и Оренбургской губерниях, а также в степных областях). Земские думы и управы взяли на себя основной объем хозяйственных функций, которые ранее принадлежали губернской администрации. В городах те же полномочия принадлежали возникшим с 1870 г. городским думами и управам.

С 1864 г. губернатор потерял полномочия по контролю над судебными органами власти, хотя с 1881 г. у губернаторов появились внесудебные способы преследования лиц, проживавших на вверенных им территориях, санкционированные положением об усиленной и чрезвычайной охране.

Проведенная в 1862–1867 гг. полицейская реформа, сопровождаемая учреждением уездного полицейского управления, построила вертикаль полицейской власти до уровня уезда, что повышало полицейские полномочия губернской администрации, однако одновременно выводило за пределы компетенции губернатора политический сыск, который сосредоточивался в руках жандармского полковника, возглавившего автономное губернское жандармское управление.

В результате к началу XX в. характеристика губернатора законодательством как главного представителя верховной власти в губернии, ее начальника, охранителя правосудия и казенного интереса и т.д. [Общее Учреждение, 1892, ст.201, 270–274] выглядела не вполне точной [Страховский, 1913, с.68]. За пределами компетенции губернаторов к концу XIX в. оказались новые судебные учреждения, прокурорский надзор, контрольные палаты, акцизные управления, отделения Государственного банка, таможни, горные управления, техническая часть железнодорожного и почтово-телеграфного ведомств, расквартированные в губернии армейские части. Не случайно многочисленные комиссии, советы и совещания высших лиц государства, работавшие вплоть до Первой русской революции, предлагали усилить власть губернатора, причем путем не только механического увеличения числа подчиненных ему учреждений, но и расширения его полномочий [ГАОО, ф.10, оп.1, д.175, л.1–2; Усиление губернаторской, 1904]. Как писал в 1903 г. в столицу уфимский губернатор И.Н.Соколовский, «...объединяющею властью в губернии может и должен быть только Губернатор, которому... необходимо дать все средства и способы быть действительным, а не номинальным хозяином и начальником губернии», «необходимо... надлежащим образом поддержать Губернаторскую власть путем строжайшего

Губернаторский дворец, где располагалась канцелярия казанского губернатора. Казанский Кремль. 1848 г. Архитектор К.А.Тон. Фото 1892 г.

охранения ее от посягательств на неприкосновенность ее со стороны прочих ведомств, Губернатору неподчиненных, без чего никакие преобразования губернского управления не принесут тех благих результатов, кои имеются в виду ими достигнуть» [ЦИА РБ, ф.И-9, оп.1, д.655, л.4–4об.].

Система уездного управления также отличалась противоречивостью. С одной стороны, прямым продолжением власти губернатора в уезде был уездный исправник – руководитель полицейской службы. Подконтрольное ему полицейское управление наблюдало за «скорым и точным» исполнением законов и предписаний начальства, охраняло безопасность и общественное спокойствие, вело дела общественного благоустройства, обнародовало указы правительства, пресекало стихийные бедствия и эпидемии, взыскивало налоги, наблюдало за верностью мер и весов, производило торги, вызывало в суд, исполняло обязанности по учету и призыву военнообязанных и т.д. [Общее Учреждение, 1892, ст.679–684]. Исправник входил на правах члена в различные коллегиальные уездные органы – тюремный комитет, училищный совет, присутствие по питейному делу и т.д. Однако председателем этих и многих других коллегий являлся уездный предводитель дворянства. К 1905 г. это лицо руководило уездными земскими собраниями, возглавляло уездный съезд, дворянскую опеку, отделение тюремного комитета, училищный совет, присутствие

по воинской повинности, присутствие по питейным делам, землеустроительную комиссию и десяток других менее важных комитетов, попечительств и комиссий. Одновременно после создания земства, несмотря на подконтрольность МВД, они достаточно быстро приобрели авторитет и также стали претендовать на

главную роль в управлении хозяйственной жизнью уездов. Таким образом, уездное управление к 1905 г. по соотношению властных полномочий исправника, председателя земской управы и предводителя дворянства представляло собой пеструю картину: от доминирования одного из представителей указанного триумвирата до жесткого противостояния каждого против каждого или каких-либо коалиций. Такое положение дел увеличивало количество нерешенных проблем в управлении, служило постоянным генератором конфликтных ситуаций.

Крупной проблемой местного управления являлась чрезмерная централизация отношений в рамках системы «МВД – губернатор и губернское правление – нижестоящие учреждения». Так, например, оренбургский губернатор В.И.Ершов писал в 1898 г. министру внутренних дел И.Л.Горемыкину о «весьма обильной, но не имеющей особого важного значения переписке, исходящей ныне за подписью губернатора», и о том, что даже в сфере «маловажных дел, не подлежащих коллегиальному обсуждению и не требующих особого взгляда и направления руководящей власти», начальники отделений губернского правления не могли проявлять самостоятельность, а должны были «испрашивать разрешения председателя» [ГАОО, ф.10, оп.1, д.175, л.61об.–62]. Такая практика придавала совершенно особое значение подбору кадров высших руководителей полиэтничного Волго-Уральского региона.

Этнический и конфессиональный состав губернаторов региона был, в целом, однородно православным (генерал-губернаторы принадлежали к православию в полном составе). Но не менее 6% занимавших этот пост в 1825–1905 гг. (с 1825 г. в формулярных списках появляются данные о вероисповедании) являлись лютеранами. Причем их количество снижалось к концу рассматриваемого периода. Как правило, это были остзейские немцы, дворяне присоединенных к России в XVIII в. западных территорий. Мы не находим среди губернаторского корпуса представителей ислама. Хотя ряд знаменитых российских династий, давших России немало государственных деятелей, в т.ч. и губернаторов, имели восточные корни, в основном татарские (например, Юсуповы) [Лысенко, 2001, с.191–192]. Нижестоящее чиновничество, занимавшее ключевые должности в местном госаппарате, также в большинстве своем принадлежало к православию. Таким образом, управляемое население было поликонфессиональным и многоэтническим, а управляющий слой эволюционировал в сторону моноконфессиональности. Такая ситуация создавала дополнительные сложности в выполнении губернаторами региона своих должностных обязанностей.

Наряду с классической губернской формой управления, описанной выше, в рамках региона были территории, имевшие специфические административно-управленческие системы.

Ярким проявлением гибкости имперской модели регионального управления являлась Западная Сибирь. С конца XVIII в. особый статус этой территории был обозначен за счет нераспространения на нее действия губернской реформы 1775 г. В 1822 г. стараниями М.М. Сперанского это пространство получило особое «Сибирское учреждение» [ПСЗ-1, т.38, №29126]. Западная Сибирь была подчинена генерал-губернатору. Он председательствовал в т.н. Главных управлениях (половина их состава назначалась председателем, половина – министерствами юстиции, финансов, внутренних дел) и совещательных органах при них – советах. Коллегиальность принятия решений явилась новацией, надолго опередившей

свое время. Социокультурные особенности региона были подчеркнуты принятием «Устава об управлении инородцев», с помощью которого нерусские народы края получили особый сословный статус. Местные татары относились к разряду «оседлых» инородцев, которые приравнивались к государственному крестьянам во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности. После упразднения в 1882 г. генерал-губернаторства [ПСЗ-3, т.2, №886] были приняты законы, унаследовавшие региональную специфику данной территории: введен институт крестьянского начальника, распространявшего свою власть и на аборигенов, отменено понятие «породных земель», занимаемых местными жителями по праву давности [ПСЗ-3, т.18, №14908, 15503].

В период с 1798 г. по 1865 г. существовала кантонная система управления [ПСЗ-1, т.25, №18477]. Она распространялась на башкир, мещеряков, оренбургских и уральских казаков (отдельный кантон составило Ставропольское калмыцкое войско).

В 1863–1865 гг. данная специфическая система регионального управления была ликвидирована, а жителей кантонов перевели из военного сословия «в сельских обывателей». Однако это не касалось казаков, которые сохранили специфику управления и после ликвидации кантонов. Они по-прежнему возглавлялись войсковыми атаманами.

Еще одной специфической региональной административно-управленческой системой являлось горное управление. В ходе проведения губернской реформы при Екатерине II Канцелярия главного правления Сибирских, Казанских, Оренбургских заводов была упразднена, а ее функции переданы губернским казенным палатам. В 1802–1806 гг. на рассматриваемой территории были созданы четыре независимых друг от друга горных начальств, подчинявшихся непосредственно берг-коллегии: Екатеринбургское, Пермское, Гороблагодатское и Банковое. Общее руководство ими осуществлял пермский и вятский генерал-губернатор с помощью Пермского горного правления и пермского берг-инспектора. Однако после ликвидации названного генерал-губернаторства в 1811 г. контроль был фактически утрачен, поскольку без генерал-губернатора берг-инспектор

не имел возможности выполнять свои координационные функции [Лоранский, 1900]. Вместе с этим с 1806 г. на столичном уровне было создано Горное ведомство (в рамках Министерства финансов), которое пользовалось широкой административной автономией. На территории региона оно имело свою полицию, почту, суд, школы, госпитали и аптеки, богадельни и церкви. Это создавало параллелизм в деятельности гражданских и горных властей и приводило к постоянным трениям и столкновениям между ними. В 1826 г. была учреждена должность Главного начальника горных заводов хребта Уральского. Человек на этом посту обладал огромными полномочиями и был полностью независим от губернских властей. После отмены крепостного права горнозаводская администрация была полностью освобождена от обязанностей, не относящихся непосредственно к горному делу: от руководства воинскими формированиями и судебными учреждениями, из-под ее управления были выведены церкви, госпитали, аптеки, богадельни, почтовые конторы и станции, горнозаводские школы и училища. В 1886 г. Уральское горное правление было переименовано в Управление горной частью на Урале и под этим названием просуществовало до 1893 г., когда получило новое наименование – Уральское горное управление. В связи с введением в 1886 г. фабричной инспекции должности окружных ревизоров были упразднены и учреждена горная инспекция. К 1905 г. вся территория Уральской горной области делилась на 12 горных округов во главе с окружными инженерами². Окружной инженер был обязан наблюдать за исполнением горного законодательства, за безопас-

ностью работ, приобретением, хранением и употреблением взрывчатых веществ, своевременным поступлением податей, расследовал конфликты между рабочими и предпринимателями и т.п. [Алексеев, 2008, с.439].

Таковы были основные административно-управленческие системы на территориях расселения татар в конце XVIII – начале XX в. Обобщая вышеизложенное, можем констатировать, что: 1) в административно-управленческом плане рассматриваемая территория не признавалась чем-то единым; проживание здесь татар не рассматривалось в качестве основной специфики региона; цель выделить район преобладающего проживания татар (в отличие, например, от башкир и казахов) в отдельную административную единицу не ставилась; 2) сложившаяся управленческая система являлась отражением имперского характера государства, что выражалось в выстраивании вертикали власти с опорой на местную элиту и с учетом местных традиций управления, но, конечно, при полном контроле ключевых институтов и должностей; 3) основой эволюции российского госаппарата на территории Урало-Поволжья являлся процесс постепенного подтягивания окраинных и внутривнутрипериферийных территорий до стандартов местного управления в центральной России; эти стандарты не предусматривали учет специфических национальных традиций управления, строились на унифицированных принципах рационализации и бюрократизации управления с выстраиванием отношений надличностной зависимости и приоритетом в управленческой практике казенных, надобщинных интересов.

² Вятский, Пермский, Чердынский, Северо-Верхотурский, Южно-Верхотурский, Северо-Екатеринбургский, Западно-Екатеринбургский, Южно-Екатеринбургский, Уфимский, Миасский, Верхне-Уральский и Оренбургский горные округа [Исторический очерк, 1910].

ГЛАВА 2

Политика правительства в отношении татар в дореформенный период

Айдар Ногманов

§ 1. «Татарский вопрос» в царствование Александра I

В период царствования Екатерины II мероприятия правительства были направлены на сотрудничество с татарской элитой, которая в процессе реализации общих интересов должна была превратиться в надежного партнера государства.

Такая гибкая политика, проводившаяся под знаком религиозной терпимости, в значительной степени достигла своей цели, которая заключалась в том, чтобы привлечь татарских мурз, купцов и высшее духовенство на сторону государства и с их помощью эффективнее контролировать остальное население. По мнению правительства, к концу XVIII в. было окончательно завершено политическое, экономическое и социальное присоединение народов Поволжья к Русскому государству [Kappeler, 1982, p.377].

Главной задачей правления Александра I стала дальнейшая, более глубокая, интеграция татарского населения в различные сферы российской жизни. Практическим выражением продолжения курса Екатерины II стали указы первых лет его царствования, адресованные татарской феодальной знати. 5 мая 1801 г. Александр I подписал закон, подтвердивший право татарских мурз на получение дворянского звания [ПСЗ-1, т.26, №19856]. Стремление к сотрудничеству с татарской элитой просматривается и в указе от 9 декабря 1802 г. о выдаче компенсации от государства татарским князьям и мурзам, чьи крепостные люди пожелали принять христианскую веру [ПСЗ-1, т.27, №20548].

Чертами преемственности отмечено земельное законодательство первой четверти XIX столетия. Указы 1803 г. и 1824 г., регламентирующие процесс межевания в Оренбургской и Пермской губерниях [ПСЗ-1,

т.27, №20868; т.39, №29772], восходят к законодательным актам 1760-х гг., связанным с Манифестом от 19 сентября 1765 г. «О генеральном размежевании земель во всей империи» [ПСЗ-1, т.17, №12474]. Так, указ 1803 г. предписывал оренбургскому губернатору строго следовать положениям «Инструкции межевым губернским канцеляриям» 1766 г. [ПСЗ-1, т.17, №12659], защищавшей интересы татар, мордвы, чувашей, черемис и других нерусских народов [ПСЗ-1, т.27, №220868]. Подобные решения в полной мере отвечали принципам Екатерины II, считавшей предотвращение социальных, межэтнических и религиозных противоречий приоритетом своей внутренней политики.

Александр I продолжил начатую Екатериной II работу по созданию многоступенчатой системы образования. При учреждении в 1804 г. Казанского университета, наряду с выгодным географическим положением, была учтена историческая миссия Казани, издавна являвшейся «восточными воротами» России. Устав Казанского университета, помимо обучения студентов немецкому и французскому языкам, предусматривал преподавание им татарского языка [ПСЗ-1, т.28, №21500]. Для сравнения: в Московском и Харьковском университетах, чьи уставы были подписаны в тот же день, вместо татарского языка вводилось обучение английскому языку [ПСЗ-1, т.28, №№21498 и 21499]. Этот факт свидетельствовал об изначально восточной ориентации вновь созданного учебного заведения, а также отводимой ему роли в культурном развитии азиатских окраин империи, в подготовке кадров для работы с нерусским населением.

Император Александр I.

Помимо Казанского университета кадры для восточных регионов империи готовило Неплюевское училище в Оренбурге, учрежденное указом от 9 февраля 1824 г. [ПСЗ-1, т.39, №29770, с.50–54]. В него принимались дети служащих Отдельного Оренбургского корпуса, «азиатцев, не состоящих в прочном подданстве» и «всякаго свободного состояния» людей. Это было первое в России учебное заведение, открытое для представителей нерусских народов. Более того, каждый «казак, башкирец, мещеряк, разного звания татарин и азиатец», представивший в училище сына с обязательством «не брать онаго до окончания курса наук», получал похвальный лист от оренбургского военного губернатора [ПСЗ-1, т.39, №29770, с.51]. Курс обучения в училище включал арабский, татарский и персидский языки. По окончании учебы выпускники поступали на военную и гражданскую службу; в частности, те из них, кто показал «отличные успехи в восточной словесности», определялись «в переводчики, конфиденты и толмачи по пограничному управлению в Оренбурге» [ПСЗ-1, т.39, №29770, с.54].

Учреждение Казанского университета пришлось на начало правления Александра I, Неплюевского училища – на его завершение. В этом заключался некий символизм и, одновременно, отличительная черта александровской эпохи, которую, как и екатерининскую, можно с полным правом назвать периодом «просвещенной монархии». Включение татарского языка в программу двух ключевых для интересов государства учебных заведений, безусловно, было продиктовано объективной необходимостью, однако это не умаляет значимости проделанного. Изучение языка было первым необходимым шагом, открывавшим перспективы для последующего научного исследования истории татарского народа, его обычаев и традиций, письменного и материального наследия.

Политика Александра I в духовной сфере в целом также развивалась в русле предначертаний Екатерины II. К началу его царствования в Волго-Уральском регионе наблюдалось ослабление миссионерской активности. Обязанности по привлечению язычников и мусульман к официальной церкви формально лежали на приходских священниках. Такие функции были возложены на них в 1800 г., когда был ликвидирован институт проповедников, учрежденный Екатериной II в 1764 г. после упразднения Новокрещенской конторы [ПСЗ-1, т.26, №19455]. В 1800 г. были закрыты школы, организованные в 1742 г. для обучения детей новокрещенных [ПСЗ-1, т.26, №19455]. Собственно миссионерские функции были возложены на православных приходских священников, которые особого рвения в этом деле не проявляли. Из обширного списка льгот и привилегий, установленных для стимулирования процесса крещения в первой половине XVIII в., к концу столетия сохранилась лишь одна – освобождение на три года от налогов и поставки рекрутов.

Подобный либерализм в религиозном вопросе привел к тому, что не только татары, но и обращенные в православие представители языческих народов Среднего Поволжья использовали предоставленную им свободу для возрождения собственных культур, на которые накладывала отпечаток религия. Хотя массовые движения за отход от христианства начались только во второй

четверти XIX в., предвестники этих движений имели место уже в начале столетия.

В 1802 г. новокрещенные татары Нижегородской губ. просили Александра I «разрешить им вновь исповедовать ислам». Отход от православия все еще был строго запрещен российскими законами, вследствие чего император подписал особый указ, которым предписывалось «запретить наистрожайше, чтобы абызы не дерзали соблазнять и обращать новокрещенных в магометанство» [ПСЗ-1, т.27, №20535]. Для удержания татар в православной вере рекомендовалось переселять их в русские селения, поощрять русско-татарские браки. Местным властям вменялось в обязанность следить, чтобы новокрещенных не исключали «из выборов в сельские начальники» (головы, десятские и т.д.).

Это были традиционные для русских правителей предписания, в духе тех, которые издавались как до, так и после Александра I. Вместе с тем либерализм духовных воззрений молодого царя, в начальный период правления пребывавшего под влиянием гуманистических принципов эпохи Просвещения, наложил отпечаток на содержание указа. Документ предостерегал чиновников на местах от применения чрезвычайных мер. Мероприятия по пресечению отпадения от православия должны были проводиться в духе «кротости и просвещения» [ПСЗ-1, т.27, №20535].

Снисхождение правительства к последователям ислама проявилось также в указе от 26 июня 1804 г. [ПСЗ-1, т.27, №20868], который предоставил мусульманам, бежавшим при прежних правителях за пределы России, еще год для возвращения на родину в добавление к двум годам, объявленным Манифестом от 15 марта 1801 г. [ПСЗ-1, т.26, №19786].

Весьма показательна и позиция власти по отношению к изданию мусульманской религиозной литературы. В 1787 г. по личному указанию Екатерины II был отпечатан за казенный счет Коран на арабском языке, который впоследствии переиздавался в 1790, 1793 и 1796 гг. [Крымский, 1904, с.138]. Со стороны Екатерины это был точно просчитанный шаг. По свидетельству А.Г.Каримуллина, он позволил на время

отвести просьбы татар о заведении ими собственного книгопечатания, был использован в политических целях в войне с турками как пример покровительства мусульманам российской короны, а также принес существенную финансовую выгоду казне [Каримуллин, 1992, с.98]. При Александре I началось издание в Казани татарских и мусульманских религиозных книг.

Ярким проявлением либеральной позиции Александра I в вопросах веры следует считать начавшийся при нем процесс узаконения норм мусульманского права. В основном он затронул сферу семейно-брачных отношений, где остро стояли вопросы, связанные с наследованием собственности умерших мусульман.

До начала XIX в. российские судебные органы при решении подобных дел руководствовались указом от 17 марта 1731 г. [ПСЗ-1, т.8, №5717], в соответствии с которым после смерти мужа жена могла рассчитывать на получение 1/7 части движимого и 1/4 части недвижимого имущества. Применение данного акта к татарам ставило в тупик судебные органы на местах, поскольку нормы шариата позволяли мусульманам иметь до четырех жен одновременно [Торнау, 1850, с.137], а российские законы не содержали особых оговорок на этот счет.

Многочисленные обращения мусульман и запросы низших судебных инстанций вынудили Сенат заняться этой проблемой. После консультаций с различными ведомствами Александр I 20 декабря 1804 г. подписал указ, в соответствии с которым 1/4 часть движимого и недвижимого имущества мусульманина, не оставившего после себя детей, распределялась поровну между всеми его женами. При наличии детей распределению между женами подлежала 1/8 часть. Указом Сената от 23 февраля 1805 г. это высочайшее повеление было доведено для исполнения до всех заинтересованных инстанций [ПСЗ-1, т.28, №21634]. Тем самым было узаконено применение отдельных норм мусульманского права в российской юридической практике. Следует отметить рационализм верховной власти, которая, идя на подобное решение, «убивала разом двух зайцев»: перекладывала решение наследственных дел мусульман на их собственные

Памятник «В честь победы над татарами. 1552 г.».
Казань. Фото 1892 г.

плечи и демонстрировала мусульманскому сообществу России уважение к законам ислама.

Дальнейшее правление Александра I отмечено рядом нововведений в религиозной сфере. В частности, была реализована идея централизации контроля над существующими в империи вероисповеданиями, возникшая еще при Павле I. К началу XIX в. правительство имело смутные представления об этноконфессиональной структуре империи, о соотношении христианского и нехристианского населения, догматических и административных особенностях российских церквей. Правовое положение различных конфессий в значительной степени зависело от исторических факторов и личного расположения к ним монарха [Вишленкова, 1997, с.52].

По Манифесту от 25 июля 1810 г. «мусульманские дела», находившиеся в ведении одной из экспедиций МВД, были переданы во вновь учрежденное Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. Оно функционировало на правах особого министерства, возглавил это Управление один из приближенных царя – князь А.Н.Голицын. Под контролем нового ведомства находились «все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий, исключая судебных их дел» [ПСЗ-1, т.31, №24307].

Главное управление духовных дел иностранных исповеданий занялось планомерной разработкой концепции государственной религиозной политики и ее законодательным

оформлением. В его функции входили сбор статистических данных, изучение канонического и церковного права, составление исторических справок по вопросам государственно-церковных отношений. Значительная работа в этом направлении была проведена в отношении католических, униатских, протестантских и армянских церквей. Мусульманами занимались меньше, и едва ли не единственным законодательным актом, инициированным Главным управлением за время его существования, стал указ от

11 октября 1811 г. «О суждении муфтиев в Правительствующем Сенате» [ПСЗ-1, т.31, №24819], определивший высокий статус председателя ОМДС, хотя само религиозное учреждение признавалось лишь «средним судебным местом».

После 1815 г. в религиозной политике намечались перемены, обусловленные усилением религиозно-мистических исканий императора. Александр I увлекся идеей построения единой европейской христианской нации, положенной в основу Священного союза [ПСЗ-1, т.33, №25943]. Вследствие этого первоначальная установка на терпимое отношение конфессий друг к другу и «неодобрение» любой миссионерской деятельности в государстве постепенно уступала место стремлению к христианскому просвещению инородцев.

В 1817 г. Александр I распорядился ежегодно выделять из казны по 5 тыс. руб. для завершения строительства заложенного в 1813 г. в Казани и превратившегося в долgestрой мемориала-памятника «В память победы над татарами в 1552 г.», сооружаемого на братской могиле павших при взятии города Иваном Грозным [Загидуллин, 2002а, с.27–33; ПСЗ-1, т.34, №246633]. Это решение имело отчетливо выраженный идеологический подтекст, так как события 1552 г. в официальной историографии и общественном сознании неизменно трактовались как победа православия над «басурманами» (т.е. мусульманами) [ПСЗ-1, т.34, №246633].

В том же году правительство разрешило браки между христианами лютеранского ис-

поведания и мусульманами. При этом обязательным условием стало крещение детей, рожденных от смешанного брака [Варадинов, 1859, с.361]. В 1818 г. в Казани был организован филиал Библейского общества, в задачу которого входил не только перевод церковных книг на языки народов Среднего Поволжья, но и содействие их христианизации [Григорьев, 1948, с.258]. В 1819 г. было фактически отменено категорическое запрещение от 1813 г. обращать иноверцев в православие [Вишленкова, 2002, с.304].

Обозначивший отход от либеральной религиозной политики вызвал попытку клерикализации системы образования. По указу от 24 октября 1817 г. Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий, преобразованное в Департамент духовных дел, стало составной частью Министерства духовных дел и народного просвещения [ПСЗ-1, т.34, №27106, с.814–834]. Перед министерством поставили задачу – подчинить образование церкви, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [ПСЗ-1, т.34, №27106, с.814].

Вместе с тем данный законодательный акт имел отношение к татарам, поскольку упорядочил систему управления «духовными делами», отныне оказавшимися в ведении Департамента духовных дел. В круг его полномочий входили: «1) определение и увольнение муфтиев, и дела по жалобам на них; 2) дела о духовных магометанских правлениях и их членах, по представлениям муфтиев или гражданского начальства; 3) дела особенной важности о муллах и других духовных лицах; 4) дела о духовных имуществах; 5) о мечетях и других подобных заведениях; сведения об их числе; 6) собрание полных сведений по сей части» [ПСЗ-1, т.34, №27106, с.818].

В годы существования Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824 гг.) правительство не предпринимало каких-либо кардинальных мер по организации управления мусульманами. Одними из причин этого были отсутствие компетентных кадров; приоритетность католических и протестантских проблем в российской политике тех лет.

Основным направлением деятельности Департамента духовных дел стала систематизация сведений об исламе и данных о мусульманском духовенстве России. При необходимости он давал заключения по законопроектам, касавшимся его компетенции. Так было и в случае с высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 25 января 1822 г. по вопросу о телесных наказаниях для мулл, совершивших уголовные преступления [ПСЗ-1, т.38, №28891]. Чиновники Департамента рекомендовали не распространять действие указов от 9 декабря 1796 г. [ПСЗ-1, т.24, №17624] и 22 мая 1801 г. [ПСЗ-1, т.26, №19885], освобождавших православных священников от телесных наказаний за аналогичные проступки, на мулл, подведомственных ОМДС. Решение мотивировалось «состоянием» их «в подушном окладе» [ПСЗ-1, т.38, №28891]. Прежде чем подвергнуть провинившегося телесному наказанию, местные власти должны были изъять у него указ об утверждении «в звании» муллы. Одновременно им надлежало известить об этом факте ОМДС и соответствующий мусульманский приход для избрания на освободившуюся должность другого лица, «чтоб не было остановки в богослужении» [ПСЗ-1, т.38, №28891].

Таким образом, попытки усиления контроля над мусульманами и активизация клерикальных настроений среди части правящей элиты не оказали влияния на отношение верховной власти к исламу. Он продолжал восприниматься как органичная часть российской действительности, его последователи могли в полной мере удовлетворять насущные духовные потребности, имелись определенная правовая база и институты (ОМДС) для разрешения конфликтных ситуаций и поиска решений, удовлетворяющих интересы государства и мусульманского сообщества.

В чем-то Александр I пошел дальше Екатерины II. Указ от 9 февраля 1824 г. об учреждении Неплюевского училища предусматривал возможность для воспитанников мусульман обучаться отдельно от христиан не только правилам своей веры, но и прочим наукам; для учащихся было организовано отдельное питание. Мусульмане изучали все предметы, преподаваемые в училище,

за исключением «христианского закона греческого исповедания» и «священной истории», вместо которых они изучали Коран и основы ислама. Экзаменовали учащихся «в правилах магометанской веры» и знании восточных языков приглашались «сведущие люди» из числа мусульманского духовенства и гражданских лиц [ПСЗ-1, т.39, №29770].

Приведенные факты свидетельствуют о рационализме власти и ее стремлении выстраивать конструктивные отношения с мусульманскими подданными. Статус-кво в религиозной сфере поддерживался законодательством, которое, в силу присущего ему консерватизма, объективно сдерживало антиисламские тенденции.

Еще одной сферой жизни, где верховная власть активно взаимодействовала с татарским населением, была торговля. Еще в XVIII в. маятник развития татарского общества качнулся в сторону предпринимательской деятельности. Правительство Екатерины II поощряло это занятие. Стимулом к активизации татарского предпринимательства стал указ от 1776 г., когда в знак благодарности за лояльность во время восстания Пугачева несколько служилых татар из Казани и Казанского у., несколько татар из Сеитова посада и один мурза из Касимова получили право на свободную торговлю и, будучи мусульманами, были приняты в ряды русского купечества [ПСЗ-1, т.20, №14540]. Быстро растущей в Казани прослойке татарских купцов и мещан в 1781 г. был предоставлен собственный орган самоуправления – «татарская ратуша», которая ведала судебными, хозяйственными и административными вопросами [Измайлов, 2009, с.15]. По указу от 1784 г. аналогичный орган появился в Сеитовом посаде [ПСЗ-1, т.22, 16089]. В 1763 г. и 1788 г. были подтверждены торговые привилегии казанских слободских татар [Ногманов, 2005, с.77–94]. За поощрением торговой активности татарского населения стояла более широкая цель русского правительства – через своих мусульманских подданных экономически и на более длительный срок политически проникнуть в район Степи и Средней Азии.

При Александре I татарские торговые люди продолжали быть проводниками экономических интересов правительства на

Востоке. В подтверждение можно привести именную указ от 16 августа 1807 г., разрешивший купцам Тобольской и Томской губерний нанимать приказчиков из числа ясачных татар и лашманов, знающих «азиатские языки», для сопровождения караванов, следующих за границу [ПСЗ-1, т.29, №22590]. Число их было достаточным для того, чтобы в официальный обиход, включая законодательство, вошло понятие «торговые татары», носившее внесловный характер [ПСЗ-1, т.32, №25594].

Роль татарского торгового капитала в экономике страны получила признание в Манифесте от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах...» [ПСЗ-1, т.29, №22418]. Документ повелевал «открыть» в Санкт-Петербурге «бархатную книгу знатных купеческих родов», которая предназначалась для российских купцов христианского исповедания, составлявших элиту русского купечества – т.н. *первостатейных купцов* (в их число входили купцы, чьи предки на протяжении нескольких поколений состояли в 1-й гильдии. – *А.Н.*). Для купечества «магометанского исповедания» подобную книгу предписывалось завести в Казани.

В первой четверти XIX в. происходило упорядочение торгового законодательства, упразднение необоснованных преференций. Этой участи не избежали и жители татарских слобод Казани, лишившиеся при Александре I торговых привилегий, существовавших с начала XVII в. и законодательно закрепленных в 1685 г. Документ предоставлял слободским татарам торговые права, аналогичные правам русского «патентованного» купечества, но при этом освобождал их от налогов и «служб», возложенных на купеческое сословие. Против этих привилегий казанские купцы боролись в течение двух столетий, однако они были упразднены лишь указом Сената от 31 января 1821 г. Жители татарских слобод Казани отныне должны были записываться по выбору в одну из следующих категорий: «торгующие крестьяне», купцы или мещане. Появление указа 1821 г. объясняется тем, что правительство стремилось установить единые правила ведения предпринимательской деятельности в государстве.

Подводя итоги правления Александра I, отметим, что в целом это был период благоприятным для татар. Наследие и заветы Екатерины II сохранялись и приумножались. Остались неизменными политические приоритеты: сотрудничество с татарской элитой, религиозная терпимость, свобода экономической деятельности. По сравнению с XVIII в. резко уменьшилось количество законов, адресованных непосредственно татарскому населению, что

объяснялось высокой степенью инкорпорации татар в российское правовое пространство, а также позицией правительства, не обременявшего их мелочной опекой, как это будет при Николае I. В первой четверти XIX в. власть вспоминала о татарских подданных в тех случаях, когда это диктовалось объективной необходимостью. Как следствие, в законодательстве этого периода практически отсутствовали проходные и случайные акты.

§ 2. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в период правления Николая I

Национальная политика Николая I (1825–1855 гг.) не получила цельного освещения в отечественной литературе; она, как правило, ассоциируется с несколькими ее направлениями: с еврейским, польским, остзейским, финляндским «вопросами», с Кавказской войной 1817–1864 гг. и т.п. Тем самым внимание акцентируется на проблемах, реально обозначившихся в конце XVIII – начале XIX в. В то же время как бы отходят на второй план отношения с этническими общностями, вошедшими в состав России на более ранних этапах ее истории. Так, в частности, обстоит дело с волгоуральскими татарами, которые до последней четверти XVIII в. являлись едва ли не главным объектом национальной политики царизма.

Причины подобной историографической «обделенности» отчасти кроются в практике ранжирования национальных территорий, получившей при Николае I закрепление на законодательном уровне. По мнению С.В.Кодана, система законодательства, выстроенная в империи в 1830–1850-е гг., представляла собой своеобразный «слоеный пирог», первый слой которого составляло общеимперское законодательство, второй – местные узаконения, третий – санкционированные государством обычаи [Кодан, 2003, с.178–179].

Действие местных законов и обычаев, имевших приоритет перед общеимперскими нормами, было сохранено в той или иной степени в Прибалтийском крае (Остзейские губернии), Царстве Польском, Западных губерниях, Бессарабской губ., Кав-

казском крае, Сибири и Великом княжестве Финляндском, т.е. на окраинах государства. С учетом приграничного статуса здесь реализовывалась более взвешенная, чем во внутренних областях империи, линия поведения, шел постоянный поиск баланса интересов центра и местных национальных элит, обладавших, за редким исключением, «высокой» культурой.

В Европейской России в полном объеме действовало общеимперское законодательство [Даневский, 1857; Гуляев, 1897], под юрисдикцией которого находились и волгоуральские татары. С середины XVI в. они проделали долгий путь вхождения в имперское правовое пространство. Отличительной чертой этого процесса было стремление государства добиться полной правовой унификации нерусских народов, максимально нивелировать проявления их экономической, социальной, культурной самобытности. Определенные успехи, достигнутые в этой области, обусловили снижение в глазах властей актуальности «татарского вопроса». С начала XIX в. в законодательстве практически исчезают документы, обособляющие татарское население Среднего Поволжья в социально-экономическом отношении, что указывает на высокий уровень его правовой инкорпорации.

Более значимым для освещения положения татар в царствование Николая I в целом является анализ правительственных постановлений по мусульманскому вопросу.

Хотя ко второй четверти XIX в., в результате новых территориальных приобретений (Царство Польское, Молдавия, Закавказье и

Император Николай I.

др.), удельный вес татар³ в составе населения России снизился (в 1833 г. их насчитывалось 1327,7 тыс. чел. [ТЭ, 2010, с.224], из них в Волго-Уральском регионе – 1019,5 тыс. чел. [Исхаков, 1993, с.72] из 60 млн. жителей империи), они оставались предметом пристального внимания со стороны властей. Прежде всего, из-за приверженности исламу.

Принцип религиозной толерантности оставался незыблемым и при Николае I, поскольку являлся важным залогом стабильности мультирелигиозной империи. Возможность исповедовать веру предков, в свою очередь, служила гарантом сохранения национальной идентичности нерусских народов, во многом базирующейся на религиозных традициях.

Отношения правительства с поляками во многом определялись отношением власти к католицизму, с финнами – лютеранству, с евреями – иудаизму и т.п. В свою очередь, отношение нерусских народов к русской монархии в значительной степени определялось состоянием вероисповедальных вопросов и возможностью для неправославного населения придерживаться своих религиозных обычаев и традиций.

Российскому руководству, ориентированному на православие, не всегда удавалось согласовать свои законы с каноническими указаниями других религий, распространенных в империи, что подчас приводило к конфликтам. Так, нарушение русскими властями канонов управления католиков рассматривалось последними как повод не подчиняться указам российского императора, которые касались религиозной сферы. В итоге это стало одним из идеологических обоснований польского восстания 1830–1831 гг., когда главным вопросом стала защита католицизма [Тихонов, 2007, с.92].

Правление Николая I было временем принятия особенно значительного количества решений по вопросам жизни мусульман в России. По нашим подсчетам, в «Полном собрании законов Российской империи» с 1825 г. по 1855 г. отложилось около 190 документов, касающихся ислама. Большая их часть непосредственным образом затрагивала интересы татарского населения Волго-Уральского региона.

В указанный период произошел отказ от европейских конституционных идей, проводимых Александром I, и осуществился переход к новой религиозной политике, к *национально-православному самодержавию*. Было четко расписано место каждого вероисповедания в политической системе страны, определены права и обязанности их последователей.

Основой российского законодательства по вопросам веры являлось признание первенства и господства православия [Уставы духовных дел, 1857, ст.1]. Государство также признавало принцип свободы вероисповедания для христиан «иностранных исповеданий», евреев, мусульман и «язычников» [Уставы духовных дел, 1857, ст.2]. Однако это не означало равенства вероучений, распространенных в империи, среди которых законодательно выделялись более терпимые и менее терпимые. В сложившейся в России религиозной иерархии мусульманам, вместе с иудеями и язычниками, была отведена третья – низшая ступень, вслед за господствующим православием и стоявшими ступенью ниже другими христианскими церквями. Ислам в Волго-Уральском регионе исторически соперничал именно с официальной государственной религией, что предподре-

³ Имеются в виду татары в Поволжье и Сибири, мещераки и тептяри.

лило наличие целого ряда правовых ограничений для его развития.

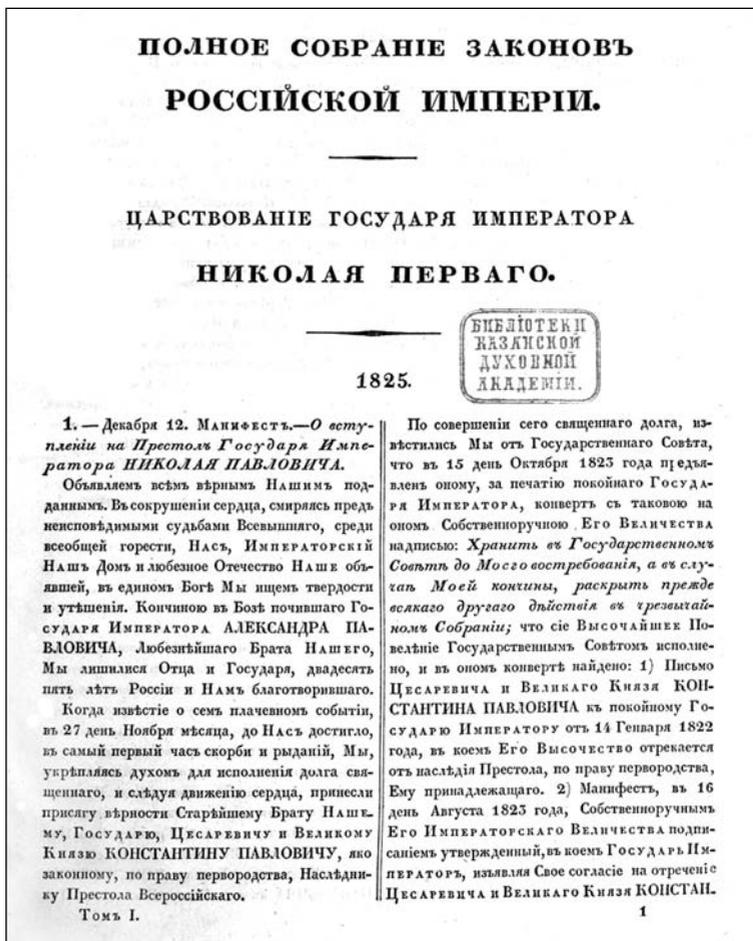
Главным показателем первенства православной церкви было предоставление ей монопольного права на осуществление миссионерской деятельности. Лишь она одна могла «убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере» [Уставы духовных дел, 1857, ст.4].

С конца 1820-х гг. правительство стало вновь рассматривать миссионерство как важную государственную функцию и стремилось всячески содействовать данному процессу. В 1829 г. статут ордена Св. Анны был дополнен положением, дававшим право претендовать на эту награду тем духовным лицам, которые обратили «в православную веру из нехристианских религий» не менее 100 чел. [ПСЗ-2, т.4, №3349].

В 1830 г. в Казанскую епархию были назначены два миссионера, которые должны были заниматься вероотступниками, увещевая их вернуться в православие [Можаровский, 1880, с.163–188].

В 1842 г. по указу Николая I в Казани была организована Духовная академия [ПСЗ-2, т.17, №15803], в которой в 1854 г. открыто специальное противомусульманское отделение. Из-за нехватки священников, владевших языками народов Поволжья, в академии было организовано обучение татарскому и чувашскому языкам.

Принципами осуществления миссионерской деятельности официально признавались «увещевания», «кротость», «добрые примеры», однако любое «покушение» неправославных исповеданий на первенство в данной сфере приводило в действие карательный механизм государственной ма-

Первая страница I т. ПСЗ-2. Манифест «О вступлении на престол Государя Императора Николая Павловича». 1825 г.

шины. Запрет на пропаганду ислама в России был установлен Соборным уложением 1649 г. и просуществовал до 1917 г. До середины XVIII в. «сворачивание» в ислам представителя любого христианского исповедания каралось смертной казнью [ПСЗ-1, т.8, №5333]. В XIX в. принципиальная позиция властей в этом вопросе осталась прежней. Изменениям подверглись меры наказаний. Уголовное уложение 1845 г. – один из важнейших правовых документов николаевской эпохи – за «сворачивание» христиан в ислам предусматривало для виновных лишение их всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. В случае применения насилия срок каторги увеличивался до 12–15 лет [ПСЗ-2, т.20, №19283].

Наряду с запретом пропаганды ислама, государство препятствовало распространению его влияния «на бытовом уровне». При этом

основной акцент делался на ограничение контактов православных с мусульманами. В 1829 г. был подтвержден запрет, установленный в середине XVIII в., на строительство мечетей в селениях, где татары проживали вместе с русскими и новокрещеными [ПСЗ-2, т.4, №2902]. В том же году последовало распоряжение назначать к офицерам мусульманам денщиков исключительно из числа их единоверцев [ПСЗ-2, т.4, №3054]. В 1837 г. «офицерам магометанского закона» запретили служить в учебных карабинерных полках, видимо для того, чтобы они не могли влиять на молодых солдат [ПСЗ-2, т.12, №9285а]. Указ от 30 апреля 1838 г. предписывал властям на местах стараться, чтобы селения христиан и магометан в смешанных по этническому составу волостях составляли отдельные общества [ПСЗ-2, т.13, №11189]. В 1839 г. было приказано переводить солдат, принявших православную веру, из частей с преобладанием мусульман в другие подразделения [ПСЗ-2, т.14, №13022]. Примечательно, что закон ограждал от «контактов» с мусульманами не только людей, но и предметы христианского культа⁴.

Воздвигнув правовые барьеры на пути распространения ислама как вероучения, государство одновременно законодательно стимулировало переход татар в православие, для чего была задействована обширная и хорошо разработанная система. В царствование Николая I был принят целый ряд актов, предоставлявших новокрещеным различные льготы. В большинстве своем они повторяли нормы, известные с XVIII в. По указу от 17 июня 1826 г. крестившиеся иноверцы имели право приписаться к выбранному ими христианскому обществу и получали трехлетнюю льготу от уплаты всех податей [ПСЗ-2, т.1, №409]. В армии основной формой поощрения являлись денежные выплаты. По указу 1836 г. кантонистам из мусульман и язычников в награду за принятие православной веры предписывалось выдавать по 25 руб. ассигнациями [ПСЗ-2, т.11, №8812]. С 1851 г. армейским нижним чинам, перешедшим в христианство, пола-

галось вознаграждение в размере 7 руб. 15 коп. [ПСЗ-2, т.26, №25314]. Большое значение для реалий второй четверти XIX в. имело освобождение новокрещенных и членов их семей от рекрутской повинности и платежа рекрутских денег по общественной раскладке, закрепленное в Рекрутском уставе 1831 г. [ПСЗ-2, т.6, №4677].

Одной из действенных мер привлечения к православной церкви было предоставление правовых послаблений лицам, совершившим уголовные преступления⁵. Согласно «Уложению о наказаниях» 1845 г., в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда «иноверец» мог рассчитывать на смягчение наказания не только в «мере», но и в «степени» и «роде» (т.е. надеяться не только на минимальное наказание, полагающееся по закону за конкретное преступление, но и на отнесение своего деяния к разделу менее тяжких преступлений, где применялась совершенно иная шкала наказаний. – *А.Н.*) [ПСЗ-2, т.20, №19283]. Более того, решением Государственного совета от 6 апреля 1849 г. Сенату и другим судебным органам вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, пожелавшим креститься [ПСЗ-2, т.24, №23155]. С течением времени отдельные формы стимулирования уступали место другим, более отвечающим меняющимся реалиям жизни. К примеру, в 1837 г. прекратилась раздача крестившимся мусульманам «денежного и одежного жалованья» [ПСЗ-2, т.12, №10135], активно использовавшаяся православными миссионерами в XVIII в.

Несмотря на предпринимаемые правительством усилия, успехи миссионерства в 1830–1840-х гг. были незначительными. Самое большее, чего добивались миссионеры и местные священники, – это формальное и временное возвращение «инородцев»-вероотступников в христианство [Можаровский, 1880, с.195–206].

Кроме прямого содействия миссионерской деятельности церкви, проправославный характер правления Николая I проявлялся опосредованно, в издании правовых актов, навязывавших мусульманам христи-

⁴ По указу 1841 г. иконы, полученные в наследство иноверцами, в течение 6 месяцев подлежали передаче в руки православных или церкви [ПСЗ-2, т.16, №14603].

⁵ Первые указы подобного рода известны с середины XVI в. [Акты, 1836, т.1, №241/II].

анские нормы жизни, возведенные в ранг общегосударственных стандартов. Яркий пример тому – указ 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении магометан», попиравший вековые традиции и обычаи ислама [ПСЗ-2, т.5, №3659]. В соответствии с ним на российских мусульман было распространено действие закона 1704 г., запрещавшего хоронить умерших «ранее истечения трех дней». Издание указа 1830 г. вызвало повсеместное возмущение среди мусульман. В 1833 г. 677 духовных лиц из Оренбургской губ. подписали прошение на имя императора, в котором просили отказаться от этой нормы. Однако в данном прошении им было отказано [Варадинов, 1862, с.559–560].

Негативную реакцию встретил и указ 1835 г., распространивший на мусульман возрастные ограничения для вступления в брак, введенные в 1830 г. для православных [ПСЗ-2, т.10, №7990]. Установление властями минимального брачного возраста – 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин – имело вполне рациональное объяснение и обосновывалось заботой государства о здоровье женщин и их будущего потомства [Мионов, 1999, с.167–169], однако противоречило требованиям шариата, согласно которым признаком совершеннолетия считалось достижение мужчиной возраста 15, а женщиной – 9 лет [Торнау, 1850, с.125; Керимов, 1999, с.116].

Говоря о вмешательстве государства в религиозные дела мусульман, нельзя не упомянуть и о том, что во второй четверти XIX в. предметом особого внимания властей были условия возведения и функционирования мусульманских культовых зданий. В 1829 г. Николай I лично утвердил проект «образцовой» мечети, подготовленный Строительным комитетом МВД [ПСЗ-2, т.4, №2902]. Его сменили одобренные царем чертежи четырех новых «образцовых» деревянных мечетей, узаконенные указом Сената от 18 января 1844 г. [ПСЗ-2, т.19, №17539; Загидуллин, 2002, с.271].

Ислам и его последователи находились в ущемленном положении не только по сравнению с господствовавшей православной церковью, но и с другими христианскими конфессиями. Весьма показательны в этом

плане т.н. «спорные» ситуации, когда пересекались интересы различных вероисповеданий. Материалы законодательства свидетельствуют о том, что при их разрешении государство последовательно придерживалось сложившейся в стране духовной иерархии. Оно практически всегда было на стороне православного в конфликте с католиком или лютеранином, и на стороне последних – в конфликте с мусульманином или иудеем. Наглядной иллюстрацией тому являются указы, регламентирующие порядок перехода человека из одного вероисповедания в другое.

По российским законам мусульманин мог принять лютеранскую, римско-католическую, армяно-григорианскую и другую христианскую веру, получив на это санкцию верховной власти [Уставы духовных дел, 1857, ст.6; ПСЗ-2, т.10, №8480; т.17, №15195]. Представителям неправославных христианских исповеданий была разрешена миссионерская деятельность среди мусульман Кавказа и пограничных с Россией областей [ПСЗ-2, т.35, №35941]. Переход же христиан в ислам, как уже отмечалось, был юридически невозможен и преследовался в уголовном порядке.

Неравенство «терпимых» конфессий отчетливо проявлялось в сфере семейно-брачных отношений. В первой половине XIX в. получили право на существование брачные союзы мусульман с последователями отдельных христианских вероисповеданий. Так, наиболее раннее упоминание о браках мусульман с лютеранами относится к 1817 г. [Варадинов, 1859, с.530–531]. Правовое обоснование они получили вскоре после восшествия на престол Николая I: в указе от 17 июня 1826 г., а затем в Уставе Евангелическо-лютеранской церкви 1832 г. [ПСЗ-2, т.1, №410; т.7, №5870]. На совершение подобных брачных союзов полагалось предварительное испрашивать высочайшее соизволение. В этих браках последователи ислама заведомо выступали в качестве «младшего партнера», фактически не имевшего права голоса. По действовавшим законам обряд бракосочетания совершался лютеранским пастором. При этом муж-мусульманин должен был дать подписку о воспитании детей в лютеранской вере, а также обязательство не препятствовать жене и

детям исповедовать эту веру и не приводить их в ислам. При нарушении какого-либо из обязательств брак подлежал расторжению, а сам он приговаривался по суду к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь [ПСЗ-2, т.20, №19293, ст.192]. Такой же порядок действовал в отношении браков, в которых одна из жен мусульманина приняла христианство.

Следует отметить, что браки мусульман с лютеранами были единственными из межконфессиональных семейных союзов, к которым власти неизменно относились лояльно. К примеру, браки последователей ислама с католиками были запрещены, так как в них усматривалось проявление прозелитизма со стороны католической церкви. Отношение государства к брачным союзам мусульман с православными в разные периоды менялось. В частности, Устав Духовных консисторий 1841 г. санкционировал заключение подобных браков [ПСЗ-2, т.16, №14409], но впоследствии эта норма была отменена. Примечательна позиция власти в отношении случаев, когда одна из жен мусульманина принимала христианство. Закон 1836 г. допускал сохранение подобных семейных союзов без венчания по правилам православной церкви, однако муж должен был выполнить следующие условия: 1) дать обязательство о крещении детей в христианскую веру; 2) обещать не приводить жену в ислам и мешать отправлению ею веры; 3) обязаться развестись с прочими женами и жить в единобрачии. В противном случае брак расторгался и жене разрешалось выйти замуж за христианина [ПСЗ-2, т.11, №9610].

Представительство католиков, лютеран, протестантов и других неправославных христиан в православно-мусульмано-языческом населении Волго-Уральского региона всегда было незначительным. Поэтому принятие татарами одной из вышеназванных вер или вступление в межконфессиональный брак являлось вариантом скорее гипотетическим, чем реальным. Однако показателен сам факт существования правового механизма разрешения подобных «спорных» ситуаций. Он свидетельствовал как о развитости российского законодательства второй четверти XIX в., так и о заложенных в нем приоритетах, среди которых религиозный занимал весьма значимое место.

Принадлежность к конфессии «третьего» сорта оборачивалась для татар рядом других дискриминационных моментов, получивших в правление Николая I законодательное оформление. В частности, при нем были установлены цензы и другие ограничения на занятие выборных должностей в органах управления. В 1835 г. было принято решение о том, что в тех волостях, где проживали вместе язычники и христиане, нельзя больше – как это было прежде – выбирать язычников в «качестве волостного или деревенского головы и в качестве писаря» [ПСЗ-2, т.10, №8021]. Указом от 30 апреля 1838 г. это постановление было распространено также на христианско-мусульманские деревни и волости [ПСЗ-2, т.13, №11189]. Мусульмане могли быть избраны лишь в помощники волостных начальников, старост и т.д. Правда, на практике это постановление осуществлялось не всегда [Малов, 1892, т.223].

На исходе правления Николая I, в 1854 г., в связи с упразднением Татарской городской ратуши Государственный совет разрешил мусульманам Казани избирать своих представителей в городскую думу с условием, что они будут составлять не более трети от общего числа членов данного органа [ПСЗ-2, т.29, №28704].

Конфессиональная принадлежность отрицательно сказывалась на положении татарского купечества. С целью поощрения предпринимательства в 1832 г. в России был учрежден институт почетных граждан [ПСЗ-2, т.7, №5284]. Татары могли получить это звание, а также передать его по наследству, однако законодательно были лишены некоторых преимуществ, предоставленных православным предпринимателям. В частности, они не могли, подобно русским купцам, получать награды, ордена и чины, а также были лишены права после 12 лет нахождения в 1-й гильдии просить об определении их детей на гражданскую службу [ПСЗ-2, т.18, №16599].

Своеобразным индикатором положения татар в России являлось положение мусульманского духовенства. Царствование Николая I было отмечено появлением большого числа нормативных актов, регламентирующих его права и обязанности.

Негативным образом на положении мулл сказывался их низкий социальный статус.

В Среднем Поволжье с первой четверти XVIII в. они юридически относились к категории государственных крестьян и при проведении переписей неизменно учитывались в числе податного населения [ПСЗ-2, т.25, №23817]. В этом заключалось их отличие от духовных лиц христианских исповеданий, а также мусульманского духовенства Крыма, составлявших особые духовные сословия и обладавших определенными привилегиями⁶. До 1850 г. татарские муллы подлежали телесным наказаниям за совершенные уголовные преступления [ПСЗ-2, т.25, №23932], а также рекрутской повинности.

Приведенные факты освещают один из аспектов взаимоотношений государства с волго-уральскими татарами, а именно правовые ограничения, с которыми они сталкивались в повседневной жизни во второй четверти XIX в. Многие из этих ограничений были санкционированы лично Николаем I, который искренне считал, что православная вера является одним из столпов российской монархии. Это убеждение, а также собственное понимание монаршего долга, который, в частности, предусматривал всемерное укрепление господствующего положения православия в государстве, оказывали существенное влияние на характер принимаемых решений и отношение императора к окружающей действительности. В этом плане показателен следующий факт.

При своем единственном посещении Казани в августе 1836 г. Николай I не пожелал встретиться с представителями местного татарского населения, как это сделала в 1767 г. Екатерина II [Ибнеева, 2006, с.115]. У Николая I были другие приоритеты. Во время осмотра достопримечательностей Казани особое внимание он уделил посещению склепа под храмом-памятником русским воинам, павшим при взятии города в 1552 г. [Загоскин, 2005, с.245–246].

Безусловно, свою негативную лепту в отношении властей к мусульманам в целом и к татарам в частности внесли события на Кавказе, где с 1817 г. по 1864 г. продолжалась

война с горскими народами. Идея расширения пространства империи и включения в нее таких стратегически важных областей, как Кавказ, пользовалась поддержкой в русском обществе. Однако и издержки были велики. В отдельные периоды численность русских войск, сосредоточенных на Кавказе, составляла от 60 до 200 тыс. чел., содержание которых было чрезвычайно обременительно для казны [Отечественная история, 1996, с.431]. Огромные материальные затраты, большие людские потери, периодические военные неудачи вызывали раздражение в обществе, неприязненное отношение к мусульманам, что не могло не учитываться властью.

Вместе с тем было бы неверным освещать политику Николая I по отношению к татарам-мусульманам лишь с негативной стороны, изображая ее как процесс последовательного ущемления их прав государством. Эта политика была весьма неоднозначной и противоречивой. В законодательстве второй четверти XIX в. существовали указы дискриминирующего характера и положения, вполне отвечающие принципам и духу веротерпимости. Оно лояльно относилось к таким значимым сторонам мусульманского образа жизни, как право на многоженство, совершение хаджа⁷, принятие присяги по догматам своей веры⁸.

На исламские институты были распространены некоторые льготы христианских

⁷ В 1843 г. был определен порядок совершения хаджа мусульманами Оренбургской губ. Упоминание об этом содержится в указе от 30 декабря 1856 г., установившем подобный порядок в отношении крымских татар [ПСЗ-2, т.31, №31332]. Желающий посетить святыне места должен был заручиться поддержкой сельского общества и справкой о благонадежности от местного начальства.

⁸ Власть никогда не покушалась на это право, и со времен Соборного Уложения 1649 г. оно неоднократно подтверждалось, в т.ч. в XIX в.: См. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [ПСЗ-2, т.39, №41476]. Причина подобной терпимости заключалась в осознании властью того факта, что присягу надо требовать в соответствии с религией, которую исповедует человек. В противном случае она никак его не свяжет. Форма присяги неоднократно менялась. Один из последних вариантов присяги по судебным делам был введен Положением Комитета министров от 25 апреля 1850 г. [ПСЗ-2, т.25, №24116].

⁶ Льготы мусульманскому духовенству Крыма были предоставлены указами от 9 декабря 1796 г. и 22 мая 1801 г. [см.: ПСЗ-2, т.1, №564].

учреждений. Если религиозные обряды совершались непосредственно в домах мусульманских священнослужителей, то они, как правило, освобождались от квартирной повинности [ПСЗ-2, т.30, №29483]. От нее же по указу 1850 г. были освобождены мусульманские медресе и мектебы, но в количестве не более одного на населенный пункт [ПСЗ-2, т.25, №23892].

В царствование Николая I произошла регламентация правового положения приходского мусульманского духовенства. В 1826 г. Сенат позволил сельским обществам брать на себя государственные повинности своих имамов [ПСЗ-2, т.1, №564]. В 1837 г. была узаконена процедура избрания мулл и других духовных лиц на местах: за выдвинутую кандидатуру должно было проголосовать 2/3 глав семейств, составлявших сельское общество; выборы происходили в присутствии волостных голов и сельских начальников, а приговор об избрании должен был быть подписан всеми избирающими лицами; после регистрации в волостном правлении приговор передавался в земский суд, а затем на окончательное утверждение в губернское правление [ПСЗ-2, т.12, №10594]. В 1855 г. Государственный совет установил возрастные ограничения для лиц, вступающих в духовные должности. Для кадиев, ахунов, мухтасибов, мударрисов минимальный возраст для занятия должностей составлял 25 лет, для хатибов и имамов – 22 года, для муэззинов – 21 год [ПСЗ-2, т.30, №29040].

Государство было весьма заинтересовано в том, чтобы легитимировать в глазах мусульман принимаемые властными структурами решения. Со временем оно стало даже материально стимулировать присутствие имамов в судебных и других инстанциях. С 1852 г. им начали компенсировать «прогонные деньги» (путевые издержки) за командировки в присутственные места [ПСЗ-2, т.27, №25972].

Значительным событием царствования Николая I стало введение в 1828 г. в употребление метрических книг в регионах, подведомственных ОМДС [ПСЗ-2, т.3, №2296]. С этого времени власть могла получать точные сведения о мусульманском населении, поскольку функции его учета были возложены непосредственно на приходских имамов. Их обязали вести особые книги, в которых фик-

сировались факты рождения, смерти, браки и разводы в мусульманских селениях. Из-за незнания большинством имамов русского языка было разрешено вести метрические книги на татарском языке.

Николай I продолжил линию, начатую Александром I, на узаконение отдельных норм мусульманского права. При нем в 1826 г. и 1836 г. были приняты указы, санкционировавшие применение норм шариата при решении дел о разделе имущества между наследниками мусульман [ПСЗ-2, т.1, №386; т.11, №9158]. В 1830 г. в компетенцию мусульманской духовной власти были переданы дела о неповиновении детей родителям [ПСЗ-2, т.5, №3559].

В николаевскую эпоху мусульмане Волго-Уральского региона получили доступ в высшие и средние учебные заведения, что было продиктовано острой потребностью в кадрах, способных проводить государственную политику в южных и восточных окраинах империи. В круг учебных заведений, где они обучались, входили Неплюевское военное училище в Оренбурге и отделение восточных языков Казанской гимназии, куда с 1836 г. разрешалось принимать иноверцев [ПСЗ-2, т.11, №8742]. Мусульмане-уроженцы Оренбургского края могли продолжить обучение на медицинском факультете Казанского университета [ПСЗ-2, т.11, №8771; т.18, №17136]⁹, но им был закрыт доступ к остальным специальностям¹⁰. Государство также оставляло за собой право использовать их по другому назначению [ПСЗ-2, т.24, №23616].

Из приведенных фактов следует, что при всей своей ориентации на православие Ни-

⁹ После окончания курса обучения в университете выходцы из нерусских народов были обязаны прослужить не менее шести лет врачами в Оренбургской губ. Указом 1843 г. им было установлено жалованье в размере 257 руб. 90 коп. [ПСЗ-2, т.18, №17099]. Вопреки существовавшей в России практике, даже получив высшее образование, они не могли повысить свой социальный статус. Согласно указу 1850 г. лица башкиро-мещеряцкого сословия, закончившие курс обучения в российских учебных заведениях, не должны были исключаться из этого сословия [ПСЗ-2, т.25, №24431].

¹⁰ Указом Государственного совета от 31 октября 1849 г. мусульманам запрещалось переходить с медицинского на другие факультеты университета [ПСЗ-2, т.24, №23616].

колай I был вынужден считаться с жизненными реалиями, в частности признать ценность ислама как основы общественного порядка. Осознание этого пришло не сразу, ориентировочно со второй половины 30-х гг. XIX в. Есть основания связывать «потепление» политики в отношении мусульман с революционными событиями в Западной Европе. С какого-то момента для императора и его окружения мусульманский «фанатизм» – привычный и не угрожающий устоям государства, стал представляться гораздо меньшей опасностью, чем безбожие и революционные идеи, проникавшие в Россию из Европы. Опасения по поводу внешних угроз заставляли искать компромиссы с мусульманским населением империи, в т.ч. с наиболее развитой и европеизированной его частью – мусульманами Волго-Уральского региона.

К большей гибкости в отношениях с исламским миром побуждали и жизненные реалии. В результате присоединения Кавказа и Казахстана мусульманское население России в первой половине XIX в. существенно увеличилось, превратившись в силу, с которой невозможно было не считаться.

В последнее десятилетие царствования Николай I предпринял ряд публичных шагов, призванных продемонстрировать мусульманскому сообществу России уважительное отношение государства к религиозным чувствам мусульман. В 1844–1846 гг. вышла серия указов о замене на орденах, жалюемых мусульманам (Св. Георгия, Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава. – *А.Н.*), изображения креста на изображение императорского орла) [ПСЗ-2, т.19, №№ 18137, 118188, 18286; т.20, №№18650, 19227; т.21, №20551]. С 1849 г. мусульмане, содержащиеся в арестантских ротах, стали освобождаться от работ по пятницам для совершения молитвы [ПСЗ-2, т.24, №23062].

Появление во второй четверти XIX в. большого количества правовых актов, регламентировавших права мусульман и обязанности духовных лиц, объясняется не столько усиливавшейся бюрократизацией системы управления в России (хотя и это имело место), сколько необходимостью наполнить принцип веротерпимости реальным содержанием. Ведь пока ислам находился в положении «гонимой» религии, власть просто не считала нужным разрабатывать нормы, определявшие условия существования исламских институтов.

Развязанная русским правительством под предлогом защиты интересов православной церкви в Османской империи Крымская война (1853–1856 гг.) фактически разделила российское общество по конфессиональному признаку. Среди татар распространились слухи о планах правительства по христианизации мусульман России, о военных успехах турок, о поражениях русских и т.д. [Материалы, 1936, с.156–161]. В феврале 1855 г. правительство постановило принять энергичные меры против отказа татар от рекрутской повинности, и несколько зачинщиков этого движения были брошены в тюрьму [ПСЗ-1, т.30, №29033].

Таким образом, политика Николая I в отношении татар в Волго-Уральском регионе имела весьма неоднозначный и противоречивый характер. Соседство в законодательстве этого времени указов толерантного содержания с положениями, дискриминирующими права татар как мусульман, свидетельствовало о противоборстве двух тенденций внутри русской правящей элиты. Стремление к форсированной административной, социальной и культурной интеграции татар и других национальных меньшинств в значительной степени сдерживалось опасениями по поводу возникновения внутренних и внешних угроз, которые могли привести к «потрясению основ» [см.: Ислам, 2001].

ГЛАВА 3

Внутриполитический курс самодержавия в отношении татар-мусульман в 1861–1905 гг.

§ 1. Ревизия концепции Екатерины II по «дисциплинированию» ислама в империи

Анатолий Ремнев, *Ильдус Загидуллин*

В середине XIX в. у нового поколения чиновников имперской власти сформировался «новый взгляд» на ислам, который предусматривал ревизию даже полный пересмотр принципов екатерининской конфессиональной политики. Прежде всего подверглась серьезной ревизии сложившаяся в отношении казахов конфессиональная и социокультурная политика. Главная угроза для империи теперь виделась в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар.

С деятельностью татарских и башкирских мулл начальник Оренбургского пограничного управления В.В.Григорьев непосредственно связывал выступления казахов против мероприятий российских властей [Харузин, 1888, с.96]. Ислам отныне считался, с позиций эволюционизма, тупиковым направлением, ему было отказано в наличии цивилизующих начал, в идеологических обоснованиях имперских экспертов он предстал уже в качестве силы, препятствовавшей интеграции казахов в империю. Татары и ислам превратились в опасных политических и идейных соперников.

Известную роль в этом политическом повороте сыграли не только Кавказская и Крымская войны, но и обострение «польского вопроса». Империя, столкнувшись на западных окраинах с угрозой полонизации украинцев, белорусов, литовцев и германизации эстонцев и латышей, обнаружила, что столь же опасным противником обрусения поволжских народов, башкир и казахов на

восточных окраинах могут быть татары. Татары-мусульмане были включены в число «уважаемых врагов» (по выражению К.Мацузато [Мацузато, 2004, с.450–451]) империи, а к числу многочисленных имперских вопросов добавился «мусульманский вопрос» [Воробьева, 1998, с.40–55; Кэмпбелл (Воробьева), 2001, т.4 (122), с.132–157]. Все чаще говорилось об ошибочности прежней политики игнорирования ислама и об угрозе «отатаривания» казахов.

На этом политическом фоне стало формироваться подозрительное отношение к деятельности мусульманского духовенства: возникли опасения, что ОМДС станет для российских мусульман «исламским Римом». Сам институт муфтиятов с 1860-х гг. стал рассматриваться как могучее орудие «для сплочения мусульман, известного их обособления, а также упрочения ислама и возвеличивания его в глазах проживающего совместно с мусульманами инородческого немусульманского населения» [Арапов, 2004а, с.108]¹¹. С середины XIX в. Казань стала рассматриваться как центр антиисламского христианского миссионерства.

Вопрос об изменениях в имперской политике на азиатской степной окраине в начале 1860-х гг. был вызван несколькими причинами: во-первых, изменением государственных границ на юге и востоке и превращением Казахской степи в своего рода «внутреннюю окраину»; во-вторых, буржуазными пре-

¹¹ Если сначала оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский предлагал реформировать ОМДС в плане усиления контроля за его функционированием со стороны государства, то в 1870 г. он уже ратовал за его ликвидацию.

образованиями и желанием реформаторов распространить их на восточное население империи; в-третьих, новыми национальными приоритетами, которые, как казалось, за счет «обрусения» народов и территорий имперской периферии обеспечат перспективу синтеза имперского и национального и позволят воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России». Эти причины были объединены общей логикой постепенного стирания правовых и административных различий между внутренними губерниями и окраинами («административная русификация») и изменениями в «географии власти» за счет модернизации и стандартизации имперских управленческих институтов и практик. Перемены в «степной политике» не могли не испытывать воздействия общего реформаторского курса 1860-х гг., который не только затронул сферу управления и судоустройства, но и вел к расширению контактной зоны взаимодействия русского и казахского социумов, главным образом, за счет крестьянского переселения, экономической активности в регионе российских предпринимателей, модернизационных изменений в школьной и конфессиональной политике. Империя меняла «правила игры» в Степи, переходя от традиционного сотрудничества с аристократией к своего рода «демократическому империализму», большей централизации и прямому администрированию.

Антиисламский курс правительства на юго-восточной окраине, полностью игнорирующий екатерининский принцип «дисциплинирования ислама», был официально закреплен во «Временном положении о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском» от 21 октября 1868 г. и последовательно проводился вплоть до падения самодержавия. Толерантная лексика в отношении ислама сменилась агрессивными обвинениями мусульман в фанатизме. Империя начала позиционировать себя в качестве защитника народов, которые подвергаются экономической и культурной экспансии со стороны татар.

Таким образом, «мусульманский вопрос» в Казахской степи вообрал в себя, помимо конфессиональной составляющей, опасение, что империя проигрывает на вос-

точных границах культурную борьбу, а политика обрусения казахов, помимо традиционной угрозы мусульманского фактора из Центральной Азии, столкнулась с татарским национально-религиозным проектом. Все громче раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который также подвергается «отатариванию», «объякучиванию», «обурячиванию», «казахизации» и т.п. [Сандерланд, 2005, с.199–227].

Национализация имперской политики и расширение спектра социокультурных задач выдвинули на арену общественной жизни новых деятелей – ученых-востоковедов и учителей, которые заметно потеснили дипломатов и военных, бывших до того главными идеологами и практиками в Казахской степи. Наиболее влиятельными теоретиками, во многом определившими языковую политику в отношении казахов, стали видные российские ученые-востоковеды В.В.Вельяминов-Зернов, В.В.Григорьев, В.В.Радлов, Н.И.Ильминский, а также их сподвижники и ученики И.Алтынсарин, Н.П.Остроумов, А.В.Васильев, А.Е.Алекторов и др. Н.И. Веселовский, биограф В.В.Григорьева, ставил ему в особую заслугу введение в официальное употребление казахского языка [Веселовский, 1887, с.217]. Ключевой фигурой в этой новой языковой политике стал казанский профессор-востоковед Н.И.Ильминский, который, как и В.В.Григорьев, настойчиво указывал властям на угрозу татарского культурно-религиозного пробуждения [Нисияма, 2003, с.200–224].

В пореформенный период огромное влияние на внутриполитический курс правительства оказывали видный государственный деятель Д.А.Толстой, занимавший должности обер-прокурора Синода (1865–1880 гг.), министра народного просвещения (1866–1880 гг.), министра внутренних дел и шефа жандармов (1882–1889 гг.), и его приемник на кресле обер-прокурора Синода К.П.Победоносцев (1880–1905 гг.).

После поездки в Оренбург в 1876 г. граф Д.А.Толстой представил императору программу борьбы с татарско-мусульманским влиянием в Казахской степи [ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.2040-а]¹². Мусульманские на-

¹² В качестве эксперта он пригласил с собой в поездку Н.И.Ильминского.

Граф Д.А.Толстой. Фото 2-ой пол. XIX в.

роды, проживавшие на востоке империи, он поделил на три группы в зависимости от «большого или меньшего религиозного фанатизма». На первом месте оказались татары, которые более всего чуждаются русского образования, на втором – башкиры, которые уже подверглись значительной мусульманизации и татаризации. В отношении них цель правительства, разъяснял Толстой, должна состоять в том, чтобы они сохраняли «свой тип» и не превратились в татар. На третьем месте были казахи, среди которых уже началось «отатаривание» [Материалы, 1936, с.338].

Задаче противостояния татаро-мусульманскому влиянию были подчинены создание алфавитов для ряда коренных народов империи и издание для них книг на родном языке. Изучение русского языка также было определено как важная государственная задача.

Таким образом, теории эволюционизма и культурного прогресса, а также патерналистская идея защиты казахов, башкир, чувашей, финских народов от влияния ислама и татарской культуры придавали русификаторским действиям имперских активистов привлекательную народническую окраску – они таким образом проявляли заботу о благе этих народов и хотели спасти их самобытность.

Участники Кавказской войны, на себе ощутившие героизм и ожесточенное сопротивление русскому оружию горцев-мусульман в борьбе за сохранение своей независимости и традиций, и военные, служившие в западных губерниях и воочию увидевшие «национальные претензии» поляков, грозящие целостности империи, получив назначение в регионы с мусульманским населением и огромные административные полномочия, стали проводить политику, основанную на дискредитации ислама и всего мусульманского населения. При этом они широко использовали выработанный в условиях Кавказской войны и военной службы в западных губерниях практику.

«Новый взгляд» на ислам в завоеванном Туркестане был воплощен в правительственном курсе, игнорирующем вековую практику государственно-исламских отношений. Он был основан на непризнании исламских институтов, прежде всего мусульманского духовенства, что отнюдь не означало отсутствие государственного контроля над местным населением. Его разработал и претворил в жизнь туркестанский генерал-губернатор К.П.Кауфман (годы службы 1867–1882 гг.), который с 1844 г. воевал на Кавказе, а в 1865–1867 гг. был генерал-губернатором Северо-Западного края.

Появившаяся у востоковедов-чиновников, управлявших казахами, теория «о государственной полезности» раздробления мусульманского населения посредством культивирования языковых и культурных различий стала широко применяться в Волго-Уральском регионе, где с целью борьбы с татаризацией власти стали содействовать учреждению казахских и башкирских школ, а с целью борьбы с исламизацией учреждали школы по методике Н.И.Ильминского для финно-угорских народов, чувашей и крещеных татар.

Массовые переходы крещеных татар в ислам в 1850–1860-е гг. привели к публичному обвинению местными архиереями татар-мусульман в исламизации коренных народов Волго-Уральского региона. При этом нередко умалчивались номинальный характер крещения «отступников» от православия в предыдущие столетия и неэффективность

пастырской и миссионерской деятельности предшественников. Эти обвинения духовной властью мусульман и запугивания исламской угрозой в Волго-Уральском регионе воспринимались высокопоставленными чиновниками как подтверждение закрепившегося в общественном сознании в конце 1850-х – начале 1860-х гг. мнения о несостоятельности православного духовенства, преданного «букве», а не «духу» веры [Долбилов, 2010, с.136].

После открытия правительством в 1854 г. при Казанской духовной академии «противомусульманского отделения» сформировалась антимусульманская миссионерская школа. Труды ее представителей сформировали у российской общественности представление об «исламской угрозе» для национальной безопасности Российской империи, сыграли важную роль в формировании у российских чиновников различных рангов исламофобии. В немалой степени этому способствовали научные изыскания российских востоковедов и казанских миссионеров. В 1912 г. В.В.Бартольд констатировал «общую отсталость» русского востоковедения от западноевропейского, с горечью признав, что «об исламе как религии на русском языке нет до сих пор сколько-нибудь обширного труда, который в свое время представлял бы шаг вперед в науке», и отметив преобладание в этой сфере среди русских изданий трудов, написанных «с целью защиты ислама или борьбы с ним» [Бартольд, т.6, с.366]. Однако этот крупнейший российский востоковед после поездки в 1902 г. в Туркестан высказал сомнение, что мусульмане поддержат русских и Российскую империю, и поэтому ей будет грозить опасность распада. Как показали революционные события начала XX в., прогноз В.В.Бартольда относительно сепаратизма мусульман не подтвердился [Исхаков, 2007, с.71].

В результате указанных факторов в 1860–1870-е гг. в правительственных кругах сложились два противоположных подхода к исламу. Первый из них, нашедший широкое применение в Туркестане, Степных областях, и на Северном Кавказе, сводился к полному пересмотру екатерининских традиций государственной конфессиональной политики. В учреждении ОМДС представители этого подхода видели поражение в борьбе с исламом, они выступали против сосредоточения власти в руках «мусульманских фанатиков». В этом лагере находились Н.И.Ильминский, его ученики, военный министр Л.А.Милютин (1860–1881 гг.) и др. Их противники настаивали на продолжении централизации управления и надзора за деятельностью исламских институтов, прежде всего духовенства, учреждая новые религиозные управления, подобные ОМДС; предлагали закрыть границы на Кавказе с целью препятствовать проникновению в регион противоречащих имперским интересам религиозных идей, запретить обучение мусульман в заграничных исламских центрах и т.д. Наиболее последовательными сторонниками этого направления были чиновники МВД [Северный Кавказ, 2007, с.253–254].

Высокопоставленные чиновники стремились по-новому решить прежнюю задачу имперской конфессиональной инженерии: добиться дисциплинирующего воздействия государства на религиозность подданных, сохраняя при этом культурную дистанцию от духовных элит (особенно «чужой веры») и манипулируя негативными образами мусульманского вероисповедания как «фанатичного», потворствующего «суевериям», меркантильного обмирщенного и т.д.» [Долбилов, 2010, с.162]. В результате в пореформенный период имперская политика в отношении ислама в регионах приводила к росту напряженности среди мусульманского населения.

§ 2. Татары в органах самоуправления: земских, городских и крестьянских

Ильдус Загидуллин

В XIX в. сословная иерархия Российской империи являлась главным критерием в определении правового статуса и, в значительной степени, социально-экономическо-

го положения российских подданных. В пореформенный период градация прав и обязанностей российского многонационального сообщества, регулируемая на основе

сословных начал, получила дальнейшее развитие. Либеральные реформы Александра II осуществлялись не вопреки, а с учетом сословного положения населения. Как справедливо отметил А.Каппелер, хотя Великие реформы 1860–1870-х гг. дали определенный импульс к модернизационным процессам, однако «социальная мобильность общества и его комплементарная коммуникация вне сословных и региональных границ даже в конце XIX века находились еще в зачаточном состоянии» [Каппелер, 2005, с.400]. Поэтому и в начале XX в., особенно в сельской местности, сословный статус человека определял его правовое положение.

Нередко историки, характеризуя положение татар в Российской империи, ограничиваются констатацией того, что местные народы расселялись среди титульного населения и юридически не отличались от него ни с точки зрения социального статуса, ни в отношении привилегий, а специфический «имперский» характер государственного владычества являлся здесь не вполне очевидным. В данном случае востребован не анализ прав этнических меньшинств в отдельно взятых сословных группах, а сопоставление сословной градации в каждом из этноконфессиональных сообществ на длительном хронологическом отрезке, а именно – со времени включения татар в состав Московского государства. Методологически правильным будет также рассматривать социально-правовой статус татар в XIX в. как следствие и результат внутривластного курса правительства в их отношении в предыдущие столетия. В 1552 г. Московское государство завоевало Казанское ханство, которое находилось примерно на одинаковом с ним уровне социально-экономического и общественного развития. В ханстве существовали все характерные для феодального государственного образования социальные и общественные институты. В последующие столетия произошла их трансформация, а протестные выступления и движения местного населения, направленные против дискриминационного курса правительства, жестоко карались.

Сословные группы в новой России появились в рамках петровских преобразований. Петр I, поставив целью формирование новой российской элиты из христиан, упразднил, как сословие, татарскую феодальную

знать мусульманского вероисповедания, которая, несмотря на жесткое давление власти, в большинстве своем осталась приверженной традиционной конфессиональной идентичности. В результате приписки татарских музр к сельскому податному сословию татарский народ был превращен властью в непривлекательную часть российского общества – крестьянское население, которому в социально-экономическом и общественно-культурном развитии страны отводилась незавидная роль со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возрожденное в конце XVIII – начале XIX в. татарское дворянство было бедным, имело лишь «почтенное звание» [Азаматова, 2008, с.132]. Отсутствие среди татар чиновников являлось прямым следствием их низкого сословного статуса, малочисленности среди них дворян.

Другим важным фактором в понимании особенностей социального развития татар в Российской империи являлось изъятие русской властью после 1552 г. у исламских институтов традиционных источников их существования: вакуфов и другой недвижимости. При отсутствии другого источника финансирования культура татар оказалась в состоянии стагнации. Лишь появление в конце XVIII в. прослойки купцов, взявших на себя заботу об исламских образовательных центрах, позволило возродить систему мусульманского образования.

Развитие в стране капиталистических отношений, либерализация законодательства и другие факторы, способствовавшие реформам, создавали определенные условия для более активной интеграции мусульман в российское общество. Эти процессы наглядно проявились в среде городских слоев и предпринимателей. Модернизация России способствовала расширению и ускорению обновленческих процессов среди татарского населения.

В связи с вышесказанным необходимо указать ряд причин, сдерживавших динамику этих явлений, и прежде всего – отставание экономического развития и промышленного развития Волго-Уральского региона от среднестатистических показателей Европейской части России. Сословные ограничения и русский образовательный ценз также играли важную роль в реализации достижений либеральных реформ.

В Поволжье имело место сочетание элементов, которые большинство ученых считает «колониальными» (личное и институциональное господство одного народа над другим, который отличался от него в культурном отношении), и в целом примерно одинаковое положение представителей различных этнических групп, принадлежавших к одной из сословных групп [Верт, 2005, с.59].

В пореформенный период наблюдались распространение властью общероссийского законодательства на периферию империи и стремление к языковой и культурной унификации ее нерусского населения. Часть направленных на это мероприятий проходила под лозунгом внедрения прогрессивных западноевропейских преобразований – либеральных реформ 1860–1870-х гг. – в социальной и общественно-культурной сферах. В распространение либеральных реформ 1860–1870-х гг. высшая власть вкладывала политический смысл. Преобразования предполагали укрепление и модернизацию унитарной многонациональной империи, где православие являлось государственной религией. Неудивительно, что при этом приоритет отдавался интересам, прежде всего, привилегированных сословий и русского народа. Эта особенность развития страны наиболее отчетливо проявилась в период правления Александра III.

По сути, правительство последовательно осуществляло мероприятия по созданию в европейской части страны национального государства за счет игнорирования основополагающих принципов сложившейся в империи системы управления нерусскими народами.

В этой связи важнейшую роль для мусульман Приуралья сыграли отмена в 1862–1865 гг. военной кантонной системы управления и передача башкир, мещеряков и тептярей в гражданское ведомство, введение в обширный регион общегубернских институтов управления. Данная реформа способствовала ускоренному превращению Приуралья во внутреннюю Россию, подобно Среднему Поволжью, что проявилось в интенсивном заселении края переселенцами из центральных регионов, формировании русского частного землевладения. Как важный этап в утверждении новых норм следует признать ликвидацию в 1881 г. института

Оренбургского генерал-губернаторства и распределение его функций между различными ветвями власти. Таким образом, татары и башкиры – основная часть мусульман, подведомственных ОМДС, находились в правовом пространстве с единой системой административного управления.

Земства. Либеральные реформы 1860–1870-х гг., разработанные с учетом специфики русского общества, реализовывались на окраинах империи постепенно и неравномерно. В основных ареалах расселения татар земства были учреждены одновременно с центральными регионами России, что свидетельствовало о глубоких интеграционных процессах, происходивших в этих губерниях. Учреждение земских институтов в Уфимской губ. в 1874 г., с опозданием на 10 лет, несмотря на соответствующие ходатайства оренбургского генерал-губернатора (1864 г.) и дворянства Уфимской губ. (1865 г.) [Азаматова, 2008, с.22, 23], мы склонны объяснить ускорением в крае русской колонизации вследствие массовой продажи земель башкир-вотчинников и формированием групп крупных русских землевладельцев и крестьян-переселенцев.

Наличие сословного ценза в нововведениях означало особый статус русского дворянства и чиновников в органах местного самоуправления. В регионах с преобладанием прослойки нерусского дворянства (польские, белорусские губернии, губернии правобережной Украины, три прибалтийские губернии) организация земских учреждений означала бы усиление роли национальной элиты в уездах и губерниях, что в свою очередь превратило бы земства в органы консолидации национальной интеллигенции, следовательно, противоречило бы интересам имперского государства. Отсутствие земств в Астраханской, Оренбургской, Архангельской губерниях и в Сибири [История СССР, т.5, с.99–100], где практически не было помещичьего землевладения, также доказывает верность нашего вывода о социально-национальных приоритетах либеральных преобразований пореформенного периода. В 1898 г. МВД представило высшей власти на заключение два проекта о введении земских учреждений: первый – в девяти западных губерниях, второй – в Астраханской, Оренбургской и Ставро-

Здание губернской земской управы в Уфе. Фото нач. XX в.

польской губерниях. Идея распространения земского самоуправления вызвала решительное возражение обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева и министра финансов С.Ю.Витте. «Кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином в администрации», – категорично заявил С.Ю.Витте. Вскоре, в 1899 г., за политическую близорукость инициатор проекта И.Л.Горемыкин лишился портфеля министра внутренних дел [НЭС, т.18, с.662–663].

Земские органы самоуправления были призваны наладить сотрудничество представителей различных сословных и этнических групп в уездах и губерниях. Для татар земства не стали подлинными органами самоуправления воспринимались как часть русской административной системы. В силу своего низкого социального статуса татары выбирались в гласные лишь из курии крестьянских обществ. Незнание русского языка и грамоты препятствовало их работе в земских собраниях. Служба татар в уездных и губернских земских управах была скорее исключением, нежели правилом. Земскими деятелями в некоторых губерниях являлись, как правило, татарские дворяне-землевладельцы.

Первоначально татары в земских органах отличались крайней пассивностью. В Казанской губ., где татары составляли около 1/3 населения, в 1883 г. и 1886 г. из курии сельских обществ в уездные земские собрания было избрано около 25% гласных-мусульман. Однако с учетом общего числа гласных (289 чел.) их удельный вес составлял около 10% [НА РТ, ф.1. оп.3, ф.5836, л.2–70; д.6930,

л.1–127. Подсчитано нами. – И.З.]. В губернские земские собрания выбирались лишь единицы гласных из мусульман. Исключение в этом плане составляли те уезды Уфимской губ., в которых мусульмане представляли большую часть населения: в 1880-е гг. они составляли там около 50% земских

гласных [Стейнвелд, 2011, с.71, 72]. Если в Уфимской губ., где расселялась основная часть татарского дворянства, сотрудничество наметилось в 1880-е гг., то в остальных губерниях, особенно в тех, в которых отсутствовала группа гильдейских купцов взаимодействие наметилось под воздействием обновленческих процессов после Первой русской революции, особенно 1910 г. [Владиминова, 2011, с.340–341].

Примечательно, что в своем «всеподданнейшем» отчете за 1889 г. казанский губернатор П.А.Полторацкий, бывший начальник Уфимской губ., просил у МВД, чтобы «для ослабления влияния представителей татар на мусульманские массы... кроме ограничения числа гласных из татар-мусульман в земских и городских собраниях известной нормой, участие их было обусловлено знанием русской грамоты» [РГИА, библиотека, ед. хр. № 35 А, с.3].

Земская контрреформа 1890 г. способствовала снижению численности гласных из мусульман: земские начальники предпочитали назначать депутатов, избранных по православной крестьянской курии, и губернатор утверждал эти списки. После того как в 1906 г. было разрешено избирать земских депутатов по крестьянской курии, число мусульманских гласных вновь возросло [Стейнвелд, 2011, с.71, 72].

В период революции 1905–1907 гг. волостными сходами Уфимской губ. рассматривался вопрос о пропорциональном представительстве мусульман в земских собраниях. В частности, в 1906 г. данный вопрос обсуждался Бирским уездным и

Уфимским губернским собраниями. Однако в итоге идею выборов по национальному принципу земские гласные, представлявшие русско-православное большинство, не приняли [Севастьянов, 2005, с.105–106].

При выделении средств на нужды образования мусульман в земствах повсеместно не соблюдался принцип распределения денег исходя из удельного веса поступавших от них налогов [Азаматова, 2005, с.11–138; Владимирова, 2009, с.9–34]. Это означало использование поступавших средств на решение культурных запросов титульного населения империи.

Городские органы самоуправления. Выборы в городские органы самоуправления пореформенной России осуществлялись по имущественному признаку. Однако новый критерий не мог полностью «закрыть» национальный вопрос. Потребовалось введение специальной статьи в качестве существенного дополнения к имущественному цензу: в «Городовом положении» 1870 г. состав гласных городской думы определялся на две трети христианами и на одну треть из нехристиан [ПСЗ-2, т.45, отд. 1, №48498, ст.35]. С 1892 г. конфессиональный ценз был ограничен одной пятой частью гласных [Городовое положение, 1892, ст.44]. В Волго-Уральском регионе это ограничение, в силу относительной малочисленности в городах татар и их состоятельной прослойки, кроме отдельных случаев, не было актуальным.

Органы крестьянского самоуправления. В пореформенный период в некоторых губерниях Волго-Уральского региона религиозный фактор играл важную роль при назначении должностных лиц в органы крестьянского самоуправления. С подачи руководства местной епархии этот вопрос в Казанской губ. приобрел особую актуальность в связи с массовым возвратом крещеных татар в ислам. Так, Казанское губернское по крестьянским делам присутствие издало в 1867 г. специальный циркуляр о замене всех волостных старшин-мусульман в волостях, в которых татары проживали совместно с православными, что вызвало волнения в ряде татарских сельских обществ [НА РТ, ф.1, оп.3, д.1834, л.1–2].

В своих ежегодных отчетах начальники некоторых губерний (Казанской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Пермской и Пензенской) высказывались «за пресечение

влияния ислама», в частности – за ограничение выборных прав крестьян-мусульман. МВД, а затем и Комитет министров вынуждены были отказаться от предложений, претворение в жизнь которых могло быть справедливо истолковано татарами как религиозное притеснение и вызвать массовые волнения. Разделение сельских обществ по религиозному признаку в административном порядке с целью ограждения крещеных татар от мусульманских должностных лиц также было признано нецелесообразным, так как эта мера имела бы отрицательные экономические последствия [Воробьева, 1997, с.232].

По поводу «высочайшего» замечания в отчете казанского губернатора за 1881 г. относительно мер по прекращению случаев «отпадения» крещеных татар в мусульманство в Комитете министров в 1884 г. состоялось специальное обсуждение, в результате которого было признано «неудобным» принять какую-либо законодательную меру относительно лишения права избрания мусульман на крестьянские общественные должности с целью ограждения крещеных татар от «притеснений» со стороны мусульман. Было решено ограничиться административным наблюдением за тем, чтобы на должности в органы сельского и волостного самоуправления по возможности назначались лица из числа русских односельцев и не принадлежавшие к числу «фанатиков-мусульман» [СПМНП, т.9, стлб.676–677].

Следует отметить, что это положение действовало вплоть до падения самодержавия. Новый закон приобретал актуальность в тех волостях, где большинство населения составляли мусульмане. Местная администрация решала этот вопрос, исходя из личностных качеств кандидатов. В поликонфессиональных волостях заместителя волостного старшины, как правило, выбирали из татар-мусульман.

Примечательно, что в 1879, 1883 и 1886 гг. в Лаишевском, Спасском и Свияжском уездах, где татарские крестьяне составляли соответственно 43%, 30%, 30%, не было ни одного волостного старшины из мусульман. Чисто символичным было их представительство и в Мамадышском у., где мусульмане составляли 60% населения. Мусульмане избирались старшинами в ряде волостных правлений Казанского у. (54% мусульман) – 20%, Тетюшского у. (50% му-

Волостные старшины из татар и русских у земского начальника.
Нижегородская губ. Фото М.П.Дмитриева. 1891–1892 гг.

сульман) – 29%, Чистопольского у. (33% мусульман) – 14–29% [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4882, л.24–62; д.5752, л.4–12, 49–49об.; д.7142, л.8–16, 97–105]. Волостные старшины из татар-мусульман, как правило, знали разговорный русский язык, но не могли грамотно писать по-русски. Среди сельских старост эти показатели были еще ниже.

В пореформенный период довольно часто происходила замена руководителей волостных правлений. Так, в 1879 г. в Казанской губ. 18% из них ранее избирались волостными старшинами, помощниками или состояли кандидатами на должность старшины, а 56% волостных старшин ранее имели опыт работы в крестьянских органах самоуправления [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4882, л.24–62].

В Волго-Уральском регионе лишь немногие должностные лица из органов крестьянского самоуправления владели русской грамотой. Так, в 1880 г. в Казанской губ. только 0,03% сотских и десятских, 3,7% сельских старост, 39% волостных старшин были грамотными. В этой ситуации отчетливо выявляется ведущая роль в волостном правлении писаря, назначаемого местной администрацией. Малограмотность волостных старшин, их частая сменяемость превращали писаря «в хозяина положения». Как следует из архивных документов, абсолютное их большинство были крестьянами, имевшими начальное образование.

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. показывают, что в Ка-

занской губ. татары-мусульмане занимали незначительные позиции в местном и уездном аппарате – всего 13%, тогда как русские составляли 74,1% [Первая всеобщая, т.14, с.178,184,188–189. Подсчитано нами. – И.З.]. Даже в волостях с абсолютным преобладанием коренного национального крестьянства начальство состояло (за редким исключением) из русских, не говоря уже о составе чиновников в уездных и губернских учреждениях [Даишев, 1980, с.122].

Таким образом, в появившихся в пореформенный период городских и земских органах самоуправления татары-мусульмане составляли меньшинство, что было обусловлено их малочисленностью в уездах и губерниях, а также их сословно-социальным составом и имущественным положением. Активность татар-мусульман в значительной степени зависела от их сословного происхождения и грамотности.

Сельские татаро-мусульманские институты самоуправления существовали в рамках поземельных общин и в тех волостях, где мусульмане составляли большую часть населения. Однако вследствие незнания татарскими старшинами и членами волостных правлений русской грамоты и возложения на них обязанностей по сбору налогов и обеспечению порядка «мусульманские» волостные органы самоуправления являлись исполнителями предписаний местной администрации, а не защитниками интересов местных единоверцев.

§ 3. Соблюдение религиозных прав мусульман в правительственных, общественных и частных учреждениях

Ильдус Загидуллин

Большую роль в реализации властями внутриполитического курса играли министерства и различные управления, которые координировали и контролировали реализацию принятых правительством решений, издавали подзаконные акты для разъяснения отдельных положений и статей «высочайше» утвержденных законов.

Формально в российском законодательстве практически отсутствовали правовые ограничения по национальному признаку. Правовые нормы «действовали» исходя из конфессиональной принадлежности подданного и степени владения им русским языком. По мнению известного специалиста по национальному вопросу в имперской России С.В.Дякина, «русская государственная идея» – великодержавность и самодержавность – «отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, а малым – в самом праве на существование, подразумевая постепенную ассимиляцию их русским народом» [Дякин, 1998, с.15].

Дни отдыха. Жизнедеятельность правительственных и общественных учреждений регламентировалась единым распорядком дней отдыха и праздников, установленным государством. Огромное влияние на формирование данной традиции оказал христианский церковный ритуал. Во всех присутственных местах, учебных заведениях, промышленных предприятиях и других учреждениях, а также в русской крестьянской общине днем отдыха являлось воскресенье. Помимо этого, страна отдыхала в православные религиозные праздники, «царские дни» и в дни, установленные законом в память важных общественно-политических или военных событий. В частности, по ходатайству руководства Казанской епархии императорским указом от 12 апреля 1854 г. 4 октября – день торжественного вхождения Ивана Грозного в поверженную мусульманскую Казань и открытия мощей первых миссионеров «святителя Гурия и сотрудника его Варсонофия» – был объявлен днем отдыха в правительственных

учреждениях и учебных заведениях Казанской губ. [ПСЗ-2, т.35, отд.1, №28160].

Состоящие на службе в правительственных учреждениях, городских и земских управах мусульмане не имели возможности отдыхать в пятницу и в дни исламских религиозных праздников. Внутренний распорядок этих организаций, их положения или уставы не предусматривали создание условий для совершения мусульманами молитв.

В Российской империи круг гражданских казенных учреждений, где были созданы условия для совершения пятничного богослужения и предоставлялся отдых в исламские религиозные праздники, ограничивался ОМДС, татарскими и казахскими учительскими школами, русско-татарскими (башкирскими) школами, арестантскими ротами и тюрьмами. В ОМДС и указанных учебных заведениях мусульмане дополнительно отдыхали в воскресенье и в дни православных религиозных праздников [Загидуллин, 2006, с.232–329].

Судебные учреждения. Для мусульманских духовных лиц посещение больниц, арестантских рот, тюрем, полицейских участков и других учреждений по вызову чиновников долгое время являлось общественной нагрузкой. В 1852 г. на мулл было распространено правило, установленное указом Сената от 16 декабря 1847 г., касающееся православных священнослужителей: о покрытии расходов из казны в случаях «командировки в гражданские правительственные учреждения духовных лиц христианских вероисповеданий» [ПСЗ-2, т.27, отд.1, №25972].

Согласно циркулярному предписанию МВД от 6 мая 1878 г., вызываемые в присутственные места и должностными лицами для исполнения религиозных треб духовные лица всех вероисповеданий должны были получать из сметы МВД средства, предназначенные для выдачи «прогонных», суточных и квартирных денег чиновникам, командированным по делам службы или назначаемым на должности по распоряжению начальства.

План тюремного замка в г.Мамадыш.
Казанской губ. 1896 г.

В 1886 г. на духовных лиц всех признаваемых в России вероисповеданий были распространены правила о вознаграждении за явку в суд для привода к присяге в размере «одного рубля с каждого рассматриваемого дела» [ПСЗ-3, т.6, № 4098].

В конце XIX – начале XX в. расходы на предоставление муллам подвод стали брать на себя некоторые уездные земские управы [РГИА, ф.821, оп.8, д.695, л.19].

Места заключения. Тюрьма являлась закрытым заведением, доступ на ее территорию посторонним лицам был запрещен. Важную роль в регулировании религиозного быта заключенных-нехристиан сыграл закон от 5 марта 1849 г., согласно которому в арестантских ротах мусульмане и евреи освобождались от работ для праздничного богослужения соответственно в пятницу и субботу (за счет этого работали в воскресенье) [ПСЗ-2, т.24, отд.1, № 23064].

Во время проведения в тюрьме христианского ритуала евреи, мусульмане и арестанты других вероисповеданий оставались в камерах. Заключенным «иностранных исповеданий» разрешалось совершать молитвы «в особо одной из свободных комнат». В остальное время совершение общественного богослужения во многом зависело от «перенасыщенности тюремной камеры», взаимоотношений заключенных и «прилежности» мусульман в соблюдении своих религиозных обязанностей.

В 1864 г. заключенным, исповедовавшим признаваемые в России религии, было разрешено приготовление «постной пищи» [Сборник циркулярных, 1880, с.60]. С 1854 г. в местах заключения гражданского и военного ведомств арестантам стали предоставлять по три дня отдыха в период годовых исламских праздников [РГИА, ф.821, оп.8, д.1181, л.8]. Реализацию этих предписаний среди арестантов-мусульман наглядно иллюстрирует приказ самарского губернского инспектора от 15 декабря 1899 г. по Самарской городской тюрьме: «В связи с наступлением магометанского месячного поста «Рамазан» 21 декабря предоставить им для моления отдельные камеры, с тем чтобы обвиняемые по одному делу не были соединены. При этом ввиду обычая, разрешающего магометанам в посту принимать пищу только по закату солнца, предлагаю на это время выдавать им обед вместе с ужином» [Алексушин, 2003, с.119].

Позитивные изменения в соблюдении религиозных прав мусульман во многом были обусловлены деятельностью Министерства юстиции, которое курировало места заключения.

Начальная школа. Либеральные реформы способствовали позитивным изменениям и в сфере получения представителями этнических меньшинств начального образования. С 1870 г. в начальных школах мусульмане официально освобождались от уроков Закона Божия, в сельских, городских начальных училищах – от уроков чтения по церковнославянским книгам, в уездных училищах – от уроков церковнославянского языка. Впервые предусматривалась возможность преподавания в частных и государственных начальных, средних; начальных и средних профессиональных учебных заведениях для учащихся-мусульман основ исламского вероучения, основанного на принципе добровольности (за счет родителей учащихся или обществ). С 1878 г. директора народных училищ должны были придерживаться в отношении мусульман установленных для евреев требований о преподавании основ их вероучения в послеобеденное время [ЦОУО, 1878, №3–4, с.34–35].

Средняя школа. Определенные условия соблюдения религиозных прав представителей этноконфессиональных меньшинств

существовали и в гимназиях. «Устав гимназий и прогимназий» 1864 г. (п.43) допускал выделение часов для неправославных вероучений исключительно за счет этноконфессиональных общин. Согласно «Уставу гимназий и прогимназий» 1871 г. впервые не исключалась возможность финансирования религиозных уроков для неправославных учащихся за счет государственных средств или специального школьного фонда после получения разрешения у министра народного просвещения. Занятия следовало проводить по книгам на родном языке учащихся, объяснение учителем учебного материала вести на государственном языке [ЦОУО, 1899, № 3, с.131].

Первоначально введение в средних учебных заведениях основ ислама наталкивалось на различного рода затруднения. В частности, родителями учащихся мужской гимназии Уфы было предпринято несколько попыток ввести исламское вероучение (в 1872, 1884–1886 гг.). В своем ходатайстве от 24 января 1887 г. попечителю ОУО муфтий М.Султанов поставил вопрос концептуально, обратив внимание на необходимость исполнения гражданских обязанностей мусульман наравне с русскими. «Едва ли могут быть какие-либо серьезные основания и вообще было бы едва ли целесообразно лишать магометанское юношество возможности наряду с предметами общего образования проходить курс обучения на родном и единственно уместном языке, тем более что мысль эта уже давно познана и получила практическое осуществление в военных учебных заведениях» [РГИА, ф.821, оп.8, д.817, л.33–34]. На этот раз управление ОУО поддержало муфтия, и в 1888 г. 18 воспитанников мужской гимназии Уфы

начали обучаться основам ислама (3 часа в неделю) [РГИА, ф.821, оп.8, д.817, л.39–43]. В основу реализуемой модели был положен принцип выделения свободных помещений для различных конфессиональных групп в учебные часы, которые отводились для преподавания Закона Божия или иностранных языков.

В начале XX в. татары Казани неоднократно обращали внимание властей на необходимость определения вероучителя при реальном училище, гимназиях и других учебных заведениях, «куда пожелали бы отдавать своих детей мусульмане» [КТ, 1901, № 2483, 21 февр.]. В КУО с 1903 г. преподавание мусульманского вероучения в Казанской второй гимназии и Елабужском реальном училище осуществлялось за счет специальных школьных средств [ЦКУО, 1903, № 867]. Большую чуткость к просьбам родителей проявляли в начале XX в. руководители частных учебных заведений, доходы которых складывались из взносов за обучение [Махмутова, 1982, с.78–79; Биктирова, 2003, с.55–64].

Реализация предоставляемых мусульманам прав зависела, главным образом, от настойчивости родителей, экономического потенциала местной этноконфессиональной общины, позиций руководства учебного заведения и мусульманского духовного лица.

В 1905 г. на волне демократического подъема в стране татары из Касимовского у. Рязанской губ. заявили «о желательности введения в штатные расписания всех правительственных учебных заведений, где учатся не менее пяти мусульман, исламских вероучителей с причислением их к государственной службе и назначением соответствующего оклада» [Загидуллин, 2006, с.297–298].

§ 4. Ограничения в законодательстве по этноконфессиональному признаку

Ильдус Загидуллин

В системе веротерпимости, существовавшей в Российской империи, «первенствующее и господствующее положение» занимало православие [Свод учреждений, 1896, ст.1]. Православные публичные религиозные церемонии, процессии и другие мероприятия «не подлежали никаким

ограничениям, кроме тех, которые могли быть обусловлены, например, полицейско-санитарными мерами» [Суворов, 1912, с.510].

В российских реалиях достоинство РПЦ поддерживалось административно-полицейской и судебной системами. Для

охраны престижа РПЦ в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» содержался раздел «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», призванный формировать у этноконфессиональных меньшинств уважительное и толерантное отношение к религиозным чувствам православных и их религиозным институтам [Уложение о наказаниях, 1857, ст.192–274].

В плане защиты ислама и религиозного достоинства мусульман какие-либо меры наказания не были предусмотрены. Тем самым самодержавие создавало правовое поле, способствовавшее формированию у христиан безнаказанности за оскорбление религиозных чувств мусульман и великодержавного отношения к «иногородцам» [НА РТ, ф.41, оп.1, д.2195, л.26].

Позитивные перемены в российском законодательстве произошли лишь в начале XX в. В новом «Уголовном уложении» (от 22 марта 1903 г.) впервые был введен ряд мер наказания за оскорбление или ограничение «вероисповедальных прав мусульман» [Уголовное уложение, 1904, с.156–160].

Можно утверждать, что правительство стремилось защитить религиозные права православного населения практически во всех случаях. В 1890-е гг. Синод поставил перед Государственным советом вопрос «о необходимости оградить православное население некоторых местностей России от вредного влияния татар, имеющих обыкновение состоящих у них в услужении православных работников заставлять работать по воскресеньям». В результате с 1896 г. татарам-мусульманам, вслед за евреями, воспрещалось препятствовать православным, нанявшимся к ним на работу в качестве домашних работников или на другую работу, «в чествовании, в исполнении прочих религиозных обязанностей» [Устав о предупреждении, 1890, ст.88]. В воскресенье и «двадцатые» праздники «без необходимой нужды» ремесленники не должны были работать. В эти дни мастера-нехристиане могли трудиться, но только без своих подмастерьев из христиан. В то же время мастера из христиан не могли принуждать «иноверцев» к работам в дни их религиозных праздников [Устав о промышленности, 1893, ст.430]. За притес-

нения христиан «иноверцы» подвергались денежному взысканию в размере не выше 50 руб. [Уголовное уложение, 1904, с.161].

Оборотной стороной исключительного права РПЦ на ведение миссионерской работы среди российских подданных [Устав о предупреждении, 1857, ст.97] являлось уголовное преследование мусульманской миссионерской деятельности среди православных [Уложение о наказаниях, 1857, ст.114, 116, 220, 202] и «за создание препятствий к переходу единоверцев в православие» [Уложение о наказаниях, 1857, ст.209]. В соответствии с высочайшим повелением от 2 августа 1854 г. о принятии мер к ограждению язычников от обращения в ислам МВД предписало не допускать таких переходов. Отступления от этого правила всегда разрешались исключительно с монаршего позволения [Национальный вопрос, 2009, с.8].

Конфессиональный подход проявлял себя при разбирательстве судебных дел православных. Согласно указу от 30 мая 1866 г. «О воспрещении членам и секретарям судебных мест из лиц мусульманского исповедания участвовать в рассуждениях и решениях по делам против веры христианской и церковных установлений» [Опись дел, т.6, с.288], связанные с религиозным вопросом дела могли рассматривать только судьи православного вероисповедания. Если же среди призванных к судебным заседаниям 30 заседателей оказывались лица неправославного исповедания, то перед составлением присутствия присяжных по жребию для рассмотрения дел «против веры» они автоматически заменялись запасными заседателями нужного исповедания [Устав уголовного, 1892, ст.1010].

В царствование Александра III существенно усилились националистические тенденции во внутривластном курсе правительства. С одной стороны, они были вызваны модернизацией России, личными чертами российского государя, с другой – являлись некоторым ответом на пробуждающееся самосознание народов и их сопротивление ассимиляторской политике власти [Дякин, 1998, с.27].

Когда татары стали занимать определенные чиновничьи и общественные должности, правительство стало ограничивать сфе-

ру их деятельности, исходя из выявленных фактов «соприкосновения» с русским элементом. В 1889 г. правительство ввело «особый порядок» вступления в судебные учреждения и советы присяжных поверенных на должности присяжных и частных поверенных из «иноверцев». До издания особого по данному предмету закона каждый такой случай должен был лично рассмотреть и утвердить министр юстиции, а в отношении частных поверенных при уездных съездах – министр внутренних дел [Учреждения судебных, 1892, прим. к ст.380].

Особое внимание власти уделяли мерам изоляции мусульман в системе начального образования. Такими дискриминационными законодательными актами стали «устранение мусульман от председательства в уездных и губернских училищных советах и от участия в них в качестве членов от земских учреждений и органов городского самоуправления» (1888 г.) [Свод уставов ученых, 1893, ст.3495 и прим. к ст.3495]; лишение звания домашних наставников, учителей наставниц и учительниц из нехристиан при наличии соответствующих документов на педагогическую деятельность в случае работы среди православных [Свод уставов ученых, 1893, ст. 3779, 3825].

Дети и семейные отношения. В клерикальном государстве, каковым являлась Российская империя, семейные ценности и от-

ношения строились по церковным канонам. В пореформенный период оставались в силе николаевские законы, отдававшие приоритет члену семьи – христианину [Свод законов гражданских, 1900, ст. 80].

Бракосочетание мусульманина с представительницей христианской конфессии было возможно лишь при смене мусульманином своего вероисповедания и означало потерю им прежней конфессиональной идентичности. В то же время циркуляром МВД №182 от 12 июля 1888 г. мусульманскому духовенству было предписано воздержаться от совершения браков между мусульманами и язычниками [Национальный вопрос, 2009, с.8].

Таким образом, главенствующее положение РПЦ, полицейская охрана ее привилегий практически во всех сферах жизнедеятельности, безнаказанность православных в случае ущемления или осквернения ими религиозных чувств и прав представителей «иноверных» религий приводили в контактных зонах к ущемлению религиозных прав мусульман.

Законодательные ограничения были введены, главным образом, с целью охраны интересов русского населения, они были нацелены на исключение поводов для использования действующих органов самоуправления в интересах отдельных этноконфессиональных групп.

§ 5. Особенности цензуры татарских книг

Ильдус Загидуллин

В пореформенный период, а именно после Польского восстания 1863 г., самодержавие заняло негативную позицию по отношению к инициативам татар, содействующим национальной консолидации и развитию светской культуры. Между тем приметой обновленческих процессов в татарском сообществе стали инициативы по созданию периодических печатных органов на родном языке. В частности, по поводу прошения инспектора КТУШ Ш.Ахмерова (1894–1895 гг.) о разрешении открыть газету казанский губернатор сообщал: «Развитие литературы и периодических изданий на татарском языке среди инородческих

племен, населяющих Россию, едва ли послужит целям сближения и слияния этих племен с русским народом... развитие же литературы на их родном языке может лишь пробудить среди инородцев национальное самосознание и, быть может, более того – политические мечтания» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9690, л.10–10об.].

До 1905 г. на имя министра внутренних дел, в Главное управление по делам печати и Санкт-Петербургский цензурный комитет, а также на имя казанского губернатора от татар поступило более 20 прошений с просьбой разрешить организовать периодическое издание на родном языке. Прави-

тельственные органы неизменно отвечали отказом лицам, пытавшимся взять на себя ответственность за издание, ссылаясь то на якобы их некомпетентность, то на невозможность контроля со стороны цензуры за периодическими изданиями на татарском языке [Амирханов, 2002, с.35–36].

Первая татарская газета «Нур» («Свет») вышла в свет 2 сентября 1905 г. Г.Баязитов, переводчик МИД, коллежский ассessor и ахун 2-й махалли Санкт-Петербурга, получил разрешение на ее издание после серии отказов властей на публикацию газет «Хэфтә» («Неделя»), «Чишмә» («Родник») и «Нур» (Луч) в 1891–1895 гг.

В условиях тотального запрета прорывом в этом направлении стало учреждение Исмаилом Гаспринским (1851–1914) в 1883 г. тюркоязычной газеты «Тәржеман» («Переводчик») с условием печатания параллельно татарского и русского текстов и с предварительной цензурой в Санкт-Петербургском цензурном комитете. В 1884 г. ему удалось выйти из-под цензуры означенного Комитета «с отдачею газеты на цензуру в самом Симферополе» [ГАРФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.3–17].

В 1865–1905 гг. МВД, Главное управление по делам печати, судебные органы запретили публикацию 240 книг. Татарские издания (кроме нескольких) среди них не значились. Дело в том, что по закону о цензуре от 6 апреля 1865 г. от предварительной цензуры были освобождены оригинальные сочинения объемом не менее 10 п.л. и переводные не менее 20 п.л. Изъятие книг, изданных без предварительной цензуры, находилось в компетенции судебных органов, с 1872 г. – в компетенции МВД, с 1874 г. – самой цензуры. Право на издание без предварительной цензуры не распространялось на все татарские книги [Каримуллин, 1983, с.142, 143]. Рукописи татарских книг запрещались к изданию еще на стадии рассмотрения цензором. Большие затруднения в этом вопросе возникли в связи с переводом в 1871 г. цензурного управления из Казани в Санкт-Петербург.

Мотивацией для запрещения некоторых татарских книг послужило желание правительства пресекать публичную критику действий представителей власти. Например, в 1879 г. была изъята из продажи и типографии

брошюра «Мәкәржә бәете» («Баит о Макарьевской ярмарке»), в которой описывались издевательства станового пристава над национальным достоинством и религиозными чувствами татар. Русский чиновник заставлял называть себя «хазратом» и намеренно не отпускал народ со схода, «пока время молитвы не пройдет». Особенно подробно в баите описывались бюрократизм, пьянство, взяточничество и преступные деяния полицейского [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4467, л.6–9]. За допущение к печати этой брошюры цензор Сарруф был обвинен в «политической незрелости» и отправлен в отставку.

В 1880 г. с формулировкой «содержит критику закона, конторы, чиновника, министров, сената» были запрещены «Эрбет бәете» («Баит об Ирбитской ярмарке», а также рукопись книги «Васыятьнамә» («Завещание»), признанной аналогичной «Мәкәржә бәете» («Баит о Макарьевской ярмарке») [Каримуллин, 1983, с.110,120, 124].

Следует назвать ряд принципов запрещения рукописей татарских книг, обусловленных, главным образом, политической конъюнктурой и личностью цензора.

Цензурный комитет взял на себя миссию «преподнесения» мусульманским народам привлекательного имиджа русского народа, не допуская при этом к печати переводы на татарский язык отдельных произведений классиков русской литературы: А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого («Крейцера соната»). В частности, перевод рассказа «Первый винокур» Л.Н.Толстого не был допущен к печати под предлогом того, что брошюра «будет лишь способствовать неправильному воззрению тюрков на русский народ». За отдельные фразы, ущемляющие национальное достоинство русских, не было напечатано произведение «Кырык бакча» («Сорок садов») К.Насыри, в котором упоминалось о победе татарина над русским силачом в кулачном бою на озере Кабан.

Другой важной причиной отказа на публикацию татарских рукописей стали призывы авторов к прогрессу. В частности, цензор В.Д.Смирнов запретил сочинение Р.Фахреддина «Тәрбия» («Воспитание»), усмотрев в нем «горячий памфлет к открытию новых школ», для учреждения которых единоверцам предлагалось накопить капитал «посредством сокращения своих жизненных

потребностей, потом обратиться с коллективным ходатайством к правительству...» [цит. по: Каримуллин, 1983, с.111, 127–130].

Сочинение Х.Махмутова «Эл фикер эл хосуси фи эл жәлләд» («Частные мысли относительно спора») было запрещено в 1899 г. из-за рассуждений автора о необходимости издания национальной газеты – «органа объединения татар» – с целью сохранения родного языка и религии [Каримуллин, 1983, с.128–129].

Издание исламских религиозных книг являлось неотъемлемой частью религиозных прав мусульман, которым власть гарантировала «свободу вероисповедания». В отдельные периоды отечественной истории «мусульманский книжный вопрос» приобретал политический характер и вызывал адекватные действия со стороны правительства.

Арабская графика и тюркский язык рукописей и книг ограничивали круг читателей этих изданий в мусульманской среде. Однако содержащиеся в них фразы о необходимости знания мусульманами молитв нередко оценивались как призыв и пропаганда ислама, что служило мотивацией для их запрета. Первый такой случай в 1845–1849 гг. был инициирован руководством Казанской епархии, приравнявшей издание исламской религиозной литературы к миссионерской деятельности мусульман среди крещеных татар. Запрет на печатание Корана и других исламских религиозных книг, которые издавались во многих странах, наносил непоправимый ущерб позитивному имиджу России. По мнению А.Г.Каримуллина, одной из главных причин возобновления издания религиозной литературы в России стало опасение самодержавной власти относительно перехода торговли исламской литературой к английским торговым компаниям и воздействия англичан на российских мусульман. Отмена запрета на издание в 1845 г. сопровождалась предписанием о дальнейшем усилении надзора за книгопечатанием в Казани. Помимо официальной цензуры, «предписывалось привлекать к цензуре татарских сочинений профессоров восточного разряда Казанского университета» и не допускать в изданиях «...ничего против правительства и господствующей христианской церкви» [Каримуллин, 1983, с.100].

В вопросах экспертизы религиозных книг власти учитывали предложения ОМДС. В связи с ошибками, допущенными при печатании Корана в казанских типографиях, на имама Ш.Марджани в 1860 г. была возложена обязанность надзора «за полнотой и безукоризненной точностью» текста изданий Священной книги мусульман [РГИА, ф.821, оп.8, д.831, л.24–27]. Ш.Марджани занимался этим, с перерывами, более 20 лет. После обращения муфтия М.Султанова МВД в 1889 г. передало ОМДС предварительную цензуру Корана и Афтиака [РГИА, ф.821, оп.8, д.829, л.182, 189–189 а].

В 1889 г. петербургский пастор Б.Дальтон издал книгу-обращение к обер-прокурору Синода К.П.Победоносцеву, в котором заявил, что в России мусульмане имеют больше прав, чем лютеране, и в качестве доказательства привел три татарских издания, в которых встречаются слова «кяфер» и «джихат». Цензор В.Д.Смирнов оспорил такое утверждение, указывая, что в исламском мире «кяферами» традиционно именуются все немусульмане и неверующие; такое же традиционно-шаблонное значение имеет слово «джихат» [Каримуллин, 1983, с.112–115].

В своем экспертном заключении на «открытое послание» Дальтона Н.И.Ильминский 30 октября 1889 г. сообщил в МВД следующее: «Фанатическое учение вроде священной войны прямо находится в Коране и существенно принадлежит самой основе Ислама, как бы ни усиливались поэтизировать Ислам цивилизованные благоукрашители его. Поэтому фанатические выходки разбираемых книг не составляют в мусульманстве чего-нибудь нового и особенного; но несмотря на это, мне казалось бы уместным и ныне благовременным ограничивать цензуру от назойливых притязаний магометанских издателей инструкцией, в которой бы было положительно запрещено печатать в России на татарском или турецком языке статьи, главы или отдельные мысли фанатического содержания, неуместные для мусульман русских подданных. К ним, например, не может относиться обязанность священной войны, равно как и воздаваемые равным за равное – за увечье и убийство – увечьем и убийством; или наименование султана нашим падишахом в смещение его

догматического, религиозного главенства с светским царством. При настоящем возбужденном состоянии татар, при начинающейся татарско-мусульманской национальности, склоняющейся ко вкусам и симпатиям турецким, благодаря направлению татарской газеты (имеется в виду «Тарджеман». – *И.З.*), подобные места в книгах могут быть указываемы доверчивым татарам-мусульманам-простолюдинам и смущать их магометанскую совесть» [РГИА, ф.821, оп.8, д.829, л.196об.–197].

Правительство отказалось принять такую инструкцию, однако авторитетное в правительственных кругах слово казанского миссионера Н.И.Ильминского возымело свое действие: с 1890 г. цензор В.Д.Смирнов последовательно вычеркивал из религиозных сочинений X–XII вв. отдельные слова или предложения (особенно места, где говорится о джихаде), а также из татарских рукописей – аяты из Корана, слова или предложения со словами «джигат», «кяфер», «гяур», придавая им или находя в них скрытый смысл унижения или нетерпимости христиан и христианства, нередко механически соотнося их с межконфессиональной ситуацией в Российской империи, что вызывало многочисленные частные и коллективные жалобы со стороны татарских издателей Казани и духовных лиц. Юридически действия В.Д.Смирнова были правомерны: согласно ст. 184 «Устава о цензуре и печати», изъятию «из книг (иностранный) духовного содержания подвергаются все те, кои заключают в себе умствования и мнения, противные началам христианской веры, или опровергающие учение православной церкви, или же ведущие к безбожию, неуважению Священного писания и т.п.» [Устав о цензуре и печати, ст. 184]. Здесь важно отметить

также воздействие на чиновников политики «национального консерватизма», ставшего основополагающим во внутривосточном курсе правительства Александра III.

Татарским издателям через лондонскую газету «Times» удалось известить мировую общественность о преследовании российской цензурой исламской религиозной книги и Корана. Действия цензора В.Д.Смирнова привели к тому, что татары были вынуждены заниматься поисками издательской базы за границей. Впервые власти обратили внимание на напряженность ситуации после поступления жалобы от 27 духовных лиц из Оренбурга и Каргалы. В 1892 г. правительство запретило цензору сокращать Коран, «его части и выдержки из него», с 1893 г. религиозные книги начали печататься на прежних условиях [Каримуллин, 1983, с.120, 124, 140, 141].

Таким образом, несмотря на реализацию либеральных реформ и модернизацию общественно-политической жизни, во внутривосточном курсе российского правительства в отношении татар по-прежнему сохранялись установки, выработанные в до-реформенный период. Важно отметить, что по сравнению с польским, еврейским, украинским и армянским национальными вопросами татарский вопрос в Волго-Уральском регионе не доставлял самодержавию больших хлопот, что объяснялось давностью присоединения этой территории к России, низким социально-сословным статусом татар, недостаточной социальной активностью этноконфессиональных элит в плане отстаивания гражданских прав, особенностями социокультурного развития татарского народа. Эти факторы оказывали непосредственное влияние на характер и направленность внутривосточного курса властей.

§ 6. Крещение и христианизация татар-мусульман

Радик Исхаков

На протяжении всего XIX в. правительство сохраняло курс на религиозную унификацию (христианизацию) «инославного» и «иноверческого» населения страны, оказывая административную, правовую и финансовую поддержку православной церкви

в деле распространения ею своего вероучения. Правда, взгляды представителей политической элиты относительно участия государства в процессе христианизации и форм ее реализации на практике претерпели значительные изменения. Создание институ-

циональной системы «конфессионального» государства позволило активно использовать механизмы интеграции представителей неправославных конфессий в социальное пространство империи путем сотрудничества с их элитой, однако органы верховной власти по-прежнему считали христианизацию (наряду с русификацией) наиболее верным методом включения нерусских народов в российское сообщество. Это мнение подкреплялось культурно-историческими реалиями и особенностями формирования Российской империи, где принадлежность к господствующей конфессии считалась одним из основных критериев «русскости», лояльности граждан к православному государю.

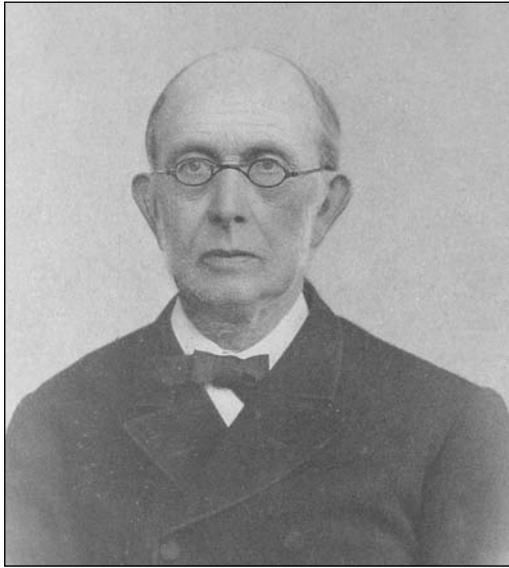
Новым этапом в проведении курса на христианизацию нерусского населения стала эпоха Великих реформ. В это время в религиозной политике обозначились две противоречивые тенденции. С одной стороны, признавалась необходимость отказа от активного секулярного вмешательства в дела церкви, отмены законодательных актов о предоставлении различных льгот и послаблений за принятие православия, вступивших в противоречие с нормами морали и взглядами на задачи правовой политики вестернизированного государства, каким должна была стать Россия после либеральных реформ [Римский, 1996, с.32–48]. С другой – усиление русского национализма и ускорение процесса всеобщей интеграции населения империи после восстания в Польше (январь 1863 г.) способствовали активному использованию конфронтационного пути инкорпорации нерусских народов за счет их религиозной и культурно-языковой унификации с применением методов административного принуждения.

Важнейшими законодательными актами, предусматривавшими новые формы государственного регулирования миссионерской деятельности, стали «Правила о порядке совершения над иноверцами-нехристианами св. крещения» от 14 декабря 1861 г. и «Правила учреждения православных братств» от 8 мая 1864 г. Первые вводили более открытые и цивилизованные формы приобщения к православию: запрещалось крестить детей мусульман, евреев, «язычников», не

достигших 14-летнего возраста, без согласия их родителей (пункт 1); несовершеннолетних «иноверцев» разрешалось обращать в христианство только после шестимесячного утверждения в вере (ранее этот срок не превышал 40 дней) (пункт 3); таинство крещения должно было совершаться только в церкви и в присутствии благонадежных свидетелей или местного начальства, при этом свидетели должны были убедиться в искренности принятия неопитом православия, знании им основ вероучения (пункт 5) [Руководственные, 1879, с.339–348]. Вторые предусматривали новую систему организации православной миссии в поликонфессиональных регионах империи. Ее основными органами должны были стать миссионерские религиозные объединения, членами которых могли быть лица православного исповедания, готовые служить «нуждам и пользе православной церкви для противодействия посягательствам на ее права со стороны инородцев и раскольников, для создания и укрепления православия» [Руководственные, 1879, с.37]. Эти организации создавались на основе частной инициативы, финансировались они за счет частных пожертвований и специальных благотворительных и церковных сборов. Государство официально не участвовало в их деятельности и не оказывало им финансовой поддержки.

Принятие этих правил законодательно закрепило отказ от активного вмешательства государства в миссионерскую деятельность, установило приоритет просветительских форм приобщения к православию. Однако, как показала практика, центральная и местная администрация, руководствуясь политическими интересами, часто сознательно шла на нарушение декларируемого курса. В частности, в период управления Северо-Западным краем генерал-губернатора К.П.Кауфмана, по официальным данным, в 1863–1868 гг. в православие было обращено более 70 000 католиков [Долбилов, 2010, с.366]. Эти действия, не имевшие ничего общего с религиозным просвещением и добровольным принятием православия, носили характер административно-полицейской акции, «чиновничьего миссионерства».

В Волго-Уралье власти проводили более последовательную политику. В отличие

К.П.Победоносцев. Фото 2-ой пол. XIX в.

от литовских и белорусских губерний, где утверждение господствующего вероучения среди местного населения воспринималось как акт «восстановления» его в правах в «исконно русских землях», «возвращения» в христианство ранее отошедших прозелитов, в Поволжском регионе, где вследствие массовых обращений в христианство в XVIII в. единственной крупной неправославной конфессиональной группой оставались мусульмане, проблема дальнейшего расширения влияния православной церкви не являлась столь актуальной политической задачей. В этой связи курс на христианизацию татар-мусульман для имперского руководства имел скорее идеологическое, нежели практическое значение [РГИА, ф.821, оп.8, д.594, л.178]. Благодаря устойчивому религиозному мировоззрению и важной роли ислама в сохранении этнокультурной идентичности, татары-мусульмане отличались невосприимчивостью к миссионерской пропаганде. Готовые мириться с усилением фискального давления и государственного контроля, с ухудшением положения крестьянских хозяйств, татары-мусульмане крайне болезненно относились к навязыванию им чуждого вероучения. Любые попытки, явные или мнимые, церкви и государства активизировать деятельность по приобщению к христианству вызывали с их стороны противодействие и открытые выступления.

Осознавая это, светские органы власти и наиболее прагматичные идеологи православной миссии были вынуждены признать, что добиться существенных результатов в христианизации мусульман невозможно¹³. В новых условиях более актуальными представлялись утверждение в православии ранее крестившихся «инородцев» и борьба с культурно-религиозным влиянием ислама, значительно усилившимся в пореформенный период, результатом чего являлись массовые «отпадения» крещеных татар, рост исламизации местных нерусских народов края.

В рамках реализации либеральных реформ в Волго-Уральском регионе были отменены законодательные акты о предоставлении льгот и преференций за принятие господствующего вероучения. 24 марта 1866 г. Александр II утвердил мнение Го-

¹³ Довольно показательным в этом отношении является эволюция взглядов на «мусульманский вопрос» генерал-губернатора Н.А.Крыжановского. Получив в 1864 г. должность начальника Оренбургского края (Оренбургская и Уфимская губернии), Крыжановский, руководствуясь управленческим опытом, полученным во время службы в Западном крае, выступил с рядом инициатив, сводившихся к усилению христианизации местных мусульман, государственной поддержке миссионерской деятельности церкви, активной борьбе с «мусульманским фанатизмом», отмене института муфтиятства (ОМДС) и пр. [см.: Крыжановский, 1866; 1870]. В дальнейшем, после более глубокого знакомства с особенностями этноконфессиональной и культурной ситуации в регионе с преобладающим мусульманским населением, выработки нового опыта взаимоотношений с приверженцами исламского вероучения, Крыжановский изменил свою позицию. В 1870-х гг., руководствуясь интересами социальной и межконфессиональной стабильности в крае, он выступил за ограничение любых форм проповеднической деятельности среди мусульман. В 1875 г. в связи с этим произошел его открытый конфликт с влиятельным деятелем православной церкви, «апостолом Аляски» митрополитом Московским Иннокентием (Поповым), инициировавшим открытие комитетов Православного миссионерского общества в Уфимской и Оренбургской губерниях. Крыжановский в категорической форме заявил о своем несогласии с этой инициативой, подчеркнув неудобство создания любых миссионерских организаций в крае, «где до двух третей магометан, чтобы этим не встревожить их и не произвести какой-либо агитации между ними» [Никольский, 1895, с.43]. Лишь после вмешательства Духовного ведомства и органов центральной власти он был вынужден дать согласие на учреждение здесь этих миссионерских институтов.

сударственного совета относительно отмены постановлений о смягчении наказаний членам нехристианских исповеданий, принимающим православие во время следствия и суда [ПСЗ-2, т.41, №43138]. Сохранив финансовое стимулирование принятия православия для «иноверческого» населения имперских окраин (евреев, казахов, калмыков, народов Сибири), государство отказалось от соответствующей помощи для прозелитов из татар-мусульман [Отчет, 1898, с.8]. В 1874 г. в процессе реализации военной реформы и введения всеобщей воинской повинности была отменена наиболее существенная льгота, предоставлявшаяся мусульманам за крещение, в соответствии с которой они освобождались от рекрутской повинности [Загидуллин, 2004, с.238].

Впрочем, отмена дискриминационных законодательных норм не означала полного отказа государства от поддержки миссионерской деятельности РПЦ в отношении поволжских мусульман, просто она приобрела более открытые и цивилизованные формы. Имперское руководство активно способствовало организации в регионе миссионерских обществ и братств, посредством пожертвований от царствующего дома и денежных субсидий со стороны Синода и МНП оказывало им и их институтам финансовую поддержку. Важнейшими органами миссии в регионе становятся реорганизованное в конце 1869 г. Православное миссионерское общество (его комитеты) и созданное в 1867 г. в Казани Братство св. Гурия. Эти миссионерские объединения, членами которых являлись, в т.ч., и лица местного и центрального управления, духовного ведомства и земских организаций, распространяли свою деятельность на местных мусульман, оказывали поддержку православным миссионерам, предоставляли финансовую помощь крестившимся.

С приходом к власти Александра III и усилением в правительственных кругах влияния консервативного крыла во главе с К.П.Победоносцевым отмечались попытки активизировать деятельность по христианизации мусульман. В 1880-х гг. в ряде епархий Волго-Уралья были учреждены должности окружных, а с 1890–1900-х гг. – епархиальных противомусульманских миссионеров.

Для подготовки квалифицированных кадров православных проповедников по новому, «победносцевскому», уставу 1885 г. в синодальных учебных заведениях региона были восстановлены (упразднены в 1868 г.) классы и отделения «миссионерских противомусульманских наук». В 1889 г. на базе КДА были учреждены специальные миссионерские курсы с татарским отделением [Исхаков, 2011, с.104–133].

Опасения негативных последствий формирования миссионерской деятельности, связанные с ростом общественных движений среди татар в 1870-х–1890-х гг., одной из основных причин которых послужили слухи о якобы готовящемся массовом обращении в христианство, вынуждали государственно-церковные органы проявлять осторожность в этом вопросе. Важную роль в том, что этот курс не приобрел характера целостной политики и фактически не имел реальных результатов, сыграла позиция самих татар-мусульман: жесткое неприятие ими любых форм внешнего религиозного прозелитизма, не дававшее миссионерам и администрации возможности изменить сложившееся положение. С принятием христианства татарин терял поддержку соплеменников, приобретал маргинальный статус в обществе. Для татар-мусульман ислам оставался «своей» верой, доставшейся от предков, близкой их духу, культуре, бытовому укладу жизни, изменять которой они не только не хотели, но и «не могли», так как это означало бы для них потерю важнейших жизненных установок [НА РТ, ф.4, оп.94, д.22, л.57об.]. Хотя в данный период отмечались случаи принятия христианства, они не носили массового характера и не оказывали существенного влияния на демографическую и конфессиональную ситуацию внутри татарского социума. Всего с 1866 г. по 1905 г. по 10 епархиям (губерниям) Волго-Уральского региона, в котором проживала основная масса татар, крестилось 5893 мусульманина (табл.46). В среднем за год по всем означенным епархиям в православие переходило 147 мусульман. Таким образом, в процентном отношении на одного принявшего христианство приходилось 20516 мусульман. Сопоставляя эти данные с показателями дореформенного периода, можно прийти к выводу о значи-

Таблица 46

**Численность мусульман, принявших православие,
по епархиям Волго-Уралья с 1866 г. по 1905 г. [Отчеты обер-прокурора, 1838–1862]**

Епархии	Кол-во крестившихся	В среднем за год	Доля крестившихся в общей численности мусульман, по данным 1897 г.
Вятская	282	7	1: 18978
Казанская	580	14	1: 45216
Нижегородская	78	2	1: 20666
Оренбургская	1700	42	1: 9149
Пензенская	130	3	1: 19548
Пермская	471	12	1: 12624
Самарская	791	20	1: 14433
Саратовская	125	3	1: 32000
Симбирская	269	7	1: 19131
Уфимская	1467	37	1: 29614
Итого:	5893	147	1: 20516

тельном снижении количества крестившихся мусульман в 1866–1905 гг. по сравнению с предшествующим периодом (с 1837 г. по 1861 г. по рассматриваемым епархиям в православие был обращен 5021 мусульманин, т.е. в среднем в год крестился 201 чел.), что было связано с отказом государства от активной поддержки миссионерского движения РПЦ в отношении татар и отменой льгот за принятие православия.

В отличие от дореформенного периода рассматриваемое время главными причинами смены татарами конфессиональной идентичности являлись бытовые условия жизни, культурное влияние русского населения, смешанные браки, желание через крещение повысить свой социальный статус в обществе, религиозно-просветительская деятельность православного духовенства.

В целом можно констатировать, что во второй половине XIX – начале XX в. политика по религиозной унификации не имела большого значения в общем внутривнутриполитическом курсе царского правительства в отношении татар-мусульман, а ее результаты не могли удовлетворить ни церковные, ни государственные органы власти. Более су-

щественным результатом этой деятельности стали усиление социальной и межконфессиональной напряженности в регионе, рост протестных настроений среди татарского населения, выразившихся в появлении антиправительственных движений и усилении миграции в Турцию. Все эти факторы, вкупе с изменениями в политической ситуации в стране, вызванными ростом революционной и социальной активности населения, корректировкой национальной политики с приходом к власти Николая II (1894 г.), способствовали пересмотру позиции правительства к вопросам взаимоотношений с российской уммой. Выдвигая на первый план общественную стабильность, сохранение лояльного отношения татар-мусульман, а не мнимые возможности по их религиозной унификации, имперское руководство, по сути, отказывалось поддерживать курс на утверждение православия среди татар-мусульман [Всепопданнейший отчет, 1908, с.148; РГИА, ф.796, оп.191, отд.6, стлб.3, д.163, л.1–7]. Окончательно активная миссионерская деятельность среди татар-мусульман прекратилась после объявления в 1905 г. манифеста о свободе совести.

§ 7. Правовой статус возвратившихся в ислам крещеных татар

Ильдус Загидуллин, Радик Исхаков

Сложившаяся в России система государственно-церковных отношений предполагала дифференцированный подход к вопросам поддержки признанных в империи религиозных сообществ, охранения их прав и церковного дисциплинирования. В наиболее привилегированном положении находились господствующее в стране вероисповедание и его общественные институты. Патерналистское отношение государства к РПЦ было обусловлено «особыми» взаимоотношениями, сложившимися между светской властью и православной иерархией в процессе длительного формирования империи, и являлось важным аспектом функционирования имперского строя, государственной идеологии. Правовой статус конфессиональных групп в имперском пространстве устанавливался на основе критерия «истинности», т.е. близости их религиозных догматов к учению православной церкви [см.: Красножен, 1900; Рейснер, 1905]. В соответствии с этим критерием власть определяла свою позицию относительно административного и уголовного преследования религиозного диссидентства, нарушений законодательства в религиозной сфере.

Законодательством предписывались меры предупреждения и пресечения следующих «церковных преступлений»: уклонение от исповеди и св. причастия (исключено из разряда «церковных преступлений» только в 1903 г.), неисполнение новообращенными уставов церкви, уклонение, неприведение родителями детей к исповеди, отпадение от христианства в «иноверные» религии, от православия в другие вероисповедания, нарушение праздничных религиозных дней, отступление православных от церкви и др. [Суворов, 1912, с.281].

Религиозное законодательство империи не предусматривало право личности на свободный выбор конфессионального статуса (за исключением права переходить в православие). Традиционно к одним из наиболее тяжелых уголовных преступлений относились действия, связанные с прозелитизмом неправославных религиозных сообществ,

отпадениями от господствующей церкви, апостазией. В соответствии с действующими правовыми нормами отпадение от православия в нехристианскую веру было запрещено и не считалось действительным. Окончательное решение таких судебных дел являлось прерогативой власти [ПСЗ-2, т.9, №7440]. Возбуждение преследования по делам «сращения» от православной веры или отступления от нее зависело исключительно от духовного начальства [Устав уголовного, 1892, ст. 1006]. В первой половине XIX в. в России был введен порядок внеочередного рассмотрения судебных дел «о совратителях и совращенных из православия» [Законы о судопроизводстве, 1892, ст.576], призванный обеспечить оперативность действий светских властей. Лицо, отказавшееся от христианства, должно было быть направлено «для увещевания» к приходскому духовенству. В случае упорства на него заводилось уголовное дело. Но и после судебного решения православному духовенству предоставлялась возможность вернуть «отступника» в «лоно» церкви. Как справедливо отметил М.А.Рейснер, «весь русский процесс о вероотступничестве по своему существу не что иное, как своего рода миссионерское действие светской власти» [Рейснер, 1905, с.276].

«Отпавшие» до возвращения в христианство не пользовались правами своего состояния, на это время их недвижимость брало в опеку государство [Уложение о наказаниях, 1885, ст.185]. Лица, привлеченные к суду за преступления, связанные с лишением состояния, лишались и других гражданских прав, не могли быть избираемы в органы сельского самоуправления и на другие общественные должности. За погребение крещеного без совершения надлежащих религиозных обрядов предусматривалось привлечение виновных к аресту от трех недель до трех месяцев [Уложение о наказаниях, 1885, ст.209, п.1]. Тело умершего должно было быть перезахоронено на православном кладбище [НА РТ, ф.1, оп.3, д.221, л.53]. Браки, заключенные между «отпавшими», не при-

знавались православной церковью, и после уведомления об этом светской администрации полиция имела право их расторгнуть. Признанные по духовному суду виновными «во вступлении в противозаконный брак» подвергались покаянию, а в некоторых случаях и определенному наказанию. Православные, вступившие в брак с «иноверцами», подвергались тюремному наказанию сроком на 4 месяца [Уложение о наказаниях, 1885, ст.1564]. Их обвиняли в «прелюбодеянии», незаконном сожительстве [НА РТ, ф.4, оп.101, д.23, л.61об.–62]. Даже при наличии взрослых детей в паспорте эти лица указывались холостыми. Детей от таких браков приписывали к семье деда по материнской линии. Фамилии детям давали от имени их матерей. Следует подчеркнуть, что дети, родившиеся в такой семье, духовным судом признавались незаконными и потому не имеющими права ни на наследство в имуществе родителей по закону, ни на фамилию и состояние отца [Бердников, 1889, с.437].

В особую категорию выделялись преступления, связанные с совершением от православия. Предусматривалось наказание не только за активные и пассивные формы религиозной пропаганды, но и за бездействие в их пресечении. В частности, если один из членов семьи не принимал мер к предотвращению «отпадения» от христианства других, он мог быть подвергнут аресту «на время от 3 дней до 3 месяцев» [Уложение о наказаниях, 1885, ст.209, п.1]. За совершение к отступлению от православия предусматривались: «лишение всех прав и состояния, ссылка на каторжные работы до 10 лет» [Высочайше утвержденное, 1845, гл.2, отд.1, ст.191].

Жесткость имперского законодательства в этом вопросе была связана не только с охранением интересов православной церкви. Рассматривая продвижение православной идеологии как важный канал интеграции «иноверного» населения в русское сообщество, политическая элита в то же время однозначно трактовала отход от господствующего вероучения как действие, направленное на подрыв существующего вероисповедального положения в стране. В этом контексте «отпадения» являлись, по мнению руководства страны, формой отка-

за не только от конфессионального (православного), но и культурно-национального (русского) статуса, и способствовали усилению других религиозных (католичество, протестантизм, ислам) и этнических групп («полонизации», «онемечиванию» в Западном крае, «татаризации» в Поволжье).

В Волго-Уралье, где основным объектом применения указанных законодательных норм была группа так называемых «отпавших» от православия в ислам крещеных татар, образовавшаяся в результате движения «новокрещеных» и «старокрещеных» татар за возвращение в мусульманство (или его принятие), главным мотивом светской и духовной администрации в жесткой борьбе с этим движением было желание сохранить прежнюю конфессиональную архитектуру, сложившуюся в регионе во второй половине XVIII в., и доминирующее положение православия, которое могло быть нарушено при расширении границ влияния мусульманства. В этих условиях была бы затруднена дальнейшая культурно-религиозная инкорпорация местного населения в русский социум и имперское пространство.

Наиболее активный фазис борьбы с «отпадениями» во второй половине XIX в. пришелся на 1866–1867 гг., когда в Поволжье отмечался массовый отход крещеных татар из православия в ислам. Несмотря на сложную социальную ситуацию в крае, вызванную отменой крепостного права и позиционированием либерализации внутривластного курса, правительство предприняло беспрецедентные меры по возвращению в православие «отпавших», имевшие откровенно принудительный характер. Опасаясь превращения массового движения во всеобщий процесс исхода крещеных татар из православия, что подкреплялось мнением местных миссионеров, органы власти, не ограничиваясь широкими возможностями, предоставлявшимися законодательством по судебному преследованию «отступников», стали активно применять и административные «меры взыскания» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.231, л.6]. За «отпадение», наряду с лишением всех прав состояния и привлечением к суду, крещеных татар подвергали массовым экзекуциям, аресту, тюремному заключению. Полиция расторгала их «не-

законные» браки, высылая жен и детей на прежнее место жительства, проводила эксгумацию тел умерших и перезахоронение их в соответствии с правилами православной церкви, закрывала и разрушала «тайные» мусульманские культовые здания в таких селениях [Загидуллин, 1990, с.66–78]. Активных членов движения власти привлекали к ответственности по наиболее суровым статьям уголовного законодательства как «совратителей» и в административном порядке ссылали в Сибирь. Так, по Казанской губ. за участие и организацию движения в 1865–1866 гг. судебные органы в 1867 г. и 1870 г. приговорили к ссылке 31 чел., в т. ч. 4 мусульман [НА РТ, ф.1, оп.3, д.1823, л.11, 74, 83–86].

Крайнее упорство «отпавших» в отстаивании своего права на исповедание веры предков, несмотря на жесткие действия властей, вынудило правительство изменить свое отношение к этой проблеме. Фактически правительство *de facto* было вынуждено признать существование «отпавших», что, впрочем, не означало их официальной легализации как членов мусульманской общины. С 1870-х гг. по отношению к ним стал выработываться двойственный подход. Терпимо относясь к «отпавшим» «новокрещеным» татарам, стараясь не вмешиваться в их религиозную жизнь, светская администрация и духовное ведомство продолжали активно применять жесткие законодательные меры к «старокрещеным» татарам и представителям других нерусских народов, заявлявшим о своем желании исповедовать ислам. Причиной этого являлась конфессиональная ситуация, сложившаяся в этих группах. В отличие от «новокрещен», «отпадавших» всем сельским обществом, у «старокрещен» в ислам переходило в основном молодое поколение, занятое на отхожих промыслах в татарских селениях. При официальном «отпадении» из православия молодежи в селениях образовывались две самостоятельные религиозные общины – «новых» мусульман и христиан. В связи с отсутствием четких конфессиональных границ и вероятностью того, что примеру «отпавших» последуют другие члены сельского общества, местная светская и духовная администрация всячески стремилась посредством жестких мер

остановить этот процесс, запугать колеблющихся, вернуть ранее порвавших отношения с церковью в христианство. В ходе новых «отпадений» 1871–1872 гг. и 1881 г. в Казанской, Вятской, Самарской и Уфимской губерниях местными органами власти была развернута акция по преследованию наиболее активных участников движения. В частности, в 1875 г. Казанский окружной суд приговорил 2 крестьян д.Верхние Отары Мамадышского у. «за совращение в магометанство» к каторжным работам на 6 лет. С аналогичной формулировкой в 1881 г. были арестованы и сосланы по приговору суда в Сибирь 8 жителей с.Апазова Казанского у. [НА РТ, ф.1, оп.3, д.6541, л.1]. Полиция пресекала любые попытки «отпавших» из числа «старокрещеных» татар наладить свою религиозную жизнь. В этих действиях выделялись «соблазн» для лиц, оставшихся в православии, попытка склонить их к принятию ислама. В таких селениях принимались меры по закрытию «тайных» мусульманских молитвенных домов, конфессиональных школ, их учредители подвергались аресту и судебному преследованию. Так, в 1870–1880-х гг. мусульманские конфессиональные учебные заведения были закрыты в с.Ельшево, деревнях Большие Кибяк-Кози, Верхние Отары, Починок Шемордан Казанской губ. [НА РТ, ф.1. оп.3, д.3697, Отчет Братства, 1883, с.34].

В связи с массовыми «отпадениями» в ислам крещеных татар, приведшими к формированию особой категории – группы лиц, порвавших всяческие отношения с церковью, но официально не признававшихся мусульманами, перед местной бюрократией встал вопрос об их правовом статусе, применении к ним норм действующего законодательства. Не признавая за ними права гражданского состояния, власти в то же время налагали на них все общегражданские обязанности, в частности, отбывание воинской повинности, оплату государственных податей и налогов и пр. Кроме того, вплоть до 1880 г. «неофициальные» мусульмане, как и прочие христиане, должны были вносить деньги на содержание православных храмов, осуществлять другие церковные сборы [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.34]. Все это потребовало выработки четких форм

«Отпавшие» в ислам жители возле своей «тайной» мечети в д. Большие Кибяк-Кози Лаишевского у. Казанской губ. Фото 1904 г.

государственного контроля и регистрации данной группы населения. В связи с отказом «отпавших» считать себя, даже номинально, православными эти функции уже не могли выполнять представители православного духовенства. При решении этой коллизии был использован опыт государственного регулирования правового статуса старообрядцев. С 1870-х гг. стал вырабатываться определенный порядок регистрации «отпавших» в ислам. В Самарской губ. эти функции были возложены на местное полицейское правление, в Астраханской – на органы сельского управления (сельских старост), в Казанской и Вятской – на волостные правления [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.21]. Особым указом от 20 декабря 1890 г. во всех губерниях Восточной России регистрацию рождения, браков и смерти данных лиц было поручено вести волостным правлениям (в сельской местности) и полиции (в городах) [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.47]. С 1887 г. МВД было официально разрешено вносить в посемейные списки некрещеных детей с теми именами, которые были даны родителями, но с отметкой, что эти дети не крещены «по упорству родителей» [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.44].

Другим вопросом, потребовавшим разрешения, стал порядок совершения «отпавшими» государственной присяги. В 1860–1870-х гг. местное руководство, исходя из того, что «отпавшие» официально являются

православными, старалось принудить их к принятию христианской присяги, что часто сопровождалось насильственными действиями, вело к открытым конфликтам и акциям неповиновения [НА РТ, ф.1, оп.3, д.1837, л.1–2об.]. В последующие десятилетия, когда у «отпавших» подросло молодое поколение, которое не было крещено, никогда не посещало церковь и не имело в прошлом никаких контактов с православным духовенством, органы власти, несмотря на протесты со стороны церкви, были вынуждены признать право этих молодых людей принимать присягу по правилам мусульманского вероучения [НА РТ, ф.41, оп.1, д.1. л.41].

Несмотря на некоторые послабления со стороны государства, в целом «отпавшие» в ислам вплоть до начала XX в. оставались наиболее бесправной и маргинальной в юридическом отношении группой населения региона. Они не имели возможности свободно соблюдать предписания исламского вероучения, посещать мечети, обращаться для исправления треб к указным муллам, отдавать детей в татарские конфессиональные школы. «Отпавшие» не могли открыто жениться и выходить замуж за своих соплеменников из числа «официальных» мусульман, были вынуждены скрывать от начальства своих «незаконнорожденных» детей. В любое время по инициативе православного духовенства и местных чиновников представители этой группы могли подвергнуться

ся административному и судебному преследованию, лишиться прав состояния. К тому же у «отпавших» возникали проблемы во взаимоотношениях с представителями других групп татарского населения (крещеными татарами и татарами-мусульманами), связанные с их особым положением и религиозным статусом, что в некоторых случаях приводило к открытым конфликтам на межконфессиональной почве. Сложное положение многочисленной группы сельского населения, за которой не признавались важнейшие религиозные и гражданские права, вызывало усиление социального напряжения и нарушало межконфессиональную стабильность в регионе. Органы власти были вынуждены искать пути решения этой проблемы. Постепенно, со стабилизацией конфессиональных границ между «отпавшими» и утвердившимися в православии крещеными татарами, с появлением нового

поколения «неофициальных» мусульман, уже не являвшихся членами православной церкви, среди государственной бюрократии утверждалось мнение о бесперспективности их искусственного сдерживания в православии, о необходимости определения их конфессионального и юридического статуса.

В соответствии с Высочайшим манифестом от 24 ноября 1894 г. было прекращено преследование некрещеных «отступников» [Чичерина, 1906, с.133]. В 1894, 1895, 1896 и 1898 гг. были отмечены первые случаи официального разрешения о причислении «отпавших» к мусульманским приходам [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.110–111, 120–123]¹⁴. Окончательная отмена всех ограничений для этой части мусульманского населения региона произошла в 1905 г., когда манифестом от 17 апреля 1905 г. им было разрешено приписаться к махаллям и открыто исповедовать ислам.

§ 8. Политика самодержавия в сфере школьного образования

Ильдус Загидуллин, Чулпан Саматова

Механизмы распространение русско-го образования среди татар. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения рассматривался правительством как одно «из слабых мест» в устройстве империи, подлежащих устранению. Ко второй половине XIX в. наряду с традиционными элементами, базировавшимися на сохранении социально-политической стабильности и внешней безопасности государства, в имперской политике обозначилась тенденция к административной и культурной унификации [Каппелер, 1996, с.203]. Это предполагало более активное вмешательство власти в жизнь этнических групп и их интеграцию в российское социокультурное пространство, при котором культурные особенности народов рассматривались как препятствия гомогенизации.

Новая школьная политика правительства явилась неотъемлемой частью модернизации России, она поставила на повестку дня необходимость формирования у российских подданных двуязычия через институты образования, что предполагало также вмешательство в область национального образования нерусских народов.

В 1869 г. на все евангелические, лютеранские и реформаторские школы Северо-Западного края были распространены общие правила о народных училищах, что сделало обязательным изучение государственного языка. Пытаясь решить «польский вопрос», правительство в 1871 г. сделало правилом обучение русской грамоте во всех национальных школах Царства Польского, в т.ч. в начальных училищах. В 1879 г. изучение русского языка стало обязательным в туземных школах Закавказья, в 1884 г. – в армянских школах Кавказского края. С 1885 г. русский язык был принудительно введен во всех учебных заведениях Дерптского учебного округа [РГИА, ф.821, оп.8, д.816, л.42–43].

¹⁴ Право считаться «официальными» мусульманами получили жители ряда селений Чистопольского и Спасского уездов Казанской губ., предки которых «отпали» в ислам еще в 1820-х–1840-х гг. В связи с длительным периодом нахождения их «вне церкви», исключением из всех церковных документов в 1860-х–1870-х гг. и отсутствием в связи с этим какой-либо достоверной информации об их христианском прошлом Синод не нашел со своей стороны формального повода отказать им в прошениях о легализации действительного конфессионального статуса.

На фоне решительных мер, предпринимаемых на российских окраинах, особенно западных, ситуация во внутренних губерниях, население которых составляли главным образом татары, башкиры, чуваша и финно-угорские народы, на первый взгляд создавала ощущение «запаздывания» действий правительства. Кардинальные шаги в западных губерниях были обусловлены осложнением национального вопроса, имели четко выраженный политический оттенок и требовали чрезвычайных и оперативных действий. В отношении татар они были вызваны реализацией либеральных реформ, учитывающих интересы прежде всего русского населения и формирующих на этом пространстве контуры национального государства с отходом от имперской традиции. Поэтому впервые возникла необходимость обучения титульного населения русской грамоте, «размывания» «островков»-территорий, «чуждых русскому населению», и формирования единого государственного культурного пространства, чтобы тем самым прекратить татаризацию тюркских и финно-угорских народов.

Примечательно, что до принятия конкретных мер МНП был проанализирован мировой колониальный опыт в этой области [Материалы, 1936, с.282–283]. Собранный материал был обработан и подвергнут обсуждению сначала на Ученом комитете министерства, затем – в училищных советах учебных округов. Последней инстанцией, обсуждавшей вопросы государственной важности, стал Совет министра народного просвещения, в заседании которого (2 февраля 1870 г.) приняли участие члены Совета, директор ДДДИИ, попечители Казанского, Одесского, Санкт-Петербургского и Московского учебных округов [Материалы, 1936, с.281].

Постановление Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. нашло воплощение в утвержденных 26 марта 1870 г. Александром II «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», установивших правовые основы школьной политики в Казанском и Одесском учебных округах [СПМНП, т.4, стлб.1556–1557].

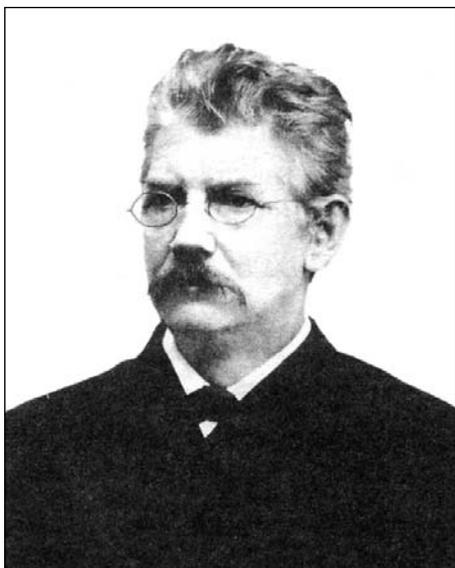
«Правила» предусматривали новую систему получения татарами светского русского образования: двуязычное начальное, русское среднее и высшее образование.

Первое звено предполагало два варианта начальной школы для мусульман: 1) русско-татарское начальное училище, где изучение мусульманских наук было сведено до минимума и главный акцент делался на русский язык и математику; родной язык учащихся использовался как средство для изучения русского языка; 2) русский класс предполагалось вводить повсеместно во всех вновь открывающихся мусульманских учебных заведениях, а их содержание осуществлять за счет прихожан; шакирды до достижения 16-летнего возраста в обязательном порядке должны были посещать русский класс и усвоить его программу [Инородческие и иноверческие училища, 1903, с.14–16].

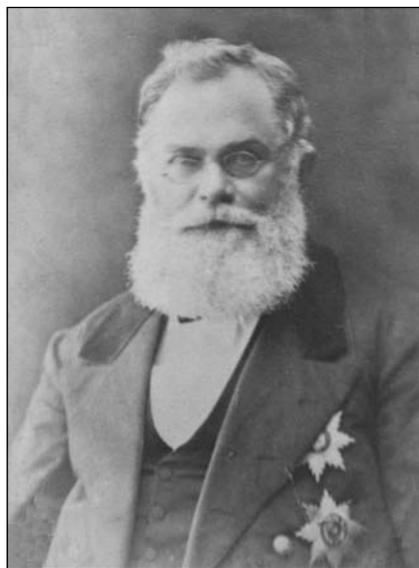
Таким образом, в регионах компактного расселения татар и башкир правительство с 1870 г. наметило поворот к обязательному изучению государственного языка на базе национальной традиционной школы.

В соответствии с «Правилами» 1870 г. рекомендовалось учреждать при русских начальных школах и гимназиях подготовительные классы с целью увеличить в них процент татар. В КУО подготовительные классы для татар не были организованы, поскольку не возникло потребности. Подготовительные классы должны были стать базой для получения ими высшего образования. В 1887 г. МНП отменило эту льготу для мусульман и с 1888 г. разрешило принимать в подготовительные классы средних учебных заведений «инородцев-христиан» [ЦОУО, 1887, №7–8, с.213; 1888, №11–12, с.360].

В 1874 г., в связи с предстоящим подчинением конфессиональных школ татар и башкир учебному ведомству, произошло кардинальное сокращение территории Казанского учебного округа [СПМНП, т.5, стлб.1753]. Был учрежден самостоятельный Оренбургский учебный округ (ОУО), которому были переданы Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области. В результате в состав КУО вошли шесть губерний: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская. В 1893 г. в него вошла Внутренняя Букеевская Орда, которая ранее находилась в составе ОУО. Изъятые из ведения КУО Нижегородская и Пензенская губернии были переданы соответственно Московскому и Харьковскому учебным округам.

В.В.Радлов. Фото нач. XX в.

П.Д.Шестаков. Фото 2-ой пол. XIX в.

Одним из отступлений от «Правил» 1870 г. стало учреждение в КУО и ОУО инспекции башкирских, киргизских и татарских школ. В ее компетенцию входили: открытие «путем убеждения» для мусульман школ нового типа, общее руководство и наблюдение над ними, просмотр существующих и составление плана для издания новых книг, необходимых для преподавания в этих учебных заведениях [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21785, л.4]. В КУО на эту должность был определен тюрколог В.В.Радлов, приступивший к своим обязанностям в 1872 г. Во вновь учрежденном ОУО не нашлось лиц, глубоко понимающих «дело образования мусульман». По рекомендации Н.И.Ильминского в 1875 г. инспектором мусульманских школ был назначен В.В.Катаринский (1875–1902 гг.), выпускник КДА, кандидат богословия, знаток инородческих языков [ЦОУО, 1902, №5–6, с.291], однако он был «недостаточно подготовлен» для выполнения возложенных на него обязанностей. В связи с этим попечитель П.А.Лавровский (1875–1880 гг.) направил его деятельность на открытие христианских инородческих школ [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.76].

После отъезда В.В.Радлова в столицу (1884 г.), в Императорскую академию наук, и.о. инспектора по совместительству стал инспектор КТУШ Ш.Ахмеров. Не имея для должного выполнения возложенных на него обязанностей ни времени, ни командиро-

вочных средств, он за пять лет службы смог совершить всего две инспекционные поездки [РГИА, ф.733, ф.172, д.2271, л.29].

В КУО в период деятельности В.В.Радлова и попечителя П.Д.Шестакова (1865–1883) действовала модель «инспектор мусульманских школ – попечитель округа», а директора и инспекторы народных училищ являлись лишь исполнителями их указаний.

Ликвидация в 1889 г. в КУО этой должности связана с деятельностью Н.И.Ильминского, считавшего, что такая должность была необходима лишь для открытия новых учебных заведений и создания учебных пособий для них, «теперь нет более надобности в особом лице» [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.85об.–86]. Так в округе утвердилась новая схема управления: инспекторы – дирекция народных училищ – попечитель округа.

Должности инспектора мусульманских школ в ОУО и инспектора чувашских школ в КУО были упразднены в 1903 г. [ЦОУО, 1903, №4–5, с.171–172]. К этому «руку приложил» обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев [РГИА, ф.733, оп.172, д.2287, л.7]. Наблюдение за русско-татарскими школами стало компетенцией исключительно инспекторов народных училищ.

В.В.Радлов отмечал, что «открытие их оказалось вовсе неудачным там, где местная администрация не обнаруживала желаемого содействия, и успех достигался лишь при пособии и влиянии полиции... классы вве-

дены почти насильственными мерами» [Материалы, 1936, с.323].

Одно из отступлений от «Правил» 1870 г. было связано с корректировкой предложенной модели финансирования. Очень часто несогласие на открытие русских классов прихожане объясняли материальными затруднениями. Поэтому власти перешли к практике государственного субсидирования русских классов и вероучителей русско-татарских училищ, которые также стали финансироваться из земских, городских, заводских, частных (по земчители, блюстители, меценаты и др.) средств [Владимирова, 2009, с.9–34; Саматова, 2010, с.144].

В 1880–1890-е гг. в КУО на каждую русско-татарскую школу выделялось 460 руб. [АРАН, ф.177, оп.2, д.11, л.22–22об.], в ОУО – 300–400 руб. [ЦОУО, 1885, №8, с.261, 262; 1886, №3, с.112; №9, с.384; 1888, №11 и 12, с.362].

В 1887 г. попечитель ОУО Д.С.Михайлов отмечал, что многие татары сознают пользу от изучения русского языка и грамоты, что у них существует «тяга» к русскому языку, распространению которого мешают «кары магометан и обличение его фанатических последователей». Он предлагал установить обязательное обучение русскому языку во всех татарских школах, как это было сделано в Оренбургском казачьем войске. Чиновник был убежден: когда речь идет о добровольном изучении русского языка, то это с точки зрения мулл является грехом, когда же оно вынужденно, то это «не грех», и оно может быть разрешено для «усыпления врага», поскольку враг одолел настолько, что бороться с ним невозможно [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.109–109об.].

Власти стремились учреждать русские классы в крупных городских религиозных образовательных центрах¹⁵. Практически все русские классы занимали отдельные от здания медресе помещения, что объяснялось

принципиальной позицией их заведующих. Исключение составляло медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Следует отметить, что материальная база многих медресе не позволяла разместить в отдельном помещении школьные парты и другую учебную мебель. К тому же вскоре учебное начальство осознало, что расположение русского класса в отдельном здании увеличивает контингент учащихся в них [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21060, л.7]. В городах разрешалось открывать новые татарские учебные заведения исключительно при наличии русского класса. Так, в 1897 г. было закрыто мектебе второй махалли г.Чистополя, несмотря на письменное заверение его заведующего «о посылке учеников в русский класс при медресе первой махалли» [НА РТ, ф.160, оп.1, д.815, л.21–21об.].

Русско-татарские школы действовали в Казани, Астрахани [Будилович, 1905, с.180], уездных городах Тетюши (1885), Гурьев, Илецкая защита (Уральская обл.) [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.168] и т.д. Новшеством следует признать появление русско-татарских школ при рабочих поселках [ЦОУО, 1887, №1, с.36; 1903, №12, с.466].

Большинство заведующих медресе запрещали детям местных жителей посещать школы нового типа, пугая их тем, что впоследствии их могут крестить [НА РТ, ф.160, оп.1, д.619, л.66–67об.]. Тем не менее, практически во всех школах были учащиеся, что свидетельствовало о востребованности русского языка. В своем противостоянии кадимистам учителя русского языка не раз обращались за содействием к властям. В результате к административной ссылке был приговорен мулла первой махалли г.Чистополя Абдулвагапов (от наказания его спасла кончина в 1893 г.) [Амирханов, 1996, с.43–53]. В 1900 г. на три года был выслан из губернии мулла г.Тетюши М.Бикчентаев [ГАРФ, ф.102, оп.98, д.48, л.1–5]. Эти репрессивные меры были нацелены на устранение других имамов.

Следует отметить, что не все представители мусульманского духовенства являлись противниками русского образования. Например, мулла д.Новый Шинар Мамадышского у. Мухаммадзян Яхин был инициатором открытия в 1877 г. русско-татарского училища [НА РТ, ф.92, оп.1, д.13147, л.1–4об.].

¹⁵ При медресе Казани (1872 г.), Оренбурга (1880 г.) [ЦОУО, 1880, №3–4, с.46], Уральска, уездных городов Чистополь (1881 г.) [НА РТ, ф.1, оп.3, д.8321, л.121], Троицк [РГИА, ф.821, оп.8, д.817, л.922–922об.] (был преобразован в двухклассное русско-татарское училище с контингентом 50–60 учащихся) [Будилович, 1905, с.120], Белебей, Стерлитамак, Верхне-Уральск и т.д.

Учреждение русских классов воспринималось большинством мусульман как посягательство на традиционный уклад конфессиональной школы, что отрицательно сказывалось «на наметившемся стремлении татарского населения изучать русский язык» [Съезд директоров, 1907, с.61].

С целью снижения противодействия местного населения в 1880-е гг. руководство ОУО стало закрывать в 1880-е гг. некоторые действующие в сельской местности русские классы, что привело к сокращению их числа в Оренбургской и Уфимской губерниях до 9. Часть русских классов при медресе была преобразована в одноклассные русско-мусульманские училища, в отдельных случаях на средства закрывающихся русских классов при медресе и русско-мусульманских школах учреждались школы для крещеных «инородцев» [ЦОУО, 1882, №12, с.503; 1887, №4–5, с.131; №9–10, с.267; 1888, №11–12, с.362; 1895, №5, с.233].

В Приуралье отмечалось более активное назначение почетных блюстителей при школах из мусульман, которые за свою деятельность получали благодарность от попечителя [ЦОУО, 1896, №6, с.196–197] и правительственные награды [ЦОУО, 1899, №2, с.60; 1904, №3, с.73]. В КУО почетные блюстители или попечители школ назначались реже [НА РТ, ф.160, оп.1, д.698, л.190].

В 1882 г. руководство Оренбургского казачьего войска предприняло наиболее радикальные меры: ввело обязательное обучение татар-мусульман в русском училище¹⁶

¹⁶ С 1882 г. дети казаков-мусульман привлекались для обучения русской грамоте с 9 часов утра до 2 часов пополудни, а мектебе были вынуждены посещать в «свободное время»: с 6 до 8 часов утра и с 7 до 9 часов вечера, не имея почти никакого отдыха. Приняв во внимание, что обучение в мектебе препятствует усвоению ими с малолетства русского языка и грамоты, необходимых при отбывании казаками воинской повинности, генерал-майор

Занятия в русско-татарском училище г.Тетюши. Фото нач. XX в.

[РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.109об.]. В 1892 г. под предлогом того, что посещение детьми мектебе после дневного обучения в русском училище отрицательно влияет на их успеваемость, руководство запретило сыновьям татар школьного возраста изучать родной язык и основы ислама у муллы, что, по сути, означало их изоляцию от начальной национальной школы [Фэхретдин, 1907, б.26]. В результате, согласно сведениям 1895 г., в ОКВ насчитывалось всего 14 «татарских школ», в которых преподавание велось на русском языке [Севастьянов, 1895, с.20].

В некоторых русско-мусульманских школах ОУО практиковалось совместное обучение русских и татар (башкир) [Будилович, 1905, с.121], что невозможно было представить в КУО.

Прорыв в открытии русско-татарских школ произошел на рубеже веков, и большую роль в этом сыграли земства. Если в 1895 г.

Ершов приказом от 9 сентября 1892 г. предписал закрыть в войске все татарские школы, запретил мальчикам посещать мектебе. Вместо этого им разрешалось обучаться в станичных и поселковых русских школах основам ислама три раза в неделю, в особо назначенные дни. ОмДС 16 и 30 января 1893 г.) обратилось с жалобой в МВД, приложив шесть прошений казаков-мусульман Татищевской и Нижне-Озерской станиц и Линевого поселка и 10 рапортов имамов разных селений казачьего войска. Однако МНП и МВД признали действия оренбургского начальства «правильными» [Сборник циркуляров, 1905, с.101–102].

Исхак Казаков во время работы в Тетюшском русско-татарском училище. Фото 1897 г.

в КУО насчитывалось 11 русско-татарских школ и 10 русских классов при медресе [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21785, л.5], то в 1902 г. действовало уже 41 русско-татарское учебное заведение (в т.ч. 9 русских классов при медресе) [Саматова, 2010, Прил. 7].

Одной из важнейших причин интенсивного увеличения числа русско-татарских школ в ОУО следует назвать отсутствие в регионе противостояния между мусульманскими общинами и миссионерскими институтами. В 1902 г. здесь насчитывалось 95 школ нового типа [Будилович, 1905, с.119–120, 135, 145].

Бесплатные школы нового типа для мусульман были ориентированы, главным образом, на бедные слои населения – крестьян и мещан. Они не являлись единственными учебными заведениями, в которых татары изучали русскую грамоту. Дети торговцев и духовенства обучались государственному языку у частных учителей, малочисленная группа татарской молодежи посещала русские начальные школы. Кандидаты в муллы, как правило, сторонились этих школ, отдавая предпочтение частным педагогам.

Основную роль в развитии школ нового типа играли учителя русского языка. Ежегодная заработная плата учителей казенных русско-татарских училищ в КУО составляла

около 300 руб. [НА РТ, ф.160, оп.1, д.619, л.8, 12]. В земских школах их жалованье, как правило, зависело от финансовых возможностей земских учреждений [ГАКО, ф.205, оп.2, д.2388, л.72об.–73; оп 4, д.3739, л.1]. Учителям русского языка были предоставлены «права службы приходских учителей» [НА РТ, ф.92. оп.1, д.21785, л.4], на них распространялось аналогичное с учителями начальных народных училищ право на пенсию и пособия, однако не были разработаны механизмы их получения [Мир ислама, 1913, т.2, с.268]. За добросовестную педагогическую деятельность учителя русского языка награждались правительственными наградами [ЦОУО, 1895, №11–12, с.456; 1897, №1, с.7; 1902, №9, с.337], им объявлялась благодарность попечителя учебного округа [ЦОУО, 1897, №8, с.295; 1897, №12, с.404].

В ОУО некоторые учителя занимались торговлей, они с нетерпением ожидали окончания обязательного шестилетнего срока службы и оставляли педагогическую деятельность [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.109]. Выпускники КТУШ устраивались кассирами, конторщиками, бухгалтерами при частных торгово-промышленных предприятиях, домашними учителями детей состоятельных татар [Горохов, 1941, с.42].

В рамках нового школьного курса в Симферополе (1872 г.), Уфе (1872–1876 гг.) были учреждены четырехлетние Татарские учительские школы, в которых велась подготовка будущих учителей русского языка и математики. По своему статусу они были причислены к средним учебным заведениям и пользовались всеми льготами и преимуществами, присвоенными прогимназиям [СПМНП, т.6, стлб.1255–1260]. Преподавание всех предметов, кроме мусульманского вероучения, осуществлялось на государственном языке. Обучение было непрерывным, за исключением воскресений, а также основных христианских и мусульманских праздников, летних каникул. После завершения учебы выпускники были обязаны 6 лет отработать в школе, в случае отказа – возратить сумму, затраченную государством на их четырехлетнее содержание в школе. После 12-летней преподавательской работы они имели право ходатайствовать о получении звания личного почетного гражданина [СПМНП, т.4, стлб.752–758, 2139–2146].

В 1876 г. граф Д.А.Толстой в ходе проверки Уфимской татарской учительской школы выявил низкий уровень знания русского языка выпускниками первого набора, остался недоволен «идейной направленностью» воспитанников, а также непригодностью арендуемого здания под учебный процесс [СПМНП, т.6, стлб.1705–1706].

После перевода в Оренбург под Татарскую учительскую школу (ОТУШ) летом 1877 г. было отведено пустующее в то время помещение Башкирской фельдшерской школы. В 1881 г. был увеличен размер стипендии, отпускаемой на содержание воспитанников школы (с 90 до 120 руб. в год каждому), за счет уменьшения общего числа воспитанников по штату с 40 до 30 [ЦОУО, 1883, №1, с.9].

В 1890 г. ОТУШ была закрыта, причиной послужило недовольство МНП результатами ее деятельности «по распространению между мусульманами образования в русском духе и сближению их с русской народностью» (12 воспитанников были переведены в КТУШ) [Еникеев, 1948, с.201–202].

В 1872 г. В.В.Радлов выступил с инициативой учредить в Казани Татарский учительский институт для подготовки учителей русских классов при медресе, которые смогли бы «поднять в глазах шакирдов русскую науку и тем возбудить в них желание сближаться с нами... выдержать нравственную борьбу с учеными наставниками татарских школ» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.10961, л.12]. После отклонения данного проекта В.В.Радлов заявил о необходимости создания в КУО учительской школы. Открытая в 1876 г. КТУШ с контингентом 40 штатных воспитанников (содержащихся за счет казны) стала «главной кузницей» педагогических кадров для нового типа правительственных школ для татар и башкир.

Первым инспектором КТУШ был назначен бывший преподаватель татарского языка 1-й Казанской гимназии М.-Г.Махмудов, его сменил учитель русского языка Ш.И.Ахмеров (1881–1900 гг.), после его смерти – М.Н.Пинегин (1900–1907 гг.).

Постепенный рост числа учащихся в КТУШ, в т.ч. «своекоштных», «вольноприходящих», а также стипендиатов земств (в 1876 г. – 1, в 1901 г. – 5, в 1903 г. – 10) [НА

РТ, ф.142, д.74, л.63], свидетельствовал о повышении доверия татар, которые все более стремились к тому, чтобы их дети получали светское образование. В 1902 г. на вновь учрежденную должность попечителя КТУШ был назначен присяжный поверенный при Казанском окружном суде С.Ш.Алкин.

В 1880-е гг. на содержание КТУШ государство ежегодно выделяло около 20 тыс. руб. К.П. Победоносцев не был согласен «с суммой на мусульман» такой значительной суммы и неоднократно предлагал министру И.Д.Делянову (1882–1897 гг.) и Александру III преобразовать КТУШ в учебное заведение «наподобие Казанской учительской семинарии» [АРАН, ф.177, оп.2, д.11, л.10].

Альтернативой обучению в татарских учительских школах для получения свидетельства учителя русского языка являлась сдача экзаменов экстерном: за период деятельности КТУШ звания учителей начальных русско-татарских учебных заведений были удостоены 128 мужчин и 8 женщин [Хакимов, 1972, с.12]. К испытаниям экстерном готовил также Башкирский приют для девочек в Уфе. С 1899 г. при Белебеевском четырехклассном городском училище стал действовать педагогический класс для подготовки учителей русско-мусульманских школ [Будилович, 1905, с.135].

В процессе учреждения учебных заведений для мусульман в управлениях учебных округов и МНП постепенно сформировалось мнение, что если обучить русской грамоте мулл, то они будут благосклонно относиться к новым школам; более того, сами станут обучать русскому языку детей прихожан [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.42об.]. Считалось также, что знание муллами русского языка позволит ослабить противодействие общин открытию школ нового типа для мусульман.

Знание русского языка и грамоты укрепляло позиции муллы в среде прихожан и у местной администрации, представители которой не знали языка местных народов, позволяло уверенно чувствовать себя в русской среде, правительственных учреждениях. Инспектор В.В.Радлов считал, что именно муллы являются наиболее знающей русский язык группой сельских жителей [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21060, л.5об.].

Здание Казанской татарской учительской школы.
Фото нач. XX в. Совр. ул.Тукая, д.73

Министр народного просвещения Д.А.Толстой в 1875 г. выступил с инициативой «сделать обязательным» для соискателей мусульманских духовных должностей знание курса русско-мусульманских училищ. Граф рассуждал следующим образом: муллы говорят прихожанам, что изучение русского языка «дело греховое и противное Корану и шариату», когда знание государственного языка станет для них обязательным, этот нелепый довод против обучения мусульман в русских классах и русско-татарских школах отпадет [РГИА, ф.821, оп.8, д.1051, л.50об. –51].

Однако на основе отзывов начальников Таврической, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Казанской губерний, Тургайской, Уральской областей и Внутренней Буковской Орды МВД решило не торопить события. Было рекомендовано определить сроки введения образовательного ценза индивидуально для каждой губернии, в округе ОМДС при утверждении на духовные должности предоставлять преимущества лицам, владеющим русским языком, и т.д. [НА РТ, ф.92, оп.1, д.10464, л.38–46об.].

С учетом этих предложений в мае 1877 г. Д.А.Толстой обратился в Государственный совет с предложением узаконить следующие правила: 1) предусмотреть в ближайшее время введение русского образовательного ценза (уровень начальной школы) для

кандидатов на светские и общественные должности (земские, городские и сельские); 2) с 1878 г. требовать от преподавателей мусульманских школ и претендентов на духовные должности умения «отчетливо писать и читать по-русски», а с 1880 г. – знания курса русских классов при медресе; 3) разрешать открытие новых мусульманских школ при условии содержания русского класса за счет прихожан. Действия новых правил распро-

странялись по всей империи, кроме Сибири, Туркестанского генерал-губернаторства, Кавказа и Закавказья [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.162–162об.].

Основной причиной того, что власти не решились реализовать эти мероприятия, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Государственные чиновники опасались, что какие-либо ограничительные действия могли спровоцировать волнения среди мусульманского населения Крыма и Поволжья. В связи с этим было рекомендовано вернуться к проектируемым МНП мерам «при более благоприятных обстоятельствах» [РГИА, ф.733, д.15539, л.39об.].

Вновь назначенный в марте 1886 г. оренбургский муфтий С.Султанов (1886–1915 гг.), осознав несоответствие заседателей ОМДС (сельских мулл) по уровню знания религиозных наук и по ведению делопроизводства, прежде всего, из-за незнания ими русской грамоты, посчитал необходимым ввести обязательное знание русской грамоты для членов ОМДС в объеме курсов татарских учительских школ и уездных начальных училищ, а для ахунов и хатибов (старших мулл) городских махаллей и штатных военных мулл в регулярных и казачьих войсках – по программе начальных народных училищ. Что касалось основной массы мусульманских духовных лиц, возглавлявших сельские приходы, муфтий считал

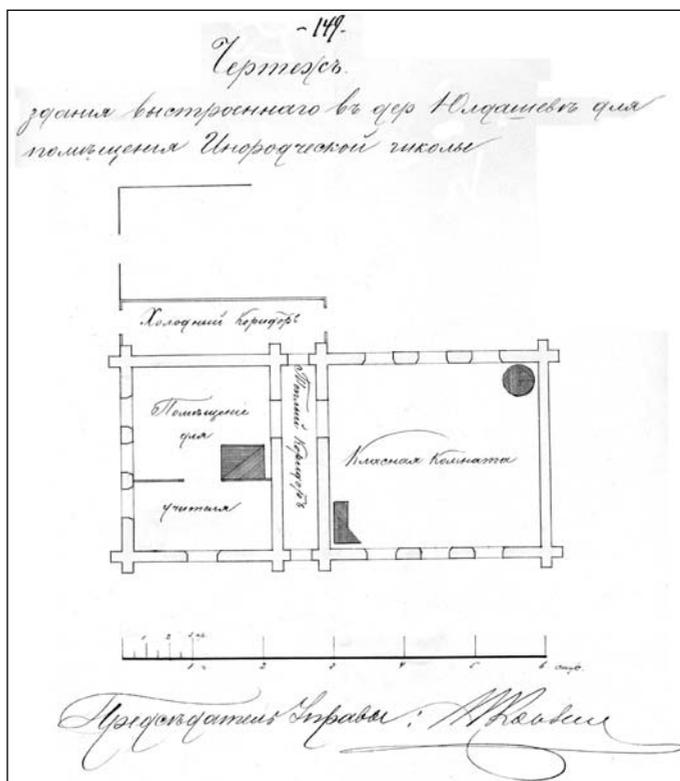
преждевременным распространением на них такого требования, предложив отдавать предпочтение при выборе из нескольких кандидатов тому, кто владеет русской грамотой [РГИА, ф.821, оп.8, д.1074, л.5–6об.].

Силовое и учебное ведомство «углубили и расширили» предложения муфтия: решили сделать эти требования тотальными и обязательными, распространив их на лиц, желающих занять духовные должности в сельской местности.

Согласно закону от 16 июля 1888 г. с 1891 г. кандидаты на должность заседателей Духовного собрания должны были сдавать экзамен в объеме курса четырех первых классов гимназии, или КТУШ, или уездных, городских и двухклассных начальных училищ, кандидаты на должности ахунов и хатибов в городах – по программе курса одноклассного народного училища, кандидаты на должность муллы в сельской местности должны были представить свидетельства уездных училищных советов о знании ими «русской разговорной речи» [ПСЗ-3, т.8, №5419].

Следует отметить, что к тому времени русский образовательный ценз стал нормой для кандидатов на духовные должности римско-католического, протестантского, армянского и еврейского вероисповеданий: от них требовалось непременно окончание курса в русских учебных заведениях. Только мусульманское духовенство (если не считать «шаманистов» и буддистов) пользовалось «привилегией необязательного знания русского языка». Таким образом, правительство решило «уравнять» требования к мусульманским духовным лицам с правовым положением духовных лиц других конфессий.

Опасение возможных волнений, а также массовая петиционная кампания мусульман 1888–1890 гг. вынудили правительство разработать новый, «облегченный», вариант требований [РГИА, ф.821, оп.8, д.1071, л.85–86], который лег в основу царского указа от

План русско-башкирской земской школы в д.Юлдашево Самарской губ. 1873 г.

11 октября 1890 г. [ПСЗ-3, т.10, №7120]. С 1891 г. от кандидатов в члены ОМДС требовалось свидетельство об умении читать и писать, лишь с 1896 г. они должны были иметь свидетельства об окончании курса в городском училище, кандидаты в сельские муллы – свидетельство об умении разговаривать и писать на русском языке. Новое правило было распространено на 21 губернию, 4 области и Внутреннюю Буковскую Орду¹⁷. По просьбе атамана ОКВ для кандидатов в муллы также были снижены требования до уровня сельских муллы – необходимо было лишь доказать владение разговорной речью и умение читать. А в Уральском и Сибирском казачьих войсках, как и

¹⁷ Это Казанская, Оренбургская, Уфимская, Астраханская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Вятская, Нижегородская, Пермская, Тамбовская, Рязанская, Томская, Тобольская, Московская, Санкт-Петербургская, Херсонская, Костромская, Енисейская, Иркутская губернии и 4 области (Уральская, Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская) и Внутренняя Буковская Орда.

от кандидатов в городские ахуны и хатины, требовалось знание русской грамоты в объеме курса одноклассного училища. Экзамены принимала комиссия в составе заведующего учебным заведением и двух учителей светских предметов.

В дальнейшем правительство пошло на некоторые уступки: предоставило в 1892 г. возможность проведения (по истечении 6 месяцев) повторного испытания [ЦОУО, 1892, №10, с.423], в 1900 г. – третьего повторного экзамена [ЦОУО, 1900, №4, с.88]. В 1896 г. было введено требование о предоставлении двух фотографий. В 1902 г. для сдающих экзамен на духовные должности был введен сбор в сумме 3 руб., аналогичный сбору, взимаемому с соискателей учительских должностей [ЦОУО, 1903, №2, с.50].

Столь невысокие требования русского образовательного ценза к кандидатам в сельские муллы практически свели на нет возможность привлечения их в качестве учителей русского языка.

Муэдзины не подлежали испытанию на знание русского языка, установленному для мулл, и могли быть назначаемы к исполнению обязанностей последних, пока вакансии оставались не замещенными, с тем условием, чтобы подобное положение допускалось не более как на полгода [Сборник циркуляров, 1905, с.12].

Русский образовательный ценз содействовал повышению престижа русских классов при медресе и русско-татарских школ, хотя и не стимулировал в рассматриваемый период увеличение их численности. Популярным методом подготовки к экзаменам по русскому языку было обучение у частных педагогов [НА РТ, ф.160, оп.1, д.794, л.3–4].

Таким образом, русско-татарские школы и русские классы при медресе в первые десятилетия часто открывались под административным давлением чиновников учебного ведомства. Наблюдался обратный эффект: усиливалась подозрительность населения относительно школьной политики правительства и в значительной степени в самом начале пресекались интерес и стремление татар получить русское образование.

В рассматриваемый период была создана система подготовки учителей русского языка, разработаны учебно-методические

пособия, сформирована локальная сеть школ для мусульман, содержание которых осуществлялось правительством, земствами, городскими органами самоуправления, другими заинтересованными учреждениями и лицами.

Несмотря на противодействие мулл и консервативной части сельских обществ русские классы и русско-татарские школы всегда имели контингент учащихся, что свидетельствовало о наличии потребности в знании русской грамоты. Однако прихожане не допустили преподавания русского языка в мектебе. Русские классы были созданы лишь при медресе, что было не случайно: изучение государственного языка стало уделом интеллектуальной части татарского общества. В них обучались шакирды – наиболее грамотная часть татарского общества, а в русско-татарские школы поступали дети, родители которых не имели средств, чтобы нанять частного учителя.

Малочисленные русско-татарские школы и КТУШ на рубеже веков стали неотъемлемой частью национального образования татар, их численность, благодаря усилению позиций джадидистов, уверенно увеличивалась после 1905 г.

Учителя сыграли важную роль в ознакомлении учащихся с жизнью русского общества, в приобщении их к русской культуре. Они формировали у них иной взгляд на события, происходившие в татарском сообществе и в России. Деятельность учителей со временем позволяла прихожанам убедиться в «безвредности» для мусульман школ нового типа.

Правительственный контроль над мусульманскими учебными заведениями в Поволжье и Приуралье. Модернизация русского общества осложнила решение национального вопроса в стране. Проблема заключалась не только в повышении национального самосознания и этнокультурном развитии этноконфессиональных меньшинств, во многом она была обусловлена действиями имперской власти, решившей установить полицейский контроль над их институтами, в т.ч. над системой образования. Вторжение в закрытое культурное пространство, сегментированное конфессиональными, национальными и социальными

границами, как правило, сопровождалось принудительными мерами, а в некоторых случаях и репрессиями. Русификация и наступление на среднюю и начальную школу в Царстве Польском начались вскоре после подавления восстания 1863 г. В 1881 г. в ведение МНП были переданы центральные училища и сельские школы в бывших болгарских и немецких колониях, а также школы в колониях евреев-землевладельцев в шести губерниях. Согласно царскому указу от 25 ноября 1885 г. евангелическо-лютеранские школы прибалтийских губерний передавались под правительственный надзор, такая же участь в 1892 г. постигла протестантские церковные школы в Закавказском крае, в 1893 г. – училища при римско-католических церквях империи [Загидуллин, 1992а, с.62].

Как часть единого правительственного курса по установлению тотального контроля над нерусскими системами образования следует оценивать действия властей в отношении мектебов и медресе в Поволжье и Приуралье. Впервые вопрос о необходимости установления наблюдения МНП за мусульманскими школами был поднят в начале 1866 г. «Необходимо обратить внимание на татарские школы, которые сами по себе распространились по татарским селениям волжских губерний в такой мере, что большая часть татар обучается грамоте нерусскими, а татарскими при мечетях духовными лицами, их учителями, приготовленными старанием наставников, образованных в Бухарии. Таким образом, из этого враждебного и фанатичного нам гнезда мусульманства исходит направление и влияние образования до 1 миллиона народонаселения великорусских губерний» [РГИА, ф.821, оп.8, д.806, л.1], – с помощью этих аргументов учебное ведомство обосновало необходимость установления контроля над мектебами и медресе в Волго-Уральском регионе.

Отметим, что до этого мусульманские приходские школы гражданского населения практически оставались без надзора правительственных органов. В дореформенный период МВД курировало все училища, за исключением военных и духовных. Относительно же мусульманских школ в округе ОМДС в российском законодательстве какие-либо указания отсутствовали [РГИА, ф.821, оп.8, д.806, л.2–3].

После упразднения иррегулярного Башкирского войска о необходимости установления над образовательными учреждениями мусульман Приуралья «какого-либо контроля со стороны начальства» первым объявил в 1866 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский. Сановник предложил осуществлять надзор через мировых посредников, а выдачу санкций на открытие новых школ мусульман возложить на губернаторов [Дякин, 1995, с.812–814].

«Правила» 1870 г. поставили на повестку дня вопрос о подчинении мектебе и медресе наблюдению правительства. Законом от 24 ноября 1874 г. все действующие при мусульманских обществах школы татар, башкир и казахов в КУО и ОУО, а также в Нижегородской губ. (Московский учебный округ) и Пензенской (Харьковский учебный округ) были подчинены МНП [Рождественский, 1902, с.596].

Начать наблюдение за мусульманскими школами рекомендовалось лишь после утверждения специальной инструкции о порядке осуществления контроля. Разработку Инструкции граф Д.А.Толстой доверил попечителю КУО П.Д.Шестакову. Автором проекта стал В.В.Радлов.

На заседании Ученого комитета МНП, состоявшемся 26 января 1876 г., прошло обсуждение казанского проекта [РГИА, ф.733, оп.170, д.971, л.1–1об.]. По итогам обсуждения была составлена новая редакция проекта Инструкции, в мае 1876 г. он был представлен в Комитет министров, который рекомендовал предварительно согласовать документ с МВД. Дело в том, что в проекте были совмещены два положения: об осуществлении надзора за деятельностью мусульманских школ и о принудительных мерах по распространению русского образования. Между тем правительственный надзор не был непосредственно обусловлен необходимостью активного использования мер принуждения для учреждения русских классов. Сегменты этих направлений имели свои особенности.

В предложенных мерах по установлению правительственного надзора не были учтены глубокие восточные традиции существования мектебов и медресе, они предполагали кардинальные изменения в этой сфере в предельно короткие сроки. Радикальность

требований заключалась в том, что предлагалось ввести ряд норм внутреннего распорядка, аналогичных тем, что практиковались в русских школах: в обязанности заведующего школой входило составление списков учащихся, ежегодных отчетов о личном составе учащихся и учителей, программы занятий для экспертного заключения учебного начальства. С 1880 г. заведующие школ должны были вести переписку с контролирующими органами учебного ведомства на русском языке. Общества, содержащие национальные школы, отстранялись от решения вопросов школьного образования и от воспитания подрастающего поколения. Свидетельства на звание мударриса должны были выдаваться лишь лицам, владеющим русским языком (письмо и чтение), с 1880 г. – знающим курс русских классов при медресе. Реализация этих требований означала отрыв традиционной школы от мечети и отстранение от преподавания в медресе абсолютного большинства учителей они (не владели государственным языком).

Особо следует сказать «о допущении» в учебный процесс религиозных учебников, одобренных цензурой (§ 4). В рассматриваемый период в медресе широко использовались рукописные книги, печатных учебников, написанных российскими подданными, было очень мало.

Рекомендовалось переложить на махалли, которые намеревались открыть новые национальные учебные заведения, расходы по содержанию учителя русского языка без учета экономических возможностей обществ. Если общество или содержатель медресе или мектебе оказывали открытое сопротивление учреждению русского класса, то это становилось основанием для закрытия учебного заведения. Предлагаемые административные нормы дискредитировали идею о пользе изучения государственно-го языка.

Заметим, что наблюдение инспектора за преподаванием не должно было касаться сущности мусульманского вероучения. Инспектор мог «только наблюдать, чтобы преподавание это велось догматически и ни под каким видом не было допускаемо толкований, противных верноподданнической преданности государю императору и всему Августейшему Дому, любви к отечеству – России и возбуждающих неприязнь против

христианского населения» [РГИА, ф.773, оп.170, д. 971, л.122–127].

Положения проекта Инструкции о заведении другими мусульманскими школами, содержащимися за счет государства, обществ, учреждений и частных лиц, а также о лицах, занимающихся домашним и частным преподаванием, были заимствованы из Инструкции инспекторам народных училищ от 29 октября 1871 г., что означало включение их в единую систему управления.

Проект Инструкции 1876 г. стал «наивысшей точкой» в стремлении учебного ведомства установить надзор над мусульманскими школами. Заложенные в ней положения в той или иной мере постепенно претворялись жизнь в конце XIX – начале XX в.

Обсуждение проекта завершилось тем, что 5 февраля 1882 г. император утвердил циркулярное предписание министра народного просвещения попечителям КУО и ОУО, составленное на основе предложений МВД. Согласно первому пункту циркуляра чиновникам учебного ведомства разрешалось приступить к фактическому контролю над мусульманскими школами. При этом им предлагалось соблюдать осторожность во время посещений учебных заведений, собирать статистические сведения, давать словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований. По результатам осмотра школ чиновники должны были составлять отчеты для попечителя округа. Второй пункт циркуляра был целиком посвящен мерам предосторожности. Посещение школ и дальнейшее ознакомление с ними предлагалось начинать с тех местностей, где мусульмане проживали совместно с русскими или крещеными «инородцами». Только после ревизий этих учебных заведений и «освоения» таких местностей позволялось постепенное «продвижение» в районы со сплошным мусульманским населением [ЦКУО, 1882, №4, с.72–74].

Таким образом, в дискурсе учебного и силового ведомств в данном вопросе взял верх прагматичный подход МВД. В результате сложилась отличная от реализуемой в западных губерниях модель школьной политики, основанная на взвешенном подходе к распространению русского образования и осуществлению надзора над традиционными учебными заведениями мусульман внутренних губерний.

В 1880–1890-е гг. попечители КУО и ОУО несколько раз обращались в МНП с предложениями «твердо заявить» муллам об исполнении предписаний инспекторов народных училищ [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.3], отменить указ от 5 февраля 1882 г. и усилить контроль над мусульманскими школами. Однако правительство оставалось приверженным принципам постепенности и осторожности.

Осуществление инспекторами мусульманских школ контроля затруднялось по ряду причин. По сути, речь шла о том, что учрежденным по средневековой среднеазиатской модели школам выставлялись европейские требования учета и контроля. Поскольку в небольших селениях мектебе располагалось в доме муллы, вторжение представителя власти означало посягательство на частную собственность имама, заведующего школой.

Приступив к исполнению новых функций, В.В.Радлов циркуляром от 15 апреля 1882 г. обратился к муллам Казани с предложением предоставить статистические сведения о руководимых ими школах [НА РТ, ф.92, оп.1, д.15539, л.32–33]. Тем самым В.В.Радлов, стремясь к большей результативности, отступил от закона 1882 г., предписывавшего наблюдение за мусульманскими школами, без предъявления их заведующим каких-либо требований. Его письменное обращение вызвало протест имамов, поддержанный татарской ответственностью города.

После отъезда В.В.Радлова в столицу чиновники КУО фактически отстранились от установления надзора над мусульманскими учебными заведениями.

В ОУО в 1883–1887 гг. было проинспектировано 85 школ [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.168–169об.]. Следует отметить, что во время этих ревизий инспектор В.В.Катаринский лично убедился «в религиозно-схоластическом направлении» конфессиональных школ, не имеющих ничего общего с политическим воздействием на умы шакирдов и прихожан [Фархшатов, 1994, с.49].

В ОУО губернаторы ежегодно предписывали муллам предоставлять инспекторам народных училищ сведения о статусе учебного заведения (мектебе или медресе) и численности учащихся для составления от-

четов «по народному образованию», однако муллы предоставляли такие данные крайне редко. В 1887 г. попечитель ОУО обратился к губернаторам и оренбургскому муфтию с просьбой обязать мулл сообщать инспектору В.В.Катаринскому сведения о школах по нескольким позициям¹⁸. Однако муфтий М.Султанов воздержался от исполнения данного предложения, указав, что муллы подчинены Духовному собранию лишь по делам веры, он не компетентен затрагивать школьную сферу [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.171–171об.].

После упразднения в 1889 г. должности инспектора мусульманских школ руководство КУО никому не перепоручило наблюдение за мектебами и медресе [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21785, л.12]. Под влиянием авторитета Н.И.Ильминского в администрации КУО утвердилось мнение о том, что они не заслуживают никакого внимания и следует придерживаться «исконно равнодушного отношения правительства к магометанским школам, по крайней мере до тех пор, пока не поднимется просвещение крещеных инородцев настолько, что нельзя будет опасаться отпадения в магометанство» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21785, л.14об.].

Стремясь изменить ситуацию, МНП циркуляром от 31 июля 1891 г. потребовало от попечителя КУО следующие сведения о мусульманских учебных заведениях: о количестве школ; лицах преподающих в них; недостатках этих учебных заведений и мерах, которые следует предпринять для их устранения [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21785, л.17].

Н.И.Ильминский в письме Д.А.Толстому от 16 октября 1886 г. рекомендовал установить запрет на обучение будущих мулл в учебных заведениях Турции, Египта, Аравии. Он предупреждал влиятельного сановника: «...наши татары в тех странах могут подпасть под влияние разных проходимцев,

¹⁸ 1) название населенного пункта, число жителей с указанием этнического и конфессионального состава; 2) имена и фамилии заведующих школ, а также хальф, мударрисов и других лиц, имеющих отношение к школе; 3) где эти лица получили образование; 4) число обучающихся мальчиков и девочек, с указанием их селений; 5) время открытия школы, а также время начала и окончания учебного года; 6) помещение училища (наемное собственное и пр.); 7) средства содержания учебного заведения, имеются ли вакуфы.

В.В.Катаринский (сидит в центре) в окружении чиновников МНП. Фото 2-ой пол. XIX в.

поляков, венгров и других врагов России. Притом быстро развивающиеся в названных странах ислама западно-европейское образование и цивилизация, проявляющиеся в новых учреждениях и в литературе, в подражание образцам Западной Европы, могут отразиться на школах мусульманского востока, а через них и на наших татарских искателях высшего знания. В отдаленном будущем рисуется такое: татарская школа, вместо бухарской, средневековой схоластики, проникнется стремлением к блеску осmano-европейского просвещения и цивилизации; тогда татарская антипатия к русским из области религиозной перейдет в область культурную и даже, быть может, в политическую...» [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.71об.-72]. Эта идея Н.И.Ильминского, правда под новой редакцией, была включена в текст обращения попечителя КУО в 1891 г. в МНП: не допускать в образовательный процесс мулл, получивших религиозное образование за границей.

На основании депеши попечителя КУО, по предварительному соглашению с МВД, МНП издало циркуляры от 30 июня и 10 июля 1892 г.

Во всех учебных округах надзору инспекторов народных училищ подлежали лишь русско-татарские школы [Будилович, 1905, с.187]. Циркуляром от 30 июня 1892 г. МНП объявило попечителям КУО, ОУО, Московского¹⁹ и Харьковского²⁰ учебных округов, что новые мектебе и медресе могут открываться лишь с разрешения директоров народных училищ [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19936, л.1–3]. Таким путем была создана правовая основа для правительственного контроля над мусульманскими учебными заведениями на огромном пространстве.

Попечителям Казанского, Московского, Оренбургского учебных округов был направлен циркуляр от 10 июля 1892 г. об установлении новых правил. Под предлогом того, что в мектебах и медресе в качестве пособий использовались рукописные книги, пропагандирующие «враждебные русским государственным началам» идеи, в дальнейшем в этих учебных заведениях предписывалось «употреблять исключительно печатные книги», одобренные российской цензурой. Тем самым на мусульманские школы распространялись требования, действовавшие в отношении других начальных учебных заведений, подведомственных МНП, что являлось элементом унификации управления. Муллы, получившие образование в мусульманских странах, были обвинены в противоборстве «сближению магометанского населения с русским» и препятствовании распространению русского языка и русской грамотности. По этой причине к преподавательской деятельности могли допускаться только российские подданные, получившие образование в России [Иностранческие и иноверческие, 1903, с.21].

¹⁹ Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская губернии.

²⁰ Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская, Харьковская губернии и Область Войска Донского.

Использование в учебном процессе рукописных книг было обусловлено средневековой традицией, а также нехваткой в медресе печатных учебников и отсутствием у шакирдов средств на приобретение дорогостоящих зарубежных учебных пособий. Переписывание красивым почерком книг – восточная каллиграфия – в исламском мире являлось одним из видов мусульманского искусства. Рукописные книги составляли огромный пласт национальной культуры, передаваемой из поколения в поколение. Претворение в жизнь циркуляра МНП грозило срывом учебного процесса.

По сути, с 1892 г. МНП игнорировало требование указа от 5 февраля 1882 г. «о соблюдении осторожности и постепенности» в осуществлении контроля над мусульманскими школами.

В ОУО проводились ревизии школ на предмет выявления книг, изданных в мусульманских странах, и рукописных работ.

Особое совещание (май 1894 г.), созванное для обсуждения вопроса о печатных и рукописных руководствах, употребляемых в мусульманских школах, постановило, что распоряжение о печатных книгах должно оставаться в силе, имеющиеся же в мектебе и медресе рукописные учебные пособия «могут быть оставляемы в этих школах», однако правительство по мере надобности будет «рассматривать их образцы при посредстве своей инспекции» [РГИА, ф.821, оп.8, д.816, л.211]. В 1895 г. МНП был утвержден список заграничных изданий, допускаемых для употребления в мусульманских школах [ЦОУО, 1895, №7, с.230–231]. Однако полностью изъять из школ иностранную литературу властям не удалось. Следует отметить, что усиление контроля над учебными книгами стимулировало подготовку и издание татарами во многом адаптированных к российским реалиям учебников для мектебе и медресе.

На основании циркуляра МНП от 30 июня 1892 г. руководство КУО обязало дирекции народных училищ собирать сведения о мусульманских школах, не предложив им при этом унифицированной анкеты [НА РТ, ф.1, оп.3, д.10495, л.9–10].

Выяснилось, что в 1892 г. в КУО насчитывалось 1108 школ. Сбор сведений осуществлялся при посредничестве уездных исправников, полиции, взаимодействие с ко-

торой для татарского населения было более привычным. У инспекторов существовали беспочвенные опасения о недовольстве татар по поводу их посещений школ [НА РТ, ф.160, оп.1, д.977, л.27об.].

Решающую роль в установлении систематического посещения инспекторами конфессиональных школ сыграло предписание МНП от 29 августа 1899 г., обязавшее заведующих мектебов и медресе предоставлять инспекторам народных училищ годовой отчет и списки учеников [НА РТ, ф.92, оп.1, д.24602, л.5]. Правда, в первое время только заведующие городских школ предоставляли требуемые сведения, сельское духовенство игнорировало это предписание [НА РТ, ф.92, оп.1, д.23954, л.11–13, 38, 52]. Муллы не раз обращались к руководству КУО с ходатайством прекратить посещения мусульманских школ чиновниками учебного ведомства.

В ОУО казахи встречали инспектора как «почетного гостя», а татары при посещении школы представителем власти держали себя «безучастно» [Будилович, 1905, с.180]. Инспектору В.В.Катаринскому так и не удалось выявить в ОУО численность мусульманских школ. Муллы не предоставляли ему исчерпывающих сведений, не просили разрешения на открытие новой школы. Лишь после упразднения в 1903 г. должности инспектора мусульманских школ дирекции начальных училищ были поставлены перед фактом необходимости контроля над многочисленными мектебе и медресе [Будилович, 1905, с.122, 123, 134–135].

В 1890-е гг. государство предпринимало попытки регламентации внутренней организации мектебе и медресе. Циркуляром от 31 июля 1891 г. МНП предписало руководствам учебных округов обращать внимание на соблюдение в мектебах и медресе санитарных условий [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.2об.]. Это соответствовало возросшему вниманию к школьной гигиене. Однако средства на улучшение неудовлетворительного санитарного состояния школ не выделялись, не были зафиксированы и случаи их закрытия по этой причине.

МНП предприняло попытку использовать пожертвования мусульман, предназначенные для конфессиональных школ, на развитие сети правительственных учебных заведений, специализирующихся на распространении русского языка. В циркуляре МНП от 30

ноября 1896 г. сообщалось о немедленном переводе управления соответствующих учебных округов всех поступающих дел о пожертвованиях на мусульманские школы. Правительство, по сути, запретило использование этих средств на нужды национальных школ и предоставило директорам начальных училищ право использовать пожертвование на содержание русских классов при медресе [Сборник законов, 1899, с.53–55]. Однако это стремление имперских властей не достигло конечной цели. Дело в том, что в сельской местности пожертвования были небольшими и их не хватало на содержание русских классов. По этой причине МНП перестало вмешиваться в эту сферу.

Предписанием от 29 августа 1899 г. МНП восстановило требование циркуляра от 10 июля 1892 г. о запрещении использовать рукописную литературу. Однако, по негласной договоренности чиновников и имамов, рукописные книги по-прежнему применялись в учебном процессе. Этим же предписанием была установлена возможность обучения в мусульманских школах лишь русских подданных, получивших на это разрешение участкового инспектора на основании представления этими лицами свидетельства на право ведения занятий [НА РТ, ф.160, оп.1, д.907, л.1–1об.].

В последней четверти XIX в. правительство не вмешивалось в общественно-культурные процессы, происходившие в татарском сообществе. Первый удар по формирующемуся джадидистскому движению власти нанесли в июне 1901 г.: были закрыты всероссийские курсы подготовки учителей по новому методу при 9-й мечети Сеитова посада Оренбургской губ., которые без разрешения чиновников с 1899 г. в летнее время организовывал купец Габдулгани Хусаинов [Шайдуллина, 2010, с.81–82].

Таким образом, в пореформенный период КУО и ОУО стали экспериментальной площадкой по выработке механизма контроля над традиционными школами мусульман. «Правила» 1870 г. не были распространены на Одесский учебный округ: в начале 1874 г. в Крыму начались волнения татар, вызванные попыткой правительства ввести всеобщую воинскую повинность, вновь наметилась миграция из России за границу.

В рассматриваемый период правительству не удалось установить контроль над мектебами и медресе в Поволжье и Приуралье. Одна из главных причин заключалась в том, что правительство осознало отсутствие реальной угрозы государственным интересам от исламской схоластической системы образования. Другим, не менее важным, обстоятельством послужили волнения и массовые акции протеста татар против вторжения власти в сокровенную область религиозной жизни – в сферу конфессионального образования. Третьим фактором была всероссийская значимость «татарско-мусульманского школьного вопроса» в Поволжье и Приуралье. Ситуация в этом регионе внимательно отслеживалась их единоверцами на окраинах, поскольку она служила предзнаменованием возможных перемен в плане ограничения автономии в сфере религиозного образования по мере усиления интеграционных процессов.

Многочисленность мектебов и медресе, становление русской начальной системы образования, требовавшее огромных средств и усилий чиновников учебного ведомства, их малочисленность и незнание ими татарского языка способствовали номинальности контроля над мектебами и медресе. Если в начале XX в. в КУО инспекторы посещали около 1/5 татарских школ, то в ОУО после упразднения должности инспектора мусульманских школ (1903 г.) чиновники учебного ведомства лишь были поставлены перед необходимостью осуществлять наблюдение за мектебами и медресе. Поэтому правомерно говорить, что к началу XX в. только наметились контуры системы контроля, чиновники учебного ведомства, главным образом, занимались сбором статистической информации о численности учащихся, об учителях и посещали незначительное количество школ.

Таким образом, перевод в 1874 г. мусульманских школ Поволжья и Приуралья в ведение МНП создал правовую основу для контроля и вмешательства во внутренний распорядок и образовательный процесс конфессиональных школ. Передача традиционных школ татар, башкир и казахов в попечение правительства преследовала охранительные цели и отнюдь не предполагала выделение государственных средств на улучшение их материальной учебно-методической базы.

ГЛАВА 4

Особенности соблюдения религиозных прав военнослужащих-мусульман

Ильдус Загидуллин

В концепции российского военного строительства Петра I не были предусмотрены национальные части, т.е. части, состоящие из военнослужащих нерусской национальности. Однако установление на окраинах империи административного контроля потребовало его приспособления к местным общественным отношениям. В стране сложилось три типа национальных формирований: временные ополчения (иррегулярные полки, сотни, дивизионы), части регулярной армии, укомплектованные по национальному принципу, и вооруженные силы автономных территорий [Лапин, 2001, с.110, 113].

Татары в иррегулярных войсках и уланском полку. Первыми мусульманскими иррегулярными формированиями можно считать учрежденные в 1784 г. Таврические дивизионные конные войска [ПСЗ-1, т.30, отд. 1, №23362].

В созданных в 1798 г. для охраны Оренбургской границы полках из тептярей и бобылей была предусмотрена должность «полкового муллы» с жалованьем 12 руб. в месяц – столько было положено писарю или рядовому казаку [ПСЗ-1, т.44, ч.1, № 18701]. В период службы по аналогичному порядку комплектовались башкирские и мещерякские кавалерийские полки, сформированные после введения в 1798 г. в Приуралье кантонной системы управления [КЭ, с.150]. Привлеченным на службу муллам в полках (500 чел.) вместо ранее получаемых 150 руб. с 1833 г. начали выделять 300 руб. асс. [ПСЗ-2, т.7, отд.1, № 5885].

На военных мулл возлагались обязанности не только по исполнению духовных «треб», но и по поддержанию боевого духа солдат, что было весьма актуально в период военных действий, воспитанию в духе «кодекса чести», что предполагало гуманное отношение к пленным, и т.д. В 1850 г. была

введена должность главного ахуна Башкиро-мещерякского войска, на нее был назначен имам караван-сарайской мечети иррегулярного войска в Оренбурге Г.Алтынгузин. Его деятельность ограничивалась переводческой работой в канцелярии и сбором требуемых командованием сведений [Azamatov, 2002, p.745].

После раздела Польши и включения земель бывшего Княжества Литовского в состав России был создан (1797 г.) конский полк из литовско-польских татар. В период правления Александра I полк постепенно терял моноэтничный характер вследствие набора в него поляков и литовцев. В 1803 г. полк был разделен на две части по конфессиональному признаку. В 1807 г. оба полка стали именоваться уланскими. В литовско-татарском полку имелась штатная должность военного муллы. В 1832 г. 15-й уланский полк, состоявший из татар, за сочувствие Польскому восстанию 1830 г. был расформирован (восстановлен с прежним названием в 1853 г., но пополнялся уже только русскими) [Гришин, 1995, с.42].

Таким образом, национальные формирования татар и башкир в нерегулярных войсках, где соблюдались условия для удовлетворения религиозных потребностей, существовали лишь в дореформенный период.

В Оренбургском, Уральском казачьих войсках и учрежденном в 1822 г. Сибирском татарском казачьем полку, в которых служили мусульмане, не были предусмотрены должности походных или военных мулл.

Мусульмане в регулярной армии. Из мусульманских народов империи в XIX в. в регулярную армию рекрутировалось татарское податное население Волго-Уральского региона (с 1722 г.) и литовско-польские татары, в пореформенный период этот список

дополнили этносословные группы башкир, мещеряков и тептярей.

Регулярная армия комплектовалась таким образом, чтобы в каждой отдельно взятой войсковой части 75% солдат были русскими [Зайончковский, 1973, с.119].

Самодержавие рассматривало воинскую повинность как идеальную возможность для ассимиляции и христианизации этноконфессиональных меньшинств. «С введением всесословной воинской повинности русская армия стала более целенаправленно использоваться как инструмент насильственной ассимиляции нерусских народов в русскую культуру и православную среду» [Кравчук, 2005, с.14]. Перевод солдат в казармы во второй половине XIX в. усилил «сопричастность» мусульман к христианскому ритуалу: коллективные православные молитвы ежедневно проводились в полках 5–6 раз [Котков, 1999, с.45].

Наиболее полно соблюдение религиозных прав проявлялось в акте принятия воинской присяги. В «Рекрутском уставе» 1831 г. было предусмотрено приведение к присяге мусульман, принятых на службу, в рекрутских присутствиях духовными лицами на их родном языке. В тех местностях, где не было духовного лица, присягу было можно провести, вручив грамотному мусульманину для прочтения печатный текст присяги и Коран; «за неимением же грамотных мусульман и за безграмотностью приводимого к присяге, лицо, наряженное для привода к оной, должно читать ему слова присяги, написанные русскими буквами» [РГИА, ф.821, оп.8, д.1159, л.4–4об.].

Текст воинской присяги, являвшийся адаптированным вариантом перевода на книжный татарский язык единой присяги на верность подданства [ПЗС-2, т.25, отд. 1, №24117], был чисто российским изобретением, не учитывавшим требования Корана и нормы мусульманского права. В тексте присяги имелся ряд нюансов, позволявших произвольно истолковывать смысл постановлений, особенно если они налагали на мусульман обязательства по отношению к христианам. Синтезированным вариантом исламских норм и требований самодержавия стал составленный в 1861 г. сотрудниками Азиатского департамента МИД новый текст воинской присяги, который не остав-

лял места для расхождения в гражданском и мусульманском праве, для уклонения от военной службы и «текстом из Корана» налагал на военнотружашего-мусульманина ответственность за соблюдение присяги [Тихонов, 2008, с.185]. В конце XIX в. правительство отказалось от использования родного языка «инородцев». В указе Сената от 17 февраля 1899 г. подчеркивалась необходимость совершения всех государственных актов, в т.ч. присяги на верность службе, на русском языке.

Политический аспект вероисповедального вопроса в регулярной армии был обусловлен военными кампаниями, которые способствовали улучшению соблюдения религиозных прав военнотружаших-мусульман. Так, на период затяжной Кавказской войны (1817–1864 гг.), в частности на 1819 г., приходится установление трехдневного отдыха для военнотружаших-мусульман по случаю Курбан байрама и Рамазан байрама, перед началом Крымской войны Военное министерство вновь стало уточнять исламские религиозные праздники, в которые военнотружашие должны были отдыхать. Указ императора о распространении на мусульман правил, регулирующих религиозно-обрядовые обязанности солдат-евреев, был подписан Александром II 26 июня 1877 г., когда началась русско-турецкая война [ПСЗ-2, т.52, отд.1, №57518]. С этого времени на мусульман распространилось правило проведения с разрешения командира молитвенных собраний, особенно в дни религиозных праздников, «под наблюдением одного из надежных ими избранного товарища». Во время русско-японской войны, а именно весной 1904 г., командование разрешило назначать при каждом военном госпитале по два солдата для исполнения «духовных треб» раненых мусульман, на период военной кампании были введены должности военных мулл при штабах фронтов [РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л.75].

Обязательность совершения богослужения «о здравии и благоденствии Государя Императора и Августейшего его дома»²²

²² В конце XIX в. этот список включал следующие даты: 1 января – в Новый год; 23 апреля – в день тезоименитства императрицы Александры Федоровны; 6 мая – в день рождения императора

также способствовала закреплению в армии общественной мусульманской молитвы.

Однако из-за отсутствия в воинских уставах механизма обеспечения религиозных прав мусульман этот вопрос с молчаливого согласия Военного министерства был отдан на откуп командирам частей.

Наиболее точно и в полной мере религиозные права мусульман соблюдались *при исполнении обряда погребения*. С 1834 г. Военным и Морским министерствами за исполнение духовных треб в госпиталях священнослужителям иностранных исповеданий, в т.ч. муллам, выделялись деньги (по 100 руб. в год) [ПСЗ-2, т.11, отд.1, с.465–466]. Следует отметить, что военное ведомство нередко воздерживалось от оплаты таких услуг.

Позитивные перемены в соблюдении мусульманского ритуала погребения наметились с началом военных реформ Д.А.Милютин; в частности, в военных лазаретах и госпиталях были четко прописаны размеры подкладочного холста вместо гроба, а также, при необходимости, по требованию муллы – доски для обкладывания погребаемых [Свод военных, 1869, изд.4, т.16, ст.189]. В 1871 г. была установлена плата священнослужителям за каждый религиозный обряд, совершенный в лечебных учреждениях, однако были случаи погребения умерших неправославных солдат без исполнения духовных треб [Петровский-Штерн, 2003, с.85]. С 1880 г. муллам была установлена плата за «напутствие больных» и «отпевание умерших» [Котков, 1999, с.42]. В Казанском военном округе на 1902 г. были утверждены

следующие расходы за выполнение иноверческими духовными лицами одной духовной требы: в размере 1 руб. 50 коп. – в Казанском военном госпитале и лазаретах Самары, Перми, Екатеринбург, Сызрани, Ижевских сталелитейного и оружейного заводов, 1 руб. – в лазаретах, расположенных в городах Иргиз, Тургай, Актюбе, Карабутак, Уил, Саратов, Астрахань, Оренбург, Троицк, Симбирск [Приказы, 1902, с.9].

Предоставление отдыха военнослужащим-мусульманам в дни годовых *исламских религиозных праздников Курбан байрам и Рамазан байрам* и возможности участвовать в праздничной общественной молитве являлось важнейшим показателем соблюдения их религиозных прав. В общеимперском масштабе проблема была разрешена на основании «высочайшего» повеления от 10 июля 1819 г.: получив трехдневные отгулы, военнослужащие-мусульмане имели возможность участвовать в праздничных общественных молитвах в ближайших мечетях или совершать ритуал на территории войсковой части при благосклонном отношении командира [Загидуллин, 2006, с.63–66].

Однако уже в начале XX в. в циркулярах военного ведомства в календаре мусульманских праздников отсутствовало указание на обязательный отдых в эти дни. Изменение отношения Военного министерства к этому вопросу, видимо, было связано с тем, что ОМДС представило новый список исламских религиозных праздников, увеличив их число до 9 (13 дней отдыха). В циркуляре Главного штаба №1 от 1 января 1902 г. [Фабрика, 1997, с.179–180] были указаны следующие исламские праздники: Курбан байрам и Рамазан байрам – по 3 дня, Арафа, Гашура, аль-Мавлюд-ун-Набавий, Рагаиб, Ибра ва Миарадж-Наби, Бараат, Лейлягуль-Кадр – по 1 дню, с указанием дней празднования. Окончательное решение относительно предоставления дней отдыха принимали начальники военно-окружных штабов [Справочник, кн.2, с.302]. Так, в Казанском военном округе только в Казани создавались условия для совершения общественных молитв в честь Курбан байрам и Рамазан байрам, остальные рекомендованные исламские праздники игнорировались [Приказы и приказания 1902, с.127].

Николая II; 14 мая – в день коронавания императора Николая II и императрицы Александры Федоровны; 25 мая – в день рождения императрицы Александры Федоровны; 22 июля – в день тезоименитства матери императора Николая II императрицы Марии Федоровны; 17 октября – «в день избавления в бозе почившего императора Александра Александровича и всей августейшей семьи от опасности при крушении железнодорожного поезда»; 21 октября – в день «восшествия» на престол императора Николая II; 14 октября – в день рождения родительницы императора императрицы Марии Федоровны; 22 ноября – в день рождения и тезоименитства наследника и великого князя Михаила Александровича; 6 декабря – в день тезоименитства императора Николая II; в первый день месяца Шаваль, по совершению Гайды Фитр; в десятый день месяца Зуль-Хиджа, по совершении Гайды Курбан.

В российской армии существовала взаимовыручка нижних чинов и офицеров разных исповеданий: в дни христианских праздников наряды в части возлагались на лиц нехристианского исповедания, и наоборот.

В армии сложились две модели проведения общественных молитв в дни годовых религиозных праздников: в случае отсутствия в поселении мечети помещение для молитвенного собрания выделяли командиры, при ее наличии военнослужащие-мусульмане посещали мечеть или собирались в арендованном гражданскими лицами помещении [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.3, д.5944, л.2–4]

До перевода воинских частей в казармы [Лапин, 1991, с.151, 152] часть своих религиозных потребностей солдаты-мусульмане осуществляли по месту расквартирования. Пятничная праздничная молитва требовала полного омовения. Между тем, банный день приходился на воскресенье. Единственное время, когда мусульманин мог совершить ритуал, – «находясь в отгуле» или ночью [Насыров, 2005, с.62]. Для совершения военнослужащими пятничной полуденной и пятивременных мусульманских молитв не предусматривалось выделение специальных помещений. Исключение, пожалуй, составляли учреждения, в которых содержались или служили осужденные за проступки военнослужащие [ПСЗ-2, т.24, отд.1, №23062]. В Положениях о военно-исправительных ротах и крепостных военно-арестантских отделениях (1867 г.) были указаны дни, в которые арестанты из мусульман и иудеев освобождались от работ для молитвы, и место, где должна проходить молитва. При этом арестанты-иноверцы не могли пользоваться большим числом праздничных дней, чем христиане [Свод военных, 1869, ч.4, кн.17, ст.86, 307].

Таким образом, одним из главных «ущемлений религиозных прав» солдат-мусульман следует считать отсутствие законного разрешения на совершение пятничной полуденной и пятивременных молитв. Их положение резко контрастировало на фоне православных нижних чинов, для которых соблюдение религиозных ритуалов являлось неотъемлемой частью воинского долга.

Прием пищи в войсковых частях регламентировался соответствующими уставами,

имелся установленный рацион питания солдат и офицеров. Нижние чины имели право получать деньги вместо вина, что, однако, не соблюдалось повсеместно. Традиционным атрибутом солдатской пищи являлась свинина, употребление которой недопустимо для мусульман.

До устройства в казармах нижние чины в значительной степени индивидуально могли организовать свое питание. При желании соблюсти каноны ислама в питании в казармах нижний чин-мусульманин был обречен на полуголодное существование.

Татарские общественные деятели, обсудив 6 февраля 1906 г. в Уфе вопрос о соблюдении религиозных прав мусульман в армии, обратились к властям с просьбой исключить из рациона военнослужащих-единоверцев свинину и не выдавать им алкогольные напитки. Главный штаб заявил, что невозможно организовать «отдельную варку пищи» для солдат-мусульман по причине их малочисленности. При разбросанном квартировании батальонов и полков прием пищи мусульманами «из одного котла», по мнению командования, повлек бы за собой частые отлучки нижних чинов из своих рот и команд, что могло негативно отразиться на дисциплине. Относительно употребления вина указывалось, что нижним чинам вместо «винной порции» выдают деньги, если «со стороны их последует заявление о нежелании пить вино» [РГИА, ф.821, оп.8, д.633, л.13, 32–32об.].

Внутренний распорядок и единый порядок приема пищи были главными препятствиями в соблюдении поста военнослужащими-мусульманами.

Мусульманские духовные лица и военное ведомство. В каждой войсковой части солдаты-мусульмане образовывали локальную этноконфессиональную ячейку, которая выбирала общественное духовное лицо. Именным императорским указом от 7 марта 1849 г., объявленным по действующей армии, направленной для подавления Венгерской революции, были установлены максимально упрощенные правила экзаменов для нижних чинов на должность общественного муллы: 1) экзамен проводил местный гражданский мулла; 2) «выдаваемые в том свидетельства, отмечая в формулярах экза-

меновавшихся нижних чинов, прилагали к экзаменным листам при удостоверении к производству в офицеры и к получению одной и двух третей офицерского жалования»; 3) «нижних чинов, успешно прошедших испытание», военное начальство не имело права подвергать повторной процедуре [ПСЗ-2, т.24, отд.1, №23064].

В указе императора от 26 июня 1877 г. уточнялось, что в частях, расположенных в местностях, где не было гражданских имамов, нижние чины должны были избирать общественных мулл из своей среды [Арапов, 2003, с.73].

Однако общественные муллы привлекались только к исполнению общественного намаза и других треб по необходимости. Запись умерших солдат возлагалась на командиров, которые должны были извещать об этом местную полицию.

В первой четверти XIX в. удовлетворение религиозных потребностей мусульман в военных учреждениях являлось вопросом совести местных гражданских имамов, но отнюдь не обязанностью офицеров. Во второй четверти столетия стали приниматься нормативные акты о выделении средств «для исправления духовных треб» воинских чинов неправославного исповедания.

Первые штатные военные муллы (получали жалование и увольнялись в отставку с пенсией) появились не позднее начала XIX в. в Балтийском флоте и в гвардейских частях, располагавшихся в столице. Их назначали из числа нижних чинов мусульман, знавших исламские обряды и русскую грамоту.

В 1846 г. было регламентировано правовое положение мусульманских духовных лиц в Гвардейских войсках [ПСЗ-2, т.25, отд.1, №20036], численность которых была увеличена в 1850 г. Появились дополнительные должности штатных помощников старшего ахуна (жалование составляло 428 руб. в год) – имама (294 руб.) и двух муэдзинов (по 195 руб.) [РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л.11].

В 1848 г. военные муллы предприняли неудачную попытку через Духовное собрание добиться права «ношения религиозной формы одежды» вместо солдатской униформы, а также бороды, как это практиковалось среди войсковых православных священнослужителей [Azamatov, 2002, p.746].

В 1855 г. получило силу закона положение «о производстве прогонных денег муллам и раввинам», командироваемым в войска для исправления духовных треб, а также для приведения к присяге нижних чинов из мусульман и евреев. Им выделялось: за проезды – прогонные деньги (каждому на две лошади) и порционные – по 60 коп. сер. [ПСЗ-2, т.30, отд.1, №29904]. Новый подход властей в определенной степени способствовал привлечению мулл в госпитали, лазареты, тюрьмы, войсковые части, судебные и другие учреждения. Однако в силу того, что нижних чинов мусульманского вероисповедания рассредотачивали в военных округах, в которых практически отсутствовали исламские анклавные, эти средства не могли эффективно использоваться. Исполнение принятых законов об оплате услуг гражданских мулл основывалось на наличии финансовых средств и политической воле руководства военного округа и командира части.

В местах расположения войсковых частей внутренней стражи Волго-Уральского региона (до 1866 г.) должности штатных мулл появились в Казани (1838 г.), Симбирске (1838 г.) и Уфе (1844 г.). При благосклонном отношении местного военного начальства, прилежном поведении, инициативе и настойчивости нижних чинов местный приходской имам удостоивался жалования и становился штатным военным муллой, который в согласованное с командиром время являлся к единоверцам для совершения духовных треб.

Военные муллы получали из Духовного собрания метрические книги, в которые они заносили сведения о рождении, кончине, бракосочетании и разводах в семьях военнослужащих.

В 1870–1890-е гг. в губерниях и областях, входивших в округ ОмДС, было несколько военных духовных лиц: в Санкт-Петербурге – старший ахун, его помощник имам, два муэдзина, по одному мулле в Гельсингфорсе (Финляндский военный округ), Нижнем Новгороде, Костроме (Московский военный округ), Варшаве (Варшавский военный округ) [Загидуллин, 2006, с.22–29].

Постепенно на военных мулл стали распространяться привилегии военных священников инословных исповеданий [Спра-

вочник, кн.1, с.410; Приказы, 1887, с.414; ПЗС-3, т.10, отд.1, №6528].

В 1896 г. в сухопутных регулярных войсках были упразднены штатные должности военных мулл [ПЗС-2, т.30, №29903].

В 1845 г. во всех портах России Морским министерством были введены штатные должности мулл с годовым жалованьем 142 руб. 85 коп. сер.

После упразднения в 1890-е гг. должности военных мулл по причине малочисленности матросов-мусульман на Черноморском флоте (Николаевский порт (Херсонская губ.) и Севастополь) штаты духовных лиц сохранялись только в Каспийской флотилии и на Балтийском флоте: в Баку (имам) и Кронштадте (имам и его помощник) [Загидуллин, 2006, с.30].

В начале XX в. отсутствие в армии штатных военных мулл стало восприниматься мусульманским сообществом как ущемление прав военнослужащих-единоверцев. Лишь в 1908 г. были утверждены штатные должности военных мулл: по 2 – в Виленском, Варшавском, Киевском, Приамурском и 1 – в Московском военных округах. В материальном плане они впервые были урав-

нены с «инославными» духовными лицами [Абдуллин, 2007].

Таким образом, Военное министерство старалось удовлетворять религиозные нужды конфессиональных меньшинств, соблюдая при этом православные религиозные традиции, синтезированные с внутренним распорядком частей. В этом заключалась главная причина секуляризации духовно-нравственного воспитания военнослужащих-мусульман в регулярных войсках. В закрытом учреждении, каковым являлась российская армия, мирно уживались взаимоисключающие друг друга принципы: принцип урезанной веротерпимости (предоставление военнослужащим возможности исполнять отдельные исламские ритуалы) и принцип ассимиляции иноверцев через крещение.

В клерикальном государстве наблюдалось ущемление религиозных прав военнослужащих-мусульман. Мусульмане платили государственные налоги и теоретически могли рассчитывать на использование этих средств для обеспечения религиозных нужд единоверцев в армии, как это практиковалось в отношении православных нижних чинов.

ГЛАВА 5

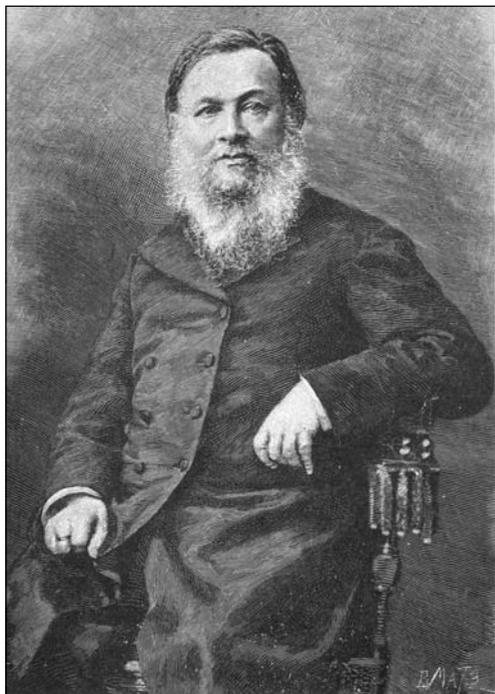
Миссионерско-просветительская система Н.И.Ильминского и народы Волго-Уральского региона

Леонид Таймасов, Радик Исхаков

Многовековая история нерусских народов в составе России сопровождалась теми или иными мерами унификации поликонфессионального населения на основе христианских (русско-православных) ценностей. На территории Среднего Поволжья проходили апробацию многие новые миссионерские идеи, которые в последующем широко использовались для распространения и утверждения православия на восточных окраинах Российской империи и за ее пределами. В разные исторические эпохи менялись задачи, формы и методы работы православной миссии. В условиях масштабных перемен в многонациональном обществе самодержавие продолжало рассматривать православие как важный фактор формирования общероссийской идентичности. Активизация православного миссионерства во второй половине XIX в. внесла существенные коррективы в характер и ход этнокультурных процессов в Среднем Поволжье. Каждая эпоха выдвигает своих героев. В истории православной миссии рассматриваемой эпохи особое место занимал Николай Иванович Ильминский (1822–1891), разработавший и внедривший в практику новую концепцию религиозного просветительства, известную как система Ильминского.

Становление системы Ильминского было тесно связано с поиском государством оптимальных форм всеобщей и прочной интеграции местных народов в социальное, правовое и культурное пространство империи. Другим важным фактором, сыгравшим определенную роль в разработке новых подходов в миссионерской и школьной практике, принятии их в качестве одного из направлений официальной политики в регионе, стала необходимость выработки эффективных мер противодействия культурному и религиозному влиянию ислама. Рост в пер-

вой половине XIX в. «отпаденый» от православия в мусульманство, отмечавшийся не только среди крещеных татар, но и представителей других нерусских народов края, проживавших в контактных зонах, несмотря на свой локальный характер, не мог не вызывать опасений у церковной и светской администрации, стремившихся сохранить доминирующее положение православия, которое могло нарушиться при дальнейшем территориальном расширении границ влияния ислама. В связи с этим было санкционировано привлечение деятелей православной миссии к разработке новых методов борьбы с ростом влияния ислама, в 1854 г. в стенах КДА было создано специальное противомусульманское отделение. С 1840-х гг. казанские миссионеры стали активно заниматься изучением положения православия и ислама среди местных народов, научной разработкой новых подходов в своей деятельности, направленных на усиление влияния православия среди нерусских народностей, результатом чего и стала выработка Н.И.Ильминским новой просветительской идеологии. Во многом благодаря тому, что ее автор, создавая свою систему, полностью отказался от грубых форм русификации и христианизации, показавших полную неэффективность, учел социокультурные особенности нерусских народов, использовал их стремление к духовному и культурному развитию, его теоретические разработки оказались наиболее верным и последовательным путем к прочному и относительно быстрому продвижению православной идеологии и русской культурной идентичности в среду нерусских народов Восточной России. С этим были связаны безоговорочная поддержка Н.И.Ильминского как на местном (попечитель КУО П.Д.Шестаков, архиепископ Казанский Антоний (Амфи-

Н.И.Ильминский. Литография 2-ой пол. XIX в.

театров)), так и на высшем государственном уровне (министр народного просвещения, обер-прокурор Синода Д.А.Толстой (1865–1880 гг.), обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев (1880–1905 гг.)), принятие его идей в начале 1870-х гг. в качестве основного направления школьной и религиозной политики имперского руководства в отношении представителей крещеных нерусских народов региона.

Буржуазные реформы 1860-х гг. и некоторая демократизация общественной жизни в России пробудили у нерусских народов интерес к истории, культуре, образованию. Большое воздействие на развитие школьного дела оказала педагогическая система К.Д.Ушинского, в основе которой лежала идея народности. С учетом происходивших в стране социально-экономических процессов Н.И.Ильминский верно оценил этноконфессиональную ситуацию и предложил идеи обновления и развития «инородческого образования», послужившие основным каналом продвижения православия и русской культуры в среду нерусского населения. В 1864 г. Н.И.Ильминский писал, что среди «крещеных народов пробудилось стремление к образованию». Он призывал

воспользоваться этим движением: «направить его в свою сторону, доказать на опыте превосходство нашего образования и нашей религиозности» [Ильминский, 1865, с.89]. Считая, что школа влияет на «образ мысли», он ратовал за создание новой школы, которая не отталкивала бы крещеных, а была для них «понятной и притягательной». Он предлагал осуществлять обучение в «инородческой школе» на родном языке, для чего считал «самым лучшим средством образовательные книги, полезные и назидательные для простого народа, изложить на собственном языке инородцев» [Ильминский, 1865, с.7]. Утверждение нерусских народов в православии при помощи родного языка являлось, по мнению Н.И.Ильминского, первым этапом на пути их духовного обрусения. «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском... Как скоро в инородцах утвердились посредством родного языка христианские понятия и правила, они уже обрусели» – утверждал он [цит. по: Знаменский, 1892а, с.204]. При этом духовное обрусение представлялось не как превращение «инородцев» в русских, а как духовное единение российских народов на основе православия.

Долгие размышления и опыт миссионеров привели Н.И.Ильминского к пониманию того, что привычные религиозные образы новокрещеных «составляют сущность их мышления и основу их нравственности» [Ильминский, 1864, с.30]. Он писал: «Простой человек мыслит и чувствует цельно, в одном органически последовательном направлении и дорожит своими какими ни на есть религиозными убеждениями, потому что он живет ими. Станем ли смотреть на инородцев свысока и попираť их понятия как глупость? Чтобы преподаваемые истины глубоко укоренились в сознании простолюдина, надобно войти в его мирозерцание, принять его понятия за данное и развивать их. Архаически простые и немногосложные понятия шаманствующих инородцев могут быть ассимилированы христианством...» [Ильминский, 1864, с.8]. Решение сложных миссионерско-просветительских задач Н.И.Ильминский считал возможным только

на основе родного языка. «Кто говорит с инородцем на их родном языке, – писал он, – того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе со словами он употребляет их же элементы мысли» [Ильминский, 1864, с.8]. Н.И.Ильминский лаконично выразил основную суть своей системы в широко известной триаде, сформулированной в его письме к К.П.Победоносцеву: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт церковный со священником во главе» [Ильминский, 1898, с.178].

Первым шагом в развитии новых подходов в миссионерской и просветительской практике стало открытие учебного заведения, взявшего на вооружение теоретические разработки Н.И.Ильминского. В 1863 г. первый православный деятель из крещеных татар и ученик Н.И.Ильминского Василий Тимофеевич Тимофеев начал обучать десятки крещенских детей на татарском языке. В следующем году Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ) стараниями Н.И.Ильминского получила официальный статус. Она стала образцом, по которому стали создаваться подобные школы в других местах Казанской губ. и за ее пределами. После официального внедрения системы Ильминского преподавание в народной школе (одноклассной четырехлетней) на первом отделении (2 года) осуществлялось исключительно на родном языке, а русский язык изучался как учебный предмет. На втором отделении русский становился языком преподавания. Лучшие учителя нерусских народных школ, по Н.И.Ильминскому, – люди одной национальности с учениками. От русских учителей он требовал знания родного языка учащихся, использования его в учебно-воспитательной работе. Учебники, по мнению Ильминского, «должны печататься на родном для учащихся языке» с использованием русской графики. Он стремился приспособить организационную структуру русских школ, формы и методы их учебной работы к национальным особенностям населения.

Несмотря на поддержку видных представителей политической элиты, система Ильминского всегда имела многочисленных оппонентов среди общественных деятелей и государственной бюрократии. Наиболее

жесткое противостояние между сторонниками и противниками новых подходов развернулось во второй половине 1860-х гг. Острая дискуссия между противниками должна была дать ответ на вопрос, какими методами следует проводить интеграцию коренных народов Восточной России – путем культурно-языковой унификации или христианского просвещения. От решения этого вопроса во многом зависели векторы национальной политики государства и миссионерского движения РПЦ.

Одним из первых против внедрения этой системы выступило консервативно настроенное православное духовенство, оценившее попытки перевода богослужения на «инородческие» языки как принижение авторитета православия [Григорьев, 1948, с.263]. Их недовольство вызывало стремление сторонников новой системы привлечь в духовное сословие представителей местных народов, что приводило к ломке традиционной системы наследования приходов, способствовало росту конкуренции.

Обсуждение системы Ильминского, кроме чисто миссионерских вопросов, затрагивало проблему методики образования национальных меньшинств. Камнем преткновения стал вопрос об обучении на родном языке. Даже друзья и сподвижники Николая Ивановича не всегда положительно относились к его педагогическим экспериментам. Так, Е.А.Малов, который долгие годы работал с Н.И.Ильминским и курировал КЦКТШ, был противником обучения крещеных татар на родном языке. В его дневнике есть любопытное замечание по этому поводу: «Зачем принуждать детей обучаться на татарском языке, когда родители желают, чтобы обучение производилось на русском? Надобно этому желанию родителей радоваться и поставить дело так, чтобы инородцы совершенно забыли свой язык, обрусели; иначе они всегда будут нам врагами» [Малов, 1993, с.41].

Наряду с Н.И.Ильминским вопрос об образовании коренных народов Восточной России был поставлен председателем Буинского училищного совета священником А.И.Баратынским. В 1864 г. им были представлены в МНП две записки: «Проект об устройстве сельских училищ Буинского уезда» и «Записка о введении русского языка и русской грамот-

Быв. здание Казанской учительской (инородческой) семинарии. Фото 1892 г. Совр. ул.Марджани, 24.

ности в татарских училищах» [РГИА, ф.733, оп.170, д.143, л.1–28об.]. А.И.Баратынский предлагал вести весь образовательный процесс в миссионерских школах на русском языке, считая, что с усвоением языка усваивается и народность. Развитие культуры и письменности у нерусских народов, по его мнению, могло привести к появлению у них интеллигенции, созданию культуры, а в конечном счете – к росту национального самосознания и «сепаратизма» [Сборник, 1869, с.16]. Само «искусственное усиление татарского элемента на восточной окраине России (посредством развития школьного образования), слияние различных инородческих групп в одну инородческую массу, даже при серьезном христианском просвещении», по мнению А.И.Баратынского, «никаким образом не могло быть желательным» [Сборник, 1869, с.15].

Мнение А.И.Баратынского поддержали чиновники МНП во главе с членом Ученого комитета, профессором Санкт-Петербургского университета В.В.Григорьевым. На внеочередном собрании комитета, состоявшемся 20 февраля 1867 г., большинство его членов высказались против дальнейшего расширения применения системы Ильминского. По мнению чиновников, образование нерусских народов должно было стать основным каналом проведения политики по их русификации: «хотя преподавание может быть введено с успехом лишь на том языке, который дети в состоянии понимать, но отсюда не следует, что языком преподавания в школе должен быть инородческий язык. Если допустить последнее и составить на этом языке особые книги, написанные русскими буквами... то это может послужить к

пробуждению племенного самолюбия и уважения к своему языку, что нежелательно для русского правительства и общества» [НА РТ, ф.10, оп.2, д.1119, л.138]. Как альтернативу идеям Н.И.Ильминского предлагалось использовать «обрусительные» методы воспитания, которые широко применялись на практике и до появления системы Ильминского и являлись ведущим направлением в педагогической деятельности среди нерусских народов империи. Широкое распространение эта методика получила на Кавказе, где она была введена в общую практику обучения в 1850-х гг. распоряжением попечителя Кавказского учебного округа барона Николаи. Предлагалось распространить этот опыт и на Среднее Поволжье, добавив в учебный план создаваемых «инородческих» училищ один дополнительный год, который будет направлен на изучение русского языка [Исхакова, 2001, с.170].

Против такого решения открыто выступили члены казанского «Комитета по образованию инородцев» во главе с П.Д.Шестаковым, председателем училищного совета священником М.М.Зефировым, инспектором чувашских школ Н.И.Золотницким, которые в начале 1868 г. представили в МНП особое мнение по данной проблеме.

Сложность и «высокий накал» дискуссии вокруг системы Ильминского, в которую были вовлечены многие государственные и общественные деятели, не имевшие непосредственного отношения к этой проблеме, были связаны также с тем, что она затрагивала важный вопрос, который обозначился в пореформенный период и был связан с ростом русского национального самосознания и поисками культурно-идеологических основ «русскости»: что является ее важнейшей, основополагающей характеристикой в условиях современных и секулярных изменений в обществе – принадлежность к культурно-языковой среде (владение русским языком) или православной конфессии? Оживленная литературная полемика сторонников первого подхода (редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков) [Собрание, 1897] и публицистов славянофильского направления (Ю.Ф.Самарин, И.С.Аксаков) [Самарин, 1997] вызвала широкое общественное обсуждение и имела важное значение для

выработки государственного отношения к этому вопросу. Однозначная позиция Н.И.Ильминского и его сторонников, видевших в православии «краеугольный камень и русской народности, и русского государства», с восприятием которого «инородцы» в культурном и духовном плане становятся «русскими» [Ильминский, 1883, с.34], не устраивала сторонников проведения курса на всеобщую культурно-языковую унификацию, представленных в МНП чиновниками, получившими управленческий опыт в Западном крае и на Кавказе²¹. Поляризация мнений среди деятелей народного просвещения, различие идеологических и концептуальных подходов вынудили руководство МНП пойти на широкое обсуждение этого сложного вопроса. Были собраны отзывы 36 училищных советов семи губерний с полиэтническим составом населения, вышедшие в 1869 г. отдельным изданием [Сборник, 1869]. Собранные сведения стали предметом обсуждения расширенного собрания совета МНП, состоявшегося 8 февраля 1870 г. под председательством Д.А.Толстого в присутствии попечителей Казанского и Одесского учебных округов.

Система Ильминского была официально признана основным методом обучения крещеных представителей нерусского населения восточной окраины России. Несмотря на позицию многочисленных противников применения родных языков в миссионерской и образовательной деятельности, восторжествовало мнение сторонников Н.И.Ильминского. Большая роль в этом принадлежала руководству Синода и МНП, сделавших ставку на усиление христианско-просветительской деятельности среди коренных народов региона посредством развития миссионерских школ с преподаванием на родном для учащихся языке. Духовные и светские власти, понимая «опасность» широкого внедрения системы Н.И.Ильминского, которая могла привести к росту национального самосознания «инородцев», в то же время осознавали, что без

ее применения нельзя рассчитывать на качественный сдвиг в утверждении их в православию и интеграции в русское культурно-цивилизационное пространство.

Применение системы Ильминского в школьной и миссионерской практике законодательно было закреплено в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. [Свод главнейших, 1882, с.42–45]. В них, в частности, отмечалось: «а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его; б) учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующих племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык, или русские, владеющие соответствующим инородческим наречием... Учебными книгами служат буквари, необходимые молитвы, краткие рассказы из Священной истории, Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги. Для облегчения инородцам перехода к изучению русского языка... книги печатаются на инородческом наречии русскими буквами, с переводами на русский язык или без перевода, за исключением, впрочем, молитвенников и вообще богослужебных книг, которые должны быть с переводами на русский язык» [НА РГ, ф.92, оп.1, д.9940, л.57об.–58].

Окончательное оформление система получила после создания в 1872 г. в Казани Учительской (инородческой) семинарии (КУС), директором которой был назначен Н.И.Ильминский. По мысли авторов проекта, семинария должна была способствовать «соединению инородческих племен с коренным русским народом путем (христианского) просвещения» [Воронец, 1873, с.319]. В семинарии, представлявшей собой закрытое учебное заведение, обучались русские и представители коренных народов Среднего Поволжья. Большое количество русских должно было обеспечить прочное обрусение остальных учеников, привитие им православной традиции и культуры. При КУС были организованы четыре начальных училища (для чувашей, мордвы, удмуртов, мари), в которых проходили педагогическую практику семинаристы. Н.И.Ильминский оставался ее директором до своей кончины. При его участии были открыты Уфимская (1872 г.), Бирская марийско-чувашская

²¹ Одним из таких деятелей был автор политики деполонизации и насаждения «русского начала» в Западном крае, попечитель Виленского учебного округа (с 1868 г. член совета МНП) И.П.Корнилов [см.: РГИА, ф.970, оп.1, д.99].

(1882 г.), Орская (Оренбургская) казахская (1883 г.) учительские школы.

Н.И.Ильминский был одним из основателей миссионерского Братства св.Гурия (1867 г.), он возглавил его Переводческую комиссию. Необходимость «донести истины христианского вероучения на родном языке» привела к созданию алфавитов «бесписьменных» народов Восточной России на основе кириллической традиции. Эта работа проходила при активном участии казанских миссионеров во главе с Н.И.Ильминским, разработавшим теоретическую и научную базу для составления новых алфавитов, переводов православных текстов на местные языки. Он делал переводы не только на татарский, но и чувашский, марийский, удмуртский и другие языки, которые осваивал удивительно быстро. Деятельность Н.И.Ильминского была направлена на «прочное сближение инородцев с коренным населением путем просвещения», под которым в первую очередь понималось православное христианское вероучение. Проповедуя Евангелие всем народам, он стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее и к общечеловеческой культуре и одновременно сделать доступными для русских культурные ценности других народов России. К переводческой деятельности он активно привлекал представителей зарождающейся национальной интеллигенции. Корректуру и доработку татарских переводов осуществляли В.Т.Тимофеев и ученики КЦКТШ, над марийскими работали Г.Я.Яковлев, И.М.Кедров, П.И.Ерусланов, над удмуртскими – К.Андреев, а с 1890-х гг. И.С.Михеев, над мордовскими – А.Ф.Юртов, М.Е.Евсевьев и др. Благодаря развитию народного образования в региональной периодической печати стали чаще публиковаться произведения о культуре и религии поволжских народов, активизировалась работа по составлению переводов текстов Св. Писания.

Основные принципы педагогической системы Ильминского, изложенные им в ряде сочинений, заключались в следующем: 1) обучение детей на родных языках; создание комплексов учебных пособий – букварей, книг для чтения, учебников арифметики, Закона Божия – на родных языках;

2) изучение русского языка как одного из основных предметов на родном языке с использованием качественных учебников, отдельных для каждого народа; к окончанию четырехлетней начальной школы учащиеся должны изучить русский язык в таком объеме, «чтобы быть способными дальше учиться на русском языке»; 3) высокие требования к учителям, которых он предлагал готовить из лиц той же национальности или лиц, свободно владеющих языком учащихся и являющихся православными; 4) огромное значение Ильминский придавал обучению девочек, вопреки российским законам считая возможным совместное обучение юношей и девушек в средних и высших учебных заведениях. Миссионерские начальные школы, по мнению просветителя, должны были взять на себя некоторые семейные функции, так как «инородческая» семья не могла дать христианского воспитания. Система Ильминского противопоставляла традиционному языческому или мусульманскому воспитанию в семье христианское воспитание в школе. Поэтому в процессе обучения должны были непременно учитываться национальные традиции, обычаи, образ жизни, психология данной народности. Учителями должны были быть люди, хорошо владевшие языком учащихся, но лучше всего – представители той же народности, знавшие русский язык. Первоначальное обучение предлагалось вести на родном языке с одновременным изучением русского языка, только после достаточного его усвоения детьми все преподавание должно было переводиться на русский язык. По замыслу Н.И.Ильминского программа воспитания и обучения в школах должна была носить исключительно религиозно-миссионерский характер. Он откровенно заявлял, что добивается развития религиозного чувства, а не ума, стремится, чтобы ученик, прежде всего, «набрался христианского духа, уразумел догмы православия» [Яковлев, 1998, с.301].

Наряду с педагогической, не менее значимой составляющей системы Ильминского был ее церковно-миссионерский аспект – применение родного языка в богослужбной практике, привлечение в духовное сословие представителей местных народов, которые наряду с учителями-миссионерами

должны были стать опорой церкви в среде не укрепившегося в православии населения. Сам Н.И.Ильминский особо подчеркивал, что глубокое проникновение христианства в сознание «иностранцев» возможно лишь при условии, когда они начали бы понимать его внутреннее содержание, могли полноценно участвовать в религиозной жизни прихода. Для этого было необходимо сделать доступным богослужение, перевести его на понятный для прихожан язык. Главным реализатором реформы церковной жизни в национальных приходах должен был стать духовный пастырь, знавший язык прихожан, способный вести на нем миссионерскую и просветительскую деятельность. При этом наиболее подходящей кандидатурой на этой должности, по мнению Н.И.Ильминского, было лицо той же национальности, что и его паства, так как, «кроме знания языка, весьма важно еще племенное сродство в лицах, на которых возможно будет удовлетворять духовным, т.е. умственным, нравственным и церковно-христианским потребностям народа. Русские священники и учителя поэтому, даже при отличном знании языка, не могут так успешно действовать на иностранческое население, как природные иностранцы» [цит. по: Машанов, 1892, с.174].

Законодательно право назначать представителей местных нерусских народов в священники было закреплено в 1867 г., когда по инициативе Н.И.Ильминского Д.А.Толстым было внесено в Синод предложение о назначении в крещено-татарские приходы священников из числа их соплеменников. Синод согласился с мнением обер-прокурора, разрешив указом от 19 июля 1867 г. комплектовать церковный причт национальных приходов за счет воспитанников миссионерских школ при следующих условиях: зрелый возраст (не менее 30 лет) кандидата, знание основных догматов православной веры, церковного богослужения, русского языка [РГИА, ф.797, оп.36, отд.2, д.251, л.17–20об.; Извлечения, 1867, с.46–47]. Позднее, указом Синода от 15 января 1883 г. было официально разрешено «совершение богослужения на языках нерусских народов Восточной России», *de facto* ставшее широко внедряться в миссионерскую практику казанскими и алтайскими миссионерами в конце 1860-х гг. В этом законодательном

акте указывалась сфера применения нерусских языков в церковном богослужении: а) «где есть более или менее значительное число» представителей крещеных нерусских народов, допускать церковное богослужение, общественное и частное на их родном языке; б) при богослужении «должны быть употребляемы переводы Переводческой комиссии» ПМО при Братстве св. Гурия, при этом разрешались временно и рукописные тексты, одобренные ею; в) если при богослужении присутствуют русские, оно должно совершаться как на «иностранческом», так и на русском языке [О церковном, 1883, с.14–15].

Постепенно благодаря стараниям Н.И.Ильминского и его сторонников нерусские языки стали шире применяться в церковной практике, увеличивалось количество национальных православных духовных лиц. В частности, в 1904 г. в Казанской епархии служило 68 священников из числа представителей нерусских народов, что составляло 9,1% от общего количества священнослужителей по этой епархии [Бобровников, 1905, с.178]. Для представителей зарождающейся в регионе национальной интеллигенции (кроме татар-мусульман и башкир), благодаря внедрению системы Ильминского, РПЦ стала одним из «социальных лифтов», позволявших им повысить свой статус в обществе, образовательный уровень и улучшить свое материальное благосостояние. Деятельность большинства представителей национальной интеллигенции, особенно во второй половине XIX в., была тесно связана с православной церковью. Многие из них начинали свой путь в стенах созданных православными миссионерами учебных заведений, где получали первоначальное образование в христианском духе, впоследствии сами становились учителями конфессиональных учебных заведений и посвящали свою жизнь культурному и религиозному просвещению соплеменников, и, наконец, переходили в духовное сословие. Наиболее талантливые и деятельные лица из чувашей, мари, удмуртов, крещеных татар, мордвы получили «дорогу в жизнь», смогли реализовать себя в деле образования и просвещения соплеменников, сформировали интеллектуальную элиту нерусских народов. В их лице православные миссионеры получили

И.Я.Яковлев (сидит третий справа) в окружении преподавателей Симбирской чувашской учительской школы. Фото нач. XX в.

энергичных деятелей христианского просвещения. Благодаря системе Ильминского христианство и институты РПЦ стали важнейшими факторами культурной мобилизации крещеных нерусских народов; на основе православных ценностей формировались основы их «высокой» культуры, литературные традиции. Из числа первых воспитанников и сподвижников Н.И.Ильминского сформировались лидеры национального православно-миссионерского движения: И.Я.Яковлев и Д.Ф.Филимонов из чувашей, А.Ф.Юртов и М.Е.Евсеев из мордвы, С.Чавайн и В.М.Васильев из марийцев, Г.Е.Верещагин, К.Андреев из удмуртов, В.Т.Тимофеев из крещеных татар и т.д. Это была сильная команда профессионалов, считавших себя учениками Н.И.Ильминского и ставших наиболее активными защитниками его идей.

В последние годы в исторической науке, прежде всего среди зарубежных авторов, развернулась дискуссия вокруг таких понятий, как «ассимиляция», «обрусение», «русификация» [Мацузато, 2003, с.5]. Большинство авторов склонны рассматривать обрусение нерусских народов как процесс сложный, противоречивый, требующий изучения внутренних механизмов его динамики. Как заметил А.Каппелер, «обобщающее

понятие «русификация» не в силах раскрыть все аспекты сложной действительности...» [Каппелер, 2000, с.204]. В этом вопросе он солидарен с М.Славинским, считающим, что имперская политика в национальном вопросе так же «пестра и многообразна в своих проявлениях», как само население этой империи «пестро и многообразно» [цит.: по Каппелер, 2000, с.204]. Привести это многооб-

разие в последовательную систему, а тем более в некое единство, невозможно, ибо такого единства в действительности просто не существует. «Обрусение» Н.И. Ильминский рассматривал как изменение конфессиональной ориентации нерусских народов, восприятие ими православия, языка, а затем и обычаев русских. Только в далекой перспективе он видел этнокультурное единение православных народов. Будучи противником жестких сиюминутных мер, которые, по его мнению, никогда не приводили к успеху, он настаивал на духовном обрусении, чем, видимо, притягивал к себе лидеров зарождавшейся национальной интеллигенции и духовенства. И.Я.Яковлев вспоминал, что Николай Иванович в первую же неделю их знакомства дал ему прочесть свое письмо министру народного просвещения и обер-прокурору Синода графу Д.А.Толстому, в котором говорилось, что «русским инородцам надо привить все то хорошее, что есть у русских, сохранив у них все их хорошее, историческое, национальное» [Яковлев, 1998, с.179]. Однако попечитель КУО П.Д.Шестаков отговорил Ильминского посылать письмо, чтобы не раздражать Д.А.Толстого, так как в среде высокопоставленных чиновников в то время были сильны русификаторские идеи прямого насаждения

Православное
духовенство
нерусских на-
родов на миссио-
нерском съезде
в Самаре. 1899 г.

православия, русского языка и культуры. Важное значение при формировании толерантных отношений Н.И.Ильминский придавал совместному обучению детей. В КУС совместно обучались дети разных народов Волго-Уральского региона. За годы директорства Н.И.Ильминского ее окончили 554 чел., из них русских было 332 чел., представителей других народов – 222 (56 татар, 68 чувашей, 47 марийцев, 12 удмуртов, 30 мордвы, 2 калмыка, 4 алтайца) [Беззубов, 1960, с.23; Рогачев, 2002, с.28–29]. В семинарии стремились воспитывать учащихся в духе гуманизма и высокой нравственности. Большое внимание преподавательский коллектив уделял межэтническим отношениям в среде учащихся. Опыт работы КУС широко использовался в других учебных заведениях. Например, И.Я.Яковлев практиковал совместное обучение чувашей с русскими и мордвой, считая, что это позволяет ученикам быстрее усвоить языки и культуру других народов. В сочинениях И.Я.Яковлева можно найти много примеров сотрудничества чувашей, русских и представителей других национальностей в решении просветительских задач.

Н.И.Ильминский считал необходимым добиться внутреннего религиозного возрождения нерусского человека: «Мы обру-

сение понимаем глубже. Мы берем русского человека в идеале, и этот идеал стараемся усвоить инородцам. Русский идеал есть – по преимуществу – православие, вот почему на православии мы и настаиваем. Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел» [цит. по: Знаменский, 1892, с.204]. В то же время не следует забывать, что обрусение нерусских народов во второй половине XIX – начале XX в. зависело не только и не столько от применения более или менее эффективных форм и методов христианского просвещения, сколько от происходивших в стране масштабных социально-экономических преобразований, которые ломали патриархальные устои, разрушали монолитность крестьянского общества, втягивали его в новые экономические и культурные контакты. Справедливо замечание А.Каппелера о том, что «унификация требовала внедрения русского языка в систему управления и образования, что ставило нерусских в невыгодное положение по отношению к «государственному народу» [Каппелер, 2000, с.204]. «Обрусевший инородец» ставился на более высокую социокультурную ступень как своими соплеменниками, так и представителями других народов, поэтому стремление к «обрусению» многие

крещеные нерусской национальности воспринимали как прогрессивное явление. Однако следует добавить, что русский язык в условиях буржуазной модернизации все более становился средством межнационального общения. Сама жизнь заставляла российские народы учить русский язык и осваивать русскую культуру.

Таким образом, Н.И.Ильминский создал миссионерско-просветительскую систему, которую следует рассматривать как результат многолетних поисков наиболее оптимальных форм и методов воздействия на религиозное сознание «иноверческого» населения, вектор конфессиональной ориентации крещеного нерусского населения. Теоретик просветительского миссионерства внедрял свои идеи в практику через созданные им миссионерско-просветительские институты: КЦКТШ, КУС, Братство св.Гурия с сетью миссионерских школ.

Деятельность Н.И.Ильминского воспринималась неоднозначно. Становление и утверждение миссионерско-просветительской системы происходило в ожесточенных баталиях. Несмотря на нападки «справа и слева», система Н.И.Ильминского действовала вплоть до революции 1917 г., в чем, несомненно, следует видеть ее достаточную основательность.

Разброс мнений о системе Н.И.Ильминского в наши дни обусловлен объективными и субъективными факторами: политической конъюнктурой, идеологическими установками, этноконфессиональными пристрастиями авторов и т.д. Например, в советское время освещение деятельности Н.И.Ильминского и его миссионерско-просветительской системы было негативным, хотя идеологи народного образования, подчас сами того не ведая, пользовались

его идеями. Мусульмане Волго-Уральского региона справедливо критикуют систему Ильминского, так как она была направлена против ислама и во многом способствовала расколу татарского этноса по конфессиональному принципу, сужала его этнокультурную сферу. Приверженцы традиционных верований столь же категоричны в своих оценках: они обвиняют Н.И.Ильминского и его соратников в разрушении традиционной религии и национальной культуры «языческих» народов. Русские патриоты обвиняют Н.И.Ильминского в порождении сепаратизма и антирусского национализма. Чувство глубокой благодарности к миссионеру-просветителю сохраняет православное население региона, считающее, что его идеи и деятельность позволили нерусским народам сблизиться с русскими, усвоить достижения христианской и мировой цивилизации, создать свою письменность, профессиональную культуру. Н.И.Ильминский действовал в рамках идеологии, моральных, нравственных и этических норм своего времени ради прогресса всех российских народов, на который у него был свой взгляд. Обрусение крещеных народов он воспринимал как духовное единение на основе православной общности и рассматривал его как неизбежный и прогрессивный процесс.

Несмотря на антимульманскую направленность, система Н.И.Ильминского, оказала позитивное воздействие на этнокультурную мобилизацию татар. Некоторые элементы просветительской системы использовались в обновлении мусульманского образования, а затем в советской школьной системе. Выравнивание образовательного, культурного уровня российских народов, несомненно, следует рассматривать как важный фактор межкультурного диалога.

Раздел VII

**Антиправительственные выступления
и национальное движение**

ГЛАВА 1

Выступления татарского сельского населения

§ 1. Социальные протесты различных групп сельского населения в дореформенный период

Ильшат Файзрахманов

В российских реалиях любое неповиновение представителям власти воспринималось как сопротивление и антиправительственное выступление. Формы выражения социального протеста крестьянских масс были разнообразными, применительно к XIX в. их можно назвать «протестом путем уклонения» – это способ, при помощи которого сельские общества или группы крестьян «пытались облегчить тяготы своей жизни и выразить недовольство посредством кратковременного отказа исполнять предписанное, а также других действий, сводящих к минимуму возможность столкновений с теми, кого они считают своими притеснителями» [цит. по: Верт, 2005, с.55].

Сельские жители пользовались также возможностью подачи прошений, чтобы выразить свое недовольство в отношении действий отдельных представителей власти и правительственных нововведений и непопулярных мер.

В первой половине XIX в. крестьянские выступления происходили в сельских обществах, относящихся к конкретной категории сельского податного сословия. Как правило, выступления являлись протестом против вторжения властей в хозяйственную жизнь общины. Проводя реформы во «благо крестьян», все расходы, связанные с реализацией нововведений, государство возлагало на сельское население, что усиливало налоговое бремя и контроль над внутренней жизнью поземельной общины. По мере усиления ведомственного «регулирования» социальных и экономических отношений в крестьянских общинах отмечались одновременные выступления крестьян отдельных категорий. С протестом выступали крестьяне различных этнических групп и сословий,

однако «единого движения не наблюдалось» [Загидуллин, 2011а, с.215, 216].

В первой четверти XIX в. отмечалось усиление эксплуатации помещиками своих крепостных крестьян, поэтому основные волнения происходили в имениях черноземной полосы России, на Украине, в Литве и Белоруссии [Игнарович, 1963, с.10, 466].

Статус жителей казенной деревни выгодно отличался от экономического и социального положения крестьян удельной деревни. Случаи перевода жителей государственной деревни в удельное ведомство, что ухудшало их социальное положение и приводило к ужесточению контроля над жизнью крестьян, провоцировали антиправительственные выступления.

В 1835 г. казенные крестьяне (в т.ч. лашманы) Симбирской губ. поступили в удельное ведомство. Новая администрация подвергала их быт и хозяйственную экономику административному регулированию, заставляла вводить общественную запашку. Лашманы ответили на это массовым протестом, охватившим в 1836 г. 40 тыс. крестьян, главным образом Буинского, Курмышского и Симбирского уездов [Дружинин, 1946, с.221–222].

Лашманы опасались, что их лишат прежних льгот и права собственности на купленные ими земли. В периоды обострения социально-политической и экономической ситуации в России активно распространялись слухи, которые отчетливо отражали особенности крестьянского менталитета и отношение хлебопашцев к происходившим событиям. В татарских сельских обществах распространился слух о насильственном обращении мусульман в христианство. Центром массового движения стала д.Бездна в

Буинском у., где проходили сходки и столкновения с администрацией. Одно за другим сельские общества отказывались выполнять распоряжения администрации о выделении и запашке общественных участков. Вооруженные ножами и кистенями крестьяне разъезжали по своим полям. В район волнений были направлены части местного гарнизона и конная жандармерия. В нескольких селениях, жители которых не повиновались, была проведена массовая порка активистов, 25 крестьян без суда и следствия были сданы в солдаты, сосланы в Сибирь и т.д. [Дружинин, 1946, с.222].

В 1834 г., после очередного неурожая хлебов, удельное ведомство предписало сажать картофель на казенных запашках, где каждой крестьянской семье отводилось под эту культуру по 30 кв. саж., что вызвало протест сельского населения в Вятской и Владимирской губерниях: крестьяне отказались сеять картофель.

Массовый социальный протест сельского населения в Приуралье 1834–1835 гг. также следует рассматривать как ответную реакцию сельских обществ на реформы в управлении. Основным мотивом к выступлению жителей государственной деревни региона послужили слухи о намерении правительства передать их в удельное ведомство. В волостях Пермской губ. незадолго до событий 1834–1835 гг. была введена новая печать с губернским гербом, на котором был изображен медведь. На основании этого был сделан вывод, что татары и марийцы уже приписаны в удельное ведомство и переданы известному в крае помещику Медведеву и что собираемая подать должна пойти в его пользу [Дружинин, 1946, с.226].

Среди татар, башкир и мещеряков возникли слухи о предстоящем насильственном обращении мусульман в христианство, для чего якобы создана миссия в Пермской губ. Слухи эти, в разных вариантах, послужили причиной массовых волнений крестьян не только в Пермской, но и в соседней Оренбургской губ., особенно среди татар, тептярей и мещеряков Уфимского, Белебеевского и Троицкого уездов.

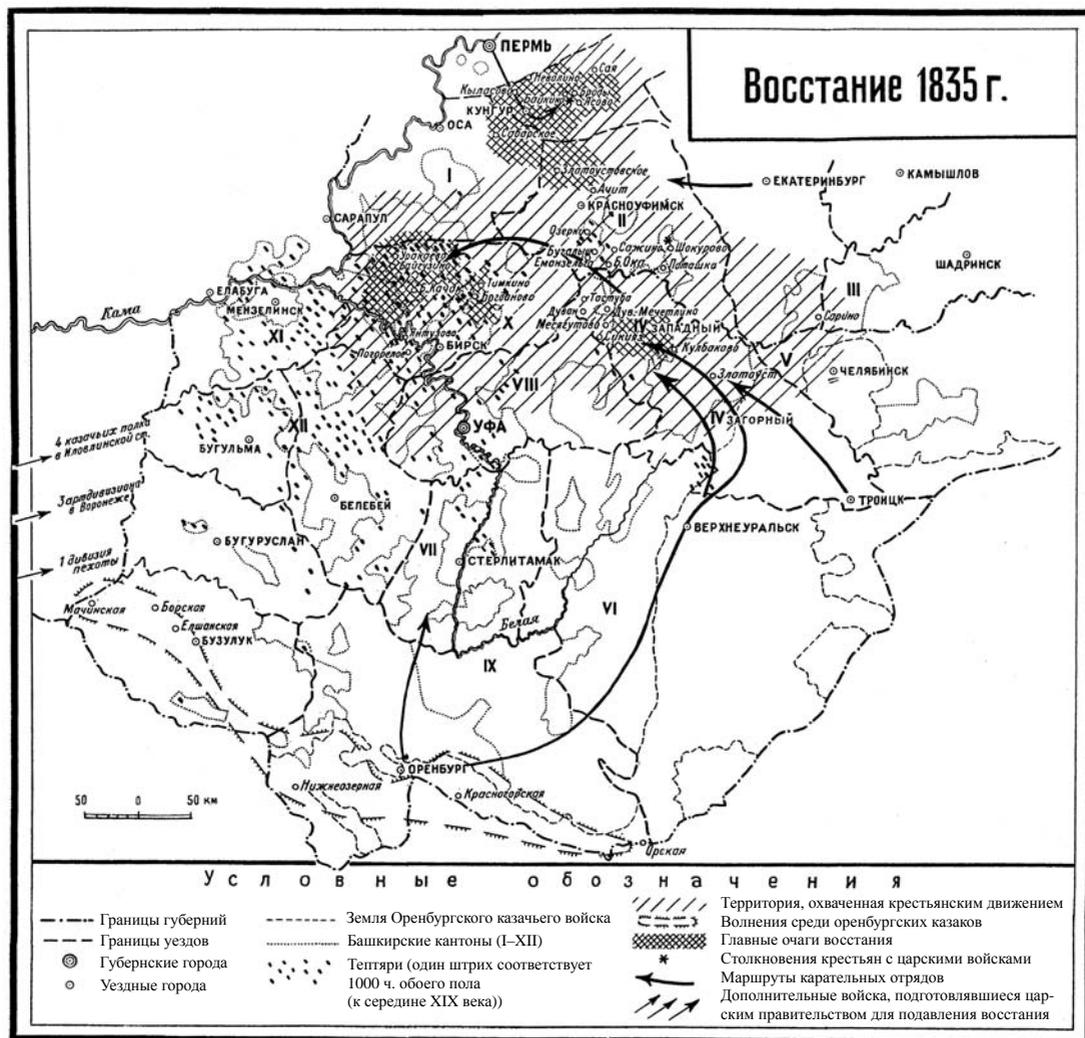
В этот период в селениях государственных крестьян, мещеряков и башкир планировалась постройка хлебных запасных

магазинов. По волостям были разосланы соответствующие чертежи с изображением поперечного разреза магазинного амбара. Мусульманское население усмотрело, что начерченные в чертежах перекладыны и стойки образуют форму креста. Отсюда был сделан вывод, что здания, которые должны строиться, будут христианскими церквями. Эта трактовка еще более усилила опасения, что готовится насильственная христианизация [Дружинин, 1946, с.235].

К началу 1835 г. огромная территория, состоявшая из трех уездов Пермской губ. и пяти уездов Оренбургской губ., была охвачена массовыми волнениями. Толпы людей проводили обыски в волостных правлениях с целью найти указы о закреплении их помещиком Медведевым и расправиться с виновниками произведенной, как они считали, продажи – волостными головами и, особенно, писарями. Движение охватило 6 кантонов Башкирского войска: 2-й (Красноуфимский у. Пермской губ.), 4-й Загорный (Троицкий у.), 8-й (Уфимский у.), 10-й (Бирский у.), 12-й (Белебеевский у. Оренбургской губ.), мещеряков 3-го и 4-го кантонов, а также тептярей нескольких команд северо-восточного Приуралья. Из кантона в кантон посылались «возмутительные письма», мусульмане договаривались о совместных выступлениях против «главного начальства». В одном только Бирском у. насчитывалось 20 тыс. волнующихся тептярей. Наиболее значительные волнения наблюдались в д.Шакурово Красноуфимского у. и д.Месягутово Уфимского у. [История Башкортостана, 2004, с.340–341].

В целом, волнения различных сословно-социальных групп многонационального населения Приуралья сводились к отказу от исполнения предписания властей о строительстве запасных хлебных магазинов и избиванию отдельных представителей местной администрации. Действия повстанцев были разобщенными, руководство кантонов и чиновники всячески старались противодействовать согласованным выступлениям населения [История Башкортостана, 1997, с.417–426].

Подавление развернувшегося в Приуралье крестьянского движения было поручено оренбургскому генерал-губернатору

Карта 1. Восстание многонационального сельского населения в Оренбургской губ. в 1835 г.

В.А.Перовскому. Были подвергнуты порке тысячи крестьян, проведены облавы в лесах, арестованы сотни участников социального протеста. К концу августа 1835 г. население было усмирено [История Башкортостана, 2004, с.342–343].

После неурожая хлебов в предыдущие годы Николай I в 1840 г. издал указ о повсеместном разведении картофеля, который должен был заменить зерновые культуры в неурожайные годы. МГИ приступило к ускоренному претворению в жизнь императорского указа, однако нововведение стало восприниматься хлебопашцами как попытка приписать их к уделу. В 1841 г. власти распорядились вводить обязательные общественные запашки, не согласуя вопрос с сельскими обществами. Между тем обще-

ственные запашки стали обычным явлением в удельной деревне еще с 1827 г., что укрепляло в крестьянах мысль о намерении ущемить их правовой статус и ухудшить социально-экономическое положение.

В 1841 г. главной причиной недовольства государственных крестьян Приуралья послужил закон от 16 января 1840 г. об обмене обедневших удельных крестьян центральных губерний на государственных крестьян многоземельных губерний, в т.ч. Пермской и Оренбургской, что означало превращение относительно свободных хлебопашцев в крепостных императорского двора, близких по своему положению к помещичьим крестьянам. Башкиры и мешеряки Приуралья были недовольны увеличением трудовых повинностей, они видели в этом стремление

правительства лишить их личной свободы и отнять вотчинные земли [История Башкортостана, 1997, с.430–432].

В 1841–1842 гг. сильные крестьянские волнения, направленные против посадки картофеля, вспыхнули в Петровском и нескольких прилегающих к нему уездах Саратовской губ., где попеременно были расположены русские, мордовские и татарские деревни [Дружинин, 1958, с.466].

В Казанской губ. особенно острое недовольство крестьян вызвало насильственное введение общественной запашки, которое сопровождалось отобранием у них лучшей земли, принудительным обменом земельными участками, несвоевременными и неравными нарядами на работу. Во всех уездах Казанской губ. уже в 1841 г. началось глухое «брожение», на базарах велись непрерывные разговоры об «уделе» [Дружинин, 1958, с.467]. В 1841 и 1842 гг. против посева картофеля выступили крестьяне Ядринского, Чебоксарского, Цивильского, Козьмодемьянского уездов Казанской губ. Особенно сильные волнения произошли в Акрамовской вол. Козьмодемьянского у. [Восстание чувашского крестьянства, 1942, с.6–7]. Выступления носили разрозненный и стихийный характер, были нацелены на отмену отдельных нововведений [Токарев, 1939, с.72–73].

В период Крымской войны, кроме чрезвычайных наборов в армию, на основании манифеста от 29 января 1855 г. было создано подвижное государственное ополчение. Сзыв ополчения происходил по 32 губерниям

в три призыва, вплоть до сентября 1855 г. Всего в ополчении состояло 364624 чел.

Особенно резкие формы движение 1855 г. в связи с призывом приняло среди татар-лашманов. До этого татары-лашманы воинской повинности не исполняли. Татарское население не желало идти на военную службу, всячески этому сопротивлялось: в Тимергалинской вол. Малмыжского у. «татарами целым сходом был произведен бунт, во время проверки призывных списков по настоящему набору, с нанесением членам волостного и сельского начальства побойств и с намерением причинить побой бывшему там же окружному начальнику Соколову». 12 вожаков движения в Тимергалинской вол. были арестованы [Линков, 1952, с.141].

В Нижегородской губ. волнения в связи с призывом произошли в 3 уездах – Сергачском, Васильковском и Княгининском. К концу мая 1855 г. движение было подавлено.

Таким образом, «холерные» и «картофельные» бунты, антиправительственные выступления народных масс против нововведений правительства были следствием обострившихся противоречий между властью и крестьянами. Формы крестьянских волнений были разнообразными: от одиночных протестов до отказа от выполнения государственных повинностей целыми селениями. Для татар-мусульман и башкир реформы ассоциировались с угрозой потерять конфессиональную идентичность. Результатом выступлений сельских обществ стало некоторое ослабление административного давления при проведении реформ.

§ 2. Выступления крестьян, обусловленные социально-экономическими мотивами, в пореформенный период

Ильдус Загидуллин

Неповиновения крестьян рассматриваемого времени являлись следствием ухудшения экономического положения сельского населения, усиления фискального гнета самодержавия, превышения представителями местной администрации своих полномочий во взаимоотношениях с хлебопашцами и т.д. Отмена крепостного права и связанные с ней преобразования способствовали росту общественной активности населения. В ряде регионов отмечалось неповиновение

сельского податного населения нововведениям власти.

Грамотное проведение аграрной реформы 1866 г. в государственной деревне способствовало предупреждению волнений. Главными причинами нежелания татарских хлебопашцев получать «владенные записи» являлись: выделение меньших по размеру, чем раньше, угодий, прирезка неудобных для земледельческого производства наделов и далеких от их места жительства участков,

различные слухи о непременном ухудшении их материального положения после прирезки земли [Смыков, 1973, с.157].

Наиболее крупное выступление татарских крестьян в связи с реализацией аграрной реформы произошло в июне 1869 г. в Спасском у. Поводом для него послужили слухи о том, что крестьяне поступят в удельное ведомство и что им будут установлены тяжелые повинности и большие налоги. Для подавления волнения в уезд выехал губернатор Н.Я.Скарятин [Материалы, 1936, с.141–142].

Грабительское расхищение башкирских вотчинных земель в Приуралье и отсутствие на огромных земельных угодьях новых хозяев привели к тому, что в 1882–1884, 1888, 1889 гг. в Бирском, Уфимском и Стерлитамакском уездах татарское и башкирское население прибегало к массовым порубкам лесов, ставших частновладельческими, к захвату лугов и пашен новых владельцев, а также угодий переселившихся крестьян, купивших земли на льготных условиях у башкир или у казны. Более того, начались захваты земель местных помещиков, в т.ч. Тевкелевых. Слабость местной администрации способствовала увеличению подобных случаев. Дело доходило то того, что некоторые помещики вынуждены были оставлять свои усадьбы [Крестьянское движение, 1959, с.245–254, 379–380, 672–673, 720–721].

Групповые порубки леса татарскими крестьянами Поволжья и Приуралья являлись составной частью правонарушений сельского населения. Получение в результате прирезки земель худших участков и небольших участков, отсутствие должного контроля за охраной леса способствовали частым коллективным порубкам [Смыков, 1973, с.215–269; Загидуллин, 1992, с.114–115].

Земля для крестьянского хозяйства являлась основным источником существования. Чувство общинной собственности и стремление крестьян при малейшей возможности заполучить даже небольшой земельный участок превращали земельные споры в жестокие конфликты. Численность конфликтующих селений, давние обиды приобретали в таких ситуациях большое значение. Например, в июле 1861 г. татарские крестьяне д.Малый Сулабаш Казанского у. оказали со-

противление прирезке части используемой ими земли в пользу помещика Мамаева. Их поддержали крестьяне соседней д.Дубьязы. Волнение приняло настолько угрожающий характер, что приехавший для усмирения крестьян мировой посредник «едва смог уехать, и то обманом» [Устюжанин, 1948а, с.485–486].

Споры о земле между общинами носили еще более ожесточенный характер. Часто они перерастали в столкновения больших групп крестьян. Осенью 1886 г. одно из таких столкновений произошло между татарами деревень Тимерчи, Куюк и Букмыш Мамадышского у. Причиной раздора стали 63 дес. земли, которые были отобраны у общества деревень Куюк и Тимерчи и присоединены к д.Букмыш [Загидуллин, 1992, с.159].

Во время конфликтов с местными властями по аграрным вопросам крестьяне нередко обращали свой гнев против своих сельских старост, которые обычно старались беспрекословно выполнять указания администрации.

В последующие десятилетия, в условиях усиления земельного голода, часть межобщинных конфликтов произошла вследствие прирезки земли и лесных угодий в 1860-х–1870-х гг. [Даишев, 1955, с.257–258].

Нежелание платить обязательные страховые сборы порой мотивировалось запретом шариата или невыгодностью их уплаты. В частности, в ноябре 1882 г. жители д.Куртамыш Челябинского у. Оренбургской губ. отказались платить страховой сбор, их сопротивление было подавлено военной командой [Крестьянское движение, 1969, с.794].

Другой, не менее важной причиной выступлений татарских крестьян был фискальный гнет. Волнения во время сбора податей и недоимок были прямым следствием их тяжелого экономического положения. Обычно местные власти описывали имущество крестьян, оставшихся в долгу, и устраивали продажу по умеренным ценам их домашнего скота, предметов быта, вплоть до подворных строений. Это вызывало возмущение и сопротивление селян. 22 апреля 1883 г. жители крупного татарского селения Нижний Елюзань Кузнецкого у. Саратовской губ. (200 чел.), вооружившись кольями и вилами,

сорвали опись имущества у односельчан за недоимки перед правительством и частными лицами, напали на судебного пристава и урядника, избili нескольких понятых [Крестьянское движение, 1960, с.377–378]. После неурожайного года крестьяне воздерживались от уплаты налогов. В этой связи примечателен коллективный отказ в ноябре 1903 г. крестьян ряда татарских селений Бугульминского у. Самарской губ. от уплаты выкупных платежей, всех казенных и волостных сборов [Крестьянское движение, 1988, с.165–167].

Противочумные и противохолерные правила требовали подчинения народных традиций и образа жизни строгим медицинским нормативам, что воспринималось мусульманами как покушение власти на их религиозные права.

Волнения среди мусульман Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и Николаевского уездов были вызваны «Правилами о порядке применения в Самарской губернии меры убивания зачумленного и подозреваемого в зачумлении скота...» от 1884 г. В соответствии с этими правилами в деревнях учреждались чумные комиссии и ветеринарные стражники для контроля за перегонем скота, которые содержались за счет населения. Эти непопулярные среди крестьян мероприятия проводились с различными нарушениями, негативно сказавшимися на их экономическом положении. В брошюре о чуме, изданной на татарском языке, говорилось, что умерщвление животных должно был производиться посредством укола в затылок, что было воспринято татарами как посягательство на мусульманскую веру [Рафикова, 2004, с.105–109].

В начале 1885 г. крестьяне не позволяли врачам забивать скот, отказывались оплачивать мероприятия земства по борьбе с чумой и составлять списки рогатого скота. 19

мая 1885 г. «для увещевания» в д. Сулеево Бугульминского у. прибыло высокое начальство. После того как губернатор приказал арестовать сельского старосту, а собравшимся встать на колени, «... толпа до 600 чел., вооруженная кольями, двинулась с угрозами на губернатора и его спутников, и лишь обнаженные шашки 14 урядников и полицейских приостановили движение толпы». Через несколько дней в Сулеево прибыла военная команда: активисты были арестованы и был принудительно переписан крестьянский скот. Весной-летом 1885 г. вооруженные выступления против местных властей произошли еще в ряде селений губернии, где жителей буквально под угрозой расстрела заставляли подчиниться властям [Смыков, 1973, с.191–192].

Среди выступлений по социально-экономическим мотивам различных групп многонационального крестьянства Казанской, Самарской и Симбирской губерний в 1860–1900 гг. на бывших крепостных крестьян приходится 338 выступлений (2/3 на выдачу уставных грамот после отмены крепостного права), у бывших удельных, главным образом русских, крестьян – 79. По неполным данным, за этот период в Симбирской губ. произошло 6 выступлений татарских крестьян, в Самарской губ. – 10 (порубки леса и противодействие санитарно-эпидемиологическим мероприятиям) [Смыков, 1963, с.117–125], в Казанской губ. – 127 [Загидуллин, 1992, с.246].

Взаимодействие соседних сельских обществ во многом зависело от мотивации действий крестьян. Основной формой антиправительственных выступлений татарских крестьян являлись борьба против государственной системы землевладения, податного гнета, командно-административных методов управления властных структур и бесчинства отдельных представителей.

ГЛАВА 2

Движение крещеных татар за возвращение в ислам

§ 1. Христианское просвещение и движения крещеных татар за возвращение в ислам в дореформенный период

Пол Верт, Радик Исхаков

Признание за исламом статуса одной из терпимых религиозных традиций в империи, интеграция исламских институтов в административно-правовое пространство государства в последней трети XVIII в. не означали отказа правительства от проведения политики по религиозной унификации (христианизации) татар. В годы существования «Новокрещенских дел конторы» (Новокрещенская контора 1740–1764 гг.) было обращено в православие, хотя формально и поверхностно, немалое количество татар – так называемых «новокрещен»¹. Поскольку канонические постановления РПЦ и государственные законы империи категорически запрещали «отпадение» от православия в любую другую веру или исповедание, власти вынуждены были всерьез озаботиться вопросом о недопущении возвращения в ислам ранее крестившихся, утверждением их в христианстве. Поэтому, если говорить о христианском просвещении татар в XIX в., то следует иметь в виду прежде всего борьбу с «отступничеством», которое периодически возникало в течение всего столетия в форме более или менее организованных движений.

Борьба с «отпадениями» была в первую очередь делом церкви, которую нельзя безоговорочно считать лишь одной из структур государственно-бюрократического аппарата. Однако не следует отрицать, что тесная связь между государством и церковью в

России заставляла правительство смотреть на эту борьбу как и на свою задачу.

«Отпадения» могли принимать скрытые формы: например, крещеные татары ходили в церковь и в то же время тайно соблюдали предписания исламского вероучения. Есть основание предполагать, что многие крещеные татары находились более или менее постоянно в таком скрытом «отпадении». Иногда «отпадения» принимали более открытые формы: например, крещеные татары подавали прошения на имя императора или других должностных лиц центральной и местной администрации о том, что они хотят официально исповедовать ислам. Такие движения, захватывавшие несколько уездов или даже губерний, нередко совпадали с коронациями (1802, 1826–1827, 1856, 1882–1883 и 1896 гг.), которые часто сопровождались изъявлением царской милости к своим подданным и, поэтому, являлись наилучшим временем для подачи прошений. В других случаях открытый разрыв с РПЦ был связан с каким-нибудь событием, которое местное население интерпретировало как признак того, что правительство меняет свою религиозную политику и теперь разрешит крещеным татарам вернуться в ислам.

Для «новокрещен», совершенно не разбивавшихся в христианском вероучении и не понимавших православной обрядовости и богослужения, проводившегося на церковнославянском языке, православие оставалось чуждой, «не своей», «русской» верой, в отличие от «татарской» (исламской) религии. Несмотря на принятие христианства, ислам для них являлся важнейшей составляющей мировоззрения и национального самосознания. Важную роль в сохранении у

¹ По неполным статистическим сведениям, собранным Е.А.Маловым, в 6 епархиях Волго-Камья (Казанской, Вятской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Нижегородской) к середине XIX в. насчитывалось 21592 «новокрещеных» татар об.п. [см.: Малов, 1866].

данной группы крещеных татар мусульманского самосознания сыграло их совместное проживание с татарами-мусульманами. В условиях тесных культурных, религиозных, а часто и семейных контактов с последними они продолжали считать себя мусульманами. Немаловажной причиной сохранения такого положения являлась позиция «официальных» мусульман, воспринимавших «новокрещен» как своих единоверцев, силой выведенных из ислама.

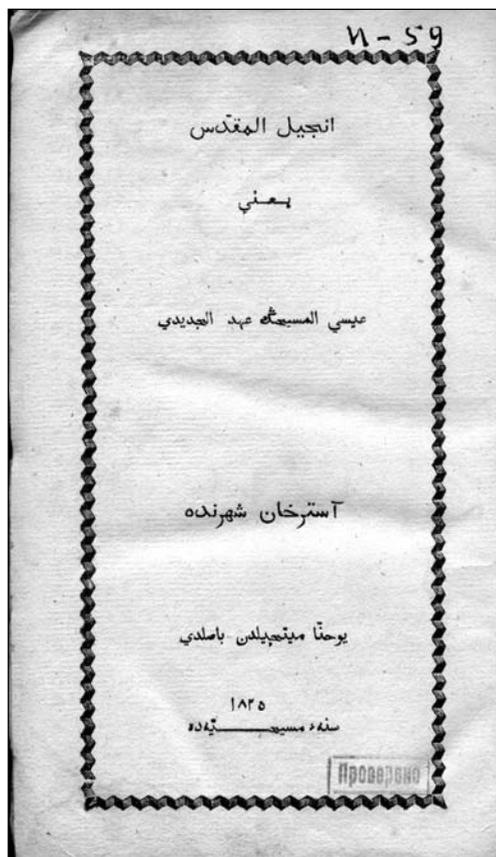
Конечно, не следует идеализировать взаимоотношения «новокрещеных» и некрещеных татар. Для татар-мусульман крестившийся, пусть по принуждению или в силу трудных жизненных обстоятельств, все же был лицом, потерявшим «чистоту» своей природной веры, вынужденным, несмотря на свою приверженность исламу, посещать церковь, крестить своих детей, хоронить умерших родственников по православному обряду. Двойственное положение «новокрещен», придававшее им маргинальный статус внутри татарского общества, вынуждало их искать пути к легализации своего действительного конфессионального статуса.

Первая такая попытка была предпринята в 1802–1803 гг., когда о своем желании открыто исповедовать ислам заявили крещеные татары деревень Маклаково, Базлово, Ишеево, Андреевка Васильсурского у. Нижегородской губ. [РГИА, ф.796, оп.84, д.4, л.31]. Движение затронуло также соседнюю Казанскую губ., хотя здесь случаи отхода от православия были единичными [Малов, 1868–1870, с.325]. В ходе расследования причин «отпадений» в Нижегородской губ. выяснилось, что эти татары, несмотря на принятие православия, продолжали исполнять мусульманские обряды, отдавать своих детей для обучения в мусульманские школы [РГИА, ф.796, оп.84, д.4, л.33]. «Отпавшие» не только не знали православных молитв, но и не имели никакого представления о христианской традиции. В то же время они хорошо разбирались в мусульманском вероучении, а один из организаторов движения – Василий Евстифьев умел читать на арабском и персидском языках [Ильминский, 1883, с.67].

Движение 1802–1803 гг. носило пассивный характер, и после вмешательства

местной администрации основная масса «новокрещен» формально вернулась в православие [РГИА, ф.815, оп.15, д.237, л.3]. Хотя жесткими действиями удалось на время приостановить процесс возвращения крещеных татар в ислам, реальных возможностей кардинально решить данную проблему у властей не было. Местное церковное и светское руководство довольно смутно представляло причины этого явления, списывая «отпадения» на внешние факторы, в то время как истинные причины желания «новокрещеных» татар исповедовать ислам лежали намного глубже и были связаны с желанием сохранить татарское этническое и культурное самосознание, возможное только в рамках мусульманской общины.

В 1811 г. и 1824 г. произошли новые «отпадения», охватившие три деревни Чистопольского у. Казанской губ. [Малов, 1868–1870, с.229]. В 1825 г. на высочайшее имя было подано два прошения о желании вернуться в ислам от крещеных татар Елабужского у. Вятской епархии [РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, л.11]. Еще большие масштабы движение приобрело в 1827 г., когда только по официальным данным о своем желании публично исповедовать ислам заявили 3274 чел., проживавших в Свияжском, Цивильском, Тетюшском, Буинском, Симбирском, Ставропольском уездах Казанской епархии, Бузулукском у. Оренбургской епархии [РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, л.159]. В этом случае коронация Николая I сыграла определенную роль, но имели место и другие обстоятельства. Одним из формальных поводов к началу массового отхода от православия послужили распространившиеся слухи о разрешении крещеным татарам исповедовать ислам. Важную роль в усилении этих слухов сыграло постановление казанского губернского правления от 13 марта 1826 г., согласно которому числившимся по VII ревизии крещеным татарам деревень Азеево и Ромашкино Казанской губ. (44 чел.) было разрешено исповедовать ислам. Поскольку местная православная консистория не смогла доказать факт их крещения (пожар 1815 г. уничтожил большинство ее документов), власти признали, что эти татары действительно не были крещены и, соответственно, должны считаться мусульмана-

Титульный лист Евангелия на татарском языке
«Инжил эл-меккадэс» (Астрахань, 1825).

ми [Малов, 1868–1870, с.331–332]. Следует подчеркнуть, что власти в данном случае не разрешили возвращение в ислам, а лишь согласились исправить ошибку. Но в татарских деревнях это создало впечатление, что именно крещеные снова стали мусульманами и поэтому другие тоже могут ими стать. Именно это стечение обстоятельств послужило основой движения 1827 г.

В своих прошениях крещеные татары приводили ряд аргументов, которые, по их мнению, оправдывали бы положительный ответ властных структур на их просьбы. В частности, некоторые из них заявляли, что их предки были насильственно крещены и что они сами воспитаны как мусульмане. Другие сообщали, что обстоятельства крещения их предков совершенно неясны или что предки приняли христианство, чтобы избежать рекрутства. Некоторые вообще отрицали факт своего крещения, приписывая свой официальный статус ошибке или

махинациям местного православного духовенства. Почти во всех случаях просители выражали готовность выполнить волю государя и подчеркивали, что их желание исповедовать ислам вовсе не мешает им быть верными подданными [РГИА, ф.797, оп.3, д.12630, д.12644, л.2об.–3об., 50–51; ф.796, оп.108, д.595, л.9об.–10об., 13об.].

Активизация процесса возвращения в веру предков, который охватил территорию трех крупнейших поволжских губерний, вынудила имперское руководство предпринять решительные меры противодействия. Указом от 23 июня 1827 г. Синод предписал казанскому архиепископу Иону (Павинскому) учредить в епархии должности особых проповедников, назначаемых из числа священников, знающих языки местных народов, предоставить им наставления, татарские переводы Нового Завета и направить в селения «отступников» [ПСПр, т.1, №169]. На эти должности были назначены три протоиерея. Успех их деятельности зависел от местных условий, но в целом можно говорить о длительном процессе: проповедники, используя и метод убеждения, и принуждение, пытались заставить татар оставить свои «магометанские заблуждения». Осенью 1827 г. они столкнулись с незначительным сопротивлением со стороны просителей из Казанской губ. [Можаровский, 1880, с.131]. Большинство крещеных татар отказались от своих притязаний, когда убедились в отрицательной позиции верховной власти, и приписали свое «заблуждение» факторам, от них не зависящим [Werth, 2002, p.52–54]. И так, постепенно сокращая число сопротивляющихся, к началу 1830-х гг. местное епархиальное начальство смогло справиться с движением и отрапортовало, что «все почти означенные уездов крещеные татары, уклонившиеся в магометанство, познав свое заблуждение, обратились паки в Православную Греко-Российскую Церковь и таинства ея исполняют» [РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, л.120об.; ф.796, оп.108, д.595].

«Отпадения» в 1802 г., и особенно в 1827 г. показали, что церковные власти должны были более активно заниматься христианским просвещением крещеных татар. Эта деятельность включала в себя три основных направления: перевод христианских богос-

лужебных книг на татарский язык, организацию института православных миссионеров, учреждение на базе Казанской духовной академии (КДА) противомусульманского отделения.

В течение первой половины XIX в. было предпринято несколько попыток по переводу православной духовной и богослужебной литературы на татарский язык. В 1803 г., в связи с массовыми «отпадениями» в ислам «новокрещен» в Нижегородской губ., Александр I предписал руководству Поволжских и Сибирских епархий организовать работу по переводам на татарский язык символа веры, десятилетия и некоторых общеупотребительных молитв [ПСЗ-1, т.27, №20535]. Отдельным изданием эти переводы, подготовленные на базе КДА (старой) при участии преподавателя татарского языка Казанской гимназии Исхака Хальфина, были изданы в 1805 г. [Ильминский, 1883, с.170; Каримуллин, 1983, с.236–237]. В 1820 г. Российским библейским обществом был осуществлен перевод на татарский язык Нового Завета [Знаменский, 1892а, с.33–34]. В дальнейшем основную работу по переводам на татарский язык православных книг взяла на себя созданная в 1847 г. в Казани по поручению обер-прокурора Синода А.Н.Протасова Переводческая комиссия при КДА².

Как отмечали впоследствии сами миссионеры, эффект от этой большой и кропотливой работы нескольких поколений переводчиков оказался минимальным. Отсутствие опыта по переводам, несовершенство терминологического аппарата сделали эти переводы «маловразумительными» [Ильминский, 1856, л.21]. Кроме того, почти во всех этих работах использовалась арабская графика, текст был насыщен арабскими и персидскими заимствованиями, что делало эти книги понятными только для узкого круга татарских интеллектуалов и абсолютно непонятными для крещеных татар, оторванных от высокой исламской образованности

и культуры. К восприятию этих переводов не было готово и православное духовенство крещено-татарских приходов, которое не знало татарского языка.

К середине 1830-х гг. миссии были учреждены практически во всех епархиях Волжско-Камского региона. В случае Казанской и Вятской губерний это было прямым ответом как на «отпадения» крещеных татар, так и на большое «языческое» богомолье среди марийцев, обнаруженное властями в 1828 г. Симбирская епархия, учрежденная в 1832 г., получила собственную миссию в 1836 г. В каждом случае миссия состояла из проповедников, которые путешествовали по своему округу, помогали местному духовенству утверждать крещеных «инородцев» в православии, крестить мусульман и «язычников».

Судя по всему, внимание этих миссий было сосредоточено на нетатарских народностях края: вятские миссионеры действовали среди марийцев и удмуртов, а в Симбирской епархии основным объектом миссионерского внимания были чуваша. В своем миссионерском проекте даже архиепископ Казанский Филарет (Амфитеатров) подчеркивал потребность работать, прежде всего, среди чувашей, которые составляли самую большую группу крещеного нерусского населения губернии.

Однако это не означало, что церковные власти вообще упускали татар из виду. Напротив, к 1840-м гг. стало понятным, что татары и ислам представляют «особое затруднение», требующее особых средств. Именно с этой точки зрения следует рассматривать организацию т.н. противомусульманского миссионерского отделения, открытого при КДА в 1854 г. [НА РТ, ф.10, оп.1, д.1324, л.1].

Наряду с формами христианско-просветительской деятельности, с середины 1830-х гг. церковные власти при поддержке государственных структур все активнее стали прибегать к принудительным методам борьбы с «отпадениями». Это было связано с усилением движения «новокрещен» в Закамских районах Казанской и Симбирской губерний (Чистопольский, Спасский, Буинский, Симбирский уезды), а также в Бузулукском у. Оренбургской губ. В отли-

² Переводческой комиссией при КДА были переведены «Литургия Иоанна Златоуста с Чинном Обедницы» (1850 г.), «Деяние Апостолов» (1852 г.), «Часослов» (1852 г.), «Новый Завет» (1855 г.), «Псалтырь» (1862) [НА РТ, ф.10, оп.1, д.292, д.822, д.1185; Знаменский, 1894, с.243].

чие от прежних случаев эти «отпадения» с самого начала приобрели организованный и упорный характер. Местное епархиальное руководство уже не могло справиться с ними путем уговоров и угроз. В создавшихся условиях стала разворачиваться акция по переселению «отпавших» в русские селения [РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, лл.186–190]. Всего с 1834 г. по 1850 г., по неполным данным, по высочайшей воле было предписано переселить в русские селения 2696 крещеных татар и чувашей Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний [ГАСО, ф.32, оп.1, д.232, л.2, 144; НА РТ, ф.4, оп.86, д.66, л.79; оп.72, д.12, л.1–2; ф.13, оп.1, д.67, л.32; д.99, лл.8–10; ф.1, оп.2, д.745, л.20; ГАУО, ф.322, оп.3, д.8, л.119; Мартынов, 1903, с.327–328].

Неповоротливость административно-полицейской системы николаевской России и злоупотребления чиновников превращали переселения в жестокую экзекуцию, подрывали экономическое состояние крестьянских хозяйств «отпавших» [НА РТ, ф.1, оп.2, д.292, л.1–1об.]. Положение усугублялось и тем, что местные власти не утруждали себя внимательным разбором этого сложного вопроса. Сами действия носили явно репрессивный характер и направлены прежде всего на запугивание «отступивших» с целью возвращения их в православие.

Несмотря на жесткие действия властей, полностью подавить движение не удавалось. В начале 1840-х гг. были зафиксированы новые случаи отхода крещеных татар от православия. К 1844 г. число «уклонившихся» в ислам достигло 4448 [РГИА, ф.796, оп.125, д.1518, л.14]. Вероятно, одной из причин такого массового «отпадения» стало введение в 1841 г. нового Устава духовных консисторий, который требовал от православного духовенства сообщать церковным и даже гражданским властям обо всех православных прихожанах, не исповедующихся и не причащающихся в течение 2–3 лет [ПСЗ-2, т.16, №14409]. Таким образом была выявлена многочисленная группа «тайных» мусульман, не подававших прошений и не заявлявших официально о разрыве своей связи с православной церковью, но, тем не менее, не исполнявших ее предписаний и тайно исповедовавших ислам. В ответ на усиление «отпадений», которые власти

стали расценивать как серьезную угрозу интересам православной церкви и государства, правительство пошло на дальнейшее ужесточение мер борьбы с отходом «новокрещен» от православия. Наряду с переселениями и возбуждением судебных дел против «совратителей», на основе высочайше утвержденных указов от 20 ноября 1849 г. и 4 июля 1855 г. стали применяться такие меры, как расторжение браков, совершенных по мусульманскому обряду, отобрание детей у родителей до возвращения их в православие, их принудительное крещение [НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.232–233]. Но даже самые жесткие административные меры теряли свою эффективность в борьбе с реисламизацией крещеных татар. Как показала практика, действия властей приводили лишь к озлоблению основной массы «отпавших» и осложнению межконфессиональной ситуации в регионе. Вследствие массовости «отпадений» в ислам переселять «уклонившихся» в русские селения становилось все сложнее. Высочайшие указания о массовом переселении «отпавших» с середины 40-х гг. XIX в. практически перестали выполняться, принятие решения по данным делам затягивалось на неопределенное время [НА РТ, ф.2, оп.1, д.1372, л.1].

Еще большие проблемы возникали у местных властей с крещением детей «отпавших». «Уклонившиеся» в ислам, согласно наблюдениям местных чиновников и полицейских, готовы были скорее подвергнуться суду и ссылке в Сибирь, чем отдать своих детей для крещения православным священником.

Не лучше обстояло дело и с борьбой против «незаконных браков». Согласно указу Синода от 23 мая 1855 г., «вступивших... в супружество, без всякого обряда, если окажется, что жены их крещены, принять меры к соглашению их на брак по христианскому обряду; но в случае несогласия их на то, выслать их в прежнее жительство, и подчинить их строгому надзору сельского общества» [НА РТ, ф.4, оп.86, д.66, л.24об.–25]. Попытки властей реализовать данное предписание привели к сильным волнениям, вылившимся в акции массового неповиновения. Даже там, где полиции посредством частей внутренней стражи удавалось выслать жен к ро-

дителям, они при первой же возможности возвращались к своим мужьям [НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.237].

Массовость движения и упорство его участников в отстаивании своих прав привели к тому, что организация и рассмотрение дел по этим вопросам затягивались на долгие годы. Суды и уездные управы были

буквально завалены нерешенными делами об «отпадениях» [НА РТ, ф.13. оп.1, д.322, л.4об.].

Осознавая невозможность дальнейшего ужесточения административного преследования «отпавших», государство стало постепенно отказываться от репрессивных мер в отношении «неофициальных» мусульман.

§ 2. Особенности движения крещеных татар за возвращение в ислам в пореформенный период

Пол Верт

К середине 1860-х гг. вновь получило развитие массовое движение крещеных татар за возвращение в ислам. К концу десятилетия более 10 тыс. крещеных татар подали прошения с просьбой признать их мусульманами официально. «Отступническое» движение, начавшееся в Васильсурском и Сергачском уездах Нижегородской губ., быстро перекинулось в соседние уезды Казанской и Симбирской губерний, а затем пересекло Волгу и Каму и захватило восточную часть Казанской, южную часть Вятской и северо-западную часть Уфимской губерний. В 1867 г. обер-прокурор Синода сообщил МВД, что казанский архиепископ Антоний (Амфитеатров) «почти непрерывно» получает рапорты «о новых совращениях крещеных татар в магометанство десятками и семействами, тем же угрожают целые селения и волости» [РГИА, ф.821, оп.8, д.759, л.220; НА РТ, ф.4, оп.98, д.34, л.1]. Действительно, дело теперь касалось сотен селений. Почти все «новокрещеные» – в т.ч. те, которые вынуждены были остаться в христианстве в конце 1820-х гг., – отказывались от православия решительно и, в большинстве случаев, окончательно. Кроме того, отказалась от православия в пользу ислама даже часть т.н. «старокрещеных» татар, которые до сих пор считались неплохими христианами, а местами даже удмурты, чувашаи и марийцы. Словом, отступническое движение достигло совершенно нового географического и количественного масштаба.

Истоки возобновления отступничества следует искать в динамичной ситуации эпохи Великих реформ, когда многое – как плохое, так и хорошее – казалось возможным. Ведь

сама отмена крепостного права (1861 г.) и другие реформы коренных институтов самодержавия предполагали, что могут произойти существенные изменения в установленном порядке. В начале 1860-х гг. министр внутренних дел П.Валуев поднял вопрос о существенной реформе вероисповедной политики в империи, и хотя его предложения не осуществились, в марте 1865 г. были сделаны важные уступки лютеранам в деле вероисповедной принадлежности детей, рожденных в смешанных браках [Werth, 2008, p.296–331]. Поэтому крещеные татары могли надеяться, что реформа коснется и религиозной политики на восточной окраине империи и позволит им стать мусульманами.

Однако самые непосредственные причины возобновления «отпадения» относились к политике государства по этому вопросу в предыдущие годы. После «отпадения» 1827 г. власти переселили самых упорных отступников (иногда даже в Сибирь), и к 1834 г. уже была разработана политика переселения отступников, обычно внутри самой Казанской губ. Судьба двух групп возымела особое значение для интересующих нас событий. В 1841 г. 114 «уклонившихся» с семьями были переселены из Спасского в Мамадышский у. После того как все «увещевания» вернуться в православие оказались тщетными, в 1855 г. Секретный комитет по раскольникам приказал применить к ним более суровые меры: их некрещеных детей отбирали для воспитания опекунами; женщин, вышедших замуж после переселения, заставляли венчаться по христианскому обряду, а в случае отказа отделяли от своих мужей и возвращали к родителям. В 1856 г. эти меры были при-

Семья крещеного татарина Исидора возле своей новой избы в д. Большие Кибяк-Кози Лаишевского у. Казанской губ. Фото 1904 г.

менены к большой группе (1721 отступник). Они решительно сопротивлялись и жаловались в МГИ на отобрание детей и жен для крещения. МГИ их поддержало, заявив, что названные меры являются крайне тяжелыми для татар и противоречат его (МГИ) стремлению к «законности и гуманности» в своих действиях. Оно предложило приостановить применение этих мер до выяснения результатов деятельности Противомусульманского отделения КДА, открытого в 1854 г. Ввиду грядущей отмены крепостного права, решительного сопротивления отступников и сомнительных обстоятельств их первоначального крещения МВД согласилось с таким предложением. Вышеозначенные суровые меры были отменены для обеих групп в 1861 г. и 1865 г. соответственно.

Следует подчеркнуть, что эта отмена не означала, что государство признало отступников мусульманами. Это было лишь тактическим отступлением, сделанным правительством ввиду сложной ситуации, сложившейся к началу 1860-х гг. Неудивительно, однако, что крещенные татары смотрели на это иначе. Один предприимчивый татарин, Галим Самигулов, смог преподнести отступление правительства как положительный ответ на серию прошений, которые он подавал в Петербург от имени своей деревни в Чистопольском у. в течение 1850-х гг. Видимо, Самигулов убедил многих татар, что многочисленные прошения

и упорство принесут желаемый результат. Впоследствии он был объявлен одним из главных «подстрекателей» к отпадению.

И действительно, миссионер Е.А. Малов, командированный Казанской духовной консисторией в Свяжский, Тегюшский и

Буинский уезды в конце 1865 г. – начале 1866 г., нашел, что многие деревенские жители были убеждены в том, что император издал закон, позволяющий крещеным татарам исповедовать ислам. Возникли даже слухи, что прошения по этому поводу будут приниматься только до начала наступающего 1866 г., что, конечно, подало повод «отпасть» как можно скорее. В начале 1866 г. полицейские чиновники обнаружили в Казани группу татар из пяти разных уездов, в т.ч. Самигулова, писавших прошения и копировавших официальную переписку по этому вопросу с целью ее распространения в крещено-татарских селениях.

«Отпадение» обычно происходило следующим образом: сход крещеных татар решал отпасть и выбирал представителей для поездки в Казань с целью подачи прошения императору. Потом прихожане отправлялись к местному священнику или в волостное правление для заявления, что они больше не будут исполнять христианские обязанности. Судя по всему, «отпавшие» считали, что такая процедура уже составляет их отпадение в официальном порядке и полагали себя мусульманами в полном смысле слова. После этого «отпавшие» одевались по-татарски, мужчины брили головы и надевали тюбетейки, таким образом становясь мусульманами «наружно».

Власти старались противодействовать «отпадению» двумя способами. Кроме

обыкновенного призыва к священникам «увещевать» крещеных татар, епархиальное начальство отравило Е.Малова и, позднее, крещеного татарина Василия Тимофеева в селения, где произошло «отпадение». Можно легко представить себе, что «увещевания» не производили почти никакого воздействия на крещеных татар, и что, по большому счету, церковь мало что могла сделать без помощи светских властей. Как заявила газета «Современный листок», приписывая «политическое» значение отступническому движению, «приходские священники без содействия правительства в таком деле ничего не могут сделать, как бы хорошо они ни знали татарский язык и мухаммеданский закон и какое бы то ни имели усердие к делу обращения заблудших» [О религиозно-политическом, 1866].

Поэтому светские власти были вынуждены принимать активное участие в этом деле, прежде всего для того, чтобы разубедить просителей в том, что они теперь имеют право считать себя мусульманами. МВД приказало казанскому губернатору сообщить просителям, что «домогаательства их в отношении к обращению в магометанство никогда не могут быть приняты правительством во внимание, и что внушающие им противное этому обманывают их и злоупотребляют их доверчивостью» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.231, л.6]. Впоследствии вице-губернатор Е.Розов отправился в крещено-татарские селения для такого торжественного объявления в сопровождении Н.Ильминского, хорошо знавшего по-татарски. Но, несмотря на такое объявление, подавляющее большинство просителей категорически отказались от возвращения в православие. Как заявил губернатор Н.Скарятин, просители «остаются в том убеждении, что отказ этот последовал не от Государя Императора, а от местного губернского начальства» [КЦКТШ, 1887, с.280–281]. Даже возвращение подлинных прошений с отказом не могло свернуть просителей с избранного пути.

Далее светские власти сосредоточились на т.н. подстрекателях с предположением, что за «отпадением» стоит всего лишь несколько «агентов», возбуждающих общую массу крещеных татар. Дело, однако, осложнял вопрос о том, преследовать подстрекателей по суду или применить адми-

нистративные меры. Между тем некоторые «отпавшие» жаловались на то, что их задержали как «подстрекателей», объясняя, что «отпадение» было общим делом их селений и что они не должны сидеть, пока их товарищи находятся на свободе. Им было совершенно непонятно, сколько еще придется сидеть и как они смогут потом поправить свои хозяйственные дела, поскольку «все разорится в их отсутствие». К концу 1860-х гг. МВД посчитало, что они действительно должны быть освобождены ввиду того, что уже немало времени провели в тюрьме. Хотя некоторые из главных «подстрекателей» в конечном итоге были сосланы в Сибирь, Министерство юстиции решило закрыть судебные процессы, и осенью 1869 г. задержанные были выпущены.

Можно предположить, что это обстоятельство подняло новую волну «отпадений», так как крещеные татары в других селениях пришли к выводу, что местные власти не имеют оснований препятствовать их возвращению в ислам. Как сообщал в конце 1869 г. один благочинный, отступники говорили, что многие татары, «хотя судились и сидели за отпадение от Христианской веры в тюремном замке, ныне отпущены и живут свободно по-магометански» [РГИА, ф.821, оп.8, д.763, л.238об.–239].

В целом следует констатировать, что во властных структурах имели место разногласия относительно метода противостояния отпадению. Одни чиновники считали необходимым действовать решительно, другие сомневались в эффективности и целесообразности применения жестких мер. На местном уровне судебные следователи иногда освобождали «подстрекателей» за неимением улик. Крещеные татары, «видя, что власть одна парализует другия», пришли к убеждению, «что закон нисколько не запрещает отступать от православия, а становой пристав, волостное правление и священник незаконно препятствуют их стремлению к переходу в магометанство» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.231, л.63об.].

Несмотря на склонность чиновников подчеркивать роль «подстрекателей» в деле «отпадения», они вынуждены были признать, что стремление крещеных татар к исламу имело более глубокие корни. Возможно, как утверждали миссионеры, фор-

Крещеный татарин и «отпавший» в ислам
в с. Янцевары Лаишевского у. Казанской губ.
Фото 1904 г.

мальных знаний об исламе у некоторых крещеных татар было мало, но судя по всему они знали много легенд, песен и рассказов исламского характера, так что их знакомство с мусульманством в народной форме нельзя было отрицать [Кефели, 2005, с.539–569]. Во многих случаях крещеные татары жили с мусульманами в одной деревне, что не только позволяло им хорошо познакомиться с исламом на бытовом уровне, но и заставляло их иметь тесные контакты с мусульманами во многих сферах. Отходничество многих крещеных татар привлекло их в более широкий мусульманский мир, так как они часто работали у мусульман в других губерниях. В этом контексте им было выгодно не подчеркивать или даже скрывать свою принадлежность к христианству. Часто именно более состоятельный слой деревни принимал участие в отходничестве, тем самым влияя на остальных. Таким образом, христианство стало религией бедных. Между тем русские часто относились к крещеным татарам с долей пренебрежения, тем самым отталкивая их от христианства. Как поясняли некоторые татарские прихожане, «русские нас не любят, все бранят или смеются над нами, а мусульмане нас принимают ласково и крот-

ко обучают своей вере» [Тимофеев, 1872, с.486]. Православные священники иногда требовали слишком большую плату от своих татарских прихожан за выполнение религиозных треб, что создавало еще один повод для «отпадения».

Думается, основной причиной «отпадения» был тот факт, что идея обращения нарушала коренные представления об идентичности татар, которые смотрели на христианство как на «русскую веру». С этой точки зрения принятие ислама воспринималось крещеными татарами как возвращение к истинной общности, т.е. как воссоединение со своими исконными общинами (независимо от того, так ли это было на самом деле), а не обращение. Когда крещеные татары «отпадали», они часто говорили именно о возвращении в «старую веру», веру своих предков. С другой стороны, относительно недавнее появление христианства в регионе и его отчетливая связь с чужим народом (русскими) делали его принятие более радикальным отказом от прошлого. Словом, в 1860-е гг. было мало реальных возможностей стать христианином, сохраняя «татарскость».

В конечном итоге многим чиновникам и церковным деятелям пришлось признать, что крещеные татары – христиане только по имени. Но допустить их возвращение в ислам было невозможно по двум причинам. Во-первых, закон категорически запрещал отпадение, и оснований для исключения из этого правила не было. Это составляло бы коренной отказ от одного из основных принципов российского конфессионального государства XIX в. Во-вторых, даже те, кто сильно критиковал миссионерскую деятельность предыдущих десятилетий и веков, признавали, что формальная принадлежность к христианству во многих случаях составляла необходимое условие для «христианского просвещения» в будущем [Малов, 1865, с.451].

Следует подчеркнуть, что среди крещеных татар «отпадение» не было всеобщим. Правда, почти все «новокрещеные» татары отпали в 1860-е гг., и дело теперь касалось «старокрещеных» татар, а также других крещеных нерусских – чувашей, марийцев, и удмуртов, не имевших исторической связи с исламом. Но во многих других общинах эта идея была встречена с неуверенностью. Дело

не только в том, что открытое «отпадение» составляло риск, за который можно было подвергнуться уголовной ответственности, но и в том, что у большинства крещеных татар религиозные склонности были противоречивы и не полностью определены. Если одним из них нетрудно было выбрать путь в ислам, то другие – особенно «старокрещеные» – вставали перед сложным выбором и сомневались в том, как поступить. Источники свидетельствуют о конфликте между отступниками и оставшимися в христианстве в одной деревне и, иногда, в одном семействе. Временами отступники даже возвращались в христианство, что являлось свидетельством их неуверенности в своих религиозных убеждениях. Иногда крещеные татары всячески противостояли любым попыткам обратить их в ислам. Существовали целые общины и волости, в которых «отпадение» было весьма ограничено, прежде всего в уездах, пограничных с Казанской, Вятской и Уфимской губерниями. Эти географическое средоточие старокрещеного мира – очаг «кряшенской» идентичности, которая получила дальнейшее развитие в системе Ильминского и просуществовала вплоть до наших дней.

Действительно, «отпадение» стало главным стимулом для реформы миссионерских методов, весьма энергично предпринятой Ильминским и его крещено-татарским коллегой Василием Тимофеевым. Борьба с отступничеством перешла в другое русло: стали открываться миссионерские школы в крещено-татарских и других «инородческих» селениях, начала активно проводиться политика назначения священников и учителей из числа нерусских, улучшались переводы и распространение религиозных книг среди нерусского населения, литургия стала совершаться на «инородческих» языках. Безусловно, такие меры не везде пользовались успехом. Однако эта попытка «просвещать инородцев чрез самих же инородцев» [Машанов, 1892, с.184] оказала заметное воздействие на жителей многих крещено-татарских и других «инородческих» селений. Постепенно христианство становилось доступным именно в нерусской форме.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют нам нарисовать отчетливый социальный портрет тех, кто принимал христианство, отказываясь от ислама. Видимо,

во многих случаях для предотвращения возникновения идеи об «отпадении» было достаточно, чтобы в какой-нибудь деревне открылась православная школа. И точно также в большинстве случаев никакие энергичные попытки православия не могли обратить вспять «отпадение», после того как оно началось. Многие утверждали, что присутствие одного ученика КЦКТШ могло решающим образом повлиять на настроение всей деревни, «потому что, если из какой-нибудь деревни учился один мальчик, то через него мысль о пользе грамотности и желание приехать учиться в нашей школе уже переходит ко всему почти поколению деревни» [Ильминский, с.107].

Что касается «отпавших», то после 1860-х гг. ситуация зшла в тупик. С одной стороны, в руках правительства и церкви не было средства, которое заставило бы крещеных татар вернуться в православие. С другой стороны, государство упорно не признавало их мусульманами.

Между тем отмечались новые случаи «отпадения». В 1870-е гг. они касались прежде всего «старокрещеных» татар Казанской и Вятской губерний, а в начале 1880-х гг. движение перекинулось в Мензелинский у. Уфимской губ., где жители ряда «старокрещеных» селений подали прошения о разрешении перейти в ислам [ЦИА РБ, ф.И-11, оп.1, д.1390; РГИА, ф.821, оп.8, д.786]. Следует заметить, что крещеные чуваши, удмурты и марийцы, часто имевшие тесные житейские и хозяйственные связи с мусульманами и «отпавшими» татарами, иногда присоединялись к движению и отказывались от христианства. В более восточных губерниях – Уфимской и Пермской – эта тенденция затронула и некрещеных чувашей, удмуртов и марийцев, т.е. язычников, несмотря на то, что правительство поставило целью препятствовать таким переходам. Принятие ими ислама давало повод для особенного волнения властей. «Отпадение» крещеных татар могло считаться «возвращением» конкретной группы к «природной» своей религии; но по ассимиляторским и цивилизаторским предположениям церкви и бюрократии переход в ислам нетатар – крещеных или некрещеных – составлял явное посягательство на достояние (хотя бы будущее) православия и «русскости» и возбуждал подозрение, что

мусульмане ведут активную пропаганду в нарушение закона, предоставлявшего право прозелитизма исключительно православной церкви.

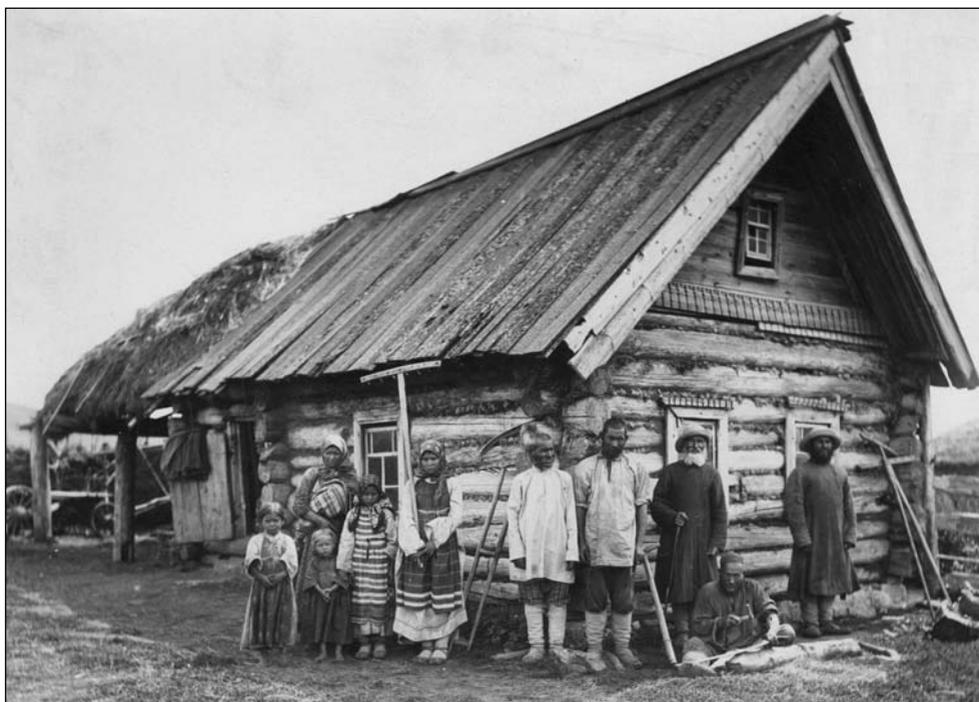
Несмотря на новые случаи, «отпадения» к 1880-м гг. просителями часто становились уже не только сами «отпавшие», а их дети и даже внуки, которые не были крещены и воспитывались в исламе (они лишь «подлежали» крещению по законам империи). В своих прошениях они настаивали на том, что не могут считаться отступниками, поскольку «эти так называемые отпавшие, не что иное, как дети и вообще потомки татар мусульман» [РГИА, ф.821, оп.8, д.774, л.56–56об.]. Такая смена поколений явно изменила картину.

Несмотря на это, самодержавие не было склонно идти на уступки. В целом церковные деятели настаивали на христианской принадлежности даже детей и внуков отступников. Как заявил К.П.Победоносцев, повторяя почти дословно рапорт казанского архиепископа, «предоставление же всем отпавшим права исповедовать магометанство составит торжество для злейших врагов христианства – магометан, усилит их фанатизм и пропаганду, послужит соблазном для слабых в вере и колеблющихся и во всяком случае грозит большим вредом для Святой Церкви» [РГИА, ф.821, оп.8, д.788, л.113об.–114]. Компромисс с «иностранными исповеданиями» стал менее вероятным в связи со «сценарием власти», разработанным в царствование Александра III и опирающимся, до известной степени, на православие, как источник единства русского народа с монархией [Вортман, 2004].

Следует констатировать, что с 1880-х гг. некоторые чиновники стали осторожно заговаривать о возможности признания отступников, или хотя бы некоторых из них, мусульманами из соображений административной эффективности – ради того, чтобы «избавиться» от этой проблемы. В 1894–1895 гг. просители из трех деревень «получили удовлетворение» ввиду их крайне отдаленной связи с христианством (правда, другие прошения получали отказ). Примечательно, что самодержавие пошло на ограниченные уступки «упорствующим в католицизме» (бывшим униатам) примерно в те же годы.

До известной степени вопрос об «отпадении» был разрешен в 1905 г., когда правительство узаконило переход из православия в другие христианские исповедания и разрешило «отпавшим» крещеным татарам и их потомкам считаться мусульманами официально. Уже накануне революции 1905 г. самодержавие сочло нужным решить судьбу разного рода «упорствующих» – бывших униатов, перешедших в православие из материальных соображений эстонцев и латышей, «отпавших» крещеных татар. Внимательно изучив историю формирования этих групп в начале 1905 г., ДДДИИ пришел к выводу, что все случаи отпадения от господствовавшей в России церкви находятся «в прямой зависимости от тех ненормальных условий, в которых происходило принятие иноверцами в России православия», т.е. не по убеждению, а насильственно или из материальных интересов. Странное положение этих несчастных людей «вызывает к необходимости для Правительства остановить дальнейшее течение этого хронического недуга» [Ячевский, с.8–10]. Между тем, в своих заявлениях в Комитет министров уполномоченные от Казанского мусульманского общества отмечали, что «отпавшие», «представляют собою нечто до крайности жалкое, скорбь вызывающее» и просили разрешить им «открыто и безбоязненно исповедовать Ислам с правом регистрации их в среду мусульманского общества» [Докладная записка, с.7]. Такое разрешение последовало в известном указе от 17 апреля 1905 г.

По данным ДДДИИ, таким разрешением воспользовались более 50000 чел. за период 1905–1912 гг. (за один только 1906 г. официально стали мусульманами более 33000 чел.) [РГИА ф.821, оп.10, д.252, л.235; оп.150, д.13, л.4а]. Судя по всему, желающие перейти в ислам практически не встречали препятствий, и прежде всего потому, что указ от 17 апреля имел в виду именно эту группу: «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедывающая ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки» [ПСЗ-3, №26126, с.259]. Для сравнения отметим, что крещеные «инородцы», желавшие вернуться в язычество, получали разрешение только в исключитель-

«Отпавшая» в ислам семья из с.Елышево Мамадышского у. Казанской губ. Фото 1904 г.

ных случаях, и вообще за 1905–1909 гг. по всей империи всего 150 чел. смогли перейти в язычество официально. И в западных губерниях возник ряд осложнений для тех, кто захотели считаться католиками после 1905 г. Таким образом, в сравнительном освещении «отпадение» у татар окончилось довольно благоприятно.

Каково историческое значение «отпадения»? Движение за переход в ислам являлось важным элементом консолидации татарского народа, поскольку его представители, отделившиеся от общей массы татарского населения через крещение, могли воссоединиться и составить одно целое с татарами-мусульманами. Но «отпадение» породило новый миссионерский проект, достаточно эффективный для «задержания» определенной части татарского населения – «старокрещен» – в христианстве. Таким образом, если считать «старокрещен» условно татарами, то следует признать, что консолидация татарского народа не могла полностью осуществиться на основе исла-

ма хотя бы потому, что часть этого народа отныне сознательно исповедовала другую религию. Отступническое движение наглядно продемонстрировало существенные недостатки ассимиляторского потенциала русско-православного элемента империи. Как поляки на западе империи, татары представляли собой соперника, способного не только сопротивляться попыткам ввести «русскую гражданственность» в регионах с татарским населением, но и объединить вокруг себя представителей других народов – чувашей, удмуртов и марийцев, которые, по представлению властей, подлежали «обрусению». Тот факт, что движение за переход в ислам достигло своего апогея именно в тот период, когда имперские власти стремились к более полной интеграции населения в подражание развивавшимся на западе национальным государствам, придавал ему особое значение. В конечном итоге это движение сыграло свою роль в развитии новых, более обширных понятий о религиозной свободе в России накануне событий 1905 г.

ГЛАВА 3

Национальная буржуазия в общественно-политических процессах

§ 1. Благотворительная деятельность татарской буржуазии

Радик Салихов

После вхождения татарской мусульманской уммы в состав российского православного государства, в условиях игнорирования властными структурами интересов инородческого и иноконфессионального населения, забота о духовных нуждах и проблемах татарского народа стала главным направлением частной филантропической деятельности. Вплоть до конца XVIII в. традиционная мусульманская благотворительность носила стихийный, во многом неуправляемый характер, что было обусловлено, прежде всего, низким уровнем экономического положения мусульманского населения и дискриминационной национальной политикой государства. В результате многие мусульманские общины владели жалкое существование и с большим трудом содержали мечети и проповедников. В дальнейшем, с развитием капиталистических отношений и реализацией либеральных реформ Екатерины II, ситуация в благотворительной сфере изменилась кардинальным образом. Эпоха просвещенной «веротерпимости», выразившейся в «дозволении» на строительство каменных мечетей и учреждении ОмДС, а также становление татарского гильдейского купечества способствовали стремительному увеличению благотворительных средств, систематическому поступлению пожертвований и адресному их распределению. Мобильная, социально активная, преуспевающая мусульманская буржуазия уже со второй половины XVIII в. начала формировать благотворительный капитал, который шел на строительство культовых зданий и зданий медресе, публикацию богословской литературы, на содержание имамов и муэдзинов, оказание материальной поддержки шакирдам, на благоустройство мест проживания мусульман. Кроме

того, представители татарского предпринимательства с помощью систематических пожертвований пытались вырваться за узкие сословные рамки, подняться на более высокий уровень общественного положения. Финансирование крупных социальных программ и неотложных государственных нужд, активное участие в попечительских советах различных учреждений и в работе благотворительных организаций имели решающее значение при награждении правительством отдельных предпринимателей почетными званиями, льготами, правами [НА РТ, ф.418, оп.1, д.240, л.1–2; Боханов, 1985, № 4, с.108–112]. Показателен пример Ибрагима Юнусова, одного из самых влиятельных татарских предпринимателей XIX столетия, который, благодаря активной и разноплановой благотворительной деятельности, имел обширные связи и авторитет в высших кругах не только Казани, но и столицы Российской империи. Купец трижды избирался городским головой Татарской ратуши Казани, т.е. был официальным лидером местных мусульман, гласным городской думы (1871–1886 гг.). Вместе с братом в 1844 г. он основал в Казани мусульманский детский приют – первое татарское благотворительное заведение, благополучно просуществовавшее до 1917 г. На нужды приюта Юнусовы пожертвовали 14 каменных лавок и отстроили для него двухэтажный каменный дом. Это первоклассное богоугодное заведение, второе по времени возникновения в Казани после Николаевского детского приюта, быстро превратилось в предмет гордости не только местных мусульман, но и всего населения города. Здесь ежегодно призревало до 30 мальчигов-сирот магометанского вероисповедания от 7 до 16 лет, которые получали одежду и пи-

тание, неплохое по тем временам образование, включавшее в себя обучение основам веры, шариата, арифметике, арабскому, персидскому и русскому языкам, а также квалифицированную медицинскую помощь. Все это, конечно, требовало немалых денежных средств.

За открытие детского приюта Ибрагим Юнусов был награжден золотой медалью и орденом Св. Анны III степени, а его брат Исхак

– золотой медалью и орденом Св. Станислава III степени и другими государственными наградами [ГА-ЭВ, 1996, №1–2, с.46–47]. Эти поощрения сыграли важную роль в присвоении братьям Юнусовым звания «коммерции советника», которое давалось «за оказанные Отечеству заслуги в распространении торговли, засвидетельствованные министром финансов», и соответствовало чину коллежского асессора. Братья Юнусовы так и остались первыми и единственными в истории татарами-торговцами, удостоившимися этого высокого звания.

Систематическая благотворительность способствовала упрочению влияния татарской буржуазии на жизнь традиционных мусульманских общин. В Казани, например, на средства благотворителей в XVIII – начале XX в. было построено 17 мечетей, причем лишь одна из них – мечеть Марджани – была возведена коллективными усилиями прихода. Монополизация благотворительности в приходах отдельными купеческими династиями, ее резко усилившаяся индивидуализация и зависимость от субъективных факторов, постепенное превращение богоугодного дела в инструмент карьеры и общественного влияния в корне противоречили коллективной сущности общины и не способствовали созданию надежной материальной основы для безбедного существования приходов. В случае смерти или отказа по каким-то причинам того или иного

Здание бывшего мусульманского детского приюта Юнусовых в Казани. Совр. ул.Тукая, 89. Фото 2005 г.

попечителя финансировать нужды мечети мусульмане, не имея других источников и способов пополнения общественной казны, оказывались в безвыходной ситуации. Так, банкротство текстильного фабриканта, 1-й гильдии купца М.М.Усманова сразу же лишило надлежащей экономической поддержки знаменитое медресе в Кшкарах, что стало одной из причин заката былой славы этого авторитетного учебного заведения.

Таким образом, усиление позиций национальной буржуазии, ее беспрекословное доминирование в городских махаллях, с одной стороны, обеспечивали приток благотворительных средств, появление вакуфов, а с другой – подавляли коллективную волю и инициативу прихожан, не предполагая их контроля и участия в филантропических действиях, что обуславливало неэффективность жертвуемого капитала, формальную размытость и, в некоторых случаях, даже необязательность таких институтов, как закят, вакуф и др.

Во второй половине XIX в. в связи с начавшимися масштабными преобразованиями в жизни российских мусульман традиционная мусульманская благотворительность, предусматривавшая сбор закята – налога с имущества на религиозные нужды и содержание неимущих, иные пожертвования натурального и финансового характера, обеспечивавшие духовные потребности мусульман, переживала период своего разви-

тия и трансформации. Именно в это время, в соответствии с задачами противодействия миссионерским устремлениям государства и создания серьезной финансовой базы для реформы конфессиональной школы, получила распространение практика передачи мечетей и общинам вакуфной собственности.

Рост вакуфной благотворительности был обусловлен укреплением экономических позиций мусульманского предпринимательства, потребностями самих общин, остро нуждавшихся в постоянных источниках дохода. И хотя институт вакуфа полностью отвечал требованиям необходимого компромисса между волей жертвователя и интересами всей махаллы, на начальном этапе своего становления – конец XVIII – начало XIX в. – он являлся лишь внушительным орудием влияния благотворителя и его семьи на единоверцев. Интересно, что в одном из первых официально зарегистрированных в Казани вакуфов, который в 1830 г. был заведен 1-й соборной мечети купцом Губайдуллой Юнусовым, совершенно не оговаривался порядок управления имуществом и контроля над его доходами. Благотворитель определил лишь направления для использования полученного капитала [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.4, д.15035, л.3]. Спустя годы имам мечети Ш.Марджани с горечью писал: «Его сыновья (Г.М.Юнусова. – *Р.С.*) пользовались этими лавками более сорока лет, присваивая себе доход мечети и не давая ни копейки ее имамам и муэдзинам. Как в таких условиях можно было говорить об уважительном отношении к духовным знаниям, о возможности их развития» [Марджани, 1989, с.221]. То же самое можно сказать и о вакуфе богатого маскаринского фабриканта Утямышева, наследники которого фактически отказывались выполнять волю жертвователя, мотивируя это отсутствием конкретной регламентации по исполнению завещания.

Во второй половине XIX в. развернулась борьба за перевод вакуфных средств из-под контроля отдельных богатых жертвователей и их семей в совместное ведение всех членов общины. Это позволило покончить с частыми злоупотреблениями в благотворительной сфере, сконцентрировать и направить капитал приходов на удовлетворение насущных потребностей мусульман, реформу конфес-

сионального образования. Заинителем этого процесса стал имам-хатиб 1-й соборной мечети г. Казани Ш.Марджани, который в 1870 г. при поддержке членов общины сумел ограничить власть бессменных попечителей махаллы – братьев Юнусовых. Создание им особого попечительства, целенаправленно и подотчетно обеспечивавшего экономическую самостоятельность общины, ознаменовало начало процесса коренной ломки прежних взаимоотношений в махалле. По инициативе Ш.Марджани, через кардинальное решение вопроса о прямом назначении вакуфов и их истинном собственнике, происходило строительство коллективной системы самоуправления в отдельно взятом мусульманском приходе.

Лицо, избираемое попечителем, наделялось всеми правами по ведению имущественно-хозяйственной, финансовой деятельности мечети и медресе с обязательной ежегодной подробной отчетностью [РГИА, ф.821, оп.133, д.477, л.155].

Попечительства создавались и по отдельным институтам махаллы, в частности Попечительство вакуфного имущества А.-В.Ю.Чукина при мечети Марджани обеспечивало жизнедеятельность особой школы для детей-сирот. Кроме того, в начале XX в. мусульмане создавали мутаввалиаты по управлению приходскими учебными заведениями без опоры на определенную вакуфную собственность. Вообще, реформа традиционной мусульманской благотворительности у татар, заключавшаяся в организации приходских попечительств и благотворительных обществ, преследовала цель не просто обеспечить достойное существование общинных институтов, но и стабильное финансирование джадидистских преобразований в мектебе и медресе.

По нашим подсчетам, в 1917 г. стоимость имущества, принадлежавшего махаллям в Казани, Оренбурге, Троицке и Москве, составляла около 550 тыс. руб. Самыми богатыми в России, благодаря поддержке А.Г.Хусаинова и других предпринимателей, были оренбургские общины. Им принадлежало капиталов и недвижимости на сумму 313 тыс. руб. Казанские махаллы располагали собственностью на 136 тыс. руб., московские – почти на 50 тыс. руб., троицкие – на 46 тыс. руб.

Необходимо отметить еще одно важное следствие перемен, произошедших в благотворительной сфере, – все более усиливающийся социальный характер личных завещаний видных представителей мусульманской буржуазии. Ярким примером тому является последняя воля крупного предпринимателя, основателя джадидского медресе «Хусаиния» в Оренбурге А.Г.Хусаинова (1837–1906), который в конце своей жизни завещал на нужды национального образования около 500 тыс. руб., заключенных в вакуфном имуществе. В завещании купца, помимо фиксации традиционных для мусульманина воздаяний, фактически была сформулирована долгосрочная программа по финансированию и развитию татарского конфессионального и светского образования, предусматривавшая создание солидных вакуфов при крупнейших джадидских медресе, существование системы целевых стипендий на обучение талантливых шакирдов в средних, средних технических и высших учебных заведениях России, в мусульманских образовательных центрах арабского Востока, а также наличие своеобразных «грантов» на написание и издание научно-популярной, учебной и просветительской литературы [ЦИА РБ, ф.И-295, оп.6, д.1386, л.1–10]. Благодаря завещанию А.Г.Хусаинова махалля 6-й соборной мечети Оренбурга, где находилось одно из самых известных и авторитетных джадидских учебных заведений – медресе «Хусаиния», стала самой богатой в России мусульманской общиной, чья собственность оценивалась более чем в 300 тыс. руб. Купец также предусмотрел направление доходов с капитала в 120 тыс. руб., помещенного под залог доходных домов в Казани, на издание литературы религиозно-нравственного и просветительского характера, а также на выдачу пособий мугаллимам, преподающим по новому методу в 60 медресе. Безусловно, благотворительный акт А.Г.Хусаинова стал своеобразной кульминацией в реформировании традиционной мусульманской филантропии. Он учитывал интересы не какой-то конкретной мусульманской общины, а нужды всей системы конфессионального образования, переживавшей сложный и противоречивый процесс реформирования.

Положительный опыт концентрации благотворительного капитала на уровне локальных мусульманских общин позволил буржуазии освоить новые организационные формы филантропической деятельности. Речь идет о мусульманских благотворительных обществах, получивших распространение у татар в пореформенный период.

Касимовское мусульманское благотворительное общество, чей Устав был утвержден 8 октября 1897 г., приступило к деятельности 18 февраля 1898 г., т.е. фактически вслед за Касимовской противомусульманской миссией, учрежденной 2 июня 1897 г. Поэтому для данной общественной организации, созданной богатой и влиятельной мусульманской буржуазией на волне усилившихся «охранительных настроений», с самого начала приоритетной задачей стала борьба с бедностью и неграмотностью как важнейшими факторами конфессиональной и национальной ассимиляции татар.

Кстати, Устав общества, в первых своих параграфах, предусматривал ведение широкой просветительской деятельности и публикацию литературы нравственного содержания. Очевидно, что все основные силы касимовские мусульмане направили на осуществление своеобразной «контрпропаганды», пытаясь противостоять идеологическому наступлению миссионеров. Уже через год после начала деятельности общество насчитывало в своих рядах 252 члена – 33 почетных, 175 действительных и 44 члена-соревнователя. Ведущую роль в нем играли представители предпринимательства. Впоследствии, с ростом финансового благосостояния общества, заметно снизилось и количество его членов, так как дееспособность организации уже не зависела от небольших фиксированных сумм членских взносов. Так, в 1916 г. общество имело в ценных бумагах и недвижимом имуществе весьма солидный капитал – 24704 руб. При этом годовой доход составлял 1793 руб. 90 коп, а расходы – 1326 руб. 21 коп. В составе общества в этот период числилось 107 членов. Среди основных направлений деятельности по-прежнему оставались выдача денежных пособий неимущим, поддержка учащихся и финансирование мусульманской библиотеки-читальни [Отчет, 1917, с.1–46].

Обращаясь к причинам массового появления в конце XIX в. мусульманских благотворительных обществ, следует отметить один важный момент. Это осознание представителями крупного предпринимательства и интеллигенции того, что нищета, бедность и невежество мусульманского населения являются определяющим условием для отхода от принципов исламского образа жизни, страшным социальным бедствием, подрывающим фундаментальные основы веры. Интересно то, что одним из важных факторов, заставивших казанских предпринимателей объединить свои благотворительные усилия в рамках официально зарегистрированной организации, стала полемическая статья чиновника по особым поручениям при губернаторе З.Шамиля. В ней он с возмущением писал о вопиющем для богатого мусульманского сообщества Казани факте попрошайничества татарских детей у православных храмов [КТ, 1897, №1498, 14 дек.]. Таким образом, был поставлен вопрос о репутации всей мусульманской буржуазии, чей социальный успех и лидерство означали, не в последнюю очередь, организованную, систематическую и целенаправленную благотворительную деятельность среди единомышленников.

Поэтому не случайно одной из первых и наиболее крупных организаций подобного рода являлось «Общество пособия бедным мусульманам г.Казани», возникшее в 1898 г. Его пример является показательным с точки зрения развития систематической и целенаправленной благотворительной работы среди населения, не имевшего со стороны государства сколько-нибудь ощутимой поддержки.

Общество создавалось как массовая общественная организация, по составу своему не предусматривавшая каких-либо национальных, конфессиональных, сословных и иных ограничений. Ее члены подразделялись на три категории: почетных членов, пожизненных и действительных. Первые получали звание по постановлению общего собрания за особо крупные пожертвования, а также другие заслуги, способствовавшие становлению и развитию организации. Пожизненными членами благотворительного общества становились лица, внесшие в его кассу 60 и более рублей, действительными

ми – те, кто в течение года заплатил взнос в размере 5 руб. Членами Общества также являлись, по особому постановлению общего собрания от 28 марта 1904 г. и согласно параграфу 7 Устава, все указные муллы Казани. И хотя за участие в работе Общества не предусматривалось никаких поощрений и льгот, количество организованных мусульман-благотворителей в городе из года в год продолжало расти. Так, если в 1900 г. в нем состояло 9 почетных, 46 пожизненных и 49 действительных членов, то в 1911 г. – уже 15 почетных членов, 48 пожизненных и 233 действительных [Отчет, 1901, с.1–3; 1912, с.12–20]. Основными участниками Общества являлись представители городского предпринимательства.

Действенность Общества, его нормальная жизнедеятельность обеспечивались наличием 15 участковых попечительств – низовых структур организации, в компетенцию которых входили «забота о бедных, проживающих в их участке, собрание сведений о материальном их положении и оказании им в определенных правлении границах помощи...» [Устав, 1903, с.20]. Главами попечительств (избирались правлением) являлись члены Общества, в большинстве своем богатые предприниматели, священнослужители и просто уважаемые в округе люди.

Экономическую основу организации составил капитал, собранный русскими и татарскими благотворителями как в виде наличности, ценных бумаг, так и в недвижимости. Доходы формировались за счет целевых пожертвований на какие-то определенные задачи, арендной платы с доходной недвижимости, сбора закята, членских взносов, пожертвований по чековым книжкам, пособий от городской управы, сбора из кружек в участковых попечительствах, процентов с капитала. В дальнейшем, с окончательным формированием всех специализированных учреждений общества, заметно усилилась поддержка и со стороны городских органов самоуправления, земств, сословных организаций, пособия которых стали основным источником доходов организации.

Общество, обозначив своей целью «доказательство средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных мусульман г. Казани без различия пола, воз-

раста, званий и состояний» [Устав, 1903, с.3], четко определило основные направления работы. Помимо обычно практикуемых подобными институтами филантропических действий: выдачи единовременных и ежемесячных пособий, помощи с трудоустройством и жильем, экстренной помощи погорельцам и голодающим, Общество сразу же определило для себя приоритетными те направления деятельности, которые учитывали этноконфессиональные особенности татарского населения Казани.

Во-первых, для искоренения в городе нищеты оно предусмотрело выдачу денежных сумм для возвращения в родные места татарам-мигрантам, у которых по каким-либо причинам не сложились дела в Казани. Мера эта была, безусловно, своевременной, так как на рубеже веков в результате развития капиталистических отношений и разрушения патриархальных порядков в татарской деревне наплыв мусульман из сельской глубинки в торгово-промышленный центр губернии принял лавинообразный характер, что в итоге привело к резкому росту населения Старой и Новотатарской слобод и, соответственно, падению общего уровня жизни в них.

Во-вторых, Общество официально закрепило за собой право финансировать просветительскую деятельность среди мусульман [Устав, 1903, с.3–4]. Средства в основном направлялись на оплату обучения бедных шакирдов в средних и высших духовных заведениях России, на распространение литературы «нравственного содержания», а также на создание подведомственных Обществу русско-татарских начальных школ.

В-третьих, немалые суммы тратились на то, чтобы обеспечить городским мусульманам условия для неукоснительного соблюдения предписаний шариата. Устав предусматривал обязательную материальную помощь малообеспеченным семьям в деле организации похорон в соответствии с исламскими обычаями [Устав, 1903, с.3–4].

Перечисленные статьи расходов оставались неприкосновенными на протяжении всего существования «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани».

Возникновение специализированных заведений этой благотворительной организации обязано, главным образом, искреннему стремлению представителей прогрессивной

буржуазии и интеллигенции, составлявших большинство в правлении, к дальнейшему улучшению и развитию системы мусульманского общественного призрения.

К числу подобных учреждений прежде всего следует отнести мусульманскую богадельню. Фактически она начала свою работу 6 декабря 1900 г., имея собственный капитал в 13200 руб. процентными бумагами. Управлял этим заведением Попечительный совет. Непосредственно хозяйственную жизнь богадельни вел попечитель, избиравшийся общим собранием организации. В богадельню принимались лица м.п., не способные к личному труду, не имеющие родственников или лиц, «обязанных по закону давать средства на пропитание». Число призреваемых в богадельне ограничивалось 10, хотя при этом оговаривалась возможность увеличения или уменьшения этого количества в зависимости от состояния финансовых дел [Устав, 1903, с.1–14].

Богадельня размещалась в прекрасно оборудованном здании Общества (бывшем доме Юнусовых, ныне ул.Ф.Карима, д.4). В 1911 г., например, в ее стенах получали бесплатный кров, питание, одежду и медицинское обслуживание 13 стариков из разных уездов Казанской губ. [Отчет, 1903, с.6; 1912, с.7].

Следующим по времени возникновения заведением Общества (1902 г.) стала собственная его амбулатория, открывшаяся в здании богадельни. Здесь три раза в неделю больных бесплатно принимали лучшие врачи Казани, причем необходимые лекарства пациентам также выдавались бесплатно, за счет общества. Следует отметить, что это лечебное заведение завоевало широкую популярность в городе, и не только у татарского населения, но и среди русских жителей [Отчет, 1912, с.6].

В начале XX в. первый успех в создании благотворительных учреждений под эгидой Общества получил дальнейшее развитие. Усилиями членов организации 13 февраля 1905 г. в Казани был торжественно открыт детский приют (существовал с 16 ноября 1904 г.), второй в истории города мусульманский детский приют для мальчиков после аналогичного заведения братьев Юнусовых. В 1911 г. в приюте постоянно проживало 23 мальчика-сироты, которые

Мухаммадрахим Юнусов. Фото нач. XX в.

получали полный пансион. Кроме того, при приюте с 1909 г. существовало русско-татарское училище, где вместе с сиротами получали образование 58 проходящих мальчиков из бедных семей, а также русско-татарское женское училище, где обучались 82 девочки. Все ученики и ученицы училищ получали от Общества бесплатную учебную литературу [Отчет, 1912, с.8–13; НА РТ, ф.1, оп.4, д.6191; Отчет, 1906, с.3–6].

Последним крупным начинанием Общества, которое удалось довести до конца, стало учреждение мусульманского родовспомогательного отделения. Решение о его организации последовало на общем собрании 15 апреля 1906 г., затем в течение шести лет мусульмане города занимались сбором необходимых для этого средств. Наконец, 22 января 1912 г., истратив 15 тыс. руб., Общество получило собственный родильный приют, в котором мусульманки Казани могли рассчитывать на квалифицированное медицинское обслуживание.

В целом, мусульманскому благотворительному обществу, благодаря конкретной ежедневной деятельности и многопрофильному социальному призрению, удалось завоевать широкую популярность у жителей губернского центра. В 1914 г. Общество вовлекло в сферу своей деятельности 5220 чел., что составило 16,9% от численности

всего татарского населения города [Отчет, 1915, с.6–24].

Интересен, в частности, опыт работы Мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга. Возникло оно в 1898 г. по инициативе видных кавказских промышленников и коммерсантов, представителей тюркской знати, дворянства, интеллигенции³. Впрочем, сразу после возникновения общества его активными членами и щедрыми благотворителями стали именно татарские предприниматели, проживавшие в разных губерниях России: Рамиевы, Хусаиновы (Оренбург), Акчурины (Симбирская губ.), Алышевы, Байрашевы, Бекбулатовы (Касимов), Агафуровы (Екатеринбург), С.Шамигулов (Уфа) и др. Если учитывать разовые благотворительные сборы, то самыми отзывчивыми были также татарские купцы, обязательно откликавшиеся на просьбы и призывы руководства организации. Всего в 1898–1899 гг. в состав общества входило 125 членов.

Таким образом, общество оказалось в центре внимания всего национального предпринимательского класса, дворянства и интеллигенции, что было обусловлено его «столичным месторасположением».

Доходы общества в 1898–1907 гг. в среднем ежегодно составляли 4596 руб. и складывались из нескольких источников: с процентов капитала, составлявшего неприкосновенный фонд (12,6%); поступлений с ежегодно устраиваемых «восточных вечеров» (50,5%), членских взносов и разовых пожертвований (36,9%) [Ислам, 2009, с.157].

В 1906 г. было открыто первое в столице русско-татарское училище (контингент: 34 ученика, 16 учениц). Для столицы, где приходские организации мусульман были слабы, создание современного учебного процесса с преподаванием основ веры имело решающее значение и подготовило необходимые условия для воспитания подрастающего поколения в национальном духе. Дан-

³ Это бакинские 1-й гильдии купцы Ш.Асадуллаев, М.Нагиев, З.Тагиев, доктор медицины А.Ахундов, учитель С.Ганиев, генерал-майор, казахский султан Вали хан Гази Булатович, д.с.с. Д.С.Смольский и др. З.Тагиев заложил основы финансовой состоятельности организации, внося на ее счет 11 тыс. руб. [Отчет, 1909, с.31].

ное учреждение, являвшееся единственным собственным заведением Общества, было предметом его особой заботы и внимания. В 1913 г. программу училища привели в соответствие с требованиями МНП, увеличив курс обучения с 3 до 4 лет. Кроме того, были введены новые предметы – пение и рисование, одновременно повышено жалование всем учителям (до 600 руб.). Был введен в практику обязательный медицинский осмотр всех учащихся, а также проведение прививок их от различных заболеваний [Отчет, 1914, с.1–2].

Учитывая важнейшую роль образования в противодействии ассимиляционным процессам, 2/3 своего дохода мусульманское благотворительное общество тратило на просветительские нужды. Статьи расходов за 1908 г. дают общее представление об основных направлениях его деятельности: выдано пособий учащимся 1085 руб., вдовам и сиротам – 377 руб., на погребение – 30 руб., наем и содержание помещения правления и школы – 970 руб., типографские и почтовые расходы – 148 руб. 95 коп., изготовление жетонов – 94 руб. 50 коп., расходы на содержание кладбища – 36 руб., разные непредвиденные расходы – 32 руб. Вместе с остатком кассы Общество «имело расходов на 3442 руб. 13 коп.» [Отчет, 1910, с.3–4].

Следует отметить, что эта сравнительно небольшая и небогатая организация стремилась участвовать в финансировании российских социальных проектов. Так, в 1902–1903 гг. Общество отправило в пользу пострадавших от землетрясения в Средней Азии 493 руб. 60 коп., в 1905 г. воинам-мусульманам на Дальнем Востоке выслало 7500 молитвенников и 50 руб., в 1906–1907 гг. пострадавшим от неурожая в Оренбургской губ. – 200 руб. и т.д.

В 1913 г. мусульманское благотворительное общество учредило две стипендии им.

Г.Тукая (по 100 руб. каждая) для мусульман, обучавшихся в высших учебных заведениях столицы [Отчет, 1914, с.42]. Эти действия, несомненно, повышали авторитет организации в масштабах всей России, придавая ей одну из ключевых ролей в формирующейся системе финансирования национальных нужд.

Мусульманские благотворительные общества учреждались и для финансирования нужд какого-либо прихода. По сути, это были своеобразные попечительства махалли. Однако они объединяли жителей не только определенного квартала, но и всех мусульман населенного пункта.

Мусульманские благотворительные общества России в этот период, несмотря на разный характер и масштабы своей деятельности, имели одну общую цель. Она заключалась во всемерной поддержке этноконфессиональных, социальных и культурных потребностей населения. Суммарный капитал всех мусульманских благотворительных обществ империи не достигал и полумиллиона рублей, однако эффективная концентрация и целенаправленное расходование имеющихся средств позволяли решать непростые и злободневные проблемы.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. татарской буржуазии удалось создать собственную стройную и целостную систему финансирования национальных нужд, включавшую в себя элементы традиционной благотворительности (разовые пожертвования на нужды отдельных лиц и др.), специальные благотворительные организации социального обеспечения широких слоев татарского населения и попечительства махаллей, обеспечивавших стабильное экономическое существование мечетей и мусульманского духовенства, а также функционирование и реформирование мектебов и медресе.

§ 2. Участие татарской буржуазии в общественно-политических и социальных процессах

Радик Салихов

На протяжении многих десятилетий в отечественной историографии традиционно доминирует мнение о слабой общественно-политической активности мусульманского

предпринимательства во второй половине XIX – начале XX в. Например, Г.Ибрагимов в своей работе «Татары в революционном движении 1905 года», отмечая оппозици-

онность национальной буржуазии по отношению к самодержавию, одновременно указывал на ее нерешительность и неорганизованность, неспособность к открытому и жесткому противостоянию с властью. Ставя под сомнение ее самостоятельность в политическом процессе, он акцентировал внимание на делегировании буржуазией идеологических функций представителям дворянства, духовенства и интеллигенции [Ибраһимов, 1984, б.354–355]. Такая точка зрения надолго утвердилась в исторической литературе, где торгово-промышленному капиталу, как правило, отводилась роль социальной базы, вспомогательной силы, которая ограничивалась финансовой поддержкой каких-либо политических действий. На наш взгляд, подобное ограничение не совсем оправданно, так как оно не учитывает историю и природу массового движения мусульман по отстаиванию своих вероисповедных прав и автономии общин, возникшего в пореформенный период.

Характер политической деятельности татарской буржуазии, начавшейся задолго до 1905 г., определялся прежде всего охранительными задачами, имевшими своей целью противодействие миссионерской политике государства, проведение созвучных времени преобразований в духовно-просветительной, культурной и социальной сферах. В то же время важнейшим условием этой работы считалась легитимизация данных реформ как в глазах общества, так и имперской бюрократии. Эти обстоятельства диктовали особую форму политической активности буржуазии, выражавшейся в предельной осторожности, строгом следовании закону, использовании легальных методов общественной работы.

Первые признаки политического «брожения» в татарском обществе, отличавшимся последовательным консерватизмом и определенным социальным спокойствием, относятся к 70-м гг. XIX в., когда началась реализация правительственных мероприятий по подчинению автономной прежде системы мусульманского образования МНП. Она сопровождалась беспрецедентным вмешательством чиновничества в жизнь махаллей, ограничением прав приходских имамов, что на фоне не прекращавшегося давления миссионерских кругов, игнорирования конфессиональных потребностей и

грубого подавления общественных протестов способствовало консолидации мусульманской буржуазии вокруг охранительных задач. Речь идет о «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.

Однако уже первые попытки подчинить систему мусульманского образования, в основе своей грубые и непродуманные, уничтожили этот внешний налет «педагогичности» и выявили истинные агрессивные замыслы создателей постановления. Рост напряжения и пока глухого недовольства в татарском обществе был прямо пропорционален усиливающемуся прессингу в отношении духовенства, не желавшего вмешательства в дела медресе государственных структур. Поэтому укреплению доверия между мусульманами и государством не способствовал перевод в 1874 г. мусульманских учебных заведений в подчинение МНП.

Такая прямолинейная, недвусмысленная политика не могла не привести к волнениям и началу широкомасштабного национального движения, к первым такого рода явлениям после затянувшейся эпохи екатерининской «веротерпимости».

В период крестьянского движения 1878–1879 гг. именно предприниматели стали авторами первой политической программы мусульман России, заявившими во весь голос о своих требованиях конфессионального и национального равноправия. Данная программа была представлена казанскому губернатору 26 и 29 января 1879 г. самыми уважаемыми представителями татарского общества, крупнейшими предпринимателями и промышленниками⁴. Они намеревались (в составе особой депутации) ознакомить с ней министра внутренних дел. Об этом казанский губернатор 29 января 1879 г. конфиденциально сообщал последнему: «Ходатайствовать же у Вашего Превосходительства они желают: 1) о том, чтобы разделы магометанских наследственных имуществ производились достойнейшими религиозными имамами, т.е. по шариату, без участия гражданского отделения окружного суда, 2) освободить медресе, мударисов, имамов и вообще всех духовных

⁴ 1 гильдии купцы И.И.Апаков, М.-Ю.М.Апанаев, М.М.Азимов, коммерции советник И.Г.Юнусов, 2-й гильдии купцы М.И.Галеев и М.-Г.И.Утямышев.

лиц магометанской веры от ведения Министерства народного просвещения и чтобы не считалось обязательным знание русского языка для выше означенных духовных лиц и 3) о предоставлении льготы по воинской повинности магометанам шакирдам, обучающимся в духовном медресе на основании 62 ст. Уст. о воинской повинности. Кроме того, они намерены просить: а) о предоставлении всем магометанам – русским подданным права самим выбирать муфтия из среды духовного звания лиц, б) чтобы выбор заседателей магометанского духовного собрания из имамов дозволен был бы без различия для всех губерний, в) о прибавке жалованья заседателям магометанского духовного собрания и г) об освобождении по пятницам и вообще в магометанские табельные праздники всех лиц магометанской веры, находящихся в обязательных должностях, на службе, в качестве свидетелей и ответчиков в суде» [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 4468, л. 4–5]. Таким образом, речь шла не просто о предоставлении автономии мусульманским общинам, об установлении широких вероисповедных прав, но и об отмене уже принятых правительством решений.

Кстати, прошения, содержащие некоторые из указанных требований, ранее уже поступали в высокие инстанции и в других губерниях. В частности, известно, что 5 августа 1876 г. старший ахун ханской мечети г. Касимова Изатулла Давлекамов направил на имя муфтия рапорт с просьбой о ходатайстве перед правительством об освобождении мусульман от участия в работе суда по пятницам [ЦИА РБ Ф. И-295, оп. 3, д. 9111, л. 1]. Очевидно, что жалоба Давлекамова была обусловлена общей атмосферой второй половины 70-х гг. XIX в., когда повсеместно в мусульманских общинах империи росло недовольство государственной политикой по отношению к системе образования и институту исламского духовенства. Не случайно содержательная часть прошения была впоследствии включена отдельным пунктом в «программное» ходатайство казанских коммерсантов и промышленников.

По сути, власти ничего не могли противопоставить растущей активности представителей мусульманского предпринимательства, так как оно действовало строго в рамках законодательства, заранее избрав метод прошений и петиций. Отказ в прие-

ме казанской делегации, пытавшейся донести до сведения властей тревогу видных представителей мусульманских общин, откровенное нежелание рассматривать какие-либо просьбы только спровоцировало дальнейшую консолидацию буржуазии для решения насущных духовных проблем, приобретавших ярко выраженную политическую окраску.

Особо следует отметить тот факт, что татарские торговцы и промышленники М. М. Азимов, М. Ю. М. Апанаяев, М. И. Галеев, М. Г. И. Утямышев, И. Г. Юнусов, несмотря на активное противодействие местных и центральных властей, все же сумели в июне 1883 г. доставить в канцелярию императора новую петицию с требованием отмены контроля МНП над медресе и мектебами и об освобождении указных мулл от обязательного знания русского языка [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 15539, л. 23]. И хотя данная акция не дала результата, она еще раз подтвердила решимость представителей мусульманского капитала отстаивать самостоятельность приходской школы, а также обозначила их безусловное стремление возглавить нарождающееся общественное движение по защите махаллей от государственного и миссионерского давления [Алишев, 2000, с. 102].

Эта тенденция ярко проявилась в массовой кампании по отмене инициированного «Правилами» 1870 г. закона об образовательном цензе мусульманского духовенства, утвержденного 16 июля 1888 г. Данный документ в глазах татарского предпринимательства означал фактическое разрушение института приходского мусульманского духовенства и, наряду с переводом мектебов и медресе под контроль МНП, свидетельствовал об эскалации государственной миссионерской политики.

Центром организованных протестов буржуазии стала Казанская губ., где под руководством 1-й гильдии купца А. Я. Сайдашева велась массовая петиционная кампания по отмене дискриминационного закона. Причем ее полноправными участниками, помимо предпринимателей, были видные религиозные деятели, представители интеллигенции: Х. Г. М. Габаши, Г. Газеев, А. М. Кульмаметов, М. Салихов, М. Яхьяин, М. В. Шамсутдинов, Ш. Шамсутдинов,

Ахметзян
Сайдашев.
Фото нач.
XX в.

А.-Б.Апаков и др. В результате губернские власти пригрозили А.Я.Сайдашеву административной высылкой [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7797, л.211]. Впрочем, аналогичные ходатайства поступали и из других губерний. Как отмечает Д.Д.Азаматов: «Только в январе 1889 г. в Духовное собрание поступило 1000 коллективных прошений от более чем полумиллиона человек. 31 января 1889 г. в отсутствие муфтия религиозное учреждение обсудило петиции и пришло к выводу, что все мусульмане считают новый закон «... как явно служащий к уничтожению исповедуемой ими веры, стесняющий свободное отправление его, он не может быть исполняем в точном его смысле, так как правила исповедуемой ими религии возлагают на них безусловное слепое следование законам и установлениям властей лишь настолько, насколько они равны религии»» [Азаматов, 1999, с.153].

4 ноября 1889 г. МВД, сославшись на умеренность требований закона, отказало всем поступившим в его канцелярию прошениям [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7798, л.5].

Отрицательный ответ правительства не остановил мусульманскую буржуазию и духовенство от дальнейших действий. Известно, например, что А.Я.Сайдашев в декабре 1889 г. сумел организовать новые ходатайства от прихожан 13 мечетей Казани об отмене закона. Поездку казанской депутации финансировали купцы М.-В.Б.Тойкич, А.Я.Сайдашев, М.-С.К.Бурнаев, Х.Усманов, М.-С.Галикеев, собравшие 15800 руб. [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7798, л.112]. Несмотря на неоднократные посещения в течение апреля 1890 г. членами депутации столицы и передачи ходатайства в канцелярию императора,

добиться поставленной цели им не удалось [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7798, л.112].

Таким образом, возглавляемое крупной буржуазией мусульманское общественное движение продолжало открыто оппонировать официально утвержденным мерам властей по подчинению и контролю духовной и просветительской деятельности махаллей, отстаивать их традиционную автономию. Для мусульманской буржуазии эта деятельность стала своеобразной политической школой. Она способствовала выработке специфических программных установок татарского торгово-промышленного класса в общественно-политической сфере, которые, в основном, ограничивались защитой религиозных институтов от излишней опеки государства, требованиями духовного и культурного равноправия.

Следует отметить четкую последовательность действий предпринимательства, поднимавшего голос против любых инициатив правительства, затрагивавших интересы единоверцев. Так, циркуляр МНП от 10 июля 1892 г., направленный на использование в мектебах и медресе только печатных книг, прошедших российскую цензуру, и запрещающий обучение по рукописным книгам, вновь вызвал резкую реакцию мусульманского предпринимательства и духовенства. По данным Д.Д.Азаматова, сразу же после выхода циркуляра «последовало «всероссийское обращение» в МВД казанских, оренбургских, уфимских, рязанских, касимовских, иркутских купцов. В нем резко критиковались последние мероприятия правительства» [Азаматов, 1996, с.153–155].

В Казани 7 декабря 1893 г. купцы М.-С.К.Бурнаев, М.-Ю.М.Апанаев, М.А.Ибрагимов от имени всех мусульман города обратились к губернатору с просьбой разрешить им отправку специальной депутации в столицу: «Находясь исключительно в заботах о сохранении в надлежащей полноте неприкосновенности религиозных книг, изучение которых составляет насущную потребность для истинного познания мусульманской веры, казанское магометанское общество пришло к мысли о необходимости подвергнуть благоусмотрению правительственных властей и учреждений те, вытекающие из религиозных верований и воззрений мусульман на их руководящие вообще по вероучению своему

сочинения мотивы, по коим оно решается ходатайствовать о дозволении печатать эти руководства без изменений в их текстах...» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9126, л.2]. В депутацию вошли купцы М.И.Галеев, М.А.Ибрагимов, М.-Ю.М.Апанаев и имам 10-й соборной мечети г. Казани А.-К.Абдулбадигов. Позднее к ним примкнул сын М.И.Галеева, мулла 5-й соборной мечети Г.Баруди. По данным полиции, 12 декабря 1893 г. в доме «купеческого брата Муртазы Ибрагимова на праздничном семейном обеде состоялся межлис почетных магометан и мулл», на котором произошло обсуждение нового правительственного циркуляра и уточнены детали предстоящей поездки в Санкт-Петербург. Сама депутация была разрешена губернатором 23 марта того же года [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9126, л.7–10]. Благодаря общим усилиям мусульманской общечности России данный циркуляр МНП был в 1894 г. временно отменен.

Не менее активной была деятельность представителей татарской буржуазии в органах местного самоуправления. В конце XVIII – первой половине XIX в. государству удалось, через законодательное включение татарского делового мира в общее социокультурное пространство российского предпринимательства, в значительной мере устранить складывавшиеся столетиями ограничения и замкнутость татарской общины. Мусульманское купечество получило право работать на выборных должностях в сословных организациях, органах местного самоуправления, возможность приобретать почетные звания, удостаиваться государственных наград, т.е. органично интегрироваться в «господствующее» общество.

В период Великих реформ, по мере дальнейшего развития капиталистических отношений в стране, наметилась устойчивая тенденция к размыванию сословных рамок, отмене соответствующих им привилегий. Для татарского предпринимательства это означало утрату важных рычагов общественного влияния, благоприятных условий для безболезненной адаптации в среде российского купечества. Ликвидация в Казани в 1855 г. Татарской городской ратуши стала серьезным ударом по административным амбициям крупной мусульманской буржуазии. Введение же новой системы городского

общественного управления довольно длительное время не могло компенсировать потерянные позиции. Например, в 1871–1874 гг. из 72 избранных членов Казанской городской думы мусульман было всего 8. В следующее четырехлетие (1875–1878 гг.) их стало 13. В дальнейшем вплоть до 1917 г. число гласных из татар не превышало 16 чел. Исключением стали 1883–1886 гг., когда мусульманская группа в думе насчитывала 20 членов [Краткий, 1896, с.19–35]. В других российских городах представительство татар в органах местного самоуправления было еще более незначительным. Так, в Оренбурге в 1892–1893 гг. из 50 гласных городской думы лишь 5 были мусульманами [Адрес-календарь, 1893, с.9].

Очевидное социальное «отчуждение» татарского предпринимательства, происходившее в процессе правовой унификации, не учитывавшей национальных и конфессиональных особенностей, совпало со временем прихода в торговлю и промышленность нового поколения мусульманских капиталистов, которые еще не имели прочных связей, а значит и безусловных обязательств в принимающем обществе. К тому же, начавшееся наступление миссионерских кругов на издавна сложившуюся автономию мусульманских общин способствовало созданию совершенно новой ситуации, когда обычно лояльная и законопослушная татарская буржуазия начала выражать определенные оппозиционные настроения. Вновь возникшее на этом фоне ощущение «чужеродности» стимулировало татарских предпринимателей не просто к успешной и конкурентоспособной торгово-промышленной деятельности, но и активному отстаиванию своих духовных и культурных прав, всемерному укреплению, через реформы и целенаправленную благотворительность, локальных мусульманских общин. Практически только этим целям и была подчинена работа представителей татарской буржуазии в городских думах, уездных и губернских земствах [Салихов, 2001, с.39–56]. Интересно то, что лидеры мусульманского предпринимательства в пореформенный период, в отличие от своих предшественников, не стремились к получению каких-либо должностей и званий в структурах общественного управления, официаль-

ных организациях, предпочитая им реальное упрочение своего влияния среди татарского населения городских слобод.

К примеру, в Казани членами городской управы были коммерсанты, не отличавшиеся большим богатством и безусловным авторитетом среди единоверцев. На эти должности избирались предприниматели «средней руки», старательные, способные к кропотливой аппаратной работе, с хорошими связями в русской и татарской среде, не претендовавшие на особую роль в жизни местных мусульман. Так, фактически «профессиональным» членом управы с 1877 г. по 1910 г. являлся казанский 2-й гильдии купец Бурганутдин Муллин (1836–1917). Неплохое знание русского языка, намеренное дистанцирование от политически активной части национального предпринимательства позволили ему стать своеобразным представителем мусульманского населения города как в новой системе общественного управления, так и в теряющих свое значение сословных организациях [НА РТ, ф.299, оп.1, д.112, л.2–9]. Б.Ф.Муллин являлся той публичной фигурой, которая должна была олицетворять высокую степень участия татарского населения, и в первую очередь буржуазии, в государственных и общественных делах.

Мусульманская группа в Казанской городской думе, состоявшая из купцов-«прогрессистов» и национальной интеллигенции, пыталась превратить городское собрание в один из действенных инструментов экономического, духовно-культурного возрождения татарского народа. Первые признаки возрастающей активности отмечались в середине 1880-х гг., т.е. в тот период, когда начался вызванный этим процессом бурный рост национального самосознания, – зарождение новометодного образования, общее развитие культуры и что особенно важно, – начало осознанного и хорошо организованного противодействия антимусульманской политике царизма. Усилившаяся дискриминационная деятельность властей по отношению к татарскому населению края определила основной эмоциональный настрой, явилась своеобразным стимулятором напряженной работы мусульманских представителей в выборных органах самоуправления. Можно сказать, что все сколько-нибудь громкие

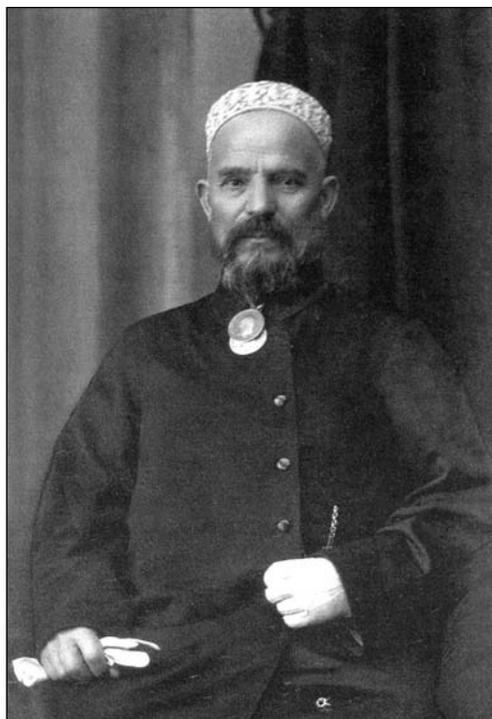
акции гласных из татар в стенах городской думы были непосредственным ответом на попытки административного ущемления интересов их соплеменников. Так, в 1884 г. протест со стороны гласных – купцов 2-й гильдии Ш.Сагадеева и М.И.Галеева получила просьба старосты Макарьевской церкви о закрытии мусульманского кладбища в Адмиралтейской слободе [Протоколы, 1884, с.692–693]. Это выступление видится не случайным эпизодом думской хроники, а логическим звеном уже сформировавшейся политики, если, конечно, учитывать, что прошло оно на фоне беспрецедентной «войны» прошений и депутатских с миссионерскими устремлениями правительства.

Отметим, что в своих требованиях равных условий для представителей разных национальностей татарские общественные деятели той поры, в большинстве своем предприниматели, исходили не только из прагматических установок, но и руководствовались соображениями высшего духовного порядка. В частности, чувство поправленной справедливости становилось подчас не последним фактором в отношении гласных из мусульман к тем или иным проблемам городской жизни. Это наглядно проявилось в истории с татарским сиротским судом, ведавшим наследственными и опекунами делами и финансировавшимся из городской казны. В 1892 г. городская управа, борясь за экономию средств, провела привычную для бюрократии тех лет «реформу» – упразднила татарский сиротский суд, передав все дела, касающиеся мусульман, в ведение русского сиротского суда. Лидеры татар организовали настоящую кампанию по превращению русского сиротского суда в смешанный русско-татарский. Прошения от купцов и мещан были поддержаны выступлениями в городской думе гласных М.И.Галеева и А.Я.Сайдашева о необходимости увеличить состав суда еще на одного члена, избираемого не от сословий, а собственно от мусульманской части города [Журнал, 1895, с.251–252]. Через полтора года им удалось добиться нужного решения, что явилось небольшой, но весьма существенной победой, закреплявшей на местном уровне избирательные права татар Казани [Журнал, 1896, с.238–240].

Главным камнем преткновения при обсуждении практически каждой повестки дня, вызывавшим бурное оживление среди представителей татарского населения в думе, были вопросы благоустройства города, развития народного образования и здравоохранения. Дело в том, что Старотатарская и Новотатарская, частично Пороховая и Адмиралтейская слободы Казани, занимавшие значительную территорию Забулачья с мусульманским населением более чем 20000 чел. и существовавшие на протяжении столет с момента их окончательного формирования довольно замкнутой, автономной жизнью, традиционно выпадали из поля зрения казанской администрации, часто забывавшей включать эти районы в общегородские программы реконструкции и развития.

Следует сказать, что гласные из мусульман, представляли собой хорошо организованную, дисциплинированную, с общей идейной платформой силу – фракцию, способную решать задачи общенационального масштаба. В 1886 г. «Казанский биржевой листок» отмечал, что «один татарин как общественный деятель стоит трех русских. Таковую силу татарам дают их достойное подражания единодушие, их солидарность при разрешении общих вопросов... Невероятно, но факт, что в Казанской городской думе татары, несмотря на свою малочисленность, представляют такую грозную силу, что во многих случаях вопросы решаются согласно их желаниям против желания всего остального состава думы» [цит по.: Свердлов, 1991, с.37].

Стиль их работы отличался рациональностью и обуславливался хорошо продуманной тактикой и стратегией. Члены «фракции», несмотря на неизбежные различия во взглядах и порой непростые межличностные отношения, при решении важных общественных вопросов все-таки объединялись вокруг фигуры одного или двух своих лидеров, практически передавая им часть своих полномочий и почти всегда единодушно поддерживая их инициативы, выступления с думской трибуны, естественно, предварительно обсужденные в кулуарах собрания. Среди фактических руководителей гласных-мусульман в городской думе в начальный период ее существования, при-

Мухаммадзян Галеев. Фото нач. XX в.

мерно с 1870-х гг. до начала XX столетия, были купцы М.И.Галеев и А.Я.Сайдашев.

Главным условием единства, управляемости «фракции» являлась общая идейная платформа, под которой понималась не какая-то теоретическая программа, а общемусульманские ценности, вернее – необходимость примирения их с неизбежным воздействием на городских татар европейского образа жизни. Поэтому в начале XX в. наряду с яркими, даже в чем-то пропагандистскими акциями в защиту ислама (протесты против снижения трактирного налога как меры, поощряющей пьянство, внесение основных магистралей татарских слобод в реестр улиц, где запрещено открытие питейных заведений, коллективный отказ от голосования по вопросу постановки оперного спектакля, приуроченного к православному празднику, и т.д.) [Журналы, 1908, с.107; 1909, с.325; 1911, с.52], гласные-мусульмане прикладывали немало усилий к тому, чтобы город помогал финансами системе нарождающегося новометодного и светского образования, молодым культурно-просветительским и благотворительным мусульманским учреждениям. Во многом схожим по своим тенденциям и динамике

развития было татарское представительство в земских собраниях уезда и губернии, которые подобно городской думе являлись детищем буржуазно-демократических реформ. Мусульмане Казанской губернии существовании земских учреждений четко выделяли два этапа. Первый с 1864 г. до середины 80-х – 90-х гг. XIX в., когда нужды татарского сельского населения финансировались без учета его национальной специфики, на общих основаниях с русским, православным населением края. Второй этап – с 1890-х гг. вплоть до 1917 г., прошедший под непрерывные требования татарской общественности уважать и ее конфессиональные и национальные особенности, период в какой-то мере давший пример конструктивного сотрудничества мусульманских реформаторов с демократически настроенной частью русского правящего класса.

В качестве необходимого отступления отметим, что цензовые, сословные и иные ограничения избирательных прав в регионах с компактным проживанием «инородцев» напрочь дискредитировали саму идею земства как народного представительства.

Впрочем, реформаторская буржуазия и в таких условиях проявляла завидную активность. Еще в 1886 г. на XXII очередном уездном земском собрании гласный А.Я.Сайдашев выступил с инициативой «создания первой в истории губернии мусульманской богадельни», обещая выделить на ее постройку собственные средства. Богадельня, где содержались 15 престарелых, открылась в 1894 г. [Постановления, 1896, с.17–40]. В 1889 г. А.Я.Сайдашев, будучи гласным Казанского губернского земского собрания, добился от него согласия на ходатайство перед правительством о разрешении вести торговлю кирпичным чаем не по гильдейским правам, а по свидетельствам на мелочный торг. Эта мера чрезвычайно облегчила жизнь сельских мусульман, да и не только их, так как значительно расширила в глубинке сеть по торговле этим продуктом первой необходимости, а также существенно помогла начинающим татарским коммерсантам, сколачивавшим свой первоначальный капитал в основном куплей-продажей бакалейных товаров [КБЛ, 1890, 1 марта].

Таким образом, государственная политика в сфере мусульманского образования,

миссионерское давление обусловили не только продолжение политической консолидации национального предпринимательства, но и формирование его специфической охранительной идеологии. Имея своим стержнем идею сохранения и укрепления ислама, она предусматривала два основных направления борьбы за национальные права. Первое опиралось на правовой, «парламентский» метод, когда интересы мусульманского населения отстаивались в выборных органах местного самоуправления – городской думе и земствах, а также путем организации массовых ходатайств, прошений и петиций в высшие инстанции империи. Второе направление базировалось на ясном осознании того, что замкнутый патриархальный уклад жизни татар уже не способен эффективно противостоять давлению инокультурной среды и что для укрепления позиций ислама в эпоху буржуазных преобразований необходимы кардинальные изменения, реформы, способные превратить татар-мусульман в экономически развитую, с прогрессирующей культурой нацию. В этой связи были органичны и взаимосвязаны джадидистские преобразования в системе конфессионального образования, выработка новых принципов мусульманской благотворительности, создание ряда основополагающих институтов гражданского общества – многопартийной системы, развитой национальной прессы и книгоиздательства, формирование профессиональной светской литературы, музыкального искусства, театра.

Следует отметить и то, что качественно изменилась и сама сила, взявшая на вооружение такую идеологию. Развитие капиталистических отношений значительно расширило социальную базу татарской буржуазии и способствовало количественному росту, если так можно выразиться, демократизации крупного предпринимательства. Именно с середины 70-х – начала 80-х гг. XIX в. начался активный процесс вытеснения с ведущих позиций в коммерческой и общественной жизни представителей старинных купеческих династий Казани – Апаковых, частично Апанаевых, Бурнаевых, Мустакимовых, Юнусовых и др., превратившихся за почти вековую успешную деятельность в торговле и промышленности в своеобразную национальную аристократию.

Им на смену шли предприниматели новой волны, предприниматели в первом поколении – вчерашние крестьяне и отставные солдаты, начинавшие свое дело практически с «нуля» и добившиеся впечатляющих достижений лишь благодаря неимоверному трудолюбию и незаурядным личным качествам. Будучи выходцами из сельской глубинки, где позиции ислама были традиционно крепкими и непререкаемыми, эти новые деятели весьма критически и даже агрессивно относились к любым отступлениям городских мусульман от норм шариа-

та, которые, в общем-то, становились неизбежными при ежедневном взаимодействии с православным большинством города. Не менее жесткой и принципиальной была их позиция и в отношении официальных властей, проводивших в те годы откровенно антимусульманскую политику. С другой стороны, как практики и прагматики, обладавшие исключительно рациональным мышлением, они осознавали необходимость реформирования прежнего уклада жизни, не отвечавшего реалиям прогрессирующего капитализма.

§ 3. Татарское купечество и ОМДС

Ильдус Загидуллин

В первой половине XIX в. выдвижение кандидата на должность оренбургского муфтия мусульманское духовенство считало своим безусловным правом. Однако после смерти первых двух оренбургских муфтиев оно не воспользовалось [Азаматов, 1996, с.49, 53] зафиксированным в 1817 г. в российском законодательстве положением о выборе кандидатов в муфтии «магометанским обществом», один из которых по представлению министра внутренних дел утверждался императором [Свод учреждений, 1857, ст. 1236]. В пореформенный период татарские купцы осознали значение деятельности ОМДС по координации религиозно-обрядовой жизни и консолидации махаллей. По мнению чиновников МВД (1872 г.), Духовное собрание превратилось в «центр тяготения для всего ... духовенства, обуславливающий как внутреннюю связь между его членами и единство их духа и общего направления, так и связь между духовенством и всем магометанским населением, в котором сам факт существования этого центрального духовного управления упрочивает сознание их племенного и религиозного единства» [Материалы, 1936, с.206].

Новые явления отчетливо проявились после смерти муфтия Г.Сулейманова. На Нижегородской ярмарке 22 августа 1862 г. большая группа купцов и торговцев составила ходатайство о выдвижении на должность муфтия ахуна г.Стерлитамак Камалетдина Нагаева. Просителями верховодили казанские 1-й гильдии купцы Исхак Юнусов, Негалим Апанаев и Муртаза Усманов.

Нерасторопность властей в решении этого судьбоносного для мусульман вопроса было связано с разработкой МВД правил проведения выборов оренбургского муфтия в Уфе с участием представителей мусульман от разных губерний, которые были составлены не позднее 5 ноября 1864 г. Между тем, среди мусульман усилилось опасение по поводу откладывания назначения муфтия на неопределенный срок. Эта тема вновь стала предметом серьезного обсуждения на Нижегородской ярмарке. 2 сентября крупнейшие торговцы⁵ вновь напомнили правительству о себе новым ходатайством, подчеркнув, что их кандидат – К.Нагаев – по личным качествам и «религиозной жизни» достоин высокой духовной должности.

Информация о разработке правительством правил о выборах муфтия дошла и до купеческих кругов. В декабре 1864 г. казанские купцы⁶ и городские муллы просили губернатора о лоббировании в правительстве

⁵ 1-й гильдии купцы Исхак Юнусов, Исхак Апанаев (Казань), губернский секретарь Абдулхаким Еникеев, п.п.гр. Хасан Хамзинович Шакиров, Сюкай Еникеев (Гемников), п.п.гр., 1-й гильдии купец Мухаммадшакир Ахметшахович Утямышев, 1-й гильдии купец Исхак Мусич Утямов (Малмыж), купец Мустафа Мухаммадинович Давыдов (Москва), мурза Салих Янбаев (Касимов) и еще один торговец.

⁶ 1-й гильдии купцы Ибрагим и Исхак Юнусовы, Мустафа Назирович Азимов, Муртаза Азметьев, Исмаил Исхакович Апанаев, п.п.гр., 2-й гильдии купец Мухаммад Мусич Апанаев, п.п.гр. Мухаммадгали Курбангалеевич Яушев.

их кандидата в муфтии. Было также заявлено, что если правительство найдет нужным проведение выборов, то их нужно провести непременно в Казани как «центре» округа ОМДС [РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.174–176].

В этот период купечество только присоединилось к инициативе правительства о проведении выборов муфтия. На этом фоне выгодно отличаются действия татарских дворян. В частности, помещик С.Тевкелев (будущий муфтий) 20 июля 1864 г. обратился к директору ДДДИИ с просьбой об ускорении проведения выборов нового оренбургского муфтия. В своем письме от 6 февраля 1865 г. он настаивал на «выборном начале» и местом проведения выборов муфтия назвал Уфу [РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.181–182]. Заслуживает уважения и поступок Шагиахмета Алкина, являвшегося в 1846–1859 гг. помощником полицмейстера Казани: в январе 1865 г. он попытался сделать эту тему предметом публичного обсуждения, опубликовав свой проект в столичной газете⁷. Ш.Алкин предлагал выбирать кандидатов в муфтии из числа представителей татарских дворян Оренбургской губ., занимающих духовную должность. По его мнению, дворянину, хорошо знающему ислам и правила веры, будут не чужды и интересы правительства, и мусульманского населения [РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.178].

Таким образом, в 1864–1865 гг. впервые во главу угла реформирования ОМДС представители татарских элит региона выдвинули демократический, шариатский принцип выборности мусульманским сообществом муфтия как главы мусульманской общины, уммы округа ОМДС (амир аль-муминин).

Однако, в конечном счете, в этом вопросе возобладало мнение министра внутренних дел П.А.Валуева, который заявил: «Из Уфы кандидаты вынесли бы солидарность

⁷ С целью «снятия» недоверия властей Ш.Алкин предложил администрации 11 губерний выбрать из представителей четырех социальных групп – дворян (45 чел.), купцов (46), духовных лиц (более 50 чел.) и волостных старшин из крестьян (70 чел.) – делегатов на общемусульманский съезд в Уфе согласно рекомендованной им квоте. Его проект был основан на принципе, что оренбургского муфтия избранные местной администрацией депутаты избирают из своей среды [Загидуллин, 2009а, с.46–58], но, тем не менее, являлся шагом вперед в демократизации выборного начала.

и общие идеи и направления в свои местные общества, а правительство должно именно избегать такое сближение магометанск[ого] населения разных местностей. ...а посему несравненно лучше ограничить избрание указанием кандидатов отдельными местностями с тем, чтобы из всего числа кандидатов правительство имело бы возможность назначить одного по своему усмотрению» [Материалы, 1936, с.180]. В результате правительство 24 апреля 1865 г. назначило муфтием дворянина С.Тевкелева, не имевшего религиозного образования. Таким образом, впервые на мусульман была распространена практика, введенная Петром I в отношении Синода – назначение председателем ОМДС не духовного лица из дворян. Было продолжено делегирование власти по модели «самодержец – личный агент» и проигнорировано мнение татарской элиты.

Следующий этап активности татарских купцов совпал с массовыми волнениями среди сельских мусульманских обществ Казанской губ. в 1878–1879 гг. Поводом для них действия послужила информация о том, что муфтий С.Тевкелев тяжело заболел. Казанские купцы решили сыграть на опережение. В конце января 1879 г. они выдвинули своего кандидата в муфтии – ахуна д.Азеева Елантомского у. Пермской губ. Сайфуллу Урманова. В феврале 1879 г. они остановили свой выбор на кандидатуре ахуна казанской 1-й городской мечети Ш.Багаутдинова (Ш.Марджани) [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4659, л.9].

29 января 1879 г. группа влиятельных купцов от имени «всех татар» представила казанскому губернатору список вопросов для обсуждения с министром внутренних дел. Первым пунктом в этом перечне значилась просьба о предоставлении российским мусульманам «полного права» выбирать муфтия «из среды наших духовных званий достойного и религиозного человека» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4468, л.13]. Очевидно, что она являлась основополагающей в программе купцов. В концепцию по превращению оренбургского муфтия в духовного главу мусульманского сообщества Европейской части России и Сибири логично вписывалось их предложение о проведении выборов заседателей ОМДС представителями духовенства. Это положение было прописано в законе: «Члены Духовного Собрания

избираются магометанским обществом, каждый на три года, и утверждаются местным начальством» [Свод учреждений, 1857, ст.1237]. Таким образом, второй пункт просьбы также сводился к завуалированному призыву мусульман к имперской власти исполнять принятые русским самодержавием законы в отношении ислама. Согласно действующему законодательству, фетвы муфтия не имели законной силы. В случае проведения выборов получалось, что коллегиальные решения выбранных мусульманским сообществом лиц – муфтия и заседателей – имели для мусульман законную силу. Следовательно, постановления ОМДС становились обязательными для единоверцев, а муфтий – главой российской уммы. Такой подход предоставлял возможность для параллельного существования в России полноценной, по шариату, мусульманской общины, правда, государство определяло пределы использования норм исламского права в семейной и общественной жизни подданных мусульман. Эти изменения позволили бы перевести религиозно-культурную автономию мусульман округа ОМДС на качественно новый уровень и сделала бы ее полноценной мусульманской общиной, существующей в условиях конфессионального меньшинства. В случае выполнения этих пунктов ОМДС превращалось в представительный орган мусульманского сообщества Европейской части России и Сибири, который уже имел статус государственного учреждения. Последующие просьбы купцов также следует рассматривать в этом ключе, т.е. в плане реформирования управления духовных дел единоверцев в округе ОМДС и предоставления мусульманам равных прав с русским населением. Особо следует выделить просьбу об изъятии из ведения МНП традиционных школ мусульман и освобождении духовенства от такого условия, как обязательное знание русского языка. Просьбы казанского купечества 1879 г. вплоть до 1904 г. оставались наиболее комплексно изложенными претензиями татарской национальной элиты на проводимый самодержавием внутриполитический курс в отношении мусульман.

В начале 1880-х гг. в общественной жизни Казани видную роль играло новое поколение купцов, одним из лидеров которых был А.Я.Сайдашев. Единоверцы называли его не иначе как «татарским губернатором».

Купцы решили усилить влияние на ОМДС через своих представителей – муллу городской Усмановской мечети Мухаммадея Салихова и заседателя ОМДС З.Максютова, знающего порядок работы в религиозном учреждении. Купцы потребовали от мулл-выборщиков, прибывших из уездов, избрать заседателями именно этих лиц, у губернатора добились разрешения участия в тайном голосовании «достойных» членов ОМДС, гарантировали высокое жалованье двум избранным членам. Впервые имел место беспрецедентный случай: 17 декабря 1883 г. в выборах заседателей ОМДС участвовали 35 мулл и 20 казанских купцов⁸, и кандидаты последних были избраны подавляющим большинством голосов [НА РТ, ф.2, оп.1, д.1269, л.33–34].

Комментируя ситуацию, Н.И.Ильминский в своем секретном письме обер-прокурору Синода Победоносцеву от 10 февраля 1884 г. предлагал упразднить религиозное управление и доверительно сообщал: «Я полагаю, что в этом новом явлении кроется влияние панмусульманских идей татарской интеллигенции, частнее Гаспринского и К... И если уже не возникла, то в будущем возникнет мысль у татар – воспользоваться уфимским центром» [Ильминский, 1895, с.64–65]. Проницательный Н.И.Ильминский в своей оценке был близок к истине. Купечество нуждалось в ОМДС – учреждении, консолидирующем мусульман различных губерний, и рассматривало его как орган, представляющий перед правительством интересы единоверцев.

В 1885 г., в период поиска кандидатов на вновь ставшую вакантной должность муфтия, в действиях татарской элиты наблюдались разительные отличия. В условиях реализуемой самодержавием политики консервативного национализма купцы ограничивались заявлениями «о желательности назначения» муфтием духовного лица, а не человека, не знающего основ религии. Это означало отсутствие у них иллюзий относительно возможности самим избирать духовного главу и

⁸ А.Сайдашев, Муртаза Азимов, Исхак Апанав, Гариф Утямышев, Мухаммадзян Галеев, Вали Апанав, Юсуп Апанав, Бурганетдин Муллин, Абдрахман Ибрагимов, Вали Чукин, Исхак Айтуганов, Шамсутдин Сагадеев, Измаил Галанский, Шаги Аминев, Сафа Галикеев, Гарафутдин Абдуллин, Вали Яушев, Зайнулла Усманов, Галиаскар Бигашев и Абдулгани Биктемиров.

свидетельствовало о существовании единой установки, возможно, – их надежду увидеть на вакантной должности старшего заседателя ОМДС временно исполнявшего обязанности муфтия Мухаммадея Салихова.

Другая отличительная черта – подача всех коллективных ходатайств исключительно через Духовное собрание, что свидетельствовало о возросшей роли религиозного управления, об авторитете его членов в курировании данного вопроса. Если ранее прошения подавала корпоративная группа купцов, то теперь наблюдалось широкое вовлечение в петиционную кампанию духовенства и местных жителей, независимо от их сословного статуса.

Руководящее начало национальной буржуазии в составлении и подаче коллективных прошений в 1885 г. подтверждается тем, что в петиционных акциях участвовали крупные татарские городские общины, в которых было значительное число состоятельных предпринимателей (Казань, Сеитов посад, Оренбург, Семипалатинск, Петропавловск, Троицк, Симбирск), а также предприниматели, прибывшие на Ирбитскую (15 февраля) и Нижегородскую (август 1885 г.) ярмарки. От имени мулл было подано семь прошений. В плане критериев для кандидата на должность оренбургского муфтия четко обозначилось несоответствие в позиции правительства и национальных элит. Правительство искало кандидата из дворян с русским образованием, преданного самодержавию, обладающего опытом работы в правительственных учреждениях и необязательно имеющего религиозное образование.

Одним из кандидатов (самовыдвиженцем) был чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, д.с.с. татарин Шагимурат Ибрагимов, представивший директору ДДДИИ «докладную записку» от 10 мая 1885 г., в которой он вкратце изложил свой взгляд на значение должности оренбургского муфтия для правительства и мусульман [Загидуллин, 2011, с.287–309].

Видимо, кандидатура Ш.М.Ибрагимова предварительно обсуждалась мусульманами Казани. Н.И.Ильминский, узнав каким-то образом об этом, 29 апреля 1885 г. поспешил предупредить обер-прокурора Синода: Ибрагимов «видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли; лично знаком со многими лицами и в Рос-

сии, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской степи и т.п. Так что, если ему, паче чаяния, влезет в голову идея панмусульманская, то он владеет к тому полным знанием и всеми нравственными средствами... Кратко сказать: не нашей простоте орудовать с таким тонким инструментом. Для нас вот что подходящее было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника» [Ильминский, 1895, с.176–177]. Это письмо миссионера лишило Ш.Ибрагимова искомой духовной должности⁹. Назначив муфтием чиновника М.Султанова, правительство вновь проигнорировало мнение татарской элиты.

На выборах заседателей ОМДС в 1886 г. купцу А.Сайдашеву не удалось добиться повторного избрания муллы М.Салихова. Вновь был избран З.Максудов [Тэржеман, 1887, 11 янв.]. Новые заседатели ОМДС, избранные в 1886 г. и 1889 г., исправно сообщали в Казань сведения о развитии государственно-исламских отношений.

Наметившееся сотрудничество национальной буржуазии с новым муфтием прервалось после оглашения закона от 16 июля 1888 г. о введении русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности. В начале 1890-х гг., когда правительство стало принимать меры, направленные против исламских институтов, вновь установилось взаимопонимание между М.Султановым и казанским купечеством. Публичным проявлением их союза стал праздничный обед, состоявшийся 29 мая 1896 г. в зале городской биржи, в честь приезда муфтия. Его организовали торговцы, пригласив официальных лиц [КТ, 1896, 30 мая]. Проведение реформ в мусульманском сообществе способствовало дальнейшему сближению позиций купеческих кругов и муфтия М.Султанова. Он последовательно отстаивал новые идеи и защищал религиозные права мусульман. На рубеже столетий М.Султанов и члены ОМДС публично позиционировали себя как сторонники прогресса.

⁹ Он был направлен российским консулом в Джидду, однако умер от холеры в первый же год своего назначения (1892 г.) [Сибгатуллина, 2010а, с.384].

ГЛАВА 4

**Движения социального протеста против угрозы
потери этноконфессиональной идентичности и
за сохранение религиозно-культурной автономии***Ильдус Загидуллин*

В середине XIX в. отмечались локальные группы татар, знавших русский язык и грамоту. Из представителей национальной элиты ими владела малочисленная группа дворян, которые рассматривали русское образование как средство достижения материального благополучия посредством чиновничьей карьеры. Разговорным языком и, нередко, грамотой владели торговцы, ведущие коммерческие операции на ярмарках и базарах в русской среде. В сельской местности этот список пополняли отставные солдаты, представители органов крестьянского самоуправления и, частично, духовные лица.

Сложившуюся ситуацию можно объяснить следующими причинами.

Абсолютное большинство татар проживало в сельской местности, где контакты с русскими чиновниками были сведены до минимума и взаимодействие с государственными органами осуществлялось через выборных представителей.

Мусульманские духовные лица, считавшие своим идеалом ценности и культурные традиции Средней Азии, не воспринимали русский язык. Изучение прихожанами русского языка «муллы-фанатики» переводили в плоскость религиозного запрета и называли «грехом» [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.109об.]. Традиционное схоластическое обучение и воспитание предполагали следование сложившимся религиозным традициям: «Все, что не предусмотрено шариатом, не предписано или не дозволено им, в глазах татарина есть новшество, требующее, по крайней мере, одобрения и санкции духовенства» [Ахмеров, 1893, с.4].

В отличие от крещеных коренных народов Поволжья и Приуралья, не имевших до последней трети XIX в. собственной письменности и школ, у татар испокон ве-

ков действовала система конфессионально-го образования. Среди татар существовало убеждение, что грамотность на родном языке важнее русской [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.42]. Школа воспринималась татаринами как учебное заведение, преследующее религиозно-нравственные цели, что формировало недоверие к русским начальным училищам «как имеющим христианский характер» [РГИА, ф.733, оп.170, д.143, л.19]. Усиление в пореформенный период деятельности правительства по насаждению среди мусульман Волго-Уральского региона институтов распространения русского образования порождало слухи об ожидавшемся крещении татар.

Недоверие населения распространялось на любые нововведения правительства, порой не имеющие непосредственного отношения к «национальному вопросу».

Выступления татар, семейная жизнь которых в значительной степени была подчинена нормам шариата, были направлены против проникновения в культурно-территориальное пространство сельской общины чуждых явлений. Одним из таких явлений стала продажа в населенных пунктах спиртных напитков. Обязательным атрибутом селений, в которых располагались волостные правления, были питейные заведения, что служило одной из причин несогласия мусульман учреждать в своей деревне волостное правление. Поэтому в XIX в. кабаки и питейная лавка были редким явлением в татарских деревнях. Лишь в редких случаях, путем подкупа мулл и влиятельных татар, настойчивые предприниматели открывали питейные заведения, приучая местных крестьян к спиртным напиткам. Порой даже после того, как общество давало согласие на открытие питейного заведения, крестья-

не были против [Крестьянское движение, 1959, с.152–153].

Нервозная обстановка в сельских обществах, вызванная слухами о предстоящем крещении, неумелые действия или провокации местных чиновников и другие факторы приводили к возникновению разного рода протестов мусульман: от вооруженных

антиправительственных выступлений крестьян до массовых петиционных кампаний протеста, подачи коллективных или частных прошений в высшие инстанции с просьбой отмены отдельных постановлений как ущемляющих их религиозную свободу или о защите их религиозных и национальных интересов.

§ 1. Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг.

Главным фактором, способствовавшим формированию напряженной атмосферы и появлению у татар предчувствия негативных изменений в политике правительства, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., которая была воспринята татарами как религиозная – война православия и ислама. Поражение Османского государства вызвало у мусульман опасение относительно возможности сохранения в будущем своей конфессиональной идентичности. Стали распространяться слухи, что «крест поборо луну и Государь Император, недовольный султаном, повелел крестить всех магометан в России» [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.8об.].

К началу 1878 г. атмосфера в обществе была настолько напряженной, что малейший повод со стороны властей мог вызвать крестьянские волнения. В Среднем Поволжье главной причиной распространения слухов о предстоящем крещении послужило распоряжение архиерея Самарской епархии от 21 марта 1878 г., согласно которому священники должны были собрать сведения о всех иноверцах для приписки их к православным приходам с целью предоставления живущим среди башкир христианам возможности знать, к какому священнику они должны обратиться для исполнения треб [Материалы, 1936, с.405].

Поводом к усилению сомнений относительно искренности действий правительства послужило и распространение осенью 1878 г. Обществом Красного креста по волостным правлениям Самарской и Уфимской губерний письменных приглашений к пожертвованиям. Для татарских крестьян, не знакомых с особенностями российского делопроизводства, это было лишним под-

тверждением слухов «о кресте в полном ходу».

В Приуралье поводом для распространения слухов о христианизации послужило предписание администрации Уфимской губ. об установке в деревнях набатных колоколов для оперативного оповещения и сбора местных жителей в случае пожара. Колокольный звон у местного населения ассоциировался с колокольнями и церковью. Для мусульман Уфимской губ., региона, где ранее не проводилась активная христианизация, данное предписание властей явилось настоящим шоком.

В Казанской губ. поводом к выступлениям в октябре 1878 г. жителей 12 татарских, 2 мордовских и чувашского селений Спасского и Чистопольского уездов послужило оглашение на сельских сходах решения экстренного Казанского губернского земского собрания от 9 марта 1877 г. об обязательном страховании крестьянских построек от огня сроком на три года. Другой веской причиной негативной реакции татар послужило утвердившееся мнение о том, что сбор страховых средств противоречит нормам шариата. Некоторые муллы заявляли, что «страхование есть картежная игра» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.112об.].

Ситуация в Казанской губ. вышла из-под контроля властей после оглашения «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» губернского по крестьянским делам присутствия от 1878 г., в которой содержались выписки из действующих законодательных актов о возложении на крестьян повинностей, а также ряд материалов, имеющих отношение к сельскому податному населению.

В разделе о правилах содержания начальных училищ Инструкции указывалось, что Закон Божий «может быть преподаваем в училищах или приходским священником, или особым законоучителем с утверждения епархиального начальства по представлению инспектора народных училищ». В разделе о назначении сборов на мирские расходы говорилось, что «мирскими повинностями называются те повинности, которые отправляются каждым обществом для удовлетворения его потребностей, как-то: на устройство и поддержание церквей», открытие и содержание сельских училищ, содержание учителей и др.

Чиновники, механически переписав законы, забыли указать, что они распространяются исключительно на православных крестьян, что было бы кстати, если учесть, что мусульмане составляли около трети населения Казанской губ. В результате Инструкция была воспринята как «крестильная грамота», как начало насильственного крещения.

Сенатор М.Е.Ковалевский, проводивший в 1880 г. ревизию Казанской губ., назвал следующие причины антиправительственных выступлений: 1) «возбужденный религиозный фанатизм мусульман»; 2) «бестактность и нераспорядительность чинов полиции»; 3) ошибки губернской администрации [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.9].

В ноябре 1878 г. «брожение» охватило мусульман Казанской, Самарской, Вятской и Оренбургской губерний, также Уральской и Тургайской областей [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.1об.–2].

В октябре–ноябре 1878 г. в волнениях участвовали крестьян нескольких десятков татарских селений Спасского и Чистопольского уездов. Повстанцы избивали представителей полиции, самовольно избирали новых сельских старост, отказывались от содержания пожарных сараев, лошадей и караулов при них, не отпускали сельских старост в волостные правления, не платили налоги и не исполняли повинности [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.98–99об. и др.]. Незамедлительно подавить волнения в Спасском и Чистопольском уездах с помощью войск власти не смогли из-за отсутствия переправы через Волгу и Каму: реки той осенью долго не замерзали.

В конце ноября губернское начальство напечатало дополнение к Инструкции, в котором сообщалось, что параграфы 40, 41, 42, 43 и 44, ущемлявшие религиозное достоинство мусульман, не распространяются на татар. Указание, что сборы с мусульман пойдут на содержание мечетей и мектебов, также вызвало протест, потому что по шариату содержание исламских институтов должно было осуществляться за счет добровольных подношений или мутаваллиями [Материалы, 1936, с.399].

Попытки раздачи дополнения к Инструкции по татарским селениям вызвали новые волнения.

Неотъемлемой частью антиправительственных выступлений татарских крестьян стала кампания по подаче прошений на имя местных губернаторов, императора и ОМДС.

Выйдя за пределы Казанской губ., мусульманский вопрос превратился в общенациональный. В ОМДС поступило 83 прошения от обществ, кроме того, на консультации прибывали доверенные лица от мусульман [Фэхреддин, 2010, б.130].

На основании слухов об угрозе крещения сельские общества Оренбургской и Уфимской губерний подали в начале 1879 г. в ОМДС и местным губернаторам прошения о закрытии русско-татарских школ и «гарантии своих религиозных прав» [Фархшатов, 2010, с.203, 204]. Лишь после получения от оренбургского генерал-губернатора уведомления, в котором сообщалось «о неприкосновенности ислама», население успокоилось [РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.207–207об.].

Прошения на имя министра внутренних дел поступили из 41 волости 8 уездов Казанской, Самарской и Уфимской губерний. В Казанской губ. было составлено 82 (из 91) прошения. В своих ходатайствах большинство просителей из Спасского (17 прошений) и Чистопольского (13) уездов высказывались против страхового сбора. Во всех прошениях жителей Лаишевского (9) и Мамадышского (31) уездов говорилось об угрозе крещения.

Из Самарской губ. в столицу поступило 10 прошений, в 9 из них сообщалось об угрозе христианизации [Материалы, 1936, с.483–486].

Некоторые выступления татарских крестьян Казанского у. проходили на качественно новом уровне. За разъяснениями отдельных параграфов Инструкции и с требованием сменить сельских старост крестьяне являлись в волостные правления. 27 ноября уездный исправник прибыл в д. Большие Менгеры, где у волостного правления его встретили сельские старосты и около 800 крестьян. При нем были избиты волостной старшина, писарь, полицейский стражник и мулла д. Новый Менгер. После отъезда уездного исправника был сменен волостной старшина.

27 ноября 1879 г. крестьянами соседней Больше-Атнинской вол. были сменены все 13 сельских старост и волостной старшина, изгнаны русские промышленники, проживавшие в Большой Атне.

Решительностью отличались действия крестьян Мамсинской вол., где на всех дорогах и мостах были выставлены караулы, «следившие за всеми приезжающими и отъезжающими из волостного центра» [Смыков, 1973, с.172–173]. Таким образом, 27–28 ноября в трех соседних волостях Казанского у. татары 45 деревень (11,5 тыс. душ м.п.) установили легитимную власть, используя систему выборов в органы крестьянского самоуправления. Так на уровне волостей возникли национальные «крестьянские республики». Беспорядки прекратились, новые органы власти полностью контролировали ситуацию.

Новая власть продержалась до 4 декабря, до прибытия батальона солдат во главе с губернатором. В одной из волостей татары предприняли безуспешную попытку вооруженного сопротивления, выйдя против команды с кольями, вилами, косами, но как только они «услышали военную музыку, по подсказке отставных солдат спрятали свое вооружение в снег» [Фирсов, 1926, с.41].

Губернатор Н.Я.Скарятин восстановил в должностях всех смещенных волостных старшин и сельских старост, в Больше-Атнинской вол. сменил трех сельских старост за послушание предписаниям полиции [НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.216]. Для проведения экзекуции были рекрутированы 500 русских крестьян из соседних волостей, которые секли восставших розгами по голому телу. Без суда и следствия в трех волостях

наказанию было подвергнуто около 450 чел., они получили по 100 и более ударов [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.12].

Губернатор лично «кого рвал за бороду, кому наносил удары ногой, палкою в грудь и в лицо, не позволяя произнести слова», при этом он оскорблял религиозные чувства мусульман, приговаривая: «Вот вам Мухаммед, вот вам Коран, вот вам за непринятие шести параграфов данной вам инструкции» [Губайдуллин, 1925а, с.39; Рахим, 1928, с.147]. Войска и русские крестьяне, привлеченные для порки восставших, оставались на время в их селениях. Они силой отбирали у местных жителей «скот, хлеб, разные продовольственные припасы и деньги» [РГИА, ф.1356, оп.1, д.46, л.1об.], что негативно сказалось на экономическом положении хозяйств.

В ходе антиправительственных выступлений в октябре – декабре 1879 г., охвативших около 150 сельских обществ татар и 14 других этнических групп, было сменено около 30% татарских сельских старост. Особенно высоким этот показатель был в Казанском (71%), Спасском (37%) и Чистопольском (20,8%) уездах [Загидуллин, 1992, с.154].

События, произошедшие в Казанской губ., оказали значительное влияние на активизацию мусульман в Среднем Поволжье.

В Бугульминском у. Самарской губ. волнения охватили 8 волостей. 17 сельских обществ через доверенных подали губернатору прошения относительно достоверности намерения правительства крестить мусульман, одновременно они допытывались об этом у членов волостных правлений, требовали выдать им «бумаги с крестом», проводили обыски в волостных правлениях с целью обнаружения присланных нательных крестов. Среди населения получила распространение прокламация на татарском языке, в которой говорилось, что в каждой деревне власти будут строить церкви с колоколами, один из которых будет пожарным, другой – церковным, и что вскоре мусульмане будут обращены в христианство. Население стало успокаиваться лишь после раздачи в декабре текста обращения оренбургского муфтия, в котором указывалось, что правительство гарантирует сохранение религиозных прав мусульман, и благодаря активной разъяснительной работе администрации [Материалы, 1936, с.405–417].

Получив из Казани известие о намерении властей крестить татар, жители д. Ломот Ардатовской вол. Симбирского у. 25 декабря 1879 г. закрыли местную русско-татарскую школу, при обыске школьной библиотеки они нашли книгу председателя совета миссионерского общества Братства св. Гурия епископа Викторина «О превосходстве христианства над мухаммеданством» (Казань, 1875), которая была прислана местным инспектором народных училищ. Эта находка существенно усилила подозрение жителей в намерении властей крестить татар [Материалы, 1936, с.377–379.].

Вятский губернатор 8 декабря выехал в охваченные волнениями селения Уржумского и Малмыжского уездов, где выдавал листы за своей подписью и печатью о гарантии религиозных прав мусульман [Материалы, 1936, с.398–340].

Администрация Оренбургской губ. привлекла «для увещевания» одного из авторитетнейших ахунов края, командировала в уезды губернского чиновника и тем самым добилась успокоения мусульман [Материалы, 1936, с.418–419].

В 1879 г. во многих селениях Казанской губ. волнения продолжались. Практически все мероприятия, проводимые властями: страхование строений, составление приговоров по самым разным вопросам, выборы десятских, сотских и т.д., вызывали у мусульман настороженность, а в некоторых случаях и неповиновение.

Одной из причин ослабления крестьянского движения послужило прекращение поддержки восставших местным духовенством, которое прекратило борьбу, зная, что его положение и вопрос о вероисповедании останутся без изменений. Крестьяне избивали мулл, которые содействовали властям. Инициатива переходила к крестьянам, и они требовали, чтобы муллы проявляли солидарность с решением сельского общества. Невыполнение же указаний администрации грозило им лишением места службы и всех доходов.

Весной 1879 г. антиправительственные выступления крестьян сопровождались изъятием у сельских старост печати и отказом составлять какие-либо приговоры.

Из 10 селений Спасского у. в октябре–ноябре 1878 г. после судебного расследо-

вания (июнь–июль 1879 г.) прекратили неповиновение крестьяне 3 деревень, в конце августа – жители д. Сухие Курнали. Жители четырех деревень: Нижние, Средние, Большие Тиганы и Адельшино упорно и сплоченно продолжали борьбу.

12 декабря в д. Средние Тиганы прибыл батальон солдат во главе с губернатором Н.Я.Скарятиным. Вот как описан приход войск в «Средне-Тиганском баите»:

По приезду губернатор заставил снять шапки,

На трех повозках привезли порох и пули [ТХИ, 1983, б.114].

Не имея возможности противостоять военной силе, крестьяне были вынуждены «принести повинную» [Материалы, 1936, с.391–392].

Согласно нашим подсчетам, в движении 1878–1879 гг. в Казанской губ. приняло участие около 150 сельских обществ, 2/3 антиправительственных выступлений пришлось на ноябрь 1878 г. [Загидуллин, 1992, табл.18, с.154].

Движение татарских крестьян 1878–1879 гг. по своему охвату, остроте, организованности и методам борьбы стало кульминацией крестьянских выступлений пореформенного периода в Среднем Поволжье и Приуралье. Основываясь на итогах ревизии, сенатор М.Е.Ковалевский в своем отчете указал, что в вопросах, затрагивающих религиозные проблемы, и в дальнейшем могут быть выступления, аналогичные тем, что имели место в Казанской губ. [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.8], чем предостерег правительство от необдуманных действий. Впервые правительство почувствовало огромный потенциал и решительность мусульман, боровшихся за свои религиозные права. Оно осознало, что даже самые, на первый взгляд, безобидные действия властей, в той или иной мере касающиеся религиозного положения мусульман, могут вызвать массовое неповиновение. Стала очевидной необходимость корректного отношения к религиозным и национальным чувствам татар и обдуманного проведения национальной политики.

Движение 1878–1879 гг. было направлено на сохранение установившейся традиции в сфере государственно-исламских отношений. События наглядно показали татарам,

что массовые и сплоченные выступления – это способ вынудить власть изменить или отменить свое решение. Именно так были восприняты народом отмена отдельных параграфов Инструкции и отправка в отставку

губернатора Н.Я.Скарятина на основании жалоб казанских купцов и крестьянских обществ, а также личного расследования сенатором М.Е.Ковалевским случаев избияния без суда и следствия крестьян в Казанском у.

§ 2. Петиционные кампании против разрушения религиозно-культурной автономии

Ходатайства против установления правительственного контроля над национальной системой образования 1883 г.

После издания закона от 24 ноября 1874 г. о подчинении мектебов и медресе ведению МНП каких-либо конкретных мер по установлению контроля над деятельностью профессиональных школ со стороны властей не предпринималось. В Казанской губ. ситуация кардинально изменилась в 1882 г., когда инспектор мусульманских школ КУО В.В.Радлов циркуляром от 15 апреля сообщил заведующим медресе Казани о содержании указа императора от 5 февраля 1882 г. об установлении правительственного контроля над их школами и запросил сведения о количестве шакирдов старшего и младшего возраста и т.п. В ответ большинство мулл потребовали у В.В.Радлова копию указа, некоторые из них проигнорировали требование, и только один сообщил запрошенные статистические данные.

21 декабря 1882 г. В.В.Радлов предпринял вторую попытку установления контроля: вместе с губернатором Л.И.Черкасовым он посетил все казанские медресе. Генерал-майор везде объявлял, что мусульманские школы «подчинены надзору» МНП и его осуществляет инспектор В.В. Радлов, что вызывало возгласы протеста со стороны шакирдов и собравшихся татар [НА РТ, ф. 1, оп.3, д.6811, л.6–8].

Таким образом, действия и высказывания В.В.Радлова получили широкий резонанс и были интерпретированы как разрушение исторически сложившихся государственно-исламских отношений [НА РТ, ф.1, оп.3, д.5883, л.3об., 4].

Слухи и проводившиеся в уездах Казанской губ. в марте – начале мая 1883 г. сельские сходы в значительной степени были спровоцированы полученными из Казани

образцовыми текстами прошений, содержащими объяснение причин беспокойства и требований мусульман.

В них сообщалось, что инспектор В.В.Радлов заявлял о введении с 1883 г. требования, согласно которому муллы должны были владеть русским языком. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы: сельским духовенством это было воспринято как намерение властей провести ревизию среди указных мулл на предмет знания русской грамоты и на этом основании освободить их от духовной должности. В результате петиционная кампания была организована приходским духовенством, заинтересованным в ее результатах.

Подача прошений одновременно проходила в марте 1883 г. в Казанском, Тетюшском, Лаишевском, Мамадышском и Спаском уездах. В Казани действовала группа переписчиков, которые брали за составление каждого ходатайства от 5 до 15 руб. и выдавали их копии, засвидетельствованные городским нотариусом. Большинство прошений (197) было адресовано казанскому губернатору, (50) – императору.

Нами выявлено два варианта образцовых текстов (определены как №1 и №2). В образцовом тексте №1, со ссылкой на «Правила» 1870 г., в которых было предусмотрено распространение на мулл требования обязательного знания русского языка, высказывалось опасение, что при выборе кандидатов на духовные должности могут быть назначены лишь лица, хорошо знакомые с русской грамотой, но «не могущие точно и верно преподавать магометанское вероучение». На основе этого ставился вопрос о том, чтобы мусульманские школы были подведомственны ОМДС, без вмешательства МНП, чтобы «как и прежде никто не вмешивался в наши религиозные дела», чтобы выбор и

определение мулл зависели исключительно от Духовного собрания, которое может «лучше понять годность» выбранных прихожанами лиц для занятия духовной должности и их способность преподавать в школе мусульманское вероучение. Заявлялось, что решение этих проблем мусульман позволило бы избежать последствий, «могущих вредно повлиять на магометанское учение» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.5881, л.1–1об.].

Наиболее компетентно был составлен образцовый текст №2. В нем приводятся аргументы неправомерности установления правительственного контроля (высказанные В.В.Радлову в письменном виде заведующим Апанаевского медресе С.Салиховым еще в 1873 г.) [Материалы, 1936, с.312–313], а именно: о содержании конфессиональных школ за счет самих обществ или отдельных мусульман, о существовании у большинства из них вакуфов (что было характерно для Казани и отнюдь не для сельской местности), о получении от дарителей по их духовным завещаниям средств для преподавания исключительно религиозных дисциплин, а также о предназначенности школ для изучения религиозных наук с течением 15 лет, «не смешивая с другим языком» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.5881, л.21–23]. Утверждалось, что мусульмане имеют возможность обучаться в российских учебных заведениях, поэтому «нет надобности стеснять кого-либо учиться тому, чего они не желают, или тому, что запрещает наша религия». На этом основании ставились вопросы о том, чтобы: 1) изменить правительственное распоряжение о введении в мусульманских школах обязательного изучения русского языка, обременяющего обучение шакирдов и подготовку «в духовные должности»; 2) признать необязательным обучение русскому языку; 3) об оставлении в силе прежней (до 1870 г.) системы обучения в мектебах и медресе; 4) освободить мусульманские школы от наблюдений со стороны МНП и оставления их в ведении ОМДС; 5) воспретить определять в муллы лиц, окончивших русские «народные школы», потому что они «не вполне могут знать понятия мусульманского исповедания» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.5881, л.21–21об.]. По сути, речь шла об отмене закона от 24 ноября 1874 г. и ряда положений «Правил»

1870 г. (об открытии русских классов при медресе, о введении в будущем русского образовательного ценза для мулл).

В отличие от кампании в период крестьянского движения 1878–1879 гг., когда просьбы татарской буржуазии и сельских обществ имели существенные различия, в 1882 г. произошло «объединение» требований различных социальных групп мусульман. Впервые во главу угла были поставлены общенациональные проблемы, поднятые предпринимательской элитой Казани, которые в действительности не отражали мнение крестьянских общин. Под воздействием мулл, опасавшихся лишения своих должностей, в прошениях появилась просьба о «невведении» русского образовательного ценза для мулл. Единым центром подачи прошений впервые стала Казань, тем самым была заложена традиция в этой сфере на ближайшее два десятилетия.

Неудачи инспекции по контролю над мектебами и медресе после их передачи в 1874 г. МНП укрепили уверенность татар в своих возможностях открыто выражать протест и не подчиняться власти инспектора. «Мозговой центр» мероприятия находился в Казани, исполнителями его установок были муллы. Петиционная кампания была проведена по следующей схеме: образцовый текст прошения из Казани – составление общественного приговора и выборы уполномоченных в сельском обществе – составление в Казани уполномоченными прошений на имя губернатора и (или) императора – подача казанскими купцами «завершающего» прошения (июнь 1883 г.). Таким способом до сведения правительства была доведена четкая позиция мусульман, не согласных с нарушением автономии в сфере национально-религиозного образования.

Движение по подаче прошений против введения русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности 1888–1890 гг. Определенную роль в дальнейшем поступательном развитии процессов обновления в школьной сфере сыграл указ от 16 июля 1888 г. «Об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания», предусматривающий претворение его в жизнь с 1891 г.

Инициатива власти была воспринята представителями буржуазии и духовенства как новый шаг «по размыванию» национальных устоев и традиционного религиозного уклада татар, как вторжение в монополию духовенства в сфере школьного образования, занимающегося воспитанием «правоверных мусульман», как реальная угроза трансформации отношения к религии будущих мулл, обучавшихся в русских учебных заведениях, которые приведут к ослаблению приверженности исламу и его влияния среди татар. Купцы опасались, что на комиссиях по принятию экзамена не выдадут свидетельства об успешном прохождении испытания кандидатам, хорошо знающим основы ислама, отдав предпочтение лицам, обрусевшим, хотя бы и мало знающим шариат.

Казань стала местом разработки подходов и форм доведения до власти принципиальной позиции мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири в отношении «высочайшей» воли.

На совещаниях купцов было принято решение разъяснять обществам императорский указ как меру по дальнейшей ассимиляции татар через крещение. В разговорах с ближайшим окружением купец А.Сайдашев неоднократно заявлял, что только угроза христианизации может консолидировать и пробудить сельские общества к единодушной подаче ходатайств об отмене данного закона [РГИА, ф.821, оп.8, д.1075, л.282–284].

В регионах духовных лиц побуждали к активным действиям слухи о том, что всех мулл, не знающих русской грамоты, заменят новыми имамами, соответствующими новым требованиям, что с 1891 г. будущие муллы будут сдавать экзамен православным архиереям [РГИА, ф.821, оп.8, д.1075, л.239; д.1076, л.165, 225об., 269об.]; закон от 16 июля 1888 г. преподносился как «начало крещения мусульман». Другими эффективными формами воздействия стали призывы духовных лиц в мечетях после общественной молитвы; разъезды отдельных лиц по округе со специальной миссией «разъяснить с мусульманской точки зрения» правительственное распоряжение; частная переписка казанских мулл, шакирдов, торговцев с родственниками, проживающими в различных регионах, и со знакомыми; специально написанные письма-обращения к отдельным

личностям, которые затем начинали разъяснительную работу среди местных мулл и сельских обществ.

В декабре–январе 1888 г. в Казани составлялись прошения для уполномоченных сельских обществ Казанской и соседних губерний. В своем письме В.В.Радлову от 25 января 1889 г. Ш.Ахмеров писал: «Вот уже несколько месяцев как Казань служит местом сборища разных деревенских мулл: они здесь советуются, пишут прошения от имени своих прихожан и посылают их в ОМДС с требованием переслать их на высоч. имя» [Архив РАН, ф.177, оп.2, д.11, л.17].

Петиционная кампания приобретала общероссийские масштабы благодаря эффективному использованию региональных ярмарок в Мензелинске (конец декабря – начало января) и Ирбите (конец января – февраль), на которые съезжались купцы из дальних регионов, а также местные торговцы и крестьяне из близлежащих селений.

В Оренбургской, Уфимской, Пермской и Тобольской губерниях, Уральской обл. городские и сельские общины, чтобы действовать наверняка, стали направлять прошения на имя императора. В результате из вышеуказанных регионов с конца января 1889 г. в столицу стали поступать многочисленные ходатайства и общественные приговоры об отмене закона от 16 июля 1888 г.

На местах мусульмане действовали по данной им на Мензелинской ярмарке установке, суть которой сообщил правительству военный губернатор Уральской обл.: приговоры и ходатайства на имя императора в мечетях составлялись спешно и тайно, чтобы промедление не могло повредить делу, так как, по общему уговору магометан, дружным, одновременным и повсеместным ходатайством можно было внушить правительству опасение, что введение в действие нового закона о муллах повлечет за собой народное волнение и беспорядки» [РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.3об., 154].

В июле–августе 1889 г. из ОМДС в губернии стали поступать отказы на прошения, которые под расписку раздавала сельским обществам местная полиция. Однако не везде крестьяне соглашались принимать депеши ОМДС.

27 августа 1889 г. на Нижегородской ярмарке состоялось совещание татарских купцов, на которое не приехали, опасаясь

судебного преследования, А.Сайдашев и М.Галеев. В его работе приняли участие крупнейшие предприниматели: Ахмет Хусайнов, Бакий Салихов (Оренбургская губ.), Негматулла Курамшин (Тюмень) и др. Отсутствие лидеров татарской общины Казани вызвало со стороны участников совещания «упреки и нарекания». На повестке дня стоял вопрос о контрмерах против закона об образовательном цензе. Было решено вновь ходатайствовать «через подачу прошений уже лично Государю, через особых уполномоченных, снабдив их большими суммами денег, послать в Петербург, поручив им ближе сойтись с Министром и выхлопотать через него право быть представленными самому Государю» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7797, л.249]. Дальнейшее развитие событий показало, что мусульманское духовенство и буржуазия действовали по этому плану.

Новая волна подачи прошений в Казанской губ. началась в конце сентября – начале октября 1889 г. МВД циркуляром от 4 ноября 1889 г. запретило подачу подобных ходатайств [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7798, л.35об., 63, 133–134]. С этого момента действия участников петиционной кампании квалифицировались уже как выступления против власти. Однако запрет не отразился на динамике подачи прошений.

«Канцелярия для принятия прошений на высочайшее имя приносимых» в буквальном смысле была завалена прошениями из различных регионов округа ОМДС. В частности, из Казанской губ. поступило 511 ходатайств, из Самарской губ., по неполным данным, – 203 [Загидуллин, 2008, с.285].

В большинстве прошений говорилось о необходимости отмены указа от 16 июля 1888 г., в части ходатайств – об отсрочке его введения. Неправомерность введения указа объяснялась как мера, противоречащая принципу широкой веротерпимости, действующей в Отечестве. Подчеркивалось, что нововведение стесняет мусульман в религиозном отношении и повлечет за собой ослабление их религиозного духа, подготовит почву «к нравственному упадку» и преследует цель постепенного обращения их в христианство. При этом нередко делалась ссылка на статью студента противомусульманского отделения КДА, выписку из которой негласно распространял в Казани доверенный А.Я.Сайдашева А.Кульмаметов. В

прошениях высказывалось мнение о том, что до этого времени мусульмане, как верноподданные российского государя, всегда верно ему служили и беспрепятственно подчинялись всем законам и правительственным распоряжениям, «но не противным их религиозным законам», однако закон от 16 июля 1888 г. явно служит уничтожению ислама. Он не может быть исполнен мусульманами в точном смысле потому, что правила ислама возлагают «безусловное, слепое подчинение закону «лишь настолько, насколько такое не противоречит духу их религии». В ряде прошений указывались негативные последствия новшества. Поскольку подготовка духовных лиц в медресе занимает десять и более лет, изучение шакирдами русской грамоты отнимет значительное время и нанесет ущерб их религиозному образованию, что приведет к появлению мулл, не соответствующих своим обязанностям как по знанию законов ислама, так и по нравственным качествам. Обучение в русских школах довольно продолжительное время, пребывание в чуждой просвещению и духу ислама и мусульман среде неминуемо негативно отразится на их образе жизни, во взглядах на исполнение ими своих пастырских, судейских и преподавательских обязанностей, что, в конечном счете, приведет к упадку религиозно-нравственных качеств прихожан.

Общества просили оставить духовных лиц и заседателей ОМДС «на прежнем основании без обязательного образовательного ценза, так как светское образование имеет весьма важное значение по нашим религиозным понятиям и стеснит нас в выборе достойных лиц, хотя и не получивших образования, но поступающих в наше духовенство по призванию» [РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.76–76об.]. Община г.Уральска назвала закон «унижением» веры, ибо будущие имамы должны «непрерывно быть религиозными» [РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.17–17об.].

Порой просители ставили более широкие требования. Так, в ходатайстве татарского общества г.Илецкая Защита говорилось об оставлении духовенства, мектебов и медресе «на прежнем основании», изъятии конфессиональных училищ из подчинения МНП, освобождении учителя от обязательного преподавания русского языка [РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.5–5об.].

Как видим, новый закон воспринимался как необходимость обучения в дальнейшем кандидатов в муллы в русских школах, и длительный срок обучения в медресе механически проецировался на обучение еще одного, русского, языка, также требующего значительного времени для усвоения.

Составители текстов «высочайших» прошений сохраняли этические нормы обращения к главе государства. Более резко и открыто требования мусульман были изложены в анонимной записке «Донос государю императору через статс-секретаря Сергея Александровича Танеева по особому доверию» от 2 января 1889 г., подписанной неким Маметом Галимовым из Казани. Как следует из текста записки, татары внимательно отслеживали инициативы правительства Александра III по реализации курса «консервативного национализма», направленного на укрепление РПЦ, религиозности титульного населения, на усиление русского влияния на окраинах и ограничение прав этнических меньшинств в империи, и делали из этого соответствующие выводы¹⁰.

В записке с горечью констатировалось, что в ближайшем будущем в ОМДС заседателями-судьями будут уже не муллы, а «школьники», т.е. окончившие русские учебные заведения лица, не знающие, как

¹⁰ В анонимной записке утверждалось, что российским государством руководит Синод в лице графа Д.А.Толстого и К.П.Победоносцева, которые принимают меры, чтобы уничтожить в стране исламский элемент, намеренно снижают численность мусульман: вместо 20 млн. указывают всего 2 млн. чел., т.е. менее чем евреев и язычников, специально записывая казахов язычниками. И чтобы эта ложь не раскрылась, до взятия Россией Константинополя задерживают 11-ю перепись. Внимание императора обращается на тот факт, что Синод, МВД и МНП для русификаторских целей «выживают весь доход государства». Автор утверждал, что граф Д.А.Толстой «к общей русификационной школе» присоединил «еще вильсоновскую систему космополитизма». Он разъяснял императору: «Ал Коран учит подчиняться царю без различия религии до тех пор, пока он не посягнет на религию. Если мусульмане не динамитчики, не казнокрады, не нигилисты и не царевбийцы, если они приносят Отечеству доход торговлею, то зачем же трогать их религиозное чувство. Если нечего делать Св.Синоду и его жеребам, пусть они приведут в единство христианских раскольников, да пусть заставят молиться своих христианских крестьян», намекая тем самым на существующие у РПЦ проблемы.

и «подпоручик, чертежник» М.Султанов, основы шариата.

Обращение завершается предупреждением о том, что в случае изменения основ имперского управления мусульманами и продолжения ассимиляторской политики «вся кровь мусульман будет изливаться, чтобы не допустить к мечетям школьников русификации. Когда же школьники будут судьями в Духовных правлениях, тогда мы, мусульмане, будем молиться за турецкого султана и Магдия, призывая на помощь всех врагов Греко-российской веры. Если правительству этого нежелательно, то оставьте нас так, как позволено было Екатериной II и Александром I» [РГИА, ф.821, оп.8, д.1075, л.263–265об.].

Таким образом, главную опасность в распространении русского образовательного ценза татарская буржуазия и мусульмане видели: 1) в кардинальных требованиях закона от 16 июля 1888 г., к безусловному соблюдению которых кандидаты на духовные должности не были готовы; 2) в возможности назначения, в угоду новым критериям, на духовные должности лиц, плохо знающих основы ислама, и пассивных ревнителей ислама, что негативно сказалось бы, по их мнению, на традиционном воспитательном и образовательном процессе в мектебах и медресе; 3) в приходе в ОМДС лиц, далеких от ислама, ввиду высоких (4 класса гимназии) требований, что воспринималось как опасная трансформация головного религиозного института мусульман.

Массовые петиционные кампании, адресованные ОМДС и императору, охватившие регионы Поволжья, Приуралья, Сибири, степных областей, в которых проживали татары и башкиры, заставили правительство ослабить нормы русского образовательного ценза, что было закреплено указом от 11 октября 1890 г. Таким образом был достигнут своеобразный компромисс между правительством и мусульманами.

Петиционная кампания стала серьезным испытанием для союза буржуазии и духовенства. В Казани татарские купцы показали себя более последовательными и решительными идеологами и руководителями общественного движения, чем имамы, которые повсеместно ратовали за соблюдение сложившихся традиций, однако, опасаясь ответственности и потери своих должно-

стей, отказывались продолжить участие в общественном движении.

Прошения мусульман 1892–1894 гг.
Осложнение «мусульманского вопроса» в Волго-Уральском регионе в первой половине 1890-х гг. спровоцировали антиисламские инициативы самодержавия, являвшиеся частью внутривосточного курса правительства Александра III по «защите» интересов титульного населения и христианства. Важно отметить, что они стали достоянием широкой общественности за весьма короткий срок и привели к резкому усилению напряженности практически во всех слоях населения. Если ранее, скажем, относительно изучения кандидатами в имамы государственного языка и преподавания русского языка в национальных школах имели место существенные разногласия между кадимистами и джадидистами, то в начале 1890-х гг. они консолидировали свои усилия по защите интересов ислама и нации, по противодействию угрозе потери этноконфессиональной самобытности. Однако формы противодействия антимусульманским мерам правительства у кадимистов и джадидистов были разными, что объяснялось их менталитетом, социальным положением и активностью региональных властей, претворявших в жизнь эти нововведения¹¹.

В начале 1890-х гг. у национальной элиты было устойчивое опасение относительно того, что в дальнейшем самодержавные власти откажутся от соблюдения основополагающих принципов государственно-исламских отношений, заложенных Екатериной II. Началом новой волны ограничений послужил циркуляр МНП от 30 июня 1892 г. о передаче конфессиональных школ мусульман в распоряжение дирекций народных училищ, что способствовало усилению надзора чиновников учебного ведомства за мугаллимами и мударрисами (посещение школ, запросы сведений о численности, составе учащихся и мугаллимов и т.д.).

¹¹ В частности, по поводу исправления религиозных книг наиболее интегрированная в русское культурное пространство локальная группа мусульман стремилась успокоить единоверцев, заявляя «о несолидарности высшего правительства с действиями цензуры... что рано или поздно центральная власть усмотрит нерациональность начатого преследования священных книг и прекратит его» [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.167].

Второй причиной опасения национальной элиты стал злополучный циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. Прочитав в газете «Оренбургские ведомости» текст циркуляра министра И.Д.Делянова, татары Оренбурга выкупили весь тираж периодического издания и распространили его по селениям Уфимской и Самарской губерний [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.28–30, 35–37об., 45–45об.].

Третьей веской причиной явилось сокращение цензурой в 1890–1891 гг. текстов рукописей религиозных книг. Факты вычеркивания священных текстов приобрели международный резонанс.

Огромное воздействие на сельские общины татар и башкир оказывали тайные «воззвания», формирующие «системный взгляд» в оценке политики правительства в отношении ислама и обличающие «тайные замыслы» самодержавия. В условиях отсутствия у татар и башкир возможности знакомиться с общественно-политическими новостями из газет на родном языке воздействие «воззваний» на народные массы было огромным. Они воспринимались как подлинная информация, тщательно скрываемая властями.

В частности, в изъятой в 1894 г. мензелинским уездным исправником «прокламации» анонимный автор, выражая озабоченность по поводу «падения исламской веры» в Волго-Уральском регионе, обращался к единоверцам с призывом восстановить ее и обучать своих детей исламу. Привлекает внимание отношение автора к государственному языку: он считал, что необходимо учиться «по-русски, чтобы не быть обмануты русским, уметь читать его бумаги и не быть его рабом. Учиться у своих, у нас много мусульман, знающих по-русски» [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.79–79об.].

В воззвании дается ряд установок: 1) быть бдительными и отслеживать действия местных властей, ожидая от них подвоха и новых антиисламских инициатив; 2) не доверять властям, потому что чиновники действуют совместно с православными архиереями; 3) отказывать всем начинаниям администрации в сфере школьного образования; сельским обществам не позволять в деревнях открывать русско-татарские школы и ремесленные училища, в случае же открытия бойкотировать, не позволяя сыно-

вьям посещать их; 4) быть морально готовыми к дальнейшему ухудшению правового положения ислама и мусульман; 5) всеми силами стараться укреплять ислам, не только противодействуя администрации, но и обучая детей основам ислама в школах, не быть равнодушными к проблемам мусульман; 6) командировать уполномоченного мусульман к императору, чтобы довести до него информацию о несоблюдении властями свободы вероисповедания и об ущемлении религиозных прав единоверцев [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.78–80об.].

Наконец, следует сказать о социально активных, как правило знающих русскую грамоту, мусульманах, которые сыграли немаловажную роль в организации подачи прошений. Некоторые из них, иницируя и составляя коллективные прошения, зарабатывали тем самым средства для существования [Фархшатов, 2010, с.197–198].

В целом протест татарских и башкирских сельских общин против антиисламских инициатив самодержавия выразился: 1) в отказе заведующих школ исполнять предписание об изъятии рукописных книг; 2) в подаче в различные инстанции прошений с просьбой об отмене или приостановке реализации дискриминационных законов; 3) в вынужденном переселении в Османское государство.

МНП поставило задачу изъять к 1 января 1893 г. из учебных заведений все рукописные пособия и заграничные издания. Реализация предписания началась в ОУО. 31 октября 1892 г. инспектор В.В.Катаринский посетил в Оренбурге татарские школы. Заведующие школ заявили, что: 1) запрещение заграничных изданий чисто богословского характера, которые не наносят вреда государственным интересам, равносильно вторжению в область верований мусульман, поскольку по этим книгам обучаются кандидаты на должности мугаллимов и имамов; 2) прежде чем запрещать, нужно издать в России все учебные книги, до этого времени печатавшиеся за границей; 3) передать имеющиеся иностранные издания в цензурный комитет на экспертное заключение; 4) отсрочить исполнение циркуляра министра И.Д.Делянова от 10 июля 1892 г.

Попечитель ОУО решил оставить иностранные книги «в учебном процессе», по-

требовав от заведующих представить по одному экземпляру для экспертизы, и дал указание начать акцию по изъятию рукописных книг (приказом по МНП рукописные тетради были запрещены в русских средних и начальных школах).

В ответ на активные действия чиновников учебного ведомства в Оренбургской губ. в первой половине 1893 г. многие сельские общества подавали прошения на имя начальника губернии «об оставлении рукописных пособий» в конфессиональных школах¹². Некоторые сельские общества рассматривали проблему широко: они просили «об изъятии мектебе и медресе из ведения» МНП и возвращении ОМДС. То есть, по сути, предлагали кардинально изменить правовую базу функционирования конфессиональных школ, что позволило бы на законной основе закрыть инспекторам доступ в школы.

Согласно сведениям Р.Фахретдина против деляновского циркуляра и предписания Оренбургского губернатора о закрытии татарских школ в ОКВ (9 сентября 1892 г.) в адрес ОМДС поступило более тысячи прошений мусульман [Фэхреддин, 2011, б.173].

Временная отмена циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. породила у мусульман надежду на то, что с помощью ходатайств можно будет добиться отмены других законов, ущемляющих их права. Этим обстоятельством следует, видимо, объяснить появление в прошениях перечня просьб, требований, иначе говоря, «комплексного подхода», поставившего во главу угла решение всех взаимосвязанных проблем, ущемлявших, по мнению мусульман, их религиозные права в округе ОМДС.

Под антиисламскими мерами правительства подразумевались: подчинение школ мусульман МНП, изъятие из школ рукописных пособий и «воспреещение инициативы печати религиозных книг как противных России», призывы об упразднении Духовного собрания, о сокращении количества мечетей и мусульманского духовенства, конфессиональных школ (речь идет о предложении руководства Уфимской епархии, изложенном во всеподданнейшем отчете

¹² Например, об этом просили жители деревень Кузубаковой, Мурзабаевой и Ик Назыровой Бурзян-Кипчакской вол. Оренбургского у. (15 марта 1893 г.) [Фархшатов, 2010, с.204].

обер-прокурора Синода за 1894 г. – *И.З.*), объединение волостей мусульман с православными, с тем чтобы назначить на волостные и сельские должности «русских людей» [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.70об.–71].

В 1891 г. в адрес Главного управления по делам печати, МВД поступили первые жалобы от казанских издателей на действия цензора В.Д.Смирнова [Каримуллин, 1983, с.117]. В феврале 1892 г. 27 имамов всех мечетей Оренбурга и Сеитова посада заявили протест по поводу 9 из 11 сокращений цензора в рукописи на татарском языке «Рисалэи гадаи-ль ихван» («Трактат братская снедь»). В ответ Цензурный комитет запретил рукопись к изданию [РГИА, ф.821, оп.8, д.829, л.199об.–200]. Это решение получило широкий резонанс в мусульманском сообществе.

В марте 1893 г. в ДДДИИ обратилась группа мусульман, представлявших крупные татарские общины России¹³. В своей «Докладной записке» просители сообщали директору ДДДИИ о том, что вопрос об изъятии или исправления религиозных текстов, наряду с предписанием МНП об изъятии из медресе и мектебов рукописных и иностранного издания религиозных книг, является для мусульманского сообщества России отнюдь не «цензурной формальностью», а основополагающим вопросом в соблюдении принципов свободы вероисповедания в государственно-исламских отношениях: проявлением государственного взгляда на «возможность или невозможность допустить исповедание магометанской религии в тех формах и по тем религиозным руководствам, в которых исповедание это совершалось с лишком более 300 лет без изменений» [РГИА, ф.773, оп.171, д.2271, л.169–169об.].

Указав на отсутствие у мусульман политических и экономических трактатов, они просили обратить внимание: 1) на факты вычеркивания русским цензором отдельных предложений или слов, которые ранее свободно публиковались в различных религиозных изданиях; 2) на то, что они изымаются из тех текстов, которые представлены для

повторного издания; 3) на то, что в силу циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. (временно отмененного) лишены возможности печатать свои религиозные книги полным текстом за границей, «а между тем в России это сделать практически невозможно» [РГИА, ф.773, оп.171, д.2271, л.170–170об.].

В мае 1894 г. в МВД прошло Особое совещание с участием представителей МНП и ученых-востоковедов, на котором обсуждался вопрос о мусульманских рукописных книгах и было принято решение «за их хождение в мектебе и медресе» [Фархшатов, 2010, с.211–212]. Казалось бы, угроза миновала рукописные пособия. Между тем, временная отмена циркуляра И.Д.Делянова породила среди населения предположение о намерении правительства обратить мусульман в христианство после 1 января 1895 г. [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.1об.]. Часть населения окончательно потеряла надежду на то, что, проживая в Российском государстве, она может сохранить самобытные этноконфессиональные традиции, и что власть будет соблюдать свободу вероисповедания.

В такой сложной обстановке возникал закономерный вопрос: как в дальнейшем противостоять действиям самодержавия, угрожающим этнокультурной самобытности мусульманских народов. Можно предположить, что выработанная татарскими купцами и духовенством тактика предусматривала подачу в правительственные органы из различных регионов России коллективных ходатайств от имени авторитетных татар с разъяснением чаяний и причин беспокойства мусульманского сообщества и изложением в корректной форме конкретных предложений. Они были направлены на восстановление прежней культурно-религиозной автономии татар и башкир и предполагали отмену временно приостановленного циркуляра МНП от 10 июля 1892 г., а также других, ранее принятых, законов в отношении исламских институтов. Такое впечатление, по крайней мере, создалось у нас после изучения поступивших в МВД в 1894 г. коллективных ходатайств.

Большинство аспектов «национального вопроса» было квалифицированно изложено в коллективном ходатайстве от 14 чел., именовавших себя «депутатами и представителями от магометан разных губерний», представленном министру внутренних дел

¹³ П.п.гр. Мустафа Адамов (Оренбург), вр. купец Халиулла Галеев (Казань), поверенный жителей Сеитова посада Оренбургской губ. Мустафа Салихов, представители мусульман Уфимской губ.: мударисы Н.Ахмеров и А.Ахмеджанов.

И.Н.Дурново (не позднее 13 июня 1894 г.) [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.51–55об.] известными предпринимателями Казани, Касимова, Иркутска и имамами Казани, Оренбургской и Уфимской губерний¹⁴.

Авторы ходатайства объявили своим «нравственным долгом высказаться ясно и откровенно» о причинах опасений единоверцев относительно гарантий соблюдения их религиозных прав и опровергнуть установившееся в русской печати и правительственных кругах мнение о том, что «тревожное состояние умов» мусульман обусловлено их «фанатизмом», воздействием духовенства.

В качестве ключевых причин сложившегося положения авторы обращения указали «Правила» 1870 г. Просители утверждали, что если появление русских классов при медресе воспринималось как «неестественное явление» в их религиозной системе обучения, то циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. был однозначно расценен как «вторжение» правительства «в область их религиозных верований». Более того, авторы обращения усматривали в действиях властей политическую подоплеку, они назвали этот акт «подозрением в прочности политических взглядов мусульман», подчеркнув при этом, что в мектебах и медресе «никогда не произносилось ни единого слова, которое бы шло вразрез с видами правительства». В качестве третьей причины усиления тревоги в мусульманском сообществе был назван закон от 16 июля 1888 г., в т.ч. невыполнимое требование прохождения кандидатами в заседатели ОМДС курса первых четырех классов гимназий. В качестве четвертой причины народного недовольства в обращении указываются ограничение в издании священных книг и книг богословского содержания, ранее издававшихся в полном объеме, и

их издание с сокращениями и вырезками в ущерб их смыслу и целостности.

Правительственные меры по ущемлению религиозных прав мусульман 1892–1894 гг. способствовали усилению социальной активности различных групп мусульман – татар и башкир. Они все смелее заявляли о своих требованиях, доказывая противозаконность действий имперской власти, разрушавших основополагающие принципы свободы вероисповедания.

Петиционная кампания 1892–1894 гг. указала правительству на допущенные промахи и необходимость действовать осмысленно в плане регламентации системы национального образования мусульманских народов. Ходатайства сыграли определенную роль в уяснении властью неправомерности обвинений мусульман в нелояльности к самодержавию и безрезультативности упорного поиска в их среде сепаратистских настроений, а также в формировании негативного отношения населения к мерам по культурной ассимиляции и разрушению автономного культурного пространства татар и башкир, направленным на формирование национального русского государства. Обращения свидетельствовали о нарастающем движении за сохранение мусульманскими народами своей религиозно-культурной автономии и о все более активном вовлечении отдельных групп мусульман в политику, общественную жизнь страны. Петиционные кампании привели к тому, что было прекращено исправление рукописей мусульманских религиозных книг, был составлен список книг, допущенных к использованию в мектебах и медресе, правительство дало согласие на использование в учебных заведениях рукописных пособий.

Под воздействием волнений и начавшейся миграции в Османское государство правительство в 1894 г. было вынуждено провести совещание, на котором был утвержден список книг, разрешенных «для пользования» в конфессиональных школах. Тем самым, по сути, был снят вопрос о ревизии рукописных и печатных книг, которые использовались в учебном процессе в мектебах и медресе.

¹⁴ Ходатайство подписали казанские купцы Мухаммадрахим Юнусов, Мухаммаджан Галеев, оренбургские торговцы Мирхайдар Курпячев, Хасан Еналиев, касимовские купец Хабибулла Акбулатов, предприниматели Рахметулла Халитов и Назир Бикбулатов, один иркутский купец (?), духовные лица: имамы Казани Абдулкаюм Абдулбадыгов, Галимжан Галеев (Баруди), имамы Оренбургской губ. Мухаммадсафа Алабирдин, Шагиахмет Имтиков, Уфимской губ. Мухетдин Ахметов, Сабир Бирабиев [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.55об.].

§ 3. Выступления против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

В середине 1890-х гг. кредит доверия к правительству среди значительной части мусульман Волго-Уральского региона был утрачен. Это наглядно показали события, связанные с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г., предполагавшей тотальное подворное обследование и сбор подробной информации о каждом члене семьи по европейским стандартам.

Помимо новизны статистической операции, важнейшими издержками в работе губернских властей были запоздалое начало разъяснения целей и задач переписи (октябрь 1896 г.), несоответствие национального состава переписных комиссий и переписных участков этноконфессиональному составу местного населения, практическое отсутствие в них мусульман, что лишало сельские общества возможности получать информацию от своих единоверцев.

Издание переписных листов на русском и татарском языках открывало уникальную возможность проведения переписи на татарском языке. Однако, несмотря на острую нехватку счетчиков, знающих татарский язык, на такой шаг губернаторы не решились.

В Уфимской губ. волнение вызвала графа о сословной принадлежности. Дело в том, что татары отождествляли слово «крестьянин» с термином «христианин». Поэтому «для успокоения умов местного населения» циркулярным предписанием от 28 декабря 1896 г. губернатор Н. Богданович разрешил записывать в 4-й графе переписного листа не только этнических башкир, но и остальных мусульман губернии «башкиром» вместо «крестьянин» [РГИА, ф.1290, оп.10, д.244, л.20–20об.].

В условиях информационного вакуума, вызванного незнанием мусульманами русской грамоты и издержками разъяснительной работы администрации, шутивно-презрительные высказывания членов волостных правлений, отдельных крестьян и даже счетчиков из числа русских в ответ на просьбы мусульман разъяснить им цель сбора сведений «и о том, будут ли их после переписи непременно крестить», провоцировали бойкотирование уже начавшегося в селениях статистического мероприятия

[Ронин, 1913, с.179–180; Загидуллин, 2000, с.128–131,136–141].

К волнениям крестьян татарская буржуазия отношения не имела. Она оказалась перед фактом массового социального протеста хлебопашцев и решила воспользоваться этим моментом для воздействия на власть посредством организации кампании по подаче прошений с напоминанием главных требований мусульман: распространялись прокламации с призывом бойкотировать перепись во имя защиты ислама, провести петиционную кампанию, не слушаться духовных лиц, подавать прошения в иностранные представительства с целью обратить внимание международного сообщества на ущемление правового положения мусульман.

Движение по подаче прошений, если исходить из даты их составления в Казанской губ., охватывает период с 30 декабря 1896 г. по 17 января 1897 г. В подаче прошений приняли участие три городские махаллы (Казани и Тетюш) и 218 сельских обществ.

В декабре 1896 г. – начале января 1897 г. счетчики провели предварительную подворную перепись с тем, чтобы 28 января на сельских сходах выявить и зафиксировать произошедшие в составе семейств изменения.

С этого момента события развивались по двум сценариям: в тех сельских обществах, где счетчиками были татары-мусульмане, прежде всего местные муллы, перепись начиналась спокойно. Однако до ее завершения, под воздействием слухов о крещении, распространяемых татарами, приезжавшими из Казани и с базаров, жители требовали прекратить переписную работу или просили счетчика не сдавать администрации заполненные переписные листы до завершения переписи в соседних татарских селениях. В некоторых случаях, благодаря воздействию авторитетных односельчан, перепись удавалось довести до конца. В местностях, где наблюдались волнения, наиболее типичным был другой сценарий: «Татарское население ... сильно волнуется и заявляет, что счетчиков для производства переписи оно не допустит и никаким разъяснениям и объявлениям начальства не верит» [Загидуллин, 2000, с.169].

В рассматриваемый период мечети стали местом проведения «малых» сельских сходов. После намаза прихожане обсуждали вопросы, связанные с переписью, обменивались новостями о положении дел в соседних селениях. Одновременно ночью проводились несанкционированные сельские сходы, обсуждались меры противодействия власти.

Нередко сельские общества договаривались о совместных действиях в случае внезапного появления в деревне счетчика и полицейских. Они стремились не допустить переписи ни в одном хозяйстве, чтобы не допустить раскола в обществе. Важно отметить, что группа должностных лиц из органов крестьянского самоуправления возглавила неповиновение и сопротивление односельчан властям. Их высокое общественное положение и организаторские способности делали выступления татарских крестьян более организованными и сплоченными.

Перепись была превращена правительством в повинность населения перед государством, невыполнение которой расценивалось как вызов самодержавию и, соответственно, каралось. С целью проведения переписи в срок вятский, казанский и уфимский губернаторы получили право на чрезвычайные полномочия на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

В Казанской губ. были сформированы три карательных отряда. Первый (батальон солдат) под руководством вице-губернатора с 10 января ездил по селениям Мамадышского, Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов, производя наказания розгами участников и аресты активистов сопротивления. Второй карательный отряд (3 роты) под руководством губернатора П.А.Полторацкого с 19 по 30 января производил аресты и экзекуции в селениях Казанского, Царевококшайского и Цивильского уездов. Третья команда (160 штыков), прибыв 14 января в Чистополь, обеспечила проведение переписи среди татар города. С 19 по 30 января при содействии войск в Чистопольском у. местные власти арестовали 254 крестьян, на которых впоследствии были заведены уголовные дела, большинство из них понесло наказание. Экзекуция не проводилась [Загидуллин, 2000, с.166–213].

По неполным данным, выступления татар прошли в 85 волостях Казанской губ. и охватили 422 селения. Подавление сопротивления сельских обществ с помощью военных команд в восьми из десяти уездов, где проживали татары, сыграло решающее значение в ускорении переписи.

В ряде селений Уфимского, Златоустовского, Бирского и большей части мусульманских деревень Белебеевского уездов жители отказывались давать сведения, не допускали и (или) прогоняли счетчиков и уничтожали переписные листы. Только благодаря активной разъяснительной работе администрации и духовенства удалось избежать открытых столкновений [РГИА, ф.1290, оп.10, д.244, л.9–9об.]. В Куручевской вол. Белебеевского у. несколько сот человек совершили нападение на земского начальника, которого спасли от истязания местные муллы. В д.Ахметьево Мензелинского у. был избит земский начальник, в д.Мелитаке – становой пристав. С прибытием войсковых частей волнения в западных волостях Белебеевского у. прекратились, перепись была продолжена. Две роты солдат находились с 9 по 18 января в Мензелинском у.: одна (под руководством вице-губернатора) – в северо-восточных и северных волостях, вторая (под руководством уездного исправника) – в западных и южных волостях. В самом начале своей поездки по уездам в одном из татарских населенных пунктов вице-губернатор провел публичное телесное наказание 15 упорствующих крестьян. В других местностях в рамках своих полномочий порядок наводили земские начальники [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.184–189].

Не допустил проведения предварительной переписи в декабре 1896 г. ряд татарских сельских обществ Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ. Чтобы запугать сельские общества, елабужский уездный исправник без суда и следствия арестовал 11 января 70 татарских крестьян окрестных деревень, прибывших на базар в Елабугу, что позволило завершить перепись в уезде к 17 января [Мэрданов, 2007].

Начальник Самарской губ. выезжал с военной командой (4 роты солдат) в Бугульминский у. для умирения восставших против переписи 30 татарских сельских обществ, войска были посланы также в неповиновуюющуюся властям д.Боровка Став-

ропольского у. [ГАСО, ф.3, оп.233, д.1492, л.24–25].

В регионах неocenимую помощь местной администрации оказали муллы: они разъясняли прихожанам суть переписи, убеждали, что нововведение не таит угрозы для ислама, сообщали полиции имена активистов, призывавших оказывать сопротивление проведению переписи. За со-

трудничество мулл с администрацией МВД выразило от имени правительства благодарность оренбургскому муфтию [РГИА, ф.821, оп.8., д.791, л.190–190об.].

Таким образом, полицейские меры, введение военных команд, публичные жестокие экзекуции в ряде уездов Среднего Поволжья и Приуралья сыграли решающее значение в допуске мусульманами переписи.

§ 4. Движения вынужденного переселения в Османскую империю

Завоевание Россией территорий с мусульманским населением и дальнейшая интеграция регионов в имперское политико-правовое поле постепенно приводили к трансформации традиционных социальных институтов местных сообществ. Недоверие и нелояльность к новой власти нередко выражались в форме массовой миграции населения из окраин в соседние мусульманские страны. Волны массовых переселений крымских татар, ногайцев, кавказских народов были спровоцированы конкретными реформами русской власти, имели отчетливое политическое содержание и демонстрировали нежелание на тот момент части населения признавать Россию своей новой родиной и предпочтению ими султана Османской империи – халифа – защитника мусульман всего мира. Следует отметить, что в определенной мере эти миграции были выгодны для российского государства – страну покидала наиболее пассионарная и недовольная новым режимом часть мусульман, освобождала место для заселения края жителями из других губерний, которые служили на мусульманской окраине социальной опорой власти. Известно о существовании такой договоренности между Россией и Турцией: первая решала проблему освобождения от коренного населения Причерноморья, вторая получала людские ресурсы для хозяйственного освоения незаселенных районов [Тюркоглу, 2012, с.476].

Миграционные потоки татар в первой половине XIX в. определялись, прежде всего, социальными и религиозными мотивами и были обусловлены сложившимися традиционными торгово-хозяйственными и культурными связями. Важным направлением миграции являлись среднеазиатские государства. В крупных центрах азиатской торговли некото-

рые татарские купцы имели свои торговые конторы. Более того, важную роль в успешной торговле татар на Среднем Востоке играли появившиеся в среднеазиатских городах татарские диаспоры. Часть татар прибывала сюда с целью избежать рекрутской повинности или уголовного наказания, другая часть, задавленная нуждой, – в поисках лучшей доли. В начале XIX в. в Бухаре, Самарканде, Хиве, Ширбязе имелись общины беженцев-татар. Они селились компактными группами, как правило, при караван-сараях. Большинство вело полунищенское существование, небольшая часть занималась торговлей и ремеслами. Другую часть татарской диаспоры составляли шакирды медресе. Известно, что в Бухаре действовало 60 медресе [Шкунов, 2007, с.184–186].

В появлении и усилении среди татар намерения переселиться в Османское государство нельзя исключить влияние массовых миграций мусульманских народов юга России в XIX в. [Кылынч, 2012, б.45].

Нагнетание обстановки вокруг вопроса о предстоящем крещении мусульман в Волго-Уральском регионе началось в середине XIX в., когда спустя почти два десятилетия мирной жизни после военных действий 1828–1829 гг. отношения между Россией и Турцией вновь перешли «на тропу войны». Татары Среднего Поволжья, проживавшие в контактных зонах с русскими, видели усиление панславистской идеологии в империи и были осведомлены о причинах войны России против Османского государства. Считалось, что в Османском государстве христиане «претерпевают гонение», это обстоятельство стало для русского императора причиной добиться справедливости. Начало военных действий татары восприняли как свидетельство серьезных намерений Нико-

лая I, выступившего в роли покровителя всех православных мира. Из этого некоторые татары делали вывод о том, что раз в Турции «христиане претерпевают гонения», то правительство «точно также будет поступать» с мусульманами – российскими подданными.

Появлению таких суждений способствовал ряд инициатив российской власти. На основании всеподданнейшего отчета оренбургского гражданского губернатора за 1852 г. Николай I предписал усилить христианизацию «язычников» в Оренбургском крае. На основе определения Синода от 5 сентября 1853 г. в приходы Белебеевского, Мензелинского и Бирского уездов, в которых расселялись последователи традиционных верований, было дополнительно выделены 15 штатных единиц священников, распространены наставления для христианизации «язычников». В регионе усилилась миссионерская деятельность РПЦ. В результате весной 1854 г. в Белебеевском у. Оренбургской губ. и в Самарской губ. распространились слухи о том, что император предписал насильно крестить «всех мусульман» и язычников. В годы военного лихолетья администрация стремилась оперативно «гасить брожения» среди мусульман. Под воздействием обращения начальников Оренбургской и Самарской губерний в правительство РПЦ в июне 1854 г. приостановила христианизацию [Материалы, 1936, с.158–159, 163–164].

В периоды военных кампаний России с мусульманскими государствами татары-мусульмане воспринимались властью как «неблагонадежные» подданные, а духовные лица – как «фанатики», учащались «визиты» полиции в татарские медресе, в которых обучались шакирды из разных местностей, и деревни с целью проверки паспортов на предмет выявления подстрекателей или агитаторов – врагов России. Так случилось в годы Крымской войны. Татары подозревались в содействии турецкому султану – халифу всех мусульман мира. Руководство Оренбургской губ. считало, что в период Крымской войны местное мусульманское население ожидало, что появятся турецкие войска «для освобождения всех мусульман от ига христианского народа» [Материалы, 1936, с.196–197].

Согласно сведениям исследователя Агнесс Кефели-Клай, перед Крымской войной и в 1865 г. и 1867 г. среди чувашей и марийцев Самарской губ. можно было увидеть бродящих суфиев и мулл, которые уговаривали уехать в Турцию в ожидании дня воздания. Они «следовали традиции хиджры, которой начало дал пророк Мухаммад, когда в 622 году противники заставили его бежать из Мекки в Медину. Они провозглашали наступление конца света при полной победе ислама, страстными речами воскрешали в памяти людей пророчества махди (своего рода Мессии или Спасителя), который, по преданиям, восстановит справедливость на земле в конце света. Турецкий султан, по их мнению, завладеет мусульманскими землями и восстановит Казанское ханство» [Кефели, 2005, с. 544. 569]. Отдельные поступки представителей духовной и светской власти также способствовали усилению социального напряжения среди мусульман. В этой связи интересным представляются размышления российского посланника в Константинополе графа Г.П.Игнатьева, который в 1865 г. отмечал, что и ранее российские мусульмане из Поволжья совершали хадж, однако до этого времени каких-либо намерений переселения в Турцию не было. Причины этого явления, по его мнению, заключались в местном факторе в лице чиновников и внутривластных курсах правительства: «административные действия наши, способ управления, должны иметь преобладающее влияние на умственное настроение мусульманского населения, живущего на русской почве» [Материалы, 1936, с.216.].

Реформы в Башкирском войске под воздействием мусульманских духовных лиц вызвали различные слухи, которые породили у башкир, мещеряков и тептярей желание переселиться в Турцию или перейти в Сибирь для зачисления в казачье сословие, об этом писал 31 января 1867 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский [Материалы, 1936, с.197]. По мнению руководства Оренбургской губ., среди мусульман региона распространялись слухи: о намерении правительства после реформы отобрать у башкир вотчинные земли, распространить на бывшее военно-служилое сословие рекрутскую повинность (которую до этого времени исполняли представители

податного сословия), обратить мусульман в христианство¹⁵.

Благодаря усилиям жандармерии, по почтовой корреспонденции в 1865 г. были выявлены духовные лица, которые поддерживали связь с родными или односельчанами в Турции. Согласно тайному дознанию полиции в Казанской и Симбирской губерниях призывы к переселению, чтобы избежать крещения, звучали из уст бывшего муэдзина д.Чечкаб Свяжского у. ишана А.Алкина и его муршида – муллы д.Альметеве Чистопольского у. Атауллы Негмагуллина [НА РТ, ф.1, оп.3, д.270, л.54–55об.]. Помимо номинальных христиан – новокрещеных татар, суфии призывали к переселению бывших лашман, которые после приписки в 1860 г. в государственные крестьяне начали исполнять рекрутскую повинность. Говорили, что в Османском государстве они будут освобождены от воинской повинности и от платежа податей [НА РТ, ф.1, оп.2, д.2111, л.1–1об.].

Как правило, крестьяне уезжали небольшими группами. В Чистопольском у. из 95 чел., подозревавшихся полицией в миграции, 16 уехали с семьями, распродав имущество. Отдельные семьи до отобрания властями паспортов весной 1865 г. успели покинуть родные селения в Свяжском, Тетюшском, Спасском уездах [НА РТ, ф.1, оп.2, д.2111, л.11–80].

Под воздействием информации о начале миграции мусульман из Среднего Поволжья в Турцию МДВ секретным циркулярным предписанием от 17 августа 1865 г. прекратило выдачу заграничных паспортов татарам [РГИА, ф.821, оп.8, д.1175, л.2].

Переселение татар из Поволжья и Приуралья усилилось и приобрело четкую форму локальных движений в пореформенный период. Русско-турецкая война 1877–1878 гг., татарское крестьянское движение 1878–1879 гг., другие антиправительственные выступления крестьян, вызванные слухами о предстоящем крещении, в целом осложнение «национального вопроса» усиливали недоверие к реформам правительства, в ко-

торых часть татар усматривала опасность крещения. При данной мотивации сохранение своей этноконфессиональной идентичности мигранты ставили превыше всего и шли на смену своего подданства. Переселение на чужбину являлось для них своеобразной формой протеста: они не хотели жить в государстве, посягающем на их религиозные права, хотя такое представление формировалось нередко на основании слухов.

Другой веской причиной являлось ухудшение социально-экономического положения сельского населения региона, которое усугубляли частые неурожайи и голодные годы. Определенную надежду на обеспеченную жизнь давали письма соотечественников, устроившихся в Турции и сообщавших о существовании государственной поддержки для мигрантов [НА РТ, ф.1, оп.2, д.2111, л.32–32об.]. Предприимчивые лица рассматривали переселение как получение новых возможностей для обогащения.

К началу 1890-х гг. в сознании народных масс Оренбургского края укоренилось устойчивое мнение о том, что ислам преследуется правительством и готовится массовое крещение мусульман, что приходское и высшее духовенство являются прислужниками власти, поэтому они не отстаивают интересы религии. Такое суждение основывалось на ряде событий: 1) требование от мулл русского образовательного ценза; 2) цензурные «стеснения» религиозных изданий 1890–1891 гг.; 3) циркуляр МНП от 10 июля 1892 г.; 4) подчинение мектебов и медресе инспекторам народных училищ; 5) смещение без основательных причин некоторых авторитетных мудarrisов в Стерлитамакском у., которые обучались за границей, закрытие медресе в г.Илецк, увольнение большой группы шакирдов из медресе Ханской ставки.

9 сентября 1892 г. командование ОКВ издало приказ о закрытии всех мектебов и медресе в татарских поселках, и недовольство мусульман в скором времени трансформировалось в движение переселения в Османскую империю.

С момента реализации циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. в Оренбургской губ. ряд сельских обществ начал составлять общественные приговоры и ходатайства на имя губернатора о выдаче заграничных паспортов для переселения в Османскую империю, причем некоторые ставили ультима-

¹⁵ Как показали события ближайшего десятилетия, эти слухи оказались небеспочвенными: мещеряки, башкиры, тептяри стали исполнять воинскую повинность, самодержавие повело политику разграбления башкирских вотчинных земель, велась активная колонизация края.

тум: если не отменят этот циркуляр, то они непременно уедут из России.

О возникшем миграционном движении татар министр внутренних дел доложил Александру III, который предписал: «остановить и успокоить население». С последней декады апреля 1894 г. губернаторы, жандармерия, оренбургский муфтий сосредоточили свои усилия на исполнении предписания императора [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.4об.–5, 29–30об., 33, 92об.].

Большую роль в успокоении населения сыграл муфтий М.Султанов. Он составил обращение к духовенству, разослал его в махаллы Уфимской, Оренбургской, Самарской, Казанской и ряда соседних губерний, выезжал в селения Уфимской губ., разъяснял незыблемость религиозных прав мусульман, вызывал для собеседований некоторых духовных лиц из губерний. По собственной инициативе 9 июля – 3 августа муфтий посетил селения Оренбургской губ., в которых происходили волнения. Оказалось, что жители ряда казачьих поселений выехали за границу после получения заграничных паспортов: из Зубочистенского поселка выехало 13 семейств, из Чесноковского – 20, из Рычковского – 5 и т.п.

Именно из Оренбургской губ. по всей России распространялась информация о наступлении правительства на ислам. Сведения о намерении части мусульман Оренбургского края мигрировать доходили до других регионов через два канала: 1) уроженцы других уездов перед отъездом в Турцию приезжали на родину, чтобы попрощаться с родными, рассказывали об общественной ситуации в крае, или писали письма; 2) со ссылкой на ситуацию в Оренбургской губ. распространялись прокламации «о грядущей опасности для ислама» и необходимости противодействовать открытию русских училищ [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.28–45об.].

Если до этого переселения происходили тайно на основании полученных паспортов на отлучку или под предлогом паломничества, то теперь впервые они приобрели правовую основу – через посредников были оформлены коллективные прошения с указанием фамилии и имени главы семьи, ее численности и места проживания, которые подавались в соответствующие органы Османской империи. Затем эти данные через турецкие консульства поступали в Рос-

сийское МИД и губернские администрации. Имперская власть «препятствовала выезду желающих переселиться из родных селений».

Из Казанской губ., главным образом из Чистопольского у. (8 селений) и частично Спасского у., официально обратилось османским властям несколько сот татарских семей. При расследовании выяснилось, что в 1893 г. поводом к переселению послужили прокламации о предстоящем крещении и слух о том, что с 1896 г. в селениях откроют школы, в которых будет проводиться обязательное обучение русскому языку детей с 8-летнего возраста. Сформировалось убеждение, что эта мера приведет к постепенному охлаждению отношения детей к исламу и к смене вероисповедания. Распродажа имущества усилилась после получения информации о предоставлении переселенцам значительных плодородных земельных угодий, льгот и погашении османским правительством их задолженности перед российским государством. Весной 1894 г. около 40 семейств из Чистопольского у. тайно выехали из России [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.25; д.9603, л.17–17об., 45–45об.]. Сильно повлиял на местных жителей отъезд муллы д.Нарат-Елга Мухаметвалеева, хотя он в своих письмах из Турции правдиво информировал односельчан о трудностях, с которыми сталкиваются мухаджеры. «Советую желающим переселиться – терпеть, потому что в этом государстве торговля очень плохая, сколько тысяч людей, приехавших сюда, ни один не может порядочно заняться делом. Горестную ведут жизнь. Если во всех медресе в деревнях прикажут учиться по-русски, то в этом большого вреда нет, такие вещи и здесь увидим», – предупреждал он и добавлял, что «если власти не касаются религии, то переселяться не стоит» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.10050, л.4].

После получения от уехавших односельчан писем, не подтверждавших обязательство Османского государства о погашении задолженности крестьян-мигрантов перед российским правительством, переселение в 1895 г. прекратилось. Безусловно, свою роль сыграли разъяснительная работа властей, преследование и наказание «подстрекателей» и изъятие у крестьян паспортов на отлучку. В результате из 363 семейств, ходатайствовавших перед турецким прави-

тельством о переселении, из Казанской губ. сумела уехать лишь локальная группа [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.71–71об., 77–78].

В 1894 г. 94 домохозяина из Бугульминского у. Самарской губ. обратились в МВД с просьбой о разрешении переселиться в Османское государство [ГАСО, ф.3, оп.10, д.1097, л.82–83]. В апреле губернатор А.Брянчанинов объездил Бугульминский и Бугурусланский уезды с целью разъяснения неосновательности слухов о крещении, посетил 25 татарских селений, встречался с духовными лицами и вызывал в эти населенные пункты жителей близлежащих деревень. Им также было разослано печатное объявление о гарантии религиозных прав мусульман [ГАСО, ф.3, оп.233, д.1373, л.2–10]. Аналогичную цель преследовали «объявление» уфимского губернатора [Тарджеман, 1894, № 23, 1 июня] и обращение муфтия М.Султанова от 12 апреля 1894 г. к ахунам и имамам о необходимости проведения разъяснительной работы о том, что «насильственно крестить магометан никто не будет и что ислам, как прежде, так и теперь, и на будущее время все прирожденные магометане могут исповедовать в России вполне свободно, как это установлено законом» [РГИА, ф.821, оп.8, д.807, л.181–182].

Волнения среди татар Буинского у. Симбирской губ. улеглись после посещения деревень в августе местным губернатором [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.149].

Новую волну переселений «из-за боязни крещения» вызвали подготовка и проведение переписи населения 1897 г. в несколь-

ких губерниях Среднего Поволжья и Приуралья. Всего по Самарской и Уфимской губерниям планировали мигрировать в Турцию 395 семейств. Первую группу переселенцев из Самарской и Уфимской губерний (448 чел.) в 1898 г. власти вернули в родные селения, вторую группу татар (373 чел.), получивших паспорта, выпустили в г.Самсун [Гусева, 2008, с.172]. Идея о переселении в 1899 г. будоражила жителей ряда деревень Бугульминского у.

29 апреля 1899 г. в департаменте полиции было проведено совещание, на которое были приглашены заинтересованные представители центральных органов власти, по вопросу прекращения переселения российских мусульман в Османскую империю [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.198]. Вынужденные переселения татар в 1890-х гг. департамент полиции характеризовал как «религиозно-политическое брожение» [Исхаков, 2007, с.69]¹⁶. Действительно, миграция татар в Турцию в конце XIX в. приобрела форму политического протеста внутриполитическому курсу самодержавия, отрицающему екатерининские принципы государственно-исламских отношений.

Таким образом, во второй половине XIX в. одной из форм социального протеста мусульман против проводимой правительством политики ущемления их религиозных прав стали вынужденные локальные переселения татар внутренних губерний в Османское государство, где они рассчитывали на социальную помощь мусульманского государства и поддержку халифа.

¹⁶ Введенный запрет на совершение хаджа российскими мусульманами правительство отменило лишь пять лет спустя, в 1901 г. [Исхаков, 2007, с.73].

ГЛАВА 5

Ваисовское движение

Диляра Усманова

Во второй половине XIX в. в среде мусульманского населения Поволжья сформировалось движение, известное в литературе как ваисовское движение или «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман» [Катанов, 1909; Сагидуллин, 1930; Климович, 1936; Quelquejay, 1959; Кемпер, 1998, с.393–429; Валеев, 1999; Кемпер, Усманова, 2001, с.86–122; Усманова, 2002; Crews, 2006; Валеев, 2007; Кемпер, 2008; Франк, 2008; Усманова, 2009]. Явление это представляло собой сложный симбиоз религиозных, социальных, этнических, культурных и политических положений, объединявших на определенных исторических этапах весьма значительную часть татарского населения Казанской губ. Хронологически движение датируется 1862–1923 гг. и в своей эволюции оно прошло несколько наиболее значимых этапов. Всю историю ваисовского движения можно условно разделить на четыре периода: от провозглашения самостоятельной общины в 1862 г. до середины 1880-х гг.; с середины 1880-х гг. до 1905 г.; 1905–1910-е гг. и последний этап – с 1917 г. до середины 1920-х гг.

Несмотря на то, что в литературе движение неразрывно связывается с представителями одной семьи – Багаутдином, Гайнаном и Газизяном Ваисовыми – и даже свое название получило по их фамилии, тем не менее, было бы ошибочным все сводить только к этой семье. У истоков движения стояли три исторические личности – Джагфар Салихов, Габдуллатыф Халитов и Багаутдин Ваисов. Именно с их взглядами, идеями и практической деятельностью связано возникновение особой отдельной общины, позднее переросшей в целое социально-религиозное движение.

Хотя шейх Джагфар не имел непосредственного отношения к ваисовской общине, тем не менее во всех документах ваисовцев

именно его имя использовалось как нравственный символ и духовная предтеча движения. Джагфар аль-Кулатки аль-Булгари Салихов (1790–1862) родился в с.Старая Кулатка Хвалынского у. Саратовской губ. [Архив ИВР СПб., ф.131, оп.1, д.2, л.21–24; Фэхреддин, 1908, с.389–391; Усманова, 2009, с.36–40]. После обучения в одном из медресе Казани (у хазрата Мухаммад-Карима б. Габдрахима) он отправился в длительное путешествие. Проведя некоторое время в среднеазиатских городах (Ташкент, Самарканд), более трех лет прожил в Бухаре. Здесь основным его занятием были общение с учеными людьми (*голяма*), суфиями (его наставником был известный в крае *шейх* братства Накшбандия Габдулхалик аль-Балликули аль-Казанлы), раздумья, моления и радения у гробницы Багаутдина Накшбанди (ум. в 1389 г.). Из Туркестана Дж.Салихов отправился в длительное путешествие-хадж. Побывав в Багдаде, Египте, он обосновался в Медине, где прожил более 12 лет, состоя кладбищенским сторожем (*муджавир*) и ведя жизнь дервиша. В 1834/1835 гг. (1250 год по хиджре), после восемнадцати лет странствий, он вернулся на родину полуослепшим дервишем в рубищах. Слава Джагфар-ишана быстро распространилась в крае, привлекая к нему ученых людей, многочисленных почитателей и учеников. Не меньше было у него и противников в лице представителей официального духовенства. После неудачного второго паломничества (Дж. Салихов сумел добраться только до Кавказа [эл-Булгари, 1874]) он вернулся в родную деревню, где и умер в декабре 1862 г. в возрасте 72 лет. Дж. Салихов не оставил значительных сочинений и трудов, однако он активно занимался проповеднической деятельностью, имел большое количество учеников и последователей, считавших его своим духов-

ным наставником. Среди последних были Б.Ваисов и Г.Халитов, которые стояли у истоков староверческой общины. Бывший имам д.Беденьги Симбирской губ. Габдуллатыйф Халитов (Габдуллатыйф б. Халид аль-Биденги, 1809/1810–1891) в середине 1870-х гг. за некоторые неблагоприятные проступки был лишен духовного звания и оказался в оппозиции к ОМДС. Именно его эксперты считали наиболее образованным в данном тандеме и автором большинства изданных в 1870-х гг. сочинений. Однако все же основателем «Божьего полка староверов-мусульман» стал именно дервиш Багаутдин Хамзин Ваисов (1819/1820 – 1893) [Фэхреддин, Асар, рукопись, б.180–183об.].

В облике Б.Ваисова мы видим человека XIX столетия, образ мысли и действия которого не выходят за рамки исламской религиозной традиции. Об этом свидетельствуют как его сочинения, так и иные документы того времени. Первые два десятилетия (1860-е – середина 1880-х гг.) стали временем, когда происходило становление самостоятельной религиозной общины.

Ранняя биография Б.Ваисова полна противоречивых свидетельств, искажений и в значительной степени мифологизирована его последователями и потомками. Известно, что Б.Ваисов родился в д.Сатламышево Свяжского у. Казанской губ., по одним сведениям в 1810 г., по другим – где-то в 1819–1820 гг. Однако приписан он был к крестьянам д.Молвино, где вместе с братом вплоть до конца 1870-х гг. владел душевым наделом. Б.Ваисов рано остался без отца, его вместе со старшим братом и сестрой вырастила мать Бибижамиля Мухамедьяровна, вскоре переехавшая в Казань. После обучения в одном из казанских медресе (но некоторым свидетельствам, это было медресе при 2-й соборной мечети) он занимался преимущественно торговой деятельностью. Приблизительно в 1841 г., прослышав о знаменитом кулаткинском ишане, он познакомился с ним и поступил к нему на «обучение» («послушание»), которое продолжалось в течение 20 лет, т.е. вплоть до смерти Дж.Салихова.

После смерти кулаткинского шейха Б.Ваисов объявил себя его преемником (*халифой*), собрал вокруг себя учеников и единомышленников и занялся проповеднической деятельностью. В первой половине

1860-х гг. Б.Ваисов основал в Казани отдельную общину и открыл в собственном доме в Новотатарской слободе молитвенный дом. С середины 1860-х гг. он неоднократно обращался к властям с просьбой оказать материальную поддержку своей общине, подвергал резкой критике официальное мусульманское духовенство и руководство ОМДС, обвиняя их в многочисленных пороках, коррупции, разврате и отходе от «истинного ислама». Одновременно Б.Ваисов выступал с проповедями среди своих последователей.

Первое публичное выступление ваисовцев связано с сочинением «Тарик-и ходжаган» (1874), посвященным описанию биографии и жизненной позиции Дж.Салихова. В этом сочинении Б.Ваисов не только описывает жизненный путь знаменитого ишана (в т.ч. его путешествие на Кавказ и отношение к тамошнему мусульманскому сообществу), но и выражает готовность молиться за здоровье царя, содействовать умиротворению мусульманского населения и укреплению среди непокорных мусульманских общин власти российского государя. В 1870–1880-х гг. Б.Ваисовым и Г.Халитовым было издано несколько сочинений: сочинение по мусульманскому праву с комментариями, сборник стихотворений, приписываемых Багаутдину Накшбанди, составленный Дж.Салиховым и пр. [эл-Булгари, 1874; Диван-и Шах-и Накшбанд, 1874]. Ряд сочинений Б.Ваисова, как содержащие критические выпады против муфтия, не были допущены цензурой к печати, а потому их тексты сохранились в архиве органов цензуры [РГИА, ф.777, 1881 г., оп.3, д.5; Усманова, 2009, с.66–71, 498–511].

Вероятнее всего, часть неопубликованного наследия Б.Ваисова была уже после смерти дервиша издана его сыном Гайнаном в немного переработанном виде под названием «Джавахири-и хикмат-и дарвишан» (Казань, 1907, вып.2). В этом сочинении автор (а истинным автором большей части был именно Б.Ваисов) размышляет о Судном дне, наступление которого ожидалось в 1300 г. по хиджре (1882), выступает с критикой окружающей действительности, осуждением пороков татарско-мусульманского общества и представителей «официального ислама».

Действия властей расценивались ваисовцами как происки сатаны (*даджжала*), а пороки окружающего мира связывались с идеей конца света и Судного дня. Знамение скорого прихода *даджжала* (антихриста, сатаны) виделось также в русификаторских действиях местных и центральных властей по отношению к мусульманскому населению, в многочисленных пороках и разврате, поразивших казанских татар под руководством муфтия и кадиев. Это противостояние с руководством ОМДС позднее станет основой отрицательного отношения ваисовцев к господствующему исламу, наиболее четко сформулированному уже в начале XX столетия.

Б.Ваисов объявлял себя предвестником конца света, именовался «полководцем» (сардаром), а своих последователей называл членами т.н. спасающей группы (*фирка-и наджийа*). Залогом спасения объявлялось возвращение к истинному исламу под руководством дервиша. Эсхатологическая составляющая религиозной доктрины ваисовцев, сформулированная в трудах Б.Ваисова, оставалась основным языком описания социальной и политической реальности в 1870–1890-х гг. При некотором своеобразии концепции конца мира, сформулированной Б.Ваисовым (прежде всего в плане датировки), религиозное мышление основателя общины принято рассматривать в контексте других эсхатологических движений (типа махдизма), которые получили распространение в разных мусульманских странах при наступлении четырнадцатого столетия по хиджре [Кемпер, 1998, р.393–429].

Позднее эсхатологический язык отошел на второй план и восприятие политической ситуации в ваисовских текстах рационализировалось. «Спасающаяся группа», говорящая о спасении и Судном дне, постепенно оформлялась в «секту», обращающуюся к различным представителям имперских властей, а позднее и к думским представителям, осознающую свое особое социальное положение, «отдельность» внутри мусульманского сообщества и наличие политических предпочтений.

Центральной идеей в исторической генеалогии и религиозном учении ваисовцев была идея болгарского наследия. Себя ваисовцы называли булгарами (аль-Булгари) и

мусульманами-староверами, отказываясь признавать такие сословные и этнические наименования, как «татарин», «крестьянин», «потомственный почетный гражданин» и др. Ваисовцы полагали, что в качестве потомков болгар они являются более древними и правильными («истинными») мусульманами, нежели татары, поскольку их вера шла «аль-мисактан-бирле», т.е. со времен завета, заключенного ветхозаветным Авраамом и самим Богом. Термин «старовер» использовался ваисовцами для самопрезентации преимущественно в русскоязычных документах, где этот термин отсылал к хорошо известному немусульманам феномену в православии. При этом ваисовцы уточняли, что они – староверы-мусульмане и осознавали свое отличие от русских староверов.

Не признавая бюрократических инстанций и вступая в контакт с императором путем послышки «святых заявлений» и прошений, группа фактически позиционировала себя как отдельное сословие. Отказываясь от обычной сословной принадлежности, ваисовцы претендовали, таким образом, на статус некоего особого духовного сословия. Несоответствие русскоязычных категорий (и стоявших за ними практик) оригинальным самоописательным категориям ваисовцев вынудило их вместо общепризнанной сословной номенклатуры («крестьянин», «мещанин» и пр.) изобрести собственную сословную идентичность по-русски – сословие «потомственных присяжных ислама», а в качестве документа, идентифицирующего личность, составить так называемый «Святой присяжный лист», которым ваисовцы пытались заменять общегражданские паспорта [Усманова, 2009, с.119].

Признавая над собой лишь власть императора, сторонники ваисовского движения отказывались подчиняться гражданским властям, а также нести воинскую повинность. Совершение пятикратной молитвы во здравие государя ваисовцы считали своим прямым долгом, полагая, что молитвой они защищают верховную власть лучше, нежели с оружием в руках. Эта идея стала основой для пацифистских идей, высказывавшихся ваисовцами в первые десятилетия существования движения.

Надгробие на могиле Б.Ваисова.
Пос. Старая Кулатка Старокулаткинского
р-на Ульяновской обл. Фото 2005 г.

Титульный лист сочинения Б.Ваисова
«Тарик-и ходжаган» (Казань, 1874).

Личная и семейная жизнь Б.Ваисова также не раз становилась поводом для преследования его со стороны властей¹⁷. Не обращаясь к приходскому имаму, Б.Ваисов самолично совершал все важнейшие обряды (имянаречение новорожденному, погребение умерших и даже бракосочетание /никах), чем вызывал ожесточенную критику как со стороны имамов, так и руководства ОМДС. Официальное духовенство было недовольно тем, что Б.Ваисов фактически присвоил себе функции имама, не имея на то законного основания. Эти многочисленные конфликты привели к тому, что к началу 1880-х гг. Б.Ваисов объявил о полном игнорировании членами его общины мечетей и официальных мулл, о намерении вести собственные метрические книги, о непризнании ОМДС.

Подобная деятельность лидера движения Багаутдина Ваисова вызывала опасения властей, в конце 1870 – начале 1880-х гг. он

привлекался к судебной ответственности по гражданским и уголовным искам, неоднократно обследовался психiatрами. В январе 1885 г. руководителя «секты» с группой его сподвижников арестовали. Оказавшие властям сопротивление ваисовцы были осуждены и высланы из города, а руководитель общины признан душевнобольным и помещен в психиатрическую клинику Казани, где и умер в сентябре 1893 г.

После ареста и смерти основателя общины его дело продолжили ученики и последователи. Последнее двадцатилетие XIX столетия – с середины 1880-х гг. до 1905 г. – община переживала сложное время угрозы распада и стремления сохранить преемственность традиций. Место харизматичного лидера оставалось вакантным. Его дети были еще слишком малы, чтобы продолжить дело отца. Хотя среди учеников и ближайших последователей Б.Ваисова в эти годы выделилась группа наиболее активных и деятельных лиц (Юсуф Файзуллин, Шигабутдин Сайфутдинов, Назмутдин Ижбаев и др.), они не могли заменить Б.Ваисова и «породить» из своей среды легитимного и всеми признанного лидера движения. При

¹⁷ У Б.Ваисова было не менее пяти жен. Первые две умерли в 1870 г. при родах, а брак с третьей был признан нелегитимным. Из многочисленных детей Б.Ваисова (по нашим подсчетам, их было более двадцати, по словам самого Б.Ваисова, у него родилось сорок два сына) большинство умерли в младенчестве или не дожив до совершеннолетия.

всей их убежденности в правоте своего дела названные лица не обладали ни необходимыми знаниями, ни нравственным авторитетом или харизмой своего учителя. Более того, в силу жизненных катаклизмов они занимали чрезвычайно маргинальное положение в татарском обществе, находились внизу социальной и интеллектуальной иерархии. Гораздо более важным было то, что в это время в среде ваисовцев шел поиск новых актуальных проблем, которые могли бы прийти на смену прежним объединявшим общину идеям. Все это происходило на фоне складывания в татарском обществе более широкого интеллектуального контекста, в котором причудливо сочетались исламские и европейские формы, что отражалось на облике и организационных формах функционирования общины.

В 1870–1890-х гг. движение также очевидно выражало религиозный протест поволжских мусульман против проводимой правительством политики русификации и христианизации. В период проведения всеобщей переписи 1897 г. ваисовцы вели пропаганду среди крестьян, рассматривая перепись как подготовку правительства к последующей христианизации мусульман. Одновременно движение приобрело черты социального протеста в условиях обострения социальных противоречий, явившихся следствием капиталистической модернизации российского общества. Активизация деятельности ваисовцев, распространение учения Б.Вайсова и увеличение числа его последователей наблюдались среди татарских крестьян Поволжья, страдавших от малоземелья или безземелья.

К началу XX столетия движение, помимо Казани, охватывало ряд населенных пунктов Казанской и Симбирской губерний. Единичные случаи наблюдались в Сибири и Средней Азии. Общее число последовате-

лей движения доходило, вероятно, до 2 тыс. чел. В начале XX столетия во главе общины встали сыновья Гайнан (1905–1918 гг.) и Газизян (1918 – начало 1920-х гг.), а само движение приобрело ярко выраженный политический характер. Претерпела дальнейшую эволюцию и идеология движения.

Вайсовская община (и движение в целом) родилась из сложного комплекса различных настроений и идей, бытовавших в мусульманской среде Волго-Уральского региона в поздней имперский период. Среди них важное место занимали протестные настроения, вызванные дальнейшим усилением социальной напряженности, сопровождавшей процесс модернизации, религиозной политикой христианского государства в отношении иноверцев, углубляющимся процессом бюрократизации официальных исламских структур и их отчуждением от рядовых верующих. Свою роль сыграли традиционные для религиозного сознания страхи и фобии, обусловившие боязнь реалий современной жизни и отказ от современной цивилизации. Ряд идей уходит своими корнями в причудливую историческую память народа. Не стоит сбрасывать со счетов и персональные заблуждения и амбиции отдельных харизматичных личностей. Однако конфликты, порождаемые как неуживчивым (возможно, даже склочным) характером Багаутдина, так и провоцируемые властями и единоверцами, вероятно, остались бы личным делом одного из многих ушедших в небытие исторических персонажей, если бы проповеди и идеи Б.Вайсова не попали на благоприятную почву социальной, национальной, религиозной напряженности и недовольства, столь очевидной в Российской империи накануне ее падения. В конечном счете, движение приняло такие формы, что можно говорить о своеобразном культурно-религиозном и политическом феномене в татарской истории.

ГЛАВА 6

Новые явления в татарско-мусульманском общественном движении на рубеже XIX–XX столетий

Ильдус Загидуллин

Чешский историк Мирослав Хрох при моделировании национальных движений европейских народов выделил три фазы развития событий. В фазе *A* пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору, за культурной фазой следует фаза *B* – фаза национальной агитации, в которой группа патриотов ставит своей целью внедрение национального самосознания в более широкие слои населения, мобилизации этого населения и его интересов в национальное сообщество. В третьей фазе *B* наблюдается массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к политической автономии. Среди российских народов эти процессы происходили в разное время и зависели от ряда факторов, начиная от уровня их культурного и общественного развития и завершая степенью индустриализации и урбанизации. Огромное значение имели наличие собственной элиты и традиции государственности, общая высокая, в т.ч. языковая культура, что было характерно для «старых» наций (русские, поляки, грузины, крымские татары, в определенной степени мусульмане Средней Азии). У «малых» или «молодых» наций отсутствовали собственные элиты, а нередко средние городские слои, в прошлом они не имели собственных политических структур, и их, традиции средневековой государственности были разрушены в начале Нового времени, они представляли собой «крестьянские народы», над которыми господствовали иные этнические элиты. Их действия имели социальную природу и поначалу были направлены не столько против государства, сколько против «чужой» господствующей верхушки. Их задачей было устранение вышеназванного дефицита, а именно – создание полноценной социальной структуры. «Молодыми» нациями в России были укра-

инцы, белорусы, литовцы, латыши, финны [Каппелер, 1996, с.175–176].

А.Каппелер, исходя из социального слоя – движущей силы каждого из этапов, ставит вопрос о возможных идеальных дворянских, буржуазных и крестьянских национальных движениях. В то же время он правомерно констатирует затрудненность проецирования «европейского исторического опыта» на национальные движения народов Азии [Каппелер, 1996, с.176].

В этой связи возникает вопрос: какое место занимает в этой модели татарско-мусульманское общественное движение до 1905 г. Как известно, до середины XVIII в. идеи возрождения татарами своей государственности, которые проявлялись в ряде выступлений народных масс, были связаны, главным образом, с приглашением единоверца – представителя высшего феодального сословия – хана. Впервые в восстании под предводительством Батырши 1755 г. главным идеологом и организующей силой выступили представители мусульманского духовенства, превратив лозунг «борьба за ислам и освобождение региона от представителей элит другой этноконфессиональной группы, эксплуатирующей мусульман», в знамя антиправительственных выступлений. В условиях отсутствия национальной элиты в лице дворян доминирование религиозных деятелей в национальном движении было закономерным явлением. Однако, признав мусульманское духовенство, подчинив его своему контролю и добившись его лояльности к политическому строю, правительство Екатерины II сумело в целом изолировать его от участия в политической борьбе. В результате 1755 г. стал последней попыткой татар по восстановлению национальной государственности. В конце XVIII в. началось формирование новых татарских элит: лояльного к власти мусульманского духовенства, действующего на легальных

основаниях; реабилитация потомков татарских мурз и князей, включение в дворянское сословие мусульман по выслугам в гражданской и военной службе; формирование предпринимательско-купеческого сословия.

Татарско-мусульманское общественное движение четко не вписывается в классическую модель национальных движений народов Европы в плане следования одной фазы за другой. Татарское просветительство, способствовавшее культурному пробуждению татар, заявило о себе во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Труды и просветительская деятельность Ш.Марджани, К.Насыри, Р.Фахретдина, М.Акмуллы, Г.Чокрый и др. способствовали пробуждению и усилению интереса к национальной истории и культуре. Особую роль в обновленческих процессах сыграл И.Гаспринский, успешно использовавший газету «Тәржеман» для пробуждения интереса татар к светским знаниям. И.Гаспринский предложил проводить модернизацию татарского сообщества за счет пожертвований и максимального использования правового поля империи для развития национальной культуры, не отвергая при этом государственные культурно-просветительские институты. Газета призывала читателей к совершенствованию своих знаний, к общественной работе на благо народа.

В начале XX в. эстафету приняли новые представители татарской интеллигенции, знакомые с русской культурой и нередко получившие заграничное образование. Введение новометодного образования привело к обновленческим процессам в конфессиональной школе и обозначило перемены практически во всех областях социокультурной жизни мусульманского сообщества Поволжья и Приуралья. Как совершенно справедливо отмечает А.Каппелер, у татар фаза *A* носила характер религиозно-национального движения [Каппелер, 1996, с.195].

Начало фазы *B* – фаза национальной агитации – было вызвано активной деятельностью правительства, направленной на слом феодальных устоев в мусульманском сообществе и вовлечение его в модернизационные процессы, которая, однако, реализовалась за счет ущемления самобытной культуры и традиций без права выбора. Первые признаки новых явлений проявились в крестьянском движении в 1878–1879 гг.

Отправной датой фазы *B* в татарском национальном движении можно считать 1879 г., когда представители казанской буржуазии, после консультаций с ОМДС [Фэхреддин, 2010, б.130], довели до сведения российской власти программу своих требований, направленных на сохранение основополагающих принципов религиозно-культурной автономии татар и башкир, на повышение статуса головного института традиционных религиозных общин, на расширение гражданских прав мусульман. В концептуальном плане эти требования стали выражением мнения представителей различных групп татарской элиты во главе с купечеством, если учесть, что в этот период муфтием был дворянин С.Тевкелев, а заседателями в ОМДС служили муллы из Казанской губ. Купцы вместе с представителями духовенства выступили против правительственных инициатив, направленных на установление контроля над национальной системой образования и ее трансформацию путем принудительного внедрения институтов русского образования. Действия правительства в значительной степени были обусловлены идеологией модернизации России и политикой создания национального русского государства, согласно которым во внутренних губерниях не только русское крестьянское население должно было быть грамотным, но и нерусские народы обязаны были знать государственный язык.

Татарские купечество стремилось вовлечь широкие слои населения в петиционные кампании против правительственных реформ в сфере школьного образования, лавировать лозунгом защиты ислама и сохранения традиционных устоев. В последней четверти XIX в. общественное движение происходило под «религиозной оболочкой», что было обусловлено, прежде всего, религиозным менталитетом, особенностями культурного развития купечества, отсутствием чиновников и малочисленностью и экономической слабостью дворянского сословия. В целом национальное движение носило охранительную «направленность», защищало традиционные устои, его идеологами были представители буржуазии, движущей силой – традиционные религиозные общины. Главным лейтмотивом мусульманского общественного движения и антиправительственных выступлений народных

масс в пореформенный период стали «защита ислама» и религиозных прав мусульман, борьба за сохранение конфессиональной идентичности, против вмешательства правительства в систему национального образования и жизнь махалли.

Назначение муфтием М.Султановым на основе закона от 9 января 1890 г. заседателями религиозного управления духовных лиц с прогрессивными взглядами вскоре превратило ОМДС в своеобразный центр пропаганды и агитации передовых идей. Большинство заседателей ОМДС и после ухода из религиозного управления продолжали просветительскую деятельность.

В этой связи заметным событием в консолидации прогрессивно настроенных представителей различных профессиональных и сословных групп мусульманского населения стали созыв по инициативе заседателей ОМДС 6 января 1898 г. совещания и учреждение в Уфе с санкции муфтия М.Султанова неофициальной организации «Ислах-ы мэкатиб вэ нөшр-и мэгариф муслимин» – первого татарского общества, вызвавшегося решать насущные общенациональные проблемы, а именно: подготовить и последовательно реализовывать реформы в области совершенствования татарского языка, школьных программ и издания новых учебников. 15–17 июня того же года в Уфе состоялось неофициальное совещание, созданное этим обществом, в котором приняли участие реформаторы¹⁸. В ходе совещания состоялись полемика и обмен мнениями по ключевым проблемам развития нации, произошло распределение между участниками обязанностей по различным направлениям, было принято решение, касающееся реформирования и программы учебных заведений [Мараш, 2005, с.182–183]. Несмотря на то, что общество в дальнейшем не продолжило свою деятельность и не было зарегистрировано, уфимское совещание, безусловно, дало новый импульс преобразованиям.

На рубеже веков в мусульманском обществе усилилось влияние джадидистов, многие представители консервативной ча-

сти буржуазии пересмотрели свое отношение к русскому образованию и стали содействовать развитию новометодных школ и активно включились в обновленческие процессы. Тон общественному движению задавало не только противостояние мусульман и правительства по вопросам школьного образования, оно стало многообразным, многовекторным. Новометодные школы разрушали монополию мулл в сфере религиозного образования, так как заведующие этих школ становились их конкурентами, и самое главное – менялись финансовые потоки, за счет которых существовала система образования (средства родителей и обеспеченных татар).

Новой формой противостояния между кадимистами и джадидистами стала интеллектуальная полемика. В условиях отсутствия национальной периодики она выразилась в публикации муллами-кадимистами нескольких брошюр. Новый метод обучения и вызванные им изменения оценивались его противниками «как нововерие, угрожающее татарам отпадением от ислама и обращением в кяфиров». В частности, в 1899 г. в Казани была издана книжка муллы Гиллязетдина Мухиддинова «Стальные пики против нового метода», направленная против обновления и европеизации татарского общества.

В этот период джадидисты действовали осторожно и напрямую не дискутировали с кадимистами. До читательской аудитории новые идеи и воззрения они доводили посредством художественных произведений, через размышления, полемику литературных героев о будущем татарского общества, через их поступки. Литература периода возрождения превратилась в важнейший инструмент воздействия и воспитания людей новой формации. Важно отметить, что появление таких изданий уже свидетельствовало о кардинальных изменениях, происходящих в городских общинах: известно, что не все литературные произведения, прошедшие русскую цензуру в 1890-е гг., публиковались, – издатели-продавцы, боясь конфликтов с муллами, не брались за их реализацию. Образцы литературы и публицистические произведения издавались на средства национальной буржуазии. На рубеже веков, благодаря тандему «меценат – интеллектуал» в плане идеологического воздействия на читательскую аудиторию посредством пе-

¹⁸ Заседатели ОМДС Р.Фахреддин, Х.-Г.Габаши, Г.Капкаев; оренбургский купец Гани Хусаинов, Галимжан Баруди, Ахмадхадди Максуди, Шакирзян Тагиров, ахун Гыйльман Карими, его сын Фатих Карими, уфимский ахун Х.Усманов и др. [Гани, 1998, б.113–114, 125–126].

Фатых
Карими.
Фото
нач.
XX в.

чатного слова, джадидисты захватили инициативу и действовали более активно.

Член ОМДС Р.Фахреддин стал издавать серию книг нравственно-назидательного плана, адресованных взрослым, детям школьного возраста, с целью достижения позитивных перемен в социокультурной жизни народа. Большое влияние на читателей оказала повесть Р.Фахреддина «Салима, или Целомудрие» («Сәлима, яки Гыйффәт», 1898), изданная им под псевдонимом. Главный герой повести шакирд, обращаясь к своим товарищам по старометодному медресе, заявляет: «Нашими руководителями должны быть лица, обладающие познаниями в науках мусульманских и вместе с тем философски осведомленных о современном положении вещей. ... Прогресс нации заключается в распространении образованности, развитии ремесел и промышленности».

Рассказ Ф.Карими «Шакирд и студент» (1899), в котором путем сравнения русской и татарской молодежи доказывались преимущества европейского образования перед схоластическим религиозным, произвел настоящую сенсацию среди татар и нанес серьезный удар по позициям кадимистов.

В этой связи заслуживает внимания развернутая характеристика литературных произведений и публицистических трудов джадидистов, которую дал в начале 1901 г. департамент полиции: «Сторонники же новых веяний в своих сочинениях призывают татарское население к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и

в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато. При этом новаторы приглашают своих единомышленников не в единую общеобразовательную школу, т.е. русские гимназии и высшие учебные заведения, а в особые татарские рассадники высшей мудрости, где европейская наука должна сочетаться с Кораном и преподаваться на татарском языке. Они указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить ее от суеверия и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сфере и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности» [НА РТ, ф.1, оп.6, д.99, л.1–2об.].

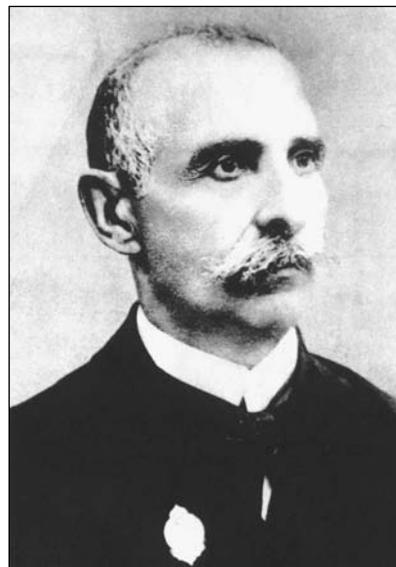
В своей фантастической повести «200 елдан сон инкыйраз» («Вырождение двести лет спустя») (Казань, 1904) молодой талантливый прозаик Газ Исхаки изложил ключевые идеи философско-публицистической брошюры «Человеческий род» (Казань, 1899). Ее автор Сурудеддин Мифтахуддинов писал о том, что в современном мире обречены на исчезновение народы с древними образовательными традициями, которые остановились в своем развитии, не желая разорвать с устаревшими воззрениями. Будущее должно принадлежать народам, владеющим современными знаниями. Таковыми в настоящее время являются европейцы, которые благодаря своей высокой культуре господствуют почти на всем земном шаре и непрерывно продолжают делать все новые и новые завоевания [Мифтахетдин, 1899, б.5–26].

В этот период на роль лидеров общественного движения татар выдвинулись две группы деятелей нового поколения. Представители первой получили образование за границей: в светских и религиозных учебных заведениях Османской империи и Египта, во время учебы, поездок и общения с местным населением они осознали большое влияние Европы на жизнь мусульманских стран (которые до этого времени в значительной степени являлись идеалом для татар) и незавидное место мусульман в мировом сообществе. Вторая группа была представлена амбициозными молодыми людьми, главным образом, учащимися или выпускниками КТУШ, воспитанными на национальных традициях и русской культуре, которые также активно публиковались [Хабутдинов, 2005, с.15–17].

Модернистская модель развития «мусульманской нации» в округе ОМДС, отвечающая вызовам времени, сделала привлекательным опыт и инициативы татар для национальных элит мусульманских народов, выдвигала татарских общественных деятелей в общетюркские лидеры, знаменосцев обновления российской уммы. «Эту модель сопровождала идеология, объединяющая пантюркизм и панисламизм в уникальную смесь, которая хотя и защищала культурное единство всех тюркских народов, тем не менее с неизбежностью несла основные черты собственно татарского характера», – отмечает Э.Лазерини [Лазерини, 2011, с.22].

В конце XIX в. на общественную арену вышли две личности, сыгравшие важную роль в деле духовной и политической консолидации тюркских народов России – И.Гаспринский и Г.-Р.Ибрагимов. И.Гаспринский в 1871–1873 гг. совершил поездку в европейские страны и посетил – восточные: Алжир, Тунис, Египет, Османское государство. В 1881 г. он пришел к заключению, что именно тюркские народы России призваны стать во главе интеллектуального развития исламского мира.

По причине отсутствия других частных периодических изданий на тюркских языках издаваемая им с 1883 г. газета «Тәржеман-Переводчик» (Бахчисарай) стала для общественных деятелей мусульманских народов единственной площадкой публичного выражения своего отношения к событиям, происходящим в регионах и стране в целом, создавала им условия для общения [Гаспринский, 2006, б.213]. Публикуя сообщения об обновлении жизни тюркских народов, обсуждая в редакторских статьях перспективы их развития он, по сути, заявлял об общности судеб мусульманских народов империи. Просветитель выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов страны на основе «единства языка, мысли и действий». Созданию единого литературного языка тюркских народов России просветитель придавал политическое значение [Гаспринский, 2006, б.264–465]. Газету читала интеллектуальная элита татар, башкир, узбеков, казахов, народов Кавказа и др. [Валидов, 1998, с.78]. Однако до 1905 г. деятельность И.Гаспринского не выходила за рамки культурно-просветительской работы.

Исмаил
Гаспринский.
Фото нач.
XX в.

Габдрашит Гумерович Ибрагимов (1857–1914) позиционировал себя в качестве общетюркского лидера. Он родился в семье ахуна г.Тары, обучался в медресе Тобольской и Казанской губерний. В период обучения в Медине (1879–1885 гг.) познакомился с трудами исламского реформатора Индии Сайд Ахмед-хана (1817–1898), видевшего возможность прогрессивного развития единоверцев в просвещении и распространении среди них достижений европейской науки и культуры, с работами основоположника доктрины панисламизма Джемаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897). В годы учебы в Медине Ибрагимов убедился в необходимости коренного реформирования системы религиозного образования в России, разработки новой методики обучения, обновления программы за счет включения в нее естественных дисциплин [Галимуллин, 2003, с.14–28].

Оставив должность заседателя ОМДС (1892–1895 гг.), Ибрагимов выехал за границу. Ф.Ф.Галимуллин не исключает возможность его контактов во время посещения Парижа с представителями организованного в 1891 г. центра турецкой эмигрантской оппозиции во главе в Ахмедом Риза-баши (1857–1930) и турецкого тайного общества «Иттихад вэ таракки» («Единство и прогресс») [Галимуллин, 2003, с.36].

В 1895 г. Ибрагимов опубликовал за границей публицистическую книгу «Чулпан йолдызы» («Утренняя звезда»), которая пользовалась большой популярностью

Габдерашит
Ибрагимов.
Фото нач. XX в.

среди мусульман Волго-Уральского региона и тайно передавалась из рук в руки. По мнению Галимжана Ибрагимова, эта работа, освещающая

незавидное положение мусульман в России и призывающая к реформам и приобщению к европейской культуре, была до революции 1905–1907 гг. «единственным голосом вопиющего в пустыне» [Ибрагимов, т.7, б.267–268]. Ее автор писал, что татары, получившие светское образование, ставятся русской администрацией в неравные условия по сравнению с христианами: выпускники университетов с юридическим образованием достигают лишь должности помощника прокурора, для получения генеральского звания, как и полякам, финнам, евреям и раскольникам, мусульманам нужны «особые причины».

Первейшим условием «светлого будущего татар» Ибрагимов считал реформирование ОМДС. С целью повышения нравственного авторитета ОМДС, устранения взяточничества во время экзаменов и формальности испытаний кандидатов в муллы он предлагал повысить ежемесячное жалование заседателям религиозного управления, определять на эти ответственные должности честных, старательных ученых, назначение которых должно было, по его мнению, осуществляться путем проведения муфтием совещаний с представителями татарской элиты – учеными и баями. Казьи, в свою очередь, были призваны превратить религиозное управление в авторитетный институт мусульманского сообщества, повысить требования к кандидатам на духовные должности.

С целью укрепления связей ОМДС с духовенством он предлагал проводить ежегодные совещания с участием видных ученых, с тем чтобы деятельность ОМДС была направлена на претворение в жизнь коллективных решений лидеров нации. Важнейшими источниками внебюджетных

поступлений ОМДС, по мнению Ибрагимова, могли бы стать ведомственная газета религиозного учреждения с обязательной подпиской всех духовных лиц, издание Корана исключительно в типографии ОМДС. Ибрагимов считал, что религиозное управление должно взять на себя заботу о подготовке талантливых шакирдов, премировать и награждать медалями их учителей и публично критиковать беспечных мударрисов. Такой подход, по его убеждению, позволил бы приблизить проведение реформы в мусульманском сообществе. Введя стипендии в медресе и стимулируя шакирдов к получению знаний, духовные лица, считал он, должны прекратить личные склоки, ссоры и читать прихожанам проповеди, полезные для современной и загробной жизни [Галимуллин, 2003, с.36–40].

Действия Ибрагимова после возвращения на родину во многом повторяли шаги И.Гаспринского по трансляции своих идей среди единоверцев. В 1900 г. он начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Миръят яхуд кѳзге», получивший в народе название «Кѳзге» («Зеркало»). В 1902 г. издал восемь, в 1903 г. – четыре номера альманаха.

Ибрагимов оказался единственным татарским деятелем, обратившимся (1901 г.) к правительству с предложением (записка «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России») содействовать реформированию традиционных школ мусульман: установить для них программы изучаемых предметов; ввести преподавание общеобразовательных дисциплин; установить практику сдачи экзаменов; предоставить лицам, окончившим полный курс медресе, льготы по отбыванию воинской повинности, передать наблюдение за ними особым почетным лицам из мусульман, ответственным перед попечителем учебного округа [Самадова, 2010, с.188].

В 1902–1903 гг. Ибрагимов посетил Японию, где вел антироссийскую пропаганду, за что по просьбе российского посольства был выслан из страны. Возратившись в столицу, он продолжал издавать свой альманах [Галимуллин, 2003, с.41].

Весной 1904 г. Ибрагимов вновь уехал в Стамбул, где его политическая деятельность привлекла внимание русской разведки. Членами организованного им кружка, состоявшего из российских мигрантов, была

составлена программа требований с целью добиться расширения гражданских прав соотечественников-единоверцев в сфере образования, управления духовными делами и вероисповедания, в которой впервые российские мусульмане рассматривались как единое культурно-социальное сообщество. Важно отметить, что документ был отправлен не только ряду соотечественников, в т.ч. оренбургскому 1-й гильдии купцу Махмуту Хусаинову, но и в посольства Англии и Германии, находившиеся в Стамбуле.

Суть основных требований программы заключалась в расширении религиозно-культурной автономии мусульман: предоставление им права самим избирать членов и председателя (муфтия) религиозных управлений (п.1), передача управления религиозным и национальным образованием муфтию и попечителям школ (п.3); прекращение практики назначения на должности муфтия лиц, окончивших русские учебные заведения (читай: не имеющих религиозного образования) (п.2); разрешение бракоразводных дел и вопросов наследства исключительно по нормам шариата (п.7); «дарование» сельским общинам «полного самоуправления» и запрещение объединять их с русскими крестьянскими общинами (п.15); открытие лавок мусульман в дни христианских религиозных праздников (п.24) прекращение практики похорон умерших мусульман лишь после выдачи свидетельства о смерти (п.28).

В отдельную группу можно выделить требования, направленные на реализацию принципа добровольности изучения и распространения государственного языка: необходимость введения в школах светских наук, знания имамами русского языка и преподавания на нем (пп.4, 6); освобождение от угрозы закрытия учебных заведений в случае отказа мусульман от светских предметов (п.5).

Ключевыми в понимании требований о свободе вероисповедания являлись положения о реализации в России принципа свободы совести: «никому не запрещать исполнять заповеди божественного закона» (п.11); «вернуть нам наши права и свободу совести» (п.23); даровать «полную свободу» в религиозных делах (п.25); прекратить христианское просвещение мусульман (п.17); разрешать желающим переходить в ислам (п.22); прекратить «записи священниками мусульман в

приходские книги христианскими именами» (п.20) (видимо, имеются в виду возвратившиеся в ислам крещеные татары, которые российским законодательством не признавались мусульманами. – *И.З.*) и др.

Ряд положений был связан с необходимостью защиты религиозных прав и достоинства мусульман от посягательств светской власти, РПЦ и христиан: «не глумиться» над исламом (п.19); «не вмешиваться земским начальникам в дела о разводах» (п.29). Защита религиозных прав военнослужащих-мусульман сводилась к назначению в каждой войсковой части, где проходили службу мусульмане, военного муллы, к запрету кормить их свининой (п.26); «непринуждению их воевать против единоверцев» (п.27). В плане предоставления равных прав с православными священниками представляет интерес предложение об освобождении мулл от воинской повинности (п.16). Присутствовали требования, посвященные защите религиозных прав казахов-кочевников: прекратить христианское просвещение среди казахов, позволять им свободно исповедовать ислам и поступать по мусульманскому закону (п.10); разрешать татарам и казахским улемам преподавать казахам основы ислама (пп.8, 9).

Экономические требования программы: прекратить «самовольства» местной администрации, препятствующей «особенно казахам» вести коммерческие операции даже при наличии «промыслового свидетельства» (п.14); восстановить в собственности (не отбирать) земли мусульман, прибывших из Хивы и Бухары и поселившихся в Сибири (п.12); упразднить налог с земель мусульман, на которых построены их дома (п.13); освободить казахов и крымских татар, сданных в арестантские роты, или высланных в административном порядке, или приговоренных к каторжным работам за подписание ими документов, содержание которых они не читали (пп.31, 32) [ГАРФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.166–169об.].

Важно, что аналогичный текст в виде тайной прокламации распространялся среди татар, проживавших в различных регионах. Хотя на них расписывался некто «хаджи Ахмет из Казани», в действительности письма отправлялись почтой из Стамбула [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.210, 218].

Таким образом, стамбульские политические требования Г.-Р.Ибрагимова были направлены на достижение российскими мусульманами равных прав с титульными населением империи и расширение религиозно-культурной автономии, они сыграли важную роль в трансформации приоритетов татаро-мусульманского движения в начале XX в.

7 августа 1904 г. Г.-Р.Ибрагимов был задержан в Генеральном консульстве России в Стамбуле и переправлен в Россию. Однако из-за отсутствия веских улик 21 августа он был освобожден из тюрьмы Одессы [ГАРФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.163–163об.].

В начале сентября Г.-Р.Ибрагимов был принят министром внутренних дел П.Д.Святополком-Мирским, они обсудили сложившуюся в стране политическую ситуацию. После встреч в Москве с лидерами земского либерального движения (конец сентября 1904 г.) Г.-Р.Ибрагимов посетил крупные образовательные центры и татарские общины (Оренбург, Уфа, Троицк, Петропавловск, д.Иж-Боби Вятской губ.), встречался с региональными лидерами, представителями молодежи, решал организационные и финансовые вопросы будущего политического объединения татар. Первоначально Г.-Р.Ибрагимов планировал провести общетатарский мусульманский съезд на Мензелинской ярмарке (конец декабря – начало января). Однако после встречи в Казани с Юсуфом Акчурой (январь 1905 г.), автором теоретического труда о политическом тюркизме («Три вида политики», Каир, 1903), ими было принято решение об организации всероссийской партии мусульман [Сенюткина, 2007, с.215–218]. Так постепенно формировалась идея политического объединения мусульман России.

Юсуф Акчура (1876–1935) – татарский лидер нового поколения, сыгравший в начале XX в. ключевую роль в становлении общетюркского движения в России. Ю.Акчура, представитель клана татарских промышленников Акчуриных, окончил в Стамбуле начальное, среднее и военное училища (1892–1896 гг.), в 1897 г. за свои взгляды был арестован и отправлен турецким правительством в ссылку. После освобождения обучался в свободной Школе политических наук (1899–1903 гг.) и одно-

временно посещал лекции в Высшей школе прикладных наук Сорбоннского университета. Завершив обучение, в 1904 г. приехал в Казань. Он пользовался репутацией «поевропейски образованного интеллектуала». Реализуя совместный с Г.-Р.Ибрагимовым план, Ю.Акчура направил видным деятелям тюркских народов письма, известившие о проведении в Петербурге совещания относительно дальнейшей консолидации усилий¹⁹.

Известия о поражениях российской армии в войне с Японией, обострение аграрного вопроса, ухудшение экономического положения народных масс и другие факторы усиливали недовольство и социальную активность населения. Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране последовал именнейший высочайший указ Сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Властным структурам было предписано «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения» [Фархшатов, 2000, с.156]. Указ вызвал новые явления в общественном движении татар.

Одним из них стала петиционная кампания с требованиями неотлагательного решения насущных проблем мусульман. Первое прошение о даровании мусульманам политических и гражданских прав поступило на имя премьер-министра С.Ю.Витте от ахуна г.Петропавловска Г.Яушева в декабре 1904 г.

23 января 1905 г. по инициативе Ибрагимова в доме купца А.Хусаинова собрались татарские предприниматели и выработали план организации петиционной кампании [Татария, 1955, с.47]. 29 января 1905 г. в Казани на собрании, в котором приняли участие около 200 татар, обсуждался и был утвержден текст петиции, составленный Ю.Акчурой, адвокатом Саидгиреем Алкиным, купцами А.Сайдашевым и А.Апанаевым [Хабутдинов, 2008, с.121].

¹⁹ В работе Петербургского совещания, которое состоялось 8 марта 1905 г. в доме Г.-Р.Ибрагимова, участвовали Алимардан Топчибашев, Ахмет Агаев, Али Хусаинзаде, Галим Максудов, Ибниамин Ахтямов. И.Гаспринский, приехавший в Петербург несколькими днями позже, также поддерживал идею создания партии, которая могла бы защищать интересы мусульман России [Галимуллин, 2003, с.92].

Многие положения казанской инициативы перекликались со стамбульской программой требований Ибрагимова (пп.1, 3, 4, 6, 7, 12, 16, 19, 22). Из него «выпали», главным образом, специальные пункты о прекращении христианского просвещения и предоставлении свободы вероисповедания мусульманам. Более четко были сформулированы положения об упразднении ограничений прав татар в отношении жительства, свободной торговли и приобретения недвижимости в ряде регионов России.

Новыми являлись предложения о возможности предоставления духовным лицам звания почетного гражданина, легализации вакуфов и подчинении их ОМДС, дарования свободы слова и печати, об уравнивании прав татар с правами титульного населения: возможность занимать общественные и государственные должности, ликвидация ограничений в отдельных профессиях, право открывать общеобразовательные и частные школы с преподаванием в них на родном языке. Следует выделить предложение о приглашении «сведущих лиц» из мусульман, рекомендованных ОМДС, для составления совместно с представителями правительства проектов законов, касающихся религиозного и общественного быта татар и в целом гражданских прав [Тэржеман, 1905, №17, 4 марта].

Вслед за ходатайством казанцев в столицу поступили десятки ходатайств идентичного содержания из сельских обществ губернии. Всего в адрес правительства поступило около 500 прошений, главным образом из Поволжья и Приуралья, для которых было характерно много общего в вопросах, связанных с религиозными правами и вероисповеданием, в то же время отмечалась специфика по социальным (региональным) проблемам [Сенюткина, 2007, с.220–243]. Как и в период петиционных кампаний 1883 г., 1888–1890 гг., региональным лидерам удалось мобилизовать религиозные общины и от их имени довести до правительства наиболее актуальные проблемы.

Петиция оренбургского муфтия 1905 г. в Комитет министров выгодно отличался от большинства этих ходатайств. Лейтмотивом его обращения была идея о предоставлении мусульманам равных прав с титульным населением империи. В ней, по сути, зафиксированы ключевые аспекты неравноправного

положения мусульман. В петиции председателя ОМДС речь шла об отмене следующих ограничений по конфессиональному признаку: 1) лишение мусульман, имеющих соответствующий документ об окончании русских учебных заведений, права преподавать учебные предметы христианам в русских начальной и средней школах; 2) лишение мусульман, обучающихся в высших учебных заведениях, стипендий и пособий; 3) лишение ежегодно призывающихся на военную службу новобранцев-мусульман от исполнения обрядов своей религии в воинских частях и даже напутствия при погребении, острый недостаток в военных муллах в армии, пересмотр действующего порядка в этой сфере; 4) открытие мечетей в поликонфессиональных поселениях лишь с разрешения руководства православной епархии; 5) практика удаления губернскими администрациями духовных лиц, избранных прихожанами, без суда и следствия [Тэржеман, 1905, №28, 12 апр.].

В марте 1905 г. казанская депутация (Ю.Акчурина, С.-Г.Алкина, Г.Апанаева, А.Сайдашева) в качестве представителей всех мусульман России встретила с председателем Комитета министров С.Ю.Витте [Тэржеман, 1905, №26, 5 апр.].

8 апреля 1905 г. прошло собрание группы татар в Казани, которое постановило созвать всеобщий мусульманский съезд во время Нижегородской ярмарки (август) с целью «объединения и учреждения Мусульманского союза» [Хабутдинов, 2010, с.121].

Указ от 12 декабря 1904 г. и начало Первой российской революции, способствовали разработке проекта новой модели управления духовными делами мусульман, призванной повысить статус исламских институтов и создать в округе ОМДС миллет по оттоманскому образцу [Хабутдинов, 2010, с.183–185]. В 1905 г. во время встречи с председателем Комитета министров С.Ю.Витте муфтий М.Султанов получил «добро» на проведение совещания. В апреле в Уфе прошло совещание с участием около 40 авторитетных духовных лиц из разных регионов. По рекомендации муфтия было решено распространить на ОМДС устав управления закавказским мусульманским духовенством суннитов – нормативный документ 1872 г., предоставивший мусульманам региона самые широкие права в России. Было вынесе-

Юсуф Акчура.
Фото нач. XX в.

но постановление о выработке по имеющимся образцам нового, более адаптированного к нуждам мусульман положения по управлению духовными делами в округе ОМДС [Фэхреддин, 1905].

Однако инициатива М.Султанова не получила поддержки правительства.

Через несколько месяцев в Уфимской губ., население которой наполовину состояло из мусульман, обсуждение вопроса об устройстве религиозных институтов и о нуждах мусульман было продолжено на качественно новом уровне – на созванном с разрешения властей губернском совещании с приглашением доверенных (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.). На совещании был разработан новый пакет рекомендаций [Протокол]. Причем, если в Казанской губ. решение принимало купечество, а остальное население следовало его указаниям, то в Приуралье лидером выступило ОМДС (используя сложившуюся в стране революционную обстановку), совместно с земскими гласными, главным образом из числа татарских дворян. Оно добилось публичного коллегиального обсуждения религиозных проблем с участием доверенных мусульман из уездов. В результате на этом совещании был утвержден рекомендованный апрельским съездом духовенства новый проект управления исламскими институтами в округе ОМДС.

На рубеже веков под воздействием происходящих в стране общественных процессов предпринимательская элита осознала неактуальность для мусульманского сообщества противодействия христианизации, стремилась использовать русское образование и имеющиеся в действующем законодательстве возможности для развития культуры,

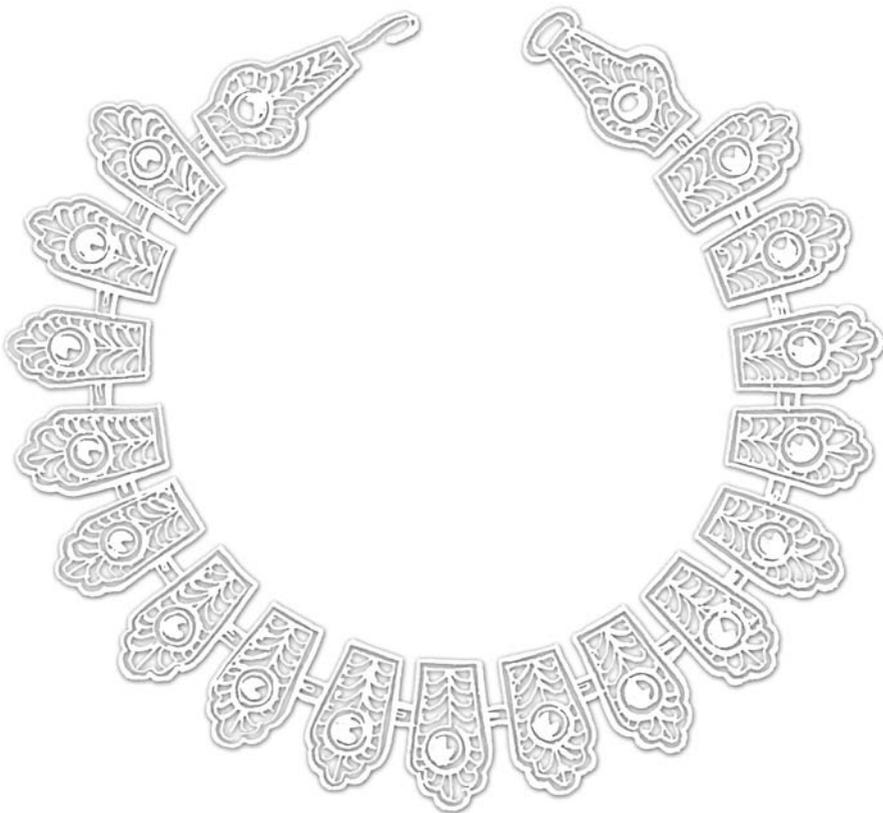
делая упор на расширении сети новометодных школ, издании идеологических работ, пропагандирующих обновление социокультурной жизни мусульман. Вектор направления общественного движения в данный период определялся, главным образом, не взаимоотношениями мусульман и власти, а попытками осмысления путей решения назревших проблем мусульман, вывода единоверцев из кризисной ситуации и превращения татар в конкурентоспособную нацию.

Набиравшие силу общественно-политические процессы позитивно отразились на активности элиты. Организовав в первой половине 1905 г. массовую петиционную кампанию, она создала видимость массовой озабоченности мусульман своим незавидным правовым и социальным положением в России, тогда как основную массу сельского населения эти проблемы не волновали.

Таким образом, происходящие в татарском национальном движении перемены на рубеже XIX–XX вв. стали своеобразным переходным этапом к фазе *В*. В национальном движении «мусульманской нации Волго-Уралья» (термин К.Ноака) наметилась отчетливая тенденция раздваивания в двух направлениях: 1) благодаря стараниям нового поколения татарской творческой интеллигенции – джадидистов – и их печатным трудам усилились идеи европеизации и прогресса; 2) усилиями новых общественных лидеров было положено начало процессу консолидации общественно-политических групп мусульман под лозунгами защиты гражданских и религиозных прав всех мусульманских народов России. Важнейшими факторами перехода национального движения «мусульманской нации Волго-Уралья» из фазы *Б* в фазу *В* и превращения его в массовое национальное движение стали начавшаяся в 1905 г. революция и связанная с ней демократизация России, возникновение свободной прессы и татарской периодической печати, формирование политических партий. Знаковым событием вхождения татар в фазу *В* национального движения явилось учреждение в августе 1905 г. всероссийской партии мусульман «Иттифак эль муслимин».

Раздел VIII

**Этнокультурные связи народов
Среднего Поволжья**

В результате развития Российского государства Волго-Уральский регион из окраинной территории превратился во «внутреннюю окраину», затем, во второй половине XIX в., – во «внутреннюю Россию». В каждом из указанных административно-политических, социально-экономических состояний региона этнический и религиозный вопросы претерпевали определенные изменения, хотя сохранялись основополагающие сегменты имперской системе государственно-конфессиональных отношений.

В конце XIX в. в регионе выделялись только две губернии, в которых русские составляли менее половины населения. В Уфимской и Казанской губерниях они совместно с украинцами и белорусами составляли 38% местных жителей¹. Если в Уфимской губ. мусульмане (татары, башкиры, мещеряки и тептяри) представляли чуть более половины населения, то в Казанском Поволжье наиболее крупными этническими группами являлись татары (31,1%) и чуваша (23,1%).

Основной анклав расселения удмуртов приходился на уезды Вятской губ. (377,9 тыс., или 12,5% населения), относительно небольшие их группы расселялись в Уфимском Приуралье (22,5 тыс.), Казанском Поволжье (9,6 тыс.) и соседних регионах.

Другую крупную группу нерусского населения в Вятской губ. представляли марийцы (145,4 тыс., или 4,8% населения). Основными ареалами их расселения также являлись Казанская (122,7 тыс.), Уфимская (80,7 тыс.) и Пермская (20,1 тыс.) губернии.

В конце столетия насчитывалось 843,7 тыс. чувашей, составлявших одну из крупных этнических групп населения Среднего Поволжья. Самые большие группы чувашей расселялись в Казанской (59,9%), Симбирской (19,1%), Самарской (11,0%) и Уфимской (7,2%), локальные группы – в Саратовской, Оренбургской и Томской губерниях [Чуваши, т.1, с.186–187].

В конце XIX в. Волго-Уральском регионе мордовцы расселялись, главным образом, в Пензенской (187,89 тыс.), Саратовской (123,9 тыс.), Нижегородской (53 тыс.), Уфимской (37,3 тыс.), Оренбургской (38,4 тыс.) и Казанской (22,2 тыс.) губерниях [Первая всеобщая, т.10, 14, 25, 28, 30, 31, 35, 36, 38, 39, 45, табл.ХІІІ]. Многовековое взаимодействие ислама, христианства и «язычества» в Волго-Уралье во многом предопределило появление здесь «особой» модели религиозного самосознания местного населения, формирование терпимого отношения к представителям других религиозных сообществ.

ГЛАВА 1

Мир поликонфессиональной деревни

Геннадий Николаев

Конфессиональная топография региона. Религиозное многообразие – это исторически сложившаяся характерная особенность жизненного пространства средневожской многонациональной деревни. В XIX в. она являлась «общим домом»

для приверженцев разных конфессий и конфессиональных групп. В абсолютном большинстве сельское народонаселение региона было представлено тремя религиозными общинами – христианами, мусульманами и «язычниками».

Самую внушительную по численности общность в рассматриваемом регионе составляли православные. Их культурное поле объединяло едва ли не все сельское население проживавших здесь народов, за

¹ В Симбирской губ. они составляли 68,1% населения, в Самарской – 68,9%, в Оренбургской – 73,1%, в Вятской – 77,4%, в Саратовской – 83%, в Пензенской – 83,1%, в Пермской – 90,4%, в Нижегородской – 93,2%.

исключением татар. Но данный конфессиональный «сплав» включал в свой состав качественно неоднородный компонент, ибо пройденный русским этносом и волжскими народами в христианстве исторический путь имел разную протяженность. По степени приверженности вере, освоения и принятия ее основных догматов «ткань» жизненного пространства православия в средневожской деревне распадалась на ряд «лоскутков». Основную социальную опору православия в ней являли собой русские хлебопашцы, в синкретическом религиозном мировоззрении и повседневному быту которых христианское начало стало основополагающим компонентом. Православное вероисповедание в ходе многовекового пребывания этноса в лоне христианства вышло в маркер и важнейшую составляющую русской национальной идентичности. В нерусской же деревне к концу XIX в. в приверженце православия «язычник» менее проступал в мордву, жившей со стародавних времен в тесном соприкосновении с русскими. В религиозном сознании и культовой практике мордвы издавна складывались синтетические формы религии, сочетавшие мордовское язычество с язычеством восточнославянским, а затем и с русским православием [Мокшин, 1998, с.225]. В среде чувашей, марийцев и удмуртов к рубежу двух веков христиане являли собой преимущественно «двоеверов» и «язычествующих» православных. В комплексе их синкретизированных религиозных представлений и обрядов архаический пласт первобытных верований был более устойчив и внушительнее, чем у мордвы [Денисов, 2001, с.10]. И замыкали этот ряд крещеные татары: если многие «старокрещены», сохраняя остатки язычества и тягу к исламу, все же были относительно тверды в православии, то «новокрещены» (крестившиеся в послепетровскую эпоху) в значительной массе своей лишь номинально являлись таковыми [Краткая заметка, 1897, с.20–27; Никольский, 1912, с.X–LXV].

Христиане, кто не нашел себя в лоне официальной церкви, на Средней Волге были представлены главным образом русскими хлебопашцами. Населенных мест, «зараженных» расколом, в рассматриваемых админи-

стративно-территориальных единицах было сравнительно немного. В них старообрядцы и уклонисты от православия проживали, как правило, группами до нескольких десятков человек. Но встречались и настоящие «гнезда» раскола, с общественными молельнями и большим числом сторонников «древнего благочестия»: Казанская губ. Цивильский у. – с.Можарки; Симбирская губ. Алатырский у. – с.Кладбищи [НА ЧГИГН, отд.I, ед.хр.166, л.61; ГАУО, ф.76, д.1418, л.24, 25].

«Истинное язычество» в деревне имело нерусское лицо. Наиболее устойчивыми в «старой» вере в их среде являлись марийцы и удмурты. Малочисленные группы приверженцев других конфессий – католики, иудеи, лютеране, англикане, меннониты и прочие – в средневожской деревне были представлены поздними поселенцами, уроженцами различных губерний и иностранными подданными (литовцы, эстонцы, латыши, евреи, поляки, немцы и др.).

Наличие в нерусской деревне разных групп верующих обусловило появление ряда условных конфессионимов для их обозначения. Так, во второй половине XIX – начале XX в. в среде крещеных татар православные миссионеры выделяли, в частности, следующие группы верующих: 1) «*таза керәшен*» («*чиста керәшен*») (букв.: чистый крещеный) или «*чи керәшен*» (букв.: невареный, сырой крещеный) – «татарин крещеный, но не просвещенный, не наученный вполне истинам новой религии, не забывший прежней религии, не оставивший языческих обрядов и суеверий»; 2) «*кара керәшен*» (букв.: черный крещеный) или «*уриссымак*» (букв.: крещеный, похожий на русского, обрусевший) – татарин, «характеризующийся сравнительно большей преданностью христианской вере, православно-русским обычаям»; 3) «*ак керәшен*» (букв.: белый крещеный) или «*татарсымак*» (букв.: крещеный, похожий на татарина, отатарившийся) – «более всего предан мухаммеданству, вполне проникнут татаро-мухаммеданским духом, держится мухаммеданских обрядов и суеверий, постоянно совершает омовения, следит за чистотой тела, носит чистую одежду [Софийский, 1891, с.77, 78].

На проблему взаимоотношений религиозных общин, словно бусинки на нить,

нанизывается множество узловых блоков вопросов – этнической и конфессиональной идентичности, диалога культур, мировосприятия членов больших и малых конфессиональных сообществ и их культуры повседневности, государственно-конфессиональных отношений и др. Освещение жизни средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой» позволяет приоткрыть завесу над многими процессами, шедшими в ней исподволь в течение долгого времени, и наполнить новым содержанием сожитии крестьян различной конфессиональной принадлежности.

Концепты «свой» и «чужой» в жизни сельского социума. Оппозиция «свой» / «чужой» являлась неотъемлемой частью повседневной социальной жизни деревни. Основанием для подобной дифференциации членов сообщества в ней с давних пор служили признаки разного порядка: костюм, обычаи и традиции, диалект языка, строй хозяйственной жизни, социально-имущественное и правовое положение, родство, административно-территориальное деление, сословная и этническая принадлежность, подданство и т.д. Названная ситуация имела своим естественным следствием одновременное пребывание крестьян в «полярных» социокультурных «личинах»: «свой» по этнической принадлежности, но «чужой» по месту жительства; «свой» по диалекту языка, но «чужой» по родству и т.д. Частота, теснота и характер социальных отношений в среде хлебопашцев определялись, прежде всего, данным концептом. От глаз наблюдательного современника не ускользнула проявляемая крещеными татарами при общении с русскими осторожность: «Когда крещеные замечают, что русский, присутствующий между ними, понимает по-татарски, то тотчас стараются предупредить друг друга следующей фразой: «*чабатасы тишек*» (*чабата* – лапти; *тишек* – дыра) [Машанов, 1875, с.40].

Естественно, «содержимое» своего родного социально-культурного пространства во всех отношениях: и в социально-экономическом, и в социально-культурном, и в духовно-нравственном и прочем планах,

для крестьян было, за редким исключением, лучше чужого. В этнографических записках современника-чувашина находим: «Самих всегда и во всех отношениях ставят выше. Что у них и народ добрый, и смиренный, и разговор правильный, и одежда у них красивее, и походка хорошая, и [невысокомерные]. Народ рабочий: есть у них плотники, столяры и кузнецы; их село богаче; из их села есть священники, учителя; есть бакалейные лавки, торгуют красным товаром, столько ветрянок, круподерок» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 158, л. 152].

Вера составляла образ жизни крестьянского сообщества, его духовно-нравственный скреп. Являясь стержневой основой мировоззрения, мировосприятия и мироощущения, она определяла отношение хлебопашцев к земле, природе, ближним, жизненным ценностям, наполняла их хозяйственно-бытовые, семейно-брачные обряды и традиции. Хозяйственно-экономическая деятельность крестьян, их досуг, этика, мораль, обычное право также были пронизаны верой. В силу подобной высокой значимости для идентификации культурного поля вероисповедание объективно являлось дифференцирующим социальную среду началом. И православие, и ислам, и староверство, и «истинное язычество» в основной своей массе в средневожской деревне были представлены стойкими приверженцами, строго ориентированными на собственное культурное поле. Каждая конфессиональная общность – и крупная, и малая – считала, что именно ее система религиозных взглядов составляет истинную веру. Тон в неприятии иной конфессии в сельских обществах задавали истинные ревнители веры [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 266, л. 137].

Вероисповедание служило для жителей средневожской деревни оценочным и комплементарным критерием при восприятии реальной действительности в зеркале притяжения/отторжения, определяло их поведенческий стереотип.

Как комплементарный и оценочный критерий вероисповедание особенно широко было востребовано в семейно-брачной сфере крестьянского бытия. В мужья и в жены молодые люди из крестьян брали, за очень редким исключением, только единоверцев. В

селах и деревнях, расположенных в иноконфессиональном окружении, брачных партнеров парни и вдовцы искали в среде «своих» по вере «за тридевять земель». В районах компактного расселения межконфессиональные браки в их среде если и случались, то исчерпывались единичными случаями. В таких союзах обычно молодая жена принимала «чужую» веру – веру мужа. Тем самым женщина демонстрировала членам семьи мужа и его односельчанам, что она покорна мужу, уважает и принимает его мир – обычаи, традиции, нормы поведения, мораль, этику и прочие его составляющие, навечно связывает с ним свою судьбу. Мизерное число межконфессиональных браков в средневолжской деревне, конечно же, было обусловлено и тем обстоятельством, что переход в ислам христиан юридически был невозможен и преследовался в уголовном порядке.

Жители средневолжской деревни являлись приверженцами религий, в структуре вероучений которых идея противления/непротивления составляла разный пласт. Как совершенно правомерно заключает современный этнолог А.К.Салмин, концепции монотеистических религий более конфликтны, чем традиционных народных верований [Салмин, 2007, с.33]. Политеистическая традиция включает веру во множество богов и божеств и является гибкой, пластичной, открытой, не имеющей строго очерченных границ социокультурной системой. Концепции подобных воззрений толерантны по своей природе, ибо, не будучи канонизированными, не отказывают «в праве на гражданство» Богам из других религий. Миссионеры, активно работавшие по привлечению чувашей-язычников в лоно христианства, со стороны приверженцев традиционных верований встречали тонкий мировоззренческий отпор. Они часто слышали один и тот же ответ: «Никому не известно, чья вера лучше, ваша или наша, потому что и на наши поля Бог посылает дождь, дает нам все, что нужно для земной жизни. А если бы наша вера была противна Богу, то Он не дал бы нам урожая и других земных благ, а дал бы только крещеным. А теперь мы видим, что печется Бог и о нас... Бог сделал 77 языков и 77 вер, в их числе считается и языческая вера... Каждый волен жить, как ему кажется

лучше и как он жил до сих пор» [Ефремов, 1913, с.714].

Приверженцы традиционных народных верований, будучи носителями воззрений, что конфессионально «чужое» – это иное «свое», в духовно-нравственном плане были открыты для диалога – как в узком, так и в широком значении данного слова – с иноверцами. В повседневной действительности данное социально-психологическое качество проявлялось в уважительном отношении к «чужому» сакральному, в нацеленности на доверительные отношения с «чужаками» по вере, в обращении, при необходимости, за покровительством к «чужим» Богам. В с.Оштормо-Юмья и его округе (Мамадышский у. Казанской губ.) приверженцы традиционных народных верований из удмуртов «всегда приветствовали духовных лиц поклоном, а один из них, старик Петаш, во время крестохождения» приглашал их к себе, охотно слушал молебное пение, целовал крест, но креститься отказывался, «ссылаясь на старость: был бы я молод, тогда бы крестился, а теперь время кончал – стара стал, как жил, так и умирить будем» [Историко-статистическое описание, 1904, с.233].

Мировоззренческое пространство монотеизма являло собой закрытую систему, основой которой служило учение о единственном, неповторимом, универсальном, персонифицированном существе – творце мира и человека. Другие системы вероучений и ислам, и христианство, и иудаизм отвергают. Отторжение конфессионального «чужого» православными и мусульманами в средневолжской деревне проявлялось в самых разных формах. В XIX в. с раннего детства у татар мусульман не в меру раскпризначавшихся детей матери непременно осаждали фразой: «Не плачь, не то отдам русскому» [читай: христианину. – Г.Н.] [Насыри, 1977, с.75]. «Еще доселе, живя постоянно среди мухаммедан, – отмечал современник в 1870-х гг., – многие русские не едят вместе с ними» [Машанов, 1875, с.40]. В ходу были и чернение иноверий, и выставление их социокультурных пространств как средоточия дикости и варварства. Идеиные недруги христианства из татар-мусульман в своей этноконфессиональной среде рас-

пространяли слухи, что при постройке храма православные «под него кладут живого человека и непременно из новокрещеных» [Коблов, 1911, с.97].

Снижению конфессиональной напряженности между монотеистами и политеистами, во-первых, не могло не способствовать то обстоятельство, что получившие распространение в социальном пространстве региона и православие, и ислам были по своей природе более «мягкими», чем в других районах Российской империи. Так, поволжское православие не имело «традиций средневекового монашеского подвижничества», как на территории «Святой Руси»; оно набирало здесь силу «в Новое время, когда чудеса святых и аскетические подвиги анахоретов стали редкостью» [Филатов, 2002, с.61]. Здесь утвердилась наиболее либеральная религиозно-правовая школа ислама – ханафитская. Проникшее в среду волжских татар суфийское братство накшбандийа также отличалось гибкостью по отношению к иноверцам [Малашенко, 1998, с.22]. Во-вторых, в религиозных представлениях средневожского сельского населения – и православно-русского, и мусульманского татарского – «языческие» верования и обряды составляли внушительный пласт. И у первых, и у вторых в массовом сознании в ранге «нечистой силы» продолжал существовать ряд универсальных языческих персонажей: соответственно леший и *иурале*, домовый и *йорт иясе*, водяной и *су иясе*, кикимора и *бичура* и т.д. И русское «народное православие», и татарский «народный ислам» здесь были погружены в бездонный мир суеверий и примет: в русских деревнях при последнем вздохе умирающего, чтобы обеспечить свободный выход его душе из избы, крестьяне открывали печные трубы; русские девушки, желающие выйти замуж за выбранных ими парней, вкладывали в ушки колоколов православных храмов записки со своими сладкими грезами; преследуя цель предохранить себя от «нечистой силы», суеверные мусульмане перед сном клали под постель железные вещи – ложку, топор, нож и пр.; чтящие стародавние традиции татарские девушки, чтобы весь год быть красивыми, увидев весной первого скворца, терли лицо снегом [Историко-статистическое, 1904, с.202, 247; Коблов, 1910, с.6, 9, 11, 26, 40, 41].

Встроенный в систему вероучения языческий компонент, таким образом, объективно служил добрую службу и православным, и мусульманам при контактах с живущими в своем большинстве «дедовскими порядками» этническими группами, ибо позволял им в той или иной мере быть в «чужой» конфессиональной среде несколько «своими», снижая, а то и сводя на нет социально-психологические трения.

Конфессиональное «шатание» было достаточно распространенным явлением, вследствие специфики средневожского сообщества, и в пространстве монотеизма. Так, в «инородческом» православии в культурном поле «язычествующих» христиан и «двоеверов» подобное поведение крестьян было обыденностью. В неблагоприятных жизненных ситуациях покровительства «чужих» высших начал, случалось, искали и «усердные» в вере прихожане. Именно такой поведенческий стереотип крестьянки зарегистрировал, в частности, чувашский священник К.Прокопьев: «У меня в приходе у одной женщины, усердной христианки, заболел муж «падучей» болезнью. Она отслужила в церкви молебен, но когда это не подействовало, она, как призналась после мне сама, обратилась сначала к юмзе. А потом за 12 верст возила мужа к татарскому мулле. В конце концов, она опять обратилась ко мне» [Прокопьев, 1905а, приложение 1, с.126].

Оппозиция монотеист – монотеист в социальном пространстве деревни в силу природы вероисповеданий априори должна была иметь своим следствием жесткое взаимное культурное отторжение. Но подобную ситуацию здесь являли лишь кратковременные эпизоды ее повседневного бытия. В целом же данный концепт следует квалифицировать как нейтрально-осторожный, толерантный. В большинстве населенных мест, расположенных в русско-татарских контактных зонах, отношения между православными и мусульманами являли такую же картину, какой она предстает из свидетельств жителей русской д.Мишавка Казанского у. одноименной губернии в 1864 г.: «Да, близко-то мы с ними [с мусульманами] не живем; и ссориться не ссоримся: не из-за чего. У нас свой конец [околоток], своя усадьба и своя земля. У татар тоже все свое... [О вере споров и рассуждений] почти не бывает» [Малов,

1892, с.67]. Мир гармонии и добра в своей семье и за ее пределами и русский крестьянин, и татарский хлебопашец строили, опираясь не столько на догматы веры – кстати, усвоенной ими весьма поверхностно [ГА РМЭ, ф.25, оп.1, д.8, л.36, 37; Малов, 1892, с.136], сколько на прагматичное начало. Миссия хлебопашца – кормить общество, удел служителей культа – вероисповедные дела. В XIX в. люди сохи, косы и цепа из русских и татар, как некогда их отцы и деды, продолжали строить доверительные отношения друг с другом на восприятии «чужого» культурного поля как Божьего промысла. К тесным взаимным контактам друг с другом и русские-православные, и татары-мусульмане шли через почитание «чужих» вероисповедных – в их квалификации народных – праздников. Так, на рубеже XIX–XX вв. в Свяжском у. Казанской губ. вместе с православными русскими крестьянами с.Утяково окрестные татары-мусульмане праздновали День Тихвинской Божьей Матери [Коблов, 1907а, с.41].

Постепенно усваивая азы конфессионального мира матерей и отцов, к шести-семи годам дети стихийно уже находили себя приверженцами той веры, к каковой принадлежали их родители. В данном плане юное поколение татар-мусульман было более продвинутом, чем их сверстники-иноверцы. Подобная ситуация была следствием как большей этнической и конфессиональной мобилизованности татар, так и относительной развитости организационных начал в исповедуемом ими исламе. Казанский епархиальный инородческий миссионер В.Н.Эсливанов отмечал, что в татаро-мусульманской семье «чуть ли не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама», что «ребенок 7–8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит задуматься всякого рьяного русификатора» [Эсливанов, 1915, с.1138]. В культурном поле православия и ислама в развитии у юного поколения средневожских хлебопашцев полученных в семье основ религиозного сознания и поведенческих стереотипов, придании им системности и внутренней стройности большую роль играли конфессиональные

На чувашской свадьбе в Козьмодемьянском у. Казанской губ. Фото кон. XIX в.

образовательные учреждения, представленные, главным образом, начальными школами различных типов. В этих школах учащиеся не только приобретали знания об основах вероучения, по истории религии, об обязанностях прихожан, но и пропитывались духом конфессий – читали молитвы, соблюдали предписанные верой обряды, посещали богослужения и т.п. [Захарьевский, 1909; Коблов, 1916]. В политеистической традиции конфессиональное просвещение и воспитание подрастающего поколения проходило исключительно в культурном пространстве таких традиционных социальных институтов, как семья и сельская община. В части языческих обрядов вожских народов, например в инициировании дождя у чувашей [Салмин, 2007, с.116], дети являлись основными участниками ритуальных действий. Во взрослую жизнь молодые люди вступали с достаточно внушительным багажом вероисповедного «Я». Те же из них, кто доживал до почтенного возраста, как правило, становились: в монотеистических традициях – набожными, усердными в вере прихожанами, а в политеистических – тон-

кими знатоками и хранителями религиозных обрядов и традиций, непреклонными блюстителями духовно-нравственной жизни сообщества [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 266, л. 115, 116].

В качестве оппонента к конфессиональному «чужому» подрастающее поколение обычно находилось на острие «механического» противоборства с иноверием. В силу возрастного максимализма оно, как правило, отличалось несдержанностью – отстаивая свою точку зрения, легко пускало в ход кулаки, было склонно к опрометчивым шагам и радикальным действиям: вырубало священные рощи, уничтожало предметы религиозного культа и т.д. [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 587, л. 36; Прокопьев, 1906, с. 333, 334]. Среднее поколение обычно сдержанно реагировало на конфессиональное «чужое», тем самым устраняя в зародыше возможные трения на вероисповедной почве. Лишь внешний вызов конфессионально нетерпимого плана мог вывести степенных отцов семейств из психологического равновесия и заставить предпринимать адекватные угрозе ответные шаги. Подобный эпизод вероисповедного противостояния имел место, в частности, в конце XIX в. в Симбирском у.: 9 мая 1897 г. из Симбирска с религиозными песнопениями в д. Нижние Тимерсяны шла процессия чувашских православных крестьян. Участники шествия несли крест, который они намеревались водрузить на приходскую церковь. Их путь пролегал через татарскую деревню Новые Тимерсяны. Новотимерсянцы преградили путь крестному ходу, градом камней оттеснив его от дороги. Вскоре и к христианам, и к мусульманам стали прибывать все новые группы верующих. Назревал крупный конфессиональный конфликт с непредсказуемыми последствиями. Потребовалось вмешательство местной администрации. В сопровождении полицейского урядника процессия благополучно прошла через мусульманское селение. При этом религиозным чувствам мусульман было оказано должное уважение – участники шествия не пели религиозные песни, не произносили молитвы; крест ими был приспущен и обернут холстом [Кобзев, 2005, с. 473, 474].

Старшее поколение хлебопашцев в вероисповедном противостоянии с иновери-

ем являло собой, по сути, идеологических стражей традиционного образа жизни. Будучи сторонником непримиримых позиций в вопросах веры, оно, как правило, жестко отвергало конфессиональное «чужое», внося тем самым в семьи и сельские общества крестьян конфликтное начало [Яковлев, 1904, с. 55–63].

Социокультурная мобилизация религиозных общин. Во второй половине XIX в. повышение значимости конфессиональной принадлежности как дифференцирующего социум начала было обусловлено обстоятельствами и условиями внутреннего и внешнего порядка. Со вступлением в эпоху капитализма на качественно иную ступень поднялось этническое самосознание сельского населения региона. Эти перемены стали следствием разрушения былой замкнутости общин и роста мобильности членов сельских обществ, расширения контактов хлебопашцев со своими соплеменниками и иноплеменниками, повышения их образовательного уровня, появившейся возможности относительного удовлетворения интереса к прошлому своего народа. В сознании жителей деревни этническое начало было крепко вплетено в конфессиональное, а конфессиональное – в этническое. Еще одним конфессионально мобилизирующим фактором для сельского населения региона стал жесткий внешний вызов – резкая активизация миссионерской работы и внедрение в жизнь самодержавием т.н. миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского.

Численные потери «истинного язычества» в жестком противостоянии с РПЦ были хотя и относительно чувствительными, но отнюдь не катастрофическими для общины. Даже в самый удачный год в губерниях региона «улов» миссионеров в их среде не превышал несколько десятков человек [Отчет о деятельности, 1893, с. 87–89]. Оставивших родное конфессиональное поле соплеменников приверженцы «язычества» из волжских народов находили «чужими» не только по вере, но и по национальной принадлежности. Выделяя свою этноконфессиональную общность в среде соплеменников, некрещеные чуваша были склонны называть себя не иначе как «*чӑн чӑваш*» (дословно: настоящий, истинный

чуваши), некрещеные марийцы – «*чимарий*» (дословно: настоящий, истинный мариец), а некрещеные удмурты – «*чын удмуртѣ с*» (дословно: настоящий, истинный удмурт). (Весьма любопытный факт: отслуживший в армии удмурт был склонен считать себя «нечистым вотяком» [Яковлев, 1904, с.56]). В психологическом плане данные этноконфессионалы являются как бы средоточием двух нравственно-этических начал. Первый из них – укор; он адресован соплеменникам, оставившим «старую» веру. Второй – заслуга; она приписывалась приверженцами политеизма прежде всего своим отцам и дедам, кто наперекор всему и вся отстоял, сохранил и передал своим детям традиционное культурное поле.

В отстаивании права на существование своего культурного поля приверженцы традиционных верований в основной своей массе были весьма решительны, тверды и последовательны [Прокопьев, 1906, с.332]. Арсенал средств влияния на общинников, ушедших в «русскую веру», у приверженцев традиционализма включал и такой болезненный прием, как психологическое давление. В марийских деревнях Козьмодемьянского у. Казанской губ. в пореформенное время «язычники» приносили киреметям особые жертвы и просили их умерщвлять рубивших священные рощи соплеменников-«руссковеров» [Яковлев, 1892, с.11, 12].

Отношение к бывшим «своим» и сопротивление внешнему конфессиональному напущу в пространстве «язычества» было разным – от сдержанного до весьма жесткого. В регионе носители традиционных верований являли собой неоднородное культурное поле. Одни из них твердо держались веры отцов и дедов, другие стремились к реформе своего вероучения, часть – находилась под «христианским воздействием», часть – была относительно погружена в пространство ислама [Кремлев, 1913, с.938]. И ориентированные на монотеистические традиции группы объединяли разные категории традиционалистов [Кремлев, 1902, с.401–402]. В пространстве «христианствующих» язычников отторжение бывших «своих», как правило, было относительно мягким.

Абсолютное большинство православного нерусского сельского населения ре-

гиона вступили в эпоху капитализма номинальными приверженцами христианства. Став объектом воздействия миссионерско-просветительской системы Н.И.Ильминского, они вызрели в основной своей массе в «двоеверов». Подобный вероисповедный сдвиг имел следствием рост конфессиональной напряженности в их среде. Если в третьей четверти XIX в. в годы общественных бедствий – засухи, градобития, эпизоотии и т.д. – члены чувашских, марийских, мордовских и удмуртских сельских обществ практически повсеместно и безо всяких споров проводили свои древние языческие обряды, то в последней четверти столетия единство крестьянских сообществ названных этнических общностей по данному вопросу ушло в прошлое [Отчет о деятельности, 1893, с.81]. Крестьянские «миры» разделились на «своих» и «чужих» – на христианскую и языческую партии. В данном вероисповедном противостоянии все чаще стала брать верх христианская партия, авангард которой был представлен молодым поколением. «Отцы» же, хотя и не без сопротивления, вынуждены были сдавать своим «сыновьям» одну конфессиональную позицию за другой: в пределы киреметных рощ и прилегающих к ним земельных участков вступили топор и соха, сельские сходы стали утверждать мирские приговоры о запрете общественных молен и т.д.

Сохранившие же верность православию крещеные татары, став объектом воздействия созданных миссионерских институтов, еще более укрепились в вере. В пореформенное время между приверженцами христианства и «отступниками» в сельских обществах то и дело вспыхивали конфессиональные «бои местного значения» в аспекте отношений «свой»/«чужой». И «неофициальные» мусульмане, и «татары-христиане, стараясь образумить «заблудших» однообщинников, оказывали на конфессионально несолидарное меньшинство мощное социально-психологическое, физическое и хозяйственно-экономическое давление. В ход шли увещевание, щедрые обещания, натравливание собак, рукоприкладство, лишение земельных наделов и т.д. [Багин, 1910, с.393; Историко-статистическое описание, 1904, с.268, 269, 383]. 12 мая 1881 г. протоиерей

Е.Малов занес в свой миссионерский дневник следующую запись: «О[тец] Кузьма передавал, как и прежде, что со старой часовни, которая находится посередине села Елышева, отпавшие в мухаммеданство шибли крест, чтобы не стыдиться уже магометан, проезжающих через село» [Малов, 1999, с.27].

Конфессионально мобилизованная и организационно продвинутая татарская мусульманская община региона как культурное поле упрочивала свое положение. Изменившиеся веры татары-мусульмане, как «чужаки», становились изгоями как в своих семьях, так и в сельских обществах. Вероисповедный остракизм как действенный прием борьбы с изменой конфессии в пореформенный период применялся и в русской деревне. Но подобное явление в русской среде было редкостью [Арнольд, 1868, №45].

Во второй половине XIX в. отторжение конфессионального «чужого» особенно рельефно обозначилось в контактных мусульманско-христианских зонах. В социокультурном пространстве многонациональных сел и деревень, где совместно проживали приверженцы ислама и православия, в условиях этнической и конфессиональной мобилизации общностей, как и в «отступнических» населенных пунктах, стало набирать силу движение за учреждение конфессионально и этнически «чистых» сельских обществ и земельных союзов [НА РТ, ф.51, оп.5, д.885, л.2об., 3]. Подобный способ разрешения этноконфессиональной напряженности являл собой, как правило, болезненную, несущую существенные материальные издержки, растянутую на многие годы бюрократическую и хозяйственно-экономическую операцию. Вместе с тем он очень часто позволял положить конец многолетним взаимным обидам и претензиям [НА РТ, ф.51, оп.5, д.1258, л.1–17].

Относительно высокий уровень конфессиональной напряженности в мусульманском сельском сообществе региона во второй половине XIX в. поддерживался несколькими обстоятельствами и условиями: пережи-

ваемым татарским обществом религиозным реформаторством; сложившейся исторически «традицией»-поведением воспринимать исходящие от самодержавного государства решения социально-экономического, социально-политического и социально-культурного характера как предварительные шаги по христианизации [Загидуллин, 2000, с.166–191]; второразрядностью исповедуемой конфессии в социокультурном пространстве страны [Ногманов, 2003, с.178]; «неуклюжими административными шагами местных властей» [Коблов, 1907а, с.11]; активной христианско-просветительской работой церкви в среде татар-«отступников»; уголовным преследованием членов сельских обществ за соращение в ислам и т.д.

Оппозиция «свой»/«чужой» являлась неотъемлемой частью социальной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX в. Основанием для подобной дифференциации членов сельского сообщества в ней с давних пор служили признаки разного порядка. Наличие данного концепта по вероисповедному признаку – естественное следствие поликонфессиональности ее народонаселения. Вера, в силу своей высокой значимости для идентификации культурного поля, объективно являлась дифференцирующим социальную среду началом. Она определяла поведенческий стереотип крестьянского сообщества и служила для него оценочным и комплементарным критерием при восприятии реальной действительности в зеркале притяжения/отторжения. Востребованность и весомость концепта «свой»/«чужой» как регулирующего конфессиональную жизнь начала в средневожской деревне в эпоху капитализма в условиях этнической и вероисповедной мобилизации ее народонаселения значимо возросли. Конфессиональное противостояние в этнокультурном пространстве региона имело разную степень остроты. Но его накал практически повсеместно был относительным. Крестьяне всех вероисповеданий в своем большинстве были открыты для культурного диалога друг с другом.

ГЛАВА 2

Этнокультурное взаимодействие русских и татар

Гузель Столярова, Наиль Халиков

С середины XVI в. Казань становится центром продвижения православия на восток. Именно с этого исторического момента в татарском обществе начали формироваться два главных стереотипа, в которых прослеживались действия русских по отношению к государству татар: стереотип «русские – колонизаторы» и по отношению к вере: «русские – преследователи мусульман» – стереотипы, которые в известной степени сохранились до настоящего времени [Сагитова, 1998, с.113]. Очевидно, между тем, что эти стереотипы складывались в результате политики Российского государства и не имели отношения к основной массе русского населения. Отсутствие антагонизма в межэтнических отношениях (в т.ч. русско-татарских) в этот и последующие периоды, по справедливому замечанию Л.Сагитовой, «мы можем вывести из факта объединения русских и татар на основе общности интересов различных социальных групп в противостоянии их государству» [Сагитова, 1998, с.116].

На государственно-политическом уровне взаимоотношения татарского и русского народа (в лице его правящей государственной элиты) с момента присоединения Казанского ханства (впрочем, с некоторым ослаблением с конца XVIII в.) носили характер не столько этнического, сколько этноконфессионального противостояния, в котором экономические и культурные элементы имели подчиненный характер. В то же время столь серьезного противостояния между татарами и русскими на бытовом уровне по историческим источникам не выявлено. К.Насыри писал: «Благодаря тому, что русский человек и мусульманин (татарин) живут на одной земле, едят один и тот же хлеб – эти два народа хорошо знают обычаи друг друга, имеют близкие взаимоотношения» [Насыри, 1977, с.18]. В силу различных причин

возникали смешанные деревни русских и местных ясачных людей, в т.ч. татар, в которых представители различных национальностей жили «концами», достаточно автономно, но при этом входили в состав одной общины («общества», или «мира»). Так называемые сложные общины (включавшие население нескольких населенных пунктов с разным национальным составом) встречались только в Поволжье. Вхождение людей разных национальностей в одну общину явилось важнейшим фактором межэтнического взаимодействия в регионе. В сложных общинах складывались единые традиции, регулировавшие процессы совместного существования. Нормой общинного уклада были «помочи» – совместное сооружение дома или других хозяйственных построек, заготовка леса и т.п. Даже бурлацкие артели в Поволжье были многонациональными [Бусыгин, 1966, с.80].

Исследователи отмечают, что влияние русской культуры на мусульманские народы края (татар, башкир) в ряде сфер, прежде всего в духовной, в т.ч. языка, сказалось меньше, чем на финно-угорские народы [Кузеев, 1992, с.209].

Татары, несмотря на значительную культурную и конфессиональную дистанцию, также восприняли многие культурные элементы от своих иноязычных соседей. К.Фукс отмечал их взаимовлияние с русскими как результат длительного совместного проживания. «Дома их строятся русскими, которые работают даже при поправке мечетей, и наоборот, я часто видел, что татарские мужики занимались строением деревянных домов в русских деревнях... Дома богатых купцов по наружности своей мало отличаются от домов русских дворян и купцов. Внутри дома стены часто расписываются русскими малярами, где представлены ландшафты с деревьями, с цветами, с рекой;

иногда представляется море с кораблями; но никогда там не увидишь ни людей, ни зверей, ни птиц – это строго запрещено» [Фукс, 1991, с.22–24]. Столь же тщательно отмечены исследователем заимствования обеими сторонами и сходство различных элементов материальной и духовной культуры: в головных уборах татарок; в родильных обрядах татар и русских; в овладении русскими мастерицами исконно татарского золотошвейного промысла; в совместном участии в татарских и русских праздниках и публичных мероприятиях [Фукс, 1991, с.33, 85, 116–117, 140–142]. К.Фукс не обошел вниманием и отрицательные, по его мнению, нюансы взаимоотношений, особо отмечая удивлявшее его нежелание татар изучать русский язык [Фукс, 1991, с.129–130, 138, 139, 144].

Как считал известный этнограф Н.И.Воробьев, татарская культура вобрала в себя влияния различного происхождения. К основным формам культуры татар были извне присоединены влияния (по степени воздействия): «персидское, большей частью преломленное через культуру среднеазиатских турок, европейское – через русских и, наконец, финское – через мари, вотяков и мордву. Трудность этнографического анализа усложняется тем, что все народы края, живя почти 500 лет вместе, в культурном отношении сильно сблизилась, благодаря общности интересов и как в материальной культуре, так и в духовной, масса черт, общих всем народностям края» [Воробьев, 1925].

Одним из важнейших результатов этнокультурных контактов населения Поволжья и Урала было «сложение» во многом сходной агрокультуры татар, хозяйства в целом с русскими и другими народами региона. «Сельское хозяйство татарина, – писал Н.И.Воробьев, – построено в общих чертах одинаково со всеми народностями края: применяются одни и те же системы землепользования, сеются те же хлеба, употребляется тот же сельскохозяйственный инвентарь, породы скота те же; для передвижения летом служит, главным образом, телега, т.н. «черемисского» образца, отличающаяся от русской крестьянской телеги более высокой спинкой» [Воробьев, 1925].

Особенно характерной для татар культурой была конопля (растение, типичное для

степной полосы), а культура льна (растение, по своим биологическим свойствам более подходящее к лесной полосе), скорее всего, была заимствована татарами у предков марийцев и удмуртов. Из русской земледельческой традиции у татар появился срубный овин, носивший русское же название (*эвен*); татарским сооружением для огневой сушки снопов был древний шиш (*шиш*), известный у народов Поволжья и Урала как «татарский овин» [Бусыгин, 1966, с.241; Халиков, 1995, с.87–88]. Но нельзя исключить и заимствование овина-шиша татарскими земледельцами у соседей – марийцев и удмуртов [Воробьев, 1953, с.92]. Благодаря русским переселенцам с Верхней Волги и из северорусских земель широкое распространение на полях татарских крестьян получили такие клады снопов, как *сослан* и *бэбкэ* (русские суслон и бабка; татары называли их еще и *маржа башы* – «голова русской женщины»). Из агрокультуры русских крестьян южных губерний Европейской России и украинцев происходят у татар клады типа *крест*, *крестец*. Они же привнесли в практику татар Южного Приуралья молотильный камень [Бусыгин, 1966, с.102; Халиков, 1995, с.76–78]. Нередко такие заимствования трактуются не совсем верно. Так, считается, что традиционная и типичная в XIX в. двузубая соха с перекладной полицей была привнесена в Поволжье русскими переселенцами [Бусыгин, 1966, с.93]. Однако металлические части, подобные тем, что и у «великорусской» сохи (сошники, полицы), находили на территории еще домонгольской Волжской Булгарии, в удмуртских землях за несколько столетий до массовых миграций русских в Среднее Поволжье и Прикамье [Халиков, 1983, с.18]. Вероятно, соха – орудие, по своим механическим свойствам предназначенное для пахоты легких лесных почв, появилась самостоятельно у местных финских народов. Соха была, скорее всего, заимствована булгарами (татарами) именно у местных земледельцев, поскольку исконным пахотным орудием ранних булгар было орудие плужного типа, лемеха и наральники которого известны с памятников VI–XIII вв. как на Нижней Волге и Северном Кавказе, так и в Прикамье.

Русскому языку принадлежала особая роль в обогащении лексического состава та-

тарского языка. В процессе общего развития слова, относящиеся к различным областям жизни (власть, суд, торговля, военное дело), проникали из русского языка в татарский. Подавляющее большинство русизмов можно лишь этимологически считать заимствованиями. Фактически они уже давно освоены татарским языком и не воспринимаются как иноязычные элементы. Уже в двуязычных словарях XIX в. они приводятся наряду с татарской лексикой. Часть из них осела в татарском языке в результате устного общения татар с русскими, а другая могла проникнуть в процессе приобщения татар к русским письменным текстам. Обогащение татарской лексики русско-европейскими заимствованиями в XIX в. было обусловлено переменами в общественно-политической, экономической и культурной сферах жизни татарского народа. В начале XX в. в связи с подъемом просветительского движения среди татар начинаются активные вытеснение из татарского словарного фонда арабско-персидских заимствований и их замещение русскими и европейскими словами. А.Ш.Юсупова классифицирует эту лексику по тематическим признакам, что дает возможность выяснить, в какой именно сфере деятельности общества происходили наиболее значимые изменения². Среди выде-

ленных тематических групп самой большой по объему, т.е. включающей наибольшее количество русских заимствований, является группа слов, обозначающих названия разных сфер жизнедеятельности, а именно: названия растений, напитков, продуктов питания и др.; самая маленькая тематическая группа – термины из области медицины; основная часть русских и европейских заимствований относится к области быта. Во многом схожие процессы происходили и с татарскими заимствованиями в русском языке [Юсупова, 2009].

Татары, в свою очередь, оказывали воздействие на своих соседей, что также отражено в краеведческой литературе. В частности, упоминается о влиянии татарской национальной кухни на кулинарию других народов края [Архангельский, 1911], о заимствованиях в одежде и украшениях [Никольский, 1911, с.546; 1925, с.168; Соколов, 1925, с.174]; особенно много упоминаний о влиянии татарского языка: некоторые группы населения вводили «татаризмы» в родную речь, в местах совместного расселения нетатарское население достаточно свободно владело татарским языком [Никольский, 1925, с.167; Евсевьев, 1925, с.181, Шестаков, 1884, с.4].

К числу негативных факторов, влиявших на межэтническое взаимодействие, относились как насильственная христианизация, так и попытки исламизации. Не исключено, что имели место столкновения этнических интересов на бытовой почве. Упоминание об элементах этнофобии среди поволжских народов очень редко, но все же встречается в описаниях прошлого [Никольский, 1911а].

В работах краеведов XIX в. содержатся сведения о межэтнических браках на территории Казанской губ. [Лаптев, 1861; Лядов, 1861; Максимов, 1894; 1902; Риттих, 1870; Сбоев, 1856; Шеин, 1907]. В них практически нет упоминаний о русско-татарских браках: поддерживая тесные хозяйственные и дружеские связи со своими инонациональными соседями, татары, тем не менее, упорно сопротивлялись христианизации, и разное вероисповедание становилось непреодолимой преградой для заключения смешанных браков. Вместе с тем упоминаются случаи заключения татарами межэтнических браков с чувашами и оседлыми башкирами, а также

² Исходя из семантики русско-европейской лексики, А.Ш.Юсупова выделяет 17 тематических групп: 1) названия посуды и домашней утвари: *кукшинь, падушъ, тярлинкя, самавьръ* и т.д.; 2) предметы быта и домашнего обихода: *мунчала, понарь, плита, бстял* и т.д.; 3) орудия труда: *лумь, шпалерь, шотка, ыстанъ* и т.д.; 4) единицы меры: *лотъ, герь, бириукъ, пот* и т.д.; 5) названия строений: *матча, мичъ, ждэшкэ, застунъ* и т.д.; 6) названия растений, продуктов питания: *кябестя, крянъ, анис, упунка* и т.д.; 7) названия одежды и материала: *эшлэнэ, картусъ, материя, плись* и т.д.; 8) предметы сельского хозяйства: *сука, камыть, буряня, буразна, саламъ* и т.д.; 9) учебные принадлежности: *карта, каникул, компас, линейка* и т.д.; 10) военная лексика: *друшка, пулын, штик, приступ* и т.д.; 11) названия профессий: *апикунъ, писерь, патриотъ, пассажиръ* и т.д.; 12) лексика, относящаяся к финансовой сфере: *касса, сума, банка, панкрутлыкъ* и т.д.; 13) юридические термины: *штрау, суть, контрактъ* и т.д.; 14) медицинские термины: *аптека, ликерь, чакутка* и т.д. 15) музыкальные термины: *срикя, арганъ, гитаръ* и т.д.; 16) названия полезных ископаемых: *лазурь, магнитъ, избись, лабастыр ташы* и т.д.; 17) религиозная лексика: *манастыръ, группъ, пунъ, порфира, сочельникъ* и т.д.

Базар в с.Бор Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1892 г.

с марийцами, удмуртами и мордвой в районах совместного расселения. Большую роль в этом играли близость языка, общие черты в хозяйстве и культуре, влияние мусульманской религии, переход в которую сопровождался отатариванием новообращенных. Наконец, выявлены различия, связанные с полом вступающих в межэтнические браки: русские женщины вступали в смешанные браки намного чаще, чем мужчины; у остальных поволжских народов наблюдалась противоположная тенденция. Русские мужчины предпочитали браки внутри своего этноса и редко брали в жены представительниц нерусских народов.

Писатель С.Т.Аксаков, чьи детство и юность в начале XIX в. прошли в поместье деда в Закамье, отмечал, что у совместно расселенных народов, различных по языку, культуре и конфессиональной принадлежности, были самые дружественные, добрососедские отношения. Он свидетельствовал, что у русских Закамья одежда, язык и образ жизни представляют пеструю смесь татарских и русских нравов; он особо подчеркивал, что русские хорошо знали языки своих соседей [Бусыгин, 2007, с.286–293].

Межкультурное взаимодействие явилось мощным фактором формирования в Волго-Уралье особой этнотерриториальной группы русских – поволжских великороссов. Влияние на этнокультурный облик русских других народов, в т.ч. татар, прослеживается

по многим компонентам, что было обусловлено рядом причин.

Во-первых, предками части русских в регионе были представители нерусских народов, подвергшиеся ассимиляции, вследствие чего они восприняли русский язык и культуру, но одновременно сохранили отдельные черты прежнего этнокультурного комплекса – те, что были наиболее удобны и наилучшим образом приспособлены к местным условиям [Бусыгин, 1966, с.79].

Вторая причина наличия в этнокультуре русских Поволжья пласта, содержащего элементы

культуры других поволжских народов, – непосредственные взаимовлияния. Взаимодействие русских с другими поволжскими народами проявлялось и в быту, и в языке, и в антропологическом облике³.

Так, татарский плуг – сабан, известный к болгарских времен, хорошо приспособленный к подъему целины, залежей, широко использовался русскими на всей территории края. Русские крестьяне переняли у местных народов такую сельскохозяйственную культуру, как полба, имевшую у татар и чувашей ритуальное значение. Они же применяли типично татарскую кладь снопов на поле *чумалэ* и скирду *кибан* на гумне.

При наиболее распространенной в прошлом П-образной связи дома с надворными постройками, когда дом и надворные сооружения образуют сплошную П-образную линию, оставляя внутреннюю часть двора открытой, у русских были широко распространены дворы с разобщенными хозяйственными службами (усадебная состоящая из нескольких хозяйственных построек, не связанных с домом и друг с другом). Такая форма усадьбы в прошлом была характерна для татар. Там, где русские жили чересполосно с татарами, в интерьере русского жилища отмечались свободное положение печи (в традиционном русском жилище печь всег-

³ Далее в тексте все свидетельства о русско-татарском взаимодействии приводятся по: [Бусыгин, 1966].

да прижата вплотную к стене дома; наличие вмазанных и подвесных котлов в печи, что характерно для татарского и чувашского жилищ, а также татарских занавесок (*кашага*), разделяющих жилые части дома. Характерной особенностью жилища русского населения края было наличие во многих районах, где русские жили по соседству с татарами, полихромной (многоцветной, в три-четыре и даже пять цветов) раскраски дома. Среди русских крестьян в Поволжье были широко распространены ювелирное дело, обработка кожи очень высокого качества (юфти) и изделий из нее, войлока, изготовление из металла различных художественных изделий – навыки и традиции, получившие в крае широкое распространение еще в средние века.

В одежде русские Поволжья переняли у местных народов некоторые виды халатообразной и безрукавной одежды, валяную обувь с кожаными галошами, татарские шапки и башкирские малахаи. Татарские шапки русские крестьяне покупали на базарах или заказывали татарским портным, посещавшим русские деревни. В русских деревнях отмечались способы повязывания русскими женщинами платков «по-татарски», ношение черных онучей (как у марийцев), использование орнаментальных мотивов народов Поволжья в украшении отдельных частей костюма, тамбурной вышивки.

Достаточно заимствований было и в пище. В восточных районах Татарстана русские издавна употребляли *каймак* (густая коричневая жирная масса из топленого молока). Распространенным блюдом у русских было кислое молоко. Для его приготовления молоко «затопляли» докрасна, а после остывания в него добавляли парное молоко и творог. Во многих русских населенных пунктах, особенно расположенных вблизи татарских поселений, кислое молоко делали так же, как татарский *катык*. Из кислого молока готовили *арем* (по-татарски – *айран*), размешивая одну ложку *катыка* в кружке воды. Вода получалась с небольшой кислинкой и хорошо утоляла жажду; *арем* пили в страдную пору и во время сенокоса.

В плане домашней утвари можно отметить употребление русскими татарских *кумганов* – медных или жестяных кувшинов для умывания с носиком, ручкой и крышкой, в

Ложкарное производство в д.Деяново Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1897 г.

которых русские хранили пиво и квас. У русских отмечалось и некоторое своеобразие в традиционных транспортных средствах. На всей территории края у русских очень широко были распространены своеобразные тарантасы – от примитивной плетенки до усовершенствованных экипажей городского типа, широко бытовали также небольшие ручные тележки татарского типа. С татарским влиянием, несомненно, следует связывать бытование некоторых видов украшений, сбруи, обычай покрывать лошадей цветными попонами. Конечно, общность некоторых культурных элементов не всегда можно объяснить заимствованиями, скорее ее можно рассматривать как результат длительной совместной жизни и совместного творчества русских и других народов, живших в одинаковых социально-экономических и природно-географических условиях.

Длительное трудовое общение и чересполосное проживание оказали влияние и на характер проведения народных праздников. Русские принимали участие в праздновании татарских *Сабантуя* и *Джсиена*. В праздничную обрядность русских Поволжья были включены спортивные состязания, игры и увеселения, характерные для татар. Даже

в русской свадебной обрядности прослеживается ряд элементов, характерных для соседствующих народов: использование нерусской терминологии (например, *калым* вместо *кладки*), включение в состав праздничной и ритуальной пищи местных национальных блюд и т.д.

Язык русского населения Среднего Поволжья за длительный период совместной жизни обогатился рядом слов и выражений, характерных для поволжских народов. В работах краеведов XIX в. содержится множество упоминаний о том, что русские, проживающие между татарами, чувашами, мордвой, хорошо говорят на их языке, и даже делается вывод, что языки нерусских народов шире проникают в среду русских, а не наоборот. Русские применяли местную терминологию в обозначении отдельных частей селений, жилищ и усадеб, предметов одежды, утвари и т.д. Лингвисты, занимающиеся изучением тюрко-славянских взаимовлияний на языковом материале, приводят целый ряд татарских слов, широко употребляемых русским старожильческим населением Татарстана. Среди них, к примеру, *чильяк* – деревянное ведро (в татарском языке – любое ведро); *сарча* – овца; *аш* – мучной суп (в татарском – любой суп); *беишет* – старое пальто (в татарском – название одного из видов верхней утепленной одежды); *баишмак* – годовалый теленок; *казан* – котел; *майдан* – площадь; *урман* – лес; *баган* – столб; *урема* – кустарник, заросли по реке; *сабан* – плуг и т.д. Недаром Г.Тукай писал:

*«С русскими мы в веках породнились,
Словарем, языком обменялись,
Одни песни у нас родились,
И события одни воспевались»* [Тукай, 1943, с.265].

Казанские языковеды отмечали влияние иноязычной среды в русских говорах Казани и прилегающих районов, что отражено в наличии отдельных лексических заимствований из татарского языка, не свойственных русскому языку и его говорам за пределами казанской зоны [Альмухамедова, 1958, с.232].

Воздействию со стороны местных народов подвергся даже антропологический облик поволжских великороссов (как за счет межэтнических браков, так и за счет обрусения отдельных групп нерусских народов) [Шестаков, 1884, с.4]. Черты сублапаноидного (волжско-камского, смешанного европеоидно-монголоидного) антропологического типа проявляются у русских Поволжья в наличии у отдельных индивидов эпикантуса, скуластости, в пониженном общем ростовом показателе.

Таким образом, история освоения поволжскими народами территории и их совместного проживания насчитывает не одно столетие. Различными были обстоятельства и факторы межэтнического взаимодействия, среди которых нашлось место и для далеко не мирных форм. Однако доминантой межэтнических отношений в целом оставались толерантность, культурные и языковые взаимовлияния, совместная хозяйственная деятельность.

ГЛАВА 3

Этнокультурное взаимодействие чувашей и татар

Геннадий Николаев

Жизненное пространство Среднего Поволжья соткано из разнородных этнических культур – тюркской, финно-угорской и восточнославянской. Не одно столетие в его лоне происходит их сложное взаимодействие. Чуваш и татары – неотъемлемые этнокультурные составляющие социального пространства региона. В седой древности их далекие предки в Центральной Азии входили в одно языковое сообщество: чувашский и татарский языки относятся соответственно к болгарской и кыпчакской группам тюркской языковой семьи и характеризуются общностью структуры и лексического ядра. История распорядилась так, что чуваш и татары обрели в Среднем Поволжье «общий дом», найдя свою нишу в его социальном, хозяйственно-экономическом и культурном поле.

В условиях совместного проживания в одном «общем доме» часть этнически «чистых» населенных мест чувашей и татар с течением времени неизбежно приобретала новое этнокультурное качество – становилась чувашско-татарской или татарско-чувашской. Согласно подсчетам, выполненным нами на основе земских экономико-статистических обследований, в начале XX в. в 34 селах и деревнях Казанской и Симбирской губерний чуваш и татары проживали совместно. Еще в 14 населенных пунктах данные этнические общности имели своими общими соседями или русских, или мордву, или – и русских, и мордву [Николаев, 2009, с.81]. Изменение этнического состава населенных мест было следствием совместной хозяйственно-экономической деятельности представителей разных народов, их миграций и перманентных хозяйственно-экономических сношений друг с другом, водворения крестьянскими «мирами» на выморочные наделы «чужаков», принятых властями в отношении сельских обществ мер регули-

рующего порядка и прочих обстоятельств [Мартынов, 1903, с.257].

Во второй половине XIX – начале XX в. татары и чуваш в социальном пространстве средневожской деревни являли собой разные религиозные миры. В повседневной жизни средневожской деревни конфессиональное начало было тесно вплетено в национальное, а национальное начало – в конфессиональное. Во второй половине XIX – начале XX в. татары-мусульмане свою этническую общность не видели вне ислама. Для них вера являлась важнейшей составляющей этнической идентичности и образом жизни. Примечателен тот факт, что вплоть до начала XX в. многие из них продолжали обозначать свою национальную принадлежность конфессионимом «мусульманин» [Багин, 1910, с.119]. В условиях исторически сложившейся этноконфессиональной ситуации чувашские хлебопашцы этническим «лицом» ислама в регионе считали татар-мусульман. Как и другие соседи по «общему дому», понятия «мусульмане» и «татары» они в своем большинстве находили идентичными. Чувашские крестьяне, проживавшие крупным сплошным массивом, очень часто о существовании этноконфессиональной группы крещеных татар и вовсе не знали [НА ЧГИГН, отд. I, ед.хр.233, л.426]. Свидетельством отождествления чувашами религиозной и конфессиональной принадлежности татар может служить и их поведенческий стереотип. Ставшие мусульманами чувашские крестьяне представлялись не чувашами, а татарами [НА ЧГИГН, отд. I, ед.хр.242, л.249].

Если в своем абсолютном большинстве жители средневожской деревни квалифицировали ислам как веру татар, то христианство – как веру русских. Согласно представлениям некрещеных чувашей, их соплеменники, сменив веру, разорвали духовную связь с предками, утратили свою

самобытность и, в итоге, лишились стержневого компонента своей этнической идентичности.

Каждая этническая общность являла собой особый мир. Чувашей и татар различали происхождение и историческая судьба, духовный и социальный опыт, мировосприятие, обычаи и традиции, религиозные верования, психический склад и прочие составляющие данного ряда. В силу подобной своей природы каждая из них в ходе исторического развития вызрела в относительно закрытое, специфическое культурное поле. В народной мудрости данная социокультурная особенность этнических общностей вылилась в емкие, наполненные глубоким смыслом изречения. Чувашские пословицы гласят: «*Чăвайăн – чăвайшла алак, вырăсăн – вырăсла алак*» – У чуваша – чувашские ворота, у русского – русские ворота [Никольский, л.488]; «*Чăвайăн – чăкăт, тутарăн – турăх*» – Чуваш угощает сыром, татарин – кислым молоком [Ваттисен сăмахĕсем, 2004, с.160]. Иноконфессиональное и иноэтническое культурное окружение в волжском «общем доме» воспринималось чувашами как данность, которую нельзя изменить. Согласно их миропониманию, все народы – Божье творение, вследствие чего они являются равноправными участниками исторического процесса («*Этем пур те пĕр: вырăс та, тутар та, чăвай та, мăкши те*» – Люди все равны: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва); их культурное поле требует такого же почтительного отношения, как и свое родное («*Тутар та турра пуççапать*» – И татарин молится своему Богу) [Ваттисен сăмахĕсем, 2004, с.12,153]. Оказывая должное уважение социокультурному пространству своих соседей, как и все волжские народы, чуваша в повседневной жизни были ориентированы преимущественно на собственный мир. Данный мотив отразился, к примеру, в одной из их песен [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.176, л.257]:

*Ати мана вырăса парас тет,
Каймастăп, килместĕп.
Вырăс, кулач хушишинче,
Каймастăп, килместĕп,
Кулачă пĕçерме пĕлместĕп.*

*Ати мана тутара парас тет,
Каймастăп, килместĕп.*

*Тутар самовар хушишинче,
Каймастăп, килместĕп,
Самовар лартма пĕлместĕп.*

*Отец за русского хочет меня выдать за-
муж,*

*Не хочу, не пойду.
В среде русских, где калачи,
Не хочу, не пойду,
Калачи печь не умею.*

*Отец за татарина хочет выдать меня
замуж,*

*Не хочу, не пойду.
В среде татар, где самовары,
Не хочу, не пойду,
Самовар ставить не умею.*

Подобно своим волжским соседям, многое из образа жизни, что было присуще и свойственно другим этносам, чуваша находили или нежелательным, или недопустимым в своем культурном поле. Это не стыковалось или плохо стыковалось с их поведенческим стереотипом, традициями и нормами. Так, согласно чувашскому этикету, их соплеменники не должны были с первого же приглашения садиться за обеденный стол. Всякий чувашин, кто не считался с данной стародавней традицией, за глаза удостоивался нелестной характеристики: «как татарин, сел с одного приглашения» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр. 158, л.153, 154]. Не слыли за справного хозяина в среде чувашей и лица, кто жил «на широкую ногу», не имея на то необходимых средств. О нем чуваша отзывались, как свидетельствовал современник, следующим образом: «как татарин, когда есть, по-барски живет, а как кончит, идет к людям просить» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.158, л.153, 154]. Социально-психологическое и этнокультурное дистанцирование от татарского жизненного пространства заметнее выделялось в среде верховых чувашей, в силу географического фактора чаще контактировавших не с татарами, а с русскими и марийцами. Взаимоотношения чувашей и татар в начале XX в. жителем д.Анаткасы Ядринского у. Казанской губ., в частности, были охарактеризованы следующим образом: «Местные чуваша совсем не любят татар. Про них всегда говорят, что они злые люди. Говорят, что к ним

не поедешь, в их деревне не найдешь стол и кров... По этой причине чувашаи очень боятся татар» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 184, л. 363]. Вместе с тем отторжение культурного поля татар-мусульман, особенно в хозяйственно-экономической сфере, было относительным. Татар-мусульман как носителей иной монотеистической традиции устойчивые в православной вере чувашаи склонны были видеть «в зеркале» отторжения, а их же как участников хозяйственно-экономических отношений и соседей по «общему дому» – «в зеркале» притяжения. «Но, хотя они и не любят татар и боятся их, – читаем далее в этнографических записках жителя д. Анаткасы, – когда те по тем или иным надобностям приезжают к ним, кто по подряду, кто торговать, с татарами общаются очень любезно. Приглашают на ночлег, делятся питьем-едой, дают задешево стол и кров» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 184, л. 363].

Этнокультурный взаимообмен непрерывно сопровождал этнические общности на их тернистом пути в историческом пространстве. Культура любого народа не является образованием, имеющим своей основой исключительно собственную этнокультурную составляющую. Она непременно включает в себя элементы культур других народов, с которыми этнос приходил в прямое или опосредованное соприкосновение. При этом этнокультурный взаимообмен не являет собой многосторонний процесс механического обмена элементами культуры. Лишь тогда чужеродное прививается к новой культуре и со временем становится ее органической частью, когда оно находит соответствующий «отзвук» в теле «приемной матери», выдерживает тест на совместимость с ее «плотью и кровью». В ходе приживания заимствуемое практически всегда претерпевает определенную трансформацию. В частности, о жителях д. Апанасово-Темяши Тетюшского у. Казанской губ. в своих этнографических записках, составленных в начале XX в., анонимный автор выразился следующим образом: «В общем здешние чувашаи сильно обрусели; русицизмы встречаются в языке, в одежде и во всех приемах, относящихся к борьбе за существование. Многое ими перенято также и у окружающих татар, но, надо думать, очень давно, и держится в настоящее время, в силу обычая,

как свое национальное» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 151, л. 280].

Генетическое родство, совместное проживание и контакты этнических общностей имеют своим обязательным следствием многочисленные «отметины» в их культурном поле. Краткосюжетные песни чувашей и татар, при всех их различиях – хотя и существенных, но не фундаментальных, – включает музыковед М. Г. Кондратьев, отличают как идентичность принципиальных основ сюжетосложения, так и тождественность конкретных сюжетов, в т. ч. древнейших обрядовых и мифологических мотивов [Кондратьев, 1993, с. 56]. Созвучны мифологии этих народов. В них много схожего – как в названиях основных персонажей (тат. *арыш анасы*, чув. *ыраш амйшӗ*, ‘мать ржи’; тат. *алып*, чув. *олӑп, улӑп*, ‘герой; исполин; мифический предок-великан’ и др.), так и в сюжетных мотивах (татарский *ярымтык* и чувашский *ар сури* славились тем, что любили щекотать людей до смерти, а татарский *упкын* и чувашский *вупхӑн, вупкӑн* отличались необычайной прозорливостью и т. д.) [Ахметьянов, 1981, с. 9, 17, 44, 49]. Низовой диалект чувашского языка, сравнительно продолжительное время контактировавший с диалектами татарского языка, более богат татаризмами, чем средний и верховой. Татаризмы, как установлено языковедом Н. И. Егоровым, в низовом диалекте чувашей «нередко вытесняют соответствующие общенациональные чувашские слова или сосуществуют наряду с ними, иногда оттесняя их на второй план» [Егоров, 1985, с. 64]. Подвергнув сравнительному исследованию татарский и чувашский языки, языковед А. Г. Ахметьянов пришел к заключению, что большинство слов, «взаимопонятных одновременно для татар и чувашей», являются заимствованиями как из татарского в чувашский, так и наоборот – из чувашского в татарский [Ахметьянов, 1978, с. 104]. Близка к чувашской своими характерными чертами свадебная поэзия татар-мишарей [Мухамедова, 1972, с. 200]. Головной убор чувашских женщин, являвший собой сложный комплекс, включал ряд самостоятельных деталей, в т. ч. женское головное покрывало *сурпан*. Аналогию им составляли головные полотенца молькеевских крышен, татар-мишарей и касимовских татар *тастары*. Их

Группа чувашей в национальных костюмах. Фото кон. XIX – нач. XX в.

обертывали вокруг лица под подбородком, что позволяло женщине полностью закрыть волосы, шею, спину и плечи. Таким же был принцип ношения *сурпанов* у низовых чувашей (у верховых и средненизовых чувашей он служил шейно-наспинным украшением) [Ягафова, 2007, с.52, 55]. В традиционной кухне чувашей, казанских татар и татар-мишарей заготовка впрок квашеных молочных продуктов «производилась не путем сушки на солнце, как у других тюркских народов, а путем отжимания сыворотки» [Мухамедова, 1972, с.129]. Данный ряд следов этнокультурного влияния двух родственных народов друг на друга может быть многократно умножен [Иванов, 1984, с.103–120].

Этнокультурный взаимообмен между чувашами и татарами являлся и следствием имевших место на Средней Волге этнических процессов. Предки чувашей стали одним из компонентов сложившейся в средневековье народности казанских татар [Халиков, 2011, с.248]. В свою очередь в составе чувашской народности, сформировавшейся в этот же период, был представлен, хотя и незначительно, этнический пласт

кыпчако-татар [Иванов, 2000, с.37]. Часть чувашей, в разные периоды своей истории приняв ислам, еще до отмены крепостного права слилась с казанскими татарами и татарами-мишарями [Ягафова, 2009, с.10–29]. В контактных зонах вхождение чувашей в состав татарского этноса происходило и вследствие их этнокультурного сближения со своими соседями. По расчетам Д.М.Исхакова, в XVIII–XIX вв. в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губ. в составе молькеевских крестьян, проживавших в 9 деревнях, татарами было ассимилировано около 4–5 тыс. чувашей [Исхаков, 1993а, с.16]. Имел место, правда как достаточно

редкое явление, и переход в состав чувашей татар [Насыри, 1977, с.54, 55].

Во второй половине XIX – начале XX в. в средневожской деревне этнокультурные контакты чувашей и татар «имели разную частоту и тесноту». В данном плане особую зону в ее социокультурном пространстве являли собой их села и деревни, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, а также смешанные чувашско-татарские и татарско-чувашские поселения. В них, как правило, царил дух добрососедства и взаимопонимания, сформировавшийся на основе обыденных житейских и бытовых контактов. Из донесения священника с.Байглычева Тетюшского у. Казанской губ. Алексея Рекеева (1898 г.), в частности, предстает следующая картина: «В чувашских селениях приходов Меньчи, Вишневой Поляны, Биляр-Озера и слободы Александровской [Чистопольского у.] все чувашаи любят говорить между собой по-татарски, песни поются татарские, и начинают принимать магометанские обычаи, например, бреют усы по-татарски. Между чувашами и татарами здесь установились такие близкие отноше-

ния, что крещеные чувашаи даже рождаются с татарами-магометанами» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 195, л. 556]. В округе д. Избахтино Тетюшского у. татары устраивали для чувашей званые обеды. «Во время трапезы их потчевали особыми кушаньями – *бәләш* (большой круглый пирог со сладкой либо несладкой начинкой. – Г.Н.) и *корт* (кисломолочный продукт, разновидность творога. – Г.Н.). Чувашаи отвечали гостеприимным соседям тем же» [Кремлев, 1913, с. 1075]. В Тетюшском и Цивильском уездах в селах и деревнях крещеных татар и чувашей, расположенных по соседству, водились смешанные чувашско-татаро-кряшенские девичьи хороводы [Филиппов, 1915, с. 753–759].

Чувашско-татарский этнокультурный взаимообмен на Средней Волге имел место как асимметричный процесс: доминирующим было культурное влияние татар. Особенно были рельефны следы этнокультурного преобладания последних в контактных зонах. В некоторых чувашских деревнях, расположенных островками среди татарских поселений, а также в части смешанных татарско-чувашских населенных мест, где чувашаи составляли численное меньшинство, отличить их от татар обычно мог лишь тонкий наблюдатель⁴.

Но подобная картина наблюдалась не на всем социокультурном пространстве контактных зон Средней Волги. В свою очередь в той или иной мере происходила и аккультурация татар чувашами. Такая ситуация была характерна для местностей, где они проживали небольшими вкраплениями в окружении чувашей. В округе с. Подгорные Тимяши Цивильского у. Казанской губ., к примеру, окрестными татарами был усво-

⁴ К примеру, в начале XX в. в д. Малое Русаково Свияжского у. Казанской губ. чувашские крестьяне по численности вдвое уступали своим однообщинникам татарам-мусульманам. Вот как отразил элементы быта чувашской части хлебопашцев в своих этнографических записках местный учитель Михаил Максимов: «Зимой малорусаковских чувашей и не узнать. Шубы пошить заказывают татарам, делают без бор; и чапаны шьют на татарский лад – из серого домотканого сукна. Шапки вовсе с головы не снимают, да и шапки у всех татарские. Во время праздников надевают татарский бешмет. Рубахи у всех длинные, доходят до колен, никогда не опоясываются; чувашей можно различить лишь по длинным волосам» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 208, л. 82–83].

ен чувашский язык [ОР РГБ, ф. 424, оп. 1, картон 1, д. 11, л. 2, 3]. Хорошо говорили по-чувашски в Цивильском у. и татары, проживавшие вблизи с. Ковали. Как писал современник, ими у чувашей «Ковалинского района было перенято возделывание хмеля» [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 217, л. 454]. Случалось, что татары-мусульмане, водворяясь в населенные места чувашей, «растворялись» в чужой этнокультурной среде [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 183, л. 194]. Особенно глубоко в культурное поле чувашей в Казанской губ. были погружены молькеевские кряшены, проживавшие с ними по соседству и включавшие в свой состав, наряду с собственным, чувашский компонент. В этнокультурном плане они являли собой весьма специфическое культурное поле: этнические границы между их «чувашской» и «татарской» частями, а также между татарами-кряшенами и окрестными чувашами «были весьма размытыми» [Исхаков, 1993б, с. 138, 139]. Согласно утверждению одного из современников, почти все свои обычаи молькеевские кряшены переняли от чувашей [Филиппов, 1915, с. 753]. Здесь с давних пор, как отмечал в 1870-х гг. Н. И. Золотницкий, чувашаи свободно говорили по-татарски, а крещеные татары – по-чувашски. На совместных «девичьих пирах» (буквально: по-чувашски – *хёр сәри*, по-татарски – *кыз сырасы*) чувашек и крещеных татарок «с незапамятных времен» звучали на двух языках песни с «почти совершенно одинаковыми» мотивами и текстами [Золотницкий, 1875, с. 227]. Тесные этнокультурные связи «между молькеевскими кряшенами и чувашами имели своей основой и смешанные браки,» которые в их среде во второй половине XIX – начале XX в. были типичным явлением [Магницкий, 1896, с. 248; Пчелов, 1913, с. 126, 127]. В подобной этнической и этнокультурной ситуации часть молькеевских кряшен была склонна причислять себя скорее к чувашам, чем к крещеным татарам [НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 310, л. 224].

Этнокультурное доминирование татар над чувашами было обусловлено рядом факторов. Первый из них – *демографический*. Второй фактор – *социально-экономический*. По уровню социально-экономического развития татарская этнокультурная общность опережала чувашскую. И сами чувашские

крестьяне пальму первенства в торгово-промышленной деятельности отдавали не своей этнической общности, а татарской. В этнографических записках жителя чувашского околodka Мурзыван-касси Цивильского у. А.Я.Аделева (1914 г.) читаем: «Татары ... они народ торговый. Если имеют хотя бы рублей 50, то дома уже не сидят. Наши чуваша, даже располагая некоторые капиталом в 1500 руб., тем не менее, ни в чем не преуспевают» [НА ЧГИГН, отд. I, ед.хр.251, л.317]. Хозяйственный строй крестьянских хозяйств у татар и чувашей имел ряд особенностей. По экономической мощности татарские «крепкие крестьяне» опережали аналогичную социальную группу в чувашской деревне [Николаев, 1998, с.148–166]. Имея меньшие наделы и будучи более пролетаризированными, татарские хлебопашцы были менее ориентированы на производство хлеба. В итоге они вынуждены были гораздо чаще, чем чуваша, искать приработок не только за пределами своей деревни, но и уезда. Татарская «промышленная волна» в лице мелких торговцев, портных, жнецов, коновалов, жестянщиков, стекольщиков и прочего работного люда спорадически «омывала» и чувашское социокультурное пространство, проникая в самые потаенные его уголки. В 1880-х гг. в татарской д.Янгильдино Чебоксарского у. Казанской губ., к примеру, «до 60 чел. крестьян» занимались пастьбой скота в разных селениях чувашской округи, а «остальные почти все» там же вели торговлю лимонами, яблоками, рыбой, скотом и прочим товаром [ГИА ЧР, ф.15, оп.1, д.2087, л.123]. Чувашские крестьяне, будучи более обеспеченными сельскохозяйственными угодьями, в основной своей массе предпочитали получать необходимые жизненные средства от земледелия [Николаев, 2006, с.309, 311]. И чувашский торгово-промышленный люд посещал татарские деревни, но он был на порядок малочисленным. «Чуваши едут промышленять в среду русских, в среду татар – реже, но едут», – констатировалось в этнографических записках начала XX в. [НА ЧГИГН, отд. I, ед.хр.151, л.106].

Третий фактор – *социокультурный*. В силу выпавшей драматической исторической судьбы в эпоху капитализма татары и

чуваша вступили «крестьянскими» этносами. Но, в отличие от чувашей, татары не являлись чистым типом «малой» нации, ибо имели остатки дворянства и основы новой элиты в лице купцов, предпринимателей и духовенства, сохранили свой литературный язык и исламскую культуру [Капеллер, 1996, с.204].

Что касается чувашских хлебопашцев, то их знания об историческом прошлом своей этнической общности были фрагментарными и менее отчетливыми. Согласно свидетельству чувашского просветителя С.М.Михайлова, «о собственном же значении, то есть кто они, откуда и кто их предки», многие его соплеменники в XIX в. не имели даже «ложного понятия», лишь «благоразумнейшие» из них, «хотя и сбивчиво», говорили «о происхождении своем от праотцев» [Михайлов, 2004, с.50]. В сообществе поволжских народов данную общину отличала также относительно невысокая этническая самооценка. Мало кто из чувашских крестьян ставил свою этническую общность на один уровень с русской или татарской. Уничжительное отношение чувашей к своей этнической общности обнаруживается, в частности, в их устном народном творчестве. Чувашская пословица гласит: «*Чăваш кайран шухăшлат тет, тутар малтан шухăшлат тет*» («Татарин все обдумает сначала, чуваш – опосля») [Тимофеев, 2002, с.194]. В одной их песен говорится: «*Мăн çул тăрăх утмашкăн, / вырăс-тутар мар эфир*» («Мы не русские и не татары, / чтобы шествовать по большим дорогам») [Ашмарин, 1892, с.51]. «*Темĕскер кирлĕ мара çуратса янĕ пире Турă, чăвашене*» («Чего ради произвел нас, чувашей, Бог на белый свет»), – так отзывались о своей этнической общности на рубеже XIX–XX вв., по свидетельству современника, некоторые живущие «по-русски» чуваша Казанской стороны [Тимофеев, 2002, с.57].

Татарское этнокультурное поле отличали выраженная конфессиональная мобилизация и ревностное отношение к вере. В той или иной мере среди татар чуть ли не всякий являлся миссионером. В силу специфики организации духовной жизни в мусульманской общине и, как следствие, вероисповедной просвещенности татар-

ские хлебопашцы, как правило, брали верх в конфессиональных спорах с чувашами-«язычниками», религиозное мировоззрение которых в пореформенную эпоху переживало острый идейный кризис. Подобные мировоззренческие словесные «баталии» татар-мусульман и православных чувашей, в большинстве своем не укрепившись в «русской вере», обычно также заканчивались не в пользу последних⁵. Мир же чувашской деревни в конфессиональном отношении был дифференцированным – в нем были представлены приверженцы традиционных верований, православные, мусульмане. В среде первых часть общности «горой стояла» за веру отцов и дедов, часть ратовала за ее реформирование, часть ориентировалась на «русскую веру», часть – на «татарскую веру». И православная чувашская община объединяла разные группы верующих – устойчивых в «русской вере», «двоеверов», «язычествующих» и «магометанствующих». В пореформенное время

⁵ Вот как отразил в своих воспоминаниях данный эпизод крестьянского повседневного бытия в первые пореформенные десятилетия в г.Чистополь одноименного уезда Казанской губ. уроженец д.Чувакская Чебоксарка Н.М.Охотников: «Мы возили хлеб к одному и тому же купцу, и переночевавши ночь, утром возвращались домой. Здесь любопытно было мне слушать споры, возникавшие ночью между русскими, чувашами и татарами в людской купца, где народу всегда было много, и все ночевали вместе с партиями, расположившись на нарах, полатах и печке. Споры всегда начинались из-за пустяков татарами. Положим, чувашин произнес татарское слово неправильно, объясняясь с татарами на их языке. Это уже служило поводом к спорам. Татары тотчас придираются к чувашину, как это он не может говорить правильно по-татарски, когда весь век свой живет между татарами? Этим они побуждают к спору и чувашина. С той и другой стороны число спорящих все возрастает; сначала говорят об обычаях, костюме, наконец, переходят к религии. Конечно, победителями большею частью остаются татары, так как неопределенные, сбивчивые религиозные воззрения чувашей не выдерживают сравнения с магометанским верованием, на что татары больше и налегают в спорах; а с другой стороны, и крещеные чувашаи ничего не могут сказать в пользу христианской религии, потому что христианину-чувашу, собственно, чужды истины и основы религии, так как он не может понять то, что слышит единственно в церкви, да к тому же на церковнославянском языке, совершенно ему непонятном» [Охотников, л.25об.–26].

основная часть чувашской этнической общности еще только шла к устойчивой вере: разряд «строго православных» в их среде составлял меньшинство [Кремлев, 1913, с.938; 1913а, с.1069–1078].

Четвертый фактор – *социально-психологический*. В этнокультурном общении татар с чувашами первые в силу их ментальности являлись собой, образно выражаясь, ведущее звено, вторые – ведомое. Данная особенность двух «стихий» отражена в наблюдениях многих современников. Отмечая названную специфику отношений между двумя этническими общностями, этнолог Г.И.Комиссаров, к примеру, счел необходимым подчеркнуть, что «племенное родство и некоторое сходство языков много способствуют единению чувашей с татарами, а подвижность характера казанских татар, их коммерческие склонности, чистоплотность, трезвость и внешняя религиозность заставляют чувашина признавать превосходство татарина над ним самим» [Комиссаров, 1911, с.414]. Своих соплеменников, кто отличался проворностью и смелостью, чувашаи удоставляли лестной социально-психологической характеристики – «смелый, как татарин» [НА ЧГИГН, отд. I, ед.хр.217, л.453].

Как хозяйствующие субъекты чувашские и татарские крестьяне вместе с другими этническими общностями региона являлись участниками экономических отношений. В данном плане социальное пространство села составляло единый живой организм. Прямо или опосредованно хозяйственная деятельность всех этнических групп крестьян была взаимосвязана. Экономическое пространство деревни, таким образом, и для чувашей, и для татар, и для других этносов являлось полем взаимного притяжения. Из этнографических записок современников, составленных в начале XX в., предстает весьма подробная картина о совместном хозяйствовании и сожитии крестьян различных национальностей в «общем доме»⁶.

⁶ Деревня Яргунькино Ядринского у. Казанской губ.: «Чуваши торгуют с русскими и татарами. Русские покупают в среде чувашей мясо, шкуры ... и новую шерсть. Татары в среде чувашей покупают старых лошадей, сами завозят в их среду [вяленую] рыбу. Чуваши в среде русских покупают хороших лошадей и прочие пользующиеся спросом

В контактных зонах тесные хозяйственно-экономические связи соседей, как правило, перерастали в близкие, добрососедские, доверительные отношения. В деревнях Альшеево, Таковары, Раково, Кищак, Пимурзино, Бюрганы, Кошки Теняково, Новые Мертли и Чувашский Сорокамыш Буинского у. Симбирской губ. на рубеже XIX–XX вв. в урожайные годы татарские крестьяне нанимались к чувашам жать хлеб. Окрестных татарских женщин и девушек чувашки использовали для прядения кудели, ткань холста. Татары и чувашки легко находили общий язык и при торговых сношениях, водили взаимное «хлебосольство». Многие чувашские крестьяне имели в среде татар названных друзей – *тус*, «в нужное время» приглашали своих соседей лечить больных. Чувашская молодежь общалась со сверстниками-татарами на равных, дружелюбно, принимала участие в их играх [Тимофеев, 2002, с.23, 91, 162]. Жители татарских деревень, расположенных в 10-верстной округе от с.Подгорные Тимяши Цивильского у. Казанской губ., нанимались к чувашам в пастухи и караульщики, совместно с ними «водили пчел». 8 ноября, в «Михайлов день» (день Михаила-архангела), совпадавший здесь с престольным праздником в приходской церкви, «почти в каждом доме» чувашей «искони гостили любимые гости» – окрестные татары [ОР РГБ, ф.424, оп.1, картон 1, д.11, л.3, 4]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Цивильском у. в чувашской д.Старое Муратово и ее окрестностях. И здесь в среде чувашей промышленляли татары-мусульмане, работая, кто пастухом, кто караульщиком. Соседи «водили» друг с другом и «хлеб-соль»: «в чувашские праздники татары бывают в гостях у чувашей, а

вещи. В среде чувашей промышленляют и русские, и татары... Чувашки нанимаются к богатым русским в работники» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.151, л.105, 106]. Деревня Новое Изамбаево Тетюшского у.: «У нас здесь чувашки и русские живут очень дружно, одалживают друг другу в необходимых случаях вещи, во время праздников гостят друг у друга. И с татарами живут очень хорошо: многие друг другу дают займы деньги, одалживают хлеб» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.151, л.260]. Деревня Азбаба Свияжского у. Казанской губ.: «Более половины татар-домохозяев свои земельные наделы сдают в аренду чувашам-однодеревенцам» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.208, л.96].

в татарские, наоборот, чувашки бывают у татар» [Отчет о деятельности, 1883, с.766].

Хозяйственно-экономические отношения между чувашскими и татарскими крестьянами строились на прагматических началах. С теми соплеменниками, кто выполнял к установленному сроку и в полном объеме взятые на себя обязательства, предоставлял качественные «промышленные» услуги, торговал без обмана, скупал по приемлемой цене сельскохозяйственную продукцию и т.д., укреплялись связи: им оказывали особые знаки внимания, предоставляли стол и кров⁷.

Но в лице татарских хлебопашцев, являвших собой в социокультурном плане более продвинутую общность, в хозяйственно-экономических отношениях чувашки имели партнеров с относительно высокими стандартами отношений. Не всегда имея возможность их удовлетворять, они, случалось, вынуждены были отказываться от сношений со своими соседями. В этнографических записках уроженца д.Малые Бикшихи Цивильского у. М.Зайцева читаем: «Когда чувашки не успевают сами дожать хлеб, то нанимают однодеревенцев, которые кончили жать, или же приезжающих в деревню татар. Татары иногда приезжают целыми семьями, но чувашки нанимают татар очень неохотно, только по необходимости, когда некого нанять, потому что татары требуют от чувашей хорошей пищи, а в противном случае жнут нечисто и обращаются с чувашками грубо» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.271, л.241].

В условиях национальной неоднородности социального пространства хозяйственная жизнь средневожской деревни, как и другие компоненты крестьянского повседневного бытия, была пронизана этнокультурной составляющей. Чтобы строить прочные

⁷ Житель д.Мокры Цивильского у. в своих этнографических записках, составленных в 1911 г., отмечал: «Чувашки очень любят татар, носят татарские шапки. Когда они приезжают в деревню продавать сушеную рыбу, не владея сколько-нибудь сносно их языком, с большим желанием завязывают с ними беседу. Подражая татарам, некоторые из чувашек стали брить головы. Еще продающих рыбу татар приглашают к себе на ночлег. Их лошадям дают овес. Татары такому приему очень рады, угощают домохозяев сушеной рыбой» [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.179, л.33].

и долговременные экономические связи, и чувашские, и татарские хлебопашцы, прежде всего, должны были считаться с «самостью» друг друга. Этнокультурная и этноконфессиональная дипломатия являлась важным фактором-условием, определявшим динамику хозяйственно-экономических отношений между двумя этническими общностями. В той или иной форме она предшествовала или сопровождала все их сношения в данной сфере. В ходу были учтливое обращение, проявление такта, уважительное отношение к чужому культурному полю и т.д. Вступая с окрестными татарами в хозяйственные и иные контакты, жители чувашской д.Новое Изамбаево Тетюшского у. часто приглашали их к столу. При этом обязательно интересовались, употребляют ли они тот или иной продукт. Аналогичную учтливость проявляли к чувашским хлебопашцам и татары [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.151, л.280]. Некоторые чувашские крестьяне, занимавшиеся отхожим портняжным промыслом в среде татар-мусульман, стараясь заслужить симпатию со стороны заказчиков, надевали тюбетейки [Никольский, 2004, с.69].

Хозяйственно-экономические, житейские и бытовые отношения между чувашами и татарами имели своим следствием не только процесс этнокультурного сближения двух общностей, но и возникновение локальных очагов их этнокультурного охлаждения. В торговых, подрядных, кредитных, арендных и прочих операциях татары, более продвинутые в данных сферах деятельности, не всегда считались с интересами чувашей, что в условиях рыночных реалий имело своим естественным следствием возникновение кратковременных хозяйственно-экономических трений [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.237, л.87]. В сфере земельных отношений при существенном ущемлении интересов одной из сторон трения между представителями двух общин иногда приобретали острый и затяжной характер [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.208, л.293–295]. В отдельных населенных пунктах имело место и немотивированное физическое насилие татар над чувашами [НА ЧГИГН, отд.І, ед.хр.237, л.87]. Чуваше, понесшие в результате подлога, обмана, обвеса, мошенничества, физического насилия и прочих обстоятельств материальные и моральные издержки, склонны были видеть

в «зеркале отторжения» и всю этническую общность обидчиков [НА ЧГИГН, отд.Х, ед.хр.1070, л.239об.].

Как известно, вера и объединяет, и разъединяет социум. Вероисповедная составляющая, в силу такой своей природы, оказывала разнонаправленное воздействие на совместное сожитие – чувашей и татар. Чувашские крестьяне вступили в эпоху капитализма «язычниками» и, в большинстве своем, «язычествующими» христианами [Смелов, 1880, с.529]. В живущей по стародавним традициям чувашской деревне факты обращения в случае болезни близких к мулле или их приглашения для совершения религиозного обряда во второй половине XIX – начале XX в. не были единичным явлением [Шилёк, 1913, с.909, 910]. Относительно терпим был к вере своих соседей и татарский «народный ислам». В воспоминаниях Н.М.Охотникова, составленных в 1888 г., читаем: «Мне самому приходилось слышать от татар, которые утверждали чувашам, что мы все дети одного Бога» [Охотников, л.27об., 28]. В условиях проводимого самодержавием курса на религиозную унификацию страны при сложившейся ситуации взаимной относительной конфессиональной толерантности часть чувашских «язычников» и «язычествующих» христиан «ушла в татары», избрав в качестве духовно-нравственной опоры в жизни веру своих соседей – ислам. Многовековое совместное проживание, близость языков и культур, тесные контакты в разных сферах – вот основные факторы, обусловившие подобный их выбор. По данным современного исследователя А.В.Кобзева, численность чувашей-мусульман в Симбирской губ. в начале XX в. достигала 400–600 чел. [Кобзев, 2007, с.124]. Относительно внушительной была община чувашей-мусульман и в Казанской губ.: она объединяла несколько тысяч приверженцев [Ягафова, 210, с.126]. Хозяйственно-экономические, житейские, бытовые и брачные отношения мусульмане-неофиты из чувашей предпочитали иметь уже с татарами-мусульманами⁸.

⁸ Так, 15 декабря 1908 г. крестьяне татарской деревни Нижнее Чекурское и чувашско-татарской деревни Старое Чекурское (имела в своем составе два общества – татар и чувашей) Буинского у. Сим-

В эпоху капиталистической модернизации основная часть чувашского сельского населения, став объектом воздействия миссионерско-просветительской системы Н.И.Ильминского, укрепилась в «русской вере». Подобный вероисповедный сдвиг имел своим естественным следствием конфессиональное и этнокультурное дистанцирование чувашских крестьян от татар-мусульман. Став устойчивыми носителями христианской веры, они в бытовой и житейской сферах стали больше ориентироваться на русский образ жизни. Так, в Цивильском у. до 1880-х гг. жители чувашских сел Ковали и Мусирма «поддерживали тесную дружбу» с татарскими хлебопашцами деревень Акзегитово, Тугаево и Сунчелеево: «татары были желанными гостями у чувашей, чувашки – у татар». В Пасху и Семик последние гостили у своих соседей целыми семьями. В начале XX в. в праздничные дни в селах Ковали и Мусирма наблюдалась другая картина – кроме караульщиков и пастухов, других татар в среде чувашей, как правило, уже не было [Спиридонов, 1909, с.538–539; НА ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 206, л. 183]. В некоторых этнически смешанных населенных пунктах в условиях этнической и конфессиональной мобилизации двух этнических общностей усилилось «культурное давление» татар на чувашей. Чаше кипели страсти в тех чувашско-татарских селениях, где одна часть чувашей переходила в ислам, а другая сохраняла верность православной вере [Кобзев, 2007, с.124].

К концу XIX в. 98,9% чувашей проживало в Волго-Уралье [Иванов, 2005, с.151]. За пределами своей этноисторической территории – в Самарской, Уфимской, Саратовской и Оренбургской губерниях – часть этноса проживала бок о бок с волго-уральскими татарами. И на новых землях этнокультурное взаимодействие чувашей и татар во второй половине XIX – начале XX в. в своих основных чертах имело те же внутреннее содержание и динамику, что и в Казанской и Симбирской губерниях. И здесь в этнически смешанных селениях и контактных зонах практически повсеместно чувашки жили на «татарский лад»: вместо воскресенья праздновали пятницу, брили головы, носили тюбетейки, ели конину, тайно или открыто соблюдали мусульманские обряды и т.д. При этом в отдельных местностях палитра красок татарского этнокультурного доминирования имела множество оттенков. Они выражались в степени усвоения чувашами образа жизни своих соседей, в практике использования ими в обыденной жизни татарского языка, в тесных контактах двух общин в хозяйственно-экономической, житейской и бытовой сферах и т.д. [Ягафова, 2010, с.115–127]. Во второй половине XIX – начале XX в. и за пределами Казанской и Симбирской губерний – как правило, в контактных зонах – чувашки пережили несколько волн «отпадений» в ислам. Как и на этноисторической территории, здесь мусульмане-неофиты из чувашей причисляли себя к татарской этнической общности [Ягафова, 2010, с.115–127].

бирской губ., собравшись на соединенный сход, приняли постановление о разделе общей земельной дачи между тремя сельскими обществами пропорционально количеству ревизских душ в каждом из них. Спустя год в ходе распределения земли 18 семей старочекуровских чувашских крестьян, принявших мусульманство, обратились к землемеру землеустроительной комиссии с заявлением, в котором просили нарезать им землю в одном участке с единоверцами – обществом татар-мусульман д.Нижнее Чекурское. Возникшая непредвиденная ситуация вскоре благополучно разрешилась. Сходы всех трех сельских обществ сочли возможным уважить просьбу новоявленных «татар» [НА РТ, ф.1311, оп.1, д.204, л.238].

ГЛАВА 4

Татарско-марийские отношения

Гузель Столярова

Татары и марийцы были близкими соседями и активными партнерами по межэтническому взаимодействию. На востоке Республики Марий Эл и на северо-западе Татарстана практически невозможно провести границу этнических ареалов мари и татар: здесь наблюдается наложение этнических территорий и, как результат, – наличие старожильческих татарских, марийских и смешанных населенных пунктов (Арский, Балтасинский р-ны РТ; Параньгинский, Мари-Турекский, Моркинский р-ны Республики Марий Эл). Контакты татар и марийцев в этом регионе наиболее ранние. Исследователи отмечают, что среди татарского населения северной полосы Закавказья значителен финно-угорский элемент: по данным топонимии, во многих татарских деревнях имеется «*чирмеш ягы*» (черемисская сторона) [Галимзянов].

Другой ареал расселения марийцев среди татар – камско-уральский – образовался в результате переселения части мари в XVI–XVIII вв. в Закамье и Приуралье, где в окружении иноэтнического большинства, главным образом татар и башкир, к середине XIX в. оформилась этнографическая группа восточных марийцев (*эрвел марий*) [Сепеев, 2006, с.126]. Таким образом, наибольшее влияние татары оказали на луговых и восточных марийцев, тогда как горные мари, проживавшие на правобережье Волги в окружении чувашей и русских, имели более тесные контакты именно с этими народами.

Результаты исторических контактов татар и мари прослеживаются на многочисленных материалах в языковой и культурной сферах.

На территории Татарстана марийские топонимы охватывают весьма обширную территорию и свидетельствуют о том, что здесь обитали древнемарийские племена. В Елабужском р-не РТ, например, марийский

пласт выделяют в следующих топонимах: с.Айталан, д.Атиаз (населены татарами-кряшенами), в ойконимах Акгазик, Ахтиял, Дюм-Дюм (Татарский и Русский), Кокшан, Куклюк, Эльнет, Юраш (населенные пункты, включающие топоним «татарские»), д.Псеево, д.Тжэш (Текашево), оз.Пинэрэ, р.Шурминка, д.Анзирка [Арсланов]. Кроме того, названия некоторых населенных пунктов объясняются языковыми данными марийского языка. Кук мари, Кукмари – марийские деревни в Кукморском р-не РТ. К д.Кукмари относят себя и марийцы с.Русско-Марийские Ковали (марийское название Марий Кавал, татарское – Рус-Мари Ковалы) Высокогорского р-на, по-татарски Зур Кавал и Кече Кавал, а также 6 деревень Волжского р-на Марий Эл (расположенные ближе к границе Татарстана). У звениговских мари «кук мари» означало «чуваш». Возможно, «кук мари» имело значение «(на) горные мари, люди нагорной стороны». В Республике Марий Эл несколько ойконимов Кукмор (мар. Кукмара) и Кукмарий. Кня-Баш – татарская деревня в Кукморском р-не – первоначально была марийской. Вочарме – официально с.Березняк Кукморского р-на РТ, проживают татары. Татарское название Бучирмә, удмуртское – Чалтайгурт. Марийцы д.Починок-Кучук полагают, что их предки были вытеснены оттуда. Вочкаш памаш – родник (и местность вокруг него) у д.Старая Кня Кукморского р-на РТ. Марийское название – Вочкаш т.е. «дерево, годное для изготовления бочки»; д.Байданкино (Нижекамский р-н РТ) носит неофициальное название «Ширмеш авылы», т.е. марийское село; в названии д. Большие Аты слово «Аты» сближается с марийским *ото* (роща). Население некоторых чувашских и марийских сел, находясь в близком соседстве с татарами, утратило свои национальные черты: оно восприняло язык, быт и обычаи та-

тар. К числу таких сел относится с.Старое Азмеево (*Иске Әжми*) Бакалинского р-на Башкортостана. Население с.Старое Азмеево смешанное. Основателями его были марийцы-язычники, которые в середине XIX в. переселились сюда из Мензелинского у. Судя по архивным материалам и рассказам местных жителей, почти в это же время стали прибывать и крещеные татары, чуваша. В источниках по Уфимской епархии говорится, что в с.Старое Азмеево – «35 дворов язычников-черемисов... постепенно они совершенно отатарились, разговаривают только по-татарски (даже старики не знают марийского языка). Их говор мало чем отличается от говора крещеных татар, с которыми они долгие годы жили вместе». Однако у этих марийцев имена в отличие от крещеных татар древнетюркские или заимствованные (арабо-персидского происхождения): Гөлбикә, Балбикә, Гөлжимеш, Гөлшикәр, Миннегол, Карлыгач, Сандугач, Асылый, Чәчкә, Миннекәй, Тимеркәй. Альмыш, Тәңкә, Сатый, Сатыбал, Татлый, Балый др. Интересны также названия одежды: шарпан – тастар ‘головное покрывало’; кича – ‘платок’, изү – муйса ‘нагрудное украшение’ и др. [Баязитова, 1986].

Основателями некоторых татарских деревень являлись удмурты и марийцы, которые впоследствии были вытеснены или отатарились в результате совместной жизни с татарами. Марийские названия татарских деревень Заказанья: Бимер, Битаман, Илнет, Кенәр, Мәнгәр, Пимер и т.д. – свидетельство этнической ассимиляции марийцев татарами [Галимзянов]. К селениям, которые в прошлом были марийскими, но с принятием ислама стали татарскими, относят д.Адаево (Кукморский р-он РТ), с.Иж-Бобья (Агрызский р-он РТ), д.Мари Ямалы (Актанышский р-он РТ) и др. В Татарстане есть марийские деревни, население которых практически утратило родной язык, говорит по-татарски, но сохраняет свое самосознание, так как исповедует свою традиционную религию (д.Терпеле Актанышского р-на, д.Бикмесь Муслумовского р-на и др.) [Молотова, 2011, с.172]. В числе селений Казанского ханства на Зюрейской дороге (Заказанье) были Черемыш (татарский, Черемыш-Апакаево, Черемышево (на речках Нурме и Ушне). По данным первого то-

понимиста Казанского края И.А.Износкова, с.Черемыш-Апакаево называлось Черемышево Поганое, Малое Черемышево, Апакаево, по-татарски – Апакай Чирмеш, Чирмеш иле. Относительно названия с.Черемышево И.А.Износков писал: «По названию села можно предполагать, что первоначальными обитателями в нем были черемисы. В Козьмодемьянском уезде есть черемисское село Черемышево» [цит. по: Саттаров]. В деревнях Пермского края (Оттуз, Чистяково, Теш Баш, Солянка) татары смешались с марийцами. То же и произошло в д.Агафонково (там основателем рода «кэбэч нәсел» считается мариец). Такое смешение объясняется тем, что в прошлом в этих краях население было малочисленным, поэтому татары и марийцы селились в одних деревнях и смешивались между собой [Мухаметшин].

В татарском и марийском языках обнаруживается большое количество языковых параллелей, взаимных влияний. Как отмечал один из основателей урало-алтайского языкознания Страленберг, марийский язык весьма близок к финскому языку, но в то же время очень смешан, причем татарское влияние выражено сильнее, чем русское. Практически то же отмечал Г.Миллер: «Черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, а по жительству их близ татар и русских есть в нем много татарских и небольшое число русских слов» [Миллер, 1791, с.38]. В результате тесных контактов с тюркскими языками в марийском языке произошли разного рода изменения: под влиянием татарского и чувашского языков развилась губная гармония и появились сходные тенденции в расстановке словесного ударения; были заимствованы типы спаренных глаголов, многие суффиксы и аналитические формы прошедшего времени. Из четырех диалектов марийского языка (горного, северо-западного, лугового и восточного) наибольшее влияние татарского языка испытали луговой и восточный диалекты, причем это влияние обнаруживается как на фонетико-грамматическом, так и на лексико-семантическом уровне. В целом в марийском языке насчитывается до 4 тыс. слов татарского происхождения в различных лексических блоках. Это, например, лексика, связанная со свадебной обрядностью – арчи: свадебный поезд (в татар. яз.: арчи); аулаки – дом, где собирается молодежь на посиделки

в отсутствие старших (также татарский термин); башкыда – сват и сваха (у татар: башкода); кайнеш – младший брат жены (канеш); калаш – новобрачная (кэлэш); кийау – зять (кияу); балдыз – свояченица (у татар – балдыз); бича – супруга (у татар бичэ); акча – женское украшение в свадебной одежде («деньги» у татар – акча). Имена многих марийских народных героев несут отпечаток тюркизмов: Болтуш (от слова «балта» – топор), Ак патыр, Ак парс и т.д. [Галимзянов].

В татарском языке марийское влияние намного слабее, но тоже присутствует; исследователями выделено около 100 лексических единиц – мариизмов, в основном в говорах среднего диалекта татарского языка. Например, в заказанском говоре среднего диалекта употребляются *алабай* – ромашка (непахучая) (тат. ала + мар. вуй «голова», «колос»); *бэлчэ* – кисть, гроздь, плодоножка, колос овса или проса (мар. велше «осыпавшийся»); *эцен* – сухожилие, пищевод (мар. г. шун «жилы», «резинка», удм. сон «жила, сухожилие»); *лыбы* – сумка, сделанная из липовой коры (мар. лупо «куча хвороста, валежника»); *нэште* – слой красноватой глины (мар. нэнчэ «грязь, глина, ил»; ср. коми, няша «илистое отложение на лугах»); *онго* – кольцо серпа или косы (мар. онго «кольцо, петля», удм. угы «серьга»; ср. фин. опки «удочка»); *тэнкел* – стул, табуретка (мар. тенгыл «скамейка; шуйэк «шутник; обманщик» (мар.г. шая «речь», «молва», «рассказ», «предложение, краткое сообщение», «пустой разговор, вымысел», мар.л. шоя «небылица, вымысел», шояче «лгун, врун, лжец»); *шылан* – хвощ иловатый (мар. шылан, удм. шилан «хвощ болотный»); *ыштыр* – онуча, обмотка, портянка (мар. ыштыр, удм. ыштыр) и др. Необходимо отметить также активность употребления некоторых мариизмов в говорах крещеных татар: *бутыш*; *суржэ*; *шыльтыц* и др. Большое количество марийских заимствований употребляется также в периферийных (маргинальных) приуральских говорах среднего диалекта татарского языка: *мже*; *цугыл*; *цыбры*; *цыйшаннац*; *лабра*; *лэпж*; *лытыш*; *нор*; *печтер*; *пошыый*; *терке*; *шэмкэ*, *шэмкэлек* и др. В говорах мишарского диалекта мариизмы встречаются реже [Насипов].

Языковые контакты и языковая совместимость татар и марийцев способствовали

Группа марийцев. Фото кон. XIX в.

успешному освоению ими языков друг друга. Краеведы и исследователи XIX в. отмечали факты свободного владения марийцами татарским языком. Как отмечал краевед Н.А.Спасский, казанские марийцы знали и русский, и татарский языки, тогда как мамадышские – только татарский язык. «Не в меньшей степени, если не в большей степени, чем чуваша, подвержены влиянию татар черемисы Казанской губернии: восточной части Царевококшайского уезда, Казанского и Мамадышского уездов, черемисы Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и частью Малмыжского уезда Вятской губернии. Черемисы означенных местностей очень близки с татарами и перенимают от них, вместе с языком, татарские обычаи и нравы. Многие черемисы носят татарские имена, стараются быть похожими на татар и по костюму, и считают для себя за величайшую честь, если их трудно отличить от татар. Речь черемисина этих местностей разнообразится татарскими словами, пословицами и прибаутками... В других местах Казанской губернии, хотя дело отатаривания черемис так далеко не зашло, но все же нужно сказать, что черемисы вышеупомянутых уездов значительно утратили свои на-

циональные черты, и настолько освоились с татарскими обычаями, нравами и языком, что иногда совершенно невозможно бывает отличить их от татар» [цит. по: Хафизов].

Языковые контакты татар и мари в XIX в. были подкреплены и тем обстоятельством, что именно в Казани была создана мари́йская письменность и получили образование многие мари́йские просветители. В 1817 г. архиепископ Амвросий (Протасов) предписал Казанскому академическому правлению составить алфавит и грамматику мари́йского языка. Священник А.Альбинский предпринял попытку совершенствования алфавита и систематизированного изложения грамматики мари́йского языка. Его «Черемисская грамматика» вышла в свет в 1837 г. Заслугой А.Альбинского является то, что в своем сочинении он впервые в истории мари́йской письменности привел алфавит в полном виде. Первый букварь на мари́йском языке был составлен И.Кедровым и издан в Казани в 1867 г. В 1870 г. вышел букварь на луговом наречии, составленный Г.Яковлевым и переиздававшийся в 1873, 1892 гг. В 1892 г. в Казани были изданы «Букварь для горных черемис» И.Удюрминского, «Букварь для начального обучения черемисских детей русской грамоте» С.Нурминского и др. Вторая половина XIX в. стала временем бурного развития письменности на мари́йском языке: с 1867 г. по 1905 г. было издано более 80 книг. В 1732 г. архиерейская школа была преобразована в духовную семинарию, которую в 1906 г. окончил первый ученый-мари, известный лингвист, фольклорист и этнограф В.М.Васильев. Учителей для мари́йских школ готовила КЦКТШ, официально открытая Н.И.Ильминским в 1864 г., где мари́йцы, кроме прочего, обучались опыту перевода на родной язык [Исламов, Баширова, 1999]. В деле массового просвещения мари́йцев (как и удмуртов) значительную роль сыграли крещенные татары, которые назначались в качестве священнослужителей в их селения.

Влияние татар на мари́йцев прослеживалось в этноконтактных зонах в конфессиональной сфере. Еще Г.Миллер отмечал, что «некоторые из черемис держат магометанский закон и по рождении вскоре обрезаются: и сие может быть от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами, празднуют

пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют. В сей день не служат у них никакой службы, и не знают причины, для чего они в пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне таки мирское обыкновение, которое вошло к ним от их соседей татар» [Миллер, 1791, с.53]. А П.Ерусланов писал в конце XIX в.: «Черемисы Уфимской губернии, вследствие долговременного совместного жительства с магометанами и скрытой неразборчивой в средствах пропаганды ислама, подверглись сильному влиянию магометанства. Ислам проникает во все стороны жизни черемис, вытесняя все самобытное, черемисско-языческое, как во внешней бытовой обстановке, так равно в религиозно-нравственных, правовых воззрениях и понятиях» [цит. по: Молотова, 2010, с.86]. Так, под влиянием ислама луговые мари́йцы стали называть языческих жрецов «картами» (тат. *карт* – старик), а восточные мари́йцы во второй половине XIX в. – «моллами». У последних любая молитва начиналась с татарского возгласа «Бисмилла – Господи, благослови». До настоящего времени как обязательный атрибут сохранилась на голове у жреца – моллы шапка из белого войлока. Часть мари́йцев, проживавших в окружении татар и башкир, постепенно переходила в ислам. Обращения в Духовное собрание от мари́йцев-язычников с просьбами о принятии ислама, как правило, поступали в двух случаях: при заключении смешанных браков с мусульманами или по причине фактической приверженности исламу [Молотова, 2010, с.86, 88]. В мари́йских селениях Татарстана сохранилось немало культовых мест, где в прошлом совершались моления и жертвоприношения различной иерархии. Например, хорошо сохранились мари́йские священные рощи в Кукморском р-не [Молотова, 2011, с.171]. По одной из версий, слово «кереметь» возникло в мари́йском языке под влиянием татар. В источниках встречаются упоминания о явлении духа керемета в виде татарина; о приношении мари́йцами жертвы керемету по имени Султан (Солтан) и т.п. Влиянием ислама объясняется бытовавший до конца XIX в. у мари́йцев обычай праздновать пятницу вместо воскресенья [Зеленева, 2011, с.325–326].

В дореволюционной литературе имеется немало свидетельств татарско-марийских культурных взаимодействий, в которых явно преобладали татарские компоненты. «У сих народов (мари и удмуртов. – Г.С.), – писал Г.Миллер на рубеже XVIII–XIX вв., – дворы построены так, как и у татарских мужиков, и тем разнятся от деревенского строения русских мужиков; ибо у них нет черных изб, но над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делаются у них, как и у татар, широкие лавки или полки так, что поперек оных протянувшись человеку лежать можно, токмо оныя лавки не по всей избе шириной одинаковы» [Миллер, 1791, с.19–20].

В марийских избах сохранялись севернорусские традиции планировки: печь размещалась возле входной двери на рубленом основании, красный угол находился от нее по диагонали. В прикамских марийских избах, по свидетельству путешественников первой половины XIX в., наблюдались черты татаро-башкирского жилища. В большей степени это выразилось в наличии нар [Быт]. В татарском окружении марийская изба имела другой интерьер: печь со вмазанным котлом, широкие нары вдоль передней стены, занавес вместо кухонной перегородки, малые занавески на стенах и в других частях жилища. Марийские деревни в западных и северных районах Башкортостана мало отличались от башкирских и татарских поселений. Однако по сравнению с последними они были сравнительно небольшими. Печь располагалась справа у входа и была повернута топкой к передней стене. Вдоль этой стены возвышались широкие нары. Небольшие нары были и слева от входа. В старых домах был ориентирован вход на юг.

Татарское влияние отмечалось и в марийской одежде, как мужской, так и женской. Штаны были такого же покроя, как чувашские и татарские, и держались на талии с помощью завязок. Жители деревень, расположенных вблизи татарских селений, носили круглые восточные шляпы с довольно широкими и загнутыми кверху полями, похожие на татарские. Рубахи восточных мариет несколько отличались от рубах луговых и горных мариет. Так, женские рубахи у них часто шились не только из белого холста, но и из пестряди, а рукава – из фа-

бричных тканей. На покрое женской рубахи также отразилось влияние татар и башкир. Ее разрез обшивали дугообразно несколькими полосками цветной материи и разноцветными лентами, как у рубах татарских и башкирских женщин. Восточные мариетки также носили штаны, но шили их из пестряди на вздержке, как и их соседи башкиры. У восточных мариет летние кафтаны напоминали башкирские и татарские камзолы; шили их в талию с клиньями, иногда без рукавов. Встречались кафтаны из белого, черного и зеленого сукна. Зеленые кафтаны являлись свадебной одеждой для невесты и свахи. Женский остроконечный головной убор *шнашобычо* постепенно вышел из повседневного употребления и надевался только по большим праздникам, в быту его чаще называли заимствованным у татар термином «башлык» [Этнография, 2001, с.66–79].

В традиционном костюме мариетцев присутствуют, как в башкирских и татарских костюмах, прямоспинные кафтаны с боковыми разрезами и штаны с широким шагом. В некоторых черемисских селениях Бирского у., например в деревнях Черлак, Сахазь, Торгем-дурь, все мужчины носили тюбетейки. У них даже установился обычай: во время свадьбы тещь в знак уважения дарил своему зятю парчовую тюбетейку. На новые формы одежды, головных уборов и обуви в основном переходили мариетки пригородных и притрактовых селений, занимавшиеся лесными и другими отхожими промыслами (зажиточная верхушка и, особенно, молодое поколение). Наряду с русской одеждой – рубашками-косоворотками и штанами из фабричных тканей, широкополыми шляпами, фуражками и картузами, шапками-ушанками и кубанками, сапогами «в гармошку», среди мариетцев стали распространяться татарские кафтаны и безрукавки, тюбетейки. Последние встречались у восточных мариетцев. И в языке сохранилось немало слов-заимствований, связанных с костюмом и его деталями: *такия* – девичья шапка прибельских и приуфимских мариетцев, *пеимет* – верхняя одежда, *чачкап* – шлемовидный убор наподобие *кашпау*, его надевали на белое покрывало (*тастар*).

Среди восточных мариет получили распространение блины с кашей или пюре внутри *кыстыви* (*кыстыбий*), пирог с начинкой из

мяса и сала с крупой – *палыш* (*бәлеш*). На зиму запасали вяленую конскую колбасу (*казы*), делали айран (*йыра*). Еще Г.Миллер упоминал, что марийцы «великие охотники до лошадиного мяса, а напротив того по татарскому обыкновению свиней у себя не держат» [Миллер, 1791, с.34]. Во время молений «применялась только деревянная посуда», за исключением котлов, в которых варилось жертвенное мясо (в бульоне или в каше). В прошлом использовались также кожаные сосуды для хранения мяса и молочные продукты, как у тюркских соседей. Так, еще в начале XX в. во время свадебного обряда в кожаную суму главы свадьбы укладывали по обычаю в качестве гостинцев для родни невесты обрядовые кушанья (хлеб, блины, творожный сыр, яичницу-омлет). Через татар у мари получили распространение чай и ряд кисломолочных напитков [Этнография, 2001, с.79–88].

Исследователи обнаружили ряд особенностей в обрядах семейного цикла, заимствованных марийцами у татар. Так, у марийцев, наряду со старинными марийскими именами, были популярны татарские имена. Когда после умершей девочки вновь рождалась дочь, ей давали имя Алмашбика (Ташбика), чтобы девочка не умерла [Молотова, 2011, с.180]. Г.Миллер упоминал, что у марийцев «родители или вместо них ближние сродники девок даром замуж не выдают, но по татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег... у черемис Олон называется... Как скоро жених приедет в ту деревню, где живет невеста, то ездит... с дружкою несколько раз вокруг двора, причем дружка громким голосом по-татарски поздравляет: Солом малико!» [Миллер, 1791, с.80, 87]. В свадебном обряде восточных мари отмечены такие элементы, как умыкание невесты (при традиционном заключении брака марийцами путем сватовства); наличие большого размера калыма и приданого невесты, часть которого выплачивалась скотом; добрачное посещение женихом невесты; локализация некоторых кульминационных элементов свадьбы в доме невесты; обязательное одаривание невестой как своих родственников, так и родственников жениха; упрощение весьма зна-

чимой в традиционном свадебном обряде мари процедуры – смены головного убора невесты с девичьего на женский – и перенос ее в послесвадебный период; необычное для мари в целом явление послесвадебного цикла, при котором невеста после собственного свадьбы возвращалась в родительский дом, где ее имел право посещать муж, а в дом мужа переходила после передачи ее родителями оставшейся части приданого [Белевцова, 2010, с.94–96]. В похоронно-поминальной обрядности марийцев татарским элементом считают «обычай похорон умерших в лубке в нишах *ляхет*, с головой, обращенной в сторону Каабы» [Садиков, 2010, с.14]. Место на маленьких нарах по-татарски у марийцев-язычников было почетным: здесь устанавливались свечи, выставлялось угощение для умерших во время семейно-родовых поминок.

Описывая культуру и быт черемис, Г.Миллер останавливается на их понятиях о месяцах и неделях: «Равным образом они не имеют никакого понятия о месяцах, однако недели они знают, считая каждый по семи дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большей части от татар приняли». Упоминал он и о марийских музыкальных инструментах: гусях – *кюсель* (считая термин заимствованным у татар – «гусли»), татарскую волынку (сурнай), по-черемиски «шюббер» [Миллер, 1791, с.41, 91]. Татарско-марийские связи, безусловно, просматриваются в музыке (наличие пентатоники) и песенной поэзии. Каюм Насыри в своих трудах осветил вековую дружбу татар и марийцев. В 1900 г. была опубликована его статья «Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов», в которой им подробно освещаются и сказки народа мари. Татарский ученый воспользовался марийскими сказками, представленными ему известным марийским литератором-этнографом Т.Семеновым.

Таким образом, можно констатировать наличие веками формировавшихся у татар и марийцев традиций добрососедства и сотрудничества. Исторические параллели дают основание говорить о социальной, этнокультурной и языковой совместимости этих народов.

ГЛАВА 5

Контактные зоны удмуртов и татар

К началу XIX в. на территории Волго-Уральского региона сложилось несколько контактных зон, в которых происходило межкультурное взаимодействие татарского и удмуртского народов. Можно выделить пять отдельных татаро-удмуртских контактных зон: 1) *южную* (Казанский и Мамадышский уезды Казанской губ., Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской губ.), 2) *северную* (Глазовский и Слободской уезды Вятской губ.), 3) *восточную* (Белебеевский и Бирский уезды Уфимской губ., Осинский у. Пермской губ.), 4) *юго-восточную*, или *икскую* (Бугульминский у. Самарской губ.), 5) *центральную*, или *ижевскую* (поселок Ижевского завода Сарапульского у.). Необходимо отметить, что межэтническое взаимодействие с соседями-татарами происходило в основном на уровне крестьянской народной культуры и в сфере образования.

Южная контактная зона является наиболее древней. Она появилась в результате естественного изменения расселения соседних этносов еще до присоединения Казанского ханства к Русскому государству⁹. Одним из последних по времени создания микрорегионов этой контактной зоны можно считать территорию расселения татар в бассейне р.Иж, входящую ныне в Агрызский р-он Татарстана. Начав формироваться в середине XVI в. (Терсинская вол.), она явилась рубежом, остановившим продвижение удмуртов на восток в районе нижнего течения Ижа. Отличительной чертой южной контактной зоны являлись четкие этнические границы, отделяющие один народ от другого, а также разнообразие вариантов их

Николай Пислегин, Владимир Чураков

взаимодействия. В частности, только здесь т.н. «уход в татары» мог реализоваться двояко: удмурт (язычник или православный) мог стать либо татарин-мусульманином, либо татарин-крещеном.

Татары-мусульмане оказывали значительное влияние на своих нерусских соседей. Дореволюционные исследователи отмечали обычаи празднования пятницы, широкое распространение татарского языка, заимствования в одежде и быту, наконец, переходы в ислам. Когда в 1832 г. Малмыжский уездный суд сообщил церковному начальству о принятии «магометанства» 30 удмуртами д.Маскары, «выяснился факт полного «отатарения вотяков»: жители деревни говорили между собой по-татарски, роднились с татарами, «одежда, расположение жилищ, обряды, богослужение (у них. – *Н.П., В.Ч.*) – все татарское» [Луппов, 1911, с.485–486]. В своем рапорте (1840 г.) вышестоящему начальству благочинный Малмыжского у., священник с.Аджим Георгий Воецков отмечал, что крещеные удмурты Цыпьянского прихода, живущие среди язычников и татар, «оказываются гораздо грубее и закоренелыми в своем заблуждении; явно и безбоязненно хотя и не отправляют обрядов идолопоклонства, но слышно, что некоторые из них и даже многие бывают при собраниях некрещеных для принесения языческих жертв» [Луппов, 1911а, с.114]. Подобные примеры часто отмечались и в Елабужском у. [Луппов, 1911, с.486–487]. По словам Ш.Марджани, в современное ему время в ислам перешло население нескольких удмуртских деревень. Например, он писал о некоем Мусе, который «крестил» местных удмуртов [Марджани, 1989, б.352–353, 388]. В 1881 г. крещеные удмурты д.Каинсар Мамадышского у. приняли ислам. Сильное влияние ислама отмечалось также «в других удмуртских деревнях этой губернии – Новых Кумор, Сутер, Иштурганов, Вежешура, Малых Юмей и др.» [Исхаков,

⁹ В основных своих чертах она совпадала с территорией современных смежных районов РТ и Удмуртской Республики, а также включала в себя ареал проживания удмуртов в пределах Балтасинского и Кукморского р-нов Татарстана и Мари-Турекского р-на Республики Марий Эл.

2009, с.125, 140]. Исследователи отмечали, что такое влияние могло быть сильнее, если бы татары «всегда относились к вотякам благожелательно», не притесняли их [Луппов, 1911, с.487].

Удмурты-язычники почитали Акташа, Аляк-инмара, Каба-инмара. Несомненно, в этом проявлялось влияние на них мусульманской народной культуры. В частности, принесение южными удмуртами (язычниками и крещеными) в жертву лошадей современники объясняли влиянием татар [ГАКО, ф.56, оп.1, д.278, л.15–15об.].

Г.Е.Верещагин называл агрызских татар основными продавцами платков и ситца (и иного «красного товара»), причем отмечал, что удмуртские женщины предпочитали их русским торговцам потому, «что татары говорят с ними по-вотски, что ряда на природном языке лучше». Среди так называемых «мелочников» и торговцев различными чудо-снадобьями также преобладали татары. Знание татарами удмуртского языка в первую очередь «обеспечивало им доверие и гостеприимство» [Верещагин, 1996, с.60–63]. Отсутствие в исламе разделения между светским и духовным началом позволяло «воспринимать мусульманских священнослужителей не только татарам, но и другим нерусским народам края». Муллы выступали как наставники, лекари, учителя [Исхаков, 2009а, с.122].

Именно в южной зоне огромную роль на уровне межэтнических контактов сыграли крещеные татары, выступавшие на определенном этапе в роли проводников христианства в среде удмуртов. Зафиксированы случаи официальной и неофициальной «службы крещеных татар писцами в волостях», населенных удмуртами и марийцами. Татары-кряшены принимали участие в преследовании языческих обрядов [ГАКО, ф.56, оп.1, д.300, л.2–2об., 53, 57]. В пореформенное время в д.Крынды в молениях, помимо старокрещеных, участвовали и удмурты, понимающие татарский язык. Ш.Марджани, отмечая близость женского костюма татар-кряшен и южных удмуртов, предполагал «финские» истоки первых [Маржани, 1989, б.74–75].

Затрагивая вопросы межэтнического взаимодействия, нельзя не отметить и факты конфликтных ситуаций, неизбежно возникших между отличавшимися друг от дру-

га сообществами. Помимо описанных выше случаев трений на религиозной почве имели место конфликты, получившие отражение в уголовном делопроизводстве. Высокий уровень социально-культурной организации татар, в числе прочего, способствовал значительному приросту населения, что, однако, усугубляло малоземелье и приводило к более значительной, чем у других народов, имущественной (и поведенческой) поляризации. На одном полюсе были люди с деликventным поведением, на другом – «торгующие татары» и купцы. В течение XIX в. по отношению к жителям татарских селений Сарапульского у. дважды, в середине 30-х и начале 60-х гг., была применена кардинальная мера. В 1834–1835 гг. шло следствие «о покражах и грабежах татарами в окрестностях Ижевского завода». В июне 1834 г. сход Даниловской вол., к которой принадлежали на тот момент татарские деревни Агрыз, Иж-Бобья и Иж-Байки, постановил «удалить из жительства со всеми семействами» 139 чел. Значительная их часть действительно была отдана в рекрутчину либо выслана в Сибирь [Пислегин, 2011, с.97–98]. Эти события трансформировались в публицистике в «грабеж среди белого дня» несколькими татарами Агрызской вол. многолюдной удмуртской деревни [Герцен, 1838, с.11–12].

Другой случай имел место накануне Великих реформ. 28 августа 1860 г. удмурты Большенорьянской и Бурановской волостей Сарапульского у. и Ильинской вол. Елабужского у. общей численностью более 700 чел., «собранные представителями выборного самоуправления», окружили д.Агрыз и произвели самосуд над 13 ее жителями, обвиняя их в воровстве лошадей и скота. Раздавались крики, что надо «бить богатых», и они выдадут воров. Выступившие насчитали от 40 до 70 чел., которых, по примеру событий более чем 20-летней давности, следовало выселить. Последовали следствие и мирской приговор. Но на этот раз более однородное в этническом отношении общество Агрызской вол. согласилось выслать лишь 3 чел. Этого было явно недостаточно для властей и возмущившихся соседей-татар, поэтому в марте 1862 г. был составлен новый приговор «об удалении из общества» 18 его членов. Вятская палата государственных имуществ представила к высылке еще 10 чел. По мнению сарапульского земского

исправника, причиной «развития воровства между татарами агрызскими» стал недостаток земли (чуть более 2 дес. пашенных и 1,5 дес. сенокосных угодий на ревизскую душу) [Пислегин, 2011, с.98].

В 1822–1825 гг. (с перерывами) на территории Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ. и в ряде соседних местностей Пермской губ. действовала «шайка разбойников» во главе с некрещеным удмуртом Хамитом Усмановым. Помощниками у него были татары, братья Вахит и Мухит Курбанаевы. «Хрестоматийными» стали и 1811–1814 гг., когда в Сарапульском и Елабужском уездах действовали «атаманы» Абдулла Сапаров и Файзулла Мунасыпов. В их отряде состояли преимущественно нерусские крестьяне (татары, удмурты, марийцы) [Пислегин, 2011, с.96–97].

Традиции очень важны в обыденном сознании. Пожалуй, именно этим можно объяснить зафиксированное в 1835 г. стремление жителей Даниловской вол. Сарапульского у., русских и удмуртов, наряду с облегчением натуральных повинностей, отделить татар «особою волостию». К этому же стремились, как минимум, два «коштана» из д.Иж-Бобьи [Пислегин, 2011, с.101]. До появления в 1859 г. отдельной «татарской» (стать полностью таковой уже было невозможно) Агрызской вол. существовала полиэтничная Кырлыганская вол. [Пислегин, 2010, с.256].

Северная контактная зона состояла из двух микрорегионов – слободского (более ранний) и глазовского (заметный приток сюда татар пришелся на начало XVIII в.). Татары проживали здесь в окружении удмуртов, по соседству с бесермянами. В силу относительной малочисленности их влияние на удмуртских соседей, как правило, ограничивалось сферой непосредственных контактов. В частности, по замечанию священника с.Балезино (1840 г.), проживавшие в работниках у татар-мусульман удмурты оказались «слабеющими в вере и нравственности» [Луппов, 1911, с.110]. Обратное влияние также не могло быть значительным, хотя бы в силу исторической памяти о своем некогда владельческом статусе арских князей. Вместе с тем, например, бытовавшие среди чепецких татар жертвоприношения в честь возведения нового строения («строительная жертва»), моления о хорошей погоде и т.п.

можно объяснить удмуртско-бесермянским влиянием. Такие их праздники, как Рошпо, Божо, Машенца-байрам, вероятно, заимствованы из русской православной культуры через удмуртскую [Касимов, 2012, с.50–52].

К числу «оригинальных» промыслов кестымских и падеринских татар в конце XIX в. П.М.Сорокин относил их «пастушество» у соседних удмуртов. Татары нанимались для своеобразной охраны лошадей на летний период, в случае потери коня они помогали в его поисках, требуя за возврат выкуп. За это им выплачивали «копеек 30 с головы», давали продукты (муку, мясо, масло и др.), устраивали «дружеские угощения». Некоторые брали под свое покровительство 5–10 деревень и вели себя как «настоящие сюзерены»: «Одна деревня доставляет ему муку, другая – масло, третья – денежную дань». Бедняки-татары Глазовского у. носили похожую на удмуртскую домогканую одежду из льна, купленного, а чаще приобретенного исполу у своих соседей; кестымцы, к тому же, закончив работы на своих небольших наделах, нанимались к удмуртам батраками. Исследователь не соглашался с утверждениями, «встреченными в литературе», о том, что причиной отчужденного отношения к татарам русских, удмуртов и бесермян является религиозный фактор [Сорокин, 1896, с.86–87, 92–94].

По замечаниям современников, «сами татары не забывают своего прошлого; они бережно хранят грамоты, жалованные им в разное время государями, и пользуются всяким удобным и неудобным случаем заявить о своих правах» [Спицын, 1884, с.156]. Земельный голод, также характерный для татарского населения северной контактной зоны, приводил к борьбе за землю, которая носила своеобразный характер апелляции к древним грамотам. Так, в рамках проводимого Генерального межевания потомки каринского татарина Мавлиша (Мавлюша) Касимова, жители д.Кестымской и поч. Падеры (72 ревизские души в прошении от 1830 г., крестьяне и мещане, последние – потомки Усмана Касимова, в 1791 г. записавшегося в купеческое сословие г.Глазова), как и многие другие утратившие земли, попытались их вернуть. Прося вернуть покосы в урочище Гордынское городище, переданные удмуртам деревень Омутнитской, Кожильской, починков Большой и Малый Каравай,

Верх Кестымского (Пыбья тож) и Нурызовского, истцы опирались на указ Московской ратуши от 5 декабря 1709 г. и, возможно, на еще более древние акты. Прошения и иски прослеживаются начиная с 1811 г. до середины XIX в. В какой-то момент, в 1840-е гг., они привели к искомому результату. Противная сторона, гипотетически признавая возможную когда-то покупку удмуртами земли у Мавлиша Касимова (который, «будучи пожалован землей здесь, в Глазовском у., в большом количестве, не мог обрабатывать ее сам собой»), сомневалась по поводу происхождения такого количества жителей Кестыма и Падеры от одного предка и, соответственно, по поводу существования самой грамоты («а когда все это вышло уже из памяти, и старики наши, которым были известны все дела с татарами, перемерли, ...вздумали просить»). Обе стороны «апеллировали на недостаток земли и необходимость платить подати» [Пислегин, 2011, с.102].

Более тесные связи между татарами и бесермянами приводили к массовым переходам последних в ислам с последующим отатариванием. Таких было много среди юкаменских татар глазовской группы. Так, в рапорте вятского епископа Нила в Синод от 17 января 1837 г. говорится, что бесермяне («или новокрещенные из татар»), «живя нередко в одних деревнях с некрещеными, как, например, в Ворцах, ...сильно полагаются к магометанству. Постов, уставленных церковию, здесь вовсе не знают, да и в церковь ходят очень редко» [Луппов, 1911а, с.72]. Сильное влияние ислама отмечалось также среди бесермян деревень Иманаево, Дососа, Кашур [Исхаков, 2009, с.125]. Высказывалось мнение, что они «говорят по-вотски, придерживаясь татарских обычаев. Жены достаточных людей одеваются подобно татаркам» [Редников, 1839, с.12]. Вятский миссионер А.Емельянов отмечал, что в пореформенную эпоху среди многих бесермянских селений мулла был более уважаем, чем священник: «...мулла для бесермен – свой человек, прекрасно говорит по-бесерменски, а в бытовом отношении – тот же земледелец-мужик», «татарские муллы привыкли смотреть на бесермен как на своих духовных детей..., последние же считают долгом дать мулле так же, как они дают и священнику» [цит. по: Исхаков, 2009а, с.122, 125].

Восточная контактная зона – третья по времени возникновения. Она охватывает районы расселения закамских удмуртов. Началом ее формирования послужили присоединение Казанского ханства к Московскому государству и политика насильственной христианизации. На эту территорию переселялись преимущественно завятские удмурты, частично – переселенцы с Чепцы, в т.ч. и бесермяне, в меньшей степени – жители центральных районов расселения. Особенностью данной контактной зоны являются долгое, вплоть до наших дней, удержание язычества, теснейшие связи с татарским и татароязычным башкирским населением. Значительная часть удмуртов переходила в ислам и отатаривалась. Так, еще в XVIII в. отатарились жители деревень Кляшево, Вотские Курзи, Янаул (1756 г.), Тупралы (1789 г.) [Садиков, 2001, с.29–30]. В с.Гарибашево (Татышлинский р-он РБ) удмурты перешли на татарский язык, атрибутируя себя в качестве башкир. В середине XIX в. в д.Гарейбаш поселился мулла Файзулла – удмурт, принявший ислам. До него в селении уже было около 10–15 мусульман [Садиков, 2010а, с.10–11]. Отатаренной также является д.Татарский Дымский [Атаманов, 2005, с.112]. Встречающиеся термины *ар зираты* (кладбище удмуртов), *арлар очы* (удмуртский околоток), *арлар урамы* (удмуртская улица) являются следами такой ассимиляции удмуртов. С другой стороны, подобное славяно-тюрко-финское соседство способствовало сохранению многих архетипов, утраченных удмуртами компактных мест проживания.

Переход в ислам одновременно означал и смену этнического самосознания: удмурты воспринимали принятие ислама как «переход в татары» и называли мусульманство «бигер вöсь» («татарская вера»). Финский ученый Ю.Вихманн, посетивший в 1894 г. удмуртов Бирского у., отметил, что «множество удмуртских деревень полностью отатарилось и впало в магометанство» [цит. по: Чуч, 1990, с.40].

Ислам также оказал влияние на традиционные верования удмуртов восточной контактной зоны, в частности – на эволюцию представлений о божестве Кылчин; в низшую мифологию и демонологию закамских удмуртов «проникло» множество персонажей татарской и башкирской мифологии и

т.д. Под мусульманским влиянием закамские удмурты иногда вместо традиционных наименований души человека употребляют термины *ран* (вместо *лул*) и *кыт* (вместо *урт*) [Садиков, 2011а, с.33, 36].

Юго-восточная контактная зона формировалась с 1740-х гг. за счет переселения недавно крещеных удмуртов и язычников. Сегодня это ряд селений Бавлинского р-на РТ (до революции – Бугульминский у.) и д.Купченеево Ермакеевского р-она РБ (Белебеевский у.). Татарское влияние на бавлинских удмуртов было слабее, чем, например, в восточной контактной зоне. В частности, это отразилось на том, что имена тюркского происхождения, вытесненные в XIX в. арабо-персидскими именами у некрещеных удмуртов Башкирии и Пермского края, здесь сохранились [Садиков, 2007, с.119–120, 125].

Центральная (Ижевская) контактная зона имеет существенные отличия от остальных, поскольку возникла в урбанистических условиях крупного заводского поселка. Говорить об активном татаро-удмуртском взаимодействии здесь не приходится из-за крайней малочисленности нерусского населения, тем не менее, т.н. «Татар-базар» оказал значительное влияние на развитие и культурный облик Ижевска.

Зарождение Татарской слободы в Заречной стороне Ижевска приходится на начало XIX в. Осенью 1822 г. здесь был организован мусульманский приход [Мәрданов, 2006, б.259; Васина, 2006, с.89]. К 1859 г. из более чем 21-тысячного населения Ижевского завода татары и удмурты составляли около 2% (456 и 424 соответственно) [Васина, 2006, с.92]. Численность обоих народов росла в основном за счет рекрутских наборов, пополнявших ряды работающих на оружейном и железодельном заводах [ЦГА УР, ф.4, оп.1, д.417, л.44–102, 103–136, 187–203об.]. Заводское ведомство вело строгий учет семейного состояния поступающих новобранцев, холостых оно стремилось женить на дочерях мастеровых, а также требовало от гражданских властей немедленной высылки на заводы жен и детей семейных рекрутов. Подобное требование вызывало упорное сопротивление крестьян и даже сочувствие у местных органов власти [Гришкина, 2009, с.113; ЦГА УР, ф.4, оп.1, д.34, л.5об.].

В 1870 г. Татарская слобода насчитывала 88 дворов. В пореформенную эпоху (1875 г.) часть их в рамках действовавшей программы наделения землей бывших крепостных мастеровых выехала из села (с 1866 г.) Ижевского и основала д.Абдульменево.

Взаимодействие татарского и удмуртского народов нашло отражение в сфере образования. В местностях, где удмуртское население переходило в ислам, родители часто отдавали своих детей в мектебе соседних татарских селений. Там же, где новообращенные создавали собственную махаллю, нередко вслед за строительством мечетей открывались и новые школы [Садиков, 2011, с.90–93; Мәржани, 1989, б.352–353; Юзефович, 1883, с.33]. Программой этих начальных учебных заведений, как правило, было предусмотрено лишь обучение чтению и письму, заучивание молитв. Несмотря на низкий образовательный эффект [Штейнфельд, 1893, с.247], эти школы позволяли достичь иную цель – полное принятие ислама и татарского языка удмуртскими детьми. В последующем некоторые из них, окончательно «выйдя в татары», продолжали образование в местных медресе и учебных заведениях Бухары, становились муллами [Садиков, 2011, с.90–93; Мәржани, 1989, б.352–353].

Еще в начале XIX в. правительство и Синод допустили возможность организации начального обучения ряда нерусских народов, в т.ч. и удмуртов, на их родных языках [Григорьев, 1948, с.253]. Однако какие-либо конкретные шаги в этом направлении длительное время не предпринимались. Лишь массовые переходы крещеных и некрещеных инородцев Среднего Поволжья в ислам вынудили власть предпринять ряд «противомусульманских» мер, в т.ч. в сфере развития начального христианского образования. Система обучения, разработанная Н.И.Ильминским, получила популярность и среди удмуртов. В числе первых учеников В.Т.Тимофеева, возглавившего в 1864 г. КЦКТШ, были и дети удмуртов. Некоторые из них, например жительница удмуртской д.Кузьмичи Казанской губ., впоследствии сами становились учителями [Ильминский, 1913, с.59; Журнал по обозрению церквей, 1875, с.151; Бобровников, 1899, с.46–47; Тимофеев, 1868, с.219]. Обучение в крещено-татарских школах далеко не всегда влекло

за собой утрату удмуртами своей этнической идентичности и укрепляло их в лоне православной церкви.

Впоследствии, с учетом опыта крещено-татарских школ, стали учреждаться начальные учебные заведения с удмуртским языком обучения. Значительный вклад в их создание и организацию в них образовательного процесса на первых порах внесли крещено-татарские учителя, владевшие удмуртским языком [Бобровников, 1899, с.46–47]. Особо следует отметить однофамильцев Б.Г.Гаврилова и Ф.Г.Гаврилова.

С именем священника из крещеных татар Ф.Г.Гаврилова связана история школы в д. Старый Карлыган Уржумского у. Вятской губ., которой суждено было стать, подобно КЦКТШ, одним из центров по подготовке удмуртских учителей. Инициатором ее открытия в 1882 г. (первоначально в качестве частной школы) стал местный уроженец К.А.Андреев, получивший образование в Староципьянской и Сардабашской крещено-татарских школах. В последующем, опираясь на помощь и поддержку Н.И.Ильминского, он стал выдающимся педагогом и миссионером, сыграл заметную роль в деле просвещения удмуртского народа [Зайцев, 2006]. С первых лет существования школы и вплоть до своей смерти (1896 г.) неоценимую помощь в деле ее обустройства и организации учебно-воспитательного процесса оказывал епархиальный инородческий миссионер Ф.Г.Гаврилов, под руководством которого К.А.Андреев вел религиозно-нравственные беседы с учениками и их родителями [Туранов, 2009, с.15]. После окончания Казанской учительской семинарии (1896 г.) в Центральной удмуртской школе в качестве помощника учителя работал талантливый удмуртский педагог и просветитель И.С.Михеев¹⁰.

Б.Г.Гаврилов, будучи школьным учителем в с.Апазово Казанского у., куда он поступил на работу в 1867 г. после окончания КЦКТШ, начал интересоваться удмуртским языком. В 1868 г. он был переведен во вновь открытую удмуртскую школу в соседней д.Ушма. В 1873 г., по заданию миссионерско-

го Братства св.Гурия, он занимался изучением удмуртского языка в д.Верхняя Шунь Мамадышского у. [Гаврилов, 1891, с.80] и к 1874 г. на основе крещено-татарских учебников подготовил «Букварь» и «Начальное учение христианской веры» на удмуртском языке, которые в последующем использовались в удмуртских школах в качестве учебных пособий [Извлечения из отчета, 1874, с.462]. В самом конце 70-х гг. XIX в., до рукоположения в сан священника и перевода в с.Кырынды Елабужского у. Вятской губ., Б.Г.Гаврилов состоял учителем инородческого училища в удмуртском с.Пуже-Уча (ныне с.Ильинское Малопургинского р-на Удмуртии) [Туранов, 2009, с.5].

Б.Г.Гаврилов проявил себя не только как педагог и миссионер, но и как исследователь. Золотым фондом удмуртского фольклора и этнографии являются собранные им в 70-е гг. XIX в. образцы устного народного творчества и уникальные сведения об обычаях и обрядах удмуртов Казанской и Вятской губерний [Гаврилов 1880; 1891]. Рукопись Б.Г.Гаврилова «Языческая религиозно-обрядовая жизнь современных вотяков Казанской и Вятской губерний, с предисловием о жилище, костюме, украшениях, пище, напитках и характере вотяков» была отмечена Малой золотой медалью РГО за 1884 г. [Коробейников, 2008, с.9].

Отдельные этнографические зарисовки о татарах Вятской губ. принадлежат перу выдающегося удмуртского просветителя, ученого, литератора Г.Е.Верещагина. В частности, он указал на особенности менталитета татарского народа, позволявшие находить взаимопонимание с удмуртами, на «татарское влияние на удмуртский женский костюм бассейна р.Иж» [Верещагин, 1996, с.52, 60–63].

Взаимоотношения татарского и удмуртского народов имеют многовековую историю. Начавшись с крестьянского, бытового уровня, во второй половине XIX в. они перешли на качественно новую ступень контактов в сфере образования и науки. На этом примере мы видим неоднозначный, сложный и в то же время плодотворный процесс длительного межнационального и межкультурного взаимодействия.

¹⁰ В начале XX в. им была разработана оригинальная методика преподавания русского языка для учащихся национальных школ, которая нашла свое применение, в т.ч., и в татарских школах [Суворова, 1990, с.71–72].

ГЛАВА 6

Мордовско-татарские связи

Гузель Столярова

На территории Волго-Уралья можно говорить о двух направлениях взаимодействия финно-угорского (мордовского) и тюркского (татарского) компонентов: 1) образование локальных этнокультурных групп финско-тюркского происхождения и 2) мордовско-татарские взаимовлияния, обусловленные близким соседством.

В регионе проживает несколько субэтносов татар и мордвы, в этногенезе которых прослеживается финско-тюркское взаимодействие: татары-мишари, касимовские татары, татары-кряшены, мордва-каратаи.

Татары-мишари сформировались в непосредственном контакте с группами мордвы и с участием финно-угорских компонентов в междуречье Волги, Цны и Оки.

Основу этнического субстрата касимовских татар составили финно-угорские (в первую очередь, мордовские) и тюркские группы населения, обитавшие на землях Мещерского края еще до образования Касимовского ханства. На этот субстрат накладывались последующие слои тюрков и финно-угров, среди которых, учитывая близость территорий, наибольшее влияние имели группы мордвы. Следы оставленных мордвой курганов и погребений сохранились около татарских аулов (Темгенево, Мунтово, Ахматово, Собакино), жители которых помнили предания о том, что рядом с их предками жила мордва (мокша). Часть мордвы в XVI в. стала исповедовать ислам и позднее смешалась с касимовскими татарами [Шарифуллина, 2004а, с.545].

Часть татар-кряшен составляли потомки от перешедших непосредственно из язычества, особенно из того пограничного финно-угорского населения, которое издавна несло в себе значительный потенциал тюркских языковых и этнокультурных традиций. В результате крещения часть финно-угорского населения после последующего его переселения в смешанные татарско-удмуртские,

татарско-чувашские или татарско-мордовские деревни постепенно сливалась с татарами-кряшенами [Макаров, 2002; Баязитова, 1986]. Масса фактов, свидетельствующих о принадлежности в прошлом ряда деревень татар-кряшен к соседним народам, содержится в работах И.М.Ляпидевского И.А.Износкова, И.Н.Смирнова, Я.Д.Коблова и др. [Мухаметшин, 1977].

Если в XVIII в. мордва активно участвовала в заселении окраинных территорий и ее доля в населении Среднего Поволжья, включая территорию современного Татарстана, увеличивалась, то в первой половине XIX в. в Волго-Уральском регионе удельный вес мордвы уменьшался, причем повсеместно. Это было связано со снижением интенсивности миграционных процессов у мордвы, но в еще большей степени – с усилением ассимиляции мордвы, что стало характерным для нее уже в пореформенные годы [Кабузан, 2002].

Характер расселения мордвы в регионе преимущественно дисперсный. Одновременно в РТ сложилась сеть мордовских поселений, часть которых были моноэтническими мордовскими, большая же часть – смешанными с представителями других поволжских народов. Так, в Казанской губ. в конце XIX в. на территории трех уездов (Спасского, Тетюшского, Чистопольского) мордва проживала в 23 деревнях, только 9 из них были чисто мордовскими [Юрченков, 2007]. В этнодемографическом плане контакты татар с мордвой выражаются в заключении межэтнических браков и образовании национально-смешанных семей, в этнической идентификации младшего поколения в таких семьях. В краеведческой и научной литературе XIX в. имеется много сюжетов, касающихся обрусения мордвы, в т.ч. за счет заключения межэтнических браков, а факты брачных мордовско-татарских контактов представлены фрагментарно. На-

пример, встречаются упоминания о том, что татары оказывали сильное влияние на своих соседей, особенно на башкир и чувашей; в меньшей степени – на марийцев, удмуртов и мордву [Лаптев, 1861].

Вследствие пересечения этнических территорий мордвы и татар сформировались локальные культурные комплексы, в которых тесно переплетаются финские и тюркские компоненты. Это нашло свое выражение во всех сферах культуры (материальной, социальной, духовной), в различных ее элементах и с разной степенью выраженности.

Прежде всего в литературе отмечается общность бытовых форм всех поволжских народов, обусловленная тесными хозяйственно-культурными связями, едиными природно-географическими условиями и близким в основном уровнем экономического и социального развития народов края. Общность проявляется прежде всего в хозяйственном инвентаре и в орудиях труда (типы борон, сох, других сельскохозяйственных орудий), видах транспорта, а также в выращиваемых культурах и способах их уборки и обработки (сушка, молотья, размол), срубном характере строительной техники, архитектурно-декоративном оформлении, во внутренней планировке жилых и хозяйственных построек. Немало общих элементов было в одежде (материал, покрой, передники, верхняя одежда типа тулупов и шуб, украшения и т.д.), в пище (продукты, виды растительных, мясных и молочных изделий – оладьи, блины, пироги, масло, сметана, напитки и способы их приготовления и хранения, кухонная утварь и пр.) [Мухаметшин, 1977]. Существовали при этом и прямые татарско-мордовские заимствования. Так, Н.И.Воробьев, обстоятельно изучив татар-кряшен, писал: «У кряшен нет большинства городских кушаний, завезенных с Востока, а имеющееся у них большое употребление овощей и хлебного кваса есть, несомненно, влияние или русских, или соседей-финнов... Большая замкнутость, отдаленность от торговых центров, отсутствие стремления к торговле и торговых навыков сделали из кряшена то же, что представляют и его соседи-финны, издревле изготавливающие самодельные ткани на одежды. Здесь сказывается прямое финское влияние, затушеванное у

татар торговыми связями с Востоком и русскими. Другой способ орнаментации тканей – вышивка, у кряшен распространен слабее и, кроме древнего способа шитья тамбуrom, у кряшен широко применяется финская техника вышивки...» [Воробьев, 1929]. Этнографы констатировали, что у западнокамаских татар-кряшен в быту «чувствуется некоторое мордовское влияние»: употребление грибов, способы ношения онучей поверх суконных чулок, подпоясывание женской рубахи поясом, черты покроя некоторых видов верхней одежды, определенные виды головных повязок, мужских головных уборов, фасоны лаптей и т.д. Распространение среди татар-кряшен, особенно среди их северных групп, двухэтажных амбаров и клетей, срубных ворот, некоторых видов деревообрабатывающего ремесла (смолокурение, плетение, кулеткачество и др.) также объясняется древними связями с финно-угорскими народами Поволжья [Воробьев, 1928; Мухаметшин, 1977]. Многие элементы татарского (женского) народного костюма, а также головных уборов, обуви и украшений имели общие черты с таковыми у финно-угорских народов края, включая мордву. «Это относится к рогообразным головным уборам, монетным шейно-нагрудным украшениям, выполненным на матерчатой основе, мусульманскому украшению-амулету хаситэ, аналогичному местному нагрудному украшению типа перевязи, которое у финно-угорских народов играло роль оберега, но скорее языческого... У темниковско-азеевской (южной) группы мишарей бытовали «мордовские» лапти (с косоплетеным личиком, низкими бортами и кручеными ушками), которые носили с вязаными, а не суконными чулками, как это было принято у других групп татар» [Сулова, 2004, с.542–543]. У касимовских татар В.А.Гордлевский следы языческо-финского слоя усматривал в малодворности поселений [Шарифуллина, 2004а, с.545]. Что касается татар-мишарей, то, по мнению Н.Ф.Мокшина, такие детали в их материальной культуре, как косуля (соха), путмар (кровать), лыковая обувь (прежде всего, лапти), характерные для мордвы с глубокой древности, следует считать мордовскими заимствованиями [Мокшин, 2006, с.690].

Татары оказали на мордву существенно меньшее влияние, чем русские. Сведения о влиянии татар на мордву единичны. Так, у М.Е.Евсевьева находим: «...женский убор мордвы Саранского уезда по своей форме сильно напоминает головной убор казанских татарских женщин, так называемый колпак» [Евсевьев, 1925, с.180].

Как следует из приведенных материалов, свидетельств о финно-угорских компонентах в материальной культуре различных групп

татар довольно много, чего не скажешь о социальной культуре. Здесь можно сослаться лишь на высказывание Ю.Г.Мухаметшина о том, что контакты татар с соседними народами отразились и в общественном быту: в более длительном существовании больших патриархальных семей [Мухаметшин, 1977], и на замечание мордовского исследователя М.Акашкина о том, что «дохристианский образ жизни у мордвы и доисламский у мишарей очень схожи, если не одинаковы» [Акашкин, 2001]. Но в духовной культуре взаимодействие татар и мордвы проявилось более определенно. Исследователи отмечали близость религиозных представлений касимовских татар, татар-кряшен, татар-мишарей, особенно их древних культов, с аналогичными элементами финноязычных народов [Воробьев, 1929; Мокшин, 2006; Мухаметшин, 1977]. Множество аналогий находят ученые в свадебной обрядности различных групп татар и мордвы. Так, татары-мишари нередко женили 13–14-летних мальчиков на девушках 18–20 лет, что было распространено у соседней с ними мордвы [Шарифуллина, 2004а, с.547]. В количественном соотношении процент сходства и различий между мишарскими и мордовскими свадебными обрядами следующий: 73% татаро-мишарских и мордов-

Мордва. 1885 г.

ских свадебных обрядов близки по содержанию, около 53% совпадают практически полностью; среди последних – сватовство, выкуп за невесту, посещение невесты женихом, девичья баня, выкупы (ворот, дверей), однообразие свадебного поезда, обряды при встрече молодых, одаривание, приобщение к очагу, вывод невестки к колодцу, после-свадебные отгостки и др. [Акашкин, 2001]. М.Е.Евсевьев обнаружил у мордвы Саранского у. несколько своеобразных свадебных обрядов с немордовскими названиями, которых нет у мордвы, проживающей в других регионах [Евсевьев, 1925, с.183–184].

Из других компонентов духовной культуры татар, в которых нашли отражение татарско-мордовские контакты, исследователи выделяют музыкальное творчество татар-кряшен (точнее, хороводные песни) [Мухаметшин, 1977] и народные танцы. В основе хореографии народов лежит трудовая и социальная практика. Многие танцевальные элементы возникли из подражания трудовому процессу: как в мужских, так и в женских танцах отражен хозяйственный уклад. Элементы труда, общие для татарского и мордовского народов, отразились в татарском танце «Алмагачлары» и в мордовском «Умарина» [Хузина].

Что касается мордовских языков, то в количественном отношении из тюркских заимствований татаризмы занимают первое место, причем в мокша-мордовском языке татарских заимствований больше, чем в эрзя-мордовском [Бутылов, 1998].

Мордовско-татарские связи отразились и в антропонимии мордвы, в которой бытовали, особенно до ее крещения, как татарские домусульманские, так и мусульманские имена. Они сохранились в основном в русской записи, в различного рода документах государственного делопроизводства, а некоторые дошли до нас в качестве основ фамилий, бытующих у мордвы и в настоящее время¹¹ [Мокшин, 2006, с.691].

Таким образом, этнографические, фольклорные и лингвистические материалы предоставляют немало фактов о тесных этнокультурных связях мордвы и различных групп татар Волго-Уралья.

В рассматриваемый период социальной основой, способствовавшей устойчивому этнокультурному взаимодействию сельского полиэтнического населения Среднего Поволжья, являлись: традиции толерантных взаимоотношений, одинаковые социально-правовой статус хлебопашцев (податное население, жители казенной деревни), природно-климатические условия и хозяйственный уклад, совместное расселение в части селений¹², существование контактных зон – расположение по соседству населенных пунктов различных этнических групп, хозяйственные связи, отходничество и т.д.

Преобладание в численном отношении татар по сравнению с чувашами и финно-угорскими народами, их активность в коммерческих операциях и относительно высокая грамотность, благосклонное отношение татарского духовенства (в отличие от православных священников) к язычникам, трезвый образ жизни и т.д. формировали привлекательный имидж социокультурной жизни татарского населения. Однако взаимодействие имело свои границы, важнейшими «рубежами» были вероисповедание и этнические традиции, стереотипы и ментальность, знание языка соседнего народа и т.п.

В идеологическом плане между РПЦ и мусульманами шла борьба за духовное воздействие на нерусские народы края. После введения системы Н.И.Ильминского, когда контакты христиан с мусульманами стали контролировать священники национальных приходов и учителя школ Братства св.Гурия, земств, МНП, стало менее интенсивным исламское воздействие. Созданная Н.И.Ильминским и миссионерами клерикальная культура способствовала сближению крещеных нерусских народов.

Традиции взаимодействия между татарами и русскими восходят к золотоордынской эпохе. В рассматриваемый период отношения между сельским русским и татарским населением края определялись, прежде всего, хозяйственными связями. Усиление влияния русской культуры на татар имело место в городах, где они составляли этноконфессиональное меньшинство.

¹¹ Абайкин, Акайкин, Алямки, Арсланкин, Аркайкин, Асманкин, Базаркин, Башкайкин, Беккайкин, Бектяшкин, Бикейкин, Булаткин, Дивеев, Жиганов, Исабайкин, Исламкин, Кабаев, Камаев, Канайкин, Касимкин, Китаев, Колганов, Куманев, Кунаев, Мамайкин, Мурзаев, Мурзакаев, Сарайкин, Султанов, Тюгаев, Ураскин, Чебайкин, Челматкин, Чембулатов, Юртаев, Ямашкин, Яушев и др.

¹² Согласно сведениям X ревизии, в Казанской губ. 12,4% государственных крестьян, прежде всего русские, татары и удмурты, проживали в полиэтнических селениях [Шкапин, 2011, с.161].

Раздел IX

**Этнография
и народное творчество татар**

ГЛАВА 1

Поселения и жилища

§ 1. Сельские поселения и жилища

Наиль Халиков

Поселения и жилища – важнейшие составляющие материального быта, образующие систему жизнеобеспечения человека и семьи. Строительное дело по мере своего развития оформилось в целостный комплекс, имеющий сложные функциональные, территориальные, временные, этнографические и другие параметры.

Традиционно татарские селения – деревни (*авыл, ил*) – располагались вдоль проточной воды: у рек, речек, ручьев, а также озер. Этим они отличались от селений других народов. В XIX в. татарские деревни имели несколько большие размеры по сравнению с селениями марийцев, удмуртов. Наблюдалась и такая закономерность, как увеличение численности дворов и населения деревень в направлении с севера на юг. В конце XIX в. в Вятской и Пермской губерниях аулы часто не насчитывали и 100 дворов [Материалы по статистике, т.9, ч.2, с.410; Материалы для статистики Красноуфимского, вып.1, 2, 4]. В Лаишевском у. Казанской губ. селения татар насчитывали в среднем 139 дворов [Материалы для землевладения, вып.7]. Большинство татарских населенных пунктов Самарской и Саратовской губерний насчитывали более 100 дворов, нередко достигая 500 дворов [Яхонтов, 2008, с.310–311]. Четыре десятка деревень и станиц татар Оренбургской губ. в среднем были в 160 дворов [ГАОО, ф.164, оп.1, д.5, 6, 80, 81, 82].

Большинство деревень татар в конце XIX – начале XX в. имели уличную планировку: два ряда усадеб, обращенных фасадами друг к другу, или линейную: из одного порядка усадеб в линию. Улицы (*урам*) через несколько дворов имели переулки (*тыкрык*) для доступа к водопою, огороду и для выхода в поле. В крупных селениях планировка была квартальной. В Среднем Поволжье,

Приуралье и соседних регионах это явилось результатом перепланировки традиционных селений, предпринятой в 1839 г. по инициативе МГИ и получившей дальнейшее развитие в пореформенный период благодаря деятельности земств.

Наиболее успешно введение планировки осуществлялось в селениях военно-служилого сословия. В 1843 г. оренбургским военным губернатором был утвержден типовой план аула, в целом заимствованный из «Устава строительного»: улицы прямые с правильными линиями, одна от другой должна находиться на расстоянии от 10 до 15 саженей, расстояние между домами должно составлять около 12 саженей, бани и кузницы следует перенести за усадьбы ближе к природным водным источникам или на склон оврага. С 1847 г. осуществлялось массовое переселение из приречных долин на почтовые тракты и гужевые дороги и расселение на новом месте значительной части Башкиро-мещеряцкого войска, селения которого обустроивались по типовому плану [Шитова, 1984, с.38, 47; Ширгазин, 1992, с.47]. За 4–6 лет обновилась почти половина жилищного фонда мусульманских иррегулярных войск [Янгузин, 1989, с.114].

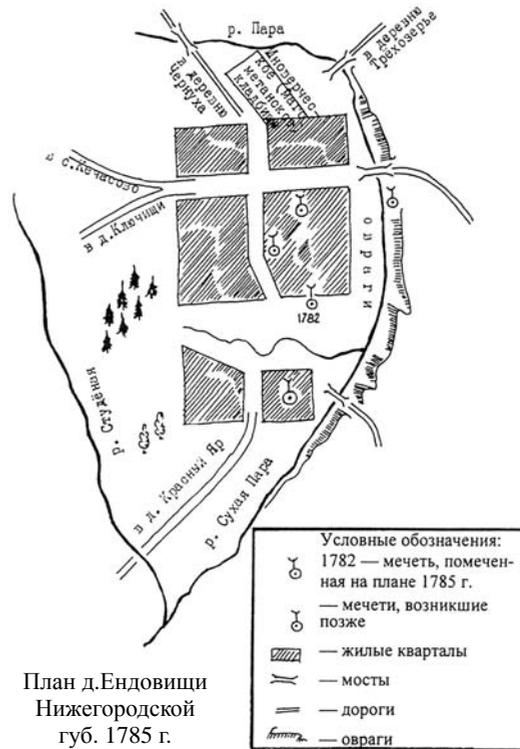
Преимущественно в Предкамье в селениях, которых не коснулась перепланировка, сохранялась старинная криволинейная уличная застройка, названная «чисто татарской», или «восточной» [Крестьянское землевладение, вып.8, с.80]. Планировка таких деревень была гнездовой и кучевой и отличалась наличием кривых запутанных улочек и переулков, а также тупиков. Это было реликтом ранних этапов оседания полукочевых предков поволжских татар родоплеменными группами и формирования постоянных селений.

Облик деревни определялся и социальными условиями. В центре селения располагались общественные здания: лавки, пожарные сараи, иногда волостное правление, а также усадьбы с капитальными постройками зажиточных домохозяев. Здесь же проводились базары. Приблизительно посередине каждой сотни дворов на небольшой площади выделялась мечеть; в крупных селениях их могло быть несколько. На окраинах селений теснились ветхие избы малоимущих крестьян с несколькими простейшими хозяйственными строениями.

В деревнях татар Предкамья, как и у марийцев, чувашей, на улицах росло много деревьев, у фасада почти каждого дома были небольшие сады. Эта традиция практически отсутствовала у мещеряков. Но общим и обязательным для всех групп татар было озеленение кладбища, поскольку обычай сажать там деревья уходит в глубокое прошлое.

Татарские сельские усадьбы (*йорт, пазьма*) обычно имели прямоугольную в плане форму и делились на две части: собственно двор с постройками и огород. У малоимущих крестьян изредка встречались усадьбы из одного только двора, без огорода. В южных степных районах, где население держало много скота, и у татар Касимовского у. Рязанской губ. усадьбы иногда делились на три части: чистый двор с жилищем; хозяйственный двор с хлевами и сараями; огород.

От соседей усадьбу обычно отделяли тыльные стороны дворовых построек и заборы (*койма, кура*) в промежутках между последними. Между огородами были простейшие изгороди – плетень, прясло, межа или земляная канава. дворы тщательно ограживались со стороны улицы; забор делали глухим тесовым, реже – бревенчатым, каменным и др. Ворота, особенно в лесных и лесостепных районах, сооружали высокими, на 3–4 столбах. Различались так называемые «татарские» (столбы сверху соединялись доской, брусом либо вовсе не были связанными) и «русские» (с двухскатным перекрытием) ворота. В южных степных районах высота ворот обычно не превышала высоту забора.

План д.Ендовищи Нижегородской губ. 1785 г.

Дворы различались числом построек, их группировкой. У малоимущих крестьян, почти не державших скота, на усадьбах имелись одна-две постройки, сооруженные из подручного материала (жердей, плетня, глины) и поставленные произвольно. На облике дворов сказывались и неблагоприятные условия: засухи, падежи скота, пожары и т.д., приводившие к обнищанию крестьян. В противоположность бедняцким дворам усадьбы богатых крестьян, торговцев и представителей духовенства отличались порядком и большим числом хозяйственных служб (несколько кладовых, холодных и теплых хлевов, конюшен, сараев). Постройки были из качественного материала и даже в безлесных районах нередко возводились из дерева. Так, у зажиточных в целом оренбургских татар-казаков имелись «амбары, сараи, разные хлевы для скота и птицы и особые конюшни для лошадей..., преимущественно сделанные из нетолстых бревен...» [Литвиновский, 1878, с.102].

Облик усадьбы зависел и от системы застройки скотного двора. Типичной чертой усадеб татар северных уездов Казанской губ., Вятской и Пермской губерний, Окско-Сурского междуречья, Закамья было разме-

щение срубных хлевов, конюшен под двускатным навесом или под общей крышей сарая (*лапас, аран, абзар*). В свободном пространстве между срубами хлевов, конюшен устраивалась загородка (*карда*) для дневного содержания скота. Иногда со стороны огорода к стене постройки примыкала полуземлянка для скота, птицы или загон (*карда*).

В юго-восточных уездах региона постройки в скотных дворах ставились раздельно. Больше места здесь отводилось загонам для скота, навесам, легким сараям из плетня или жердей. Значительно реже, чем в лесных ареалах, встречались утепленные скотные постройки. По наблюдению Н.Литуновского, надворное строение татар в Оренбургской губ. состояло «большой частью из плохо устроенных сараев и навесов с разгородками для помещения скота...» [Литуновский, 1878, с.102].

Во многом облик двора определялся местом жилища и его ориентацией относительно улицы, поскольку жилище являлось центром дворовой застройки, и в соответствии с ним ставились хозяйственные службы.

В татарских селениях Волго-Уральского региона по давней традиции жилище распо-

лагалось в глубине усадьбы, что предшествовало остальным, более поздним формам. В середине XIX в. М.Лаптев отмечал, что в старину татары «ставили дома свои по-восточному, среди двора, обнесенного со всех сторон забором; теперь не только в городах строятся по планам, а есть деревни правильно выстроенные, но и тут татарин старается, сколько возможно, скрыть свое жилище от глаз прохожего» [Лаптев, 1861, с.216]. Эта старинная, восходящая к тюркским традициям форма, была связана с существованием в Предкамье, Закамье и пермском Приуралье усадеб с бессистемным, разбросанным размещением построек и криволинейной уличной планировки деревень.

В некоторых татарских селениях изба ставилась на небольшом удалении от линии улицы. Данная разновидность постановки жилища – следующий этап развития ранней формы, вызванный переустройством селений, заменой старой беспорядочной застройки упорядоченной. Третьей разновидностью было расположение жилища на линии улицы. Такая, называемая «посадской» или «городской», форма сложилась у татар в ходе полного переустройства селений с начала 70-х гг. XIX в. В соответствии с последней разновидностью избы ставились несколько выступая за уличную линию, что придавало улице прерывистый, зигзагообразный характер. Подобная традиция возникла по причине тесноты усадеб; эта особенность чаще отмечалась в узких дворах Окско-Сурского междуречья.

В сельских усадьбах различались открытый, полузакрытый и крытый типы дворов. Открытый двор был без какого-либо перекрытия над незанятым пространством. Полузакрытый двор соответствовал упорядоченной застройке: участок между домом и расположенными параллельно ему хозяйственными службами перекрывали навесом из жердей и соломы. На лето навес разбирали. В крытом дворе постройки находились под общей постоянной кровлей.

Крытый и полузакрытый дворы в основном были присущи усадьбам с жилищем, по-

ставленным на ее красной линии. В Окско-Сурском междуречье и в южных волостях Заказанья встречались крытые двory, где дом и двор имели двухскатные крыши. Иногда крытый двор ставили на некотором расстоянии от дома, а промежутки на зиму закрывали плоской кровлей. В Заказанье, Предволжье, Западном Закамье сооружались крытые двory, примыкавшие к дому с двух сторон. В крытых дворах татар северных районов Предкамья, Приуралья и отчасти Предволжья, отличавшихся большими размерами, массивностью и капитальным устройством стен, кровли, параллельно расположенные дом и хозяйственные помещения имели собственные крыши, а свободная середина двора находилась под наклонным перекрытием из досок. Существовали и другие варианты крытых дворов.

У татар Волго-Уральского региона преобладал открытый двор, что было этнокультурной традицией сельской усадьбы, сохранявшейся во всех природных зонах в течение длительного исторического времени развития зодчества. Такая усадьба наиболее полно соответствовала традиционному сложившимся условиям хозяйственно-бытовой деятельности: была рациональна для бесстойлового содержания скота, которое использовалось в южных ареалах, и стойлового – в северных районах.

Полузакрытые и крытые двory встречались значительно реже. Первый тип бытовал преимущественно в отдельных районах Предкамья и Среднего Поволжья; второй – в Пермском и Кунгурском уездах Пермской губ., Слободском у. Вятской губ., встречался в Казанском, Мамадышском и Лаишевском уездах Казанской губ., Симбирском у. одноименной губ., Саранском и Керенском уездах Пензенской губ.

Полузакрытый тип двора восходит к усадьбам с навесами между сараями, хлевами, на их основе уже к началу XX в. сложились крытые двory. Появление последних у татар отчасти объясняется и содержанием постоянных дворов в притрактных селениях.

В планировочной структуре усадьбы (типы дворов) наблюдались определенные закономерности. В конце XIX – начале XX в. самой архаичной была бессистемная планировка татарских усадеб, присущая

только открытому двору: постройки ставились без всякого порядка, без связи друг с другом. Такая форма, отражавшая начальную стадию развития усадеб, которая восходила «к традициям оседавших полукочевников» [Шенников, 1977, с.26], наблюдалась в старых усадьбах татар Предволжья, Предкамья, Закамья, Нижнего Заволжья, уфимского и пермского Приуралья. Противоположностью бессистемной планировке была упорядоченная форма разных видов: однорядные, «П»- и «Г»-образные и другие формы дворов.

В татарских усадьбах особенно часто встречалась покоеобразная планировка, когда надворные постройки располагались в виде буквы «П» по периметру двора, оставляя внутреннюю его часть открытой. Широко распространенной формой планировки в татарских усадьбах была глаголеобразная. Изба чаще ставилась узкой стороной к улице. За ней по одной линии на расстоянии, или чаще в соединении с сенями, находились клеть, сарай или навес. Другая группа построек, состоящая из хлева, навеса, конюшни, располагалась вдоль задней стороны двора, образуя вместе с домом «Г»-образную форму. У богатых татар в Касимовском у. встречались трехрядная и «Т»-образная формы. В первом случае дом, поставленный посередине усадьбы, разделял двор на хозяйственную и чистую половины. При «Т»-образной планировке жилище располагалось длинной стороной на линии улицы; к его глухой стене примыкала терраса, соединенная с сараем, затем с хлевом, кладовой под общей кровлей. В каждый из дворов вели отдельные ворота с улицы.

Планировка усадьбы, размещение на дворе жилых и хозяйственных построек, их взаимосвязь определялись несколькими факторами. Физико-географические условия конкретной местности и связанные с ними особенности ведения хозяйства (система земледелия, уровень развития животноводства, способы содержания скота и др.) находили отражение в северных «лесных» и южных «степных» традициях строительной культуры. Поэтому в Предкамье, Окско-Сурском междуречье, пермском Приуралье преобладали огороженные селения, поля и выгоны-поскотины; были распространенные

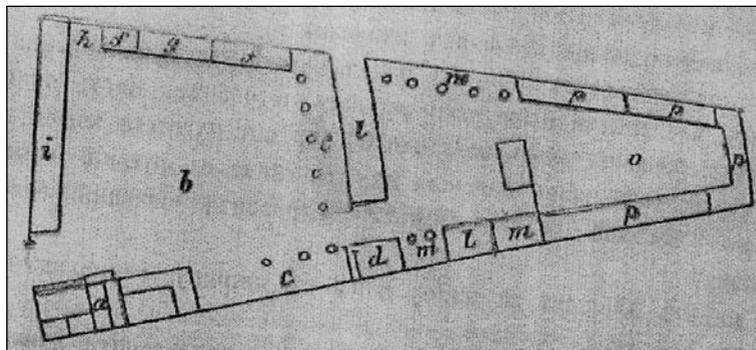

Схема татарского двора в д.Епанчино Казанского у. Рис. А.Гакстгаузена. Сер. 1840-х гг.

а) жилая изба; б) первый или домашний двор; в) навес на деревянных столбах, открытый спереди; д) баня; е) навес на деревянных столбах, открытый спереди и служащий летом вместо конюшни; поэтому в задней стене сделаны ясли, а под крышей сеновал; ф) два помещения для сохранения

муки и зерен; г) помещение для орудий; h) навес, над которым висят весы; и) магазин, одна часть для овса, другая для сельскохозяйственных орудий; к) второй, или лошадиный двор; л) конюшня; м) навесы; н) погреб; о) третий или скотный двор для коров, овец и коз; р) различные хлева для них.

ны дворы, в т.ч. полузакрытые и крытые с многочисленными взаимосвязанными постройками. Отсутствием изгородей, бессистемным либо частично сгруппированным положением построек, большим числом загонов (*карда*) на открытых просторных дворах отличались юго-восточные районы: Нижнее Поволжье, южные уезды башкирского, оренбургского Приуралья и Зауралья.

Наряду с отмеченными выше причинами в формировании структуры двора сыграли роль и этнокультурные традиции, отражавшие ранние этапы возникновения селений (открытые дворы с асимметричным планом, бессистемным или неупорядоченным размещением построек на усадьбе, положением жилища в глубине двора). По-видимому, формы крытых дворов, «П»- «Г»- и «Т»-планировка дворов в большинстве случаев являлись результатом заимствования, преимущественно у русских соседей.

В сельском домостроении выделялись сооружения, предназначенные для хранения запасов хлеба, продуктов, имущества, подразделявшиеся на наземные клетки, амбары, кладовые и углубленные в землю подвалы и погреба.

Клетки, амбары и кладовые в лесной зоне и в северной части лесостепной зон сооружались в срубной технике, в южных лесостепных и степных участках Нижнего Предволжья, Приуралья и в большей части Зауралья их строили преимущественно из самана, камня. Здесь же встречались каркасно-столбовые постройки из тонких бревен, жердей, хвороста, обмазанных глиной. Глинолитные и кирпичные хранили-

ща бытовали в отдельных районах Окско-Сурского междуречья, Среднего Поволжья, Прикамья.

Повсеместно были распространены однокамерные клетки. В Предкамье встречались двухкамерные и двухэтажные клетки. Амбары, отличавшиеся от клетки несколько большими размерами и широкой двухстворчатой дверью, бытовали преимущественно в Предкамье, в северных районах Предволжья, в Сергачском у. Нижегородской губ., в пермском и уфимском Приуралье.

Хозяйственные клетки везде назывались черными (*кара келәт*), имели внутри лари (*лар, бура*) из тщательно подогнанных толстых пластин. Древней традицией у татар было использование клетки для молодоженов в качестве летнего жилища (*ак келәт*). Они были с полом, потолком и небольшим окном, отличались тщательной внутренней отделкой. Такие клетки были характерны для татар Предкамья, пермского Приуралья и Зауралья, Западного и Восточного Закамья.

Кладовые с кирпичными стенами появились в последней четверти XIX – начале XX в. Как и другие кирпичные строения, они принадлежали зажиточным крестьянам, представителям духовенства, торговцам, владельцам кустарно-промысловых заведений и концентрировались в экономически более развитых районах Заказанья, северных уездах Окско-Сурского междуречья.

В деревнях татар в Предкамье, Закамье, в уфимском, оренбургском Приуралье и Зауралье часто встречались каменные кладовые (*таш келәт*); в безлесных степных районах, в южной полосе лесостепной зоны бытовали саманные хранилища.

Довольно распространенными в хозяйствах были полу-подвальные кладовые (*подвал*), предназначенные для хранения домашнего имущества.

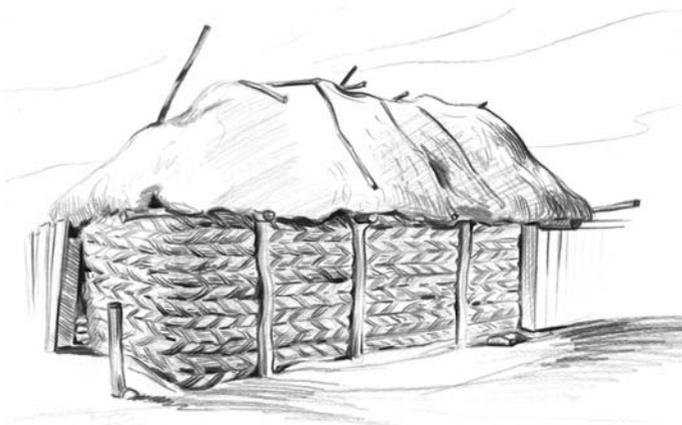
В большинстве хозяйств существовали углубленные в землю хранилища-погреба (*баз*) для запасов картофеля, мясомолочных продуктов. Часто погреба размещали под сараями, навесами, клетями, амбарами и кладовыми.

Покрытие конусообразной (в виде чума) формы, еще в середине XIX в. описанное как одна из характерных особенностей татарских дворов Казанской губ. [Сбоев, 1856а, с.18], – давняя традиционная и типичная для хозяйственного быта именно казанских татар постройка. Все остальные формы покрытий были присущи всем группам поволжских татар.

Важнейшее место в крестьянских хозяйствах принадлежало постройкам для содержания скота: хлевам, конюшням, навесам, загонам и др.

Традиционной, важной и почти обязательной постройкой у татар Волго-Уральского региона была баня (*мунча*). Так, в трех селениях северо-западной части Малмыжского у. Вятской губ. на 453 двора приходилось 234 бани [Статистическое описание, 1876, табл.]. Мещеряки Оренбургской губ. характеризовались как «большие охотники до бань», у них бани составляли «необходимую принадлежность почти каждого дома» [Литуновский, 1878, с.93, 104]. Но были селения, где эти постройки встречались редко [Готов, 1929, с.37]. Бани иногда располагались на переднем дворе, в огороде, но чаще, из соображений пожарной безопасности, вдали от усадьбы, у воды.

Бани строились из дерева (бревен, жердей, плетня), камня, самана и др. Наиболее распространенными в Волго-Уральском регионе были срубные бани, доминировавшие повсеместно в лесной и лесостепной полосе. В степных районах Нижнего Заволжья и в оренбургском Приуралье преобладали бани из самана. Бани из жердей и плетня встречались в тех же районах, что и саман-

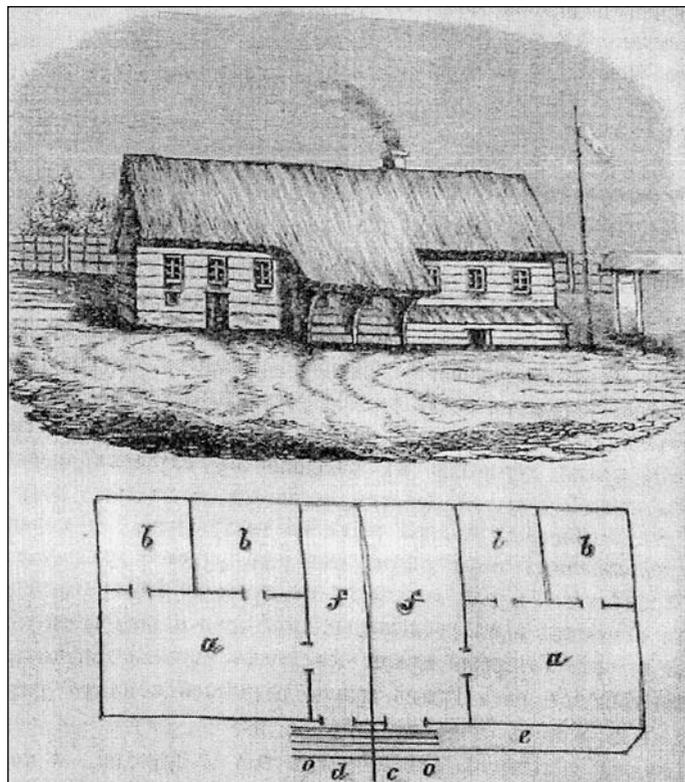

Плетневый сеновал (читән чиннек) в д.Чегаклы. Абдуллинский р-н Оренбургской обл. Реконструкция Н.А.Халикова.

ные. Каменные бани изредка возводились в деревнях лесостепной и степной зон, от Предкамья до оренбургского Зауралья.

По отсутствию и наличию дымохода у печи бани подразделялись на топящиеся «по-черному» (*кара мунча*) и «по-белому» (*ак мунча*). Первая форма печи была архаичной и присущей всем типам бани. Такая печь-каменка была глинобитной или складывалась из камня. Вода нагревалась в котле, установленном на печи или перед ее устьем. Дым выходил в открытую дверь. Этот тип бани доминировал во всех татарских селениях Волго-Уральского региона, за исключением Касимовского и Елатомского уездов. Печью с топкой «по-белому» снабжалась наземная двух-трехкамерная баня. Печь возводилась из кирпича, изредка из камня, имела над топкой нишу, над которой возвышался прямой дымоотвод. Вода нагревалась так же, как и в черной бане, или во вмazanном сбоку от топочной камеры котле. Такие бани преобладали на коренной территории расселения татар в Предкамье и у близко соприкасавшихся с ними касимовских татар.

Среди дворовых строений часто встречалась летняя кухня (*алачык*), распространенная преимущественно в Среднем и Нижнем Поволжье, оренбургском Приуралье и Зауралье. *Алачык* имел одновременно жилое и хозяйственное назначение. Летом в нем размещались старшие члены семьи или молодые пары, а также готовили пищу.

Сельская изба в д. Епанчино
Казанского у. и ее план.
Рис. А.Гакстгаузена. Сер. 1840-х гг.

- а) большая жилая комната;
- б) маленькие комнаты;
- в) часть крытой лестницы, ведущей в мужскую половину, белая лестница;
- г) черная лестница;
- д) скамейка вдоль наружной стены дома; около 2-х аршин высотой и 3½ аршин длины, под навесом, иногда открытая, летом служит спальным местом для мужчин;
- е) коридор.

Наиболее распространенными в лесной и лесостепной зонах были срубные избы. Сруб тесали мужчины семьи или для этого приглашали плотников из односельчан, пришлых мастеров (русских, мордву, татар). В лесостепной зоне у малоимущих крестьян до конца XIX в. бытовали дома в каркасно-столбовой технике со стенами из жердей, плетня.

Анализ конструкции хозяйственно-бытовых построек отчетливо показывает зависимость применяемого в строительстве материала от местных природных условий. Вполне объяснимо широкое применение дерева в лесной, отчасти в лесостепной полосе. Здесь в срубной технике выполнялись стены кладовых (клетей и амбаров), бань, хлебов и конюшен, летних кухонь. Закладная техника применялась при сооружении заборов, стен построек для скота, полуземляных кладовых и др. В южных, юго-восточных и восточных уездах Приуралья и Зауралья при дефиците строительного леса для этих же строений широко применялась каркасно-столбовая техника с одинарными и двойными стенами из жердей, плетня. Также в безлесных степных и лесостепных уездах распространенным строительным материалом были саман (Нижнее Поволжье, оренбургское Приуралье) и камень (Приуралье и Зауралье). Кирпич в строительстве использовался, главным образом, в экономически развитых районах, где еще сохранилась память о каменном и кирпичном зодчестве предков поволжских татар (в Заказанье, у касимовских татар).

В татарских селениях в конце XIX – начале XX в. стали распространяться кирпичные дома. Их появление было вызвано развитием товарно-денежных отношений, ростом числа торгово-предпринимательской прослойки в сельской среде.

В безлесных юго-восточных уездах бытовали саманные избы из сырцовых кирпичей, а в предгорьях Урала для строительства использовался камень.

Сруб или стены из другого материала ставили непосредственно на землю или на фундамент. Отсутствие фундамента было характерно для низких наземных изб, сооружаемых в южных степных районах с умеренным сухим и теплым климатом. Подобные избы изредка встречались и у татар-бедняков в южных местностях Предкамья. В целом в татарском сельском зодчестве везде преобладало возведение стен на приподнятом над землей фундаменте (*нигез*) из дерева, камня и др. Почти все наземные типы жилищ, независимо от устройства фундамента, имели подполье (*идэн асты*). В высоких, в 15–18 венцов, домах в северных районах подполье часто заменялось подизбьем до 1 м глубиной, а еще большее его развитие оформля-

лось в подклеть. В конце XIX в. Л.Ф.Змеев писал о жилищах в Бугульминском у.: «Но главная здесь особенность магометанских жилищ, это стремление вверх, то есть пол аршина на два, иногда на три от земли..., что называлось в старину на подклети...» [Змеев, 1883, с.43].

Пол в сельском жилище мог быть земляным или из дерева: жердей, бревен, досок. Земляные глинобитные полы встречались преимущественно в саманных, плетневых мазанках в селениях лесостепной и, особенно, степной полосы. А по всему Волго-Уральскому региону преобладало жилище с деревянным полом (*идэн*).

Крыша (*тубэ*) сооружалась бесстропильной или стропильной конструкции. В середине XIX – начале XX в. большая часть сельских жилищ имела дву- или, реже, четырехскатную стропильную крышу. В массовом жилище с двускатной стропильной кровлей фронтоном был глухим и обшит тесом. Вариантом бесстропильной крыши, распространенной в юго-восточных районах, был плоский накат из тонких бревен, одновременно являвшийся потолком.

Наиболее употребительным материалом кровли из дерева был тес. Довольно часто кровлей служили дранка, липовая кора. Из кровельного материала другого рода (кроме дерева) самой распространенной и традиционной была ржаная солома. Хорошо устроенная соломенная крыша без особого ремонта могла прослужить 10–20 и более лет. Различались способы покрытия соломой внатруску или, реже, снопиками. Встречалась кровля из камыша, поверх которого насыпали землю, пласты дерна. В начале XX столетия преимущественно у зажиточных татар Касимовского, Елатомского уездов, в Заказанье в среде торговцев, духовенства единично стали появляться крыши под железом. Такую крышу чаще красили в зеленый цвет.

Большое внимание уделялось внешнему украшению жилища, удовлетворявшему художественные и национальные запросы населения. Но в значительной степени такое оформление зависело от имущественной состоятельности домохозяев [Воробьев, 1953, с.170].

Обшивка дома тесом, способы крепления облицовочных досок, форма реек, их

ориентация часто носили архитектурно-декоративный характер. Доски на стенах располагались вертикально или горизонтально. Особенно красиво выглядели стены, «зашитые елочкой». Эти же приемы применялись, чтобы закрыть фронтонную нишу, углы сруба, а также столбы ворот.

В срубных домах использовалась различная техника создания орнамента: выемчатая глухая резьба, барельефная выпуклая резьба, плоский накладной орнамент, пропиленной сквозной орнамент, токарные накладные или свободные расположенные детали (балясины и др.).

Для татарского сельского жилища было характерно сочетание деревянных декоративных элементов с окраской. Красили ворота, забор со стороны улицы, обшитые стены дома, фронтоны, наличники и др.

Обычно применяли краски нескольких цветов (т.н. полихромия). Их подбирали яркими и контрастными, что создавало особый «татарский стиль». Самыми употребительными были белый, желтый, коричневый, голубой, синий, зеленый цвета и их сочетания (белый+голубой, белый+зеленый, желтый+коричневый и др.). Стены дома, фронтоны, ворота чаще окрашивали в темные тона: зеленый, синий, коричневый, а выступающие части архитектурного декора, накладные детали – в более светлые: белый, желтый и т.д.

К рубежу XIX–XX вв. декоративно-архитектурное оформление жилища имело место прежде всего у татар Заказанья, в Касимовском у., в меньшей степени – в Сергачском у., в Среднем Поволжье и Западном Закамье и практически отсутствовало в Глазовском у. Вятской губ. и Пермской губ., в южных лесостепных и степных районах.

Все виды жилищ подразделяются на дома горизонтального и вертикального развития. В свою очередь их можно рассматривать по типам исходя из признака камерности.

Самым простым жилищем из горизонтально ориентированных построек был однокамерный тип, называвшийся *ялгыз өй*. Относившийся к ранним этапам развития домостроительной культуры, к началу XX в., *ялгыз өй* сохранялся лишь в среде наиболее бедных крестьян. В лесостепных районах он чаще был срубным, в безлесных – каркасно-столбовой конструкции. Жили-

ще имело двускатную крышу, иногда с очень пологими скатами, или односкатную кровлю из бревенчатого наката с земляной засыпкой. Такие постройки встречались в южных районах Окско-Сурского междуречья, в Нижнем Предволжье, Заволжье, Приуралье и Зауралье, у крещеных татар Предволжья.

Дальнейшим развитием однокамерного жилища стало двухкамерное, оно возникло за счет пристройки к избе. Первоначально это были прислоненные ко входу жерди, покрытые хворостом, соломой, либо навес на столбах с наклонной кровлей перед входом, с открытыми или частично забранными стенами. Такие сени в середине XIX в. «были известны в жилище татар в Оренбургском крае» [Черемшанский, 1859, с.169]. Подобная же форма пристройки еще в 20-х гг. XX в. сохранялась у татар в Закавказье. Но в середине XIX – начале XX в. самыми распространенными были трехстенные срубы сеней, соединенные открытой стороной с торцевой (входной) стороной избы. Обе камеры жилища объединяла единая цельная крыша.

Среди трехкамерных жилищ характерной была изба+сени+изба (*кара-каришы өй*). В старых избах оба жилых помещения оборудовались хлебопекарными печами. На рубеже столетий помещение, обращенное в сторону улицы, отводилось под чистую половину *ак өй* (белая изба) В нем хлебопекарная печь зачастую заменялась печью-голландкой или подтопкой. Второе жилое помещение называлось *кара өй* (черная изба) или *аш өй* (кухня). Оно всегда было с хлебопекарной печью, и здесь производились хозяйственно-бытовые работы. К рубежу XIX–XX вв. этот вид жилища все чаще сменяли трехраздельные жилища изба+изба+сени (пятистенник, изба с прирубом), крестовик. Другой вид трехраздельного жилища – это изба, соединенная через сени с клетью. Клеть не только служила для хранения вещей, но и была местом работы, жильем в теплое время года. Такое жилище бытовало в Предкамье, пермском Приуралье, Предволжье, Закамье, имело большее распространение в среде крещеных татар.

Планировочная структура пятистенника и избы с прирубом (изба+изба+сени) *алты почмаклы өй* одинакова. Пятистенник преобладал в Касимовском у. Рязанской губ., в Елатомском у. Тамбовской губ., бытовал в

примыкающих к ним с юга уездах, а также у татар Сергачского у. Нижегородской губ., Глазовского у. Вятской губ., Пермской губ. Появившийся во второй половине XIX в. первоначально среди русского населения Предкамья и Среднего Поволжья [Бусыгин, 1966, с.148], он распространялся и у татар [Воробьев, 1853, с.159]. В начале XX в. территория бытования пятистенника расширяется. В лесостепной и степной зонах чаще строилась изба с прирубом.

Полуземляничное жилище (*жир ызва*) во второй половине XIX в. изредка встречалось среди неимущих крестьян, а также первопоселенцев в лесостепной и степной зонах. Со дна ямы глубиной до 1 м поднимались срубные или выполненные в каркасно-столбовой технике стены. Одно- или двускатную крышу засыпали землей, обкладывали дерном. Пол оставляли земляным или устилали досками. Вход закрывали навесом на столбах; часто благодаря стенам тамбура из подручного материала постройка превращалась в двухкамерную. В жилой части у входа вводилась хлебопекарная печь, снабженная очагом и вмазанным котлом.

Во второй половине XIX в. двухэтажные дома строили зажиточные хозяева в Касимовском у., Предкамье и Приуралье. Много их было в притрактовых и торговых селах: в д.Караболка Екатеринбургского у. Пермской губ., например, центральная улица целиком была застроена двухэтажными зданиями.

Двухъярусные дома с полуподвальной жилой частью строили полностью срубными, реже полуподвальный этаж возводили из камня. Крыша была двускатной тесовой. План обеих этажей жилища большей частью повторял срубный четырехстенок (изба+сени). В жилом полуподвале ставилась большая хлебопекарная печь; труба выводилась на верхний этаж, где оформлялась в виде печи-голландки.

Развитые двухэтажные срубные дома (*аслы-өсле өй*) строила богатая часть сельского населения. Они изредка встречались во всем регионе, а в Предкамье, в северных районах Окско-Сурского междуречья, в пермском Приуралье – почти в каждом селении.

Жилище населения южных районов Окско-Сурского междуречья, Нижнего Предволжья и Заволжья, Южного Приура-

лья и Зауралья имело в общих чертах сходный облик. Доминирующим типом была изба+сени. В степной и лесостепной полосе почти повсеместно, хотя и единично, еще встречались архаичные однокамерные постройки. В степных и лесостепных районах некоторое распространение получили трехкамерные жилища, пятистенники и, особенно, прирубы. Но многокамерных домов-крестовиков и т.п., двухэтажных построек практически не было.

Важнейшей особенностью жилища являлась организация его внутреннего пространства, планировки: функциональное разделение помещений, устройство и расположение системы отопления, предметов обстановки, матерчатый и иной декор.

Планировочная структура интерьера сельского жилища зависела от местоположения и ориентации устья печи. Ее обыкновенно располагали справа или слева от входа, изредка – у передней стены устьем к двери. Первый способ был типичен для татар Среднего Поволжья, Предкамья, он восходит к древнетюркскому кочевническому жилищу, юрте. Последний способ бытовал у татар-мишарей и, скорее всего, был заимствован от окружающего русского и мордовского населения. Печь в первом случае ставили на расстоянии от стен, что отличало татарское крестьянское жилище от внутреннего устройства избы соседних народов.

Планировка интерьера, местоположение печи были тесно связаны с функциональным делением жилой площади, особенностями размещения предметов обстановки. Так, обычная четырехстенная изба по линии печи от входа и до передней стены делилась на две половины. Пространство напротив устья печи отводилось под кухонную – «женскую» половину (*почмак*). Здесь перед окном помещали нары, на стенах навешивали полки, шкафчики, перекладыны для хранения посуды. Другая половина избы была мужской, или «белой» (*ак як, түр як*); здесь вдоль торцовой стены ставили нары (*сәке*). Обе части избы разделялись занавеской (*чаршау*) или дощатой перегородкой (*бүлем*).

В рассматриваемое время в жилище из неподвижной напольной обстановки особо выделялись нары (*сәке*), располагавшиеся от угла до угла по линии передней стены. Нары почти повсеместно были обязатель-

ной частью интерьера татарских жилищ. Это объясняется традиционным закреплением за нарами почетного места (*түр*), а также универсальной их функцией: служили местом работы, отдыха, приема пищи, проведения праздничных застолий.

Нары собирали из двух брусьев и настила из досок. Их ширина обычно достигала 1,5 м при высоте около 0,5 м. В южных уездах Казанской, Самарской, в Уфимской и Оренбургской губерниях иногда нары представляли собой низкий, в 15–20 см, и широкий, набитый глиной помост (*идән*). В конце XIX в., с внедрением в избы мебели, появились короткие нары; на освободившемся месте помещали стол. Во второй половине XIX в. в Предволжье, Закамье, Приуралье еще сохранялись короткие нары (*ишек сәке*), размещавшиеся в углу у входа. В избах татар Окско-Сурского междуречья закрытая форма подобных нар называлась *коник*.

В жилищах татар Предкамья, Касимовского у., Нижегородской и Пензенской губерний довольно часто встречалась деревянная кровать. Распространенным элементом интерьера были длинные и широкие лавки, иногда заменявшие нары. Особенно широко лавки были распространены в Касимовском и Глазовском уездах, Окско-Сурском междуречье, у крещеных татар.

В относительно небольшой жилой четырехстенной избе верхнее ее пространство использовалось для устройства предметов обстановки: полатей, длинных массивных полок, шкафчиков и др.

Полати (*сәндәрә пулат*) бытовали в крестьянских жилищах на всем пространстве к западу от Волги (за исключением Сергачского у.), в большей части уездов Вятской губ., в Кунгурском, Пермском уездах. Изредка они встречались у крещеных татар районов Заказанья. «Полати в быту татар с вескими основаниями считаются заимствованным от русских элементом» [Воробьев, 1953, с.100].

Второй вид неподвижной навесной обстановки – полки (*киштә*) в виде толстой и широкой доски, простиравшейся под потолком вдоль стен, матицы. Они служили местом хранения испеченного хлеба, кудели, посуды, небольших вещей, книг религиозного содержания. Наряду с дощатыми полками часто устанавливали длинные полки

из шестов. Они служили для развешивания нарядных тканей, одежды, молитвенных ковриков, для хранения постельных принадлежностей.

В кухонной половине избы на стены навешивали открытые или закрытые с двустворчатой дверцей шкафчики (*киштэ*) для хранения столовой посуды. Другим видом посудниц были разные по размерам ящички (*табаклык*) с боковыми стенками и прибитой спереди решеткой из реек. Часто встречались короткие полки из одной доски для крупной посуды. Ложки, половники, ножи закладывались за прибитую к стене планку (*кашыклык*). По стенам на деревянных колышках, гвоздях развешивались различные ковши, разливательные ложки, решета, корытца и т.д. Все перечисленные вещи в том или ином сочетании применялись в кухонной обстановке жилищ татар Волго-Уральского региона.

В конце XIX – начале XX в. в интерьере крестьянских жилищ появились часы. Ими в подражание городской моде стали обзаводиться, прежде всего, в селениях развитых торгово-промышленных районов, в Предкамье, северных участках Окско-Сурского бассейна, пермском Приуралье, где имелась значительная прослойка общавшегося с городом зажиточного и богатого населения. К началу XX в. «часы-ходики» с маятником и гирьками стали входить и в быт крестьян-середняков.

Во второй половине XIX в., после появления на рынках, фабричные зеркала становятся привычными в домах сельских татар. В чистой гостевой половине домов торговцев, духовенства и других состоятельных категорий населения встречались настенные барометры. Они, как и часы, зеркала, по красивому внешнему виду смотрелись в интерьере и как средство художественного декора стен.

Непременным атрибутом интерьера жилищ татар-мусульман был *шамаил* в виде написанного на стекле или бумаге и вставленного в раму текста из Корана с пожеланиями мира и благополучия семье. Его подвешивали над дверью или в простенке окон. Средством украшения стен в домах образованной части населения, чаще у духовенства, были рисунки красиво исполнен-

ного *шэжэрэ* – родословного дерева главы семейства по мужской линии.

Характерной деталью были цветы на подоконниках. За ними бережно ухаживали, горшки оформляли: окрашивали, обертывали бумагой. Особой любовью пользовались герань, бальзамин, базилик. В больших гостевых комнатах иногда помещали фикусы, пальмы.

В интерьере татарской избы подвижная мебель (деревянные кровати, столы, стулья, скамьи, сундуки) была немногочисленной. Эта черта была характерна и для крестьянского жилища других народов.

В конце XIX – начале XX в. довольно распространенным видом мебели стали деревянные столы (*өстэл*) работы сельских мастеров. Характерным предметом обстановки жилища всех групп татар являлись сундуки (*сандык*). Их внешний вид и количество служили мерилем достатка. В быту состоятельных татар использовались высокие вместительные сундуки, красиво отделанные полосками жести.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. среди подвижной напольной обстановки татарских сельских жилищ бытовали предметы мебели, различающиеся по времени появления, качеству, социальной значимости и престижности. Одни из них – деревянные кровати, низкие столы, сиденья без спинки, короткие скамьи, небольшие сундуки – по простоте устройства и скромному внешнему виду можно отнести к «старому» или «примитивному» стилю. Они появились ранее изучаемого времени и были территориально широко распространены. Другая категория мебели – шкафы, высокие столы, стулья и скамьи со спинкой, художественно оформленные сундуки, диваны, софы, трюмо и т.п. появились не ранее последней четверти XIX – начала XX в. Этот исторически сравнительно молодой и новый стиль мебели различался по своему происхождению. Одни из предметов появились в результате усовершенствования местными кузнецами традиционных видов, другие были фабричными, привнесенными из городской практики. Степень и время проникновения последних в сельский быт территориально заметно различались, что прослеживается между лесными, отчасти северными района-

ми лесостепной зоны и областями, расположенными к югу. Жилище юго-восточных районов характеризовалось большим сохранением традиционного «примитивного» стиля обстановки и малым числом мебели городских форм. Иная картина сложилась в лесных и северных лесостепных районах. Здесь наблюдалось сочетание «старого» и «нового» стилей, часто с преобладанием последнего. У состоятельного населения, соприкасавшегося с городской культурой, дополнительно подрабатывавшего отходничеством, ремеслом, торговлей, нередко дома полностью обставлялись мебелью фабричного производства. Начальный процесс, а затем и наибольшая концентрация этих изменений приходились на жилища татар в Касимовском у., в северных местностях Окско-Сурского бассейна, Предкамье, пермском Приуралье. В южных лесостепных и степных ареалах, в сравнении с северными, традиционно неизменной обстановкой обходились более значительные массы бывших государственных крестьян-общинников, особенно татар-припущенников. Дома же служилых татар-казаков, а также торговцев, зажиточных крестьян мебелировкой мало уступали жилищам состоятельных татар северных ареалов.

В быту массовым и территориально широко распространенным элементом матерчатого убранства выделялись занавеси (*чаршау*), используемые в утилитарном и декоративном аспектах. Ими закрывали,

придавая нарядный вид, разные части жилища, предметы обстановки: разграничивали кухонную половину, отделяли гостевое пространство перед нарами, перегородки, промежутки между печью и задней торцовой стеной, спальные места на нарах или деревянной кровати и т.д.

Яркой отличительной особенностью татарского жилища были разделение избы на мужскую и женскую половины, выделение в переднем углу (*түр*) и т.п. Типичными в интерьере были нары. Их повсеместное распространение, сохранение архаичных форм, ритуальное значение (*түр*) свидетельствуют о глубокой древности нар, возникших еще в древнетюркской полуземлянке. Самобытным элементом интерьера были полки (*киштә*). Характерными для среднего татарского жилища были многочисленные постельные принадлежности, помимо основного назначения в дневное время используемые в декоративных целях. В интерьере присутствовали сундуки, зеркала, часы и т.п., кроме своего непосредственного назначения выполнявшие и декоративные функции. Типичными для татарского жилища были матерчатые украшения, несущие, прежде всего, эстетическую, декоративно-художественную нагрузку: подзоры, занавеси, праздничные полотенца, скатерти, салфетки, домотканые паласы, ковры и др. Все это составляло неповторимый самобытный облик традиционного сельского татарского жилища.

§ 2. Городские жилища

Диляра Сулейманова

Наиболее крупная городская татарская община сложилась в Казани. Старотатарская слобода здесь сформировалась во второй половине XVI в. После большого пожара, случившегося в середине XVIII в., часть горожан была переселена из Старотатарской слободы на новое место – к югу, так было положено «начало Новотатарской слободе» [Нугманова, 2001, с.7]. Старотатарская слобода Казани была наиболее престижным районом татарских кварталов – в середине XIX в. все знатное купечество проживало именно здесь [Нугманова, 2002,

с.133]. Новотатарская слобода была заселена в основном ремесленниками и мелкими предпринимателями, ее застройку составляли небольшие участки с одноэтажными деревянными домами и хозяйственными сооружениями.

Старотатарская слобода в Казани отличалась от русской части города своей планировочной структурой, объемно-пространственными и архитектурно-художественными особенностями. В то время как русская часть города блистала роскошью и богатством, сочетая в своем облике тради-

ции православной культуры со светскими, европейскими нововведениями, в татарской части города не было крупных помпезных зданий, дома раскрывались в сторону больших открытых дворовых пространств [Валеева-Сулейманова, 2008, с.141].

Татарские слободы, как правило, были застроены деревянными и каменными жилыми усадьбами с индивидуальным домом на одну или несколько семей. Городская усадьба представляла собой отдельное частное владение с комплексом построек жилого и хозяйственного назначения, включая помещения для торговли и промышленности [Нугманова, 2001, с.4]. В большинстве своем татарские городские усадьбы являлись многофункциональными комплексами. Они, наряду с жилыми помещениями, в которых проживали хозяева, включали торговые лавки, склады и мастерские. Некоторые усадьбы имели дополнительные жилые площади для сдачи их в наем. Отличительной чертой татарских усадеб было то, что в них зачастую проживала не одна, а несколько семей – в основном ближайшие родственники. Кроме того, в доме часто селились приехавшие из деревни родственники и односельчане хозяев, планировавшие в дальнейшем обосноваться в городе. Поэтому жилые площади дома были рассчитаны на большое число проживающих, и с этой же целью к домам пристраивались флигели.

Несмотря на действовавшие строительные правила, унифицировавшие застройку русских и татарских городских усадеб Казани, последние имели своеобразные особенности, которые более всего проявлялись в постановке дома по отношению к улице и в планировке жилых помещений. В соответствии с традицией сельского домостроения до второй половины XIX в. в Старотатарской слободе многие жилые дома располагались в глубине усадьбы со значительным отступом от красной линии. Сами усадьбы обносились высоким глухим забором.

С середины XIX в. российские строительные правила стали предписывать расположение жилых домов и флигелей фасадом по красной линии улицы. Данное нововведение вызывало сопротивление владельцев, тем не менее, оно сильно повлияло на облик татарских слобод, в которых дома стали воз-

водиться по красной линии. Однако и в данном случае перед домом часто устраивался традиционный палисадник, что позволяло иметь небольшой отступ от линии улицы. На окраинах татарских слобод предписания соблюдались не столь строго, и поэтому постановка домов в глубине усадьбы, а также обнесение их высоким забором сохранялись здесь вплоть до начала XX в. [Айдарова-Волкова, 1999, с.25].

По составу строений и характеру пространственной организации городские усадьбы татарских предпринимателей почти ничем не отличались от русских усадеб. Усадьбы делились на две части – двор, составлявший основную часть участка, и сад. Центром усадьбы являлся жилой дом. Во дворе возводили флигель – отдельный дом или пристройку к основному дому, который использовали как дополнительное жилое помещение. Обширный двор окружали хозяйственные постройки (кладовые, конюшни, навесы для сушки и хранения зерна, кухни, бани и т.д.), расположенные у границы двора с садом. Дворы были засажены деревьями и кустарниками, сюда выходили внутренние балконы и галереи.

Неотъемлемой частью татарской усадьбы был сад, в котором устанавливали беседку, где летом устраивались чаепития, здесь же обычно находился источник воды (колодец). У богатых купцов, зачастую было по два сада и по два колодца. Сады располагались в глубине за домом, чаще всего занимая около 1/3 усадебного участка, но при больших участках могли занимать и половину [Назмиева, 2007, с.22]. Чаще всего сад и в целом внутреннее пространство двора засаживали лиственными деревьями, которые давали тень. Огороды на усадьбах практически не размещались, территория для них чаще всего выводилась за пределами слободы [Назмиева, 2007, с.22].

Если в усадьбах XVIII–XIX вв. совмещались функции частного жилья и предпринимательская деятельность хозяев, то с конца XIX в., особенно среди состоятельного татарского купечества, наметилась тенденция к возведению собственно торговых, производственных или сдаваемых в наем усадеб. Например, в районе Сенной площади Старотатарской слободы преобладали «доход-

Быв. усадьба Сабитовых.
2-я пол. XIX в. Казань,
ул.Марджани, 8. Фото 2010 г.

ные» дома, в которых на первом этаже были торговые лавки, а на втором – сдаваемое в наем жилье. Такие дома, особенно на рубеже XIX–XX вв., были известны как места общественной и интеллектуальной жизни татарской интеллигенции. В номерах гостиниц и в «доходных» домах, количество которых сильно возросло после 1905 г., размещались редакции татарских газет и журналов [Нугманова, 2002, с.148].

Жилые дома: планировка и интерьер.

Многообразные городские жилища в татарских слободах можно условно разделить на две группы – рядовые дома и дома-особняки. Большую часть городской застройки составляли дома, принадлежавшие мещанам, мелкому купечеству, духовенству, интеллигенции, рабочим, ремесленникам – всем тем, кто составлял основную массу городского населения. Большинство этих домов представляли собой деревянные одно- или двухэтажные срубные жилища, в основе которых лежали традиционные сельские конструкции. Для основной массы таких домов было характерно устройство трех-пяти окон по фасаду. Иногда дома усовершенствовались – значительно увеличивались их размеры, пристраивались дополнительные архитектурные объемы, увеличивались размеры окон, усложнялась внутренняя планировка. Характерным было устройство мезонина и антресолей с дополнительными жилыми помещениями.

Деревянные дома в татарских слободах богато украшались орнаментальной резьбой. Резьба, как и ее композиции на фасадах и многоцветное оформление, была в основном традиционной, выполнялась в виде накладной глухой и ажурной орнаментации [Валеева-Сулейманова, 2008, с.141].

В городах широкое распространение получили деревянные дома с нижним или по-

луподвальным каменным этажом. В таких полукаменных домах, характерных в основном для купечества, нижний этаж был торговым или хозяйственным – здесь размещались лавки, кухни, кладовые, мастерские или помещения для прислуги. Второй этаж был жилым, в нем располагались парадные и жилые комнаты хозяев [Нугманова, 2001, с.14].

Другую группу составляли дома богатых и влиятельных горожан, которые строились профессиональными архитекторами и инженерами в русле господствовавшего в тот период общеевропейского архитектурного стиля. Эти дома представляли собой одно- и двухэтажные каменные особняки с большим количеством фасадных окон – от 5 до 8 и более. Они выделялись на фоне массовой застройки своими размерами, богатством внешней отделки, сложностью планировочной структуры. Характерной особенностью таких особняков было функциональное разделение дома на нижний этаж, с торговыми лавками или служебными помещениями, и верхний – с жилыми комнатами, что отражалось и в оформлении фасада [Нугманова, 2001, с.14]. Низкие складские или хозяйственные помещения украшались без излишеств, отличались небольшими по размерам окнами. Основной этаж украшался более пышно, выделялся богатой резной пластикой стены.

Во внешнем облике особняков знати получили развитие популярные в XVIII – начале XX в. стили: барокко и ампи́р,

модерн и эклектика. В то же время здесь присутствовали и элементы мусульманского зодчества, например, полуциркулярная и стрельчатая арка, сталактиты, орнамент [Валева-Сулейманова, 2008, с.142].

Внутренняя планировка домов традиционной сельской конструкции, таких как четырехстенник, шестистенник и пятистенник, принадлежавших средним слоям населения, повторяла планировку сельских домов. Справа или слева от входа стояла печь, по линии которой комната разделялась перегородкой на две половины – кухонную и жилую гостевую. Вместо саяке в гостевой части городских домов обычно ставили деревянные или железные кровати, однако саяке сохранялось на кухонной половине. Напротив входа, у передней стены, размещали стол и стулья, у задней или боковой – буфет-горку с посудой. В простенках вешали часы и зеркала. Пространство около входа могло отделяться перегородкой или занавеской, образуя небольшую прихожую. В шестистенниках и пятистенках сохранялся принцип деления на мужскую, гостевую, часть дома и частную, женскую, при этом под каждую отводился отдельный сруб. Сени в таких домах также разделялись на мужскую и женскую половины и нередко имели отдельные входы, сообщаясь при этом через небольшой проход внутри дома [НА РТ, ф.408, оп.36].

В четырехстенниках, шестистенниках или пятистенках более крупных размеров площадь позволяла устраивать многокомнатную планировку. За счет выдвижения большой хлебопекарной печи к середине дома пространство можно было поделить «на три-четыре комнаты (прихожая, гостиная, спальни), в каждую выходила одна из сторон печи» [НА РТ, ф.2, оп.13].

Интерьеры многокомнатных городских домов сочетали в себе как городские черты, так и элементы сельского образа жизни [Сулейманова, 2007, с.35]. Так, интерьер гостевых комнат – зала, гостиной, кабинета, в которых принимали посетителей, решался в европейском стиле. Гостиную, обычно расположенную в фасадной части дома, окна которой выходили на улицу, обставляли городской европейской мебелью, ставили в углу печь-голландку, иногда украшенную изразцовыми плитами. Нередко расстав-

ляли деловую европейскую мебель – письменный стол или секретер, на стены вешали часы и зеркала. Национальную специфику таким европеизированным интерьерам придавали *шамаили*, Коран в богатом переплете, некоторые предметы текстильного убранства (*намазлыки*, паласы, домотканые и вышитые скатерти и салфетки), бытовая утварь (кумганы, тазы), а также обилие комнатных цветов на подоконниках. В то же время в интерьерах частных покоев (спальные, личные комнаты), а также хозяйственных помещений сохранялись традиционные черты. В личных комнатах вместо кроватей использовались саяке, а вместо стульев и мебели – сундуки. Комнаты были оформлены предметами текстильного убранства – полотенцами, молитвенными ковриками, занавесками (*чаршау*) и подзорами (*кашага*). В женских покоях пользовались популярностью зеркала-трюмо и туалетные столики.

Иные варианты внутренней планировки были характерны для особняков, принадлежавших богатым горожанам – купцам и промышленникам. Отличительной особенностью их особняков было деление дома на гостевую, мужскую, и частную, женскую, половины. При этом в обе части вели отдельные входы. В мужскую гостевую половину вел парадный вход с улицы, а в женскую, где находились личные комнаты и частично хозяйственные помещения, – черный вход со двора. При этом отдельные (мужские и женские) лестничные клетки пристраивались по торцевым сторонам дома или со стороны заднего фасада отдельными архитектурными объемами.

Вследствие этого нередко между двумя выступами лестничных клеток по второму этажу устраивались деревянные балконы-галереи, что также являлось характерной особенностью архитектуры татарских особняков. Кроме того, такие галереи, нередко застекленные разноцветными стеклами, связывали и разные постройки усадьбы, например, дом и флигель.

Гостевая парадная часть обычно располагалась вдоль уличного фасада, а жилая была обращена окнами во двор, что было характерно в целом для особняков как русских, так и татарских владельцев. В парадной части устраивалась анфилада комнат, состоявшая обычно из зала, гостиной, ка-

Быв. дом С.М.Назирова.
1886 г. Казань,
ул.Марджани, 18.
Фото 2011 г.

бинета хозяина. Использовались эти комнаты, в основном, при приеме гостей, в обычное время они пустовали. В части, обращенной окнами во двор, и на антресолях находились небольшие по размеру частные комнаты, где размещались члены семьи, прислуга. В центре, между этими двумя частями дома, проходил коридор с лестницей, ведущей на верхний антресольный и мезонинный этажи [Тыдман, 2000, с.70].

Данная система внутренней планировки, характерная для архитектуры классицизма, была особенно привлекательна для татарских горожан, так как соответствовала их образу жизни и религиозным устоям [Сулейманова, 2007, с.35]. Глубоко укорененная традиция отделения жилых пространств для женщин и мужчин, а также ограничения женского пространства от доступа посторонних диктовали разделение дома на изолированные друг от друга части и устройство отдельных входов и лестничных клеток [Нугманова, 2001, с.14]. При этом в татарских особняках делалось большое количество дверей, что позволяло женщине незаметно передвигаться по дому, если в нем присутствовал посторонний мужчина [Айдарова-Волкова, 1999, с.29]. В женской половине концентрировалась жизнь всей семьи. Летом в галереях, на балконах, верандах для чаепития проводили основное время женщины, молодые девушки, дети.

Интерьер особняков состоятельных татар, вследствие их высокого имущественного статуса, отличался богатством обстановки и декоративного оформления. В парадных интерьерах татарское купечество в какой-то мере следовало восточным представлениям о роскоши, на что, в частности, указывали использование ярких узорных ковров, вывешивание на стенах зеркал, обилие комнатных цветов и популярность певчих птиц в клетках. Однако и здесь прослежи-

вается различие между интерьерами парадных и частных комнат. По свидетельству А.Ф.Риттиха: «В городах, в особенности в Казани, вид татарских домов и строений ничем не отличается от других городских... Приемные покои в виде зала и гостиной убраны на европейский лад, обыкновенно мягкой мебелью, зеркалами, канделябрами, занавесками, коврами, салфетками и цветами на окнах» [Риттих, 1870, с.17].

Гостиная, являвшаяся наиболее представительной частью дома, размещалась рядом с залом, почти в центре дома. Она обставлялась разнообразной мебелью – в частности, небольшими диванчиками-канопе, маленькими придиванными столиками, креслами. Были популярны и трюмо-зеркала, поставленные вдоль стен, большие буфеты с красивой праздничной посудой. В углах напротив окон симметрично располагались изразцовые печи-голландки. В гостиной комнате вешали по несколько настенных часов, зеркал, шамаили, вышитые золотом полотенца, которые размещали в деревянных рамах.

Мебель в особняках богатых горожан была изготовлена из дорогих пород дерева, чаще всего красного или орехового, с богатой резьбой и декоративной отделкой. Кроме того, были характерны художественная отделка и декор внутренних стеновых поверхностей. Популярны были сюжетные росписи с пейзажными и натюрмортными композициями, характерными для интерьеров эпохи классицизма [Фукс, 1991, с.24]. Потолки и стены украшались декоративной

лепниной, карнизами со сложными профилями и иногда росписью. Полы делались паркетными или из окрашенного дерева, покрывались коврами. Двери в парадной части дома также нередко оформлялись резьбой, вырезанными арками и накладными пилястрами, что было характерно для интерьеров не только городских домов, но и сельских, например в районах Заказанья [Халитов, 1991, с.96].

Частные, женские, покои домов-особняков представляли собой совершенно иную картину. Эта часть дома, скрытая от глаз посетителей, обустраивалась проще и более традиционно. К женским комнатам относились и жилые антресоли, где устраивались комнаты для молодых девушек, детей, прислуги. Об интерьере одной из женских комнат известно по описанию К.Фукса, который отмечал присутствие в них широких саяк, сундуков, а также большого количества подушек, ковров, занавесок и богатых женских одежд, используемых в декоративном оформлении интерьера [Фукс, 1991, с.25]. Современники так писали об этой части дома: «Во внутренних покоях преобладает азиатский вкус с его низкими диванами по стенам, на которых сидят татарки, поджав ноги» [Риттих, 1870, с.17].

Популярными элементами оформления интерьера в городском татарском доме являлись зеркала, обрамленные резными деревянными рамками, и настенные или отдельно стоящие часы. Личные покои дома состоятельные татары украшали картинами, часто живописными портретами (в т.ч. фотографиями) [Насыри, 1997, с.19]. Наряду со свечами, настольными и висячими керосиновыми лампами, в богатых домах с середины XIX в. использовалось ламповое освещение в потолочных хрустальных люстрах и бра на стенах. В создании ансамбля

интерьера использовались и различные художественные изделия из металла – канделябры, подсвечники, подносы и др.

Этническую специфику интерьеру парадных комнат татарского дома придавали предметы мусульманского религиозного культа. Богато оформленные шамаили, центром производства которых была Казань, молитвенные коврики (*намазлыки*) размещали на стенах парадных комнат, в гостиной или кабинете. Около печи стояли кумган и медный таз для омовения. В шкафу или на столе лежали рукописные или «печатные Кораны» в кожаных переплетах или серебряных коранницах. Органичным элементом в убранстве комнат являлись располагавшиеся на подоконниках комнатные цветы – «горшки с лимонными деревьями, с геранью и, особенно, с бальзаминами и душистыми базиликами» [Фукс, 1991, с.25], придававшие интерьеру особый колорит. На полу было большое количество персидских и среднеазиатских ковров.

Таким образом, интерьер татарского городского дома представлял собой многосложный ансамбль, в котором проявлялись эстетический вкус и этнические предпочтения хозяев. Интерьеры частных покоев с традиционной обстановкой, характерной для сельского дома, а также старинные обычаи и образ жизни татарских горожан резко контрастировали с парадной частью дома, его европейской архитектурой и оформлением. Эта амбивалентность в организации интерьера городского дома и в образе жизни в целом в какой-то мере отражала характер социального положения татарских горожан, особенно буржуазии, которая была вынуждена придерживаться официальных российских норм и устоев во внешней, репрезентативной стороне жизни, в то время как во внутренней, частной сфере она продолжала сохранять религиозные и этнические традиции.

ГЛАВА 2

Архитектура мечетей

Нияз Халитов

Архитектура мечетей татар – явление сложное и неоднозначное, которое зависело от многих факторов социально-политического характера. Они оказывали непосредственное влияние как на масштабы культового строительства, так и на образно-художественные характеристики отдельных зданий.

Татарская архитектура Нового времени развивалась, как и у многих других народов Российской империи, в жестких рамках бюрократической системы регламентации и формировалась силами русских архитекторов в русле общей градостроительной политики государства. Поэтому в постройках татар наряду с национальными чертами проявлялась и психология исполнителя, русского архитектора. На масштабах татарской архитектуры отразились также политика правительства и действия православной миссии, ограничивавшие ее развитие. В итоге оно пошло по пути деградации, донеся до нас в основном лишь непритязательные образцы *махалла мечете* и *жомга мечете*. Другие типы мечетей и вовсе исчезли.

Общая линия развития в архитектуре мечетей видится как поиск компромиссных решений, которые определялись взаимодействием татарского заказчика и русского архитектора в рамках русской школы монументальной архитектуры, а в более широком смысле – взаимодействием российских архитектурно-художественных концепций с мировоззренческими и традиционными установками мусульман.

Несмотря на значительную, казалось бы, зависимость архитектуры от внешних обстоятельств, в ее эволюции, тем не менее, прослеживается некая мощная магистральная идея, не допускающая существенных отклонений от традиции, а тем самым и духовного произвола исполнителя в отношении заказчика. Прослеживающаяся вполне

отчетливо на всех уровнях эстетическая концепция, некая система позволяет говорить о существовании жизнеспособной и прочной традиции в культовой архитектуре Нового времени, берущей свое начало в зодчестве средневековья. Эта традиция, носителем которой выступал народ в лице конкретных заказчиков, и сформировала в итоге целостную при всем многообразии проявлений и достаточно устойчивую к деформирующим воздействиям извне архитектуру мечетей Нового времени, поддающуюся системному анализу на разных уровнях.

Композиционные типы мечетей, получившие распространение в архитектуре Нового времени, сводятся к следующим основным группам:

1. *Мечети с минаретом на крыше*, генетически восходящие к периоду Казанского ханства или даже, может быть, более раннему времени. Мечети такой композиции имели самое широкое распространение в XVIII–XX вв. Строительный материал – дерево – определил конструктивное решение этого типа мечети: сруб с балочным перекрытием и скатной крышей.

Мечети с минаретом на крыше, как каменные, так и деревянные, представляли собой прямоугольное в плане одно-двухэтажное здание с двускатной крышей, ориентированное с севера на юг. С южного торца примыкал прямоугольный в плане объем михраба. Крышу прорезал восьмигранный или, иногда, цилиндрический минарет, завершавшийся высоким пирамидальным или коническим шатром. Минарет в большинстве случаев располагался над геометрическим центром здания (иногда у северного торца) и представлял собой двух-трехъярусную башню, состоящую из стержня (с основанием или без), внутренней, обычно остекленной, площадки азанчи (иногда обнесенной внешней галереей) и шатра. Деревянные

Засаревская мечеть в Астрахани.
Фото нач. XX в.

минареты всегда были восьмигранными, каменные, кроме того, могли иметь цилиндрическую форму или быть комбинированными. Каменный минарет конструктивно опирался на толстую поперечную стену, обычно разделявшую мечеть на ритуальную и вестибюльную зоны; деревянный крепился к стропилам и балкам перекрытия.

Функциональная схема мечети с минаретом на крыше имела вполне четкие закономерности. Если здание было двухэтажным, то на первом этаже располагалась служебно-хозяйственная зона, где, наряду с необходимыми для мечети принадлежностями (инвентарь, библиотека, дровяные склады и др.), имелись нескороаемые кладовые для товаров местных купцов в виде изолированных сводчатых помещений с отдельными выходами. Часто на первом этаже, кроме того, располагалась школа. Северную часть здания занимала вестибюльная зона (сени, вестибюль, гардероб, администрация), занимавшая по площади около 1/5 этажа. В южной половине здания размещалась ритуальная зона (молитвенные залы, михраб). Эти закономерности прослеживаются как на сохранившихся памятниках, так и в описаниях современников.

Особую функцию выполнял минарет, с верхней площадки которого провозглашался азан (призыв к молитве).

2. *Мечети с минаретом над входом.* Это тип однозальной мечети, где минарет размещается над капитальной стеной, разделяющей молельный зал и относительно небольшой вестибюль. Минарет сильно сдвинут ко входу и сидит на коньке крыши. Такие мечети встречались как в Казанской губ., так и за ее пределами.

3. *Мечети с двумя минаретами.* Традиционный тип мечети, закрепленный образцовым проектом 1782 г., отличается от предыдущего тем, что два минарета фланкируют объем вестибюля симметрично относительно продольной оси здания. Молельный зал может выделяться куполом или маковкой. Такие мечети встречались в слободе Каргалы под Оренбургом и в других местах.

4. *Мечети с минаретом над вынесенным вперед тамбуром входа.* Этот тип мечети получил распространение в середине XIX в. на основе образцового проекта 1844 г., который, в свою очередь, объединил в себе основные композиционные закономерности традиционных средневековых татарских мечетей и русской церковной архитектуры классицистического направления. Такие мечети реализовывались в романтических формах, с использованием образных и декоративных средств.

Некоторые архитектурно-художественные особенности татарских мечетей. Масштабность традиционных мечетей, выдержанных в народных традициях, определялась низкой пластикой стены, которая сопровождалась предельной лаконичностью фасадного декора. Это объясняется не только приматом цвета над пластикой. Как известно, масштаб здания в архитектурной среде определяется не только его абсолютными размерами, но и степенью расчлененности: менее дробные здания обладают большей монументальностью, чем здания с большим количеством членений [Кириллова, 1986, с.125–127]. Именно такой подход позволил народным мастерам, не увеличивая физических размеров здания, достигать впечатления монументальности, большей масштабности мечети в окружении мелкопластичной раздробленной жилой застройки.

Азимовская мечеть в Казани. Фото нач. XX в.

Символом и критерием масштабности мечети на улицах города стала высота ее минарета. Соотношение пропорций и масс минарета и здания существенным образом влияло на восприятие масштабов архитектуры мечети. С увеличением высоты башни объем здания зрительно уменьшался, и наоборот.

Характерной особенностью *силуэта* татарской мечети было решительное противопоставление энергичной, затейливого абриса ажурной башни минарета спокойной горизонтали конька крыши здания, всему его массивному объему.

У мечетей с минаретом над входом статичный объем здания играл ведущую роль при обзоре с боковых фасадов, однако такой обзор, как правило, не предусматривался архитектором, и высокая башня минарета на переднем плане акцентировала на себе внимание устремленностью вверх, вертикализмом пропорций¹.

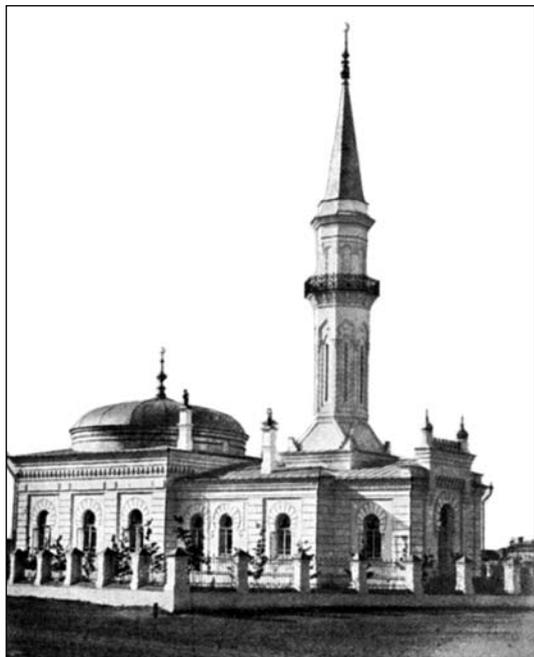
Анализируя *пропорциональные соотношения* фасадных элементов татарских мечетей Нового времени, можно с определенностью выделить две системы пропорций: традиционную (каноническую) и временную, зависевшую от требований господствовавшего стиля и индивидуального почер-

ка зодчего. Первый вид пропорций, касавшийся в основном габаритных пропорциональных соотношений здания и минарета, незримо присутствовал почти всегда, играя даже в какой-то степени роль знака. Второй вид пропорций менялся с течением времени и носил нюансный характер по отношению к первому. Находясь в сложном взаимодействии, обе системы пропорций всякий раз рождали новый образ здания, как бы проступая невидимыми «силовыми линиями» сквозь фасады и силуэт мечети.

В основе *художественного образа* мечети всегда естественным образом подразумевается приоритет исламской архитектурно-художественной традиции, однако он далеко не всегда выливается в очевидные формы. С усилением регламентирующей роли государства русско-европейская стилевая концепция начала существенно влиять на дальнейшие пути развития культовой архитектуры России, в т.ч. и архитектуры российских мусульман.

В целом образное решение татарских мечетей опиралось на уже сложившиеся традиции и шло от их общей композиции, силуэта, элементов декора, своеобразной расцветки. Рождавшееся в итоге причудливое сочетание разнородных факторов формировало специфический, присущий только татарской региональной культуре образ мечети, легко расшифровываемый местными жителями и непонятный иному образу мыш-

¹ Исключение составляла Азимовская мечеть, минарет которой значительно превосходил общую длину здания в расчете на боковой обзор.

Мечеть в Павлодаре. Фото нач. XX в.

ления. Его неотъемлемой частью были минареты, символически канонизировавшие средневековые формы. Этот традиционный архетипный элемент наследовался архитектурой мечетей на протяжении всего Нового времени.

Учитывая специфику и условия зрительного восприятия, *художественно-образный язык архитектуры* строится на многослойном фундаменте культурных традиций как сложная информационно-знаковая система. Закодированная с помощью этого языка информация воплощается в конкретной форме произведения архитектуры [Ефимов, 1986, с.101], выступая «в каждом частном случае в виде конкретного формального знака своего содержания» [Новиков, 1877, с.44], в т.ч. национального.

Многие элементы традиционной архитектуры, законсервированные во внешних, формально-знаковых признаках татарской мечети служили признаками «священных корней» культуры предков, более доступной в других областях художественной культуры. Таковыми были символы Солнца, арки «с плечиками» (внешне сходные с классицистическими и барочными мотивами «венецианского окна»), разнообразные «сияния», оригинальная система раскраски и общее соотношение пластики, декора, цвета и др.

Архитектура мечетей с минаретом над вынесенным вперед здания тамбуром входа, порожденная фантазией российских архитекторов на волне романтизма середины XIX в., в большой степени основывалась на эстетике российской стилевой концепции середины XIX – начала XX в. Проектируя для татар, архитекторы зачастую опирались на «теоретическую базу» российского романтизма, где исламское искусство (к которому они причисляли, естественно, и татарское) однозначно рассматривалось как нечто экзотически роскошное. Особенно это заметно на зданиях в российских городах с относительно небольшой долей мусульманского населения. В центрах же ислама (Казань, Оренбург, Крым) традиции местного зодчества вновь взяли верх. Так же, как и в архитектуре мечетей с минаретом на крыше, минарет стал обозначать принадлежность к региональной архитектурной традиции. В то же время фасады здания могли решаться в достаточно нейтральных либо «общевосточных» формах.

Стилевое решение татарских мечетей, как правило, зависело от господствовавших направлений в культурном развитии, поскольку проектирование мечетей осуществлялось архитекторами строительных отделений губернских правлений, воспитанниками столичной школы. Однако каждый из применявшихся стилей (барокко, классицизм и, тем более, романтизм) существенно трансформировался, уступая требованиям национальной психологии заказчика. В итоге рождались невиданные в русской архитектуре татарские формы этих стилей, обогащавшие в итоге арсенал средств монументальной татарской архитектуры.

Декоративные средства, применявшиеся в татарской культовой архитектуре, подчинялись общей закономерности, которая заключалась в преобладании мелкой пластики над крупной и цвета над пластикой. Различие национальных традиций в области цвета привело в XIX в. к формированию совершенно различных подходов к декоративному решению фасадов: монохромно-пластическому у русских и полихромно-плоскостному у татар. Ну и, разумеется, работал общий принцип исламского зодчества: избегать сюжетных композиций на фасадах и в интерьерах, особенно с включени-

ем в них представителей животного мира и человека.

Ведущая роль в пластическом оформлении фасада принадлежала архитектурной детали, а вслед за ней фактуре стены. К числу выразительных пластических средств, формировавших образно-художественный строй фасадов, принадлежали проемы и ниши прямоугольной, арочной, стрельчатой и подковообразной форм, снабженные несложными наличниками и относительно усложненными витражными заполнениями. Декоративные детали несли на себе отпечаток как господствующего российского стиля, так и специфически «восточных» элементов. Изображения же людей, маски львов и тому подобные элементы, столь часто употреблявшиеся в русской классицистической и эклектической архитектуре, не встречались вообще².

Особый интерес для нас представляет своеобразная полихромная раскраска татарских мечетей, многообразные варианты которой зафиксированы начиная с рубежа XVIII–XIX вв. Как известно, полихромия участвует в архитектурном формировании, подчеркивая назначение произведения архитектуры, с одной стороны, и утверждая его эстетические ценности – с другой [Ефимов, 1986, с.101]. Многоцветность стала одной из главных составляющих художественного образа в архитектуре мечети уже с первых лет ее существования. В архитектуре Нового времени активными носителями полихромной традиции стали татары Среднего Поволжья.

Уже самые ранние из сохранившихся в Казани мечетей (аль-Марджани и Апанаева) красились охрой, белой и голубой красками, а в 1-й половине XIX в., наряду с «казенной» раскраской фасадов в жилом строительстве (голубой, белый, желтый и другие цвета), появились примеры яркой контрастной полихромии Базарной (серый, белый, красный, зеленый, черный), затем Султановской

(зеленый, красный, золото), Бурнаевской (желтый, зеленый), Казаковской (зеленый, белый, фишашковый) и других мечетей. Характерна была расцветка деревянных мечетей (охра, бело-голубой, бело-зеленый, красный), устойчивые закономерности которой были едины и для жилой архитектуры. Особенно ярко проявились они на селе, где приняты характер своеобразного цветового канона. Как правило, основная плоскость стены деревянной мечети с минаретом на крыше красилась охрой, а детали отделялись синим, голубым, белым, зеленым и красным цветами. Шатер минарета и крыша красились в зеленый цвет.

В отличие от русских зданий, где все цвета брались разбеленными, у татар фасады красились в чистые яркие цвета без полутонов.

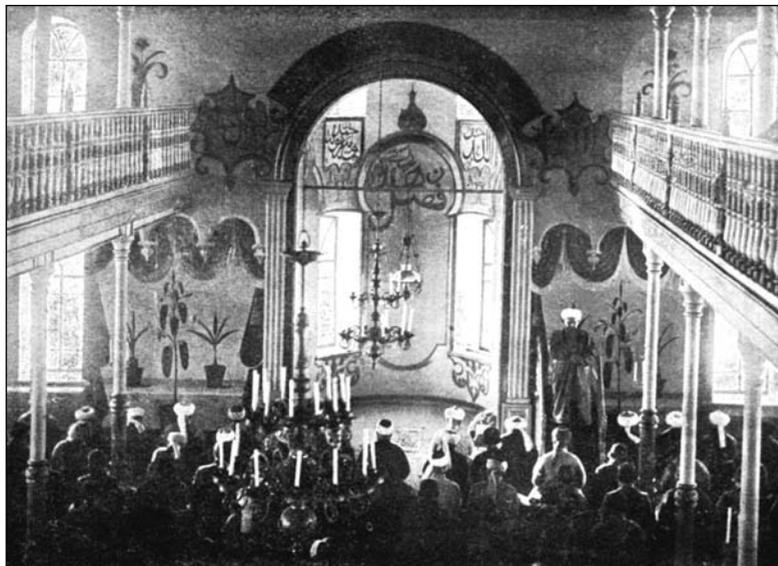
Как показывают обследования, стены зданий красились независимо от наличия или отсутствия на них обшивки или штукатурки. При сплошной окраске стены применялся светло-коричневый или охристый, иногда голубой или зеленый цвет. При многоцветной окраске поверхностей или отдельных элементов фасада (лопаток, фронтонов, стержня минарета) предпочитались сочетания синего с белым, белого с зеленым.

В целом окраска татарских зданий так сильно отличалась от окраски зданий русских, что даже получила в этнографической литературе название «татарский вкус». Их упорное нежелание придерживаться общепринятой и даже законодательно предписанной системы окраски фасадов может быть легко понято при ознакомлении с внутренними колористическими законами исламского искусства, хорошо объясняющими особенности декоративного искусства татар [Масиньон, 1978, с.46–59].

Истоки своеобразия татарской архитектурной полихромии следует, видимо, искать в средневековых традициях местного монументального зодчества [см.: Халитов, 1981, с.74–79; 1982, с.20–22; 1985, с.127–128; 1989].

На формирование особенностей местной архитектурной полихромии влияли в основном природный и традиционный факторы. Кроме того, имелся еще один очень существенный фактор – религиозно-

² В условиях идеологического противостояния христианства и ислама эти запреты в татарском зодчестве, как и мотивы креста (часто встречающиеся в геометрических орнаментах, например, Средней Азии), приобрели символический, знаковый характер и тщательно избегались татарами при декорировке мечетей.

Внутренний вид мечети в Кустанае.
Фото нач. XX в.

идеологический, оказывавший самое серьезное воздействие на ее дальнейшее развитие. Как писал Н.И.Воробьев в начале XIX в., «татарская буржуазия массами посылает своих детей учиться в Хорезм и Бухару, где они насковозь пропитывались той мусульманской схоластикой, которая там в это время процветала. Получив образование в Средней Азии и вернувшись оттуда, эти питомцы начали вводить среди татар ту культуру... Вводимая восточная культура, конечно, в ее внешних отражениях, быстро проникала в крестьянские массы, и быт их, так же постепенно, проникся значительным количеством мусульманско-среднеазиатских элементов» [Воробьев, 1930, с.33–34]. Они впоследствии, уже став заказчиками, стремились добиться при помощи окраски хотя бы ассоциативного сходства со среднеазиатской полихромией у себя на родине, имитируя охристую поверхность из бухарского желтого кирпича с изразцовой бело-голубой и зеленой облицовкой, свойственными бухарской школе зодчества. Тем более, что это никак не противоречило и собственным традициям монументального зодчества. Все это определило в дальнейшем основы цветового своеобразия татарских мечетей.

В контактных зонах цвет на фасадах мечети стал, видимо, играть и символическую роль, служа, с одной стороны, зримым мостиком к культурам Востока и зодчеству предков, с другой – знаком, выделяющим мечеть. Русское же народное зодчество, не имевшее таких традиций и стимулов, обратилось к деревянной резьбе как к основному декоративному средству.

Татарские полихромные традиции, синтезируя в себе свойства местной, русской и восточной декоративных традиций, породили самобытное явление в народном зодчестве средней полосы Европейской России. По мнению этнографа Е.П.Бусыгина, эта система воздействовала с течением времени на зодчество и других народов края [Бусыгин, 1966, с.266], создав региональное явление архитектурной полихромии в Среднем Поволжье.

Совершенство памятников последнего периода развития архитектуры татарских мечетей России свидетельствует о завершении процесса становления татарского культового зодчества Нового времени. Дальнейшее развитие этой ветви монументального зодчества, очевидно, могло идти уже на основе формирования иных принципов и иных стилевых направлений.

ГЛАВА 3

Народный костюм

Светлана Сулова

Костюм в системе народного декоративно-прикладного творчества. Татарский костюм сложился как особая система народного художественного творчества, своеобразный синтез оседло-земледельческой и степной кочевнической культур. В наиболее развитых видах народного декоративно-прикладного творчества, связанных с производством костюма: кожаная мозаика, золотное шитье, тамбурная вышивка, ювелирное искусство, закладное ткачество, четко просматриваются традиции древней и средневековой тюрко-татарской городской культуры.

Со времен Волжской Булгарии народное искусство находилось под воздействием художественных традиций и эстетических канонов тюрко-исламских цивилизаций Востока, и это нашло яркое отражение в технико-технологических приемах изготовления, в функциональном назначении предметов костюма и специфике тюрко-исламской орнаментики. Благодаря тесным торговым связям со Средней Азией, а через нее с Персией, Китаем и Индией, в обиход татар рано вошли бархат, атлас, цветные шерстяные и шелковые ткани (*эдрэс, бикасаб, бинарес* и др.). Одновременно с тканями поступали и восточные камни: бирюза, аметист, сердолик и т.д. Тонкое сукно ввозилось из европейских стран. Широко использовались русские товары – парча, кожа, юфть и др.

Основными потребителями шелка, парчи и других дорогостоящих тканей, мехов и украшений была татарская, особенно городская, знать. Одежда из богатой и тяжелой шелковой ткани (рубахи, камзолы, джиляны, женские покрывала) хорошо сочеталась с массивными женскими украшениями из серебра и золота. Подобный монументальный стиль в одежде придавал знати признаки величия и власти. Это хорошо отражает

иллюстративный материал первой половины XIX в.³

Привозные ткани, особенно хлопчатобумажные и полушелковые, фурнитура и декоративные детали для оформления костюма издавна пользовались спросом и среди сельского населения. Они вошли в комплекс праздничного костюма основной массы татарских крестьян. Повседневная же одежда изготовлялась из материалов собственного производства.

Наиболее распространенной отраслью домашней промышленности, связанной с изготовлением одежды, было ткачество. Ткани со сложными полихромными узорами выполнялись особыми мастерицами, которых в деревнях было немного. Татарскими ткачихами был освоен практически весь известный арсенал техники домашнего ткачества. Орнамент в декоративных тканях создавался, главным образом, в закладной и браной (выборной, настильной) техниках, реже – в многоремизной.

Традиционной для татар и тюркского мира в целом является закладная техника ткачества. Формы и мотивы закладных узоров обнаруживают много общего с орнаментом тканых изделий узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов и, особенно, азербайджанцев и башкир. Старинные заклады отличаются особой монументальностью. Крупные геометрические узоры на матово-красном фоне в большинстве случаев располагаются на концах полотнищ тремя бордюрными полосами: основной широкой в центре и двумя-четырьмя узкими по сторонам. Полихромными закладными узорами орнаментировались женские тастары – головные уборы мишарок, касимовских татарок.

³ Автор сознательно употребляет термины «костюм» и «одежда» как равнозначные, понимая при этом, что данные понятия в разных гуманитарных дисциплинах различаются и хронологически, и этимологически.

Наиболее трудоемкая в исполнении закладная техника к концу XIX в. практически вышла из употребления, уступив место браной технике – самой распространенной форме узорного ткачества большинства народов Восточной Европы. Орнамент браных (выборных) полотнищ, используемых для пошива одежды, как правило, включает сложные, поражающие необыкновенной ажурностью геометрические формы. Браное ткачество у татар появилось в XVI в., и связано оно с расселением в крае русских [Валеев, 1984, с.13].

Для изготовления одежды в основном использовались ткани простого переплетения. Из белых шелковистых волокон льна делали ткани для праздничного и обрядового костюма. Грубые ткани из пряжи пеньки шли на пошив повседневной и рабочей одежды. Для пошива одежды использовалась однотонная ткань (белая, крашенная *бюак*) и пестрядь (*алача*). Произведенная в домашних условиях пряжа, до появления в середине XIX в. ярких анилиновых красителей, окрашивалась обычно растительными красителями, что придавало узорным тканям особую мягкую матовую окраску. В целом способы окрашивания тканей были едиными у всех народов Поволжья, но у татар «больше использовалась кора деревьев» [Сафина, 1996, с.33]. Применение различных видов пряжи (льняной, хлопчатобумажной, шерстяной) в одном изделии создавало возможность высокохудожественного сочетания ее в одном орнаменте, позволяло разнообразить фактуру и цветовую гамму полотна.

Из однотонной материи наибольшее применение при пошиве одежды получила белая некрашенная ткань. Белый цвет, как и у других тюркских этносов, чаще встречался в одежде старшего поколения. Для крашенины использовались в основном два цвета – синий и буро-красный. В эти же цвета часто окрашивались и нитки для пестряди. В пестроткани они нередко сочетались с белым. Иногда для усиления контрастности вводились строчки желтого и черного цветов. Сочетая цвет, масштаб и повторяемость отдельных элементов узора, ткачиха создавала ткани различного назначения. Так, для верхней одежды (*чоба*), нижней поясной одежды (*ыштан*) пестрядь изготавливали в частую мелкую полосу. Пестрядь в клет-

ку чаще шла на изготовление мужских и женских рубах. Наряду с общими чертами в колорите тканей наблюдалась приверженность отдельных территориальных групп к несколько своеобразной палитре. Например, при пошиве женских и мужских рубах татары Заказанья и Предволжья, а также северо-западной Башкирии предпочитали синюю крашенину. Крашенина буро-красного цвета здесь, наряду с пестротканью в полосу, использовалась для пошива нижней поясной одежды. Белая холщовая женская рубаха в середине XIX в. была распространена в основном в районах проживания мишарей Окско-Сурского бассейна. На этой же территории одновременно с белыми рубахами у женщин бытовали и рубахи из клетчатой пестряди.

В районах пермского и башкирского Приуралья фоном для клеток пестроткани часто служили оранжевый или желтый цвета. Традиционное цветовое решение тканых изделий у татар референтной группы допускало присутствие различных оттенков почти всех цветов, кроме черного [Валеев, 1984, с.13]. Однако на тканых узорах приуральских татар черный цвет присутствует. Исследователи объясняют это влиянием традиций башкирского ткачества [Сафина, 1983, с.97]. В Приуралье композиция из сравнительно крупных клеток нередко дополняется мелкими многоцветными тканями узорами – розетками, выполненными в полихромной браной технике (многоуточной, выборной). В отличие от классических (двухуточных) браных узоров, которые обычно шли сплошными полосами, многоуточные полихромные выборные узоры были разбросаны по всему полю тканого полотна. Само полотно для пошива одежды ткалось из льняных и хлопчатобумажных нитей (основа – пестрядь), а выборные узоры обычно выполнялись фабричной шерстяной пряжей разных расцветок, их тонов и полутонов. Выборная техника орнаментации ткани применялась при изготовлении ткани для верхней одежды (*чоба*), для обрядовой нижней одежды жениха (*кияу ыштаны*) и для женских передников. Многокрасочные выборные узоры украшали полотенеобразный головной убор молькеевских кряшенок. Но женские рубахи с многоцветными выборными узорами в XIX – начале XX в. все

же больше были распространены в районах Приуралья.

Одним из наиболее популярных и любимых традиционных художественных рукоделий татарок была вышивка. Она не требовала сложных технических приспособлений, поэтому ею могла заниматься каждая женщина. В отличие от художественного ткачества, которое было заменено фабричными тканями, вышивка гораздо дольше сохранялась в быту и выполняла свои традиционные, во многом аналогичные художественному ткачеству функции, связанные, в частности, с декоративным оформлением народного костюма, особенно головных уборов, рубах, передников, нагрудных украшений.

Наиболее характерной и повсеместно распространенной была полихромная вышивка, особенно тамбурная. Тамбуром вышивали контур узора, им же заполняли внутреннее поле. У татар в прошлом были распространены низкий тамбур (*элма*) и высокий (*күперткән элма*). Низкий тамбур выполнялся специальным тамбурным крючком сравнительно крупными стежками, обычно тонкой шелковой нитью. Такая вышивка была плоской и напоминала изящный рисунок. Высокий тамбур выполнялся кручеными шелковыми нитями или гарусом очень мелкими стежками, которые придавали рельефность вышивке и создавали эффект аппликации шнуром. Для татар-мишарей, а также татар Приуралья весьма характерной была «вышивка по выдергу», или цветная перевить. Она выполнялась тонкими шерстяными нитями по разреженному холсту обычной иглой на пяльцах. Более тонкой нитью обвивались образовавшиеся после разрежения ткани нити основы и утка. Цветная перевить использовалась при ornamentации концов головного убора (*тастар*). Появление у татар-мишарей этой техники и характерных зооморфных и антропоморфных мотивов, вероятно, связано «с влиянием традиций русского населения, особенно верховьев Оки» [Мухамедова, 2008, с.275]. Была распространена и вышивка гладью, особенно у татар-мишарей. Шелковая полихромная гладь использовалась при заполнении внутреннего поля узоров. Контурные же самих узоров, как правило, выполнялись тамбурным швом. Гладью украшались головные уборы, передники, нагрудные и

накосные украшения. Достаточно распространенной у татар-мишарей и крещенских татар была и вышивка в технике «крест» [Суслова, 2000, с.98].

Золотное шитье – древний, глубоко традиционный вид татарского народного творчества. Шитые серебром и золотом декоративные детали костюма являются наиболее выразительным и изящным элементом их художественного оформления. В мужских и, особенно, женских костюмах ансамблях чаще всего расшивались головные уборы. Это шитые золотными узорами волосники, нагрудники, перевязи мишарок, головные уборы кряшенок (*сүррәкә*), знаменитые казанско-татарские калфаки с характерным для них золотным орнаментом в виде цветочного букета, золотого пера и «птичек счастья». Золотной вышивкой украшались и другие детали костюма – воротники, обувь, аксессуары. По изяществу и блеску исполнения они сравнимы с ювелирными украшениями татарских мастеров. В региональных ансамблях татарского костюма эти виды декора удивительно гармонично сочетались друг с другом.

С обликом традиционного костюма непосредственно связано и производство узорной обуви с использованием уникальной техники – кожаной мозаики. Однотонные и орнаментированные ичиги (вышивка, аппликация) издревле были характерны для большинства восточных тюрко-монгольских этносов [Сатарова, 2004, с.10–19]. Однако «казанские» сапожки были особыми. Они изготовлялись из высококачественного цветного сафьяна, вырезанного фрагментами в виде затейливого растительного орнамента. В местах соединения разноцветные частички кожи сшивались шелковыми, иногда и золотными, нитями особым вышивальным швом «втачку» [Гулова, 1983, с.22–25]. Мозаичная обувь составляет специфику именно татарской обуви.

Художественную завершенность и национальный колорит татарскому, особенно городскому, костюму придавал комплекс ювелирных женских украшений. Многие татарские ювелирные украшения были совершенно оригинальными и не встречались у других народов региона, за исключением этнически родственных башкир. Это, к примеру, сканые миндалевидные серьги (*сыр-*

га), нагрудное украшение (*яка чылбыры*), ювелирный вариант нагрудной перевязи (*хаситә*) [Сулова, 1980, с.93]. При изготовлении украшений особенно часто применялись чеканка, литье, гравировка. В виде мотива гравировки нередко выступали связанные с восточными традициями благожелательные надписи, выполненные арабской вязью. Текст нередко сливался с растительным узором в единую орнаментальную композицию. Гравировка на изделиях сопровождалась чернью, реже инкрустацией из другого металла. Наиболее квалифицированные мастера владели и техникой скани. Казань – единственный город в Поволжье, где было высоко развито искусство скани, причем оно имело здесь особый характер. Так, в России сканные узоры расцвечивали эмалью. Татарская же скань является исключением, ее завитки дают чисто графические рисунки сложных мелких узоров. С точки зрения техники исследователи связывают татарскую скань скорее со среднеазиатской или греческой сканью, чем с русской [Гольдберг, 1967, с.49]. Высшим достижением татарских ювелиров была бугорчатая скань, где каждый завиток сканого орнамента объемно возвышается над плоскостью изделия. Бугорчатой сканью выполнялись ювелирные украшения для женщин высшего сословия. Расцвет искусства скани приходится на середину XVIII – начало XIX в. Имела распространение и связанная со сканью зернь: мелкие металлические шарики, напаянные на сканый орнамент. Из драгоценных и полудрагоценных камней часто использовались топаз, аквамарин, аметист, яшма, сердолик и бирюза, которые располагались на поверхности изделия обычно в виде розеток.

Татарский костюм как этнокультурный комплекс. В системе этноса народному костюму отводится особая роль как своеобразному синтезу материальных и духовных начал, в котором отражаются моменты этнической истории, его этнокультурные установки и межэтнические контакты, конфессиональная принадлежность. Именно костюм выступает «репрезентантом» нации, символом ее этнической идентификации. На протяжении веков он видоизменялся в соответствии с природно-хозяйственной деятельностью народа, его нравственно-ре-

лигиозными нормами, отвечая эстетическим вкусам и практической целесообразности.

Народный костюм как уникальный этнокультурный комплекс включал в себя изготовление тканей, сложных и богато орнаментированных головных уборов, производство различных видов обуви, высокохудожественных ювелирных украшений, вплоть до мелких аксессуаров, дополняющих ансамбль костюма. Все элементы комплекса выступали согласованно, сочетаясь друг с другом по форме, цвету, материалу изготовления, образу единый стилиевой ансамбль.

Основополагающие элементы народной одежды издавна были общими для всех групп татар. Общим признаком донациональных форм татарской одежды является монументальность. Еще в середине XIX в. повсеместно и мужчины, и женщины носили длинные, широкие туникообразного покроя рубахи и длинную со сплошным оловом распашную верхнюю одежду. У женщин многослойную монументальность подчеркивали массивные нагрудные, наконные и наручные украшения и сложные, как правило, сочетающиеся с большими покрывалами, головные уборы. Нижним головным убором мусульманина являлась четырехклинная, полусферической формы тюбетейка. При выходе из дома в холодное время года мужчины поверх тюбетеек, а женщины поверх покрывал надевали полусферическую меховую или стеганую с меховым околышем шапку. Повсеместно бытовали мужские матерчатые кушаки и традиционная кожаная обувь: ичиги и башмаки с мягкой и жесткой подошвой. Рабочей обувью на селе были лапти. Их носили с суконными или вязаными чулками белого цвета.

При наличии общих этнических черт народный костюм в каждом конкретном случае был своеобразен. Даже у представителей одной группы этноса (территориальной, возрастной и др.) ни один элемент его, как правило, не повторял другой. Все они соотносились между собой как вариации культуры, без которых, как известно, не могут существовать сами народные традиции [Чистов, 1986, с.119]. С глубокой древности народный костюм формировался как взаимное множество местных традиций, сближавшихся и выработавших общие черты в ходе своего развития в процессе этнокуль-

турной и этноконфессиональной консолидации народа.

В середине XIX в. традиционная одежда у татар еще преобладала. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы этнографических экспедиций, музейные коллекции, литературные и архивные данные.

Одежда. Основу мужского и женского традиционного костюма составляли рубаха (*кулмәк*) и штаны (*ыштан*), сшитые из сравнительно легких тканей. Вплоть до середины XIX в. древняя туникообразная рубаха (из прямого, перегнутого поперек домотканого полотнища, без шва на плечах, с ластовицами, с широкими вставными боковыми клиньями, с центральным грудным разрезом) была единственной и общераспространенной. У татар, особенно казанских, преобладала рубаха с воротником-стойкой. Отложной воротник чаще встречался на мужских обрядовых свадебных рубахах (*кияу кулмәге*). Среди крещеных татар некоторое распространение получила рубаха с боковым грудным разрезом. В отличие от русской косоворотки разрез делался на правой стороне груди. От туникообразных рубах соседних народов – русских, марийцев, удмуртов и др. – татарская рубаха отличалась длиной и шириной. Мужскую рубаху шили свободной и длинной (до колен), с широкими и длинными рукавами. Рубаху никогда не подпоясывали (за исключением крещеных татар). Известна поговорка «Без креста и пояса, как татарин». Белые домотканые рубахи украшались вышивкой, позументной или многоцветной домотканой тесьмой.

Женская рубаха шилась длинной, почти до щиколоток. В середине XIX в. у татарок из состоятельных слоев общества рубахи были из дорогих покупных «китайчатых» тканей (легкого шелка, шерсти, хлопчатобумажной материи и тонкой парчи). В декоративном украшении таких рубах использовались воланы, разноцветные шелковые и атласные ленты и кружева, позументные кисти и тесьма. Для казанских татарок и кряшенок была характерна рубаха с верхним воланом, для мишарок – с нижним. Неотъемлемой принадлежностью старинной женской рубахи являлся нижний нагрудник (*күкрәкчә, түшелдрек*). Его надевали вниз под рубаху с традиционно глубоким (без приполка) грудным разрезом для того, что-

Крестьяне с детьми. Казанская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.

бы скрыть распахивающуюся при движении щель на груди.

Во второй половине XIX в. в обиход, как у мужчин, так и у женщин, входят рубахи современного покроя – из фабричной материи со скошенными плечами и круглыми проймами, обычно с отложным воротником. В декоративном оформлении большую популярность приобретают мелкие оборки (*бала итәк*). Нередко вся поверхность подола женской рубахи украшалась горизонтальными рядами оборок. В начале XX в. рубахи такого покроя преобладали на всей территории проживания татар.

Штаны (*ыштан*) по покрою представляли собой широко известную поясную одежду тюркских народов – «штаны с широким шагом». Мужские штаны шились обычно из полосатой ткани (*пестряди*), женщины предпочитали однотонные. Праздничные и свадебные жениховы штаны (*кияу ыштаны*) шились из домотканнины с мелкими и яркими браными узорами.

Весьма примечательной принадлежностью одежды, особенно в конце XIX – начале XX в., являлись передники (*альяпкыч*,

алчунрак). Узорчатые домотканые или расшитые полихромным, нередко ковровым, тамбуром передники мусульманки носили поверх рубахи, а молодые крещеные татарки надевали их и с верхней одеждой. У мужчин неорнаментированные передники чаще бытовали в комплекте рабочей одежды. В Пермской губ. богато украшенные тамбуром передники составляли часть приданого невесты и использовались в качестве праздничного элемента в одежде жениха.

Верхняя одежда была исключительно распашной, с рукавами или с проймами для продевания рук. Она делилась на домашнюю и выходную одежду (летнюю, демисезонную, зимнюю). Ее изготавливали из фабричной (хлопчатобумажной, шерстяной) ткани, холста, сукна, полусукна домашней выработки и из меха. Татары, независимо от возраста и пола, преимущественно носили двубортную с правосторонним (тюркским) запахом одежду, с цельной приталенной спинкой (*чабулы кием*), с клиньями на боках ниже талии [Суслова, 2000, с.56]. Ее обычно шили с наглухо закрытым воротом, с выкроенными плечиками. К такой одежде относились: *камзол* – вид домашней одежды, *казаки* – распространенный вид демисезонной одежды, *бишимэт* – утепленная ватой или овечьей шерстью зимняя одежда, *чабулы чикмэн* – рабочая одежда из сукна домашней выработки, *чабулы тун* – меховая, нередко крытая тканью, шуба. Одним из наиболее архаичных видов подобной одежды является легкая домотканая (*чоба*) из чисто белого или в мелкую полоску льняного или конопляного полотна у мужчин и многоцветная – у женщин. Еще в начале XX в. *чоба* входила в число приданого невесты у татар Предкамья, Пермского и Уфимского Приуралья. Верхняя одежда с прямой спинкой *туры кием* – широкая и длинная, туникообразного покроя, как правило, не имела застежек. Ее носили свободной или подпоясанной кушаком: *жылэн*, *чалан* – мужская одежда-халат для посещения мечети, *туры чикмэн* – демисезонная рабочая и дорожная одежда, *толып*, *туры тун* – зимняя дорожная одежда. У крещеных татар значительное распространение, как и у русских, имела верхняя одежда с отрезной по линии талии спинкой и с борами (*борчатка*). Обязательным атрибутом традицион-

ной верхней одежды татарина являлся пояс (*билбау*, *эзэр*). Использовались в основном матерчатые пояса: самотканые, сшитые из фабричной ткани, реже вязаные шерстяные. Среди музейных коллекций имеются широкие позументные, ковровые, бархатные, а также из соединенных между собой шарнирами серебряных пластинок пояса (*камэр*) с массивными, богато украшенными серебряными пряжками. У казанских татар они рано вышли из употребления. Однако в костюме татар астраханских [Суслова, 1992, с.88], сибирских [Юшков, 1961, с.83], как, впрочем, и крымских [Рославцева, 2000, с.40], пояса с пряжками и металлическими накладками были распространены и в мужском, и в женском костюме.

Верхняя одежда женщин отличалась от мужской лишь дополнительной декоративной отделкой мехами, позументом, вышивкой, художественной строчкой и т.д. Наиболее характерным видом легкой домашней и выходной женской одежды были камзолы. Для придания спинке камзола большей приталенности ее часто кроили из двух половинок (с вертикальным осевым швом), расширяющихся от талии к бедрам с помощью боковых клиньев (*өч билле камзол*, *биши билле камзол*). Использование для пошива камзолов разнообразных покупных тканей, фурнитуры, сопровождающих аксессуаров способствовало восприимчивости к инновациям, образованию необычайного множества вариаций.

Головные уборы. Мужские головные уборы делятся на домашние (нижние) и выходные (верхние). К нижним головным уборам относится тюбетейка (*түбэтэй*), представляющая собой небольшую, надеваемую на макушку шапочку, поверх которой носили всевозможные матерчатые и меховые шапки (*бурек*), войлочные шляпы (*тула эшлэнэ*), ритуальные уборы (*чалма*). Наиболее ранний и широко распространенный тип тюбетейки кроился из четырех клиньев и имел полусферическую форму. Яркие вышитые тюбетейки предназначались молодежи, более скромные – старикам. Более поздний тип *кэлэнүш* – с плоским верхом и твердым околышем – первоначально получил распространение у городских казанских татар, вероятно, под влиянием турецкой традиции (*фэс*).

Верхний головной убор представляли круглые «татарские», конусообразной конструкции шапки, кроенные из 4 клиньев с меховым околышем (*камалы бурек*), которые носили и русские, в частности в Казанской губ. [Мелкая кустарная, 1911, с.144]. У горожан были распространены цилиндрические шапки с плоским верхом и твердым околышем из черного каракуля (*кара бурек*), из серой бухарской мерлушки (*данадар бурек*).

Заметных региональных различий в использовании головных уборов у мужчин, за некоторым исключением, не фиксируется. Комплекс головного убора был практически единым (кроме крещеных татар).

В женских головных уборах, особенно в середине XIX в., четко улавливается возрастная дифференциация. Девичьи уборы имели шапкообразную или калфакообразную форму. Косы располагались на спине и оставались открытыми или прикрывались специальным украшением – *чач тәңкәсе*. Наиболее ранними из них были характерные для некоторых групп окско-сурских татар-мишарей шапочки с открытым верхом (*тайка*) и шапочки с закрытым верхом (*такья, тупый*), встречавшиеся на северо-востоке Волго-Уральского региона. Ранние девичьи шапочки, в т.ч. и терминологически *такъя*, перекликаются с традиционными девичьими уборами других тюркоязычных народов Евразии [Лобачева, 2001, с.71].

Самым распространенным девичьим убором был *калфак*. Он надевался на голову в комплекте со специальной головной повязкой-украшением *ука-чачак*, а конусообразный конец с кисточкой откидывался назад (или на бок). Особенно широко известен был вязаный из хлопчатобумажных белых нитей *ак калфак*. Чаще он встречался у сельских девушек, особенно у крещеных татарок. В городах в середине XIX в. значительное распространение имели калфачки, вязаные из разноцветных шелковых ниток, с поперечными полосами. Н.И.Воробьев называл их «городскими» [Воробьев, 1953, с.277]. Имеются совершенно уникальные экземпляры, богато орнаментированные вышивкой или синелью, а также аппликацией, выполненной в «ушковой» технике. «Городской» калфак часто носили с *ука-чачак*, преобразовав в единый убор – *калфак-чачак*.

Традиционные головные уборы замужних женщин более разнообразны и сложны. В отличие от девичьих они закрывали не только голову женщины, но и ее шею, плечи, спину. При всем многообразии территориальных различий в формах, декоративных деталях головной убор женщины-татарки всегда включал три практически обязательные составные части [Суслера, 2000, с.136]. Нижние уборы (волосники) предназначались для того, чтобы собрать и закрыть волосы, поэтому их формы в значительной степени связаны с прической. Мусульманки заплетали волосы в две косы и отпускали их на спину, поэтому волосники у них чаще состояли из шапочки (или чехла) и накосника. Крещеные татарки также заплетали волосы в две косы, но они их не отпускали вдоль спины, а укладывали, как русские женщины, вокруг головы под чепец. Основные уборы – «покрывала» – были особенно характерны для пожилых женщин, у которых они отличались массой всевозможных деталей, объясняющихся как особенностями возраста, так и более ревностным отношением стариков к своим традициям. Они представляли собой различные по форме (полотенцеобразная, треугольная, квадратная), территориальной принадлежности и времени бытования уборы. Их терминология (*тастар, жаулык, кыекча, өрпәк*) связана, очевидно, с определенными древними культурными традициями. (Термин *тастар*, например, иранского происхождения; *яулык, кыекча* – тюркского). Верхние уборы надевались (повязывались) поверх покрывал, прочно удерживая их на голове. Это всевозможные повязки-платки (короткие и длинные полотенца *тастымал, жаулык, ак жаулык*), четырехугольные свадебные покрывала крещеных-татар (*тугәрәк яулык*) и шапки. В качестве верхних уборов использовались матерчатые шапки (*тупый, камчат бурек*).

Особый интерес представляют старинные (XVII – середина XIX в.) монетные шапки. О них писали И.Георги [Георги, 1799, с.12], И.Лепехин [Лепехин, 1771, с.160], К.Фукс [Фукс, 1991, с.18] и другие авторы. Довольно четко они зафиксированы художниками (И.Б.Лепренс, А.Мартынов, Корнелий де Бруини). Это каркасная шапочка на твердой основе (*такья бурек*),

которая имела вид высокого конуса, покрытого шелковой материей, ушитого золочеными рублевиками, кораллами и жемчугом, заканчивался конус золоченым навершием. Она бытовала у казанских татар. Монетная шапочка на мягкой основе (*кашпау биле*) характерна для татар-мишарей Окско-Сурского междуречья и молькеевских кряшен.

Обувь. Традиционная мужская и женская обувь различалась лишь некоторыми нюансами (особенностями декоративного оформления, размерами голенищ, высотой каблука). На босую ногу татары надевали чулки – суконные и вязаные из шерстяных ниток. Суконные чулки (*тула оек*) представляли собой наиболее оригинальную, древнюю и в то же время широко распространенную разновидность нижней обуви. Их изготавливали из самодельного, обычно белого, сукна и носили с повседневной лыковой или кожаной обувью. Весьма оригинальный вид нижней обуви у казанских татар представляют наголенники (*аякчу, аяк чолгау*). Их использовали для обертывания голени и носили с ичигами или суконными чулками. О древности этого элемента свидетельствует наличие обрядовых *аякчу*. Невеста дарила жениху *кияу аякчусы* с орнаментированными концами.

Из верхней обуви наиболее распространенной была кожаная, лыковая и валяная. Кожаная обувь широко бытовала в городе и у зажиточной части сельчан и духовенства. Высокие до колен сапожки из мягкой однотонной кожи с мягкой же подошвой *читек* носили в основном мужчины. У женщин сапожки были короче и без отворотов. Праздничным вариантом женской обуви были узорные *каюлы читек*, выполненные в традиционной технике кожаной мозаики. При выходе из дома на ичиги надевали короткую кожаную обувь на твердой подошве, а зимой – полуваденки. Ичиги скорее представляли собой кожаные чулки, но были более универсальны. Особенно они устраивали старшее поколение. Бытовали и сапоги на твердой подошве (*итек*). У татар Зауралья, как и у башкир, широко бытовали сапожки (*сарык*) из особо кроеной сыромятной кожи, калоши с белым суконным голенищем. Женские *сарык* украшались аппликацией и тамбурной вышивкой. Основу орнаментации

составлял расположенный на заднике сложный рисунок арочной композиции.

Из низкой кожаной обуви более обыденной и повседневной были калоши (*кэвеш, ката*). Выходной обувью считались туфли (*башмак*). У женщин бытовали и узорчатые башмачки, нередко с каблуком. Туфли с остроконечным и слегка поднятым носком считались наиболее традиционными. Женские башмачки изготавливались из бархата, богато расшивались золотой и серебряной канителью, бисером, речным жемчугом.

Лыковая обувь, особенно лапти (*чабата*), представляли у татар рабочую обувь, как наиболее легкую и удобную при полевых работах. Преобладали лапти с «личиком» прямого и подошвой косого плетения (*татар чабатасы*).

Зимой повсеместно носили короткие и высокие ваденки (*киез итек, пима*). Особой популярностью у зажиточных татар пользовались цветные «кукморские» ваденки.

Украшения. У мужчин высшего сословия бытовали драгоценные перстни, перстни-печатки и пряжки для поясов. Ассортимент женских украшений был значительно шире, что связано с общемусульманской традицией, когда состоятельность мужчины определяется богатством одеяний и стоимостью драгоценностей его женщин.

Среди головных украшений, пожалуй, самое широкое распространение у всех этнотерриториальных, возрастных и социальных групп татар имели накосники. Они были чрезвычайно разнообразны по форме, материалу и технике изготовления, по особенностям декоративно-художественного оформления и способам ношения. Кроме многочисленных вариаций монетных накосников широко бытовали накосники в виде фигурных блях преимущественно лопастной формы. Одним из наиболее архаичных и в то же время устойчиво сохраняющихся элементов в costume татарок являются серьги. Миндалевидные сканые серьги с подвесками (*татар сыргасы*) представляют собой этноспецифический элемент костюма казанских татар, хотя бытовали они у татар практически повсеместно. Кроме своих традиционных, женщины-татарки носили серьги, заимствованные у других народов – русских, народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана [Суслова, 1980, с.26–27].

Шейно-нагрудные украшения татарок, кроме декоративной функции, выполняли и утилитарную роль: скрепляли или прикрывали своими декоративными деталями традиционно глубокий разрез женской рубахи. Это, прежде всего, матерчатые нагрудники, отличающиеся по форме, декоративному убранству, наименованию. В средневековье у казанских, сибирских, астраханских татарок, принадлежавших к высшему сословию, бытовали драгоценные ювелирные аналоги подобным украшениям. Они выполнялись из чеканных позолоченных пластин в форме лунницы (*айчык*), инкрустировались драгоценными камнями и самоцветами. Другим специфическим нагрудным украшением, обычно на матерчатой основе, была перевязь. В силу своей самобытности это украшение отмечается всеми авторами, которые хотя бы вскользь касались татарского костюма. «Мещеряки... носят наподобие ленты через плечо широкую серебряными и местными наборцами выкладенную перевязь» [Георги, 1799, с.13]. У мусульманок перевязь была обычно снабжена «специальным карманцем, куда кладут мелко писанный *алькоран*» [Фукс, 1991, с.17]. У крещеных татар и тех групп татар, которые не отличались особой приверженностью к исламским канонам, роль амулета-оберега, как и у других народов региона, зачастую выполняли раковины-каури. Особо эффектным и оригинальным шейно-нагрудным украшением казанских татарок, которое в XIX в. имело распространение и у других групп этноса, была воротниковая застежка с подвесками (*яка чылбыры*). *Яка чылбыры* нередко представляют собой изысканные украшения, многие из которых являются верхом достижения татарского ювелирного искусства.

Украшения для рук – браслеты, перстни, кольца – обязательный в прошлом атрибут костюма татарки. Они имеют глубокие корни в ювелирном творчестве народа [Суслова, 1980, с.50–56]. Браслеты татарки носили постоянно, как правило попарно: по одному на каждой руке, что являлось средством сохранения добрых отношений между мужем и женой. Этим объясняется огромное разнообразие их типов и приемов украшения: тончайшая золоченая филигрань, инкрустированная драгоценными камнями в высшем сословии, и простенькие гравированные

Астраханская татарка в праздничном костюме.
Фото кон. XIX – нач. XX в.

браслеты из низкопробного серебра у низших слоев. То же касается и перстней, ибо «два-три перстня татарка носила ежедневно, собираясь же в гости, она унизывала ими едва ли не каждый палец» [Фукс, 1991, с.17].

Региональные особенности татарского народного костюма (середина XIX в.). Большую роль в формировании народной одежды играли особенности этнической истории, неравномерность социально-экономического развития групп этноса, особенности природных условий обитания и этнического окружения, конфессиональная принадлежность. Формированию богатой региональной вариативности одежды способствовали также территориальная разбросанность и удаленность периферийных групп этноса от референтной группы, обусловленные сложной историей народа в целом⁴. Так, территориальная удаленность мишарей Окско-Сурского междуречья, касимовских, астраханских, сибирских и других

⁴ Региональные историко-этнографические особенности татарского народного костюма середины XIX в. выявлены по материалам Историко-этнографического атласа татарского народа [см.: Суслова, 2000].

групп татар способствовала формированию у них, одновременно с общезнаменными, и местных особенностей костюма. Это преимущественно касалось одежды женщин, что объясняется их более замкнутым образом жизни и большей приверженностью к традиционным морально-этическим нормам.

Достаточно своеобразными были традиционные костюмные комплексы крещеных татар, что связано с ранней культурной изоляцией их от татар-мусульман, с особенностями их этнокультурного развития (этническое окружение, воздействие христианской, особенно русской культуры). В то же время их традиционная одежда по основным показателям (например, покрой) идентична одежде казанских татар. Это туникообразная рубашка, в т.ч. этноспецифическая для казанских татар женская рубашка с верхним воланом (*өске итәклә кулмәк*), «штаны с широким шагом», верхняя одежда с цельной приталенной спинкой, девичий головной убор *ак калфак* в сочетании с матерчатым монетным наконником, монетный комплекс шейно-нагрудных украшений и др.

Традиционный наряд казанских и западно-казанских крещеных татар, рассеяно проживавших в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском уездах Казанской, а также в Малмыжском у. Вятской губ., Мензелинском у. Уфимской губ., отличался особым комплексом женского головного убора, который состоял из волосника (*мәләнчек*), головного покрывала (*сүрәкә*), полотенцеобразной повязки (*ак яулык*) и оригинального свадебного покрывала (*түгәрәк яулык*). Головной убор молодых женщин сопровождался особым набором украшений, состоящим из монетного височного украшения *жылкәлек* и крупных сканых или монетных серег, соединенных между собой специальной цепочкой или лентой (*сырга бавы*). Поверх рубахи и передника (иногда и камзола) надевался набор монетных шейно-нагрудных украшений на матерчатой основе: *муенса* (*тамакса*) в сочетании с большим монетным нагрудником и перевязью. Из верхней одежды бытовали приталенные *әдәп камзол* или *жылән*, а также *чикмән* или *әрмәк* с отрезной и приталенной спинкой. Из обуви преобладали «татарские» лапти в сочетании с суконными чулками *тула оек*.

Одежда оренбургских нагайбачек по составу основных элементов – головных уборов, верхней и нижней одежды, обуви, украшений в целом соответствует общей структуре костюма крещеных татарок Волго-Уральского региона, особенно казанско-западно-казанских [Суслова, 1995, с.61]. Тем не менее, она представляет собой оригинальную вариацию с рядом специфических особенностей. В основе декоративного оформления костюма нагайбачки Троицкого у. Оренбургской губ. лежит полихромное художественное ткачество *чунтар*. Из красочного выборного тканья здесь шилась оборка праздничной туникообразной рубахи. Для праздничных передников *алчунтәрәк* троицкие нагайбачки также использовали узорное полотно, выполненное в разных техниках – браной, выборной, переборной, привлекательных возможностями красочного художественного оформления. Сплошь орнаментированными были и грудка, и подол, и оборки передника. В основе декоративного решения костюма нагайбачки Верхнеуральского у. Оренбургской губ. лежит художественная аппликация. Кроме широко распространенной у крещеных татар линейной аппликации по подолу из разноцветных лент, тесьмы, полосок ткани, их праздничные рубахи украшала аппликация и на груди, а порой и ниже талии. Круговая композиция нагрудного аппликационного орнамента представляла собой яркую контрастную подборку из треугольных, ромбовидных кусочков фабричной ткани. Такие рубахи назывались *корамалы кулмәк*. Женский головной убор *корамалы сүрәкә* здесь также украшали аппликацией, совершенно в том же стиле, что и рубаху.

Общенациональный татарский костюм. Традиционная одежда существовала не как нечто неизменное, статичное по всей территории проживания татар. С глубокой древности она формировалась как взаимозависимое множество местных традиций, сближавшихся и вырабатывавших общие черты в ходе своего развития в процессе этнокультурной консолидации народа. Группы этноса и их этнотерриториальные, конфессиональные и другие образования на разных этапах своего развития (формирования, активного функционирования, затухания) существенно различались по своей

Семья богатого казанского купца в костюмах XIX – нач. XX в. Фото 1910 г.

культуре, и поэтому различия между общим и частным в одежде таких образований не абсолютны: частное на одном этапе нередко становилось общим, и наоборот, общее – частным. Так, женский головной убор *калфак* в середине XIX в. был, скорее, частным явлением, характерным для казанских татар. Но уже в конце XIX – начале XX в. он становится общенациональным элементом костюма, включая сибирских и астраханских татар. В то же время девичий *ак калфак*, до середины XIX в. бытовавший практически у всех групп татар, по крайней мере волго-уральских, к началу XX в. становится частным явлением, сохранившимся лишь в традиционной одежде крещеных татар.

Во второй половине XIX в., в период интенсивного развития капитализма и становления крупных торгово-промышленных и национально-культурных центров татарской буржуазии в городах, в процессе роста экономических и культурных связей между татарами отдельных регионов России, стало неизбежным нарушение сравнительно устойчивых ранее локальных комплексов народной одежды. Этот период – период становления общенациональной культуры – является наиболее сложным и в истории развития татарского костюма, когда, с одной стороны, отчетливо сказывалось влияние

европейской и русской культур, с другой – процессов консолидации татарского этноса вокруг референтной группы (казанских татар). В это время наметилась тенденция к смене стиля костюма – от архаичных монументальных народных форм к более изысканным и утонченным, соответствующим направлениям общеевропейской моды.

Основой формирования общенационального татарского костюма явилась традиционная одежда татар, особенно Казани и Закавказья [Сулова, 2000, с.244]. Они создали высокохудожественные вариации народного костюма, отличающиеся изысканностью форм, эстетическим совершенством декоративного оформления. Достаточно назвать оригинальную бугорчатую скань, уникальную кожаную мозаику, совершенное по технике исполнения золотное шитье, вышивку жемчугом. Общенациональный костюм, сформировавшийся на базе городских татарских традиций, был достаточно быстро усвоен всеми этнотерриториальными группами татар (кроме крещеных татар). Народная культура (в т.ч. костюм как особый этнокультурный комплекс) находилась в сфере влияния общеисламских традиций. Поэтому не случайно формирование традиционного костюма крещеных татар шло в ином направлении, чем у мусульманских групп этноса.

Изменение стиля сказалось на основных элементах костюма, покрое нижней и верхней одежды, головных уборах. Рубаха перестала быть туникообразной. Ее кроили с круглыми проймами и сшивными плечиками, с отрезной талией. В условиях города женское платье часто шилось со слегка завышенной линией талии со шлейфом, специфической драпировкой по месту шивания рукава и соединения остова с подолом. Оно часто надевалось с коротким безрукавным камзолчиком из той же ткани с сильно расклешенными полами. Такое платье (*кысмалы кулмэк*) из дорогих шелковых, атласных и легких парчовых тканей украшалось позументом, лебяжьим пухом, бахромой по краям камзола, по низу рукавов, по подолу. Камзолчик, как и ранний традиционный, был с открытой грудью, с полочками «встык», которые скреплялись застежкой (*каптырма*). Головной убор представлял собой небольшой калфак-наколку (*мөгез калфак*), орнаментированный жемчугом, бисером, исполняющий роль своеобразного декоративного элемента в прическе женщины. Поверх него по традиции нередко набрасывали шелковую трикотажную шаль с длинными кистями или легкое кисейное покрывало-шарф, подобранные в тон костюму, которые также украшались бахромой, лебяжьим пухом, позументом.

Смена стиля была заметна и в одежде сельских жителей. Ситцевые рубахи также стали шить со скошенными сшивными плечиками и круглыми проймами, нередко с укороченным до вида кокетки туникообразным остовом и широким воланом. С такой рубахой девушки-крестьянки часто надевали передники (*альяпкыч*), которые в это время воспринимались как элемент праздничной национальной одежды. Передники богато орнаментировались тамбурной, нередко ковровой вышивкой, отличались множеством вариаций за счет разнообразия мелких деталей кроя, ширины подола и декоративных элементов – оборок, нашивок, крылышек и т.д. Эффектным дополнением к одежде служили бусы из самоцветов или янтаря. Девушки и молодые женщины по-

всеместно стали носить цветной шелковый, ситцевый либо тонкий кашемировый платок «по-татарски», распустив полотнище на спине и связав узлом два соседних угла на затылке. Заплетенные в две косы волосы украшали специальными бляхами (*чулты*), реже старинным матерчатым накосным украшением (*тезмә*). В уши вдевали монетные с подвесками или традиционные лунницеобразные серьги (*алка*).

В начале XX в. под влиянием общеевропейских традиций, отражавших эстетические взгляды буржуазии, в т.ч. татарской, произошли еще более заметные изменения в женской одежде, особенно в городах и продвинутой среде сельского общества, что в конечном итоге привело к нивелировке как этнотерриториальных, так и социально-возрастных особенностей. Стабильными составляющими женского общенационального костюма повсеместно остаются небольшие калфачки и мозаичная кожаная обувь – этноспецифические элементы традиционного костюма казанских татар.

Мужской костюм и в середине XIX в. был достаточно единообразным. В качестве общенационального в конце XIX – начале XX в. воспринимался комплекс одежды, состоявший из рубахи со шивным достаточно узким рукавом, короткого казаки, брюк общеевропейского покроя, бархатного «казанского» головного убора (*кэләтүш*), штиблет или ботинок фабричного производства.

Судьба сформировавшихся в середине XIX в. комплексов традиционной одежды к началу XX в. складывалась по-разному. Для мусульманских групп народа (этно-территориальные группы волго-уральских, астраханских и сибирских татар) было характерно освоение на фоне общеевропейских культурных традиций городского казанско-татарского костюма. На одежде крещеных татар сказались их ориентация в сторону более крупных христианских этносов. Так, молькеевские кряшены почти полностью восприняли народный костюм чувашей-анатри, а нагайбаки практически перешли на русский костюм казачьего образца.

ГЛАВА 4

Обряды и праздники

Рауфа Уразманова

Обрядово-праздничную составляющую бытовой культуры XIX в. принято называть традиционной, имея в виду относительную устойчивость форм ее бытования (обрядов, действий, норм поведения и т.д.), регулярность проведения, массовое распространение. Она складывалась и существовала под влиянием в первую очередь конфессионального фактора. Важное значение имели древние этнические корни, природно-климатические, социально-экономические условия, компактное или дисперсное проживание народа.

Как этнос татары формировались в иноэтничном (славянско-финно-угорском), иноконфессиональном (христианско-православном, языческом) окружении, занимая обширную территорию, относящуюся к различным природно-климатическим зонам. Это нашло отражение в разнообразии их календарных (общественных) обрядов и праздников, как правило, приуроченных к наиболее важным этапам сельскохозяйственного (земледельческого) труда, тесно связанным со сменой времен года. Объединяющей же, по существу единой для всех татар, являлась мусульманская система обрядов и праздников, в которой под влиянием местных условий сложилась своеобразная форма ее бытования.

Традиционная система обычаев, обрядов, праздников у татар является ярким свидетельством точности определения исследователей о том, что ислам – это образ жизни. Она включала в себя и повседневные нормы поведения, и оформление наиболее значимых моментов в жизни человека (рождение, вступление в брак, смерть), и систему праздников, и культуру их празднования. Время суток регламентировалось звуками азана, звучащими с минаретов мечетей. Еженедельный праздничный день мусульман – пятница – предварялся посещением бани, а праздничное утро – чаепитием со сдобными

оладьями – *коймак*, испеченными на углях в духовой печи. Правила поведения за столом – обязательная молитва до и после трапезы, знание распорядка, умение подготовиться и провести по определенному ритуалу обязательную для мусульманина ежедневную пятикратную молитву – *намаз*, необходимые молитвы при посещении гостей и др. прививались «с молоком матери». Все это закреплялось в подростковом возрасте при обучении в мектебе и медресе.

Г.С.Саблуков отмечал, что у татар слова Корана принимаются верующими за «надежную защиту от всего вредящего, от сглаза, от очарований всякого вида». Поэтому было обычным делом изображать их «на домашних вещах, на столовой посуде, из которой едят и пьют, на вещах, употребляемых особенно женщинами в наряд свой, на серьгах, на перстнях, браслетах, металлических зеркалах, или на особых металлических дощечках, бляхах, на лоскутках бумаги и носить их как талисман» [Саблуков, 1884, с.66].

Девушки, как правило, знали наизусть многочисленные байты, мунаджаты религиозно-нравственного содержания, в частности, из книг «*Бэдэвам*», «*Бакырган китабы*», «*Йосыф китабы*» и др., которые нередко звучали и во время девичьих посиделок. Они с любовью расшивали или готовили на ткацком стане особые молитвенные коврики – *намазлык*, которые были обязательной принадлежностью приданого. Ими молодая одаривала родителей мужа, его пожилых родственников.

Неотъемлемой чертой традиционной семейно-бытовой культуры и обрядности являлось тесное переплетение обрядов этнического происхождения с исламскими обрядами, канонизированными в шариате и распространенными во всем мусульманском мире. Чтение Корана (*Коръэн уку*), молитв (*дога кылу*), раздача подаяния (*сэдака өлэшү*)

являлись стержнем таких событий, как свадебные торжества, имянаречение, похоронно-поминальный комплекс. Это переплетение было настолько органичным, что даже официальное, юридическое оформление указанных событий проводилось не в учреждении, не в мечети, а в домашней обстановке, во время званых трапез – *никах туе, исем кушу*. Дома проводились и все обряды, связанные с подготовкой умершего к погребению, а затем и поминки. В основе своей они были унифицированы, воспринимались как мусульманские, являлись общепринятыми, устойчивыми, передавались из поколения в поколение, внедрялись в сознание «с раннего возраста». Религиозные знания становились матрицей норм поведения, привычкой, обычаем. Вслед за поэтом, обращаясь к родному аулу, каждый мог сказать:

Здесь Бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,

Молитву из Корана впервые смог прочесть,

Впервые здесь услышал слова Пророка я... [Тукай, 1969, с.188].

Особо чтимые мусульманские праздники татары называли арабским словом *гает*⁵. Их, как и во всем мусульманском мире, было два – *Ураза гаете* – Праздник поста и *Корбан гаете* – Праздник жертвоприношения. Об этом свидетельствует К.Фукс, наблюдавший праздники татар в первой четверти XIX в.: «День этот называется у них Хайд...» [Фукс, 1991, с.108]. Народные же праздники называли словом *бэйрэм*, этимология которого, по данным лингвистов, сводится к понятиям «весенняя красота (прелесть)», «весеннее торжество» [Эзлэнүләр, 1989, б.207]. Отношение к *Гае* было особо почтительное, сакральное, как к явлению, данному Всевышним, священному.

Ритуал этих праздников у татар-мусульман повсеместно был одинаковым. Он включал в себя проведение коллективной утренней молитвы – *Гае намазы*, в которой принимало участие все мужское население,

в т.ч. и мальчики. Как правило, идущие в мечеть собирались группами и громко, нараспев произносили *тэкбир* – формулу возвеличивания Аллаха. Когда позволяли погодные условия, такие богослужения нередко проводились под открытым небом недалеко от кладбищ; в непогоду – в мечетях. Затем шли на кладбище, где каждый совершал намаз возле могил своих близких.

Тем временем женщины дома готовили праздничное угощение. К завтраку приступали лишь по возвращении мужчин. В праздники (каждый длился по три дня) с поздравлением обходили дома родственников, соседей. Старались лично поздравить всех, кого положено. Обязательным было посещение родительского дома. По мере возможности старались порадовать близких подарками, угощением, устраивали званые обеды.

В дни *Корбан гае* совершали жертвоприношение – *корбан чалу* по четко разработанным в исламе правилам. Мясом жертвенного животного старались угостить как можно больше людей. Исследователи отмечали: «В праздничные дни татары оставляют стол накрытым целый день, обыкновенно два-три дня подряд. Всякий входящий, кто бы он ни был, имеет право угощаться сколько ему угодно. Обычай «куначества» – *кунак туту* во время этих праздников развертывается во всей своей широте» [Губайдуллин, Губайдуллина, 1926, №6].

Кроме того, татары были хорошо осведомлены и особо отмечали знаменательные даты религиозных преданий ислама, провозглашенные благословенными: день рождения пророка Мухаммада – Маулид⁶, чудесное путешествие в Иерусалим и вознесение на небеса – Лейлят аль-Исра валь-Миградж, отмечается в ночь с 26-го на 27-го числа месяца раджаб по лунному календарю, Лейлят аль-Кадр, по-татарски *кадер кичәсе* – ночь начала ниспослания Корана⁷ и др.

⁵ Гае – от арабского слова, означающего праздник. [см.: Русско-арабский, 1959, с.494]. Кстати, также называли эти праздники и народы Средней Азии: Курбан-хаит (праздник жертвы) и Рамазан-хаит (праздник окончания уразы) [см.: Лобачева, 1995, №5, с.24].

⁶ Маулид ан-наби (араб. – рождение пророка) отмечается 12-го числа месяца раби аль-аввал мусульманского календаря. Проводится в связи с совпадением даты рождения Мухаммада и дня его смерти [Краткий, 2000, с.148].

⁷ Лейлят аль-кадр – упоминаемая в Коране ночь 27-го числа месяца рамадан (сура ХСVII). Святость в том, что этой ночью было начато «ниспослание» Мухаммаду Корана. Ежегодно в эту же ночь Аллах якобы принимает решения о судьбе каждого чело-

Шакирды многочисленных медресе по своему стремились обозначить праздничность момента. Например, в дни праздника Маулид они украшали минарет мечети разноцветными бумажными лентами, в окнах минарета выставляли фонари с зажженными свечами. В ритуале отмечаемых благословенных дат, кроме молитв и раздачи милостыни, большое место отводилось чтению вслух (мелодизированное произношение) стихов, восхваляющих Мухаммада, его деяния – маулид ан-наби, – поэтических произведений о рождении пророка, миграджнаме (или миградджия), повествующих о чудесном его вознесении, и т.д. Многие из этих произведений были написаны на татарском, «простом, понятном любому, даже не окончившему медресе татарину языке и в удобном стиле, что позволило довести до каждого мусульманина, жившего в татарской глубинке, идеи единобожия, идеальный образ Пророка во всей его конкретике» [Сибгатуллина, 2006, с.658–665; Шамсутдинова, 2001, с.15–16]⁸.

Эмоционально-психологическое воздействие мусульманских праздников и благословенных дат усиливалось благодаря всеобщему участию в качестве активных исполнителей самого действия. Вот как описывает К.Фукс «специальную молитву» – праздничный намаз – гает намазы по случаю завершения поста: «...первый день после Рамазана празднование было в летнее время. В пятницу по утру в 8 часов все татары, старики и молодые, числом более 6000 человек собрались неподалеку от Новой Татарской Слободы, и тут под открытым небом отправляли свое Богослужение.

века, учитывая его желания, высказанные в молитве. Поэтому эту ночь принято проводить в мечети, читая Коран и вознося Аллаху и ангелам свои мольбы и просьбы [Ислам, 1983, с.75].

⁸ «Религиозная литература о пророке Мухаммаде занимает основное место в домашних библиотеках всех слоев. Татары не обожествляли пророка Мухаммада, а выделяли в нем такие качества, как терпение, доброта, милосердие, его бедность и т.д., тем самым они приблизили его образ к простому народу. Для народа, лишённого государственности, оставшегося без институтов управления, в течение 450 лет пророк олицетворял высший орган справедливой власти, как считалось, выступал опорой не только в реальном, но и в потустороннем мире, являясь связующим звеном между Аллахом и людьми».

Вид такого множества людей, в величайшем порядке расположенных, при частых поклонах и падении вниз, во время молитвы, был весьма поразителен и, без сомнения, сильно должен действовать на зрителя» [Фукс, 1991, с.107].

Четко выработанный ритуал имели не только главные праздники ислама *Корбан гаете* и *Ураза гаете*, но и сам пост, предшествующий последнему. Утренний (предрассветный) завтрак – *сэхэр*, как правило, более сытный, «праздничный», – это маленькое семейное торжество (в посте начинали участвовать с 6–7 лет), предваряемое произнесением особой молитвы – ритуального намерения – *ният*. Свой ритуал имело и вечернее (послезакатное) разговение – *авыз ачу* – «открывание рта» в татарском просторечии. На протяжении всего месяца в мечетях совершалось особое послезакатное моление – *Таравих намазы*. Ритуал этого моления включал коллективное (мужское!) произношение восхваления Аллаху, пророку Мухаммаду – *таравих тасбихы*, слушать которое с удовольствием ходили женщины, девушки, девочки⁹.

В целом прославлению месяца поста – рамазану, считавшемуся «коронай» для всех месяцев, было посвящено множество поэтических произведений – рамазания. «В первой половине месяца читались стихи с редифом «мэрхэбэ» («добро пожаловать!»), что выражало чрезмерную радость мусульман на приход священного месяца... В этих стихах призывалось совершать во время рамазана богоугодные дела, приводились

⁹ Об этом упоминается в повести «Көз» Г.Исхаки: «Беренче көннәрдә ураза тоту читең булса да, мин бик тиз өйрәндем. Кызлар берлә азан әйткәнне, кич берлә таравих әйткәнне тыңларга бару бик күңелле булды» [Мирас, 2004, № 12, б.73]. В статье «Воспоминания молодости» Н.Хабибуллин пишет: «...во время намаза таравих, когда хором читали «Таравих тасбих», после слов «Кудрати валь Кибрия и валь Джабарут» он добавил слова «Джалали валь Джамали валь Джабарут». Добавив эти слова, Салих мулла поднял свой авторитет на небываемую высоту. И это событие получило новое наименование «Казанча таравих әйтү», т.е. чтение таравиха по-казански... Поэтому когда мужчины читали таравих намаз, женщины с ребятишками собирались вокруг мечети, чтобы послушать, как Салих мулла будет читать таравих по-казански» [см.: Хабибуллин, 2008, с.61].

поучительные примеры из жизни пророков и святых. Во второй половине этого месяца читались грустные стихи с редифом «эл-видагъ» («прощай, до свидания!»), предвещающие конец месяца-праздника. В них выражалось сожаление о том, что рамазан так быстро прошел, и нежелание с ним расставаться» [Сибгатуллина, 2006, с.668].

В исполнении мунаджатов, байтов, касыд, которое активизировалось во время праздников Рамазан и Мавлюд, отразилось своеобразие музыкально-поэтического искусства татар-мусульман, составившего одно из направлений «мусульманского конфессионального искусства» [Исламохристианское, 1994, с.186–196]. Были свои «конфессиональные профессионалы», исполнение которых оказывало огромное и эмоциональное, и психологическое воздействие на слушателей. При медресе создавались и первые культурно-просветительские, литературные, музыкально-драматические кружки, в частности при медресе «Мухаммадия» – в Казани [Әмирхан, 1997, б.217–218], «Галия» – в Уфе и др., ставшие, по сути, предвестниками многих явлений профессионального искусства и литературы, в частности – концертного исполнительства и музыкального творчества [Газиев, 2009].

Исламские предписания являлись главной (основной) смысловой и скрепляющей частью ритуала всех семейно-родственных торжеств, как радостных – свадебные, рождение ребенка, так и печально-траурных, связанных со смертью близких.

В ходе ритуалов исполнялись обязательные действия, произносились нужные речевые формулы, применялась определенная атрибутика, обусловленная местными условиями и ставшая этнической традицией. Выделить в этой синкретической ритуальной системе чисто религиозный (мусульманский) и чисто этнический (татарский) компоненты, разграничить их – практически невозможно. В порядке и названиях ритуальных действий, в их форме и содержании одновременно находили выражение и этнический, и конфессиональный характер, и определенный тип культуры, занимавший особое место в общероссийской и восточно-европейской системе.

Обряд бракосочетания начинался с фиксации материальных условий заключения

брака – «брачного дара» [Фэхреддин, 2006, б.158] – *мәһәр*, касающегося прежде всего обязанностей жениха. Татарский вариант *мәһәр* фиксировал перечень вещей для невесты, присылаемых из дома жениха, в основном предметов одежды: отрезы на платье, пальто или шуба, ичеги, платки, шали и т.д. Набор вещей был единым, но, естественно, в конкретных случаях различался по качеству и зависел от материального положения рождающихся семей. Указывался и перечень продуктов, присланных для приготовления угощения в доме невесты (мука, мясо, масло, чай, сахар и т.п.), а также сумма денег на свадебные расходы. В *мәһәр* вписывалось также имущество, которое передавалось в собственность молодой. А самое главное, он предусматривал определенную сумму денег, которую в случае развода по инициативе мужа последний должен был выплатить жене. Как правило, эта сумма не выплачивалась, но являлась неким юридически закрепленным гарантом для женщины. Недаром эти деньги называли «невидимыми» – *курәнмәгән акча, калмыш мәһәр*.

В аулах татар-мишарей все перечисленное называлось *мәһәр*. Казанские татары именовали предметы одежды для невесты словом *калын*, а деньги, используемые на свадебные расходы – *тарту, тарту акчасы*, хотя все вместе в книгу регистрации брака заносилось под названием *мәһәр*.

Никах проводился в доме невесты. Данное свадебное застолье так и называлось – *никах туге* и являлось первым в серии свадебных торжеств, пиров. За этим столом находились только мужчины. Женщин угощали позднее или в другом помещении. Сами молодожены в этом не участвовали: жених находился у себя дома, нередко в другой деревне, а невеста – за занавесью в этой или другой половине избы.

После церемонии записи *мәһәр* мулла спрашивал о согласии молодых на брак. За жениха отвечал его отец. За невесту, кроме ее отца, отвечали два свидетеля из числа присутствующих мужчин (*вәкилләр*), которых специально отправляли узнать о ее согласии. Затем мулла зачитывал выдержку из Корана, посвященную бракосочетанию. На этом официальная часть завершалась.

Религиозный обряд наречения имени – *исем кушу, ат кушу* проводили через не-

сколько дней после рождения, приглашая муллу и почетных старцев – родственников, соседей. Младенца на подушке подносили к мулле. Он поворачивал подушку таким образом, чтобы ноги младенца были направлены в сторону Мекки (*кыйбла*). Стоя у изголовья ребенка, мулла произносил выдержку из Корана – азан и, наклонившись к нему, называл имя. Это повторялось трижды, после чего делалась запись в книге регистрации новорожденных.

Судя по надписям на надгробиях, переписным листам и другим историческим источникам, вплоть до XIX в. преобладали имена тюрко-татарского происхождения. В XIX в. картина резко меняется. Под влиянием и при активном участии духовенства, получившего религиозное образование в различных медресе Бухары, стали внедряться «исламские имена», смысл которых сводился к прославлению Аллаха и пророка Мухаммада. Большими тиражами и многократно были опубликованы «соответствующие шариату» именники и циркуляры по правильному написанию отдельных имен [Саттаров, 1981, с.14–15]. К концу XIX в. такие имена стали преобладающими.

Церемонию наречения имени завершало угощение – *аш*. Это было единственное застолье, куда по поводу рождения ребенка приглашались мужчины, да и то в основном пожилые. Более многолюдным был званый обед по данному поводу для женщин, который проводился вслед за угощением мужчин или чуть позже. Женщины всегда приходили с подарком для новорожденного.

Каждому мальчику делали обрезание – *сөннэт*. Занимались им профессионалы, называемые *баба*, *бабачы*, которым это умение передавалось по наследству от отцов и дедов. Для мужского населения некоторых деревень это стало основным промыслом. В Казанской губ., например, этим славились две деревни – Кошман Свияжского у. и Масра Казанского у. Профессионалы ходили по аулам, предлагая свои услуги. За работу полагалось определенное вознаграждение.

В традиционной похоронно-поминальной обрядности лишь одна часть, а именно погребальная (сроки захоронения и обмывания, погребальное облачение покойника, устройство могилы), канонизирована в шариате. Все остальные обряды, в т.ч. по-

минальные, связаны с этнической историей народа. Вместе они составляли единый комплекс. Именно в своем единстве он воспринимался как мусульманский и был неукоснительным для исполнения.

Похороны проводили как можно быстрее. Если человек умирал ночью или рано утром, хоронили в тот же день¹⁰. На сельском кладбище место для могилы выбирали там, где похоронены родственники. Копали могилу с боковой нишей (*лахет*).

Тем временем под руководством знающей порядок женщины готовили все необходимое для обмывания и погребального облачения (*кафен*, *туннык*).

Покойника обмывали специально приглашенные люди (мужчин – мужчины, женщин – женщины) лишь после того, как приходили с известием, что могила вырыта.

Порядок облачения был также строго регламентирован и завершался связыванием савана специально приготовленными полосками ткани поверх головы, туловища и ног завернутого в него покойника. Все действия присутствующих сопровождалось произнесением подходящих случаю молитв – определенных аятов Корана. На кладбище покойника несли на специальных носилках (*табут*). В похоронной процессии, как и в предпогребальном молении – *жинназа намазы* – участвовали только мужчины.

Бытовала раздача многократных подаваний: пришедшим на похороны в качестве напоминания об умершем *төсе итен* дарили мелкие вещи: ложки, нитки, платки и т.д. Соответствующий местной традиции набор вещей за свой труд получали обмывальщики. Тем, кто помогал нести покойника, опускал в могилу, давали полотенца. Обязательной была «могильная милостыня» – *гур садакасы*, состоящая из какой-нибудь живности, чаще всего овцы, которую передава-

¹⁰ Как писал К.Фукс: «Русский закон, повелевающий хоронить покойников по прошествии двух суток, у татар не так строго соблюдается» [Фукс, 1991, с.86]. Интересен в этом плане такой факт: Габдесаттар Сагитов – старший ахун Казани в 1827 г. осмелился выступить против императорского указа и соответствующей фетвы оренбургского муфтия о захоронении умерших через три дня после смерти, указывая на их полное противоречие исламу, за что подвергся серьезному взысканию [ИКН, 2009, сентябрь].

ли мулле до того, как покойника опустят в могилу. Желательным был «отпуск за грехи» – *фидия*¹¹. В данном случае мулла получал лошадь, корову, какую-нибудь постройку и т.д. Фидия выплачивалась только в состоятельных семьях. Эта канонизированная часть обрядности по своей сути была едина для всех мусульман.

Поминальная обрядность, связанная с этнической историей татар, была вариативна на обширной территории их расселения, хотя основные ее составляющие – сроки, форма проведения – были унифицированы. Поминки проводились на третий день после похорон – *өчесе*, на седьмой – *жидесе*, сороковой – *кырыгы* и через год – *елы* как званый обед с приглашением либо мужчин, либо женщин. Угощение предвлялось чтением Корана, раздачей присутствующим подаяния – *сэдака*, а на сороковой (местами на седьмой) день – и вещей покойного.

В целом для бытовой культуры татар-мусульман XIX в. были характерны всеобщность ритуализированного поведения, особенно усиливающаяся в дни семейно-родственных торжеств, религиозных праздников и благословенных дат, всеобщность знания и умения рецитации Корана, мелодизированного исполнения многочисленных как авторских, так и фольклорных поэтических произведений. Все это составляло специфику духовной жизни народа, создавало особый эмоциональный настрой, не просто праздничное настроение, а более глубокое праздничное мироощущение. Благодаря эмоционально-психологическому воздействию религиозные (мусульманские) знания, предписания воспринимались, впитывались, закреплялись на уровне подсознания. В конечном итоге они являлись составной частью образа жизни абсолютного большинства татар вне зависимости от их социального, экономического и образовательного уровня, стержнем их татарскости.

Вместе с тем ислам со своим лунным (скользящим) календарем не смог вобрать в себя, как это произошло в христианстве, местные праздники, оформляющие наибо-

лее значимые этапы сельскохозяйственных работ, важные моменты жизни крестьянской общины, а также отдельных социальных, половозрастных групп населения (рекруты, молодежь, девушки, женщины и др.), связанные с коллективным трудом, отдыхом, общением. Вот они-то различались на обширной территории проживания татар, оставаясь активно функционирующими явлениями общественной жизни¹².

Анализ годового цикла традиционной праздничной культуры (местных обрядов, праздников) позволил выделить два ярко выраженных комплекса. Определяющим при их выделении было наличие или отсутствие тех или иных народных праздников, имеющих набор устойчивых, одинаковых по форме элементов. Особенность первого состоит в том, что он включает в себя два таких праздника – Сабантуй и Джиен. Второй комплекс характеризуется отсутствием именно этих праздников. Первый комплекс назван казанско-татарским, так как он был абсолютно преобладающим, во многих случаях единственным на территории проживания казанских татар [Исхаков, 2001, с.11–15], наиболее многочисленных, более компактно расселенных, географически занимающих центральное положение в Волго-Уральском регионе. Вместе с тем он бытовал и среди других этнических групп татар, проживавших в контактных зонах с казанскими татарами.

По этому же принципу второй комплекс назван татаро-мишарским, хотя он был преобладающим и среди касимовских татар (уезды Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерний).

Сабантуй – это многовариантный весенний народный праздник. Он предвлял начало самого значимого этапа сельскохозяй-

¹¹ К.Насыри писал: «Каждому умершему, если у него было хоть какое-то богатство, нужна фидия: за недочитанные молитвы, невыдержанные посты» [Насыри, 1977, с.40–41].

¹² Репрезентативный материал по традиционной обрядности и праздничной культуре татар XIX в. был собран автором при создании научной базы для составления Историко-этнографического Атласа татар Поволжья и Урала, в т.ч. во время многолетних этнографических экспедиций (регулярных с 1971 г.) практически во все регионы компактного проживания татар. Фактологический материал описан, систематизирован и проанализирован [См.: Уразманова, 2001]. Сведения о городском сабантуе XIX в. содержатся в книге Д.Р.Шарафутдинова [Шарафутдинов, 2004а, с.198, 204, 209–211].

ственных работ – сев яровых культур, что в народе воспринималось как начало Нового года. Народность заключалась в его сути. Это «самоорганизующийся» праздник, функционирующий по принципу полного «самообслуживания» в решении как организационных, так и финансовых вопросов, кстати, направленных не столько на материальное, сколько моральное, эмоционально-психологическое поощрение как активных организаторов, так и участников, победителей состязаний. Празднику шествовал сбор подарков, которые выделяли сами жители аула. Собирали их в одних районах пешие юноши, в других – верхом на лошадях, в третьих – пожилые мужчины.

Перечень даров был единым и состоял в основном из предметов женского рукоделия, отрезков материи. Самым ценным подарком считалось богато орнаментированное полотно, изготовленное молодухой – *яшь килен*, вышедшей замуж после предыдущего сабантуя. Выделить подарок считалось необходимым, так как в противном случае односельчане могли осудить за жадность. Среди дарителей были и такие, кто давал обет выделить подарок для сабантуя в случае исполнения желания – *одарынып*, или как подаяние – *сэдака итен*. Причем нередко оговаривалось: «Мой подарок – борцу», или победителю скачек, или наоборот, наезднику, пришедшему последним, и т.д.

Сабантуй не имел не только точной календарной даты, но и определенного (установленного) дня недели. Все зависело от погодных условий, интенсивности таяния снега и, соответственно, степени готовности почвы к севу яровых культур. Бытовали различные обряды встречи весны, являвшиеся началом подготовки к празднику. Одним из них было коллективное угощение кашей, приготовленной на природе из подворно собранных продуктов (XIX в. это было занятием детей). В районах Предкамья Казанской, Вятской губерний оно бытовало под названием *зэрэ (дэрэ) боткасы* (смысл терминов неясен) в южных уездах Вятской, западных уездах Уфимской губ. – *карга боткасы* – «грачиная каша».

Неотъемлемой частью Сабантуя, создающей атмосферу приближения праздника, являлся сбор детьми крашенных яиц. По ре-

шению аксакалов о таком дне жителей оповещали заранее, чтобы хозяйки успели подготовиться. Кстати, сбор крашенных яиц был характерен для всех групп татар. В деревнях кряшен, татар-мишарей обряд был приурочен к первому дню Пасхи. У основной массы мишарей обряд бытовал под названием *кызыл йомырка* – «красное яйцо». Касимовские татары сбор яиц проводили накануне Пасхи, стремясь тем самым отмежеваться от христианского (русского) праздника.

Сабантуй был чисто своим, деревенским праздником. На него не было принято приглашать гостей из других деревень. Правда, в деревнях одной округи старались проводить состязания (кульминацию праздника) не в один день, чтобы желающие могли посетить их праздник. В целом же Сабантуй – не время гостеваний, ведь сразу после него приступали к севу.

Сабантуй в отдельных районах проживания татар отличался набором обрядов, входящих в праздничный комплекс, причем набор обрядов, атрибутов, увеселений был характерен именно для данного праздника. Можно выделить четыре варианта Сабантуя, что в свою очередь является объективным подтверждением его традиционности, т.е. длительности его воспроизводства, относительной стабильности. Ибо вариативность, как доказано исследователями, есть способ существования традиции [Чистов, 1986, с.119]. Каждый вариант имел четко очерченную территорию распространения.

Следует особо оговорить, что из народных праздников именно Сабантуй стал одним из ярких (эффективных) средств, свидетельствующих об интеграции татар в период формирования татарской нации. Его стали праздновать татары-мишари, в частности в отдельных уездах Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской губерний, куда их как служилое сословие переселяли по мере расширения границ Российского государства, или они поселялись там в ходе вольной колонизации [Мухамедова, 2008, с.39–47].

В XIX в. Сабантуй стал народным праздником и живущих в городах татар, в частности, в Казани, Уфе, Оренбурге и др., подчиняясь уже другим закономерностям и исполняя несколько другие функции, требуя

других усилий и затрат по его организации. Очевидцы писали: «Справедливость требует отметить, что, несмотря на такое многолюдство, на сабанах редко можно встретить пьяных и вообще хулиганствующих. Порядок образцовый и ревниво оберегается самими гуляющими. И в этом случае татар можно лишь похвалить, что они разумно пользуются отдыхом» [КТ, 1912, №5727].

Джиен был приурочен к относительно свободному от сельскохозяйственных работ периоду – после завершения сева до начала сенокоса и жатвы. Начинала его в установленный срок группа деревень, условно названная «джиенным округом». На следующей неделе праздновали деревни другого джиенного округа. Очередность была традиционной. В отличие от Сабантуя Джиен был праздником гостевым – временем приема гостей из других деревень, празднующих свой Джиен не в эту неделю.

Прием гостей и гостевание повсеместно проводились по четко выработанному этикету. Гости приглашали персонально, оговаривая время приезда, количество из каждой приглашенной семьи. Готовили места для размещения на ночлег, заготавливали продукты.

Поездка на Джиен также требовала подготовки. В случае необходимости было принято одалживать друг другу праздничную одежду, сбрую для лошадей, подводу. Кроме того, каждая хозяйка по обычаю везла с собой угощение, размер и богатство которого зависели от материального достатка. Угощение являлось существенным подспорьем при проведении застолий и облегчало заботы хозяйки.

Массовый заезд на украшенных подводах, экипажах с песнями, музыкой проводился, как правило, в четверг. С этого дня начинался праздник, длившийся до понедельника следующей недели.

В пятницу утром обязательно топили баню, где поочередно мылись супружеские пары. Баню топили каждое утро во все дни гостеваний. Это входило в гостевой этикет. «Баня – высшая почесть для гостя», – говорили татары, – «*Кунакның хәрмәте – мунча*».

Ближе к полудню проводили званый обед – *аш*. На него приглашали родственников, друзей из своей деревни. Порядок прове-

дения джиенных застолий везде был одинаков: традиционная подача традиционных блюд предварялась выносом для всеобщего обозрения угощений, которые были привезены гостями. После этого пироги, калачи и прочее разрезали и подавали на стол. Приглашенные на аш из своей деревни угощения, как правило, не приносили. Однако они должны были пригласить на застолье тех, кто приехал с угощением. Иногда в один день их приглашали в четыре-пять и более домов. В джиенные дни допускались определенные отступления от обязательных предписаний ислама. Так, по наблюдениям Е.А.Малова, даже на пятничном молебнии народу в мечети было мало, «мужчины были заняты приемом гостей» [Малов, 1892, с.22].

Другая линия праздника включала в себя молодежные гулянья и игрища. Они начинались с пятницы и проводились днем и вечером во все праздничные дни. На игрищах считались допустимыми и широко практиковались совместные прогулки юношей с понравившимися им девушками. Существовало множество игр, сопровождаемых пением и пляской – *жырлы-биюле уеннар*. Наблюдалось и ансамблевое музицирование. Устраивали катание на подводах. Посмотреть на молодежные гулянья приходили и взрослые.

Джиенные дни были временем переезда молодухек на постоянное место жительства – в дом мужа. Участие большого количества родственников, наличие обрядовых действий зрелищного характера, музыки и т.д. – все это привносило в деревенский праздник свою специфику.

В деревнях, где состязания – конные скачки, бег на дистанцию, борьбу на кушаках (*көрәш*), не проводили весной, их устраивали в дни этого праздника, что составляло отличительную особенность второго варианта Джиена. Как и варианты Сабантуя, каждый вариант Джиена имел четко очерченный регион бытования.

Следует отметить, что несмотря на наличие особенностей, привнесенных христианством, причем не столько ортодоксальных, а «бытовых», во многом одинаковых с бытующими у местных русских, удмуртов, мари, чувашей, мордвы, для обрядов и праздников

татар-кряшен были характерны те же основные элементы, которые являлись этнически специфичными для казанских татар¹³. Так, до сева проводился Сабантуй. Однако в большинстве случаев он был приурочен к пасхальным дням. Кроме того, во многих деревнях он потерял само название «сабантуй». В частности, у нагайбаков Троицкого у. Оренбургской губ., Цивильского и Царевококшайского уездов Казанской губ. состязания в пасхальные дни проводились под названием *Сөрэн*. В ряде мест они бытовали под названием *Шыйлык*.

Летний праздник крещеных татар несмотря на то, что, как правило, также был приурочен ко времени одного из христианских (престольных) праздников, по форме напоминал тот или иной вариант Джиена соседних деревень казанских татар данной местности.

В праздничной системе татар-мишарей были свои, единые для всех элементы. Почти повсеместно было традиционным особо отмечать день Нового года и в целом период святок. Преобладала форма их проведения в виде устройства посиделок, девичьих гаданий, заимствованное название *Роштва* – Рождество.

Из весенних обрядов также повсеместно бытовали подворный сбор детьми крашенных яиц и уличные игры с ними – *кызыл йомырка*, *Йомырка көне*, приуроченные к пасхальным дням.

Летом особое место в праздничной культуре занимало коллективное угощение, приготовленное из мяса жертвенного животного, которое сопровождалось коллективным мусульманским молением *намаз* – *Корбан* – *Корбаннек*. Проводилось оно с пожеланием благополучия. В районах компактного поселения с казанскими татарами в годовой цикл обрядности вошло празднование Сабантуя, в частности в деревнях Чистопольского у. Казанской губ. На территории башкирского Приуралья (Белебеевский, Бирский и другие уезды Уфимской губ.) татары-мишари полностью восприняли праздничный комплекс обрядности казанских татар.

Сабантуй. Фото нач. XX в.

Аналогичным, за редким исключением, был годовой цикл обрядов касимовских татар. В отличие от татар-мишарей у них было традиционным устройство летних коллективных выходов на природу с угощением, во время которых проводились и молодежные игрища. Эти выходы имели свое название – *сәер итү*. У касимовских татар под названием «джиен» проводились ежегодные семейные поминки с приглашением на угощение родственников, соседей. Проводили их в удобное для себя время в течение года. То есть наблюдалось широкое бытование слова (термина) «джиен», но совершенно в другом смысле, чем у казанских татар.

Тем не менее в XIX в. наблюдалось стойкое сохранение своеобразного общего (единого) культурного пространства, отличного от соседних народов, в тесном контакте с которыми жили татары. В основе этого своеобразия – предписания ислама, его обряды, праздники, которые адаптировались к местным условиям, стали неотъемлемой частью этики поведения, общения, гостевого этикета, в целом традиционного образа жизни татар как единого народа.

¹³ Эти выводы совпадают с выводами исследователей языка и материальной культуры кряшен [См.: Баязитова, 1986, с.197–198; Бурганова, 1985, с.11; Мухаметшин, 1977, с.154–156].

ГЛАВА 5

Устное народное творчество татар

Фанзиля Завгарова

Татарское устное народное поэтическое искусство прошло долгий исторический путь, на котором творчески преломлялись традиции предков и формировались новые жанры. Охватывая жизнь народа и жизнь человека в его конкретно историческом социуме, фольклор удовлетворял духовные потребности всех слоев [Аникин, 1984, с.64].

Жанровое богатство фольклора – следствие многовекового развития искусства слова у тюркоязычных племен и народностей, принимавших участие в этногенезе татарского народа. Некоторые его жанры восходят к древнейшим социально-бытовым институтам, отношениям и представлениям коллектива, которые художественно трансформировались в фольклоре, получая в нем специфическое обобщение. Это и устно-поэтические жанры: эпос, сказки о животных, волшебные и бытовые, загадки и пословицы, поговорки, игровые, исторические и лирические песни, обрядовая поэзия и ее музыкальные составляющие, заговорная традиция, и многие другие, присущие конкретным традициям народа.

В XIX в. продолжали бытовать жанры, связанные с патриархальными, родоплеменными воззрениями и психологией тюркотатар, что особенно заметно в семейно-бытовом обрядовом творчестве. Например, в причитаниях невесты (*кыз елату, таң кучат*), которые продолжают выполнять ту же функцию, что и в предыдущие эпохи, так как на данном этапе сохранилась ритуальная, нравственная, психологическая обстановка семейных устоев и связанной с ними свадебной обрядности. Содержание обряда, состав исполнителей, темы и образы также остаются традиционными.

Главным действующим лицом свадебной обрядности все еще остается невеста, поэтому она – лирическая героиня свадебных песен «Яр-яр», «Кыз сенләү». Если в песне

сибирских татар «Яр-яр» основную сюжетную канву определяет приветствие, чествование молодых, то в *кыз сенләү* (обряд, присутствующий татарам, расселенным в Приуралье), который исполняется перед отъездом невесты в дом жениха, преобладают мотивы прощания молодой невесты (*килен*) с отчим домом, родными просторами, подругами.

В некоторых этнических группах татар сохраняется обычай левирата (наследование невесты или жены умершего родственника), который превращал брак «из радостного события в трагическую прелюдию безрадостного существования» [Мухамедова, 2004, с.74]. Тема левирата присутствует в лиро-эпическом жанре татарского фольклора – в байтах.

Календарные обряды годового земледельческого цикла, представляющие собой синтез кочевого и оседлого образа жизни, сохранили свою традиционную структуру вплоть до первой четверти XX в. Связанная с земледелием оседлость издревле была доминирующей, поэтому сезонность и порядок сельскохозяйственных работ позволяли народу выработать свой календарь. Так, во второй половине XIX в. Н.И.Остроумовым был записан календарь, бытовавший у крещеных татар Казанской губ. (1. *Агам кырлач ае*; 2. *Энем кырлач ае*; 3. *Буш ай*; 4. *Нәурүз ае*; 5. *Яз ае*; 6. *Сабан ае*; 7. *Жэй ае*; 8. *Челлә ае*; 9. *Урак ае*; 10. *Ашлык сугу ае*; 11. *Келәү ае*; 12. *Кыш ае*) [Остроумов, 1876, с.37].

В XIX в. у татар-мишарей и крещеных татар еще повсеместно проводился праздник, связанный с зимним солнцестоянием – Нардуган. В структуру его обрядовых действий входили ряжение, обход дворов ряженной и комплекс гаданий, которые были основаны на древних языческих традициях. По мнению Л.В.Виноградова, «ряженные в структурах календарной обрядности являются ритуально значимыми людьми, при посредничестве ко-

торых можно связаться с миром умерших, и они воспринимаются как заместители умерших, а щедрое их одаривание – как отголосок поминальных жертвоприношений» [Виноградов, 1982, с.146].

Согласно описаниям исследователей XIX в., святки у крещеных татар начинались с возгласов мальчишек, которые кричали: «*Нардуганга – шайтан туена*» (*На нардуган – на бесовскую свадьбу*) [Мошков, 1898, с.45; Даулей, 1903, с.18]. На следующий день ряженые – сначала мальчики и девочки, затем парни и девушки – собирались и под гармонь устраивали пляски у каждого дома. Ряженые заходили в дом, где хозяйка угощала их специальными приготовленными блюдами. (По мифологическим представлениям, если хозяйка дома не угостит ряженых, то могут накликать себе беду или болезни.) К ним присоединялось взрослое население, и начиналось народное театрализованное представление. Главные персонажи обряда – Нардуган баба и Нардуган эби. Как правило, это были ряженые мужчины. Их задачей было рассмешить присутствующих шутками-прибаутками. В ночь на Новый год девушки совершали комплекс гаданий на суженого, при этом исполнялся ряд гадальных песен. Например:

Алыйм, салыйм, (Кыз исеме эйтелә)

Кияу сайлыйм.

Бал салмаган чиләккә

Балавыз кайдан ябышкан?

(Кыз исеме эйтелә)

Берләң фәләң егет

Каян килеп табышкан?

[Даулей, 1903, с.22].

Беру, кладу, выбираю для (называется имя девушки) жениха.

К ведру без меда откуда прилип воск?

(опять называется имя девушки) и вот этот парень как нашли друг друга?

В песнях татар-мишарей при гадании девушек как заклинание употреблялось слово «Нардуган»:

Нардуганым нар булсын,

Эче тулы нур булсын.

Нардуган көвен кем күләсә,

Шул дәүләтле, бай булсын.

[Мошков, 1898, с.254].

Пусть мой нардуган будет красным,

Пусть он будет лучезарным.

Тот кто поет песню Нардуган,

Пусть будет богатым.

В комплексе обрядового праздника Нардуган у татар-мишарей бытовали и подблюдные песни с упоминанием лиц разных социальных групп: мулл, купцов и др. [Нигмедзянов, 2003, с.33].

Традиционно проводились весенние обрядовые действия «Боз озату», «Боз карау» (Проводы льда, или смотреть ледоход), во время которых, например, в Среднем Поволжье разжигали костры и пускали их по реке на ледяных глыбах. Татары, проживавшие в Приуралье, сжигали соломенное чучело [Мухамедзянов, 1982, с.102], сибирские же, проживавшие в Тюменском у., отправляли по реке специально приготовленную деревянную куклу, полагая, что вместе с куклой лед унесет с собой все беды и болезни. Помимо этих ритуальных действий, участники проводов льда, особенно молодежь, устраивали на берегу песенно-танцевальные игры.

Согласно многовековым традициям, и в XIX в. с ранней весны начинали готовиться к севу. Именно ему были посвящены многие обряды. Среди них особое место занимает обряд «Карга боткасы», «Зэрә боткасы» (Грачиная каша, Каша Зари), участниками которого выступали дети. Обряд «Карга боткасы» в Среднем Поволжье проводился повсеместно и считался предвестником главного праздника – Сабантуй. Следует отметить, что многие тексты заклинаний обряда «Карга боткасы» были записаны собирателями фольклора именно в исследуемый период. В них четко прослеживаются древние языческие представления татар. Например:

Эт кояшы, тегелэй кит,

Безнең кояш болай кил.

Кояш, чык, чык, чык!

Болыт, кач, кач, кач!

Без уйнарбыз жылыткач.

Тәти кашык базарда,

Майлы ботка казанда,

Эти китте базарга,

Кызыл үгез бар анда.

Эти кайткач базардан,

Ботка төшиәр казаннан.

Кояш, чык, чык, чык!

[ТХИ, 1988, б.51].

*Собацье солнце, иди туда,
Наше солнце, сюда иди.
Солнце, выйди, выйди, выйди!
Туча, скройся, скройся, скройся!
Мы будем играть, когда потеплеет.
Красивая ложка на базаре,
Масляная каша в котле.
Отец поехал на базар,
Там находится рыжий бык.
Когда отец возвратится с базара,
Будет готова каша в котле.
Солнце выйди, выйди, выйди!*

Упомянутые в закличке ритуальная каша, красный бык, олицетворяющие символ Солнца, являются мифологемами сюжетной линии произведения.

К комплексу фольклорной календарной обрядности XIX в. можно отнести и большое количество вербальных молельных структур – обращений (келәүләр) к земле, солнцу, дождю. Для них характерно формульное оформление мифологического содержания. Например,

*Жир атасы – жирән сакал,
Жир анасы – асылбикә.
Тубәсенә туклыгын бир.
Тамырына ныклыгын бир.
Ил өстенә муллыгын бир.
Ил эчендә безгә дә бир.
Башлык теләкне.
Күтәрик беләкне.
Кояш, шаһит бул.
[ТХИ, 1988, б.50].*

*Отец земли – рыжая борода,
Мать земли – прекрасная женщина.
Верхушкам дай сытность,
Корням – крепость.
Всей стране дай богатство,
В этой стране и нам дай.
Начнем моление.
Поднимем руки.
Солнце, будь свидетелем.*

Календарная обрядность завершалась осенью, когда заканчивались работы в гуме. Осенние заботы заканчивались праздником урожая, который согласно локальным традициям назывался по-разному: «Сәмбель», или «Кыр жыены», или «Ашлык башы бэйрәме» [Исхакова-Вамба, 1997, с.50]. Утратив свое мифологическое содержание, они проводились как молодежный праздник.

В конце XVIII – начале XIX в. ученые отмечали усиление роли ислама и канонов шариата в повседневной жизни татар. Поэтому в описаниях празднично-обрядовой культуры редко встречается упоминание о пении и музыке. Как метко заметил К.Фукс: «Праздники деревенских татарок отправляются с теми же обрядами, как и в городе... , но несколько повеселее: иногда спют песню и позволяют себе поплясать на свадьбах... ». Говоря «о строгих обычаях ислама», он отмечал, что среди простых людей «они меньше соблюдаются» [Фукс, 1991, с.37]. Описывая древний татарский народный праздник «Джиен», в который «муллы и благочестивые люди не ходили» [Махмудов, 1857, с.251], К.Фукс отмечал пение татарок, задорную игру курайчи [Фукс, 1991, с.328]. Несмотря на давление ислама на фольклорную культуру, согласно словарю М.Г.Махмудова, татары в своем музыкальном быту в первой половине XIX в. пользовались традиционными инструментами: скрипкой, домрой, кураем, гусями, бубном (дюмбры), кубызом [Махмудов, 1857, с.253].

С середины XIX в. «культура татарского народа постепенно переходит в иное «измерение» – вступает в период развития динамического типа цивилизации с ориентацией «от Востока к Западу» [Сайдашева, 2008, с.50]. Русская культура начинает выполнять функцию посредника между татарской и западноевропейской культурами. Опираясь на записи В.Белинского и М.Лаптева, известный ученый-музыковед М.Нигмедзянов пишет о популярности у татарского населения в тот период русских, украинских и других бодрых и веселых танцевальных мелодий и указывает на проникновение в быт татар итальянского музыкального инструмента – гармоники (тальянки), который очень быстро становится одним из самых популярных. «Гармонь в отличие от всех предыдущих инструментов явилась мелодико-гармоничным инструментом, способным без участия других инструментов обеспечить полноту и силу звучания. Портативность и общедоступность в смысле несложности овладения техникой игры позволили ему быстро проникнуть в быт татар» [Нигмедзянов, 2003, с.59]. Несмотря на гонения служителей исламского культа, музыка, пение и танцы продолжали бытовать и в молодежной сре-

де. Молодые люди с наступлением теплых вечеров выходили где к ручью, где на холм, где на луг на *кичке уен* (молодежные игрища), играли в *эйлэн-бэйлэн* (хоровод), пели различные шуточные такмаки, основанные на *эйтеш* (музыкально-поэтический спор), играли в песенно-танцевальные игры. Различные по содержанию и форме игры проводились и на зимних, и осенних вечерах, *аулак өй* (вечер в доме без взрослых), на которых особенно приветствовались фольклорные произведения жанра *эйтеш* между молодыми людьми и девушками, с присущей к характеру вечеринки тематикой.

В этот период в городах бытовой интерес к фольклору начинает перерастать в профессиональный. К середине XIX в. песенный, инструментальный музыкальный фольклор становится материалом для исполнительского творчества. Татары начинают музицировать в трактирах, чайных, клубах, на открытых вечерах. «В области татарской фольклорной музыкальной культуры усиливаются творческие взаимопроникновения с инонациональной, прежде всего с русской культурой. Наблюдается отход от строгой бесполутоновости и проникновение в мелодику полутонов, то есть диатонических элементов» [Сайдашева, 2008, с.31].

В этот период активизируются мотивы социального протеста в татарском песенном творчестве цикла «Качаклар жыры» («Песня беглых»). Ученые фольклористы относят эти народные произведения к жанру исторической песни, которая «берет свое начало с древнебулгарского периода» [Бакиров, 2008, с.264]. «Качаклар жыры» как вид исторической песни зародился в XVII–XVIII вв., в них повествовалось в основном о судьбе беглого солдата, участника пугачевских восстаний, ссыльных крестьян. В XIX в. беглыми героями «стали личности, поссорившиеся с властью имущими». Как правило, эти песни бытовали под собственными именами героев, например, «Шәрүк беглый», «Гали», «Ташкай» и др. [Исхакова-Вамба, 1997, с.120]. По сюжету герои этих народных произведений – «благородные разбойники», разделяющие тяжкую судьбу простолюдина, знающие его долю:

*Кара урман үтәли карадым,
Ярлыга тимәде зарарым.*

«Шәрүк беглый» [ТХИ, 1980, б.47].

*Глядел сквозь темный лес,
Но бедных не трогал.*

В них передавались и переживания самого героя, вынужденного в силу сложившихся обстоятельств находиться вдали от семьи, домашнего очага:

*Ни авырдыр качкынның көннәре,
Ризыклы, әй, меңнәң берләре.*
«Качкын жыры» [ТХИ, 1980, б.68].

*Как тяжелы дни беглого,
Из тысячи только один день бывает он сит.*

В фольклоре данного периода продолжали бытовать исторические песни, повествовавшие о кантонной системе, где, помимо национального гнета, служилые татары подвергались жестокому обращению военачальников. Генезис данного вида исторической песни уходит в XVIII в., он продолжал бытовать в XIX столетии [Бакиров, 2008, с.187]. Одно из популярных произведений, рассматриваемых как историческая песня, – «Азаматов кантон». В ней повествуется о судьбе кантонщика Азаматова, который совсем молодым покинул этот мир. Среди таких народных произведений достаточно интересна, на наш взгляд, песня «Абдулла ахун» [Юсупов, 2004, с.336]. В этой песне с иронией рассказывается о том, как Абдулла ахун стал кантонщиком. Высмеиваются его подобострастное отношение к высшим чинам, пренебрежение народными чаяниями, его, по мнению сочинителя, предательство интересов ислама. Совсем иная сюжетная тематика и чувственная палитра в песнях об Отечественной войне 1812 г. В них преобладают патриотический настрой, гордость за воинов-татар – участников сражений.

Социально-протестная и военно-историческая тематика раскрываются и в лироэпическом жанре татарского фольклора – баите, зарождение которого как жанра, по мнению некоторых ученых, восходит к болгарскому периоду [Бакиров, 2008, с.263]. Часть баитов XIX в. относится к творчеству татар-солдат, принимавших активное участие в Отечественной войне 1812 г. Яркий пример тому баит «Рус-француз сугышы бәете»

(«О русско-французской войне») [ТХИ, 1983, б.40]. Лиризм произведения определен общей радостью по поводу победы в Отечественной войне. Татары и башкиры, как и многие другие народы, грудью встали на защиту Отечества, они чувствуют себя народными героями. Подобные эмоции нельзя найти в байтах, посвященных другим войнам. Так в байте, посвященном Кавказской войне, выражается симпатия Шамилю [ТХИ, 1983, б.46–49].

Большой цикл байтов данного периода отражает события, связанные с крестьянскими антиправительственными выступлениями. Например, в народном произведении «Урта Тигәнәле бәете» [ТХИ, 1983, б.125] рассказывается о прибытии в 1879 г. в д.Средние Тиганы Казанской губ., жители которой оказали неповиновение властям, карательной команды. Байты с такой тематикой сочинялись часто и имели локальное распространение. В байтах нашла отражение бесправная доля татарки в патриархальной семье, которая усугублялась тяжелым экономическим положением. В голодные годы некоторые родители под прикрытием свадебной сделки продавали своих дочерей покупателям из Средней Азии («Сатылган кыз бәете» («Байт о проданной девушке»), «Галимә» и др.) [ТХИ, 1983, б.135]. Наиболее распространенными были байты о безвременной трагической смерти героя сюжета («Суга батып үлгән Гаишә бәете») [ТХИ, 1983, с.138], о несчастном случае во время работы («Тегермәнче Шәйхелислам бәете») [ТХИ, 1983, б.134] и др.

В татарском фольклоре XIX в. особое внимание уделяется борьбе старого с новым. Традиции все еще дают о себе знать в фольклорных жанрах, связанных с патриархальной дидактикой наставлений, в афоризмах, семейно-бытовых обрядах, сказке. Понятия и образы ислама все больше проникают в назидательную и обрядовую поэзию, чему способствуют ставшие популярными среди татар произведения религиозно-назидательного характера (*кыйсса*) о пророках и мусульманских святых. Благодаря татарскому книгопечатанию активизируется переводческая деятельность, переводы издаются массовыми

тиражами. Публикуются также сборники фольклорных жанров Востока, в частности арабо-персидские сказки: «Мең дә бер сәхәр» («Тысяча и одна ночь»), «Тутый намә» («Книга попугая»), «Кырык вәзир» («Сорок везирей»), «Кәлилә вә Димнә» («Калила и Димна») и др. [Каримуллин, 1993, с.8]. Чужеземные восточные сюжеты способствовали появлению в татарском фольклоре новеллистических сказок. «Тысяча и одна ночь» становится источником многих татарских авантюрных сказок: о герое, познавшем язык животных, о красавицах ханшах, о дочери везира, рассказывающей сказки, и др. Сюжеты «Калилы и Димны», «Книги попугая» также нашли отражение в татарских сказках. В сказках все чаще появляется образ птицы Самрук (Симург) – чудесной помощницы героев, а также образы восточного фольклора – шайтаны, пери, жабраилы и др. Благодаря тесным культурным контактам в виде книжной продукции распространились циклы рассказов-анекдотов о Ходже Насретдине, которые, «слившись с татарским фольклором, стали катализатором развития жанра мәзәк (анекдот)» [Каримуллин, 1993, с.8].

Таким образом, в фольклоре семейно-бытовой обрядности наблюдается сохранение традиционных устоев, основанных на патриархальных воззрениях. В календарных обрядах XIX в. основу фольклорной традиции составляют мифологические представления, связанные с язычеством. Бытуют традиционные лироэпические жанры, но в их тематике, образной системе наблюдаются новые явления. Серьезным изменениям подвергается музыкальный фольклор. Появляется возможность синтеза с инокультурными традициями, отмечаются основанные на фольклоре зачатки профессионального искусства. Наблюдаются отход от строгой пентатоники, проникновение в татарский мелос диатонических элементов. Под влиянием письменной исламской культуры активизируется жанр кыйсса о жизни мусульманских пророков и святых. Под воздействием перевода и восточных сказок появляются новеллистические, авантюрные сказки. За счет новых явлений обогащается и образная система сказочного фольклора.

ГЛАВА 6

Татарская музыкальная культура

Геннадий Макаров

Музыкальная культура татар Поволжья и Приуралья в XIX в. развивалась в русле перехода от доминирования патриархальных традиций этнической, а также религиозной суфийской музыки позднего средневековья к надэтнической, национальной музыке Нового времени, когда формирование культуры татарского общества стало проходить по модели национальных сообществ новоевропейского типа.

Последствия миграционных процессов в виде исхода населения из Казанского края на Урал, проходивших после взятия Казани (1552 г.), привели к смешению комплексов различных вариантов культур татарских общин, обычаев, обрядов и значительному изменению на новых местах обитания старотрадиционных песенно-поэтических, музыкальных традиций. Переселение этнических групп казанско-татарского, мишарского, финно-угорского населения правобережной Волги, Казанской губ. для заселения земель в Приуралье, Сибири привело к формированию внеобрядовой песенной культуры татароязычного тептярского населения. На этот процесс большое влияние оказала и приуральская башкирская песенность с применением орнаментального распева в жанре «озын көй».

Основными песенными жанрами татарского населения продолжали оставаться «озын көй» (длинный/протяжный напев) и «кыска көй» (короткий напев). Принадлежность напева к жанру «озын көй» определялась структурой песенного текста. Текст, распеваемый как «озын көй», назывался «жыр»/«жыру» и представлял в своей основе четверостишие с девяти-десятисложными строфами. В случае, когда основой распеваемого стиха служил семи-восьмисложный текст, подобный напев назывался «кыска көй», а сам текст – «такмак». В XIX в. продолжал развиваться орнаментальный стиль

распевов в лирических песнях «озын көй». К концу XIX в. очень популярными в народе были такие песни, как «Тэфтиләү», «Сакмар», «Ашказар», «Уел». Часто они были связаны с названиями рек Приуралья. Происхождение и динамика развития орнаментально-распевного стиля пения татар не до конца изучены. Известно также, что подобный орнаментальный стиль пения характерен для лирических песен казанских и сибирских татар, но не зафиксирован как в обрядовых, так и в лирических песнях «озын көй» татар-кряшен, татар-мишарей, пермских татар.

Наибольшую древность и общность стиля исполнения песен в жанре «жыр» на напевы «озын көй» для всех групп татар, в т.ч. татар-кряшен, представляют старинные гостевые песни, в которых мелизматика присутствует в значительно меньших объемах. Данная группа песен ныне известна как «авыл көйләре» (деревенские напевы) и продолжает сохранять преемственность со старинной этнической музыкой татар Волго-Уральского региона.

Одной из существенных причин ослабления обрядового этнического искусства татар стал исламский фактор. Гонения, притеснения, насильственное крещение татар привели к ответным шагам в виде «борьбы за веру». Это послужило причиной принятия татарским населением усиленных мер по сохранению исламских ценностей. Обрядовая этническая музыка татар с этого времени отошла на второй план, а образовавшуюся нишу постепенно стали занимать лирические песни, не связанные с обрядностью.

Духовная культура татар, в т.ч. ее этническая и мусульманская часть, до XIX в. была в значительной степени консервативной и закрытой для внешних влияний. Учреждение в 1788 г. ОМДС коренным образом повлияло на статус ислама в России, на раск-

рытие возможностей контактов татарских общин с внешним миром и на дальнейшую судьбу культуры российских татар.

Формирование российских исламских институтов и форм их централизованного государственного управления с позиций интересов России привело к замедлению неконтролируемой активности мусульманской культуры, в т.ч. и музыкальных, основанных на приоритетах суфизма, к постепенному ослаблению связей татарской мусульманской уммы России с иными исламскими регионами мира, прежде всего со Средней Азией.

Реформы в мусульманской культуре татар, проводимые ОМДС при содействии российских властей, были направлены на приведение исламских институтов татар в соответствие с классическим исламом.

Сокращение религиозных, а значит и культурных связей татар с духовными суфийскими центрами Средней Азии, привело к выстраиванию религиозной жизни татар в соответствии с реалиями внутренней и внешней политики России, к восприятию российских традиций городского бытового музицирования на европейских инструментах. К середине XIX в. в быт народов Поволжья проникает новый музыкальный инструмент – гармоника. Среди татар особую популярность приобретает итальянка (тальянка) ливенского типа с диатоническим строем в правой клавиатуре. Партия левой руки перестроилась в связи с особенностями народной музыки. Гармонь, в отличие от предыдущих инструментов, была мелодико-гармоническим инструментом, способным без участия других инструментов обеспечить полноту и силу звучания [Нигмедзянов, 2003, с.58]. Наряду с гармоникой в музыкальном быту татар данного периода продолжали активно использоваться гусли и скрипка. В отличие от татар-мусульман, на музыкальный быт которых влияли ритуалы ислама, у татар-кряшен сохранились старинные свадебные, гостевые, шуточные песни, продолжали бытовать плачи похоронной обрядности, цикл обрядовых песен: как «Нардуган» (праздник встречи нового года в период зимнего солнцестояния), «Май көе» (праздник Май чабу – Масленица, проводимый в период перехода от зимы к весне), «Урак өсте көе» (празднования, посвященные завершению жатвы), «Өмә көе»

(помощь, устраиваемая осенью в период завершения полевых работ) [Исхакова-Вамба, 1997, с.16–18].

Формирование своеобразия культуры татар-кряшен, в отличие от общетатарской (общенациональной), было обусловлено особыми историческими причинами. Татары-мусульмане и татары-кряшены были схожи друг с другом наличием джиенов. Отличие проведения джиенов у последних заключалось лишь в приурочивании их к определенным престольным праздникам кряшенских сел, когда можно было праздновать не таясь. Кроме того, татары-кряшены сохранили древние традиции гостевого песенного этикета, а у татар-мусульман традиции обрядовых адресных застольных песен хотя и сохранили некоторые рудименты, но они сильно «размылись» и приняли облик застольной лирики. Поэтому для реконструкции татарских общинных песенных традиций материалы татар-кряшен имеют ключевое значение. Во время джиенных праздников представители родственных кланов поочередно посещали дома родственников, где их угощал хозяин дома. Все собравшиеся за столом при распитии хмельных напитков пользовались одной рюмкой (которая называлась «тустыган»). Для каждого родственника хозяин пел специально заранее приготовленную адресную песню-пожелание и получал взамен специально приготовленный ответ. Эти песни пелись на формульный обрядовый напев, который в разных подгруппах татар-кряшен имел разное название: «эчке көе» (застольный напев), «жыен көе» (джиенный напев), «мәжлес көе» (гостевой напев), «рэт көе» (круговой напев) и др. Традиционная общинно-джиенная социальная структура жизни татар-кряшен до середины XIX в. обуславливала одно основное направление – следование наследным архаичным формам культуры. Живя исключительно сельскими общинными порядками, они сохранили значительный слой архаического искусства. А новый слой обрядовой культуры был малоприметным и не доминировал над старым, его особенностью было то, что он возник как лирика, свободная от обрядов и локальных (местных) особенностей стиля. Новизну в культуру Нового времени внесло взаимодействие с русской бытовой культурой, в

частности, знакомство с новыми музыкальными инструментами, такими как скрипка, гудок, балалайка, небольшие фисгармонии (эргэн). Комплекс указанных особенностей возник и у большинства групп татар-мусульман, но в содержании их отдельных компонентов, например в исполнительском стиле, имелись различия.

Интонации народной музыки татар-кряшен отличались от общетатарской, так как у них отсутствовали необходимые коммуникационные связи с общетатарским массивом на уровнях: экономики, сети внутринациональных общеобразовательных учреждений, культуры и искусства, общеконфессиональных интересов. Исторически сложилось так, что татары-кряшены не вошли в оборот исторического процесса обновления татарской культуры и ее перехода на новый этап развития.

Несмотря на регламентацию исламом жизненного уклада, татары-мусульмане продолжали праздновать Джиен, который обеспечивал бытование музыкальных традиций. На Джиене молодежь пела любимые песни, водила хороводы, гуляла, играла в традиционные песенно-танцевальные игры; не смолкали звуки курая, скрипки, гармоники. Наряду с джиенным соблюдался и ряд других календарных обрядов, таких как Карга боткасы, Сабантуй, которые сопровождались ритуальными узкообъемными речитациями: «Карга боткасы такмаклады», «Сөрэн көе». В комплексе обрядовых действий продолжала бытовать и система молений с обращениями к земле, солнцу, дождю, которые также сопровождались особыми ритуальными речитациями.

Свадебные обряды татар-мусульман проводились по канонам шариата, в присутствии мулл. Тем не менее, без мулл, особенно среди бедной части населения, молодежь предавалась увеселениям: пела, плясала, играла на музыкальных инструментах, исполняла обрядовые песни, такие как «Ишек бавы жырлары», «Кодалар жырлары», «Мәжлес такмаклады» и др. [Ахмаров, 1907; Коблов, 1908а, с.26.; Исакова-Вамба, 1997, с.16–18]. Нельзя не отметить и продолжение традиционных летних молодежных игрищ (түгәрәк уен), зимних посиделок (аулак өй), в которых соблюдались традиции музицирования, пения, увеселительных игр.

Послабление религиозной дисциплины внутри мусульманских общин привело к активному формированию внеобрядовых жанров песенной, танцевальной лирики, началось проявление унификации, формирование явлений общенациональной культуры татар Нового времени. Этому способствовали появление буржуазных отношений в татарской среде, включение татарского населения в урбанизационные процессы, внутренняя миграция в промышленные центры.

Основные параметры музыкального стиля общетатарского национального музыкального творчества Нового времени сформировались в эпоху сложения татарского этноса как нации. А новотатарская музыка сильно отличалась от своих локальных (диалектных) традиций, ибо старый этнический слой был заменен всеупотребительной музыкально-интонационной и вокально-стилевой лексикой. Все это привело к появлению зачатков национальной демократической культуры, что, в свою очередь, подготовило почву для интенсивного развития культуры и искусства народа, взаимообогащения духовными ценностями между народами. В этих условиях наблюдались новые черты и в музыкальном быту татар, особенно в купеческой среде; на ярмарках (Нижегородской, Мензелинской и др.) большую популярность приобретают польки, марши, казачок и мелодии отдельных песен русского или украинского происхождения. Весь этот поток стал влиять на татарскую бытовую музыку, появляются иные интонации, ритмы, мелодии. Эта музыка начинает отличаться ясным мажорным или минорным колоритом с четко выявленными функциональными отношениями, упругой ритмикой, квадратностью структуры и диатоническим складом [Нигмедзянов, 2003, с.65]. Все это способствует появлению городского песенного фольклора, который не мог получить широкого распространения в деревенской среде.

Что касается музыкальной культуры татар, связанной с исламским искусством XIX в., то ее можно представить через труды таких татарских мыслителей, поэтов, как Г.Утыз Имяни, Т.Ялчигул, Джагфар ас-Сафари, Г.Кандалый, Ш.Марджани, К.Насыри. В их творческом наследии отразились традиции истории, теории и практики этнической, а также классической мусульман-

ской музыкальной культуры через призму местных поволжско-тюркских особенностей музыкальной эстетики.

В XIX в., в условиях расширения рыночной экономики, татары все более втягивались в экономически выгодные отношения и привлекательное культурное многообразие российской действительности. Поток желающих получить образование в таких городах, как Бухара, Самарканд, Кабул, Кандагар, постепенно снижался. Снижался и поток среднеазиатской религиозно-богословской литературы, явлений светского и духовного искусства, что уже не могло поддерживать старые устои татарской культуры письменных традиций, музыкально-поэтического и инструментального искусства, сохранявшиеся еще со средних веков.

В исследуемый период на музыкальную среду татар-мусульман повлияло и суфийское движение, которое имело достаточно большое распространение в Поволжском и Приуральском регионах. Среди татарских суфиев XIX в., отличавшихся пристрастием к игре на музыкальных инструментах, был Джагфар ас-Сафари. В истории татарской музыки он является ярким представителем суфийского направления. Прекрасно владея искусством игры на танбуре и других восточных инструментах, Джагфар ишан обучал своему искусству и мюридов (последователей). По преданиям, которые вошли в память народа, он великолепно организовывал суфийские радения с применением музыкальных инструментов, пения и танцев. Джагфара ишана и его мюридов часто приглашали для участия в мероприятиях по случаю религиозных праздников и иных торжеств, где они с большим вкусом исполняли различные музыкально-поэтические произведения суфийского содержания. Приглашали в основном состоятельные люди, а также отдельные мусульманские общины разных сел со всего Поволжья и Приуралья. Свои музыкально-теоретические познания и навыки практической игры на различных музыкальных инструментах Джагфар укрепил, видимо, проживая в Бухаре и Кабуле, участвуя в проведении всевозможных видов музицирования суфиев, что помогло ему лучше усвоить основы классической мусульманской теории и эстетики равно как поэзии, так и музыки.

На примере жизни и творчества Джагфара ишана можно понять то, что продолжающиеся контакты представителей татарского религиозного искусства с музыкально-поэтической культурой суфиев Средней Азии позволяли сохранять в Поволжье и Приуралье традиции мусульманского классического инструментального искусства.

Ценные сведения о музыкальных инструментах содержатся и в произведениях Г.Утыз Имяни. В поэме «Гаварифез-заман» упоминается, что в музыкальном быту мусульманских общин, проживавших в бассейнах рек Зай, Шешма, Черемшан, имелись и целые ансамбли инструментов:

*Кубыз, танбур вәнэй, гайре уенлар
Киллер уртага кыз вә жәванлар.
Бу рәсвалык белән та сөбхе садикъ,
Идәрләр эш-ишәтинга муафикъ.*

(Играют на кубызе, танбуре, най'е, других инструментах,

Входят в круг юноши и девушки.

Эти игры продолжаются до рассвета,

Чем они привлекают внимание шайтана).

В поэме, кроме обычного татарского кубыза (варгана), упоминаются и такие классические инструменты мусульманского Востока, как танбур и най. Наличие и сохранность их в позднесредневековом искусстве татар свидетельствуют о преемственности с более ранними периодами культуры народов Поволжья. О том, что применение этих классических инструментов казанскими татарами не случайно, подтверждают и другие источники.

Удивительно музыкальные по своему складу поэтические произведения Г.Кандалый были широко распространены не только на родине поэта. Для музицирования во время междислов (праздничных застолий) татарское население применяло такие инструменты, как танбур, даф. Наличие указанных классических мусульманских инструментов, которые упоминаются и в произведениях Г.Утыз Имяни, подтверждает типичность их распространения в музыкальном быту татар. Помимо инструментов Г.Кандалый отмечает широкую практику использования в татарском искусстве таких распространенных в мусульманских стра-

нах устно-профессиональных классических музыкально-поэтических жанров, как накш (нэ́кыш) и савт (сэ́вет).

Из произведений указанных выше авторов видно, что татарская (мусульманская) молодежь того времени продолжала развлекаться игрой на кубызе, танбуре, нае, дафе, ибо их татарский народ сберег в самые тяжелые дни испытаний, т.е. от середины XVI до середины XIX в., когда, казалось бы, эти глубоко элитарные классические общемусульманские инструменты не могли бы сохраниться в сельских общинах. Понятно также, насколько ортодоксальным и нетерпимым к светскому искусству было татарское духовенство позднего средневековья, которое объявило о «греховности» игры даже на этих чудом уцелевших общемусульманских инструментах.

Материалы по музыкальной культуре татар XIX в. присутствуют в работах К.Насыри. Наиболее полные сведения по татарским музыкальным инструментам даны в его работах «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка»), в нескольких изданиях татарских словарей, где представлены два варианта произношения слова «домбра»: *دومبرا* (думбыра) и *دومرا* (думра). При переводе на татарский язык русского слова «балалайка», кроме термина «думбыра», применяет понятие *دوتار* (дутар), которое также имело хождение в татарском языке и культуре, оно являлось, по-видимому, синонимом понятия «домбра» (думбра). К.Насыри пишет, что у татар применяются не только понятия «думбыра» и «дутар», но и «саз». Однако «саз» имел значение всякого музыкального инструмента, например, кубыза, гармоники, скрипки, сыбызгы.

М.Г.Махмудов в «Практическом руководстве к изучению татарского языка» (раздел «Татарские музыкальные инструменты») называет гусли (көслә), имея в виду классический мусульманский канун, и другие инструменты восточного происхождения (думбыра, думбырый, кубыз, сыбызгы, курай, которые соответственно переведены: балалайка, бубен, кубза, дудки музыкальные). В данный исторический период в музыкальной жизни татар активно применялись и другие классические общемусульманские музыкальные инструменты:

ариля (ариля бит тюрки) – оригинальное название восходит к обозначению колесной рыли (лиры), активно используемой в XIX в. бродячими, слепыми лирниками России, Украины и Белоруссии. Название «ариля» в татарском языке шире, в мусульманском искусстве в качестве традиционного такое название инструмента не встречается; танбур (хөрәсән танбуры, төрки танбур) – род хордофона, имеет долбленный деревянный корпус грушевидной формы, длинный гриф с навязанными ладами из жил или деревянными врезными ладами (пәрдә), три металлические струны; даф – ударный музыкальный инструмент, помогающий воспроизведению и освоению классических метров и ритмов, связанных с мусульманским музыкально-поэтическим искусством. Традиции игры на дафе в средневековой вокально-инструментальной культуре татар возникли в связи с вхождением Поволжья в лоно исламской цивилизации.

На рубеже перехода татарского общества от позднего средневековья к Новому времени вектор развития культуры татар повернулся от восточных цивилизаций к европейскому типу. С этого времени татарская культура через общероссийские коммуникационные структуры постепенно интегрировалась в культурно-информационное пространство европейской цивилизации как в плане бытового, так и «высокого» (профессионального) искусства, с доминантой новоевропейских музыкальных жанров. Татарская культура начала формировать в себе новые черты национальной музыки, что сопровождалось утратой или унификацией многих черт локальных этнических традиций, созданием новой татарской музыкальной культуры с новым арсеналом средств выражения.

Специальных исследований по научно-осмыслению этих явлений, отражавших особенности внутренней структуры культуры татар конца феодального периода, нет. А это очень интересный период. Почему молодые люди из татар сняли с себя национальные кавуши, ичиги, чекмени и переоделись в штiblеты, фраки и пальто европейского покроя, отвернулись от «полуумерших» старинных струнных и ударных инструментов, таких как танбур, домбра, даф, и научились бойко играть на скрипках, гармониках, ман-

долинах, освоили пианино, стали посещать концерты, театры? Ответ прост. Произошла европеизация верхнего слоя общетатарской национальной культуры. А ее восточное начало (например, в музыкальном инструментари) сохранялось лишь в виде рудиментов на бытовом уровне этнического слоя искусства (игра на кубызе и курае), а часть восточного высокого искусства, ощутимые элементы которой еще сохранялись до середины XIX в., полностью ушла в прошлое. Видимо, совместить высокую культуру татар средневековья со вновь создаваемой (по европейской модели) высокой культурой Нового времени в ту пору было невозможно.

Данные по инструментальным традициям татар XIX в. позволяют представить сложную историческую ситуацию при завершении позднесредневекового периода татарского музыкального искусства. Можно сделать важный вывод, что история татарского искусства XIX в. не сводится только к явлениям узкофольклорного, обрядового и бытового этнического искусства. Здесь прослеживается причастность музыки татар этого периода к общим явлениям восточной классической музыки, истоки которой уходят в глубь татарской средневековой элитарной культуры.

К концу XIX в. татарская популярная бытовая музыкальная культура несла в себе лишь слабые реликты обрядовой музыки и полностью состояла из лирических песен с новыми интонациями, возникшими на пике народной бытовой культуры российской империи того периода. Путь татарской музыкальной культуры на протяжении столетия характеризуется постепенным доминированием светского начала в мироощущении и художественном познании татарского общества. Вторая половина XIX в. знаменуется освоением татарскими музыкантами форм европейской бытовой музыки и созданием надэтнических форм национальной сценической музыки и почти полным отходом от средневековых традиций классической восточной музыки. Этот период завершается началом концертных процессов формирования татарской национальной композиторской музыки, активным распространением у татарских музыкантов европейской нотной грамоты. Рождение новых форм татарской музыки конца XIX – начала XX в. было обусловлено активизацией национально-просветительских сил в сфере татарской культуры и вхождением татар в лоно европейской культуры Нового времени.

Раздел X

**Татарская культура и
процессы нациестроительства**

ГЛАВА 1

Традиционализм и мусульманское реформаторство

Рафик Мухаметшин

Общественное сознание всегда в небольшой степени зависит от унаследованных представлений, культурных ценностей, традиций. Рассматривая развитие татарской общественной мысли XIX – начала XX в., необходимо учитывать своеобразие, придаваемое ей исламом, который был не только системой религиозных догм, но во многом – системой норм частной и общественной жизни татар, накладывающей сильный отпечаток на их мировоззрение. По существу и в этот период борьба между «старым» и «новым» постоянно вторгалась в сферу традиционных взглядов и моральных устоев, основанных на религиозных принципах, в ходе этой борьбы проявлялось отношение к самому исламу. Поэтому идейно-политические течения, связанные с осмыслением роли ислама в жизни общества, определили многие тенденции, характерные для татарского общества.

В этот период традиции ислама в татарской общественной мысли были представлены такими течениями, как традиционализм, реформаторство и джадидизм. Некоторыми исследователями эти разновидности мусульманского богословия и исламской политическо-идеологической концепции рассматриваются как типы религиозного сознания [Жданов, 1989, с.16]. По мнению немецкого ученого Петера Антеса, принадлежность к этим течениям со временем «может стать более важным индикатором, чем традиционное деление мусульман на суннитов и шиитов или выявление их принадлежности к разным мазхабам – правовым школам и толкам» [Ислам в Евразии, 2001, с.68].

Традиционализм характеризуется тем, что его сторонники выступают против каких-либо реформ в исламе, за его сохранение таким, каким он, в основном, сложился в рамках тех или иных этноконфессиональных ценностей. Носителями традиционного сознания, как правило, являлись представители официального духовенства.

Известный исследователь ислама А.В.Малашенко отмечает, что формирование традиционалистского ислама связано с локальными этнокультурными особенностями [Малашенко, 2001, с.64; Мусульманская Средняя Азия, 2004]. В этой связи следует подчеркнуть, что социокультурные различия мусульманских государств и регионов реализуются через «обычное право» (*адат*). Такое право допускается в той степени, в какой оно не противоречит исламу, прежде всего его доктрине абсолютного единобожия.

Как считает А.В.Малашенко, «именно с традиционалистским, а не богословским исламом ассоциируется неразделимость этнического и конфессионального начал. ...Именно через традиционалистский, а не догматический ислам в первую очередь формируются стереотипы поведения каждого конкретного мусульманина, который на бытовом уровне является членом своей этноконфессиональной общины и только на макроуровне – носителем ценностей и атрибутов мировой уммы» [Малашенко, 2001, с.64–65; 2007]. По мнению французского исламоведа О.Руа, традиционализм представляет собой то, что «обращено ко всему консервативному», «его тоска по прошлому скорее морализаторская, чем обусловленная стремлением к социальной справедливости» [Roy, 1985, p.25].

Традиционалисты настаивают на строгом следовании выработанным, в основном, еще в эпоху средневековья богословским подходам к сакральным текстам, подчеркивают незыблемость традиции прошлого и непререкаемость мнения религиозных авторитетов, в чем заключаются сущность и принципы таклида. Для их позиции характерно резко критическое отношение к рационалистическому анализу религиозных догматов. Традиционалисты отвергают учение средневековых мусульманских мыслителей, ориентировавшихся на античные

модели философствования, как явление, коренным образом чуждое исламу, или дают ему религиозно-теологическое толкование.

Что касается традиционализма у татар, то это в первую очередь связано с таким явлением, как *кадимизм* [Мухаметзянова, 2008; Мухаметшин, 2005; 2006, с.129–136; Салихов, 2006, с.23–29]. Его можно рассматривать как мировоззренческую установку, определенный тип идеологии, татарский вариант традиционализма, направленный на освящение и сохранение в неизменном виде религиозных и нравственных ценностей, общественного состояния и социальных институтов, формировавшихся в татарском обществе в процессе его исторического развития. Кадимизм возник как ответная реакция на изменения или же на перспективу перемен, которые обозначились в социально-экономической и духовно-идеологической жизни татарского общества в 1-й половине XIX в., когда наметился поворот на путь современного развития.

Формированию и распространению в татарском обществе кадимизма способствовало социально-политическое положение татарского народа в Российской империи. После потери татарами во 2-й половине XVI в. своей государственности и, соответственно, традиционных политических и религиозных институтов ислам в обществе обеспечивал определенную стабильность. Не избавляя общество от потрясений, он способствовал его регенерации, сохранению в нем элементов социальной структуры и продлению культурной традиции. Религия в татарском обществе обнаружила высокую способность к выживанию, беря на себя в немалой степени функции социальной интеграции, роль поборника и стража «правопорядка». Сохранившиеся религиозные институты обеспечивали единение и примирение социально и политически разнородных элементов и делали возможным самоорганизацию общества. В начале XIX в. в татарском обществе появились интеллектуальные силы, которые считали, что общество, располагающее только религиозной организацией, лишено возможности полноценного развития, что универсалистские функции ислама, первоначально способствовавшие стабилизации общественной жизни, со временем становились составной частью механизма стагна-

ции, и абсолютизация религиозного компонента в многогранном процессе интеграции привела к резкому ограничению возможностей развития в культурной, идеологической и других сферах жизни общества. Одновременно у основной части общества не было уверенности в том, что новые преобразования не приведут к размытию основ традиционного татарского общества, в течение веков сохранявшего этноконфессиональную целостность татар. Кадимизм возник именно в этот период, ставя своей основной целью ограждение общества от разрушительных перемен.

Теоретической базой кадимизма стала идея о том, что фундаментом общества является естественным образом сложившаяся целостность, имеющая органический характер. Данная общность, в основе своей конфессиональная, обладает самодостаточным характером и трансцендентальной сущностью. Важнейшим элементом кадимизма является также тезис о необходимости сохранения традиций, которые представляют собой мудрость предков и отрицание которых может привести к исчезновению татар как этноконфессиональной общности. Его представители апеллировали не к индивидуальному, а коллективному разуму, накопленному опытом многих поколений. Выступая в защиту традиций, кадимисты предполагают сохранение наследия как единого целого, а не в отдельных сферах (махалля, семья, религиозные обряды и т.д.), поэтому изменение любых сторон духовной жизни общества представляется опасным для существования целого. Гариф Бадамшин, один из идеологов кадимизма, утверждал, что «...у живущих по разным регионам мира мусульман ослабевают религиозные убеждения и усиливается безверие». Автор выделяет из числа мусульман две партии. «Партия наших стариков боится и заявляет, что мусульманский мир слабеет, поэтому они хотят, чтобы каждое дело и каждый поступок согласовывались бы с требованиями религии и нравственности» [НА РТ, ф.199, оп.1, д.773, л.209]. «Наши же молодые люди, – продолжает свою мысль Г.Бадамшин, – обучаясь в русских школах или новометодных медресе, получают очень слабое религиозное воспитание» [НА РТ, ф.199, оп.1, д.773, л.209]. Пытаясь сохранить традиционные

устои татарского общества, представители кадимизма выступали против всех, даже кажущихся на первый взгляд незначительных новшеств, включая «манеру одеваться по-европейски: вместо чалмы или фески надевать на голову фуражку; подпоясываться кушаком; сверху вместо чапана одевать пальто» [Динмөхәмәтов, 2000, б.6–7]. Как считает Ишмухаммад Динмухаметов (Ишми-ишан), «уподобление себя на неверных по форме одежды, в речи, по делам и обычаям – значит идти навстречу врагам Бога... А кто идет навстречу врагам Бога, тот отворачивается от Бога, и господином его является Сатана. Быть похожим на неверных в делах мирских воспрещается; так не дозволяется и в делах преподавания; то есть обучать по методам неверующих...» [Динмөхәмәтов, 1906, б.8].

Для данного направления характерно познание мира как однородного целого, социальный порядок – это часть того же божественного и естественного неизменного миропорядка, нарушение которого должно заканчиваться возвращением к начальному положению. Мировоззренческие установки кадимизма не признают альтернативы: в них нет проблемы выбора принципов поведения, ибо они приняты раз и навсегда как естественные и единственно возможные. Иные формы восприятия мира, если и признаются возможность их существования, не становятся точкой отсчета для сравнений, а способствуют формированию устойчивой неприязни к ним. Поэтому традиционалисты подвергали острой критике все новые проявления в сфере культурно-идеологических отношений и образования: мусульманское реформаторство, джадидизм и др. И.Динмухаметов утверждал, что «у мусульман России движение джадидизма начали Курсави, Марджани, Баруди, Риза кади (Риза Фахретдинов – *Р.М.*), Рашид эфенди (Г.-Р. Ибрагимов – *Р.М.*) и др. Все они склонны к политике и ораторскому искусству; они отрицают все, что относится к шариату, и наоборот, поощряют то, что противоречит канонам религии» [Динмөхәмәтов, 1906, б.8].

Известный общественный и политический деятель Юсуф Акчура позиции кадимистов оценивал следующим образом:

1. Мусульмане никогда не должны быть европеизированы. Они должны сохранить

тот образ жизни, который вели их отцы. В своих школах они должны учить старые дисциплины в соответствии со старой системой. География, математика, история и знания о природе являются ненужными. Они не должны даже учиться на своем родном языке. Арабский язык достаточен для них.

2. Не нужно обучать женщин в мектебах и медресе. Женщин нужно обучать вещам, связанным с религией, и как им молиться еще в детском возрасте. Они выучат все остальное, что им нужно, от своих мужей после замужества.

3. Изучение русского языка абсолютно не рекомендуется, и обучение в русских школах является величайшим грехом [Мухаметшин, 2005, с.60].

Идеи кадимизма у татар вплоть до 1917 г. имели широкое распространение, поскольку сохранение традиционного общества при отсутствии иных социальных и политических институтов и условий их создания для них не потеряло своей актуальности. Одним из важнейших очагов воспроизводства идей кадимизма были старометодные (кадимистские) медресе, среди которых наибольшей популярностью пользовались учебные заведения в дд.Кышкар, Мачкара, Менгер, Сатыш, Саба (Казанская губ.), Тюнтер (Вятская губ.), Стерлибашево, Стерлитамак (Уфимская губ.) [Мэдрэсэләрдә, 1989].

Кажущееся на первый взгляд непримиримое противостояние между сторонниками кадимизма и джадидизма, по мнению некоторых исследователей, является не таким уж принципиальным. Так, французский исследователь С.Дюдуаньон считает, что в основе конфликта лежит расхождение в определении целей «культурных и социальных учреждений мусульманской общины» [Дюдуаньон, 1997, с.63]. В частности, он считает, что джадиды были сторонниками поощрения личного обогащения, с последующим инвестированием в сферу образования и культуры, кадимисты же, полагает автор, отдавали предпочтение «общественному управлению и распределению этих средств» [Дюдуаньон, 1997, с.63]. Разногласия касались и вопросов финансирования конфессиональных учебных заведений. Джадиды, согласно Дюдуаньону, предлагали финансировать национальную систему образования при помощи об-

щинных ресурсов, а также из российской государственной казны. Кадимисты же полагали, что решающая роль в финансировании должна принадлежать ОМДС. С.Дюдуаньон делает вывод о том, что разногласия между джадидами и кадимистами «в основе своей были расплывчаты и лишены четких идеологических определений» [Дюдуаньон, 1997, с.63].

Немецкий исследователь М.Кемпер также считает, что эти течения «конкурировали друг с другом в сферах этики, суфизма, права, теологии и историографии. Вследствие этого они не развивались независимо друг от друга, а наоборот – через учреждения, язык, символику и средства выражения были тесно взаимосвязаны в едином мусульманском дискурсе» [Кемпер, 2008].

М.Кемпер полагает, что «определяющей концепцией описанного здесь мусульманского дискурса поэтому становится *ислах* (реформа или возрождение) религии» [Кемпер, 2008]. Он утверждает, что «реформа» в таком широком понимании являлась делом не только таких мыслителей, как Курсави и Марджани, «которые были критически настроены по отношению к традициям. ... Напротив, и традиционалистские ученые и «оппозиционные» проповедники, как, например, Габдерахим аль-Булгари и Багаутдин Ваисов также обращались к идее реформы. Поэтому *ислах* следует воспринимать не как определенную, единую программу, скорее, за этим большим понятием в мусульманском контексте Поволжья и Приуралья скрывается широкий спектр конкурирующих и противоречащих друг другу линий духовной истории. Единым для всех мыслителей *ислах* является их стремление, расширить собственное учение о вере, способствовать продвижению соответствующей интерпретации мусульманского права и этики, чтобы предостеречь свою общину от следования по ошибочному и преступному пути. ... Конкретные средства, пути и цели могли при этом выглядеть совершенно разным и даже противоречить друг другу» [Кемпер, 2008].

Следующей тенденцией в исламе выступает *реформаторство*, или *модернизм*, который определяется тем, что его сторонники стремятся приспособить мусульманскую догматику к нуждам современного

развития. Они настаивают на возможности синтеза ислама с современными западными либеральными ценностями и институтами. К модернистам (или реформаторам) относятся приверженцы «обновления», переосмысления Корана и Сунны, предписаний шариата и фикха. Реформаторы в догматике, социальной доктрине, культе, шариате и других направлениях ислама стремятся осуществить «очищение» от разного рода архаичных элементов, чрезмерных ограничений и излишних запретов.

Движение за модернизацию зародилось в конце XVIII в. среди мусульман России, а также в других мусульманских странах.

Среди крупных представителей, заложивших основу для модернизационных тенденций, следует назвать индийского мыслителя, шейха Ахмада Фаруки Сирхинди (1564–1624), известного также как имам ар-Раббани (Божественный имам) [Шиммель, 2000, с.284]. Он выступил с резкой критикой нововведений со стороны правительства, ратовал за возрождение традиционных мусульманских ценностей. Л.Гордон-Полонская в связи с этим обратила внимание на то, что его учение было направлено в первую очередь против различных мусульманских и индуистских ересей.

Другая, не менее значительная личность, – Ахмад Габдрахим Шах Валиулла (1703–1762). Шах Валиулла подчеркивал, что «его интересуют не абстрактные богословские споры, а конкретное применение идей возрождения ислама к индийской действительности» [Гордон-Полонская, 1963, с.37]. Одним из знаменитых трудов этого ученого является трактат «Хөжжэт Аллах эл-балига» («Совершенный аргумент Аллаха»), в котором он анализирует вопросы божественной сущности Аллаха и природу человека, проблему греха и добра, а также основы шариата и мусульманского права. Вторая часть книги посвящена мусульманской этике, в ней также рассматриваются вопросы, связанные с властью и государством.

Следующая, не менее значительная личность – Мехмед Биргеви, живший в анатолийском городе Балыкесир [Исламские финансы, 2004, с.38].

Начиная с середины XIX в. историческое развитие мусульманского мира проходило в условиях колониальной экспансии европей-

ских держав. Колониализм кардинальным образом повлиял на специфику и характер богословских и идеологических воззрений мусульманских религиозных деятелей. Необходимо было адаптироваться к новым реалиям, и синтез с различными элементами западной культуры стал просто неизбежен. Итогом этого было появление первой в мусульманстве модернистской доктрины. У истоков этой разновидности «обновленного» ислама стоят крупнейшие мусульманские мыслители Нового времени – Джамал ад-дин аль-Афгани (1838–1897) и Мухаммад Абдо (1849–1905).

Крупнейшим и, пожалуй, наиболее известным мусульманским модернистом XX столетия был поэт и философ Мухаммад Икбал Лахори (1873–1938), который получил широкую популярность благодаря своей специфической «философской» поэзии, а также теоретическому труду «Реконструкция религиозной мысли в исламе» и, наконец, общественно-политической деятельности.

Итак, мусульманское реформаторство имело различные формы проявления. Часть реформаторов, выступавших поначалу с просветительских позиций, заняли нигилистическую позицию в отношении к собственным культурным, религиозным и философским традициям. Они открыто возлагали на господствующую религию ответственность за социально-экономическую и культурную отсталость мусульманского мира, видели в ней причину отсутствия духовной мотивации к прогрессу. Наиболее радикальное крыло реформаторов-просветителей склонилось к безусловному восприятию духовно-мировоззренческой парадигмы Запада.

О модернистских тенденциях как о целенаправленном течении в татарском обществе можно говорить только начиная с конца XVIII в. Именно в этот период уже стало ясно, что община, располагающая только религиозной организацией, лишена возможности полноценного развития. Ислам, первоначально способствовавший стабилизации общественной жизни, со временем становился составной частью механизма стагнации. В татарском обществе назревает понимание сути этих процессов. Об этом наглядно свидетельствуют народные

выступления под руководством Батырши и муллы Мурада в 50–60-е гг. XVIII в. [Валиуллин, 2005]. К началу XIX в. в татарском обществе складываются условия для интенсивного развития факторов, определивших направление всей дальнейшей его экономической, общественной и интеллектуальной эволюции. В социально-экономическом плане речь идет о зарождении и консолидации элементов капиталистического уклада; о социальном расслоении общества, формировании национальной, в первую очередь торговой, буржуазии.

Следует иметь в виду и то, что правительство, особенно при Екатерине II, уже осознало, что татарское общество, функционирующее в основном на универалистских связях ислама, оставалось довольно серьезным потенциальным очагом сепаратизма внутри России. Поэтому необходимо было выработать более эффективные, чем насильственная христианизация, механизмы вовлечения татарского общества в российскую государственную систему. Первым шагом в этом направлении стали принятые правительством меры, направленные на установление контроля над татарским духовенством, особенно по ограничению его деятельности в области мусульманского правосудия, например, в шариатских судах, которые к этому периоду имели широкое распространение и нарастающее влияние [Азаматов, 1999, с.12–20; Ногманов, 2005].

В целом, можно сказать, что к концу XVIII – началу XIX в. наметился поворот татарского общества на путь современного развития. В то же время общественное сознание развивалось в тесной связи с традиционными исламскими представлениями и идеями. С другой стороны, структурные изменения в обществе, связанные с проникновением в Россию буржуазных отношений, обусловили общее направление социально-экономического развития по капиталистическому пути, что, в свою очередь, повлекло существенные изменения в массовом сознании. Общественная и философская мысль конца XVIII – начала XIX в. отражала именно эту двойственность общественного сознания. Она возникла как результат взаимодействия двух направлений – понимания необходимости радикальных

идейных изменений и сохранения мощного консервативного пласта – силы традиций, ислама. В этих условиях новые взгляды, концепции и нормы могли быть осмыслены только сквозь призму ислама в привычных для народа образах и понятиях [Мухаметшин, 2003, с.42]. Поэтому не случайно религиозно-политическая реакция ислама здесь в начале XIX в. приняла две главные формы: традиционализм и реформаторство.

Г.Курсави, Ш.Марджани явились основоположниками этого нового движения у татар. Известный ученый А.Беннигсен писал о том, что татарские религиозные реформаторы «были одними из первых мусульманских мыслителей, много раньше арабов, турок, иранцев или индусов объявившими о праве каждого верующего искать в Коране и Хадисах ответы на все вопросы политического, социального и религиозного порядка. Их влияние на развитие реформаторского движения не только в России, но и во всем мусульманском мире было совершенно исключительным по важности. Именно благодаря их деятельности, плохо известной на Западе и игнорируемой самими мусульманскими историками, ислам перестал быть препятствием к прогрессу, и был очищен путь к реформам в других областях: языка, просвещения и политической организации» [Беннигсен, 1983, с.17].

Главное достижение татарских религиозных реформаторов первой половины XIX в. – это модернизация религиозно-мировоззренческой и этико-ценностной проблематики в плане приближения ее к «мирским» запросам современности. По выражению А.Беннигсена, они «пытались разрешить проблему интеллектуальной отсталости ислама возвращением к интеллектуальному либерализму» [Беннигсен, 1983, с.17]. Религиозное реформаторство XIX в. служило своеобразным переходом от прежних стереотипов массового сознания к современным формам политического мышления. Перенесение центра тяжести с чисто богословских проблем на вопросы социальные и политические предполагало новые подходы к их постановке, более высокий уровень мышления.

Татарскому мусульманскому реформаторству были присущи характерные особенности общемусульманского реформатор-

ского движения, выразившиеся в критике традиционализма, обращении к ценностям раннего ислама, концепции «открытия врат иджтихада». Развивающийся в новых социально-политических условиях, этот модернизм, отвечая духовным потребностям татарского общества, уже на начальном этапе своей эволюции предложил приемлемые и разумные способы сочетания духовного и мирского.

Г.Курсави, будучи знатоком Корана, сунны Пророка и других источников мусульманского права, также предпринял смелую попытку новой трактовки проблемы иджтихада. К.Насыри писал о нем: «Любое свое суждение стремился он вынести из Корана, в соответствии с ним творил суд справедливости» [Насыри, 1977, с.17]. Наследие Курсави сравнительно невелико. Наибольшую известность получило его сочинение «эл-Иршад ли-л-ибад» («Наставление для рабов [божьих]»), впервые изданное только в 1903 г. [Идиятуллина, 2006].

Проблематика его связана с таким понятием, как иджтихад – право выносить самостоятельное суждение по вопросам фикха (мусульманского правоведения). Обладателями этого права – муджтахидами – по традиции считались сподвижники Пророка, их ближайшие последователи, передатчики достоверных хадисов, основатели четырех мазхабов (правовых школ). С течением времени стала утверждаться мысль, что лишь правоведа прошлого имели право на иджтихад, все основные правовые вопросы уже решены, закрепилось положение «иджтихад мункарыд» (иджтихад прекратился), наступило время таклида – неукоснительного следования авторитетам прошлого.

Вклад Г.Курсави в развитие богословской мысли трудно переоценить. Под воздействием его сочинений происходило формирование взглядов Ш.Марджани, в трудах которого концепция Г.Курсави получила дальнейшее развитие. Уже в начале XX в. идеи Г.Курсави нашли отражение в трудах Г.Буби, М.Бигиева, З.Камали. Критика схоластики, утверждение права на самостоятельное мышление, характерные для учения Г.Курсави, явились идейной основой для всего последующего развития татарской богословской мысли.

Наиболее выдающимися представителями второго поколения мыслителей реформаторского направления были Ш.Марджани, Х.Фаизханов, К.Насыри (1825–1902), Ш.Кульгяси (1858–1930) и др. Став продолжателями дела, начатого их предшественниками, они усилили акценты на сочетание конфессионального и национального. Именно они осознали необходимость использования национального компонента в выстраивании идейно-политических конструкций.

Ш.Марджани является крупнейшим татарским богословом второй половины XIX в., получившим признание не только со стороны российских, но и зарубежных, в т.ч. западных, ученых [Юсупов, 2005]. Ш.Марджани автор многочисленных богословских трактатов. Он впервые призвал к активному усвоению всего полезного из европейских достижений в науках, образовании, ремесле и промышленности, обосновывая это известной установкой ислама о том, что мудрость – цель верующего [Марджани мәжмугасы, 1915, б.528–530]. Он критиковал в тот период в татарском обществе практику таклида, считая его питательной почвой для фанатизма, опорой закостенелости и отсталости. Вслед за Г.Курсави Ш.Марджани отвергал принятое тогда в исламском богословии положение «иджтихад мункарид», гласящее о том, что время творческих исканий на основе Корана и Сунны прошло. Он писал: «В любое время, пока существует человечество, каждый должен находиться на пути творческих исканий. И человек должен это делать, следуя Корану и Сунне» [Марджани мәжмугасы, 1915, б.528–530].

Религиозно-реформаторские воззрения Ш.Марджани носят, по сравнению с его идейными предшественниками, более четкую социально направленную окраску, поскольку ему приходилось оперировать категориями религиозной догматики и философии в стремлении применить некоторые положения мусульманского права в соответствии с социальной реальностью второй половины XIX в.

Мусульманское реформаторство рубежа XIX–XX вв. не было идейно однородным

явлением, породившим сколько-нибудь единообразное и стройное философское или богословское учение. Однако для всех представителей этого течения общественной мысли было характерно «стремление совместить исламские ценности с достижениями европейской науки и философии» [Тухватуллина, 2003, с.184].

Р.Фахретдинов в журнале «Шура» напечатал статью, в которой приведено программное высказывание известного мусульманского реформатора Джамал ад-дина аль-Афгани по данной проблеме: «Нет надобности пояснять, что под религиозным движением я подразумеваю реформу мусульманства. Реформа религии представляет собой не добавление к ней чего-нибудь не возмеченного Пророком и не уничтожение или изменение каким бы то ни было образом мусульманских основ, а устранение того, что позднее люди прибавили к религии, возврат религии к тому первичному содержанию, в котором она народилась в первый век мусульманства» [Шура, 1913, №1, б.4]. Такой подход к реформе в исламе, кажущийся на первый взгляд довольно определенным, имеет три аспекта: призыв возвратиться к Корану и Сунне или строго следовать им; утверждение права на иджтихад в противовес таклиду; подтверждение истинности и уникальности опыта Корана. Возможно, поэтому и этот подход оставляет место для разных, иногда совершенно противоположных толкований [Мухаметшин, 1998, с.114].

Итак, в XIX в. мусульманское реформаторство в татарском обществе в основном не выходило за пределы богословских проблем. Представители этого течения много внимания уделяли осмыслению различных аспектов мусульманской мысли. Для них принципиально важным были проблемы, связанные с анализом таких важных аспектов богословия, как роль и место иджтихада в жизни общества. Много внимания они уделяли и рассмотрению вопроса о роли таклида в современном богословии, пытались определить свое отношение к мазхабам, обозначить точки соприкосновения религии и науки.

ГЛАВА 2

Джадидизм

§ 1. Истоки возникновения новой парадигмы

Эдвард Дж. Лаззери

Начиная с 1870-х и вплоть до 1920-х гг. Новое время, как вид новой идеологии под названием джадидизм, входит в общественный дискурс татар и других тюрко-мусульманских народов Российской империи. Для них, как и для многих неевропейских народов, пропаганда Нового времени с его новой идеологией представлялась способом противостояния общественному упадку растущему влиянию Запада и его авторитету во всех сферах личной и общественной жизни. Усвоение нового дискурса также представляло собой отказ от традиционного убеждения в невозможности возникновения чего-то принципиально нового.

В основе интеллектуального поиска лежало неизбежное столкновение двух антагонистических мировоззрений, своего рода стилей жизни, связанных с использованием соответствующих эпистемологических концепций. Первая эпистемологическая система обычно связывается с традициями комментирования текстов и упором на толкование, с его познавательной гармонией между разумом и миром проявления высшего духа. Преимущественно – это религиозные системы, как мы понимаем их в целом, поскольку для людей более приемлемо верить в сверхъестественные силы и населять космос высшими существами, т.е. Богами.

Вторая эпистемологическая система, именуемая нами нововременной, возможно, существует в единственном воплощении, хотя и имеет различные варианты своей культурной интерпретации. Она отрицает возможность вышеупомянутой познавательной гармонии и представляет собой обращение интеллектуальных усилий человека от мира горнего – к миру дольнему, нацеленность на решение посюсторонних общественных проблем. Новое время ви-

дится как саморазворачивающийся процесс изменения реальности с параллельным развитием соответствующих дискурсов, который имел длительный начальный период и представлял собой череду бесчисленных изменений материального и технического характера европейской (западной) цивилизации еще с XII в. Среди особенностей этого нового дискурса, которые отличают его от тех, что представляли и формировали все пред-нововременные сообщества, была вера в то, что будущее непредсказуемо, особенно в смысле его конечной цели, однако, оно может быть вычислено путем использования человеческого разума. Таким образом, будущее становится не только новым – оно теперь лучше, чем прошлое, и человечество может непрерывно преодолевать свои вечно существующие ограничения при помощи знания. Последнее теперь не просто сумма статичной информации, отражающая реальность, а инструмент, который задает действительности кардинально новые направления развития.

Рукописная традиция, базирующаяся на абстрактном богословии и философии, определяла траекторию развития человеческой цивилизации на территории Евразии на протяжении всего периода ее становления, начиная с середины I тысячелетия до н.э. и вплоть до эпохи начала Нового времени. В рамках этой традиции шел постоянный поиск порядка и гармонии (космоса, на греческом языке), что превращало находки, обнаруженные в рамках подобных штудий, в неизменные истины после того, как они были найдены и четко определены. Со временем многие поколения комментаторов посредством небольшого набора толковательных техник, применяемых к четко иерархизированным каноническим текстам,

ритуализировали вероубеждение и религиозную практику. Это лишь усилило склонность традиции к ортодоксии, конформизму, коллективизму в области религиозной мысли, а также придало импульс ее сопротивлению многообразию мнений, инновациям, свободе мысли и индивидуализму.

Рукописные традиции, судьба которых на удивление схожа в самых разных культурных ареалах, ретранслировались не пассивно, а неуклонно трансформировались в процессе их передачи и внесения комментариев примечаний, что происходило на протяжении многих веков. Отчасти данные процессы способствовали размыванию традиции и энтропии – это текстовые потери, лингвистические отклонения и ошибки переписчиков, что приводило к утрате уникальных сведений; с другой стороны, внесение переписчиками примечаний или схоластические штудии ученых насыщали тексты стереотипной информацией. Многие поколения комментаторов преследовали цель создания согласованных и упорядоченных текстовых канонов путем освобождения предположительно авторитетных текстов от внутренних противоречий. С течением времени данная работа должна была привести традицию к созданию сложных взаимосвязанных (корреляционных) текстовых систем, в которых каждая их часть, описывающая реальность, совпадает или предполагается, что будет совпадать с любой другой частью. Одна из таких рукописных традиций, своими истоками восходящая к Корану и Сунне, представлена религией ислам (повиновение), которую более точно было бы именовать многозначным словом «дин» – вера, религия, включающая в себя и определенные нормы поведения.

Для татар, история которых глубоко связана с исламом, джадидизм становится способом адаптации к Новому времени и ко всему тому, что принес с собой этот исторический этап развития человечества. Появлению джадидов как одной из форм мировосприятия нового времени способствовало тщательное переосмысление ниспосланной пророку Мухаммаду Воли Аллаха. Это переосмысление совсем не обязательно означало отказ от принятия этой Воли, хотя в процессе усвоения новой парадигмы неко-

торые джадиды все активнее отказывались от идеи Нового времени о секуляризации религиозной сферы к более явному проявлению религиозной индифферентности или даже к атеизму. Однако в большинстве случаев джадиды придавали определенную значимость религии и Богу в жизни современного общества. Между тем, предписания Всевышнего, основывающиеся на безоговорочном послушании и следовании «прямому пути» (Сират ал-мустахим), должны, по их мнению, быть ограничены сферой личной жизни и запросами души, и не распространяться на общественную жизнь и определять общественные процессы.

Согласно их точке зрения, нравственные люди формируют добродетельное общество, однако сие вовсе не означает, что это будет продуктивное и успешное сообщество в этом новом мире, требующем творческого подхода, высокой производительности, конкурентоспособности и пристального внимания к вопросам власти. По мнению джадидов, следование Божьей воле, само по себе, не может гарантировать раскрытие внутреннего потенциала людей. Только активная концентрация на мирских делах, ориентация на личность, а не на Бога, позволит людям успешно развиваться, тем самым доказывая, что их вера и есть истинное Божественное предписание человечеству. Джадидизм, в качестве идеологии Нового времени, предполагал усвоение принципиально иной эпистемологии, которая смотрела на прошлое не как на трагическую утрату, а как на инструмент сотворения нового будущего; они воспринимали Аллаха как личного Бога, близкого человеку. Он определяет человеческую этику и мораль, но вовсе не диктует то, как осуществлять земные задачи, требующие каждодневного внимания; подобная смена парадигмы позволила татарам самостоятельно определять собственное будущее, которое они теперь основывали на свободе, разностороннем и практически ориентированном образовании, обилии опыта, внимательном изучении окружающего мира и творческом подходе к поставленным задачам.

В этом исследовании я использую термины «археология» и «генеалогия» в том понимании, в каком применял Мишель

Фуко (1926–1984). Его труды посвящены переоценке теории причинности, «критической философии», основанной на работах Джона Локка (1632–1704), Дэвида Юма (1711–1776) и Иммануила Канта (1724–1804) – ученых, осуществивших поворот в философии в направлении основательной критики познания.

Положение М.Фуко о случайности является главным отправным пунктом моего понимания джадидизма. Деятели той эпохи являлись прародителями и пионерами в освоении той трансформирующей эпистемологии, о которой шла речь выше, именно их по праву и можно назвать джадидами. Прочтение их работ с точки зрения самых разных контекстов приводит к пониманию того, что в их работах не меньшее значение имеет не то, что наличествует, а то, что по той или иной причине отсутствует [см.: Ismail Veu, 1988, p.149–169]. Если простое описание джадидов, их идей и общественной деятельности, обусловленной новым мировоззрением, и является весьма важным для научного познания, само по себе это мало что дает в определении истоков данного явления.

В этой связи удивительным является то, что во всех вышеупомянутых сообществах, где в культурном отношении доминировал ислам, постепенно, на протяжении примерно столетия (с 1750 г. и до 1850 г.), происходит эпистемологическая трансформация, имеющая результатом к концу периода замену прежнего концепта «старого метода» (усул аль-кадим) на идею «нового метода» (усул аль-джадид). При этом мотивирующей силой позитивных изменений стало движение от ориентации на прошлое – таджид (обновление, в значении возвращения к первоначальной чистоте) к ориентации на будущее – джадид (новый). Что же было причиной этого долгого, длящегося целый век, незаметного вызревания альтернативного мировоззрения, которое, наконец, отчетливо отделило себя от традиции. Его сторонники, освобожденные от бремени веры в сверхъестественное и очарованные земными тайнами, ожидали откровений от экспериментов, исследования мира и настойчивого использования сил человеческого разума. Они были уверены в том, что время служит человечеству, а не следует некоему

таинственному, изначально разработанному на метафизическом уровне плану.

Погружаясь в археологию понятия «джадид», мы можем обнаружить ряд правил, которые определяли систему умозрительных и понятийных возможностей, обуславливающих границы философствования и дискурсов в рамках культуры, ориентированной на таджид. Мы также получаем представление о внутренних и внешних силах, которые постепенно способствовали утрате четкости прежних идеологических структур, на месте которых появлялись открытые пространства; и именно через эти лакуны многие принципиально новые веяния могли проникать и позже укореняться в сознании людей того времени. Подобный подход позволит нам несколько изменить ту историографическую традицию, которая до сих пор все еще концентрируется на рассмотрении сознания индивидуумов вместо того, чтобы изучать феномен на двух уровнях: того, что существует на сознательном уровне, и того, что зиждется в бессознательном. Изучение поволжских татар (находившихся в ту эпоху в авангарде тюркских, исламских народов – российских подданных), первыми вступивших на путь прогресса, позволяет нам выделить тот комплекс причин, благодаря которым это стало возможным. Между тем следует вновь повторить, что мы никогда не сможем с точностью определить все возможные элементы этого процесса и должны быть осторожными в чрезмерном выделении какого-либо из них в качестве самого важного, либо ограничивать исследование лишь тем, что для нас наиболее очевидно.

Следует выделить пять наиболее существенных факторов, приведших татарское общество ко вступлению в новый мир: это та новая всеобъемлющая российская траектория развития, заложенная еще во время правления Петра I; это татарская диаспора и капитализация экономики, происходившая при ее участии; это возобновление противоречий внутри исламского дискурса; это различные пути вовлечения татар в российское общество и появление нового класса посредников, которые стали связующим звеном между русским и татарским мирами.

Каждый из перечисленных элементов был, вне всякого сомнения, необходим, хотя сам по себе и недостаточен для того, чтобы

подтолкнуть татар к освоению новых горизонтов, к уходу от привычных стереотипов, к открытию более широких перспектив, к риску неизведанного и к надежде на лучшее будущее, способное принести людям большую пользу, к переходу от мира ограниченный к миру возможностей. К тому моменту, когда возникли первые зачатки новометодного мировоззрения в 1870-х гг., его адепты широко использовали все преимущества периодической печати для распространения своих идей, благодаря чему почва для дальнейшего продвижения была тщательно подготовлена. Сочетание вышеупомянутых пяти факторов, между тем, и создало ту основу, которая помогла джадидизму выстоять и не быть задавленным отжившими идеями, идеалами и институтами, не остаться лишь бесплодной фантазией в умах людей. Я остановлюсь лишь на одном, третьем факторе, который долгое время был неправильно понят в трудах исследователей. Я имею в виду возобновление противоречий внутри исламского дискурса.

К тому времени, когда Екатерина II стала императрицей, большинство мусульманских ученых Волжско-Камского региона принадлежали к ханафитскому мазхабу, тем не менее они опирались на методологию, противоположную диалектическому подходу (илм калам) – методу поиска теологических оснований посредством диспута и доказательства, которому сам Абу Ханифа (699–767), основатель правовой школы, запрещал следовать своим ученикам¹. Они также защищали практику таклида – безоговорочного принятия мнения религиозных авторитетов, зачастую представлявших ту или иную правовую школу, в данном случае – ханафитскую.

¹ Калам имеет длительную и, подчас, весьма непростую историю, что в большей степени относится к постклассическому периоду (после 1050-х годов) и вплоть до настоящего времени. В историографии духовной культуры ислама, начиная с самих мусульманских ученых, калам считался теологией, которая противостояла философии (фалсафа). Основным отличием от последней было то, что калам занимался поиском истины посредством обращения к традиции (накл), нежели при помощи разума (акл). Однако разделение мусульманской мысли на противоположные течения калам – фалсафа не является удачным инструментом для оценки всего ее богатства.

Таклид обычно противопоставляется иджтихаду – независимой интерпретации шариата, осуществляемой посредством самостоятельных интеллектуальных усилий (джихад) индивидуума. Следует заметить при этом, что тот, кто не имеет глубоких познаний в области мусульманского права (фикх) и не располагает сведениями детального характера об обязательных предписаниях (ваджиб), запретных деяниях (харам), рекомендуемых (мандуб), порицаемых (макрух), и нейтральных (мубах) поступках в рамках этого права, не будет считаться полномочным самостоятельно интерпретировать мусульманский закон.

Весьма показательно, что сам Абу Ханифа порицал применение таклида его учениками, убеждая их мыслить самостоятельно, а не полагаться на интерпретации учителя. Помимо вопросов методологии, местные ученые также, по всей видимости, действовали в рамках привычных для ханафитской религиозной традиции параметров, которые определяли позиции в отношении ряда вопросов и проблем, с ними связанных, включая такие классические, как природа Корана и количество извечных атрибутов Аллаха, свобода воли и предопределение, вера и совершение греха, молитва в сумеречное время суток и коллективные молитвы по пятницам, а также и по таким специфическим проблемам региона, как лояльность к российским властям.

К концу XVIII в. появляется целый ряд новых обстоятельств, которые создали условия для развития Волжско-Камского региона в ином направлении, что, возможно, имело свое воздействие и на изменение содержания исламского дискурса в отличие от того, как он воспринимался на протяжении столетий.

Прежде всего, мы должны иметь в виду фактор правления Екатерины II, которая под влиянием европейского Просвещения смогла изменить систему взаимоотношений между российской властью и мусульманским населением. Во-вторых, развитие и усовершенствование торговых путей из региона Поволжья в Центральную Азию, вслед за постепенным продвижением российской границы к югу и установлением мира среди казахских племен, способствовали расширению связей между этими территориями,

что, в свою очередь, оказало положительное влияние на упрочение положения татарских коммерческих предприятий и на расширение духовных контактов с мусульманами тех регионов, которые представляли непосредственный политический интерес для Российского государства.

В-третьих, развитие татарского капитала стимулировало расширение сети деревень с татарским населением, прежде всего в Казахской степи, частично в Центральной Азии, на юге Сибири и вдоль караванных путей, через долину или в Восточный Туркестан. Международный коммерческий успех татарских купцов стимулировал не только создание татарских диаспор и присутствие татар на отдаленных территориях, но и создание центров влияния на окружающее нетатарское население. Эти центры постепенно начали оказывать не только экономическое, но и культурное и интеллектуальное влияние на новых соседей татар.

Отказываясь от привычных социальных моделей, коммерсанты использовали свой капитал в качестве способа создания собственного социального пространства между двумя привычными классами, представленными традиционной элитой и простолюдными. Они смогли обеспечить себе гораздо более независимое положение по сравнению с двумя другими классами, в т.ч. посредством реализации сложных долгосрочных проектов, которые со временем все более упрочивали их положение в обществе в качестве третьей силы. Как ее представители, они были более уверены в себе, менее подвержены страхам и рискам и свято верили, что их будущее будет намного лучше, чем их настоящее.

В своей совокупности эти процессы образовали новый спектр возможностей для членов татарского общества. При этом некоторые из происходивших изменений были поначалу слабо различимы и практически незаметны, зато другие были явлены во всей своей полноте и незамедлительно обнаруживали свое присутствие. Последнее особенно верно в отношении института ОМДС, при помощи которого татарам была навязана определенная форма организованного руководства – муфтият, ранее неизвестная мусульманам и созданная, что особенно важно в данном контексте, в результате активных

действий со стороны немусульманского государства. Создание муфтията имело целью структурировать российский ислам и, следовательно, облегчить российской бюрократической машине управление мусульманскими подданными. Получая ежегодное жалованье, муфтий и его помощники фактически стали русскими чиновниками с установленными императорской властью обязанностями, которые с течением времени постепенно расширялись. Как видно из работ последних лет нескольких ученых, императорские указы определяли Духовное собрание со всеми его служащими как орган, в который следует направлять для разрешения все социальные и религиозные вопросы повседневной жизни мусульман. В случае, если вопрос не решался на уровне муфтията, мусульманам следовало адресовать его уже непосредственно российским властям [см.: Crews, 2006]. Таким образом, частные интересы мусульманского населения постепенно становились имперскими интересами, что вело к большему сближению мусульман и русских.

После распада Советского Союза ученые все больше стали обращать внимание на хорошо сохранившуюся и ставшую доступной источниковую базу того периода, в результате чего сегодня мы знаем гораздо больше о том, что именно писали мусульманские деятели [Алмазова, 2010; Идиатуллина, 2005; Юзеев, Гимадеев, 2009; Кемпер, 1998; Хайрутдинов, 2005–2006; Спаннаус, 2011; Тухватуллина, 2003]. Однако попытки современных ученых расположить работы мусульманских авторов в некое подобие исторической преемственности и последовательности, на мой взгляд, имеют существенные недостатки, поскольку лидирующей в историографии остается тенденция, поддерживающая прежние интерпретации, впервые появившиеся в начале XX в., продолжавшиеся с некоторыми несущественными изменениями все советские годы и укрепившиеся лишь после освобождения российских исследователей от ограничений в области научной деятельности после распада СССР. Данной историографии, на мой взгляд, присущи следующие специфические черты: 1) так называемый «телеологический» подход, который несколько механично склонен применять идею прогресса,

в данном случае настаивая на линейной эволюции философской мысли, ведущей от всеобъемлющей приверженности к традициям ислама к возникновению джадидизма и принятию идеологии Нового времени; 2) путаница с понятием «реформа», которая не позволяет увидеть различий в подходах мусульманских авторов к происходившим в то время изменениям, их внутренние цели и намерения, что также связано с моим первым критическим замечанием; 3) неспособность понять Новое время в терминах эпистемологического сдвига, который по праву можно назвать революционным.

Начиная со второй половины XVIII в., как утверждают источники, несколько поколений татар связывало ощущение, что что-то не в порядке с исламской уммой. Их объединяло осознание необходимости реформ, при помощи которых можно было бы улучшить ее положение, и в качестве механизма реформ они настойчиво предлагали применение иджитхада (в буквальном смысле «усердие, старание») в решении вопросов, стоящих перед обществом. Список авторов, как это принято в историографии, возглавлял Г.Утыз Имяни аль-Булгари, далее шли Г.Курсави, Ш.Марджани, Р.Фахретдин, Г.Баруди, М.Биги, З.Камали и другие представители духовенства, однако список включал также и светских деятелей: Х.Фаизханова, И.Гаспринского, Ю.Акчуру.

Первая проблема, очевидная в первый же момент по прочтении этого списка, состоит в фундаментальном различии между начальным набором имен и теми тремя, что следуют за ним, что свидетельствует о безосновательности и поверхностности связей между этими двумя группами. Кроме того, попытка связать их воедино сама по себе лишь более запутает, нежели прояснит чрезвычайно важный период в нововременной истории татар. То, что во многих исследованиях считается одной траекторией, на самом деле представляет собой два направления: первое стремится вернуть исламское общество обратно к надлежащей форме и практике, к обществу, в котором религия занимает центральное и определяющее положение; другое же воплощает видение общества, в котором ни одна религия не будет иметь превосходства и, по сути, религия сама по

себе не будет иметь значительного политического или иного влияния на общество.

Вторая проблема связана с универсальной человеческой склонностью противостояния, а порой и отчаянного сопротивления изменениям. Когда речь идет о религиозной вере, изменения могут быть немедленно отринуты, как опасные и даже зломаренные; в исламе их называют бид'а – термин, чаще всего использующийся для придания негативного смысла верованию, практике или обычаям, которые, предположительно, не имеют под собой никакого прецедента в исламской традиции.

Несмотря на то, что термин не встречается в Коране, бесчисленные ученые на протяжении веков однозначно принимали различные хадисы, осуждающие «новаторов» и «инновации», а несогласные часто обвинялись в приверженности бид'а и подвергались гонениям.

Эта тенденция существенно затрудняла попытки реформ, особенно если они возникали на низовом уровне и их приверженцы пересматривали вопросы религиозной практики с позиции религиозных же оснований, которые они так или иначе пытались оспорить. На рубеже XVIII–XIX вв. мы можем видеть примеры того, как обвинение в бид'а адресовалось мусульманским ученым из Волжско-Камского региона и на родине, и в Средней Азии, где они обучались. Мы также наблюдаем обвинения в бид'а, адресуемые уже джадидам веком позже, когда их периодика и другие «новые» виды деятельности стали объектом ненависти со стороны консервативных ученых. Кроме того, путаница с понятием «реформа» отражает противоречие, имеющееся и в самом исламе – между проблемой обнаружения и искоренения бид'а и противоположным вероучительным свидетельством о том, что Бог сам – в отношении исключительно религиозных целей – установил необходимость периодически обновлять (таджид) религию при помощи правильного применения иджитхада.

Исламская модель преобразований, была, таким образом, легитимизирована и могла быть использована как для предотвращения проявлений бид'а, так и для проведения реформ с целью возвращения, исправления и восстановления должного характера ислам-

ского общества. Для современных ученых обращение мусульман к таджиду может казаться «прогрессивным» в рамках традиционного богословия, однако его вряд ли можно определять в терминологии «джадид», поскольку таджид был лишен лежащей в основе первого эпистемологии, обеспечивающей «усул джадид». Таких ученых, как Марджани, Фахретдин, Баруди, Буби, Бигиев и Камали более правильно было бы называть прогрессивными богословами², поскольку они стремились к сохранению концепта Бога в центре общественной жизни, несмотря на то, что признавали необходимость исправления ложных интерпретаций религии и реформирования религиозной жизни, в которую проникают искажения³. В силу того, что деятели, подобные Марджани, стремились увековечить отлаженную систему, присущую комментаторской традиции, восходящей к источникам ислама, их нельзя поставить в один ряд с такими личностями, как Фаизханов, Гаспринский, Акчурин и Керимов, которые по-настоящему порвали с религиозно-теологической эпистемологией. Прогрессивная склонность ученых-теологов к реформе, какой бы радикальной она ни казалась, была исключительно исправляющей и восстанавливающей, она не предполагала открытия врат на пути к новому обществу. Это неудивительно, потому что среди авторитетов вне исламского мира для этих татарских интеллектуалов был избран христианский сектант XV–XVI вв. Мартин Лютер (1483–1546).

Третья проблема является наиболее важной и наиболее сложной. Как упоминалось выше, споры о Новом времени бывают подчас весьма жаркими, однако нередко не отражают его сути, поскольку историки и другие исследователи не склонны предлагать единственное объяснение тому, что происходило в прошлом. Мы стремимся к поиску множества причин, влияний и сил, особенно когда пытаемся объяснить такой фундаментальный феномен, как Новое время. В процессе подобного поиска происходит интеллектуальный релятивизм, когда все

причины становятся равными, и мы спокойно можем не замечать те или иные данные ради совершения того или иного «обоснованного» выбора. Подобный подход, на мой взгляд, в отношении Нового времени более неприемлем. Поскольку он предлагает множество причин, каждая из которых достойна подробного обсуждения, однако ни одна из них не является ключевой в объяснении феномена Нового времени в истории человечества.

Исламский дискурс в Волжско-Камском регионе в XIX в., прежде всего, следует рассматривать как повторение периодически случающегося конфликта между теми, кто стремился к реформе ради возрождения исламского сообщества (прогрессивные богословы), и теми, кто противостоял им на основании того, что данная реформа была слишком опасна для целостности исламской уммы (консервативные богословы). В историографии первые постоянно воспеваются как «реформаторы», «прогрессивные мыслители», «просветители» и «джадидисты», а вторые обличаются как «консерваторы», «реакционные мыслители», «обскурантисты», «исламисты» и «кадимисты» (собственно, антагонисты «усул джадид» и сторонники «усул кадим» или «старого метода»). Подобный подход внес больше путаницы, нежели способствовал прояснению ситуации, тем более что в нем смешивались два разных конфликта: между прогрессивным и консервативным лагерями в рамках самой исламской теологии, и между исламской теологией в целом и джадидизмом, который имел совершенно иное понимание целей человечества и опирался на иные эпистемологические основания.

И никакие союзы и соглашения между прогрессивными теологами и джадидами относительно достижения краткосрочных целей не должны дезориентировать нас в отношении данного вывода, поскольку, в конечном счете, оба течения разделяет непреодолимый раскол. Более века прогрессивные богословы интерпретировались как модернисты (джадидисты) лишь оттого, что они находились в конфликте с консерваторами, были более гибки, либеральны и принимали происходящие изменения. Однако, рассматривая предмет под иным углом, мы

² В отечественной историографии утвердился термин «религиозные реформаторы» (ред.).

³ Бросается в глаза сходство с европейскими нео-аристотелианцами.

обнаруживаем иной набор различий, который позволяет утверждать: прогрессивные богословы принадлежали традиции, а не Новому времени.

Во-первых, прогрессивные богословы, хотя и опираясь не на Коран, а на Сунну, считали, что общество время от времени нуждается в обновлении (таджид) с целью очищения веры при помощи правильного применения иджтихада, в то время как для джадидов обновление было недостаточным, поскольку его последствиями будет лишь восстановление того, что уже было, в то время как то, что было, и то, что есть, должно быть заменено тем, что должно быть. Во-вторых, для прогрессивных богословов духовным идеалом был давно ушедший в прошлое Золотой век, имитация которого была лучшим из того, чего человечество может достичь, в то время как джадидисты верили, что человеческие сообщества могут конкурировать лишь между собой в никогда не прекращающемся процессе достижения целей и дальнейшего их развития и замены новыми. В-третьих, прогрессивные богословы всегда ощущали ностальгию по «утраченному раю» и были убеждены, что ничто кардинально новое уже не может появиться в этом мире до конца времен, в то время как джадидисты мечтали о рае, который можно обрести путем борьбы, не ограниченной строгими правилами традиции. И, наконец, прогрессивные богословы были абсолютно преданы исламскому дискурсу, который джадидистам представлялся антитезисом их проекту.

Великий мыслитель аль-Газали (1058–1111) провозгласил в своем трактате «Тахавут ал-Фаласифа» («Опровержение философов»): «Непостижимые решения Бога не могут быть взвешены на весах разума, только вера в Бога, как высшую Истину, может удержать слабых духом людей на «прямом пути», единственном, имеющем для них значимость».

Вышеобозначенное можно считать наиболее привлекательным из того, что имеется в теологических системах, опирающихся на религиозный канон. Их обещание душевного мира, достижимого в земной жизни, требует избрания нелегкого прямого пути, который, в свою очередь, предполагает безо-

говорочную преданность, обуславливаемую фундаментальной значимостью этой главной цели человека. Поскольку все действительно важное восходит к Богу, не остается ничего иного, кроме как следовать его предписаниям, пусть нередко и весьма затруднительным. Это обещание душевного мира и покоя эпистемологически противоположно обещанию безграничных возможностей, присущих идеологии Нового времени. С тех пор как Бог был смещен и перестал быть центром всего – как на уровне социума, так и на уровне индивидуума, вакуум стал заполняться идеей выбора. Однако это выбор был не между добром и злом, а между все возрастающим количеством выборов, ассоциируемых, так или иначе, с добром. И эти разные виды добра, точные значения которых ранее никем не были определены, ныне соревнуются в привлечении внимания и снискании преданности со стороны людей. В Новом мире судьба человеческих душ может и не зависеть от исхода этой борьбы, однако что касается человеческих жизней, то они определенно зависят от сделанного выбора. Татары-мусульмане на протяжении XIX в. сталкивались с постоянно растущим осознанием того, что вечные истины, на которые они опирались на протяжении веков и которые долгое время дарили им покой, ясность, душевное удовлетворение и уверенность в завтрашнем дне, постепенно стали терять свою значимость, где душевный покой становится лишь еще одним концептом, требующим критического осмысления. Защитники традиционного образа жизни были весьма изобретательны в своем сопротивлении Новому времени и находили разные способы защиты своей мусульманской идентичности. Для суфиев – братств Ясавийа и Накшбандийа – соблюдение канонов ислама могло означать сопротивление российскому закону, запрещавшему проповедническую деятельность среди нерусских или недавно крещеных народов; кроме того, для них призыв к джихаду против русских служил также средством оживления веры. Для мусульманских богословов защита веры могла иметь более интеллектуальный характер и чаще всего влекла за собой бесконечные дебаты о весьма эзотерических вопросах вероучения или философии, которые могли

показаться малозначимыми стороннему наблюдателю. Однако именно эти религиозные дебаты обеспечивали преемственность духовной культуры на протяжении многих веков существования ислама. Для абсолютного большинства татар-мусульман понятие того, что Бог может «умереть», было совершенно невозможным для восприятия в XIX в.; хотя пока Бог умирал, ожидалось, что человек займет его место.

Если на заре царствования Екатерины II интеллектуальная жизнь татар определялась профетическим дискурсом, в котором нравственное возрождение и реисламизация были артикулированы через концепты, отражающие профетическое восприятие исторического времени, и этот призыв к нравственному и религиозному возрождению происходил при помощи традиционных письменных жанров, то каким образом джадидизм через чуть более чем столетие приобрел значимость и стал доминирующим в татарской жизни?

Насколько трудна была задача джадидизма, можно проследить по истории движения с 70-х гг. XIX в. по конец 20-х гг. XX в. Это был период беспрецедентных потрясений, включая войны и революции. Вместе с тем, несмотря на хаос, это сложное время смогло породить ряд иногда не слишком популярных, где-то пугающих и утопических движений, одиноко сражающихся и собирающих сторонников. Они как будто были влекомы неведомыми и более могущественными силами Нового времени, охватившими Россию и всю остальную Европу. Трансформация укоренившихся между людьми отношений, особенно, если они глубоко социальны и сопряжены с сильными моральными устоями, чрезвычайно трудна, и история полна примерами безуспешных попыток подобного рода. Можно лишь вспомнить движение народников в России в 1860–1870-х гг.; однако по значимости оно было бледным подобием джадидизма, несмотря на всю его драматичность; и его безуспешность предполагала, что и джадидизм, с еще большей вероятностью и гораздо быстрее, должен был окончить свои дни на свалке истории. Так бы и случилось, если бы не кумулятивный эффект бесчисленного количества известных и неизвестных выборов, сделанных могущественными и не очень людьми,

а равно бесчисленное число событий, чье свершение направлялось сознательными актами отдельных людей. Разрозненные, нескоординированные и бессвязные элементы, составляющие плоть Нового времени/джадидизма, представляли непрерывную последовательность, которую уже было не остановить. Именно эпистемология обеспечивала не только выживание феномена джадидизма, но и его поразительный успех.

В этой эпистемологии также кроются причины сильнеешего противостояния Новому времени. Одно из наиболее впечатляющих описаний этого сопротивления дал видный сирийский ученый и мусульманский правовед Мухаммад Рашид Рида (1865–1935) в статье, опубликованной в прогрессивном богословском журнале «аль-Манар»⁴: «В этот беспокойный период идеологических, интеллектуальных, политических, коммунистических и большевистских преобразований, когда в сфере религии, образования и социальных отношений царил хаос, обществу угрожают феминистская революция и промискуритет; когда распадаются семьи и рвутся родственные связи, когда в обществе царят еретические учения, враги открыто нападают на религию нации, ее язык, ценности, традиции, привычную одежду и истоки – у нас не остается никаких устоев, опираясь на которые можно было бы растить и обучать молодежь.

В этот период идеи обновленчества стали среди нас широко распространяться. Действительно, нам крайне необходимы обновление и обновители. Все, что помогло сохранить наш национальный характер и религиозное наследие, помогло бы нам выйти на дорогу цивилизационного прогресса, было аннулировано и уничтожено. Все наше историческое прошлое, истинная религия, наша процветающая цивилизация и великая империя – все это было нами вытравлено, осуждено, покинуто и забыто. В нашем стремлении воспринять новое и заимствовать чужое, мы лишь смогли уцепиться за внешнее, и не были никогда в состоянии воспроизвести его полностью. И

⁴ Рида был наиболее заметным из учеников Джамалетдина Афгани (1838–1897) и Мухаммада Абдо (1849–1905) – двух ведущих мусульманских прогрессивных богословов.

то, что мы сейчас имеем из прошлого и современного – лишь оболочка, имитация, как скорлупа миндаля или грецкого ореха, которая толстым слоем валяется под ногами; она сама по себе бесполезна и неспособна сохранить суть» [Rida, 1931, p.770].

Я выделил отдельные слова и выражения в этом тексте, которые, я верю, говорят об убежденности и бескомпромиссном характере ответа Рашида Риды Новому времени. Это человек, которые верит, что он стоит перед лицом некой внешней угрозы, связанной с таким глубоким изменением мира, в котором ничто не останется прежним, и то, что при-

дет, не будет чтить ничто из того, что наиболее дорого для человечества. Его слова иллюстрируют настроения миллионов тех, кто ощущал, что происходящее находится вне их контроля, поскольку социум и община более не обеспечивают существование индивидуума и личности, историческая связь этими двумя сферами угрожает быть навеки нарушенной. Для этих масс и тех, кто говорит за них, Новое время – это революция отчаяния, с которой невозможно бороться, поскольку она не имеет собственной определенной идеологии, конкретного плана и авангарда. Новое время имеет лишь будущее.

§ 2. Идеология обновления

Рафик Мухаметшин

Уже на заре своего становления джадидизм оказался в центре идеологической борьбы различных политических сил в татарском обществе. Прогрессивная часть интеллигенции видела в нем интеллектуальную и идеологическую силу, способную вывести татарское общество из многовекового застоя. Татарские традиционалисты усмотрели в нем серьезную опасность для мусульманского сообщества, поскольку, по их мнению, джадидизм привнес в общество свободомыслие и вольнодумство, граничащие с атеизмом.

И в современных условиях ситуация кардинально не изменилась. Одни, в основном научная и творческая интеллигенция, считают джадидизм наиболее эффективной формой возвращения ислама в общественно-политическую жизнь современного Татарстана, поскольку в конце XIX – начале XX в. именно он вообрал в себя особенности и достижения «татарского варианта» ислама и поэтому является единственно приемлемой формой религиозно-духовного обновления общества и надежным залогом проникновения в республику чуждых «татарскому» исламу явлений [Мухаметшин, 2005а, с.59–81]. Часть интеллигенции и, особенно, духовенство довольно настоятельно относятся к возможностям джадидизма в возрождении религиозных традиций в современных условиях. При этом они не без основания считают, что в этом явлении

слишком много идеологических и политических корней и опасаются возникновения серьезных причин ревизии основ ислама в угоду иных сил, не учитывающих интересы самого мусульманского сообщества. Джадидизм, по их утверждению, являясь своеобразной формой реформы общества, вполне способен разрушить основы традиционной исламской уммы, которая не нуждается в обновлении [Нужна ли реформа, 2004].

Основным камнем преткновения для оппонентов является проблема истоков джадидизма. По этому поводу в отечественной и зарубежной историографии представлены различные подходы. Многие исследователи связывают становление джадидизма с деятельностью И.Гаспринского – родоначальника новой системы образования. Так, В.Ганкевич утверждает, что «джадидизм возник в конце XIX века как попытка реформирования прежде всего начальной школы... Как общественно-педагогическое движение джадидизм возник в Крыму. Самым известным пропагандистом звукового метода, общепризнанным лидером джадидизма стал... Исмаил Гаспринский» [Ганкевич, 1998, с.239–240]. Некоторые ученые допускают возможность формирования идей джадидизма под влиянием идей Мурада муллы, который заговорил о необходимости создания «обновленной» религии, объединяющей многие народы [Исхаков, 1997а, с.13]. Ряд исследователей уверены в том, что

его истоки лежат в сфере мусульманского реформаторства и связаны с деятельностью А.Курсави, предлагавшего открыть «врата иджтихада» [Идиятуллина, 2006].

Действительно, выбор в пользу той или иной теории – это не просто определение точки отсчета, а выбор принципиально разных подходов в осмыслении сущности джадидизма. Если видение джадидизма связывать с деятельностью И.Гаспринского, то в его содержании будет преобладать просветительно-образовательный компонент. Если же становление джадидизма связывать с деятельностью Мурад муллы, то сущность этого явления явно приобретает политико-идеологический аспект, поскольку Мурад мулла, как, впрочем, и Батырша, по духу был ближе к политическим деятелям, чем к религиозным. Если предположить, что у истоков джадидизма стоял Г.Курсави, то его содержание практически сливается с религиозным реформаторством.

Один из самых принципиальных моментов в определении сущности джадидизма – выявление его отношения к мусульманскому реформаторству, т.е. «является ли мусульманское реформаторство составной частью джадидизма или джадидизм выступает только одним из его теоретических источников».

Принципиальным этот вопрос является потому, что от ответа на него зависит в целом вся характеристика джадидизма. Если рассматривать его как эволюцию идей мусульманского реформаторства в татарском обществе, то джадидизм приобретает такое же религиозное содержание. Отделение же джадидизма от мусульманского реформаторства предполагает признание его как принципиально нового явления, в основном светского по содержанию, но со значительным религиозным компонентом.

Обобщая все позиции, можно утверждать, что джадидизм, начиная от муллы Мурада и Батырши, стал направлением, выдвигающим на первое место не только конфессиональные, но и этнополитические интересы татарского общества, а также проблему его политического обустройства.

Но, как отмечалось выше, в отечественной историографии становление джадидизма практически всегда связывают с реформой системы образования. Мусуль-

манское образование послужило основой идейно-интеллектуальной трансформации в татарском обществе в условиях той общественно-политической ситуации, в которой оказались мусульмане России. Система образования стала центром преобразований, в первую очередь потому, что оказалась единственно возможной формой духовного обновления и воспроизводства интеллектуального потенциала общества в условиях XIX в. По мнению Д.Исхакова, «политический реформизм» стал возможен только после революции 1905 г. [Исхаков, 1997а, с.9], поскольку до этого кроме системы образования не было иных структур или институтов, которые, если и не полноценно, то хотя бы в какой-то форме могли функционировать. Поэтому бесспорно, что эта система оказалась основой и центром интеллектуального обновления.

Но означает ли это, что реформа системы образования стала основной задачей, которую ставили перед собой первые джадиды? Стала ли она целью предполагаемых преобразований или была лишь средством их реализации? В западноевропейской историографии преобладает мнение, что истинные джадиды не были сторонниками только религиозных реформ и обновлений. Такой подход является более продуктивным, поскольку он позволяет более четко определить содержание джадидизма. Действительно, когда смысл этого явления крепко привязывается к реформе системы народного образования, его содержание размывается, он становится еще более разнородным и, по сути дела, уже не поддается какому-либо научному определению. Скорее всего, надо исходить из того, что джадидизм как явление изначально был нацелен на модернизацию мусульманского общества.

Тем более, следует иметь в виду и то, что в татарском обществе были и другие силы, заинтересованные в модернизации общественно-политической жизни. До сих пор присутствует определенная недооценка роли других факторов, способствовавших становлению джадидизма. В последние годы исследователи начали обращать внимание на экономическую основу функционирования новометодной системы образования. Институт попечителей в татарских махалля,

деятельность благотворительных организаций и фондов, вклад национальной буржуазии в финансовое обеспечение этой системы свидетельствуют о том, что джадидизм изначально формировался как многогранное явление [см.: Салихов, 1998]. Действительно, в этом есть определенная логика, поскольку реформа системы образования имела место, проводилась она только за счет внутренних ресурсов самого татарского общества и это было невозможно без понимания перспектив и конечных результатов этих реформ. Возрождающаяся татарская буржуазия и купечество, естественно, были заинтересованы в конечных результатах реформы: новые социальные слои нуждались в кадрах, способных адекватно воспринимать происходящие в России процессы, найти в новых социально-экономических условиях свое место, определить реальные перспективы татарского общества, т.е. в создании системы образования не ради совершенствования методов обучения, а ради получения реальных результатов. Таким образом, джадидизм конца XIX в. как общественное и идеологическое явление функционировал и развивался в рамках системы конфессионального образования. Но уже тогда он имел и иные формы своего проявления, которые выводили его за пределы этой системы, т.е. можно сказать, что уже до начала XX столетия в обществе постепенно формируется понимание необходимости кардинальных изменений.

В начале XX в. в татарском обществе появились новые возможности для реализации тех идей, которые изначально были заложены в татарском джадидизме. Это – стремление к созданию политической базы для обновления татарского общества. Активное участие практически всех интеллектуальных сил в политических процессах и организациях свидетельствует о том, что татарское общество созрело для более масштабного и кардинального решения социально-политических проблем. В этих условиях светско-национальный компонент оказался настолько востребованным, что джадидизм превратился в ведущее направление в татарском обществе.

Джадидизм как формирующаяся идеология нуждался в новом осмыслении нацио-

нального фактора. Если до начала XIX в. эта проблема не обсуждалась или, чаще всего, игнорировалась, то со второй половины столетия все больше внимания стало уделяться национальной проблематике. Это вполне естественно, поскольку формирование идеологии национально-освободительного движения начиналось с обращения к национальной культуре и возрождения интереса к национальному языку, с воскрешения памяти о былом величии народа, его «золотом веке», с воспитания чувства патриотизма и формирования национального самосознания. Все это выдвигалось в качестве основного фактора складывания нации. Но следовало иметь в виду и то, что ислам оставался важнейшим элементом мировоззрения и определял не только морально-этические, но и общественно-политические представления значительной части населения. Развитие общественной мысли шло в условиях если не безусловной религиозности, то полной, порой неосознанной подчиненности людей, особенно в сельской местности, где проживало большинство населения, системе обычаев, укладу жизни, сложившихся под влиянием ислама.

В условиях довольно интенсивного формирования национального самосознания в татарском обществе, в течение многих веков развивавшемся как составная часть мусульманской цивилизации, возникли проблемы принципиального характера, связанные с переосмыслением роли и места ислама в жизни общества. Действительно, практически до середины XIX в. у татар не было другой силы, способной вдохновлять и направлять национально-освободительное движение. Но, несмотря на это, процесс формирования и распространения национальной идеологии, в своей основе секулярной, шел довольно быстро, поскольку вытекал из внутренних потребностей общества.

Эта особенность ислама в татарском обществе была использована джадидами для выстраивания эффективно функционирующей идеологической системы. Джадиды исходили из того, что ислам является составной частью национальной культуры, морально-этической основой общества, созидательной силой народа, его духовной энергией. В таком контексте проблема до-

вольно подробно была проанализирована в публикациях Юсуфа Акчуры [Мухаметдинов, 2004]. Он, например, считал, что «ислам – одна из тех религий, которая придает большое значение политическим и общественным делам». Но, «чтобы допустить в своем лоне формирование наций», «он должен видоизменяться... Религии, отказываясь от общественных функций, занимаются тем, что исполняют роль предводителя, указывающего правильный путь сердцам, становятся лишь добросовестным посредником между творцом и его созданиями. Вследствие этого религии могут сохранить свое политическое и общественное значение, лишь объединяясь с этносами, помогая и даже служа им» [Акчура, 1994, с.132].

Признав тесную взаимосвязь ислама с национальными проблемами, джадидам нужно было более четко определить место религии в системе новых идеологических отношений. Правда, это было не так просто, поскольку, как указывалось выше, в религиозных универсалиях всегда можно выделить те аспекты, которые служили бы национальным интересам. Даже более того, исламские ценности иногда преподносились как национальные универсалии. Например, в политическом плане идея солидарности единоверцев и сплоченности уммы, заключенная в исламе, трактовалась как символ солидарности и сплочения нации. Будучи основой традиционного мусульманского общества, ислам в начале XX в. воспринимался как символ национальной самобытности.

Безусловно, выявление взаимообусловленности этих двух начал не является попыткой размывания границ между ними. Просто джадида пытались вычленивать в исламе те аспекты, которые служили интересам татарской нации и общества. В начале XX столетия татарское общество нуждалось в исламе прежде всего как в своде морально-этических норм, символе идейных комплексов, основанных на религиозно-культурных ценностях. Татарская интеллигенция пыталась предложить новую для страны модель обновления государственности на плюралистических принципах, давно уже знакомую Западу. Эта модель, в условиях России впервые предложенная И.Гаспринским, ставила русских и мусульман на позиции формаль-

ного равенства и стимулировала поиски более цивилизованных подходов решения национального вопроса.

В начале XX в. одной из особенностей джадидизма стало перенесение центра тяжести с чисто богословских проблем на проблемы социальные и политические. Его представители осознали, что татарскому обществу необходимо современное видение мира и стремились привести традиционные мировоззренческие системы в соответствие с требованиями эпохи. В новой ситуации интерес к религиозно-мировоззренческим проблемам попадал в возрастающую зависимость от формирования государственно-правовых и социально-экономических доктрин. Эта тенденция не могла не выявить ограниченности традиционных принципов осмысления основ общественно-политической жизни. Поиски ответов на усложняющиеся запросы жизни вынуждали джадида вносить кардинальные изменения в свое представление о месте и роли ислама в жизни общества, использовать в религиозной идеологии заимствования из светских учений. Поэтому не случайно в начале XX столетия в татарском обществе ислам играл немалую роль в формировании национальной идеологии и в национальной интеграции населения.

Для джадидизма религия была необходима как важнейший инструмент обновления общества, как основа внутренней веры и комплекс этических предписаний. Ислам для них был воплощением социальной общности татар, созидательных сил народа, его духовной энергии, культуры и одной из основ национального бытия. Не случайно все, что было направлено на обновление татарского общества, включая религиозно-мировоззренческие искания, рассматривалось как единое целое: «Борьба с ложными понятиями в исламе, желание доказать, что ислам есть религия божественная и общественно-научная, возникновение женского вопроса и новых способов обучения и воспитания, национальная культура, национальная история, решение политических, общественных и научных вопросов, – все это, сделанное в весьма короткое время, есть наши национальные дела» [Тормыш, 1914, 12 февр.]. Возможно поэтому татар-

ские джадиды, в отличие от своих предшественников, стремились к формированию системы взглядов на социальную структуру современного татарского общества и России, на характер ее внутренних связей и механизма функционирования. При этом они обращались и к традиционным представлениям, и к новым научным положениям, и к опыту западноевропейской цивилизации.

Г.Баязитов [Татарские интеллектуалы, 2005] считает, что не существует «какого-нибудь тормоза к культурному развитию, препятствия, мешающего мусульманину стать в ряд культурных европейцев. Мы смело можем утверждать, что Коран, Шариат могут идти рядом со всеми благоразумными реформами» [Баязитов, 1898, с.6]. Но при этом он подчеркивал, что «несмотря на благоприятие учения Ислама о совместимости его со всеми разумными гражданскими реформами, признанными потребностью времени, мы, к сожалению, не можем констатировать такого удачного разрешения вопроса» [Баязитов, 1898, с.6]. Г.Баязитов пытался развеять миф о том, что во всех бедах и проблемах мусульманского общества виноваты враги ислама, которые «извне» пытаются подорвать его основы. Этот богослов утверждал, что необходимо искать эти силы и внутри самого общества. Г.Баязитов считал, что современный ему ислам превратился в догматическое учение, в котором нет места логике, рациональному суждению в осмыслении общественных реалий.

Эта проблема обсуждалась и другими религиозными деятелями. Татарская интеллигенция много внимания уделяла обсуждению вопроса о реформе системы народного образования и месте джадидизма в этой системе.

Итак, джадидизм стал общественно-политическим, модернистским движением мусульман Поволжья, Крыма, Закавказья и Средней Азии во 2-й половине XIX – в первой трети XX вв. Формировалось и получи-

ло широкое распространение в татарском обществе и создавало предпосылки для пересмотра основ устаревшего мировоззрения, подрыва господства догм и схоластики, смелы традиционных норм отношений между людьми как универсальных и абсолютных регуляторов на новые, служил своеобразным переходом от прежних стереотипов массового сознания к современным формам политического мышления. Перенесение центра тяжести с чисто богословских проблем на вопросы социальные и политические, предполагало новые подходы в их постановке, более высокий уровень мышления.

Джадидизм определил основное направление эволюции ислама – интеллектуализация духовной жизни, использование исторической мобильности религии, ее умение приспосабливаться к новым обстоятельствам и ассимилировать новое социальное качество. Джадиды понимали крайнюю сложность даже самой постановки такой цели. Смогут ли мусульмане придерживаться основных положений ислама в условиях кардинальных изменений, происходящих в обществе; окажутся ли они в состоянии следовать не только религиозным, но также политическим и социальным принципам вероучения; не будут ли они искать выхода на путях трансформации в их ограничении роли и функций религии рамками духовной жизни, оставляя вне ее действия повседневную земную действительность? Эти вопросы волновали татарских мыслителей и они искали оптимальные пути инкорпорации религии в общественную и политическую жизнь.

Основными центрами джадидизма стали медресе «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в г.Уфа, «Хусаиния» в г.Оренбург, «Расулия» в г.Троицк, «Низамия» в г.Астрахань, «Буби» в д.Иж-Бобья. Крупными представителями джадидизма являются Ю.Акчура, Г.Баруди, Дж.Валиди, Г.Буби, Ф.Карими, С.Максудов, Р.Ибрагимов, Ф.Туктаров.

ГЛАВА 3

Востоковедение в Казанском университете и изучение историко-культурного наследия азиатских народов

Рамиль Валеев

В XIX – начале XX в. Казанский университет стал ведущим центром в России и Европе в исследовании многообразного историко-культурного наследия тюркских, монголоязычных, финно-угорских народов России и стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Восточной Азии.

Истоки официального преподавания восточных языков в Казани связаны с Первой Казанской гимназией (1758 г.), где с 1769 г. с учетом географического положения и наличия тюрко-татарских манускриптов был создан класс татарского языка. Известный тюрколог А.Н.Кононов, выделяя начало преподавания татарского языка в Казани в конце 60-х гг. XVIII в., указывал: «Именно эти годы следует считать началом научного этапа в истории отечественной тюркологии, которому предшествовал многовековой период практического знакомства русских с тюркскими языками» [Кононов, 1982, с.201].

Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732–1785) – автор «Азбуки татарского языка...» (1778) и «Русско-татарского словаря», Исхак Хальфин (ум. в 1800 г.) и Ибрагим Хальфин (1778–1829) [Ханбиков, 1968; Мазитова, 1972; Михайлова, 1972 и др.]. Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России, где преподавались восточные языки. Она послужила учебно-педагогической базой для становления и развития казанского университетского востоковедения в первой половине XIX в.

Первая Казанская гимназия и разряд восточной словесности Казанского университета до закрытия в 1854/1855 гг. готовили учителей восточных языков для общеобразовательных учебных заведений и переводчиков в ведомства управления восточными областями Российской империи. В

20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. здесь формировалась система преподавания азиатских языков – в 1822 г. впервые было официально введено изучение арабского и персидского языков (преподаватель Ф.И.Эрдман; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И.Верниковский преподавал арабский язык; в 1828 г. А.Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К.Фойгт и А.Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. Николаем I был издан указ о введении в программу гимназии Казани преподавания арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т.д. [Куликова, 1994, с.347–348]. Эти официальные мероприятия расширили круг восточных языков и определили статус основного востоковедного среднего учебного заведения в России в первой половине XIX в. В своем донесении попечитель Казанского учебного округа М.Л.Магницкий (26 мая 1825 г.) в МНП писал: «... Обучаются в гимназии татарскому языку не только казенные воспитанники, но даже присылаются дети из отдаленных мест, как то, Сибири, Астрахани и других, для приготовления сих молодых людей к званию переводчика и для других должностей, в коих познание Восточной словесности необходимо нужно, так, что теперь, под руководством его вместо 5-ти или 7-ми человек, как бывало прежде, обучается уже 35 чел. магометанского и грекороссийского исповедания...» [РГИА, ф.733, оп.40, д.182, л.1–1об.].

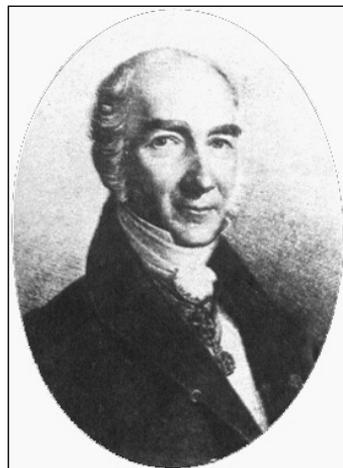
МНП также признало «полезным... преподавание в Казанской гимназии языков: арабского, персидского, татарского и мон-

Х.Д.Френ.

А.К.Казембек.

Ф.И.Эрдман.

гольского». В 1836 г. были созданы три разряда: 1) арабский и персидский, 2) турецко-татарский и персидский, 3) монгольский и турецко-татарский; для четырех азиатских языков назначались учителя, для практического изучения языков – надзиратели «из иноверцев, свободно объясняющихся на сих языках»; в число казеннокоштных воспитанников гимназии по восточным языкам могли приниматься «иноверцы, как-то: татары, буряты и другие» с разрешения попечителя учебного округа, лучшим воспитанникам предоставлялась возможность «поступать студентами в университет, на казенное содержание, для дальнейшего усовершенствования в языках восточных»; из 80 казеннокоштных воспитанников гимназии только 14 могли обучаться восточным языкам [ПСЗ-2, т.11, отд.1, № 8742; НА РТ, ф.92, оп.1, д.3833, л.75]. Этот порядок сохранялся до 40-х гг. XIX в. Вскоре в дополнение к восточным языкам здесь стали изучать китайский (с 1838 г.), армянский (с 1842 г.) и маньчжурский (с 1845 г.). С 1800 г. по 1841 г. в гимназии восточным языкам обучались около 300 чел. [НА РТ, ф.92, оп.1, д.5357, л.18–22об.].

В целом, период середина – вторая половина XIX в. в российском востоковедении связан с ограничением и прекращением изучения восточных языков в средних общеобразовательных заведениях России [РГИА, ф.733, оп.46, д.4; оп.48, д.212; НА РТ, ф.92, оп.1, д.6721, 7267, 8759, 15877]. Проект централизации востоковедческого образования

и науки в Санкт-Петербурге и его осуществление на базе факультета восточных языков университета в 1854/1855 гг. отразились на системе преподавания азиатских языков в российских гимназиях и училищах.

К середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета стал крупнейшим центром университетского востоковедения в России и Европе. Начальный этап казанского университетского востоковедения охватывает 1804–1827 гг. Университетский устав от 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении профессора восточных языков и лектора татарского языка [ПСЗ-1, т.28, №21500; Периодическое, 1805, №11, с.329–405; Куликова, 1994, с.216]. В 1807 г. доктор философии и профессор Ростовского университета Х.М.Френ (Х.Д.Френ) (1782–1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807–1817) [Куликова, с.218]. Эти официальные мероприятия положили начало формированию казанского университетского востоковедения XIX в.

Первый опыт преподавания восточных языков в Казанском университете был связан с татарским языком, которому воспитанники обучались под руководством И.Хальфина (1778–1829). Первый попечитель КУО (1803–1812) С.Я.Румовский (1734–1812) в августе 1805 г. поручил директору Первой Казанской гимназии и университета Яковкину выбрать 5 способных молодых юношей для дальнейшего обуче-

ния татарскому языку. И.Хальлфину также было рекомендовано заняться составлением новой грамматики татарского языка [Заго-скин, 1902, с.221]. В 1809 г. в университетской типографии была напечатана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения» И.Хальфина. Через два года он был избран лектором татарского языка в Казанском университете. В августе 1823 г. Совет университета избрал его адъюнктом восточной словесности.

Период начала 20-х гг. XIX в. в становлении университетского преподавания восточных языков был наиболее сложным – ощущался недостаток слушателей кафедры восточных языков, а главное – не было преподавателей и целенаправленного процесса обучения, даже ставился вопрос о прекращении преподавания восточной словесности, не были выработаны методика и организация обучения азиатским языкам. Известная университетская ревизия 1819 г. М.Л.Магницкого существенно ограничивала преподавание восточных языков.

Вторым, наиболее плодотворным этапом в развитии казанского университетского востоковедения стали 1827–1846 гг. Согласно положениям «Общего устава императорских Российских университетов», в 1835–1837 гг. основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский – были объединены в разряд восточной словесности философского факультета [Шофман, Шамов, 1956, с.423]. Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры.

Университетское востоковедение в Казани в 20–40-х гг. XIX в. включало организацию научных путешествий в страны мусульманского Востока и Центральной Азии. Наряду с практическими занятиями воспитанников с природными носителями живых азиатских языков, непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стало особенной чертой казанской школы востоковедов XIX – начала XX в. Состоялись научные путе-

шествия воспитанников разряда восточной словесности университета – О.Ковалевского и А.Попова в Центральную Азию (1828–1833 гг.), В.Васильева в Китай (1840–1850 гг.) и И.Березина и В.Диттеля на Ближний Восток (1842–1845 гг.) [НА РТ, ф.92, оп.1, д.2237, 4814; ф.977, оп.Совет, д.1266, т.1; д.1267, т.2; д. 2283; 2450; оп.Ректор, д.654; 837; РГИА, ф.733, оп.42, д.90, 306; Мазитова, 1972, с.71–96; Шамов, 1983, с.19–68]. Традиция научных путешествий в страны Востока сохранялась и развивалась в казанском востоковедении во второй половине XIX – начале XX в.

В 1855 г. в Казанском университете было прекращено преподавание восточных языков, профессора и преподаватели В.П.Васильев, И.Н.Березин, Н.Сонин, М.Т.Навроцкий и студенты восточного отделения университета были переведены на факультет восточных языков Петербургского университета, а также переданы основные восточные фонды учебной библиотеки и нумизматического кабинета Казанского университета.

В первой половине – середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с истоками и развитием научных дисциплин – тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения. Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама в Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов – Х.Д.Френа, И.Хальфина, Ф.И.Эрдмана, А.К.Казем-Бека, С.И.Назарьянц, И.Н.Березина, В.Ф.Диттеля, И.Ф.Готвальда и др. Их трудами были сформированы определенные научные традиции, которые развивались в российских востоковедных центрах России во второй половине XIX в.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий.

И.Н.Березин.

К.Ф.Фукс.

И.Ф.Готвальд.

тий, словарей; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных и материальных восточных памятников и источников; переводы восточных авторов; осуществление научных путешествий на мусульманский Восток; оригинальные филологические, исторические, культурологические, естественно-географические, археологические и этнографические публикации и т.д. [История, 1990, с.137]. Эти научные направления были представлены в учебной и исследовательской деятельности кафедр разряда восточной словесности – арабско-персидского, турецко-татарского, армянского языков. Научно-исследовательская и научно-педагогическая деятельность представителей казанского университетского востоковедения отличалась многообразием, тесной связью с рядом близких дисциплин и востоковедами других центров научной ориенталистики. Большинство преподавателей и ученых-востоковедов университета до середины XIX в. являлись питомцами разряда восточной словесности. Труды первых поколений отечественных востоковедов в Казани сформировалась солидная база российского научного востоковедения.

В 20–50-х гг. XIX в. профессора кафедр мусульманских языков подготовили и выпустили серию учебно-методических программ и пособий, учебников, хрестоматий и словарей [Березин, 1846; 1853; 1857; 1862; 1876; 1890; Казем-Бек, 1839; 1846; Махмудов, 1857; Хальфин Ибрагим, 1809 и др.].

Одна из первых учебных программ преподавания арабского языка в Казанском университете была составлена в октябре 1807 г. профессором кафедры восточных языков Х.Д.Френом [Мазитова, 1972, с.23].

В истории отечественной тюркологии, иранистики и арбистики программы, учебники и хрестоматии И.Хальфина, А.К.Казем-Бека и И.Н.Березина сыграли созидательную роль. В подготовке учебных изданий принимали участие наиболее способные студенты, прикрепленные к кафедрам арабско-персидской и турецко-татарской словесности.

В 1838 г. старшим учителем Первой Казанской гимназии М.Б.Первухиным была составлена «Грамматика и синтаксис арабского языка». Из планируемых учебных изданий М.А.Казем-Бек в Казани опубликовал известную в истории тюркологии «Граматику турецко-татарского языка». Первый вариант текста грамматики М.А.Казем-Бека с его примечаниями и дополнениями основывался на известной «Грамматике турецко-татарского языка» Жобера, переведенной И.Н.Березиным [Мазитова, 1972, л.42–42об.].

В классическом университетском востоковедении в Казани наибольшее развитие получила научная традиция поиска, сбора и в дальнейшем текстологического изучения восточных рукописей и текстов. Профессора и преподаватели разряда восточных языков университета активно комплектовали библиотеку университета мусульманскими

рукописями, отечественной и западноевропейской литературой по востоковедению [НА РТ, ф.92, оп.1, д.1901, 2301, 2319; 2711, 4527, 4719, 5472, 5871, 6157, 6747, 7997 и др.]. В 1807–1818 гг. университетской библиотекой было приобретено более 70 книг и рукописей на арабском, сирийском, еврейском, персидском, турецком и татарском языках [НА РТ, ф.92, оп.1, д.197, 250, 765; Мазитова, 1972, с.54].

Вторая половина 20-х – первая половина 50-х гг. XIX в. ознаменовались значительными приобретениями, каталогизацией и изучением письменных памятников мусульманских народов зарубежного Востока и России.

В казанском университетском востоковедении XIX в. наиболее заметны два направления исследования мусульманского мира и Востока в целом: первое – непосредственное близкое знакомство и изучение истории и культуры народов Азии; второе – преподавание восточных языков и истории Азии в университетских центрах, исследование письменного и материального наследия народов Востока.

Научное путешествие в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока – Кавказ, Ирак, Иран, Сирия, Палестина, Египет и Турция – воспитанников разряда восточной словесности И.Березина (1818–1896) и В.Диттеля (1816–1848) имело исключительное значение в истории и культуре народов России [Шофман, Шамов, 1956, с.429–430; Мазитова, 1972, с.86–96; Данциг, 1973, с.200–203 и др.]. В университетское востоковедение первой половины XIX в. был привнесен живой, неповторимый и уникальный Восток, хорошо знакомый по личным наблюдениям и впечатлениям.

Разнообразные материалы востоковедов из университетских центров России обозначили появление новой информации и знаний об азиатских народах, кардинальное изменение статуса Востока в историческом мироведении и формирование парадигмы российского классического востоковедения. В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря трудам востоковедов – О.М.Ковалевского (1800–1878),

А.В.Попова (1808–1865), архимандрита Даниила (1798–1871), И.П.Войцеховского (1793–1850), В.П.Васильева (1818–1900), П.Я.Петрова (1814–1875), Ф.Ф.Боллензена (род. ок. 1813 г.) и др. преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер.

Истоки университетского научного монголоведения в Казани тесно связаны с именами О.М.Ковалевского и А.В.Попова, воспитанников разряда восточной словесности [Шамов, 1983, с.3], которые в июле 1833 г. были назначены адъюнктами монгольского языка [НА РТ, ф.92, оп.1, д.3829, л.7–8]. Они сыграли исключительную роль в постановке преподавания монгольского языка в Первой Казанской гимназии и университете, комплектации библиотеки рукописями и сочинениями, подготовке и издании учебных пособий, составлении программ, совершили научные путешествия в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай. В Казани они опубликовали работы, посвященные языкам, быту, нравам, истории, этнографии, религии монголоязычных народов зарубежной Азии и России [Ковалевский, 1834, с.263–292; 1834а; 1835; 1835а; 1837; 1836; 1837а; Попов, 1836, ч.І–ІІ; 1839, ч.22, отд.2; 1847; 1850, ч.67 и др.].

В 1835 г. университет приобрел коллекцию О.М.Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.) [НА РТ, ф.92, оп.1, д.4251, л.6–17].

Кафедра монгольского языка Казанского университета обозначила начало развития монголоведческих исследований в университетских центрах России и Европы наряду с практическим и академическим монголоведением, сформировавшимся в XVII–XVIII вв.

Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и тибетоведения в Казани до 1855 г. тесно связано с участниками известной Пекинской духовной миссии – архимандритом Даниилом (1798–1871, Пе-

Императорский Казанский университет. Литография В.С.Турина. 1834 г.

кин, 1821–1830), И.П.Войцеховским (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанником восточного разряда, также членом миссии в 1839–1850 гг. В.П.Васильевым (1818–1890). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы этих ученых в казанский период творчества, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли существенный вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии [Даниил (Сивиллов), 1837; 1837а; 1838; ОРК НБ КГУ, № 4478; № 4485; Васильев, 1851, № 50; 1852, т.113; 1852а, ч.73; 1855, ч.15; 1857, ч.1; 1857а, т.9, кн.2; Русский вестник, 1857, т.11, с.309]. Например, в октябре 1839 г. архимандрит Даниил представил к изданию «Китайскую хрестоматию» со словарем [НА РТ, ф.92, оп.1, д.5007, л.1–2об.]. В Казани И.П.Войцеховский закончил составление «Китайско-маньчжурско-русского словаря» [История, 1990, с.124, 274]. Университетская кафедра китайского языка и словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

Преподавание санскрита, формирование фонда литературы и рукописей и исследование санскритских текстов в 1842–1856 гг. проводились главным образом П.Я.Петровым (1841–1851 гг.) и Ф.Ф.Боллензоном (1852–1856 гг.). С их именами связано педагогическое и лингвистическое направления – постановка преподавания и изучения сан-

скрита, подготовка и издание программ, каталогов и санскритских текстов и др. [Петров, 1842, кн.2, с.77–95; 1842, ч.33; 1844; 1845, ч.48, №11; 1846; 1849, №18; 1846]. Открытие в 1842 г. в Казанском университете первой отечественной кафедры санскритской словесности обозначило новый период в развитии санскритологических и индологических исследований в России.

Во второй половине XIX – начале XX в. научная традиция изучения санскритологии в Казанском университете была сохранена. В дальнейшем направление преподавания санскрита прослеживалось в педагогической и научной деятельности представителей Казанской лингвистической школы – И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.В.Крушевского, В.А.Богородицкого и др. Они читали курсы сравнительной грамматики и санскрита по отделам классической филологии и славяно-русской филологии на историко-филологическом факультете. В этот период изучение санскрита было подчинено и стало подсобной дисциплиной общего языкознания и сравнительной филологии [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.1370, л.4; НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.1642, л.1–5].

К сожалению, после «легкомысленного уничтожения» (В.В.Бартольд) Восточного разряда Казанского университета востоковедение как предмет университетского преподавания и науки в Казани уже не имело полноправного статуса по сравнению с другими ориентальными центрами России.

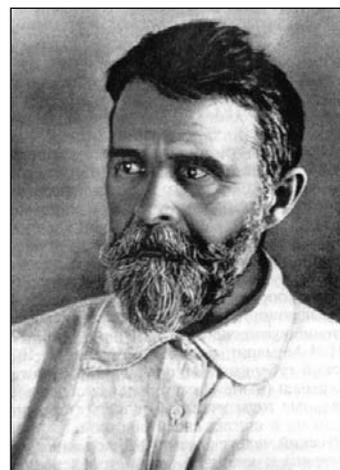
В 60–80-х гг. XIX в. МНП пыталось восстановить казанское научное востоковедение с помощью некоторых организационных мероприятий в университете. Эти новации, прежде всего, коснулись введения преподавания арабского, персидского, турецко-татарского и финно-угорских языков на историко-филологическом факультете [РГИА, ф.733, оп.48, д.91; НА РТ, ф.92, оп.1, д.7754; ф.977, оп.ИФФ, д.1249]. Практика преподавания восточных языков только «для желающих» в 80-х гг. XIX – начале XX в. не

О.М.Ковалевский.

Н.Ф.Катанов.

Н.И.Ашмарин.

позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения.

В 60-х – начале 70-х гг. XIX в. арабский и персидский языки преподавал бывший воспитанник Восточного разряда университета И.Н.Холмогоров (1818–1891). В эти же годы в университете (до 1872 г.) курс турецко-татарского языка читал Н.И.Ильминский (1822–1891).

Продолжением традиции научных путешествий на зарубежный Восток преподавателей разряда восточной словесности Казанского университета стала командировка И.Н.Холмогорова в Персию в 1867–1868 гг. [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.864, л.1]. Он приобрел для университета разнообразные рукописные и печатные издания, а также этнографические и нумизматические источники [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.864, л.3–12].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в связи с уходом в отставку И.Н.Холмогорова (1868 г.) и назначением Н.И.Ильминского директором Казанской учительской семинарии (1872 г.) преподавание мусульманских языков в университете было временно прекращено [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.897; ф.92, оп.1, д.10685].

В январе 1871 г. Н.И.Ильминский зачитал на историко-филологическом факультете доклад, в котором обосновал необходимость приглашения тюрколога В.В.Радлова «на имеющуюся в Казанском Университете вакансию одного из положенных по штату

двоих преподавателей восточных языков» [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.897, л.22]. Прибыв в Казань, ученый в 1872 г. занял должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ КУО [Биобиблиографический, 1989, с.103–104].

В 80-х гг. XIX в. обозначился новый этап в преподавании учебных востоковедных дисциплин в университете и в целом в развитии востоковедения в Казани. Этот важный, представленный оригинальными материалами период продолжался до 1917–1918 гг. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете сыграли И.Ф.Готвальд (1813–1897), В.В.Радлов (1837–1918), Н.В.Крушевский (1851–1887), И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845–1829), М.П.Веске (1843–1890), Н.Ф.Катанов (1862–1922), Н.И.Андерсон (1845–1905), В.А.Богородицкий (1857–1941), И.Н.Смирнов (1856–1904), Н.И.Ашмарин (1870–1933), Н.В.Никольский (1878–1961), Я.Г.Калима (род. в 1884 г.) и др. С их именами связаны востоковедные исследования в Казани в конце XIX – первых десятилетиях XX в. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

У истоков воссоздания востоковедческих кафедр Казанского университета в середине 80-х гг. XIX в. – угро-финской и турецко-татарской филологии стоял профессор И.А.Бодуэн де Куртенэ. Основная идея ученого заключалась в развитии тюркской и финско-тюркской филологии, «которая дала бы Казанскому Университету

возможность стать во главе лингвистическо-этнографических исследований восточных областей России» [Биобиблиографический, 1989, с.2]. Возглавить кафедру «языков тюркских» университета он предложил В.В.Радлову. Однако избрание В.В.Радлова ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов (июнь 1884 г.) помешало осуществлению в университете важных и перспективных мероприятий по преподаванию восточных языков, в частности тюркских. Возрождение традиции тюркологических исследований в университете началось только через десять лет, и оно связано с именем выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н.Ф.Катанова [Гордлевский, 1922, с.448–451; Иванов, 1962; Исхаков, 1960, с.87–90].

В конце 80-х гг. XIX в. в университете началось преподавание финно-угорских языков, связанное с педагогической деятельностью лектора эстонского языка Дерптского университета, доктора философии М.П.Веске. В 1887–1890 гг. М.П.Веске преподавал финские наречия. Он был представителем Лейпцигской лингвистической школы в казанском востоковедении, получившим европейскую подготовку по сравнительно-историческому языкознанию. В казанский период научно-педагогической деятельности им был опубликован ряд работ, посвященных актуальным проблемам финно-угроведения [Веске, 1889; 1890]. Казанские университетские угро-финноведы в 80–90-е гг. XIX в. совершили научные этнографические поездки в Нижегородскую и Симбирскую губернии (М.П.Веске) и Вятскую, Пермскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии (И.Н.Смирнов) [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.1500, 1530].

На протяжении последней четверти XIX – начала XX в. преподавание и изучение истории, языка и культуры финно-угров Евразии осуществлялись благодаря преподавательской и научной деятельности представителей европейского и русского угро-финноведения – М.П.Веске, Н.И.Андерсона, Я.Г.Калимы. Они занимали одну из первых отечественных кафедр угро-финской филологии, созданную в Казанском университете в XIX в. Исторические и

филологические проблемы финно-угорских народов Урало-Поволжья были в центре внимания казанской школы востоковедов конца XIX – начала XX в. Актуальные проблемы взаимоотношений языковых семей и групп – финно-угорских, восточных и индоевропейских языков, истории, этнографии, археологии финно-угорских народов Волго-Уральской территории освещались в работах казанских ученых и преподавателей. Истоки отечественного финно-угроведения – комплексной дисциплины, изучающей языки, историю, этнографию, фольклор, археологию финно-угорских народов, также связаны с казанскими учебными заведениями и обществами. Ученые Казани изучали финно-угорские языки наряду с этнографией, фольклором и историей мордовского, марийского и удмуртского народов Волго-Камья [Веске, 1889; 1890; Вихман, 1893; Катанов, 1904, №9, с.133–134; 1904а, т.71, кн.IX, с.48–51; Смирнов, 1869.].

Целая эпоха в истории казанского востоковедения 90-х гг. XIX – первых двух десятилетий XX в. связана с педагогической и научной деятельностью выдающегося доктора сравнительного языкознания Н.Ф.Катанова (1862–1922), чья многогранная востоковедческая деятельность способствовала сохранению и развитию ориентального образования и науки в Казани.

Тюркология в Казанском университете в первые десятилетия XX в. была представлена С.Е.Маловым, выпускником факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1909 г.).

Во второй половине XIX – начале XX в. в Казани работали высшие учебные заведения с преподаванием восточных языков, объединения востоковедов, сохранялись и развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собирали и изучали лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, связанный с народами Востока. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в., получил преемственное развитие.

В истории российского востоковедения XIX – начала XX в. научные общества сыграли исключительную роль. В 1855 г. в Казани

И.Ф.Готвальдом, Г.С.Саблуковым, бакалавром Н.И.Ильминским и преподавателем татарского языка в университете М.-Г.Махмудовым было создано «Восточное общество» [НА РТ, ф.968, оп.1, д.1, л.4]. Основная его цель определялась как «исследование и раскрытие Востока относительно филологии, правопедения и истории» [НА РТ, ф.968, оп.1, д.1, л.4]. Достижение цели предполагалось решением ряда актуальных научных задач: «...через обнаружение подлинных текстов, именно оригинальных сочинений Джагаитского языка, равно народных рассказов, песен, поговорок, загадок и т.п. на языках: татарском, чувашском и других; чрез перевод мусульманских и других книг и статей на русский язык; чрез обработку Словаря и Грамматики татарско-финских языков, и, наконец, чрез самостоятельные исследования на основании преимущественно Восточных данных» [НА РТ, ф.968, оп.1, д.1, л.4].

«Восточное общество» в Казани стало одним из первых провинциальных научных востоковедных общественных организаций, созданных в России в XIX в. На его заседаниях рассматривались и обсуждались известный труд по татарскому языкознанию М.-Г.Махмудова [Махмудов, 1857], вопрос о научной разработке татарского словаря, «который надлежало бы составить сообразно настоящим потребностям науки...» [НА РТ, ф.968, оп.1, д.1, л.2]. Эта первая ценная инициатива казанских ориенталистов в последней четверти XIX в. получила воплощение в многосторонней деятельности ОАИЭ при Казанском университете.

По своему значению и общему объему исследовательская работа востоковедов занимала большое место в деятельности ОАИЭ на протяжении формирования и развития уникальной научно-исследовательской ассоциации. Истоки ОАИЭ связаны с именами российских востоковедов – И.Н.Березина (1818–1878), В.В.Вельяминова-Зернова (1830–1904), И.Ф.Готвальда (1813–1897), Н.И.Ильминского (1822–1891), П.И.Лерха (1828–1884), В.В.Радлова (1837–1918), В.Р.Розена (1849–1908), Г.С.Саблукова (1804–1880), В.Г.Тизенгаузена (1825–1902) и др. Они принимали участие в подготовке и проведении IV Археологического съезда (Казань, 1877 г.). По почину съезда была решена проблема централизации научной

работы по изучению обширного региона востока России (Волжско-Камский регион, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток) посредством основания ОАИЭ.

В последующие периоды работы Общества его почетными, действительными и членами-сотрудниками состояли известные востоковеды России: В.П.Васильев (1818–1900), В.Р.Розен (1849–1908), Г.Н.Потанин (1835–1920), В.П.Наливкин (1852–1918), Н.П.Остроумов (1846–1930) и др. В члены Общества были приняты представители интеллигенции народов Поволжья – Ш.Марджани, К.Насыри, Г.Ахмаров, А.Ильясов, Ш.Ахмеров, С.Аитов, М.Зайтов, М.Юсупов, Н.Золотницкий, Н.Никольский, В.Магницкий, Н.Ашмарин и другие выдающиеся деятели науки и культуры татарского, чувашского, марийского, мордовского народов.

Научная и просветительская деятельность Общества отразила определенный этап изучения истории и культуры народов востока России – Поволжья и Приуралья, Центральной Азии и Сибири. Зарубежный Восток был менее представлен в деятельности Общества и в его печатном органе – «Известиях ОАИЭ»⁵.

Следует выделить три наиболее крупных периода в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: 1) конец 1870-х – середина 1890-х гг.; 2) середина 1890-х гг. – 1917 г.; 3) 1917 г. – 1929 г.⁶ На протяжении этих пе-

⁵ В 1878–1929 гг. было опубликовано 34 тома «Известий ОАИЭ». До 1892 г. выходило три выпуска «Известий», в дальнейшем – шесть выпусков в год. В изданиях публиковались оригинальные и переводные статьи и работы, посвященные проблемам археологии, истории, этнографии и культуры восточных народов России; печатались известия и хроники о находках, раскопках, археологических, антропологических, археографических и этнографических экспедициях российских и зарубежных ориенталистов, библиографические обзоры книг и памятников по востоковедению и т.д. Сегодня «Известия» остаются уникальным изданием и источником по истории востоковедения в России и Европе. В 1903 г. «Известия» рассылались 175 адресатам в России и 40 – за границу [Известия, 1904, т.ХХ. Приложение, с.17–19].

⁶ В 1929–1930 гг. в связи со слиянием с «Обществом по изучению Татарстана» крупнейшее историко-востоковедческое Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

риодов востоковедение и различные направления изучения историко-культурного наследия народов Востока России занимали важное место в научной работе ОАИЭ. Его научная и просветительская деятельность отразила тесные связи с российскими и зарубежными ориентальными учреждениями и обществами конца XIX – первых десятилетий XX в. Казанские востоковеды действительные члены общества (И.Ф.Готвальд, В.В.Радлов, И.А.Бодуэн де Куртенэ и др.) участвовали в работе международных конгрессов ориенталистов [НА РТ, ф.977, оп.ИФФ, д.1187, 1188, 2175, 2176]. За период 1878–1904 гг. «Общество было связано с 167 лицами и учреждениями в России и 44 – из-за рубежа» [Известия, 1905, т. XXI, вып. 2, с. 26].

В 70-х – первой половине 90-х гг. XIX в. научные исследования охватывали историю и культуру народов Поволжья и Приуралья. В 1897 г. новый устав общества включил регионы Средней Азии и Сибири.

В 1896–1914 гг. секретарем (с 1896 г.) и председателем (с 1898 г.) ОАИЭ был видный востоковед и путешественник, исследователь языков, истории, этнографии и культуры тюркоязычных народов Н.Ф.Катанов.

Опубликованное и особенно архивное наследие Н.Ф.Катанова [Валеев, Тугужекова, 2008–2009; НА РТ, ф.969, оп.1–2] является ярким свидетельством плодотворной и разносторонней организационной и научной деятельности общества в области востоковедения.

Наиболее важным направлением востоковедных исследований стали история и культура тюркоязычных и финно-угорских народов. Большое внимание уделялось изучению истории и этнографии народов Востока России – киргизов, казахов, якутов, монголов и др. Древняя история регионов, материальные и письменные источники по истории и культуре народов, их обычаи,

нравы, фольклор, легенды и т.д. нашли свое воплощение в исследовательской деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии.

Научные и просветительские исследования преподавателей и ученых Первой Казанской гимназии и университета по истории и культуре народов Востока стали феноменом российской культуры и науки. Научная и педагогическая деятельность востоковедов университета и других центров Казани значительно способствовали дальнейшему развитию востоковедения как перспективного гуманитарного образования и науки. Изучение восточных языков в гимназии и разряде восточной словесности университета в Казани положило начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России.

Университетское востоковедное образование в Казани и в целом в России стало базой для развития научной и прикладной науки о Востоке и значимым направлением социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах российского общества.

К сожалению, с закрытием разряда восточной словесности в университете научно-исследовательская и педагогическая традиция комплексного и систематического историко-культурного изучения традиционных обществ и государств мусульманского Востока, Центральной и Южной Азии в Казанском университете была прервана.

На протяжении XIX – начала XX в. в Казанском университетском востоковедении произошли важные организационные, исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на переломные вехи в истории ориенталистики в Казанском университете, характеризовался поступательностью и ее влиянием на развитие гуманитарного образования и науки.

прекратило свое существование. Также исключительную роль в становлении советского востоковедения сыграло Научное общество татароведения (1923–1929 гг.), ставшее крупным востоковедческим центром Поволжья и Приуралья [Хабибуллин, 1979, с.12–14].

ГЛАВА 4

Изучение истории и культуры татар в синодальных учебных заведениях Казани

Марс Хабибуллин, Радик Исхаков

История изучения этнографии, языка и религиозных верований татар в синодальных учебных заведениях Казани неразрывно связана с миссионерским движением РПЦ в Восточной России, политикой религиозной унификации, проводившейся Российским государством в отношении иноверческих подданных. Ее истоки восходят к деятельности новокрещенских школ, созданных в XVIII в. для обучения основам православия детей нерусских народов региона, принявших крещение. В этих школах впервые в истории православных учебных заведений были введены занятия на восточных языках, предпринимались научные изыскания в области тюркологии и сравнительной филологии. Среди учителей татарского языка новокрещенских школ встречались и «лица татарского происхождения» [Никольский, 2007, с.227–229, 321].

С закрытием в 1800 г. новокрещенских школ, в связи с важным значением знания татарского языка, являвшегося общеупотребительным языком культурного общения местных тюркских и отчасти финно-угорских народов, его преподавание было введено в созданной в 1797 г. КДА (старая). Здесь был открыт специальный класс – кафедра татарского языка, которую возглавил священник с.Сонтурь Царевококшайского у. Казанской губ. Александр Александрович Троянский. Уроженец крещено-татарского с.Апазово (Казанский у.), А.Троянский еще в детстве, живя среди татар, хорошо изучил их язык, владел им «также чисто и свободно, как родным» [Опыты, 1883, с.168]. Впоследствии он продолжил совершенствовать свои познания в языке, обучаясь у живущих в городе татар-мусульман.

Во время работы в КДА А.Троянский заявил о себе как талантливый педагог и ученый-востоковед. В разработанном им

курсе предполагались изучение системы письма и грамматической основы татарского языка, разбор предложений, перевод на татарский язык христианских молитв. Не имея какой-либо учебно-методической базы, студенты изучали вышеперечисленные дисциплины по рукописным работам и тетрадям своего учителя, а с 1814 г. – по напечатанной им «Краткой татарской грамматике» [Покровский, 1900, с.584]. В 1820 г. в помощь студентам А.Троянским был подготовлен к изданию двухтомный «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских», напечатанный в Казани в 1822 г. общим тиражом 1200 экз. [НА РТ, ф.11, оп.1, д.102, л.472–475].

Кроме подготовки кадров священнослужителей, обладающих знанием татарского языка, в КДА (в 1818 г. была преобразована в духовную семинарию и подчинена правлению МДА) предпринимались попытки наладить обучение учеников из других регионов. В 1821 г. епархиальное руководство направило на обучение в Казань Петра Листова и Петра Введенского (из Нижегородской духовной семинарии), Тимофея Угрянского и Филиппа Каменского (из Тамбовской духовной семинарии), Тимофея Турчанинова и Егора Печенежского (из Пензенской духовной семинарии) [НА РТ, ф.11, оп.1, д.181, л.472–475], в 1822 г. – Василия Парадоксова и Егора Репьева (из Симбирского духовного училища), Михаила Стефанова, Николая Якимова (Вятской духовной семинарии) [Покровский, 1900, с.602], в 1831 г. – Адриана Костылева, Матфея Боголюбова, Василия Унвицкого, Георгия Ильина (из Оренбургской духовной семинарии) [НА РТ, ф.116, оп.1, д.111, л.1]. В дальнейшем эти лица стали преподавателями татарского языка в духовных семинариях и училищах в родных епархиях.

Несмотря на попытку создания устойчивой системы обучения татарскому языку, изучения ислама и этнографии татар, в духовно-учебных заведениях Казани в первой трети XIX в. эта задача не была решена. После смерти в 1824 г. А.Троянского в КДС отмечался явный кризис в изучении этих предметов. В силу ряда причин А.Троянскому не удалось создать свою школу востоковедения. Его преемники по кафедре татарского языка не обладали ни научными, ни педагогическим талантом своего учителя. Немаловажной причиной упадка изучения востоковедческих дисциплин в этот период был их неофициальный статус. Они не были обязательными для посещения, успехи в их изучении не давали никаких преимуществ в назначении на священнические должности. Действующим в то время Уставом духовных семинарий преподавание местных языков вообще не предусматривалось, поэтому часы на их изучение назначались на свободное от занятий время. Хотя на изучение татарского языка планировалось выделить два часа в неделю, в действительности «занятия сводились к одному часу в субботнее послеобеденное время, когда большинство семинаристов отдыхало от занятий» [Колесова, 2000, с.38]. Этого было явно недостаточно для изучения указанных предметов, поэтому даже те немногие семинаристы, которые посещали занятия в течение двух лет, при окончании курса не могли свободно изъясняться на татарском языке. К этому следует добавить, что учителя татарских классов готовились по той же системе, что и обычные семинаристы, поэтому уровень их подготовки незначительно отличался от уровня их воспитанников.

Новой страницей в истории изучения восточных языков, истории, этнографии, татарского языка и языков других нерусских народов Российской империи стал период 1840–1850-х гг. когда в Казани была воссоздана духовная академия (1842 г.), а при ней открыты кафедры восточных языков (1845 г.) и специальные миссионерские отделения (1854 г.). Поставленные перед КДА цели и задачи, а также специфика данного учреждения требовали привлечения талантливых преподавателей. Руководство КДА стремилось связать политику государства по христиани-

зации нерусских народов с активным изучением объекта своего исследования. Поэтому можно сказать, что на миссионерских отделениях КДА процесс изучения религиозных верований и языков нерусских народов России, их истории и быта приобрел особенности, свойственные «казанской школе»; были выработаны присущие ей методы и приемы исследования, реализовывались на практике новые идеи и формировалась плеяда выдающихся ученых. Наиболее видными представителями этой школы были Г.С.Саблуков, Н.И.Ильминский, А.А.Бобровников, Е.А.Малов, Н.П.Остроумов, М.А.Машанов, Н.Ф.Катанов, П.К.Жузе и др. [Валеев, 1993, с.6].

В связи со спецификой образовательной и научно-практической деятельности КДА быстро становится крупным научным, исламоведческим и миссионерским центром дореволюционной России. Ее влияние распространялось не только на Среднее Поволжье, но и на всю восточную часть Российской империи. Самой важной прерогативой КДА было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. Для выполнения данных задач необходимо было наладить профессиональную подготовку специалистов, хорошо владеющих знаниями по истории, этнографии, культуре, лингвистическим особенностям языков нерусских народов Среднего Поволжья.

Работа по созданию миссионерских отделений в КДА началась сразу после ее открытия [Знаменский, 1892, с.5]. Определив наиболее распространенные языки нерусских народов, проживавших на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, руководство учебного заведения открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкого, татарского и арабского языков и 2) монгольского и калмыцкого языков [НАРТ, ф.10, оп.1, д.463, л.1; д.827, л.40]. Ректор (1844–1851 гг.) Григорий (Митькевич) заботился о введении в академии серьезного изучения восточных языков. Именно по его инициативе были открыты в 1845 г. два класса по изучению языков – монголо-калмыцкого и татарского с арабским. Первыми учителями-лингвистами стали выдающиеся ученые Казанского университета А.К.Казем-Бек (вел занятия

по турецко-татарскому и арабскому языкам) и А.А.Попов (преподавал монголо-калмыцкий язык). Оба профессора занимались, главным образом, изучением языков, сведения же по истории, этнографии и религии арабов, монголов и калмыков сообщали поверхностно. Тем не менее, за полтора года своего преподавания в стенах академии они успели подготовить несколько отличных наставников нерусских языков для семинарий и двоих для КДА – А.А.Бобровникова и Н.И.Ильминского. Последние составили целую эпоху в истории миссионерского образования не только в самой академии, но и во всем казанском академическом округе [Харлампович, 1907, с.740]. Поэтому здесь необходимо указать, что даже «непродолжительное преподавание университетских профессоров оказалось очень важным для дальнейшей судьбы востоковедения в КДА. Оно определило основные направления в его развитии – изучение языков тюркских народов России, истории ислама, создало преемственность научных исследований Казанского университета и КДА [Колесова, 2000, с.47–48].

Противомусульманское отделение КДА должно было стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживавших в основном на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Преподавателями на него были назначены Н.И.Ильминский, Г.С.Саблуков (с 1856 г.) и практикант татарского языка Ямбулатов. На отделении студентам в течение четырех лет преподавались следующие науки: «история Мухаммеда», «мухаммеданская вера» по ее источникам с раскрытием общего характера татар, их образа мышления, обычаев и привычек, «педагогика», «татарский» и «арабский» языки в такой степени, чтобы студенты могли свободно объясняться с татарами в повседневной обстановке не только о простых предметах, но и о христианском религиозном учении, заповедях, понятиях и т.д. [Гвоздев, 1868, с.49]. Занятия по разговорному татарскому языку летом проводились в татарской слободе, где студенты размещались за казенный счет. Таким образом,

Казанская духовная академия. Фото нач. XX в.
Совр. ул.Ершова, 2

воспитанники миссионерского противомусульманского отделения получили хорошие знания по религиозным учениям и истории ислама, христианства, по языкам нерусских народов, что позволяло им эффективно использовать их в своей будущей миссионерской деятельности.

По своему назначению и определению противомусульманское отделение стало научным центром по изучению истории, этнографии и языков нерусских народов России, истории и основ ислама. Именно здесь сконцентрировались известные преподаватели и знатоки мусульманской религии. Как отмечал М.А.Батунский, студенты и преподаватели противомусульманского отделения КДА «...являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламоведами» [Batunsky, 1987, p.261]. Высоко оценивает деятельность этого отделения и И.А.Алексеев, называя ее еще и новацией, культурно-политическим проектом: «Создание противомусульманского миссионерского отделения, готовившего высококвалифицированных специалистов, обладавших комплексным знанием социокультурных реалий, языков и религиозных верований мусульманских народов империи, было определенной новацией в религиозно-просветительской практике православной церкви и далеко не всегда вызывало сочувствие самих церковников. Можно сказать, что это был в большей степени культурно-

политический, нежели церковный проект, инициированный светскими лицами, такими как Н.И.Ильминский. Он был ориентирован на практическую реализацию положения о господствующем характере православия методами целенаправленной культурной политики» [Алексеев, 2004, с.68].

На начальном этапе своего существования противомусульманское отделение осуществляло сбор материалов о предмете своего научного исследования, приобретало мусульманскую литературу и источники, набирало методы работы с ними [Валеев, 1993, с.7]. О растущей репутации этого отделения свидетельствует тот факт, что казанские специалисты были приглашены к участию в подготовке III Международного конгресса востоковедов, который проходил в Санкт-Петербурге в 1876 г. [Протоколы, 1876, с.127–131].

С целью углубления знаний по арабскому языку, исламу, а также в связи с возросшей необходимостью анализа постановки миссионерской работы католического духовенства Совет КДА в 1851 г. направил Н.И.Ильминского на два с половиной года в мусульманские страны (Египет, Аравия, Сирия и др.) [Спаский, 1900, с.32–33]. После возвращения из этой научной командировки в 1854 г. Н.И.Ильминский был назначен преподавателем миссионерского противомусульманского отделения академии. Он вел занятия по истории пророка Мухаммада, «мухаммеданской вере», педагогике, татарскому и арабскому языкам. На первых порах он ставил «изучение языков выше изучения мусульманства и особенно богословской против него полемики» [Крачковский, 1958, с.125–126]. Но все же определенная увлеченность Н.И.Ильминского миссионерскими идеями, по мнению И.Ю.Крачковского, не позволила полностью раскрыться его научным талантам: «Н.И.Ильминский, выдающийся представитель казанской школы, блестящий тюрколог и арабист, глубоко увлеченный идеями миссионерства и «просветительской» деятельностью среди «инородцев», не дал ни тюркологии, ни арабистике того, что он мог бы дать» [Крачковский, 1958, с.127].

Н.И.Ильминский уделял большое внимание изучению истории, этнографии и язы-

ков нерусских народов России. Не ограничиваясь кабинетной работой, он стремился к изучению татарского языка «из первых уст». Для этого он какое-то время жил в Татарской слободе в Казани и посещал занятия в медресе. По поручениям архиепископа Казанского Григория (Постникова) он много ездил по селениям Казанской губ. и собирал ценные научные сведения о религиозной ситуации на местах, по истории татарского народа, этнографические материалы.

Многие статьи Н.И.Ильминского, знакомые с народной словесностью нерусских народов, их обычаями, обрядами, а также большое число его лингвистических исследований были опубликованы в «Известиях Археологического общества», «Бюллетенях Академии наук», «Ученых записках Казанского университета», «ЖМНП», «Православном обозрении» (с 1863 г.), «Православном собеседнике», «Церковно-приходской школе» (1888 г. и 1889 г.), «Известиях по Казанской епархии» и пр. Среди основных работ можно выделить «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (Казань, 1861), «Из переписки по поводу применения русского алфавита к инородческим языкам» (1883), «Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения татар» (1887) и др.

Другим преподавателем миссионерского противомусульманского отделения был Г.С.Саблуков. Его перевели в КДА из Саратовской духовной семинарии в 1849 г. Выпускник МДА владел тремя восточными языками (еврейским, арабским и татарским). По мнению И.Ю.Крачковского, знакомство и общение с академиками Х.Д.Френом и П.С.Савельевым заменили Г.С.Саблукову «не достававшую ему специальную научную школу» [Крачковский, 1958, с.218]. В процессе преподавания на противомусульманском отделении Г.С.Саблуковым была выработана стройная система изучения миссионерских дисциплин. В 1858–1859 уч. году на основе собственных лекций и научных изысканий им было составлено обширное учебное пособие для студентов «Сборник сведений о мухаммеданском вероучении, пригодных для бесед христианина с мухаммеданином об истинах веры», сыгравшее заметную роль в становлении полемического

исламоведения в Казани и во многом определившее основные векторы его развития. В дальнейшем Г.С.Саблуков продолжил свои исламоведческие изыскания: в 1873 г. был опубликован его капитальный труд «Сличение мухаммеданского учения о именах Божьих с христианским о них учением». Уже после смерти Г.С.Саблукова, в 1889 г., было издано его исследование «Рассказы мухамедан о Кыбле». Но наиболее значимым достижением ученого, безусловно, стал перевод на русский язык Корана. Создававшийся как пособие для православных миссионеров и студентов КДА, данный перевод, по словам известного современного ислаоведа Е.А.Резвана, «возник из-за необходимости иметь адекватное представление о «татарском» исламе, что было исключительно важно для успеха миссионерской деятельности» [Резван, 1991, с.18]. Данная работа, ставшая первым печатным переводом Корана с первоисточника на русский язык, высоко оцененная научной общественностью России и Европы, свидетельствовала о серьезном научном уровне, достигнутом казанской миссионерско-полемиической школой в исламоведческих изысканиях.

Значительные изменения и преобразования в учебной сфере в КДА во второй половине XIX в. связаны с деятельностью ее ректора епископа Иоанна (Соколов) (1858–1864 гг.). Его мероприятия в этой сфере были направлены, прежде всего, против деятельности миссионерских отделений. Он сократил число кафедр на миссионерских отделениях, на каждом отделении было оставлено по одному наставнику и уволен практикант разговорного татарского языка. В результате чего из академии бежали лучшие профессора, и важнейшие кафедры опустели [Харлампович, 1907, с.709]. 3 ноября 1858 г. Н.И.Ильминский покинул Казань и отправился на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. Одной из главных причин его ухода из академии стало расхождение во взглядах с академическим начальством. Н.И.Ильминский был «обличен в увлечении исламом и даже в его пропаганде» [Крачковский, 1958, с.126].

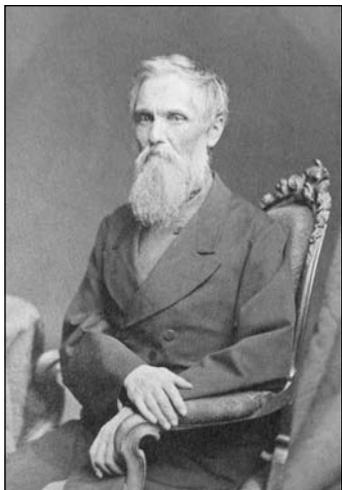
После ухода Н.И.Ильминского из противомусульманского отделения начальство требовало, чтобы Г.С.Саблуков обращал

внимание на вопросы полемики с мусульманством, «отодвигая языки на задний план». Достаточно сказать, что некоторое время ему приходилось уделять на арабский и татарский языки только по одному часу раз в две недели. Современники Г.С.Саблукова высоко оценивали его педагогическую работу, но при таких условиях она была малоэффективной и непродолжительной. В 1862 г., по причине нерасположения епископа Иоанна, Г.С.Саблуков ушел с противомусульманского отделения академии.

С уходом Г.С.Саблукова кафедре противомусульманской полемики в 1864 г. возглавил Евфимий Александрович Малов, «с первых же шагов определившийся не только как ученая сила на кафедре, но и как энергичный деятель на миссионерском поприще» [Харлампович, 1907, с.748]. Е.А.Малов, кроме преподавательской деятельности, активно занимался практическим миссионерством и был известен своими многочисленными сочинениями. Он детально знал христианскую, иудейскую, мусульманскую религии, их догматы и источники [История, 1997, с.38].

Е.А.Малов преподавал в КДА татарский язык, этнографию татарских племен и «историю распространения среди них христианства». П.В.Знаменский писал: его «натура, как будто нарочито созданная для практического миссионерства; притом он историк миссии и искусный наблюдатель нравов, умственных и религиозных понятий татар» [Знаменский, 1892а, с.156–161]. Практическая деятельность Е.А.Малова отразилась и в направленности его литературно-научных сочинений, являющихся преимущественно полемическими. Среди них: «Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства» (1871), «Сличение мухаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением» (1874), «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (Опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» (1889), «О крещеных татарах (из миссионерского дневника)» (1891), «Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк)» (1894) и др.

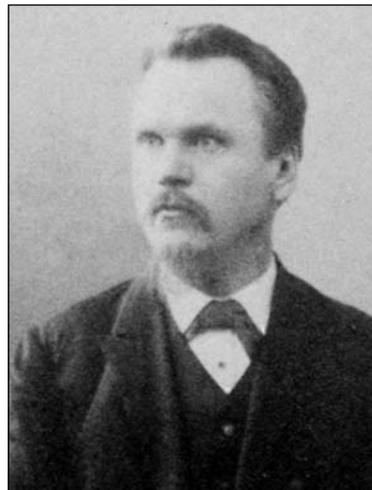
С первых лет работы в КДА Е.А.Малов проявлял большой интерес к изучению этно-

Г.С.Саблуков.
Фото 2-ой пол. XIX в.

Е.А.Малов.
Фото нач. XX в.

М.А.Машанов.
Фото кон. XIX в.

графии нерусских народов Среднего Поволжья. Многочисленные наблюдения за бытом поволжских народов, полученные во время поездок по уездам Казанской губ., стали для исследователя тем фундаментом, который лег в основу его этнографических исследований. Значительное внимание профессор уделял изучению быта, уровня жизни и всей системы морально-нравственных ценностей казанских, крещеных татар, чувашей и, особенно, татар-мишарей [Малов, 1885].

Некоторые изменения в отношении миссионерских отделений произошли в период деятельности ректора Иннокентия (Новгородова) (1864–1868 гг.). Он приступил к восстановлению миссионерских отделений в прежнем виде. В 1865 г. по инициативе преподавателей противомусульманского отделения Синод вновь преобразовал миссионерские отделения. Он восстановил их в том виде, в каком они существовали до 1858 г., уничтожив, таким образом, обязательность миссионерских предметов той или другой группы для всех студентов [Харлампович, 1907, с.710].

Преобразование КДА по утвержденному Синодом 30 мая 1869 г. Уставу и штату духовных академий совершилось 15 августа 1870 г. В академии были введены три новых отделения – богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Новый устав практически исключил миссионерские отделения из структуры та-

кого типа учебных заведений [Бердников, 1892, с.18]. Только благодаря настоянию Казанского архиепископа Антония (Амфитеатрова) Синод указом от 24 июня 1870 г. за № 1408 разрешил преподавание в КДА некоторых миссионерских предметов против «мухаммеданства» и против «буддизма», хотя на условиях довольно невыгодных: «1) Оставив неприкосновенным указанное академическим уставом распределение преподавательских кафедр, допустить в Казанской академии, при преобразовании оной, преподавание миссионерских предметов – противомусульманского и противобуддийского с относящимися к оным языками; 2) возложить это дело на двух наставников с предоставлением им равных прав с преподавателями других предметов относительно жалованья и служебных преимуществ, но без причисления их к какому-либо академическому отделению; 3) назначить для миссионерских предметов особые часы сверх назначенных уставом для других наук; 4) слушание миссионерских лекций не делать обязательным для студентов академии...» [Протоколы, 1870, с.6–7]. Такая постановка миссионерских предметов не могла гарантировать определенного числа слушателей и привлечь к ним работников. Вслед за Н.И.Ильминским бывшее противомусульманское отделение оставил и Е.А.Малов. Он перешел на кафедру еврейского языка и библейской археологии

академии. Казалось, дело шло к закрытию миссионерских отделений, прекращению изучения миссионерских предметов. Но благодаря некоторым лицам, в числе которых были Н.П.Остроумов и М.А.Машанов, бывшие миссионерские отделения получили заметную поддержку и не были закрыты.

Представителем миссионерского противомусульманского отделения академии после ухода Е.А.Малова стал Н.П.Остроумов (1870–1877 гг.), а после его отъезда в Туркестанский край – М.А.Машанов (1878–1911 гг., в 1911 г. уволен, но оставлен в академии как сверхштатный профессор до 1921 г.) [Терновский, 1892, с.21, 30].

Николай Петрович Остроумов родился в 1846 г. в Тамбовской губ. в семье протоиерея. После окончания в 1870 г. КДА он преподавал в ней «миссионерские предметы против магометанства»: «обличение мухаммеданства», «историю Мухаммеда», арабский и татарский языки. В Казани он занимался изучением истории, этнографии и языка татар. В частности, им были составлены и разработаны «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (1876) и «Татарско-русский словарь» (1892).

Михаил Александрович Машанов родился 11 мая 1852 г. в Петропавловске в семье протоиерея. После окончания в 1876 г. КДА он преподавал в ней те же дисциплины, что и Остроумов. В научных трудах и отчетах М.А.Машанова содержится много интересных сведений по истории, этнографии и языку татар, об исламе. Среди них необходимо выделить следующие: «Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда» (1875), «Отчет о поездке в деревню Никифорову Мамадышского уезда для увещания отпавших от христианства» (1881), «Личность Мухаммеда в физическом, умственном и нравственном отношениях», «Характер Мухаммеда», «Очерк религиозного быта арабов язычников в эпоху Мухаммеда» и др.

В своих исследованиях М.А.Машанов рассматривал различные аспекты функционирования мусульманской религии, деятельность пророка Мухаммада, его характер и нравственные качества, проблемы брака в

исламе, положение женщины, секты, роль и место арабов в становлении ислама как религии и другие вопросы. Его труды, несомненно, внесли заметный вклад в российское востоковедение [Мазитова, 1989, с.89].

В 1885 г. М.А.Машанов совершил научную командировку на мусульманский Восток (Египет, Саудовская Аравия, Сирия). О благотворном влиянии на него этой поездки писал И.Ю.Крачковский: «Это дало ему хорошее знакомство не только с арабским языком, но и со всем мусульманским миром, разнообразных представителей которого он мог встречать в Хиджазе» [Крачковский, 1958, с.129].

Преподаватели миссионерских предметов КДА, активно занимаясь научными изысканиями в области исламоведения и татароведения, стремились апробировать результаты своих исследований в средствах массовой информации. «Миссионерский противомусульманский сборник» должен был стать печатным плацдармом в полемике с мусульманами [НА РТ, ф.1207, оп.1, д.1]. Первый выпуск был напечатан в 1873 г., последний, (XXIV), том вышел в 1914 г.

Тематический обзор выпусков «Миссионерского противомусульманского сборника», отдельно изданных работ, а также курса сочинений свидетельствует о достаточно широкой тематике исследований преподавателей и выпускников КДА. Они занимались выявлением религиозно-философских основ различных мусульманских течений, изучением верований нерусских народов Среднего Поволжья, космогонических и эсхатологических представлений, положения религиозных мусульманских общин в России и христианских общин на мусульманском Востоке и т.д. Однако ключевым направлением в изучении ислама казанскими миссионерами была разработка вопросов, связанных с личностью пророка Мухаммада и критикой Корана.

15 августа 1884 г. в КДА был введен новый Устав духовных академий, разработанный при участии нового обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева. Новый устав учел в большей степени желание и просьбы преподавателей миссионерских отделений КДА, которые постоянно заботились об улучшении качества образования на един-

ственных в дореволюционной России миссионерских отделениях.

В 1884 г. в КДА были проведены структурные изменения: ликвидированы существовавшие с 1870 г. богословское, церковно-историческое и церковно-практическое отделения. Предметы академического курса были разделены на две группы – словесную и историческую. Кроме того, Устав ввел для КДА третью, совершенно новую группу – миссионерскую, которая распалась, в свою очередь, на два отдела – татарский и монгольский. Введение миссионерской группы стало большим достижением КДА и придало ей отличительную особенность по сравнению с другими подобными образовательными учреждениями России. Таким образом, государство признало важность и необходимость специального миссионерского образования для Среднего Поволжья и Приуралья, утраченного в 1869 г. при упразднении в КДА миссионерских отделений.

Устав 1884 г. предписывал преподавать на татарском отделе следующие предметы: 1) история и обличение магометанства; 2) этнография татар, киргизов, башкир, чувашей, черемис, вотяков и мордвы; 3) история распространения христианства между означенными инородческими племенами; 4) арабский и татарский языки с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен [Терновский, 1892, с.246].

С 1884 г. по татарскому отделу кафедре татарского языка и этнографии занял экстраординарный профессор академии Е.А.Малов [Терновский, 1892, с.252]. Он преподавал татарский язык, этнографию татарских племен и историю распространения среди них христианства. 29 января 1886 г. Е.А.Малов был возведен в звание и.д. ординарного профессора, а с марта 1889 г. заслуженного профессора. Кафедру арабского языка и обличения мухаммеданства занял и.д. доцента академии М.А.Машанов, который с 1884 г. преподавал арабский язык и «обличение мухаммеданства» [Казанская, б/г, с.810–811, 814]. Штатным практикантом татарского языка продолжал оставаться крещенотатарский священник Василий Тимофеев. После его смерти в декабре 1895 г. эту должность занял его ученик и продол-

жатель дела просвещения старокрещеных татар – священник Тимофей Егоров. Он же занял место В.Тимофеева и в заведовании КЦКТШ. Сверхштатным практикантом арабского языка, по особому указу Синода от 6 февраля 1891 г., с марта 1891 г. был назначен татарин-мусульманин Сахиб-Гирей Ахмеров, принявший крещение «с именем Павла» [Протоколы, 1891, с.19, 33]. К этой же кафедре в 1893 г. был временно прикомандирован архимандрит Рафаиль, араб по национальности (в 1895 г. уехал в Америку, где стал епископом Бруклинским). После смерти Ахмерова сверхштатным практикантом арабского языка с 12 августа 1896 г. (с 1900 г. – единственным) стал природный сириец, окончивший в том же году КДА, впоследствии – магистр богословия, Пантелеймон Крестович Жузе.

Таким образом, КДА на протяжении всего XIX – начала XX в., являясь центром христианского просвещения народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири, внесла существенный вклад в изучение истории и этнографии татар. Ее преподаватели разработали ряд интересных трудов по истории нерусских народов, об их взаимоотношениях с русскими, по истории распространения среди них христианства. Миссионерские отделения создали прочную основу для становления КДА как востоковедческого центра. Преподаватели миссионерских отделений КДА внесли существенный вклад в изучение истории, этнографии и языка татар и других нерусских народов Среднего Поволжья. Такие известные личности, как Н.И.Ильминский, Г.С.Саблуков, Е.А.Малов, Н.П.Остроумов, М.А.Машанов и др. оставили после себя богатое наследие: труды по истории и этнографии, отчеты о своих просветительских командировках по деревням с нерусским населением, различные заметки и лекционные курсы. Миссионерские отделения стали «производителями научно подготовленных кадров» для просвещения крещеных татар, марийцев, чувашей, калмыков и других народов. Преподаватели миссионерских отделений развернули активную политику по разработке методических пособий, грамматик, учебников для изучения нерусскими народами русского языка.

ГЛАВА 5

Просветительство и татарская литература

Дания Загидуллина

Зарождение просветительства и татарская литература первой половины XIX в.

Позитивные изменения, происходившие в общественной жизни татар на рубеже XVIII–XIX вв., оказали значительное влияние на социокультурную ситуацию первой половины XIX в., что проявилось прежде всего в зарождении идеологии просветительства.

Просветительство как интеллектуальное и культурное движение и система взглядов, в основе которых лежали идеи модернизации общества и совершенствования человека, означало переход на более высокую ступень цивилизации. Идеи просветительства проникли в татарскую общественную мысль в конце XVIII – начале XIX в. [Абдуллин, 1976, с.24]. Важные политические события: крестьянское восстание под предводительством Е.И.Пугачева 1773–1775 гг., Отечественная война 1812 г и др. – оказали существенное влияние на развитие общественной мысли, порождали идеи возрождения, нашедшие отражение и в национальном просветительском движении в России. Однако период традиционализма и следования канонам продолжался в татарской литературе, которая стала зеркалом для просветительской идеологии, вплоть до второй половины XIX века, «...до середины XIX в. речь может идти о предьстории татарского просветительства» [Усманов, 1980, с.188].

Открытие Казанского университета (1804 г.), начало преподавания в нем и в других учебных заведениях татарского языка, образование кафедры восточных языков (1807 г.) способствовали формированию татарского просветительства, трансформации религиозно-философских воззрений татар.

Университет занимался подготовкой учителей для вновь открываемых учебных заведений, снабжал их учебно-методической

литературой, привлекал для работы в этих учебных заведениях представителей нерусских народов края. Так, С.М.Михайлова, описывая в своей монографии проект М.Ниязова по открытию в Астрахани «училища для обучения татар российскому языку», отмечает, что в татарском обществе были такие подвижники, как Мухтасип Ниязов, искренне желавшие просвещения родного народа. С.М.Михайлова упоминает и другие проекты профессоров и преподавателей Казанского университета, в частности, проект по организации в Казани специального Восточного института Ф.Эрдмана и К.Фойгта. Весьма примечательной была позиция Ф.Эрдмана (1829 г.): он предполагал, что открытие института, с одной стороны, будет способствовать просвещению татарского населения, с другой – позволит объяснить «многие еще темные факты истории и географии» восточных народов, а также «различные свойства языков и вер Азиатской России, о которых ученая Европа до сих пор не имеет никаких ясных сведений и даже может быть никогда не будет иметь оных без помощи сего заведения» [Михайлова, 1972, с.52–54]. Как результат понимания требований времени можно рассматривать открытие в ряде городов гимназий, училищ, или кафедр при существующих гимназиях для обучения учителей татарского языка: в начале XIX в. татарский язык изучался в Тобольской, Томской, Оренбургской, Саратовской, Астраханской, Ставропольской и Симферопольской гимназиях [Кононов, 1974, с.34]. Восточные языки и основы исламского вероучения преподавались и в некоторых образовательных учреждениях военного ведомства.

По мнению Н.К.Мухитдинова, эти нововведения были обусловлены изменением политики правительства по отношению к татарам в конце XVIII в. «Если до середи-

ны XVIII столетия продолжалась политика репрессий, открытых гонений на татар, законодательные акты подкрепляли ограничения прав татарских крестьян, духовенства, купцов и промышленников, то экспансия на Восток, «мирное» проникновение в Бухару, Хиву, Индию и Китай, завоевание Киргизии вынудили царское правительство в корне изменить свою политику по отношению к татарам. В Бухару и Хиву не могли проникнуть «гяуры»; нужны были торговые посредники из мусульман. В качестве торговых, дипломатических посредников выступали казанские татары. ... Вот тот экономический базис, на котором начинают строиться и идеологические напластования. Именно в период расцвета татарской торговой и промышленной буржуазии оживляется реформаторское движение среди татар. Это движение возникает и в области просвещения» [Мухитдинов, 1930, с.106–107].

Посведениям Н.К. Мухитдинова, в архивах Москвы, Ленинграда и Казани сохранилось 5 проектов по организации средней школы для татар, относящихся к 1825–1830 гг., и два проекта 1860–1880-х гг. Первый по времени проект принадлежал муфтию М. Хусаинову, второй – 3-й гильдии купцу г. Чистополя Мухитдину Саид-Бургану, третий – заведующему Казанского главного народного училища Пятову, четвертый и последующие – МНП и МВД [Мухитдинов, 1930, с.108].

Проект муфтия М. Хусаинова был нацелен на организацию в Уфе и Казани двух средних учебных заведений (гимназий) для мусульман: одного под руководством университета, другого – губернатора. В проекте рассматривалась необходимость «приравнения» программ этих учебных заведений к программам существующих гимназий для того, чтобы окончившие их молодые люди могли беспрепятственно перейти в университет.

Проект 3-й гильдии купца Мухитдина Саид-Бургана по организации в г. Чистополе Большого (Центрального) татарского училища (Н.К. Мухитдинов считал инициатором проекта служилого татарина г. Чистополя Ибрагима Ахмерова, деда Шабазгеря Ахмерова, инспектора КТУШ) касался существующего нелегально, под видом обычной конфессиональной школы, училища повышенного типа, которое могло

бы превратиться в гимназию согласно представленному учебному плану и уставу. Ректор университета профессор Г.И. Солнцев дал хороший отзыв относительно устава училища и проекта в целом, однако новый попечитель КУО М.Л. Магницкий пресек данное начинание.

В проекте заведующего Казанским главным народным училищем Пятова (1816 г.) предусматривалось некоторое обновление мусульманского конфессионального училища, при этом предполагалось сохранить его богословскую сущность и сблизить с официальными государственными школами. Автор проекта исходил из необходимости подчинения национальных школ университету.

Четвертый проект, подготовленный в ДДДИИ, предполагал учреждение мусульманских школ при Казанской гимназии «для преобразования магометан, посвящающих себя духовному званию».

Следующим по порядку являлся проект организации в Казани «Восточного института». План его организации был выдвинут попечителем КУО М.Л. Магницким (занимал эту должность в 1819–1826 гг.), но отклонен МНП. Впоследствии этот проект послужил основой для открытия разряда восточной словесности при Казанском университете.

Наибольший интерес представлял проект В.В. Радлова по созданию в Казани «Татарского учительского института», организация которого мотивировалась необходимостью привлечения к подготовке преподавателей для национальных школ существующих медресе. По мнению Н.К. Мухитдинова, «этот проект или является точной копией проекта Фаизханова и Марджани, или составлен под их сильным влиянием, так как по времени (1874 г. – перед открытием КТУШ) этот проект был разработан в период совместной работы Радлова с Марджани» [Мухитдинов, 1930, с.119]. Однако и этот проект был отклонен, но Радлов добился организации КТУШ и руководил ею.

Хотя проекты и не увенчались успехом, они свидетельствовали о зарождении в обществе идеи создания татарской средней школы, которая открыла бы обучающимся путь к университету, где осуществлялась подготовка образованных учителей, переводчиков, чиновников и др.

Существенным моментом просветительской деятельности Казанского университета было его влияние на функционирование общественно-политической и культурной жизни в крае. Университет стал центром, вокруг которого группировались интеллектуальные силы. Ему принадлежит заслуга в создании в крае периодической печати. В 1808 г. появился проект издания газеты на русском и татарском языках, автором которого был адъюнкт университета И.И.Запольский. Однако правительство дало разрешение на издание только на русском языке, первый номер «Казанских известий» вышел 19 апреля 1811 г., уже после смерти И.И.Запольского. Газета просуществовала до 1820 г.

Вторая попытка издания газеты на татарском языке под названием «Бәхәр әл-әхбәр» («Море известий») была предпринята в 1834 г. воспитанником восточного разряда Казанского университета М.Г.Никольским. Проект был одобрен профессором А.К.Казем-Бекем, попечителем КУО М.Н.Мусиным-Пушкиным. Однако его как инициатора в спешном порядке сняли с должности в университете и направили работать в Астраханскую губ. [Амирханов, 2002, с.34].

Важное место в культурной жизни края принадлежало журналу «Заволжский муравей» – частному периодическому изданию профессоров и преподавателей университета. На его страницах публиковались материалы по истории булгар и Казанского ханства, образцы народной литературы, описания булгарских развалин, анализ древних татарских надписей.

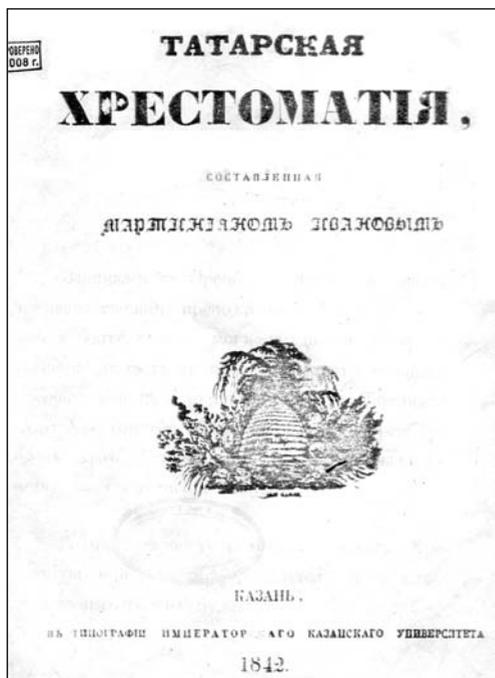
В 1806 г. было создано «Общество вольных упражнений в Российской словесности», во главе которого стоял преподаватель славянской грамматики и российской словесности Н.М.Ибрагимов, получивший образование в Московском университете [ТЭ, т.2, 2005, с.513]. Общество стремилось внести посильный вклад в изучение быта и духовного наследия местных народов. На торжественном заседании, состоявшемся 12 декабря 1814 г., его секретарь П.С.Кондырев, подводя итоги деятельности Общества, отметил: «Кроме общих предметов занятий, мы имеем еще некоторые такие, кои бли-

же нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чуваша, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкирцы, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь касательно языка или словесности их, сношения и из онога делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т.п., и сие еще весьма ново» [цит. по: Михайлова, 1972, с.67].

Университет стремился к тому, чтобы местные народы рассматривали его деятельность как отвечающую их интересам. Типография печатала за счет университета книги на татарском языке (словари, учебники, хрестоматии, научные публикации татарских исторических, литературных сочинений, подготовленные университетскими учеными), при отсутствии казенного финансирования профессорско-преподавательский состав выделял на это собственные средства. Так, известный востоковед И.Н.Березин в 1849 г. издал за свой счет «Шейбаниаду» («История монголов-тюрок на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями») из серии «Библиотека восточных историков», им же за счет университета были опубликованы тексты «Ханских ярлыков» [Каримуллин, 1983, с.45].

Университет издавал пригласительные билеты на татарском языке на устраиваемые торжественные встречи, публичные экзамены, с 1812 г. – «публичное преподавание татарского языка». В 1830 г. университетская библиотека стала общегородской, публичной. Университетские кабинеты и музеи были открыты для публичного обозрения, в них проводились учебные диспуты. Профессора и преподаватели университета активно участвовали в пожертвованиях и благотворительности.

С Казанским университетом связана судьба *Ибрагима Исхаковича Хальфина (1778–1829)*, который в 1823 г. первым из татар был утвержден адъюнкт-профессором восточной словесности. В 1800 г., в 22-летнем возрасте, он был назначен учителем

Обложка книги М.Иванова «Татарская хрестоматия» (Казань, 1842).

татарского класса в Казанской гимназии, с открытием университета стал лектором татарского языка. И.Хальфин был одним из первых просветителей, поднявших проблему необходимости просвещения татар. Он составил план-проект «Любопытные соображения И.Хальфина к просвещению татар» и передал его в Ученый совет Казанского университета. И.Хальфин предлагал вести работу среди безграмотной массы «для ее просвещения через студентов университета». Педагогическую деятельность он совмещал с научной: в 1804 г. увидел свет его учебник «Азбука и этимология татарского языка» (в 1809 г. был издан под названием «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения»), в 1819 г. была опубликована его «Татарская хрестоматия», подготовлены к печати сочинения восточных историков: «Шэжэрэи төрек» («Родословное древо тюрок», 1825) Абулгази Бахадур хана (1603–1663) и «Ас-сабгыс-сайар» («Семь планет») крымского историка Сеида Мухаммада Ризы (ум. в 1756 г.), книги по медицине, древние татарские рукописи. Труды И.Хальфина положили начало публикации татарских исторических источников, с его «легкой руки» они

перепечатывались в престижных научных журналах Западной Европы.

Казанские востоковеды внесли огромный вклад в формирование татароведения как науки. Особенно активно разрабатывались вопросы татарского языкознания и истории татарского народа. В качестве примера можно привести сведения из биографии татарского просветителя *Абдюша Вагапова* (1814–1876), который, будучи учителем в военном училище Казанского гарнизона, в 46-летнем возрасте поступил вольнослушателем в университет, где совершенствовал свои знания в восточных языках. Он стал востоковедом и одним из первых татарских источниковедов. Для нужд Азиатской университетской типографии Вагапов занимался переводом древних восточных рукописей, в 1852 г. в «Казанских губернских ведомостях» увидел свет его труд «Татарские сказания о взятии Булгара Тимуром». Совместно с М.Г.Махмудовым и Р.Амирхановым он принимал участие в издании книг на татарском языке. Обязательным условием взаимопонимания двух народов он считал «уважение их родных языков». Преследуя эту цель, Вагапов составил «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски», который получил широкое распространение. «Русско-татарская азбука» (1852) А.Вагапова выдержала несколько изданий. В качестве приложения А.Вагапов поместил в эти сочинения раздел «Песни татар». Собранные им песни впоследствии И.Н.Березин включил в «Турецкую хрестоматию» (1890). Много сил и времени Вагапов уделял собиранию образцов устного народного творчества. В рукописном виде сохранился подготовленный им учебник по устному народному творчеству татар [Мазитова, 1965, с.34].

Выпускник Неплюевского училища *Мартиниан Иванов* (1812–?), ставший после сдачи экзамена на Восточном разряде Казанского университета по татарскому и персидскому языкам на право быть учителем гимназии (1832 г.) преподавателем данного заведения, составил из произведений татарского фольклора и художественной литературы, переводов с разных языков «Татарскую грамматику» и «Татарскую хрестоматию» (1842). В частности, в них включено

128 татарских пословиц, 8 сказок, 70 песен и 35 загадок, а также образцы письменной литературы: стихотворения Мухаммадьяра, А.Каргалый и др.) [Миннегулов, 1982, б.20–25].

Его сокурсник и выпускник Восточного разряда университета, окончивший учебное заведение «с получением степени кандидата» (1836 г.), учитель арабского и персидского языков в Неплюевском военном училище *Салихджан Кукляшев (1811–1864)* подготовил «Татарскую хрестоматию» («Диване хикэяте татар») и «Словарь к татарской хрестоматии» (1859). В хрестоматию включен богатый литературный и исторический материал: образцы устного народного творчества (пословицы, поговорки, баиты, песни, изречения), отрывки из средневековых восточных рукописей или книг, исторических сочинений.

Мухаммадгали Махмудов (1824–1891) – статский советник и художник-каллиграф, в 1843 г., по рекомендации А.К.Казем-Бека, был принят к преподаванию арабского и персидского языков, а также турецко-татарской каллиграфии на Восточный разряд университета и в гимназию. После переезда восточного разряда в Санкт-Петербург был назначен учителем татарского языка, занимался методикой его преподавания. Махмудов известен как переписчик рукописных книг на арабской графике, художественный оформитель текстов, автор образцов художественных почерков арабского письма. В частности, в 1849 г. он переписал арабской графикой на татарском языке рукопись «Татарской хрестоматии» (1942) М.Иванова, сочинение Ш.Марджани «История Булгар и Казани» и др. [ГЭ, т.4, с.97]. М.Махмудов – автор «Практического руководства к изучению татарского языка» (1857). Целью его создания стало не только установление закономерностей развития татарского языка, но и ознакомление русских с татарским фольклором, бытом, обычаями, лексическим богатством татарского языка. По мнению С.М.Михайловой, «в тех масштабах, в каких это удалось сделать Махмудову, не удавалось сделать никому из его предшественников» [Михайлова, 1972, с.192]. В 1858–1859 гг. он работал над составлением русско-татарского словаря, занимался переводами на татарский язык.

Ученый-востоковед М.Махмудов с женой и дочерью. Фото 1870 г.

Хусаин Фаизханов (1828–1866) – ученый-востоковед, историк, лингвист – занимал видное место в просветительском движении первой половины XIX в. Ученик Ш.Марджани. По предложению А.К.Казем-Бека в 1854 г. переехал в Санкт-Петербург, где начал преподавать турецкий и татарский языки на факультете восточных языков столичного университета. С 1858 г. по поручению Академии наук исследовал фонды Московского главного архива МИД с целью выявления и систематизации дипломатических грамот крымских ханов. В 1859 г. Фаизханов был избран членом Российского Археологического общества, которое командировало его в 1860 г. в г.Касимов для изучения татарских эпитафических памятников. Копии, снятые им с 29 эпитафий, в дальнейшем вошли в историю татарской письменной культуры. В 1862 г. им был издан учебник по грамматике татарского языка. Параллельно он собирал и переписывал восточные рукописи, переводил различные исторические сочинения и документы с восточных языков. В эти же годы Х.Фаизханов занимался подготовкой рукописи научных трудов, где были собраны воедино: проект о реформе татарских медресе «Ислахи мада-

Хусаин
Фазезханов.

рис», историко-публицистический трактат «Рисалә» («Сочинение»), исследования по истории татарского народа «Казан тарихы» («Казанское ханство») и «Касимовский ханлыгы» («Касимовское ханство»), а также описания 25 древнебулгарских эпитафических памятников [Хәсәен Фәезханов, 2006, с.694–695]. Сочинение начинается традиционно: обращением к Аллаху и пророку Мухаммаду. Во вводной части автор призывает мусульман к просвещению, называя это богоугодным делом. Первая глава «О пользе знания» посвящена истории наук мусульманского мира, во второй главе «О состоянии татар-мусульман России» кратко изложена история татар Поволжья и Приуралья. В третьей главе «О состоянии наших медресе» автор рассматривает порядки и структуру татарских учебных заведений, размышляет о возможности внесения изменений в учебные планы существующих медресе. Четвертая глава «О пользе и необходимости открытия нового медресе» посвящена разъяснению идеи автора об учреждении медресе нового типа, в учебном плане которого присутствовали бы и религиозные, и светские дисциплины.

Таким образом, Казанский университет и открытие Восточного разряда способствовали активизации просветительской деятельности целой плеяды ученых-востоковедов. Труды упомянутых выше преподавателей высшей школы и многих других просветителей – М.Иванова («Татарская грам-

матика», 1842), А.К.Казем-Бека («Грамматика турецко-татарского языка», 1839), Н.И.Березина («Дополнение к тюркской грамматике, изданной Казем-Беком», 1846) и др. – значительно расширили сведения в области языка, литературы, истории и этнографии татар. Несмотря на то, что в 1854 г. Восточный разряд был переведен в Санкт-Петербург, в Казани уже действовала научная школа, ставшая научным центром для дальнейшего развития гуманитарных наук.

В XIX в. типографии Казани и других городов России приступили к массовому изданию татарских книг. Наряду с религиозно-суфийскими книгами, стали публиковаться издания историко-литературного характера. Так, И.Хальфин с 1819 г. занимался изучением рукописи XVII в. «Дастане Чынгыз-хан вә Аксак-Тимер» («Сказание о Чингиз-хане и Аксак-Тимуре») и в 1822 г. издал ее [Гайнуллин, 1975, с.14]. Утыз Имяни провел в 1824 г. текстологическую работу над поэмой «Кыйссаи Йосыф» Кул Гали: собрав около десяти древнейших списков, он сличил их и составил сводный научно-критический текст, который был опубликован в 1839 г. [Кәримуллин, 1979, б.39–40].

Вместе с тем первая половина XIX в. стала временем расцвета татарской богословской мысли. Многие поэты и прозаики одновременно являлись известными религиозными деятелями, популяризаторами основ ислама и суфийских идей. Зарождающиеся просветительские идеалы органически соединялись с традициями мусульманской культуры. Возвеличивание роли знаний, определение просвещенных людей в качестве нравственной опоры общества, критика невежд и безнравственных поступков отдельных представителей духовенства – вот те художественные скрепы, которые связали татарскую литературу традиционалистского толка начала XIX в. и светскую просветительскую литературу второй половины XIX в.

Известный представитель татарской культуры *Таджеддин Ялчыгул (1768–1838)* – шейх, врачеватель, религиозный деятель, педагог и историк, в своих многочисленных трудах поднимал многие проблемы религиозно-философского плана. Ялчыгул –

автор более десяти сочинений: «Тарихнамәи Болгар» («История Булгар»), «Ваемсызларны искәртү» («Предупреждение беспечных»), «Гыйльме тыйбб» («О медицине»), «Тәфсир» («Комментарии к «Хафтияку») и др. Арабоязычное сочинение Т.Ялчыгула «Инайат әс-сөбхани», созданное в качестве учебного пособия для шакирдов, посвящено толкованию мистического состояния (гыйльме әл-хәл) по технике учения Накшбандийа, как и вся средневековая татарская суфийская литература. Особенно известна его книга «Рисаләи Газизә» (1806) – тюркоязычные комментарии к «Сәбат әл-гажизин» Суфи Аллахияра, в которой в художественной форме изложены многие положения ислама, религиозно-суфийские взгляды самого автора. По утверждению М.Кемпера, сочинения Ялчыгула были единственными трактатами того периода, которые представляли традиции концепции «вәхдәт әл-вөжд» – единства бытия [Кемпер, 2008, с.161]. В течение всего XIX в. концепция, которая имеет отношение к идее о совершенном человеке, к вере в созидательный потенциал человека, сыграла значительную роль в развитии татарской литературы и философской мысли.

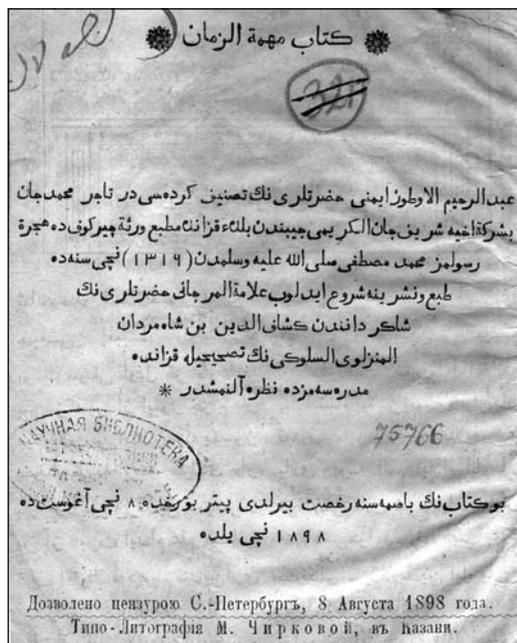
Тенденция к трансформации религиозно-дидактической мысли ярко проявилась в творчестве *Габденнасра Курсави (1776–1812)* – известного татарского теолога, философа. Свои религиозно-правовые взгляды он изложил в арабоязычных изданиях: «Китаб әл-иршад ли-л-ибад» («Книга о наставлении людям») и в комментарии к «Мохтасар әл-Манар» Тахира Хусаина б.Джилли. В них он обратился к трактовке одного из важнейших вопросов фикха – иджитхаду, вынесению самостоятельного суждения [Юзеев, 2007, с.70].

В своих трудах Курсави критикует невежд и возвеличивает тех, кто стремится к знаниям. Во введении к «Китаб әл-иршад ли-л-ибад», определяя основную цель своего труда, он пишет: «Надо знать, что среди людей нашего и прошлого веков есть такие, которые, не имея ни капли знания, выставляют себя людьми науки. Очень хорошо было бы, если бы я обнаружил эти слова и посвятил отдельные страницы своей книги разоблачению порочности их мыслей, в результате создалось бы определенное мне-

ние и правильное мышление, и таким образом сделан был бы шаг к избавлению от невежд и неучей, к забвению даже их имен. Но, боясь, что конец для меня будет очень печален, по этому пути я не пошел. В особенности я боялся людей, которые рядятся в тогу ученых, а сами погрязли в невежестве. Поэтому я нашел, что будет лучше и целесообразнее, если я ограничусь разоблачением порочности их слова, и постепенно будут отвергнуты высказанные им мысли» [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.10].

По мнению Г.Идиятуллиной, путь к исправлению общества Г.Курсави видел в искоренении бид'а – нововведений, искажений норм раннего ислама, в возврате к чистым истокам веры и возрождению права иджитхада. Требуя при любых обстоятельствах «неукоснительно следовать примеру благочестивых мусульман ранних веков», Курсави дает обоснование особой линии поведения, определяет принципиально новый характер взаимоотношений индивида с социумом – «противостояние человека обществу», его обособление от толпы предстает как вид самоотверженного служения [Идиятуллина, 2005, с.32–33]. Выступая за эрудированного, инициативного и свободомыслящего человека, доказывая возможность критических высказываний в адрес отдельных представителей духовенства, Курсави проложил путь для формирования татарской просветительской литературы.

Видным представителем эпохи просветительства являлся *Габдерахим Утыз Имяни аль-Булгари (1754–1834)* – поэт, мыслитель, религиозный реформатор. Он оставил богатое научное и художественное наследие: свыше 100 произведений различных жанров на татарском и арабском языках, в т.ч. трактаты по философии и богословию, 10 поэм: «Төхфәт әл-горабә вә ләтаиф әл-газә» («Подарок обездоленным и притчи о терпении»), «Гавариф әз-заман» («Дары эпохи»), «Тәнзих әл-әфкәр фи нәсәих әл-әхьяр» («Добрые наставления для очищения мыслей»), «Мөхиммәт әз-заман» («Важнейшие проблемы эпохи», 1820) и др. В них рассматриваются религиозные и морально-этические проблемы. Так, в поэме «Тәнзих әл-әфкәр фи нәсәих әл-әхьяр» речь идет о состоянии общества, оздоровление которого автор свя-

Обложка книги Г.Утыз Имяни «Китабе мөһиммәтәз-заман» (Казан, 1898).

зывает с нравственным совершенствованием людей. Поэт указывает на моральные пороки современников – лицемерие, неискренность, стремление к личному обогащению, утрату общественных идеалов. Высшими нравственными качествами, по его мнению, являются образованность и знание («Смело овладевай знаниями, ибо знание – суть человеческой жизни; знание – ключ к преодолению любых трудностей. Знание – это жемчуг человеческой души, и его не может отнять ни враг, ни вор» [цит. по: История татарской, 2003, с.28]). Взаимопонимание, дружба, взаимопомощь, по мнению автора, способны привести общество к спокойствию и гармонии.

Религиозно-этические и литературно-эстетические взгляды Утыз Имяни, несмотря на наличие в них заметного индивидуального начала, характеризовались традиционализмом и склонностью к риторике. Ведущие мотивы творчества Утыз Имяни – критика невежественного, нравственно-порочного бухарского и татарского духовенства и утверждение этико-эстетических идеалов совершенного человека (эл-инсан эл-камил). Они «тесно сращены с проблемами разума и знания, тела и души», раздумьями поэта о божественной справедливости и поисками согласия с самим собой и окружа-

ющей действительностью [Ганиева, 2002, с.31–32]. Так, просветительский дискурс, направленный на всеобъемлющую критику существующих устоев на основе принципов гуманизма и справедливости, в творчестве татарских поэтов прочитывается и как призыв к религиозным реформам.

Поэт возвеличивает образованного человека, обладающего религиозными знаниями. В поэме «Гавариф эз-заман» («Дары эпохи») он подразделяет ученых по степени образованности на семь категорий. Представители первых пяти – муджтахиды, которые могут мыслить по-новому, остальные – слепые подражатели предшественникам. В поэме «Төхфәт әл-горабә вә ләтаиф әл-газә» он критикует тех, кто возомнил себя просвещенными, не имея для этого достаточных знаний. При этом для Утыз Имяни знание, просвещение – понятия одновременно и религиозного, и светского толка. Он ведет речь о посвящении себя научному познанию мира и суфийскому познанию основ бытия.

Поэма «Мөһиммәт эз-заман», состоящая из введения (традиционное обращение к Аллаху, пророку Мухаммаду и другим святым), 26 глав и заключения, напоминает дидактические произведения средневековья. Каждая глава посвящена жизненно важной проблеме, которую автор разъясняет, основываясь на законах шариата. Например, в главе «Не будь беспечным» он предупреждает читателя об опасностях, подстерегающих его на жизненном пути. В главе «Подражание времени» автор указывает на те приметы времени, которые, по его мнению, разрушают нравственные устои общества: непослушание старшим, погоня за материальным достатком, гордыня и т.д. Чтобы сохранить в таких условиях человеческие качества, необходимо быть скромным и терпеливым («О дружбе»), овладеть профессией («О профессии»), чтить семью («О том, как сохранить семью»), опорой которой являются женщины («О святости женщин»). Автор дает свои советы простым и ясным слогом: «Если ты истинный джигит, то докажи свою доблесть:/ Одухотворяйся безграничной любовью к родине./ Будь справедливым, будь защитником верности;/ никому нисколько не причиняй зла»; «Если характер жены тебе нравится, / Она будет стоить пятерых, / Не мечтай о двух

или трех женах, / Тебе же сложнее будет жить»; «Где сам, там пусть находится и твоя семья, / Как откроют глаза – пусть видят тебя, / Женщин одних никуда не отпускай, береги»; «Тот, кто против служения общему делу, / У того все дела идут наперекосяк» и т.д. [Подстр. пер.]

Таким образом, в отличие от других суфиев, воспринимавших земную жизнь как порочную и недостойную внимания, Утыз Имяни причиной всех бед человечества в своих произведениях называет людей непристойного поведения и с испорченной моралью («*Не говори: «Мир испортился!» / Он спокоен. Все дело в его жилищах»*). Этот мотив А.Т.Сибгатуллина прослеживает в творчестве других поэтов – Х.Салихова, А.Каргалыя, М.Юмачикова, доказывая, что «бедственное положение в обществе» в стихотворениях ассоциируется с невежественностью [Сибгатуллина, 2001, с.28–29]. Параллельно в творчестве поэтов первой половины XIX в. звучит вера в возможности человека. Не только чувства, связанные с божественным предназначением, но и обычные «земные» переживания постепенно становятся основой художественного творчества. Так, после смерти любимой жены Хамиды Утыз Имяни пишет элегии «Мәрсияи Хәмидә, зәүжәте Габдерәхим Болгари» («Элегия, посвященная Хамиде, жене Габдрахима Булгари») и «Мәрсияи Габденнасыйр, вәләде Габдрәхим» («Элегия Габденнасыйра, сына Габдрахима»). В первой он дает образ Хамиды как близкого друга и советчика, скромной и верной спутницы жизни, которая всегда поддерживала своего мужа и обладала высокими моральными качествами, во второй элегии Хамиду, как любящую и любимую мать, он возносит в статус святой.

Утыз Имяни был образованным человеком. Он писал произведения на татарском, персидском и арабском языках, знал русский язык. Занимался исправлением, уточнением, корректировкой рукописей, написал комментарии к книгам Газали, Аттара, Джамии, Руми, Суфи Аллахира, переписал многие тома произведений крупных ученых и поэтов Востока, составлял двуязычные словари и комментировал трудновоспринимаемые слова из научных трактатов известных восточных ученых.

Абульманих Габдессалям Каргалый (1782 – после 1833 г.) – поэт-суфий и теолог, один из представителей движения религиозного реформаторства. Внук поэта Габдессаляма ибн Ураи. Учился в медресе Бухары, состоял на дипломатической службе при дворе бухарского эмира (1816–1817 гг.). Возвратившись на родину, занялся хлебопашеством. В 1833 г. под предлогом хаджа покинул страну [ТЭ, т.3, 2006, с.237].

Книга Каргалый «Тәржемәи хажии Әбелмәних әл-бистәви әс-Сәгыйди» («Переводы Абульманиха-хаджи из Саитовской слободы», 1845) состоит из 10 стихотворных рассказов, в которых поднимаются многие проблемы религиозно-философского толка, волновавшие татарское духовенство того времени. В сборнике есть автобиографический рассказ об одном из путешествий автора по Ближнему Востоку, а также оды и элегии, прославляющие видных представителей суфизма – Хасан Басрый, Рабигу Годувани.

Каргалый создавал и произведения чисто суфийского, лирического плана, в которых воспевается любовь к Всевышнему. Так, в стихотворении «...Тәндә жаным» («...Душа в теле») он описывает состояние тауба. В произведении появляется новый для татарской суфийской литературы прием: лирическое «я» отдалено от поэта, он говорит от имени проживавшего свою жизнь в неведении: «*Я не говорил зикр вместе со знающими Коран, / Самое уважаемое для Аллаха – Коран, я не знал*». В стихотворении определяются несколько законов бытия: «*душа в теле – гость*»; «*жизнь нужно строить по божественным канонам*»; «*по ночам необходимо молиться*»; «*человек должен оказать милость, проявлять милосердие*» [Татар поэзиясе, 1992, б.260].

В стихотворениях поэта такого плана преобладают мотивы отречения от мира: воспевание аскетизма, признание тленности сущего и недостижимости справедливости («*Жиһанның жаны...*» («Богатство мира»)). Поэт напоминает, что продвижение по Пути происходит в постоянной борьбе с нафес (страстью, низшим «я»). Каргалый также описывает человека в состоянии зухд (воздержанности), заявляя, что «*богатство-слава мира*» – это обман, и, обращаясь к самому себе, восклицает: нельзя ждать добра

от них, «за одну радость мир одаривает человека тысячами бед».

В творчестве Каргалый определенное место занимают рифмованные письма. Полулитературный, полупублицистический жанр позволил поэту открыто высказывать просветительские взгляды, прежде всего – в виде критики богатства и власть имущих, которые живут ради собственного удовольствия («Кибай байга» («Богачу Кибая»), «Хажы Мөхәммәт байга» («Мухаммад-хаджи баю»), а не интересами общества. Поэт выражает разочарование по поводу того, что его знаниям, опыту и способностям на родине не нашлось места. В таких произведениях критические мотивы более «приземлены», отделены от религиозно-философских идей, поэт при помощи сатиры рисует образ невежественного, отсталого и жадного человека – своего современника.

Поэтические путевые заметки «Сәяхәт-намә» Каргалый стали новой страницей в летописи данной формы. В них рассказывается о его учебе в Бухаре, поездке в 1815 г. в Стамбул, автор делится своими воспоминаниями о Египте и Аравии. Хотя в традициях средневековой восточной литературы заметки иллюстрированы полуфантастическими переводными рассказами из жизни ишанов и шейхов, в них присутствуют первые образцы пейзажной лирики («Сегодня выходил я в степь для отдыха, / Очень красивыми стали луга, утопающие в цветах. / Где-то кукует кукушка: «кәк-күк», / От ее тоскующего голоса пропадает рассудок. Божьи жаворонки непрерывно кружатся в небе, / Шныряет перепелка, важно проплывают утки. / Взлетают журавли, не стоят спокойно гуси. / Соловьи, поющие, как безумные, льют слезы на цветы» [Гайнуллин, 1975, с.96]), имеются посвящения родине, родному краю («Никогда не иссякает тоска по родине, / Поэтому я вернулся в свою страну. / Ибо любовь к родине – дело святое, / Этой любовью мужчина и женщина живут до самой смерти» [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.97]).

А.Каргалый – автор многочисленных мунаджатов, мадхий, посвященных пророку Мухаммаду («Мөнәжәте әл-хажы Әбел-мәних» («Мунаджаты Абульманиха-хаджи») и др. «Оптимистические мотивы его стихов идут не от жизни в целом, а основа-

ны на вере в Бога, в Его всемогущество», – утверждает М.Гайнуллин и приводит в качестве примера такие строки: «О, друг, не печалься слишком ничтожностью мира сего; / Темную долю твою когда-нибудь Бог сделает светлой, как свет луны» [Гайнуллин, 1975, с.95]. Действительно, творчество этой незаурядной личности продолжает традиции татарской суфийской поэзии, прежде всего М.Колья и Кул Шарифа. Однако в его произведениях уже заметна вера в силу прекрасных чувств и переживаний, связанных не только с духовным, но и с материальным миром.

Шамседдин Заки (1822–1865) – татарский поэт, Шамсетдин Губайдуллин был слепым от рождения. Занимался педагогической деятельностью, знал наизусть Коран и множество хадисов, произведения восточных авторов. Основную часть творческого наследия Ш.Заки составляют лирические стихотворения в жанрах газели, мадхии. Они проникнуты религиозно-суфийскими идеями, философскими размышлениями о бытии, о предназначении человека. Основной темой его стихотворений является мистическая любовь ко Всевышнему. Так, в «Эстәсәм галәмдә сән дик йар булгай-булмагай» («Если поискать, найду ли во Вселенной такого влюбленного как ты, или нет» использованы традиционные суфийские символы «базар–сәүдә», означающие бытие–жизнь. Игра символики служит для воссоздания философской картины мира. Лирический герой говорит о смерти как о разрушительной силе, уносящей любимых, молодость, друзей: «Конь под тобой, ездю по этой земле, узнай ей цену, / А то конь еще будет под тобой или нет... / В этом мире–городе много торга на базаре: / Так торгуйся, будет базар еще или не будет» [Татар поэзиясе, 1992, б.254]. Произведение выделяется на фоне татарской суфийской литературы, в нем допускается иллюзорность бытия вообще.

Призыв к покаянию звучит в стихотворении «...һай, нә оерсән» («...Ах, почему ты спишь?»). Обращаясь к своей душе, поэт прибегает к тем же словам, что и Кул Шариф: «нә оерсән» («почему спишь»), «эчмә гафләт ширбәтен» («не пей вино равнодушия»), «нәфсе ... һәлакәң – ошбу дошманындадыр» («страсть – враг, кото-

рый приводит к гибели»). Лирическое «я» стихотворений «...Бу сүзе кәгазә йазмак кирәкдер», «...Гафлэт уйкусыннан уйангым килер» также находится в состоянии тауба.

Восстанавливая традицию зикра, Ш.Заки в стихотворении «...Тынмайын гизмәкне агын судан үгрәнмәк кирәк» («Беспереынности движения нужно научиться у текущей воды...») заявляет, что воссоединение с Богом начинается с зикра «ху». Для суфия каждая пылинка, каждая частичка природы и мира являются предметом подражания и восторга; щедрости можно научиться у ливня, самопожертвованию – у бабочки. Призывая к самоограничению во всем, он называет мирские блага «врагом», «злым дивом». Противостояние нафсу остается одним из основных мотивов в его творчестве.

Прозаические произведения Ш.Заки посвящены различным предписаниям ислама. Так, в книге «Әр-рисаләт әл-фарыз» («Трактат об обязательном») рассматриваются вопросы суфизма. Ш.Заки был сторонником активного усвоения знаний, которые способны открыть перед человеком истину. М.Гайнуллин приводит в своей монографии его письмо, адресованное мулле Ахмеджану Нариману, в котором нашла отражение жизненная позиция поэта-суфия: *«Эй, призывающий меня отказаться от изучения философии и обучения этой науке, слушай! Тебя самого и сидящего рядом с тобой другого сделав свидетелями, говорю: пророк Ибрагим, увидев, как небесные тела под влиянием какого-то могущества зажигаются, а потом гаснут, пришел к философской мысли, что эти тела не имеют права быть Богом; в этом я ничего плохого не нахожу. Под влиянием таких сильных доказательств сделать правильный вывод можно только благодаря светлomu, богатому, совершенному уму. Не зря говорят, что пророк Ибрагим – шакирд Аристотеля и Платона. Правда, когда достигнешь истины, в философских суждениях надобности нет, ибо философия – это только начало, подготавливающее искателей истины... Ей-богу, я только после изучения философии понял смысл божьих слов о том, что люди будут размышлять о сотворении мира, что я нуждаюсь в помощи Бога для своего развития...»* [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.105].

Шамседдин
Заки.
Фото
1850-х гг.

Ш.Заки вошел в историю татарской литературы как тонкий лирик, автор изящных философских стихотворений.

Хибатулла Салихов (1794–1867) прославился как автор книги «Төхфәт әл-әүләд» («Подарок детям»), в которой пересказываются в стихах «таджвид» – правила произношения арабских звуков. Его стихотворное наследие (более 200 строк) увидело свет в сборнике «Мәжмәгь әл-әдәб» («Сборник благопристойностей», 1839). Книга представляет собой свод религиозно-этических назиданий. Поэт призывает воздерживаться от плохих поступков, быть добрым. Написанные как иллюстрации к отдельным призывам рассказы возрождают традиции средневекового басенного творчества.

Лирический герой Х.Салихова воспринимает жизнь как бушующее, враждебное человеку море, покрытое темнотой невежества, а человек одинок и беззащитен перед этой стихией: *«Море невежества – волна на волне, / Люди толпою утонули в нем... / Кто увидит мою руку, протянутую из темноты, / Кто спасет из этой бездны?»*. Для него не существовало никакого просвета: *«Любить жизнь – пить дьявольский напиток»*

[Гибәтулла Салихов, 2000, б.168]. Противостоять этому можно, следуя суфийским предписаниям. Так, в стихотворениях «Тәэссеф» («Сожаление»), «...Әбелмәнихнең «Тәндә жаным» шигыренә» («...К стихотворению Абульманиха «Душа в теле») лирический герой в состоянии тауба вспоминает свою жизнь и раскаивается: не знал, что душа в теле гость; жизнь прошла, строил свою жизнь на незнании; не смог открыть глаза из-за равнодушия («гафлэтән күземне ачмадым, төнлә торып» [Гибәтулла Салихов, 2000, б.168] – наиболее распространенный, повторяющийся в суфийской поэзии мотив); истратил свою жизнь на мирские забавы и др. Редиф «белмәдем» / «не знал» обеспечивает интертекстуальное созвучие со стихотворением Каргалыя.

Габдельджаббар Кандаый (1797–1860) – один из своеобразных поэтов анализируемой эпохи, чье творчество оказало влияние на формирование и развитие татарской просветительской литературы. Родился в семье муллы в д.Старый Кандай (Иртуган) Самарской губ. Свое первое произведение «Рисаләи әл-иршад» («Книга наставлений на праведный путь», ок.1815–1816) написал в годы обучения в медресе. Это религиозно-дидактическая поэма, состоящая из вступления, 28 глав и заключения в виде мунаджата. Автор призывает читателя к праведности, которая, по его мнению, возможна лишь в рамках ислама. В поэме звучат мотивы бренности земного существования, подчеркивается необходимость подготовки к будущей вечной жизни. Для этого следует изучать науки, быть добрым и отзывчивым, отвергать зло, хитрость, быть терпеливым. Г.Кандаый много раз повторяет, что невежество – зло, а знание – благо («*Беги подальше от невежества, / Открой врата познания, / Сколько людей в мире, как ты, / Живут в темноте невежества*» [цит. по: История татарской, 2003, с.37]). В поэме отражено критическое отношение автора к земному бытию («*Этот мир – пещера, внутри которой текут воды печали, тысяча раз заставляет плакать его базар, нет возможности выйти оттуда*»), к нравам, царящим в обществе («*Этот мир осквернен навозом, он – жилище, полное беспорядков... Воистину удивительны люди этого века – они достойны мертвечины,*

они связаны с развратом»), к человеческим отношениям («*Удивительно поразителен, ошеломляющ этот мир, если окинуть его взором, бедняку не уделяют никакого внимания, тогда как оказывают почести богачу*») [История татарской, 2003, с.37]. Призывая читателя быть милосердным, он напоминает, что поведение доведет человека или до рая, или до ада, картины которых присутствуют в поэме.

Следующее произведение – крупная этико-философская поэма «Кыйссаи Ибраһим Әдһәм» («Кыйсса об Ибрагиме Адхам»), одним из главных героев которой является султан Балха Ибрагим Адхам. В поисках истины он решил оставить трон и под видом дервиша стал странствовать. Рассказав историю этой личности, Кандаый проводит параллели со своей жизнью, описывает, как в поисках знаний он отправился в странствие. Как и всему его творчеству, произведению присущ автобиографизм, который, по мнению Р.Ахметова, «усиливается элементами субъективности и интимности» [Ахметов, 2003, с.40]. Поэма насыщена назиданиями, в ней поднимаются многие характерные для тюрко-татарской литературы проблемы: справедливого правителя, отношений правителя и народа, смысла жизни, секрета человечности. Касаясь новизны поэмы, А.Т.Сибгатуллина отмечает, что традиционные «ходячие сюжеты» Востока не просто так повторялись в литературах мусульманских стран, и называет образ Ибрагима Адхама идеалом независимости от власти и богатства, просвещенности, социальной справедливости [Сибгатуллина, 2001, с.25]. По ее мнению, Кандаый внес в татарскую литературу неукротимую жажду самоутверждения.

Лирический герой Г.Кандаый – образованный мулла, живущий интересами души и сердца, вольный в своих поступках, стремящийся обрести счастье в любви. Он ведет себя вопреки общепринятым моральным нормам, демонстративно говорит о чувственной любви: «*Сердце мое подчинилось любовному огню, / Сердце мое горит от любовной страсти*» («...Гыйшык илә вә илля хайраным мәнем...»), он заявляет об этом открыто: «*Отправляя письмо за письмом, / приобрел я плохую славу*» («*Бу сүзләрни шештүбән...*») и призывает наслаждаться любовью на земле:

«Предписал ли мне Бог взять тебя (замуж), / Взав тебя, оставаться в блаженстве. / Положить руки на твои груди. / В том и этом свете желаю быть вместе» («Нэзмы Йо-сыф») [цит. по: Сибгатуллина, 2001, с.102].

Кандалый преодолел назидательность и дидактику, противопоставляя им описание красоты окружающей действительности и внутреннего мира человека. Любовная лирика составляет большую часть поэтического наследия поэта. В своих юношеских стихах он воспевал красоту девушек, сравнивая их со свежим плодом, явлениями природы, месяцем, родником, садом, гурией, цветком, голубкой и т.д., красоту мимолетного чувства влюбленности («Амина», «Камиле» и др.). Чувства-переживания лирического героя переходят от уверенности в ответном чувстве («Сурәтең дешемә керер...») («Твой лик увижу во сне...») – к страданиям в связи с отказом избранницы («Ах, бармыйм дигән сүзек карадыр...») («Ах, твой отказ черный...»), «Сөйгәнәмә ышанмасаң, Бәдига...») («Если не веришь в мою любовь, Бадига...»).

Божественная и земная любовь в его стихах дополняют друг друга: *«Только закончу молитву, произнося «Аллах велик», / В душе моей появляется твой лик» («Фәхри» («Фәхри»); «После молитв, милая, / Прошу у Бога тебя я» («Колак тотып ишет, жәный...» («Услышь меня, милая...»)* [цит. по: Сибгатуллина, 2001, с.103]. Лирический герой – образованный мулла – противопоставляется невежественному мужику – человеку из толпы. Идеал Г.Кандалый особенно явственно проявился в новаторской для того времени поэме «Сахибджамал». В поэме, написанной в эпистолярной форме, воспевается любовь к девушке – простой крестьянке:

*Ты словно золотистый плод,
Твоя краса мне сердце жжет,
Нет сил терпеть разлуки гнет,
Уж очень истомился я!*

(Пер. Р.Морана) [Антология, 1957, с.84]).

Желание завоевать сердце красавицы наталкивается на непонимание с ее стороны. Лирический герой теряет терпение, в гневе и раздражении он начинает описывать будни безрадостной жизни татарки, обреченной на тяжелый физический труд и душевные страдания, с «простым мужиком». Обращаясь к

девушке, герой поэмы призывает ее выбрать себе будущего мужа – просвещенного муллу, тем самым отстаивая свободу выбора по любви и велению сердца:

Вся жизнь твоя – за годом год – в богатой горнице пройдет,

В игре и ласках, без забот, вдали от всех житейских бед.

В нарядах вечером и днем – вчера в одном, теперь в ином...

Жену, украсившую дом, лелеять будет муж – хазрет.

На ножках ичиги скрипят, сережки жемчугом горят.

Калфак атласный весь наряд венчает, излучая свет.

Тебя не будут обижать, ты в поте хлеб не будешь жать,

Иль, от жары сомлев, лежать, не смывши пота едкий след.

Когда же от игр устанешь ты, соскучившись увянешь ты,

Повсюду ездить станешь ты, чтоб поглядеть на белый свет.

(Пер. Р.Морана) [Антология, 1957, с.87].

Этот мотив присутствует и в других стихотворениях Г.Кандалый. В стихотворении «Бән сезләрэ бер сүземне...» («Я слово свое выскажу Вам»), советуя девушкам бороться за собственное счастье («*Не стыдись, о милая, скажи им (родителям) свое слово, / Если смолчишь, останешься в беде, / Не будет прощенья тебе от Бога*»), поэт допускает мысль о том, что если прошла любовь к мужу, женщина имеет право уйти от нелюбимого («*Ищи свой дальнейший путь сама, – / Даст Бог тебе суженого*»). По мнению М.Усманова, поэт, «вопреки господствующим юридическим и поведенческим нормам, согласно которым мусульманка-татарка пользовалась ограниченными правами (фактически являлась бесправной), становится в истории татарской общественной мысли первым последовательным поборником женской эмансипации...» [Усманов, 1988, с.552].

В зрелых сочинениях Г.Кандалый («Фәхрисорур», «Фатыйма», «Бәдига» и др.) лирический герой противопоставляет себя неучам из разных сословий, будь то мулла, богач или простолюдин. Его лирический герой объявляет войну невежественным муллам: «*Если и выгоните, не буду отчаивать-*

ся, / Писать тоже не перестану, / Все равно от меня не избавитесь, / Еще не то будет, / завернув чалму-чапан, / Буду ходить по степям / И не забуду вас, неучей, – / Обязательно воздам сторицей» («Бу илләрдә торып калсам...»). Тем самым Кандаый закладывал основы критической оценки моральных качеств духовных лиц. В стихах описывается также трагическая судьба татарки, звучит призыв к просвещению путем повышения уровня образования. Автор проявляет интерес к социальным проблемам, проблеме улучшения материального положения народа. Так, в стихотворении «Мулла белән абыстай» («Мулла и абыстай», 1855) воссоздан образ муллы, смысл жизни которого заключается в том, чтобы ходить на межлисы, сытно поесть и поспать.

Таким образом, именно в творчестве Г.Кандаый зародилась программа просветительства – распространения не только религиозных, но и светских знаний и канонов общечеловеческой морали среди всех слоев населения.

В литературном процессе начала XIX в. сильны фольклорное начало и романтические традиции восточной литературы. Возрождение дастанной беллетристики («Кыйссаи Тамимдар» И.Тубакова, 1831; «Кыйссаи Әбү Гали Сина», 1836 и др.) тесно взаимосвязано с тенденцией отхода татарской литературы от религиозно-дидактических традиций. Романтические поэмы-сказания Бахави («Бүз егет», 1842), Ахмета Уразаева-Курмаши («Таһир-Зөһрә»), Йусуфбека Шайхульислама («Сәйфелмөлек вә Бәдигыйлжәмал»), «хикаяты» С.Кукляшева и других поэтов повествуют о возвышенной любви, в них рассматриваются конфликты между разумом и чувствами, между долгом и увлечениями. Продолжая духовные традиции средневековья, эти произведения подводили читателя к мысли, что главным смыслом жизни являются любовь и свобода. Дастанная литература была популярной до 1917 г. Она представлена авторскими произведениями и переложениями Маулекай Юмачикова, Г.Махмудова, Ш.Ибрагимова, Ф.Халиди, Ш.Рахматуллина. По мнению М.Гайнутдинова, этот пласт литературы «расшатал традиционные устои» и «стал ареной вызревания художественной речи и

разных жанров новой реалистической литературы» [Гайнутдинов, 2003, с.56].

В заключение отметим, что зарождение в первой половине XIX в. татарского просветительства явилось результатом воздействия комплекса объективных и субъективных факторов, обусловленных изменениями в общественно-политической жизни России. Ключевую роль в активизации просветительской деятельности сыграло открытие Казанского университета. Университет, ставший очагом просвещения и способствовавший развитию культуры многочисленных народов Поволжья и Приуралья, превратил Казань в центр татарского возрождения.

Становление просветительства было взаимосвязано с внедрением различных форм светского научного знания, распространением светских форм культуры. Свое значение имело и религиозное реформаторство, которое освобождало сознание от религиозных догм, не отвергая и опровергая религиозность, что проявилось в идейно-философских исканиях в художественной литературе, в интересе к социальным проблемам (улучшение положения народа), в постановке идей свободы мысли. «В татарском обществе, как и в России в целом, непосредственное проявление передовых социально-политических стремлений было невозможно, а литература заменяла и общественную трибуну, и газетную публицистику, и ученую кафедру по социальным наукам» [Сибгатуллина, 2001, с.4].

Татарская литература первой половины XIX в. представляет собой сложную картину, отдельные элементы которой готовили последующий переход от средневековой, религиозной концепции личности – к просветительской. Создаются и религиозно-дидактические трактаты, и изящная суфийская поэзия, социальная сатира и путевые заметки, приключенческие дастаны и агиографические поэмы. Татарская суфийская поэзия первой половины XIX в. традиционно отражала различные стадии прохождения Пути мистиком – тауба и зухд, а также махабба, любви ко Всевышнему. Однако, наряду с суфийскими, в творчестве поэтов появляются произведения пейзажной, любовной или бытовой лирики, которые мож-

но назвать первыми образцами светской литературы. (Касаясь поэмы «Сахибджамал», Г.Рахим пишет: «Габдельжаббар Кандалий этой поэмой, написанной на чисто татарском языке, повествующей открыто, без всяких суфийских подтекстов, о земной любви, совершенно отличается от предшественников и занимает особое место. Этим он для нас ценен» [Рэхим, 1925, б.297]). Поэты закладывали основы новой, просветительской литературы, выдвигая на первый план способность человека познавать мир, любить, чувствовать, творить. Хотя все художники слова того времени были мусульманами и в художественной картине мира на первый план выходила единственная оппозиция: макрокосмос и микрокосмос (Бог и человек), в ее рамках постепенно шло эволюционное движение в сторону осмысления самооценности и гражданского предназначения человека, зависимости человеческого характера от общественных условий и морали своего времени. Татарская литература первой половины XIX в. отражала это движение во всех подробностях и деталях.

Развитие просветительства и татарская литература второй половины XIX в.

Татарское просветительство, как и просветительское движение других народов, сложилось как форма идеологического преодоления феодально-средневековых отношений. Зарождение в России капиталистических отношений привело к постепенной ломке вековых традиций и вызвало глубокие изменения в духовной жизни татарского народа. Эти новые веяния активизировали национальную жизнь, дали толчок к пробуждению национального самосознания, показали несоответствие продолжавших бытовать средневековых порядков потребностям общественного развития [Абдуллин, 2003, с.75].

Ведущая роль в этом процессе по-прежнему принадлежала Казанскому университету. В 1861 г. здесь была воссоздана кафедра турецко-татарского языка. Возник ряд научных обществ – Общество врачей Казани (1868 г.), Общество естествоиспытателей (1869 г.), Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ, 1878 г.). Казань стала третьим после Москвы и Санкт-Петербурга крупным научным центром России.

Во второй половине XIX в. типография университета стала одним из крупнейших издательских центров империи, где татарские издания составляли больше 50% заказов. Основное место среди них занимали издания произведений фольклора и художественной литературы. Так, поэма «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе») Кул Гали за этот период вышла в 23 изданиях [Каримуллин, 1983, с.60]. Увидели свет 150 изданий учебников татарского языка, учебники и учебные пособия по всем отраслям знания.

Начиная с 1860-х гг. татары включаются в движение за создание печатного периодического издания на родном языке. В 1863 г. К.Насыри и хозяин литографии М.Яхин подали прошение с просьбой разрешить им издание газеты. Получив отказ, К.Насыри в течение ряда лет продолжал упорно настаивать на необходимости издания газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»). Преподаватель тюркских языков Санкт-Петербургского университета Х.Фаизханов также ходатайствовал об этом (1857–1859 гг.). В начале 1870-х гг. было отклонено прошение унтер-офицера А.Кутлюярова и купеческого сына Х.Бикбулатова (Санкт-Петербург), которые намеревались издавать газету «Дәфтәре междәвәр» («Сборник вестей»). А.Кутлюяров подал еще два прошения о разрешении издавать в столице газету «Междәвәр». В 1885 г. безуспешную попытку предпринял уроженец Спасского у. Казанской губ. С.Ахмеров. Осталось без внимания прошение зачинателя татарской драматургии Г.Ильясина (1887) об издании газеты «Казан» («Казань»). Отказ на издание газет «Хәфтә» («Неделя»), «Чишмә» («Родник») и «Нур» («Луч») в 1891–1895 гг. получил Г.Баязитов, переводчик МИД, коллежский ассессор, ахун 2-й махалли Санкт-Петербурга. Не были удовлетворены аналогичные просьбы писателя З. Бигиева, почетного председателя Императорского общества по изучению Востока О.С.Лебедевой (1893 г.), инспектора КТУШ Ш.Ахмерова (1894–1895 гг.). По данным Р.Амирханова, до 1905 г. на имя министра внутренних дел, в Главное управление по делам печати, Санкт-Петербургский цензурный комитет, на имя казанского губернатора поступило более 20 прошений от татар с просьбой разрешить им организовать перио-

дические издания на родном языке, однако правительственные органы неизменно отвечали отказом лицам, пытавшимся взять на себя ответственность за издание, ссылаясь то на якобы их некомпетентность, то на невозможность контроля со стороны цензуры за периодическими изданиями на татарском языке [Амирханов, 2002, с.35–36].

Прорывом в этом направлении стало учреждение Исмаилом Гаспринским (1851–1914) в 1883 г. газеты «Тәржеман» («Переводчик»). Газета выходила 1–2 раза в неделю, но эффект, производимый ею среди тюркских народов, был огромен. На страницах этого издания просветитель выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов России на основе «единства языка, мысли и действий» мусульман, считая при этом образование главным для национального возрождения мусульман страны [ТЭ, т.2, с.64]. Газета призывала совершенствовать свои знания, заниматься общественной работой, служила толчком к литературной и педагогической деятельности. Под влиянием «Тәржемана» в разных концах России открывались новые школы, благотворительные учреждения, зарождалась литературная деятельность [Мухаметдинов, 2005, с.65].

Татарская интеллигенция особое внимание уделяла изданию и распространению книг, литература рассматривалась как средство популяризации идей просветительства. Показательно в этом отношении письмо будущего золотопромышленника и издателя Шакира Рамиева, написанное им в 1881 г. 21-летнему брату Закиру, получавшему высшее образование в Стамбуле: «В наших краях понемногу поднимают вопрос о налаживании дела просвещения, но не знаю, далеко ли пойдут, сказать пока трудно. Вы сами видели и знаете, наш народ не обращает внимания на слова тех людей, у которых нет чапана или чалмы на голове. Некоторые люди испугались, услышав, что Гаспринским готовится издание газеты, и говорили, показывая палкой издалика: «Газета, газета... ведет к порче мира». Правда, воспитанию поддается все, и поэтому необходимо чтение новых книг, сборников, рисующих события жизни. Для нашей нации пока приемлема книга, а не газета. По этой причине постарайтесь привезти побольше разных

книг, дающих знания, и романы, показывающие прогрессивное развитие. Пишите о возможности приобретения, о стоимости и доставке типографских шрифтов. Можете ли их привезти в эту вашу поездку или в другой раз, но надо стараться...» [Письмо, 1913, с.189].

Эти идеи были широко распространены среди просветителей. Например, *Рахматулла Амирханов (1805–1876)* – просветитель, переводчик и издатель – за свой счет выпустил составленные им сочинения, учебно-дидактические произведения («Зөбдәтен-нәсаих» («Наилучшие советы», 1849), «Гакаида мәнзумә» («Верочение в стихах», 1856), «Мәғрифәтнамә» («Книга знаний», 1845, турецкого поэта Ибрагима Хаккый и др.) и бесплатно передавал их в сельские учебные заведения. В 1841 г. он начал издавать татарские календари [Гайнутдинов, 2002, с.140], послужившие фундаментом для формирования татарской периодической печати. Данное направление получило мощное развитие во второй половине XIX в.

В 1871 г. появился «Казан календаре» («Казанский календарь») К.Насыри (выходил ежегодно до 1898 г.). Насыри уделял особое внимание хронологии событий, имевших место в России и в мире, информативного материала о правилах торговли, ценах, деятельности банков, о составлении торговых документов. Такая реклама нашла место и в настольных календарях справочного типа педагога, писателя и переводчика Ш.Рахматуллина, издававшихся в течение 10 лет (начиная с 1891 г.).

В 1893 г. Ф.Халиди начал выпускать настенные календари, содержавшие сведения о мусульманских и христианских праздниках, литературные и исторические материалы, а также кулинарные рецепты, полезные советы, занимательные рассказы и легенды небольшого объема, которые в течение 30 лет радовали татарского читателя [Мөхәммәтшин, 2001, б.47–71]. В 1898 г. А.Максуди выпустил первый настенный отрывной календарь «Такими дивари» («Настенный календарь»). Во всех календарях помещались фольклорные произведения, исторические сведения.

Эти традиции в начале XX в. были продолжены в календарях «Заман» («Эпоха») Ш.Шагидуллина, «Мөшәварәт» («Совет-

чик») М.Кадермати, «Шәрык» («Восток») К.Баширова и др., ставших одновременно научно-популярными, информационно-справочными и развлекательными иллюстрированными изданиями в большом формате. В начале XX в. среди печатной продукции национальных издательств братьев Каримовых, «Сабах», «Миллят» календари занимали достойное место [Зайни, 2004, с.11].

Развитие дастанной литературы также было связано со стремлением татарской интеллигенции к популяризации книг среди народа («Марзбан намә» Г.Махмудова, 1864; «Повествование осорокавизирях» К.Насыри, 1868; «Повествование о Хатаме Таи», 1876) и др. К концу XIX в. появляются книги, в которых популярно излагаются ответы на злободневные проблемы: «Әсбаб әл-фөкр вәл-гана» («Причины бедности и богатства», 1899) Ш.Хамиди, «Нәсаих нәфиға» («Полезные советы», 1899) М.Галимова и т.д.

В эпоху просветительства большое значение приобрел перевод на татарский язык лучших образцов русской литературы. В 1867 г. Йосифом Эраком был переведен и издан «Бахчисарайский фонтан» А.С.Пушкина под названием «Күз яше чишмәсе» с посвящением А.К.Казем-Беку. В 1890 г. отдельной книгой издан рассказ Л.Н.Толстого «Упустишь огонь, не потушишь», к концу 1890-х гг. – «Робинзон Крузо» Д.Дефо (1897), «Ашик-Кериб» и «Бэла» М.Ю.Лермонтова (1898), осуществлялся перевод «Капитанской дочки» А.С.Пушкина, произведений «Старосветские помещики», «Ревизор», «Женитьба» Н.В.Гоголя и др.

Возникшее в татарском обществе стремление к европеизации и одновременно желание сохранить восточные традиции не противоречили, а дополняли друг друга. Эта тенденция хорошо прослеживается на примере деятельности Ш.Марджани (1818–1889), К.Насыри (1825–1902) и др.

Шигабуддин Марджани прекрасно владел восточными языками, обладал обширными знаниями в области восточной культуры. Он активно сотрудничал с учеными-востоковедами Казанского университета (проф. И.Ф.Готвальдом, тюркологом В.В.Радловым, проф. А.Казем-Беком, первой женщиной востоковедом О.С.Лебедевой, известной среди татар как Гульнар-ханум, и др.), Санкт-Петербурга

(В.В.Вельяминовым-Зерновым, шейхом ат-Тантави). Первым из мусульманских ученых он был избран членом ОАИЭ и стал его активным участником [Юзеев, 2005, с.48].

Ш.Марджани целенаправленно занимался научной работой, его шеститомный словарь «Вафият әл-әсляф вә тәхийәт әл-әхляф» («Подробное о предшественниках, их приветствие потомкам») стал энциклопедией духовной жизни Востока. Автор составил к словарю «Мөкаддимә» («Введение»), в котором описывается история зарождения наук на Востоке, дается их классификация, рассматриваются особенности основных школ в исламе. Этот труд (1883 г.) принадлежит к особому жанру восточных литератур – табакат (жанру биографий), в нем автор излагает взгляды на различные вопросы гуманитарных наук.

Науку Марджани считал движущей силой общества, он делил науки на рациональные (гаклия) и традиционные (наклия). К рациональным он относил математику, физику, медицину и т.п., к традиционным – языковедение, синтаксис и отдельные направления теории литературы: «маган – наука о создании логически правильного содержания с помощью особого расположения слов, баян – наука о способах выражения одного и того же смысла, бадиг – наука о красоте, образности речи, гаруз – наука о стихосложении» [Марджани, 1999, б.47]. По мнению автора, словесные научные дисциплины, будучи сначала средством для понимания Корана и Сунны, позднее стали самостоятельными науками. В становлении философии и филологии основную роль, по его мнению, сыграли труды древнегреческих ученых. Марджани анализирует взгляды Аристотеля, Платона, Сократа и др., касающиеся литературы и художественного произведения. Проводниками этих концепций в мусульманский мир он считал аль-Фараби, Абу Гали Сину [Марджани, 1999, б.31–32]. Хотя Марджани и составил классификацию наук по аналогии с классификацией Ибн Халдуна, он стремился конкретизировать ее своими дополнениями и открытиями [Хисмәтуллин, 1999, б.23].

В «Мукаддима» есть отдельные высказывания об особенностях поэзии, литературы. Автор считал, что поэзия должна быть гармоничной и нравиться людям. Что каса-

ется сущности искусства, то ее Марджани видел в выражении истины и воздействии на умы и сердца людей. Истинность воспринималась им не как факультативный признак художественного слова, а как неотъемлемое качество литературы: неистинное – не поэзия. Утверждение о нераздельности поэзии и правды, требование от литературы нечто большего, чем художественное изложение материала, осмысление значения литературы в контексте нравственных ценностей были закреплены Ш.Марджани не только в религиозном, но и в научном аспекте. Обратив на это внимание, Г.Губайдуллин назвал эту книгу трудом человека, стремившегося синтезировать религиозную и научную мысль, влюбленного в красоту [Гобәйдуллин, 1989, 6.314–315]. Действительно, Ш.Марджани предпринял попытку вывести науку на приоритетное место в обществе наряду с религией. Составленная им классификация наук, в т.ч. литературоведения, сыграла важную роль в их популяризации среди татарского населения.

Расширение историко-литературных представлений у татар началось с публикации исторического труда Марджани о Волжской Булгарии и Казанском ханстве «Мөстәфәдәл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара», 1885, т.1), в котором он стремился проследить связь татарской национальной традиционной науки и культуры с историей, литературой и наукой центральных областей мусульманского мира и показать вклад татар в общемусульманскую науку и культуру. В частности, Ш.Марджани впервые исследовал тюрко-татарские памятники «Нәһж әл-фәрадис», «Кыйссаи Йосыф», «Бәдавам» и др., и доказывал, что они действительно являются духовным наследием татар. Кроме того, он приводил сведения о татарских поэтах Кул Гали, Г.Утыз Имяни и др.

Деятельность Ш.Марджани в области историко-литературных поисков продолжил *Риза Фахретдин (1858–1936)* – мыслитель, общественный деятель и писатель. Родился в д.Кичучатово Бугульминского у. Самарской губ. в семье муллы. Начальное образование получил в медресе своего отца, 10 лет учился в медресе д.Нижние Чершиллы.

В 1886 г. отправился в Казань, где встретился с Марджани. В 1889 г. начал работать имам-хатибом мечети, мударрисом медресе д.Ильбяково Бугульминского у. Одновременно занимался научной деятельностью. Первые свои трактаты «Китаб әт-тасриф» и «Китаб әл-игътибар» (1887–1888) посвятил преподаванию арабского языка и мусульманскому праву.

В 1891 г. Р.Фахретдина назначили кадем Духовного собрания. В это время он собирал материал для шеститомного библиографического труда «Асар» («Памятники»), в котором приведены биографии татар-мусульман начиная с XIII в. до начала XX в. Кроме того, в рамках серии «Знаменитые мужи» он издает ряд книг об известных арабо-мусульманских мыслителях: Ибн Рушде (1905), аль-Маарри (1908), Газали (1909), Ибн Таймийа (1911), Ибн аль-Араби (1911), о выдающихся женщинах мусульманского мира – «Мәшһүр хатынар» («Знаменитые женщины», 1903). Их жизнь и деятельность он считал образцом для подражания.

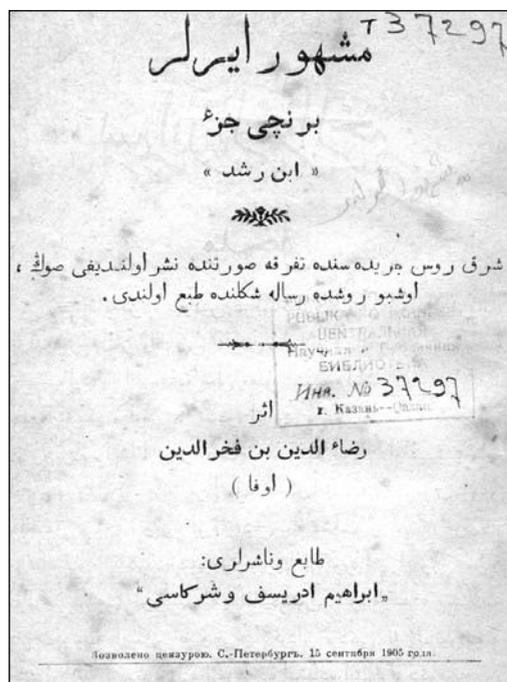
Р.Фахретдин является автором 11 книг, посвященных нравственному воспитанию детей («Воспитанная мать» (1898), «Воспитанное дитя» (1898), «Нравственность шакирда» (1899) и др.). Они использовались в качестве учебников в медресе. Он написал две повести: «Салима, или Целомудрие» («Сәлимә, яки Гыйффәт», 1898), «Асма, или Деяние и воздаяние» («Әсма, яки Гамәл вә Жәза», 1903), в которых выдвинул идеал женщины-мусульманки, получившей европейское образование, которая могла бы стать не только матерью семейства, но и матерью нации. Так, главный герой повести «Салима...» – татарский шакирд, учился в старометодном медресе, затем перешел в джадидистское. Но он мало знаком с настоящим просвещением, ремеслами, искусством. По сравнению с гимназистами и студентами он кажется отсталым. В противовес ему Р.Фахретдин создает идеальный образ девушки Салимы – образованной и культурной мусульманки, которая окончила один из египетских университетов, в совершенстве владеет арабским, французским и английским языками. О ней автор пишет с восхищением: «Насколько она умна, настолько миловидна

и практична, привлекательна и нежна. Несколько образована и этична, настолько учена и обворожительна. Как масло мягкий; ее голос чарует душу, как трель соловья, убаюкивает, как дуновение утреннего ветерка. Ее можно было бы назвать идеальной девушкой, являющейся морем науки» [цит. по: История татарской, 2003, с.130]. Образ Салимы стал воплощением авторского идеала: через своих героев писатель передает значимые для своего времени просветительские идеи.

Кроме того, в многочисленных отступлениях, нацеленных на создание нового мировоззрения, пропагандируются просветительские воззрения. Вот наиболее характерная цитата: «Для жизни недостаточно знания одних религиозных догм, нужны научные знания. Для того, чтобы молодежь могла служить народу, нужно перестроить методы обучения и воспитания в медресе. Без знания русского языка и овладения основами наук невозможно служить народу. Если вы хотите сделать нацию счастливой, то нужно ей дать знания и развить ремесла. Без знания русского языка – все это невозможно» [цит. по: История татарской, 2003, с.130]. Убеждения автора были созвучны с культурными запросами и устремлениями татарской интеллигенции.

Известный ученый-энциклопедист, педагог и общественный деятель *Каюм Насыри* (1825–1902) как важный фактор культурного развития татар выделял устойчивый интерес к русской культуре и общественной жизни. Будучи шакирдом, одновременно с учебой в медресе он изучал русский язык. С 1855 г. начал преподавать татарский язык в Казанской духовной семинарии. В 1871 г. открыл в Казани первую начальную русско-татарскую школу. Издаваемые им в течение 24 лет ежегодные календари достойно выполняли функцию татарской периодической печати. В 1885 г. Насыри был избран членом ОАИЭ.

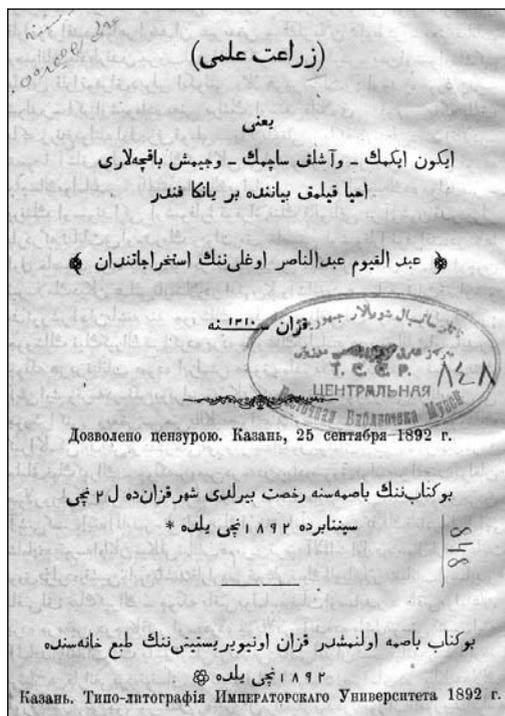
К.Насыри внес огромный вклад практически во все основные отрасли науки и культуры. В 1860 г. был издан его учебник для начальной школы «Буш вакыт» («На досуге»), в котором рассматривались вопросы нравственности в традициях мусульманской этики. На конкретных примерах из жизни татарских семей Насыри рассказывал юному

Обложка книги Р.Фэхретдина «Ибн Решд» (Оренбург, 1905).

читателю, что такое доброта, милосердие, уважение старших, обман, хитрость и др., чем оборачиваются те или иные деяния.

В дальнейшем ученый написал учебники по математике («Хисаплык, ягъни Гыйльме хисап кагыйдэләре, яки арифметика вә хисаплык мәсьәләләрә» («Арифметика», 1873), «Истыйлахәт гыйльме һәндәсә» («Геометрия» 1895), географии («Истиләхәте жәгърәфия» («Основы географии», 1890), «Жәгърәфияи кәбир» («Полная география» в трех частях, 1894–1899), ботанике («Гыйльме зирәгать» («Основы земледелия», 1892), «Гөлзар вә чәмәнзар» («Растения и цветы», 1894) и медицине («Мөнафигъ әгъза вә кануне сыйххәт» («Человеческий организм и правила гигиены», 1892), брошюры о ювелирном и слесарном ремеслах, о приготовлении пищи. В учебных пособиях «Әхлак рисаләсе» («Хрестоматия нравственности», 1881, 1890), «Тәрбия китабы» («Книга воспитания», 1891), «Тәрбия» («Воспитание», 1892) и др. поднимаются вопросы этики, воспитания, педагогики. Отдельное место занимают его учебники и пособия для изучения русского языка: «Кавагыйде кыйраәте рус» («Правила русского чтения», 1889), «Нәмунә, яки Әнмүзәж» («Граммати-

Обложка книги К.Насыри «Зирагат гыйлеми» (Казан, 1892).

ка русского языка, составленная по образцу арабского языка», 1891), «Лөгате рус китабы» («Русско-татарский словарь», 1892), «Зөбдәтән мин тәварихе эре Руси» («Краткая русская история», 1890).

В 1882 г. К.Насыри издал переведенный им персидский трактат Кейкавуса по поэтике «Кабуснамә» (XVI в.), в комментарии к которому изложил требования к поэтической речи. Вслед за Кейкавусом К.Насыри ставит перед татарскими поэтами определенные условия: произведения должны быть содержательными, упорядоченными, рифмованными и насыщенными элементами фантазии. В книге изложено учение о различиях поэзии и прозы, о поэтических родах и видах. С выходом трактата был положен конец периоду «трехязычного» развития теоретико-литературной мысли, хотя арабский и персидский еще оставались языками науки. Книга оказала огромное влияние на дальнейшее развитие национального стихосложения, так как с этого времени начинается сближение национальной художественной практики с теорией литературы.

Со второй половины XIX в. начинается изучение национальных памятников народ-

ной словесности с применением теоретико-литературных понятий. Это направление также связано с именем К.Насыри. С 1871 г. он печатает в «Казанском календаре» образцы татарского фольклора. А в 1880 г. появляется его книга «Кырык бакча» («Сорок разделов»), в которой автор знакомит читателей с образцами татарской народной литературы и приводит учение о поэтических жанрах фольклора. В частности, он выделяет шесть жанровых видов татарских народных песен: грустные, хвалебные, тоскливые, песни о любви и о разлуке, о страданиях.

В традициях средневекового адаба – требований к образованной и воспитанной личности – написана его книга «Фэвакиһ эл-жөләсә фи-л-әдәбият» («Плоды разговоров о литературе», 1884), где воссоздан идеал человека, интерпретированы положительные и отрицательные качества, присущие людям. Сороковая глава книги посвящена проблемам теории и истории литературы. Некоторые вопросы теоретического характера переведены К.Насыри из трактатов «Мостатраф» египетского ученого XIV в. Мухаммада Ахмад аль-Хатыйба и «Равзыл-ахьяр» лексиколога XII в. Замахшари, о чем автор извещает читателя во вводной части книги.

К.Насыри и здесь продолжает изучение литературы и, помимо мотивационной классификации, поднимает проблему структуры фольклорного текста. Ученый, например, указывает, что строфа татарского стиха состоит из двух строк, а первые две строки куплета народной песни по содержанию отличаются от двух последних. Также им выявлена вариативность татарской песни. Ученый интересуется историей возникновения фольклора, высказывает свои мысли о целях и функциях литературы. К.Насыри, как и Ш.Марджани, считал литературу эффективным средством воздействия на человека, эстетическое наслаждение он называет естественной потребностью людей, обращая внимание на концепцию катарсиса. Впервые в татарской теоретико-литературной мысли К.Насыри задумывается над критериями оценки отдельных произведений. Применительно к татарской народной песне в качестве оценочных критериев он выделяет красоту слога, изящность слов и приятность смысла. В аксиологическом плане автор ви-

дит в литературе идеальную, труднодостижимую форму.

В книге делается попытка ритмического и метрического анализа фольклорных и литературных произведений (например, поэмы «Сэхипжэмал» Г.Кандалый). При этом автор применяет метры гаруза. Этот факт был знаменателен для татарской теоретической мысли. Как известно, в татарской литературе XIX в. соседствовали многие художественно-эстетические системы (суфийская, просветительская, религиозно-дидактическая литература и др.), и, с точки зрения каждой из них, сама литература, ее границы, задачи и достижения выглядят неодинаково. Каждая система имела свою, существующую в особой форме теорию. Строгую, хотя и не эксплицированную теоретическую базу имел и фольклор. В своем анализе, «переключаясь» от литературы к фольклору, К.Насыри доказывал возможность построения единой научной концепции исследования различных литературных систем. Такое утверждение могло появиться потому, что теоретическая раздробленность сделалась осознанным фактом, сквозь который просматривалась разнотильность татарской литературы. Кроме того, исследование К.Насыри по гарузу активизировало изучение особенностей татарского гаруза, способствовало поиску отличительных черт татарских метров-вазен от арабских и персидских.

На рубеже 40–50-х гг. XIX в. в западноевропейской и русской филологической науке оформляется особое научное направление – так называемая мифологическая школа. На страницах «ИОАИЭ», начиная с 1894 г. печатаются статьи Е.А.Малова, Н.Н.Катанова, Я.Коблова, Ал.Дмитриева, С.М.Матвеева, И.Н.Смирнова, в которых применяется сравнительно-исторический метод в изучении татарской литературы и фольклора. Концепцией мифологической школы интересуется и К.Насыри. В своем труде «Поверья и обряды казанских татар» (1880) он прибегает к сравнению татарских народных поверий с фольклором других народов. Применяя принцип заимствования, или миграционную теорию, К.Насыри пытается определить истоки некоторых мифов и сказок. В 1896 г. выходит его работа «Образцы народной литературы казанских татар», а в 1900 г. – в соавторстве

с П.А.Поляковым – «Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов». Авторы комментируют отдельные произведения, связывают их с народной жизнью, подчеркивая, что мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке, есть не что иное, как народное осознание природы и духа, выразившееся в определенных образах.

К.Насыри вошел в историю татарской литературы как автор ряда художественных произведений. В частности, его произведение «Әбүгалисина» («Абугалисина», 1872), посвященное великому мыслителю средневековья Ибн Сине, а также «Кырык вәзир кыйссасы» («Повесть о сорока везирах», 1868), «Әфсәнэи Гөлрүх вә Камәржан» («Предание о Гүльрүхе и Камарджане», 1896) и др., в которые вошли переработанные новеллы и рассказы из арабской, персидской и турецкой литератур, были популярны среди татар. В них сказочно-фантастические мотивы переплетаются с нравоведением, герой теряет свой эпико-героический статус и становится частным человеком, а сюжеты служат средством иносказания.

Таким образом, во второй половине XIX в. в социокультурной жизни татар намечается постепенный перелом, приходит осознание необходимости сближения с европейской культурой, переустройства жизни в соответствии с потребностями Нового времени. Дж.Валиди по этому поводу писал: «Тенденция к этому (пробуждению) мы видели у Ш.Марджани и представителей переводно-календарной литературы. Но все это как стихийно-общее и органически-непрерывное явление выразилось в особого рода умственно-культурном движении, носившем название «усул джадид», т.е. новый метод. Представители этого движения считали нужным начать дело реформы со школы и азбуки, вследствие чего течение это отличалось большой популярностью и жизненностью. Вопрос реформы школ обсуждался не только среди ученых и педагогов: реформа касалась самых низов народа и живо интересовала все слои населения. В истории татар, вероятно, не было такого глубоко волнующего народную душу вопроса, как вопрос обновления школ, поставленный новометодистами» [Валидов, 1998, с.40].

Обложка книги Г.Биктимеровой «Тэргыйбел-банат фи тэглимел-эдэбият» (СПб., 1897).

Действительно, в XIX в. развитие образования было единственно возможной формой духовного возрождения и возрастания интеллектуального потенциала общества. Просветители уделяли особое внимание подготовке кадров, способных проявить себя в деле реформирования национальной жизнедеятельности. Функционирование системы мусульманского образования во многом зависело от благотворительных организаций и фондов, заинтересованных в конечных результатах просветительского движения. У мусульман была широко распространена частная благотворительность. На их средства строились и содержались учебные заведения, библиотеки, издавались книги.

Эти новшества способствовали смене ориентиров в литературном процессе: во второй половине XIX в. формируется татарская светская просветительская литература. Именно просветительское движение стало той благодатной почвой, на которой зарождалась новая литература.

Создаваемые просветителями произведения ставили наиболее злободневные, с их

точки зрения, проблемы национального бытия. Усиление тяги к реалистическому восприятию современной им действительности привело к появлению совершенно иной, реалистической модели мира в литературе, где оппозицией служили две стороны действительности в разных модификациях: новое-старое; просвещение-невежество; добро-зло; счастье-несчастье; живое-мертвое; духовное-материальное; бедность-богатство. В основу этой модели были положены вера в преобразующую силу человеческого разума, стремление возродить идеи справедливого общества, неприязнь к любым проявлениям невежества, лицемерия, злости. Хотя все литераторы были мусульманами, процесс секуляризации выдвинул на первый план изображение реальной действительности, и ирреальность стала служить лишь далеким фоном в данной модели мира.

Новые идейно-эстетические, жанровые установки, прежде всего, проявились в поэзии. По мнению А.Сибгатуллиной, именно поэзия выполнила в литературном процессе роль моста, помогла осуществить плавный переход от одной ступени развития к более высокой, от средневековой концепции личности к концепции Нового времени [Сибгатуллина, 2001, с.10]. В творчестве Г.Чокря, Акмуллы, Бахаветдина Ваисова (1819–1893), Галимательбанат Биктимировой (1876–1906), Газизы Самитовой (1862–1929) и др. возникают картины и поднимаются актуальные проблемы современной им действительности, критикуются отдельные проявления невежества, воспеваются просвещенный человек. От критики отдельных человеческих качеств представителей татарского духовенства татарская поэзия переходит к «злой» сатире, направленной на преодоление «невыносимых условий», в которые поставлен человек. Перо поэтов-просветителей начинает воссоздавать такие стороны жизни, которые раньше считались недостойными внимания художественной литературы.

Творчество *Мифтахутдина Акмуллы (1831–1895)*, представителя татарской, казахской, башкирской литератур, отличается афористичностью, большинство его произведений написаны в традиции тюркских акынов, для чтения речитативом. Уроженец д.Туксанбаево Белебеевского у. Оренбург-

ской губ., сын деревенского муллы, он брал уроки у поэта-суфия Ш.Заки. В Троицке занимался у шейха З.Расулева. Скитался по деревням, обучая детей и продавая книги. Был арестован по доносу, в 1867–1871 гг. в тюрьме г.Троицка написал знаменитый тюремный цикл стихов. Погиб трагически.

Суфизм привлекал Акмулла как возможность самосовершенствования. Например, в стихотворении «Берадэр, чын мулла кем?...» («Братцы, кто настоящий мулла?») он восклицает: *«Братцы, знаете, кто настоящий мулла?/ Видите книги суфизма?»*. Именно через воспитание, совершенствование человека поэт мечтал построить идеальное общество. Причину всех бед он видел в невежестве и беспечности народа, считая, что его сознание пребывает в вековой спячке (*«Сколько бед на нашу долю приходится, / Народ же, зная это, в беспечности пребывает. / Нет беспокойства от беспечности, нет пробуждения, / А караваны идут и идут один вслед за другим»*), его действия были нацелены на преодоление этой спячки. Именно через образование, воспитание, совершенствование человека – при помощи книг, увещеваний – поэт считал возможным изменить мир, его порядки. Акмулла превозносит науку, знания, ремесла:

*Человеку трудно за богатством угнаться,
Нет проку от устаревших понятий.
Качество мужчины – в просвещении,
Не следует беспечно относиться к ремеслу.*

(«Мужества черта – в просвещении», пер. Р.Шакур) [Шакур, 2006, с.103].

Хотя в его творчестве сильны традиции суфийской поэзии, особенно Ш.Заки [Ахметов, 2003, с.162], статус лирического героя – представителя простого люда, интересующегося всем происходящим вокруг, человека равнодушного и думающего, привносит новые темы и мотивы. Мотив прославления просветителей особенно ярко проявился в посвященной светлой памяти Ш.Марджани марсии «Элегия-некролог досточтимого Шигабутдина» (1892). Конкретная историческая личность, просветитель восхваляется по образу и подобию пророков, святых. В стихотворении поэт называет Казань средоточием татарской культуры, а

Марджани – своим духовным наставником (как у суфиев), но воспевает его как лидера и защитника народа, тем самым «приземляя». «Герой Акмуллы – человек, смело выступивший против старых устоев, человек – борец» [Садретдинов, 1983, с.51]. Такой герой проявляется в другой его марсии – «Хөрмәтле Ризәтдин – бер камил зат...» («Уважаемый Ризәтдин – совершенная личность»). Называя совершенными личностями знаменитых ученых своего времени, поэт тем самым возвышает роль образования и науки, определяя их одним из самых значимых богоугодных дел.

Другой мотив – критика существующих порядков, нравственного состояния татарского общества. Лирический герой самоироничен: он выступает как один из несовершенных представителей несовершенного мусульманского общества. Иногда в уста лирического героя Акмулла вкладывает слова отрицательных героев-объектов его критики: *«Глаза народа мы застлали тьмою, / Мы стали для него бедою, чумою. / Какой ужасный вздор нередко мелет / Почтенный человек с большой чалмою!»* (Пер. С.Липкина). Прием уводит национальную поэзию от назидательной «заданности».

Акмулла прекрасно знал жизнь и быт народа, обращался к самым животрепещущим и насущным проблемам времени. Причину всех бед современного ему общества Акмулла видел в невежестве и беспечности, а предназначение поэта – в популяризации знаний, учености. Лирический герой готов отдать для этого все свои силы, считает разум и мораль, образованность и нравственность едиными. Только высокообразованное общество может воспитать честных, чистых людей. В его знаменитом вступлении к нравственно-дидактическому трактату «Прежде всего нам необходимы святы убеждения...», который до сих пор живет в народе в виде мунаджата, определены необходимые качества личности. Это – наличие благородных убеждений, незапятнанная душа, ум, умеренность в потребностях, благовоспитанность, выдержка, преданность, искренность» [цит. по: Ахметов, 2003, с.166]. Среди этих качеств присутствует свободомыслие, которое выделяется в его творчестве как самостоятельный мотив. Вместе

с тем чувствуется осознание им тщетности своих попыток изменить общество.

М.Акмулла, продолжая традиции народных певцов-чичэн, стремился стать участником и освещать все важнейшие события эпохи. Он был одним из первых поэтов, сумевших передать страдания и надежды на возрождение былого величия народа.

Гали Чокрый (Мухаммадгали Габдессалихович Кишков, 1826–1889) – поэт и писатель, просветитель, в чьем творчестве также заметно влияние обновления. Родился в д.Старый Чокур Бирского у. Уфимской губ. в семье муллы. Начальное образование получил у своих родителей, до 21 года учился во многих медресе Поволжья и Приуралья. В 1849 г., после смерти отца, стал имамом в родной деревне. Чокрый принадлежал к суфийскому братству накшбандийа-муджаддия, был учеником шейха Мухаммада Мурада аль-Бадахшани. Четырежды совершал хадж в Мекку (1872, 1879, 1880, 1889 гг.), во время паломничества стал наследником основателя ветви муджаддия Ахмада Сирхинди шейхом Мухаммадом Мазхаром Сахиб-заде [Гумеров, 2003, с.13].

Первое произведение Г.Чокрый «Тэжвид» («Обучение правильному чтению Корана», 1873) задумано как учебник для мектебе. Он написал ряд учебников – религиозных наставлений, в которых приводятся религиозно-мистические идеи, проповедуются религиозные обряды: «Заммы назыйр» («Добавление к сочинению «Конец света» С.Бакыргани», 1888), «Тархибе рамазан» («Почитание рамазана») и др. У Чокрыя есть стихотворение, посвященное пророку Мухаммаду, где он называет Его «хэбиб эл-мустиган» (любимец Аллаха), «шэфиғ эл-мэзнийн» (заступник презренных). Лирический герой Чокрыя рассказывает пророку о своих невзгодах и надеждах, выражает готовность отдать за него жизнь: «Если есть у меня тысяча жизней, я все хотел бы отдать за Тебя».

В его рукописной книге «Тэварихе Болгария, яки тэгрибе Гари» («История Болгарии, или пересказ ее, произведенный Гари») есть стихотворения суфийского толка. «Фосуле эрбага» («Времена года»), «Замму назыйр» («Подобное присоединение»), «Фэйзи Гари» («Великодушие Чокрыя») и др. посвящены

воспеванию любви ко Всевышнему. Идею единства Бога и человека Чокрый выражает посредством различных образов-символов: соловья и розы, моря (бэхер), жемчужины (дөрре), ныряльщика (гаувас), луча (нур), дороги (тарика), весны, осени и т.п. В суфийском постижении истины Чокрый особое внимание уделяет зикру как первому шагу на пути божественной любви. В поэме «Фосуле арбага» зикр сравнивается с весенними голосами природы, его герой в пении птиц и голосах зверей, в дунении ветра слышит песни божественной любви: «*Это все говорит об одном лишь, / Они песнь о любви поют*» [цит. по: Гумеров, 2003, с.16].

Перу Чокрый принадлежат около 200 махдия и марсия, сборник «Шэмг эз-зия» («Источник света», 1883) целиком посвящен восхвалению деятелей прошлого, оставивших заметный след в истории. Поэма «Хвалебная песня Казани» («Мэдхе Казан», 1889) стала своеобразной точкой отсчета в создании произведений, реконструирующих историческое прошлое татарского народа. С одной стороны, возвышенный, романтизированный образ Казани представлен как средоточие света и цвета нации. Образ «несравненной Казани» стал одним из первых в мифологизации города как центра татарской культуры, науки и образования:

Там производят башмаки, халаты, ичиги, платки,

Их восхваляют знатоки, пленясь работою отменной.

Прекрасно женщин ремесло, их вышивки блестят светло,

А тубетеек всех число равно числу людей Вселенной!

Там всюду – чистота жилья, чисты и жены, и мужья,

Там – песен чистая струя, там знаний и кладезь драгоценный.

Немало там врачей, певцов, писателей и мудрецов,

Хвалы текут со всех концов, – тебе, приют благословенный!

(Пер. С.Липкина) [Антология, 1957, с.96].

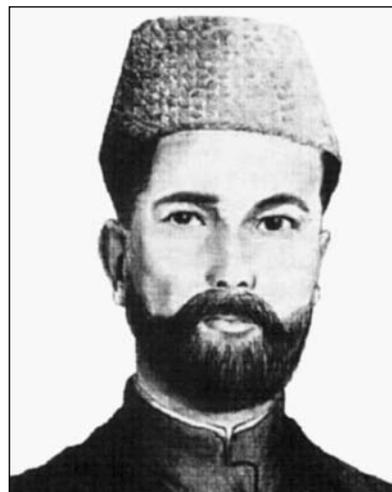
На этом фоне автор задумывается о прошлом своей нации: в первой главе поэмы он описывает гибель священного города Булгар, который был столицей идеального го-

сударства, где процветала культура ислама (дарел-ислам) («Булгар, святой дом ислама, превращен в руины»). Казань называется духовной наследницей Булгара [Гумеров, 2003, с.16]. С другой стороны, исторические события описываются с оценочной позиции представителя татарского народа («*Пришел Аксак-Тимур, злодей, убийца старцев и детей, / Чтоб мусульман разбить скорей, чтоб город превратить в руины. / Он городу нанес удар, ворвался, как степной пожар, / Унизил, сокрушил Булгар, погубил женщины, мужчины...*», пер. С.Липкина). В стихотворении чувствуется стремление разбудить чувство национальной гордости, обратить внимание читателя-современника на созидательный потенциал нации. В дальнейшем эта тенденция будет развита во всех жанрах просветительской литературы.

Другой мотив – восхваление современников за конкретные дела – в одах Гали Чокрый приобретает иное содержание. Это наглядно можно увидеть на примере двух его од. В первой, посвященной просветительской деятельности Ш.Марджани, объект восхищения представлен традиционно – в статусе святого («*Изучив много наук, философию, направил нас к истине*»). Однако в оде, посвященной Нигматулле ишану, отмечено то полезное, что он сделал для людей, в частности, что Нигматулла от родника до центра деревни проложил трубы, и по ним течет вода, которой пользуются все.

Так в татарской литературе возникает просветительский идеал, который отличается от средневекового «совершенного человека» (эл-инсан эл-камил): это деловой, деятельный простой человек, направивший свой ум, свое богатство, свои умения на полезные для общества дела. Такого главного героя репрезентовала и татарская просветительская проза.

Сочетание интереса к окружающему миру и к социальному статусу человека другой национальности с утверждением высокой воспитательной роли литературы наиболее ярко проявилось в жанре саяхатнамэ – путевых заметок, который из периферийной сферы средневековой литературы превращается в полноправный литературный жанр. Это видно на примере «Истории хаджа» («Хажнамэ», 1876–79)

Гали
Чокрый.
Фото
2-ой пол.
XIX в.

Г.Чокрый. Наряду с автобиографическим героем-путешественником, помещенным в реальные географические координаты, в произведении возникает авторская оценка «своей и чужой действительности» с позиции просветительства: автор выступает за европеизацию восточной культуры. Он воспеваает научно-технический прогресс, охвативший Россию, призывает людей овладевать знаниями и профессией. Лейтмотивом звучит гордость за Россию. «*В путешествии до Одессы не встретил ни одного из российских мусульман. Все время ехал с путешествующим по России русским народом. Богатство Российского государства очень велико. От своей деревни до Одессы проезжаешь через сотню деревень и городов. Благоустроенность домов, необозримость пашен и строений, их богатства ярко свидетельствуют об этом. В особенности велика и благоустроена Москва, в городе множество разных заводов и фабрик, известных всей империи. Сколько тысяч верст от Нижнего Новгорода до Одессы едешь по железной дороге. Сколько чугуна израсходовано на эти дороги! По дорогам ходят тысячи благоустроенных телег под названием вагоны. Невозможно рассказать о всех тех премудростях и ценностях, которыми оборудована машина, тянущая эти телеги. Сколько сотен тысяч рублей было израсходовано на строительство этой дороги!...*» [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.128]. Даже сравнивая Россию с арабскими странами, автор подчеркивает «порядок», существующий на родине. Просветитель

словно акцентирует внимание читателя на том, что проживающие в империи татары, имея хорошие условия для технического и культурного прогресса, не должны отставать от русских в этом плане. Такой ракурс был совершенно новым для татарской литературы, в которой преобладал призыв к просвещению в узком социуме, в отрыве от православной России.

Яков Емельянов (1848–1893) – поэт из татар-кряшен, автор двух сборников под общим названием «Стихи на крещено-татарском языке. Дьякон Я.Емельянов стихлары» (1879; 1888), завоевал известность своими социально-направленными стихами, описывающими тяжелую жизнь крестьян:

*Пятое ныне число.
Ладно. Поднялся я рано,
Снова обшарил карманы:
Пусто. Как ветром смело!
Тряпки последние вынул
И к богатею – в заклад.
Он отказался, не принял.
Грустный побрел я назад.*

(«Ярлы тормыш» («Жизнь в бедности», пер. Р.Морана) [Антология, 1957, с.104].

Социальная несправедливость, а также людские пороки: жадность, двуличие, тщеславие стали объектом высмеивания поэта («Олысымаклык» («Горделивость»), «Элэк» («Клевета»), «Саран бай» («Скупой богач») и др. Причину этого, в конечном счете, поэт видел в невежестве народа. Написанные близким к разговорному языку, основанные на фольклорных традициях стихи Я.Емельянова открывали новые возможности для формирования критического взгляда на существующие в обществе порядки. Например, в стихотворении «Элэк», наряду с сарказмом, направленным на осмеяние клеветников, присутствует ирония лирического героя в отношении общества, придумывающего новые моральные каноны, но не имеющего возможности очиститься от клеветничества вообще:

*Закон блюди,
В святых ходи,
Будь справедлив,
В речах правдив,
И совесть пусть
Твоя чиста –
Ославит клевета!*

*Молчи, страдай,
Кричи, рыдай,
Гори – грусти,
Все думы скрой,
Замкни уста – Прилипнет клевета!*
(Пер. Р.Морана) [Антология, 1957, с.105].

В творчестве Я.Емельянова появляются романтические элементы, прежде всего, вера в силу души, не только возвышающей человека над обыденным, но и позволяющей осилить гнет горя и бед. Особенно ярко этот мотив проявляется в стихотворении «Кайгы» («Горе»). В последних строчках стихотворения лирический герой с гордостью констатирует победу духа над горем («*Хотя в груди кипишь ты яро, / Не сокрушить тебе меня!*»).

Этот мотив с новой силой будет звучать в романтических стихотворениях поэтов начала XX в. – Г.Тукая, С.Рамиева, Н.Думава.

Мятежный романтический герой, бросающий вызов судьбе и остающийся непобежденным, даже падая под ее ударами, появляется в творчестве *Ахмета Уразаева-Курмаши* (ок. 1855–1883), в его любовно-романтических поэмах – переложениях общеизвестных народных дастанов. Поэма «Кыйссаи Бүз егет» («Сказание о юноше-джигите», 1874) написана на основе одноименного произведения татарского поэта Бахави (первая пол. XIX в.) о трагической судьбе молодых влюбленных. Сюжет дастана прост: богатырь Бүз егет и красавица Карачэчсылу влюбляются, увидев друг друга во сне. Преодолев многочисленные препятствия, после четырех лет поисков главный герой находит возлюбленную. Но шах, отец девушки, хочет выдать ее за сына другого хана. Шах хочет избавиться от юноши, по его приказу богатыря схватили и убили. Будучи не в силах пережить гибель возлюбленного, Карачэчсылу покончила с собой. Схожий сюжет у «Кыйссаи Тахир илэ Зөһрә» («Сказание о Тахире и Зухре», 1876), который представляет собой вольное переложение популярного среди татарского народа «Дастане Бабахан» Кылыч бине Сайяди.

Среди татар существовали многочисленные списки этих дастанов, тема любви, искренние отношения героев притягивали вни-

мание читателей. Под воздействием запросов времени поэмы А. Уразаева-Курмаши получают бесспорную социально-философскую направленность. Главные герои поэмы – Бүзегет и Таһир – позволяют автору поэтизировать силу человеческого духа, стремление к счастью. Главное в их характере – величие мечты, активность в преодолении всех препятствий. Даже смерть героев воспринимается как победа: ни испытания, ни предательство близких, ни отчаяние не сломили их, они до последнего вздоха остались верными своим идеалам. Через своих героев Курмаши стремился пробудить в людях активность и надежду, он воспевал красоту стремления человека к счастью. Поэтому эти произведения – переложения средневековых дастанов – завоевали популярность и любовь у татарского читателя XIX в., читателя эпохи просветительства.

Своеобразным отражением перемен в общественной жизни у татар стало появление «женской литературы», которая была представлена во второй половине XIX в. творчеством Г. Биктимировой, Х. Гисматуллиной, Г. Рахматуллиной, Г. Самитовой и др. Сам факт открытия татарками пути в литературу свидетельствовал, во-первых, о пробуждении стремления к участию в общественной жизни, во-вторых, о трансформации отношения к женщине в мусульманском обществе периода просветительства. Пример тому – творческая биография *Галимательбанат Биктимировой (1876–1906)*. Она родилась в семье муллы д. Кышлау Казанского у., обучалась в женском медресе, открытом ее отцом Лотфуллой ахуном, с 16 лет там же преподавала. В совершенстве владела арабским и персидским языками, была знакома с восточной литературой. Выйдя замуж, переехала в д. Яубаш Касимовского у. (1895), открыла там мектеб для девушек. Автор книг «Тэргыйб эл-банат» («Поощрение девочек», 1892), «Хөсне эл-васыйа» («Прекрасный опекун», 1895), «Мөгашэрэт эдэбе» («Этика общения», 1895), посвященных роли татарской женщины в семье, методам воспитания детей-сирот. Лейтмотивом книг выступает мысль о необходимости распространения знаний и просвещения не только среди мужчин, но и среди женщин. Счастье – в знаниях,

вот девиз первой женщины-писательницы. В предисловии к книге «Мөгашэрэт эдэбе» она пишет: *«Я мыслю только о том, чтобы среди группы соплеменниц моих распространять просвещение и сделать их обладательницами знаний. Ибо женщины составляют половину населения земного шара. Семьи счастливы и благополучны, если женщины умны и просвещены. Женщины растят воспитанных детей, вследствие чего появляются в мире великие личности...»* [цит. по: Гайнуллин, 1975, с. 157]. Подобные мысли не сходили со страниц татарских газет и журналов начала XX в.

В своем поэтическом творчестве Г. Биктимирова размышляет также о месте и роли женщин в татарском обществе. Примечательно, что она в своих стихах не только ратовала за равноправие полов, но и утверждала, что счастье мужчины и будущее нации зависят в большей степени от женщины, чем от мужчины, что плохие отношения в семье непременно приведут к нарушению порядка в самом обществе, станут причиной падения общественных нравов. Создание благополучия и благоденствия возможно лишь в истинном союзе мужа и жены: *«Хороша та жена, которая не знает пустословия, / Но радует мужа сладким, приятным словом... / Никому не расскажет о причине, если на душе печаль, / Но недостаток твой тебе укажет»* [Өмет йолдызлары, 1988, б. 49]. Ее слова о том, что при благовоспитанной жене муж должен вести себя как раб, звучали на фоне татарской литературы по-новаторски:

*Она – тенец из дворца светлого мира,
Она – ветер – предвестник помощи,
Достанется вам такой нежный цветок,
Скажи: я твой, я твой раб.*
(Подстр. пер.).

Ханифа Гисматуллина завоевала популярность своими публицистическими книгами «Гакыйдәтел-әһле хак» («Убеждения людей истины», 1895), «Тэргыйб» («Заинтересованность», 1898), «Мэгдәнел-мәсаил» («Источник задач», 1900), в которых поднимались проблемы образования, семьи, положения женщины в татарском обществе. Особое внимание уделялось вопросам обучения девочек. Гисматуллина предложила распределить учащихся по классам, обучать их родному языку, арифметике, географии

и другим предметам, размышляла о путях приучения детей к чистоплотности, о методах обучения этике общения и т.д. [Гайнуллин, 1975, с.155].

Лирические стихотворения Гисматуллиной автобиографичны: тоска по преждевременно скончавшемуся мужу и утверждение высокого предназначения любви проходят через все ее творчество.

Газиза Багаутдиновна Самитова (1862–1929) – астраханская поэтесса, еще в молодости начала писать стихи. Созданные ею в 1876–1882 гг. стихотворения рассказывают о молодости, девичьих мечтах о светлой и счастливой жизни. В них наблюдается гармоничное переплетение традиций народной поэтики с элементами классического суфизма. Например, стихотворение «Укенераң» («Будешь жалеть») читывается в контексте суфийской эстетики. Зачастую лирический герой обращается к молодой девушке, подруге. Стилизация под фольклор придает ее стихам легкость, красота человеческих переживаний воспринимается как высшая ценность бытия («Хәдичәгә» («Хадиче»), «Син елама, яшь туташ!» («Не плачь, юная туташ!»), «Бән егъламый, кем егъласын?» («Если не я, кто будет плакать»), «Күп сайрама, сандугач!» («Не пой так часто, соловей»). Тематика таких стихов Г.Самитовой, кажется, и не выходит за пределы бесхитростных любовных посланий, переписки с подругами (или воспоминания о них), сетований на разлуку. Однако эта незатейливая тематика ввела в татарскую поэзию последней четверти XIX в. совершенно нового лирического героя – простую деревенскую женщину-татарку с ее мироощущением, невзгодами, с порывами к личному счастью. Этот образ – те же Ханифа, Хадича, Магруй первых реалистических повестей, только изображен он в другом, близком читателю ключе: «*На берегу Волги зеленые камни. / Почему ты плачешь горькими слезами? Кому же плакать как не мне – / Одинокой и сироте*» [Гайнутдинов, 1982].

Став взрослой, Газиза пережила много трудностей. В этот период основной темой ее стихотворений становится судьба татарки – своя судьба:

*Тринадцать лет днем и ночью
Много слез пролила я втайне.*

*Дорогая душа моя, молодая головушка
Претерпела много в этом мире!
В разных местах я побывала,
Из дома в дом переходила.*

*Разных снадобий много выпила,
Долго ждала от них исцеления.*

(Подстр. пер.) [Газизэ Сәмитова, 1965, б.28].

Обращаясь к любимому мужчине или к судьбе-разлучнице, лирическая героиня Самитовой размышляет о неизбежности прихода любви, о предопределенности земной жизни («Өзелдем лә, өзелдем» («Переживала я, переживала»), «Сәүгәннән аерды» («Разлучила меня с любимым»), «Ничек түзим?» («Как вытерпеть?»).

Исследователи считают 1894–1900 гг. пиком в творчестве Самитовой [Гайнуллин, 1975, с.159]. Глубокая апатия, смятение и безысходность возникают в результате постижения смысла жизни. Мотивы беды, горя, тоски, безраздельного одиночества («Дөнья фанимы?» («Материален ли мир?»), «Алдады» («Обманул»), «Миннән нинди эз калыр?» («Какой след останется от меня?»), «Без ник яшибез?» («Почему мы живем?»)) репрезентуются как различные состояния человеческой души. Обвиняя в несовершенстве саму жизнь, лирическая героиня глубоко переживает и возмущается из-за несбывшихся юношеских мечтаний.

Стихи Самитовой – лирика разрушенных надежд, рассеянных любовных иллюзий, разочарований и ощущения несправедливости бытия [Завгарова, 2002, с.2]. Поэтесса раскрывает внутренний мир женщины, способной на глубокие чувства. Ощущение катастрофичности бытия, не позволяющее искать спасения или даже мечтать о преобразовании жизни, делает ее творчество предвестником романтических исканий татарской литературы.

По мнению А.Т.Сибгатуллиной, татарские поэтессы второй половины XIX в. старались привлечь внимание общества на такую важную проблему, как необходимость образованности женщины. «При этом они не преступали через дозволенные временем житейские границы, не выдвигали каких-либо революционных лозунгов, но постепенно, систематически занимались на практике проблемой женщины в семье, воспитанием, обучением детей, тем самым утверждали

просветительские идеи в обществе» [Сибгатуллина, 2001, с.57].

Во второй половине XIX в. ведущую роль в литературном процессе начинает играть проза, формируются жанры романа и повести. Именно в прозе отмечается усиление внимания писателей к разным аспектам жизни татарского общества. Просветители начинают описывать во всех деталях медресе, дома богатых и бедных татар, купцов и мулл, лавки и редакции, рестораны и пароходы, стремясь составить как можно более полное представление о движении жизни. На первый план в изображении человека выдвигается просветительская романтика. Татарские прозаики больше внимания уделяют «идеальным» героям, непосредственному показу желаемого и должного при прямом выражении авторского идеала.

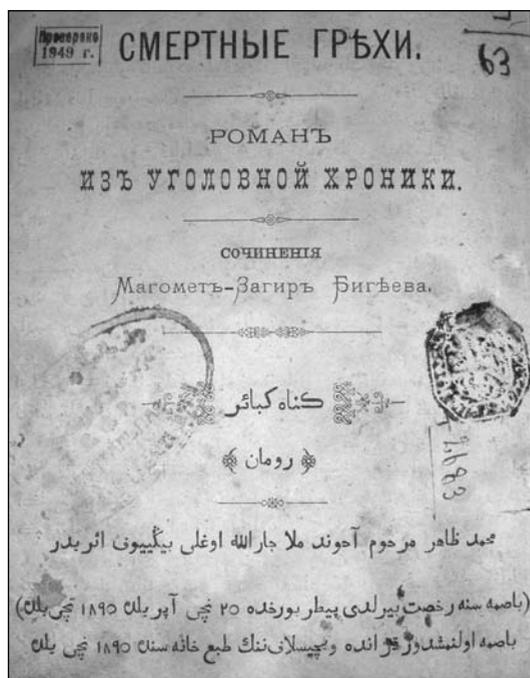
В 1886 г. вышел в свет первый татарский роман – произведение *Мусы Акъегетзаде* (1864–1923) «Хисаметдин менла». Родился Акъегетзаде в г.Чембар Пензенской губ. Его дед, Алтынбай Акъегетов, за героизм, проявленный во время Отечественной войны 1812 г., получил дворянский титул. После окончания Пензенской гимназии Муса подал прошение о зачислении его студентом в Московский университет, однако принят он не был. Учителем в родных краях, а в 1886 г. переехал в Крым, был сотрудником газеты «Тәржеман». В 1888–1891 гг. в Турции обучался в Высшей школе гражданских чиновников «Мулкия», затем занимался преподавательской работой, издавал газеты «Метин» («Подлинник») и «Өч кардәш» («Три брата»), работал в администрации гг. Измир и Сивас. В 1914 г. переехал в Стамбул и до конца жизни занимался систематизацией и каталогизацией библиотеки тюрколога Н.Ф.Катанова, вывезенной из России.

В романе «Хисаметдин менла» жизнь татарского общества того времени раскрывается сквозь призму перемен. За свободу личной жизни ведут борьбу главные герои романа Хисаметдин и Ханифа. Желая породниться с влиятельным в округе купцом Гали Джаватовым, родители решили выдать Ханифу замуж за богатого Сибгатуллу. Узнав об этом, Хисаметдин заявляет: «...в жизни человека очень дорога свобода. Мы сумеем защитить свою личную свободу» [Акъегетзаде, 1986, б.38]. Его поддерживает

и Ханифа, которая в знак протеста покидает родительский дом. В конце концов, несмотря на трудности, им удалось пожениться.

Образованный и активный религиозный деятель Хисаметдин – главный герой романа – ценит в человеке прежде всего активную жизненную позицию, считает, что способности и знания люди должны использовать в благородных целях – служению своей нации. Он посвящает свою жизнь и труд просвещению народа, занимается обучением детей в родном селе, распространяет популярные книги. В образе Хисаметдина автор воплотил идеал просвещенного человека – идеал Нового времени. В противоположность ему в романе присутствуют отрицательные персонажи – консерватор Бикбулат мулла, деревенский богач Гали и его сын Сибгатулла.

В романе поднимается проблема социально-экономической отсталости татарского общества, звучит мотив о судьбе нации. Автор заявляет, что два заклятых врага нации – невежество и незнание ремесел довели ее «до смертного одра». *«Удивительно, мы умеем проявлять милосердие в отношении отдельного человека и в то же время у нас нет никакого милосердия в отношении миллионов, целой нации... Разве горе и бедствие целой нации менее значимы, чем горе и печаль отдельного человека»* [Акъегетзаде, 1986, б.52]. Он выступает против схоластики, царившей в духовных учебных заведениях, защищает те мектебе и медресе, где учат нужным для жизни знаниям, ратует за то, чтобы двери учебных заведений были открыты для всех желающих. По мнению Акъегетзаде, в условиях России обучение русскому языку обязательно. Такие герои, как сын бека молодой гимназист Абузяр Давлетгильдиев, мастер-медник Гайса Зурколаков, нищий-сирота Мухтар репрезентируют разные варианты служения делу просвещения. Но всех их объединяет стремление служить совершенствованию татарского общества. Слова Зурколакова о том, что мало говорить о пользе нации, нужно работать, становятся лейтмотивом романа. Распространение книг, обучение по новому методу, открытие медресе, помощь народу в овладении ремеслами – вот конкретные практические шаги, которые принимают герои романа.

Обложка книги М.-З.Бигиева
«Гөнаһе кәбаир» (Казан, 1890).

Через год появился роман «Өлүф, яки Гүзэл кыз Хәдичә» («Тысячи, или Красавица Хадича», 1887) *Загира Бигиева* (1870–1902). З.Бигиев родился в семье ахуна в г.Ростов на-Дону, обучался в русской школе родного города, затем в Приозерном медресе Казани (1886–1891 гг.). В 16 лет написал свой первый роман (в котором на первый план выдвинут социальный мотив – власть денег), по праву считающийся первым произведением приключенческого (детективно-го) характера. Действие романа начинается с обнаружения трупа Зулейхи. Выясняется, что молодой казанский богач Муса Салихов, окончивший Петербургский университет, полюбил красавицу Зулейху. Однако их пути разошлись: Муса знакомится с дочерью богача Ахмадия Хамитова, который дает за ней приданое – сто тысяч рублей. За Хадичой и ее приданым охотится сын другого богача – Габденнасыр. После смерти отца Зулейха едет в Казань к Мусе, узнает о его намерениях и кончает жизнь самоубийством. Желая убрать со своего пути соперника, Габденнасыр прячет предсмертное письмо девушки. Подозрение падает на Мусу, он пытается оправдаться. Тайная борьба Габденнасыра против Салихова,

поиски сыщика Шубина, нанятого братом Мусы Нигматуллой, его поездка в Крым к матери Зулейхи позволяют распутать это сложное дело. Мусу освобождают из заключения. Преступник получает по заслугам: уходит из жизни по своей воле.

На фоне детективного сюжета автор разворачивает любопытную картину, которая позволяет критиковать нравственную черствость и нечистоплотность людей, стремящихся разбогатеть любой ценой. Авторская позиция проявляется в противопоставлении главных героев. Прежде всего, это Муса и Габденнасыр. Образованные, достигшие определенного статуса в обществе молодые люди антиномичны в моральном плане. Открытый, предпочитающий в любой ситуации показывать свои намерения, умеющий дружить Муса и плетущий интриги, двуличный Габденнасыр несут в себе авторскую идею о том, что только нравственно чистые люди достигают желаемого. Хадича и Зулейха – образованные, красивые молодые девушки, но одна из них богата, вторая – бедна. Ослушавшись родителей, Зулейха кончает жизнь самоубийством. Хадича, доверившая свою судьбу отцу, близка к счастью. Хотя З.Бигиев и сделал приданое причиной нелепой борьбы, роман не раскрывает истинные чувства Мусы Салихова. Однако и в следующих произведениях писатель также оценивает людей с моральной точки зрения.

В романе «Зур гөнаһлар» («Великие грехи», 1890) З.Бигиев отходит от детективного сюжета, обращается к социальным проблемам татарского общества. Рассказывая о любовных приключениях героев, автор констатирует, что уход от норм и традиций приводит к преступным деяниям, и главным для человека, его судьбы является среда, в которой он живет. Не получивший в семье ощутимого воспитания, Габдельгафур Мансуров – сын сельского муллы – попадает под влияние шакирдов, употребляющих алкоголь. Становится убийцей. Героиня Магруй выросла в хорошей семье, вышла замуж по любви, но жизнь подвергает ее нравственному испытанию. Она связалась с молодым жигало Якубом; осознав свою ошибку, убила его.

С одной стороны, положительные (Джигангир и Магруй) и отрицательные (Ибра-

гим и Якуб Галиевы, Мемет) герои романа выражают просветительские установки автора. С другой, он показывает, что некоторые безнравственные стороны татарского общества – это результат отсталости в культурном развитии, что было новым явлением в национальной литературе.

В 1891 г. З.Бигиев возвратился в Ростов-на-Дону и стал муллой. Написал два романа: «Мөртәт» («Вероотступники», 1891) и

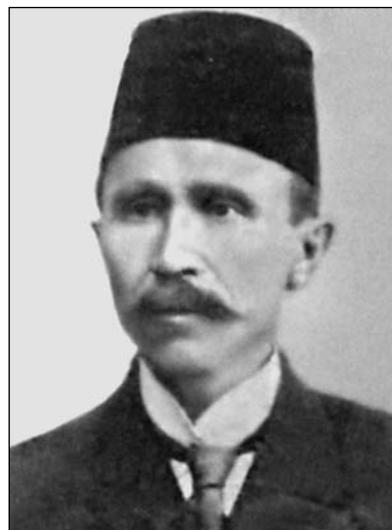
«Катыльә» («Убийца», 1892). Передал их в издательство, где они были потеряны. По свидетельству современников, ознакомившихся с рукописями, в этих романах также звучала идея сохранения традиционных нравственных законов в татарском обществе.

Фатих Гильманович Карими – уроженец д.Миннибаево Бугульминского у., обучался в медресе «Камалия» г.Чистополя, высшее образование получил в Стамбуле, в «Мектеб мулькия-шахане» – высшей школе по подготовке чиновников. Владел арабским, персидским, турецким и французским языками. С 1902 г., после смерти отца, руководил типографией «Каримова, Хусаинова и компании». С 1906 г. по 1917 г. – главный редактор газеты «Вақыт». Избирался на Всероссийские съезды мусульман (1905, 1906, 1914, 1917 гг.). Был одним из лидеров татарского возрождения.

Лейтмотивом творчества Ф.Карими стали критика старометодных учебных заведений, борьба за реформирование татарской конфессиональной школы. Одно из его первых произведений – рассказ «Жиһангир мәхдүмнең авыл мәктәбендә укуы» («Учеба сына муллы Джигангира в сельском мектебе», 1900) – посвящено порядкам, царящим в старометодных учебных заведениях. Писатель говорит о недопустимо низком уровне обучения шакирдов: «Мужики обучают своих детей в школах самое большее года два-три. Один год проходит без всякой ви-

Загир Бигиев.

Муса Акъегетзаде.

димой пользы и за зубрежкой. А остальные два года напрасно тратятся на чтение таких бесполезных книжек, как «Кисек-баи», «Бәдәвам», «Кызыл алма», «Фазаил аш-шөһур». Словом, дети ничего не узнают о таких необходимых в жизни предметах, как арифметика, история, география. В результате они становятся невеждами и фанатиками, убежденными, что мусульманство – это бритье усов и волос по ритуалу шариата, ношение тюбетейки и посещение в хорошем чапане мечети. Тратя свою силу и энергию на распространение клеветы, они становятся четырехговыми врагами культуры и прогресса» [цит. по: История татарской, 2003, с.132].

Ахметша – ярый противник всего нового – в прошлом выпускник, а ныне преподаватель медресе – за 25 лет учебы научился лишь правилам омовения и «орать громче других» во время схоластических диспутов. Всю зиму он ходит по гостям, ему недосуг бывать в медресе. Весной, когда он там появляется, учащихся уже нет. Ахметше противопоставлен деревенский старик Биктимер, являющийся носителем народной мудрости. Так отвергаются неразумные поступки и деяния необразованных людей, старометодные медресе характеризуются как бесполезные для общества. Писатель подчеркивает: «...это медресе существует с давних времен... Несколько сот жителей этого села обучались в нем. Но среди них

умеющих читать и писать очень мало (...), редко найдешь отцов, дядьев и племянников, которые умели бы сами написать письма ушедшим в солдаты сыновьям и вышедшим замуж дочерям, а также прочитать пришедшие от них письма» [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.243].

В отличие от первых произведений, в которых просветительские взгляды доводятся до читателя путем отрицания, в повести «Бер шәкерт илә бер студент» («Шакирд и студент», 1899), также нацеленной на разоблачение невежества мулл-кадимистов, воссоздается идеал автора. Действие происходит на пароходе: встречаются русский студент-востоковед и татарский мударрис, получивший образование в Бухаре, и его шакирды. Мударрис не понимает даже приветствия на арабском («языке, на котором написан Коран») и простых вопросов студента на арабском, персидском и турецком языках. Так писатель обращается к читателю с напутствием брать пример со студентов, получающих образование в русских учебных заведениях.

Проводник авторских идей, студент в разговоре с шакирдом, окончившим полный курс медресе, постоянно подчеркивает роль знаний: *«Если другие народы для существования нуждаются в знаниях, то как вы можете жить без знаний? Вы ведь такие же люди. Вам также нужно питаться, одеваться и жить. Сейчас век знаний. Человек без знаний подобен птице без крыльев»* [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.244]. Его напутствия находят отклик в душе шакирда: оставшись наедине, он размышляет: *«Когда другие нации открывают школы, издают много полезных книг, газет и журналов, стремятся к просвещению, наши так называемые духовные ученые люди ведут бесплодные споры о том, нужна ли для мусульман учеба»* [цит. по: Гайнуллин, 1975, с.244]. Этими словами писатель показывает реакцию общества на поступки и деяния просветителей.

По мнению Ю.Г.Нигматуллиной, просветительская романтика наиболее ярко проявляет себя в идеальных женских образах «милләт аналары» (матери нации). Это прекрасно воспитанные и образованные татарки, сами решающие свою судьбу; верные помощницы своих мужей, они вме-

сте с ними несут народу знания, культуру. В идеальных героях и идеальных картинах жизни, созданных татарскими просветителями, угадывались зарождающиеся поэтизация «естественного начала» в человеке, гиперболизация роли искусства и возвеличивание разума, которые станут определяющими в татарском романтизме начала XX в. [Нигматуллина, 1970, с.59]. Наиболее ярко это проявилось в одном из первых произведений романтического плана – повести Ф.Карими «Морза кызы Фатыйма» («Дочь мурзы Фатима», 1901). Романтическая любовь показана как внезапно вспыхнувшее и непреодолимое чувство. Из-за любви к садовнику Мустафе Фатима идет наперекор обычаям и воле родителей: она оставляет родной дом и уезжает с возлюбленным за границу. Настигшие беглецов родители дают согласие на брак. Торжество чистых чувств и возвеличивание личности, стремление к счастью становятся основным эмоциональным содержанием романтических произведений.

Ф.Карими много путешествовал, побывал в разных странах. На основе увиденного он создал ряд записок путешественника (сәяхәтнамә). В книге «Яурупа сәяхәтнамәсе» («Путешествие по Европе», 1902) Карими пишет о поездке, состоявшейся в 1899 г., сравнивает быт и культуру татар и европейцев, восхищается достижениями последних. Причину отсталости татар он видит в нежелании реформировать систему образования, вводить в учебные программы светские дисциплины. Аналогичные мысли содержатся в книге «Кырымга сәяхәт» («Путешествие в Крым», 1904), в основу которой легли впечатления автора от поездки в 1903 г. в г.Бахчисарай на празднование 20-летия газеты «Тәржеман».

Карими пропагандировал просветительские идеи не только в своем творчестве, но и конкретными делами: издавал газеты и книги, занимался журналистской и политической деятельностью, писал учебники для новометодных школ («Мохтәсар жәгърафия» («Краткий курс географии», 1899), «Мөгаллим вә мөрәббиләргә рәһнамә» («Руководство для учителей и воспитателей», 1902), «Мохтәсар тарихе гомуми» («Краткая всеобщая история», 1911), способствовал просвещению своей нации.

В творчестве многих просветителей образованные и нравственные герои противопоставляются необразованным и безнравственным, цель этого противопоставления – выдвижение идеи о необходимости воспитания образованной и гармонично развитой личности, изображение идеального героя как образца для подражания. Так, в одном из первых рассказов З.Хади «Бэхетле кыз» («Счастливая девушка», 1903), умная девушка-татарка Гайша, отказавшись от принудительного брака, решила соединить свою судьбу с Габбасом, с его помощью она становится учительницей – обретает счастье. Идеальная героиня писателя получила хорошее семейное воспитание, она видит в будущем мужа друга и борется за свое счастье. Идеальный герой Габбас выступает выразителем идеи просветительства. Писатели-просветители считают, что литература призвана воспитывать человека в духе гражданской добродетели, прививать неприязнь к порокам, что приводит к усилению публицистического, нравоучительного пафоса.

Вместе с тем идеализация героев становится одним из средств преодоления дидактизма в литературе. Наряду с идеализацией наблюдается усиление критического пафоса. Если идеальные герои представляются как люди будущего, то объектами критики становятся представители старшего поколения – противники любых перемен.

Таким образом, в просветительской прозе второй половины XIX в. четко определяются две линии: одна тяготеет к непосредственному изображению идеала, другая – к критике и разоблачению негативных сторон действительности. В творчестве молодых прозаиков, вступивших на литературную арену на рубеже веков, социальное объяснение жизни тесно переплеталось с едкой критикой отдельных явлений, присущих татарскому обществу.

Качественно новым явлением стало формирование татарской драматургии, которая «при своем рождении опиралась на народно-игровые традиции, с одной стороны, а с другой – на драматургический опыт других литератур» [История татарской, 2003, с.112]. Драматургия считалась самым действенным средством приобщения к просветительским идеям широких масс.

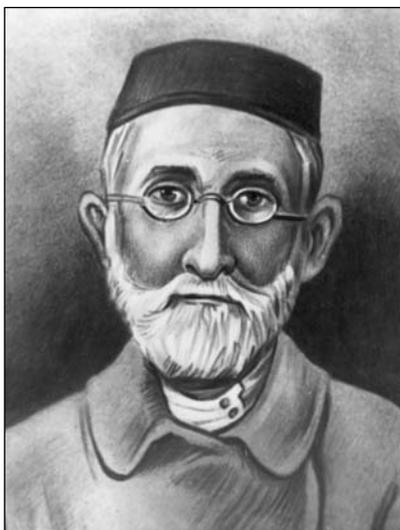
Основоположником татарской драматургии стал *Габдрахман Мухаммад-Аминович Ильясов (Габдрахман Ильяси) (1856–1895)*. Родился в семье купца 2-й гильдии. Проведя ряд неудачных коммерческих операций, его отец разорился. После скорострительной смерти отца Габдрахман, имевший на попечении сестру и престарелую мать, был вынужден продать фамильную усадьбу и почти всю свою жизнь фанатично работал на найму у богатых купцов конторщиком и счетоводом. Окончив медресе «Касимия», Ильяси близко сошелся с К.Насыри и вместе с ним начал заниматься этнографическими исследованиями, вел наблюдения за звездами. Они выезжали в татарские деревни для сбора фольклорных произведений и письменных источников. Г.Ильяси выступал на заседаниях ОАИЭ с докладами, посвященными творчеству Ш.Марджани, древним мусульманским рукописям, с 1885 г. являлся членом этого общества [Ахметзянов, 2005, с.560].

Особенно привлекал Г.Ильяси мир русской культуры, литературы и театра: он мечтал о создании национального театра. В 1887 г. была издана пьеса Габдрахмана Ильяси «Бичара кыз» («Несчастливая девушка»). Произведение написано в русле просветительских идей: автором поставлены проблемы свободы личности, равноправия женщин, просвещения татарского народа. В нем рассказывается о смелом поступке девушки Магитаб, которая, вопреки обстоятельствам, не согласилась на брак с невежественным и глупым пьяницей Джантимером (Железная душа) и связала свою судьбу с бедным, но хорошо воспитанным и образованным Джанбаем (Богатая душа).

В том же году Г.Ильяси издал назидательно-публицистическое произведение «Яшь кыз вә хатыннарга һәдия» («Подарок девушкам и женщинам»), посвященное воспитанию детей в семье. Он попытался создать домашний театр, своими силами осуществлял для друзей и единомышленников постановки на родном языке. К сожалению, Г.Ильяси рано подорвал свое здоровье и скончался в Казани в 1895 г. Его единственное сочинение заложило основы драматического жанра и оказало существенное влияние на развитие татарской литературы. В 1896 г. появился своеобразный творческий ответ другого казанского просветителя –

Габдрахман Ильяси.

Фатих Халиди.

Фатиха Халиди. В его пьесе «Рәдде бичара кыз» («Опровержение несчастной девушки») содержится ряд критических замечаний относительно произведения Г.Ильяси. В обеих пьесах на первый план выводятся отрицательные явления жизни – несправедливость татарской девушки в вопросе выбора мужа, готовность отцов почтенных семейств выгодно продать своих дочерей, многоженство, невежество родителей, не умеющих воспитывать своих детей, – драматурги мотивируют их морально-этическими факторами.

Фатих Халиди (1850–1923) происходил из семьи известных имамов. Однако, вопреки фамильной традиции, он не стал муллой и занялся торговлей. Некоторое время служил у крупного казанского мануфактурщика Гайсы Мусина. Приобретя опыт и скопив необходимую сумму, бывший шакирд открыл собственную лавку в татарской части Казани. Но коммерция не была его главным делом. Первый опыт Ф.Халиди в области драматургии имел огромный успех у читателей. В начале XX в. он написал еще четыре пьесы, среди которых наибольшую известность получило сочинение «Мурад Салимов» (1905), рассказывающее о победе разума и образования над бездушным богатством, жадностью и невежеством. Счастливая судьба молодого мусульманина, учившегося в Париже и ставшего профессором Сорбонны, сказочные перемены в характерах, неожиданно делавшие бедняка богачом,

скупого – щедрым благодетелем, всегда тепло воспринимались как читателями, так и зрителями.

В творчестве одного из основателей татарского профессионального театра, драматурга Г.Камала обличались нравы отдельных представителей татарского общества. *Галиасгар Галиакберович Камал (1879–1933)* – драматург, публицист, театральный общественный деятель – родился

в Казани, учился в медресе «Усмания» и «Халидия», затем – в «Мухаммадия», одновременно получил начальное образование в трехклассной русской школе. Вопреки воле отца избрал путь служения просвещению своего народа. В первых литературных опытах: «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша», 1900), «Өч бәдбәхет» («Три злодея», 1900) и др. – драматург критикует патриархальный семейный уклад татар. Так, представленные в драме «Несчастный юноша» «невежественные» герои – представители «отцов» (Карим бай и его жена) – достойны презрения и осмеяния, «просвещенные» герои (семья уфимского бая Сабитова) – подражания. Но, по мнению Ю.Г.Нигматуллиной, в отличие от произведений предшественников (Г.Ильяси, Ф.Халиди), в пьесе Г.Камала есть нечто новое: противопоставление невежества, как социального зла, натуре человека, его естественной природе [Нигматуллина, 1970, с.88]. Традиционные для просветительской литературы проблемы: воспитание молодого поколения, взаимоотношения «отцов и детей», судьба татарской женщины, «людей дна» – в драме переплелись с социальной и психологической оценкой жизни татарского общества.

Таким образом, просветительская литература прошла определенный путь развития. Создав новые жанровые и стилевые структуры, она явилась основой становления самобытной татарской национальной

культуры XX в. В целом в ней преобладали утверждающий пафос, мотивированность стремлений и поступков героев, доминировали мотивы взаимосвязи нравственно-совершенствования и просвещенности, важности роли семьи в деле реформирования общества, освобождения женщины от семейного и духовного гнета.

Поэзия этой поры заложила в татарской литературе основы новой концепции человека. От критики отдельных человеческих качеств представителей татарского духовенства татарская поэзия переходит к иронии и сатире, направленным на преодоление «невыносимых условий», в которые поставлен человек. В поэзии развивается тема истории татарского народа, нацеленная на пробуждение созидательного потенциала мусульман. Меняется статус лирического героя, он начинает выступать в качестве представителя простого народа. В татарской литературе возникает просветительский идеал, который отличается от средневекового «совершенного человека» – это деловой, деятельный человек, стремившийся быть полезным обществу.

Просветительская парадигма послужила толчком к преобразованию традиционных для национальной литературы символов и образов, композиционных приемов, присутствующих религиозно-суфийским произведени-

Галиасгар Камал.

ям. Они стали использоваться в совершенно ином контексте, возникла ситуация, когда многие произведения прочитывались и в религиозном, и в светском русле.

Просветительская проза второй половины XIX в., с одной стороны, тяготела к непосредственному изображению идеала, с другой – к критике, разоблачению негативных сторон татарской действительности. Опыт просветительской литературы был развит и обогащен в начале XX столетия.

ГЛАВА 6

Эволюция татарского литературного языка

Айрат Юсупов

XIX в. – сложный период в истории татарского литературного языка, ставший «переходным этапом от старотатарского тюрки к новотатарскому национальному литературному языку» [Фасеев, 1982, с.164]. Старотатарский литературный язык сложился на основе булгаро-кыпчакских диалектов Поволжья и Приуралья и функционировал в хронологических рамках XII – середина XIX в. [Мудрак, 2009, с.191]. Начиная со второй половины XVI в. и до конца XIX в. литературный язык, «лишенный постоянно унифицирующего, стимулирующего развития культурного центра, развивался слишком анархично, поддаваясь каждому дуновению ветра» [Усманов, 1972, с.82]. К началу XIX в. в нем были представлены основные виды функциональных стилей: научный, эпистолярный, публицистический, стиль деловых бумаг [Нуриева, 2011, с.328].

Культурно-историческая ситуация XIX – начала XX в. оказала сильное влияние и на литературный язык. Как известно, XIX в. – это своеобразный переломный период в истории татарского народа. Постепенно смывалась средневековая раздробленность, активизировалась общественная жизнь, пробуждалось национальное сознание татарского народа [История, 2003а, с.3]; он стал веком реформации, просвещения, секуляризации общественной жизни, выработки новой парадигмы национального развития на культурной и мировоззренческой почве ислама [Амирханов, 1998, с.151], началом духовного возрождения татарского народа. Это возрождение было подготовлено всем ходом развития общества, но существовало несколько конкретных предпосылок, которые способствовали пробуждению татарского общества и его духовной жизни [Хисамова, 1995, с.39].

Именно этот период в развитии старотатарского литературного языка В.Х.Хаковым

определяется как «начальный этап татарского национального литературного языка» [Хаков, 2003, с.14]. К началу XX в. татарский литературный язык уже имел высоко развитую форму, и в нем были представлены практически все стили литературного языка: образно-художественный, общественно-политический, религиозно-дидактический, научно-познавательный, официально-деловой и эпистолярный.

Как свидетельствуют источники, эволюция татарского литературного языка в целом и ее отдельных периодов характеризуется наличием нескольких письменных вариантов. В этом плане татарский литературный язык XIX – начала XX в. отличается многовариативностью, в нем «своеобразно соприкасаются многовековые письменнотрадиционные нормы классического старотатарского языка (тюрки) и общеупотребительные разговорные формы татарского народа, взаимодействие которых становится основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы» [Баширова, 2000, с.62]. Например, по мнению Г.Сагди, язык произведений XIX в., в частности Ш.Заки, это – «тюрки», который в своем морфологическом и синтаксическом строе, а также в прозаической и поэтической форме состоит «из кипчакских + болгарских + уйгурских + чагатайских + турецких + немного татарских компонентов» [Сэгди, 1926, б.36–37].

Для правильной ориентации в сложной историко-культурной и языковой ситуации данного периода важное значение имеют высказывания Э.Р.Тенишева о вариативности старотатарского литературного языка в XIII–XIV вв. и позднее. Он выделяет следующие варианты старотатарского литературного языка:

– огузский вариант хорезмско-тюркского языка, который был занесен потоком куль-

турного влияния в Поволжье. На этом языке написаны «Кыйссаи Йосыф» Кул Гали, «Кисекбаш», «Бэдавам» и др.;

– литературный язык, сохраняющий в большей степени хорезмско-тюркскую основу, граничащую с более древним караханидско-уйгурским («Кыйссаи эл-энбия» Рабгузи);

– письменно-литературный язык, продолжающий поволжско-кыпчакскую традицию («Хөсрәү вә Ширин» Кутба);

– появившийся в более позднее время (XVI–XVII вв.) литературный язык, отражающий чагатайские традиции [История, 2003, с.420].

Как нам представляется, положение, выдвинутое Э.Р.Тенишевым о вариативности татарского литературного языка более ранних периодов, соотносимо и с развитием старотатарского языка в XIX в. Этот период являлся «подготовительным» этапом развития структурно-функциональных вариантов языка. Татарский литературный язык данного периода представлен тремя вариантами:

– это огузирванный (османский) вариант письменно-литературного языка;

– классический литературный язык с активным употреблением арабо-персидских грамматических элементов и традиционных общетюркских форм;

– письменно-литературный язык, обогащенный общенародно-разговорными формами.

Эти же варианты татарского литературного языка сохранялись вплоть до начала XX в. В этой связи пристальное внимание заслуживают наблюдения И.Башировой. По ее мнению, в конце XIX – начале XX в. «под термином язык подразумевались варианты классического старотатарского языка, называемые: а) *төрки әдәби тел* – тюркский литературный язык; б) *жәдиди-госманлы* – джадидо-османский вариант; в) *гавами тел* – вариант письменного языка, который был обогащен общенародно-разговорными формами...» [Баширова, 2000, с.11].

Огузирванный (османский) вариант старотатарского языка. Как известно, поволжское тюрки своими корнями восходит непосредственно к литературному языку Золотой Орды и Мамлюкского Египта XIII–XIV вв. [Хисамова, 1999, с.29]. Традицион-

ная часть данного языка была унаследованной, и она представлена преимущественно уйгуро-караханидской и, в меньшей степени, огузской традицией. Подобная смешанность была возведена в традицию, на которую вполне сознательно ориентировались и поэты, и переписчики, «писавшие в разное время и в различных тюркоязычных областях» [Благова, 1976, с.28].

Огузские элементы присутствовали на всех стадиях развития старотатарского литературного языка. Однако в разные периоды данные элементы имели разную степень проявления, и в старотатарский литературный язык они проникали через разные каналы. В XVII–XVIII вв. начинается интенсивное проникновение огузского компонента в результате османского влияния [Негматулло, 1984, с.156]. По мнению Ф.Х.Хисамовой, осязаемое проявление огузских элементов в данный период было связано с конкретными социально-историческими предпосылками – активизацией дипломатических отношений с Турцией и Ираном (Азербайджаном) [Хисамова, 1999, с.35]. В XIX в., особенно во второй его половине, османско-турецкое влияние усиливалось, так как в этот период среди татар стали распространяться идеи просветительства, которые проникали в основном из Турции (обучение татарской молодежи в учебных заведениях Турции, распространение среди татар османско-турецкой литературы) [Хаков, 1972, с.58]. В активизации огузского компонента в татарском литературном языке данного периода некоторую роль сыграло также распространение среди татар идей тюркизма – общественно-политического и культурного движения, в основе которого лежит концепция выдающегося просветителя и реформатора, редактора газеты «Тәржеман» И.Гаспринского о едином общетюркском литературном языке, которая в некоторой степени повлияла и на языковую ситуацию в Поволжье [Мирхаев, 2007, с.13]. Под единством в языке И.Гаспринский понимал единство литературного языка, который впоследствии должен был привести всех тюрков к единству (уртак лисан) под его же лозунгом «единства языка, мысли, действия». И язык его газеты «Тәржеман», являющийся образцом публицистического стиля того периода, становится общим для

всех тюрко-татар России. Вследствие этого в старотатарском литературном языке данного периода активизировались некоторые огузские элементы, ранее появившиеся эпизодически, и стали утверждаться новые – османо-турецкие, стал формироваться новый вариант старотатарского литературного языка. В то время его называли по-разному: турецко-османский язык, татарско-турецкий язык, язык «Тәржеман» [Мирхаев, 2007, с.8–9].

Это явление объясняется и продолжением влияния древнетюркских и старотатарских письменных традиций. Однако, как отмечает Г.Ф.Благова, староуйгурские элементы по характеру употребления их в поэтическом варианте литературно-письменного языка можно рассматривать как своего рода объективно-структурные качества системы стиля, использование же «огузско-туркменских» грамматических элементов здесь, напротив, не укладывается в рамки единой стилистической системы [Благова, 1976, с.28].

Главной фигурой данного варианта письма в первой четверти XIX в. стал Г.Утыз Имяни (1754–1834) [История, 2003а, с.12]. По мнению Ф.М.Хисамовой, в литературном языке, представленном в богатом поэтическом наследии данного поэта, «карлукские традиционные черты своеобразно переплетаются с огузскими» [Хисамова, 1999, с.39]. Огузские нормы встречаются в фонетическом, лексическом, грамматическом и даже синтаксическом уровнях. Активное употребление огузских элементов и языковых норм наблюдается и в произведениях Ш.Марджани, Х.Фазеханова, А.-Х.Максуди, З.Бигиева, М.Акьегет, Ф.Карими, Р.Фахретдина и др. Эти нормы ярко отражены в художественных произведениях, научных и публицистических трудах Р.Фахретдина, путевых заметках Ф.Карими, научных трудах Г.Гафурова-Чыгтая и др., те же авторы отдельные произведения посвящают специально татарскому читателю и употребляют, в основном, общенародно-разговорные формы.

Однако в начале XX в. османо-турецкое влияние на старотатарский язык стало ослабевать. На страницах печатных изданий начались «языковые споры» (тел бэхәсе), суть которых сводилась к одному вопросу: что

взять за основу татарского литературного языка для его дальнейшего развития – старотатарский литературный язык, язык газеты «Тәржеман» или местный (казанский) говор татарского языка [Баширова, 2000, с.11–19]. Так как многие представители татарской интеллигенции в начале XX в. были против языка газеты «Тәржеман», вопрос решился в пользу казанского говора татарского языка.

Классический литературный язык с активным употреблением арабо-персидских грамматических элементов и традиционных общетюркских форм. Этот период развития литературного языка также характеризовался увеличением удельного веса арабских и персидских заимствований. На наш взгляд, это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, со второй половины XVIII в. старотатарский литературный язык более явственно начал ощущать влияние чагатайской литературной традиции. В глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и, особенно, его поэтическую разновидность большим количеством инородных – не только лексических единиц, но и грамматических элементов, «тем самым, культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка, прежде всего языка поэзии» [Благова, 1977, с.99]. Для классического периода развития чагатайской литературы особенно характерно было обилие арабизмов и фарсизмов [Хисамова, 1999, с.35–36]. Поэты «Золотой поры» чагатайской литературы были двуязычными, они писали стихи как на тюркском, так и на персидском языке. Это воспринималось как «нормативный стиль поэзии» [Хаков, 1971, с.56].

Во-вторых, большинство классиков XIX в., особенно его первой половины, сочиняли свои произведения под воздействием арабо-персидской и среднеазиатской классической суфийской литературы. Становление тюркской поэзии в Поволжье изначально было связано с суфизмом, до середины XIX в. она развивалась в русле этого учения, что в целом характерно для всего мира ислама [Идиятуллина, 2001, с.9]. Закреплению арабских слов в словарном составе татарского языка способствовало проникновение в XVIII–XIX вв. из Средней Азии и Турции суфийской поэзии и художественной литературы, питанной арабо-

персидскими элементами. Эта литература оказала сильное воздействие на развитие письменного литературного языка того времени [Сиразиев, 2002, с.18].

Из всех течений средневековой арабомусульманской философской мысли суфизм был наиболее распространенным направлением на мусульманском Востоке [Абилов, 1984, с.361].

Широкое распространение в татарской общественной мысли данного периода нахшбандийского учения имеет свои предпосылки и объяснения. Во второй половине XVIII в. началась новая волна насильственной христианизации татарского народа. Устойчивость позиции ислама в жизни татарской общины в колониальный период была достигнута во многом благодаря его суфийской интерпретации как «религии сердца» [Идиятуллина, 2001, с.12]. В руках народа произведения поэтов-суфиев были мощным оружием, они прозвучали скрытым экспонтом против политики правительства, чему способствовало и проникновение в литературу арабо-персидских заимствований.

Но, по мнению А.Юзеева, к XIX в. интерес к суфизму стал ослабевать [Юзеев, 2000, с.29]. Указывая на эту особенность, он пишет: «Этому были причины объективные. Новое время предъявляло новые требования к изменению традиционного образа жизни мусульманского общества в направлении раскрепощения личности, усвоения светского знания, в то время как суфизм постепенно превратился в оплот реакции, духовного догматизма» [Юзеев, 2002а, с.114]. Суфизм переживает эволюцию в сторону социального углубления. Изучив творчество Утыз Имяни, Р.Ганиева пришла к выводу, что «нарастание суфийских настроений у поэта было обусловлено духовным кризисом, охватившим татарское общество в конце XVIII – первой трети XIX в. Это вынуждает Утыз Имяни отправиться в путешествие по мусульманским странам Востока в поисках новых путей очищения ислама от недозволенных искажений через призму умеренного суфийского тариката...» [Ганиева, 2002, с.52].

Как известно, главным языком поэзии суфийских классиков был фарси, она создавалась в Иране, Афганистане, Средней Азии, Азербайджане, Турции, Индии. Но существуют и произведения на арабском,

турецком и даже греческом языках, пишутся поэмы и прозаические трактаты суфийского характера на литературном арабском языке [Очерки, 2002, с.245].

Суфизм способствовал развитию татарского языка, он придал ему еще большую гибкость, введя в него новые стилистические измерения. Язык суфийской литературы отличается необычайной образностью и экспрессивностью, разнообразием лексических, морфологических и синтаксических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. Не порывая связей с татарским литературным языком предшествующего этапа, не игнорируя просторечные грамматические формы, литературный язык широко использует морфологические, синтаксические, особенно стилистические, нормы и фигуры арабского и персидского языков как один из способов художественного воспроизведения действительности.

Например, для выражения содержания отдельных категорий, наряду с тюрко-татарскими грамматическими средствами, активно используются языковые средства, характерные для арабского и персидского литературных языков, большая часть которых представлена масдарами и причастиями, употребляющимися в функции имен существительных и прилагательных; имеются также местоимения, числительные, наречия и служебные части речи. Арабо-персидские грамматические элементы употребляются, в основном, в стилистических целях, что позволяет избежать многочисленных повторений одной и той же формы.

Иноязычные элементы встречаются, прежде всего, в оформлении именных частей речи, а также в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтаксическим функциям близки к именам (причастие и имя действия). Кроме того, они используются не только в значениях и функциях, которые характерны для арабского или персидского языков, но и переходят в другие части речи, т.е. наблюдается явление конверсии (употребление масдаров и причастий в функции наречия, переход глагола в разряд служебных частей речи).

Кроме того, арабо-персидские грамматические элементы активно употребляются в составе религиозных выражений арабского и персидского происхождения, фразеологиз-

мах, характерных для языка суфиев, таких как Ш.Заки, Х.Салихов, А.Каргали и т.д. Они подчиняются законам татарского языка, по схеме и по правилам которых средствами арабского и персидского языков передается значение отдельных категорий (значение множественности). Также арабо-персидские грамматические формы могут присоединять словообразующие средства татарского языка, имеющего агглютинативный характер, т.е. иноязычные элементы подчиняются законам и нормам татарского языка. Это явление ярко проявляется и в татарском литературном языке начала XX в. Начинающие молодые авторы в своих первых произведениях, придерживаясь традиций старотатарского языка, свободно употребляли основные его структурные варианты: общетюркские традиционно-письменные формы и арабо-персидские заимствования [Баширова, 2000, с.62].

Письменно-литературный язык, обогащенный общенародно-разговорными формами. Во второй половине XIX в. начался процесс сближения старотатарского литературного языка с разговорной речью, именно поэтому для данного периода был характерен широкий доступ в литературный язык формам национальной бытовой речи. В языке поэтических произведений, наряду с традиционными средствами, используются разговорные и фольклорные элементы. Как считает языковед башкирского языка И.Г.Галаяутдинов, противоречие между традиционностью и новаторством «начинает проявляться в языке произведений поэта первой половины XIX в. Ш.Заки. Однако они составляют не механическую смесь, а органически переплетаются в тексте» [Галаяутдинов, 1989, с.19].

У истоков формирования письменного литературного языка, обогащенного общенародно-разговорными формами, стоял К.Насыри. Он одним из первых приступил к очищению старотатарского языка от излишних арабо-персидских элементов, задался целью создать единый язык в области науки, техники, литературы и искусства. Создавая свои труды на понятном народу языке, К.Насыри разрабатывал научно-популярный стиль, впервые вводил в употребление

сотни научных терминов из разных областей знаний [Насырова, 2002, с.18]. Кроме того, он составлял двуязычные словари, издал толковый словарь татарского языка «Ләһжәи татари», которые являются одним из способов развития и обогащения лексического состава татарского литературного языка. Таким образом, К.Насыри подготовил эмпирическую базу и заложил основы нового варианта, что дало мощный импульс дальнейшему развитию татарского языка. Сближение письменного языка с живой разговорной речью, переход от старотатарских литературных норм к национальным литературным нормам ярко прослеживаются и в его художественных произведениях. Активное употребление общенародных элементов и языковых норм мы наблюдаем в произведениях Г.Кандалыя, в определенной степени это было присуще и творчеству З.Бигиева, Р.Фахретдина, Г.Ильясина, Ф.Халиди.

Начало XX в. было особенно сложным и в том плане, что в это время многовековые письменные-традиционные нормы классического старотатарского языка соприкасались с общеупотребительными разговорными формами татарского языка, их взаимодействие послужило основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы. Именно в этот период наблюдался активный процесс выработки нормы татарского литературного языка, которая базировалась на традициях поволжского тюрки и одновременно испытывала сильное влияние общенародной разговорной формы языка. Например, произведения Г.Тукая, Дәрдменда, Ш.Камала, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова «написаны национальным литературным языком, основанным на общенародно-разговорной форме» [Баширова, 2000, с.62].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что классический старотатарский литературный язык XIX – начала XX в. представлял собой смешанный язык, который вобрал в себя элементы и нормы арабского, персидского, чагатайского и османско-турецкого языков, и что их взаимодействие послужило основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы.

ГЛАВА 7

Развитие исторических знаний

Фарит Шакуров

Реалии XIX в. требовали преодоления татарским этносом средневековой замкнутости и их осмысления, которого не могла дать отвергающая любые изменения идеология традиционализма. Прежнее, построенное на фольклоризированной народной памяти и «откровениях» феодально-клерикальной историографии, обращенное в прошлое утраченной славы историческое сознание было неприемлемо для пробуждающегося и возрождающегося народа. Необходимо было воссоздать достоверное прошлое, чтобы определить собственное историческое и культурное место среди других народов, объяснить настоящее и обрести достойное будущее.

В 1885 г. в типографии Казанского университета вышел в свет первый том первого научного исследования по национальной истории «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») Ш.Марджани, посвященный истории татарского народа до падения Казани. В этой работе реформатор и просветитель воспроизвел панораму событий средневековой тюрко-татарской истории. Он использовал сведения, почерпнутые из многочисленных арабо-персидских и тюркских источников, хранившихся в библиотеках Бухары и Самарканда, в т.ч. рукописей и автографов, оставшихся недоступными для последующих исследователей [Усманов, 1969], а также из эпиграфических и нумизматических материалов, ханских ярлыков и памятников литературы и фольклора. Марджани считал, что только на основе непредвзятого изложения всей информации, сопоставления сведений комплекса всех доступных источников и их всестороннего анализа, исходящего из контекста исторической эпохи, можно установить достоверность исторических событий и фактов [Марджани, 1885,

б.7–8]⁷. Философское сомнение было перенесено в историческую науку. Объективный и беспристрастный анализ прошлого стал главным методологическим принципом Марджани. История требует истинности, и именно потому он был так нетерпим к сочинению Х.Муслими, развенчанию которого посвятил особую главу в «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» с характерным названием: «Глава о бесспорных ошибках, позорной лжи и искажениях событий в книге под названием “Тәварихе Булгария”» [Марджани, 1885, б.208–226].

Первый том «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» состоит из разделов, посвященных описанию исторических событий до и после прихода татар в Поволжье и степи Восточной Европы. В первом разделе, рассматривая прежде всего историю и культуру волжских булгар, Марджани приводит сведения и о других средневековых народах этого региона – кипчаках, хазарах и буртасах, сообщает о башкирах и представляет страницы из русской истории. Во втором разделе, построенном в соответствии со временем правления обладателей власти, описываются завоевания чингизидов, золотоордынский период и история татарских ханств. Продолжая освещение истории династий Джучидов, Марджани касается также истории Казахстана и Средней Азии, завершая изложение событиями XIX в. Содержание первого тома не сводится к воссозданию истории Среднего Поволжья и военно-политической хроники средневековья, в нем содержатся сведения самого разного характера. Казанский востоковед профессор Н.Ф.Катанов отмечал, что это сочинение

⁷ Отношение Ш.Марджани к источникам было заложено его богословской подготовкой. Методы изучения хадисов требовали аутентичной передачи текстов и корректного изложения источников [Кемпер, 2008, с.604].

«по богатству этнографического и исторического содержания достойно перевода не только на русский, но и на европейские языки» [Катанов, 1898, с.470].

Период после падения Казани, которому посвящен второй том «Мөстәфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар» [Мәржани, 1900], Марджани рассматривает через историю мечетей и медресе и деяний их настоятелей – имамов, отражая тем самым важнейший феномен татарской истории после потери независимости, когда духовные учреждения стали объединившим народ общественным институтом, а ношу предводителя и радителя народа принял на себя мулла. Если при написании первого тома Марджани опирался преимущественно на традиционные источники, т.е. сочинения ученых прошлого, следуя в некотором смысле следу предшественников, то материал для второго тома был собран по крупицам «из первых рук» – родословных и текстов надгробий, частных писем и воспоминаний, рукописей различного характера, расспросов и бесед [Госманов, 1998, б.19–20; Ибраһимов, 1915, б.17]. В исследование включены также материалы по истории сел, мечетей, разнообразные этнографические материалы, в которых нашли отражение материальная культура, традиции и быт татар. Здесь же приведены сведения о городских головах – руководителях Казанской татарской ратуши, освещена деятельность ОМДС и его председателей – муфтиев.

Описывая социально-правовое положение татарского населения, Марджани отмечает произвол властей при рекрутском наборе. Известно, что в представленной к публикации рукописи излагались различные факты угнетения нерусских народов, имелось описание выступления татар во главе с Ишбулатом против действий печально знаменитого миссионера Луки Канашевича, приводилась биография имама Шамиля, – и все было вычеркнуто цензором Смирновым [Газиз, 1915, б.335–336; Юсупов, 2005, с.65, 120].

В «Мөстәфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар» Марджани впервые последовательно излагает историю Поволжья и Приуралья от Волжской Булгарии через историю Золотой Орды и татарских ханств до XIX в., раскрывая ее развитие как преемственное и непрерывное. Именно с позиций данного

концептуального подхода он рассматривает проблему происхождения татарского народа. Сопоставляя и анализируя сообщения источников, ученый приходит к выводу, что средневековые тюркоязычные народы Восточной Европы – кипчаки, хазары, болгары – представляли один и тот же этнос [Мәржани, 1885, б.42, 51–53]. После покорения татарами болгары и соседние мусульманские племена стали именоваться татарами [Мәржани, 1885, б.52]. Имя правителя или господствовавшего народа становилось именем страны и собирательным именем ее народов: Страна сакалибов, Дашти кипчак, Страна хазар, Страна болгар, Страна татар, Улус Джучи, Юрт Бату, Барриа ал-Берке (Земля Берке), Страна Узбека и, соответственно, кипчаки, хазары, болгары, татары, народ Улуса Джучи, народ Страны Узбека и т.д. [Мәржани, 1885, б.12, 17, 43, 52, 96, 98], но закрепилось имя «татары» [Мәржани, 1885, б.96; см. также: Юсупов, 2005, с.228–251]⁸.

С первых страниц «Мөстәфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар» Марджани обращается к читателю со своим знаменитым вопросом: «Кто же ты, если не татарин?» и отстаивает это имя [Мәржани, 1885, б.6]. Он отвергает характерное для татар отождествление этнокультурной и религиозной идентификации, сформировавшееся в ответ на национально-религиозное угнетение и выразившееся в принятии конфессионима «мусульманин» в качестве самоназвания, которое уже не могло быть приемлемым для народа, стремящегося обрести собственное место в истории. Булгарская идентичность, по его мнению, являлась фальшивой и была украшена несостоятельными религиозными легендами. Выбирая самоназвание «татары», он, как ученый-историк, исходил из реалий исторического развития – под этим названием его народ был известен последние столетия, и как идеолог-«создатель нации» выступал за него как за самый распространенный и интегральный этноним [Кемпер, 2008, с.618; Исхаков, 1997, с.73].

⁸ Доказывая и воссоздавая этническую преемственность волжских болгар – Золотой Орды – казанских татар, Марджани, по мнению американского историка Ю.Шамилоглу, сознательно конструировал новую национальную идентичность [см.: Шамилоглу, 1991, с.22–27].

Самое большое по объему сочинение Марджани – «Вафиат эл-эсляф вэ тэхийэт эл-эхляф», написанное на арабском языке, состоит из «Введения» («Мөкаддимэ»), изданного в 1883 г., и сохранившихся в единственном списке шести рукописных томов. Рукопись представляет собой составленный по системе некролога биобиблиографический свод, т.е. относится к традиционному и популярному жанру арабо-мусульманской историографии. В ней собраны биографии 6057 выдающихся личностей мусульманского мира. Для нас особенно значимы материалы о мусульманах Поволжья, хотя их объем относительно невелик – около 250 биографий [Гараева, 1998, с.51–60]. Труд не только содержит ценные сведения по истории и о видных деятелях этого региона, но и раскрывает связи Поволжья со всем мусульманским Востоком, раздвигая пространственные и хронологические рамки духовной культуры болгаро-татарского народа [Халидов, 1998, с.29]. Из других исторических сочинений Марджани отметим изданный в 1864 г. в Казани труд «Гөрфэт эл-хэвакин ли арфати хэвакин» («Жилища хаканов для познания их жизни»), посвященный совершенно неисследованной проблеме – истории Средней Азии эпохи Караханидов. Ахмедзаки Валиди считал, что это сочинение Марджани сыграло такую же важную роль в исследовании истории Средней Азии, как «Мөстәфадел-эхбар...» в изучении истории народов Поволжья [Вэлиди, 1914, б.74].

Сохранился в рукописи первый том 2-томного труда о выдающихся ученых Египта «Ихтисар китаб эн-нүджүм эз-захира фи эхвал Миср вэ эл-Кахир» («Краткий очерк о ярких звездах Египта и Каира»), который был создан на основе одноименного произведения египетского историка XV в. Ибн Тагрибирди и дополнен сведениями из «Хроники аль-Джабарти» (XIX в.), предоставленными профессором арабского языка Санкт-Петербургского университета шейхом ат-Гантави и Х.Фаизхановым [Фэезханов, 2006, б.322, 327; Юсупов, 2005, с.125]. Известно, что материалы Ибн Тагрибирди представляли интерес для исследования истории тюркских народов.

Свои взгляды на методологию и философию истории Марджани изложил в «Мөкаддимэ» к «Вафиат эл-эсляф...». В

этом труде, построенном согласно традиционной форме одноименного сочинения магрибского философа Ибн Халдуна (1332–1406), он опирался на основные положения его философии истории. Как известно, она была основана на двух главных принципах: причинности, согласно которой все события, включая исторические, взаимообусловлены причинной связью, и действительности исторического свидетельства, зависящей от честности повествователя и обусловленной характером эпохи, т.е. оценка события должна была соответствовать духу времени [Юзеев, 1999, с.189]. История, таким образом, представлялась системой знаний, построенной на основе единого теоретического метода.

Марджани следует Ибн Халдуну в принципах классификации наук и определении предмета истории как науки. Он делит историю на внешнюю и внутреннюю. Внешняя излагает прошлое, показывая поучительное и отражая состояние мира и его перемены. История внутренняя раскрывает суть и причины событий [Юсупов, 2005, с.130]. Марджани также придерживается взглядов Ибн Халдуна на государство как социальный и политический институт, создающий и поддерживающий общественную гармонию [Юсупов, 2005, с.180]. Являясь ученым мусульманской традиции, Марджани не только освоил и воспринял идеи Ибн Халдуна, но и критически переработал и творчески развил их. Например, Ибн Халдун считал, что в основе исторического процесса лежит эволюция форм хозяйства. По мнению просветителя Марджани, общественный прогресс – это, прежде всего, духовное развитие народов, достигаемое развитием просвещения и знаний. Если Ибн Халдун в изложении конкретных исторических событий не смог переступить через традиции компиляторства средневековой историографии, то в методах исследования источников, которые М.Юсупов относит к позитивистскому реализму, Марджани был выше некоторых ученых-современников [Юсупов, 2005, с.151, 164].

Неизмеримо шире и глубже был взгляд Марджани на роль истории в жизни общества. Он считал ее важнейшей областью знаний, служащей пробуждению национально-го самосознания и самоутверждению народа,

способной стать действенным оружием в борьбе за обновление и решить назревшие общественно-политические задачи.

Весьма ценными, на наш взгляд, являются замечания немецкого исследователя М.Кемпера о степени единства концепций научно-религиозных и исторических работ Марджани. Развенчивая представления «булгарской» историографии о святости Булгара, связанного с Откровением через легенду о принятии ислама от сподвижников пророка, Марджани, по мнению М.Кемпера, подтверждал исключительность раннего ислама как обязательного идеала для всех времен. История идет вперед, и все, что пришло после «золотой эпохи», не может достичь ее уровня. Задача ученых состоит в осмыслении изменений в духе сунны. Для Марджани она заключалась в преодолении противоречия между шариатом и современными научными знаниями. В этом отношении он предлагал вполне религиозное понимание истории. С другой стороны, представив Откровение «надысторичным», вневременным идеалом и отделив местную историю от священной, Марджани сделал ее постижимой и практически секуляризировал [Кемпер, 2008, с.614–617].

В отличие от Марджани К.Насыри не был историком-исследователем. Он прежде всего являлся пропагандистом исторических знаний и собирателем свидетельств прошлого. На страницах настольных календарей среди самой разнообразной познавательной информации К.Насыри помещал различные исторические материалы. Новой ступенью в развитии татарской фольклористики стали опубликованные в календаре на 1881 г. «Предания о городе Казани». Вниманию читателя были представлены предания об основании города, о завоевании Казани, башне Сююмбике, озере Кабан, сведения по исторической топографии, истории слобод, баит о взятии Казани. К.Насыри сообщал о годах правления «некоторых наиболее известных татарских ханов» (1873), приводил сведения из истории мечетей Казани (1882). В рецензии, опубликованной в календаре на 1885 г., он вступил в полемику с Ш.Марджани, защищая булгарские хроники Х.Муслими от, как он считал, необоснованных нападок.

К.Насыри известен как один из первых популяризаторов русской истории среди татар. Им были составлены хронологии важнейших дат и событий российской истории: «Начало России» (1871), «Некоторые события, которые необходимо помнить» в календарях на 1872–1874 гг., «Достойные запоминания события русской истории, касающиеся приращения русских владений» в календаре на 1891 г. К.Насыри перевел из Н.Г.Устрялова и издал в 1890 г. «Краткую историю России» – первую книгу по русской истории на татарском языке («Зөбдәте мин тәварихе әр-Руси»), материалы которой были опубликованы еще в календаре на 1872 г. Здесь в традиционной форме через историю царствований от Рюрика до Александра II конспективно излагались важнейшие события из прошлого России.

«Всеобщая история», над составлением которой работал просветитель, осталась незавершенной [Газиз, 1922, б.96; Ногман, 1958, б.18].

Большую научную ценность представляют сохранившиеся в рукописи историко-эпиграфические материалы и предания о происхождении сел, собранные Насыри в родном Свяжском у. [Каюм Насыриның, б.31–59]. Они доказывают основание населенных пунктов региона булгарами, что подтверждается современными археологическими изысканиями [см.: Фахрутдинов, 1976, с.155–162].

Насыри подготовил к печати отдельные статьи рукописного исторического сборника, составленного купцом Мухаммадзяном Аитовым (1823–1890). Они остались неизданными, но сохранилась рукопись Насыри «Об Аксак-Каратуне, Пугачеве и Ишбулат-мулле» [Каюм Насыриның, б.19–30], позволившая нам ознакомиться с творчеством самобытного историка, знания которого высоко ценил Марджани. М.Аитов впервые в татарской историографии обратился к истории движения Пугачева. Свидетельства о событиях тогда еще недавнего прошлого начал собирать его отец. Близкий друг этой семьи-просветитель, автор первой татарской драмы Г.Ильяс в 1886 г. ознакомил членов ОАИЭ с материалами Аитовых о пребывании Пугачева в Казани, их переводы опубликовала местная газета [Алишев,

1986, с.101; Хәбибуллин, 1977]. Ждет своего исследователя еще один рукописный сборник М.Аитова – «Тәварихе татар» («История татар»).

К.Насыри первым из татар начал исследование этнографии своего народа. В построенной на обширном фольклорном материале работе «Поверья и обряды казанских татар» (1880) он предпринял попытку описания и классификации мифологических персонажей из поверий и сказок, привел народные приметы, рассмотрел языческие обряды и заговоры. В 1926 г. в сборнике неизданных произведений Насыри были опубликованы его материалы по татарской этнографии, содержавшие подробные сведения о жилище, одежде, национальной кухне, семейных обрядах жителей Татарской слободы Казани [Каюм Насыринын, б.81–107]. В том числе им были зафиксированы обряды, которые более поздние исследователи уже не застали [Уразманова, 1976, с.165].

Преемником К.Насыри в составлении ежегодных настольных календарей стал переводчик восточной литературы имам сельской мечети Шигабетдин Рахматуллин (1853 – после 1923). Среди материалов, помещенных на страницах издававшихся им с 1890 г. по 1901 г. календарей, отметим статью «О Казани» (1899, 1900), содержащую в т.ч. хронологию правлений казанских ханов [Миннуллина, 2006, с.84–85].

Свой вклад в пропаганду исторических знаний внес писатель и драматург, издатель календарей Ф.Халиди. Третью часть настольного календаря на 1899 г. занимает «История Булгарии, извлеченная из достойных доверия книг». Публикация представляет собой переложенные на доступный для широкого читателя язык главы 1-го тома «Мөстәфадел-эхбар...» Ш.Марджани. В этом же календаре приводится летопись событий из истории Казани и излагается история мечетей города.

Н.Ф.Катанов перевел на русский язык из отрывного календаря Ф.Халиди на 1902 г. очерк истории Казани, в котором рассказывается об основании города, противостоянии с Москвой и завоевании Казани, а также содержатся сведения из жизни татарской Казани конца XVIII – XIX вв. [Катанов, 1904б, с.359–365].

В 1883 г. в Казани вышли из печати «Тәварихе Болгария» («Булгарские хроники») казанского имама Хусаина Амирхана (1816–1893) – деда писателя Ф.Амирхана [Эмирхан, 1883; Амирханов, 2010]. Сочинение состоит из вступления, семи глав и заключения. В предисловии к книге автор поясняет, что стремился упорядочить отобранные им как достоверные сообщения из разных источников и восполнить отсутствие книг по истории Булгара. В первых главах он, следуя «Шәжәрәи төрек» («Родословной тюрков») Абулгази Бахадурхана, передает представления о происхождении тюркских народов и их древней истории, сообщает о деяниях Чингизхана, чингизидов и Тимура. События собственно булгарской истории излагаются через критику «Булгарских хроник» Хисамутдина Муслими. Однако Х.Амирхан не проявлял той нетерпимости и категоричности оценок, которую демонстрировал в отношении этой книги Ш.Марджани, и допускал, что в ней могут быть и истинные свидетельства. Оригинальными и ценными являются биографические сведения «о булгарских шейхах и улемах» – мусульманских деятелях конца XVIII – первой трети XIX в. Последняя глава, которая посвящена Казани, построена на преданиях. В ней повествуется об основании города, его правителях, озерах Кабан и Черное, истории татарских слобод. Среди прочих приводится весьма интересный источник – баит об Аксак-Тимуре, принадлежавший, по словам составителя, перу казанского хана Мухаммад-Амина [Эмирхан, 1883, б.60]. Эти материалы, как и предания, собранные К.Насыри, хотя и содержат, будучи фольклорными произведениями, ошибки и вымысел, представляют историографическую ценность, поскольку в них нашло отражение историческое сознание татарского общества.

Достоверность некоторых принятых Х.Амирханом на веру сведений из авторитетных, как считал он, источников сомнительна, а его методология во многом близка к той, которую использовал Х.Муслими. Являясь промежуточной работой в волго-уральской мусульманской историографии, «Булгарские хроники» Х.Амирхана подтверждали назревшую потребность в

«реальной истории» [Франк, 2008, с.155, 166, 170–171]. В этом отношении с «Булгарскими хрониками» схоже сохранившееся в рукописи сочинение поэта-суфия Г.Чокрый «Тэварихе Болгария, яки тэкърибе Гарый» («Булгарские хроники, или примерное объяснение ее Гари»), составленное им в конце жизни, в котором он отверг историю Муслими как источник [Франк, 2008, 172–182].

В 1884 г. было опубликовано еще одно историческое сочинение Х.Амирхана «Шәжәрәи галяя фи бәян әл-әнсаб» («Великая родословная, повествующая генеалогии»), известное в историографии и как «Нөжүмет-тэварих» («Звезды истории») [Әмирхан, 1884]. Сочинение составлено в соответствии с традициями мусульманской историографии. В нем излагается история пророков, повествуется о деяниях последователей пророка и правителях, об истории мусульманских государств, жизни и трудах видных ученых.

Определенное влияние на развитие исторических знаний у татар и становление национальной исторической науки оказало российское востоковедение.

Казанский университет в первой половине XIX в. стал основным центром востоковедческих исследований в России. Еще до прибытия в 1807 г. в Казань Х.М.Френа, возглавившего кафедру восточных языков, И.Хальфиным были заложены основы преподавания восточных языков в университете. Подлинное признание и известность в России и за рубежом принесли И.Хальфину публикации ценных восточных источников, по существу положившие начало источниковедению национальной истории. В 1818 г. им совместно с Х.М.Френом был издан тарханный ярлык Тимур-Кутлуга. В 1819 г. И.Хальфин опубликовал в качестве хрестоматии – первого учебного пособия по татарскому языку – «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся...», основанную на текстах «Дәфтәри Чынгыз-намә» [Хәлфин, 1819]. В 1825 г. в Азиатской типографии Казани вышла в свет подготовленная И.Хальфиным рукопись «Родословного древа тюрок» Абулгази Бахадур-хана.

В 1855 г. Восточный разряд был переведен в Петербургский университет. Здесь

в 1857–1865 гг. преподавал турецкий и татарский языки ученик, близкий друг и единомышленник Ш.Марджани, вдохновитель его исторических изысканий Х.Фаизханов (1828–1866). По просьбе своего учителя он высылал ему необходимые книги, делал выборы из источников, оказав неоценимую помощь в составлении трудов по истории [Газиз, 1915, б.349; Шәрәф, 1915, б.114; Фәхрәддинев, 1993, б.187–188; Фәезханов, 2006, б.327; Юсупов, 2005, с.79–80]. В письмах к своему наставнику Х.Фаизхановым обозначаются и обсуждаются исследовательские задачи, высказывается мнение о написанном [Фәезханов, 2006, б.343–344, 350, 355, 366]. Ключевые проблемы, например болгаро-татарская теория этногенеза, разрабатывались ими совместно [Фәезханов, 2006, б.371–373, 378–379]. Ш.Марджани с благодарностью принимал его советы и замечания. Х.Фаизханов намеревался опубликовать работы учителя в Санкт-Петербурге [Фәезханов, 2006, б.350, 364, 366]. Он стал связующим звеном между востоковедами столицы и Ш.Марджани. В «Исследовании о касимовских царях и царевичах» (1863) В.В.Вельяминовым-Зерновым приводятся два письма Ш.Марджани Х.Фаизханову, в которых Ш.Марджани дает расшифровки текстов надгробий, сделанных по просьбе автора.

Вклад Х.Фаизханова в создание первой научной истории татар раскрывают и вновь приобретенные источники. Среди материалов архива Ш.Марджани, переданных в 1998 г. правнуком ученого Даниялом Амирхановым Национальной библиотеке РТ, археографом Р.Мардановым были обнаружены рукописи Х.Фаизханова. Оказалось, что наши представления о научном наследии Х.Фаизханова были неполными. Более того, важная сторона его деятельности как ученого-историка оставалась неизвестной. Тетрадь в 60 страниц содержит неполные черновики работ по истории Касимовского и Казанского ханств и описания текстов болгарских надгробий. Из рукописи мы узнаем, что им также была составлена история Волжской Булгарии [Мәрданов, 2002; опубли.: Фәезханов, 2006, б.109–154, 228–272].

Сопоставление рукописей с «Мөстәфадел-эхбар...» показало, что материалы Х.Фаизханова были включены в работу

Ш.Марджани в виде отрывков или сплошного текста. Так, его «Казан тарихы» («История Казани») и «Касимский ханлыгы» («Касимовское ханство»), претерпев определенную редакцию, полностью вошли в «Мөстәфадел-эхбар...», составив более половины и почти полный текст соответствующих глав этой книги [Мәрданов, 2006, б.10–15]. Подчеркнем, и в этом исследователи единодушны, что не может быть и речи о посягательстве Ш.Марджани на труды безвременно ушедшего из жизни Х.Фаизханова [Госманов, 2006, б.33; Мәрданов, 2006, б.15–16]. Их связывала искренняя и испытанная дружба, это были особые отношения людей, выбравших служение единой цели. Востребовав после смерти Х.Фаизханова его рукописи и включив их в свое сочинение, Ш.Марджани продолжил сотрудничество.

Х.Фаизханов оставил яркий след в истории отечественной тюркологии. Им были систематизированы и подготовлены к печати ценнейшие источники по внешнеполитической истории Восточной Европы XVI–XVIII вв. – тюркоязычные дипломатические документы архива МИД, опубликованные под редакцией В.В.Вельяминова-Зернова в «Материалах для истории Крымского ханства» (1864)⁹. В работе «Три надгробных болгарских надписи» (1863) Х.Фаизхановым был предложен метод, позволивший правильно прочесть эпитафические памятники болгарского времени и заложивший основы болгаро-татарской эпитафики [Госманов, 1990, б.25–26].

К научной деятельности Ш.Марджани ученое сообщество Казани относилось с благожелательным вниманием. Близкое знакомство и сотрудничество связывали его с известными казанскими тюркологами И.Ф.Готвальдом и В.В.Радловым. Марджани был членом оргкомитета IV Всероссийского археологического съезда (1877 г.), к которому он подготовил доклад «Гилалэт эз-заман фи тарихе Болгар вә Казан» («Завеса времен, прикрывающая историю Булгара и Казани»), переведенный и прочитанный Радловым [Марджани, 1884, с.40–58]. Сведения из этого сочинения, как ценные

и надежные, использовали И.Ф.Готвальд, С.М.Шпилевский, Н.И.Ашмарин.

По инициативе участников съезда было основано ОАИЭ при Казанском университете. В периодическом сборнике Общества – «Известиях ОАИЭ» было опубликовано 48 работ 24 авторов по истории, культуре и быту татар [Хабибуллин, 2006, с.99].

Действительными членами Общества до октября 1917 г. состояли 15 татарских ученых и интеллигентов: Ш.Марджани, К.Насыри, С.Аитов, М.Зайтов, Г.Ильяс, Г.Ахмаров, Х.Атласи и др. [Хабибуллин, 1977]. Сотрудничество с ОАИЭ способствовало их приобщению к русской и европейской исторической науке, методам научного поиска и исследования. С другой стороны, участие татар в работе ОАИЭ позволило ввести в научный оборот широкий круг письменных, эпитафических и фольклорных источников, в т.ч. неизвестных (например, источники исследований Ш.Марджани), или недоступных большинству русских ученых.

С XIX в. претерпели изменения традиционные жанры частноисторической литературы – генеалогии-шаджара, истории приходов и сел, биографии, автобиографии и т.д. Приобретала новый характер национальная родословная традиция – узкофамильные генеалогии¹⁰ превращались в свод родословных, и далее на их основе происходило становление народно-краеведческого жанра истории сел (авыл тарихлары), который получил широкое развитие с 80-х гг. XIX в. [Шайхиев, 1990, с.17, 29]. В одном из самых ранних образцов историко-краеведческой литературы, опубликованном В.В.Радловым под названием «То, что услышал Ильяс-мулла от своего отца», на основе отдельной родословной, сведенной воедино с местными преданиями, излагалась история Усть-Ишима [Ильяс мулла]. Появились труды, раскрывающие историю, этнографию, топонимику малой родины [Шайхиев, 1990, с.29]. Среди наиболее значительных сочинений – «История аула Тунтяр» М.Шамсутдинова,

⁹ Участие последнего в издании этого капитального сборника ограничивалось вступительной статьей.

¹⁰ Традиционная татарская шаджара записывалась в виде родословного древа (позднее таблицы), где около отдельных имен приводились краткие сведения о дате рождения или смерти, некоторых достойных упоминания, с точки зрения составителя, фактах биографии.

«История Параньги» А.Бараньгиви, «История Новых Тинчалей» А.Гиззатуллина и др. Первой опубликованной на татарском языке краеведческой работой стала «История аула Стерлибашево» М.Тукаева, вышедшая в Казани в 1899 г.

Широкое распространение получили вакаиг-наме, или погодные записи событий, возникшие на основе «Главы повести по истории» «Дэфтэри Чынгыз-намэ». Например, вакаиг-наме из коллекции археографа С.Вахидова, составленная в семье казанских купцов Замановых и представляющая собой хронологию событий истории России, Казани и местной жизни с 1703 г. по 1855 г. [Дмитриева, 1965, с.69–70].

С введением метрических книг появились местные вакаиг-наме, когда в метрике стали постепенно записывать по годам наиболее важные события. На эти сведения затем часто опирались авторы краеведческих сочинений. Некоторые истории сел являлись прямыми продолжениями вакаиг-наме [Шайхиев, 1990, с.24–25]. Историки-любители обращались к эпиграфическим памятникам и фольклору, использовали хранящиеся у жителей документальные источники – купчие, крепости на владение землей.

Народная историко-краеведческая литература развивалась под влиянием татарских просветителей, казанского востоковедения в целом, а с формированием татарской исторической науки – в тесной взаимосвязи с ней. Еще И.Хальфин в предисловии к «Жизни Джингиз-хана и Аксак-Тимура...» писал о необходимости сбора и сохранения памятников письменности и истории местного края [Хальфин, 1819, б.4, 7–8]. В рукописях К.Насыри сохранились материалы по истории сел Свяжского у. [Ногман, 1958, б.14; Каюм Насыриның, б.31–59]. В 1878 г. за подписью инспектора татарских, башкирских и киргизских школ КУО востоковеда В.В.Радлова и, очевидно, по заданию ОАИЭ, одним из инициаторов создания которого он являлся, имамам мечетей была разослана

анкета с вопросами о происхождении села, его названия, о наличии древностей в его окрестностях, преданиях и сказах из истории. Как отмечают исследователи, интерес к написанию региональных историй рос под непосредственным влиянием сочинений Ш.Марджани, особенно второй части «Мөстәфадел-эхбар...», в которой ввел в оборот материалы из историй сел [Госманов, 1998, б.20; Юсупов, 2005, с.125–126]. В начале XX в. со страниц журнала «Шура» краеведческие исследования пропагандировал Р.Фахретдин. В одном из номеров им были приведены сведения об известных ему краеведческих работах [Фахретдин, 1915, б.44–49]. Краеведческие традиции дореволюционного времени продолжались в сочинениях старой татарской интеллигенции и духовенства вплоть до 60-х гг. XX в.

Татарская историческая литература XIX в. носила разнородный характер, но вектор ее развития был очевиден и направлен на постижение действительной истории народа. Первым научным исследованием по истории татарского народа, т.е. исследованием, которое построено на всестороннем анализе и научной критике широкого круга источников, стало двухтомное сочинение Ш.Марджани «Мөстәфадел-эхбар...». Оно определило проблематику дальнейших трудов, основные принципы и особенности освещения прошлого татар. С него начала формироваться устойчивая историографическая система – совокупность работ, объединенных общими целями и задачами, единых в главных подходах к интерпретации национальной истории. Таким образом, правомерно утверждать о начале формирования исторической науки татар, становление и развитие которой преимущественно относилось к периоду после Первой русской революции. Последователями и преемниками ее основоположника – выдающегося татарского мыслителя Ш.Марджани стали Р.Фахретдин, Г.Ахмаров, Х.Атласи, Х.-Г.Габяши, А.-З.Валиди, Г.Баттал и др.

ГЛАВА 8

Традиционные учебные заведения и новометодное образование

Альта Махмутова

Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман

Потеря казанскими татарами государственности в 1552 г. и политика христианизации, проводимая Русским государством в дальнейшем, означали уничтожение не только материального, но и духовного богатства, а также лидирующих групп населения. Сильный удар пришелся на татар-мусульман в 30–40-е гг. XVIII в., когда насилие стало главным и единственным оружием миссионеров, государственной политикой в деле христианизации нерусских народов Поволжья и Сибири. «Более 150 лет колониальной политики в отношении этих народов не смогли интегрировать их полностью в экономическое и духовное пространство России. ...Перспективы промышленного освоения природных богатств Урала и Сибири, планы дальнейших завоеваний Казахстана и Средней Азии, Крыма и Кавказа настоятельно требовали завершения духовной колонизации покоренных народов Поволжья. Особенно остро эта задача стояла в отношении татар-мусульман» [Ислаев, 1999, с.9].

Большая часть татарского населения, несмотря на гонения и политику христианизации, продолжала сохранять приверженность к традиционной для нее религии – исламу. Причиной этой стойкости были приспособленность сущности мусульманского учения к потребностям простого народа и выборность мулл [Хабутдинов, 2008, с.21]. Сила ислама заключалась не только в том, что основные массы татар оставались правоверными мусульманами в православном государстве, но и в том, что повседневная жизнь населения регулировалась по законам шариата, а мусульманское духовенство, по необходимости заменившее светскую власть, пользовалось большим авторитетом.

«Кроме того, русская православная церковь в исламе видела своего естественного

конкурента, способного на равных бороться за свое влияние среди языческих народов... По логике миссионеров, уничтожение мечетей (видимо. – А.М.) должно было привести к уничтожению мусульманского духовенства, следовательно, и ислама. ...Законным основанием для тотального разрушения мечетей стал указ от 19 ноября 1742 года» [Ислаев, 1999, с.25–27]. В результате за короткий срок в Казани и уезде из 536 мечетей было разрушено 418, в Сибирской провинции – из 133 мечетей уничтожено 98, в Астраханской – из 40 – 29 мечетей [История, 1937, с.152]. Так Новокрещенская контора, созданная в 1731 г., нанесла основной удар по центрам духовности и просвещения татар – мечетям. Вместе с мечетями исчезли и учебные заведения при них. Терялись преемственность и традиции в обучении, выработанные мусульманской школой Поволжья, Приуралья и Сибири.

В условиях изоляции, разобщенности сельских мусульманских общин хранителями традиций народного ислама являлись абызы. Как указывается в татарской народной краеведческой литературе, народ впал в полное невежество [Бикколов, л.86].

Положение мусульман в России начало меняться с середины XVIII в. С 1756 г. в деревнях с мусульманским населением было разрешено строительство мечетей и школ при них [Хронологический, 2000, с.315]. Российское правительство, особенно при Екатерине II, стало осознавать, что «татарское общество, функционирующее в основном на универсалистских связях ислама, оставалось довольно серьезным потенциальным очагом сепаратизма внутри России. Поэтому необходимо было выработать более эффективные, чем насильственная христианизация, механизмы вовлечения татарского общества в российскую государственную систему» [Мухаметшин, 2005а, с.28].

Что же было сделано?

В 1764 г. была прекращена деятельность Новокрещенской конторы. В 1773 г. появился указ Синода о терпимости всех вероисповеданий и запрещении вмешательства архиереев в дела иноверцев. Это означало, что открытые религиозные гонения прекратились. Менялся и статус ислама – из религии гонимой он превращался в религию терпимую.

Результатом реализации новой системы правительственных мер стали включение российских мусульман в структуру российской государственности и постепенное создание автономных структур мусульман под контролем правительства. Казань и Оренбург (Сеитов посад – Каргалы) стали превращаться в центры концентрации активных сил татарского общества. Укрепились купечество (буржуазия) и духовенство, т.е. возникли условия для формирования и стабильного развития новых групп, лидирующих в обществе. Стало возможным функционирование религиозных и образовательных учреждений, к этому времени почти полностью уничтоженных. С изменением статуса ислама в России в конце XVIII – начале XIX в. началось интенсивное строительство мечетей и открытие при них школ, называемых медресе, на всех территориях, населенных татарами.

Медресе (с араб. – *место, где обучают*) – учебное заведение, возникшее в исламском мире еще в эпоху распространения ислама. Основным и нередко единственным предметом изучения в нем долгое время было мусульманское право. Постепенно к нему прибавились и другие предметы богословского и этико-правового плана. Весь комплекс наук ислама, входивший в программу медресе, установился в мусульманском мире еще в XII–XIV вв. и сохранялся почти без изменений вплоть до конца XIX в.

Поскольку за многие века преследований эта система образования у татар была разрушена, а единый центр, который мог бы направлять ее возрождение, отсутствовал, зачинатели этого дела должны были действовать по своему разумению, самостоятельно. Это значило, что они заимствовали те приемы и методы обучения и воспитания, которые получали у своих учителей в му-

сульманских странах. Личность мударриса (учителя, создателя медресе) стала определяющей при возрождении системы образования. «Из-за отсутствия печатных произведений, гибели рукописного наследия в бесконечных пожарах в селах у нас нет точных сведений о способах и приемах обучения во времена наших близких и далеких предков, – отмечал Р.Фахретдин. – Лишь немного известно, что после исчезновения Казанского государства живущие в деревнях прадеды начали восстанавливать обучение сначала по типу дагестанских ученых, а позже заимствовали методы обучения у Бухары» [Фәхрединев, 1993, б.238].

В произведениях Ш.Марджани и Р.Фахретдина приведены краткие сведения о нескольких мударрисах, перенесших в татарскую среду методы и приемы преподавания, перенятые ими в Дагестане, Бухаре и других местах. Так, Мухаммад ибн Гали ад-Дагстани (?–1796) в середине XVIII в. создал свое медресе в деревне Кондуровка близ Оренбурга (была основана в 1744 г. переселенными по указу императрицы Елизаветы Петровны астраханскими ногайцами), первым возродил обучение шакирдов арабскому языку. Это привлекло в медресе учеников со всего Волго-Уральского региона. Его учениками были ахун Каргалы, первый муфтий М.Хусаинов (1758–1824); мударрис каргалинского медресе под Оренбургом, суфийский шейх, поэт Валид б. Мухаммадамин аль-Кайбычи аль-Каргали (1753–1802); религиозный деятель, педагог Абдрахман бине Мухаммадшариф аль-Кирмани (1743–1826) и др.

По образцу и подобию работы своего учителя, иногда усовершенствовав знания в Бухаре, они создавали свои медресе, воспитывая новых учеников и посылая лучших из них совершенствовать знания в ту же Бухару. Так восстанавливалась почти оборвавшаяся цепочка мусульманского образования у татар. Ш.Марджани и Р.Фахретдин подчеркивали, что эти и другие мударрисы внесли немалый вклад в возрождение и становление классического мусульманского образования в Поволжье и Приуралье, особенно в передаче знаний по праву, хадисоведению, риторике, арабскому языку [Мәржани, 1989, б.243–244; Фәхредин, 2006, б.19, 53–54, 75 и др.].

Обучавшиеся в Бухаре будущие мударрисы перенимали не только религиозные образцы и образовательные нововведения, но и формальные стороны бухарского образа жизни. «Исламизация в той или иной степени затронула все стороны жизнедеятельности татар. Ш.Марджани утверждает, что повседневные шариатские нормы в умме укрепились стараниями отдельных выпускников среднеазиатских медресе» [Загидуллин, 2008, с.165]. В частности, с личностью муллы Ибрагима бине Худжаши, набиравшегося знаний в учебных центрах Кавказа, вернувшегося в родные края в 1783 г. и ставшего в 1793 г. имамом 1-й мечети Казани, Ш.Марджани связывает введение ряда новшеств в повседневную культуру городских мусульман [Мэржани, 1989, б.266–269].

Необходимо отметить и особое влияние бухарской системы обучения с ее схоластикой и догматикой. «Основным достоинством культурного среднеазиатского влияния стало возвращение татар к схоластической исламской традиции. На место народного ислама абызов пришел ислам схоластический. По словам Эрвина Панофского, суть схоластики определяется «постулатом разъяснения ради самого разъяснения». В 1908 г. Р.Фахретдин постулировал, что схоластика ведет к стагнации и гибели использующих ее народов» [Хабутдинов, 2008, с.35].

Определить дату основания и продолжительность существования многих медресе, возникших во второй половине XVIII – начале XIX в., как и их общее количество, почти невозможно. Это объяснялось не только отсутствием в стране сбора статистических данных, но и тем, что медресе основывались частными лицами (муллами) или приходским обществом как училища при мечетях, нигде не регистрировались и работали автономно. Как правило, медресе носило имя муллы, а не места, где оно возникло. Продолжительность существования медресе и объем преподавания напрямую зависели от муллы. Если ему суждено было долго жить и работать на одном месте, то и его медресе могло прославить эту местность. Если же ему приходилось скитаться (это на рубеже веков происходило, по разным причинам, довольно часто), а продолжателей его дела на прежнем месте не оставалось, то и ме-

дресе там исчезало (правда, оно появлялось на новом месте).

Например, Ибрагим бине Габдулла ан-Нукратый (?–1780), ученик известного мударриса и суфия 1-й половины XVIII в. Муртазы Гали бине Кутлугуш ас-Симети, получившего, в свою очередь, образование в Дагестане, преподавал (имел медресе) во многих селах. Ссылаясь на записи в конце книг, переписанных его учениками, Ш.Марджани указывает, что в 1753 г. его медресе находилось в д.Хасаншаех, в 1764 г. – в д.Ташкичу, в 1768 г. – в д.Казаклар, в 1771 г. – в д.Шашы, в 1772 г. – в д.Урбар Казанского у. Ибрагим-хазрат стал знаменит как познаниями в мусульманских науках, так и большим числом учеников (среди них был и дед Ш.Марджани Субхан хазрат) [Мэржани, 1989, б.241]. Отсутствие других источников не позволяет определить, сохранялись ли медресе в оставленных мударрисом селениях.

Первые сведения о мусульманских школах России носили случайный характер и не охватывали всей совокупности этих училищ. Так, в «Известии о татарских училищах Оренбургской губернии» (по данным МНП), опубликованном в №21 за 1811 г. «Вестника Европы», сообщалось о школах Сеитова посада под Оренбургом: «При всякой мечети (а их было 7 каменных и 2 деревянных. – А.М.) находится особое татарское училище, частью в покоях внизу мечетей и частью в особливых строениях. Заведение училищ началось за 30 лет до сего. Учащие суть ученые ахуны и муллы и отчасти частные люди; а учащиеся кроме тамошних жителей бывают и приезжие из других стран России, и даже из Хивы, Бухарии и других азийских княжеств. В училищах обучаются татарской азбуке, арабскому языку во всем пространстве и персидскому, арифметике, геометрии, основаниям физики, философии по творениям Аристотелевым, священной истории магометанской, чтению и толкованию Алкорана и познанию священных обрядов магометанских». Отмечалось также, что обучение ведется по рукописным книгам, получаемым в основном из Бухары, что в каждом из лучших училищ обучается до 150 чел.

Краткое описание пяти казанских медресе имеется в рапорте старшего учителя Казанского главного народного училища А.Пятова, представленном в училищный комитет Казанского университета 15 мая 1816 г. «Все казанские татарские училища получили начало свое одинаковым образом, – объясняется в нем. – Какой-нибудь богатый татарин из любви к наукам, а чаще по обещанию, отдает под училище свой дом, приходской мулла обыкновенно из усердия принимает на себя добровольно звание учителя, молодые магометане, узнав о сем, изъявляют желание учиться – и таким образом является училище. Оные содержатся добровольными пожертвованиями или иждивением учеников, из коих одни живут в своих домах, а другие, беднейшие, квартируют в самом училищном доме, где исправляют нередко должность сторожей» [НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318, л.9].

А.Пятов также подчеркивал отсутствие в казанских медресе каких-либо правил, установлений, свидетельствующих о систематическом образе обучения. «Все образование в сих училищах заключается в изучении чтения и письму языков турецкого, арабского и персидского, в познании магометанского закона, а в некоторых училищах преподаются: часть математики, землемерие, астрология, логика, философия, грамматика, риторика, нравоучение и правила произношения Корана, – отмечал он. – Вообще муллы – учителя следуют при обучении старинным своим обыкновениям. Впрочем, возможно ли ожидать от них чего-либо большего? Воспитанные в кругу необразованных своих братьев, не имея тесных сношений с россиянами, кроме одной торговли, худо зная российский язык и будучи, следовательно, лишены средств достигнуть надлежащей степени образования, они довольствуются токмо еще в древние времена на их языке вышедшими книгами. Но и они поелику ходят между ними в рукописях, то у редкого можно найти их, кроме одного Корана. Но что магометане имеют ревность заниматься науками, тому служат доказательством добровольно учрежденные ими училища и нередко предпринимаемые ими путешествия в Бухарию и другие места» [НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318, л.9].

Из документа следует, что медресе возникли по инициативе самого татарского населения, чаще всего представителей купечества и духовенства, содержались за его же счет. Никакого разрешения на открытие школы не требовалось, так как по издревле заведенным канонам шариата обучение нормам и правилам шариата входило в обязанности муллы. Обучение же велось в том объеме, каким обладал мулла-учитель, и по тем книгам, которые у него имелись (как правило, переписанным им во время своей учебы). Переписывание различных книг, необходимых для дальнейшей работы, было частью обучения и требовало от шакирда большого усердия.

В этот список не включены все имевшиеся в то время в Казанской губ. школы. Вывод о наличии большего числа татарских школ можно сделать, исходя, например, из рапорта штатного смотрителя Лаишевского уездного училища: «Во вверенном мне уезде никаких учебных заведений не находится, кроме одних только магометанских школ при мечетях в каждом почти селении, где обучаются муллами дети магометан чтению и письму на татарском языке» [НА РТ, ф.160, оп.1, д.33, л.14].

Исследователь быта и нравов татарского населения первой половины XIX в. Карл Фукс подчеркивал: «Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин, не пользуется уважением других. По сему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились по крайней мере читать, писать и узнали бы начала своей религии» [Фукс, 2005, с.212–213].

Ученый не приводит статистические данные о количестве школ, но его сведения свидетельствуют о том, насколько распространена была грамотность у казанских татар, и служат подтверждением того, что система татарско-мусульманского образования полностью восстановилась.

Более полные сведения относятся уже к середине века. Это данные ОМДС, представленные религиозным управлением в ДДДИИ: в его ведении на 1 января 1856 г. находилось 1729858 жителей обоого пола, 3478 мечетей, 934 медресе и мектебов, 5607 духовных лиц (из них 260 мудarrisов) [РГИА, ф.821, оп.8, д.1093, л.1–7].

Итак, постепенно установившийся к середине XIX в. порядок получения образования у татар во многом копировал бухарскую систему обучения. Принятие казанскими татарами в качестве образца среднеазиатской системы обучения и воспитания, по видимому, можно объяснить как внутри-, так и внешнеполитическими причинами. Если Кавказская война закрыла пути для получения образования на Кавказе даже для редких искателей знаний на чужбине, то усиление в конце XVIII – первой половине XIX в. торгово-экономических и дипломатических связей со среднеазиатскими государствами, в установлении и развитии которых активную роль играли татары-мусульмане, открыло дорогу в Бухару молодежи, стремящейся к знаниям.

Суть этого обучения была такова. Каждый мулла, получивший от общества приговор на вступление в должность, вместе с тем брал на себя и обязательство обучать мальчиков основам ислама. Он занимался с ними или у себя дома, или в отдельном помещении при мечети. Кстати, тогда еще не было четкого разделения татарских школ на мектебы (начальные школы) и медресе (средние и высшие школы), установившегося только на рубеже XIX–XX вв. Школы, независимо от уровня обучения, имели одно название – медресе, что означало «место, где обучаются», хотя слово «мектеб» (место, где пишут) тоже употреблялось [Махмутова, 1982, с.13].

Обучение могло состоять из нескольких этапов. Сначала мальчики (как правило, с 5–8 лет) знакомились с азбукой, обучались чтению, а иногда и письму, овладевали элементарными религиозными навыками. Обучение начиналось с освоения азов сложного арабского алфавита. (Сложность заключалась прежде всего в том, что 29 букв алфавита имели по несколько начертаний, общее число которых доходило до 118, количество гласных было недостаточным, для их обозначения применялись особые знаки; обучение велось на незнакомом языке и т.д.).

Усвоив механизм буквосложения (а на это могло уйти и два-три года, и пять, и более лет в зависимости от заинтересованности и способностей ученика и учителя), ученики приступали к чтению религиозно-

дидактических произведений типа «Иман шарты» («Условия веры») и «Ғәфтияк» («Седьмая часть Корана»). Обучение было индивидуальным: «Каждый ученик проходит курс учения совершенно отдельно от других учеников, имея ежедневно свой урок, отличный от урока, заучиваемого учеником, рядом с ним сидящим. Заданные учителем уроки ученики учат вслух, громко, как бы стараясь перекричать один другого. В школе стоит гул, в котором трудно разобрать отдельные звуки» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9об.]. Поскольку такой метод не позволял одновременно работать со всеми учащимися, учитель-мулла назначал себе помощников из старших учеников, которые назывались «хальфа».

Первоначальное обучение было почти обязательным и для муллы, и для родителей мальчиков, каким бы ни было их финансовое положение. Дальнейшее зависело от желания и способностей как мальчиков и их родителей, так и муллы. Для открытия медресе ни особых помещений, ни школьного оборудования, ничего, что означает современное понимание этого шага, не требовалось. Преодолевшие трудности начального обучения и проявившие способности мальчики, если позволяли возможности их родителей, продолжали обучение в этом или переходили в близлежащее медресе.

Крупнейшим центром комплексного религиозного образования татар в последней трети XVIII – первой трети XIX в. стали каргалинские медресе в Оренбуржье. Ш.Марджани и Р.Фахретдин, давая характеристики известным татарам, жившим в то время, также называют около ста медресе, где эти лица получали образование или сами основывали эти училища. Татарские медресе, как правило, возникали в отдаленных от губернских центров торговых селениях. Известно, например, о существовании в XVIII в. медресе в селениях Адаево, Береске, Буби, Кариле (Карелино), Кышкар, Мачкара, Ор (Ура), Симетбаш, Ташкичу, Тюнтер и др. в Заказанье, Овечий Овраг на Нижегородчине, Тайсуганово и Стерлибаш в Закамье и др.

Так, в конце XVIII – первой половине XIX в. одним из самых знаменитых стало медресе в д.Мачкара Казанской губ., «зо-

лотой век» которого был связан с именами мударрисов Мухаммад-Рахима бине Йусуфа аль-Ашыты (ум. в 1818 г.) и Габдуллы бине Яхья аль-Чиртуши (ум. в 1858 г.), а также купца 1-й гильдии Габдуллы Утямышева (ум. в 1832 г.), материально обеспечившего процветание медресе родной деревни.

М.-Р. аль-Ашыты первоначальное образование получил в медресе своего отца, имама и мударриса Йусуфа бине Габдулкарима, в течение трех лет помогал ему обучать шакирдов. Затем в поисках знаний отправился в Дагестан, где учился в течение 10 лет у известных для своего времени ученых. Вернувшегося на родину в начале 80-х гг. XVIII в. М.-Р. аль-Ашыты пригласили имамом и мударрисом содержатели мечети и медресе д.Мачкара купцы Утямышевы. Слава о его учености привлекла в Мачкару многих стремившихся к знаниям юношей со всего Волго-Уральского региона. Почти все они впоследствии основали свои медресе и стали известными мударрисами. Его учениками были ученый-реформатор Г.Курсави, имамы и мударрисы медресе Мачкара Габдулла аль-Чиртуши, медресе Кышкар Якуб бине Яхья ад-Дубьязи, медресе Хусна дед Ш.Марджани Субхан аль-Марджани, основатель династии мударрисов Стерлибашского медресе Нигматулла бине Биктимер Тукаев, основатель рода имамов и мударрисов Амирхановых, прадед писателя Ф.Амирхана Амирхан ат-Талкыши и др. [Мэржани, 1989, б.263–264; Фэхреддин, 2006, б.83–84].

Другой мударрис медресе Мачкара Габдулла бине Яхья аль-Чиртуши, родом из Чистопольского у., учился у мударриса М.-Р. аль-Ашыты, затем в Бухаре. Вернувшись в конце 1812 г. в Мачкару, он женился на дочери учителя и в течение шести лет помогал своему учителю и тестю. С 1818 г. руководство приходом и медресе полностью перешло к нему. По словам Ш.Марджани, он более 40 лет проработал в Мачкаре, был самым известным из мударрисов своего времени, имел много учеников, ставших мударрисами. Среди них известны Мухаммадкарим ат-Таканыши, Габдулвали ан-Нурмави, Ярулла ас-Сатыши, Нигматулла Буби и др. [Мэржани, 1989, б.319–321]. Во второй и третьей четверти XIX в. выпускники медресе Мачкара возглавляли ключевые

приходы Казани при Апанаевской, Бурнаевской, Галеевской, Сенной, Розовой мечетях [Хабутдинов, 2009, с.44].

В Оренбургской губ. в конце XVIII – первой половине XIX в. приобрело известность Стерлибашское медресе, основанное в 1720 г. [Тукаев, 1899, с.5]. Расцвет его связан с деятельностью династии имамов и мударрисов Тукаевых – Нигматуллы-хазрата (1772–1844), его сыновей Харриса (1810–1870) и Харраса (1814–1871), внука Хабибуллы (1856–1897), сына Хариса. Нигматулла бине Биктимер Тукаев ас-Стерлибаши (его дед Тукай бине Урманай перебрался на башкирские земли из д. Салавыч Малмыжского у.), получив богословское образование в медресе Казани и Мачкары, отправился искать основательных знаний в Бухару. Там он стал учеником и последователем знаменитого суфия Ниязкули-ишана ат-Туркмани. Получив от него сан шейха, Нигматулла-ишан вернулся на родину, возглавил мечеть и медресе в Стерлибаше. Ш.Марджани отмечал: «Мир его был широк, учеников много. В своем краю приобрел чрезвычайно великую славу. Был защитником взглядов меллы Габдунасыра аль-Курсави и его другом. В своем медресе возбудил интерес к нему» [Мэржани, 1989, б.245–246]. При мударрисе Нигматулле, писал Р.Фэхретдин, медресе в Стерлибаше «достигло уровня высшего учебного заведения» [Фэхреддин, 1906, с.78].

Таким образом, восстановление системы образования и науки у татар привело к неожиданным для правительства результатам: «Интенсивное строительство мечетей и открытие при них мектебов и медресе в конце XVIII – начале XIX в. татары использовали для создания независимой от официальной идеологии системы народного образования» [Мухаметшин, 2005а, с.29].

Традиционные учебные заведения татар.

К середине 60-х гг. XIX в. в России существовало более 1,5 тыс. учебных заведений, подведомственных ОМДС, которые представляли собой типичные школы ислама (табл.47). Формы их организации определялись вполне сложившимися к тому времени религиозными традициями, что делало их похожими на аналогичные учебные заведе-

ния мусульманского мира. «Еще 25 лет назад, входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна», – отмечал в 1913 г. знаток мусульманской школы, чиновник МНП Н.А.Бобровников [Бобровников, 1913, с.228].

Каждый мулла на практике был правоспособным учителем. При вступлении в должность он давал сельскому сходу обещание не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей арабской грамоте и основам вероучения. Занятия проводились или в специальном помещении при мечети, или дома у муллы-учителя. «Обычно прихожане строго контролировали отношение мулл к школьному делу и в случае халатности, уклонения от деятельности по распространению книжного слова сигнализировали в Духовное собрание, даже выносили приговоры об избрании общине другого духовного руководителя» [Фархшатов, 1994, с.55].

Являясь частными или общественными учебными заведениями при мечетях, мектебы и медресе не имели официально утвержденных программ и уставов. За редким исключением в этих школах не было единого определенного курса учения. Каждый мулла-учитель учил тому, что знал сам, и так, как учили его самого. «Время прохождения курса в мектебе не определено, и каких-либо подразделений на классы не существует; периоды же при обучении считаются от времени усвоения одной книги, например «Иман шарты» («Условия веры». – А.М.), до перехода к изучению другой,

например, «Һәфтияк» (седьмая часть Корана. – А.М.) – это равносильно переходу из класса в класс» [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.225]. Продолжительность учения зависела не только от учителя, но и от успехов и возможностей каждого ученика: «При старании ученики могут пройти весь курс мектеба и медресе в 10 лет, но обыкновенно на это требуется больший срок» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9об.].

Государство, а также городские и земские органы не финансировали мусульманские школы. Однако учреждение школы у татар считалось богоугодным делом, поэтому в ее материальном обеспечении участвовали различные социальные силы. Активное участие в содержании ряда медресе принимало купечество. Такие школы, как правило, имели по несколько зданий, жилые и учебные комнаты были отделены друг от друга. Так, например, одно из наиболее успешных в середине XIX в. Стерлибашское медресе в Уфимской губ. помещалось в 25 зданиях. Во второй половине XIX в. по несколько помещений имели медресе «Усмания» и «Марджания» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге, Буби в Вятской губ., Абдулвагапова в Чистополе и др. [Махмутова, 1982, с.20–21]. Но традиционная форма содержания большинства мектебов и медресе исключительно за счет приношений прихожан обеспечивала им только скудное существование.

Основная масса школ размещалась в зданиях, не отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям. Директор народных училищ Казанской губ. в представлении на имя попечителя КУО от 19 декабря 1891 г. отмечал: «Значительное число мектебов и

Таблица 47

Сведения о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах, подведомственных ОМДС [по: РГИА, ф.821, оп.8, д.1101, л.2–5;

д.1106, л.2–6; д.1110, л.3–5; д.1115, л.2–5; д.1118, л.2–7; д.1122, л.2–7; д.1132, л.2–4]

Год	Мечети	Медресе	Духовенство	Прихожане
1859	3559	1034		1800966
1860	4525	1075	6188	1838218
1862	3591	1404	6326	1854909
1863	3591	1404	6326	1854909
1864	3550	1569	6096	2074182
1865	3550	1569	6096	2074182
1868	4052	1396	6513	2104190

Здание быв. медресе «Күл буе» (Приозерное) при Апанаевской мечети Казани. Совр. ул.Марджани, 28. Фото 2010 г.

медресе помещается в домах местных мулл, и только сравнительно немногие из них – в особых общественных домах или наемных квартирах. В этих помещениях очень тесно, поэтому учащиеся умываются и совершают намаз на открытом воздухе и зимой, и летом, в мороз и ветер, отчего в этих школах бывает много больных, которые остаются лежать между здоровыми детьми» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.34–35].

Дополняли общую картину инспектор народных училищ Астраханской губ.: «Вдобавок ко всему этому мусульманские школы лишены всяких признаков обычной школьной обстановки: нет ни столов, какой бы то ни было формы, ни сидений. Все ученики проводят учебное время, стоя на коленях на полу; так они читают, держа книги перед глазами, так пишут, кладя тетрадь, а в большинстве какой-либо лоскут бумаги, на одно колено, у очень редких разве имеется маленький, низкий сундучок» и директор народных училищ Вятской губ.: «Помещаются мектебы главным образом в кухнях местных мулл и иногда в скотных избах (как в деревне Сарсаз) при самых неблагоприятных гигиенических условиях» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.22, 40об.].

Однако традиционная форма народной поддержки позволяла иметь школы даже в самых бедных деревнях. В условиях имперской России это была единственно возможная форма существования у татар сотен учебных заведений. Как указывал Р.Фахретдин,

если во второй половине XIX в. школы первоначального обучения – мектебы – имелись практически в каждом приходе, то одно медресе приходилось на 30–40, а иногда и на 100 приходов. Руководили ими и обучали шакирдов известные своей ученостью мударрисы. Шакирды же собирались отовсюду и жили в тех же зданиях медресе, где и учились [Фахреддинев, 1993, б.239].

Большинство сельских школ были малочисленными. Так, на основе сведений

о численности учащихся в 441 мусульманской школе Уфимской и Оренбургской губерний установлено, что «в 1867–1868 гг. наибольшую группу (144 школы, или 30,9% в Уфимской губ. и 33,5% в Оренбургской губ.) составляли школы, имевшие от 11 до 20 учащихся. Свыше 100 учащихся имели всего 10 школ. В среднем на одну школу в Уфимской губ. приходилось 35,4, в Оренбургской – 20,5 учащихся» [Фархшатов, 1994, с.64]. Так обстояло дело не только в сельских, но и в городских медресе. В семи медресе Казани, например, в 1869 г. числилось всего 387 учеников, причем только в одном – Мустакимовском – обучалось 100 мальчиков [Медресе, 2007, с.23].

Численность учащихся в школах зависела от уровня учености и популярности мулл, которые их возглавляли, а также от материального обеспечения медресе. Поэтому по мере увеличения числа школ и количества учеников в них, наряду со школами, едва насчитывавшими десять учеников, были медресе, где обучалось по несколько сотен шакирдов. Например, в конце XIX в. в казанских медресе – Апанаевском (Приозерном), Багаутдиновском («Марджания»), Галеевском («Мухаммадия») – обучалось от 150 до 400 шакирдов в каждом [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.234]. В Стерлибашевском медресе Уфимской губ. в 60–80-х гг. стабильно обучалось по 500–600 учеников, а в Стерлитамакском – от 200 до 600 [Фархшатов, 1994, с.59, 60]. Возраст учеников в

мусульманских училищах также значительно отличался: в мектебах – от 5–6 лет до 16, а в медресе – от 10–11 до 30 лет (иногда и выше) [Махмутова, 1982, л.16].

Учебный год в мусульманских учебных заведениях, как правило, начинался в сентябре-октябре, после окончания осенних уборочных работ, и заканчивался перед весенними полевыми работами в апреле. Но были медресе, где шакирды брали уроки круглый год. Учебный день распределялся следующим образом: «Ученики собираются в школы часов в 7–8 утра, смотря по времени года, и учатся до 2–3 часов дня, с часовым перерывом около 12 часов. Впрочем, в мектебе самые маленькие ученики нередко в 12 часов совсем отпускаются домой, а старшие обязательно продолжают учиться и после перерыва до 2–3 часов дня. Что касается медресе, то в них ученики собираются, кроме того, для занятий и в вечерние часы» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.5].

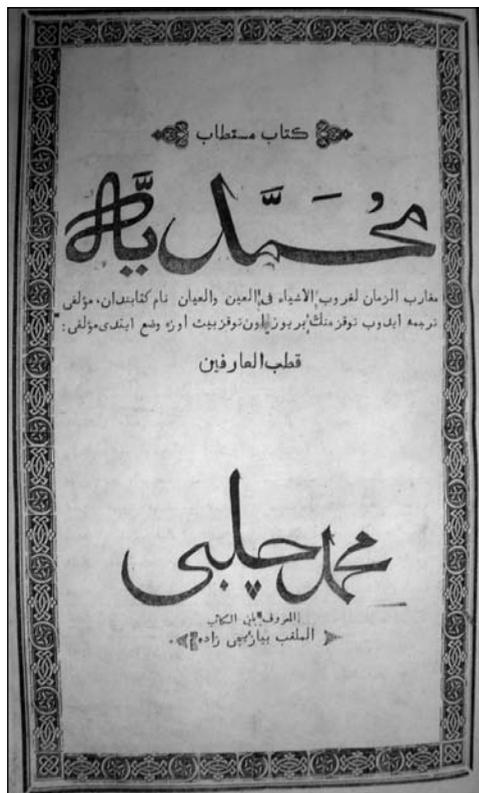
В основе образования и воспитания татар лежала задача подготовки верного мусульманина, живущего по законам шариата. «Масса татарского населения ...находится еще на той стадии культурного развития, когда религиозное настроение проникает и направляет весь быт народа, когда вопросы веры преобладают над всеми другими, – отмечал в начале XX в. директор народных училищ Казанской губ. М.Н.Пинегин. – ... Учиться и изучать религию у татар сливается в одно понятие и обозначается даже одним словом. И потому смысл учения татарская масса до последнего времени понимала только в обучении религии» [РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.45об.].

В деятельности мусульманских школ, независимо от места их расположения, было много общего, обусловленного традициями. «Во всех мусульманских школах в той или иной степени с небольшими изменениями изучался определенный ряд наук или, по крайней мере, отделы из этих наук» [Коблов, 1916, с.15]. Обучение могло состоять из нескольких этапов. По мере восстановления системы образования и, особенно, с появлением новометодных школ постепенно утвердилось разделение мусульманской школы на низшую – мектеб и высшую – медресе, хотя эти названия могли употребляться при-

менительно к одному и тому же учебному заведению.

Организация учебно-воспитательной деятельности школы определялась ее целью. Конечная цель мусульманского училища – «научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57]. В соответствии с этой целью учебный курс мектеба предусматривал овладение арабской грамотой (на что уходил год и более), чтение и письмо на языке тюрки, основы вероучения и начальные сведения по арифметике. Овладев достаточно сложным механизмом буквосложения, мальчики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений на языке тюрки: «Ахыр заман китабы» («Книга о светопреставлении») С.Бакыргани (ум. в 1186 г.), «Кыйссаи Йосыф» Кул Гали (конец XII – начало XIII в.), «Мөхəммəдия» («Посвящение пророку Мухаммаду») М.Челеби (ум. в 1451 г.), «Рисалəи Газизə» («Рассказ о Газизе») Т.Ялчыгулова (1768–1838), «Бəдавам» («Постоянно повторяй») и «Кисекбаш китабы» («Книга об отсеченной голове») неизвестных авторов и др. [Татар əдəбияты, б.115–157, 273, 282, 443–452].

Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся: в форме диалогов, анекдотов, красочно и живо описанных сцен учащимся исподволь внушались идеи и доктрины ислама. В то же время, знакомясь с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы, школьники получали некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что способствовало их умственному развитию. Чтением нескольких произведений татарской и восточной литературы для большинства детей обучение в мектебе заканчивалось. Навыки чтения и письма, полученные таким образом, не находя применения в обыденной жизни, после завершения учебы постепенно утрачивались, и хотя фактически первоначальное обучение проходило абсолютное большинство детей, повсеместно взрослое население постепенно переходило в разряд неграмотных.

Титульный лист сочинения
М.Челеби «Мехэммедия».

Этим обстоятельством мы склонны объяснять показатели Первой всеобщей переписи населения 1897 г. о грамотности среди татарского населения в губерниях Волго-Уральского региона¹¹.

Лишь немногие мектебы, расположенные в крупных селах и городах, имели второе отделение (как правило, трехгодичное), где преподавались начала арабского языка, мусульманской этики и права. Такие отделения являлись своего рода подготовительными для медресе.

Медресе представляло собой учебное заведение повышенной ступени и преследовало цель «подготовить муэдзинов, имамов,

¹¹ Согласно статистическим сведениям 1897 г., среднестатистические показатели по грамотности на родном языке среди мусульман следующие: в Казанской губ. – 20% (22% – среди мужчин, 18% – среди женщин), в Симбирской губ. – 10,8% (15% и 6,6% соответственно), в Самарской – 24,5% (26% и 23%), в Саратовской – 14,6% (18,8% и 10,5%), в Уфимской губ. – 19,3%, в Оренбургской губ. – 21% (25% и 17% соответственно [Гибадуллина, 2008, с.107, табл.7].

хатыпов, факихов, галимов, мугаллимов, мударрисов, казиев и муфтиев, которые были бы вполне знакомы как с требованиями времени, так и с науками веры и жизни, чтобы иметь возможность указать к оним пути и другим» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57об.], т.е. это были духовные учебные заведения, призванные готовить богословов, знатоков мусульманского права и духовных руководителей мусульман. Чиновники сравнивали лучшие медресе с русскими духовными семинариями и академиями [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.5об.; ф.733, оп.170, д.263, л.303об.; НА РТ, ф.92, оп.1, д.10464, л.17].

Как и повсеместно у мусульман, комплекс изучаемых в татарских медресе наук традиционно делился на две группы. Первую составляли науки «шаргия», т.е. дисциплины, связанные с изучением шариата, или, иначе, «наклия», т.е. основанные на предании. Вторую группу составляли науки умственные – «гаклия». Они, в свою очередь, делились на «арабия», связанные с изучением арабского языка, и «хикмия» – науки так называемой «человеческой мудрости», т.е. философские [Валидов, 1998, с.35].

Изучение всех этих наук велось по определенной схеме, на базе неизменного в течение веков комплекса учебных пособий, по определению Дж.Валиди, «получивших чуть ли не авторитет Корана». Каждый такой учебник «состоял из собрания нескольких книг, но не отдельных, а параллельных или концентрических. Это вытекало из своеобразной, так сказать, средневековой системы составления книг. Дело в том, что какой-нибудь ученый-специалист составлял одну какую-либо книжку, излагая в кратких чертах основные положения своей науки, потом последователи этого ученого, со своей стороны, писали к ней свои комментарии. Первое из этих сочинений называлось по-арабски «матен» (конспект), а второе – «шарх», т.е. комментарий. Комментарий сам по себе не составляет самостоятельной книги, он тесно связан с матеном» [Валидов, 1998, с.35].

Иногда «шарх» имел свой комментарий – «шархи-шарх» либо «хашия» – толкование избранных мест первых двух сочинений. «Таким образом, коротенький матен, состоящий из каких-нибудь десяти страниц,

может расширяться со всевозможными комментариями до многотомной книги» [Валидов, 1998, с.35]. Предполагалось, что в стенах медресе шакирды должны изучать, т.е. практически заучивать наизусть, основные сочинения с несколькими главными его комментариями, а остальные толкования осваивать самостоятельно¹².

Курс обучения в медресе начинался с изучения морфологии, грамматики и лексики арабского языка. Наиболее авторитетными и распространенными в татарских медресе учебными пособиями были «Әнмүзәж» – грамматико-лексикографическое произведение знаменитого Махмуда Замахшари (1075–1144) и «Кафия» Ибн аль-Хаджиба (ум. в 1249 г.) о строении стиха. К ним нужно было изучить примерно десять толкований. Когда шакирды достигали «Кафии», в программу включались книги по мусульманскому праву (*фикх*), стихосложению (*гильм аруз*) и ведению диспутов (*муназара*). Как правило, это был «Мохтасар эл-викая» Губайдуллы Садр аш-Шария (ум. в 1344 г.) – краткий курс по мусульманскому праву, являвшийся сокращенным вариантом объемного юридического свода. К нему прилагались комментарии «Жамигь эр-рөмүз», «Шәрхе викая» и др.

Следующая ступень – изучение логики (*мантык*). Основные учебники – «Исагужи» Хасана аль-Кати (ум. в 1358 г.) с комментариями «Шәрхе Исагужи» Джамалутдина ас-Суюти (ум. в 1505 г.) и «Шәмсия» с комментариями «Шәрхе шәмсия», «Хәшияи Кутби». Затем приступали к толкованию догматов ислама (*калам*). Главные пособия – «Гакаид» Нажмеддина Абу Хафса Умара Насафи (1068–1142) с комментариями Сагдуддина Тафтазани (1322–1389) «Шәрхе гакаид эн-Насафи». Многочисленные толкования к ним изучались шакирдами самостоятельно. Дальнейшее изучение логики осуществлялось по сочинению Тафтазани

«Тәхзыйб» со множеством комментариев, главным из которых был «Шәрхе Тәхзыйб» Джаляледдина Даввани (1426–1501). Одновременно продолжалось изучение фикха по «Шәрхе эл-викая», состоявшему из двух разделов: «Викаят эр-риваят» Махмуда Тадж аш-Шария и комментариев на него Убейдуллы ибн Масгуда Садр аш-Шария (ум. в 1346 г.) «Шәрхе Викаят эр-риваят».

Затем ученики приступали к изучению «Хикмэт эл-гайн» Нажмеддина Умара аль-Катиби (ум. в 1276 г.). Следующим учебником по каламу был «Гакаид эл-Газдия» Гизеддина аль-Иджи (ум. в 1355 г.) с комментариями Джаляледдина Даввани «Мулла Жәлял», на который, в свою очередь, имелись толкование Ханакахи и комментарии «Татимма», «Хәшияи Кәлам» и множество других. К этим основным учебникам мог быть добавлен ряд второстепенных книг по предметам, относящимся к «арабия» – риторике, правилам благозвучия слов, построению речи и т.д. После ознакомления с этими книгами наступала очередь третьего большого пособия по фикху – «Хидая» крупного законоведа Бурханеддина Али Маргинани (ум. в 1197 г.) с комментариями и толкованиями к нему «Кифая», «Нихая», «Фәтх эл-Кадир» и др. Параллельно вводилось изучение основ фикха по книге «Тәнкыйх эл-ысул» Садр аш-Шария с его же толкованием «Тәүзыйх эл-ысул», ряда комментариев Тафтазани и др.

На последнем этапе вводилось изучение *хадисов* – речений пророка Мухаммада и преданий из его жизни. Основным источником служил «Мишкят эш-шәриф», толкование к нему имело название «Миркат». Особое место занимала т.н. наука о разделе наследства – «Гыйльме фәраиз», по сути один из разделов фикха, выделенный в самостоятельный предмет. Параллельно изучались правила чтения Корана – «Гыйльме кыраят», арифметика – «Гыйльме хисаб». Завершался курс медресе изучением толкования Корана по пособию «Тәфсир» Байдави Насреддина Абдаллаха ибн Умара (ум. в 1286 г.) со множеством комментариев.

В общей сложности курс мог включать в себя более сотни книг довольно крупных знатоков в самых различных областях исламских наук, живших и творивших в

¹² Далее описание предметов и способов обучения в медресе дано по: Ахмеров Ш. Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. Казань, 1897. Вып. 2; Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). Казань, 1998; Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916; Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1887; Медресе г. Казани XIX – нач. XX веков: Сб. документов и материалов. Казань, 2007 и др.

основном в XI–XV вв. Полный курс обучения в медресе не имел какого-либо определенного срока: «Учащиеся живут и учатся в медресе до тех пор, пока учитель или сами они не сочтут себя достаточно усвоившими курс мусульманских наук, десять или более лет» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.13].

Конечно, систематическое изучение этих схоластических наук требовало много времени, и шакирды, как правило, заканчивали учебу и занимали должность муллы в 30–35 лет. Но так долго пребывать в медресе могли себе позволить немногие. Особо необходимым считалось изучение морфологии и синтаксиса арабского языка, логики, калама, законовещения и основ шариата. Поэтому многие шакирды, одолев эти 5–6 курсов, считали себя вполне готовыми к духовной деятельности. Это подтверждал и Габдулла Буби, в 1870–1880-х гг. обучавшийся в медресе своего отца: «...многие шакирды не достигали и половины обучения или даже не продвигались дальше введения» [Бубый, л.18]. Значительное число шакирдов выходило из медресе, проучившись 5–6 лет. Так, в 1896 г. из 200 учащихся медресе первой мечети Стерлитамака 63 (31,5%) обучались первый год, 32 (16%) – второй, 30 (15%) – третий, 23 (11,5%) – четвертый, 26 (13%) – пятый, 16 (8%) – шестой, 6 (3%) – седьмой и 4 (2%) – свыше 7 лет [Фархатов, 1994, с.70]. Таким образом, 9 из 10 начавших учиться в медресе шакирдов отсеивались в первые 5 лет.

Традиционно используемый в медресе метод обучения был следующим: «Взяв книгу по какой-либо отрасли наук, составленную несколько столетий тому назад и почти всегда на арабском языке, мударрис перед своей аудиторией, сидящей перед ним полукругом на коленях, переводит арабский текст и приводит всевозможные на текст комментарии, заимствованные из таких же стародавних книг. Ни самостоятельного личного взгляда, ни разработки вопросов в ином, чем в комментариях, духе не допускаются» [Ахмеров, 1897, с.77].

Дж.Валиди так описывал процесс обучения в медресе: «В каждом медресе имелось по несколько хальф, каждый из которых имел своих учеников, принадлежащих только ему. ... Хальфа давал уроки следующим

образом: приглашал к себе в определенное время всех учеников одной ступени, сначала спрашивал он их прежние уроки. ... Потом начиналось преподавание нового урока, и тогда уже должны были присутствовать и ученики старших ступеней, с целью повторения своих предшествующих уроков или в силу их обязанности помогать своим младшим товарищам в заучивании уроков» [Валидов, 1998, с.38].

Мударрис же давал уроки для старших шакирдов. «На его лекциях присутствовали ученики всех хальф; он не спрашивал учеников и редко проверял их. Один из слушателей читал текст книги, через несколько слов (а иногда даже на каждом слове) мударрис прерывал его и начинал чинно объяснять смысл прочитанного и при этом иногда так сильно вдохновлялся, что по поводу одного только слова прочитывал целую лекцию. ... Слушатели имели право прерывать лекцию и возражать против чего-нибудь мударрису; на это возражение должен был отвечать другой слушатель; но возражавший не удовлетворялся его ответом и возражал снова. Таким образом начиналось ученое состязание, в которое вмешивались и другие шакирды, причем никто из них не слушал своего противника, все перебывало с разных сторон друг друга, и в конце концов получался такой хаос... «Но будет вам, – раздавался в это время властный голос мударриса, – будет вам, безумцы, что же вы на самом деле, с ума сошли, что ли», – говорил он, чувствуя при этом полное внутреннее удовлетворение от того, что его шакирды умеют, когда нужно, себя показать» [Валидов, 1998, с.39].

Так шакирды переносились «в сферу высших понятий», и ученик «чувствовал себя способным разрешать вопросы знания и бытия и создавал, хотя и смутно, значение этих вопросов». Диспуты, хотя и были схоластическими, вырабатывали у шакирдов умение логически мыслить, аргументированно излагать свои мысли, т.е. требовали «полного напряжения умственных способностей». Мелочность же рассуждений схоластической философии «не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских понятий давало возможность более или менее свободно оперировать в области от-

Медресе «Марджания» в Казани. 2-я пол. XIX в.
Совр. ул.3.Султана, 4.
Фото 2010 г.

вленной мысли» [Валидов, 1998, с.42]. Диспуты-состязания «муназара» устраивались и между шакирдами разных хальф или даже разных медресе. Если в эпоху

возрождения системы образования большинство медресе создавалось татарами, получившими образование в мусульманских странах на чужбине, то в середине и второй половине XIX в. все чаще основателями и руководителями медресе становились выпускники собственно татарских медресе. При этом объем преподаваемых предметов был примерно одинаков. Известны были медресе под именем своего руководителя-наставника. Если мударрис оказывался способным учителем, умевшим заинтересовать своих учеников учебой, выработать у них стойкое стремление к знаниям, его слава быстро распространялась, что приводило и к росту числа его учеников, которые стекались к нему отовсюду. Так обстояли дела и в сельских, и в городских медресе. Естественно, славились те медресе, чьи руководители – мударрисы серьезно относились к делу обучения юношества.

К числу таких руководителей принадлежал и Ш.Марджани, обучавшийся в Бухаре и создавший в Казани свое медресе. «Марджани обучал очень старательно, придавая большое значение урокам, много времени проводил в медресе», – отмечал его биограф Ш.Шараф [Марджани, 2010, б.94].

К ним относился и Габдулгаллям Нигматуллин, получивший образование в местных медресе и в 1857 г. воссоздавший медресе в д.Иж-Буби Сарапульского у. Вятской губ. «В то время, как шакирды многих медресе вынуждены были довольствоваться одним уроком в два-три дня или даже в неделю, наш отец не лишал шакирдов своих

ежедневных уроков, – подчеркивал его сын Габдулла Буби. – Сам ни по какой причине не пропускал пятивременный намаз в мечети, но никогда не принуждал шакирдов и даже нас (сыновей) посещать мечеть. Занимался уроками с утра с половины девятого до двенадцати, после обеда с двух до пяти, а зимой, когда дни были коротки, заходил в медресе после вечернего намаза и занимался с шакирдами часов до девяти-десяти» [Бубый, л.18].

Сравнение предметов (книг), изучаемых в казанском медресе Ш.Марджани и сельском медресе Габдулгаллям-хазрата, работавших в одно и то же время – в 50–80-х гг., выявляет схожесть изучаемых предметов в этих медресе (табл.48) [Махмутова, 2003, с.40].

Несмотря на некоторые различия в названиях, можно утверждать, что в обоих медресе использовались одни и те же книги (например, «Шәрхе Габдулла» и «Шәрхе Мулла», «Суллям кази» и «Суллям эл-голум» и т.д.). Названия учебников показывают, что в этих медресе использовались достаточно авторитетные и широко распространенные в татарских медресе книги средневековых авторов. Оба хазрата придерживались традиционного обучения, которое, бесспорно, носило схоластический характер. Общественное сознание татар, пребывавшее в рамках мусульманских традиций, не допускало покушений на основы обучения. Даже хорошо понимавший необходимость преобразования татарских медресе Ш.Марджани не мог преодолеть сопротивление как шакирдов, так и общества. Ш.Шараф с огорчени-

Программы медресе Буби и Марджани

Названия предметов	Учебники, использовавшиеся в медресе Буби	Учебники, использовавшиеся в медресе Марджани
Араб. морфология	Бидан, Шәрхе Габдулла	Шәрхе Мулла
Синтаксис	Кавагыйд, Гавамил, Әнмүзәж, Мулла Жәми	Кафия
Логика	Исагужи, Шәмсия Мирсаид, Суллям кази	Шәмсия, Шәрхе Тәхзыйб әл-мантыйк, Суллям әл-голүм
Калам	Гакаид, Мулла Жәлял, Ахун Йосыф	Мулла Жәлял, Тәхзыйб әл-кәлам, Шәрхе Гакаид Насафи
Красноречие	Тәлхис	Тәлхис
Законоведение	Мохтасар, Хидая	Мохтасар әл-викая, Хидая
Основы шариата	Зөбдәт әл-әсрар, Тәүзыйх, Талвих	Тәүзыйх
Этика	Гайнә әл-гыйльм, Тарикаи Мөхәммәдия	Гайнә әл-гыйльм, Тарикаи Мөхәммәдия
Хадис	Мишкят әл-мәсабих, Сахих әл-Бохари	Мишкят әл-мәсабих
Древняя философия		Хикмәт әл-гайн
Тафсир	Казый Бәйзави	
Правила наследования	Сиразия	Фәраиз
Счет	Холясат әл-хисаб	

ем отмечал: «Почему-то Марджани-хазрат, раскритиковав методы обучения в Бухаре и показав пути их преобразования, в т.ч. написав специальные книги об этом, не упорядочил свое медресе и свои уроки» [Мәржани, 2010, б.112–113]. Правда, далее он пояснял: «Марджани-хазрат сам очень беспокоился, что его мысли о необходимости изменений остаются без внимания, что у него очень мало помощников в осуществлении его идей. Сетую иногда: «Стараясь быть как все медресе – Кышкар, буинское, казанские – [шакирды и хальфы. – А.М.] уничтожили мое медресе. Разрушились все планы относительно уроков, обдуманые еще в Бухаре. Проводят жизнь попусту. Не учат необходимое. Но что делать, это время такое. А из этих [схоластических наук. – А.М.] – ничему бы не обучал», – ясно объяснял свое недовольство порядками в обучении. Но как бы ни был недоволен, обучал так, как вынуждало время» [Мәржани, 2010, б.115].

Прогрессивно настроенные муэдарины и их помощники – учителя (хальфы и мугаллимы) все яснее осознавали необходимость перемен, не могли примириться с господством схоластики. Особенно прославилось в этом отношении самое богатое и благоустроен-

ное Стерлибашевское медресе в Уфимской губ. Был разбит сад, проведен водопровод, имелась богатая библиотека. Его муэдарины Харис и Харрас Биктимировы (Тукаевы), а затем сын Хариса Хабибулла Тукаев имели основательное богословское образование, владели восточными языками, интересовались поэзией, литературой [Мәржани, 1989, б.254, Тукаев, 1899, с.8–9]. Они не только поддерживали высокий по тем временам стандарт образования, но и вводили в процесс обучения некоторые изменения. Так, уже в 1869 г. Харис-хазрат ввел в учебный курс преподавание русского языка. Он считал, что «знание русского языка, являющегося государственным, для российских мусульман обязательно» [Фәхреддинев, 1909, б.506].

Миссионер Н.И.Ильминский, заметив большую популярность среди мусульман Стерлибашевского медресе, сообщал обер-прокурору Синода К.П.Победоносцеву: «Стерлибашевское медресе, как сильный подземный корень, дает опору и силу различным магометанским движениям» [Письма, 1895, с.142]. Посетивший это медресе в начале XX в. будущий академик В.В.Бартольд назвал его «одним из живых

центров мусульманской науки в России» [Фархшатов, 1994, с.59].

Тукаевы привлекали к работе в своем медресе талантливых, высокообразованных преподавателей. Здесь успешно работали поэты Ш.Заки и Г.Чокрый. Сюда же был приглашен и брат Габделгалляма Нигматуллина Габдулла-хазрат (1838–1884), после получения образования в медресе брата совершенствовавший свои знания в течение семи лет в Стамбуле, Хиджазе, Бейруте, Каире, где уже разворачивалась реформа системы мусульманского образования. Видимо, к этому времени Габдулла-хазрат уже критически относился к традиционной системе образования у татар и по мере своих возможностей стремился улучшить ее.

Вот что сообщал Г.Буби о взглядах Габдуллы-хазрата и предметах, которые он преподавал в медресе: «В Стерлибаше он старался обучать даже географии, предмету, который тогда среди наших татарских дамелла никто не только не преподавал, но даже и названия этого никогда не слышал. Кроме того, он не стал обучать морфологии и синтаксису арабского языка посредством персидского языка, как это было принято во всех медресе, а обучал по-татарски, тем самым сделав большой шаг на пути реформы обучения арабскому языку. Книга дяди Габдуллы по морфологии и синтаксису арабского языка, написанная на татарском, и сейчас лежит передо мной. Правда, она не похожа на книги, написанные ныне. Но какое дело может быть совершенно верным в самом начале? Ни один воспитанный человек никогда не согласится назвать незначительным, не требующим большого мужества делом обучение арабской морфологии и синтаксису по-татарски во время, когда татарские муллы называли географию запретной, письмо по-татарски считали очень большой провинностью, а обучение арабской грамматике по-персидски обязательным для всех. ... Помню дядю Габдуллу: он был крупным, с большой бородой, очень мягкий и с очень терпеливым характером. Когда приезжал к нам в гости, никогда не выпускал из рук книг или карандаша, всегда листал книги, писал» [Бубый, л.6–7]. После себя Габдулла-хазрат оставил семь написанных, но неизданных книг, среди которых были несколько комментариев к книгам по богословию, полные

правила арабской грамматики и арабский синтаксис на татарском языке [Махмутова, 2003, с.42–45].

В целом можно сказать, что не только в Казанской, Оренбургской или Уфимской губерниях, но и в каждом регионе, где компактно проживали татары-мусульмане, были свои знаменитые медресе. Они, как правило, открывались по инициативе подвижников просвещения, наиболее образованных мулл, получавших учено-преподавательское звание мударриса в ОМДС. Возьмем для примера медресе г.Касимов Рязанской губ. Основано оно было в 1808 г. по инициативе имам-хатиба Ханской мечети Абдулвахита Давликамова (?–1855) при финансовой поддержке богатых прихожан Шакуловых, Максудовых, Давлеткильдеевых и др. Существование медресе было благополучным и долговременным благодаря финансовой поддержке касимовских купцов и деятельности династии имамов и мударрисов Давликамовых, более столетия руководивших этим учебным заведением. Особенно успешно медресе работало при Фазлулле Абдулвахитовиче Давликамове (?–1866), который стал вторым имамом и мударрисом в 1827 г.

В 1847 г. в медресе было три отделения: в первом – тюркском – азбуке, основам веры, Корану и шариату обучалось 27 чел.; во втором – арабском – 23 шакирда изучали науки, связанные с арабским языком; в третьем, носившем название «персидское», изучались история ислама, история пророков, толкование Корана, география и другие предметы (6 учеников). Малочисленность учащихся объяснялась, видимо, и тем, что при первых Давликамовых медресе располагалось в их собственном доме. Большинство шакирдов составляли выходцы из татарских сел Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний. На рубеже XIX–XX вв. Давликамовы продолжали сохранять верность ортодоксальным традициям касимовской богословской школы, не поддаваясь новым веяниям [Салихов, 2006, с.171–175].

К концу XIX в. мулл, осознавших необходимость перемен, было уже немало. Часть из них объединяло критическое отношение к школьной схоластике, идущей из Бухары, что явилось отражением изменения их мировоззрения под влиянием

социально-экономических перемен в пореформенной России, распространения рационалистически-просветительских идей Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова и под воздействием перемен, начавшихся в исламском мире. «Священная» Бухара перестала быть для них символом образованности. Посетивший в 1881 г. Казанскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии сенатор М.Е.Ковалевский отмечал: «Среди здешних мусульман... Бухара утратила свое обаяние, уступив место Константинополю, а в особенности Каиру» [РГИА, ф.821, оп.6, д.785, л.5об.].

Для последователей татарских просветителей были характерны стремление расширить традиционную учебную программу мусульманских школ, начитанность, любовь к классической восточной литературе, истории и философии. Слава о них не распространялась далеко за пределы их региона, однако они явились предшественниками будущего поколения реформаторов, подготовили почву для их появления, но самое главное – создали условия для их становления.

Новометодное образование. В пореформенный период, когда в России началась широкая модернизация, и в татарском обществе стали формироваться условия для прогрессивных преобразований во всех сферах духовной и материальной жизни. Хотя реальное содержание предстоявших преобразований во многом было неясным, уже в середине XIX в. стало ощущаться стремление подвергнуть критическому анализу традиционные, к тому же освященные исламом, ценности, казавшиеся незыблемыми и предыдущим поколениям, и большинству современников. Идеи Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова, значительную роль среди которых играла мысль о необходимости преобразования традиционных мусульманских учебных заведений, находили все больше сторонников. Они уже частично пытались начать перестройку образования, но предпринятые в 60–70-х гг. попытки реорганизации традиционных медресе терпели неудачу, так как социальные силы, заинтересованные в преобразованиях, еще только формировались.

Необходимость культурного и духовного обновления татарского общества, коренных

преобразований, объективно отражавших буржуазные тенденции развития, стала осознаваться его передовыми представителями как неотложная и требующая разрешения задача в 70–80-х гг., когда началось интенсивное формирование крупного татарского торгово-промышленного капитала. Наиболее яркие его представители материально и духовно поддержали идею «европеизированного» просвещения. Самыми активными участниками реализации идей по реорганизации мусульманской школы были купцы и промышленники братья Хусаиновы из Оренбурга. За ними последовали Галеевы, Аитовы, Апанаевы из Казани, Яшуевы из Троицка, Рамеевы из Орска, Акчурины из Симбирска и др. Их благотворительно-просветительская деятельность, направленная на эту реорганизацию, сыграла положительную роль в пробуждении национального самосознания.

Основными участниками и идеологами движения за преобразование конфессиональных школ были прогрессивные муллы-мударрисы, учителя-мугаллиммы, писатели, общественные деятели. Их объединяли стремление к свободомыслию, прогрессу и гуманизму, нетерпимость к средневековой схоластике и догматике, вера в культурологическую миссию обновленного ислама, просвещение и силу знаний, желание преодолеть отсталость татарского народа и поставить его в один ряд с передовыми народами мира, осуждение национальной ограниченности и религиозной отчужденности, пропаганда широких культурных контактов с другими народами.

Большую роль в осознании насущных задач, стоявших перед татарским обществом, сыграла деятельность И.Гаспринского. Этот выдающийся крымско-татарский общественный деятель и просветитель принадлежал к числу тех интеллектуалов, которые первыми осознали необходимость проведения широких реформ в общественно-политической жизни мусульман. «Сутью преобразования должно бы, по нашему мнению, быть введение в курс медресе преподавания элементарных, общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания пе-

Газета «Тәржеман» («Переводчик»). 1885 г.

дагогики и краткое русское законоведение), – писал он в 1881 г. – ... В какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство вместо нынешнего, невежественного духовенства имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей) – подготовленных к своей деятельности и развитых педагогов. ... Этим путем быстро проникли бы в массу ... общечеловеческие, гуманные идеи и знания. Раз пробужденная любознательность вызвала бы среди татар сознательное стремление к просвещению» [Гаспринский, 2006, с.82].

В 1883 г. И.Гаспринский начал издавать в Бахчисарае (Крым) на русском и татарском языках общетюркскую газету «Тәржеман» («Переводчик»), ставшую рупором просветительских идей во всем тюркском мире. Основной задачей газеты было «будить и обновлять мировоззрение российских мусульман» [Тәржеман, 1890, 31 дек.].

Эти преобразования просветитель решил начать с реформы начальной мусульманской школы. В ее основе лежал «ысуле джадид» (новый метод). «Новый метод» И.Гаспринского включал в себя, прежде

всего, звуковой метод обучения грамоте и введение в программу начальных мусульманских школ основ общеобразовательных (светских) предметов – арифметики, географии, истории и т.д., ранее не входивших в круг обучения. Он призван был вытеснить «ысуле кадим» (старый метод), основанный на громоздком буквослагательном методе обучения грамоте и зубрежке религиозных текстов на арабском языке, этой «латыни» мусульман.

Особую роль в распространении звукового метода сыграл составленный и изданный И.Гаспринским в 1884 г. букварь «Хужай сыйбьян» («Учитель детей»). Это было пособие «с прописями и наставлениями как вести учебное дело по новой методе», постоянно рекламировавшееся в газете. Автор статьи «Новые мектебы», пропагандируя пособие, например, подчеркивал: «Не сомневаемся, что в девять месяцев дети приобретут навык читать, писать и считать по-татарски, читать Коран и будут знать начала вероучения и порядков богословия» [Тәржеман, 1890, 23 ноября].

«Активная общественная деятельность Исмаила Гаспринского, его несомненные достижения в издательском и школьно-просветительском деле приходится на эпоху, когда мусульманско-тюркские народы России, в т.ч. и мы, татары, начав освобождаться от общественного застоя, состояния медлительности и замкнутости мышления, в очень короткое время достигли несравненных успехов в просвещении, разных областях духовной культуры и, самое главное, бурном росте сформировавшегося в эти годы национально-освободительного сознания, – отмечал академик М.Усманов. – Если солидную основу для этих изменений создала зрелость интеллектуальных потребностей этих народов, идеи и мысли Гаспринского составили мощную духовную силу, объединившую разрозненные порывы и направившую их по верному пути» [Госманов, 2001, с.164].

Итак, конец 80-х – 90-е гг. – время, когда семена, посеянные И.Гаспринским, начали давать всходы: в разных краях России, где проживали мусульмане, стали появляться новые начальные школы. Происходило это везде примерно одинаково: молодой мулла-мударрис, решивший последовать призыву И.Гаспринского, сам лично, или, послав в Бахчисарай одного из своих учеников, очно или заочно знакомился с постановкой учебного дела в его образцовой начальной школе и приступал к созданию своей новометодной школы. При этом менялся не только метод обучения грамоте. Менялись цель, внутренняя организация, содержание образования и воспитания, роль и место школы в социально-культурной сфере. Это время можно назвать начальным этапом буржуазной реформы архаичных мусульманских школ, оформления их в национальные учебные заведения, началом становления светской системы образования.

Особую энергию и заинтересованность в прогрессе нации проявили братья Ахмед и Габдельгани Хусаиновы, по существу возглавившие дело перестройки мусульманских школ Внутренней России. По инициативе и при финансовой поддержке братьев Хусаиновых с 1893 г. по 1902 г. было организовано около 100 мужских и более 20 женских начальных новометодных школ.

С именем Г.Хусаинова связано появление абсолютно нового для татарского общества явления – трехмесячных учительских курсов. В 1899–1901 гг. при 9-й соборной мечети Каргалы, выстроенной на средства Хусаиновых, были организованы всероссийские летние курсы, готовившие учителей для новометодных школ. Здесь преподавались грамматика и синтаксис тюркского (татарского) языка, Коран и богословие, математика, история, география, основы педагогики и воспитания. В 1899 г. на них занимались 60, в 1900 г. – 70, в 1901 г. – 80 мугаллимов¹³, Г.Хусаинов взял на себя не только все расходы по содержанию курсов. Он оплачивал и дорожные расходы, питание и проживание курсантов, занимался трудоустройством, распределяя их в разные регионы Российской империи, контролировал результативность их преподавательской деятельности, выплачивал им жалованье [Шәрәф, 1913, б.19–21, 24, 72–73, 132–156 и др.]. Так было положено начало подготовке учительских кадров для реформирования школ в центральной России.

Новометодная начальная школа, обеспечивая лишь первичный уровень подготовки, поставила перед татарским обществом задачу продолжения реформ в системе образования. Знакомство с русской, европейской, турецкой системами образования, равно как и с идеями Джамал ад-дина Афгани, Мухаммада Абдо и других модернизаторов ислама, привело передовых представителей татарского общества к пониманию необходимости преобразования школьной системы по европейским образцам, но с использованием вековых традиций татарской мусульманской школы. Так возникла идея новометодных медресе. В 90-х гг. к реформам приступили медресе «Хусаиния» в Оренбурге, «Мухаммадия» и «Касимия» в Казани, «Расулия» в Троицке, «Усмания» в Уфе, Буби в Вятской губ. и др. Делая первые шаги на новом пути, они сначала перестроили начальное обучение. Медресе же в целом оставалось еще традиционным, почти не отличающимся от старых кадимистских медресе. Еще не было

¹³ Представляли Оренбургскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Пермскую, Пензенскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую, Тобольскую, Уфимскую губернии и Дагестан.

Медресе «Расулия»
в Троицке.
Фото сер. XX в.

ясно, какими медресе станут в недалеком будущем, когда первое поколение учащихся начальных школ дойдет до выпуска.

Поэтому в самих медресе первоначально изменения были больше внешними: осуществлялся переход к классно-урочной системе, вводились расписание уроков, экзамены в конце учебного года. Круг предметов обучения по-прежнему составляли этимология и синтаксис арабского языка, логика, догматика, мусульманское право и этика. Общеобразовательных предметов было немного, они носили вспомогательный характер и должны были служить лучшему пониманию и усвоению вероучения. Для реформирования медресе не было ни готовых учебных планов, ни перечня предметов, ни учебников. Не было и учителей-предметников, подготовленных не только для преподавания новых для медресе общеобразовательных предметов, но и богословских наук в новых условиях. Руководители новометодных медресе «на ощупь пробирались в дебрях» схоластики и начетничества, утвердившихся в традиционных медресе. Вкратце остановимся на трех наиболее успешных медресе.

К созданию медресе нового типа первыми приступили братья Ахмед и Габдельгани Хусаиновы, осознавшие потребность общества в обеспечении грамотой, ремеслами и науками, необходимыми для его развития в буржуазных условиях. Хотя медресе при 6-й мечети Оренбурга, построенной братьями, функционировало уже с 1889 г., официально медресе «Хусаиния» открылось 1 января 1891 г. в специально приобретенном для него двухэтажном каменном здании. Осенью 1906 г. состоялось открытие нового здания медресе. В трехэтажном каменном здании с водяным отоплением и электричеством были размещены учебные классы, кабине-

ты, библиотека, больница, интернат и столовая. К нему примыкали мечеть, дом имама, двухэтажный дом для учителей и служащих [Вақыт, 1906, №25, 13 май].

Создатели медресе «Хусаиния» с самого начала столкнулись с организационными трудностями: в первую очередь, это было связано с отсутствием кадров, которые могли бы создавать учебные планы, преподавать шакирдам новые предметы. Не было и соответствующих требованиям времени учебников. Все это начало появляться только в конце 90-х гг., с возвращением обучавшейся в Стамбуле и Каире молодежи, которую Хусаиновы постарались привлечь для работы в своем медресе. Однако создаваемые ими для медресе «Хусаиния» учебные планы и программы не были стабильными, они постоянно менялись, одни дисциплины заменялись другими, изменялось и соотношение часов на их изучение. И после смерти братьев руководство медресе продолжало работать над усовершенствованием учебных программ и планов.

Писатель Г.Исхаки, который после окончания КТУШ преподавал в этом медресе русский язык, основы естествоведения и другие предметы в 1902/03 уч. г., откликнулся на это событие в газете «Таң йолдызы» («Утренняя звезда», Казань), напечатав две статьи. «Медресе «Хусаиния» по внешнему распорядку и наличию правил является первым среди наших татарских медресе. Там и шакирды сидят за партами, и учителя получают вознаграждение за свой труд. Судя по программам уроков, преподается очень много предметов. Но в течение 15 лет

Шакирды медресе «Мухаммадия». Фото нач. XX в.

существования это медресе очень мало послужило народу, очень мало помогло народу в лечении его болезней. Хотя по сравнению с другими медресе на него расходовалось во много раз больше, результаты немногим превзошли старые медресе», – писал он [Таң йолдызы, 1906, 10 авг.].

Частая ротация учителей-мугаллимов и отсутствие на замену квалифицированных специалистов стали причиной того, что за 25 лет существования медресе в нем успели поработать более 150 чел., что также мало способствовало созданию стабильно работающей школы.

Другое широко известное новометодное татарское медресе – «Мухаммадия» в Казани – также прошло в своем развитии несколько этапов.

В середине августа 1882 г. 25-летний Галимджан Галеев (Баруди) вернулся в Казань после семилетнего обучения в Бухаре. В статье, посвященной 25-й годовщине начала деятельности Г.Баруди, Ю.Акчура указал, что в первые годы мударрис, основавший медресе, пытался привнести изменения в традиционное обучение, уделив больше внимания преподаванию наук богословских и связанных с арабским языком. «Но потом, поняв, что реформа медресе невозможна без реформы мектеба, в 1309 году в день мавлюд (день рождения пророка Мухаммада, по новому стилю приходился на 4 октября 1890 г. – А.М.) начал обучение по новому методу» [Акчура, 1998, с.58].

Медресе «Мухаммадия» просуществовало 35 лет. Время его деятельности можно разделить на 5 этапов:

1-й этап – 1882–1889 гг. – время становления медресе молодого муллы, когда Галимджан Галеев (Баруди) собирает учеников и пытается произвести преобразования в рамках старого, традиционного направления. Строится здание медресе, создается прочная материальная база учебного заведения.

2-й этап – 1890–1904 гг. – появляется и крепнет начальная новометодная школа, но само медресе по-прежнему остается традиционно богословским учебным заведением, что вызывает недовольство шакирдов, желающих продолжения перемен и в медресе.

В этот период происходит становление Г.Баруди как богослова-реформатора, мударриса и общественного деятеля, одного из лидеров формирующегося джадидского движения. Стремление разбудить находившееся в средневековом застое и замкнутости татарское общество требовало от его идеологов неимоверных сил, смелости, решительности, начинаний во многих областях. Так, обучение по-новому требовало и новых учебников. И Г.Баруди, как и другие руководители джадидских школ, приступил к созданию новых учебников. Уже в 1890 г. он опубликовал «Гыйльме эт-гәүхид» («Учение о единобожии»), в 1891 г. – азбуку «Сәвадхан» («Старательный ученик»), учебник по арифметике «Нәмунәи хисаб» («Примеры исчисления»). Эту работу Г.Баруди продолжал и в последующем. Только в 1890-е гг. им было написано и издано более 10 учебников. Учебники эти неоднократно переиздавались тысячными тиражами и широко использовались в джадидских школах до появления советских учебников.

Естественно, что не только мектеб (начальные классы), но и само медресе (средние и старшие классы) требовали изменений. И Г.Баруди, как и руководителям

Хусаинии в Оренбурге и Иж-Буби в Вятской губ., приходилось искать свои методы, прокладывая свой путь в деле реформирования образования. В конце XIX в. он осторожно начал приводить в порядок учебную программу медресе, стараясь освободить обучение богословию от схоластики. В этот же период Г.Баруди пришлось заниматься и строительными делами, так как во время большого пожара в 1898 г. здание медресе сгорело дотла.

В начале XX в. усилилось недовольство деятельностью Г.Баруди. При этом, если основная масса населения татарской слободы была недовольна его нововведениями, то начавшие познавать вкус новых знаний шакирды стали требовать включения в преподавание светских предметов и философии религии.

3-й этап – 1904/05–1908 гг. – время больших перемен в жизни медресе «Мухаммадия».

В условиях начавшейся революции развивалось татарское национальное движение. Составной его частью стало движение шакирдов за реформу медресе, зачинателем которого стали шакирды «Мухаммадия». По их требованию в медресе коренным образом менялась система преподавания. В программу были включены новые светские предметы, изменения коснулись и преподавания богословских дисциплин. Для введения новых предметов потребовались знающие их учителя-мугаллимы. В 1905/06 уч. г. в медресе преподавало около 20 мугаллимов. Большинство из них были шакирдами Г.Баруди. Были привлечены к работе в медресе и такие общественные деятели, как Юсуф Акчура (политическая история), адвокат Саидгарай Алкин (право), доктор Абубекр Терегулов (гигиена), Фатих Амирхан (история политических партий, география) и др. Итак, появились новые предметы и учителя, но еще не было стабильности в сетке часов и программах. Шла постоянная смена и преподаваемых предметов, и мугаллимов (преподававшиеся в этот период в медресе предметы будут рассмотрены ниже, в сравнении с сеткой часов медресе Буби).

4-й этап – 1908–1912 гг. – время отсутствия высланного из Казани Г.Баруди, когда под руководством его брата Габдрахмана

Галимджан
Баруди.
Фото
1906 г.

Галеева и мугаллима Ахметзяна Мустафина фактически лишь сохраняется достигнутое им в формировании новометодного медресе. Вернувшись в 1910 г. в Казань, Г.Баруди начал ходатайствовать о разрешении ему продолжить свою деятельность в качестве имама, мударриса и редактора-издателя. Лишь в январе 1912 г. ему было разрешено возобновить просветительскую деятельность в медресе, а в декабре и в журнале.

5-й этап – 1913–1918 гг. – время расцвета медресе «Мухаммадия», когда оно наряду с медресе «Галия» в Уфе и «Хусаиния» в Оренбурге становится кузницей кадров татарской интеллигенции. Именно в эти годы в медресе произошли существенные изменения. С 1913/14 уч. г. медресе начало работать на основе новой, постоянной программы. Как следует из этой программы, медресе состояло из годовичного подготовительного отделения, шестигодичных начальной и средней и трехгодичной высшей школы, т.е. полный курс медресе составлял 16 лет. Именно эта программа позволяла называть его татарским университетом [Мэхмүтова, 2012, б.64–76].

Однако этот период находится за хронологическими рамками данного тома, поэтому перейдем к истории третьего прославившегося в начале XX в. джадидского медресе – это медресе в д.Иж-Буби Вятской губ. Преобразования здесь с самого начала несколько отличались от преобразований в других медресе по степени и объемам изменений, несмотря на гораздо меньшие, чем в городах, материальные и кадровые воз-

возможности. Можно сказать, что братья Буби, вступившие на путь реформы медресе чуть позже, в 1895 г., не только быстро догнали своих единомышленников, но и во многом в деле преобразования системы обучения в медресе стали первопроходцами.

Видимо, в силу полученного Губайдуллой Буби в Турции светского европейского образования братья четче, чем другие мударрисы-джадиды, представляли, как и в каком направлении следует двигаться. Начиная сыновей поддержал их отец, уважаемый во всей округе имам и мударрис, в чьих знаниях, непогрешимости, почти святости, население региона было уверено. Братья Буби гораздо смелее и решительнее продвигались к своей цели: в качестве идеала они взяли реформированную по французскому образцу турецкую гимназию, которую закончил Губайдулла. Полные энтузиазма и знаний по реорганизации медресе на европейский (турецкий) лад, братья стали создавать центр светского мужского и, чуть позже, женского образования в своей деревне [Махмутова, 2003, с.66–95].

Начальная школа стала работать в специально построенном новом здании, у каждого из четырех классов был свой учитель. В том же году для нее был составлен учебный план, что было совершенно новым, неведомым доселе явлением¹⁴. Большая часть времени отводилась на общеобразовательные предметы (62 из 98 часов в недельном расписании, т.е. более 63% времени).

Преобразования коснулись и изучения религии. В традиционной школе после механического заучивания арабского алфавита и всех возможных сочетаний букв переходили к механическому же чтению Корана на незнакомом для учащихся арабском языке, но при этом их не учили правилам чтения Священной книги. Отныне на это были выделены специальные часы. Вот как описывал результаты подобного шага сам реформатор: «Так как ни в одном из старых медресе, в

т.ч. и в нашем, не было обучения правильно-му чтению Корана, шакирды, готовящиеся в муллы, были лишены знаний, достаточных хотя бы для правильного чтения намаза. Поэтому сначала ни один мулла не поверил, что одиннадцати-двенадцатилетние мальчики будут уметь правильно читать Коран. Затем уже, во время экзамена, бесконечно удивились увиденному и поневоле сказали «а в этом новом методе, оказывается, есть и хорошее» [Бубый, 1913, л.26].

Запустив в 1895/96 уч. г. работу начальной джадидской школы для мальчиков, братья приступили к созданию женской школы и преобразованиям в старших классах (мужском медресе): «Мало-помалу начали вносить изменения и в арабское отделение¹⁵. По сути, было невозможно, даже страшно, сразу вносить изменения в арабские отделения, – объяснял Г.Буби. – Ибо привыкших к старому и не видевших ничего, кроме обучения в старой школе, шакирдов было бы трудно сразу приучить к новому порядку. Особенно трудно было бы примирить с новшествами их отцов, считавших священным все старое. При введении всех новшеств одновременно сыновья мулл попросту могли разбежаться. И так наших два хальфы бросили медресе из-за упорядочения начальной школы. Поэтому нужно было действовать незаметно, не спеша» [Бубый, 1913, л.23].

Перестройка медресе заняла семь лет. К 1902/03 уч. г. д.Иж-Буби превратилась в центр подготовки учителей и учительниц новометодных школ и новой интеллигенции в целом. В 1907 г. братья Буби составили новую программу для мужского медресе, ясно выразившую светское направление развития учебного комплекса. Учебный комплекс Буби продолжал совершенствоваться и в последующем. Однако в начале 1911 г. оно было разгромлено правительством, а братья Буби привлечены к суду фактически за создание светского учебного заведения [Махмутова, 2003, с.231–362].

В табл.49 для сравнения представлена недельная сетка часов медресе Буби (1907 г.) и медресе «Мухаммадия» (1906 г.). В обоих

¹⁴ В него входило обучение грамоте звуковым методом, письмо и чтение на татарском (тюрки) языке, четыре действия арифметики, основы вероучения и Коран, география, история пророков и ислама. Были определены продолжительность обучения (4 года), число уроков в неделю (по 24 урока в 1–2 классах и по 25 в 3–4), изучаемые предметы и количество уроков по ним.

¹⁵ Так называлось собственно медресе, поскольку основу обучения в старших классах составляли предметы, так или иначе связанные с изучением арабского языка.

медресе сначала было предусмотрено шестилетнее обучение (в дальнейшем предполагалось повысить срок обучения до 8–10 лет). Чтобы стать шакирдами этих медресе, необходимо было предварительно окончить четырехлетнюю новометодную начальную школу или сдать экзамены за ее курс, следовательно, на данном этапе в обоих медресе предполагался десятилетний срок обучения [Махмутова, 2003, с.171].

Основное внимание в обоих медресе уделялось светским дисциплинам. Однако наблюдается разница в распределении предметов. В медресе Буби 25% времени занимало изучение предметов естественно-математического цикла (46 из общих 179 часов). В медресе же «Мухаммадия» на них было отведено гораздо меньше времени (18 из 130), да и большим разнообразием они не отличались. Большое количество часов на русский язык в Буби (72 часа, или более трети времени) связано не только со стремлением дать шакирдам хорошие его знания, но и с тем, что это часы земской русско-татарской школы, на что Сарапульское уездное земство выделяло специальные средства. Этим же объясняется и отсутствие часов на русский язык в казанском медресе, так как шакирды изучали его в отдельной русско-татарской школе.

Заметна разница при выделении часов на богословские дисциплины: 26 часов в «Мухаммадии» и лишь 4 часа в медресе Буби. Правда, сюда же можно отнести изучение мусульманского права и его методологии (5 часов), красноречия (1) и искусства дискутирования (3). Хотя эти дисциплины и можно назвать богословскими, они в то же время представляли предметы, знание которых было необходимо не только для деятельности духовных лиц, но и всем образованным людям. Объяснить малое количество часов, отводимых на богословие в медресе Буби, видимо, можно тем, что основательное изучение Корана с усвоением орфоэпических правил его чтения (таджвид) и мелодики (макам) предусматривала программа начальной школы. К тому же полный курс медресе Буби должен был быть восьмилетним.

Сопоставление программ двух медресе показывает разное видение братьями Буби и Г.Баруди целей реформирования системы

образования татар. Если первые стремились к созданию учебного заведения для подготовки национальной светской интеллигенции, то второй видел свое медресе учебным заведением, готовящим, прежде всего, ученых-богословов. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить большое количество часов на религиозные дисциплины и арабский язык в казанском медресе. Конечно, сказывалась и разница в подготовке самих муэдзингов: у братьев Буби – традиционная богословская подготовка в медресе отца была усилена европейским светским образованием, а Г.Баруди изучал премудрости мусульманских наук в Бухаре.

С началом деятельности новометодистов стали появляться и женские школы нового типа. Однако единичные женские новометодные школы, открывавшиеся почти одновременно с введением нового метода обучения грамоте в мужских мектебах, в лучшем случае давали лишь элементарную грамотность, чего было явно недостаточно для подготовки будущих «матерей нации». Девочки, прошедшие «курс учения», в большинстве своем могли читать только определенные книги религиозно-нравственного содержания и знали наизусть необходимые молитвы, что обнаружилось, когда стали устраиваться публичные экзамены в подобных школах [Махмутова, 2006, с.127].

Так обстояло дело и в женских новометодных школах Магруды Баруди, где обучение грамоте звуковым методом началось в 1891 г., в Казани, и Фатимы Адамовой в Оренбурге, открытой в 1897 г. Галимательбанат Биктимировой в д.Яубаш Касимовского у., появившейся в середине 90-х гг., в женских школах Симбирской губ., открытых на средства Акчуриных, и др. В 1898 г. в Оренбурге и Кургалах на средства Г.Хусаинова было даже организовано обучение учительниц (абыстай) звуковому методу преподавания. Но из-за низкого уровня образования слушательниц «результат оказался весьма скромным» [Шэрэф, 1913, б.36, 111].

Было необходимо учебное заведение, где жаждущие знаний девушки могли получить настоящее образование. Братья Буби взялись и за создание женского училища для подготовки учительниц – дарельмугаллимата в Иж-Буби. Сначала была создана жен-

Таблица 49

Недельная сетка часов в медресе Иж-Буби и «Мухаммадия».

Названия предметов	Иж-Буби							«Мухаммадия»						
	1	2	3	4	5	6	Все-го	1	2	3	4	5	6	Все-го
Арабский язык	3	3	3	3	2	2	16		7	7	7	8	4	33
Тюркский (татар.) язык	3	1					4	6	3	3	2			14
Персидский язык	1	1	1				3							
География	2	2					4	1	2	2	2	2		8
Всеобщая история		2	2	2	2	2	10	1	1	1	1	2		6
Этика	1	1	2	1			5	1	1	1	1			4
Логика			1				1						2	2
Арифметика	4	4	4				12	2	2	2	2	2		10
Алгебра				2	2	1	5							
Геометрия				2	2	2	6		1	1	1	1		4
Физика	3	3	2				8							
Астрономия					2		2							
Естествоведение				2	2	2	6	1	1	1	1			4
Зоология					1		1							
Ботаника						1	1							
Химия					2	2	4							
Минералогия						1	1							
Красноречие						1	1					2		2
Мусульм. право		1	1	1	1	1	5					3		3
Догматика (калям)				2	1	1	4	1	1	2	3		2	9
Искусство дискутирования		1	1	1			3							
Каллиграфия	1	1	1				3	2	1	1	1	1		6
Гигиена					1	1	2	1	1					2
Русский язык	12	12	12	12	12	12	72	Изучается в рус.-татар. школах						
Коран и толкования Корана								3	2	2	1		3	11
Хадисы								1				2	3	6
Педагогика													2	2
Право													1	1
Политическая история													1	1
История философии													1	1
Экономика													1	1
Всего часов	30	32	30	28	28	31	179	20	23	23	22	22	20	130

ская четырехлетняя начальная школа. Она была хорошо оборудована: имелись парты, классные доски, географические карты, глобусы, другие учебно-наглядные пособия.

Здесь, наряду с вероучением, преподавались чтение, письмо и грамматика тюркского (татарского) языка, арифметика, география. Большую часть времени (около 60%)

занимали общеобразовательные предметы. В 1901/02 уч. г. были уже пятый и шестой классы, где преподавались естествознание, всеобщая история, арабский и персидский языки, гигиена, каллиграфия, домоводство, рукоделие. В то время это была единственная женская татарская школа, которую как по уровню обучения, так и по степени организации можно было отнести к средним специальным учебным заведениям [Махмутова, 2006, с.60–61].

Преподавали в школе специально подготовленные для этого братьями молодые женские семьи. «Мы и сами, братья, упорядочили эту школу, систематизировали методы и пути обучения. И ежедневно давали по два урока в ней, – писал Габдулла Буби. – Но наша родная сестра Мухлиса Буби, жена брата Насима и моя жена Хуснифатима отдавали работе в этой школе всю душу, все свои способности, жертвовали всем ради благополучия и процветания женской школы. Они втроем по вечерам брали у нас уроки, целыми днями обучали в школе и преодолевали немыслимые, никем до сих пор невиданные препятствия. Во имя направления женщин России по пути знания и просвещения они, выслушивая самые грубые обвинения, брали на себя многие беды и тяготы, и, не получая ни копейки жалованья, лишь ради нации вкладывали огромные труды и старания...» [Бубый, 1913, л.34–35].

Получение в 1908 г. братьями Буби от Сарапульского училищного совета разрешения (права) принимать экзамены на звание учительницы-мугаллимы начального татарского училища и выдавать свидетельства означало, что созданное в Иж-Буби женское медресе официально признано учебным заведением, готовящим учительниц для татарских школ. Так появился первый в России дарельмугаллимат – женская учительская семинария [Бубый, 1913, л.34].

В начале XX в. число новометодных женских школ стало увеличиваться быстрее, чем количество таких же мужских школ. По всей вероятности, это было следствием того, что система женского образования у татар до этого фактически отсутствовала, и можно было создавать новое несколько быстрее, так как не нужно было тратить время на ломку или переделку старого. Появление

женских школ у татар отметили и представители учебного ведомства. Так, инспектор народных училищ А.В.Горячкин, по поручению попечителя КУО следивший за публикациями в татарской периодической печати, в донесении от 12 октября 1909 г. подчеркивал: «Удивительно быстро развивается новометодное направление и среди женского мусульманского населения! ...мусульмане успели создать такую прочную организацию в лице женских новометодных мектебов, с которою теперь в интересах русского дела чрезвычайно трудно будет бороться» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.10735, л.53–54].

Появление и утверждение новометодной системы образования у татар, таким образом, заняло примерно два десятилетия [РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.322]. Развитие этого процесса проходило в условиях Первой революции. Эта эпоха в развитии светского образования у татар, прежде всего, характеризовалась появлением новых учебников и учебных планов, новых учителей-мугаллимов, бурным ростом количества новометодных школ, как мужских, так и женских. Всюду, где жили татары, начали появляться школы, создававшиеся выпускниками новометодных медресе, которые считали своим долгом просвещать народ, научив его хотя бы элементарной грамоте.

Новометодные школы, открывшиеся в этот период, представляли собой различные ступени школ переходного типа – от конфессионального обучения к светскому. Большинство этих школ оставались чисто конфессиональными. Единственным их отличием от традиционной школы было обучение грамоте новым звуковым методом, что в два-три раза ускоряло процесс обучения. В других вводилась еще и классно-урочная система, очень часто своеобразно понятая – деление на классы проводилось по названиям книг, которые ученики изучали. Эти школы, оставаясь конфессиональными, означали начало отхода от чисто конфессионального образования. Быстрое обучение грамоте, осмысленное чтение текстов, написанных на родном языке, а не на неизвестном арабском, прививали учащимся любовь к чтению, способствовали их развитию, будили их мысль и сознание. Школ этих двух типов насчитывались сотни.

Медресе в г.Таре
Тобольской губ.
Фото нач. XX в.

Следующей ступенью были школы, в которых вводились уже зачатки светских предметов – татарского и русского письма и чтения, арифметики, географии, истории и т.д. Эти предметы вводились в программу школ за счет сокращения времени на изучение религиозных дисциплин, постепенно, чтобы не вызвать резкого недовольства населения, привыкшего видеть в школах только очаги конфессионального обучения и воспитания. В этих школах менялось и само обучение богословию – вместо схоластики и начетничества предлагалось осмысление изучаемого, прилагались большие усилия по выработке новых взглядов на обучение и воспитание. Такие школы можно считать средними полуконфессиональными учебными заведениями, и они имелись в каждом регионе с компактным проживанием татар. Это Апа-

наевское медресе, «Амирхания», «Марджания», женское медресе Лябибы Хусаиновой в Казани, «Расулия» и «Ахмадия» в Троицке, «Усмания» в Уфе, медресе Мунира Хади в Челябинске, 4 каргалинских медресе в Оренбургской губ., медресе в д.Сафаджай Нижегородской губ. и многие другие.

Наконец, было несколько школ, которые за эти годы превратились в настоящие очаги просвещения. Это мужское и женское медресе в д.Иж-Буби, медресе «Хусаиния» в Оренбурге, «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе, дававшие высшее богословское и светское образование. В эти медресе съезжались ученики из всех уголков России. Фактически вся татарская интеллигенция первой половины XX в. вышла из стен этих медресе, которые часто называли татарскими университетами.

ГЛАВА 9

Школьное просвещение крещеных татар и нагайбаков

Радик Исхаков

Реформы Александра I начала XIX столетия, приведшие к определенным позитивным изменениям в сфере народного просвещения, в незначительной степени затронули систему образования крещеных татар. Закрывшие в 1800 г. новокрещенских школ в Казани [ПСЗ-1, т.26, №19455], являвшихся единственными учебными заведениями, созданными для обучения представителей крещеных нерусских народов региона, надолго прервало традицию специального конфессионального «инородческого» образования в Волго-Уральском регионе. В соответствии с «Уставом учебных заведений» 1804 г. при одном или двух православных приходах должно было учреждаться по крайней мере одно приходское училище, обучение в которых вменялось в обязанность местного православного духовенства, однако организация этих учебных заведений в национальных приходах не получила должного распространения [ПСЗ-1, т.28, №21501, п.118, 119]. Этому препятствовали отсутствие последовательных шагов со стороны правительства, четкой системы государственного финансирования (содержание училищ возлагалось на жителей прихода), у местного населения стремления к развитию чуждого им по духу образования на непонятном русском языке, к тому же налагавшего на их сельские общества значительные финансовые затраты [Прокопьев, 1905, с.5–6; Кедров, л.78]. Во многом по этим же причинам не был реализован другой проект Александровской эпохи, выдвинутый в 1822 г. попечителем КУО М.Л.Магницким, – по организации в Поволжье и Сибири ланкастерских подвижных школ взаимного обучения, основной целью создания которых, по мысли его автора, должно было стать распространение грамоты и идей христианства среди нерусских народов Восточной России [Примогенов, л.81].

Лишь в годы правления Николая I произошли существенные перемены в школьном просвещении крещеных татар. Первым шагом в развитии государственного начального образования среди многонационального сельского населения Поволжско-Уральского региона стало утверждение 25 октября 1828 г. «Устава сельских училищ в удельных имениях» [ПСЗ-2, т.3, №2377], регламентировавшего порядок открытия школ в селениях удельного ведомства. На основе опыта работы удельных школ 24 декабря 1830 г. был принят проект о волостных училищах казенных поселян, первоначально распространявший свое действие на Петербургскую и Псковскую губернии [ПСЗ-2, т.6, №42196]. В соответствии с этим проектом для государственных крестьян при волостных правлениях должны были учреждаться начальные учебные заведения для подготовки нижних чинов местной сельской администрации (писарей). На должности учителей преимущественно назначались представители приходского православного духовенства – священники, реже дьяконы, получавшие за свои труды небольшое денежное вознаграждение. Содержаться эти училища должны были за счет общественных, земских сборов.

В Среднем Поволжье этот тип начальных учебных заведений стал распространяться в конце 1830 – начале 1840-х гг.¹⁶, что было связано с учреждением МГИ (1837 г.) и реформой управления государственной деревней, проведенной его первым министром П.Д.Киселевым. Указами от 27 июня [ПСЗ-2, т.17, отд.1, №15794] и 25 ноября [ПСЗ-2, т.17, отд.2, №16248] 1842 г. все созданные

¹⁶ Первым таким учебным заведением в крещено-татарском (смешанном русско-татарском) селе стало училище в с.Юкачи Мамадышского у. Казанской губ., открытое в 1833 г. местным священником и позже переданное в ведение местной палаты государственных имуществ.

ранее волостные школы были преобразованы в приходские училища, подчиненные МГИ. Вместо подготовки писарей на эти учебные заведения возлагалась обязанность распространения среди государственных крестьян религиозно-нравственных начал и грамотности. Одной из причин упразднения волостных училищ была их крайняя непопулярность среди местного населения. Как отмечал священник С.Нурминский, окончивший курс в одной из таких школ, за период своего существования волостные училища не смогли наладить систему обучения представителей коренных народов края и оставили о себе среди сельских жителей недобрую память, а ее воспитанники, становясь писарями, проявляли худшие качества, характерные для российской бюрократии [Нурминский, 1864, с.220]. Такое положение объяснялось низким уровнем педагогической подготовки учителей, схоластическими методами преподавания и обучения на русском языке, сводившимися к механическому заучиванию текстов из Св. Писания, чтению и письму. Преобразованием этих училищ руководство МГИ хотело улучшить общую постановку обучения в сельских начальных школах, повысить интерес государственных крестьян к получению начального образования. Особое внимание в ходе реализации этого проекта было уделено развитию профессионального образования среди крещеных татар. В ходе дискуссии, развернувшейся в правительственных кругах по проблеме массовых «отпадений» «новокрещеных» татар от православия в начале 1840-х гг., Николаем I было высказано мнение о необходимости усиления школьного просвещения крещеных татар как важного условия их прочного утверждения в православии, что привело к открытию сети училищ МГИ в крещено-татарских приходах [РГИА, ф.383, оп.7, д.6190-а, л.1, д.6190-б]¹⁷.

¹⁷ Всего к середине 1840-х гг. в Российской империи функционировало 3 719 приходских училищ, в т.ч. в Казанской губ. – 45, из них 6 – в селениях «старокрещеных» татар (Абди, Юкачи, Урясь-Учи, Оштормо-Юмьы, Чура Мамадышского у., Карабаяны Лаишевского у.). Кроме того, дети крещеных татар обучались в училищах, располагавшихся в приходских русских селах [РГИА, ф.797, оп.15, д.5644, л.18].

Благодаря вниманию со стороны губернских палат государственных имуществ и участию местного православного духовенства, для приходских училищ в крещено-татарских селениях были построены просторные школьные здания, в которых могли обучаться 30–50 учеников, оборудованные хорошей школьной мебелью, библиотеками с учебной и церковной литературой [Ильминский, 1856, л.10–11об.]. Основными предметами в них были: Закон Божий, арифметика, чтение и грамматика, которые преподавались на русском и церковнославянском языках. Контроль за постановкой учебного процесса в школах осуществлялся духовным ведомством (благочинными) и светской администрацией (штатными смотрителями и окружными начальниками).

Несмотря на попытки отказаться от принудительного комплектования приходских училищ, нежелание и боязнь «старокрещен» отдавать своих детей в эти учебные заведения, связанные с отрицательным опытом существования сети начальных сельских школ в предшествующее время, привели к тому, что будущих учеников приходилось буквально отбирать у родителей. При этом местные чиновники довольно часто использовали эти действия как способ своего материального обогащения, когда за оставление детей в семье их родители были вынуждены делать волостным старшинам и писарям денежные подношения и подарки [Тимофеев, 1887, с.10–11]. Нежелание крещеных татар отдавать своих детей в эти училища было вполне объяснимо. Обучение в школах было бесплатным, однако родители учеников были вынуждены оплачивать наем жилья и питание, что налагало на крестьянские хозяйства дополнительные, часто непомерные денежные затраты. Кроме того, школы, созданные без учета нужд местного населения, с их «обрусительными методами» воспитания и обучения, не вызывали доверия у крещеных татар. Ученики, поступая в школу, надолго отлучались от семьи и погружались в абсолютно незнакомую им обстановку. Не зная русского языка, они были вынуждены читать «на слух», повторяя за учителем, и не усваивали смысла прочитанного. Учителя, большинство из которых являлись местными священнослужителями, в связи с

сильной загруженностью пастырскими обязанностями не всегда имели возможность вести полноценную преподавательскую деятельность, были вынуждены бывать в школах «набегами» или перепоручать обучение детей нижнему церковному причту [Ильминский, 1856, л.10–12]. Естественно, такие методы педагогической деятельности не приносили заметных результатов. Многие ученики из крещеных татар, после недолгого пребывания в школе, отчислялись «за неспособность» (или сбежали, забравшись родителями), так и не освоив «русской грамоты». Лишь единицы заканчивали полный курс обучения. Вполне понятно, что эти училища, не получившие поддержки со стороны местных сельских обществ, не могли полноценно развиваться. В связи с нехваткой финансовых средств, недостатком учеников во второй половине 1850 – начале 1860-х гг. происходит их постепенное закрытие [Ильминский, 1856, л.11–12].

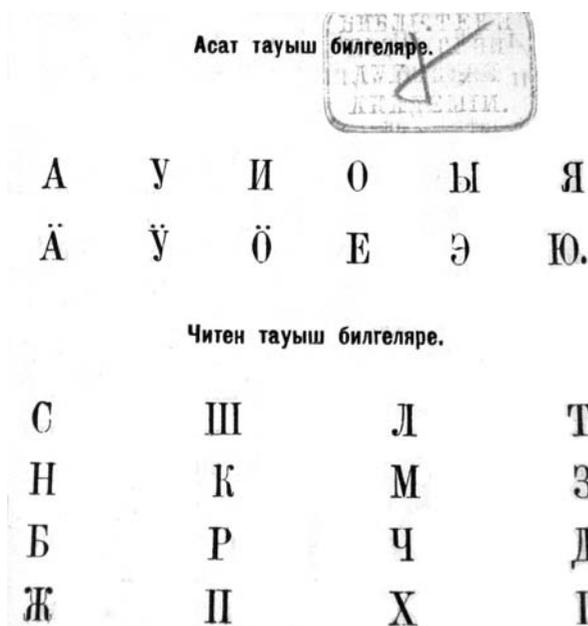
Несмотря на довольно скромные результаты деятельности училищ и общее неудовлетворительное состояние обучения в них, отмечавшееся большинством дореволюционных исследователей [см.: Ильминский, 1856; 1859; Нурминский, 1864; Тимофеев, 1887; Износков, 1909; Рождественский, 1912], необходимо отметить их важную роль в развитии школьного образования среди «старокрещеных» татар. Во многом благодаря этим учебным заведениям среди крещеных татар появились первые «грамотеи», повысившие после обучения свой образовательный, а часто и социальный статус. Именно из среды бывших учеников этих школ вышли первые просветители и миссионеры. Благодаря хотя и довольно ограниченному развитию школьного просвещения в Николаевский период, наряду с социально-экономическими изменениями, произошедшими в средневожской деревне в эпоху Великих реформ, у «старокрещеных» татар повысился интерес к получению образования и понимание необходимости повышения грамотности подрастающего поколения. Приходские училища создали базу, которая позволила в пореформенный период качественно улучшить и расширить систему начального обучения крещеных татар; их опыт, прежде всего отрицатель-

ный, был использован просветителями при разработке новых образовательных программ и методик, послуживших основой для религиозно-просветительской системы Н.И.Ильминского.

Новой страницей в истории просвещения татар-кряшен стал пореформенный период. Изменения школьной политики государства и методов христианского просвещения РПЦ привели в начале 1860-х гг. к кардинальным переменам в системе их начального и среднего образования. Важнейшим фактором в развитии школьного образования «старокрещен» в это время стала деятельность православных миссионеров. В соответствии с новой просветительской идеологией, разработанной Н.И.Ильминским (1822–1891), конфессиональные школы должны были стать основными миссионерскими институтами православной церкви в Волго-Уралье, а воспитанное в них в религиозном духе молодое поколение – опорой церкви в регионе, через которое идеи христианства проникали бы в среду старшего поколения. Понимая, что невозможно добиться качественных изменений в восприятии православия и повышении грамотности среди крещеных татар на непонятном им русском языке, миссионеры-реформаторы предложили первоначальное обучение в конфессиональных школах вести на родном для детей языке. В 1862 г. Н.И.Ильминский совместно с В.Т.Тимофеевым (1836–1893) составили «Букварь для крещеных татар с краткими православными молитвами и статьями вероучительного характера»¹⁸, в котором впервые был применен алфавит на основе кириллицы для обозначения звуков татарского языка. В дальнейшем на основе нового алфавита авторами были составлены переводы на разговорном татарском языке православных богослужебных книг, ставшие основными учебными пособиями в крещено-татарских школах.

Разработка алфавита и составление на его основе первых учебных пособий позво-

¹⁸ Эта первая работа Н.И.Ильминского в дальнейшем стала основным учебным пособием для кряшенских школ, наиболее популярным книжным изданием для крещеных татар. С 1864 г. по 1910 г. она выдержала 16 изданий общим тиражом 38 тыс. экз. [Хронологический, 1910, с.17–18].

В.Т.Тимофеев. Фото 2-ой пол. XIX в.

Алфавит, составленный Н.И.Ильминским для крещеных татар.

лили Н.И.Ильминскому значительно расширить свою деятельность и открыть в 1863 г. в Казани первое специальное учебное заведение для крещеных татар. Большую роль в его становлении сыграл В.Т.Тимофеев, из «старокрещеных» татар д.Никифорово (Чиябаши) Мамадышского у. После окончания Тевелевской приходской школы МГИ он уехал в Казань с целью поступить послушником в Иоанновский монастырь [Воскресенский, 1904, с.1]. В Казани он познакомился с Н.И.Ильминским, который предложил ему сотрудничество в переводе религиозных книг на татарский язык. В 1863 г., по его протекции, В.Тимофеева приняли в КДА на должность практиканта татарского языка. Получив средства к существованию и сносные жилищные условия, он приступил к реализации своих миссионерских и педагогических идей – в первую же осень поселил в своей квартире троих мальчиков из родной деревни и стал обучать их грамоте и основам христианского вероучения [НА РТ, ф.92, оп.1, д.2340; Ильминский, 1867, с.293].

С целью дальнейшего развития школы в августе 1864 г. Н.И.Ильминский обратился в МНП с ходатайством о дозволении открыть частную школу для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани во главе с В.Т.Тимофеевым. Данное предло-

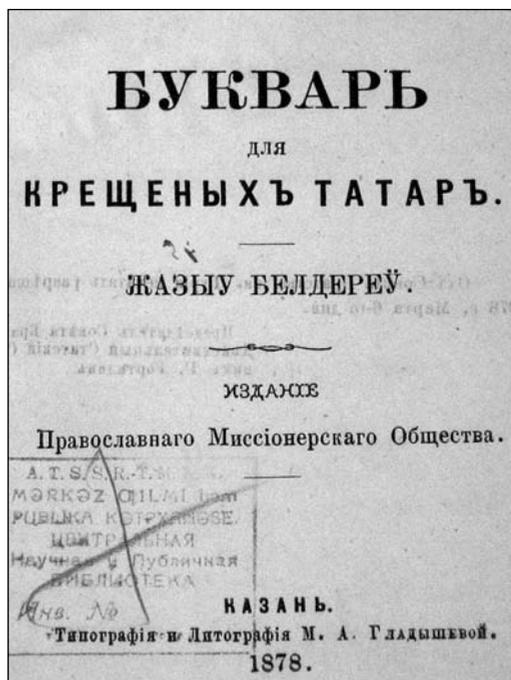
жение было поддержано попечителем КУО П.Д.Шестаковым. В 1864/65 уч. г. школа стала действовать как официально зарегистрированное учебное заведение [Витевский, 1892, с.13].

Созданная как маленький частный пансион, в котором в первый год обучалось всего три мальчика, живших вместе со своим учителем и его семьей в подвальной комнате дома на Арском поле, эта школа вскоре превратилась в довольно крупное учебное заведение. Во втором учебном году здесь обучалось уже 20 детей, а в 1866 г. – 40. Быстрое увеличение количества учащихся поставило на повестку дня вопрос о правильной организации образовательного процесса и об обеспечении материальной базы школы. Благодаря усилиям Н.И.Ильминского, поддержке попечителя КУО П.Д.Шестакова и казанского архиепископа Антония (Амфиатрова) школа получила в 1867 г. отдельное здание, построенное на Арском поле казанским купцом Арефьевым и расширенное в 1870 г. на средства МНП. В 1867/68 уч. г. КЦКТШ была разделена на два самостоятельных отделения – мужское и женское [Горохов, 1941, с.106].

Как первое учебное заведение, взявшее на вооружение систему Н.И.Ильминского, КЦКТШ стала своего рода лабораторией для апробации новых педагогических и миссио-

нерских методик, которые разрабатывались Н.И.Ильминским и В.Т.Тимофеевым непосредственно во время работы с учениками. Первоначально у КЦКТШ не было четких учебных планов и штатов, что было связано с позицией ее основателей, считавших, что сам учебный процесс должен подсказывать направление педагогической деятельности и необходимые для изучения предметы. Подчеркивая эмпирический характер своей системы, Н.И.Ильминский считал важным не ограничивать преподавательскую деятельность В.Т.Тимофеева, не загонять ее в жесткие рамки утвержденных программ и старался максимально освободить образовательный процесс от лишней бюрократической регламентации. В связи с этим, несмотря на финансовую поддержку государственных структур, КЦКТШ на протяжении всей своей истории оставалась частным учебным заведением, не подчинявшимся напрямую ни МНП, ни училищному совету Синода. Ее дирекция вполне самостоятельно принимала решения по учебным и воспитательным вопросам, что позволяло школе оперативно реагировать на религиозные и образовательные запросы крещеных татар. Существовала лишь некоторая неформальная подчиненность школы и его руководства директору организованной в 1872 г. Казанской учительской (иностранческой) семинарии. Но и эта связь основывалась в первую очередь на особых доверительных отношениях между ее руководителями – В.Тимофеевым и Н.Ильминским, а после кончины последних – их преемниками Т.Егоровым и Н.Бобровниковым.

Исходя из того, что выпускники в дальнейшем будут заниматься преимущественно христианско-просветительской деятельностью среди соплеменников, приоритет отдавался религиозному образованию. Главными предметами в школе были Закон Божий, православные молитвы, Священная история и краткий катехизис. Обучение основам православия вводилось с первых дней учебы. Изучив букварь, ученики переходили к чтению «Бытия», книги «Премудрости Иисуса», «Евангелия от Матфея», переведенных на татарский язык [Витевский, 1892, с.14]. С 1871 г., когда при КЦКТШ была построена домовая церковь,

Обложка «Букваря для крещеных татар»
(Казань, 1878).

присутствие учеников на богослужении, на утренней и вечерней молитвах стало обязательным. Особое внимание уделялось церковному пению, которое, как небезосновательно считал Н.И.Ильминский, оказывало большое эмоциональное воздействие на неукрепленных в православии крещеных татар, способствовало привлечению их на богослужение в церковь. Уже в 1864/65 уч. г. В.Т.Тимофеевым был организован певчий хор из числа учеников. Наряду с религиозными дисциплинами здесь изучались русский язык, основы арифметики (курс ограничивался целыми числами), черчение и география. Первоначальное преподавание велось на родном для учащихся языке. После знакомства с православной литературой, переведенной на татарский язык, обучившись читать и писать на родном языке, ученики приступали к изучению русского. В школе применялся «переводческий» метод, в соответствии с которым знакомство с грамматическими формами русского языка осуществлялось на основе самоучителя русской грамоты для казахов, затем читались «Св. История», составленная священником Н.А.Поповым, и Евангелие на русском языке. Чтение книг сопровождалось устным пе-

Здание КЦКТШ. Рис. 1872 г.

реводом на родной язык. Первоначальный срок обучения в школе не был четко определен и зависел от успехов и «даровитости учеников» [Спешков, 1904, л.10–10об.].

Ставя на первое место в учебном процессе не столько обучение, сколько воспитание детей, Н.И.Ильминский и В.Т.Тимофеев стремились создать в школе семейную атмосферу, отказывались от телесных и других наказаний. Для популяризации идей просвещения среди крещеных татар во время летних каникул В.Т.Тимофеев совершал со своими учениками поездки по крещено-татарским селениям. Благодаря этому школа приобрела широкую известность и популярность. Обучаться здесь стали дети крещеных татар не только Казанской, но и Уфимской, Самарской и Вятской губерний. Наряду с татарами сюда поступали удмурты, марийцы, чувашаи и мордва, знавшие татарский язык. К 1904 г., т.е. за 40 лет существования, в школе получили образование 3394 мальчика и 1472 девочки, из них 696 чел. (14,3%) закончили ее со званием учителя народных училищ.

В 1878 г. в КЦКТШ была расширена программа обучения – она стала соответствовать курсу двухклассных сельских училищ МНП, что было связано с общей тенденцией по унификации учебной системы империи. Для предоставления успешно закончившим

курс в школе льготы на прохождение воинской службы, возможности замещать должности учителей в системе земских и министерских начальных училищ ее учебные планы должны были соответствовать программам МНП, а выпускники проходить обязательную аттестацию и сдавать выпускные испытания. В соответствии с новой программой был расширен круг изучаемых предметов, увеличен штат учителей, введена должность законоучителя, на которую был назначен В.Т.Тимофеев. В 1883 г.

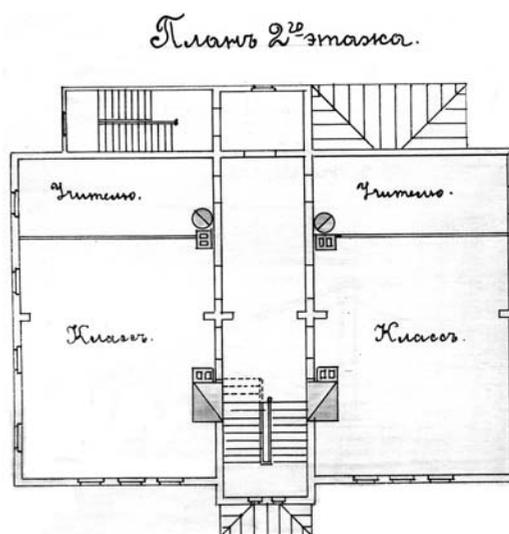
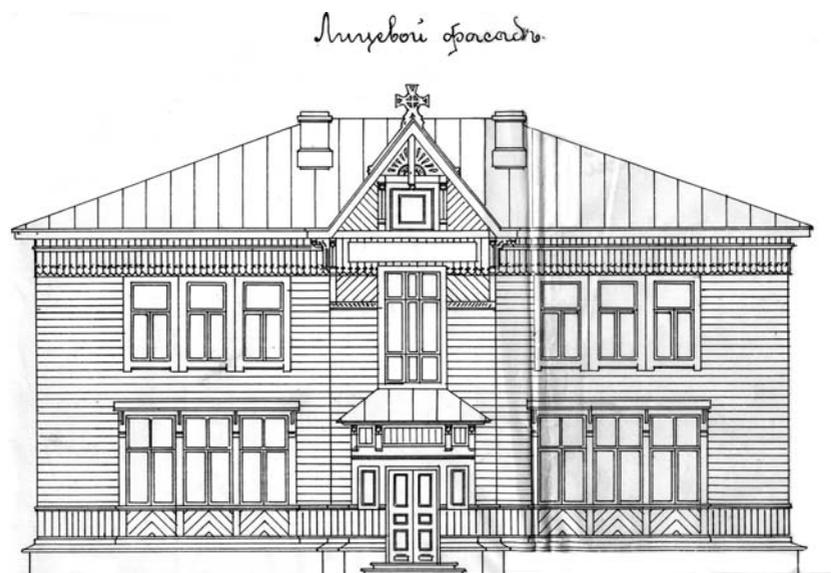
в школе открылся третий, в 1901 г. – четвертый класс с объемом преподавания не ниже второклассной церковно-приходской учительской школы. В соответствии с новой программой в школе было введено изучение русской истории, естествознания, физики и рисования, расширено преподавание русского и церковнославянского языков [Отчет КЦКТШ, 1904, с.1–2].

С момента основания КЦКТШ задумывалась как учебное заведение для подготовки учителей начальных миссионерских школ для крещеных татар. Уже в 1865/66 уч. г. ее первые выпускники открыли школы: женскую – в д.Никифорово, смешанные – в д.Арняш (Мамадышский у.) и с.Апазово (Казанский у.). Эти первые школы напрямую подчинялись КЦКТШ и были, по словам П.Знаменского, ее «маленькими колониями» [Знаменский, 1892а, с.196]. Для повышения квалификации воспитанников школы, которые из-за ограниченных рамок научной и педагогической подготовки, недостаточного времени обучения, становясь учителями, не всегда справлялись с возложенными на них профессиональными обязанностями, на базе КЦКТШ с 1868 г. стали проводиться ежегодные учебные (педагогические) курсы. Особое внимание на курсах уделялось знакомству учителей с новыми методами обучения, изучению русского языка и «мис-

сионерских наук» [Отчет Братства св. Гурия, 1884, с.11]. С 1890-х гг. сюда стали съезжаться учителя начальных нерусских национальных школ со всего Волго-Уральского региона [Горохов, 1941, с.110].

В соответствии с идеями Н.И.Ильминского КЦКТШ постепенно приобретала характер не только образовательного, но и культурно-религиозного центра: кроме обучения детей и подготовки педагогических кадров, здесь осуществлялись переводы богослужебной и учебной литературы на татарский язык, ее централизованное распространение, популяризировались идеи православия среди основной массы «старокрещен» [Будилович, 1904, л.5]. Благодаря своему особому статусу и роли в координации деятельности местных начальных школ, подготовке учителей и контроле над их деятельностью, КЦКТШ в условиях отсутствия других значимых общекрещенотатарских культурно-религиозных институтов выполняла коммуникационные функции между отдельными, ранее мало связанными между собой группами «старокрещен», способствовала их консолидации и формированию единого культурно-информационного пространства, а ее воспитанники, замещая должности учителей и православных священников, становились основными деятелями школьного просвещения и миссионерства среди соплеменников. Практически все представители крещено-татарской интеллигенции, сформировавшейся во второй половине XIX – начале XX в., были воспитанниками КЦКТШ, сохраняли тесные контакты со школой и ее руководством и после ее окончания.

Развитие системы начального и среднего образования крещеных татар в 1870–1905 гг. Официальное признание системы Н.И.Ильминского основным методом

Проект деревянного здания школы
в д. Уревы-Челны Казанской губ. 1900 г.

школьной и христианско-просветительской деятельности среди крещеных народов Восточной России, применение в школьной и миссионерской практике новых разработок, законодательно закрепленных в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. [Свод главнейших, 1882, с.42–45], способствовали совершенствованию системы школьного образования крещеных татар. С целью подготовки квалифицированных педагогических кадров для национальных учебных заведений, работавших

по новой системе, в Казани в 1872 г. была учреждена учительская (инородческая) семинария (КУС), директором которой назначен Н.И.Ильминский [Акт, 1872, с.1] В нее могли поступать, наряду с русскими, представители коренных народов России, назначившие после окончания КУС учителями в народные училища [НА РТ, ф.93, оп.1, д.4, л.8–9]. В соответствии с «Положением о Казанской учительской семинарии» 1872 г. в круг изучаемых в ней предметов вошли: Закон Божий (12 часов в неделю), русский и церковнославянский языки (19 часов), естествознание (5 часов), арифметика и геометрия (8 часов), русская история и география (16 часов), основы педагогики и дидактики (11 часов), письмо и черчение (12 часов). В дальнейшем в план занятий были введены совместные уроки по пению, гимнастике и ремесленному производству [НА РТ, ф.93, оп.1, д.4, л.10]. Если КЦКТШ стала центром подготовки крещено-татарских учителей для миссионерских школ, то КУС превратилась в кузницу кадров для земских¹⁹, министерских (МНП) и церковно-приходских школ [НА РТ, ф.968, оп.1, д.83]. Всего с момента своего основания до 1904 г. в КУС окончили курс 104 крещеных татарина²⁰ [32 годовщина, 1904, с.11].

Благодаря внедрению новых методик просветительской деятельности, созданию системы подготовки национальных педагогических кадров с середины 1860-х гг. начинает формироваться система кряшенского

¹⁹ Определенную роль в подготовке педагогических кадров для крещено-татарских земских школ в рассматриваемый период сыграла Казанская земская школа народных учительниц (Казанская земская женская учительская школа), открытая казанским земством в 1871 г. С середины 1875 г., в связи с увеличением количества начальных земских школ в национальных селениях, в школе начинает применяться система Н.И.Ильминского, вводится изучение марийского и чувашского языков (в разное время здесь работали такие известные деятели чувашского и марийского просвещения, как А.В.Ракеев, И.Я.Яковлев, Г.И.Комиссаров, Ф.И.Васильев), что привлекло сюда представителей местных нерусских народов, в т.ч. татар-кряшен. До Первой русской революции это учебное заведение окончили несколько девушек из «старокрещен», впоследствии работавших в структурах земских организаций.

²⁰ В это общее количество было включено и несколько крещеных башкир.

начального конфессионального образования. Большую роль в этом сыграли организованные в конце 1860 – начале 1870-х гг. миссионерские объединения – общества и братства. Наиболее значимым миссионерским институтом может считаться созданное 4 октября 1867 г. в Казани «Церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе», которое основное внимание уделяло развитию школьного образования среди местных народов в миссионерско-клерикальном духе. До конца 1867 г. братством были открыты 23 школы, из них 7 крещено-татарских, в которые поступило на обучение более 300 чел. [Извлечения, 1869, с.93]. В дальнейшем количество крещено-татарских школ неуклонно увеличивалось. К концу XIX в. в Казанской губ. действовало 60 братских школ, в которых получали образование около 2 тыс. кряшен [см.: Отчет Братства св. Гурия, 1899].

За образец при создании братских школ была взята структура организации КЦКТШ. Назначение и распределение учителей в новые учебные заведения контролировались непосредственно Н.И.Ильминским, их педагогический состав комплектовался исключительно из воспитанников КЦКТШ. Учителя школ подчинялись приходскому духовенству, которое должно было наблюдать за правильной организацией школьного дела. Братские школы являлись школами грамоты с национальным компонентом с двухгодичным курсом обучения. Лишь в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в некоторых из них была введена четырехлетняя программа обучения. В соответствии с «Проектом правил для начальных народных школ церковного братства во имя святителя Гурия», разработанным Н.И.Ильминским, в четырехлетний учебный план этих учебных заведений входили: 1) в первом учебном году – первоначальное обучение детей церковному пению и чтению православных молитв, знакомство со звуками и знаками звуков; упражнения по правильному написанию букв по карточкам; упражнения по счету до 10. За первый год обучения дети должны были научиться называть по-русски элементарные предметы, считать до 20, читать и петь на родном языке православные молитвы; 2) во втором учебном году осуществлялось обучение

правильному чтению, устному пересказу прочитанного, арифметическим вычислениям в пределах первой сотни, чистописанию; 3) третий учебный год посвящался переводам с родного на русский язык православных молитв, детальному изучению Библии, пересказу важнейших сюжетов из Священной истории, изучению молитв на русском и церковнославянском языке, арифметическим вычислениям, диктовке отдельных предложений; 4) в завершающем учебном году учащиеся занимались закреплением знания русского языка, изучением церковнославянского языка, чтением и переводом Евангелия с церковнославянского на русский язык, пересказами отдельных предложений на русском языке [НА РТ, ф.968, оп.1, д.16, л.36–38].

Характерной особенностью этих учебных учреждений были предельная простота организации образовательного процесса и ее миссионерская направленность. Школа данного типа представляла собой небольшое учебное заведение, обычно располагавшееся в простой сельской избе, во главе с учителем-«простецом», таким же крестьянином, что и местные жители, не всегда обладавшим глубокими познаниями, но имевшим искреннюю привязанность к православию и желание учить детей, вести христианско-просветительскую деятельность среди соплеменников. Обучение на родном языке и семейная атмосфера, создававшаяся в школе, способствовали органичному встраиванию этих школ в сельскую обстановку, восприятию их местным населением как своих культурно-религиозных институтов, что влияло на рост их популярности. Низкие затраты на содержание (в среднем 60–100 руб. в год) позволяли открывать их повсеместно, делая доступным конфессиональное образование для значительной части крещено-татарского юношества [Коблов, 1915, л.214–219об.].

Наряду с Казанской губ. вплоть до конца 1870-х гг. Братство св. Гурия распространяло свою деятельность и на соседнюю Уфимскую губ. В 1868 г. им была открыта миссионерская школа для «старокрещеных» татар в с.Мелекесы, в 1870 г. – в д.Мазино, в 1871 г. – в д.Байданкино Мензелинского у. Уфимской губ. [Спаский, 1900, с.116]. К 1875 г.

на территории Уфимской губ. действовало 12 братских школ, в которых обучалось 270 чел. [Отчет Братства св. Гурия, 1876, с.11]. С учреждением здесь земских и миссионерских организаций эти школы были переданы в их ведение, при этом они сохранили миссионерскую направленность деятельности и тесные связи с казанскими миссионерскими институтами. К концу XIX в. в Мензелинском и Белебеевском уездах Уфимской губ. функционировали 34 крещено-татарские и смешанные русско-крещенские школы.

Братство св. Гурия оказывало заметное влияние на другие миссионерские организации региона. Наиболее тесные контакты установились между братством и Вятским комитетом ПМО, который стал последовательно внедрять в свою практику разработки казанских просветителей. Вследствие массовых «отпадений» от православия крещеных татар Елабужского и Малмыжского уездов в 1870–1871 гг. совет Вятского комитета ПМО обратился к братству с просьбой о содействии в организации христианско-просветительской деятельности. Для этого из Казани в Вятку были направлены воспитанники КЦКТШ Иван Матвеев и Алексей Григорьев, ставшие основателями первых миссионерских крещено-татарских школ в Вятском крае [Отчет Вятского комитета, 1872, с.20–21]. Для подготовки учителей Вятский комитет начал отправлять наиболее способных учеников своих миссионерских школ в КЦКТШ [Отчет Вятского комитета, 1878, с.9]. К концу 1870-х гг. в Вятской губ. были открыты 4 крещено-татарские школы (103 ученика), а к 1904 г. здесь действовало уже 20 школ, в которых учились 509 мальчиков и 122 девочки [Будилович, 1904, л.61 об].

По примеру Казанской, Уфимской и Вятской губерний миссионерские школы для крещеных татар стали создаваться и в других регионах Восточной России. С 1870-х гг. такие учебные заведения открываются в Оренбургской губ., в Троицком, Верхнеуральском и Орском уездах, в которых компактно проживала группа «старокрещеных» татар, относившихся к казачьему сословию (нагайбаки). Первой крещено-татарской школой в Оренбуржье, работавшей по системе Н.И.Ильминского, становится открытое

Церковно-приходская школа в д.Служилая Шентала Чистопольского у. Казанской губ. (молебствование перед началом учения). Фото нач. XX в.

в 1871 г. воспитанником КЦКТШ Игнатием Тимофеевым (брат В.Т.Тимофеева) миссионерское училище в станице Фершампенуаз. К 1895 г. здесь существовало 7 крещено-татарских школ, обучение в которых велось на татарском и русском языках [Севастьянов, 1896, с.20]. Значительное расширение сети нагайбацких школ происходит в начале XX в. с учреждением особого благочинного округа и Преображенского миссионерского стана (1901 г.). В 1904 г. в Оренбургской губ. действовало 4 миссионерских, 16 поселковых школ и 1 школа грамоты, где обучались 596 учеников и 432 ученицы из нагайбаков [Будилович, 1904, л.105об.].

Хотя с 1870-х гг. в крещено-татарских приходах начинают открываться земские и министерские училища, именно миссионерская школа становится основным типом начального учебного заведения среди татар-крещен. Всего к концу XIX в. миссионерские школы (включая ЦПШ и школы грамоты) составляли 76% от общего количества крещено-татарских школ, земские – лишь 13%, министерские – 11%. Такое положение было связано с особым значением, которое придавалось светской и духовной администрацией миссионерской направленности школьного дела у крещеных татар. В этой связи вплоть до начала 1890-х гг. начальные школы, подчинявшиеся земским организа-

циям и МНП (в большинстве своем являвшиеся одноклассными народными училищами), хотя формально и не имели целью выполнение миссионерских функций, фактически функционировали в тех же рамках, что и братские школы (это положение было закреплено в утвержденной в 1893 г. «Программе школы для крещеных инородцев Восточной России» [Программа, 1893])²¹. В них также основное внимание уделялось религиозному образованию, педагогический состав

комплектовался из воспитанников Н.И.Ильминского и В.Т.Тимофеева, основными учебными пособиями являлась религиозная и миссионерская литература, переведенная на татарский язык на базе КЦКТШ и «Переводческой комиссии ПМО при Братстве св. Гурия». Крещено-татарские школы представляли собой в некотором роде христианский центр «школа-церковь», где прихожане «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку» [Отчет Братства св. Гурия, 1873, с.15]. По образцу КЦКТШ в них из числа учеников повсеместно организовывались церковные певческие хоры, для местных жителей в воскресные и праздничные дни совершалось церковное богослужение на татарском языке, проводились молебны, пастырские собеседования. Лишь в 1890-е гг. в ряде школ стали вводиться светские дисциплины: основы земледелия и агрономии, ремесленное производство и пр. В 1893 г. была открыта первая специальная «Инородческая сельскохозяйственная школа» в с.Шеморбаши (Шемортбаши) Лаишевского у. Казанской губ. [Инородческая, 1893, с.50].

²¹ В ЦПШ и школах грамоты программа Н.И.Ильминского была официально введена 12 января 1896 г. [РГИА, ф.796, оп.177, д.876, л.3].

Система образования, сложившаяся у крещеных татар в пореформенный период и ориентированная на религиозное просвещение, имела и определенные недостатки, обусловленные ограниченными рамками школьного обучения и подготовки детей. Клерикализация образовательного процесса и недостаточное внимание к изучению светских дисциплин, характерные как для начального, так и для среднего образования²², заложенные православными миссионерами, ограничивали возможность получения крещеными татарами в дальнейшем светских специальностей и обучения в высших учебных заведениях²³. Это привело к тому, что вплоть до Первой русской революции 1905 г. у крещеных татар не сформировалась прослойка светской интеллигенции (она была представлена исключительно православным духовенством и учителями-миссионерами). Несмотря на это необходимо подчеркнуть важную роль миссионерских учебных заведений в культурном развитии и школьном просвещении крещеных татар. Широкое распространение школ, работавших по системе Н.И.Ильминского, позволило сделать конфессиональное образование для молодого поколения крещеных татар массовым и общедоступным [Чичерина, 1904, л.1–2]. Чтобы понять масштабы просветительской работы миссионеров среди представителей этой конфессиональной группы татар, достаточно сказать, что в большинстве круп-

ных «старокрещенских» селений, в частности Казанской губ., количество жителей, прошедших через эти учебные заведения, к концу XIX в. составляло 50–60% от общего количества жителей м.п. [см.: Народные училища, 1888; Бобровников, 1899, с.3–21]. Имелись примеры и более высокой грамотности. Так, в сравнительно небольшом селе Никифорово Мамадышского у. (в 1897 г. здесь проживало 779 чел.) 80% населения м.п. и 30% ж.п. имело начальное образование, при этом более 30 уроженцев этого села в разное время обучались в КЦКТШ, КУС и на Миссионерских курсах в г. Казани [Памфилов, л.30об.]. В целом, к концу XIX – началу XX в. в процентном отношении по доле получивших элементарное, начальное образование крещеные татары несколько опережали другие коренные народы края, что стало безусловным достижением системы Н.И.Ильминского, применяемой в просветительской и образовательной деятельности среди татар-кряшен. Благодаря новой системе образования и просвещения, в пореформенный период у крещеных татар происходят существенные изменения в культурной и религиозной жизни, отмечается постепенный переход от патриархально-родового к буржуазному обществу, что позволило им успешно адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим реалиям России начала XX столетия, формируется культурная и религиозная элита.

²² Наряду с КУС и КЦКТШ с 1889 г. крещеные татары получили возможность поступать на обучение в организованные при КДА Миссионерские курсы, а с середины 1890-х гг. – в духовные семинарии.

²³ Одним из немногих крещено-татарских деятелей, сумевших получить высшее образование, стал Р.Даулей, окончивший в 1903 г. КДА по миссионерскому противомусульманскому отделению [Даулей, 1903б, л.1–4].

ГЛАВА 10

**Институты распространения русского языка
и светского образования среди татар и башкир****§ 1. Дореформенный период***Светлана Басырова*

В конце XVIII – первой половине XIX в. в развитии российского образования произошли существенные сдвиги, связанные с начальным этапом становления системы государственных учебных заведений. Составной частью этого процесса стало распространение школ на местах, в т.ч. в окраинных регионах империи, отличавшихся пестрым этноконфессиональным составом населения. Школьная политика правительства была обусловлена, прежде всего, острой потребностью государственных ведомств в грамотных специалистах и работниках. С другой стороны, государство стремилось интегрировать местные сообщества страны в единый социокультурный организм.

Военное ведомство. На территории Оренбургского края, занимавшего в империи пограничное положение и отличавшегося военным характером управления, именно военное ведомство «задавало тон» в привлечении мусульман в русские учебные заведения. Оно было связано с подготовкой различных специалистов для нужд Башкиро-мещеряцкого войска. Для этого в 1825 г. было открыто *Оренбургское Неплюевское военное училище*, названное в честь первого губернатора края²⁴.

В 1830 г. учащихся распределили на два отделения – европейское и азиатское. Изучение европейских языков и военных предметов стало основным на первом, а восточ-

ных языков – на втором отделении. Учебные планы училища, в 1844 г. преобразованного в кадетский корпус, неоднократно изменялись в дальнейшем.

Неплюевское военное училище стало учебным заведением, где наряду с другими обучались дети мусульман. По положению 1842 г. оно предназначалось: «1) для детей, коих отцы служат или служили в иррегулярных войсках отдельного Оренбургского корпуса; 2) для детей азиатцев, не состоявших в прочном подданстве; 3) для детей всякого свободного состояния людей» [ПСЗ-1, т.39, №29770]. Под первыми, кроме детей преимущественно русских казаков Оренбургского и Уральского казачьих войск, подразумевались и дети служивших в Башкиро-мещеряцком войске башкир и мещеряков, под вторыми – казахи. Из первых 16 воспитанников Неплюевского училища 7 были татаро-башкирского происхождения, 2 – казахами и 7 русскими [ГАОО, ф.6, оп.7, д.279а, л.149–150].

Дети, отцы которых служили в Башкиро-мещеряцком войске первоначально принимались в училище на общих основаниях и учились, как правило, на азиатском отделении. Отсутствие вакансий не позволяло зачислять в училище всех желающих. С преобразованием училища в кадетский корпус из 200 учебных мест по 30 вакансий получили дети офицеров Оренбургского и Уральского казачьих войск, Башкиро-мещеряцкого войска (они должны были обучаться за счет «войсковых сумм»), а также дети казахских султанов, беев, старшин, остальные вакансии предназначались для детей военных и гражданских чиновников губернии [ПСЗ-2, т.20, прибавление к т.19, №17962а], т.е. это учебное заведение становилось привилегированным.

²⁴ Училище стало преемником школы «татарских учеников», учрежденной в Оренбурге еще в 1744 г. при губернаторе И.И. Неплюеве. Эта школа, просуществовавшая при Оренбургской пограничной комиссии до 20-х гг. XIX в., готовила переводчиков, толмачей, канцеляристов со знанием старотюркского («татарского») языка преимущественно из русских солдат и казаков.

В Оренбургском кадетском корпусе обучались в основном дети дворян и офицеров, а также сыновья «зауряд»-чиновников. Вакансии были полностью замещены в 1848 г. [ГАОО, ф.6, оп.10, д.5515, л.270; ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.5245, л.11, 19]. Принимались мальчики 10–13-летнего возраста. Неплюевский кадетский корпус пользовался популярностью среди мусульман края, особенно

Неплюевское военное училище в Оренбурге. Совр. Парковый проспект, 7. Фото нач. XX в.

среди его социальной верхушки, так как воспитанники получали солидную профессиональную подготовку, а при выпуске имели возможность получить чин. Немаловажным являлось и то, что учащиеся-мусульмане имели возможность изучать «магометанский закон», а также восточные языки. Всего за 1831–1907 гг. данное учебное заведение окончили свыше 70 башкир и мещеряков [Асфандияров, 2006, с.378]. Социальное происхождение существенно влияло на дальнейшую судьбу кадетов: от него зависел чин, с которым выпускник заканчивал учебное заведение²⁵.

Итак, Неплюевский кадетский корпус, занимаясь подготовкой офицерского состава войск Оренбургского края, вовлекал в сферу русской культуры представителей мусульманского населения.

Представители Башкирского войска обучались в *Оренбургском военном училище*, открытом в 1859 г. и предназначавшемся в основном для детей солдат, чиновников, канцелярских служащих. Это специальное учебное заведение занималось подготов-

кой младшего офицерского состава войск, а также работников военных управлений, его учебный курс был приближен «к курсу уездных училищ с некоторыми специальными предметами» [ПСЗ-2, т.32, отд.1, №33282; РГВИА, ф.324, оп.1, д.511, л.22, 24об.]. Училище возникло в связи с ликвидацией батальонов военных кантонистов, поэтому сюда были переведены дети, отцы которых служили в Башкирском войске и которые до этого обучались в Оренбургском батальоне. В августе 1859 г. их было 5, а к концу года – 32, в феврале 1860 г. – 20. Они были уравнены с прочими воспитанниками в обмундировании и продовольствии, хотя содержались «на соединенный сбор» с башкир и мещеряков [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, оп.10120, л.95; ПСЗ-2, т.35, отд.1, №35485]. Обучение мусульман в военном училище ориентировалось на политику государственной власти, преследовавшей цель распространить русскую культуру среди местных народов и иметь из их среды служащих со знанием русского языка. Училище не пользовалось популярностью у мусульман, поскольку в нем, как и в батальоне военных кантонистов, не преподавалось мусульманское вероучение.

В распространение русской грамоты среди мусульман Оренбургского края внесла свой вклад и *фельдшерская школа при Оренбургском военном госпитале*, открытая в 1826 г. Первоначально в ней обучались 25 кантонистов (дети солдат), а также отобран-

²⁵ Дети потомственных дворян и представители неподатных сословий выпускались офицерами. Дети «зауряд»-чиновников определялись «зауряд»-офицерами в те войска, где служили их отцы. Представители податных сословий могли получить чин унтер-офицера, а рядовые казаки, башкиры, тептяри и мишари – урядника. Они могли быть произведены в офицерские звания на срок от двух до восьми лет.

ные в кантонах башкирские и мещеряжские мальчики. В 1838 г. фельдшерские школы при военных госпиталях были упразднены. Однако оренбургский военный губернатор В.А.Перовский, ссылаясь на острую потребность края в медиках ввиду высокой заболеваемости в иррегулярных войсках, особенно среди башкир и мещеряков, добился сохранения этого учебного заведения. В 1841 г. фельдшерская школа при Оренбургском военном госпитале была открыта исключительно для иррегулярных войск, ее учебный курс и контингент были значительно расширены [ПСЗ-2, т.16, №14792]. Она была рассчитана на 40 мальчиков из Башкиро-мещеряжского войска, 20 – из Оренбургского, 6 – из Уральского, 2 – из Калмыцкого войска. Мальчиков 12–14-летнего возраста отбирали местные начальники и помещали в школу без предварительного испытания на знание русской грамоты. В школе преподавались христианское и мусульманское вероучения, русский и латинский языки (чтение, письмо, грамматика, переводы), арифметика, основы анатомии, фармакологии, рецептуры, хирургии и т.д. В 1840–1860-х гг. состоялось три выпуска учащихся фельдшерской школы. Известно, что к концу 1850-х гг. ее окончили 72 представителя Башкиро-мещеряжского войска [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.10618, л.68об.–69]. Выпускники фельдшерской школы получали звание младшего фельдшера, соответствующее чину урядника.

Иррегулярные войска Южного Урала нуждались и в медиках более высокой квалификации. Особенно востребованы врачи были в Башкиро-мещеряжском войске, поскольку мусульмане, как правило, не обращались за помощью к русским врачам. Поэтому оренбургский военный губернатор П.П.Сухтелен еще в 1831 г. высказал поддерживаемую в верхах идею обучения башкир медицине в *Казанском университете* [ГАОО, ф.6, оп.4, д.10037, л.5–6]. Для отправки в Казань были отобраны представители Башкиро-мещеряжского войска, обучавшиеся в Неплюевском училище²⁶. С 1836 г. в Ка-

занской гимназии и Казанском университете было учреждено 20 постоянных вакансий для «магометан Оренбургской губернии» [ПСЗ-2, т.11, отд.1, №8771]. В соответствии с принятыми правилами в августе 1836 г. в Казань были отправлены 20 мальчиков 10–11-летнего возраста, выбранных начальством в башкирских и мещеряжских кантонах. В гимназии им предстояло прослушать полный семилетний курс, сдать экзамены и только после этого стать студентами.

Отсутствие у детей предварительной подготовки значительно снижало эффективность их обучения. Из посланных с 1836 г. 50 мальчиков к концу 1849 г. лишь 10 поступили в университет. Из них трое закончили словесный факультет и только два медицинский, остальные либо еще учились, либо выбыли из университета по болезни. Кроме того, не все вакансии замещались своевременно. Так, в 1845 г. в Казани обучались 12 мальчиков вместо 20 [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6154, л.36–38об, 46, 49]. Выход из положения был найден не самый лучший: в 1849 г. «была запрещена возможность перехода студентов из Оренбургского края» с медицинского на другие факультеты университета [ПСЗ-2, т.24, отд.2, №23616], в результате многие мусульмане, обучившись в гимназии и не имея склонностей к медицине, лишились возможности стать специалистами другого профиля, закончить университет. Эта крайне непопулярная мера была отменена только в 1860 г. [ПСЗ-2, т.35, отд.1, №35946].

С целью повышения результатов обучения башкирских и мещеряжских мальчиков в Казани в 1849 г. было принято решение предварительно обучать их в Оренбургском батальоне военных кантонистов. Однако это решение в рассматриваемый период не было реализовано²⁷.

граничной комиссии. В марте 1832 г. они прибыли в Казань и были предварительно помещены в Первую казанскую гимназию [ГАОО, ф.6, оп.4, д.10037, л.61]. В 1833 г. к ним присоединился С.Нигаметуллин, который заменил М.Муслюмова, не проявившего нужных способностей к учебе. В гимназии мальчики изучали различные предметы учебного курса, в т.ч. восточные языки, но особенно тщательно их обучали русскому языку и латыни.

²⁷ 20 мальчиков начали обучение только в 1853 г. [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6154, л.139, 154].

²⁶ Первыми стипендиатами Башкиро-мещеряжского войска в Казани стали Б.Субханкулов (сын обер-офицера), М.Муслюмов, Х.Шарипов (дети мещеряжских старшин) и С.Кукляшев. Последний к 1832 г. уже работал толмачом в Оренбургской по-

В целом, в 1832–1861 гг. в Казанском университете обучалось около 25 представителей Башкиро-мещеряцкого войска. Большая их часть после обучения работали лекарями в войске, но среди выпускников были и кандидаты восточной словесности, юрист и т.д. В 1860 г. в башкирских кантонах находились на службе восемь питомцев Казанского университета и четверо – Казанской гимназии [ГАОО, ф.6, оп.12, д.2173, л.13об.–14]. Последняя, несомненно, как и университет, внесла немалый вклад в просвещение башкирско-татарского населения Южного Урала: ее выпускники, возвращаясь на родину, становились переводчиками, занимали различные должности в кантонных управлениях.

Военное ведомство в дореформенный период занималось подготовкой и других специалистов для нужд подведомственного ему населения. Так, с 1842 г. на чертежном отделении Генерального штаба Отдельного оренбургского корпуса, наряду с другими, обучались два башкирских мальчика из числа учащихся Казанской гимназии. В 1848 г. их число было увеличено до 10, так как Башкиро-мещеряцкое войско испытывало острую потребность в землемерах [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.4969, л.4, 83, 131]. В 1857 г. вакансии войска при Генеральном штабе были ликвидированы, но была учреждена чертежная школа в самом Башкирском войске, рассчитанная на 10 учеников [Образование в Башкирии, 1862, с.52].

К середине XIX в. власти более широко ставили задачу распространения русской культуры среди народов Урала. В связи с этим в 1852 г. при изменении системы денежного сбора с башкир правительство решило выделить средства на учреждение школ в башкирских кантонах. Кантонные школы были призваны ослабить влияние мусульманских школ, якобы «парализующих нравственные силы народа», стать «мощным средством к уничтожению магометанской пропаганды и фанатизма» [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.10808, л.5]. Другой целью создания этих школ по-прежнему была подготовка грамотных работников со знанием русского языка для управленческого аппарата. Первые школы в башкирских кантонах появились в 1860 г. Они были рассчитаны на четырехлетний

курс обучения, разделенный на два класса. В первом классе ученики занимались в течение двух лет чтением русских и старотюркских книг, рукописей, письмом, изучением «нумерации чисел». Во втором классе преподавались чистописание на русском языке, первые четыре действия арифметики, мусульманское вероучение [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.7865, л.23–30]. К 1862 г. в войске действовало уже 28 русско-башкирских школ, где обучались 498 детей [Асфандияров, 2006, с.379].

Таким образом, военное ведомство в дореформенный период проводило активную деятельность по распространению русской грамотности среди мусульман Южного Урала. Накануне отмены крепостного права в Оренбургском крае представители Башкирского войска (башкиры, мещеряки) имели 110 вакансий в учебных заведениях военного ведомства (в т.ч. и в Казанском университете и Казанской гимназии), которые практически всегда были заняты. Кроме того, начался процесс создания в кантонах школ с преподаванием русского языка. Это свидетельствовало о том, что часть мусульманского населения (в основном социальная верхушка) в той или иной мере стремилась к усвоению русской грамоты, открывающей путь к европейской науке, знаниям, карьере и т.д. Правда, желание учиться в русскоязычной школе напрямую зависело от того, преподавалось ли в ней мусульманское вероучение, не посягало ли государство на религиозные чувства мусульман.

Министерство народного просвещения. В дореформенный период в рамках учебного ведомства была выстроена сеть учебных заведений, не знавших религиозных и национальных ограничений, хотя в них, безусловно, преобладало русское православное население. Ревизовавшие народные училища Оренбургского края преподаватели Казанского университета П.С.Кондырев и И.И.Запольский в 1809 г. отметили, что в этих школах можно было встретить немало татар, башкир, удмуртов, марийцев [Булич, 1887, ч.1, с.585].

В уездных училищах Оренбургской губ., созданных в конце 1810-х – начале 1820-х гг. на базе народных училищ и действовавших на основе устава учебных заведений 1804 г., учились преимущественно русские

ученики, поскольку эти школы создавались в уездных городах. Такое положение сохранилось и после их реорганизации в 1835 г. [Мирсаитова, 2000, ч.2, с.79].

В конце 1850-х гг. власти стали помещать в приходские училища башкирских и татарских мальчиков с целью подготовки писарей для органов управления. Эти меры были временными: на открытие специальных кантонных школ в Башкирском войске пока не хватало средств. В 1858 г. в Уфимском, Оренбургском, Челябинском, Стерлитамакском, Троицком, Мензелинском, Бирском, Бугульминском приходских училищах на средства Башкирского войска обучалось 90, в 1859 г. – 100, в 1860 г. – 60 мальчиков, всего за три года – 250 учеников. Из них 196 были мусульманами, 54 – язычниками, что составляло соответственно около 20% и 5% всех учащихся этих школ [Мирсаитова, 2000, ч.1, с.64]. Часть выпускников начальных учебных заведений низшего типа независимо от этнической принадлежности продолжала обучение в уездных училищах.

Учителя, занимавшиеся в училищах обучением башкир и татар русской грамоте, старались не использовать «Российский букварь», содержащий православные молитвы, а привлекали более нейтральные ланкастерские таблицы. Применялся и звуковой метод обучения грамоте В.А.Золотова. Штатным смотрителем и учителем Уфимского уездного училища И.П.Сосфеновым был составлен букварь для башкир и татар под названием «Первоначальное знакомство с русской грамотою» [Асфандияров, 2006, с.380]. Запрещалось насильно привлекать мусульман к слушанию основ христианской религии. Правом приглашения муллы для преподавания исламского вероучения за свой счет воспользовались родители мальчиков, обучавшихся в Челябинском, Оренбургском и Бирском училищах [ЦИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.9776, л.36].

Для обучения в русскоязычных начальных школах из Башкирского войска выбирали мальчиков от 8 до 13 лет, преимущественно это были дети офицеров, а также сироты. Но вскоре в школах стали учиться и дети простых башкир, мещеряков, тептярей. Накануне 1861 г. в уездных училищах обучалось 102 мусульманина и 12 язычников, в

приходских училищах – соответственно 147 и 55 (18,2% и 5% всех учащихся этих школ), без учета приходских училищ Стерлитамакского и Бугульминского уездов [ЦИА РБ, ф.И-110, оп.1, д.874, л.10–11].

Однако не всегда политика властей была успешной и последовательной. Так, не вполне удачной следует признать усилия губернских властей в деле обучения башкирских мальчиков ремеслам вдали от родины в 1836–1842 гг. Мальчики избирались кантонными начальниками в основном из сирот или больших бедных семей и отправлялись в Москву, Петербург, Казань, Ижевск и другие промышленные центры страны на пятишестилетний срок. Из отправленных 264 мальчиков только 148 вернулись обратно, закончив учебу [Мирсаитова, 2000, ч.2, с.27].

Крестьянские и горнозаводские школы. В 40-е гг. XIX в. на территории Южного Урала началось создание сети начальных школ для государственных и удельных крестьян, которые в крае были представлены не только русскими, но и татарами, чувашами и др. В 1860 г. в Оренбургской губ. действовало 38 школ (1336 учеников), подведомственных МГИ и 16 училищ (282 ученика) удельного ведомства [ЦИА РБ, ф.И-110, оп.1, д.860, л.179; РГИА, ф.515, оп.8, д.2310, л.5, 15–20]. Эти учебные заведения давали ученикам элементарные знания: здесь преподавались Закон Божий, чтение, письмо, первые действия арифметики; иногда «прибавлялись» чистописание, скоропись, счетоводство и т.д., так как волостные управления нуждались в грамотных служащих.

Сельские школы Приуралья отличались «пестрым» этническим составом учащихся [ОГВ, 1846, №12]. В открытых в 1850–1851 гг. в с.Зирган и д.Буздяк сельских училищах преобладали дети мусульман [Черемшанский, 1859, с.247]. В них преподавали светские учителя, закончившие уездные училища, а не православные священники, как обычно.

В казенных селениях крестьянских мальчиков за счет общественного налога стали готовить на должности оспопрививателей и волостных писарей. В 1844 г. МГИ планировало открыть для подготовки писарей и переводчиков в каждой волости Казанской губ., населенной мусульманами и языч-

никами, особое училище на 20 чел. В них предполагалось обучение русской грамоте и четырем действиям арифметики, без уроков вероисповедания. В конечном счете, в 1849 г. для татар, марийцев и чуваш была открыта лишь одна школа по подготовке писарей в уездном городе Мамадыш, на содержание которой из хозяйственного капитала было выделено 900 руб. сер. в год. Обучение велось на русском языке, на уроках преобладала зубрежка [Материалы, 1936, с.455–456; Дружинин, 1958, с.254].

В распространении русскоязычной грамотности среди мусульман Южного Урала приняли участие и *школы горного ведомства*. К 1861 г. в Оренбургской губ. было 10 начальных заводских школ (611 учеников). Это были двухклассные школы с преподаванием основ первоначальной грамоты, хотя некоторые из них, приспосабливаясь к заводским потребностям, занимались и элементарной

профессиональной подготовкой учеников – будущих рабочих и мастеровых. Начальное образование в заводских школах получали и посторонние для горного ведомства люди, в т.ч. представители Башкирского войска, содержащиеся за счет войсковых сумм. Известно, что с 1858 г. по 1867 г. в учебных заведениях Златоустовского округа обучалось более 100 башкир [РГИА, ф.44, оп.3, д.252, л.15–17, 42; Черноухов, 1998, с.124].

Таким образом, особенностью дореформенного этапа развития школьного образования стал многоведомственный характер государственных учебных заведений, представленных школами разных типов. На этом поприще больших успехов достигло Военное министерство, которое за счет средств, собираемых с башкир и мещеряков, стремилось обеспечить местную администрацию управленцами среднего звена и компетентными работниками.

§ 2. Пореформенный период

Чулпан Саматова, Альфия Юсупова

Русские учебные заведения. Русские начальные школы, преследующие целью религиозно-нравственное воспитание учащихся, были непопулярны среди мусульман. Во второй половине XIX в. наибольшее число мусульман в средних учебных заведениях отмечалось в городах Приуралья. В Уфимской губ. была расселена самая значительная группа татарских дворян. Они стремились интегрироваться в российское общество и готовили своих сыновей к карьере чиновника. Группы мусульманских детей, в основном татар, обучались в гимназиях Уфы, Троицка и Уральска [РГИА, ф.821, оп.8, д.817, л.37]. В 1869 г. в мужских гимназиях и прогимназиях насчитывалось 52 мусульманина, в т.ч. в КУО – 20, Киевском – 1, Виленском – 25, Санкт-Петербургском, Московском и Одесском учебных округах – по 2 [Приложения, 1869, с.154–155]. В последующие годы лидерство по численности обучающихся в средних учебных заведениях локализовалось в учрежденном в 1874 г. ОУО: в 1878 г. из 127 воспитанников гимназий 48 обучались здесь, 10 – в Варшавском, 8 – в Московском, 6 – в КУО, 5 – в Санкт-

Петербургском, 2 – в Восточно-Сибирском, 32 – в Виленском, 3 – в Киевском учебном округе и 10 – в Туркестанском крае.

В 1884 г. в мужских и женских гимназиях КУО проходили обучение по 1 мусульманину [РГИА, ф.821, оп.8, д.817, л.35об.]. В 1890 г. в гимназии Оренбурга обучалось 35 мусульман, в основном казахи, проживавшие в пансионе при гимназии за счет 30 стипендий для коренного населения Уральской, Тургайской областей и Букеевской орды [Белавин, 1891, с.98]. В начале XX в. наблюдалась устойчивая тенденция повышения числа поступающих в гимназии мусульман. В 1902 г. в ОУО они составляли до 2% гимназистов, их численность в два и более раза превышала численность единоверцев в КУО (менее 0,5%).

Урбанизационные процессы, развитие капиталистических отношений и появление земских учреждений способствовали ускоренному формированию сети средних и низших профессиональных училищ, готовящих кадры для промышленного, ремесленного, сельскохозяйственного производств, коммерции и других отраслей народного

хозяйства. В начале XX в. появились группы мусульман в реальных училищах ряда городов. В 1902 г. они числились в реальных училищах Казанского (18 чел.), Оренбургского (10 чел.) и Московского учебных округов (10 чел.).

Малочисленность мусульман в российских университетах была характерной чертой пореформенного периода. Так, в 1884 г. среди 5747 студентов российских университетов насчитывалось всего 6 мусульман (4 – в Казанском, по одному – в Санкт-Петербургском и Варшавском учебных округах) [Белавин, 1891, с.358]. В Казанском университете в 1873–1896 гг. при средней численности студентов 595 чел. насчитывалось 5,6 среднестатистических мусульман, или 0,9% всех обучающихся [Михайлова, 1979, табл.22, 23, 24, с.338–340].

В начале XX в. стремление татар к обучению в высших учебных заведениях усилилось. Однако по своей численности они по-прежнему оставались «микроскопическими вкраплениями» в конфессионально-этнической структуре российского студенчества. В 1899–1900 гг. в университетах обучался 61 мусульманин (0,4%). В технологических, политехнических, горных, сельскохозяйственных институтах мусульмане также выделялись своей малочисленностью: в 1900–1901 гг. их было всего 17 чел. (0,3%), в 1907–1908 гг. – 57 (0,4%) [Иванов, 1999, табл.14, с.197, 198]. В 1899–1917 гг. в Казанском университете получали образование 92 мусульманина: 19 азербайджанцев, 10 башкир, 21 казах, 41 татарин и один уроженец Средней Азии, успешно окончили 28 [Михайлова, 1979, с.258, 333–335, 338–340, 347].

Таким образом, русские средние и высшие школы привлекали внимание, главным образом, сыновей татарских дворян, разночинцев и купечества, наиболее представительной части мусульман. Несмотря на отсутствие специальных ограничений (кроме недозволения мусульманам получать стипендию), в XIX в. они оставались малопопулярными среди мусульман.

Русско-татарские училища и русские классы при медресе. Согласно «Правилам о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. в русско-татарских училищах основными предметами изучения

являлись русский язык и арифметика. Ведущая роль в процессе обучения принадлежала «переводному»²⁸ методу. Первоначально учащиеся осваивали русскую разговорную речь. Следующей ступенью являлось изучение грамматики русского языка (чтение, письмо). В русских классах при медресах и медресе изучение русского языка было нацелено прежде всего на овладение разговорной речью, что не исключало возможности преподавания основ грамматики. Курс арифметики (счисление, первые четыре действия над целыми числами) мог быть расширен за счет изучения основных действий с дробными числами [Инородческие и иноверческие, 1903, с.14–16].

Первоначально не был установлен срок обучения: как правило, в одноклассных русско-татарских школах практиковалось трехгодичное обучение в трех отделениях (младшее, среднее, старшее). Шакирды посещали русский класс после завершения занятий в конфессиональных школах. Лишь в 1907 г. был установлен четырехлетний срок обучения в одноклассных русско-татарских (башкирских) училищах, определена часовая нагрузка по отдельным предметам, а также санкционировано учреждение двухклассных училищ, в которых школьная программа была дополнена курсами российской истории, естествоведения, черчения, геометрии [Мир ислама, 1913, т.2, с.28].

Проверки учебных заведений в КВО в 1901 г. и 1903 г. показали, что большая часть учеников усваивала русский язык в незначительной степени [НА РТ, ф.160, оп.1, д.947, л.6об., 9]. Низкой была и численность выпускников (15% от числа поступивших) [НА РТ, ф.92, оп.2, д.3798, л.37об.]. Родители отдавали своих детей в школы из практического интереса: получив навыки разговорной речи и письма на русском языке, дети уходили из школы, не ставя целью получение свидетельства об окончании. Поэтому в русско-татарских школах, как правило в старшем отделении, дети отсутствовали или обучалось всего несколько человек.

²⁸ «Переводной» метод направлен на изучение грамматики иностранного языка и освоение связанного текста. Преимуществом «переводного» метода является систематическое использование родного языка учащихся.

Таблица 50

Динамика численности русско-мусульманских школ в КУО в 1874–1902 гг.
[Саматова, 2010, Приложение 7]

Губернии	1874 г.			1902 г.		
	Рус. классы	Одноклассные рус.-татар. училища	Всего	Рус. классы	Одноклассные рус.-татар. училища	Всего
Астраханская	–	1	1	3	1	4
Вятская	–	3	3	–	10	10
Казанская	9	3	12	5	11	16
Самарская	–	–	–	1	2	3
Саратовская	–	–	–	–	–	–
Симбирская	–	5	5	–	8	8
Итого:	9	12	21	9	32	41

Таблица 51

Динамика численности русско-мусульманских школ в ОУО* в 1874–1902 гг.
[Саматова, 2010, Приложение 7; Будилович, 1905, с.119–120, 135, 145]

Губернии и области	1874 г.			1902 г.			
	Рус. классы	Однокласс. рус.-мус. уч.	Всего	Рус. классы	Однокласс. рус.-мус. уч.	Двухкласс. рус.-мус. уч.	Всего
Оренбургская	неизвестно	неизвестно	неизвестно	7	25	2	34
Пермская	–	1	1	23		–	23
Уфимская	–	7	7	34		–	34
Тургайская	неизвестно	неизвестно	неизвестно			–	
Уральская	неизвестно	неизвестно	неизвестно	2	2	–	4
Итого:				93		2	95

* Без учета русско-казахских школ и училищ, действовавших в Уральском и Оренбургском казачьих войсках.

В КУО русско-татарские школы начали учреждаться более интенсивно на рубеже веков. Известно, что в 1874 г. насчитывалась 21 школа нового типа, в т.ч. 12 русско-татарских училищ, 9 русских классов при медресе. В 1902 г. их число удвоилось и составило 41 русско-татарское учебное заведение. При этом заметно возросло количество русско-татарских училищ (32). Это было связано, главным образом, с тем, что им отдавали предпочтение сами татары. Большая часть русских классов была учреждена при медресе, лишь 2 – при мектебах Букеевской орды [НА РТ, ф.92, оп.2, д.2246, л.69об.].

Однако полностью преодолеть негативное отношение мусульман к русско-татарским школам не удалось. Так, попытки

инспекторов и земств Саратовской губ. открыть новые учебные заведения бойкотировались сельскими общинами [НА РТ, ф.92, оп.1, д.24602, л.1–15]. Подобная ситуация наблюдалась и в Самарской губ. (табл.50).

В ОУО также значительная часть школ появилась на рубеже веков. Однако к 1902 г. число русско-татарских (башкирских) учебных заведений превысило количество аналогичных школ в КУО более чем в 2 раза. С учетом численности мусульман наиболее успешно русско-мусульманские школы открывались в Пермской губ. (23). В Оренбургской губ. функционировали 2 двухклассных русско-мусульманских училища и 25 одноклассных русско-татарских (башкирских) школ. В Уфимской губ. их количест-

во по сравнению с 1874 г. выросло в 5 раз и достигло 34 (табл.51).

Распространение женских русско-татарских школ оставляло желать лучшего. Первая женская русско-татарская школа г.Казани, действовавшая с 1873 г., вскоре была закрыта из-за малочисленности учениц. Новое женское начальное училище здесь открылось лишь в 1901 г., в Тетюшах – в 1904 г. [НА РТ, ф.92, оп.2, д.3799, л.18]. В Приуралье одним из первых в 1883 г. появилось женское отделение с 10 ученицами при Темясовском русско-башкирском училище (Орский у.) [ЦОУО, 1883, №11–12, с.491]. Женское русско-башкирское училище д.Буздяк (1893 г.) стало первой в Уфимской губ. школой с содержанием от земства [Азаматова, 2010, с.87]. В Уфимской губ. в д.Новые Каргалы в 1903 г. начала действовать женская русско-татарская школа, в 1905 г. в г.Белебее – русско-башкирское училище для девочек [ЦОУО, 1905, №11–12, с.665].

В рассматриваемый период бесплатные учебные заведения, где обучали русской грамоте, в сельской местности стали местом обучения, прежде всего, для детей-сирот и мальчиков из бедных семей [РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.109об.]. В целом следует отметить малочисленность школ новых типов для мусульман. Русско-татарские учебные заведения лишь в конце XIX в. начали вызывать доверие у определенной части татарского населения и стали открываться по его инициативе. Их распространению способствовала финансовая помощь земств. Количественный рост русско-татарских школ сдерживался нехваткой национальных педагогических кадров. Несмотря на малочисленность, они сыграли определенную роль в создании условий для изучения, прежде всего, детьми из малообеспеченных семей русского языка и получения ими светского начального образования.

Частные школы и репетиторы. Татары-предприниматели для подготовки своих сыновей к продолжению семейного дела обращались к услугам частных педагогов, которые, как правило, приглашались на дом. В условиях недоброжелательного отношения татарского сообщества к русским учебным заведениям для сыновей купцов такая форма обучения русской грамоте была едва ли не единственным возможным вариантом.

Введение в 1891 г. русского образовательного ценза для лиц, желающих занять духовные должности, и их неудачи на испытаниях в комиссии при училищных советах актуализировали необходимость качественной подготовки к экзамену. В ряде городов появились частные учителя, специализирующиеся на подготовке будущих мулл к экзамену. Распространенность данного варианта обучения была обусловлена как образовательными традициями татар, так и неудобством для претендентов на звание муллы проходить курс русско-татарских училищ в силу возрастной разницы с остальными учащимися.

Подтверждением существования системы частного обучения на платной основе, направленной на удовлетворение потребностей местного населения в изучении государственного языка и русской грамоты, было и появление локальной группы учителей русского языка, получивших искомые свидетельства через успешную сдачу экзамена экстерном.

Казанская татарская учительская школа (КТУШ). Из-за отсутствия подготовленных лиц из татар в русско-татарские начальные школы на первых порах назначались лица без специального образования, лишь владевшие русским языком [Ханбиков, 1968, с.51]. В дальнейшем основной «кузницей кадров» для русско-татарских учебных заведений стала КТУШ (открылась в 1876 г.).

В КТУШ был установлен ежегодный прием учащихся, производимый по результатам экзаменов, к которым допускались лица всех сословий не моложе 15 лет. Вступительные экзамены проводились по русскому языку, арифметике, чтению на татарском языке и мусульманскому вероучению, которое было отменено в 1877 г. [Казанская татарская, 2005, с.22–23].

Школьная программа предполагала проведение во всех четырех классах 84 уроков в неделю. В первом классе учащиеся изучали русский язык, математику, вероучение, естествоведение. Во втором классе к этим предметам добавлялись история, география, в третьем – педагогика и дидактика. Чистописание и рисование преподавались в течение всего учебного периода. Обучение ремеслам (столярному, переплетному) и гимнастике

проходило в свободное от занятий время без подразделения на классы. На изучение мусульманского вероучения отводилось 9 уроков в неделю, что составляло 11% от общего числа недельных уроков в школе. На уроках вероучения учащиеся осваивали также каллиграфическое арабское письмо, грамматику арабского языка. Все школьные дисциплины, за исключением основ ислама, преподавались на русском языке.

Основной состав учащихся формировался из «казенноштатных» воспитанников, которые, как правило, проживали в пансионе. С 1879 г. МНП сократило количество государственных стипендиатов с 40 до 30, одновременно увеличив ежегодное содержание учащихся с 90 до 120, а в дальнейшем – до 150 руб. [НА РТ, ф.92, оп.1, д.13584, л.7].

Учащиеся, которые лишь посещали школьные уроки (за небольшую плату), попадали под категорию «приходящих» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.12513, л.12] и формировали незначительную долю в составе учащихся КТУШ.

В КТУШ в разное время обучались выходцы из губерний Казанского, Оренбургского и Московского учебных округов, Сибири, Средней Азии. Гарантией обеспечения русско-мусульманских учебных заведений преподавателями являлось назначение земствами стипендий для уроженцев подведомственных территорий.

Большинство учащихся КТУШ составляли дети дворян, чиновников, духовенства, купечества, мещан. В начале XX в. увеличилось количество детей крестьян, что свидетельствовало о росте заинтересованности сельского населения в получении образования на русском языке.

Согласно основной задаче КТУШ упор в учебном процессе делался на изучение русского языка (грамматика, чтение, разговорная речь). Трудности в изучении учащимися русского языка были обусловлены как недостаточными знаниями этого предмета поступающими, так и «строением» татарского языка [НА РТ, ф.92, оп.1, д.12513, л.25–25об.]. Недостаточное знание русского языка поступающими в КТУШ обусловило использование в 1–2-х классах учебников, в которых наряду с русским текстом публиковались переводы на татарский язык. Среди них следует назвать «Введение

в естествознание» Р.Арендта, «Географию для татар» Е.Зейдлица, «Введение во всеобщую историю» Д.И.Иловайского [Хакимов, 1972, с.6].

Средствами эстетического воспитания, развития творческого мышления учащихся КТУШ являлись устраиваемые с их участием литературные вечера и спектакли. Стремление преподавателей разнообразить, усовершенствовать учебный процесс, расширить кругозор и повысить эрудицию учеников обусловили организацию различных тематических экскурсий и ознакомление с городскими театральными постановками.

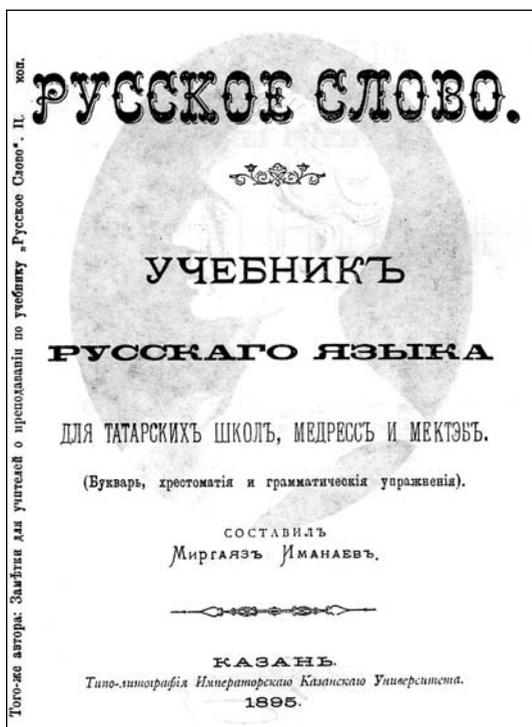
Большинство преподавателей основных дисциплин имели высшее образование, причем являлись выпускниками университетов.

Выпускники школы не имели права поступать в высшие учебные заведения страны. Тем самым власти нацеливали их на деятельность в начальных русско-татарских школах. За период существования КТУШ (1876–1917) ее закончили 389 чел. [Михайлова, 1979, с.68]. К 1891 г. из 79 выпускников (12 из них были переведены из ОТУШ) только 39 в разное время были назначены преподавателями начальных школ для татар [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19983, л.1]. Воспитанники КТУШ преподавали и за пределами КУО.

КТУШ привлекала талантливую и амбициозную татарскую молодежь из крестьянской среды, не имевшую средств и возможностей учиться в гимназиях и высшей школе. В ней получила образование целая плеяда будущих представителей национальной творческой интеллигенции и общественных деятелей: Г.Исхаки, С.Максуди, А.-Х.Максуди, Х.Ямашев, Г.Кулахметов и др. В начале XX в. в КТУШ учились лица, не прошедшие обучение в мектебах или медресе, что сказывалось на их дальнейшей адаптации среди татар.

В 1880–1882 гг. на курсы при КТУШ ежегодно приглашалось по 10 учителей [НА РТ, ф.92, оп.1, д.15097, л.1], в 1883 г. – 12, в 1901 г. – 17 (Казанская (10 чел.), Вятская (7 чел.) губ.) [НА РТ, ф.142, оп.1, д.32, л.5–12].

Курсы повышения квалификации преподавателей русско-татарских школ, организованные в ОТУШ (1878–1884 гг. и 1887 г.) [Бакирова, 2005, с.51], не охватывали всех

Обложка учебника русского языка М.Иманаева для татарских школ, медресе и мектебе «Русское слово» (Казань, 1895).

учителей русского языка. В конце 1880-х – первой половине 1890 г. в ОУО они посещали краткосрочные курсы для учителей инородческих училищ и сельскохозяйственные курсы в г.Бирске: [ЦОУО, 1887, №1, с.1–2; Галанов, 1894, с.19–24, Галанов, б.г., с.15–19].

В Приуралье существовала острая потребность в педагогических кадрах. Уфимское губернское земство в 1898–1912 г. тринадцать раз обращалось в МНП с просьбой об открытии в Уфе Татарской учительской школы, однако каждый раз получало отказ [Еникеев, 1977, с.207].

Таким образом, открытие правительством русско-татарских школ и русских классов для мусульман и КТУШ было прогрессивным явлением в социокультурном развитии татарского сообщества. Они способствовали подготовке учителей, разработке новых учебно-методических пособий, в т.ч. словарей и самоучителей, формированию новой прослойки европейски образованной татарской интеллигенции, внесшей

большой вклад в развитие национальной культуры.

Учебно-методические пособия. Важной проблемой было создание учебно-методической базы для русско-татарских училищ и русских классов. Власти, установив «Правилами» от 26 марта 1870 г. предметы изучения, не составили для них учебных планов, несмотря на то, что проекты таких были [Шестаков, 1869, с.31]. В связи с этим преподаватели русско-татарских школ и русских классов были вынуждены адаптировать программы начальных училищ для русскоязычного населения. Известно, что в конце XIX в. своеобразной базой служила «Примерная программа предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП» от 7 февраля 1897 г. [НА РТ, ф.160, оп.1, д.103, л.24].

В КУО основным составителем учебных пособий для школ нового типа был В.В.Радлов. Его учебники «Первая книга для чтения» (1874), «Грамматика русского языка, составленная для татар восточной России» (1873) выгодно отличались от рекомендуемых МНП тем, что тексты имели татарские переводы. Хрестоматия В.В. Радлова «Белек» также была составлена на татарском языке. При создании учебных пособий для татар В.В.Радлов активно консультировался с К.Насыри. Учебник М.Иманаева «Русское слово» (1895) состоял из букваря, практических упражнений и хрестоматии и при регулярности занятий мог сформировать необходимый в быту уровень знания русского языка. Постепенно брешь в учебно-методической базе русско-татарских школ стала восполняться преподавателями КТУШ. Ш.И.Ахмеров стал автором учебника по русскому языку для татарских учительских школ (1895), А.И.Анастасиев издал работу «Народная школа, руководство для учителей и учительниц народных школ. Настольная справочная книга» (1890). Учитель рисования, чистописания и черчения Ш.Тагиров составил первый татарский букварь по звуковому методу (1893), таблицы по чистописанию русского письма прямым шрифтом (1900). В начале XX в. их дело продолжили выпускники КТУШ Г.Ю.Кулахметов, М.Х.Курбангалиев и др. [Хакимов, 1972, с.8–12, 14–16].

Отметим, что инициатива по созданию учебников и их совершенствованию исходила в основном не от учебных властей, а от педагогической корпорации русско-татарских учебных заведений и передовых татар, заинтересованных в просвещении народа.

До 1890 г. учебники и азбуки создавались в основном на русском языке и для русских. Изменения в социокультурной жизни вызвали издание новых пособий по изучению татарами русского языка.

Татарско-русские и русско-татарские словари и самоучители. Формирование в XIX в. обширного корпуса двуязычных словарей и самоучителей татарского языка объясняется целями и задачами как внутренней, так и внешней «восточной» политики России. Татарский язык в XIX в. был государственным языком и языком дипломатии в отношениях России со странами Востока. Дипломатические документы, направляемые от имени русских властей в Турцию, Среднюю Азию, Иран, Индию и Монголию, оформлялись в то время на татарском языке [Хисамова, 1999, с.16–17]. Указанные словари и самоучители являлись «проводниками» восточноориентированной политики России.

Преподавание татарского языка в качестве отдельного предмета в таких известных учебных заведениях, как Санкт-Петербургский, Казанский и Харьковский университеты, в профессиональных школах, духовных академиях и гимназиях также послужило причиной создания в XIX в. 13 русско-татарских и татарско-русских словарей [Михайлова, 1972, с.33].

Первыми лексикографическими памятниками, предназначенными для изучения татарами русского языка и русскими – татарского, были татарско-русский и русско-татарский словари И.Гиганова, изданные в 1801 г. и 1804 г. [Кононов, 1974, с.146].

Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX в. вышли в свет словари А.Троянского (1833; 1835), С.Кукляшева (1859), Л.Будагова (1869, 1871), Н.Остроумова (1876, 1892), К.Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш.Габдельгазиза (1893), А.Воскресенского (1894), М.Юнусова (1900) [Кононов, 1974, с.130, 141, 201, 224, 229, 246, 272, 293].

Обложка учебника Вагапова «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (Казань, 1889).

В XIX в. наряду с научными трудами по татарскому языку, словарями, пособиями, школьными учебниками, появилось около 30 самоучителей по изучению татарского языка. В самоучителях Г.Вагапова (1852–1899), М.Бекчурина (1859, 1869), Ш.Саинова (1880), М.Салихова (1885, 1893), И.Кондратова (1893), Ш.Габдельгазиза (1894) нашли отражение наиболее употребительные слова и типичные грамматические конструкции татарского языка. Интересно, что в них впервые были определены принципы подачи лингвистического материала, которые применяются в наше время при решении проблем преподавания языка как неродного (тематический принцип подбора лексики, ситуативные диалоги, коммуникативно-сознательный принцип и др.). Созданные учеными, преподавателями и миссионерами, эти двуязычные словари и самоучители донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

Особо следует выделить вклад Казанской школы тюркологов. Они не только изучали книжно-литературный язык тюркских народов, но и уделяли большое внимание разговорным формам языков тех народов, которые имели в то время письменность, что отразилось в создаваемых ими татарско-русских и русско-татарских словарях. Авторы владели методикой составления словарей. Слова в двуязычных словарях расположены строго в алфавитном порядке, во многих (татарско-русских) – по арабскому алфавиту. Они представлены в трех столбцах: арабский – татарский – русский. В русско-татарских словарях твердо соблюдается русский алфавит.

В татарско-русских и русско-татарских словарях и самоучителях XIX в. отражена народно-разговорная лексика (75–80%), которая активно употребляется в современном татарском языке. В словарях зафиксирована также и устаревшая лексика татарского языка. В этом плане представляют интерес труды А.Троянского, Л.Будагова, Н.Остроумова.

Многие словари и самоучители XIX в. были составлены на материале письменного литературного языка, в них сохранились и слова, относящиеся к диалектной лексике. Этим отличаются словари И.Гиганова, Н.Остроумова, К.Насыри, Ш.Гадбельгазиза. Причины этого можно объяснить тем, что авторы словарей зафиксировали слова, относящиеся к лексике той местности, откуда они сами были родом. Вероятно, они относили эти слова к норме литературного языка.

Авторы-миссионеры (А.Троянский, Н.Остроумов, А.Воскресенский), использовали диалектную лексику и, таким образом, избегали арабо-персидских заимствований, стремясь внедрить в литературную речь слова из лексики крещеных татар.

В словарях И.Гиганова большая часть лексического материала относится к восточному диалекту, в них нашли отражение все языковые особенности диалекта сибирских татар параллельно с литературной нормой. Это объясняется местом проживания и работы автора: словари были составлены на территории Сибири.

Арабо-персидские заимствования занимают большую часть словарного состава данных трудов. Их можно разделить на следующие тематические группы: религиозные слова, научные термины, общественно-политические термины, военные и медицинские термины, а также слова, которые относятся к области быта, растительному и животному миру, еде, напиткам, понятиям времени и т.д.

Для раскрытия значений других заглавных лексем авторы словарей в некоторых случаях обращаются к приему энциклопедического толкования, этот прием отмечается во всех словарях исследуемого периода, что придает им характер энциклопедичности. Это обстоятельство, по всей видимости, было обусловлено их задачами и целями, поскольку словарь был призван отразить просветительские интенции, уровень лингвокультурного развития общества, а также эволюцию науки о языке.

ГЛАВА 11

Татарская книга в России

Гузель Габдельганеева

Издание книг в первой половине XIX в.

Первая в России книга, напечатанная арабским шрифтом, – Манифест по поводу персидского похода Петра I – вышла в 1722 г. (Астрахань, походная типография). Последовавшие вслед за ним печатания (сборники торжественных речей, од, подносные листы и пр.) носили спорадический характер. Некоторое оживление книгопечатания в дальнейшем было обусловлено имперскими и миссионерскими потребностями в связи с присоединением к России новых территорий, населенных тюркскими народами. Появились первые учебные книги, напечатанные с применением арабского шрифта: турецкая грамматика С.Хальфина (СПб., 1776; М., 1777) и его же татарская азбука (М., 1778). В 1787 г. по указу Екатерины II был издан Коран (СПб., типография И.Шнора, 1200 экз.), текст которого набирался новым арабским шрифтом, сделанным по рисункам ученого-муллы Усмана Исмагила. По этим же шрифтам Коран до конца столетия печатался И.Шнором еще несколько раз.

В 1800 г. в Казани открылась первая типография (Азиатская, или гимназическая, как ее называли), и с этого времени ведется отсчет истории татарской книги, создававшейся и распространявшейся по инициативе татар. Вкратце история типографии такова. В 1797 г. Павел I разрешил татарину Г.Бурашеву открыть в Казани «вольную» типографию, однако Сенат данное решение отклонил. После повторного прошения, поддержанного татарами из других губерний, Г.Бурашеву разрешили учредить в Казани типографию (указ Сената от 13 сентября 1800 г.), однако не «вольную», а при Первой мужской гимназии, и печатать в ней только «алкораны, молитвенники и тому подобные книги».

В 1801 г. типография выпустила первые две книги – «Аттагожи»²⁹ и «Һәфтияк», издателем которых стал ее организатор и первый арендатор Г.Бурашев.

После отстранения Г.Бурашева от управления типографией ее арендовал купец Ю.Апанаев (1806–1809 гг.), выпустивший порядка 8 названий книг в 19 изданиях (Коран, «Стуани», «Пиргули» и др.), повторяя репертуар прежних печатаний типографии, за исключением двух новых изданий: «Сәйфелмөлек» (повесть о странствиях царевича Сайфуль Мулюка в восточные страны) и «Рисаләи Мөхәммәдия» («Послания Мухаммада»).

По неполным данным, с 1801 г. по 1829 г. (включая 9 лет, в течение которых заведение бездействовало) в типографии вышло 93 книги [Каримуллин, 1992, с.122]. Коран за этот период выдержал 25 изданий, «Һәфтияк» – 17, «Әлифба» – 16, «Стуани» – 9, «Пиргули» – 8 и т.д.

Первыми работниками типографии и первыми в Казани мастерами печати – корректором Х.Мамышевым и наборщиком Г.Рахматуллиным, а также цензором сочинений и одновременно их редактором и переводчиком Ибрагимом Хальфиным предпринимались первые попытки улучшения использовавшихся для печатания шрифтов.

В 1829 г. первая в Казани типография и первое в России татарское заведение печати была объединена с типографией Казанского университета (открыта в 1809 г.) и вплоть до 1860-х гг. называлась ее «Азиатским филиальным отделением».

²⁹ «Аттагожи» – татарская азбука с молитвами для чтения, в дальнейшем издававшаяся ежегодно тиражами до 150 тыс. экз., под названием «Әлифба иман шартлары белән» («Азбука с молитвами»), «Шартель-иман» или «Иман шарты» («Условия веры»).

Первая выпущенная в данной типографии книга – «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Императорской Казанской гимназии» И.Хальфина (1809, 170 с., 1200 экз.) – учебник татарского языка, использовавшийся в гимназиях России, быстро разошлась, как и второе ее издание (1812). Учащимся адресовался и второй труд И.Хальфина – «Жизнь Джингис Хана и Аксак Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, кои все слова для обучающихся расположены по алфавиту» (1819, 1200 экз.; 1822), удостоенный награды. Данные издания в течение десятилетий оставались единственными пособиями по изучению татарского языка в русских учебных заведениях, явились образцами для последующих работ по грамматике татарского языка – М.И.Иванова, А.К.Казем-Бека, С.Кукляшева и др.

В типографии Казанского университета до ее объединения с Азиатской типографией вышли: история Абуль-Гази хана о монголах и татарах «Родословная тюрок» на джагатайском языке (1825), заказанная канцлером Н.П.Румянцевым, «История царей, халифов и шерифов Меккской империи» Тахаветдина Мухаметдина на арабском языке (1822), стихотворения на персидском языке азербайджанского поэта Низами под редакцией и с комментариями Ф.И.Эрдмана (1826, 1828) и другие труды по истории, литературе, языку восточных народов; адресованные татарам переводы: «О привитии коровьей оспы» штаб-лекаря Федора Волкова (1812), «Тэгълим намэ» («Наставление, как распознать истинную смерть от мнимой») (1813). По заказу издателей-татар печатались Коран, «Сѣбатель-гажизин» и другие книги. По данным «Каталога книг и мелких сочинений, напечатанных в казанской университетской типографии... по 1819 г.», вышло 77 названий книг, по 1829 г., по сведениям Н.П.Загоскина – 177 [Загоскин, 1906, с.48].

С начала 1830-х гг. печатание восточноведческих трудов и сочинений на восточных языках активизировалось. Развитие ориенталистики в университете получает отражение в издательской продукции, выпуск которой стал возможен благодаря оснащению типографии новыми арабски-

ми шрифтами. Среди научных сочинений – крымско-татарская рукопись по истории крымских ханов Сеид Мухаммада Ризы («Ассеб о-ссейяр, или семь планет»), опубликованная под редакцией и с комментариями А.К.Казем-Бека (1832), «Сокровенное мусульманское законоведение» на арабском языке с русским переводом – его же (1845), «Рассказ о дочери русского царя» («Хикэят дохтэр-и падша рус») Низами на персидском языке, под ред. Ф.И.Эрдмана (1844), книга о Фирдоуси С.И.Назарьянца (1842, переизданная вскоре в Москве), «Бабурнамэ» на джагатайском языке с русским переводом, изданный И.Н.Ильминским (1851), «Библиотека восточных историков» И.Н.Березина (1849–1854), «Рассказы Рубгузи» на уйгурском языке (1859) и др.

Ученые университета ввели в научный оборот многие произведения арабских, персидских, турецких, среднеазиатских авторов по культуре, филологии, мусульманскому законоведению, произведения художественной литературы и фольклора.

Учебные издания, рассчитанные на изучение восточных языков, представлены «Грамматикой турецко-татарского языка» А.К.Казем-Бека (1839, получила всемирную известность, была переиздана в 1846 г.), первой в России «Грамматикой персидского языка», подготовленной И.Н.Березиным (1853), «Татарской грамматикой» и «Татарской хрестоматией» преподавателя татарского языка Неплюевского кадетского корпуса М.И.Иванова (изданы в 1842 г. по заказу оренбургского губернатора), «Словарем татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских» А.Троянского (2 т., 1833, 1835) и пр.

С 1830-х гг. типография университета стала школой подготовки кадров, мастеров татарской печати. Значительна ее роль в истории татарской книги и книги на восточных языках, ставшей достоянием многих тюркских народов России.

Повышением спроса на татарскую книгу определялось появление в Казани частного книгопечатания. Первая частная типография была открыта гравером Людвигом Шевицем в 1840 г. Технически оснащенное заведение обеспечивало высокое качество работ, что привлекало издателей-татар, по заказам ко-

торых в типографии до 1846 г. вышло 35 названий книг.

В 1844 г. к печатанию книг приступила первая в Казани литография – Шаги Яхина. В том же году в Новотатарской слободе оборудовал типографию известный в городе издатель книг Рахимзян Сагитов. Однако частные заведения развалились при неблагоприятных условиях. В 1845 г. последовал указ, запрещающий печатание духовных мусульманских книг в частных типографиях Казани. Ссылаясь на него, казанский губернатор запретил владельцам типографий выпуск всех без исключения татарских книг. Л.Шевицу пришлось приостановить книгопечатание, а в 1848 г. продать типографию.

Четыре издания до 1845 г. выпустил Ш.Яхин, одно – Р.Сагитов. После отмены указа и возобновления работ в литографии Ш.Яхина (с 1851 г.) печатались, главным образом, шамаилы, календари, выполнялись прочие мелкие заказы. В 1859 г. она отошла к М.-В.Яхину. Р.Сагитов, выпустив в общей сложности 27 названий книг, в 1862 г. отказался от содержания типографии и вернулся к издательской деятельности.

Запрет на печатание духовных мусульманских книг практически не затронул типографию университета, в которой, как и прежде, выполнялись заказы издателей-татар. Более того, данной типографии удалось вернуть, казалось бы, утерянную монополию на печатание сочинений на восточных языках. Татары были вынуждены вновь обратиться к услугам этой типографии, несмотря на их дороговизну, а также типографии Н.П.Коковина (быв. Л.Шевица), несмотря на низкое качество печатаний. С конца 1840-х гг. возобновившие свою деятельность частные типографии стали перебивать такие заказы. В 1851–1852 гг., например, в типографии университета было напечатано 20 названий татарских книг, в частных типографиях – 57 [Каримуллин, 1992, с.148, 159].

В 1801–1850 гг. в Казани, по неполным данным, была издана 401 татарская книга (из них в Азиатской типографии – 93, в типографии университета – 220, в типографии Л.Шевица – 45, Н.П.Коковина – 12, Р.Сагитова – 27, в литографии Ш.Яхина – 4) [Каримуллин, 1992, с.165]. В первой поло-

رقص - يو	Ракъс, бею.	Танцованіе.
يوزو	Юзу.	Плаваніе.
تربيلو-تربيلو	Тербелляу, тербея виру.	Восптаніе.
نصیحت - اوکوت	Несыхетъ, угугъ.	Наставленіе.
ادب	Эдебъ.	Образованность.
ادب ويرمک	Эдебъ вирмекъ.	Образовать.
صباق	Сабакъ.	Урокъ.
У Ч Е Н Ы Е.		
عالم	Галымъ.	Ученый.
مصنف	Мусалпиеъ.	Сочинитель.
تلمیاح	Тьлмачъ.	Переводчикъ.
شاعر	Шағиръ.	Поэтъ, стихотворецъ.
بيت چيغاروچى	Бейтъ чьгаручи.	
مورخ	Муаррихъ.	Историкъ.
تاريخ يازوچى	Тарихъ язучи.	
حكيم	Хекимъ.	Докторъ.
طبيب - ايسچى	Табибъ, имчи.	Медикъ, лекаръ.
جراح	Джеррахъ.	Хирургъ.
نیش طبيبى	Тешъ табibe.	Зубной врачъ.
عطار - اپتيكىچى	Гаттаръ, аптикчи.	Аптекарь.
مدرس	Мюляррисъ.	Профессоръ.
استاذ	Стазь.	

Страницы из книги Г.Махмудова «Практическое руководство для изучения татарского языка» (Казань, 1855).

вине XIX в. во всех провинциальных типографиях России было напечатано 1877 названий книг, журналов, оттисков. Из них 1281 издание – казанские [Рубинштейн, 1964, с.292], включая книги на русском, западноевропейских, чувашском, удмуртском, марийском и других языках. В 1851–1855 гг. в Казани вышло еще 176 татарских книг, что составило в общей сложности 577 изданий [Каримуллин, 1992, с.165]. Несмотря на общую тенденцию сокращения книгопечатания в России, в Казани оно было, как и прежде, оживленным, и каждая третья книга, изданная в провинции в указанный период на всех языках (1463 изданий) [Рубинштейн, 1964, с. 300], была татарской. По тиражу она уступала только русской книге.

С начала 1850-х гг. в репертуаре татарской книги появляются светские сочинения: «Русско-татарская азбука» (1852) и «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (1851) Г.Вагабова (до револю-

ции издавался более 20 раз), «Практическое руководство для изучения татарского языка» Г.Махмудова (1855), «Нәху китабы» («Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах») К.Насыри (1860), пособия С.Кукляшева, М.Бекчурина и др. Среди немногих литературно-художественных книг современных татарских авторов – первое произведение Г.Чокрия «Тәжвид» («Правила орфоэпического чтения Корана») (1860), «Мәжмәгыл-әдәб» («Сборник правил поведения») Х.Салихова (1856) и пр.

На всем протяжении истории татарской печатной книги религиозным, религиозно-нравственным сочинениям отводилась значительная роль. В 1855–1864 гг., по данным ученого-богослова П.В.Знаменского, только в типографии университета по заказам татарских издателей было напечатано 1084320 экз. книг; из них 147600 экз. «Һәфтияк», 90000 экз. Корана, плюс к тому печатания подобных книг в частных типографиях Казани [Знаменский, 1910, с.28].

Достаточно широким был круг издателей-татар: купцы (Апанаевы, Саидбурганов, Юнусов, позднее – Р.Сагитов, М.Абдурашитов сын Ахметова, У.Абдулсаттаров и др.), мещане (М.Катенин, М.Максатов, И.Медведев, М.Давыдов, И.Уразов и пр.), служилые татары (Файзуллин, Ю.И.Богданов и т.д.), крестьяне, шакирды медресе и даже женщины (первая из них – Губеева). Одним из самых активных издателей первой половины XIX в. был переводчик Казанского городского суда Рахматулла Амирханов, выпустивший первый татарский календарь «Гөррәлек» (1841). В 1839–1843, 1845–1846 гг. в типографии университета по его заказу было напечатано 87800 экз. книг, преимущественно исторических и духовных, в т.ч. Коран и седьмая часть Корана – 30200 экз. [НА РТ, ф.1, оп.2, д.483, л.35].

Издания для тюркских народов России, выходившие вне Казани, незначительны. Книги арабским шрифтом в первой половине XIX в. изредка печатались в Петербурге и в Москве, а также в Оренбурге, Астрахани, на Кавказе, исходя из нужд центральной власти, местной администрации, миссионеров. В Петербурге, в типографии Академии наук, в 1802 г. по «Высочайшему повелению» были напечатаны «Грамматика

татарского языка», «Российско-татарский словарь» и «Слова, коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку» И.Гиганова, «Букварь татарского языка» Н.Б.Антометова, в 1803 г. – «О привитии коровьей оспы» Ф.Волкова (в переводе на татарский язык И.Хальфина), в 1814 г. – «Краткая татарская грамматика» А.Троянского. Такие издания были редки, как и случайные заказы издателей-татар: «Китаб гыйльме хәл» муллы А.В.Сулейманова (1839), «Китаб дөляиле ахирят» и «Һәфтияке шәриф» муллы Камалетдина (1845), «Сәләсәте аулия», «Жәннәтел-әсма», «Бабур намә» (1856–1858) и др., напечатанные путем литографирования, а не набора. В 1850–1870-е гг. несколько духовных книг на татарском языке издали миссионеры, путем литографирования по заказу Генерального штаба печатались русско-турецкий и русско-персидский словари и разговорники [Каримуллин, 1983, с.96].

Изредка печатания с использованием арабского шрифта производились в Москве. Издатели-татары из Москвы предпочитали обращаться к услугам типографий Казани – центру книгопроизводства на восточных языках.

Книгопечатанию для мусульманских народов Кавказа или на языках этих народов предшествовало создание периодической печати. Как известно, русской военной администрацией Кавказа в Тифлисе с 1818 г. издавалась газета «Тифлисские ведомости» на русском и грузинском языке, для печатания которой была открыта типография, названная «татарской» или «фарсийской». Однако книгопечатание арабским шрифтом на Кавказе не получило развития. Вероятно, это объясняется тем, что тюркские народы Кавказа снабжались книгами, изданными в Казани, а также в Иране и Турции [Абрамишвили, 1956, с.69].

Достаточно активно изданием переводов христианских книг на восточных языках занимались миссионеры. Данные переводы не подпадают под общую статистику татарской книги, изданной в России или в Казани, однако поскольку миссионерские переводы адресовались татарам и другим тюркским народам империи, целесообразно привести некоторые сведения о них. Первые такие книги издали шотландские

миссионеры, поселившиеся на Кавказе в 1802 г. Организовав в Каррасе типографию для печатания христианских книг на татарском, персидском и арабском языках, они, с разрешения казанского цензора, выпустили катехизис на тюрко-татарском языке (1806) и вслед за ним – значительное количество изданий на татарском и крымско-татарском языках, а также на ногайском и персидском. В дальнейшем часть шотландских миссионеров переселилась в Астрахань, где продолжила переводческую и издательскую деятельность. В 1816 г. они перевели на татарский язык (простонародное наречие турецкого языка, употребляемое между ногайскими и казанскими татарами) Библию³⁰. Переводы на татарский язык («киргизского и оренбургского наречий») предназначались для распространения среди народов Поволжья и Урала. Изданием христианских книг на тюрко-татарском, персидском и арабском языках занимались на Кавказе миссионеры Базельского евангелического общества, поселившиеся здесь в 1821 г. Однако в 1830-е гг. миссионерам пришлось покинуть Кавказ, а вслед за ним и Астрахань [Астафьев, 1889, с.118].

Книги Св. писания на коренных языках народов Казанского края стали издаваться и распространяться Казанским отделением Российского библейского общества (было открыто в 1818 г.). Среди переводов – Библия на калмыцком и татарском языках (1819, 2500 и 5000 экз.), первое издание Четверо-евангелия на чувашском языке (1821, 5000 экз.), печатавшиеся, как и остальные библейские книги, в типографии университета.

Издательская деятельность татар традиционно сочеталась с книжной торговлей, как правило, разносно-развозной. Ее начало в Поволжье относится, вероятно, к XVII в., когда в Европе и восточных странах появилось книгопечатание арабским шрифтом. С возникновением и развитием книгоиздания в Казани поставки книг из восточных стран продолжались. Издания поступали через Одесскую и Астраханскую таможни, привозились татарами-богомольцами для зна-

комых торговцев, запрещенные книги – в одних тюках с религиозно-нравственными, разрешенными к обращению изданиями, или с другими товарами. Применялись различные обходные пути для обеспечения татарского читателя книгой.

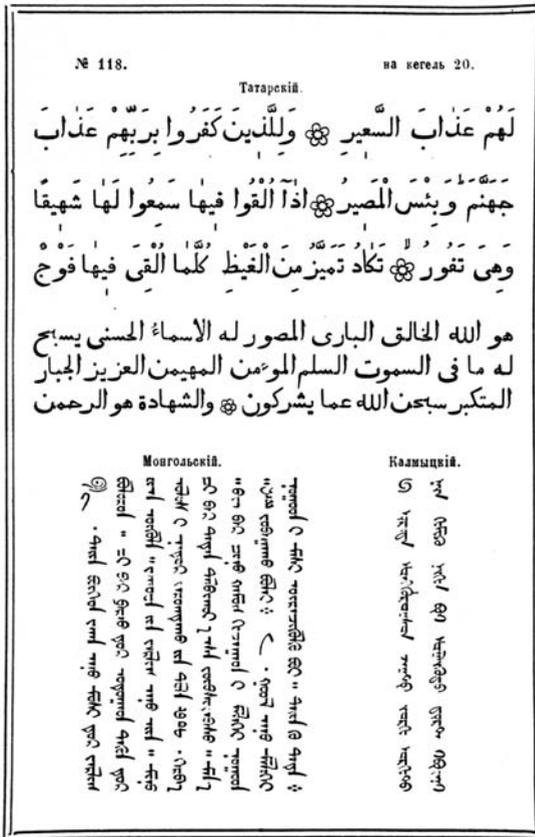
Татарские издатели активно использовали ярмарочную торговлю. На Макарьевской, Ирбитской, Мензелинской ярмарках мусульманские книги продавались еще в первой четверти XIX в. В 1830–1840-е гг. здесь в большинстве своем распространялся Коран (в казанских книжных лавках и на мелких ярмарках была представлена лишь незначительная часть его тиражей). Наиболее активно Коран раскупался на Нижегородской ярмарке. Как указывали миссионеры, казанско-татарские издания на восточных языках с помощью книгопродавцев-татар расходились «по всем концам России, где только есть магометанство – в Сибирь, Крым, на Кавказ, в Хиву и Бухарию» [Знаменский, 1910, с.28].

В дореформенный период татарская книга служила не только просвещению татар, но и духовному развитию тюркских народов России, она получила широкое распространение на Кавказе, в Средней Азии, Сибири, проникла в Китайский Туркестан и Восточную Индию, в арабские страны. Несмотря на давление, в условиях двойного гнета – национального и социального – она продолжала развиваться: издаваться, распространяться и использоваться.

Татарская книга в 1860–1905 гг. Пореформенный период ознаменовался началом нового этапа в истории татарской книги, центром производства и распространения которой была, как и прежде, Казань. Расширение местной полиграфической базы способствовало активизации издания татарских книг. Не менее значимым было и повышение спроса татарского общества на книгу, печать, с учетом которого осуществлялась издательская деятельность.

Во второй половине XIX в. татарские книги в Казани печатались в русских и татарских типографиях. Некоторое оживление типографской деятельности татар, наблюдавшееся в начале 1850-х гг., вскоре пошло на убыль. Получить разрешение на обзаведение типографией в тот период

³⁰ Основой для перевода послужил древний манускрипт, приобретенный миссионером Г.Пинкертоном у караимских евреев.

Образцы письмен, украшений, знаков типографии и словолитны Императорского Казанского университета. 1884 г.

было сложно, тем более – татарину. Однако казанскому мещанину М.В.Яхину в 1859 г. удалось открыть литографию³¹, в которой начали печататься эстампы, молитвенники, шамаилы, историко-религиозные сочинения, в дальнейшем – классические произведения восточной литературы, учебники, вышла первая в истории татарского книгоиздания географическая карта (1861). В 1871 г. литография М.В.Яхина была закрыта, в следующем году продана И.Абдуллину, в 1883 г. перешла к его сыну и продолжала функционировать в начале XX в.

Во второй половине XIX в. татарские книги, как и прежде, активно печатались в типографии университета, выпустившей почти половину всех татарских изданий Казани. Их репертуар, будучи универсальным, характеризует всю татарскую книжную про-

дукцию указанного периода. Из года в год в типографии выпускались «Кыйссаи Мансур», «Кыйссаи Әбүгалисина», «Кыйссаи Заркум», «Кыйссаи Йосыф», «Кыйссаи Кыз Кerpеш», «Кыйссаи Нәүруз», «Кыйссаи Пәһлеван» и многие другие памятники устного народного творчества многих тюркских народов России, систематически переиздавались произведения средневековой восточной литературы: «Книга советов» Аттара, «Сады цветов» Газали, сочинения Низами, Фирдоуси, Авиценны, О.Хайяма, А.Ясави, Пиргули и других восточных мыслителей, оказавших огромное влияние на формирование мировоззрения татарских просветителей. Часть литературно-художественных книг перепечатывалась с константинопольских изданий, например: «Сокровищница мудрых изречений Абу Али Сины» (1864), «Алты бармак китабы» («Книга шести пальцев») (1865) и пр. Выходили, как и прежде, сочинения по формальной логике, мусульманской юриспруденции и догматике, нравственно-дидактические, оригинальные и переводные, нередко комментированные современниками, оракулы, шамаилы, Коран и суры из него, «Һәфтияк», молитвы и т.д.

Развитие татарского светского образования и реформа татарской школы послужили толчком к изданию учебных книг, вначале – по языкознанию. Первые попытки приближения татарского литературного языка к разговорной речи были предприняты в конце XVIII в. С.Хальфиным, преподавателем татарского языка в Первой казанской гимназии и издателем «Татарского словаря и краткой татарской грамматики» (1785). В дальнейшем усилия в данном направлении предпринимались И.Хальфиным, С.Кукляшевым, Г.Вагабовым и другими татарскими просветителями. С начала 50-х гг. стала издаваться литература в помощь изучающим татарский и русский языки. В дальнейшем количество таких книг повысилось. Среди трудов 60–70-х гг. – «Грамматика русско-татарского языка» Г.Вагабова (1873), переиздания его трудов, подготовленных ранее, как и сочинений С.Кукляшева, М.Бекчурина, К.Насыри, Г.Махмудова. В 80-е и особенно в 90-е гг. издание филологических учебных книг заметно активизировалось, что можно объяснить общими условиями развития языка татар и татарского языкознания, литературы, про-

³¹ Размещалась на Сенной площади, в доме Юнусова.

свещения и культуры и другими условиями, в т.ч. ростом самосознания народа. Усиление противостояния идеологии просветительства новой татарской интеллигенции и фанатизма реакционного мусульманского духовенства, присутствовавшего во всех областях общественной жизни, наиболее отчетливо проявилось в сфере образования, с постановкой вопроса о введении реформы в школах-мектебах и реализацией новых методов обучения. Появление новых учебных руководств, составленных новыми авторами, явилось одной из форм протеста против старометодных, «кадимистских» школ. В репертуаре таких книг – «Начало обучения или усовершенствованная азбука» преподавателя русского языка при медресе Старотатарской слободы Казани Ш.Тагирова (1892, 1896), «Книга чтения и письма» (1891), «Начальное обучение грамоте» (1893) знаменитого казанского муэдрина Г.Баруди³², учебники по татарскому, арабскому, русскому языкам, в т.ч. составленный по слоговому методу «Первоначальный учебник татарского и арабского языка» (1891), издававшийся десятки раз, «Учебник арабской грамматики» (1893) и пр. Выпускаются хрестоматии, учебные словари, к которым добавляются научные и научно-справочные издания: первая научная грамматика татарского языка «Әнмүзәж» (1895) и первый толковый словарь татарского языка «Ләһжәи татари» (1895–1896) К.Насыри и др.

В последней четверти XIX в. в типографии университета стали печататься учебники по географии и математике, научно-популярные книги, календари, издательские и книготорговые каталоги (әсами кәтеп), произведения новой татарской художественной литературы (Г.Ильяс, М.Акьегетзадэ, Курмаши др.), переводы сочинений, признанных в мировой художественной литературе Востока: «Тутыйнамэ» («Сказки попугая»), «Калилә вә Димнэ» («Книга о Калиле и Димне») (1889–1892), «Әлфе ләйлә вә ләйлә» («Тысяча и одна ночь») (1897–1899)³³ и т.д. Активная переводче-

ская деятельность Ш.Тагирова, Т.Яхина и других татарских просветителей позволила тюркскому читателю познакомиться с сочинениями передовых русских писателей.

Во второй половине XIX в. в типографии университета, по неполным данным, было напечатано 1415 названий татарских книг тиражом свыше 10 млн. экз. (средний тираж одной книги достигал 8 тыс. экз.) [Каримуллин, 1983, с.56]. С учетом приведенного показателя, 1700 изданий самого университета и 2462 изданий на основе заказов русских издателей и издательств в данной типографии в указанный период было выпущено 5577 изданий книг [Габдельганеева, 2005, с.24]. С начала 1900-х гг. количество печатавшихся татарских книг резко сократилось, а с открытием новых частных типографий почти прекратилось, тогда как русские книги продолжали выпускаться по-прежнему активно.

Появление в Казани частных русских заведений печати послужило одним из факторов дальнейшего развития издательской деятельности татар. Татарские книги в большом количестве печатались в типографии Коковиных – Чирковых (быв. Л.Шевица). До 1880-х гг. преобладала литература религиозного и полурелигиозного толка, в дальнейшем увеличился выпуск фольклорных сочинений эпического характера («Кыз Жибек», «Таминдар», «Айман-Чулпан», «Малик Хасан» и др.), распространенных среди татар, казахов, киргизов, узбеков, таджиков, азербайджанцев и других мусульманских народов; выходили старометодные и новометодные азбуки («Мөгәллим әүвәл» Х.Максуди, «Әлифба китабы», «Яңа ысул әлифба» и пр.), учебники арифметики, книги по садоводству, животноводству, произведения новой татарской литературы. До конца XIX в. в этой типографии вышло 1025 изданий татарских книг [Каримуллин, 1983, с.77].

В типографии Г.М.Вечеслава в 1882–1888 гг. вышло 225 татарских изданий совокупным тиражом около 1,5 млн. экз. [Каримуллин, 1983, с.86]. После перехода типографии к Б.Л.Домбровскому (1894) печатание татарских книг продолжалось и до конца столетия вышло 171 издание общим

ский; перевод «Әлфе ләйлә вә ләйлә» с арабского языка на татарский осуществлен Ф.Халиди.

³² Издавались в серии «Мәғрифә исламия» («Знание ислама»), как и другие руководства автора.

³³ Перевод «Тутыйнамэ» с турецкого языка на татарский принадлежит Г.Фаезханову, как и перевод «Калилә вә Димнэ» с арабского языка на татар-

И.Н.Харитонов. Фото нач. XX в.

тиражом 1,5 млн. экз. [Каримуллин, 1983, с.93]. Преобладала, как и прежде, светская литература. Вместе с тем печатались произведения татарского фольклора, казахской, акынской литературы и фольклора, Коран (до 1900 г. включительно вышло 10 изданий), кораническая, религиозно-обрядовая литература.

Развитие татарской книги начала XX в. во многом связано с именем И.Н. Харитонова. Потомственный печатник, управляющий в типографии Г.М.Вечеслава, он в 1896 г. открыл типографию, вслед за ней – литографию, переплетный цех (1898) и словолитню (1900) и приступил к вырезанию пунсонов для татарских шрифтов. Более 100 лет вся татарская и тюркская печать пользовалась шрифтами, созданными в последней четверти XVIII в. ученым-муллой У.Исмагилом для типографии И.Шнора (Санкт-Петербург). Новые шрифты («харитоновские»), в разработке которых принимали участие будущий татарский драматург Г.Камал и художник-гравер и словолитчик И.Юзеев, получили широкое распространение по всей России, их использовали на мусульманском Востоке. Первой напечатанной в типографии татарской книгой стал книготорговый каталог Г.Камала («Китапчы Галиэскәр бине Галиакбәр Камалетдинов китапханәсенә

эсами көтебе») (1902). По 1905 г. в заведении вышло 104 издания татарских книг общим тиражом 645136 экз.

Время от времени татарские книги (карты, шамаилы, настенные календари и прочие литографированные издания) выпускались в литографии И.С.Перова, изредка – в других русских типографиях и литографиях: Казанского губернского правления, А.А.Тимофеева, И.Ф.Молдавского, Л.П.Антонова. Книгопроизводство на восточных языках осуществлялось также в типографии Р.Сагитова и в литографиях Ш.Яхина, М.Яхина и И.Абдуллина. Последняя четверть XIX в. характеризуется быстрым ростом издания татарских книг. В конце столетия в Казани ежегодно выпускалось до 140–180 названий татарских книг, тиражи которых достигали 1,5–2 млн. экз.

Активно печаталась религиозная литература. Тиражами до 100 тыс. экз. издавался «Һәфтияк», 10, 20 и более тыс. экз. – молитвы, оракулы, шамаилы и т.п. Религиозная литература в большом количестве продолжала выходить и в дальнейшем; она печаталась во всех типографиях Казани, выполнявших заказы издателей-татар. Во все времена такие книги пользовались спросом мусульманских народов России и, исходя из этого спроса, систематически переиздавались. Тем не менее, на первый план выдвигаются светские издания, тиражи которых постепенно возрастали. Так, тираж «Самоучителя для русских по-татарски...» Г.Вагабова в 1875 г. составил 5 тыс. экз., в 1899 г. – 10 тыс. экз. Азбука Ш.Тагирова в 1896 г. вышла тиражом 6 тыс. экз., азбука Х.Максуди – в 1891 г., 1897 и 1898 гг. – 3, 6 и 10 тыс. экз.

Труды татарских авторов или книги для татар печатались также по заказу русских издателей. Так, владелец казанской книжной фирмы А.А.Дубровин выпустил «Самоучитель русского языка» М.Салихова (1885, 1897), владелец типографии И.Н.Харитонов – немало светских книг татарских авторов. По заказу Оренбургского губернатора в типографии Казанского университета печаталось «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков» С.Бекчурина, Вятского губернского земства – пособия по садоводству и огородничеству

учителя М.С.Мансурова, Казанской городской думы – перевод на татарский язык комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» и т.д.

С учетом новых запросов татарского и всего тюркоязычного населения России осуществляется издательская деятельность представителей татарского книжного мира. Среди них – братья Каримовы (Мухаммадзян, Шарифзян и Хасан). Начав с торговли книгами (до 1883 г. вразнос, затем – в книжной лавке на Сенной площади), они затем начинают их издавать, а открыв типографию («Матбагаи Кәримия», 1900) – печатать. В дополнение к типографии была организована литография и словолитня, в которой стали создаваться новые рисунки шрифтов («каримовских») и украшений. В 1900–1905 гг. в типографии вышло 508 изданий книг общим тиражом 7032470 экз. [Каримуллин, 1974, с.31].

В типографиях Казани печатались произведения литературы и фольклора многих тюркских народов России, книги на языках этих народов. В течение всего XIX в. эти книги издавали в основном казанские татары. С конца 70-х гг., например, в Казани начали систематически выпускаться сочинения на казахском языке, первым издателем которых стал казанский книгопродавец Ш.Хусаинов. В 1866 г. в типографии университета по его заказу была напечатана первая книга на казахском языке – «Кыйссаи Таминдар», выдержавшая до 1917 г. еще 5 изданий (1882, 1895, 1896, 1906, 1913). Ш.Хусаиновым в 1895 г. и 1898 г. и его наследниками в 1909 г. и 1913 г. переиздавался эпос казахского народа «Эр Таргын», впервые выпущенный в 1862 г. по заказу Н.И.Ильминского и переиздававшийся им четырежды (1876, 1879, 1881, 1883). Общий тираж всех изданий составил 33800 экз. Хусаиновым (с 1905 г. – его наследниками) было издано не менее 80% всех казахских книг, напечатанных в Казани до 1917 г. [Каримуллин, 1985, с.176]. Книги на казахском языке выпускали Ф.Амашев, Ф.Катеев, Х.Шамсутдинов и другие казанские издатели-коммерсанты, занимавшиеся одновременно их распространением. В XIX в. на казахском языке печатались произведения устного народного творчества: «Кыйссаи Козы-Корпеш (1878, до 1917 г. была издана 6 раз), «Кыйссаи Таһир» (5

раз), «Кыйссаи Заркум» (12 раз), «Кыйссаи Сәедбәттал» (5 раз), «Кыйссаи Кыз Жебек» (1894, переиздавался 13 раз), «Кыйсса Алман Шолпан» (1896) и др. [Каримуллин, 1985, с.177, 178]. С начала XX в. в издательском репертуаре Казани появились сочинения современных казахских авторов.

Татарские книги в указанный период выпускались в Петербурге. В типографии АН³⁴ и в типографии Штейна в 1880-е гг. по заказам издателей-татар печатались шамайлы и расписания движения пароходов. Труды ученых АН, манифесты, указы и прочие официальные материалы, адресованные тюркским народам России, по-прежнему печатались в типографиях Казани.

В 1894 г. в Петербурге при поддержке ученых-востоковедов открылась типография искусного восточного каллиграфа и гравера, знатока восточных и европейских языков, лектора турецкого языка и восточной каллиграфии в Петербургском университете И.Бораганского. До конца XIX в. в типографии вышло 60 изданий татарских и востоковедческих книг тиражом 270 тыс. экз. [Каримуллин, 1974, с.177]: труды ученых Петербургского университета, печатавшиеся ранее в Казани, шамайлы с изречениями из Корана, религиозно-дидактические сочинения, переводы произведений персидской и арабской поэзии, сборники пословиц, легенд и т.д. С начала XX в. заведение стало функционировать под вывеской «Лито-типография И.Бораганского и К^о» (компаньон – ахун Г.Баязитов), после начала печатания в ней газеты «Нур» – типография «Нур». В 1901–1905 гг. типография выпустила 53 издания татарских, преимущественно светских книг, общим тиражом 122440 экз. [Каримуллин, 1974, с.179].

В Москве арабские шрифты, появившиеся в Лазаревском институте восточных языков в начале 1820-х гг., до середины

³⁴ В типографии АН наборное книгопечатание восстановилось в середине 50-х гг., после перевода в столицу «восточного разряда» Казанского университета. Вместе с тем использовалось, как и прежде, литографирование, например, при выпуске «Краткой учебной грамматики» Х.Фаизханова (1862), русско-турецких и русско-персидских словарей и разговорников, издававшихся по заказу Генерального штаба, начиная с 50-х гг., редких книг православных миссионеров.

50-х гг. не использовались. В дальнейшем они нашли применение при издании «Практического руководства турецко-татарско-азербайджанского наречия» (1857) и «Турецко-татарского и русского словаря» (1864) Л.М.Лазарева, «Сравнительной хрестоматии турецкого языка наречия османлы и азербиджана с приложением разговоров и пословиц и с переводом на русский язык для практических упражнений» (1866) и др. В целом арабские шрифты использовались крайне редко, и многие работы института печатались в типографии Казанского университета.

Изредка татарские издания выпускались в Москве в литографии Абдулловского и в типографии О.Гербека [Каримуллин, 1983, с.98]. Издатели Москвы, Петербурга и других мест предпочитали размещать свои заказы в типографиях Казани.

Во второй половине XIX в. отдельные случаи печатания татарских книг имели место в русских типографиях Оренбурга: в восточном филиале военной типографии (открыта в 1832 г.) и в частной типографии Б.Бреслина³⁵. После организации типографии Г.И.Каримова (1900) татарские книги стали печататься систематически. За полтора года (до внезапной кончины владельца) в типографии вышло 27 названий изданий общим тиражом 52400 экз. [Ахмер, 1909, б.67], в период 1901–1905 гг. (типография перешла к сыну – Ф.Карими) – 114 татарских книг тиражом около 275 тыс. экз.: сочинения Ф.Карими, Р.Фахретдина, М.Файзи, З.Башири, М.Марджани, Г.Ибрагимова, Г.Мангушева, Г.Биктави, Н.Думава, Х.Гали и др. [Каримуллин, 1974, с.141]. Некоторые из них вошли в серии «Народы мира», «Та-

тар мәктәбе» («Татарская школа»), «Безнең мәктәп» («Наша школа») и пр.

В конце XIX в. попытки организации книгопечатания арабским шрифтом предпринимались в Уфе. Изданием и распространением татарских книг с начала 1900-х гг. занимались татарские книжные товарищества: «Хезмэт» («Труд») в Троицке, «Сәгадәт» в Мензелинске и др. «Хезмэт», например, размещало свои заказы в типографии Казани, затем – Оренбурга, продавало издания на русском и восточных языках, в т.ч. книги из Египта, Истамбула, Бейрута, Индии [Әсама көтеп, 1904].

С начала 1880-х гг. книгоиздание стало осуществляться в Крыму. Крымско-татарский просветитель И.Гаспринский, будучи автором, редактором и издателем, уделял печатному делу большое внимание. В 1881 г. в Бахчисарае он создал издательское предприятие и выпустил азбуку по звуковому методу «Хужай сыбьян» («Учитель малолетних»), получившую широкое распространение. В дальнейшем И.Гаспринский наладил печатание Корана, учебных, литературно-художественных книг, организовал первый в России профсоюз печатников (1904).

Несмотря на возникновение полиграфии и печати на местах, издатели из разных регионов часто обращались к услугам казанских типографий. Как и ранее, среди тюркоязычных народов России распространяется казанско-татарская книга, что подтверждают приведенные далее показатели. Во второй половине XIX в. в России было издано 3242 татарских книг общим тиражом 26864000 экз. Средний объем каждой книги составлял 6,0 п.л., тираж – 7600 экз. На Казань приходится 3162 изданий, выпущенных в 15 русских и татарских типографиях и литографиях. Всего в Казани с начала книгопечатания (1801 г.) по 1900 г. вышло 3563 татарских книг, в других городах (Петербург, Москва, Оренбург, Уфа) – 80 названий книг (включая 60 изданий типографии И.Бораганского в Петербурге) [Каримуллин, 1983, с.155, 161].

В статистику татарской книги не вошли издания, подготовленные миссионерами. Однако учитывая читательский адрес таких изданий, приведем некоторые сведения о них. Подготовка миссионерских книг для

³⁵ Среди изданий – первые учебники известного казахского просветителя, педагога, писателя И.Алтынсарина: «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Киргизская хрестоматия» (1879), набранные русскими буквами и подготовленные для киргизских детей, обучавшихся в русско-киргизских школах, «Шартель-иман» (1894), «Хатыннар вазифасы («Обязанности женщин», перевод с турецкого языка Ф.Карими (1899), календарь «Заман» Ш.Шагидуллина, «Рәхбарә имля» («Правила орфографии») Х.Файзуллина, около 20 изданий на татарском, башкирском, казахском языках, напечатанных русифицированным шрифтом по заказу попечителя ОУО в конце XIX – начале XX в.

татар и некоторых других мусульманских народов России во второй половине XIX в. была связана с Братством св. Гурия, учрежденным в Казани в 1867 г. В деятельности нового объединения важное место отводилось книге как «главнейшему орудию к распространению и утверждению христианского православия между инородцами... Распространение православных книг на инородческих языках, – как подчеркивалось, – еще и потому необходимо, что мухамеданство, увлекающее своим влиянием на крещеных татар и частью других крещеных инородцев, опирается на массу своих печатных книг» [Машанов, 1892, с.188]. До конца XIX в. миссионеры издали переводы для татар, башкир, казахов и киргизов, азербайджанцев, книги на аварском, арабском, персидском и других языках.

Миссионеры активно издавали религиозно-нравственные и богослужебные книги («Часослов», «Псалтырь», «Евангелие от Матфея», рассказы из церковной истории, церковные песнопения и т.п.). Время от времени выходили учебные, справочные, популярные издания «Букварь для крещеных татар» (1862, 1865 и др.), «Первоначальный учебник русского языка для татар» (1865, 1898), «Самоучитель русского языка для киргиз» (1861, 1874) Н.И.Ильминского, «Татарско-русский словарь» чиновника учебного ведомства Н.П.Остроумова (1892), «Русско-татарский словарь» инспектора ОУО А.А.Воскресенского (1894), «Сказка о рыбаке и рыбке» на киргизском языке, стихотворения Я.Емельянова, зафиксировавшие речь крещеных татар того времени, и др. Переводы на татарский язык осуществлялись в Казани (в Учительской семинарии и Крещено-татарской школе), на казахский (киргизский) и башкирский языки – в Оренбурге (под попечительством инспектора народных школ Оренбургского округа В.В.Катаринского). Для киргизов и казахов переводы делались также алтайскими миссионерами (в Иркутском и Нерчинском училищах). Переводы, подготовленные до конца XIX в., в дальнейшем переиздавались. У татар и других тюркоязычных народов они не пользовались спросом и оставались невостребованными.

До конца XIX в. большинство миссионерских книг было напечатано в типографии Казанского университета (346 изданий на 17 языках) [Габдельганеева, 1994, с.166, 170], с начала 1900-х гг. они стали выпускаться в типографии Б.Л.Домбровского (Центральной).

С ростом книгоиздания и книгопечатания связано дальнейшее развитие книжной торговли. Традиционно издатели татарских книг занимались их распространением. До 1865 г. особых трудностей в реализации произведений печати не наблюдалось. С введением «Временных правил о цензуре» процедура получения разрешения на торговлю книгами осложнилась. Тем не менее, книжная торговля была достаточно активной. В Казани центром торговли был корпус Усмановских и Юнусовских лавок на Сенной площади. В 1877 г., по данным канцелярии казанского губернатора, книги продавались в 5 татарских лавках, с начала 80-х гг. – в 15. Казанский отдельный цензор А.М.Осипов отмечал, что книги на восточных языках из Казани расходятся по всей России, нанося тем самым вред делу «русификации мусульманских татар» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.9077, л.1].

Книжная торговля, будучи активной во все времена, в указанный период развивается на новых, капиталистических началах, приобретает более организованную форму. Коммерсанты нового поколения, учитывая конъюнктуру книжного рынка, издают, как и прежде, в большом количестве религиозную (религиозно-нравственную) литературу, которая продолжает пользоваться спросом у определенной части татарского общества, приступив одновременно к выпуску и распространению светских книг. К такой категории представителей татарского книжного мира относятся, в первую очередь, упоминавшиеся выше братья Каримовы и Ш.Хусаинов. Каримовы торговали собственными и привозными изданиями в Казани (на Сенной площади), на Нижегородской, Мензелинской, Симбирской и других ярмарках, имели значительный штат офеней, разносивших и развозивших товар в Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской и других губерниях. Располагая достаточными средствами, они в 1898 г. добива-

ются разрешения на открытие «Торгового дома в образе товарищества по вере под фирмою братьев Каримовых», основав, тем самым, первое в России татарское книжное товарищество.

В качестве книготорговца и издателя выступал Ш.Хусаинов (долгое время торговал вразнос, в конце 70-х гг. обзавелся книжным шкафом на Сенной площади, к концу столетия владел книжным магазином и возглавлял издательско-книготорговую фирму), деятельность которого была отмечена на Казанской научно-промышленной выставке (1890 г.). В типографии Казанского университета по его заказу ежегодно печаталось до 500 тыс. экз. разных книг на сумму до 6 тыс. руб., которые сбывались в Европейской России, Азии и Африке, на сумму до 10 тыс. руб. [Список, 1890, л.14]. После смерти Ш.Хусаинова (1904 г.) фирма функционировала под вывеской «Хөсәенов варислары» («Наследники Хусаинова»). Ее владельцы, занимаясь, как и прежде, издательской деятельностью и книжной торговлей, содержали магазины не только в Казани, но и в Уфе, Оренбурге и других местах.

Казанские татары, помимо книг на тюркском и других восточных языках, торговали изданиями на русском языке, причем не только известные книжные фирмы (Каримовых, «Идрисова, Галеева и К°», «Хөсәенов варислары» и др.), но и мелкие лавочники [Габдельганеева, 2006, с.113].

Татарская книжная торговля в регионах с компактным проживанием татар развивалась благодаря казанским издателям и книгопродавцам. По данным на 1900–1901 гг., татарские заведения книжной торговли имели место, помимо Казани, в Оренбурге (М.Мухаметшарипова и Ш.Шагидуллина), в Сеитовом посаде Оренбургского у. (Г.Давлетьярова), в Троицке (Г.Ахмарова,

Г.Даминова и казанского издателя М.-С.Г.Мусина), в Орске (Н.Нигматуллина), в Перми (Ибатуллина) [Вся Россия, 1902, стб.1211, 1217, 1295]. Иногородние филиалы торговли Каримовых, Хусаиновых и др. будут организованы в этих и других регионах позднее.

С торговли книгами, а в ряде случаев – и их издания начинали свою деятельность основатели татарских книжных товариществ («Мәгариф», «Сабах», «Милләт» и др.), с которыми связана история татарской книги начала XX в. Основы будущего товарищества «Милләт» были заложены в 1897 г., когда И.С.Идрисов открыл в Казани (на Сенной улице, в корпусе Галеева и Апакова) лавку и получил разрешение на торговлю произведениями печати. К концу XIX – началу XX в. относится начало товарищества «Сабах», когда братья М. и В.Ахмадуллины, работая в типографии университета, занялись книгоизданием и книжной торговлей, а в 1902 г. открыли книжную лавку «Көтөпханәи ибтидаи» («Библиотека начальной школы»). В 1901 г. Г.Камал открыл в Казани книжную лавку, на базе которой в 1904 г. было учреждено товарищество «Камалетдинов и К°», преобразованное затем в «Мәгариф».

С этими и другими книжными товариществами, открытыми после 1905 г. и сосредоточившимися в дальнейшем все звенья производства и распространения татарской книги, было связано ее развитие в начале XX в.

Татарская книга второй половины XIX в. развивалась в новых условиях. Изменения в экономической и социально-политической жизни России сказались на ее производстве, содержании, распространении и использовании. Она видоизменялась, как качественно, так и количественно, отвечая потребностям нового татарского и тюркского читателя.

ГЛАВА 12

Рукописное наследие

§ 1. Татарские рукописные книги

Марсель Ахметзянов

Рукописные книги, составляющие духовное наследие мусульманской цивилизации, имеют глубокие традиции. До появления татарского книгопечатания вся учебная литература в мусульманских учебных заведениях и религиозные книги богословов имели рукописный характер. Именно поэтому, несмотря на издание огромными тиражами Корана, Хафтияка, традиция использования рукописных списков Корана и переписывания Священной книги мусульман в Волго-Уральском регионе сохранялась. Также важно отметить, что татарская печатная продукция по ассортименту и количеству полностью не удовлетворяла потребности татарского общества в книгах, что явилось одной из главных причин сохранения традиции переписывания рукописных книг [Ахметзянов, 2012, с.126–146].

До 1860-х гг. рукописная книга у татар-мусульман играла ведущую роль в просвещении и образовании. В татарских медресе имелись каллиграфы-переписчики – искусные мастера арабского письма, работавшие по заказу. Например, одним из знаменитых переписчиков рукописей был Мухаммад-Гали Махмудов (1824–1891), уроженец д.Сулангер из Заказанья. В 19-летнем возрасте он был приглашен преподавателем каллиграфии на Восточный факультет Казанского университета [Татар эдәбияты, 1985, б.31].

Поэт-просветитель Габдрахим Утыз Имяни (1754–1834), судя по его автографным сочинениям, являлся одним из виднейших каллиграфов своего времени. Он переписывал книги каллиграфическим мелким «несталиком». Г.Утыз Имяни собрал вокруг себя и подготовил целую плеяду учеников, профессиональных переписчиков-каллиграфов, среди которых особо выделялись его сын Ахмаджан (?–1849), зятя Ахмаджан ибн Шамсад-Дин и Ахмаджан ибн Фадлаллах и др. «О, если бы рукописи, написанные

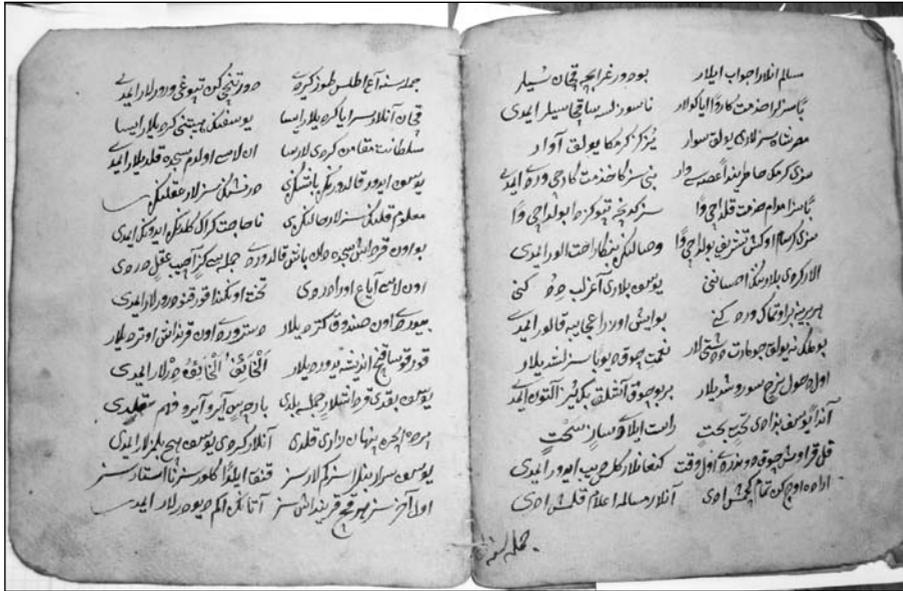
прекрасным почерком Абдрахим хазрата и его учеников, были бы собраны в одном месте и хранились как подобает» – мечтал в свое время Р.Фахретдин [Ризаэтдин бине Фәхретдин, 1901, б.15–20].

В рукописном наследии татарских каллиграфов преобладали: религиозно-учебная литература, молитвенники, письма, поэтические произведения, памятники литературного наследия прошлых веков [Ахметзянов, 1997; 2000; 2001; 2011; Әхмәтҗанов, 1998; 1999; 2000; 2011а; Фәтхи, 1986; 2007; Госманов, 1994; 2004; Мәрданов, 2008; 2009–2009а; 2010; Фәезханов Хөсәен, 2011].

Изучение содержания рукописей по типам показало, что в XIX в. подавляющее большинство татарских рукописей представляли собой сборники разных материалов. В частности, вместе с татарскими литературными, фольклорными и бытовыми надписями в сборниках рукописей встречаются мусульманские молитвы на арабском языке.

Наряду с произведениями, созданными в XIX в., рукописные книги сохранили также списки произведений авторов предыдущих столетий, мунаджаты (стихи) неизвестных авторов, байты, поэмы, рассказы, древние дастаны в прозе средневекового периода. Остановимся на них более подробно.

К письменному жанру фольклора относятся многочисленные рукописные тексты татарских байтов, посвященные «Русско-французской войне 1812 года», «Русско-турецкой войне 1853–54 гг.», а также «Байт о руководителе Дагестанских народов Шамиле», «Байт о русско-турецкой войне 1878–79 гг.», «Байт о переписи населения 1897 г.» [ТХИ, 1983, б.39–50]. Очень популярным был байт «О семи девушках» – обучавшихся в течение семи лет (учились до 1840 г.) в медресе Каргалы под Оренбургом, которые случайно были разоблачены [ТХИ, 1983, б.155–156].

Кул Гали
«Кыйссаи
Йосыф». Руко-
писный текст.
Список кон.
XVIII в.

Широкую известность среди населения получили байты о поэте Акмулле, о различных трагических случаях, в частности «Байт о Зульхабири», «О наводнении в селе Нижняя Ура в 1818 году» и т.д. [Центр, кол.39, ед.хр. №2895, 2838, 2826, 2811, 2797, 7076].

В татарских рукописных сборниках представлены также поэтические некрологи «Мәрсия» и другие жанры («Некролог Исмагила Кышкари», «Некролог Мухамед Шакира сына Сейфуллы», «Некролог поэта Фахретдина Нурлати», «Некролог имама Фатгаха» и др. [Центр, кол.39, ед.хр. №2768, 2797, 2811, 2826, 2838, 2895, 2896, 3021, 3029].

Известный языковед и исследователь текстов средневекового татарского литературного памятника «Кыйссаи Йосыф» Ф.С.Фасеев собрал сведения о наличии более 160 списков, большинство которых датируется XIX в. [Кол Гали, 1983, б.426–485]. Сегодня в архивах различных научных центров хранится около 300 ед. старописьменных списков «Кыйссаи Йосыф» [Ахметзянов, 2009, с.261–263].

Важно отметить, что часть произведений имела распространение исключительно в рукописном виде. Среди этой группы памятников следует отметить средневековый дастан «Каһарман китабы», сохранившийся лишь в рукописных списках XVIII–XIX вв. [Центр, кол.39, ед.хр. №5341, 6614, 7052 и др.]. Некоторые из этих произведений в последующем издавались. Например, поэтиче-

ский памятник XIV в. «Дастан Жәмжәмә» первоначально, до 1870 г., был известен лишь в рукописных списках [Ахметзянов, 2009, с.263].

В коллекции древних рукописей Центра исследования письменного и музыкального наследия при ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ представлены сотни списков татарских литературных памятников XIX в.: «Кыйссаи Йосыф» [Центр, кол.39, №3041 (1830 г.), №3042 (1830 г.)], «Ярты алма» Кул Сулаймана [Центр, кол.39, №2774, 2778 и т.д.], «Кыйссаи Ибраһим» [Центр, кол.39, №2778, 2785 и т.д.], «Кисекбаш китабы» [Центр, кол.39, №2785, 2824 и т.д.], «Таһир-Зөһрә» [Центр, кол.39, №2811, 7076 и т.д.], «Бүз егет» – №2774 и т.д.], «Ана белән угыл» («Мать и сын») – №2831, 2863, 3254 и т.д.], «Түләк китабы» – №7380, 7381], «Мөхәммедия» – №425, 426 и т.д.], «Кыйссаи Сәед Баттал гыйз» – №437 и т.д.] и т.д.

Одним из популярных рукописных сочинений XIX в. был «Тәварихи Болгария» Муслими, написанный, согласно исследованию М.А.Усманова, не позднее 1827 г. [Центр, кол.39, ед.хр. №36, 565, 593, 2463, 3104, 3274, 3323, 4196, 4458, 5146, 5148, 7197, 7350; Дмитриева, 2002, с.78–81; Усманов, 1972, с.134].

С отдельную группу рукописных памятников можно выделить произведения, которые продолжали переписываться каллиграфами, шакирдами медресе и после появления печатного текста. Например, произведение

Таджетдина Ялчигулева «Рисалэи Газизэ» (1796 г.) было издано в 1850 г., однако получило широкое распространение среди татарских читателей и в виде рукописей [Центр, кол.39, ед.хр. №60, 317, 532, 748, 1846, 1953, 2084, 2268, 2465, 3089, 3129, 3432, 3520, 3512, 3534, 3878, 3906, 6404; Дмитриева, 2002, №1896–1902].

Таким образом, переписывание книг татарскими каллиграфами являлось видом

искусства, их труд высоко оценивался грамотным населением. Оно было широко распространено среди шакирдов медресе, что в значительной степени удовлетворяло потребности татарских школ в учебных пособиях. Вплоть до 1860-х гг. переписывание рукописных книг велось активно, устойчивое распространение оно сохраняло и в пореформенный период. Резкое сокращение данной традиции произошло в начале XX в.

§ 2. Рукописные тексты на арабском языке

Резеда Сафиуллина-Аль Анси

Основное содержание татарских рукописей на арабском языке составляют сочинения религиозной тематики: разнообразные комментарии, супракомментарии, компендии и прочие учебные пособия для медресе³⁶. В поздних пластах арабской письменности в целом преобладал богословско-филологический комплекс со своими малооригинальными схоластическими сочинениями. Труды по естествознанию, математике и философии на позднем этапе уже не создавались и редко переписывались. Тем не менее, репертуар сочинений, встречающихся у татар-мусульман в XVIII–XIX вв., универсален и охватывает как теологические, так и точные и гуманитарные науки: астрономию и математику, естествознание и медицину, философию и историю, грамматику и лексикографию. Были распространены сочинения выдающихся мыслителей Востока: аль-Фараби, Ибн Сины, аль-Газали, Ибн аль-Араби, Саади, Хафиза и др.

Определенную часть этого рукописного наследия составляют неопубликованные сочинения татарских авторов Г.Утыз Имяни, Г.Курсави, Ш.Марджани и многих других.

Татарские авторы хорошо владели языком мусульманской науки и предпочитали его для изложения своих взглядов, так как к тому времени арабский язык терминологически и стилистически более соответствовал рассмотрению теоретических вопросов, предоставлял сочинителям готовые термины и обороты. На арабском языке писали многие свои произведения татарские ученые и богословы: Г.Утыз Имяни, Г.Курсави, Ш.Марджани, Р.Фахретдинов, М.Чокрый, Д. и И.Тунтари и др. На арабском языке велись религиозная и социальная полемика на сугубо местные темы по религиозным вопросам, споры джадидистов и кадимистов по вопросам педагогики и др.

На мусульманском Востоке высшее духовенство отстаивало вековую традицию размножения книг путем переписывания, считая применение типографского способа в отношении священных текстов вероотступничеством. До середины XIX в. на Арабском Востоке, в Иране, Турции процветала и продолжала переписываться рукописная книга. Тем не менее в XIX в. арабская рукописная книга вытесняется печатной книгой и новой литературой, она превращается в объект научного изучения, сначала вне пределов мусульманского мира. Задолго до появления в мусульманских странах печатной книги в Европе налаживается книгопечатание арабским шрифтом³⁷. Казань, после открытия Азиатской типографии, становится одним из центров книгопечатания и первой по из-

³⁶ Современное собрание арабоязычных рукописей Казанского университета, восточные фонды и рукописное собрание которого по количественным показателям являются не только самыми большими среди других казанских коллекций, но и крупнейшими среди аналогичных государственных собраний РФ, превышает 13 тыс. кодексов, около 6 тыс. из них составляют сочинения на арабском языке [Гараева]. В ГА ТАССР (НА РТ) к 1980-м гг. находилось 5 арабских рукописей, в архиве ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова – 15, в Государственном музее ТАССР – 34; в библиотеке мечети Марджани – 156; в частном собрании З.Максудовой – 229 [Халидов, 1982, с.220–221].

³⁷ Впервые арабский алфавит был использован в литографированном издании в 1486 г. в Германии в г.Майнц, через 36 лет после появления книгопечатания в Европе, а арабские литеры впервые были отлиты в 1514 г. в итальянском городе Фано [Материалы Симпозиума, 1996, с.109–141].

данию мусульманских книг в России. Арабские издания составляют более половины всей татарской печатной продукции первой половины XIX в.³⁸ Согласно составленному нами сводного каталога арабских книг, изданных татарами, и созданной на его основе базы данных (Microsoft Access)³⁹, с начала книгопечатания арабским шрифтом до 1917 г. было напечатано около 4000 арабоязычных изданий⁴⁰.

Однако количество и репертуар печатных изданий на арабском языке не удовлетворяли потребности татарско-мусульманского сообщества. Немаловажную роль продолжала играть традиция переписывания религиозных текстов. Поэтому значительное место среди рукописных книг религиозного содержания занимали списки Корана и тафсиры или труды по экзегезе Корана, среди которых присутствуют как канонизированные сочинения средневековых авторов, так и татарские тафсиры.

Среди татар-мусульман были широко распространены неполные списки Корана. Чаще всего в рукописных собраниях и среди в старопечатных хранилищах встречается т.н. седмица, т.е. одна седьмая часть Корана – «Һәфтияк шәриф» («Священный Хафтияк»). Этот сборник состоит из вступительной главы Корана «Фатиха» («Открывающая»), затем следуют пять первых стихов второй главы Корана «Бакара»

(«Корова»), 36-й главы – «Ясин», 48-й и по порядку остальные. Также среди татар была распространена 1/60 часть Корана «Хизбел-эгъзам эл-мөбәрәк» («Великая благословенная часть»), составленная `Али б. Султаном Мухаммадом аль-Кари (1014/1605), а также сборники глав Корана «Сувар мин эл-Коръән», «Ингам сүрәсе», «Кәһеф сүрәсе» и др. Но на втором месте по распространенности после Хафтиака были списки и издания суры «Ясин». Эта сура читалась при похоронах и поминках, к ее чтению приступали татарские шакирды в мектебах – «мусульманских учебных заведениях начального уровня на первом году обучения, сразу после овладения азбукой «Иман шарты» («Условия веры»). А уже во втором году обучения, как писал Дж.Валиди, «мусульманскую азбуку заменяла седьмая часть Корана – так называемый «Эфтьек» – тоже отдельная книга. В третьем и четвертом году ученик носил с собой уже целый Коран...» [Валиди, 1992, с.16].

Большое место среди книг на арабском языке у татар значительное место занимали сочинения по арабской филологии, грамматике, лексикографии, риторике. Условно их можно разделить на две основные подгруппы: грамматические сочинения средневековых авторов и учебники арабского языка, составленные татарскими авторами конца XIX – начала XX в.

Большую долю среди рукописного наследия составляют молитвенники, которые представляют собой богатейший пласт религиозной литературы, в массовом порядке распространявшейся среди татар. Это сборники всевозможных зикров, вирдов, хизбов и комментарии к ним, молитвы за пророка, а также индивидуальные, групповые обрядовые, праздничные, приуроченные к определенным событиям и предвещающие некоторые действия и т.п. [Арабские рукописи, 1986, с.167–180].

Татары часто переписывали изданные книги, прежде всего – небольшие молитвенники и другие небольшие по объему религиозные тексты. Особенно были популярны сборники молитв «Дәляил эл-хәйрат» («Доказательства добрых деяний»), «Әвраде фәтхия» («Победные вирды») под авторством Мир Сайида `Али б. Шихаба аль-

³⁸ Если говорить о татарском книгопечатании в целом, то даже при приблизительных подсчетах можно утверждать, что в определенные периоды каждая третья, а иногда и даже четвертая книга, изданная в провинции в XIX в., была татарским изданием [Сафиуллина, 2003, с.55].

³⁹ Основой при составлении сводного каталога и базы данных послужили библиографические источники (списки, указатели, каталоги) и архивные документы – ведомости, отчеты, донесения, казанских цензоров, цензурного комитета, а также карточные каталоги библиотек. На тот период исследования (2001 г.) в результате знакомства с изданиями de visu было определено количество изданий, хранящихся в главных книгохранилищах: в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского университета – более 1000 арабоязычных изданий, в Хранилище Отдела Рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова – более 300, в Научной библиотеке КФТИ КНЦ РАН – более 250 [Сафиуллина, 2003, с.55].

⁴⁰ С 1801 г. по 1855 г. во всех губерниях России было издано на всех языках 1463 книги [400 лет русского книгопечатания, с.291].

Хамадани (714/1314–786/1384 г.) [Собрание восточных рукописей, 1951, т.3, с.101], а также молитвы «Догаи жәннәт әл-әсма» («Молитва рай имен») под авторством Зайнуddина Абу Хаида Мухаммада аль-Газали (1058–1111 гг.) и др.

К красивейшим рукописям относятся списки популярного в мусульманском мире сборника молитв за пророка Мухаммада – «Доказательства добрых деяний» («Дәляил әл-хәйрат»), составленного магрибским суфием Абу 'Абдаллахом ал-Джазули (ум. в 1465). Распространенная в суфийских кругах идея о необходимости сосредоточить мысль на личности пророка и возможности обретения чудодейственной силы путем чтения «Дәляил әл-хәйрат» привела к традиции украшения рукописей этого сборника средствами каллиграфии и декора, включения своеобразных иллюстраций: выполненных в цвете планов обоих священных городов (Мекки и Медины). Среди казанских списков тоже есть несколько рукописей, изумляющих тонкой работой мастеров, в т.ч. и таких, в которых приведен «подробный» план Запретной мечети (Масджид аль-Харам) в Мекке: изображение Каабы, расположение колодца Замзам, макам Ибраhима, четырех ворот мечети и др. [Гараева]

У татар-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья были очень популярны и шамилы. В переводе с персидского языка «шамиль» означает священное изображение и представляет собой панно, на котором символическое изображение помещено вместе с каллиграфическим текстом-комментарием. Они представляют собой небольшого формата рукописи с избранными сурами или айатами Корана и молитвами. Рукописи такого содержания в Турции называются по названию шестой суры Корана «Ингам шәриф» [Титовец]. Большое распространение имели рукописные астрономические календари с обозначением счастливых и несчастливых дней [Catalogue].

В оформлении татарских рукописей прослеживается как влияние восточной мусульманской традиции, так и местная специфика. Рукописные списки, выполненные в Поволжье, узнаваемы по типичному формату и декору обложки, почерку, чернилам, изготовленным из местных ингредиентов, по особенностям оформления текста, по бумаге, которая преимущественно произво-

дилась в России. Тематика этих рукописей отражает в основном стандартный круг богословских сочинений, которые изучались шакирдами в медресе. Сама методика обучения в медресе, а также дороговизна печатных книг обуславливали копирование сочинений, содержание которых шакирдам полагалось усвоить [Гараева].

Внешнему оформлению татарских рукописей присущи скромность и строгость. Украшения чаще встречаются в начале рукописей. Страницы отдельных книг оформлены цветными рамками (черные и красные чернила). Рамки, в которые вписаны первая и начало второй суры Корана, оформлены более разнообразно: для них использованы архитектурные мотивы (купола мечетей), рамки из красных и черных треугольников, а также геометрический орнамент символического характера. В начало сочинения помещается орнаментированное или простое написание традиционной формулы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» (*бисми-л-ляхи-р-рахмани-р-рахим*), сокращенно – «басмала».

Большинство книг написано местной разновидностью популярного арабского почерка *наسخ*, точнее – на слиянии его горизонтальной строгости с быстрым в исполнении *тааликом*, в результате чего сложился скорописный, наиболее распространенный *настаалик*. Самым распространенным в рукописях является использование чернил черного и красного цвета домашнего изготовления. Красные чернила использованы для написания ключевых слов и выражений, а также надчеркиваний. В Коранах красными чернилами написаны названия сур, обозначены джузы⁴¹ и хизбы⁴².

Исследователи отмечают, что татарские рукописи на арабском языке оформлены более каллиграфическим почерком. Свидетельством этого являются многочисленные списки Корана, выполненные четким *насхом*.

Для тафсиров был характерен подстрочный перевод (оригинальный текст был написан горизонтально, а под ним с наклоном – перевод), но тексты разных размеров с подстрочным переводом встречаются и в других видах рукописей. Такое оформление текста (подстроч-

⁴¹ Джуз – 1/30 часть Корана.

⁴² Хизб – 1/60 часть Корана.

ный перевод) происходило от персидских рукописей и продолжалось в тюркских.

Сегодня собрания рукописей на арабском языке, составляют украшение фондов, которым гордится любое книгохранилище.

В библиотечных фондах России, стран СНГ, Европы и Восточных стран хранится значительное количество рукописей, написанных выдающимися деятелями науки и культуры татарского происхождения.

§ 3. Персидское духовное наследие в культуре татар

Алсу Арсланова, Салим Гилязутдинов

На протяжении многих веков татары Поволжья испытывали сильное влияние культуры Ирана и, в частности, персидской классической литературы, которая была здесь очень популярна.

Весьма обширна тематика персоязычных рукописей, хранящихся в различных фондах (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ; Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ; Государственный центр татарского фольклора при Министерстве культуры РТ; Отдел рукописей и редких книг Булгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника). По составу этих фондов можно судить о читательских предпочтениях татар. Здесь представлены труды по астрологии, астрономии, математике, логике, медицине, теологии (учения и обряды ислама, догматика, эсхатология), по религии и Корану [тафсиры, искусство чтения Корана (таджвид), предания (хадисы), сборники молитв и их толкований, история пророков, религиозный ритуал, суфизм], по истории, юриспруденции (фикх), грамматике и лексикографии (словари), языкознанию, поэтике и поэзии, географии, политике, этике, магии и т.д.

Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета является одной из крупнейших и богатейших библиотек России наряду с книгохранилищами Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме печатных изданий здесь имеются ценные рукописные фонды. Среди них одно из первых мест, как по количеству памятников, так и по их культурному и научному значению, принадлежит собранию рукописных книг на персидском языке. В настоящее время фонд персидских рукописных сочинений Научной библиоте-

ки им. Н.И.Лобачевского насчитывает 736 ед.хр., сведения о которых внесены в описи инвентарных книг. Среди персидских рукописей есть арабские, тюркские и наоборот; сборные рукописи (иногда встречаются маджму'аты), содержащие несколько сочинений на двух или трех языках. Персидские рукописные книги составляют примерно 5–10% всей восточной коллекции и хронологически охватывают огромный период – с XIV в. по начало XX в. Имеющиеся в рукописях владельческие печати свидетельствуют о том, что существовали частные собрания персидских рукописей Г.Галеева-Баруди, Ш.Марджани, Салах ад-Дина б. Исхака ал-Казани, Хасангата Габаши и др.

Географически рукописи представлены следующими регионами: Поволжье, Средняя Азия, Афганистан, Турция, Иран, Ирак и т.д., что свидетельствует о тесных культурно-экономических связях татарского народа с этими странами. Во многих рукописях имена переписчиков не указаны. Имеются рукописи с цветными миниатюрами, рисунками, искусно выполненными унванами и заставками, схемами, картами и таблицами.

Как известно, персидский язык выполнял не только роль языка поэзии, но и служил языком наук. Из произведений по грамматике, например, следует особо отметить два – анонимный «Мукаддима-йи бедан» и «Шарх-и 'Абдаллах». Первое из них представляет собой краткий трактат по арабской грамматике, в нем рассматриваются в основном имена, образованные от глагольного корня: масдары, причастия и т.д. Второй – состоящий из 22 глав («баб») комментарий ко 2-й главе («фасл»), арабского грамматического сочинения «Ал-Му'иззи», приписываемого 'Изз ад-Дину Занджани (был жив в 1257 г.). Отсюда и его второе название – «Шарх-и бист-о-до баб-и Му'иззи». Оба

трактата служили учебниками арабского языка в татарских медресе, поэтому много раз переписывались, а также неоднократно издавались в Казани.

Определенную часть коллекции персидских рукописей составляют словари. В ней представлен персидско-турецкий словарь XVI в. «Лугат-и Ни’маталлах» Ни’маталлаха ибн Ахмад ибн Мубарак ар-Руми (список 1731 г.). Автор (ум. в 1561–1562 г.) служил судьей в Алеппо и Багдаде, жил также в Константинополе, принадлежал к суфийскому ордену Накшбанди. Словарь, составленный не позднее 1540–1541 г., включает широкий круг лексики персидского языка, употреблявшейся в персидской классической литературе. Кроме словаря инфинитивов, имеется краткий грамматический очерк персидского языка и словарь имен.

Представляет интерес список 1825 г. персидско-турецкого словаря «Сихах-и ‘аджаб» (составлен в XVI в.) Моулана Таки ад-Дина Мухаммада ибн Пир Али, по прозвищу Баркави (ум. в 1573 г.). В словаре представлена общая лексика персидского языка, а также некоторые арабские слова, вошедшие в персидский литературный язык. В коллекции Казанского университета имеется список XIX в. толкового словаря «Кашф ал-лугат» (написан не позднее 1608 г.) ‘Абд ар-Рахима б. Ахмад Сури, или ‘Абд ар-Рахима ибн шейх Ахмада, известного также как Сур-и Бихари (род. в начале XVI в. в индийской провинции Бихар), в котором суфийская терминология разъясняется наряду с общей лексикой персидского языка. Задачей словаря было облегчить понимание суфийских произведений. Автор попытался учесть опыт предшественников и запросы современников. Одним из самых известных является толковый словарь редких и малоупотребительных персидских слов «Фарханг-и Джахангири»⁴³ (список XIX в.), в котором в качестве иллюстративного материала приведено много фрагментов из произведений персидских поэтов – Фирдоуси, Шахида, Фаррухи, Анвари, Хакани, Сана’и, Сузани, Амира Хусроу и др. Особенность этого словаря состоит в том, что здесь подобраны лю-

бопытные синонимы отдельных составных слов, обозначающих то или иное понятие.

В персоязычной коллекции Казанского университета имеются рукописи, содержащие ценные сочинения по истории. В основном они относятся к истории Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Это богато иллюминированный список 1856 г. сочинения Фахр ад-Дина Абу Сулайман Да’уд ибн Абу-л-Фазл Мухаммада Банакати (ум. в 730/1329–1930 г.) «Раузат ули-л-албаб фи таварих ал-акабир ва-л-ансаб» (1317–1318 г.) – обычно называемого «Тарих-и Банакати», повествующего об истории от Адама до (официального) вступления на престол Абу Са’ида в 717/1317 г. Почти все исследователи считают, что в основном это сочинение представляет собой сокращение «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, кроме, пожалуй, части о царствовании Улджайту, которому оно и было посвящено. В целом можно говорить о важности, большом фактологическом и историографическом значении сочинения Банакати для изучения всемирной истории.

Список 1876 г. «Тарих-и А’сам ал-Куфи» представляет собой сочинение, посвященное истории Халифата от вступления на престол Абу Бакра до смерти Муста’сина (866 г.). Это история первых преемников Мухаммада и арабских завоеваний в шиитском освещении. Автор арабского подлинника Х’аджа Ахмад бин А’сам ал-Куфи (ум. около 926–927 г.). Переводчик – Мухаммад б. Ахмад Мустауфи-йи Хереви. Труд написан в X в. Перевод относится к 1199–1200 гг.

В Научной библиотеке Казанского университета хранится список XIX в. капитального сочинения «Тарих-и ‘Абдулла-хан» Хафиз-и Таныша (написан между 1584–1590 гг.), в котором подробно излагается политическая история Средней Азии, Казахстана и сопредельных с ними стран Востока в XVI в. Автор этого богатого разнообразным фактическим материалом сочинения Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад ал-Бухари (ум. в 1588–1589 г.) – талантливый историк и поэт средневековой Бухары.

Бухарский список 1857 г. всеобщей истории «Мир’ат ал-‘алам» («Зерцало мира») Шайха Мухаммада Бака б. Гулам Мухаммада Сахаранпури (род. в 1037/1627–1628; ум. в 1094/1683). Всеобщая история до дней автора, точнее, 1078/1668 г. – т.е. до правления Великого Могола ‘Аламгира (1069/1659–

⁴³ Автор – Навваб Джамал ад-Дин Хусайн Инджу ибн Фахр ад-Дин Хасан, или Джамал ад-Дин Хусайн Инджу ибн Фахр ад-Дин Хасан Ширази. Словарь составлялся в течение 30 лет, был закончен в 1017/1608–1609 г.

1119/1707), которому «Зерцало» и посвящено. Переписчик неизвестен.

Списки 1832 г. и 1839 г. сочинения «Тазкира-йи Муким-хани» историка XVIII в. – Мухаммада Йусуф Мунши б. Х^ааджа Бака Балхи, содержащего важные сведения по истории Средней Азии, в частности династии Шайбанидов и Джанидов (Аштарханидов). Автор написал это сочинение по желанию балхского правителя Мухаммада Муким-хана (1114–1119/1702–1707 гг.), по имени которого оно и получило свое название. Главное внимание в сочинении уделено истории последней династии, особенно тем ее представителям, которые были связаны с Балхом. Сочинение является ценным источником для изучения политической, социальной и отчасти культурной истории Средней Азии, и в прежде всего Балхской обл. XVI в. До XIX в. включительно сочинение являлось одним из наиболее распространенных в Средней Азии исторических трудов. Переписчик нашего списка – Аталик бек б. Зул-Факар аш-Шик Акабаши Кунграт.

Список 1824 г. сочинения «Тухфа-йи исна ‘ашарийа» Хафиза Гулам Али б. Шайх Кутб ад-Дина Ахмада б. Шайх Абу-л-Файз-и Дихлави (1159/1746–1239/1824) посвящен изложению с суннитских позиций истории шиизма за 12 веков хиджры – истокам зарождения, способам распространения и доктрине шиизма; с выделением положений, противоречащих суннизму. Это – обширный полемический трактат против шиитов, признающих 12 имамов, и против ряда сект, примыкающих к ним. Автор известен как писатель, педагог и реформатор. Переписчик списка – Ахмад Валид Шайх Наджибаллах Махдум-заде.

В области астрономии большую ценность представляет комментарий под названием «Зидж» Улуг-бека – «Астрономические таблицы Улуг-бека» в списке 1732 г. Автор – правитель Мавераннахра и Ирана, внук Тимура, организатор Самаркандской обсерватории. В составлении таблиц принимали участие ар-Руми, ал-Каши и ал-Кушчи.

«Шарх-и бист баб дар ма’рифат-и астураб» Низам ад-Дина ал-Бирджинди (список 1778 г.). Автор являлся одним из представителей астрономической школы Улуг-бека. В трактате даются пояснения к сочинению ат-Туси «Двадцать глав о познании астроля-

бии». Трактат был очень популярен, сохранилось большое число его списков.

Из рукописных книг по суфизму и житийной суфийской литературе можно отметить, например, списки трудов, авторство и время написания и переписки которых известны. Полный список 762/1360 г. Мирсад ал-‘уббад мин ал-мабда’ ила-л-ма’ад» («Путь рабов [Аллаха] от здешней жизни к будущей»). Полный список 897/1491 г. «Тарджума-йи а’вареф ал-ма’ареф» («Перевод «Светоча руководства и ключа к удовлетворению») Махмуда б. ‘Али ал-Кашани. Перевод известного труда по суфизму, написанного первоначально на арабском языке, который составил Шихаб ад-Дин б. ‘Умар Мухаммад ас-Сухраварди (ум. в 632/1234 г.). Полный список 901/1495 г. «Фасл ал-хатаб фи-л-мухазират» («Ясная речь»). Автор – Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд ал-Бухари (Мухаммад Парса) (ум. в 822/1419 г.). Сочинение представляет собой полную энциклопедию по суфизму, по всем вопросам мусульманского вероучения, религиозных обрядов, догматических и философских течений в свете суфийской доктрины. Полный список 1006/1597 г., переписанный в г. Кабуле «Нузхат ал-арвах» («Услада для душ»). Автор – Рукн ад-Дин б. ‘Алим ал-Хусайни, известный как Мир Фахр ас-Садат Хусайни. Полный список 1092/1681 г. «Шатхийат» («Экстатические изречения») Абу Йазида (Байзида) Тайфур ибн ‘Иса ибн Адам ибн Сурушан ал-Бистами (ум. в 875 или 878 г.). Неполный список 1101/1689 г. «Тазкират ал-аулийа» («Жизнеописание святых») Фарид ад-Дина Мухаммад ибн Ибрахим ‘Аттра – знаменитого суфийского поэта. Полный список рубежа XVIII–XIX вв. «Нафахат ал-онс мин хазарат ал-кодс» («Ароматные веяния духовной близости с вершин святости») ‘Абд ар-Рахмана б. Ахмада ал-Джами (род. в 817/1414 г., ум. в 898/1492 г.). Неполный список XVIII в. «Маса’ил-и Рахат ал-кулуб» («Проблемы «Рахат ал-кулуб»). Полный список XVIII в. «Мафатих ал-а’джаз фи шарх-и голшан-и раз» («Ключи от чудесного в толковании «Розового цветника тайн»). Полный список 1250/1834 г., переписанный в г. Багдаде «Канз ал-хидайат ал-бидайат ва-л-нихайат» («Сокровище тайн для раскрытия начальных и конечных этапов мистического пути»). Автор – Мухаммад Бакир б. Шараф ад-Дин ал-Лахури Хусайни. Полный список 1244/1828 г., переписанный в г. Стамбул –

«Баракат-и Ахмадийя ва зубдат ал-макамат» («Благословения Ахмада и сливки ступеней на пути совершенствования») Ахмад 'Абдаллаха ал-Фаруки ал-Накшбанди ас-Сирхинди. Полные списки первого (1227/1812 г.) и второго (первая половина XIX в.) томов «Кимийя-йи са'адат» («Алхимия счастья») Абу Хамида Мухаммад б. Мухаммад б. Мухаммада ал-Газали (ум. в 505/1111 г.). Полный список конца XVIII в. «Минхадж ал-'арифин» («Путь следования познавших истину») сайида 'Али б. Шихаб ад-Дина Мухаммад ал-Хамадани – известного суфийского авторитета, религиозного деятеля и проповедника ислама в Кашмире и Бадахшане (ум. в 786/1385 г.).

Еще одна из двух крупнейших казанских коллекций персоязычных рукописных книг принадлежит Центру письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. Это собрание является одним из новых (его образование было начато в октябре 1939 г.).

Из точно датированных рукописей этого собрания древнейшая относится к XIV в. («Муршид фи-л-Хисаб», дата переписки 795/1392–1393 г.). Она была переписана в Средней Азии. Из рукописей, переписанных в Поволжье, самая старая относится к XVII в. («Тарджума-йи Мухтасар ал-Викайя», дата переписки – 1692 г.). Самая последняя – к XX в. («Саваних-и сафар-и Хиджаз» Баха' ад-Дина 'Амили Бахаи, дата переписки 10 января 1915 г.). Однако все же более 90% рукописей были переписаны в XIX в.

Тематика персоязычных произведений в данном фонде также довольно обширна и включает в себя биографии суфийских шейхов, трактаты по грамматике, лексикографии (словари), поэтике, истории, географии, астрономии, математике, медицине, музыке, этике, физиогномике и др.

В хранилище широко представлены произведения таких всемирно известных поэтов Ирана, как Фирдоуси (323/934, ум. между 411/1020–442/1030), Хаким Сана'и (ум. ок. 543/1150–1151 г.), Фарид-ад-Дин 'Аттар (1120–1229); Джалал ад-Дин Руми (1207–1273); Са'ди Ширази (ум. в 1292 г.); Шараф ад-Дин Бухари (был жив в 693/1295–1296 г.), 'Абд ар-Рахман Джами (1414–1492); Баха' ад-Дин 'Амили Бахаи (953–1030/1547–1641), Фиришта, Мухаммад Касим Хиндушах Астрабади (был жив

в 1033/1626 г.), Суфи Аллахайар ибн Аллах Кули (ум. в 1133/1720–1721 г.), Абу ал-Кадир Бидил (1644–1720), Шайх Махмуд, Баба Фогани (ум. в 925/1519 г.) и др.

Говоря о поэтических произведениях, следует отметить небольшую поэму анонимного автора «Йак хикаят» («Один рассказ»), в которой описывается эпизод из жизни пророка Мухаммада. По распространенности поэма уступает лишь «Панд наме» («Книга духовного наставления») 'Аттара.

Проза представлена в основном всемирно известным сочинением «Гулистан» («розовый сад») Са'ди Ширази (ум. в 691/1292 г.), а также его знаменитыми «Бустан» («Плодовый сад») и «Панд наме».

Широкое распространение среди татарского народа имели произведения среднеазиатского поэта Суфи Аллахайара, писавшего как на тюркском, так и на персидском языке. Особой популярностью пользовалась его поэма «Субхат ал-аджизин» («Опора для слабых»), написанная на тюркском языке. Комментарий на это произведение Тадж ад-Дина Ялчыгула «Рисала-йи Газиз» выдержал многочисленные издания в Казани. Не меньшей популярностью пользовались его поэмы «Мурад ал-'арифин» («Цель познавших (Бога)») и «Маслак ал-муттакин» («Путь богобоязненных»), написанные на персидском языке, многократно издававшиеся в Казани.

Среди рукописей по религиозной тематике выделяется кораническая литература: комментарии (тафсиры) Корана; правила чтения (таджвиды) и магические свойства Корана. Особой популярностью среди татарского народа пользовался тафсир Корана Йа'куба Чархи (ум. в 1391 г.). Также представляют интерес хорошо сохранившиеся списки капитального труда Камал ад-Дина Хусайн ибн 'Али Ва'иза Кашифи (ум. в 1504–1505) «Мавахиб-и 'алийя» («Великие дарования», или, по-другому, «Тафсир-и Хусайни», в двух томах. Среди произведений, посвященных правилам чтения, можно отметить два трактата Хафиза Дуст Кари ибн йадгар Вазири ал-Х'аразми (жил не позднее середины XVII в.): «Маджма' ал-гараиб» («Сборник диковинок») и «Маджма' ал-фава'id» («Сборник полезностей»). Магическим свойствам Корана посвящен персидский перевод арабского произведения «Дурр ан-Назим» («Нанизанные жемчужины») 'Абдаллах ибн Ас'ада ал-Йафи (ум. в 1362 г.).

Суфийская литература обширна по своей тематике. В ней следует отметить «Кимийайи Са'адат» имама Газали (1059–1111), «Мактубат» имама Раббани и его сын Хваджи Ма'сума, «Зубдат ал-хакайик» 'Азиза Насафи (ум. в 1262–1263), «Тухфат ал-'Ушшак» Халили Мавлави (ум. в 1551 г.), «Маргуб ал-Кулуб», приписываемый Шамс ад-Дину Табризи (ум. в 1247–1248 г.). Последние три списка вызывают большой интерес и тем, что они переписаны рукой Габдерахима Утыз Имяни. Из других произведений необходимо отметить мунаджаты популярных среди татарского народа авторов 'Абдаллаха Ансари (1005–1088) и Ахмада Йасави (ум. в 1166–1167).

Сочинения по фикху представлены получившими довольно широкое распространение «Чахар фасл» и «Мухиммат-и муслимин».

Среди шакирдов медресе в XVIII–XIX вв. пользовался популярностью комментарий татарского ученого 'Убайдаллаха Булгари (был жив в 1726 г.) «Шарх-и 'авамил алми'а» к сочинению по арабской грамматике «'Авамил ал-ми'а» 'Абд ал-Кахира Джурджани (ум. в 1078 г.), написанный на персидском языке.

Значительное рукописное наследие на персидском языке оставил Г.Утыз Имяни⁴⁴. Еще будучи в Бухаре, он составил два толковых словаря на персидском языке: «Кашф аллугат фи халл мушкилат «Джами» ар-румус» («Раскрытие слов времени трудностей «Джами» ар-румус» Мухаммада ал-Кухистани (ум. в 1554 г.) и «Лугат ал-алфийа» («Словарь, состоящий из тысячи слов») – толковый словарь редких слов и терминов «Мактубат» – сборника писем Ахмада Фаруки Сирхинди Раббани (1563–1624).

Некоторые свои стихотворения поэт писал на персидском языке: «Мулла Бакир куджа-йи?» («Где ты, мулла Бакир?»); порицающее ложных суфиев «Байт дар замм суфийан-и заман»; ода, восхваляющая автора «Ихйа ал-улум», «Манзума дар мадх-и «Ихйа ал-улум». Известны его поэмы, написанные на двух языках. Например, в поэме «Танзих ал-афкар», состоящей из 586 строк, 400 строк написаны на татарском, 186 – на

персидском. В поэме «Ал-карз микраз-и махаббат» первые 164 строки написаны на татарском, остальные 24 – на персидском.

В силу плохой сохранности рукописей имена многих переписчиков неизвестны. Зафиксированы имена лишь 179 переписчиков, переписавших 186 рукописных книг, включающих 436 описаний. В основном это шакирды татарских медресе, почерк которых носил своеобразный «татарский» характер. Таким почерком переписано более 130 рукописей. Около 20 рукописей переписаны почерком *насх*. Остальные – более чем 400 рукописей – почерком *наст'алик*.

Распространенное мнение, что татарская рукописная книга оформлена очень бедно, отчасти верно и для рукописей на персидском языке. Объясняется это, в первую очередь тем, что эти рукописи предназначались не для рынка, а для собственного использования. Однако в XIX в., с появлением среди татарского населения богатой прослойки промышленников и, особенно, купцов, наживших большие капиталы при торговле со Средней Азией, появились и богато оформленные рукописные книги среднеазиатского происхождения, и собственно татарские зачатки.

Татарские рукописные книги на персидском языке переписаны в основном на русской бумаге. Встречаются и рукописи на восточной бумаге, но это не означает, что все эти рукописи среднеазиатского происхождения. О бедности переписчиков говорит тот факт, что они, не имея средств для покупки картонных, фабричных переплетов, вынуждены были делать их сами. Встречаются даже дощатые переплеты, бумажные, коленкоровые, тряпичные, картонные переплеты – как фабричные, так и самодельные. Имеются также богато оформленные, сделанные профессиональными переплетчиками в Средней Азии: картонные, кожаные с тисненными медальонами и узорами.

Несомненно, все сказанное свидетельствует о богатом репертуаре и широком хронологическом диапазоне персоязычных рукописей в фондах казанских коллекций. Татарские интеллектуалы XIX – начала XX в. имели прекрасную возможность обращаться к богатейшей письменной культуре на персидском языке и черпать из нее необходимые знания.

⁴⁴ В ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ хранятся 19 списков его трудов по различным отраслям науки и литературы.

ГЛАВА 13

Становление единого национально-культурного пространства и идеология татар

Айдар Хабутдинов

XIX век стал временем трансформации социальной структуры мусульман округа ОМДС. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. в России привели к уничтожению особого статуса элементов этой этноконфессиональной общины. Отмена лашманской повинности и статуса государственных крестьян, кантонной системы, ликвидация Башкирского войска обозначали переход мусульман Волго-Уральского региона в сферу действия общеимперского законодательства. Абсолютное большинство татарского населения, особенно сельского, проживало на территориях, где были введены земское и городское самоуправление. Практически вся экономическая деятельность татар сконцентрировалась в российских владениях или в сферах влияния России. Особый статус они сохранили только как представители нехристианской веры. Развитие в России промышленности предоставляло им возможность работать на предприятиях, не принадлежавших мусульманам. Появление свободных профессий и государственных национальных школ способствовало формированию интеллигенции. Право свободного перемещения и развитие международной финансовой системы создавали возможности для совершения зарубежных поездок [Хабутдинов, 2001, с.90–103].

Реформы Александра II предоставили реальную возможность для развития светских институтов татарского общества. Вместе с тем новые буржуазные институты фактически не изменили в ближайшие годы жизнь большинства татар.

Татарская буржуазия становится все более зависимой как от единого общероссийского рынка, так и от сотрудничества с русской буржуазией. Благодаря этому во многом изменяется сам тип торговца. Первопроходец, постоянно подвергающийся

риску разбойных нападений в Степях или репрессий в деспотических государствах, ведущий торговлю путем товарообмена, добывающий прибыль соответственно риску, превращается в законопослушного гражданина, прежде всего зависимого от чиновников. Утрата единого монопольного рынка привела к созданию фактически не взаимосвязанных и не зависимых друг от друга экономических центров. Отсутствие национальной банковской системы привело к дальнейшему размыванию капиталов и усилению роли мелкой и средней буржуазии.

Структура татарского общества включала в себя лишь незначительное количество представителей элиты в лице чиновников, лиц свободных профессий, высших слоев буржуазии и духовенства. Однако татары оставались единственным этносом среди мусульманских народов России и среди нерусских народов Волго-Уральского региона, обладавшим мобильным городским средним классом [Noack, 1993, таб.Па].

Теория формирования наций, не имеющих собственной государственности, – недоминирующих этнических групп изучается с помощью методики чешского историка Мирослава Хроха. Он различает два типа малых наций. Первую составляют «нации без истории», не имевшие государственности в докапиталистический период, вторую – «исторические нации» – «группа наций, составлявших политические общности в средние века, обладавших собственным суверенным феодальным классом, но потерявшие свою политическую независимость или ее основные атрибуты до того, как они превратились в современные нации». К числу последних мы относим татар.

Основой для исламской идентичности в российский период истории стала махалля. Соответственно махалля в регионе превра-

тилась, главным образом, в сельскую структуру. Если ОМДС осуществляло связь между членами уммы своего округа, то именно махалля являлась центром объединения на уровне структур повседневности.

По модели М.Хроха в общественном движении татар правомерно выделить три стадии становления нации (фазы А, Б, В).

Период научного интереса к языку, истории, культуре нации (фаза А), когда ведущую роль играет группа интеллектуалов, у татар начался с 1820-х гг. (деятельность Хальфиных и Г.Утыз Имяни по опубликованию памятников истории и литературы, деятельность Ш.Марджани, Х.Фаизхана, К.Насыри и т.д.).

Период патристической агитации (фаза Б), когда группа активистов занимается распространением национального самосознания путем агитации, характеризовался следующими явлениями: программой казанских купцов 1879 г. о реформировании ОМДС и о равных правах для мусульман наряду с русским населением, ходатайствами татар о создании периодической печати, деятельностью газеты «Тарджеман» и реформой традиционной школы.

Подъем массового национального движения (фаза В), когда национальное самосознание становится заботой широких масс, и национальное движение имеет стабильную организационную структуру, распространяющуюся на всю территорию (или нацию. – А.Х.), у татар наблюдался в период Первой российской революции 1905–1907 гг.

На первоначальном этапе развития мусульманское татарское общество Европейской России и Сибири было выделено российским государством в форму ОМДС, близкую к «*millet*»: «миллет – это форма церковного и религиозного самоуправления, применяющая обычное право, особенно по отношению таких факторов личного статуса, как брак, развод и наследование» [Ra'anap, 1991, p.17].

Теоретики либерального политического движения российских мусульман использовали термин «нация» в значении, принятом после Великой Французской революции. Поэтому, например, И.Гаспринский и С.Максуди говорили не о тюркской нации (Nation), а использовали термины «народ-

ность» или «национальность» (Nationalite) и говорили о российских мусульманах именно как о политико-правовой общности, отличной от христиан. Ю.Акчура и А.Агаев, наоборот, сравнивали процесс образования нации тюркок-мусульман России с процессами создания национальных государств в Европе. Важнейшими процессами, приведшими к образованию нации мусульман России, А.Агаев считал культурное и языковое единство и социальную стратификацию общества [Agaev, 1911].

Общественное движение мусульманских народов России на рубеже XIX–XX вв. рассматривалось его теоретиками как движение, направленное на создание нации российских мусульман. Мусульманской татарской элитой, начиная с Ш.Марджани, в качестве образца был выбран европейский вариант национализма, т.е. гражданский национализм [Хабутдинов, 2001, с.26–27]. Общественное движение мусульман России, особенно татар, в 1890–1910-е гг. было представлено двумя основными направлениями: джадидизмом и кадимизмом, представители которых в начале XX в. находились в состоянии жесткого противостояния друг с другом.

Российские мусульмане в лице элиты татар Волго-Уральского региона, крымских татар и азербайджанцев в рамках джадидского движения начали целенаправленную деятельность по нациестроительству. В силу ряда причин татары сыграли объединительную роль во всероссийском масштабе. И.Гаспринскому и его соратникам джадидам удалось объединить усилия трех традиционных групп элиты и превратить национальную светскую интеллигенцию в новую группу элиты. В период до российской революции 1905–1907 гг. в условиях запрета на политическую деятельность основными формами движения стали издание газеты «Тәржеман», создание современного языка российских тюркок-мусульман – «тюрки» и многожанровой литературы на нем, формирование сети джадидских мектебов и медресе, отправка мусульман в светские учебные заведения, деятельность благотворительных обществ и попечительских советов. Роль общероссийского центра движения российских мусульман приобретает Бах-

чисарай, как экспериментальная площадка джадидского образования и центр печатного концерна во главе с газетой «Тәржеман». Средневековый миллет ОМДС начал трансформацию в сторону формирования нации российских мусульман [Хабутдинов, 2003, с.83–103].

К началу XX в. выкристаллизовываются два основных общественных движения с противоположными взглядами на развитие татар. В лице кадимизма мы наблюдаем типичную идеологию консервативно-охранительного типа, ориентированную на сохранение и воспроизведение средневековых институтов и взаимоотношений личности и коллектива. Кадимизм ориентировался на сохранение традиционного средневекового миллета с максимально возможной степенью автаркии от российского государства и общества, а джадидизм – на создание нации мусульман России или отдельных наций (например, татар) по образцу европейских наций при параллельном создании конституционного правового государства в России. И кадимизм, и джадидизм были ответами татарского общества на модернизацию российского государства и общества, начатую Александром II. Кадимизм во многом был вызван к жизни неадекватным учетом религиозных особенностей мусульман со стороны российского правительства во второй половине XIX в. и ограничением монополии мусульманского духовенства в сфере образования.

В начале 1890-х гг. джадидский национальный проект был поддержан большей частью татарской национальной элиты. При этом вопрос о типе идентичности и границах нации оставался размытым. Основными вариантами можно назвать три: традиционный мусульманский (на базе миллета ОМДС), татарский и общероссийский мусульманский (тюркистский) проекты. Татарское общество в лице его законопослушной элиты выжидало начало ситуации, позволяющей ему развернуть общественно-политическую активность. Она возникла только в период революции 1905–1907 гг.

На протяжении указанного периода среди татар существовали две основные модели развития нации, которые обозначаются как западная концепция гражданской нации

и восточная концепция этнической нации [Hroch, 1985]. Первая модель предусматривала создание религиозной автономии с шариатским судом и была высказана Батыршой и депутатами-татарами в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. В 1788 г. контуры татарской нации были определены миллетом ОМДС. Концептуально модель гражданской нации берет начало в идеях Ш.Марджани о религиозной автономии и равноправии мусульман с христианами. Она продолжается в доктрине либералов: в идее И.Гаспринского о нации российских мусульман.

Восточная концепция этнической нации берет начало в творчестве К.Насыри с его ориентацией на средние и низшие слои, разработкой разговорного языка, этнографическим описанием татарских обычаев и традиций и продолжается, прежде всего, татарскими социалистами и/или татаристами. Ее предпосылками были идеи об общем этническом происхождении мусульман Волго-Уральского региона [Хабутдинов, 2001, с.144–190].

Улема, буржуазия и мурзы на протяжении XIX в. концентрировались на общенациональном уровне на планах реформы ОМДС, превращения его в подлинно автономную структуру, основанную на выборности духовенства от имама до муфтия, контроле над вакуфами, медресе, нормами шариатского семейного права [Хабутдинов, 2010a].

Ш.Марджани теологически открыл в мусульманском мире дорогу И.Гаспринскому с его идеей создания нации мусульман России по европейскому образцу. Ш.Марджани стремился объединить в единый татарский миллет всех мусульман округа ОМДС независимо от их сословно-этнической принадлежности, а также по возможности исламизировать кряшен, чувашей и угро-финские народы края.

Основной общенациональной доктриной элиты стал джадидизм. Он являлся преимущественно светским движением, возглавляемым интеллигенцией, а не улемами, поэтому неправомерно его отождествление с европейской реформацией. Теологически уже Ш.Марджани обосновал возможность модернизаторских реформ в сфере общественного развития. Одной из таких реформ

была реформа образования – «усул джадид». Фактически всю реформаторскую деятельность мусульман России можно определить в нескольких основных аспектах: реформа образования, политическая реформа в России и создание конституционного правового государства и реформа ряда норм исламского права.

Доминанта просвещения на первоначальном этапе общественного движения, распространение национальных идей среди всех слоев общества, сотрудничество с российскими властями и органами самоуправления составили основу взглядов И.Гаспринского.

Основной доктриной мусульманских модернизаторов России конца XIX – начала XX в. являлся позитивизм, согласно которому основной целью общественного движения было создание общественного консенсуса в рамках нации [Georgeon, 1980, p.60]. Наиболее известной формулой такого рода консенсуса является лозунг Исагила Гаспринского «Единство в языке, мыслях и действиях».

В итоге, к 1905 г. в целом можно говорить о достижении основных целей просветительского этапа джадидизма. В ходе него были созданы новометодные мектебы и медресе с учебной литературой, издаваемой в ряде новых мусульманских типографий. Сформировался единый литературный язык мусульман России и художественная многожанровая литература на нем. Мусульманская элита России начала получать русскоязычное образование. В крупнейших городских центрах возникли благотворительные общества как культурно-просветительные центры общин. Таким образом, сформировались институты общенационального светского образования, и вопрос стоял уже об их расширении и повышении уровня просвещения [Хабутдинов, 2001, с.168]. Джадидизм на этапе 1880-е гг. – 1905 г. концентрировался на реформе традиционного конфессионального образования, введении звукового (усул савтия) или нового метода (усул джадид) обучения в противовес средневековой схоластике. Ситуация коренным образом изменилась только в период революции 1905–1907 гг.

Приложения

I. Социально-экономическое развитие татар

§ 1. Социально-экономическое развитие Волго-Уральского региона в XIX – начале XX в. в свете статистических данных

Изучение социально-экономической истории XIX в. в значительной степени основано на разнообразных статистических документах, описаниях и обследованиях, переписях (населения, хозяйств и владений), описаниях и картографических атласах городов и селений.

В дореформенный период в Российской империи переписи податного населения (ревизии), носившие фискальный характер, проводились регулярно. С 1718 г. по 1859 г. было проведено 10 ревизий. Министерство финансов курировало их проведение. Материалы ревизий являются единственным масштабным источником по изучению демографических процессов и социально-экономической истории второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Отечественные историки широко используют данные этих ревизий, в таблицах 1–3, 6 представлены сведения за 1795 г. и 1857 г.

В Российской империи статистические обследования получили планомерный, систематический и целенаправленный характер с середины XIX в. К этому же времени относят процессы институционализации статистики. В 1863 г. был образован Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, затем были созданы губернские статистические комитеты, которые на протяжении всего периода существования Российской империи собрали и подготовили к публикации огромный массив статистических данных по всей стране, губерниям и районам.

Государственные статистические обследования второй половины XIX в. ставили целью сбор, проверку и публикацию сведений по разным сферам жизни страны. В «Статистике урожая в крестьянских хозяйствах за два десятилетия (1861–1870 гг. и 1871–1880 гг.)» (табл.4, 19 (13), 22(15)). Всероссийская промышленная перепись 1900 г. учитывала размещение предприятий обрабатывающей промышленности с годовым производством не менее 1 тыс. руб. (табл.17(11)). «Статистика землевладения 1905 г.» фиксировала изменения в размерах и формах земельной собственности во всех уездах, губерниях и районах Европейской России (табл.21(14)).

Наряду с государственными органами статистики в XIX в. действовали земские статистические учреждения (земская, параллельная, общественная статистика). Земская статистика разнообразнее по тематике, методике сбора данных, степени охвата участников в пределах уездов и губерний. Она основана не только на сплошных переписных опросах, но и добровольных ответах корреспондентов. Развитие земской статистики в значительной степени зависело от субъективного фактора и финансовых возможностей конкретного земства.

По мере развития и усложнения хозяйственных отношений получала распространение ведомственная статистика (см., например, отчеты Государственного банка (табл.13, 14), а также учет, организуемый бизнес-сообществом. Так, по инициативе Комитета съездов представителей земельных банков в 1892–1917 гг. публиковалась «Статистика долгосрочного кредита в России», позволяющая просматривать изменения в землевладении и его кредитной задолженности (табл.10, 15, 15а 15б).

В XIX в. в российской статистике развивались разнообразные научные школы, российские статистики были активными участниками международных статистических конгрессов.

Научная постановка статистического учета в России предполагала ежегодные (периодические) обследования, которые проводились по единой методике с набором единообразных и сопоставимых сведений. В подавляющем большинстве случаев такой подход выдерживался. Проведение разнообразных статистических обследований на протяжении десятилетий, их широкая публикация позволяют проследить эволюцию разнообразных процессов экономической, социальной и культурной жизни российской провинции.

Наиля Тагирова

№ 1

Таблица 1

Главные районы прихода населения в 1815–1842 гг. (душ м.п.)

Район	1815–1830 гг.	1826–1842 гг.
Нижнее Поволжье	19613	65700
Южное Приуралье	8429	28380
Новороссия	12877	24348
Сибирь	9485	26055

Источник: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.43.

№ 2

Таблица 2

Динамика численности и доли мужчин по районам России в первой половине XIX в. (1795–1857 гг.)

Район	1795 г.		1857 г.	
	душ м.п.	% к итогу	душ м.п.	% к итогу
Центральный промышленный	3036913	27,9	3836960	21,1
Центральный земледельческий	2963872	27,3	4600685	25,3
Северный	383515	3,5	556992	3,0
Озерный	920883	8,5	1238026	6,8
Нижнее Поволжье	495918	4,6	1365528	7,5
Южное Приуралье	380282	3,5	1319403	7,3
Северное Приуралье	916463	8,4	1922321	10,6
Средне Поволжье	1182399	10,9	1987657	10,9
Сибирь	594618	5,5	1355661	7,5
Вся Россия в границах первой ревизии	14075187	100	23103824	100

Источник: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.52–56.

№ 3

Таблица 3

Численность податного и неподатного населения в Урало-Поволжском регионе на протяжении первой половины XIX в.

Показатель	Казанская губ.	Пензенская губ.	Симбирская губ.	Саратовская губ.	Астраханская губ.	Пермская губ.	Вятская губ.	Оренбургская губ.
1795 г., 5-я ревизия								
Все население	414489	347440	420470	381413	114505	452728	453735	380282
В %	100	100	100	100	100	100	100	100
Крестьяне податные	395063	336668	396574	344011	39377	407438	450128	241634
% от всего населения	95,3	96,8	94,3	90,2	34,4	89,9	97,0	63,5
Податное город. население	9248	4718	8931	17555	5772	9877	6145	3833
% от всего населения	2,2	1,4	2,1	4,6	5,0	2,2	1,3	1,0

Неподатное население	10178	6054	14965	19847	69356	35413	7463	134815
% от всего населения	2,5	1,7	3,6	5,2	60,6	7,8	1,6	35,5

Источник: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.107–115.

Таблица 3а

Показатель	Казанская губ.	Пензенская губ.	Симбирская губ.	Саратовская губ.	Астраханская губ.	Пермская губ.	Вятская губ.	Оренбургская губ.
1857 г., 10-я ревизия								
Все население	712061	586759	688837	1013377	178364	909896	1012425	1289044
В %	100	100	100	100	100	100	100	100
Подат. население крестьянское	660605	506737	635140	926752	47711	796095	921143	661774
% от всего населения	92,8	86,4	92,2	91,5	26,7	87,5	90,9	51,3
Подат. население городское	24160	16420	29333	61687	14831	16128	14737	26280
% от всего населения	3,4	2,8	4,3	6,1	8,3	1,8	1,5	2,0
Состоящее на льготе	977	1360	1775	1271	2123	721	554	4935
% от всего населения	0,1	0,2	0,25	0,1	1,2	0,07	0,05	0,4
Неподат. население	26319	62242	22589	23667	113699	96952	75991	596055
% от всего населения	3,7	10,6	3,3	2,3	63,7	10,7	7,5	46,2

Источник: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.161–175.

№ 4

Таблица 4

**Посевы и урожай хлеба на крестьянских
наделных землях в 1861–1870 гг.**

Губерния	Посеяно, тыс. пуд.	Собрано, тыс. пуд.	Сам- сколько	Собрано на каждого едока (пуд.)	Число неурожав
Центральный промышленный р-он					
Московская	6898	15758	2,28	14,510	8
Владимирская	8587	24718	2,88	21,382	5
Ярославская	6837	19615	2,87	24,673	7
Костромская	8169	25301	3,10	24,684	7
Тверская	8725	21228	2,43	15,349	7
Калужская	7579	18504	2,44	20,838	6
Смоленская	9984	24520	2,46	26,394	7
Центральный черноземный р-он					
Тамбовская	13804	71165	5,16	39,253	8
Тульская	9389	30646	3,26	28,141	5
Пензенская	9833	35375	3,60	31,444	6
Воронежская	18129	56671	3,13	29,501	10

Орловская	10135	37836	3,73	27,299	5
Курская	13127	47680	3,63	27,153	8
Рязанская	8894	34154	3,84	24,677	7
Северо-Западный р-он					
Петербургская	2547	8343	3,28	17,827	2
Новгородская	6468	17821	2,76	23,663	6
Псковская	4527	12490	2,76	18,287	9
Среднее Поволжье					
Нижегородская	8524	34599	3,63	29,050	2
Казанская	12682	36329	2,86	24,398	8
Симбирская	8571	34417	4,02	31,203	5
Саратовская	13728	50450	3,68	32,257	6
Приуралье					
Вятская	24378	70390	2,89	32,618	9
Пермская	16247	44948	2,77	20,102	6
Уфимская	9288	33943	3,65	29,185	2
Оренбургская	6993	26619	3,81	30,144	2
Степной р-он					
Самарская	17149	65192	3,80	38,598	4
Астраханская	879	3577	4,07	16,333	4
Северный р-он					
Вологодская	4652	14878	3,20	16,250	9
Олонецкая	1142	3702	3,24	13,419	7
Архангельская	507	1672	3,30	7,011	4
Итого по 30 губерниям	279372	922541	3,30	26,533	181

Источник: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С.174–175.

№ 5

Таблица 5

Средняя урожайность зерновых культур на крестьянских наделных землях к середине XIX в. (сам-сколько)

Губерния	1851–1860 гг.	1861–1870 гг.	1871–1880 гг.
Центральный промышленный р-он			
Московская	2,29	2,28	2,35
Ярославская	2,59	2,87	3,08
Костромская	2,81	3,10	3,03
Тверская	2,40	2,43	2,64
Калужская	2,13	2,44	2,45
Смоленская	2,16	2,46	2,54
Центральный черноземный р-он			
Тамбовская	3,42	5,16	4,95
Тульская	3,08	3,26	3,44
Пензенская	3,52	3,60	4,16
Воронежская	3,12	3,13	3,73
Орловская	2,93	3,73	4,12
Курская	1,86	3,63	4,48
Рязанская	3,09	3,84	4,14
Северо-Западный р-он			
Петербургская	2,92	3,28	2,88
Новгородская	2,55	2,76	2,98

Удельные	15736	–	322549	45979	–	17218	81751	40112
% от всех крестьян	2,4	–	50,8	4,9	–	2,2	8,9	6,1
Государственные	541781	239062	55317	538832	42090	600651	812530	502128
% от всех крестьян	82	47,2	8,1	58,1	88,2	75,4	88,2	75,9
Непомещичьи	557517	239062	377866	584811	42090	617869	894281	542240
% от всех крестьян	84,4	47,2	59,5	63,1	88,2	77,6	97,1	81,9
Помещичьи	103088	239062	257274	341941	5621	178226	26862	119534
% от всех крестьян	15,6	52,8	40,5	36,9	11,8	22,4	2,9	18,1

Источник: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.167–175.

№ 7

Таблица 7

Распределение по земельным полосам территорий Волго-Уральского региона на основании «Местных Положений о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских»¹

Губерния, уезд	Нечерноземная полоса (уезд)	Черноземная полоса	Степная полоса
Астраханская			Полностью
Вятская	Нолинский, Слободской, Уржумский, Яранский	Елабужский, Сарапульский, Малмыжский	
Казанская	Казанский, Царевококшайский, Лаишевский (частично), Мамадышский, Чебоксарский	Козмодемьянский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Цивильский, Ядринский, Лаишевский (частично), Мамадышский, Чебоксарский	
Оренбургская		Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Троицкий, Уфимский, Челябинский, Оренбургский (частично), Стерлитамакский	Оренбургский (частично), Стерлитамакский
Пензенская	Городищенский, Краснослободский	Инсарский, Керенский, Мокшанский, Наровчатский,	

¹ Сведения сгруппированы на основании «Местного Положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях Великороссийских, Новороссийских, Белорусских», где в разделе 1, (глава 1, отдел 2 «Об определении размера надела») было произведено разделение на полосы и местности, в зависимости от которого определялся размер надела крестьян, выходявших из крепостной зависимости.

		Нижнеломовский, Пензенский, Саранский, Чембарский	
Пермская	Кунгурский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чардынский, Екатеринбургский (частично)	Ирбитский, Красноуфимский, Осинский, Шадринский, Екатеринбургский (частично)	
Симбирская		Полностью	
Самарская		Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Самарский, Ставропольский, Николаевский (частично)	Новоузенский, Николаевский (частично)
Саратовская		Аткарский, Балашовский, Вольский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский, Хвалынский, Камышинский (частично)	Царицынский, Камышинский (частично)

Источник: Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С.181–188. Электронный ресурс: <http://on-island.net/History/1861/Docs1861.pdf>

№ 8

Таблица 8

Средние размеры крестьянских наделов помещичьих крестьян до и после реформы 1861 г.

Губернии	Средний размер дореформенного крестьянского надела, дес.	Средний размер послереформенного крестьянского надела, дес.
Пензенская	2,8	2,2
Саратовская	3,8	2,4
Симбирская	2,9	2,4
Казанская	3,0	2,3
Вятская	3,2	3,0
Пермская	5,5	4,0

№ 9

Таблица 9

Динамика и доля поступлений выкупных платежей бывших помещичьих крестьян (в % от суммы, предназначенной к платежу в данный год)

Губерния	1864 г.	1873 г.	1882 г.
Пензенская	45,8	41,2	19,8
Казанская	40,6	3,4	115,3
Симбирская	48,7	15,1	56,9
Саратовская	44,8	19,1	63,0

Самарская	46,6	45,2	314,1
Астраханская	22,4	3,7	2,8
Оренбургская	46,3	51,8	164,3
Уфимская	59,1	86,3	237,4
Вятская	14,9	2,8	11,0
Пермская	–	19,0	12,4

Источник: Дружинин Н.М. Ликвидация феодальной системы в русской помещицкой деревне (1862–1882 гг.) // Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С.308–309. Составлена на основе отчетов Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа до 1 января 1892 г. СПб., 1893. Прил.21, 22.

№ 10

Таблица 10

**Задолженность частного землевладения Волго-Уралья
в конце XIX в. в Акционерных земельных банках и
Государственном Дворянском земельном банке**

Показатель	Приуральский р-он	Средне- Волжский р-он	Юго-Восточный р-он	Всего по Российской империи (50 губерний Европейской России)
	Вятская губ. Пермская губ.	Пензенская губ. Симбирская губ. Саратовская губ. Казанская губ.	Самарская губ. Уфимская губ. Оренбургская губ. Астраханская губ.	
1885 г.				
Общее количество земли, тыс. дес.	43 646	19947	40730	299260
Количество земли в частном владении, тыс. дес.	9464	6134	7239	90118
В %	100	100	100	100
Количество земли, взя- той в залог, тыс. дес.	314	2674	1642	22665
В %	3,3	43,6	22,7	29,6
В т.ч. в акционерных земельных банках	313	1160	922	12333
ГДЗБ ²	–	–	–	–
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	1770	126308	23657	923317
В т.ч. в АЗБ ³	1727	61488	14737	499228
ГДЗБ	–	–	–	–
Сумма выданных ссуд	884	74931	13556	563360
В т.ч. АЗБ	852	32815	8212	268111
ГДЗБ	–	–	–	–

Источник: Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX – начале XX вв. Статистика долгосрочного кредита в России / Сост. Н.А.Проскурякова. М., 1980. С.32–39.

² Государственный Дворянский земельный банк.

³ Акционерный земельный банк.

№ 11

Таблица 11

**Протяженность железнодорожных и водных путей сообщения
в губерниях (верст на кв. версту) к 1900 г.⁴**

Губерния	Железнодорожных верст	Длина водных путей
Астраханская	0,5	2,5
Вятская	1,6	4,9
Казанская	1,5	8,7
Оренбургская	1,5	0
Пензенская	10,2	4,5
Пермская	2,2	4,0
Самарская	4,9	4,2
Саратовская	9,3	4,5
Симбирская	7,1	10,0
Нижегородская	2,3	6,6
Уфимская	2,8	4,3

Источник: Промышленность России на рубеже XIX–XX в. М., 1991. С.18–19.

№ 12

Таблица 12

**Средства, внесенные в Государственный банк сберегательными кассами
по районам Европейской России в 1890 и 1895 гг.**

Район	Сумма вкладов в 1890 г., в руб. и процентных бумагах	Доля от годовой суммы, в %	Сумма вкладов на начало 1895 г., в руб. и процентных бумагах	Доля от годовой суммы, в %
Заволжский	4657476	3,4	11509193	3,4
Юго-Восточный	7007991	4,9	17855168	5,3
Северный	2770074	1,2	6573576	2,0
Петербургский	17864981	12,7	34666625	10,3
Центральный промышленный	32498533	22,9	79948022	23,8
Центрально-земледельческий	27508320	19,3	57661663	17,3
Северо-Восточный	11114184	7,9	22117136	6,6
Малороссийский	7085731	5,0	17475982	5,3
Юго-Западный	6671829	4,7	16779630	5,9
Новороссийский	6999858	4,9	18398548	5,5
Северо-Западный	6311161	4,4	18217017	5,4
Прибалтийский	3927705	2,7	11618279	3,5
Привисленский	3626665	2,6	12264200	3,6
Закавказский	4764807	3,4	10081116	3,0
50 губерний Европейской России		100		100

Источник: Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007. С.119.

⁴ Данные о плотности железнодорожного и водного транспортного сообщения приведены на основе статистических данных, использованных авторами коллективной монографии [см.: Промышленность России, 1991].

№ 13

Таблица 13

Сведения о работе поволжских отделений Государственного банка в 1905 г.⁵

Отделение	Выдано по учету и ссудам, тыс. руб.	Поступило на вклады и текущие счета, тыс. руб.	Размер притока (+) или оттока (-) капиталов из отделения, тыс. руб.
Самарское	37088	64654	-27566
Симбирское	7626	24150	-16524
Казанское	11101	47793	-36692
Саратовское	40838	75424	-34586
Царицынское	8692	18229	-9537
Сызранское	5088	6885	-1797
Пензенское	16168	18598	-2430
Всего	126601	255733	

Источник: Государственный банк. Данные по конторам и отделениям. 1905–1914 гг. Пг., 1915. С.53–56, 45–48, 65–68, 153–156, 161–168, 169–172, 181–184.

№ 14

Таблица 14

**Число вексельных кредитов
в местных отделениях Госбанка в 1905 г.**

Самарское отделение	Саратовское	Казанское	Симбирское	Пензенское	Сызранское	Царицынское	Уфимское	Итого
Число вексельных кредитов								
283	410	286	157	121	139	278	176	1850
Средний размер вексельных кредитов, руб.								
32731	35614	17269	12668	21305	12064	17413	13386	149064
Учтено местных векселей, тыс. руб.								
7452	9077	1899	1211	4526	1121	2384	1055	28725
Иногородних векселей учтено, тыс. руб.								
2764	5560	1971	330	2014	859	1876	756	16130
Выдано ссуд под товары, число								
788	2821	43	65	1504	68	11	175	5475
Размер подтоварной ссуды, тыс. руб.								
3245	4325	329	325	1059	1963	220	5618	17084
На подтоварные документы, тыс. руб.								
5817	8674	4	14	3295	34	2	22	

Источник: Государственный банк. Данные по конторам и отделениям. 1905–1914 гг. Пг., 1915. С.53–56, 45–48, 65–68, 153–156, 161–168, 169–172, 18–184.

⁵ Табл.13 и 14 составлены на основе регулярно публикуемых в начале XX в. отчетов Государственного банка, в которых приводились сведения о работе каждого отделения. Анализ сведений о размере вкладов и выданных в течение года кредитов позволяет составить представление о роли регионов в денежно-кредитных отношениях Российской империи.

№ 15

Таблица 15

Статистика долгосрочного кредита в Поволжье и Приуралье в 1885–1915 гг.⁶

Район	Приуральский	Средне-Волжский	Юго-Восточный	Всего по Российской империи (50 губерний Европейской России)
Губернии	Вятская Пермская	Пензенская, Симбирская, Саратовская, Казанская	Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская	
1885 г.				
Общее количество земли, тыс. дес.	43646	19947	40730	299260
Земля в частном владении, тыс. дес.	9464	6134	7239	90118
Земля, взятая в залог, тыс. дес.	314	2674	1642	22665
В т.ч. в акционерных земельных банках	313	1160	922	12333
ГДЗБ	–	–	–	–
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	1770	126308	23657	923317
В т.ч. АЗБ	1727	61488	14737	499228
ГДЗБ	–	–	–	–
Сумма выданных ссуд	884	74931	13556	563360
В т.ч. АЗБ	852	32815	8212	268111
ГДЗБ	–	–	–	–

Таблица 15а

Район	Приуральский	Средне-Волжский	Юго-Восточный	50 губерний Европейской России
Губерния	Вятская, Пермская	Пензенская, Симбирская, Саратовская, Казанская	Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская	
1895 г.				
Общее количество земли, тыс. дес.	43646	20629	42205	312315
Земля в частном владении, тыс. дес.	8464	6104	7709	101643
Земля, взятая в залог, тыс. дес.	1940	3478	2999	43471
В т.ч. в АЗБ	1861	658	758	16495
ГДЗБ	69	1486	957	10415
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	13655	193831	52103	2075541

⁶ Н.А.Проскуракова на основе губернских данных, а именно «Статистики долгосрочного кредита в России», издаваемой в 1892–1917 гг. Комитетом съездов представителей земельных банков, сгруппировала их по районам.

В таблицах приведены сводные данные, которые позволяют проследить в динамике за 20 лет (1885–1905 гг.), за 30 лет (1885–1915 гг.) и отдельно по десятилетиям изменения абсолютных размеров частных земельных владений, заложенных в кредитные учреждения страны, соотношение частного и государственного ипотечного кредита, уровень оценки земли и объемы ссуд, выданных земельным собственникам в Приуральском, Средне-Волжском и Юго-Восточном регионах Российской империи.

Н.А.Проскуракова использовала к работе материалы «Сборников статистических сведений по земельному кредиту в России», «Статистику землевладения 1905 г.». Сводный статистический материал обладает высоким уровнем достоверности, так как первичные опубликованные документы, использованные Н.А.Проскураковой, представляли собой единообразные, полные, регулярно издаваемые массивы данных о состоянии земельного кредита в различных губерниях империи.

В т.ч. в АЗБ	11685	40586	13358	713427
ГДЗБ	1636	87223	20804	612324
Сумма выданных ссуд, тыс. руб.	6358	113728	30302	1176228
В т.ч. АЗБ	5287	21561	7219	388974
ГДЗБ	915	51231	12123	354604
1905 г.				
Общее количество земли, тыс. дес.	44196	20738	44326	330520
Земли в частном владении, тыс. дес.	8835	6219	8574	106438
Земля, взятая в залог, тыс. дес.	3464	4003	4671	55071
В т.ч. в АЗБ	3308	547	1617	20768
ГДЗБ	55	2237	1640	16660
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	45596	272248	140104	3538776
В т.ч. в АЗБ	41946	40797	48924	1102767
ГДЗБ	1254	147966	51951	1242962
Сумма выданных ссуд, тыс. руб.	26123	174513	88519	2076245
В т.ч. АЗБ	23632	21884	27552	613570
ГДЗБ	674	85690	29298	717359

Таблица 15б

Район	Приуральский	Средне-Волжский	Юго-Восточный	50 губерний Европейской России
Губерния	Вятская, Пермская	Пензенская, Симбирская, Саратовская, Казанская	Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская	
1915 г.				
Общее количество земли, тыс. дес.	42127	19715	42069	42069
Земля в частном владении, тыс. дес.	9679	5722	8946	8946
Земля, взятая в залог, тыс. дес.	5573	4518	5426	5426
В т.ч. в АЗБ	5254	767	1807	1807
ГДЗБ	39	1419	1072	1072
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	107549	470184	285697	285697
В т.ч. в АЗБ	98190	93975	105597	105597
ГДЗБ	1324	124458	49002	49002
Сумма выданных ссуд, тыс. руб.	59343	328838	191131	191131
В т.ч. АЗБ	51923	50934	55098	55098
ГДЗБ	740	63486	27637	27637

Источник: Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX – начале XX вв. Статистика долгосрочного кредита в России / Сост. Н.А.Проскуракова. М., 1980. С.32–39.

№ 16

Таблица 16

**Распределение промышленности по районам,
числу рабочих и сумме производства в 1887–1908 гг.**

Район	Число рабочих				Стоимость производства, тыс. руб.			
	1887 г.	1900 г.	1908 г.	1912 г.	1887 г.	1900 г.	1908 г.	1912 г.
Северный	6102	14842	20346	22416	5446	16897	27166	34145
В % к итогу	0,5	0,7	0,9	0,9	0,4	0,5	0,6	0,6
Северо-Западный	89566	162846	174280	169865	155345	302612	424424	505746
В % к итогу	7,4	8,1	7,5	6,9	11,1	9,6	9,6	9,0
Центральный промышленный	398147	621995	723151	787781	434891	836782	1196926	1603591
В % к итогу	32,9	30,8	30,8	32,2	31,1	26,5	27,0	28,5
Центральный черноземный	38366	62754	69455	60345	51073	94688	134769	148378
В % к итогу	3,2	3,1	3,0	2,4	3,7	3,0	3,0	2,6
Западный	34414	44446	56424	58803	36196	68200	69598	92901
В % к итогу	2,8	2,2	2,4	2,4	2,6	2,2	1,6	1,7
Северо-Кавказский и Южный	25961	72195	102218	120303	19116	118563	199473	313799
В % к итогу	2,2	3,5	4,4	4,9	1,4	3,8	4,5	5,6
Поволжский	35522	60785	68125	63846	49036	130402	193794	225076
В % к итогу	2,9	3,0	2,9	2,6	3,5	4,1	4,4	4,0
Уральский	165144	194616	196440	172247	90383	153416	204606	215652
В % к итогу	13,7	9,7	8,4	7,0	6,5	4,9	4,6	3,8
Западно-Сибирский	36584	42780	33333	41780	24563	26268	53635	51764
В % к итогу	3,0	2,1	1,4	1,7	1,7	0,8	1,2	0,9
Восточно-Сибирский	14037	28182	38627	53060	20934	33012	47754	59592
В % к итогу	1,2	1,4	1,6	2,1	1,5	1,1	1,1	1,1
Украина	152460	292402	367318	388188	204382	553551	743394	903066
В % к итогу	12,6	14,5	15,7	15,9	14,4	17,6	16,8	16,1
Закавказский	31024	60835	59282	54133	22798	217109	233205	316584
В % к итогу	2,5	3,0	2,5	2,2	1,6	6,9	5,3	5,6
Туркестан	1446	7590	12752	14118		14693	79774	84410
В % к итогу	0,1	0,4	0,5	0,6	0,2	0,5	1,8	1,5
Польша, Финляндия, %	15,0	17,5	18,0	18,2	20,3	18,5	18,5	19,0
Россия, в т.ч. Польша и Финляндия	1219342	2016489	2341094	1455589	1400905	3148947	4429230	5621539
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX в.). М., 1994.

№ 17

Таблица 17

Сведения о предприятиях обрабатывающих отраслей промышленности к началу XX в. по экономическим районам (по данным фабрично-заводской переписи 1900 г.)⁷

Губерния, район	Число предприятий	Стоимость производства, тыс. руб.	Число рабочих
Центральный промышленный р-он	3589	820207	629193
Центральный черноземный р-он	1028	99970	71859
Южный р-он	1391	225433	119610
Прибалтийский р-он	957	143 961	77681
Поволжский р-он, в т.ч.	1106	153351	75987
<i>Саратовская губ.</i>	338	60874	25899
<i>Самарская губ.</i>	114	26415	9348
<i>Казанская губ.</i>	174	34064	14866
<i>Оренбургская губ.</i>	161	14387	4829
<i>Симбирская губ.</i>	136	17440	13497
<i>Астраханская губ.</i>	184	10171	7558
Уральский р-он, в т.ч.	526	50214	33099
<i>Пермская губ.</i>	240	28904	15904
<i>Вятская губ.</i>	183	14543	13636
<i>Уфимская губ.</i>	103	6731	3559
Западный р-он	2086	76739	57204
Закавказский р-он	280	25295	13552
Северо-Кавказский р-он	154	21010	6484
Северный р-он	308	37106	35851
Польша	2742	354102	22058

Источник: Промышленность России на рубеже XIX–XX вв. М., 1991. С.62–65.

№ 18

Таблица 18

Плотность населения в губерниях Урало-Поволжья во второй половине XIX в.

Губерния	Плотность населения на 1 кв. версту	
	1863 г.	1897 г.
Астраханская	2,6	4,8
Казанская	29,5	39,2
Самарская	11,9	20,2
Саратовская	22,7	32,6
Симбирская	29,5	35,6
Уфимская	12,9	20,7
Оренбургская	5,3	9,7
По Европейской России	14,5	22,2

Источник: Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.76–77.

⁷ Табл. 17 составлена на основе данных Первой Всероссийской промышленной переписи 1900 г., которой были охвачены заведения, учитываемые фабричной инспекцией, со стоимостью годового производства не менее 1 тыс. руб. Обследованию подлежали только предприятия обрабатывающей промышленности, не облагаемой акцизом. В коллективной монографии [Промышленность России, 1991] данные переписи подвергнуты математической обработке.

№ 19

Таблица 19

**Средняя урожайность зерновых культур на крестьянских
наделных землях к середине XIX в. (сам-сколько)**

Губерния	1851–1860 гг.	1861–1870 гг.	1871–1880 гг.
Центральный промышленный р-он			
Московская	2,29	2,28	2,35
Ярославская	2,59	2,87	3,08
Костромская	2,81	3,10	3,03
Тверская	2,40	2,43	2,64
Калужская	2,13	2,44	2,45
Смоленская	2,16	2,46	2,54
Центральный черноземный р-он			
Тамбовская	3,42	5,16	4,95
Тульская	3,08	3,26	3,44
Пензенская	3,52	3,60	4,16
Воронежская	3,12	3,13	3,73
Орловская	2,93	3,73	4,12
Курская	1,86	3,63	4,48
Рязанская	3,09	3,84	4,14
Северо-Западный р-он			
Петербургская	2,92	3,28	2,88
Новгородская	2,55	2,76	2,98
Среднее Поволжье			
Нижегородская	3,27	3,63	3,65
Саратовская	3,67	3,68	3,94
Приуралье			
Вятская	3,26	2,89	3,09
Пермская	3,46	2,77	3,30
Степной р-он			
Самарская	3,03	3,80	3,71
Северный р-он			
Вологодская	3,38	3,20	3,36
Олонецкая	3,59	3,24	3,59
Архангельская	3,25	3,30	3,55

Источник: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С.180.

№ 20

Таблица 20

**Таблица нормальных цен на землю, принятых
Нижегородско-Самарским земельным банком в 1880-е гг.**

Губерния	Уезд	Средняя цена 1 дес. земли, руб. за 1 дес. удобной земли	Примечания
Симбирская	Алатырский	25–50	В зависимости от положения к р.Сура
	Ардатовский	40–50	
	Курмышский	25–45	
	Буинский	35 30	Южная часть Северная часть
	Симбирский	30–45	В зависимости от дальности Московской ж.д.
	Сызранский	16–30	

	Сенгилеевский	12–20	
	Корсунский	15–35	
Казанская	Спасский	40	
	Лаишевский	35	
	Тетюшский	25–30	
	Свияжский	35	
	Чистопольский	17–30	
	Казанский	20–30	
	Чебоксарский	20–25	
	Цивильский, Козмодемьянский, Ядринский, Царевококшайский	По 20	
Самарская	Ставропольский	17–30	
	Самарский	17–30	
	Бузулукский	7–12	
	Бугурусланский	7–15	
	Бугульминский	12	
	Николаевский	8–20	Вдоль р.Волга цены выше
	Новоузенский	–	Отдельные (специальные) цены
Пензенская	Пензенский	50–60	
	Саранский	50	
	Инсарский	50	
	Нижне-Ломовский	50	
	Мокшанский	60	
	Чембарский	50	
	Наровчатский	50	
	Керенский	45	
	Краснослободский, Городищенский		Отдельные (специальные) цены
Пермская	Шадринский, Камышловский, Екатеринбургский, Красноуфимский	По 6	
	Осинский	2–6	
	Кунгурский		Специальная цена
	Оханский, Пермский	По 4	
	Соликамский	5	
	Верхотурский, Чардынский		Специальная цена
Оренбургская	Оренбургский	3–5	До 50 верст от губернского центра
	Орский	3	
	Троицкий	3–4	
	Челябинский	2–3	

Источник: Справочная книжка для желающих заложить свои недвижимые имущества в Нижегородско-Самарском земельном банке. Изд. 5-е. М., 1886. С.74–86.

№ 21

Таблица 21

Сведения о землевладении в Поволжье и Приуралье в 1905 г. (тыс. дес.)

Губерния	Надельная		Частная		Казны и удела		Всего	
	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%
Казанская	3205,4	58,3	734,5	13,4	1558,5	28,3	5498,5	100
Самарская	6712,5	51,6	3544,4	27,2	2760,4	21,2	1307,4	100

Саратовская	3348,9	49,2	2630,5	38,7	819,9	12,1	6799,4	100
Симбирская	1658,2	41,5	1092,4	27,3	1247,9	31,2	3998,6	100
Уфимская	6251,7	58,8	3163,8	29,8	1205,6	11,4	10621,3	100
Оренбургская	10668,2	71,7	2038,7	13,6	2195,6	14,7	14902,8	100
По региону						19,8		100

Источник: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1981. С.35; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма: Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. С.198.

№ 22

Таблица 22

**Сведения о посевах и урожаях хлеба на крестьянских
наделных землях в 1871–1880 гг.**

Губерния	Посеяно, тыс. пуд.	Собрано, тыс. пуд.	Сам- сколько	Собрано на каждого едока, пуд.	Число не- урожаев
Центральный промышленный р-он					
Московская	5991	14101	2,35	12,681	9
Владимирская	8000	21187	2,65	16,895	6
Ярославская	7186	22123	3,08	26,431	4
Костромская	7835	23778	3,03	21,174	5
Тверская	9906	26177	2,64	17,154	7
Калужская	6057	14843	2,45	14,799	2
Смоленская	7916	20101	2,54	19,403	5
Всего по району	52891	142310	2,69	18,032	38
Центральный черноземный р-он					
Тамбовская	13564	67140	4,95	31,580	6
Тульская	8430	29030	3,44	23,412	3
Пензенская	7440	30982	4,16	24,111	7
Воронежская	16737	62495	3,73	27,974	6
Орловская	10609	43709	4,12	27,369	3
Курская	12879	57718	4,48	27,991	1
Рязанская	7649	31685	4,14	19,791	3
Всего по району	77308	322759	4,17	26,575	29
Северо-западный р-он					
Петербургская	2171	6258	2,88	13,315	6
Новгородская	5368	16023	2,98	19,362	3
Псковская	4528	17159	3,79	22,055	14
Всего по району	12067	38440	3,27	18,998	13
Среднее Поволжье					
Нижегородская	8615	31431	3,65	23,866	3
Казанская	14064	45605	3,24	27,227	10
Симбирская	8263	35442	4,29	28,536	5
Саратовская	13578	53556	3,94	29,589	4
Всего по району	44520	166034	3,73	27,471	22
Приуралье					
Вятская	25105	77456	3,09	31,359	5
Пермская	17322	57103	3,30	22,850	2
Уфимская	8902	35023	3,93	25,772	–
Оренбургская	6769	23796	3,51	23,080	3
Всего по району	58098	193378	3,33	26,278	10

Степной р-он					
Самарская	15108	55993	3,71	27,983	6
Астраханская	851	3071	3,61	11,459	7
Всего по району	15959	59064	3,70	26,031	13
Северный р-он					
Вологодская	4122	13848	3,36	13,439	9
Олонецкая	1141	4101	3,59	13,483	3
Архангельская	564	2004	3,55	7,610	–
Всего по району	5827	19953	3,42	12,294	12
Итого по 30 губерниям	266670	942938	3,54	23,943	137

Источник: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С.174–175.

№ 23

Таблица 23

Сведения о транзитных торговых связях Казани с губерниями России в 1871 г.

Административная единица	Чел.	Административная единица	Чел.
1. Вятская губ.	105	24. Уральская обл.	3
2. Уфимская губ.	90	25. Сыр-Дарьинская обл.	3
3. Саратовская губ.	54	26. Лифляндская губ.	3
4. Московская губ.	45	27. Выборгская губ.	3
5. Самарская губ.	44	28. Бакинская губ.	3
6. Симбирская губ.	43	29. Акмолинская обл.	2
7. Нижегородская губ.	42	30. Архангельская губ.	2
8. Оренбургская губ.	39	31. Иркутская губ.	2
9. Пермская губ.	38	32. Калужская губ.	2
10. Ярославская губ.	29	33. Киевская губ.	2
11. Владимирская губ.	15	34. Псковская губ.	2
12. Костромская губ.	12	35. Тифлисская губ.	2
13. Ставропольская губ.	12	36. Виленская губ.	1
14. Санкт-Петербургская губ.	11	37. Воронежская губ.	1
15. Астраханская губ.	10	38. Екатеринославская губ.	1
16. Пензенская губ.	9	39. Кубанская обл.	1
17. Тобольская губ.	8	40. Курляндская губ.	1
18. Донская обл.	7	41. Курская губ.	1
19. Томская губ.	6	42. Рязанская губ.	1
20. Енисейская губ.	5	43. Семипалатинская обл.	1
21. Орловская губ.	4	44. Смоленская губ.	1
22. Тульская губ.	4	45. Херсонская губ.	1
23. Терская обл.	4		
Итого:			676

Источник: НА РТ, ф.98, оп.7, д.59. Подсчитано Л.М.Свердловой.

№ 24

Таблица 24

**Сведения о мусульманах – участниках транзитной торговли через Казань в 1871 г.
(по экономическим районам России)⁸**

Район	Число мусульман, занятых транзитной торговлей через Казань		
	всего по району	к числу торговавших по району через Казань	к числу всех торговавших через Казань
	абс.	%	%
I. Северо-восточный – Земледельческий	66	100	53,2
1. Казанская губ.	52	78,8	41,9
2. Вятская губ.	14	21,2	11,3
II. Южно-Уральский	43	100	34,8
1. Уфимская губ.	25	58,1	20,2
2. Оренбургская губ.	18	41,9	14,6
III. Волжско-Сурский	7	100	5,6
1. Саратовская губ.	1	14,2	0,8
2. Самарская губ.	3	42,9	2,4
3. Симбирская губ.	3	42,9	2,4
IV. Средняя Азия	3	100	2,4
1. Сыр-Дарьинская обл.	2	66,7	1,6
2. Уральская обл.	1	33,3	0,8
V. Московско-промышленный	2	100	1,6
1. Нижегородская губ.	2	100	1,6
VI. Северно-Уральский	1	100	0,8
1. Пермская губ.	1	100	0,8
VII. Северный Кавказ	1	100	0,8

Источник: НА РТ, ф.98, оп.7, д.59. Подсчитано Л.М.Свердловой.

№ 25

Таблица 25

**Сведения о жителях городов и посадов Казанской губ., участвовавших
в транзитной торговле через Казань в 1871 г.**

Город, посад	Всего торговцев		Из числа торговавших			
			христиан		мусульман	
	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
Свияжск	36	19,2	34	94,4	2	5,6
Чистополь	32	17,1	28	87,5	4	12,5
Арск	19	10,2	14	73,7	5	26,3
Лаишев	19	10,2	19	100	–	–
Мариинский посад	17	9,1	17	100	–	–
Чебоксары	16	8,6	16	100	–	–
Царевококшайск	15	8,0	15	100	–	–
Спасск	10	5,3	10	100	–	–
Козьмодемьянск	8	4,3	7	87,5	1	12,5
Цивильск	5	2,7	5	100	–	–
Тетюши	4	2,1	4	100	–	–
Ядрин	3	1,6	3	100	–	–

⁸ Районы выделены в соответствии с материалами Всероссийской переписи населения 1897 г.

Троицкий посад	2	1,1	1	50	1	50
Мамадыш	1	0,5	1	100	–	–
Итого:	187	100	174	–	13	–

Источник: НА РТ, ф.98, оп.7, д.59. Подсчитано Л.М.Свердловой.

№ 26

Таблица 26

Сведения о грузовых потоках на казанских пристанях в 1835–1857 гг.

Год	Число грузившихся судов	Число разгружавшихся судов	Всего судов
1835	423	437	860
1836	278	580	858
1837	315	496	811
1838	418	561	809
1839	441	468	909
1840	547	541	1088
1841	496	529	1025
1842	699	547	1246
1843	391	490	881
1844	586	612	1198
1845	416	522	938
1846	420	471	891
1847	406	426	832
1848	424	329	753
1849	448	428	876
1850	432	529	961
1851	383	202	585
1852	393	338	731
1853	376	254	630
1854	380	253	633
1855	409	245	654
1856	306	453	759
1857	499	236	735

Источник: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / Сост. Лаптев М. Т.8. М., 1861. С.405. Составлено Л.М.Свердловой.

Материалы подготовила Наиля Тагирова

§ 2. Татарская промышленность и торговля

Характер, уровень, особенности развития татарского предпринимательства в различных регионах страны зависели от природно-климатических, исторических, социально-экономических условий. Огромное влияние на них оказывал образ жизни татарского населения, особенности этнической психологии, религиозный фактор. Немаловажное значение имела и законодательная политика правительства.

С мелкой торговли начинали свое дело многие татарские предприниматели, впоследствии занявшие главные позиции в торгово-предпринимательской и производственной деятельности татарской буржуазии в XIX – начале XX в.

Представляя незначительную часть в составе татарского населения, купечество доминировало в его предпринимательской деятельности. Социальную среду формирования татарского купечества в первой половине XIX в. составляли преимущественно крестьяне и торговые татары, а во второй половине – мещане, хотя сельские обыватели вносили определенный вклад в

этот процесс, пополняя мещанское сословие, включение в которое рассматривалось ими как первый шаг на пути вступления в гильдейское купечество. В целом купечество развивалось на собственной основе, подтверждая из года в год взносами свою гильдейскую принадлежность. Преемственность семейных капиталов в среде татарского купечества в районах компактного проживания татар к началу XX в. была выше (6–7 поколений), чем в среде русского купечества (3–4 поколения).

В середине XIX в. в России сложились благоприятные условия для активного участия торгового капитала в различных видах промышленной деятельности. Пути вовлечения торгового капитала татарской буржуазии в сферу производства были те же, что и по всей России. Оно достигалось посредством утверждения господства торговых посредников над индивидуальными товаропроизводителями и приводило, как правило, к разорению последних, превращению их в наемных рабочих, работающих на дому. Высокий уровень развития отдельных промышленных предприятий не исключал ни сохранения пережиточных форм организации промышленного производства, ни господствовавших на них до- и раннекапиталистических форм эксплуатации.

Ведущими процессами социально-экономического развития татар в конце XIX – начале XX в., как и страны в целом, были соединение торгового капитала с промышленным, концентрация производства, централизация капитала, создание коллективного капитала – торговых домов: товариществ полных и на паях (коммандитные общества), товариществ на вере и акционерных кампаний.

На протяжении всего исследуемого периода татары играли значительную роль в восточной торговле, включив в сферу своего влияния Казахские степи, Туркестан, Среднюю Азию, Западный Китай и Иран, активно обеспечивая экспорт российских промышленных товаров. В этих регионах татарские предприниматели и торговцы совершали большую часть своих коммерческих операций, в основном в виде посреднической торгово-закупочной деятельности на основе обмена. Разумеется, внешняя торговля была доступна лишь небольшому количеству татарских предпринимателей. Основная же масса мелких, средних и даже крупных торговцев ограничивалась осуществлением торговых операций внутри России. Уже к концу XIX в., после присоединения Казахстана, Туркестана и установления протектората над Бухарой и Хивой, торговые связи России с этими регионами еще больше усилились. Но татарская буржуазия постепенно теряла восточный рынок, освоенный упорным и самоотверженным трудом в течение последнего столетия. Русская буржуазия активно включилась в коммерческое освоение этих территорий.

Людмила Свердлова

№ 27

Таблица 27

Рост татарской торговой буржуазии в Казани в 1800–1858 гг.

Годы	Число семейств купцов	Число душ	Объявленный капитал в рублях
1800	31	126	553549
1801	32	131	603286
1802	35	140	675972
1804	–	158	–
1805	–	170	909460
1807	–	159	–

В 1848 г. из 2022 купеческих душ в Казанской губ. считалось 688 душ купцов-татар. В 1858 г. всеми купцами г. Казани был объявлен 351 капитал на сумму в 1224000 р., в том числе было 83 тат. капитала. Но особенно много купцов-татар было в Сеитовском посаде под Оренбургом, где еще в 1792 г. из 2674 жителей татар 1820 душ занимались торговлей.

Составлено по материалам Татарской ратуши, «Указателю» Кеппена⁹ и книге Лаптева.

Источник: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С.305.

⁹ НА РТ, ф.22; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния / Сост. М.Лаптев. СПб., 1861.

№ 28

Таблица 28

Состояние промышленности в Татарии в 1812 г.

Владелец и род производства	Место нахождения	Оборудование	Число употребл. в работу людей			В течение года	
			приписные и покупные	помещичьи и крепостные	вольнонаемные	выработано	продано
<i>А. Суконные фабрики</i> ¹⁰		Станков				Разных суконных и шерст. мат., арш.	
1. Бригадира Озерова наследников (вольн.)	Елабужск. у. в с.Никольском	3	–	50	–	3603	2855
2. Отставного гвардии прапорщика Осокина (обязан.)	в Казани Лаишевск. у.	104	1292	349	–	109981	132366
3. Действ. стат. совет. Сахарова наследников (вольн.)	с.Алексеевское	38	–	561	–	33356	30778
4. Приказа обществен. призрения	г.Казань	–	36	–	25	6193	3940
Итого	–	145	1328	960	25	153133	169939
<i>Б. Кожевенные заводы</i>		Чан				Разных кож штук	
5. Купца Абдуллы Утемышева	Елабужск. у.	15	–	–	11	2750	2750
6. Татарина Сагита Девятьярова	Слободск. у.	–	–	–	4	1660	1624
7. Татарина Масагута Сулейманова	Уржум. у.	3	–	–	4	500	500
8. Купца Ефима Адамышева	Казань	14	–	–	7	1600	1600
9. Купца Якова Адамышева	– « –	18	–	–	7	6000	6000
10. Купца Григория Адамышева	– « –	11	–	–	7	2150	2150
11. Купца Афан. Адамышева	– « –	13	–	–	6	3650	3650
12. Купца Петра Зайцева	– « –	18	–	–	7	3300	3300
13. Купца Ивана Губина	– « –	15	–	–	7	6000	6000
14. Купца Ускова	– « –	7	–	–	7	900	900
15. Купца Ефима Яковлева	– « –	8	–	–	4	1700	1200
16. Купца Ивана Яковлева	– « –	8	–	–	3	1200	1000
17. Купца Гурьяна Кожевникова	– « –	10	–	–	7	1600	1600
18. Купца Антона Ефимова	– « –	2	–	–	6	1650	1650
19. Купца Родиона	– « –	17	–	–	5	3000	3000
20. Купца Кириллы Трубина	– « –	5	–	–	6	2500	1000
21. Купца Мусы Апаиаева	– « –	5	–	–	26	20000	20000
22. Купца Салиха Алитова	– « –	3	–	–	31	9000	9000
23. Купца Юсупа Апаиаева	– « –	8	–	–	6	7630	7680
24. Купца Муртазы Суерова	– « –	28	–	–	13	3160	3160
25. Купца Якупа Аитова	– « –	4	–	–	26	18000	18000
26. Купца Хайбулы Яхвина	– « –	3	–	–	16	5000	5000
27. Купца Габбяса Абдулова Беляева	– « –	2	–	–	11	5000	5000
28. Купца Мярди Деньмухаметева	– « –	1	–	–	7	3000	3000
29. Купца Юсупа Ильязова	– « –	1	–	–	7	3000	3000
30. Купца Муртазы Бурнаева	Казанск. у. в д.Вересках	10	–	–	6	1600	1600
31. Купца Ивана Котелова	в с.Ягодном	6	–	–	55	43000	20000
32. Купца Мухамета Валитова	в д.Старых Менгерах	10	–	–	12	3000	3000
33. Купца Назира Баязитова	в д.Яшкарах	10	–	–	12	3000	3000

¹⁰ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

34. Купца Петра Котелова	в с.Ягодном	20	–	–	14	6000	4500
35. Купца Котелова	– « –	5	–	–	42	30000	23600
36. Купца Якова Гуляшова	– « –	4	–	–	12	9000	9000
37. Купца Куприяна Котелова	– « –	4	–	–	54	36500	29000
38. Купца Степана Рукавиш- никова	– « –	2	–	–	11	6000	6000
39. Купца Петра Коланова	в д.Игум- новой	2	–	–	20	10050	10050
40. Купца Семена Леонтьева	– « –	2	–	–	7	2500	2500
41. Купца Тихона Леонтьева	– « –	2	–	–	7	2300	2300
42. Купца Луки Плохова	– « –	3	–	–	10	7000	7000
43. Купца Ивана Шерстнева	– « –	3	–	–	11	6000	6000
44. Купца Василия Шерстнева	– « –	3	–	–	18	9140	9140
45. Купца Дмит. Макаровского	в с.Ягодном	7	–	–	2	3000	3000
46. Купца Ивана Котелова	– « –	3	–	–	22	13000	13000
47. Купца Тимофея Богомолова	Мамад. у. в с.Красной Горке	5	–	–	3	550	200
48. Купца Мирона Неумоина	– « –	12	–	–	4	1400	1400
49. Купца Бикчентия Аблакова	при д.Янбаевой	5	–	–	4	800	800
50. Купца Манасыпа Аблакова и Хамита Уразова	при д.Янбаевой	10	–	–	5	1500	1500
51. Купца Кунарея Бакеева	при д.Белом Ключе	4	–	–	5	800	800
52. Куп. сына Якупа Габьясова	в Казани	6	–	–	61	20000	20000
53. Куп. сына Анд. Медведева	в с.Ягодном К. у.	2	–	–	2	3000	3000
54. Куп. жены Зюлихи Абду- ловой	при д.Новой Менгере	10	–	–	12	3000	3000
55. Куп. жены Анны Кукари- новой	в Казани	3	–	–	7	4000	4000
56. Мещанина Ефима Денисо- ва	– « –	7	–	–	5	1300	1300
57. Мещанина Ефима Тяпухина	– « –	8	–	–	4	1200	1200
58. Мещанина Родиона Круго- вого	– « –	6	–	–	7	1900	1900
59. Мещанина Николая Глазу- нова	– « –	5	–	–	2	500	500
60. Мещанина Клемен. Гоно- шилова	– « –	8	–	–	6	2100	2100
61. Мещанина Михаила Бирю- кова	– « –	2	–	–	7	1500	1500
62. Мещанина Сергея Новожи- лова	– « –	2	–	–	15	6000	6000
63. Мещанина Мусы Мухаме- тева	– « –	4	–	–	8	4000	4000
64. Мещанин Ив. и Алекс. Тавриных	в Чебоксарах	1	–	–	2	200	200
65. Мещанина Матвея Задвор- кова	– « –	1	–	–	2	200	200
66. Мещанина Гаврилы Зару- бина	– « –	3	–	–	3	500	500
67. Мещанина Андрея Шилова	– « –	2	–	–	2	500	500
68. Мещанина Петра Задвор- нова	– « –	2	–	–	1	70	70
69. Мещанин Ивана и Якова Визгиных	– « –	2	–	–	3	400	400
70. Мещанина Степана Зару- бина	– « –	2	–	–	3	600	600
71. Мещанина Бориса Екимова	– « –	1	–	–	2	800	800

72. Мещанина Осипа Зайцева	– « –	2	–	–	2	400	400
73. Мещанина Андрея Жидкова	– « –	1	–	–	2	200	200
74. Мещанина Григ. Полякова	– « –	3	–	–	2	500	500
75. Мещанина Василия Карыт-никова	– « –	1	–	–	2	100	100
76. Мещанина Мих. Алаторкина	– « –	2	–	–	3	1300	1300
77. Мещанина Мирона Миша-евского	в с.Ягодном	2	–	–	3	700	700
78. Мещанина Степана Бохина	– « –	3	–	–	3	600	600
79. Мещанина Егора Хлебни-кова	– « –	2	–	–	5	1050	1050
80. Мещанина Якова Медведева	– « –	2	–	–	2	1200	1200
81. Мещанина Егора Киселева	в д.Игумновой	3	–	–	3	470	470
82. Мещанина Григория Бого-молова	Мам. у в с.Кр. Горке	4	–	–	3	480	480
83. Мещанина Степана Трес-кина	– « –	3	–	–	3	360	360
84. Мещанина Никифора Бел-лышова	– « –	5	–	–	3	600	600
85. Мещанина Прокофья Не-умоина	– « –	7	–	–	3	840	340
86. Мещанина Ивана Трескина	– « –	5	–	–	3	600	600
87. Мещанина Ивана Петрова	в д.М.Елы-шевой	3	–	–	3	400	400
88. Крестьянина Кондрат. Трескина	в с.Кр. Горке	2	–	–	3	240	240
89. Крестьянина Сергея Неумоина	– « –	2	–	–	2	240	240
90. Крестьянина Осипа Яков-лева	– « –	7	–	–	3	840	840
91. Крестьянина Семена Анд-реева	– « –	3	–	–	3	360	360
92. Крестьянина Григорья Трескина	– « –	4	–	–	3	480	480
93. Крестьянина Сергея Баранникова	в Казани	3	–	–	3	450	350
94. Крестьянина Василья Сте-шина	– « –	3	–	–	1	1000	700
95. Адмирал-конторы	– « –	28	–	–	17	273	273
Итого		528	–	–	811	375593	–
<i>В. Мыловаренные, свечные и воскобойные заводы</i>			Котлов	–	–	Мыла, свечей сальных и воску, пуд.	Саль-ных свечей, пуд.
Вольные.							
96. Ком. совет. Алексея Квас-никова	в Казани	5	–	–	9	7000	7000
97. Купца Петра Котелова	в с.Ягодном	5	–	–	8	8000	8000
98. Купца Ивана Жаркова	в г.Казани	6	–	–	11	8550	8550
99. Купца Мусы Адамова	– « –	3	–	–	6	3000	3000
100. Купца Аптыкарима Юну-сова	– « –	6	–	–	7	5000	5000
101. Купца Григория Кочетова	– « –	20	–	–	11	6000	6000
102. Купца Юсупа Кигаева	– « –	6	–	–	13	12000	12000
103. Купца Мазита Бакирова	– « –	3	–	–	6	4000	4000
104. Купца Юсупа Апанаева	– « –	4	–	–	6	1600	–
105. Купца Якупа Шатунова	– « –	7	–	–	11	12960	12960
106. Купца Юсупа Шатунова	– « –	7	–	–	11	7000	7000

107. Купца Апсаляма Рахматуллина	– « –	1	–	–	4	1500	1500
108. Купца Юсупа Замакова	– « –	5	–	–	8	5000	5000
109. Купца Василия Петрова	– « –	2	–	–	5	3000	3000
110. Купца Павла Лихачева	–	3	–	–	9	6000	6000
111. Купца Ник. Ростовцева	–	2	–	–	4	1200	1200
112. Купца Хамита Уразова	–	3	–	–	7	3000	3000
113. Купца Петра Евреинова	–	8	–	–	11	11500	11500
114. Куп. вдовы Алекс. Конюховой	–	3	–	–	6	4600	4600
115. Куп. вдовы Марьи Серебряковой	–	3	–	–	7	600	2000
116. Мещ. Николая Мельникова	–	2	–	–	3	800	800
117. Тат. Бикбова Хальфина	–	4	–	–	5	2600	2600
118. Тат. Исая Заманова	–	5	–	–	6	5000	5000
Итого на 23 зав.	–	113	–	–	183	125310	119710
<i>Г. Полотняные фабрики</i>		Стан.				Арш.	Арш.
119. Д. стат. сов. Сахарова наследников	Лаишевск. у. в с.Алекс.	7	–	24	–	913	–
120. Бригадира Озерова наследников	Елаб. у. при с.Никольском	10	–	15	–	800	650
Итого		17 чан.	–	39	–	1713	650
<i>Д. Фабрики писчей бумаги</i>						Пуд.	Пуд.
121. Бригадира Озерова наследников	Елаб. у. при с.Никольском	2	–	15	–	1016	476
122. Тат. Домнея Маматова с братьями	Уржумск. у.	2	–	–	77	5673	5130
123. Сагишебану Галиевой	– « –	2	–	–	25	1640	–
Итого		6	–	15	102	8329	–
<i>Е. Фабрики платочные и бумажных материй</i>		Стан.				Разн. бумажно-матер.-платк., кумачу	
124. Куп. жены Зюлихи Абдуловой	Казанск. у. в д.Урнаш	35	–	–	42	48000	48000
125. Купца Мухамета Велитова	– « –	25	–	–	42	52000	52000
126. Купца Мартазы Бурнаева	в д.Бересках	30	–	–	47	48000	48000
127. Купца Назира Баязитова	в д.Яшкарах	35	–	–	42	48000	48000
128. Купца Мусы Хозесеитова	Царевокок. у. в д.Уре	33	–	–	68	56000	52000
129. Купца Сулгимана Хозесеитова		40	–	–	81	76000	44000
130. Купца Махмута Хозесеитова		32	–	–	63	50000	50000
131. Купца Мухмина Хозесеитова		37	–	–	68	60000	58000
132. Тат. Назира Хозесеитова	– « –	40	–	–	81	76000	76000
Итого на 9 фабр.		307	–	–	534	514000	476000
<i>Ж. Канатно-прядильные фабрики</i>		Маш.				Канатов, тросов, снасти, пряжи и т.п.	
133. Купца Алекс. Блюденева	в Казани	3	–	–	26	пуд. 3500	пуд. 3500
<i>З. Потапные заводы</i>		Котл.				Поташу	
134. Тит. сов. Анны Пивоваровой	Лаишевск. у. в д.Якшине	4	–	5	–	150	–
135. Помещ. Александра Стрелкова	Тож в сельце Богородск. Чуча	4	–	7	–	1122	–
Итого на 2 завода		8	–	12	–	1272	–

<i>И. Укусные заводы</i>		Чан				Уксуу, ведер	
136. Куп. жены Матрены Се- ребряковой	в Казани	1	–	–	3	700	700
<i>К. Железные заводы</i>		Печ.				Разн. железн. вещ.	
137. Купца Соболева		1	–	–	3	1000	1000
<i>Л. Медные и пуговичные заводы</i>		Печей				Разн. медной посуды, колоколов, пуговиц	
138. Прапорщика Осокина	В Мамад. у. на р.Меше	4	–	154	150	2103	1893
139. Куп. Иноземцева наслед. и купца Утемышева	Тож на р.Таймя Валой	5	–	327	118	1413	1219
140. Куп. Ильи Астраханцева	в Казани	2	–	–	8	630	450
141. Куп. Ивана Астраханцева	– « –	1	–	–	3	161	161
Итого на 4 завода		12	–	481	279	4307	–
Всего		–	1328	1507	1966	–	–

Татарских заводов 45 из 129, т. е. 35%. Из общего числа рабочих в 4823 чел. на татарских заводах было 1509 чел., или 31,4%.

Составлено по «Ведомости о мануфактурах в России за 1812 год». СПб., 1814.

Источник: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С.284–290.

№ 29

Таблица 29

Динамика кожевенного производства в Казани в первой половине XIX в.¹¹

Годы	Число заводов	Выработано кож						Число		Сумма всех вы- деланных кож, в руб.
		подшвы	юфти	опойки и вы- ростка	конины	козлов	баранов	чанов	рабочих	
1815	87	21160	57880	10850	1300	219400	10900	549	665	321490
1820	81	9290	40400	12650	1200	164200	13950	491	567	241690
1825	47	4500	9000	13365	800	282800	15600	378	601	326065
1835	44	11700	5600	12000	1000	300000	18600	–	–	348000
1840	46	15540	13500	13700	2300	292400	14300	–	–	351740
1845	43	28400	7000	14600	2300	365850	11810	593	742	429950
1850	36	8000	24700	11900	2450	284650	9600	612	649	341300
1856	40	12200	55000	17650	2370	195000	10400	557	610	292820

По статье: Вакуров В.Д.¹² Экономические условия и развитие кожевенного производства в Казани // Записки Казанского экономического общества, 1857, ч.3, с.93–118.

Источник: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С.292.

¹¹ Кожевенные заводы в Казани в XIX в. Кожевенная промышленность в Татарии продолжала расти в XIX в. «Прибавления к Казанскому вестнику» за 1828 г. дают перечень 84 кожевенных предприятий в г. Казани и в губернии, среди которых крупные предприятия, имеющие даже свыше 10 чанов. Растет общая производительность казанских кожевенных предприятий. По ведомостям 1814 г. она оценивалась в 916934 р., по ведомостям 1825 г. возросла до 1554435 р. Изготавливались преимущественно высшие сорта кож – подошвенная, юфтевая, выростковая и козловая, которые дали в 18251319200 р. – 85% общего производства.

¹² Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

№ 30

**Описание кумачно-ткацких и других фабрик татарских купцов
в Казанской губернии в 1852 г.**

В Царевококшайском у. имеется фабрик: кумачных три, бумажных две, стекольных две; заводов: винокуренный один, кожевенный один, кумачно-красильный один и поташных три. Заведения сии устроены:

Фабрики, на коих производится тканье и отделка кумачей:

а) Арского 2-й гильдии купца Мухмини Таирова Хозесеитова; на ней котлов три, кубов два, станов тридцать пять, три печи и один ларь. Работы начинаются в октябре и производятся по июнь месяц следующего года вольнонаемными людьми из татар до 54 чел., кои занимаются тканьем и крашением кумачей; плата производится: ткачам от 12 до 13 к. за выткание одного конца, а красильщикам 12 р. в месяц. Отделяется в течение упомянутого времени кумачей до 10000 концов на сумму 58000 р.

б) Арского 3-й гильдии купца Усмана Сулейманова Хозесеитова; на ней устроено: котлов два, кубов два, станов двадцать пять, две печи и один ларь. Работы начинаются с октября и производятся по июнь месяц следующего года вольнонаемными людьми из татар до 37 чел., кои занимаются тканьем и крашением кумачей; плата производится ткачам от 12 до 13 к. за выткание одного конца, а красильщикам до 12 р. в месяц. Отделяется в течение упомянутого времени кумачей до 9000 концов на сумму до 33750 р.

в) Арской 3-й гильдии купчихи Зюгры Галеевой Хозесеитовой; на ней устроено: котел один, куб один, станов десять, одна печь и один ларь. Работы начинаются с октября, производятся по июнь месяц следующего года вольнонаемными людьми из татар до 12 чел., кои занимаются тканьем и крашением кумачей. Плата производится: ткачам от 8 до 10 к. за выткание одного конца, а красильщикам до 12 р. в месяц. Отделяется в течение упомянутого времени кумачей до 2000 концов на сумму до 7000 р.

На фабриках сих употребляются материалы, как то: хлопчатая пряденая белая бумага, краска марена, рыбий жир, чернильные орешки, трава кизлярская, квасцы и шадрик, покупаемые в Астрахани и на Нижегородской ярмарке. Отделанные кумачи отправляются для продажи на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки и в города Ростов, Мензелинск, Симбирск и Бугульму. Все сии фабрики состоят в Кубянской волости в деревне Служилой Уре, на земле, пожалованной царем Михаилом Федоровичем в 7145 (1657) г. князьям Хозесеитовым, в количестве 2442 десятин 1532 саж.

Фабрики, на коих производится отделка бумаги:

а) Арского 2-й гильдии купца Мухмина Таирова Хозесеитова, Уразлинской волости, в дачах казенных поселян на речке Шоре; на ней устроен один руль, два ларя, пять печей, два чана, два котла и две водяных машины; работа производится с мая по апрель месяц следующего года вольнонаемными людьми до 16 чел., из крестьян и татар Вятской губ., Уржумского и здешнего уездов; плата производится в год мастеру 150 р., рабочим от 30 до 60 р., на хозяйском содержании. Фабрика сия устроена при мукомольной мельнице, содержимой тем же купцом Хозесеитовым, кою, равно и фабрикой, занимается обывательской земли четыре десятины, за что по учиненному и в Казенной палате утвержденному контракту производится им платы по 400 р. каждому. На делание бумаги употребляются материалы: тряпье, квасцы и клей, покупаемые в Казанской и Вятской губ. и в г. Казани, на сумму до 3080 р. Бумаги выделяется в течение прописанного времени до 2500 стоп (на сумму 7500 р.), которые, по негодности для здешнего употребления, отправляются за границу – в Бухарию и другие страны Средней Азии.

б) Арской 3-й гильдии купчихи Зюгры Галеевой Хозесеитовой Уразлинской волости, на речке Шоре, в дачах, принадлежавших казенным поселянам Казанского уезда Алатской волости деревни Атни. На ней устроено: один руль, один ларь, три печи, один чан и одна водяная машина; работа производится с июня по апрель месяц следующего года вольнонаемными людьми до 8 чел. из татар Царевококшайского и Казанского уездов; плата производится в год: мастеру до 85 р., рабочим от 30 до 40 р., на хозяйском содержании. Фабрика сия устроена при мукомольной мельнице, содержимой тою же купчихою Хозесеитовой; мельницею и фабрикою занимается обывательской земли три десятины, за что производится платы, по учиненному контракту, по 150 р. ежегодно. На делание бумаги употребляются тряпье, квасцы и клей, покупаемые в Казанской и Вятской губ. на сумму до 240 р.; в течение прописанного времени

выделяется оберточной бумаги до 700 стоп на сумму до 840 р., которая отправляется для продажи в г. Казань...

Таблица 30

Промышленность Казани в 1853–1854 гг.

Наименование фабрик и заводов	Число фабрик и заводов	Число владельцев, мастеров и рабочих										Сумма производства в руб. серебром
		дворяне	купцы 1-й гильдии	купцы 2-й гильдии	купцы 3-й гильдии	мещане	крестьяне	итого	мастеров	рабочих	итого	
1. Су-конные	2	2	–	–	–	–	–	2	13	445	458	65300
2. Кита-ечные	8	–	–	3	5	–	–	8	8	592	600	90000
3. Коже-венные	36	–	4	9	7	7	9	36	10	700	710	620000
4. Овчин-ные	2	–	–	–	2	–	–	2	2	5	7	5000
5. Мыло-варенные	10	–	1	1	1	7	–	10	3	50	53	34000
6. Свеч-но-саль-ные	13	–	1	5	2	4	1	13	5	80	85	280000
7. Сало-топенные	3	–	–	2	1	–	–	3	3	15	18	120000
8. Кле-евые	10	–	–	–	–	10	–	10	–	30	30	10000
9. Воско-свечные и воско-белиль-ные	4	–	–	–	4	–	–	4	4	30	34	66000
10. Вой-лочные	4	–	–	–	1	3	–	4	–	10	10	6000
11. Ва-точные	6	–	–	–	3	3	–	6	–	15	15	10000
12. Мо-чальные	2	–	–	–	2	–	–	2	2	38	40	10000
13. Ка-натные	5	–	–	–	2	3	–	5	2	48	50	15000
14. Кру-пяные	2	–	–	1	1	–	–	2	2	10	12	4000
15. Соло-довенные	3	–	–	1	1	1	–	3	3	10	13	4000
16. Во-дочные	1	Принадлежит акцизн. откупн. комиссион.										
17. Пиво-варенный	1	То же										
18. Та-бачные	3	–	–	–	–	3	–	3	–	3	3	1500
19. Кра-сильные	1	–	–	–	1	–	–	1	–	3	3	4500
20. Хи-мический	1	–	–	–	1	–	–	1	–	9	9	2000
21. Чу-гунный	1	–	–	–	1	–	–	1	–	12	12	6000
22. Коло-кольный	1	–	–	–	–	1	–	1	–	2	2	1500
23. Гон-чарные	2	–	–	–	2	–	–	2	–	8	8	1500
24. Кир-пичные	18	3	1	3	4	6	1	18	18	300	318	50000

Итого	139	5	7	25	41	48	11	137	75	2415	2490	1406300
В том числе:												
русских	–	–	3	19	33	40	11	106	–	–	–	–
татар	–	–	4	6	8	8	–	26	–	–	–	–

...Кожевенный завод Кубянской Лашманской волости, в дачах служилых татар, деревни Вершины Малой Шаши, устроенный торгующим по свидетельству 3-го рода той же деревни ясашным татаринном Измаилом Мухамет-Рахимовым. Земли занимаются заводом одна с половиной десятины, без всякой обывателям платы; на заводе чанов шесть и котел один. Работа начинается с октября и продолжается по май месяц следующего года вольнонаемными людьми из вотяков Вятской губ. – 8 чел.; плата производится им: подрядчику за выделку с каждой кожи по 30 к. и за крашение по 10 к., а рабочим по 12 р. в месяц; материалов заготавливается для отделки кож на сумму до 700 р.; кожи сырые приобретаются покупкой от жителей Царевококшайского и Вятской губ. Уржумского у., числом до 1800, а продаются они в г. Оренбурге на сумму до 15000 р.

Кумачно-красильный завод арского 3-й гильдии купца Курбангаля Муртазина Бурнаева, устроенный в Кубянской Лашманской волости, в дачах служилых татар, деревни Борисовских Отар; им занимается обывательской земли одна с половиной десятины, с платой обывателям, по учиненному контракту, ежегодно по 50 р.; на заводе устроено: котлов 6, кубов 4, ларей 2 и печей 6. Работа производится с октября по июнь месяц следующего года вольнонаемными людьми из татар – до 55 чел., коим платы дается от 10 до 12 р. в месяц каждому; на заводе употребляются материалы: краска марена, рыбий жир, чернильные орешки, кизлярская трава, квасцы и шадрик, покупаемые в Астрахани и на Нижегородской ярмарке, равно и для окраски покупаются белые кумачи на Нижегородской же ярмарке до 12000 концов суммою всего до 20000 р., окрашенные кумачи отправляются на Нижегородскую ярмарку и продаются на сумму до 30000 р.

КГВ. 1852. №52. С.611–614.

Источник: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С.297–299.

№ 31

Рапорт священника с.Чуры Глеба Ляпидовского от 14 января 1872 г. за №1 на имя благочинного Мамадышского уезда с. Красной Горки священника Евгения Антенорова об овчинно-мерлушечьих заводах, находящихся на территории его прихода

В следствие личного Вашего приказания, в бытность Вашу по годичному обозрению Чуриной Троицкой церкви, о доставлении Вам сведений относительно Овчинно-мерлушечьих заводов, находящихся в окружности Чуриного прихода, о числе рабочих на сих заводах из татар крещеных и вообще об условиях их жизни на заводах, – сим имею честь сообщить Вашему Высокоблагословению следующее:

1) Овчинно-мерлушечьих заводов в деревнях Шемордане и Тирловой всего семь; о числе рабочих на всех этих заводах определительно сказать нельзя, но можно определить так, что на менее значительных заводах рабочих бывает человек сот до двух, а на более развитых заводах в своем изделии бывает человек сот до четырех и более, в том числе крещеных из татар – Чуриного Нырьюнского и других приходов – бывает от тридцати до пятидесяти и более человек, смотря по общему числу рабочих: человек до 170 или до 200 бывает русских – овчинников и шубников, вообще на всех заводах, а остальная большая численность рабочих – татары.

2) Условия жизни рабочих крещеных разнообразны. Многие из них работают особыми артелями в отдельных избах – это портные; некоторые работают вместе с татарами – это выделяющие мерлушки, а некоторые работают и у русских овчинников. Относительно цены, за какую они работают, должно сказать, что почти все рабочие крещеные – о татарах нет и речи – забирают деньги у хозяев-заводчиков вперед, по осени на уплату податей, в свое время зарабатывают их, получая очень незначительную себе цену, забирая снова и на дневное пропитание себе и своих домашних, так что многие едва успевают окончить свой долг, а некоторые остаются в долгу и на будущий рабочий год. Круглым числом работающий на заводах получит себе в зимний и летний день копеек 20, на своем содержании, и копеек 10 работающий на хозяйской

пище, кроме подрядчиков, работа коих несравненно выгоднее. Пищу для себя артельщики приготавливают сами, и им предоставлена полная свобода в приобретении жизненных продуктов, а работающие по разнице получают пищу от хозяев, которые, впрочем, в нынешнем рабочем году крещеных в пищу нисколько не стесняют, заготавливают для них все нужное, от татар особо, сообразно с требованием христианской религии, даже и в соблюдении христианских постов: в этом последнем мы обязаны г. Мамадышскому уездному исправнику, это сделано по его настоянию. <...>

Источник: НА РТ, ф.4, оп.98, д.9, л.52–53. Подлинник.

№ 32

Из работы М.А.Рылова «Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии»

Забывтая отрасль труда (современное положение и насущные потребности «ичежного» промысла в Казани)

Кому неизвестна изящная сафьянная азиатская обувь – «ичеги», производством которой справедливо славится Казань? Кто не любовался образцами этой обуви, продающейся на Сенной площади, в татарском гостином дворе и с таким эффектом фигурировавшей на Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставке, в витринах г. Галеева? Богато вышитые, по цветному сафьяну, золотом, серебром и цветными шелками – образцы этой обуви подчас являются положительно предметами роскоши, которых не погнушается ножка любой великосветской красавицы...

Но многие ли из казанских обывателей имеют представление о самой организации этого вида местной промышленности? Многие ли знают, чьи руки выделывают казанскую азиатскую обувь и ценою какого труда и каких лишений выпускаются в свет эти предметы мусульманского вкуса и восточной роскоши?

Полагаем – что весьма и весьма немногие.

Да позволено же мне будет познакомить читателей и читательниц «Волжского вестника»¹³ с постановкою в Казани этого промысла, известного под названием «ичежного». Знакомство с этим вопросом, – если хотите, – даже поучительно с точки зрения характеристики нашей кустарной промышленности.

Фирм, занимающихся приготовлением и сбытом «ичег», в Казани, по частным сведениям, насчитывается, одних только крупных – до десятка. Торговля эта в Казани группируется, главным образом, на Сенной площади. Здесь имеется девять магазинов и лавок с этого рода произведениями, и только одна лавка – г. Хворова – поместилась на толчке.

Все производство, о котором мы будем вести речь, сосредоточивается в руках местных татар, за исключением одного армянина (на Сенной) и вышеупомянутого русского – г. Хворова.

Сбыт произведений не ограничивается одной Казанью. Ичеги сбываются на ярмарках Нижегородской, Мензелинской, Ирбитской и других. Отсюда идут они в далекие восточные окраины с мусульманским населением, именно – в Сибирь, в Закавказье, в Туркестан; затем – в Бухару, Хиву и т.д.

Количество разных сортов ичег, приготовляемых в Казани, доходит слишком до трех миллионов пар. Сумма ценности этого производства может быть определена не менее 5 миллионов рублей в год¹⁴.

Между тем, на Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставке фигурировали только трое экспонентов, в крупных торговцев азиатскою обувью, а в списке ремесленных заведений г. Казани, изданном комитетом выставки, даже вовсе не значится такого крупного отдела местной промышленности, каким является производство азиатской обуви.

Но этот вид местной промышленности – не выдуман нами. Он существует в действительности, притом с миллионным оборотом и занимая собою рабочие силы, приблизительно до 2000 женщин и до 500 мужчин.

¹³ Общественная, политическая и литературная газета (Казань, 1883–1904, 1905–1906), в 1883–1891 гг. – гл. редактор Н.П.Загоскин.

¹⁴ *Авт. сн.*: Верных статистических данных мы собрать не могли, так как официальных данных не существует, а торговцы весьма неохотно сообщают требуемые сведения.

Выкраиваются ичеги из кож козловых и бараньих, а шьются с узорами и без узоров, цветные и черные. Узоры строчатся «в рябиновку» (рябь), цветною бумагою, шелком и золотом. Ичеги состояются из трех частей: 1) «крюк», т.е. передники и голенища, вытянутые вместе; 2) «задник» и 3) «подошва». Так называемые «двуклюшные» ичеги состояются из фигурного «клюша» (переда), голенища, задника и подошвы. Все остальные сорта ичег вырабатываются с пришивным передом; таковы так называемые «вензелевые» и «дворянские» полусапожки. Последние отличаются тем, что они шьются с каблуком, на манер европейского полусапожка.

Какой бы сорт ичег мы ни взяли, при каждом сорте, как главный признак азиатской обуви, мы всегда найдем фигурно вырезанный задник. Для мужских и черных ичег задник вырезывается из савра (кожаный огузок, выделяваемый в Персии и окрашенный в светло-зеленоватый цвет); для сафьянных цветных ичег задник выкраивается из разных цветов сафьяна. Подошва подшивается всегда самими татарами-мужчинами, тогда как самый ичег шьется русскими женщинами. Подошва выкраивается большею частью из красной юфти, грубой выделки и окраски (азиатская юфть).

Торговцы держат у себя опытных и знающих дело закройщиков, большею частью из местных татар. Закройщики, кроме своего дела, т.е. раскройки кож, несут еще иногда обязанность и конторщиков; они записывают выдачу раскроя гуртовщикам (подрядчикам и подрядчицам) в шитье и прием от них готовых изделий.

Хотя ичеги и шьются, как уже сказано, мастерицами, но мастерицы непосредственно не получают от торговцев товара для шитья, потому что торговцы считают для себя затруднительным делом иметь расчеты с целою массою шитниц; между тем последние не додумались соединиться в артели, благодаря чему они и теряют до половины своего заработка, которую переплачивают ловким подрядчикам и подрядчицам за посредничество.

Таких нежелательных посредников в настоящее время в казанских окрестностях считается 4 человека, а именно: на пороховом заводе мещанин из татар Ишметьев, в Кижичах мещанин Иван Федоров и мещанка Елена Западнова, в Суконной слободе мещанка Фекла Иванова. Мастериц насчитывается у одного только Ишметьева до 800. Барыши этих господ усугубляются еще тем, что гуртовщики и гуртовщицы задельную плату уплачивают мастерицам не деньгами, а товарами, на которые, в свою очередь, также накладывают возмутительные проценты. Все товары – от ситца, табаку, чаю и сахару – до пустяшной вещи, необходимой в домашнем быту, – они всегда держат и сбывают в три-дорога. Конечно, имеются и между ними такие личности, которые имеют понятие о нужде; но и есть такие, для которых, кроме своего собственного мамона, ничего на свете более не существует.

Всех мастериц, занимающихся шитьем ичегов, как уже было сказано, насчитывается до 2000. Все они рассеяны по окрестным слободам г. Казани, а именно: в слободах Суконной, Николаевской, Адмиралтейской, Ягодной, в двух Игумновых. Кижичкой, Козьей, Гривке, Пороховом заводе и в некоторых подгородных деревнях. Кижичкие подрядчики – Федоров и Западнова – насчитывают у себя до 200 мастериц. Ишметьев, как уже было сказано, имеет их до 800. В Суконной слободе подрядчица Фекла Иванова имеет их до 100. В Суконной слободе шьют исключительно дорогой товар, шелками и золотом, – работа самая утомительная и вредная для зрения. Поэтому Фекла Иванова не столь много наживает против других подрядчиков.

Азиатская обувь делается в Казани следующих сортов:

Наименование сортов	Цена за работу одной пары		1 мастерица сошьет в неделю	В год
	лавочные цены	от подрядчиков		
1. Ичеги бараньи черные, вытяжные (ташкентские)	20 к.	10 к.	15 пар	720 пар
2. Такие же козловые	20 к.	12 к.	15 пар	720 пар
3. С пришивными передами	14 к.	8 к.	15 пар	720 пар
4. Полуузорник, вышитый бумагой	1 р. 20 к.	60 к.	1 пару	48 пар
5. Полуузорник, вышитый шелком	2 р.	1 р. 20 к.	¾ пары	36 пар
6. Вензелевые ичеги	50 к.	30 к.	2 пары	96 пар
7. Двуклюшные	12 к.	8 к.	15 пар	720 пар

8. Дворянские полусапожки	25 к.	15 к.	10 пар	480 пар
9. Полуузорник золотом	5 р.	5 р.	¼ пара	12 пар
	(материалу на 2 руб. со счета мастериц)			
10. Туфли, шитые сереб. и золот.	2 р.	1 р. 50 к.	1 пару	48 пар
11. Туфли, шитые шелком	1 р.	50 к.	3 пары	144 пар
12. Ичеги полного узора: бумагой	2 р. 50 к.	2 р.	¾ пары	36 пар
13. Ичеги полного узора: шелком	3 р.	2 р. 50 к.	½ пары	24 пары
Средняя цифра	1 р. 40 к.	1 р. 8 к.	6 1/3 пары	3792 пары

Из этой таблицы нетрудно увидеть, сколько какого сорта пар, в сложности,шивается в неделю одной опытной мастерицей.

Надо иметь в виду, что сидят за работой большинство их от 15 и более часов в сутки, – в зимнее время в душных и тесных помещениях, летом же стараются работать на улице, на дворах, словом – на чистом воздухе.

Пищей питаются весьма скудную. У многих мастериц, по нашим личным наблюдениям, она состоит, буквально, из одного черного хлеба; приварка не полагается никакого, разве грибы да картофель, а о мясе и помину нет; его едят в продолжение года разве только в 5–6 праздничных дней. Молоко употребляют только те, у которых имеется корова, но и в этом случае стараются по возможности все продать в городе, не оставляя про себя. Беднота, скудость и недостаток – страшные. Несомненно, что злосчастные мастерицы не сидят сложа ручки, не барствуют, а прибыли – очень мало. Все это потому, что тяжелый труд их более всего идет на пользу паразитов-подрядчиц и подрядчиков.

Возьмем, для примера, семейство, состоящее из четырех человек: матери, одной взрослой дочери, одного сына 8 лет и другой дочери – 9 лет. Расход в неделю на содержание такой семьи будет состоять из следующих приблизительно статей:

Квартира.....	25 к.
Дрова и освещение.....	40 к.
Пища.....	1 р. 20 к.
Чай и сахар.....	60 к.
На платье и обувь.....	2 р.
	<u>4 р. 45 к.</u>

Мать и взрослая дочь сошьют в неделю самого распространенного и самого выгодного сорта ичег – ташкентских – по 15 пар, и заработают за них 3 р. Маленькая девочка сошьет в неделю 5 пар, на которых заработает – 50 коп. Всего в неделю заработка окажется 3 р. 50 к.; расхода в неделю 4 р. 45 к. Следовательно, не только не остается прибыли, но оказывается еще 95 к. еженедельного дефицита, который, по возможности, и покрывается урезыванием и сокращением расходов на платье и обувь, а более всего – на пищу. Когда же для покрытия дефицита оказывается недостаточным и этих источников экономии, тогда прибегают к займу под залог каких-нибудь вещей, причем в роли залогодателей нередко являются те же гуртовщики.

Таково положение этих несчастных казанских тружениц, которые не нашли еще себе такой исследовательницы женского труда, какою является известная г-жа Давыдова в области кружевного промысла. А не мешало бы собрать основательные статистические данные об этом, чисто местном виде промышленности казанских женщин и девушек, которые находятся в тяжелой кабале у своих подрядчиков и подрядчиц, – и ждут, чтобы благодетельная рука вырвала их из этих эксплуататорских тисков. Здесь – широкое и плодотворное поприще для частной филантропии, почин которой могли бы взять на себя казанские дамы-благотворительницы.

Путь, которым можно прийти к этой цели, очевиден. Нужно организовать мастериц в самостоятельные артели, по местам их жительства, – например: артель Ягодинская, Суконная, Козья, Кижичская, Пороховская и т.д., – причем каждая артель должна выбрать своих старост. На попечении последних должны лежать следующие задачи: прием от торговцев выкроенного товара, раздача его членам артелей, наблюдение за доброкачественностью работы и производство расчетов с хозяевами. На первое время необходимо уговорить и торговцев, чтобы они согласились оказывать артелям свое доверие. А что мастерицы это доверие оправдают, в подтверждение этого мы можем согласиться на хорошо нам известный и весьма знаменательный факт, что еще не было примера утайки или растраты врученного гуртовщиком мастерице това-

ра, несмотря на то, что при выдаче товара на руки не берется никаких расписок и нет ни расчетных листов, ни расчетных книжек. Несмотря на все это, споров, доходящих до судебного разбирательства, в истории ичежного дела не было и нет.

Таково неприглядное современное положение ичежного промысла в Казани, который ждет своей постановки на рациональных началах, жиждущихся на свободном труде и отсутствии эксплуататорских уз, которые давят и глушат эту важную отрасль местной промышленности; между тем, при иной постановке дела ей можно было бы предсказать блестящую будущность. <...>

Источник: Рылов М.А. Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С.195–200, 209–218.

Татарская торговля и промышленность на страницах газеты «Тәрҗеман» («Переводчик»)

№ 33

Ирбит

Проезжая в Ирбит на ярмарку, нам пришлось посетить в Тюменском уезде селение Малчин, местожительство известного негодянта и благотворителя Аджи Нигметулла Кармышак оглу Сейдюкова. Погостив у этого почтенного аджи, радушие и гостеприимство коего можно сравнить с лучшими типами древности, мы прибыли в Ирбит.

Здесь существует большая, двухэтажная ярмарочная мечеть с высоким минаретом. Мечеть сооружена старанием Петропавловского ахуна Абдул-Бари Яушева. На время ярмарки, по назначению Оренбургского духовного собрания, два имама отправляют духовную службу.

Ирбитская ярмарка весьма значительна и для мусульманских купцов самая важная. Казань доставляет сюда Коран и другие книги духовного и светского содержания. Предметы домашнего обихода мусульман – шапки, тюбетейки, обувь, кожаные изделия и прочее. Лучшая книжная торговля Ш.Хусейнова; магазин обуви Магомеджана Галиева и Магомед Шериф Мусина. Вообще казанцы доставляют сюда предметы искусства и ремесел. Купцы из Семипалатинска, Петропавловска и других городов степных областей доставляют всякое сырье и обменивают на произведения Казани и Москвы.

Астраханец

Источник: Тәрҗеман-Переводчик. 1887. №13. 12 апреля.

№ 34

Татарские буфеты

В некоторых газетах прошел слух, что Министерство путей сообщения предполагает совершенно воспретить татарам содержание буфетов на железных дорогах. Эта мера вызывается, мол, тем обстоятельством, что татары, захватив в свои руки буфеты на главных железнодорожных пунктах, беззастенчиво эксплуатируют проезжающую публику, принуждая ее пользоваться плохим и весьма дорогим столом. В настоящее время более 60 буфетов на главных станциях содержится татарами, благодаря расположению к ним со стороны некоторых железнодорожных заправил.

Это не более как слух, и, думаем, недоброкачественный. Надо думать, что татары-буфетчики, как промышленники, кое-кому мешают, что появился кляузный слух, как отголосок, вероятно, таких же жалоб.

Очень возможно, что есть буфетчики-татары, плохо кормящие проезжающих по железным дорогам, но чтобы все они были «эксплуататоры» – невероятно. А поэтому справедливость требует лишь удаления плохих людей, а не всего состава промышленников. Получение права на железнодорожный буфет, эксплуатация буфета, назначение цен и вообще все хозяйство обставлены такими условиями и контролем, что невозможно почти допустить злоупотребления. Что татары являются хозяевами 60 железнодорожных буфетов, доказывает, что они имеют добрую и честную репутацию и расположены к ним не «некоторые железнодорожные заправилы», а, видимо, все правящие, без исключения, ибо татары промышленляют на всех линиях железных дорог.

Честность, скромность и трезвость татар давно установили за ними добрую репутацию, и эта репутация, несомненно, располагает к ним не «некоторых заправил», как кляузничает слух, а всех справедливых людей.

Если бы татары-буфетчики и рестораторы были действительно плохие люди, то в печати не раз мы слышали бы жалобы, но их никогда не было, и вдруг – все татары эксплуататоры. Что-то невероятно.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №9. 15 марта.

№ 35 **Казань**

Нельзя сказать, чтобы между казанскими мусульманами не было ремесел; напротив, не говоря о кожевенных и мыльных производствах, ручной труд у нас значительно развит. Так, в Казани изготовляют азиатскую обувь, колпаки, тюбетейки, различные вышиванья золотом и шелками. Этими работами занимаются сотни мужчин и немало женщин и девушек. Жаль только, что труд ценится очень дешево, что ремесленники-рабочие едва могут жить своим заработком.

Все ремесленные изделия наших мусульман приноровлены к азиатскому вкусу и хотя покупаются в разные города и области, но исключительно мусульманами. При доброкачественной своей работе наши ремесленники зарабатывали бы в несколько раз более, если бы, наконец, додумались производить такие вещи, которые приняты не только мусульманами, но и другими народами. В этом случае покупателей было бы гораздо больше и цены стали бы выше.

Ахмед Сафа Сабитов

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №12. 12 апреля.

№ 36 **Касимов**

Касимовцы отличаются значительной торговой деятельностью и известны как самые бойкие рестораторы. В общем достаточно состоятельные, они отличаются благотворительностью и готовностью делать добро, если им будет то указано и объяснено.

Считая долгом говорить о хорошем, беру на себя смелость высказать одно мое соображение. Было бы весьма полезно, не ограничиваясь лишь торговлей и содержанием буфетов, озаботиться о развитии среди населения ремесленности. Это дало бы занятие и кусок хлеба очень многим. Для этого, думаю, следовало бы учредить в Касимове ремесленное училище для мусульман и готовить в нем искусных мастеров и ремесленников. Я не сомневаюсь, что местные состоятельные люди не откажут пособить такому полезному делу, если кто-либо возьмется за него?

Халильулла, дер. Татар-бай

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №12. 12 апреля.

№ 37 **Разные вести**

Размер требований за границу оренбургских вязаных пуховых изделий достиг весьма значительных размеров. Главным образом изделия эти идут во Францию и Бельгию, причем наибольший сбыт имеют вязаные ажурные платки.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №15. 10 мая.

№ 38 **Фирма Сайдашева**

В среде российских мусульман мы стараемся отмечать всякие явления, которые указывают или намекают на движение мысли или энергии. К последнему надо отнести предприимчивость казанского купца г. Сайдашева, завязавшего торговые дела у нас на юге, как о том нам сообщают из Симферополя.

Владея между прочим стекольным заводом в Казанской губернии, г. Сайдашев поставил его столь хорошо, что удостоился похвального листа и серебряной медали за свои произведения. Это свидетельствует о разумной деятельности почтенного мусульманина. Нам передают, что одна из местных фирм дала ему заказ на 100 тысяч бутылок.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1892. №44. 10 декабря.

№ 39

Мусульманские фабрики

В Симбирской губернии мусульмане издавна занимались шерстяным делом и содержали сукновальни. Как только в Москве устроились суконные фабрики с усовершенствованными станками и машинами, мусульмане поняли их значение и обратили сами сукновальни в небольшие фабрики. Развивая постоянное свое дело, они приняли участие в поставках казенных сукон и явились конкурентами московских производителей. Ныне производство сукон на симбирских фабриках на столько прогрессировало, что их товары встречаются в продаже на всеместно. Вместе с тем они производят большое количество солдатского сукна по подрядам с казной.

Всех мусульманских фабрик десять; из них две в Саратовской губ. Общий их оборот определяется в десять миллионов руб. Самые большие фабрики принадлежат фамилии Акчуриных; остальные гг. Дебердеевым и Алиевым.

Большинство рабочих и заведующих делами этих фабрик мусульмане. При Гурьевской фабрике г. Т.Б.Акчурина имеется также небольшой литейный и железоделательный завод.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1897. №27. 7 июля.

№ 40

* * *

Известный иргизский купец Кяшиф Шагадуллин был награжден на всероссийской промышленной выставке медалью за выращивание породистых лошадей. Ныне мы слышали, что деятельность его в этом направлении замечена начальством и г. Кяшиф эфенди награжден золотой медалью на шею.

Очень приятно отметить, что мусульмане начинают приниматься за такие дела, кои не лишены общественного значения, что видно из наград, жалуемых за них.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1898. №6. 14 февраля.

№ 41

Татарские буфеты

<...> На последнем съезде врачей в Петербурге поднят был вопрос о современном положении питания пассажиров на наших железных дорогах. Съезд выразил желание установить более действительный санитарный надзор за станционными и вокзальными буфетами. По поводу этого симпатичного желания съезда врачей «Салгирь»¹⁵ выдвинул... Но пусть он говорит сам:

«В России со многих поприщ промышленной деятельности русских людей вытесняют иноверцы. В тех случаях, когда иноверцы являются более чем русские знающими, искусными и опытными деятелями в избранной ими отрасли труда, такое вытеснение очень естественно и не должно возбуждать особенного неудовольствия; но когда счастливыми соперниками русских являются иноверцы в таком деле, которое им чуждо и к которому они не подготовлены, то такое завоевание промышленного дела должно считать явлением ненормальным, для устранения которого необходимо принять надлежащие меры».

Обсуждая этот новорожденный вопрос со всех сторон и собрав необходимые данные, мы нашли: 1) что весьма незначительная часть буфетов железнодорожных и ресторанов столичных находятся в руках татар, а потому о «вытеснении» говорить не приходится. Дело стоит лишь на степени соучастия; 2) буфетным делом занимаются не все татары, а исключительно «касимовцы», издавна изучившие это дело в лучших домах Москвы и Петербурга под руководством

¹⁵ Общественная, политическая и литературная газета (Симферополь, 1897-?). Издатель редактор Н.В.Михно.

французских поваров на службе любителей-знатоков; 3) касимовцы хотя и иноверцы, но вовсе не иностранцы; 4) все они, держа буфеты, держат искусных, дорогих поваров, как и коллеги их русские буфетчики. Сами не варят, не жарят; 5) не было случая, чтобы они накормили кого-либо «кониной», чего опасается редакция «Салгира» и, наконец, б) касимовские и отчасти тамбовские татары, как люди трезвые, честные, исполнительные, пользуются в столицах и больших городах значительным доверием и предпочтением.

Вследствие всего этого и имея в виду, что на обширной Руси всем довольно места и дела, мы думаем, что кроме наблюдательно-санитарных, иных «мер» принимать не представляется надобности.

«Салгирь» мог бы начать речь с чего-либо более существенного.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1898. №44. 8 ноября.

№ 42

Что я видел на выставке

С 13 по 20 чис. августа я осматривал Всероссийскую промышленно-художественную выставку в Нижнем Новгороде. <...>

Я не сомневаюсь, что мусульмане, столь искусные и трудолюбивые в своих старинных производствах, успешно поведут и машинную работу, но пока этого нет... Не знаю, кто что видел на выставке, а я видел следующее: во всех отделах выставки более 6000 экспонентов и из них только 97 мусульман, из коих 45 киргизы-коневоды¹⁶, так что на все прочие отделы приходится 52 экспонента-мусульманина. На 120 миллионов всего населения империи приходится 6000 экспонентов; по этому расчету на каждые 10 миллионов населения приходится по 500.

Мусульман в русских границах более десяти миллионов, следовательно, они объявились на выставке в несколько раз менее, чем следовало или же не с чем было показаться. И то, и другое достойно сожаления.

С чем же явились мусульмане на выставку, на этот поучительный базар труда, знания и соревнования?

Сорок четыре мусульманина (все киргизы) выставили степных лошадей; один мусульманин (Аллахьяр Зулгадаров из Елизавет. губ) выставил заводских лошадей (карабаги и скакуны); две фирмы Акчуриных выставили (усовершенствованного машинного производства) сукна, две казанские фирмы (Муртазы Азимова и Утямишев и Комп.) выставили (фабрично-машинного производства) бязь и китайку. Далее казанская фирма Аджи Ахмеджан Галеева экспонирует сафьянные изделия и обувь, прекрасные, но азиатского рисунка и обихода.

Остальные экспоненты все кустари и выставили ручной работы ковры, шелковые материи, сукна, шерсть, вату, пух, войлоки, кисеты, азиатскую обувь, серебряные изделия, седла, плети, уздечки, азиатские ножи, кинжалы, бурки и каракуль.

Бухара выставила подобные же изделия, а Хива – образцы шерсти, хлопка и других естественных произведений.

В отделе женских рукоделий мы видели артистическую вышивку девицы Фатьмы Байбековой из Москвы. Она, в подражание фотографии, вышила шелками вид мечети настолько искусно, что издали рисунок кажется фотографическим.

Прекрасна также атласная скатерть, вышитая шелками Шериф Джемаль Химидуллиной из Петропавловска.

Достойны упоминания изделия из слоновой кости Али Ибрагим оглу из Екатеринодара; возжи и подруги из конского волоса Курбан Али Насырова и Темир Сабитова из Ирбит. уезда, Пермской губ., и выставка фруктов Ахмеда Селимова из Симферополя.

Вот все, чем заявила себя тут мусульманская промышленность. Правда, сюда могли бы еще попасть золотошвейные работы и мыла из Казани, шелка Нухи, Шемахи и Карабага, но это мыло изменило бы общий характер дела.

В железном, чугунном, медном, экипажном, мануфактурном и машинном отделах мусульман вовсе нет. Очевидно, что наши мусульмане живут еще в «деревянном веке», т.е. на пятьсот лет назад от настоящего времени, времени «железа и машины». Очевидно, их уши не слышат

¹⁶ Казахи.

резких, громких свистков машин, паровозов и пароходов. А надо прислушаться, иначе чем дальше, тем труднее будет жить на свете.

Осмотрев выставку, сейчас видно, что мусульманский народ живет не искусством, не знанием, а естественными благами, каковы – шерсть, хлопок, шелк, сушеные фрукты, кожи, каракуль и т.п. и отчасти ручными изделиями, не имеющими большого распространения, каковы ковры, разные азиатские материи, войлоки, серебряные с чернью изделия и прочее.

А так как и все прочие народы имеют также шерсть, хлопок, ручные изделия и т.п., то недостаток остается за нами, мусульманами. <...>

Мануфактурное, железное, машинное дело требуют знаний и подготовки. Их у нас нет, но кто же мешает нам выучиться? <...>

Пусть тысячи мусульман, видевшие выставку, будут моими свидетелями! Нам надо учиться; мы ничего не знаем! Нам надо поступать на фабрики, заводы, чтобы учиться у русских практически; нам надо поступать в земледельческие, механические, ремесленные, технические и другие училища, а предварительно надо изучить русский язык.

Это поддержит мусульманский люд, а поддержать его – святое дело. При всем трудолюбии и способности мусульман выставка говорит: они не умеют работать.

Исмаил.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1896. №35. 8 сентября.

№ 43

Из исследования «Обзор кустарных занятий в Казанской губернии»

Изготовление татарских головных уборов и обуви в Казани

Выработка названных предметов производится ручным способом и ведется мастерицами, за редкими исключениями, у себя дома, в кругу своей семьи, а не в особых мастерских.

Азиатская обувь, по словам крупного в Казани торговца М.И. Галеева, получила свое название оттого, что первоначальные образцы были привезены из Азии. В 1790-х годах казанский, популярный в то время, чеботарь Мустафа Файзуллин, бывший по делам в Сеитском посаде Оренбургской губернии, купил для образца бухарской работы мужские с калошами ичег и по приезде своем в Казань, подражая купленному образцу, начал работать мужскую и женскую обувь, а за ним последовали и другие. Этот образец в настоящее время сохраняется в магазине г. Галеева в Казани.

Самую необходимую часть татарских женских головных уборов составляют колпак и шапочка, а у мужчин – тюбетейка (чеплашка); а обуви, как мужской так и женской, – это ичег и чаушами.

Колпак, по своему устройству похожий на сумку, надевается татарками на голову обыкновенно с наклоном на правую сторону. Он состоит из двух частей: каймы или околыша (кырпу) – и верха (өст). Колпак бывает разной величины: в настоящее время в Казани колпак носят в 3–4 вершка длины и ширины, с каемкой – в один дюйм носят другого фасона: длиною гораздо больше одной четверти, но не более полуаршина.

Более пожилые татарки носят косынки (өрпак) и вместе с тем на голову надевают бобровую шапку с бархатным вышитым верхом. Шапка эта отличается от мужской тем, что верх ее всегда делается, на вершок или больше, выше каемки, и это место кругом прошивается серебряным и золотым салуном, шириною немного больше ½ вершка. Мужская тюбетейка и дамская шапочка тоже состоят из двух частей: каемки и верха. Разница между ними заключается лишь в том, что каемка у дамской шапочки делается вдвое уже каемки и мужской тюбетейки, а потом у тюбетейки каемка и верх прострачиваются прямыми или косыми полосками, с промежутком в полсантиметра, и эти промежутки набиваются паклею, льном или ватой. Дамская шапочка делается по большей части из гладкой материи и не прострачивается.

Как на шапочке, так и на тюбетейке, как раз на середке верха, пришивается сделанный из материи мягкий шарик, или разного цвета и длины шелковая или бумажная кисть, это делается для красоты, для удобства, чтобы тюбетейка и шапочка снимались и надевались на голову скорее. Бывают тюбетейки и из красного сукна с черной длинной кистью, это – феска, но она сюда привозится исключительно из Турции.

Есть еще так называемая бухарская полуовальная тюбетейка с шелком, коротенькой, прямостоячей кистью и узенькой, вдоль, полосатой каемкой; последняя прострачивается не вкось,

а горизонтально, ее надевают исключительно муллы. Колпак, шапочка и тюбетейка делаются из бархата, манчестера, атласа, шелковых и других материй.

Ичеги (читик) – это мягкие сапоги из бараньей или козловой кожи с мягкой подошвой (из лошадиной кожи). Лучшие ичеги постоянно делаются из козловой кожи. Мужские и дамские ичеги неодинаковы; дамские ичеги составляются из разноцветных кож, вышиваются золотом¹⁷, серебром, разноцветным шелком и бумажными нитками. Бывают дамские ичеги и с каблуками, вышитые до колен и наполовину только. Мужские ичеги бывают исключительно черного цвета и ничем не вышиваются и не разукрашиваются, за исключением пяток, где ставится зеленого цвета шероховатая кожа (сауры).

Кеуши (калоши), которые надеваются на ногу вместе с ичегами, также различны: дамские кеуши, обыкновенно, делаются с высоким каблуком, с низким задником и, кроме того, в большинстве случаев переда (подъем) вышиваются золотом с шелковой или бумажной кисточкой на середине подъема.

Мужские же делаются с низкими широкими каблучками, высокими задниками, и ничем не вышиваются. Кроме чаушов, еще татары носят так называемый «башмак»; разница между кеушом и башмаком заключается в том, что последний делается с широким низким деревянным каблуком и без задника, причем подъем делается из разноцветной кожи: зеленой, черной, голубой и других цветов.

Описанные убор и обувь, как мужские, так и женские, делаются исключительно в Казани¹⁸ и отсюда доставляются во все города и места, где только есть татары. Поэтому в Казани есть особые магазины, где занимаются торговлей и отправкой этих предметов. Вышиванием тех и других занимаются только женщины, как русские, так и татарки¹⁹. Несколько тысяч мастериц в Казани и уезде работают день и ночь и ежегодно доставляют в магазины по сотни тысяч уборов и обуви. По словам торговцев, обуви ежегодно заготавливается около 50 тысяч пар из каждого сорта в каждый магазин и столько же, если не больше, головных уборов. Число работниц по вышиванию обуви и головных уборов в Казани насчитывается более двух тысяч, они рассеяны в следующих местностях: Новой и Старотатарской, Суконной, Кизической слободе, Адмиралтейской, Игумновой, а в Казанском уезде их насчитывается свыше десяти тысяч.

Заготовка уборов выполняется не одним лицом, а несколькими: одни занимаются лишь прострачиванием каемки и верха тюбетейки или вышиванием их, другие – набивкою простроченных каемок или верха тюбетейки, третьи – вышиванием верха и каемки колпака, или шитвом и отделкою вышитых каемок и верхов тюбетейки или колпака и натягиванием на колодку²⁰. На основании такой сложной работы и плата на них вычисляется по частям, так, например: одни получают лишь за прострачивание каемки и верха, другие – за вышивание их, а третьи – за набивку только или за отделяние и натягивание на колодку. За единицу работы считается сотня. Заготовка одной сотни тюбетеек, смотря по материалу, приблизительно стоит 5, 7, 10 рублей и дороже, прострачивание на машине – одной тюбетейки (верха и каемки) стоит 1–1 ½ коп.; стало быть, одна мастерица, прострачивая в день 3–5 десятков чеплашек, может зарабатывать 30–50 коп. или 45–76 копеек. Прострачивание бархата производится только на руках; цена, как на прострачивание бархата, так и на набивку вообще, стоит гораздо выше, чем на остальные работы. Более опытные мастерицы (золотошвейки) зарабатывают в день 1 руб. 50 – 2 рубля.

Колпак, тюбетейка и чеплашка вышиваются синелью, мишурую, канителью, серебром, золотом и жемчугом. Колпак или тюбетейка, вышитая жемчугом, в продаже в готовом виде встречаются очень редко, а потому тот, кто имеет нужду в них, заказывает особым мастерицам. Вышивают колпаки с жемчугом 30–40 золотников и больше, но такие колпаки, конечно, можно видеть редко. Плата за вышивание серебром, золотом и жемчугом вычисляется по золотникам: 25–30 коп. с золотника; сколько золотников изошьет работница, столько копеек и получит. Колпак или тюбетейку, вышитую серебром, золотом и жемчугом, можно купить в готовом виде от 2 до 70 руб. и подороже.

Вышивание головных уборов, как мужских, так и женских, производится следующим образом: к вышиваемой каемке колпака или шапочки кругом пришивается коленкор или простой си-

¹⁷ Авт. сн.: Под «золотым» подразумевается вызолоченная, серебряная канитель, а не настоящее золото.

¹⁸ Авт. сн.: Вязаные колпаки делаются из шелковых ниток в Москве.

¹⁹ Авт. сн.: Мужчины занимаются только выкройкой ичегов.

²⁰ Авт. сн.: Колпак не натягивается на колодку.

тец, шириною в один вершок, а затем при помощи тонкой бичевы натягивается по этим пришивкам в ручные пальцы, длиною в один аршин и шириною в 5–6 вершков. Верх тюбетейки, шапочки и колпака натягивают в особые пальцы, имеющие вид квадрата величиною в 4–5 вершков. Натянув, таким образом, каемку в пальцы, прилепляют к ней сверху разные рисунки из обыкновенной писчей бумаги и начинают по ним вышивать, причем рисунки делаются разные, более всего напоминающие собою форму разных листьев, кистей с висячими ягодами и проч.

Если вышивка совершается с канителью, то последняя с помощью маленьких ножиц сначала рассекается на мелкие части длиною в 2–3 линии, а потом эти частицы вдеваются через тонкую иголку в нитку столько, сколько потребуется в длину и ширину листьев рисунка. Для того чтобы дать вышиваемой вещи более красоты и выпуклый вид, на рисунки кладут тонкий слой ваты так, чтобы она оставалась чуть заметной после вышивки. Таким же образом вышивается верх колпака, шапочки и тюбетейки.

Надо заметить, что рисунки не должны напоминать собою живых тварей, ибо употребление таких рисунков по магометанскому закону строго запрещено.

Мужская тюбетейка требует, кроме вышивки, и другой работы: она сперва прострачивается на машине или на руках прямыми или косыми полосками, а затем эти полоски набиваются паклею или льном приспособленной для этого железной, шилообразной машинкой, и, наконец, после вышивки каемка и верх зашиваются вместе и натягиваются на колодку.

Вышивание ичегов крайне несложно. Главные инструменты следующие: круглая деревянная колодка длиною в 5–6 вершков и 1 ½ вершка в диаметре. Круглый ремень шириною в один дюйм и длиною в человеческую голень и обыкновенное сапожное шило. Материалами же для вышивания по швам служат бумажные и шелковые разноцветные нитки и обыкновенная тонкая сапожная дратва.

Во время вышивки мастерица ставит колодку на одну из коленок и на нее кладет вышиваемые ичеги, а для того, чтобы вышивать свободно, обеими руками, и укрепить на коленке колодку с ичегами, надевает на ногу сверх колодки упомянутый ремень. Таким образом ремень дает возможность укрепить на коленке колодку с ичегами и свободно вышивать.

Процесс вышивки совершается следующим образом: прежде мастерица прокалывает шилом в одну только сторону вышиваемых ичегов, а потом, намотав 3–5 раз ниткой кончик шила, прокалывает дальше, в другую сторону ичегов, и наконец, сняв осторожно шило, продевает тонкую дратву. Таким образом намотанная несколько раз на шило нитка между двумя кожами (ичегами), остается в таком же виде и на дратве.

Вышивают дамские ичеги (одну пару) от 16 коп. до 10 р. и дороже; причем нитка (дратва) – работницы, а остальное – от хозяина. В настоящее время в готовом виде можно купить дамские ичеги от 1 руб. до 20 руб. и подороже, мужские – от 1–10 руб. Дамские и мужские²¹ кеуши можно купить от 70 коп. до 10 руб. и т.д.

Источник: Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Издание Казанского отделения Императорского русского технического общества. Казань, 1896. С.55–61.

№ 44

Таблица 31

Татарские торгово-промышленные фирмы Казани 1877–1905 гг.

№	Наименование и вид фирмы	Год учрежд.	Учредители	Вид деятельности	Капитал, руб.
1.	Фабрично-торговый дом «Братья Мишкины»	1877	Казанские 2-й гильдии купцы Мухамет-Алим и Айнетдин Абдраязковичи Мишкины	Производство и продажа сукна	30000
2.	«Нурмынская мануфактура Ишмуратова и К ^о » (товарищество на вере)	1884	Арские 2-й гильдии купцы Ахмет Шафеевич, Абдрахман Ахметович Ишмуратовы, казанский 2-й гильдии купец Мухамет-Гариф Ибрагимович и стерлитамакский	Производство и торговля бязью, китайкой и другими товарами	20000 (серебром)

²¹ *Авт. сн.*: Более подробные сведения об описываемом занятии можно встретить в брошюре Криваксиной «Женский кустарный труд в Казани».

			2-й гильдии купец Мухамет-Зариф Ибрагимович Утямышевы		
3.	«М.-Ш.М.Мусин и К°» (товарищество на вере)	1885	Казанские купцы Мухамет-Шараф, Мухамет-Шакир и Мухамет-Ситдик Мухаметзяновичи Мусины	Производство и продажа азиатской обуви	20000
4.	«А. и И.Рахматуллин и К°» (товарищество на вере)	1888	Казанские 2-й гильдии купцы Ахметзян Фазлуллович и Измаил Ахметзянович Рахматуллины	Производство керосина, минеральных масел и другие торговые операции	150000
5.	Торговый дом «Б.Субаев, И.Бурнаев и М.Сайдашев в Казани» (полное товарищество)	1888	Казанские купцы Бакий Галимович Субаев, Ибрагим Садыкович Бурнаев, Мухаметзян Ахметзянович Сайдашев	Торговля меховыми и другими товарами	300000 (серебром)
6.	«Казанская мануфактура Утямышева и К°» (товарищество на вере)	1888	Казанский 1-й гильдии купец Мухамет-Гариф Ибрагимович Утямышев, арский 2-й гильдии купец Гумер Якупов и царево-кокшайский 2-й гильдии купец Мухамет-Юсуп Усманов	Производство и продажа бязи, ваты и других мануфактурных товаров	22000 (серебром)
7.	Торговый дом «Бурнаев и Шафигуллин» (полное товарищество)	1889	Казанский 2-й гильдии купец Мухамет-Садык Курбангалеевич Бурнаев и Загидулла Шафигуллович Шафигуллин	Торговля пушниной	Не указан
8.	Торговый дом «Абдрахмана Ибрагимова сыновья» (полное товарищество)	1891	Муса (г.Ташкент), Шакир, Закир (г.Бухара) и Муртаза Абдрахмановичи Ибрагимовы	Торговля разного вида товарами	40 000 (с увеличением до 120 000)
9.	Торговый дом «Х.Х.Тагиров и А.А.Насыров и К°» (товарищество на вере)	1893	Казанский 2-й гильдии купец Хасан Тагиров и симбирский 2-й гильдии купец Ахметзян Насыров	Торговля галантерейными, мануфактурными и другими товарами	20 000
10.	Торговый дом «Н.М.Музафаров, М.М.Апакаев и К° в Казани» (товарищество на вере)	1894	Казанский купец Низамутдин Музафаров и яранский купец Музафар Апакаев	Торговля мануфактурными и другими товарами	21 000
11.	Торгово-промышленное товарищество на паях «Ахметзян Сайдашев с сыновьями и Бакий Субаев»	1895	Казанский 1-й гильдии купец Сайдашев Ахметзян Яхьич, купеческие сыновья Мустафа и Мухаметзян Сайдашевы и Бакий Галимович Субаев	Торговля сахаром, чаем, мехами и другими товарами, а также стекольное производство	500 000
12.	Торговый дом «Вдова Галима Субаева и К°» (товарищество на вере)	1897	Вдова казанского купца Фатиха Ибрагимовна Субаева и казанский мещанин Исхак Сафич Хамзин	Торговля меховыми изделиями	15 000 (серебром)
13.	Торговый дом «Братья Каримовы и К°» (товарищество на вере)	1898	Казанский 2-й гильдии купец Мухаметзян Каримов и мещане Шарифзян, Хасан Каримовы	Торговля галантерейными товарами и книгами	21 000
14.	«Товарищество мыловаренного и глицеринового завода И.Арсланова» (полное товарищество)	1901	Казанский 1-й гильдии купец Сулейман Мухаметжанович Аитов и сын казанского купца Хабибулла Валиуллич Гизатуллин	Производство и торговля мылом и глицерином	50 000

16.	Торговый дом «Братья Ш. и А. Юсуповы» (полное товарищество)	1904	Казанские мещане Шарафутдин и Ахметша Шагабутдиновичи Юсуповы	Торговля бакалейными, хлебными и другими товарами	6 000
17.	«Алексеевское промышленное товарищество стекольных заводов» (товарищество на вере)	1904	Потомственный почетный гражданин Мухамет-Закир Каримович Апанаев, казанский купец Бадретдин Каримович Апанаев и казанский мещанин Габдулла Каримович Апанаев	Производство и продажа стекла и стекольных изделий	6 000
18.	Торговый дом, «М.И. Галеев с сыновьями» (полное товарищество)	1904	Потомственный почетный гражданин Мухаметзян Ибниаминович Галеев и Галимзян, Газизжан, Салихжан и Абдрахман Галеевы	Производство и торговля азиатской обувью и другими товарами	25 000
19.	«А. Губаев и М. Дяминев» (товарищество на вере)	1904	Крестьяне Казанского уезда Ахмет-Сафа Губаев и Мухамет-Сафа Дяминев	Производство и торговля азиатской обувью	12 000
20.	Торгово-промышленное товарищество на вере «Апанаевы и Казаковы в Казани»	1905	Потомственные почетные граждане Исхак, Закир Мухаметовичи Апанаевы, Мухамет-Рахим, Абдул-Гамид Шакировичи Казаковы	Торговля разными товарами и открытие различных промышленных заведений	18 000

Источник: Галеев Н. Татарские торгово-промышленные фирмы Казани (XIX – нач. XX вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. №1/2. С.251–259.

Материалы подготовили Ильдус Загидуллин, Халида Багаутдинова

§ 3. Социально-экономическое развитие татарского крестьянства

Упадок крепостной системы и утверждение рыночных отношений сопровождалось расхождением крестьянства и широким распространением среди сельского населения различных неземледельческих промыслов. Ряды индивидуальных производителей регулярно пополнялись за счет вовлечения в промышленное производство части сельскохозяйственного населения.

Основную массу татарского сельского населения составляли государственные крестьяне. Земледельческий характер их хозяйства, дополненный животноводством, органично включал кустарные промыслы, главным образом, обработку кожи, шерсти, дерева, что являлось признаком товаризации крестьянского хозяйства как основы развития предпринимательской деятельности татарской деревни. Именно на базе развития крестьянского товарного хозяйства создавались сельские национальные промыслы, которые в свою очередь послужили основой появления мануфактурного производства, преимущественно рассеянного типа. Активно проходил вывод в сельскую местность промышленных предприятий татарскими предпринимателями. Причины этого прогрессирующего процесса носили чисто экономический характер: дешевизна наемного труда, близость источников сырья, отсутствие конкуренции со стороны русских предпринимателей; нужно учитывать и отсутствие языкового барьера, конфессиональную однородность предпринимателей и наемных рабочих, что, в целом, устраивало консервативное сельское население. Созданная на таких предприятиях продукция, если не выдерживала конкуренции с более качественными товарами, то отличалась относительно низкими ценами и всегда находила своего покупателя, в т.ч. и в национальной среде.

Общим для всей страны в конце XIX в. стал процесс размывания сословных границ. Если в среде русского купечества занятие различными видами предпринимательской деятельности теряло определенную сословную окраску, купеческое звание превращалось в атрибут предпринимательской традиции, то в среде татарского купечества этот процесс в начале XX в. еще только намечался, а купеческое сословие не потеряло своего значения, авторитета. Традиционность обычаев и уклада жизни, ценностные ориентации, менталитет, преемственность семейного капитала татар отличались большей устойчивостью.

Людмила Свердлова

№ 45

Извлечение из книги А.Фукс²² «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии»

Отсюда поднялись мы на некоторое возвышение и приехали в значительную деревню Уразлино (по-татарски Козакляр), где живут служилые татары, или лашманы; здесь находится 132 двора и 483 души мужеска пола. Много хороших домов, но все татарский вкус. Они всегда ставятся посреди двора, окруженного большим забором и высокими воротами. Здесь находятся три мечети, с младшим ахуном и двумя муллами. Большая часть жителей торгуют в сибирских крепостях: Троицкой и Семипалатинской, некоторые в Москве; даже в С.Петербурге торгуют и променивают купленные на Нижегородской ярмарке товары на Бухарские и Киргизские. Многие возвращаются домой только зимою, для получения паспортов. Здешние поля хорошо обработаны и большею частью засеяны пшеницею и ячменем; но лесу нет. Расстоянием на версту отсюда находится татарская деревня Улла, имеющая 71 двор и 222 души. Заметим, что здесь, против обыкновения татар, есть и кабак. Скоро мы приехали в большую татарскую деревню Излейтары, где 79 дворов и 229 душ. <...>

Между черемисами и татарами есть порок, противный общей пользе и враждебный их собственному благосостоянию. Бедные из них ежегодно нанимаются, по соседству, в работники; берут вперед деньги, на уплату податей; и потом, или не выполняют своих обязанностей, или покидают хозяев в самое нужное время полевых работ, под предлогом собственных домашних занятий, а боле болезни. Такого рода обмен между поселянами делает расстройство в производстве сельских работ, и по недоверию затрудняет бедных поселян в приискании мест. <...>

Источник: А.Фукс. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С.278–279, 320.

№ 46

Из исследования секретаря Казанского статистического комитета Н.Н.Вечеслава²³ «Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии»

III. Деревня Мульма Казанского уезда, Мульминской волости, Мульминского сельского общества²⁴.

1) Состав общины²⁵.

Мульминская сельская община состоит из деревни Мульмы и починка Мульмы, находящегося в смежности с нею. Оба поселка расположены при речке Сердинке и населены татарами магометанского исповедания. Починок Мульма образовался более 85 лет тому назад, через переселение из сказанной деревни муллы Нигаметуллы Субханкулова. Крестьяне этой общины принадлежат к числу собственников из государственных и земля находится у них в общинном владении. В общине этой числится душ: по *владенной записи* – 300 муж. пола; по *семейным спискам* – 347 муж. и 362 женс. пола. В этом числе считается лиц в *рабочем возрасте* (от 17 до 55 лет) – 157 муж. пола. Всех семейств числится 134; из них:

Больших (от 5 до 6 душ).....	7
Средних (от 3 до 4 душ).....	36
Малых (от 1 до 2 душ).....	91

Во владении Мульминского общества находится всей вообще земли 1536 десятин, в этом числе состоит: *усадебной* (сюда принадлежит: собственно дворовые места – 7 десят.; гуменники – 4 десят.; огороды – 3 десят.; конопляники – 7 десят.) – 21 десятина; *пахотной* 1293 д.; лесу – 90 десят. и лугов – 51 десят., всего удобной – 1455 десят.

2) *Способы пользования общинною землею и ее переделы.*

Усадебная земля находится в подворном, наследственном владении и не подвергается переделам, за исключением одних конопляников, которые переделываются при каждой ревизии. Новые дворовые места отводятся из полевых угодий.

²² Фукс Александра Андреевна (?–1853) – русская поэтесса, автор этнографических рассказов и мемуаров. Жена профессора, ректора Казанского университета К.Ф.Фукса.

²³ В 1869–1877 гг. был секретарем Казанского губернского статистического комитета.

²⁴ Сведения об этой общине собраны в 1878 г. по программам Вольного экономического и Русского географического обществ.

²⁵ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

Пахотная земля подвергается коренным переделам от ревизии до ревизии; жеребьевки же и разверстки пашни не существуют, так что доставшиеся крестьянину при разделе во время ревизии, полосы остаются в его пользовании вплоть до новой ревизии. Пахотная земля делится на три поля; два из них разбиваются на 17 *частей*, а одно – на 18. Части эти особых названий не имеют, и поля делятся на них вследствие различия почвы, местоположения (гористое, по косогорам, низменное) и расстояния от селения (ближние поля, дальние поля) ... Каждая из частей разделяется на полосы *по числу ревизских душ*, так что каждый крестьянин получает в разных местах: в двух полях по 17, а в третьем – 18 полос. Ширина полос простирается от 1 до 3 саж., а длина – от 50 до 80 саж. Некоторые из *частей* разделяются дорогами, другие же – межниками, по которым можно проехать с сохой и даже с возом; полосы же отделяются одна от другой более углубленными бороздами.

Луга переделываются ежегодно и разбиваются, смотря по качеству сенокоса, на шесть частей, которые особых названий не имеют. При этих переделах новых участков не нарезывается, а крестьяне ежегодно получают участки по жеребью. Каждая из шести частей делится на полосы, по числу душ; самые узкие из них имеют 1 саж. в ширину, длина же полос простирается от 40 до 60 саж.

Лес делится по ревизским душам, а рубка его производится, по мере надобности, по 1 или по 2 возам на душу.

Выгонов нет: скот же пасется на пару, по скошенным лугам и по жнивью, а в междупарье – по оврагам, а также и на вспаренном поле. Каждый домохозяин имеет полное право выгонять в стадо весь свой скот.

3) Устройство общих хозяйственных дел.

Крестьяне Мульминского общества караулят своих лошадей поочередно только по ночам (ночное); для пастбы же прочего скота нанимается пастух, с весны до зимы, с платой по 5 руб. в месяц, который и обязан иметь подпасков от себя. Прокормление пастуха производится по следующему расчету: домохозяин, имеющий одну корову, обязан кормить пастуха одни сутки; имеющий двух коров – двое суток и т.д. Общественного быка в общине нет, а в случае надобности крестьяне пользуются быком из других селений за известное вознаграждение, определяемое по обоюдному согласию. Мирской лес охраняется очередным караулом. Мульминское общество своих земель в аренду не сдает, а равно и не нанимает их у других селений; оброчных мирских статей в общине не имеется.

4) Состояние полеводства в общине.

Преобладающая почва земли в этом обществе – темнобурая глина. Система хозяйства трехпольная; улучшений в полеводстве никаких не замечается: травосеяния в общий севооборот не введено. Из полей унавоживаются только лежащие вблизи селения, не далее версты. Земледельческие орудия употребляются самые простые. Из хлебов преимущественно разводятся рожь, овес и греча, а также отчасти пшеница, ячмень и полба; лен и конопля засеваются в очень незначительном количестве. Из корнеплодных на полях возделывается картофель.

5) Платежи и повинности, лежащие на общине (за 1878 г.).

На Мульминском обществе лежат следующие платежи и повинности.

Подушной подати.....	700 р. 30 к.
Оборочной подати	777 – 26 –
Государственного поземельного налога.....	86 – 11 –
Лесного налога.....	47 – 5 –
Общественного сбора.....	113 – 24 –
Земских сборов.....	213 – 84 –
Продовольственного сельского капитала.....	74 – 50 –
Мирских сборов.....	132 – 18 –
Всего	2144 р. 48 к.

Все эти сборы распределяются так, что на *ревизскую* душу приходится 7 руб. 20 $\frac{3}{4}$ коп.; на десятину же удобной земли причитается 1 руб. 47 $\frac{1}{4}$ коп. Разверстка платежей и повинностей ежегодно производится в январе месяце, по получении окладных листов. За единицу распределения податей принимается *ревизская душа*. Старшины, старосты и другие выборные должностные лица пользуются льготами только в отношении отправления натуральных повинностей. Повинности, падающие на воинских чинов, во время действительной их службы и по прибытии домой, в течение года равномерно распределяются между всеми членами общины по числу ревизских

душ. В силу круговой поруки недоимки раскладываются на все общество по числу ревизских душ; землю же неплательщиков мир отдает наиболее исправным домохозяевам.

К числу натуральных повинностей принадлежат: *подводная* (в 1877 году было поставлено 90 подвод), *дорожная* (в 1877 году для исправления дорог выслано было 120 рабочих) и *караульная* (для этой цели выставлено было в 1877 году 596 человек). Все эти повинности отбываются поочередно и раскладываются по числу ревизских душ. Стоимость снаряжения новобранца обходится в 17 рублей; разверстка же производится по ревизским душам. Круговая порука существует только в отношении платежа повинностей.

б) *Юридические отношения членов общины.*

Ни один из домохозяев не имеет права отступать от принятой в общине системы полеводства и не может сеять в яровом поле озимый хлеб, или наоборот. Срока для начала полевых работ не существует. Удобрение полей навозом необязательно для домохозяев и зависит от их усмотрения²⁶; точно также домохозяева имеют полное право продавать с своих дворов навоз, а равно и скот, кому заблагорассудят. Свою надельную землю домохозяева могут отдавать только в наймы, но продавать или закладывать ее права не имеют. Отставные и бессрочноотпущенные солдаты, принадлежащие к обществу, а также солдатки и вдовы пользуются теми же правами на землю, как и прочие члены общества.

7) *Дополнительные сведения.*

А) *По Мульминскому обществу.*

В Мульминском обществе считается.

	Дворов	Отдельных жилых изб	Всех жилых строений
В дер. Мульме	131	4	146
В починке Мульме	3	–	5
Итого	134	4	151

При среднем урожае²⁷ собираемого хлеба оказывается достаточным для продовольствия; при хорошем урожае является излишек, поступающий в продажу, приблизительно – ржи до 1000 пудов и овса до 500 пуд; при плохом же урожае хлеба недостает на продовольствие: для средних дворов – на 4 месяца, для бедных – на 6 месяцев. Торговых и промышленных заведений, а равно мирских оброчных статей в этой общине не имеется; точно также не существует и не существовало до 1861 года никаких местных промыслов; подспорьем же для крестьян служат отхожие промыслы, именно – наем для поденных работ в г. Казани, что дает каждому работнику, за исключением содержания, чистой прибыли от 3 до 3 ½ рублей. В последние три года (1866-1868) уходило ежегодно на заработки.

По свидетельствам: месячным..... 90 муж. пола

– паспортам: полугодовым..... 50 –

Количество скота в Мульминском обществе за последние три года (1866–1868) уменьшилось, а именно: лошадей – на 30 голов, рогатого скота – на 70, овец и коз – на 200 голов. Это уменьшение произошло не вследствие падежей, которых в означенный период времени в этом обществе не было, а вследствие продажи скота в неурожайные 1876 и 1877 годы. В настоящее время в этом обществе скота числится: лошадей – 96, коров 110, овец и коз – 525, Запасного хлебного магазина в обществе не имеется; сбор же хлеба для этой цели заменен, с 1874 года, денежным взносом, по 25 коп. с души, в сельский продовольственный капитал. Мирского капитала состоит 27 руб. 50 коп. На Мульминском обществе числятся следующие недоимки (за 1878 год).

Подошней подати..... 540 р. 1 к.

Общественного сбора..... 112 – 86 –

Оброчной подати..... 777 – 26 –

Лесного налога..... 47 – 5 –

Земских сборов..... 213 – 84 –

Сбора в сельск. продовольств. капитал..... 74 – 50 –

Всего..... 1765 р. 52 к.

²⁶ См. выше – об удобрении полей.

²⁷ За средний урожай, для озимого и ярового хлебов, надобно принимать сам-3; для хорошего – сам-4 и для плохого – сам-1.

Недоимка эта образовалась в 1877 году по случаю плохого урожая хлеба в 1876 и полного его неурожая в 1877 годах. Случаев продажи имущества за недоимки в Мульминском обществе, с 1861 года, не было.

Б) По дворам Мульминского общества.

(Описание одного из дворов трех разрядов: 1) Богатого, 2) Среднего и 3) Бедного).

Упомянутые в этом описании дворы образовались до 1861 года; в них числятся наличных душ.

Число наличных душ по возрастам	1) В богатом дворе		2) В среднем дворе		3) В бедном дворе	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
До 12 лет	–	–	1	1	1	1
От 12 до 17 лет	1	2	1	–	–	–
От 17 до 55 лет	1	1	2	3	1	1
Свыше 55 лет	–	–	–	–	–	–
Всего	2	3	4			
В том числе:			4	2	2	
Работников	2	3	3	3	1	1
Неспособн. к работе	–	–	1	1	1	1

Во владении каждого из означенных дворов душевых наделов состоит: в богатом дворе – 4 надела, в среднем – 2, в бедном – 1. Размер повинностей и податей, приходящихся на ревизскую душу (7 руб. 20 ³/₄ к.), показан выше²⁸; здесь же необходимо сказать, что богатый двор платит повинностей с 4 ревизских душ, средний – с 2 и бедный – с 1 души. Наличное число скота в каждом из упомянутых дворов составляет:

	Лошадей	Рогатого скота	Овец
В богатом дворе	3	4	10
– среднем	4	3	5
– бедном	1	–	2

Купленной земли, а равно и снимаемой в аренду, как у своих однодеревенцев, так и у соседей, ни один из описанных дворов не имеет. Члены семьи из этих дворов на заработки не уходят и в батраки не нанимаются; равным образом не нанимают и посторонних работников. Количество недоимки на каждом из упомянутых дворов составляет: на богатом – 24 р. 87 коп.; на среднем – 12 р. 43 коп.; на бедном – 6 р. 22 коп. Продажи имущества за недоимки в этих дворах не было.

Источник: Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Собраны и обработаны членом и секретарем Казанского статистического комитета Н.Н.Вечеславим. Казань, 1879. С.3–5, 29–37.

№ 47

Из работы М.А.Рылова «Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии»

Забытая отрасль труда (современное положение и насущные потребности «ичежного» промысла в Казани)

XXIV. Валяльный промысел

Валяльный промысел получил наибольшее развитие в северо-восточном углу Казанской губернии, а именно – в уездах Мамадышском и Казанском, хотя и во всех прочих уездах, за исключением Царевококшайского, можно встретить представителей этого рода промышленности.

²⁸ См. выше – платежи и повинности, лежащие на общине.

Уезды	Волости	Селения	Занято промыслом		
			семей	лиц	
Мамадышский	Букмышская	Новая Мичень	74	83 ²⁹	
		Тимершик	54	54	
		Менгерь	36	36	
		Букмыш	25	25	
		По речке Сунер	5	5	
		По речке Шикше	4	7	
		Алан-Илга	3	3	
		Евлаштова	2	4	
		Мешебаш	2	4	
		Большая Шикша Оуяз, Илиберь и по речке Серде	2	2	
		Новая Шикша Утернязь, Куюк и Тюлюшка	1	1	
	Ельшевская	Урушерма	–	28	
		Баландыш	–	17	
		Михайловское	–	14	
		Большие Савруши	–	11	
		Мамалаева, Старые Зюри и Другие Савруши	–	8	
		Салтыган Ключ, Нижние Шитцы, Новые Зюри и Карашурма	–	7	
		Тюбяк	–	11	
		Сосновый Мыс, Акул Бигинеева и Большие Тюлязи по	–	6	
		Большая Меша и Средняя Меша	–	5	
		Казанчи Бигинеева	–	4	
	Асан-Илгинская	Другой Кукмор	–	10	
		Кукмор	–	3	Большие мастерские
	Ново-Чурилинская	Корсабаш	30	50	
		Сикертань	30	34	
		Малый Муй, Чума-Илга и Мрали	10	10	
		Ташкичъ	7	7	
		Мурья Мусич	6	6	
		По ключу Мендюш	6	6	
		Нижний Семит	5	5	В труд. стат. эксп. показано 17
		Урясь Кремни	5	5	
		Нижние Отары	4	4	
		Новое Чурилино, Верхняя Мичень, Бакшанда, Старая Мичень, Верхний Семит и Старый Муй по	3	3	Труд. стат. эксп. – 12
		Смак-Корса и Муй (Казиклар) по	2	2	
	Старо-Юмьинская	Куркино	–	43	Из трудов стат. экспед. 1883 г.
		Нурмабаш	–	51	
		Састамак и Верхний Кукмор по	–	17	
		Байленгар	–	14	Из трудов стат. экспед. 1883 г.
		Средний Кукмор	–	11	
		Балькла	–	8	
		Искиюрт	–	6	
	Большой Кукмор	–	4		

²⁹ По сведениям стат. эксп. 1883 г. показано 34.

		Семен-Головино, Малая-Кия-Юмья. Сердоусь, Ошторма Юмья, Старая Юмья, Верхняя Юмья, Старая-Кия-Юмья и Починок Ишмуганов по	–	2	
		Нижний Кукмор и Студеный Ключ по	–	1	
	Ядыгерская	Малый Сердыган	–	3	
		Нырья	7	7	
		Кузьмес	5	10	
		Чура	–	5	
		Починок Балдыкня и Бурбаш по	–	4	
		Сабанчина	–	1	
	Кабык-Куперская	Нагашева и Тулбаева по	–	3	
	Красногорская	Красная Горка	3	3	
	Благов.-Омарская	Дигитли	15	–	
	Петропавловская	Важешур	3	–	
		Старые Канисары	–	3	
		Поч. Сутер	1	–	
	Троицко-Секинесьская	Кутуш	3	–	
	Сатышевская	Гажинская Пустошь	–	8	В труд. стат. эксп. показ. 3.
		Средние Сабы	–	6	Из трудов стат. эксп.
		Сатышево	–	5	Из трудов стат. эксп.
		Чапки Сабы	–	7	
		Ямбулатово	–	4	
		Маметева Пустошь и Большой Шинар по	–	2	
		Новый Шинар, Ташла Илга и Старые Сабы по	–	1	
Казанский	Кармышский	Верхняя Корса	–	15	
		Нижняя Корса, Курхайван и Сарай-Чекурча по	–	10	
		Верхняя Масра	–	8	
		Малый Пшалым	–	6	
		Кармыш-Казанбаш и Казылина по	–	3	
		Купербаш, Старая Масра, Кутернясь, Верхние Метески, Кутюк и Старые Турнали по	–	2	
		Алатская	Большой Починок	–	20
		Малый Починок	–	15	
		Потаниха (Ивановское)	–	4	
		Малые Алаты, Алан, Бексерь и Топкина по	–	2	
	Больше-Атнинская	Малая Атня	12	23	
	Каймарская	Борисоглебское №1	10	24	
		Борисоглебское №2	5	5	
		Вознесенское (Мамонино)	6	10	
		Каймары (Кириловское)	1	6	
	Арская	г.Арск со слободой	12	–	
		Чекурча	до 180	–	
		Тюбяк	–	–	
		Абзябар	–	3	
		Верхнее Верески	–	2	
	Балтасинская	Ярак Чурма и Малые Лызи по	–	3	

		Большие Лыжи	–	1	
		Большая Нурма и Байчуринский Ключ по	–	2	
		Верхний Ядыгерь, Янчикова и Вершины Нурмы по	–	1	
	Собакинская	Старая Тура	4	4	
		Высокая Гора	3	3	
	Мамсинская	Каратай и Шишор (Шурабаж) по	–	2	
	Кулаевская	Ивановка	2	–	
Ст. Ключинская	Черкас-Бурсакова	–	1		
Лаишевский	Казыльская	Колкомерка	6	6	
		Нижние Казыли	2	3	
	Ключишевская	Ключищи	–	3	
Черемышевская	Черемышево	Не указан			
Спасский	Нижнее-Алькеевская	Татарский Студенец	20	20	
	Левашевская	Сухие Курнали	4	7	
		Старое Лебедино	1	2	
	Марасинская	Мараса	–	2	
Базарно-Матаковская	Матаки	1	1		
Чистопольский	Богородская	С. Богородское	4	9	
	Каргалинская	Каргали и Исляйкино	3	3	
	Ново-Шешминская	Ново-Шешминск	–	4	
	Кутушская	Никольское	–	2	
		Кутуши	–	1	
Сиделькинская	Старая Токмакла, Старая Тояба и Старое Эшгебенкино по	–	2		
Тетюшский	Шамбульчинская	Сибирчи	3	3	
		Новопоселенные Биябаши	1	1	
	Больше-Янасальская	Казыево Ключищи	–	2	
	Больше-Тоябинская	Аюкутурган	–	2	
		Каргала и Третий Черемшан по	–	1	
	Средне-Балтаевская	Нижние Балтаи	–	4	
Тутаево		–	1		
Алькеевская	Апанасово (Темяши)	–	1		
Свияжский	Кушманская	Семикеево	10	10	
		Кобызево (Богородское)	5	5	
	Азелеевская	Федоровское (Новое)	–	3	
Цивильский	Акзегитовская	Акзегитова	5	12	
		Новая Муратова	2	5	
		Старая Муратова	1	1	
		Кугушева	1	2	
	Казыльяры	Не показано			
С.Тябердинская	Можарки	–	2		
Козьмодемьянский	Козьмодемьянская	Болониha	–	7	
		Красногорка	–	1	
	Кулаковская	Ванюков окол	–	2	
		Сарманкина	–	1	
	Больше-Юнгинская	Юль-Кушарга и Нуженалы по	–	4	
		Пинель-Пернягаш	–	2	
		Тушев окол.	1	1	
Сюндырская	Абат-Касы	1	1		

Чебоксарский	Алым-Касинская	Мало-Князятеняково	4	4	
	Акулевская	Старое Акулево	2	3	
	Тогашевская	Кугешева Тогашева	Не показано		
Ядринский	Асакинская	Верхний (Куганнары)	4	4	
	Норусовская	Норусово	–	4	
	Убеевская	Яманаки	1	1	

Предметами производства валяльщиков служат теплая обувь, шляпы и войлоки.

Валянье различных изделий из шерсти составляет промысел преимущественно татарский, хотя среди валяльщиков есть и русские крестьяне и вотяки. Обувь татарской выделки отличается чистотой и сравнительной аккуратностью; в этом отношении валяльщики-вотяки не в состоянии конкурировать с татарами и принуждены понижать цены на свои изделия.

Валяльный промысел по преимуществу отхожий. Уходят валяльщики обыкновенно в окрестные деревни или в уезды соседних с Казанскою губернией Вятской и Уфимской, преимущественно в Бирский, Белебеевский, Елабужский, Мензелинский, Бугульминский и проч. Ходят валяльщики обыкновенно парами, состоящими нередко из взрослого и подростка. Валяльный сезон продолжается начиная с осени до нового года и дальше, а иногда и до весны (до марта и апреля). Но среди валяльщиков есть немало и таких, которые занимаются промыслом на месте своей оседлости. Эти производят работу на продажу или по заказам. Заказчиками большею частью являются местные скупщики, отчасти же окрестные обыватели. Заказы производятся на двояких условиях: или с фунта шерсти (от 10 до 25 к.), или с пары (около 60 к.). Первый прием расчета производится большею частью при заказах из шерсти самого валяльщика, а второй, наоборот, при заказах из материалов заказчика, что преимущественно имеет место при исполнении заказов на торговцев и скупщиков. Изделия, изготовляемые для продажи, продаются отчасти местному населению, большею же частью сбываются в городах в лавки и на ближайших базарах и ярмарках. Цены обуви зависят как от качества и сорта шерсти, так и от размеров, и от чистоты и аккуратности выделки. По словам одного корреспондента (свящ.), цены эти колеблются от 50 к. за детские сапоги, до 3 ½ р. и даже 3 ¾ р. – за самые большие.

В большинстве случаев валяльные работы производятся рабочими силами (мужскими) собственной семьи валяльщика; но иногда, сравнительно не очень редко, в работе участвуют и наемные руки. Есть даже и крупные заведения с большим числом (до 60) рабочих. Такие заведения существуют напр., в Кукморе, Семен-Головине и «Пустоше по речке Курме», Мамадышского уезда. Некоторые из рабочих, работающих на этих крупных промышленниках, производят работы в собственных избах, другие же занимаются в мастерских хозяев. Крупными промышленниками, а иногда и мелкими, работающими на местах оседлости, валка производится круглый год.

Шерсть приобретается валяльщиками на ближайших базарах или у местных жителей – не валяльщиков большею частью за наличные деньги. Цены на шерсть различны, смотря по сорту ее. Поярок ценится до 12 р. за пуд, простая шерсть весенней стрижки – от 4 ½ до 6 р. за пуд, осенней стрижки – от 8 до 10 р. Употребляемая для выделки узоров на сапогах красная шерсть стоит 1 р. 50 к. за фунт. Кроме шерсти, для валки требуются мука и мел, расход на которые составляет довольно значительную часть издержек производства.

Относительно заработков рабочего – показания корреспондентов и волост. правлений довольно разнообразны. Напр., корреспондент (свящ.) из с. Ивановки, Кулаевской волости Казанского уезда, приводит такой расчет издержек и прибыльности производства. В неделю рабочий может приготовить две пары малых и средних сапог и две пары больших, в год же (валянье производится круглый год) – до 200 пар на сумму приблизительно 525 р. Исключая из этой суммы 250 р. – стоимость 25 пуд. шерсти, около 8 р. на муку и мел, около 25 р. на отопление мастерской и починку орудий и, наконец, около 50 р. на утрату шерсти (1/5 всего веса ее), – корреспондент определяет размер заработка самостоятельного рабочего с содержанием в 192 р. Наемный же работник, по словам этого же корреспондента, получает 5 р. в месяц на хозяйских харчах. Корреспондент же из с. Кукмор (учитель), где почти все валяльщики работают по найму крупных промышленников, определяет заработок рабочего в 150 р. в год (надо полагать, на своем содержании).

В большинстве же свидетельств корреспондентов заработок рабочего или даже пары вальяжников определяется не свыше 50–60 р.; некоторые показывают этот заработок даже в 20–30 руб.

Жалоб на упадок промысла корреспондентами не заявляется; напротив, некоторые свидетельствуют о прогрессивном развитии его. Только корреспондент из села Кукмор говорит, что тамошние владельцы крупных мастерских иногда встречают затруднение в сбыте изделий, которые по этому залеживаются, а между тем деньги нужны на покупку материалов. Помянутый выше корреспондент, свящ. села Кулаева, признает промысел очень выгодным; по его мнению, развитие промысла могло бы содействовать благосостоянию населения. Как на меру к распространению промысла, корреспондент указывает на учреждение школы под руководством главного мастера Кирилла Евграфова. Школу эту возможно бы было организовать на средства мастера, уплачивая ему за выучку каждого подростка определенную премию, напр. от 10 до 20 рублей. <...>

Портняжеством промышляют по преимуществу инородцы и из них – татары. Так, в восточной части губернии, а именно в уездах Лаишевском, Мамадышском и отчасти Казанском, едва ли не более 90% всего количества портных (а это число в перечисленных трех уездах простирается свыше 4 тысяч) принадлежат к этой народности. Есть, впрочем, и такие уезды, как, напр., Цивильский, где большинство портных – чувашаи; но в Цивильском уезде, как и во всех других, лежащих в западной половине губернии, портняжный промысел далеко не достиг такого распространения, какое он получил в восточной и, в особенности, в северо-восточной части. В Мамадышском и Лаишевском уездах есть целые волости, в которых почти поголовно все татарское население портняжничает.

Портняжные работы производятся обыкновенно в течение осени и зимы. С наступлением заморозков портные, обыкновенно уже управившиеся к этому времени со своими сельскохозяйственными работами, расходятся всегда парами (большею частью мужчина с подростком) по окрестным селениям и останавливаются там, где находят работу. В одних местностях, где число портных не особенно велико и где, следовательно, они без большого затруднения могут находить работу поблизости от своей деревни, они далеко обыкновенно и не заходят; в других же, напр. в Лаишевском и Мамадышском уездах, для всех многочисленных портных работы не в далеком от их деревень расстоянии не хватает, и они принуждены поэтому отправляться в соседние губернии: Вятскую, Пермскую и, в особенности, в Уфимскую. Рабочий сезон для различных местностей губернии далеко не одинаково продолжителен. Местами портные возвращаются домой спустя лишь несколько недель после отправления, местами же, как в Мамадышском уезде, портные остаются на заработках с осени и до поздней весны, иногда даже до междупарья. Некоторые из портных Балтасинской волости Казанского уезда, уходящие для заработков особенно далеко (в Ташкент, Троицк, Петропавловск), не приходят домой по 5–10 лет. Случается, что даже и вовсе не возвращаются. Некоторые из портных Ново-Кишитской волости Казанского уезда уходят для заработков в Оренбург.

Обыкновенно портной работает из хозяйского материала, в хозяйской избе и на хозяйском содержании. Относительно высоты цен, по которым исполняются работы, имеется в «Трудах стат. экспед.» следующее указание: «за шубу берут обыкновенно 4–5 к. с овчины, за кафтан – 20 к., за бешмет – 30 к. Средний годовой заработок портного определяется корреспондентами различно, причем можно заметить, что для западных уездов в общем этот заработок показывается ниже, чем для восточных, а именно: для западных – от 3 до 20 руб., а не соответствует, разумеется приблизительно, действительности.

Шапочники, как видно из таблицы, главнейшим образом группируются в Ядыгерской волости Мамадышского уезда. Здесь все шапочники – татары. Шитьем шапок занимаются мужчины и женщины в своих жилых избах. Шапки изготовляются на продажу и сбываются на окрестных базарах, преимущественно Яньюльском и Кукморском. Годовой заработок простирается, по показаниям волост. правления, от 15 до 25 р. – для мужчины и от 10 до 20 р. – для женщины. Этим и ограничиваются все имеющиеся сведения.

Источник: Рылов М.А. Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С.235–257.

№ 48 Безхлебица

Из Казанского уезда в «Волжский вестник» пишут, что в деревнях, расположенных вблизи заштатного города Арска, такая нищета, что местами люди почти буквально умирают от голода. Так, в татарской деревне Хайван трое татар стали пухнуть от продолжительной безхлебицы и были спасены от смерти только благодаря подоспевшей вовремя частной благотворительности. Общий голос возлагает значительную долю бедствия на Казанское земство, которое не пришло своевременно на помощь бедствующему населению. Указывают, между прочим, что деньги на обсеменение полей выдавались не на местах наиболее нуждающимся крестьянам, но в Арском волостном правлении выборным от обществ. Вышло в результате, то что деньги попадали не самым нуждающимся крестьянам, а тем, которые имели возможность проявить большее влияние на сходах. Беднейшие же крестьяне остались обделенными.

Источник: Московские ведомости. 1884. 6 марта. №65.

№ 49 Письма из Мамадышского у.

I

Мамадышский уезд назад тому несколько лет, как говорят, был счастливым уголком.

Если по нем реки и не текли молоком и медом, то обилие плодородных и новых земель, невырубленные леса и обширные угодья давали все условия, при которых счастливому и довольному населению оставалось только благоденствовать. И оно вполне благоденствовало, лишь понаслышке только зная, что такое голод. Люди, знавшие уезд лет 10–15 тому назад, передают, что не редкость было встретить деревни, где стояли стеной целые десятки скирд хлеба – наивернейший признак богатства и довольства «деревни». Недаром же Мамадышский уезд носил почетное название «житницы края» и считался одним из богатейших уездов Казанской губ. Но времена меняются... Взгляните на Мамадышский уезд теперь – и вы увидите картину совсем иную.

Тот же наблюдатель, который прежде поражался обилием стоящего на гумнах хлеба, теперь поражается полным отсутствием его. И точно – теперь вы можете проехать неск. деревень, целые десятки их – и не увидите ни одной скирды хлеба. Лишь только жалкие остатки соломы, валяющейся там, где должны быть гумна, свидетельствуют о том, что здесь когда-то был хлеб.

Знакомясь несколько более с состоянием деревни, с состоянием ее «житниц», приходишь к заключению, что нет хлеба и в «житницах». За последние месяцы, при своих разъездах, я не пропускаю ни одной деревни и везде осведомляюсь, во скольких домах есть еще хлеб. Оказывается, что *в громадном большинстве деревень, в половине и более домов, хлеба совсем нет*³⁰. Но этого мало. За последнее время, мною переписано до 20 деревень моего участка (с 1776 наличн. домохоз. и 8416 душ обоого пола), где насчитывается до 425 домохозяев с 1911 членами семей, у которых нет не только ни зерна хлеба, но нет ни коровы, ни лошади, и только изредка встречаются овца, коза, курица, гусь и утка. На каждую из этих деревень, стало быть, падает до 20 семей и около 100 человек, которые должны жить положительно, как птицы небесные. Сверх того, есть много домохозяев, сведений о которых я уже не собирал и у которых имеется или 1 лошадь, или 1 корова. Если принять в среднем, что такой же процент неимущих находится и в прочих деревнях уезда, то какое составит громадное число совершенно разорившихся оголтелых крестьян, пролетариев, которые должны быть вечным бременем и для земства, и для государства! И ряды этих пролетариев с каждым днем все пополняются новыми пролетариями, так как до нового хлеба еще слишком далеко; «паек» не выдается, и поневоле приходится вести со двора, у кого есть, последнюю лошадь или последнюю корову. А те, кто не хочет расстаться с ними или уже лишились их, до баснословности по дешевой цене, распродают будущий урожай или *берут у кулака пуд, чтобы потом отдать два*.

Спросят – как же существует весь тот пролетариат, на который только что указал? Да в силу закона приспособляемости к всевозможным условиям. Приспособляется человек и к этим условиям крайней нужды, и может возбудить к себе только крайнее удивление. Суррогаты, о которых я докладывал раньше, болтушка из минимального количества муки, добытой Бог весть каким образом, картофель по целым неделям и даже бурда хлеб вот пища этой части крестьян.

³⁰ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

За то и вид их, их земляные, поблекшие лица свидетельствуют о крайнем недостатке питания организма, красноречиво заявляя, что они составляют самую лучшую пищу для всевозможных тифов и иных болезней. Преувеличения не будет, если я повторю то, что сказал и раньше – что они *сегодня не знают, что будут есть завтра*.

Мы теперь раздаем купленный на пожертвенные деньги хлеб – и что же? Несмотря на то, что мы ввиду чрезмерно малого количества хлеба, имеющегося в нашем распоряжении, раздаем его только тем нуждающимся, которых мы сами видим на месте при развездах по деревням, видим, что они действительно ничего не имеют и голодают, тем же, которые являются к нам на дом, ничего не даем – несмотря на это, ежедневно бывает до сотни и более посетителей. Плетутся иногда 30 хлеб 40 верст, питаюсь на пути иллюзией, что, авось, удастся заполучить фунтов 20 хлеб 30 муки. Плетутся в страшную весеннюю грязь, мокрые, едва прикрытые жалкой одеждой. Велика, стало быть, сила нужды, если гонит людей в такую погоду и такую даль – даже без верной надежды получить что-нибудь! Невольно является вопрос: чтобы было бы; сколько бы тысяч стало бывать в день голодного народа, если бы мы давали хлеб каждому приходящему – мимоходом сказать, всегда вооруженному удостоверением сельского старосты или местного волостного правления – в том, что он действительно нуждается. Конечно, тогда того жалкого запаса, который имеется у нас, не хватило бы и на неделю.

Вся эта масса ежедневно являющегося люда стонет, охает, плачет, мечется в ноги и упражняется во всевозможных унижениях, на которые способен единственно только человек голодный. «Сирота», «вот уже который день не ел», дети «умирают с голоду» – только и слышишь в этом однообразном и вечно сменяющемся хоре просителей. На совет, особенно даваемый иногда одиночкам – «иди, и проси милостыню» хлеб получаешь ответ: кто же теперь дает? И точно: наверно можно сказать, что у нас просителей больше, чем дателей. Хоть и говорится, что дающая рука не оскудеет, но, наверно, при данных условиях и самая изобильная рука давно оскудела бы... И такие массы народа идут не ко мне одному. И прочие врачи испытывают ту же участь. *Земская управа положительно осаждается целыми толпами голодающих*. Идут люди и в полицию, к исправнику, к становым приставам, в волостные правления – идут всюду, где есть хоть какая-нибудь надежда получить хлеб. И заметьте, все эти голодные люди дома оставили голодных жену и детей... – Массы народа, не находя хлеба дома, идут в заработки или нищенствовать в Казань, Самару, Оренбург. Но редкие счастливицы находят здесь занятия и хлеб, значительная же часть их идет назад, а на смену ей отправляется другая, в результате чего получается какое-то вечное движение, причем люди все-таки не находят того, чего хотят...

За последнее время я немало встречал людей, гидремичных от голода. Со временем число их, конечно, может увеличиться. *Затем я не могу не сообщить, как факт этот ни прискорбен, что у нас были и случаи смерти от голода. Эти случаи, числом 4, имели место в д. Нижнем Токапыш Петропавловской волости*.

В достоверности их имел случай убедиться на месте и сам г. уполномоченный министра внутренних дел, так как об этом было сообщено председателем нашей земской управы.

Отчего же ты не кормила их, – спрашивал барон Иксуль³¹ мать умерших детей? – «Когда давали хлеб – кормила, а потом давать перестали – и кормить стало нечем. Они пухли и умирали».

Этот факт, помимо своего прямого значения, важен еще потому, что указывает, что в той деревне, где он имел место, и в соседних с ней, хлеба нет, так как, если бы таковой был, то одноподдервенцы, вероятно, не дали бы этим несчастным умереть с голоду. И это действительно так. При посещениях некоторых домов этой деревни г. начальником губернии, с одним из предстателей нашего земства, явилась надобность некоторым голодающим семьям сейчас же выдать по пуду и по два *жертвованной* муки из склада в Ныртах.

Ввиду всего этого мы с грустью припоминаем тот факт из деятельности Казанского губернского земства, когда губернское собрание не состоялось только потому, что несколько гласных, отнесясь индифферентно, не пожелали присутствовать в этом заседании. А, между тем, шел насущный вопрос о продовольствии населения, которому угрожал голод, и об обсеменении полей, которые грозили остаться незасеянными. Ввиду вышеизложенного приходится не иначе, как с крайним изумлением, отнестись и к частной телеграмме северного телегр. агентства –

³¹ Состоящий при МВД д.с.с. барон Н.А.Иксуль-Гильденбант. Был командирован МВД в Казанскую губернию для обследования экономического положения края. Выдержки из его отчета об экономическом положении крестьянства (в частности татарского) в губернии от 20 мая 1884 г., адресованного министру внутренних дел Д.А.Толстому [см.: Материалы, 1936, с.3–24].

о том, что голода в трех более пораженных уездах Казанской губ., с его последствиями – голодным тифом и случаями смерти нет, а есть только «крайняя нужда». Это ли нужда, когда масса людей ест Бог знает что, недоедает или совсем не ест? Нет, это не нужда, а голод. Нуждой мы назовем то, когда люди, хотя и с трудом, хотя и с крайними усилиями, но все-таки находят себе пищу. Когда же они не находят ее, когда они едят меньше, чем требует их организм, когда они живут впроголодь, болеют и, случается, даже умирают, – это мы назовем *голодом*. Определение степени голода – это другое дело, но то, что мы имеем – это *не нужда*. И странное дело: у нас все – и крестьяне, и земцы, и администрация – все в один голос твердят, что нынешний год гораздо тяжелее и хуже, чем 77-й год. А тогда был голод, теперь же его нет. Зачем же скрывать все это? Зачем вводить в заблуждение себя и других? Затем ли, чтобы, впадши в заблуждение, не сделать того, что нужно сделать, или же затем, чтобы закрывшись ждать впоследствии беду, уже совсем непоправимую? Теперь, когда внимание высшего правительства обращено на Казанскую губ., мы скрывать что-либо не должны, а напротив, должны говорить правду. Скажем, что мы больны и чем больны – авось когда-нибудь и выздоровеем. Ведь в своевременном обнаружении болезни является единственный залог ее исцеления.

В телеграмме северного телегр. агентства не точно и то, будто случаев голодного тифа в Казанск. губ. нет. Я имел случай говорить с г. уполномоченным министра по поводу голодного тифа в Мамадышском уезде, когда он был в Ныртах, 22 марта. При этом я высказал ему тот научный факт, что голодного тифа как специфической болезни в Мамадышском уезде не существует вообще, но то обыкновенно в практике, а отчасти и в науке называется голодным тифом, – то в Мамадышском уезде есть. При этом я указал ему на деревню Большой Машляк, где я был накануне, т.е. 21 марта. Тогда я застал 25 человек больных (резко выраженная форма сыпного тифа), расположенных в 18 домах, из которых в 10 мною не было найдено ни 1 экземпляра на крупного, ни мелкого скота, *ни зерна хлеба*, почему я и вынужден был дать – кому пуд, кому два муки. Как же не ставить в связь развитие болезни в таких размерах с недостаточным питанием и не говорить, что это – тиф голодный, т.е. развившийся до таких размеров благодаря недостатку питания. Даже народ признает эту связь невозможных болезней, которые имеют место в нынешнем году с неурожаем, и говорит, что ныне год *тяжелый*.

* * *

У китайцев есть поговорка, метко характеризующая счастливый и довольный край.

«Край, – говорят они, – где мечи заржавели, а плуги блестят, где житницы полны, а темницы пусты, где лестницы храмов истоптаны богомольцами, а вход в судилища порос травой, где булочки и мясники ездят верхом, а врачи ходят пешком, – той стране живется хорошо». У нас же губернские земцы ведут и с администрацией, и между собой ожесточенную «словесную» войну, обостряя в этой борьбе свои мечи; житницы же у них пустуют, плуги ржавеют, а в непродолжительном времени заржавеют, вероятно, еще больше. Насколько усердно довольное и счастливое население посещает наши храмы и мечети, вознося теплые молитвы к подателю всех благ – мы этого не знаем; но знаем, что вход с наши судилища не зарос травой: лесные порубки, кражи со взломом и даже убийства от голода (см. Волжск. вестн.) – вот начальный перечень дел современности. Булочников и мясников у нас в деревнях совсем нет. А врачи?

Врачи же получают вот какого рода документы:

Его Благородию,
г. земскому врачу 2 уч. Мамадышск. у.
Вашему благородию

Волостное правление честь имеет донести, что в здешней волости, во всех без исключения деревнях, крестьяне страдают болезнью от голода.

За волостного старшину помощник его Мухаметрахимов

Писарь Крошталев

Вот тут и ходи пешком.

Г. Попов

Источник: КБЛ. 1884. 18 апреля. №44.

№ 50**Из дела «По прошению князей Яушевых об оказании содействия при обработке их земли и проч.»**

3 июля 1884 года

Его превосходительству господину Казанскому губернатору проживающих Казанского уезда Больше Менгерской волости, в деревне Кошарах, князей: Тимиргалея, Мухаметгалея Мратшиных, Галиаскара Гадельшина Яушевых и доверенного и арендатора князя Абдулганея Яушева, Василия Иванова Домрачева

Прошение

В деревне Кошарах мы имеем на правах полной собственности землю, которую крестьяне сказанной деревни осенью прошлого года самоуправно перedelили на свои души, а нас, Яушевых, по своему усмотрению от владеемой земли устранили и вырезали клочок самой неудобной земли. На подобное самоуправство крестьян мы возбудили в гражданском порядке дело, и решением Казанско-Царевококшайского уезда гг. мировых судей определено: восстановить нарушенное крестьянами деревни Кошар владение земли, в чем выдан господину судебному приставу, состоящему при том съезде, Чернобровину исполнительный лист от 12 минувшего июня за №1328, который 15 того же июня восстановил нарушенное владение и землю передал в наше распоряжение в том виде, как владели мы в 1883 году, т.е. до самовольного передела крестьянами деревни Кошар; 16 июня крестьяне сказанной деревни, собравшись на сельский сход, вызвали нас и запретили нам приступать к обработке земли, с угрозой в противном случае лишиться жизни, о чем мы 17 того же июня заявили письменно Больше-Менгерскому волостному правлению, 18 июня волостной старшина прибыл в означенную деревню, собрал сельский сход, куда пригласил нас, где между того, что должен был раскрыть возмутителей и принять меры к предупреждению крестьян, о том нас уговаривать примириться с крестьянами, и более ничего не сделал. Видя таковой повод со стороны волостного старшины, крестьяне вспахали нашу землю и перепахали все межи, о чем мы 23 того же июня подали прошение господину приставу 2-го стана Казанского уезда, который 29 июня, хотя и прибыл в деревню Кошар, никакого распоряжения не сделал.

Вследствие сего, Ваше Превосходительство, имеем честь покорнейше просить предписать кому следует: 1) буквально выполнить решение мирового суда; 2) остановить крестьян от самоуправных действий от захвата нашей земли и о привлечении виновных в том должной ответственности и 3) оказать нам содействие чрез посредство полиции при обработке земли без этого ввиду наступления времени к косью травы и затем к засеву озимого хлеба, без помощи которой крестьяне не допустят к обработке и даже нанесут побои. В принадлежности нам земли причем имеем честь представить копию с копии с журнала господина судебного пристава, состоящего при уезде мировых судей Чернобровина. Июля 2 дня 1884 года. – К сему прошению вместо Мухаметгалея Мратшина и Галиаскара Гадельшина и Абдулганея Яушевых и за себя Тимиргалея Мратшина Яушев руку приложил по-татарски.

Тимиргали Морадшах углы кеняз Яушев кулым куйдым.

Доверенный князя Абдулганея Яушева, Василий Иванов Домрачев руку приложил.

Источник: НА РТ, ф.2, оп.3, д.1150, л.3–4об. Подлинник.

№ 51**Ответ на прошение князей Яушевых к №921
из Казанского губернского правления от 9 ноября 1884 г**

Прошение князей Тимиргалея и Мухаметгалея Мратшиных, Галиаскара Гадельшина и Абдулганея Яушевых и доверенного и арендатора князя Абдулганея Яушева, Василия Иванова Домрачева, ввиду изложенных в настоящем рапорте Казанского уездного исправника, от 26 октября за №2087, обстоятельств, оставил без последствий, о чем просителям объявить чрез Казанское уездное полицейское управление, а дело кончить. Октября 31 дня, 1884 г.

Советник (подпись)

Вице-губернатор (подпись)

Губернатор (подпись)

7 ноября 1884 г.

Казанское уездное полиц. управ. 9 ноября №1967.

Источник: НА РТ, ф.2, оп.3, д.1150, л.7. Подлинник.

II. Образование и школьное просвещение татар

§ 1. Татары-мусульмане

Расширение и укрепление торгово-экономических и культурных связей со Средней Азией, поездки татарских юношей для углубления религиозного образования, получения воспитания у известных шейхов и достижения духовного совершенства в Бухаре, Хиве, Кабуле, активная деятельность тариката накшбандийа способствовали ускоренному возрождению исламского образования среди татар и башкир [Мухаметзянова, 2008, с.20]. Крупное медресе Сеитова посада Оренбургской губ. в конце XVIII – начале XIX в. стало «материнским» для многих учебных заведений Волго-Уральского региона – его выпускники становились заведующими медресе.

Благоприятное воздействие на возрождение и развитие исламского образования оказали также политика «религиозного дисциплинирования» Екатерины II и признание ислама одной из «терпимых» религий в империи. По итогам испытания в религиозном управлении – ОМДС – будущие имамы и муэдзины удостоивались не только духовного звания, но и преподавательских званий мударриса, мугаллима или мугаллим-сабиан, что означало их исключительное право на ведение образовательной деятельности в своем приходе-махалле.

Практически в каждом селении, в котором имелась мечеть, жители отдавали своих детей для обучения основам ислама в мектебы. На связь между мечетью и приходской школой обратил внимание еще в 1799 г. путешественник Г.И.Георги. Он, в частности, писал, что у татар во всякой деревушке имеется «особливая молебня и школа» [Ислам, 2001, с.141].

Начальная школа, наряду с семейным воспитанием, закрепляла в сознании подрастающего поколения сегменты этноконфессиональной идентичности татарина-мусульманина, важнейшим постулатом которой было воспитание «правоверного мусульманина». Полученные в мектебе знания, выпускники начальных школ использовали в повседневной жизни при исполнении ритуалов, приводя свои поведенческие нормы и жизненные приоритеты в соответствие с нравственными ценностями религии ислам.

По поводу названий учебных заведений татар известный тюрколог, инспектор татарских, башкирских и казахских школ в КУО В.В.Радлов отмечал, что «у татар восточной России эти названия в разных местах имеют разные значения; так, напр., в Казанской губернии слово мектеб почти не употребляется, а все школы, и самые маленькие, называются медресами» [Объяснительная записка, 1930, с.143–144].

В 1818 г. первый оренбургский муфтий М.Хусаинов представил правительству проект по учреждению национального светского среднего учебного заведения. Очевидно, он был разработан с учетом внутривосточного курса самодержавия, открывавшего светские школы для детей феодальной знати Закавказья с целью превращения ее представителей в лояльных российских подданных. В Волго-Уральском регионе эта военно-политическая задача уже была решена в предыдущие столетия и иными методами, поэтому имперская власть проигнорировала инициативы татар. Не удостоились одобрения и проекты чистопольского купца Мухетдина Сеит Бурганова (1820 г.) и В.В.Радлова об открытии Татарского учительского института для мусульман в Казани (1873 г.).

В начале 1860-х гг. лектор восточных языков Санкт-Петербургского университета Х.Фаизханов разработал проект «Большого медресе» для Казани с контингентом учащихся 60–70 чел. По сути, Х.Фаизханов выработал модель получения татарами светского образования, синтезировав опыт русской системы и установив преемственность между татарской и русской ступенями образования: 1) повсеместная начальная этноконфессиональная школа, 2) татарская светская средняя школа, практически с аналогичными предметами обучения в русской гимназии, 3) русское высшее учебное заведение. Как известно, этот проект не был реализован [Усманов, 1980, с.133].

В 1880-е гг. была разработана новая концепция развития национального образования татар. Крымско-татарский просветитель И.Гаспринский предложил трансформировать мусульманское общество России по европейской модели путем сохранения национально-религиозных традиций, призывал не бояться сближения с русской школой, отдавать своих детей в русско-татарские школы и русские учебные заведения при условии, что они первоначально усвоят в национальной школе основы ислама и грамоты и у них сформируется национальное самосоз-

вание. Просветитель был убежден в том, что российские мусульмане должны знать три языка: родной, государственный и международный [Тәржеман, 1891, №7]. И.Гаспринский стал инициатором реформы обучения в начальной школе. Важную роль в распространении звукового метода сыграл составленный и изданный им в 1884 г. букварь «Ходжаи сыйбиян» («Учитель детей»). Благодаря буквослагательному методу преподавания, за один учебный год шакирд обучался чтению, письму на родном языке, основам вероучения и порядкам богословия, арифметике, приобретал навыки чтения Корана.

Характерными особенностями новометодных мектебе являлись также использование в учебном процессе родного языка учащихся; введение вместо освободившихся урочных часов некоторых светских предметов (географии и арифметики), использование коротконогих парт, перед которыми шакирды сидели на полу на коленях, и классной доски; проведение в конце учебного года (в апреле) экзамена для всех учеников, на который нередко приглашались родители и все желающие.

В своей газете «Тәржеман» И.Гаспринский раскрывал преимущества нового звукового метода (ысуле джадид), пропагандировал успехи первых новометодных школ. Просветитель считал образование главным условием национального возрождения российских мусульман. Под влиянием «Тәржемана» в разных концах России открывались новые школы, благотворительные учреждения, зарождалась литературная деятельность.

Появление новометодных мектебе вызывало противодействие мулл-традиционалистов. Они были убеждены в том, что в системе религиозного образования недопустимы какие-либо изменения и что нововведения «вносят порчу в ислам». Поскольку жалованье учителю новометодного образования и за квартиру для него, как правило, платил меценат, в материальном плане он не зависел от махалли. Муллы-традиционалисты (кадимисты) опасались, что после отстранения от преподавательской деятельности они потеряют садака, который получали от родителей учеников, при этом уменьшатся их доходы и существенно ослабеет их влияние на прихожан. Из-за малочисленности махалли (200–300 душ м.п.) в селении обычно действовало одно мектебе. Это обстоятельство также усиливало противостояние сторон. В конце XIX в. новометодное обучение получило распространение в городских мектебе и лишь отчасти в сельских школах.

Реформа в татарской школе стала объектом внимания властных структур лишь на рубеже XIX–XX вв. Департамент полиции МВД на начавшуюся в общественной жизни татар Волго-Уральского региона модернизацию обратил пристальное внимание после получения от начальника Главного управления по делам печати Н.В.Шаховского депеши от 22 ноября 1900 г. Развернувшаяся на страницах татарских книг между джадидистами и кадимистами полемика о перспективах развития татарского народа была оценена высокопоставленным чиновником почти как национальная угроза российской государственности. Князь Н.В.Шаховский рекомендовал Департаменту полиции собирать сведения об авторах «новаторских сочинений», об их общественном и имущественном положении и связях в мусульманской среде, а также навести справки о том, где они получили образование. Директор Департамента полиции С.Э.Зволенский циркулярным предписанием от 31 декабря 1900 г. за №13407 запросил у губернаторов сведения по четырем вопросам «государственной важности», а именно им предписывалось: 1) выявить лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов «новаторских сочинений»; 2) собрать подробные сведения об их общественном положении, связях в мусульманской среде и где они получили образование; 3) узнать, поддерживают ли сторонники нового движения контакты с младотурками; 4) выяснить, где и кем основаны мусульманские школы с преподаванием по новому методу, кто состоит в них преподавателями и под чьим заведованием и контролем такие школы находятся [НА РТ, ф.1, оп.6, д.99, л.4].

Представленные в Приложении выдержки из рапортов начальников губерний позволяют увидеть новые тенденции в развитии татарского сообщества в конце XIX в., узнать об общественных деятелях регионального масштаба, чьими трудами осуществлялась реформа школ, определить место школьной реформы в обновлении социокультурной жизни народа, общее и особенное в модернизационных процессах, происходивших в отдельных регионах. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. и в последующее десятилетие, в новых общественно-политических условиях, процессы обновления татарского сообщества приобрели качественно новые оттенки и содержание.

№ 1**Известие о татарских училищах в Оренбургской губернии**

Училищное начальство получило сведения о разных татарских училищах, находящихся в 18 верстах от Оренбурга в Татарской слободе Каргали, известной под другим названием – Сеитово. В сей слободе разного звания жителей до 20000 человек. Каменных мечетей нарочито великолепных семь и деревянных две. Промыслы и торговля довольно обширны. При всякой мечети находится особое татарское училище, частью в покоях внизу мечетей и частью в особливых строениях. Заведение училищ началось за 30 лет до сего. Учащие суть ученые ахуны и муллы и отчасти частные люди; а учащиеся, кроме тамошних жителей, бывают и приезжие из других стран России, и даже из Хивы, Бухарии и других азийских княжеств. В училищах обучаются татарской азбуке, арабскому языку во всем пространстве и персидскому, арифметике, геометрии, основаниям физики, философии по творениям Аристотелевым, священной истории магометанской, чтению и толкованию Алкорана и познанию священных обрядов магометанских. Книги, употребляемые для наставления, суть все письменные, и многие, по сказанию ахунов, со сводами из разных писателей, так что ежели бы оные были напечатаны, то ученые открыли бы, может быть, много полезного для учености тем паче, что они по большей части получают из Бухарии, где ныне находятся в цветущем состоянии азийские училища, и имеют до 40000 человек учащихся. Из числа прочих училищ отличнейшие в слободе Аргали суть: 1-е при соборной мечети в особливом каменном строении, где учат муллы Абурахшан из Багдада и ахун; 2-е при мечети ахуна Маулиа Башкова, зятя Муфтиева, в двух деревянных строениях; 3-е тут же под мечетью у частного муллы Мухамета Амина. В каждом из сих училищ в зимнее время бывает до 150 человек, а в летнюю пору, по причине разных работ и промыслов, число сие уменьшается; 4-е при мечети ахуна Абдрешита Абдуллина, зимою бывает до ста человек. При сей последней мечети находится также в особливом строении киргизское училище, подведомое пограничной Оренбургской комиссии, в коем при осмотре визитаторов состояло: один учитель, получающий жалованья от комиссии 120 рублей, и 10 человек учеников, коим от той же комиссии производятся кормовые деньги, и которые в продолжение учения обучаются читать и писать по-татарски и арабски, и потом поступают в муллы к киргизцам, куда сами пожелают. Во всех училищах учатся сидя на полу или лежа; обувь же оставляется вне училищ.

Источник: Об успехах народного просвещения // Вестник Европы, №21, 1811, ноябрь.

№ 2**Описание татарских училищ в г.Казани, составленное старшим учителем Казанского главного народного училища А.Пятовым от 15 мая 1816 г.**

1. В Старой татарской слободе.

а) При Соборной большой каменной мечети находится училище, построенное в 1796 году казанским третьей гильдии купцом ахуном Ибрагимом Куджашевым, который сам и обучает в оном. Дом оного составляют две большие чистые комнаты и кухня с двором.

Вышеозначенный ахун исправляет должность учителя с самого основания училища, в котором число учащихся простирается до 50-ти человек. Здесь хотя и преподаются высшие части некоторых наук, но не оканчивают ученики полного курса учения.

б) При каменной, вновь выстроенной мечети находится училище, которое выстроено в 1808 году здешними татарскими обывателями и также купцом 2-ой гильдии Бикбовом Хальфиным, в прошлом 1815 году выстроен еще один чистый покой. В нем учителем находится мещанского сословия подведомый Казанской татарской ратуше ахун Габдусатар Сагитов, который отправляет сию должность с 1808 года. Посвятившие себя наукам полный его курс учения оканчивают не менее как в 15 лет. Число учеников здесь простирается до 80-ти человек. Дом оного училища составляют две большие комнаты, кухня и двор.

2. В Новой татарской слободе

а) При Соборной большой каменной мечети находится училище, которое выстроено в прошлом 1808 году здешним казанским купцом Мухамедом Аббасовым. Оно состоит из двух комнат и кухни с довольно хорошо обгороженным двором и колодцем. Со времени учреждения сего училища должность учителя в оном отправляет указной той мечети благочинный, мулла Абубакир Юсупов сын Арамазанов. Мулла сей мещанского сословия и находится под ведомст-

вом Казанской татарской ратуши. Прилежанием и ревностным отправлением занимаемой им должности приобрел он всеобщее доверие, почему число учащихся бывает у него иногда от 60 до 80-ти человек. Полный курс его учения для посвятивших себя наукам простирается не менее 15-ти лет. Ученики, с успехом окончившие курсы, таким образом, по надлежащем испытании муфтием получают достоинство указных муллов.

б) При нововыстроенной каменной мечети находится училище, выстроенное в 1786 году уездным яшашным татаринном Яхвею Максutowым. Оно состоит из двух покоев, одного чистого и другого, служащего кухней. Учителем в нем находится третьей гильдии купец Хамид Муртазин. Мулла сей, отправляющий должность учителя в течение 30-ти лет; он весьма много способствовал и к заведению сего училища. Здесь преподаются токмо начальные правила, к магометанской религии относящиеся, и основание прочих наук. Число учащихся бывает не свыше 30-ти человек.

с) При каменной мечети находится училище, которое выстроено в 1795 году здешним казанским купцом Назиром Азимовым. Оно состоит из одного чистого покоя и кухни. Учителем же сего училища Чистопольского уезда, деревни Толкич яшашный татарин, указной мулла Амурхан Ибраев. Число учащихся бывает не более 40. В нем преподаются правила, к магометанскому закону относящиеся, и некоторые высшие части наук.

Источник: НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318, л.10–11. Подлинник.

Опубликовано: Медресе Казани. XIX – нач. XX вв. Сборник документов и материалов. Казань, 2007. С.13–14.

№ 3

Татарские училища

Всякому заезжему, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других. По сему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились, по крайней мере, читать, писать и узнали бы начала своей религии. Для споспешествования сему при каждой мечети полагается училище, под особенным надзором ахуна состоящее; мулла мечети здесь есть учитель, занимающийся обучением помянутым предметам ежедневно. В здешних двух Татарских слободах находится 8 мечетей и при них только 4 училища, в коих однако ж много учеников. Их способ учения имеет нечто особенное от нашего: разве с *пансионом*¹ можно найти в нем некоторое отдаленное сходство. Дом для училища покупается каким-нибудь богатым татаринном; отопление и нужные починки его берет на себя из угождения Богу другой татарин на один год или более. Внутри такого дома находится, кроме малых сеней, одна большая комната, в которой, как в театре для сцены, пол возвышен на несколько ступеней. На сем возвышении располагаются так, что учителю, его помощнику и ученикам, каждому достается место шага в полтора для подушки, ящика, посуды, книг и письменного прибора. Помощник учителя и ученики в одной и той же комнате и учатся, и ведут свое хозяйство; даже ежели бы кто из них сделался болен горячкою или получил другую какую болезнь, то должен в самом училище лежать на своей подушке до окончания болезни. Учитель в таком случае заступает для (него) больного место врача, и лечит его простыми средствами. Подушки учителей отделяются от ученических занавескою из пестрой материи. Над местом, учителем занимаемым, на прибитых к стене полках кладутся нужные для учения книги. Тут же часто можно видеть и чеботарный прибор: учитель учит и чинит сапоги как себе, так и ученикам своим.

Дети поступают в училище на 7 или 8 году своего возраста; курс их учения продолжается по меньшей мере 5 лет. Те же, кои посвящают себя наукам, т.е. желают со временем сделаться священнослужителями или учителями, остаются в школе гораздо долее.

Учение начинается *азбукою*, после которой читают книгу Гафтиак, содержащую извлечения из Алкоран отчасти сокращенно, отчасти же цельными *сурами* (так называются *главы* в Коране). Потом читают печатанные здесь, в Казани, татарские книги: Пиргули, Сабатулгазисин, Фаузулнзат, Стуаны, кои содержат изъяснения на Коран в стихах или прозе, и, наконец, книгу

¹ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

Мухаммед-эфенди, содержащую наставления в торговле², а иногда и грамматику (наху) арабского языка.

Кроме чтения и оснований магометанской религии, здесь учатся и арабскому языку столько, сколько нужно для поверхностного разумения Алкорана. Многие учатся персидскому и бухарскому языку как для облегчения сношений с сими народами, так и для того, чтобы уметь читать турецкие книги, в коих весьма часто встречаются арабские и персидские слова; и чтобы знать писать *высоким слогом*, который состоит единственно в примешивании без разбора к татарским слов арабских, персидских и турецких. Но тут не учат языку татарскому по правилам грамматики. Ни тому, чтобы уметь правильно писать на сем языке: ибо татарин, говорят они, языку своему должен выучиться от матери, а потому и излишне платить за то деньги в училище. Замечательно, что здешние татары, находясь среди русских, с которыми и по торговле имеют многие сношения, так мало стараются знать русский язык: нет из них почти ни одного, который бы хорошо говорил на сем языке, а еще менее таких, кои бы умели писать на нем. На вопрос мой, почему в школах их не обучают сему языку, я получил в ответ, что такой ученик, по их мнению, сделался бы негодяем, и с тем вместе не имел бы места в их обществе.

Учитель (по-арабски стотт, по-татарски же халфа), вместе и мулла мечети, не живет в самом училище, но имеет себе помощников, выбираемых им из старших учеников, кои и должны для надзирающей жить в самом училище. Он не получает какого-либо определенного дохода, но довольствуется подарками, от учеников ему приносимыми. Таковые подарки состоят из муки, меду, чаю, медной монеты, в малом однако ж количестве, а иногда, к большому какому-нибудь празднику, ему дарят халат. Дети здешнего купца Суюрова каждую пятницу приносят учителю своему в подарок 8 караваев хлеба. Здесь, как и везде, чем учитель взыскательнее и строже, тем более он получает подарков, разумеется, от учеников своих, но и совсем тем его доходы не простираются далее *ста* рублей в год. Когда я удивлялся столь малым доходам сих учителей, почтенный ахун сказал мне: «Попросите Вашего господина министра просвещения, чтобы он принял в свое особенное попечение наши училища, и свое покровительство. Мы желаем, чтобы дети наши обучались наукам, но не знаем средств к достижению сего; и доселе мы посылаем в Бухару всех тех, кои хотят занять место *ученого* священнослужителя, потому что здесь они не имеют случая и средств образоваться надлежащим образом».

Учение начинается по утру с рассветом. В сие время ахун наставляет учеников в религии. По четвергам повторяет пройденное в целую неделю; кто нехорошо отвечает, того секут или сажают в подполье. Учителя надзирают вместе и за опрятностию учеников своих, и за исправлением их обязанностей: неисправные в том или другом, равно как и те, кои не молятся Богу днем по пяти раз в самом училище, подвергаются такому же наказанию. Времени для отдохновения учащимся нет; только в четверток учение прекращается с половины дня и начинается опять по утру в субботу.

Для письма они употребляют перья индийского петуха, чернила готовят из туши, растертой на воде, бумагу любят лощеную. Некоторые ученики в продолжении курса учения своего иногда успевают прочитать *весь* Коран четыре раза. Они учатся, сидя на подушке с поджатыми под себя ногами и читая нараспев жалобным, гнусливым голосом свои уроки: все это вместе взятое составляет какое-то весьма особенное зрелище. Поелику ученики остаются в школе безвыходно целую неделю, то и избирают, обыкновенно по жеребью, такого, который должен готовить им кушанье; ибо женщин здесь не бывает. У них есть общий котел, в котором и варят себе салму или пельмени. Каждый может есть свою долю когда захочет; но обыкновенно они завтракают в 8 часов утра и обедают в 6 часов вечера.

Женский пол у казанских татар получает равным образом известную степень образования, и между татарками мало найдется таких, кои бы не умели надлежащим образом читать и писать. Они учатся у жены муллы здешней новой мечети: женщина сия имеет большие способности для обучения их оным предметам. Я сам видел прекрасно написанные сими воспитанницами

² *Авт. сн.*: Торговля составляет, можно сказать, единственное занятие, по крайней мере здешних, казанских татар. Кто имеет хотя бы малый капитал, тот старается обратить его в товар и ведет торг весьма различный. Одни с большим капиталом везут торговлю с китайцами, иные с бухарцами, иные с персиянами; иные обращают капитал на изделия своих фабрик, особенно же мыльных и пр., менее достаточные торгуют в разноску шелковыми и бумажными материями; наконец беднейшие подают в розницу сено, овес и другие припасы.

письма и некоторые татарские песенки. Сверх сего почти все татарки учатся у матерей своих или с родственниц шитью; они особенно занимаются вышиванием золотом татарских сапожков и тубетеек, с великим искусством придумывая для того и со вкусом расположенные узоры.

Источник: Казанские известия. 1816, 19 января.

№ 4

Проект оренбургского муфтия Хусайнова об учреждении татарских училищ в Казани и Оренбурге. 1818 г.

Усердствуя, по возложенному на меня сану и должности, показать собственное премудрым всемилостивейшего государя императора намерениям к пользе вверенных к престолу его величества народов попечениям подвиги, осмеливаюсь я Вашему сиятельству, яко начальнику и попечителю о повсеместном народном просвещении, представить на благоизволительное рассмотрение душевного усердия моего о благоустройстве единоверных со мною, разных званий следующий проект.

Поелику, в продолжение времени управления моего по сану делами религии магометанской, мог я из достоверных опытов познать, что хотя во многих единоверцев моих селениях и местах при мечетях заведены или партикулярные училищные для юношества дома, в коих испытанные мною имамы-мударрисы и разных званий духовные чиновники преподают им законоучение, но как учителя сии сами по себе наставлены и обучены в одних поверхностях духовного учения, относящихся только богослужения народного и сходственного их званию, от чего самого, во-первых, – преподаваемое ими юношеству учение не только бывает продолжительно, но и по различности мыслей и внушений со стороны учителей очень мало соответствует совершенно здоровому образованию, через что самые учащиеся лишаются единственно только учебного в продолжение оногo времени младого юношества, ибо при всем моем усердии и попечении по Оренбургской губернии, таковых, кои бы соответствовали науками и образованием их сердец моему желанию почти вовсе не находится, да и по несуществовании уже ныне здесь таковых училищ, какое заведено было под названием «Неплюевского»; от непросвещения моих единоверцев и запущения со стороны правительства самое желание их о здоровом образовании себя вовсе ослабло, от чего самого населенные в детей от родителей их, при воспитании в младенчестве, разнообразные по непросвещению предрассудки, сопряженные с легкомыслием и невежеством в образовании народов жизни их очень мало и редко приходят в практическое просвещение. В таком случае, ревнуя спасительному умножению в кругу общежития единоверцев моих, соответственного воле и намерениям пекущегося о благе подданных государя императора повсеместного просвещения, нужным почитаю я учредить особенное училище, подобное существующему в Астрахани армянскому, одно из них в г.Казани, в непосредственном ведении университета, а другое в Оренбурге, тамошнего военного губернатора, с учреждением при сем второго вновь особого училищного департамента, под надзором во всех частях моих, со всеми приличными оному классами. Приемля на себя, по усердию служения моего, обязанность оживотворять юные сердца всем нужным для пользы и службы отечества, нахожу я к тому следующие причины:

1) Что в Казанской и Оренбургской губерниях находится большое количество таких магометан, из коих весьма многие производят разные извороты (sic) и торги, как со всеми пограничными азиатских держав народами, так и внутри империи Российской и в Астрахани.

2) Что, по предмету преподавания в Казанском Университете цветущего европейского в просвещении юных сердец образования, весьма удобно возложить иное и в правах единоверцев моих, породить подобные тому плоды и сделать их более полезными и приятными государству подданными.

3) Посредством таковых училищ могут со временем открыться ученые сношения с прочими соседственными пограничными азиатскими государствами, и сим достижениям благонамеренных средств, европейские и азиатские ученые общества, соединясь в совокупность, при совершенном просвещении и образовании сердец, доставят соответственные премудрым государя императора намерениям предметы, с живейшею признательностью к отеческим Российского престола о благе подданных попечениям.

4) Поелику образовавшиеся в сих училищах ученики, получившие отличные успехи в просвещении наук, могут уже переходить в Университет и быть в звании студентов, то сии, по

окончании уже всех наук, доставят верховным начальствам, присутственным местам и миссиям самонужнейших и опытнейших переводчиков, а в жительствох единоверцев моих полезных для детей учителей, каковых ныне, от непросвещения, почти во всей России не имеется, посредством коих существовавшая донныне в некоторых легкомысленных и непросвещенных магометанах необразованность в течение немногих лет преобразится в здравомыслие и примет приятный в обществе порядок.

5) Укоренившееся потом просвещение сердец, приятностью образования умов единоверцев моих, весьма удобно будет привлекать знатных из магометан ханских и княжеских детей разных целей и прочих заграничных азиатских государств, и тем самым, возвыся блеск славы и чести просвещающего под Российской державою просвещения, доставить привязанность и усердие сердец всех вообще азиатских народов; а между тем такие науки, для понятия коих некоторые отъезжают вне России и находят там, заимствуются наиболее учением, порождающим в них вящую предрассудительность, вовсе между ними уже существовать не могут.

6) Для повсеместного употребления на татарском, персидском, турецком и арабском языках можно издать учебные книги по всем наукам, коих в библиотеке моей на сей случай весьма будет достаточно, собранных мною в течение 16-ти лет из Бухарии и Индии³.

7) А дабы тем лучше и совершеннее могло подействовать здоровое сие образование в сердцах юных магометан, полезным я признаю при учителях персидского, арабского, турецкого и татарского языков быть также наставниками европейских наук и языков, и соединить половинную часть учеников из российского юношества под надзором практикованного профессора.

8. Составление (sic) училищ на первый случай можно будет содержать из суммы, бывшей предположенной на учреждение Неплюевского училища в Оренбурге, для образования детей здешних азиатских и нерегулярных войск⁴, а также и остающейся при Оренбургской пограничной комиссии мечетной суммы; но ежели и затем оной оказываться будет недостаточно, то я уповаю, что здравомыслящие единоверцы мои, познав о соизволении на то и о пользе, клонящейся к образованию их жизни, конечно, не могут отклонить на то усердных своих приношений. За всем тем, можно будет содействовать к приращению нужной суммы из следующих по магометанскому вероисповеданию штрафных и др. доходов, кои, по силе магометанских правил и высочайших указаний, к сему направленных, в разных случаях, по части духовных дел магометанской религии по разным потребностям, предоставлены святым Ал-Кораном власти муфтиевой.

И сколько бы единоверцы счастливыми себя почли, если бы, по представительству Вашего сиятельства, могли они удостоиться, как и подданные единой с ними державы россияне, воспользоваться бесценными плодами просвещения и входить с ними наравне в священные училищные дома.

От лица всех их приемлю я смелость проект сей представить Вашему сиятельству на воззрительное благоусмотрение и всепокорнейше прошу удостоить начальническим Вашего сиятельства оною принятием.

10 сентября 1818 г.

Муфтий Гусейн.

Источник: Вестник научного общества татароведения. №9–10. Казань, 1930. С.127–129.

№ 5

Из ведомости об учебных заведениях Казанской дирекции училищ, неподведомственных Министерству народного просвещения за 1844 год

15 ноября 1844 г.⁵

В каком уезде или городе: В городе Казани:

<...> 2. Второй части, в Старой татарской слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1801 г.

³ Эта ссылка на библиотеку сбоку отмечена карандашом.

⁴ На полях отметка пером: «Вся сия сумма обращена уже на Неплюевское училище, состоящее в военном ведомстве».

⁵ Дата препроводительного письма.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет учащихся.

Число учителей: 1.

Число учеников: 47.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

3. Той же части и слободы.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1836 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Гайбадуллы Юнусова.

Число учителей: 1.

Число учеников: 92.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

4. Третьей части, в той же слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1832 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Башира Аитова.

Число учителей: 1.

Число учеников: 110.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

5. В той же части и слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1826 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Курбангалая Рысаева.

Число учителей: 1.

Число учеников: 80.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

6. Той же части, в Новой татарской слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1817 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Мухамета Катаева.

Число учителей: 1.

Число учеников: 62.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

7. Той же части и слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1837 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Карбангалая Рысаева.

Число учителей: 1.

Число учеников: 50.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

8. Той же части и слободе.

Название училищ: магометанское.

Время открытия: 1837 г.

Какого ведомства: никому отчета не дают.

На чей счет содержатся: на счет казанского купца Курбангалея Сабаева.

Число учителей: 1.

Число учеников: 40.

Преподаваемые учебные предметы: чтение и письмо на арабском, турецком, персидском и бухарском языках; изъяснение некоторых частей Алкорана и первые четыре правила арифметики на татарском языке.

Директор

Осип Ковалевский

Источник: НА РТ, ф.92, оп.1, д.5525, л.33об.–34. Подлинник.

Опубликовано: Медресе Казани. XIX – нач. XX вв. Сборник документов и материалов. Казань, 2007. С.16–18.

№ 6

Магометанские духовные школы (мектебе и медресе) в Симбирском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии

Северо-западная, северная и северо-восточные части Симбирского уезда, довольно близко подходящие к Буинскому уезду Симбирской губернии и немного к Тетюшскому Казанской, заселены инородцами тюркского и финского племен. Здесь находится до 25 инородческих населений, в значительной степени преобладающих количественно над русскими селами и деревнями. В этих селениях живут чуваша, татары и мордва. Татар в Симбирском уезде до 20 слишком тысяч; живут они в 12 селениях и составляют десятую часть (10%) общего числа жителей в уезде (до 190 тысяч обоого пола). Чуваш – свыше 17 тысяч; живут они в 13 селениях, составляя одиннадцатую часть (9%) жителей уезда. Мордвы меньше, чем других инородцев: число жителей этого племени, занимающих 9 населенных пунктов, достигает почти 12 тысяч, что составляет шестнадцатую часть общего населения (6%). В Сенгилеевском уезде татары составляют одну большую, именно Тимошкинскую волость, в которой только два селения (Тимошкино и Калда). Здесь татар слишком две тысячи, и они составляют 25-ю часть. Мордовская школа приходится на три селения и на 3912 жителей, а один учащийся на 8 детей школьного возраста; в Сенгилеевском одна школа приходится меньше чем на три селения и на 2649 жителей, а один учащийся – на 5 детей школьного возраста. <...>

Совершенно в других условиях находятся *татары*⁶, превосходящие других инородцев не только количественно, но и по образованию. Они подчинились русским только политически, а не морально; только внешним образом, по месту своего пребывания они считаются европейцами, а по образу жизни, по своим верованиям и обычаям, по своим стремлениям и симпатиям остаются доселе сынами азиатских степей, правоверными последователями ислама и сторонниками просвещения восточного, азиатского. Объезжая для ревизии школ татарские деревни Симбирского уезда, я чувствовал себя путешественником как бы в далекой чужой стране, где в селениях вовсе нет христианских храмов и виднеются лишь угрюмые минареты татарских мечетей, где улицы тесны и неправильны, а человеческие жилища, построенные по особому типу, расположены кучками, почти без всякого плана и порядка, где людей можно видеть только в особенных народных костюмах своеобразного покроя и где, наконец, – ни звука русского, а слышится только незнакомая речь совсем чужого племени. Живя изолированно, сплошными селениями, татары Симбирского уезда, а в особенности Буинского, в сношения с русскими входят весьма редко, разве по торговым делам. От того между татарами немного даже мужчин, свободно говорящих по-русски; оттого татары вовсе не перенимают и русских обычаев. Еще медленнее, еще с большим трудом распространяются между нашими татарами идеи христиан-

⁶ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

ства. Русские миссионеры в данную минуту, кажется, оставили всякие попытки обращения мусульман в христианство. И вот во всем предоставленные самим себе и лишь внешним образом связанные с Россией, татары живут в ней, сохраняя все свои национальные особенности. Они не любят, даже презирают русских, не чувствуют ни малейшего нравственного тяготения к своему все еще новому отечеству и всячески оберегают себя от сближения с русскими если не относительно языка, то по вере и обычаям. Можно сказать, не колеблясь, что татары долго сохраняют свою национальную самобытность во всей полноте ее отличительных качеств, именно до тех пор, пока не будет принято энергических мер к сближению их с русскими. Мало того, они, татары, не только сохраняют сами свою веру, обычаи и образование, но будут распространять их, как и сейчас, среди других соседних инородцев, в особенности среди чуваш, наиболее склонных сближаться с татарами по сходству языка, многих верований и обычаев. Этим татары много повредят, как и теперь, деятельности наших миссионеров среди чуваш и вообще распространению русской гражданственности. Едва ли надобно прибавлять, что в политическом отношении татары – народ неблагонадежный и что они покорны России лишь по необходимости.

Одним из могущественных орудий, которым возбуждаются, развиваются и поддерживаются татарская обособленность и мусульманский фанатизм, служат *магометанские духовные школы*. Они существуют почти при всех мечетях, а мечетей у татар гораздо больше, чем храмов у русских. В этих школах обыкновенно обучаются почти все мальчики прихода. Обучением и воспитанием *девочек* занимается в доме муллы его жена, пользующаяся среди женской половины татарского населения очень большим уважением, ничуть не меньшим того, какое в наших селах приобретают себе лучшие жены священников. Татарские школы имеют чисто религиозный, исключительно конфессиональный характер, хотя в область обучения допускаются предметы, не имеющие религиозного характера. Школы эти имеют своею целью как можно лучше знакомить учащихся с исламом и воспитывать в них людей, безусловно, фанатически ему преданных. Начальные магометанские школы разделяются на низшие и высшие. Первые, соответствующие нашим школам грамоты, называются *мяктуб*, или *мектебе* (от арабского глагола *китаба* – читать), а вторые, соответствующие нашим начальным училищам, – *мядряса*, или *медресе* (от татарского глагола *даряса* – учить). Впрочем, вследствие отсутствия строго определенных учебных программ деревенские муллы не всегда различают с точностью указанные виды школ и называют их то одним, то другим именем.

В Симбирском уезде духовных магометанских школ 18; из них одна в г.Симбирске, одна в деревне Новых Маклаушах⁷ *Ново-Никулинской волости*, одна в деревне Новых Тимерсянах⁸ *Нагаткинской волости*, четыре в деревне Большой Цыльне⁹ и две в деревне Старом Шаймурзине¹⁰ *Больше-Цыльнинской волости*, по одной школе в деревнях Татарской Беденьге¹¹, Ново-Иркеевой¹² и Сюндюковой¹³ и две в деревне Елхово-Озерной¹⁴ *Сюндюковской волости*, две в деревне Больших Тарханах¹⁵ и по одной школе в деревнях Нижних Тарханах¹⁶ и Утямышевке¹⁷ *Больше-Тархановской волости*. В Сенгилеевском уезде 9 татарских духовных школ, из коих семь находятся в деревне Старом Тимошкине¹⁸ и две в дер. Калде¹⁹. Татарские училища Симбирского уезда я осматривал в феврале месяце, а училища Сенгилеевского – в мае. Я вел запись результатов осмотра каждой школы, но здесь нахожу более удобным говорить о всех школах вообще, так как по своей организации они почти ничем не отличаются одна от другой. В Симбирском уезде почти две татарских школ приходится на одно селение, одна школа – на 596 жителей – мужского пола, почти все мальчики учебного возраста обучаются в школах. В Сенги-

⁷ Современное с.Новый Маклауш Майнинского р-на Ульяновской обл.

⁸ Современное с.Новый Тимерсян Цильнинского р-на Ульяновской обл.

⁹ Современное с.Большая Цильна Дрожжановского р-на РТ.

¹⁰ Современное с.Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на РТ.

¹¹ Современная д.Татарская Беденьга Тетюшского р-на РТ.

¹² Современное с.Бакрчи Тетюшского р-на РТ.

¹³ Современное с.Сюндюково Тетюшского р-на РТ.

¹⁴ Современное с.Елхово Озеро Цильнинского р-на Ульяновской обл.

¹⁵ Современное с.Большие Тарханы Тетюшского р-на РТ.

¹⁶ Современное с.Нижние Тарханы Тетюшского р-на РТ.

¹⁷ Современное с.Утямышево Дрожжановского р-на Ульяновской обл.

¹⁸ Современный поселок Старое Тимошкино Барышского р-на Ульяновской обл.

¹⁹ Современное с.Калда Барышского р-на Ульяновской обл.

леевском уезде на каждое из двух селений приходится больше чем по четыре школы и одна школа на 358 жителей. Принимая в соображение столь значительное число школ в татарских селениях, нельзя удивляться, что почти все татары грамотны, что все они хорошо знают основания своей веры и твердо, до фанатизма, ей преданы.

Татарские духовные школы обыкновенно помещаются в особых училищных домиках, одиноко стоящих около мечетей. В редких случаях, за неимением особого школьного дома, общим снимается под училище квартира в доме одного из прихожан. Школьные дома строятся, ремонтируются и отапливаются или на средства одного из богатых жертвователей-прихожан, или на средства всего прихода. Перед классной комнатой обыкновенно устраиваются небольшие холодные сени без пола. Здесь школьники ставят самовары, по-видимому, вовсе не опасаясь произвести пожар; здесь же, в сенях, сваливают они всякий сор из комнаты для занятий. В этой последней, обыкновенно маленькой и холодной, с одинарными рамами на целый год, устраиваются вверх по стенам широкие из досок полки, где у школьников хранятся верхняя одежда, постельные принадлежности (войлоки и подушки), сундучки с книгами, самовары и пищевые припасы. Почти во всех школах я встречал страшную духоту и сырость. Учащиеся совершают в школьных зданиях требуемые религией омовения. Последние, по-видимому, полезны для поддержания чистоты тела, на самом же деле приносят только большой вред, так как при крайней бедности и тесноте помещения производят в нем сырость, распространяют какой-то специфический, крайне тяжелый и неприятный запах, увеличивают неопрятность, а зимою служат постоянной причиной простудных заболеваний. Прибавьте к этому и то, что на сырое, часто не вытертое досуха тело ученики надевают грязные рубища, отчего образуются у них кожные болезни. В школах совсем нет столов вроде наших парт, а мальчики во время занятий сидят на корточках на голом полу; перед ними на особом месте, которое покрывается ковром или чистою рогожкой, садится в таком же положении мулла с книгою в руках над сундуком или скамеечкой. Такова внешность помещений татарских школ. Справедливость требует сказать, что они не удовлетворяют самым элементарным не только педагогическим, но и санитарным требованиям и служат рассадниками заразных болезней не только между учащимися, но и в окружающем населении. Школьные здания, плохие внутри, ничем не окружены снаружи: почти нигде при них нет ни дворов, ни отхожих мест; около этих зданий зимою, при моем посещении замерзшие экскременты образовали значительные возвышения, и через них нелегко было пробираться в школы. К сказанному надобно прибавить, что многие ученики остаются в школах не только днем, но и ночью, так как приходят сюда со всеми необходимыми запасами, и таким образом школы обращаются в тесные, грязные и душные ночлежные приюты.

Обучением и воспитанием в мужских школах занимаются *муллы*. Ежедневно они бывают здесь часа по четыре. Из коих два до обеда и два после обеда. Помощниками мулл в обучении детей и наблюдателями за внешним порядком в школах являются или прежние, или теперешние старшие ученики. Надобно заметить, что дети состоятельных татар иногда остаются в медресах до двадцати и даже до тридцати лет жизни. Находясь под непосредственным продолжительным влиянием мулл, эти молодые люди успевают проходить весь ученый курс мусульманства и, глубоко проникшись его идеями, становятся впоследствии самыми искренними его исповедниками и распространителями. В сельских школах эти взрослые ученики передают своим младшим товарищам вместе с грамотностью и целую систему преданий, обычаев и верований, составляющих важный аксессуар к основным положениям магометанской веры, изложенным в *Ал-Коране*. Узнав от мулл, что известно последним, взрослые и состоятельные шакирды нередко поступают в высшие мусульманские училища, напр., в Казани и Уфе, и здесь проходят полный курс богословских наук, а также словесность и даже философию Платона и Аристотеля, поскольку последняя в своей этической части известна была арабам. Окончив образование, шакирды предпринимают религиозные путешествия либо в Аравию и Персию, либо в Бухарию, иногда в Египет. Образование и путешествия открывают ученикам доступ к высшим званиям и должностям – имама, хатыпа, мударриса и муллы. Правда, немногие проходят указанный путь религиозного образования, но зато эти немногие делаются впоследствии столпами ислама и приобретают репутацию ученых и неодолимых его апологетов. Толпа слушает их как пророков, как представителей высшего, доступного людям, ведения. Мне привелось беседовать с одним из таких образованных мулл, именно в деревне Старом Шаймурзине, и я немало удивлялся и богословской эрудиции этого муллы, и его глубочайшей вере в абсолютную святость и

превосходство мусульманства, и тому благоговению, с каким внимали его речам простые люди. Жаль, что переводчик, чрез которого я беседовал с муллою, иногда затруднялся переводить его речи, находя их слишком высокими для неподготовленного понимания. Впрочем, не только ученые, но и обыкновенные муллы пользуются среди своих учеников и вообще прихожан громадным уважением, какое у нас снискивают себе лишь весьма немногие священники, способные быть людьми не от мира сего. Уважение к муллам возбуждается тем, что в своей жизни, за самыми редкими исключениями, они являются самыми аккуратными исполнителями требований религии и ее ритуала. Муллы только учителя своих прихожан, не имеющие нужды унижать пред ними свое достоинство какими-либо житейскими сделками и постоянным выпрашиванием вознаграждения за свои труды: каждый мусульманин законом обязан сам приносить мулле десятую часть своих достатков; кроме того, муллам отводятся значительные участки из общественной земли, приносятся тайные жертвы в большие праздники, дается посильное вознаграждение за обучение детей и за лечение, которым занимаются многие. Эти условия создают для мулл внешнюю, материальную независимость от прихожан и облегчают им выполнение нелегких обязанностей; чтобы исполнять все правила образцовой жизни и поведения, ежедневно по пяти раз неопустительно бывать в мечети и по два раза в школе, исправлять и другие требы по приходу, – для этого нужен большой иску, значительная подготовка с юных лет. Я нарочито несколько подробно сказал о муллах, чтобы показать, каковы учителя татарских духовных школ и какими располагают они нравственными средствами для успеха своей деятельности. Очень неприветливо, недружелюбно встречали меня эти духовные вожди татар; я был для них незванным и неожиданным гостем, гяуром из русских чиновников, обыкновенно наезжающих, по мнению татар, нарушать мирное течение патриархальной мусульманской жизни и иногда вторгаться в ее исповедные стороны. Прибыв в деревню, останавливался я на въезжей квартире, призывал старшину или старосту и муллу и, объявив им о цели своего приезда, вместе с ними шел в школу. Муллы везде высказывали удивление, почему это до настоящего времени никто не осматривал их школ и не вмешивался в дела их по этой части: уж не хочет ли правительство, говорили они, завести повсюду русские школы, чтобы потом удобнее было крестить татар? Я успокаивал сомневающихся разъяснением, что правительство заботится теперь об улучшении внешних условий, в каких находятся начальные школы, и что мне никто не давал права касаться религии татар. Это заявление несколько успокаивало мулл, и они нехотя отправлялись со мною в школы. Правда, некоторые отказывались идти, ссылаясь на свое нездоровье или на недостаток свободного времени, и тогда я посещал школы в сопровождении старшины или старосты и переводчика. Осматривать школы одному, без провожатых, было бы рискованно и небезопасно: я знал, что татары ненавидят особенно русских чиновников и священников. В одной деревне, именно в Больших Тарханах, волостной старшина из крещеных чуваш, человек почти обрусевший, всячески отклонял меня от посещения школ, опасаясь поголовного восстания татар, которые в прошлом году, по словам старшины, чуть было не побили местного исправника. Сказать правду, я несколько времени колебался в решении вопроса, последовать ли мне предупредению старшины или нет, и только беседа с одним из мулл успокоила меня. Ревизия школ, произведенная при старшине и муллах, обошлась без всяких неприятных приключений. Хотя татары и узнали о моем приезде, но не собирались толпами около школ и держали себя мирно...

Мальчики в татарских школах учатся читать и писать по-арабски; обучение чтению начинается с первого года, а обучение письму – со второго или с третьего. Каждый мальчик учит особую часть установленного курса: один проходит азбуку (элиф-бет), другой – молитвы и изречения из корана, составляющие содержание последовательно изучаемых книжек: Иман, Ясын и Гафтыяк, третий читает Коран. Из общего числа учеников, умеющих писать, я обыкновенно находил четвертую или пятую часть. Старшие ученики проходят арабскую грамматику, читают и заучивают Коран, который муллы объясняют им словесно; кроме того, они сообщают ученикам священо-исторические рассказы (тарих) и повести (икаят), а также нравоучительные басни (акьян). Все это из школ передается в семьи и, как священный завет, переходит от одних поколений к другим. Какой-либо системы, порядка в школьном обучении у татар, кажется, не существует вовсе: каждый ученик или твердит свой урок, или слушает проповеди и объяснения муллы и усваивает их по мере своего возраста и понимания; из познавательных сил на работу вызывается у мальчиков почти одна память. Явившись в школу, я слушал чтение отдельных

учеников, которые в обычное время читают вслух все разом и каждый свое; заставлял потом читать молитвы: в этом случае двое мальчиков обыкновенно отделялись из общей группы детей, выходили на середину комнаты и, сев на корточки, начинали распевно-однообразное и в высшей степени заунывное произношение той или другой молитвы. Я испытывал тогда крайнее недовольство собою, недовольство тем, что совсем не знаю арабского языка. Не понимая содержания молитв, я слушал лишь их внешнее выражение в звуках и наблюдал впечатление, производимое чтением как на мальчиков, которые по общему отзыву татар, тоже не понимают арабского языка, так и на муллу, единственное, как мне говорили, лицо, понимающее каждое слово молитвы. В совершенной тишине и, по-видимому, безучастно, понурился, мальчики слушали чтение своих товарищей, а мулла постоянно поднимал вверх голову и глаза, шепотом, благоговейно повторяя за детьми священные слова. Выслушав чтение молитв, я спрашивал муллу, знают ли их ученики молитвы за Государя императора и, получив утвердительный ответ, предлагал умеющим написать что-либо по-арабски, и они писали на маленьких лоскутках бумаги и карандашом по несколько слов или выражений; умеющими писать оказывались, как уже замечено, далеко не все ученики. Русскому чтению и письму не учат ни в одной из татарских школ. Муллы прямо заявляли мне, что обучение русской грамоте никогда не входило и не может входить в программу их школ, так как последние имеют исключительно церковную задачу. Только в одном училище Симбирского уезда нашелся ученик – юноша, где-то на стороне выучившийся читать и писать по-русски. Определенного числа лет для обучения в школах у татар не установлено: тогда как некоторые из учащихся остаются в школе года по два или по три, другие посещают ее лет 12 или 15 и школьниками вступают в зрелый возраст. Обучение начинается осенью, по окончании полевых работ, и продолжается до весны. В этот период времени мальчики учатся ежедневно; в пятницу, а равно и после обеда в четверг занятий не бывает. Определенной нормы числа учеников тоже не существует: учиться должен каждый мальчик, может посещать школу и каждый юноша. По собранным мною сведениям, в 18 татарских школах Симбирского уезда обучается 702 ученика, а в 9 школах Сенгилеевского уезда – 205; в Симбирском уезде на одну школу в среднем выводе приходится по 39 человек, а в Сенгилеевском – по 23 человека. Ученики татарских школ одеты по большей части крайне бедно. Находясь в тесной школьной избе, исправно отапливаемой самими учащимися, и образуя многочисленную группу, которая едва помещается в такой избе, ученики татарских школ во время занятий обыкновенно сидят в одних сорочках, кальсонах и чулках. Почти ни на одном ученике не заставал я чистого белья, а некоторые были одеты буквально в рубища.

Таково теперешнее состояние магометанских духовных школ Симбирского и Сенгилеевского уездов. Из сказанного видно, что школы эти имеют очень много недостатков и являются учреждениями, ставящими целую массу препятствий распространению среди татар и русской гражданственности, и христианства. Если не имеется в виду оставлять эти школы в их настоящем положении, то, по моему крайнему разумению, полезно было бы принять следующие меры:

1. Вменить татарским обществам в обязанность, чтобы помещения для школ устраивались более просторные, соответственно наибольшему числу обучающихся в них мальчиков, чтобы при всех школах устроено было в особой комнате для учеников, остающихся на ночлег, чтобы в школьных зданиях всегда поддерживалась чистота и опрятность, и чтобы учащиеся не были оставляемы в них без всякого надзора взрослых.

2. Обязать муллу, получающих это звание на основании недавно установленного экзамена русского языка, чтобы они не только не препятствовали своим ученикам обучаться русской грамоте, но сами уделяли время на обучение их этому предмету.

3. Необходимо выработать точную программу для татарских школ с распределением учебного материала на известное число лет; установить приемный возраст учеников и maximum времени, какое они могут оставаться в школах. Такую программу могли бы составить магометанские духовные собрания, из коих одно находится, напр., в Уфе. По утверждении программы правительством, она могла бы затем стать обязательною для всех школ.

4. В учебную программу необходимо ввести обучение русскому чтению, письму и счислению. Для этого потребно составить несколько хороших и недорогих по цене учебных руко-

водств собственно для татар. Труд составления могли бы взять на себя преподаватели русско-татарских правительственных учительских школ, какие имеются, напр., в Казани и Уфе²⁰.

5. Обучение русскому языку в татарских школах желательно бы поручить особым учителям *из татар*, прошедшим курс учительских школ или приобретшим вообще звание начального учителя. Обеспечение учителей содержанием возложить на местные общества, а частью принять на счет казны. В школах с классами русского языка установить испытания учащимся, на основании которых они могли бы получать свидетельства на льготу по отбыванию воинской повинности.

6. Независимо от упомянутых классов, было бы полезно открыть на казенный счет в наиболее многолюдных татарских селениях образцовые одноклассные училища с учителями из татар, хотя по одному или по два училища на уезде, где много татар.

7. Наконец, весьма полезно было бы иметь в Казанском учебном округе особых инспекторов татарских школ из *русских* людей, хорошо изучивших языки арабский и татарский и достаточно подготовленных к инспекторской службе общим образованием. Если признано полезным иметь особого инспектора для чувашских школ, то едва ли можно отрицать необходимость таких же должностных лиц для школ татарских. Известно, что татар гораздо больше, чем чуваш, и что татары как народ, имеющий свою грамоту и отличающийся крайним фанатизмом, нуждаются в более сильном внешнем воздействии, чтобы русская гражданственность и христианство могли найти к ним доступ. Осмотры татарских училищ инспекторами, не знающими ни арабского, ни татарского языков, едва ли могут быть полезны в желательной мере. Результатом этих осмотров может быть разве улучшение внешнего положения магометанских школ. Что же касается вопроса о том, как бы изменить внутренний их строй соответственно целям миссионерским и политическим, то практическое решение этого вопроса может быть делом продолжительного времени, посильным только для лиц, специально к этому делу подготовленных, да и эти последние должны будут посвятить ему весьма много трудов и усилий. Особенно трудным должно быть начало дела.

Источник: Анастасиев А. Магометанские духовные школы (мектебе и медресе) в Симбирском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии // Отдельный оттиск из неофициального отдела «Симбирских губернских ведомостей» за 1893 г. №65–69. С.3–20.

№ 7

Отчет инспектора КТУШ Ш.Ахмерова от 15 сентября 1890 г. за №326 попечителю КУО о состоянии русско-татарских школ в Вятской губернии

Его Превосходительству господину попечителю Казанского учебного округа.

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 7 сего сентября за №4387 имею честь почтительнейше донести следующее.

Из означенного предписания видно, что ревизия татарских одноклассных училищ в Вятской губернии нашла в них следующие недостатки: а) учителя русского языка в сих училищах не свободно владеют русским языком сами, б) учителя предпочитают употреблять с учениками татарский язык, в) они ведут дело обучения механически, без понимания учениками читаемого, г) ученики не выучиваются русскому языку и д) учебники, высылаемые инспекцией татарских школ, не применены к потребностям русско-татарских школ, словом, учебная часть в татарских школах – весьма неудовлетворительна. А так как учителями в тех школах состоят лица, окончившие курс в Казанской татарской учительской школе, то ответственность в неудовлетворительности постановки учебного дела в начальных школах падает на учительскую школу.

Ученики в Казанскую татарскую учительскую школу в большинстве случаев поступают почти без знания русского языка, с кое-каким умением писать и читать, умением, не идущим дальше механического изображения буквами диктуемых слов и дальше чтения по печатному. Задачей учительской школы является из таких лиц в течение 4-летнего курса подготовить учителей русского языка для татарских школ и, следовательно, всеми мерами стараться об возможно лучшем усвоении ими того языка, который они, в свою очередь, должны будут распро-

²⁰ Автор ошибается: Татарская учительская школа в Уфе была переведена в 1877 г. в Оренбург и закрыта в 1890 г.

странять в молодом татарском поколении в городе или деревне. Прекрасно сознавая всю важность и великое значение русского языка для будущих учителей народных татарских школ, все преподаватели учительской школы, не только специально русского языка, но и прочих предметов курса, а также воспитатели обращают все свое внимание на этот предмет, и результатом совокупной деятельности всего учительского персонала школы в течение 4 лет к концу курса является достаточно твердое усвоение законов русского языка, этимологии и синтаксиса его и достаточный навык, хотя с некоторыми ошибками в беглой речи, в разговорном языке, большего, как показывает опыт не одной Казанской, но, кажется, и других школ, достигнут, при настоящих обстоятельствах не представляется возможным. Достижимые в учительской школе результаты в русском языке признавались всегда и окружным начальством удовлетворительными. Но молодые люди, окончив курс в учительской школе с таким запасом знания, лишь только усвоенного и требующего дальнейшего развития, практики и пополнения, знания незаконченного вполне, а лишь дающего возможность к дальнейшему усовершенствованию и требующего благоприятных условий для своего развития, поступают учителями в татарскую деревню, нередко изолированную от русских сел и деревень многоверстным расстоянием со всех сторон. Живая практика в русском разговоре окончательно прекращена, в деревне никто кроме как на татарском языке, не говорит, учебники, какие имеются в училище, большею частью давным-давно, еще в бытность в учительской школе, прочитаны и не представляют интереса новизны; ученики к нему идут, не понимая ни слова по-русски, и то большею частью из любопытства, что за учитель такой появился в их деревне незванный, непрощенный, на которого отцы смотрят с подозрением. Они идут, не сознавая необходимости знания русского языка, русско-татарская школа для них не составляет насущной потребности, ибо учиться они могут в излюбленном и уважаемом всем населением медресе или мектебе, где ему все родное, искони знакомое. Мусульманин, имея свою крепкую религиозную культуру, свой крепко организованный быт, свои обычаи, свои школы, еще не сознает потребность в чуждом для него образовании и если обучается русской грамоте, то исключительно в практических целях; в этом существенная разница между татаринном и другими инородцами, не имеющими ни прочно организованной религиозно-нравственной культуры, ни своих училищ, для последних школа русская является единственным учреждением, где они могут получить первоначальное воспитание. Учителю, несимпатичному по своей деятельности, оторванному от населения, стоит величайшего труда приучить мальчиков к школе, приохотить к посещению уроков. Строгие требования тут ничуть не помогают: попробуй учитель принимать меры строгости, мальчики перестанут ходить в школу. Все сельские учителя жалуются, что ученики не ходят аккуратно: походит неделю, другую не идет; родители же, не придавая серьезного значения обучению своих детей русскому языку, в большинстве случаев никаких мер не принимают.

В таком плачевном, истинно жалком положении находятся учителя татарско-русских школ. Не представляется мне невозможным, что они не только не идут вперед и не совершенствуются в своем духовном развитии, но, напротив, регрессируются в нем: привычка к русской речи постепенно пропадает и вместе с тем теряется возможность черпать новые знания, возобновлять и поддерживать прежние сведения из источников русского образования и просвещения. При таких условиях, мне кажется, что даже и человек с большим образованием и знанием русского языка очутится в критическом положении, и даже человек русский скорее сам выучится татарскому языку, чем научит основательно своих учеников. Если для усвоения русского языка настолько, чтобы более или менее свободно на нем объясняться и читать книги, при прекрасном составе преподавателей и при усиленном их напряжении и старании, самому воспитаннику учительской школы в закрытом учебном заведении потребовалось 4 года, то я и не знаю, сколько времени нужно ему на то, чтобы выучить деревенского мальчика-татарина русскому языку, тем более, что татарский мальчик после 2–3 часов учения в течение дня наполовину по-русски и наполовину по необходимости по-татарски, тотчас возвращается в свою семью и уже не слышит ни слова по-русски. При этом нужно принять в расчет, что он ходит в школу лишь в течение 5 или 6 месяцев в году и то неправильно, со значительным пропуском уроков. Положение учителя русско-татарского училища в деревне может идти разве в сравнение с положением учителя русского, получившего четырехлетнее образование в иностранной школе и посаженного в русской деревне для обучения иностранному языку русских мальчиков.

Сравнительно в лучших условиях находятся русско-татарские училища в городах. Сознание необходимости знания русской грамоты и русского языка здесь ощущается татарами больше: здесь в составе учеников много детей торгового сословия, детей лиц, близко стоящих с русскими, как солдат, сторожей, разных служащих во всевозможных присутственных и общественных учреждениях и пр., а сами учителя имеют возможность постоянной практики в русском языке и возможность пользования русскими книгами. Вот почему, при благоприятных условиях, когда татарское общество не напугано разными слухами, умышленно распространенными фанатиками или вызванными неправильным толкованием правительственных распоряжений, учение в школах в городе идет сравнительно много успешнее и при большом составе учащихся. Но и в городах учителя все еще не могут достигнуть правильности в посещении учениками уроков. Малейший слух, волнующий умы, отзывается чуть не полным прекращением учащихся. Так было в 1882–83 гг., когда распространилась молва о подчинении татарских духовных школ (медресе и мектебе) контролю инспекции татарских школ и по поводу посещения этих школ инспектором; то же явление повторилось в 1888 г. вслед за опубликованием высочайшего повеления 16 июля 1888 г. о требовании образовательного ценза от магометанского духовенства; такие распоряжения, хотя и не касаются прямо русско-татарских школ, но заставляют татар остерегаться от общения со всем, что, по их мнению, может влиять духовно на юношество и облизить его с русскою жизнью. Всякая школа в представлении татарина есть своего рода мектеб или медресе, т.е. учреждение, преследующее религиозно-нравственные цели.

Вообще же говоря, как к учителям, так и к ученикам татарско-русских училищ нельзя предъявлять, по моему мнению, тех требований, какие могут быть предъявляемы к русским школам: и национальные особенности, и трудности русского языка, и отношение к ним общества понижают уровень требований.

Другим, весьма важным неудобством при обучении татарских детей русской грамоте, как справедливо указывает ревизия вятских школ, следует признать недостаток хорошо и применительно к особенностям этих школ составленных учебников. Существующие учебники, изданные бывшим инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа Радловым, могли бы быть полезными и пригодными руководствами и пособиями, но лишь в весьма опытных руках и при постоянном руководительстве, надзоре и указаниях учителям как пользоваться ими. Нельзя не признать некоторых недостатков этих учебников, но учебники, составленные для русских школ, как по своему содержанию, так и по некоторым другим причинам, не пригодны для употребления в русско-татарских школах. Поэтому радловские учебники являются единственными, и я не знаю, какими другими учебниками возможно было бы их заменить в настоящее время, и потому думаю, что существует неотложная потребность в издании лучших учебников и руководств; но они никем пока не составлены.

Что касается до мер для улучшения постановки учебного дела в одноклассных русско-татарских школах путем более продолжительного учения в учительской школе, т.е. установления 5 или 6-летнего курса, то, конечно, эта мера не может не отозваться благоприятно на общем развитии учеников учительской школы и больше укрепить их в знании русского языка; но мне кажется, что этим не будет еще исправлено все при наличности тех крайне неблагоприятных для насаждения русского просвещения и распространения русского языка среди татар-магометан условий, какие коренятся в самом строе татарского населения, и улучшение познаний учителей, и лучшие учебники мало подвинут дело вперед и будут лишь пальятивами. Причины неуспеха татарско-русских училищ заключаются в религиозном и бытовом строе магометанства и в прочной замкнутой в себе организации своих школ, в отчужденности от русской жизни и деятельности. Нужно возбудить сознание необходимости русского просвещения, а для этого – необходимости знания русского языка как средства для получения русского образования; при несочувствии же и недоверии самого населения к русско-татарским школам последнее едва ли когда-либо достигнет удовлетворительного состояния и будут обречены на прозябание на невосприимчивой почве. Школа русско-татарская едва ли может побороть препятствия и преграды на пути ее преуспевания, представляемые ей индифферентизмом общества, враждебно или в лучшем случае с высока относящимся к ней авторитетным магометанским духовенством и медресами и мектебами. Всякая школа может развиваться лишь при сознании своих сил и при симпатии и нравственной поддержке со стороны тех, для кого она существует. Если цель существования русско-татарских школ заключается в насаждении в русском мусульман-

стве при посредстве этих школ русского просвещения, русских идей и знаний, словом, если цель – в духовном сближении и единении мусульманства с коренным населением, то существование рядом двух разных систем воспитания всегда будет величайшим злом: с одной стороны, органы Министерства народного просвещения будут стараться своими школами сеять на совершенно неподготовленной и невосприимчивой почве семена европейского просвещения, с другой стороны, будут воспитывать молодое поколение в духе закоренелого исламизма и старинных традиций мектебе и медресе, состоящих под руководством и исключительным надзором местного духовенства, которое с ненавистью смотрит на существование параллельно с его школой, всеми почитаемой, как рассадник духовного просвещения, другой, чуждой по духу и стремлениям школы. При желании, поэтому, воздействие на коренные причины, задерживающие проникновение русских просветительных начал в среду магометанства, необходимо взять в руки все воспитание молодого татарского поколения, но, конечно, эта задача весьма трудная и может быть достигнута не сразу и не крутыми мерами, а постепенно, учреждением исподволь контроля со стороны правительства над мусульманскими училищами (мектебами и медресами), которые в настоящее время состоят под исключительным управлением и заведыванием мулл, и правительство не знает ни программ, ни духа и направления преподавания в них. Между тем эти училища – действительные и самые важные источники воспитания татарского юношества. Мысль об учреждении надзора за всеми магометанскими учебными заведениями не чужда правительству и не нова; еще в 1882 г. воспоследовало высочайшее повеление от 5 февраля, в силу которого все означенные мусульманские учебные заведения, под разными наименованиями, должны были подчиниться контролю органов Министерства народного просвещения. Таковой контроль и был возложен на тогдашнего инспектора татарских школ Казанского учебного округа; но первая же попытка привести в действие и исполнение высочайшее повеление кончилась неудачей. В своих заметках о татарском образовании, представленных мною господину министру народного просвещения в начале текущего года, по требованию его сиятельства, я имел честь изложить причины этого неуспеха, а также начертать путь, коим, по моему искреннему убеждению, представляется возможность установления надзора за медресами и мектебами, и охарактеризовать свою деятельность как временно исправлявшего обязанность инспектора татарских школ после оставления этой должности г.Радловым, с 1885 г. по 1890 г.

Временно исправляя эту должность, я был лишен возможности производить частые разъезды для обозрения татарско-русских школ в округе, во-первых, потому что это отвлекало бы меня от прямых моих обязанностей по должности инспектора учительской школы и требовало бы очень продолжительных отпусков, во-вторых школ этих очень мало, и предпринимать поездки в какую-либо местность или губернию для осмотра 1 или 2 школ не представляло достаточных побуждений, в-третьих, командировки должны были производиться по мере надобности и по усмотрению г.попечителя округа, и в этих видах мне не выдавалось разъездных денег, присвоенных должности инспектора татарских школ, и в случае командировки назначались прогонные деньги. Командировки же я получал тогда, когда представлялась в том особенная потребность. Таких командировок мне за все время исправления обязанностей инспектора татарских школ дано было две: одна в Вятскую и Казанскую губернию (Лаишевский уезд) в 1883 г. в декабре месяце для осмотра недавно тогда открытых школ в дер. Кугарчин и 2 вновь же открытых одноклассных татарских училищ в Елабужском уезде в дер. Аккузине и Биктове. Цель этой поездки, как мною и было донесено в отчете об ней, была не только ревизионная, но и общего характера: я задался мыслью уяснить себе отношения обществ к школам в местности, близкой (Лаишевского уезда) к Казани – этому центру магометанского фанатизма, и местности, более отдаленной от нее (Елабужского уезда), – и определить духовное влияние Казани на ближайшие от нее селения. Эта задача интересовала тогда меня потому, что нужно было выяснить на случай требования со стороны высшей власти приведения в исполнение установления надзора за магометанскими училищами, с какого именно района начинать обзор этих училищ. Все посещенные мною тогда школы я нашел в удовлетворительном состоянии в учебном отношении и никаких особенных недостатков не заметил, напротив, школы в Биктове и Терсях (последняя содержится на счет Елабужского земства) на меня произвели очень отрадное впечатление. Вторая командировка была в Астрахань в 1887 г. Испрашивая разрешения г.попечителя округа, я доложил его превосходительству, что намерен сделать попытку осмотреть местные магометанские духовные училища (мектебы и медресы), т.е. сделать шаг к приведе-

нию в исполнение высочайшего повеления от 5 февраля 1882 г. и вместе с тем обривизовать существующее там инородческое для татар училище, на что и получил согласие г. попечителя с наставлением соблюдать величайшую осторожность, чтобы не возбудить волнения умов среди татарского общества, и приступить к осмотру медресов не иначе, как с согласия на то местного губернатора. Астрахань представлялась мне более удобным пунктом для этой цели потому, что она составляет довольно значительный центр мусульманства и при том духовенство и магометанские училища в Астрахани значительно изолированы от влияния Казани. И здесь состояние русско-татарского училища я нашел очень хорошим в учебном отношении, а также оправдались мои предположения относительно возможности приступить к установлению надзора за магометанскими училищами, начиная таковой надзор с более или менее отдаленных от Казани местностей, о чем, впрочем, я имел честь донести в отчете по командировке.

Далее, ревизия вятских школ находит, что «учителя татарских школ, вышедшие из Казанской учительской школы, как надо предполагать по ходу занятий их в школах, не получают правильных указаний о приемах преподавания, какие необходимо практиковать в инородческих школах при обучении русскому языку». Воспитанники учительской школы для получения навыка в преподавании, начиная с 4 класса, ежедневно по очереди упражняются в приемах обучения в начальном училище, состоящем при учительской школе, под непосредственным руководством учителя начального училища и инспектора школы, слушают преподавание учителя, замечаемые при ведении урока воспитанниками недостатки исправляются и указываются при обсуждении данного каждым воспитанником урока, а на уроках педагогики и дидактики указываются как общие приемы преподавания, так и приемы, наиболее пригодные для практикования в начальных татарских школах. Относительно правильности этих приемов я могу лишь сказать, что они, быть может, страдают многими недостатками, потому что при выработке их мы не имели, готовых образцов для подражания: татарско-русское обучение – дело сравнительно новое, и оно возникло лишь с учреждением инспекции татарских школ в 70-х гг., когда не было ни одной школы; эти приемы пришлось создавать, применяясь к обстоятельствам и особенностям вновь учреждаемых школ, и я им учился, состоя в течение 6–7 лет учителем начального татарского училища и русского класса при медресе г. Казани под руководством бывшего инспектора Радлова, продолжал и продолжаю учиться, состоя с 1878 г. преподавателем и с 1881 г. инспектором учительской школы. При моих посещениях школ учителя, окончившие курс в Казанской татарской учительской школе, пользовались этими приемами и, как я замечаю, пользуются ими и теперь в русских классах при медресе и татарских школах в Казани.

На основании вышеизложенного имею честь почтительнейше представить Вашему превосходительству в заключение следующие свои посильные соображения:

а) Предстоит настоятельная потребность в составлении и издании лучших учебников для татарских школ, ибо учебники, изданные г. Радловым, как первые опыты, не свободны от недостатков, кроме того, необходимо издание переводов книг, которые послужили бы к ознакомлению татарского населения со знаниями по истории и географии России и с другими полезными сведениями из разных областей знания. Это, быть может, послужило бы к пробуждению сознания в татарах полезности общения с русскою культурою и послужило бы начальным толчком к сближению с русским миром и мировоззрением. Исключительно религиозное воспитание, получаемое татарским юношеством в их медресах и мектебах, не дает им никаких практических знаний и лишает их возможности всестороннего развития, оставляя в полном невежестве обо всем их окружающем.

б) Причины неудовлетворительного состояния русско-татарских школ, в каком они найдены в настоящее время, коренятся в культурно-бытовых условиях, среди которых им приходится существовать и с необходимостью обуславливаются отчужденностью мусульманства от русского мира: оно (мусульманство) представляет собой вполне компактную общину и в самом себе находит удовлетворение своим духовным потребностям и потому пока не ищет света и знаний вне себя: муллы и медресе, религия Корана вообще доставляют обильно духовную пищу и заполняют ограниченные требования ума и сердце невежественного татарина. Русская школа при наличности этих обстоятельств не силах еще завоевать себе симпатии общества, не может пробудить его интерес к себе и не может проложить путь в эту среду как сильный и прочный элемент, в среду, прочно обложенную веками установившимися религиозно-нравственными воззрениями. Учитель школы является в татарском селении ничтожным и изолиро-

ванным элементом и скорее сам подвергается влиянию окружающей среды, чем оказывает воздействие на нее: ученики являются в школу со строго определенными требованиями выучить их читать и писать, а остальное им не нужно; если учитель не хочет удовлетворять их требования, они не ходят. Это может повести к неудовольствию начальства за незначительность числа учеников, и вот учитель во избежание нареканий принимает с радостью всех, кто только явится, дорожит и теми, которые манкируют уроками, принимает учеников и в начале учебного года, и в середине, и в конце. От того в татарско-русской школе не два-три отделения, а целых 4–5, а с некоторыми учитель даже занимается порознь. В учительскую школу будущий учитель татарско-русского училища поступает не моложе 15 лет, воспитанный татарской семьей, татарским медресе и татарской средой; пробыв здесь 4 года, он в качестве учителя русского языка возвращается в ту же среду: неудивительно, что старые привычки, родной язык, родные обычаи, образ жизни на татарский лад, прерванный на 4 года, вскоре начинают брать верх и заглушают пробужденные в его душе силы и способности; внушенные ему знания и понятия постепенно теряют свою связность, частью забываются, и через несколько лет учитель стоит уже на уровне полужнания. Вина не учительской школы в неудовлетворительности состояния учебного дела в русско-татарских школах, а непреодолимые жизненные условия создают эту неудовлетворительность и делают русско-татарские школы мертворожденными учреждениями.

в) Продолжение курса на 5 или 6 лет улучшит качественно и количественно познания воспитанников учительской школы как в русском языке, так и в других предметах и тем поведет к большему общему их развитию, но это обстоятельство при наличности тех коренных препятствий, какие представляют жизненные условия мусульманской массы, не даст ощутительных результатов, и цель сближения и объединения татарско-инородческого элемента с русской народностью останется почти в прежнем положении.

г) Дело воспитания мусульманского юношества должно быть в руках правительственных органов, и мусульманские училища не должны представлять того ненормального явления в общем течении народного образования в России, какое они представляют ныне. Тогда как не только учебные заведения чисто русские, но и школы других национальностей пользуются вниманием и широким покровительством государства, магометанские мектебе и медресе вполне предоставлены самим себе, *de facto*, остаются без всякого надзора, и жизнь их, направление и дух преподавания в них развиваются совершенно свободно и, к сожалению, в ущерб стремлениям правительства в области просвещения инородчества.

д) Русско-татарские школы снабжались мной имеющимися учебными книгами, составленными собственно для татарских школ, а также разными пособиями и книгами по общей учебной литературе. В те школы, предметами которых заведывал я, я и высылал по мере надобности книги, а в школы, предметами которых распоряжались местные дирекции и инспекции народных училищ, книги доставлялись по их требованиям.

е) При осмотрах школ состояние учебного дела в них я находил удовлетворительным, а замеченные незначительные недостатки указывал и объяснял учителям непосредственно и устно. Изменений в приемах преподавания и в методах не вводил, неуклонно следуя в этом отношении более опытному деятелю в инородческом обучении, бывшему инспектору татарских школ Радлову, стараясь лишь поддерживать то, что им было создано, и временно мне было поручено до назначения министерством нового инспектора. Назначение это не состоялось, и я лишь дослуживал до ожидаемого наступления своим чередом момента упразднения инспекции татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа.

Источник: Архив РАН, ф.47, оп.2, д.39, л.591–605. Копия.

***Вопросы образования и просвещения татар
на страницах газеты «Тәрҗеман» («Переводчик»)***

№ 8

Письмо из Сибири

Известный тюменский коммерсант Аджи Нигматулла бай Сейдюков, проживающий в дер. Малчин и известный во многих местах З.Сибири и Степного края самой широкой благотворительностью, особенно благодетельствовал свою родную деревню. Решаясь писать об этом, я

имею в виду указать этого почтенного человека в пример другим людям, интересующимся делами и успехами мусульманского общества. Аджи Нигматулла бай построил в дер. Малчин солидное каменное помещение для библиотеки и снабдил его тысячью книг на турецком, арабском и персидском языках, печатных и рукописных. Вложив в банк достаточную сумму денег на предмет содержания из процентов смотрителя и сторожа библиотеки, он обеспечил оную на вечные времена. Библиотека открыта для всякого желающего ею пользоваться. Приезжие тут же находят радушное гостеприимство.

Узнав о существовании лучших методов начального преподавания, Аджи Нигматулла бай не задумался подарить своей деревне образцовый мектеб. Для сего был приглашен знающий преподаватель и построено особое каменное помещение. В пять месяцев дети-новички в числе 55 душ выучились читать и немного писать – успех неслыханный в наших краях при старом методе и порядках наших мектебов. Многие мусульмане, видя неожиданный успех, тронуты до слез, сожалея время свое, ушедшее в неведении. В настоящее время собрались учиться до ста детей и являются на учение с большой охотой, тогда как в мектебы старого метода их приходилось загонять палкой. О порядке обучения сообщу в другой раз.

M.X.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №6. 22 февраля.

№ 9

* * *

<...> Реформированные мектебы уже существуют в Ялгинском уезде, в Бахчисарае, Феодосии, Симферополе, Касимове, Казани, Илецке, Оренбурге, в дер. Чукры Уфим. губ., в дер. Малчин Тобольской губ.; в гор. Таре, Семипалатинске и некоторых других местах. Отовсюду получают вести об отличных успехах. Дети в несколько месяцев начинают читать, писать по-татарски, читать арабское и, несомненно, в один год в них будет более успеха, чем в три года при старом порядке.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №8. 8 марта.

№ 10

* * *

Из Сергиополя, Семиреченской обл. нам пишут, что до последнего времени в этом городе не было медресе, где бы дети-мусульмане обучались религии. Недавно приглашенный имам Хабибулла махзум Казыев открыл хорошее медресе и успел собрать до 70-ти учеников.

Начальное обучение в этом медресе будет преподаваться по новому методу, следуя учебнику «Ховадже и-Субьян».

Мудеррис окончил курс мусульманских наук в г.Троицке в медресе дамолла Ахмед Хаджи газрета²¹.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №11. 3 апреля.

№ 11

* * *

Из г.Каркаралинска Халильулла Бикметев передает нам, что имам и мудеррис г.Кешаф-Эддин Шахмердан оглу, приняв в своем медресе за начальное руководство новый учебник «Ховадже-и-Субьян», достиг поразительных успехов: 8–10-летние мальчики после четырехмесячного обучения освоились с чтением и письмом (так, что могут писать, что слышат и разбирать всякую книгу и рукопись. Все это было удостоверено экзаменом детей.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №12. 12 апреля.

²¹ Имеется в виду хазрет.

№ 12

* * *

Из Москвы нам сообщают, что на экзамене мектеба, содержащегося муллою Сафа Алимовым, в присутствии почетных лиц и родителей дети 7–8 лет выказали небывалый успех в грамоте: начав обучение в октябре прошлого года к марту сего года, т.е. в течение шести месяцев, новички уже могли писать и читать по-татарски и разбирать по-арабски. Успех детей удостоверен свидетельством присутствовавших, в числе коих есть также подпись известного оренбургского купца Аджи Ахмед Хусаинова. В этом мектебе принято руководством «Ховадже-и-Субьян».

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №14. 26 апреля.

№ 13

* * *

Вопрос об улучшении методов преподавания в детских начальных медресах, а также в высших училищах (медресе), возбужденный несколько лет назад «Переводчиком», видимо, все более и более занимает мусульман. Известно, что уже в разных местах открыты детские мектебы по новой системе и ведут дело весьма успешно. За мектебами приходит очередь медресе. В Бахчисарае «Зинджерли» медресе стало на новое положение; тут же другое вскоре будет также преобразовано. О реформе, очевидно, думают и в других губерниях, ибо недавно приезжал в Бахчисарай калфа²² Агрызского медресе из Вятской губернии г.Хасянкаев для изучения нового метода, чтобы применить его у себя. Г.Хасянкаев думает как общежитие шакирдов, так и порядок преподавания поставить на рациональную ногу и ввести обязательные экзамены и ограничение пребывания на курсах. Этот молодой мулла произвел на нас самое лучшее впечатление своей убежденностью в необходимости реформы нашего учебного дела и расширения программы преподавания. Он отлично заметил, что мы учимся, учимся и всетаки ничего не знаем.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №23. 14 июля.

№ 14**Уфа**

Уже некоторое время местное мусульманское общество поговаривало о необходимости открытия мектебе с новым методом преподавания, но несмотря на число населения, на пребывание тут Духовного собрания – дело как-то не ладилось. Только месяца полтора тому назад из молодых мулл г.Багаеддин Максудов в соб. доме открыл небольшое мектебе и начал преподавание по новому методу. Посетив на днях его классы, я был поражен достигнутым успехам и не сомневаюсь, что до лета дети усвоят грамоту. Обращаю внимание уфимских мурз на это мектебе. Поддержав доброе начинание ходжи Максудова, они сделают благое дело, и облегчат начальное обучение детей.

А.Ф.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №37. 24 октября.

№ 15**Казань**

В Юнусовском приюте, существующем в нашем городе, с основания его, хотя обучали детей родной мусульманской грамоте, но успехи не соответствовали желаниям. Нынешний директор приюта г.Магомед Рахим Юнусов, – человек, много путешествовавший и знакомый со школами нового типа, решил улучшить преподавание в приюте. Благодаря его стараниям с сентября сего года родная грамота преподается по новому методу по учебнику «Ховадже-и-Субьян», и дети делают быстрые успехи. Обучение вверено г.Хасан-Гата эфенди, знакомому с новым методом и достаточно развитому, чтобы повести дело удачно.

²² Имеется в виду хальфа.

Опыт нового метода в Юнусовском приюте может оказать значительное влияние на мусульман города, почему все благомыслящие люди должны быть признательны М.Р.Юнусову за добрый почин.

Ахмед М.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1891. №44. 13 декабря.

№ 16

* * *

Мусульманское население Казанской губернии, как видно из последних отчетов земских и губернского статистического комитета, мало пользуется услугами земства, администрации и городских обществ в деле народного образования. Для этого оно имеет свои специально мусульманские школы, называемые медресе и мектебе. И в то время как в земских, городских и правительственных школах, где обучение ведется на русском языке, дети мусульман обучаются в незначительном числе, – число обучающихся в названных выше мусульманских училищах с каждым годом возрастает все более, причем увеличивается также и количество самих школ. Особенно сильно этот рост медресе и мектебе, а также обучающихся в них, обнаруживается в последние годы. По сведениям губернского статистического комитета, число медресе в губернии в 1889 г. не превышало 563, а число обучавшихся в них составило 18354 мальчиков и 9536 девочек. В 1890 г. медресе уже было 677, с обучавшимся в них 19927 мальч. и 11390 дев. В прошлом же году число медресе возросло до 722, а количество обучающихся в них детей – 20965 мальчиков и 12154 девочки. Благодаря такому увеличению школ, мусульманское население Казанской губернии представляется обеспеченным школами более, чем русское население. В то время как для русского населения губернии одна школа приходится в среднем (по сведениям за 1891 г.) на 1345,8 жителей, – мусульманское население имеет одну школу на 885 жителей.

Один учащийся в медресе приходится на 15,6 мусульман, одна учащаяся там же русского населения один учащийся приходится на 18,5 мужчин и одна учащаяся на – 81,9 женщин. Наибольшим количеством своих школ располагает мусульманское население Казанского уезда, где, по сведениям губернского статистического комитета, их в прошлом году насчитывалось 207 (русских же школ в этом уезде имеется 106).

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1892. №32. 7 сентября.

№ 17

Из нашей жизни

Письма, полученные нами в последнее время, единогласно свидетельствуют, что новая идея о преобразовании мектебов и улучшении в них преподавания вступила повсеместно в решительную борьбу со старой идеей о неприкосновенности старого порядка, хотя бы оно было бесполезно до очевидности. Движение в пользу реформы и обновления охватывает все больший и больший район, показывая, что повсюду находятся мусульмане думающие, понимающие и на деле показывающие желание свое сделать доброе дело обществу. <...>

Не столь удачно дело в Малмыжском уезде Казан. губ. Тут есть большая деревня Тюнтерь, а в ней мектебе и медресе. Один из мулл – ревнитель нового, а другой – ярый приверженец старого порядка и рутины. Это естественно возбуждает глухую, подпольную борьбу и вредит успехам обучения. Отрадно лишь то, что, хотя медленно, но общественное сознание более и более склоняется к реформе.

В более печальном положении очутилось дело нового метода в Тамбовской губ. в дер. Идеево. Тут жители недовольные успехами детей обучаемых муллою по старому методу <...>Источник: Тәржеман-Переводчик. 1894. №7. 20 февраля.

№ 18

Казань

В 1893 г. по совету и предложению почтенного мудериса Галим Джана Баруди при медресе его был открыт «мектеб для сирот». Многие из местных купцов взяли на полное свое содержание по одному сироте из числа просящих милостыню на базарах и отдали в обучение. Таким

образом, число детей-попрошаек значительно сократилось, а оказанные ими успехи и доброе поведение радуют как жертвователей, так и всех хороших людей.

Если жертвователи на сирот и их покровители еще немного увеличат свое благодеяние и жертвы, то предполагается обучать тех сирот какому-либо ремеслу, которое дало бы средства к жизни по окончании учения. Заметим – все жертвователи суть постоянные читатели «Переводчика».

Джемаледдин Хусейнов.

Мудерис Галим Джан Эфенди – лицо весьма почтенное. Содержит на свои средства сохт преподает бесплатно, хлопочет об улучшении преподавания и житье учащихся, пишет и издает книжки.

«Ред.»

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1896. №2. 14 января.

№ 19

* * *

Пермь. Н.Тимкин нам пишет: В новометодном мектебе, руководимом Молла Мемед Керим эфендием и устроенном по совету ахуна дамолла Нуруллы хазрета, при содействии почетных мусульман, происходили пред рамазаном экзамены. Обучение по новому методу начато было 1 сентября прошлого года. Многочисленная публика и духовные лица, присутствовавшие на экзаменах из числа горожан и окрестных сел и заводов, были очень обрадованы большими успехами детей в столь короткое время. Всех детей обучается 130 чел. Начавшие с азбуки уже бойко читают, пишут и умело отвечают на вопросы по пройденным предметам.

Эти экзамены вполне упрочили распространение нового метода и лучших школьных порядков в мектебах нашего края.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1896. №9. 3 марта.

№ 20

Обучение девочек

В жизни мусульманских обществ немало уродливых явлений, которые поддерживаются, вопреки здравому смыслу и самому шариату, традицией и господством «обычая». Одним из таких грустных явлений надо признать полное игнорирование воспитания и обучения девочек. Когда кое-что в этом направлении делается для мальчиков, девочки совсем забываются; даже говорят, что им ничего не надо знать!

Мусульмане Поволжья считают совершенно достаточным, если женщина знает немного читать, еще менее писать и главнейшие правила Веры. Кажется, немного, но, к сожалению, крымские мусульмане еще более урезали эту жалкую программу и обучают девочек только чтению и правилам Веры. На Кавказе и в Средней Азии пошли еще далее: так как мусульманский печатный и письменный алфавит совершенно одинаковы, то опасаясь, что девочка, умеющая читать, легко может при желании, выучиться самоучкой писать, тут богопротивный обычай не дает им в руки книги, а правила Веры и молитвы выучиваются прямо наизусть и со слов преподавательницы!

Мусульмане, по неведению своему, боятся, что письмо будет употреблено женщинами во зло, как, например, для сношений с сторонними людьми и т.п. Они думают, что так и следует по шариату и не подозревают того, что обычай этот прямо противен шариату и представляет продукт не мусульманской, а китайской жизни. В Китае обычай не только лишает женщину грамотности, но, чтобы она не огла шибко ходить или бегать, уродуют ее ноги! <...>

Мусульманский же закон, установив, что «чтение и письмо разные доли одного того же искусства» (науки), категорически предписывает всеобщее обучение мусульман и мусульманок «науке».

Увы, мусульмане подчинились более дикому обычаю, чем священному закону.

Грамотная девица может написать любовную записку... а потому долой грамоту! Это очень умно; по этой логике необходимо выпустить на волю всех лошадей и ослов, ибо они иногда спотыкаются и разбивают горшки, коими нагружены; не надо обучать законам казиев, ибо они

иногда могут злоупотреблять; нужно уничтожить свечи и лампы, ибо иногда от них происходит пожар...

Мыслящий человек не может признавать подобную логику; истинный мусульманин не может отвергать прямое предписание шариата, а потому пора перестать быть рабом мерзкого обычая.

Впрочем, мы с радостью можем свидетельствовать, что уже немало мусульман, сознавших гибельность странного, противомусульманского обычая.

Они понимают, что плохое дерево не может давать хороших плодов; что ученая мать лучше воспитает своих детей, что добрые правила, усвоенные от матери, никогда не забываются, а потому чем более знает мать, т.е. женщина, тем лучше пойдет общее воспитание и жизнь. Незнающие не могут быть равными со знающими, сказал Пророк.

Если сильная еще традиция ставит преграды к переформированию на новых началах женских мектебов, то с другой стороны пробуждающееся сознание идет навстречу женскому обучению. Этим объясняется, что, как редкие звездочки на темном, пасмурном небе, светят нам пока пять новометодных мектебов для девочек, где их обучают чтению, письму, счету, мусульманскому закону и кое-каким рукоделиям. Мектеб в городе Таре (Сибирь); в дер. Джав-Баш и Татарбае Касимовского уезда; один в Бахчисарае; и мектеб в гор. Нухе Елисавет. губ. Во всех этих мектебах преподают женщины, следуя звуковому методу и программе нашего учителя. <...>

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1896. №36. 15 сентября.

№ 21

Редкие мусульманки

Чрезвычайно отраднo слышать о грамотных и еще более об образованных мусульманках. Для сведения наших читательниц и подписчиц приводим два примера. Из Уфы нам сообщают, что жительница г.Тары Биби Ханифа Ниязова, дочь известного муллы Бурундукова, обучающая девочек, отличается большими познаниями в турецкой и арабской письменности и знает в совершенстве все шаригатские науки.

Биби Ханифа делает честь мусульманам г.Тары. <...>

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1892. №40. 8 ноября.

№ 22

Вылазка против реформы

В последнее время татарское общество заинтересовалось вопросом улучшения и облегчения преподавания в своих мектебах. Ради сего изданы порядочно составленные азбуки, и во многих местах мектебы и школьные порядки более или менее улучшены. Результаты еще более возбудили к этому делу симпатии народа. Но, увы, есть еще немало тупоголовых, заядлых ревнителей косности, готовых доказывать, что дважды два – пять. Они не желают никакого улучшения, никакого упорядочения в преподавании.

Недавно одним из этих ревнителей издана в Казани книжка в 16 стр. под названием «Азбука». В ней всего 2–3 страницы, напоминающих «азбуку», остальное посвящено бестолковым речам и доказательствам «греховности» нововведений в учебном деле. Составив и издав «Азбуку», из которой не только дети, но и учителя ничего не поймут, мулла-автор, чтобы поразить «Новаторов», дерзко обращается к Корану и изречениям Пророка и доказывает греховность новометодного преподавания.

Эта дерзость в обращении со священными текстами, ради целей косности, вынуждает нас дать маленький ответ полу-мулле. Мы говорим «полу-мулле», ибо настоящий мулла глупостей и неправды писать и печатать не будет.

Полу-мулла говорит: новометодники изменяют древнюю, святую азбуку. Это самая красная ложь. Возьмите все новые азбуки и посмотрите, есть ли хоть одна новая буква? Как вам не совестно лгать перед целым народом? Что он скажет про вас? Полу-мулла говорит: новый метод есть порождение времени и измена святой старине. Мулла не знает истории, ибо иначе он так бы не говорил. Желание облегчить, улучшить преподавание – дело очень старое. Первые му-

сульманские куфические письма были без точек и значков. Вскоре после Пророка для облегчения людей были введены «точки» и «знаки». Затем были сделаны и последующие улучшения по уму-разуму улемов и народа.

Полу-мулла говорит: я следую предкам. Неправда. Предки хлопотали об общем обучении, старались облегчить его, а вы желаете противного.

Полу-мулла говорит: по святому изречению малые дела по суннету более благодетельны, чем большие дела по дурному обычаю.

Конечно, лучше заработать меньше честным образом, чем много, напр., воровством или злостным банкротством, но откуда вы взяли, что «учить детей пять лет и ничему не выучить» есть суннет. Зачем вы передергиваете и путаете хадисы, приводя совсем сюда не относящиеся?

Народы не арабского происхождения не могут писать на своем языке без букв «ч-ж-п». Эти три буквы были приняты еще при абассидских халифах, а вы против них восстаете в своем невежестве и неведении. Стыдно. Вы говорите: Пророк сказал – идите по той дороге, по которой идет большинство мусульман.

Если так. Если вы понимаете, что пишете, почему сопротивляетесь улучшению мектебного преподавания. Большинство мусульман идет именно по этой дороге. Не говоря о многих областях России, новый метод и вопрос улучшения преподавания фактически господствует среди мусульман Туниса, Египта, Турции, Индии и других мест. Но вы ничего не знаете, ничего не читаете, и думаете, что составляете «большинство».

Мы надеемся, что почтенные казанские улемы еще поучат вас, а г.оренбургский муфтий обратит внимание на ваши неуместные писания.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1896. №46. 25 ноября.

№ 23

Из жизни русских мусульман

<...> В большинстве губерний, где имеется мусульманское население, общества и отдельные благотворители вводят новый метод преподавания. Из Касимовского уезда раздается «голос мусульманки», ратующий за обучение и воспитание девочек; для сего она издает в тысячах экз. книжку для пропаганды доброго дела²³.

В Оренбурге г.Хусейновым, в Казани Галеевым учреждены медресы, где дело преподавания обставлено сравнительно довольно хорошо. В Троицке школьная реформа настолько стала популярной, что вскоре должна появиться брошюра, доказывающая необходимость преобразования и опровергающая ретроградные воззрения книжки Арифиллы эфенди Казанского.

Закончим наше обозрение приятным указанием, что один из мусульман имеет честь принимать деятельное участие в Московском благотворительном Елисаветинском обществе: почтенный Аджи Худейн Байбеков избран недавно членом ревизионной комиссии этого общества, находящегося под высочайшим покровительством государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Источник: Тәржеман-Переводчик. 1897. №22. 3 июня.

Из рапортов начальников губерний и областей Российской империи о татарских новометодных училищах (1901–1903 гг.)

№ 24

Уведомление военного губернатора Тургайской области от 12 января 1901 г. за №6 в департамент полиции о новометодных училищах

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Впоследствии отношения от 31 декабря минувшего года за №13419 имею честь сообщить в департамент, что лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских со-

²³ Авт. сн.: См. №21-й.

чинений, во вверенной мною области не замечается. А потому, оставляя без ответов вопросные пункты 1–3 названного отношения, нахожу необходимым остановиться лишь на пункте 4-м.

В Тургайской области дело религиозного воспитания киргизского юношества находится главным образом в руках татар, которые в значительном числе временно проживают в степи среди кочевников, в качестве их домашних учителей, или принимают на воспитание киргизских детей в свои татарские школы, находящиеся в пограничных с областью городах и селениях: Оренбурге (при мечети Хусаинова), Каргале (у ишана Хайрулы Зейнуллина), Илецкой защите, Орске, Верхнеуральске, Троицке и проч. Во всех этих местах имеются татарские школы с новометодной системой преподавания. В самой же области – у киргиз новометодных школ не наблюдается, хотя трудно отрицать, что руководящие делом мусульманского образования среди кочевников казанские татары не применяли нового метода преподавания мусульманской грамматики. До 1874 г. туземные школы находились под наблюдением уездной администрации; с этого же времени они были изъяты из ее ведения и переданы в ведение чинов Министерства народного просвещения, которые, однако, на самом деле ими не заведуют и даже не имеют представления о численности этих школ, чему, между прочим, можем служить подтверждением недавно поступившее ко мне отношение попечителя учебного округа (от 20 декабря минувшего года за №5821), коим он просит собрать полные сведения о всех магометанских училищах области с обозначением времени открытия, местонахождения, имен преподавателей и проч. Посему туземные школы в области остаются без необходимого надзора, хотя в недавнем прошлом и были принимаемы учебно-окружным управлением попытки к установлению этого надзора: в 1893 г. этим управлением был выработан проект «Правила о мерах к установлению фактического подчинения туземных школ Тургайской области – мектебе и медресе ведению учебного начальства», оставшийся, однако, без принятия.

Не имея возможности назвать из числа киргиз лиц, выступающих в качестве авторов новаторских сочинений, и указать школы в области с новометодным преподаванием, я, тем не менее, могу отметить, что новаторские сочинения татарских литераторов имеют доступ в степь: в 1899 г. Актюбинским уездным начальником были случайно обнаружены тюки на имя хазрета Сафы Нурфеисова с книгами издания Гаспринского (из Бахчисарая); или другой пример – в минувшем году был произведен обыск имущества киргиза Сулеймана Суюндукова Кустанайского уезда и среди книг, ему принадлежащих, оказалось до 8 стамбульского издания, несколько бахчисарайского и 1 карта (мусульманских стран) того же издания. Эти примеры далеко не исключительны, по свидетельству очевидцев некоторых чинов областного правления, новаторские сочинения имеют в степи довольно значительное распространение, ими снабжаются из Бахчисарая (от Гаспринского) наиболее состоятельные из киргиз и хазреты.

Упомянув о хазретах, не могу не отметить, что во вверенной мне области за последние 5–10 лет наблюдается увеличение числа их и ишанов, обставляющих жизнь свою некоторой таинственностью и пользующихся, по мнению лиц, знающих степь, влиянием на массу. Ишаны и хазреты как бы поделили область на участки, обстроились, обзавелись мюрдами (их последователями) и представляют из себя значение, на которое постоянно должно быть обращено внимание. В распоряжении моем нет совершенно почти лиц, чрез которых я мог бы получать точные и верные сведения о положении этих религиозных вожаков в степи, в уездах на 50–80 тыс. квадр. вер. после уездного начальника и его помощника стоят волостные управители из киргизов, в большинстве случаев неграмотные, смотрящие на жизнь глазами народа и охотно скрывающие всякую темноту и религиозное невежество. Тем не менее сведения о хазретах и ишанах мною собираются, и если в положении их будут обнаружены данные, могущие пособить к выяснению затронутого департаментом вопроса, то таковые будут представлены в дополнение к настоящему моему отзыву.

В заключение долгом считаю высказать, что киргизы в общем не представляют из себя фанатиков магометанства, и русское переселение, достаточный просвещенный надзор со стороны крестьянских начальников, наблюдение полиции, об учреждении которых и предшественник мой, и я особенно ходатайствовали, обеспечат за Тургайской областью правильное развитие на пути слияния с отечеством и обезопасят ее от проявления фанатизма в исповедуемой киргизами вере.

Воен. губернатор, генерал-майор: подпись

Старший советник: подпись

Делопроизводитель: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, ч.3, л.27–29об. Подлинник.

№ 25**Уведомление пермского губернатора от 27 февраля 1901 г. за №559
в департамент полиции о новометодных училищах**

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря 1900 г. за №13412 имею честь уведомить департамент полиции, что среди проживающего во вверенной мне губернии мусульманского населения лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, нет; связи между сторонниками нового движения и младо-турками, а также вдохновения новых веяний из Турции или иного заграничного мусульманского центра в среде местного мусульманского населения не замечается. Население это состоит большей частью из лиц, занимающихся разного рода торговлею, и чернорабочих, которые магометанской литературой почти не занимаются и никаких особых умственных интересов не проявляют, только мулла Надеждинской мечети Верхотурского уезда Шагимардан Сагдудинов и ахуны Шадринского уезда деревень Терсюк – Муслюмов и Ичкишей – Ягудин состоят подписчиками журнала «Переводчик», редактируемого крымским мурзой Исмаилом Гаспринским. Затем в городе Екатеринбурге, на Студеной улице, в доме Бр. Агафуровых, магометанские дети обучаются татарской грамоте и основами мусульманского вероучения под руководством екатеринбургского указного муллы Абдул-Хакима Абдул-Латыпова, по методу учебника Гаспринского; учебные пособия и квартиру обучающимся предоставляет «Торговый дом Бр. Агафуровы», обучающихся мальчиков бывает до 60-ти человек. И, кроме того, в Надеждинском заводе Верхотурского уезда мусульманские дети обучаются магометанской грамоте под руководством местного муллы Шагимардана Сагдудинова по книгам, изданным в 1897–1899 гг. тем же Гаспринским. Особого разрешения муллы на обучение детей своих прихожан не испрашивали, потому что по своему званию они считают своей обязанностью производить обучение, более же школ с преподаванием по новым методам нет, а магометанские дети обучаются читать, писать и магометанскому вероучению у местных мулл на домах или же в мектебах при мечети по старым методам преподавания.

Губернатор, генерал-лейтенант: подпись

И.д. делопроизводителя: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, ч.3, л.43–44. Подлинник.

№ 26**Уведомление военного губернатора Уральской области от 7 марта 1901 г. за №48
в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах**

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря минувшего года за №13420 имею честь уведомить департамент полиции: 1) что среди мусульманского населения вверенной мне области, по сведениям, доставленным мне г. инспектором народных училищ и уездными начальниками области, лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, нет; 2) что никакой пропаганды по поводу новых идей татарской культуры в области не замечается; 3) что то незначительное количество лиц, как, например, несколько татар, проживающих в г.Гурьеве, которым известны проводимые Гаспринским новаторские идеи, относительно удобства нового метода обучения к грамоте и пользы для мусульман общего образования, по видимому, относятся к этим идеям довольно безучастно; 4) что в аульных школах, медресе и мектебе магометанское вероучение преподается малограмотными указными и частными муллами, которые строго держатся старого учения и 5) что лишь во втором Уральском медресе, как мне сообщил инспектор народных училищ, под ведением которого находятся все начальные школы в области и в том числе и медресе, учитель Нуриахмет Гядсятуллин и помощник

его Ахмет-Сафа Байтерьяков обучают мусульманских детей по новому методу. Этим медресе заведует указной мулла Туффатуллин и кроме 2-х вышеупомянутых учителей старшим учителем в медресе состоит Мифтахудданов, который преподает по старому методу. Гядятуллин учился сначала в Бугульме, а затем в Оренбургском медресе, Байтерьяков же, по его заявлению, учился в Уральском медресе. Гядятуллину 40 лет, а Байтерьякову 27. Кроме того, в Темирском уезде киргиз №6 аула Элебенской волости мулла Гази Култуллин обучает своих детей грамоте по звуковому методу. Сам Култуллин первоначально учился в Стерлитамаке или Каргале (сам хорошо не знает), а потом в Хиве.

Военный губернатор, генерал-лейтенант: подпись

За советника: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898 г.) д.11, ч.3, л.47–48. Подлинник.

№ 27

Уведомление рязанского губернатора от 13 марта 1901 г. за №489 в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря минувшего года за №13413 по поводу нового общественного и умственного движения, обнаруживающегося среди мусульманского населения России и отражающегося в области религии, школы и литературы, имею честь уведомить департамент полиции, что во вверенной мне губернии мусульманское население сосредоточено почти исключительно в г.Касимове и его уезде, так что признаки прогрессивного течения среди татарской народности могли проявиться только в этом районе.

По собранным мною негласным путем подробным сведениям, из лиц, постоянно проживающих в г.Касимове и Касимовском уезде, авторов каких-либо литературных произведений в новаторском направлении не имеется, равно как нет и лиц, получивших высшее научное образование. В мусульманском обществе замечается, что молодое поколение стремится к обучению детей по новому звуковому методу, т.е. по учебнику Исмаила Гаспринского, который удостоен звания почетного члена Касимовского мусульманского благотворительного общества. Среди местного татарского населения имеются в обращении книги новейших изданий, по своему содержанию относящиеся к новаторским воззрениям, таковы сочинения Девлет-Кильдеева, Боязитова и Мурзы Алима. Стронниками нового движения среди касимовского татарского населения следует считать все молодое поколение, но есть ли какая-либо связь между последователями новаторских воззрений в Касимове и младо-турками – выяснить трудно. Дознано, что учитель Касимовского медресе Мухамед Хасан Тошров ведет переписку с Константинополем, куда почти ежемесячно отправляет денежные посылки в 15 руб. и более по адресу: Константинополь, Нурсалих Каримову. Один из учителей городских мектебов, Хасан Булатов, имеющий у себя частную школу, учился в Константинополе, но поддерживал ли он ныне сношения с ним, осталось невыясненным. Через почтово-телеграфную контору многие мусульмане получают газету «Переводчик», издаваемую Гаспринским. Других следов сношения касимовского мусульманского мира с какими-либо заграничными центрами не обнаружено, что отчасти объясняется тем, что Касимов, не будучи самостоятельным центром ислама, зависит от Казани, откуда часто присылаются книги учителям и ученикам мусульманских касимовских школ. Так, в минувшем декабре выслано было в Касимов много книг Фатахетдину Баторову и Абдулле Сюдюкову, и в январе месяце сего года – Хасану Булатову.

Ввиду того, что, несомненно, сильнейшим средством воздействия на молодое поколение и воспитание его в том или ином направлении и принципах является обучение юношества, особого внимания при настоящих условиях заслуживают мусульманские школы и существующая в них постановка преподавания. Между тем эти школы стоят вне всякого контроля русских властей, никем из русских не посещаются, при существующем в них преподавании на татарском языке и при непредставлении учителями отчетов в своих занятиях и программ пройден-

ного в школах не представляется даже возможным установить действительное за ними наблюдение, и все сведения о татарских школах, по необходимости, приходится заимствовать у самих же мусульман. При всем том, зная внешнюю обстановку мусульманских школ, умственный уровень их учеников и учителей, нельзя не прийти к заключению, что учебное дело поставлено в касимовских мусульманских школах крайне неудовлетворительно.

В г.Касимове и его уезде существует медресе – среднее учебное заведение и 17 начальных училищ – мектебе, ведомость коих при сем представляется. В медресе девятилетний курс учения. Цель этого заведения – приготовить мулл. Главным предметом изучения в медресе является Коран и арабский язык, из предметов светских: география, логика и история, но эти предметы стоят на втором плане. В мектебах учат мусульманскому закону Божьему, чтению и письму по-татарски, четырем действиям арифметики. Русскому языку не учат ни в медресе, ни в мектебах, обучение происходит по-татарски, и потому многие из окончивших курс медресе с большим трудом говорят по-русски, а чтобы получить свидетельство в знании русского языка, необходимое при определении на должность муллы, берут уроки у кого-нибудь из русских учителей.

Контингент преподавателей как в средней, так и в начальных школах весьма плох. На девятиклассное медресе имеется всего один учитель, некто Хасан Тагиров, учившийся в Казанском медресе и не считающийся среди своих учеников за образованного человека. Он даже не знаком со звуковым методом преподавания грамоты.

В большей части мектебов учителями состоят муллы, часто совершенно малообразованные люди и притом отвлеченные от школьного дела своими обязанностями по приходам.

Не удивительно поэтому, что мусульмане недовольны своими муллами и требуют для мектебов специальных учителей. По сведениям, собранным у мусульман, только в 6-ти мектебах существует звуковой способ обучения грамоте, в остальных же – старый букво-слагательный. Столь неудовлетворительное положение мусульманских школ будет продолжаться до тех пор, пока дело обучения у мусульман будет носить, как ныне, частный характер и стоять вне всякого контроля учебного ведомства. Ввиду изложенного и со своей стороны полагал бы необходимым установить должный надзор за мусульманскими школами и ввести в них обязательное обучение русскому языку. Понимание русского языка оказало бы значительную пользу и в том отношении, что, обучившись русскому языку в своих начальных школах, мусульмане охотнее бы поступали в русские средние учебные заведения, чему в настоящее время препятствуют полное незнание детьми мусульман русского языка и совершенная невозможность изучить на этом незнакомом языке предметы училищного курса.

Этим, между прочим, объясняется тот факт, что в существующем в г.Касимове среднем семиклассном механико-техническом училище, несмотря на принятые меры к облегчению доступа в это учебное заведение детей мусульман, в настоящее время обучается всего 6 человек мусульман из общего числа 205 учеников, а в текущем учебном году не было ни одного из мусульман, желающего поступить в училище.

Независимо от сего, для облегчения наблюдения за всеми новыми веяниями, проявляющимися на почве школы, религии и литературы в мусульманском мире, и за настроением умов татарского населения представлялось бы весьма полезным предоставить в распоряжение местных властей, не знакомых с татарским языком, специального переводчика, а также облегчить местной полиции беспрепятственное получение из Касимовской почтово-телеграфной конторы необходимых справок и различных секретных сведений о переписке, существующей между местными татарами и другими центрами мусульманского мира, и о всех высылаемых касимовских мусульманских книгах.

Губернатор, шталмейстер Двора Его Величества: подпись

Правитель канцелярии: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898 г.) д.11, ч.3, л.51–53а. Подлинник.

Таблица 1 (см. ниже стр.951–954)

**Ведомость о татарских школах (мектебе и медресе), находящихся
в г.Касимове и Касимовском уезде к 1 января 1901 г.**

(Приложение к уведомлению рязанского губернатора от 13 марта 1901 г. за №489)

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп. 226, (1898 г.) д.11, ч.3, л.55–60. Подлинник.

Наименование школы и ее местонахождение	Кол-во населения в местности		Кол-во учащихся		В каком году открыта школа	С чьего разрешения	Преполагается ли русский язык, а если преподается, кто обучает этому предмету	Кто состоит преподавателем в школе (его имя, фамилия, звание, нравственные качества и благонадежность)	Какие предметы и на каком языке и по какому методу (звуковому или другому)	Кто посещал школы из числа матаганского вероисповедания и когда именно (контроль)
	муж.	жен.	мал.	дев.						
3 Мектебе приходские в Касимове	583	659	45	–	Более 80 лет	Неизвестно, кем было разрешено, и разрешения в школе нет	Не преподается	Хасан Изатулов Девликанов, крестьянин пригородной Татарской слободы г.Касимова, Салим Гиреев Муратов, касимовский мещанин, поведления хорошего и благонадежны	Алкоран, арифметика, арабский язык, все на татарском языке по звуковому методу	
4 Мектебе в с.Собакино	352	317	50	–	По отзыву жителей с незапамятных времен	Сведенный об этом нет, но, несомненно, без всякого разрешения	Не преподается	Мулла с.Собакино Закир Кондраков и крестьянин Пензенской губ. Керенского у. д.р. Горенки, Айнулла Арсланов, Чаргишев, 47 лет, учителем состоит в селе Собакино вместе 8 лет, лица эти поведления хорошего и благонадежны	Преполагается на татарском и арабском языках по старому методу: история о пророках, разъясняются Коран, первые 4 правила арифметики и порядок моления в мечети	Школы никогда никем из начальства магометанского вероисповедания не посещались и не посещаются и никакого контроля над ними нет.
5 Мектебе в с.Царцино	310	325	35	–	Открытие училища никто не помнит	Неизвестно	Не преподается	Мулла Алей Девликанов и крестьянин села Старого Аллагулова Краснослободского у. Абдрахман Файзуллин Аванов, 65 лет, учителем состоит 40 лет, поведления оба хорошего и благонадежны	Те же предметы, преподаются на татарском языке по новому методу	
6 Мектебе в с.Торбаево	371	319	30	16	Более 70-ти лет тому назад	Неизвестно, девочки стали обучаться пятый год	Не преподается	Крестьянин д.р. Мокрых Курналей Лаишевского у. Казанской губ. Махмут Земьяглинов, 27 лет, учителем состоит первый год.	На татарском языке по звуковому методу, преподаются арифметика,	

Наименование школы и ее местонахождение	Кол-во населения в местности		Кол-во учащихся		В каком году открыта школа	С чьего разрешения	Преподают ли русский язык, а если преподается, кто обучает этому предмету	Кто состоит преподавателем в школе (его имя, фамилия, звание, нравственные качества и благонадежность)	Какие предметы и на каком языке и по какому методу (звуковому или другому)	Кто посещал школы из числа студентов манского вероисповедания и когда именно (контроль)
	муж.	жен.	мал.	дев.						
								учился в Казани, женское училище помещается в частном доме, учительницей состоит вдова крестьянина Казанского у. Сагадат Латфуллина Сулейманова, 26 лет, училась в городе Казани, поведения хорошего	география и русская история	
7	Мектебе в с.Болотцы	457	474	50	–	Неизвестно	Не преподается	Две мullы села Болотцы, Ариф и Шакир Биктемиров, поведения хорошего и благонадежны	На татарском языке те же предметы по звуковому методу	
8	Мектебе в с.Подлипки	–	–	29	–	Неизвестно	Не преподается	Мулла Хасан Ширинский и крестьянин д.Большие Ребушкины Курмышского у. Симбирской губ. Арифулла Татреглинов, 25 лет; оба эти лица поведения хорошего, благонадежны	На татарском языке по старому методу, учит читать и писать, Коран и история о пророках	
9	В с.Подлипки женское училище	–	474	–	19	Без разрешения	Не преподается	Крестьянка лер. Усть-Рахманки Краснослободского у. Латифа Сайфетдинова Чулина, вдова 35 лет, поведения хорошего и благонадежна	На татарском языке по старому методу, учит читать и писать	

Наименование школы и ее местонахождение	Кол-во населения в местности		Кол-во учащихся		В каком году открыта школа	С чьего разрешения	Преподается ли русский язык, а если преподается, кто обучает этому предмету	Кто состоит преподавателем в школе (его имя, фамилия, звание, нравственные качества и благонадежность)	Какие предметы и на каком языке и по какому методу (звуковому или другому)	Кто посещал школы из начальства магметанского вероисповедания и когда именно (контроль)
	муж.	жен.	мал.	дев.						
10 Мектебе в с.Коверском	59	46	4	3	Более 70-ти лет	Неизвестно	Не преподается	Мулла Утяганов Абдул Каюм, поведения хорошего и благонадежен	На татарском языке по старому методу, учит читать и писать	
11 Мектебе в дер. Алматово	105	112	15	-	В конце 1900 г.	Без разрешения	Не преподается	Запасный рядовой из крестьян деревни Бигеевой Кузнецкого у. Саратовской губ. Муся Абдул Алишев Аюпов, 26 лет, учился в Касимовском Кастровском училище, поведения хорошего и благонадежен	На татарском языке по старому методу, учат историю о пророках и Коран	
12 Мектебе в дер. Шахшаново	98	96	14	2	В конце 1899 г.	Без разрешения	Не преподается	Крестьянин села Старое Аллагулово Краснослободского у. Дзярулла Рахматуллин Иванов, 29 лет, учился в Болотинском училище, поведения хорошего и благонадежен	По звуковому методу на татарском и турецком языках, учат историю о пророках, Коран и 4 правила арифметики	
13 Мектебе в с.Мунтово	185	177	25	-	Около 100 лет	Неизвестно	Не преподается	Крестьянин дер. Кондрюкуль Белебеевского у. Уфимской губ. Мухамет Закир Мухамет Гадеев, 30 лет, учителем состоит два года, сам учился в Касимовском Кастровском училище, поведения хорошего	По звуковому методу, на татарском и турецком языках преподаются: история о пророках, Коран и арифметика	

Наименование школы и ее местонахождение	Кол-во населения в местности		Кол-во учащихся		В каком году открыта школа	С чьего разрешения	Преподаются ли русский язык, а если преподаются, кто обучает этому предмету	Кто состоит преподавателем в школе (его имя, фамилия, звание, нравственные качества и благонадежность)	Какие предметы и на каком языке и по какому методу (звучному или другому)	Кто посещал школы из числа начальства магометанского вероисповедания и когда именно (контроль)
	муж.	жен.	мал.	дев.						
14 Мектебе в с. Четаево	31	17	4	–	Более 100 лет	Неизвестно	Не преподаются	Мулла Алтынбаев Абдул, поведения хорошего и благонадежен	На татарском языке по старому методу, преподаются: история о пророках, Коран и арифметика	
15 Мектебе в с. Теминово	109	168	15	2	В 1898 году	Без разрешения	Не преподаются	Мулла Мухаметжан Баязитов, поведения хорошего и благонадежен	В Теминовской школе, на татарском языке, по новому методу те же предметы	
16 Частная в дер. Багишево	57	35	20	2	В 1865 г.	С разрешения муллы города Касимова	Не преподаются	Крестьянин Пензенской губ., Краснослободского у. деревни Аллагулы Аубекер Ибрагимов Алтышев, поведения и нравственных качеств хороших	Магометанскому закону божии, арифметике и письменному управлению по старому методу	Школу посещает мулла г. Касимова ежегодно от 1 до 5 раз
17 Мектебе в дер. Сентово	52	52	9	6	В 1883 г.	С разрешения муллы города Касимова	Не преподаются	Крестьянин Пензенской губ. Краснослободского у. деревни Старо-Аллагулы Ахмеджан Калер-Аленбеков, поведения и нравственных качеств хороших	Магометанскому закону божии, арифметике и письменному управлению по старому методу	

№ 28

Таблица 2

**Список мусульманских школ с преподаванием по новому методу,
существующих в пределах Самарской губ.²⁴**

№	Где основана школа	Кем основана школа	Кто состоит преподавателем в школе	Под чьим заведыванием и контролем находится школа
	Гор. Самара	Не существует		
	<u>Уезды Самарский</u> ²⁵			
1.	Деревня Нижний Курмыш Шлимовской волости	Магометанским обществом на его средства	Мулла Фатхутдин Мифтахетдинов	Мулла Мифтахетдинов
	<u>Ставропольский</u>			
2.	Деревня Абдреевка Высокопольской волости	То же	Брат местного муллы Ярулла Шамсетдинов	Мулла Билял Шамсетдинов
3.	Деревня Средний Сантамир Старобельской волости	То же	Мулла Гияметдин Гайнетдинов	Мулла Гайнутдинов
	<u>Бузулукский</u>	Не существует		
	<u>Бугурусланский</u>			
4.	г.Бугуруслан	То же	Мулла Хуснутдинов	Мулла Хуснутдинов
5.	г.Бугуруслан, женская гимназия	То же	Жена муллы Сутутдинова	Мулла Хуснутдинов
6.	Деревня Асекеева Султангульской волости	То же	Ахун Абдул-Кадыров	Ахун Абдул-Кадыров
7.	Деревня Кирмала Кутлуева Ивановской области	То же	Мулла Абдул-Кадыров	Ахун Абдул-Кадыров
8.	Деревня Чеганлы Больше-Сурметинской волости	То же	Крестьянин Вагиз Камалетдинов	Мулла Файзуллин
9.	Деревня Мочалейна Подбельской волости	То же	Крестьянин Мукмин Гимранов	Ахун Суббеев
10.	Деревня Старая Ермаково Старососновской волости	То же	Ахун Багаутдинов	Ахун Суббеев
11.	Деревня Балнола Байтуганской волости	То же	Крестьянин Шигабутдин Мигланов	Мулла Абдуллин
12.	Деревня Новая Мансуркина Сосновской волости	То же	Крестьянин Агмулла Сафиуллин	Мулла Ахмет-Сагиров
	<u>Бугульминский</u>			
13.	г.Бугульма	То же	Мулла Ахметдин Мухаметзянов	Мулла Мухаметзянов
14.	Деревня Альметьева, той же волости, 2 школы	То же	Мулла Нургаяз Хузяжанов	Заведует мулла Хузяжанов и крестьянин Искак Ильясов
15.	Деревня Верхняя Чеюдайка Мордовско-Афонькинской волости	То же	Крестьянин Камалетдин Файрузов и мулла Абдул-Галим Багаутдинов	Мулла Багаутдинов
16.	Деревня Полесная Утямышево Мордовско-Афонькинской волости	То же	Мулла Ахмет-Мухамет Вафин и азанчей Залялетдин Мухамет-Сафин	Мулла Ахмет-Мухамет Вафин

²⁴ Приложение к уведомлению самарского губернатора от 21 марта 1901 г за №1349.

²⁵ Выделения сделаны в тексте документа.

17.	Деревня Старая Утямышева Мордовско-Кармальной волости	То же	Азанчей Гирфан Вильданов	Местный мулла
18.	Деревня Сарабакулово Мордовско-Кармальной волости	То же	Мулла Мухамет-Шакир Низамутдинов и Замалетдин Нагуманов	Они же
19.	Деревня Верхние Чершилы Нижне-Чершилинской волости	То же	Мулла Ханиф Габдул-Каюмов	Он же
20.	Деревня Менлибаева Мордовско-Ивановской волости	То же	Мулла Мухамет-Каниф Абдул-Галимов	Он же
21.	Деревня Урмышла Варваринской волости	То же	Мулла Габдул-Гафуров и крестьянин Шакирзян Ахметзянов	Мулла Гафуров
22.	Деревня Денискина Четыршинской волости	То же	Мулла Аксан Шагиахметов	Он же
23.	Деревня Шугушла Спиридоновской волости	То же	Местный мулла	Он же
24.	Деревня Юлтемирова Спиридоновской волости	То же	Местный мулла	Он же
25.	Деревня Каркала Спиридоновской волости	То же	Местный мулла	Он же
26.	Деревня Токтарова Урдала Сходневской волости	То же	Заки Ахметгареев	Он же
27.	Деревня Епанкулы Тумутковской волости	То же	Местный мулла	Он же
28.	Деревня Татарский Кандыр Салиховской волости	То же	Мухаметзаки Рахманкулов	Он же
	<u>Николаевский и Новоузенский</u>		Не существует	

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, ч.3, л.73–75. Подлинник.

№ 29

Уведомление саратовского вице-губернатора от 1 мая 1901 г. за №1853 в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря прошлого года за №13415 имею честь уведомить Департамент полиции, что среди татарского населения Саратовской губернии, представляющего собою вполне невежественную массу, лиц, выступающих авторами новаторских сочинений в татарской литературе, нет. Один только крестьянин деревни Татарские Канадеи Кузнецкого уезда Мухамет-Юсюп-Сафин Казаков изредка пишет статьи в Бахчисарайской газете «Переводчик». Он же составил в прошлом году азбуку под названием «Русский учитель для мусульман», разрешенную 27 ноября того же года к печати С.-Петербургским цензурным комитетом.

Население это твердо держится своих старых традиций и всякие новые идеи прогресса и культуры ему чужды. Даже новый метод обучения татарской грамоте по европейской звуковой системе встречается большинством татарского населения крайне несочувственно, а в некоторых селениях муллы, начавшие было обучать детей по этому методу, вынуждены были вернуться к старому по настойчивым требованиям сельчан.

Тем не менее, новый метод обучения татарской грамоте, берущий свое начало от Крымского журнала Гаспринского, в некоторых татарских школах Саратовской губернии введен и

окончательно укрепился, именно в вышеуказанных селениях трех уездов – Кузнецкого, Петровского и Хвалынского.

*Кузнецкий уезд*²⁶

1) В дер. Нижней Елюзани Чаадаевской волости (учителем состоит сын местного муллы Сабир Шарифжанов Вясанов); 2) в дер. Исикеевой Планской волости (учителем – местный мулла Абдул-Ляtif Кулафин); 3) в дер. Татарских Канадах Евлашевской волости (учителем – крестьянин Мухамет Мухаметжанов); 4) в дер. Больших Труевских Вершинах Евлашевской волости (учителем – местный мулла Гежаметдин Мефтяхетдинов Мамышев; 5) в дер. Кунчеровой Кунчеровской волости (учителем – вольский мещанин Аксян Юнусов Мухаметов); 6) в дер. Деминой Кунчеровской волости (учителем – местный мулла Салахетдин-Абдул Ляtifов Чуканов); 7) в дер. Могилках Кунчеровской волости 3 школы (учителями – местный азанча Джелаялетдин Шарифов Негметуллин, местный мулла Айнетдин Шаяхметов Мансуров и мещанин Сеитовского посада Оренбургской губернии Хайрулла Хабибуллин Реимов); 8) при селе Верхозим Кунчеровской волости, при фабрике торгового товарищества Ишмухамета – Абдула Дебердеева с братьями, 2 школы (учителями – исполняющий обязанности муллы крестьянин Пензенской губернии Хусьян Исметуллов Тугушев и девица из г.Бахчисарая Идаие-Вели-Ши Мурзы Кайтазова); и 9) в дер. Пенделке Аннеиковской волости 3 школы (учителями – азанча Абайдулла Фахретдинов, крестьянин Симбирской же губернии Шайдулла Гайтуллов Резяпов и крестьянин Симбирской губернии Хайрулла Айзатуллин Усманов).

Петровский уезд

1) В дер. Старом Вершауте Козловской волости (учителями – местные муллы Мухамет-Зариф-Мухамет Мубинов Рахманкулов и Мухаметдин-Мухамет Мубинов); 2) в дер. Карлыган Савкинской волости (учителем – крестьянин Мухаметжан Шарифжанов Нугайбиков; 3) в дер. Суляевке Пылковской волости (учителем – крестьянин Галямутдин Хантемиров); 4) в дер. Новом Вершауте Савкинской волости (учителями – местный мулла Сатредин-Мухамет Мубинов Курамшин и сын его Сафа Сатрединов).

Хвалынский уезд

1) В дер. Верхней Терешке Средне-Терешанской волости (учителем – местный мулла Абдурахман Хосьянов); и 2) в дер. Бахтеевке Старо-Лебежайской волости (учитель – местный мулла Ибни-Аббяс Умяров Ягудин).

Все эти школы, за исключением двух школ при фабрике Дебердеевых в Кузнецком уезде, открыты сельскими обществами, состоят в заведывании местных мулл и подлежат контролю учебного начальства. Преподавание по звуковой системе введено муллами, которые признают его за лучшее, хотя остальное татарское население к этому нововведению, как сказано выше, во многих местах относятся несочувственно. В школах при фабрике Дебердеевых преподавание по новому методу введено самими фабрикантами, которые содержат эти школы, и ввиду преимуществ преподавания по звуковой системе пригласили учителя и учительницу знакомых с этой системой.

Дебердеевы – родственники Исмаила Гаспринского, кроме того, один из братьев Дебердеевых – Абдул – женился 8 лет тому назад на турчанке и поселился в Константинополе.

Раньше Дебердеевы поставляли сукно для турецкой армии и часто бывали в Турции, в настоящее время они изредка ездят в Константинополь к брату Абдулу, заезжали к Гаспринскому. Но Дебердеевы отнюдь не проявили себя сторонниками каких-либо новых прогрессивных идей.

И.д. губернатора, вице-губернатор: подпись

Управляющий канцелярией: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, ч.3, л.76–77об. Подлинник.

²⁶ Курсивные выделения сделаны в тексте документа.

№ 30**Уведомление нижегородского губернатора от 5 мая 1901 г. за №980 в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах**

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря минувшего года за №13409 имею честь сообщить Департаменту полиции, что постоянное мусульманское население проживает лишь в двух уездах вверенной мне губернии – в Василь-Сурском и Сергачском, причем среди него лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений не имеется, равным образом до сих пор не проявилось среди местного татарского населения связи между сторонниками такового и младо-турками.

В Сергачском уезде знакомство со светской литературою татар установлено лишь в дер. Грибанове: у учителя министерской школы Абу-Нагима-Шукурова имеется учебник Гаспринского и еженедельная газета «Переводчик», издаваемая тем же Гаспринским в Бахчисарае, которая дается Шукуровым учащимся для чтения и на дом, учебником же он пользуется для обучения татарскому языку своих детей и, по желанию, других мальчиков из числа обучающихся в заведываемой им министерской школе; преподавание в последней производится по русским учебникам, на русском языке, под контролем чинов Министерства народного просвещения. Абу-Нагим Шукуров получил образование в Оренбургской русско-татарской учительской семинарии²⁷, живет в Грибанове уже значительное время, женат на дочери местного муллы, который состоит в названной школе вероучителем. Мусульманских школ с преподаванием по новым методам в Сергачском уезде не существует, и для обучения детей Корану имеются школы низшего разряда в распоряжении местных мулл, враждебно относящихся ко всякому рода новшествам.

В Василь-Сурском уезде существует 16 мусульманских школ, причем в 2 из них преподавание ведется по новым методам. Обе школы находятся в деревне Андреевке и преподавателями в них состоят муллы Исаак Мусеев, получивший образование в Казанском мусульманском училище Азимова, и Мясум Шарипжанов.

Как в Васильском, так и в Сергачском уездах татарские школы находятся вне всякого с чьей-либо стороны контроля.

Генерал-лейтенант: подпись

Правитель канцелярии: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898 г.) д.11, ч.3, л.78–78об. Подлинник.

№ 31**Уведомление казанского губернатора от 13 мая 1901 г. за №1876 о новометодных мусульманских училищах**

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Впоследствии отношения от 31 декабря минувшего года за №13407 имею честь сообщить в департамент полиции нижеследующие сведения о распространении среди татар вверенной мне губернии прогрессивного направления в области задач и методов образования.

Новое направление (новометодничество) имеет уже значительное число приверженцев, в особенности среди мулл, учителей русских классов при медресах и богатого купечества, которые ведут открытую и горячую борьбу с поборниками старины на поприще литературы и школьной педагогики. Определить исход этой борьбы в настоящее время, разумеется, трудно; старая партия, имеющая в своих рядах большинство мулл и крестьянское население глухих местностей, еще очень сильна, но быстрый рост успехов новометодничества не подлежит, однако, никакому сомнению. В Казани, являющейся центром образованности для татар Волжско-Камского края, его разносят по отдаленным деревням воспитанники Татарской учительской школы, назначаемые учителями русских классов при медресах, и молодые муллы, научившие-

²⁷ Речь идет об Оренбургской татарской учительской школе.

ся в казанских медресах новому методу и насаждающие его в открываемых ими при помощи купцов – благотворителей мектебах.

Представители нового направления, выступавшие на литературном поприще, почти все проживают в Казани; из них можно назвать: 1) муллу Гайса Яхъяина, вероучителя Казанской татарской учительской школы, который перевел на татарский язык басни Крылова и народные сказки – русские и немецкие (бр. Гримм). Из оригинальных произведений Яхъяина книга «Халысатъ уль мисаиль» содержит в себе важнейшие сведения по мусульманскому вероучению; другое его произведение, изданное в 1898 г., имеет целью доказать, что изучение русского языка, составляя для татар предмет настоятельной необходимости, нисколько не противоречит требованиям ислама.

2) Шакирзян Тагиров, учитель русского класса при медресах Старо-Татарской слободы г.Казани, в 1892 г. выпустил в свет весьма употребительный здесь учебник первоначального обучения татарской и арабской грамоте, первое издание коего было снабжено кратким методологическим наставлением. Тагиров, учившийся первоначально в казанских медресах, окончил затем курс в 1880 г. в числе учеников I выпуска Казанской татарской учительской школы и с 1884 г. состоит учителем.

3) Мулла Ахмед-Гады Максудов, вероучитель 1-го городского начального татарского училища, известен как составитель арабской грамматики для татар; кроме того, он перевел на казанское татарское наречие краткий учебник русского языка, составленный Казасом для школ Таврической губернии; наконец, под именем «Первоначального учебника», выдержавшего уже два издания, Максудовым сгруппированы правила звукового метода чтения арабских и татарских слов, сопровождаемые повседневными молитвами. Максудов окончил курс в Татарской учительской школе.

4) Статский советник Ибрагим Терегулов, преподаватель естествоведения в Казанской татарской учительской школе, окончивший курс в Казанском ветеринарном институте, известен как автор популярных брошюр на татарском языке по разным вопросам естествознания и хозяйства. Изданные им брошюры «Вода», «Земля», «Воздух», «Уход за лошадей» выписываются в большом количестве экземпляров Уфимской земской губернской управой для распространения среди татарского населения.

5) Мулла 5-й мечети г.Казани Галимзян Галеев, сын местного купца, пользуется уважением в казанском мусульманском обществе благодаря своей учености и средствам; закончив образование в местном медресе, Галеев ездил для усовершенствования в науках в Бухару и Константинополь.

Заняв место муллы при 5-й мечети, Галеев расширил старое медресе, улучшил обстановку живущих в нем шакирдов, устроив в медресе больничный покой и общую столовую; в Галеевском медресе, помимо богословских наук, преподаются и общеобразовательные предметы (история, география, математика), в существующих при медресе низших школах (мектебе – один для мальчиков, другой – для девочек) грамота преподается по новому методу по учебнику, составленному самим Галеевым. Выпускаемые Галеевской медресой шакирды, успевшие приобрести путем занятий с учениками помянутых мектебе педагогический навык, при протекции Галеева, занимают учительские места в уездах не только Казанской, но и соседних губерний, а затем делаются муллами. Благодаря значительному своему состоянию, Галеев имеет возможность оказывать материальную поддержку своим бывшим ученикам и платить иногда из своих средств жалованье преподавателям сельских татарских школ.

6) В числе видных ревнителей новометодничества следует назвать еще проживающего в Казани оренбургского купца Ахмеда Хусаинова, обладающего весьма значительным состоянием.

Будучи сам только грамотным человеком, Хусаинов, как и многие другие богатые мусульмане, всей душой предан делу образования своих единоверцев. В Оренбурге он содержит на свой счет реорганизованное медресе, в котором принята предметная система преподавания и введено изучение общеобразовательных наук. В Казанской губернии его поддержке обязаны своим существованием многие сельские школы (мектебы); он платит жалованье учителю, снабжает школу учебными пособиями и т.п. Кроме того, Хусаинов дает средства на издание книг в защиту новометодничества и учебных руководств.

7) В качестве издателей татарских книг нового направления известны также: купец Вале́й Бакиров, состоятельный человек, и братья Мухамедзян и Шарипзян Каримовы, владельцы татарской типографии.

Из школ с преподаванием по новому методу, кроме упомянутых мектебе при медресе муллы Галеева, можно назвать: в Казанском уезде – в дер. Чуваил Ковалинской области; учитель – крестьянин Симбирской губернии Шакирзян Хамидуллин, получает жалование от купца Ахмеда Хусаинова; заведует мектебом местный мулла Гадый Шамсутдинов; в Тетюшском уезде: в дер. Атабаевой Большекляринской волости, преподаватель – местный мулла Шаги-Мухаммед Усманов, известный как составитель азбуки по новой методе и наставления мусульманам о новой системе воспитания детей. Книжки эти изданы на средства названного выше купца Ахмеда Хусаинова и раздаются всем желающим учиться или учить по новому методу. Мулла Усманов получил образование в Азимовской медресе г. Казани; в дер. Идряс-Теникеевой Ильинско-Шонгутской волости, преподаватель – мулла Ахметзян Абдул-Гафаров, обучавшийся в Азимовской медресе г. Казани; в дер. Больших Клярях той же волости; преподаватель – мулла Шагимухамед Нурмухаметов, учившийся в Азимовской медресе; в дер. Клянчееве Большекляринской волости, преподаватель – мулла Шагабуддин Мифтахутдинов, учившийся в Буинской медресе Симбирской губернии; в дер. Большой Турме Шемякинской волости; преподаватель – мулла Зеитин Шарафутдинов, учившийся в Апанаевской медресе г. Казани.

В Спасском уезде три школы с преподаванием по новому методу. В с. Больших Тиганах мектебе открыт 15 октября 1899 г., преподаватель – сын местного муллы Харрас Богданов, учившийся сперва по старому методу в казанских медресах, а затем в реформированной медресе купца Хусаинова в Оренбурге. Жалование учителю и средства на учебные принадлежности дает поименованный Хусаинов. В с. Новых Челнах открыты две школы в октябре 1900 г.: одна на средства Чистопольского купца Зарифа Бадамшина, другая – местного зажиточного крестьянина Хайруллы Насырова; преподавателем в первой состоит крестьянин Чистопольского уезда Ахмет Закей Мустафин, а во второй – купеческий сын Негаметулла Шафигуллин, обучавшиеся оба в Чистопольском медресе.

В Мамадышском уезде, в деревне Чабы-Чуричах Абдинской волости мектеб открыт 25 ноября 1895 г.; преподаватель – мулла Мубаракша Фаттахутдинов, учившийся в Сатышевской медресе того же уезда.

В Цивильском уезде, в дер. Акзегитовой Ново-Ковалинской волости еще с 1870 г. на средства местного купца Загидуллы Шафигуллина существует мектеб, в котором в 1897 г. введено преподавание по новой методе. Преподавателем состоит крестьянин Чистопольского уезда Гарифуллы Хайруллин, обучавшийся в казанских медресах.

В Царевококшайском уезде существует три школы с преподаванием по новому методу: в дер. Киклове школа выстроена на средства местного крестьянина Гайнуллы Сабитова и содержит им же и другими родителями учеников. Преподаватель – местный мулла Нутфулла Себегатуллин; в дер. Служилой Уре школа существует на средства местного крестьянина Мухаметзяна Тагирова, проживающего в Казани; преподает грамоту местный мулла Самигуллы Себегатуллин; в дер. Старом Узюме особого школьного помещения нет, но мулла Абдул Касим Рахметуллин преподает грамоту по звуковому методу в своем доме.

Что касается остальных уездов с татарским населением (Чистопольский, Свияжский, Лаишевский и Чебоксарский), то здесь преподавание грамоты ведется муллами по прежней буквослагательной методе, несколько упрощенной применительно к учебнику Гаспринского; с чисто звуковой методой мало знакомы и сами муллы.

Если обратиться к вопросу об отношениях большинства татарского населения к новометодничеству, то прежде всего нужно отметить, что старая партия, руководимая настроенными в духе замкнутости и поклонения старым формам муллами, еще очень сильна. Считая новаторов людьми опасными для веры, а всякие новшества губительными для татарской народности, приверженцы старой партии борются с новаторами не только на практических путях, но и в литературе. В этом отношении интересна изданная в 1899 г. в Казани брошюра Мухуддинова, доказывающая, что новый метод, к которому автор относит не только звуковое обучение грамоте, но и все вообще новшества, укоренившиеся в последние годы в жизнь местных мусульман, идет в разрез с велениями Бога и пророков. Вспоминая старое арабское изречение, автор рекомендует бороться с представителями новизны силой.

Насколько крепки еще эти взгляды в среде татарского населения, показывает нижеследующий пример: в деревнях Кичкиняш и Уразлиной Царевококшайского уезда муллы-новаторы ввели в своих школах обучение по новому методу. Однако когда потребовалось расширить здание школы в первой деревне и отвести под нее новое место, то прихожане согласились на это только под условием возвращения к старой системе преподавания, хотя обучения по новой методе велось уже в течении 7 лет. В другой деревне, Уразлиной, крестьяне на другой же год после ведения новой методы принудили своего муллу вернуться к старым порядкам.

Собственно на литературном поприще успех в борьбе между двумя партиями клонится на сторону новаторов, насчитывающих в своем лагере немало образованных и развитых людей. Изданная в 1899 г. в Казани брошюра «Шакирд и студент», доказывающая путем сравнения между русской и татарской учащейся молодежью преимущества европейского образования пред узко-религиозным мусульманским, произвела сенсацию в местном мусульманском обществе и нанесла сильный удар старой партии.

По поводу сношений между представителями новометодничества и иностранными центрами мусульманской образованности надлежит заметить, что поездки местных татар за границу приурочиваются обыкновенно ко времени хаджа в Мекку и совершаются со специальной целью поклонения святыням; только не многие ездят в Константинополь, а также Бухару для усовершенствования в науках; некоторые муллы и купцы, как, например, упомянутые выше отец и сын Галеевы и мулла Апанаев, принимают живое участие в приезжающих в Казань иностранцах-единоверцах. Но сколько-нибудь серьезных фактов, которые указывали бы на сношения казанских новаторов с младо-турецкой партией нельзя привести.

Здесь необходимо еще сказать, что в движение, приурочиваемое к новому методу обучения, можно различить две струи. Центром, из которого выходит одна из них, служит Казанская татарская учительская школа Министерства народного просвещения. Выпускаемые ей воспитанники уносят с собой убеждение в необходимости для своих соплеменников русского языка и европейской культуры и своим постепенным влиянием на разных поприщах понемногу уничтожают кору фанатического отчуждения татар от всего русского.

Далеко не тот дух господствует в упомянутом выше Галеевском медресе, приготовляющем мулл. Вводимые в круг преподавания его общеобразовательные предметы и большая систематичность занятий едва ли служат целям приобщения мусульман к общей с русскими культуре. По крайней мере, неоднократно в прежние годы возбуждался вопрос о том, что ученики медресе и мектебов, устроенных Галеевым, уклоняются от посещения русских классов, и что Галеевы всячески стараются устранить свое медресе от контроля учебного начальства.

Хотя точных данных, доказывающих умышленное уклонение муллы Галеева от выполнения требований Министерства народного просвещения об обязательном изучении шакирдами русского языка, и не было установлено, тем не менее можно с уверенностью высказать, что от семьи Галеевых, судя по ее убеждениям, нельзя ожидать больших услуг в деле ассимиляции татарского населения.

Губернатор: подпись

Правитель канцелярии: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, л.85–88. Подлинник.

Опубликовано: Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С.145–147.

№ 32

Уведомление томского губернатора от 7 июня 1901 г. за №²⁸ в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие отношения от 31 декабря с.г. за №13434 имею честь уведомить Департамент полиции, что довольно многочисленное татарское население вверенной мне губернии, как ока-

²⁸ Номер написан неразборчиво.

залось по собранным сведениям, не обнаруживает высокого стремления к просвещению и продолжает пребывать верным старым обычаям, унаследованным от предков.

Всякое новаторство, будь то на почве науки или на почве изменения установленных укладом жизни обычаев, принимается мусульманским населением с недоверием и даже с некоторою враждебностью; каждое населенное место имеет свою школу, где обучение ведется муллой или другим грамотным, по выбору общества, лицом, причем само обучение не идет далее чтения Корана; имеющиеся учебники преимущественно издания типографии «Черновой» в г.Казани²⁹. Что касается изданий Гаспринского в Бахчисарае, то таковые стали в последнее время появляться в Мариинском уезде, проводником и ярким защитником их является бывший мулла селения Шулдат Касмя Осин. Названное лицо в разговорах со своими единовверцами проводит мысль, что муллы из-за отсутствия образования искажают Коран, что поэтому существующая система обучения недостаточна, что следует изыскать средства для поднятия умственного кругозора населения вообще, а мулл как распространителей просвещения, в частности, и что таковым средством могут служить метод обучения Гаспринского и отрешение от укоренившихся предрассудков.

Исходя из указанного положения, упомянутый Осин стал вводить учение Гаспринского, но население встретило это новшество враждебно, и общество, сменившее Осина, избрало учителем другое лицо. Кроме желаний ввести новый учебник, за Осиним ничего предсудительного не замечалось, и в данное время он не пользуется никаким влиянием на окружающих. Из газет на тюркском наречии в Томской губернии получают следующие: в г.Томске доверенный купца Березницкого Абубакиров получает газету «Lewet» (аттаманская иллюстрация), издающуюся в Константинополе на турецком языке, и в селениях – Шемонанде Змеиногорского уезда и Янсуле Мариинского уезда получается по 1 экземпляру газета «Переводчик» на татарском языке, издающаяся в Бахчисарае. Столь незначительное количество периодических изданий, получаемых сравнительно многочисленным татарским населением губернии, в достаточной мере свидетельствует о степени его развития и стремлении к просвещению; лиц, которые выступают в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, не обнаружено. Что касается нового умственного и общественного движения, возникшего в среде мусульманского населения империи, то такового в Томской губернии не замечается, и население продолжает оставаться верным заветам своих предков; если бы новые веяния и появились среди магометанского населения губернии, то трудно предположить, чтобы они не были в тот час же обнаружены, как само население состоит вероятно против них надежным оплотом и будет искать поддержки у местной администрации.

В настоящее время во вверенной мне губернии существует 3 училища, в коих обучаются инородцы-магометане, именно: 1. Томско-казанское сельское училище Министерства внутренних дел, открытое в 1875 г.; преподавательницей в нем состоит имеющая звание начальной учительницы Надежда Саймон-Симович; преподавание русского языка ведется по звуковой методе; кроме русского языка преподаются арифметика и закон Божий – магометанской веры. Учебная часть находится в ведении инспектора народных училищ I района Томской губернии.

2. Теплореченское сельское училище Министерства внутренних дел Почитанской волости Мариинского уезда, открытое в 1878 г. блюстителем, учителем и законоучителем этого училища с утверждения губернатора состоит имам I Теплореченской соборной мечети Литфулла Курмашев, получивший образование в Оренбургском магометанском духовном собрании и

3. Частное магометанское училище в г.Томске, открытое в 1897 г., содержится на средства Томского магометанского общества и состоит в ведении учебного ведомства. Учителем в нем временно состоит имеющий звание первоначального учителя студент Томского университета Миткевич, владеющий татарским языком.

Преподавание закона Божия магометанской веры ведется муллами и имамами на татарском и арабском языках, преподавание же русского языка и арифметики на русском языке.

Губернатор: подпись

Советник: подпись

Делопроизводитель: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, л.108–109. Подлинник.

²⁹ Речь идет о типографии наследников М.А.Чирковой, которая выполняла заказы татарских издателей.

№ 33

**Уведомление уфимского губернатора от 1 ноября 1900 г. за №159
в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах**

Совершенно секретно

В Департамент полиции

На циркулярное предложение от 31 декабря 1900 г. за №13421 имею честь представить департаменту для доклада господину министру внутренних дел следующие сведения:

Мусульманская интеллигенция Уфимской губернии количественно крайне невелика, так как лиц получивших высшее и даже среднее образование, в среде ее весьма немного. Я не располагаю никакими сведениями, которые давали бы мне основания с точностью указать на существующую между этой интеллигенцией и деятелями вроде Гаспринского связь.

Учебники Гаспринского в школах Уфимской губернии не распространены. Это приходилось согласно наблюдать и мне, и Дирекции народных училищ; то же удостоверял мне при нескольких случайных разговорах и оренбургский муфтий Султанов.

Газета Гаспринского «Переводчик» выписывается в губернии многими магометанами как одна из немногочисленных народных существующих в России, но для массы населения она даже не весьма понятна, так как ее татарский язык в значительном мере разнится от башкирского наречия.

Что касается до мусульманских школ, существующих в губернии, то это все обыкновенные медресе и мектебе, и я полагаю, что в отношении массы уфимского магометанского населения более опасным представляется фанатизм старых мулл, чем новые учения, подобные идеям Гаспринского, малопонятные еще народной массе.

При местной замкнутости магометан крайне трудно дать им точный отчет о настроении отдельных элементов этой среды; свои же предыдущие заключения я основываю на следующих фактах, мне известных:

1) на обстоятельстве переписного бунта 1897 г. в Мензелинском и Белебеевском уездах, выяснивших крайнее невежество магометанских масс и полное отсутствие в их среде не только каких-либо ново-татарских движений, но и возможность понимания истинных целей даже таких мер, как народная перепись;

2) на деятельности представителей магометанского населения, имеющих среди крестьянских и земских учреждений губернии, каковыми лицами почти всецело исчерпывается на личный состав местной мусульманской интеллигенции. Из этих деятелей: 2 земских начальника были лица с высшим образованием и весьма просвещенные могут быть безусловно причислены к благонадежным административным деятелям губернии. Представители же земства из магометан по большей части очень ограниченного образования и развития; доказательством же могут служить тексты их заявлений в земских собраниях, свидетельствующие, скорее, об узком фанатизме: например, требование исключить из русско-татарской женской школы девочек-христианок³⁰; чем об увлечении какими-либо национально-либеральными идеями;

3) на характеры местного состава магометанского духовенства губернии, сплошь состоящего (кроме муфтия Султанова, лица высшего образования³¹, высшего мирового судьи) из лиц малообразованных и даже вполне невежественных, причем старейшие из мулл, несомненно, отличаются упорным фанатизмом; наряду с этим у большинства их личный интерес стоит всегда на первом плане: когда в Бирском уезде мулле учителю Корана в русско-татарской школе стали платить за уроки подобно православному священнику, местные муллы немедленно заявили желание и у себя завести русско-татарские школы.

Все изложенное приводит меня к тому окончательному выводу, что в настоящее время не имеется достаточных данных усматривать распространение вредных идей Гаспринского в среде магометан Уфимской губернии. Но, несомненно, проявляющаяся склонность части мусульманского духовенства к религиозно-фанатической агитации требует тщательного за собой наблюдения, являясь тем более опасной, что в темной и невежественной массе местных маго-

³⁰ Авт. см.: Это требование было заявлено перед Белебеевским уездным земским собранием 1900 г. гласным из магометан Сыртлановым.

³¹ М.Султанов имел среднее образование.

метан агитация эта легко может по самому пустому поводу вызвать сильные беспорядки, как то и было при начале народной переписи в январе 1897 г.

Губернатор: подпись

Управляющий канцелярией: подпись

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898 г.) д.11, ч.3, л.133–134. Подлинник.

Опубликовано: Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С.151–153.

№ 34

Уведомление симбирского губернатора от 19 ноября 1901 г. за №369 в департамент полиции о новометодных мусульманских училищах

Совершенно секретно

В Департамент полиции

Вследствие циркулярного предложения от 31 декабря минувшего года за №13.416 имею честь уведомить департамент полиции, что местное татарское население, занимающееся исключительно земледельческим трудом, находится на весьма низкой ступени умственного развития и в общей своей массе стоит вдаль как от всякого прогрессистского движения, так равно и от всех вопросов политического характера, ревниво оберегая от всяких нововведений сложившиеся веками традиции на почве религиозных воззрений.

Обучение в существующих в губернии татарских училищах – «медресе» и «мектебе» – ведется, за незначительными исключениями, о которых будет упомянуто ниже, по старой системе под ближайшим руководством и заведыванием мулл, твердо придерживающихся старины.

Что касается нового метода обучения грамоте по учебникам Исмаила Гаспринского и других, подходящих к нему методах, то такому громадному большинству местных татар он совершенно неизвестен. Мнения же отдельных лиц, знакомых с этими методами, сводятся к следующему. Большинство мулл, а под их влиянием и простое татарское население, относятся к этим методам враждебно, усматривая в них отступление от истинного мусульманского учения, тем более, что в новых азбуках прибавлено 9 новых букв, что служит явным нарушением догматов магометанства. По мнению других немногих лиц из представителей татарства, новый метод собственно по учебникам Гаспринского хотя и признается с педагогической точки зрения наиболее удобным, как дающий возможность скорейшего обучения грамоте, но применение его встречает некоторые существенные затруднения в том отношении, что наречие крымских татар, на котором составлены упомянутые учебники, отличается от наречия казанских татар. Кроме того, введение нового метода требует затрат на известную обстановку школ и на приобретение книг, а также вызывает необходимость назначения особых учителей ввиду того, что муллы, постоянно отвлекаемые от занятий в школах исполнением разных духовных треб, лишены возможности вести строго систематическое преподавание, положенное в основание новых методов.

Приводя настоящие преобладающие, так сказать, взгляды местных татар на обучение по новым методам, тем не менее нельзя обойти молчанием, что методы эти хотя и в слабой еще степени, но начинают проникать в местную татарскую среду. Всего с преподаванием по новому методу существует в Симбирской губернии шесть татарских училищ (список коих при сем прилагается). Из них два училища при суконных фабриках Акчурина – в Карсунском, и Хусаинова – в Симбирском уездах устроены исключительно для детей фабричных рабочих и рассчитаны на ограниченное число учащихся; остальные четыре, разбросанные в разных местностях губернии, возникли в недавнее сравнительно времени, в период с 1897 по 1901 г. Открытие этих училищ на первых порах было встречено татарским населением весьма несочувственно, и только благодаря настойчивым трудам лиц, заведывающих училищами, и успехах учащихся число последних постепенно увеличилось. Но несмотря на видимый успех, сфера влияния сих училищ ограничивается пока самыми небольшими районами в составе одного-двух ближайших селений. Остальное татарство, руководимое муллами старых понятий, остается чуждым всяких нововведений и, судя по преобладающему враждебному отношению к новому методу обучения, потребуются значительное время для того, чтобы метод этот получил здесь права гражданства.

Что касается образа мыслей и направления лиц, заведующих упомянутыми училищами и пропагандирующих новый метод обучения татарской грамоте, то насколько выяснилось путем

наблюдения за их деятельностью и личными сношениями, лица эти, занимая должности мулл, стоят вне всякого политического движения и участия в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений. Равно нет основания также полагать, чтобы они имели сношение с младо-турками и заграничными мусульманскими центрами. Главнейшим поводом к переходу от старого метода к новым послужило несомненное превосходство последних в педагогическом отношении как значительно облегчающих обучение и дающих возможность расширить круг преподавания. <...>

Симбирский губернатор: подпись

За правителя канцелярии старший помощник: подпись

Таблица 3

**Список существующих в Симбирской губернии татарских школ,
в коих введено обучение по новым методам³²**

№	Название селений, в коих существует школа	С какого времени введен новый метод обучения	Кто состоит преподавателем
	Симбирский уезд		
1	дер. Большие Тарханы	в 1897 г.	Местный мулла Авуздах Хакимов 27 лет, получивший образование в Самарском мусульманском училище
2	Суконная фабрика казанского купца Ахмет Галима Хусаинова при дер. Екатериновке	в 1898 г.	Крестьянин дер. Теплого Стана Ставропольского уезда Самарской губернии Мустафа Мухамет Хакимов, получивший образование в Самарском мусульманском училище
	Буинский уезд		
3	дер. Новые Тенчали	в 1900 г.	Местный мулла Айзетдин Бурганетдинов, получивший образование в Казанском ахунском медресе.
4	дер. Бикмурасы	в 1901 г.	Местный мулла Абдул Саматов Шарафетдинов, получивший образование в Буинском татарском училище
	Карсунский уезд		
5	Суконная фабрика Тимербулата Акчурина при с-це Гурьевке	в 1897 г.	Местный мулла Саляхетдин Юсупов Кадерметов и турецкий подданный Осман эфенди, получивший образование в Константинополе
	Курмышский уезд		
6	дер. Собачий Остров	в 1898 г.	Местный мулла Мухимнат Хабибуллов, получивший образование в Казанском татарском ахунском училище

Губернатор: подпись

За правителя канцелярии: подпись
(старший помощник)

Источник: ГАРФ, ф.102, ДП00, оп.226, (1898) д.11, ч.3, л.149–151об. Подлинник.

³² Приложение и уведомление симбирского губернатора от 19 ноября 1901 г. за №369.

№ 35

**Прошение вдовы статского советника Хадичи Шагиахметовой Ахмеровой,
жены подполковника Хадичи Абдуловой Абдрахмановой, жены полковника Мансуровой,
домашних наставниц Ахмеровой и Абдрахмановой на имя попечителя КУО
от 7 ноября 1900 г. о разрешении открытия начального училища для обучения
татарских девочек русскому языку и грамоте**

В настоящее время в татарском населении Казанского учебного округа русская грамотность распространяется через открываемые по почину правительства городскими и земскими управами начальные училища для татарских мальчиков, а между тем для обучения татарских девочек во всем учебном округе нет ни одного училища.

Сознавая всю пользу знания русской грамоты для девочек мусульманского населения мы пришли к убеждению, что было бы весьма желательно открыть в городе Казани, как в центре Поволжского мусульманства, начальные училища для обучения в нем татарских девочек русскому языку и грамотности, а также рукоделию, столь необходимому в домашней жизни.

Не имея собственных средств на содержание такой школы и не рассчитывая на первых порах на сбор платы за обучение, мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к Вашему превосходительству с просьбой, не признаете ли вы возможным возбудить ходатайство об открытии русского училища для татарских девочек в г.Казани на средства Министерства народного просвещения.

Ноября 7 1900 г.

Подписи: Вдова статского советника Хадича Шагиахметовна Ахмерова

Домашняя наставница Маги-Парваз Ахмерова

Жена подполковника артиллерии Хадича Абдуллоевна Абдрахманова

Домашняя наставница Марьям Абдрахманова

Жена полковника Гайна Камиль Мансурова

Источник: НА РТ, ф.92, оп.2, д.443, л.10–10об. Подлинник.

№ 36

Прогресс среди Вятских мусульман

В среде вятских мусульман в последнее время замечается заметное стремление к прогрессу.

<...> Улучшение мусульманских мектебе и медресе, небывалое распространение книг светского характера, рассчитанных на массового читателя, нарастание числа учащихся в русско-татарских школах, где они существуют, а так же ряд других фактов этого рода – все это, по нашему мнению, является несомненным показателем того, что традиционное воззрение мусульманской жизни удовлетворяет далеко не все слои народной массы и при том, надо заметить, что она в последнее время, более чем когда-либо, состоит далеко не из одних бритых «Абдулок» и закутанных в чапане «Бибиек», как это по рутине принято думать в русском обществе. Давно ли деревенские мусульмане содержать мектебе считали излишней для себя обузой; теперь же мусульмане признают ее насущно необходимой, а некоторые мусульманские селения решились даже пустить к себе и земские русско-татарские школы. Лучшим доказательством этого служит еще тот отрадный факт среди мусульман, что женское образование начинает принимать более благоприятный вид. Лет пять-шесть тому назад в Вятской губернии не было ни одной более или менее порядочно обставленной мусульманской женской школы, где бы преподавание велось по звуковому методу и преподавались бы, кроме магометанской веры, общеобразовательные предметы вроде арифметики, географии, истории. Теперь они существуют. Таково, например, Ижбобинское женское мектебе (Сарапульского уезда Вятской губ.). Здесь прежде преподавание велось по старому «буквенному» методу, предметы светского характера не имели места, и число учениц никогда не превышало двадцати и двадцати пяти. Теперь же здесь благодаря образованной учительнице г-же Камиле Нигманизилиной³³ преподавание введено по звуковому методу «усуле-джадит». Учащиеся теперь научаются грамоте в несколько месяцев, на что прежде, когда преподавание велось по старому, буквенному методу,

³³ По всей видимости здесь произошла опечатка, имеется в виду Камиля Нигматуллина.

требовались долгие томительные годы. Главным пособием для учащихся здесь служит недавно вышедший в свет учебник татарского языка под заглавием «Мугаллим авваль» (1-я книга для обучения) г.Гадия Максютова и для чтения «Кириаять-тюрки» (хрестоматия) г.Нигманизилина. Кроме магометанского вероучения и татарской грамоты преподаются здесь еще вкратце арифметика, география, древняя и новая история и изучаются наизусть стихи среднеазиатских классиков. Наряду с ними и некоторые сочинения русских писателей в переводе, например, басни Крылова «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и др.

Ижбобинская реформированная школа в нынешний учебный год как-то особенно обратила на себя внимание местных мусульман, в первую же неделю учения (занятие в мусульманских мектебах начинаются обыкновенно в сентябре месяце) привлекло в свои стены до 70 мусульманских девушек. Словом, в Ижбобинском женском училище дело идет весьма хорошо, доказательством чего служит испытание, произведенное ныне в январе месяце заинтересовавшимися мусульманами. Экзамен дал прекрасные результаты. Желательно, чтобы г-жа Камиля Нигматуллина развила свое дело шире и дальше и не остановилась бы перед прекрасно начатом делом. Сознание, что учение поможет хотя бы десяти, двадцати мусульманским девушкам встать на ноги, оглянуться вокруг себя и сделаться порядочными, честными и, если не образованными, то, по крайней мере, просто грамотными и свободными людьми, – лучшая награда для добрых мусульманок за их дорогое сочувствие в трудное, критическое время, переживаемое женщинами мусульманками в их невежественный и рабский период жизни!

Исаак

Источник: Приложения к Вятским губернским ведомостям. 1901. №43.

***Учащиеся-мусульмане в государственных светских учебных заведениях
Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.
в свете государственной статистики***

№ 37

Таблица 4

**Численность учащихся-мусульман в гимназиях и других
средних учебных заведениях к 1 января 1865 г.**

Наименование учебных заведений	Общее число	Учащиеся по вероисповеданиям					
		правосл.	рим.-катол.	протестантов	арм.-грегор.	иудейск.	магометан
Гимназия Первая С.-Петербургская	301	258	20	22	1	–	–
« Вторая »	458	372	24	60	–	2	–
« Третья »	405	364	9	29	2	–	1
« Ларинская »	378	317	9	51	–	–	1
« Пятая »	418	342	33	40	–	3	–
« Шестая »	207	179	5	21	–	1	1
« Седьмая »	298	245	8	43	–	2	–
Гимназия Кронштадтская	181	164	2	14	–	–	1
« Первая Казанская	201	181	5	4	–	–	11
« Астраханская	164	142	4	5	10	–	3 ³⁴
« Оренбургская	203	193	3	2	–	–	5
« Симферопольская	317	317	24	18	14	59	2
Прогимназия Виленская	202	14	171	2	–	14	1
« Динабургская	178	59	92	15	–	10	2
« Ковенская	264	62	120	22	–	58	2
« Минская	310	95	169	9	–	26	11
« Свенцянская	145	13	120	1	–	9	2
« Гродненская	164	50	98	8	–	7	1

³⁴ Авт. сн.: Из них 2 язычника.

« Слуцкая	191	38	104	39	–	9	1
« Иркутская ³⁵	219	213	5	–	–	–	1 ³⁶
Итого по России	26789	19123	4161	2430	37	990	48 ³⁷

Источник: Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах. СПб., 1865. С.266–275. Приложение №14.

№ 38

Таблица 5

Численность учащихся-мусульман в уездных училищах к 1-му января 1865 г.

Уездные училища	Общее число	Число учащихся по вероисповеданиям				
		правосл.	рим.-католич.	протестант.	иудейск.	магомет.
В 43 уездн. учил. С.-Петерб. уч. округа	2400	2341	14	43	1	1
В 86 уезд. уч. Московск. округа	5158	5150 ³⁸	7	1	–	–
Казанский уч. округ						
Саратовская губерния						
Хвалынское	45	44 ³⁹	–	–	–	1
Самарская губерния						
Бугульминское	60	41	–	–	–	19 ⁴⁰
Бугурусланское	71	70 ⁴¹	–	–	–	1
Оренбургская губерния						
Уфимское	133	116	–	–	–	17 ⁴²
Челябинское	54	28	–	–	–	26
Троицкое	52	52	–	–	–	–
Оренбургское	114	92	–	–	–	22
Бирское	68	42	–	–	–	26 ⁴³
Мензелинское	71	45	–	–	–	26 ⁴⁴
В 82 уездн. училищ. Казанского уч. округа	4783	4635 ⁴⁵	6	1	3	138 ⁴⁶
В 67 уезд. училищ Харьковского округа	3378	3355 ⁴⁷	5	2	1	15 ⁴⁸
Одесский уч. округ						
Таврическая губерния						
Симферопольское	51	48	1	1	–	1
В 33 уездн. учил. Одесского округа	1649	1539 ⁴⁹	37	4	69	1
Е. Киевский учебный округ						
Киевская губерния						
Киевское	46	45	–	–	–	1
Волынская губерния						

³⁵ Авт. сн.: Сведения об ней относятся к сентябрю 11864 года.

³⁶ Авт. сн.: Ламайского вероисповедания.

³⁷ Авт. сн.: В том числе 45 магометан и 3 язычника.

³⁸ Авт. сн.: В том числе 7 старообрядцев 11 раскольников.

³⁹ Авт. сн.: Из них 4 раскольника.

⁴⁰ Авт. сн.: Из них 10 язычников.

⁴¹ Авт. сн.: Из них 1 раскольник.

⁴² Авт. сн.: Из них 2 идолопоклонника.

⁴³ Авт. сн.: Из них 8 язычников.

⁴⁴ Авт. сн.: Из них 6 язычников.

⁴⁵ Авт. сн.: В том числе 1 молокан, 11 раскольников и 79 армяно-грегориан.

⁴⁶ Авт. сн.: В том числе 26 язычников.

⁴⁷ Авт. сн.: В том числе 1 армяно-грегор. испов.

⁴⁸ Авт. сн.: Идолопоклонники.

⁴⁹ Авт. сн.: Из них 50 армяно-грегориан и 2 раскольника.

Теофильпольск. двор	103	30	59	–	12	2
В 42 учил. Киевского уч. округа	2408	1931	366	9	99	3
Виленский уч. округ						
Гродненская губерния						
Слонимское дворянск	89	11	68	1	1	8
Белостокская губерния						
Брестское дворян	53	29	19	1	3	1
В 20 учил. Виленского уч. округа	1357	715	525	13	95	9
В 20 учил. Дерптского уч. округа	1449	105	29	1266	49	–
Западная Сибирь						
Тобольская губерния						
Ялуторовское	38	37	–	–	–	1
Тюменское	72	71	–	–	–	1
В 13 учил. Западной Сибири	635	628	1	–	4	2
Восточная Сибирь						
Иркутское	153	152	–	–	–	1 ⁵⁰
Порчинское	58	54	1	–	–	4 ⁵¹
		52	1	–	–	7 ⁵²
В 10 учил. Восточной Сибири	735	720	1	–	2	12 ⁵³

Источник: Обзор деятельности МНП и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах. СПб., 1865. С.284–319. Приложение №15.

№ 39

Таблица 6

Численность учащихся мусульман в мужских гимназиях и прогимназиях в начале XX в.

Учебные округа и ген.-губернаторства	Статус учебного заведения	1902 г.		1909 г.		1912 г.	
		мус.	в %	мус.	в %	мус.	в %
С.-Петербургский	гимназия	6	0,06	12	0,1	11	0,08
	прогим.	–		–		–	
Московский	гимназия	6	0,04	7	0,04	7	0,04
	прогим.	–		–		–	
Харьковский	гимназия	–		2	0,01	19	0,15
	прогим.	х*		–		х	
Одесский	гимназия	27	0,31	23	0,2	91	0,7
	прогим.	х		–		–	
Киевский	гимназия	6	0,06	16	0,12	19	0,12
	прогим.	х		–		–	
Виленский	гимназия	38	0,7	39	0,58	43	503
	прогим.	х		–		х	
Казанский	гимназия	12	0,29	15	0,31	32	0,48
	прогим.	х		1	0,3	х	
Оренбургский	гимназия	43	1,99	58	2,07	75	2,3
	прогим.	х		6	2,02	6	0,99
Кавказский	гимназия	314	3,97	587	6,04	609	5,24
	прогим.	х		49	3,7	47	0,06
Рижский	гимназия	–		1	0,02	1	002
	прогим.	х		–		–	

⁵⁰ Авт. сн.: Идолопоклонник.

⁵¹ Авт. сн.: Ламайского вероисповедания.

⁵² Авт. сн.: Ламайского вероисповедания.

⁵³ Авт. сн.: Все ламайского вероисповедания.

Варшавский	гимназия	7	0,06	11	0,14	11	0,1
	прогим.	х		–		–	
Западно-Сибирский	гимназия	16	1,16	19	1,24	19	0,97
Иркутское ген.-губернаторство	гимназия	х		1	0,06	7	0,33
Туркестанское ген.-губернаторство	гимназия	61	4,63	85	4,25	71	3,38
	прогим.	х		х		3	1,8
Приамурское генерал-губернаторство	гимназия	х		2	0,2	2	0,17
Итого	гимназия	536		878	0,83	1000	0,78
	прогим.	–		56	0,86	56	0,98
Всего		536	0,58	934	0,08	1056	0,79

* х – данный тип учебного заведения отсутствует в учебном округе или генерал-губернаторстве.

Источник: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1902 год. СПб., 1904. Приложение. Ведомость №8. С.14–17; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1908 год. СПб., 1910. Приложение. Ведомость №30. С.50–53; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1911 год. СПб., 1913. Приложение. Ведомость №30. С.50–53.

№ 40

Таблица 7

Численность учащихся мусульман в реальных училищах, ремесленных училищах, школах ремесленных учеников и низших ремесленных училищах в начале XX в.

Учебные округа и генерал-губернаторства	Реальные училища			Ремесл. уч-ща, школы ремесл. учеников		Средние и низшие технические уч-ща	
	1902 г.	1909 г.	1912 г.	1909 г.	1912 г.	1909 г.	1912 г.
С.Петербургский	2	11	20	–	–	–	–
Московский	10	11	12	–	–	7	20
Харьковский	–	1	5	–	–	1	–
Одесский	7	2	5	3	8	1	–
Киевский	1	5	4	–	–	1	1
Виленский	24	22	23	–	1	–	–
Казанский	18	25	29	3	13	–	3
Оренбургский	10	47	88	39	48	10	7
Кавказский	404	785	957	104	132	16	29
Рижский	–	1	2	–	–	–	–
Варшавский	–	–	–	1	1	–	–
Западно-Сибирский		6	11	–	–	–	–
Иркутское генерал-губернаторство		2	6	–	–	2	4
Туркестанское генерал-губернаторство	13	4	6	–	–	–	–
Приамурское генерал-губернаторство		3	5	–	–	–	–
Итого	489	925	1173	150	203	38	64
Итого в % ко всем	1,1	1,5	1,6	1,0	1,2	0,4	0,6

Источник: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1902 год. СПб., 1904. Ведомость №8. С.14–17; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1908 год. СПб., 1910. Приложение. Ведомость №21, 36. С.35, 215–219; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1911 год. СПб., 1913. Приложение. Ведомость №21, 36. С.35, 215–219.

Материалы подготовили Ильдус Загидуллин, Халида Багаутдинова, Радик Исхаков

§ 2. Крещенные татары

Период XIX – начало XX в. стал для крещенных татар временем глобальных изменений в социокультурной парадигме развития, характеризовавшегося переходом от традиционной (этнической) к «высокой» культуре. Этот процесс сопровождался постепенным разрушением основ их сельского патриархального общества, появлением самобытной системы просвещения, прослойки городской и сельской интеллигенции, зарождением литературной традиции, основанной на кириллическом алфавите, значительными изменениями в религиозных представлениях. Наиболее существенным фактором, повлиявшим на культурную трансформацию крещено-татарского общества, было становление у них системы начального и среднего профессионального (православного) образования. Созданная миссионерами как основной канал продвижения православной идеологии, на рубеже XIX–XX вв. начальная школа стала для крещенных татар основой культурной мобилизации. Школьное просвещение крещенных татар неразрывно связано с личностью миссионера и ученого-востоковеда Н.И.Ильминского. Впервые идея по широкому внедрению миссионерских школ для крещенных татар и открытию специального центрального учебного заведения для подготовки педагогических кадров для них была высказана им в его отчете о поездке по татарским селениям (1856 г.), адресованном казанскому архиепископу Григорию (Постникову). Впоследствии на основе этой идеи им была сформулирована и внедрена в практику новая миссионерско-просветительская система. Важным этапом в становлении системы Ильминского стало создание в 1863 г. Казанской центральной крещено-татарской школы, на базе которой путем проб и ошибок создавалась теоретическая и практическая основа новой просветительской идеологии. Сам Ильминский широко освещал историю развития этого учебного заведения в ряде своих статей, опубликованных на страницах местной и центральной печати, а в 1887 г. вышедших в виде отдельного сборника, посвященного КЦКТШ. В них подробно освещаются как основные вехи в истории КЦКТШ, так и центральные идеи, положенные в основу системы Ильминского, помогающие осмыслить и проанализировать нововведения миссионера-просветителя. Эти публикации вызвали дискуссию в органах власти и обществе. В ходе широкого обсуждения система Ильминского была признана имперским руководством и стала основой школьной и миссионерской политики среди крещенных нерусских народов восточной России, что нашло отражение в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. С этого времени происходит повсеместное распространение сети крещенских начальных профессиональных школ. Основными источниками по истории их развития являются делопроизводственные материалы, подготовленные для вышестоящих органов чиновниками ММП, МВД, миссионерами и священнослужителями, в которых показано функционирование этих учебных заведений, их культурное и религиозное влияние на местное население. Не менее значимым документальным комплексом является переписка Н.И.Ильминского со своими воспитанниками, ставшими после обучения в КЦКТШ и КУС учителями и священнослужителями в крещено-татарских селениях. Уникальность этим источникам придает их персонифицированный характер, помогающий посмотреть на историю школьного просвещения крещен глазами непосредственных участников событий, оценить сложные перипетии культурно-религиозных процессов, протекавших среди представителей этой этноконфессиональной общности в XIX – начале XX в.

Радик Исхаков

№ 41

Извлечение из отчета бакалавра КДА Н.И.Ильминского о поездке по татарским селениям (1856 г.)

Училища православные для сельских жителей должны составлять лучшие и главнейшие средства к христианскому просвещению народа и к соединению разномыслящих в единомыслии православия. В Мамадыше есть так называемое центральное училище, в него на казенный счет собирают сирот разных языков и вер из разных уездов Казанской губернии, до 20 человек. Они все помещаются в общей квартире, одеваются и кормятся за счет казны. Время воспитания положено в продолжение шести лет. Учатся русской грамоте по русским букварям, затем изучают «Начатки христианского учения» и, наконец, чтения из Библии; притом учатся арифме-

тике и письму. Хотя бы ученик был мусульманином, но он должен заучивать христианские молитвы и катехизис. Они должны говорить непременно по-русски. В продолжение шести лет все они совершенно делаются русскими, и были примеры, что татарские и другие некрещенные мальчики по окончании своего курса изъявляли желание принять св.крещение. Эти мальчики по окончании своего курса поступают в распоряжение Казанской палаты государственных имуществ и делаются писарями. Это училище служит ясным доказательством, какое решительно влияние на инородцев могут иметь училища, где они воспитываются в известных понятиях и правилах с малолетства. На моей дороге в приходах, где много старокрещеных татар, находились следующие приходские училища: в Абдях⁵⁴, в Юкачах⁵⁵, в Урясь-Учах⁵⁶, в Юмье⁵⁷, в Чуре⁵⁸, прибавлю по старой памяти училище в селе Карабаянах⁵⁹ Лаишевского уезда. По своему числу сельские приходские училища могут быть на первый раз достаточны, но они имеют следующие неудобства и неисправности.

Народ еще не привык к образованию школьному и не понимает пользы его. Не понимая пользы учения, крестьяне большею частью неохотно отдают своих детей в училища. Притом жители других деревень должны для своих детей нанимать квартиры в селе, где есть училище, и платить в месяц по рублю ассигнациями, что для бедных обременительно. К этому прибавить должно, что мальчик во время учения не может помогать отцу своему в домашних занятиях. Мальчики не расположены к учению по естественному в детском возрасте свойству лениться и бегать грамотки. Если из наличных учеников один или двое из какой-либо деревни не являлись в класс в продолжение нескольких дней, то, глядя на них, оставляют класс и другие. От этого ученики (по крайней мере, многие из них) посещают класс непостоянно: неделю ходят, неделю пропустят. Угрозы или строгость учителя могут только больше удалить детей от науки. Поэтому учителя обращаются к сельским властям, чтобы староста или писарь побудил мальчиков ходить в училища, а родителей – не держать их в доме или вновь отдавать детей. К сожалению, сельские начальники частью не брегут об этом важном деле, частью пользуются этим обстоятельством для взяточничества, [а] именно: они позволяют за небольшие деньги откупать мальчиков от учения (точно так же поступают в деревнях с оспопрививателями). И многократная переписка учителей с управами остается нередко напрасною, так что учителя, наконец, перестают обращаться со своими отношениями к сельским начальникам. Следовательно, этому злу могут помочь только благонамеренность и неусыпная заботливость окружных начальников.

По распоряжению Министерства государственных имуществ должно добровольно располагать крестьян к обучению детей и нисколько их не стеснять, не приневоливать. Но выше было видно, как эта гуманность, взятая, может быть, с немецких нравов, пристаёт к русскому мужику. То же министерство имеет обыкновение, как заметит, что в каком-либо училище мало учеников, закрывать самое училище, и его вновь открыть можно не иначе как после долгой переписки и ходатайств. Таким образом закрыто училище в селе Абдях, и теперь там диакон безвозмездно обучает детей. В селе Карабаянах училище, как я слышал, закрыто, что будто бы произошло вследствие несогласия между священником и дьяконом о том, кому преподавать, т.е. получать жалованье за преподавание. Это распоряжение Министерства государственных имуществ, очевидно, неблагоприятно: должно всячески поддерживать училища. Если малое число учеников зависит от неохоты учиться, то употребить отчасти принуждение или дать время, чтобы малопомалу крестьяне свыклись с училищами; если же от другого или от жестокого учителя, то заменить учителя другим, лучшим, а не лишать целый край всякого способа к учению.

Другое неудобство училищ состоит в учителях. Я заметил, что учителями большею частью местные священники, и должен сознаться, что, кажется, не усердие к просвещению своих прихожан, а больше денежные расчеты руководят при этом священником. Но священники, по обширности и многолюдности приходов, никак не могут довольно заниматься классом, от того учение должно идти медленно. Было бы лучше, если бы священники были только наблюдателями и преподавали сами Закон Божий, а другие сведения преподавались другим человеком. Так как учителя бывают в училищах, так сказать, набегом, то все преподавание ограничивается чтением, пись-

⁵⁴ Современное с.Абди Тюлячинского р-на РТ.

⁵⁵ Современное с.Юкачи Мамадышского р-на РТ.

⁵⁶ Современное с.Урясь-Учи Кукморского р-на РТ.

⁵⁷ Современное с.Ошгорма Юмья Кукморского р-на РТ.

⁵⁸ Современное с.Село-Чура Кукморского р-на РТ.

⁵⁹ Современное с.Карабаян Тюлячинского р-на РТ.

мом, арифметикой. Но других сведений нравственно-религиозного образования вовсе, кажется, не сообщается ученикам. Что особенно странно, не учат мальчиков церковной грамоте. Мне кажется, что приучение к церковным книгам и пению, так чтобы они становились на клирос в церкви, читали и пели, – может быть полезно для крестьян. Разумеется, понемногу должно разъяснять им смысл церковно-славянских верований, особенно наиболее часто употребляемых в церкви, каковы, напр., ектении⁶⁰ и т[ому] под[обное]. Это приучило бы к церкви и к православию, расположило бы ходить в церковь, сделало бы храм Божий прямым училищем для поселян, которым недостает других источников к просвещению. Я помню, что в горах Ливана сами прихожане отправляют обязанности причетников. В одном месте я полюбовался, как дети, человек десять, вышли на средину церкви, по два в ряд, и поочередно прочитали, и все наизусть, кафизмы⁶¹. У нас между тем поселяне имеют какое-то нерасположение становиться на клирос.

Из печатного циркулярного реестра книг, который находится в каждом училище, видно, что начальство заботится снабдить сельские училища многими книгами, какие только у нас можно предложить для чтения поселянам; в том числе есть несколько книг славянских: Евангелие, Псалтырь, Часослов; особенно полезно издание под названием «Чтения», заключающее отрывки из Библии, Ветхого и Нового Завета, расположенные по хронологическому порядку истории. Если бы все эти книги прочитывались учениками с надлежащим разумением, то могли бы сельские мальчики обогатиться сведениями. Но в настоящее время эти книги мало раскрываются.

Наконец, к недостатку сельских училищ должно отнести то обстоятельство, что они, имея множество наблюдателей, именно: окружное начальство, благочинных и штатных смотрителей, не имеют надзора постоянного, на них исключительно обращенного, и состояние всех училищ не сводится в одно, причем лучше можно было бы понять потребности этих училищ и приискать средства к их усовершенствованию. Кажется, полезно было бы иметь нарочитого чиновника, которого обязанность была бы исключительно посещать сельские училища, сообщать сведения самые подробные об их состоянии епархиальному начальству и проводить в них распоряжения епархиального начальства. Так как воспитание поселян должно быть преимущественно религиозное, то самые училища должны состоять прямо под надзором епархиальной власти.

Училища помещаются в приличных домиках, устроенных большею частью священниками, которые за то получают небольшую ежегодную плату; они снабжены партами приличными. Грамоте мальчики выучиваются хорошо: я видел некоторых воспитанников, которые читали довольно свободно. В училищах воспитываются, кроме русских, и инородцы: крещенные татары, вотяки и пр., и они сравнительно с русскими даровиты. Что касается до числа воспитанников, то самое большее число в училищах не превышает 50; а во всех выше поименованных училищах общее число учеников должно положить не более 150 человек.

Итак, и по числу воспитанников, и по количеству сведений, и по времени и настойчивости обучения русские сельские училища весьма много уступают мусульманским школам, а потому, чтобы их влияние сколько-нибудь уравнять с теми последними, должно на сельские училища обратить вполне заботливое внимание.

Мне приходила было мысль, чтобы несколько старокрещенских мальчиков, которые в сельских училищах окажутся даровитыми и скромными, особенно сирот бездомных, поместить на несколько лет вроде пансиона и внимательно воспитать и обучить их; и впоследствии употреблять их или в виде дьяконов, или в виде учителей к развитию просвещения между их односельцами. Это напоминало бы бывшие новокрещенские школы. Но эта мысль, не знаю, удобна ли к исполнению. Так как в сельских училищах научают почти только чтению, то, за неимением годных для народа книг, вышедшие из училищ должны забывать свое знание. А потому, чтобы умение читать служило орудием к просвещению, должно как можно дешевле продавать по селам и деревням популярные издания назидательного содержания.

Источник: ОР РНБ, ф.573 (СПБДА), оп.1, д.А1/232, л.9об.–12об. Подлинник.

Опубликовано: Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / Сост., автор вступительной ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р.Исхаков. Казань, 2012. С.147–151.

⁶⁰ В православной традиции ектения – одна из основных частей богослужения, обычно читаемая дьяконом на амвоне в церкви.

⁶¹ Кафизма – часть Псалтыри, читаемой во время богослужения.

№ 42

Из статьи Н.И.Ильминского «Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани» (1867 г.)

Зародыш этой школы возник в начале сентября 1863 года, когда Василий Тимофеев⁶² поступил практикантом татарского языка в Казанскую духовную академию. Тогда один старо-крещеный татарин из той же деревни Никифоровой, откуда родом Тимофеев, привез к нему своего сына учиться. За этим мальчиком через месяц приехал другой, а за ним третий, все из той же деревни. Они учились зиму 1863/4 года, помещаясь, вместе с учителем и его семьею, в наемной квартире в подвальной комнатке за академией. Нельзя не упомянуть при этом о студенте миссионерского отделения академии И.С.Ястребове⁶³. Этот энергичный и симпатичный молодой человек, с постоянною любовью и самою предупредительною заботливостью, поддерживал как самого Тимофеева, только что из скромного быта деревенского перешедшего в академию, так и троих учеников его. Ястребов старался поставить Тимофеева в лучшие отношения к студентам академии, снабжал его возникающую школу бумагой, огарками, разными обносками, купил Тимофееву на свои деньги географию Корнеля и первый заинтересовал его этой наукой. Вообще, в ежедневных разговорах своих с Тимофеевым он старался передавать ему различные сведения. Однажды, когда простосердечное религиозное чувство Тимофеева было поражено случайно услышанными им материалистическими идеями, обуревавшими в то время и нашу местность, Ястребов употребил все усилия, чтобы успокоить Тимофеева изгладить тяжелое впечатление. Тимофеев с благодарностью помнит любовь Ястребова, который теперь служит в Турции при русской миссии.

В конце июня 1864 года Тимофеев вместе со своими учениками отправился на родину. Их чтение и пение православных молитв на родном языке понравились вообще крещеным татарам, а пример их заохотил других Никифоровских мальчиков, которые тогда же стали учиться у Тимофеева. Кроме того, последний в ту же вакацию объехал несколько деревень Мамадышского уезда, внушая крещеным татарам мысль о необходимости образования детей. Его внушения принимались многими с доверием и сочувствием. Узнавши об этом возникающем среди крещеных татар расположении к обучению детей и имея в виду общую безграмотность крещеных татар и неведение ими христианства, я ходатайствовал в августе 1864 года пред начальством Казанского учебного округа о дозволении мне открыть частную школу для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани, с тем чтобы в ней учителем был Тимофеев. Разрешение начальства изложено в отношении ко мне г.директора училищ Казанской губернии от 3-го сентября 1864 года за №1239, в котором прописаны следующие положения о школе: «Мальчики должны жить на готовой квартире, которая для них будет нанята на частные средства, но одежда и материалы для изготовления пищи должны быть доставляемы родителями, по состоянию каждого. Платы за обучение не полагается. Мальчики должны обучаться русской грамоте. Главный предмет обучения – закон Божий, молитвы, священная история и краткий катехизис по книгам, изложенным на татарском языке, но русскими буквами. Затем по мере любознательности и успехов учеников должны им преподаваться первые арифметические действия, черчение геометрических фигур, основные сведения из географии и тому подобные элементарные сведения. Чтение и преподавание должно быть прежде на татарском, а потом ученики постепенно должны упражняться в русском языке. Учеником в предлагаемой школе, по ходатайству основателей оной, допускается Тимофеев, потому что крещеные татары, зная его лично, имеют к нему доверие и ему именно поручают своих детей. В.Тимофеев с семейством должен жить на одной квартире с учениками, чтобы наблюдать постоянно за их поведением». Главное наблюдение над школою предоставлено мне и бакалавру духовной академии г.Малову⁶⁴.

Так как крещеные татары живут в уездах и на первый раз охота к обучению детей возникла среди крещеных татар Мамадышского уезда, то для возможного облегчения их необходимо

⁶² Имеется в виду Василий Васильевич Тимофеев (1836–1893) – основатель КЦКТП.

⁶³ Иван Степанович Ястребов (1839–1894) – воспитанник противомусульманского отделения КДА, известный русский дипломат, публицист. С 1870 г. по 1886 г. возглавлял российское генеральное консульство в Салониках.

⁶⁴ Имеется в виду Ефимий Александрович Малов (1835–1918) – известный православный миссионер, исламовед, профессор противомусульманского отделения КДА.

было дать их детям помещение со всею хозяйственною обстановкою, за исключением только одежды и пищи, которая, впрочем, требовалась в виде сырых припасов. Мы предоставили также родителям полную свободу привозить детей в школу и увозить из нее, когда им угодно и удобно. Вообще мы обходились в отношении поступления учеников в школу без всякого содействия со стороны начальства, имея в виду опыт, что всякое, даже самое деликатное вмешательство властей, нередко пробуждает в простолюдинах недоразумения и опасения. <...>

Источник: Казанская центральная крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. Казань, 1887. С.182–184.

№ 43

Таблица 8

Динамика численности учеников и подготовленных педагогических кадров в КЦКТШ с 1863–1905 гг.

Учебные годы	Учеников	Учениц	Закончивших со званием учителя	Закончивших со званием учительницы
1863–64	3	–	–	–
1864–65	19	1	–	–
1865–66	40	2	–	–
1866–67	60	5	4	1
1867–68	70	8	6	–
1868–69	80	13	4	–
1869–70	86	15	20	1
1870–71	92	25	10	1
1871–72	120	40	16	3
1872–73	120	45	10	5
1873–74	115	40	19	3
1874–75	106	35	12	2
1875–76	78	35	8	1
1876–77	57	36	5	3
1877–78	40	33	6	2
1878–79	40	34	6	2
1879–80	50	22	8	1
1880–81	54	30	15	–
1881–82	65	30	6	2
1882–83	65	36	9	3
1883–84	74	30	9	–
1884–85	90	30	15	–
1885–86	104	38	19	4
1886–87	85	40	–	–
1887–88	90	36	20	6
1888–89	96	40	24	12
1889–90	65	42	22	–
1890–91	92	45	13	9
1891–92	70	30	15	10
1892–93	91	45	16	12
1893–94	100	50	15	4
1894–95	104	47	16	14
1895–96	98	54	19	9
1896–97	75	42	15	9
1897–98	92	50	17	8
1898–99	115	52	22	–
1899–1900	117	48	14	15

1900–1901	116	49	17	–
1901–1902	118	44	22	24
1902–1903	118	60	14	–
1903–1904	118	59	17	19
1904–1905	110	56	22	–
Итого	3394	1472	511	185

Источник: Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе (к пятидесятилетию системы и школы, а также необходимые справки к указу №8608 о просвещении инородцев). Казань, 1913. С.93.

№ 44

Таблица 9

**Список воспитанников КЦКТШ, окончивших курс в 1902–1903 уч.г.
с наименованием места назначения на службу**

№	ФИО	Куда поступил на службу
1	Егор Алексеев	в Бурдинскую 2-классную МНП школу Мензелинского у. Уфимской губ. помощником учителя
2	Василий Алгинов	в Курчеевское земское училище Белебеевского у. Уфимской губ. учителем
3	Матвей Асанбаев	в Новобалыклинскую МНП школу Белебеевского у. Уфимской губ. учителем
4	Николай Асафов	во Владимирскую школу Братства св.Гурия Мамадышского у. Казанской губ. учителем
5	Григорий Ильин	за неимением вакансий временно уволен к родителям
6	Пимен Казаков	для продолжения образования поступил в КУС
7	Александр Комисаров	в Богряжскую миссионерскую школу Мензелинского у. Уфимской губ. учителем
8	Ефрем Макаров	в Толкиязскую школу Братства св.Гурия Лаишевского у. Казанской губ. учителем
9	Тимофей Максимов	за неимением вакансий временно уволен к родителям
10	Василий Назаров	за неимением вакансий временно уволен к родителям
11	Василий Павлов	поступил на должность учителя в миссионерскую школу Вятской губ.
12	Семен Павлов	поступил на должность учителя в миссионерскую школу Вятской губ.
13	Иван Павлов	поступил на должность учителя в миссионерскую школу Вятской губ.
14	Игнатий Прокофьев	за неимением вакансий временно уволен к родителям
15	Дмитрий Рябков	за неимением вакансий временно уволен к родителям
16	Василий Семенов	за неимением вакансий временно уволен к родителям
17	Иван Сергеев	в Биерскую школу Братства св.Гурия Мамадышского у. Казанской губ. учителем
18	Михаил Софин	в Дургинскую школу Братства св.Гурия Цивильского у. Казанской губ. учителем
19	Авраамий Табаков	в Хозесановскую школу Братства св.Гурия Цивильского у. Казанской губ. учителем
20	Федот Тимофеев	в миссионерскую школу Мензелинского у. Уфимской губ. учителем
21	Константин Трофимов	в миссионерскую школу Елабужского у. Вятской губ. учителем
22	Максим Усачев	в Больше-Саврушевскую школу Братства св.Гурия Мамадышского уезда Казанской губ. учителем
23	Тихон Яковлев	в Субашскую школу Братства св.Гурия Мамадышского у. Казанской губ. учителем
24	Алексей Федоров	в Верхне-Меретьяковскую школу Братства св.Гурия Лаишевского у. Казанской губ. учителем
25	Емельян Федоров	в Колькумерскую школу Братства св.Гурия Лаишевского у. Казанской губ. учителем

Источник: РГИА, ф.797, оп.96, д.153, л.5. Подлинник.

№ 45

Извлечения из правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, Высочайше утвержденных 26 марта 1870 г.

Относительно инородцев-христиан

1. Общим для всех инородцев-христиан в системе образования их должно быть следующее: а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его; б) учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответствующим инородческим наречием, и в) должно быть обращено внимание на образование женщин, так как племенное наречие и племенные особенности инородцев преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями.

2. Затем особенности в системе образования каждой группы инородцев заключаются главным образом в том значении, какое должно иметь родное наречие инородцев в первоначальной школе. В этом отношении надлежит постановить следующее: А) для детей инородцев весьма мало обруселых и почти не знающих русского языка, учреждаются особые школы, в которых первоначальное преподавание совершается на инородческих наречиях и дети обучаются на своем родном и по учебным книгам на том же наречии. Учебными книгами служат буквари, необходимые молитвы, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги. Для облегчения инородцам перехода к изучению русского языка все эти книги печатаются на инородческом наречии русскими буквами, с переводом на русский язык или без перевода, за исключением, впрочем, молитвенников и вообще богослужебных книг, которые должны быть с переводом на русский язык. В то же время дети при помощи местных наречий обучаются русскому разговорному языку посредством наглядного обучения, и затем, как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте (чтению и письму совместно), продолжая в то же время обучаться и русскому разговорному языку, причем это наглядное обучение и обучение грамоте должны все время восполнять и помогать друг другу, содействуя как умственному развитию детей через ознакомление их с окружающим их миром, так и большему по возможности усвоению ими русского языка, с непрерывным переводом читанного по-русски на местное инородческое наречие. Счислению дети обучаются также сначала на своем инородческом наречии, а потом уже и на русском языке. По достаточном усвоении детьми русского языка Закон Божий преподается на общих основаниях, причем повторяется на русском языке Священная История с необходимыми дополнениями, заучиваются главнейшие молитвы на русском и церковно-славянском языках и преподается краткий катехизис. Церковное пение, как важное орудие христианского просвещения инородцев, вводится во всех школах, причем пение исполняется как на местном инородческом наречии, так и на церковно-славянском языке. Затем установление подробностей в исполнение такого учебного плана и определение продолжительности времени на первоначальное и дальнейшее обучение инородческих детей предоставляется ближайшему усмотрению местного училищного начальства. В инородческих школах с вышеизложенным порядком обучения устраиваются смены для обучения девочек. Б) В местностях с населением, смешанным из природных русских и инородцев, учреждаются общины для тех и других начальные училища, в которых все обучение ведется на русском языке учителем, владеющим как русским языком, так и местным инородческим наречием, которое, однако же, допускается к употреблению лишь для устных объяснений. Если же этого будет недостаточно, в таком случае для инородческих детей, до времени усвоения ими русского языка настолько, чтобы обучаться вместе с русскими детьми, устраиваются особые при училищах отделения на местные средства инородцев. При таких училищах также учреждаются смены для девочек. В) Наконец, для достаточно обруселых инородцев, живущих смешанно с русскими или сплошным населением, учреждаются начальные народные училища на общих для русских училищ основаниях.

3. Ближайшее заведывание училищами двух первых категорий поручается священнику – законоучителю школы, если он обладает знанием местного инородческого наречия и пожелает принять на себя таковое заведение; если же местный священник не знает инородческого наречия, в таком случае заведывание училищем возлагается на учителя, а преподавание Закона Божия может быть поручено светскому лицу.

4. Надзор за инородческими училищами возлагается на инспекторов начальных народных училищ. С необходимыми при этом дополнениями инструкции, которая имеет быть дана в руководство всем вообще инспекторам.

Источник: Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Часть 1. Законоположения и распоряжения о начальных народных училищах в губерниях, в коих введены земские учреждения. СПб., 1882. С.42–44.

№ 46

Таблица 10

**Общая ведомость о миссионерских крещено-татарских школах
Елабужского у. Вятской губ. за 1884 г.⁶⁵**

Название училища	Когда и кем открыто училище	Кто состоит учителем, с какого времени, где получил образование, имеет ли на то право и кто законоучитель	Успехи учеников и что пройдено в первой половине учебного года	Удовлетворительно ли училище в отношении учебном и материальном
1. Черкасское	Открыто 8 ноября 1881 г. местным священником миссионером Борисом Гавриловым	Крестьянин с. Умяк Павел Петров. Получил образование в Казанской крещено-татарской школе, на звание учителя сельского училища имеет свидетельство. На должности состоит с 8 ноября 1881 г. Получает 100 руб. в год с квартирными. Законоучителем миссионер Борис Гаврилов, безвозмездно	Обучаются дети Закону Божию, чтению, письму, арифметике, пению более употребительных молитв. Учение идет на языке татарском и русском. Кроме того, существуют вечерние классы для взрослых, которые обучаются тем же предметам и удовлетворительно успешно. В 1884 г. окончили курс со свидетельствами три мальчика. Пение производится под руководством учителя П. Петрова	Училище нуждается в партах, столах, счетах, картинах, перьях и чернильницах, в учебниках и вообще во всех учебных пособиях. Елабужская управа почему-то окончательно отказала в выдаче таковых этому училищу
2. Брюшлинское	Существует с 1873 г. 17 сентября. Открыто бывшим местным священником Константином Родниковым	Со 2 сентября 1883 г. окончивший курс в Казанской центральной крещено-татарской школе – из крестьян с. Умяка Дмитрий Петров. На звание учителя имеет свидетельство из Лаишевского училищного совета. Законоучителем состоит и.д. псаломщика с. Косьмодамианского Михаил Леонтьевич, безвозмездно	Учение начинается с 15 ноября, а потому об успехах учеников нельзя ничего показать, так как школа по распоряжению Вят. комитета православного миссионерского общества была переведена в деревню Порым Граховского прихода, но в последствии снова возвращена	Училище нуждается во всех учебных пособиях и в учебниках. Хотя Елабужская управа и дает эти вещи, но в весьма незначительном количестве, и учебники и парты, вышедшие из употребления в земских школах

⁶⁵ Ведомость дается с сокращениями.

3. Тогаевское	1 октября 1882 г. Открыто Вятским комитетом православного миссионерского общества	Михаил Романов Лобанов с 1883 г. октября 1-го дня из окончивших курс в Казанской центральной крещено-татарской школе. Имеет на звание учителя свидетельство от Лаишевского училищного совета за №134. Получает 100 руб. с квартирными	Всех учеников в школе 9 чел., но из них постоянно посещают 4 мальчика, а потому успехов никаких нет	Училище нуждается во всех учебных пособиях и учебниках. Хотя Елабужская управа и дает эти вещи, но в самом незначительном количестве, и учебники старые, вышедшие из употребления в земских школах
4. Сетяковское	С 1879 г. переведена из деревни Мунайки	Крестьянин д.Сетяковой Василий Терентьев, получивший образование в Казанской крещено-татарской школе, имеет свидетельство на звание учителя, состоит учителем с 1879 г., а в настоящей школе с 1 октября 1882 г. Получает 135 руб. в год с квартирными	Читают (чтение) из Свящ. истории Ветхого и Нового Завета с ударениями на русском языке с переводом на татарский язык; арифметику четыре правила счетоводства, чистописание, пишут под диктовку; знают молитвы утренние и вечерние. Умеют петь некоторые молитвы	Училище нуждается во всех учебных пособиях и учебниках. Хотя Елабужская управа и дает эти вещи, но в самом незначительном количестве, и учебники старые, вышедшие из употребления в земских школах
5. Порымское	В 1884 г. по желанию местного священника о.Николая Якимова переведено из деревни Ново-Гришиной	Учителем состоит ⁶⁶ из окончивших курс в Казанской центральной крещено-татарской школе, на звание учителя свидетельство от Лаишевского совета за №105, получает 145 руб. с квартирными	Из 32 учеников 7 мальчиков изучают Закон Божий, знают все молитвы, а также четыре действия арифметики, а прочие изучают букварь	Училище нуждается во всех учебниках и учебных пособиях. Как открытое единственно по желанию священника Якимова, по приговору общества, которым общество обязывалось дать квартиру и отопление от себя. Общество же ни квартиры, ни отопления не дает, а платить за это должен учитель, потому что священник Якимов платить отказался
6. Старо-ришкское	Открыто в 1871 г. о.миссионером, кафедральным протоиереем Степаном Кашменским	Семен Дмитриев с 11 октября 1881 г. из окончивших курс в Казанской центральной крещено-татарской школе. Имеет на звание учителя от Лаишевского училищного совета свидетельство	Ученики школу посещают исправно. Старшие читают по-русски, по-славянски, по-татарски отчетливо и с толков. Пишут под диктовку; знают по программе для начальных	Школа нуждается в материальном отношении: в двух партах и в учебниках на русском языке, особенно в первоначальных, как то в Евангелиях и в прочих учебниках

⁶⁶ Написано неразборчиво.

		во от 29 августа 1880 г. за №156. Получает 130 руб. в год с квартирными	училищ на двух языках по-русски и по-татарски все молитвы, рассказывают из Св. истории Ветх. и Нового Завета по 10 уроков. А также все четыре действия арифметики и счетоводство. А среднее отделение знает все молитвы по программе по-татарски и некоторые по-русски и пишут под диктовку по-татарски, а также решают небольшие задачи. А младшие некоторые прошли букварь, пишут цифры до ста и рукописные буквы, а поступившие попозже еще не прошли букваря	
--	--	---	--	--

Миссионер, священник Борис Гаврилов.

Источник: ГАКО, 811, оп.1, д.213, л.1–3. Подлинник.

№ 47

Отчет миссионера, священника с. Ширинское Филиппа Гаврилова⁶⁷ о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Вятской епархии за 1889 г.

<...> При настоящей своей поездке мы были в 18 инородческих школах и всегда старались приноровить время так, чтобы присутствовать в школе на утренней молитве учеников, бываемой пред началом занятий, что нам и удавалось во многих школах. Дети так прекрасно читали славянский текст утренних молитв, а некоторые молитвы и на своем родном языке по переложенному молитвеннику, и так отчетливо и умирительно пели, сопровождая пением чтение молитв и также повторяя его на своем языке, что глубоко трогало меня. После молитвы ученики садились на свои места, а я, оставаясь в школе, слушал занятия учителя с учениками, а в заключение испытывал учеников в знании Закона Божия. Предлагаю вопросы о разных местах освященных евангельскими событиями, например о Назарете, Вифлееме, Иерусалиме, Наине, Вифинии, о р.Иордан, озерах Галилейском и Генисаретском и о горах Фаворе и Елионской и пр., я получал ответы, убеждающие в том, что ученики миссионерских школ хорошо и обстоятельно знают жизнь Иисуса Христа. Ученики этих школ вообще обучаются русской грамоте. Главные предметы обучения: Закон Божий, молитвы, Священная история и краткий катехизис по книгам, изложенным на их родном языке, но русскими буквами, затем по мере любознательности и успехов им преподаются первые действия арифметики, черчения, геометрических фигур, основные поня-

⁶⁷ Филипп Гаврилов (?–1896) – известный духовный деятель и миссионер из крещеных татар. После окончания обучения в КЦКТШ был направлен учителем «братской» миссионерской школы в с.Ельшево. Впоследствии по настоянию Н.И.Ильминского был посвящен в духовный сан и направлен для миссионерской работы в Вятскую епархию. Основатель и законоучитель ряда крещено-татарских и удмуртских начальных школ в Вятском крае, с 1891 г. до своей смерти являлся епархиальным инородческим миссионером Вятской епархии, настоятелем кафедрального собора в г.Малмыж.

тия географии и тому подобные элементарные сведения. Первоначальное чтение и преподавание бывает прежде на родном, а потом ученики постепенно упражняются в русском языке. Некоторые ученики довольно хорошо успели в русском языке и стали читать по-русски и почти свободно понимать Евангелие. Этому доказательством служит следующее. В одной школе я дал ученику прочитать в Евангелии в русском переводе притчу о святом, а в другой школе – притчу о плевелах. После чтения я спрашивал их, о чем они читали, и не расскажут ли они о прочитанном на своем языке. При этом они рассказали мне их по-татарски и в таком порядке и с такою подробностью, что не опустили ни одной черты евангельского сказания. Во всех посещенных мною школах я советовал ученикам стараться приучаться к самостоятельному приобретению познаний чрез чтение книг. Сами учителя говорили, что и они при всяком случае стараются познакомить учеников своих с разными предметами посредством устных рассказов и что их беседы касались преимущественно Священной истории и церковности.

Очень жаль, что в миссионерских школах нет книг ни для чтения самого учителя, ни для чтения учеников, а также нет и учебных пособий, в тех немногих школах, где есть картины, учителя показывают их мальчикам и по ним рассказывают священные события. Присутствуя при подобных беседах, я только любовался живым потоком родной речи инородцев татар и черемис, которую Господь приготовил и осветил в сосуд чистен для божественных истин евангельских.

Писать ученики учатся вместе с чтением, они пишут с прописи очень удовлетворительно в чистописании. Кроме того, они пишут под диктовку учителя на русском языке и списывают с книжек сказки. Для лучшего укоренения в сердцах инородцев истин христианского учения я советовал учителям заставлять учеников старшей группы списывать себе на особые тетрадки воскресные и праздничные ирмосы и другие церковные стихиры и богородичны в славянском тексте из церковно-богослужебных книг, выпросив их на время у своего батюшки. Подобное упражнение учеников татарского и черемисского происхождения в списывании церковных песнопений при их возвышенной мысли и высоком учении о домостроительстве нашего спасения послужит ученикам не только к развитию руки в письме и освоению церковно-славянского языка, но главное послужит к духовно-назидательному развитию ума.

Осматривая убогую обстановку многих миссионерских школ и таковые же их убогие библиотечки, невольно приходится размышлять о сих школах: приносят ли они ожидаемую пользу и будут ли к этому у них средства хотя бы только и в виде учебных пособий? Открыты были они, как видно, сгоряча. Имелась в виду только крайняя необходимость школ для крещеных татар и то по случаю отпадения их от православия. <...> И вот, в видах дать отпор влиянию магометанства на крещеных татар, и были открыты наши миссионерские школы, предполагая, что лишь только кликнут клич, так со всех окрестностей татарчата и посыплют в наши школы. А между тем много трудов стоило учителям, стоит и теперь иметь в школах 10–15–20 учеников из крещеных татар. А в земских существующих в селах крещено-татарских приходах доселе нет почти ни одного ученика из крещеных татар. Если за последнее время число учащих из крещено-татарских детей в миссионерских школах значительно увеличилось и стали нередко поступать в них крещено-татарские девочки, то необходимо полагать, что школы мало-помалу начинают входить в доверие в глазах крещеных татар. Опять при открытии этих противомогометанских школ не было, по-видимому, предполагаемого никакого расхода, кроме нескольких рублей на жалованье учителям. Но как только школы водворились в деревнях и вступили в жизнь, тотчас же почувствовалась нужда и в учебных пособиях и других необходимых принадлежностях для маленького хозяйства. К счастью, некоторые уездные земские управы (напр., елабужская) снабдили их затаскавшимися в земских школах и возвращенными обратно вследствие ветхости и непригодности их к дальнейшему употреблению в земских школах книжками «Родное слово» Ушинского, да дали напрокат старые парты из земских школ. Учителя соорудили своими руками кое-какую классную доску да купили кое-каких книжек у разносчиков, счеты и кое-какие письменные принадлежности и таким образом повели свои школы шаг за шагом, преодолевая на пути различные препятствия, а нередко поношения со стороны тех, кои скандализировались образованием крещеных татар и вообще крещеных инородцев. Но школы эти, к чести их, заслужили доверие не только со стороны крещеных татар, но даже заслужили доверие и сочувствие и среди православного общества. Одни из почтеннейших лиц православного русского общества поощряют инородцев в просвещении и устроили уже для двух мис-

сионерских школ в деревнях Ильнети⁶⁸ и Сардабаш⁶⁹ отличные помещения, а иные, приняв на себя звание попечителя, оказывают некоторым школам вещественную поддержку, по крайней мере даровую выдачею учителям бумаги, перьев, чернил и карандашей. Граждане города Елабуги Ушков и Дмитриевский пожертвовали для двух школ парты и по несколько экземпляров Нового Завета в русском переводе, – первый для Сетяковской школы, второй – для школы Черкосовской. Наконец малмыжское земство, движимое духом христианской любви и сознанием несомненной пользы школ для инородцев, в нынешнем своем очередном собрании постановило отпускать пяти крещено-татарским школам в деревнях Сардабаш, Сабаш, Бектешев, Дурге и Носле по 100 руб. каждой.

Миссионерские школы среди инородцев стремятся по мере возможности достигать той высокой, поистине богоугодной цели, чтобы утвердить в православии крещеных инородцев, в особенности крещеных татар, которые по неведению существа и смысла истиной веры то и дело колеблются в христианстве. Следовательно, кому близка к сердцу судьба православия среди татар, тот может удовлетворить свое благочестивое усердие, содействуя упрочению и развитию миссионерских школ. И вот моя задушевная мысль построить еще в двух-трех крещено-татарских деревнях уютные, достаточные для нероскошного помещения 20–30 мальчиков с семейством учителя, просто устроенные домики с церковью. В церкви богослужение может быть совершаемо по временам приходским священником при пении учеников школы. Чрез это может раскрываться для татар и сокровище глубокого богомоления, какое заключено в православном богослужении, и чувство христианское, то покаянно-умилительное, то восторженное, могущее тронуть и восхитить сердце человека, обнаружится им вся бедность и ничтожество магометанских намазов, лучше которых они по своему неведению и вообразить себе ничего не могут.

При этом имею честь представить на благоусмотрение Вашего Преосвященства особую подробную ведомость о посещенных мною 18 инородческих школах.

К сему отчету миссионер священник Филипп Гаврилов подписуюсь.

Декабря 23 дня 1889 года №99.

Источник: ГАКО, ф.811, оп.1, д.271, л.2–5. Подлинник.

№ 48

Письмо учителя земского инородческого училища в с.Юкачи Мамадышского у. Казанской губ. Игнатия Семенова Н.И. Ильминскому о религиозно-нравственном влиянии школы на местных крещеных татар от 10 февраля 1891 г.

Его Высокопревосходительству, господину директору Казанской учительской семинарии Николаю Ивановичу Ильминскому.

Долгом считаю известить Вас, Ваше Высокопревосходительство, о своей жизни в течение семилетней службы на должности учителя. Я прежде был определен на должность учителя в Кулушинское земское инородческое училище, где и встречал большие препятствия в школьном деле и со стороны жителей оной деревни; но я, имея хорошие понятия об обязанности учителя, вел трудовую жизнь и чем в скором времени заслужил общую любовь. Исправив школьное дело, я обратил внимание на то, – не называются ли жители оной деревни христианином только по имени, но мое мнение совершенно своевременно оправдалось: хотя в оной деревне находится около двадцати дворов русских, но они, находясь в отдаленности от церкви, и, глядя на них, крещеные из татар инородцы совершенно впали в заблуждение, так что ни один человек не думал о посещении церкви в воскресный и праздничный день. Я, чтобы привлечь их к церкви, начал по вечерам накануне праздника со своими учениками читать по часослову и петь на татарском языке возможные церковные песнопения. По окончании молитвы я каждый раз имел беседу с детьми из жизни Святых, а дети выслушанное от меня передавали родителям. Мои таковые беседы, видно, на них сильно подействовали, так что некоторые из них стали являться в школу на молитву со своими детьми. Но что было после этого! Погибающие от неведения жители начали слушать моих взрослых посетителей, говоря, какой священ-

⁶⁸ Современное с.Илнеть Менделеевского р-на РТ.

⁶⁹ Современная д.Сардабаш Арского р-на РТ.

ник пришел сюда к нам, разве можно собирать учителю людей [на] молитву, и этим чуть не расстроили начатое мною дело, но, благодаря Богу, не все взрослые посетители мои обратили внимание на таковой отзыв обо мне и по-прежнему продолжали посещать школу. Через несколько времени число посетителей стало возрастать так, что иногда одних стариков только бывало около ста человек. Из этой деревни я был перемещен для пользы дела в Чуринское земское инородческое училище, где еще усерднее занимался исправлением школьных дел; но труды мои там даром не пропали: 1) получил за деятельность по училищу в награду от земства 25 рублей, и 2) отпечатали в отчете земства «Наиболее известным человеком на страницах школьной истории». В настоящее время служу в Юкачинском земском инородческом училище. Что касается службы в настоящем училище, может в точности удостоверить священник Василий Тимофеевич о.Тимофеев, который, сделав ревизию в истекшем году, выразил благодарность, говоря: «Всего другой раз только встречаю училище в таком положении со времен открытия училища». Здесь же я из детей крещеных татар образовал отличный хор певчих, за что в настоящем году получил от земства в награду тоже 25 рублей. 18-го числа января 1891 года был во вверенном мне училище ревизор – член Мамадышской Уездной Земской Управы Павел Матвеевич Попов, который, выслушав наше пение, остался весьма довольным, и певчим пожертвовал 1 руб. денег. Такою труженической жизнью и отличным поведением своим снискал к себе такую любовь со стороны жителей, так что желают иметь у себя вторым священником в селе Юкачах же посредством приговора.

Извещая Ваше Высокопревосходительство о своей жизни и чувствуя слабость здоровья на должности учителя от усиленных трудов, я всепокорнейше осмеливаюсь утруждать Вас, Ваше Высокопревосходительство, не найдете ли возможным иметь обо мне в виду, так как я чувствую в себе искру поучений на татарском языке, думаю быть полезнейшим человеком и готовым положить свою душу за крещеных татар.

Ваш воспитанник учитель Юкачинского земского инородческого училища Игнатий Семенов.

1891 года

Февраля 10 дня.

Источник: НА РТ, ф.968, оп.1, д.83, л.106–107. Подлинник.

№ 49

Извлечения из отчета о деятельности Братства Святителя Гурия за двадцать шестой братский год с 4 октября 1892 г. по 4 октября 1893 г.

Явившись продуктом потребностей религиозно-нравственной жизни инородцев, братские школы с их методом преподавания на инородческих языках, с их учителями-инородцами, учебными и религиозно-нравственными книгами на родном для инородцев языке, с их руководителями или природными инородцами, или лицами, в большинстве случаев хорошо знающими тот или другой инородческий язык сообразно местному населению, – эти школы являются могучим рычагом в деле развития религиозно-нравственного воспитания инородцев в духе веры Христовой и искоренения заблуждений языческих и мухаммеданских. Что касается крещеных татар, то братские школы, можно без преувеличения сказать, вырвали их из сетей мухаммеданства и неуклонно продолжают совершенствовать их в религиозно-нравственном отношении. Отчеты местных приходских священников единогласно свидетельствуют об этом благотворном влиянии братской школы на крещеных татар. Так, священник села Старого Тябердина Цивильского уезда (ныне перешедший в село Уреевы Челны Лаишевского уезда) о.Архип Иларионов между прочим пишет, что пред Великим постом он получил от Казанской центральной крещено-татарской школы 10 экземпляров книг о загробной жизни и житий св.Великомученика Пантелеймона на татарском языке; раздал их ученикам Старо-Тябердинской школы; они, прочитав их своим родственникам, передали другим ученикам, которые сделали то же самое. Бывшие ученики этой школы также стали обращаться к о.Иларионову за этими книгами, особенно за книжкой о загробной жизни. Слух о новой книге быстро распространился среди всех крещеных татар этого села, и всем хотелось слышать ее чтение. Стали приходиться в училище многие старики и старухи к помощнику учителя Науму Петрову, который жил в училищном доме, прося его прочитать им книгу о загробной жизни. Петров ласково принимал их, чи-

тал и объяснил им эту книгу. Таким образом, почти каждый день вечером училище было полно старо-крещеными татарами и язычниками, приходили даже и из близлежащей деревни Ангозино-Суринской⁷⁰. Петров, с благословения священника читал им каждый вечер не только книгу о загробной жизни, но и жития святых, рассказывал им о чудесах, страданиях Христовых, о Пресвятой Деве Марии, прочитал им всю книгу Чын-дэн⁷¹. После этого вскоре одна язычница, 8-го апреля 1893 года приняла св.крещение. Этот Петров, выходя в село или приходскую деревню, всегда брал с собою книгу о загробной жизни и, заходя в разные дома, читал ее, а также и житие св.Пантелеймона. Настал Великий пост, церковь была переполнена говеющими, далеко превосходившими числом говевших в прошлые годы. Священник села Серды⁷² Лаишевского уезда о.Глеб Ляпидовский в своем рапорте Совету Братства о школах Кибеческой и Колькомерской сообщает между прочим, что по примеру предшествовавших годов и в истекшем году было много говевших и исповедовавшихся в посты Успенский и Петров, но при этом ясно бросалось в глаза то, что все говевшие были преимущественно из деревень Кибечи⁷³ и Колькомер⁷⁴, а из деревни Верхней Серды, деревни довольно многолюдной и деревни также старо-крещенской, было всего только два человека, о.Ляпидовский присовокупляет при этом: «полагаю, что не преувеличу я, если скажу, что явление такого рода зависит от нахождения в Кибечах и Колькомере братских школ». Священник села Утяшкина Чистопольского уезда о.Иоанн Сперанский в рапорте своем об Утяшинской и Нижне-Никиткинской школах братства между прочим замечает, что Закон Божий дети изучали с особенным интересом, что весьма благоприятно отзывалось и на родителях их, которые дома с охотою усваивают от них многие молитвы и рассказы о священных событиях, а потому в религиозном отношении более или менее совершенствуются и хотя от некоторых языческих суеверий и мухаммеданских воззрений окончательно не могут отрешиться, но все же заметно стали отставать от них благодаря существованию школы; долг исповеди и св.Причастия большинством исполняется ежегодно неопустительно. Священник села Владимирова⁷⁵ Семен Гаврилов о крещеных татарах своего села сообщает, что они до открытия здесь братской школы были очень нерелигиозны и была даже опасность за их отпадение в мухаммеданство, так как некоторые из них соблюдали мухаммеданские обряды и держали мухаммеданский пост. Братская школа за 24 года своего существования здесь оказала благотворное влияние на жителей, теперь их учат не одни учителя школы, но и ученики в свободное время читают своим домашним душеполезные книги на их родном языке. В прежнее время владимировцы очень неохотно посещали Храм Божий, а в настоящее время до сотни богомольцев можно встретить в воскресный день за литургией. Член Совета Братства о.Василий Тимофеев в отчете о своей поездке по крещено-татарским селениям сообщает, между прочим, что священники крещено-татарских приходов передавали ему, что в истекшем году во время Великого поста крещеные татары говели с особенным против прежних лет усердием и откровенно исповедовались и калялись в своих грехах. Это явление священники приписывают сильному впечатлению, произведенному на них изданной в прошлую зиму в первый раз на татарском языке книжкой «О загробной жизни по учению Православной церкви». Священники и крещеные татары сообщали ему также немало отрадных фактов развивающейся любви татар к религиозному чтению. Так, Иван Ермолаев из деревни Верхних Машляк⁷⁶ с особенным удовольствием рассказывал, что его дочери усердно читают вероучительные книги и поют церковные молитвы. В доме его по праздникам собираются женщины и девушки из многих домов послушать чтение его дочерей и пропеть вместе с ними те или другие церковные песнопения. Влияние получивших воспитание в братских школах крещеных татар сказывается иногда и на мухаммеданах. «Так, я, – пишет о.В.Тимофеев, – случайно узнал, проезжая по одной мухамме-

⁷⁰ Современная д.Янгозино (Суринское) Кайбицкого р-на РТ.

⁷¹ Чын дин – в переводе с татарского языка – «настоящая, истинная вера». Под таким названием Переводческой комиссией Православного миссионерского общества при Братстве св.Гурия издавался перевод краткого православного катехизиса.

⁷² Современное с.Кряш-Серда Пестречинского р-на РТ.

⁷³ Современная д.Кибечи Пестречинского р-на РТ.

⁷⁴ Современная д.Колькомерка Пестречинского р-на РТ.

⁷⁵ По всей видимости, речь идет о с.Владимирово Мамадышского у. Казанской губ.– современное с.Владимирово Мамадышского р-на РТ.

⁷⁶ Современная д.Верхний Машляк Рыбно-Слободского р-на РТ.

данской деревне, что тут живет бывшая ученица нашей школы Федора с мужем своим – лесником. Я захал навестить ее. Жена и муж были весьма рады. За чаем я спрашиваю Федору, како во ей тут живет среди мухаммедан, вероятно, они смеются над ней, что она христианка, верует в Сына Божия и творит крестное знамение. «Нет, – отвечала мне Федора, – я здесь два года живу, хорошо познакомилась с женским полом. Женщины часто приходят ко мне, слушают чтение христианских книг; эти книги им очень нравятся; особенно их трогают притчи и чудеса Христовы, и я даже выучила двух мухаммеданок-невест читать наши книги, и они их читают тайно. Татарки очень хвалят наши книги и говорят, что мухаммеданские книги им непонятны, а наши книги не только понятны, но и трогательны. Но я, – закончила Федора, – читая книги с мухаммеданками и беседа с ними о разных предметах христианской веры, никогда споров с ними не завожу, веру их не браню, а лишь рассказываю, что сама знаю; татарки же мирно слушают и мирно уходят». <...>

Успехам братских школ и благотворному влиянию их на религиозно-нравственную жизнь инородцев содействовали, кроме учителей этих школ, и многие приходские священники своими многолетними и неустанными трудами на поприще просвещения инородцев. Совет Братства ввиду этого поручил членам своим И.А.Износкову⁷⁷, М.А.Машанову⁷⁸ и о.В.Т.Тимофееву составить список священников, которые с первых лет Братства неустанно трудились над просвещением инородцев. Этот список, по составлении его, будет представлен на благоусмотрение епархиального начальника.

Метод братский в деле развития религиозно-нравственного [просвещения] инородцев оказался столь целесообразным и принес такие плоды, что деятельность Братства на этом поприще признана в настоящее время всеми знающими инородческое дело лицами и стала даже образцом для других Братств, вызванных к деятельности среди инородческого населения; многие братства взяли для себя образцом братский устав св.Гурия и обращались не раз в Совет одного с разными недоуменными вопросами по религиозно-нравственному воспитанию различных инородцев Российской империи, и в истекшем братском году томское отделение Братства св.Дмитрия Ростовского обращалось в Совет Братства св.Гурия, прося его выслать свой устав, так как намеревается изменить свой устав по образцу устава Братства св.Гурия.

Действуя главным образом через школы на юное инородческое поколение непосредственно, а чрез детей и на старших членов семьи, Братство не оставляло без внимания и прямого воздействия на взрослых инородцев путем беседований и переводов религиозно-нравственных книг на инородческие языки. Главными собеседниками с инородцами об истинах веры Христовой были те же учителя братских школ. Они в свободное от занятий время читали инородцам разные религиозные и назидательные книги, вели с ними беседы в школе, куда охотно стекаются инородцы по вечерам, особенно накануне воскресных и праздничных дней. Происходящие во всех братских школах, эти беседы учителей преимущественно получили широкое развитие в тех местностях, где инородцы подвергались мухаммеданской пропаганде или где они сильно были погружены в языческие суеверия. Эти беседования учителей служили могучим средством в руках Братства для укрепления крещеных инородцев, колеблющихся в вере, в истинах православной веры и для защиты их от пагубного влияния мухаммеданской пропаганды. С этою целью и в видах постоянного и непрерывного воздействия на взрослое инородческое население некоторые учителя братских школ были оставляемы при школах и на летнее каникулярное время для ведения бесед с инородцами. Так, за прошедшее лето был оставлен при своей школе учитель Яныльской школы Александр Кириллов, за что Совет Братства назначил ему известное вознаграждение. Сельские священники, обладающие хорошим знанием языка своих прихожан-инородцев, и особенно священники из инородцев тоже пользуются беседованиями как одним из средств воздействия на своих прихожан.

Источник: Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за двадцать шестой братский год с 4 октября 1892 года по 4 октября 1893 года. Казань, 1893. С.38–41, 44–45.

⁷⁷ Илиадор Александрович Износков (1835–1917) – известный ученый-просветитель, этнограф, последовательный сторонник идей Н.И.Ильминского.

⁷⁸ Михаил Александрович Машанов (1852–1924) – профессор миссионерского противомусульманского отделения КДА, с 1891 г. председатель Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве св.Гурия.

№ 50

Таблица 11

**Список крещено-татарских начальных школ по селениям по Казанской
и Уфимской губерниям за 1898–1899 уч.г.⁷⁹**

Селения	Миссионерские ⁸⁰	Синодальные		Земские	МНП	Итого
		школы грамоты	ЦПШ			
Казанская губ.						
Мамадышский у.						
д.Починок Янасал ⁸¹	1					1
д.Кулуци				1		1
с.Урясь-Учи				1		1
д.Урясь-Баш	1					1
д.Верхние Билетли			1			1
д.Васильево				1		1
с.Оштормо-Юмья				1		1
д.Живут себе усадом	1					1
с.Берсут				1		1
с.Чура				1		1
д.Малая Чура	1					1
д.Поршур			1			1
д.Яньли	1					1
д.Кушкетбаш	1					1
д.Верхние Отары	1					1
д.Починок Поник	1					1
д.Биер	1					1
с.Ельшево	1					1
д.Большие Савруши	1					1
д.Сатлыган-Ключ	1					1
д.Отар-Елга			1			1
с.Арьяши	2					2
д.Большой Арташ	1					1
д.Теплое Болото	1					1
д.Верхние Арьяши	1					1
с.Юкачи				1		1
д.Комаровка			1			1
д.Зюри	1					1
д.Лья шия	1					1
д.Новое Мочалкиное озеро	1					1
д.Старое Мочалкиное озеро	1					1
д.Дюсметево			1			1
д.Крещено-Ерыксы	1					1
с.Старая Ишкурма	1					1
д.Три Сосны (Оч нарат)	1					1
с.Владимирово	1					1
с.Никифорово (Чия баш)	1					1
Лаишевский у.						
д.Верхние Козыли				1		1
д.Албедино	1					1
д.Кибечи	1					1
д.Верхняя Серда				1		1

⁷⁹ В таблице учтены смешанные по национальному составу школы.

⁸⁰ Имеются в виду школы комитетов Православного миссионерского общества и Казанского Братства св.Гурия.

⁸¹ Название селений дается по данным дореволюционных источников.

д.Колькумеры	1					1
д.Ковали	1					1
с.Карабаян				1		1
д.Тавели		1				1
д.Старые Карабаяны				1		1
д.Верхние Меретьяки	1					1
д.Тямти	1					1
д.Большие Меретьяки				1		1
д.Ташкирмень					1	1
д.Янасал	1					1
с.Янцевары	2					2
д.Толкияз	1					1
с.Шеморбаш					1	1
д.Верхнее Мишляк	1					1
д.Томасов-Починок	1					1
д.Аланки			1			1
д.Субаши	1					1
с.Уреево-Челны				1		1
д.Козьяковы-Челны	1					1
д.Иванаево	1					1
Чистопольский у.						
с.Белая Гора	1			1		2
д.Сосновый Враг	1					1
д.Степная Кондрата	1					1
д.Тавели	1					1
д.Нижнее Никиткино	1					1
д.Алексеевка	1					1
с.Черепатырево	2					2
с.Утяшкино	1			1		2
Казанский у.						
с.Апазово	1				1	2
д.Шумбаш	1					1
Спасский у.						
д.Крещеный Баран	1					1
Цивильский у.						
д.Большие Тебердино			1			1
с.Старые Тебердино			1			1
д.Суринская	1					1
с.Молкеево					1	1
д.Хозесаново	1					1
Тетюшский у.						
д.Баймурзино	1					1
Итого по губернии	56	1	8	15	4	84
Уфимская губ.						
Мензелинский у.						
д.Кодряково			1			1
д.Илети	1					1
с.Буты					1	1
с.Савалеево	1					1
с.Баткак	1					1
д.Колейкино	1					1
д.Федоровка	1					1
д.Светлое Озеро	1					1
д.Сарапан	1					1
с.Малекес					1	1
д.Мазин					1	1
д.Ерыклы	1					1
с.Соболеково			1			1

с.Аты	1					1
д.Малые Аты	1					1
с.Алексеевка (Федотово)			1			1
д.Кадырово			1			1
д.Тонгузино	1					1
с.Багряш			1			1
Д.Сарсы			1			1
с.Ляки					1	1
с.Кабан-Бастрык	1					1
д.Бишево	1					1
д.Зачибаш	1					1
с.Бурды					1	1
д.Евлеево					1	1
д.Ахметово		1				1
с.Мелькени	1					1
д.Крещеные Ашпалы	2					2
Белебеевский у.						
д.Батрак	1					1
д.Новое-Ильеково	1					1
с.Маты					2	2
д.Новые Маты					1	1
с.Бакалы		1				1
д.Токбердино	1					1
д.Умирово	1					1
Итого по губернии	21	2	6		9	38
Всего	77	3	14	15	13	122

Источники: НА РТ, ф.160, оп.1, Д.578, д.620, 863, ф. 1286, оп.1 д.1; Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899; Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

№ 51

Извлечение из записки окружного начальника Киевского учебного округа Я.Д.Коблова «Некоторые соображения о постановке образования у восточных инородцев России» (1916 г.)

В период выступления на миссионерско-просветительное поприще Н.И.Ильминского школ среди инородцев, можно сказать, не было совсем. Но в них чувствовалась огромная потребность. Крещеные, но недостаточно просвещенные инородцы, колебались между христианством и исламом, и многие из них уже отступили от православия. Пропаганда ислама усиливалась и принимала широкие размеры; угрожала опасность, что от тех приобретений, которые были сделаны миссионерами-просветителями предшествовавших веков, не останется ничего. Н.И.Ильминскому все это было виднее, чем кому-либо другому. И вот он проявляет самую усиленную, энергичную деятельность по учреждению и открытию в инородческих селениях церквей и школ. По инициативе Н.И.Ильминского устраивается в Казани крещено-татарская школа, а затем впоследствии учительская семинария, учреждается Казанское Братство св.Гурия, которое поставило свою задачу распространение и поддержание церквей и школ в инородческих местностях.

В короткое время при энергичной деятельности Братства инородческие местности покрылись сетью маленьких школок, в которых дети инородцев на своем родном языке учились грамоте, Закону Божию, пению. Школы эти охватили значительную территорию; они распространены были в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Вятской и др.; в настоящее время их остается около 120, и только в Казанской губернии.

Основной отличительной чертой Братства св.Гурия было то, что все преподавание велось на родных языках инородцев. Родной язык⁸² инородцев был поставлен «во главу угла» как орудие

⁸² Все выделения сделаны в тексте документа.

просвещения. Основной задачей школы была христианизация инородцев; поэтому таким предметам, как Закон Божий, изучение молитв, церковное пение, отдавалась большая часть времени, и на изучении этих предметов сосредоточивалось главное внимание учащихся и учащихся. Для изучения русского языка было назначено достаточное количество уроков – до 10 в неделю, но все-таки он занимал второстепенное, несущественное место. Был такой момент, когда нужно было скорее научить, просветить инородцев во избежание их поголовного отпадения в ислам и скорее можно было это сделать на родном языке инородцев, чем чрез посредство трудно для них и чуждого русского языка. Была поставлена Ильминским определенная задача – христианизация крещеных инородцев. А русификация – не ясно, была ли поставлена или ставилась ли эта задача Ильминским. Можно предполагать, что Ильминский так думал по этому поводу: прежде всего, следует просветить инородческие племена христианскою верою, это один из существенных и ближайших этапов их сближения с русской народностью. Объединенные православною верою с русским народом, инородцы никогда не отойдут от него и будут чувствовать постоянное тяготение к нему. Что касается усвоения ими русского языка и окончательного обрусения, то это рано или поздно само собою придет к ним, как только они почувствуют нужду в большем развитии. Без русского языка и культуры им все равно не обойтись, и они будут искать этого без насилия, без внешних побуждений, будучи по духу уже русскими людьми. И это предположение оправдалось в последующее время. Теперь крещеные инородцы Поволжья нередко заявляют, что русский для них необходим «как хлеб и вода».

При отмеченном сейчас строе учебной постановки и воспитания выступили братские школы на широкое поле просветительской деятельности. По внешней своей обстановке школы Братства всегда отличались бедностью. Братская школа – это обычно простая, обыкновенная деревенская лачуга с учителем простецом, но благочестивым человеком, получающим жалованье в размере 60–100 руб. в год. Даже в настоящее время братские учителя получают вознаграждение в размере 150 р., если не включили их в школьной сети М.П., как это предполагалось сделать в последнее время. И несмотря на такую обстановку, на вопиющую бедность, братские школы сделали великое государственное дело, объединив значительную часть восточных инородцев с коренным русским населением. Н.И.Ильминский умел зажигать сердца людей. И его ученики, а иногда просто наученные им грамотные простые крестьяне, принялись за учительское дело с каким-то особенным энтузиазмом и вдохновением, совершенно бескорыстно отдаваясь делу учительства. Этот энтузиазм, это вдохновение сохранилось в учительской среде и после смерти Ильминского. Я, например, при посещении братских школ уже в последнее сравнительно время нередко встречал таких безгранично преданных делу учительства учителей – из крестьян-простецов, отдающихся своему делу с каким-то особенным упоением и восторженностью. В последующее время было открыто много школ министерских, земских, которые и по внешней своей обстановке, и по образовательному цензу учителей превосходили братские школы, что иногда давало повод многогоречиво, особенно на земских собраниях, распространяться о преимуществах первых над последними. Но нужно сказать, что того внутреннего вдохновения, которым была проникнута деятельность братских школ, я, например, лично нигде не встречал в школах других ведомств и типов.

Источник: РГИА, ф.733, оп.182, д.168, л.218–219об. Подлинник.

Опубликовано: Христианское просвещение и религиозные деяния (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / Сост., автор вступительной ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р.Исхаков. Казань, 2012. С.387–388.

№ 52

Таблица 12

Список учебных пособий и православных переводов, изданных Переводческой комиссией Православного миссионерского общества при Братстве св.Гурия для крещеных татар с 1877 по 1905 г.

Название	Год издания	Общий тираж, экз.
«Букварь для крещеных татар»	1878, 1882, 1884, 1887, 1898, 1904	25000
«Воскресная служба шестого гласа»	1877, 1883, 1885, 1889, 1896	15600

«Служебник»	1878	2400
«Житие св.мученика Авраамия Болгарского»	1878	600
«Завтра приду». Из творения св.Тихона, епископа Задонского	1878, 1885	15000
«Первоначальные уроки русского языка для татар»	1879, 1885	9850
«Книжка для чтения инородцам»	1879, 1884	10000
«Акыл биря торган книга» («Извлечения из книги премудрости Иисуса, сына Сирахова»)	1879, 1885, 1900	13000
«Иман книгясе» («Молитвенник»)	1879, 1881, 1887, 1891, 1894, 1897, 1898, 1900, 1904	50000
«Проследование Пасхи»	1879, 1885, 1889, 1896	18000
«Стихи на крещено-татарском языке»	1879, 1888	1800
«Краткий татарско-русский словарь»	1880, 1882, 1886, 1888, 1891	16400
«Требник»	1881	2400
«Улгян кешеляр очен теляу ряте» («Последование за усопших»)	1881, 1887	8000
«Оло бйярмяняр» («Главные церковные праздники»)	1881, 1887	11000
«Священная история Ветхого и Нового завета»	1881, 1886, 1895, 1904	18000
«Мохаммят дине Караганда Христос дине артык» («Превосходство Христианской веры перед Мухаммеданской»)	1883, 1904	5000
«Чын дин княгесе» («Учение о православной вере»)	1884, 1887, 1893, 1897	19600
«Чин исповедания и как причащати больного»	1882, 1904	3000
«Телякляр» («Часослов»)	1885, 1900	6200
«Угет». («Наставление христианское св.Тихона»)	1886, 1893	10000
«На двенадцатые праздники стихиры, тропари, кондаки, величания и прокимны»	1888	1200
«Святой благоверный князь Владимир и крещение Руси»	1888	3000
«Хоровые церковные песнопения»	1889, 1898	3000
«Жития святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа»	1890, 1893	4000
«Священная история для детей»	1889, 1900	15000
«Акафист св.Гурию Казанскому и Свяжскому чудотворцу»	1890	2400
«Училище благочестия»	1890, 1893, 1895	11000
«Поучение для крещеных татар»	1891	2400
«Псалтырь»	1891, 1903	3600
«О заgrabной жизни»	1892	3000
«Евангелие от Матфея»	1892	1300
«Житие св.мученика Пантелеймона»	1892	3000
«Наставление о пользе чтения Святого писания»	1892	3000
«Береженого Бог бережет – наставления, как уберечься от заболевания холерою»	1892	3000
«Татаро-русский словарь Н.П.Остроумова»	1892	1200
«Рассказы из житий святых на татарском языке»	1893, 1894, 1898	2400
«Первоначальный учебник русского языка для татар»	1893, 1894, 1898, 1904	19000
«Ойрэту турында Николай Иванович» («О Николае Ивановиче Ильминском»)	1893	1600
«Псалтырь на татарском и русском языке»	1893, 1894	10200
«Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа»	1894, 1898	8500
«Акафист сладчайшему Иисусу»	1894	3000
«Учение о православной церкви»	1894	3000
«Рассказ о болезни и смерти государя императора Александра III и о вступлении на престол государя императора Николая II»	1894	1200
«Тропари, кондаки, стихиры и величания на праздники двенадцатые и великих святых»	1894, 1898	10000
«Стефан Великопермский»	1896	2400
«Великий канон Андрея Критского»	1896	1500
«Целитель всемилостивый»	1896	2400
«Об оспе»	1897	3200
«О чуме» (на кириллице и арабском шрифте)	1897	5600
«Сказание о Смоленской иконе Божьей Матери»	1898	2500
«Русские первомученики»	1898	2400

«Беседа на молитву Царю небесному»	1898	2400
«Житие св.Николая Чудотворца»	1898	1200
«Небесный воевода русской земли»	1898	2400
«О трахоме»	1898	3000
«До чего доводит пьянство»	1898	2400
«Небесные сподручники брачного союза»	1898	2400
«Господь любит праведных»	1898	2400
«Русские предлоги, пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку»	1899	2400
«Равноапостольная Мирносица»	1899	2400
«Земная жизнь Господа нашего Иисуса»	1900	1200
«Житие св.Василия Великого»	1903	1200
«Житие св.Григория Богослова»	1903	1200
«Житие преподобного Серафима»	1904	3000
«Слово на освещение храма в селе Больших Саврушах Мамадышского уезда»	1904	1200
«Партитура»	1904	1500
«Освящение храма в селе Большие Савруши Мамадышского уезда»	1904	1800
«О холере»	1905	2400
«Св.мученики Авраамий Болгарский, Иоанн, Стефан и Петр Казанский»	1905	1200
«Св.Кирилл и Мефодий, просветители славян»	1905	1200
«Житие св.Аверкия, епископа Иерапольского»	1905	1200
«Житие св.Петра мьгаря»	1905	1200
«Св.Апостол Андрей Первозванный»	1892	5000
«Страдания св.мученика Фоки»	1905	1200
«Страдания св.мученика Маманта»	1905	1200
«Житие св.Харитона»	1905	1200
«Житие св.Давида»	1905	1200
«Житие преподобномученика Никодима»	1905	1200
«Житие преподобномученика Романа»	1905	1200
«Житие преподобномученика Ильи Ардуниса»	1905	1200
«Житие преподобного отца нашего Или Ардуниса»	1905	1200
«Житие преподобного отца нашего Виссариона»	1905	1200
«Житие преподобного отца нашего Серапиона»	1905	1200
«Житие преподобномученика Дамаскина»	1905	1200
«Житие преподобной Исидоры, Христа ради юродивой»	1905	1200
«Житие преподобного Симона, Христа ради юродивого»	1905	1200
«Холера и способы борьбы с нею»	1905	2400
«Холера турында»	1905	3000
Итого		559050

Источник: Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.17–25.

Материалы подготовил Радик Исхаков

III. Оренбургские муфтии и их деятельность в «Асаре» Ризаэтдина Фахретдина

Биобиблиографический свод «Асар» Р.Фахретдина, состоящий из четырех томов, содержит в себе 733 очерка о личностях, проживавших на территории Поволжья и Приуралья в X–XX вв. и внесших вклад в развитие духовной культуры тюрко-татар. Свод создавался достаточно длительное время, первая его часть была опубликована в 1900 г., а последний, четвертый, том был завершен после 1911 г. В 1929 г. Р.Фахретдин начинает переписывать и дополнять уже изданные части свода, но эта работа остается незавершенной. Как и все рукописные книги, предназначенные к изданию, свод «Асар» был подвергнут цензуре, в результате которой текст введения первой части был сокращен. Удалению подверглись те слова автора, которые, по мнению цензора В.Д.Смирнова, могли вызвать межнациональную неприязнь или пробудить национальное самосознание коренного тюрко-татарского населения Волго-Уральского региона. Поэтому из введения было вычеркнуто то, что противоречило политике государства в отношении нерусских народов, почти полностью был сокращен один из разделов введения, где говорилось об отсутствии источников по истории тюрко-татар и необходимости возрождать национальную историю.

В 1900–1908 гг. в Казани и Оренбурге были изданы 15 частей свода, составляющих первые два тома, 3-й и 4-й тома не успели выйти в свет при жизни автора.

По словам Р.Фахретдина, он задумал написать этот свод, чтобы его народ знал своих знаменитых людей, которые принесли пользу нации. Большинство среди них – это представители мусульманского духовенства (муфтии, кадии, хазраты, имамы, ишаны) и интеллигенции (мударрисы, мугаллимы, писатели и поэты, ученые), предприниматели. Кроме биографических сведений, в своде «Асар» много другой информации. По биографическим очеркам можно проследить, книги каких авторов были наиболее популярны среди народа, какие из них использовались как учебные пособия. Кроме того, в биографических очерках встречаются и поэтические произведения, которые были приведены Р.Фахретдином для наибольшего раскрытия личности. Большое значение приобретают и личные письма, включенные в состав биографий. По словам автора, они имеют большое общественное значение для будущих поколений, поскольку в них, как в зеркале, отражается социальное и нравственное состояние общества, они дают материал об обычаях и нравах.

Свод «Асар» создан в жанре популярных у мусульман, в том числе и у тюркских народов, биографических очерков, который, видимо, был выбран автором для большего привлечения читателей к своему труду, так как подобный вид литературы позволяет приоткрыть завесу тайны личной жизни известного человека. Р.Фахретдин развил этот жанр до уровня биобиблиографии, раскрывая в своих очерках, насколько позволяли источники, личную и творческую жизнь того или иного человека. От традиционного средневекового арабо-мусульманского биографического жанра автор сохранил хронологический принцип построения биографий – по дате смерти, считая, что так более всего наблюдается преемственность знаний между поколениями. Кроме того, сохранилась традиционная структура самой биографии, где излагались следующие факты: дата смерти и рождения, родители, учеба (где, в каком медресе), деятельность, дети, список переписанных или написанных трудов, воспоминания современников. Последовательность этих событий практически не изменялась, но некоторых пунктов могло не быть из-за отсутствия информации.

Развивая этот жанр и доводя его до уровня исторического нарратива, автор старался как можно более подробно осветить в очерках жизнедеятельность того или иного человека, считая, что каждая отдельная биография является страницей истории. Избрав своим принципом объективность, Р.Фахретдин не стремился утаивать негативные факты и явления из жизни описываемой личности, так как видел в них нравственный аспект. По его мнению, сокрытие ошибок прошлого и отрицательных качеств человека может принести больше вреда, чем их освещение. Для объективного и полного освещения жизнедеятельности личностей автор использовал широкий круг документальных и повествовательных источников. Он собирал источники для написания биографий на всем протяжении создания свода. Первоначально основой для создания очерков стали документы ОМДС, где отложились разнообразные материалы, касающиеся мусульман Волго-Уральского региона. В дальнейшем, будучи редактором газеты «Вақыт» и жур-

нала «Шура» в Оренбурге, он публиковал на их страницах обращения к читателям с просьбой присылать ему сведения об известных личностях. Таким образом, круг источников свода «Асар» пополняется воспоминаниями, рукописями, письмами, которые были использованы автором в разной степени. Р.Фахретдин использовал и исторические произведения (работы Ш.Марджани) и татарскую периодическую печать, в которой размещались некрологи известных личностей. Таким образом, из документальных источников в своде использованы делопроизводственная документация (журналы ОМДС, отчеты, прошения), материалы фискального и административного учета (ревизские сказки, метрики, формулярные списки), сюда же можно отнести такие специфические источники, как эпитафии и колофоны, поскольку содержащиеся в них сведения носят документальный характер, и фотографии. В круг повествовательных источников входят эпистолярные (письма-воспоминания, личная переписка), шаджара, исторические нарративы. Основным источником для написания биобиблиографии послужили повествовательные источники, однако, являясь наиболее субъективными, они подвергались автором тщательному анализу путем сравнения их с документальными источниками. Документальные источники также проверялись. Когда у автора не было возможности установить правдивость сведений, он давал ссылку на источник информации, чаще всего это касалось воспоминаний, не зафиксированных письменно. Среди личностей, которым в «Асаре» Р.Фахретдин уделил особое внимание, следует назвать оренбургских муфтиев. В период работы заседателем ОМДС, помимо основной работы, он активно занимался составлением описей делопроизводственных документов в архиве религиозного управления, целенаправленно искал, выявлял материалы о его руководителях и ввел в научный оборот новые исторические источники о муфтиях Мухамеджане Хусаинове, Гадессаляме Габдрахимове, Габдулвахите Сулейманове, Салимгарее Тевкелеве. Лишь про «действующего» оренбургского муфтия Мухамедьяра Султанова автор написал немного.

Как руководители мусульманского духовенства, оренбургские муфтии играли важную роль в становлении исламских религиозных институтов среди татар, башкир и казахов, а ОМДС стало исполнять функцию консолидирующего центра для мусульманских народов в Европейской части России и Сибири. Председатели Духовного собрания пользовались высоким общественным положением среди единоверцев. Они имели высокий статус и в российской иерархической системе, сотрудничали с высокопоставленными чиновниками, некоторые из них были представлены российскому государю. Муфтии поддерживали связь с видными религиозными деятелями и предпринимателями. Являясь царскими чиновниками и одновременно выступая в качестве официальных лидеров мусульман, оренбургские муфтии по мере своих возможностей способствовали развитию исламской религии и культуры мусульманских народов. В этой связи переписка муфтиев с чиновниками и единоверцами характеризует председателей ОМДС как личностей, в новом ракурсе освещает государственно-исламские отношения в империи, особенности применения норм шариата в повседневной жизни, взаимоотношения между духовными лицами, между имамами и прихожанами. Источники личного происхождения повествуют о чаяниях и нуждах местного населения и даже позволяют почувствовать атмосферу исторической эпохи.

Лилия Байбулатова

Мухаммеджан бине ал-Хусаин бине Габдеррахман.

Первый муфтий Духовного управления мусульман России, скончался в Уфе 17 июня 1824 г. (2 зульхиджжа 1239 г. по хиджре) в возрасте 68 лет и по своему завещанию был похоронен в 60 км на востоке от Уфы, на кладбище деревни Адзитарово¹.

Начальное образование получил в Сеитовской слободе и Оренбурге, также обучался у Мухаммеда бине Гали ад-Дагестани. Позднее предпринял путешествие в Бухару и Кабул, где приобрел дополнительные знания. По словам других, он там встречался с Гатауллой бине Хади, кадием Турсунбаки бине Габдеррахимом и другими, в Кабуле общался с шейхом Фаезханом бине Хозырханом. В этом путешествии он немного изучил персидский язык.

Достопочтенный Марджани говорил о нем так: «После возвращения на отчизну он своими стараниями дал образование и взрослым, и детям Российского государства, указал путь усмире-

¹ Адзитарово – ныне село в Кармаскалинском районе РБ. Д.Адзитарово основана тептярами в 1735 г.

ния казахов, башкир и других народностей, которые не хотели подчиняться России. После образования Духовного управления был назначен его главой и муфтием мусульман. Он пользовался достаточно большим доверием настолько, что к его словам прислушивались при открытии мечети или назначении на должность какого-нибудь человека. Это доверие обходилось недешево, он использовал кадиев как личных служащих, требовал выполнения каждого приказа, назначал на должность кадия необходимых ему людей. В конце жизни его авторитет среди кадиев упал, из-за их противостояния и споров решения Духовного управления стали направляться на рассмотрение прокурора. Продажей муллам званий он собрал большое богатство. Отец мой Багаутдин и Фатхулла ахун, Баймурад бине аль-Мулкари и другие подтверждают его знания, но написанное им достаточно слабо и с ошибками, кроме того, использование им персидских выражений подтверждает ничтожность его знаний и беспомощность. Его ученость намного ниже уровня Фатхуллы ахуна, и возможно даже не доходит до уровня муфтия Габдессаляма».

Судя по формулярным спискам 1815 г., ему в тот год было 57 лет, значит, дата его рождения приходится на конец 1785 г. (по хиджре 1171 г.). Сыну Мирзаахмеду было в то время 19 лет, и он находился на службе в Петербурге в учреждении по делам иностранных исповеданий. Сыну Мирзашахику было 10, Мирзаджану – 6 лет.

Из других официальных документов следует, что муфтий Мухаммеджан происходит из торгового сословия; из материалов 5-й ревизии видно, что он относился в то время к деревне Харамабад (Султанай²) возле Уфы. Сначала числился в иностранной коллегии, затем служил офицером в Оренбурге. 9 июля 1785 г. был выбран пограничной комиссией ахуну для киргизского населения, позже, 22 сентября 1789 г. назначен главой Духовного управления и муфтием мусульман. До этого назначения он провел большую работу по подчинению киргизов Российскому государству, освободил на Кавказе российских пленных и добился обещания кабардинского народа на вхождение в состав Российской империи. Смог поднять авторитет России среди астраханских туркмен. За свои действия он получил подарки от Российского государства. Императрица Екатерина и император Павел Петрович одарили его медалью, украшенной бриллиантами, из Оренбургской казны ему были пожалованы дом, одежда и выплачены денежные вознаграждения.

К сожалению, нам не известна более ранняя биография муфтия. В то время, когда возвращающиеся из Бухары и Кабула становились мударрисами и шейхами, муфтий, по возвращении оттуда, стал офицером. Один из ученых, изучающий историю философии, говорил, что Мухаммеджан Хусаинов в Бухаре и Кабуле занимался не совершенствованием своих религиозных знаний, а был направлен туда Российским государством для решения политических проблем. Правду знает один Аллах. Став муфтием, он очень разнообразил свою повседневную жизнь: одежда, лошади, шубы – все было дорогим и роскошным. По городским улицам разъезжал на четверке лошадей с достоинством. Однако, несмотря на то, что его слава в то время находилась в зените, в конце своей жизни репутация муфтия среди народа сильно упала. Говорят, что муфтий скончался из-за того, что авторитет его понизился, богатство перестало радовать, счастья стало меньше. После его кончины наследникам осталось много золота, бесчисленное количество домашнего скота, домов, выкупленных за бесценок у башкир земельных участков недалеко от Уфы. Только в одной деревне Адзитарово было 2284 десятины земли, которую он выкупил за небольшую цену у башкир деревни Мирас.

Одна из жен муфтия, Гайша, скончалась прежде него. Согласно преданиям, она была турчанкой, захваченной в плен во время русско-турецкой войны. Сначала она была замужем за Исмагилом Апанаевым в Казани, родила от него двух детей – Исхака и Хабибджамал. После смерти Апанаева стала женой муфтия, скончалась в возрасте 79 лет в Казани, где и была похоронена на кладбище между двумя слободами.

Родина другой его жены, Каримы – город Анапа на берегу Черного моря. После смерти муфтия она отправилась к дочери Фатиме и жила до своей кончины на попечении Джихангир хана.

Третья жена, Суфия, была черкешенкой, родилась в 1759 г. (в 1172 г. по хиджре). Сыновья муфтия родились от этой жены. После смерти муфтия она жила в его имении в деревне Адзи-

² Ныне село в Аскинском р-не РБ.

тарово, в полном здравии дожила до 110 лет. Скончалась 2 марта 1866 г., похоронена на пустоши в одном километре к северу от мусульманского кладбища, где находится могила муфтия.

Сын Мирзаахмед провел свою жизнь, не утруждая себя работой и тратя состояние, жил с русской девушкой, которая была известна как Анфиска. Известно, что он проживал в доме, оставшемся ему по наследству от муфтия, и иногда ездил по делам в Уфу. У него было четыре дочери, о детях одной из них в Уфе рассказывали различные истории. Наследство муфтия, перешедшее к Мирзаахмеду, впоследствии перешло к этим четырем дочерям, которые так и не стали мусульманками. Кроме того, мать Мирзаахмеда, Суфия, еще до своей кончины официально завещала его дочерям 500 десятин земли.

Однако в результате многолетних тяжб с населением, земли кудейских башкир³ перешли не к наследникам муфтия, а были возвращены башкирам. Но так как все дела башкир на этом свете заключались в продаже земли, скорее всего, возвращенные им земли муфтия Мухаммеджана кудеи продадут немцам и латышам, если уже не продали, по цене спичек и репы.

Могила Мирзаахмеда находится рядом с могилой его матери, над их захоронениями нет ни камня, ни ограждения. Говорят, что из-за постоянной вражды с простым народом местное население Адзитарово отказалось хоронить их на своем кладбище, поэтому могилы Мирзаахмеда и его матери Суфии находятся на стороне.

Сын Амирджан – офицер, служил в Оренбурге. Скончался приблизительно в 1850–1860 гг. После его смерти остались жена и сын Хусни. Вдова его вторично была выдана замуж за Гайса-мирзу из рода Бикмеевых. Возможно, что часть книг муфтия Мухаммеджана перешла к Гайса-мирзе через эту женщину.

Дочь муфтия, Фатима, была замужем за сыном хана Букеевской Орды Букей хана, Джихангир ханом. От него родились сыновья Ибрагим, Ахмед, Губайдулла, дочери Зулейха, Хадича.

Именно Фатима была причиной хорошего отношения и доброй памяти к муфтию. От своих родственников она отличалась особой религиозностью, умом, добропорядочностью, прозорливостью в делах, чем и завоевала расположение и любовь хана. Благодаря ее стараниям, во всей Букеевской Орде стала распространяться культура. Она смогла привить казахским семьям самые хорошие обычаи и традиции, отвергла те, которые не соответствовали исламу, особое внимание уделяла чистоплотности.

После того, как Фатима стала ханской женой, между Букеевской Ордой с одной стороны, Оренбургским и Уфимским краем, с другой стороны, установились дружественные добрососедские отношения. Состоятельные казахи за свой счет отправляли своих сыновей и детей из бедных и нуждающихся семей учиться в медресе Стерлитамака и Стерлибаша. В настоящее время все авторитетные ученые и известные муфтии Букеевской Орды являются воспитанниками этих двух медресе. Строительство мечетей, назначение имамов и выдача им официальных документов, обучение детей махалли, наречение младенцев древними именами – все эти дела, сделавшие Джихангир-хана популярным, стали возможными только благодаря продуктивной деятельности его супруги.

Умер ли муфтий из-за пыток, находясь под арестом, занимался ли самообразованием в свободное время – это нам неизвестно.

Когда я переписывал эти строки набело, специально посетил деревню Адзитарово. Я отправился туда с намерением увидеть библиотеку муфтия, посмотреть на книги и рукописи, привезенные им из Бухары и Кабула, прочитать письма, написанные ему учеными и выдающимися людьми, и таким образом собрать различные сведения. Однако по приезду не увидел ничего,

³ Кудей (кэзэй) – племя древнетюркского происхождения в составе айлинской группы башкир.

По преданиям, кудейцы ведут свое происхождение с Кавказа, из Средней Азии, Западной Башкирии. В Саяно-Алтайском регионе часть кудейцев отделилась от древнекудейской общности и прошла путь от Алтая до Северного Кавказа. Из южных степей в Волго-Камье они двигались в общем потоке баджгардо-бурджанских племен. В Приуралье они поселились на рр. Ик, Мензеля и смешались с племенами усерган, тангаур и бурзян. В XIII–XIV вв. кудейцы переселились на левобережье р.Белой, где подверглись сильному кыпчакскому воздействию. В конце XIV в. кудейцы занимали оба берега по среднему течению Белой. С активизацией ногайской экспансии на рубеже XIV–XV вв., часть кудейцев расселилась в лесных районах нижнего течения р. Уфы, где смешалась с минцами; другая часть направилась вверх по р. Сим, позднее – на рр. Юрюзань и Лемезу. Эти кудейцы оказались в составе айлинской группы башкир. Контакты между западными и восточными кудейцами постепенно ослабли [см.: Кузеев, 1974].

кроме разваливающегося склепа. В изголовье на надгробной плите выбита красивая надпись. Первая строка – священный аят, после которой идут следующие 9 строк:

- 1 – Он – Создатель, Вечный
- 2 – Покойный прощённый
- 3 – шейх ислама и муфтий мусульман
- 4 – Мухаммеджан
- 5 – бине Хусаин
- 6 – аль-Булгари скончался в
- 7 – 1239 в
- 8 – мизан Душе его
- 9 – фатиха

По-моему, месяц мизан в 8-й строке указан неправильно, так как муфтий скончался не в месяц мизан (сентябре), а в июле, и это зафиксировано в официальных документах. Возможно, эта ошибка произошла из-за того, что сама надпись на камне была выполнена в месяц мизан.

Склеп муфтия сложен из кирпича, давно не обновлялся, обветшал, и в скором времени может полностью разрушиться.

Исследуя жизнь муфтия, понимаешь, что его ум и сообразительность превышали знания и образование. Его смелость и ораторское искусство затмевали недостаточность знаний настолько, что башкиры признали его величайшим ученым. Однажды один из его родственников при большом скоплении народа хотел огласить свое родство с ним, на что муфтий ответил: «Неправду говоришь, разве могут быть родственники у муфтия?». Этими словами муфтий хотел показать, что у него не может быть друзей и родственников в том, что касается его непосредственной деятельности. Надо сказать, что у него была причина так говорить. Однако в том, что он ставит себя выше других и открыто говорит об этом – видна его обреченность на несчастье...

Говорят, что у муфтия были большие способности к русскому языку, но свидетельств этому не сохранилось.

Дом в Уфе, на углу улиц Телеграфной и Пушкина, где он проживал, находился в его собственности. Дом был деревянный, который сгорел во время пожара, и на его месте было построено каменное здание. Возможно, что Духовное управление находилось в одном из его домов.

Было нелегко найти написанные им судебные решения. Здесь приводятся восемь писем, написанных его рукой, с сохранением всех ошибок. ...⁴

Седьмое письмо.

«Господину голове Буинского округа Рафику Валиду ...

В июне месяце я встретился с Габделмаджидом, сыном Сафара, из вашей волости. Имамы этой волости, по приказу господина исправника Буинского уезда, разбирали дело о законности никаха, совершенного муллой Валидом, сыном Биккула, между вышеупомянутым Габделмаджидом, сыном Сафара, и Бибахибой, дочерью Сагида. Господин исправник признал Бибахибу законной женой Габделмаджида в присутствии вышеупомянутых имамов и головы. Так как все это было совершено согласно законам шариата, с моей стороны была дана фетва, за №84, в которой Бибахибя признается законной женой Габделмаджида. Согласно этой фетве, глава и имам Валид, сын Биккула, должны допросить муллу Нигматуллу, сына Башира, по каким законам шариата он совершил никах между Бибахибой, которая является женой другого, и Сайфетдином, сыном Бикбова. Взяв у него ответы, вы должны прислать мне рапорт.

Во-вторых, если не будет согласия отдать Хабибу Габделмаджиду, тогда, сообщив об этом господину исправнику, взяв самого исправника, и с его помощью вернуть ее мужу. Если он откажет господину исправнику, то исправник должен сообщить об этом симбирскому губернатору Андрею Федоровичу Умансову, который, запретив все незаконное, вернет Габделмаджиду, сыну Сафара, жену, о чем сообщите мне рапортом. Господин голова, спросив судебные решения у прежнего головы Ибрагима и двух мулл и показав фетву, мной данную, господину исправнику, должен принять решение. Муфтий. 1820 г., 7 июля. №87».

⁴ В оригинале приведено восемь писем, шесть из которых написаны на персидском языке, одно – на смеси татарского, арабского и персидского. Здесь приводится одно из писем, написанное на татарском языке.

Еще семь писем муфтия вошли в «Мустафадель-ахбар» (ч.2, с.83–84, 290–295). Так как все письма однотипные, стиль один и тот же, даже ошибки, я считаю, что они переписаны с одного черновика.

Заключение:

Почему, при наличии родного тюркского языка, муфтий написал эти приказы и фетвы на персидском языке? Здесь, наверняка, есть какой-то секрет, который нам пока неизвестен. Нет ничего плохого в том, чтобы научные работы и произведения, предназначенные для всего народа, были написаны на персидском или арабском языках. Однако произведения муфтия не являются ни общемусульманскими, ни научными работами. В этом случае предпочтение персидского языка перед единственным наследием наших отцов, дедов и матерей – родным языком – является непростительным грехом.

В период, когда были завоеваны Иракские области, мусульманское государство официально использовало персидский язык, чтобы его не забыло местное население. По этой же причине в Египте использовался коптский, а в Сирии – греческий язык. Спустя какое-то время эта традиция исчезает и начинает использоваться арабский язык.

Интересно, тибетский лама для своих единоверцев пишет приказы и религиозные послания на арабском или латинском языке? По-моему, он написал бы их для каждого народа на понятном ему языке. Так почему же муфтий писал важные наставления, предназначенные для башкир Тимурбая и Савалея, на персидском языке? Если он беспокоился о судьбе этого народа, их надо было написать на его языке, если же заботился о своей должности, то на русском языке, который признан государственным.

Те сородичи, которые утверждают, что наш язык бедный, для разговора и письма не хватает слов, прикрывают таким образом свою лень, чтобы ничего не писать и не читать написанного. Возможно, они и правы, но ведь есть такие люди, которые обогащают язык, разговаривают и пишут на нем. Я не слышал, чтобы какой-то язык смог развиваться, находясь в одном состоянии, подобно ржавому железу. ...

Да будет слава Аллаху, чтобы ни для какого народа не показались лишними солнечный свет и наследие матерей – родной язык.

Письма, адресованные муфтию.

Первое письмо.

По приказу великого императора Александра Павловича, Духовное собрание в июне 1810 года отправило меня, сына Рахманкула, имамом на Макарьевскую ярмарку для чтения намаза для купцов-мусульман и исполнения других духовных треб. В то время, когда я исполнял возложенные на меня обязанности, указной имам деревни Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии⁵ Хабибулла, сын Хусаина, чинил мне препятствия в работе. В оправдание своих действий он приводит указ казанского гражданского губернатора. Во-вторых, мою деятельность ограничивает и мулла третьей мечети Старой слободы города Казани Сагид ахун, несмотря на то, что у него нет никакого приказа. С собой он привез своего муэдзина Халида, не давая возможности мне поставить своего муэдзина. Сюда же прибыл и имам Муртаза из деревнянной мечети Старой слободы. Кроме этих людей, больше никто не беспокоил меня. Кроме того, все деньги, собранные с магазинов при мечети, остались у торговца Башира, сына Гаида, из Старой слободы, нам деньги не выдавались. Так как мечеть находилась далеко, мы сами построили мечеть из досок, совершили намаз, прочитали молитву во здравие императора. Абушахма, сын Рахманкула, имам, мударрис, мухтасиб деревни Кулай Малобахтинской волости Чистопольского уезда. 18 сентября 1810 г. ...

Третье письмо.

Отвечаю на ваше письмо под №9: Хабибулла, сын муллы Хусаина из д.Ура, достоин исполнять духовные требы среди мусульман, т.к. 4 сентября 1802 года император дал этому человеку указ о разрешении выполнять религиозные обряды мусульман.

Во-вторых, в июне 1810 г. мусульманские торговцы, подав прошение, просили моего разрешения о назначении сына муллы Хусаина имамом. Поэтому я написал приказ нижегородскому губернатору о назначении сына Хусаина имамом для мусульман, прибывших на Ма-

⁵ Ныне село в Балтасинском р-не РТ.

карьевскую ярмарку, о чем вам и сообщаяю. №1765. 1811 г., 29 марта. Подпись неразборчива. Других пометок нет.

*Третье письмо*⁶.

24 мая 1811 г. в Министерстве внутренних дел и юстиции было рассмотрено Ваше прошение касательно Хабибуллы, сына Хусаина, из деревни Ура Царевококшайского уезда. 30 января 1803 г. Духовное собрание сняло его с должности по причине поездки в Петербург без разрешения соответствующих органов. Как видно из судебного дела, Хабибулла, сын Хусаина, относится к плохому мазхабу, он провозгласил себя шейхом, в Саратовской губернии объявил себя угодником и чудотворцем; открыв собственную канцелярию, поставил там дорогой стул и собирает деньги. Однако расследование земского суда ничего из этого не подтвердило. Поэтому дело сына Хусаина было передано в Уголовную палату Саратова. Саратовский гражданский губернатор сказал об этом деле следующее: Шагбан, сын Муссы, пригласил своего учителя Хабибуллу, сына Хусаина, к себе в гости. В феврале 1802 г. Хусаинов сын находился в доме Шагбана, сына Муссы, в деревне Труир, и никуда из этой деревни не отлучался. Некоторые жители близлежащих сел по собственному желанию встретились с сыном Хусаина и вместе совершили намаз. Каждый добровольно дал сыну Хусаина садаку, кто сколько сможет, но сбора имущества, дорогого стула, объявления себя угодником и чудотворцем не было. По мнению мусульман, мулла Хабибулла – человек ученый, исполнительный, старательный. Также казанский гражданский губернатор добавляет к этому: «Большинство мусульман верят Хабибулле, сыну Хусаина, считают его справедливым, отмечают его святой характер». Вы утверждаете об испорченности Хабибуллы, сына Хусаина, но не приводите доказательств. К прошению, отправленному к министру юстиции, вы приложили книгу. Вы говорите, что на с.58–59, где приводится родословная пророка Мухаммеда, Хабибулла утверждает, что он и некий Джагфар являются халифами. Переведя эти страницы, мы не увидели того, о чем вы заявляли. Министр юстиции ответил на это такими словами: «Вам не приличествует писать такие несерьезные вещи». Поэтому для сохранения уважения к Вашей должности не следует предлагать нам дела, не соответствующие истине. Князь Александр Голицын. Санкт-Петербург. №127. 16 марта 1812 года.

Четвертое письмо.

Мы ничего не имеем против того, чтобы Хабибулла, сын Хусаина, проявлял послушание Духовному собранию, т.к. является мусульманским ученым. Это Ваше желание не останется без внимания. Согласно Вашему прошению, император в 1804 году издал приказ о выдворении его из Петербурга. Однако по сведениям, полученным из Министерства внутренних дел и юстиции, вышеупомянутый сын Хусаина признан невиновным. Казанский губернатор, со своей стороны, также оправдывает его. На основании этого я не могу дать предписание об освобождении его от должности. Князь Голицын. Санкт-Петербург. №516. 5 сентября 1812 г.

Пятое письмо.

В отношении Вашего письма от 12 октября 1812 года, по поводу сына Хусаина, я обратился к казанскому губернатору. Казанский губернатор, после тщательной проверки, признает этого человека как честного и с хорошим характером. Копия бумаги с проверкой прилагается к этому письму. Поэтому, с моей точки зрения, Вам необходимо прекратить вражду с этим человеком. Князь Александр Голицын. Санкт-Петербург. №381. 21 августа 1813 года.

Заключение.

Кроме первого письма, в остальных письмах передано только содержание. Письма самого муфтия слишком длинные, и, по традиции прошлого века, написаны неразборчиво, поэтому мы решили их не переводить. Из написанного здесь и так понятно, что муфтий не уважал Хабибуллу-ишана. Нам кажется, что муфтий недолюбливал последнего из-за возможности назначения его муфтием. Об этом он писал в своих письмах князю Голицыну, который в это время занимал должность обер-прокурора Синода.

Во времена муфтия в Уфе не было места для захоронения мусульман и мечети для совершения намаза. Только благодаря его стараниям в Казани были изданы некоторые произведения, ради этого мы обязаны вспоминать его с благодарностью. На одном из произведений Мухаммеда бине Баркили (Мухаммед эфенди Баркави), объемом 171 страница, изданном при посредстве Габделгазиза, сына Туктамышя, в 1802 г., напечатано: «С разрешения муфтия Му-

⁶ Так в тексте документа.

хаммеджана». Было приложено много сил для развития Духовного управления, признания его официальным учреждением. Всем известно, что такие дела требуют неимоверных усилий. Да простит его Аллах!

Источник: Фахретдин Р. Асар. Дүртгенче жөзөз. Оренбург, 1903. Б.181–200.

Габдессалам бине Габдеррахим бине Габдеррахман бине Мухаммед.

Второй муфтий Оренбургского магометанского духовного управления в России, скончался 30 января 1840 г. (по хиджре 7 зульхиджжа 1255 г.), похоронен 2 февраля (10 зульхиджжа). В это время по христианскому летоисчислению он находился в возрасте 67 лет, по хиджре – 70 лет.

Подобно большим базарам в Уфе, на его похоронах собралось большое количество народа. Заупокойную службу провел известный мударрис и ахун деревни Балыккыкулево Хуснетдин бине Шамсетдин бине Джагфар аль-Иждани. Однако время смерти муфтия не занесено ни в метрические книги мусульманской махалли Уфы, ни в метрические книги деревни Балыккыкулево. Чтение заупокойной молитвы Хуснетдином бине Шамсетдином было связано с отсутствием в это время официального имама Уфы, или с завещанием самого муфтия, или же по желанию первостатейных муфтиев города Уфы.

В сборнике, изданном в 1891 году к столетию Духовного управления, на 42 стр. годом смерти муфтия ошибочно указан 1839 г. Наши данные подтверждают слова, написанные на полях некоторых старых книг. Кроме этого, ошибочность этой даты подтверждают и журналы Духовного управления. Так, например, в журнале от 10 января 1840 г. (в среду) свои подписи поставили председатель – муфтий Габдессалам бине Габдеррахим, члены – имам Таджетдин бине Максуд, Габделджаббар бине Рахманкул, Мухаммедсадык бине Галиакбар. 11 января, в четверг, в журнале зафиксированы подписи только членов, в конце приписано: «Вследствие болезни оренбургский муфтий не присутствовал». В журнале за 15–17, 22–25, 29 числа говорится о болезни муфтия, 30 января (во вторник) в конце журнала, в 13 статье, записано следующее: «Сегодня, не оправившись от болезни, муфтий скончался, о чем будет сообщено в Оренбургское губернское правление и министру внутренних дел».

Могила.

Могила муфтия находится на самом краю кладбища, в той стороне, где заходит ночное солнце. Сохранились остатки каменной ограды. Надгробие, выполненное из быстро крошащегося камня, очень быстро разрушилось. В настоящее время могила муфтия находится внутри каменного ограждения, с деревянной, выкрашенной в зеленый цвет, решеткой. Рядом с ним покоится его супруга Марфуга, дочь Габдеррахмана. У обоих в изголовье стоял камень, но из-за плохого качества они быстро раскололись и окончательно пришли в негодность. Надписи на них как будто бы и не было. Когда я летом ходил на кладбище, постоянно посещал эту могилу и читал молитву. К сожалению, до сих пор на могиле нет камня с именем и датой смерти, и никто не беспокоится об этом. Поэтому через несколько лет могила муфтия может быть забыта окончательно. ...

Наследство.

Ко дню смерти муфтия его имущество оценивалось в 4 849 тысяч руб. 34 коп. Его совершеннолетние наследники подтвердили это с долгом в 1 100 руб. По приказу Оренбургского губернского управления раздел имущества был возложен на члена Духовного управления Габделджаббара, сына Рахманкула, и ахуна Габделгалима, сына Тагира, из села Киргиз Мияки Белебеевского уезда⁷. Сын муфтия Ахмади находился в это время в Бухаре, поэтому вместо него заместителем был назначен переводчик Салих мирза бине Хасан мирза Мамлиев. Однако в тетради записи имущества не зафиксировано общего количества и названий книг муфтия, и какая книга кому из наследников определена.

Происхождение и дата рождения.

Муфтий родился в 1774 г. (1188 г. по хиджре) на родине отца и деда в деревне Абдрахманово Бугульминского уезда⁸. Деревня эта расположена на левом берегу реки Зай, на почтовом

⁷ С.Киргиз-Мияки с 1866 года – центр одноименной волости, сегодня – центр Миякинского р-на РБ.

⁸ Ныне деревня в Альметьевском р-не РТ на р.Степной Зай, в 18 км к юго-востоку от г.Альметьевска.

тракте между станциями Альметьевск и Карабаш⁹. Муфтий происходит из тептяр, название деревни пошло от имени его деда.

Период зрелости.

Проучившись в некоторых местах Бугульминского уезда, он отправился на обучение в Казань к Ибрагиму эфенди Худжашу. Ибрагим эфенди родился в деревне Шарлама¹⁰, неподалеку от села Абдрахманово, поэтому возможно, что между ними могли быть родственные или дружественные связи. Прожив некоторое время в Казани, он по каким-то причинам отправился в Сеитовскую слободу (Каргала) и обучался там у Габдеррахмана бине Мухаммедшарифа аль-Кирмани.

В связи с тем, что для проезжающих послов Бухары, Хивы, Ташкента, а также для Первой соборной мечети, построенной в Оренбурге российским государством для мусульман Азии, требовался имам, этот человек [Габдессалам] был назначен имам-хатибом, а впоследствии ахунном. По рассказам, мусульмане Оренбурга, поехав в Сеитовскую слободу, обратились к Габдеррахману бин Мухаммедшарифу аль-Кирмани с просьбой дать им одного из шакирдов для временного исполнения мусульманских треб, чтения молитвы таравих в месяц рамазан и обучения детей. Габдеррахман хазрат показал на него [Габдессалама]. По прибытии в Оренбург он прилежно выполнял свои обязанности, кроме того, обладал ораторским искусством, был доброжелателен, чем завоевал расположение мусульман, в особенности состоятельных людей. Позже мусульмане Оренбурга выбрали его имамом в соборную мечеть.

Официальная биография.

Судя по формуляру, в 1826 г. муфтию Габдессаламу бине Габдеррахиму исполнилось 53 года. Вместе с ним проживали сыновья Габдеррауф 20 лет, Ахмади 11 лет, Гиниятулла 1 года.

17 октября 1799 г. он был определен в каменную мечеть имамом, а 14 августа 1805 г. – ахунном и мударрисом. 16 августа 1806 г. за службу Российскому государству ему было определено ежегодное вознаграждение в размере 150 руб. В 1814 г. был награжден золотой медалью, кроме того, было добавлено 80 руб. к прежней сумме, и размер ежегодного вознаграждения достиг 230 руб. В 1817 г. он был освобожден от всех подушных платежей, в сентябре к прежней сумме было добавлено еще 70 руб., что составило 300 руб. годовых. По прошению оренбургского генерал-губернатора Эссена¹¹, в 1820 г. был вознагражден суммой в 100 руб. В составе общества по изучению деятельности Киргизской Орды 14 октября 1823 г. посетил Ширгази хана бине Айчувак бине Нургали хан бине Абульхаер хана. За добросовестное выполнение своих обязанностей при хане 28 апреля 1824 г. российское государство наградило его золотыми часами стоимостью 500 руб.

30 сентября 1825 г. указом императора Александра I назначен муфтием Духовного управления. 7 мая 1826 г. выдано ему из казны в виде подарка 4 тыс. руб. для постройки дома.

После этого были другие медали, денежные вознаграждения и события, но мы не видели его последнего формуляра.

Жены.

Первая жена Марфуга – дочь известного ученого Габдеррахмана бине Туймухаммеда из деревни Тайсуган¹², расположенной на берегу реки Зай в двух километрах от села Абдрахманово. Эта жена скончалась в Уфе прежде муфтия. После смерти муфтия осталась вторая жена Фархибану, дочь Рахматуллы.

Дети.

После смерти муфтия остались его дети: Габдеррауф, Ахмади, Гиниятулла, Бибибадерсафа, Бибимахиджихан, Бибисарвиджихан, Бибифахриджихан. Известна также дочь Анвархан, выданная замуж за караванбаши из Бухары, хаджия Назарбая бине Ишмухаммеда, которая, возможно, скончалась прежде муфтия.

⁹ Сейчас город областного подчинения в Челябинской обл. Расположен на Южном Урале, в 90 км от Челябинска.

¹⁰ Ныне деревня в Альметьевском р-не РТ.

¹¹ Эссен Петр Кириллович (1772–1844, СПб.), граф (1833), государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1819). В 1817–1830 гг. – оренбургский военный губернатор.

¹² Сейчас деревня в Альметьевском р-не РТ.

Бибисарвиджихан была замужем за башкирским кантонным Шейхульисламом бине Мухаммедрахимом Султановым из деревни Мастеево Мензелинского уезда¹³. У нее родились дети Нафиса, Шайхеззаман, Амиртимур, Марьям. Нафиса была выдана замуж за переводчика Духовного управления в Уфе Рахматуллу, сына Мирзасалиха Мамлиева, скончалась в возрасте 34 лет 4 марта 1866 г. (шавваль, 1281 г. по хиджре). Могила ее находится примерно в 25 аршинах к северу от могилы муфтия Габдессаляма. На камне написаны дата смерти, возраст, имена оставшихся детей, но камень сломан, поэтому вскоре эта могила затеряется. Кроме Нафисы все дети живы.

Бибифахриджихан замужем за известным казанским купцом Исхаком бине Мустафа бине Муртаза бине Давид бине Юсуф бине Мухаммед бине Апак. Дети: Шайхегаттар, Бахтегарей, Махиджихан, Хусниджихан. Бахтегарей скончался в Казани в 1880 г. (1297 г. по хиджре).

Габдеррауф, имам Первой каменной мечети Оренбурга, известен как «Эфенди хазрат», позже получил звание ахуна. Преподавал религию шакирдам-мусульманам Кадетского корпуса, с жалованием 500 руб. годовых. Решением Совета Министров от 17 июня 1830 г. и указом императора вместе с братом Гиниятуллой получил тарханство. После освобождения в 1843 г. от должности имама и ахуна, благодаря защите больших чиновников, получил постоянную должность мугаллима; позже, оставив преподавание по собственному желанию, ушел на пенсию. Скончался 15 февраля 1881 г. (15 рабигуль-авваль, 1259 г. по хиджре) в возрасте 76 лет. Похоронен на Оренбургском кладбище. Никаких сведений о методе преподавания и воспитания им шакирдов не сохранилось. Не выезжая в Бухару и Кабул, самостоятельно выучил персидский язык и свободно на нем разговаривал. Жена была родом из Астрахани – дочь Джабир ахуна, кадия Джихангир хана. У них родился один сын Хабибулла. Он был имамом в этой же мечети, где прослужил несколько лет до своей кончины. Говорили, что у него «знания хорошие, благодаря ему имя муфтия вспоминали бы в молитвах, но жизнь его оказалась коротка». В экзаменационной тетради Духовного управления его рукой написаны такие строки: «11 ноября 1861 г., я, проживающий в Оренбурге тархан Мирхабибулла, сын старшего ахуна Габдеррауфа Габдессалямова, прибыл в Уфу к муфтию хазрату, высшему должностному лицу, для получения должности имама соборной мечети этого города. В нашем городе проживает более 200 человек, жены нет. Изученные мной уроки – «Мухтасар», «Шархе викая», «Фараиз». Наставник мой – дамелла Габдулла аль-Мачкарави».

Ахмади в декабре 1834 г. назначен Оренбургским губернским правлением имамом и старшим ахуном в Первую каменную мечеть Уфы. В результате долгих и разнообразных событий в июле 1843 г., во времена муфтия Габделвахида Сулейманова, был освобожден Духовным управлением от должности. Да простит его Аллах, говорят, что его поведение было неприличным. Обучался в Казани у Габденнасир ахуна ибне Рахманкулия и Исхака бине Сагита, в Мачкаре¹⁴, в медресе Габдуллы бин Яхья аль-Чиртуши, после чего был назначен имамом в эту мечеть. После этого отправился в Бухару в медресе Кугельташ¹⁵. Вернувшись в год смерти муфтия, приступил к своей должности. От брака с дочерью Шарафетдина аль-Эстерли Бибигабидой родился сын Махди. Развелся с ней 21 марта 1843 г. Махди, женившись на вдовой дочери астраханского ахуна Джаббара Зухре, жил в Стерлитамаке вплоть до своей кончины в 1878 г. (1295 г. по хиджре).

Говорят, что кроме Махди у Ахмади был еще один сын Хайдар. После освобождения Ахмади от должности, он уехал из Уфы к своему зятю в деревню Мастеево, где и скончался.

Матерью Габдеррауфа, Ахмади, Сарвиджихан и Фахриджихан была Марфуга, дочь Габдеррахмана. О других детях сведений нет.

Родственники.

Габделмуэмин, Махбубджамал, Махбубджихан. Габделмуэмин постоянно проживал в деревне Стерлибашево. Один из сыновей – Габдерракиб – был имамом прихода Барудия в Казани, второй сын – Габделхаким – был имамом в деревне Абдрахманово. У каждого было много детей и большое потомство.

¹³ Сейчас деревня в Актанышском р-не РТ.

¹⁴ Ныне д.Маскара Кукморского р-на РТ.

¹⁵ Кугельташ, Кукельташ (Кукельдаш) – одно из крупнейших медресе Бухары, имевшее значительные вакуфные имущества. Построено в XVI веке Кулбобо Кукельдашем – одним из влиятельных сановников Абдуллы-хана (1557–1598).

Махбубджамал замужем за известным кантонным начальником Оренбургского уезда Габдуллою бине Давлетшах бин Гаделшахом. Потомство осталось.

Махбубджихан была замужем за неким Хамзой в Оренбурге. Говорят, есть дети и внуки.

Другие сведения.

Благодаря стараниям и упорности муфтия Габдессаляма, казанский купец Муэмин бине Тагир бине Назир бине Туктамыш бине Ходжасейд построил в Уфе Первую каменную мечеть. До нее нет никаких сведений о наличии мечети в городе. При входе в мечеть на камне над второй дверью написаны такие слова: «Эту мечеть построил мирза Муэмин бай бине Тагир аль-Казани благодаря стараниям муфтия Габдессаляма. ... Мечеть открылась 7 марта 1830 г. (12 рамазана 1246 г.)».

Став муфтием, однажды он поехал на свадьбу сватом в деревню Урсай Бугульминского уезда¹⁶, на берегу реки Ик. По преданиям, при въезде в деревню для встречи муфтия были направлены шакирды, которые, став позади саней муфтия, читали хвалебные стихи. После с муфтием встретились ученые и известные люди, прибывшие со всей округи.

Войдя в дом, муфтий, исполнив просьбу обеих сторон, прочитал хутбу никах. По каким-то причинам хутбу он читал не по памяти, а по тетради, потом записал в метрической тетради следующее: «Дочь башкирского главы 12 кантона деревни Урсай Бугульманского уезда Шахингарей, сына Курмакея Нугайбекова, девица Газиза Мафтуха, стала женой майора, князя Асфандияра, сына Мустафы Максудова. 1835 г., 11 февраля (на этом месте они поставили свои подписи по-тюркски, после них подписи поставили 2–3 мурз как свидетели). Махар в сумме 11 тыс. руб. был выплачен полностью на свадьбе; Шахингарей, сын Курмакея, принял его в свои руки, чтобы передать дочери. Основываясь на указ императора, по которому брачующиеся мусульмане должны давать по 30 копеек для постройки мечети, Шахингарей Нугайбеков, соответственно своему положению, заплатил 30 руб. бумажной купюрой. Я, муфтий Габдессалям, сын Габдеррахима, прочитав по просьбе обеих сторон никах, записал об этом в тетрадь и поставил печать». Печать была официальная, закрепленная сургучом.

Упомянутые здесь Нугайбеков и Максудов – известные в свое время фамилии. Асфандияр мирза – родной брат матери муфтия Салимгарей мирзы бине Шахингарей Тафтилева Зулейхабики. Жил в деревне Килем Белебеевского уезда¹⁷. После смерти мирзы Асфандияра, жена его Мафтуха, дочь Шахингарей, 30 лет была вдовой, после чего вышла замуж за кантонного начальника Гарди Сыртланова, оставшись и после него вдовой, скончалась в 1893 г. (1310 г. по хиджре). Похоронена в деревне Килем. Ко мне обращались с просьбой написать ее имя и годы, чтобы выбить их на надгробном камне. По-моему, потомков у нее не осталось. Наши прославленные мурзы, обладая огромным состоянием и достигшие богатства подобно Ротшильду, не смогли написать и издать небольшой книжицы о своих предках.

Так как в то время в Уфе не было официального имама, муфтий сам исполнял пятничные и праздничные молитвы, а также другие приходские требы, иногда возлагал эту работу на членов Собрании.

Первые приехав в Уфу 17 февраля 1891 г., я встретил Валиулла, сына Гаделшаха Терегулова, который лично знал муфтия Габдессаляма. На мой вопрос: «Не могли бы вы рассказать мне что-либо из жизни муфтия Габдессаляма?», он рассказал следующее: «До сих пор перед моими глазами стоит его пятничная проповедь. Он был крупного телосложения, с большим открытым лицом, солидной бородой. Голос его был прекрасным и внушительным, народ слушал его с наслаждением. Иногда, когда он читал проповеди, по его длинной белой бороде стекали слезы. Также не могли сдерживать слезы и прихожане». Похоронен этот Валиулла на кладбище Уфы. ...

Почтенный Марджани сказал об этом человеке следующее: «После смерти муфтия Мухаммеджана, по просьбе народа, казанский губернатор нашел достойным на эту должность ахуна Габдессаттара бине Сагита и предложил его кандидатуру на рассмотрение правительства. Однако Габдессалям хазрат, будучи более просвещенным и на их [правительства] стороне, также и по просьбе оренбургского губернатора, был назначен муфтием. В отместку Сагиту бине Ах-

¹⁶ Ныне д. Урсаево Азнакаевского р-на РТ.

¹⁷ Ныне деревня в Буздякском р-не РБ.

меду, за Габдессаляма был и Ибрагим бин Худжаш из Казани. Муфтий Габдессалям был человеком церемонным, но открытым».

Дом.

Дом муфтия находился на востоке от Первой каменной мечети, между улицами Воскресенская и Бельская. После него этот дом был продан Тафтилеву, разделен на две части. В части, ориентированной на киблу, Салимгарей (муфтий) построил себе дом. Северная часть дома и старые постройки отошли сиротскому дому. Старые дома по углам этого сиротского дома были выстроены еще муфтием Габдессалямом, в доме возле мечети он жил сам, другой дом был отдан Духовному управлению в аренду. Землю с западной стороны мечети он подарил одной из своих работниц по имени Марьям. Сейчас на этом месте красивый сад. Одно время Марьям была известной женщиной в Уфе: кантонные и чиновники, приезжающие в Уфу, шакирды, прибывающие для сдачи экзаменов, ахуны и хазраты, определенные на службу в Духовное управление, башкиры, продающие землю – все они останавливались в ее доме. Скончалась она давно.

Письма. В этом разделе приведены письма муфтия, сохранившиеся в его библиотеке. Эти письма не представляют ничего важного, но они могут способствовать раскрытию нравственности и обычаев ученых и нации того времени, определению степени их знаний и просвещенности, способностей и мышления. Часть писем переписана дословно, часть из них переписана с изменениями. Для желающих узнать степень учености муфтия будут интересны письма, переписанные полностью. Письма разделены на два раздела, в первом даны официальные и полуофициальные письма, во второй раздел вошла частная переписка.

Первый раздел¹⁸.

Второе письмо. Единоверцы и братья по крови! Мы, нижайший раб божий, по воле Аллаха и указу императора 30 сентября 1825 года назначены на должность муфтия. Живя и работая в городе Уфе, мы обделены возможностью совершать вместе со всем народом обязательный пятикратный намаз из-за отсутствия в городе мечети. Отсутствие мечети в городе, где находится муфтий всех ученых и образованных людей, вызывает удивление и унижение. Мы видим необходимость в постоянном приезде в наш город ученых, проживании здесь купцов и мещан, мурз и военных. Мы желаем оставить о себе добрую память, построив нашими силами в этом городе каменную соборную мечеть, и возле нее дома, необходимые для имама, муэдзинов, приезжающих сдавать экзамены, и ученых. Каждый из вас, будучи искренен к Аллаху, сообразно своим возможностям и совести может пожертвовать деньги на постройку мечети и остальных зданий, о чем будет записано вашей рукой в прилагающейся к этому [воззванию] тетради. Благодаря этому им будет святое благодеяние и откроются врата в рай. 1827 год, 24 сентября.

Четвертое письмо. Во имя Аллаха, милостивого и великодушного. Наставление. Братья по религии и мусульмане! Знайте и понимайте. Я, муфтий Габдессалям, сын покойного муллы Габдеррахима, переписывая разные риваяты и выражения из уважаемых книг, направляя вместе с этим фетву, приказываю всем ахунам, мухтасибам и ученым: они, каждый в своей махалле, в пятницу и праздничные дни должны давать наставление каждому члену прихода о том, чтобы они исполняли только те дела, которые не противоречат шариату, о том, что они находятся в подчинении Аллаха, чтобы они не противоречили воле Аллаха, не совершали греха и не говорили злых слов, опасались от совершения обмана и клеветы. Великодушный и Великий Аллах говорит в священной книге: «Я произвел на свет людей только для того, чтобы они мне поклонялись». Как видно из этих слов, необходимо следовать предписаниям Аллаха и постоянно поклоняться ему, остерегаться греховных деяний и не идти против его воли. В одном из аятов написано: «Дети Адама! Вы считаете, что рождены для бесполезной жизни? Нет, вы рождены для поклонения и послушания». Как можно, оставив поклонение и послушание, совершать грехи? Считаете, что не сможете возвыситься под нашим покровительством? Обязательно возвыситесь. Исходя из ваших деяний, в судный день каждое ваше желание будет подвергнуто каре, однако в этот день ваши занятия не будут судимы. То есть если вы совершили благое дело, то и наказание будет мягким, и будете вы вознаграждены, и войдете во врата рая, где вкусите наслаждений. Если ваши дела грешны, то и наказанием для вас будут адские страдания. Если будете соблюдать обычаи пророка нашего Мухаммеда и следовать шариату, то в судный

¹⁸ В данный раздел вошло 11 писем муфтия, написанных в 1826–1837 гг. на татарском, арабском, персидском и турецком языках. Здесь будут даны переводы писем, написанных по-татарски.

день станете ближе к нему. Так как Мухаммед говорил: «Моими приближенными становятся те, кто следует моим обычаям и совершает дела согласно шариату». Вы знаете, что сделал Мухаммед, приложив усилия к поклонению и послушанию, вы тоже можете это сделать: есть и пить то, что положено по шариату и считается разрешенным, отказываться от запрещенного, не собирать безбожные и нечестивые гульбища, не клеветать, не прелюбодействовать – в общем, отказываться от всего греховного и противоречащего шариату. Покаявшись по уже совершенным грехам, призывая друг друга к святости и не допуская деяний против шариата, и прислушиваясь к наставлениям своих ученых, оградите себя от мук ада. Совершая святые деяния, в судный день вы будете наравне со святыми и осчастливлены милостью Аллаха. Как написано в священной книге, в рай войдут те, кто совершил достойные дела, был послушен Аллаху, отказался от вредных и грешных дел, безбожники же будут подвергнуты разным мукам ада, согласно их деяниям. Совершая пятикратный намаз вместе с народом, в праздничные и пятничные дни совершайте молитву во здравие нашего императора, семьи его и наследников, и прилагайте все усилия для исполнения его указов, выплаты налогов и податей, и воздастся вам за это на том свете.

Муфтий Габдессалам, сын дамеллы Габдерахима. Написано в городе Уфа в 10 день месяца мухаррям 1833 г.

Пятое письмо. Братья по религии! Следуя воле Аллаха, вы должны избегать ослушания и грешных дел. Кроме того, обязаны подчиняться воле и приказам великодушного императора Николая Павловича, слушать его и проявлять послушание, а для поддержания своего существования не жалеть свое тело и душу.

На основании указа Духовного собрания ахуны и имамы должны распространять и объяснять это наставление среди прихожан своей махалли и предупреждать их от совершения противоправных дел. Только подчиняясь воле Аллаха, проявляя терпение, можно получить божественное вознаграждение. Те, кто наносит себе увечья, скрываясь от военной службы, заслуживают кары божьей. Членовредительство – это великий грех. В шестидесятой части книги «Хадими», где подробно описываются величайшие грехи, говорится, что в число больших грехов входит самоубийство и членовредительство. О людях, которые не согласны с наказаниями Аллаха, выражают недовольствие данными нам благодеяниями, проявляют нетерпение и не желают переносить тяготы, есть священный хадис, в котором выносятся им предупреждение. В 34 части книги «Хадими» сказано: «Первое, что написал Аллах на доске судеб: «Воистину, я Аллах, и нет другого бога, кроме меня. Если кто-то будет не согласен с моими предписаниями, недоволен благодеяниями, будет нетерпелив к тягостям, значит, он отрицает Аллаха».

Поэтому тем, кто верит в истинную сущность веры, необходимо проявлять осторожность. Необходимо подчиняться указам падишаха и хакимов, не оказывать сопротивления исполнению ферманов. В Коране сказано: «Те, кто принял веру, подчиняйтесь Аллаху и пророку его». Пророк Мухаммед сказал: «Обязательное правило для мужчин – подчинение приказам и послушание, несмотря на горе или радость».

(Проверил: заседатель Габденнабир-мулла, сын Алмухаммеда).

Шестое письмо. По величайшей милости великого императора, для появления врачей среди мусульман, было разрешено отправлять представителей мусульманского общества в Казанский университет, чтобы они получили медицинское образование. После обучения они должны применять свои знания в мусульманской среде, постоянно заботиться о здоровье своего общества. Основываясь на это пожелание императора, военный губернатор, граф Сухтелен¹⁹ обратился в 1831 г. к муфтию со следующим предложением: «Великий император объявил о своем великодушном желании мусульманам, не могли бы и вы распорядиться об этом законной фетвой по шариату». После фетвы муфтия, после объявления этой монаршей милости на всей территории Оренбургской губернии, молодые люди некоторых уездов губернии, с разрешения своих родителей, приняли решение обучаться в Казанском императорском университете. Однако простое население и ученые Верхурала, Троицка и Челябинска, опасаясь насильственной христианизации, не приняли этого предложения, о чем написали ахунам своих областей. В свою очередь ахуны отправили их вместе со своими рапортами в Духовное собрание. Челябин-

¹⁹ Павел Петрович Сухтелен (23 августа 1788 – 20 марта 1833) – российский генерал, оренбургский губернатор. Барон (с 1812), граф (с 1822), генерал-адъютант (с 1828), генерал-лейтенант (с 1826).

ские ученые, отличающиеся наибольшей непокорностью, отправили свое прошение императору. Правильным ли будет, если некоторым ученым, не подчинившимся желанию императора и фетве муфтия, будет высказано предупреждение, некоторым подстрекателям применено взыскание, а некоторые будут сняты со своих должностей? В любом случае, медицина – это святая и дозволенная шариатом наука. В некоторых книгах она считается одобряемой, в других – необходимой. Ответ следующий: будет правильным высказать предупреждение некоторым ученым, подстрекателям применить взыскание, а некоторых из них снять с должностей.

Оренбургский муфтий, мулла Габдессалям, сын муллы Габдеррахима.

Седьмое письмо. Объявляя о следующем ахунам, приказываю: 30 апреля минувшего года Оренбургский гражданский губернатор Жуковский в своем отношении, за № 1292, повелел следующее: «Мной было приказано, чтобы каждый земский исправник был в курсе дел вверенного ему народа, охранял бы их от бедственного положения, для чего необходимо приготовить различные семена для посева. Исправник должен контролировать, чтобы простой народ не находился в праздности, т.е. вовремя бы занимался посевом и другими делами. Господин белебеевский исправник мне сообщает: «Чтобы выполнить ваши приказы, мы известили наше население. В некоторых селах муллы мусульманских приходов, отрицая их, говорили [населению]: «Если у вас есть пища на сегодняшний день, не беспокойтесь о завтрашнем дне» – поэтому основные работы они проводят не вовремя, и дни их проходят в праздности и лености. Из-за этой лени на них падают тяготы, они более бедны по сравнению с чувашами, мариЙцами и черемисами, проживающими в округе». Слова этих мулл сильно на меня повлияли, почему я решил обратиться к вам, милостивый господин. Не могли бы вы донести этим муллам, посредством наставления, что ремесло и торговля – не есть противоречащие Аллаху занятия, а бездеятельность, наоборот, противоречит. Муллы должны заставлять простой народ работать, чтобы выйти из нищеты. Нужно искоренить дурные мысли из их голов, в том числе, что не надо беспокоиться о завтрашнем дне, если сегодня есть еда. Не могли бы вы также отправить мне копию вашего об этом наставления, если таковое будет».

Основываясь на отношении господина гражданского губернатора, и считая подобное дело нужным для себя, приказываю всем ахунам, мухтасибам и имамам не путать сознание простого народа вышеуказанными словами, и призывать их стремиться к ремеслам и другой деятельности. После выполнения каждого из пяти намазов, вы должны заниматься подходящей вам работой, так как обеспечение своей жизни собственным трудом – это обязательное религиозное предписание.

Кроме того, каждый улем обязан разъяснять народу о вреде праздности, необходимости делать что-либо после намаза, чтобы они вовремя сеяли и убрали урожай, остерегались от злых умыслов и действий, чтобы выполняли всю необходимую на конкретный день работу и не оставляли ее на завтрашний. Те, кто откладывает на завтра, те окажутся в беде.

Оренбургский муфтий, сын Габдеррахима. Уфа. 1834 г., май.

Девятое письмо. Ответ на прошение башкирского кантонного есаула Бикматова. В связи с тем, что в настоящее время большинство народа проводит время на порочных меджлисах, употребляет спиртные напитки, из-за чего появилась опасность возникновения неповиновений и противоправных дел, желающим пожениться необходимо пока отказаться от этого намерения. Если во времена пророка женщинам разрешалось посещать мечеть для намаза, Гумер запретил это. Об этом записано в книгах.

Десятое письмо. Для каждой тюрьмы уездных городов Оренбургской губернии, в которых содержатся мусульмане, будут прикреплены следующие муллы для наставления и увещевания заключенных:

1) имам, старший мухтасиб и мударрис мечети «Шахане», мулла Габдеррауф, сын муфтия Габдессаляма – в Оренбург;

2) в Уфу – ахун Габделгаллям, сын Юсуфа из села Уразбакты;

3) в город Белебей – имам и мударрис Габделхалик, сын Китапа из села Тукай;

4) в город Бугульму – имам и мухтасиб Габдерракиб, сын Габделмуэмина из села Абдрахманово;

5) в Бугуруслан – имам Кутлугахмед, сын Мурада из села Гали;

6) в Бузулук – имам Иманкул, сын Худайвирде из села Джаек;

7) в Мензелинск – ахун Мухаммедлатиф, сын Яхуди из села Буче;

- 8) в Бирск – ахун Ахмедшах, сын Атйитара из села Аджак;
- 9) в Челябинск – ахун Мухаммедвали, сын Ярмухаммеда из села Уркей;
- 10) в Троицк – имам, мухтасиб Мухаммедзариф, сын Габдулджалиля;
- 11) в Верхнеуральск – имам Габделгаффар, сын Саедкула из села Кузгун Ахмер²⁰.
- 12) в Стерлитамак – ахун Шарафетдин, сын Зайнетдина;
- 13) в Уральск – помощник ахуна Габделхалик, сын Халила.

Второй раздел.

Из личных писем муфтия Габдессаляма у меня имеются 146 писем, написанных им известному в Казани мухтасибу Ибрагиму эфенди, сыну Худжаша, сыну Нурмухаммеда. Не желая увеличивать объем книги, мы воздержались от переписывания всех писем. Кроме того, читателям, привыкшим писать письма в форме телеграммы или газетной статьи, не доставит удовольствия чтение длинных предложений и приветственных слов казанским баям. Из каждого письма мы выбрали наиболее полезные сведения и кратко их записали, указав дату написания.

1) Получил отправленное вами письмо. Очень обрадовался, узнав, что в течение двух дней после своего возвращения вы сможете получить решение по моему делу. 1826 г., 15 апреля.

2) Оренбургский военный губернатор, вследствие обращения к императору через духовного министра, наградил нас суммой в четыре тысячи рублей для покупки дома. В Казенную палату пришло распоряжение министра финансов. Духовный министр сообщил об этом военному губернатору, который довел до сведения Казенной палаты, Губернского правления и меня. Мы были обрадованы, узнав о получении этого указа из вашего письма от 22 апреля, о чем было сообщено в присутственные места и ученым. Губернское правление сообщило об этом Собранию. 1826 г., 29 апреля.

3) С прошедшей почтой было получено письмо духовного министра Шишкова, в котором он пишет: «Из моего доклада император узнал, что вы составили сочинение о молебствии в его честь, чем был обрадован, вследствие чего дарит вам норковую шубу. Шуба эта отправлена оренбургскому военному губернатору, для передачи ее вам». 1827 г., 14 апреля.

4) Прибыв по приказу военного губернатора в Оренбург, был обрадован, получив пожалованную мне одежду. По воле Аллаха надеюсь одевать ее в полном здравии; да будут ниспосланы долгая жизнь, процветание, радости этого и загробного мира. Из Ургенча прибыл караван из 300 верблюдов, 13 июня он вошел в Меновный, товары выгрузили в Караван-сарай. Казахи также начали хорошо приходить. Вернулись гонцы, отправленные в Бухару; они сообщили, что в Бухаре готовится к отправке караван. После смерти бухарского хана Амир Хайдара, ханом стал его сын Амир Хусаин, который скончался после 80 дней своего правления. После него ханом стал его брат Амир Гумер. В это время брат его, Бахадир-хан, собрав войско, захватил Самарканд и другие города; прибыв к Бухаре, осаждал его в течение 50 дней, и хан Гумер был вынужден покинуть город. На рассвете, в 27-й день рамазана, Бахадир-хан вошел в город, убив советников Гумер-хана; оказал почести другим ученым и знатым людям. 1827 г., 15 июня. Оренбург.

5) Габдессаттар-ахун, Вам также отправлены из Собрания указ и тетради с печатями. В эти тетради должны быть записаны пожертвования, направленные на постройку каменной соборной мечети в Уфе. Надеемся на ваше усердие в этом деле. Для начала вы сами должны пожертвовать тысячу или пятьсот рублей, о чем и сделаете правдивую запись. Увидев это, другие тоже будут стремиться к этому. Сообщите также, каким образом совершены молебствия для благополучного завершения строительства мечети и во имя нашего императора. При встрече с уральским мухтасибом, Сайфетдин-муэдзином, передайте ему наши пожелания. 1827 г., 4 августа.

6) Мы расстроены тем обстоятельством, что нет никаких поступлений для мечети. Удивительно, что среди такого количества народа не нашлось сочувствующих – как говорится, по капле озеро собирается. Если каждый сдал бы по 10 или 5 руб., то уже собралась бы большая сумма. О том, что мы отправили тетрадь на Макарьевскую ярмарку, было известно вельможам, поэтому мы остались в недоумении, когда они нас спросили об этом. Однако после возвращения в Казань вы записали добрую весть Юсуфа из Ковала, также, поговорив с Губайдуллою-баем, вы дали слово оказать содействие. На Макарьевской ярмарке я виделся с Губайдуллою-баем и Ахмедом Замановым, об их согласии в оказании помощи нам написал наш зять. Поэтому мы сейчас пребываем в ожидании. Надеемся на их помощь, если пожелает Аллах. Если Аллах поможет, то с этим

²⁰ Кузгун Ахмерово – деревня в Тамьян-Катайском кантоне, ныне Белорецкий р-н РБ.

делом может справиться и один человек. Наставление можно записать в тетрадь, но не обязательно. Если будет необходимость наставления, перепишите его в тетрадь и поставьте свои подписи. Кадий Габдельджаббар направлен на пороховой завод. 1827 г., 6 октября.

7) Вы написали о назначении <...>²¹ на должность с платой 300 руб. Да благословит его Аллах. Отсюда он уезжал со словами, что больше не будет совершать противозаконных дел, и мы не услышим об употреблении им алкогольных напитков. Помня об этом и получив такую должность, он должен приложить все усилия для сохранения своего доброго имени. Он не должен давать воли своей жене, надо держать ее в строгости, иначе однажды он будет опозорен. Гает прочитали в четверг. 1828 г., 5 апреля.

8) Муэмин-бай дал обещание построить в Уфе мечеть. Об этом нам сообщил астраханский ахунд Гаед Мухаммед, сын Ишмухаммеда. 1828 г., 2 декабря.

9) Как обещал Муэмин-бай, к нам поступило 2 тыс. рублей для заготовки необходимых материалов. Сват его, Ахмед Заманов из Казани, посчитав план мечети удачным, предлагает строить мечеть по этому рисунку. Копию плана я видел здесь у Зулейхи-бике. 1829 г., 24 января.

10) Сейчас покупаем кирпич, песок договорились привезти по 4 бумажных рубля за сажень. Прошлым летом привезли за 8 бумажных рублей, а зимой он подешевел. Господин Пушкин писал, что после возвращения из Петербурга читал с моим сыном по-русски. Сообщите мне о его возвращении, я напишу ему благодарственное письмо. 1829 г., 31 января.

11) Получил разрешение от военного губернатора. Если буду здоров, выеду через 2–3 дня. Надеюсь на благоприятный результат поездки. По желанию Муэмин-бая мы одобрили план мечети. Вице-губернатор поставил свою подпись, надеюсь на одобрение военного губернатора. Согласно этому плану, мы должны закончить каменные работы к началу октября и уложиться в 2 250 руб. 1829 г., 16 мая.

12) Выехав в пятницу 24 мая, погостив в Каргале и других местах, 28 числа после вечернего намаза прибыли в Оренбург. Бухарцы, хивинцы, ташкентцы и мусульмане, проживающие в Оренбурге, вышли нам навстречу и встретили с достоинством. Были рады увидеть здесь своих близких, друзей и знакомых. Хочу навестить военного губернатора. Если Аллах пожелает, намеченные планы и желания исполнятся. 1829 г., 29 мая.

13) По желанию Губайдуллы-бая муэдзин из махалли Сабит, сын Халида, был назначен муэдином в Макарьевскую мечеть, и по письменным прошениям многих людей имамами были определены Габдессаттар ахунд и орский Мухаммедгалим, сын Хабибуллы-ишана. О выполнении вами должности мухтасиба будет сообщено нижегородскому губернатору. 1829 г., 18 июня.

14) 5 августа родился мальчик, назвали Миргатаулла. Господин Пушкин приезжал к нам в Уфу. Несколько раз посоветовал нам обучать сына русскому. Я ответил, что мы согласны только в том случае, если это не повредит его урокам. Очень приятный человек. По его возвращении передайте ему наши поклоны, и что мы остались довольны его посещением. 1829 г., 29 августа.

15) Рисовая крупа, присланная из Бугульмы с человеком Зулейхи-бике, была передана тесью, а он отправил ее нам. Каменные работы мечети давно завершены. Сейчас покрывают крышу деревом и устанавливают деревянный минарет. Недавно здесь побывал военный губернатор. 1829 г., 3 октября.

16) Выборы членов Собрания состоятся 13 января. Тогда же будем писать и о вас. Ахмадиджан попросил книгу «Намузадж». Если увидите – купите, может быть копия этой книги есть среди вещей покойного хазрата? Было бы неплохо, если бы вы смогли посмотреть. У нас есть книга «Ифтигах» – если будет нужна, отправим. Сообщите, когда приступите к «Шархе мулла», также есть «Гыйсам», «Габделгафур», «Абуль-баказ». «Шархе мулла» и «Габделгафур» составлены хорошо, я их сам переписал, когда находился у эфенди хазрата²². 1829 г., 28 ноября.

17) 8 числа прошла баллотировка, где проголосовали за благочестивого и ученого человека по имени Фахретдин, из села Бахтияр. Из оставшихся были Сабит и Сайдаш из деревни Шали²³. На звание муэдзина для деревни Большая Елга²⁴ экзамен сдал один только Сайдаш. Если

²¹ Так в тексте документа.

²² *Авт. сн.*: Здесь имеется в виду пребывание в медресе Ибрагима эфенди.

²³ Ныне село в Пестречинском р-не РТ.

²⁴ Рыбнослободский р-н РТ.

это тот Сайдаш, то как вы его выбрали на должность кадия? Может это другой Сайдаш из деревни Сайдаш? Об этом напишите нам подробнее. 1830 г., 12 января.

18) Выехав из Уфы 27 февраля, в Оренбург прибыли в субботу. Встретились с близкими и родственниками. Только хаджи Мухаммедназир-бай отправился в Петербург по приказу императора, но неизвестно, по какой причине. Сюда я прибыл, чтобы встретиться с военным губернатором. Он был рад нашему приезду, в четверг или пятницу он уезжает; проводив его, мы выезжаем в Каргалу. Я написал губернатору, что вместо Сайдаша нужно выбрать другого человека, сообщите мне о последующем решении. Если прикажет провести новые выборы, выберите более пожилого и благочестивого ученого! 1830 г., 5 марта. Оренбург.

19) На второй день от этого числа кадий Сабит сел на свое место. Да пошлет ему Аллах справедливость в его делах. Сколько мы совершили милосердия, кто с этим не согласен – исполняет должность имама на пороховом заводе. Местное население его не примет, не сможет совершать пятикратного намаза, не дождется сбора народа на намаз, люди не смогут понять того, что он читает. Ему трудно будет снимать свои сверкающие сапоги, и в основном он будет читать намаз, не снимая обуви. Не просите за него у генерала! 1830 г., 1 мая.

21) Из письма Ахмеда-махдума узнал о кончине его отца. Мухаммедвафа написал письмо с просьбой назначить его имамом на Макарьевскую ярмарку. Отправлять туда нового человека неприлично, пусть сначала послужит пару лет в своем приходе и заслужит доверие народа. На этот год планирую отправить туда Фатхуллу-ахуна, он просил об этом в прошлые годы. У меня есть сведения, что Башир бай из Чекан желает видеть в своей махалле чистопольского дамеллу Исхака, правда ли это? Хорошие ли у вас отношения с Фатхуллой-ахуном? 1831 г., 18 июня. ...

23) Оренбургский военный губернатор, сиятельный граф Сухтелен докладывает исполняющему должность министра господину Блудову²⁵ о моих наставлениях единоверцам о необходимости допущения лекарей во время холеры, о действиях, предпринятых на пользу императора. Основываясь на его докладе, император наградил меня золотой медалью, украшенной бриллиантом, на голубой Андреевской ленте, о чем сообщил в своем письме господин Блудов. Узнав о такой высокой награде, были обрадованы домочадцы, друзья, и все мы выразили свою благодарность. Слава Аллаху! Да продлит Аллах дни вашей жизни, увеличит ваше состояние и упрочит имя и авторитет! Я был обрадован, узнав о награждении медалями Ахмади-бая Заманова, Губайдуллы-бая Юнусова, Юсуф-бая и Курбангали-бая. 1831 г., 18 октября.

24) Я написал благодарственное письмо господину Блудову в связи с моим награждением золотой медалью, украшенной бриллиантом, где есть такие слова: «Если бы испросили разрешения императора, то я в тот же час, приехав к высочайшему лицу, преклонив колено, поблагодарил бы его за такой подарок». В ответ на это господин Блудов писал, что сообщил о моем желании, на что император передал следующее: «Государь император, удостоив сие ваше верноподданническое выражение признательностью всемилостивейшего внимания, высочайше повелел мне объявить вам о сем, как и о том, что вы будете вызваны в Санкт-Петербург при первом удобном случае», чему я был обрадован. Смею надеяться, что смогу увидеть императора нашего, чем обрадую своих приближенных. Нам нужны были сани и сбруя на трех лошадях, было бы хорошо, если бы вы узнали цены на них. Кадий Сабит отправился в Троицк и Челябинск для наблюдения за местными муллами и ахунами. От него пришло одно письмо, в котором он пишет, что они не закреплены за своими должностями. Больше писем не было. Надеюсь, что он вернется здоровым. 1831 г., 24 декабря.

25) Вследствие большого количества работы, я не смог поехать на свадьбу в Оренбург. Кроме того, приближается ураза, поэтому подумали, что если поедем, то нас быстро непустят. С этой почтой пришло письмо дамеллы Исхака и сына. Сын выезжает из Чистополя 4, дамелла – 7 числа. 1832 г., 14 января.

26) Получил письмо из Оренбурга. Пишут, что наш зять Мухаммедрахим очень обижен, из-за чего мы огорчились. Мы договорились о выплате 1 000 руб. махара во время никаха дочери

²⁵ Блудов Дмитрий Николаевич (5/16.04.1785 – 19.02/2.03. 1864) – литератор, дипломат, государственный деятель. После событий 14 декабря 1825 г. назначен делопроизводителем Следственного комитета по делу декабристов. С ноября 1826 г. – помощник министра народного просвещения. С 1832 г. – министр внутренних дел. В 1842 г. возведен в графское достоинство. С 1855 г. – президент Академии наук, с 1862 г. – председатель Государственного совета и Кабинета министров.

Бибисарвиджихан и господина Шейхульислама, сына Мухаммедрахима Султанова. Никах планируется на начало марта. Наставление губернского комитета об оспе переведено мной на татарский язык в 30-м году, которое вам и отправляю, русский вариант находится в комитете. 1832 г., 28 января. ...

28) Уважаемый сват пишет нам: «Со свадьбы необходимо возвратиться до 15 марта, т.к. на нас возложена обязанность подготовки военного полка. 15 марта состоится прием». Поэтому празднование никаха пройдет в следующую пятницу. Выезжайте сразу, как только получите это письмо. 1832 г., 3 марта. ...

31) Говорят, что император приедет в Казань. Если это верно, то там, вероятно, идет подготовка. Сообщите мне об этом подробнее. Миргинаятулла ждет «Хафтияк», он уже начал понимать уроки. 1833 г., 19 мая.

32) Из Петербурга мулла Габделвахид²⁶ пишет, что представление на медали отправлено губернатору. Вы покажите свои почетные грамоты, у генерала возьмите свидетельство о работе на пороховом заводе. Правитель при губернаторе должен их увидеть и ознакомиться. Мулла Сагдетдин сдал экзамен, вместе с ним я отправлю сыну «Шархе мулла», «Гасаметдин», «Абуль-бакаэ». Сын мой, исправь ошибки в толкованиях, написанных по краям книг, стремись отвечать на поставленные вопросы и понимать прочитанное. Если найдешь другие копии «Шархе мулла» и «Гасаметдина», перепиши те толкования, которых нет у нас. В настоящее время ты ни в чем не нуждаешься. Мы же ходили не доучившись. Слава Аллаху, что мы достигли такой высокой должности. 1832 г., 4 июня. ...

34) Скорее всего, что первые две части книги по медицине соединены в один том, потому что та часть, которая находится у нас, начинается с 278 страницы и на ней написано, что это – окончание второй книги. Было бы неплохо найти [первые две части]. В слободе есть один лекарь, его хотел расспросить [об этих книгах] мулла Юсуф. Указ на должность имама в Макарьеве будет дан чистопольскому мулле Габделгафуру и слободскому Мухаммедвафе-махдumu. Вы говорили, что у вас есть некая изданная книга по истории. Не могли бы вы отправить ее мне для прочтения. Сиятельный граф отправил нам одну по истории на тюркском языке, изданную в Казани. Это сочинение Абуль-Гази Мухаммед Бахадирхана, сына Гараб Мухаммедахана, «Шаджараи тюрк»²⁷. 1832 г., 14 июля.

35) К нам заезжал зять Мухаммед Назир-бай. Получили письмо из Макарьева от дамеллы Габделгафура, написанное им 15 августа. Пишет, что здоров, однако Мухаммедвафа несколько обижен. До сих пор нет муэдзина, что с ним могло случиться (это муэдзин самого муфтия по имени Габденнасир, сын Габделджалиля)? Скажите нашему зятю Мухаммедрахимджану, что бы он при возвращении заехал к нам. 1832 г., 25 августа.

36) Несмотря на затруднения с астраханским Аллавириде, мы, принимая во внимание вашу просьбу, наладили дела. После экзаменов Сабура определили имамом-мударрисом и старшим мухтасибом. Население махали, выступающее против него, направило прошение прокурору. Мы же написали в губернское правление, что он получит указ, если за него выступит большинство прихожан и строитель мечети. У кого-то в Казани есть книга по медицине «Манафиги аннас», которую я хотел дать Нурмухаммед-махдumu. 1832 г., 8 сентября.

37) Прошу Вас постоянно следить за моим сыном и давать ему наставления. Он не должен выходить из медресе без Вашего разрешения, он не будет нуждаться ни в какой литературе, пусть больше читает, я надеюсь, он не будет невеждой, как сын покойного муфтия. Мы на Вас надеемся. 1832 г., 6 октября. ...

39) От господина министра духовных дел пришла бумага, в которой указаны лица, награжденные нашим великодушным императором медалями, на основании наших представлений: 1) в

²⁶ Авт. сн.: Будущий муфтий.

²⁷ Абуль-Гази-Бахадир-хан (1605–1664), прямой потомок Чингисхана, был владельцем Хивы и Ургенча, при этом являлся крупным поэтом, литератором и историком той эпохи. Его труд «Шаджараи тюрк» («Родословное древо тюрков») является переработкой множества восточных источников (часть из них не дошла до нас), был создан с целью представить всеобщую историю тюрков от легендарных предков до времен своего правления (середина 17 в.). В 1726 г. в Лейдене был издан французский перевод, а в 1780 г. «Родословное древо тюрков» появилось в немецком переводе; затем французский перевод послужил оригиналом для русского перевода, исполненного В.Тредиаковским и напечатанного в 1770 г., и для английского, изданного в 1780 г.

Казани – старший мухтасиб Нурмухаммед, сын Ибрагима, Худжашев золотой медалью с надписью «За пользу»; 2) ахуны Габделгани Амирханов и Ишмухаммед Заидов серебряными медалями с надписью «За усердие». Эти медали отправлены казанскому и оренбургскому военным губернаторам. Я рад за них больше, чем за себя. До этого времени никто из наших предшественников не занимался этим. Слава Аллаху, что министр и император с уважением отнеслись к нашему представлению. Да пошлет Аллах уважение к нашим делам. Да снизойдет и на вас великодушие нашего императора. Дабы отблагодарить императора за такие благодеяния прилагайте все усилия для выполнения своей работы. Эта работа очень авторитетна и для вас, и для нас. Слава Аллаху. Вы писали, что прошли выборы кадиев. Я получил письмо от кадия Габденнасира. Мы удивились, что он оставляет хорошую должность с высоким жалованием ради того, чтобы приехать сюда. За короткое время он стал тарханом, ему нужно было продолжать свою работу на прежнем месте. Не знаем, что делать с сыном Ахмадиджаном может стоит отправить его в Мачкару²⁸, в медресе дамеллы Габдуллы? Дамелла Габдулла приезжал сюда для сдачи экзамена. Он сказал, что будет служить всей душой и телом, приложит все усилия для его учебы, чтобы у него не оставалось времени для праздных дел. Что Вы скажете на это; если посчитаете нужным, и его устяз не будет возражать, то мы отправили бы его в Мачкару. 1833 г., 19 января.

40) Вроде Вы намереваетесь приехать – было бы очень хорошо. Сиятельный граф, отправив нам медали, повелел их вручить ахунам. Поэтому мы их позвали, приедут после священного гаета, ожидаем и вашего приезда. 1833 г., 9 февраля.

41) Если кто будет продавать «Ванкули»²⁹ по 20 рублей, покупайте. У нас есть один «Ванкули» в двух томах, взятый в долг. В первом томе 666 страниц, во втором томе – 706 страниц, издан в 1141 г. в месяц раджаб/ 1729 г., февраль. Окончание покупайте за любую цену. Может быть, кто-нибудь продает книгу по зарубежной истории, «Тафсир кабир», «Тафсир Абиллайс», «Камус», «Сихах», спрашивайте и сообщите мне. Сколько стоит возок на рессорах со стеклянными дверями, в котором можно ездить зимой? Нужен такой, чтобы внутри могли расположиться четыре человека, по два – друг против друга, а запрягать можно было бы или четверку, или пару лошадей. Если стоимость его около 300 рублей, было бы хорошо, если бы Вы привезли. Пусть будет хорошим и красивым, сейчас жены богачей и известных людей разъезжают только в них. Новый ахун Халид, мулла из Челнов, как-то говорил, что после Салих-хазрата осталась книга «Фетави хандия», которая сейчас находится у опекуна. Было бы хорошо, если бы вам ее доверили и вы бы привезли ее. 1833 г., 23 февраля.

42) Наверно вы слышали, что 21 марта скончался сиятельный граф Сухтелен. 20 числа он поставил подписи под делами, вечером около 9 часов выслушал рапорты коменданта и городничего, и вскоре после их ухода умер. Он был справедливым человеком, но ему было отпущено мало дней. Зять наш Мухаммедназир возвратился в добром здравии. Он просил написать Вам, что он желает поддерживать добрые отношения с Губайдулло-баем, Якуб-баем и другими. Приедет ли кадий Габденнасир? Если он приедет, Вы должны постараться отправить благочестивого и хорошего ученого. Состояние прибывших сюда вам известно. Письмо, адресованное моему сыну, отправьте в Мачкару. 1833 г., 30 марта.

43) От сына Ахмадиджана получили письмо. Он приступил к занятиям. Он хвалит старательность дамеллы и научные споры шакирдов. 1833 г., 13 апреля.

44) Шафи и Джалаялетдин обратились с прошением к прокурору о назначении их старшими мухтасибами, т.к. им выпало больше всего шаров. В свою очередь прокурор отправил запрос в Казань для выяснения, кто из них получил больше шаров. В ответ на это губернское правление написало, что сначала идет Габденнасир, потом Джалаялетдин, а за ним Шафи. Прокурор, просмотрев указ губернского правления, утвердил старшим мухтасибом Габденнасира. Об этом мы занесли запись в журнал, где все, в том числе и прокурор, поставили свои подписи. Поэтому подача прошения при таком положении дел – недостойно. К тому же Шафи замечен в грязных делах. 1833 г., 29 июня.

45) Мы были обрадованы сообщением муллы Ильяса. Я слышал, что на полях книги «Ихья», оставшейся от покойного хаджи Бикбау Хальфина, есть комментарии, написанные рукой суфия Аллаяра. Не продается ли эта книга? Сообщите нам ее цену. Может быть, будут

²⁸ Ныне Кукморский р-н РТ, в этом селе находилось одно из знаменитых медресе Заказанья.

²⁹ «Ванкули» – арабско-турецкий словарь, издан в двух томах в Стамбуле.

Коран и тафсир, и другие книги в хорошем состоянии? Я бы купил сочинения, которых у меня нет. 1833 г., 9 ноября.

46) Прошу Вас купить для меня экипаж, в который можно запрягать тройку лошадей, и отправить его вместе с теми, кто приедет на ярмарку в Уфу. С этой почтой я отправил министру решение, кого из двух известных мулл назначить в Тифлис. Оба достойны похвалы. Один из них прослужил в течение трех лет заседателем в Собрании, сейчас – на пороховом заводе в Казани; второй обучался в Дагестане, сдал экзамены в Собрании, получил указ. Сообщите мне о возвращении паломников и послых, отправленных в Петербург. 1834 г., 4 января.

47) Отправленное через муллу Нугмана письмо получил. Огорчился, узнав о кончине дамеллы, хаджия Габида³⁰, и муллы Мухаммеджана. Министр сообщил, что постройка каменной мечети в Троицке поручена мирзе Муэмин-баю, сыну Тагира. 1834 г., 7 февраля.

48) Уже второй раз пишут про ... кадия. Надо проклинать тех людей, которые выбирают подобных на должность кадия. 1834 г., 22 февраля.

49) Сожалеем о Вашем горе, но необходимо проявлять терпение. Если будет суждено, то все найдется. Вы, наверно, даете закят³¹, такое имущество не будет украдено и не утонет. В Тифлисе утвердили муллу Таджетдина. Он может достичь большого авторитета при хорошей работе, мы со своей стороны приветствуем его. Местные мурзы и Ваши знакомые не согласны с тем, что вы оставляете [должность]. Они думают, что вы достигли бы большего авторитета, прослужив еще два года, после чего, отойдя от царских дел, получили бы тарханство. Показывая свою обиду, Вы хотите поднять себе цену, однако позже вы будете писать прошения, чтобы вам выдали обоз для объезда уездов. Как больной человек может выезжать в уезды? Уездные муллы жалуются, что Вы их незаконно обижаете. Богачи также доносят, что вы не должны столь явно показывать свое превосходство. Все эти слова доходят и до нас, Вам необходимо остерегаться. 1834 г., 17 мая.

50) Доподлинно известно, что император прибудет в Казань. Как бы мы не хотели увидеть его, однако сейчас такой возможности не наблюдается. Мы не смогли договориться об этом заранее с оренбургским военным губернатором. Сначала его не было дома, потом пришло известие о его приезде в Уфу, где я думал с ним встретиться. Он, не приезжая в Уфу, 8 сентября отправился в Казань. После приезда императора в Казань повелеваю вам и всем имамам совершить пятничное богослужение в мечетях. Сделав копию с приложенного к письму листа, раздайте имамам. После богослужения подайте рапорт военному губернатору, что богослужение было совершено по приказу оренбургского муфтия. Я также написал военному губернатору, генерал-лейтенанту Перовскому³², что по моему приказу старшему мухтасибу Нурмухаммеду Худжашеву во всех мечетях Казани были совершены богослужения. Если найдете время, скажете об этом при личной встрече [с военным губернатором]. 1834 г., 13 сентября.

51) Стало известно, что император, не заезжая в Казань, вернулся в Петербург. Надеюсь, что Аллах пошлет нам встречу с ним. Я был обрадован, узнав, что копии письма муллы Хасан-бая Апаанаева переданы военным губернатором духовному министру. Слава Аллаху, наши письма не пропали попусту. Покойный тетюшский уездный мулла Халид говорил, что у него есть одна хорошая книга «Безазия»; постарайтесь узнать, к кому она попадет после раздела имущества – было бы хорошо, если бы вы купили и отправили ее нам. 1834 г., 11 октября.

52) Я был обрадован, узнав, что вы купили для нас книгу Губайдуллы-бая «Ихъя» за 200 рублей. Было бы хорошо, если бы он написал в книге следующее: «В дар великому муфтию мусульманского народа Габдессаламу, сыну Габдеррахима». Вы говорили, что адъютант, отправленный императором, наблюдал за нашей обеденной молитвой в мечети. Надо было в это время произнести молитвы во имя императора. По приезде царя надо будет сказать, что такую общественную молитву произнести повелел великий муфтий. Мулла Камалетдин пишет: книга «Сахих аль-Бухари» есть у моего деда, если вы его примете, то платить не надо. 1834 г., 25 октября.

53) Недавно приступил к написанию пятой тетради «Мохит борхани», занимаюсь ей каждую свободную минуту. Если смогу ее закончить, то она, надеюсь, принесет пользу мне, моим детям и Аллаху. Я написал Ахмедшах-баю, было бы хорошо найти грамотного человека, кото-

³⁰ Авт. сн.: Габид, сын Габделгазиза аль-Кенари.

³¹ Закят – подоходный налог в размере 1/40 дохода.

³² Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) – оренбургский военный губернатор в 1833–1842 гг., оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1851–1857 гг.

рый записал бы шестую часть. По приезде в Казань спросите у него, получил ли он мое письмо? Чтобы переплести их вместе, нужно, чтобы они были одного формата. Поэтому с этим письмом я отправил ему размер публикации. Нужно писать на голландской бумаге большого формата. Слава Аллаху, у нас все спокойно, в этом году Итиль вышел из берегов. С тех пор, как мы приехали в Уфу, такого наводнения не было. Мирьякуб написал мне с просьбой назначить муэдзина Сабита в Макарьев. Чтобы уважить его, отправим. 1835 г., 8 мая.

55)³³ Были обрадованы известием, что император пожаловал вам тарханство. 1835 г., 12 июня.

56) Если бы вы сделали копию с тарханного свидетельства, мы смогли бы его прочитать и порадоваться за вас. В этом году в Макарьев назначены имамами имам-мухтасиб, мулла Габдегаллям, из деревни Агрыз и Шамсетдин Хафиз из Слободы. Мы слышали, что дамелла Габдулла из Мачкары дал переписывать шестую часть «Мохит борхани» одному имаму из деревни Саба. По завершении книги расплатимся. 1835 г., 3 июля.

57) Один пожилой мулла рассказывал, что у Ибрагим-бая есть книга «Татархания»³⁴, написанная кем-то из дагестанских [ученых], объемом с полторы книги «Джамигь ар-румуз». Было бы хорошо, если бы вы прислали нам эту книгу. Очень хотелось бы ее увидеть, в некоторых книгах можно увидеть слова: «Это в Татархании». Если найдутся еще хорошие книги, мы бы их приобрели. Старший мухтасиб и мударрис, дамелла Юсуф эфенди из села Исак³⁵ написал нам, что у него есть два тома книги имама Раббани «Мактубат», за которые ему предлагали 40 руб., первый том «Тафсир Кашшаф» и последний том «Тафир Мадарек». Я прошу Вас договориться об этих книгах, и, заплатив за них, отправить мне с надежным попутчиком. Мы договорились о дочери ахуна, дамеллы Шарафетдин-ишана, для нашего сына Ахмадиджана. Надеюсь, что они проживут в мире и согласии. 1835 г., 10 июля.

59) ... Написали в Губернское правление по поводу выборов новых кадиев. Хотелось бы видеть [среди них] добропорядочных, религиозных ученых. Было бы хорошо, если в их выборе приняли участие Губайдулла-бай, глава Ахсан-бай, Юсуф-бай из Ковала. 1835 г., 9 октября.

60) ... Его отправлял мулла Джалалетдин, нужно его расспросить. Священный гает планируем читать на рассвете в четверг. Хорошо читает Миргинаятулла, он каждый вечер присоединялся к своему устазу для чтения таравиха. Надеемся на содействие Аллаха, да не оставит нас в должности. 1836 г., 8 января.

61) Мулла Фатхулла, сын Сафара из деревни Уразла Царевококшайского уезда, на основании приговора мулл Казанского и Царевококшайского уездов, был проэкзаменован для определения на должность ахуна. Однако имамы Тетюшского уезда направили приговор, чтобы он был назначен старшим ахуном Казанской губернии. Но мы записали в журнале, что он назначен уездным ахуном Казанского уезда с проживанием в деревне Уразла. Сегодня перед отъездом он простился с нами; из-за того, что он не достиг желаемого, был несколько расстроен. Так как у нас нет письма от казанских баев, мы не стали назначать его в город. 1836 г., 22 января.

62) Были огорчены известием о смерти дамеллы Исхака. Вы писали о болезни хаджия хафиза Раббани, если он еще жив, передайте ему наши молитвы, смерть коснется каждого из нас.

Говорят, что в газетах пишут о составлении нового штата нашего и Крымского Духовных собраний. У муфтия останется прежнее жалованье, кадии будут получать 750 руб.; повысится содержание секретаря, переводчика и других приказных. 1836 г., 4 марта. ...

64) Я ждал от вас сообщения о приезде великого императора, но никаких новостей нет. Фатхулла-ахун, сын Хусаина, написал нам о встрече с военным губернатором и приезде в августе великого императора. Напишите нам, сколько стоят книги «Мактубат», «Гали аль-Кари», «Окйанус», оставшиеся после Бикбау-хаджия. 1836 г., 10 июня. ...

66) Приезд великого императора будет кратковременным. Я планирую поехать в Казань, чтобы встретиться с ним. Надеюсь на встречу с ним в добрый час и уповаю на его милостивое внимание. Определен ли имам для мечети? Я вспомнил про главного мударриса и старшего мухтасиба Астрахани муллу Губайдуллу, сына Сабкула. Знания его совершенны, нрава хоро-

³³ В оригинале 54 письма нет, возможно, просто допущена ошибка.

³⁴ Сборник фетв «аль-Фатава ат-татархания» ханафитского имама Алима ибн Аля Ханафи (умер в 800 году).

³⁵ Д.Исаково Буинского р-на РТ.

шего, вид приличный, почерк красивый, несколько лет учился в Бухаре. Астраханские ногайцы из-за своей невежественности и, особенно, поддержки ногайского кадия Габдуллы, не могут в полной мере оценить его [Губайдуллу, сына Сабкула]. В одном письме, спрашивая у меня совета, он пишет: «Могу ли я этой зимой остаться только на должности мухтасиба и мударриса? Лучше освободить меня от должности имама и тем самым оградить меня от невежественных ногайцев и содержания махали». Я до сих пор не написал ему ответа. Как мне кажется, если казанские баи увидят выгоду, то и этот человек сам будет заинтересован. В любом случае, всё в их руках. Письмо муллы Губайдуллы отправлю вместе с этим письмом. 1836 г., 1 июля.

68) Ради Губайдуллы-бая муэдзином в Макарьевскую мечеть был определен Сабит-муэдзин, ради Хасан-бая на должность имама на скрытых намазах был назначен Шамсетдин-хафиз. Указы на них отправлены по почте на Ваше имя. Если будут какие-либо новости о приезде великого императора, сообщите. Замолвили ли вы слово перед баями об астраханском главном мударрисе и старшем мухтасибе Губайдулле, сыне Сабкула? ...

69) ... Получив ваше письмо, узнали, что зять наш Мухаммедназир-бай хаджи отправился в Москву, желаем счастливой дороги и возвращения с почетом. Сообщите, отдали ли Вы в печать молитву с благословением по поводу приезда в Казань великого императора. 1836 г., 23 сентября.

70) Если еще не напечатали то, что было мной отправлено, то было бы хорошо исправить несколько слов. Первое: вместо «От меня никогда не будет зла и ущемлений» написать «От меня никогда не будет зла и принуждения», и второе: вместо «Каждый в своей религии может поклоняться и молиться» написать «Каждый в своей религии спокойно и с радостью может поклоняться и молиться». Так будет лучше. Один бай по имени Миклу намерен дать немного денег для постройки мечети в деревне нашего деда Габдеррахмана. Было бы хорошо, если бы он дал хотя бы одну тысячу рублей; как вы знаете, мечеть надо построить по известному плану, сообщите ему об этом, если сможете. 1836 г., 1 октября. ...

72) 23 ноября получил письмо министра внутренних и духовных дел, достопочтимого господина Блудова, в котором он пишет следующее: «По милости великого императора и от щедрот его к вашему прежнему жалованию добавлено столовое содержание в 1000 бумажных рублей и для поддержания жизни 250 рублей». За столь большие царские милости мы вознесли благодарности Аллаху, совершили молитву во имя великого императора и министра, и всех их родных. Пусть жизнь их будет долгой; надеемся также, что мы и дети наши будем жить долго в счастье и здравии. Копию этого письма отправил вам, прочитав которое, вместе со всеми друзьями и знакомыми, совершите молитву. Дорогой Губайдулла бай, Юсуф бай, Курбангали бай, Муртаза бай, Хасан бай, дорогой глава Исхак бай, дорогой Шахимирза, Арслангали мирза, дамелла Сагид эфенди, мулла Шахи эфенди, мулла Ахмед эфенди, Мухаммедвафа махдум и все имамы, после пятничного намаза пусть совершат молитву за продление жизни великого императора и нашей. 1836 г., 25 ноября.

73) С прошлой почтой получили бумагу от окружного генерала, где сказано об отобрании указа у Фатхуллы, сына Абузьяра, вследствие нашего расследования согласно закону и шариату. Вышеупомянутый сын Абузьяра подал следующее прошение: «Мне был дан приказ из заведения конторы о захоронении прапорщика Гусмана, скончавшегося 9 числа. На основании бумаги из конторы от 11 числа, я захоронил его на третий день. Однако в день, когда мы ожидали приезда великого императора в палатах Мусы бая, в обществе Фатхуллы ахунда и других, господин Арслангали, мирза Муратов сказал, что Гусман-офицер скончался прошлым вечером. В пятницу, во время пятничного намаза, они пришли в мечеть, чтобы читать заупокойную молитву, однако я не разрешил ее читать. Кадий Амин и близкий нам человек сказали, чтобы я не выходил читать заупокойную. Более того, сказал, что я не обратил внимания на вопрос, почему поспешили с похоронами. Я начал сомневаться, не исправил ли чего-нибудь в бумаге мулла Абузьяр. Поэтому ты должен спросить у вдовы, какого числа и в какое время умер ее муж, кроме того, узнать в Казанском общественном приказе о дате смерти приказчика и какого числа приостановлено ему жалование. Ты должен исполнить это как можно скорее. 1836 г., 1 декабря».

74) Много лет прошло с тех пор, как мне пришлось вместе с вашим письмом судебное заключение. Вышеупомянутый ахун уже скончался. Учитывая, что он написал на имя великого императора письмо, мы не можем дать ход этому решению и поставить свои подписи, не проводя расследования. С этой точки зрения, Фатхулла ахун выходит за рамки подобных дел. Этот че-

ловек способен после расследования судить, проводя границы, на основании прошений, которые сам же написал. Инша Аллах, с его смертью мы сможем вернуть решение, написанное Хамзой ахуном. Вы пишете, что Губайдулла бай не дает книги «Рауза ас-сафа», чтобы мы могли ее переписать. Мне помнится, что в сочинении нашего университетского знакомого Искандера мирзы «Ат-тухфат аль-хакират фи гильми аль-адаб гыйнд ахле аль-гарб» есть 1, 2, 3 и 6 тома этой книги. Для переписки, инша Аллах, он даст 2 и 6 тома. Если им нужен будет 4 том, мы перепишем его и копию отправим им. После получения этого письма, просим Вас сообщить нам какую-либо новость. Я пригласил к себе главного мударриса и старшего мухтасиба Астрахани, муллу Губайдуллу эфенди, инша Аллах, в конце января приедет. Возможно, что в эти дни он будет в Казани, поговорите с ним. 1838 г., 17 февраля. ...

76) Получил письмо, написанное моим дорогим сыном Ахмадиджан ахуном по прибытии его в Бухару. Он разместился в медресе Кугельташ, пишет, что берет уроки у кадия Келяна в медресе Мухаммед Шариф, другие его наставники – Нигматулла ишан и Шарафетдин ишан. Мы очень довольны, слава Аллаху. Мы рады, что при встрече с генералом Порохового завода вы передали ему мой поклон. Мы дали указание Собранию назначить туда нашего родственника. С этой почтой получил бумагу, в которой чиновники Порохового завода просят генерала назначить вместо Шамсетдина Баширова его сына Сагдетдина. Однако, как мы знаем, Сагдетдин – человек молодой, нрав и дела его неизвестны, у нас нет уверенности в старательном выполнении им государственной должности. Если его отец, пожилой человек, будет делать что-либо против закона, то назначить на это место молодого человека не представляется возможным. При встрече с генералом передайте ему мой поклон и скажите, что я велел назначить на место Шамсетдина Баширова своего близкого родственника, который вскоре прибудет на Пороховой завод. 1838 г., 12 июня.

77) Получил письмо от своего дорогого сына Ахмадиджана. В Оренбург прибыл зять наш, Габделкадер, со своим младшим братом и сыном. Они рассказали, что прибывает посол с большим караваном и слоном. Ковер, которым покрыт слон, был куплен за 80 золотых. Говорят, что на него поставлен трон, украшенный бирюзой, рубинами, гранатами, изумрудами и другими драгоценными камнями и золотом. Написали, что прибудет посол из Хивы. Надеемся, что каждый дом здоров и спокоен. Баймурад мулла жалуется, что вы позорите его в обществе приличных людей. Желательно, чтобы ученые были в мире между собой. 1838 г., июнь. ...

Письма, написанные муфтию.

Первое письмо. Покойный муфтий, во время путешествия в сторону Астрахани, проезжая мимо Кузнецкого уезда, заехал в деревню Канай³⁶ к покойному баю Габдеррашиду. По его просьбе, но против воли имамов, назначил на должность ахуна его зятя из деревни Большой Труев³⁷. Однако, из-за отсутствия у него учености и благочестивости, он не может давать фетвы. Уже сколько раз по пятницам, вступая в спор с имамами своей и соседних деревень по поводу шариата, идя на поводу своей невежественности, давал простому народу неверные фетвы. Народу, пришедшему попрощаться с покойником в дом человека по имени Биккул, он дал фетву в том, что сын пророка Мухаммеда также был пророком. Присутствующие там муллы прочитали аят, в котором сказано о том, что ему [Мухаммеду] был ниспослан Коран, он не принял этого и не покаялся. Также в своей деревне, в доме старшины Аюба, дал фетву в том, что алкоголь является разрешенным (халяль). После того, как муллы сказали ему не говорить подобного, он стал поносить их дурными словами, в особенности досталось мулле Абу Талибу из деревни Большие Чирекли³⁸. В то же время у него нет ни одной книги фетв, решения он выносит не основываясь на книге. Вы можете узнать об этом, если спросите тех, кто приезжает к вам из нашей округи. Разводя законных жен от их мужей, он выдавал их замуж за других без соблюдения обычаев. И таких дел он совершил немало. Если ваши хазраты решат провести расследование, мы все расскажем, инша Аллах. В прошедшем 1815 г. мы написали покойному муфтию об этих недостойных делах, но до сих пор почему-то нет ответа. Поскольку Вы фигурируете в тетрадях нашего господина, на Вас была возложена обязанность по событиям, происходившим в деревне Палданга³⁹ в 1826 г., поэтому, проявив мужественность, он не сообщил муллам на-

³⁶ Ныне д. Татарский Канай Пензенской обл.

³⁷ Ныне село в Кузнецком р-не Пензенской обл.

³⁸ Ныне с. Большой Чирклей Николаевского района Ульяновской обл.

³⁹ Ныне село в Пензенской обл.

стоящего числа. Однако после этого те дела, которые поступали Вашим хазратам, не были его делами, этот ахун даже не может прочесть написанного на этой бумаге. Наша просьба заключается в следующем: после ознакомления с нашим прошением, для ограждения его и других от беды, просим Вас при расследовании опросить имамов мусульманских сел при посредстве главы нашего земского суда и служащего в Собрании уважаемого титулярного советника, исполняющего обязанности дворянского заседателя Габдессаляма мирзы Еникеева.

- 1) Имам деревни Большой Труёв мулла Шафи, сын Гаеда.
 - 2) Имам деревни Малый Труёв мулла Салих, сын Габбаса.
 - 3) Имам и мударрис деревни Больших Чирклей Абу Талиб, сын Габдеррашида.
 - 4) Муэдзин деревни Малый Труёв Сабит, сын Кулшарифа.
- 1827 г., апрель.

Второе письмо. Прощение. По воле Аллаха и личному согласию дочери московского подданного бухарца Давлетбая, вдовы Бибисалихи, заключил с ней вечером 28 числа в месяц рамазан в обществе мусульман и согласно предписаниям шариата договор [брачный]. Обряд провел мулла Миргалим Накышбанд. Причина этого [следующая]: отправил к жене своей Бибисалихе ее пасынка Габделвахид с известием о проведении обряда, для чего был приглашен дамелла, мулла из Татарского. Жена моя сказала пасынку: я никому из Татарского не говорила, я не делаю ничего, что может не понравиться моему сыну, стыдно будет не позвать никого другого, кроме дамеллы. Дамелла Миргалим Накышбанд – благочестивый человек, пусть он проводит никах, за никах дадите [денег] имаму. Услышав от нее такой ответ, дамелла Миргалим Накышбанд совершил никах. Свидетелями были бухарец Аллахназир бай, караванбаши Рахим бай, хаджи Гатиятулла Кабли, Хаким бай, астраханец Перемгали и пасынок Габделвахид, младший брат Турсун бай, из домашних мать ее, бабушка и две сестры были осведомлены о никахе. После никаха из Татарского был приглашен имам, сообщили ему о никахе и заплатили за него 20 рублей. Спустя пять месяцев после никаха жена моя заявила: «Я не испытываю к тебе любви, верни мне мое слово». Я не согласился. Я почувствовал, что она поднимет скандал, сказав, что никах был совершен не имамом. Муфтий хазрат – законный священный судья, я подал ему прошение; если по святому закону наш никах будет признан незаконным и будет отправлено решение по шариату, услышав мою просьбу и проявив милосердие, не могли бы вы отправить указ в Москву, чтобы жена моя, проявив покорность, не противилась ферману. Вам будут за это великие милости. Бухарец мулла Нияз Гавас, сын Мухаммеда. 1834 г., 20 июня (Москва).

Четвертое письмо. (Перевод с русского). От кантонного есаула Бикматова, из деревни Курманов Шадринского уезда Пермской губернии⁴⁰, муфтию Габдессаляму, сыну Габдеррахима. 1837 г., 31 декабря, № 2815. В последнее время мусульмане ввели в обычай во время обряда никаха не видеть друг друга. Это приводит их к обману и портит повседневную жизнь. По моему приказу ахун-помощник Мухаммедшах Балтагулов подобрал из книг по шариату 12 текстов, из которых видно, что подобная традиция мусульман противоречит суннам пророка. Эти тексты за подписью Балтагулова отправлены вам, хазрат, на рассмотрение. Просим вас распространить их среди мусульман через соответствующие органы, дабы они оставили эту вредную традицию и видели друг друга во время никаха. Кантонный Бикматов⁴¹.

Библиотека.

Несмотря на увлечение муфтия Габдессаляма собирать книги, в Духовном собрании сохранилось только десять его книг. ...

Все надписи, сделанные муфтием на этих книгах, относятся только к их покупке или завещанию. Внутри книги ни в одном толковании не встретились его записи, нет даже исправлений неправильно написанных слов. Поэтому мне приходит на ум следующее: «Насколько он был увлечен собиранием книг, настолько он не интересовался их изучением». По традиции старых медресе, он должен был поставить в каких-нибудь местах свои пометки.

Почерк муфтия красивый, пишет правильно, только в арабских словах допускает грубые ошибки. Написал биографию муфтия настолько, сколько было у меня сведений.

Источник: Фэхретдин Р. Асар. Жиденче жөзө. Оренбург, 1904. Б.340–410.

⁴⁰ Сейчас д.Новое Курманово Кунашакского р-на Челябинской обл.

⁴¹ Далее приводятся 10 текстов на арабском языке.

Габделвахид бине Сулейман бине Саглук бине Габделхалик.

Третий муфтий Оренбургского духовного собрания скончался 4 августа 1862 г. (1279 г., 19 сафара по хиджре) в возрасте 76 лет. Похоронен на уфимском кладбище, могила его находится с правой стороны от входа в кладбище, рядом с могилой казанского купца Ибрагима бине Исахака (этот человек скончался в 1880 г. в возрасте 57 лет). Могила не огорожена. В изголовье поставлен камень, на котором написано: «Оренбургский муфтий, тархан Габделвахид Сулейманов в возрасте 76 лет перешел в вечный дом...». Дата смерти скорее всего осталась под землей. По причине своей болезни 2 августа 1862 г. он написал бумагу в Собрание, в которой назначает исполняющим должность муфтия старшего заседателя Таджетдина бине Максуда.

Он родился в семье ахуна Сулеймана, в деревне Арбишча Нижегородской губернии⁴². Нам неизвестно, где он получал образование и кто его преподаватели. В каком-то возрасте он отправился в Петербург, где занимался торговлей. Стараниями нижегородских мишарей, проживающих в Петербурге, он был определен их имамом. Немного зная русский язык, познакомился с некоторыми известными людьми. После смерти муфтия Габдессаляма бине Габдеррахима и назначения его муфтием Духовного собрания, он приехал в Уфу. В то время, когда он жил в Петербурге, у него были неприятности, после того как он в 1830 г. совершил никах между московским купеческим сыном Ибрагимом бине Макаем и дочерью Искандера мирзы, сына Янпая, Тутией, без согласия ее отца, в результате чего попал под следствие. Был освобожден благодаря письму, написанному на его имя муфтием Мухаммеджаном про нижегородского сына Тамимдара (это письмо вошло в биографию муфтия Мухаммеджана, с.193–194).

Говорят, что после приезда в Уфу он часто ездил в деревню Ибрагим-Юмран⁴³, в дом кантонного Ишмухаммеда бине Умид бая. Вместе с имамом этой деревни Ишаназаром, сыном Ишкелди, и муэдзином Гильманом, сыном Тависа, устраивали соколиную охоту.

Дом, расположенный на углу улиц Воскресенская и Спасская, напротив каменной соборной мечети и здания Собрания, находился в его собственности. Это был высокий каменный дом. В настоящее время дом разделен на две части; западная часть находится в собственности невестки муфтия Махфузабике бинте Асфандир, восточная часть принадлежит невестке нынешнего муфтия Марьямбике бинте Тимурпулад Акчуриной.

Официальная биография. «Муфтий Габделвахид бине Сулейман – выходец из деревни Габдессалям Стерлитамакского уезда⁴⁴ (возможно, приписан здесь позже), со 2 марта 1822 г. – гражданский имам Петербурга; 10 ноября 1832 г. за заслуги в этой должности, вместе с сыном своим Шарафутдином по указу императора получил тарханство. 26 января 1835 г. назначен мугаллимом учащихя-мусульман в военную школу. Указом императора от 19 июня 1840 г. назначен муфтием Оренбургского духовного управления. 26 сентября 1849 г. правительство вознаградило его денежной суммой в размере 1 500 руб. В 1856 г. назначен директором тюрьмы, 4 августа 1862 г. скончался».

Достопочтенный Марджани говорил о нем следующее: «Несмотря на недостаточность знаний, увлекался чтением книг; читал русские и тюркские газеты, занимался перепиской тюркских сочинений на родной язык; читая книги по медицине, многое узнал о лечении лекарственными растениями, знал их арабские, персидские, русские и тюркские названия. После назначения его муфтием стал вхож в высшие круги России, у него было большое стремление в выполнении своих духовных обязанностей, однако слабость его советников и другие причины не дали этому возможности. Был очень простым человеком, что даже на охоту ходил с самым низшим писарем Собрания. В его время многие начали издавать Коран со своими поправками, что повлекло наличие многочисленных ошибок и понижение авторитета Корана. В результате этого и по свидетельству и совету шейхов Стерлитамака муфтий обратился с отношением к министру внутренних дел⁴⁵. Также в его время были сняты со своих должностей Габдулла бине Яхья аль-Чиртуши, Фатхулла бине Сафаргали аль-Казаклари. Не совершал хаджа, несмотря на его желание».

⁴² Общее название деревень Большое и Малое Рыбушкино Краснооктябрьского р-на Нижегородской обл.

⁴³ Сейчас д.Ибрагимово Кармаскалинского р-на РБ.

⁴⁴ Сейчас д.Абсалямово Дуванского р-на РБ.

⁴⁵ Эти события подробно описаны в книге «Коран ва табакат».

Его письма.

2) Рапорт уважаемому муфтию в религиозное магометанское управление от хатиба, дамеллы Габделвахида, сына Сулейман ахуна, состоящим указным имамом в городе Петербурге. 26 января скончались проживающие в Петербурге полковница Сахибабике и мать генерала Максуда Гульшекер, дочь Хасана. Закончив подготовку к их погребению, на дженазу начали собираться живущие здесь мурзы, купцы и иностранцы; в это время появился один военный мулла по имени Бадамшах и, не имея на руках завещания и доказательств, заявил, что именно он должен совершить дженазу, так как об этом его попросил покойный муж Гульшекер. Его спутник, мулла Джамильхан, придал ему уверенности, подтвердив, что именно он должен читать заупокойную молитву как имам. В результате указной Бадамшах, сын Харамшаха, стал на этой дженазе имамом. Однако молитву дженазу он читал не так как в книгах, а как молитву-гает. То есть, когда произносил такбир⁴⁶, то руки поднимал кверху, как во время молитвы гаета. Говорят, что вышеупомянутый Бадамшах выдержал испытание в присутствии крымского муфтия и был назначен имамом для пятивременного намаза, однако у него было много деяний, противоречащих шариату. Об одном из них рассказывала полковница Сахиба. Спутник его, зная об этих делах, ничего не предпринимает. Просим вас расследовать эти дела по законам шариата. Дамелла Габделвахид, сын Сулейман ахуна. 1829 г., 30 января. Петербург.

3) В ответ на вопрос великого министра, графа Строганова, от 29 ноября 1836 г., за № 2744, и 7 сентября 1839 г., за № 2022, по поводу должности кадия, о том, каким образом он связан с Духовным управлением и о его местопребывании, имею честь донести, что ответ на эти вопросы взят из книги фетв, перевод которых на русский язык отправлен на высокое рассмотрение. Однако должность верховного кадия принадлежит только муфтию. Кадий ничем не ограничен; должность хакима, т.е. ахуна, полностью контролируется муфтием.

По этому поводу я думаю следующее: некоторые должности подходят ученым, некоторые не подходят. Во времена двух прежних муфтиев ахуны и кадии получали указ, написанный не по-тюркски и не по-персидски, и поэтому, не зная своих обязанностей, приступали к судебным делам. Некоторые, проводя лишние расследования, затягивали дела и поэтому в Собрании накопилось много бумаг. С моей точки зрения необходимо провести следующие мероприятия: а) кадии и сельские судьи – их определение записано по-арабски и по-русски в пятом пункте. Верховный кадий, т.е. муфтий, должен определять крайний срок их должности и выдавать им фетву (указ) с объяснением их степени, несмотря на то, что в губернском правлении им выдается указ на русском языке. б) С 1829 г. и по настоящее время именная речь новорожденных, чтение хутбы никаха, проверка разводов, захоронение покойников и запись в метрической книге возлагается на имамов при мечетях. В этом случае имам может рассматривать претензии супругов своей махалли и с согласия обеих сторон привести к мировому соглашению. Если же стороны не мирятся, имам записывает их претензии и отправляет эту бумагу сельскому кадию, т.е. ахуну. в) Уездный кадий независим; судьи, т.е. ахуны, стремятся заканчивать миром и по закону шариата рассматривают претензии двух сторон, пришедших с прошениями от имамов махалли. Если этого не случилось, то они по шариату и по закону, опросив свидетелей с обеих сторон, взяв у каждого подписи, получив от мусульманских ученых фетвы о расследовании, после чего обращаются в религиозное магометанское собрание. В случае расставания супругов на основе взаимных притязаний, составляется бумага об их разводе (талакнаме) за подписью свидетелей со стороны обоих супругов, которая отправляется имаму махалли и фиксируется в тетрадь записи актов. г) Бракосочетание сирот, наследство которых очень мало или его совсем нет, а также нет опекунов, по закону и шариату является обязанностью уездных кадиев или хакимов, т.е. ахунов. д) Без разрешения Магометанского духовного собрания кадии и ахуны не могут выезжать в уезд и деревни для рассмотрения возникающих споров. Считающие себя учеными людьми должны быть человечными и с хорошим характером, богобоязненными и праведными, чтобы простой народ почитал и уважал их. Они сторонятся тех ученых, которые заслуживают порицания и смещения. Стараются подчиняться тайным приказам (мусульманские ученые должны хранить любую тайну!). е) Если какая-либо женщина заявит, что она была избита до крови, уездные кадии и ахуны должны сразу же направлять ее гражданскому начальству. По шариату муж не может избивать жену до крови, ломать руки, ноги или вырывать во-

⁴⁶ Произносить такбир – произносить «Аллаху Акбар».

лосы. Если же муж совершил эти действия, то он должен быть подвергнут судебному наказанию. В данном случае это судебное решение не зависит от ученого.

Отправил это отношение сиятельному графу Строганову оренбургский муфтий Габделвахид Сулейманов. 1840 г., 6 декабря.

4) (Перевод с русского). Уважаемому министру внутренних дел. Оренбургскому генералу Игельstromу⁴⁷, указом императора от 22 сентября 1788 г., было приказано открыть в Уфе Духовное магометанское собрание, председателем которого должен быть муфтий, а также назначить двух-трех мулл из казанских татар, которые искренне относятся к императору и пользуются уважением народа. Однако эти муллы, назначаемые заседателями, должны быть выбраны народом или государством? Об этом в указе императора ничего не сказано.

Основываясь на указ императора, муллы Казанской губернии выбирают заседателей, которых утверждает Губернское правление. Я, находясь на этой должности по указу императора и основываясь на своем опыте, считаю, что подобные выборы противоречат нашему шариату. Не проверив их [кандидатов] на пригодность, можно назначить на должность заседателя совершенно постороннего человека, не осведомленного в шариате и законах. Они совершенно не знают как рассматривать дела и выносить решения. Однажды наши секретари стали часто меняться, в результате чего дела в канцелярии заседателей пришли в полный беспорядок⁴⁸. Однако стало известно, что Габдешшукур, сын Габдеррахима, из деревни Бикули Чистопольского уезда, и Амин, сын Дамина, из деревни Мамадыш Тукелди Свяжского уезда, немного знакомы с делопроизводством. В тех, кто был выбран ранее и уже выбыл, и тех, кто сейчас находится на должности, я не вижу никакого толка. С этой точки зрения я считаю, что необходимо прекратить подобный порядок выборов, и заседатели должны назначаться правительством. В этом случае, если будет назначен кто-либо несведущий [в этом деле], должен быть человек, который будет иметь право обращаться в правительство и снимать с должности⁴⁹. После этого, возможно, заседатели, выбранные на постоянное время, поняли бы суть дела и приложили бы усилия для справедливого исполнения своих должностей. Однако сейчас, когда они выбраны временно, никакого внимания делам не уделяют.

Описывая подобное состояние дел, я покорнейше прошу вас окончательно отменить порядок выборов заседателей муллами и принять мое предложение, чтобы правительство назначало хороших и честных людей, и в дальнейшем такие выборы стали традицией. Я считаю достойными на эти должности упомянутых выше ахунов сына Габдеррахима и сына Дамина, т.к. проверил их нрав и дела. Они способны к этой работе. Могут подыскать человека и на место третьего заседателя.

Оренбургский муфтий тархан Габделвахид, сын Сулеймана. 1841 г., 19 июля, №36.

5) (Перевод с русского). В Департамент. В отношении министру внутренних дел графу Строганову от 19 июля 1841 г. за №36 было предложено отменить существующий порядок выборов заседателей Духовного магометанского собрания, с тем, чтобы их выбирало правительство. Неизвестно, какое решение по этому вопросу принял министр. В связи с тем, что заканчивается срок [службы] заседателей, я написал казанскому военному губернатору с просьбой выбрать заседателей из больших ученых и практикующих мударрисов. Сейчас приступили к работе назначенные Губернским правлением Мухаммедвафа, сын Фазлуллы, Габденнабир, сын Алмухаммеда, Габделманнан, сын Аделя. Я надеялся, что они хоть немного сведущи в шариате и законах, и будут мне хорошими помощниками. Однако мои надежды не сбылись. У первого из них в результате паралича отнялась рука и подписи он ставит левой рукой, и при разговоре с трудом может объяснить свою просьбу. Второй из них стар, поэтому он пишет очень медленно и плохо. У третьего плохое зрение, он практически слеп. Никто из них не знает делопроизводства, поэтому от их работы не приходится ждать пользы.

В связи с этим не будет ли мне дано разрешение назначить Фахредина, сына Фатхуллы, вместо сына Фазлуллы. Мне известно, что этот человек хорошо знает делопроизводство, так как уже два года обучает моих детей. Собрание уже представляло его Департаменту, так как 27

⁴⁷ Игельstrom Осип Андреевич (1737–1817) – барон, симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1784–1792 гг., оренбургский военный губернатор в 1796–1798 гг.

⁴⁸ *Авт. см.:* Этим он хочет сказать, что якобы заседатели зависят от секретарей.

⁴⁹ *Авт. см.:* Этим он хотел сказать, что таким человеком должен быть муфтий.

февраля сего года, за №572, министр назначил его имамом махалли. С ожиданием ответа на эту просьбу оренбургский муфтий тархан Габделвахид, сын Сулеймана. 1842 г., 7 апреля, №7.

6) Ахун деревни Бурай Бирского уезда Хушьяр, сын ахуна Габдуллы, передал сообщение хорунжего из деревни Калмак, Галиуллы, сына Абульхасана, в котором говорится, что в деревне Калмак мишарин Насретдин, сын Зейниша, под видом обучения простого народа тарикату, объявил себя шейхом, и называет ложные пути правильными. Мюриды и женщины собираются вместе на гульбищах, где пьянствуют. Насретдин, сын Зейниша, тоже бывает на таких сборищах. Покойный муфтий в 1836 г. получил расписку от сына Зейниша и его последователей-имамов в том, что они будут остерегаться от подобных дел. Также основываясь на рапорт покойного муфтия, генерал Силковский взял сына Зейниша под надзор четвертого кантона, но все равно этот мулла не прекратил свою деятельность. Говорят, что последовавшие за ним муллы не совершают пятикратного намаза, не приходят на пятничную молитву, играют на скрипке и органе, предаются обжорству и пьянству. В связи с этим просим у оренбургского военного губернатора выделить из своего окружения одного человека, который расследовал бы дело сына Зейниша и передал бы в Собрание его последователей-мулл. Муфтий ибн Сулейман. 1842 г., 9 июля. (Это письмо написано в сокращении, две трети не вошло).

7) (Проект, поданный в Департамент)

1. А) Имамы, муэдзины, и также ахуны и мухтасибы должны быть освобождены от рекрутской повинности. Б) Муллы, согласно закону, должны сдавать экзамены в Собрании и утверждаться в этом звании Губернским правлением. Имамы других губерний и уездов должны получить право проживать без паспортов. В) Сыновья указных мулл, изучившие религиозные науки, даже не достигшие 23-летнего возраста, если они будут признаны достойными занять место приходского имама, должны быть определены на эту должность при появлении вакансии. Если не будут признаны достойными и после 23 [лет], то должны исполнять обязанность [воинскую], также как и христианское духовенство, не пригодное к должности [духовной]. Г) Государственные повинности и денежные дела имамов должны лежать на плечах населения махалли. Д) Во время выбора муллы они [приходское население] должны взять на себя государственные и общественные дела мулл, а также их детей, не достигших 23-летнего возраста, которые изучают религиозные науки. Е) Если у муллы нет сына, или он не достоин звания муллы, тогда население махалли имеет право выбрать себе муллу из простого народа.

Отправлено 12 июля 1841 г.

2. Содержание ученых и их детей должно выплачиваться, также как и чиновникам, и военным, из казны. Поэтому люди, подобные ученым и военным, являются законными заложниками своих должностей в махалле и никуда не могут отлучаться. Если они будут заниматься другой деятельностью, они будут ущемлять свою основную должность, из-за чего пострадают интересы населения махалли. Второй пункт этого представления, относительно податей имамов, был написан ради защиты интересов простого народов. Мы не осмелились написать, чтобы они [повинности] были прощены, так как подати назначены решением нашего императора. Если бы деятельность магометанских ученых находилась под контролем высшего начальства, они получали бы милостивое обращение к ним императора, были бы освобождены от податей как русские священники, стояли бы наравне со всеми подданными – все это сильно обрадовало бы мусульманских ученых. По шариату ученые не облагаются податями. То есть если ученый не исполняет податей, а император не выделяет жалования, этот ученый считается нуждающимся и признается достойным получать гошер, фитр и другие обязательные для мусульман пожертвования и берется на содержание. Гошер, фитр и другие садака в действительности должны выдаваться бедным, нуждающимся и другим подобным им людям.

Второе. Имамы махалли освобождаются от податей и других общественных трат по решению высших инстанций. Если кто-либо, получая согласие общества махалли для вступления в должность в приходе, откажется брать на себя общественные расходы, то такой человек не будет признан подходящим для должности. Это может стать причиной беспорядков.

Отправлено 15 сентября 1842 г.

8) Причина написания этого заключается в следующем: «Приказываю имаму деревни Суфман Елабужского уезда, мулле Ахмади, сыну Исхака. Мечеть в вашей деревне была построена по разрешению Собрания в 1823 г. Разрешаю совершать в этой мечети пятикратный намаз, пятничные и праздничные богослужения, после которых необходимо совершать молебен за

здравие великого императора и всего уважаемого царственного семейства». Написал оренбургский муфтий, тархан Габделвахид бин Сулейман. 1844 г., 12 февраля, №9.

9) Отношение в Духовное магометанское собрание. Рапорт для рассмотрения уфимским губернским комитетом по наблюдению за оспой: 1. Имамы махалли предупреждены Собранием, чтобы они не выезжали куда-либо, оставляя возложенные на них обязанности. 2. У приходских имамов нет обязанностей. Есть чиновники, выполняющие приказы императора. 3. В обязанностях имамов махалли законом не прописано, что они должны разъезжать из деревни в деревню, из уезда в уезд на обозе. Имамы не имеют лошадей, каждый месяц они вынуждены ездить в уездный комитет за 50 и 150 км для сдачи сведений о новорожденных и скончавшихся, и поэтому деятельность мулл очень затруднена. В связи с вышеизложенным я предлагаю следующее: если это не будет противоречить указам великого императора, то один раз в полугодие приходские имамы, составив список новорожденных и умерших и запечатав его в конверт с надписью «Ведомость родившихся и умерших в уездный комитет по оспе», должны передать его уездному сотнику, сотник передаст его своему становому приставу, а пристав передаст его в соответствующую организацию. Если Губернское правление найдет другой законный и удобный способ, то может предложить его.

Муфтий, тархан Сулейманов. 9 января 1845 г.

10) Фетва оренбургского муфтия. Исходя из слов главы башкир Жуковского, приказываю: башкирские мужчины и девушки 6 и 9 кантонов перед совершением никаха должны получить медицинское свидетельство об отсутствии у них заразных болезней. Это нужно для того, чтобы после никаха муж не развелся с женой по причине отсутствия к ней желаний, поэтому необходимо знать о здоровье до бракосочетания. В связи с этим имамы, совершившие никах между молодыми, не имеющими подобного свидетельства, будут смещены с должности.

Написал муфтий мусульман Габделвахид ибн Сулейман аль-Оренбурги. 1846 г., 7 февраля (так как не было оригинала данной фетвы, здесь передано только ее содержание).

11) Фетва. Оренбургский главный начальник, кавалер, господин Эстерхавемский сообщил мне 17 мая 1846 г., за №9788, что, якобы во время падежа мусульмане не предпринимают никаких действий для сохранения и предупреждения болезней крупного рогатого скота. Основываясь на этом, я написал наставление, которое вы должны исполнить с умом и безоговорочно. Во-первых, пророк сказал: «Если вы связаны хозяйственными отношениями, то и в этом, и в загробном мире с вас будет спрошено о смерти принадлежащих вам людей и животных». Во-вторых, пророк сказал: «Если услышите, что в каком-то городе началась чума, не входите в него. Если это случилось в вашем городе, бегите из него». В-третьих, у чумы есть явные и скрытые причины, первая из них – прелюбодеяние; если какой-то народ начнет предаваться греховным делам, то тотчас появятся смертельные болезни. Эпидемия появляется и потому, что по шариату людей, занимающихся прелюбодеянием, не секут плетью. В-четвертых, во всех книгах фетв написано, что покупка и продажа шкур падших [животных] запрещена. В-пятых, врачи причиной возникновения эпидемии считают проникновение в реки нечистот от умерших и незахороненных животных, в результате чего вода протухает. Однако истинная причина, по их мнению, следующая: холера и чума среди людей и животных возникает вследствие большого количества греховных дел людей. Знайте же, по исламу потомкам Мухаммада в то время, когда среди животных, принадлежащих хозяйству, возникает мор, необходимо отделить больных животных и приложить все усилия, чтобы не заразились остальные. Если эпидемия возникла в других городах и селах, нельзя отпускать туда свой скот и приводить оттуда животных. Если мор появился в вашей деревне, ничего нельзя привозить кроме сена и соломы. Если позже эпидемия снова проявится, все магометанское население должно вспомнить все свои грехи и попросить за них прощения, прочитать намаз, и, произнося имя Аллаха и умоляя его, должны просить о прекращении мора среди животных. Если кто-то проявит упрямство и сойдет с истинного пути, продав шкуры больных животных, то причинит вред своим единоверцам и другим людям. Шкуры умерших животных положено хоронить вдалеке от деревни, чтобы вредные испарения не повлияли на здоровых животных. Также необходимо очистить дом, двор и улицы от нечистот. Польза этих действий вам вернется. Вы должны исполнять все приказы чиновников, касающиеся больных животных; показывая упрямство, вы приведете себя к гибели. Вы, уважаемые ахуны и имамы, должны разъяснить всему населению вашего прихода.

12) Законная фетва. Высокодолжностной оренбургский военный губернатор сообщил мне следующее: «Башкиры, мишари, тептяри и другое магометанское население не топит дома, мерзнет в холода, ест сырую пищу, не обращает внимание на лечение и советы врачей, не обращается в многочисленные лечебницы, не беспокоится о своем здоровье, в результате чего многие погибают от холеры». Фетва единоверцам заключается в следующем: «В это опасное время эпидемий и болезней мусульманское население обязано постоянно каяться и просить в молитвах о снисхождении, а также прилагать усилия для сохранения здоровья. Внимайте советам и приказам врачей по поводу еды и лечения. Вы, уважаемые имамы, собрав в мечети население прихода, должны сообщить о содержании этой фетвы, объясните появление чумы как наказания свыше из-за совершения больших и мелких грехов. Все вместе покайтесь и попросите прощения, произносите имя Аллаха, перебирая четки, и просите, и Аллах своей милостью и величием прекратит чуму. После этого – окончательное лечение. Написал муфтий мусульман аль-Оренбурги Ибн Сулейман. 1847 г.

13) Уважаемый господин, казанский глава Ибрагим Юнусов! В 1847 г. я писал Вам, чтобы при выборе кадиев предпочтение отдавалось хорошим ученым и мударрисам. 17 января 1848 г. я получил от вас письмо, в которое вложен реестр с баллотировкой кадиев. Те, кому выпало 29, 28 и 24 белых шара не подходят, т.к. в этой баллотировке есть более достойные ученые и мударрисы. Это – 1) мударрис Хуснетдин, сын Гумера из Казанской слободы, 2) Фахретдин, сын Галимшаха из деревни Урбагар Спасского уезда, 3) Гимадетдин, сын Усмана из деревни Мараса Чистопольского уезда⁵⁰, 4) имам-хатиб и мударрис Тухфатулла, сын Абуязида из деревни Ташлы Елга Мамадышского уезда⁵¹. То, что эти четыре мударриса оказались невыбранными, видимо, причина заключается в Вас, бай Юнусов; также я написал губернатору, что прежде избранные кадии повторно не выбирались, а были выбраны мударрисы. Сообщите об этом в Губернское правление. Мулла, получивший 28 белых шаров, виновен перед Собранием, о чем было сообщено в Губернское правление 18 января 1848 г.

14) Имам, сын Яхьи, снимается с должности за то, что 14 мая 1849 г. провел обряд бракосочетания между дочерью почетного гражданина, купца первой гильдии Ахмедшаха, сына Габдуллы из деревни Мачкара Малмыжского уезда Вятской губернии, Гайшой, родившейся 1 сентября 1833 г., которой на тот момент исполнилось 15 лет 8 месяцев и 16 дней, и казанским купцом Мухаммедгали сыном Курбангали, о чем имеется запись в метрике. 1849 г., 21 июня⁵²....

16) Наставление мусульманам, находящимся под властью оренбургского муфтия и проживающих на восточной окраине Российской империи. Известно старому и молодому, простому и знатному народу, что все мужское и женское население, проживающее на территории нашего великого государства под опекой российского падишаха, несмотря на свое происхождение и вероисповедание, находится под защитой закона и живет как единый народ. Русские падишахи смотрят на подданных как на своих детей, одинаково милостивы ко всем, и начальство относится к простому народу как к своему младшему брату.

Мы, мусульмане, потомки пророка, не нашедшие себе падишаха из единоверцев, подданные России, живем также, как и наши отцы и деды. Нам никто не запрещает жить по законам шариата. Что нам нужно, чтобы в этой и загробной жизни быть счастливыми, согласно своей религии? Если нужно богатство, то в Российском государстве открыты пути для его добывания, от русского народа нет особых притязаний; мы можем заниматься ремеслами и торговлей, у нас ничего не отбирают силой и никто не наказывает безвинных. Россия и ее границы охраняются войсками, поэтому и мы защищены от военных нападений. Однако в исламском мире наши единоверцы постоянно находятся в опасности. Если в мирное время мы окажемся перед лицом голода, холеры или других бедствий, падишах даст нам семян для посева и лекарств для больных. Таким образом, мы, наравне с русскими, достигаем успехов на поприще выбранной деятельности, получаем награды за свою службу, и даже достигаем высоких степеней. Видя их благодеяния, пролившиеся дождем на нас и наших дедов, мы обязаны жить под властью падишаха, искренне благодарить Аллаха за то, что сделал нас счастливыми, всей душой желать рус-

⁵⁰ Сейчас д.Кульбаево-Мараса Нурлатского р-на РТ.

⁵¹ Сейчас деревня в Кукморском р-не РТ.

⁵² *Авт. сн.:* Это письмо очень длинное, здесь мы ограничились только этим.

скому государству процветать до последнего дня, просить у великодушного и милосердного долгих дней жизни императору Александру Николаевичу, возвышаться все выше в каждом поколении.

Однако враги не могут спокойно наблюдать процветание России. Во времена великого падишаха Николая Павловича, известного своей высокомерностью, французские и английские дворы, показав свою враждебность по отношению к русскому государству, искали пути причинения вреда. Для этого они использовали разногласия, возникшие в последнее время между нашим покойным императором и падишахом Стамбула. Посеяв между Россией и Турецким государством семена раздора, желая обессилить Россию, приблизили к себе турецкое государство и стали духовными повелителями проживающих там мусульман. Таким же образом Англия подчинила себе Индию, Пенджаб⁵³ и Афганистан. В настоящее время такие же намерения Англии и Франции полностью распространились на территории турецкого государства. Обманым путем, под видом оказания помощи турецкому султану, они ввели свои войска в Стамбул, кроме того, солдаты заполнили города Адрианополь, Варну и другие турецкие местности. Более того, сдерживая исламского правителя от добровольного отречения, назначили его своим полномочным представителем. Оказывали непочтение к религии мусульман, превратив замки и мечети в госпитали; насмехаясь над их нравами и обычаями, относились к ним как к скоту. Требовали у них еду и отправляли на грязную работу. Турки поняли, что оказались в ловушке и начали укорять себя за свою же помощь. Эта помощь привела их к столкновению с Россией, в результате которого пролилась кровь, и способствовала их гибели. Однако турки не смогут освободиться от них без помощи России, и они очень хотели бы попросить ее помощи.

Англичане и французы, желая распространить свое правление на территории турецкого государства, проникли на нашу территорию и, введя свои войска в Крым, взяли в блокаду Севастополь. Вот уже пять месяцев они осаждают город, но постепенно тают, как воск, в результате голода и холода. Однако, несмотря на это, с наступлением весны они планируют атаковать наше государство с разных сторон. Пугают, что якобы они уничтожат некоторые южные и западные губернии. Для противостояния этим двум сильным народам и недопущения их в свой дом [государство], покойный император Николай Павлович, известный своими благодеяниями, велел вооружиться своим верным сынам, чтобы ополчения под чьим-либо руководством охраняли государство, а после окончания войны возвратились в свои деревни и занялись своим ремеслом. В этом ополчении были также и мусульмане.

Братья-мусульмане! Это возможность для проявления своей верности государству, в котором вы родились и выросли, своими делами вы можете показать искренность падишаху за все великое милосердие, оказанное нам и нашим дедам. Каждый, способный воевать, должен просить войти в ополчение; для защиты своего дома и имущества от врагов вы должны пойти вместе с русскими, и, не жалея души своей, должны воевать против врагов и вернуться домой с почестями! Также 40 лет назад для уничтожения Бонапарта, вторгшегося в Россию, ваши отцы оказали помощь русским и вернулись домой с высоко поднятой головой. В то время эта опасность была намного выше, чем сейчас, но, несмотря на это, Россия победила, бесчисленное войско противника было уничтожено и их кости покоятся на нашей земле. Не вступая в войну, Россия стала в два раза сильнее чем прежде (смысл непонятен – *Р.Ф.*). Сейчас мы надеемся: с помощью всемогущего и справедливого правое дело победит! Про изворотливых и хитрых Аллаха сказал: «Придет день, вы будете наказаны за гордость и за совершенные злодеяния».

Если кто-то из вас не сможет вступить в ряды ополчения, вы должны, по милости всемогущего Аллаха и падишаха, по возможности ваших сил, подготавливать воинов, содержать их, оказывать помощь, жертвуя своим имуществом, и не жалеть средств для проливающих кровь ради вашего спокойствия.

Сказал всемогущий: «Верные и благочестивые люди те, кто верен своему слову и смиренно проживает трудные времена». Постоянно помня об этом, мы, как верные подданные, должны держать свое слово, данное великому царю Александру Николаевичу. Находясь вдалеке от границы, довольствуясь совершением богослужения за безопасность, мы читаем следующие молитвы: «Да ниспошлет всемогущий Аллах победу нашему императору Александру Николае-

⁵³ Пенджаб – самая северо-западная провинция Британской Индии, образованная в 1849 г. из областей, принадлежавших королевству Сикхов.

вичу и установит соглашение между императорами и народами». Муфтий мусульман, тархан Габделвахид бине Сулейман аль-Оренбурги. 1855 г., апрель.

(Это письмо было опубликовано, по сравнению с остальными оно написано почти без ошибок, предложения составлены красиво. Однако очень много синонимов, поэтому мы сокращали те, которые растягивались на целую строку – Р.Ф.).

17) (Перевод с русского). Оренбургскому и самарскому генерал-губернатору. Из дела о постройке здания Магометанского духовного собрания в городе Уфе видно: одноэтажное здание – для Магометанского собрания, флигель на правой стороне – для архива, и один флигель на левой стороне – для проживания мулл и кадиев. Флигель позади здания – для служащих. По проекту квартиры для муфтия не предусмотрено. Сумма расходов на постройку этих зданий по проекту предполагается в размере 45 000 руб. Когда я был в Оренбурге, вы говорили мне, что министр по каким-то причинам не одобрил данный проект. По возвращении в Уфу я разговаривал с людьми, знающими цены на подобную работу, которые сказали мне, что постройка квартиры для муфтия в виде второго этажа Собрания обойдется недорого. Поэтому просим ваше превосходительство, если будет возможно, приказать кому-либо изменить проект в связи с вышеизложенным. 12 апреля 1855 г., №1077.

18) В Оренбургскую строительную комиссию. С одобрения правительства в Уфе началась постройка зданий Магометанского духовного собрания, однако здесь, как мне кажется, есть недостатки. Нет мест для лошадей и телег, во флигеле для кадиев нет подвала, бани, сада, хотя они необходимы. Поэтому для них нужно составить смету. Муфтий Сулейманов. 22 мая 1861 г., №1471.

Заключение: Разрешение на постройку зданий Собрания было дано, видимо, из-за того, что мусульмане были очень необходимы при защите Севастополя. Смета составила 41 994 руб. 25 коп., однако на торгах 1 сентября 1860 г. была отдана [постройка зданий] некоему Михаилу Абдееву из Оренбурга за 45 000 руб. После завершения Абдеевым строительства, Собрание сообщило об этом в строительную комиссию в Оренбурге 22 сентября 1864 г. Несмотря на активное участие в постройке зданий муфтия Габделвахид бине Сулеймана, он не смог увидеть окончания стройки вследствие своей смерти. Первым из муфтиев вошел в новое здание муфтий Салимгирей бине Шахингирей ат-Таукили. Некоторые из кадиев не смогли жить во флигеле из-за непригодности здания их требованиям, поэтому были вынуждены проживать совсем в другом месте. Смотря на них и последующие кадии стали проживать в других местах. ...

Письма, написанные муфтию.

Первое письмо: Известно, что наше учебное заведение (Михайловское училище) находится под руководством директора и доктора. 12 июня они принимали экзамен у детей, которых мы обучали. Доктор, желая поехать на Макарьевскую ярмарку, решил написать Вам письмо. Мы же решили поехать на Макарьевскую ярмарку получив только его разрешение. На ярмарке хотели остаться до конца августа. В случае, если мы не успеем вернуться, доктор обещал назначить на наше место мулле Хуснетдина. Поэтому брать разрешение в другом месте не было необходимости. Мулла Габделгафур ибне мулла Махмуд аль-Булгари Мамишев. 1843 г., 4 июля. Казань. (Этот человек записан под номером 328. К тому же он был назначен Собранием для исполнения должности имама на Макарьевской ярмарке).

Второе письмо: Уповая на благословение муфтия хазрата, молимся за все Ваше семейство. Были очень обрадованы, получив Ваше письмо от 11 ноября. Мы поняли, что вы написали по поводу выборов кадиев. Губернское правление сообщило в уезды, чтобы из каждого уезда прибыло по два муллы, которые являются мударрисами, т.е. содержат медресе и обучают шакирдов. Мы видели прибывших мулл, не все из них отвечают данному требованию. Посоветовавшись с мирзой Алкиным, губернское правление приказало этим муллам вернуться. Правление снова написало в уезды, чтобы из каждой уездной деревни прибыло по четыре муллы. Среди вновь прибывших мулл нашлись хорошие религиозные и благочестивые мударрисы. Провели баллотировку, при этом просили ученых, чтобы они голосовали за самых хороших. Решили проводить устное голосование. Мы старались по мере своих возможностей, надеемся на хороший результат. Баллотировочный лист отправили в виде реестра. В этом году закончился срок нашей службы, провели баллотировку, на должность головы был избран Ваш сват Исхак, сын Мустафы, Апаков. Скончался Мухаммедвафа махдум, да прольется милость Аллаха. Был по-

хоронен 9 января после пятничного намаза. С надеждой на ваши молитвы Ибрагим, сын Губайдуллы, Юнусов. 1848 г., 12 января, понедельник. Казань.

Тетрадь с записью мулл по выборам на должность кадиев на трехлетний срок, с 1848 г., прошедшим 29 декабря 1847.

Из казанских имамов	белые шары	черные шары
1. Мухаммедвафа, сын Фазлы	19	24
2. Хуснетдин, сын Гумера	12	32
Казанский уезд		
3. Аухади, сын Искандера из д.Чулпы	8	35
4. Хибатулла, сын Хабибуллы из д.Арбаш	4	39
5. Сагдетдин, сын Рахматуллы из д.Чемек	12	31
6. Сиразетдин, сын Наджметдина из д.Ямаширма	6	37
Свияжский уезд		
7. Габделджаббар, сын Мустакима из д. Кайбицы	11	32
8. Тухфатулла, сын Нигматуллы из д. Малые Кайбицы	10	33
9. Ахмедзян, сын Тагира из д. Шушерма	7	36
10. Габделвали, сын Нигматуллы из д. Большой Утак	7	36
Царевококшайский уезд		
11. Хасан, сын Фатхуллы ахуна из д. Казаклар	5	38
12. Фазлулла, сын Ибрагима из д. Кими	8	35
13. Мухаммедшариф, сын Мухаммедкарима из д.Кунгар (Шаши)	9	34
14. Хамид, сын Атнакула из д. Нижние Шаши	11	32
Чистопольский уезд		
15. Гимадетдин, сын Усмана из д. Мараса	19	24
16. Габденнасир, сын Валида из д. Старый Адам суы	11	32
17. Хуснетдин, сын Хасана из д. Гаделшах	13	30
Спасский уезд		
18. Фахретдин, сын Гаделшаха из д. Урбагар	20	23
19. Сибгатулла, сын Фахретдина из д. Тиганали	20	23
20. Раджаб, сын Абузара из д. Старые Чаллы	11	32
21. Камалетдин, сын Галиакбера из д. Ашнак	12	31
Ланшевский уезд		
22. Габделджаббар, сын Рахматуллы из д. Юлга	24	9
23. Сайфетдин, сын Шафи из д. Янтук	13	30
24. Салих, сын Хибатуллы из д. Малый Ашнак	11	32
25. Габделлатиф, сын Бахтияра из д. Большой Султан	8	35
Тетюшский уезд		
26. Батырша, сын Гаделшаха из д. Большие Кариле	13	30
27. Мифтахетдин, сын Зайни из д. Телянчи	8	35
28. Тухфатулла, сын Халила из д. Шедек	28	15
29. Газетдин, сын Муштари из д. Утямыш	31	12
Мамадышский уезд		
30. Бикчентай, сын Габделлатифа из д. Тенеки Сабасы	8	35
31. Газетдин, сын Сайфетдина из д. Икишерма	8	35
32. Мухаммеджан, сын Сабита из д. Сикертан	9	34
33. Джамалетдин, сын Бикаша из д. Шаши	23	19
34. Набиулла, сын Гайнуллы из д. Малый Кирман	13	29
35. Тухфатулла, сын Абуязида из д. Ташлы Елга	9	33
36. Сиразетдин, сын Мухаммедрахима	14	28

Третье письмо: Муфтию мусульман Габделвахиду Сулейманову. На основании указа от 1848 г., я отправился на Ирбитскую ярмарку для исполнения духовных дел, находящиеся там мусульмане дали приговор о постройке каменной мечети. В прошлом 1849 г., когда я отправился на Ирбитскую ярмарку, губернатор выдал мне шнутовую тетрадь для записи денег на

постройку мечети. Но так как тетрадь была мне выдана в последние дни ярмарки, я сказал, что мы заполним ее в следующем 1850 г., с чем губернатор согласился. Ахун Габделхалик, сын муллы Ахтыяма. 1850 г., 24 января.

Четвертое письмо: В Уфу, муфтию хазрату Габделвахиду бине Сулейману. От исполняющего должность имама в большой каменной мечети в Казанской слободе главного муллы Сагида, сына Хамида, с низжайшими поклонениями. После назначения меня на должность имама, прежний мулла Шигабутдин, сын муллы Багаутдина, передал мне тетрадь за этот [18]54 год. В этой тетради даты рождения, смерти и никаха записаны под названиями астрономических созвездий, например, овен, телец... Однако они не соответствуют солнечным месяцам, начинающихся с января, принятых в Московском государстве для исчисления времени. Взять, к примеру, созвездие овна, оно начинается 11 марта, заканчивается 9 апреля и составляет 31 день. 10 марта приходится на последние дни созвездия рыб, а начало марта соответствует 21 дню созвездия рыб. Февраль начинается в 23 день созвездия водолея, а заканчивается в 20 день созвездия рыб. Таким образом, если мулла Шигабутдин, сын Багаутдина, считает январь и созвездие водолея за один месяц, то 24 января относится к созвездию козерога. Тогда почему на 24 число ничего не записано? Ни рождения, ни смерти, ни никаха – не может быть такого, чтобы в этот день ничего не происходило.

Четвертый никах был записан на 31 день созвездия водолея. Он записал таким образом, считая созвездие водолея и январь за один месяц, в то время как первый состоит из 30 дней. В этом никахе мужем является Габбас, сын Габдессаляма. Однако свидетелями записаны сыновья жениха Габдеррашид и Габдулла.

Во втором никахе указан только возраст, слово «жених» пропущено. Написано, что сумма махара в размере 200 руб. отсрочена и жених подарил комнату в собственном доме. Здесь непонятно, является комната частью махара или же она идет дополнительным подарком, в любом случае непонятно, зачем это записано в тетради. <...>

В четвертом никахе свидетелями Габбаса, сына Габдессаляма, указаны два его родных сына – Габдулла и Габдеррашид. Свидетельство двух его сыновей не может служить подтверждением клятвы Габбаса. Цель записи этого в тетрадь стала понятна после конфликта.

В седьмом никахе отец невесты Шахиахмед записан без имени отца.

В тетради записи скончавшихся допустил ошибку при написании названия заболевания; не записал имени отца Исмагила Валида Сагди; не указал точный возраст ребенка, которому не исполнилось и года; у Валида Сагди не записано имени отца; возраст одной женщины непонятен, у другой не записана причина смерти; номер одной женщины поставлен в мужскую графу, поэтому непонятно количество умерших. Эти ошибки, допущенные Шигабутдином, сыном Багаутдиновым, в тетради записи никаха и скончавшихся, были выписаны и отправлены на рассмотрение хазратов главным мударрисом, муллой Сагидом, сыном муллы Хамида. 3 сентября 1854 г. и 11 декабря 1854 г. ...

Шестое письмо: Муфтию и шейху ислама. Как вам известно, 20 августа 1860 г. появился один невежа, колдун, лжец и самозванец, выдающий себя за шейха. Он представляется как Хусаин, сын муллы Бая из Хоканда. Направляет правоверных на ложный путь. Объявил разрешенными танцы и музыку. Стукнув друг о друга две железки, приказал громко произнести «Нет бога кроме Аллаха», и, несмотря на то, что я, сын имама Абузьяра, был против этого, народ махалли согласился с этим требованием. Из-за этого между мной и народом махалли был посеян раздор. Он говорит, что у него есть разрешение Магометанского собрания. Прогнав меня с молитвенного места, назначил имамом мещанина из махалли Хабибуллу, сына Забира. До сих пор сын Забира является имамом и занимается неправедными делами. Меня не допускают на пятикратный и пятничный намаз. Муфтий ислама! Я, несчастный, сын Абузьяра, горюя о попирации священного закона, написал вам рапорт в сентябре 1860 г., неизвестно, дошел он или нет. В настоящее время этот самозванец содержится в Саратове. Он написал много писем с просьбой назначить его ишаном, однако позже стал отказываться от них, говоря, что никому не отправлял таких писем. Говорит, что не умеет читать и писать, ишанством не занимался. Муфтий хазрат! У нас нет денег, чтобы писать прошение, мы не получаем за это жалование. В нашей махалле семь домов, лживыми обещаниями он склонил их на свою сторону, заставил их написать на нас заявления в Губернское правление. Хорошо было бы, чтобы это дело было рассмотрено по закону и об этом было сообщено ахуну Кузнецкого уезда Шайхутдину, сыну Са-

лиха. Хотелось бы собрать вместе благочестивых мулл Кузнецкого уезда Губайдуллу, сына Аюба, из селения Гали, хаджия Хабибуллу, сына Дамкая и Мифтахетдина, сына Салиха, из деревни Мирзалар, Хуснетдина, сына Биктемира, из деревни Дума. Имам города Вольский Хуснетдин, сын Абузяра. 26 февраля 1861 г.

Жены.

Вместе с ним приехавшая из Петербурга жена Хабиба, дочь Рахманкула, похоронена рядом с ним и сыном, ахуном Шарафетдином. На могильном камне написано: «Супруга муфтия ислама Габделвахида Сулеймана Хабиба, дочь Рахманкула. Рабигуль-ахир 1815 г.». После нее в этом же году 20 мая он взял в жены дочь стерлитамакского купца Бахтияра Габделкарима, сына Исмагила ар-Раевеи Уммугульсум. Эта жена похоронена рядом с ним, на ее могильном камне написано: «Уммугульсум, дочь Бахтияра, супруга муфтия Габделвахида, сына Сулеймана, [скончалась] в возрасте 46 лет в месяц зуль-кагда 1297 г./ 3 сентября 1880 г.».

Дети.

Нам известны его дети Шарафетдин, Махбубкамал, Раузателджанан. Махбубкамал родилась 15 августа 1828 г., была выдана за Ибрагима, сына Исхака Апакова из Казани, у нее одна дочь Марьям. Раузателджанан вышла замуж за князя Мухаммедхасана, сына Габделгаффара Акчурина⁵⁴, в настоящее время их дети живут в Уфе. Род муфтия продолжен детьми его двух дочерей, у сыновей детей нет.

Шарафетдин родился 10 июля 1823/1238 г., скончался 21 февраля 1888 г./ 23 джумадиель-ахир 1305 г. в возрасте 67 лет, похоронен в Уфе. На могиле поставлен камень с надписью. Совершил хадж во время путешествия в Хиджаз, учителя его неизвестны.

Его официальная биография: Шарафетдин, сын Габделвахида ибн Сулейман, родился 10 июля 1823 года. В июле 1844 г. получил указ на звание имам-хатиба и мудarrisа. По указу Собрания от 9 октября 1844 г. был назначен членом оспенного комитета Уфимского уезда. 23 апреля 1849 г. был определен членом тюремной комиссии в Уфе. В этом же году по прошению муфтия был определен для совершения богослужения для мусульман, содержащихся в уфимской тюрьме. 21 августа 1857 г. был назначен Оренбургским губернским правлением ахуном. В 1861 г. уфимский губернатор назначил его членом счетного общества. В этом же году вместе с муфтием отправился к башкирам в деревню Уса для наставления их в деле воинской повинности. В 1876 г. был назначен для богослужения больным мусульманам, находящимся в Уфимской земской больнице.

Одно из его писем: В Оренбургское магометанское собрание.

Оренбургское магометанское собрание приказало подготовить бревна и подобрать людей, которые понадобятся при измерении уфимского кладбища в следующем 1858 г. Однако Собрание не указало, где брать средства для покупки бревен и выплаты рабочим. Если кладбище не будет огорожено, то русские потопчут его галошами. Уже сейчас каменные ограждения могил муфтия Габдессаляма и некоторых муруз пришли в полную негодность. Так как у нас нет возможности найти денежные средства, то просим Собрание объявить среди мусульман Уфы, особенно богатых, о собрании пожертвований для восстановления ограждений указанных могил

Старший ахун, тархан Шарафетдин Сулейманов. Уфа.

26 декабря 1857 г.

Отец его, Сулейман ахун, был ахуном и имамом в деревне Арбашча. Здесь приводится одно из его писем, которое дается в сокращении. В правление Оренбургского собрания. Ахун дерев-

⁵⁴ *Авт. сн.:* Согласно свидетельству, выданному Оренбургским депутатским собранием 8 января 1834 г., родословная Акчурина следующая: сын князя Адаша Акчура (родоначальник фамилии), сын Акчуры Булаш, его сын Еники, его сын Бикбулад, его сын Килмаш, его сын Хасан, его сын Урмай, его сын Урмай.

У Булаша, сына Акчуры, были также сыновья Тенгревирде, Ирбак, Тенибек. У Тенибека сын Бучан, сыновья Тенгревирде – Илшикай, Нурай, Мавлюд.

У Бикбулада, сына Еники, также были сыновья – Тимергали, Барбик, Мухаммед.

Сыновья Килмаша, сына Бикбулада – Сиунбай, Ишгали, Сафар.

Сыновья Урмай, сына Хасана – Кадерем, Кадершах. Сын Кадерема Ибрай, его сын Якуб, его сын Кутлумет.

Сын Умрая Кали, его сын Габделгаффар, его сын князь Мухаммедхусаин. Это последнее звено, которое было переписано из свидетельства.

ни Большой Арбашча Кузнецкого уезда Сулейман, сын Саглука, написал: «В нашей округе на протяжении многих лет существует противоречие между имамами по поводу начала и окончания священного рамазан. Так, например, не видя луны, начинают и заканчивают [ураза] на два дня ранее. Не обращаются к священным хадисам для решения вопроса о видимости луны. Их предводителем является имам деревни Куйсуы Юнус, сын Габделджалиля. Остальные признают его сыном ишана и поэтому подчиняются его словам. Однако мулла Юнус не прислушивается к моим словам. Каждый год ураза начинается на день раньше, чем в Казани (если бы по шариату следование Казани было бы обязательным, то, несомненно, Юнус ишан был виновен в своих действиях). Раньше следовали за его отцом Габделджалилем, сейчас за муллой Юнусом. Наша деревня находится в пяти километрах от Куйсуы. Мусульмане нашей деревни начали ходить на пятничные намазы и гает к мулле Юнусу. В прошлом году, не обращая внимания на луну, мулла Юнус прочитал гает на день раньше Казани и нашего муфтия.

Ахун Сулейман, сын Саглука. 10 декабря 1829 г.

Источник: Фахретдин Р. Асар. Жилд 2. Жөзөз 13. Оренбург, 1907. Б.348–389.

Салимгарей бине Шахингирей бине Юсуф бине Кутлугмухаммед бине Мамеш ат-Тевкели.

Четвертый муфтий Духовного собрания, умер в возрасте 80 лет 2 января 1885 года (27 рабигуль-ауваль 1302 г. по хиджре) и похоронен 4 января. Заупокойную молитву прочитал бывший в то время членом Духовного управления казанский имам Мухаммед бине Гумар аль-Салахи. С разрешения Министерства внутренних дел муфтий был похоронен на западной стороне первой мечети Уфы. Могила его огорожена железной оградой, внутри которой в голове установлен белый мраморный камень. Надгробная надпись выполнена красиво, но написана с ошибками.

Официальная биография.

Муфтий Салимгарей, происходя из уфимских дворян, поступил на военную службу. В 1828–1829 гг. в русско-турецкой войне служил под командованием графа Балина и генерала, барона Будбирха. За мужество, проявленное во время военных действий, награжден орденом Анны 3-й и 4-й степени, кроме того, ему была пожалована серебряная медаль. За успешные переговоры с губернатором Малакии Каймкам пашой был включен в состав посольской комиссии в город Адрианонополь⁵⁵. В 1831 году он был отправлен в область Пулак для подавления возникающих волнений, в результате успешных действий был награжден орденом. Получив звание штаб-ротмистра, покинул военную службу, и в феврале 1848 г. был выбран председателем уездного дворянства города Бугульмы. Здесь он прослужил до 14 декабря 1850 года. Указом императора от 28 февраля 1865 года Салимгарей Тевкелев назначен муфтием Духовного управления мусульман в Уфе. 29 июля 1866 г. назначается директором тюремной комиссии. 30 апреля 1869 года был награжден орденом Анны 2-й степени; 16 апреля 1872 года император Александр пожаловал ему перстень, украшенный драгоценными камнями и с надписью «Александр». Принимал участие в подавлении возмущения пермских башкир, выступавших против всеобщей воинской повинности, за что император Александр выразил ему официальную благодарность и одарил золотым портсигаром. Был награжден орденом Станислава 1-й степени 1 января 1877 года, орденом Анны 1-й степени 7 марта 1880 года, орденом князя Владимира 2-й степени 6 мая 1884 года. В 1880 году участвовал в праздновании 25-летия правления императора Александра Николаевича, в 1883 году присутствовал на коронации императора Александра Александровича, и в честь этого праздника был награжден золотой медалью. Умер 2 января 1885 года в возрасте 77 лет и был похоронен в яблоневом саду возле первой соборной мечети Уфы.

Неофициальная биография.

Салимгарей муфтий родился 30 декабря 1805 года в деревне Килим Белебеевского уезда (поэтому ему не могло быть 77 лет, когда он умер). После окончания военной службы, в 1854 году, во время путешествия в Хиджаз совершил хадж. В Стамбуле в составе российских послов был принят султаном Габделмажидом. В этом же путешествии посетил и Сирию.

⁵⁵ Адрианонополь (Эдирне) – главный город турецкого Адрианопольского вилайета. В 1360–1453 гг. служил резиденцией султанов.

Первой женой была дочь мирзы Асфандияра Давлеткильдеева Гайнелхаят. Она умерла в возрасте 29 лет в деревне Килем. Потом он женился на родственнице первой жены, дочери мирзы Сулеймана Давлеткильдеева Фатиме. С этой женой он прожил 25 лет, и после смерти муфтия Фатима прожила ещё 26 лет, умерла 19 июня 1912 года в возрасте 85 лет, была похоронена рядом с мужем. Свой дом, стоимостью 80 тысяч, оставила в вакуф мечети.

Ни от одной жены у муфтия не было детей.

Общее состояние.

Во время муфтиятства Салимгарея Духовное Собрание занималось только официальными делами, не предпринимало никаких действий против волнений мусульман. Мусульмане были недовольны негативным отношением к ним правительства, были в курсе его ограничительных мер против религии. Поэтому, как только мусульмане узнавали тревожную весть, отправляли гонца к муфтию.

В 1878 г. религиозная проблема коснулась всего мусульманского населения. Махалли отправляли своих представителей в Уфу. В архиве Собрания сохранилось 83 их прошения. Однако члены собрания их официально не рассматривали, не выносили по ним решений, а отправляли прямиком в архив. Трудно оценить такие действия членов Собрания, выбранных казанскими мусульманами.

В период деятельности этого муфтия медресе были переданы в ведение Министерства просвещения, однако перевод этого указа на татарский язык не был распространен среди мусульман, поэтому они не предпринимали никаких действий.

Почтенный Марджани так говорил о муфтии: «Несмотря на то, что не обладает знаниями по фикху и шариатскому праву, он смог добиться назначения на эту должность. Его предшественники, хотя и не были учеными в полном смысле это слова, но этот муфтий совершил ошибку, открыв двери для людей неученых. Несмотря на то, что муфтий действовал из самых искренних побуждений, из-за отсутствия знаний и смелости он был вынужден прислушиваться к чужому мнению, и не мог настоять на своем. Поэтому он мало совершил полезных дел для своей нации, часто изменял свое же решение. Было возложено много надежд на этого человека, обладающего широкими взглядами, понимающего указы правительства, но надежды правительства не оправдались» ... (Мустафадель-ахбар. Т.2, с.311–312).

О том, что он не способен к выполнению полезных дел и не может быть на страже нации и религии, мы услышали в Уфе от знающих людей. Они говорили: «Растет недовольство членами собрания, выбранных в Казанском вилайете. Каждый раз избираются известные, но недалекие люди, которые ничего не смыслят в работе, не различают левое от правого, и муфтий остался в беспомощном состоянии».

Перед назначением муфтием, Салимгарей мирза ездил в Петербург, где встречался с Хусаином Фаизхановым и беседовал с ним по поводу открытия для татар высшей научно-религиозной школы. (Лично я считаю, что эти поездки были нужны Салимгарею, чтобы его назначили муфтием, но он скрыл свою истинную цель от Хусаина эфенди).

В 1864 г. Хусаин эфенди писал из Петербурга Марджани следующее: 1) Тевкелев приложил много стараний, разговаривал со многими людьми по поводу предполагаемого медресе. 2) Медресе, о котором мы договаривались с Тевкелевым, будет открыто в Казани и полностью обеспечено. Из учебной программы будут исключены бесполезные книги, основное внимание будет обращено на религиозные и светские науки. Медресе полностью будет регламентировано. Русский язык, география и геометрия будут преподаваться на русском языке. 3) Первоначально предполагалось, что в медресе будут преподавать те же предметы, что и в гимназии, и само учебное заведение будет пользоваться теми же правами, что и гимназия. Однако учитывая, что среди нас нет людей, которые могут преподавать эти науки, отклонились от этой мысли. Изучение русского языка на хорошем уровне будет для нас достаточно. 4) Тевкелев собирался разговаривать на эту тему с министром просвещения.

После назначения Салимгарея мирзы муфтием, Хусаин Фаизханов приехал к нему в качестве гостя в деревню Килем. После этого в 1865 г. написал Марджани письмо, в котором есть такие слова: «Муфтий твердо стоит на своем мнении по поводу открытия медресе и хочет воплотить в жизнь все свои мысли».

С одной стороны, муфтий согласился с этой идеей, т.к. муллы Казани причиняли вред Хусаину Фаизханову, но, с другой стороны, после смерти Хусаина эфенди муфтий забыл об этом,

и стал больше говорить, чем делать. Первоначально эту идею должны были воплотить в Учительской школе, открытой для мусульман в Уфе, что подтверждают архивные документы.

Официальные письма.

1880 г. 28 мая, №1282. Министру внутренних дел. Письмо очень длинное, чтобы его переписать, нужно много времени и места. Поэтому приведу только выдержки:

1) Членами собрания избираются только имамы Казанского вилайета, остальные мусульмане этого лишены. Однако в Собрании рассматриваются дела, касающиеся всего мусульманского населения. Поэтому избрание членов только из Казанского вилайета неправильно. В связи с этим каждые три года один из трех членов будет избираться в Казани, остальные два – в других губерниях.

В настоящее время выборы в члены Духовного управления происходят в декабре. Это вызывает определенные неудобства для возвращения заканчивающих срок службы и для прибытия новоизбранных. Выборы надо перенести на май месяц – к этому времени открывается водный путь, что удобно и для уезжающих, и для прибывающих членов Собрания.

Избрание сразу трех новых членов невыгодно для ведения дел нашего Управления. Новые члены долго входят в курс дела. Поэтому их нужно заменять по одному каждый год. Поэтому прибытие только одного нового члена не будет задерживать дела Собрания.

2) (Наставление, написанное по-русски. В начале письма дан русский перевод суры «Фатиха». Дата не обозначена, несмотря на то, что наставление было распространено среди имамов).

Уважаемые муллы и ахуны Оренбургского собрания!

Обращаться к вам меня вынуждают ошибки некоторых из вас. До меня дошли сведения, что некоторые из вас враждебно относятся к христианам. Поэтому считаю необходимым ознакомить вас с христианами России.

Христиане – это люди, которые разрешили строить нам мечети, способствуют развитию у нас сельского хозяйства, торговли и ремесел. Это верные сыны своего государя и отчизны, которые не ждут от нас благодарности за свои благодеяния. Как мы сможем отблагодарить нашего государя? Наша благодарность должна выразиться в соблюдении его законов и выполнении указов.

Если мы не будем знать языка нашего государства, как вы сможете узнать о законах государства? Как будете разговаривать с чиновниками? Незнание русского языка приведет вас к большим бедам. Не понимая того, чего желают чиновники, вы будете вынуждены довольствоваться словами переводчиков. Не имея возможности спросить у чиновников необходимых вещей, вы многое теряете. Когда нужно будет просить что-либо по своим религиозным потребностям, вы будете обращаться за помощью к человеку, знающему русский язык. Они же могут написать что-нибудь вредное.

Некоторые считают, что, изучая русский язык, они будут подвергнуты крещению. Нельзя верить этим словам. Сахих аль-Бухари писал, что пророк говорил о пользе изучения еврейского языка. Знание русского языка полезно для вас. Ваше счастье зависит от этого. Тот, кто не хочет знать русского языка, не уважает нашего государя. Это также и научная польза. Однако некоторые из вас не понимают, что в религии главной наукой является знание русского языка.

Не зная русского языка, как попросите хлеба у русских? Как будете отвечать в судебных делах? Как сможете узнать о налогах на землю и воду? Все указы и законы, касающиеся вашей жизни, написаны на русском языке.

Наш великий государь повелел преподавать на русском языке в новых школах и медресе, которые будут открываться для его верных подданных. Для воплощения этого указа именно вы, ахуны и муллы, должны оказывать первую помощь.

Таким образом, я перечислил причины, по которым вы должны знать русский язык. Поэтому я приказываю вам: призывайте народ к изучению русского языка.

Прочитайте 191 суру из 3-го аята священного Корана и докажите, что сможете исполнить эти наставления. Да поможет вам Аллах в делах религии!

(Эта бумага была отпечатана, я нашел ее среди бумаг архива, которые были приготовлены для уничтожения. Скорее всего, это наставление было распространено⁵⁶, но его надо было рас-

⁵⁶ Речь идет о наставлении муфтия С.Тевкелева, составлено не позднее февраля 1873 г. Оно было напечатано и распространено среди мусульманского духовенства округа ОмДС. См. русский текст оригинала: Материалы по истории второй половины XIX века. Ч.1. М.-Л., 1936. С.301–302.

пространить не на русском, а на своем, тюркском, языке. Было бы неплохо написать его в форме книг «Фазаилеш-шухур» и «Бадавам». Однако для этого нужен составитель «Фазаилеш-шухур», но в Собрании не нашлось такого человека. Скорее всего и русский вариант был составлен его неграмотным секретарем. Если бы это дело было поручено какому-нибудь адвокату, получилось бы намного лучше.)

Некоторые из писем, написанные муфтию.

1) Из Министерства внутренних дел, 23 июня 1884 г., № 329.

Из письма от 28 мая 1880 г. нам стали известны ваши предложения о порядке избрания членов в Оренбургское собрание. Некоторые опрошенные нами губернаторы отрицательно высказались против созыва совещания для выбора членов. В любом случае ваше предложение идет против закона. Поэтому, составив новый проект, отправьте его мне на рассмотрение! (Отличный ответ спустя четыре года! – *Р.Ф.*)

2) (Переписывается в сокращении): «Муфтию Тевкелеву. От Ярмухаммеда, сына Габдесаттара из деревни Муслим Чистопольского уезда⁵⁷».

(После перечисления имен и званий ишанов и халифов деревни Кизляу – *Р.Ф.*) пишет: «Я был вхож в их среду, поэтому слышал их слова и видел их дела, противоречащие шариату. Оказывается, они выступают против хаджа. Мне сейчас 67 лет и я видел много шейхов, которые не действовали против шариатских законов. У этих же нет честности. Они становятся ишанами только для обогащения, чем приносят мучения простому народу. Ни у одного из них нет иджазы. Женщины под предлогом посещения ишана общаются с незнакомыми мужчинами. Некоторых из женщин по дороге захватывают беглецы и держат у себя до десяти дней. Будучи достопочтенными и уважаемыми женщинами, они в то же время распространяют много сплетен. В основном муриды и хальфы употребляют алкоголь, угоняют лошадей и воруют, потом идут к своему ишану и получают отпущение грехов. Невозможно перечислить все греховные деяния муридов. Вся деревня знает, что один известный всем хальфа прелюбодействовал на своей пасеке с женщиной. Держа свою семью как пленников, гуляет с чужой женой. Питается продуктами, которые украд сын этой падшей женщины. В другой деревне один хальфа остается наедине с молодыми женщинами в пустом доме, якобы с целью разъяснения им чего-либо. Еще в одной деревне хальфа, чтобы проверить одно дело, спаивает своим приспешникам несколько ведер водки. Он был признан в присвоении чужого добра, но нашел свидетелей, которых заставил дать ложные показания.

... Поэтому необходимо, пока не поздно, остановить их. Благодаря им может исчезнуть религия ислама. Да будут прокляты ишаны, не знающие основных мусульманских требований. Я практически слеп, перо мое мне не подчиняется, я стар, тем не менее, когда я пишу эти строки, я боюсь гнева Аллаха. Да сохранит нас Аллах от злых умыслов муридов!

13 марта 1878 года.

Некоторые письма, написанные муфтием Салимгареем и пришедшие на его имя, были опубликованы в первой части «Правительственных предписаний, касающихся мусульман» (Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре⁵⁸). В работе «Ядкар» Мухаммедсалима Уметбаева⁵⁹ были опубликованы письма Тевкелева, написанные муфтиям Крыма и Кавказа. Те, кто хочет ознакомиться с письменной традицией российских муфтиев, существовавшей полвека тому назад, могут обратиться к этой работе.

Источник: НА УНЦ РАН, ф.7, оп.1, д.12 (старый акт), л.99–103. Подлинник.

⁵⁷ Д.Муслюмкино Чистопольского р-на РТ.

⁵⁸ См.: Фәхрәддин Ризәддин. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан, 2011. Б.153–203.

⁵⁹ Уметбаев Мухаммедсалим Ишмухаммедович (1841–1907) – филолог, публицист, поэт. Автор нескольких русско-татарских словарей, грамматики татарского языка, стихов и эссе. «Ядкар» издан в 1897 г.

Мухаммедьяр бине Мухаммедшариф бине Баязид бине Габделджалиль бине Султан бине Мамат бине Чубан бине Тутар бине Кузай бине Кутлуш бине Акьюл бине Юлбирде бине Тангребирде бине Тавкил бине Шахкули бине Туксыбай.

Пятый муфтий Оренбургского духовного собрания в Уфе, умер 12 июня 1915 года (12 шагбана 1333 г. по хиджре) в возрасте 80 лет. Похоронен на западной стороне Первой соборной мечети, к северу от захоронений муфтия Салимгарея Тевкелева и его жены.

Муфтий Мухаммедьяр происходит из сословия башкир, его дальние предки были родом из деревни Куджака Мензелинского уезда⁶⁰. Фамилия муфтия пошла от деда Султана бин Мамата. Шеджере его включено в сборник «Маглумат»⁶¹ под №№24–33.

Габделджалиль бине Султан служил в должности кантонного начальника у башкир, умер в сентябре 1824 г. (1239 г. по хиджре). Его жена и мать муфтия Мухаммедьяра Сагадатдана, дочь Габдеррашида Мутина из села Такта Алачык⁶², скончалась в Уфе в 1891 г. (1308 г. по хиджре) и была похоронена на мусульманском кладбище.

Муфтий Мухаммедьяр в своей автобиографии, написанной в 1905 г., указал, что ему было в то время 68 лет, поэтому его год рождения приходится на 1837 г. (1253 г. по хиджре).

После окончания Казанской гимназии он поступил в университет, но, проучившись там всего год, ушел на государственную службу («Шура», том 8, стр.449). 2 января 1886 г. императорским указом он был назначен муфтием в Оренбургское духовное собрание с годовым жалованием 5000 руб. (годовая зарплата предыдущего муфтия составляла 2000 руб.)

Жены: после кончины первой жены, Мухаммедьяр Султанов женился на дочери Шейхуль-ислама, сына Мухаммедрахима Султанова, Марьям (внучке муфтия Габдессаляма), которая умерла после муфтия.

Источник: НА УНЦ РАН, ф.7, оп.1, д.12 (старый акт), л.282. Подлинник.

Материалы перевела и подготовила Лилия Байбулатова

⁶⁰ Сейчас д.Кузякино Актанышского р-на РТ

⁶¹ Имеется в виду «Мәғлүмәтә жәдидә» (Новые сведения) – религиозный еженедельный журнал. Издавался в 1908–1917 гг. в Уфе.

⁶² Д.Такталачык Актанышского р-на РТ.

IV. «Миръат» («Зеркало») Габдерашита Ибрагимова о проблемах татарско-мусульманского сообщества на рубеже XIX–XX вв.

Габдерашит Ибрагимов (1857–1940) был одним из первых, кто в начале XX в. публично обозначил проблемы реформирования татарского сообщества, призывал совместно искать пути отказа от схоластики, по превращению татар в конкурентоспособную нацию. Для трансляции своих идей он успешно использовал свое публицистическое издание «Миръат» («Зеркало»). Г.Ибрагимов родился в семье представителя мусульманского духовенства, начальное образование получил в сельском медресе, продолжил обучение в учебных заведениях других российских регионов, а также в Медине. В 1885 г. он был назначен муллой и мугаллимом в родном городе Тара Тобольской губ.¹, в 1892–1894 гг. состоял заседателем ОМДС, затем уехал в Турцию, где опубликовал публицистическое сочинение «Чулмап йолдызы» («Утренняя звезда»), посвященное правовому положению мусульман в Российской империи и первоочередным вопросам их развития, которые требовали незамедлительного решения, в 1897–1900 гг. совершил путешествие по странам Востока и Европы.

Во время поездок по Волго-Уральскому региону, Западной Сибири и Казахской степи, разбирая жалобы единоверцев в ОМДС, Г.Ибрагимов получил представление о нуждах и чаяниях мусульман различных местностей, об их общих проблемах и преградах, мешавших поступательному развитию татарской нации. Путешествия в европейские и восточные страны позволили ему определить уровень развития русского и татарско-мусульманского обществ в мировом масштабе, глубоко осознать отставание исламских стран и оценить потенциал татарских махаллей в российских реалиях. В результате Г.Ибрагимов отошел от критической оценки правового положения мусульман в России и основное внимание стал обращать на внутренние проблемы татарско-мусульманского сообщества, которые он считал главными причинами сдерживания прогресса.

После возвращения из заграничной поездки в Санкт-Петербурге в типографии И.Борганского и Казани (1900–1909 гг.) Г. Ибрагимов издал серию брошюр публицистического характера под названием «Миръат» («Зеркало»). Они принесли автору наибольшую известность среди татар.

Первые 18 номеров «Миръат» вышли в свет в 1900–1903 гг., еще 4 номера – в 1907–1909 гг. Название брошюр небольшого формата (16x22 см) объемом до 36 страниц говорило читателю, что в них, как в зеркале, будут отражены события, происходящие в среде российских мусульман. Судя по содержанию брошюр, автора больше всего беспокоили проблемы российских мусульман в сфере образования и необходимость ее ускоренного реформирования. Г.Ибрагимов призывал не изобретать новые методы и способы преподавания, а использовать те, которые успешно применялись в русских школах. Отсталость российских мусульман он объяснял их нежеланием саморазвиваться, неиспользованием предоставленных российским законодательством возможностей. С просветительских позиций он писал о необходимости распространения среди мужчин и женщин передовых знаний и обучения их различным ремеслам, об освобождении женщины от семейного и духовного гнета.

Второй вопрос, волновавший Г.Ибрагимова, – решение социальных проблем татар в условиях инокультурной городской среды. Урбанизация требовала качественно новых путей организации социокультурной жизни татарских общин, создала условия для проявления гражданской активности ее членов, превращения общественных благотворительных организаций, имевших статус юридического лица, в подлинный центр социальной и культурной жизни единоверцев. Рубеж XIX–XX вв. – это время появления первых мусульманских благотворительных обществ. Видя в них большую перспективу как общественных светских этноконфессиональных центров, он стремился предостеречь вновь возникающие от повторения имеющихся ошибок и призывал действующие общества к перестройке своей деятельности.

По его мнению, действующие общества не в должной степени выполняли возложенную на них миссию по адресной социальной защите нуждающихся единоверцев. Причину данного явления он видел в пассивности и индифферентности членов общества, большинство которых

¹ Ныне Тара – административный центр Тарского р-на Омской обл.

избирались исключительно благодаря своей известности или богатству. Г.Ибрагимов выявлял издержки в деятельности обществ, упрекал их правления в том, что они не ведут целенаправленную и последовательную работу по сбору средств, предвзято относятся к справедливому распределению собранных пожертвований, отмечал зависимость членов правления и участников общих собраний от мнения одного богатого члена общества. Выход из этой ситуации Г.Ибрагимов видел в четком исполнении положений устава – нормативного документа благотворительного общества, в котором прописаны обязанности всех его членов. Он также считал необходимым избирать в правления этих обществ честных и деятельных мусульман.

Важно отметить, что в условиях отсутствия татарских газет и журналов «Миръят» в определенной степени стал выполнять функцию национального периодического издания. Г.Ибрагимов публиковал в брошюрах отклики читателей на свои статьи, способствуя становлению публичного диалога и обсуждения насущных проблем мусульман, тем самым формируя общественное мнение.

Лилия Байбулатова

Миръят, или зеркало

<...> Наше сочинение раскроет российским мусульманам некоторые события последних лет и, давая полезные советы, покажет правильное направление.

Среди российских мусульман написание книг было возложено на ученых², в последние годы муллы занимаются исключительно преподаванием и начали порицать людей, занимающихся сочинительством.

25–30 лет назад хазрет³ дамелла Шигабуддин Марджани написал некоторые вещи по истории и религии, но много прекрасных произведений остались незаконченными. Также и Каюм Насыри известен несколькими рассказами, календарями и переводами. Однако это все мелочи. Кажется, что на арабской графике, кроме Корана, ничего не было издано, а арабографичная типография есть только при Казанском университете.

Мы должны быть благодарны и тому, что по сравнению с прошлым периодом мы дожили до хороших времен, число типографий увеличивается с каждым днем, каждый год некоторые муллы издают новые полезные книги и сочинения.

Если внимательно посмотреть на прошлые деяния татар и сравнить их с настоящим временем, то становится ясным, что им во всех областях присущи проницательность и способность к восприятию. Для прогрессивного развития нет никаких препятствий, указы российского правительства достаточно лояльны; более того, правительство готово помогать в любом аспекте.

В Казани и других областях стали издаваться и распространяться книги, напечатанные на арабике. Много книг издано в типографии университета и Чирковой; недавно в Крыму в Бахчисарае при мусульманском правлении открылась типография «Гарджеман»; в Санкт-Петербурге благодаря стараниям Ильяс Мирзы Бораганского⁴ открылась исламская типография⁵ для печатания мусульманских книг на арабской графике. В этой типографии за короткое время дважды были изданы два тома «Машкуат аль-масабих», первый раз – литографическим способом, второй – типографским, всего 5 тыс. экз. Многие из наших мулл открыли для себя много путей для напечатания стихов, рассказов и множества других книг по науке, нравственности, истории, даже в иностранных газетах стали появляться произведения, написанные татарами.

Всем известно, что на пути старательных, смелых и сильных людей не возникает препятствий, кто старается, тот достигнет успеха. Старательный – снесет горы, сильный – разорвет стальные канаты; благодаря взаимопомощи и сотрудничеству человек может улучшить состоя-

² В данном случае под словом «ученые» имеются в виду мусульманские священнослужители – муллы, имамы, которые составляли наиболее образованную прослойку татарского общества.

³ Хазрет – почетный титул, прилагаемый к имени, используется и в смысле образованного религиозного деятеля.

⁴ Ильяс Мирза Бораганский (1852 – кон. 1920-х гг.) – издатель, полиграфист, педагог.

⁵ Типография И.Бораганского была открыта в 1894 г. в Санкт-Петербурге. Печатала научную, общественно-политическую, религиозную литературу на казахском, крымско-татарском, арабском, персидском языках.

ние государства. Нельзя все отрицать; первоначально любая вещь может показаться человеку отвратительной и будет им отвергаться, однако позже постепенно он сможет ее принять.

Даже те, кто говорил, что ученым не нужно писать книги, так как обо всем нужном уже написано, сейчас, взяв в руки перо, кто по-татарски, кто по-тюркски, а кто и на смеси этих двух языков начали писать и издавать различные сочинения. Все написанное было принято общественностью и продано тысячами экземпляров, ни со стороны правительства, ни с какой другой стороны не было никаких препятствий.

Однако, несмотря на это, желаемый прогресс не виден, потому что в прошлое время было много ученых, выдающихся и знаменитых личностей, даже в каждом вилайете и деревне был свой круг ученых, сейчас же этого нет. В век прогресса, имея большие возможности, у нас нет ученых. Говорить, что нет ученых – это очень серьезный шаг, потому что в каждом вилайете есть благоустроенное медресе, поэтому как можно говорить об отсутствии ученых. Однако я буду утверждать, что ученых нет, и буду приводить причины, с которыми будут согласны не все.

Необходимо привести хотя бы одно доказательство отсутствия ученых. Чтобы узнать об их наличии или отсутствии, прежде всего мы должны обратить внимание на нравственность, жизнь и окружение простого народа.

20–30 лет тому назад среди татар были распространены взаимовыручка, поддержка, возвеличивание ученых, уважение к старшим, сострадание к младшим и много других хороших качеств, в особенности женщины отличались чистотой, порядочностью. Татары хорошо относились к любой другой нации и народу. Употребление алкогольных напитков было незначительным и не на виду у всех, курение считалось плохим делом. Пятикратный намаз совершался в мечетях при большом скоплении народа. Примирение двух людей считалось обязанностью ученых. Также они занимались судейством, распространяли знания, за ними оставалось последнее слово в тяжбах. Любой член махалли боялся имама и подчинялся каждому его слову.

Таким образом, можно сказать, что в прежние времена были истинные ученые, которых махалля уважала и следовала их словам.

Если обратить внимание на сегодняшнее состояние, то совершенно неясно – есть ученые или их нет. Посмотрев внимательно на простой народ, мы можем увидеть в его среде враждебность. В каждом городе, деревне и даже махалле есть два богача или два аксакала, или один богач и один мулла, которые, враждуя между собой, ищут сторонников среди своих друзей и родственников, выискивают друг в друге недостатки, тем самым разделяют махаллю на две или три части, и целыми днями копают друг другу яму. Враждебность и тяжба распространены не только в махалле, но даже между родными или двоюродными братьями, родственниками, между матерью и сыном. Нет лучшего способа уничтожить народ или нацию, чем разжигание враждебности. Враждебность – это величайшее бедствие: из-за нее проливаются кровь и слезы, погибают города, деревни и великие государства, исчезают нации. Для недопущения враждебности и исправления нынешней ситуации нужны ученые, но найдется ли во всей России хоть один ученый?

У нас не осталось ни капли дружбы, каждый беспокоится только о себе, так как дружба рассматривается только с точки зрения выгоды. Таких понятий, как милосердие, помощь, сострадание не существует. Сколько голодных и больных детей бедняков ходят по улицам, которые в конце концов пропадают, сколько сирот-девочек, которые выпрашивают милостыню у ворот или перед мечетью, а едва повзрослев начинают заигрывать с такими же детьми возле той же самой мечети. Впоследствии, попавшись на глаза городовому, идут по плохой дороге...

Для содержания этих несчастных нет сиротских домов и взрослых для их наставления и воспитания. В последние годы благодаря стараниям некоторых чиновников и отдельных личностей в некоторых городах открылись благотворительные общества, однако и им никто не оказывает содействия; более того, чинят препятствия в деле благотворительности.

По словам одного уважаемого астраханца, в Касимове во время спектакля, устроенного в пользу благотворительного общества, местные хазреты выступили с фетвой против посещения театра. На другой день, когда сборы от спектакля были направлены в пользу театра, все хазреты вместе с женами отправились на спектакль. Что может сделать общество при таком положении дел? В некоторых городах построили сиротские дома, однако нет денег на их содержание. По истечении трех лет после открытия сиротского дома ни одному сироте не дали ни кус-

ка хлеба. Сейчас в России есть 5–6 благотворительных обществ, у них есть название и члены, но нет денег. Безденежье, подобно индийской чуме, распространилось повсеместно.

Удивительно, неужели среди татар нет богатых людей? Или же деньги направлены на что-то другое? Вроде бы у татар есть деньги, говорят, что есть и миллионеры. Эти люди не могут найти законного способа для подачи обязательной по шариату милостыни. Необязательные же милостыни забирает случайно появившийся хазрет, и богачи получают за это вознаграждение (савап).

Можно сказать, что наши баи ожидают вознаграждение только с одной стороны, т.е. пожертвовав малые деньги, надеются на большое вознаграждение, о будущем же не задумываются. Считая, что о завтрашнем дне подумает ишак, они сами, живя по одному правилу, постепенно превращаются в ишаков. Если бы люди задумывались о будущем, то в каком-нибудь городе или махалле стали бы беспокоиться о его населении: воспитали бы шакирдов, могущих быть имамами, обучали бы детей неимущих в гимназиях и академиях. Всем известно, что необходимо делать для будущего, но ничего этого у татар нет. Если в каком-нибудь городе скончается имам, на его место баи, соблазнив деньгами, назначают хорошего имама из бедной деревни. Имам уходит, а бедное и несчастное население деревни остается без имама, так как чтобы выбрать нового, у них нет или денег, или достойной кандидатуры. Что могут сделать эти бедные люди, как они будут воспитывать своих детей, кому могут рассказать о своих горестях...

Баи всегда смогут найти муллу: когда скончается очередной, они снова заберут муллу из другой бедной деревни. Казанские баи уже забрали всех деревенских мулл. Можно сказать, что возле Казани не осталось ни одного приличного муллы. Даже если осталось несколько, один нужен на место Галлям хазрета, еще один на место Самарканда. Это также может служить доказательством отсутствия ученых.

Еще одна важная причина отсутствия ученых: благословение старого муллы и остабике⁶. Эта также общая беда. Дети священнослужителей, по достижении ими степени махдума⁷, прельщаются общественными деньгами и совершенно не получают образования (особенно, если они хоть немного обладают красотой). К 20 годам положение махдума окончательно становится ясным, старый хазрет и сам начинает уже догадываться о намерениях махдума.

В один из дней хазрет приглашает к себе домой баев, аксакалов и наиболее разговорчивых людей деревни и жалуется им на свою старость: «Ох, я состарился! Здоровья нет! Слава Аллаху, вот и махдумы подросли, как же нам не стариться. Бадреддин агай, я вот что хотел вам сказать – не считаете ли вы нужным сделать приговор махдуму? Если он останется от предстоящего набора, то и я смог бы оставить свою должность».

Старики все в один голос: «Очень хорошо! Очень нужно! Так и надо!».

Тут же начинают составлять приговор, сдается экзамен, махдум оставляется от набора и становится имамом...

Если хазрет умирает, не закончив это дело, то остабике его завершает. Нет никаких сомнений, что махдум будет имамом. Однако, как только махдум становится имамом, медресе закрывается, шакирды расходятся, с благословения остабике все завершается...

Иногда и бедняки могут стать муллами. Дети неимущих, бегая по улицам (некоторые убежав от мачехи, некоторые от крайней степени бедности или отсутствия наставника) и не найдя места для ночлега, заходят в медресе. Переходя из одного медресе в другое и начиная отличать белое от черного, они становятся хальфами⁸ для детей баев, через некоторое время, выучив несколько словосочетаний и пару слов из введений <книг>, начинают писать письма, разукрашив их подобно «Шархе муллы» и «Таузих», в итоге они попадают на глаза баям, которые назначают их муллами.

Однако к тому времени, проведя половину жизни в бедности и лишениях, этот человек достигает 40-летнего возраста. Два года уходит на то, чтобы стать имамом, он ездит в Чебоксары или Екатеринбург для сдачи экзамена, на это уходит еще один год, после этого он получает на руки указ. Однако сам он беден, жены нет, этого нет, того нет, таким образом проходит еще 5–6 лет, и ему исполняется 50 лет. <...>

⁶ Остабика – женщина-настоятельница, обучающая светским и духовным наукам.

⁷ Махдум – сыновья духовных лиц.

⁸ Хальфа – учитель.

Сейчас нужно приложить все усилия на ниве просвещения, помогая друг другу и как можно быстрее нам необходимо изучать науки и обучаться ремеслу; сейчас каждый может обучаться тем способом, который наиболее доступен для него; в настоящее время нам еще рано поднимать проблему создания собственных программ и методов, так как их необходимость практически невозможно донести до народа. Во-первых, у нас нет людей, способных заниматься созданием программ и методов, даже если и найдется один человек, это не делается в одиночку. В государственных школах есть люди, известные в педагогике, есть учебники, изданные при содействии какого-нибудь общества, есть какие-то принятые правила – однако состояние данной проблемы до сих пор неудовлетворительное, что постоянно раскрывается на страницах газет и журналов. Поэтому сейчас нам рано изучать методы, поскольку мы не знаем, какие из них полезные, у нас нет методов, которые получили общее одобрение и были апробированы. Нам сказали, что самый действенный – это новый метод, и, отправившись в Стамбул, мы привезли новые методы, для разборки которых нужно привести мударриса с рыбного базара.

Сейчас каждый должен прилагать больше сил, чтобы объяснить и научить чему-либо теми способами и правилами, которыми владеет сам, от споров нет никакой пользы, так как цель чтения – знание, цель преподавания – обучение. Однако какими бы ни были методы, цель одна. Поэтому очевидна бесполезность диспутирования и написания различных сочинений на эту тему. Глупо задаваться вопросом – законен ли с точки зрения ислама тот или иной метод преподавания. Лучшим ответом на него будет молчание. <...>

Источник: Ибрахимов Г. Мирьят яки көзге. Беренче жөзө. СПб., 1900. Б.5–29.

Рождение человека

<...> Есть разумные люди, которые не используют свой ум, поэтому от них нет пользы ни им самим, ни другим. Если же человек будет использовать свой ум ежедневно, рассуждать о полезных и вредных сторонах какого-либо дела, то его ум будет развиваться ежедневно и ежегодно настолько, что он сможет спрогнозировать события на 100 лет вперед. Он сможет рассказать, чего ожидать нациям и государствам в будущем, и его слова окажутся правдой. Он самостоятельно сможет управлять государством, так как сможет предположить будущие запросы и негативные явления. Те, кто не используют свой разум, ничего не знают, они не могут сказать даже, что находится у них дома, поэтому не могут быть в нем хозяевами.

Что я хочу сказать этими словами: у нас, т.е. татар, ум есть, Аллах породил нас разумными наравне с другими народами, у нас нет недостатков, однако из-за неиспользования ума мы уже в течение 100 лет находимся в одном и том же состоянии, не стремимся сделать шаг вперед, мы ничего не знаем о настоящей ситуации, не говоря уже о будущем, не различаем вред и пользу, живем так же, как наши деды и родители, едим, пьем, почти не отличаемся от животных – все это следствие отсутствия мысли, вернее, из-за невежества. Потому что при наличии знаний человек постоянно читает книги, мыслит. Если в прежние времена можно было наблюдать такую ситуацию и имелись люди, владеющие ремеслом, то сейчас из-за лени они исчезли бесследно, не осталось даже их имен. Были также люди и без ремесла, но, приложив усилия, они смогли стать хозяевами мира. Постоянное мышление развивает ум, расширяет восприятие – все это в конечном итоге полезно и для человека, и для нации. Расширение знаний – это тоже наука, поднятие уважения – также наука. Без науки пропадает всякое знание. <...>

Куда бы мы ни посмотрели, во главе любого хорошего дела вы не найдете мусульманина. В столице – Петербурге – находится много министерских учреждений; татары не только не руководят каким-либо стоящим делом, но их нет даже среди помощников руководителей. Сейчас в Петербурге находится приблизительно около 10 тысяч татар. Среди них выделяется группа астраханских татар, которые занимаются одним ремеслом. Остальные же – это нищие, дворники и тому подобные работники. В год несколько раз к ним приезжают ишаны⁹, которым они по невежеству своему отдают из заработанных денег садаку¹⁰ и получают взамен фатиху¹¹. Приезжают к

⁹ Ишан – суфийский наставник; почетное наименование религиозных авторитетов, знатоков религиозных дисциплин, людей, известных своим благочестием.

¹⁰ Садака – милостыня.

¹¹ Фатиха – название первой суры Корана. Обозначает также благословение.

ним и муллы, которые собирают деньги на постройку мечети, взамен чего эти несчастные получают савап¹². Они погрязли в невежестве; лучше бы они эти деньги, отданные ишанам и на мечеть, потратили бы на строительство мектебе или медресе, где обучали бы своих детей татарскому и русскому языкам. Сейчас, наученные опытом, мы знаем, что одного благословения недостаточно, нужно прилагать усилия, в каждом деле мы должны брать пример с нашего пророка. Он ограничивался одной фатихой, на развалинах он собственными руками копал ямы, пытался найти причину происшедшего, великие ученые и последователи Аллаха никогда не собирали копеечную садаку, также и ученые других стран не занимаются таким недостойным делом; вообще, закон не разрешает побираться, прикрываясь званием ишана и ученого. Если человек действительно беден, то он должен повесить на шею мешок, чтобы подающий знал, что дает милостыню нищему; мы же подаем ишану. В такой ситуации имамы махалли находятся в исключительном положении, так как они получают в своем приходе законное жалованье. Поэтому если мы правильно воспитаем наших детей, они не поддадутся обману со стороны ишанов, смогут определить для себя, где польза, а где вред, и задумаются о будущем. <...>

До настоящего времени обучение девочек считалось плохим делом. Только редкие люди отдавали своих дочерей остабике, которые учились у нее читать по-татарски, изучали несколько молитв и короткую суру из Корана, – все то, что знала сама остабике. Однако девочкам никогда не давали полного образования, не обучали ремеслам. Хазреты всегда наставляли: «Не учите писать девочек, не разрешайте им подниматься на крышу дома». Обучение девочек по-русски вообще, видимо, считалось грехом.

Однако сейчас, слава Аллаху, мы слышали, что появились школы для девочек. Стали известны женщины с прекрасным образованием и широким мировоззрением. Появились книги, изданные женщинами.

В последние годы появились девушки, получившие русское образование. Многим известна девушка из одной из деревень Белебеевского уезда, обучавшаяся в Петербурге, где, изучив русский, французский и английский языки, она вернулась в свою деревню и стала воспитывать девочек-сирот и из бедных семей. Многие старались ей помочь сообразно своим силам и возможностям. Недавно один из прибывших из тех краев сообщил, что эта девушка кормит и обучает на свои средства около 50 девочек. <...>

В эти годы среди татар проблема женского образования стала активно обсуждаться, некоторые баи решились даже дать образование своим женам, которые стали читать Коран и изучать арабский и персидский языки.

Наши женщины владеют многими ремеслами, татарские девушки работают на телеграфной станции и в коммерческой кассе, они входят в состав благотворительных и торговых обществ, земских управ, выступают на театральной сцене. Стало известно, что одна татарская девушка играла в Венском театре. <...>

Источник: Ибрагимов Г. Миръят сани яхуд икенче көзге. СПб., 1900. Б.3–5, 9–12, 17–20.

Благочестие

В настоящее время мусульмане ассоциируются с ленью, безработицей и бедностью. <...> Некоторые пишут, что именно ислам призывает мусульман к праздности и бедности. Однако мы пришли к такому состоянию из-за того, что, отложив в сторону книги, составляющие основу ислама, стали жить, основываясь на книгах, мало имеющих отношение к нашей религии, такие как «Ахыр заман»¹³, «Бадавам»¹⁴ и другие тому подобные. Мы бы не дошли до такого состояния, если бы руководствовались только Кораном и хадисами пророка. Наш шариат основан на прекрасных традициях и человечности, охраняет нас от всяких бесполезных деяний. Дела, разрешенные исламом, подобны мудрости и свидетельствуют о пользе. Все деяния, запрещенные в нашей религии, являются вредными. <...>

¹² Савап – вознаграждение за доброе дело.

¹³ «Ахыр заман китабы» – памятник религиозно-дидактической литературы. Авторство приписывается С.Бақыргани. В книге описывается Судный день, киямат, потусторонняя жизнь.

¹⁴ «Бадавам» – памятник татарской религиозно-дидактической литературы. Автор неизвестен. Посвящен критике языческих обычаев и обрядов, пропаганде основ ислама.

В этой связи проблема банка – исключительная ситуация, так как, с одной стороны, они вредны, с другой стороны, приносят много пользы. В целом процентные сделки становятся харамом¹⁵, когда совершаются только между двумя людьми. <...>

Одна часть банка должна быть государственной, и нет сомнений в том, что государство будет следить за его развитием.

Согласно закону и правилам выдача денег под проценты простому и честному человеку считается правильной.

Источник: Ибрагимов Г. Мирят сани яхуд икенче көзге. СПб., 1900. Б.32–34.

Всякому месту найдется слово, всякой площади – свой деятель

До этого мы много говорили и еще раз повторяем о необходимости воспитании детей. Для нас всегда открыты государственные школы, поэтому это надо использовать, не стоит праздно проводить свою жизнь.

Среди татар распространено много ложных слухов, в последнее время, поверив словам, что российский правительство стремится обучить детей русскому языку для дальнейшего их обрушения, татарское население стало совершать необдуманные и ненужные поступки. Население нескольких деревень решило переселиться в Турцию, некоторые из них, потеряв все состояние и переселившись в Турцию, в конечном итоге все равно вернулись в Россию. Скольким опасным заболеваниям они подверглись – все это последствие невежества. В России свобода религиозного вероисповедания подтверждена законом. Правительство, решая религиозную проблему, открыло для нас Духовное собрание, назначило муфтия и кадиев, утвердило специальные законы и порядки. Если бы мы в свое время получили воспитание, то сейчас не стали бы прислушиваться к ложным слухам и не обманывались бы.

Для исправления сложившейся ситуации нам необходимо отдать своих детей в государственную школу. В этом нет ничего вредного для религии, так как эти школы основаны на программе, постановлениях и правилах. Сверх программы ничего другого преподавать не будут, дети мусульман также будут учиться по программе, а во время каникул они могут у себя дома учиться по-татарски и по-арабски, этого никто не запрещает. Правительство против этого ничего не скажет, оно не станет привлекать в свою религию, поэтому не стоит верить таким неподтвержденным словам. <...>

Нам, мусульманам, живущим в России, нельзя забывать тех благодетелей, которые совершали и совершают для нас российские цари; мы должны благодарить их за все, что они сделали для нашей религии. Величие России состоит в том, что после завоевания части Сибири туда были отправлены ученые, которые смогли представить российское правительство в таком благоприятном свете, что местные мусульмане, известные как бухарцы, и сарты¹⁶ добровольно вошли в состав России. Нужно постоянно помнить об этих благих делах и быть благодарными. <...>

О, мусульмане! Что еще вам нужно? Доброта императора Николая II не знает границ. В настоящее время специальная комиссия рассматривает и обсуждает меры, направленные на то, чтобы можно было отвезти мусульман в Хиджаз и устроить им обратный путь. Таким образом, правительство само предпринимает полезные меры ради нашей религии.

Надеемся, что в скором времени наши люди, получившие образование в школах, смогут перевести научную и художественную литературу с русского языка на татарский, научат мыслить наших братьев по религии, будут приносить пользу и нации, и правительству.

Нельзя попусту тратить свое драгоценное время. Несмотря на то, что мы отстаем от Европы, по сравнению с <...> мусульманами других стран наше положение намного лучше. У нас есть ученые, фабриканты, золотопромышленники, купцы, у нас есть медресе.

Однако наши хазреты и главы домов, надев на голову мешок, предпринимает много действий, чтобы испортить отношения между мусульманами, из-за чего довели их почти до исчезновения. Поэтому правительство, чтобы исправить эту ситуацию, издало указ об обязательном

¹⁵ Харам – запретное.

¹⁶ Сарты – общее название некоторых групп населения, живших в Средней Азии в XVIII–XIX вв. До революции 1917 г. название «сарт» по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам употребляли преимущественно полукочевая часть узбеков и казахи.

знании русского языка тем людям, которые избираются на должность имама в махалле. Если имамами станут люди, знающие русский язык, то они не допустят таких невежественных действий, и станут причиной всеобщего изменения. Однако в то же время нельзя много порицать старых хазретов, они путники; мы должны получить их благословение и отпустить их; нельзя их обижать, мы всегда будем нуждаться в их благословении. Есть надежда, что если их фатиха и разум молодых сойдутся вместе, то очень скоро наше положение выправится.

Источник: Ибрагимов Г. Миръят салис яхуд өченче көзге. СПб., 1900. Б.2–4, 8–11.

* * *

Цель «Миръята» заключается в том, чтобы показывать дорогу и давать необходимые советы для будущего братьев-мусульман. Каждый народ для обеспечения своего будущего прилагает усилия, ищет пути, уже сейчас задумывается о будущем своих детей и внуков.

Как видим, в настоящее время наши соотечественники – русские – активно развивают промышленность и используют природные богатства, у них растет число ученых и специалистов, с каждым годом их школы улучшаются, торговля простирается с запада до востока. Именно русские больше всего занимаются полезными ремеслами в городах, каждый из них прилагает большие усилия для занятия в своем деле. Татары полностью лишены промышленности, некоторые из них занимаются торговлей, но по сравнению с другими народами, проживающими на этой же территории, их торговая деятельность малочисленна и бедна. Промышленники и миллионеры из евреев, армян, поляков, финнов, русских и малороссов ведут торговлю между востоком и западом, день и ночь работают, чтобы увеличить состояние, наши же довольствуются малым.

В русских деревнях есть все необходимые мастера: кузнецы, портные, сапожники, плотники, кирпичники. В татарских же деревнях, несмотря на то, что они большие и богатые, таких мастеров нет. Кузнецы и портные приходят, когда необходимо, из русских деревень, татары же только заботятся о своем пропитании и, может быть, немного о деньгах. Есть даже такие деревни, где все местное татарское население кормит и поит один русский торговец, а у самих татар нет ни одного бакалейного магазина. Или же торговец-еврей открывает в мусульманской деревне магазин и начинает активно торговать, и местные женщины покупают у него нитки в три раза дороже.

Как бы мы ни старались, мусульман невозможно изменить, так как у них нет даже тех знаний, которые необходимы на начальном этапе общественного реформирования. Невозможно изменить к лучшему народ, который не обладает знаниями и единством. В медресе до сих пор идет спор по поводу метода обучения; муллы, положив в свой карман указ, и не вспоминают о правоверных, никто не беспокоится об образовании детей; более того, могут обругать человека, который приведет хальфу для обучения детей, говоря «нечего делать тебе в моем медресе, у меня самого есть хальфа, который уже 30 лет лежит без дела». Таким образом, хазрет и сам не заходит в медресе, и других не пускает (т.е. подобно собаке на сене: и сам не ест, и другим не дает).

Хотелось написать, что таких хазретов большинство, но их не большинство, это общее состояние. Очень мало ценных людей, действительно занимающихся преподаванием, поэтому можно сказать, что их совсем нет. Наши имамы не любят преподавать, поэтому и детей не обучают. Есть среди известных и уважаемых хазретов-ишанов такие, которые, отдавая детей хальфам, говорят, что не будут платить за обучение, так как это противоречит шариату, и велят обучать детей за садаку¹⁷, требуя давать им знания по всем наукам за один рубль в год. Что может сделать в такой ситуации несчастный хальфа, проявляя человечность; он берется за обучение, а позже хазреты обвиняют хальфу в плохом образовании детей. В то же время эти хазреты платят по 25 рублей в месяц, чтобы научить своих дочерей русскому языку. Баи целуют руки таким хазретам, а в медресе кроме, несчастных хальф, на детей никто не обращает внимания. «Миръят» может только сожалеть о таком состоянии дел, ничего другого сделать не может.

Источник: Ибрагимов Г. Миръят яки көзге. Унынчы жөзъ. СПб., 1902. Б.4–6.

¹⁷ Садака – милостыня.

Образование и просвещение

Имя ученого вечно. Даже если сам ученый скончается или у него не останется потомков, имя его будет жить. Образованность – это почет и слава и в этом, и в загробном мире. Если собрать все хадисы¹⁸ и аяты¹⁹, посвященные знаниям, можно написать целую книгу. Однако, к сожалению, если взглянуть на сегодняшнее состояние мусульман, мы можем увидеть, что их это (образованность. – Л.Б.) совершенно не касается. Единственная цель, которую преследуют татары, получая образование, – желание стать имамом. Они считают, что только став имамом можно получить уважение и славу как при жизни, так и после смерти. Как же они заблуждаются!

Насколько продвинулись вперед русские при помощи образования: она срезают горы, соединяют города, общаются между собой посредством телеграфа и телефона, соединив тонким проводом две далекие точки, ярко осветили города. Они делают то, что уму непостижимо и продолжают этим заниматься. Мы живем с этим народом в одном городе, на одной земле, но даже не стараемся достичь их уровня, а только обвиняем. Мы не видим своих ошибок, своих недостатков, не понимаем своего упадка.

Нашим ученым необходимо постоянно и каждую пятницу призывать народ к образованию и просвещению, на каждом медресе находить нужные слова, которые помогут заинтересовать людей в получении знания. Необходимо призывать получать образование в государственных школах, гимназиях и университетах. Знание необходимо, и это несомненное богатство, которое способно сохранить честь, достоинство, национальность и религию людей.

Ученый человек никогда не будет нуждаться, не будет унижен или оскорблен.

Человечность заключается в образовании и просвещении. Мусульмане! Братья! Обучайте своих детей; если не будете воспитывать детей, вы будете ответственны перед Аллахом и людьми.

Источник: Ибраһимов Г. Миръат яки көзге. Уникенче жөзъэ. СПб., 1902. Б.9–11.

Благотворительные общества

В последние годы российские мусульмане организовали несколько благотворительных обществ, однако какая от них польза, никто не знает...<...>

Устав – это ценная вещь. По правилам начало года предназначено для отчетов, в наших обществах отчеты пишутся в марте. В правилах должна быть записана определенная сумма, выделяемая на ежегодные нужды. У нас никто не помнит о смете: отчитываясь за выборы, в статью расходов вносят траты на тех людей, которые аплодировали и кричали «браво» на выборах, отмечают, что за последние два-три года были такие-то расходы и доходы, но не известно – откуда пришли деньги и на что потрачены, так как если они все это будут расписывать, якобы очень многие обидятся... Почему они должны обижаться – это непонятно.

В действительности, именно такая обида привела татар до такого состояния. По нашему мнению, люди, занимающие такие должности в подобных обществах, не должны обращать внимания на обидчивость других, и также сами не должны обижаться на правдивые слова, сказанные в их адрес, наоборот, они должны благодарить за указанные недочеты, только в таком случае нация начинает развиваться. Генералы и офицеры²⁰ должны подавать нам пример, в таких делах нельзя покрывать друг друга. Должностные лица, известные личности постоянно должны быть образцом для подражания. Такие люди не должны считать умными только себя, на собраниях есть люди, которые следят за каждым их словом и вредные действия которых могут привести к исключению из членства.

В отчетных тетрадах за первый год фиксируется только половина от нужного количества членов, на второй год их вообще нет, и таким образом с каждым годом найти новых членов становится все труднее. По нашему мнению, в отчетных тетрадах нужно записывать, кому именно оказана помощь, в противном случае помощи даже не стоит и просить. На это нельзя обижаться. В общественных делах не может быть обиды, дела нужно вести по принятым правилам.

¹⁸ Хадис – предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.

¹⁹ Аят – стих коранического текста, имеющий самостоятельное смысловое значение.

²⁰ Ибрагимов пишет, имея в виду Санкт-Петербургское мусульманское благотворительное общество.

В чем цель благотворительных обществ? Это необходимо знать и действовать соответственно этой цели. Мое желание заключается в том, чтобы направить деятельность благотворительных обществ таким образом, чтобы за них не было стыдно. К этому же я призываю и членов этих обществ.

Источник: Ибрагимов Г. Миръят яки көзге. Унөченче жөзъэ. СПб., 1903. Б.13–16.

Снова о благотворительных обществах

Мы уже писали о благотворительных обществах в 13 номере «Миръата», где показали несколько их недостатков. После этого некоторые члены этих обществ затаили на нас обиду, так как не поняли основной сути наших слов, в связи с этим считаем необходимым снова поднять данную тему. К тому же в 1902–1903 годах все члены Петербургского благотворительного общества, люди достойные и идеальные, ни одной копейки общества не потратят впустую, нигде не допустят оплошности в расходах. Однако премудрость заключается не в том, чтобы потратить деньги – это не проблема. Главное – это сбор денег, а здесь члены общества мало чем могут помочь, и цель «Миръата» заключается в раскрытии именно этой проблемы. Членам Петербургского благотворительного общества нужно решать следующие вопросы: где найти деньги на пользу общества, каким образом можно увеличить суммы общества и какими путями можно порадовать мусульман и вообще всех людей; как ознакомить с состоянием общества русских, французов, англичан, башкир, татар и всех остальных, прибывающих в Петербург; на что полезное можно потратить 10–15 рублей, или же зарабатывать деньги изданием в пользу общества календаря или же заняться опубликованием объявлений или рекламы. Однако ничто из вышеперечисленного не беспокоит членов общества. «Миръат» же всегда будет показывать эти недостатки. Члены благотворительного общества собираются раз в месяц только для того, чтобы распределить денежные средства, но не собрать их. Они не в состоянии попросить денег у какого-нибудь богатого человека, прибывшего в город, даже если этот человек объявит о пожертвовании во всеуслышание, они не могут попросить у него этих денег, ждут, когда богатый человек лично предложит им прийти за деньгами. Однако их никто не приглашает, таким образом, и деньги, предназначенные для общества, не доходят до него. Конечно, некоторые могут подумать, почему это жертвователю сам не приносит деньги, на что «Миръат» отвечает так: если дающий деньги – татарин и он решил пожертвовать такую большую сумму, то он ждет к себе уважительного отношения. Такие люди предпочитают давать деньги так, чтобы об этом было известно всем, поэтому при пожертвовании денег стремится держать руку повыше, дабы деньги звенели. Как бы высокомерно не держался жертвующий человек, мы не должны обвинять его в этом, получатель должен вести себя смиренно, незаносчиво, благодарить за каждый полученный рубль, этому можно поучиться у хазретов, у них в этом деле много опыта. Каждый должен учиться на своих ошибках. Любого человека, подавший кому-нибудь 10–15 копеек, рассказывает об этом при любом удобном случае, человек же, жертвующий несколько тысяч рублей, также стремится оповестить об этом окружающих, и нельзя его винить в этом.

Я не устану повторять: члены благотворительного общества должны действовать в рамках своего устава, изыскивать пути к увеличению денежных средств общества, для хорошего ведения дел платить секретарю каждый месяц по 10 рублей и выделять деньги на мелкие расходы, в этом случае секретарь будет более внимательно и уважительно относиться к своим делам, вовремя писать благодарственные письма тем членам общества, которые внесли денежные пожертвования. В любом случае, нельзя допускать пустых слов, надо действовать. Нельзя пенять на зеркало, оно показывает все ваши недостатки, в этом заключается его функция.<...>

Благотворительное общество должно указывать те места, которым оказывало денежные пожертвования: такому-то студенту было выдано столько-то денег, такому-то шакирду столько-то, столько-то денег пожертвовано на захоронения бедняков, такая-то сумма выделена сиротам – все пожертвования нужно записывать поименно. Если будет известен адрес нуждающегося, то кто-то другой может оказать помощь, также это нужно публиковать и в газетах.

Источник: Ибрагимов Г. Миръят яки көзге. Унжиденче жөзъэ. СПб., 1903. Б.7–9.

Замят и благотворительные общества

В прошлые времена бай для объявления суммы своего замята собирали бедняков; последние, услышав, что бай дает замят, собирались со всей округи за неделю до предполагаемого события и устраивались на постой в домах таких же бедняков. Ради получения 10 аршин бязи или 5 аршин ситца они приезжали за 30 верст и ждали целую неделю. Из-за бая, обещавшего дать 2 тыс. рублей замята, сколько сотен людей отрывались от своей работы. В то время, как бедняки, получившие частицу от замята бая, отправляются прямоком в кабак, где оставляют за бесценком полученный замят, наши ученые ничего не говорят. В нашей нации есть люди, состояние которых составляет два, три и даже пять миллионов, для которых необходимая сумма замята составляет 1000, 100 тыс. рублей. Раздавая такие огромные суммы нуждающимся, в то же время нельзя давать одному человеку больше причитающейся суммы замята, таким образом, перед человеком, дающим замят, возникает много проблем. В этой ситуации именно члены благотворительной организации, избранные общим решением мусульманского общества и утвержденные правительством, должны оказывать содействие тем людям, которые дают замят и садаку. Людям, собирающим замят, можно платить заработную плату из этих денег. В этом случае благотворительное общество выступает как мусульманский банк. Если мусульманские ученые согласятся с этим нашим мнением и напишут по этому вопросу свое решение, мы с большим удовольствием возьмемся его опубликовать.

Однако есть один нюанс: в основе любого действия должна лежать очевидная цель. Цель большей части мусульман – сохранение ислама, поэтому благотворительные общества должны изменить свою деятельность, подчиняясь этой цели, изыскивать денежные средства, необходимые для потребностей мусульман. Для этого в правила благотворительного общества надо записать, что его членами могут стать только благочестивые и справедливые люди; избранным же членам необходимо выдать инструкцию, в которой будут прописаны их обязанности, только в этом случае наши замяты, потраченные согласно шариату, станут полезными перед лицом Аллаха.

В последнее время стала заметна невоспитанность наших женщин, особенно казанских татарок. С виду они вполне здоровы, их речь отличается грамотностью, однако интересуются они только одеждой, их не беспокоит окружающая действительность, они не в курсе событий, происходящих за пределами дома, они не задумываются о будущем, более того, не занимаются своими прямыми обязанностями – воспитанием детей. Мы просто обязаны воспитать женщин так, чтобы они соответствовали сегодняшней жизни и нашему миру, научить их всему необходимому для этого и загробного мира, точно определить их обязанности. Все это уже записано в нашей Священной книге. Поэтому в первую очередь нужно хорошо знать ее. По своей природе женщина несовершенна, поэтому если их уравнивать с мужчинами, то возникнет новый народ. Если все будут равны, то женщины должны служить грузчиками, водителями, извозчиками, солдатами, но женщины не могут выполнять это. Есть несколько дел, которые не являются для женщин основными и обязательными, так как они не в состоянии их выполнить. В таком случае о каком равноправии между женщиной и женщиной можно говорить. Не подлежит сомнению, что женщины менее способны. Даже в Европе женскую одежду моделируют мужчины, хотя эта деятельность должна быть только женской. В Европе все повара – мужчины, там вы не встретите ни одного повара-женщину, в то время как и эта работа чисто женская. Вообще, насколько меньше женщин по сравнению с мужчинами в высших школах, геометрии, математике и других точных науках показывают испытания в школах. Только во Франции женщины пользуются свободой и правами наравне с мужчинами. Среди женщин есть врачи, адвокаты, они встречаются во всех профессиях, нет только женщин мировых и окружных судей. Если они будут полностью равноправны, то чего они еще могут достичь? Женщин нет среди депутатов, есть еще много таких ситуаций, в которых они не могут стать равны мужчинам. Чтобы говорить о равноправии, нужно сначала их сбалансировать. У женщин есть их особенные обязанности, которые не могут выполнить мужчины, так, например, разве мужчины могут кормить грудью детей? Поэтому, не рассмотрев эту проблему тщательно, нельзя говорить о равноправии. По шариату женщины обладают большими правами, чем мужчины. Во-первых, мужчины должны содержать женщин; во-вторых, воспитание детей – обязанность отцов, а не матерей; мужчина должен обеспечить женщину жильем, если жена скажет мужу, что она не может жить в одном доме вместе с его родителями, то муж должен предоставить ей отдельный дом; шариат

не принуждает женщин кормить детей грудью. Поэтому, чтобы вынести окончательное решение относительно женщин, нужно все взвесить. Конечно, мужчины и женщины никогда не смогут быть равны, однако было бы неправильно скрывать законные права женщин. Женщины, живущие в деревнях, работают больше наемных работников, они ухаживают за скотиной, доят коров, топят печь, готовят еду, косят сено, тянут воз, как ишак; этих несчастных женщин муж бьет плетью, кидает в них посуду, унижает – после всего этого бедные женщины начинают жалеть, что появились на свет. Однако при этом никто не вспоминает, что у женщин тоже есть права. Даже в программах известных русских партий о правах женщин нет ни слова, и мы терпим, когда мужик причиняет горе женщине. Социал-демократы не замечают этого, в то время как именно женщина является хранительницей крестьянского хозяйства. Почему-то сторонники равноправия больше беспокоятся о городских женщинах, женах баев, сидящих в четырех стенах, стремятся открыть двери их дома.

Я еще раз хочу повторить: члены благотворительного общества должны принимать закят, а общество – распределять эти деньги на нужды мусульман, и тогда не будет никаких сомнений в законности этих трат.

Государство оказывает официальную помощь благотворительным организациям в сборе денег на нужды мусульман, имамы читают пятничный намаз во славу государственной помощи. Благодаря государственным указам и помощи, решения кадиев становятся более действенными. Таким образом, на основании этих правил члены благотворительных обществ утверждаются как чиновники. Поддержка благотворительных организаций обернется для нас только благом.

Источник: Ибрагимов Г. Мирьят яки көзге. Егерме беренче жөзө. СПб., 1908. Б.7–11.

Женский вопрос

Под словами «женский вопрос» российские мусульмане в первую очередь подразумевают проблему хиджаба²¹. Татарские ученые, баи и многие другие знают только два ответа на эту проблему – нужно скрываться и скрываться не надо. Объявив о равенстве женщин, мы ни о чем, кроме совместной прогулки с мужем в саду и посещения театра, не подумали.

В действительности же эта проблема очень важна. Здесь нельзя принимать неправильных решений. Как и любая другая проблема, касающаяся нашего народа, эта проблема также чрезвычайно недооценена.

В первую очередь мы должны выяснить потребности наших женщин. Каково их нынешнее положение? В чем заключаются их обязанности? Какие они имеют права? По каждому из этих вопросов мы должны подробно рассуждать.

В чем нуждаются наши несчастные спутницы в настоящее время? Мы не знаем. Что им нужно для загробной жизни? Мы также не знаем. Мы даже не знаем, в каком положении они находятся.

Никто не спрашивает: «О, женщины! Зачем вам нужны бриллианты, жемчуга и многочисленные перстни, почему вы превращаетесь в манекены». Если бы у несчастных женщин была хоть капля разума, неужели бы они радовались этим пустышкам. Если бы женщины обладали умом, они продали бы все свои перстни и серьги, а деньги использовали бы для заполнения своих голов мыслями и знаниями. Из-за отсутствия знаний и образования они не знают о своих правах; покрывшись золотом и серебром, они не задумываются ни об этом, ни о загробном мире. Если сегодня у женщины умрет муж, то завтра же она останется голодной, если она останется богатой вдовой, то она не сумеет распорядиться деньгами. Чтобы потратить их, она снова выходит замуж, часто второй муж бывает пьяницей, и за несколько лет они проматывают все миллионное состояние.

Чтобы женщина могла сама себя обеспечивать, ей необходимо изучить какое-нибудь ремесло. Если она жена богатого мужа, то ей необходимо научиться вести отчетные книги хотя бы по мелким расходам в лавке своего мужа. Если женщина бедна, то она должна, сообразно своему состоянию, научиться какому-нибудь ремеслу, хотя бы приготовлению еды. В любой

²¹ Хиджаб – чадра, накидка, покрывало, надеваемое мусульманкой при выходе на улицу.

ситуации, после развода или оставшись вдовой, женщина не должна плакать, у нее должно быть ремесло, которым она сможет обеспечить свою жизнь.

Источник: Ибраһимов Г. Мирьят яки көзге. Егерме беренче жөзө. СПб., 1908. Б.4–5.

Письма читателей

Письмо из Оренбурга

Уважаемому Габдерашит эфенди хазрету.

Габдерашит эфенди! Я знал вас давно, но с выходом «Зеркала» стал понимать вас еще лучше. С давних пор я хотел написать вам письмо, но не было удобного случая. Однако сейчас я нахожусь в таком состоянии, что готов забросить все свои дела, так как не могу не написать вам. Сам я купец, живу в Сибири; в данный момент для закупки товара отправился в Москву, и по пути мне пришлось остановиться на один день в Челябинске. Воспользовавшись этой остановкой, я решил встретиться с хазретами, которые были крайне недовольны, узнав себя в вашем «Зеркале». После Челябинска я отправился в Троицк, где повторилась та же ситуация: у многих так заболело сердце после первого «Зеркала», что второе они уже не могли даже видеть. Однако были и те, кто хвалил «Зеркало», среди них были и ученые люди, но эти ученые были не из тех мулл, предпочитающих сладкое хрустящее доньшко пирога...

В день Курбан-байрама я находился в Оренбурге, где происходило самое интересное. На праздничную молитву я пошел в мечеть нижней махалли. Народу было очень много, однако по их движениям было видно, что они мало знакомы с исламом. Все понимают, что такому необразованному народу муллы обязаны разъяснять о необходимости изучения ремесел, об активном вовлечении в торговлю для увеличения доходов и о воспитании детей на собственном примере. Однако у нас таких имамов, слава Аллаху, до сих пор нет. В этом плане я надеялся, что в Оренбурге будет хоть один такой человек, но, к сожалению, мои надежды не оправдались. После праздничного намаза местный хазрет произнес наставление, в котором раскритиковал джадидистов и запретил читать новые книги. Я уже устал слушать о том, что нельзя обучать детей по новому методу, нельзя обучать девочек, последнее же наставление хазрета стало последней каплей. Мулла отрицает джадидистов, в то время как многие мужики, толком не знающие своего родного языка, мало сведущи в мусульманской вере. Что может быть хуже этого?

В Оренбурге я задержался на несколько дней, чтобы повидаться со своими друзьями. По поводу праздника мне пришлось посетить нескольких мусульман. Сколько бы ни называли они свои медресы учеными, ничего подобного там не наблюдалось, речь шла в основном о ваших «Зеркалах».

Оренбургские муллы сильно испугались, узнав себя в «Зеркалах»; они, конечно, не отрицают сходства, но, не желая выглядеть неприглядно в глазах читателей, решили искать недостатки в самом «Зеркале».

Вам, наверное, известно, что больше всего татарским муллам нравится назвать кого-нибудь неверным (кяфир). Например, кто не подстриг усы – кяфир, обучает письму – кяфир, воротник с засечками – опять кяфир. Они всегда готовы произнести слово «кяфир».

Недавно был на одном медресе, на котором было много мулл, мужиков и богачей. Медресис начался как всегда разговором о «Мирьате», притом этот разговор был в продолжение предыдущего медресиса. Некто в чалме начал говорить, что там <в «Мирьате». – Л.Б.> есть разногласия, возникает опасность богохульства. Второй, подтверждая его слова, добавил, что он насмехается над шариатом, запрещая загонять девочек на чердак, поэтому нет никаких сомнений в его безбожии. Другой мулла заявил, что автор «Зеркала» назвал татар грязными и вонючими, а это также указывает на его богохульство. Еще один мулла привел в качестве доказательства его неверности обучение девочек русскому языку. В то время как муллы старались обличить его в безбожии, один из присутствующих сказал им следующее: «Хазреты! Как вам не стыдно проводить свое время за такими пустыми разговорами. Вы сидите в красном углу и, поедая пирог, обвиняете человека в богохульстве. Неужели вы думаете, что если назвать человека кяфиром, он действительно является таким? Кто вам дал право обвинять человека в безбожии? Вы надеетесь, что только благодаря вашим обвинениям автор «Мирьата» перестанет писать? Вы же последователи пророка и хранители ислама; если в «Мирьате» есть что-то противоречащее шариату и знаниям, то возьмите в руки перо и напишите об этом, укажите на его ошиб-

ки. Какая польза от того, что вы, подобно индюкам, спорите на этом междиссе. Если напугать индюков, то они, распушив свои хвосты, начинают курлыкать; так и вы ничем от них не отличаетесь: и друг друга не слышите, и даже ваши уши не слышат того, что произносит рот. Слова ваши грязные, существование наполнено догадками и домыслами. Хорошо, что мы живем в России, если бы это происходило в Бухаре, вы давно бы уже вынесли фетву о повешении автора «Миръята», и какой-нибудь неграмотный мужик приладил бы веревку на висельницу, посчитав это богоугодным делом. Прежде вы постоянно говорили о новом методе, его сторонников называли безбожниками; прошло немного времени, и вы сами стали использовать этот метод в обучении. Если бы у вас была совесть, вы бы постеснялись показываться людям на глаза и не стали бы называть кяфирами тех, кто служит своей нации и религии».

Я очень удивился, услышав эти слова. Я обрадовался, что нашелся человек, сумевший высказать все это прямо в лицо муллам, которые ничего не смогли ответить на эти обвинения. После междиссы я стал расспрашивать об этом человеке, оказалось, что это служащий Собрания.

Господин, вы не расстраивайтесь, немало людей, которые хорошо принимают вашу работу, продолжайте ее.

Эфенди, этих ученых мулл я сравниваю с червяками (микробами), которые медленно пожирают все окружающее, и «Миръят» является для них как бы порошком, которым посыпают червяков и после это они начинают биться в предсмертной агонии. Возможно, если рассыпать больше «Миръята», то ученое сословие очистится от подобных червяков.

Эфенди, я еще раз повторю, есть много людей, которые высоко возносят ваше имя, поэтому не прекращайте свою работу.

Сибирский купец Шарифулла. 3 апреля 1900 г.

Источник: Ибрагимов Г. Миръят ат-тасигъ яхуд тугъзынчы кӧзге. СПб., 1902. Б.4–8.

Письмо из Петропавловска

Уважаемый автор «Миръята».

В наших краях, а возможно и по всей России, существует следующая проблема: когда мы обращаемся к нашим муллам с вопросом, то они стремятся нам его разъяснить исходя из своей выгоды. Например, нас интересует, сколько денег по шариату и правилам должны брать муллы за никах, за запись новорожденного и чтение заупокойной молитвы. По этому поводу у нас возникает много споров. Больше всего сельские имамы притесняют бедное население: если бедняк женится на дочери бедняка, то все расходы, в том числе и махр²², составляют 10 рублей, и имам за чтение никаха просит 10 рублей. Если у кого-нибудь умирает мать, то имам просит за чтение заупокойной очень большую сумму. Было бы очень хорошо, если бы «Миръят» дал разъяснение по этому вопросу.

Х.Б.

«Миръят»:

Эта проблема давно нас интересовала, и настало время сказать здесь об этом несколько слов. В России ученые не имеют специальных обязанностей; когда приход выбирает имама, он обещает брать на себя все его расходы, но после назначения имама приход денег не дает. По приговору жалованье имама лежит на обществе, поэтому имамы не должны брать денег за запись новорожденных, чтение заупокойной и никаха. Однажды в Сибири один имам за выдачу справки о разводе из метрики запросил 25 рублей. Наши имамы, не зная законных путей получения своего жалованья, начинают брать деньги у других. Все это – следствие отсутствия необходимых мероприятий. Ученые назначили размер фитра²³ в 8 копеек, и собирают его с бедняков, которым нечего есть, и с богачей с состоянием в несколько тысяч. Это также результат отсутствия мероприятий. Истинный смысл обязательного подаяния милостыни после уразы заключается в том, чтобы показать, насколько мы зависимы от еды, которую едим целый день подобно животным, в то время как согласно воле Аллаха мы должны помнить о тех, кому не хватает пищи. Фитра должна показывать нашу благодарность перед Аллахом за предоставленные нам богатства, оказывать помощь нуждающимся, оберегать их от голода. Несомненно, размер подаяния богачей должен соответствовать их состоянию, именно это должны понять наши имамы и донести до народа, поэтому там,

²² Махр – имущество, выделяемое мужем жене при заключении брака.

²³ Фитра – милостыня, раздаваемая мусульманами в последний день поста Рамазан.

где они собирали по 8 копеек с десяти человек, они могут собрать с пяти человек по 10 или по 5 рублей. <...> Однако жалование мулл должно лежать на обществе, по приговору приход должен полностью обеспечивать существование имамов.

Источник: Ибрагимов Г. Миръат яхуд көзге. Гадэд 15. СПб., 1903. Б.8–10.

Никах в Астрахани

В сентябрьском номере газеты «Тарджеман» нам довелось прочитать много интересного о том, как проводят никах в Астрахани. В связи с этим мы думаем, что большой интерес вызовет присланное нам письмо:

«У татар, т.е. мусульман, проживающих на территории России, нет никаких возможностей тратить свои деньги. Конечно, многие удивятся этим словам, но если я приведу подтверждение, каждый согласится со мной.

У каждой нации есть школа, больница, сиротские дома, приюты для бедных и общества, которые их поддерживают. Для этого кто-нибудь выделяет сумму на определенные расходы или упоминает эти расходы в своем завещании, и в дальнейшем он может быть уверен в строгом и правильном расходовании своих денег. У нас же ничего подобного нет: нет мест, куда богатый человек может вложить свои средства, если он делит деньги между своими детьми, то на благотворительность он не будет ничего жертвовать. Поэтому они вынуждены тратить деньги на проведение никаха и другие бесполезные мероприятия. У нас выдать дочь замуж или женить сына по расходам равняется постройке одного сиротского дома; подарки сватов, сундуки с тряпьем, еда и питье – все это не поддается счету. Женитьба детей татар является доходной статьей московских фабрикантов. На этих мероприятиях каждый старается перецеголять другого по расходам, бывало и так, что свадьба дочери являлась причиной банкротства. К свадьбе подготавливают 15–20 троек из белых лошадей, для кучера специально заказывают часы, которые по петербургской моде крепятся на спине, однажды из-за того, что эти часы задержались в пути, и свадьбу пришлось отложить на три дня. Употребление алкогольных напитков становится приметой никаха. Каков объем махра невесты? Во время никаха сваты договариваются между собой, что все, что останется после свадебных расходов, еды и питья, – это и есть махр, который мулла записывает в тетрадь. Бедная невеста не видит ни копейки из этого махра. Но и кроме этого, у мусульман Астрахани достаточно возможностей бесполезной траты денег. Наши муллы также не согласны с таким положением дел, но они могут противостоять богачам. Богачам также не нравится подобная ситуация, но они вынуждены так поступать, опасаясь осуждения со стороны других. Но этого уже не остановить, к тому же нет мест, куда можно было бы вложить большие деньги. Несмотря на наличие у нас медресе и мектебе, мы по старинке думаем: так чье медресе, тот пусть и содержит. Но даже если кто-то пожелает пожертвовать сумму, то в медресе нет специального сундука для денег; если он отдаст деньги мулле, то он их проест; мечети также не знают, куда применить деньги. Нам нужны разъяснения по этому вопросу.

Закят наших баев расходуются бессмысленно. В священный месяц Рамазан в город собирается множество людей, желающих получить часть от закята. Ради получения 10 аршин ткани они целую неделю проводят в городе, причиняют беспокойство горожанам, в результате, получив кусок ткани, продают его за 80 копеек, которые тут же пропивают. Какая польза от этого? Было бы намного лучше потратить эти деньги на нуждающихся, однако наши хазреты считают, что такой способ траты денег неправильный; или же было больше пользы, если бы эти деньги были бы перечислены в благотворительные общества. Другие нации жертвуют нуждающимся миллионы, наша же нация за неимением мест, куда можно пожертвовать деньги, довольствуется тем, что выделяет суммы на тахлил²⁴, чтение Корана или искупление грехов покойного (фидая).

Господин! Мы надеемся на ваше суждение по этому вопросу и ждем ответа на страницах «Миръата».

Источник: Ибрагимов Г. Миръат-Көзге. Гадэд 15. СПб., 1903. Б.10–13.

Материалы перевела и подготовила Лилия Байбулатова

²⁴ Тахлил – произнесение «нет бога кроме Аллаха».

Источники и литература

Неопубликованные источники

Архивные дела и частные коллекции

Архив ИВР СПб., ф.131 (Риза Фахретдин. Материалы к тому «Асар»), оп.1, д.2.

Архив Н.А.Толмачева. Путевые заметки по Казанской губ. 1849–1850 г. // ОРРК НБ КГУ, №4107.

Архив РАН, ф.177 (Радлов Василий Васильевич), оп.2, д.11.

ГА РМЭ, ф.25 (Церковно-приходская летопись Владимирской церкви Козьмодемьянского у. Казанской губ.), оп.1, д.8.

ГААО, ф.1 (Канцелярия астраханского гражданского губернатора), оп.2, д.1730; оп.12, д.722.

ГААО, ф.2 (Канцелярия астраханского военного губернатора), оп.1, д.238.

ГААО, ф.286 (Астраханское губернское жандармское управление), оп.2, д.297, 514.

ГАИО, ф.2 (Иваново-Вознесенская городская управа), оп.1, д.369, 1090, 4736.

ГАИО, ф.4 (Иваново-Вознесенское городское полицейское управление), оп.1, д.1606.

ГАКО, ф.56 (Малмыжский уездный суд), оп.1, д.278, 300.

ГАКО, ф.869 (Слободская уездная земская управа), оп.1, ед.хр.39.

ГАКО, ф.957 (Малмыжская уездная земская управа), оп.1, ед.хр.386.

ГАКО, ф.1280 (Вятский губернский комитет по исследованию и улучшению кустарной промышленности), оп.1, ед.хр.3.

ГАОО, ф.5 (Оренбургская экспедиция пограничных дел), оп.1, д.17.

ГАОО, ф.6 (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора), оп.1, д.160; оп.4, д.10037; оп.6, д.11811, 14017/1; оп.7, д.279а; оп.8, д.169; оп.10, д.105, 291, 402, 2060, 2096а, 3238, 3717, 5280, 5515; , оп.12, д.2173; оп.13, д.3574, 3394(б).

ГАОО, ф.10 (Канцелярия оренбургского губернатора), оп.1, д.175; оп.2, д.114.

ГАОО, ф.11 (Оренбургское губернское правление), оп.3, д.4143.

ГАОО, ф.32 (Земский начальник 3-го участка Оренбургской губ.), оп.1, д.382.

ГАОО, ф.41 (Оренбургская городская управа), оп.1, д.690.

ГАОО, ф.56 (Оренбургский сиротский суд), оп.1, д.3743.

ГАОО, ф.98 (Оренбургская казенная палата), оп.2, д.58.

ГАОО, ф.164 (Оренбургский губернский статистический комитет), оп.1, д.5, 6, 21, 64а, 80–82, 185, 42, 209.

ГАОО, ф.167 (Чернов Иван Васильевич), оп.1, д.24, 2428.

ГАОО, ф.290 (Лесничий Бузулукского лесничества), оп.3, д.521.

ГАОО, ф.339 (Начальник Оренбургского таможенного округа), оп.1, д.29.

ГАОО, ф.364 (Оренбургско-Тургайская районная управа по кожевенным делам), оп.1, д.32.

ГАОО, ф.394 (Астраханская губернская канцелярия), оп.1, т.1, д.5521.

ГАОО, ф.476 (Кавказское наместническое правление), оп.1, д.113.

ГАОО, ф.498 (Кавказская казенная палата), оп.1, д.327.

ГАОО, ф.687 (Астраханская казенная палата), ед.хр.522.

ГАПО, ф.60 (Пензенская губернская казенная палата), оп.1, д.4011, 4602.

ГАРФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3.

ГАРФ, ф.586 (Вячеслав Константинович Плева), оп.1, д.115, 586.

ГАРФ, ф.678 (Александр II), оп.1, д.684.

ГАСО, ф.3 (Канцелярия Самарского губернатора), оп.10, д.1097; оп.233, д.1373, 1492.

ГАСО, ф.32 (Самарская духовная консистория), оп.1, д.232.

ГАСО, ф.150 (Самарская казенная палата), оп.3, д.296.

ГАТО, ф.144 (Чертежная Томского губернского управления), оп.1, д.1.

ГАТО, ф.321 (Ревизские сказки 1-ой, 5-ой, 6-ой, 7-ой, 8-ой, 9-ой, 10-ой ревизий), оп.1, д.10.

ГАУО, ф.76 (Канцелярия Симбирского губернатора), д.1418.

ГАУО, ф.134 (Симбирская духовная консистория).

ГАУО, ф.322 (Сызранская удельная контора), оп.3, д.8.

ГАУО, ф.537 (Казанская удельная экспедиция), оп.1, д.161.

ГИА ЧР, ф.15 (Чебоксарская земская управа), оп.1, д.2087.

ГИАОО, ф.2 (Сибирский генерал-губернатор), оп.1, д.158.

ГУТО ГАТ, ф.479 (Окружное по крестьянским делам присутствие), оп.2, д.51.

ГУТО ГАТ, ф.154 (Тобольская казенная палата), оп.8, д.4, 354, 427, 804.

ГУТО ГАТ, ф.329 (Тобольское губернское правление), оп.13.

ГУТО ГАТ, ф.335 (Отделение по крестьянским делам Тобольского губернского управления), оп.1, д.26.

ГУТО ГАТ, ф.417 (Тобольский губернский статистический комитет), оп.2, д.478–506, 1811–1816, 2266–2285.

НА РТ, ф.1 (Канцелярия казанского губернатора), оп.2, д.292, 483; 745, 2111; оп.3, д.221, 228, 231, 270, 1278, 1823, 1834, 1837, 3068, 3697, 4467, 4468, 4627, 4659, 4882, 5720, 5752, 5836, 5881, 5883, 6541, 6811, 6930, 7142, 7482, 7797, 7798, 8447, 9077, 9126, 9602, 9603, 9605, 9690, 9740, 10050, 12198; оп.4, д.94, 22, 6191; оп.6, д.99; оп.85, д.72; оп.109, д.6.

НА РТ, ф.2 (Казанское губернское правление), оп.1, д.1269, 1372; оп.2, д.3089, 3741, 5152; оп.3, д.318а, 413, 912; оп.13.

- НА РТ, ф.3 (Казанская губернская казенная палата), оп.1, д.812, 6550, 12804.
- НА РТ, ф.4 (Казанская духовная консистория), оп.1, д.6578; оп.72, д.12; оп.86, д.66; оп.94, д.22; оп.97, д.34; оп.98, д.34; оп.101, д.23; оп.102, д.9; оп.131, д.26.
- НА РТ, ф.10 (Казанская Духовная академия), оп.1, д.292, 463, 822, 827, 1185, 1324; оп.2, д.1119.
- НА РТ, ф.11 (Правление Московской Духовной академии по Казанскому учебному духовному округу), оп.1, д.102, 181.
- НА РТ, ф.12 (Казанская палата гражданского суда), оп.17, д.65; оп.19, д.8; оп.160, д.21.
- НА РТ, ф.13 (Казанская палата уголовного суда), оп.1, д.67, 99, 322, 1043.
- НА РТ, ф.22 (Казанская татарская ратуша), оп.2, д.21.
- НА РТ, ф.37 (Казанский татарский торговый словесный суд), оп.1, д.8а, 26.
- НА РТ, ф.41 (Казанский окружной суд), оп.1, д.1, 2195.
- НА РТ, ф.51 (Казанская судебная палата), оп.5, д.29, 347, 885, 1033, 1258, 2875.
- НА РТ, ф.81 (Казанская губернская земская управа), оп.11, 1870 г. д.110 а.
- НА РТ, ф.92 (Попечитель Казанского учебного округа), оп.1, д.197, 250, 386, 518, 765, 1901, 2237, 2301, 2319, 2340, 2711, 3829, 3833, 4251, 4527, 4719, 4814, 5007, 5357, 5472, 5871, 6157, 6721, 6747, 7267, 7754, 7997, 8759, 9940, 10464, 10685, 15539, 15877.
- НА РТ, ф.93 (Казанская учительская семинария), оп.1, д.4.
- НА РТ, ф.98 (Казанская городская управа), оп.1, д.68, 90, 321, 959, 2219; оп.3, д.1096, 1133; оп.4, 378, 380, 381, 387; оп.7, д.59.
- НА РТ, ф.114 (Казанская городская общая и шестигласная дума), оп.1, д.1, 2, 171, 216, 557, 593, 3357.
- НА РТ, ф.116 (Казанская духовная семинария), оп.1, д.111; ф.1207, оп.1, д.1.
- НА РТ, ф.156 (Податный инспектор 1-го участка Казанского уезда), оп.1, д.17.
- НА РТ, ф.199 (Казанское губернское жандармское управление), оп.1, д.773.
- НА РТ, ф.299 (Казанская Купеческая управа), оп.1, д.20, 21, 62, 112.
- НА РТ, ф.350 (Казанское губернское дворянское собрание), оп.1, д.11; оп.2, д.676.
- НА РТ, ф.359 (Казанский губернский статистический комитет), оп.1, д.259.
- НА РТ, ф.408 (Казанская губернская строительная и дорожная комиссия), оп.36.
- НА РТ, ф.418 (Казанское губернское попечительство о детских приютах), оп.1, д.240.
- НА РТ, ф.551 (Податный инспектор 1-го участка Мензелинского уезда Уфимской губ.), оп.1, д.65.
- НА РТ ф.968 (Ильминский Николай Иванович), оп.1, д.1, 16, 83.
- НА РТ, ф.969 (Катанов Николай Федорович), оп.1–2.
- НА РТ, ф.977 (Казанский университет), оп.ИФФ, д.864, 897, 1187, 1188, 1249, 1370, 1500, 1530, 1642, 2175, 2176; оп.Совет, д.1266, т.1; д.1267, т.2; д.2283, 2450; оп.Ректор, д.654, 837.
- НА РТ, ф.1153 (Фабричный инспектор Казанской губернии), оп.1, д.1а.
- НА РТ, ф.1311 (Симбирская губернская по Буинскому уезду), оп.1, д.204.
- НА ЧГИГН, отд.1, фонд Н.В.Никольского, ед.хр.151, 158, 166, 174, 176, 179, 183, 184, 195, 206, 208, 217, 233, 237, 242, 251, 266, 271, 310, 587.
- НА ЧГИГН, отд.Х, отдел редких книг и статистических сборников, ед.хр.1070.
- ОАТР, ф.С, HR, д.714;
- ОАТР, ф.DH, SAID, оп.1, д.244;
- ОАТР, ф.У, MTV, оп.57, д.50.
- Опись дел Государственного Совета. Т.6. СПб., 1911.
- ОР РГБ, ф.424 (Николай Иванович Ильминский), оп.1, картон 1, д.11, л.1–5.
- ОРРК, ф.7 (Малов Ефимий Александрович), оп.1, д.1-30; 182-т, 1-5; 680-т; 999-г, 132-135; 1204-1206-г, 1–85; 1204–1206-т; 1635-г, 3–6; 2387-т; 2400г, 63–68; 2400-г, 76–87; 2673-т, 4478, 4485.
- Отдел* – Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, ф.56, оп.1, д.1–5.
- ПМА, 1998 – Полевые материалы В.М.Викторина, эксп. 1998 г. и последующих лет
- РГАВМФ, ф.159 (Департамент корабельных лесов морского министерств), оп.1, д.24, 26, 411, 689.
- РГАДА, ф.16 (Разряд XVI (Внутреннее управление), оп.1, д.636, 931.
- РГАДА, ф.248 (Сенат и его учреждения), д.803; оп.53, д.4342.
- РГАДА, ф.350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп.2, д.2450, 2977, 2988, 3005.
- РГВИА, ф.324 (Управление училищ военного ведомства (1858–1863)), оп.1, д.511.
- РГВИА, ф.405 (Департамент военных поселений), оп.6, д.5874, 9049, 9969, 12941;
- РГВИА, ф.414 (Статистические, экономические, этнографические, военно-топографические сведения о Российской империи. Коллекция военно-ученного архива), оп.1, д.312;
- РГВИА, ф.489 (Военно-ученный архив), оп.1, д.3092, 3758, 3764, 3770;
- РГВИА, ф.846 (Формулярные списки), оп.16, д.18900.
- РГИА, библиотека, ед. хр.№35А.
- РГИА, ф.44 (Штаб корпуса горных инженеров), оп.3, д.252.
- РГИА, ф.91 (Вольное экономическое общество), оп.2, д.756, 768, 777.
- РГИА, ф.379 (Департамент государственных имуществ).
- РГИА, ф.383 (Первый департамент МГИ), оп.7, д.6190а, 6190б; оп.9, д.7674; оп.22, д.32226, оп.30, д.416.
- РГИА, ф.515 (Главное управление уделов Министерства Двора), оп.8, д.2310.
- РГИА, ф.558 (Государственная экспедиция для ревизии счетов Сената), оп.2, д.51; ф.571, оп.9, д.10, 35.
- РГИА, ф.560 (Общая канцелярия министра финансов), оп.1, д.809.
- РГИА, ф.573 (Департамент окладных сборов Министерства финансов), оп.1, д.117, 325, 1254–1274; оп.17, д.23734, 23750, 23756, 23759, 24091,

24093, 24101, 24117, 24134, 24141, 24144, 24184, 24185; оп.18, д.24261, 24399, 24428, 24512, 24611, 24699, 25267, 25273, 24720, 24819, 24830, 27156, 27171, 27177, 27180; оп.25, д.332–354, 789–805, 1005–1023, 1078–1098.

РГИА, ф.733 (Департамент народного просвещения), оп.40, д.182; оп.42, д.90, 306, 289; оп.46, д.4; оп.48, д.91, 212; оп.170, д.143; оп.171, д.656, 2271.

РГИА, ф.777 (Петербургский цензурный комитет МВД), 1881 г. оп.3, д.5.

РГИА, ф.796 (Канцелярия Синода), оп.84, д.4; оп.108, д.595; оп.177, д.876; оп.191, отд.6, стлб.3. д.163.

РГИА, ф.797 (Канцелярия обер-прокурора Синода), оп.3, д.12630, 12644; оп.15, д.35644, 5644; оп.36, отд.2, д.251; оп.77, отд.2, ст.3, д.291.

РГИА, ф.815 (Александров-Невская лабра Синода), оп.15, д.237.

РГИА, ф.821 (Департамент Духовных дел иностранных исповеданий), оп.8, д.594, 601, 611, 616, 621, 633, 652, 655, 666, 675, 695, 706, 720, 759, 763, 774, 782, 785, 786, 788, 791, 807, 817, 829, 831, 897, 954, 1051, 1064, 1072, 1075, 1076, 1158, 1159, 1175, 1181; оп.10, д.38, 252, 1204; оп.15, д.404; оп.133, д.477, 478, 574; оп.150, д.13, 404, 411.

РГИА, ф.970 (Иван Петрович Корнилов (1811–1901)), оп.1, д.99.

РГИА, ф.1250 (Дела и бумаги председателей и членов государственного совета (коллекция)), оп.6, ед.хр.76.

РГИА, ф.1263 (Комитет Министров (1802–1906)), оп.1, д.2340.

РГИА, ф.1264 (Первый сибирский комитет), оп.1, д.4, 71, 546.

РГИА, ф.1265 (Второй сибирский комитет), оп.4, 1855 г., д.40; оп.9, д.226.

РГИА, ф.1284 (Департамент общих дел МВД), оп.185, д.29; оп.232, д.52, 206.

РГИА, ф.1286 (Департамент полиции исполнительной МВД), оп.2, д.347.

РГИА, ф.1290 (Центральный статистический комитет МВД), оп.6, ед.хр.76; оп.10, д.244.

РГИА, ф.1291 (Земский отдел МВД), оп.81, д.178; оп.82, д.4.

РГИА, ф.1294 (Медицинский совет при МВД), оп.84, д.5.

РГИА, ф.1341 (Первый департамент Сената), оп.1, д.295.

РГИА, ф.1356 (Ревизия сенатора М.Е.Ковалевского Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний), оп.1, д.46.

РФ НИИГН при Правительстве РФ, И-1234.

РЭМ, ф.7 («Этнографическое бюро» князя В.Н.Тенишева), оп.1, д.466, 1339.

ЦГА РК, ф.4 (Областное правление оренбургскими киргизами), оп.1, д.414, 2126, 2236, 2467, 2703, 2728, 2786, 3516, 4910, 5410, 5440, 5450.

ЦГА РК, ф.25 (Областное управление Тургайской области (1869–1917)), оп.2, д.290; оп.5, д.245.

ЦГА РК, ф.338 (Омское областное правление (1798–1867)), оп.1, д.184, 396, 436, 637, 767, 834.

ЦГА РК, ф.369 (Акмолинское областное правление МВД), оп.1, д.2040а.

ЦГА РК, ф.374 (Пограничное управление сибирскими киргизами (1826–1870 гг.), оп.1, д.166, 254а, 465, 613, 688.

ЦГА РУз, ф.1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), оп.17, ед.хр.1021; оп.19, д.3; оп.31, ед.хр.123;

ЦГА РУз, ф.87 (Туркестанская казенная палата), оп.1, д.25077;

ЦГА РУз, ф.98 (Ташкентская контора торгового дома братьев Яушевых), оп.1, д.15.

ЦГА УР, ф.4 (Ижевские оружейный и сталелитейный заводы), оп.1, д.34, 417.

ЦГА ЧР, ф.193 (Алатырская удельная контора), оп.1, д.4178.

Центр исследования письменного и музыкального наследия при ИЯЛИ им. Г.Ибрагимов АН РТ: кол.39, ед.хр. №36, 60, 317, 532, 565, 593, 748, 1846, 1953, 2084, 2463, 2465, 2268, 2797, 2811, 2826, 2838, 2895, 2896, 3021, 3029, 3089, 3104, 3129, 3274, 3323, 3432, 3512, 3520, 3534, 3878, 3903, 4196, 4458, 5146, 5147, 5148, 5341, 6404, 6614, 7052, 7076, 7197, 7350.

ЦИА РБ, ф.И-2 (Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора), оп.1, оп.1, д. 4969, 5017, 5245, 6154, 6755, 7865, 9776, 10120, 10618, 10808.

ЦИА РБ, ф.И-9 (Уфимское губернское правление), оп.1, д.655.

ЦИА РБ, ф.И-10 (Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие), оп.1, д.892.

ЦИА РБ, ф.И-11 (Канцелярия Уфимского гражданского губернатора), оп.1, д.1390.

ЦИА РБ, ф.И-110 (Директор народных училищ), оп.1, д.860, 874.

ЦИА РБ ф.И-295 (Оренбургское магометанское духовное собрание), оп.2, д.40, 143; оп.3, д.451, 910, 5944, 5988, 6281, 6391, 6536, 9111; оп.4, д.15035; оп.6, д.1386, 3237; оп.8, д.554, 8036; оп.11, д.614, 672, 13629.

ЦИАМ, ф.16 (Управление московского генерал-губернатора, г. Москва), оп.84, д.179.

ЦИАМ, ф.199 (Московский столичный и губернский статистический комитет, г. Москва), оп.2, д.39, 574.

ЦИАМ, ф.203 (Московская духовная консистория, г. Москва), оп.377, д.85, 86.

Неопубликованные материалы

Балышев, 1879 – Отчет студента миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии Н.Балышева о поездке по селениям старокрещеных татар Казанской губернии (1879 г.) // НА РТ, ф.967, оп.1, д.168.

Будилович, 1904 – Отчет члена училищного совета МНП А.С.Будиловича о поездке по Казанскому, Оренбургскому и Западно-Сибирскому учебным округам в 1904 г. // РГИА, ф.733, оп.173, д.101.

Викторин, 1988 – Викторин В.М. Этнографическое краеведение Саратовской области (Этноисторическая география региона). Астрахань, 1988. Машинопись // НАСМК.

Даулей, 19036 – Письмо кандидата Казанской духовной академии Романа Даулея члену Учебного комитета Святейшего Синода протоиерею

А.В.Преображенскому от 27 сентября 1903 г. // РГИА, ф.1109, оп.1, д.123.

Докладная записка – Докладная записка уполномоченных от Казанского мусульманского общества Председателю Кабинета Министров (1905), РГИА, печатные записки, папка 2349.

Ильминский, 1848 – Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-октябре 1848 г. // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.232.

Ильминский, 1849 – Проект миссии для татар бакалавра Казанской духовной академии Н.И.Ильминского (1849 г.) // ОР РНБ, ф.573 (СПбДА), оп.А1, д.232.

Ильминский, 1849а – Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н.Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-сентябре 1849 г. // ОР РНБ, ф.573 (СПбДА), оп.А1, д.232.

Ильминский, 1856 – Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н.Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-сентябре 1856 г. // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.232.

Ильминский, 1858 – Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И.Ильминского и Г.С.Саблукова в академическое правление о причинах отпадения крещеных татар из православия в магометанство (1858 г.) // НА РТ, ф.10, оп.1, д.1655, л.15–23 об.

Ильминский, 1859 – Мысли Н.И.Ильминского экстраординарного профессора Казанской духовной академии о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар (1859 г.) // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.214.

Ильминский, 1880 – Ильминский Н.И. О распространении магометанства среди казанских татар (1880 г.). Рукопись // ОР РГБ, ф.424, оп.1, картон 1, д.11.

Ильминский, 1882 – Выписка из представленной по поручению преосвященного Сергия, архиепископа Казанского, Н.И.Ильминским обер-прокурору Святейшего Синода записки об отпавших крещеных татарах от 30 августа 1882 г. // РГИА, ф.821, оп.8, д.743, л.87–98 об.

Кедров – Кедров К. Школа как средство христианского просвещения инородцев. Рукопись // НА РТ, ф.10, оп.2, д.1119.

Коблов, 1915 – Записка окружной начальник Киевского учебного округа Якова Коблова поданная на имя министра народного просвещения П.Н.Игнатьева, «Некоторые соображения о постановке образования у восточных инородцев России» (1915 г.) // РГИА, ф.733, оп.182, д.168, л.214–230.

Крыжановский, 1866 – Извлечение из отчета генерал-адъютанта Н.А.Крыжановского по управлению Оренбургским краем с февраля 1865 до марта 1866 г. // РГИА, ф.821, оп.8, д.594, л.28–34.

Крыжановский, 1870 – Извлечение из всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта Н.А.Крыжановского с марта 1868 по октябрь 1870 года относительно преобладания в вверенном ему крае магометанского населения над православным // РГИА, ф.821, оп.8, д.772, л.5–14 об.

Ляпидовский, 1848 – Ляпидовский И. Записка священника Иоанна Ляпидовского составленная

для РГО о татарах живущих в приходе села Чуры Мамадышского уезда Казанской губернии (1848 г.) // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.232.

Мацузато, 2003 – Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Личный архив А.Ремнева.

Никольский – Никольский Н.В. Чувашские послы на чувашском, русском и французском языках // НА ЧГИГН, отд.Ш, фонд Н.В.Никольского, ед.хр.53.

Охотников – Охотников Н.М. Записки чувашина о своем воспитании // НА ЧГИГН, отд.Ш, ед.хр.2248, инв. №8644, л.1–63.

Памфилов – Памфилов П. Село Никифорово Мамадышского уезда (о причинах отпадения крещеных татар от православия). Рукопись // НА РТ, ф.967, оп.1, д.179.

Преображенский – Преображенский А. Об остатках язычества у православных инородцев Поволжья. Рукопись // НА РТ, ф.10, оп.2, д.1384.

Приможенов – Приможенов Н. Распространение христианства между русскими инородцами в царствование Александра I. Рукопись // НА РТ, ф.10, оп.2, д.1119.

Романов, 1956 – Романов Н.Р. Культ киремета у чуваш. Рукопись // ОРПК КГУ.

РЭМ, фотофонд, кол.271 – Моление о дожде у татар-кряшен с.Янцовары. Фотоснимки // РЭМ, фотофонд, кол.271.

Спешков, 1904 – Докладная записка попечителя КУО С.Ф.Спешкова министру народного просвещения В.Г.Глазову с разбором критической статьи С.В.Чичериной «В защиту системы Ильминского» от 27 июня 1904 г. // РГИА, ф.922, оп.1 д.198.

Статистические сведения – Статистические сведения по Оренбургскому и Уральскому казачьим и Башкирскому войскам на 1859 год // ГАОО, ф.6, оп.8, ед.хр.117.

Статистические ведомости – Статистические ведомости по переписи населения Оренбургской губернии за 1868 г. Ч.2. 1870 г. // ГАОО, ф.164, оп.1, ед.хр.6.

Чичерина, 1904 – Письмо С.Чичериной обер-прокурору Св. Синода К.П.Победоносцеву о впечатлениях вынесенных во время поездки по инородческим селениям Среднего Поволжья (1904 г.) // РГИА, ф.1574, оп.2, д.205.

Ячевский – Записка и.д. должность ДДЦИИ Ячевского М.Э., об отпавших из православия в иноверие (1905) // РГИА, печатные записки, папка 2349.

На татарском языке

Биколов – Биколов К. Яңа Тинчәле авылы тарихы // ОРПК НБ КГУ, т.2452.

Фәхреддин, Асар, рукопись – Фәхреддин Р. Асар. Т.3 (рукопись) // НА УНЦ РАН, ф.7, оп.1, д.12 (старый акт).

На арабском языке

«*Ихатат аз-зат*» // Ташкентский институт им. Беруни, В-3122, датируемой 1217/1802–1803 гг.

Опубликованные источники и материалы

Агафонов, 1906 – Агафонов Н.Я. Из казанской истории. Казань, 1906.

Административно, 1999 – Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. / Справочник. Симферополь, 1999.

Адрес-календарь, 1893 – Адрес-календарь г.Оренбурга на 1894 год и справочная книжка по Оренбургской губернии. Оренбург, 1893.

Адресная книга, 1900 – Адресная книга Казанской губернии на 1900 год. Ч.3. Казань, 1900.

Адресная, 1906 – Адресная книга города Казани на 1906 года. Казань, 1906.

Акт, 1872 – Акт открытия Казанской учительской семинарии. Казань, 1872.

Акты, 1836 – Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т.1, №241/II.

Акты, 1906 – Акты о литовских татарах. Т.21, 31. Вильно, 1906.

Акционерно-паевые, 1915 – Акционерно-паевые предприятия России. Пг., 1915.

Алекторов, 1890 – Алекторов А.Е. Чем и как мы способствовали укреплению мусульманства в киргизах // Оренбургский листок. 1890. №48.

Алекторов, 1906 – Алекторов А.Е. Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906.

Алов, 1900 – Алов А.А. Кустарное производство сельскохозяйственных орудий и машин // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. 1900. Т.6.

Алфеев, 1898 – Алфеев П. Касимовская потиомусульманская миссия // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1898. №13.

Аль-иршад ли-л-ибад – Абу-н-Наср Курсави. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад) / пер. с араб. Г.Идиятуллиной. Казань, 2005.

Амирханов, 2010 – Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) пер. со старотатар., вступ. ст., коммент. А.М.Ахунова. М., 2010.

Анастасиев, 1893 – Анастасиев А.И. Магометанские духовные школы (мектебы и медресе) в Симбирском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии // Отд. отд. из «Симбирских губернских ведомостей». 1893. №65–68.

Анастасиев, 1904 – Анастасиев А.И. Вятские инородцы и их школы // Отд. отд. из ЖМНП за 1904 г. С.75–103.

Андриевский, 1908 – Андриевский Ф.Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (Исторический очерк). Симферополь, 1908.

Андроников, 1911 – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911.

Анучин, 1881 – Анучин Е.Н. Бюджет крестьянского двора в Самарской губернии // Правительственный вестн. 1881. №241. 29 окт.

Апаков, 1876 – Апаков М.В. Рассказы крещеных татар деревень Тавалей и Алексеевского выселка Ямашевского прихода Чистопольского уезда

о происхождении киреметей // ИКЕ. 1876. №11. С.322–338.

Апкаков, 1877 – Апкаков М. Святочные игры у крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1877.

Аристов, 1873 – Аристов Н. Наши отношения к дунганам, Кашгару и Кульдже // МСТК. Вып.2. С.-Петербург, 1873. С.170–181.

Арнольдов, 1868 – Арнольдов М. От Симбирска до Нагаткина (Из путевых заметок по Симбирской губернии) // СимГВ. 1868. №45.

Архангельский, 1911 – Архангельский Н. Гостеприимство в семейном быту чуваш // ИОАИЭ. 1911. Т.26. Вып.6.

Астафьев, 1889 – Астафьев Н. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравми. СПб., 1889.

Ахмаров, 1903 – Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ. 1903. №19. С.91–160.

Ахмаров, 1907 – Ахмаров Г.Н. Свадебные обряды казанских татар. Казань, 1907.

Ахмаров, 1907а – Ахмаров Г.Н. Телтяри и их происхождение. Казань, 1907.

Ахмеров, 1896, вып.6 – Ахмеров П.Н. Надпись мечети Ахмеда Ясави // ИОАИЭ. Т.13. Вып.6. Казань, 1896.

Ахмеров, 1903 – Ахмеров Г. Этнические группы и традиции татарского народа // ИОАИЭ. Казань, 1903.

Ахмет, 1997 – Ахмет бай / сост. М.Ф.Рахимкулова. Оренбург, 1997.

Ашмарин, 1892 – Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии чуваш // ЭО. 1892. №2. С.42–64.

Багин, 1909 – Багин С.А. Из дневника миссионера (беседы с магометанами). Казань, 1909.

Багин, 1910 – Багин С. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // ПС. 1910. Март.

Байраш, 1999 – Байраш Китабы. Е.Малов. О татарах, еврееях и других инородцах в Российской империи. Выписки из рукописей и миссионерских дневников / сост. Мурад Алиш. Казань, 1999.

Баранович, 1860 – Баранович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860.

Бахтияров, 1994 – Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. Л., 1994.

Баязитов, 1898 – Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898.

Баязитов, 2005 – Баязитов Г. Ислам и прогресс. Казань, 2005.

Безносиков, 1852 – Безносиков К.С. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Саратовская губерния. Т.4. Ч.4. СПб., 1852.

Бектеева, 1902 – Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. 1902. Вып.2. С.165–181.

Бекчурин, 1859 – Бекчурин М.М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречием бухарцев, башкир и киргизов и жителей Туркестана и с русско-персидско-тюркскими словами, расположенными по

предметам разговорам и прописями. Изд. Казан. ун-та, 1859. Изд. второе, доп. в 1859 г.

Бекчурин, 1866 – Бекчурин М.М. Описание мечети Азрета, находящейся в Туркестане // Военный сборник. 1866. №8.

Бекчурин, 1872 – Бекчурин М.М. Туркестанская область. Казань, 1872.

Бекчурин, 1916 – Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендяром Бекчуриним во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург, записок лежащему по тракту // Восточный сборник. Кн.2. Пг., 1916.

Белавин, 1891 – Белавин К. Оренбург: географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891.

Белоногов, 1903 – Белоногов Т.П. и др. Киргизский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В.П.Семенова. Т.18. СПб., 1903.

Белькович, 1887 – Белькович Н.П. Отчет о положении некоторых селений Царевококшайского уезда. Казань, 1887.

Бердников, 1889 – Бердников И.С. Дополнение к краткому курсу церковного права православной греко-российской церкви. Казань, 1889.

Бердников, 1892 – Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842–1892 гг. Казань, 1892.

Березин, 1846 – Березин И.Н. Дополнение к тюркской грамматике. СПб., 1846.

Березин, 1853 – Березин И.Н. Грамматика персидского языка, составленная И.Березиним, проф. Казанского ун-та. Казань, 1853.

Березин, 1857, 1862, 1876, 1890 – Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. Т.1. Казань, 1857; Т.2. Вып.1. Казань, 1862; Т.3. Казань, 1876; Т.2. Вып.2. СПб., 1890.

Бехтеев, 1902 – Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902.

Библиографический словарь, 1974 – Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / под ред. А.Н.Кононова. М., 1974.

Бигиев, т.1 – Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. / сост. и пер. с осман. А.Хайрутдинова. Т.1. Казань, 2005.

Бигиев, т.2. – Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. / сост. и пер. с осман. А.Хайрутдинова. Т.2. Казань, 2006.

Бирюкович, 1903 – Бирюкович В.В. Сельскохозяйственная техника. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903.

Бичурин, 1842 – Бичурин И. Статистическое описание Китайской империи. Санкт-Петербург, 1842.

Бларамбер, 1852 – Бларамберг И.Ф. Статистическое описание Персии // ЗРГО. 1852. Кн.4. С.1–190.

Бобровников, 1899 – Бобровников Н.А. Иногородское население Казанской губернии. Вып.1. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899.

Бобровников, 1900 – Бобровников Н.А. Как следует переводить учебно-миссионерские книги на татарский язык? // ПБ. 1900. №17. С.3–9.

Бобровников, 1905 – Бобровников Н.А. Иногородское духовенство и богослужение на иногородских языках в Казанской епархии // ПС. 1905. Ч.2. С.177–181.

Бобровников, 1913 – Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии. СПб., 1913.

Богородицкая, 2000 – Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. Н.Новгород, 2000.

Богословский, 1896 – Богословский Г. Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о казанских архипастырях. Казань, 1896.

Бородин, 1891 – Бородин Н.А. Уральское казачье войско. Уральск, 1891.

Бочагов, 1891 – Бочагов А. Наша торговля и промышленность в старину и ныне. СПб., 1891.

Бржевский, 1908 – Бржевский Н.К. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб., 1908.

Броссе и Кеппен, 1841 – Броссе и Кеппен. Разбор сочинения г.Шопена «Статистическое описание Армянской области». СПб., 1841.

Булич, 1887, ч.1 – Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Казань, 1887. Ч.1.

В память столетия, 1891 – В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в Уфе. Уфа, 1891.

Вавилов, 1846 – Вавилов И. Беседы русского купца о торговле. Практический курс коммерческих знаний. СПб., 1846.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. Алма-Ата, 1985.

Варадинов, 1859 – Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1859. Ч.1. Кн.1.

Варадинов, 1862 – Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч.3. Кн.1.

Васильев, 1851 – Васильев В.П. О китайской траве Му-суй // КГВ. 1851. №50.

Васильев, 1852 – Васильев В.П. Китайская трава Му-суй // Библиотека для чтения. 1852. Т.113.

Васильев, 1852a – Васильев В.П. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. 1852. Ч.73.

Васильев, 1855 – Васильев В.П. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества. 1855. Ч.15. Отд. «Смесь».

Васильев, 1857 – Васильев В.П. Буддизм. Его догматы, история и литература. СПб., 1857. Ч.1.

Васильев, 1857a – Васильев В.П. Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В.П.Васильева // Русский вестник. 1857. Т.9, кн.2.

Васильев, 1862 – Шерстяная промышленность // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т.1. СПб., 1862.

Васильев, 1898 – Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898.

- Васильчиков, 1870* – Васильчиков А. И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 4 т. СПб., 1870. Т.2.
- Ведомость, 1908* – Ведомость о числе зданий в городах Оренбургской губернии за 1907 г. // Статистический обзор Оренбургской губернии за 1907 г. Оренбург, 1908.
- Вернер, 1889* – Вернер К.А. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т.9. Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Отд.2.
- Веселовский, 1887* – Веселовский Н.И. В.В.Григорьев по его письмам и трудам. 1818–1881. СПб., 1887.
- Веске, 1889* – Веске М. Исследование о наречиях черемисского языка доктора М.Веске. 1. Казань, 1889.
- Веске, 1890* – Веске М. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.
- Весновский, 1903* – Весновский В.Л. Весь Екатеринбург. С планом города Екатеринбурга. Справочник-ежегодник. Екатеринбург, 1903.
- Вечеслав, 1870* – Вечеслав Н. Экономический быт крестьян Казанской губернии // ТКГСК. Казань, 1870. Вып.1.
- Вечеслав, 1871* – Вечеслав Н.Н. Уезд Цивильский // ТКГСК. Казань, 1871. Вып.1–2. С.3–75.
- Вечеслав, 1879* – Вечеслав Н.Н. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Казань, 1879.
- Вечеслав, 1879а* – Вечеслав Н.Н. Статистические очерки Казанской губернии. Казань, 1879.
- Вешняков, 1857* – Вешняков В.И. Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян // ЖМГИ. 1857. №4.
- Витевский, 1891* – Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды IV археологического съезда. Т.2. Казань, 1891.
- Витевский, 1892* – Витевский Н.И. Н.И.Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. Казань, 1892.
- Вихман, 1893* – Вихман Г. Письма из Гельсингфорса. Казань, 1893.
- Военно-статистический сборник, вып.4* – Военно-статистический сборник. Вып.4. Россия / сост. В.Ф.Де-Ливрон и др.; под ред. Н.Н.Обручева. СПб., 1871.
- Военно-статистическое обозрение, т.14, ч.2* – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Оренбургская губерния. Т.14. Ч.2. СПб., 1848.
- Военно-статистическое обозрение, т.14, ч.1* – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14. Ч.1. Пермская губерния. СПб., 1852.
- Вольский, 1908* – Вольский З. Вся Сибирь. СПб., 1908.
- Воронец, 1873* – Воронец Е. Казанская учительская семинария по отношению к местному населению / отд. отт. без библиогр. данных. 1873.
- Воскресенский, 1904* – Воскресенский А.А. Вступительная статья // Ильминский Н.И. Записки об устройстве учебных заведений. Казань, 1904.
- Всепоподаннейшие отчеты, 1886–1914* – Всепоподаннейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1885–1914 гг. СПб., 1886–1914.
- Всепоподаннейший, 1908* – Всепоподаннейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1905–1907 годы. СПб., 1908.
- Всесоюзная перепись* – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php. Дата обращения: 1.10.2012.
- Вся Астрахань, 1911* – Вся Астрахань и весь астраханский край. Астрахань, 1911.
- Вся Волга, 1907* – Вся Волга. Коммерческий справочник и общий адрес-календарь. Казань. 1907.
- Вся Казань, 1899* – Вся Казань. Адресная и справочная книга с приложением плана города. Ред. Н.Г.Шебурев. Казань, 1899.
- Вся Сибирь, 1908* – Вся Сибирь: Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. Изд. 1-е. СПб., 1908.
- Вся Россия, 1902* – Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации; Адрес-календарь Российской империи. СПб., 1902.
- Высочайше утвержденное, 1845* – Высочайше утвержденное 15 августа 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
- Г.Троицк, 1912* – Г.Троицк и его уезд. Справочник и адрес-календарь на 1912–1913 гг. Троицк, 1912.
- Гаврилов, 1874* – Гаврилов Б.Г. Погребальные обычаи и поверья старокрещеных татар. Казань, 1874.
- Гаврилов, 1877* – Гаврилов Б.Г. Погребальные обычаи и поверья старокрещеных татар деревни Никофоровой Казанской губернии Мамадышского уезда // ИКЕ. 1877. №9. С.250–260.
- Гаврилов, 1880* – Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.
- Гаврилов, 1891* – Гаврилов Б.Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода // Труды Четвертого археологического съезда. Т.2. Казань, 1891.
- Газиз, 1994* – Газиз Г. История татар / сокр. пер. с татар. С.Г. и А.Х.Губайдуллиных. М., 1994.
- Галанов, 1894* – Галанов М. Отчет о временных учительских курсах по садоводству, огородничеству и сельскому хозяйству, бывших в г. Бирске для учителей начальных народных училищ Уфимской губернии с 15 июня по 20 июля 1894 г. Орск, 1894.
- Гаспринский, 1881* – Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881.
- Гаспринский, 1993* – Гаспринский И. Россия и восток. Казань, 1993.
- Гвоздев, 1868* – Гвоздев И.А. 25-летие Казанской духовной академии. Казань, 1868.
- Гейер, 1909* – Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909.

Гейнс, 1897 – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897.

Георги, ч.2 – Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. В 4-х частях. Ч.2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. СПб., 1799.

Герцен, 1838 – Герцен А.И. Вотяки и черемисы // ВГВ. 1838. №5 (Прибавление к ВГВ №3).

Гмелин, 1777 – Гмелин, С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч.2. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе; с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777.

Головачев, 1914 – Головачев П. Сибирь. М., 1914.

Голодников, 1882 – Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882.

Голубев, 1896 – Голубев П.А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896.

Город Екатеринбург, 1889 – Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных материалов по городу с адресным указателем и присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889.

Города России, 1914 – Города России в 1910 году. СПб., 1914.

Городовое положение, 1892 – Городовое положение, изд. 1892 г. // СЗРИ. Т.2. Ч.1.

Григорьев, 1876 – Григорьев В.В. Россия и Азия: Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым ориенталистом. СПб., 1876.

Григорьев, 1906 – Григорьев Д. «Зовите нас крещеными» // ИКЕ. 1906. №14–15.

Губайдуллин, 1925а – Губайдуллин Г. Документы движения среди татарских крестьян в 1878 г. // ВНОТ. 1925. №1–2.

Гуляев, 1876 – Гуляев К. Статистическое описание Янгуловской волости 1-го стана Малмыжского уезда. Вятка, 1876.

Гуляев, 1897 – Гуляев А.М. Право общее и местное. Киев, 1897.

Гурвич, 1879 – Гурвич Н. Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 году. Уфа, 1879.

Далингер, 1887 – Далингер А. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда. СПб., 1887.

Даневский, 1857 – Даневский П. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России. СПб., 1857.

Даниил, 1837 – Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума» // УЗКУ. 1837. Кн. II–III.

Даниил, 1837а, 1838 – Даниил (Сивиллов). Всеобщая история Китая // УЗКУ. 1837. Кн. IV; 1838. Кн. II и IV.

Даулей, 1903 – Даулей Р. Святки у крещеных татар Мамадышского и Лаишевского уездов Казанской губернии // ИЮАИЭ. Т.19. Вып.3–4. Казань, 1903.

Даулей, 1903а – Даулей Р.П. Святки у крещеных татар Мамадышского и Лаишевского уездов Казанской губернии. Казань, 1903.

Дебу, 1837 – Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.

Денисов, 1911 – Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911.

Державин, 2000 – Державин Г.Р. Записки. М., 2000.

Доклад высочайше, 1873 – Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.

Долгоруков, 1898 – Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск, 1898.

Дудкин, 1884 – Дудкин А.А. Кошачовская волость Казанского уезда. Опыт подворно-статистического исследования крестьянского хозяйства. Казань, 1884.

Дудкин, 1890 – Дудкин А. Джиин у татар // Северный вестник. 1890. №8.

Дремков, 1912 – Дремков В.В. О муллах Астраханской губернии. Астрахань, 1912.

Дунин-Горкавич, 1909 – Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 году. Тобольск, 1909.

Дьяконов, 1882 – Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1881. Бердянск, 1882.

Дьяконов, 1894 – Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1892. Бердянск, 1894.

Евтихийев, 1890 – Евтихийев В. Царевококшайский уезд по отношению к скотоводству и ветеринарии. Казань, 1890.

Емкеев, 1902 – Емкеев С. Ногайбаки // ПБ. 1902. №24. С.343–346.

Ефремов, 1913 – Ефремов С. О язычниках Цивильского уезда // ИКЕ. 1913. №23–24.

Железнов, ч.1 – Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта зауральских казаков. Ч.1. М., 1858.

Жертвоприношения, 1895 – Жертвоприношения крещеных татар // КТ. 1895. №569.

Журнал, 1875 – Журнал по обозрению церквей и братских училищ, произведенному Преосвященным Викторином, епископом чебоксарским, викарием казанским 20–29 августа 1874 года // ИКЕ. 1875. №5.

Журнал, 1895 – Журнал заседаний от 2 мая 1895 // ЖПЗ за первое полугодие. 1895. Казань, 1896.

Журнал, 1895а – ЖПЗ за второе полугодие 1895. Казань, 1896.

Журнал, 1896 – Журнал заседаний от 10 сентября 1896 // ЖПЗ за 1896. Казань, 1897.

Журналы, 1908 – ЖПЗ за 1908. Казань, 1910.

Журналы, 1909 – ЖПЗ за 1909. Казань, 1911.

Журналы, 1911 – Журналы КГД и доклады управы за сентябрь 1911. Казань, 1911.

Журналы, 1913 – Журналы КГД и доклады управы за апрель 1913. Казань, 1913.

Заблонский, 1832 – Заблонский Е. Российская статистика. Ч.2. СПб., 1832.

Завилишин, 1867, т.3 – Завилишин И. Описание Западной Сибири. Т.3. М., 1867.

Загоскин, 1895 – Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895.

Загоскин, 1902 – Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета. Т.1. Казань, 1902.

Загоскин, 1906 – Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за 100 лет его существования. В 4 т. Т.4. Казань, 1906.

Загоскин, 2005 – Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань, 2005.

Задолженность сельских, 1894 – Задолженность сельских обществ по казенным, земским и мирским окладным сборам и в продовольственный капитал из обследования 1893 г. о сельских обществах 46-ти губерний Европейской России. СПб., 1894. Т.32.

Законы гражданские, 1857 – Законы гражданские, 1857 г. // СЗРИ. Т.10. Ч.1.

Законы гражданские, 1900 – Законы гражданские, 1900 г. // СЗРИ. Т.10. Ч.1.

Законы о браке и разводе, 1899 – Законы о браке и разводе / сост. Я.А.Канторович. СПб., 1899.

Законы о состояниях – Законы о состояниях // СЗРИ. Т.9.

Законы о судопроизводстве, 1892 – Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Изд. 1892 г. // СЗРИ. Т.15.

Законы, 1902, 1908 – Законы о крестьянах и крестьянских учреждениях. Вып.1–2 / сост. П.Богомазов. М., 1902, 1908.

Законы, 1999 – Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / сост., авт. вступ. статей и прим. Ф.Х.Гумеров. Уфа, 1999.

Записка, 2007 – Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдиарьинских казахов Ермухамеде Касымове // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX вв. Т.6. Алматы. 2007.

Записки, 1907 – Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // ТОУАК. 1907. Вып.18.

Записки, 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И.Демезона и И.В.Виткевича). М., 1983.

Захарьевский, 1909 – Захарьевский П. Церковные школы казанской епархии за 25 лет их существования (1884–1909). (Историко-статистический обзор). Казань, 1909.

Зиммель, 1905 – Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественные, политические и экономические значения. СПб., 1905.

Златоверховников, 1899 – Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

Змеев, 1883 – Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии: дис. ... на степень доктора медицины. М., 1883.

Знаменский, 1868 – Знаменский П. О крещеных татарах деревни «Большой Арняш» (Извлечение из дневника) // ЖМНП. 1868. Ч.137. №3. С.348–364.

Знаменский, 1892 – Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за I (дореформенный) период ее существования. 1842–1870 гг. Вып.2. Казань, 1892.

Знаменский, 1892a – Знаменский П.В. На память о Н.И.Ильминском. К двадцати пятилетию братства святителя Гурия. Казань, 1892.

Знаменский, 1894 – Знаменский П.В. О татарских переводах христианских книг / отд. отт. без библиогр. данных. 1894.

Знаменский, 1910 – Знаменский П. Казанские татары. Казань, 1910.

Значение, 1911 – Значение железной дороги Казань – Сарапул – Екатеринбург для Казанской губернии. Казань, 1911.

Золотницкий, 1875 – Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

Зорин, 1912 – Зорин Б.И. Свадебные обычаи и обряды у татар Оренбургской и Уфимской губерний // ВОУО. 1912. №2. Отд.3.

Зорин, 1914 – Зорин Б.И. Мектабы и медресе русских мусульман // ВОУО. 1914. №1. Отд.3. С.41–49.

Зябловский, 1808 – Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. Кн.2. СПб., 1808.

Ибрагимов, 1872 – Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. Вып.2. М., 1872.

Ибрагимов, 1873 – Ибрагимов И.И. Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве // ТВ. 1873. №42. С.167.

Ибрагимов, 1878 – Ибрагимов И.И. Заметки о киргизском суде // ЗРГО по отделению этнографии. Т.3. СПб., 1878.

Иванин, 1874 – Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб., 1874.

Иванова, 1889 – Иванова Е.В. Путевые воспоминания о Крыме. 1886 г. М., 1889.

Ивановский, 1899 – Ивановский В.В. Описание экономического состояния Казанской губернии. Казань, 1899.

Игнатьев, 1870 – Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г.Орска, произведенное 15 января 1870 г. // ОГВ. 1870. 11 апреля.

Извлечения из всеподданнейших, 1837–1885 – Извлечения из всеподданнейших отчетов оберпрокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1836–1884 гг. СПб., 1837–1885.

Извлечения, 1867 – Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866 год. СПб., 1867.

Извлечения, 1869 – Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1868 год. СПб., 1869.

Извлечения, 1870 – Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. СПб., 1870.

Извлечения, 1874 – Извлечения из отчета высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Казанского и Свяжского о состоянии Казанской епархии за 1873 год // ИКЕ. 1874. №16.

Износков, 1893 – Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края: В 3 вып. М., 1893.

Износков, 1893а – Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края // ПБ. 1893. Т.4. Кн.2.

Износков, 1901 – Износков И.А. Инородческие школы Братства святителя Гурия // ПБ. 1901. №4, 5–6.

Износков, 1904 – Износков И.А. Обучение и воспитание инородцев в Казанском крае // ПБ. 1904. №3, 4.

Износков, 1909 – Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Исторический очерк. М., 1909.

Износков, вып.2 – Износков А.Н. Краткий предварительный отчет о командировке г.г. сотрудников статистического бюро летом 1900 года в Чистопольский уезд для собирания сведений о крестьянских бюджетах. Вып.2. Казань, 1900.

Износков, вып.3 – Износков Д.Н. Краткий предварительный отчет о командировке г.г. сотрудников статистического бюро летом 1900 года в Чистопольский уезд для собирания сведений о крестьянских бюджетах. Вып.3. Казань, 1900.

Ильминский, 1864 – Ильминский Н.И. Материалы для истории христианского просвещения татар. Казань, 1864.

Ильминский, 1865 – Ильминский Н.И. Еще о школе для первоначального обучения детей крещеных татар // ПО. 1865. Т.26.

Ильминский, 1866 – Ильминский Н. О количестве печатаемых в Казани магометанских книг и о школе для детей крещеных татар // Заметки православного обозрения. 1866. Январь. С.78–85.

Ильминский, 1867 – Ильминский Н.И. Школа для первоначального обучения крещеных татар в Казани // ЖМНП. 1867. Т.134.

Ильминский, 1876 – Записка Н.И.Ильминского о Переводческой комиссии // ОДБСГ от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. Казань, 1876.

Ильминский, 1883 – Ильминский Н.И. Опыты переложения христианского вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883.

Ильминский, 1883а – Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883.

Ильминский, 1890 – Ильминский Н.И. Учебная мастерская Казанской учительской семинарии. Казань, 1890.

Ильминский, 1891 – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.Алтынсарине. Казань, 1891.

Ильминский, 1892 – Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности. Казань, 1892.

Ильминский, 1898 – Письма Н.И.Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву. Казань, 1898.

Ильминский, 1901 – Ильминский Н.И. Одна из неизданных записок Н.И. Ильминского по вопросу об устройстве учебных заведений. Казань, 1901.

Ильминский, 1904 – Ильминский Н.И. Записка об устройстве учебных заведений. Казань, 1904.

Ильминский, 1913 – Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913.

Инородческая, 1893 – Инородческая сельскохозяйственная школа в крещено-татарском селе Шемуртбабах Казанской губернии // ПБ, 1893, №23, с.50–51.

Инородческие, 1903 – Инородческие и иноверческие училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / сост. Г.М.Фальборк, В. Чернолуский. Изд. неофиц. СПб., 1903.

ИОАЭИ, вып.6 – Ответы капитана Стрижевского (о башкирах) на программу В.Н.Татищева // ИОАЭИ. Т.25. Вып.6.

Иоксимович, 1912 – Иоксимович Ч.М. Прибыли и дивиденды мануфактурных предприятий за 1902–1911 годы. М., 1912 (Табл.8).

Исмаил, 1890 – Исмаил. Что значит слово «кяфир»? // Тәржеман. 1890. №11. 2 апреля.

Исследования о состоянии, 1860 – Исследования о состоянии рыболовства в России. Описание Уральского рыболовства. СПб., 1860. Т.3.

Историко-статистический обзор, 1883 – Историко-статистический обзор промышленности России. СПб., 1883. Т.1.

Историко-статистическое описание церквей, 1904 – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. г.Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань, 1904. Вып.6.

Исторический очерк, 1910 – Исторический очерк учреждений по горной части. СПб., 1910.

История, 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т.6. Алматы, 2007.

Итоги оценочно-статистического, 1923 – Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии 1909–1913 гг. Под руководством В.Г.Громова. Сер.III. Ч.3. Бюджетные исследования крестьянского хозяйства. Вып.1. Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923.

Кабдулвахидов, 2006 – Сто мечетей Тюменской области. Фотоальбом. Авт.-сост. К.Кабдулвахидов. Тюмень, 2006.

Казанская – Казанская духовная академия. Казань, б/г.

Казанский календарь, 1872 – Казанский календарь и справочная книга на 1873 год / сост. Редников. Казань, 1872.

- Казанский, 1883* – Казанский календарь на 1884 год. Казань, 1883.
- Казанцев, 1887* – Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1887.
- Казем-Бек, 1839* – Казем-Бек А.К. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
- Казем-бек, 1845* – Казем-бек А.К. Мюхтесерюль-вигкает. Курс мусульманского законовещения по школе ханефидов. Казань, 1845.
- Казем-Бек, 1846* – Казем-Бек А.К. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
- Календарь, 1897* – Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1897.
- Календарь, 1900* – Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1900 год. Симферополь, 1900.
- Канделаки, 1914* – Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914.
- Кандидат Пелль, 1845* – Кандидат Пелль. Хозяйственные заметки // ЖМГИ, 1845. Ч.16.
- Карнович, 1897* – Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.
- Каталог, 1890* – Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 года. Казань, 1890.
- Катанов, 1896* – Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1896. №15.
- Катанов, 1898* – Катанов Н. [Выступление на общем собрании ОАИЭ 2 января 1895 г.] // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т.14. Вып.4.
- Катанов, 1900* – Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной летом 1898-го года по поручению Историко-филологического факультета Императорского Казанского университета в Уфимскую губернию. Казань, 1900.
- Катанов, 1904* – Катанов Н.Ф. Некролог. Проф. И.Н.Смирнов, живший с 1856 по 1904 г. // ЖМНП. 1904. №9.
- Катанов, 1904a* – Катанов Н.Ф. О трудах И.Н.Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // УЗКУ. 1904. Т.71, кн.IX.
- Катанов, 1904б* – Катанов Н. Прошлое и настоящее Казани по одному татарскому рассказу // Деятель, 1904, №10.
- Катанов, 1909* – Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте Ваисовцев. Казань, 1909.
- Каульбарс, 1874* – Каульбарс А.В. Заметки о Кульджинском крае // МСТК. Вып.3. СПб., 1874.
- Кеппен, 1841* – Кеппен П.И. О мочальном промысле // ЖМГИ. 1841. Ч.2. Кн.3.
- Кеппен, 1857* – Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857.
- Киргизская степь, 1854* – Киргизская степь сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область // ЖМВД. 1854. Август.
- Киттары, 1849* – Киттары М.Е. Ставка хана Внутренней киргизской Орды // ЖМВД. 1849. Ч.28. С.107–133.
- Коблов, 1906* – Коблов Я.Д. Татарские мусульманские школы (медресе) // ЦОЖ. 1906. №9. С.323–325.
- Коблов, 1907* – Коблов Я. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1907.
- Коблов, 1907a* – Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907.
- Коблов, 1908* – Коблов Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908.
- Коблов, 1908a* – Коблов Я.Д. Религиозные обыряды и обычаи татар магометан. Казань, 1908.
- Коблов, 1910* – Коблов Я. Мифология казанских татар. Казань, 1910.
- Коблов, 1910a* – Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910.
- Коблов, 1911* – Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края // ПС. 1911. Июль–август.
- Коблов, 1916* – Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
- Коблов, 1998* – Коблов Я. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1998.
- Ковалевский, 1834* – Ковалевский О.М. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Имп. Казанского университета хранящимся // УЗКУ. 1834. Т.II.
- Ковалевский, 1834a* – Ковалевский О.М. Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч». Казань, 1834.
- Ковалевский, 1835* – Ковалевский О.М. О китайском календаре. Казань, 1835.
- Ковалевский, 1835a* – Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.
- Ковалевский, 1836, 1837a* – Ковалевский О.М. Монгольская хрестоматия. Т.1. Казань, 1836; Т.II. Казань, 1837.
- Ковалевский, 1837* – Ковалевский О.М. Буддийская космология. Казань, 1837.
- Колмогоров, 1855* – Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // ВРГО. 1855. Т.13. Отд.2.
- Комаров, 1900* – Комаров М. И. Краткий предварительный отчет о командировке г.г. сотрудников статистического бюро летом 1900 года в Чистопольский уезд для собирания сведений о крестьянских бюджетах. Вып.1. Казань, 1900.
- Комиссаров, 1911* – Комиссаров Г.И. Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. 1911. Т.27. Вып.5.
- Комиссаров, 1912* – Комиссаров Г.И. К этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов. Казань, 1912.
- Коншин, 1898* – Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки. Ч.9 // СОВ. 1898. №45–46.
- Кор, 1861* – Кор С. Очерк Елабужского уезда // Северная пчела. 1861. №82–84.
- Корнилов, 1903* – Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.
- Королев, 1912* – Королев С.А. Поволжье. М., 1912.
- Корсак, 1857* – Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань, 1857.

Косолапов, 1905 – Косолапов В.Н. Кустарные промыслы в Казанской губернии. Казань, 1905. Вып.7.

Костенко, 1872 – Костенко Л.Ф. Очерки Семиреченского края: путевые письма // ВС. 1872. №11.

Костенко, 1887 – Костенко Л.Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк Генерального штаба полковника Л.Ф.Костенко // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.28. С.-Петербург, 1887.

Краснодубовский, 1903 – Краснодубовский Г.С. Инородческая школа Казанского края // МВ. 1903. №286–289.

Краткая заметка – Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // СимЕВ. 1897. №1.

Краткие бюджетные, 1915 – Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии. Симбирск, 1915.

Краткие, 1905 – Краткие общие сведения по империи. Распределение населения обоого пола по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям. СПб., 1905.

Краткий, 1896 – Краткий очерк деятельности казанского городского общественного управления за 25-летие (1871–1895). Казань, 1896.

Кремлев, 1902 – Кремлев А. Крещение 48 человек язычников-черемис в приходе Большая Мушера Царевококшайского уезда // ИКЕ. 1902. №9.

Кремлев, 1913а – Кремлев А. Отчет казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 г. // ИКЕ. 1913. №36.

Крестьянское землевладение, вып.8 – Крестьянское землевладение Казанской губернии. Мамадышский уезд. Вып.8. Казань, 1907.

Крестьянское землевладение, вып.13 – Крестьянское землевладение в Казанской губернии. Свод по губернии. Вып.13. Казань, 1907.

Критическое, 1838 – Критическое исследование географии Нового Света и успехов географии и морской астрономии в XV и XVI столетиях. Сочинение А.Гумбольдта // Библиотека для чтения. 1838. Т.26.

Круковский, 1909 – Круковский М.А. Южный Урал: путевые очерки. М., 1909.

Крымский, 1899 – Крымский М.А. Мусульманство и его будущность. М., 1899.

Крымский, 1904 – Крымский А. История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополнительные переводы из Доши и Гольдциэр. Изд. 2-е, значительно измен. и доп. Ч.1–2. М., 1904.

Кукляшев, 1862 – Кукляшев С. Словарь к татарской хрестоматии. Казань, 1862.

Кулябко-Корецкий, 1903 – Кулябко-Корецкий Н.Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1903.

Кунанбаев, 1954 – Абай Кунанбаев. Собрание сочинений в одном томе. Стихотворения, поэмы, проза / пер. с казах. М., 1954.

Курсави, 2005 – Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад) / пер. с араб. Казань, 2005.

КЦКТШ, 1887 – Казанская Центральная Крещено-татарская школа: материалы для истории

христианского просвещения крещеных татар, ред. Н.И.Ильминский. Казань, 1887.

Лаппо, 1901 – Лаппо И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). СПб., 1901. Т.1.

Лаптев, 1866 – Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1866.

Левшин, 1832 – Левшин А.Н. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.3. СПб., 1832.

Леонтьев, 1914 – Леонтьев А. А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. Изд. 2-е пересм. и доп. СПб., 1914.

Лепехин, 1771 – Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гт. СПб., 1771. Ч.1.

Линдегрен – Линдегрен. Царство животных Чистопольского уезда Казанской губернии // АГО. Р.14. Оп.1. №42.

Липинский, 1868 – Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч.1–2. СПб., 1868.

Литуновский, 1878 – Литуновский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии: дис... докт. медицины. М., 1878.

Лоранский, 1900 – Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России, 1700–1900. СПб., 1900.

Луппов, 1911 – Луппов П.Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Любимов, 1914 – Любимов А.А. Мектабы и медресе г.Уфы и 1-го района Уфимского уезда // ВОО. 1914. №2. Отд.3.

Лядов, 1861 – Лядов В.И. Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях. СПб., 1861.

Магницкий – Магницкий В. Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи – Киремети – браки) // Отд. отт. из ЭО. Т.18.

Магницкий, 1896 – Магницкий В. Несколько данных о «мишарях» (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях // ИЮАИЭ. 1896. Т.13. Вып.4.

Максимов, 1876 – Максимов С. Остатки язычества в современных верованиях крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876.

Максимов, 1894 – Максимов А.К. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // ЭО. 1894. Вып.4.

Максимов, 1902 – Максимов А. Из истории семьи у русских и инородцев. // ЭО. 1902. Вып.2.

Малов, 1865 – Малов Е.А. Приходы старокрещеных и новокрещеных татар в Казанской епархии // ПО. 1865. №17.

Малов, 1866 – Малов Е.А. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых

других епархий в Волжском бассейне. Казань, 1866.

Малов, 1868 – Малов Е.А. О новокрещенских школах в XVIII веке // Отд. отд. из ПО за 1868 г.

Малов, 1868a – Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань, 1868.

Малов, 1868–1870 – Малов Е.А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // ПС. 1868. №2; №3; 1869. №1; 1870. №1; №2.

Малов, 1872 – Малов Е.А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства (миссионерский дневник). Казань, 1872.

Малов, 1878 – Малов Е.А. О Новокрещенской конторе. Казань, 1878.

Малов, 1882 – Малов Е.А. О влиянии еврейства на чуваш. Опыт объяснения некоторых слов. Казань, 1882.

Малов, 1885 – Малов Е. А. Сведения о Мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885.

Малов, 1892 – Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Дневник миссионера: Сб. статей. Казань, 1892.

Малов, 1993 – Малов Е.А. Крестом и мечом. Дневник миссионера // Идель. 1993. №5–7.

Малов, 1997 – Малов Е. О татарских мечетях в России. // ЭВ-ГА. 1997. №3–4.

Малов, 1999 – Малов Е.А. О татарах, евреях и других инородцах в Российской империи. Выписки из рукописей и миссионерских дневников / сост. М.Алиш. Казань, 1999.

Маргинани, 2008 – Маргинани Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Ч.1. М., 2008.

Марджани, 1884 – Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств муллы Шихабуддина Багауддина // Труды Четвертого археологического съезда. Казань, 1884. Т.1. Отд.2.

Марков, 1869 – Марков Е.Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел таврической дирекции училищ и других, местных источников директором Таврических училищ Марковым // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869.

Мартынов, 1903 – Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

Масальский, 1913 – Масальский В. Туркестанский край // Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под общ. ред. В.П. Семенова-Тянь-Шаньского. Т.19. СПб., 1913.

Матвеев, 1896 – Матвеев С.М. Свадебные обычаи и обряды крещеных татар Уфимской губернии // ИОАИЭ. 1896. №6.

Матвеев, 1910 – Матвеев С.М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Доклад Миссионерскому съезду в г.Казани по вопросу о христианском просвещении инородцев Уфимской епархии. Уфа, 1910.

Материалы высочайше, ч.1 – Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии

по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 год благосостояния сельского населения средневожских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч.1 СПб., 1903.

Материалы высочайше, ч.2 – Материалы высочайше учрежденной 16 декабря 1901 г. комиссии ... СПб., 1903.

Материалы высочайше, ч.3 – Материалы высочайше учрежденной 16 декабря 1901 г. комиссии ... СПб., 1903.

Материалы для изучения, 1880 – Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. Вып.1. СПб., 1880.

Материалы для истории, 1866 – Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып.1. Симбирск, 1866.

Материалы для сравнительной, вып.1 – МСОЗ. Вып.1.Свияжский уезд. Казань, 1886.

Материалы для сравнительной, вып.3 – МСОЗ. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887.

Материалы для сравнительной, вып.6 – МСОЗ. Вып.6. Мамадышский уезд. Казань, 1888.

Материалы для сравнительной, вып.7 – МСОЗ. Вып.7. Уезд Лаишевский. Казань, 1889.

Материалы для статистики, вып.4 – Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып.4. СПб., 1861.

Материалы для статистики 1891, вып.1 – МСКУ. Вып.1. Казань, 1890.

Материалы для статистики 1891, вып.2 – МСКУ. Вып.2. Казань, 1891.

Материалы для статистики 1891, вып.4 – МСКУ. Вып.4. Казань, 1893.

Материалы по статистике, вып.1 – Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом. Вып.1. Оренбург, 1877.

Материалы по статистике, т.1 – МСВГ. Т.1. Малмыжский уезд. М., 1886.

Материалы по статистике, вып.10, ч.2 – МСВГ. Вып.10. Ч.2. Слободской уезд. Подворная опись. Вятка, 1896.

Материалы по статистике, т.12 – МСВГ. Т.12. Ч.2. Вятка, 1901.

Материалы, 1866 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Уральское казачье войско. Ч.1 / сост. А.Рябинин. СПб., 1866.

Материалы, 1905 – МИСО. Вып.4. Оренбург, 1905.

Материалы, 1913 – МИСО. Вып.11. Оренбург, 1913.

Махмудов, 1857 – Махмудов М. Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии Махмудовым. Казань, 1857.

Машанов, 1875 – Машанов М. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875.

- Машанов, 1892* – Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). Казань, 1892.
- Машанов, 1910* – Машанов М.А. Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам. Казани, 1910.
- Машанов, 1911* – Машанов М. Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам // ПС. 1911. Июль-август.
- Машанов, 1892* – Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет существования его. 1867–1892. Казань, 1892.
- Мелкая промышленность, 1911* – Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911.
- Мельников, 1846* – Мельников П. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 годах. Н.Новгород, 1846.
- Менделеев, 1907* – Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1907.
- Мечети, 2001* – Мечети России: Фотоальбом / авт.-сост. М.Муртазин. М., 2001.
- Мечети, 2001a* – Мечети Татарстана. Альбом / авт.-сост.: Х.Г.Надырова, Р.Р.Салихов, Р.Р.Хайрутдинов. Казань, 2000.
- Миллер, 1791* – Миллер Г. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
- Министерство финансов, ч.1* – Министерство финансов. 1802–1902. В 2 ч. СПб., 1902. Ч.1.
- Министерство финансов, 1914* – Министерство финансов. 1904–1913. СПб., 1914.
- Миронова, 1907* – Миронова О. География Уфимской губернии. Краткое описание. Уфа, 1907.
- Мирописев, 1901* – Мирописев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901.
- Мирские доходы, 1895* – Мирские доходы и расходы крестьян за 1891 год в 50-ти губерниях Европейской России. СПб., 1895.
- Мирские доходы, 1909* – Мирские доходы и расходы за 1905 г. по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909.
- Можаровский, 1880* – Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. М., 1880.
- Молоствова, 1912* – Молоствова Е.В. Ваисов Божий полк // Мир ислама. 1912. Т.1, №2.
- Мошков, 1898* – Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Ч.2. Мелодии Ногайских и Оренбургских татар // ИОАИЭ. Т.14. Вып.1–6. Казань, 1898.
- Муфтийзаде, 1899* – Муфтийзаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // ИТУАК. 1899. №30.
- Мухин, 1898* – Мухин В.Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898.
- Мухлинский, 1857* – Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857.
- Наиболее важные, 1912* – Наиболее важные сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / сост. Н.В.Никольский. Казань, 1912.
- Народные училища, 1888* – Народные училища в Казанской губернии: материалы для истории народного образования. Мамадышский уезд. Казань, 1888; Свяжский уезд. – 1888; Тетюшский уезд. – 1888.
- Насыри, 1896* – Насыри К. Образцы народной литературы казанских татар // ИОАИЭ. 1896. №6.
- Насыри, 1977* – Насыри К. Избранные произведения / пер. с татар. языка. Казань, 1977.
- Наши соседи, 1873* – Наши соседи в Средней Азии: Хива и Туркмения // Издание редакции журнала «Всемирный путешественник». СПб., 1873.
- Неболсин, 1835* – Неболсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. Ч.1. СПб., 1835.
- Небольсин, 1850* – Небольсин П.И. Рассказ троцкого 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Бакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем // Географические известия. 1850. Вып.2.
- Небольсин, 1852* – Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.
- Невзоров, 1803* – Невзоров М. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. М., 1803.
- Нечаев, 1891* – Нечаев И. Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии // Живая старина. 1891. Вып.4.
- Никольский, 1895* – Никольский А. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшие двадцатипятилетие. (1870–1895 гг.). М., 1895.
- Никольский, 1911* – Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ. 1911. Т.26. Вып.6.
- Никольский, 1911a* – Никольский Н.В. Этнографические заметки о чувашах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии // ОАИЭ. 1911. Т.27. Вып.4.
- Никольский, 1912* – Никольский Н.В. Наиболее важные сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912.
- Никонов, 1869* – Никонов М. Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. СПб., 1869.
- Новое миссионерское, 1865* – Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865.
- Нофаль, 1886* – Нофаль И. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в учебном отделении воспитанников языков при Азиатском департаменте. Вып.1. О собственности. Перев. с франц. Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886.
- Нужды деревни, 1904* – Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т.1.
- Нурминский, 1863* – Нурминский С. Инородческие приходы // ПО. 1863. Т.12.
- Нурминский, 1864* – Нурминский С. Инородческие школы // ПО. 1864. Т.2.
- Н-чь, 1869* – Н-чь Н. Народные юридические обычаи у татар Казанской губернии // ТКГСК. Вып.3. Казань, 1869.

О киреметях, 1876 – О киреметях крещеных татар (из лекций в Казанском миссионерском приюте // Миссионер. 1876. №11.

О Мекке и Медине, 1807 – О Мекке и Медине // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1807. Январь.

О религиозно-политическом, 1866 – О религиозно-политическом движении крещеных татар // Современный листок. 1866. №24. 23 марта.

О церковном, 1883 – О церковном богослужении на инородческих языках // Отд. отд. из «Православного собеседника» за март 1883 г. Казань, 1883.

Об орудии, 1843 – Об орудии горбуше // ЖМГИ. 1843. №1. Ч.7.

Об условиях торгового, 1882 – Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью (соч. К.Гаге и Г.Тегнера). Пер. с нем // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн.4. Омск, 1882.

Обзор за 1885 г. – Обзор Оренбургской губернии за 1885 г. Оренбург, 1886.

Обзор за 1890 г. – Обзор Оренбургской губернии за 1890 г. Оренбург, 1891.

Обзор за 1895 г. – Обзор Оренбургской губернии за 1895 г. Оренбург, 1896.

Обзор Уфимской, вып.1 – Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1889–1900 год. Уфа, 1900. Вып.1.

Обзор Уфимской, вып.2 – Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1889–1900 год. Уфа, 1901. Вып.2.

Обзор, 1867 – Обзор общих законоположений о содержании православного приходского духовенства в России со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1863 г.) / сост. Н.Григоревич. СПб., 1867.

Обзор, 1897 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1894 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету Военного губернатора. Ташкент, 1897.

Обороты, 1858 – Обороты главнейших ярмарок в 1858 г. // ЖМВД. 1858. Т.33.

Обороты, 1870 – Обороты промышленности и торговли Казани. Казань, 1870.

Образование в Башкирии, 1862 – Образование в Башкирии // Экономист. 1862. Кн.1.

Обряды, 1930 – Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) // Краеведческий сборник. Уфа, 1930. №2–3.

Общее Учреждение, 1892 – Общее Учреждение Губернское // СЗРИ. Издание неофициальное / под ред. И.Д.Мордухай-Болтовского. Кн.1. Т.2. СПб., 1912.

Общие сведения об Оренбургской, 1891 – Общие сведения об Оренбургской губернии. Оренбург, 1891.

Общий свод, 1896 – Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896.

Овсяников, 1878 – Овсяников А. Географические очерки и картины. Очерки и картины Поволжья. Т.1. СПб., 1878.

Одигитриевский, 1895 – Одигитриевский Н. Крещеные татары Казанской губернии. Этнографический очерк. М., 1895.

Однодневная перепись 1870 г. – Однодневная перепись, произведенная в Сеитовском посаде 3-го октября 1870 г. // ОГВ. 1871. 9 янв.

Однодневная перепись 1889 г. – Однодневная перепись, произведенная в Сеитовском посаде 19-го февраля 1889 г. // ОГВ. 1890. 7 апр.

Озеров, 1905 – Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика. М., 1905.

Ольдекоп, 1870 – Ольдекоп Ф.И.М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окрестности. СПб., 1870.

Опись дел, т.6 – Опись дел Государственного Совета. Т.6. СПб., 1911.

Опросные листы, 1901 – Опросные листы Астраханского губернского статистического комитета, по поселениям // ААОГИАмз.

Опыты, 1883 – Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883.

Орлов, 1887 – Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887.

Орлов, 1894 – Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. Материалы для фабрично-заводской статистики. Сост. по официальным сведениям Департамента торговли и мануфактур. Изд. 3-е. СПб., 1894.

Остроумов, 1872 – Остроумов Н.П. Заметка об отношении мухамеданства к образованию крещеных татар // ЖМНП. 1872. Ч.СXLII.

Остроумов, 1876 – Остроумов Н.Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Казань, 1876.

Остроумов, 1888 – Остроумов Н.П. Исторический опыт взаимоотношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888.

Остроумов, 1894 – Остроумов Н.П. Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухамедан. Казань, 1894.

Остроумов, 1910 – Остроумов Н.П. Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность православной русской церкви // Миссионерский съезд в г.Казани 13–26 июня 1910 года. Казань, 1910.

Отчет Братства, 1873 – ОДБСГ от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. Казань, 1873.

Отчет Братства, 1876 – ОДБСГ от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. Казань, 1876.

Отчет Братства, 1883 – ОДБСГ за 16 братский год с 4 октября 1882 года по 4 октября 1883 года. Казань, 1883.

Отчет Братства, 1884 – ОДБСГ за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. Казань, 1884.

Отчет Братства, 1899 – ОДБСГ за тридцатый учебный год. С 4 октября 1897 года по 4 октября 1898 года. Казань, 1899.

Отчет Вятского комитета, 1872 – ОВКПМО за 1871. Вятка, 1872.

Отчет Вятского комитета, 1878 – ОВКПМО за 1877. Вятка, 1878.

Отчет КЦКТИШ, 1904 – Отчет Казанской центральной крещено-татарской школы за 1903–1904 учебный год. Казань, 1904.

Отчет о деятельности – ОДБСГ за шестнадцатый братский год с 4 октября 1882 года по 4 октября 1883 года // ИКЕ. 1883. №23; №24.

Отчет о деятельности, 1893 – ОДБСГ за двадцать пятый братский год с 4 октября 1891 года по 4 октября 1892 года // ИКЕ. 1893. №2. Часть неофициальная.

Отчет о деятельности, 1905 – ОДБСГ за тридцать седьмой учебный год. С 4 октября 1904 года по 4 октября 1905 года. Казань, 1905.

Отчет Переводческой комиссии, 1894 – Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г.Казани, за 1893 год. Казань, 1894.

Отчет ПМО, 1871 – Отчет Православного миссионерского общества за 1870 год. М., 1871.

Отчет по Государственному – Отчет по Государственному совету за сессию 1896–1897 гг. СПб., 1898.

Отчет правления, 1900 – Отчет правления попечительства о бедных мусульманах города Астрахани за 1899 гражданский год. Астрахань, 1900.

Отчет правления, 1901 – Отчет правления попечительства о бедных мусульманах гор. Уфы за 1900 год (с 15 октября 1899 года). Уфа, 1901.

Отчет, 1901 – ОПО за 1900 год. Казань, 1901.

Отчет, 1903 – ОПО за 1902 год. Казань, 1903.

Отчет, 1906 – ОПО за 1905 год. Казань, 1906.

Отчет, 1909 – ОМБОСПб за 10-й год его деятельности с 1 марта 1907 года по 1 марта 1908 года с обзором деятельности Общества за десятилетие (с 1 марта 1898 года по 1 марта 1908 года). Санкт-Петербург, 1909.

Отчет, 1910 – ОМБОСПб за одиннадцатый год его деятельности (с 1 марта 1908 года по 1 марта 1909 года). Санкт-Петербург, 1910.

Отчет, 1912 – ОПО с состоящими при нем богадельней, детским приютом, амбулаторией и родовспомогательным лечебным заведением за 1911 год. Казань, 1912.

Отчет, 1912a – Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1911 год. С 1-го января 1911 г. по 1-е января 1912 года. Уфа, 1912.

Отчет, 1914 – ОМБОСПб за 16-й год его деятельности (с 1 января 1913 года по 1 января 1914 года). Санкт-Петербург, 1914.

Отчет, 1915 – ОПО с состоящими при нем богадельней, детским приютом, школой и ... за 1914 год. Казань, 1915.

Отчет, 1916 – Отчет Уфимского мусульманского благотворительного общества за время с 29 ноября 1915 г. по 1-е января 1916 г. Уфа, 1916.

Отчет, 1917 – Отчет правления Касимовского Мусульманского благотворительного общества и библиотеки-читальни за 1916 год. Касимов, 1917.

Отчеты Братства, 1868–1914 – ОДСБГ за 1867–1914 гг. Казань, 1868–1914.

Отчеты Вятского комитета, 1872–1906 – ОВКПМО, 1871–1906. Вятка, 1872–1906.

Отчеты обер-прокурора, 1838–1862 – Отчеты обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1837–1861 гг. СПб., 1838–1862. Табл.11.

Отчеты Переводческой комиссии, 1892–1915 – Отчеты Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия за 1892–1914 гг. Казань, 1892–1915.

Отчеты ПМО, 1871–1906 – Отчеты Православного миссионерского общества за 1870–1905 гг. М., 1871–1906.

Палицын, 1890 – Палицын С.М. Отчет об экономическом положении Больше-Кибяк-Козинской волости Лаишевского уезда. Казань, 1890.

Памятная книжка, 1860 – Памятная книжка по Казанской губернии за 1860 год. Казань, 1862.

Памятная книжка, 1863 – Памятная книжка Казанской губернии на 1863 год. Казань, 1863.

Памятная книжка, 1865 – Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. Оренбург, 1865.

Памятная книжка, 1868–1869 – Памятная книжка Казанской губернии на 1868–1869 годы. Казань, 1869.

Памятная, ч.2 – Памятная книжка Казанской губернии на 1891–1892 годы. Ч.2. Казань, 1892.

Памятная книжка, 1901 – Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год. Верный, 1901.

Памятная книжка, 1912 – Памятная книжка Томской губернии за 1912 год. Томск, 1912.

Патканов, 1888 – Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып.1. СПб., 1888.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. СПб., 1891. Ч.1–2.

Патканов, 1912 – Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т.1, 3. СПб., 1912; Т.2. СПб., 1911.

Пашкевич, вып.5, 10 – Пашкевич В.В. Плодородство в России. Материалы и исследования. СПб.- Пг., 1899–1914.

Певцов, 1949 – Певцов М.В. Путешествие в Кашгарии и Кун-Лунь. Москва, 1949.

Первая всеобщая – Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губ. СПб., 1904; т.4. Виленская губ. СПб., 1904; т.8. Вольнская губ. СПб., 1904; т.10. Вятская губ. СПб., 1904; т.11. Гродненская губ. СПб., 1904; т.14. Казанская губ.; СПб., 1904; т.16. Киевская губ. СПб., 1904; т.17. Ковенская губ. СПб., 1904; т.22. Минская губ. СПб., 1904; т.24. Московская губ. СПб., 1905; т.25; Нижегородская губ. Тетрадь 2. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губ. СПб., 1904; т.30. Пензенская губ. СПб., 1904; т.31. Пермская губ. СПб., 1904; т.35. Рязанская губ. СПб., 1904; т.36. Самарская губ. СПб., 1904; т.38. Саратовская губ. СПб., 1904; т.39. Симбирская губ. СПб., 1904; т.41. Таврическая губ. СПб., 1904; т.42. Тамбовская губ. СПб., 1904; т.45. Уфимская губ. СПб., 1904; т.81. Акмолинская обл. СПб., 1904; т.82. Закаспийская обл. СПб., 1905; т.83.

Самаркандская обл. СПб., 1905; т.85. Семиреченская обл. СПб., 1905; т.86. Сырдарьинская обл. СПб., 1905; т.89. Ферганская обл. СПб., 1905.

Перечень фабрик, 1897 – Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897.

Периодическое, 1805 – Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1805. №11.

Петин, 1899 – Петин С. Собственно Его Императорского Величества конвой. Исторический очерк. СПб., 1899.

Петров, 1842 – Петров П.Я. Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Имп. Казанском университете // УЗКУ. 1842. Кн.2.

Петров, 1844 – Петров П.Я. Гъата-карпарам, или Разбитый сосуд. Лирическая поэма. Казань, 1844.

Петров, 1845 – Петров П.Я. О духовной литературе индусов // ЖМНП. 1845. Ч.48. №11.

Петров, 1846 – Петров П.Я. Санскритская антология. Изд. исправ. должностъ адъюнкта П.Петрова. Казань, 1846.

Петров, 1849 – Петров П.Я. О музыке древних индусов // С.-Петербургские ведомости. 1849. №18.

Пинегин, 1890 – Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890.

Пинегин, 1891 – Пинегин М.Н. Свадебные обычаи казанских татар // ИОАИЭ. 1891. №9.

Пирогов, 1881 – Пирогов В. Татарская деревня под Костромой // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1881. Вып.4.

План города Калуги – План города Калуги. Схема. Калуга, 1912.

Податная инспекция, 1910 – Податная инспекция в России (1885–1910 гг.). СПб., 1910.

Подворная перепись, вып.3 – Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып.3. Ардаатовский уезд. Симбирск, 1913.

Подворная перепись, вып.4 – Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып.4. Симбирск, 1914.

Подворная, 1910–1911 – Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып.3. Ардаатовский уезд. Симбирск, 1913; Вып.4. Буинский уезд. Симбирск, 1914.

Покровский, 1900 – Покровский И. К столетию кафедры татарского языка в духовно-учебных заведениях г. Казани (1800–1900 г.) // ПС. 1900. Ч.1.

Полное собрание – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Сер. II: В 4 т. СПб., 1899–1912; Сер. III. В 3 т. СПб., 1910–1915.

Положение о губернских, 1892 – Положение о губернских и уездных земских учреждениях // СЗРИ. Т.2. Ч.1.

Положение о сельском, 1903 – Положение о сельском состоянии // СЗРИ. Особое приложение к т.9. СПб., 1903.

Положение, 1849 – Положение о Тобольском пешем казачьем батальоне и Тобольском конном полку (Расписание Тобольского конного казачьего полка, составленное в 1849 г. директором Депар-

тамента Военных поселений генерал-лейтенантом Корфом). СПб., 1849.

Пономарев, 1895 – Пономарев Н.В. Кустарная промышленность в Казанской губернии // ОИКПР. СПб., 1895. Т. III.

Попов, 1836 – Попов А.В. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Казань, 1836. Ч. I–II.

Попов, 1839 – Попов А.В. Краткие замечания о приволжских калмыках // ЖМНП. 1839. Ч.22. Отд.2.

Попов, 1847 – Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка, сочиненная А.Поповым. Казань, 1847.

Попов, 1850 – Попов А.В. Ответ на рецензию проф. Ковалевского, присланную им на «Грамматику калмыцкого языка» // ЖМНП. 1850. Ч.67.

Попов, 1891 – Попов И. Чувашско-черемисский крупный рогатый скот и его культура в Казанской губернии. СПб., 1891.

Попов, 1893 – Попов И. Крестьянская лошадь в Казанской губернии. Казань, 1893.

Попов, 1894 – Попов И. О крестьянской рабочей лошади. Казань, 1894.

Попов, 1898 – Попов И. О движении крестьянского скотоводства Казанской губернии. Казань, 1898.

Попов, 1909 – Попов И. Породы домашних животных и птиц. СПб., 1909.

Попов, 1915 – Попов В.И. Экономическо-статистические исследования. Труды организации по изысканиям и работам в Среднем и Нижнем Поволжье. Т.3. Вып.2. Общественные работы, намеченные приговорами сельских обществ Самарской губернии. Саратов, 1915.

Постановления, 1896 – Постановления 33 чрезвычайного Казанского уездного земского собрания 12 и 13 марта 1896. Казань, 1896.

Поход русской армии, 1964 – Поход в русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. документов. М., 1964.

Приказы и приказания, 1902 – Приказы и приказания по Казанскому военному округу за 1902 г. Казань, 1902.

Приказы, 1887 – Приказы по военному ведомству. 1887 г. СПб., 1887.

Программа, 1893 – Программа школы для крещенных инородцев Восточной России. Казань, 1893.

Прозин, 1866 – Прозин Н.В. Татары и татарские деревни // ПГВ. 1866. №30–32.

Прокопьев, 1905 – Прокопьев К.П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительной системы Н.И.Ильминского. Казань, 1905.

Прокопьев, 1905a – Прокопьев К.П. Религиозное состояние инородцев в настоящее время // Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905. Прил. 14.

Прокопьев, 1906 – Прокопьев А.П. Просветители и защитники христианства среди чуваш и черемис Козьмодемьянского уезда // ИКЕ. 1906. №11.

Прокофьев, 1910 – Прокофьев Н.О. Полный путеводитель по Казани и окрестностям. Справочная книга для приезжающих в Казань. Казань, 1910.

Протокол – Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. Министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения, 22, 23 и 25 июня 1905 г. Уфа, б.г.

Протоколы, 1870 – ПЗСКДА за 1870 г. Казань, 1870.

Протоколы, 1876 – ПЗСКДА за 1876 г. Казань, 1876.

Протоколы, 1884 – Протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1884 года. Казань, 1884.

Протоколы, 1891 – ПЗСКДА за 1891 г. Казань, 1891.

ПСЗ-1. 1798. №18477.
 ПСЗ-1. №14275.
 ПСЗ-1. №21634.
 ПСЗ-1. Т.5. №3149, 3245.
 ПСЗ-1. Т.6. №3481, 3747, 3816.
 ПСЗ-1, Т.7. №4145, 4533, 4536.
 ПСЗ-1. Т.8. №5333, 5717.
 ПСЗ-1. Т.12. №8893.
 ПСЗ-1. Т.15. №13304.
 ПСЗ-1. Т.17. №12474, 12659.
 ПСЗ-1. Т.18. №12949.
 ПСЗ-1. Т.19. №13996.
 ПСЗ-1. Т.20. №7275, 14327, 14392, №14540.
 ПСЗ-1. Т.21. №15141, 15170, 15653, 15774, 15861, 20551.
 ПСЗ-1. Т.22. №16089, 16187, 16188, 16710.
 ПСЗ-1. Т.23.
 ПСЗ-1. Т.24. №17624, №17634, 17772, 17906, 20075.

ПСЗ-1. Т.25. №18477, 19224.
 ПСЗ-1. Т.26. №19455, 19786, 19856, 19885.
 ПСЗ-1. Т.27. №20426, 20535, 20548, 20786, 20868, 220868.
 ПСЗ-1. Т.28. №21498, 21499, 21500, 21501, 21634.

ПСЗ-1. Т.29. №22418, 22590.
 ПСЗ-1. Т.30. №22971, 23362, 29033.
 ПСЗ-1. Т.31. №24307, 24819.
 ПСЗ-1. Т.32. №25198, 25594.
 ПСЗ-1. Т.33. №25943.
 ПСЗ-1. Т.34. №27023, 27106, 246633.
 ПСЗ-1. Т.37. №28791, 29131.
 ПСЗ-1. Т.38. №28891, №29126.
 ПСЗ-1. Т.39. №22030, 29770, 29772, 30115.
 ПСЗ-1. Т.44. №17494, 18701.
 ПСЗ-2. №5500.
 ПСЗ-2. Т.1. №386, 409, 410, 564.
 ПСЗ-2. Т.3. №2296, 2377
 ПСЗ-2. Т.4. №2902, 3054, 3349.
 ПСЗ-2. Т.5. №3559, 3659.
 ПСЗ-2. Т.6. №4219 б, 4677.
 ПСЗ-2. Т.7. №5284, 5287, 5870, 5885.
 ПСЗ-2. Т.9. Ст.664; №7440.
 ПСЗ-2. Т.11. Отд.1. №8771.
 ПСЗ-2. Т.16. №14792.
 ПСЗ-2. Т.17. Отд.1. №15794; Отд.2. №16248
 ПСЗ-2. Т.20. Прибавление к т.19. №17962а.
 ПСЗ-2. Т.24. Отд.2. №23616.

ПСЗ-2. Т.32. Отд.1. №33282.
 ПСЗ-2. Т.35. Отд.1. №35485, 35946.
 ПСЗ-2. Т.10. №7990, 8021, 8480; №8663.
 ПСЗ-2. Т.11. №8742, 8771, №8812, 9158, 9610.
 ПСЗ-2. Т.11. отд.1.
 ПСЗ-2. Т.12. №10135, 10303, 10594, 9285а.
 ПСЗ-2. Т.13. №11189.
 ПСЗ-2. Т.14. №12867, 13022.
 ПСЗ-2. Т.16. №14409, 14603.
 ПСЗ-2. Т.17. №15195, 15803.
 ПСЗ-2. Т.18. №16599, 17099, 17136.
 ПСЗ-2. Т.19. №17539, 17988, 17998, 18137, 18188, 18286.
 ПСЗ-2. Т.20. №18650, 19227, 19283.
 ПСЗ-2. Т.22. Отд.1. №21741.
 ПСЗ-2. Т.23. №22297.
 ПСЗ-2. Т.24. №12867, 23062, 23064, 23155, 23616,
 ПСЗ-2. Т.25. отд.1, №20036, 23817, 23892, 24116, 24117, 24359, 24431, 23932.
 ПСЗ-2. Т.26. №25314.
 ПСЗ-2. Т.27. №25972.
 ПСЗ-2. Т.29. 28704.
 ПСЗ-2. Т.30. №29040, 29483, 29903, 29904.
 ПСЗ-2. Т.31. №31332.
 ПСЗ-2. Т.35. №28160, 35611, 35941.
 ПСЗ-2. Т.38. №39118, 39594, 40350.
 ПСЗ-2. Т.39. №41476
 ПСЗ-2. Т.40. №41779, 42058, 42060.
 ПСЗ-2. Т.41. №43138, 43888.
 ПСЗ-2. Т.43. отд.1.
 ПСЗ-2. Т.45. отд. 1, №48498.
 ПСЗ-2. Т.50. №55008.
 ПСЗ-2. Т.52. Отд.1. №57518.
 ПСЗ-3. №26126.
 ПСЗ-3. Т.2. №886.
 ПСЗ-3. Т.4. №2282.
 ПСЗ-3. Т.5. №2664.
 ПСЗ-3. Т.6. №4098.
 ПСЗ-3. Т.9. №883, 989.
 ПСЗ-3. Т.10. Отд.1. №6528.
 ПСЗ-3. Т.18. №14908, 15503, 15601.

Пчелов, 1913 – Пчелов А. Чуваша или татары. Несколько слов о деревне Кушелге Тетюшского уезда и о других деревнях Тетюшского и Цивильского уездов // ПС. 1913. Кн.2.

Равинский, 1809 – Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809.

Рагозин, 1906 – Рагозин В. Казанские татары // Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1906.

Радде, 1856 – Радде Г. Крымские татары // ВРГО. 1856. Т.18.

Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Москва, 1989.

Распов, 1884 – Распов П.Н. Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк. Оренбург, 1884.

Распов, 1884 – Распов П.Н. Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк. Оренбург, 1884.

Распределение, 1901 – Распределение населения по главным исповеданиям. СПб., 1901.

Редников, 1839 – Редников И.А. Описание Глазова и его уезда // ВГВ. 1839. №6 (Прибавление к ВГВ №3).

Рейснер, 1905 – Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905.

Решения Гражданского, 1905 – Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1900 г. Екатеринослав, 1905.

Риттих, 1870 – Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Т.14. Ч.2. Казань, 1870.

Риттих, 1875 – Риттих. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской части России. СПб., 1875.

Рождественский, 1912 – Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т.1. СПб., 1912.

Ромишевский, 1850 – Ромишевский. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5. Ч.1: Казанская губерния. СПб., 1850.

Ронин, 1913 – Ронин П. Страшная шутка // Исторический вестник. 1913. т.130, №1.

Россия, 1900 – Россия в конце XIX века / под ред. В.И.Ковалевского. СПб., 1900.

Россия, 1901 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1901. Т.6.

Руководственные, 1878 – Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879.

Руководственные, 1879 – Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879.

Русское гражданское право, 1864 – Русское гражданское право, чтения Д.И.Мейера / Под ред. А.Вицина. СПб., 1864.

Рыбаков, 1895 – Рыбаков С.Г. О поэтическом творчестве Уральских мусульман: (татар, башкир и тептярей). СПб., 1895.

Рыбаков, 1897 – Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерков их быта. СПб., 1897.

Рыбаков, 1899 – Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир: путевые очерки // Наблюдатель. 1899. №9, 10.

Рыбаков, 1917 – Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917.

Рыбаков, 2001 – Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001.

Рыбушкин, 1834 – Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. Казань, 1834.

Рыбушкин, 1848–1849 – Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Казань, 1848–1849.

Рычков, 1767 – П.И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия... // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч.7.

Рычков, 1770 – Рычков Н.П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Н.Рычкова по

разным провинциям Российского государства. СПб., 1770.

Саблуков, 1884 – Саблуков Г.С. Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. Казань, 1884.

Савельев, 1913 – Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. №160.

Самарин, 1997 – Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма / сост. Т.А.Медовичева. М., 1997.

Сбоев, 1856 – Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии (заметки о чувашах). Казань, 1856.

Сбоев, 1856а – Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856.

Сборник, 1892 – Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Рязань, 1892. Т.11.

Сборник постановлений, 1899 – Сборник постановлений и распоряжений по Самарской епархии / сост. В.Соловьевым. Т.1. Самара, 1899.

Сборник сведений, 1911 – Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1911.

Сборник статистических, т.7 – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т.7. Елатомский уезд. П., 1884.

Сборник статистических, т.5 – Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.5. Бугульминский уезд. Самара, 1886.

Сборник статистических, т.5 – Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т.5. Хвалынский уезд. Саратов, 1886.

Сборник статистических, т.7 – Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т.7. Касимовский уезд. Рязань, 1887.

Сборник статистических, т.1 – СССР. Т.1. Самарский уезд. Самара, 1883.

Сборник статистических, т.2 – СССР. Т.2. Ставропольский уезд. Самара, 1884.

Сборник статистических, т.3 – СССР. Т.3. Бузулукский уезд. Самара, 1885.

Сборник статистических, т.4 – СССР. Т.4. Бугурусланский уезд. Самара, 1886.

Сборник статистических, т.5 – СССР. Т.5. Николаевский уезд. Самара, 1889.

Сборник статистических, т.6 – СССР. Т.6. Новоузенский уезд. Самара, 1890.

Сборник циркулярных, 1880 – Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданный Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 гг. СПб., 1880.

Сборник циркуляров МВД, 1906 – Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской и военно-конской повинностей. 1874–1906 гг. СПб., 1906.

Сборник циркуляров, 1902 – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р. Фахретдинов. Уфа, 1902.

Сборник циркуляров, 1905 – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Орен-

бургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / сост. Р. Фахретдинов. Уфа, 1905.

Сборник циркуляров, 2004 – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 г. Казань, 2004.

Сборник, 1869 – Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869.

Сборник, 1887 – Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Рязань, 1887. Т.7.

Сборник, 1894 – Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до гг. губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий гг. губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений с 1858 по 1894 год / сост. В.П. Урусов. М., 1894.

Сборник, 1896 – Сборник статей, заметок и корреспонденций Н.П. Штейнфельда. 1888–1895 гг. Казань, 1896.

Сборник, 1901 – Сборник законов о российском дворянстве: На основании официальных изданий и законов о состояниях 1899 г., с дополнениями из других частей Свода законов, из Полного собрания законов и по новейшим узаконениям и с разъяснениями по решениям и определениям правительственного Сената, по циркулярам Министерства внутренних дел / сост. Г.Блосфельдт. СПб., 1901.

Сведения, 1893 – Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 году. СПб., 1893.

Сведения, 1915 – Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 году. Рязань, 1915. Вып.1.

Свод главнейших, 1882 – Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч.1. Законоположения и распоряжений о начальных народных училищах в губерниях в коих введены земские учреждения. СПб., 1882.

Свод данных, 1902 – Свод данных о поступлении казенных окладных сборов по империи за десятилетие. 1888–1897 гг. СПб., 1902.

Свод законов гражданских, 1900 – Свод законов гражданских. Изд.1900 г. // СЗРИ. Т.10. Ч.1.

Свод сведений, 1898 – ССП за 1891 год. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1898.

Свод сведений, 1899 – ССП на 1899 год. СПб., 1899.

Свод сведений, 1902 – ССП за 1895–99 гг. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1902.

Свод сведений, 1907 – ССП за 1900 г. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1907.

Свод сведений, 1909 – ССП за 1901–1903 гг. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1909.

Свод сведений, 1910 – ССП за 1904–1906 гг. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1910.

Свод сведений, ч.1, 1902 – ССП за 1892–94 гг. Ч.1. С надельных земель крестьян. По отчетам податных инспекторов. СПб., 1902.

Свод статистических, 1894 – Свод статистических материалов, касающихся экономического

положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894.

Свод уставов ученых, 1893 – Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Изд. 1893 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1.

Свод учреждений, 1857 – Свод учреждений управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1.

Свод учреждений, 1896 – Свод учреждений и уставов управлений духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1.

Сводный сборник, вып.1 – Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.8, вып.1. Самара, 1892.

Севастьянов, 1896 – Севастьянов С.Н. Народное образование в Оренбургском казачьем войске в XVIII – начале XIX столетия и начало учреждения войсковых школ. Оренбург, 1896.

Сельский священник, 1874 – Сельский священник. Несколько слов о доходах православного священника и магометанского муллы // ИПКЕ. 1874. №18.

Сельскохозяйственная статистика, 1859 – Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. СПб., 1859.

Семенов, 1859 – Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Ч.3. СПб., 1859.

Семенов, 1865 – Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т.2.

Семенов-Тянь-Шанский, 1910 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Город и деревня в Европейской России // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т.10. Вып.2. СПб., 1910.

Скоропортящиеся продукты, 1913 – Скорпортящиеся продукты казанского рынка. К вопросу об устройстве земских холодильников. Казань, 1913.

Словцов, 1881 – Словцов И.Я. Путевые записки, виденные во время поездки в 1878 г. в Кокчетавский уезд // Записки Западно-сибирского отдела РГО. Омск, 1881. Кн.III.

Смелов, 1880 – Смелов В. Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // ИКЕ. 1880. №20. С.520–543.

Смирнов, 1889 – Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

Смирнов, 1895 – Смирнов И.Н. Мордва. Казань, 1895.

Собрание, 1808 – Собрание костюмов Е. Корнеева. СПб., 1808–1809.

Собрание, 1897 – Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866. М., 1897.

Соколов, 1889 – Соколов П.И., Горемыкин В.Н. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып.4.

Соловьев – Соловьев Я.А. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии // ЖМГИ. 1852. Ч.12; 1857. Ч.62.

Соловьев, 1888 – Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып.1. Казань, 1888.

Сорокин, 1896 – Сорокин П.М. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. Отд.3.

Сословно-правовое – Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

Софийский, 1878 – Софийский И.М. Заговоры и заклинания крещеных татар Казанского края. Лекция в Казанском миссионерском приюте. Казань, 1878.

Софийский, 1891 – Софийский И.М. О киреметях крещеных татар из деревни Тавель Чистопольского уезда Казанской губернии // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т.2.

Софийский, 1893 – Софийский И. О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости Слободского уезда Вятской губ. и о названии татары // Календарь и памятная книжка Вятской губернии за 1894 год. Вятка, 1893.

Спасский, 1900 – Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И.Ильминский. Самара, 1900.

Сперанский, 1914 – Сперанский А. Казанские татары (историко-этнографический очерк). Казань, 1914.

Спиридонов, 1909 – Спиридонов Г. К вопросу о христианском просвещении чуваш // ИКЕ. 1909. №18.

Список населенных мест, т.14 – Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. СПб., 1866.

Список населенных мест, т.31 – Список населенных мест по сведениям 1869 года. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1875.

Список фабрик, 1910 – Список фабрик и заводов России 1910 г. М.; СПб.; Варшава, 1910.

Список фабрик, 1912 – Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

Список, 1890 – Список наград, присужденных на казанской научно-промышленной выставке 1890 г. Казань, 1890.

Спицын, 1884 – Спицын А.А. Обиженные князья // Календарь Вятской губернии на 1885. Вятка, 1884.

СПМНП, т.9 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.9. Царствование императора Александра III. 1884 год. Изд. 2-е. СПб., 1893.

Справочник, 1911 – Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и прочих Главных управлений и приказов, предписаний и циркуляров по всем военным округам за 52 года, с 1859 по 1910 г. Настоя-

щая книга для штабов, канцелярий, управлений, учреждений и заведений / сост. К.Патин; под ред. Л.Васильева. Изд.3-е, доп. В 2-х кн. СПб., 1911.

Справочник, кн.1 – Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов ... Кн.1. СПб., 1911.

Справочник, кн.2 – Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов ... Кн.2. СПб., 1911.

Справочник, 1915 – Справочник по Уфимском городскому общественному управлению. Уфа, 1915.

Станишевский, 1899 – Станишевский К.М. Краткий предварительный отчет о командировке гг. сотрудников статистического бюро летом 1899 года в Царевококшайский уезд для собирания сведений о крестьянских бюджетах. Вып.1. Казань, 1899.

Стариков, 1890 – Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знаменем карты. Оренбург, 1890.

Статистика поземельной, вып.4 – Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Губернии Нижневолжской области. СПб., 1884. Вып.4.

Статистика Российской империи, 1914 – Статистика Российской империи. Т.31. Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1914.

Статистические данные, 1883 – Статистические данные по прямым налогам. СПб., 1883.

Статистические труды, 1858 – Статистические труды И.Ф.Штукенберга. Описание 24 губерний. Т.1. СПб., 1858.

Статистический временник, вып.13 – СВРИ. Мирские расходы крестьян за 1881 г. Разработано П.Охочинским. Вып.13. Сер. 3. Мирские расходы крестьян за 1881 г. СПб., 1886.

Статистический временник, вып.15 – СВРИ. Вып.15. Сер.3. СПб., 1886.

Статистический временник, т.2, вып.3 – СВРИ. Т.2. Изучения кустарной промышленности и ручного труда в России. СПб., 1872. Ч.1.

Статистический обзор за 1900 г. – Статистический обзор Оренбургской губернии за 1900 г. Оренбург, 1901.

Статистический обзор за 1912 г. – Статистический обзор Оренбургской губернии за 1912 г. Оренбург, 1913.

Статистическое описание, 1876 – Статистическое описание Нижнечетавской волости действительного члена Вятского губернского статистического комитета, волостного писаря Капитона Гуляева. Составлено 30-го января 1876 года. Вятка, 1876.

Стефановский, 1864 – Стефановский В. Статистическое описание Тюменского округа в промышленном отношении // ТГВ. 1864. №7, 20, 21.

Столетие, 1911 – Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т.11. Ч.4. СПб., 1911.

Страховский, 1913 – Страховский И. М. Губернское устройство // ЖМЮ. 1913. №7.

- Субботин, 1892* – Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892.
- Суворов, 1912* – Суворов Н., Суворов И. Учебник церковного права. 4-е изд. М., 1912.
- Султанов, 1901* – Султанов Х.-С.-Г. Наблюдения над жизнью казанских татар // Наблюдатель. 1901. №6.
- Сумароков, 1803* – Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч.1. СПб., 1803.
- Тарапыгин, 1914* – Тарапыгин Ф.А. Волга-матушка. Образовательное путешествие по Волге. Пг., 1914.
- Татарский, 1909* – Татарский театр в Ташкенте // Туркестанский сборник. Т.502. Ташкент, 1909.
- Татарский, 2009* – Татарский шамайль: слово и образ / сост. И.Л.Алексеев и др. М., 2009.
- Татреспублика, 1923* – Татреспублика в цифрах. Изд. Статистического управления ТССР. 1923. №12.
- Текущая статистика, 1898* – Текущая статистика кустарных промыслов // ОИКПР. СПб., 1898. Т.5.
- Терновский, 1892* – Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. Казань, 1892.
- Тимерязев, 1869* – Тимерязев Д.А. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России. Вып.1. СПб., 1869.
- Тимофеев, 1872* – Тимофеев В. Поездка в приходы крещеных татар по поводу последних отпайдений в магометанство // ПО. 1872.
- Тимофеев, 1887* – Тимофеев В. Дневник старо-крещеного татарина // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887.
- Торгово-промышленная, 1899* – Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899.
- Торнау, 1850* – Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850.
- Труды комиссии, 1869* – Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т.3. Прямые налоги. Ч.2. Об изменении подушной системы сборов. СПб., 1869.
- Труды комиссии, 1872* – Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т.22. Свод отзывов губернских земских собраний, земских управ и особых земских комиссий по проекту преобразования подушной системы сборов, составленному в министерстве финансов. Ч.1. Разбор соображений и предложений комиссий, составивший сей проект / сост. В.Майнов. СПб., 1872.
- Труды комиссии, 1879* – Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т.3. Прямые налоги. Ч.3. СПб., 1879.
- Труды, 1884* – Труды статистической экспедиции, снаряженной в 1883 г. казанским земством. Казань, 1884.
- Турин, 1834* – Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры, литографированы и изданы Василием Туринным. М., 1834.
- Турнерелли, 1839* – Турнерелли Э. Собрание видов города Казани, рисованных с натуры. Лондон, 1839.
- Уголовное уложение, 1904* – Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904.
- Уложение о наказаниях, 1857* – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т.15.
- Уложение о наказаниях, 1885* – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // СЗРИ. Т.14.
- Усиление губернаторской, 1904* – Усиление губернаторской власти. Проект фон Плеве. С предисловием П.Струве и с приложением дела орловского губернатора Неклюдова. Париж, 1904.
- Устав о земских, 1903* – Устав о земских повинностях // СЗРИ. Т.4. СПб., 1903.
- Устав о предупреждении, 1857* – Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т.14.
- Устав о предупреждении, 1890* – Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1890 г. // СЗРИ. Т.14.
- Устав о промышленности, 1893* – Устав о промышленности. Изд. 1893 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.2.
- Устав о прямых налогах* – Устав о прямых налогах, 1903 // СЗРИ. Т.5.
- Устав о цензуре и печати* – Устав о цензуре и печати. Изд. 1892 г. // СЗРИ. Т.14.
- Устав Общества, 1903* – Устав Общества пособия бедным мусульманам г. Казани. Казань, 1903.
- Устав ремесленный, 1879* – Устав ремесленный, 1879 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.2.
- Устав рекрутский, 1832* – Устав рекрутский, 1832 г. // СЗРИ. Т.4. Ч.1.
- Устав строительный, 1857* – Устав строительный, 1857 // СЗРИ. Т.12. Ч.1.
- Устав Торговый, 1903* – Устав Торговый / сост. А.Добровольский. Издание неофициальное. СПб., 1903.
- Устав уголовного, 1892* – Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1892 г. // СЗРИ. Т.16. Ч.1.
- Устав, 1908* – Устав Уральского мусульманского благотворительного общества. Уральск, 1908.
- Устав, 1916* – Устав Уфимского мусульманского общества потребителей. Уфа, 1916.
- Уставы духовных дел, 1857* – Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1.
- Уставы духовных, 1896* – Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1.
- Утыз-Имяни, 2007* – Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное / сост. и пер. с араб. Р.Адыгамова; Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат;

Трактат о закяте; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Порицание чаепития; Трактат о важном. Казань, 2007.

Уфимский, 1887 – Уфимский юбилейный сборник, в память празднования трехсотлетнего юбилея города Уфы / сост. Н.А.Гурвич. Уфа, 1887.

Ухтомский, 1863 – Ухтомский Л. От Петербурга до Астрахани (Из дневника в навигацию 1862 г.) // Морской сборник. 1863. №9.

Учреждения судебных, 1892 – Учреждения судебных установлений. Изд. 1892 г. // СЗРИ. Т.1. Ч.1.

Фальк, 1824 – Фальк И. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // ПСУППР. Т.6. СПб., 1824.

Фахреддин, 1905 – Фахредин Р. По поводу уфимского совещания // Таржеман-Переводчик. 1905. №668. 30 августа.

Федоров, 1903 – Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.

Филиппов, 1915 – Филиппов Г. Чуваши и татары. Татарско-чувашские девичьи хоромы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии // ПС. 1915. Июль-август.

Филиппов, 1915а – Филиппов Г.А. Из истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губернии // ИКЕ. 1915. №37, 39.

Филиппов, 1915б – Филиппов Г.А. Татарско-чувашские девичьи хоромы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии. С приложением нот. Казань, 1915.

Фирсов, 1902 – Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Очерк истории торговой политики. Казань, 1902.

Фирстов, 1854 – Фирстов Г.В. Грубые пахотные орудия восточной полосы России // Записки КЭО. 1854. Т.1. Ч.1. Кн.1.

Фукс, 1840 – Фукс А. Заметки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

Фукс, 1844 – Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

Фукс, 1991 – Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история Казани. Репринт. изд. Казань, 1991.

Хабибуллин, 2008 – Хабибуллин Наджиб. Воспоминания молодости (Яшьлек хәтирәсе) // Реформы образования: Татары Нижегородчины и мусульманский мир России. Н.Новгород, 2008.

Хальфин, 1809 – Хальфин Ибрагим. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Императорской Казанской гимназии. Казань, 1809.

Харбинский, 1908 – Харбинский С. Что такое Китайская Восточная дорога и куда идут ее миллионы. СПб., 1908.

Харлампович, 1905 – Харлампович К.В. Казанские новокрещенские школы. (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII веке). Казань, 1905.

Харлампович, 1907 – Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842–1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т.VIII.

Харузин, 1888 – Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из

Ходский, 1891 – Ходский Л.В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. В 2-х т. Т.2. СПб., 1891.

Хозяйственные заметки – Хозяйственные заметки о Казанской губернии. Промышленность // КГВ. 1845. №45.

Хронологический, 1910 – Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев приволжских, сибирских и кавказских с 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1910.

Хрусталева, 1897 – Хрусталева А. Очерк распространения христианства между инородцами Казанского края // Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. Вып.5. Казань, 1897.

Цуциев, 2006 – Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Чекалин, 1876 – Чекалин Ф.Ф. Материалы для статистики мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Пенза, 1876.

Череванский, 1901 – Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. СПб., 1901.

Черемшанский, 1859 – Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Чичерина, 1906 – Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1906.

Чулков, 1786 – Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего. Т.6, кн.4. М., 1786.

Шариатные, 1910 – Шариатные статьи о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ч.1. Ташкент, 1910.

Шванебах, 1903 – Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903.

Шеин, 1907 – Шеин В.П. По вопросу о смешанных браках. СПб., 1907.

Шерих, 1899 – Шерих Г.М. Краткий предварительный отчет о командировке гг. сотрудников статистического бюро летом 1899 года в Царевококшайский уезд для собирания сведений о крестьянских бюджетах. Вып.2. Казань, 1899.

Шестаков, 1859 – Шестаков В. Глазовский уезд // Вестник РГО. 1859. №8.

Шестаков, 1884 – Шестаков П.Д. Заметки о влиянии русского языка на языки инородческие // Труды IV археологического съезда. Казань, 1884. Т.2.

Шиле, 1879 – Шиле. Народы России. Крымские татары // Природа и люди. 1879. №1.

Шиле, 1879а – Шиле. Народы России. Татарское племя: I. Казанские татары. II. Сибирские татары: этнографический очерк // Природа и люди. 1879. №1.

Шино, т.81 – Шино П.А. Волжские татары // Современник. 1860. Т.81.

Шино, т.82 – Шино П.А. Волжские татары // Современник. 1860, Т.82.

Штейнфельд, 1893 – Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное состояние // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г. Вятка, 1893.

Штейнфельд, 1894 – Штейнфельд Н.П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894.

Штейнфельд, 1894а – Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894.

Штейнфельд, 1910 – Бийский уезд Томской губернии. Топографический, экономический и этнографический очерк уезда. Бийск, 1910.

Щеглов, 1883 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). Иркутск, 1883.

Щепкин, 1882 – Щепкин М.П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч.1. М., 1882.

Эвлия, 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков. М., 1979.

Эглит, 1955 – Эглит А. Карл Федорович Гун. 1830–1877. Рига, 1955.

Экономические записки, 1861 – Экономические записки, 1861, №40.

Энгельгардт, 1892 – Энгельгардт А.П. Очерки крестьянского хозяйства в Казанской и других Средне-Волжских губерниях. Казань, 1892.

Эсливанов, 1915 – Эсливанов В.Н. Трудности и нужды Казанской инородческой миссии // ИКЕ. 1915. №42.

Эфендиев, 1911 – Эфендиев Р. Мухтасар шариат: Учебник магометанского вероучения суннитского толка. Ч.2. Тифлис, 1911.

Юдин, 1902 – Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // ТОУАК. 1902. Вып.9. Т.9.

Юдин, 1912 – Юдин М. Л. Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1912.

Юзефович, 1883 – Юзефович Б. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. (Казанская и Уфимская губерния) // Русский вестник. 1883. №164 (3–4).

Языков, 1880 – Языков М.Г. Очерки быта крестьян в Кузнецком уезде // Саратовские губернские ведомости. 1880. №48.

Яковлев, 1892 – Яковлев Г. О черемисах деревни Большой Ашламаш // ИКЕ. 1892. №1.

Яковлев, 1904 – Яковлев И. Из записок инородческого миссионера // ИКЕ. 1904. №3.

32 годовщина, 1904 – 32 годовщина открытия Казанской учительской семинарии (26 октября 1904 г.). Казань, 1904.

На татарском языке

Акчурина, 1911 – Акчурина М. Иске әдәбиятыбыз // Шура. 1911. №16. 508–510 бб.

әл-Булгари, 1874 – әл-Булгари Б. Тарики хважаган. Казан, 1874.

Ахмер, 1909 – Ахмер Ш. Матбагачлык тарихы. Казан, 1909.

Баруди, 1906 – Баруди Г. Мәүлид бәйрәменен дәрәсләгендә минем уем // Әд-дин вәл-әдәб. 1324/1906. №2. Б.15–16.

Баруди, 1916 – Баруди Г. Мәүлид бәйрәме // Әд-дин вәл-әдәб. 1335/1916. №3. Б.63–65.

Баруди, 1997 – Баруди Галимжан. Хатирә дәфтәре // Казан. 1997. №12.

Вәлиди, 1912 – Вәлиди Ж. Татар әдәбиятының барышы. Оренбург, 1912.

Вәлиди, 1914 – Вәлиди Ә.-З. Шиһаб хәзрәтнең Урта Азия тарихына гайд бөек хезмәте // Аң. 1914. №4.

Габдерәхим, 1986 – Габдерәхим Утыз Имәни әл-Булгари / төз. Ә.Шәрипов. Казан, 1986.

Газиз, 1915 – Газиз Г. Мәржанинең тарихи хезмәтләре // Мәржани: Шиһабетдин Мәржани хәзрәтләре виладәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәте илә нәшер ителде. Казан, 1915.

Гасрый, 1915 – Гасрый Н. «Хисаметдин мелла» // Аң. 1915. №9–10. Б.189–194.

Диван-и Шах, 1874 – Диван-и Шах-и Накш-банд. Казань, 1874.

Динмөхәммәтов, 1906 – Динмөхәммәтов И. Тәргибел-фәзаль илә тәхлиси шәригать. Казань, 1906.

Динмөхәммәтов, 2000 – Динмөхәммәтов И. Шәригатьне торгызу шартлары. Казан, 2000.

Әдәбиятка, 1908 – Әдәбиятка гайд // Әл-ислах. 1908. 8 сентябрь (№44); 30 сентябрь (№47).

Әмирхан, 1883 – Әмирхан Х. Тәварихе Болгария. Казан, 1883.

Әмирхан, 1884 – Әмирхан Х. Шәжәрәи галия фи бәян әл-әнсаб = Нөжүмет-тәварих. СПб., 1884.

Әсами көтеп, 1909 – Әсами көтеп. «Хезмәд» нәшрия вә сәхафия ширкәтенең Троицки(да). (Оренбургия). Казан, 1904.

Жыен, 1884 – Жыен кыйесасы. Казан, 1884.

Зөбдәте мин – Зөбдәте мин тәварихе әр-Руси / тәрж. К.Насыйри. Казан, 1890.

Ибраһимов, 1900 – Ибраһимов Г. Мирят яки көзге. Беренче жөзье. СПб., 1900.

Ибраһимов, №17, 1903 – Ибраһимов Г. Мирят яки көзге. Унжиденче жөзье. СПб., 1903.

Ибраһимов, 1908 – Ибраһимов Г. Мирят яки көзге. Егерме беренче жөзье. СПб., 1908.

Ибраһимов, 1915 – Ибраһимов Г. Бөек остазымызның кайбер тәэлифләре // Аң. 1915. №1.

Ибраһимов, 2001 – Ибраһимов Г. Тәржемәи хәлем. Казан, 2001.

Ибраһимов, т.7 – Ибраһимов Г. Әсәрләр. 8 томда. Т.7. Казан, 1984.

Ильяс мулла, 1872 – Ильяс мулла атасыннан ишеткәне // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар / собраны В.В.Радловым. СПб., 1872.

Исхакий, 1906 – Исхакий. Шәйх Зәйнула хәзрәтләренә ачык хат // Вақыт. 1906. 18 ноябрь.

Исхакий, 1908 – Исхакий Г. Мәварәэннәһердә сәяхәт // Бәянелхак. 1908. 1 6 март.

Кандалый, 1960 – Кандалый Г. Шигыръләр / төз. Х.Госман. Казан, 1960.

Кандалый, 1988 – Кандалый Г. Шигыръләр / төз., текст һәм искәрмәләренә хәзәрләүчә, кереш сүз авт. М.Госманов, Х.Госман. Казан, 1988.

Каюм Насырйнының – Каюм Насырйнының монарчы басылмаган әсәрләре һәм йөз еллык бәйрәмә материаллары: Мәжмуга / Г.Рәхим карамагында. Казан, 1926.

Кәрими, 1909 – Кәрими Ф. Әдәбиятыбыз // Шура. 1909. №2. 57–58 бб.

Кәрими, 1996 – Кәрими Ф.Г. Морза кызы Фатыйма. Сайланма әсәрләр. Казан, 1996.

Кильдишев, 1908 – Кильдишев А.И. Гайнан Ваисовның тозагы. Казан, 1908.

Мәгази, 1913 – Рихләт ибнел-Мәгази әл-Хижаз. Оренбург, 1913.

Мәржани мәжмугасы, 1915 – Мәржани мәжмугасы. Казан, 1915.

Мәржани, 1885 – Мәржани Ш. Әл-кыйсме әл-әүвәл мин китаби Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1885.

Мәржани, 1900 – Мәржани Ш. Әл-кыйсме әс-сани мин китаби Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1900.

Мәржани, 1989 – Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. Казан, 1989.

Мифтахетдин, 1899 – Мифтахетдин С. Наугы бәшәр. Казан, 1899.

ТХИ, 1977–1978 – Татар халык ижаты. 14 томда. Казан, 1972–1988: Татар халык ижаты (ТХИ): Әкиятләр. 1–2 китап. Казан, 1977–1978.

Татар, 1956 – Татар поэзиясе антологиясе / төз. М.Гайнуллин, Х.Госман, Ә.Исхак, Ш.Маннур, Х.Мөхәммәтов, Ә.Юнус, Х.Ярми. Казан, 1956.

Төрөк, 1991 – Төрөк сугышы бәете // Мирас. 1991. №1.

ТХИ, 1980 – ТХИ: Йола һәм уен жырлары. Казан, 1980.

ТХИ, 1981 – ТХИ: Әкиятләр. 3 китап. Казан, 1981.

ТХИ, 1983 – ТХИ: Бәетләр. Казан, 1983.

ТХИ, 1984 – ТХИ: Дастаннар. Казан, 1984.

ТХИ, 1987 – ТХИ: Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987.

ТХИ, 1988 – ТХИ: Тарихи һәм лирик жырлар. Казан, 1988.

Фәхрәддин, 1900–1908 – Фәхрәддин Р. Асар. Жөзъә 1–15. Казан; Оренбург, 1900–1908.

Фәхрәддин, 1910 – Фәхрәддин Р. Әхмәд бай. Оренбург, 1910.

Фәхрәддин, 1913 – Фәхрәддин Р. Нигъмәтулла хажи // Шура. 1913. №17–18.

Фәхрәддин, 1914 – Фәхрәддин Р. Мөкъяра Әбүбәкер (Шаһмирза хәзрәт) // Шура. 1914. №3.

Фәхрәддин, 1915 – Фәхрәддин Р. Сәлимгәрәй мөфти Тәүкилев // Шура. 1915. №2–4.

Фәхрәддин, 1917 – Фәхрәддин Р. Князь Максудовлар шәжәрәсе // Шура. 1917. №6.

Фәхрәддин, 1917a – Фәхрәддин Р. Шәйхе Зәйнуллага хәзрәтнең тәржемәи хәле. Оренбург, 1917.

Фәхрәддин, 2006 – Ризаәддин Фәхрәддин. Асар. Беренче том. Казан, 2006.

Фәхрәддин, 2009 – Ризаәддин Фәхрәддин. Асар. Икенче том. Казан, 2009.

Фәхрәддин, 2010 – Фәхрәддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан, 2010.

Фәхрәтдин, 1901 – Ризаәтдин бине Фәхрәтдин. Асар. II жөзъя. Оренбург, 1901.

Фәхрәтдин, 1907 – Фәхрәтдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Беренче жөзъя. Оренбург, 1907.

Фәхрәтдин, 1908 – Фәхрәтдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Икенче жөзъя. Оренбург, 1908.

Фәхрәтдин, 1908a – Фәхрәтдин Р. Әдәбиятыбызның нигезләре // Шура. 1908. №21. Б.673–675.

Фәхрәтдин, 1915 – Фәхрәтдин Р. Тәржемәи халь вә табәкат китаплары // Шура. 1915. №2.

Фәхрәтдин, 1917 – Фәхрәтдин Р. Шәех Зәйнуллага хәзрәтнең тәржемәи хәле. Оренбург, 1917.

Фәхрәтдин, 2012, №2–3 – Ризаәтдин Фәхрәтдин. Уйгану вә яналык тарихы // Чын мирас. 2012. №2–3.

Хәлфин, 1819 – Хәлфин Н. Әхвале Чыңгызхан вә Аксак Тимер вә тәварихләре махсус бәгъзы кыйсем кыйтгалар замин вә тилмизләре сәһләте өчен жәмигъ лөгәтьләрене хоруфе һәжа үзрә тәртип әйләйеп Императорның Казан университеты димәк илә мәгъруф баш мәдрәсәсе нәфегъ өчен мөзкүр университетның лекторы титулярный советник Ибраһим бине Исхак Хәлфин ижад вә тәкьрир әйләмешем. Казан, 1819.

Шәрәф, 1915 – Шәрәф Ш. Мәржанинең тәржемәи хәле // Мәржани: Шиһабетдин Мәржани хәзрәтләре виладәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәте илә нәшер ителде. Казан, 1915.

Юбилей, 1911 – Юбилей ядкаре. 1888–1911. СПб., 1911.

На чувашском языке

Шилёк – Шилёк // ИКЕ. 1913. №30–31.

На английском языке

Arminius Ambery, 1892 – Arminius Ambery, The Turco-Tatars: An Ethnographical Sketch // The Journal of the Manchester Geographical Society. 1892. №18(1).

Arminius Ambery, 1906 – Arminius Ambery, Western Culture in Eastern Lands. London, 1906.

Baron von Haxthausen, 1856 – Baron von Haxthausen, The Russian Empire: Its People, Institutions and Resources, 2 vols / trans. Robert Farie. London, 1856.

Friedrich Wilhelm Radloff, 1884 – Friedrich Wilhelm Radloff, Aus Sibirien, lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Leipzig, 1884.

Gabriel Balint, 1889 – Gabriel Balint, Kazan-Tatar Philological Studies – Budapest, 1875–1876 цит. по: Theodore Duka, The Ugor Branch of the Ural-Altai Family of Languages // Journal of the

Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1889. V.21.

Robert Gordon Latham, 1878 – Robert Gordon Latham, Russian and Turk: from a Geographical, Ethnological, and Historical Point of View. London, 1878.

Robert Needham Cust, 1891 – Robert Needham Cust, Linguistic and Oriental Essays. London, 1891.

Sophy Bobrovnikoff, 1911 – Sophy Bobrovnikoff, Moslems in Russia // The Moslem World. 1911. №1(1).

The Modern Traveler, 1825 – The Modern Traveler: A Popular Description of Various Countries of the Globe. Russia-London, 1825.

Сборники документов и материалов, публикации источников

Абдурахман Умеров, 2002 – Абдурахман Умеров: Научно-биографический очерк / авт.-сост. С.Т.Рахимов. Казань, 2002.

Арапов, 2001 – Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д.Ю.Арапов. М., 2001.

Арапов, 2004а – «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. // Исторический архив. 2004. №1.

Асфендияров, 1998 – Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С.Асфендиярова. Алматы, 1998. Т.2.

Вакуфная собственность – Вакуфная собственность. Мусульманские завещания / отв. за выпуск Валиуллы хазрат Ягъуб. Казань, 2002.

Вишленкова, 1998 – Вишленкова Е.А. Профессор Петр Кондырев: «Магометанам необходимо, по мнению, моему, особенно высшее училище...» // ГА-ЭВ. 1998. №3–4.

Восстание, 1942 – Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Сборник архивных документов. Чебоксары, 1942.

Императорская, 2006 – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. документов и материалов / сост. Д.Ю.Арапов. М., 2006.

Ислам, 1998 – Ислам в законодательстве России. 1554–1929 гг. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России: Учеб. пособие для студентов ист. и юрид. факультетов / сост.: А.Б.Юнусова, Ю.Н.Сергеев, В.И.Латыпов. Уфа, 1998.

Ислам, 2001 – Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001.

История Казани, кн.1 – История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.1. Промышленность, торговля, финансы. Авторы-сост. И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева, Л.М.Свердлова, М.З.Гибадуллин, Л.Ф.Байбулатовна, Х.З.Багаутдинова / под ред. И.К.Загидуллина. Казань, 2005.

История Казани, кн.2 – История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.2. Промышленность, торговля, финансы / Авторы-сост.:

И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева, Л.М.Свердлова, Л.Ф.Байбулатовна, Х.З.Багаутдинова / под ред. И.К.Загидуллина. Казань, 2011.

История Казани, кн.3 – История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.3. Промышленность, торговля, финансы / Авторы-сост. И.К.Загидуллин, Д.И. Ибрагимов, Н.С.Хамитбаева, Л.Ф.Байбулатовна, Х.З.Багаутдинова, Л.М.Свердлова / под ред. И.К.Загидуллина. Казань, 2011.

История Татарии, 1937 – История Татарии в документах и материалах. М., 1937.

История, 2002 – История Буковеевского ханства (1801–1852). Сборник документов и материалов / сост. Жанаев Б.Т. и др. Алматы, 2002.

Казанская, 2005 – Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. документов и материалов / отв. ред. Л.В.Горохова; сост. Н.С.Горицкая, Н.А.Шарангина; Под общ. ред. Д.Ш.Ибрагимова; отв. ред. Д.Р.Шарафутдинов. Казань, 2005.

Крестьянская реформа, 1954 – Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://on-island.net/History/1861/Docs1861.pdf>. Дата обращения: 23.09. 2012.

Крестьянское движение, 1959 – Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сб. документов под ред. А.В.Шапкарина. М., 1959.

Крестьянское движение, 1960 – Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: Сб. документов под ред. А.С.Нифонтова и Б.В.Златоустовского. М., 1960.

Крестьянское движение, 1968 – Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сб. документов под ред. П.А.Зайончковского. М., 1968.

Крестьянское движение, 1998 – Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сб. документов / отв. ред. А.М.Анфимов. М., 1998.

Материалы по истории, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской революции). Т.1. Алма-Ата, 1960.

Материалы по истории, 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н.Ф.Демидова. Т.6. Уфа, 2002.

Материалы по истории, т.5 – Материалы по истории Башкирской АССР. Т.5 / сост. Н.Ф.Демидова. Под ред. С.М.Васильева. М., 1960.

Материалы, 1936 – Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч.1. М.; Л., 1936.

Материалы, 1998 – Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998.

Медресе, 2007 – Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сб. документов и материалов. Казань, 2007.

Медресе, 2012 – Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов / отв. сост. Л.В.Горохова; сост.: Р.А.Гимазова, О.В.Федотова, Н.А.Шарангина; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. Казань, 2012.

Народное ополчение, 1962 – Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962.

Национальный, 2009 – «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов / сост., авт. вступ. ст., списка сокр. назв. законод., норм. актов и терминов И.К.Загидуллин. Казань, 2009.

Объяснительная записка, 1930 – Объяснительная записка к проекту учреждения татарского учительского института в г.Казани, подготовленная инспектором татарских, башкирских и киргизских школ КУО В.В.Радловым (1873 г.) // ВНГОТ. 1930. №9–10.

Особое Совещание, 2011 – Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К.Загидуллин. Казань, 2011.

Фархшатов, 2009 – Фархшатов М.Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872–1917): Власть и суфизм в пореформенной Башкирии: Сб. документов / сост., авт. предисл., введения, коммент., прим., указ. и глоссария М.Н.Фархшатов. Уфа, 2009.

Христианское просвещение, 2012 – Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв.: Сборник материалов и документов / сост., авт. вступ. статьи, прим., науч.-справ. аппарата Р.Р.Исхаков. Казань, 2012.

Чуч, 1990 – Чуч Ш. Письма Юрье Вихманна с удмуртских земель // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, 1990.

На татарском языке

Габдерэшит, 2011 – Габдерэшит Ибраһимов. Фэнни-биографик жыентык / тез. М.Госманов, Ф.Галимуллин. Казан, 2011.

Губайдуллин, 2002 – Губайдуллин Г. Из прошлого татар // Газиз Гобәйдуллин. Фэнни-биографик жыентык. Газиз Губайдуллин. Научно-библиографический сборник. Казан, 2002.

Ризаэтдин, 1999 – Ризаэтдин Фәхрәтдин: Фэнни-биографик жыентык. Казан, 1999. Б.7–38.

Фәезханов, 2006 – Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жыентык / тез.-авт. Р.Мәрданов. Казан, 2006.

Периодическая печать

Вақыт (1906–1918). 1913. 29 августа.
Вестник золотопромышленности и горного дела вообще (1892–1903). 1898. №3–4, 12.
Вестник финансов, промышленности и торговли (1883–1917). 1884. №4.
ГА-ЭВ (с1995). 1996. №1–2.
ЖМВД (1829–1861). СПб., 1831.
Известия ОАЭИ (1878–1929). 1904. Т.20. Приложение; 1905. Т.21.
ИКН. 2009. Сентябрь.
Казахстанская правда (с 1920). 2006. 4 апр.
Камско-Волжская газета (1872–1874). 1873. 16 сент.
КБЛ (1869–1892). 1869. 26 янв., 30 окт., 7 нояб.; 1870. 27 июля; 1871. 27 июня; 1872. 27 янв.; 1873. 18, 25 марта; 1874. 17 марта; 1876. 22 февр.; 1878. 22 февр.; 1879. 15 нояб.; 1883. 6 февр., 13 февр.; 1884. 18 янв.; 1886. 24 янв.; 1888. 5 апр., 29

авг.; 1890. 1, 14 марта, 29 апр., 3, 18, 26 июля; 18 нояб. 28 нояб.; 1891. 23 марта, 21 апр., 26 нояб.; 1892. 11 апр.; 1896. 6 нояб.

КГВ (1838–1917). 1845. №48; 1872. 21 июня; 1877. 16 апреля.

КИ (1811–1820). 1812. 25 мая; 1814. 5, 8, 12 дек.; 1815. 20 янв.

КТ (1893–1917). 1894. 23 февр.; 1896. 30 мая; 1897. 14 дек.; 1901. 21 февр.; 1912. №5727.

Мирас (1991–2009). 2004. №12. Б.73.

ОГВ (1838–1865). 1846. №12; 1876. 29 мая; 1879. 23 июня; 1880. 5 июля; 1883. 11 июня; 1883. 9 июля; 1884. 30 июня; 1889. 11 марта; 1894. 29 янв.; 1909. 11 апр.

ОЛ (1876–1906). 1878. №45; 1887. 3, 10, 17 мая; 1892. 1 марта.

Русский вестник (1856–1906). 1857. Т.11.

Санкт-Петербургские ведомости (1728–1914), 1839, №17.

Северная почта (1809–1819). 1815. №8.

Тәржемән-Переводчик (1885–1918). 1885. 7 окт.; 1886. 21 нояб.; 1887. 11 янв.; 1890. 6 нояб.; 1894. 1, 12 июня; 1895. 7 янв.; 1905. 4 марта, 5 апр., 12 апр.

Тормыш (1913–1918), 1914, 12 февр.

ЦОУО. 1878. №3–4; 1899. №3.

Шура (1908–1918). 1913. №1.

Экономические записки. 1861. №40.

Авторефераты и диссертации

Абдрашитова, 2001 – Абдрашитова А.Р. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания в 1889–1917 годах и его взаимоотношения с государственными органами власти: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Абдуллин, 2007 – Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

Адыгамов, 2006 – Адыгамов Р.К. Роль Габдрахима Утыз-Имяни в изучении социокультурных и религиозных традиций татарского общества конца XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.

Андреев, 2007 – Андреев В.В. Московско-Казанская железная дорога в конце XIX – начале XX вв. и модернизационные факторы в экономическом развитии региона: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2007.

Андреева, 2006 – Андреева Н.Б. Губернский и уездные города Казанской губернии (1760–1860): проблемы политической и социально-экономической истории города в политэкономическом регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006.

Арсентьев, 2004б – Арсентьев В.М. Модели производственно-отраслевой специализации и социальная организация промышленности России в первой половине XIX века. По материалам Среднего Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004.

Асфандияров, 1969 – Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1969.

- Банникова, 2011* – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2011.
- Баширова, 2000* – Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонения глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000.
- Буддашова, 2005* – Буддашова И.В. Государственная деревня Южного Урала в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.
- Бутылов* – Бутылов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/27955542/>. Дата обращения: 7.10.2012
- Валеев, 1999* – Валеев Р.М. Казанское востоковедение. Истоки и развитие. (XIX – 20 г. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999.
- Васильев, 1950* – Васильев С.М. Припущенники в башкирских землях в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.
- Владимирова, 2011* – Владимирова Л.М. Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян мусульман (1865–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
- Воробьева, 1999* – Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX в. – 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- Воробьева, 2002* – Воробьева Л.В. Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен (1861–1905 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Выборнов, 2004* – Выборнов А.О. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 2004.
- Газиев, 2009* – Газиев И.М. Формирование и развитие профессионализма в вокальной культуре волго-уральских мусульман. автореферат дис. ... канд. искус. наук. Казань, 2009.
- Галимзянова, 2006* – Галимзянова Л.Р. Просветительство как фактор становления и развития татарской общественно-политической мысли на рубеже XIX–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Галимуллин, 2003* – Галимуллин Ф.Ф. Публицистические произведения Г.-Р.Ибрагимова как источники для изучения татарского общественно-политического движения (начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.
- Ганин, 2006* – Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Гарипов, 2003* – Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX в.: опыт духовного управления мусульман: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.
- Гибадуллин, 2001* – Гибадуллин М.З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.): дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2001.
- Гибадуллина, 2007* – Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во II половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007
- Гильмутдинов, 2005* – Гильмутдинов Д.Р. Ислам и государство в средневолжском регионе России в 1870–1917 гг. (на материале Казанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.
- Гилязов, 1982* – Гилязов И.А. Татарское крестьянство Среднего Поволжья во второй половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
- Гимазова, 2004a* – Гимазова Р.А. Просветительская деятельность Нигматуллиных – Буби (конец XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Голубкина, 2005* – Голубкина Т.М. Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. – 1917 г. (по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2005.
- Гранкина, 2006* – Гранкина С.В. Торгово-промышленное предпринимательство Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2006.
- Даишев, 1955* – Даишев С.И. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Казанской губернии в конце XIX века (60-90-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1955.
- Дубовиков, 2000* – Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период 1861–1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
- Еналиев, 1998* – Еналиев З.Х. Идеология национального образования в общественно-политической мысли XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.
- Еналиев, 1998a* – Еналиев З.Х. Идеология татарского национального образования в общественно-политической мысли XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.
- Есиева, 2004* – Есиева И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Жестовская, 2004* – Жестовская Ф.А. Проблемы татарского просветительства в XIX – начале XX веков в историко-политическом измерении: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Жестовская, 2004a* – Жестовская Ф.А. Проблемы татарского просветительства в XIX – начале XX веков в историко-политическом измерении: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Журавский, 1999* – Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Загидуллин, 1966* – Загидуллин А.А. Семейный быт татарских крестьян (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Загидуллин, 1966a* – Загидуллин А.А. Семейный быт татарских крестьян (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

- Загидуллин, 1992* – Загидуллин И.К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.
- Зайни, 2004* – Зайни Р.Л. Татарские печатные календари: становление и развитие (вторая пол. XIX – нач. XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
- Зайнуллина, 2008* – Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Зайнуллина, 2008a* – Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Идиятуллина, 2001* – Идиятуллина Г.Г. Абу Наср Курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII – начала XIX веков (по материалам трактата «ал-иршад ли-л-‘ибад»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.
- Измайлов, 2009* – Измайлов Б.И. Казанская татарская ратуша (1781–1855 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.
- Исаева, 2010* – Исаева А.А. Купечество в системе городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Самарской и Симбирской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010.
- Исхаков, 1981* – Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской в XVIII–XIX вв. (этностатическое исследование): дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Исхаков, 2008* – Исхаков Р.Р. Миссионерская деятельность русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Исхаков, 2008a* – Исхаков Р.Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Кабанова, 2004* – Кabanова Е.Е. Торгово-рыночные отношения в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Каплуновский, 1998* – Каплуновский А.П. Русская купеческая община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Карпенкова, 2004* – Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Кашафутдинов, 1969* – Кашафутдинов Р.Г. Народные (общественные и семейные) праздники Казанских татар: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1969.
- Колесова, 2000* – Колесова Е.В. Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.
- Коновалов, 2006* – Коновалов А.В. Государственное управление развитием городов Поволжья во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
- Кортунов, 2004* – Кортунов А.И. Численность и национальный состав Оренбургского войска в XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.
- Кравцова, 2011* – Кравцова Е.С. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011.
- Кравцова, 2011* – Кравцова Е.С. Модернизация налоговой системы России. 1885–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011.
- Кравчук, 2005* – Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX вв. (исторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Кругликов, 1981* – Кругликов А.Л. Рабочий класс текстильной промышленности Поволжья в период империализма (90-е гг. XIX – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1981.
- Леджинова, 2005* – Леджинова Н.П. Реформа 1892 года в Калмыкии: отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойнов и зайсангов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2005.
- Максимов, 2008* – Максимов С.Е. Развитие удельного предпринимательства в Среднем Поволжье во второй половине 80–90-е гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008.
- Маслова, 2000* – Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых (вторая половина XIX в. – 1917 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.
- Милоков, 2006* – Милоков И.И. Деятельность благотворительных организаций в г. Казани (60-е гг. XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Миннуллин, 1988* – Миннуллин З.С. Источниковедческая характеристика татарских частных актов XVIII – 1-й половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988.
- Миннуллина, 2006* – Миннуллина Л.З. Татарские печатные календари XIX – начала XX вв. как памятник культуры: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Миннуллина, 2006a* – Миннуллина Л.З. Татарские печатные календари XIX – начала XX вв. как памятник культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Морозова, 2000* – Морозова Е.Н. Формирование концепции и разработка проектов земской реформы (1856–1864 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000.
- Мударисов, 2003* – Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века: 1801–1861 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2003.
- Муллагалиев, 2011* – Муллагалиев Р.М. Социально-экономическая жизнь татарской крестьянской общины Казанской губернии в пореформен-

ный период (60–90-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук, 2011.

Мухтахутдинова, 1999 – Мухтахутдинова Э.Ш. Эволюция политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999.

Мухаммадеева, 2008 – Мухаммадеева Л.А. Торгово-промышленная и общественная деятельность купеческой династии Сайдашевых (вторая половина XIX – начала XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.

Мухина, 2007 – Мухина Н.Е. История создания Юго-Восточной железной дороги и ее роль в экономическом развитии Центрального Черноземья. 1865–1913: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

Назаров, 2010 – Назаров А.М. Иностраный капитал в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010.

Найденова 2006 – Найденова И.А. Государственная деревня Оренбургской губернии в период аграрных реформ (вторая половина 1830–1860-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

Насырова, 2002 – Насырова Г. Деятельность Каюма Насыри в области татарского языкознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.

Нематуллово, 1984 – Нематуллово М.М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1984.

Нигамедзингов, 2004a – Нигамедзингов Ф.Ф. Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

Нигамедзингов, 2004 – Нигамедзингов Ф.Ф. Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

Нугманова, 2001 – Нугманова Г.Г. Татарская городская усадьба Казани середины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. искус. наук. М., 2001.

Петров, 2005 – Петров В. И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005.

Рахимов, 1993 – Рахимов Р.Н. Тетяри Башкирии в XVII – 60-х гг. XIX в. (социально-экономическое развитие): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1993.

Рахматуллин, 1975 – Рахматуллин У.Х. Заселение Башкирии (30–90-е гг. XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Роднов, 2004 – Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2004.

Ромашин, 1956 – Ромашин И.С. Возникновение и развитие суконной промышленности Симбирской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1956.

Сабиров, 2000 – Сабиров И.Т. Эволюция либерализма в татарском обществе на рубеже XIX–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.

Садиков, 2011a – Садиков Р.Р. Религиозные верования и обрядность закавказских удмуртов (сохранение и преемственность традиции): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2011.

Саетгараев, 2008 – Саегаев И.И. Становление и развитие финансового капитала в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.

Салахов, 2000 – Салахов И.Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX вв.: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.

Салахова, 2003 – Салахова Э.К. Научно-историческое наследие Г.Н.Ахмарова (1864–1911): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

Салихов, 1998 – Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.

Салихов, 2006 – Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006.

Саматова, 2010 – Саматова Ч.Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Самоделькин, 2003 – Самоделькин Я.А. Горнозаводской Урал в системе российской геополитики в середине 1890-х гг. – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Севастьянов, 2005 – Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии 1874–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.

Сибгатуллина, 2000 – Сибгатуллина А.Т. Суфизм в татарской литературе (историки, тематика и жанровые особенности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000.

Сиразиев, 2002 – Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.

Смыков, 1982 – Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма 1861–1900 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1982.

Софронов, 1952 – Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д.Киселева: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1952.

Старостин, 2002 – Старостин В.А. Роль земств в аграрном развитии Казанской губернии в 1906–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.

Таймасов, 2004 – Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004.

Таркова, 2007 – Таркова Р.А. Развитие водного транспорта в системе социально-экономических связей Нижнего Поволжья 1861–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007.

Хабибуллин, 1979 – Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии

при Казанском университете (1878–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979.

Хазиахметова, 1978 – Хазиахметова В.С. Государственная деревня Камско-волжского края эпохи падения крепостного права: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.

Хайруллина, 1993 – Хайруллина А.Д. Казанские газеты как исторический источник изучения благотворительности (1861–1895 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993.

Хайруллина, 2004 – Хайруллина Г.Х. Издательское дело в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004.

Хайрутдинов, 1993 – Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии в конце XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993.

Хайрутдинов, 2004 – Хайрутдинов А.Г. Социально-философские аспекты татарского мусульманского религиозного реформаторства (на материалах творческого наследия Мусы Джаруллаха Бигиева): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

Хаков, 1971 – Хаков В.Х. Развитие татарского национального литературного языка и ее стилей. (Вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1971.

Халин, 2006 – Халин А.А. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона. 1830-е – 1900 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.

Хамитуллина, 2007 – Хамитуллина З.С. Просветительские идеи и идеалы в творчестве поэта XIX века М.Акмиллы: дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2007.

Хафизов, 2006 – Хафизов Г.Г. Культурно-просветительская деятельность татарской интеллигенции в XIX – первой четверти XX веков: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006.

Хисамова, 1995 – Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVII – начала XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1995.

Целиков, 2006 – Целиков С.А. Строительство и эксплуатация Самаро-Златоустовской железной дороги и ее влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний (вторая половина XIX – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

Чекменева, 1985 – Чекменева Т.Г. Казанская «инородческая» учительская семинария, и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985.

Черноухов, 1998 – Черноухов Э.А. Горнозаводское образование на Урале в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

Шагавиев, 2010 – Шагавиев Д.А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Шайдуллина, 2010 – Шайдуллина Р.Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина

XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Шайхисламов, 2007 – Шайхисламов Р.Б. Социально-экономическое положение крестьянства Южного Урала в первой половине XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.

Шакирова, 2009 – Шакирова А.М. Мусульманское сообщество Среднего Поволжья в этноконфессиональном дискурсе имперской политики России во второй половине XIX – начале XX в. (историко-политический анализ). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

Шамсутдинов, 2001 – Шамсутдинова М.И. Маулид – байрам у мусульман Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001.

Шапошникова, 2007 – Шапошникова О.Б. Ю.С.Нечаев-Мальцов – предприниматель и меценат: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

Шарафутдинов, 2004a – Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа: XIX – начало XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004.

Юлдашев, 1949 – Юлдашев А.А. Язык тептярей: дис. ... канд. филол. наук. М., 1949.

Юсупова, 2009 – Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века как лексикографические памятники и источники изучения лексики татарского языка: автореф. дис. д-ра филол. наук. Казань, 2009.

Юткин, 2007 – Юткин В.П. Лесное хозяйство алатырского удельного округа во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Пенза, 2007.

На английском языке

Agnès Kefeli-Clay, 2001 – Agnès Kefeli-Clay, Kräshen Apostasy: Popular Religion, Education, and the Contest over Tatar Identity (1856–1917) – диссертация, Аризонский государственный университет, 2001.

Isabelle Teitz Kreindler, 1969 – Isabelle Teitz Kreindler, Education Policies Toward the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: A Study of Il'minskii's System – диссертация, Колумбийский университет, 1969.

James N. Meyer, 2007 – James N. Meyer, Turkic Worlds: Community Representation and Collective Identity in the Russian and Ottoman Empires, 1870–1914 – диссертация, университет Браун, 2007.

Mustafa Özgür Tuna, 2009 – Mustafa Özgür Tuna, Imperial Russia's Muslims: Inroads of Modernity – диссертация, Принстонский университет, 2009.

На украинском языке

Абібуллаєва, 2005 – Абібуллаєва Д.І. Формування і розвиток державної системи народної освіти кримських татар (1870–1920 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.

Ганкевич, 2000b – Ганкевич В.Ю. Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа XIX – XX ст.): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2000.

Золотарьев, 2001a – Золотарьев Д.Ю. Кримско-татарская эмиграция останньої трети XIX – початку XX ст.: Історіографічний і джерелознавчий аспекти: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2001.

Золотарьев, 2001b – Золотарьев Д.Ю. Кримско-татарская эмиграция останньої трети XIX – початку XX ст.: Історіографічний і джерелознавчий аспекти: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2001.

Литература

Алексеев, 2008 – Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

Абдуллин, 1976 – Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основная проблематика. Казань, 1976.

Абдуллин, 1977 – Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977.

Абдуллин, 1998 – Абдуллин Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казань, 1998.

Абрамишвили, 1956 – Абрамишвили А.З. Из истории азербайджанской периодической печати // Ученые записки гос. университета им. С.М.Кирова. 1956. №6. С.69–86.

Авксентьев, 1973 – Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.

Адыгамов, 2005 – Адыгамов Р.К. Габдрахим Утыз-Имяни. Казань, 2005.

Азаматов, 1996 – Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1996.

Азаматов, 1999 – Азаматов Д.Д. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

Азаматов, 2000 – Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2000.

Азаматова, 2005 – Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования). Уфа, 2005.

Азаматова, 2008 – Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество. На примере рода Тевкелевых. Уфа, 2008.

Азизова, 2009 – Азизова Н.Р. Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М., 2009.

Айдарова-Волкова, 1999 – Айдарова-Волкова Г.Н. Татарские слободы Казани: архитектурно-градостроительное развитие и методологические аспекты реконструкции. Казань, 1999.

Акашкин – Акашкин М. В древности у мишарей и мордвы были одинаковые свадьбы. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://tatar.yuldash.com/162.html>. Дата обращения: 12.03.2012.

Акманов, 2000 – Акманов А.И. Башкирское землевладение в XIX – начале XX вв. Уфа, 2000.

Акманов, 2007 – Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское земле-

владение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007.

Акчура, 1994 – Акчура Ю. Три вида политики // Татарстан. 1994. №9–10.

Алексеев, 2001 – Алексеев И.Л. Казанское миссионерское исламоведение и проблема восприятия ислама в русском обществе // Религиоведение. 2001. №2.

Алексеев, 2004 – Алексеев А.И. К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования», Казань, май 2003 г. / под ред. Р.М.Мухаметшина. Казань, 2004.

Алексеев, 2010 – Алексеев И.Е. Православная миссия в Казанской епархии в конце XIX – начале XX вв. Вып.1. Статьи и документы по истории православного миссионерства, храмов и монастырей. Казань, 2010.

Алишев, 1973 – Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

Алишев, 1984 – Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI – XVIII веков // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984.

Алишев, 1986 – Алишев С.Х. По следам минувшего. Казань, 1986.

Алишев, 1990 – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990.

Алишев, 2000 – Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу. Казань, 2000.

Алишев, 2005 – Алишев С.Х. Все по истории Казани. Казань, 2005.

Аллен Дж. Франк, 2008 – Аллен Дж. Франк. Исламская историография и «булгарская идентичность» татар и башкир в России / пер. с англ. И.Хайбутдиновой, науч. ред. В.Якупов, Г.Идиатуллина, Д.Шагавиев. Казань, 2008.

Алмазова, 2010 – Алмазова Л. Зыяэтдин Камали. Философия ислама в двух томах. Т.1. Казань, 2010.

Альмухамедова, 1958 – Альмухамедова З.М. Заметки о диалектных особенностях русской речи в Казани и деревнях Подказанья // УЗКГП. Вып.15. Казань, 1958.

Аминов, 1994 – Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге. Исторический очерк. СПб., 1994.

Амирханов, 1988 – Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907). М., 1988.

Амирханов, 1992 – Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. статей. Казань, 1992.

Амирханов, 1998 – Амирханов Р.М. Ислам и нация в концепции национальной истории Ш.Марджани // Ш.Марджани: Наследие и современность: Материалы Междунар. науч. конф. Казань, 1998.

- Амирханов, 2001* – Амирханов Равиль. Закир ишан Камалов и татарское просвещение // ГА-ЭВ. 2001. №1/2.
- Амирханов, 2002* – Амирханов Р. Татарская до-революционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань, 2002.
- Амирханов, 2005* – Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань, 2005.
- Амирханов, 2006* – Амирханов Р. Система профессионального образования у татар: становление и формы функционирования // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006.
- Амирханов, 2010* – Амирханов Р.Х. От Урала до Вятки: земли татар племени минг // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сб. статей. Вып.1. Казань, 2010.
- Ананьич, 1974* – Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. №94. М., 1974.
- Аникин, 1984* – Аникин В.П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.
- Антонов, 2006* – Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги в России XVIII – начала XX в. М., 2006.
- Анфимов, 1976* – Анфимов А.М. Преобразование оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию академика Н.М.Дружинина. М., 1976.
- Анфимов, 1984* – Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984.
- Аполлова, 1960* – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.
- Арабские рукописи, 1986* – Арабские рукописи Института востоковедения. Краткий каталог / под ред. А.Б.Халидова. Ч.1. М., 1986.
- Арапов, 2000* – Арапов Д.Ю. Мусульмане в российской гвардии // За веру и верность. 300 лет императорской гвардии. СПб., 2000.
- Арапов, 2002* – Арапов Д.Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы». Тобольск-Омск, 2002.
- Арапов, 2003* – Арапов Д.Ю. «Учредить штатные должности военных магометанских мулл» // Военно-исторический журнал. 2003. №4.
- Арапов, 2004* – Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004.
- Арсентьев, 2004a* – Арсентьев В.М. От протопромышленности к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.
- Арсланов – Арсланов Л.Ш.* Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elabuga.egpu.ru/nmzegpu/material/m1/arslanov4.aspx>. Дата обращения: 21.05.2012.
- Арсланов, 1995* – Арсланов Л.Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя. (Язык. Фольклор. Словарь). Наб. Челны. 1995.
- Арсланова, 2005* – Арсланова А.А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. Вып.1. М.; Казань, 2005.
- Аршаруни, 1931* – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.
- Асфандияров, 1968* – Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968.
- Асфандияров, 1987* – Асфандияров А.З. Тептяри (социально-экономическое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.
- Асфандияров, 1988* – Асфандияров А.З. Башкирские полки в Париже (К истории Отечественной войны 1812 года) // Сохраним выцветшие строки... Уфа, 1988.
- Асфандияров, 2005* – Асфандияров А.З. Кантонное управление Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.
- Асфандияров, 2006* – Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006.
- Атаманов, 2005* – Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсугурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005.
- Ахметзянов, 1991* – Ахметзянов М.И. Татарские шеджере. (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991.
- Ахметзянов, 1997* – Ахметзянов М.И. Хранилище отдела рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. История становления // ГА-ЭВ. 1997. №1–2.
- Ахметзянов, 2000* – Ахметзянов М. Краткая научная опись рукописей собранных в июне-августе 1977 года во время археографической экспедиции по Агрызскому и Тукаевскому районам Республики Татарстан // ГА-ЭВ. 2000. №3–4.
- Ахметзянов, 2001* – Ахметзянов М. Краткая научная опись рукописей, собранных в июне-июле 1978 года в ходе археографической экспедиции по Апастовскому, Агрызскому и Арскому районам Республики Татарстан // ГА-ЭВ. 2001. №3–4.
- Ахметзянов, 2009* – Ахметзянов М.И. О списках литературных памятников татарского народа времен Золотой Орды из хранилища Отдела рукописей, научного и архивного фонда ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ // Золотоордынское наследие: Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая исто-

рия Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань, 17 марта 2009 г. Казань, 2009.

Ахметзянов, 2010 – Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань, 2010.

Ахметзянов, 2011 – Ахметзянов М. Татарская археография. Отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 г.). Ч.1, 2, 8. Казань, 2011.

Ахметзянов, 2012 – Ахметзянов М.И. О татарских рукописях // Научный Татарстан. 2012. №2.

Ахметшин, 2005 – Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе Отечеству. Страницы истории Военно-морского флота России. СПб., 2005.

Ахметшин, 2006 – Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб., 2006.

Ахметьянов, 1978 – Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978.

Ахметьянов, 1981 – Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

Ахун, 1929 – Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929.

Ашмарин, 1923 – Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч.2. Симбирск, 1923.

Базилы, 1991 – Базилы К.М. О мануфактурной промышленности в Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991.

Байбулатова, 2006 – Байбулатова Л. «Асар» Ризы Фахреддина. Казань, 2006.

Байкиева, 1971 – Байкиева Л., Хакимов Х. Методические взгляды академика В.В.Радлова на преподавание русского языка в татарской школе // Русский язык в национальной школе. 1971. №5.

Бакиева, 2003 – Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень-М., 2003.

Бакиева, 2011 – Бакиева Г.Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX – начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII в. – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2011.

Бакиева, 2011a – Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2011.

Бартольд, 1925 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Лекции. Л., 1925.

Бартольд, 1927 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бартольд, 1966 – Бартольд В.В. От редакции журнала «Мир ислама // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. М., 1966.

Баскаков, 1979 – Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Батунский, 2003 – Батунский М.А. Россия и ислам. Т.3. М., 2003.

Батыргарей, 2004 – Батыргарей Ф. Татары в Тверском крае (Историко-этнографический очерк). Тверь, 2004.

Бахлов, 2009 – Бахлов И.Г., Напалкова И.Г. Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией. Саранск, 2009.

Бахрушин, 1955 – Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т.3. Ч.2. М., 1955.

Баязитова, 1986 – Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986.

Беззубов, 1960 – Беззубов В.И. Научно-педагогическая деятельность М.Е.Евсевьева. Саранск, 1960.

Бекмаханова, 1986 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1986.

Бекмаханова, 2002 – Бекмаханова Н., Кобландин К. Французской кавалерии лучше бы не сходиться со степняками // Татарский мир. №3. 2002.

Белевцова, 2010 – Белевцова В.О. Свадебная обрядность восточных марицев в контексте межкультурного взаимодействия в Восточном Закамье // ЭО. 2010. №6.

Беннигсен, 1983 – Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983.

Беркутов, 1968 – Беркутов В.М. О преподавании математики в татарских школах на территории Казанского учебного округа // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып.60. 1968.

Бикбулатов, 1970 – Бикбулатов Н.В. Этнические процессы и вопрос о национальном самосознании // Советская Башкирия. 1970. 10 янв.

Биктимирова, 2003 – Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань, 2003.

Благова, 1976 – Благова Г.Ф. О соотношениях прозаического и поэтического варианта среднеазиатского-тюркского литературно-письменного языка XV – начала XVI в. // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Благова, 1977 – Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // Вопросы языкознания. 1977. №3.

Богатырев, 2006 – Богатырев Э.Д. Проблема обеспечения российской казенной поташной промышленности рабочей силы во второй трети XVIII в. // Индустриальное наследие. Сборник материалов II Международной научной конференции. г.Гусь-Хрустальный, 26-27 июня 2006 г. Саранск, 2006.

Богородицкая, 1989 – Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка – крупнейший центр внутренней и международной торговли в первой половине XIX в.: Учеб. пособие. Горький, 1989.

Боханов, 1985 – Боханов А.А. Российское купечество в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1985. №4.

- Брегель, 1972* – Брегель Ю.Э. Восточные рукописи в Казани // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1969. М., 1972.
- Булгаков, 2001* – Булгаков Р.М. Каталог арабско-графических книг. Уфа, 2001.
- Бурганова, 1985* – Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Закавказья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.
- Бурдина, 1996* – Бурдина О.Н. Крестьяне-дворяне в России. 1861–1907. М., 1996.
- Бусыгин, 1966* – Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – нач. XX вв.). Казань, 1966.
- Бусыгин, 2005* – Бусыгин Е.П. К.Ф.Фукс – первый исследователь быта казанских татар // Карл Фукс: Научно-биографический сборник. Казань, 2005.
- Бусыгин, 2007* – Бусыгин Е.П. Многоцветье содружества. Этнографические материалы в произведениях первого студента Казанского университета С.Т.Аксакова // Счастье жить и творить. Казань, 2007.
- Быт* – Быт населения Урала. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://protown.ru/information/hidden/4706.html>. Дата обращения: 21.05.2012.
- Вайнштейн, 2000* – Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (опыт статистического исследования) // Вайнштейн А.Л. Избр. тр. М., 2000. Кн.1.
- Валеев, 1980* – Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980.
- Валеев, 1984* – Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.
- Валеев, 1993* – Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993.
- Валеев, 1993а* – Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
- Валеев, 2007* – Валеев М.А. Революция 1905–1907 гг. в Уфе // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007.
- Валеев, Тугужекова, 2008–2009* – Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф.Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. Казань–Абакан, 2008–2009.
- Валеева-Сулейманова, 2008* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманское искусство в Волго-Уральском регионе. Казань, 2008.
- Валиди, 1992* – Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар до революции 1917 года (фрагменты книги) // Библиотека журнала «Казань». 1992. №6.
- Валидов, 1923* – Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. М.-Пг., 1923.
- Валидов, 1998* – Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. Казань, 1998.
- Валиуллин, 2005* – Валиуллин И. Мурад мулла // Татарские интеллектуалы. Казань, 2005.
- Валиуллин, 2009* – Валиуллин И. «На пожертвование в пользу Отечества» (Татарская община г. Казани в 1812 г.) // ГА-ЭВ. 2009. №1.
- Валиханов, 1985* – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т.4.
- Ван ден Берг, 2005* – Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2005.
- Васина, 2006* – Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.
- Васькин, 1973* – Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград. 1973.
- Введение, 1960* – Введение // Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX века. 1861–1904. Сборник документов. М.-Л., 1960.
- Верецагин, 1996* – Верецагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск, 1996.
- Верт, 2005* – Верт П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост. П.Верт, П.С.Кабытов, А.И.Миллер. М., 2005.
- Викторин, 1994* – Викторин В.М. Татары // Астраханские известия. 1994. №14 (170). 7 апр.
- Викторин, 2003* – Викторин В.М. Татары Астраханской области: страницы этнической истории // АСТРАПОЛИС. 2003. №1 (4).
- Викторин, 2006* – Викторин В.М. Ногайский этнический элемент в составе иных современных тюркских народов Поволжья и Приуралья // Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке. Мат. науч.-практ. конф. (г.Санкт-Петербург, СПбГУ, 2–4 ноября 2006 г.). СПб., 2006.
- Викторин, 2008* – Викторин В.М. Этнические «круговороты» и «схождения» в судьбах людей и их потомков. Пути из Среднего Поволжья, Поокья и Приуралья в низовья Волги и Предкавказье // Идель. 2008. 25 марта. №6 (713).
- Виноградова, 1982* – Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982.
- Вишленкова, 1997* – Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «особое мнение». Россия Александровской эпохи. Казань, 1997.
- Вишленкова, 2002* – Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.
- Владимирова, 2009* – Владимирова Л.М. Земские учреждения и татарское просвещение в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.
- Владимирова, 2011* – Владимирова Л.М. Участие мусульман-гласных в деятельности Самарского земства в 1865–1914 гг. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып.2. Казань, 2011.

- Владыкин, 1990* – Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С.35–49.
- Власть и реформы, 1996* – Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
- Водарский, 1972* – Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972.
- Водарский, 1973* – Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начала XX вв.). М., 1973.
- Водарский, 1979* – Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Население городов России в XVI – начале XX века (к вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.): Сб. статей. Таллин, 1979.
- Воробьев, 1925* – Воробьев Н.И. Казанские татары. (Этнографический очерк) // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925.
- Воробьев, 1929* – Воробьев Н.И. Кряшены и татары: некоторые данные по сравнительной характеристике быта // Отд. оттиск из журнала «Труд и хозяйство». 1929. №5.
- Воробьев, 1930* – Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань, 1930.
- Воробьев, 1953* – Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.
- Воробьева, 1997* – Воробьева Е.И. Христианизация мусульман Поволжья в имперской политике самодержавия // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века). М., 1997.
- Воробьева, 1998* – Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1998.
- Вортман, 2004* – Вортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: т.2. М., 2004.
- Востров, 1980* – Востров В., Масанов Н. Население // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. Алма-Ата, 1980.
- Выдро, 1976* – Выдро М.Я. Население Москвы (по материалам переписей населения 1871–1970 гг.). М., 1976.
- Габдельганеева, 2005* – Габдельганеева Г.Г. Полиграфия и печать в Казанской губернии. 1800–1917 гг. Казань, 2005.
- Габдельганеева, 2006* – Габдельганеева Г.Г. Книжная торговля в Казанской губернии. Вторая половина XVIII в. – 1917 г. Казань, 2006.
- Габдуллин, 2006* – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
- Габдуллин, 2010* – Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сб. статей. Вып.1. Казань, 2010.
- Газиз, 1994* – Газиз Г. История татар. М., 1994.
- Газизуллин, 1979* – Газизуллин Ф.Г. Дорогой к правде. (Социально-экономические интересы классов и татарская экономическая литература 1880–1917 гг.). Казань, 1979.
- Гайнуллин, 1955* – Гайнуллин М.Х. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955.
- Гайнуллин, 1975* – Гайнуллин М. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.
- Гайнуллин, 1975a* – Гайнуллин М.Х. Каюм Насыров: Очерк жизни и творчество. К 150-летию со дня рождения. Казань, 1975.
- Гайнуллин, 1983* – Гайнуллин М.Х. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань, 1983.
- Галанин, 2008* – Галанин С.Ф. Казань и казанцы: реклама второй половины XIX века. Казань, 2008.
- Галеев, 1997* – Галеев Н.Р. XIX век в истории Казанского татарского купечества // Культура и этика бизнеса: история, традиции, проблемы переходного периода: сб. Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 сентября 1997 года. Казань, 1997.
- Галеев, 2000* – Галеев Н. Татарские торгово-промышленные фирмы Казани (XIX – нач. XX вв.) // ГА-ЭВ. 2000. №1/2. С.251–259.
- Галиев, 1994* – Галиев В.З. Караванные тропы (из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX веков). Алматы, 1994.
- Галимзянов* – Галимзянов А. Татаро-марийское родство и в языке, и в генах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/tatarmari.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.
- Галушкин, 1961* – Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско, 1961.
- Галляутдинов, 1989* – Галляутдинов И.Г. Из истории башкирского литературного языка XIX – начала XX века // Исследования по башкирскому языку и письменной культуре Башкирии. Уфа, 1989.
- Ганиева, 2002* – Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань, 2002.
- Ганкевич, 1998* – Ганкевич В. На службе правде и просвещению. Симферополь, 1998.
- Ганкевич, 2000a* – Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.
- Ганкевич, 2009a* – Ганкевич В.Ю., Хайретдинова З.З. Развитие мусульманской общины в Таврической губернии // Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009.
- Гараева* – Гараева Н.Г. Арабографические рукописи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vatanum.ru/?an=vs112_book1. Дата обращения: 1.10.2012.
- Гараева, 1998* – Гараева Н.Г. Материалы «Вайфийат ал-аслаф...» Ш.Марджани по истории Поволжья // Марджани: тарих һәм хәзерге заман: Халыкара фәнни конференциясе материаллары = Марджани: наследие и современность: Материалы международной научной конференции. Казань, 1998.

- Гарзавина, 1993* – Гарзавина А. Читая Державина (Державин и Казань) // Г. Державин: История и современность. Казань, 1993.
- Гарипова, 2011* – Гарипова Р.Р. Политика брака и развода у Волго-Уральских мусульман в имперской России конца XIX – начала XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.
- Гарифуллин, 1996* – Гарифуллин И.Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. Тюмень, 1996.
- Гвоздикова, 1999* – Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999.
- Геллнер, 1991* – Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Купника. М., 1991.
- Генинг, Халиков, 1964* – Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
- Гибадуллина, 2008* – Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н.Новгород, 2008.
- Гилязутдинов, 2002* – Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып.1. Казань, 2002.
- Гилязутдинов, 2006* – Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып.2. Казань, 2006.
- Гилязутдинов, 2007* – Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып.3. Казань, 2007.
- Гимазова, 2004* – Гимазова Р.А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби (конец XIX – начало XX вв.). Казань, 2004.
- Глотов, 1929* – Глотов С.В. Сергачская деревня. Экономическое и санитарно-гигиеническое состояние селений Сергачского уезда Нижегородской губернии по материалам сплошного обследования ряда селений и состояния здоровья их жителей. Н.Новгород, 1929.
- Годовова, 2007* – Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг.: монография. Самара, 2007.
- Гозулов, 1972* – Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.
- Голикова, 1982* – Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М., 1982.
- Гольдберг, 1967* – Гольдберг Г., Мишуков Ф. и др. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. М., 1967.
- Гончаренко, 1984* – Гончаренко Л.Н. Крестьянское сословное управление в Казанской губернии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984.
- Гончаренко, 1994* – Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в. (Социально-экономическое исследование). Чебоксары, 1994.
- Гончаров, 2006* – Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул, 2006.
- Гончаров, Чутчев, 2004* – Гончаров Ю.И., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
- Гордлевский, 1922* – Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф. Катанова. 1862–1922 // Новый Восток. Кн.1. М., 1922.
- Гордон-Полонская, 1963* – Гордон-Полонская Л. История Пакистана. М., 1963.
- Горланов, 1986* – Горланов Л.Р. Удельные крестьяне в России 1797–1865 г.: Учеб. пособие по спецкурсу. Смоленск, 1986.
- Город, 1982* – Город, проблемы социального развития. Л., 1982.
- Городчанинов, 2002* – Городчанинов Г. Казанское ополчение // Республика Татарстан. 2002. 12 сент.
- Горохов, 1941* – Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. Казань, 1941.
- Григорьев, 1948* – Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национальной политики царизма в Татарии. Со второй половины XVI в. до февраля 1918 года // Материалы по истории Татарии: Сб. статей. Казань, 1948.
- Григорьев, 2002* – Григорьев С.Е., Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан // Россия и Восток. СПб., 2002.
- Гриценко, 1950* – Гриценко Н.П. Волнения рабочих на фабрике Акчурина // Уч. зап. УГПИ. Вып.4. Ульяновск, 1950.
- Гриценко, 1959* – Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Очерки. Грозный, 1959.
- Гришин, 1995* – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995.
- Гришин, 2001* – Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Р. Отчизны верные сыны. Казань, 2001.
- Гришин, 2005* – Гришин Я.Я. Татарский след в истории Литвы и Польши (XIV–XIX вв.). Казань, 2005.
- Гришкина, 2009* – Гришкина М.В. Город-завод и сельская округа Удмуртии в первой половине XIX века: взаимодействие и конфликт // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: Материалы II Всерос. (X межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009.
- Губаева, 1991* – Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX вв. Ташкент, 1991.
- Губайдуллин, 1925* – Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар. Вып.2. Казань, 1925.
- Губайдуллин, 1926* – Губайдуллин Г. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926.

- Губайдуллин, Губайдуллина, 1926* – Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар // ВНОТ. Казань, 1926. №6.
- Гулова, 1983* – Гулова Ф.Ф. Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики). Казань, 1983.
- Гусева, 2008* – Гусева Ю.Н. Переселенческое движение мусульман Самарской губернии в Турции в конце XIX – начало XX вв.: к истории вопроса // Фаизхановские чтения. Материалы четвертой научно-практической конференции: «Фаизхановские чтения. Н.Новгород, 2008.
- Давлетбаев, 1984* – Давлетбаев Б.С. К эволюции социально-политического положения тептярей в первой половине XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984.
- Давлетбаев, 1986* – Давлетбаев Б.С. Тептяри и их землепользование // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986.
- Давлетшина, 2004* – Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань, 2004.
- Давлетшина, 2001* – Давлетшина З.М. Татарское население Башкортостана. Этнодемографическое исследование. Уфа, 2001.
- Даишев, 1957* – Даишев С.И. Из истории классовой борьбы в деревне Казанской губернии в конце XIX века // УЗКГУ. Т.117. Кн.2. Вып.1. Казань, 1957.
- Даишев, 1978* – Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX века // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Октябрьский период. Йошкар-Ола, 1978.
- Даишев, 1980* – Даишев С.И., Смыков Ю.И. Социально-политическое и правовое положение национального крестьянства Поволжья во второй половине XIX в. // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. М., 1980.
- Даишев, 1981* – Даишев С.И. Классовая борьба в татарской деревне Казанской губернии во второй половине XIX века (Историография вопроса) // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С.117–123.
- Данциг, 1973* – Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
- Двоеносова, 2001* – Двоеносова Г.А. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь. Казань, 2001.
- Демидов, 1978* – Демидов С.М. Суфизм в Туркмении (Эволюция и пережитки). Ашхабад, 1978.
- Денисов, 1959* – Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
- Денисов, 2001* – Денисов П.В. Религиозный фактор в истории и традиционной культуре народов Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: Материалы региональной науч. конф. Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 г. Йошкар-Ола, 2001.
- Денисов, 2006* – Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. Всеросс. научно-практ. конф. (25 апреля 2006 г., Казань). Казань, 2006.
- Денисов, 2006а* – Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург, 2006.
- Денисов, 2008* – Денисов Д.Н. Исторические мечети Орска // Государство и религиозные объединения – социальное служение и партнерство: проблемы и пути их решения: мат. научно-практ. конф. / под общ. ред. В.В.Амелина. Оренбург, 2008.
- Денисов, 2009* – Денисов Д. Н. Мусульманская община Троицка во второй половине XVIII – начале XX вв. // Вестник ЧГУ. 2009. №10. История. Выпуск 39.
- Денисов, 2009а* – Денисов Д.Н. Абдрахманов Мансур // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / коллект. автор. Сост. А.Н.Старостин. Отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М., 2009.
- Денисов, 2009б* – Денисов Д.Н. Вакуфы на территории Оренбургского края // Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.
- Денисов, 2009в* – Денисов Д.Н. Троицкое мусульманское благотворительное общество // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / коллект. автор. сост. А.Н.Старостин. Отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М., 2009.
- Денисов, 2010* – Денисов Д.Н. Роль Оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // УЗКГУ. Т.152. Кн.3. Ч.2. Серия: Гуманитарные науки. С.68–78.
- Денисов, 2011* – Денисов Д.Н. Роль муллы в обеспечении религиозно-нравственных предписания (на материалах Оренбургской губернии) // URL: <http://orenport.ru/conf/files/39/527/report527.doc>. Дата обращения 10.07.2011.
- Димитриев, 1969* – Димитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Уч. зап. Чувашского НИИ». В.4. Чебоксары, 1969.
- Дихтяр, 1960* – Дихтяр Г.Л. Внутренняя торговля дореволюционной России. М., 1960.
- Дмитриев, 2004* – Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. №5 (542). С.180.
- Дмитриева, 1965* – Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских Институтов народов Азии. Т.1. История. М., 1965.
- Дмитриева, 2002* – Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской Академии наук. М., 2002.
- Добросмыслов, 1912* – Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения РГО. Оренбург, 1912. Вып.17. С.255–524.
- Добросмыслов, 1912а* – Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.
- Долбилов, 2010* – Долбилов Д.М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Дорофеев, 1988* – Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988.

- Дружинин, 1946* – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.1. М., 1946.
- Дружинин, 1958* – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.2. М., 1958.
- Дружинин, 1978* – Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978.
- Дружинин, 1987* – Дружинин Н.М. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862–1882 гг.) // Изб. тр. Социально-экономическая история России. М., 1987.
- Дубицкий, 1959* – Дубицкий А. Акмола – город славный. Исторический очерк. Акмолинск, 1959.
- Дюдуаньон, 1997* – Дюдуаньон С.А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность, 1997, №12.
- Дякин, 1998* – Дякин С. В. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
- Евсеев, 1925* – Евсеев М.Е. Мордва Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана: Сб. статей. Вып.2. Казань, 1925.
- Егизарова, 1959* – Егизарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959.
- Егоров, 1985* – Егоров Н.И. Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.
- Емельянова, 2001* – Емельянова Н. Ислам и армия в России // Вестник Евразии. 2001. №2.
- Еникеев, 1999* – Еникеев Саид мурза, князь. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999.
- Еникеев, 1948* – Еникеев А.К. О подготовке учительских кадров из нерусских народностей в дореволюционное время // Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. К.А.Тимирязова и Башкирской психиатрической больницы. Вып.2. Уфа, 1948.
- Ерофеева, 2000* – Ерофеева И.В. Южный Казахстан во внешнеполитической стратегии России и Англии на Среднем Востоке // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т.3. Алматы, 2000.
- Ефимов, 1986* – Ефимов А.В. Колористика / Теория композиции в советской архитектуре. М., 1986.
- Жанаев, 2010* – Жанаев Б.Т. Чала-казахи в XIX – начале XX вв.: происхождение, расселение, занятия // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э.Масанова. Алматы, 2010.
- Жданов, 1989* – Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989.
- Загидуллин, 1990* – Загидуллин И.К. К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // Национальный вопрос в Татарии в дооктябрьский период: Сб. статей. Казань, 1990.
- Загидуллин, 1992a* – Загидуллин И.К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. статей. Казань, 1992. С.60–84.
- Загидуллин, 2000* – Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000.
- Загидуллин, 2002* – Загидуллин И.К. Правила строительства мечетей, как элемент реализации религиозных прав мусульман Волго-Уральского региона в XIX в. // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Казань, 2002.
- Загидуллин, 2002a* – Загидуллин И.К. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 5 февраля 2002 г. Казань, 2002.
- Загидуллин, 2003* – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII – начало XX вв. Казань, 2003.
- Загидуллин, 2004* – Загидуллин И.К. Царизм и мусульманский вопрос в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX века // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе». Казань, 8–11 июня 2001 г. Истамбул, 2004.
- Загидуллин, 2006* – Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006.
- Загидуллин, 2006a* – Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань, 2006.
- Загидуллин, 2006b* – Загидуллин И.К. Махалля в промышленных поселениях в европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Татарские мусульманские приходы Российской империи: Материалы всероссийской научно-практической конференции, г.Казань, 27–28 сентября 2005 г. / редколлегия: И.К.Загидуллин (отв. ред. и сост.), Л.Ф.Байбулатова, Н.С.Хамитбаева. Казань, 2006.
- Загидуллин, 2007* – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007.
- Загидуллин, 2007a* – Загидуллин И.К. Мусульмане в г.Семипалатинске (XVIII–XIX вв.) // Сулеймановские чтения: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) / Под ред. А.П.Яркова. Тюмень, 2007.
- Загидуллин, 2008* – Загидуллин И.К., Гибадулина Э.М. Антиправительственные выступления сельского мусульманского населения Самарской губернии во второй половине XIX в. // Нация. Эпоха. Личность. Сборник памяти доктора исторических наук Г.Л.Файзрахманова. Казань, 2008.
- Загидуллин, 2009* – Загидуллин И.К. Мусульманское духовенство в Крымском ханстве // Сред-

невековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып.1. Казань, 2009.

Загидуллин, 2009a – Загидуллин И.К. Татарские купцы и выборы в 1883 г. заседателей Оренбургского магометанского духовного собрания // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009.

Загидуллин, 2010 – Загидуллин И.К. Урало-Поволжский регион как «внутренняя периферия» империи (управленческий контекст) // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010.

Загидуллин, 2011 – Загидуллин И.К. Татарские национальные элиты и власть: проблема выбора нового оренбургского муфтия в 1885 г. // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2011.

Загидуллин, 2011a – Загидуллин И.К. Многонациональное крестьянское движение в Волго-Уральском регионе как общественно-политическое явление (вторая половина XVI – XIX вв.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2: Материалы Всерос. науч. конф. «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)». Казань, 5–6 октября 2011 г. Казань, 2011.

Зайончковский, 1973 – Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.

Зайцев, 2006 – Зайцев Я.А. Миссионер и проповедник удмуртов Кузьма Андреев. Дипломное сочинение по Истории христианства в Казанском крае студента V курса Казанской духовной семинарии Зайцева Я.А. науч. рук. Е.В.Липаков. Казань, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yagul.orthodoxy.ru/content/view/55/45/>. Дата обращения: 23.9.2012.

Зайцева, 1996 – Зайцева Ирина. Первая мечеть г. Ижевска // ЭВ-ГА. 1996. №3–4, С.240–243.

Зарконе, 1997 – Зарконе Тьерри. Суфизм в татарском мире в начале XX века (Муса Ярулла Бигиев и один из полемических аспектов этой проблемы) // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы междунар. симпозиума, Казань 29 апреля–1 мая 1996 г. Казань, 1997.

Зеленева, 2011 – Зеленева Г.С. Исторический обзор межконфессиональных отношений в Марийском крае дореволюционного периода // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып.2. Казань, 2011.

Зеткина, 2002 – Зеткина И.А. Национальное просветительство Поволжья // Педагогика. 2002. №8.

Зияев, 1968 – Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVI–XIX вв.). Ташкент, 1968.

Зобов, 1997 – Зобов Ю.С. Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40–50-е гг. XVIII в.) // Татары в Оренбургском крае. Оренбург, 1997.

Золотарев, 1999 – Золотарев Д.Ю. Изучение истории крымскотатарской эмиграции в период существования Крымской АССР (1921–1941 гг.) //

Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы (Материалы международной научной конференции). Симферополь, 1999.

Золотые, 2001 – Золотые страницы купечества, промышленности и предпринимательства Татарстана: в 2 т. Казань, 2001.

Зорин, 2001 – Зорин А.Н. Города и посады до-революционного Поволжья. Казань, 2001.

Ибнеева, 2006 – Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: Опыт освоения имперского пространства. Казань, 2006.

Ибрагимов, 1926 – Ибрагимов Г.Г. Татары в революции 1905 года / пер. с татар. яз. Г.Мухамедовой; под ред. Г.Ф.Линсера. Казань, 1926.

Ибрагимов, 2006 – Ибрагимов Д.И. Значение документов Османского архива для изучения истории татарского народа и других народов Поволжья // ГА-ЭВ. 2006. №1.

Иванов, 1962 – Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. Очерк жизни и деятельности (1862–1922). М.; Л., 1962.

Иванов, 1971 – Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

Иванов, 1984 – Иванов В.П. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях (Необходимые интерпретации некоторых фактов, приведенных в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.

Иванов, 1999 – Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начале XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.

Иванов, 2000 – Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваша: этническая история и традиционная культура. М., 2000.

Иванов, 2005 – Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005.

Игнатович, 1963 – Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963.

Идиатуллов, 2010 – Идиатуллов А.К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). Ульяновск, 2010.

Идиятуллина, 2005 – Идиятуллина Г. Абу-н-Наср `Абд ан-Насир ал-Курсави: Наставление людей на путь истины. Казань, 2005.

Идиятуллина, 2006 – Идиятуллина Г. Абу ан-Наср Курсави. Казань, 2006.

Идрисов, 1997 – Идрисов У.Ю., Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.И. Из истории Нижегородских мусульманских общин XIX – 30-х годов XX века. Н.Новгород, 1997.

Идрисов, 2011 – Идрисов Э.Ш. «Ногайский мир» юга России в межтюркских связях XVIII–XIX веков // Астраханские краеведческие чтения. Вып.3. Астрахань. 2001. С.313–317.

Изместьева, 1991 – Изместьева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX вв. М., 1991.

- Имашева, 2012* – Имашева М.М. Астраханская татарская управа в системе городского самоуправления города Астраханская в I половине XIX века // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.). Сб. статей / под науч. ред. Е.В.Годовой, С.В.Любичанковского. Оренбург, 2012.
- Ислаев, 2004* – Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. М., 2004.
- Ислам, 2001* – Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001.
- Ислам, 2006* – Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань, 2006.
- Исламов, Баширова* – Исламов Ф., Баширова Н. Татарско-марийские культурные и педагогические связи. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tataroved.ru/publicat/fu_3.pdf. Дата обращения: 21.05.2012.
- Исламо-христианское, 1994* – Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения: Сб. статей / под ред. Я.Г.Абдуллина. Казань, 1994.
- Исламские финансы, 2004* – Исламские финансы в современном мире (Экономические и правовые аспекты). М., 2004.
- Исторические, 2011* – Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.
- История Башкортостана, 1996* – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х.Ф.Усманов. Уфа, 1997.
- История Башкортостана, 2004, т.1-2* – История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / И.Г.Акманов, Н.М.Кулбахтин, А.З.Асфандияров и др.; Под ред. И.Г.Акманова. Т.1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004.
- История городов, 1984* – История городов Казахстана: Семипалатинск / Отв. ред. А.С.Елагин. Алма-Ата, 1984.
- История Казани, т.1* – История Казани. В 2-х т. Т.1. Казань, 1988.
- История Казахской, 1957* – История Казахской ССР. Т.1. Алма-Ата, 1957.
- История казачества Урала, 1992* – История казачества Урала: Учеб. пособие для казачьих воскресных школ. Оренбургское казачье войско / ред. В.Ф.Мамонов. Оренбург-Челябинск, 1992.
- История СССР, т.5* – История СССР. В 12 т. Т.5. М., 1968.
- История Татарской АССР, 1951* – История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Т.1. Казань, 1951.
- История торговли, 1913* – История торговли и промышленности в России. СПб., 1913. Т.2. Вып.7.
- История торговли, т.1, вып.5* – История торговли и промышленности в России / под ред. П.Х.Спасского. Т.1. Вып.5. СПб., 1913.
- История уделов, т.2* – История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.2. СПб., 1902.
- История Удмуртии, 2004* – История Удмуртии. Конец XV– начало XX вв. / под ред. К.И.Куликова. Ижевск, 2004.
- История Узбекской, 1968* – История Узбекской ССР. Ташкент, 1968.
- История Уфы, 1981* – История Уфы. Краткий очерк / под ред. Р.Г.Ганеева (отв. ред.), В.В.Болтушкина, Р.Г.Кузеева. Уфа, 1981.
- История, 1955* – История Татарской АССР: в 2 т. Т.1. Казань, 1955.
- История, 1968* – История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.
- История, 1973* – История Татарской АССР / под ред. М.К.Мухарямова. Казань, 1973.
- История, 1980* – История Татарской АССР / под ред. М.К.Мухарямова. Казань, 1980.
- История, 1990* – История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
- История, 1997* – История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
- История, 2003* – История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX века). Казань, 2003.
- История, 2003а* – История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). Казань, 2003.
- История, 2011* – История башкирского народа: в 7 т. Т.1. СПб., 2011.
- Источники, 2009* – Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.
- Источниковедение, 1998* – Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской империи / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998.
- Исхаков, 1960* – Исхаков Г.И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Н.Ф.Катанова (1862–1922) // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения: Тезисы докладов и сообщений на межвуз. науч. конф., посв. 40-летию ТАССР (6, 7, 8 июня 1960 года). Казань, 1960.
- Исхаков, 1979* – Исхаков Д.М. Тепляри. Опыт этноисторического изучения // СЭ. 1979. №4.
- Исхаков, 1980* – Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // СЭ. 1980. №4.
- Исхаков, 1992* – Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX вв. // Астраханские татары. Казань, 1992. С.5–33.
- Исхаков, 1993* – Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань, 1993.
- Исхаков, 1993а* – Исхаков Д.М. Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв. // Молькеевские кряшены. Казань, 1993.

- Исхаков, 1993б* – Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993.
- Исхаков, 1997* – Исхаков Д. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.
- Исхаков, 1997а* – Исхаков Д. Феномен татарского джадидизма: введение в социокультурному осмыслению. Казань, 1997.
- Исхаков, 2001* – Исхаков Д.М. Структура татарской этнической общности // Татары. М., 2001.
- Исхаков, 2003* – Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в Российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. М., 2003.
- Исхаков, 2004* – Исхаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. Казань, 2004.
- Исхаков, 2007* – Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульман Российской империи. М., 2007.
- Исхаков, 2009* – Исхаков Р.Р. Православные миссионеры и этноконфессиональные процессы среди крещеных татар Волго-Камского края во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения. Материалы 8 международной конференции (21–23 ноября 2009). Горно-Алтайск, 2009.
- Исхаков, 2009а* – Исхаков Р.Р. Формы и методы борьбы государства и православной церкви с исламизацией коренных народов Среднего Поволжья в пореформенный период (на материале Казанской, Симбирской и Вятской губерний) // Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.
- Исхаков, 2011* – Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011.
- Исхакова, 2001* – Исхакова Р.Р. Педагогическое образование в Казанской губернии в середине XIX в. – начале XX в. Казань, 2001.
- Исхакова-Вамба, 1997* – Исхакова-Вамба Р.А. Татарское музыкальное творчество. Казань, 1997.
- Ишмухаметов, 1979* – Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань, 1979.
- Йылмаз, 2009* – Йылмаз Хасан Камиль. Золотая сила. Пер. с тур. М., 2009.
- Кабо, 1949* – Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). М., 1949.
- Кабузан* – Кабузан В. Население Приволжского федерального округа Российской Федерации в XVII–XX вв. в его современных границах (численность, этнический, сословно-классовый состав). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a119-g1.htm>. Дата обращения: 14.08.2012.
- Кабузан, 1959* – Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX в. (1718–1858 г.) // История СССР, №5. М., 1959. С.128–140.
- Кабузан, 1962* – Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып.1: Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962.
- Кабузан, 1971* – Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М., 1971.
- Кабузан, 1992* – Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992.
- Кабузан, 2002* – Кабузан В.М. Крепостное население России в XVIII – 50-х годах XIX века (численность, размещение, этнический состав). М., 2002.
- Кабытов, 1981* – Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1981.
- Кабытов, 1982* – Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982.
- Казимов, 1980* – Казимов А.С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980.
- Калиев, 2003* – Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари: феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола, 2003.
- Каппелер, 1996* – Каппелер А. Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. №2. С.203–210.
- Каппелер, 1996* – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С.Червоная. М., 1996.
- Каппелер, 2000* – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С.Червоная. М., 2000.
- Каппелер, 2005* – Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост. П.Верт, П.С.Кабытов, А.И.Миллер. М., 2005.
- Каппелер, 2012* – Каппелер Андреас. Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв. / сост. и отв. ред. Стефан А.Дюдуаньон, Ксавье Ле Торривеллек, Ольга Н.Сенюткина. Н.Новгород, 2012.
- Каримов, 2009* – Каримов Т.А. Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.
- Каримуллин, 1971* – Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги: (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань, 1971.
- Каримуллин, 1974* – Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974.
- Каримуллин, 1983* – Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983.

Каримуллин, 1984 – Каримуллин А.Г. Из истории печатного слова. Казань, 1984.

Каримуллин, 1985 – Каримуллин А.Г. Книги и люди: исследование. Казань, 1985.

Каримуллин, 1992 – Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX века. 2-е изд., испр. и перераб. Казань, 1992.

Каримуллин, 1993 – Каримуллин А.Г. Татарский фольклор. Аннотированный указатель в двух частях. Ч.1. Казань, 1993.

Каримуллина, 1993 – Каримуллина Д.Б., Ширгазин А.Р. Приемы регулирования застройки малых населенных мест Башкирии (XIX – начало XX вв.) // Башкирский край: Сб. статей. Вып.3. Уфа, 1993.

Карташова, 2006 – Карташова М.В. Разработка законодательства в области кустарной промышленности в 70–90-е годы XIX в. // Индустриальное наследие: Материалы II Междунар. науч. конф. г.Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г. Саранск, 2006.

Касимов, 2012 – Касимов Р.Н., Пислегин Н.В. История и особенности исламской культуры в Удмуртии: Научно-метод. пособие. Ижевск, 2012.

Каспэ, 2001 – Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.

Касымбаев, 1971 – Касымбаев Ж. Численность и состав населения Семипалатинска в XVIII–XIX вв. // Известия АН Казахской ССР. Сер. общественная. №3. Алма-Ата, 1971.

Кафенгауз, 1958 – Кафенгауз Б.В. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958.

Кашапов, 2010 – Кашапов Р. Татарская Маньчжурия // Время и деньги. 2010. №118 (3312).

Каюм, 1948 – Каюм Насыри, 1825–1945 (материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения). Казань, 1948.

Кемпер, 2008 – Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.

Кемпер, Усманова, 2001 – Кемпер М., Усманова Д. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // ГА-ЭВ. 2001. №3–4.

Керимов, 1999 – Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999.

Кефели, 2005 – Кефели-Клай А. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост. П.Верг, П.С.Кабытов, А.И.Миллер. М., 2005.

Кидирнязов, 1999 – Кидирнязов Д.С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. Махачкала, 1999.

Кириллова, 1986 – Кириллова Л.И. Масштаб и масштабность. Теория композиции в современной архитектуре. М., 1986.

Кисмина, 2006 – Кисмина Е.В. Городские общественные банки и ипотечное кредитование в Российской империи (вторая половина XIX в.): на материалах Самарской губернии // Экономическая

история: проблемы, поиски, решения. М.–Волгоград, 2006.

Китанина, 1978 – Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки продовольственной политики. Л., 1978.

Классика, 2007 – Классика самарского краеведения. Антология. Вып.3. К.П.Головкин. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / под научн. ред. П.С.Кабытова и Э.Л.Дубмана. Самара, 2007.

Клейн, 1972 – Клейн Н.Л. Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

Клейн, 1981 – Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981.

Клейн, 1994 – Клейн Н.Л. Предприниматели и предпринимательство в России. Самара, 1994.

Клеянкин, 1978 – Клеянкин А.В. Лашманы // ВИ. 1978. №6.

Климович, 1936 – Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

Кобзев, 2004 – Кобзев А.В. Татары-мусульмане Среднего Поволжья: этническая идентичность и слухи о насильственном крещении // ВЕ. 2004. №3.

Кобзев, 2005 – Кобзев А.В. Конфессиональный фактор в отношениях татар-мусульман с православными христианами (по материалам Симбирской губернии второй половины XIX – XX вв.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005.

Кобзев, 2007 – Кобзев А.В. Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX – начале XX века // ОИ. 2007. №5.

Кобзев, 2007а – Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н.Новгород, 2007.

Кодан, 2003 – Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в первой половине XIX века, детерминанты, направления, институты // Правоведение. 2003. №2 (247).

Козлов, 1969 – Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

Кононов, 1982 – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л., 1982.

Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979.

Корелин, 1981 – Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1981.

Коричев, 1924 – Коричев С.А. Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1924.

Коробейников, 2008 – Коробейников А.В. Удмуртский фольклор из собрания Бориса Гаврилова

[Электронный ресурс]. Ижевск, 2008. 1 электрон. опт. диск.

Кортунов, 2009 – Кортунов А.И. Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII–XIX вв.). Уфа, 2009.

Корусенко, 2006 – Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2006.

Косолапов, 1905 – Косолапов В.Н. Кустарные промыслы в Казанской губернии. Казань, 1905. Вып.7.

Косымбаев, 1998 – Косымбаев Ж., Агубаев Н. История Акмолы (XIX – начало XX века): исследование, источники, комментарии. Алматы, 1998.

Котков, 1999 – Котков В.М. Религиозно-нравственное воспитание и досуг военнослужащих в русской армии: учеб. пособие. СПб., 1999.

Край, 2007 – Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. Оренбург, 2007.

Красножен, 1900 – Красножен М. Иноверцы на Руси: Т.1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900.

Крачковский, 1958 – Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т.5. М.-Л., 1958.

Крестьянство Сибири, 1982 – Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Крюкова, 1956 – Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.

Кузеев, 1868а – Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБН. Т.3. Уфа, 1968.

Кузеев, 1968 – Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в XX–XIX вв. // АЭБН. Т.3. Уфа, 1968.

Кузеев 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992.

Кузьмин, 1977 – Кузьмин В.В., Смыков Ю.И., Халиков А.Х. Казань. Путеводитель. Казань, 1977.

Куликова, 1994 – Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1994.

Кульшарипов, 2004 – Кульшарипов М.М. Политика царизма в Башкортостане в 1775–1832 гг. Уфа, 2004.

Курмансеитова, 2004 – Курмансеитова А.Х. Газета «Идел» – печатный орган джадидистов Нижнего Поволжья // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 9–10 июля 2004 г. Астрахань, 2004. С.77–81.

Кэмпбелл (Воробьева), 2001 – Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения и проблемы // Из. М., 2001. Т.4 (122).

Лаверычев, 1964 – Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М., 1964.

Лаверычев, 1974 – Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974.

Лаззерины, 2011 – Лаззерины Э. Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.

Ланда, 1995 – Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Лапин, 1991 – Лапин В.В. Военные расходы России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991.

Лапин, 2001 – Лапин В. Армии империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX вв. // Ab Imperio. 2001. №4.

Лаппо, 1994 – Лаппо Г.М. Города России: этапы формирования городской сети // География в школе. 1994. №2.

Лигенко, 2001 – Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001

Линдегрэн – Линдегрэн. Царство животных Чистопольского уезда Казанской губернии // АГО. Р.14. Оп.1. №42.

Линков, 1952 – Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952.

Липаков, 2007 – Липаков Е.В. Казанская духовная семинария: исторический очерк. Казань, 2007.

Литвак, 1979 – Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.

Лобачева, 1995 – Лобачева Н.П. Огни Сафара в Хорезме (о забытых праздниках // ЭО. 1995. №5.

Лобачева, 2001 – Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001.

Лунин, 1966 – Лунин Б.В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан (Иван) Ибрагимов // Общественные науки в Узбекистане. 1966. №7.

Луппов, 1911 – Луппов П.Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Луппов, 1911а – Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Лысенко, 2001 – Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001.

Людмилин, 1932 – Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах. 1905 г. в бывшей Казанской губернии. Казань, 1932.

Лященко, 1950 – Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.1. М., 1950.

Мазитова, 1972 – Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань, 1972.

Мазитова, 1989 – Мазитова Н.А. М.А.Машанов и проблемы исследования ислама в Казани в конце XIX – начале XX в. // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989.

Макаров – Макаров Г. О культуре протокрышен до XVI века. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kryashen.ru/rus.php?nrus=article_text&id=194. Дата обращения: 4.11.2012.

Макаров, 2001 – Макаров Г.М. Перспективы развития традиционной культуры крышен в современных условиях // Материалы научно-практической конференции «Этнические и конфессиональные традиции крышен: история и современность». Казань. 2001.

Макарьевско-Нижегородская ярмарка, 1997 – Макарьевско-Нижегородская ярмарка. Очерки истории. Н.Новгород, 1997.

Малашенко, 1998 – Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Малашенко, 2001 – Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

Малашенко, 2007 – Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007.

Мальшева, 1981 – Мальшева М.П. Города Западной Сибири в описаниях Ф.Тышкова (конец 50-х – начало 60-х годов XIX в. // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1981.

Мамлеева, 2007 – Мамлеева Д.Х. Книжные и периодические издания Астрахани конца XIX – начала XX века // Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее, будущее. К 100-летию выхода первого номера газеты «Идель» и 140-летию со дня рождения А.Умерова: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 19 мая 2007 г. / отв. ред. С.Р.Базанова, А.Н.Родин. Астрахань, 2007.

Мараш, 2005 – Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Пер. с турец. Казань, 2005.

Марискин, 2004 – Марискин О.И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск. 2004.

Марискин, 2007 – Марискин О.И. Налогообложение и торговая активность крестьянства России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Индустриальное наследие: Материалы III Междунар. науч. конф., 28 июня – 1 июля 2007 г., г.Выкса. Саранск, 2007.

Маркова, 2007 – Маркова В.А. Деятельность органов Министерства государственных имуществ в Самарской губернии (1867–1917 г.). Самара, 2007.

Март, 1935 – Март Н.Я. Избранные труды. Т.5. М.-Л., 1935.

Масаев, 1998 – Масаев М.В. К годовщине Бородинского сражения. Крымскотатарские конные полки в Отечественной войне 1812 года и в аграрных освободительных походах русской армии 1813–1814 годов // Отечество. 1998. №6.

Масанов, 1966 – Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

Масиньон, 1978 – Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература: Сб. статей зарубежных ученых. М., 1978.

Матвиевский, 1962 – Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторический очерк. Оренбург, 1962.

Материалы симпозиума, 1996 – Материалы симпозиума «История арабской печати». Дубай, 1996.

Маторин, 1929 – Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество – Ислам – Православие – Сектанство. М.-Л., 1929.

Махмутова, 1982 – Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса (1861–1917)). Казань, 1982.

Махмутова, 2003 – Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллинских Буби. Казань, 2003.

Махмутова, 2006 – Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение). Казань, 2006.

Махмутова, 2009 – Махмутова А.Х. Медресе «Мухаммадия»: этапы развития // Образование и просвещение в губернской Казани: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2009.

Махрова, 1999 – Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1999.

Маузуто, 2004 – Маузуто К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.

Медресе, 2008 – Медресе «Мухаммадия»: преемственность традиций. Татарнын белем учагы – «Мөхәмәдия»: материалы науч.-практ. конф., посв. 125-летию медресе «Мөхәмәдия» и 150-летию Г.Баруди, 25 октября 2007 г. Казань, 2008.

Мельников, 1993 – Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Н.Новгород, 1993.

Меркушин, 2002 – Меркушин А.В. Государственные крестьяне Пензенской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. Саранск., 2002.

Мечети, 2006 – Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII в. – 1917 г.); материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25 апреля 2006 г., г.Казань). Казань, 2006.

Милюков, 1994 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.1. М., 1994.

Миннуллин, 2003 – Миннуллин З.С. Татарские благотворительные общества во 2-ой половине XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2002 г. СПб., 2003.

Миннуллин, 2006 – Миннуллин З.С. Благотворительные общества и проблема заката у татар (конец XIX – XX вв.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г.Казань, 27–28 сентября 2005 г. Казань, 2006.

- Миннуллин, 2007* – Миннуллин З.С. Этапы развития и количественная характеристика мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2005–2006 гг. СПб., 2007.
- Миронов, 1985* – Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия XVIII–XIX вв. Л., 1985.
- Миронов, 1990* – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- Миронов, 1999* – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т.1.
- Мирсаитова, 2000, ч.1* – Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: В 2 ч. Екатеринбург, 2000. Ч.1.
- Мирсаитова, 2000, ч.2* – Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: В 2 ч. Екатеринбург, 2000. Ч.2.
- Мирхаев, 2007* – Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX веков). Казань, 2007.
- Михайлов, 2004* – Михайлов С.М. Собрание сочинений / сост. В.Д.Дмитриев. Чебоксары, 2004.
- Михайлова, 1972* – Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800–1861). Казань, 1972.
- Михайлова, 1979* – Михайлова С.М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX в.). Казань, 1979.
- Михалева, 1982* – Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. 2-я половина XVIII – 1-я половина XIX вв. Ташкент, 1982.
- Кемпер, 2008* – Михаэль Кемпер. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И.Гилязова, науч. ред. Д.Шагавиев. Казань, 2008.
- Моисеев, 2003* – Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Мокшин, 1998* – Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998.
- Мокшин, 2006* – Мокшин Н.Ф. Мордва // Tartarica. Казань; М.; СПб., 2006.
- Молотова, 2010* – Молотова Т.Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // ЭО. 2010. №6.
- Молотова, 2011* – Молотова Т.Л. Об особенностях культуры марийцев Татарстана // Музейный вестник. №5. Йошкар-Ола, 2011.
- Молькеевские, 1993* – Молькеевские крышены. Казань, 1993.
- Мордвинкина, 1960* – Мордвинкина А.И. К истории культуры овса в СССР // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб.4.
- Морозан, 2007* – Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007.
- Морозов, 1936* – Морозов И.Л. Экономика татарской пореформенной деревни и массовое движение татарского крестьянства в Татарии в 50–70-х годах XIX в. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Вып.1. М.-Л., 1936.
- Мудрак, 2009* – Мудрак О. Классификация тюркских языков и диалектов // Orientalia et Classica: Труды Ин-та вост. культур и античности. Вып.23. М., 2009.
- Мусульманская Средняя Азия, 2004* – Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004.
- Муфтийзаде, 2000* – Муфтийзаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г. // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2000.
- Мухамедова, 1972* – Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. М., 1972.
- Мухамедова, 2008* – Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. Казань, 2008.
- Мухаметдинов, 2004* – Мухаметдинов Р.Ф. Юсуф Акчурра // Татарские интеллектуалы. Казань, 2004.
- Мухаметзянов, 2002* – Мухаметзянов А. Татары Восточного Казахстана // Татарстан. 2002. №8–9.
- Мухаметзянова, 2008* – Мухаметзянова Д.С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань, 2008.
- Мухаметшин* – Мухаметшин Ю.Г. Материалы по истории деревень пермских татар. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://barda-perm.narod.ru/kitaplar/permtatar/pril1.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.
- Мухаметшин, 1977* – Мухаметшин Ю.Г. Татары-крышены: историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX вв. М., 1977.
- Мухаметшин, 1985* – Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар Среднего Поволжья и Приуралья // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.
- Мухаметшин, 1998* – Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. Казань, 1998.
- Мухаметшин, 2003* – Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань, 2003.
- Мухаметшин, 2005* – Мухаметшин Р.Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. Казань, 2005.
- Мухаметшин, 2005a* – Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005.
- Мухаметшин, 2005b* – Мухаметшин Р.М. В поисках идеологической идентичности // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Казань, 2005.
- Мухаметшин, 2006* – Мухаметшин Р.М. Мусульманская община как источник и цитадель татарского традиционализма // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006.
- Мухамметдинов, 2000* – Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция (Трансформация националь-

ной идеи в татарском обществе первой трети XX века). Казань, 2000.

Нагайбаки, 1995 – Нагайбаки: Сб. статей. Казань, 1995.

Наганава, 2006 – Наганава Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией оренбургского магометанского Духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006.

Наганава, 2011 – Наганава Н. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие волго-уральских мусульман в войнах последнего десятилетия существования Российской империи // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. / под ред. Наганава Норихиро, Усмановой Д.М., Хамамото Мами. М., 2011.

Наганава, 2012 – Наганава Норихиро. Мактаб или Школа? Введение всеобщего начального образования в среде Волго-Уральских мусульман // Научный Татарстан. 2012. №1.

Назмиева, 2007 – Назмиева А.А. Архитектура сада мусульманского населения Старотатарской слободы г.Казани // Материалы 59-й республиканской научной конференции КГАСУ. Сборник научных трудов докторантов и аспирантов. Казань, 2007.

Найт, 2005 – Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С.146–188.

Насипов – Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a279.php>. Дата обращения: 21.05.2012.

Насыри, 1977 – Насыри К. Избранные произведения. Казань, 1977.

Насыров, 2005 – Насыров И. Ислам и военная служба в России // Ислам. 2005. №1.

Нафигов, 1964 – Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964.

Нафигов, 1989 – Нафигов Р.И. Неизвестные страницы истории. Казань, 1989.

Национальные, 1997 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997.

Нигамедзинов, 2003 – Нигамедзинов Ф.Ф. Купеческое сословие России на рубеже XIX–XX веков. Казань, 2003.

Нигамедзинов, 2005 – Нигамедзинов Ф.Ф. Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Казань, 2005.

Нигматуллин, 1959 – Нигматуллин С.Н. О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20-х и 30-х годах XIX века // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.

Нигмедзянов, 2003 – Нигмедзянов М.Н. Татарская народная музыка. Казань, 2003.

Николаев, 1998 – Николаев Г.А. Предприимчивые люди средневожской многонациональной

деревни в конце XIX – начале XX в. (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы науч. конф. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998.

Николаев, 2003 – Николаев Г.А. Типы, модификация и структура поземельной общины среднего Поволжья в начале XX в. // Регионоведение. 2003. №3. С.301–315.

Николаев, 2006 – Николаев Г.А. Экономический строй крестьянских хозяйств Среднего Поволжья рубежа XIX–XX веков: этнокультурные и локальные особенности // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006.

Николаев, 2009 – Николаев Г.А. Средневожская деревня в конце XIX – в начале XX века: этническая ситуация и ассимиляционные процессы // ЧГВ. 2009. №4.

Николаев, 2010 – Николаев Г.А. Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // ЧГВ. 2010. №5.

Никольский, 1925 – Никольский Н.В. Чуваши // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925.

Никольский, 2004 – Никольский Н.В. Собр. соч. Т.1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / сост. Г.Б.Матвеев. Чебоксары, 2004.

Никольский, 2007 – Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007.

Нисияма, 2003 – Нисияма К. Принятие ислама крещеными татарами и православная церковь: этнокультурное противостояние на Среднем Поволжье в середине XIX в. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сарго, 2003.

Ноак, 1998 – Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // ОИ. 1998. №5.

Новиков, 1977 – Новиков Ф.А. Беседы о мастерстве зодчего // Панорама Искусств. №10. М., 1977.

Ногманов, 2003 – Ногманов А. Мусульмане Волго-Уральского региона в Российской законодательстве XIX в. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / под ред. Камитако Мацузато. Сарго, 2003.

Ногманов, 2005 – Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Казань, 2005.

Нугманова, 2002 – Нугманова Г.Г. Татарские усадьбы в застройке Казани // Татарские слободы Казани: Очерки истории. Казань, 2002.

Нужна ли реформа, 2004 – Нужна ли реформа исламу? Казань, 2004.

Нуриева, 2011 – Нуриева Ф. Старотатарский литературный язык // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Казань, 2011.

- ОМДС, 2011* – ОМДС и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань, 2011.
- Орлов, 2000* – Орлов В.В. Городские общественные банки Чувашии во второй половине XIX – начале XX веков // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы науч. конф. Чебоксары, 2000.
- Отечественная история, 1996* – Кавказская война // Отечественная история: В 5 т.: Т.2.: Д–К. М., 1996.
- Очерки истории, 2010* – Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н.Данилова и П.С.Кабытова. Саратов, 2010.
- Очерки, 1959* – Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959.
- Очерки, 1973* – Очерки истории партийной организации Татарии. Изд.2-е. Казань, 1973.
- Очерки, 2002* – Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. М., 2002. Т.1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания.
- Очерки, 2010* – Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н.Данилова и П.С.Кабытова. Саратов, 2010
- Панин, 1960* – Панин Г.А. «Списки населенных мест» Российской империи как исторический источник // Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С.179–192.
- Пермские, 1983* – Пермские татары: Сб. статей. Казань, 1983.
- Петренко, 1984* – Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- Петровский-Штерн, 2003* – Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003.
- Петропавловск, 1985* – Петропавловск. Из серии: История городов Казахстана. Алма-Ата, 1985.
- Пислегин, 2010* – Пислегин Н.В. Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2010.
- Пислегин, 2011.* – Пислегин В.Н. Некоторые заметки о татарах «удмуртских» уездов Вятской губернии в дореволюционную эпоху // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.
- Поволжье, 2007* – Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л.Дубмана, П.С.Кабытова. Самара, 2007.
- Погодин, 2000* – Погодин П.М. Дорожные записки // Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. Н.Новгород, 2000.
- Покровский, 1947* – Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Полубояров, 1995* – Полубояров М.С. Заселение Пензенского края в XVII – начале XVIII вв. // Земство. Историко-краеведческий журнал. Пенза, 1995. №2.
- Приуральские, 1990* – Приуральские татары. Казань, 1990.
- Промышленность, 1991* – Промышленность России на рубеже XIX–XX вв. М., 1991.
- Проскуракова, 2006* – Проскуракова Н.А. Экономическая модернизация России XIX – начало XX в. (теоретико-методологический аспект) // Индустриальное наследие. Сборник материалов II Международной научной конференции. Г.Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г. Саранск, 2006.
- Прусс, 1979* – Прусс Н.М. Критический анализ миссионерской педагогики. Казанский край: конец XIX века // Педагогическая мысль в Казанском крае в конце XIX – начале XX века: Сб. статей. Казань, 1979. С.43–51.
- Рабочий, 1981* – Рабочий класс в Татарии (1861–1980 гг.). Казань, 1981.
- Разгон, 1998* – Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1998.
- Раимов, 1941* – Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии. М., 1941.
- Раимов, 1943* – Раимов Р.М. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1943.
- Рамазанова, 1984* – Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984.
- Рафикова, 2004* – Рафикова Г. «Волнение возникло из заблуждений и ошибок» (Сулеевское восстание 1885 г.) // ГА-ЭВ. 2004. №2.
- Рахим, 1928* – Рахим А. К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г. // ВНОТ. 1928. №8.
- Рахим, 2004* – Рахим Али. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд: Сб. статей. Казань, 2004.
- Рашин, 1956* – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1911). Статистические очерки. М., 1956.
- Рахимов, 1991* – Рахимов С. Медресе «Галия» // Идель. 1991. №1.
- Рахимов, 1992* – Рахимов Р.Н. Тептярские полки в Отечественной войне 1812 года // «Любезные вы мои...». Уфа, 1992.
- Рахимов, 1996* – Рахимов Р.Н. К вопросу об участии 1 Башкирского и 1 Тептярского полков в Бородинском сражении // Башкиры и Оренбуржье: история и современность (к 150-летию Караван-Сарая). Уфа, Оренбург, 1996.
- Рахимов, 1997* – Рахимов С. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII – нач. XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.
- Рахимов, 2002* – Рахимов Р.Н. Доблестные сыны Урала в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 2002. №9.
- Рахимов, 2003* – Рахимов Р.Н. Проекты реформ Башкиро-мещеряцкого войска. Первая половина XIX века // Victoria. Gloria. Fama: Сб. материалов междунар. науч. конф., посв. 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2003. Ч.III.
- Рахимов, 2008* – Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008.

- Рахматуллин, 1974* – Рахматуллин У.Х. К вопросу о припуске на башкирские земли // Страницы по истории Башкирии. Уфа, 1974.
- Рахматуллин, 1988* – Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.
- Рашин, 1956* – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1911). Статистические очерки. М., 1956.
- Резван, 1991* – Резван Е.А. Коран и корановедение // Ислам. Историографический очерк / под ред. С.М.Прозорова. М., 1991.
- Резван, 2006* – Резван Е.А. ал-Хадж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Т.1 / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. М., 2006.
- Ремнев, 2000* – Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio*. 2000. №3/4.
- Республика Татарстан, 2001* – Республика Татарстан. 1920–2000 гг. Статистический сборник / Госкомстат Республики Татарстан. Казань, 2001.
- Римский, 1996* – Римский С.В. Церковная реформа Александра II // *ВИ*. 1996. №4.
- Рогачев, 2002* – Рогачев В.И. Истоки (К проблеме историко-культурного и филологического наследия М.Е.Евсевьева). Саранск, 2002.
- Родин, 1975* – Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975.
- Роднов, 2002* – Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.
- Роднов, 2008* – Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008.
- Роднов, 2011* – Мусульманское крестьянство нижнебельского левобережья к 1920 году (на примере Илишевской волости) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.
- Рожкова, 1949* – Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.-Л., 1949.
- Рожкова, 1958* – Рожкова Н.А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // *История СССР*. 1958. №2.
- Роль, 2006* – Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: материалы межрегиональной науч.-прак. конф. посв. 100-летию медресе «Галия». 31 октября 2006 г. Уфа, 2006.
- Романов-Славятинский, 2003* – Романов-Славятинский А. Дворянство в России. СПб., 1870. М., 2003.
- Рославцева, 2000* – Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 2000.
- Россия, 2002* – Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н.Яковлева. М., 2002.
- Рубинштейн, 1964* – Рубинштейн Е.И. Книгопечатание в русской провинции в первой половине XIX в. // 400 лет русского книгопечатания. Т.1. М., 1964.
- Рустямова, 1958* – Рустямова А.Б. К вопросу о женском образовании среди казанских татар // *УЗКГПИ*. 1958. Вып.13. С.403–422.
- Рустямова, 1967* – Рустямова А.Б. Ижбобинская женская школа и подготовка учительниц из татар // *УЗКГПИ*. 1967. Вып.53. С.148–154.
- Рыбаков, 1917* – Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917.
- Сабанеев, 1873* – Сабанеев Л. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873.
- Савельев, 1994* – Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (По материалам Поволжья). Самара, 1994.
- Сагидуллин, 1930* – Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. Казань, 1930.
- Сагитова, 1998* – Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998.
- Садиков, 2001* – Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001.
- Садиков, 2007* – Садиков Р.Р. Бавлинская группа удмуртов: история формирования и этнокультурные особенности // *Этнография восточно-финских народов: история и современность: Сб. статей*. Ижевск, 2007.
- Садиков, 2010* – Садиков Р.Р. Взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *ЭО*. 2010. №6.
- Садиков, 2010a* – Садиков Р.Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *ЭО*. 2010. №6.
- Садиков, 2011* – Садиков Р.Р. Мусульмане и язычники: процессы межконфессиональных взаимоотношений в среде закамских удмуртов // *Вестник ВЭГУ*. 2011. №5.
- Садур, 1987* – Садур В.Г. Татарское население Москвы (1860–1905 гг.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987.
- Сайдашева, 2008* – Сайдашева З.Н. Татарская музыка: история и современность. Казань, 2008.
- Сайфи, 1930* – Сайфи Ф. Татары до февральской революции. Казань, 1930.
- Салихов, 1995* – Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань, 1995.
- Салихов, 1997* – Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Ислам в татарском мире: история и современность*. Казань, 1997.
- Салихов, 1999* – Салихов Р. Хасангата Габаши (1863–1936) // *Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан*. Казань, 1999.

Салихов, 2001 – Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2001.

Салихов, 2002 – Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Торговые дома татар-предпринимателей города Казани // Татарские слободы Казани. Очерки истории. Казань, 2002.

Салихов, 2004 – Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – XX вв. Казань, 2004.

Салихов, 2005 – Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань, 2005.

Салихов, 2006 – Салихов Р.Р. Социальные функции татарской махалли // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006.

Салмин, 2007 – Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007.

Сальников, 2005 – Сальников В.Г. Бугульминское земство. Дела, тревоги и мечты. Бугульма, 2005.

Самарское земство, 2009 – Самарское земство: Опыт практической деятельности. 1865–1918 гг. / под ред. П.С.Кабытова. Самара, 2009.

Самойлович, 1926 – Самойлович А.Н. Литовские татары и арабский алфавит // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. №3.

Сандерланд, 2005 – Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обычородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Саттаров – Саттаров Г.Ф. Финно-угорский пласт ойконимии Татарстана. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id=9&num=24000000. Дата обращения: 20.06.2012.

Саттарова, 2004 – Саттарова Л.И. Казанская узорная обувь. Культура и традиции. Тверь, 2004.

Сафина, 1983 – Сафина Ф.Ш. Ткани домашнего производства (Конец XIX – начало XX вв.) // Пермские татары. Казань, 1983.

Сафина, 1996 – Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала. Конец XIX – начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1996.

Сафиуллина, 2001 – Сафиуллина Р.Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. Казань, 2001.

Сафиуллина, 2003 – Сафиуллина Р.Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья. Казань, 2003.

Сафиуллина, 2008 – Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. Специфика передачи знаний в системе мусульманского образования татар в Казанском крае // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып.1. Казань, 2008.

Свердлова, 1991 – Свердлова Л.М. На перекрестках торговых путей. Казань, 1991.

Свердлова, 1998 – Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. Казань, 1998.

Свердлова, 2008 – Свердлова Л.М. Демографический профиль Казани XIX века // Материалы итоговой конференции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2006 год по отделу средневековой истории. Казань, 2008.

Свердлова, 2008a – Свердлова Л.М. Реализация инициативы казанского купечества по развитию коммерческого образования (середина XIX – начало XX вв.) // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып.1. Казань, 2008.

Свердлова, 2011 – Свердлова Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (конец XVIII – начало XIX в.). Казань, 2011.

Сверкунова, 1996 – Сверкунова Н.В. Об особенностях культурного развития Сибири // Региология. 1996. №1.

Северный Кавказ, 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Семипалатинск, 1984 – Семипалатинск. Из серии: История городов Казахстана. Алма-Ата, 1984.

Сенюткина, 2006 – Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). Н.Новгород, 2006.

Сенюткина, 2007 – Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н.Новгород, 2007.

Сенюткина, 2009 – Сенюткина О.Н. Формы содержания мусульманского духовенства, мечетей и конфессиональных школ на Нижегородчине // Источники существования исламских институтов в Российской империи: Сб. статей. Казань, 2009.

Сенеев, 2006 – Сенеев Г.А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.

Сибгатуллина, 2006 – Сибгатуллина А. Религиозно-суфийские мотивы в татарской литературе // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006.

Сибгатуллина, 2010 – Сибгатуллина А. Контакты тюрк-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010.

Сибгатуллина, 2010a – Сибгатуллина А.Г. Проблемы паломничества мусульман Волго-Уральского региона в конце XIX – начале XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.1. Казань, 2010.

Симонова, 1969 – Симонова М.С. Отмена круговой поруки // ИЗ. 1969. Т.83.

Слепнев, 2000 – Слепнев И.Н. Влияние создания железнодорожной сети на товаризацию зернового производства России (вторая половина XIX в.) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы науч. конф. Чебоксары, 2000.

Смирнов, 1954 – Смирнов Н.А. Очерки изучения ислама в СССР. М., 1954.

Смирнов, 1958 – Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958.

Смирнов, 1963 – Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Смоларц, 2011 – Смоларц Е.Ю. Укрепление верноподданнических чувств среди мусульман Российской империи посредством дополнения

традиционной молитвы возношением императорского дома во второй четверти XIX в. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.

Смыков, 1962 – Смыков Ю.И. Развитие мелкой промышленности в пореформенной деревне Казанской губернии (60–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории Татарии. Известия Казанского филиала АН СССР. Казань, 1962.

Смыков, 1965 – Смыков Ю.И. Общественное разделение труда среди населения Казанской губернии в конце XIX в. (на материалах Первой всеобщей переписи населения в 1897 г. // Из истории Татарии. Казань, 1965.

Смыков, 1973 – Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю 60–90-е годы XIX века. Казань, 1973.

Смыков, 1978 – Смыков Ю.И. Животноводство Среднего Поволжья в период капитализма (60–90-е годы XIX в.) // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978.

Смыков, 1984 – Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (Социально-экономическое исследование). Казань, 1984.

Смыков, 1988 – Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Национальный состав кадров административного аппарата самодержавия в Казанской губернии в конце XIX века // Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. Казань, 1988.

Собрание восточных рукописей – Собрание восточных рукописей ИВ АН УзССР. Ташкент, 1952.

Соколов, 1925 – Соколов В.Т. Мари // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925.

Стейнвелд, 2011 – Стейнвелд Ч. Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552–1917) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. М., 2011.

Струмилин, 1966 – Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966.

Субботина, 2010 – Субботина А.М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. Ижевск, 2010.

Суворова, 1990 – Суворова З.В. Педагогические идеи удмуртского просветителя И.С.Михеева. Ижевск, 1990.

Сударев, 1963 – Сударев М.С. Страницы истории. 175 лет Мулловской суконной фабрики. Ульяновск, 1963.

Сулейманова, 2000 – Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX в. Уфа, 2000.

Сулейманова, 2007 – Сулейманова Д.Н. Интерьер городского жилища татар в XIX – начале XX вв. // Культурное своеобразие Старотатарской слободы: наследие и перспективы. Казань, 2007.

Султангалиева, 2011 – Султангалиева Г.С. Деятельность первого оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова в Казахской степи // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII в. – начале XX вв. Казань, 2010.

Султанов, 2000 – Султанов Ф.М. Татарское национальное движение: история и современность. Казань, 2000.

Суслова, 1980 – Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1980.

Суслова, 1992 – Суслова С.В. Костюм астраханских татар XIX – начала XX вв. (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. Казань, 1992.

Суслова, 1995 – Суслова С.В. Традиционная одежда нагайбаков: компонентный анализ // Нагайбаки. Казань, 1995.

Суслова, 2000 – Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середины XIX – начала XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000.

Суслова, 2004 – Суслова С.В. Финно-угорский компонент в структуре народного костюма волгоуральских татар (XIX – начало XX вв.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Междун. ист. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.

Сызранов, 2006 – Сызранов А.В., Сафаров А.Т. Астраханские мечети // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: Материалы Всерос. науч. практ. конф., 8–9 июля 2006 г. / отв. ред. А.В.Сызранов, А.Р.Усманова. Астрахань, 2006.

Сызранов, 2007 – Сызранов А.В., Сафаров А.Т. Мусульманская культовая архитектура города Астрахани (вторая половина XVI – начало XXI вв.) // Ислам на Юге России: Сб. статей / сост. и отв. ред. А.В.Сызранов. Астрахань, 2007.

Тагиров, 1995 – Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа / АН Татарстана. Отд-е гуманитарных наук. Ин-т яз., лит. и ист. им. Г.Ибрагимова; редкол.: Алишев С.Х., Закиев М.З., Ураманчиев Ф.И., Хананов М.Х. Казань, 1995.

Тагирова, 1999 – Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

Тагирова, 2011 – Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011.

Таиров, 2002 – Таиров Н.И. Акчурины. Казань, 2002.

Тарасов, 1984 – Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. М., 1984.

Тартарика, 2008 – Тартарика. Этнография / отв. ред.: Р.Н.Мусина, Р.Р.Салихов, Р.Р.Хайрудинов. Казань-М., 2008.

Татария, 1955 – Татария в дни первой русской революции. Казань, 1955.

Татарские интеллектуалы, 2005 – Татарские интеллектуалы. Казань, 2005.

Татарские, 2006 – Татарские мусульманские приходы в российской империи: материалы Все-

рос. науч.-прак. конф. (27–28 сентября 2005 г., г.Казань). Казань, 2006.

Татарские, 2010 – Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сб. статей. Вып.1. Казань, 2010.

Татарский, 2009 – Татарский шамайль: слово и образ / сост. И.Л.Алексеев и др. М., 2009.

Татары на Севере Казахстана, 2004 – Татары на Севере Казахстана. (История и современность). Петропавловск, 2004.

Татары, 1967 – Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И.Воробьев. М., 1967.

Татары, 2004 – Татары на севере Казахстана (история и современность). Петропавловск, 2004.

Терешкина, 1978 – Терешкина М.И. Подати и повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (Дюктябрьский период). Йошкар-Ола, 1978.

Титовец – Титовец Е.И. На стыке двух культур: рукописные книги белорусских татар [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knizhokult.narod.ru/Titivets.htm>. Дата обращения: 1.10.2012.

Тихонов, 1978 – Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.

Тихонов, 1988 – Тихонов Б.В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в. М., 1988.

Тихонов, 2007 – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007.

Тихонов, 2008 – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008.

Токарев, 1939 – Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939.

Томилов, 1980 – Томилов Н.А. Этнография тюркского населения Томского Приобья. (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980.

Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

Томилов, 1983 – Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. (Этническая история, быт и духовная культура). Томск, 1983.

Томилов, 1992 – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

Томилов, 1993 – Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993.

Томпсон, 2008 – Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX вв.: организация и финансирование / пер. с англ. М., 2008.

Традиционное, 1988 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещественный мир. Новосибирск, 1988.

Тукай, 1943 – Тукай Г. Соч. Т.1. Казань, 1943.

Тукай, 1969 – Тукай Г. Избранное. Казань, 1969.

Туманкин, 1960 – Туманкин К.М. Основание и развитие Петропавловска и его уезда во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // УЗКуСГПИ. Т.6. Вып. исторический. Кустанай, 1960.

Тумашева, 1977 – Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

Туранов, 2009 – Туранов А.А. Борис Гаврилов: пять лет в сане священника. Размышления о «фактах» биографии // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2009. №1.

Туранов, 2009а – Туранов А.А. О крайних датах биографии Бориса Гаврилова // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2009. №3.

Тухватуллин, 1928 – Тухватуллин Ф. Материалы по истории Башкирии. Уфа, 1928.

Тухватуллина, 2003 – Тухватуллина Л. Проблема человека в трудах татарских богословов. Казань, 2003.

Тыдман, 2000 – Тыдман Л.В. Изба. Дом. Дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000.

Тычинских, 2010 – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.

Тюрин, 2007 – Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007.

Тюркоглу, 2012 – Исмаил Тюркоглу. Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876–1914 гг.) // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Н.Новгород, 2012.

Тюркологический, 1951 – Тюркологический сборник. М.-Л., 1951.

Тюркологический, 1978 – Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

Уразманова, 1976 – Уразманова Р.К. Каюм Насыри как этнограф // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.

Уразманова, 2001 – Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001.

Усманов, 1964 – Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964.

Усманов, 1969 – Усманов М.А. Источники книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Ч.1, Казань, 1885 // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып.2/3: Сборник статей. Казань, 1969.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов, 1973 – Усманов Х.Ф. Землевладение в Башкирии в пореформенный период // Исследования по истории Башкирии XVII–XIX вв. Уфа, 1973.

Усманов, 1976 – Усманов Х.Ф. Размежевание башкирских дач между вотчинниками и припущенниками по правилам 10 февраля 1869 г. // Из истории сельского хозяйства Башкирии: Сб. статей / под ред. В.П.Иванкова и Х.Ф.Усманова. Уфа, 1976.

Усманов, 1980 – Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980.

Усманов, 1981 – Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

Усманов, 2010 – Усманов М.А. Приветственное слово // Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Сб статей. Вып.1. Казань, 2010.

Усманова, 2002 – Усманова Д.М. Духовное заветание Б.Ваисова // ГА-ЭВ. 2002. №3–4.

Усманова, 2006 – Усманова Д.М. Ваисовское движение в 1870–1916-х гг.: Источники и историография // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2006.

Усманова, 2009 – Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009.

Устина, 2003 – Устина Н.А. Крестьянский земельный банк в Среднем Поволжье (1885–1917 гг.). Самара, 2003.

Устюжанин, 1948 – Устюжанин Е.И. Волнения государственных крестьян. 1861 – 1866 гг. // Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948.

Устюжанин, 1948а – Устюжанин Е.И. Крестьянское движение в период реформы 1861 г. // Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948.

Утищев, 2000 – Утищев А.И. Князья и дворяне Кочубеи // Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000.

Фабрика, 1997 – Фабрика Ю.А. Церковь и армия в России. Военно-исторический очерк. Новосибирск, 1997.

Фазыл, 2005 – Фазыл Р. Крымскотатарская литература. Симферополь, 2005.

Фархиаатов, 1994 – Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. М., 1994.

Фархиаатов, 2000 – Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 г.). Уфа, 2000.

Фархиаатов, 2006 – Фархшатов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М., 2006.

Фархиаатов, 2010 – Фархшатов М.Н. Мектеб или школа: Прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы // Научный Татарстан. 2010. №2. С.193–212.

Фасеев, 1955 – Фасеев К.Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX веков). Казань, 1955.

Фасеев, 1971 – Фасеев К.Ф. На путях пролетарского интернационализма (Утверждение идей

интернационализма в татарской общественной мысли и культуре). Казань, 1971.

Фасеев, 1982 – Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. Казань, 1982.

Фахрутдинов, 1976 – Фахрутдинов Р.Г. Вклад Каюма Насыри в исследование истории и археологии казанских татар // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.

Федоров, 2003 – Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.

Филатов, 2002 – Филатов С. Религиозная жизнь Поволжья. Прагматическое христианство // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.-СПб.; 2002.

Фирсов, 1926 – Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. (Краткий научно-популярный исторический очерк). Казань, 1926.

Франк, 2008 – Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008.

Фриз, 2000 – Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000.

Футорянский, 1997 – Футорянский Л.И. Казацество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

Хабачев, 1911 – Хабачев А.Е. Пчеловодство в Казанской губернии. Казань, 1911.

Хабибуллин, 2004 – Хабибуллин М.З. Из истории казанского исламоведения второй половины XIX – начала XX века: Михаил Александрович Машанов. Казань, 2004.

Хабибуллин, 2006 – Хабибуллин А.А. Изучение истории Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при казанском университете (1878–1929 гг.). Казань, 2006.

Хабутдинов, 2001 – Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2001.

Хабутдинов, 2003 – Хабутдинов А.Ю. Идеи национальной автономии Исмаил бея Гаспринского и их воплощение в татарском обществе XIX–XX вв. // Ислам и общество: История, философия, культура (феномен Исмаила Гаспринского). М., 2003.

Хабутдинов, 2005 – Хабутдинов А.Ю. Общественное движение молодежи у татар-мусульман в начале XX века. Н.Новгород, 2005.

Хабутдинов, 2008 – Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань, 2008.

Хабутдинов, 2010 – Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): Институты, идеи, люди. М.; Н.Новгород, 2010.

Хабутдинов, 2010а – Хабутдинов А.Ю. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание как основополагающий общенациональный институт // Pax Islamica. 2010. №2.

- Хайретдинов, 2002* – Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX вв. Н.Новгород, 2002.
- Хайрутдинов, 1997* – Хайрутдинов Р.Р. Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.
- Хайрутдинов, 2002* – Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX вв.). Казань, 2002.
- Хайрутдинов, 2005–2006* – Хайрутдинов А. Муса Джаруллах Бигиев. Избр. труды в 2-х т. Казань, 2005–2006.
- Хакимов, 1972* – Хакимов Х.Х. Роль Казанской татарской учительской школы в развитии и распространении прогрессивной педагогической мысли среди татар // УЗКГПИ. 1972. Вып.105.
- Халидов, 1982* – Халидов А.Ю. Библиография арабских рукописей. М., 1982.
- Халидов, 1998* – Халидов А.Б. Концепция исторического самосознания у Марджани // Марджани: тарих һәм хәзерге заман: Халыкара фәнни конференциясе материаллары. Казань, 1998.
- Халиков, 1981* – Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1981.
- Халиков, 1983* – Халиков Н.А. Орудия труда земледелия, скотоводства, рыболовства, бортничества и охоты // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1983.
- Халиков, 1992* – Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
- Халиков, 1995* – Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1995.
- Халиков, 1998* – Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1998.
- Халиков, 2011* – Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. С.В.Кузьминых, Ф.Ш.Хузин. Казань, 2011.
- Халитов, 1981* – Халитов Н.Х. Характерные черты и особенности архитектуры казанских татар XVIII века // Взаимодействие интернационального и национального в изобразительном искусстве Татарстана. Казань, 1981.
- Халитов, 1982* – Халитов Н.Х. К вопросу о происхождении полихромии в татарском народном зодчестве // Архитектура Среднего Поволжья. Межвузовский сборник. Казань, 1982.
- Халитов, 1985* – Халитов Н.Х. Поиски «национального стиля» в архитектуре татар Казани в конце XIX – начале XX вв. // Искусство Татарстана: пути становления. Казань, 1985.
- Халитов, 1989* – Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. Казань, 1989.
- Халитов, 1991* – Халитов Н.Х. Архитектура мечетей Казани. Казань, 1991.
- Хамитбаева, 2008* – Хамитбаева Н.С. Волжско-камское судоходство и сельское хозяйство Среднего Поволжья в эпоху капитализма (1861–1900 гг.) // Материалы итоговой конференции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2006 год по отделу средневековой истории. Казань, 2008.
- Ханбиков, 1968* – Ханбиков Я.И. Русские педагоги в Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань, 1968.
- Хасанов, 1977* – Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
- Хафизов – Хафизов Г.Г.* Братские узы народов Поволжья. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=898§ion=0&heading=189>. Дата обращения: 13.07.2012.
- Хвостов, 1922* – Хвостов В. Купеческая Казань // Старая и новая Казань. Казань, 1922.
- Хисамова, 1999* – Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). Казань, 1999.
- Хузина – Хузина Р.М.* Танцы народов Поволжья. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.sch-05.edusite.ru/DswMedia/vyist_tancyi.doc. Дата обращения: 5.06.2012.
- Цимбаев, 2004* – Цимбаев Н.И. Российская имперская государственность: к пониманию проблемы // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.
- Цуциев, 2006* – Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
- Чаянов, 1989* – Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.
- Черновская, 2000* – Черновская В.В. Мусульмане Ярославля. Ярославль, 2000.
- Чернышев, 1927* – Чернышев Е.И. Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам) // ВНОГ. 1927. №7.
- Чернышев, 1948* – Чернышев Е.И. Крестьянская реформа в Казанской губернии // Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948.
- Чернышев, 1948а* – Чернышев Е.И. Татария в период разложения крепостного строя // Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948.
- Чистов, 1986* – Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
- Чичерина, 1906* – Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1906.
- Чолахян, 2008* – Чолахян В.А. Промышленность Нижнего Поволжья в условиях капиталистической модернизации в конце XIX – начале XX вв. // ВСГСЭУ. 2008. №2 (21).
- Чуваши, т.1* – Чуваши: история и культура. В 2 т. Т.1 / отв. ред. В.П.Иванов. Чебоксары, 2009.
- Чулошников, 1936* – Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии в башкирские восстания в первой половине XVIII в. // Материалы по истории Башкирии. Т.1. Уфа, 1936.
- Чупров, 1892* – Чупров А.И. Политическая экономия. Лекции. М., 1892.

- Чураков, 2000 – Чураков В.С. Татарские дореволюционные исследователи о прошлом удмуртов // Этнический фактор и политика. История и современность. Ижевск, 2000.
- Шагавиев, 2008 – Шагавиев Д.А. Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.): курс лекций. Казань, 2008.
- Шадрин, 1999 – Шадрин В.М. Станичные суды в системе управления Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско. Страницы истории X–XX вв.: Сб. науч. тр. / под ред. А.П.Абрамовского. Челябинск, 1999.
- Шайхиев, 1990 – Шайхиев Р.А. Татарская народно-краеведческая литература XIX–XX вв. Казань, 1990.
- Шайхисламов, 1994 – Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа, 1994.
- Шайхисламов, 1998 – Шайхисламов Р.Б. Социально-экономическое развитие государственной деревни Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 1998.
- Шайхисламов, 2006 – Шайхисламов Р.Б. Крестьянство Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 2006.
- Шамилоглу, 1991 – Шамилоглу Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. 1991. №10.
- Шамов, 1959 – Шамов Г.Ф. Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения. 1959. №3.
- Шамов, 1983 – Шамов Г.Ф. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983.
- Шарафутдинов, 2004 – Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XX вв. Казань, 2004.
- Шарафутдинов, 2004a – Шарафутдинов Д.Р. Традиционная культура татарского народа XIX – начало XX вв. Юность древнего Сабантуя. Казань, 2004.
- Шарифуллина, 1991 – Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991.
- Шарифуллина, 1992 – Шарифуллина Ф.Л. Традиционная свадебная обрядность астраханских татар // Астраханские татары: Сб. статей. Казань, 1992.
- Шарифуллина, 2004 – Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры сер. XIX начала XX веков // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2004.
- Шарифуллина, 2004a – Шарифуллина Ф.Л. Финно-угорские элементы в традиционной духовной культуре татар // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международ. ист. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
- Шарифуллина, 2008 – Шарифуллина Ф.Л. Костромские татары (Историко-этнографический очерк) // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2008. Вып.2.
- Шенников, 1977 – Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX вв. // Этнография народов Восточной Европы: Сборник статей. Географическое общество СССР. Л., 1977.
- Шепелев, 1968 – Шепелев Л.Е. Изучение делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб.1. Л., 1968. С.119–138.
- Шибает, 1930 – Шибает В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930.
- Шиммель, 2000 – Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И.Пригариной, А.С.Раппопорт. М., 2000.
- Ширгазин, 1992 – Ширгазин А.Р. Развитие планировочной структуры малых населенных мест Башкирии конце XVIII – начале XX в. // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992.
- Ширгазин, 2007 – Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Духовное управление мусульман России в г.Уфе – памятник истории и культуры // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007.
- Шитова, 1984 – Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., 1984.
- Шкапин, 2010 – Шкапин С.В. Из истории изучения истории многонациональной государственной деревни Казанской губернии второй трети XIX в. // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всерос. (XI Межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность» (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010.
- Шкапин, 2011 – Шкапин С.В. Совместное расселение народов в государственной деревне Казанской губернии как фактор толерантных этноконфессиональных отношений (вторая треть XIX в.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2011.
- Шквариков, 1939 – Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. М., 1939.
- Шкунов, 1997 – Шкунов В. Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // ГА-ЭВ. 1997. №3–4.
- Шкунов, 2002 – Шкунов В.Н. Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России со странами Востока (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.). Самара, 2002.
- Шкунов, 2007 – Шкунов В.Г. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Самара, 2007.
- Шофман, 1960 – Шофман А.С. Русский санскритолог П.Я.Петров // Очерки по истории русского востоковедения. Сб.3. М., 1960.

- Шофман, Шамов, 1956* – Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб.2. М., 1956.
- Штейнфельд, 1893* – Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное состояние // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г. Вятка, 1893.
- Шубин, 1927* – Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М., 1927.
- Этнография, 2001* – Этнография марийского народа. Йошкар-Ола, 2001.
- Этнокультурное, 1991* – Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991.
- Этнотерриториальные, 2002* – Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2002.
- Эфиров, 1948* – Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья и Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М., 1948.
- Юзеев, 1998* – Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков (эволюция, основные направления и представители). В 2-х кн. Казань, 1998.
- Юзеев, 1999* – Юзеев А.Н. Татарское религиозное реформаторство конца XVIII–XIX веков в мировом контексте // ГА-ЭВ. 1999. №3/4.
- Юзеев, 2000* – Юзеев А.Н. Татарские мыслители конца XVIII – XIX веков о суфизме // Суфизм в Поволжье: история и специфика. Казань, 2000.
- Юзеев, 2002* – Юзеев А.Н. Ислам и национальная идентичность казанских татар во второй половине XIX – XX вв. // Ислам и проблема идентичности татар: Сб. статей. Казань, 2002.
- Юзеев, 2002а* – Юзеев А.Н. Суфизм в Поволжье и Приуралья // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002.
- Юзеев, 2002б* – Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль X–XIX веков // Татарская религиозная мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002.
- Юзеев, 2003* – Юзеев А.Н. Очерки Марджани о восточных народах. Казань, 2003.
- Юзеев, Гимадеев, 2009* – Юзеев А.Н., Гимадеев И.Ф. Марджани о татарской элите (1789–1889). Казань 2009.
- Юзефович, 1883* – Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России (Казанская и Уфимская губернии) // Русский вестник. М., 1883. Т.164. №3.
- Юлдашбаев, 1979* – Юлдашбаев Б.Х. Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России. Уфа, 1979.
- Юнусова, 1999* – Юнусова А.Г. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.
- Юнусова, 2006* – Юнусова А.Г. Башкирия // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М., 2006.
- Юрченков* – Юрченков В.А. Ураган на всех путях // Литературная Россия. 2007. №13, 30.03.
- [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2007/13/01361.html>. Дата обращения: 2.10.2012.
- Юсупов, 1969* – Юсупов А.И. Далекое и близкое. Ульяновск, 1969.
- Юсупов, 1974* – Юсупов А.И. Господа Акчурины. Казань, 1974.
- Юсупов, 1981* – Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.
- Юсупов, 2005* – Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани. Казань, 2005.
- Юхнева, 1984* – Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – нач. XX в.: стат. анализ. Л., 1984.
- Ягафова, 2007* – Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007.
- Ягафова, 2009* – Ягафова Е.А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI века: Монография. Самара, 2009.
- Ягафова, 2010* – Ягафова Е.А., Данилко Е.С., Корнишина Г.А., Молотова Т.Л., Садилов Р.Р. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара, 2010.
- Яковлев, 1998* – Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 1998.
- Якубцинер, 1965* – Якубцинер М.М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. М.; Л., 1965. Сб.3.
- Якупов, 2002* – Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2002.
- Ямаева, 2002* – Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002.
- Янгузин, 1989* – Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.
- Янгузин, 1998* – Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, 1998.
- Яхонтов, 2008* – Яхонтов В.В. Сельские поселения // Татарика. Этнография. Казань; М., 2008.
- 400 лет русского книгопечатания – 400 лет русского книгопечатания* // Русское книгопечатание до 1917 г. Т.1. М., 1964.

На татарском языке

- Абилов, 1984* – Абилов Ш. Суфичылык // Татар әдәбияты тарихы: 6 т. Т.1: Борынгы һәм урта гасыр татар әдәбияты. Казан, 1984.
- Алишев, 2002* – Алишев С.Х. Башкорт феномены. Казань, 2002.
- Алишев, 2006* – Алишев С.Х. Татар тарихчылары. Казан, 2006.
- Арсланов, 1998* – Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Александров-Гай «каракалпаклары» // Мирас. 1998. №4 (77).
- Әмирхан, 1997* – Әмирхан Р. Иманга тугрылык. Казан, 1997.
- Әхмәтҗанов, 1998, 1999, 2000* – Әхмәтҗанов М.И. Татар кулъязма китабы // Мирас, 1998, №4–10; №1–2, 6–8, 10–12; №1, 3–4, 6–7, 9–10.

- Әхмәтҗанов, 2000* – Әхмәтҗанов М. Татар кулъязма китабы. Казан, 2000.
- Әхмәтҗанов, 2011а* – Әхмәтҗанов М. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары. Сигезенче кисәк. Казан, 2011.
- Бакиров, 2008* – Бакиров М.Х. Татар фольклоры: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан, 2008.
- Бигиев, 1960* – Бигиев З. Повестьлар / кереш сүз авторы М.Гайнуллин. Казан, 1960.
- Бигиев, 1991* – Бигиев З. Зур гөнәһлар. Романнар һәм сәяхәтнамә / төз., төп текстның транскрипциясен һәм хәзерге әдәби телгә тәржемәсен эшләүче, искәртмәләр һәм ахыр сүз авторы Р.Даутов. Казан, 1991.
- Биктимирова, 2002* – Биктимирова Т.А. Татар хатын-кызлары мәгрәфәт юлында. Казан, 2002.
- Валеев, 1999* – Валеев Р.К. Болак арты республикасы. Казань, 1999.
- Валеев, 2007* – Валеев Р.К. Өзелгән дога. Казань, 2007.
- Газиз, 1922* – Газиз Г. Насыйриның фәннәргә гавәмләштерү юлында хезмәтләре // Каюм Насыри мәжмугасы: Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. Казан, 1922.
- Газиз, 1923* – Газиз Г., Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1923. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Икенче бүлек.
- Газиз, 1925* – Газиз Г., Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Казан, 1925.
- Гайнуллин, 1978* – Гайнуллин М. Татар әдипләре: ижат портретлары. Казан, 1978.
- Гани, 1998* – Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. Мәдинә Рәхимкулова. Оренбург, 1998.
- Гобәйдуллин, 1989* – Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Казан, 1989.
- Госманов, 1990* – Госманов М.Г. Тарихыбызда Хөсәен Фәезханов урыны // Үткәннән киләчәккә. Казан, 1990.
- Госманов, 1994* – Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары. Казан, 1994.
- Госманов, 1996* – Госманов М. Ябылмаган китап яки чәчелгән орлыклар. Казан, 1996.
- Госманов, 1998* – Госманов М. Шиһабетдин Мәрҗани һәм тарихи чыганақларны өйрәнү // Мәрҗани: тарих һәм хәзерге заман: Халыкара фәнни конференциясе материаллары = Марджани: наследие и современность: Материалы международной научной конференции. Казан, 1998.
- Госманов, 2000* – Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000.
- Госманов, 2002* – Госманов М.Г. Яңадан танышу яки фидакәр хәйриячеләребез хакында // Казан утлары. 2002. №5. Б.139–154.
- Госманов, 2004* – Госманов М. Гасырдан-гасырга. Казан, 2004.
- Госманов, 2006* – Госманов М. Аның үз биеклеге, үз бөеклеге // Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жыентык / төз.-авт. Р.Мәрданов. Казан, 2006.
- Дәүләт, 1998* – Дәүләт Надир. Русия төркиләренән милли көрәш тарихы (1905–1917). Казан, 1998.
- Заһидуллин, 1991* – Заһидуллин И. Жыеннар тарихыннан // Казан утлары. 1991. №4.
- Ибраһимов, 1984* – Ибраһимов Г. Әсәрләр. 7 том. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). Казан, 1984.
- Исхакый, 1920* – Исхакый Гата. Әдәбият юллары: Рөшди мәдрәсәләребез өчен дәреслек. Казан, 1920.
- Ишемгулов, 1930* – Ишемгулов Б. Патша хөкүмәте һәм мөселманнарның диния нәзарәте. Уфа, 1930.
- Карурманны, 2001* – Карурманны чыккан чакта... XIX гасыр әдәбияты. Казан, 2001.
- Кол Гали, 1983* – Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф. Йосыф турында кыйсса. – Казан, 1983.
- Миннегулов, 1994* – Миннегулов Х.Й., Садретдинов Ш.А. Әдәбият, Урта мәктәп һәм гимназияләргән 9 сыйныфы, урта махсус уку йортлары, педагогия училищелары, колледж һәм лицей укучылары өчен дәреслек. Казан, 1994.
- Мәрданов, 2007* – Мәрданов Р. 1897 елгы халык исәбен алу һәм Алабуга өязе мөселман татарлары // ГА-ӘВ. 2007. №1.
- Мәдрәсәләрдә, 1992* – Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Мәшһүр мәгрәфәт үзәкләре тарихыннан / төз. Р.Мәһдиев. Казан, 1992.
- Мәрданов, 2002* – Мәрданов Р. Тарих битләрен актарганда... // Казан утлары, 2002, №3.
- Мәрданов, 2006* – Мәрданов Р.Ф. Иж шәһәре татарлары тарихыннан. Казан, 2006.
- Мәрданов, 2006* – Мәрданов Р. «Хөсәен Фәезханов» китабы // Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жыентык / төз.-авт. Р.Мәрданов. Казан, 2006.
- Мәрданов, 2008* – Мәрданов Р. Түләк китабы. Дастан. Казан, 2008.
- Мәрданов, 2009* – Мәрданов Р. «Кыйссаи Йосыф» кулъязмалары. Казан, 2009.
- Мәрданов, 2009а* – Мәрданов Р. Мөхәмәдъярның «Нуры содур» поэмасы. Казан, 2009.
- Мәрданов, 2010* – Мәрданов Р. Китапларда милләт язмышлары. Казан, 2010.
- Миңнегулов, 1979* – Миңнегулов Х. XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре. Казан, 1982.
- Мозаффар, 1930* – Мозаффар З. Ишаннар. Ишаннар-дәрвишләр. Казан, 1930.
- Мөхәмәдәев, 1957* – Мөхәмәдәев Ш. Сайланма әсәрләр. Казан, 1957.
- Мөхәмәтҗанов, 1982* – Мөхәмәтҗанов Р.М. Башкортстан Ык буге татарларының йола ижаты (календарь поэзиясе). Уфа, 1982.
- Мухамедова, 2004* – Мухамедова Р.Г. XIX гасыр фольклор үрнәкләре // Татар халык ижаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре. Казан, 2004.
- Ногман, 1958* – Ногман М. Н.И.Лобачевский исемендәге фәнни китапханә кулъязмаларының тасвирламасы. III чыгарылыш. Каюм Насыри кулъязмалары. Казан, 1958.
- Сәгъди, 1926* – Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Дәреслек-кулланма. Казан, 1926.

Сяяхәтнәмәләр, 2011 – Сяяхәтнәмәләр /төз. Р.Ф.Мәрданов Казан, 2011.

Таймас, 1996 – Таймас Батгал Г. Казан төр-киләре. Казан, 1996.

Таиров, 2003 – Таиров Н.И. Сүздәгәр Агафу-ровлар: сүздә һәм иганә эшчәнлекләре // Идел. 2003. №1.

Татар вакытлы, 1999 – Гайнанов Р.П., Мәр-дәнов Р.Ф., Шәкүров Ф.Н. Татар вакытлы Матбу-гаты (1905–1924): Библиографик күрсәткеч = Та-тарская периодическая печать (1905–1924): Би-блиографический указатель. Казань, 1999.

Татар әдәбияты, 1985 – Татар әдәбияты тари-хы. Алты томда. 2 том. Казан, 1985.

Татар, 1968 – Татар әдәбияты. XIX йөз. Казан, 1968.

Татар, 1979 – Татар мәгърифәтчелек әдәбияты / төз. М.Гайнуллин. Казан, 1979.

Үтәбай-Кәрим, 1997 – Үтәбай-Кәрим Р. «Хәсания» мәдрәсәсе // Вагандаш. 1997. №8.

Фәезханов Хөсәен, 2011 – Фәезханов Хөсәен. Кыскача татар тарихы. Казан, 2011.

Фәтхи, 1986 – Фәтхи А.С. Татар әдипләре һәм галимнәренә кулъязмалары. Казан, 1986.

Фәхрәддинев, 1993 – Фәхрәддинев Р. «Шина-бетдин хәзрәт Мәржани хакында язмалардан» бер өзек // Фәхрәддинев Р. Болгар вә Казан төрекләре. Казан, 1993.

Хаков, 1972 – Хаков В.Х. Татар әдәби теленә барлыкка килүе һәм үсеше. Казан, 1972.

Хаков, 2003 – Хаков В. Тел – тарих көзгесе. Казан, 2003.

Хафизов, 1979 – Хафизов С. XIX йөз татар прозасы. Уфа, 1979.

Хәбибуллин, 1977 – Хәбибуллин Г. Күпкырлы эшчәнлек // Социалистик Татарстан. 1977. 13 янв.

Һади, 1957 – Һади Закир. Сайланма әсәрләр. Казан, 1957.

Чанышев, 2007 – Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан, 2007.

Эзләнүләр, 1989 – Эзләнүләр, уйланулар, та-бышлар. Казан, 1989.

Юсупов, 2006 – Юсупов Ф.Ю. Сафакул татар-лары: тарих, тел, халык ижаты. Казан, 2006.

Яхин, 1994 – Яхин А.Г. 9 сыйныфта татар әд-биятын укыту: укытучылар өчен кулланма. Казан, 1994.

На английском языке

Abu-Manneh, 2005 – Abu-Manneh. A New Look at the Rise and Expansion of the Khalidi Sub-Order // Sufism and Sufis in Ottoman Society / Sources-Doctrine-Rituals-Turuq-Architecture-Literature-Ico-nography-Modernism. Edited by Ahmet Yasar Ocak. Ankara, 2005.

Alan W. Fisher, 1978 – Alan W. Fisher, The Crimean Tatars. Stanford, CA, 1978.

Alexandre Bennigsen, 1976 – Alexandre Ben-nigsen & Chantal Lemerrier-Quellejay, Islam in the Soviet Union. London, 1976.

Alexandre Bennigsen, 1983 – Alexandre Ben-nigsen & Marie Broxup, The Islamic Treat to the So-viet Union. New York, 1983.

Allen J. Frank, 1998 – Allen J. Frank, Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Boston, 1998.

Allen J. Frank, 2001 – Allen J. Frank, Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: the Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden-Boston, 2001.

Ayşe Azade-Rorlich, 1986 – Ayşe Azade-Rorlich, The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford, 1986.

Azamatov, 2002 – Azamatov D. Orenburg Mo-hammedan Assembly of Military Service of Moslems in the Russian Army (The End of 18th – the Begin-ning of the 20th Century) // The Turks. №5. Ankara, 2002. P.747–752.

Batunsky, 1987 – Batunsky Mark. Russian mis-sionary literature on islam // Zeitschrift fur Religions und Geistesgeschichte. 1987.

Beitrage, 1846 – Beitrage zur Kenntnis des Rus-sischen Reiches und der angranzenden Lander Asiens. SPb., 1846.

Burbank, 2010 – Burbank J, Cooper F. Empires in World History Powers and The Politics of Difference / Princeton University Press. 2010.

Catalogue – Catalogue of the Persian, Turkish, hindûstânî and pushtû manuscripts in the Bodlean library. Part II / by the late Hermann Ethè, Ph.D., Hon. M.A. Oxford, 1930.

Charles Warren Hostler, 1957 – Charles Warren Hostler, Turkism and the Soviets: The Turks of the World and Their Political Objectives. New York, 1957.

Christian Noack, 2000 – Christian Noack, Mus-limischer Nationalismus im rerssichen Reich: Na-tionsbildung und Nationalbewegung bei Tataren and Baschkiren: 1861–1917. Stuttgart, 2000.

Crews, 2006 – Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge-London, 2006. 464 p.

Dowler, 2001 – Dowler W. Classroom and Empire The politics and scalloping Eastern nationalities 1860–1917. Toronto, 2001.

Dziadulewicz, 1929 – Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

Edward J. Lazzerini, 1981 – Edward J. Lazzerini, Tatarovedenie and the «New Historiography» in the Soviet Union: Revising the Interpretation of the Tatar-Russian Relationship // Slavic Review. 1981. №1(2–3).

Edward J. Lazzerini, 1982 – Edward J. Lazzerini, Ethnicity and the Uses of History: The case of the Volga Tatars and Jadidism // Central Asian Survey. 1982. №1 (2–3).

Edward J. Lazzerini, 1994 – Edward J. Lazzerini, The Volga Tatars in Central Asia, 18th–20th Cen-turies: From Diaspora to Hegemony // Central Asia in Historical Perspective ed. Beatrice F. Manz. Boulder, 1994.

Hroch, 1985 – Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. Cambridge, 1985. P.141–144.

Isaac N. Camp, 1918 – Isaac N. Camp, The Tur-kish Races and Missionary Endeavour // The Moslem World. 1918. №8(2).

Ismail Bey, 1988 – Ismail B. Gasprinskii, the Discourse of Modernism, and the Russians, published in Edward Allworth (ed.). *Tatars of the Crimea*. Durham, 1988.

Mustafa Özgür Tuna, 2011 – Mustafa Tuna, Madrasa Reform as a Secularizing Process: A View from the Late Russian Empire // Comparative Studies in Society and History. 2011. №53(3).

Paul W. Werth, 2002 – Paul W. Werth, At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca-NY, 2002.

Ra'anana, 1991 – Ra'anana U. The national fallacy // Conflict and peacemaking in multiethnic societies. New-York, 1991.

Robert D. Crews, 2006 – Robert D. Crews, For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA, 2006.

Robert P. Geraci, 2001 – Robert P. Geraci, Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca-NY, 2001.

Roy, 1985 – Roy O. Afghanistan, islam et moderne politique. Paris, 1985.

Serge A. Zenkovsky, 1960 – Serge A. Zenkovsky, Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, MA, 1960.

Spannaus, 2011 – Spannaus N. Abu Nasr Qursawi on Kalam and the Divine Attributes. Unpublished paper, 2011.

Steinwedel, 2007 – Steinwedel Ch. How Bashkiriya Became Part of European Russia. 1762–1881 // Russia Empire.Space.People.Power. 1730–1930 / Indiana Press. 2007. P.94–124.

Uli Shcamiloglu, 1990 – Uli Shcamiloglu. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Shihabuddin Marjani and the Image of the Image of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1990. №9(2).

Ulianova, 2009 – Ulianova G.N. Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia. London: Pickering & Chatto, 2009.

Walter Kolarz, 1952 – Walter Kolarz, The Soviet Nationality Problem: Russia and Her Colonies. London, 1952.

Werth, 2002 – Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2002.

Werth, 2008 – Paul W. Werth. Empire, Religious Freedom, and the Legal Regulation of «Mixed» // Marriage in Imperial Russia, Journal of Modern History. 2008. №80.2.

На арабском языке

Rida, 1931 – Muhammad Rashid Rida «al-Tajdid wa al-tajaddud wa al-mujaddidun», al-Manar, 31, No. 10 (July 1931), 770.

На башкирском языке

Өфө тарихы, 1983 – Өфө тарихы. Кыскача очерк. Өфө, 1983.

На казахском языке

Қазақ ұлттық. Энциклопедия. Алматы, 2001. Т.3.

На немецком языке

Andreas Kappeler, 1982 – Andreas Kappeler, Russlands erste Nationalitäten das Zarenreich und Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln, 1982.

Andreas Kappeler, 1992 – Andreas Kappeler, Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.

Kappeler, 1982. – Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert. Köln-Wien 1982.

Kemper, 1998 – Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998.

Kemper, 1998 – Michael Kemper, Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft, Islamkundliche Untersuchungen. Berlin, 1998.

Noack, 1993 – Noack Ch. Die ethno-sozial Struktur der Wolga Tataren nach des russischen Volkszählung von 1897. Schriftliche Hausarbeit zur Magisterprüfung an der Philosophischen. Köln, 1993. Tab. II a.

Quelquejay, 1959 – Quelquejay Chantal Le «Vaisime» a Kazan: contribution a l'étude des confreries musulmanes chez les tatars de la Volga. In: Die Welt des Islams. N. S. VI (1–2), 1959.

На польском языке

Kryczyński, 1984 – Kryczyński S. Kronika wojenna Tatarów Litewskich // Przegląd Humanistyczny. 1984. №2.

Lapicz, 1986 – Lapicz. Cz. Kitab tatarów litewsko-polskich. Toruń, 1986.

Miśkewicz, 1990 – Miśkewicz A. Tatarzy polscy 1918–1939. Warszawa, 1990.

Nietyksza, 1971 – Nietyksza M. Ludność Warszawy na przełomie XIX–XX. Wieku. Warszawa. 1971. Ankes.6.

Talko-Hryniewicz, 1924 – Talko-Hryniewicz J. Muślimowie, czyli tak zwani Tatarzy litewscy. Kraków, 1924.

Tamże, 1938 – Tamże, Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno – etnograficznej // Rocznik Tatarski. T.III. Warszawa, 1938.

Tyszkiewicz, 2002 – Tyszkiewicz J. Z historii tatarów litewsko-polskich. 1794–1994. Pułtusk, 2002.

На турецком языке

Alp, 2010 – Alp Alper. Kazan Tatarlarının Siyasî Konum ve Yönelişleri (1905–1916). Yayınlanmamış Doktora Tezi. Ankara, 2010.

Devlet, 1998 – Devlet Nadir. 1917 Ekim İhtilali ve Türk-Tatar Millet Meclisi (İç Rusya ve Sibirya Türk Tatarlarının Millet Meclisi 1917–1919). İstanbul, 1998.

Devlet, 1999 – Devlet Nadir. Rusya Türkleri'nin Milli Mücadele Tarihi (1905–1917). Ankara, 1999.

Gökgöz, 2007 – Gökgöz Saime Selenga, Yevfimiya Aleksandroviç Malov İdil-Ural'da İslâm Karşıtı Rus Misyon Siyaseti. Ankara, 2007.

Kanlıdere, 2005 – Kanlıdere Ahmet, Kadimle-Cedit Arasında Musa Carullah Hayatı-Eserleri-Fikirleri. İstanbul, 2005.

Kurat, 1969 – Kurat Akdes Nimet. «Kazan türkləri'nin Medenî Uyanış Devri», Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, c.XXIV, 1966. Ankara, 1969.

Maraş, 1969 – Maraş İbrahim. Şeyh Zeynullah Rasuli (1833–1917). www.tasavvuf.info/imaras1.htm. Дата обращения: 3.09.2012.

Maraş, 2001 – Maraş İbrahim. Türk Dünyasında Dini Yenileşme (1860–1917). İstanbul, 2001.

Taymas, 1966 – Taymas Abdullah Battal. Kazan Türkleri. Ankara, 1966.

Taymas, 1958 – Taymas Abdullah Battal. Kazanlı Türk Meşhurlarından Rızaeddin Fahreddinoğlu Kişiliği Fikir Hayatı ve Eserleri. İstanbul, 1958.

Taymas, 1958a – Taymas Abdullah Battal. Kazanlı Türk Meşhurlarından Alimcan Barudî. İstanbul, 1958.

Taymas, 1958b – Taymas, Abdullah Battal. Kazanlı Türk Meşhurlarından Musa Carullah Bigi. İstanbul, 1958.

Taymas, 1959 – Taymas, Abdullah Battal. İki Maksudîler Kişilikleri, Fikir Hayatları ve Eserleri. İstanbul, 1959.

Taymas, 2000 – Rus İhtilalinden Hatıralar Ben Bir Işık Arıyordum. İstanbul, 2000. S.1–2.

Topsakal, 2009 – Topsakal İlyas. Rus Misyoner Kaynaklarına Göre Rus Çarlığı ve Türkler. İstanbul, 2009.

Türkoğlu, 1997 – Türkoğlu İsmail. Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdürreşid İbrahim. Ankara, 1997.

Türkoğlu, 2000 – Türkoğlu İsmail. Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin. İstanbul, 2000.

Algar, 2007 – Algar Hamid. Nakşibendilik. Haz. A. Cüneyd Köksal. İstanbul, 2007.

Gümüşhanevi – Gümüşhanevi Ahmed Ziyüddin. Veliler ve Tarikatlarda Usul (Camiul usul). Mütercim Rahmi Serin. İstanbul. Год не указан.

Gündüz, 1984 – Gündüz İrfan. Gümüşhanevi Ahmed Ziyüddin (ks.) Hayatı-Eserleri-Tarikat anlayışı ve Halidiyye tarikati. İstanbul, 1984.

Kırım'da medrese hayatı – Kırım'da medrese hayatı // Emel. 1971. №63.

Şimşek, 2004 – Şimşek Halil İbrahim. Osmanlı'da Müceddidilik. XII/XVIII Yüzyıl. İstanbul, 2004.

Agaev, 1911 – Agaev A. Turk galeme // Turk Yurdu. 1911. №2–7.

На уйгурском языке

ئىتاتلار لارنى، 1988 – ئىتاتلار لارنى
دېقىس قىچ تارىخى. ئىتاتلار لارنى خالىق شىرىياتى، 1988.

На украинском языке

Прицак, 1993 – Прицак О. Про Агатангела Кримського у 120-і роковини народження // Східний світ. 1993. №1.

На французском языке

Alexandre Bennigsen, 1960 – Alexandre Bennigsen & Chantal Lemerrier-Quelquejay, La presse et

le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris, 1960.

Hélène Carrère d'Encausse, 1966 – Hélène Carrère d'Encausse, Réforme et révolution chez les musulmans de l'empire russe: Bukhara 1867–1924. Paris, 1966.

Hélène Carrère d'Encausse, 1978 – Hélène Carrère d'Encausse, L'Empire Éclaté: La Révolte des Nations en U.R.S.S. Paris, 1978.

Alexandre Bennigsen, 1960 – Alexandre Bennigsen & Chantal Lemerrier-Quelquejay, Les Mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960.

Sultan Galiev, 1986 – Sultan Galiev, Le père de la révolution tiers-mondiste: «Les inconnus de l'histoire». Paris, 1986.

Georgeon, 1980 – Georgeon F. Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876–1935). Paris, 1980.

На чувашском языке

Ваттисен, 2004 – Ваттисен сәмахәсем, каларәшем, сутмалли юмахәсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. 2-меш каларәм. Шупашкар, 2004.

Тимофеев, 2002 – Тимофеев Г.Т. Тәхәръял: Этнографи төрленчәкәсем. Халәх сәмахләхә. Җырса пынисем. Җырусемпе асаилүсем. Шупашкар, 2002.

Справочно-энциклопедические издания

На русском языке

Библиографический, 1989 – Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. Изд. 2-е. М., 1989.

БСЭ, т.48, 1941 – Большая Советская Энциклопедия. Т.48. М., 1941.

Вятская епархия, 2005 – Вятская и Слободская епархия // Православная энциклопедия. Т.10. М., 2005. С.148–164.

Ислам в Евразии, 2001 – Ислам в Евразии. М., 2001.

Ислам в Москве, 2008 – Ислам в Москве. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З.Хайретдинов. Н.Новгород, 2008.

Ислам, 1983 – Ислам. Краткий справочник. М, 1983.

Ислам, 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Ислам, 2004 – Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань, 2004.

Ислам, 2006a – Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М., 2006.

Ислам, 2007 – Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.В.Мухетдинов. М.-Н.Новгород, 2007.

Ислам, 2009 – Ислам в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М.- Н.Новгород, 2009.

Ислам, 2009a – Ислам на Урале: энциклопедический словарь / сост. А.Н.Старостин; отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М., 2009.

Ислам, 2009б – Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М.-Н.Новгород, 2009.

Краткий, 2000 – Краткий религиозно-этический словарь-справочник на русском и татарском языках. Казань, 2000.

Новый энциклопедический словарь, т.18 – Новый энциклопедический словарь / под ред. К.К.Арсеньева. Изд. Ф.А.Бокгауз, А.И.Ефрон. Т.18.

Отечественная война, 2004 – Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Россия, 1898 – Россия. Энциклопедический словарь. С.-Петербург, 1898.

Русско-арабский словарь, 1959 – Русско-арабский словарь. М., 1959.

Справочный, 1847 – Справочный энциклопедический словарь, 1847. СПб., 1847.

Татарская энциклопедия, 2010 – Динамика численности татар в России, СССР и мире в 1719–

2002 гг. // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань, 2010. Т.5. Приложение. Табл.1.

Татарский, 1999 – Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999.

На татарском языке

Рәми, 2001 – Рәми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек. Казан, 2001.

Саттаров, 1981 – Саттаров Г.Ф. Татар исем-нәре сүзлеге. Казан, 1981.

На английском языке

Encyclopedia Britannica, 1992 – Encyclopedia Britannica: The new Volumes, 1922 см. «Pan-Turanianism».

На турецком языке

Sami, 1891 – Sami Şemseddin. Kamusu'l-alam, «Tatar» maddesi. İstanbul, 1891. S.3.

Список сокращений

Учреждения и издательства

- ААГОИАМЗ – Архив Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника
- АН – Академия наук
- АНКО – Автономная некоммерческая организация
- АО – Акционерное общество
- АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
- Архив ИВР СПб. – Архив Института восточных рукописей
- Архив РАН – Архив Российской академии наук
- БНУ – Бюджетное научное учреждение
- Братство св. Гурия – Братство святителя Гурия
- ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАО – Государственный архив Астраханской области
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области
- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО – Государственный архив Кировской области
- ГАКО – Государственный архив Курской области
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
- ГАПО – Государственный архив Пензенской области
- ГАРО – Государственный архив Рязанской области
- ГАСО – Государственный архив Самарской области.
- ГАТО – Государственный архив Томской области
- ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
- ГБУ – Государственное бюджетное учреждение
- ГБОУ ВПО – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
- ГИАОО – Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»
- ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики
- ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
- ГУП – Главное управление по делам печати
- ГУТО ГАТО – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
- ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
- ДПОО – Департамент полиции, общий отдел
- ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук
- ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова
- КДА – Казанская духовная академия
- КТУШ – Казанская татарская учительская школа
- КУ – Казанский университет
- КУО – Казанский учебный округ
- КУС – Казанская учительская (инородческая) семинария
- К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
- КЦКТШ – Казанская центральная крещено-татарская школа
- МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- МВД – Министерство внутренних дел
- МГСК – Московский губернский статистический комитет
- МГИ – Министерство государственных имуществ
- МДА – Московская духовная академия
- МНП – Министерство народного просвещения
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
- НА ТГИАМЗ – Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
- НАСМК – Научный архив Саратовского музея краеведения
- НИИ – Научно-исследовательский институт
- НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
- НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
- НОУ ВПО – Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
- ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
- ОАТР – Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики
- ОКВ – Оренбургское казачье войско
- ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ОРРК – отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.
- ОТУШ – Оренбургская татарская учительская школа
- ОУП ВПО – Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования
- ОУО – Оренбургский учебный округ
- Переводческая комиссия – Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия.
- ПМО – Православное миссионерское общество
- РАН – Российская академия наук

- РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РГО – Императорское Русское географическое общество
 РПЦ – Русская православная церковь
 РТМУ – русско-татарские министерские училища
 РУЖД – Рязанско-Уральская железная дорога
 РФ НИИГНИ – Рукописный фонд Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
 РЭМ – Российский этнографический музей
 СТУШ – Симферопольская татарская учительская школа
 ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление
 УКВ – Уральское казачье войско
 УТУШ – Уфимская татарская учительская школа
 ФГАОУ ВПО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
 ФГБОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
 ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ФГУН – Федеральное государственное учреждение науки
 ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
 ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
 ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
 ЦГА ЧР – Центральный государственный архив Чувашской Республики
 ЦКТШ – Центральная крещено-татарская школа
 ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан
 ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
 ЦПШ – церковно-приходские школы
 ЧГУ – Челябинский государственный университет
- Серии публикаций и периодические издания**
- АСТРАПОЛИС – Астраханские политические исследования, журнал (Астрахань).
 АЭБН – Археология и этнография башкирского народа (Уфа)
 ВЕ – Вестник Евразии, журнал (Казань)
 ВИ – Вопросы истории, журнал (Москва)
 ВНОТ – Вестник научного общества татароведения (Казань)
 ВОУО – Вестник Оренбургского учебного округа, журнал (Уфа)
 ВРГО – Вестник Императорского Русского географического общества (СПб.)
 ВС – Военный сборник, журнал (СПб.)
 ВСГСЭУ – Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, журнал (Саратов)
 ГА-ЭВ – Гасырлар авазы-Эхо веков, журнал (Казань)
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел (СПб.)
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (СПб.)
 ЖМЮ – Журнал министерства юстиции (СПб.)
 ЖПЗ – Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы (Казань)
 ЗРГО – Записки Императорского Русского географического общества (СПб.)
 Идель – газета (Астрахань)
 ИЗ – Исторические записки (Москва)
 ИКЕ – Известия по Казанской епархии (Казань)
 ИКН – Историко-культурное наследие, газета (Набережные Челны)
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии (Казань)
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
 КБЛ – Казанский биржевой листок, газета (Казань)
 К-В. – Камско-Волжская газета (Казань)
 КИ – Казанские известия, газета (Казань)
 КК – Казанский курьер, газета (Казань)
 КТ – Казанский телеграф, газета (Казань)
 КЭ – Башкортостан: Краткая энциклопедия (Уфа)
 МВ – Московские ведомости, газета (Москва)
 МИСО – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска (Оренбург)
 МСГВ – Материалы по статистике Вятской губернии (Вятка)
 МСКУ – Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии (Казань)
 МСОЗ – Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии (Казань)
 МСТК – Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник (СПб.)
 НЭС – Новый энциклопедический словарь (Петроград)
 ОВКПМО – Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества (Вятка)
 ОГВ – Оренбургские губернские ведомости, газета (Оренбург)
 ОДБСГ – Отчет о деятельности Братства святителя Гурия (Казань)
 ОИ – Отечественная история, журнал (Москва)
 ОИКПР – Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России
 ОЛ – Оренбургский листок, газета (Оренбург)
 ОМБОСПб – Отчет мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге (СПб.)
 ОПО – Отчет правления общества пособия бедным мусульманам г.Казани (Казань)
 ПБ – Православный благовестник, журнал (Москва)

ПГВ – Пензенские губернские ведомости, газета (Пенза)
 ПЗСКДА – Протоколы заседаний совета КДА (Казань)
 ПМА, 1998 – Полевые материалы В.М.Викторина, эксп. 1998 г. и последующих лет
 ПС – Православный собеседник, журнал (Казань)
 ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи (СПб.)
 ПСУППР – Полное собрание ученых путешествий по России (СПб.)
 СВРИ – Статистический временник Российской империи (СПб.)
 СЗРИ – Свод законов Российской империи (СПб.)
 СимГВ – Симбирские губернские ведомости, газета (Симбирск)
 СимЕВ – Симбирские епархиальные ведомости, газета (Симбирск)
 СОВ – Семипалатинские областные ведомости, газета (Семипалатинск)
 СПМНП – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (СПб.)
 СРИО – Сборник русского исторического общества (СПб.)
 ССП – Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов (СПб.)
 ССССГ – Сборник статистических сведений по Самарской губернии (Самара)
 СЭ – Советская этнография, журнал (Москва)
 ТВ – Туркестанские ведомости, газета (Ташкент)
 ТГВ – Тобольские губернские ведомости, газета (Тобольск)
 Тәржеман – Тарджеман-Переводчик, газета (Симферополь)
 ТКГСК – Труды Казанского губернского статистического комитета (Казань)
 ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии (Оренбург)
 Труды Четвертого археологического съезда – Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 12 августа 1877 г. (Казань)
 ТХИ – Татар халык ижаты (Казань)
 УЗИКУ – Ученые записки Императорского Казанского университета, журнал (Казань)
 УЗКГПИ – Ученые записки Казанского государственного педагогического института, журнал (Казань)
 УЗКГУ – Ученые записки Казанского государственного университета (Казань)
 УЗКуСПИ – Ученые записки Кустанайского государственного педагогического института, журнал (Кустанай)
 ЦКУО – Циркуляр по Казанскому учебному округу (Казань)
 ЦОЖ – Церковно-общественная жизнь, журнал (Казань)
 ЧГВ – Чувашский гуманитарный вестник, журнал (Чебоксары)
 ЭО – Этнографическое обозрение, журнал (Москва)

Разные сокращения

авт. сн. – авторская сноска
 арш. – аршин
 асс. – ассигнация
 бр. – братья, братство
 букв. – буквально
 быв. – бывший (бывшая)
 в.н.с. – ведущий научный сотрудник
 воен. – военный
 вол. – волость
 вольн. – вольный
 вр. купец – временный купец
 г.н.с. – главный научный сотрудник
 гол. – голова, голов
 губ. – губерния
 д. – дело
 д., дер. – деревня
 д.с.с., д.стат. сов., дейст. стат. сов. – действительный статский советник
 дв. – дворянин
 д.и.н. – доктор исторических наук
 дес., десят. – десятина
 д.полит.н. – доктор политических наук
 д.филол.н. – доктор филологических наук
 Е.И.В. – Его Императорское Величество
 ед.хр. – единица хранения
 ж.д. – железная дорога
 ж.д.ст. – железнодорожная станция
 ж.п. – женский пол
 з. – запад, западный
 зав. – заведение
 и.д. – исполняющий должность
 изд. – издание
 имп. – императорский
 кв. – квадрат
 кв.саж. – квадратная сажень
 к.и.н. – кандидат исторических наук
 кол. – коллекция
 ком. совет. – коммерческий советник
 кр. – крестьянин
 куп. – купец
 к.филол. н. – кандидат филологических наук
 л. – лист
 л.гв. – лейб-гвардия
 л.дв. – личный дворянин
 л.с. – лошадиная сила
 л.т.дв. – личный татарский дворянин
 м.п. – мужской пол
 мещ. – мещанин
 мн. др. – многие другие
 муж., м. – мужчина
 напр. – например
 н.с. – научный сотрудник
 о. – остров
 о. – отец
 об. – оборот
 об.п. – обоюбого пола
 обл. – область
 обязан. – обязанность
 оз. – озеро
 оп. – опись
 п. – пункт
 п.г. – почетный гражданин

п.дв. – потомственный дворянин	свящ. – священник
п.л. – печатный лист	с.н.с. – старший научный сотрудник
п.п.гр. – потомственный почетный гражданин	соб. – собственный
п.т.дв. – потомственный татарский дворянин	совр. – современный
полиц. управ. – полицейское управление	сост. – составитель
помещ. – помещик	ст. – старый
пос. – поселок	ст. – статья
поч. – починок	стлб. – столбец
пр., проч. – прочий	т. – том
прил. – приложение	т.д. – так далее
проф. – профессор	т.е. – то есть
р. – река	т.н. – так называемый
ред. – редактор	т.ч. – в том числе
р-н – район	тип. – типография
с. – село	тит. сов. – титулярный советник
с. – страница	у. – уезд
с.г. – сего года	ум. – умер
с.с. – статский советник	уч. – участок
саж. – сажень	уч. г. – учебный год
св. – святой, святитель	ф. – фонд

Указатель именной

- Абд ал-Кахира Джурджани – 862
 Абд ар-Рахим б. Ахмад Сури – 859
 Абд ар-Рахман б. Ахмад аль-Джами – 860
 Абд ар-Рахман Джами – 861
 Абд ар-Рахман ибн Исмаил ибн Умар ал-Хаджи-Тархани – 78
 Абдаллах Ансари – 862
 Абдаллах ибн Асад ал-Йафи – 861
 Абдрахим хазрат – 853
 Абдрахимов М.Ш. – 354
 Абдрахман бине Мухаммедшариф аль-Кирмани – 792
 Абдрашитов К.Б. – 85
 Абдрашитов М. – 316
 Абдрашитова А.Р. – 37
 Абдрашитовы, купцы – 101, 316
 Абдулазиз Беккине аль-Казани – 385
 Абдулазиз, султан – 347
 Абдулбагидов А. – 561
 Абдулбадыгов А. – 582
 Абдулвагапов, имам – 502
 Абдулвалиев А.Х. – 81
 Абдулгази Бахадур хан – 746
 Абдул-Гази хан – 842
 Абдулин, купец – 325
 Абдулла аль-Мекка Эрзинджани, шейх – 384
 Абдуллаева К. – 261
 Абдуллин – 757
 Абдуллин Г. – 567
 Абдуллин И. – 846, 848
 Абдуллин М. – 262
 Абдуллин Х.М. – 37, 520
 Абдуллин Я.Г. – 23, 32, 39, 743
 Абдуллова Зюлейха – 261
 Абдулов Ю. – 259
 Абдултазизов У. – 414
 Абдулхамид II – 346–348, 350
 Абдульманов, торговец – 335
 Абдурашитов М. – 844
 Абилов Ш. – 781
 Аблайханов С. – 362
 Абрамишвили А.З. – 844
 Абрахманов А.Д. – 335
 Абсалямов, купец – 313
 Абу Абдаллах аль-Джазули – 857
 Абу Ал Хасан Харакани (к.с.) – 387
 Абу аль-Кадир Бидил – 861
 Абу Бакр – 859
 Абу Бакр (Сиддик) – 383
 Абу Бакр Сыдык – 387
 Абу Габдуррахман Габдулла бин Мухаммад Гариф аль-Магази – 387
 Абу Гали Сина – 759
 Абу Гали Фармади – 387
 Абу Йазид Тайфун ибн Иса ибн Адам ибн Сурушан аль-Бистами – 860
 Абу Йусуф Хамадани – 387
 Абу Мансур аль-Матуриди – 392
 Абу Сайд – 859
 Абу Хамид Мухаммад б. Мухаммад б. Мухаммад аль-Газали (аль-Газали) – 376, 718, 751, 760, 846, 855, 857, 861
 Абу Ханиф – 395, 396, 398, 399, 714
 Абу Юсуф – 394
 Абубакиров А. – 330, 331
 Абубакиров А.-В.А. – 85
 Абулгази Бахадурхан – 787, 788
 Абулхаир, хан – 97
 Абу-л-Хасан аль-Ашари – 392
 Абурнаев М. – 365
 Абылгильдин Д. – 89
 Авксентьев – 343
 Агаев А. (Agaev) – 602, 864
 Агафонов Н.Я. – 250
 Агафуров З. – 62, 156
 Агафуров К. – 62, 157
 Агафуровы, семейный род – 155
 Агишевы, предприниматели – 314, 316, 335
 Адамов Муса, купец – 260
 Адамов Мустафа, п.п.гр. – 581
 Адамова Фатима – 813
 Аделеев А.Я. – 626
 Адыгамов – 36, 409
 Азаматов Д.Д. (Azamatov) – 36, 37, 60, 76, 81, 87, 222, 223, 226, 342, 369, 406, 420, 425, 427, 431, 515, 519, 560, 565, 708
 Азаматова Г.Б. – 27, 28, 146, 147, 148, 195, 196, 198, 478, 479, 481, 836
 Азиз Насафи – 862
 Азизова Н.Р. – 29
 Азимов, казанский купец – 325
 Азимов М. – 313, 316
 Азимов М.М. – 558, 559, 567
 Азимов М.Н. – 565
 Азимовы, семейный род – 152, 154
 Азметьев М. – 316, 565
 Азметьевы, предприниматели – 305
 Айвазов Х. – 260
 Айдарова-Волкова Г.Н. – 660, 663
 Аймамельдинов, купец – 335
 Аитов А. – 146
 Аитов Б. – 260
 Аитов М. – 260, 341, 351, 353, 361, 786, 787
 Аитов С. – 155, 260, 303, 733, 789
 Аитов Х. – 260
 Аитов Ш. – 146, 341, 351, 353, 361
 Аитовы, семейный род – 154, 259, 305
 Айтуганов Исхак – 567
 Айтугановы, семейный род – 302
 Айтыкины, семейный род – 92
 Айтынкин, купец – 418
 Акашкин М. – 645
 Акбулатов Х. – 582
 Акбулатов Х.Х. – 316
 Акбулатовы, семейный род – 123
 Акильбеков Ч. – 81
 Акиров А. – 166
 Акманов А.И. – 27
 Акмулла М. – 33, 596, 764–766, 854
 Аксак Тимур (Тамерлан) – 377–379, 787, 860
 Аксаков И.С. – 524
 Аксаков С.Т. – 183, 618
 Акташ, удмуртский дух – 638
 Акчокраклы Осман – 133
 Акчура Ю. (Акчурин) – 348, 602–604, 706, 716, 723, 724, 810, 811, 864

- Акчурин, купец – 234, 717
Акчурин Абдул Мезид – 336
Акчурин И.К. – 270, 313
Акчурин К. – 254, 319
Акчурин С. – 254, 318, 319
Акчурин Т.К. – 261, 313, 318
Акчурин Х.Т. – 313, 335
Акчурин Ю. – 603
Акчурина М. – 33
Акчурины, предприниматели – 102, 141, 149, 254, 314, 316, 326, 602, 813
Акъегетзаде М. (Акъегетзадэ) – 348, 349, 771, 773, 780, 847
Акъегетов Алтынбай – 771
Алабирдин М. – 582
Алафузов, промышленник – 269, 293
Алдагариф Фатих – 116
Алеев Ахмет – 261, 319
Алеев Хамид – 261, 319
Алеевы, предприниматели – 141, 316
Александр I–8, 37, 125, 196, 365, 459–466, 472, 515, 541, 578, 817
Александр II – 126, 189, 447, 478, 492, 500, 516, 786, 863, 865
Александр III – 479, 486, 490, 493, 505, 548, 578, 579, 588
Александр Виртембергский, герцог – 367
Александра Федоровна, императрица – 516, 517
Александров – 151
Алексеев В.В. – 458
Алексеев Е.И. – 450
Алексеев И.Л. – 32, 737, 738
Алексушин – 475
Алекторов А.Е. – 355, 410, 484
Али ат-Тунтари – 381
Али б. Султан Мухаммад аль-Кари – 856
Али б. Шихаб ад-Дин Мухаммад аль-Хамадани – 861
Алиев Х. – 319
Алишев С.Х. – 5, 18, 148, 149, 175, 176, 195, 240, 559, 786
ал-Каши – 860
Алкин, помещик – 198
Алкин А. – 587
Алкин С. – 602, 603, 811
Алкин С.Ш. – 505
Алкин Ш. – 146, 566
Алкин Ю. – 146
Алкины, семейный род – 141, 146, 196
Алмазова Л.И. – 11, 715
Алов А.А. – 281
Алтынгусин Г. – 515
Алтынсарин И. – 475, 850
Алфеев П. – 121
Альшев Фатих – 120
Альбинский А. – 634
аль-Кушчи – 860
аль-Маари – 760
аль-Махди, османский халиф – 377
Альмухамедова З.М. – 620
аль-Фараби – 759, 855
Альп А. (Alp) – 11, 40, 42
Аляк-инмара – 638
Амвросий (Протасов), архиепископ – 634
Аминев Шаги – 567
Аминов Д.А. – 36, 37
Аминов, крестьянин – 188
Амиров А. – 322
Амирхан ат-Талкыши – 796
Амирхан Ф. (Әмирхан) – 33, 782, 796, 811
Амирхан Х. – 176, 787, 788
Амирханов Даниял – 788
Амирханов Рахматулла – 844
Амирханов Р. – 18, 23, 24, 31, 176, 270, 384, 488, 502, 745, 746, 757, 758, 778
Амка Мулла – 396
Ананьич Н.И. – 201
Анастасиев А.И. – 21, 838
Анвар, персидский поэт – 859
Андерсон Н.И. – 731, 732
Андреев В.В. – 267
Андреев К.А. – 526, 528, 642
Андрей (Ухтомский), епископ – 450
Андриевский Ф.Н. – 129, 130
Аникин В.П. – 692
Анна Иоанновна, императрица – 97
Антес Петр – 704
Антометов Н.Б. – 844
Антоний (Амфитеатров), архиепископ – 521, 543, 740, 820
Антонов Д.Н. – 16
Антонов Л.П. – 848
Анучин Е.Н. – 218
Анфимов А.М. – 201, 213, 219
Апаков, купец – 325
Апаков И.И. – 313, 558
Апаков Иб. – 151, 153
Апаков Ис. – 153, 155, 204, 254, 261
Апаков М. – 20, 436
Апаковы, семейный род – 152, 154, 250, 254, 560, 564
Апанаев – 325
Апанаев А. – 602
Апанаев Вали – 567
Апанаев Г. – 603
Апанаев И.И. – 565
Апанаев Исхак – 565, 567
Апанаев М.-Б. – 302, 313
Апанаев М.М. – 565
Апанаев Муса – 260, 365
Апанаев Мухамет – 262
Апанаев Неғалим – 565
Апанаев Х. – 155, 248, 254, 262
Апанаев Ю. – 248, 567, 841
Апанаевы, предприниматели – 149, 152, 154, 155, 250, 254, 315, 558–561, 564, 806, 844
Апполова Н.Г. – 358
Апраксин, семейный род – 148
Арапов Д.Ю. – 37, 140, 141, 143, 144, 168, 225, 474, 519
Арендт Р. – 837
Арефьев, купец – 820
Аристов Н. – 115
Аристотель – 131, 391, 759
Арнольдов – 614
Арсаев К.-Г. – 154
Арсаев Ю. – 250
Арсаевы, семейный род – 152, 154, 254
Арсентьев В.М. – 228, 232, 234
Арсеньев К.Н. – 17

- Арсланов Л. – 29, 78, 103, 105, 107, 631
 Арсланов И. – 251
 Арсланов Семек – 107
 Арсланова А. – 858
 Арслановы, предприниматели – 149, 305
 Архангельский – 617
 Аршуни А. – 23, 35
 Асадуллаев Ага Шамси – 119, 120
 Асадуллаев Ш. – 556
 Асанов Мухан – 260
 Асим-паша – 345
 Асфандияров А.З. – 26, 29, 37, 99, 170–173, 175–178, 829, 831, 832
 Аталик бек б. Зу-л-Факар аш-Шик Акабаши Кунграт – 860
 Атаманов М.Г. – 640
 Атласи Х. – 789, 790
 Аттар, средневековый писатель – 846
 Аттар Галаяутдин – 388, 751
 Ахмад 'Абдаллах ал-Фаруки ал-Накшбанди ас-Сирхинди – 861
 Ахмад бине Сулейман Траблуси (к.с.) – 388
 Ахмад Валид Шайх Наджибаллах Мухдум-заде – 860
 Ахмад Габдрахим Шах Валиулла – 707
 Ахмад Зияэтдин Истанбули – 388
 Ахмад Йасави – 862
 Ахмад Эсад – 345
 Ахмаджан ибн Фадлаллах – 853
 Ахмаджан ибн Шамсад-Дин – 853
 Ахмад-и Казани (к.с.) – 388
 Ахмадуллин В. – 852
 Ахмадуллин М. – 852
 Ахмаров Г.Н. – 20, 178, 180, 290, 429–431, 699, 733, 789, 790, 852
 Ахматов И. – 246
 Ахматов, купец – 246
 Ахматович М. – 368
 Ахматовичи, семейный род – 137
 Ахмед Риза-Баши – 599
 Ахмед Фарук-и Сирхинди – 383, 862
 Ахмед, купец – 80, 81
 Ахмеджанович А. – 581
 Ахмер Ш. – 850
 Ахмеров Г. – 334,
 Ахмеров П.Н. (Сахиб-Гирей) – 569, 742, 802
 Ахмеров Ибрагим – 744
 Ахмеров М., имам – 582
 Ахмеров Н. – 581
 Ахмеров С. – 757
 Ахмеров Ш.И. – 487, 501, 505, 576, 733, 744, 757, 801
 Ахметзянов М.И. (Әхмәтжанов) – 12, 57, 122, 123, 775, 853, 854
 Ахметзянова М.А. – 19
 Ахметов – 754, 765
 Ахметшин Ш.К. – 37, 366, 368, 370
 Ахметьянов Р.Г. – 436, 623
 Ахтямов А. – 148
 Ахтямов Г. – 312
 Ахтямов И. – 602
 Ахун-Джанов И., купец – 118
 Ахундов А., врач – 556
 Аширов М.А. – 84
 Ашмарин Н.И. – 436, 626, 731, 733, 789
 Аюханов З. – 349
 Әмирхан Р. – 686, 787, 788
 Баба Фагани – 861
 Багаутдинов Ш. – 566
 Багаутдинова Х.З. – 11, 158
 Багин С.А. – 18, 423, 613, 621
 Багратион П.И. – 367
 Багрим, мурза – 148
 Бадамшин Г. – 432, 705
 Бадамшин М. – 261
 Бадьги Таки – 349
 Базаревские, семья – 137
 Базаревский Х. – 136
 Базили К.М. – 333
 Байбулатова Л.Ф. – 11, 12, 22, 114, 140
 Байдави Насреддин Абдаллах ибн Умар – 801
 Байкеев А. – 358
 Байкиева Л. – 31
 Баймурад бин Мухаррам аль-Мангари аль-Казани, имам – 394
 Байрашевские, семья – 137
 Байряковы, помещики – 196
 Байчурин Л. – 349
 Бакаров А., купец – 365
 Бакиева Г.Т. – 12, 28, 94, 167, 224
 Бакиров, купец – 336
 Бакиров М.А. – 87
 Бакиров Мухаммед, купец – 111
 Бакирова – 837
 Бакшеев, купец – 313
 Бакыргани С. – 799
 Балатуков К. – 367
 Балашов Д. – 453
 Балашов Н.П. – 268
 Балашов П.П. – 268
 Балха Адхам Ибрагим, султан – 754
 Бальшев Н. – 439
 Банникова Е.В. – 236, 237
 Баранович М. – 240
 Барановский, генерал-майор – 134
 Бараньгиви А. – 790
 Баратынский А.И. – 523, 524
 Барклай-де-Толли М.Б. – 366
 Бартольд В.В. – 35, 109–111, 113, 114, 477, 730, 804
 Баруди Г. – 32, 40, 41, 350, 386, 387, 410, 561, 597, 706, 716, 717, 724, 811, 813, 847
 Баруди Магруй – 813
 Басимов А. – 148
 Баскаков Н.А. – 148
 Басрый Хасан – 751
 Басырова Светлана – 828
 Батиев Пунафей – 262
 Баттал Г. – 791
 Баттал-Таймас (Таумас) – 40, 44, 386
 Батунский М.А. (Batunsky) – 737
 Батыргарей Ф. – 36, 37
 Батырша, предводитель восстания – 595, 708, 721, 865
 Батыршин И. – 351, 362
 Батыршин С. – 341, 342, 351, 362
 Батыршин, врач – 114
 Баха ад-Дин Амили Бахаи – 861
 Бахааддин Накшбанди, шейх – 374
 Бахави, поэт – 768

- Бахлов И.Г. – 266
Бахрушин С.В. – 167, 168
Бахтеевы, перприниматели – 316
Бахтияров А.А. – 404
Башири З. – 850
Баширов М. – 259, 260
Баширова И. – 634, 778, 779, 782
Баязид Бистами – 387
Баязитов Газетулла – 111, 429, 432, 488, 757, 849
Баязитов И. – 246
Баязитов М.-С., муфтий – 418
Баязитов Н. – 261
Баязитова Ф.С. – 632, 643
Баязитовы, семейный род – 254, 331
Беззубов В.И. – 529
Безносиков К.С. – 241, 243
Бекмаханова Н.Е. – 100, 101, 366
Бековчи-Черкасские, семейный род – 146
Бектеева Е.А. – 435
Бекчурин М. – 340, 341, 351, 361, 362, 839, 844, 846
Бекчурин С. – 848
Белавин К. – 80, 833, 834
Белевцова В.О. – 636
Белинский В. – 694
Белоногов Т.П. – 338, 339
Белосельско-Белозерский К.Э. – 268
Белькович Н.П. – 17, 207
Беляев Габбас – 260
Беляев Сагит – 260
Беляк Т. – 136
Беннигсен А. (Bennigsen) – 44, 709
Берви-Флеровский В.В. – 188
Бердников И.С. – 496, 740
Березин И.Н. – 727–729, 733, 745, 746, 748, 842
Беритов М. – 261
Беркутов В.М. – 31
Бехтеев С.С. – 218
Бехтемировы, семейный род – 331
Бибиков А.Г. – 259
Бигашев Г. – 567
Биги М. – 716
Бигиев З. – 33, 40, 717, 772, 773, 780, 782
Бигиев М. – 19, 41, 390, 709
Биглов А. – 351
Биглов С. – 351, 361
Бигловы, семейный род – 141
Бикбулатов Н.В. – 179
Бикбулатов Н., предприниматель – 582
Бикбулатов Х. – 757
Бикколов – 791
Бикмагоматов, купец – 325
Бикмаев Г. – 352
Бикмаев К. – 351
Биктави Г. – 850
Биктемиров А. – 567
Биктемиров (Тукаев) Харис – 804
Биктемиров (Тукаев) Харрас – 804
Биктемиров Баязит – 260
Биктемирова Г. – 389, 764, 769, 813
Биктемирова Т.А. – 31, 485
Бикчентаев М. – 502
Бирабиев С., имам – 582
Биргеви М. – 376, 380, 381, 396, 707
Бирушев, купец – 102
Бирушевы, предприниматели – 316
Бирюкович В.В. – 288
Бичурин Иакинф – 114
Благова Г.Ф. – 779, 780
Бларамберг И.Ф. – 332
Бобровников А.А. – 736, 737
Бобровников Н.А. миссионер – 20, 113, 440, 449, 450, 527, 641, 642, 797, 821, 827
Бобровникова-Чичерина С. (Bobrovnikoff) – 43
Богатырев Э.Д. – 232
Богданов Ю.И. – 844
Богданович Н., губернатор – 583
Боголюбов Матфей – 735
Богородицкая Н.А. – 247–249
Богородицкий В.А. – 730, 731
Богословский Г. – 442
Боданинский А. – 132
Бодуэн дэ Куртенэ И.А. – 730, 731, 734
Болатуков Омер – 126
Боллензен Ф.Ф. – 729, 730
Бораганский И. – 849, 850
Борель – 270
Бородин Н.А. – 166
Бостанов, предприниматель – 122
Бостановы, семейный род – 262
Боханов А.А. – 550
Бочагов А. – 309
Боятжиев Т. – 132
Бреслин Б. – 850
Бржевский Н.К. – 210–212, 216
Бродель Ф. – 235
Броксап М. (Broxup) – 44
Броневский С. – 355
Брянчанинов А., губернатор – 589
Буби Г. – 41, 348, 349, 709, 717, 724, 802, 803, 805, 812, 815
Буби Мухлис – 815
Буби Нигматулла – 796
Будагов Л. – 839, 840
Будилович А.С. – 440, 502–505, 512, 513, 823, 825, 826, 835
Букеев Джангир хан – 106
Букей султан – 107, 354, 355, 359
Букейханов А., султан – 356
Булгаков Р.М. – 34
Булдашова И.В. – 181, 183, 185, 189
Булич Н. – 831
Бунге Н.Х. – 213
Бурбанк Дж. – 238
Бургутовы, семеный род бухарцев – 93
Бурдина О.Н. – 263
Бурнаев, промышленник – 260
Бурнаев А. – 84
Бурнаев К. – 261
Бурнаев М.К. – 560
Бурнаев М.М. – 84
Бурнаев Муртаза – 261, 304, 314
Бурнаев С.К. – 560
Бурнаев С.М. – 84
Бурнаевы, семейный род – 152, 560, 564
Бурнашев А. – 316
Бурнашев Г. – 841
Бурнашев И. – 251
Бурнашев Насыр – 116
Бусыгин Е.П. – 20, 299, 615, 616, 618, 656, 670

- Бутылов Н.В. – 646
 Бучацкие, семья – 137
 Вавилов И. – 324
 Вагабов Г. – 843, 846, 848
 Вагапов Абдюш, просветитель – 746, 839
 Вагапов Г. – 839
 Вагапов Кашфельсрар – 117
 Вагапов С.И. – 300
 Вагимовы, семья – 141
 Вайнштейн А.Л. – 219
 Ваисов Б.Х. – 376, 389, 390, 400, 428, 590–594, 707, 764
 Ваисов Г. – 39, 381
 Ваисов Газизан – 590
 Ваисов Гайнан – 590
 Валеев Ф.Т. – 429, 672,
 Валеев Р.К. – 590,
 Валеев Р.М. – 32, 725, 734, 736, 738
 Валеева-Сулейманова Г.Ф. – 660–662
 Вали Мухаммад ишан Губайдулла бин джагфар аль-Кизлави – 375, 381
 Вали Мухаммад Каргали (к.с.) – 388
 Вали хан Гази Булатович, казахский султан – 556
 Вали, хан – 354
 Валид бин Мухаммад аль-Каргалый – 381, 792
 Валид Мухаммад аль-Амин (Вали Мухаммад) – 375
 Валиди А.-З. – 790
 Валидов Дж. (Валиди, Вэлиди) – 23, 32, 33, 38, 724, 763, 785, 800–803, 856
 Валитов Махмут – 260
 Валитов Х. – 340
 Валитовы, династия – 174
 Валиуллин И. – 365, 708
 Валиханов Ч. – 116, 255, 361, 362
 Валуев П.А. – 543, 566
 Вамбери А. (Vambéry) – 43
 Ван ден Берг – 429–431
 Варадинов Н. – 463, 469
 Василий Темный – 148
 Васильев А.В. – 475
 Васильев В. – 727
 Васильев В.М. – 351, 528, 634
 Васильев В.П. – 27, 727, 730, 733
 Васильев Ф.И. – 824
 Васильчиков А.И. – 213
 Васина Т.А. – 641
 Васькин Н.М. – 104, 107, 108
 Вахидов С., археограф – 790
 Вахитов Г.Г. – 336
 Вахитов С.Г. – 335–336
 Введенский Петр – 735
 Великопермский Стефан – 448
 Величко П.Е. – 326
 Вельминов-Зернов В.В. – 362, 475, 733, 759, 788, 789
 Вельминовы-Зерновы, семейный род – 148
 Вергазовы, предприниматели – 316
 Верещагин Г.Е. – 528, 638, 642
 Вернер К.А. – 128–130
 Верниковский И. – 725
 Верт П. (Werth) – 45, 479, 532, 538, 540, 543
 Веселовский Н.И. – 362, 475
 Веске М.П. – 731, 732
 Весновский В.Л. – 62
 Вефик А. – 41
 Вечеслав Г.М. – 847, 848
 Вечеслав Н.Н. – 17, 278
 Вешняков В.И. – 192
 Видинеевы, семейный род – 270
 Викторин В. – 78, 103–106
 Виноградов Л.В. – 692, 693
 Винценгероде, генерал-адъютант – 368
 Витгенштейн, генерал – 366
 Витевский И.Н. – 820, 821
 Витевский В.Н. – 435
 Витольд, князь – 133
 Витте С.Ю. – 214, 602, 603
 Вихманн Ю. – 640, 732
 Вишленкова Е.А. – 37, 426, 462, 463
 Владимирова Л.М. – 28, 480, 481, 502
 Владыкин В.Е. – 436
 Водарский Я.Е. – 50, 59, 73
 Воецков Г. – 637
 Войцеховский И.П. – 729, 730
 Волков Федор – 842, 844
 Волоконский Г.С. – 323
 Волоконский П.М. – 366
 Вольский З. – 334, 335
 Воробьев Н.И. – 30, 283, 288, 290, 297, 616, 644, 645, 655–657, 670, 677
 Воробьева Е.И. – 37, 474, 481
 Воробьева Л.В. – 402
 Воронец Е. – 525
 Воронцов М.С., кавказский наместник – 343
 Вортман Р. – 548
 Воскресенский А.А. – 820, 839, 840, 851
 Востров В. – 98
 Выборнов А.О. – 235, 276
 Выдро М.Я. – 118
 Габаши Г.М. – 559, 597
 Габаши Х. – 350, 559, 597, 858
 Габбасов Якуб – 260
 Габделвахит Сулейманов – 223
 Габделджаббар аль-Парави (к.с.) – 388
 Габделхаким бин Курбангали Чардаклы – 385
 Габдельвалиев Исхак – 102
 Габдельгазиз Ш. – 839, 840
 Габдельганеева Г. – 841, 847, 851, 852
 Габдельнасыр аль-Курсави – 392
 Габдерахим аль-Булгари (Утыз Имяни) – 375, 376, 379, 381, 382, 392, 393, 395, 396, 398, 400, 707, 716, 749, 862
 Габдерахимов Г. – 379, 381
 Габдессалым ибн Урай – 751
 Габдрахимов Г. – 87, 223, 408, 409, 413, 426
 Габдулвали ан-Нурмави – 796
 Габдулвалиевы, купцы – 86
 Габдулвахаб аль-Хаджитархани – 384
 Габдулгали б. Губайдулла аль-Байракави – 384
 Габдулгани Хусаинов – 81
 Габдулла бине Яхъя аль-Чиртуши – 796
 Габдулла Мачкарави – 381
 Габдуллажаббар Кари – 381
 Габдуллин И.Р. – 27, 143, 146, 147, 176
 Габдулхалик аль-Балликули аль-Казанлы – 590
 Габдулхалик Гиждувани (к.с.) – 387
 Габдуш ишан Булгари (к.с.) – 388
 Габидуллин, купец – 335
 Габидуллин Х. – 23,

- Габитов Шарафутдин – 117
Габитовы, семейный род – 331
Габрахимов Г. – 343
Габяши Х.-Г. – 790
Габяши Хасангат – 89
Гаврилов Б. – 20
Гаврилова Б.Г. – 642
Гаврилова Ф.Г. – 642
Газали, имам – 862
Газеев Г. – 559
Газиев И.М. – 686
Газиз Г. – 5, 33, 260, 784, 786, 788
Газизуллин Г.Ф. – 23,
Гази-Мухаммад, имам – 374
Гайнуллин М.Х. – 23, 24, 32, 33, 749, 752, 753, 767,
769
Гайнутдинов М. – 756, 758, 770
Гакстаузен А. (Baron von Haxthausen)– 42, 43,
652, 654
Галанин С.Ф. – 276
Галанов – 838
Галанский А. – 260
Галанский И. – 251, 567
Галеев – 24
Галеев Г. (Баруди), имам – 582, 810, 811
Галеев М. – 305, 313
Галеев М.И. – 558, 559, 561, 562, 563, 567, 577, 582
Галеев Халиулла – 581
Галеев-Баруди Г. – 858
Галеевы, семейный род – 806
Гали Рамитани (к.с.) – 387
Гали Х. – 850
Галиев В. – 360, 362
Галикеев А. – 313
Галикеев М. – 155, 251, 356
Галикеев С. – 567
Галикеевы, семейный род – 152, 389, 560
Галимзянов А. – 40, 631–633
Галимов Мамет – 578
Галимова М. – 759
Галимуллин Ф.Ф. – 599, 600, 602
Галлиев, купец – 340
Галушкина Н.В. – 37
Галю М. – 347
Галютдинов И.Г. – 782
Ганиев С., генерал-майор – 556
Ганиева Р. – 750, 781
Ганин А.В. – 165
Ганкевич В. – 125, 126, 127, 131–133, 720
Гараева Н.Г. – 785, 857
Гарзавина А. – 148
Гарипов Н. – 37, 424
Гарипова Р.Р. – 225
Гариф Биллях (к.с.) – 388
Гариф Ривегяри (к.с.) – 387
Гарифулл аль-Чокрый (аль-Басрави) – 382
Гаспринский И. – 17, 41, 44, 124, 129, 130, 132,
133, 405, 488, 567, 596, 599, 600, 602, 716, 717,
720, 721, 723, 758, 779, 806–808, 864–866
Гата жий Кабули (к.с.) – 388
Гатаулл бин Мухаммади аль-Курсави (к.с.) – 388
Гафури М. – 386
Гафуров-Чыгтай Г. – 384, 780
Гвоздев И.А. – 737
Гвоздикова И.М. – 223, 352
Гейер И.И. – 111, 112
Гёкгёз С.С. (Gökgöz) – 42
Геллнер Э. – 7
Георги И.Г. – 78, 178, 241, 410, 677, 679,
Гербек О. – 850
Герцен А.И. – 638
Гибадуллин М. – 152, 300, 314
Гибадуллина Э.М. – 36, 60, 72, 415, 800
Гиганов И. – 839, 840, 844
Гиззатуллина А. – 790
Гильмутдинов Д.Р. – 37, 413
Гилязов И.А. – 194, 203
Гилязутдинов С. – 858
Гимадеев И.Ф. – 715
Гимазова Р.А. – 31, 39, 410
Гирей Х., полковник – 344
Гисматуллина Х. – 769, 770
Глазенапу Г. – 323
Глинские, семейный род – 148
Глотов С.В. – 653
Гмелин С.Г. – 77, 78
Гобайдулла Сардави (к.с.) – 388
Гоголь Н.В. – 488, 759, 849
Годовова Е. – 163, 165, 167
Годувани Рабиг – 751
Гозулов А.И. – 16
Голикова Н.Б. – 77, 78
Голицын А.Н. – 462
Голубев П.А. – 292, 293
Голубкина Т.М. – 37
Гольдберг Г. – 674
Гомзин, помощник генерал-губернатора Туркестанского края – 110
Гончаренко Л.Н. – 26, 59, 66, 264, 266, 276
Гончаров Ю.М. – 160, 168
Гордлевский В.А. – 644, 732
Гордон-Полонская Л. – 707
Горемыкин И.Л. – 456, 480
Горланов Л.Р. – 196, 197
Городчанинов Г. – 364
Горохов В.М. – 31, 504, 820
Горчак, татарский мурза – 148
Горчаков А.М. – 148, 149
Горячкин А.В. – 815
Госманов М.Г. – 18, 24, 115–117, 784, 789, 790
Готвальд И.Ф. – 727, 728, 731, 733, 734, 759, 789
Гранкина С.В. – 272
Григорий (Митькевич), ректор КДА – 736
Григорий (Постников), архиепископ – 446, 738
Григорьев Н.А. – 20, 463, 523, 641
Григорьев С.Е. – 332
Григорьев Алексей, миссионер – 825
Григорьев В.В. – 362, 474, 475
Грищенко Н.П. – 25, 27
Гришин Я. – 37, 133, 136, 143, 147, 368, 515
Губаев Х. – 261
Губаева С.С. – 109
Губайдулла Кизляви (к.с.) – 388
Губайдулла Садр аш-Шария – 801
Губайдуллин Г.С. (Гобәйдуллин) – 5, 22, 23, 32,
38, 572, 684, 760
Губайдуллин С. – 305, 313
Губайдуллин Шамсетдин – 752
Губайдуллина К.М. – 81, 684
Губайдуллины, семейный род – 389

- Губеев – 844
 Гулова – 673
 Гуляев А.М. – 289, 465
 Гумбольдт А. – 334
 Гумеров – 766, 767
 Гун К. – 21
 Гурвич Н. – 20
 Гусев – 589
 Гысыра Н. – 33
 Гююшханеви А.З., шейх – 345, 385, 388
 Даввани Джалаледдин – 801
 Давлет Н. (Devlet) – 41
 Давлетбаев Б.С. – 27, 178–180
 Давлеткамов Изатулла – 559
 Давлеткильдеев М.Т. – 152
 Давлеткильдеев, купец – 262, 270
 Давлеткильдеевы, род – 102, 122, 262, 805
 Давлетмамбет Т. – 195
 Давлетшах бин Гадельшах аль-Чабанлы – 375, 394
 Давлетшин А.А. – 147
 Давлетшин Г. – 305, 435
 Давлетшина З.М. – 87
 Давлетьяров Г. – 852
 Давликамов Абдулвахит, имам хатиб – 805
 Давликамовы, династия имамов – 805
 Давыдов Д. – 366
 Давыдов М. – 259, 260, 844
 Давыдов М.М., купец – 565
 Давыдов Ю. – 260
 Давыдовы, семейный род – 148
 Дагестани О.З. – 385
 Даишев С.И. – 26, 38, 207, 482, 536
 Далингер – 78
 Дальтон Б. – 489
 Даминов Г. – 852
 Даневский П. – 465
 Даниил (Сивиллов) – 730
 Даниил, архимандрит – 729, 730
 Данилевский Г.И. – 341
 Данциг Б.М. – 729
 Дарменд Бахаветдин Накшбанди Булгари Ваисзаде – 389
 Даулей Р.П. – 20, 693, 827
 Дашковы, семейный род – 148
 Двоеносова Г.А. – 141, 143
 Дебердеев И. – 261
 Дебердеев М. – 261
 Дебердеев М.А. – 316
 Дебердеев Я. – 261
 Дебердеевы, предприниматели – 314, 316, 318
 Дебу И. – 286
 Девин де Виз – 377
 Девишев М., купец – 118
 Девишев М.В. – 316
 Девлеткильдеев С. – 146
 Девлеткильдеев, князь – 146
 Девлеткильдеев – 335
 Девлиткильдеевы, семейный род – 331
 Деевы, семейный род – 270
 Делянов И.Д. – 505, 579–581
 Демезон П.И. – 322, 323
 Демидов С.М. – 389
 Денисов В.И. – 251,
 Денисов Д.Н. – 12, 26, 60, 79, 82–85, 87, 154, 176,
 204, 223, 412, 418
 Денисов П.В. – 436, 607
 Державин Г.Р. – 148, 149
 Державины, семейный род – 148
 Деррик А. – 417
 Дефо Д. – 759
 Джагфар аль-Кулатки аль-Булгари Салихов – 590,
 591
 Джагфар ас-Сафари – 699, 700
 Джагфар аш-Ширвани аль-Ханафи – 384
 Джагфар бин Абди аль-Булгари – 375, 381
 Джамал ад-Дин аль-Афгани – 41, 390, 599, 708,
 710, 719, 808
 Джамалутдин ас-Суюти – 801
 Джами – 751
 Жангир-хан – 107, 355, 356
 Жангуршин Абдулла – 104
 Джанибеков А. – 79
 Жангюрин А., полковник – 353
 Джафар Садык (р.а.) – 387
 Джевдет Ахмед – 350
 Джевдет-паша, мин.юстиции Османской империи
 – 343
 Джелал Нури Иляри – 350
 Джераси Р. (Geraci) – 45
 Дивеевы, семейный род – 141
 Динмухаметов И. (Динмөхәмәтов) – 706
 Диттель В.Ф. – 727, 729
 Дихтяр Г.Л. – 301
 Дмитриев – 49, 251
 Дмитриев А. – 251, 763
 Дмитриев М. – 482
 Дмитриев М.М. – 220
 Дмитриев М.П. – 287, 618, 619
 Дмитриева – 790, 854
 Добросмыслов А. – 337, 353, 357
 Долбилов М. – 8, 477, 491
 Долгоруков В.А. – 334
 Долотказин Х.У. – 84
 Домбровский Б.Л. – 847, 851
 Дорофеев В.В. – 79, 82
 Доулер У. (Dowler) – 448
 Дрейфус Луи – 276
 Дремков В.В. – 78
 Дружинин Н.М. – 6, 25, 186–191, 263, 264, 273,
 402, 532, 533, 535
 Дубовиков – 166
 Дубровин А.А. – 848
 Дудкин А. – 20, 218
 Думави Н., поэт – 389, 768, 850
 Дунин-Горкавич А. – 95
 Дурново И.Н. – 582
 Дьяконов А.Н. – 130
 Дэрдменд, поэт – 348, 782
 Дюдуаньон С. – 706, 707
 Дякин С.В. – 483, 486, 509
 Евсевьев М.Е. – 526, 528, 617, 645
 Евстифьев В. – 539
 Евтихеев – 287
 Егiazарова Н.А. – 274
 Егоров Н.И. – 623
 Егоров Тимофей, священник – 742, 821
 Екатерина II – 7, 24, 40, 58, 105, 125, 126, 134, 141,
 146, 150, 161, 168, 342, 424, 425, 452, 457, 459–
 461, 463–465, 471, 550, 578, 579, 595, 708, 714,
 719, 791, 841

- Елизаветта Петровна – 792
Елкыбаевы – 117
Емельянов А. – 640
Емельянов Я., поэт – 768, 851
Емельянова Н. – 37
Емкеев С. – 435
Еналиев З.Х. – 40
Еналиев Х., торговец – 582
Еникеев – 27, 141, 143, 565, 838
Еникеев А., губернский секретарь – 565
Еникеев С. – 27
Еникеев Т. – 351
Еникеевы, семейный род – 141, 146
Еремина С. – 195
Ерзин С., купец – 118
Ермухаметовы, семейный род – 141
Ерусланов А.П. – 634
Ерусланов П.И. – 526
Ершов В.И. – 456, 503
Есиева И.В. – 24, 271
Ефимов А.В. – 668, 669
Ефремов С.О. – 609
Жанаев Б.Т. – 359
Жданов Н.В. – 704
Железнов И.И. – 408
Жестовская Ф.А. – 32, 33
Жиганшин С. – 318
Жоржон Ф. – 350
Жузе П.К. – 736, 742
Журавский А.В. – 31
Забировы, семейный род – 331
Заблонский Е. – 262
Завгарова Ф. – 692, 770
Загидуллин А.А. – 26, 29, 36, 37, 60, 61, 74, 76, 98, 166, 203, 206, 207, 224, 226, 287, 343, 364, 404, 406, 413, 420, 421, 431, 453, 462, 469, 483, 485, 493, 497, 509, 512, 517, 519, 520, 536, 537, 566, 568, 572, 573, 577, 583, 584, 614, 793
Загидуллин И.К. – 3, 11, 12, 22, 37, 38, 58, 73–75, 87, 174, 181, 195, 198, 221, 342, 401, 415, 474, 477, 483, 485, 487, 495, 499, 515, 535, 565, 569, 595
Загидуллина Д. – 743
Загоскин Н.П. – 252, 309, 310, 471, 727, 842
Зайнетдинов Г. – 301
Зайни Р.Л. – 18, 39, 759
Зайни Х. – 348
Зайнулла Троицкий (к.с.) – 388
Зайнулла, ишан – 386
Зайнуллина Ф.Г. – 26, 208
Зайончковский П.А. – 516
Зайтов М. – 733, 789
Зайцева И. – 74
Зайцев М. – 628
Зайцев Я.А. – 642
Заки Ш., поэт – 33, 752, 753, 765, 778, 782, 805
Заманов А., купец – 248, 259
Заманов Исая – 260
Замановы, купцы – 790
Замановы-Аитовы, семейный род – 152, 259
Замахшари М., лексиколог – 762, 801
Запольский И.И. – 745, 831
Зарконе Т. – 389, 390
Захарьевский П. – 611
Зейдлиц Е. – 837
Зеленева Г.С. – 634
Зеньковский С.А. (Zenkovsky) – 43, 44
Зеткина И.А. – 447
Зефиоров М.М. – 524
Зиммель Г. – 76
Златоверховников И. – 450
Змеев Л.Ф. – 655
Знаменский П. – 20, 292, 294, 435, 522, 529, 736, 739, 822, 844, 845
Зобов Ю.С. – 322
Золотарев Д.Ю. – 127, 128
Золотницкий Н.И. – 436, 524, 625, 733
Золотова В.А. – 832
Зорин А.Н. – 62
Зорин Б.И. – 20, 21
Зябловский Е. – 249
Ибатуллин – 852
Ибн аль-Араби – 760, 855
Ибн Рушд – 391, 760
Ибн Сина (Авиценна) – 391, 763, 846, 855
Ибн Тагрибирди, египетский историк – 785
Ибн Таймийа – 760
Ибн Халдун – 785
Ибнеева Г.В. – 471
Ибрагим аль-Курди аль-Багдади, сейид – 345
Ибрагим бин Худзяша, имам – 393
Ибрагим бине Габдулла ан-Нукратый – 793
Ибрагим бине Худжаши – 793
Ибрагимов – 350
Ибрагимов, зауряд хорунжий – 366
Ибрагимов А., богослов – 348, 567
Ибрагимов Г. (Ибрагимов) – 7, 18, 22, 23, 32, 38, 41, 63, 64, 161, 348, 414, 557–600, 602, 603, 706, 782, 784, 850
Ибрагимов З. – 304
Ибрагимов И.И. – 361
Ибрагимов М. А. – 111, 560, 561
Ибрагимов Мур. – 304, 305
Ибрагимов Н.М. – 745
Ибрагимов Р. – 599, 724
Ибрагимов Ф. – 304
Ибрагимов Ш. – 304, 361, 568, 756
Ибрагимов Ш.М. – 568
Ибраев Г. – 418
Иван III – 148
Иван Грозный – 462, 483
Иванин – 341
Иванов В.П. – 624, 630,
Иванов Л.М. – 59
Иванов – 834
Иванов М. – 746–748
Иванов М.И. – 842
Иванов С.Н. – 732
Иванова Е.В. – 128
Ивановский – 301
Ивонин – 168
Игельстром О.А. – 223, 353
Игнатович – 532
Игнатъев – 84
Игнатъев Г.П., граф – 586
Идиатуллин – 29
Идиятуллина Г. – 395, 709, 715, 721, 749, 780, 781
Идриси Г. – 348
Идрисов И.С. – 852
Идрисов У.Ю. – 36

- Идрисов Э.Ш. – 107
 Ижбаев Н. – 593
 Ижболдины, предприниматели – 314
 Изз ад-Дин Занджани – 858
 Измайлов Б. – 14, 28, 464
 Измайлов Ю. – 260
 Измestьева – 274
 Износков И.А. – 218, 437, 632, 643, 819
 Иловайский Д.И. – 837
 Ильин Г. – 735
 Ильминский Н.И. – 9, 18, 20, 30, 43, 333, 358, 436, 437, 439, 440, 445, 448, 449, 476, 477, 489, 490, 501, 511, 512, 521–530, 539, 541, 545, 547, 567, 568, 634, 641, 642, 731, 733, 736, 737, 738, 739, 740, 742, 804, 818–827, 842, 849
 Ильяси Г. – 33, 757, 782, 786, 789, 847
 Ильясов А. – 733
 Ильясов Г.М.-А. (Габдрахман Ильяси) – 775, 776
 Имам Раббани Ахмад аль-Фаруки Сирхинди (к.с.) – 388, 707
 Иманасв М. – 838
 Имтиков Ш. – 582
 Имьяминовы, семейный род – 92, 93
 Иннокентий (Новгородов), ректор КДА – 740
 Иннокентий (Попов), митрополит московский – 492
 Иноземцев А. – 262
 Иоанн (Соколов), епископ – 739
 Иоксимович – 318
 Иона (Павинский), архиепископ – 540
 Исаева – 272
 Исаков М.-Р. – 118
 Искандеров И.Х. – 79
 Ислаев Ф.Г. – 223, 791
 Исламов – 634
 Ислямов И. – 370
 Исмаил аль-Крыми – 388
 Исхаки Г. – 33, 386, 809, 837
 Исхаков А. – 356
 Исхаков Д.М. – 27, 29, 39, 48, 50, 55, 60, 78, 79, 121, 166, 178, 180, 466, 624, 625, 688, 720, 721, 784
 Исхаков Р.Р. – 11, 12, 31, 37, 38, 411, 434, 441, 447, 490, 495, 521, 524, 538, 589, 637, 638, 640, 720, 735, 784, 817
 Исхаков С. – 37, 225
 Исхакова Р.Р. – 32, 37, 38, 524
 Йусуф бине Габдулкарим – 796
 Ишбулатов – 784
 Ишбулатовы, династия – 174
 Ишемгулов – 35
 Ишимбаев – 122
 Ишимбаевы, семейный род – 262
 Ишмуратов Аб. – 304, 313
 Ишмуратов Ах. – 304
 Ишмухамедов – 425
 Ишмухамедов З.А. – 35
 Ишнияз бин Ширнияз аль-Хорезми, ученый – 392, 396
 Иштерековы, семейный род – 331
 Ишуков – 271
 Ёылмаз – 383
 Каба-инмар, божество – 638
 Кабанова – 88
 Кабдулвахидов К. – 21
 Кабузан В.М. – 16, 50, 91, 96, 181, 230, 404, 643
 Кабытов П.С. – 26, 264, 274, 275
 Кадермати М. – 759
 Кадизад М. – 379
 Кадомцевы, князья – 148
 Кадыры З. – 349
 Казаков Исхак – 504
 Казаков М. – 313
 Казаковы, род – 154
 Казанцев Н. – 178, 179
 Казем-Бек А.К. – 362, 430, 448, 725–728, 736, 745, 747, 748, 759, 842
 Казимов А.С. – 25
 Каиповы, предприниматели – 102, 316
 Калиев Ю.А. – 436
 Калим Я.Г. – 731, 732
 Камал ад-Дин Хусайн ибн 'Али Ваиза Кашифи – 861
 Камал Г.Г. (Галиасгар Камал) – 776, 777, 848, 852
 Камал Ш. – 782
 Камали З. – 89, 348, 389, 390, 709, 716, 717
 Камалов З. – 384
 Камалов М. – 384
 Каменев П. – 148
 Каменский Ф. – 735
 Ками Сулейман – 350
 Кандаый Г. – 33, 699, 700, 754–757, 763, 782
 Канделаки И. – 251
 Кандидат Пелль – 242, 243
 Канлыдер А. (Kanlidere) – 41
 Кант И. – 713
 Капкаев Гиниятулла – 89, 597
 Каплуновский – 28, 160, 161
 Каппелер А. (Kappeler) – 3, 9, 11, 45, 176, 478, 499, 528, 529, 595, 596, 626
 Каппен П.Н. – 17
 Каргалый А. – 33, 375, 747, 751, 752, 754, 782
 Каргин, купец – 313
 Карими Г. – 597
 Карими Ф.Г. – 33, 348, 349, 384, 597, 598, 724, 773, 774, 780, 850
 Каримов Г.И. – 850
 Каримов М. – 849
 Каримов Х. – 849
 Каримов Ш. – 849
 Каримов, купец – 111
 Каримовы, семейный род – 759, 849, 851, 852
 Каримуллин А.Г. (Кәримуллин) – 23, 24, 34, 89, 461, 488–490, 541, 581, 696, 745, 748, 757, 841, 843, 844, 847–850
 Карнович Е. – 147
 Карпенкова Т.В. – 37
 Каррер д'Анкос Э. (d'Encausse) – 44
 Каррик В.А. – 216, 279, 403, 406, 675
 Карташова – 265, 271
 Карчынзаде Сулейман – 350
 Касимов Р.Н. – 639
 Касимов Мавлиш (Мавлюш) – 639, 640
 Касимов У. – 639
 Кастров, купец – 270
 Кастров А.Х. – 316
 Кастров С.М. – 262
 Кастров Х. – 118
 Кастровы, семейный род – 123, 262
 Касым бин Мухаммад (р.а.) – 387

- Касымов К. – 172, 369
Катанов Н.Ф. – 20, 435, 590, 731, 732, 734, 736, 763, 771, 783, 784, 787
Катаринский В.В. – 501, 511–513, 580, 851
Катеев Ф. – 849
Катенин А.А. – 327
Катенин М. – 844
Катков М.Н. – 524
Каульбарс А.В. – 115, 116
Кауфман К.П. генерал-губернатор Туркестанского края – 110, 111, 476, 491
Кафенгауз Л.Б. – 244, 272
Кашаевы, семейный род – 141
Кашапов Р. – 338
Кашафутдинов Р.Г. – 29
Кедров И.М. – 526, 634, 817
Кейкавус, персидский поэт – 762
Кемаль Н. – 41
Кемпер М. (Kemper) – 11, 46, 372, 391, 393, 590, 707, 715, 749, 783, 784, 786
Кеппен П. – 128, 173, 297, 333
Керимов Г.М. – 469
Кефели-Клай Агнесс (Keefeli-Clay) – 46, 546, 586
Кидирниязов Д.С. – 77
Кииков М.Г. – 766
Кильдеевы, предприниматели – 308
Кильдишев А.И. – 39
Киникеев Г.К. – 84
Кирилл, славянский святитель – 448
Кириллова Л.И. – 666
Киселев П.Д. – 186, 187, 189, 191, 402
Кисмина Е.В. – 268
Китаев Ю. – 250, 260
Китаева Гадиба – 260
Китаевы, семейный род – 254
Китанина Т.М. – 274, 275
Клейн Н.Л. – 26, 237, 264, 269–271, 275
Клеянкин А.В. – 25, 194
Климович Л. – 35, 224, 590
Кнорринг, полковник – 368
Кобзев А. – 36, 38, 221, 226, 409, 415, 416, 420, 421, 423, 612, 629, 630
Коблов Я.Д. – 20, 407, 408, 410, 416, 417, 430, 432, 435, 610, 611, 614, 643, 699, 763, 799, 801, 825
Ковалевский М.Е. – 264, 571, 573, 574
Ковалевский О.К. – 731
Ковалевский О.М. – 727, 729
Кодан С.В. – 465
Коковин Н.П. – 843
Колесова Е.В. – 32, 736, 737
Колмогоров Г. – 328–330
Кольи М. – 752
Комаров М.И. – 218
Комиссаров Г.И. – 627, 824
Кондратов И. – 839
Кондратьев М.Г. – 623
Кондырев П.С. – 745, 831
Коновалов А.В. – 266
Кононов А.Н. – 725, 743, 839
Константин Николаевич, великий князь – 447
Коншин Н. – 359
Корелин А.П. – 141, 276
Корицкий А. – 137
Корнеева Е. – 21
Корнелий де Бруини – 677
Корнилов Л.Г. – 114
Корнилов И.П. – 525
Коробейников А.В. – 642
Королев С.А. – 20
Корсак А.К. – 115, 249, 250
Кортунов А.И. – 163, 165
Корусенко С. – 90, 93
Корыцкие, семья – 137
Косолапов В.Н. – 298
Костенко Л.Ф. – 115, 330
Костылев А. – 735
Костюшко Т. – 134
Косымбаев Ж. – 98
Котелов П.И. – 250
Котелов П.П. – 233
Котков В.М. – 37, 516, 517
Кочубей В.П. – 148, 149
Кравцова Е.С. – 263
Кравчук В.Р. – 37, 516
Краснодубовский Г.С. – 21
Красножен М. – 495
Крачковский И.Ю. – 738, 739
Крачковский Ю.И. – 741
Крейндлер И.Т. (Kreindler) – 45
Кремлев – 613, 625, 627
Крестовников А.К. – 233
Крестовников В.К. – 233
Крестовниковы, купцы – 308
Кругликов – 27
Круз Р. (Crews) – 7, 45, 46, 375, 590, 715
Круковский М.А. – 20, 211, 222, 284, 442
Крупеников Л.Ф. – 250, 260
Крушевский Н.В. – 730, 731
Крыжановский Н.А. – 474, 492, 509, 586
Крымский – 461
Крычинский К. – 137
Крычинский Л. – 137
Крычинский О. – 137
Крюкова – 290
Ксаинов – 333
Кугушев Т. – 148
Кугушевы, князья – 148
Кузеев Р.Г. – 27, 29, 48, 55, 229, 615
Кузьмин – 312
Кукляшев С. – 747, 756, 830, 839, 842, 844, 846
Кул Гали – 748, 757, 760, 779, 799, 854
Кул Сулайман – 854
Кул Шариф – 752
Кулахметов Г.Ю. – 838
Куликова – 725, 726
Кулунчаковы, князья – 148
Кульдюшев К.С. – 141
Кульмаметов А.М. – 559, 577
Кульмаметьевы, семейный род – 167, 168
Культьяси Ш. – 32, 710
Кульшарипов – 27
Кулябко-Корецкий – 279, 280
Куприн А.И. – 148
Курамшеев И. – 260
Курамшин Н., предприниматель – 577
Курат А.Н. (Kurat) – 40, 41, 44
Курбанаев В. – 639
Курбанаев М. – 639
Курбанаков У. – 352
Курбангалиев Г. – 385

- Курбангалиев М.Х. – 838
 Курбангалиевы, семейный род – 389, 390
 Курочкин, купец – 105
 Курпячев М., торговец – 582
 Курсави Г. – 19, 32, 36, 41, 375, 378–380, 393–397, 399, 400, 409, 706, 707, 709, 710, 716, 721, 749, 796, 806
 Кутлумухаммад – 195
 Кутляров А., унтер-офицер – 757
 Кучук-бей – 148
 Кылыч – 585
 Кылыч бине Сайяди – 768
 Кышкар Якуб бине Яхъя ад-Дубъязи – 796
 Лаверечев – 156
 Лаверычев – 270
 Лавровский П.А. – 501
 Лазарев Л.М. – 850
 Лаззерини Э. Дж. (Lazzerini) – 8, 11, 44, 599, 711
 Ланда Р.Г. – 35
 Лапин – 37, 515, 518
 Лаппо – 133
 Лаптев М. – 17, 76, 240, 243, 258, 259, 285, 309, 310, 325, 326, 331, 333, 617, 644, 650, 694
 Лебедева О.С. – 757, 759
 Леджинова – 265
 Лемерсье-Келькеже Ш. (Lemercier-Quellejay) – 44
 Ленин В.И. – 26
 Леонтьев – 216
 Лепехин И. – 677
 Лепренс И.Б. – 677
 Лермонтов М.Ю. – 759
 Лерх П.И. – 733
 Лигенко Н.П. – 268, 271, 275
 Линдегрэн – 243, 290
 Линков – 535
 Липаков Е.В. – 31
 Липинский А. – 239, 240, 243, 283, 285, 292, 319, 326
 Липкин С. – 765–767
 Листов Петр – 735
 Литвак – 13
 Литуновский Н. – 649, 653
 Лобачева – 677
 Логинов В. – 249
 Лоранский – 458
 Луппов П.Н. – 637–640
 Лысенко Л.М. – 452, 457
 Любимов – 21
 Любичановский С. – 452
 Людмилин – 35
 Лядов – 617
 Ляпидовский – 434, 643
 Лященко – 263
 Мавлави Халили – 862
 Мавлюд бин Мустафа бин Юнус – 398
 Мавлютов У. – 354
 Магаз б. Бек Мухаммад – 387
 Магницкий В. – 436, 625, 733
 Магницкий М.Л. – 725, 727, 744, 817
 Мазитова Н.А. – 725, 727–729, 741, 746
 Майер Д. (Meuer) – 46
 Макарий (Невский), миссионер – 440, 449
 Макаров Г.М. – 434, 643, 697
 Макаров Дмитрий – 117
 Максимов С. – 434, 435, 617
 Максимов С.Е. – 275,
 Максуди А. – 758, 780
 Максуди А., купец – 597
 Максуди А.-Х. – 837
 Максуди С. – 837, 864
 Максуди Х. – 847, 848
 Максудов Г. – 262, 602, 724
 Максудов З. – 568
 Максудовы, семейный род – 805
 Максутов М. – 844
 Максютков – 270
 Максютков З. – 567
 Максютков М.Т. – 152
 Максютковы, род – 146, 196, 331
 Макуловы-Каменевы, князья – 148
 Малашенко А.В. – 610, 704
 Малов Е.А. – 18, 20, 406, 436, 443, 444, 449, 470, 523, 539, 540, 544–546, 610, 614, 690, 736, 739, 740, 741, 742, 763
 Малов С.Е. – 732
 Мальцовы, семейный род – 234
 Мамаев, помещик – 536
 Маматказин Ариф – 122
 Маматкозины-Сакаевы, семейный род – 141
 Маматов Г. – 261
 Маматов Д. – 261
 Мамашев – 260
 Мамешов М.Р., купец – 365
 Мамины, род – 141
 Мамлеев Нурмухамед – 89
 Мамышев Х. – 841
 Мангутов Б.Х. – 84
 Мангушев Г. – 850
 Мансур аль-Халладж – 372
 Мансуров – 336
 Мансуров А.Ш. – 336, 356
 Мансуров Б.А. – 365
 Мансуров М.М. – 319
 Мансуров М.С. – 849
 Мараш И. (Maras) – 41, 410
 Маргинани Б. – 13, 430
 Маргинани Бурханеддин Али – 801
 Марданов (Мәрданов) – 38, 584, 641, 788, 789, 853
 Марджани Ш. (Мәржани) – 7, 18, 19, 32, 36, 40, 41, 75, 221, 343, 345, 375–377, 381, 384, 387, 393, 394, 396, 397, 407, 415, 426, 427, 489, 552, 566, 596, 637, 638, 641, 699, 706, 707, 709, 710, 716, 717, 733, 744, 747, 759, 762, 763, 765, 767, 775, 780, 783–790, 792, 793, 795, 796, 803, 804, 806, 850, 858, 864, 865
 Марискин О. – 26, 209, 274, 286, 402
 Мария Федоровна, императрица – 517
 Маркибаев Т. – 81
 Марков – 131
 Маркова – 275
 Марр – 436
 Мартынов П.Л. – 542, 621
 Мартынов А. – 677
 Масаев – 367
 Масальский В. – 337, 338
 Масанов – 361
 Масиньон – 669
 Маслова – 271
 Матвеев – 435

- Матвеев Иван, миссионер – 825
Матвеев С.М. – 20, 763
Матвиевский – 27, 365
Маторин – 436
Махдум Мухаммад Кизляви (к.с.) – 388
Махмуд аль-Фигал (к.с.) – 388
Махмуд аль-Алмалия – 384
Махмуд б. Али аль-Кашани – 860
Махмуд Инджир Фагневи (к.с.) – 387
Махмуд Тадж аш-Шария – 801
Махмудов Г. – 756, 759, 843, 844, 846
Махмудов М.Г. – 505, 694, 701, 728, 733, 746, 747, 853
Махмут Эсад-эфенди – 350
Махмутова А.Х. (Мэхмутова) – 23, 24, 31, 485, 489, 791, 795, 799, 803, 805, 811–813, 815
Махрова – 167
Мацузато К. – 474, 528
Мачкара Габдулла аль-Чиртуши – 796
Машанов М. – 20, 41, 414, 431, 439, 440, 449, 527, 547, 609, 736, 740–742, 851
Мәгази – 385, 389
Мевлан Халиди-и Багдади – 383, 384, 388
Медведев И. – 844
Медведев, помещик – 533
Медиев А. – 130, 132, 133
Мейер Д.И. – 431
Меинов Д. – 132
Мельников А.П. – 248, 249
Мельников П.И. – 247–249
Меркушин А.В. – 182, 186, 189
Мефодий, славянский святитель – 448
Мехмед Кани Паша, гос. министр Османской империи – 347
Мигулин П.П. – 201
Мидхат А. – 349
Мийан Сибгатулла (к.с.) – 388
Миллер Г. – 632, 634, 635
Милорадович М.А., генерал – 366, 367
Милюков П.Н. – 24, 228, 229
Милютин Л.А. – 477
Миннегулов Х.Й. – 33, 34, 747
Миннуллин З.С. – 13, 18, 24, 418
Миннуллина Л.З. – 39, 787
Мир Фахр ас-Садат Хусайни – 860
Мирза Габдулла жай Кабули (к.с.) – 388
Миронов Б.Н. – 64, 76, 158, 273, 402, 403, 469
Миронова – 294
Мирописев – 21
Мирсайтова – 832
Мирхаев Р.Ф. – 779, 780
Митхат А. – 41
Мифтахетдин б. Абдулгани – 348
Мифтахудинов С. – 598
Михаил Александрович, великий князь – 517
Михайлов Д.С. – 502
Михайлов С.М. – 31, 626, 743
Михайлова С.М. – 32, 725, 743, 745, 747, 834, 837, 839
Михалева – 340
Михеев И.С. – 526, 642
Михменев, купец – 313
Мишкин А. – 303
Мишкин М. – 303
Могол Алмагир Великий – 859
Можаровский А. – 444, 467, 468, 540
Мозаффари – 35
Моисеев – 115
Мокшин Н.Ф. – 607, 644, 646
Молдавский И.С. – 848
Молоствова Е.М. – 39
Молотова Т.Л. – 632, 634, 636
Монасыпов М. – 246
Моран Р. – 755, 768
Мордвинкина – 279
Морозан – 267
Морозов И.Л. – 25, 202
Морозова Е.Н. – 264
Морозова Л.И. – 38
Морозовы, предприниматели – 120
Моулан Таки ад-Дин Мухаммад ибн Пир Али – 859
Мошков – 693
Мударисов – 232, 234
Мудрак – 778
Мукменев Ф.Ю. – 84
Мукминев Х.Ю. – 84
Мукминжанов Ф. – 81
Мулла Муртада бин Хусейн аль-Бурали – 398
Муллагали – 86
Муллагалиев Р. – 28, 211
Муллин Б.Ф. – 562
Муллин Бурганутдин, купец – 562, 567
Муминов М. – 362
Мунасыпов, прапорщик – 366
Мунасыпов Ф. – 639
Муравьев М.Н. – 191
Мурад Мухаммад аль-Манзилави аль-Рамзи – 375, 384
Мурад, мулла, сподвижник Батырши – 708, 720, 721
Муради Я. – 389
Муратов Г. – 195
Муратова – 102
Муратовы, предприниматели – 141, 316
Муртада бин Кутлугуш ас-Самити, ученый – 397
Муртаза Гали бине Кутлугуш ас-Симети – 793
Мусаев, купец – 122
Мусаев Х.Б. – 316
Мусаевы, семейный род – 262
Мусин Гайса – 776
Мусин Л. – 155
Мусин М.-С.Г. – 852
Мусин С. – 330
Мусин-Пушкин М.Н. – 745
Мусины, предприниматели – 102, 152, 154, 155, 253, 302, 316
Муслими Х. – 783, 787
Муслимов М. – 830
Мустаев А. – 261
Мустаев Н.Ф. – 152
Мустакимов М – 151
Мустакимовы – 564
Мустафа Измайлов (Лютфи) – 79
Мустафа-эфенди – 348
Мустафин Ахметзян – 811
Мустафин И. – 353
Муфтахудинова – 37
Муфтийзаде И. – 37, 125, 126, 130, 133, 367
Муфтийзаде Батыр-Челеби – 126

- Мухамадеева – 24,
 Мухамедзянов – 693, 699
 Мухамеджарим ат-Таканыши – 796
 Мухамедова – 203, 623, 624, 673, 689, 692
 Мухамедова Р.Г. – 30
 Мухамедова Ш. – 33
 Мухамедяров – 271
 Мухаметвалеев, мулла – 588
 Мухаметдин Т. – 842
 Мухаметдинов Р.Ф. – 723, 758
 Мухаметзарипов И. – 36, 428
 Мухаметзянов – 336
 Мухаметзянова Д.С. – 411, 415, 416, 705
 Мухаметнаджиб Шамсутдинов Тюнтери – 384
 Мухаметов Муса – 260
 Мухаметшарипова М. – 852
 Мухаметшин Р.М. (Мөхәммәтшин) – 35, 39, 704–706, 709, 710, 720, 758, 791, 796
 Мухаметшин Ю.Г. – 29, 30, 289, 298, 632, 643–645, 691
 Мухаммад Абдо – 708, 719, 808
 Мухаммад ал-Кухистани – 862
 Мухаммад Ахмад аль-Хатыйба, египетский ученый – 762
 Мухаммад аш-Шайбани – 395
 Мухаммад б. Ахмад Мустауи-йи Хереви – 859
 Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд аль-Бухари (Мухаммад Парса) – 860
 Мухаммад Баба Саммаси (к.с.) – 388
 Мухаммад Бакир б. Шараф ад-Дин аль-Лахури Хусайни – 860
 Мухаммад Гали ишан Казани (к.с.) – 388
 Мухаммад Закир Чистай (к.с.) – 388
 Мухаммад Икбал Лахори – 708
 Мухаммад Йусуф Мунша б. Хаджа Бак Балхи – 860
 Мухаммад Касим Хиндушах Астрабанди – 861
 Мухаммад Мазхар Сахиб-зада – 381, 766
 Мухаммад Мукмин-хан, балхский правитель – 860
 Мухаммад, пророк – 78, 135, 372, 377, 387, 390, 391, 394, 572, 586, 684, 685, 712, 738, 748, 750, 752, 766, 801, 810, 857, 861
 Мухаммад-Амин, казанский хан – 787
 Мухаммадгали аль-Чокрый – 381
 Мухаммадзакир ишан Камалов аль-Чистави – 384
 Мухаммад-Мурад аль-Бадахшани – 381, 766
 Мухаммад-Рахим бине Йусуфа аль-Ашыги – 796
 Мухаммадьяр, поэт – 747
 Мухаммад-эфенди аль-Эдирневи, шейх – 345
 Мухаммед ибн Гали ад-Дагстани – 792
 Мухаммед-Карим б. Габдрахим – 590
 Мухаммедов Исхак – 104
 Мухаммедсадык – 86
 Мухаммедшариф – 86
 Мухаммедэмин бин Сайфулла аль-Наласави – 378
 Мухиддинов Г. – 597
 Мухин – 433
 Мухина – 267
 Мухитдин Саид-Бурган, купец – 744
 Мухитдинов Н.К. – 743, 744
 Мухлей, семья – 137
 Мухлинский – 134,
 Мухлинский А. – 137
 Мухтар-паша – 348
 Мякинков Д. – 305
 Навроцкий – 727
 Нагаев К. – 565
 Наганава – 224, 369, 370, 415
 Нагиев М., купец – 556
 Наджи М. – 41
 Надиршах – 377
 Нажмеддин Абу Хафс Умар Насафи – 801
 Нажмеддин аль-Иджи – 801
 Назаров С. – 269, 305
 Назарьянц С.И. – 727, 842
 Назиров С.М. – 663
 Назмиева – 660
 Найденева И.А. – 181, 182, 186, 188, 189
 Найт – 20
 Наливкин В.П. – 733
 Наполеон – 368
 Нарбеков Д. – 148
 Нариман А. – 753
 Нарышкин М. – 151
 Нарышкины, род – 148
 Насыраддин ас-Самарканди – 398
 Насыри К. (Насыров) – 7, 12, 20, 32, 33, 37, 40, 41, 488, 518, 596, 609, 615, 624, 636, 664, 688, 699, 701, 709, 710, 733, 757–759, 761–763, 775, 782, 786, 787, 789, 790, 806, 838–840, 844, 846, 847, 864, 865
 Насыров А. – 304
 Насырова – 782
 Нафигов Р.И. – 23, 32, 38, 74
 Небольсин Г.П. – 332
 Небольсин П.И. – 77, 78, 246, 327, 330–332
 Невзоров – 20
 Негматуллов – 779
 Неплюев И.И. – 828
 Нессельроде К. – 341
 Нечаев – 20
 Ни'маталлах ибн Ахмад ибн Мубарак ар-Руми – 859, 860
 Нигабидуллин – 364
 Нигамедзинов – 24
 Нигаметуллин С. – 830
 Нигматулла А.М. – 118
 Нигматулла Альметти (к.с.) – 388
 Нигматулла аль-Утари – 376
 Нигматулла бин Биктимер аль-Стерлибаши, мюрид – 375, 381, 796
 Нигматулла бине Биктимер Тукаев – 796
 Нигматуллин – 27, 174
 Нигматуллин А. – 587
 Нигматуллин А.М. – 84
 Нигматуллин Габдулгаллям – 803, 805
 Нигматуллина Н. – 852
 Нигматуллина Ю.Г. – 774
 Нигмедзянов М.Н. – 693, 694, 698, 699
 Низам ад-Дин аль-Бирджин – 860
 Николаев Г.А. – 29, 203, 206, 404, 606, 621, 626
 Николай I – 8, 163, 344, 426, 465, 466–473, 534, 539, 585, 586, 725, 817, 818
 Николай II – 494, 517
 Николай, барон – 524
 Никольский М.Г. – 745
 Никольский Н.В. – 731, 733
 Никонов М. – 323, 324, 492, 607, 617, 622, 629, 735
 Нил, епископ – 639
 Нисияма – 475

- Ниязи А. (Ниязов) – 79
Ниязули аль-Туркмани, суфийский учитель – 375, 394
Ниязов Измаил – 260
Ниязов М. – 743
Ноак К. (Noack) – 46, 55, 56, 58, 76, 604, 863
Новиков – 668
Ногаев Ф. – 362
Ногман М. – 786, 790
Ногманов А. – 459, 464, 708
Ногманов Б.Р. – 11
Нофаль И. – 13, 419
Нугманова Г.Г. – 659–661, 663
Нузет Мамет – 133
Нури А. – 349
Нуриева – 778
Нурминский С. – 437, 634, 818, 819
Обручев В.А. – 172
Овсяников – 20
Одабаш Абибулла – 133
Одигитриевский Н. – 20, 439, 441
Озеров – 335
Ольдекоп – 77, 78
Онисифоров А. – 725
Ордин-Нащокин А. – 148
Ордэ Ф. – 362
Орлов В.В. – 268, 304, 317, 319
Осипов А.М. – 851
Осман-эфенде, казахский кадий – 343
Осокин И.П. – 259
Остроумов Н.П. – 20, 475, 692, 733, 736, 741, 742, 839, 840, 851
Острыньские, семейный род – 134
Охотников Н.М. – 627, 629
Павел I – 134, 141, 184, 442, 453, 462, 841
Палицын С.М. – 17, 288
Памфилов – 827
Панин – 16
Пановский Э. – 793
Парадоксов Василий – 735
Пастуховы – 268
Патканов С.К. – 91, 94–96
Пашино П. – 413, 418
Пашкевич – 285, 286
Пашкова В.А. – 268
Певцов М.В. – 114–116
Первухин М.В. – 728
Перов И.С. – 848
Перовский В.А. – 172, 341, 355, 358, 534, 830
Пестель И.Б. – 92
Петаш – 609
Петин – 344
Петр I (Великий) – 3, 6, 12, 103, 104, 146, 148, 181, 191, 203, 515, 566, 713, 841
Петр III – 259
Петренко – 289
Петров В.И. – 263, 266, 273
Петров П.Я. – 729–731
Петров С.С. – 369
Петров-Водкин К. – 270
Петровский-Шгерн Й. – 37, 517
Печенежский Егор – 735
Пинегин М.Н. – 20, 325, 505, 799
Пинкергон Г. – 845
Пирогов – 20
Пислегин Н. – 195, 638, 639, 640, 637
Платон – 759
Платонов М.И. – 367
Победоносцев К.П. – 475, 480, 489, 492, 493, 505, 522, 523, 548, 567, 578, 741, 804
Погодин – 248
Покровский И.В. – 250, 362, 735
Полторацкий В. – 126
Полторацкий П.А. – 480, 584
Полубояров М.С. – 103
Поляков П.А. – 763
Пономарев – 298
Попов А. – 727
Попов А.А. – 737
Попов А.В. – 729
Попов И. – 217, 288, 289
Попов Н.А. – 821
Потанин Г.Н. – 733
Преображенский – 439
Прибытков П. – 151
Прозин – 240
Прокопьев А.П. – 612, 613,
Прокопьев К. – 20, 610, 817
Пророк Мухаммад – 387
Проскурякова Н.А. – 228, 264, 268, 273
Протасов А.Н. – 541
Прусс Н.П. – 31
Пугачев Е.И. – 464, 743, 786
Пуньские, семейный род – 134
Пушкин А.С. – 488, 759
Пчелов – 625
Пятов – 744
Пятов А. – 794
Раббани, имам – 862
Равинский И.В. – 78
Раде – 333
Радлов В.В. (Radloff) – 11, 42, 115, 475, 501, 505, 509, 511, 574–576, 731–734, 744, 759, 789, 790, 838
Разгон В.Н. – 331
Раимов Р.М. – 27, 204
Ракеев А.В. – 824
Рамазанова Д.Б. – 27, 176
Рамеев З. – 348, 349
Рамеевы, семейный род – 806
Раменев Мухаметзак – 317
Раменев Мухаметшак – 317
Рамзи М. – 375, 376, 386
Рамиев М. – 156
Рамиев С. – 768
Рамиев Ш. – 758
Рамиевы, семейный род – 81, 149, 155, 204
Распопов – 289
Расулев Г. – 386
Расулев З. – 345, 384–387, 390, 765
Расулевы, семейный род – 389
Расулзаде М.Э. – 348
Расули З. – 41, 388
Рафаиль, архимандрит – 742
Рафикова – 537
Рафиковы, семейный род – 331
Рахим Г. – 33, 38, 410, 572, 757
Рахимкул – 341
Рахимов Р.Н. – 27, 31, 37, 178, 179, 365, 366, 369
Рахимов С. – 27

- Рахманкулов М. – 259
 Рахматуллин А. – 155, 251, 259, 758
 Рахматуллин А.Х. – 84, 155
 Рахматуллин Г. – 841
 Рахматуллин К.А. – 84
 Рахматуллин У.Х. – 27, 49, 180
 Рахматуллин Ш. – 756, 758, 787
 Рахматуллина Г. – 769
 Рахметдин И. – 330
 Рашид ад-Дин – 859
 Рашин – 50
 Редников – 640
 Резван Е.А. – 78, 739
 Резеда Сафиуллина-Аль Анси – 855
 Резяповы, династия – 174
 Рейснер М.А. – 224, 495
 Рекеев А. – 624
 Ремнев А. – 474
 Репьев Егор – 735
 Рида М.Р. – 719
 Риза кади (Риза Фахретдинов) – 706
 Римский – 491
 Риттих А.Ф. – 20, 50, 325, 364, 617, 663, 664
 Рогозин В. – 325
 Родин – 294
 Родионов М.И. – 272
 Роднов М.И. – 26, 204–209, 231, 264, 274–276
 Рождественский С.В. – 509, 819
 Рожкова – 340
 Розен В.Р. – 733
 Розов Е. – 545
 Романов – 436
 Романович А. – 136
 Романов-Славатинский – 146
 Ромашин И.С. – 254, 261
 Ромишевский – 324
 Ронин – 583
 Рорлих А.-А. (Rorlich) – 45
 Рославцева Л.И. – 676
 Россицкий С.С. – 110
 Руа О. – 704
 Рубинштейн Е.И. – 843
 Руми Джалалетдин, персидский поэт – 383, 751, 861
 Румовский С.Я. – 726
 Румянцев Н.П. – 842
 Рустямова А.Б. – 31
 Рыбаков С.Г. – 20, 226
 Рыбушкин М.С. – 109, 252, 255, 258
 Рычков П.И. – 178, 248, 283
 Рюрик – 786
 Сабанеев Л. – 289
 Сабиров И.Т. – 40
 Сабитов Гайнутдин, предприниматель – 305
 Сабитов Мухаметвафа, купец – 313
 Сабитовы, семейный род – 661
 Саблуков Г.С. – 448, 449, 683, 733, 736–740, 742
 Сабуровы, семейный род – 148
 Савьянов, предприниматель – 335
 Савельев П.И. – 164–166, 208, 263, 264
 Савельев П.С. – 738
 Сагдеев Ш., купец – 562
 Сагди Г. (Сэгъди) – 32, 33, 38, 778
 Сагидов, предприниматель – 271
 Сагидуллин М.К. – 39, 590
 Сагитов Г., старший ахун Казани – 687
 Сагитов Рахимзян – 843, 844, 848
 Сагитова Л.В. – 615
 Сагятов А., полковник – 165
 Садиков Р.Р. – 29, 636, 640
 Садур В.Г. – 119
 Саетгараев И.И. – 268
 Сайд Ахмед-хан – 599
 Сайдашев Ахметзян – 251, 304, 305, 313, 318, 559, 560, 562–564, 567, 568, 576, 577, 602, 603
 Сайдашев М. – 251
 Сайдашева З.Н. – 694, 695
 Сайдашевы, предприниматели – 314
 Саидбурганов, купец – 844
 Саитбатталов М., купец – 301
 Сайфи Ф. – 23
 Сайфулла Кади Башларов, шейх – 384
 Сайфудинов Ш., активный деятель ваисовского движения – 593
 Салахов И.Ж. – 11, 40
 Салахова Э.К. – 39
 Салиев Б. – 79
 Салимзянов, купец – 111
 Салихов Б., предприниматель – 577
 Салихов Д., историк – 389, 568, 590, 591
 Салихов Мустафа – 581, 839, 848
 Салихов Мухамадей, муфтий – 568
 Салихов Р.Р. – 304, 550, 557, 561, 705, 772, 805
 Салихов С. – 575
 Салихов Хабитулла – 751, 753, 754, 782, 844
 Салиховы, купцы – 331
 Салмин А.К. – 61, 436, 609
 Сальников В.Г. – 28
 Самарин Ю.Ф. – 524
 Саматова Ч.Х. – 36, 499, 502, 504, 600, 833, 835
 Сами Ш. (Sami) – 40
 Самигулов Г., предприниматель – 544
 Самитова Газиза (Газиза), поэтесса – 105, 764, 769, 770
 Самоделкин Я.А. – 269
 Сана, персидский поэт – 859
 Сандерланд В. – 475
 Сафаров Зиятдин, имам – 120
 Сафина Ф.Ш. – 29, 672
 Сафиуллина Р.Р. – 31, 856
 Сбоев В.А. – 20, 617, 653
 Свердлова Л.М. – 22, 24, 67, 75, 150, 236, 243, 253, 255, 300, 314, 563
 Сверкунова Н.В. – 229
 Святополк-Мирский, министр МВД – 602
 Сдыков Марат – 97
 Севастьянов С.Н. – 481, 503, 826
 Сеид Халил, кадий-эскер – 343
 Сейтов А., купец – 322
 Сейфуллин Ю.К., предприниматель – 335
 Селенги С. – 42
 Семенов А. – 333
 Семенов П. – 123
 Семенов Т., литератор-этнограф – 636
 Семенов-Тянь-Шанский В.П. – 59, 362
 Сеньюткина О.Н. – 36, 37, 247, 248, 365, 415, 602, 603
 Сепеев Г.А. – 631
 Сергеев А.П. – 305
 Серкина С.С. – 197

- Сибгатуллина А.Т. – 36, 344, 350, 383, 568, 685, 686, 751, 754, 755, 764, 770, 771
Симонова М.С. – 212
Сиразиев И.И. – 781
Сирозитдинов, предприниматель – 335
Сирхинди А., инд. шейх – 376, 380
Скарятин Н.Я. – 536, 545, 572, 573, 574
Слепнев И.Н. – 273
Словцов И.Я. – 91
Смелов В. – 629
Смирнов В.Д. – 488–490, 581
Смирнов И.Н. – 436, 643, 731, 732, 763
Смирнов Н.А. – 34, 342–344
Смоларц Е.Ю. – 409
Смыков Ю.И. – 5, 25, 26, 38, 147, 199, 202, 208, 219, 263, 264, 288, 289, 293, 536, 537
Соколов Я., купец – 151
Соколовский И.Н., уфимский губернатор – 455
Сократ – 759
Солнцев Г.И. – 744
Соловьев А.Я. – 239
Соловьев Е.Т. – 429
Сонин Н. – 727
Сорокин П.М. – 639
Софийский И.М. – 20, 411, 436, 437, 607
Софронов М.Г. – 25
Спаннаус – 715
Спаский Н.А. – 633, 738, 825
Сперанский А. – 20
Сперанский М.М. – 94, 457
Спешков С.Ф. – 822
Спиридонов Г. – 630
Спицын А.А. – 639
Станишевский К.М. – 218
Стариков Ф.М. – 163
Старостин А.Н. – 12, 28
Стахеев В.Г. – 272
Стахеевы, семейный род – 270–272
Стейнведед Ч. (Charles Steinweded) – 146, 480, 264
Столыпин П.А. – 420
Столярова Г. – 615, 631, 643
Страленберг, языковед – 632
Страховский И.М. – 455
Струмилин С.Г. – 317
Суафи А., османский просветитель – 41
Субботин А.П. – 331
Субботина А.М. – 28
Субханкулов Абдулкадыр, дворян – 351, 361
Субханкулов Абдулнасыр, поручик – 322, 340
Суворов Н. – 485, 495
Суворова З.В. – 642
Сударев М.С. – 319, 320
Суеров Мустафа, предприниматель – 260
Сузан, персидский поэт – 859
Сулейманов А., муфтий – 429
Сулейманов Габделвахит, муфтий – 223, 344, 413, 426, 427, 565
Сулейманов Фатих, предприниматель – 111
Сулейманов, полковник – 165
Сулейманова Д.Н. – 659, 662, 663
Сулейманова Л.Ш. – 36
Султан-Галеев М. (Galiev) – 44
Султангалиева Г.С. – 223, 339, 351, 357, 360
Султанов Мухамедьяр, муфтий – 148, 350, 369, 427, 485, 489, 511, 568, 578, 588, 589, 597, 603, 604
Султанов А., промышленник – 260
Султанов С., муфтий – 506
Султанов Ф.М. – 20, 39
Султанова Марьям – 89
Сулькевич М., генерал – 136
Сулькевичи, семья – 137
Сумароков П. – 128
Суслова С.В. – 29, 644, 671, 673, 674, 676–679, 681
Сутюшевы, семейный род – 331
Суфи Аллахаюра, шейх – 378, 380, 751
Сухтелен П.П. – 358, 830
Сызранов А.В. – 77, 78
Сыртланов Р.Ш. – 147, 148
Табеевы, предприниматели – 102, 316
Тагиев З., купец – 556
Тагиров И.Р. – 74
Тагиров Хасан, купец – 304
Тагиров Ш., купец – 597, 838, 847, 848
Тагирова Л. Ф. – 27, 143, 147, 175, 180
Тагирова Н.Ф. – 11, 12, 228, 263, 265, 267, 272, 274–276, 366
Таймасов Л.А. – 440, 521
Таиров Н.И. – 24
Тальковские, семья – 137
Тальковский А., генерал – 136
Талько-Хрынцевич Ю. – 136
Танеев С.А., статс-секретарь – 578
Танеев Х.Х., предприниматель – 316
Танеев, промышленник – 122, 123
Танеевы, семейный род – 123, 262
Тарапыгин Ф.А. – 294
Тарасов Ю.М. – 230
Таркова Р.А. – 266
Тевкелев В. – 146
Тевкелев К. – 146, 195
Тевкелев С., муфтий – 148, 381, 406, 413, 427, 566, 596
Тевкелевы, род – 146, 147, 195, 196, 198, 536
Тенишев В.Б. – 148
Тенишев Д.В. – 148
Тенишев Э.Р. – 778, 779
Терегулов Абубекр, доктор – 811
Терегулов Б., дворян – 146
Терегуловы, семейный род – 141, 146
Тизенгаузен В.Г. – 733
Тимашевы, семейный род – 196
Тимиров, майор – 366
Тимирязевы, семейный род – 148
Тимофеев А.А. – 848
Тимофеев В.Т. – 18, 437, 439, 440, 449, 523, 526, 528, 545–547, 641, 742, 818–822, 826
Тимофеев Г.Т. – 626, 628
Тимофеев Игнатий – 826
Тимур-Кутлуг – 788
Титовец Е.И. – 857
Тихонов Б.В. – 59, 73, 466, 516
Тоган А.В. – 386
Тойкич В.Б., купец – 560
Тойкич М.Б., купец – 313, 560
Тоиматовы, семейный род – 331
Токарев С.В. – 38, 535
Толмачев Н.А. – 240

- Толстой Д.А. – 88, 475, 476, 505, 506, 509, 511, 522, 525, 527, 578
Толстой Л.Н. – 488, 759
Томилов Н. – 29, 90, 168, 169
Томпсон С.Р. – 276
Тон К.А., архитектор – 456
Топсакал И. (Topsakal) – 41, 42
Тормасов А.П. – 367, 368
Торнау Н. – 461, 469
Тохтаргаз Шамиль Усеин – 133
Троицкий С.М. – 91, 96
Троянский А.А. – 735, 736, 839, 840, 842, 844
Туган-Барановские, семья – 137
Тукаев Хабибулла, богослов – 804
Тукаевы, семейный род – 389, 796, 805
Тукай Г. – 41, 102, 347, 389, 435, 620, 684, 768, 782
Туктаров Ф. – 384, 724
Тумашева Д.Г. – 94
Туна М. (Tuna) – 11, 12, 42, 46
Тупеевы, династия – 174
Туранов А.А. – 642
Тургеневы, семейный род – 148
Турин В.С. – 21, 455
Турнерелли Э. – 21
Тухватуллин Камиль – 102
Тухватуллин М. – 102
Тухватуллин Ф. – 26
Тухватуллина Л. – 710, 715
Тыдман Л.В. – 663
Тынчеров Абдул, учитель – 122
Тынчеров Шамиль, учитель – 122
Тычинских З.А. – 12, 167, 168, 169
Тюменевы, предприниматели – 102, 316
Тюрин В.А. – 264, 272
Тюркоглу И. (Türkoglu) – 41, 344, 585
Уваров Ф.П. – 367
Углецкий В.А. – 365
Узунов Г.З. – 336
Уйджалту хан – 859
Ульянова Г.Н. – 272
Умар ан-Насафи – 392, 394
Умеров Абдурахман Измайлович – 78, 79
Умеров Исмаил – 78
Унженен В. – 151
Унвицкий Василий – 735
Уразаев-Курамши А. – 756, 768, 769
Уразманова Р.К. – 29, 683, 688, 787
Уразов Г. – 261
Уразов И. – 844
Уразов, купец – 325
Урманов, предприниматель – 335
Урусовы, князья – 107
Усман Исмагил – 841, 848
Усманов А. – 27, 37, 261, 365, 366
Усманов Г. – 102, 151, 260
Усманов Зайнулла, купец – 567
Усманов М.А. – 4, 32, 378, 743, 755, 778, 783, 808, 854
Усманов М.М., купец – 551
Усманов Мургаза, купец – 313, 565
Усманов Мусса, предприниматель – 262
Усманов Мустафа, купец – 204
Усманов Мухаметгали, купец – 314
Усманов Назир, предприниматель – 261
Усманов С., купец – 153
Усманов Х., ахун – 89, 597
Усманов Х., купец – 560
Усманов Х.Ф. – 26, 27, 179, 203–206, 231, 263–265, 273, 287
Усманов Ю.И., купец – 335
Усманова Д.М. – 12, 39, 389, 590, 591, 592
Усмановы, предприниматели – 152, 254, 305, 331, 851
Устина Н.А. – 268
Устрялов Н.Г. – 786
Устюжанин Е.И. – 38, 536
Утищев А.И. – 148
Утыз-Имяни Г. – 19, 33, 35, 36, 41, 379, 392, 409, 699, 700, 716, 748–751, 760, 780, 781, 806, 853, 855, 862, 864
Утягановы, предприниматели – 305
Утямов И.М., купец – 565
Утямышев Абдулла, купец – 246
Утямышев Габдулла, купец – 796
Утямышев Гариф, купец – 567
Утямышев Муса Аббдулов, купец – 365
Утямышев Мухаметгариф, купец – 155, 258
Утямышев Мухаметгариф, купец – 304, 313, 320
Утямышев Мухаметзариф – 304
Утямышев Мухамметшакир Ахметшахович, купец – 565
Утямышев, предприниматель – 552
Утямышевы, предприниматели – 149, 305, 314, 796
Ухтомский Л., князь – 324, 325
Ушинский К.Д. – 522
Ушков К.И., купец – 271
Ушков П.К., предприниматель – 271, 272
Фаезханов Г. – 847
Фаезханов Х. – 788
Фазыл Р. – 133
Фазылов Хатмулла – 349
Файзи М., писатель – 850
Файзи-Чистапули Х., просветитель – 384
Файзрахманов И.З. – 178, 181, 532
Файзуллин Н., мулла – 353
Файзуллин Х. – 850
Файзуллин Юсуф – 593
Файзуллин, служилый татарин – 844
Фаизхан бин Хизырхан аль-Кабули, суфийский учитель – 375, 379, 381, 387
Фаизхан Кабули – 388
Фаизхан Х. – 864
Фаизханов Х. (Фаезханов) – 32, 41, 710, 716, 717, 744, 747, 748, 757, 780, 785, 788, 789, 806, 849, 853
Файсуллин – 325
Фальк И. – 94
Фаррухи, персидский поэт – 859
Фархшатов М.Н. – 11, 31, 36, 221, 224, 385, 386, 408, 417, 418, 511, 551, 571, 580, 581, 602, 797, 798, 802, 805
Фасеев К.Ф. – 23, 32, 38
Фасеев Ф.С. – 778, 854
Фаткуллин, купец – 313
Фатхулла аль-Оруви – 396
Фатхулла аль-Уруви, имам – 394
Фахретдин аль-Казани, ученый – 393
Фахретдин Р. (Риззатдин) – 18, 19, 32, 33, 40, 41, 375, 376, 384, 385, 387, 417, 488, 571, 580, 590,

- 591, 596–598, 604, 716, 717, 760, 761, 780, 782, 790, 792, 793, 795, 796, 798, 850, 853
- Фахретдинов Г., купец – 330
Фахретдинов Р. – 710, 855
Фахри Г. – 349
Фахрутдинов Р.Г. – 786
Фахшатов М.Н. – 11, 31, 36, 221, 224
Федоров В.А. – 330, 446
Фейзуллин Муртаза, купец – 330
Филарет (Амфитеатров), архиепископ – 444, 446, 541
Филатов С. – 610
Филимонов Д.Ф. – 528
Филиппов Г.А. – 20, 153, 437, 625
Фирдевс И. – 132
Фирдоуси, персидский поэт – 842, 846, 859, 861
Фирсов Н.Н. – 38, 249, 572
Фирстов – 242, 281
Фирстов Г.В. – 242, 280, 281
Фойгт К., преподаватель Казанской гимназии – 725, 743
Франк А.Дж. (Frank) – 46, 377, 590, 788
Френ Х.Д. – 726–728, 738
Фриз Г., профессор – 352
Фузаилов Ю., купец – 111
Фуко Мишель, философ – 712, 713
Фукс К. – 20, 254, 293, 297, 325, 410, 415, 615, 616, 663, 664, 677, 679, 684, 685, 687, 694, 728, 794
Футорьянский Л.И. – 164, 167
Хабачев А.Е. – 290
Хабибуллин М.З. – 32, 734, 735, 789
Хабибуллин Н. – 685
Хабубулла аль-Оруви – 381
Хабутдинов А. Ю. – 37, 39, 411, 413, 598, 603, 791, 793, 796, 863–866
Хади З., писатель – 33, 389, 775
Хажи Габделхалик Курсави – 388
Хазиахметова В.С. – 26
Хазясеитов Мукмин, купец – 87
Хайретдинов Д.З. – 36, 117, 119
Хайруллина А.Д. – 24
Хайруллина Г.Х. – 89
Хайрутдинов А.Г. – 36, 715
Хайрутдинов Р.Р. – 26, 36, 141, 181–183
Хайям Омар – 846
Хакани, персидский поэт – 859
Хакимов Абдулатиф, купец – 88
Хакимов Мухаметназип, купец – 89
Хакимов Х.Х. – 31, 505, 837, 838
Хаккый И., турецкий поэт – 758
Хаков В.Х. – 778–780
Халиди Курбангали – 117
Халиди Ф., драматург – 33, 756, 758, 776, 782, 787, 847
Халидов А.Б. – 785, 855
Халиков – 29, 148, 280–282, 296, 297, 616, 624
Халиков Н.А. – 17, 29, 238–242, 653
Халиков Наиль – 238, 277, 292, 295, 615, 648
Халимов И.М. – 336
Халин А.А. – 267
Халитов – 664, 669
Халитов Габдуллатыф – 590, 591
Халитов Нияз – 665
Халитов Р., предприниматель – 582
Халитов С., есаул – 366
Халитов Хамидулла, ахун – 344
Халитов, купец – 335
Хальфин И.И. – 725–728, 745, 746, 748, 788, 790, 841, 842, 844
Хальфин Исхак – 541, 725
Хальфин С., просветитель – 725, 841, 846
Хальфины, семья – 141, 864
Хаметов Забир, ахун – 356
Хамзат-бек, имам – 374
Хамиди Ш., писатель – 759
Хамидов, предприниматель – 271
Хамитбаева Н.С. – 64, 97, 109, 274
Хамитов О., предприниматель – 335
Хамитов Сафиулла, предприниматель – 260
Хамитуллина З.С. – 39, 40
Ханбеков Аббас, предприниматель – 124
Ханбиков Я.И. – 31, 725, 836
Хантемиров Мухаметамин – 344
Хантемиров Мухамметалим – 344
Ханьков Н.В. – 801
Харатишвили Г.С. – 332
Харбинский С. – 338
Харитонов И.Н. – 848
Харлампович К.В. – 443, 737, 739, 740
Харузин А.Н. – 474
Хасан аль-Кати – 801
Хасани С. – 386
Хасанов М., имам – 89
Хасанов Х.Х. – 23, 38, 74, 153, 260–262, 318, 319
Хафиз, восточный философ – 855
Хафизов С. – 22, 39, 634
Хаялин Сеит, первопоселенец Сеитовой слободы – 82
Хвостов В. – 313
Хильми Х., мюрид – 388, 389
Хисамова Ф.М. – 354, 778–780, 839
Хисамова Ф.Х. – 779
Хисматуллин Б.Р. – 11
Хитров – 326
Ходский Л.В. – 200, 201
Хозясеитов Махмут – 261
Хозясеитов Муса – 261
Хозясеитов Мустафа – 261
Хозясеитов Мухмин – 261
Хозясеитов Сулейман – 261
Холмогоров И.Н. – 731
Хрох М. – 595, 863, 864
Хузина Р.М. – 645
Хусаинзаде А. – 602
Хусаинов А., купец – 80, 81, 155, 313, 320, 602
Хусаинов А.Г. – 349
Хусаинов А.Г., предприниматель – 552, 553
Хусаинов Г., предприниматель – 82, 83, 514, 597, 808, 813
Хусаинов Махмуд, купец – 302, 316, 601
Хусаинов Махмуд, муфтий – 155, 223, 342, 355
Хусаинов Мухаммаджан, муфтий – 375, 425, 426
Хусаинов Саид, купец – 111
Хусаинов Ш., книгопродавец – 849, 851, 852
Хусаинова Саида – 111
Хусаинова Ширинбана – 111
Хусаиновы, братья – 23, 80–82, 101, 111, 152, 154, 155, 204, 305, 314, 316, 806, 808, 809
Хусейн Хильми-паша, везир – 350
Хусри Амир, персидский поэт – 859

- Целиков С.А. – 267
 Цимбаев Н.И. – 8
 Цуциев А.А. – 343
 Чавайн С. – 528
 Чанышев – 115–117
 Чанышев М., князь – 351
 Чанышев, купец – 110
 Чанышевы, семейный род – 141
 Чархи Йакуб – 861
 Чайнов А.В. – 207
 Чекалин Ф.Ф. – 293
 Чекменева Т.Г. – 31
 Челеби М. – 799, 800
 Челеби С. – 345
 Чергеев Асан – 133
 Череванский В. – 21
 Черемшанский В.М. – 20, 179, 242, 656, 832
 Черкасов Л.И. – 574
 Черновская В.В. – 36, 120
 Чернышев А.Ф. – 358
 Чернышов Е.И. – 38, 200
 Чингиз А., князь – 81
 Чингиз-хан – 377, 748, 787
 Чистов К.В. – 674, 689
 Чичерин Г.В. – 148
 Чичерина С.В. – 437, 499, 827
 Чокрый Гали – 381, 766, 767, 788, 805
 Чокрый Гарифуллы, писатель – 382, 596
 Чокрый М., ученый-богослов – 855
 Чолахян В.А. – 269
 Чукин А.-В.Ю. – 552
 Чукин Вали, купец – 567
 Чулков М. – 252
 Чулошников А.П. – 27
 Чупров А.И. – 303
 Чураков В.С. – 637
 Чутчев В.С. – 160
 Чуч Ш. – 640
 Чыгтай Г., публицист – 389
 Чыкали Г., публицист – 389
 Шагавиев Д.А. – 36
 Шадрин В.М. – 164
 Шайдуллина Р.Р. – 514
 Шайхиев Р.А. – 34, 789, 790
 Шайхисламов Р.Б. – 26, 27, 180, 183, 184, 231
 Шайхульслам Й., писатель – 756
 Шакиров Х.Х. – 565
 Шакирова А.М. – 36
 Шакулов Х.С., купец – 262
 Шакулов, предприниматель – 122
 Шакуловы, семейный род – 262, 805
 Шакур Р. – 765
 Шакуров Ф. – 783
 Шамилоглу Ю., американский историк – 784
 Шамиль – 343, 374, 696, 784
 Шамов Г.Ф. – 727, 729
 Шамсутдинов М. – 789
 Шамсутдинов М.-В. – 559
 Шамсутдинов Мухаметнаджиб – 384
 Шамсутдинов Х., издатель-комерсант – 849
 Шамсутдинов Ш. – 559
 Шамсутдинов Ярулла, мулла – 225
 Шамсутдинова М.И. – 685
 Шамсутдиновы, предприниматели – 102, 316
 Шамшин И.И. – 264
 Шапошникова О.Б. – 234
 Шараф Ш. (Шэрэф) – 788, 803, 808, 813
 Шарафутдинов Д.Р. – 29, 39, 136, 688
 Шарифуллин З., редактор газеты «Идел» – 79
 Шарифуллина Ф.Л. – 12, 29, 30, 57, 107, 117, 121, 122–124, 643–645
 Шатунов М. – 248
 Шатунов Ю. – 248
 Шатунов Якуб, купец – 260
 Шафеев М., служилый татарин – 259
 Шафигуллин З., купец – 79, 155, 157, 304
 Шахид, персидский поэт – 859
 Шахин-Гирей хан – 124
 Шахмуратов, купец – 322
 Шахмуратовы, семейный род – 246
 Шванебах П.Х. – 213, 214, 218
 Шевиц Людвиг – 842, 843, 847
 Шейн В.П. – 617
 Шенников А.А. – 651
 Шепелев Л.Е. – 13
 Шерих Г.М. – 218
 Шестаков – 283, 617, 620, 838
 Шестаков П.Д. – 501, 509, 521, 524, 528, 820
 Шибаев В.П. – 49
 Шиле – 20
 Шиммель А. – 707
 Шино П.А. – 20, 410, 413–415, 417, 418
 Ширгазин А.Р. – 88, 89, 648
 Шитова С.Н. – 408, 648
 Шихмаметовы, семейный род – 141
 Шихобаловы, семейный род – 270
 Шкапин С.В. – 646
 Шквариков В.А. – 59
 Шмидт, предприниматель – 270
 Шнор И., предприниматель – 841, 848
 Шофман А.С. – 727, 729
 Шпилевский С.М. – 789
 Штейнфельд Н.П. – 20, 223, 288, 293, 332, 403, 407, 410, 415, 443, 641
 Шубин И.А. – 294
 Щеглов И.В. – 168
 Щепкин М.П. – 72
 Эльмурзины, семейный род – 141
 Энгельгардт А.П. – 218, 219
 Эрдман Ф.И. – 725–727, 743, 842
 Эсливанов В.Н. – 611
 Эфендиев Р. – 13, 430
 Эфиров А.Ф. – 31
 Юдин М.Л. – 328
 Юзеев – 7, 36, 121, 345, 715, 749, 785, 848
 Юзеев А.Н. – 7, 35, 36, 121, 345, 715, 749, 781, 785, 848
 Юзефович Б.М. – 20, 641
 Юзефович Я., генерал – 136
 Юлдашбаев Б.Х. – 408
 Юлдашев А.А. – 27
 Юм Дэвид, философ – 713
 Юмачиков М., поэт – 751, 756
 Юнус Ахунд бин Иवानай, ученый – 398
 Юнусов Абдулкарим, купец – 246, 248, 253, 260
 Юнусов Г., купец – 155, 250, 418, 552
 Юнусов И.Г., коммерции советник – 558, 559
 Юнусов Ибрагим, купец – 151, 153, 154, 204, 254, 259, 550, 551, 565
 Юнусов Исхак, купец – 153, 154, 204, 551, 565

- Юнусов М., купец – 151, 195, 556, 582, 839
Юнусова А.Г. – 36, 390, 418, 552
Юнусовы, предприниматели – 141, 152, 251, 254, 305, 313, 316, 326, 552, 555, 564
Юнучи Фазылджан, предприниматель – 116
Юртов А.Ф. – 526, 528
Юрченков В.А. – 643
Юсупов А.И. – 32, 695
Юсупов Айрат – 778
Юсупов М.Х. – 710, 784, 785, 788, 790
Юсупов Махмуд, предприниматель – 120, 733, 785
Юсупов Х., предприниматель – 336
Юсупова А.Ш. – 617, 833
Юсуповы, семейный род – 148, 154, 155, 457
Юткин В.П. – 275
Юхнева Н.В. – 74, 75
Юшковы, семейный род – 148
Ягафова Е.А. – 29, 624, 630
Яковлев – 526, 528, 612, 613
Яковлев Г.Я. – 526, 634
Яковлев И.Я. – 528, 529, 824
Якубович Ю., генерал – 136
Якупов Измаил, предприниматель – 316
Якупов Исхак, купец – 254
Якупов Муса, купец – 250, 314
Якупов Р.И. – 27, 179
Якупов Хасан, купец – 204
Якуповы, семейный род – 254
Ялчигулов Т. (Ялчыгул) – 669, 748, 749, 799, 855, 861
Янбаев С., мурза – 565
Янбулатовы, семейный род – 141
Янгузаров В., предприниматель – 102, 316
Янгузин Р.З. – 648
Янышевы – 174
Ясави Ахмед, средневековый писатель – 377, 846
Яушев Вали, купец – 567
Яушев Г. – 602
Яушев Л.Г. – 85, 337
Яушев Муллагали – 86, 154, 156
Яушев Мухаммед-Шариф – 363
Яушев Мухамметгали Курбангалеевич – 565
Яушевы, купцы – 86, 101, 111, 141, 146, 149, 155, 195, 196, 316, 336, 806
Яхин А.Г. – 34
Яхин М. – 757, 848
Яхин М.В. – 846
Яхин Мухаметзян – 502
Яхин Т. – 847
Яхин Х. – 260
Яхин Шаги – 843, 848
Яхонтов В.В. – 648
Рәхим – 757
Үтәбай-Кәрим – 89
Фәтхи – 853
Хәбибуллин Г. – 787, 789
Хәлфин Н. – 788, 790
Прицак – 131
Abu-Manneh – 384
Algar – 383
Bargan Hüseyin – 349
Batunsky – 737
Beitrage – 330
Bey Ismail – 713
Burbank – 238
Devlet – 349
Dziadulewicz – 133
Gökçek Fazil – 349
Gümüşhanevi – 387
Gündüz – 385
Hroch – 865
Ibrahim – 346
Kappeler – 459
Kemper – 590, 592
Kryczynski – 134, 135
Lapicz – 135
Miskewicz – 134, 138
Muchlinski – 137
Nalko-Hryniewicz – 136
Nietyksza – 138
Queiquejay – 590
Raanan – 864
Rida – 720
Roy – 704
Şimşek – 383
Steinwedel – 265
Tamze – 135, 138
Tyszkiewicz – 134, 137
Ulianova – 237, 272

Указатель политико-географический

- Абди, с. – 445, 818
 Абдуллинский р-н – 653
 Абдульменево, д. – 641
 Астрабадский залив – 332
 Августов – 134
 Августовская губ. – 54
 Австралия – 338
 Австрия – 134
 Агафонково, д. – 632
 Агирди, д. – 196
 Агрыз, д. – 195, 638
 Агрызская вол. – 638, 639
 Агрызский р-н – 632, 637
 Агрыжанская слобода Астрахани – 78
 Адаево, д. – 632, 795
 Адана – 347
 Адельшино, д. – 573
 Аджим, с. – 637
 Адзитарово, д. – 173
 Адмиралтейская слобода Казани – 76, 192, 562, 563
 Азбаба, д. – 628
 Азеево, с. – 125, 316, 539, 566
 Азербайджан – 79, 384, 779, 781
 Азиатская Россия – 229
 Азиатская Турция – 247
 Азия – 229, 245, 247, 251, 265, 322, 324, 325, 327, 333, 344, 348, 729, 852
 Азовское наместничество – 452
 Азяк, д. – 423
 Айдаралино, д. – 176
 Айталан, с. – 631
 Аитовские юрты – 168
 Ак мечеть, креп. – 109
 Акзегитово, д. – 630
 Аккозино, д. – 195
 Акмолинск – 98, 101, 338
 Акмолинская обл. – 57, 97, 99–101, 156, 335, 386, 507
 Аксаково, ж.д. ст. – 271
 Актазик, н.п. – 631
 Актаньшский р-н – 632
 Актюба – 102, 316, 517
 Актюбинск – 338
 Алабуга, с. – 105
 Алапаевск – 61
 Алатавский внешний округ – 99
 Алатавский окр. – 355
 Алатырский у. – 52, 289, 292, 607
 Алатырь – 267
 Александров Гай, ж.д. ст. – 107
 Александровская слобода, Чистопольский у. – 624
 Александровский, форт – 336
 Алеппо – 333, 859
 Алжир – 599, 797
 Алла-Байтал, с. – 166
 Алтай – 96, 116, 302, 317
 Алтайская обл. – 115
 Алтайский край – 42
 Алтата, д. – 106
 Алькеевская вол. – 292
 Альметьево, д. – 587
 Альшеево, д. – 628
 Аляска – 228, 245
 Амасйа, г. – 347
 Америка – 44, 123, 335, 742
 Амур, р. – 335
 Амурская обл. – 61, 96
 Амурский край – 334
 Анаткасы, д. – 622, 623
 Анатолия – 346, 347, 373, 376, 383
 Англия – 232, 601
 Андреевка, д. – 539
 Анзирка, д. – 631
 Анкара – 347
 Антоново (Нарма), д. – 196
 Апазово, с. – 497, 642, 735, 822
 Апакаево, с. (Апкай Чермеш (Апкай иле)) – 632
 Апанасово-Темяши, д. – 623
 Арабский Восток – 727
 Аравия – 333, 349, 408, 511, 738, 752
 Арало-Каспийская степь – 229
 Аральск, г. – 337
 Ардатовская вол. – 573
 Ардатовский у. – 52, 196, 294
 Ардаш, д. – 195
 Арзамас – 267
 Арняш, д. – 822
 Арси, пос. – 166, 366
 Арск – 69, 70, 71, 72, 248, 261, 307
 Арский р-н – 631
 Арское поле Казани – 820
 Архангельск – 61, 194, 245, 251, 252, 310
 Архангельская губ. – 266, 479
 Асеево, д. – 176
 Астраленка, пос. – 166
 Астраханская губ. – 7, 57, 61, 68, 103–105, 108, 142, 144, 145, 152, 158, 159, 186, 188, 199, 208, 229, 242, 265, 266, 273, 281, 296, 299, 300, 343, 347, 359, 384, 406, 500, 453, 479, 507, 745, 798, 835
 Астраханская крепость – 77
 Астраханская обл. – 343
 Астраханский край – 54, 229
 Астраханское наместничество – 452
 Астрахань – 51, 55, 58, 63, 65–68, 75, 78, 103–108, 117, 159, 235, 236, 238, 244, 245, 248, 260, 266, 267, 292, 301, 302, 310, 311, 325, 326, 332, 358, 386, 387, 502, 517, 540, 666, 724, 725, 743, 841, 844, 845
 Атацкая, д. – 168
 Атбасар – 100, 338
 Атиаз, д. – 631
 Атия, д. – 111
 Аулие-Ата (Тараз), д. – 80, 86
 Афганистан – 44, 245, 324, 326–328, 331–333, 337–340, 381, 393, 394, 781, 858
 Африка – 852
 Ахметьево, д. – 584
 Ахтиял, н.п. – 631
 Ахуново, с. – 196
 Ашгабад, г. – 338
 Аширганово, д. – 176
 Ашур-ада – 336

- Ашхабад – 109, 337
Аягуза – 117, 253
Аягузский окр. – 359
Бабино, д. – 168
Бавлинский р-н – 641
Багдад – 325, 372, 384, 590, 859, 860
Бадахшан – 245, 331, 861
Бадахшанские горы – 327
Базаро-Матаковский тракт – 210
Базлово, д. – 539
Байглычево, с. – 624
Байданкино, д. – 631, 825
Бакалинский р-н – 632
Баку – 27, 293, 344, 520
Балбагай – 115
Балаков – 269
Балашов – 270
Балезино, с. – 639
Балканский п-ов – 347, 373
Балтасинский р-н – 631
Балтачево, с. – 196
Балтийский окр. – 192, 194, 195
Балтийское море – 126
Балтин, с. – 316
Балх – 245, 393, 860
Балхаш, оз. – 97
Балхская обл. – 860
Балькесир, г. – 707
Бальклы, д. – 176, 292
Барабинская губ. – 95
Барнаул – 61, 336
Баскунчак, ж.д. ст. – 267
Баскунчак, оз. – 232
Батуганово, д. – 168
Батумская обл. – 425
Бауцен, г. – 368
Бахчисарай – 51, 131, 132, 599, 807, 808, 850, 864, 865
Башкирия – 641, 672, 831
Башкирское Приуралье – 281, 672
Башкортостан – 26, 27, 80, 376, 377, 411, 635
Баян-аульский округ – 359
Беденьга, д. – 591
Бездна, д. – 532
Бейрут – 349, 383, 805, 850
Белая, р. – 229, 233, 272, 312
Белгородская обл. – 117
Белебеевский край – 183
Белебеевский у. – 53, 146–148, 173, 174, 176, 183, 196, 229, 262, 297, 348, 365, 366, 533, 584, 586, 637, 691, 764, 825
Белебей – 59–61, 69, 70–72, 107, 502, 836
Белорецкий округ – 232
Белорусия – 230, 263, 532, 701
Белосток – 367
Белый Аймак – 123
Белый Ключ (Алкино), сельцо – 198
Бенгалия – 324
Березино, местечко – 368
Березняк (Бичурма, Чалгайгурт), с. – 631
Березовский округ – 95
Береске, д. – 795
Берлин – 302, 316, 338, 366
Бессарабия – 174
Бессарабская губ. – 465
Бийск – 59, 332
Бийский у. – 332
Бикмесь, д. – 632
Биктово (Юрь), с. – 195
Биляр-Озеро, с. – 624
Бимер, д. – 632
Бирск – 69, 306, 838
Бирский край – 183
Бирский у. – 53, 73, 173, 174, 176, 183, 229, 272, 365, 381, 533, 536, 586, 633, 635, 637, 640, 691, 766
Битаман, д. – 632
Бихар, индийская провинция – 859
Бишбалта, с. – 259
Биштюбинск – 105
Благовещенск – 61
Благовещенский округ – 232
Ближний Восток – 46, 325, 725, 727, 751, 859
Бобылевка, с. – 261
Богдановка, д. – 450
Богданово, д. – 173
Богородск – 120
Богородский у. – 120
Болгария – 132
Бологое – 120
Большая Ока, д. – 176
Большая-Атня, д. – 572
Больше-Атнинская вол. – 572
Большенорьинский вол. – 638
Большие Арняши, д. – 435
Большие Аты, д. – 631
Большие Кибяк-Кози, д. – 423, 497, 498, 544
Большие Тиганы, д. – 573
Большой Каравай, починок – 639
Большой Менгер, д. – 572
Бор, с. – 618
Борисов, г. – 366
Боровка, д. – 584
Бранденбург – 367
Брест-Литовск – 367
Брусса – 797
Бугульма – 59, 60, 61, 69, 107, 251
Бугульминский край – 183
Бугульминский у. – 48, 49, 53, 54, 95, 174, 176, 177, 205, 207, 229, 282, 292, 299, 365, 366, 442, 537, 572, 584, 589, 637, 641, 655, 760, 773, 832
Бугуруслан – 59, 61, 69, 107
Бугурусланский у. – 53, 174, 176, 177, 229, 282, 292, 365, 442, 537, 589
Будзишин – 368
Буздяк, д. – 832, 836
Бузовязы, д. – 173
Бузулук – 59, 61, 69
Бузулукский у. – 53, 177, 229, 282, 286, 292, 442, 537, 539, 541
Буинск – 59, 60, 61, 69, 70, 71, 72
Буинский у. – 50, 52, 54, 118, 241, 242, 292, 298, 532, 533, 539, 541, 544, 589, 628, 629
Букеевская орда – 107, 108, 425, 500, 506, 507, 833, 835
Букени, д. – 181
Букмыш, д. – 536
Булгар – 377, 378, 398, 437, 767, 787

- Бурановская вол. – 638
 Бурзян-Кипчакская вол. – 580
 Бурзянская вол. – 204
 Бурса, г. – 347
 Бурун, д. – 106
 Бурятия – 729
 Бутриманцы. местность – 136
 Бухара – 41, 78, 82, 85, 109, 110, 117, 235, 244–248, 251, 293, 305, 322–325, 327–329, 332, 338, 340, 341, 362, 374, 375, 376, 378–380, 387, 392–394, 398, 400, 410, 585, 590, 601, 641, 670, 687, 700, 744, 752, 783, 792, 793, 795, 796, 803, 804, 806, 810, 813, 859
 Бухария – 326, 793, 794, 845
 Бухарская волость – 92
 Бухарская слобода Астрахани – 77, 78
 Бухарский торговый двор Астрахани – 77, 78
 Бухарский эмират – 336, 338
 Бухарское ханство – 109, 245, 247, 340
 Бухед – 338
 Бюрганы, д. – 423, 628
 Варламово – 166
 Варна – 126, 240
 Варшава – 51, 61, 86, 137, 138, 267, 334, 367, 369, 519
 Варшавское княжество – 367
 Васильковский у. – 535, 543
 Васильсурский у. – 52, 539
 Вежешура, д. – 637
 Веймар – 367
 Великий Устюг – 251
 Великое княжество Финляндия – 228, 465
 Везеки, д. – 260
 Верхне-Уральский горный окр. – 458
 Верхнеуфьевская вол. – 182
 Верный (Алма-Ата) – 100, 102, 109, 316, 330, 337
 Верхазовка – 106
 Верх Кестымский (Пыбья тож), починок – 640
 Верхнее Никиткино, д. – 423
 Верхнеудинск – 61
 Верхнеуральск – 59, 60, 69, 163, 502
 Верхнеуральский у. – 53, 166, 174, 229, 240, 268, 283, 385, 680, 825
 Верхнеуральск-Стерлитамак, тракт – 175
 Верхние Чебенки – 176
 Верхние Отары, д. – 497
 Верхние-Ерыклы, д. – 196
 Верхний Арняш, д. – 445
 Верхний Елюзань (Элэзэн), д. – 106
 Верхний Темерлик – 298
 Верхняя Волга – 616
 Верхняя Корса, д. – 393
 Верхняя Шунь, д. – 642
 Верхозима Кузнецк, д. – 261
 Верхотурье – 61
 Ветлуга, р. – 324
 Виленская губ. – 54, 137, 142, 144, 145, 367, 368
 Вильно – 51, 134, 137, 366, 368
 Витебск – 366
 Вишневая Поляна, с. – 624
 Владивосток – 338, 370
 Владимирская губ. – 117, 118, 338, 512
 Владимирская обл. – 117, 118
 Владимирский у. – 195
 Внутренняя Азия – 334
 Внутренняя Орда – 355, 366
 Внутренняя Россия – 5, 808
 Волга, р. – 7, 77, 103, 105, 121, 137, 229, 230, 233, 235, 244, 247, 265, 267, 292, 296, 297, 309, 310, 311, 312, 324, 337, 543, 571, 643, 657
 Волго-Камский регион (Волго-Камье) – 25, 26, 28, 31, 73, 182, 205, 208, 229, 266, 287, 296, 408, 541, 714, 716, 717, 732, 733
 Волго-Камско-Уральский регион – 233
 Волго-Уральский регион (Волго-Уралье) – 3, 5, 15, 18, 20, 25, 26, 28–30, 36, 37, 42, 44–46, 48, 50–52, 54–56, 58–61, 64, 67, 74, 88, 89, 132, 144, 146, 147, 152, 158, 159, 161, 182, 186, 188, 196, 221, 229, 230, 231, 234–238, 252, 263, 264, 265, 266–268, 273, 275–277, 284, 286, 291, 298, 302, 305, 306, 315, 317, 333, 343, 345, 346, 348, 351, 360, 364, 373–375, 377, 380, 386, 390, 392, 394, 396, 398, 399, 405, 411, 415, 417, 423, 441–447, 456, 460, 466, 470, 472, 473, 476, 477, 478, 481, 482, 490–493, 496, 509, 515, 519, 529, 530, 569, 579, 583, 585, 594, 600, 604, 606, 618, 630, 637, 643, 646, 650, 653, 655, 658, 677, 680, 688, 697, 732, 792, 796, 800, 817, 819, 823, 853, 863, 864, 865
 Волжская Булгария (Болгария) – 24, 437, 616, 671, 760, 784, 788
 Волжский бассейн – 301
 Волжский р-н – 631
 Волжско-Камский бассейн – 294, 309
 Вологда – 366
 Вологодская губ. – 309, 385, 512
 Вологодское наместничество – 452
 Волинская губ. – 54, 137, 142, 144, 145
 Вольск – 59, 61, 69
 Вольский у. – 52, 263
 Воронеж – 124
 Воронежская губ. – 192, 512
 Воронежская обл. – 117
 Ворцы, д. – 640
 Воскресенский округ – 232
 Восток – 34, 333, 334, 339, 464, 553, 644, 694, 696, 700, 729, 732, 733, 759, 839, 855
 Восточная Азия – 725
 Восточная Европа – 377, 672, 783, 784, 789
 Восточная Индия – 845
 Восточная Россия – 19, 252, 440, 498, 817, 823, 825
 Восточная Сибирь – 54
 Восточное Закамье – 294, 652
 Восточный Казахстан – 302, 317
 Восточный Сибирь – 335
 Восточный Туркестан – 327, 329, 715
 Вотские Курзи, д. – 640
 Высокогорский р-н – 631
 Вышневолоцкая водная система – 235
 Вязьма, г. – 366
 Вятка (Хлынов) – 244, 386, 825
 Вятка, р. – 61, 65, 66, 67, 68, 229, 272, 324
 Вятская губ. – 25, 48, 50, 53–55, 57, 61, 74, 81, 83, 121, 142, 144–147, 152, 158, 159, 165, 172, 177, 178, 182, 186, 188, 189, 192, 193, 195, 196, 199, 200–202, 207, 229, 238, 242–244, 251, 260, 264–267, 270, 271, 274, 275, 278, 279, 281–283, 287, 292, 293, 295–299, 300, 306, 309, 310, 314, 364,

- 384, 405, 407, 412, 422, 439, 447, 453, 497, 500,
507, 541, 543, 547, 571, 584, 602, 606, 633, 637,
639, 642, 648, 649, 651, 653, 655, 656, 657, 680,
689, 706, 732, 797, 798, 803, 808, 811, 822, 825,
835, 851
- Вятская епархия – 494, 539
Вятский горный окр. – 458
Вятский край – 825
Вятский у. – 242, 262
Вятское наместничество – 452
Гарейбаш, д. – 640
Гарибашево, с. – 640
Гельсингфорс – 519
Германия – 123, 232, 348, 601, 855
Гилянская слобода Астрахани – 77, 78
Гилянский торговый двор – 77, 78
Гирин – 338
Гирьял – 166
Глазов – 59, 639
Глазовский у. – 50, 53, 637, 639, 640, 655–657
Глинский пос. – 166
Глогау, крепость – 366
Глуховская, жд. ст. – 271
Голландия – 232
Гордынское городище – 639
Горний – 126
Городечка, д. – 368
Городечна, местечко – 367
Городищенский у. – 52, 233
Гредино, с. – 367
Гридинская вол. – 123
Гродненская губ. – 54, 137, 142, 144, 145
Гродно – 51, 134
Гросс-Гершен, г. – 367
Гурьев – 101, 104, 163
Гурьевка, с. – 261
Гурьевск – 100, 338
Гучун – 116
Дагестан – 104, 343, 374, 376, 383–385, 792, 793,
796, 808
Дагестанская обл. – 343, 425
Дальний Восток – 96, 97, 245, 335, 336, 557, 733
Дамаск – 333, 347, 384
Даниловская вол. – 639
Данциг – 367
Дербент – 343
Дешт-Кыпчак – 784
Деяново, д. – 619
Джангала (Жанкала), д. – 107
Джидда – 345, 347, 568
Джизак – 109
Джимисар – 116
Джиркент – 330
Днепровский у. – 54, 125
Добруджа, г. – 347
Дон, р. – 103, 105, 247
Донбасс – 27, 293
Донецкий угольный бассейн – 73
Донская войсковая обл. – 512
Донская обл. – 208
Дорогобуж – 367
Дососа, д. – 640
Дрезден – 367
Дубняк, местечко – 126
Дубьязы, д. – 309, 536
Дувекаево, д. – 176
Дулево – 120
Дунь-ба – 324
Дурбульджин – 115
Духовщина, г. – 367
Дюм-Дюм, н.п. – 631
Евпаторийский у. – 125, 127
Евпатория – 51
Евразия – 711
Европа – 34, 94, 228, 229, 235, 247, 251, 265, 266,
324, 335, 336, 348, 473, 596, 598, 719, 725, 726,
739, 743, 845, 855, 858, 864
Европейская Россия – 5, 8, 52, 57, 90, 94, 112, 182,
183, 205, 208, 213, 216, 218, 219, 232, 244, 264,
273, 275, 279, 286, 289, 290, 292, 298, 301, 337,
338, 410, 465, 478, 566, 567, 616, 670, 852, 864
Европейская часть Российской империи (России) –
266, 334
Египет – 132, 247, 333, 349, 511, 590, 598, 599, 729,
738, 741, 752, 785, 850
Екатеринбург – 51, 61, 62, 69, 244, 327, 556
Екатеринбургский у. – 53, 173, 174, 656
Екатериновка, с. – 319
Елабуга – 59, 61, 69, 251, 272, 306, 584
Елабужский р-н – 631
Елабужский у. – 48, 53, 54, 195, 196, 241, 271, 279,
282, 292, 293, 439, 442, 539, 584, 637, 638, 639,
642, 825
Елантомский у. – 566
Елатомский у. – 52, 125, 196, 280, 293, 653, 655,
656
Елисаветпол – 343–344
Елышево, с. – 423, 497, 549, 614
Ендовищи, д. – 649
Енисей, р. – 229
Енисейск – 61
Енисейская губ. – 96, 507
Ермекеевский р-н – 641
Ерыкса, д. – 445
Желтое море – 369
Житомир – 367
Забайкалье – 245
Забайкальская обл. – 96
Заблудов – 367
Заволжье – 106, 230, 231, 234, 274, 283, 656
Зай, р. – 700
Зайсан, поселение – 99, 253, 335
Закавказский край – 509
Закавказье – 51, 54, 245, 247, 252, 343, 425, 465,
499, 506, 724
Заказанье – 102, 295, 299, 631, 632, 652, 654, 655–
657, 664, 672, 681, 795, 853
Закамье – 279, 281, 282, 618, 631, 649–652, 656,
657, 795
Закаспийская жд. – 80
Закаспийская обл. – 109, 337, 338
Закаспийский у. – 101
Закатальский окр. – 425
Замоскворечье – 119
Запад – 46, 694, 708, 711, 723
Западная Европа – 42, 44, 228, 237, 251, 252, 473,
512, 746

- Западная Сибирь – 28, 29, 51, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 74, 90–92, 97, 99, 169, 223, 272, 405, 419, 440, 453, 457
 Западное Закамье – 280, 286, 299, 651, 652, 655
 Западно-екатеринбургский горный окр. – 458
 Западно-Казахстанская обл. – 107
 Западно-Сибирская равнина – 94, 95
 Западный Китай – 245, 252, 334
 Зауралье – 278, 280–283, 285, 289, 290, 652, 654, 656, 657, 678
 Зацарево (Тияк-аул), д. – 104
 Зензели (Жидэле), д. – 105
 Зея-Пристань (Зея) – 61
 Зирган, с. – 832
 Златоуст – 61, 69, 70, 266
 Златоустовский у. – 73, 148, 229, 385, 584, 833
 Златоустовско-горназаводский округ – 232
 Змеиногорск – 302
 Золотая Орда – 24, 27, 42, 133, 148, 779, 784
 Зубачистенка 1, д. – 165
 Зубачистенка 2, д. – 165
 Зубочистенский, поселок – 588
 Зур Кавал, д. – 631
 Зяк-Ишметово, д. – 176
 Иваново – 124
 Иваново-Вознесенск – 61, 124
 Ивановская вол. – 292
 Ивановская обл. – 117, 118, 124
 Игумен – 51
 Игумново, с. – 259
 Иж, р. – 637, 642
 Иж-Байки, д. – 638
 Иж-Буби (Иж-Бобья, Буби), д. – 602, 632, 638, 639, 724, 795, 803, 812, 813, 815, 816
 Ижевск – 268, 641, 832
 Ижевское, с. – 641
 Избахтино, д. – 625
 Измантаевское, оз. – 359
 Измир, г. – 347, 771
 Измит, г. – 347
 Ик Назырова вол. – 580
 Илек, р. – 290
 Илецк – 100, 577, 587
 Илецк, оз. – 232
 Илецкая дистанция – 166
 Илецкая защита – 69, 70–72
 Илецкий городок – 163
 Или, р. – 115
 Илийская долина – 114, 115
 Илийский край – 114, 115, 330
 Илнет, д. – 632
 Ильяково, д. – 760
 Ильинская вол. – 638
 Ильинское, с. – 166, 642
 Иманаево, д. – 640
 Индия – 236, 245, 247, 322, 324, 326–328, 338, 374, 383, 568, 599, 671, 729, 744, 781, 839, 850
 Йозгат, г. – 347
 Ирак – 383, 729, 858
 Иран – 236, 245, 252, 324, 325, 327, 332, 338, 729, 779, 781, 839, 844, 855, 858, 860, 861
 Ирбит – 59, 61, 68, 235, 245, 251, 252, 576
 Иргиз – 80, 102, 316, 338, 517
 Иргиз, р. – 105
 Иргизская обл. – 99
 Иркутск – 61, 235, 244, 245, 249, 582
 Иркутская губ. – 96, 507
 Иртыш, р. – 98, 168, 302, 335
 Иртышская линия – 98
 Исеть, р. – 169
 Искачи, крепость – 126
 Иске, д. – 381
 Иски, р. – 169
 Иткучакова, д. – 168
 Ишеево, д. – 293, 539
 Ишим – 59
 Ишимский округ – 95
 Иштерьяпово, д. – 340
 Иштурганов, д. – 637
 Иш-Тюбе – 104, 105
 Кабан, оз. – 488, 786, 787
 Кабул – 302, 316, 245, 375, 381, 700, 860
 Кавказ – 45, 104, 105, 124, 125, 137, 155, 247, 283, 293, 338, 342, 343, 344, 346, 374, 385, 405, 425, 469, 471, 473, 476, 477, 506, 525, 590, 678, 727, 729, 791, 793, 795, 844, 845
 Кавказская губ. – 343
 Кавказская линия – 103
 Кавказская обл. – 343
 Кавказский край – 344, 465, 499
 Кадад, река – 293
 Кадомка, д. – 220
 Кадыкеево, д. – 196
 Казаклар, д. – 793
 Казалинск, г. – 80, 109, 310
 Казанская вол. – 94
 Казанская губ. – 17, 22, 24, 25, 28, 29, 32, 38, 42, 53, 54, 57, 61, 74, 78, 81–83, 92, 94, 104, 111, 121, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 152, 158–160, 165, 176, 181–183, 185, 186, 188, 192, 193, 196, 198, 199–219, 225, 229, 231, 234, 235, 239, 240, 242–244, 248, 249, 251, 260–264, 266, 270, 271, 273–275, 277–283, 285, 286–290, 293, 294, 295–301, 304–307, 309–311, 314, 316, 317, 322, 324, 326, 327, 331, 333, 340, 347, 353, 357, 359, 364, 365, 369, 403, 406, 414, 415, 423, 425, 429, 431, 432, 435, 438, 439, 443–445, 447, 449, 450, 480–484, 497–500, 506, 507, 523, 535, 537, 539, 540–544, 546, 547, 549, 555, 559, 564, 566, 570, 571, 573, 574, 576, 577, 583, 584, 587, 589, 590, 591, 594, 596, 599, 604, 606, 607, 609, 611, 613, 616, 621, 622, 623–629, 633, 637, 641, 643, 646, 648, 649, 651, 653, 657, 666, 675, 677, 687, 689, 691, 692, 696, 697, 706, 735, 738, 740, 757, 794, 795, 797, 799, 800, 805, 806, 808, 817, 818, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 835, 851
 Казанская епархия – 467, 483, 489, 494, 527
 Казанская торговая слобода – 104
 Казанский край – 323, 332, 632, 697, 845
 Казанский у. – 38, 53, 200, 204, 212, 223, 234, 262, 288, 294, 297, 298, 299, 405, 409, 431, 438, 464, 481, 497, 536, 572, 574, 584, 610, 633, 637, 642, 652, 654, 680, 735, 769, 793, 822
 Казанский учебный округ – 15
 Казанское адмиралтейство – 191
 Казанское наместничество – 105, 452
 Казанское Поволжье – 23, 606

- Казанское ханство – 42, 437, 478, 538, 586, 615, 637, 640, 665, 745, 760, 788
- Казань (Казан) – 11, 22, 24, 28, 30, 32, 41, 42, 44, 51, 60, 65–67, 75, 76, 102, 111, 117, 122, 123, 138, 150, 153, 154, 156, 157, 159, 160, 174, 187, 188, 191, 192, 194, 221, 235, 236, 238, 244–246, 248, 249, 250–253, 254, 255, 257, 258–262, 266, 267, 269, 272, 288, 292, 293, 294, 295, 299, 301–313, 316, 318, 320, 324, 325, 327, 330–332, 334, 335, 338, 343, 345, 350, 364, 365, 366, 375, 376, 379, 381, 386–388, 393, 395, 396, 398, 400, 431, 432, 441, 442, 450, 459, 461–464, 467, 470, 471, 483, 485, 488, 489, 493, 502, 505, 511, 517, 519, 525, 541, 544, 550–556, 560–562, 564, 565, 566, 567, 568, 573, 574, 576, 578, 581–583, 590–593, 597, 598, 601–603, 615, 620, 634, 659–661, 663, 664, 667–669, 674, 681, 686, 687, 689, 724, 725, 727–736, 739, 741, 743, 744, 746, 748, 750, 753, 756, 757, 760–762, 765–767, 772, 775, 776, 783, 786–788, 789–792, 796–798, 803, 806, 808–813, 816, 817, 820, 821, 824, 825, 827, 830, 832, 836, 838, 841–852, 855, 859, 861
- Казахская ССР – 107
- Казахская степь – 4, 5, 40, 83, 98, 105, 172, 223, 328, 329, 340, 352–355, 357, 358, 360, 362, 368, 369, 440, 474, 475, 715
- Казахские жузы – 4, 245
- Казахстан – 51, 54, 56, 57, 61, 63, 79, 82, 86, 97, 98–100, 102, 117, 121, 122, 147, 174, 195, 283, 316, 337, 354, 358, 360, 385, 473, 678, 783, 791, 859
- Кайданово, с. – 367
- Каинсар, д. – 637
- Каинский округ – 90, 95
- Каир – 333, 348, 349, 383, 390, 602, 805, 806, 809
- Кайсацкая, ж.д. ст. – 107
- Калган – 324
- Калиш, с. – 368
- Калмыкия – 105, 729
- Калмыцкая степь – 108
- Калмыцкое ханство – 105
- Калтай, д. – 398
- Калуга – 118, 124, 125
- Калужская губ. – 125
- Калужская обл., губ. – 117, 512
- Калькутта – 236
- Кама, р. – 195, 229, 233, 247, 251, 272, 296, 311, 312, 324, 543, 571
- Камелик, р. – 105
- Каменный Яр (Ташлы Яр), д. – 105
- Камско-Вятское междуречье – 229
- Камчатка – 245
- Камыш, д. – 106
- Камышин, ж.д. ст. – 267
- Камышинский у. – 229
- Кананиковский округ – 232
- Кандагар – 700
- Канск – 61
- Карабаяны, с. – 818
- Караболка, д. – 656
- Карабутак – 102, 316, 517
- Каракалинск – 359
- Каракорум – 114
- Кара-Кум – 338
- Карасубазар – 51
- Караульская вол. – 359
- Каргалинская вол. – 639
- Каргалинская, р. – 82
- Каргалы – 80, 100, 104, 248, 375, 389, 392, 396, 490, 666, 813
- Карелино (Кариле), д. – 260, 795
- Каркали, д. – 292
- Каркаралинский у. – 338
- Каркаралы – 101
- Каррас – 845
- Карская обл. – 425
- Карсунский у. – 334
- Карьявдино, с. – 196
- Касимов – 60, 63, 69, 118, 121–125, 235, 248, 261, 262, 299, 464, 556, 559, 565, 582, 747, 805
- Касимовский округ – 248
- Касимовский у. – 52, 119, 121–125, 195, 196, 234, 262, 288, 293, 295, 299, 485, 649, 651, 653, 655, 656, 657, 659, 769, 813
- Касимовское ханство – 643, 788
- Каспийское море – 103, 108, 163, 229, 245, 247, 332, 340, 341, 358
- Кассель, поселок – 166, 239, 366
- Ката-Курганский у. – 111
- Кашгар – 85, 115, 245, 330, 334
- Кашгария – 114
- Кашкар, д. – 551
- Кашмир – 245, 323, 326–328, 331, 861
- Кашур, д. – 640
- Келес, ж.д. ст. – 86
- Кеневская, р. – 358
- Кенэр, д. – 632
- Керенский у. – 52, 195, 651
- Керчь – 51
- Кестымская, д. – 639, 640
- Кече Кавал, д. – 631
- Киев – 61, 293, 324
- Киевская губ. – 142, 144, 145
- Кизлау – 375, 389
- Кизляр – 78, 104
- Кизлярский у. – 343
- Кикино, д. – 106
- Килимово, д. – 196, 198
- Килинчи (Килэче), д. – 107
- Кинсай, местечко – 86
- Киргизия – 99, 744
- Киргизская Орда – 324
- Киргизская степь – 568
- Киргизский край – 338
- Кисловодск, г. – 338
- Китай – 114–116, 132, 155, 244, 245, 247, 249, 252, 253, 313, 324–329, 331, 334–337, 339, 362, 671, 727, 729, 744
- Китайский Туркестан – 845
- Кичучатово, д. – 760
- Кишак, д. – 628
- Кладбищи, с. – 607
- Ключевский-второй, д. – 166
- Кляшево, д. – 640
- Княгининский у. – 52, 535
- Кобрин – 367, 368
- Кобуксарский у. – 116
- Кобылино, д. – 106
- Ковали, с. – 309, 625, 630

- Ковалинский р-н – 625
Ковельская губ. – 137, 142, 144, 145
Ковенская губ. – 54
Коверское, поселение – 122
Ковно – 51
Кожильская, д. – 639
Козьмодемьянск – 234, 251, 324
Козьмодемьянский у. – 234, 535, 611, 613, 632
Коканд – 85, 247, 327, 328, 329, 339, 340
Кокандское государство (ханство) – 109, 245, 247, 326, 369
Кокбектинск – 359
Кокпек, поселение – 99, 100
Кокчетав – 100, 335
Кокшан, н.п. – 631
Кокшетау – 101
Коломбо, г. – 334
Коломенский у. – 120
Коломна – 120
Кондуровка, д. – 792
Константинополь (Истамбул) – 303, 316, 333, 578, 586, 797, 806, 850, 859
Копал – 100, 109, 115, 337
Корея – 245, 336
Королевство Польское – 137, 138
Корсунский у. – 52, 261, 292
Кострома – 51, 117, 123, 519
Костромская губ. – 251, 385, 507, 512
Котельнич – 251
Кочкаровка, д. – 106
Кочкарский – 86
Кочко-Пожарки, д. – 650
Кошки Теняково, д. – 628
Кошкинская вол. – 298
Кошман, д. – 687
Красноводск – 336, 338
Краснокаменск – 166
Краснослободский у. – 52, 234
Красноуфимск – 61, 69
Красноуфимский у. – 53, 174, 279, 285, 533
Красноярск – 61
Красный Яр – 61, 69
Криворожский рудник – 73
Кронштадт – 126, 520
Крым – 51, 105, 121, 122, 124, 127–132, 137, 143, 221, 333, 342, 346, 405, 471, 506, 514, 668, 720, 724, 727, 771, 791, 807, 845, 850
Крымская АССР – 54
Крымский п-ов – 333
Крымское ханство – 125, 140, 221
Кряш-Серда, с. – 435
Кубанская обл. – 343, 425
Кубань – 105, 293
Кугуль, с. – 196
Кугушево, д. – 196
Кузайкинская вол. – 292
Кузбаковская вол. – 580
Кузнецк – 60, 61, 69
Кузнецкий у. – 52, 106, 261, 270, 271, 293, 536
Кузьмичи, д. – 641
Кук Мари, д. – 631
Куклюк, н.п. – 631
Кукморский р-н – 631, 634
Кулаковка (Колакау) – 107
Куликовский – 166
Куликовы Копани, д. – 106
Кулужунская вол. – 359
Кульджа – 86, 114, 115, 116, 117, 323, 329, 330, 334
Кульм, с. – 368
Кульма, местечко – 367
Кульшарипово, д. – 176
Кунгур – 69, 244
Кунгурский у. – 53, 290, 293, 651, 657
Кундравинская вол. – 182
Кундровская слобода – 176
Кундуз – 245
Кунь-Лунь – 114
Купченево, д. – 641
Курган – 61, 336
Курганская обл. – 117
Курганский округ – 95
Курдистан – 383
Курзи, д. – 640
Курманаево – 375
Курманково, д. – 225
Курмышский у. – 52, 53, 289, 532
Курск – 118
Курская губ. – 124, 512
Куртамыш, д. – 536
Куручевская вол. – 584
Курченко (Картузан аул), д. – 105
Кустанай – 100–102, 338, 670
Кустанайский у. – 99
Куюк, д. – 536
Кызылкум, пустыня – 362
Кыргакские юрты – 168
Кырынды, д. – 638, 642
Кышкар, д. – 260, 409, 706, 795
Кышлау, д. – 769
Кюстенджи-Мангалия, крепость – 126
Кютахья, г. – 347
Кяхта – 235, 244, 245, 249, 250, 251, 262, 276, 324, 326, 331
Лагань – 105
Лаишев – 69, 244, 251, 307, 311
Лаишевский у. – 53, 225, 288, 298, 299, 326, 438, 439, 444, 450, 481, 498, 544, 546, 571, 574, 584, 648, 680, 818, 826
Леванте – 247
Лейпциг – 235, 367, 368
Лейхтенберг – 367
Ленинград – 744
Ленские прииски – 28
Леонтьевский погост – 120
Лепсинск – 99, 100, 109
Либава – 267, 276, 338
Ливан – 245, 333
Линевский поселок – 503
Линейное (Кэменни аул), д. – 105
Литва – 133, 230, 368, 532
Литово-польские земли – 133
Литовское государство – 138
Литовское княжество – 135, 515
Лович – 126
Лодзь – 61
Ломаты, д. – 294
Ломово, с. – 196
Ломот, д. – 573

- Люблин – 367
Люблинская губ. – 54
Люцен – 367
Лятошинки, дер. – 107
Мавераннахр – 860
Мазино, д. – 825
Маймачин – 323
Майнц – 855
Маклаково, д. – 539
Малатйа (Малатья) – 347
Малая Азия – 251
Малая Бухария – 114
Малмыж – 59, 61, 69–71, 306, 565
Малмыжский у. – 53, 54, 207, 287, 288, 293, 384, 412, 422, 442, 535, 573, 584, 633, 637, 639, 653, 680, 796, 825
Малое Некрасово, д. – 450
Малое Черемышево, с. – 632
Малопургинский р-н – 642
Малые Бикшихи, д. – 628
Малые Мурлы, д. – 95
Малые Чапурники, д. – 105
Малый Барханчак, д. – 106
Малый Каравай, починок – 639
Малый Сулабаш, д. – 536
Малая Юма, д. – 637
Маляевка, д. – 106
Мамадыш – 59, 61, 69, 160, 251, 262, 324, 484, 833
Мамадышский у. – 146, 181, 198, 199, 212, 215, 262, 278, 288, 297, 298, 299, 435, 438, 443, 444, 445, 450, 481, 497, 502, 536, 543, 549, 571, 574, 584, 609, 633, 637, 642, 680, 817–819, 822
Мамлюкский Египет – 779
Мамсинская вол. – 572
Маньч, озеро – 105
Маньчжурия – 245, 334, 338
Мари Ямалы, д. – 632
Мариинск – 61
Мариинская водная система – 235
Мариинский округ – 95
Мариинский посад – 307
Марий-Эль – 631
Мари-Турекский р-н – 631
Марьяна роща – 120
Маскары, д. – 637
Масра, д. – 687
Мачкара, д. – 415, 706, 795, 796
Медина – 333, 345–347, 383, 384, 586, 590, 599, 857
Медьяк – 389
Мекка – 78, 323, 325, 333, 343–346, 347, 383, 384, 394, 398, 432, 586, 766, 857
Мелекесы, д. – 309, 825
Мелитак, д. – 584
Мелитопольский у. – 54, 125
Мемдель, д. – 294
Менделеевск – 271
Мензелинск – 61, 69, 251, 576, 850
Мензелинский край – 183
Мензелинский у. – 48, 49, 53, 54, 173, 174, 176, 177, 196, 229, 262, 288, 290, 294, 298, 300, 354, 365, 366, 384, 417, 438, 444, 547, 584, 586, 632, 633, 680, 825
Меньча, с. – 624
Мерв – 337, 338
Месудия, д. – 347
Месягутово д. – 533
Мечетная слобода – 106
Меша, река – 148
Мещерский край – 643
Менгери, д. – 111, 706
Миасские золотые прииски – 232
Миасский горный окр. – 458
Мингер (Мэнгэр), д. – 632
Миннибаево, д. – 773
Минск – 51, 61, 367
Минская губ. – 54, 137, 142–145, 368
Минусинск, г. – 336
Мир, пос. – 367
Мишавка, д. – 610
Младший жуз – 97, 107, 351–355, 358
Можарки, с. – 607
Мокры, д. – 628
Мокрый Карасал, д. – 105
Мокшанский у. – 52
Молвино, д. – 591
Молдавия – 465
Молодцово, д. – 95
Монголия – 323, 326, 332, 729, 839
Мордовия – 106
Мордово, с. – 195
Мордовская, д. – 195
Моркинский р-н – 631
Москва – 51, 57, 86, 111, 117, 118, 120, 121, 165, 174, 244, 245, 247, 248, 249, 251, 252, 262, 267, 293, 306, 308–311, 320, 324, 330, 332, 334, 335, 338, 350, 364, 366, 368, 418, 552, 565, 602, 744, 757, 787, 832, 842, 844, 850, 858
Московская губ. – 57, 120, 142, 145, 306, 320, 507, 512, 805
Московская дорога – 103
Московская обл. – 117
Московский тракт – 105
Московское государство – 92, 478, 640
Московско-Санкт-Петербургская ж.д. – 118
Мочалейка, д. – 106
Мошайк (Казы-аул), д. – 104
Мукден – 338
Мулловка, д. – 261
Мулловка, с. – 319
Мунтово, д. – 643
Мурзабаева вол. – 580
Муфирма, с. – 630
Муслимовский р-н – 632
Мустаевский пос. – 166
Мухорский пос. – 166
Мухранский пос. – 166
Назар, д. – 195
Назыр, с. – 195
Назырбаш, д. – 195
Нарат-Илга, д. – 588
Нева, р. – 235
Неженское – 166
Неман, р. – 367
Несвиж – 367
Нижегородская губ. – 52, 57, 104, 120, 121, 141, 142, 144, 145, 192, 193, 196, 199, 220, 242, 249, 251, 279, 287, 306, 365, 406, 447, 453, 461, 481,

- 500, 507, 512, 539, 541, 543, 606, 618, 619, 649, 650, 652, 656, 657, 688, 732, 808, 816
- Нижегородская епархия – 494
- Нижегородская слобода – 88
- Нижегородское наместничество – 452
- Нижегородчина – 118, 120
- Нижнее Заволжье – 281, 282, 651, 653
- Нижнее Ибраево, д. – 176
- Нижнее Поволжье – 28, 29, 55, 58, 102, 105, 107, 108, 186, 204, 229, 230, 232, 252, 274, 435, 652, 653, 654
- Нижнее Предволжье – 282, 652, 656
- Нижнее Чекурское, д. – 629, 630
- Нижекамский р-н – 631
- Нижне-Ломовский у. – 52
- Нижне-Озерская станица – 503
- Нижеуельская волость – 182
- Нижеудинск – 59, 336
- Нижне-Чершелинский вол. – 292
- Нижние Тиганы, д. – 573
- Нижние Чебенки, д. – 176
- Нижние Чершилы, д. – 760
- Нижний Елюзань (Элюзан), д. – 106, 536
- Нижний Темерлик, д. – 298
- Нижний Новгород – 51, 60, 61, 123, 174, 233, 235, 236, 238, 244, 247, 267, 308–311, 330, 331, 332, 350, 366, 367, 519
- Нижняя Айша, д. – 431
- Нижняя Волга – 56, 309, 616
- Нижняя Сунь, д. – 199
- Низовой окр. – 192, 194
- Никифорово, с. – 443, 820, 822
- Николаев – 61, 69, 106
- Николаевск – 61, 70–72
- Николаевская станица – 111
- Николаевский у. – 53, 106, 108, 229, 282, 286, 537
- Никольская, дер. – 166
- Никольско-Уссурийск, г. – 369
- Нисарский у. – 52
- Новая Елюзань, д. – 106
- Новая Казанка, д. – 107
- Новая Казанка, н. п. – 355
- Новая Карьявда, вол. – 196
- Новая Карьявда, д. – 196
- Новая Кучергановка, д. – 105
- Новая татарская слобода Казани – 161, 253, 685
- Новая Усть-Уза – 106
- Ново-Альметьево, д. – 381
- Ново-Балтачево, с. – 196
- Новогрудок – 51
- Новое Ахуново, с. – 196
- Новое Изамбаево, д. – 628, 629
- Ново-Какерлинская вол. – 292
- Ново-Килимово, д. – 196
- Ново-Николаевск (Новосибирск) – 61
- Новоросийск – 276
- Новоросийская губ. – 125
- Новоросийское наместничество – 452
- Новороссия – 230, 263
- Новотатарская слобода, Казань – 555, 563, 591, 659
- Новоузенск – 61, 69
- Ново-Узенский у. – 53, 108, 229, 282
- Новоумеровская, дер. – 165, 166
- Ново-Янмырзино, дер. – 176
- Новые Булгары (Яна Булгар), д. – 108
- Новые Каргалы, д. – 836
- Новые Мертли, д. – 628
- Новые Тимерсяны, д. – 612
- Новый Вершаут, д. – 106
- Новый Кукмор, д. – 637
- Новый Менгер, д. – 572
- Новый Шинар, д. – 502
- Ногай-Курган – 111
- Ногинск – 120
- Нолинск – 306
- Нурма, д. – 260
- Нурма, р. – 632
- Нурызовский, починок – 640
- Область сибирских киргизов – 355
- Овечий Овраг, д. – 795
- Одесса – 61, 244, 333, 382, 602
- Озерский пос. – 166
- Ока, р. – 643, 673
- Округ ОмДС – 4, 8, 10, 37, 65, 221, 223, 224, 226, 403, 408, 410, 411, 415, 419, 420, 425, 426, 431, 519, 566, 599, 604, 863, 865
- Окско-сурский речной бассейн – 229, 658, 659, 672
- Окско-Сурское междуречье – 122, 241, 242, 282, 286, 292, 294, 295, 296, 299, 649–652, 656, 657, 678, 679
- Олекминск – 61
- Омск – 59, 61, 100, 335, 338
- Омская обл. – 352, 355, 358
- Омутнитская, д. – 639
- Оренбург – 51, 60, 65–67, 78, 79, 80, 82, 111, 163, 171, 175, 204, 235, 236, 238, 244, 245, 248, 257, 266, 277, 293, 305, 310, 320, 324, 326, 330, 334, 337–339, 341, 342, 350, 362, 375, 376, 386, 387, 392, 400, 426, 460, 472, 475, 490, 502, 505, 515, 517, 552, 553, 556, 561, 568, 579–581, 602, 666, 668, 689, 724, 761, 792, 793, 797, 808, 809, 811, 813, 816, 828, 829, 833, 844, 850, 851, 852, 853
- Оренбурго-Ташкентская ж.д. – 80
- Оренбургская губ. – 53, 57, 60, 61, 74, 81–84, 86, 87, 121, 141, 142, 144–146, 152, 158, 159, 161, 167, 172, 173, 174, 177, 178, 181–183, 185, 186, 188–193, 198, 199–206, 208, 229, 230, 239–242, 245, 251, 264, 265, 268, 273, 274, 279, 280–283, 285–290, 293, 294, 296, 299, 300, 305, 306, 316, 322, 340, 351, 353, 357, 364, 367, 369, 385, 405, 406, 412, 419, 453, 455, 459, 469, 471, 472, 479, 492, 500, 503, 506, 507, 514, 533, 534, 536, 541, 542, 557, 571, 573, 576, 577, 580–582, 586–588, 606, 630, 648, 650, 653, 657, 680, 691, 764–765, 796, 798, 800, 805, 806, 808, 816, 825, 826, 830, 831, 833, 835, 851
- Оренбургская епархия – 494, 539
- Оренбургская обл. – 653
- Оренбургская пограничная линия – 85
- Оренбургский горный окр. – 458
- Оренбургский край – 183, 223, 236, 244, 245, 310, 340, 365, 417, 453, 472, 492, 586–588, 656, 829, 830, 831
- Оренбургский окр. – 222
- Оренбургский степь – 408
- Оренбургский у. – 53, 79, 174, 196, 204, 229, 239, 241, 282, 286, 292, 295, 322, 580, 852
- Оренбургский учебный округ – 15

- Оренбургское генерал-губернаторство – 147,
Оренбургское Зауралье – 653
Оренбургское Приуралье – 653, 654
Оренбуржье – 229, 230, 245, 263, 325, 327, 329,
332, 825
Орехово-Зуево – 120
Орловская губ. – 512
Орск – 69, 70–72, 83, 84, 338, 387, 806, 852
Орский у. – 204, 229, 280, 282, 286, 295, 825, 836
Орск-Троицк, тракт – 175
Оса – 61, 69
Осинов Гай (Иске Узин), крепость – 106
Осинский у. – 53, 174, 176, 290, 637
Османия, д. – 347
Османская империя (Османская Турция) – 36, 44,
46, 128, 245, 342, 344–348, 350, 373, 379, 382,
383, 385, 424, 570, 582, 585, 587, 588, 589, 598,
599, 727
Остзейская губ. – 194
Острог – 134
Осыпной Бугор (Ярлы Түбә), д. – 107
Отгуз, д. – 632
Ошторомо-Юмья, с. – 609, 818
Павловский Посад – 120
Павлодар – 100, 101, 335, 668
Падеры, починок – 639, 640
Палестина – 245, 333, 729
Палласовка, ж.д. ст. – 107
Параньгинский р-н – 631
Париж – 166, 366, 367, 599
Пейшамбе, кишлак – 111
Пекин – 730
Пенделе, д. – 261
Пенджаб – 245, 328
Пенза – 51, 61, 65–67, 102, 103, 123, 267, 293, 350
Пензенская губ. – 52, 57, 78, 81, 104, 121, 141, 142,
144–146, 152, 158, 159, 176, 192, 193, 196, 201,
209, 213–215, 217–219, 229, 231, 233, 235, 240,
242, 266, 270, 275, 279, 280, 286, 288, 290, 292,
294, 300, 326, 347, 453, 481, 500, 507, 512, 606,
651, 657, 688, 732, 771, 805, 808
Пензенская епархия – 494
Пензенская провинция – 104
Пензенское наместничество – 105, 452
Передняя Азия – 104, 235
Перекопский у. – 54, 125, 127
Пермская губ. – 53, 55, 57, 61, 73, 74, 142, 145, 152,
158, 159, 165, 172–174, 177, 178, 182, 186, 188,
189, 191, 199, 201, 229, 242, 243, 251, 252, 264,
265, 278, 281, 283, 285, 288, 290, 293, 294, 298,
300, 305, 306, 310, 319, 405, 447, 453, 459, 481,
500, 507, 533, 534, 547, 566, 576, 606, 637, 639,
648, 649, 651, 655, 656, 676, 732, 808, 835, 851
Пермская епархия – 494
Пермский горный окр. – 458
Пермский край – 384, 632, 641
Пермский у. – 53, 174, 176, 241, 242, 651, 657
Пермское наместничество – 452
Пермское Приуралье – 282, 292, 650, 656, 658, 659,
672, 676
Перь – 51, 59, 61, 65, 67, 174, 244, 386, 852, 852
Перовск (Кызылорд) – 80
Персия – 109, 132, 245, 247, 252, 325, 337, 339, 671,
727, 731
Пестречинский р-н – 435
Петербург – 138, 194, 233, 235, 252, 267, 293, 325,
341, 350, 352, 404, 447, 544, 577, 602, 832, 844,
849, 850
Петеревальд – 368
Петров – 267
Петровск – 103, 104, 106
Петровский у. – 52, 280, 535
Петропавловск – 60, 74, 91, 92, 98, 100–102, 115,
253, 254, 316, 329, 331, 335, 338, 568, 602
Петропавловская, ж.д. ст. – 335
Петропавловский у. – 338
Пимер, д. – 632
Пимурзино, д. – 628
Пинэръ, оз. – 631
Плевна – 126
Поволжская степь – 408
Поволжский регион – 301, 492
Поволжско-Приуральский регион – 51, 55
Поволжско-Уральский регион – 300, 315, 320
Поволжье – 5, 41, 45, 46, 48, 63, 65, 66, 68, 72, 95,
99, 125, 138, 147, 152, 183, 205, 209, 230, 238,
252, 260, 263, 269–271, 273, 275, 277, 279, 280–
282, 284, 286, 288, 290, 293, 300, 301, 303, 310,
314–316, 319, 320, 345, 350, 374, 376–378, 381,
383–385, 387, 391, 398, 459, 466, 467, 479, 496,
506, 508, 509, 514, 536, 569, 576, 578, 586, 587,
589, 590, 594, 596, 603, 606, 615, 616, 618–620,
674, 688, 697, 698, 700, 701, 707, 714, 724, 727,
733, 734, 748, 756, 766, 778–780, 783–785, 791,
792, 817, 845, 858, 861
Подгорные Тимяши, с. – 625, 628
Подгорный, поселок – 166
Подгородняя волость – 97
Подлипки, д. – 122, 196
Подлясье – 138
Подмонастырская слобода Казани – 259
Подольск – 120
Подольская губ. – 54, 137
Покровская слобода – 267
Полоцк – 366, 367
Польское царство – 54, 228, 369, 465, 499, 509
Польша – 134, 368, 491, 515
Попово, поселок – 166
Поречье, г. – 367
Пороховая слобода Казани – 76, 563
Порт-Артур – 370
Починок-Кучук, д. – 631
Правобережная Украина – 479
Правобережье Волги – 30, 631, 697
Предволжье – 279, 281, 286, 291, 294, 296, 299,
651, 652, 656, 657, 672
Предкавказье – 103
Предкамье – 282, 292, 294, 296, 297, 299, 649, 650–
654, 656, 657–659, 676, 689
Пржевальск (Каракол) – 100, 109, 337
Пржевальский у. – 337
Прибалтийский край – 465
Прибалтика – 320
Придонье – 266
Прикамье – 241, 251, 252, 271, 278, 295, 616, 648,
652
Приморская обл. – 96
Приморский край – 335

- Приморье – 245
 Припамирье – 337
 Присырдарьинский регион – 97
 Приуралье – 5, 26, 27–30, 38, 45, 46, 48, 49, 51, 54, 63, 65, 66, 68, 72, 83, 95, 121, 146, 147, 152, 170, 176, 178, 182, 183, 204, 205, 208, 209, 221, 223, 226, 230, 232, 238, 245, 273, 275, 279, 280, 282–285, 288–292, 294, 299, 310, 364, 369, 378, 381, 385, 391, 405, 412, 435, 479, 503, 508, 509, 514, 515, 533, 534, 536, 569, 570, 573, 576, 578, 585, 587, 589, 596, 603, 604, 631, 651, 652, 654, 656, 657, 672, 673, 691–693, 697, 700, 707, 727, 733, 734, 737, 742, 748, 756, 766, 778, 784, 791, 792, 832, 833, 836, 838, 857
 Пружана – 367
 Пруссия – 134
 Псево, д. – 195, 631
 Псковская губ. – 817
 Пугачев – 106
 Пянджа – 337
 Раково, д. – 628
 Рамздорф – 367
 Ревель – 267, 276, 310, 338
 Рейхенбах, г. – 367
 Республика Татарстан (Татарстан) – 12, 24, 46, 254, 372, 375, 377, 391, 619, 620, 631, 632, 637, 643, 720
 Решетово, д. – 106
 Рига – 276, 310, 336
 Рогнид – 367
 Романов, г. – 367
 Ромашкино, д. – 539
 Российская империя – 10, 11, 15–17, 38, 44–46, 51, 55, 56, 79, 81, 82, 86, 97, 98, 102, 126, 130, 140, 143, 150, 181, 186, 228, 232, 235, 236, 237, 238, 245, 265, 266, 269, 273, 276, 300, 521, 322, 323, 324, 329, 331, 333, 334, 336, 339–342, 344, 345, 347, 348, 350, 354, 357, 358, 360, 375, 377, 379, 382, 384, 394, 397, 399, 400, 401, 424, 425, 454, 477, 478, 483, 485, 487, 491, 550, 579, 594, 610, 665, 705, 711, 725, 727, 736, 808, 818
 Российское государство – 102, 108, 133, 606, 615, 735
 Россия – 3, 5, 51, 56, 58, 63, 64, 73–75, 86, 98, 99, 102, 103, 105, 107, 108, 110, 113, 115, 116, 125, 130, 181, 183, 189, 191
 Ростов – 105, 235, 276
 Ростов-на-Дону – 333, 772, 773
 Руза, г. – 367
 Русско-Марийские Ковали (Марий Кавал), с. – 631
 Рыбинск – 233, 235, 301, 308
 Рычковский, поселок – 588
 Рязанская губ. – 52, 57, 60, 78, 124, 141, 142, 144–146, 158, 159, 186, 191, 196, 199, 234, 295, 299, 316, 485, 507, 512, 649, 656, 688, 805
 Рязанская обл. – 117, 125
 С.-Петербургская губ. – 57, 309, 320, 507, 817
 Саба, д. – 706
 Сакмар, р. – 290
 Саксонское королевство – 367
 Салавыч, д. – 796
 Салмачи, д. – 309
 Самара – 51, 60, 61, 65, 67, 104, 266, 267, 271, 276, 277, 301, 308, 309, 311, 350, 386, 529
 Самарканд – 80, 109, 110, 244, 322, 324, 327, 375, 376, 379, 585, 590, 700, 783
 Самаркандская обл. – 109, 111
 Самарская губ. – 25, 38, 48, 53–55, 57, 61, 83, 94, 95, 142, 145, 152, 158, 178, 199–201, 205, 207–209, 213–215, 217–219, 229, 235, 241, 261, 263–265, 268, 270, 271, 273–275, 280, 282, 286–290, 292, 296, 299, 300, 306, 310, 316, 319, 347, 406, 447, 453, 481, 498, 500, 506, 507, 537, 570–572, 577, 579, 586, 588, 589, 606, 630, 637, 648, 657, 689, 754, 760, 800, 808, 822, 835
 Самарская епархия – 494, 570
 Самарский у. – 53, 292, 442
 Самарское Заволжье – 229
 Самарское Поволжье – 229, 239
 Самарско-Оренбургская ж.д. – 84
 Самсун, г. – 347
 Санкт-Петербург (СПб.) – 17, 18, 51, 57, 58, 60, 63, 120, 121, 245, 308, 309, 311, 320, 324, 328, 338, 341, 344, 350, 366, 390, 464, 488, 519, 561, 600, 726, 738, 747, 748, 757, 759, 764, 788, 848, 858
 Сарайи Аёз, караван-сарай – 332
 Саранский у. – 52, 651
 Сарапул – 59, 61, 69, 306, 311
 Сарапульский у. – 48, 49, 53, 54, 176, 196, 241, 442, 637, 638, 639, 803
 Саратов – 51, 61, 65, 67, 102, 103, 104, 107, 108, 266, 267, 270, 277, 301, 308, 309, 311, 386, 387, 517
 Саратовская губ. – 52, 57, 60, 78, 106, 108, 118, 141, 142, 145, 152, 158, 159, 166, 177, 182, 186, 192, 193, 199, 201, 208, 229, 230, 235, 241, 242, 252, 261, 263, 264, 266, 270, 271, 273, 275, 277, 280, 281, 282, 290, 293, 300, 306, 310, 318, 347, 384, 406, 453, 481, 500, 507, 535, 536, 590, 606, 630, 648, 688, 800, 808, 835
 Саратовская епархия – 494
 Саратовский у. – 52
 Саратовское наместничество – 452
 Сардыкбашская вол. – 298
 Сарсаз, д. – 798
 Саталмышево, д. – 591
 Сатыш, д. – 706
 Саудовская Аравия – 741
 Сафаджай, д. – 816
 Сафровка, д. – 106
 Сахазь, д. – 635
 Свияга, рек. – 261
 Свияжск – 244, 267, 307, 311, 324, 366
 Свияжский викарный округ – 442
 Свияжский у. – 53, 234, 261, 288, 481, 539, 544, 587, 591, 611, 628, 687, 786, 790
 Свияжское наместничество – 105
 Севастополь – 126
 Северная Америка – 228
 Северная Африка – 334
 Северная Двина, р. – 235
 Северное Поморье – 181
 Северное Приуралье – 99, 229
 Северный Азербайджан – 342
 Северный Кавказ – 8, 54, 105, 107, 124, 228, 245, 343, 344, 374, 375, 477, 616
 Северный окр. – 192, 194, 195
 Северный Урал – 56

- Северо-Верхотурский горный окр. – 458
Северо-Екатеринбургский горный окр. – 458
Северо-Западный край – 476
Северо-Западный регион – 5, 73
Седлецкая губ. – 137, 138
Сеитов посад Каргалы – 60, 75, 82, 83, 161, 165, 246, 464, 514, 568, 581, 792, 793, 852
Сеитова слобода – 82
Сеитово, д. – 168
Секерки – 138
Селенчинск – 245
Семиградия – 114
Семипалатинск – 59, 60, 63, 75, 98, 100–102, 113, 115, 253, 303, 316, 329, 330, 331, 334, 335, 339, 568
Семипалатинская обл. – 57, 97, 99, 100, 101, 156, 355, 386, 507
Семипалатинский край – 334
Семипалатинский у. – 338
Семиречинская обл. – 57, 86, 97, 99, 100, 101, 109, 110, 115, 156, 339
Семиречье, р-н – 355
Сенгилей – 59
Сенгилейский у. – 52
Сенная площадь Казани – 660
Сергач – 59
Сергачский у. – 52, 220, 249, 535, 543, 652, 655, 656, 657
Сергиев Посад – 120
Сиам – 336
Сибирская линия – 327, 329, 331
Сибирский тракт – 174
Сибирь – 3, 51, 54, 59, 61, 63, 64, 74, 89, 90–93, 94, 96, 97, 155, 161, 163, 167, 181, 187, 196, 218, 229, 235, 244, 245, 247, 248, 251–253, 266, 273, 292, 293, 296, 297, 298, 309, 310, 324, 326, 334, 335, 336, 339, 364, 405, 465, 466, 470, 479, 497, 533, 542, 543, 545, 576, 578, 586, 594, 601, 638, 697, 725, 729, 733, 734, 742, 791, 817, 837, 839, 845
Сивас, г. – 771
Сизнерская вол. – 298
Симбирск – 51, 65, 66, 67, 104, 245, 266, 334, 386, 442, 517, 519, 568, 612, 806
Симбирская губ. – 38, 50, 52, 54, 57, 60, 74, 78, 81, 118, 120, 121, 141, 142, 144, 145, 152, 158, 192, 193, 196, 197, 199, 206, 209, 213, 214, 215, 218, 219, 229, 230, 231, 235, 239, 240–242, 248, 261, 263, 264, 266, 270, 273, 274, 275, 277, 280, 281, 286, 289, 292, 293, 294, 298–300, 306, 310, 316, 318, 319, 326, 334, 347, 357, 364, 375, 406, 417, 423, 444, 447, 453, 500, 507, 532, 537, 541–543, 556, 587, 589, 591, 594, 606, 607, 621, 628, 629–630, 651, 688, 689, 732, 800, 805, 808, 813, 835
Симбирская епархия – 494, 541
Симбирский регион – 306
Симбирский у. – 50, 52, 192, 261, 293, 532, 539, 541, 573, 612, 651
Симбирское наместничество – 452
Симбирское Поволжье – 29
Симетбаш, д. – 795
Симферополь – 51, 126, 488, 504
Симферопольский у. – 54, 125, 127
Синьцзян – 115, 116, 245, 328–334, 339
Синьцзян-Уйгурский автономный округ – 114
Сирия – 245, 333, 383, 729, 738, 741
Слободск – 69, 306
Слободский у. – 50, 53, 637, 651
Сломин – 51
Служилая Ура, д. – 396
Служилая Шентала, д. – 826
Смоленск – 364
Смоленская губ. – 54, 512
СНГ – 858
Собакино, д. – 643
Соль-Илецк – 60, 70
Солянка (Сулэнкэ), д. в Нижнем Поволжье – 104
Солянка, д. в Пермском крае – 632
Сонтура, с. – 735
Сорокамыш, д. – 196
Сосна, д. – 260
Спасск – 59, 61, 69, 311, 324
Пасский у. – 52, 53, 210–212, 263, 299, 481, 499, 536, 541, 543, 570–574, 584, 587, 588, 643, 680, 757
Среднеазиатский регион – 306
Среднее Поволжье – 3, 5, 18, 25, 28, 29, 35, 38, 44, 48, 51, 55, 61, 63, 84, 99, 118, 119, 121, 149, 176, 181, 203, 204, 205, 208, 209, 213–217, 219, 221, 228, 229, 234, 241, 251, 252, 262, 263, 274, 278, 279, 295, 298, 345, 364, 374, 409, 410, 418, 434, 463, 465, 471, 479, 521, 524, 570, 572, 573, 585, 587, 589, 606, 616, 620, 621, 641, 643, 646, 648, 651, 652, 653, 655, 656, 657, 669, 670, 693, 736, 737, 740–, 742, 783, 817, 857
Средние Тиганы, д. – 573, 696
Средний Восток – 235, 332, 585, 725, 859
Средний Елюзань (Әлүзән), д. – 106
Средний жуз – 97, 351, 354, 355, 357, 358
Средний Урал – 292
Средняя Азия – 4, 5, 40, 45, 46, 51, 54, 63, 79, 80, 81, 83, 84, 86, 93, 104, 109, 111, 121, 122, 138, 228, 235, 236, 244–248, 252–254, 266, 270, 283, 296, 299, 313, 323, 324, 325–328, 332, 336, 337, 339, 340, 342, 358, 362, 373, 375–377, 379, 380, 381, 383, 392, 396, 411, 464, 557, 568, 569, 594, 595, 670, 671, 678, 696, 698, 700, 716, 724, 727, 733, 734, 780, 781, 783, 785, 791, 834, 837, 839, 845, 858–862
Средняя Волга – 56, 105, 607, 624, 625
Сретенск, г. – 336
СССР (Советский Союз) – 40–46, 715
Ставрополь – 61, 69, 343
Ставропольская губ. – 106, 282, 343, 425, 479, 480
Ставропольский у. – 53, 229, 261, 539, 584–585
Стамбул – 345–349, 377–379, 383–385, 600–602, 752, 758, 771, 773, 805, 809, 860
Старая Кня, д. – 631
Старая Кулатка, с. – 590, 593
Старая Кучергановка (Каньга-аул), д. – 104
Старая татарская слобода – 161, 253, 555, 563, 659, 660, 847
Старо-Балтачево, с. – 195
Старое Азмеево (Иске Әжми), с. – 632
Старое Муратово, д. – 628
Старое Тимошкино, д. – 261, 319
Старое Чекурское, д. – 629
Старокулаткинский р-н – 593

- Старо-Янмырзино, д. – 176
 Старший жуз – 355
 Старый Ашит, д. – 414
 Старый Вершаут, д. – 106
 Старый Кандал (Иртуган), д. – 754
 Старый Карлыган, д. – 642
 Старый Чокур, д. – 766
 Степная зона – 56, 57, 58
 Степное Заволжье – 105, 106, 108
 Степь – 464, 475
 Стерлибашево, д. – 176, 322, 381, 389, 706, 795, 796
 Стерлитамак – 59, 69, 70, 71, 72, 418, 502, 565, 706, 798
 Стерлитамакский у. – 53, 146, 173, 174, 183, 229, 262, 280, 366, 536, 832
 Страны Азии – 325, 333, 338
 Страны Арабского Востока – 32
 Страны Африки – 333
 Страны Востока – 333, 334, 336, 338, 344, 858, 859
 Страны Средней Азии – 328
 Сувальская губ. – 137, 138
 Сулангер, д. – 853
 Сулеево, д. – 537
 Султангулово, д. – 176
 Сунчелеево, д. – 630
 Сура, р. – 293, 312, 324
 Сургутский округ – 95
 Сутер, д. – 637
 Сухие Курналы, д. – 573
 Сухумский окр. – 425
 США – 132
 Сызранский у. – 229, 261, 263
 Сызрань – 69, 104, 266, 267, 270, 277
 Сызраньский у. – 52
 Сырдарьинская обл. – 86, 99, 109–112, 114
 Сырдарья, р. – 361
 Таврическая губ. – 125, 127, 128, 131, 141, 143–145, 425, 433, 506
 Таврическая обл. – 54
 Таврический окр. – 222
 Таганрог – 244, 245, 333
 Таджикистан – 381
 Тайсуганово, д. – 795
 Таковары, д. – 628
 Таловка, н.п. – 355
 Тамбов – 103
 Тамбовская губ. – 52, 57, 120, 121, 141, 142, 144, 145, 192, 193, 196, 203, 280, 293, 294, 507, 512, 656, 688, 741, 805
 Тамбовская обл. – 117
 Тамбовский у. – 52
 Тамгачи (Алмалы), д. – 196
 Тамьяно-Тангауловская вол. – 204
 Тангачи, д. – 195
 Тара, г. – 91, 93, 161, 168, 169, 418, 599, 816
 Тарбагатайская обл. – 115
 Тарбагатайский округ – 115
 Тарский округ – 90, 92, 93, 94, 95
 Татарская АССР – 49
 Татарская Башмаковка (Кизань), д. – 104
 Татарская Буинка, с. – 423
 Татарская Каргала, с. – 82
 Татарская подгородная слобода Костромы – 123
 Татарская Покаевска, д. – 106
 Татарская слобода Астрахани – 77
 Татарская слобода Ижевска – 641
 Татарская слобода Орска – 83
 Татарская слобода Казани – 787
 Татарская слобода Москвы – 119, 121
 Татарская слобода Тобольска – 91
 Татарская слобода Томска – 91
 Татарский Дымский, д. – 640
 Татищевская станица – 503
 Татышлинский р-н – 640
 Ташкент – 80, 82, 85, 86, 109, 110, 111, 113, 156, 244, 293, 304, 324, 329, 336, 337, 590
 Ташки, д. – 354
 Ташкин, г. – 323
 Ташкичу, д. – 793, 795
 Тверская губ. – 120, 512
 Тверская обл. – 117
 Тверь – 61, 118, 120, 233
 Телятино, д. – 106
 Темгенево, аул – 643
 Темгенево, поселение – 122
 Темников – 565
 Темниковский у. – 52
 Терпеле, д. – 632
 Терсинская вол. – 195, 282, 637
 Терская обл. – 343, 425
 Терся, д. – 195, 196
 Тетюши – 59, 61, 69, 70, 71, 311, 502, 503, 583, 836
 Тетюшский у. – 50, 53, 207, 288, 310, 481, 539, 544, 574, 584, 587, 623, 624, 625, 628, 629, 643
 Теш Баш, д. – 632
 Тжэш (Текашево), д. – 631
 Тибет – 245, 327, 328, 331
 Тильзит, г. – 367
 Тимергалинская вол. – 535
 Тимерчи, д. – 536
 Тимошкино, с. – 326
 Тирасполь – 138
 Тифлис – 343, 844
 Тихвинская водная система – 235
 Тихий океан – 229, 370
 Тмутараканский у. – 125
 Тобол, р. – 168, 169
 Тобольск – 60, 91, 93, 94, 168, 169, 235, 244, 453
 Тобольская губ. – 55–57, 61, 83, 91, 94–96, 161, 168, 297, 298, 354, 357, 453, 455, 464, 507, 576, 599, 808, 816
 Тобольский округ – 90, 92, 94, 95
 Тобольский у. – 168
 Тобольское наместничество – 452
 Токмак – 80, 86
 Томск – 61, 168, 249, 336
 Томская губ. – 55, 56, 57, 95, 96, 464, 507, 606
 Томская обл. – 332
 Томский округ – 90, 92, 95
 Топкапы – 347
 Торгем-дурь, д. – 635
 Трабзон, г. – 347
 Требия, поселок – 166
 Трех Болтаево, с. – 423
 Три протока (Жәмәли, Ямеле-аул), д. – 107
 Троицк – 51, 59, 60, 63, 69–72, 85–87, 111, 115, 163, 173, 316, 326, 330–332, 338, 339, 385, 386,

- 389, 502, 517, 552, 568, 602, 724, 765, 806, 808, 809, 816, 833, 850, 852
- Троицкая крепость – 310, 340
- Троицкий округ – 232
- Троицкий у. – 53, 174, 176, 177, 182, 183, 204, 229, 283, 369, 533, 680, 691, 825
- Троки – 134,
- Туба, с. – 195
- Тугаево, д. – 630
- Туксанбаево, д. – 764
- Тульская губ. – 512
- Тунис – 599
- Тунь-Чжоу – 324
- Туралинские юрты – 168
- Тургай – 338, 517
- Тургай, р. – 352
- Тургайская обл. – 57, 83, 86, 97, 99–101, 156, 386, 453, 500, 506, 507, 571, 833, 835
- Туринск – 91
- Туринский округ – 95
- Туркеево, д. – 173
- Туркестан – 80, 85, 109–117, 323, 337, 338, 339, 418, 425, 476, 477, 590
- Туркестанская обл. – 336
- Туркестанский край – 109, 111–114, 156, 228, 741
- Туркестанское генерал-губернаторство – 336
- Туркмения – 336
- Туркменка (Төлке аул), д. – 105
- Туркменские степи – 245
- Турфан – 115
- Турфанский округ – 116
- Турция – 40, 51, 109, 132, 133, 137, 179, 247, 324, 333, 345, 347, 348, 350, 383, 494, 511, 585–588, 729, 771, 779–781, 812, 839, 844, 855, 858
- Тюкалинский округ – 95
- Тюменская обл. – 117
- Тюменский округ – 90, 92, 93, 95
- Тюменский у. – 168, 693
- Тюмень – 60, 91, 93, 168, 169, 235, 244, 249, 577
- Тюнтер, д. – 384, 412, 706, 795
- Тюрко-татарские государства – 148
- Тюрюш-Тамаш, с. – 196
- Тяньзинь – 323, 324
- Тянь-Шань – 114
- Тятер-Арасланово, д. – 176
- Удмуртия – 642
- Узятамак, д. – 196
- Уил – 517
- Украина – 230, 532, 701
- Улан-Хол, ж.д. ст. – 105
- Ульяновская обл. – 593
- Улясутай – 332
- Уньжа, д. – 261
- Ура (Ор), д. – 260, 381, 795
- Ура, р. – 261
- Урал – 73, 74, 86, 97, 155, 175, 229, 232, 238, 244, 245, 248, 251–253, 265, 269, 271, 273, 277, 280, 282, 284, 292, 293, 294, 297, 301, 314, 315, 317, 355, 376, 384, 385, 386, 453, 616, 654, 688, 697, 791, 831, 845
- Урал, р. – 107, 163, 290, 351
- Урало-Волжский регион – 368
- Урало-Поволжье – 265, 384, 453, 458, 732
- Урало-Покровская ж.д. – 101
- Уральск – 98, 99, 100–102, 163, 175, 244, 310, 502, 577, 833
- Уральская горная обл. – 458
- Уральская обл. – 54, 55, 57, 81, 82, 83, 97, 99, 100, 101, 156, 453, 500, 502, 506, 507, 571, 576, 833, 835
- Уральские горы – 229
- Уральский регион – 300
- Уральский хребет – 229, 247
- Ура-Тюбе – 109
- Урбар, д. – 793
- Урга – 332
- Ургенч – 82, 392
- Уреевы-Челны, д. – 823
- Уржум – 306
- Уржумский у. – 53, 573, 642
- Урнаш-Баш, д. – 260
- Урумчи – 116
- Урясь-Учи, с. – 818
- Ускалыцкая, д. – 165, 166
- Ускудар, пригород Стамбула – 394
- Уссури, р. – 335
- Усть-Каменогорск – 98, 100, 101, 115, 302, 329, 331
- Усть-Каменогорский у. – 359
- Усть-Уза, д. – 106
- Устюмово, с. – 196
- Утяково, с. – 611
- Уфа – 51, 60, 63, 65, 67, 68, 79, 89, 111, 175, 244, 266, 277, 306, 343, 350, 375, 387, 398, 400, 404, 416, 425, 452, 485, 504, 505, 518, 519, 556, 564, 566, 597, 602, 604, 686, 689, 724, 744, 808, 811, 833, 838, 850, 852
- Уфимка, р. – 272
- Уфимская губ. – 48, 53–55, 57, 73, 74, 83, 142–147, 152, 158, 159, 178, 196, 198, 199, 201, 202–206, 208, 210, 222, 251, 262–265, 270–272, 274, 275, 280, 283–285, 287, 288, 290, 292, 294, 297, 298–300, 306, 310, 347, 348, 384, 412, 417, 419, 438, 444, 449, 453, 479, 480, 492, 497, 500, 503, 506, 507, 543, 547, 570, 576, 579–583, 588, 589, 604, 606, 630, 633, 634, 637, 657, 680, 689, 691, 706, 766, 797, 798, 800, 804, 805, 806, 808, 825, 833, 835, 836
- Уфимская епархия – 494, 580, 632
- Уфимская крепость – 87
- Уфимская провинция – 195
- Уфимский горный окр. – 458
- Уфимский край – 183, 229, 275, 340
- Уфимский у. – 53, 73, 146, 173, 174, 176, 183, 196, 229, 262, 299, 351, 533, 536, 584
- Уфимское наместничество – 146, 452
- Уфимское Приуралье – 606, 676
- Ушма, д. – 642
- Ушняя, р. – 632
- Фано, г. – 855
- Феодосийский у. – 54, 125, 127
- Феодосия – 51
- Ферганская обл. – 109
- Фершампенуаз, станица – 166, 366, 826
- Финляндия – 364
- Франция – 126, 132, 134, 347, 348, 365, 367, 368
- Фульд, г. – 367
- Хабаровск – 61

- Хайлар – 338
Халх – 245
Хамидабад, д. – 347
Ханка, оз. – 335
Ханская ставка, н. п. – 355
Ханства Средней Азии – 245, 325, 326, 328, 329, 333
Ханькоу, г. – 334, 335
Харбин, г. – 335, 338
Харьков – 61
Харьковская губ. – 512
Хасаншаех, д. – 793
Хвальинск – 59, 60, 69
Хвальинский у. – 52, 106, 118, 282, 590
Херсонская губ. – 507, 520
Хива – 82, 85, 109, 235, 245, 246, 247, 251, 322, 324, 325, 327, 328, 332, 336, 338, 339, 340, 341, 585, 601, 744, 793, 845
Хивинское ханство – 336, 340, 341
Хиджаз – 349, 383, 384, 385, 805
Хильмия, д. – 347
Ходжент – 85, 109
Хонькоу – 110
Хорезм – 396, 670
Хунхульди – 338
Царев – 61, 69
Царевококшайск – 244, 307
Царевококшайский у. – 53, 234, 261, 297, 314, 316, 584, 633, 691, 735
Царицын – 61, 69, 102, 105, 108, 266, 270, 277, 311
Царицынский у. – 229
Целебное, оз. – 104, 105
Центральная Азия – 334, 339, 475, 621, 714, 715, 725, 727, 730, 733, 734
Центральная Россия – 3, 5, 30, 55, 56, 117, 118, 125, 230, 236, 443, 808
Центрально-Азиатский регион – 93
Центрально-Европейская Россия – 120, 124
Центрально-Нечерноземный регион – 5
Центрально-Черноземный район – 5, 55, 56, 58
Центральный Казахстан – 98
Цивильский у. – 50, 53, 234, 285, 298, 439, 535, 539, 584, 607, 624, 625, 626, 628, 630, 691
Цинская империя – 331, 332
Цна, р. – 643
Чань Чунь – 338
Чардор – 111
Чардынский горный окр. – 458
Чаткал, р. – 111
Чебокса, д. – 309
Чебоксары – 244, 307, 324, 366
Чебоксарский у. – 53, 212, 234, 310, 535, 626
Чегаклы, д. – 653
Челекен, о. – 336
Челябинск – 51, 60, 61, 69, 86, 163, 266, 816
Челябинский у. – 53, 173, 174, 204, 229, 239, 283, 536
Чембар, г. – 771
Чембарский у. – 52
Чепцы, с. – 640
Чепчуги, с. – 309
Черемшан, р. – 700
Черемыш – 632
Черемыш-Апакаево, с. – 632
Черемышево Поганое, с. – 632
Черлак, д. – 635
Черная речка – 126
Черное море – 293, 346
Черное, оз. – 787
Черноморская губ. – 425
Черный Аймак – 123
Черняково – 138
Чесноковка, д. – 165
Чесноковский, поселок – 588
Чечкаб, д. – 587
Чечня – 104, 343, 374
Чижинская дистанция – 166
Чимкент, г. – 80, 86, 109, 111, 227
Чиназ – 111
Чистополь – 59–62, 69–72, 160, 233, 244, 251, 300, 304, 307, 311, 324, 366, 384, 502, 584, 627, 744, 773, 797
Чистопольский у. – 53, 205, 212, 243, 263, 280, 298, 299, 439, 482, 499, 539, 541, 544, 570–572, 584, 587, 588, 643, 680, 691, 796, 826
Чистяково, д. – 632
Чита – 61
Чишма, с. – 195, 375
Чувашская Чебоксарка, д. – 627
Чувашский Сорокамыш, д. – 628
Чугачак – 85, 114–117, 323, 329–331, 334
Чура, с. – 818
Шадринск – 327
Шадринский у. – 53, 173, 174, 283, 294, 298
Шакурово, д. – 533
Шанхай – 334, 335
Шань-си, провинция Китая – 331
Шатрашаны, с. – 298
Шафраново, ж.д. ст. – 271
Шахматов, с. – 270
Шацкий у. – 52
Шашы, д. – 793
Швейцария – 132
Швеция – 179
Шемах – 343, 344
Шеморбаш (Шемортбаши), с. – 826
Шемордан, починок – 262, 326, 423, 497
Шестиградия – 114
Шешма, р. – 700
Ширбяз – 585
Ширмеш, д. – 631
Ширсыбз, г. – 322
Шиховы юрты – 168
Шурминка, р. – 631
Шуша – 344
Эльнет, н.п. – 631
Эльтон, ж.д. ст. – 267
Эльтон, оз. – 232
Эмба, р. – 97
Энгельс – 267
Эртугул, д. – 347
Эскишехир, г. – 347
Южная Азия – 734
Южная Европа – 247
Южная Сибирь – 715
Южно-Верхотурский горный окр. – 458
Южное Предкамье – 279

- Южное Приуралье – 55, 183, 189, 229, 240, 278, 281, 296, 616, 656, 657
Южно-Екатеринбургский горный окр. – 458
Южный Кавказ – 124
Южный Казахстан – 342
Южный Урал – 55, 56, 80, 83, 87–89, 233, 337, 830–833
Юкачи, с. – 817, 818
Юраш, н.п. – 631
Юрюзань-Ивановский округ – 232
Янгильдино, д. – 626
Ягодная слобода Казани – 76
Ягодное, с. – 259
Ядринский у. – 234, 310, 535, 622, 627
Яик, река – 104
Яковлевка (Әнкә аул), д. – 106
Яксатово (Майлегуль), д. – 104
Якутск – 61
Якутская обл. – 96
Якэши – 338
Ялта – 349
Ялтан, д. – 205
Ялтинский у. – 127
Ялутовск – 59
Ялуторовский округ – 90, 95
Ялуторовский у. – 168, 169
Ямская слобода Курска – 124
Янаул, д. – 640
Янго-Аскер, д. – 106
Янцевары, с. – 438, 546
Япония – 245, 334, 336, 600, 602
Яранск – 306
Яргунькино, д. – 627
Ярославль – 61, 120, 308
Ярославская губ. – 306, 453, 512
Ярославская обл. – 117
Ярославский уезд – 195
Ярославское наместничество – 452
Ярыклы, д. – 195
Яубаш, д. – 769, 813

**Указатель этнических, этнополитических,
этносоциальных, этноконфессиональных терминов**

- Аварцы – 79
 Агрызские татары – 638
 Агрыжанские татары – 77, 78
 Азербайджанцы – 834, 851, 864
 Азербайджанцы-шииты – 8
 Алтайцы – 529
 Англикане – 607
 Арабы – 709, 737, 741, 742
 Армяне – 77, 78, 128, 276, 327, 333, 337, 745
 Армяне-григориане – 60
 Астраханские татары – 51, 55, 77, 248, 300, 676, 679, 681, 682
 Барабинские татары – 90, 91, 92, 95
 Башкиро-татарское население – 831
 Башкирский народ – 27, 362
 Башкирский этнос – 49
 Башкирское население – 30, 49, 536, 640
 Башкирское сословие – 26, 30, 176, 182
 Башкиры – 7, 10, 26, 27, 29, 48, 49, 51, 54–56, 88, 99, 105–108, 111, 142–144, 163, 165, 166, 171–173, 175–180, 183, 203–205, 207, 221, 223, 226, 229, 236, 265, 296, 353, 356, 357, 359, 365–369, 373, 386, 392, 394, 401, 405, 418, 420, 428, 431, 442–443, 457, 458, 460, 474, 476, 479, 500, 503, 505, 509, 514–516, 527, 533–536, 570, 578, 579, 581–583, 586, 587, 596, 599, 606, 615, 617, 631, 635, 640, 644, 671, 673, 678, 696, 742, 745, 783, 824, 828, 829–834, 851
 Башкиры-вотчинники – 178, 179, 183, 202–204, 231, 238, 265, 420, 479
 Белорусы – 128, 136, 474, 595, 606
 Бесермяны – 48, 50, 180, 639, 640
 Булгары – 592, 616, 745, 783, 784
 Бургасы – 783
 Бухарские татары – 77, 78
 Бухарцы – 60, 77, 90, 91–97, 276, 322, 327, 331, 334, 337, 745
 Вайнахи – 79
 Верховые чувашы – 622, 624
 Волго-Уральские мусульмане – 46, 378, 398
 Волго-Уральские татары – 48, 50, 51, 54–56, 58, 77, 121, 122, 465, 471, 630, 681, 682
 Волжские мусульмане – 396
 Волжские народы – 607, 611
 Волжские татары – 45, 113, 166, 350, 610, 622, 801
 Восточнославянская группа – 128
 Восточные марийцы – 631, 634–636
 Вотяки – 175, 176, 616, 637, 638, 642, 742, 745
 Гилянские татары – 77, 78
 Горные мари – 631, 635
 Греки – 128, 333
 Дербеты – 104, 108
 Джетисанцы – 104, 107
 Евреи – 37, 160, 276, 337, 369, 466, 484, 486, 491, 493, 516, 519, 578, 600, 607
 Заказанские татары – 435, 680
 Закамские удмурты – 640, 641
 Зауральские татары – 281
 Звениговские мари (кук мари) – 631
 Зыряне – 745
 Индийцы – 77, 78, 327
 Инородцы – 3, 17, 37, 55, 56, 66, 71, 81, 85, 86, 91, 93, 94, 97, 112, 119, 132, 179, 335, 439, 443, 457, 462, 468, 486, 487, 492, 503, 510, 511, 516, 522, 525, 526, 527, 529, 541, 547, 564, 641, 738, 851,
 Иудеи – 60, 128, 397, 466, 469, 518, 607
 Кавказские мусульмане – 349
 Кавказские народы – 342, 344, 346, 364, 585
 Кавказцы – 125
 Казаки – 26, 55, 56, 70, 77, 83, 85, 86, 98, 100, 107, 108, 115, 163–173, 182, 240, 265, 284, 351, 357, 367, 369, 453, 457, 460, 515, 828
 Казаки-мусульмане – 503
 Казанские марийцы – 633
 Казанские татары – 29, 30, 40, 42–46, 78, 83, 94, 98, 104, 105, 111, 113, 180, 239, 245, 247–251, 255, 325, 328, 331, 337, 338, 348, 464, 592, 624, 627, 653, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 682, 686, 688, 691, 700, 740, 744, 784, 791, 794, 795, 845, 849, 852
 Казанско-татарское население – 697
 Казахи – 3, 8, 61, 79, 83, 91, 98, 99, 100, 104, 105, 106, 107, 108, 116, 117, 125, 147, 165, 167, 246, 247, 326, 328, 329, 334, 338, 341, 342, 351–363, 425, 431, 443, 458, 474–476, 493, 509, 513, 514, 578, 599, 601, 671, 734, 821, 828, 829, 833, 834, 847, 851
 Казахи-кочевники – 63, 360, 361, 601
 Казахское кочевое население – 98, 354, 361
 Казахское население – 84, 352, 354, 357, 358, 360
 Казенные малороссияне – 182
 Калмыки (тургуты) – 92, 99, 104, 105, 165, 166, 229, 236, 265, 368, 453, 493, 529, 737, 742, 745
 Карaimские евреи – 845
 Карaimы – 128
 Кара-калпаки – 105, 106, 107, 340, 671
 Касимовские татары – 29, 30, 54, 57, 118, 121–125, 240, 333, 623, 643–645, 653, 654, 671, 688, 689, 691
 Кипчаки – 783, 784
 Киргизы – 106, 113, 116, 323, 332, 339, 352, 355, 357, 453, 671, 734, 742, 847, 851
 Китайцы – 331, 335, 745
 Корейцы – 335
 Костромские татары – 123, 124
 Кочевое казахское общество – 360, 361
 Кочевые народы – 230
 Крещенные чувашы – 50, 547, 625, 627
 Крещенные башкиры – 824
 Крещенные нерусские народы – 9, 18, 449, 522, 525, 527, 528, 530, 817
 Крещенные татары – 9, 14, 15, 18, 20–31, 38, 42, 46, 90, 92, 105, 166, 278, 280, 295, 296, 299, 345, 366, 421–423, 427, 434, 435, 437, 438, 439, 440–450, 476, 481, 489, 492, 496, 497, 499, 521, 523, 527, 528, 538, 539, 540, 541–548, 569, 601, 607, 608, 613, 621, 625, 632, 633, 638, 642, 646, 656, 657, 673, 675–682, 692, 693, 694, 697, 739–742, 817, 818–827, 840, 851
 Крещенные удмурты – 637, 641

- Крымские татары – 10, 37, 51, 54, 119, 124, 126–130, 132, 133, 143, 333, 367, 471, 585, 595, 601, 676, 864
- Крымчаки – 128
- Кубанские ногайцы – 106
- Кубанские татары – 166
- Кульджинцы – 114
- Курдакско-саргатские татары – 90
- Кыпчако-татары – 624
- Латыши – 74, 474, 548, 595, 607
- Лезгины – 79, 344
- Литово-польские татары – 10, 51, 119, 133, 135–138, 143, 364, 515
- Литовские татары – 37, 51, 54, 135, 368
- Литовско-польские мусульмане – 135
- Литовцы – 474, 515, 595, 607
- Луговые марийцы (эрвел мари) – 631, 634
- Магометанское общество – 431
- Мари – 525, 527, 616, 631, 634–636, 690
- Марийский народ – 732, 733
- Марийское общество – 613
- Марийцы (Черемисы) – 99, 166, 175, 180, 182, 192, 200, 206, 243, 286–299, 399, 436, 447, 449, 528, 529, 533, 541, 543, 546, 547, 549, 459, 586, 606, 607, 613, 616, 618, 619, 622, 631, 632–636, 638, 639, 644, 648, 649, 675, 742, 822, 831, 833
- Марийцы-язычники – 176, 632, 634, 636
- Мещеряки – 7, 10, 26, 27, 141, 143, 144, 172, 173, 175, 177, 203, 226, 239, 265, 356, 357, 365, 366, 369, 457, 460, 466, 479, 516, 533, 534, 586, 606, 649, 653, 679, 828–830, 833
- Мишарское население – 697
- Молькеевские кряшены – 29, 50, 285, 623–625, 672, 678, 682
- Монголоязычные народы – 725
- Монголы – 42, 734, 737, 842
- Мордва – 99, 103, 105, 108, 165, 175, 180, 182, 192, 200, 206, 208, 279, 447, 459, 525, 527–529, 606, 607, 616, 618, 620–622, 643–646, 654, 690, 742, 745, 822
- Мордва-каратаи – 643
- Мордовский народ – 645, 732, 733
- Мордовское общество – 613
- Мугреевские татары – 124
- Мусульмане России – 8, 345, 706, 707, 721
- Мусульманская нация – 7, 8
- Мусульманские народы – 3, 4, 7, 17, 18, 23, 36, 44, 46, 132, 342, 401, 488, 581, 582, 585, 599, 604, 615, 729, 847
- Мусульманские народы Волго-Уральского региона – 36, 42, 530, 583
- Мусульманские народы Российской империи – 44, 132, 135, 357, 711
- Мусульманские общины – 45, 46, 60, 61, 64, 78, 79, 84, 101, 124, 125, 129, 130, 162, 373, 395, 396, 398, 399, 402, 415, 420, 504, 551, 553, 559, 566, 567, 591, 626, 699, 700, 709, 741
- Мусульманское население – 11, 15, 20, 43, 45, 76, 88, 119, 124, 126–128, 137, 143, 325, 428, 472, 473, 476, 477, 510, 533, 550, 554, 562, 564, 566, 586, 591, 592, 596, 597, 715, 791, 815, 829, 831
- Мусульманское население Приуралья – 10, 29, 509
- Мусульманское общество – 380, 381, 721, 723, 724, 765, 769, 781
- Мусульманское сообщество – 42, 64, 119, 398, 404, 462, 463, 473, 520, 566, 567, 568, 581, 591, 597, 600, 604, 720
- Народы Азии – 322, 325, 339, 595, 729
- Народы Волго-Уральского региона – 3, 25, 43, 58, 122, 476, 529
- Народы Востока – 322, 325, 337, 339, 732, 734
- Народы Восточной России – 18, 19, 20, 441, 448, 449, 521, 523, 526, 734, 817
- Народы Евразии – 12, 677
- Народы Кавказа – 124, 283, 333, 599, 678
- Народы Поволжья – 285, 295, 440, 448, 459, 467, 616, 672, 698, 700, 733, 734, 756, 791, 845
- Народы Приуралья – 26, 27, 440, 734, 742, 756, 845
- Народы России – 7, 10, 41, 368, 483, 526, 585, 729, 824
- Народы Сибири – 448, 493, 742
- Народы Среднего Поволжья – 9, 434, 436, 460, 463, 742
- Народы Средней Азии – 82, 122, 283, 327, 363, 678, 684
- Народы СССР – 44, 45
- Народы Урала – 285, 295, 616, 831
- Некрещеные марийцы (чимарий) – 547, 613
- Некрещеные удмурты – 547, 613, 639, 641
- Некрещеные чувашы – 547, 612, 621
- Немцы – 108, 128, 265, 276, 547, 607
- Нехристианские народы – 428
- Низовые чувашы – 624
- Новокрещеные татары – 103, 434, 439, 441, 446, 450, 461, 497, 538, 539, 546, 587, 640, 818
- Ногайские татары – 55, 77, 104, 106, 107
- Ногайцы – 78, 79, 104, 105, 128, 166, 176, 343, 585, 792
- Обские татары – 90, 92
- Ойраты-калмыки – 108
- Пермские татары – 29, 697
- Персы – 77, 78, 138, 276, 313, 337, 745
- Поволжские великороссы – 618, 620
- Поволжские народы – 49, 474, 617, 618, 620, 626, 643, 644, 740
- Поволжские татары – 30, 40, 41, 45, 55, 91, 93–96, 114, 137, 138, 238, 241, 282, 284, 285, 288, 291, 295, 344, 346, 350, 357, 360, 474, 648, 653, 654, 713
- Поволжско-приуральские татары – 90, 94, 95, 96
- Польские татары – 138, 147
- Польско-литовские татары – 143
- Поляки – 136, 230, 276, 466, 476, 512, 515, 549, 595, 600, 607
- Православное население – 161, 486, 530, 564
- Приволжские татары – 111
- Приуральские татары – 30, 90, 93, 94, 95, 96
- Романовские татары – 123
- Российские татары – 115, 116, 117, 246, 323, 326, 332, 338, 462, 698
- Российское общество – 3, 6, 7, 9, 11, 12, 187, 300, 397, 414, 447, 473, 478, 508, 594, 734, 833
- Русские – 25, 42, 43, 56, 58, 63, 74, 77, 78, 88, 89, 90–92, 96, 97, 99, 109, 110, 112–115, 128, 143, 160, 162, 166, 182, 183, 200, 202, 204, 206, 208, 230, 236, 240, 259, 283, 286, 288, 296–299, 307, 313, 330, 334, 337, 355, 357, 359, 365, 374, 397, 398, 399, 407, 413, 440, 482, 503, 515, 525, 527,

- 528, 529, 546, 563, 595, 606–608, 611, 615, 616–620, 622, 626, 627, 631, 639, 644, 646, 654, 672, 675, 677, 678, 690, 694, 715, 718, 723, 725, 742, 768, 824, 832, 839
- Русское население – 76, 96, 97, 110, 229, 442, 443, 487, 494, 500, 567, 619, 620, 656, 657, 673
- Русскоязычное население – 60
- Сарты – 104, 107, 113, 115, 116, 339, 359
- Сибирские бухарцы – 92, 93, 331
- Сибирские татары – 29, 42, 55, 56, 90–92, 94–96, 167, 323, 331, 679, 681, 682, 692, 693, 697, 840
- Служилые татары – 91, 103, 106, 167, 168, 169, 176, 182, 192, 203, 259, 260, 695, 844
- Служилые чувашы – 182
- Среднеазиатские народы – 3, 8
- Среднеазиатские турки – 616
- Средневожские татары – 51, 77, 105
- Средневожское сообщество – 610
- Средненизовые чувашы – 624
- Ставропольские (крещенные) калмыки – 368
- Старокрещенные татары – 30, 166, 421, 434–439, 441, 444–447, 449, 450, 496, 497, 538, 543, 547, 607, 742, 818, 819, 823, 824, 825
- Таджики – 111
- Таранчи – 114, 115
- Тарские татары – 90
- Тары – 111
- Татаро-мишарские группы – 107
- Татарская мусульманская община – 614
- Татарская диаспора – 3, 8, 30, 36, 44, 45, 60, 61, 102, 713
- Татарская нация (народ) – 7, 9, 11, 51, 54, 55, 74
- Татарские городские общины – 60, 61, 63, 71, 73, 76, 89
- Татарские общины – 25, 28, 36, 58, 60, 61, 65, 68, 74–76, 88, 98, 99, 698
- Татарский народ – 10, 19, 20, 22, 28, 30, 32, 34, 35, 39, 40, 63, 322, 325, 705, 733, 781, 806, 839
- Татарский социум – 4, 8
- Татарский этнос – 49
- Татарское население – 4, 6, 9, 12, 13, 15, 22, 26, 28, 30, 34, 50, 51, 54–57, 64–72, 77, 78, 81, 83, 84, 90, 91, 93, 98, 99–101, 108, 109, 111, 116, 119, 121, 124, 133, 143, 202, 300, 465, 499, 503, 513, 535, 536, 549, 555, 631, 697, 699
- Татарское общество – 4, 5, 9, 22, 23, 33, 374, 390, 558, 597, 701, 704–706, 708, 710, 722, 723, 759, 771, 806, 863, 864
- Татарское сельское население – 16, 28, 200, 284, 287
- Татарское сельское податное население – 196
- Татарское сообщество – 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 30, 41
- Татарское сообщество Волго-Уралья – 7
- Татарско-мусульманское сообщество – 10
- Татары – 3–16, 18–46, 48–54, 55–58, 60–68, 70, 72–89, 90–106, 109–120, 122–125, 134–141, 143–145, 147, 149–153, 156, 159–161, 165, 166, 168, 175–178, 180, 181, 183, 185, 186, 192, 194–197, 200, 202–208, 221, 223, 230, 236, 239, 240–243, 246–249, 257, 259, 260, 277, 279, 280–300, 302, 303, 314, 319, 322, 324–326, 330, 332–334, 336, 337, 339, 346, 347, 350, 352–359, 364–366, 368, 377, 383, 392, 394, 397, 401, 404, 405, 407, 410, 415, 416, 418, 423, 429, 431–436, 443, 458–461, 463, 464–466, 468, 470, 473, 474, 476, 480, 481, 482, 485–489, 494, 500, 503, 513–515, 529, 533, 538, 541, 542, 544, 546, 549, 557, 561, 562, 566, 567, 569, 572, 573, 578, 579, 581, 582, 585, 587, 589, 592, 598, 599, 600, 602, 603, 606, 607, 609, 610, 615–622, 624–634, 636–641, 643, 645, 646, 648–652, 654–658, 664, 665, 668, 669, 671–673, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 683, 685, 688, 689, 692–699, 701, 702, 704–706, 712, 713–715, 722, 735, 736, 741–745, 748, 759, 768, 769, 783, 784, 787, 788, 797, 799, 808, 813, 815, 822, 827, 831–835, 839, 843–845, 851, 856, 858, 864
- Татары Западной Сибири – 54, 55
- Татары-инородцы – 56
- Татары-казаки – 27, 176, 241, 279, 281, 286, 291, 296, 365, 659
- Татары-кряшены (кряшены) – 14, 15, 18, 29–31, 38, 42, 280, 434, 439, 441, 637, 638, 643, 644, 645, 689, 691, 697, 698, 699, 827, 865
- Татары-мишари (мишари) – 20, 29, 30, 48, 54, 55, 58, 94, 106, 623, 624, 643–645, 657, 671, 673, 677–679, 686, 689, 691–693, 697, 740, 829
- Татары-мусульмане – 6, 9, 14, 16, 17, 21, 22, 24, 30, 31, 34, 35, 43, 114, 120, 140, 141, 146, 160, 185, 190, 280, 350, 366, 375, 428, 432, 433, 435, 436, 437, 439, 440, 471, 480, 482, 492, 493, 494, 499, 527, 535, 539, 549, 564, 586, 611, 614, 621, 623, 625, 627, 628, 629, 630, 637, 639, 658, 680, 684, 688, 698, 699, 700, 718, 719, 742, 760, 791, 795, 805, 855–857
- Татары-нагайбаки (нагайбаки) – 166, 285, 439, 441, 682, 691, 825
- Татары-переселенцы – 51, 54, 77, 95, 96, 176, 298
- Татары-поселяны – 186
- Татары-христиане – 613
- Темниковские татары – 118
- Тептяри – 7, 26, 27, 29, 30, 48, 49, 55, 142, 166, 172, 174, 175, 177–179, 180, 205, 226, 236, 265, 357, 365, 367, 368, 466, 479, 515, 516, 586, 587, 606, 829, 832
- Тоболо-иртышские татары – 90, 91, 92, 95, 96
- Тобольские татары – 90, 92, 93, 94
- Томские татары – 91, 92, 95
- Томско-обская тюркоязычная группа – 90
- Торгуты – 108
- Трокские татары – 136
- Турки – 138, 349, 350, 473
- Туркмены – 79, 104, 108, 332, 336, 337
- Тюмено-тюринские татары – 90
- Тюменские татары – 90, 93
- Турки (Тюркские народы) – 3, 7, 8, 9, 10, 29, 34, 40, 41, 42, 44, 55, 63, 64, 90, 96, 108, 114, 117, 122, 132, 133, 170, 344, 392, 430, 434, 488, 500, 599, 602, 624, 643, 675, 701, 713, 725, 734, 735, 737, 758, 778, 779, 782, 785, 787, 799, 812, 840, 841, 842, 844–846, 849, 864
- Турки-кипчаки – 106
- Тюрко-мусульманские народы – 44, 128, 130, 711, 808, 864
- Тюрко-татарское население – 55
- Тюрко-татары – 692, 780
- Тюркоязычное население – 43, 85, 90, 93, 97, 128, 849, 850

- Тюркоязычные народы – 43, 128, 394, 677, 734, 784
Тюркская нация – 19, 864
Тюркские племена – 7
Тюркский этнос – 127, 128
Удмуртский народ – 637, 641, 642, 732
Удмуртское население – 641
Удмурты – 180, 182, 192, 200, 202, 206, 279, 288, 449, 525, 527–529, 541, 543, 546, 547, 549, 606, 607, 609, 613, 616, 618, 632, 634, 635, 637, 638, 639, 640–642, 644, 646, 648, 675, 690, 822, 831
Удмурты-язычники – 638
Узбеки – 99, 107, 337, 599, 671, 847
Уйгуры – 114, 115, 116, 117
Украинцы – 3, 74, 99, 128, 230, 236, 474, 606, 616
Уральские казаки – 167, 351, 453, 457
Уральские татары – 291, 465
Финно-угорские народы – 178, 179, 434, 476, 500, 615, 644, 646, 725, 730, 732, 734, 735, 865
Финно-угорское население – 643, 697
Финны – 466, 595, 600, 644
Французы – 368
Хазары – 783, 784
Хивинцы – 77, 124, 337, 340
Хошеуты – 108
Цыгане – 128
Чала-казахи – 99, 359
Чаты – 90, 92
Черкесы – 182
Чуваши – 48, 49, 50, 105, 165, 175, 180, 182, 192, 200, 202, 206, 208, 240, 243, 286, 299, 443, 447, 449, 459, 476, 500, 525, 527, 528, 529, 541–543, 546, 547, 549, 586, 606–608, 611, 617, 618, 620–631, 633, 644, 649, 690, 740, 742, 745, 822, 832, 833, 865
Чуваши мусульмане – 629
Чуваши-анатри – 682
Чуваши-язычники – 609, 627
Чувашский народ – 733
Чувашское общество – 613
Швейцарцы – 276
Эстонцы – 230, 474, 548, 607
Эуштинские татары – 90, 92
Южные удмурты – 638
Юртовские татары – 55, 77, 78, 104, 107, 124, 186
Якуты – 734
Японцы – 335
Ярославские татары – 123
Ясколбинские (заболотные) татары – 90

Указатель учреждений, периодических изданий

- «А. и И.Рахметуллины», товарищество на вере – 304
 «А.Сайдашев с сыновьями», товарищество на паях – 318
 «Ахметзян Сайдаш с сыновьями и Бакий Субаев», товарищество на паях – 304
 «Б.Субаев, И.Бурнаев и М.Сайдашев», торговый дом – 304
 «Братья Исхаковы», торговый дом – 300
 «Братья Мишкины», торговый дом – 304
 «Братья Халфины», торговый дом – 301
 «Бумагопрядильная и механикоткацкая мануфактура казанских купцов Галима Субаева и Ахметзяна Рахметуллина», товарищество на вере – 304
 «Бурнаев и Шафигуллин», торговый дом – 304
 «Д.Мякиньюков и Г.Давлетшин», фирма – 305
 «К.Хабибуллин с сыном», торговый дом – 300
 «Каримов Хусайнов и Ко», типография – 82, 773
 «Нурмынская мануфактура Ишмуратова и Ко», торгово-промышленная фирма – 304
 «Петровско-Алексеевское товарищество стекольных заводов», фирма – 305
 «Товарищество Старо-Тимошкинский мануфактуры Акчуриных» – 318
 «Товарищество Тепловской суконной мануфактуры А.Агишева» – 319
 «Товарищество Тимербулат Акчурин» – 318
 «Торгово-промышленное товарищество Т.Акчурина» – 318
 «Торговый дом Абдрахмана Ибрагимова с сыновьями», торговый дом – 304
 «Торговый Дом Субаев, Рахметуллин и Ко.», торговый дом – 304
 «Х.Х.Тагиров и А.А.Насыров и Ко», торговый дом – 304
 Абдулвагаповское медресе – 797
 Азиатская типография (гимназическая) – 746, 788, 841, 842, 843, 855
 Азиатский департамент МИД России – 351, 516
 Азиатское филиальное отделение, типография – 841
 Азимовская мечеть – 667
 Академия Генштаба – 136
 Академия наук (АН) – 747, 844, 849
 аль-Азхар, университет – 348, 349
 ал-Манар, богословский журнал – 719
 аль-Марджани, мечеть – 551, 552, 669
 Амирхания, медресе – 816
 Апанасевская мечеть – 669, 796, 798
 Апанасевское медресе – 575, 798
 Архив МИД – 789
 Астраханская гимназия – 743
 Ахмадия, медресе – 816
 Банковое горное правление – 457
 Башкирская межевая комиссия – 177
 Башкирская фельдшерская школа – 505
 Башкирское мехцеракское войско – 81, 87, 147, 143, 172, 173, 177
 Безнең юл (Наш путь), газета – 33
 Берг-коллегия – 457
 Бәхер эл-әхбар (Море известий), газета – 745
 Библиотека для чтения, журнал – 334
 Биржевой комитет – 309
 Бирская марийско-чувашская учительская школа – 525
 Бирское приходское училище – 832
 Бирское уездное собрание – 480–481
 Большое (Центральное) татарское училище – 744
 Борфана тәрәккый (Довод/ Аргумент прогресса), газета – 79
 Братство св.Гурия – 14, 445, 447, 448, 449, 493, 526, 527, 530 573, 642, 646, 825, 851
 Бугульминское приходское училище – 832
 Буинский училищный совет – 523
 Бурнаевская мечеть – 796
 Бухарский торговый двор – 107
 Бюллетень академии наук – 738
 Вакыт (Время), газета – 33, 82, 114, 348, 386, 349, 773
 Вакыт, типография – 82
 Ведомство православного исповедания (Духовное, Церковное ведомство) – 13, 15, 492
 Вестник Европы – 793
 Военная коллегия – 167
 Военное министерство – 13, 309, 364, 369, 405, 516, 517, 520
 Войсковая канцелярия – 163, 164, 175
 Волжский вестник – 18
 Волжско-Камский коммерческий банк – 268
 Восточное общество – 733
 Воткинский железодельный завод – 74
 Временный совет, Внутренней Орды – 356
 Вторая соборная мечеть Казани – 591
 Высшая военная школа – 348
 Высшая школа прикладных наук Сорбонского университета – 602
 Вятская духовная семинария – 735
 Вятская палата государственных имуществ – 638
 Вятский комитет ПМО – 825
 Галеевская мечеть – 796
 Галия, медресе – 40, 89, 348, 686, 724, 811, 816
 Генеральное консульство России в Стамбуле – 602
 Генеральный штаб (Генеральный штаб) – 16, 517, 518, 831, 844
 Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий – 462, 463
 Главное управление по делам печати МВД – 16, 488
 Главное управление по тюрьмам – 13
 Горное ведомство – 458
 Гороблагодатское горное правление – 457
 Городская дума Казани – 28, 162
 Горрәнамә, печатный календарь – 18
 Гостиный двор в Казани – 253, 313
 Государственные сберегательные кассы – 267
 Государственный банк (Госбанк) – 267, 268, 276, 455
 Государственный заемный банк – 232
 Государственный музей ТАССР – 855
 Государственный совет – 148, 265, 343, 463, 468, 470, 472, 486, 506
 Государственный центр татарского фольклора при Министерстве культуры РТ – 858

- Гөррәлек, татарский календарь – 844
Губернские ведомости, газета – 18
Губернский статистический комитет Казанской губ. – 14, 17
Давулджар, медресе – 131
Дарельмугаллимин (педагогический институт) – 348
Дворянский поземельный банк – 268
ДДДИИ – 15, 137, 463, 500, 548, 566, 568, 581, 744, 794
Департамент внешней торговли – 326
Департамент государственных имуществ – 184
Департамент народного просвещения – 15
Департамент общих дел МВД – 16
Департамент полиции МВД – 16, 112
Департамент уделов – 416
Дерптский университет – 732
Джамаат Хайрийа, мусульманская общественная организация – 79
Дин вә мәгыйшәт, типография – 82
Духовная коллегия – 442
Единство и прогресс (иттихад вә таракки), турецкое тайное общество – 599
Екатеринбургское горное правление – 457
Елабужское реальное училище – 485
әл-Галәмел-ислами (Мусульманский мир), газета – 89
Женская учительская семинария – 815
ЖМНП – 738
Заволжский муравей, журнал – 745
Заман (Эпоха), календарь – 758, 850
Западно-сибирская губернская канцелярия – 360
Западно-Сибирское ведомство – 352
Западно-Сибирское генерал губернаторство – 61, 352
Засаревская мечеть Астрахани – 666
Земский отдел МВД – 16
Зинджерли-медресе – 131
Идел, газета – 79, 114
Иж-Буби, медресе – 40, 348, 724, 795, 797, 803, 804, 808, 811, 812, 813, 814, 816
Ижевский завод – 181
Ижевский оружейный завод – 74
Известия ОАИЭ – 20, 733, 738, 763, 789
Известия по Казанской епархии – 738
Икдам, газета – 350
Императорская академия наук – 501
Императорское общество по изучению Востока – 757
Инородческая сельскохозяйственная школа в с.Шеморбашах – 826
Иностранная коллегия – 341
Иоанновский монастырь Казани – 820
Йолдыз (Звезда), газета – 33, 349
Иркутское духовное училище – 851
Иттифак эль муслимин, всероссийская партия мусульман – 604
ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ – 862
Казаковская мечеть – 76
Казан (Казань), газета – 757
Казан календаре (Казанский календарь) – 758, 762
Казанская вторая гимназия – 485
Казанская гимназия – 352, 472, 541, 744, 746, 831
Казанская городская дума – 561, 562, 563, 849
Казанская губернская канцелярия – 456
Казанская духовная академия (КДА) – 20, 31, 32, 443, 446, 493, 501, 521, 541, 544, 577, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 737, 467, 477, 820, 827
Казанская духовная консистория (КДС) – 31, 444, 736
Казанская духовная семинария – 634, 761
Казанская земская школа народных учительниц – 824
Казанская первая гимназия – 725, 726, 728, 729, 734
Казанская татарская городская ратуша – 14, 161, 162, 784
Казанская татарская учительская школа (КТУШ) – 8, 88, 117, 147, 487, 501, 504, 505, 506, 507, 508, 598, 744, 757, 809, 836, 837, 838
Казанская товарная биржа – 312
Казанская уголовная палата – 188
Казанская удельная экспедиция – 196
Казанская учительская (инородческая) семинария – 524, 525, 529, 642, 731, 821, 824, 851
Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ) – 440, 449, 523, 526, 530, 547, 641, 642, 742, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827
Казанские губернские ведомости – 746
Казанские известия, газета – 18, 745
Казанский биржевой листок, газета – 18, 307, 563
Казанский военный госпиталь – 517
Казанский городской суд – 844
Казанский губернский магистрат – 161
Казанский губернский магистрат – 161
Казанский исламский колледж – 803
Казанский кремль, музей-заповедник – 12
Казанский купеческий банк – 155
Казанский магистрат – 148, 161
Казанский окружной суд – 497, 505
Казанский телеграф, газета – 410
Казанский университет – 8, 20, 31, 352, 426, 427, 459, 460, 489, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 736, 743, 745, 746, 748, 756, 757, 759, 788, 789, 794, 830, 831, 834, 839, 846, 848, 850, 852, 853, 855
Казанское адмиралтейство – 140, 191, 192
Казанское академическое правление – 634
Казанское главное народное училище – 744, 794
Казанское губернское земское собрание – 564, 570
Казанское губернское по крестьянским делам присутствие – 481
Казанское губернское правление – 848
Казанское дворянское депутатское собрание – 141
Казанское земледельческое училище – 188
Казанское мусульманское общество – 548
Казанское отделение Российского библейского общества – 845
Казахская учительская школа – 526
Казенная палата – 189, 452, 453
Казенное ведомство – 402
Каирский университет – 89, 349
Каллахона, мечеть – 110
Камалия, медресе – 773
Канцелярия главного правления Казанских заводов – 457

- Канцелярия главного правления Оренбургских заводов – 457
 Канцелярия главного правления Сибирских заводов – 457
 Канцелярия с.и.в. – 15
 Канцелярия Пограничного управления сибирскими киргизами – 352, 355
 Канцелярия Синода – 15
 Караван-сарай, мечеть – 81, 171
 Кара-мечеть – 78
 Карасубазарское медресе – 131
 Каргалы, медресе – 853
 Каргалы, мечеть – 808
 Каргалынская медресе – 853
 Каркаралинский окружной приказ – 355
 Касимия, медресе – 775, 808
 Касимовское мусульманское благотворительное общество – 553
 Керченское медресе – 131
 Коллегия иностранных дел – 148
 Коллегия пограничных дел – 351
 Комиссия военного суда – 164
 Комитет министров – 471, 481, 509, 548, 603
 Кояш, газета – 349
 Крестьянский поземельный банк – 146, 268
 Кружок польских студентов-мусульман – 137
 Крымское благотворительное общество в г. Семфинополь для вспомоществования нуждающимся крымским татарам – 133
 Крымско-татарский эскадрон, л.гв. – 126
 Кузнецовский фарфор, завод – 120
 КУС – 449, 525, 529, 530, 824, 827
 Кустарный комитет – 271
 Кул-буе (Приозерное) медресе Казани – 772, 798
 Лаишевское уездное училище – 794
 Литовско-мусульманское общество помощи бедным мусульманам – 137
 Лито-типография И.Бораганского и Ко – 849
 Лябиба Хусаинова, женское медресе – 816
 Малмыжский уездный суд – 637
 Малые гостиные ряды Бакирова – 85
 Марджания, медресе – 797, 798, 803, 804, 816
 МВД – 12, 16, 21, 38, 113, 127, 160, 184, 224, 225, 231, 273, 343, 347, 406, 419, 420, 425, 453, 454, 455, 456, 462, 477, 479, 480, 481, 483, 486, 487, 488, 489, 498, 503, 506, 509, 510, 512, 543, 544, 545, 560, 565, 577, 578, 581, 585, 589, 744
 МГИ (Министерство государственных имуществ) – 15, 186, 187, 188, 189, 191, 230, 231, 275, 405, 416, 534, 544, 648, 817, 818, 820, 832
 МГСК – 120
 МДА – 735, 738
 Меджлис Османской Империи – 347
 Медресе ханской ставки – 587
 Мектеб мулькия-шахане, школа по подготовке чиновников в Османской империи – 773
 Мензелинское приходское училище – 832
 Метин (Подлинник), газета – 771
 Мечеть Гилянского двора – 78
 Мечеть Касим хана – 121
 Мэгариф (Просвещение), журнал – 79
 Мэгариф, татарское книжное товарищество – 852
 Мэглумате жэйдидэ (Новые сведения), журнал – 89
 Мэглумате мэххэмэй шэргыя Оренбургя (Известия Оренбургского магометанского духовного собрания), журнал – 89
 Мэжлисе Шураи Ислам (Дом мусульманских собраний) – 79
 Миасский завод – 74
 МИД Османской империи – 350
 МИД Российской империи – 488, 588, 757
 Мизан (Весы), газета – 79
 Миллэт, татарское книжное товарищество – 852
 Миллят, календарь – 759
 Министерство духовных дел и народного просвещения – 425
 Министерство здравоохранения Османской империи – 349
 Министерство земледелия и государственных имуществ – 271
 Министерство народного просвещения (МНП) – 13, 15, 17, 223, 411, 417, 439, 448, 493, 500, 503, 505, 506, 509, 511, 512, 513, 514, 523, 524, 525, 557, 558, 559, 560, 561, 567, 574, 575, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 587, 646, 725, 730, 744, 793, 797, 820, 821, 822, 824, 826, 837, 838
 Министерство путей сообщения – 244, 311
 Министерство финансов – 184, 201, 219, 453, 457, 458
 Министерство юстиции – 453, 457, 484, 545
 Мирят, альманах – 18, 600
 Михайловский кадетский корпус – 124
 Модно-галантерейный магазин М.Ф.Валеева – 85
 Морское министерство – 192, 517, 520
 Московская биржа – 270
 Московская городская ратуша – 640
 Московская сохранная касса – 418
 Московские ведомости, газета – 524
 Московский главный архив МИД – 747
 Московский университет – 459, 745, 771
 Мотовилихский завод – 74
 Мөшәвәрт (Советчик), календарь – 758
 Мулькия, Высшая школа гражданских чиновников Турции – 771
 Мунир Хади, медресе – 816
 Мусульманское благотворительное общество – 557
 Мусульманское благотворительное общество Санкт-Петербурга – 556
 Мусульманское-потребительское общество – 76
 Мутьгия, медресе – 102
 Мухаммадия, медресе – 40, 87, 686, 724, 776, 798, 808, 810, 811, 812, 813, 814, 816
 Надеждинский завод – 74
 Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского – 856, 858
 Научная библиотека КФТИ КНЦ РАН – 856
 Национальная библиотека РТ – 788
 Национальный музей РТ – 858
 Неплюевский кадетный корпус – 829, 842
 Неплюевское военное училище – 460, 463, 472, 746, 747, 828, 829, 830
 Нерчинское училище – 851
 Нижегородская духовная семинария – 735
 Низамийа, медресе – 78, 724
 Николаевский детский приют – 550
 Новокрещенская контора – 444, 460, 538, 791, 792

- Нур (Луч), газета – 488, 757
Нур, типография – 849
Нур-Османия, мечеть – 383
ОАИЭ (Общество археологии истории и этнографии) – 20, 733, 734, 757, 759, 761, 775, 786, 789, 790
Общество взаимного кредита – 155
Общество вольных упражнений в Российской словесности – 745
Общество врачей Казани – 757
Общество естествоиспытателей – 757
Общество красного креста – 570
Общество пособия бедным мусульманам, Казань – 554
Одесская таможня – 845
ОМДС – 4, 10, 13, 14, 15, 16, 19, 36, 41, 65, 83, 87, 88, 89, 141, 147, 222, 223, 224, 225, 343, 354, 375, 377, 381, 398, 399, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 413, 415, 416, 418, 419, 420, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 452, 462, 463, 472, 474, 477, 479, 483, 489, 492, 503, 506, 507, 509, 511, 517, 519, 550, 565, 566, 567, 568, 571, 574, 575, 576, 577, 578, 580, 582, 591, 592, 593, 596, 597, 598, 600, 599, 603, 604, 697, 698, 707, 715, 784, 794, 796, 797, 805, 864, 865
Омско-азиатская школа – 352
Омское военное училище – 353
Омское областное управление – 360
Оренбургская гимназия – 743
Оренбургская городская дума – 81
Оренбургская губернская канцелярия – 360
Оренбургская духовная семинария – 735
Оренбургская инспекция – 163
Оренбургская казенная палата – 183
Оренбургская пограничная комиссия – 223, 322, 341, 351, 352, 353, 358, 359, 360, 361, 363, 739, 828
Оренбургская таможня – 339, 845
Оренбургская экспедиция – 223
Оренбургские ведомости, газета – 579
Оренбургский военный госпиталь – 830
Оренбургский меновой двор – 245, 248
Оренбургский отдел РГО – 362
Оренбургское ведомство – 341, 356
Оренбургское генерал-губернаторство – 14, 60, 147
Оренбургское губернское правление – 412, 454
Оренбургское казачье войско – 97, 175
Оренбургское пограничное управление – 460, 474
Оренбургское приходское училище – 832
Орская городская дума – 85
Орская учительская школа – 526
Орта, медресе – 131
Отдел рукописей и редких книг Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника – 858
Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ – 858
ОТУШ – 837
Өч Кардәш (Три брата), газета – 771
Парижско-Нидерландский банк – 269
Пассаж братьев Яушевых – 85
Пензенская гимназия – 771
Пензенская духовная семинария – 735
Первая мужская гимназия – 841
Первая соборная мечеть Казани – 552
Переводческая комиссия ПМО – 14, 448, 527, 826
Переводческая комиссия при КДА – 541
Пермское горное правление – 457
Петербургская биржа – 270
Петербургский международный банк – 269
Попечительство о бедных мусульманах г.Уфы – 89
Православное миссионерское общество (ПМО) – 14, 447, 448, 492, 493, 839
Православное обозрение – 738
Православный собеседник – 738
Противомусульманское отделение КДА – 541, 544, 577, 737, 738, 739, 740, 827
Расулия, медресе – 385, 386, 724, 808, 809, 816
РГО (Русское географическое общество) – 362
Розовая мечеть – 796
Российское Археологическое общество – 747
Российское библейское общество – 463, 541
РПЦ – 8, 14, 43, 425, 437, 441, 443, 447, 450, 485, 486, 487, 493, 494, 495, 523, 527, 528, 538, 578, 586, 601, 612, 646, 735, 819
РТМУ (Русско-татарские министерские училища) – 132
Русский сиротский суд Казани – 162
Русский торгово-промышленный банк – 268
Сабах, календарь – 759
Сабах, татарское книжное товарищество – 852
Самаркандская обсерватория – 860
Самарская газета – 18
Санкт-Петербургский университет – 524, 732, 757, 785, 788, 839, 849
Санкт-Петербургский цензурный комитет – 487, 488, 757
Сарапульский училищный совет – 815
Сарапульское уездное земство – 813
Саратовская гимназия – 743
Сардабашская крещено-татарская школа – 642
Сары-Эмин, медресе – 131
Свободный казачий полк – 126
Северная почта, газета – 324
Секретный комитет по делам раскольников – 543
Семиреченское казачье войско – 97
Сенат – 82, 143, 160, 167, 222, 230, 326, 406, 425, 428, 430, 452, 461, 464, 468, 469, 472, 483, 516, 602, 841
Сенная мечеть – 312, 796
Сәгадәт, татарское книжное товарищество – 850
Сибиря, газета – 349
Сибирская чувашская учительская школа – 528
Сибирский Приказ – 167
Сибирское генерал-губернаторство – 92
Сибирское казачье войско – 97
Симбирское духовное училище – 735
Симферопольская гимназия – 743
Синод – 13, 15, 439, 442, 448, 449, 475, 486, 489, 493, 499, 522, 525, 527, 540, 541, 542, 543, 566, 567, 568, 578, 581, 586, 640, 641, 740, 741, 742, 792, 804, 821
Соборная мечеть Каргалы (9-я) – 808
Совет Омского Пограничного управления – 359
Совет, журнал – 18
Союз симбирских фабрикантов сукон – 270
Ссудный банк – 269

- Ставропольская гимназия – 743
 Стамбульский дарельфунун (университет) – 348
 Староципинская крещено-татарская школа – 642
 Степное генерал-губернаторство – 97, 109
 Степное генерал-губернаторство – 97, 109
 Стерлибашевское медресе – 796, 797, 804
 Стерлитамакское приходское училище – 832
 Строительный комитет МВД – 469
 СТУШ (Симферопольская татарская учительская школа) – 132
 Таврическое бешлейское войско – 126
 Таквими дивари (Настенный календарь) – 758
 Тамбовская духовная семинария – 735
 Таң Йолдызы (Утренняя Звезда), газета – 757, 809
 Тарджеман (Тәржеман), газета – 18, 112, 349, 405, 488, 490, 589, 596, 599, 758, 771, 779, 780, 807, 864, 865
 Татарская городская ратуша – 10, 28, 76, 365, 432, 464, 470, 550, 561
 Татарская городская управа – 75
 Татарский сиротский суд – 162, 432, 433, 562
 Татарский учительский институт – 505
 Ташкентский институт им. Беруни – 393
 Ташлыдаирское медресе – 131
 Тверская соборная мечеть – 120
 Текье, медресе – 131
 Темясовское русско-башкирское училище – 836
 Тетюшское русско-татарское училище – 504
 Типография И.Шнора – 841, 848
 Типография Казанского университета – 783, 842, 851
 Тифлиские ведомости, газета – 844
 ТМДП (Таврическое магометанское духовное правление) – 127, 129, 130, 131, 136, 418, 425
 Тобольская гимназия – 743
 Тобольское окружное по крестьянским делам присутствие – 93
 Товарищество Казанского кожевенного завода – 233
 Томская гимназия – 743
 Торговый дом братьев Хусаиновых – 81
 Торговый дом братьев Яшуевых – 111
 Торговый дом Ю.Фузаилова – 111
 Тормыш (Жизнь), газета – 89
 Третье отделение е.и.в. – 16
 Троицкая городская дума – 87
 Троицкий меновой двор – 86
 Троицкое мусульманское благотворительное общество – 87
 Троицкое приходское училище – 832
 Туп (Пушка), журнал – 79
 Туркестанское генерал-губернаторство – 5, 109
 Узун-баше, медресе – 131
 Уложенная комиссия 1767–1768 гг. – 223, 424, 865
 Управление казаками среднего жуза – 355
 Урал-Волга, АО – 269
 Уральское горное правление – 458
 Уральское казачье войско – 101, 163, 166
 Уральское мусульманское благотворительное общество – 102
 Усмания, медресе – 40, 89, 776, 797, 808, 816
 Усмановская мечеть – 76
 Уфаның авыл көнкуреш журналы – 89
 Уфимская татарская учительская школа – 505
 Уфимское губернское земство – 838
 Уфимское губернское собрание – 481
 Уфимское дворянское собрание – 143
 Уфимское мусульманское благотворительное общество – 89
 Уфимское мусульманское дамское общество – 89
 Уфимское мусульманское общество потребителей – 89
 Уфимское приходское училище – 832
 Ученые записки Казанского университета – 738
 Учетный банк – 269
 Халидия, медресе – 776
 Халык (Народ), газета – 79
 Ханская мечеть – 559
 Ханский совет – 355–356
 Ханское, медресе – 131
 Харьковский университет – 459, 839
 Хезмэт, книжное товарищество – 850
 Хәфтә (Неделя), газета – 488, 757
 Химическое предприятие Ушкова – 74
 Хранилище Отдела рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ – 856
 Хусания, медресе – 23, 40, 81, 82, 89, 348, 349, 502, 553, 724, 797, 808, 809, 811, 816
 Центр письменного и музыкального наследия при ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ – 854, 858, 861
 Центральная удмуртская школа – 642
 Центральный статистический комитет МВД – 17
 Церковно-приходская школа, периодическое издание – 738
 Челябинское приходское училище – 832
 Чишмә (Родник), газета – 488, 757
 Шәрәк (Восток), календарь – 759
 Шәрәк матбагасы (Восточная печать), типография – 89
 Школа политических наук – 602
 Шура, журнал – 18, 19, 349, 710, 790
 Экспедиция государственного хозяйства, опекуинства инстранных и сельского домоводства – 184
 Юнусовская мечеть – 313
 Ярмарочный комитет Ирбитской ярмарки – 251
 Ярославская соборная мечеть – 120
 İkdam – 40
 Sabah – 40
 Tercuman-ı Hakikat – 40
 The Modern Traveler (Современный путешественник) – 42
 The Moslem World (Мусульманский мир) – 43
 Turk Yurdu – 40

Список иллюстраций, карто-схем и таблиц

Таблица 1. Динамика изменения общей численности татарского населения в Волго-Уральском регионе в XVIII–XIX вв.	50	Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М., 2011. С.78)	86
Таблица 2. Размещение татар в пределах Волго-Уральского региона в конце XVIII – XIX в.	52	На базарной площади Уфы. Фото нач. XX в. (Синенко С. Город над Белой рекой. Краткая история Уфы в очерках и зарисовках. 1574–2000. Уфа, 2002. С.40)	88
Таблица 3. Распределение татар по сословным группам в 1897 г.	56	Татары на крыльце дома. Тюменский у. Фото нач. XX в. (из фондов ТГИАМЗ)	91
Таблица 4. Распределение работоспособного населения из татар по группам занятости (в %)	57	Таблица 12. Динамика численности сибирских татар в конце XVIII – XIX в.	92
Татарская семья. Фото кон. XIX – нач. XX в. (РЭМ, 457-75)	58	Таблица 13. Динамика численности сибирских бухарцев в последней четверти XVIII – XIX в.	93
Татары-чернорабочие. Уфа. Фото нач. XX в. (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое издание. Казань; М., 2008. С.182).....	60	Таблица 14. Численность поволжских и приуральских татар на Западно-Сибирской равнине в 1897 г.	95
Татарская улица и первая соборная мечеть в Чистополе. Фото нач. XX в. (Чистополь. Фотоальбом. Казань, 2011. С.8.).....	62	Таблица 15. Численность сибирских татар, бухарцев и поволжско-приуральских татар-переселенцев в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.).....	96
Таблица 5. Удельный вес татар губернских городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.	65	Таблица 16. Численность поволжско-приуральских татар в Сибири в конце XIX в. (по переписи 1897 г.)	96
Таблица 6. Распределение татар в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г. по сословиям	66	Татарская мечеть в г.Лепинске Семиреченской обл. Фото нач. XX в. (Азиатская Россия. Т.1. Люди и народы за Уралом. СПб., 1914. С.334).....	99
Таблица 7. Занятость татарского населения в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г.	66	Таблица 17. Численность населения в областях Казахстана в 1897 г.	100
Богатая татарская семья. Астраханская губ. Фото нач. XX в. (из фондов Музея тысячелетия Казани НКЦ «Казань»).....	68	Таблица 18. Численность и удельный вес татар в Казахстане в 1897–1917 гг.....	101
Таблица 8. Татарское население средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.	69	Дом, в котором жил Г.Тукай в Уральске. Фото кон. XIX в. (Габдулла Тукай. 1886–1913. Казань, 1986. С.78).....	102
Таблица 9. Удельный вес татарского населения одиннадцати средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.	71	Астраханский татарин. Фото нач. XX в. (МАЭ РАН. 1159-30)	108
Таблица 10. Распределение татарского населения одиннадцати средних и малых городов в 1897 г. по сословиям	71	Мечеть Каллахона, построенная в Ташкенте на средства татарских купцов. 1-я четв. XIX в. Фото 2010 г. (Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань, 2010).....	110
Таблица 11. Занятость татарского населения одиннадцати средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.	72	Татарская часть Семипалатинска. Литография кон. XIX в. (Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.10. СПб.; М., 1885. С.259)	113
Татарские грузчики в Казанском речном порту. Фото кон. XIX – нач. XX в. (НА РТ, фотофонд, оп.12, д.1217)	73	Курбангали Халиди. Рис. 1880 г. (Ерзин М. Гасырлар сере. Тайны веков. Алматы, 2012)	117
Базарная (Сенная) мечеть в Казани. Фото нач. XX в. (Тысячелетия Казань (Тысяча фотографий – тысячелетие города). Фотоальбом. Казань, 2005. С.18).....	77	Московский извозчик-татарин. Фото нач. XX в. (Гузайров Р.Г. Татары Подмосковья. М., 2009. С.33)	118
Пятая соборная мечеть в Оренбурге. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007)	80	Мечеть Касим хана в Касимове Рязанской губ. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети Казань, 2007)	121
Дом купца Бурнаева в Орске Оренбургской губ. 2-я пол. XIX в. Фото 1972 г. (Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жьентьык. Казан, 2002)	84	Крымские татарки. Фото нач. XX в. (из фондов Музея тысячелетия Казани НКЦ «Казань»)	127
Гостинный двор в Троицке. 1868–1870 гг. Фото нач. XX в. Совр. ул.Разина, д.9 (Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин			

- Товарищ и шеренговый Татарско-литовского полка. 1801–1804 гг. (Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе отечеству. Долг. Отвага. Честь... СПб., 2006. С.133) 134
- Коран Александра Корицкого. Сер. XIX в. (Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е. Каталог арабоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005) 137
- Таблица 19.* Численность потомственных татарских дворян в 1897 г. 142
- Таблица 20.* Личные дворяне из татар в 1897 г. 144
- Таблица 21.* Расселение потомственных и личных дворян из татар в городах и уездах в 1897 г. 145
- Усадьба в родовом поместье С.Тевкелева в д.Килимово Белебеевского у. Уфимской губ. Фото нач. XX в. (Татарские мурзы и дворяне. Вып.1. Сб. статей. Казань, 2011) 147
- А.М.Горчаков (<http://www.runivers.ru/lib/reader/144487/>) 149
- Г.Р.Державин (http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/derzhavin_ekater.php) 149
- В.П.Кочубей (http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kochubei.php) 149
- Казанская депутация в Санкт-Петербурге. 1864 г. (Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. В 2-х т. Т.1. Казань, 2001. С.36) 151
- Таблица 22.* Распределение татарского купечества по губерниям Волго-Уральского региона в 1897 г. 152
- Исхак Юнусов. Фото 2-ой трети XIX в. (Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. Казань, 1998) 153
- Таблица 23.* Число татарских гильдейских капиталов в Казани в 1862–1887 гг. 154
- Латиф Мусин. Фото нач. XX в. (Татарстан. 2002. №8–9. С.91) 155
- Махмут Хусаинов. Рис. нач. XX в. (История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: Учеб. пособие для 11 кл. общеобразоват. шк. (профильный уровень) / Авторы-сост. И.К.Загидуллин, М.М.Гибатдинов, Д.Ф.Загидуллина. Казань, 2010. С.203) 155
- Ахмет Хусаинов. Фото нач. XX в. (Оренбург сэүдәгәрләре / төз. М.Рәхимкулова. Оренбург, 1996. Б.29) 155
- Абдулвали Яушев. Фото нач. XX в. (Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М., 2011. С.92) 156
- Муллагали Яушев. Фото нач. XX в. (Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М., 2011. С.107) 156
- Мухаммадшакир Рамиев. Фото нач. XX в. (Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жьентык. Казан, 2002) 156
- Камалетдин Агафуров. Фото нач. XX в. (Историческая генеалогия татарского народа. Родственные династии и их роль в истории семьи, нации и государства / Сост. А.Беляев. Казань, 2012. С.46–47) 157
- Зайнетдин Агафуров. Фото нач. XX в. (Историческая генеалогия татарского народа. Родственные династии и их роль в истории семьи, нации и государства / Сост. А.Беляев. Казань, 2012. С.46–47) 157
- Загидулла Шафигуллин. Фото нач. XX в. (Русия сәүдәсе. 1913. 2-нче чыгарылыш) 157
- Таблица 24.* Распределение мещан-татар об.п. по губерниям Волго-Уральского региона в 1897 г. 158
- Оренбургские казаки. Фото 2-ой пол. XIX в. (История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: Учеб. пособие для 11 кл. ... С.166).. 165
- Казак городовых казачьих полков Западной Сибири: Тобольского, Сибирско-Татарского и Томского. 1824–1825 гг. (Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе отечеству. Долг. Отвага. Честь. ... СПб., 2006. С.118) 169
- Караван-сарайская мечеть Оренбурга – богослужбное здание Башкиро-мещеряцкого войска. Фото нач. XX в. (Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жьентык. Казан, 2002) 171
- Обер-офицер и казак Башкиро-мещеряцкого войска. 1845–1855 гг. (Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе отечеству. Долг. Отвага. Честь. ... СПб., 2006. С.219) 173
- Рядовые тептярских полков. 1798–1801 гг. (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленными по высочайшему повелению. Ч.9. СПб., 1900) 180
- Рядовой тептярских казачьих полков. 1819–1825 гг. (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленными по высочайшему повелению. Ч.18. СПб., 1902) 180
- Граф П.Д.Киселев (Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914. С.448) 187
- Таблица 25.* Численность лашман, определенных к заготовке и вывозке корабельных лесов по Положению от 25 августа 1817 г. 193
- Дополнительная владенная запись крестьянской общины д.Нижняя Сунь Мамадышского у. Казанской губ. 1867 г. (НА РТ, ф.324, оп.734, д.1422) 199
- Татарская семья на уборке урожая. Фото нач. XX в. (Чичерина С.В. У приволжских инородцев. СПб., 1905) 202
- Крестьянский двор в д.Ялтан Чистопольского у. Казанской губ. Фото 1902 г. (РЭМ. 207-12) 205
- Таблица 26.* Состав крестьян Среднего Поволжья в пореформенный период (в %) 209
- Чертеж деревянного моста №3 по Базаро-Матаковскому тракту в Спасском у. Казанской губ., который должны были построить крестья-

яне по дорожной повинности (НА РТ, ф.324, оп.739, д.423, л.2)	210	Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.	245
Отправка обоза с рожью на мельницу. Уфимская губ. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-247)	211	Часть Гостиного двора Сеитова посада. Фото 1920-х гг. (Сеитов Посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы / Р.Искандаров, А.Искандаров. Казань, 2005. С.25)	246
<i>Таблица 27.</i> Оклады подушной подати и заменявших ее сборов с крестьян Среднего Поволжья в 1872 г. (руб. с 1 ревизской души)	213	Переезд торговцев (татар и казахов) в зимнее время через Волгу. Рис. 2-ой пол. XIX в. (Живописная Россия... Т.7. Ч.2. СПб., 1899. С.176)	247
<i>Таблица 28.</i> Раскладка государственного поземельного налога в конце 1870-х гг. для земель сельских обществ	214	Меновой двор под Оренбургом. Рис. П.И.Рычкова. Последняя треть XVIII в. (Казахская ССР. Краткая энциклопедия. В 4-х т. Т.1. Алма-Ата, 1986. С.560)	248
<i>Таблица 29.</i> Оценка земли и оклады государственного поземельного налога и земских сборов на 1883 г. по губерниям Среднего Поволжья... ..	215	План Нижегородской ярмарки со стороны Оки. Литография В.Логина. 1823 г. (Фила- тов Н.Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. 1833 г. Горький, 1983. С.116–117)	249
<i>Таблица 30.</i> Средний оклад земских платежей с надельных земель в губерниях Среднего Поволжья, коп. на 1 дес.	215	Ярмарочная мечеть на Нижегородской ярмарке. Построена в 1822 г. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Мусульманское богослу- жение в учреждениях Российской империи. Казань, 2006. С.389)	250
Бедняки-татары. Казанская губ. Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-247)	216	Ярмарочная мечеть татарских купцов в Ирбите Пермской губ. Фото нач. XX в. (Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. А.Н.Старостин. Отв. ред. Д.З.Хайретдинов. М., 2009)	252
<i>Таблица 31.</i> Поступления казенных, земских и мирских сборов с крестьян Казанской губ. в конце XIX – начале XX в.	217	Быв. Апааневское подворье в Казани. Совр. ул.Московская, 60. Фото 2010 г.	254
<i>Таблица 32.</i> Недомки по окладным сборам крестьян Среднего Поволжья в 1893 г.	219	<i>Таблица 34.</i> Количество лавок в Казани и их годовой оборот по внутреннему потреблению в 1857 г.	254
Голодный год. Изба крестьянина Салаватова в д.Кадомке Сергачского у. Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1891–1892 гг. (На рубеже двух веков: Нижегородское Поволжье и Волга в фотографиях М.П.Дмит- риева / [Сост., авт. текста и коммент. В.В.Колябин и др.]. 2-е изд., с изм. и доп..Горький, 1988. С.130)	220	Торговые лавки Сенного базара в Казани. Совр. вид на пересечении ул.Московской и Парижской коммуны. Фото 2010 г.	255
Мулла в праздничном костюме. Уфимская губ., д.Чишма. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (РЭМ, 2577-2)	222	<i>Таблица 35.</i> Число татарских гильдейских капиталов в Казани в 1785–1835 гг.	255
Свидетельство («указ») муллы Яруллы Шамсут- динова. д.Курманаково Лаишевского у. Казанской губ. 1869 г. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.3227, л.3; Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Перелистывая страницы минувшего: история деревни Курманаково. Казань, 2012)	225	Быв. лавки Мухаммадгарифа Утямышева в Казани. Совр. ул.Профсоюзная, 10/14. Фото 2011 г.	258
Хлебная пристань в Чистополе. Фото нач. XX в. (Чистополь. Фотоальбом. Казань, 2011. С.9).....	233	Серебряная медаль, врученная купцу-промыш- леннику А.Заманову. 1831 г. (Из личного архива М.И.Ахметзянова)	259
Овин-шиш (шаш эвен). XIX – нач. XX в. Реконструкция	239	Речная пристань в Сызрани. Открытка нач. XX в. (Из личного архива самарского краеведа С.Д.Севостьянова)	266
Ручные мельницы (кул тегермане) и ступы (кила). Реконструкция Н.А.Халикова	240	Александровский (Сызранский) мост через Волгу. Фото 1880 г. (Из личного архива С.Д.Севостьянова)	267
Орудия молотбы: 1 – козлы (стан, кэжә) для молотбы снопов хлестанием; 2 – виды цепов (чабагач); 3 – молотильный камень (ашлык бастыра торган таш); 4 – водяные мельницы. XIX – 1-я пол. XX в. Реконструкция Н.А.Халикова	241	Общий вид завода Алафузова в Казани. Фото кон. XIX – нач. XX в. (Казань – Kazan: 1005–2005. СПб., 2005)	269
Поволжский плуг сабан. XVIII–XIX вв. Реконструкция Н.А.Халикова	242	Здание цеха камерной серной кислоты на Бондюжском химическом заводе П.К.Ушкова. Фото кон. XIX в. (История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: Учеб. пособие для 11 кл. ... С.207)	272
Соха Поволжья и Урала. XVIII–XIX вв. Реконструкция Н.А.Халикова	242	Здание биржи в Самаре. Фото 1904 г. Совр. ул.С.Разина, д.3А (Из личного архива С.Д.Севостьянова)	276
<i>Таблица 33.</i> Сегментация восточного направления внешней торговли			

- Татарские крестьянские избы. Казанская губ.
Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в.
(МАЭ РАН. 160-256) 279
- Правка косы. Татарское хозяйство. Кон. XIX –
нач. XX в. (Тартарика. Этнография.
Справочно-энциклопедическое издание.
Казань; М., 2008. С.218) 282
- Мельница в татарской деревне в Уфимской губ.
Фото нач. XX в. (МАЭ РАН. 1919-237) 283
- Ручная мельница. Уфимская губ.
Фото М.А.Круковского. Нач. XX в.
(МАЭ РАН, 1919-249) 284
- Татарская деревня. Нижегородская губ. Фото
М.П.Дмитриева. Кон. XIX в. (История
татарского народа. XVIII – начало XX вв.:
Учеб. пособие для 11 кл. ... С.224) 287
- Татарские крестьяне на базаре. Фото нач. XX в.
(Мухамедова Р.Г. Татары-мишари:
Историко-этнографическое исследование.
Казань, 2008. С.116) 293
- Грузчики-татары в Казанском речном порту.
Фото кон. XIX – нач. XX в.
(НА РТ, фотофонд, оп.12, д.1195) 294
- Изготовление веревок. Нач. XX в. (Тартарика.
Этнография. Справочно-энциклопедическое
издание. Казань; М., 2008. С.277) 297
- Золотошвейка. Фото нач. XX в.
(НА РТ, фотофонд, оп.13. д.591) 298
- Таблица 36.* Распределение татарского
населения, занятого в торговле,
по губерниям в 1897 г. 300
- Таблица 37.* Распределение торговых
свидетельств, выданных татарским
предпринимателям Казани в 1901 г. 302
- Таблица 38.* Торговые дома татарских
предпринимателей в 1892 г. 305
- Таблица 39.* Торговые обороты по некоторым
видам товаров в г. Казани, в которых
принимали участие татарские
предприниматели в 1869 г. 311
- Таблица 40.* Количество ярмарок в Казанской
губернии и их обороты (1860–1900 гг.) 312
- Тимербулат Курамшевич Акчурун.
Фото кон. XIX в. (Татарская энциклопедия:
в 6 т. / гл. ред. М.Х.Хасанов. Т.1.
Казань, 2002. С.95) 313
- Хасан Тимербулатович Акчурун. Фото нач. XX в.
(Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред.
М.Х.Хасанов. Т.1. Казань, 2002. С.95) 313
- Ибрагим Курамшевич Акчурун. Фото нач. XX в.
(Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред.
М.Х.Хасанов. Т.1. Казань, 2002. С.95) 313
- Таблица 41.* Капитал татарских предпринимателей
в отдельных отраслях промышленности
Поволжско-Уральского региона в 1884 г. .. 315
- Таблица 42.* Влияние экономического кризиса
1890 г. на развитие промышленного
капитала татарской буржуазии 317
- Проект на постройку мыловаренного завода на
Захарьевской ул. Казани, сделанный по заказу
казанского купца Султана Жиганшина.
1898 г. (НА РТ, ф.2, оп.7, д.1272, л.29) 318
- Таблица 43.* Рост энергооборуженности
на предприятиях татарских суконных
фабрикантов за 1884–1890 гг. 320
- Базар в Самарканде. Ксилография нач. XX в.
(Живописная Россия... Т.10. С.259) 327
- Караван на берегу Иртыша. Литография
нач. XX в. (Живописная Россия... Т.11.
СПб., 1884. С.327) 335
- Отправка каравана в Троицке. Фото нач. XIX в.
(Денисов Д.Н. Очерки по истории мусуль-
манских общин Челябинского края (XVIII –
начало XX в.). М., 2011. С.76) 339
- Драгоман Сулейман Батыршин. Фото 1858 г.
(Мусульманский мир Российской империи:
Альбом / авт.-сост. Г.В.Длужневская.
СПб., 2006. С.285) 342
- Губайдулла Буби (сидит в центре) среди
учащихся-татар. Стамбул. Фото 1896 г.
(Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье!
(История татарского просветительства
в судьбах династии Нигматуллиных-Буби).
Казань, 2003) 349
- Казахский хан с женой. Фото сер. XIX в.
(РЭМ, 457-79) 356
- Внутреннее убранство казахской юрты. Фото нач.
XIX в. (Азиатская Россия: в 3 т. Т.2. Люди и
порядки за Уралом. СПб., 1914. С.156) 358
- Мечеть Ахмеда Ясави: общий вид.
Фото Ф.Ордэ. 1880 г. (Мусульманский мир
Российской империи: Альбом / авт.-сост.
Г.В.Длужневская. СПб., 2006. С.181) 362
- Наградные медали за участие в Отечественной
войне 1812 г. и за взятие Парижа в 1814 г.
1812–1826 гг. Серебро, чеканка
(Башкортостан. Историко-культурный
энциклопедический атлас Республики
Башкортостан. М., 2007. С.217) 367
- 1-го Тептярского конного казачьего полка
в Заграничном походе. 1813 г. С.С.Петров.
Бумага, перо. 2008 г. (Чын мирас. 2012.
№5/6. Б.33) 369
- Броненосец «Севастополь» 1900-е гг.
([http://ru.wikipedia.org/wiki/Севастополь_](http://ru.wikipedia.org/wiki/Севастополь_(броненосец))
(броненосец)) 370
- Лейтенант Исхак Ислямов, ст. штурман
броненосца «Севастополь». Награжден орде-
ном св.Владимира 4-й степени. Фото нач.
XX в. ([http://www.samoupravlenie.ru/images](http://www.samoupravlenie.ru/images/voina_687.jpg)
/voina_687.jpg) 370
- Ш.Марджани (Архив ИЯЛИ АН РТ,
ф.22, оп.1, д.5) 376
- Р.Фахретдин. Уфа. 1892 г. (Ризаэтдин
Фэхретдин: Фэнни-биография
жыентык. Казан, 1999) 376
- Страницы рукописи книги Гарифуллы Чокрый
«Айн ар-рида китабы». Кон. XIX в.
(ОРРК НБ К(П)ФУ, ед.хр. 680-т) 382
- Зайнулла Расулев. Фото нач. XX в.
(<http://www.idmedina.ru/minbare/?4498>) 387
- Зыя Камали. Фото нач. XX в. (Ибрагим Т.К.,
Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская
религиозно-философская мысль
в общемусульманском контексте.
Казань, 2002. С.33) 390

Вид сельской соборной мечети. Казанская губ. Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в. (МАЭ РАН. 160-257)	403	Фото нач. XX в. (РГИА, ф.835, оп.3, д.173, л.7об.)	445
Сельский мулла. Симбирская губ. Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-251)	406	Титульный лист книги на татарском языке о православной вере «Чын ден княгясе» (Казань, 1897) (из фондов НА РТ)	450
Текст возношения высочайших имен при мусульманских богослужениях. Предписание ОМДС №3442 от 12 июня 1903 г. (НА РТ, ф.1, оп.6, д.125, л.24)	409	Казанские судебные места. Рис. В.С.Турнина. 1820-е гг. (Казань – Kazan: 1005–2005. СПб., 2005)	455
Хаджа и муллы. Уфимская губ. Фото М.А.Кру- ковского. Нач. XX в. (РЭМ, 2577-8)	412	Губернаторский дворец, где располагалась канцелярия казанского губернатора. Казанский Кремль. 1848 г. Архитектор К.А.Тон. Фото 1892 г. (из фондов ОРПК НБ КП(Ф)У)	456
Свидетельство об успешной сдаче экзамена на знание русского языка У.Абдулгазизовым, кандидатом на должность сельского муллы д.Ст. Ашит Казанской губ. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.7033, л.11)	414	Император Александр I (Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2002)	460
Татарская деревня Симбирской губ. Рис. А.Деррика. 1874 г. (Загидуллин И.К. Ислам- ские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007)	417	Памятник «В честь победы над татарами. 1552 г.». Казань. Фото 1892 г. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ)	462
Здание бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа. Фото сер. XX в. Совр. ул.Тукаева, д.50. (из экспозиции Музея исламской культуры музея- заповедника «Казанский Кремль»)	425	Император Николай I (Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2002.)	466
Габдулвахит Сулейманов (Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения татарских и зарубежных мусульман. Н.Новгород, 2006. С.100)	427	Первая страница I т. ПСЗ-2. «Манифест о вступ- лении на престол Государя императора Николая Павловича» от 12 декабря 1825 г.	467
Салимгарай Тевкелев (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьыентык. Казан, 2006)	427	Граф Д.А.Толстой. Фото 2-ой пол. XIX в. (Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. Между с.480–481).....	476
Мухамедьяр Султанов (Загидуллин И.К. Ислам- ские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007. С.92)	427	Здание губернской земской управы в Уфе. Фото нач. XX в. (Синенко С. Город над Белой рекой. Краткая история Уфы в очерках и зарисовках. 1574–2000. Уфа, 2002. С.86)	480
Свадебный пир. Рис. нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007. С.204)	430	Волостные старшины из татар и русских у земского начальника. Нижегородская губ. Фото М.П.Дмитриева. 1891–1892 гг. (На рубеже двух веков: Нижегородское Поволжье и Волга в фотографиях М.П.Дмит- риева / [Сост., авт. текста и коммент. В.В.Колябин и др.]. 2-е изд., с изм. и доп. Горький, 1988. С.129)	482
Обложка метрической книги мусульманского прихода д.Нижняя Айша Казанского у. Казанской губ. 1886 г. (НА РТ, ф.204, оп.177, д.237)	431	План тюремного замка в г.Мамадыш. Казанской губ. 1896 г. (НА РТ, ф.2, оп.7, д.1163, л.287об.)	484
«Курман урыны» (место жертвоприношений). Село Кряш-Серда, Пестречинский р-н РТ. Фото 2010 г.	435	К.П.Победоносцев. Фото 2-ой пол. XIX в. (Преображенский И.В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912)	492
Выход прихожан из церкви в с.Янцевары Лаишевского у. Казанской губ. 1904 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.72, л.2)	438	<i>Таблица 46.</i> Численность мусульман, принявших православие, по епархиям Волго-Уралья с 1866 г. по 1905 г.	494
<i>Таблица 44.</i> Сведения о священнослужителях из крещеных татар в епархиях Восточной России за 1904 г.	440	«Отпавшие» в ислам жители возле своей «тайной» мечети в д.Большие Кибяк-Кози Лаишевского у. Казанской губ. Фото 1904 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.72, л.10)	498
Церковь в нагайбацком селении. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (РЭМ, 5471-6)	442	В.В.Радлов. Фото нач. XX в. (Императорская Археологическая Комиссия: К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С.186)	501
Чертеж фасада церкви в с.Никифорово Мамадышского у. Казанской губ. 1895 г. (НА РТ, ф.2, оп.14, д.470)	443	П.Д.Шестаков. Фото 2-ой пол. XIX в. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ)	501
<i>Таблица 45.</i> Численность крещено-татарских приходов по епархиям в 1864 г.	444		
Школа Братства св. Гурия (крещено-татарская) в д.Ерыкса Мамадышского у. Казанской губ.			

- Занятия в русско-татарском училище г. Тетюши. Фото нач. XX в. (Чекмарев П.А. Есть на Волге городок... (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). Казань, 2004. С.95) 503
- Исхак Казаков во время работы в Тетюшском русско-татарском училище. Фото 1897 г. (НА РТ, фотофонд, оп.4, д.3443) 504
- Здание Казанской татарской учительской школы. Фото нач. XX в. Совр. ул.Тукая, д.73 (НА РТ, фотофонд, оп.4, д.7437) 506
- План русско-башкирской земской школы в д.Юлдашево Самарской губ. 1873 г. (НА РТ, ф.92, оп.1, д.11938, л.149) 507
- В.В.Катаринский (сидит в центре) в окружении чиновников МНП. Фото 2-ой пол. XIX в. (из фондов ОРРК НБ К(П)ФУ) 512
- Н.И.Ильминский. Литография 2-ой пол. XIX в. (Чичерина С.В. У привольских инородцев. СПб., 1905) 522
- Быв. здание Казанской учительской (инородческой) семинарии. Фото 1892 г. Совр. ул.Марджани, 24 (из фондов ОРРК НБ К(П)ФУ) 524
- И.Я.Яковлев (сидит третий справа) в окружении преподавателей Симбирской чувашской учительской школы. Фото нач. XX в. (Татарстан – наш общий дом. Фотоальбом. Казань, 2007) 528
- Православное духовенство нерусских народов на миссионерском съезде в Самаре. 1899 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.68, л.1) 529
- Карта 1. Восстание многонационального сельского населения в Оренбургской губ. в 1835 г. (Очерки по истории Башкирской АССР. В 2-х т. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959) 534
- Титульный лист Евангелия на татарском языке «Инжил эл-мөкаддэс» (Астрахань, 1825) (из фондов НА РТ) 540
- Семья крещеного татарина Исидора возле своей новой избы в д.Большие Кибяк-Кози Лаишевского у. Казанской губ. Фото 1904 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.72, л.7) 544
- Крещеный татарин и «отпавший» в ислам в с.Янцеваы Лаишевского у. Казанской губ. Фото 1904 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.72, л.3) 546
- «Отпавшая» в ислам семья из с.Ельшево Мамадышского у. Казанской губ. Фото 1904 г. (РГИА, ф.835, оп.4, д.72, л.5) 549
- Здание бывшего мусульманского детского приюта Юнусовых в Казани. Совр. ул.Тукая, 89. Фото 2005 г. 551
- Мухаммадрахим Юнусов. Фото нач. XX в. (Золотые страницы купечества, предпринимателей и промышленников Татарстана. В 2 т. Т.2. Казань, 2001. С.215) 556
- Ахметзян Сайдашев. Фото нач. XX в. (Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. В 2-х т. Т.2. Казань, 2001. С.124) 560
- Мухаммадзян Галеев. Фото нач. XX в. (Юсупов М.Х. Галимджан Баруди. Казань, 2003) 563
- Надгробие на могиле Б.Вайсова. Пос. Старая Кулатка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. Фото 2005 г. (из личного архива Д.М.Усмановой) 593
- Титульный лист сочинения Б.Вайсова «Тарик-и ходжаган» (Казань, 1874) (из фондов ОРРК НБ К(П)ФУ) 593
- Фатых Карими. Фото нач. XX в. (<http://www.idmedina.ru/books/regions/?4312>) 598
- Исмаил Гаспринский. Фото нач. XX в. (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль кыянтък. Казан, 2006) 599
- Габдерәшит Ибрагимов. Фото нач. XX в. (Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик кыянтък / төз. М.Госманов, Ф.Галимуллин. Казан, 2011) 600
- Юсуф Акчурра. Фото нач. XX в. (Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002. С.34) 604
- На чувашской свадьбе в Козьмодемьянском у. Казанской губ. Фото кон. XIX в. (Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.IV. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. С.81) 611
- Базар в с.Бор Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1892 г. (На рубеже двух веков: Нижегородское Поволжье и Волга в фотографиях М.П.Дмитриева / [Сост., авт. текста и коммент. В.В.Колябин и др.]. 2-е изд., с изм. и доп. Горький, 1988. С.108) 618
- Ложкарное производство в д.Деяново Нижегородской губ. Фото М.П.Дмитриева. 1897 г. (<http://www.perunica.ru/stfoto/5412-dmitriev-maksim-petrovich-russkiy-fotograf-fotohudozhnik-21-avgusta-1858-1948.html>) ... 619
- Группа чувашей в национальных костюмах. Фото кон. XIX – нач. XX в. (Татарстан – наш общий дом. Фотоальбом. Казань, 2007) 624
- Группа марийцев. Фото кон. XIX в. (Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.IV. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. С.104) 633
- Мордва. 1885 г. (Башкортостан. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М., 2007. С.460) 645
- План д.Ендовищи Нижегородской губ. 1785 г. (Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.И. История исламских общин Нижегородской области. Н.Новгород, 1998. С.120) 649
- План д.Кочко-Пожарки Нижегородской губ. 1851 г. (Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.И. История исламских общин Нижегородской области. Н.Новгород, 1998. С.185) 650
- Схема татарского двора в д.Епанчино Казанского у. Рис. А.Гакстгаузена. Сер. 1840-х гг. (Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / перевод с нем. Л.И.Рогозина. М., 1870. С.333) 652

- Плетневый сеновал (читэн чиннек) в д.Чегаклы. Абдуллинский р-н Оренбургской обл. Реконструкция Н.А.Халикова 653
- Сельская изба в д.Епанчино Казанского у. и ее план. Рис. А.Гакстгаузена. Сер. 1840-х гг. (Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / перевод с нем. Л.И.Рогозина. М., 1870. С.335) 654
- Быв. усадьба Сабитовых. 2-я пол. XIX в. Казань, ул.Марджани, 8. Фото 2010 г. 661
- Быв. дом С.М.Назирова. 1886 г. Казань, ул.Марджани, 18. Фото 2011 г. 663
- Засаревская мечеть в Астрахани. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007) 666
- Азимовская мечеть в Казани. Фото нач. XX в. (Тысячелика Казань (Тысяча фотографий – тысячелетию города). Фотоальбом. Казань, 2005. С.11) 667
- Мечеть в Павлодаре. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007) 668
- Внутренний вид мечети в Кустанае. Фото нач. XX в. (Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети... Казань, 2007) 670
- Крестьяне с детьми. Казанская губ. Фото В.А.Каррика. 2-я пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-244) 675
- Астраханская татарка в праздничном костюме. Фото кон. XIX – нач. XX в. (их фондов АГОИАМЗ) 679
- Семья богатого казанского купца в костюмах XIX – нач. XX в. Фото 1910 г. (Завьялова М.К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань, 1996. С.98) 681
- Сабантуй. Фото нач. XX в. (НА ЧГИПН, Рукописный фонд Н.В.Никольского, отд.7, ед.хр.74, инв. №484, фото 5) 691
- Х.Д.Френ. 1840-е гг. (Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С.40) 726
- А.К.Казембек (Карл Фукс: Научно-биографический сборник. Казань, 2005) 726
- Ф.И.Эрдман (<http://www.ksu.ru/archeol/erdman.htm>) 726
- И.Н.Березин (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыентык. Казан, 2006) 728
- К.Ф.Фукс. 1830-е гг. (Карл Фукс: Научно-биографический сборник. Казань, 2005) 728
- И.Ф.Готвальд (http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=65) 728
- Императорский Казанский университет. Литография В.С.Турина. 1834 г. (Казань – Kazan: 1005–2005. СПб., 2005) 730
- О.К.Ковалевский (http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/001/001_9/) 731
- Н.Ф.Катанов. Фото нач. XX в. (http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/06/01/) 731
- Н.И.Ашмарин. Фото нач. XX в. (<http://nasledie.nbchr.ru/personalii/uchenye/ashmarin/>) 731
- Казанская духовная академия. Фото нач. XX в. Совр. ул.Ершова, 2 (из архива М.З.Хабибуллина)..... 737
- Г.С.Саблуков. Фото 2-ой пол. XIX в. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 740
- Е.А.Малов. Фото нач. XX в. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 740
- М.А.Машанов. Фото кон. XIX в. (из архива М.З.Хабибуллина) 740
- Обложка книги М.Иванова «Татарская хрестоматия» (Казань, 1842) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 746
- Ученый-востоковед М.Махмудов с женой и дочерью. Фото 1870 г. (из фондов Музея тысячелетия Казани НКЦ «Казань») 747
- Хусайн Фәезханов (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыентык. Казан, 2006) 748
- Обложка книги Г.Утыз Имяни «Китабе мөһиммәтез-заман» (Казан, 1898) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 750
- Шамседдин Заки. Фото 1850-х гг. (из личного архива О.Б.Назыповой) 753
- Обложка книги Р.Фәхретдина «Ибн Рөшд» (Оренбург, 1905) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 761
- Обложка книги К.Насыри «Зирагатъ гыйлеме» (Казан, 1892) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 762
- Обложка книги Г.Биктимеровой «Тәргыйбел-бәнат фи тәгълимел-әдәбият» (СПб., 1897) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 764
- Гали Чокрый Фото 2-ой пол. XIX в. (http://www.idmedina.ru/books/history_culture/74741) 767
- Обложка книги М.-З.Бигиева «Гөнаһе кәбаир» (Казан, 1890) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 772
- Загир Бигиев. Рис. кон. XIX в. (Әдипләребез. 2 томда. Т.1. Казан, 2009. Б.200) 773
- Муса Акъегетзаде. Фото нач. XX в. (Әдипләребез. 2 томда. Т.1. Казан, 2009. Б.27) 773
- Габдрахман Ильяси. Фото кон. XIX в. (Әдипләребез. 2 томда. Т.1. Казан, 2009. Б.601) 776
- Фатих Халиди. Рис. нач. XX в. (Әдипләребез. 2 томда. Т.2. Казан, 2009. Б.518) 776
- Галиасгар Камал (Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х.Хасанов. Т.3. Казань, 2006. С.199) 777
- Таблица 47. Сведения о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах, подведомственных ОМДС 797
- Здание быв. медресе «Күл буе» (Приозерное) при Апанаевской мечети Казани. Совр. ул.Марджани, 28. Фото 2010 г. 798

- Титульный лист сочинения М.Челеби «Мөхәммәдия» (Хранилище рукописей ИЯЛИ АН РТ) 800
- Медресе «Марджания» в Казани. 2-я пол. XIX в. Совр. ул.З.Султана, 4. Фото 2010 г. 803
- Таблица 48.* Программы медресе Буби и Марджани 804
- Газета «Тәржемән» («Переводчик»). 1885 г. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ)..... 807
- Медресе «Расулия» в Троицке. Фото сер. XX в. (Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.; Уфа, 2007. С.254) 809
- Шакирды медресе «Мухаммадия». Фото нач. XX в. (Чын мирас. 2012. №4–5. Б.68) 810
- Галимджан Баруди. Фото 1906 г. (Чын мирас. 2012. №4–5. Б.64) 811
- Таблица 49.* Недельная сетка часов в медресе Иж-Буби и «Мухаммадия» 814
- Медресе в г.Таре Тобольской губ. Фото нач. XX в. (из фондов ТГИАМЗ) 816
- Алфавит, составленный Н.И.Ильминским для крещеных татар (Букварь для крещеных татар. Казань, 1878. С.2) 820
- В.Т.Тимофеев. Фото 2-ой пол. XIX в. (Gokgoz S.S. Yevfimiy Aleksandroviç Malov. Idil-Uralda islam karsiti rus misyon siyasete. Ankara, 2007. S.544) 820
- Обложка «Букваря для крещеных татар» (Казань, 1878) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 821
- Здание КЦКТШ. Рис. 1872 г. (Николай Иванович Ильминский. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни. Казань, 1892) 822
- Проект деревянного здания школы в д.Уреевы-Челны Казанской губ. 1900 г. (НА РТ, ф.2, оп.15, д.1167) 823
- Церковно-приходская школа в д.Служилая Шентала Чистопольского у. Казанской губ. (молебствование перед началом учения). Фото нач. XX в. (РГИА, ф.835.оп.3, д.173, л.9об.) 826
- Неплюевское военное училище в Оренбурге. Совр. Парковый проспект, 7. Фото нач. XX в. (<http://koyrakh.livejournal.com/1006956.html>) 829
- Таблица 50.* Динамика численности русско-мусульманских школ в КУО в 1874–1902 гг. 835
- Таблица 51.* Динамика численности русско-мусульманских школ в ОУО в 1874–1902 гг. 835
- Обложка учебника русского языка М.Иманаева для татарских школ, медресе и мектебе «Русское слово» (Казань, 1895) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 838
- Обложка учебника Вагапова «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (Казань, 1889) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 839
- Страницы из книги Г.Махмудова «Практическое руководство для изучения татарского языка» (Казань, 1855) (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 843
- Образцы письмен, украшений, знаков типографии и словолитни Императорского Казанского университета. 1884 г. (из фондов ОРПК НБ К(П)ФУ) 846
- И.Н.Харитонов. Фото нач. XX в. (Золотые страницы купечества, предпринимателей и промышленников Татарстана. В 2-х т. Т.1. Казань, 2001. С.198) 848
- Кул Гали «Кыйссаи Йосыф». Рукописный текст. Список кон. XVIII в. (из личного архива М.И.Ахметзянова) 854

Сведения об авторах

- Альп Альпер** – доктор истории Университета Гази (Турция, г.Анкара)
- Арсланов Леонид Шайсултанович** – д.филол.н., профессор филиала ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» в г.Елабуга» (г.Елабуга)
- Арсланова Алу Айратовна** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Ахметзянов Марсель Ибрагимович** – д.филол.н., г.н.с. ГБУ «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ» (г.Казань)
- Багаутдинова Халида Зиннатовна** – н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Байбулатова Лилия Фаритовна** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Бакиева Гульсифа Такиюловна** – к.и.н., с.н.с. ФГБУН «Институт проблем освоения Севера» Сибирского отделения РАН (г.Тюмень)
- Басярова Светлана Габдрауфовна** – к.и.н., доцент ФГБОУ ВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой» (г.Стерлитамак)
- Валеев Рамиль Миргасимович** – д.и.н., профессор, директор ГБУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ» (г.Казань)
- Верг Пол** – д.и.н., профессор Невадского университета, редактор международного англоязычного журнала «Критика» (США, г.Лас Вегас)
- Викторин Виктор Михайлович** – к.и.н., доцент ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (г.Астрахань)
- Габдельганеева Гузэль Габдрауфовна** – д.филол.н., профессор ФГБОУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств» (г.Казань)
- Галиев Виль Зайнуллович** – д.и.н., профессор, г.н.с. Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан, г.Алматы)
- Ганкевич Виктор Юрьевич** – д.и.н., профессор Таврического национального университета им. В.И.Вернадского (Украина, г.Симферополь)
- Гарипов Наиль Камилевич** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Гибадуллин Марат Зуфарович** – к.э.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Гилязутдинов Салим Мингазович** – к.филол.н., с.н.с. ГБУ «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ» (г.Казань)
- Годовова Елена Викторовна** – к.и.н., доцент Оренбургского филиала ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г.Оренбург)
- Гришин Яков Яковлевич** – зав. отделением и кафедрой международных отношений и дипломатии ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Денисов Денис Николаевич** – к.и.н., с.н.с. НИИ истории и этнографии Южного Урала ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет» (г.Оренбург)
- Еремينا Светлана Сергеевна** – к.и.н., декан факультета истории и права ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е.Евсевьева» (г.Саранск)
- Завгарова Фанзиля Хакимовна** – к.филол.н., доцент, директор Государственного центра сбора, хранения, изучения и пропаганды татарского фольклора Министерства культуры РТ (г.Казань)
- Загидуллин Ильдус Котдусович** – д.и.н., зав. отделом средневековой истории ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Загидуллина Дания Фатиховна** – д.филол.н., профессор, гл. ученый секретарь Академии наук РТ, академик АН РТ (г.Казань)
- Исхаков Дамир Мавляевич** – д.и.н., г.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Исхаков Радик Равильевич** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Кемпер Михаэль** – д.и.н., профессор, зав. кафедрой Восточно-европейской истории Амстердамского университета (Голландия, г.Амстердам)
- Кобзев Александр Викторович** – к.и.н., доцент ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» (г.Ульяновск)
- Корусенко Светлана Николаевна** – к.и.н., доцент, в.н.с. Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» (г.Омск)
- Лазерини Эдвард** – д.и.н., профессор, директор Центра внутриазиатских исследований имени Д.Синора, университет Индианы (США, г.Блумингтон)
- Любичанковский Сергей Валентинович** – д.и.н., профессор ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет» (г.Оренбург)
- Макаров Геннадий Михайлович** – кандидат искусствоведения, зав. центром изучения истории и культуры крещеных татар (татар-кряшен) и нагайбаков ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Макаров Дмитрий Витальевич** – н.с. НОУ ВПО «Нижегородский исламский институт им. Х.Фаизханова» (г.Н.Новгород)
- Марискин Олег Иванович** – д.и.н., профессор ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева» (г.Саранск)
- Махмутова Альга Хазеевна** – к.и.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Мухаметзарипов Ильшат Амирович** – к.и.н., н.с. ГБУ «Центр исламоведческих исследований» АН РТ (г.Казань)
- Мухаметшин Рафик Мухаметшович** – д.полит.н., профессор, ректор НОУ ВПО «Российский исламский институт» (г.Казань)

- Николаев Геннадий Алексеевич** – к.и.н., зам. директора по науке БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики ЧР (г.Чебоксары)
- Ногманов Айдар Ильсурович** – к.и.н., зам. директора ГБУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ» (г.Казань)
- Пислегин Николай Викторович** – к.и.н., н.с. ФГУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук» (г.Ижевск)
- Ремнев Анатолий Викторович** – д.и.н., профессор, доцент ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского» (г.Омск)
- Салихов Радик Римович** – д.и.н., зам директора по науке ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ», член-корреспондент АН РТ (г.Казань)
- Саматова Чулпан Хамитовна** – к.и.н., ассистент ГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет» (г.Казань)
- Сафиуллина-Аль Анси Резеда Рифовна** – к.филол.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Свердлова Людмила Михайловна** – к.и.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Сдыков Мурат Наурызгалиевич** – д.и.н., профессор, директор Западно-Казахстанского центра истории и археологии (Казахстан, г.Уральск)
- Сибгатуллина Альфина Тагировна** – д.и.н., профессор, в.н.с. ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук» (г.Москва)
- Столярова Гузель Рафаиловна** – д.и.н., профессор ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Сулейманова Диляра Наилевна** – к.и.н., ассистент профессора Цюрихского университета (Швейцария, г.Цюрих)
- Султангалиева Гульмира Салимжановна** – д.и.н., профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан, г.Алматы)
- Суслова Светлана Владимировна** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Сызранов Андрей Вячеславович** – к.и.н., доцент ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (г.Астрахань)
- Тагирова Лейла Факиловна** – к.и.н., м.н.с. учреждения РАН «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН» (г.Уфа)
- Тагирова Наиля Фаридовна** – д.и.н., проф., зав. кафедрой экономической истории ГОУВПО «Самарский государственный экономический университет» (г.Самара)
- Таймасов Леонид Александрович** – д.и.н., проф., проректор по научной работе и инновациям Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНКО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» (г.Чебоксары)
- Томилов Николай Аркадьевич** – д.и.н., профессор, директор Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» (г.Омск)
- Туна Мустафа** – д.и.н., профессор Дюкского университета (США, г.Дарем)
- Тюркоглу Исмаиль** – доктор истории Института тюркологии Мармарского государственного университета (Турция, г.Стамбул)
- Уразманова Рауфа Каримовна** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Усманова Диляра Миркасымовна** – д.и.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Файзрахманов Ильшат Завдатович** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Хабидуллин Марс Забинович** – к.и.н., ученый секретарь ГБУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ» (г.Казань)
- Хабутдинов Айдар Юрьевич** – д.и.н., профессор Казанского филиала ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» (г.Казань)
- Хайретдинов Дамир Зиниурович** – к.и.н., ректор НОУ ВПО «Московский исламский университет» (г.Москва)
- Хайрутдинов Рамиль Равилович** – к.и.н., доцент, директор Института истории ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Халиков Наиль Альфредович** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Халитов Нияз Хаджиевич** – доктор архитектуры, г.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Хамитбаева Найла Сахабидиновна** – к.и.н., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Чураков Владимир Сергеевич** – к.и.н., с.н.с. ФГУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук» (г.Ижевск).
- Шакуров Фарит Наилевич** – к.и.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Шарифуллина Фарида Лутфулловна** – к.и.н., доцент, с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)
- Шкунов Владимир Николаевич** – д.и.н., д.п.н., профессор, директор Инзенского филиала ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет» (г.Инза)
- Юсупов Айрат Фаикович** – к.филол.н., доцент ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)
- Юсупова Альфия Шавкетовна** – д.филол.н., зав. кафедрой прикладной лингвистики и переводоведения ФГАОУ ВПО К(П)ФУ (г.Казань)

Содержание

Предисловие (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	3
Обзор источников и литературы	
I. Источники по истории татар XIX – начала XX в. (<i>Лилия Байбулатова, Радик Исхаков</i>)	12
II. Обзор литературы	22
Отечественная историография (<i>Ильдус Загидуллин, Лилия Байбулатова, Людмила Свердлова</i>)	22
Историография на турецком языке (<i>Альпер Альп</i>)	40
Западная историография (<i>Мустафа Туна</i>)	42
Раздел I. Социально-демографическое развитие татар	
Глава 1. Татары в Поволжье и Приуралье	48
§ 1. Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье (<i>Дамир Исхаков</i>)	48
§ 2. Социальная структура татар в Волго-Уральском регионе в конце XIX в. (<i>Дамир Исхаков</i>)	55
§ 3. Городское население	58
3.1. Особенности становления татарских общин в городах (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	58
3.2. Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Приуралья в конце XIX в. (<i>Найла Хамитбаева</i>)	64
3.3. Татары в рабочих поселках в конце XIX – начале XX в. (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	73
3.4. Мусульманские (татарские) «общины-города» (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	74
Казань (<i>Людмила Свердлова, Ильдус Загидуллин</i>)	75
Астрахань (<i>Андрей Сызранов</i>)	77
Оренбург (<i>Денис Денисов</i>)	79
Каргала (<i>Денис Денисов</i>)	82
Орск (<i>Денис Денисов</i>)	83
Троицк (<i>Денис Денисов</i>)	85
Уфа (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	87
Глава 2. Татары в регионах	90
§ 1. Западная Сибирь (<i>Светлана Корусенко, Николай Томилов</i>)	90
§ 2. Казахстан (<i>Марат Сдьков, Найла Хамитбаева</i>)	97
§ 3. Нижнее Поволжье (<i>Виктор Викторин, Леонид Арсланов</i>)	103
§ 4. Туркестан	109
Западный Туркестан (<i>Найла Хамитбаева</i>)	109
Восточный Туркестан (<i>Лилия Байбулатова</i>)	114
§ 5. Центральная Россия (<i>Фарида Шарифуллина, Дамир Хайретдинов, Дмитрий Макаров</i>)	117
§ 6. Крымские татары (<i>Виктор Ганкевич</i>)	125
§ 7. Литовско-польские татары (<i>Яков Гришин</i>)	133
Раздел II. Сословно-социальные группы татар	
Глава 1. Дворяне (<i>Лилия Байбулатова</i>)	140
Глава 2. Городские сословные группы и их органы самоуправления (<i>Людмила Свердлова</i>)	150
Глава 3. Военно-служилое сословие	163
§ 1. Оренбургские и уральские казаки (<i>Елена Годовова</i>)	163
§ 2. Служилые татары-казаки в Западной Сибири (<i>Гульсифа Бакиева</i>)	167
§ 3. Мещеряки (<i>Лейла Тагирова</i>)	170
§ 4. Башкиры (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	174
Глава 4. Тептяри и бобыли (<i>Ильшат Файзрахманов</i>)	178

Глава 5. Крестьянское сословие	181
§ 1. Государственные крестьяне (<i>Ильдус Загидуллин, Рамиль Хайрутдинов, Ильшат Файзрахманов</i>)	181
§ 2. Крепостные и удельные крестьяне (<i>Светлана Еремина, Ильдус Загидуллин</i>)	195
§ 3. Землевладение и землепользование татар-хлебопашцев в пореформенный период (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	198
§ 4. Налоги и повинности бывших государственных крестьян Среднего Поволжья в 1866–1905 гг. (<i>Олег Марискин</i>)	209
Глава 6. Приходские мусульманские духовные лица (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	221

Раздел III. Социально-экономическое развитие татар Волго-Уралья

Глава 1. Социально-экономические процессы среди татар Волго-Уральского региона в дореформенный период	228
§ 1. Социально-экономическое развитие региона (<i>Наиль Тагирова</i>)	228
§ 2. Татарское крестьянское хозяйство (<i>Наиль Халиков</i>)	238
§ 3. Российские ярмарки (<i>Людмила Свердлова</i>)	243
§ 4. Региональная и местная торговля (<i>Людмила Свердлова</i>)	253
§ 5. Ремесленное и мануфактурное производство (<i>Людмила Свердлова</i>)	256
Глава 2. Новые явления в социально-экономической жизни татар в 1861–1905 гг.	263
§ 1. Великие реформы и социально-экономическое развитие региона (<i>Наиль Тагирова</i>)	263
§ 2. Сельскохозяйственное производство (<i>Наиль Халиков</i>)	277
§ 3. Отходничество (<i>Наиль Халиков</i>)	292
§ 4. Кустарные ремесла и промыслы (<i>Наиль Халиков</i>)	295
§ 5. Татарские предприниматели и всероссийский рынок (<i>Людмила Свердлова, Марат Гибадуллин</i>)	300
§ 6. Ремесленное и промышленное производство (<i>Марат Гибадуллин, Людмила Свердлова</i>)	314

Раздел IV. Татары в системе международных отношений России и в общественно-политических событиях

Глава 1. Татары в отношениях России со странами Востока	322
§ 1. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком (<i>Владимир Шкунов</i>)	322
§ 2. Среднеазиатская политика России и татарские переводчики (<i>Гульмира Султангалиева</i>)	339
§ 3. Северный Кавказ (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	342
§ 4. Татары и Османское государство (<i>Альфина Сибгатуллина, Исмаил Тюркоглу</i>)	344
Глава 2. Татары в общественно-политических событиях и военных кампаниях	351
§ 1. Татары в административном управлении Казахстаном (<i>Гульмира Султангалиева</i>)	351
§ 2. Влияние татар на развитие земледелия у казахского населения и политика российской власти (<i>Гульмира Султангалиева</i>)	357
§ 3. Вклад татарских служащих в изучение истории и культуры Казахстана и Средней Азии (<i>Виль Галиев, Гульмира Султангалиева</i>)	360
§ 4. Участие татар Поволжья и Приуралья в военных кампаниях (<i>Ильшат Файзрахманов</i>)	363

Раздел V. Религиозные традиции и институты

Глава 1. Суфизм как социокультурное явление	372
§ 1. Суфийские традиции в первой половине XIX в. (<i>Михаэль Кемпер</i>)	372
§ 2. Суфизм в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в. (<i>Альфина Сибгатуллина</i>)	383
Глава 2. Теологические и исламоведческие дебаты (<i>Михаэль Кемпер</i>)	391
Глава 3. Исламские институты традиционной мусульманской общины и применение норм шариата	401
§ 1. Традиционные мусульманские общины и их институты (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	401
§ 2. Источники существования исламских институтов (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	415

§ 3. Особенности религиозного уклада возвратившихся в ислам крещеных татар (<i>Ильдус Загидуллин, Александр Кобзев</i>)	421
§ 4. Оренбургское магометанское духовное собрание (Махкама-и Шаргия Ырынбургия) (<i>Наиль Гарипов</i>)	424
§ 5. Применение норм шариата в семейно-бытовой жизни татар-мусульман (<i>Ильшат Мухаметзарипов</i>)	428
Глава 4. Религиозные верования и православные институты у крещеных татар и нагайбаков (<i>Радик Исхаков</i>)	434

Раздел VI. Этноконфессиональная политика самодержавия

Глава 1. Административно-управленческие системы на территориях расселения татар (<i>Сергей Любичанковский</i>)	452
Глава 2. Политика правительства в отношении татар в дореформенный период (<i>Айдар Ногманов</i>)	459
§ 1. «Татарский вопрос» в царствование Александра I	459
§ 2. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в период правления Николая I	465
Глава 3. Внутривластный курс самодержавия в отношении татар-мусульман в 1861–1905 гг.	474
§ 1. Ревизия концепции Екатерины II по «дисциплинированию» ислама в империи (<i>Анатолий Ремнев</i>), <i>Ильдус Загидуллин</i>)	474
§ 2. Татары в органах самоуправления: земских, городских и крестьянских (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	477
§ 3. Соблюдение религиозных прав мусульман в правительственных, общественных и частных учреждениях (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	483
§ 4. Ограничения в законодательстве по этноконфессиональному признаку (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	485
§ 5. Особенности цензуры татарских книг (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	487
§ 6. Крещение и христианизация татар-мусульман (<i>Радик Исхаков</i>)	490
§ 7. Правовой статус возвратившихся в ислам крещеных татар (<i>Ильдус Загидуллин, Радик Исхаков</i>)	495
§ 8. Политика самодержавия в сфере школьного образования (<i>Ильдус Загидуллин, Чулпан Саматова</i>)	499
Глава 4. Особенности соблюдения религиозных прав военнослужащих-мусульман (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	515
Глава 5. Миссионерско-просветительская система Н.И.Ильминского и народы Волго-Уралья (<i>Леонид Таймасов, Радик Исхаков</i>)	521

Раздел VII. Антиправительственные выступления и национальное движение

Глава 1. Выступления татарского сельского населения	532
§ 1. Социальные протесты различных групп сельского населения в дореформенный период (<i>Ильшат Файзрахманов</i>)	532
§ 2. Выступления крестьян, обусловленные социально-экономическими мотивами, в пореформенный период (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	535
Глава 2. Движение крещеных татар за возвращение в ислам	538
§ 1. Христианское просвещение и движения крещеных татар за возвращение в ислам в дореформенный период (<i>Пол Верт, Радик Исхаков</i>)	538
§ 2. Особенности движения крещеных татар за возвращение в ислам в пореформенный период (<i>Пол Верт</i>)	543
Глава 3. Национальная буржуазия в общественно-политических процессах	550
§ 1. Благотворительная деятельность татарской буржуазии (<i>Радик Салихов</i>)	550
§ 2. Участие татарской буржуазии в общественно-политических и социальных процессах (<i>Радик Салихов</i>)	557
§ 3. Татарское купечество и ОМДС (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	565
Глава 4. Движения социального протеста против угрозы потери этноконфессиональной идентичности и за сохранение религиозно-культурной автономии (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	569
§ 1. Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг.	570

§ 2. Петиционные кампании против разрушения религиозно-культурной автономии	574
§ 3. Выступления против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.	583
§ 4. Движения вынужденного переселения в Османскую империю	585
Глава 5. Ваисовское движение (<i>Диляра Усманова</i>)	590
Глава 6. Новые явления в татарско-мусульманском общественном движении на рубеже XIX–XX столетий (<i>Ильдус Загидуллин</i>)	595

Раздел VIII. Этнокультурные связи народов Среднего Поволжья

Глава 1. Мир поликонфессиональной деревни (<i>Геннадий Николаев</i>)	606
Глава 2. Этнокультурное взаимодействие русских и татар (<i>Гузель Столярова, Наиль Халиков</i>)	615
Глава 3. Этнокультурное взаимодействие чувашей и татар (<i>Геннадий Николаев</i>)	621
Глава 4. Татарско-марийские отношения (<i>Гузель Столярова</i>)	631
Глава 5. Контактные зоны удмуртов и татар (<i>Николай Пислегин, Владимир Чураков</i>)	637
Глава 6. Мордовско-татарские связи (<i>Гузель Столярова</i>)	643

Раздел IX. Этнография и народное творчество татар

Глава 1. Поселения и жилища	648
§ 1. Сельские поселения и жилища (<i>Наиль Халиков</i>)	648
§ 2. Городские жилища (<i>Диляра Сулейманова</i>)	659
Глава 2. Архитектура мечетей (<i>Нияз Халитов</i>)	665
Глава 3. Народный костюм (<i>Светлана Сулова</i>)	671
Глава 4. Обряды и праздники (<i>Рауфа Уразманова</i>)	683
Глава 5. Устное народное творчество татар (<i>Фанзиля Завгарова</i>)	692
Глава 6. Татарская музыкальная культура (<i>Геннадий Макаров</i>)	697

Раздел X. Татарская культура и процессы нациестроительства

Глава 1. Традиционализм и мусульманское реформаторство (<i>Рафик Мухаметшин</i>)	704
Глава 2. Джадидизм	711
§ 1. Истоки возникновения новой парадигмы (<i>Эдвард Дж. Лаззерини</i>)	711
§ 2. Идеология обновления (<i>Рафик Мухаметшин</i>)	720
Глава 3. Востоковедение в Казанском университете и изучение историко-культурного наследия азиатских народов (<i>Рамиль Валеев</i>)	725
Глава 4. Изучение истории и культуры татар в синодальных учебных заведениях Казани (<i>Марс Хабибуллин, Радик Исхаков</i>)	735
Глава 5. Просветительство и татарская литература (<i>Дания Загидуллина</i>)	743
Глава 6. Эволюция татарского литературного языка (<i>Айрат Юсупов</i>)	778
Глава 7. Развитие исторических знаний (<i>Фарит Шакуров</i>)	783
Глава 8. Традиционные учебные заведения и новометодное образование (<i>Альта Махмутова</i>)	791
Глава 9. Школьное просвещение крещеных татар и нагайбаков (<i>Радик Исхаков</i>)	817
Глава 10. Институты распространения русского языка и светского образования среди татар и башкир	828
§ 1. Дореформенный период (<i>Светлана Басырова</i>)	828
§ 2. Поререформенный период (<i>Чулпан Саматова, Альфия Юсупова</i>)	833
Глава 11. Татарская книга в России (<i>Гузель Габдельганеева</i>)	841
Глава 12. Рукописное наследие	853
§ 1. Татарские рукописные книги (<i>Марсель Ахметзянов</i>)	853
§ 2. Рукописные тексты на арабском языке (<i>Резеда Сафиуллина-Аль Анси</i>)	855
§ 3. Персидское духовное наследие в культуре татар (<i>Алсу Арсланова, Салим Гилязудинов</i>)	858
Глава 13. Становление единого национально-культурного пространства и идеология татар (<i>Айдар Хабутдинов</i>)	863

Приложения

I. Социально-экономическое развитие татар	868
§ 1. Социально-экономическое развитие Волго-Уральского региона в XIX – начале XX в. в свете статистических данных	868
§ 2. Татарская промышленность и торговля	887
§ 3. Социально-экономическое развитие татарского крестьянства	908
II. Образование и школьное просвещение татар	922
§ 1. Татары-мусульмане	922
§ 2. Крещеные татары	971
III. Оренбургские муфтии и их деятельность в «Асаре» Ризаэтдина Фахретдина	992
IV. «Мирьят» («Зеркало») Габдерашита Ибрагимова о проблемах татарско-мусульманского сообщества на рубеже XIX–XX вв.	1032

Источники и литература

Неопубликованные источники	1047
Неопубликованные материалы	1049
Опубликованные источники и материалы	1051
Сборники документов и материалов, публикации источников	1072
Периодическая печать	1073
Авторефераты и диссертации	1073
Литература	1078
Справочно-энциклопедические издания	1106
Список сокращений	1108
Указатель именной	1112
Указатель политико-географический	1132
Указатель этнических, этнополитических, этносоциальных, этноконфессиональных терминов	1148
Указатель учреждений, периодических изданий	1152
Список иллюстраций, карто-схем и таблиц	1157
Сведения об авторах	1165

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

в семи томах

том VI

Формирование татарской нации.

XIX – начало XX в.

Компьютерная верстка *Л.М.Зигангареева*
Компьютерный набор, сканирование,
техническое редактирование *Х.З.Багаутдинова*
Редактор *С.А.Ярмухаметова*
Корректоры *С.А.Ярмухаметова, Н.А.Кореева*
Художник *Ш.К.Насыров*

Подписано в печать 16.01.2013 г.
Формат 84x108/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 73,25. Тираж 500 экз.

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (Imak Offset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

«Татарка Казанская».
Лист из альбома «Собрание костюмов
Корнеева». 1808 г. Бумага J. Whatman
1804 г., офорт, акварель.
(Из фондов музея-заповедника
«Казанский Кремль»).

«Татарской Агун».
Лист из альбома «Собрание костюмов
Корнеева». 1808 г. Бумага J. Whatman
1804 г., офорт, акварель. (Из фондов
музея-заповедника «Казанский Кремль»).

«Томская Татарская девка».

Лист из альбома «Собрание костюмов Корнеева». 1808 г.
Бумага J. Whatman 1804 г., офорт, акварель. (Из фондов музея-заповедника «Казанский Кремль»).

«Томской Татарин».

Лист из альбома «Собрание костюмов Корнеева». 1808 г.
Бумага J. Whatman 1804 г., офорт, акварель. (Из фондов музея-заповедника «Казанский Кремль»).

Конское ристалище казанских татар.

Рисунок Е.Корнеева. 1803 г.
(Тартарика. Этнография.
Справочно-энциклопедическое изд.
Казань-М., 2008. С.119).

«Томская Татарка».

Лист из альбома «Собрание костюмов Корнеева». 1808 г.
Бумага J. Whatman 1804 г., офорт,
акварель. (Из фондов музея-заповедника «Казанский Кремль»).

«Князь нагайских татар».

Лист из альбома «Собрание костюмов Корнеева». 1808 г. Бумага J. Whatman 1804 г., офорт, акварель. (Из фондов музея-заповедника «Казанский Кремль»).

«Нагайская принцесса».

Лист из альбома «Собрание костюмов Корнеева». 1808 г. Бумага J. Whatman 1804 г., офорт, акварель. (Из фондов музея-заповедника «Казанский Кремль»).

В доме татарского купца. (Быт костромских татар). Неизвестный художник. Холст, масло. 1-я пол. XIX в. (Из фондов НМ РТ).

«Татарин Казанской губернии».
Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г.
(Из фондов Русского музея).

«Татарки Казанской губернии».
Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г.
(Из фондов Русского музея).

«Мулла с женой».
 Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г. (Из фондов Русского музея).

«Татарский наряд».
 Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г. (Из фондов Русского музея).

«Внутренность дома муллы». Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г. (Из фондов Русского музея).

«Татарский двор». Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г. (Из фондов Русского музея).

Камзол (костюм женский).
Первая пол. XIX в. Оренбургская
губерния. Дар Ее Императорского
Величества Государыни Императрицы
Марии Александровны.
(РЭМ. 8762-24658).

Туфли женские.
Первая пол. XIX в.
Оренбургская губерния.
Дар Ее Императорского
Величества Государыни
Императрицы Марии
Александровны.
(РЭМ. 8762-24707/1,2).

**Костюм татарки-кряшенки
(крещеной татарки).**
(Из экспозиции РЭМ).

Костюм богатой татарки.
(Из экспозиции РЭМ).

Женский головной убор.
Казанская губерния. Сер. XIX в. (РЭМ. 5539-37).

«Калфак» – женский головной убор.
Сер. XIX в. (РЭМ. 8762-24682).

Туфли мужские.
Сер. XIX в. (РЭМ. 8762-24632/1,2).

Тюбетейка мужская.
Сер. XIX в. (РЭМ. 8762-24581).

Украшение шейно-нагрудное.
Втор. пол. XIX в. (РЭМ. 8762-25417).

Браслеты.
Кон. XIX в. Татары казанские.
(РЭМ. 8762-25363, 8762-25369,
8762-25372, 8762-25395).

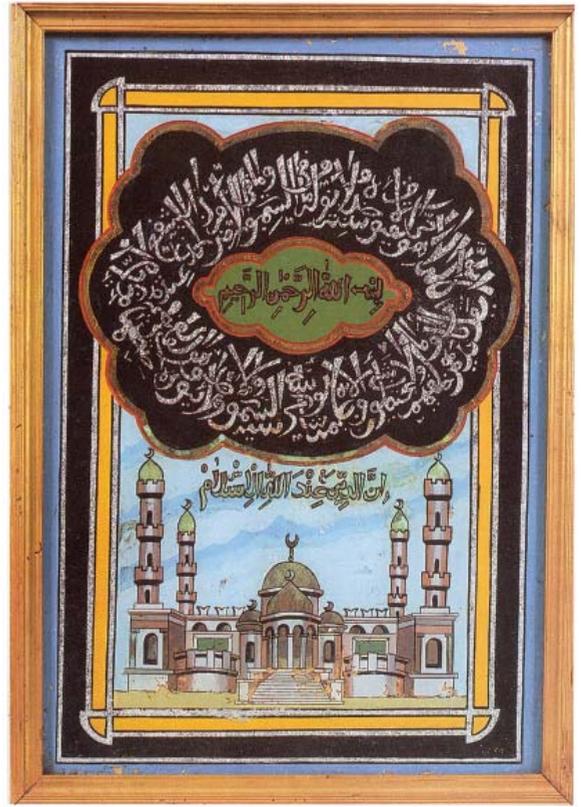
Украшение шейно-нагрудное.
Втор. пол. XIX в. (РЭМ. 8762-25403).

Серьги.
Втор. пол. XIX в.
(РЭМ. 8762-25194, 8762-25190).

Литография. Исмаил Назмуддин бин Шамсуддин. 1902 г. (НМ РТ. 60/40).

Шамайль. Стекло, фольга, роспись. XIX в. (Tatar history and civilisation. Istanbul, 2010. P.658).

Шамайль. Нач. XX в. (Из личного архива М.И.Ахметзянова).

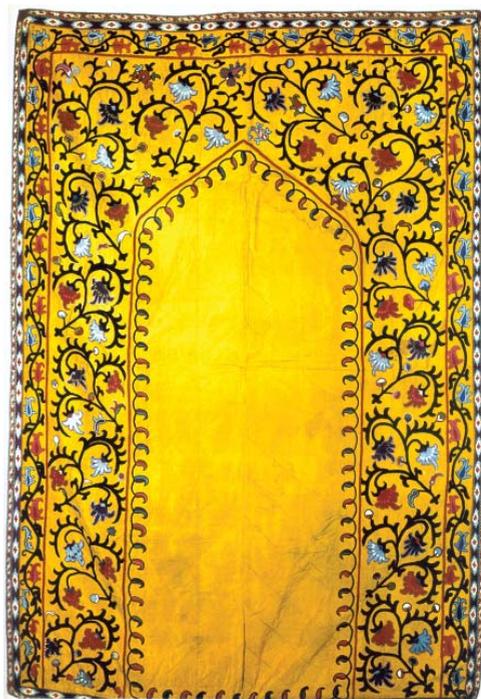

Образцы традиционных полотенец.
Закладная и браная техника ткачества.
Кон. XIX – нач. XX в. (Tatar history and
civilisation. Istanbul, 2010. P.660).

Образец безворсового ковра – «кэлэм».
Шерсть, ручное ткачество. XX в. (Tatar
history and civilisation. Istanbul, 2010. P.660).

Ансамбль костюма. Сер. XIX в.
(Tatar history and civilisation. Istanbul, 2010. P.662).

Намазлык. Вышивка тамбуром. XIX в.
(Tatar history and civilisation. Istanbul, 2010. P.661).

Узорная обувь. Кожа, мозаика. Сер. XIX в.

Женские калфаки.
Бархат, золотое шитье. XIX в.

Мужские тюбетейки.
Бархат, золотое шитье. XIX в.

(Tatar history and civilisation.
Istanbul, 2010. P.662).

Изображение Большого герба Империи, утвержденного в Петергофе 24 июля 1882 года
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

БОЛЬШОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Малые щиты:

1. Царство Казанское; 2. Царство Польское; 3. Царство Херсонеса Таврического; 4. Соединенные гербы великих княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского; 5. Родовой герб Его Императорского Величества;
6. Княжество Финляндское; 7. Царство Грузинское; 8. Царство Сибирское; 9. Царство Астраханское;
10. Соединенные гербы северо-восточных областей; 11. Соединенные гербы княжеств и областей Белорусских и Литовских;
12. Соединенные гербы княжеств и областей великороссийских; 13. Соединенные гербы княжеств и областей юго-западных; 14. Соединенные гербы областей Прибалтийских; 15. Герб Туркестанский.

Большой государственный герб Российской империи.

(Ахметшин Ш.К. Бархатная книга татар. Российские дворянские роды турко-татарского происхождения. СПб.: Славия, 2010. С.36).

Фрагмент карты распространения русского владычества в азиатской России.
(Атлас Азиатской России. Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Спб.: Типогр. тов-ва «А.Ф.Маркс», 1914. С.32—33).

Карта Европейской России по губерниям.

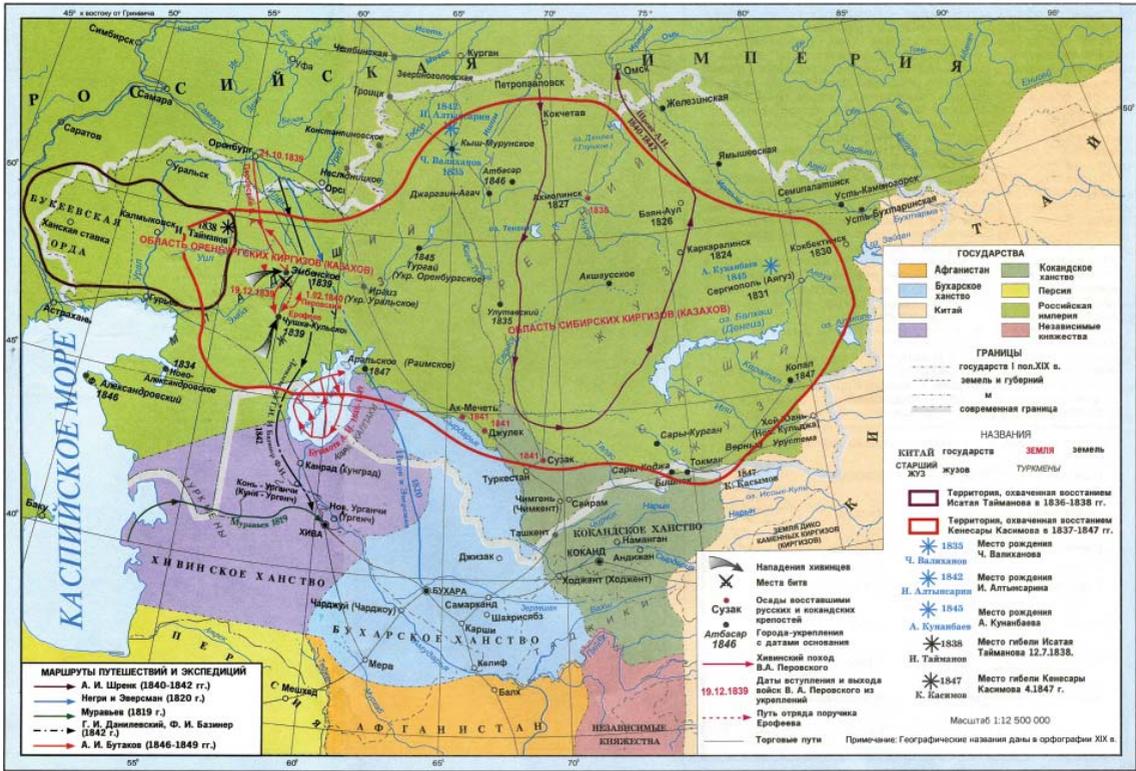
(Ильин А. Учебный географический атлас. СПб.: Издание Картографического заведения А.Ильина, 1894).

Административно-территориальное деление Кавказа в 1861–1864 гг.
(Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С.22).

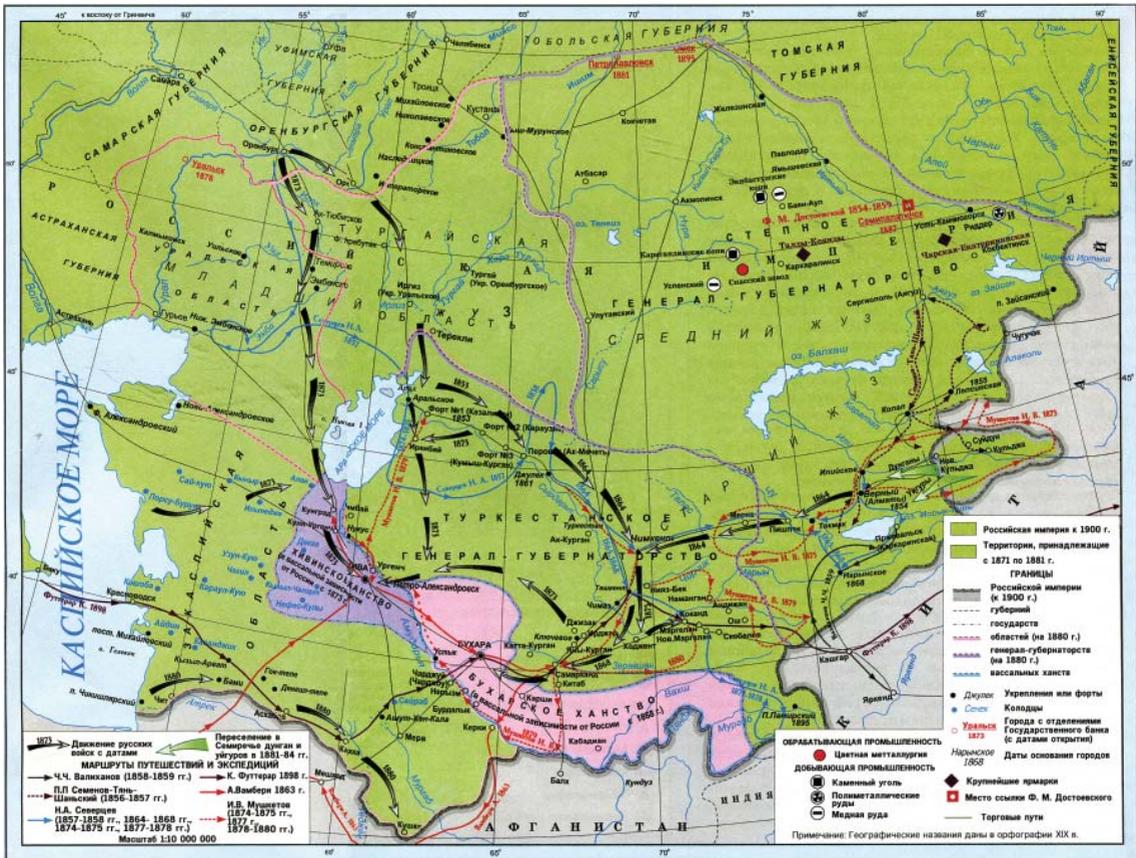

Фрагмент карты административного деления азиатской России.
(Атлас Азиатской России. Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Типогр. тов-ва «А.Ф.Маркс», 1914. С.36–37).

1

2

Казахстан в первой (1) и во второй (2) пол. XIX в.
(Исторический атлас Казахстана. Алматы, 2006. С.32-33, 36-37).

КАРТА НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ

ПО ПЛЕМЕНАМЪ

НО ПЛЕМЕНАМЪ

Составлена по местнымъ извѣстіямъ.
Генералъго Штаба Полковникъ А. Риттихъ.

1870 г.

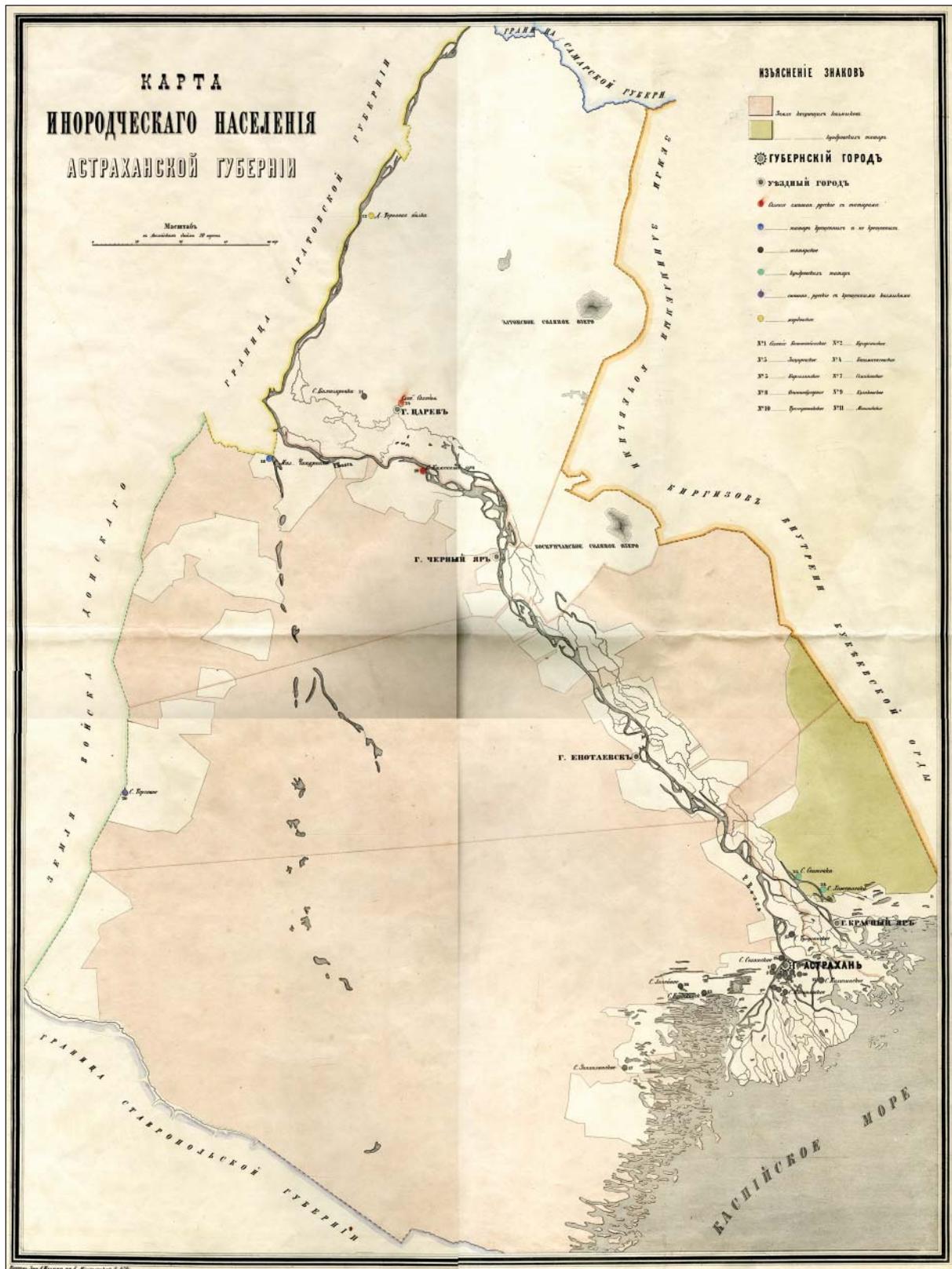
ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

Мордва	Города
Татары	ГУБЕРНСКІИ
Чувашы	УЪЗДСКІИ
Крепечскіе	Землетрясенія
Меря	Оса
Вепсы	Деревья
Нижняя	Лѣса

МАСШТАБЪ

въ Верстахъ 1:20 000

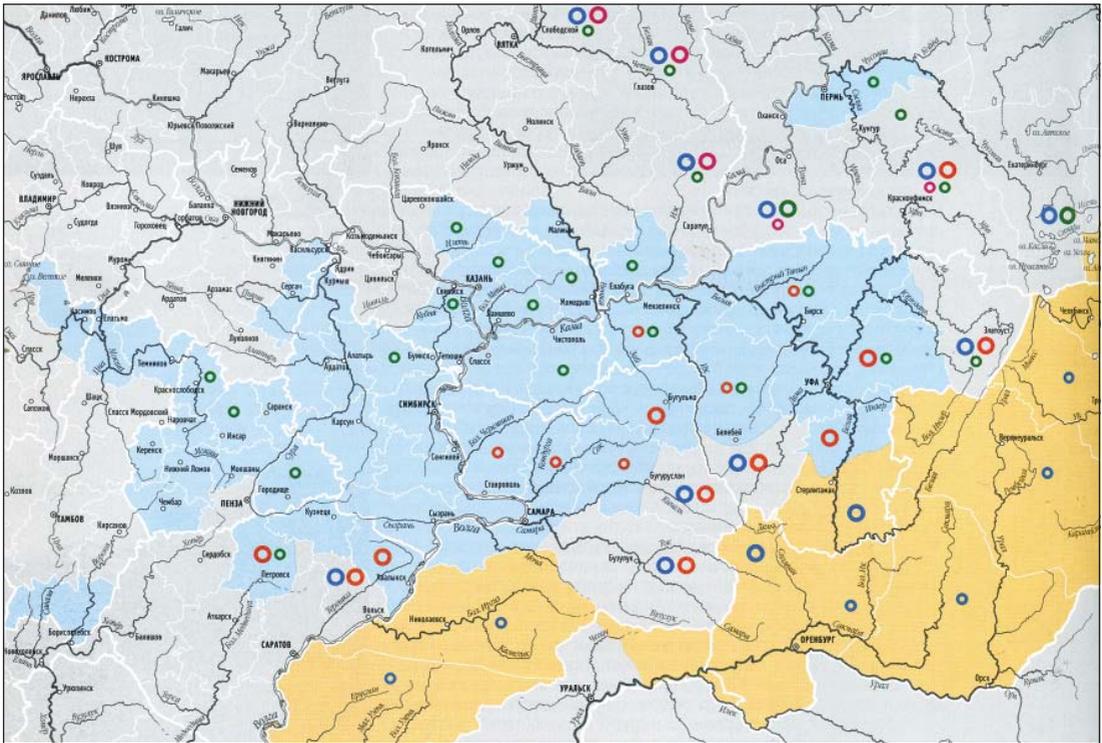
Карта народонаселения Казанской губернии по племенам. Сост. А.Риттих. 1870 г.

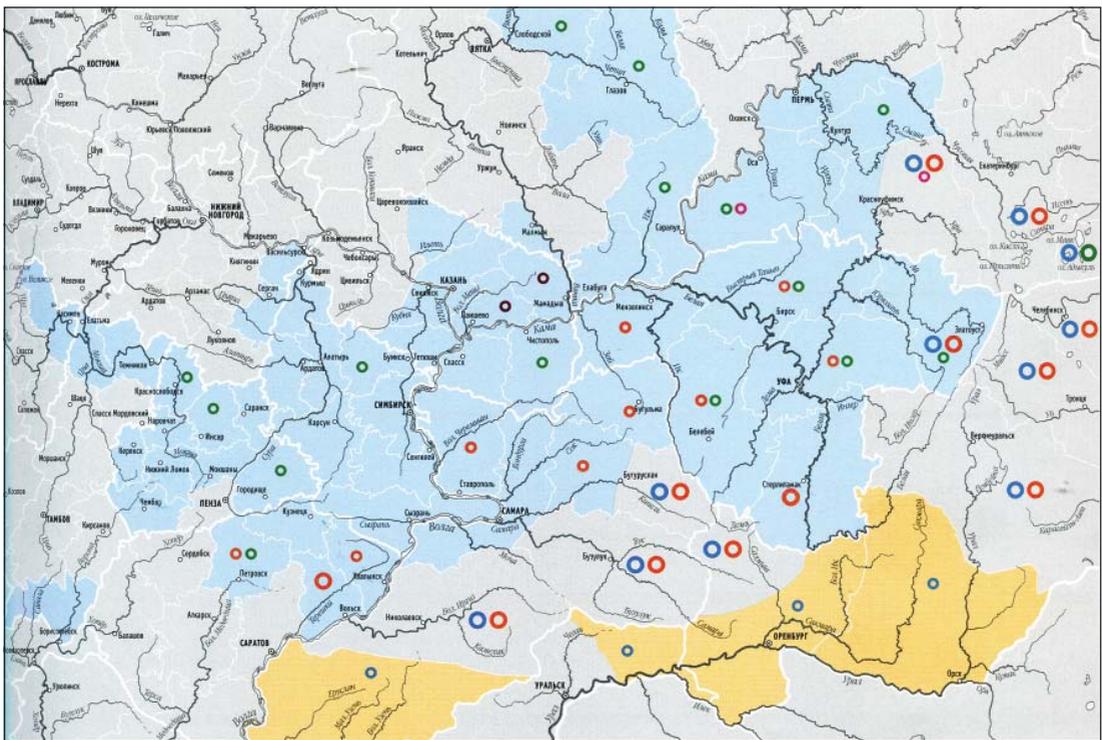
Карта иноподческого населенія Астраханской губернии 1867–1875 гг.
(Из фондов Отдела картографіи РНБ).

Этнографическая карта азиатской России. (Атлас Азиатской России. Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Типогр. тов-ва «А.Ф.Маркс», 1914. С.74–75).

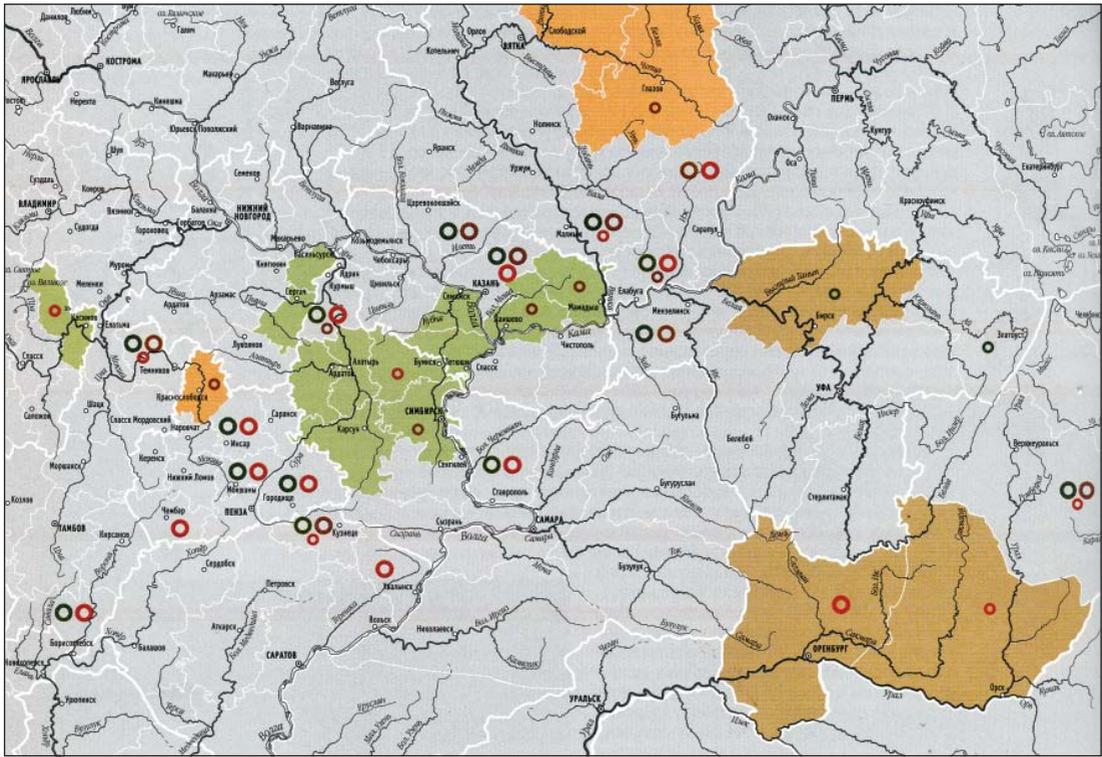
1

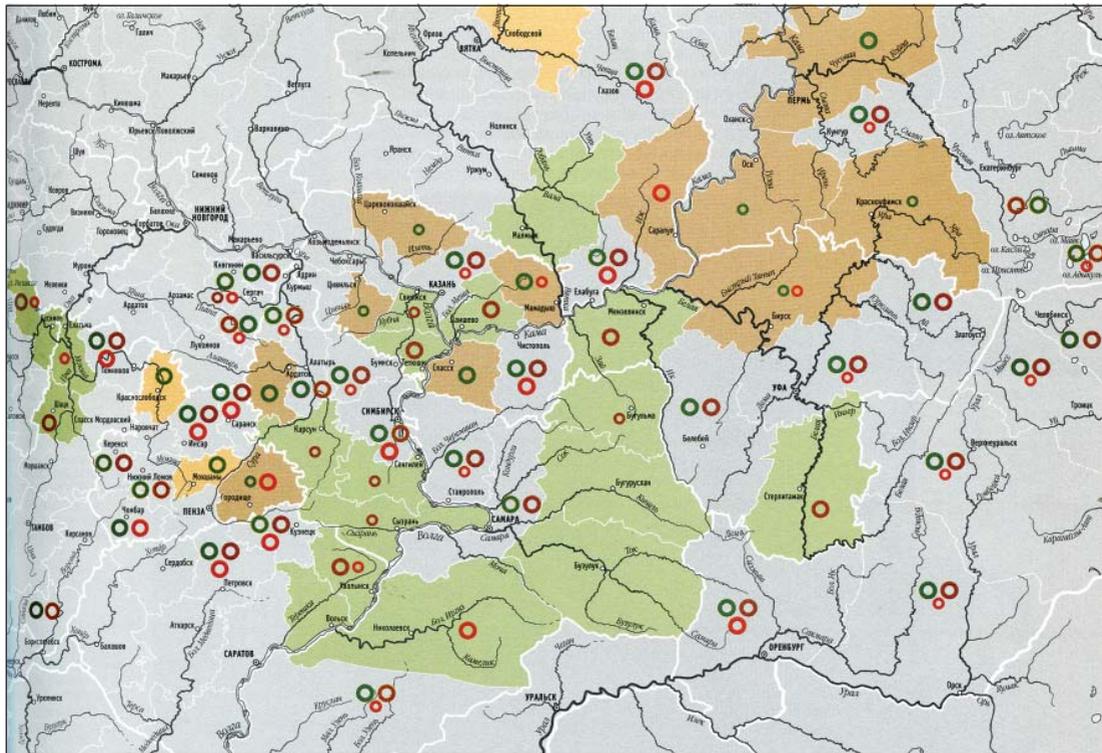
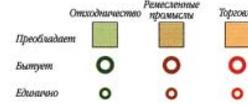
2

Системы земледелия у татар.
 Сер. XIX в. (1). Кон. XIX – нач. XX в. (2).
 (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое изд. Казань-М., 2008. С.184, 185).

1

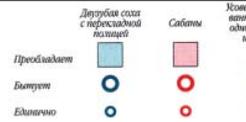
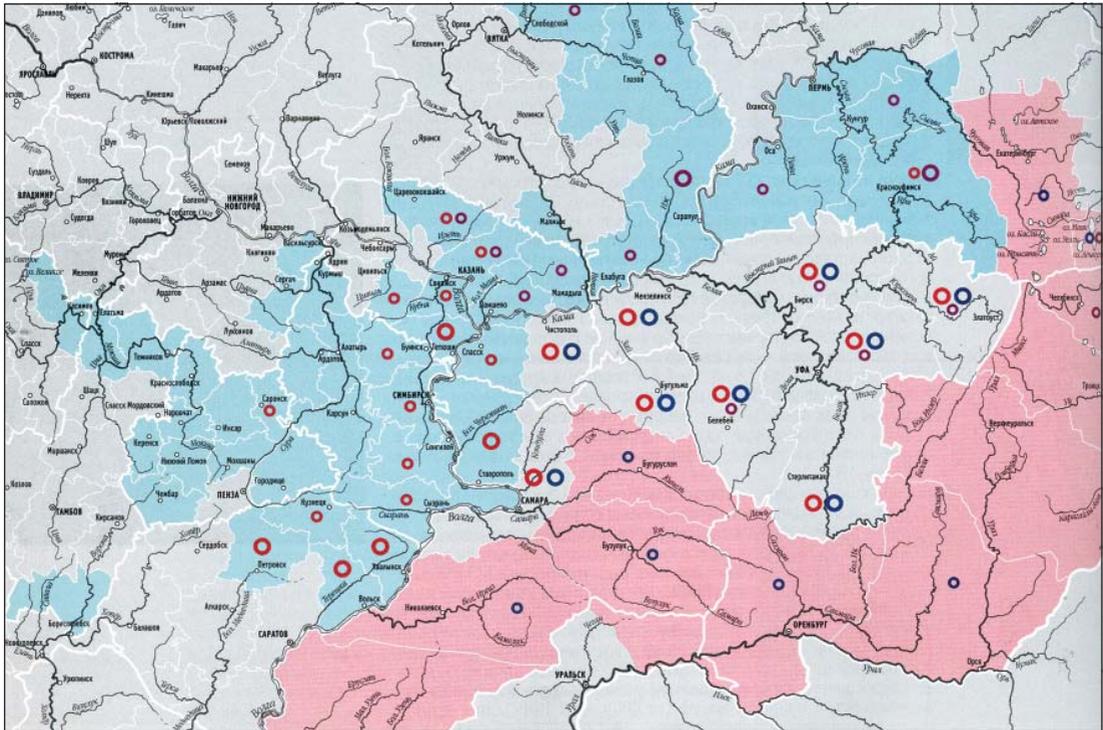

2

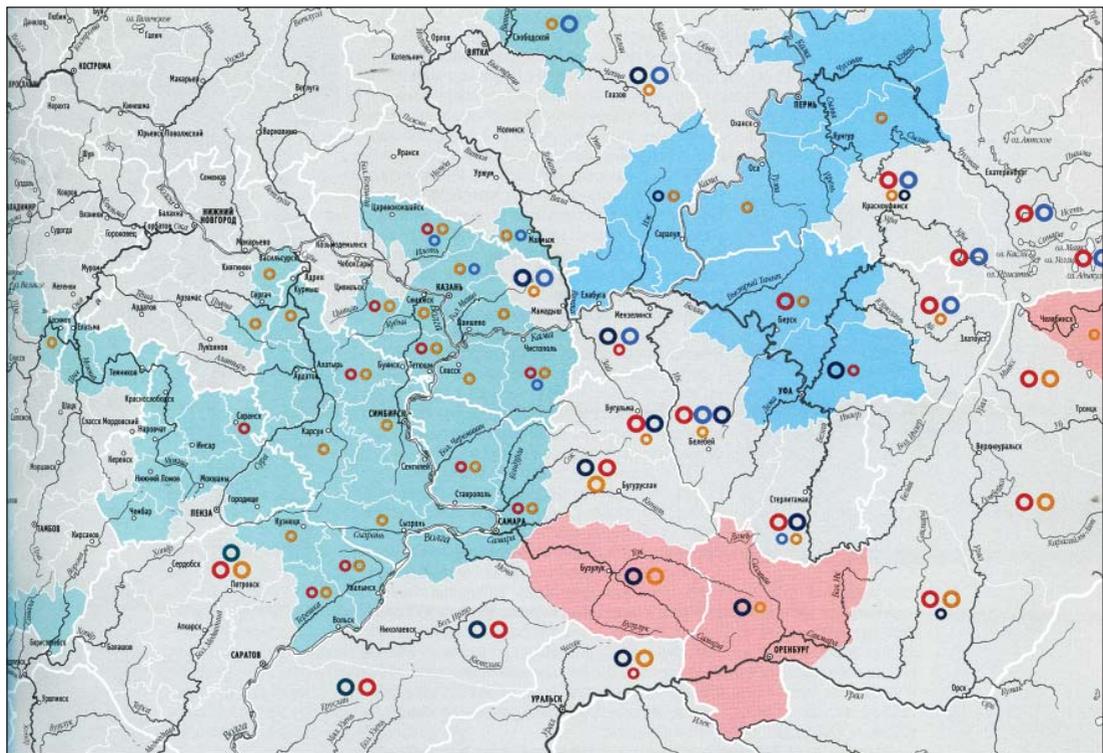

Промыслы и торговля татар.
 Сер. XIX в. (1). Кон. XIX – нач. XX в. (2).
 (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое изд. Казань-М., 2008. С.278, 279).

1

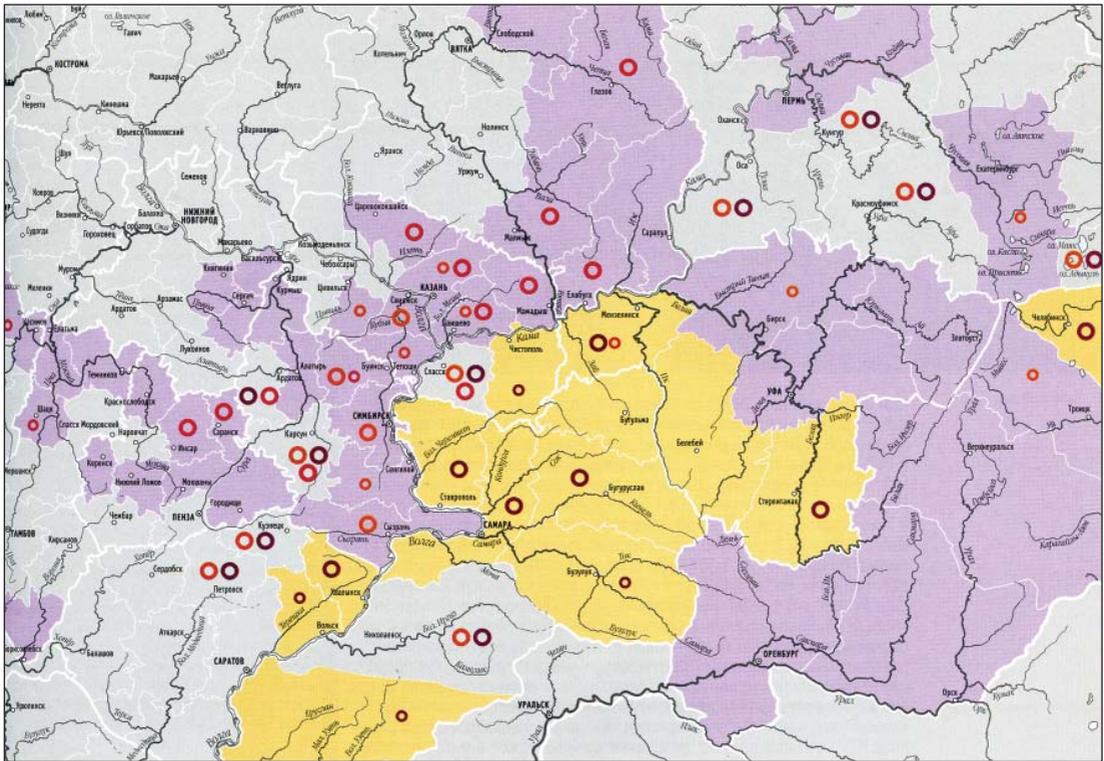

2

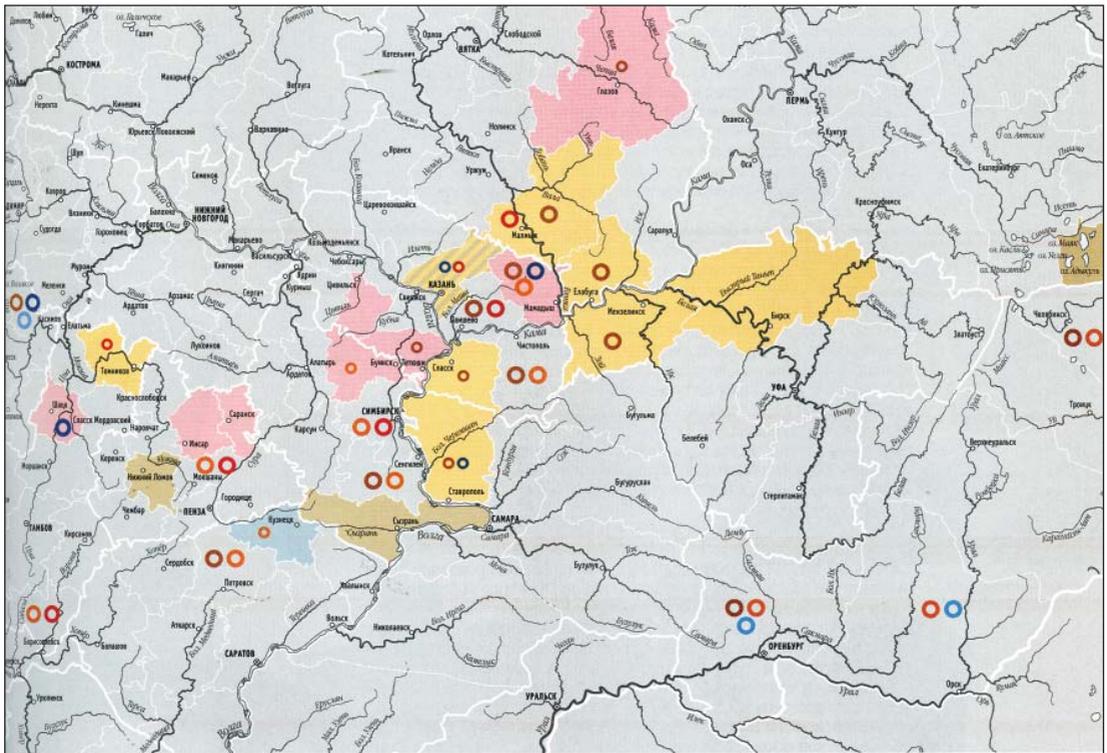
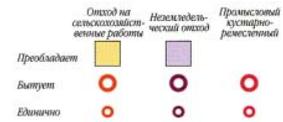

Пахотные орудия татар.

Сер. XIX в. (1). Кон. XIX – нач. XX в. (2).
 (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое изд. Казань-М., 2008. С.201, 203).

Отходничество татар. Кон. XIX – нач. XX в.
 (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое изд. Казань-М., 2008. С.203).

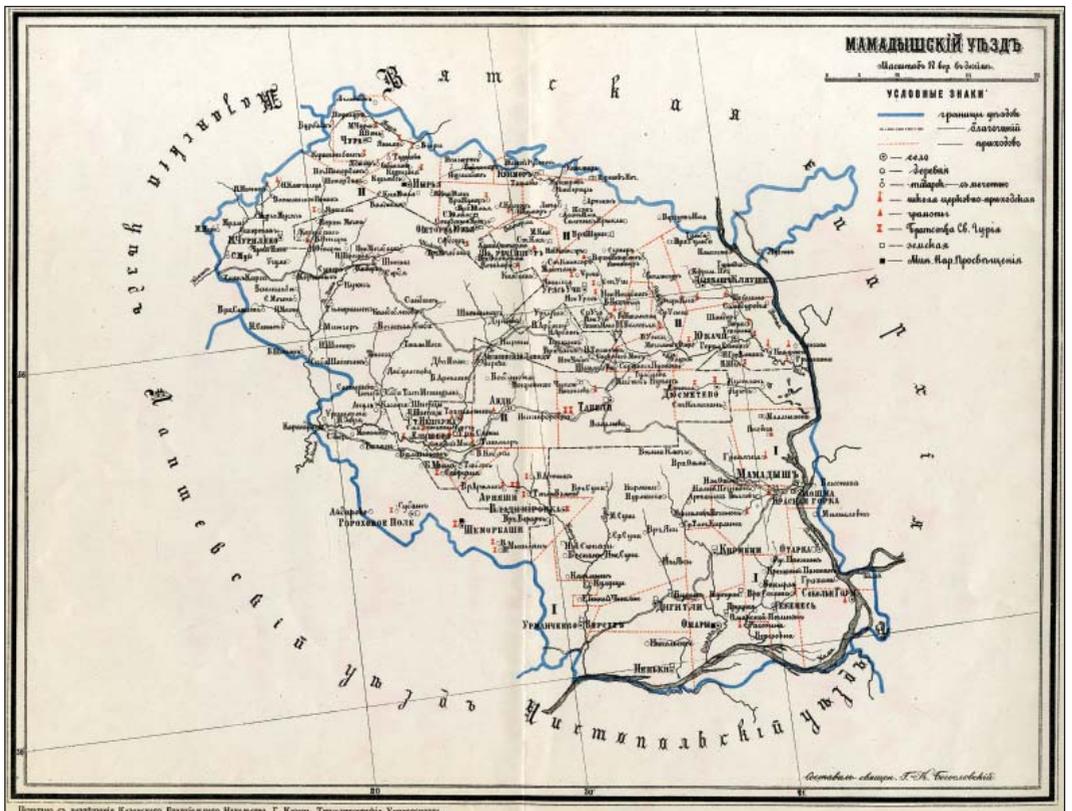
Обработка кожи и волокнистых веществ у татар.
 Кон. XIX – нач. XX в. (Тартарика. Этнография. Справочно-энциклопедическое изд. Казань-М., 2008. С.289).

Церковно-административное деление Казанской епархии в кон. XIX в. Карта Лаишевского уезда (1). Карта Мамадышского уезда (2). (Богословский Г.К. Атлас Казанской епархии по уездам (с картой народонаселения Казанской губ. по племенам). Казань, 1895).

1

2

№ 280 План № 33
Гония.

План дер. Кушлавичь,
войска Менгерской войска
Казанскаго уезда и губер
Составленъ въ 1879 году.

Составленъ въ 1879 году.

На полнѣмъ мѣстѣ
полнѣмъ мѣстѣ:

Генералъ-маіоръ Шварцъ № 1
1850 года.

Губернаторъ Скаряинъ:

Генералъ-маіоръ Казанскаго
Казанскаго Казанскаго
Казанскаго Казанскаго
1879 года.

Предводителю Д. Герасовъ.

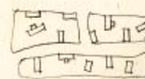
Меню } Д. Дроздовъ.

М. Шоломовъ.

Судимыи мѣстѣ:

Предводителю М. Купцовъ.

Объясненіе плана.

Существующее разположеніе населенія.

Предполагаемое разположеніе населенія.

Копія снимковъ и подробнейшій
планъ составленъ въ 1879 году.

Масштабъ въ дюймахъ 50 сажень.

0 20 40 60 80 100 саж.

План дер. Кушлавичь Казанскаго у. Казанской губ. 1879 г.
(НА РТ, ф.324, оп.739. д.114).

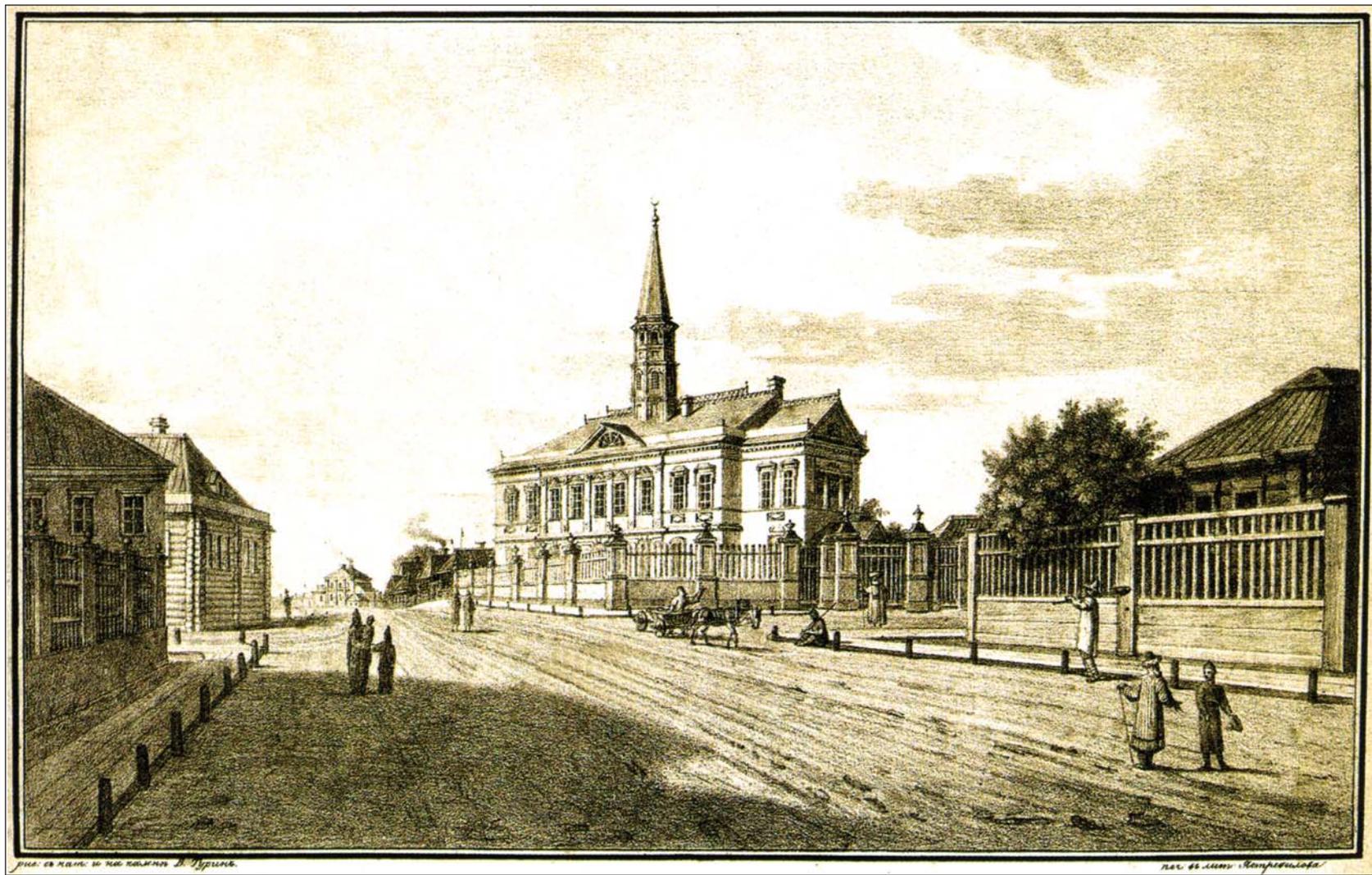

рис. с карт. и на камне В. Туринъ.

лито. съ лито. Яковлева

Главная татарская мечеть. Казань. Литография В.С.Турина. 1834 г.

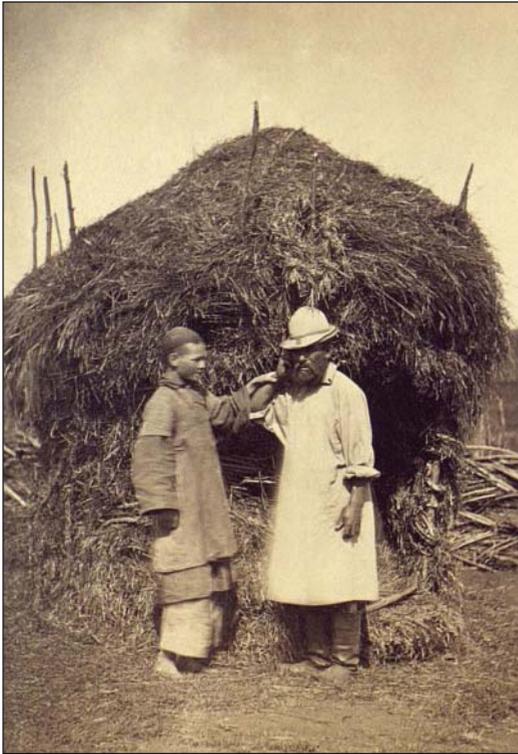
Татарская соборная мечеть. Казань. Литография Э.Турнерелли. 1839 г.

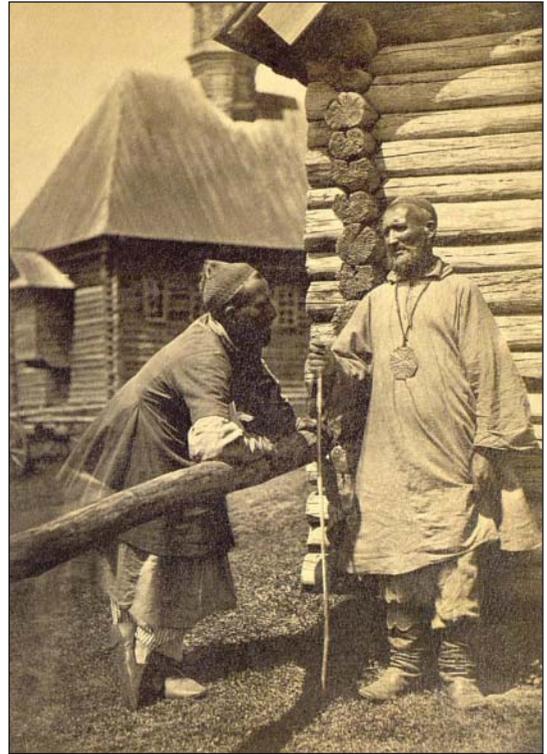
Постройка сруба. Казанская губерния. Фото В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-240).

Группа крестьянских детей. Казанская губерния. Фото В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-241).

У стога сена. Казанская губерния.
Фото В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в.
(МАЭ РАН, 160-248).

Сельский староста и крестьянин.
Симбирская губерния. Фото В.А.Каррика.
Вторая пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-250).

Вид татарской деревни. Казанская губерния. Фото В.А.Каррика.
Вторая пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-253).

Крестьянская изба. Казанская губерния. Фото В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в. (МАЭ РАН, 160-255).

Деревенский колодец. Уфимская губерния. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-233).

Мельничная запруда. Уфимская губерния. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-238).

Конный привод на гумне и веялке. Уфимская губерния. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-254).

Мишарки. Шадринский уезд Пермской губернии. Фото С.И.Руденко. Нач. XX в. (РЭМ, 1023-7).

Крестьянки в поле во время отдыха. Уфимская губерния.
Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (РЭМ, 2577-28).

В гостях у муллы. Уфимская губерния, д.Чишма. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (РЭМ, 2577-1).

Группа мулл во время праздника Сабантуй. Шадринский уезд Пермской губернии. Фото С.И.Руденко. Нач. XX в. (РЭМ, 1023-2).

Семья Шигаевых. Симбирск. Нач. XX в.
(НА РТ, ф.74, оп.1, д.18, фот.8).

Семья Тенишевых. Пенза. 1896 г.
(НА РТ, ф.74, оп.1, д.18, фот.21).

Богатая татарская семья. Чаепитие на природе. Касимовский уезд Рязанской губернии.
Нач. XX в. (Музей тысячелетия Казани НКЦ «Казань», 11786-1).

Семья Аджигитовых. Пенза. Кон. XIX в.
(НА РТ, ф.74, оп.1, д.18, фот.30).

Семья Кайбишевых. Бирск. Нач. XX в. (Музей
тысячелетия Казани НКЦ «Казань», 12735).

Семья Якуба Кулахметова. Пенза. 1902 г. (НА РТ, ф.74, оп.1, д.19, фот.57).

Группа татар в традиционных костюмах. Казанская губерния. Фото И.С.Полякова. 1880 г. (МАЭ РАН, 106-95).

**Семья татар
в домашней
обстановке
за чаепитием.
Кон. XIX в.
(РЭМ, 10110-1).**

**Татарка в национальном костюме
с детьми.** Уфимская губерния,
д.Сафарово. Фото М.А.Круковского.
Нач. XX в. (РЭМ, 2577-18).

Мишарин с охотничьим соколом.
Шадринский уезд Пермской губернии.
Фото С.И.Руденко. Нач. XX в.
(РЭМ, 1023-8).

Татарки-кряшенки в традиционных костюмах. Чистопольский уезд Казанской губернии, д.Ялтан. 1902 г. (РЭМ, 207-2b).

Нагайбаки в традиционных костюмах. Оренбургская губерния. Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (РЭМ, 5471-20).

Группа татарок-кряшенок в традиционных костюмах. Елабужский уезд Вятской губернии, д.Гришкино. Кон. XIX – нач. XX в. (РЭМ, 1173-1).

С.О.Р.М.И.Л.И.И.1913

Группа мишарок. Шадринский уезд Пермской губернии. Фото С.И.Руденко. Нач. XX в. (РЭМ, 1023-11).

Татарская семья на пороге дома. Тюменский уезд. (Из фондов ТГИАМЗ).

Группа татар. Тобольский уезд Тобольской губернии. (Из фондов ТГИАМЗ).

**Победители в беге наперегонки с призом – полотенцем, во время праздника Сабантуй.
Шадринский уезд Пермской губернии. Фото С.И.Руденко. Нач. XX в. (РЭМ, 1023-3).**

1

2

Касимовские татары (1).
Касимовский уезд Рязанской губернии.
Нач. XX в. (Музей тысячелетия Казани
НКЦ «Казань», 11279-3).

Семейная пара (2).
Касимовский уезд Рязанской губернии.
Нач. XX в. (Музей тысячелетия Казани
НКЦ «Казань», 11786-13).

**Татарки с ребенком в
национальных костюмах.** Нач. XX в.
(Музей тысячелетия Казани
НКЦ «Казань», 12734-12).

1

2

Татары в национальных костюмах (1).
Уфимская губерния, с. Давлеканово.
(Из фондов Музея тысячелетия Казани
НКЦ «Казань»).

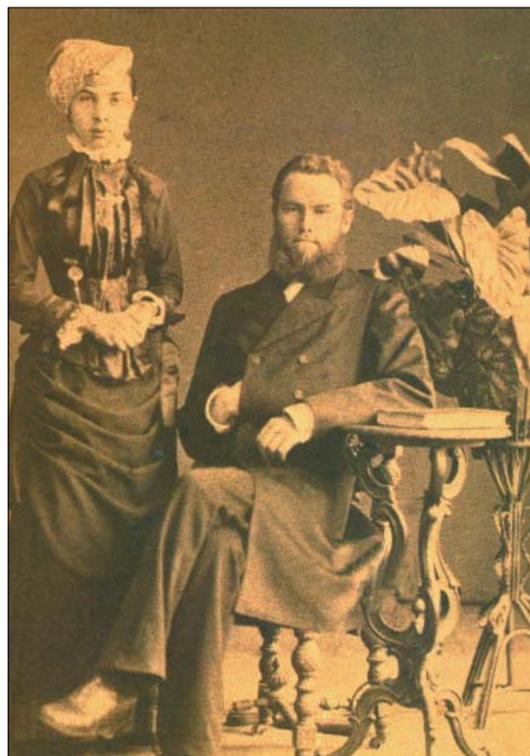
**Гинаятулла кызы Капкаев и
его жена Мадина с детьми (2).** Уфа.
Кон. XIX в. (Музей тысячелетия
Казани НКЦ «Казань», 12737).

**Гумер Арслангареевич Чанышев
и его вторая жена.** Уфимская губерния.
Нач. XX в. (Музей тысячелетия Казани
НКЦ «Казань», 12745).

**Видный мусульманский благотворитель
г.Касимова Ахмед Хайруллович Кастров с сыном
Хасаном и женой Хадичой. 1897 г. (Из семейного
архива Р.А.Кастровой, 1911 г.р., Москва).**

**Ученый, педагог И.Терегулов
с женой писательницей, переводчицей
Б.Терегуловой. 1880 г. (Из фондов Музея
тысячелетия Казани НКЦ «Казань»).**

Учащиеся КТУШ. 1894 г. (Из фондов Музея тысячелетия Казани НКЦ «Казань»).

Экзамен в школе Братства святителя Гурия в крещено-татарском селе. Мамадышский уезд
Казанской губернии, с.Дюсьметьево. Нач. XX в. (РГИА, ф.835, оп.3, д.173, л.16).

Школа Братства св. Гурия (крещено-татарская). Мамадышский уезд Казанской губернии, д.Ерыксы. Нач. XX в. (РГИА, ф.835, оп.3, д.173, л.7 об.).

Мулла Абдрахман Гимадетдинов.
Казанский уезд Казанской губернии, д.Коморгузи.
1904 г. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.7044, л.17).

Мулла Мухамет Салих Мирхайрутдинов.
Лаишевский уезд Казанской губернии, д.Большие
Метески. 1902 г. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.6631, л.5).

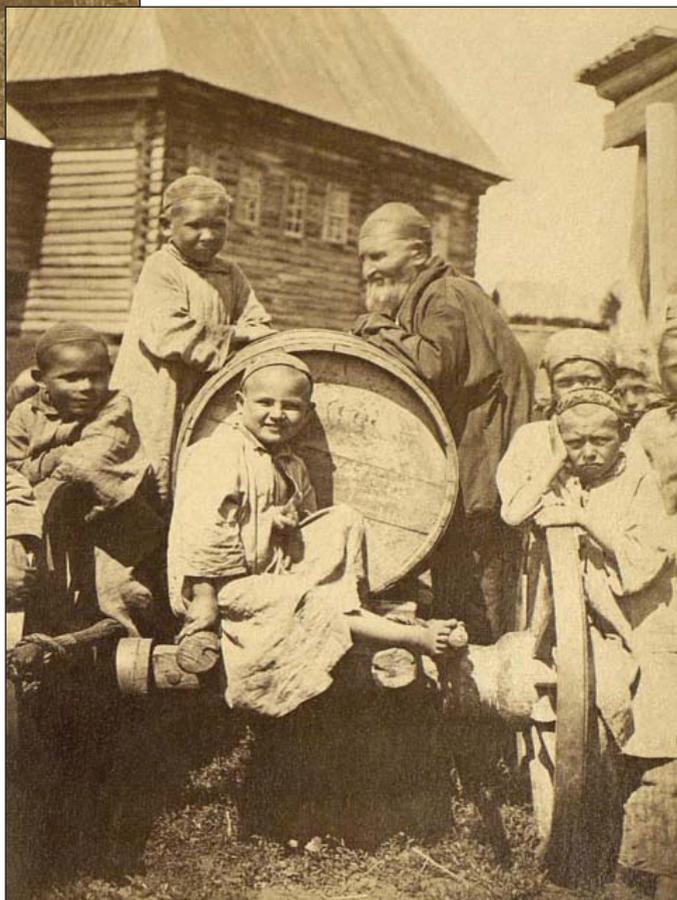
Мулла Ахмедкарим Исмагилов.
Тетюшский уезд Казанской губернии, д.Бикеево.
1903 г. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.6836, л.3).

Мулла Сабирзян Мухаметшин.
Чистопольский уезд Казанской губернии,
д.Акбулатово. 1901 г. (НА РТ, ф.2, оп.2, д.6441, л.7).

Девочка в праздничном наряде.
Симбирская губерния. Фото
В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в.
(МАЭ РАН, 160-252).

**Группа крестьянских детей
возле телеги.** Казанская губерния.
Фото В.А.Каррика. Вторая пол. XIX в.
(МАЭ РАН, 160-243).

Деревенская лавочка. Уфимская губерния.
Фото М.А.Круковского. Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-261).

Ручная обработка крупы.
Уфимская губерния.
Фото М.А.Круковского.
Нач. XX в. (МАЭ РАН, 1919-255).

1

2

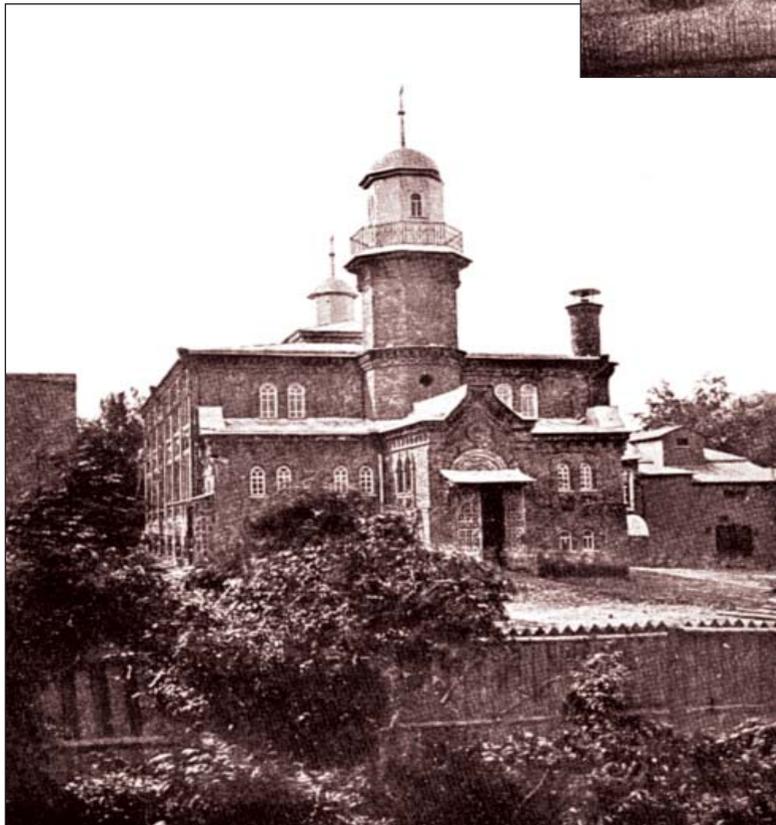
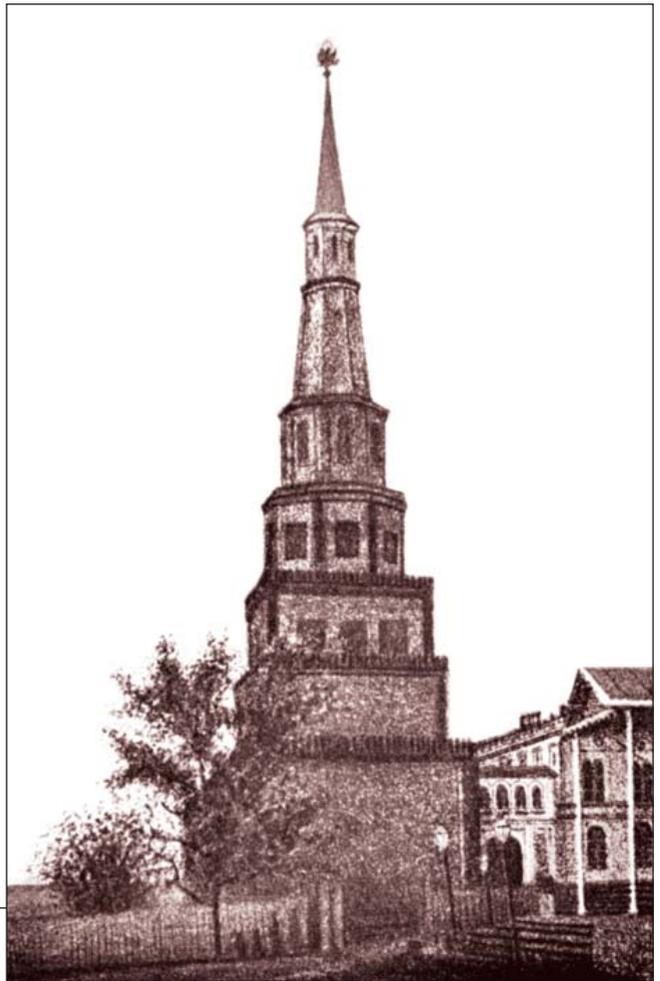

Группа татар в традиционных костюмах (1).
Казанская губерния. Фото И.С.Полякова.
1880 г. (МАЭ РАН, 106-96).

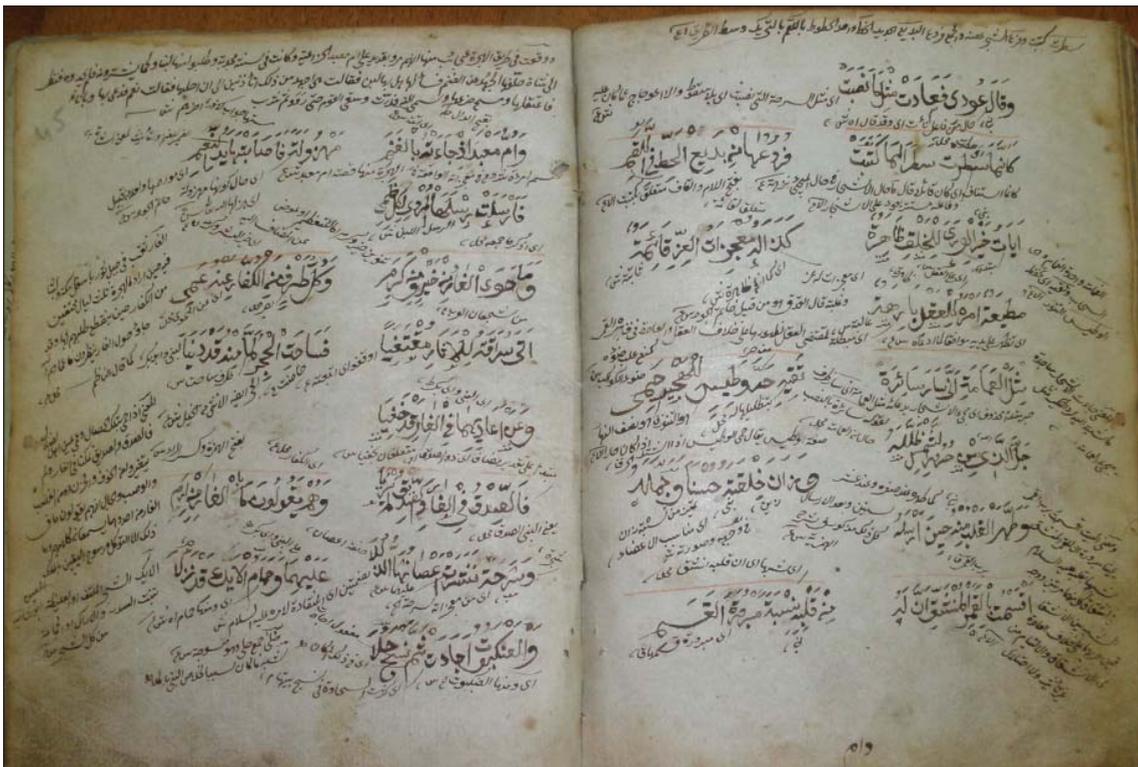
Татарка в традиционном костюме (2).
Казанская губерния. Фото И.С.Полякова.
1880 г. (МАЭ РАН, 106-99).

Татарка в традиционном костюме.
Казанская губерния. Фото И.С.Полякова.
1880 г. (МАЭ РАН, 106-98).

Минарет Сююмбеки.
Казань. Фото нач. XX в.
[Загидуллин, 2007,
вкладыш].

**Вторая соборная
мечеть.** Москва.
Фото нач. XX в.
[Загидуллин, 2007,
вкладыш].

Разворот тетради шакирда. 1820 г.
(Из личного архива М.И.Ахметзянова).

Татарская азбука.

Татарская азбука	Кириллица	Латиница	Кириллица	Латиница	Кириллица	Латиница		
1	А	ay	2	Б	by	3	В	vy
4	Г	gy	5	Д	dy	6	Е	ey
7	Ж	gy	8	З	zy	9	И	iy
10	Й	iy	11	К	ky	12	Л	ly
13	М	my	14	Н	ny	15	О	oy
16	П	py	17	Р	ry	18	С	sy
19	Т	ty	20	У	uy	21	Ф	fy
22	Х	hy	23	Ц	cy	24	Ч	chy
25	Ш	shy	26	Щ	shy	27	Ъ	—
28	Ы	yy	29	Э	ey	30	Ю	yu
31	Я	ya	32	а	ay	33	б	by
34	в	vy	35	г	gy			

Лист татарской рукописной азбуки.
(Из личного архива М.И.Ахметзянова).

Семь арифметических

Брауеру и его ученикам, которые изучают арифметику, я желаю, чтобы они не только знали, но и понимали, почему так, а не иначе. Арифметика — наука, которая учит нас считать и рассуждать. Она — основа всех наук, и без нее невозможно ни одно дело. Поэтому я решил написать эту книгу, чтобы помочь вам в изучении этой науки. В ней вы найдете все, что нужно знать об арифметике, от простых чисел до сложных дробей. Надеюсь, эта книга будет для вас полезна и интересна.

1. Простые числа — это те, которые не имеют делителей, кроме себя и единицы. Например, 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67, 71, 73, 79, 83, 89, 97, 101, 103, 107, 109, 113, 127, 131, 137, 139, 149, 151, 157, 163, 167, 173, 179, 181, 187, 191, 193, 197, 199.

2. Составные числа — это те, которые имеют делителей, кроме себя и единицы. Например, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 42, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99.

3. Простые дробные части — это те, которые не имеют общих делителей с знаменателем. Например, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{9}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{11}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{13}$, $\frac{1}{14}$, $\frac{1}{15}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{17}$, $\frac{1}{18}$, $\frac{1}{19}$, $\frac{1}{20}$.

4. Составные дробные части — это те, которые имеют общие делители с знаменателем. Например, $\frac{2}{4}$, $\frac{3}{6}$, $\frac{4}{8}$, $\frac{5}{10}$, $\frac{6}{12}$, $\frac{7}{14}$, $\frac{8}{16}$, $\frac{9}{18}$, $\frac{10}{20}$.

5. Простые смешанные части — это те, которые имеют целую часть и простую дробную часть. Например, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{3}$, $3\frac{1}{4}$, $4\frac{1}{5}$, $5\frac{1}{6}$, $6\frac{1}{7}$, $7\frac{1}{8}$, $8\frac{1}{9}$, $9\frac{1}{10}$.

6. Составные смешанные части — это те, которые имеют целую часть и составную дробную часть. Например, $1\frac{2}{4}$, $2\frac{3}{6}$, $3\frac{4}{8}$, $4\frac{5}{10}$, $5\frac{6}{12}$, $6\frac{7}{14}$, $7\frac{8}{16}$, $8\frac{9}{18}$, $9\frac{10}{20}$.

7. Простые десятичные части — это те, которые имеют знаменатель, равный степени десяти. Например, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$.

8. Составные десятичные части — это те, которые имеют знаменатель, отличный от степени десяти. Например, $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{40}$.

Лист из рукописи Ш.Марджани.
(Из личного архива М.И.Ахметзянова).